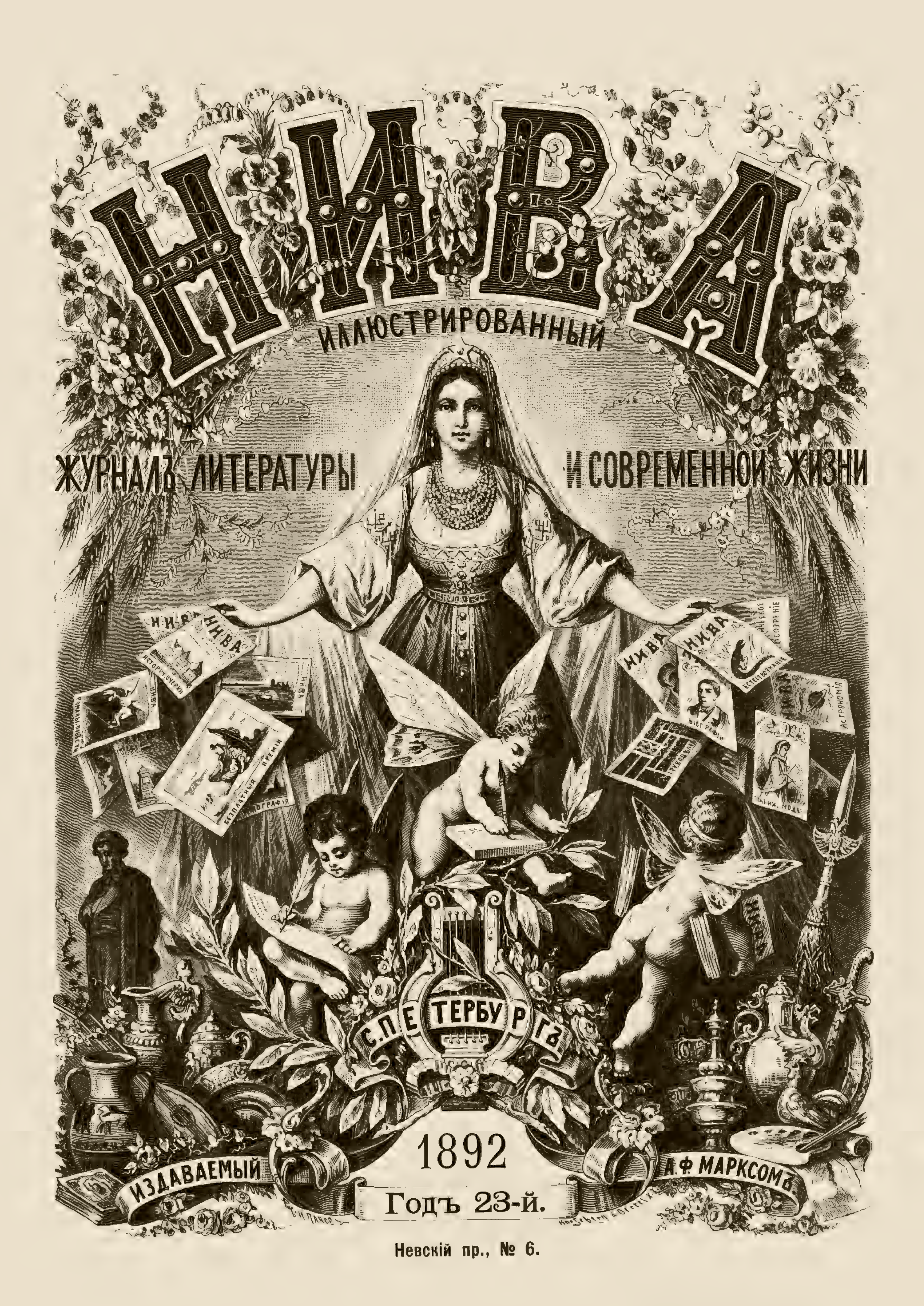

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1892
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 23-й.
Невскій пр., № 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1892 ГОДЪ.

Романы повѣсти разсказы, стихотворенія, драматич. произвед. и пр.

II. Біографіи и характеристики.

III. Этнографія, археологія и культурно-историческіе очерки.

IV. Естествознаніе.

V. Новыя изобрѣтенія и технологія.

VI. Архитектура и скульптура.

VII. Современность.

VIII. Литературный альбомъ.

IX. Статьи разнаго содержанія.

X. Искусство.

XI. Библіографія.

XII. Парижскія моды.

Съ Января по Декабрь — ежемѣсячно; съ 332 модными гравюрами, 354 чертеж. выкроекъ въ натур. величину, 386 рис. рукод. и выпильныхъ работъ и массою рецептовъ по хозяйству.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 4 января 1892 г. Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 26 к., со Сборникомъ 80 к.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ЯНВАРЬ**, 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1892 г., печатанный красками. 3) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ съ 30 рисунк. и отд. лист. съ 29 черт. выкр. въ натур. велич. и 42 рис. рукодѣльн. работъ.

Съ Новымъ Годомъ—съ новымъ счастьемъ! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблерь.

Изъ приключеній Горунина въ Италіи. *)

А. Н. Майкова.

I.

Опять Маркъ Петровичъ.

Однажды Горунинъ возвращался изъ Ватикана, гдѣ провелъ все утро. Онъ шелъ очень погруженный въ свои думы, хотя по временамъ и уступалъ чувству изнеможенія и даже головной боли. Миновалъ уже ponte degli Angioli, мостъ Ангеловъ, и повернулъ къ театру Торденоне, какъ вдругъ остановился, потеръ лобъ и произнесъ:

— Батюшки! да какъ же это я—одинъ? гдѣ же мои дамы и вся компанія?.. Вѣдь уговорились изъ Ватикана ѣхать потомъ обѣдать у Ponte Molle... Какъ же это я ихъ потерялъ? Въ картинной галлереѣ еще были вмѣстѣ... Въ длинной галлереѣ Амина Андреевна еще воскликнула: „ахъ, мамаша, какой милашка мальчикъ!“ и бросилась смотрѣть Амура, натягивающаго лукъ, и тотчасъ возвратилась къ мамашѣ вся красная. На кругломъ дворикѣ, гдѣ ванны и саркофаги, были вмѣстѣ... Потомъ обходили эти четыре святилища, гдѣ Антиной, Аполлонъ... Нѣтъ, чего бы тамъ ни натворили папы, но имъ многое простится за то, что̀ они сдѣлали для искусства. Весь этотъ Ватиканъ — вѣдь этой такой же храмъ они воздвигли великой пантеистической идеѣ красоты, воплощенной въ мраморъ античнымъ міромъ, такой же храмъ, какъ и храмъ Св. Петра—идеаламъ новаго міра!.. Гдѣ же, однако, я ихъ потерялъ?.. Аполлонъ Бельведерскій... Онѣ еще тутъ были. Я говорилъ съ Чупруновымъ—вотъ болтунъ-то. Когда говоритъ чужія мысли — кажется очень уменъ; есть такіе люди... Все-таки съ нимъ больше разговору, чѣмъ съ почтеннымъ статскимъ совѣтникомъ Благочиннымъ и съ его „мамуней“ и съ „дочуркой...“ Хорошо объ нихъ выразился Чупруновъ: „Какіе еще архаическіе представители человѣчества!“ Сколько еще его на свѣтѣ, этого архаическаго человѣчества... Да! все это такъ... Что же потомъ, однако? Больше ихъ не помню... Тутъ и завязался главный интересъ разговора. Онъ сказалъ, что искусство есть идеализированная природа. Я спорилъ, да такъ въ спорѣ мы вмѣстѣ и вышли изъ Ватикана. Онъ повернулъ къ San-Pietro, а я вотъ иду, не знаю куда“.

Все это быстро промелькнуло въ головѣ Горунина, но изо всего имъ припомненнаго, задѣло его за живое опять изреченіе Чупрунова, что искусство есть идеализированная природа, и опять онъ забылъ о своихъ дамахъ и продолжалъ путь, по обычаю весь погрузившись въ вопросы, преслѣдовавшіе его въ Италіи.

„Идеализированная природа! думалъ онъ.—Конечно, ничего подобнаго Аполлону Бельведерскому я не видалъ въ природѣ. Да и художникъ, который его изваялъ, тоже, по всей вѣроятности, не встрѣчалъ такого созданія въ натурѣ. По крайней мѣрѣ того, что̀ мы называемъ божественнымъ въ этой статуѣ. Между тѣмъ всякое художественное произведеніе тѣмъ и хорошо, что оно не нарушаетъ законовъ природы. Даже болѣе: тѣмъ оно совершеннѣе, чѣмъ въ немъ болѣе жизни, больше натуры, чѣмъ строже въ немъ выполнены ея законы. Какъ же это согласить? Кто же выше—художникъ, или природа? Природа-ли, которая безсознательно производитъ прекрасное и разсѣиваетъ его во многообразныхъ формахъ въ своихъ твореніяхъ,—или художникъ, который, будучи рабомъ природы въ своей техникѣ, творитъ самый идеалъ, къ которому она какъ бы стремится?.. А вѣдь сколько этихъ идеаловъ?.. Одинъ Грекъ сколько ихъ зналъ—Зевсъ, Аполлонъ, Паллада, Афродита,—богъ-міродержецъ, Геній, Мудрость, Любовь... Христіанскій міръ что ихъ открылъ! Тутъ Самъ Богочеловѣкъ — какая задача: Бого-Человѣкъ!.. Потомъ— Мадонна „Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!“ Эти святые въ мукахъ, эти св. Франциски, эти Катерины Сіэнскія, святыя Микелины, въ экстазѣ душой своей уже прозрѣвшія въ самую глубину духовнаго міра, этотъ къ небу, къ красотѣ стремящійся человѣческій духъ... И художники дали намъ эти идеальные образы... Гдѣ же они ихъ видѣли на землѣ?.. Понятно становится Платоново ученіе о прототипахъ, въ созерцаніи которыхъ якобы пребывали души людей до ихъ воплощенія въ земное тѣло...“

Ему очень понравился этотъ міръ прототиповъ, и передъ нимъ нарисовался онъ какой-то чудною областью тонкаго свѣта, гдѣ въ какомъ-то воздушномъ чертогѣ пребываютъ какія-то, какъ-бы изъ тумана образованныя, фигуры, которыхъ очертанія онъ своимъ безсильнымъ человѣческимъ зрѣніемъ ясно различить не можетъ; только видитъ легкія очертанія ихъ призрачныхъ профилей и призрачныхъ же бѣлыхъ одеждъ...

Можетъ-быть Горунинъ занесся бы куда-нибудь еще выше, какъ вдругъ почувствовалъ, что его дергаетъ кто-то за рукавъ.

Онъ почти съ испугомъ оглянулся и остановился, точно его разбудили, и снова вернули изъ фантастическаго міра къ обычной земной жизни.

Ему прямо въ глаза смотрѣло свѣжее, блѣдноватое, смѣющееся личико дѣвочки, широко раскрытые большіе черные, ласковые глаза, лукавая улыбка.

— О чемъ такъ задумались? спросила она, заглядывая ему въ лицо.—Я ужъ три раза васъ обгоняла, и останавливалась, и пропускала передъ собой... Разъ даже нарочно толкнула... Идетъ, ничего не видитъ и не слышитъ...

— Беттина! наконецъ опомнился Горунинъ.

Это была девяти или десяти-лѣтняя дочка хозяйки, у которой онъ нанималъ комнату. Онъ замѣтилъ въ ней что-то особенное на сей разъ.

— Отчего это у тебя волоса мокрые, ты такая блѣдная и вся дрожишь?

— Вы только ничего не говорите дома, что̀ я вамъ скажу. Я сказала маменькѣ, что мнѣ велѣли нынче пораньше прійти на натуру. А это неправда, велѣли попозже. Мы и сговорились съ подругами сбѣгать покупаться. Тамъ не велятъ купаться, гдѣ мы купались, и солдатъ за нами погнался и хотѣлъ изъ ружья застрѣлить. Мы только успѣли выскочить изъ воды, схватили свои платьишки и—дра̀ла... Перелѣзли черезъ заборъ, одѣвались ужъ въ какомъ-то саду. Хорошо, что еще насъ тамъ не увидали, а то бы почли за воровокъ... Стали бы жаловаться. Маменька бы высѣкла. Только моя бѣда еще не кончилась. Я ужъ и рѣшила сегодня совсѣмъ не показываться дома. Буду ночевать гдѣ-нибудь на дворѣ, и ужъ завтра скажу.

— Да что же съ тобой такое случилось?

— Я и вамъ не скажу, а то вы какъ-нибудь проговоритесь. Впрочемъ, пожалуй, скажу, только побожитесь, что маменькѣ ничего не будете говорить... Она меня прибьетъ и выгонитъ.

Горунинъ обѣщалъ.

— Ну, вотъ видите. На берегу-ли оставила или выронила, какъ отъ солдата бѣжала, только я потеряла свою аленькую косыночку, которую повязываю на голову... Искала, искала—нѣтъ нигдѣ!

*) Настоящій разсказъ находится въ непосредственной связи съ разсказомъ помѣщеннымъ въ № 1 и 2 *Нивы* за 1890 годъ. Оба они были набросаны вчернѣ еще въ сороковыхъ годахъ и должны были войти въ составъ цѣлаго ряда такихъ разсказовъ, связанныхъ личностью предполагаемаго путешественника, Горунина: онъ, казалось мнѣ, представлялъ собою совсѣмъ особый, занимавшій меня тогда типъ, и всей серіи этихъ разсказовъ я думалъ дать то названіе, которое выставлено теперь. *Прим. авт.*

Вся игривость бѣдной дѣвочки пропала при этомъ разсказѣ. Глаза стали наполняться слезами.

— Ну, стоитъ-ли тутъ плакать, утѣшалъ ее Горунинъ.— Мы дѣло поправимъ. Я скажу, если спросятъ, что нечаянно захватилъ твою косыночку и потерялъ, а завтра куплю тебѣ новую. Я знаю какую... Дай мнѣ рученку, пойдемъ вмѣстѣ.

— Ну, ужь если это сойдетъ мнѣ счастливо — я за васъ вѣчно буду Бога молить!

Въ порывѣ чувства она бросилась къ Горунину, поднялась на цыпочки, нагнула его голову и поцѣловала. Потомъ просунула свою рученку подъ его руку и шла съ минуту потупивъ глаза. Но тутъ, на дорогѣ, попалась ей одна ея подруга, она гордо подняла голову и преважно, какъ какая-нибудь дукесса, посмотрѣла ей въ лицо: „вотъ, молъ, съ какими кавалерами мы прогуливаемся!“ Потомъ, когда прошла мимо, оглянулась, показала подругѣ языкъ, и обѣ разсмѣялись.

— Да вы куда идете? вдругъ спросила она Горунина. — Я вѣдь не домой. Я пойду на натуру къ одному скульптору; онъ дѣлаетъ съ меня статую. Тонину — вотъ эту самую, что сейчасъ встрѣтилась, не хотѣлъ взять. Говоритъ: глупа, не понимаетъ. Вы думаете far'il modello легко и всякій можетъ? No, signore, тутъ надо имѣть un grand'intelletto! А ужь если я *этому* синьору угодила, то ужь это большая честь— un gran'scultore!

— А кто же такой этотъ скульпторъ? спросилъ Горунинъ.

— Самый-самый знаменитый! Когда покажется на улицѣ, ему всѣ кланяются. Пріѣзжаютъ и большіе господа. Кардиналы ѣздятъ. Да вотъ что: къ нему всѣмъ можно, особенно форестьерамъ. Вы вѣдь тоже un forestiero. Теперь ужь недалеко. Вотъ и piazza di Spagna; поднимемся по лѣстницѣ, а тамъ ужь два шага. Caro signorino, пойдемте, и меня тамъ увидите, въ глинѣ покамѣстъ, а потомъ ужь будутъ рубить изъ мрамора.

Беттина твердо рѣшила показать себя Горунину „въ глинѣ“, и еще крѣпче, просто повисла на рукѣ его. Только на Испанской площади она бросила своего спутника, подбѣжала къ фонтану, находящемуся посреди, вспрыгнула на мраморный бассейнъ и, охвативъ обѣими руками голову льва, изъ пасти котораго лилась серебряная струя воды, подставила къ ней свой аленькій ротикъ: она на ходу и на болтовнѣ ужь совсѣмъ согрѣлась отъ купанья, и румянецъ игралъ во всю щеку. Напившись, опять подхватила Горунина, вся забрызганная, смѣясь и отирая рукавомъ капли влаги съ сіяющаго лица и смуглой шеи.

Горунинъ сообразилъ, что посѣщеніе незнакомыхъ мастерскихъ совсѣмъ въ римскихъ нравахъ, и хотя предположилъ къ обѣденному часу взять коляску и отправиться на Ponte Molle по уговору со своей компаніей, но, подпавъ подъ вліяніе болѣе твердой воли, хотя и ребенка, покорился дѣвочкѣ и послушно шелъ съ нею, куда она его просто тащила.

Такъ они поднялись съ Испанской площади по знаменитой Скалинадѣ, лѣстницѣ, къ церкви Trinità dei Monti, гдѣ находится почтенная французская римская академія, повернули направо по via Felice, центральной улицѣ всего этого художественнаго квартала; направо и налѣво, внизъ и вверхъ по горѣ, идутъ отъ этой улицы переулочки, и въ рѣдкомъ домикѣ нѣтъ приспособленной для мастерской художника комнаты съ освѣщеніемъ сверху или изъ окна тотчасъ подъ потолкомъ. Въ одинъ изъ такихъ домиковъ, побольше и опрятнѣе другихъ, они вошли по темной лѣстницѣ, потомъ въ темный коридоръ, гдѣ Беттина осторожно постучала въ дверь.

Горунинъ спохватился, какъ же онъ по крайней мѣрѣ не освѣдомился, кто этотъ скульпторъ, какой націи, какое его имя, и шепотомъ спросилъ свою спутницу: „да какъ же его зовутъ?“ Но за дверью послышался нетерпѣливый голосъ: „chi è? Кто тамъ?“

— Это я, Беттина, отвѣчала дѣвочка, дѣлая знаки Горунину, чтобы онъ молчалъ.

Послышался стукъ поднимающейся щеколды, приводимой въ движеніе изнутри комнаты веревочкой: дверь отворилась; Беттина проскочила, увлекши за собой своего спутника: затѣмъ дверь опять захлопнулась, дѣвочка юркнула куда-то въ уголъ, гдѣ исчезла въ разномъ хламѣ скульптурной мастерской, и Горунинъ очутился въ тѣневой части комнаты у входа, никѣмъ не замѣченный и совершенно потерявшійся передъ зрѣлищемъ, которое передъ нимъ открылось.

Художникъ, очевидно, дернувъ веревочку, чтобы отворить дверь, тотчасъ принялся за работу, и Горунинъ видѣлъ только его спину.

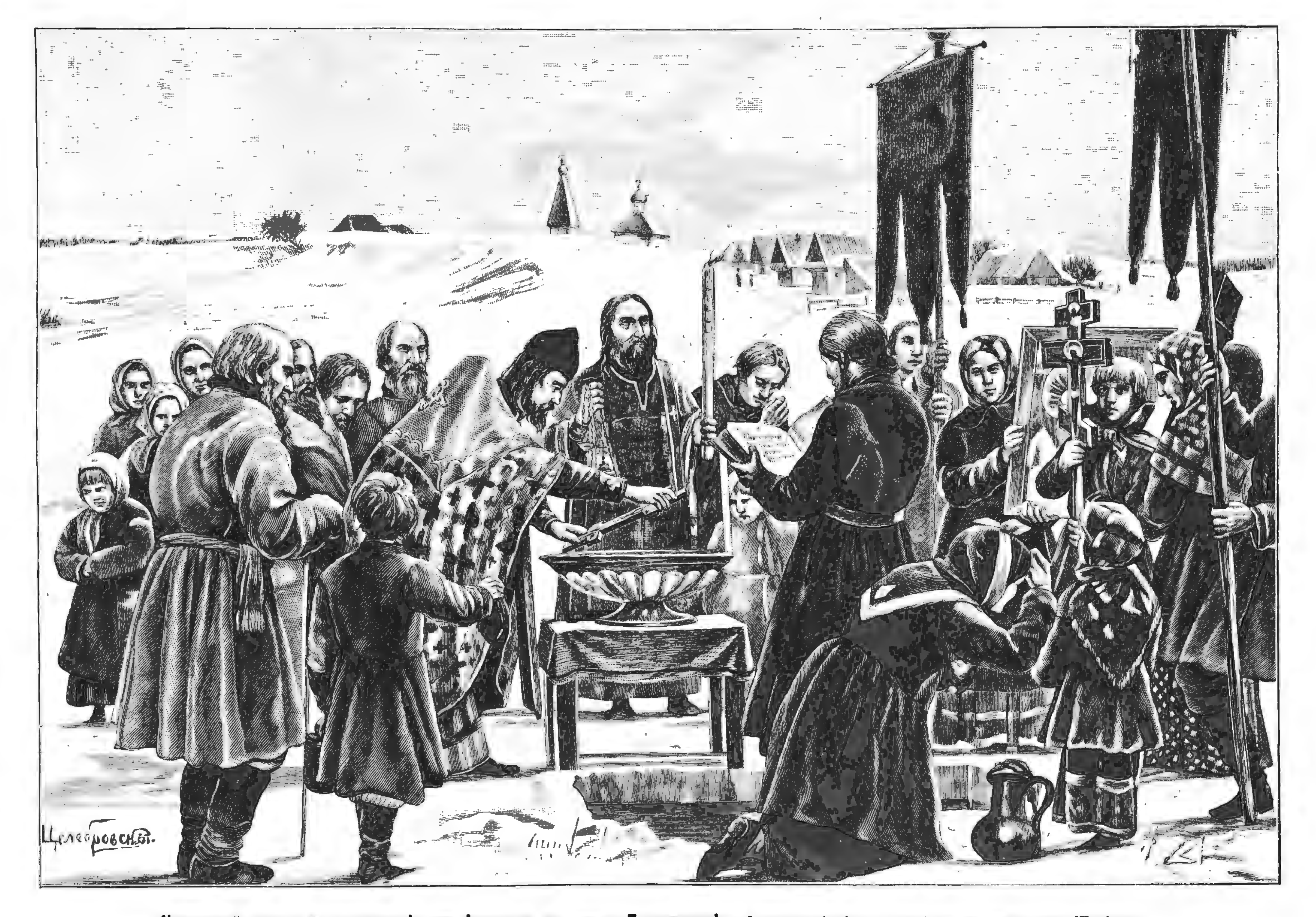
Прямо передъ нимъ... но впрочемъ, такъ какъ увидѣнное Горунинымъ произвело на него сильное впечатлѣніе, надобно представить себѣ обстановку главнаго предмета.

Мастерская была довольно обширная комната, освѣщенная сверху. По стѣнамъ и темнымъ угламъ стояло множество гипсовыхъ и глиняныхъ статуй, бюстовъ, и пр. Однѣ терялись въ тѣни, на другія ярко упадалъ свѣтъ. Что это не музей, эти статуи,—ясно было изъ того, что онѣ очевидно примѣнялись къ житейскому дѣлу, и боги и богини Олимпа и великіе мужи классическаго міра несли домашнюю службу: на Юпитерѣ была надѣта бандитская шляпа художника, на плечи Венеры накинуто было его пальто, а какой-то ораторъ, Цицеронъ или Демосѳенъ, произносящій рѣчь и протягивающій къ народу руку, держалъ на этой рукѣ наброшенную на нее женскую юбку... Но самый сильный свѣтъ, посредствомъ передвижныхъ на кольцахъ занавѣсокъ, былъ сосредоточенъ на той части комнаты, гдѣ на какихъ-то подставкахъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, находилась почти совсѣмъ обнаженная женщина. Первое впечатлѣніе Горунина было то, что она, испугавшись его прихода какъ бы бросилась отъ него укрыться и окаменѣла въ этомъ испугѣ—упавъ на лѣвую руку, а правою стараясь схваченной съ земли одеждой закрыть грудь, и изъ-за приподнятаго плеча изумленными глазами смотритъ на него и не знаетъ вѣрить-ли его дерзости. Не укрылось отъ него, что на ея лицѣ загорѣлся яркій румянецъ, и руки, и грудь тоже мгновенно вспыхнули, густые черные волосы разметались въ полномъ безпорядкѣ на лѣвое плечо, колебались на вздымающейся груди и широкимъ каскадомъ падали на-земь.

Горунинъ обомлѣлъ, не зналъ что̀ ему дѣлать: уйти?— нашумишь; оставаться?.. Надо по крайней мѣрѣ дать ей время броситься прочь и спрятаться отъ него... Въ нерѣшительности стоялъ какъ прикованный къ мѣсту. Она тоже не двигалась: и онъ только тутъ понялъ, что это была—натурщица, тѣмъ болѣе, что тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея было изображеніе въ той же позѣ тоже женской фигуры, только изъ зеленоватой глины.

Онъ отеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу, и послѣ перваго смущенія, сталъ спокойнѣе разсматривать обнаженную женщину. Мало-по-малу вспыхнувшее отъ дѣйствія перваго стыда тѣло начало блѣднѣть и приняло свой обыкновенный цвѣтъ. Горѣло только лицо. Она даже подняла глаза, взглянула на Горунина очень спокойно и опять ихъ опустила. Переходя потомъ къ работѣ художника, Горунинъ, кромѣ этой уже знакомой ему фигуры, увидалъ еще другую— дѣвочки лѣтъ десяти, которая бросилась къ старшей и старается за нее спрятаться, закрыла лицо руками и только изъ-за пальцевъ взглядываетъ на предполагаемаго Актеона.

Художникъ въ синей блузѣ, весь перепачканный глиной, то отскабливаетъ, то налѣпляетъ и сглажи-

Крестный ходъ и водосвятіе на Іордани въ день Богоявленія. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Целебровскаго, грав. Шюблеръ.

Отшельникъ. Нелюдимый дѣдушка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Оболенскаго, грав. Флюгель.

ваетъ кусочки глины, взглядывая по временамъ на модель. Но вотъ совершенная блѣдность покрываетъ ея лицо; руки вздрагиваютъ; она то медленно ихъ опускаетъ, то опять подымаетъ. „Basta, basta! довольно!“ произнесъ наконецъ художникъ, бросая свои стеки и отступая нѣсколько шаговъ назадъ чтобы посмотрѣть на свою работу въ нѣкоторомъ отдаленіи, и Горунинъ увидалъ его въ лицо.

— Маркъ Петровичъ, вы-ли это? вырвалось у него невольное восклицаніе.

Художникъ тоже широко раскрылъ глаза и развелъ руками.

— Батюшки! Какими судьбами! воскликнулъ онъ въ свою очередь, протягивая къ нечаянному гостю руки, какъ бы въ невольномъ порывѣ принять его въ дружескія объятія. — Да, да! это вы, тамъ... въ остеріи... простите, я даже забылъ какъ васъ звать...

— Горунинъ, Александръ Васильевичъ, поспѣшно проговорилъ послѣдній.—Ради Бога извините меня!

— Чего тутъ извиняться, голубчикъ Александръ Васильевичъ, я вѣдь объ васъ подумывалъ! Отлично-отлично сдѣлали, что пришли. Вотъ поглядите, какія мы тутъ штуки откалываемъ. Кажется, будетъ недурно?

— Молодецъ вы, Маркъ Петровичъ! повторилъ Горунинъ, любуясь группой.

— Конечно, сюжетъ пустой, говорилъ между тѣмъ художникъ. — По заказу дѣлаю. Да сталъ работать и заинтересовался. Столько тутъ открылось вдругъ задачъ. Ну вотъ сегодня, напримѣръ, работалъ: ноги. Надо чтобъ и ноги тоже испугались, и каждый пальчикъ испугался. Вотъ посмотрите: спинка—искривленіе хребта какъ будто неестественное, судорожное, а не сдѣлайте этого, не натяните вотъ этихъ мускуловъ— и испуга не будетъ. Надо чтобы душа-то, то что она чувствуетъ, — чтобъ это по всей фигурѣ проходило, чтобы пронизывало всю ее насквозь.

— У васъ хорошая натурщица, замѣтилъ было Горунинъ.

— Да что натурщица! Всѣ эти натуры—дуры! какъ-бы съ нѣкоторой брезгливостью отвѣтилъ художникъ.— Это кто какъ понимаетъ натуру. Иному—и профессору даже—хоть самоё Клеопатру поставь на натуру — все выйдетъ дерево!.. *Мнѣ* нельзя безъ натуры обойтись. Школы настоящей не прошелъ. Дома лѣпилъ, скверныя привычки сдѣлалъ. Въ академіи—отвлекался посторонними денежными работами. Ну и нужна натура, чтобы не наврать; чтобы она меня, понимаете, за локоть-бы поддерживала или тумака-бы дала, коли не туда лѣзу. У настоящаго мастера натура, то есть вся эта анатомія, раккурсы, повороты, все это ужь въ немъ самомъ должно сидѣть. У него не можетъ быть неправильной фигуры, хоть-бы онъ все безъ натурщика дѣлалъ. Вѣдь вы когда сочиняете, не думаете гдѣ ставить *яти* и *ести*, рука ихъ сама ставитъ, ужь знаетъ гдѣ. Такъ и художнику эта техника, рисунокъ, краски. Ну что это напримѣръ за художникъ. Одинъ есть у насъ живописецъ. Ни черта безъ натуры не можетъ написать. Нужно было ему Тайную Вечерю рисовать; ходилъ, ходилъ, по извозчичьимъ дворамъ, по баркамъ, къ биржевымъ артельщикамъ, набралъ-таки мужиковъ для двѣнадцати апостоловъ. Только набралъ человѣкъ семь, пяти недоставало: такъ нѣкоторыхъ вдвойнѣ написалъ, по два апостола на одно лицо. А одинъ такъ въ трехъ видахъ, волосы только разныхъ цвѣтовъ сдѣлалъ. Развѣ это искусство?

— Да, подтвердилъ Горунинъ, — творческой фантазіи—ужь тутъ не ищи въ немъ.

— Рабъ! камеръ-обскура! дагерротипъ! Какая тутъ творческая фантазія! горячо проговорилъ Маркъ Петровичъ.

— А какъ-же онъ Христа-то? спросилъ, смѣясь, Горунинъ.

— Между попами и діаконами искалъ.

— И нашелъ?

— Надо думать, что нашелъ. Комиссія одобрила картину и приняла.

Веселое настроеніе обоихъ бесѣдующихъ, вызванное этимъ оборотомъ ихъ мысли, было однако мимолетное. У Марка Петровича оно быстро смѣнилось серьезнымъ.

— Сдѣлалъ я, батюшка, разъ вотъ какое открытіе. Очень полюбилъ меня одинъ живописецъ. Когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, всегда у него останавливался. Сижу тамъ въ мастерской, книгу читаю, а онъ работаетъ. Такъ всегда приходилось, что сижу или лежу на диванѣ сз... его мольберта, такъ, наискосъ: видѣть могъ почти всегда его лицо. Понимаете, не картину, что онъ пишетъ, а его самого. Такъ по его лицу я всегда зналъ, что онъ пишетъ. Разъ, очень заинтересовался книгой, ну, совсѣмъ въ нее ушелъ. Онъ молчитъ, только вздыхаетъ. Тишина, знаете, полная. Только вздохи слышу, ужь что-то похожи становятся на всхлипыванье. Я поднялъ на него голову. Вѣрите-ли—какъ теперь гляжу — никогда я такого страданья не видывалъ—даже испугался — думаю: что съ нимъ? Всталъ тихонько, подошелъ не подавая виду — издали посмотрѣть—это онъ писалъ картину Несеніе Креста—такъ лицо Скорбящей Божіей Матери дѣлалъ... Я самъ обомлѣлъ, у самого у меня слезы потекли... Да-съ, а безъ натуры! Да и гдѣ-бы ее взять! Ну — ясно стало быть: *самому надо чувствовать*. А натура—это *яти* и *єсти*!.. Или—справочный лексиконъ!

Горунинъ слушалъ Марка Петровича все съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Какъ вы все это тонко понимаете, сказалъ онъ наконецъ.

— Ничего нѣтъ тутъ тонкаго. Это азбука. Къ этому надо-бы было все обученье направлять.

— По вашему азбука, перебилъ его Горунинъ,—а по настоящему это центральный законъ эстетики и я не знаю кто изъ ученыхъ и критиковъ выразитъ его яснѣе чѣмъ вы.

— Ну, голубчикъ, вы объ вашихъ ученыхъ со мной лучше и не говорите. Какъ ни бился, ничего понять не могъ, такъ мужикъ мужикомъ и остался... Однако,— онъ посмотрѣлъ на часы, потомъ на натурщицу, которая, накинувъ на себя легкую блузу и поверхъ ея большой шерстяной платокъ, сидѣла на скамеечкѣ около своихъ подмостковъ и что-то жевала, и затѣмъ на Беттину, которая прислонилась къ кресламъ Марка Петровича и тихонько очищала кусочки глины засохшей на его блузѣ, волосахъ и воротничкѣ рубашки, — однако, сказалъ онъ,—намъ остался еще часокъ поработать сегодня. Я ужь здѣшній обѣдъ пропустилъ: обѣдаютъ, канальи, здѣсь въ 12 часовъ, а въ два ужь все съѣдено, ничего нигдѣ не найдешь. До ужина, то есть до Ave Maria еще далеко... Вы ужь сегодня обѣдали?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Горунинъ.

— Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ — все равно вы теперь нигдѣ ничего не найдете, ужь поздно. Отобѣдаемъ у меня. Беттина! пойди-ко къ сьорѣ Бабуинѣ, скажи ей, чтобы состряпала намъ обѣдъ, что-нибудь такое: Gallinaccio или capretto, да fegato con cipole alla veneziana — по нашему печенка съ лукомъ, пояснилъ онъ Горунину, — макароны, разумѣется, ну, что тамъ еще придумаетъ, она ужь знаетъ... Иди же presto, presto! живо! А вы часокъ или погуляйте, или вонъ диванчикъ въ той комнатѣ, поспите—я тутъ кой-что додѣлаю, а тамъ ужь и будемъ кутить. У меня сьора Бабуина молодецъ, обѣдъ ей-Богу почище Лепревскаго состряпаетъ,—право, не раскаетесь.

Горунинъ, радуясь на Марка Петровича, явившагося передъ нимъ неожиданно совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели какъ онъ видѣлъ его въ Апенинахъ, и пораженный, какъ онъ выражался, богатствомъ его непо-

средственной натуры, простотой и ясностью его идей разрѣшавшихъ массу самыхъ темныхъ и спорныхъ занимавшихъ его вопросовъ эстетики,—разумѣется, находился въ полной власти художника. Его собственное *я* въ его собственныхъ же глазахъ, пропадало въ обаяніи душевной силы художника, какъ свѣтъ свѣчи въ лучахъ солнца, и эта свѣча отвѣчала своему солнцу: „ахъ, сдѣлайте милость, дѣлайте ваше дѣло; я, маленькая свѣчка, погорю гдѣ-нибудь, тутъ, незамѣтно, въ уголку".

Маркъ Петровичъ принялся опять за свои стеки и глину, а Горунинъ, ходя на цыпочкахъ, сталъ разсматривать разные цѣльные и съ поломами гипсовые статуи и бюсты, эскизы изъ воску и высохшей уже глины, которыми была полна мастерская. Но вотъ, очевидно, бюстъ, еще свѣжій, накрытый мокрой тряпкой.

„Должно быть, что-нибудь новенькое", подумалъ Горунинъ.

По счастью въ эту минуту художникъ нечаянно взглянулъ въ эту сторону, увидѣлъ Горунина передъ бюстомъ.

— Подымите, подымите тихонько тряпку, сказалъ онъ,—тутъ есть еще одна вещица.

Горунинъ осторожно снялъ тряпку; открылась женская головка. На ней не было замѣтно слѣдовъ окончательной отдѣлки; глина не была еще сглажена; сильно были намѣчены нѣкоторыя черты особенно характеризовавшія выраженіе лица, сильно намѣчены, очевидно, чтобы не потерять ихъ при дальнѣйшей работѣ.

— Вы отойдите немножко, сядьте на кресло и смотрите такъ, немножко издали, проговорилъ еще художникъ, продолжая свою работу и не глядя на Горунина.

Сначала ничего особеннаго не поразило Горунина въ этомъ, еще очевидно не конченномъ, произведеніи художника. Онъ подумалъ только: „какой однако у него благородный стиль,—это ужь вліяніе Рима, антиковъ". Затѣмъ, чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе и болѣе интереса открывалъ въ этой головкѣ.

„Это какъ въ Гвидовой Беатриче Ченчи", подумалъ онъ, „но то—живопись, краски; здѣсь—ваяніе, матеріалъ одноцвѣтный, неблагодарный..."

Онъ смотритъ—и съ изображенія все болѣе и болѣе какъ бы совлекается эта грубая, безцвѣтная оболочка матеріи и выступаетъ живой образъ подъ нею скрывавшійся... Даже глаза, которые какъ-то всегда непріятны въ статуѣ, какъ будто и они оживляются, и подъ тѣнью нѣсколько выдвинутыхъ вѣкъ, въ нихъ становится все выразительнѣе и выразительнѣе ихъ взглядъ, который какъ бы договариваетъ общее выраженіе лица, становится центромъ, куда сходятся всѣ движенія отдѣльныхъ личныхъ мускуловъ въ одну общую мысль, въ одинъ готовый сейчасъ вырваться вопль изболѣвшей души: „да! все кончено!"

Но ужь тутъ художникъ, его твореніе совершенно исчезаетъ передъ Горунинымъ. Это ужь не глиняный бюстъ, это ужь образъ существа живаго, знакомаго...

„Неужели это она?" вопрошаетъ онъ хватаясь за сердце, какъ бы почувствовавъ тамъ внезапную боль. „Она?.. И съ нея онъ лѣпилъ этотъ бюстъ?.." Онъ смотрѣлъ прямо, смотрѣлъ въ три-четверти, въ профиль. „Она!.. Глина сырая: неужели она здѣсь, въ Римѣ, была въ этой мастерской..."

Волненіе его слишкомъ сильно; онъ не можетъ преодолѣть себя и спрашиваетъ художника:

— Это не портретъ, Маркъ Петровичъ?

Маркъ Петровичъ не вдругъ отвѣтилъ, погруженный въ свою работу:

— Можетъ быть и портретъ... не знаю, какъ вамъ сказать...

(Оконч. въ слѣд. №).

Тюленій островъ.

(Драма на морѣ).

А. Я. Максимова. (Рис. на стр. 8, 10, 11 и 14).

I.

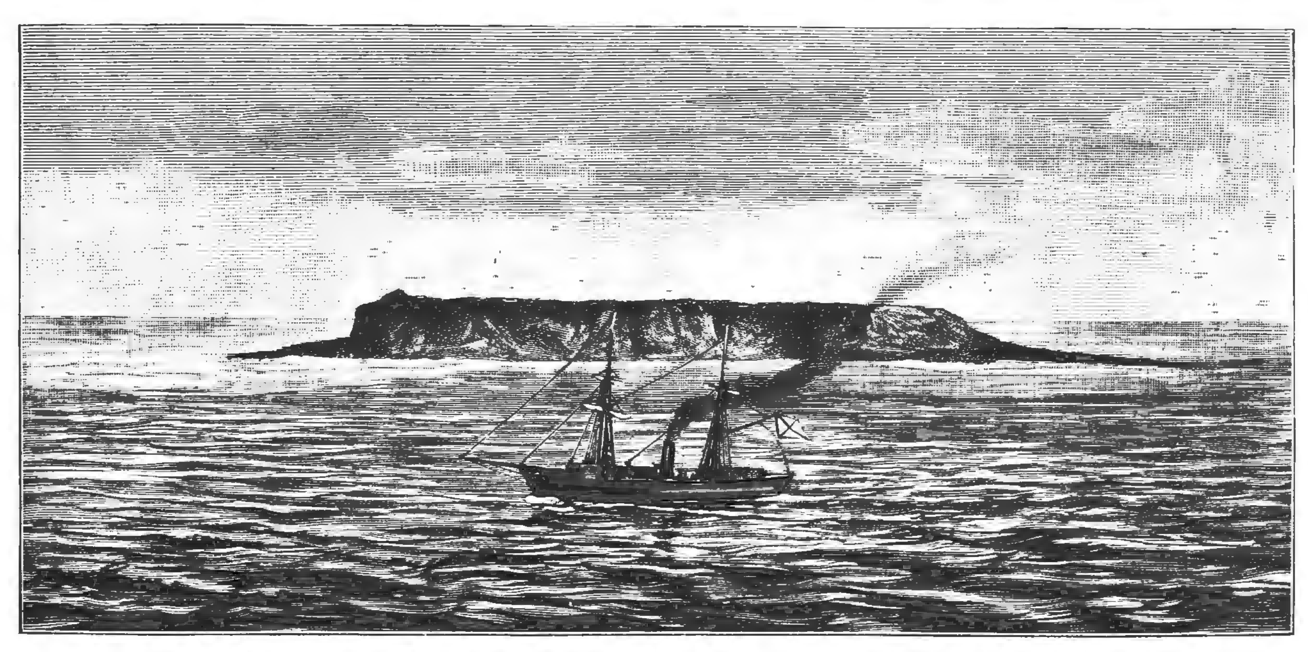
На отдаленномъ Востокѣ, на рубежѣ холоднаго Охотскаго моря, тянется отъ широкаго устья величественнаго Амура до Японскаго архипелага, мрачная, лѣсистая и преимущественно каменистая гряда—злополучный Сахалинъ или Соколиный островъ, какъ наименовали эту тысячеверстную гряду подневольные ея обитатели—каторжные. Береговая черта сѣверной половины острова, какъ съ западной, такъ и съ восточной его стороны, тянется почти стрункой, не образуя ни одного заливчика, ни одной бухточки, сколько-нибудь удобныхъ для якорной стоянки. Природа словно скупилась при созданіи первой половины уродливаго острова, какъ будто опасаясь, что ей не удастся выполнить свою удивительно грандіозную прихоть — вытянуть угрюмую громаду земли вплоть до Матцмая. Природа кроила вначалѣ островъ, подобно скупому портному, стараясь выгадать сажень береговой черты; но, заканчивая его созданіе, вдругъ словно спохватилась, увидѣвъ большой остатокъ созидательнаго матеріала, и разомъ расщедрилась, образовавъ въ южной половинѣ Сахалина два громадныхъ, расположенныхъ почти рядомъ, залива: Анива и Терпѣнія. Первый изъ заливовъ врѣзался грандіозной дугой въ южную оконечность острова, создавъ два грозныхъ для оплошныхъ судовъ мыса, — Крильонъ и Анива,—далеко выдвинувшихся въ опасный Лаперузовъ проливъ. Заливъ Терпѣнія, столь же обширный, но еще болѣе непривѣтливый, сдѣлалъ глубокую впадину въ юго-восточномъ берегу острова, причемъ образовалъ въ сѣверной своей части страшный для мореплавателей мысъ Терпѣнія съ коварнымъ, каменнымъ, подводнымъ рифомъ, совершенно еще неизслѣдованнымъ. Предполагаютъ, что этотъ рифъ вытянулся въ Охотское море по крайней мѣрѣ на двѣ мили, вслѣдствіе чего суда стараются огибать утесистый, мрачный мысъ Терпѣнія возможно дальше. Моряки страшатся его почти въ той же степени, какъ нѣкогда древніе мореплаватели страшились Сциллы и Харибды. Страхъ этотъ вполнѣ основательный: всѣ хорошо знаютъ, что никому не будетъ пощады, если случай или непогода принесутъ судно къ этимъ дикимъ, почти безлюднымъ, берегамъ Сахалина.

Южная часть Охотскаго моря особенно неблагопріятна для мореплавателей. Весной и лѣтомъ тамъ царствуютъ непроницаемые туманы, проясниваетъ лишь изрѣдка и на самое короткое время. Солнца почти не видно; рѣдко-рѣдко удается полюбоваться клочкомъ голубаго неба и опять все погружается въ таинственную мглу густыхъ испареній. Въ это время года тамъ господствуютъ продолжительные штили. Море кажется дремлющимъ; его зеркальная поверхность лишь иногда или морщится легкою рябью, подъ давленіемъ, Богъ вѣсть откуда налетѣвшаго, слабаго вѣтра, или же оживляется многочисленными стадами сивучей, моржей и морскихъ котовъ, торопливо плывущихъ въ невѣдомую даль. Изрѣдка вынырнетъ изъ морской пучины китъ-исполинъ, взметнетъ къ небу, со свистомъ и шумомъ, громадные фонтаны воды, и опять исчезнетъ въ своемъ безграничномъ, чудесномъ, водномъ царствѣ... Море успокаивается и вновь впадаетъ въ сладостную дремоту, случайно нарушаемую только его млекопитающими обитателями, всегда проявляющими изумительную энергію, подвижность и неутомимость, невольно поражающія слабаго человѣка...

Осенью въ Охотскомъ морѣ наступаютъ ясные дни. Солнце ярко блещетъ съ безоблачнаго, чистаго неба, весело играетъ въ несмѣтныхъ атомахъ удивительно прозрачнаго воздуха и волшебно сверкаетъ въ каждой каплѣ прибойной волны, разсыпавшейся по прибрежью, въ каждой брызгѣ величественныхъ фонтановъ, чаще и чаще вырывающихся изъ могучихъ отдушинъ разыгравшихся китовъ. Восхитительно прекрасное дневное свѣтило одинаково привѣтливо освѣщаетъ какъ необъятный морской просторъ, такъ и суровые, угрюмые берега, всюду разбросанныхъ, многочисленныхъ островковъ, еще недавно окутанныхъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, непроницаемымъ саваномъ густаго тумана. Туманъ этотъ, при наступленіи первыхъ осеннихъ дней, уносится обыкновенно въ область непріятныхъ воспоминаній. Воздухъ становится необычайно чистымъ. Ровный, холодный вѣтеръ гонитъ передъ собой правильныя гряды слегка пѣнистыхъ волнъ, успокоительно дѣйствующихъ на воображеніе своимъ величавымъ, безмолвнымъ, поступательнымъ движеніемъ. Но не слѣдуетъ довѣрять этому радостному солнечному блеску, этой удивительной чистотѣ неба и прозрачности воздуха, этому кажущемуся спокойствію необозримаго морскаго простора: во всемъ таится неотвратимое коварство грозной, неумолимой стихіи, разражающейся, при полномъ сіяніи солнца и дѣвственно-чи-

стомъ небѣ, жестокими, губительными штормами. Въ осенніе дни налетаютъ съ ужасающею неожиданностью, съ дальняго, холоднаго Сѣвера, студеные вихри съ пронизывающимъ до мозга костей морозомъ, нерѣдко достигающимъ двадцати градусовъ Реомюра. Море превращается въ страшно клокочущій котелъ. Тучи брызгъ, срываемыхъ вѣтромъ съ вершинъ пѣнистыхъ, сѣдыхъ волнъ, мгновенно замерзаютъ въ морозномъ воздухѣ и несутся далѣе въ видѣ крупныхъ градинъ. У прибрежья яростно набѣгающіе буруны быстро намерзаютъ ледяными громадами, все нарастающими и нарастающими. Разъяренная водная стихія рвется, мечется, словно бѣсноватый, и превращаетъ въ ледяныя глыбы рѣшительно все, что только попадаетъ въ ея мертвенныя, ужасныя объятья. Во время подобныхъ штормовъ смерть царитъ всюду, куда только проникаетъ студеное дыханіе далекаго Сѣвера. И горе въ это время судамъ, застигнутымъ въ открытомъ морѣ подобной непогодой.. Горе имъ!

Несмотря на столь опасныя и крайне непривѣтливыя свойства южной части Охотскаго моря, она ежегодно привлекаетъ въ свои воды десятки промысловыхъ судовъ, преимущественно хищническихъ, появляющихся въ нашихъ предѣлахъ подъ прикрытіемъ американскихъ и англійскихъ флаговъ. Хищниковъ-промышленниковъ заманиваетъ крохотный, каменистый, совершенно голый островокъ, лежащій противъ залива Терпѣнія, миляхъ въ двадцати отъ мыса того же имени. Островокъ этотъ — Тюленій, неоцѣненный перлъ среди многочисленныхъ островов Охотскаго и Берингова морей, своего рода миніатюрная Калифорнія, неисчерпаемое богатство которой (конечно, при раціональномъ пользованіи) заключается въ добродушныхъ, неуклюжихъ, до-нельзя глупыхъ млекопитающихъ животныхъ — морскихъ котикахъ. Каждую весну, въ маѣ мѣсяцѣ, эти крупныя ластоногія появляются многотысячными стадами невѣдомо откуда и остаются около Тюленьяго острова до конца октября. Этотъ надводный камень, всего съ полверсты длиной и въ пятьдесятъ саженей шириной, представляетъ для нихъ излюбленнѣйшее мѣсто для вывода дѣтенышей,—мѣсто, подобнаго которому нельзя найти во всей сѣверной половинѣ Тихаго океана. Въ теченіе почти полугода тамъ кишатъ десятки тысячъ морскихъ котовъ всевозможныхъ размѣровъ, начиная съ беззубыхъ, нѣжныхъ, крохотныхъ дѣтенышей и кончая сѣдыми, громадной величины, самцами-сикачами. Одни ластоногія играютъ на песчаныхъ отмеляхъ, среди вѣчно рокочущихъ валовъ непрерывнаго прибоя; другія выползаютъ на узкое, плоское прибрежье, упирающееся въ каменистое, отвѣсное плато, въ шестьдесятъ футовъ высоты, и, расположившись здѣсь плотными рядами, нѣжатся на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока не явится у нихъ желанія опять понырять въ холодной водѣ Охотскаго моря. На этомъ лежбищѣ морскіе коты проводятъ безпечно время до наступленія морозовъ; затѣмъ неожиданно исчезаютъ неизвѣстно куда, исчезаютъ съ тѣмъ, чтобы весной приплыть снова. Гдѣ пропадаютъ коты всю суровую зиму — никому неизвѣстно, несмотря на всѣ усилія промышленниковъ развѣдать ихъ зимнія лежбища. Зимняя жизнь этихъ ластоногихъ животныхъ покрыта непроницаемою таинственностью. Многіе промышленники предполагаютъ, что коты переплываютъ по меридіану весь Тихій океанъ и проводятъ зимнее время гдѣ-нибудь у береговъ Тасманіи и даже южнѣе. Подобное предположеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе: во-первыхъ, морскіе коты дѣйствительно встрѣчаются, въ періодъ зимнихъ мѣсяцевъ, вблизи южныхъ австралійскихъ береговъ; во-вторыхъ, эти, неуклюжія на берегу, животныя отличаются изумительною подвижностью въ родной стихіи—водѣ. Они положительно неутомимы и могутъ проплывать безъ устали и съ поразительною быстротою громадныя разстоянія; они плывутъ обыкновенно безсчетными стадами, руководимыя своими опытными, бывалыми вожаками — старыми, совершенно сѣдыми сикачами-исполинами, нерѣдко достигающими, при шестидесяти пудахъ вѣса, средняго человѣческаго роста, считая отъ переднихъ ластовъ до темени. Движенія морскихъ котовъ въ водѣ чрезвычайно энергичны и быстры; они плывутъ волнообразно, словно кувыркаются, оглашая иногда воздухъ могучимъ ревомъ, обыкновенно слышнымъ уже за нѣсколько миль.

Тюленій островъ. Общій видъ острова и руссній крейсеръ. Ориг. рис. Земцова, грав. Шюблеръ.

Кромѣ Тюленьяго острова, котиковыя лежбища, но гораздо меньшихъ размѣровъ, находятся въ группѣ Командорскаго архипелага, на островахъ Беринга и Мѣдномъ. Всѣ эти лежбища отданы правительствомъ въ аренду богатой американской компаніи Филепеусъ, Гутчинсонъ и Колль. Имѣя нѣсколько промысловыхъ судовъ, компанія эта бьетъ котиковъ съ мая по сентябрь, строго соблюдая непремѣнное требованіе нашего правительства не трогать дѣтенышей, самокъ, а также самцовъ-сикачей, оставляемыхъ для приплода. Промыселъ этихъ добродушныхъ животныхъ чрезвычайно легокъ и прибыленъ. Небольшая партія компанейскихъ промышленниковъ, живущая на Тюленьемъ островѣ все время пребыванія тамъ морскихъ котиковъ, бьетъ послѣднихъ, сообразуясь съ наличнымъ количествомъ соли, отъ двухсотъ до трехсотъ штукъ ежедневно; а между тѣмъ число ластоногихъ никогда не уменьшается на лежбищѣ: оно постоянно переполнено этими глупыми, но цѣнными животными. Котики становятся болѣе пугливыми и осторожными только къ концу промысла, но первое время промышленники отгоняютъ ихъ отъ воды чрезвычайно легко и, словно барановъ, загоняютъ подальше отъ лежбища, по другую сторону каменистаго плато, гдѣ и бьютъ ихъ, сколько надобно, на выборъ; остальныхъ опять загоняютъ въ море. Вообще компанейскіе промышленники избѣгаютъ бить котиковъ на самомъ лежбищѣ, чтобы слѣдами, оставшимися послѣ безпощаднаго истребленія, не напугать другихъ животныхъ, могущихъ оставить островъ преждевременно, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ кроваваго побоища.

Набивъ извѣстное число котиковъ, промышленники снимаютъ съ нихъ шкуры и аккуратно складываютъ ихъ между слоями соли, до прихода промысловыхъ судовъ компаніи, въ особо устроенныхъ на островѣ сараяхъ. По окончаніи промысла, добытыя шкуры грузятъ въ трюмы этихъ судовъ и отправляютъ въ С.-Франциско, а оттуда—въ Лондонъ, для выдѣлки. Такимъ образомъ мы получаемъ котиковыя шкуры уже изъ третьихъ рукъ, платя за нихъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ дороже, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности стоятъ.

Изъ опасенія насилій со стороны хищниковъ-промышленниковъ, компанейскіе промышленники, согласно заключенному условію между нашимъ правительствомъ и американской компаніей, занимаются котиковымъ промысломъ подъ охраной небольшой военной шхуны, высылаемой обыкновенно изъ Владивостока. Шхуна эта остается въ Охотскомъ морѣ по возможности до оставленія котиками лежбища, но иногда ей

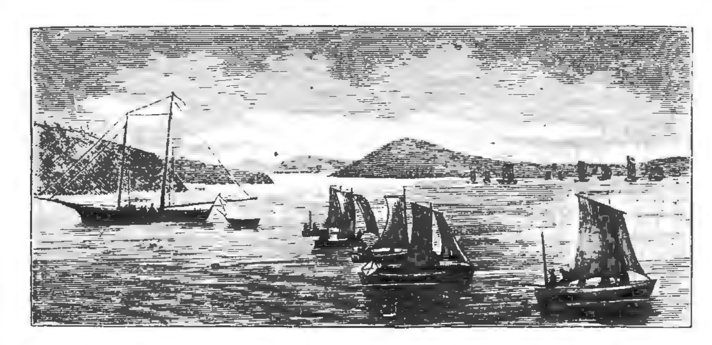

Въ цвѣтахъ. Съ карт Клейншмидта, грав Пейне.

приходится уйти и раньше, вслѣдствіе необходимости своевременно добраться для зимовки до Владивостока, бухта котораго замерзаетъ въ началѣ ноября. Такимъ образомъ, въ силу неотвратимыхъ обстоятельствъ, Тюленій островъ остается часто безъ охраны, на полный произволъ хищниковъ-промышленниковъ, терпѣливо выжидающихъ удобнаго момента для поголовнаго истребленія котиковъ, почему-либо еще не ушедшихъ съ насиженнаго своего лежбища. Хищники, ослѣпленные жаждой быстрой наживы, нерѣдко остаются въ Охотскомъ морѣ до глубокой осени, проявляя постоянно изумительную настойчивость, энергію, отвагу и смѣлость. Добыча какой-нибудь сотни котиковыхъ шкуръ сопряжена для хищниковъ со смертельнымъ рискомъ, но тѣмъ не менѣе они никогда не отступаютъ отъ разъ намѣченной цѣли, нерѣдко жертвуя, ради ея, своею жизнью, преисполненною опасностями, тяжелыми невзгодами и страшными лишеніями.

II.

Разсвѣтъ близокъ. На востокѣ появилась едва замѣтная узкая, блѣдная полоска, какъ будто невидимая рука вдругъ подрѣзала ножемъ темное небо, по самому горизонту. Постепенно этотъ подрѣзъ ширится, разрастается и свѣтлѣетъ; но надъ взволнованнымъ моремъ еще продолжаетъ господствовать непроглядная тьма, свойственная сѣвернымъ странамъ въ осеннее время. Волны, гонимыя свѣжимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, беззвучно бѣгутъ правильными рядами, сердито завернувъ впередъ пѣнистые гребни, рѣзко выдѣляющіеся среди тьмы фосфорическимъ, ласкающимъ взоръ, отблескомъ. Тутъ и тамъ мелькаютъ въ водѣ горящія точки и звѣздочки, красноватыя, голубоватыя и зеленыя: это — миріады свѣтящихся микроскопическихъ животныхъ, отдавшихся на произволъ волнъ и вѣтра. Морская поверхность положительно испещрена этими дивными фосфорическими огоньками. Кажется, море отражаетъ въ себѣ, словно въ гигантскомъ, волшебномъ зеркалѣ, глубокое, темное небо, усѣянное милліонами звѣздъ, среди которыхъ горитъ ярче всѣхъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы, напоминающее своимъ очертаніемъ громадную кастрюлю съ длинной ручкой. Почти въ зенитѣ сверкаетъ другое, подобное же, созвѣздіе Малой Медвѣдицы, въ хвостѣ которой рѣзко выдѣляется путеводная Полярная звѣзда. Взоръ съ восхищеніемъ скользитъ по необъятному небосклону, стараясь обнять чудную картину ночнаго неба; переносится отъ созвѣздія къ созвѣздію и наконецъ останавливается на небесныхъ близнецахъ, Касторѣ и Поллуксѣ, сверкающихъ крупными алмазами ближе къ горизонту, быстро свѣтлѣющему. Блѣдная полоска на востокѣ разрастается и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно разгорается, переходя отъ нѣжно-розоваго оттѣнка къ совершенно красному и затѣмъ ярко-золотистому. Ближайшія къ горизонту звѣзды уже погасли. Непроглядная тьма, до сихъ поръ господствовавшая надъ моремъ, замѣтно рѣдѣетъ. Съ каждой минутой становится свѣтлѣе и свѣтлѣе... Вдругъ изъ-за горизонта неожиданно вырвался цѣлый снопъ яркихъ, радостныхъ лучей, мгновенно разсыпался гигантскимъ вѣеромъ по всему небу и фантастически озолотилъ безчисленныя гряды пѣнистыхъ волнъ. Созвѣздія потухли, словно по мановенію волшебнаго жезла; небо изъ темносиняго стало ясно-голубымъ. Появились чайки, неизвѣстно откуда прилетѣвшія и огласившія вдругъ воздухъ рѣзкими, пронзительными криками: онѣ словно привѣтствуютъ восходящее солнце, поднявшееся надъ горизонтомъ во всей своей красотѣ. Чайки безтолково мечутся надъ волнующеюся поверхностью моря, точно недоумѣвая, что̀ предпринять, въ виду невозможности, вслѣдствіе волненія и вѣтра, утолить безпечною рыбою свой прожорливый аппетитъ. Но вотъ зоркія птицы замѣтили нѣчто заслуживающее вниманія и, словно по командѣ, понеслись шумной, крикливой стаей навстрѣчу небольшой шхунѣ, только-что вынырнувшей изъ-за горизонта. Шхуна шла подъ всѣми парусами, сильно накренившись подъ напоромъ свѣжаго вѣтра. При одномъ взглядѣ на это суденышко опытный морякъ могъ бы безошибочно рѣшить, что оно принадлежитъ къ числу хищническихъ, промысловыхъ американскихъ судовъ, всегда прочно построенныхъ, но, одновременно, чрезвычайно легкихъ на ходу и снабженныхъ прекраснымъ рангоутомъ, солидной оснасткой и крѣпко сшитыми парусами. Шхуна несется по волнующейся поверхности моря съ легкостью чайки, не принимая на палубу даже брызгъ. Совершенно свободно, будто играючи, взлетаетъ она на вершины валовъ и такъ же легко сбѣгаетъ по ихъ покатостямъ въ водяныя пропасти, постоянно разверзающіяся передъ ея острымъ носомъ. Изрѣдка шхуна

Тюленій островъ. Шхуна „Крейсерокъ" на Владивостокскомъ рейдѣ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

исчезаетъ среди громоздящихся вокругъ волнъ, но черезъ нѣсколько секундъ показывается вновь и гордо мчится по ихъ мохнатымъ вершинамъ, неся передъ крѣпкимъ форштевнемъ цѣлый бурунъ пѣны... Палуба шхуны загромождена тремя китобойными вельботами. Хотя по числу команды было бы достаточно имѣть одинъ вельботъ, но опытный американецъ-шкиперъ, хорошо знакомый со всѣми случайностями почти полярнаго плаванія, захватилъ двѣ шлюпки про запасъ, на всякій случай. На тотъ же случай шхуна была снабжена двойнымъ комплектомъ парусовъ и оснастки, хорошимъ запасомъ прѣсной воды, провизіи и даже топлива, въ виду его недостатка на островахъ Охотскаго моря.

Чайки, налетѣвъ на шхуну, окружили ее крикливою стаей, словно требуя какой-либо подачки. Птицъ, повидимому, привлекалъ тюленій и рыбный запахъ, которымъ было пропитано рѣшительно все судно, начиная съ трюма, съ нѣсколькими десятками уже добытыхъ котиковыхъ шкуръ, и кончая снастями, до-нельзя захватанными просаленными, грязными руками хищниковъ-промышленниковъ. Голодныя чайки становились съ каждою минутой все назойливѣе и назойливѣе; до сотни птицъ уже усѣлись на мачтахъ, гафеляхъ и снастяхъ; нѣкоторыя, болѣе смѣлыя, слетѣли даже на палубу и начали расклевывать кое-гдѣ застрявшій тюленій жиръ и разные отброски. Никѣмъ не тревожимыя, чайки хозяйничали на шхунѣ какъ дома, не обращая вниманія на неподвижныя фигуры трехъ промышленниковъ, бывшихъ на палубѣ и занятыхъ своимъ дѣломъ: одинъ правилъ рулемъ, двое другихъ лежали на полубакѣ [1]) и поглядывали впередъ. Вскорѣ все судно оказалось запруженнымъ пернатымъ населеніемъ моря, слетѣвшимся неизвѣстно откуда. Нахальство птицъ росло съ каждою минутой. Полная безнаказанность поощряла ихъ до предѣловъ необычайной смѣлости. Нѣкоторыя чайки расположились даже на полубакѣ и стали поклевывать парусинные штаны сосредоточенныхъ промышленниковъ. Привлекаемыя сильнымъ запахомъ перегнившаго жира, которымъ были пропитаны всѣ части несложной матросской одежды, назойливыя птицы настойчиво теребили кривыми клювами просаленную парусину, облегавшую мускулистыя, крѣпкія ноги задремавшихъ вахтенныхъ. Одна изъ чаекъ усѣлась на плечо угрюмаго рулеваго и стала хозяйничать въ многочисленныхъ складкахъ до-нельзя загрязненной парусинной рубахи, стараясь и тамъ отыскать случайно застрявшій лакомый кусочекъ тюленьяго жира. Апатичный американецъ только скосилъ глаза на смѣлую чайку, но не двинулъ пальцемъ, чтобы согнать ее; очевидно, онъ находилъ подобное поведеніе нахальной птицы вполнѣ обыкновеннымъ.

— А, наши чистильщики прилетѣли! раздался вдругъ чей-то сиплый голосъ, и изъ кормовой каюты выползъ коренастый, плечистый, рыжебородый шкиперъ, одѣтый въ парусинную рубаху, такія же брюки и кожаную зюйдъ-вестку, заломленную на самый затылокъ.

— Они самые, сэръ, коротко отвѣтилъ рулевой, сплевывая на грязную палубу уже негодную жвачку.

Шкиперъ, выйдя изъ каюты, на минуту остановился и пытливо оглядѣлъ горизонтъ по курсу. Видимо неудовлетворенный, онъ неторопливо прошелъ къ компасу и привычно стукнулъ по стеклу заскорузлымъ, кривымъ пальцемъ. Застоявшаяся картушка качнулась влѣво, качнулась вправо и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ колебаній, остановилась.

— Каковъ ходъ? пробурчалъ шкиперъ, взглянувъ на успокоившуюся магнитную стрѣлку.

— Девять узловъ, сэръ... Всю ночь такъ шли...

— Пора бы и на мѣстѣ быть, замѣтилъ шкиперъ, быстро сосчитавъ въ умѣ пройденное съ вечера разстояніе.

— Близко, сэръ... Чистильщики прилетѣли... Берегъ навѣрное близко, сэръ, убѣдительно повторилъ рулевой.

— Впередъ смотрятъ?

— Смотрятъ, сэръ... Джонъ и Питеръ смотрятъ...

— А другіе?

— Спятъ еще, сэръ.

Шкиперъ что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и спустился въ каюту; черезъ минуту онъ появился опять съ большою подзорною трубой. Приладивъ послѣднюю на выбленку [2]) ближайшихъ вантъ, онъ началъ зорко разглядывать безбрежное море, видимо стараясь отыскать на ясномъ горизонтѣ цѣль своего продолжительнаго, тяжелаго плаванія—Тюленій островъ. Прошло нѣсколько минутъ сосредоточеннаго вниманія.

[1]) Полубакъ—приподнятая часть палубы впереди передней (фокъ) мачты.

[2]) Мачты съ обѣихъ сторонъ придерживаются веревочными лѣстницами или вантами; ступени этихъ лѣстницъ называются выбленками.

— Вотъ онъ! проворчалъ наконецъ шкиперъ, ткнувъ подзорною трубой въ томъ направленіи гдѣ успѣлъ разсмотрѣть ничтожную едва видимую точку. — Лѣво руля! скомандовалъ онъ сиплымъ, но въ то же время властнымъ голосомъ.

Рулевой встрепенулся и, повинуясь отданному приказанію, энергично завертѣлъ штурваломъ [1]). Шхуна тотчасъ же бросилась вправо.

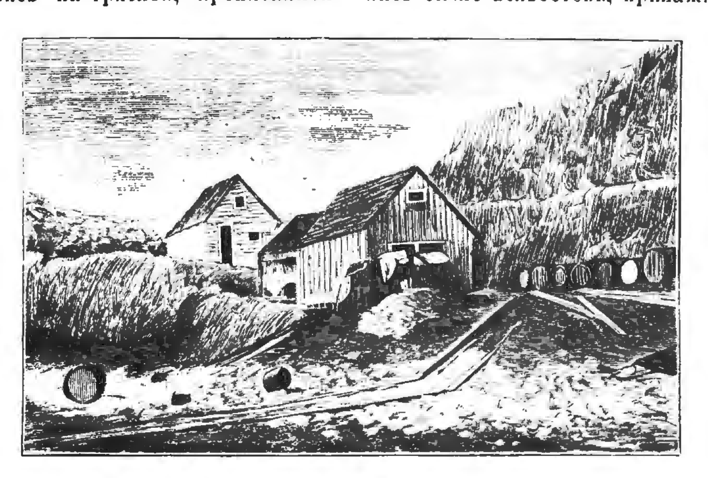
— Такъ держать! заревѣлъ черезъ нѣсколько секундъ шкиперъ и затрясъ надъ головой подзорною трубой, какъ бы настаивая на быстромъ исполненіи отданнаго приказанія.

Опытный, ловкій смышленый рулевой не зѣвалъ, во-время переложилъ руль и направилъ покорную его рукѣ шхуну по указанному курсу.

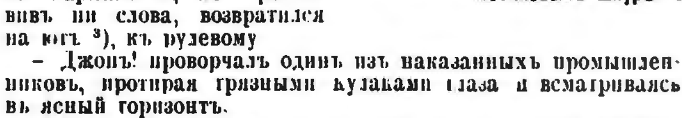
— Видишь? спросилъ шкиперъ, подходя къ рулевому.

— Вижу сэръ, коротко отвѣтилъ тотъ, зорко всматриваясь въ горизонтъ, на которомъ едва чернѣла какая-то неопредѣленная точка: не то камень, не то хребетъ недвижно лежащаго кита.

— А тѣ, негодяи, просмотрѣли. Заснули вѣрно на бакѣ, лѣнивые скоты! заворчалъ шкиперъ и, доставъ изъ кармана широкихъ штановъ здоровый линёкъ [2]), направился на бакъ, къ зазѣвавшимся Питеру и Джону. Тѣ дѣйствительно преспокойно спали, растянувшись на грязной, пропитанной жиромъ палубѣ и не обращая вниманія на рѣзкіе крики чаекъ-чистильщиковъ, прилагавшихъ повидимому энергичныя усилія къ тому, чтобы прибрать всякую гадость также и возлѣ сопливыхъ ротозѣевъ. Шкиперъ, разогнавъ назойливыхъ смѣлыхъ птицъ, взмахнулъ линькомъ и отпустилъ по широкимъ спинамъ неисправныхъ вахтенныхъ по такому здоровому удару, что тѣ вскочили на ноги словно ошпаренные кипяткомъ, и глупо вытаращили заспанные глаза на грознаго кэптена. Шкиперъ, видимо вполнѣ удовлетворенный сильнымъ впечатлѣніемъ которое произвелъ волшебный линёкъ, хладнокровно спряталъ послѣдній въ карманъ и, не промолвивъ ни слова, возвратился на ютъ [3]), къ рулевому.

Тюлений островъ. Домъ для промышленниковъ и сарай для соли котиковыхъ шкуръ Съ фот граф. Шюблеръ.

— Джонъ! проворчалъ одинъ изъ наказанныхъ промышленниковъ, протирая грязными кулаками глаза и всматриваясь въ ясный горизонтъ.

— Питеръ? отозвался другой, еще не пришедшій окончательно въ себя послѣ полученнаго удара линькомъ.

— Здорово огрѣлъ, замѣтилъ первый.

— Да, тяжелая у него рука, хладнокровно согласился Джонъ, энергично почесывая спину.

— Попадетъ и ему когда-нибудь отъ насъ! злобно проворчалъ Питеръ, сердито скосивъ глаза на ютъ, гдѣ продолжалъ стоять шкиперъ.

— Молчи, остановилъ товарища Джонъ. - У него вѣдь чуткое ухо: услышитъ - пожалуй еще килевать [4]) начнетъ. Хорошо вѣдь его знаешь.

Промышленники замолчали и начали глядѣть впередъ.

— Джонъ! позвалъ черезъ минуту встрепенувшійся Питеръ.

— Питеръ?

— А вѣдь намъ за дѣло попало... Погляди-ка! Видишь?

— Конечно, за дѣло, невозмутимо согласился Джонъ.

Оба вахтенные, почти одновременно, увидѣли Тюлений островъ, и имъ сдѣлалось вдругъ ужасно совѣстно, что проспали его, несмотря на строгое приказаніе смотрѣть впередъ какъ можно зорче.

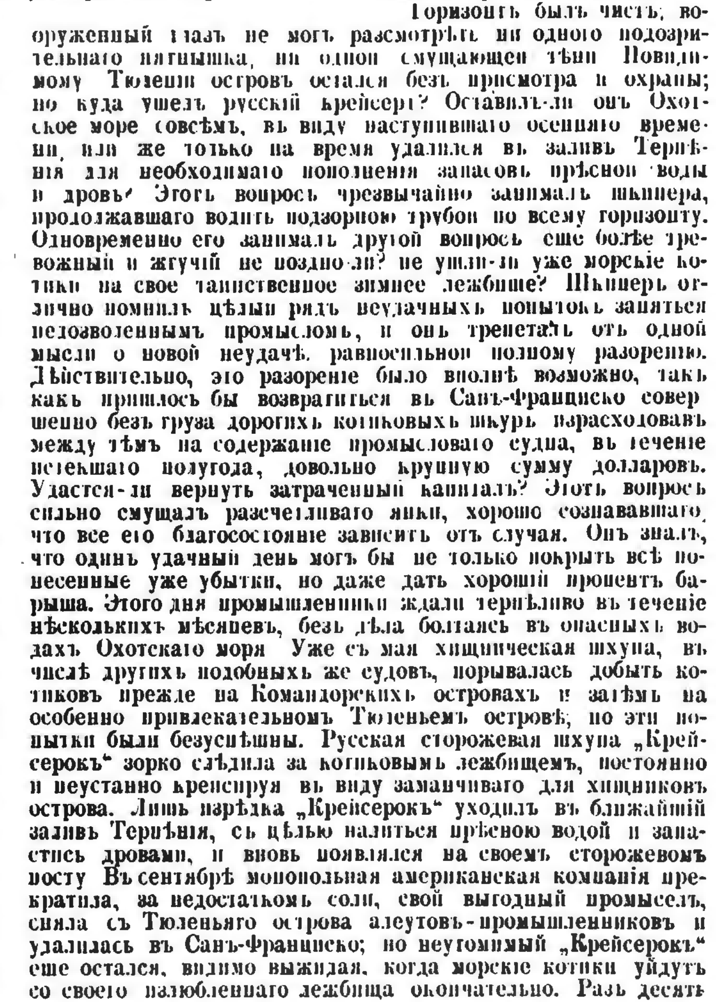
— Сказать? тихо спросилъ Питеръ.

— Не стоитъ. Онъ и самъ хорошо видитъ, резонно замѣтилъ Джонъ, вспомнивъ только-что полученный за невниманіе ударъ линькомъ...

III.

Подгоняемая довольно свѣжимъ вѣтромъ, шхуна „Rose“ (такъ звали американское промысловое судно) неслась къ цѣли своего плаванія съ большою скоростью, граціозно покачиваясь на волнахъ и слегка поскрипывая нѣкоторыми частями своего крѣпкаго корпуса. Тюлений островъ, еще недавно едва замѣтный, быстро выросталъ на горизонтѣ, точно поднимаемый со дна моря какою-то волшебною силою. Онъ выросталъ въ видѣ совершенно правильнаго прямоугольника, эффектно позлащеннаго яркими лучами утренняго солнца. Несмотря на этотъ художественно-прекрасный колоритъ, островъ производилъ подавляющее впечатлѣніе своимъ мертвеннымъ, чрезмѣрно правильнымъ, абрисомъ: не было замѣтно ни одной впадины, ни одного возвышенія. Верхняя линія пустыннаго, голаго плато вырисовывалась на голубомъ небѣ безъ малѣйшаго изгиба, почти съ математическою точностью. Боковыя его стороны ниспадали въ море рѣзкими перпендикулярами. Прибрежье острова пока не было видно: оно скрывалось еще за горизонтомъ..

Разбуженные шкиперомъ промышленники, въ числѣ тринадцати человѣкъ, позавтракали хорошо прожареннымъ мясомъ молодаго котика и, выбросивъ остатки за бортъ, на шумный раздѣлъ голоднымъ чайкамъ, занялись несложными приготовленіями къ предстоявшему промыслу. Одни копошились около вельботовъ, прилаживая весла и уключины, другіе готовили небольшія дубинки, которыми обыкновенно убиваютъ морскихъ котиковъ, ударяя по переносью; остальные доставали изъ трюма кое-какое оружіе, веревки и наконецъ соль, необходимую для посолки котиковыхъ шкуръ. Что касается шкипера, онъ, опасаясь неожиданной встрѣчи съ русскимъ крейсеромъ, не спускалъ подзорной трубы съ острова и омывающихъ его водъ. Съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разглядывалъ онъ почти каждую точку горизонта, стараясь во-время усмотрѣть, не покажется-ли гдѣ-либо грозное сторожевое судно, до сихъ поръ съ рѣдкимъ упорствомъ охранявшее котиковое лежбище отъ хищниковъ промышленниковъ.

Горизонтъ былъ чистъ; вооруженный глазъ не могъ разсмотрѣть ни одного подозрительнаго пятнышка, ни одной смущающей тѣни. Повидимому Тюлений островъ остался безъ присмотра и охраны; но куда ушелъ русскій крейсеръ? Оставилъ-ли онъ Охотское море совсѣмъ, въ виду наступившаго осенняго времени, или же только на время удалился въ заливъ Терпѣнія для необходимаго пополненія запасовъ прѣсной воды и дровъ? Этотъ вопросъ чрезвычайно занималъ шкипера, продолжавшаго водить подзорною трубой по всему горизонту. Одновременно его занималъ другой вопросъ, еще болѣе тревожный и жгучій: не поздно-ли? не ушли-ли уже морскіе котики на свое таинственное зимнее лежбище? Шкиперъ отлично помнилъ цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ заняться непозволеннымъ промысломъ, и онъ трепеталъ отъ одной мысли о новой неудачѣ, равносильной полному разоренію. Дѣйствительно, это разореніе было вполнѣ возможно, такъ какъ пришлось бы возвратиться въ Санъ-Франциско совершенно безъ груза дорогихъ котиковыхъ шкуръ, израсходовавъ между тѣмъ на содержаніе промысловаго судна, въ теченіе истекшаго полугода, довольно крупную сумму долларовъ. Удастся-ли вернуть затраченный капиталъ? Этотъ вопросъ сильно смущалъ разсчетливаго янки, хорошо сознававшаго, что все его благосостояніе зависитъ отъ случая. Онъ зналъ, что одинъ удачный день могъ бы не только покрыть всѣ понесенные уже убытки, но даже дать хорошій процентъ барыша. Этого дня промышленники ждали терпѣливо въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ дѣла болтаясь въ опасныхъ водахъ Охотскаго моря. Уже съ мая хищническая шхуна, въ числѣ другихъ подобныхъ же судовъ, порывалась добыть котиковъ прежде на Командорскихъ островахъ и затѣмъ на особенно привлекательномъ Тюленьемъ островѣ, но эти попытки были безуспѣшны. Русская сторожевая шхуна „Крейсерокъ“ зорко слѣдила за котиковымъ лежбищемъ, постоянно и неустанно крейсируя въ виду заманчиваго для хищниковъ острова. Лишь изрѣдка „Крейсерокъ“ уходилъ въ ближайшій заливъ Терпѣнія, съ цѣлью налиться прѣсною водой и запастись дровами, и вновь появлялся на своемъ сторожевомъ посту. Въ сентябрѣ монопольная американская компанія прекратила, за недостаткомъ соли, свой выгодный промыселъ, сняла съ Тюленьяго острова алеутовъ-промышленниковъ и удалилась въ Санъ-Франциско; но неугомонный „Крейсерокъ“ еще остался, видимо выжидая, когда морскіе котики уйдутъ со своего излюбленнаго лежбища окончательно. Разъ десять

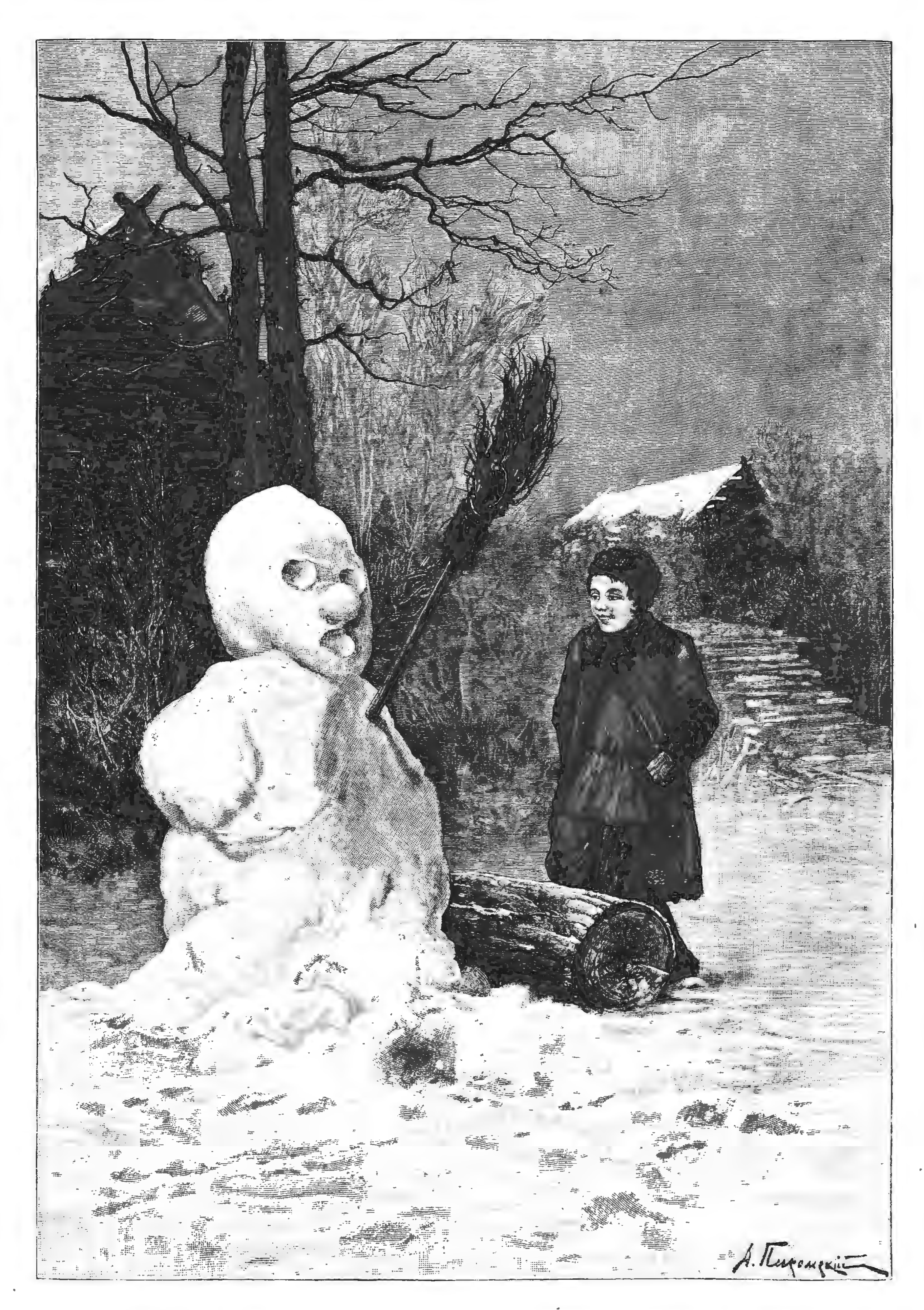
---

[1]) Штурвалъ - деревянное колесо, при помощи котораго ворочаютъ руль.

[2]) Линёкъ — довольно толстая веревка, съ полъ-аршина длиною, со здоровымъ узломъ на одномъ концѣ. Линёкъ - атрибутъ власти шкиперовъ и ихъ помощниковъ.

[3]) Ютъ — часть верхней палубы, находящаяся позади бизань (задней) мачты.

[4]) Шкипера въ морѣ пользуются почти безграничною властью. Для поддержанія дисциплины между разношерстною командой, нерѣдко состоящей изъ всевозможныхъ негодяевъ, шкипера обращаются съ матросами чрезвычайно жестоко, подвергая ихъ часто безчеловѣчнымъ наказаніямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ килеванье. Послѣднее заключается въ томъ, что провинившагося матроса продергиваютъ на веревкѣ, обвязанной вокругъ туловища, черезъ киль судна, иногда нѣсколько разъ подъ-рядъ. Нерѣдко наказываемый захлебывается до смерти, если это входитъ въ намѣреніе жестокаго шкипера. Степень жестокости килеванья прямо зависитъ отъ скорости, съ которою оно производится: чѣмъ медленнѣе совершать это наказаніе, тѣмъ оно опаснѣе для жизни.

Деревенскій скульпторъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") академика А. Писемскаго. грав. Рашевскій.

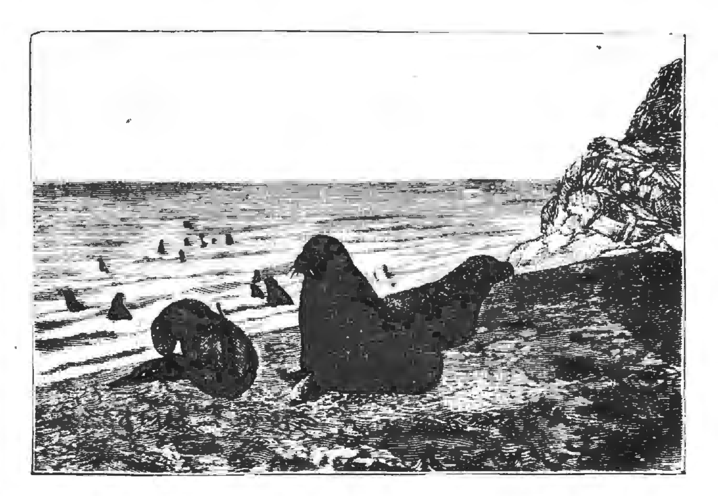
Караванъ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Н. Каразина**, грав. Шлипперъ.

только въ сентябрѣ шхуна „Rose“ приближалась къ Тюленьему острову, но, завидя издали опаснаго врага, быстро поворачивала и уходила опять въ море, не желая попасть въ лапы „проклятаго“ русскаго крейсера, совершенно истомившаго и вмѣстѣ съ тѣмъ озлобившаго всѣхъ промышленниковъ. Съ какою радостью хищники пустили бы этотъ крейсеръ ко дну! съ какимъ восторгомъ насладились бы они предсмертною агоніей „русскихъ варваровъ“ осмѣлившихся наложить запретъ на котиковый промыселъ, еще недавно считавшійся общедоступнымъ! Озлобленіе хищниковъ копилось въ теченіе цѣлаго лѣта. Одна мысль о возможности возвратиться домой безъ дорогаго груза бѣсила ихъ и приводила въ ужасную ярость. Подъ впечатлѣніемъ послѣдней, они подумывали даже о насильственныхъ дѣйствіяхъ, рѣшившись, въ случаѣ крайности, захватить котиковое лежбище съ бою. Конечно, потягаться съ русскимъ крейсеромъ было рискованно, такъ какъ онъ имѣлъ двѣ скорострѣльныя пушки и до двадцати человѣкъ отборной, прекрасно вооруженной, команды; но жажда безшабашной наживы ослѣпляла хищниковъ-промышленниковъ, и они шли напролом, на-авось, разсчитывая на случайную удачу, вполнѣ возможную въ осеннее время, когда русскому крейсеру было чрезвычайно тяжело постоянно держаться на своемъ сторожевомъ посту, вслѣдствіе свѣжихъ вѣтровъ и штормовыхъ погодъ.

Солнце поднялось надъ горизонтомъ уже довольно высоко, когда шхуна „Rose“ подошла къ Тюленьему острову настолько близко, что котиковое лежбище оказалось на виду, словно на ладони. Шкиперъ внимательно оглядѣлъ его и, несмотря на свой спокойный, выдержанный характеръ, затрепеталъ отъ восторга, вполнѣ въ данномъ случаѣ основательнаго. Лежбище было положительно переполнено мирно отдыхавшими морскими котиками. Тысячи животныхъ, кромѣ того, играли въ волнахъ на отмеляхъ, ловко кувыркаясь въ родной стихіи и оглашая воздухъ ужаснымъ ревомъ, слышнымъ на далекое разстояніе. Было очевидно, что котики, соблазненные сравнительно теплыми днями, не выказывали даже намѣренія оставить столь излюбленное лежбище. Шкиперъ глядѣлъ на безпечныхъ животныхъ жадными глазами. Онъ считалъ ихъ уже своею собственностью. Подсчитывая въ умѣ возможные барыши, и потирая отъ восторга заскорузлыми ладонями, онъ весело семенилъ мускулистыми ногами, словно собираясь отхватить на палубѣ свой національный танецъ джигу. Это радостное настроеніе шкипера не замедлило перейти ко всѣмъ хищникамъ-промышленникамъ, въ свою очередь не спускавшимъ зоркихъ глазъ съ оживленнаго котиковаго лежбища. Угрюмое, сосредоточенное до сихъ поръ, состояніе команды исчезло какъ дымъ, унесенный налетѣвшимъ вихремъ, и смѣнилось общимъ оживленіемъ. Суровыя, заскорузлыя лица прояснились и повеселѣли. Судовые весельчаки начали, по обыкновенію, балагурить и сыпать бойкими, матросскими остротами, черезчуръ спеціальными и доступными только для людей, проживающихъ среди американскихъ подонковъ общества. Каждый промышленникъ, жадно всматривались въ Тюленій островъ, какъ бы предвкушалъ извѣстную долю наживы, до сихъ поръ ускользавшей изъ его цѣпкихъ рукъ. По мѣрѣ приближенія къ котиковому лежбищу, оживленіе команды росло и вмѣстѣ съ тѣмъ росло удивленіе хищниковъ по поводу отсутствія „проклятаго“ русскаго крейсера. Явились всевозможныя, болѣе или менѣе вѣроятныя, предположенія. Одни утверждали, что „Крейсерокъ“, испугавшись осеннихъ штормовъ и предстоявшихъ морозовъ, навѣрное возвратился уже во Владивостокъ. Нѣкоторые выражали въ этомъ сомнѣніе и указывали на возможную кратковременную отлучку русскаго крейсера въ заливъ Терпѣнія. Явились наконецъ скептики, спорившіе почти до бокса, что русское сторожевое судно, по всей вѣроятности, притаилось по другую сторону острова, на единственномъ якорномъ мѣстѣ, и спокойно поджидаетъ приближенія хищнической шхуны, съ цѣлью захватить ее врасплохъ, разъ она рискнетъ спуститься подъ вѣтеръ. Шкиперъ, внимательно прислушиваясь къ горячему спору своихъ подчиненныхъ, невольно поддался предположенію скептиковъ и, какъ осторожный хищникъ, рѣшилъ выяснить вопросъ вполнѣ обстоятельно и избѣжать въ то-же время неожиданнаго нападенія, которое кончилось бы, несомнѣнно, потерей шхуны, а съ нею и розовыхъ надеждъ на барышъ и наживу. Въ виду наступающаго критическаго момента, шкиперъ всталъ на руль самъ. Управляемая его опытной рукой, шхуна „Rose“ повернула и пошла къ сѣверу вдоль острова, держась отъ послѣдняго на почтительномъ разстояніи и на вѣтрѣ, чтобы, въ случаѣ опасности, успѣть избѣжать возможной погони. Обогнувъ высокій, надводный камень, лежавшій у сѣверной оконечности Тюленьяго острова, въ полутора миляхъ отъ берега, шхуна вышла на видъ якорнаго мѣста. Оно было пусто!. Шкиперъ, передавъ управленіе судномъ своему помощнику, схватилъ опять подзорную трубку и съ лихорадочною поспѣшностью осмотрѣлъ все, доступное для глаза. Всюду виднѣлось одно только безбрежное море. Русскій крейсеръ исчезъ безслѣдно, и котиковое лежбище, несомнѣнно, осталось безъ охраны. Наконецъ-то!..

— Ушелъ во Владивостокъ, радостно рѣшилъ янки, чуть не захлебываясь отъ восторга. — Право руля!.. крикнулъ онъ рулевому.

Тотъ завертѣлъ штурваломъ. Шхуна склонилась влѣво и быстро понеслась по вѣтру вдоль берега, съ противуположной стороны котиковаго лежбища, скрывшагося за каменнымъ плато, возвышавшимся посреди острова въ видѣ правильнаго прямоугольника съ отвѣсными почти сторонами. Верхняя часть плато, сплошь усѣянная тысячами морскихъ птицъ, казалась опушенною свѣтло-сѣрой бахромкой. У подножія этой каменной глыбы виднѣлись деревянныя постройки: небольшой домикъ и два сарая, предназначенные для вязки и соленія котиковыхъ шкуръ. Всѣ эти зданія были построены монопольной американской компаніей для нуждъ промысла. Еще недавно оживленныя двумя десятками алеутовъ-промышленниковъ, они стояли теперь совершенно пустыми и никѣмъ не охраняемыми. Вокругъ и вблизи не было видно ни одной человѣческой души. Несомнѣнно, островъ былъ оставленъ совсѣмъ, и хищникамъ представлялась полная свобода заняться недозволеннымъ истребленіемъ дорогихъ животныхъ.

Тюленій островъ. Сивачъ (старый самецъ котикъ) и др. котики.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Вполнѣ убѣдившись въ отсутствіи охраны, шкиперъ направилъ свою шхуну къ хорошо извѣстному мѣсту якорной стоянки, расположенному въ милѣ отъ берега. Не прошло и получаса, какъ загремѣла цѣпь отданнаго якоря. Шхуна, задержанная съ носу, плавно описала кормой полукругъ и остановилась, слегка покачиваясь на волнахъ. Промышленники, закрѣпивъ наскоро паруса, живо спустили на воду два приготовленныхъ вельбота, усѣлись въ нихъ и торопливо направились къ острову. На шхунѣ остались только трое вахтенныхъ, которымъ было приказано зорко слѣдить за горизонтомъ и дать во-время знать, ружейными выстрѣлами, о приближеніи каждаго болѣе или менѣе подозрительнаго судна.

Вельботы, отваливъ отъ шхуны, плавно закачались, подбрасываемые ровно бѣгущими волнами. Впереди, у совершенно открытаго берега, ревѣли неумолчные буруны. Волна за волной набѣгали на плоское побережье, сердито завернувъ впередъ пѣнистые гребни. Вдали слышался глухой, подавляющій нервы ропотъ разгнѣваннаго моря, мощнаго, всесокрушающаго и грознаго. Хищники-промышленники не смутились отъ угрожающаго ропота величественнаго прибоя и смѣло неслись впередъ на своихъ легкихъ, но въ то-же время чрезвычайно крѣпкихъ, вельботахъ. Въ теченіе тяжелаго промысла, имъ приходилось десятки разъ выбрасываться въ бурунахъ на берегъ при всякой погодѣ и при разнообразныхъ условіяхъ. Они хорошо освоились со всѣми практическими пріемами подобнаго лихаго маневра, рискованнаго и сопряженнаго со смертельной опасностью лишь для малоопытныхъ новичковъ. Правда, промышленники могли бы подойти къ берегу болѣе осмотрительно, осторожно сдаваясь на брошенныхъ внѣ буруновъ верпахъ [1]), но это отняло бы много драгоцѣннаго времени. Кромѣ того, подобный осторожный маневръ мало согласовался съ ихъ хищничествомъ, обусловленнымъ быстрымъ налетомъ, рѣшительностью и почти безумною смѣлостью. Американцы хорошо сознавали, что каждая потерянная минута—деньги, въ особенности при ожиданіи возможнаго появленія у Тюленьяго острова другихъ хищническихъ шхунъ или, еще хуже, русскаго крейсера, оставившаго свой сторожевой постъ можетъ-быть только на время. Послѣдняя мысль давила всѣхъ промышленниковъ словно тяжелый кошмаръ, и они спѣшили захватить съ налету хотя сотню котиковыхъ шкуръ и затѣмъ, возвратившись на шхуну съ драгоцѣннымъ грузомъ, высмотрѣть, оглядѣться и вновь сдѣлать смѣлый набѣгъ на

[1]) Верпъ — небольшой якорь.

беззащитное котиковое лежбище. Благодаря подобнымъ дѣйствіямъ, хищникамъ и въ прежніе годы удавалось истреблять котиковъ почти въ виду русскаго сторожеваго судна, уходившаго отъ Тюленьяго острова въ силу какихъ-нибудь неотложныхъ надобностей, весьма естественныхъ въ теченіе почти полугодоваго, безвыходнаго крейсерства у голаго камня. Вся цѣль хищниковъ заключалась въ томъ, чтобы ловить немногіе часы временной отлучки русскаго крейсера, и въ эти часы, иногда, они успѣвали создавать цѣлыя состоянія, поголовно истребляя, сотнями и даже тысячами штукъ, добродушныхъ, цѣнныхъ котиковъ, случайно оставшихся безъ защиты.

(Продолженіе будетъ).

Портретъ.

Разсказъ **Рихарда Скавронека.**

Карлъ Эйземанъ, владѣлецъ извѣстной кофейной фирмы, только что получилъ письмо.

Конечно, въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ всякій коммерсантъ ежедневно получаетъ письма десятками, а на письменномъ столѣ господина Эйземана по утрамъ лежали цѣлыя груды писемъ; тѣмъ не менѣе это письмо имѣло столь важное значеніе, что у почтеннаго господина даже выпала изо рта сигара. Онъ сидѣлъ безъ движенія въ покойномъ креслѣ, въ опущенной правой рукѣ находилось смятое письмо, тогда какъ въ лѣвой, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лица, онъ держалъ портретъ молодой дѣвушки.

Съ портрета взоръ его еще разъ упалъ на письмо, онъ зло усмѣхнулся и бросилъ на столъ и портретъ, и письмо.

— И это ангелъ?! Хорошъ ангелъ! Старая кокетка, Альфредъ же величайшій изъ ословъ, которому ничего не стоитъ огорчить родителей!

Въ волненіи онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ электрическою кнопкой и, въ раздумьи, нажалъ ее. Одинъ изъ служащихъ тотчасъ же просунулъ голову въ полуотворенную дверь.

— Попросите мою жену, не оборачиваясь къ нему сказалъ Эйземанъ,—на минутку прійти ко мнѣ.

Молодой человѣкъ исчезъ, а господинъ Эйземанъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по мягкому ковру.

Спустя нѣкоторое время, въ комнату вошла маленькая старушка. На добромъ лицѣ ея было выраженіе испуга и озабоченности. Только въ крайне-важныхъ случаяхъ она переступала порогъ рабочаго кабинета мужа, и это непривычное обстоятельство уже заранѣе напугало ее.

Старый коммерсантъ подошелъ къ ней, нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ и подвинулъ ей кресло.

— Сядь, Бабеточка, я долженъ сообщить тебѣ важную новость.

— Боже мой! Ты пугаешь меня, Карлъ. Что случилось?

— Прочти! сказалъ господинъ Эйземанъ и подвинулъ къ ней лежавшее на столѣ письмо.

— „Дорогіе родители“, начала дрожащимъ голосомъ старушка. — Отъ Альберта!.. Господи!.. Карлъ, прочти письмо вслухъ, я плохо вижу...

Коммерсантъ взялъ письмо и, подойдя къ окну, прочиталъ:

„Дорогіе родители. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ по вашему настоянію я нахожусь въ Парижѣ, для того чтобы развлечься и забыть Иду“...

— Видишь, перебила госпожа Эйземанъ,—я всегда тебѣ говорила что ты былъ слишкомъ суровъ съ нимъ. Что имѣлъ ты противъ любви его къ Идѣ? Неужели то, что она бѣдна? Но за то она чудная, прекрасная дѣвушка, и я всегда говорила, что она сдѣлаетъ счастливымъ человѣка, за котораго выйдетъ замужъ.

— Погоди, выслушай сначала! сказалъ коммерсантъ.

„Это мнѣ вполнѣ удалось“, продолжалъ онъ чтеніе. „Какъ вы мнѣ приказали, я въ первый же день по пріѣздѣ передалъ рекомендательное письмо господину Лепортмонье и былъ радушно принятъ въ его семействѣ. Я познакомился съ двумя дочками его, которыя мнѣ очень понравились, но онѣ не могли вытѣснить изъ моего сердца образъ Иды. Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, господинъ Лепортмонье устроилъ костюмированный балъ, на который пригласилъ и меня, хоть мнѣ было вовсе не до баловъ, такъ какъ отчаяніе все сильнѣе овладѣвало мною. День бала настаъ, и я равнодушно пошелъ на него, надѣвъ простое домино, чтобы не выбирать себѣ костюма.

„Я бродилъ по залу, наполненному оживленной толпой масокъ, не принимая участія въ общемъ весельи. Въ амбразурѣ окна я замѣтилъ одинокую маску, точно такъ-же, какъ и я, избѣгавшую общества. Я подошелъ къ ней.

„— Il fait très chaud ici, mademoiselle, началъ я, чтобы завязать разговоръ.

„— Oui, monsieur, отвѣчала она просто.

„Я только что хотѣлъ сѣсть подлѣ нея, какъ къ ней подлетѣлъ господинъ Лепортмонье, въ костюмѣ турецкаго паши и, предлагая ей руку, сказалъ: — Maintenant, si vous aviez la bonté...

„Маска безмолвно поднялась, взяла предложенную ей руку и направилась къ открытому фортепіано, за которымъ уже сидѣлъ тапёръ.

„Молодая женщина сняла маску, взяла ноты и обернулась къ публикѣ—и... о, небо! я былъ ослѣпленъ ея видомъ. У ней было лицо ангела, глаза мадонны, и когда она начала пѣть, мнѣ казалось, что я нахожусь въ раю. Я подошелъ къ господину Лепортмонье и спросилъ его:—кто эта особа?

„— Это? отвѣчалъ онъ.—Это M-lle Луизонъ Декавъ изъ Menus Plaisirs—50 франковъ за вечеръ.

„Этотъ грубый отвѣтъ раздражилъ меня, я отвернулся отъ него, чтобы поспѣшить къ прелестной пѣвицѣ, но она уже исчезла. Тщетно я искалъ ее въ толпѣ масокъ: ея не было.

„Разочарованный, я надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Я бродилъ безцѣльно, пока не почувствовалъ усталости, тогда я нанялъ фіакръ и вернулся домой.

„Проведя безсонную ночь, я, рано утромъ, поѣхалъ узнавать адресъ Луизонъ. Разумѣется, прежде всего я посѣтилъ въ Menus Plaisirs, и сторожъ, которому я далъ на водку, сообщилъ мнѣ ея адресъ.

„Я нанялъ извозчика и поскакалъ къ ней,—и тутъ впервые, на дорогѣ, спросилъ себя, чѣмъ же я мотивирую свое нежданное посѣщеніе. Я заѣхалъ къ цвѣточнику, купилъ букетъ, предоставивъ все остальное на волю судьбы.

„Въ передней я отдалъ карточку камеристкѣ и, минуту спустя, стоялъ передъ Луизонъ.

„Если вчера она очаровала меня, то сегодня она была еще привлекательнѣе въ розовомъ утреннемъ костюмѣ, который чрезвычайно шелъ къ ея смуглому цвѣту лица.

„Она удивленно посмотрѣла на меня, когда я заговорилъ о цѣли моего посѣщенія. Я сидѣлъ на низенькомъ табуретѣ предъ моей царицей, которая была такъ хороша, что я не выдержалъ и, упавъ предъ ней на колѣни, воскликнулъ:

„— Oh, Louison, je vous aime, je vous demande en mariage!

„— En mariage? удивленно переспросила она и расхохоталась.—Oh, la-la, monsieur, vous vous moquez de moi?

„Но вдругъ она сразу поняла всю серьезность моего предложенія. Она склонила головку на мою грудь и прошептала:

„— Vlà, prenez moi, monsieur!

„Ликуя я заключилъ ее въ свои объятья, осыпалъ ея лицо поцѣлуями и клялся въ вѣчной любви. Она озабоченно спросила меня:

„— Mais, vos parents?

„Мнѣ стоило большаго труда убѣдить ее въ томъ, что я дѣйствую съ вашего согласія. Тогда она радостно воскликнула: „tant mieux“ и отпустила меня.

„И теперь, когда я открылъ вамъ свое сердце, дорогіе родители, я прошу васъ объ одномъ: благословите мой бракъ съ этимъ дивнымъ ангеломъ. Любящій васъ сынъ Альфредъ“.

Господинъ Эйземанъ кончилъ и съ негодованіемъ отбросилъ письмо. Супруга его, между тѣмъ, разсматривала портретъ, и письмо, повидимому, не произвело на нее непріятнаго впечатлѣнія.

— Мнѣ кажется, бездѣльникъ подкупилъ тебя своими сладкими рѣчами! воскликнулъ Эйземанъ.—Тебѣ, даже, повидимому, нравится этотъ „ангелъ съ очами мадонны“. Это просто смазливая интриганка! А я, старый глупецъ, послалъ сына въ этотъ развращенный Вавилонъ, гдѣ на каждомъ шагу для молодыхъ людей готово искушеніе. Лучше бы я послалъ его въ Сибирь или обвѣнчалъ съ Идой! Она, по крайней мѣрѣ, скромная дѣвушка, а эта..

Старушка съ улыбкою отдала портретъ мужу и сказала:

— Погоди, еще не все потеряно. Телеграфируй ему, чтобы онъ возвратился, и позволь ему видаться съ Идой. Кто знаетъ, можетъ быть старая любовь восторжествуетъ надъ новою страстью.

Господинъ Эйземанъ съ минуту подумалъ и наконецъ сказалъ:

— Я самъ думалъ объ этомъ. Меня останавливаетъ только то, что я даю въ невѣсты сыну дѣвушку, о которой раньше не хотѣлъ и слышать.

— О, другъ мой, изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее, сказала госпожа Эйземанъ и, подставивъ супругу лобъ для обычнаго поцѣлуя, вышла изъ комнаты.

На слѣдующій вечеръ въ Перронѣ, куда долженъ былъ прійти вечерній парижскій поѣздъ, стояло небольшое общество, состоявшее изъ супруговъ Эйземанъ и Иды, бѣлокурой дочки главнаго конторщика фирмы Эйземана.

— Пріѣдетъ ли онъ? то и дѣло, волнуясь, спрашивалъ коммерсантъ то жену, то Иду.

Пробилъ звонокъ и къ платформѣ, гремя, подвалилъ поѣздъ. Первымъ выскочилъ изъ него заблудшій сынъ господина Эйземана, Альфредъ. Замѣтивъ группу знакомыхъ лицъ, онъ бросился къ ней и, минуя раскрытыя объятія отца, кинулся къ Идѣ, которая, въ смущеніи, опустила глазки.

— Ида! Моя дорогая Идочка!

-- Какъ?.. протянулъ изумленно господинъ Эйземанъ.—Что это значитъ?.. А Парижъ?..

Альфредъ, смѣясь, отвернулся, снялъ шапку и завернулъ голову дорожнымъ плащемъ.

— Посмотри, папа! Ты не находишь во мнѣ сходства?

— Сходства? Съ кѣмъ?.. Однако, зачѣмъ ты сбрилъ бороду?..

— А портретъ?

— Портретъ? все еще не понимая, переспросилъ коммерсантъ.

— Прости, дорогой папа, началъ Альфредъ вполнѣ серьезнымъ тономъ,—прости, что я позволилъ себѣ шутку. Я былъ на маскированномъ балу нашего общаго друга въ костюмѣ молодой дамы, для чего и сбрилъ бороду. Я такъ всѣмъ понравился, что меня упросили сняться въ этомъ костюмѣ. Тогда у меня зародился планъ сочинить это письмо, которое, безъ сомнѣнія, огорчило васъ съ мамой, но которое сдѣлало меня счастливымъ. Еще разъ прости, дорогой, иначе бы я умеръ отъ горя.

Госпожа Эйземанъ съ мольбою посмотрѣла на мужа и, заключая сына въ объятія, сказала:

— Глазъ матери никогда не обманется. Я сразу узнала тебя и поняла всю шутку. **Б. К.**

Къ рисункамъ.

Съ Новымъ Годомъ — съ новымъ счастьемъ!

(Рис. на стр. 1).

Мы всѣ, блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ
Дабы всѣмъ виденъ былъ; мы, соль земли, мы, свѣтъ,—
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,—
О, мы прокормимъ ихъ, весь этотъ темный людъ!
Чтобы не умереть ему, не голодать—
Намъ есть ему что̀ дать!

Но... еслибъ умеръ въ немъ живущій идеалъ,
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ—хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе что городъ на горѣ
Дабы всѣмъ виденъ былъ, и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что̀ дали-бъ мы ему? **(А. Майковъ).**

Не будемъ возноситься кичливымъ духомъ, безропотно примемъ справедливый укоръ, звучащій въ словахъ вѣщаго поэта. Божіимъ милосердіемъ недородъ въ наступающемъ году смѣнится урожаемъ, о голодѣ не станетъ помина; но твердо памятуя, что не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, не станемъ ждать грознаго дня, когда у насъ потребуютъ того духовнаго хлѣба, которымъ мы такъ бѣдны пока и не въ силахъ дѣлиться. Будемъ усердно разработывать и утучнять свою духовную ниву, смиренно повторяя слова поэта:

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также Господи духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно—
О, дай намъ солнышка, пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ,
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Придти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи, какая благодать!"

Тогда настанутъ во-истину новыя лѣта и новое счастье.

Крестный ходъ и водосвятіе на Іордани въ день Богоявленія. (Рис. на стр. 4).

Въ день Крещенья (Богоявленіе Господне), послѣ литургіи, по всѣмъ городамъ и весямъ, совершается крестный ходъ съ хоругвями и иконами на воду—рѣку, озеро или прудъ—для водосвятія. При пѣніи праздничнаго тропаря священникъ погружаетъ честный крестъ въ прорубь. Въ городахъ устраивается надъ прорубью особая деревянная сѣнь, болѣе или менѣе богато украшенная, и все это въ совокупности называется Іорданью.

Простонародье соединяетъ съ днемъ Крещенья различныя примѣты.

Такъ, напр., въ Крещенье метель — и на Святой метель: коли на воду пойдутъ въ туманъ — хлѣба будетъ много; снѣгъ хлопьями—къ урожаю; ясно—къ недороду; коли прорубь на іордани полна воды—разливъ великъ будетъ; въ полдень синія облака—къ урожаю; Богоявленье подъ полный мѣсяцъ—къ большому разливу; на Крещенье день теплый—такъ хлѣбъ будетъ темный; яркія крещенскія звѣзды породятъ бѣлыхъ ярокъ.

Крещенскій снѣгъ хранятъ въ видѣ воды для бѣленья холстовъ и отъ разныхъ недуговъ. Кто на Святкахъ родился—купается во іордани. Послѣ Крещенья до трехъ дней бѣлья не прутъ.

Нелюдимый дѣдушка. (Рис. на стр. 5).

Преклонная старость и дѣтство почти одинаково чисты душой—и вотъ отчего ихъ всегда тянетъ другъ къ другу. Нелюдимый дѣдушка, коротающій свой вѣкъ въ лѣсной сторожкѣ, нелюдимъ только для взрослыхъ; дѣтвора смѣло идетъ къ нему со своими нуждами и печалями, и дѣдушка всегда поможетъ словомъ и дѣломъ, а нѣтъ такъ утѣшитъ по крайней мѣрѣ, сказочку разскажетъ, липовымъ сокомъ угоститъ, или иначе какъ-нибудь извернется, только вся мелкота въ деревнѣ горой стоитъ за дѣдушку и въ обиду его не даетъ.

Въ цвѣтахъ. (Рис. на стр. 9).

Молодая одалиска, кокетливо скрывающая лицо въ прозрачныхъ складкахъ фаты. Граверъ съ замѣчательнымъ искусствомъ передалъ легкія складки кисеи и просвѣчивающее въ нихъ тѣло съ неуловимыми переходами.

Деревенскій скульпторъ. (Рис. на стр. 12).

Выпалъ пушистый, липкій снѣгъ. Ноги глубоко уходятъ въ него и не безъ труда вытаскивается сапогъ, съ налипшею толстою подошвой изъ снѣга. Настало раздолье играть въ снѣжки. Но у нашего шалуна не нашлось для того товарищей. Вмѣсто того онъ, накатывая комья снѣга, сложилъ изъ нихъ снѣговаго истукана и любуется на его неуклюжую фигуру съ толстымъ носомъ и метлой подъ мышкой.

Караванъ. (Рис. на стр. 13).

Медленнымъ шагомъ, въ строгомъ порядкѣ, степною дорогой идетъ караванъ. Кладь онъ везетъ дорогую.

Путь его дологъ, тяжелъ и опасенъ — конная стража зорко его охраняетъ...

Чей караванъ? чье добро онъ везетъ?.. что̀ покрыто коврами дорогими, что въ этихъ нарядныхъ коржумахъ плавно колышется, въ тактъ верблюжьему, тяжелому ходу?

Грознаго хана Хивинскаго — это добро, — самого Богадура. Головою отвѣтить придется за каждую пропавшую малость... Зорко глядитъ конная стража—окомъ пытливымъ въ знойную мглу проникаетъ... чуткимъ ухомъ ловитъ малѣйшій тревожный звукъ пустыни...

Медленнымъ шагомъ, въ строгомъ порядкѣ, степною дорогою идетъ караванъ. **Н. К.**

Счастливая семья. (Рис. на стр. 20).

Цѣлая семья корольковъ (regulus) — самыхъ маленькихъ птичекъ въ Европѣ. Заботливая маменька кормитъ своихъ проголодавшихся малютокъ, въ то время какъ глава семьи зорко наблюдаетъ за порядкомъ въ гнѣздышкѣ. Его найти бываетъ трудно: оно устроено наверху высокихъ сосновыхъ или еловыхъ деревьевъ, подъ защитою густыхъ, перепутавшихся сучьевъ и иглъ. Въ этомъ укромномъ уголкѣ дважды въ лѣто — въ маѣ и іюнѣ — можно наблюдать сцену, мастерски нарисованную Шпехтомъ. Какъ только изъ нѣжныхъ маленькихъ яичекъ, желто-сѣраго или блѣдно-тѣлеснаго цвѣта съ точками, вылупляются птенчики, начинается ихъ кормленіе и воспитаніе. Совершается это не безъ заботъ, такъ какъ кормить ихъ надо самыми мелкими насѣкомыми и личинками. Дожидаясь пищи, птенцы сидятъ въ гнѣздѣ очень тѣсно, прижимаясь другъ къ другу. Но это продолжается недолго: какъ только они подрастутъ, немедля спѣшатъ присоединиться къ другимъ королькамъ, и цѣлыя стада ихъ круглый годъ оглашаютъ воздухъ своими милыми пѣсенками въ древесной чащѣ.

Въ наукѣ корольки составляютъ переходную ступень отъ славокъ къ синицамъ. Они похожи на первыхъ почти столько-же, сколько и на вторыхъ. Перья темени удлинены и отличаются яркими красками. Птицы эти распространены по Европѣ, Азіи и Сѣверной Америкѣ.

М. Н. Анненковъ.

(Портр. на этой стр.).

Взоры русскаго общества въ настоящее время обращены на то лицо, на долю котораго выпало осуществить всеобщее желаніе помочь народонаселенію въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая въ послѣднее время; общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за дѣйствіями того, кто призванъ явиться въ эту тяжелую минуту для оказанія помощи нуждающемуся населенію въ этихъ губерніяхъ; лицо это—членъ военнаго совѣта, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ *Анненковъ*, прославившійся въ Россіи и за границей постройкою Закаспійской желѣзной дороги, столь важной въ политическомъ, стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

Имя генерала Анненкова давно уже сдѣлалось дорогимъ каждому русскому, любящему свою родину, по тѣмъ несомнѣннымъ заслугамъ, которыя онъ оказывалъ отечеству еще гораздо раньше постройки помянутой Закаспійской дороги. Одно ужь это дѣло могло бы доставить ему право на увѣковѣченіе его имени въ русской исторіи; дѣйствительно, изумительное дѣло сооруженія этой дороги въ теченіе какихъ-нибудь *двухъ лѣтъ* является блестящимъ торжествомъ упорнаго труда, полною побѣдою человѣческаго ума и безконечной энергіи надъ препятствіями, представляемыми природой человѣку; Самаркандъ прорѣзала желѣзная дорога; чрезъ песчаную Каракульскую степь, считавшуюся даже туземцами непроходимой, проложены рельсы; черезъ Аму-Дарью тянется длиннѣйшій въ мірѣ мостъ.

Но чтобы довести это грандіозное сооруженіе въ такой короткій срокъ до конца, нужно было обладать такими качествами, какія обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ впрочемъ, генералъ-лейтенантъ М. Н. Анненковъ, который, по справедливому выраженію вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сенатора П. П. Семенова, въ рѣчи его 15 мая 1888 г. по случаю открытія Закаспійской желѣзной дороги, „своимъ глубокимъ умомъ и замѣчательною энергіей могъ одинъ совершить столь большое дѣло". Дѣйствительно, настойчивость, трудъ, энергія и, что составляетъ жизненный пульсъ всякаго дѣла, любовь къ этому дѣлу, — вотъ главные помощники генерала Анненкова.

Завѣдующій общественными работами въ мѣстностяхъ пострадавшихъ отъ неурожая, генералъ-лейтенантъ М. Н. Анненковъ.

Профессоръ Л. О. Премацци († 17 декабря 1891 г.).
Съ фот. бр. Карбини, грав. Шюблеръ.

Теперь на него возложены упованія многихъ милліоновъ людей, и онъ не замедлитъ протянуть имъ руку помощи; онъ съумѣетъ въ этомъ великомъ дѣлѣ показать себя и въ качествѣ примѣрнаго гражданина, преданнаго интересамъ своего отечества, и въ качествѣ христіанина, любящаго своего ближняго; генералъ М. Н. Анненковъ, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ завѣдующимъ общеполезными работами въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, и пострадавшіе отъ неурожая быть-можетъ въ скоромъ времени вознесутъ свои теплыя мольбы къ Небу за здоровье и долголѣтіе того, кто съ такою безпримѣрною добротой кладетъ свой трудъ и силы на дѣло помощи имъ, предоставляя имъ трудъ и заработокъ и облегчая этимъ ихъ тяжелое положеніе.

М. Н. Анненковъ происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода Нижегородской губерніи; родился онъ въ Петербургѣ въ 1835 году. До десятилѣтняго возраста онъ воспитывался дома, а въ 1845 году былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1853 г., послѣ чего тотчасъ поступилъ на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи конно-піонерный дивизіонъ, будучи зачисленъ въ него съ чиномъ прапорщика. Несмотря на служебную карьеру, широко раскрывшуюся предъ нимъ, Анненковъ, убѣдившись, что ему недостаетъ спеціальныхъ знаній, поступилъ чрезъ четыре года въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба.

Насколько велики были успѣхи этого молодаго двадцатидвухлѣтняго офицера, можно судить по тому факту, что чрезъ два года по поступленіи въ Академію онъ окончилъ курсъ первымъ по успѣхамъ и былъ записанъ на мраморную доску. Время съ 1859 г. по 1863 г. М. Н. Анненковъ прослужилъ старшимъ адъютантомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Въ слѣдующее трехлѣтіе его служебной карьеры онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи польскаго мятежа въ Привислинскомъ краѣ, гдѣ, находясь при графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ, онъ участвовалъ въ экспедиціонныхъ отрядахъ для преслѣдованія польскихъ шаекъ. Въ промежутокъ этого времени, а именно въ 1864 г., онъ получилъ чинъ полковника.

Кромѣ того, Анненковъ принималъ здѣсь весьма дѣятельное участіе въ комиссіяхъ и комитетахъ, учреждавшихся для принятія мѣръ подъ пред-

сѣдательствомъ Н. А. Милютина и князя Черкасскаго для преобразованія Привислинскаго края. Особенно выдѣлился генералъ Анненковъ (по возвращеніи изъ Привислинскаго края) своимъ проектомъ о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному дѣлу,—проектомъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе публики и печати; авторъ этого проекта былъ назначенъ завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ по всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ; тогда же, т. е. въ 1869 г., онъ получилъ чинъ генералъ-маіора.

Затѣмъ, можно смѣло сказать, не было ни одного крупнаго военнаго дѣла, въ которомъ не участвовалъ бы М. Н. Анненковъ; началась франко-прусская война, онъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій для ознакомленія на мѣстѣ съ военнымъ дѣломъ; въ 1875 г. открылась сербская кампанія, онъ подаетъ записку о состояніи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которой такъ убѣдительно доказывались недостатки эксплоатаціи ихъ и отвратительные порядки; слѣдствіемъ этой записки было учрежденіе комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта графа Баранова, а иниціаторъ этого важнаго дѣла былъ назначенъ членомъ-управляющимъ этой комиссіи. По окончаніи русско-турецкой кампаніи генералъ-маіоръ Анненковъ получилъ генералъ-лейтенантскій чинъ (1879 г.).

Ахалъ-текинская экспедиція дала новую возможность этому высокоталантливому человѣку блеснуть своими качествами; рѣшено было построить желѣзную дорогу между Михайловскимъ заливомъ и Кизиль-Арватомъ; сооруженіе это было поручено генералу Анненкову, который тогда же занялъ постъ начальника военныхъ сообщеній Закаспійскаго края, но тутъ чуть было не лишился жизни: тяжело раненый на рекогносцировкѣ Янчи-Калы, онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Петербургъ до окончанія постройки дороги, производившейся подъ его наблюденіемъ. Провидѣнію угодно было сохранить жизнь тому, который такъ нуженъ былъ впослѣдствіи Россіи и которому суждено въ настоящее время подать руку помощи милліонамъ людей. Закаспійская дорога была окончена и увѣковѣчила имя генерала Анненкова.

Не смотря на такую разностороннюю дѣятельность, М. Н. Анненковъ находилъ время для разработки разныхъ литературныхъ вопросовъ по военному дѣлу и на этомъ поприщѣ завоевалъ себѣ почетное имя; онъ помѣстилъ много статей въ нашихъ спеціальныхъ изданіяхъ; обратилъ на себя особенное вниманіе въ литературѣ своей книжкой: „Война 1870 г. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера“, составляющей результатъ его командировокъ. Изученіе тюремнаго дѣла вообще и въ особенности положеніе этого вопроса въ Англіи вызвали въ свѣтъ замѣчательный трудъ его, озаглавленный: „Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы“; одно такое сочиненіе могло бы ужь доставить извѣстность иному начинающему автору.

Какъ человѣкъ всесторонне образованный и отлично владѣющій иностранными языками, М. Н. Анненковъ заинтересовался однажды международнымъ правомъ и плодомъ изученія этого права былъ другой его трудъ: „Отношенія англо-индійскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ“.

Но что отличаетъ выдающагося дѣятеля, ставшаго нынѣ во главѣ общеполезныхъ работъ—это крайне-отзывчивое отношеніе ко всему свѣжему, жизненному; врагъ всякой канцелярской рутины и формальной сухи, онъ, по возможности, избѣгаетъ медлительной формы обыкновенныхъ „представленій“ и „отношеній“; телефонъ и телеграфъ—вотъ его главныя орудія, еле успѣвающія, однако, передавать его приказанія. И это одно ужь говоритъ за глубокое пониманіе имъ жизненныхъ потребностей и задачъ, возложенныхъ на него.

Работы учреждены для пособія нуждающимся и помощь эта должна прійти къ нимъ во-время, т. е. немедленно; тратить золотое время на канцелярщину не приходится; оно слишкомъ дорого въ настоящую минуту: сама жизнь, само дѣло требуютъ скораго исполненія всякой мѣры, имѣющей цѣлью облегчить бѣдственное положеніе нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. И нужно видѣть генерала Анненкова въ работѣ, въ которой онъ находится съ самаго ранняго утра и до глубокой ночи; всѣхъ принимать, всѣхъ выслушать, всѣмъ отвѣчать, всѣмъ отдавать распоряженія, все помнить, обо всемъ заботиться — и при всемъ томъ ни малѣйшей усталости. Изумительный образецъ неутомимости и почти баснословной энергіи.

В. Б.

Л. О. Премацци. (Портр. на стр. 17).

Русская акварельная живопись, быстро идущая за послѣдніе годы къ процвѣтанію, но небогатая своими представителями, понесла недавно тяжелую утрату въ лицѣ извѣстнаго акварелиста; профессора перспективной и акварельной живописи, Лудвига Осиповича Премацци, скончавшагося 17 декабря. Уроженецъ Милана, покойный художникъ получилъ образованіе въ академіи художествъ этого города подъ руководствомъ профессора Мильяра. Въ 1848 году, тридцати лѣтъ, Премацци пріѣхалъ въ Россію учителемъ рисованія въ домъ княгини Изабеллы Гагариной. Года два спустя, рисуя съ натуры видъ Монплезира, въ Петергофѣ, молодой художникъ обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича, уже знакомаго съ его акварельными работами по альбому великой княгини Маріи Николаевны, и вскорѣ получилъ отъ государя заказъ написать нѣсколько видовъ Александріи и кронштадтскихъ укрѣпленій. Съ этого времени художникъ выполняетъ громадное число видовъ по заказу членовъ Императорской Фамиліи и разныхъ лицъ высшаго общества. Въ 1854 году Премацци получаетъ отъ нашей Академіи Художествъ званіе академика, за рисунокъ Китайской комнаты въ Царскомъ Селѣ, а въ 1861 году—званіе профессора, за акварели видовъ въ Крыму и на дачѣ г. Новосильцова въ Царскомъ Селѣ. Помимо безконечнаго числа работъ, знакомыхъ нашимъ читателямъ по нашему Альбому и по гравюрамъ на страницахъ *Нивы*, покойный профессоръ занимался преподаваніемъ акварельной живописи и подготовилъ многихъ даровитыхъ акварелистовъ.

Политическое обозрѣніе.

Новый, 1892 годъ наступаетъ при самомъ миролюбивомъ настроеніи во внѣшней политикѣ. Что онъ дастъ въ будущемъ, покажетъ время, но, судя по настоящему, онъ обѣщаетъ быть мирнымъ. Подобныя надежды высказываются отовсюду, и ихъ мы находимъ какъ въ рѣчахъ правителей, по случаю новаго года, такъ и въ статьяхъ газетъ. Президентъ Карно, при пріемѣ дипломатическаго корпуса въ Новый годъ, въ отвѣтъ на пожеланія благоденствія президенту и Франціи, выраженныя папскимъ нунціемъ отъ имени дипломатическаго корпуса, сказалъ: „1892 годъ будетъ, какъ мы всѣ желаемъ и надѣемся, миролюбивымъ и плодотворнымъ годомъ, въ теченіе котораго правительствамъ представится возможность посвятить свои усилія и дѣятельность изученію экономическихъ интересовъ и соціальныхъ задачъ, все болѣе и болѣе требующихъ ихъ попеченія. Если съ одной стороны республика исполнена сознанія правъ и традицій Франціи, то съ другой, она не менѣе твердо предана политикѣ мира и международнаго согласія. Прошу передать это еще разъ вашимъ правительствамъ“.

Вѣнскій *Fremdenblatt*, обсуждая по поводу наступленія Новаго года международное политическое положеніе, выражаетъ надежду, что и будущій годъ будетъ мирнымъ. По мнѣнію газеты, кронштадтскія событія усилили французское правительство, которое можетъ теперь сдерживать шовинистовъ. Кромѣ того,—прибавляетъ газета,—существенною уздою для французскихъ шовинистовъ является и сближеніе Франціи съ Россіею, если принять во вниманіе несомнѣнное миролюбіе Русскаго Императора.

Брюссельскій *Nord* въ своемъ новогоднемъ обозрѣніи пишетъ: „Несмотря на неопредѣленность, проистекающую изъ довольно неправильнаго положенія Болгаріи и Египта, и несмотря на горячія желанія тѣхъ, кто прямо или косвенно эксплоатируетъ это положеніе, европейскій миръ намъ кажется нынѣ болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ когда-либо послѣ событій 1870 г.

„Нравственная реакція противъ преобладанія, — впрочемъ, скорѣе кажущагося, чѣмъ дѣйствительнаго, — державъ центральной Европы нашла себѣ выраженіе, даже можно сказать, окончательную формулу во франко-русскомъ сближеніи. Россія и Франція не помышляютъ ставить себя выше договоровъ и менѣе всего на свѣтѣ думаютъ ссылаться на государственныя соображенія для оправданія совершившихся фактовъ, противныхъ международному праву. Франко-русское соглашеніе представляетъ собою союзъ по преимуществу консервативный, основанный не только на общности интересовъ, становящейся болѣе и болѣе очевидною, но и на общности принциповъ въ дѣлѣ международной политики. Дѣйствительную „лигу мира“ представляетъ собою лига кабинетовъ, которые, настаивая на обязательности договоровъ, тщательно избѣгаютъ доставить безпокойнымъ элементамъ случай къ ускоренію кризиса, признаваемаго органами тройственнаго союза неизбѣжнымъ. Франція и Россія одинаковаго мнѣнія относительно того существенно важнаго пункта, что продленіе спокойнаго порядка вещей на Востокѣ и въ другихъ мѣстностяхъ всегда предпочтительнѣе рѣшенія купленнаго цѣною потрясеній, которыя могутъ поколебать основы европейскаго общества.

„Съ другой стороны, возрастающее значеніе экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ служитъ для Европы гарантіею мира, почти не зависящею отъ воли кабинетовъ. Поверхностный шовинизмъ нѣкоторыхъ категорій, пропитанныхъ традиціями стараго милитаризма, оставляетъ безусловно равнодушными тѣ народныя массы, которымъ пришлось бы заплатить своею кровью за „передѣлку европейской карты“. Возможно, что „таможенному союзу центральной Европы“

удается завлечь въ свою орбиту нѣкоторыя изъ второстепенныхъ государствъ, но это нимало не измѣнитъ положенія. Отнюдь не ради воинственныхъ комбинацій народы изъявятъ свое согласіе на ограниченіе своей экономической свободы. Великою проблемою новѣйшей политики является соціальная реформа, и правительства не въ силахъ скрыть отъ себя, что диверсія извнѣ представляетъ самое вѣрное средство къ ухудшенію положенія".

Библіографія.

Наброски изъ дѣйствительной жизни. Сборникъ охотничьихъ и другихъ разсказовъ. Ѳ. А. Свѣчина. М. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книжкѣ г. Свѣчина собрано 19 разсказовъ, довольно живыхъ и интересныхъ, имѣющихъ частію анекдотическій характеръ, когда дѣло касается собственно охотничьихъ похожденій. Есть между ними два-три разсказа изъ жизни деревни, не лишенныхъ серьезнаго значенія. Такова, напр., „Быль изъ прошлаго", изображающая судьбу супружеской четы, разлученной стремленіемъ мужа жить въ „Питерѣ" и наживать тамъ деньги, оставивъ жену въ деревнѣ всѣмъ соблазнамъ молодости. *Выручка отъ продажи этой книжки назначается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая*, и это обстоятельство тѣмъ больше побуждаетъ насъ рекомендовать ее вниманію читателей.

Синее знамя. Историческій разсказъ временъ нашествія Монголовъ. Заимствовано съ французскаго **М. Гранстремъ.** Съ 65 рис. и картой походовъ Чингисхана. СПБ. Тип. М. М. Стасюлевича. 1891. Цѣна 2 р.

Въ беллетристической формѣ книжка вводитъ юныхъ читателей, для которыхъ она и предназначается, въ сферу чуждыхъ имъ быта и характера татарскихъ племенъ Азіи, и фантастическій, романическій элементъ только помогаетъ этнографической цѣли. Книжка по внѣшности чрезвычайно изящна и можетъ служить прекраснымъ рождественскимъ подаркомъ дѣтямъ, переходящимъ изъ отрочества къ юношескому возрасту. Для русскаго читателя она тѣмъ цѣннѣе, что знакомитъ съ историческимъ явленіемъ, имѣвшимъ такое огромное вліяніе на историческія судьбы нашего отечества.

Что можетъ сдѣлать искусство для продленія жизни и отдаленія смерти? По поводу новѣйшихъ методъ лѣченія неизлѣчимыхъ болѣзней по Броунъ-Секару, Коху и другимъ и по поводу „Крейцеровой сонаты". **Доктора медицины А. Н. Ильинскаго. Москва. Изданіе книжнаго магазина Ф. А. Богданова.** 1891. Цѣна 1 рубль.

Небольшая брошюра д-ра Ильинскаго, дышащая искренностью и убѣжденіемъ, есть голосъ здравомыслящаго врача и человѣка, предостерегающаго отъ пустыхъ и часто вредныхъ увлеченій модными способами лѣченія по Броунъ-Секару, Коху и т. п. Авторъ въ сущности не претендуетъ сказать что-либо новое; онъ только напоминаетъ читателямъ, что никакой Броунъ-Секаръ не въ состояніи возвратить молодость и энергію дряхлѣющему организму, и что неизлѣчимыя болѣзни, какъ чахотка, не склонны уступать чудодѣйственнымъ лѣкарствамъ,—что дѣло не въ лѣкарствѣ, вообще говоря, а въ силѣ организма, который, напр., освобожденный сегодня отъ коховскихъ бациллъ, завтра снова восприметъ и будетъ культивировать ихъ въ легкихъ, разъ онъ не въ состояніи бороться съ ними собственными, въ немъ самомъ лежащими, средствами. И авторъ взываетъ къ благоразумію людей, предлагая не разсчитывать на мѣры, въ родѣ Броунъ-Секаровской жидкости, могущей развѣ (да и то сомнительно) только дать временное противоестественное возбужденіе, ведущее за собою еще большее разрушеніе организма, а заботиться о силѣ и стойкости этого послѣдняго при посредствѣ насколько возможно правильной гигіенической жизни. Книжка издана прекрасно, но могла-бы быть дешевле.

Смѣсь.

Исторія одной шарады. Въ 1802 году г-нъ Люзе, издатель „*Bulletin de la Litterature, des Sciences et des Arts*" предложилъ въ своемъ журналѣ шараду, которая крайне заинтересовала публику не только въ Парижѣ, но и въ провинціяхъ. Печатая шараду, онъ предпослалъ ей объявленіе, что одинъ богачъ, мастеръ на отгадки шарадъ, три мѣсяца бился надъ ея разгадкой, и не могъ рѣшить ее, несмотря на то, что раньше разгадывалъ самыя трудныя шарады изъ *Mercure de France*. Этотъ богатый любитель шарадъ обѣщаетъ 10,000 ливровъ первому разгадавшему эту шараду. Слѣдующіе 10 разгадавшихъ получали роскошныя изданія Вольтера, Руссо и другихъ знаменитыхъ писателей. Вотъ эта шарада:

„Я крайне молодъ и крайне старъ,
Я холоденъ какъ ледъ и горячъ какъ огонь,
Я тонокъ какъ волосъ и толстъ какъ бочка,
Я олицетворенная добродѣтель и отчаянный повѣса,
Я чернѣе чернилъ и бѣлѣе снѣга,
Я неповоротливъ какъ черепаха и ловокъ какъ серна,
Слабъ какъ соломинка и силенъ какъ дубъ,
Бѣденъ какъ Іовъ и богатъ какъ Крезъ,
Я кругъ и квадратъ,
Тряпичникъ и аристократъ,
Ураганъ и тихій вѣтерокъ,
Ангелъ и демонъ,
Я вѣченъ и я мертвъ,
Я постоянно боленъ и всегда здоровъ,
Легче пера и тяжелѣе тысячи пудовъ,
Вездѣсущъ и не двигаюсь съ мѣста,
Женатъ и холостякъ;
Разгадайте же, кто я таковъ?"

Во всей Франціи всѣ были заняты разгадкой этой шарады. Ученые, юристы, врачи, духовенство, чиновники, дворяне, офицеры, учителя, художники, купцы, ремесленники — всѣ пытались разрѣшить ее. Тысячи писемъ въ стихахъ и прозѣ отовсюду посыпались на редакцію. Люзе долженъ былъ увеличить составъ конторщиковъ для разборки этихъ писемъ. На улицахъ распѣвались юмористическія пѣсенки и куплеты насчетъ этой шарады, а одинъ театръ даже поставилъ водевиль: „Шарада г-на Люзе". Въ назначенный день 24-го плювіоза г. Люзе выпустилъ цѣлую книгу объ этой шарадѣ съ ея рѣшеніемъ. Книга разошлась въ 50,000 экземпляровъ. Въ ней излагалась исторія шарады съ самыхъ древнихъ временъ, у грековъ и римлянъ, причемъ, конечно, упомянуты Эдипъ и Сфинксъ. Далѣе помѣщены всѣ невѣрныя присланныя рѣшенія, изъ которыхъ приводимъ нѣсколько:

„Фантазія, тѣнь, человѣчество, невозможное, неразрѣшимое, дьяволъ, безуміе, фата-моргана, любовь, маскарадъ, химера, шаривари, китайскія тѣни", и т. д., и т. д.

Затѣмъ помѣщалась вѣрная разгадка „Контрастъ". Первымъ разгадавшимъ шараду оказался бѣдный унтеръ-офицеръ, который чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Вотъ сколько шума произвела пресловутая шарада Люзе. (к.).

Манія бѣшенства. Въ Славоніи, въ одномъ мѣстечкѣ жила богатая мельничиха. По смерти своего мужа, она продолжала вести его дѣло и была всѣми любима и уважаема. Въ домикѣ ея царила образцовая чистота и въ спальню ея не допускалось ни одно изъ домашнихъ животныхъ кромѣ любимой кошки, что крайне рѣдко въ Славоніи, гдѣ животныя безпрепятственно входятъ въ жилыя комнаты, внося грязь и безпорядокъ. Однажды, войдя въ спальню, мельничиха увидала на своей постели котившуюся кошку. Разсерженная дерзостью кошки, для которой была устроена подстилка на полу, мельничиха схватила ее и бросила на эту подстилку. При этомъ разъяренная кошка укусила палецъ своей хозяйкѣ. Рана была незначительна и случившійся въ мѣстечкѣ врачъ тотчасъ перевязалъ ее. Тѣмъ не менѣе врачъ хотѣлъ убить кошку для освидѣтельствованія не была-ли она бѣшеною. Но кошка исчезла изъ дому безслѣдно. Прошло нѣсколько времени, ранка давно зажила, мельничиха была вполнѣ здорова, и о кошкѣ уже совсѣмъ забыли. Вдругъ съ мельничихой произошла перемѣна: она стала чрезвычайно разсѣяна, у ней явилась водобоязнь и прочіе симптомы бѣшенства. Былъ призванъ врачъ, который констатировалъ болѣзнь. Только одно обстоятельство смущало его, именно то, что мельничиха черезчуръ уже ясно и отчетливо разсказываетъ о процессѣ своей болѣзни, употребляя иногда даже научные термины. Начиная догадываться, врачъ спросилъ ее, не читала-ли она какого нибудь сочиненія о бѣшенствѣ. Мельничиха отвѣчала отрицательно, но стоявшая сзади нея сестра ея закивала утвердительно головою. Позже докторъ узналъ отъ сестры больной, что все разсказанное мельничихой объ ея болѣзни слово въ слово взято изъ фельетона одной газеты. И въ самомъ дѣлѣ, болѣзнь мельничихи началась съ того дня, какъ она прочитала этотъ фельетонъ, вообразивъ, что кошка была бѣшеная. Тогда врачъ поступилъ такъ: согласившись во всемъ съ больною, онъ послалъ ее въ Пастёровскій институтъ, гдѣ ей въ теченіе двухъ недѣль дѣлали безвредныя впрыскиванія, послѣ чего увѣрили ее въ полномъ выздоровленіи. Мельничиха опять нѣкоторое время прекрасно себя чувствовала, когда вдругъ снова явились симптомы бѣшенства и больная умерла среди нестерпимыхъ мукъ. Тогда-то и случилось нѣчто крайне невѣроятное, но за истину чего ручаются всѣ обыватели мѣстечка. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія мельничихи, была найдена ея пропавшая кошка, которая оказалась вполнѣ здоровой. Когда этотъ случай сдѣлался извѣстнымъ въ медицинскихъ кругахъ, одинъ изъ выдающихся профессоровъ сказалъ объ немъ слѣдующее: „вотъ случай неоспоримой маніи бѣшенства; женщина была слишкомъ истерична и пользовавшій ее врачъ лучше-бы сдѣлалъ, если бы вмѣсто Пастеровскаго института послалъ ее въ больницу первыхъ болѣзней, гдѣ болѣзнь ея прошла-бъ послѣ нѣсколькихъ душей. Впрочемъ теперь слишкомъ много говорятъ о Пастёрѣ и бѣшенствѣ, и немудрено, что у людей истеричныхъ является манія бѣшенства." (к.)

Средство противъ крысъ. Фр. Гуккъ, эрфуртскій садоводъ, рекомендуетъ въ „Fundgrube" песій языкъ или чернокорень (Cynoglossum officinale) какъ наиболѣе дѣйствительное средство для истребленія крысъ. Стоитъ положить зелень этого растенія въ оби-

Счастливая семья. Рис. и грав. Шпехтъ.

Открыта подписка на „Ниву“ 1892 г.

(Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ).

Подписчики „Нивы“ на 1892 г. получатъ, кромѣ 52 нумеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 нумеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 нумеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще БЕЗПЛАТНО

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будутъ заключаться:

за **Іюль** сочиненія **ГРИБОѢДОВА**
за **Августъ** „ **ПОЛЕЖАЕВА**
за **Сентябрь** „ **КОЗЛОВА**

Для несостоящихъ подписчиками „Нивы“ цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ **1 рубль.**

Каждый изъ этихъ поэтовъ будетъ изданъ подъ редакціей **А. И. Введенскаго** и составитъ отдѣльный томъ, съ гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретомъ.

Кромѣ того подписчики „Нивы“ на 1892 г. получатъ какъ главную художественную премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile въ краскахъ по картинамъ: **Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковскаго и Навозова,** въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошной акварелью **Александровскаго.**

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ на 1892 годъ

допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) **ВЪ ДВА СРОКА:** При подпискѣ вносится **4** р. и къ 1-му іюня 1892 г. **8** р.

2) **ВЪ ТРИ СРОКА:** При подпискѣ вносится **8** р., къ 1-му мая 1892 г. **2** р. и къ 1-му августа 1892 г. **2** р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

таемыя или посѣщаемыя крысами помѣщенія, чтобы навсегда выжить оттуда непрошеныхъ гостей. Въ подтвержденіе своего сообщенія г. Гуккъ приводитъ разсказы многихъ заслуживающихъ вѣры людей, свидѣтельствующіе насколько крысы боятся и избѣгаютъ этого растенія. Превосходнымъ средствомъ уничтоженія крысъ можетъ также служить красный морской лукъ (scilla), только не въ томъ видѣ, какъ продаютъ его шарлатаны, торгующіе разными снадобьями, которые нарѣзаютъ его въ сыромъ видѣ, кладутъ въ жестянки и заливаютъ саломъ. Дѣло въ томъ, что крысы отлично съѣдаютъ сало, оставляя морской лукъ. Гораздо практичнѣе совѣтъ директора Дрезденскаго зоологическаго сада Ад. Шёнфа. Онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: клалъ въ видѣ приманки кусочки рубленнаго поджареннаго мяса, внутри которыхъ вначалѣ запекался обыкновенный лукъ; кусочки эти аккуратно съѣдались крысами; дня черезъ три онъ положилъ вмѣсто обыкновеннаго лука—морской. На другой же день въ помѣщеніи для хищныхъ звѣрей оказалось 28 мертвыхъ крысъ, а въ помѣщеніи для жирафовъ почти вдвое болѣе; оставшіяся въ живыхъ крысы удалились изъ этихъ мѣстъ. Дѣйствіе песьяго языка еще радикальнѣе. Крысы не умираютъ, но за то тотчасъ же оставляютъ то мѣсто, гдѣ находится это растеніе. По новѣйшимъ сообщеніямъ, высушенная и растертая въ порошокъ капуста также является прекраснымъ средствомъ противъ крысъ. (к.)

Производство сахара въ Европѣ ежегодно увеличивается и за послѣднія 20 лѣтъ возросло слѣдующимъ образомъ: въ 1870 году Франція производила 325.000 тоннъ сахара, Россія—171.000 и Германія—186.000; теперь Франція производитъ 474.000 тоннъ, Россія—500.000 и Германія 1.000,000. На Россію приходится 18% всего производимаго въ Европѣ сахара. (к.)

Рѣшеніе задачи № 57

(помѣщенн. въ № 52 1891 года).

Слова:

1. Чеченцы.
2. Мілеть.
3. Тисса.
4. Сомъ.
5. Сычъ.
6. Атомъ.
7. Вытъ.
8. Гона.
9. Дивъ.
10. Мильтонъ.

22 п	21 л	24 ъ	26 о	28 ы
20 е	23 с	25 н	29 м	27 в
19 т	31 с	30 ъ	3 и	1 с
32 ч	18 а	17 т	2 ъ	4 о
33 а	36 ь	37 е	16 н	5 в
35 т	34 с	38 м	6 ы	15 ч
	39 ъ	7 м	14 ъ	
	8 ъ	40 ч	13 м	
	9 г	41 н	12 о	
	42 т	10 о	11 д	
		43 а		
	51 ы	44 т	47 ь	
50 ц	49 н	48 н	45 е	46 л

„Съ новымъ годомъ, читатели! съ новымъ счастьемъ, читательницы!“

Задача № 1.

Н. В. П.

Пунктъ *A* соединенъ съ пунктомъ *D* конножелѣзной дорогой, причемъ весь путь этотъ раздѣленъ на три части. Каждая изъ частей имѣетъ по четыре разъѣзда. Отъ пункта *A* до *B* (первая часть линіи) движутся поѣзда, состоящіе изъ трехъ вагоновъ; отъ *B* до *C* (вторая часть)—поѣзда изъ двухъ, а отъ *C* до *D* движется всего по одному вагону. Сколько вагоновъ движется по всему пути отъ *A* до *D*, принимая во вниманіе, что разстоянія между разъѣздами одинаковы?

A *B* *C* *D*

ПРИ СЕМЪ № ПРИЛАГАЮТСЯ: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ЯНВАРЬ;** 2) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1892 г., печатанный красками;** 3) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ съ 30 рис. и отдѣльный листъ съ 29 черт. выкроекъ въ натур. велич. и 42 рис. рукодѣльн. работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

НАСТОЯЩАЯ „КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА“ Ephedra vulgaris (хвойникъ ягодный) свѣжая, лучшій сортъ, сбора прошлаго лѣта въ г. Бузулукѣ, Сам. губ. Публичной библіотеки Н П. Матвѣева. № 5568

ЗАВОДЪ СТЕКЛЯННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

А. ДЮТФУА,

Москва, уголъ Маросейки и Златоуст. пер., д. Хвощинскаго. 2—2

Имѣетъ въ складѣ **аптекарскую, химическую, парфюмерную, кондитерскую** и **столовую** посуду. Ш. № 5541

САРПИНКА РУЧНОЕ ТКАЧЕСТВО

ДЛЯ ДАМСКИХЪ и ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ

ФАСОННЫЯ и ГЛАДКІЯ НОВОСТИ

на лѣто 1892 года

РОЗНИЧНАЯ и ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

АЛЬБОМЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЫСЫЛАЮТЪ СЪ ДЕКАБРЯ И ца за 40 коп., присланныхъ почтовыми марками въ заказномъ письмѣ ВЪ САРАТОВЪ,

ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

САРАТОВЪ, пассажъ Лаптева.

ОТДѢЛЕНІЯ:

МОСКВА, Петровка, между Кузнецкимъ и Салтык. пер., прот. маг. Вандрагъ.

Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. Х. Юшкова.

въ **Тифлисѣ** съ Ноября 1891 г.

ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“

Ц. № 5469 10—7

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

новое изданіе Ф. Павленкова:

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ

Ж. ТАРДА. Mt. № 5570

Переводъ съ французскаго. 370 страницъ. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (3)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе **Ф. Павленкова:**

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЫ ТРЕТІЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ. Mt. № 5571

Содержаніе: Генеральская дочь. Крылатое слово. Отечество въ опасности. Общій взглядъ. Ахметка Саратовскій. Ицекъ Шмуль бриліантщикъ.—Шестеро. Деревенскій романъ. Семейка. Домашній судъ. Ради хозяйства. Иллюзія и правда. **Цѣна каждаго тома 1 р.**

Высочайше разрѣшенная 18 ноября 1891 года БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года.

Продажа билетовъ этой лотереи производится, въ Петербургѣ, начиная съ субботы 14-го сего декабря, въ присутственное время, въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

1) Въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка (въ сихъ послѣднихъ за исключеніемъ понедѣльника, 16-го декабря).

2) Въ Почтамтѣ и городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ.

3) Въ Главномъ Управленіи Общества „Краснаго Креста“ (Инженерная, № 9).

4) Въ помѣщеніи Городской Управы (подъѣздъ № 3).

5) Въ частныхъ банкахъ:

Варшавскомъ Коммерческомъ (с.-петербургское отдѣленіе) (Малая Морская, 9). Волжско-Камскомъ Коммерческомъ (Невскій, 38—4). Ліонскомъ Кредитѣ (Мойка, 59). Обществѣ Взаимнаго Кредита С.-Петербургскаго Уѣзднаго Земства (Невскій, 50). Россійскомъ Торговомъ и Коммиссіонномъ (Невскій, 27). Русскомъ для внѣшней торговли (Большая Морская, 32). С.-Петербургско-Азовскомъ Коммерческомъ (Невскій, 64). С.-Петербургскомъ Международномъ Коммерческомъ (Англійская набережная, 6). С.-Петербургско-Московскомъ Коммерческомъ (Галерная, 3). С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита (Екатерининскій каналъ, 13). С.-Петербургско-Тульскомъ (Невскій, 63). С.-Петербургскомъ Учетномъ и Ссудномъ (Невскій, 30). С.-Петербургскомъ Частномъ Коммерческомъ (Англійская набережная, 18). Сибирскомъ Торговомъ (Невскій, 20). Торгово-Промышленномъ Коммерческомъ (Невскій, 23).

6) Въ банкирскихъ домахъ:

Вавельбергъ, Г. (Невскій, 25). Гинсбургъ, І. Е. (Конногвардейскій бульваръ, 17). Ламне и Комп. (Невскій, 28). Мейеръ, Э. М. и Комп. (Англійская набережная, 30). Нелькенъ, Маврикій (Невскій, 52). Рафаловичъ, А. и Комп. (Невскій, 60). Товарищества Де-Ла-Фаръ, М. и Комп. (Невскій, 44). Юнкеръ, И. В. и Комп. (Невскій, 22).

Во всѣхъ сихъ учрежденіяхъ продажа билетовъ будетъ производиться безъ всякаго коммиссіоннаго вознагражденія, т. е. по цѣнѣ 5 рублей за билетъ и 1 рубль за купонъ, причемъ въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка, въ помѣщеніи Городской Думы и въ Почтово-Телеграфныхъ учрежденіяхъ въ однѣ руки будетъ продаваемо билетовъ и купоновъ всего на сумму не болѣе 25 рублей.

Комитетъ Благотворительной Лотереи.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. **Оптовая и розничн. продажа.** Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5182 20-19

СКРИПКИ	отъ	2—100 р.
ГИТАРЫ	„	3— 75 р.
БАЛАЛАЙКИ	„	1— 20 р.
МАНДОЛИНЫ	„	10— 75 р.
ЦИТРЫ	„	8— 75 р.

а также всѣ остальные **струнные** инструменты и принадл. реком.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,

Москва. Петровка, д. Волкова. Требуйте иллюстрир. прейсъ-курантъ.

НОВОСТЬ!

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

очень легкій для игры и самый дешевый инструментъ **съ полутонами** 2-хъ окт. 5 р., 3-хъ окт. 10 р., 4-хъ окт. 15 р.

Ножныя педали къ нимъ по 5 р.

Самоучитель 75 к.

ГАРМОНІИ

самыхъ лучш. и различн. сортовъ реком.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Требуйте иллюстрированн. прейсъ-курантъ.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ—ГИГІЕНА РТА.

VERITABLE EAU de BOTOT

POUDRE DENTIFRICE de BOTOT

PATE DENTIFRICE de BOTOT

НАСТОЯЩАЯ ВОДА БОТО.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ БОТО

ИЗЯЩНЫЙ АРОМАТЪ, ВЫСОКОЕ ДОСТОИНСТВО.

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА БОТО

ДЛЯ ТУАЛЕТА ДАМЪ и ДѢТЕЙ.

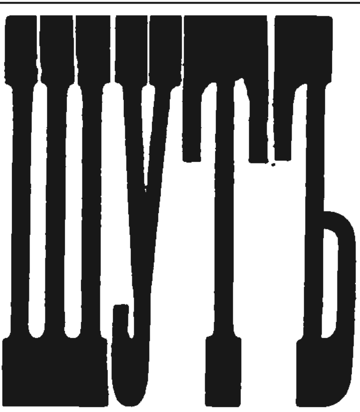
„LE SUBLIME“ — ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ ВОЛОСЪ. Ц. № 5451 11—3

ПРОДАЖА ВЪ ПАРИЖѢ: 17, Rue de la Paix. **Въ Россіи,** во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Главный агентъ для Россіи: **Ch. Fortier, Москва,** Софійка, д. Захарьина.

На всѣхъ этихъ произведеніяхъ требовать подпись

XIV годъ. **1892.** годъ XIV.

художественный и юмористическій журналъ карикатуръ, 52 №№ въ краскахъ.

Съ пересылкой и доставкой.		Безъ пересылки и доставки.	
Годъ	7 руб.	Годъ	6 р. 50 к.
6 мѣсяц.	4 »	6 мѣсяц.	3 » 50 »
За границу	10 »	*Разсрочка по соглашенію.*	

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

„Новгородская Былина О БОГАТОМЪ ГОСТѢ ТЕРЕНТЬИЩЕ“

Текстъ, по **КИРШѢ ДАНИЛОВУ**, обложенъ

М. О. МИКѢШИНЫМЪ,

СО МНОЖЕСТВОМЪ ЕГО ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РИСУНКОВЪ.

Рисунки будутъ воспроизведены слѣдующими способами: 1) переводомъ оригинала рисунка съ химическаго торшода на литографскій камень, 2) по фото-цинкографіи, 3) по фото-литографіи, 4) акварельною печатью, 5) хромо-литографіею.

Былина повѣствуетъ о томъ, что такое, подъ видомъ Недуга-Утина, томило молоду жену Гостя Терентія и чѣмъ была излѣчена эта болѣзнь къ общему благополучію.

Былина эта можетъ служить образчикомъ безобиднаго русскаго народнаго юмора.

За перес. преміи заказн. посылк. гг. иногородн. подписч. благоволятъ выслать 60 к. (можно почт. марк.).

Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 10. За редактора—издатель Р. Голике.

П. № 5543 3—3

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. К. № 5579

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: лягавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки **безплатно.** 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ“, съ 50-ю рисунками получившихъ первую премію, по французск. и нѣмец. — за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.

(Bahnhof-Wittenberg).

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

СѢМЕНА

хлѣбныя, луговыя травы, огородныя, цвѣточныя, древесныя и пр. **лучшаго качества и испытанной всхожести.**

Полный иллюстриров. прейсъ-курантъ высылается Ц. № 5577

БЕЗПЛАТНО.

СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

ТОРГОВАГО ДОМА

Н. В. ЛИСИЦЫНА С-ВЬЯ

въ Москвѣ 3—1

1) Петровка, д. № 14. 2) Мясницкая, д. № 9.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА

БЕРТЫ-РИСЪ.

Личная помада „Pasta Eugenie“. . . . . 1 р. 60 к.
Ручная помада для смягченія кожи рукъ. . 1 „ 30 „
Головная помада для волосъ. . . . . . 2 „ — „
„**Триксогенъ**“, жидкость для мытья головы. 2 „ — „
„**Эликсиръ Меланиъ**“ для волосъ. . . . . 2 „ — „
Бальзамъ изъ миртовыхъ цвѣтовъ, жидкая пудра. . . . . 1 „ 75 „
Пудра 3-хъ цвѣтовъ: бѣлая, розовая и рашель для брюнетокъ, съ пуховкой. . . . . . 1 „ 50 „
безъ пуховки . . . . . 1 „ 20 „
Румяна „Eugenie“ . . . . 1 „ 50 „

ХИМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РИСЪ-ГУТМАНА.

Краска для волосъ 4-хъ цвѣтовъ: черная, коричневая, свѣтло- и темно-русая . . . . 3 р. — к.
Токайскій бальзамъ отъ мозолей . . . . — „ 60 „
Порошокъ противъ таракановъ, моли и блохъ . . . . . 1—20 и ½ — „ 65 „
Жидкость противъ клоповъ. . . . . 1 „ — „
Средство отъ крысъ и мышей: большая жестянка . . . . 1 „ 50 „
№ 5475 6—4 маленькая жестянка. . . . . . — „ 60 „

Можно получать во многихъ аптек. и косметич. магаз. Россіи.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ

ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. **Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ:** подпись А. Энглундъ — **красными чернилами** и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи, въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38. Ц. № 5349

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

XXIV г. XXIV г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на **1892** г.

на ежемѣс. иллюстрир. журналъ для дѣтей школьнаго возраста „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Журналъ будетъ издаваться подъ новой редакціей по прежней программѣ, но вмѣсто преміи, при „Дѣтскомъ Чтеніи“ съ 1892 г. будетъ выходить „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, въ которомъ примутъ участіе: **В. Л. Беренштамъ, А. М. Воронецкій, П. П. Васильевъ, В. А. Латышевъ, П. О. Морозовъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, К. К. Сентъ-Илеръ, Д. Д. Семеновъ, Ю. Ю. Цвѣтковскій и др. „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“** одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній **включено въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкою и пересылкою 6 руб., на полгода 3 руб. **Подписка принимается въ редакціи,** С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, д. № 102, кв. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 5580

Издатель **Я. В. Борисовъ.** Редакторъ **П. Я. Преображенскій,**

МЕДОВО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ

ЖИДКОЕ МЫЛО

Приготовленное лабораторіей **А. Энглундъ.**

При употребленіи **медово-глицериноваго** жидкаго мыла кожа лица, рукъ и проч. принимаетъ нѣжный и свѣжій видъ; удобно имѣть въ дорогѣ, такъ какъ легко помѣщается въ любой кармашекъ, слѣдовательно, не занимаетъ почти никакого мѣста, и получается всегда чистота и опрятность при употребленіи.—Цѣна металлическаго флакона 30 коп., съ пересылкою 6-ти флаконовъ 2 р. 25 к. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ всей Россійской Имперіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: 10—3

А. Энглундъ, Спб., Литейный, 36.

КАТАЛОГЪ

иностранныхъ почтовыхъ марокъ на 1892 г. высылаю за 14 коп. почтов. марк. **Б. Гостонскій,** ст. Мироновка, Кіевской губ., въ с. Потокъ. № 5569 2—1

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 5364 (8)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 г.

(третій годъ изданія)

на научно-популярный журналъ для родителей и воспитателей

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“,

имѣющій цѣлію широкое распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ.—Къ журналу прилагаются рисунки.—Срокъ выхода восемь разъ въ годъ.—Цѣна въ годъ безъ доставки 5 р. с., съ доставкой 6 р. с., за границу 7 р. 50 к., за полгода 3 р. Адресъ: Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская Больница, кварт. Гл. Д-ра.

№ 5518 2—2 Редакторъ-издатель **Д-ръ Е. А. Покровскій.**

CREME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Произведеніе прелестнаго запаха, не портящееся, обладаетъ мягчительными свойствами и придаетъ цвѣту лица красоту. Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

La Poudre Simon (Пудра Симонъ) и **le Savon à la crème Simon** (Мыло Симонъ) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ и аптекарей. № Pt. 5529 12—4

III **ПЛОДОВОДСТВО** ГОДЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ № 5585 3—3

РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА ПЛОДОВОДСТВА.

Съ 1892 года журналъ, оставаясь подъ редакціею профессора Рудзкаго, переходитъ въ собственность Общества и будетъ издаваться по расширенной программѣ, съ приложеніемъ не менѣе четырехъ хромолитографій. Журналъ выходитъ 15 числа каждаго мѣсяца, кромѣ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, за которые дано будетъ „Руководство къ уходу за плодовымъ садомъ,“ съ многочисленными рисунками. Подписная цѣна 5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи: **Петербургъ, Васильевскій островъ, 3 линія. 12.**

НОВОСТЬ!

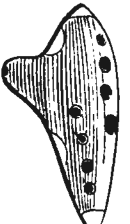
НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключаетъ въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2-хъ и 3-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе вдуваніемъ воздуха ртомъ или ножною педалью.

въ 2 октавы цѣна. . . . . . 5 руб.
„ 3 „ усовершенствов. . 12 „
„ 3 „ съ ножн. педалью. 17 „

Самоучитель по циферной системѣ съ приложеніемъ пьесъ, сост. Маковымъ—1 р.

ОКАРИНО

Практичный дешевый музыкальный инструментъ, на которомъ можно выучиться играть въ нѣсколько дней.

Цѣна 60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 5 р. и 7 р. Краткое наставленіе безплатно.

Подробный самоучитель 1 руб.

Всѣ музыкальные инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ. Иллюстрирован. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва. Кузнец. мостъ. д. Захарьина.

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ“

(годъ 3-й)

съ приложеніемъ фототипій, геліогравюръ, акварелей и пр. съ картинъ русскихъ художниковъ, портретовъ, нотъ и драматическихъ произведеній.

Съ января 1892 г. „Артистъ“ съ приложеніемъ „Дневника Артиста“ будетъ выходить **ежемѣсячно, 12 разъ въ годъ.** № 5581 2—1

Подписная цѣна 10 р., съ перес. 12 р. Допуск. разсрочка. Отдѣльн. №№ 2 р.
Редакц.: Москва, Кудрино, д. Бартельсъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15—8

Поступилъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1891 г.

заключ. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столбц. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ произведеній: **П. Д. Боборыкина**, кн. **М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенко**, гр. **Е. А. Саліаса, Э. Центковской**, и проч. и проч. Стихотворенія **Величко, Круглова, А. Н. Майкова, К. Фофанова** и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

1) **ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ СБОРНИКЪ „НИВЫ“**, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей.

2) **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**, изданн. подъ ред. **А. И. Введенскаго**, въ 4-хъ томахъ (сброшюрованныхъ въ 2 книги), съ біографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

3) **ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ съ 10-ю акварелями**, исполненными fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: **Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенко, Клевера, Премацци и Сверчкова.** Альбомъ выдается въ роскошной папкѣ, украшенной акварельнымъ рисункомъ художника **Земцова.**

4) **12 листовъ ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ**, составляющ. прилож. къ 12 нумер. **Парижскихъ Модъ** со множеств. чертеж. выкр. въ натуральн. велич. (всего болѣе 1000 гравюръ, рисунк. и чертежей).

Цѣна тому „НИВЫ“ со всѣми приложеніями 5 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать **за 23 фунта** по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ **1 р. 50 к.** и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) **1 р. 25 к.** Пересылка брошюрованныхъ и переплетеныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплет. экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется **8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.**

Съ требован. обращ. въ **СПБ.**, въ Конт. журн. **„Нива“** (Невскій, 6).

Поступило въ продажу для дѣтей и юношества **новое изданіе Ф. Павленкова:**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА

въ сокращенномъ переводѣ **Л. Шелгуновой.**

1) **Айвенго** (съ 20 рис.).—2) **Антикварій** (съ 18 рис.).—3) **Астрологъ** (съ 20 рис.).—4) **Веверлей** (съ 18 рис.).—5) **Вудстокъ** (съ 20 рис.).—6) **Замокъ Кенильвортъ** (съ 20 рис.)—7) **Квентинъ Дорвардъ** (съ 25 рис.).—8) **Ламермурская невѣста** (съ 18 рис.).—9) **Легенда о Монтрозѣ** (съ 18 рис.)—10) **Робъ-Рой** (съ 20 рис.).

Цѣна каждаго изъ перечисленныхъ романовъ **40 коп.**, въ папкѣ—**50 коп.** Въ роскошныхъ переплетахъ можно пріобрѣсти только сборники по 5 романовъ вмѣстѣ. Цѣна каждаго сборника—**2 руб. 80 коп.** Mt. № 5573

„БЛАГОВѢСТЪ“ № 5576

вых. въ Петербургѣ 2 раза въ мѣсяцъ, им. цѣлью выясненіе дух. правств. задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и ост. Славянства. **Цѣна въ годъ пять руб.** съ дост. и перес. Допуск. разсрочка и выписка съ налож. платеж. Редакція: Пет. ст., Больш. пр., д. 1.

Натуральная минеральная вода источника

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

въ Будапештѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Дирекція въ Будапештѣ. Ц. № 5575

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ

въ большомъ выборѣ.
Болѣе 200 собств. изданій
ПРЕДЛАГАЕТЪ
СПБ. МАСТ. УЧ. ПОСОБ. И ИГРЪ.
14 наградъ на выстав., изъ нихъ 12 медалей. № 5537 2—2
Справоч. листъ съ рис. выс. за 5 к.
9, ТРОИЦКАЯ, 9.

ПОРОШОКЪ БЕЗЪ ЗАПАХА

„ЗАТОВА“

уничтожающій зловоніе въ ватерклозетахъ и т. под., раковинахъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и проч. Цѣна за фунтъ 25 коп. № 5497 5—5

ГОСПОДАМЪ ИНОГОРОДНЫМЪ высылаетъ прейсъ-куранты Новостей и практичныхъ предметовъ по желанію безплатно

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей.
Большая Морская, № 34.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1 Въ С.-Петербургѣ. № 5377 (8)

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Проситъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5129

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

К. М. ШРЕДЕРЪ

первая россійская паровая ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА, основанн. въ 1818 г.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ 52.

ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

Императора Всероссійскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго, Короля Датскаго и Короля Баварскаго.

ПІАНИНО ОТЪ 400 р., РОЯЛИ ОТЪ 600 руб.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 5574 2—1

Дозвол. ценз., СПБ., 31 декабря 1891 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. № 2 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. И ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 11 января 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Сбились съ дороги. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шлипперъ.

Изъ приключенiй Горунина въ Италiи.

А. Н. Майкова.

(Окончанiе).

II.

Бюстъ.

Сьора Бабуина дѣйствительно оправдала свою рекомендацiю. Накрыла столъ на открытой террасѣ осѣненной навѣсомъ густыхъ виноградныхъ лозъ и выходившей изъ спальни Марка Петровича въ небольшой садикъ. Садикъ шелъ подъ гору. За передней его каменной стѣной съ нѣсколькими почернѣвшими мраморными вазами съ жирными кактусами начинался уже болѣе крутой склонъ горы, такъ что видъ съ террасы выходилъ, какъ въ Москвѣ съ Кремля на Замоскворѣчье, на весь Вѣчный городъ. Это было лиловатое, воздушное море домовъ, крышъ, куполовъ, кипарисовъ, зонтообразныхъ пиний,—море, горизонтъ котораго увѣнчивался чуднымъ силуэтомъ храма Св. Петра съ его величаво-спокойнымъ куполомъ. Солнце было еще высоко и косыми лучами своими какъ-бы слегка золотило низкiе слои атмосферы, всегда тяжелые и туманные надъ большимъ городомъ, за то яркимъ изумрудомъ и прозрачнымъ золотомъ зажигало мѣстами виноградные листья и цѣлыя вѣтки съ ихъ закрутившимися усиками, спускавшiяся по сторонамъ террасы, гдѣ совершали свою трапезу наши друзья.

Горунинъ, будь онъ въ другомъ настроенiи духа, пришелъ-бы въ восторгъ отъ всего, что̀ его окружало, но все время обѣда онъ былъ какъ-бы самъ не свой. Только когда Маркъ Петровичъ велѣлъ достать и подать хранившуюся у него бутылку Капри, какого „врядъ-ли когда пивалъ“ Горунинъ, и которое „конечно будетъ получше той кислятины“, какой они „угощались“ въ остерiи въ Апенинахъ, — онъ нашелъ возможнымъ направить разговоръ на предметъ его занимавшiй.

— Вотъ, Маркъ Петровичъ, сказалъ онъ,—вы сами напомнили объ той остерiи. Я все еще не могу опомниться: видѣлъ васъ тамъ такимъ... огорченнымъ...

— Такою скотиной, перебилъ его Маркъ Петровичъ захохотавъ. — Что̀ дѣлать, батюшка, бываетъ! Вамъ тогда наговорилъ я грубостей и—должно быть—чувствовалъ это, потому что послѣ васъ еще хуже сталъ пить. Одинъ сижу, пью и васъ ругаю. Такую желчь развелъ, что страхъ!

— Ну что объ этомъ, Маркъ Петровичъ! Скажите лучше какъ вы оттуда уѣхали?

— Какъ уѣхалъ? Да очень просто: велѣлъ привести лошадей и уѣхалъ. Захотѣлось вотъ этотъ бюстъ сдѣлать, что вы видѣли. Бюстъ-то это пока только такъ. Обдумываю группу. Надо только въ исторiи подыскать подходящiй сюжетъ. Вертится этакъ — образъ Iевфая и его дочери или Агамемнонъ съ Ифигенiей, жертвоприношенiе, или напримѣръ сотникъ Виргинiй съ трупомъ дочери—что-нибудь этакое чтобъ были отецъ и дочь. Этакiй—трагическiй мотивъ!.. Король Лиръ, пожалуй... Эти чувства-то ихъ въ натурѣ видѣлъ... Какъ будто самъ ими прожилъ... Онъ нѣсколько подумалъ, потомъ прибавилъ:—Тамъ послѣ васъ случилось одно происшествiе...

—...которое и произвело на васъ сильное впечатлѣнiе, докончилъ Горунинъ фразу своего собесѣдника.—И изо всего этого результатомъ будетъ, можетъ быть, великое произведенiе искусства! Ужасно интересно для науки наблюсти это первое зарожденiе художественной мысли—чисто личной и какъ она потомъ будетъ принимать все болѣе и болѣе объективное выраженiе.

— То есть — случай-то былъ интересный, отвѣчалъ Маркъ Петровичъ, не вполнѣ понявшiй мысль Горунина. — Послѣ васъ, этакъ дня черезъ три, черезъ четыре, сижу тамъ, въ остерiи. Входитъ господинъ. Сейчасъ вижу — нашъ, русакъ, помѣщикъ. Отставной изъ военныхъ. Длинные усы съ сильной просѣдью. Лицо такъ-себѣ, доброе. Противъ меня сѣлъ, кофею спросилъ. На меня поглядываетъ, конфузится. Наконецъ говоритъ: „Узналъ, милостивый государь, что тутъ русскiй сидитъ—осмѣлился побезпокоить—поговорить хоть немножко — имѣю честь рекомендоваться“. Такой-то, говоритъ. Какъ себя назвалъ—не интересовался, не слушалъ, и теперь не знаю. А онъ, точно вѣкъ молчалъ, и пошелъ, и пошелъ расписывать — и „семейныя горести“, и „на чужой сторонѣ“, да „по душѣ поговорить...“ Я говорю: „Отъ меня утѣшенiя много не получите.“ — Думаю про себя: ну васъ къ чорту! Отшибить его разомъ, чтобъ не лѣзъ; говорю, тоже молъ имѣю честь рекомендоваться „бывшiй крѣпостной, нынѣ художникъ“. Жду, что поморщится отъ „крѣпостного“: Куда-те! „Художникъ,—говоритъ, — значитъ отъ Бога милости и отъ людей чести удостоены какъ такой-то, такой-то, Тропининъ-тамъ — да и меня называетъ... Оконфузилъ совсѣмъ. Не знаю какъ и быть: сказать что это я самый и есть — совѣстно; ну ужь, думаю, промолчу лучше, все равно, вѣдь, никогда, можетъ, и не встрѣтимся. А онъ: „да-съ, говоритъ, талантъ—это такой даръ Божiй, который намъ, простымъ людямъ, во тьму свѣтитъ. И горе коли его не уразумѣешь!—У меня дочь: тоже данъ ей талантъ—да не дали мы ей простору — и вотъ теперь прiѣхали сюда... а привеземъ-ли домой живую—Богъ вѣсть!“ И смотрю: старикъ мой, какъ сидѣлъ противъ меня, облокотившись за столомъ, схватился руками за голову и — горько заплакалъ. Я, знаете, гляжу выпуча глаза. Преодолѣлъ это онъ себя, походилъ по комнатѣ, обтеръ лицо платкомъ, опять сѣлъ. „Извините, милостивый государь, человѣческой слабости. Все-то время вмѣстѣ съ нею, и въ отеляхъ, и въ экипажѣ, крѣпишься, шутишь, стараешься веселымъ казаться, виду ей не подавать, что̀ у тебя на душѣ... а увидалъ теперь вотъ васъ, добраго человѣка—хоть въ первый разъ, говоритъ, имѣю честь видѣть—не выдержалъ. Простите отцовскiя чувства — и руку мнѣ протягиваетъ. Ну-съ, знаете, свиньей я себѣ передъ нимъ показался.

— Вы его фамилiю такъ и не помните и какъ зовутъ? спросилъ Горунинъ.

— Ничего, голубчикъ, не помню. Сначала не разслышалъ, а потомъ спросить совѣстился, да и невдомекъ.

— Но онъ все-таки съ дочерью прiѣхалъ? Дочь-то вы видѣли? опять спросилъ Горунинъ.

— Съ женой и дочерью. Всѣхъ видѣлъ. Дочь-то точно больная, чахоточная. И въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ доктора сказали отцу, что плоха надежда. И мать мелькомъ видѣлъ. Обошлась сухо. Должно-быть характерная дама, княжескаго рода. Противъ воли родителей вышла замужъ: убѣгомъ.

— Вы говорите, Маркъ Петровичъ, ихъ всѣхъ видѣли, и мать, и дочь,—гдѣ же это? Не въ остерiю же они пришли, продолжалъ допрашивать Горунинъ.

— Гдѣ они остановились, у нихъ, въ гостиницѣ „Горнаго Орла“. Онъ меня затащилъ. Такъ, знаете, словно на веревочкѣ и повелъ, какъ у насъ какая-нибудь хромая гарниза̀ въ часть цѣлую ватагу водитъ. Я признаюсь вамъ, Александръ Васильевичъ, маленько суевѣренъ. Сколько въ моей жизни бывало такихъ случаевъ. Точно иногда кто насильно возьметъ тебя и поведетъ и натолкнетъ именно на то, что̀ тебѣ нужно увидать, или что̀ услышать. Когда работаешь, иногда онъ словно подлѣ тебя стоитъ, и рукой твоей

водитъ, ты и самъ не знаешь, почему и какъ тутъ ткнешь, тамъ ткнешь; иной разъ только почти какъ ужь къ концу подходишь, угадаешь къ чему онъ клонилъ. Бьешься иной разъ, бьешься надъ работой, мучишься, злишься, бросишь все, а онъ тебя нечаянно подведетъ, возьметъ твою руку со стекой, да и направитъ, смотришь — и вышло то, чего искалъ. Охъ, объ этомъ долго говорить...

— Сократовъ δαίμων — демонъ, то есть духъ, пояснилъ съ легкой улыбкой Горунинъ.

— Нѣтъ, только не демонъ, а духъ чистый, никогда на дурное не наведетъ. Не будь въ насъ этого скотства ему помѣхой, то-ли бы изъ насъ выходило!

— Какъ же вы полагаете, онъ къ вамъ и старика привелъ, и потомъ повелъ къ дочери? спросилъ Горунинъ, озадаченный странными откровеніями Марка Петровича, которыя еще не успѣлъ перевести на свой научный языкъ.

— Ужь тамъ какъ хотите толкуйте, а ужь изъ этого ада или скотства, какъ вы меня видѣли и куда я таки попадаю отъ своей испорченности и отъ безобразной жизни, въ которой болтался, отъ своей необузданности, отъ скверныхъ привычекъ, конечно только онъ меня выводилъ и теперь вывелъ. Вывелъ, да и поставилъ словно передъ какой свѣтъ небесный... Знаете, въ этихъ чахоточныхъ что-то небесное просвѣчиваетъ. И румянецъ — не то что красныя щеки здоровой дѣвки, а знаете, какъ заря изъ другаго міра. И цвѣтъ кожи, лицо, руки какія-то сквозящія. Самая худоба тѣлесная, такъ ей и слѣдуетъ быть у нихъ. А за то вся сила-то, жизнь, огонь-то небесный весь въ глазахъ сосредоточился. Только цвѣтами бы, розами да кринами ее окружать, пока она на землѣ. Тяжела, груба, грѣшна для нихъ наша земля!

— Маркъ Петровичъ! Маркъ Петровичъ! воскликнулъ Горунинъ. — Это все у васъ выражено въ бюстѣ! Даже больше того: страданье, безнадежность! — Ему хотѣлось бы однако перевести скорѣе разговоръ на предметъ, болѣе его интересовавшій, и онъ прибавилъ: — Понимаю, какъ вамъ глупъ долженъ былъ показаться мой вопросъ—не портретъ-ли это?

— Портретъ-то, можетъ-быть, и портретъ; я вамъ разскажу; только вотъ докончу мою мысль. Это я говорилъ о чахоточныхъ; но знаете, во всѣхъ этихъ статуяхъ и картинахъ великихъ-то мастеровъ есть вѣдь это самое, что я сказалъ, что духъ-то сквозитъ сквозь матерію и мы именно это въ нихъ называемъ божественнымъ — въ Аполлонѣ, въ Мадоннахъ Рафаэлевскихъ... А на счетъ того, портретъ-ли это, скажу: можетъ-быть и вышелъ портретъ — безъ натуры дѣлалъ. Эта вотъ именно дочка-то старика у меня въ головѣ засѣла. У дѣвочки, видите, съ малолѣтства страсть къ музыкѣ была. Все наигрывала и напѣвала по слуху. Потомъ оказался голосъ. Учителя наняли, нѣмца. Въ домъ взяли, въ деревню возили, чтобъ ей всегда аккомпанировать. Нѣмецъ вышелъ совсѣмъ по ней. Пѣніе хорошо зналъ, молодость въ Италіи провелъ, около пѣвцовъ и пѣвицъ, въ оркестрѣ въ первыхъ скрипкахъ сидѣлъ. На свою барышню просто молился. Всѣ, разумѣется, радовались, гостей сзывали, концерты домашніе устраивали. Въ Петербургѣ къ нимъ все лучшее общество ѣздило, художники, писатели, Карлъ Павловичъ Брюлловъ, Кукольникъ; Глинка въ ней души не чаялъ, съ ней свои романсы проходилъ. У графа Віельгорскаго, — а вѣдь онъ какъ бы министръ по искусствамъ у государя, — у него всѣ знаменитости, свои и пріѣзжія, бываютъ, — все это передъ ней преклоняется. Всѣ жалѣютъ, что этакій талантъ пропадаетъ для сцены. Князь Одоевскій — чистая, благороднѣйшая душа — тонко понимаетъ искусство. Онъ ей прямо сказалъ: „Богъ вамъ далъ всѣ свои лучшіе дары, да одинъ порокъ, который ихъ уничтожаетъ: вы слишкомъ высоко родились...“ А я вамъ скажу, что талантъ, батюшка, гдѣ онъ ни родись, вверху или внизу, такая штука, что, какъ растеніе, тянется къ свѣту, въ просторъ. Оно такъ и должно быть. Талантъ вѣдь не въ какое удовольствіе только *тебѣ* дается. Это, можетъ быть, только орудіе, черезъ которое дѣйствуетъ Высшая сила на всѣхъ, и стремится онъ быть аки городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ былъ. Мы сами тутъ, можетъ, и не при чемъ, коли бы дѣло шло только о нашемъ удовольствіи. Ну, чѣмъ бы, напримѣръ, мнѣ не житье было въ деревнѣ? Лѣпи, что угодно! Одно горе только было: мальчишки у моихъ фигуръ камнями носы отбиваютъ. Это, я вамъ скажу, первая страсть у дикаго человѣка — у статуи носъ отбить! Отчего и древнія статуи до насъ дошли почти всѣ съ отбитыми носами...

Горунинъ, который сперва съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ собственныя сужденія и воззрѣнія Марка Петровича, теперь сталъ уже изъявлять нетерпѣніе при его частыхъ отступленіяхъ. Онъ опять вернулъ его къ занимавшему его предмету:

— Она, стало быть, захотѣла на сцену?

— Да, да, на сцену!.. Старикъ, знаете, вилялъ, когда говорилъ объ этомъ: все хотѣлъ жену выгородить,—а чортъ-отъ, по всему, въ ней сидѣлъ. Видитъ она, что ужь дѣло идетъ на сурьезъ, что дочка прямо и на графа Віельгорскаго, и на князя Одоевскаго ссылается, и что дальше, то хуже; рѣшила барыня моя всему положить конецъ. Нѣмца —какъ разъ по шеямъ, а сами— въ дальнюю деревню! Старикъ, знаете, все это затушевывалъ, больше на здоровье ссылался, что надо было въ деревню переѣхать, потому, видите, что ужь стала покашливать... Можетъ и стала покашливать? Съ чего же нибудь, однако!

— А про деревню, что̀ онъ разсказывалъ? спросилъ Горунинъ, который волновался все болѣе и болѣе: то воды стаканъ выпьетъ, то вина, то облокотится на столъ, то откинется на спинку креселъ.

— Ну, въ деревнѣ что?.. Не знаю, право, отвѣчалъ Маркъ Петровичъ.—Разумѣется, болѣзнь пошла хуже... Впрочемъ, въ деревнѣ—вдругъ онъ вспомнилъ,—она разъ чуть было не убѣжала...

— То-есть, какъ чуть было не убѣжала? дрожащимъ голосомъ переспросилъ Горунинъ.

— Это старикъ разсказывалъ даже какъ-то забавно. Оказался тамъ у нихъ сосѣдъ, молодой человѣкъ; такъ, говоритъ, изъ фертиковъ. Уменъ, говоритъ, да безтолковъ... Разумѣется, влюбился. Уговорились,—лошадей достанетъ, уѣдутъ, гдѣ-нибудь обвѣнчаются—и въ Италію. Да, туракъ, говоритъ, и этого не съумѣлъ устроить... „Я, говоритъ, свою супругу похищеньемъ добылъ, да еще отъ какого тестя — ого! Матераго вельможи! Такъ у меня—хотя я всего какой-нибудь изъ мелкопомѣстныхъ штабъ-ротмистеришко былъ — все какъ по музыкѣ разыграно было, на чистоту! На сто верстъ были подставы заготовлены, а знали только я да она. Тесть нагналъ—да ужь поздно было. Да-съ, говоритъ, это наши были, старыя гусарскія времена“. Понимаете: старый-то гусаръ чѣмъ обидѣлся? Не тѣмъ, что хотѣли дочь похитить, а тѣмъ, что не съумѣли! А отчего? „Срамникъ-то, говоритъ, не явился. Дома его, въ комнатѣ, заперли! Любовница заперла. Знаете—про все пронюхала, да какъ ѣхать ему, двери на запоръ,—цѣлыя сутки подъ замкомъ держала, и еще хвасталась потомъ: хотѣлъ, говоритъ, мой заинька убѣжать, анъ въ капканъ попался!..“

Маркъ Петровичъ, войдя въ роль стараго гусара, про котораго разсказывалъ, засмѣялся было при своихъ послѣднихъ словахъ, но взглянувъ на Горунина, остановился.

— Что̀ съ вами? спросилъ онъ, видя что тотъ, откинувшись на спинку креселъ, находится какъ бы въ

Со свадьбы. Съ карт. проф. И. К. Айвазовскаго, грав. Хельмицкій.

Первенецъ. Съ карт. (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ") худ. **М. Молова**, грав. Пястушкевичъ.

совершенномъ изнеможеніи. — Чтò съ вами? повторилъ онъ.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Горунинъ, пріободряясь. — Пожалуйста продолжайте... Чтò потомъ съ нею было послѣ этого несчастнаго бѣгства?

— Видите, Александръ Васильевичъ, я не могу вамъ въ порядкѣ разсказывать; вѣдь я тамъ не былъ, и не въ книжкѣ читалъ... Старикъ вѣдь тоже переходилъ отъ того къ другому, какъ къ слову придется. Она послѣ того сильно заболѣла. Ночь-то провела, ждала, въ саду, на холодѣ, осенью. Мучить сталъ кашель. Тутъ старикъ, я вамъ скажу, былъ божественενъ. Просто въ какомъ-то историческомъ образѣ просіялъ. Лицо—совсѣмъ другое. Рѣчь—другая. Откуда сила взялась: „Вы, говоритъ, молоды, вы понять не можете, что такое родное дѣтище, да еще такое, смѣло могу сказать, необыкновенное созданіе! Словно свѣтъ какой она съ собой принесла... У меня, говоритъ, просто второе зрѣнье открылось...“ Оно понятно — и люди-то съ ней пришли другіе; говорятъ, судятъ объ искусствѣ, объ наукахъ... И въ Эрмитажъ, и по выставкамъ... „И вдругъ, говоритъ, тебѣ объявляютъ, что этотъ свѣтъ для тебя долженъ погаснуть... Погаснетъ—и все кругомъ погаснетъ—и будетъ тьма!.. И какъ, говоритъ, засѣла эта мысль, такъ вотъ словно у тебя въ мозгу одна точка—и ноетъ, и ноетъ: словно кто тебя въ эту точку буравомъ сверлитъ...“ Или: „Въ болѣзни-то, говоритъ, сижу около ея постели: лежитъ какъ мраморная, покойница, да и только! Смотрю и думаю: „Чтò же я-то живу!“ Вѣрьте, говоритъ, скажи мнѣ тогда, на самыя вотъ адскія муки иди — Пойду! какъ Богъ святъ, пойду, чтобы только жива была!“ И я вамъ скажу: пошелъ бы!.. Мнѣ даже на него жутко было глядѣть. Думаю про себя: да, Маркъ Петровичъ, есть, братецъ, горе на свѣтѣ почище твоего!.. Ты-то что? Изъ-за фантазіи! а тутъ — кровь говоритъ!

— Однако... потомъ она поправилась? едва могъ произнести задыхающимся голосомъ Горунинъ.

— Должно быть долго болѣла. Въ Москву переѣхали. Лѣчили. Да, вѣдь, что-жь доктора? „Беречь надо, не раздражать, развлекать—такая болѣзнь, что малѣйшая простуда можетъ унести—хорошо бы въ теплый климатъ“. Старикъ говоритъ, что ужь тутъ онъ ни на кого не сталъ смотрѣть. Говоритъ женѣ: „такъ нельзя, мы, молъ, дочь губимъ. Надо ѣхать въ Италію, да чтобы въ ней духъ поднять, тàкъ и скажемъ, что мы на все согласны, на театръ, такъ на театръ. Чтò, въ самомъ дѣлѣ? Поправится, такъ и съ Богомъ, на театръ, куда угодно. Только, говоритъ, надо чтобы это она отъ тебя самой слышала. Пойди ты къ ней и сама скажи“. Мать-то, хоть и гордая дама, тоже вѣдь настрадалась. „Дѣлайте, говоритъ, чтò хотите, лишь бы только была жива да здорова“, и пошла къ дочери. Онъ подождалъ немножко, говоритъ, не вытерпѣлъ, самъ пошелъ, потихонечку. Дверь-то пріотворена. „Вижу, говоритъ, сидятъ обѣ на постели, обнялись и плачутъ. — Полно, говорю, нечего тутъ плакать! Поѣдемъ въ Италію, такую тамъ Зонтагъ покажемъ, что всѣ рты разинутъ“. Та: „папочка, папочка!“ и ручку протянула, обняла папочку, правой-то рукой мать, а лѣвой-то его, старика, да то того, то другаго цѣлуетъ.

— Удивительная это вещь, заключилъ Маркъ Петровичъ, — я вотъ вамъ разсказываю, а у меня, у самого—опять слезы!..

Горунинъ всталъ со своего мѣста, прошелся раза два по террасѣ, и остановясь съ какимъ-то видомъ рѣшимости, спросилъ Марка Петровича:

— Неужели вы не запомнили хоть какъ дѣвушку-то звали? Вѣдь отецъ поминалъ же ея имя, какъ разсказывалъ?

— Поминалъ, поминалъ, отвѣчалъ Маркъ Петровичъ, потирая себѣ лобъ,—Соничка, Сашенька...

— Ниночка!.. подсказалъ тихо Горунинъ.

— Ниночка, Ниночка! радостно воскликнулъ художникъ.—Такъ и есть! а я-то!..

— Ну-съ, какъ бы съ рѣшительностью отчаянія произнесъ Горунинъ.—Значитъ, это она. Отецъ — Сергѣй Петровичъ Тарутинъ, мать—Марья Борисовна, дочь—Нина. А этотъ дуракъ, который хотѣлъ спасти ее, подбилъ бѣжать,—это я!..

Маркъ Петровичъ ошеломленъ былъ этимъ внезапнымъ откровеніемъ Горунина, котораго никакъ не ожидалъ. Онъ сталъ было извиняться, что еслибъ зналъ, что это такъ близко Горунина касается, то не сталъ бы говорить. Но Горунинъ его остановилъ:

— Чтò вамъ извиняться, дорогой Маркъ Петровичъ! Я знаю себѣ цѣну—и вы ее знаете! Сами видѣли... Духа у меня этого нѣтъ, чтò, вы говорите, васъ ведетъ, и сами не знаете куда, но всегда къ доброму и свѣтлому! Вѣры нѣтъ! Вы—художникъ, вы идеалистъ, въ какой бы формѣ ни проявлялся этотъ идеализмъ, не смотря на всѣ ваши, какъ вы говорите, безобразія. У меня все это расшатано, разбито. Въ другихъ, въ исторіи, въ искусствѣ все понимаю. Мало того: у самого хорошіе порывы, благородные есть, вся жизнь моя изъ нихъ состоитъ, да нѣтъ воли, нѣтъ силъ отдаться всѣмъ существомъ своимъ вдохновенью минуты, со слѣпою вѣрою, какъ вы въ этого добраго духа вашего!.. И начнешь съ благороднаго порыва, а кончишь какъ дуракъ, какъ подлецъ!

— Да полно вамъ на себя клеветать, хотѣлъ было остановить его Маркъ Петровичъ.

— Нѣтъ, Маркъ Петровичъ, эта чудная дѣвушка о которой вы говорите,—теперь умирающая: вотъ мнѣ мой вѣчный укоръ—не грозная Немезида—нѣтъ, еще ужаснѣе—кроткая, тихо и безнадежно страдающая, можетъ-быть даже, и вѣроятно,—прощающая! Вотъ гдѣ мнѣ вѣчный приговоръ, вотъ кара за всю мою жизнь, за всю мою безхарактерность... Вѣдь и та, которая заперла меня и подъ замкóмъ продержала,—и ту я хотѣлъ тоже спасти, тоже жертва моего великодушнаго порыва: не выдержалъ—и самъ не знаю ужь какъ попался ей въ цѣпи!.. Но извините меня, бросимъ всю эту гадость; я ужь думалъ, что все это порвалъ, уѣхалъ за-границу, началъ новую жизнь... Эхъ, всѣ-то мы, праздные туристы, что шатаемся по Европѣ и ищемъ чѣмъ бы наполнить умъ и сердце, всѣ мы—разбредшіеся актеры какой-нибудь драмы, которую не называю трагедіей потому, что въ ней замѣшана всегда какая-нибудь пошлость. Скажите лучше, какъ вы застали Нину, какое она произвела на васъ впечатлѣніе?

— Я ужь вамъ разсказалъ, какое впечатлѣніе, отвѣчалъ Маркъ Петровичъ. — Засталъ ее, впрочемъ, въ хорошемъ видѣ. Вышло однако съ самаго начала для меня не совсѣмъ ловко. Старикъ говорилъ-говорилъ, вдругъ всталъ, взялъ шляпу и говоритъ мнѣ: „Послушайте, хотите сдѣлать удовольствіе, можетъ-быть умирающей,—пойдемте къ ней со мною. Съ художникомъ поговорить—это ея первая страсть! Пойдемте, доброе дѣло сдѣлаете“. Я, какъ по приказанію, поднялся и пошелъ. „Вотъ, говоритъ,—Ниночка, гостя тебѣ привелъ, художникъ... извините,—ко мнѣ обращается,—не знаю какъ назвать?“—Петровъ, говорю.—„Какой Петровъ?.. скульпторъ?“ спрашиваютъ: „Дѣвочка, что голубей кормитъ, пшеничку сыплетъ — это ваша статуя? была на выставкѣ?“—Моя! И отецъ и дочь: „ахъ, ахъ!“ Я посмотрѣлъ на себя: квадрочента на мнѣ не чищена, въ пятнахъ вся, чортъ знаетъ на чтò похожъ. Мать вышла, на меня посмотрѣла, нѣсколько словъ по свѣтскому сказала, ушла; думаю—похвалила мужа, такого чучелу привелъ. Онъ тоже посидѣлъ-посидѣлъ, надо пойти похлопотать гостя попотчивать, тоже ушелъ,

нарочно ушелъ, насъ вдвоемъ оставилъ. Разумѣется, разговоръ объ искусствѣ завели. Я ей кое-что про себя разсказалъ. Знаете, точно мы съ ней вѣкъ были знакомы. Весело было. Она даже смѣялась, какъ я ей разныя свои приключенія разсказывалъ, про профессоровъ, про „Великаго“—у Брюллова одинъ его ученикъ былъ, журналъ свой велъ, такъ тамъ Карла Павловича по имени не писалъ, а только „Великій“. Такъ, напримѣръ: „Сегодня Великій пустилъ въ меня палитрой—всего перепачкалъ!“ или: „Сегодня Великій вернулся съ проводовъ со Средней Рогатки; оказался жаръ. Поилъ малиной“. Журналъ, впрочемъ, очень интересный: всѣ сужденья Великаго были записаны; вѣдь умница былъ Карлъ Павлычъ. Да вдругъ я ей какъ-то и говорю: „вѣдь вы сами артистка!“ Смотрю,—вся веселость съ лица пропала, подняла на меня глаза и долго смотрѣла. Вижу проступаютъ на нихъ слезы. „Была бы“, говоритъ, и опустила голову, а слезы такъ и закапали. Вотъ это въ бюстѣ я и хотѣлъ выразить!

Тюленій островъ.

(Драма на морѣ).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

IV.

Вельботы, высоко подбрасываемые волнами, смѣло вошли въ рокочущіе буруны. Благодаря дружной, энергичной работѣ сильныхъ гребцовъ, они подвигались къ берегу чрезвычайно быстро, подталкиваемые съ кормы постоянно набѣгавшими водяными громадами. Вельботы не шли, но положительно прыгали съ одной вершины волны на другую, то взлетая подъ небеса, то зарываясь въ раскрывающіяся передъ ними водяныя пропасти. Тучи крупныхъ брызгъ обдавали промышленниковъ съ ногъ до головы, словно ливнемъ. Море клокотало вокругъ, напоминая сильно кипящій котелъ. Волны бѣжали на приступъ къ Тюленьему острову уже не правильными рядами, а какою-то безпорядочною массою, бурливою, пѣнистою и ревущею. Кругомъ стоялъ неумолчный рокотъ и стонъ, среди которыхъ нельзя было разслышать человѣческихъ голосовъ... Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ море становилось грознѣе и грознѣе. Крутыя, пѣнистыя волны казались одушевленными; въ каждой ихъ каплѣ ощущалась какая-то непостижимая, стихійная жизнь и сила. Водяныя громады ревѣли, стонали, плакали и неистовствовали, сталкиваясь одна съ другой и вздуваясь въ цѣлыя горы пѣны и брызгъ. Закаленные въ морѣ промышленники выдерживали бѣшеный натискъ разъяренныхъ волнъ съ несокрушимою отвагою. Спокойно, увѣренно работали они своими длинными, крѣпкими веслами, при каждомъ взмахѣ которыхъ вельботы, словно окрыленные, легко взлетали на вспѣненныя вершины валовъ и стремительно скользили затѣмъ, по ихъ изборожденнымъ крупными морщинами покатостямъ, въ зіяющія бездны, ежеминутно готовыя безслѣдно поглотить отважныхъ пловцовъ. Вотъ шлюпки вдругъ поддало почти на сажень кверху: онѣ достигли наиболѣе опаснаго пункта, гдѣ волна встрѣтила морское дно, и разомъ вздулась отвѣсной стѣной, точно досадуя, что не въ силахъ разрушить неожиданную, непреодолимую преграду своему грозному поступательному движенію. Этотъ моментъ былъ наиболѣе критическій. Промышленники съ трудомъ удержали въ мускулистыхъ рукахъ весла, едва не вышибленныя разъяренной волной, чуть не залившей обѣ шлюпки. Смертельная опасность миновала, и вельботы понеслись дальше. Еще нѣсколько сильныхъ, энергичныхъ взмаховъ веслами, и шлюпки коснулись килемъ о мягкій песчаный грунтъ. Опытные, бывалые промышленники, почувствовавъ этотъ ожидаемый ударъ, почти мгновенно выскочили въ воду и, ухватившись за борта вельботовъ, быстро выволокли ихъ на отлогій берегъ. Этотъ ловкій, лихой маневръ былъ выполненъ съ такою удивительною сноровкою и быстротою, что набѣгавшая сзади волна, съ сѣдымъ совершенно гребнемъ, не успѣла даже накрыть смѣльчаковъ и смыть ихъ обратно въ море. Съ глухимъ рокотомъ отхлынула волна назадъ, столкнулась съ вновь набѣгавшими валами, поднялась еще выше, и цѣлой водяной громадой понеслась опять въ атаку на берегъ, словно стремясь охватить промышленниковъ своими холодными, мертвенными объятіями. Напрасное стихійное усиліе! Добѣжавъ до прибрежья, волна разсыпалась вдоль послѣдняго и, уже совершенно обезсиленная, едва коснулась кормы вельботовъ, вытащенныхъ въ безопасное разстояніе отъ клокотавшихъ и ревѣвшихъ буруновъ.

Выбросившись на островъ, хищники, не теряя золотаго времени, немедленно вооружились заготовленными дубинками и начали осторожно огибать каменное плато, съ цѣлью атаковать морскихъ котиковъ, безпечно грѣвшихся на своемъ излюбленно лежбищѣ, расположенномъ съ противоположной стороны плато. Шли молча. Казалось, по песчаному побережью двигались тѣни, а не люди, преисполненные нетерпѣнія приступить къ чудовищному избіенію дорогихъ ластоногихъ животныхъ. Шкиперъ пробирался къ лежбищу на ряду съ прочими, какъ простой промышленникъ. Всѣ хорошо знали, что предстояло имъ дѣлать, и не нуждались въ указаніяхъ и поощреніи хозяина, всецѣло поглощеннаго мыслью о близкой наживѣ.

Выйдя на видъ лежбища съ подвѣтренной стороны, хищники прилегли на песокъ и начали ползти, затаивъ дыханіе, безшумно, съ чрезвычайною осторожностью, чтобы не спугнуть чуткихъ животныхъ. Промышленники старались обойти послѣднихъ съ берега, съ цѣлью отрѣзать имъ путь отступленія—въ воду.

Морскіе котики, ничего не подозрѣвая, лежали на плоскомъ прибрежьѣ плотною массой: въ срединѣ—самки, дѣтеныши и молодые самцы, а по окраинамъ—громадные, совершенно сѣдые сикачи. Послѣдніе, повидимому, охраняли лежбище. Высоко приподнявшись на переднихъ ластахъ, сикачи зорко осматривались, быстро поворачивая во всѣ стороны свои небольшія, чрезвычайно подвижныя головы. Несомнѣнно, они чуяли что-то неладное и выказывали легкое безпокойство. Опытные промышленники, замѣтивъ возбужденіе сикачей, тотчасъ же растянулись на пескѣ и положительно замерли, терпѣливо выжидая, когда котики успокоятся. Это случилось не скоро. Подозрительныя, бывалыя во многихъ передрягахъ, животныя оглядывали окружающую мѣстность, уморительно вытягивая свои толстыя шеи, съ настойчивымъ вниманіемъ и усиленно втягивали расширенными ноздрями воздухъ, стараясь уловить въ немъ знакомый запахъ врага-человѣка. Между тѣмъ это было невозможно, такъ какъ враги подкрадывались съ подвѣтра, ловко притаившись въ критическій моментъ. Сикачи, внимательно осмотрѣвшись и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, понемногу успокоились и предались, въ свою очередь, сладостной нѣгѣ. Промышленники поползли опять, распластавшись совсѣмъ на пескѣ и стараясь скрыться отъ чуткихъ ластоногихъ животныхъ за каждымъ ничтожнымъ бугоркомъ или камешкомъ. Прошло около часу. Котики, не чуя близкой опасности, продолжали безпечно лежать на своемъ излюбленномъ лежбищѣ. Они лежали смирно, лишь изрѣдка оглашая воздухъ могучемъ ревомъ, среди котораго легко можно было различить густой басъ сикачей, сдавленный, отрывистый лай самокъ и едва слышное, нѣжное мычаніе дѣтенышей, очень схожее съ мычаніемъ телятъ... Вдругъ къ этому реву дремлющихъ животныхъ неожиданно присоединился какой-то ужасающій, пронзительный вой, отъ котораго всполошились даже морскія птицы, недвижно сидѣвшія на плато острова: это закричали промышленники, разомъ вскочившіе на ноги и стремительно бросившіеся на ошеломленное котиковое стадо. На лежбищѣ поднялся невообразимый переполохъ. Болѣе ловкія, смышленыя, опытныя животныя, лежавшія ближе къ береговой чертѣ, прорвали цѣпь промышленниковъ и ушли въ воду съ поразительнымъ проворствомъ, совершенно, казалось бы, несвойственнымъ такимъ неуклюжимъ ластоногимъ. Остальные котики, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ, тѣснимые отъ воды, побѣжали или, вѣрнѣе сказать, поскакали съ большимъ перевальцемъ къ скалистому плато, уморительно шлепая о песокъ жирными ластами. Промышленники, размахивая дубинками и оглашая воздухъ страшными криками, энергично тѣснили совершенно растерявшихся котиковъ къ плато, хорошо зная, что именно тамъ придется глупымъ животнымъ пасть подъ безпощадными ударами. Дѣйствительно, котики, подскакавъ къ отвѣсной стѣнѣ плато, остановились въ полномъ недоумѣніи, не зная, что предпринять дальше, чтобы уйти отъ грозно надвигавшейся цѣпи озвѣрѣлыхъ хищниковъ. Нѣкоторыя животныя силились было подняться на какое-либо возвышеніе, наивно разсчитывая найти на немъ свое спасеніе, но ихъ усилія оказались напрасными. Видя полную невозможность избѣжать опасности, угрожавшей со стороны настойчивыхъ, энергичныхъ преслѣдователей, котики разомъ упали духомъ и словно рѣшили покориться своей злосчастной участи. Прижавшись къ отвѣсной стѣнѣ плато, они кротко ожидали приближенія своихъ жестокихъ палачей, не проявляя даже намѣренія оказать хотя ничтожное сопротивленіе. Ластоногія животныя совершенно присмирѣли. Недавній паническій ужасъ у нихъ смѣнился полной апатіей. Промышленники неторопливо приблизились къ очумѣвшему стаду, отдѣлили отъ него, съ краю, штукъ пятьдесятъ котиковъ и погнали ихъ, словно барановъ, нѣсколько въ сторону... Черезъ нѣсколько минутъ началось

возмутительное и донельзя отвратительное побоище. Хищники-промышленники набросились на отдѣленныхъ животныхъ съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ и, не щадя ни самокъ, ни дѣтенышей, начали жестоко бить по ихъ головамъ тяжелыми дубинками. Удары сыпались на бѣдныхъ котиковъ съ ловкостью, достойною лучшаго дѣла. Отъ этихъ безпощадныхъ ударовъ черепа котиковъ разлетались вдребезги, мозгъ брызгалъ во всѣ стороны, глаза выскакивали изъ орбитъ. Ластоногія животныя, точно подкошенныя, падали на песокъ, тяжело храпя; изъ ихъ горла текли ручьи крови. Нѣкоторые котики, болѣе крѣпкіе, получивъ сразившій ихъ ударъ, судорожно поднимали головы, словно умоляя о пощадѣ, но слѣдующій взмахъ безпощадной дубинки добивалъ ихъ окончательно... Картина побоища съ каждой минутой становилась все отвратительнѣе!

Перебивъ одну партію, промышленники отдѣляли отъ загнаннаго стада слѣдующую, по очереди, и такъ злодѣйствовали до конца, пока не перебили рѣшительно всѣхъ котиковъ, захваченныхъ на лежбищѣ.

Достаточно потрудившись надъ хищническимъ истребленіемъ дорогихъ животныхъ, промышленники немного отдохнули и затѣмъ приступили къ дальнѣйшей работѣ — къ сдиранію шкуръ. Работа эта заняла время до солнечнаго заката, и хищникамъ поневолѣ пришлось остаться ночевать на островѣ, вслѣдствіе полной невозможности выбраться къ шхунѣ черезъ буруны въ темнотѣ.

V.

Въ заливѣ Терпѣнія, у непривѣтливаго, пустыннаго, сахалинскаго берега, тихо колышется на якорѣ небольшая двухъ-мачтовая шхуна, очень схожая, по конструкціи, со всѣми хищническими американскими судами, плавающими въ Охотскомъ морѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря даже на отсутствіе флага, опытный морской глазъ легко могъ бы отгадать, что шхуна не принадлежитъ къ числу хищническихъ. Отлично выкрашенная, чистенькая, съ туго обтянутыми снастями и чисто закрѣпленными парусами, она глядитъ въ высшей степени щеголевато, какъ только свойственно военнымъ судамъ, гдѣ бы они ни плавали. Принадлежность шхуны къ военному флоту также выясняется двумя небольшими, скорострѣльными пушками, высматривающими изъ-за низкихъ бортовъ весьма внушительно и грозно. На кормѣ суденышка красуется скромная надпись „Крейсерокъ", тщательно выведенная золотомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ еще недавно бросались въ глаза, аляповато намалеванныя масляной краской, буквы названія судна, нѣкогда игравшаго видную роль среди промысловыхъ хищническихъ американскихъ шхунъ сѣверной половины Тихаго океана. Отчаянному хищничеству этого судна положилъ предѣлъ русскій военный клиперъ „Крейсеръ": захваченное послѣднимъ на мѣстѣ преступленія, оно было конфисковано и зачислено въ списокъ судовъ Сибирской флотиліи съ тѣмъ, чтобы нести впередъ тяжелую крейсерскую службу въ негостепріимныхъ водахъ Охотскаго моря. Превращеніе американской промысловой шхуны въ русскій крейсеръ произошло безъ особенныхъ затрудненій и хлопотъ; перемѣнили надпись на кормѣ, подняли военный флагъ, поставили двѣ пушченки, да назначили двадцать человѣкъ лихихъ матросовъ, подъ командой двухъ бравыхъ лейтенантовъ и одного, не менѣе бравага, мичмана. Такимъ образомъ, по волѣ начальства, маленькое конфискованное суденышко сдѣлалось вдругъ грозой иноземныхъ хищниковъ, начинавшихъ привыкать къ безконтрольному хозяйничанью въ нашихъ водахъ. Появленіе „Крейсерка" на стражѣ у пресловутаго Тюленьяго острова произвело среди американскихъ промышленниковъ глубокое впечатлѣніе и своего рода сенсацію. Они во-очію убѣдились, что ихъ отчаянному хищничеству положенъ извѣстный предѣлъ, при которомъ исчезли былыя надежды на безшабашную наживу. Постоянно шныряя, словно голодные волки, вблизи котиковаго лежбища, хищники увидѣли, что съ появленіемъ „Крейсерка" въ Охотскомъ морѣ, добыча дорогихъ котиковъ неожиданно обставилась почти непреодолимыми затрудненіями. Имъ удавалось заняться выгоднымъ промысломъ только изрѣдка, или раннею весною, когда „Крейсерокъ" не успѣвалъ еще придти изъ отдаленнаго Владивостока, или позднею осенью, когда шхунѣ предстояла неотложная необходимость возвратиться въ тотъ же Владивостокъ на зимовку. Но въ послѣдній, 1889 годъ, и эта надежда на возможный промыселъ оказалась отчасти призрачною. „Крейсерокъ" пришелъ къ Тюленьему острову, вслѣдствіе теплой весны, раньше обыкновеннаго, а осенью—остался чуть-ли не до заморозковъ, несмотря на страшно тяжелое, опасное, осеннее плаваніе въ Охотскомъ морѣ. Сторожевая шхуна простаивала у Тюленьяго острова почти неотлучно и только изрѣдка уходила, на короткое время, въ заливъ Терпѣнія, для пополненія необходимыхъ запасовъ топлива и прѣсной воды... Въ одну изъ этихъ отлучекъ мы и застали шхуну стоящею на якорѣ, невдалекѣ отъ мрачнаго сахалинскаго берега.

Несмотря на раннее утро, на „Крейсеркѣ" кипитъ энергичная дѣятельность; у борта стоятъ двѣ шлюпки: одна — загруженная дровами, другая — налитая прѣсной водой. Около полутора десятка матросовъ перегружаютъ дрова въ трюмъ и накачиваютъ брандспойтами прѣсную воду въ небольшіе систерны. Работа кипитъ и спорится безъ поощрительныхъ понуканій и возгласовъ начальствующихъ лицъ. Каждый матросъ отлично знаетъ, что надо кончить работу какъ можно скорѣй и во-время возвратиться къ Тюленьему острову, гдѣ навѣрное уже хозяйничаютъ хищники-промышленники. Съ палубы шхуны спустимся по крутому, узкому трапу въ небольшую, чрезвычайно тѣсную каютъ-компанію. Вокругъ стола, едва втиснутаго между двумя рундуками, сидятъ трое: командиръ шхуны, небольшаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ блѣднымъ, худощавымъ лицомъ лейтенантъ, его помощникъ—морякъ атлетическаго тѣлосложенія и бравага вида, и наконецъ совсѣмъ еще юный мичманъ—длинный, худощавый, съ задумчивымъ выраженіемъ некрасиваго, но симпатичнаго, лица. Въ каютѣ душно и сыро, точно въ погребѣ. Небольшой люечекъ хотя и полуоткрытъ, но мало освѣжаетъ до-нельзя спертую, заплѣсневѣлую атмосферу тѣснаго офицерскаго помѣщенія, сильно напоминающаго собачью конуру, въ которой приходилось ютиться тремъ начальствующимъ лицамъ днемъ и ночью, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ тяжелаго плаванія по Охотскому морю.

Моряки пьютъ чай. На столѣ, покрытомъ пожелтѣвшею отъ судовой стирки скатертью, сердито шумитъ и клокочетъ сильно помятый самоваръ, наполняя каюту клубами пара. Рядомъ съ самоваромъ, симметрично разставлены каютъ-компанейскимъ вѣстовымъ Архиповымъ, сильно искалѣченныя качкой, тарелки съ послѣдними судовыми запасами: матросскими черными сухарями, вареной солониной и американскими бисквитами, измельченными чуть не въ порошокъ, заплѣсневѣлыми и давно прогорклыми. Бисквиты эти настойчиво выставлялись на столъ экономнымъ вѣстовымъ, въ теченіе послѣдняго мѣсяца, ежедневно по два раза, къ утреннему и вечернему чаю, несмотря на энергичные протесты того или другаго члена каютъ-компаніи. Архипову словно жаль было разстаться съ этими крошками, напоминавшими о недавнемъ житейскомъ довольствѣ.

— Ты опять подалъ эту дрянь?!. Выбрось ее за бортъ! сердито замѣчали Архипову чуть-ли не каждый разъ.

Но онъ не обращалъ вниманія на эти замѣчанія и молча пряталъ бисквиты до слѣдующаго чая въ шкапикъ, замѣнявшій буфетъ.

Такъ продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ офицерамъ надоѣло повторять одно и то же, и они стали относиться къ появленію на чайномъ столѣ прогорклыхъ бисквитовъ совершенно индифферентно. Съ этого момента Архиповъ усугубилъ свое вниманіе „къ остаткамъ прежней роскоши" и началъ выставлять бисквиты на самое видное мѣсто стола, предварительно терпѣливо счищая ножичкомъ съ нихъ ужъ слишкомъ замѣтные слѣды, постепенно нарастающей, плѣсени. Добродушный вѣстовой ужасно желалъ услужить своимъ господамъ и все лелѣялъ себя надеждой, что, рано или поздно, они покушаютъ наконецъ и бисквитовъ.

„Неровенъ часъ, пригодятся!" резонно думалъ Архиповъ, бережно убирая злополучную тарелку съ крошками въ буфетъ и заставляя ее разными предметами своего обмундированія, до сапоговъ включительно, чтобы она не выскочила какъ-нибудь изъ шкапчика во время качки и не разлетѣлась вдребезги.

Архиповъ былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно опытнымъ вѣстовымъ, такъ какъ уже успѣлъ перебить въ качку почти всю судовую посуду. Поэтому онъ считалъ священною для себя обязанностью сохранить въ цѣлости хотя послѣднія три тарелки, испещренныя трещинами и выбоинами, слѣдами многократныхъ паденій изъ неловкихъ рукъ и столкновеній съ косяками узкихъ дверей, въ которыя Архипову приходилось проносить къ столу и обратно съѣдобные предметы.

И такъ, моряки пьютъ чай, поддерживая дружескую бесѣду о предстоявшемъ возвращеніи во Владивостокъ, послѣ полугодовой, тяжелой, крейсерской службы. Эта тема разговора волновала каждаго до нервнаго трепета, возбуждая сладостныя ощущенія близкаго свиданія съ родными, друзьями и знакомыми. Моряковъ тянуло домой, они жаждали заслуженнаго отдыха, мечтали вырваться, какъ можно скорѣй, изъ суровой обстановки „морскихъ волковъ", чтобы пожить наконецъ „по-человѣчески", предавъ забвенію былыя невзгоды, тревоги и волненія. Предвкушая восторженные моменты чуднаго свиданія, послѣ долгой разлуки, съ близкими сердцу, моряки какъ бы намѣренно упускали изъ виду, что имъ предстоитъ еще тяжелый осенній переходъ до отдаленнаго Владивостока. Они старались не думать объ этомъ длинномъ пути по дурному, коварному морю. Имъ казалось, что они достигнутъ желаннаго пункта безъ задержки. Настроенное воображеніе рисовало радужныя картины вполнѣ благополучнаго, счастливаго плаванія.

— Слава Богу, наконецъ-то кончается наше мыканье по Охотскому морю! воскликнулъ мичманъ, подъ дивнымъ впечатлѣніемъ скораго возвращенія во Владивостокъ, куда манили его былыя очарованія.

Скорбныя вѣсти. Рис. Фанни Маудп, грав. Девисъ.

— Вы, конечно, поспѣшите возвратиться на свой фрегатъ? лукаво спросилъ помощникъ командира, поглядывая на молодаго человѣка ласкающими глазами.

— Ахъ, Андрей Павловичъ, не смѣйтесь надо мной, сконфузился мичманъ, — вамъ вѣдь хорошо извѣстно, что я рѣшилъ зимовать во Владивостокѣ.

— На то существуютъ весьма вѣскія причины! какъ бы вскользь замѣтилъ командиръ, прихлебывая изъ стакана чай.

— И вы, Алексѣй Павловичъ, противъ меня! съ испуганнымъ паѳосомъ воскликнулъ мичманъ, словно повторяя интонаціей знаменитое: „И ты, Брутъ!?“

— Не смущайтесь, Михаилъ Дмитріевичъ, нашими словами, успокоительно проговорилъ командиръ.—Знайте одно: мы горячо, искренно сочувствуемъ вашему сердечному желанію погостить въ нашемъ Владивостокѣ.

— Помимо этого сердечнаго желанія, вставилъ помощникъ командира, — Михаилу Дмитріевичу придется зазимовать во Владивостокѣ въ силу неотвратимыхъ обстоятельствъ.

— Какихъ?! почти шепотомъ спросилъ мичманъ, вдругъ покраснѣвъ. — Вы опять, Андрей Павловичъ, на что-то намекаете? укоризненно добавилъ онъ, послѣ краткаго молчаливаго перерыва.

— Ничуть не бывало! весело отвѣтилъ Андрей Павловичъ.— Вы мнѣ не дали договорить и свернули разговоръ на свое больное мѣсто... Неотвратимыя обстоятельства слѣдующія: мы вернемся во Владивостокъ съ заморозками, а вашъ фрегатъ навѣрное будетъ стоять уже гдѣ-нибудь въ Японіи, куда вамъ до весны не попасть даже и въ томъ случаѣ, если бы вы очень желали возвратиться на свое судно, съ котораго были командированы для плаванія на „Крейсеркѣ“.

— Съ этимъ надо согласиться! Не правда-ли, добрѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ? съ лукавою усмѣшкою спросилъ командиръ.

— Соглашаюсь! покорно проговорилъ молодой человѣкъ.

— Ахъ, если-бы женщины знали о нашихъ страданіяхъ: какъ бы онѣ любили насъ! съ чувствомъ продекламировалъ Андрей Павловичъ, допивая залпомъ мутную жижицу, именуемую чаемъ.

— Вы опять... заикнулся было мичманъ, но его протестъ перебилъ вѣстовой Архиповъ, влетѣвшій въ каютъ-компанію словно бомба, и выпалившій безъ передышки:

— Ваше высокоблагородіе, воду выкачали, дрова нагрузили... Прикажете поднять шлюпки?

— Всѣхъ на верхъ; съ якоря сниматься! коротко приказалъ командиръ, торопливо поднимаясь съ рундука и направляясь къ выходу.—Дорогаго времени терять нечего, господа! проговорилъ онъ на ходу, какъ бы объясняя свой рѣзкій переходъ отъ празднаго разговора къ дѣлу.

Офицеры поднялись въ свою очередь и безмолвно послѣдовали за капитаномъ.

Между тѣмъ Архиповъ уже успѣлъ выскочить опять на палубу и передать вахтенному унтеръ-офицеру полученное приказаніе.

Тотъ, повидимому, ждалъ этого приказанія. Не медля ни секунды, онъ приставилъ къ губамъ свою дудку и залился соловьемъ. Едва замолкли послѣднія трели сигнала, раздался зычный выкрикъ:

— Пошелъ всѣ на верхъ, съ якоря сниматься!

Вахтенный унтеръ-офицеръ прокричалъ эту обычную фразу съ такимъ усердіемъ, что даже спугнулъ сивуча, спокойно дремавшаго на плоскомъ прибрежномъ камнѣ, расположенномъ по крайней мѣрѣ во ста саженяхъ отъ шхуны. Потревоженное животное неуклюже сползло съ камня и скрылось подъ водой, звонко шлепнувъ по гладкой поверхности залива своими жирными ластами.

— Ай да Корсунцевъ, сивуча даже испугалъ! одобрительно промолвилъ одинъ изъ матросовъ, съ любопытствомъ поглядывая на то мѣсто, гдѣ только-что скрылось морское чудовище.

— Знатная глотка, что фрегатскій ревунъ — все равно! усмѣхнулся другой матросъ, очищая шлюпочныя тали.

Въ это время вышелъ на палубу командиръ. Разговоры смолкли, точно по мановенію волшебнаго жезла. Всѣ занялись своимъ дѣломъ, мгновенно войдя въ суровую служебную колею. Работа закипѣла бравая, энергичная. Приказанія слѣдовали за приказаніями, ровныя и методическія. Шлюпки подняли. Не прошло затѣмъ и пяти минутъ, какъ шхуна, окрыленная парусами, медленно повернула и, подгоняемая легкимъ, попутнымъ вѣтеркомъ, заскользила по слегка взборожденной поверхности залива, вдоль непривѣтливаго, мрачнаго сахалинскаго берега, держа курсъ на Тюленій островъ, еще невидимый на туманномъ горизонтѣ...

VI.

„Крейсерокъ“, обогнувъ, какъ можно дальше, опасный мысъ Терпѣнія, вышелъ на просторъ Охотскаго моря. По мѣрѣ удаленія отъ берега, вѣтеръ замѣтно крѣпчалъ, разводя довольно крупное волненіе. Тѣмъ не менѣе, погода была прекрасная, вполнѣ благопріятная для нашихъ мореплавателей, всѣмъ сердцемъ рвавшихся во Владивостокъ. Легкая шхуна, пользуясь ровнымъ попутнякомъ, неслась стрѣлой, граціозно покачиваясь на волнахъ. Послушная малѣйшему движенію руля, она напоминала гигантскую морскую птицу, свободно скользившую по взволнованной поверхности моря, съ широко-распущенными крыльями-парусами. Появились дельфины, которые, играючи, перегоняли шхуну, рѣзали ей носъ, возвращались подъ корму, чтобы вновь пуститься взапуски съ невѣдомой для нихъ гигантской птицей. Ловкія животныя, казалось, насмѣхались надъ небольшимъ, сравнительно, ходомъ шхуны. Они бороздили морскую поверхность съ поразительною быстротою; ихъ черныя, круглыя спины мелькали среди волнъ, то справа, то слѣва, причемъ казалось, что дельфины кувыркаются: такъ волнообразны и быстры были всѣ ихъ движенія.. Стаи чаекъ несутся вслѣдъ за шхуной, оглашая воздухъ своими короткими, металлическими криками. Нѣкоторыя изъ птицъ скользятъ почти надъ самой поверхностью моря, зорко высматривая въ водѣ подходящую добычу. Вотъ одна неосторожно приблизилась къ плывущему дельфину. Прожорливое животное сдѣлало могучій прыжокъ и ловко поймало чайку за ноги. Раздался пронзительный, отчаянный крикъ, удивительно схожій съ плачемъ ребенка. Чайки заволновались и сплошной массой стремительно бросились къ тому мѣсту, гдѣ происходила короткая, непосильная борьба между могучимъ дельфиномъ и оплошной жертвой. Птицы видимо желали отбить отъ общаго врага свою несчастную товарку, старавшуюся удержаться на поверхности моря при помощи широко-распластанныхъ крыльевъ. Тщетныя усилія!.. Прошло лишь нѣсколько секундъ, и чайка безслѣдно исчезла подъ водой, пожираемая дельфиномъ. Прилетѣвшія на помощь чайки отхлынули назадъ, словно охваченныя паническимъ ужасомъ. Черезъ минуту онѣ уже вновь неслись за шхуной, оглашая воздухъ болѣе спокойными, хотя и ноющими криками, въ которыхъ слышался какъ будто плачъ по несчастной жертвѣ своей неосторожности.

Не прошло и часу послѣ выхода „Крейсерка“ изъ залива Терпѣнія, какъ на мглистомъ горизонтѣ вырисовалось характерное, совершенно прямоугольное плато Тюленьяго острова.

— Доложи командиру, что островъ открылся, приказалъ унтеръ-офицеру Корсунцеву Михаилъ Дмитріевичъ, вступившій, по съемкѣ шхуны съ якоря, въ свою очередную вахту.

— Есть! послышался короткій, обычный отвѣтъ расторопнаго Корсунцева, со всѣхъ ногъ бросившагося исполнить полученное приказаніе.

Черезъ минуту командиръ вышелъ изъ каютъ-компаніи, гдѣ, справляясь по картѣ, дѣлалъ нѣкоторыя соображенія о предстоящемъ длинномъ переходѣ во Владивостокъ въ осеннее время, преисполненное всевозможными случайностями.

— Держите прямо на островъ, приказалъ Алексѣй Павловичъ, пытливо всматриваясь въ горизонтъ.

— Есть! покорно отвѣтилъ мичманъ, хотя отчасти удивился, почему командиру вздумалось склониться отъ курса влѣво. Это удивленіе такъ и сквозило на его симпатичномъ лицѣ, когда онъ отдавалъ рулевому необходимыя приказанія:

— Право руля!.. Такъ держать!..

Шхуна, не менѣе покорная, повернула влѣво и, слегка накренившись, заскользила по указанному направленію, лихо разрѣзая острымъ носомъ зеленоватую воду Охотскаго моря.

— Я хочу, обратился командиръ къ недоумѣвающему все еще мичману,—обойти въ послѣдній разъ вокругъ острова и окончательно убѣдиться, что хищническихъ шхунъ нѣтъ: только тогда уйду во Владивостокъ со спокойною совѣстью, что честно выполнилъ возложенное на меня порученіе.

— Да вѣдь уже половина октября, замѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Всѣ шхуны навѣрное давно ушли во-свояси. Съ ихъ стороны было бы очень рискованно оставаться въ Охотскомъ морѣ въ такое скверное время. Мнѣ кажется, хищники-американцы не настолько отважны, чтобы рисковать жизнью изъ-за нѣсколькихъ котиковыхъ шкуръ....

— Не говорите! перебилъ мичмана командиръ.—Вы этихъ людей мало знаете... Отваги они безграничной... Жизнь для нихъ положительно трынъ-трава. Это настоящіе морскіе волки, хищническимъ замысламъ которыхъ нѣтъ препонъ. Надо держать съ ними ухо востро, хоть Андрей Павловичъ и старается убѣдить меня въ противномъ, добавилъ командиръ, съ улыбкой обращаясь къ подошедшему помощнику.

Андрей Павловичъ только усмѣхнулся и хладнокровно проговорилъ:

— Н-да... въ этомъ вопросѣ мы съ вами положительно не сходимся...

— Вы очень гуманны, продолжалъ командиръ, обращаясь къ своему помощнику,—но быть гуманнымъ, повторяю вамъ, съ хищниками-американцами чрезвычайно опасно... Вспомните при случаѣ мои слова: они способны на всякое преступленіе, на всевозможную гадость и подлость...

— Въ этомъ вопросѣ мы съ вами положительно не сходимся, повторилъ съ прежнимъ хладнокровіемъ Андрей Павловичъ.

— На какомъ основаніи!? сталъ горячиться командиръ.

— Уже цѣлыхъ полгода вы задаете мнѣ тотъ же вопросъ и всегда слышите отъ меня одни и тѣ же объясненія, съ ко-

торыми не соглашаетесь... Стоитъ ли, почтеннѣйшій Алексѣй Павловичъ, повторять ихъ въ сотый разъ: все равно не сговоримся, резонно замѣтилъ Андрей Павловичъ.

— Вы совершенно правы! весело отозвался командиръ.—Посмотрите, перемѣнилъ онъ тему разговора,—какъ отчетливо выяснился теперь Тюленій островъ... Мгла разсѣялась, и мы можемъ издали убѣдиться, что котиковое лежбище не будетъ разграблено... Корсунцевъ, подай трубу! приказалъ Алексѣй Павловичъ вахтенному унтеръ-офицеру.

Вооружившись трубой, командиръ началъ осматривать горизонтъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Черезъ короткое время онъ сосредоточился на чемъ-то подозрительномъ; на его лицѣ появилось тревожное и въ то же время гнѣвное выраженіе.

— Взгляните!.. Ужъ эти мерзавцы успѣли поразбойничать! сердито крикнулъ командиръ, передавая трубу помощнику.— Видите?..

— Да, да... согласился Андрей Павловичъ, осматривая Тюленій островъ.—Повидимому, хищники замѣтили приближеніе „Крейсерка", началъ онъ докладывать, не отрывая глаза отъ подзорной трубы... Спѣшно грузятъ что-то на вельботы...

— Вѣроятно шкурки!.. Навѣрное успѣли наколотить вдосталь! чуть ли не съ отчаяніемъ проговорилъ командиръ.— Прозѣвали мы, прозѣвали!.. Въ самый послѣдній моментъ прозѣвали!.. Ахъ, негодяи, разбойники!..

— Усѣлись... Вельботы отвалили отъ берега, продолжалъ хладнокровно докладывать Андрей Павловичъ.—Въ бурунахъ имъ предстоитъ порядочная передряга... Не уйдутъ отъ насъ...

— Дай-то, Господи, захватить ихъ! съ мольбою прошепталъ командиръ...

Какъ только по „Крейсерку" распространилась вѣсть, что около Тюленьяго острова замѣчена хищническая шхуна, всѣхъ охватило какое-то жгучее нетерпѣніе поскорѣй добраться до хищниковъ и не упустить ихъ. Вся команда высыпала на палубу и жадно всматривалась вдаль, стараясь разглядѣть хищническую шхуну, стоявшую еще на якорѣ и поджидавшую свои вельботы, которые вели, между тѣмъ, энергичную борьбу съ бурунами, хотя значительно стихнувшими, но все еще грозными. Хищники, видимо, прилагали сверхъестественныя, богатырскія усилія, чтобы добраться до своей шхуны раньше русскаго сторожеваго судна, но эти усилія оказывались тщетными... Вельботы, обдаваемые тучами брызгъ и заливаемые крупными волнами, неистово прыгали среди образовавшейся толчеи, подвигаясь впередъ чрезвычайно медленно. Положеніе хищниковъ становилось критическимъ... Думать о какомъ либо сопротивленіи было невозможно. Предстояло отдаться на милость русскаго крейсера и распроститься съ розовыми мечтами о близкой, столь возможной, наживѣ. Всѣ хищники, не исключая упрямаго шкипера-хозяина, ясно сознавали полную безвыходность своего положенія; но въ то же время продолжали вести съ бурунами энергичную, отчаянную борьбу, вдохновляемые призрачною надеждою на случайное спасеніе изъ крѣпкихъ когтей быстро надвигавшейся опасности. Между тѣмъ „Крейсерокъ", пользуясь хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, несся къ Тюленьему острову, словно окрыленный. Разстояніе между нимъ и хищнической шхуной быстро сокращалось.

— Комендоры къ орудіямъ! Орудія зарядить боевыми зарядами! Абордажная партія наверхъ!.. Шлюпку къ спуску изготовить! раздалась спокойная, ровная команда Алексѣя Павловича.

Приказанія командира были исполнены съ замѣчательною быстротой. Каждый матросъ сознавалъ важность приближавшагося момента и прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы не упустить прекраснаго случая захватить дорогой призъ. Комендоры зарядили орудія. Десятокъ матросовъ, составлявшихъ абордажную партію, съ винтовками въ рукахъ, ожидали приказанія употребить въ дѣло свое смертоносное оружіе. Остальные—готовили къ спуску китобойный вельботъ...

„Крейсерокъ", между тѣмъ, приблизился къ „Розѣ" уже настолько, что всѣ простымъ глазомъ увидѣли переполохъ, поднятый на шхунѣ оставшимися вахтенными. Растерявшіеся хищники метались по палубѣ, точно ошпаренные, не зная что предпринять и на что рѣшиться. О вооруженномъ сопротивленіи они не думали, сознавая его безполезность, вслѣдствіе рѣзкаго неравенства силъ. Дѣйствительно, съ одной стороны было всего трое, а съ другой—двадцать, прекрасно вооруженныхъ, матросовъ, да двѣ пушки на придачу, грозно выглядывавшія черезъ низкіе борта „Крейсерка". Правда, хищническая шхуна имѣла возможность уйти, расклепавъ канатъ у якоря, съ попутнымъ вѣтромъ раньше, чѣмъ приблизился „Крейсерокъ" на орудійный выстрѣлъ. Шхуна могла это сдѣлать, оставивъ на произволъ судьбы остальныхъ промышленниковъ, какъ предложилъ злопамятный Питеръ, бывшій въ числѣ вахтенныхъ; но это неожиданное предложеніе показалось въ глазахъ остальныхъ двухъ хищниковъ такою возмутительною подлостью, что они тутъ же едва не исполосовали вѣроломнаго Питера ножами... Питеръ едва отбился отъ освирѣпѣлыхъ товарищей. Съ трудомъ избѣгнувъ кроваваго возмездія за подлое предложеніе, онъ, тѣмъ не менѣе, успѣлъ получить нѣсколько такихъ здоровыхъ тумаковъ, отъ которыхъ у него затрещали ребра. Тумаки эти окончательно озлобили Питера, еще не забывшаго удара линькомъ, полученнаго наканунѣ отъ суроваго шкипера.

— Отплачу имъ!.. Будутъ меня помнить! хрипло проворчалъ Питеръ, потирая помятые бока. Жгучая мысль о мести охватила все его существо, но какъ осуществить ее—онъ еще не зналъ. Въ разгарѣ, поднявшагося вскорѣ, переполоха, его озлобленный взоръ неожиданно упалъ на компасъ. Охваченный какимъ-то рѣшеніемъ, Питеръ незамѣтно приблизился къ путеводительному инструменту и быстро свернулъ у него ножомъ шпильку. Картушка съ магнитами стала недвижной. Компасъ оказался совсѣмъ испорченнымъ и недѣйствительнымъ....

— Отплачу же имъ!.. Все равно пропадать! прошипѣлъ Питеръ съ дикимъ озлобленіемъ.

Выполнивъ гадкое дѣло, негодяй сталъ хладнокровно ожидать захвата шхуны русскими...

VII.

Вельботы съ промышленниками уже вышли благополучно изъ буруновъ, какъ „Крейсерокъ" разъединилъ ихъ ловкимъ маневромъ отъ „Розы", ставъ на якорь между ними и хищнической шхуной.

— Андрей Павловичъ, спустите вельботъ, возьмите людей и завладѣйте шхуной, приказалъ командиръ помощнику,—а я займусь вельботами... На вельботахъ! крикнулъ онъ по-англійски, обращаясь къ промышленникамъ.—Пристаньте къ борту!..

Хищники начали огибать „Крейсерокъ", съ цѣлью обойти его съ кормы, невооруженной пушками. Очевидно, они замышляли что-то недоброе...

— Немедленно пристаньте по-очереди!.. Въ противномъ случаѣ буду стрѣлять! рѣшительно крикнулъ опять командиръ.

Хищники продолжали идти тѣмъ же курсомъ, словно не слыша угрозы.

— Первое ядро подъ носъ передняго вельбота, хладнокровно приказалъ Алексѣй Петровичъ, видя упорство промышленниковъ.

Едва было выговорено это приказаніе, раздался громкій выстрѣлъ, и ядро звонко шлепнулось подъ носомъ первой шлюпки, обдавъ промышленниковъ массой брызгъ.

— Второе ядро въ вельботъ! крикнулъ по-англійски командиръ, предупреждая хищниковъ.

Послѣдніе, увидя что съ ними не шутятъ, повернули вельботы къ „Крейсерку", отъ котораго уже успѣла отвалить шлюпка съ вооруженной командой, назначенной для захвата „Розы". Захватъ этотъ осуществился въ нѣсколько минутъ, раньше, чѣмъ американскіе вельботы подошли къ „Крейсерку". Вахтенные „Розы" не оказали никакого сопротивленія и позволили безъ хлопотъ обезоружить себя. Такъ же быстро и безъ затрудненій было отобрано все оружіе отъ промышленниковъ, бывшихъ на вельботахъ.

— Я васъ арестую, а шхуну вашу конфискую! рѣзко заявилъ командиръ шкиперу, по выходѣ его на „Крейсерокъ".

— Ваша воля, хладнокровно пробурчалъ шкиперъ.

— Пять человѣкъ изъ вашихъ людей я отправлю на „Розу". Они поступятъ въ полное распоряженіе моего помощника, продолжалъ командиръ излагать свое рѣшеніе.—Вы и остальные люди останутся на „Крейсеркѣ", подъ моимъ личнымъ присмотромъ...

— Дѣлайте, какъ знаете... Я вашъ плѣнникъ, покорно проговорилъ шкиперъ, совершенно обезкураженный, неожиданно налетѣвшимъ на него напастями.

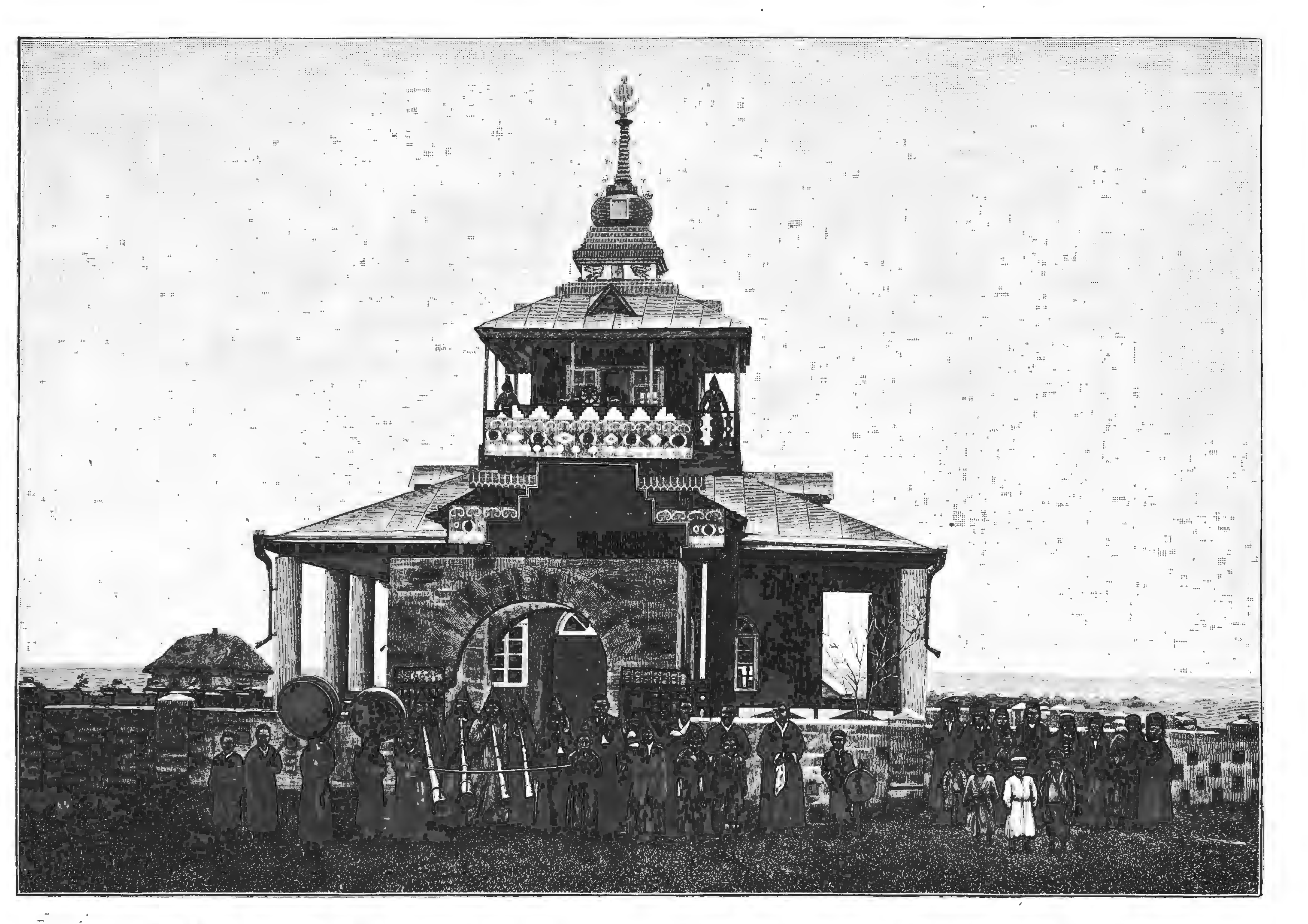
Не болѣе какъ черезъ часъ, все было сдѣлано, какъ рѣшилъ командиръ „Крейсерка". Хищническую шхуну принялъ подъ свою команду Андрей Павловичъ, получившій опредѣленныя инструкціи о совмѣстномъ плаваніи до Владивостока. Въ его распоряженіи находились: унтеръ-офицеръ Корсунцевъ, четыре матроса и восемь промышленниковъ. Передъ съемкой съ якоря, Алексѣй Павловичъ посѣтилъ шхуну „Розу" и убѣдился въ ея полной готовности совершить длинное осеннее плаваніе. Все, повидимому, было въ исправности...

— До свиданья, Андрей Павловичъ... Желаю вамъ благополучнаго плаванія, попрощался командиръ, по осмотрѣ шхуны, крѣпко пожимая руку своего бывшаго помощника.—Позвольте дать на прощанье послѣдній совѣтъ, добавилъ онъ уже стоя на трапѣ,—не довѣряйте этимъ...

И командиръ кивнулъ головой по направленію угрюмо стоявшихъ промышленниковъ, удержавъ на языкѣ весьма оскорбительное для нихъ прозвище.

— Не безпокойтесь, улажу съ ними самымъ лучшимъ образомъ, оставаясь даже на своей почвѣ гуманности, весело проговорилъ Андрей Павловичъ, пожимая еще разъ руку товарища.

— Вы неисправимы, прошепталъ командиръ „Крейсерка" и сошелъ въ свою шлюпку, съ трудомъ сдерживая, охватившее вдругъ его, волненіе. Алексѣй Павловичъ не могъ дать себѣ яснаго отчета о причинѣ этого внезапнаго волненія. Онъ положительно недоумѣвалъ, во что-то вдумываясь и сосредоточиваясь, въ то же время, на туманномъ представленіи чего-то неопредѣленнаго, какой-то таинственной опасности... Сердце его болѣзненно сжалось, когда онъ, отваливъ отъ „Розы",

Ламайская кумирня въ Калмыцкой степи, въ Больше-Дербетевскомъ улусѣ, въ 120 верстахъ отъ Ставрополя.

Съ фот. Петрушина, грав. Шлипперъ.

Аукціонъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая (СПБ., Большая Садовая, № 60).
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Броллинга, грав. Шюблеръ.

взглянулъ на товарища, стоявшаго еще у трапа и дружески махавшаго снятою фуражкой. Ему вдругъ представилось, что онъ видитъ Андрея Павловича въ послѣдній разъ...

„У меня положительно начинаютъ разстраиваться нервы! съ досадою подумалъ Алексѣй Павловичъ, приближаясь къ своему „Крейсерку“.—Ни съ того, ни съ сего, вдругъ отдаюсь какому-то глупому предчувствію... Чортъ знаетъ, что такое!“ чуть не выругался онъ вслухъ, приставая къ борту.

— Всѣхъ на верхъ: съ якоря сниматься! рѣшительно и твердо проговорилъ Алексѣй Павловичъ, выходя на палубу и стряхивая съ себя обидное малодушіе, которому едва не поддался совершенно.

Солнце ярко склонялось къ горизонту, когда обѣ шхуны снялись одновременно съ якоря и вышли въ море, взявъ курсъ на Лаперузовъ проливъ. Впереди шелъ „Крейсерокъ“, въ кильватеръ ему—„Роза“, стараясь не отставать. Вѣтеръ замѣтно свѣжѣлъ, разводя крупное волненіе съ пѣнистыми вершинами. Шхуны держались хорошо и стойко встрѣчали волны, постоянно налетавшія съ какимъ-то яростнымъ клокотаньемъ. Водяныя громады, казалось, жаждали поглотить небольшія суда во что бы то ни стало; онѣ шли на отчаянный приступъ со всѣхъ сторонъ, то вскидывая шхуны къ поднебесью, то стремительно бросая ихъ въ разверзающіяся, тамъ и здѣсь, пропасти. Море неистовствовало, покорно подчиняясь страшнымъ порывамъ постоянно крѣпчавшаго вѣтра. Разорванныя тучи неслись по хмурому небу съ необыкновенной быстротой, словно гонясь взапуски съ грозными волнами, бѣшено стремившимися въ невѣдомую, уже потемнѣвшую, даль... Солнце зашло. Среди наступившихъ сумерекъ, съ „Розы“ едва видѣли темный корпусъ „Крейсерка“, прыгавшаго съ волны на волну съ поразительною легкостью и граціей, точно борьба съ разъяреннымъ моремъ воодушевляла его и радовала... Прошло еще немного времени; сумракъ наступавшей осенней ночи уже сгустился настолько, что съ „Розы“ могли съ трудомъ разглядѣть только отличительный бѣлый огонь, изрѣдка мелькавшій далеко впереди. Вскорѣ исчезла и эта единственная, путеводная, свѣтлая точка, исчезла безслѣдно... Тщетно Андрей Павловичъ всматривался въ ночную тьму; напрасно пялили глаза унтеръ-офицеръ Корсунцевъ, рулевой Савинъ и двое часовыхъ, поставленныхъ на бакѣ и постоянно обдаваемыхъ милліонами фосфорическихъ брызгъ.

Американцы-хищники, оставленные на свободѣ, въ помощь матросамъ при управленіи парусами, въ свою очередь, очень, повидимому, интересовались положеніемъ „Крейсерка“. Они какъ будто радовались, что шхуны разъединились. Въ ихъ головахъ начала созрѣвать смѣлая мысль овладѣть „Розой“. Первымъ намекнулъ на возможность подобнаго захвата боцманъ Гарри, коренастый, пожилой хищникъ, съ хитрымъ лицомъ, заросшимъ волосами до такой степени, что изъ-за густой, черной, сильно всклокоченной бороды, едва виднѣлись: небольшой, вздернутый носъ, низкій, морщинистый лобъ и маленькіе, быстрые глаза, блиставшіе природнымъ юморомъ.

— Рискованное дѣло, замѣтилъ нашъ знакомецъ Джонъ, малый осмотрительный и осторожный.

— Джонъ правъ, вмѣшался старикъ Недъ, исполнявшій на „Розѣ“ обязанности судоваго кока.

— Ты, Недъ,—старая, негодная парусина, а Джонъ—дуракъ, съ заячьей душой! разсердился боцманъ.

— Полно, Гарри, ругаться; лучше обсудимъ дѣло обстоятельно, оно стоитъ того! резонно проговорилъ гладко выбритый, коренастый американецъ, съ крайне хищнымъ выраженіемъ лица.

— Молодчина, Томми! обрадовался боцманъ проявленію симпатіи къ своему предложенію.—Я былъ увѣренъ, что для тебя нѣтъ невозможнаго дѣла!..

Польщенный Томми самодовольно улыбнулся и продолжалъ:

— Русскихъ—шестеро, насъ—восемь; они заняты своимъ дѣломъ и пялятъ глаза вслѣдъ исчезнувшему судну, а мы, пока, сидимъ безъ работы и балбесничаемъ.

— Къ дѣлу, къ дѣлу скорѣй! нетерпѣливо проговорилъ еще очень молодой промышленникъ, съ испитымъ лицомъ, носившимъ слѣды разнузданной жизни.

— Ты, Вилли, черезчуръ прытокъ... Не мѣшай! приказалъ боцманъ, строго взглядывая на молодаго человѣка.

Томми, въ свою очередь, посмотрѣлъ на Вилли, презрительно усмѣхнулся и продолжалъ неторопливо развивать свою мысль:

— У нихъ, то-есть у русскихъ, револьверы и ружья, у насъ—навѣрное припрятаны хорошіе ножи!

— Да, да!.. Припрятаны! послышалось нѣсколько сдержанныхъ голосовъ.

— Дѣло, значитъ, въ шляпѣ! окончательно рѣшилъ Томми, съ удовольствіемъ замѣтивъ единодушіе товарищей, понимавшихъ его на полуфразѣ.

— Шляпа-то дырявая, иносказательно проговорилъ вдругъ Питеръ, до сихъ поръ молчавшій.

Всѣ съ недоумѣніемъ уставились на Питера. Тотъ продолжалъ такъ же иносказательно.

— Хорошо, когда вѣтеръ дуетъ попутный, а не въ лобъ... Еще лучше, когда видишь свой портъ и знаешь, какъ попасть въ него... Но скверно, очень скверно, когда болтаешься въ открытомъ морѣ, подобно пьяному джентльмену, который, случайно попавъ въ чужую квартиру, никакъ не можетъ отыскать свою койку.

— Да ты самъ не пьянъ-ли? замѣтилъ боцманъ, подозрительно всматриваясь въ Питера.

— Былъ пьянъ, когда ты угощалъ меня, вмѣстѣ съ кэптеномъ, линьками да пинками, но теперь вытрезвился! дерзко отвѣтилъ Питеръ.

— Хорошъ гусь! окончательно разсердился боцманъ.—Видно, опять линька захотѣлъ!

— Руки теперь коротки!.. Прошло время! продолжалъ грубить Питеръ, отходя въ сторону, подальше отъ здоровыхъ кулаковъ мускулистаго, коренастаго Гарри.

— Мерзавецъ! прошепталъ боцманъ и презрительно сплюнулъ на палубу.

— Наболталъ всякій вздоръ, да пожалуй выдастъ еще насъ! замѣтилъ подозрительный Вилли!

— Съ него станетъ! добавилъ Недъ, очень недолюбливавшій Питера за его воровскія наклонности и былые набѣги на камбузъ [1]).

— Питеръ не выдастъ! заступился Джонъ за пріятеля.—Онъ только зубы свои скалитъ, благо никто ихъ теперь вышибить ему не можетъ.

— А въ случаѣ чего, церемониться съ нимъ не станемъ, проворчалъ кровожадный Томми.—Хорошій ударъ ножомъ и...

Онъ закончилъ свою фразу энергичнымъ жестомъ, ясно досказывавшимъ: „И за бортъ!“

Остальные промышленники молча согласились съ этимъ свирѣпымъ рѣшеніемъ.

VIII.

Въ то время когда американскіе хищники сговаривались относительно захвата шхуны „Роза“, послѣдняя продолжала идти приблизительно старымъ курсомъ. Андрей Павловичъ все разсчитывалъ увидѣть огни „Крейсерка“ и соединиться. Вѣтеръ между тѣмъ продолжалъ свѣжѣть. Къ полуночи уже засвѣжѣло настолько, что пришлось зарифить паруса наглухо [2]).

Шхуну бросало съ волны на волну точно щепку, но, тѣмъ не менѣе, она держалась спокойно и хорошо, принимая на палубу лишь незначительное количество воды.

Первое время никто не обратилъ вниманія, что картушка у компаса не мѣняетъ своего положенія при качкѣ. Плохая, жировая лампочка бросала на нее тусклый, мелькавшій постоянно, свѣтъ, при которомъ рулевой съ трудомъ различалъ румбъ (направленіе) назначеннаго командиромъ курса. Около полуночи, когда окончательно засвѣжѣло, Андрей Павловичъ лично подошелъ къ компасу, чтобы слѣдить за курсомъ, и очень удивился неестественному спокойствію картушки.

— Компасъ, кажется, плохо дѣйствуетъ, обратился онъ къ рулевому, покачивая котелокъ инструмента, чтобы вывести магнитную стрѣлку изъ неподвижнаго состоянія.

— Плохо, ваше благородіе, робко проговорилъ рулевой, точно виноватый.—Что-то неладное съ нимъ приключилось.

Осмотрѣвъ внимательно компасъ, Андрей Павловичъ, къ ужасу своему, убѣдился въ полной порчѣ и негодности путеводнаго инструмента. Это открытіе поразило его, какъ громомъ, такъ какъ болѣе двухъ уже часовъ шхуна шла какимъ-то неопредѣленнымъ курсомъ и впереди предстояло болтаться до разсвѣта въ полномъ невѣдѣніи относительно мѣстонахожденія судна и того курса, которымъ слѣдовало идти, чтобы избѣгнуть опаснаго приближенія къ негостепріимнымъ берегамъ Сахалина. Положеніе шхуны становилось крайне рискованнымъ. Приходилось идти совершенно наугадъ, не зная ни направленія вѣтра, ни настоящаго курса. Андрей Павловичъ не отходилъ отъ руля. Никто не спалъ: всѣ смотрѣли впередъ, стараясь разглядѣть въ непроницаемой тьмѣ осенней ночи что-либо подозрительное. Всѣ старались разслышать, среди рева непогоды, шумъ прибрежныхъ буруновъ, чтобы во-время избѣгнуть смертельной опасности. Нервы у всѣхъ были въ страшномъ напряженіи. Слухъ сталъ необыкновенно чуткимъ. Глаза, казалось, пронизывали тьму, среди которой лишь мелькали, облитыя фосфорическимъ свѣтомъ, пѣнистыя вершины водяныхъ громадъ, наступавшихъ на шхуну со всѣхъ сторонъ, словно стаи хищныхъ звѣрей на лакомую добычу. Шхуна неслась по взволнованному морю съ большою скоростью. Вдругъ, около трехъ часовъ ночи, раздался страшный трескъ. Шхуна съ полнаго хода неожиданно выскочила на какой-то каменный рифъ. Ударъ былъ ужасный! Всѣ были сброшены съ ногъ. Мачты сломились и съ грохотомъ упали за бортъ. Водяныя громады, съ зловѣщимъ ревомъ, стали набѣгать на шхуну со всѣхъ сторонъ, точно торопясь докончить разрушеніе судна. Волны, одна больше другой, перекатывались черезъ накренившуюся шхуну и смывали все, что только попадалось въ ихъ озвѣрѣлыя, студеныя объятья. Наступилъ хаосъ, непостижимый умомъ и недоступный самому живому воображенію... Смерть, грозная, страшная смерть царила надъ шхуной и на время заставила забыть людскую ненависть,

[1]) Камбузъ—судовая кухня.

[2]) Зарифить паруса наглухо—убавить ихъ до самаго малаго въ площадяхъ.

злобу и страсти. Всѣ думали только о своемъ спасеніи, жаждали вырвать свою жизнь изъ цѣпкихъ когтей смерти. Судорожно цѣпляясь за ничтожнѣйшій выступъ, люди старались удержаться на палубѣ разрушающагося судна, въ надеждѣ на возможное спасеніе, разъ удастся сохранить жизнь до разсвѣта.

Къ разсвѣту погода значительно стихла, но крупныя волны продолжали еще ходить черезъ шхуну, грозя смыть за бортъ людей, продолжавшихъ держаться за обломки мачтъ, люки и обрывки снастей. Вокругъ стоялъ неумолчный шумъ буруновъ, разбивавшихся объ острые камни, торчавшіе со всѣхъ сторонъ. Берега пока не было видно. Съ восходомъ солнца стало еще тише и представилась возможность спустить шлюпки, чудомъ сохранившіяся на расшатанной палубѣ шхуны. Андрей Павловичъ, несмотря на полное физическое изнеможеніе, продрогшій, измокшій, сохранилъ бодрость духа и рѣшилъ приступить къ спасенію команды. Внимательно осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ подъ носомъ шхуны, не болѣе какъ въ верстѣ разстоянія, отлогій берегъ, отъ котораго тянулось въ море нѣсколько опасныхъ каменныхъ рифовъ: на одномъ изъ нихъ засѣла шхуна. На востокъ, миляхъ въ четырехъ, виднѣлся грозный мысъ Терпѣнія. Такимъ образомъ оказалось, что „Роза", болтаясь ночь безъ компаса и идя наугадъ, вернулась, обошла Тюленій островъ и очутилась въ заливѣ Терпѣнія, изъ котораго, наканунѣ утромъ, вышелъ „Крейсерокъ" для слѣдованія во Владивостокъ. Шхуна выскочила на каменья у совершенно безлюднаго берега, въ глубокую осень, когда Охотское море окончательно вымираетъ. Надѣяться на чью-либо помощь было нельзя. Правда, „Крейсерокъ" навѣрное станетъ искать отставшую „Розу", но догадается-ли онъ зайти въ заливъ Терпѣнія, лежащій совершенно въ сторонѣ? Этотъ жгучій вопросъ тревожилъ Андрея Павловича всю ночь, пока онъ судорожно цѣплялся съ остальными людьми за шхуну, страшно бившуюся о невидимые каменья. Какъ только разсвѣло, Андрей Павловичъ рѣшилъ попытаться спустить шлюпки, выбраться на нихъ черезъ буруны къ Тюленьему острову и ожидать тамъ помощи. Въ крайнемъ случаѣ онъ разсчитывалъ даже зимовать на островѣ, питаясь, чѣмъ Богъ пошлетъ, и скрываясь отъ стужи въ находящемся тамъ домѣ. Удастся-ли прожить долгую зиму при такой обстановкѣ — Андрей Павловичъ старался объ этомъ не думать: слишкомъ страшно было думать о предстоящихъ страданіяхъ... Да эти думы, кромѣ того, были и преждевременны. Впереди предстояла еще болѣе сложная, рискованная и мудреная задача—выбраться безопасно изъ объятій грозныхъ буруновъ, неумолчный ревъ которыхъ, казалось, потрясалъ небосклонъ и приводилъ въ содроганіе каменныя громады, темнѣвшагося вдали, мыса Терпѣнія. Эту задачу необходимо было рѣшить безъ замедленія, такъ какъ шхуна, разсѣвшаяся по килю, съ развороченной кормой и бортами, не могла долго выдержать могучіе напоры волнъ, постоянно набѣгавшихъ съ какою-то безпощадною настойчивостью.

Едва представилась возможность работать, Андрей Павловичъ энергичнымъ голосомъ ободрилъ свою команду, а также хищниковъ-американцевъ, забывшихъ на время свой разбойничій замыселъ перерѣзать русскихъ матросовъ. Послѣ долгихъ трудовъ удалось наконецъ спустить одну шлюпку, но ее моментально залило волнами и разбило о каменья. Андрей Павловичъ не унывалъ и тотчасъ же приступилъ къ спуску крѣпкаго, китобойнаго вельбота, на который онъ особенно разсчитывалъ. Пользуясь временнымъ затишьемъ, вельботъ спустили благополучно; но, какъ только онъ оказался на водѣ, американцы, видимо заранѣе сговорившись, стремительно бросились въ шлюпку и овладѣли ею. Ихъ хищническіе инстинкты проявились въ этомъ случаѣ въ полной мѣрѣ. Съ ножами въ рукахъ они взяли вельботъ съ боя и тотчасъ же оттолкнулись отъ шхуны, оставя на произволъ судьбы остальныхъ. Изъ матросовъ успѣлъ вскочить въ шлюпку только одинъ, Кряжевъ; но озвѣрѣвшіе хищники немедленно выбросили его за бортъ, предварительно исполосовавъ ножами. Кряжевъ, не вскрикнувъ, пошелъ ко дну.

— Ваше благородіе, и Трапезникова также зарѣзали! крикнулъ возмущенный Корсунцевъ, указывая на матроса, безсильно опустившагося на палубу.

Андрей Павловичъ, до нельзя потрясенный хищническимъ нападеніемъ американцевъ, безнадежно махнулъ рукой и проговорилъ унавшимъ голосомъ:

— Все равно... всѣмъ помирать.

Но эта душевная слабость была минутная. Едва успѣли американцы выйти на захваченномъ вельботѣ изъ буруновъ на морской просторъ, Андрея Павловича охватила новая жажда жизни и жгучее, страстное желаніе спасти отъ смерти хотя оставшихся четырехъ человѣкъ, ввѣренныхъ его попеченію и чести. Мысль объ исполненіи своего долга дала нервной системѣ командира магическій толчокъ. Онъ мгновенно ободрился; въ лицѣ появилась непреклонная рѣшимость; глаза заблистали смѣлостью и отвагою; въ звучномъ, сильномъ голосѣ ощущалась изумительная энергія. Вмѣстѣ съ командиромъ ободрились и четверо несчастныхъ страдальцевъ, висѣвшихъ на волоскѣ отъ смерти въ теченіе многихъ ужасныхъ часовъ, не поддающихся описанію. Руководимые командиромъ, матросы начали спускать на воду послѣднюю небольшую шлюпку, забывъ страшную усталость и душевную слабость. Работалъ даже раненый Трапезниковъ, кое-какъ перевязавшій, при помощи Корсунцева, свою глубокую рану на шеѣ.

Послѣ долгихъ усилій шлюпка уже была почти на водѣ; но въ этотъ моментъ налетѣлъ на шхуну громадный, рокочущій валъ, смылъ шлюпку за бортъ и перевернулъ ее вверхъ килемъ. Послѣдняя надежда на спасеніе исчезла; но Андрей Павловичъ, вдохновляемый тою же упорною мыслью объ исполненіи своего долга до послѣдней минуты жизни, не склонился подъ этимъ жестокимъ ударомъ грозной стихіи и вновь сталъ изыскивать средства для спасенія людей. Наскоро собравъ кое-какіе обломки, командиръ приказалъ связать изъ нихъ небольшой плотъ и спустить его на воду. Трудная задача эта была выполнена послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и чудесъ ловкости. Плотъ, прочно прихваченный къ остову шхуны крѣпкими, надежными концами (веревками), колыхался у борта, постоянно поддаваемый въ высь налетавшими волнами. Оставалось только сѣсть на него и отдаться на произволъ буруновъ... Оставалось выполнить нѣчто невозможное даже для патентованнаго акробата: спуститься на крохотный плотъ, сдѣлавшійся игрушкой водяныхъ громадъ, то поднимавшихъ его на недосягаемую высоту, то стремительно бросавшихъ въ глубокую пропасть... Никто не рѣшался искать призрачнаго спасенія на плоту, хотя въ теченіе истекшихъ двухъ часовъ, потраченныхъ на устройство этого плота, всѣ разсчитывали избѣгнуть на немъ злой смерти. Укрѣпляемые надеждою, всѣ съ лихорадочною энергіею и поспѣшностью связывали обломки въ одно цѣлое и, когда все было готово, увидѣли, что работали напрасно, что создали не орудіе спасенія, а нѣчто подобное плахѣ... Андрей Павловичъ, видя нерѣшительность команды, пожелалъ показать примѣръ, взялся за веревку и началъ спускаться на плотъ, сохраняя полное самообладаніе. Команда стала съ трепетомъ слѣдить за каждымъ его движеніемъ, моля Бога свершить чудо... Нѣсколько секундъ казалось, что Андрею Павловичу удастся выполнить свое смѣлое намѣреніе; но неожиданно налетѣвшая крупная волна мгновенно разрушила всѣ надежды. Водяная громада разомъ накрыла всю шхуну, сбросила съ ногъ матросовъ и, одновременно, смыла за бортъ командира. Когда, ошеломленные ударомъ волны, матросы поднялись на ноги, то увидѣли вблизи отъ шхуны своего несчастнаго командира, безпомощно боровшагося съ бурунами. Борьба была краткая, но ужасная... Волны нѣсколько разъ приподняли Андрея Павловича и, наконецъ, съ размаху ударили объ острые каменья... Всѣ видѣли, какъ голова отдѣлилась отъ туловища, словно отсѣченная топоромъ, и... обезображенный, измолотый о каменья трупъ пошелъ ко дну...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Сбились съ дороги. (Рис. на стр. 25).

Уговаривали на станціи: „эй, не ѣздите на ночь глядя, лучше переночуйте". Не послушались. А ночь темная—зги не видно по землѣ, въ небѣ ни звѣздочки. По дорогѣ крутитъ поземка, заметая всѣ колеи и примѣты. Заметала-заметала и совсѣмъ замела. Лошади стали по колѣно въ снѣгу. Ни впередъ, ни назадъ. Надо разыскивать дорогу. И вотъ упрямые сѣдоки, вооружась—одинъ фонаремъ, другой—спичками, вязнутъ въ снѣгу, наклоняясь и всматриваясь, нѣтъ ли гдѣ проложеннаго слѣда... Не мерзнуть же въ полѣ—спаси Богъ!

Со свадьбы. Съ картины И. К. Айвазовскаго. (Рис. на стр. 28).

Лихо погуляли на свадьбѣ. Да и свадьба же была! Только и слышалось за столомъ, что „старосты пани старости!" благословите то-то пить, да другое пить, да третье пить, и такъ безъ конца. Большая часть гостей какъ вышли изъ хаты на свѣжій воздухъ, такъ и повалились носомъ до долу, до горы ногами... Понадобилось на каждаго по двѣ бабы—домой вести. Одинъ старый Петрусь не сплошалъ—всѣхъ перепилъ, да еще и на дорогу домой захватилъ добрую чапоруху. Напрасно дочка его, черноглазая Оксана, уговариваетъ батька, что ему вже годи (довольно). Носъ у него рдѣетъ, что морква (морковь), а самъ онъ все еще напѣваетъ:

Ой, съ того пива
Болитъ моя спина,
А съ того меду
Болитъ моя голова...
Купи же мнѣ горилочки
Щобъ я была весела!..

Первенецъ. (Рис. на стр. 29).

Въ избу къ спеціалисту-собачнику, берущему собакъ на вы-

кормку, дрессировку и натаску, зашли съ охоты трое стрѣлковъ. Пока ставится самоваръ и гости калякаютъ за нехитрою закуской, хозяинъ показываетъ имъ товаръ лицомъ. Породистая легавая собачка, свѣтлый сеттеръ съ подпалинами, принесла четырехъ щенятокъ, да одинъ къ одному и всѣ въ мать. Особенно—первенецъ—вотъ котораго онъ поднялъ за загривокъ передъ гостями—диво красота!.. Взоры всѣхъ охотниковъ съ большимъ или меньшимъ участіемъ устремлены на малютку, который, чувствуя себя не совсѣмъ ловко въ непривычномъ положеніи, громко начинаетъ *скучать*, къ вящшему безпокойству матери. „Нѣтъ, вы извольте обратить вниманіе—чутье-то какое будетъ!" восторгается хозяинъ, поднося щенка то тому, то другому изъ гостей подъ самый носъ,—„вѣдь этакому псу, можно сказать, цѣны нѣтъ". У мнящихъ себя знатоками охотниковъ разгораются глаза, и каждый мысленно про себя соображаетъ какую бы цѣну предложить, чтобы перебить сокровище у товарищей.

Скорбныя вѣсти. (Рис. на стр. 33).

Прелестная по выразительности картинка! Молодая женщина или дѣвушка только-что прочла въ газетахъ какую-то горестную для нея вѣсть,—выронила злополучный листокъ изъ опустившихся рукъ, и глаза ея затуманились слезами. Два вѣрные друга съ тревожною печалью смотрятъ ей въ лицо, не зная чѣмъ помочь...

Ламайская кумирня въ Калмыцкой степи.

(Рис. на стр. 36).

Представленная на рисункѣ кумирня находится въ Калмыцкой степи, въ Больше-Дербетевскомъ улусѣ, въ 120 верстахъ сѣвернѣе города Ставрополя (Кавказскаго). Предъ входною дверью помѣстились священнослужители, съ трубами и другими, большею частью, духовыми инструментами, а сбѣжавшіяся изъ своихъ кибитокъ калмыцкія женщины столпились на правой сторонѣ картины, возлѣ кумирни. Кибитки видны вдали.

Одежда священнослужителей состоитъ изъ длиннаго до пятокъ балахона краснаго цвѣта, съ кушакомъ. Головной уборъ также красный, съ желтою вверху бахромой и галунами по краю.

Въ нарядахъ калмычекъ преобладаютъ яркіе цвѣта: красный, синій и желтый.

Внутренность кумирни не обилуетъ украшеніями. Войдя въ него, вы видите направо и налѣво голыя стѣны и только на одной стѣнѣ, супротивъ входной двери, находится посрединѣ нѣчто въ родѣ алтаря, который состоитъ изъ стола, со ступенчатыми полками. Выше всего помѣщены три позолоченныхъ идола, очень малой величины и плохой работы, такъ что трудно, по ихъ формѣ, утверждать, что одинъ слонъ, одинъ конь и одна обезьяна, а можетъ быть и собака. Ниже на алтарномъ столѣ размѣщены разныя мелкія вещи и одно—священное колесо. Такое же, но бóльшей величины, священное колесо, поставлено и на полу, возлѣ алтаря. Священное колесо видно и посрединѣ верхней галереи наружнаго вида храма, гдѣ оно помѣщено между двумя изображеніями—овцы и козы.

На ободъ священнаго колеса натягивается узкая бумажная полоска, на которой написана та молитва, которая подобаетъ извѣстному случаю, вызвавшему со стороны калмыка требу, и тогда предъ нимъ поворачиваютъ колесо, вокругъ его оси, столько разъ, сколько пожелаетъ молящійся.

Надъ алтаремъ и по бокамъ его, внутри кумирни, развѣшаны на стѣнѣ ламайскіе образа, изображающіе чтимыя калмыками божества, различныхъ степеней.

Ламайская вѣра представляетъ своеобразное развитіе буддизма. Она распространена въ Китаѣ, въ Монголіи, особенно въ Тибетѣ.

По понятіямъ ламайскимъ, во главѣ всѣхъ божественныхъ существъ, стоитъ Конціоа, который былъ во вѣки вѣковъ, безъ начала, святъ, невидимъ, чистѣйшій духъ.

Отъ него произошелъ въ образѣ человѣка Ціо-Конціоа, рожденный нимфой Шамогнупруль, тотчасъ послѣ обвѣнчанія ея съ королемъ Сазономъ. Тѣло этой нимфы было предварительно Лагомъ Хіоциномъ переполнено чистѣйшимъ свѣтомъ, такъ что оно стало прозрачнымъ. Ціо-Конціоа жилъ на землѣ 80 лѣтъ и распространилъ святой законъ.

Третье высшее божество, какъ бы третье лицо въ разтроеніи единства, является Кедуинъ-Конціоа.

Кромѣ верховнаго божества, ламайцы признаютъ еще множество боговъ, по каждому роду дѣятельности. Такъ у нихъ особый богъ, заправляющій міровымъ порядкомъ и распространяющій божественную матерію, изъ которой слагаются всѣ видимые предметы; есть особые боги любви, мудрости, войны, и т. д., есть даже особый богъ мститель и исполнитель наказаній за злыя дѣянія людей. Есть и богини и изъ нихъ особымъ почетомъ пользуются „бѣлая" и „зеленая мать", которыя охраняютъ человѣка отъ бѣдъ и спасаютъ въ нуждѣ.

Въ ламайское ученіе входитъ и вѣра въ переселеніе душъ. Послѣ смерти душа человѣка, отдѣлившись отъ плоти, для очищенія и исправленія переходитъ постепенно чрезъ тѣла бóльшей части звѣрей, заканчивая свое земное существованіе въ тѣлѣ собаки, которую признаютъ символомъ талантовъ и вѣрности. Изъ тѣла собаки душа опять поселяется въ тѣлѣ человѣка. Только тогда когда человѣкъ не совершилъ на землѣ достаточнаго числа добрыхъ дѣлъ, но и грѣхи его не на столько тяжки, чтобы душу отправить въ адъ—душу такого человѣка, для ея исправленія и очищенія, переселяютъ въ звѣрей, а подъ конецъ опять въ человѣка, который можетъ проявить добрыя дѣла и удостоиться рая. Душа человѣка, совершившаго на землѣ много добрыхъ дѣлъ, попадаетъ въ рай, гдѣ растутъ деревья изъ чистаго серебра, съ золотыми и алмазными фруктами и гдѣ спасенные пользуются невозмутимымъ покоемъ и весельемъ. По пробывъ въ раю 36 милліоновъ лѣтъ, спасенныя души вновь начинаютъ кочевать по міровымъ тѣламъ; отъ такой новой кочевки освобождаются только души ламъ которые на землѣ монашествовали и достигли высшей степени чистѣйшаго свѣта. Эти души хотя и могутъ вновь воплотиться, но онѣ уже не подвержены соблазнамъ грѣха.

Души грѣшныхъ людей попадаютъ въ адъ, который состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ—души наказуются огнемъ, въ другомъ—великимъ морозомъ. Души убійцъ—погружаются въ кипящее море крови.

Въ аду души остаются также много милліоновъ лѣтъ, пока наступитъ конецъ ихъ мученіямъ.

По ламайскому ученію, главнымъ стремленіемъ человѣка въ земной жизни должно быть: по возможности освободиться отъ всякихъ страстей и предаться всецѣло созерцанію видимаго міра. Запрещенными признаются 10 главныхъ дѣяній и сообразно съ ними выставляются требованія или какъ-бы заповѣди: 1. Не убивай. 2. Не воруй. 3. Не распутствуй. 4. Не клевещи. 5. Не веди дурныя рѣчи. 6. Не лги. 7. Не осуждай другихъ. 8. Не завидуй. 9. Не будь вспыльчивымъ. 10. Не оставайся невѣждой.

Священнодѣйствіе въ кумирнѣ совершается большимъ числомъ такъ-называемыхъ ламъ, въ числѣ которыхъ участвуютъ и несовершеннолѣтніе ученики; такъ напр., на молебствіи о благополучномъ путешествіи служило 18 человѣкъ. Молебствіе совершалось слѣдующимъ образомъ: священнослужители, войдя въ кумирню, размѣстились въ два ряда, вытянувшихся отъ входныхъ дверей къ алтарю и сѣли на низенькія скамейки; у каждаго въ рукахъ былъ какой-либо музыкальный инструментъ, большею частью духовой. У самаго старшаго священнослужителя находилась большая раковина, въ которую онъ дулъ, производя дребезжащій звукъ; у нѣкоторыхъ были въ родѣ кларнетовъ, у другихъ дудки, у четвертыхъ были мѣдныя трубы очень длинныя, до сажени, такъ что онѣ находились подвѣшенными на ремняхъ; двое снабжены были барабанами и колокольчиками, одинъ колотилъ по какой-то кожѣ. Всѣ священнодѣйствующіе производили такую оглушительную музыку, что ушамъ было больно. По временамъ эта музыка замолкала и старшій священнослужитель тихимъ голосомъ нараспѣвъ произносилъ короткія фразы,—смыслъ которыхъ былъ „Господи помилуй"; затѣмъ вновь гремѣли звуки трубъ, и опять прерывались словами старшаго священнодѣйствующаго.

Калмыцкая орда перекочевала въ Россію изъ Монголіи, въ первой четверти XII-го столѣтія, и заняла—конечно самовольно—нынѣшнія, такъ-называемыя Калмыцкія степи, въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ. До 1661 г. калмыки удерживали свое полузависимое положеніе, но въ этомъ году, 9 декабря, ханъ или тайша калмыцкаго народа Бунчукъ шертною записью обязался быть въ вѣчномъ подданствѣ Русскаго Царя.

Вступая въ предѣлы Россіи, калмыки уже имѣли свое внутреннее военно-родовое устройство. Подъ главнымъ владычествомъ хановъ или тайшей, они раздѣлялись на бѣлую и черную кость или на благорожденныхъ, къ которымъ принадлежали ихъ предводители или правители—нойоны и зайсанги, и на неблагорожденныхъ, составлявшихъ классъ простолюдиновъ.

Въ административномъ отношеніи, калмыцкое населеніе дѣлилось, какъ и нынѣ, на улусы, которыми, подъ общею властью тайшей, управляли наслѣдственные нойоны. Улусы дѣлились на аймаки или роды, которые управлялись родовыми или аймачными зайсангами. Каждый аймакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ хотоновъ или группъ, отдѣльныхъ близкородственныхъ кибитко-хозяевъ. Во главѣ хотона стоялъ старѣйшина или ага.

Послѣ бѣгства въ 1771 г. значительнаго числа калмыковъ изъ Россіи въ Китай, императрица Екатерина II, рескриптомъ 19 октября того же года, уничтожила званіе хановъ и оставшіеся въ Россіи нойоны были поставлены въ независимое другъ отъ друга положеніе.

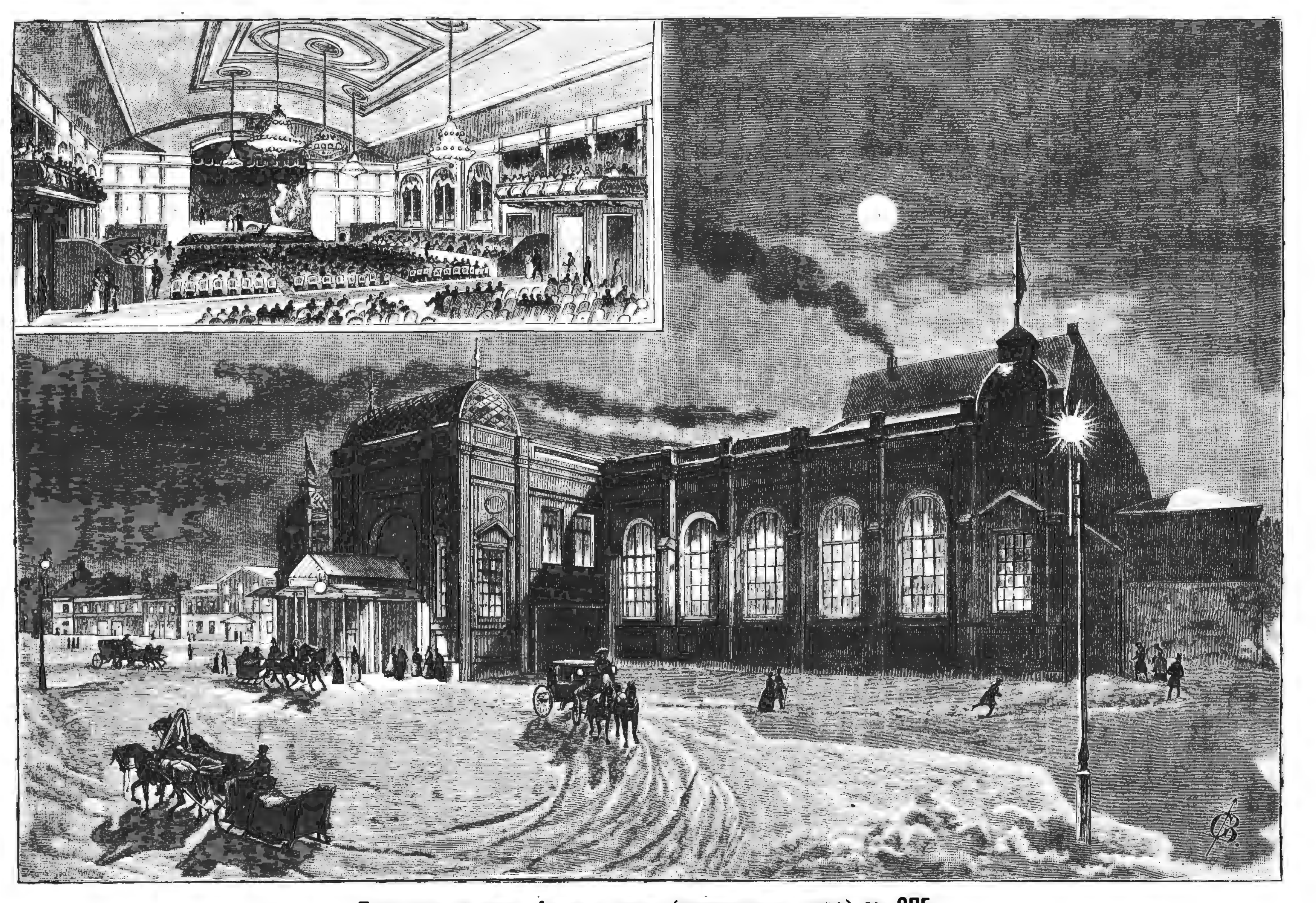
Въ настоящее время находятся въ Астраханской губерніи 7 улусовъ и въ Ставропольской—одинъ Больше-Дербетевскій улусъ. Во всѣхъ улусахъ, по статистическимъ даннымъ 1890 года, числится окладныхъ калмыцкихъ кибитокъ: въ Астраханской губерніи 30,565 и въ Ставропольской—2,885.

Ѳ. Арнольдъ.

Аукціонъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

(Рис. на стр. 37).

Русское сердце отзывчиво къ бѣдствіямъ ближняго. Несча-

Театральный залъ Александрова (итальянская опера) въ СПБ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) г. Броллинга, грав. Шюблеръ.

стіе, постигшее нашу родину, вызвало проявленія необычайной доброты и щедрости, и каждый истинно-русскій человѣкъ, не только имѣющій лишнее, но часто отказывающій себѣ въ необходимомъ, спѣшитъ на помощь нуждающимся. Въ газетахъ ежедневно печатаются списки пожертвованій, состоящихъ не только изъ денегъ, но и необходимыхъ припасовъ и вещей. Въ Петербургѣ вещи въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая отъ времени до времени продаются съ аукціона, въ зданіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и въ другихъ мѣстахъ. И чего только не найдешь на этихъ аукціонахъ: домашняя рухлядь, драгоцѣнныя вещи, часы, музыкальные инструменты, картины и множество другихъ вещей. Въ продажу попадаютъ и живыя существа—коровы и лошади, а въ ноябрѣ продавалось приданое, цѣною въ 1500 руб., пожертвованное одной молодой особой, которая, разочаровавшись въ своемъ избранникѣ, рѣшилась пойти въ монастырь.

Аукціоны происходятъ съ обычнымъ шумомъ и сутолокой, причемъ главную роль играютъ продавцы старьемъ и маклаки, которые и здѣсь стараются поживиться, хотя бы за счетъ пострадавшихъ отъ неурожая.

Театральный залъ Александрова. (Рис. на стр. 41).

28 декабря прошлаго года состоялось открытіе частной итальянской оперы въ театральномъ залѣ Александрова, близъ Троицкаго моста, рядомъ съ Акваріумомъ, у Каменноостровскаго проспекта. Театръ, построенный на средства г. Александрова, долженъ быть причисленъ къ лучшимъ частнымъ театрамъ Россіи. Зрительный залъ поражаетъ какъ своими размѣрами, такъ и вкусомъ и изящесгвомъ, съ какими онъ устроенъ и убранъ. По величинѣ онъ значительно обширнѣе громаднаго зала Дворянскаго Собранія въ Петербургѣ. Въ немъ насчитывается до сорока рядовъ креселъ и стульевъ, чрезвычайно легкихъ и удобныхъ. Гигантскія окна зала и ложи задрапированы темно-малиновымъ бархатомъ, въ видѣ громадныхъ портьеръ съ золотыми каймами, шнурами и кистями. Съ каждой стороны сцены находятся по три ложи parterre въ видѣ шатровъ, изъ бархата. Пять большихъ люстръ, состоящихъ изъ электрическихъ лампочекъ вокругъ большаго фонаря, вмѣстѣ съ канделябрами въ видѣ музыкальныхъ инструментовъ, разливаютъ цѣлое море электрическаго свѣта по залѣ. Оркестръ расположенъ гораздо ниже партера, такъ что публикѣ виденъ только капельмейстеръ, сидящій впереди оркестра, а не у суфлерской будки. Въ акустическомъ отношеніи залъ чрезвычайно хорошъ, какъ для слушателей, такъ и для исполнителей, въ числѣ которыхъ встрѣчаются имена: Мазини, Зембрихъ, Девойода, де-Падилла и другихъ знаменитостей современной итальянской сцены.

Герцогъ Кларенскій. (Портр. на стр. 44).

Телеграфъ принесъ 3 января печальную вѣсть о кончинѣ старшаго сына принца Вельскаго, герцога Кларенскаго и Авондэльскаго. Усопшій принцъ Альбертъ-Викторъ родился 27 декабря 1864 г. въ Фрогморѣ, близъ Виндзора, и слѣдовательно покойному принцу только что исполнилось 28 лѣтъ. Воспитанный дома, онъ 15-ти лѣтъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, принцомъ Георгомъ, поступилъ морскимъ кадетомъ на „Британію" и прошелъ всѣ стадіи морской службы, совершивъ не мало плаваній, въ томъ числѣ девятимѣсячное путешествіе на „Bacchante". Послѣ своего путешествія въ 1882 году, принцъ Альбертъ занимался въ Кембриджѣ, а затѣмъ въ Гейдельбергѣ и Альдершотѣ. Съ 1885 года начинается его военная служба, которою онъ занимался очень дѣятельно, и въ послѣднее время числился маіоромъ въ 10-мъ гусарскомъ полку. Герцогъ Кларенскій, незадолго до своей смерти, былъ обрученъ со своей троюродной сестрой, принцессой Викторіей-Августой, дочерью герцога Франца Текъ и великобританской принцессы Маріи-Аделаиды, внучки англійскаго короля Георга III и родной сестры теперешняго главнокомандующаго британскихъ войскъ герцога Кембриджскаго. Отецъ невѣсты покойнаго герцога, герцогъ фонъ-Текъ—натурализованный въ Англіи германскій принцъ, сынъ герцога Александра Виртембергскаго и его морганатической супруги графини Клавдіи Гагенштейнъ. Преждевременная и внезапная кончина полнаго силъ и надеждъ герцога Альберта, внука королевы Викторіи и Августѣйшаго племянника Государыни Императрицы, повергаетъ въ печаль не только его родину, Англію, но и Русскую землю, вмѣстѣ съ Императорскимъ Домомъ, связаннымъ тѣсными родственными узами съ англійскою королевскою семьею.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

(Портр. на стр. 44).

Въ концѣ прошлаго 1891 года (12 ноября), въ Сергіевомъ посадѣ, при Троице-Сергіевской Лаврѣ, близъ Москвы, скончался нашъ высоко-талантливый писатель, художникъ-беллетристъ, глубоко-оригинальный и самобытный мыслитель и публицистъ, Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

Многіе изъ читателей *Нивы*, вѣроятно, помнятъ еще тѣ небольшіе, но прекрасные разсказы его и живые, интересные эпизоды изъ его консульскихъ воспоминаній, которые помѣщались иногда на страницахъ нашего журнала (1884 и 1885 гг.).

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и родился 13 января 1831 года, въ Калужской губерніи, въ с. Кудиновѣ—имѣніи своихъ родителей. Первоначальное воспитаніе свое онъ получилъ дома, подъ непосредственнымъ руководствомъ матери своей, рожденной Карабановой, женщины большаго ума, хорошаго образованія и необыкновенно тонкаго и изящнаго вкуса. Дальнѣйшее свое образованіе онъ продолжалъ въ Калужской гимназіи, по окончаніи курса которой и послѣ весьма кратковременнаго (мѣсяца три-четыре) пребыванія въ Ярославскомъ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, онъ (въ 1850 году) поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Удостоенный степени лѣкаря (въ 1854 г.), онъ отправился, по своей охотѣ, въ качествѣ военнаго врача, въ Крымъ.

По заключеніи мира (въ 1856 г.), онъ прожилъ въ Крыму до осени 1857 г.; потомъ уѣхалъ во внутреннюю Россію и, отказавшись отъ выгодной медицинской карьеры въ Москвѣ, которую сулилъ ему, подъ протекціей своей, знаменитый профессоръ Иноземцевъ, весьма къ нему благоволившій, онъ, не желая, чтобы столичная медицинская практика слишкомъ поглощала его время, взялъ себѣ должность сельскаго и домашняго врача въ Нижегородской губерніи, въ имѣніи барона Д. Г. Розена, гдѣ и прожилъ два года (до мая 1860 г.), посвящая свободныя минуты занятіямъ литературой.

Вполнѣ удовлетворившую его дѣятельность онъ нашелъ наконецъ въ консульской службѣ на Востокѣ (1863—1873 г.). Онъ былъ сперва секретаремъ консульства на островѣ Критѣ, затѣмъ управляющимъ консульствомъ въ Адріанополѣ, вицеконсуломъ въ Тульчѣ и наконецъ консуломъ въ Янинѣ и Салоникахъ.

Служебная карьера его казалась тогда вполнѣ обезпеченною и сулила ему блестящую будущность. Онъ очень скоро догналъ по службѣ нѣсколькихъ изъ лучшихъ нашихъ дипломатовъ, которые начали служить 6—7 лѣтъ раньше его и въ настоящее время занимаютъ высшіе посты. Но въ 1871 г. въ Янинѣ онъ заболѣлъ упорною болѣзнью, которая сокрушила почти внезапно его здоровье. Климатъ Салоникъ и вообще Македоніи, куда его, въ надеждѣ на выздоровленіе, перевели, не только не принесъ ему пользы, но, напротивъ, ухудшилъ его положеніе. Почти въ то же самое время какія-то неизвѣстныя личныя огорченія разстроили его нравственно до такой степени, что онъ уѣхалъ на Аѳонскую гору и, взявъ долгій отпускъ, жилъ тамъ, въ обществѣ монаховъ, почти безвыѣздно около 2-хъ лѣтъ. Страстная душа его, алкавшая глубокихъ и ясныхъ, рѣзко оформленныхъ убѣжденій, нашла ихъ въ великихъ и вѣчныхъ истинахъ всепримиряющаго православія... Въ 1873 г. онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Россію.

Съ 1874 до 1880 года Леонтьевъ жилъ частью въ калужскомъ своемъ имѣніи, доставшемся ему въ наслѣдство отъ матери, частью въ Москвѣ, частью въ Оптиной пустыни, находящейся неподалеку отъ его имѣнія, въ той же губерніи, и занимался исключительно литературой.

Въ 1880 г. онъ былъ приглашенъ княземъ Н. Н. Голицынымъ въ Варшаву и редижировалъ вмѣстѣ съ нимъ *Варшавскій Дневникъ*.

Въ концѣ этого же года Леонтьевъ былъ назначенъ цензоромъ Московскаго цензурнаго комитета. Въ 1887 году онъ снова былъ вынужденъ выйти по нездоровью въ отставку и, обезпеченный пенсіей, поселился на покоѣ въ Оптиной пустыни, гдѣ и прожилъ почти безвыѣздно до осени прошлаго года, не оставляя все это время литературной дѣятельности.

Въ концѣ августа прошлаго года, онъ переселился въ Троице-Сергіевскую лавру, гдѣ и скончался 12 ноября, на 61 году жизни.

Изъ всего написаннаго и напечатаннаго имъ до отъѣзда въ Турцію, въ этотъ періодъ броженія и исканія, кромѣ весьма умныхъ и оригинальныхъ критическихъ статей о романѣ Тургенева „Накапунѣ" (въ *От. Зап.*, за подписью „Знакомый вамъ провинціалъ") и „О сочиненіяхъ Марко Вовчка" (*От. Зап.* 1861 г., мартъ), всего болѣе замѣчательны два большихъ романа: „Подлипки" и „Въ своемъ краю".

Но оба эти романа, будучи совершенно чуждыми соціальнымъ и политическимъ темамъ, которыми всѣ тогда были увлечены, прошли совершенно незамѣченными; критика 60-хъ годовъ встрѣтила ихъ жестокимъ и незаслуженнымъ молчаніемъ.

Во время пребыванія на Востокѣ и послѣ возвращенія оттуда, художественный талантъ Леонтьева пріобрѣтаетъ еще бо́льшее своеобразіе и самобытность, и развертывается во всей своей силѣ и оригинальной прелести. Онъ обогащаетъ нашу литературу цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ, крайне своеобразныхъ, обвѣянныхъ восточнымъ ароматомъ, повѣстей и разсказовъ, каковы: „Хризо", „Пембе", „Паликаръ Костаки", „Аспазія Ламприди", „Одиссей Полихроніадесъ" и др. Свѣжесть и новизна сюжета, удивительная наблюдательность, тонкое эстетическое чувство, мастерство разсказчика и необыкновенно изящный языкъ—ставятъ эти произведенія весьма высоко. Большинство ихъ было напечатано въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ въ *Рус. Вѣстникѣ* и потомъ издано отдѣльно въ 2-хъ томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ жизни христіанъ въ Турціи",—повѣсти и разсказы К. Н. Леонтьева (М. 1876 г.).

То же пребываніе на Востокѣ и постоянное соприкосновеніе съ его разноплеменнымъ населеніемъ, въ качествѣ представителя Россіи, заставили Леонтьева глубоко задуматься надъ судьбами своей родины, надъ ея культурнымъ призваніемъ, и вообще заняться вопросами высшей политики и соціологіи. Плодомъ этихъ занятій явился рядъ блестящихъ статей его, какъ: „Панславизмъ и Греки", „Панславизмъ на Аѳонѣ", „Византизмъ и Славянство", „Русскіе, Греки и Юго-Славяне", „Письма о восточныхъ дѣлахъ" и пр., которыя вошли потомъ въ составъ І-го тома его сборника „Востокъ, Россія и Славянство" (М. 1886 г., 2 тома).

Публицистической дѣятельности, по преимуществу, были посвящены послѣдніе годы его жизни. Здѣсь онъ является удивительнымъ, необыкновенно проницательнымъ и глубокимъ знатокомъ Востока, горячимъ поборникомъ Православія и истинно-національныхъ русскихъ началъ, тонкимъ эстетикомъ и совершенно своеобразнымъ мыслителемъ-философомъ. Пользуясь извѣстностью гораздо меньшею, чѣмъ заслуживалъ, благодаря главнымъ образомъ тому, что постоянно шелъ противъ теченія, онъ въ послѣднее время сталъ обращать на себя наконецъ все бо́льшее и бо́льшее вниманіе—не только у насъ, но и за границей. Такъ, напр., года за два до его смерти, французскимъ журналомъ *La Nouvelle Revue* (отъ 15 іюня 1889 г.) посвящена ему весьма лестная и любопытная статья: „Un Portrait littéraire russe: M. Constantin Léontieff".

Но истинная и всесторонняя оцѣнка жизни и дѣятельности этого необыкновенно интереснаго, оригинальнаго и самобытнаго русскаго человѣка и писателя принадлежитъ, разумѣется, будущему.

Анатолій Александровъ.

Политическое обозрѣніе.

Наиболѣе выдающимся событіемъ послѣднихъ дней является внезапная кончина Египетскаго хедива Тевфикъ-паши, послѣдовавшая 21 декабря прошлаго года. Сынъ Измаилъ-паши, который 26 іюня 1879 г. отрекся отъ власти, онъ былъ назначенъ хедивомъ (вице-королемъ) фирманомъ отъ 8 августа 1879 г. и 14 августа того же года получилъ инвеституру. Онъ женился въ январѣ 1873 года на принцессѣ Эмипехъ и былъ отцомъ четырехъ дѣтей: наслѣднаго принца Аббаса (род. въ 1874 г.), принца Мехмета и принцессъ Каджатъ и Ниметъ. Свирѣпствующая за послѣдніе годы въ Европѣ инфлуэнца, появилась и въ Египтѣ, и одною изъ жертвъ ея сталъ умершій хедивъ. Туземные врачи не знали, что хедивъ страдаетъ воспаленіемъ легкихъ и болѣзнью почекъ. За 17 часовъ передъ смертью призваны были европейскіе врачи; до тѣхъ поръ туземные врачи дѣлали впрыскиванія морфіемъ, который только повредилъ. Европейскіе врачи въ отчетѣ о болѣзни наши сообщають, что послѣ воспаленія легкихъ у него появился нефритъ, который и былъ причиною смерти. Похороны хедива отличались простотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли внушительный характеръ. Наполнявшую улицы толпу опредѣляютъ въ 200,000 человѣкъ. Какъ только стало извѣстно о смерти хедива, сыновья его, наслѣдный принцъ Аббасъ-паша и Мехметъ-бей, которые обучаются въ вѣнскомъ Терезіанумѣ, вызваны были по телеграфу въ Тріестъ, гдѣ ихъ ждалъ англійскій пароходъ, на которомъ принцы отправились въ Александрію. Аббасъ-паша пользуется въ Вѣнѣ, послѣ шестилѣтняго пребыванія, общими симпатіями и слыветъ, какъ и мать принца, за франкофила. Турецкій великій визирь телеграфировалъ министру-президенту въ Каирѣ, что на основаніи существующихъ фирмановъ, султанъ назначилъ хедивомъ Аббаса-пашу.

Journal de St.-Pétersbourg, отмѣчая кончину хедива, говоритъ, что „внезапное исчезновеніе этого государя, умершаго скоропостижно въ цвѣтѣ лѣтъ, произведетъ впечатлѣніе повсемѣстно и можно предвидѣть, что оно вызоветъ не мало толковъ въ печати государствъ, наиболѣе непосредственно заинтересованныхъ въ положеніи дѣлъ на берегахъ Нила. Отношенія Египта къ сюзеренной державѣ, Турціи, установлены фирманами и договорами; что же касается иностранныхъ вліяній, дѣйствующихъ въ странѣ фараоновъ, то было бы пока дѣломъ празднымъ заниматься оцѣнками или даже просто предположеніями относительно послѣдствій, могущихъ произойти въ этомъ отношеніи отъ безвременной кончины вице-короля.

„Въ Россіи кончина эта вызоветъ горестныя симпатіи, такъ какъ у насъ не забыли добраго пріема, оказаннаго хедивомъ Особамъ нашей Августѣйшей Императорской Фамиліи по случаю посѣщенія Ими его государства. Особенно помнятъ столько же пышную, сколько сердечную встрѣчу Наслѣдника Русскаго Престола при дворѣ вице-короля, во время большаго путешествія Его Императорскаго Высочества на Востокъ и на дальній Востокъ".

Западно-европейскія газеты не вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе нашей французской газеты, считающей празднымъ дѣломъ заниматься египетскимъ вопросомъ, и обсуждаютъ многократно и многообразно послѣдствія, могущія проистечь отъ внезапной кончины хедива.

Французскія газеты дружно признаютъ, что Тевфикъ-паша былъ покорнымъ слугою Англіи, которая, вѣроятно, воспользуется случаемъ, чтобы еще отсрочить очищеніе Египта. Нѣкоторыя газеты находятъ, что заинтересованныя державы должны бы были вновь поднять египетскій вопросъ. Такъ, *Gaulois* замѣчаетъ, что „самымъ опаснымъ послѣдствіемъ кончины Тевфика можетъ быть перемѣна въ отношеніяхъ Англіи къ Турціи. Англія можетъ ослабить или скрѣпить узы, связывающія Египетъ съ султаномъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что султанъ сдѣлаетъ маркизу Солсбери большія уступки, если тотъ возвратитъ ему часть утраченной имъ надъ Египтомъ власти. Всѣмъ извѣстны усилія Англіи присоединить балканскія государства и особенно Турцію къ тройственному союзу. Смерть Тевфика можетъ доставить Англіи случай цѣною нѣсколькихъ уступокъ перетянуть султана на сторону тройственнаго союза".

Дѣло о высылкѣ французскаго корреспондента Шадурна изъ Софіи, какъ сообщаетъ газета *Liberté*, можно считать оконченнымъ. Порта признаетъ совершенно основательными требованія Франціи и болгарскіе правители, подчиняясь мнѣнію Порты, обсуждаютъ въ настоящее время вопросъ, въ какой формѣ дать Франціи требуемое удовлетвореніе.

Разныя извѣстія.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая.

— Въ Алатырѣ, по предложенію князя Юсупова, съ 29 декабря открылась, съ разрѣшенія губернатора, подъ распоряженіемъ вдовы д. с. с. Пазухиной, безплатная столовая, на первое время на 200 человѣкъ. Въ селѣ Промзинѣ открыта безплатная, подъ распоряженіемъ кн. Тенишевой, столовая на 150 человѣкъ.

— Царицынскій городской продовольственный комитетъ открылъ вторую безплатную столовую на 200 человѣкъ. Лютеранскій приходъ открылъ столовую для нѣмцевъ и русскихъ на 100 человѣкъ. Всего въ царицынскихъ столовыхъ ежедневно прокармливается до 1000 человѣкъ.

— Въ селѣ Политовѣ, Мильгуновской волости, Тамбовскаго уѣзда, землевладѣльцами Куровскими открыта столовая на 400 нуждающихся, не считая 50 человѣкъ постоянно призрѣваемыхъ въ самомъ имѣніи. Кромѣ того, неимущимъ, особенно дѣтямъ, гг. Куровскіе раздаютъ сапоги, рубашки, поддёвки и другаго рода одежду.

Военное и морское дѣло.

— 31 декабря исполнилось шестидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ члена адмиралтействъ-совѣта, адмирала Михаила Іосифовича Дюгамеля. Въ службѣ юбиляръ состоитъ съ 1830 года.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Урожай льна въ главнѣйшихъ округахъ льнянаго производства Владимірской губерніи оказался въ истекшемъ году удовлетворительнымъ и отчасти хорошимъ.

— На-дняхъ пріѣзжали въ Житоміръ двое уполномоченныхъ отъ тридцати семействъ галицкихъ крестьянъ, желающихъ переселиться въ Россію. Они хотѣли узнать, не окажется-ли въ Волынской губерніи необходимаго количества земли, продающейся или отдаваемой въ долгосрочную аренду, для устройства колоніи. Землевладѣлецъ села Высокаго, находящагося въ 18-ти верстахъ отъ Житоміра, изъявилъ согласіе продать галиційскимъ переселенцамъ 300 десятинъ пахатной земли, по 120 рублей за десятину, и уполномоченные уже ходатайствуютъ о предоставленіи имъ права на пріобрѣтеніе означенной земли.

— Въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе Высочайшаго повелѣнія на имя правителя Таврической области объ отводѣ земель греческимъ поселенцамъ въ Крыму. Въ виду этого крымскими греками предполагается отпраздновать столѣтіе переселенія ихъ предковъ въ Тавриду.

Искусства изобразительныя.

— Одесская городская управа объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника императрицѣ Екатеринѣ II. Памятникъ долженъ быть поставленъ въ скверѣ на Екатерининской площади и своимъ общимъ видомъ и помѣщенными украшеніями (горельефами и т. п.) будетъ напоминать великія дѣянія императрицы и ея сподвижниковъ, въ эпоху основанія города.

Археологія и древности.

— Девятый археологическій съѣздъ состоится въ Вильнѣ и продолжится двѣ недѣли, съ 1 по 14 августа 1892 года.

Театръ.

— Въ истекшемъ году исполнилось столѣтіе со времени основанія постояннаго театра въ Казани. Первый постоянный театръ возникъ въ Казани въ 1791 году, при губернаторѣ князѣ Баратаевѣ, подъ управленіемъ артиста Бобровскаго.

Некрологъ.

— 21 декабря въ Варшавѣ скончался ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Іосифъ Іосифовичъ Первольфъ. Покойный родился въ 1841 г., въ Чехіи.

— 22 декабря въ Москвѣ скончался заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета и управляющій Московскимъ архивомъ министерства Юстиціи, Нилъ Александровичъ Поповъ. Покойный родился 28 марта 1833 г. въ Бѣжецкѣ, Тверской губ.

Смѣсь.

О плутняхъ китайскихъ торговцевъ. *Восточно-азіатскій Ллойдъ* разсказываетъ слѣдующее: „Китайцевъ совершенно справедливо принято считать природными купцами. Обладая чрезвычайно сильно-развитымъ коммерческимъ инстинктомъ, они расчетливы, хитры и осмотрительны при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ, неутомимы въ лукавыхъ стараніяхъ продать повыгоднѣе и въ изумительной степени изобрѣтательны въ придумываніи всевозможныхъ плутней. Иностранный купецъ принимаетъ въ соображеніе дѣйствительную стоимость товаровъ, ихъ качество и положеніе рынка, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы запасъ товаровъ не превышалъ ихъ спроса и наоборотъ, и уже сообразно со всѣми этими условіями назначаетъ свою цѣну. Китайскій купецъ изучаетъ всѣ эти пункты съ тѣмъ же стараніемъ, но—онъ также изучаетъ каждаго покупателя, онъ разсматриваетъ его съ ногъ до головы и дѣлаетъ бѣглую, но, обыкновенно, вѣрную оцѣнку: насколько тотъ легковѣренъ, насколько разсчетливъ или неразсчетливъ при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ, свѣдущъ или несвѣдущъ въ положеніи рынка и т. п. И только когда выводъ сдѣланъ, китаецъ назначаетъ цѣну на спрошенную вещь; поэтому въ Китаѣ стоимость товара всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ личности покупателя. Соціальная ступень, на которой стоитъ иностранецъ, даже постоянный покупатель,—также служитъ мѣриломъ для установленія цѣнъ на разные предметы. Покупка чего-нибудь у китайца, какъ бы незначительна ни была стоимость вещи, на самомъ дѣлѣ является умственною дуэлью. Краснорѣчіе, выразительность и мимика, пускаемыя при этомъ въ ходъ продавцомъ съ косою, просто изумительны. Цитаты изъ Конфуція, пылкія воззванія къ окружающимъ, доводы, основанные на справедливости и здравомъ смыслѣ: все пускается въ ходъ, даже когда дѣло идетъ объ одномъ грошѣ. Каждый пробуетъ обмануть другаго, и часто это обоимъ удается: покупатель платитъ менѣе чѣмъ долженъ, а продавецъ надуваетъ покупателя, пользуясь фальшивою мѣрой или вѣсами. Споръ все-таки составляетъ существенную часть каждой китайской сдѣлки. То обстоятельство, что въ Китаѣ не знаютъ нормальныхъ единицъ мѣры и вѣса,—онѣ мѣняются въ каждомъ округѣ каждой провинціи, — натурально много способствуетъ практикованію подобнаго плутовства. Всякаго рода платки, — шелковые, полотняные, шерстяные и бумажные, продаются на футы; но китаецъ при куплѣ всегда употребляетъ болѣе длинный футъ, чѣмъ при продажѣ. Для бумажныхъ товаровъ футъ длиннѣе, чѣмъ для шерстяныхъ, а этотъ послѣдній длиннѣе того, которымъ отмѣряютъ шелковыя матеріи. На базарѣ продаютъ сдѣланные по всѣмъ правиламъ вѣсы и къ нимъ — два совершенно различныхъ набора гирь: одинъ наборъ для купли, другой для продажи. Поэтому нерѣдки ссоры между продавцомъ и покупателемъ, когда этотъ послѣдній—что часто случается—приноситъ съ собою собственные вѣсы и гири. При покупкѣ бумажной пряжи различной доброты число унцій на фунтъ мѣняется: для низшаго сорта—16 унцій, т. е. полный фунтъ, для средняго—только 12, а для высшаго, самаго тонкаго, 22 унціи. Такія и тому подобныя колебанія, установленныя обычаемъ, на практикѣ, конечно, уравниваются, такъ какъ цѣна сообразуется съ вѣсомъ. Можно было бы написать цѣлую книгу о явныхъ плутняхъ китайскаго торговца. Онъ надуваетъ перышкомъ баранью ляжку такъ, что самый сухой кусокъ мяса кажется жирнымъ и аппетитнымъ; внутренность рыбы или середину капустнаго кочна наполняетъ голышами,—продается то и другое на вѣсъ; выставляетъ на продажу карликовыя апельсинныя деревья, сплошь покрытыя фруктами, которые почти всѣ безъ исключенія чрезвычайно искусно, посредствомъ тонкой проволоки, прикрѣплены къ никогда не носившимъ ихъ вѣтвямъ; дыры въ старыхъ фарфоровыхъ вазахъ заклеиваются старыми же кусочками фарфора такъ искусно, что открыть обманъ можно только при помощи процесса окисленія. Незначительность извлекаемой изъ обмана выгоды никогда не удержитъ украшеннаго косою торговца отъ попытки, гдѣ только можно надуть своего покупателя". (в.)

Принцъ Альбертъ-Викторъ герцогъ Кларенскій. († 2 января 1892 г.).

Въ высшихъ сферахъ воздушнаго океана. Человѣку по причинѣ особаго устройства его тѣла предназначено вести жизнь на днѣ воздушнаго океана. Только взбираясь на высокія горы или поднимаясь на воздушномъ шарѣ, онъ можетъ проникать въ сферы, гдѣ воздухъ рѣже и чище, чѣмъ на землѣ, но, къ сожалѣнію, возможность эта сильно ограничена. Ни одно живое существо не поднималось на высоту 10 верстъ и даже всѣ измѣненія погоды, наблюдаемыя нами, происходятъ въ воздухѣ значительно ниже этой высоты. Тѣмъ не менѣе атмосфера земли простирается далеко за этотъ предѣлъ, но воздухъ тамъ настолько разрѣженъ, что человѣкъ не можетъ дышать имъ, а огонь не горитъ на подобной высотѣ, и температура тамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, такая низкая, что сильнѣйшіе сибирскіе морозы въ сравненіи съ ней могутъ считаться теплою погодой. До сихъ поръ воздушный океанъ представлялся наукою, какъ пустое пространство, въ которомъ не на чемъ остановиться ни нашимъ взорамъ, ни оптическимъ инструментамъ. Сравнительно недавно и высшія воздушныя сферы подвергну-

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ. († 12 ноября 1891 г.).

ты были тщательному наблюденію и изученію. Именно, съ 1885 г., послѣ извѣстныхъ вулканическихъ изверженій на Зондскихъ островахъ, на небѣ въ лѣтнюю пору появились совершенно особыя облака, которыя ночью освѣщались лучами солнца, тогда какъ всѣ прочія облака и даже вершины высочайшихъ горъ оставались во мракѣ. Извѣстно, что предметъ тѣмъ дольше освѣщается лучами заходящаго солнца, чѣмъ выше находится отъ земной поверхности. Поэтому пришли къ заключенію, что вышеупомянутыя облака находятся въ высочайшихъ сферахъ воздуха, въ которыхъ ранѣе никогда не было видно облаковъ. Многими важными свѣдѣніями относительно этого явленія наука обязана астроному О. Iессе. Уже въ 1887 г. полагали, что облака эти должны находиться не ниже 75 верстъ отъ земли. Прошлымъ лѣтомъ эти измѣренія были провѣрены въ трехъ различныхъ мѣстахъ близь Берлина и разстояніе облаковъ отъ земли было опредѣлено въ 83 версты. На этой высотѣ воздухъ настолько разрѣженъ, что мы уже болѣе не видимъ его при помощи нашихъ инструментовъ. Въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ пылинка или тончайшій волосокъ падаютъ съ такою-же скоростью, какъ свинцовая пуля. Частицы-же, изъ которыхъ состоятъ облака, держатся тамъ уже съ 1885 года и не падаютъ. Изъ этого можно заключить, что тамъ вѣроятно дѣйствуетъ какая-то сила, которая противодѣйствуетъ тяжести, а слѣдовательно и паденію облаковъ. Свѣтящіяся облака не остаются неподвижными на этой высотѣ, а напротивъ двигаются съ большою скоростью, измѣняя при этомъ свои очертанія. Измѣренія показали, что они двигаются съ необычайною скоростью въ 3, 4 и 7 разъ превышающею скорость нашихъ сильнѣйшихъ ураганов. Сильнѣйшій ураганъ несется со скоростью 45 метровъ въ секунду, эти-же облака двигаются почти въ пустомъ пространствѣ со скоростью 100, 200 и 300 метровъ въ секунду. Конечно эти облака двигаются благодаря теченіямъ въ высшей степени разрѣженнаго воздуха, въ которомъ они находятся, и потому надо принять, что на высотѣ 10 миль воздухъ двигается со скоростью пушечнаго ядра, что остается незамѣтнымъ для наблюдателя, находящагося на землѣ. Аналогичныя явленія происходятъ съ болидами и падающими звѣздами. Они лопаются въ атмосферѣ на высотѣ 5—10 миль и на мѣстѣ ихъ появляются облачка дыма, какъ у жерла пушки послѣ выстрѣла. Дымовыя облака отъ разорвавшихся болидовъ двигаются, по наблюденіямъ Берлинской обсерваторіи, со скоростью 150 и болѣе метровъ въ секунду подъ вліяніемъ теченій воздуха. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что на высотѣ 10 миль надъ нами существуютъ воздушныя теченія, скорость которыхъ значительно превышаетъ скорость земныхъ ураганов. Несомнѣнно также, что температура высшихъ сферъ воздуха, гдѣ происходитъ это движеніе, 100° или 150° ниже нуля. Густой, разрѣженный и парообразный слои нашей атмосферы, лежащіе непосредственно одинъ за другимъ надъ нашею планетою, предохраняютъ насъ отъ ужасныхъ вихрей, происходящихъ въ высшихъ слояхъ воздуха. Будь вокругъ земли такая-же разрѣженная атмосфера, какъ на высотѣ 10 миль отъ нея, тогда-бы даже благотворные лучи солнца не спасли землю отъ замерзанія. (к.)

Средства противъ яда змѣй. Существуетъ множество средствъ противъ змѣинаго яда, а между тѣмъ самыя простыя изъ нихъ далеко не всѣмъ извѣстны. Однимъ изъ древнѣйшихъ является прижиганіе свѣжей раны, которое теперь мало употребительно. Новѣйшее средство ботаника барона Миллера состоитъ въ принятіи внутрь препарата, содержащаго стрихнинъ. Утверждаютъ, что противъ укуса змѣй цѣлительно дѣйствуетъ и мышьякъ. Послѣдній, какъ извѣстно, употребляется укротителями ядовитыхъ змѣй противъ ихъ укусовъ. Однако, въ виду различія дѣйствія, которое оказываетъ мышьякъ на различныхъ людей, пользованіе имъ въ этихъ случаяхъ не можетъ быть рекомендовано. Менѣе опасенъ крѣпчайшій алкоголь, употребляемый съ успѣхомъ въ этихъ случаяхъ африканцами, который даетъ сильное возбужденіе нервнымъ центрамъ, предохраняя ихъ отъ угрожающаго имъ парализованія змѣинымъ ядомъ. Въ Сѣверной Америкѣ въ большомъ ходу употребленіе внутрь оливковаго масла, которое дѣйствительно служитъ прекраснымъ средствомъ противъ укуса тамошнихъ гремучихъ змѣй. Въ очень многихъ мѣстахъ практикуется высасываніе яда изъ раны, но это средство крайне опасно для высасывающаго, принося ему смерть, если во рту его есть хоть малѣйшая царапинка. Лучше извлекать ядъ другимъ, совершенно безвреднымъ способомъ, придуманнымъ врачомъ Iоганномъ Шротомъ. Послѣднему приходилось

не разъ примѣнять свое средство на родинѣ въ Силезіи противъ яда тамошнихъ гадюкъ: помочивъ руки въ холодной водѣ онъ растиралъ укушенное змѣей и уже припухшее мѣсто, затѣмъ накладывалъ на него согрѣвательный компрессъ, черезъ 4 часа мѣнялъ его новымъ, который снималъ черезъ 6 часовъ, послѣ чего змѣиный ядъ появлялся изъ раны въ видѣ пузырьковъ. Проколовъ ихъ, Шротъ вымывалъ ядъ и вновь накладывалъ компрессъ и такимъ образомъ вылѣчивалъ укушенныхъ въ весьма непродолжительное время. Если ядъ уже глубоко проникъ въ организмъ, то конечно такое мѣстное лѣченіе не можетъ помочь больному, и тогда надо искать спасенія въ горячихъ ваннахъ и паровыхъ баняхъ. Самый спокойный для паціента способъ лѣченія состоитъ въ сильномъ бѣгѣ, до тѣхъ поръ пока на тѣлѣ не выступитъ обильный потъ. Этотъ способъ мѣшаетъ яду дѣйствовать на сердце и легкія; имъ уже достигнуты многія излѣченія. Такимъ образомъ всѣ средства противъ укуса змѣй сводятся къ противодѣйствію змѣиному яду или крѣпкими настоями, или же усиленными движеніями тѣла. (к.)

ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 2.

Г. Ф. Слэтера.

Черные.

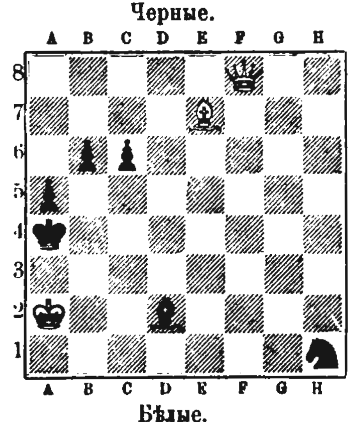
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 3.

Г. Хохолуша и С. Гольда.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 46 (№ 46 *Нивы*). **П. И. Маракулина.** Матъ въ 2 хода.

1. **Ф. b2—b8**, ∞; 2. Матъ различными способами.

№ 47 (Шашечная). **Е. Θ Андрезена.** (№ 46 *Нивы*).
Запереть дамку и простую.
1. g3—f4, 2. c1—d2, 3. h4—g5, 4. f8—g7, 5. a5—b6, 6. a3 : b6, 7. d2 : h2.

№ 49 (№ 47 *Нивы*). **J. Rayner.** Матъ въ 3 хода.

1. **Ф. d8—d2**, c3 : d2; 2. К : d2+, Кр. d4; 3. Л. d6╪

a) 1. . . . К e2; 2. Ф: e2+, 3. Ф╪

b) 1. . . . Л. или С. d3; 2. Ф. f4+, ef; 3. Л╪

c) 1. . . . Л. f3; 2. gf+, К. : f3; 3. Ф╪

d) 1. . . . c2; 2. К. c5, К : c5; 3. Ф╪

e) 1 . . . c6; 2. Л. a 4+, К. b4; 3. Л : b4╪

№ 50 (№ 47 *Нивы*). **П. И. Маракулина.** Матъ въ 2 хода (съ бѣлой пѣшкой на g7).

1) **Ф. g6—c2**, ∞; 2. Ф. С. К.╪

Правильныя рѣшенія шахматныхъ задачъ прислали:
Всѣхъ задачъ: **Е. Θ. Андрезенъ** (СПБ.).

№ 46: **Офиц. собр.** 90 пѣх. Онежск. полка (Ревель), **И. А. Васильевъ** (СПБ.), **В. Я. Захаровъ** (Минскъ), **А. Б. Магазаникъ** (Бердичевъ), **И. Бертабековъ** (Тифлисъ), **П. Соковнинъ** (Казань).

№ 47: **Н. Кукуевъ, Н. Смирновъ, И. П. Зайцевъ** (Москва), **М. Волоковъ** (Калуга).

№ 49: **Д-ръ Круковскій** (м. Бальвержишки, Сувалк. губ.).

№ 50: **В. Уколовъ** (СПБ.), **В. Францысанъ** (Дмитріевъ), **І. Розенкнопфъ** (Витебскъ), **П. Осинскій** (Ростовъ на Д.), **И. Верхоустинскій** (м. Лоддигерь, Рижск. уѣзда), **В. Шнейдеръ** (Бердичевъ).

№№ 49, 50: **А. Н. Беръ** (м. Ацхуръ).

Матчъ М. Чигорина съ В. Стейницемъ въ Гаваннѣ начался 23 декабря 1891 г. (4 января 1892 г.).

По настоящее время сыграно 7 партій, изъ нихъ Стейницемъ выиграно 2 партіи, Чигоринымъ 2 партіи и 3 партіи разыграны въ ничью.

1-й заемъ 1864 года.

54-й тиражъ 2 января 1892 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
55	32	500	2542	37	500	5740	35	500	7665	49	500	10142	26	500	12826	31	500	15385	18	5000	17430	16	500
125	35	500	2548	21	500	5768	19	500	7757	28	500	10160	26	1000	12831	34	500	15426	25	10000	17569	12	500
238	8	500	2610	20	500	5801	32	500	7851	7	500	10249	1	500	12849	35	500	15460	2	500	17575	14	500
248	47	1000	2612	47	500	5977	4	500	7912	50	500	10598	28	500	13067	21	500	15539	34	500	17709	1	500
307	6	500	2619	45	500	5988	32	500	7926	31	500	10718	43	1000	13165	18	500	15603	37	500	17749	30	1000
322	27	500	2725	35	500	6025	29	500	7959	43	500	10742	48	500	13258	48	500	15610	31	500	17771	33	500
465	50	500	2886	30	500	6076	49	500	8063	36	1000	10810	32	500	13261	8	500	15615	22	500	17881	8	8000
584	45	500	3005	13	500	6242	39	500	8096	32	500	10884	45	500	13321	29	500	15624	16	500	17924	35	500
612	23	500	3125	39	500	6269	29	500	8159	45	500	10917	46	500	13540	39	1000	15738	12	500	17925	37	500
705	35	500	3178	14	500	6273	26	500	8193	5	200000	10996	38	500	13674	40	500	16037	15	500	18082	48	500
708	7	500	3353	5	500	6293	10	500	8404	19	500	11142	13	500	13784	39	500	16056	19	500	18095	34	500
1004	14	500	3483	34	500	6304	34	1000	8581	45	500	11147	19	500	13951	28	500	16116	25	500	18124	1	500
1028	8	500	3616	45	500	6317	21	500	8612	40	500	11183	45	500	14006	9	500	16136	19	500	18146	43	500
1033	12	5000	3785	14	500	6464	8	500	8719	9	500	11419	32	500	14151	10	500	16178	40	500	18156	40	500
1036	8	25000	3802	24	500	6476	27	500	8724	10	500	11509	20	10000	14176	4	500	16192	11	1000	18161	25	500
1042	14	500	3868	13	1000	6550	22	500	8747	28	500	11532	25	500	14305	50	500	16235	47	500	18408	40	5000
1067	5	500	3900	26	500	6648	2	500	8753	16	500	11534	29	500	14358	3	500	16259	38	500	18648	9	500
1137	30	500	3961	14	500	6740	16	500	8759	21	500	11572	21	500	14459	49	500	16313	27	500	18764	2	500
1378	33	500	4095	31	500	6754	18	500	8857	41	500	11672	21	500	14493	10	500	16327	48	500	18872	17	500
1442	50	500	4141	45	500	6756	15	500	8981	37	500	11675	31	500	14534	13	500	16380	35	500	18936	50	500
1461	45	500	4167	22	8000	6772	18	500	8995	28	500	11696	17	500	14583	5	1000	16407	30	500	18977	24	500
1491	41	500	4344	40	500	6774	14	500	9101	20	500	11913	46	500	14774	27	500	16445	45	500	18988	45	500
1518	41	500	4403	48	1000	6776	15	500	9113	36	500	119·1	33	500	14779	12	500	16538	34	1000	19118	35	500
1537	4	500	4408	16	5000	6779	26	500	9122	48	500	11948	14	500	14780	30	500	16565	1	500	19186	48	500
1646	8	500	4555	6	500	6822	38	500	9203	3	500	11959	48	500	14787	31	500	16578	31	500	19288	16	8000
1787	39	1000	4671	21	500	6923	36	500	9205	36	500	11973	1	500	14845	43	500	16634	2	500	19380	5	500
1845	12	500	4742	40	500	7042	50	500	9245	17	500	12040	24	500	14871	28	500	16772	33	500	19434	37	500
1846	13	500	4951	18	500	7105	41	500	9352	34	500	12080	4	10000	14949	16	500	16776	42	500	19511	21	500
1917	47	500	5009	22	500	7126	9	500	9627	4	500	12307	3	1000	15101	27	500	16811	40	1000	19535	10	500
2108	45	500	5017	48	500	7141	36	500	9793	20	500	12424	7	500	15122	13	500	16901	34	500	19736	8	40000
2196	44	500	5097	1	500	7163	7	500	9929	23	500	12541	48	500	15131	1	500	17000	26	500	19814	24	500
2305	42	500	5113	8	500	7184	15	500	9973	7	500	12580	34	500	15166	43	1000	17070	28	500	19839	21	500
2327	2	1000	5210	37	1000	7230	14	500	9977	27	500	12602	48	500	15189	42	500	17252	40	500	19841	19	500
2396	37	500	5265	14	500	7382	14	500	9995	35	8000	12628	22	500	15239	8	5000	17279	4	500	19891	22	500
2408	35	500	5484	33	500	7432	33	500	10010	40	8000	12798	2	500	15269	5	5000	17300	36	1000	19909	18	75000
2443	47	500	5506	40	500	7456	15	500	10041	47	500	12804	22	500	15288	4	500	17367	40	500	19945	39	500
2504	40	500	5598	20	5000	7466	22	5000	10107	26	500	12811	29	500	15382	34	500	17400	6	1000	19968	35	500
2509	10	500	5678	9	500	7517	14	500	10113	20	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

244, 686, 969, 1043, 1447, 2075, 2331, 2406, 2421, 2774, 2917, 3015, 3071, 3308, 3612, 3750, 4108, 4285, 4477, 4708, 4812, 5053, 5065, 5272, 5592, 5732, 5903, 6214, 6314, 6410, 6421, 6597, 6614, 6738, 6762, 6825, 7384, 7459, 8060, 8083, 8260, 8530, 8536, 9622, 9810, 9889, 9890, 9924, 10218, 10433, 10642, 10721, 10975, 11141, 11357, 11620, 12030, 12359, 12970, 12987, 13175, 132·6, 13263, 13425, 13450, 13453, 13823, 13960, 14216, 14323, 14333, 14390, 14481, 14596, 14612, 14929, 15068, 15118, 15360, 15401, 15560, 15830, 16205, 17099, 17540, 17561, 17730, 17745, 17782, 18063, 18269, 18524, 19192, 19240, 19347, 19400, 19447, 19619.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Поступилъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1891 г.

заключ. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столбц. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ произведеній: П. Д. Боборыкина, кн. М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Саліаса, Э. Центковской, и проч. и проч. Стихотворенія Величко, Круглова, А. Н. Майкова, К. Фофанова и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

1) ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ СБОРНИКЪ „НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей.

2) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, издани. подъ ред. А. И. Введенскаго, въ 4-хъ томахъ (сброшюрованныхъ въ 2 книги), съ біографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ съ 10-ю акварелями, исполненными fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенко, Клевера, Премацци и Сверчкова. Альбомъ выдается въ роскошной папкѣ, украшенной акварельнымъ рисункомъ художника Земцова.

4) 12 листовъ ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ, составляющ. прилож. къ 12 нумер. Парижскихъ Модъ со множеств. чертеж. выкр. въ натуральн. велич. (всего болѣе 1000 гравюръ, рисунк. и чертежей).

Цѣна тому „НИВЫ“ со всѣми приложеніями 5 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 23 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) 1 р. 25 к. Пересылка брошюрованныхъ и переплетеныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплет. экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется 8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.

Съ требован. обращ. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНІЙ

издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное на лучшей голландской слоновой бумагѣ.

Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низкая, а именно 5 руб. Въ четырехъ коленкоровыхъ переплетахъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — 7 руб. Гг. иногородные благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый экз.

Съ требованіями просятъ обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Дозвол. ценаур., СПБ., 8 января 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | № 3 | г. XXIII | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 8 10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 18 января 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Очистка почтовой дороги отъ снѣжныхъ заносовъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шлипперъ.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Надъ Петербургомъ нависла мутная, сѣрая мгла. Декабрьскій вечеръ казался пасмурнымъ сентябрьскимъ. На улицахъ была слякоть, грязь и вода, но въ мѣстахъ, гдѣ еще не ступила человѣческая нога, виднѣлись однако матово-бѣлые пласты снѣга. Сквозь муть воздуха какъ-то тоскливо мерцали тусклые фонари. Улицы были пустынны.

Въ новомъ, сравнительно опрятномъ кварталѣ Петербурга, близъ Таврическаго сада, казалось еще темнѣе и безлюднѣе. Здѣсь перемѣшались вмѣстѣ большіе каменные дома съ маленькими деревянными. Въ эту часть города только недавно стали перебираться богачи и сановники и, сметая съ лица земли маленькіе домишки съ садиками и огородами, выстраивали каменныя палаты.

Въ концѣ одной изъ улицъ, тоже довольно темной, ярко сіяла окошками церковь, гдѣ не могъ вмѣститься весь нахлынувшій людъ. Много народу стояло на паперти и на церковномъ дворѣ, и даже за оградой. Въ храмѣ на утро былъ престольный праздникъ, а теперь шла всенощная.

Въ церкви народъ стоялъ плотною массой, только впереди, предъ самыми царскими вратами, было нѣсколько просторнѣе. Въ первыхъ рядахъ стояли важные прихожане, военные и гражданскіе чины и разныя барыни. На паперти ихъ дожидались съ шубами ливрейные лакеи, а во дворѣ—разные новомодные экипажи и старомодныя колымаги.

Въ числѣ прочихъ, у самаго клироса, гдѣ сиповато и гнусливо пѣлъ хоръ пѣвчихъ, стоялъ человѣкъ средняго роста, плотный, широкоплечій, лѣтъ шестидесяти, въ сѣромъ полуфракѣ съ металлическими гербовыми пуговицами. По одеждѣ это былъ лакей богатаго дома.

Конечно, его мѣсто было не здѣсь, а въ толпѣ. Но всѣ прихожане не только давно привыкли видѣть этого лакея близъ клироса, его всегдашняго мѣста, но даже знали его по имени, знали чей онъ. Всякій изъ нихъ, явившись въ эту церковь въ первый разъ, уже находилъ его на его мѣстѣ. Вдобавокъ лицо этого человѣка, все чисто выбритое, съ короткими, щеткой остриженными, волосами, гдѣ блестѣла сильная просѣдь, располагало въ свою пользу. Большіе свѣтло-сѣрые глаза его вліяли на каждаго своимъ умнымъ, но кроткимъ и любовнымъ свѣтомъ.

Вмѣстѣ съ нимъ стоялъ мальчикъ, по росту юноша лѣтъ восемнадцати, но въ дѣйствительности четырнадцатилѣтній, высокій, тонкій, на видъ болѣзненный. Мальчикъ былъ тоже извѣстенъ всѣмъ прихожанамъ, хотя являлся сюда не часто.

Въ половинѣ всенощной старикъ въ ливрейномъ полуфракѣ двинулся съ мѣста, вошелъ въ алтарь, затѣмъ опять вышелъ и появился уже въ вереницѣ причта, двинувшагося по церкви съ тарелочнымъ сборомъ.

Обходя молящихся, вереница дошла и до мальчика. Онъ вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ изъ краснаго шелковаго кошелька и понемногу положилъ въ каждую кружку и на каждую тарелочку, въ томъ числѣ и въ кружку, которую держалъ старикъ-лакей.

Послѣ обхода церкви старикъ явился и снова сталъ на свое мѣсто. Ни разу за все время, что длилась всенощная, ни единымъ словомъ не перемолвились двое стоящихъ рядомъ.

Наконецъ всенощная кончилась, толпа двинулась изъ храма. Начался разъѣздъ. Пѣшеходы повалили гурьбами въ двое воротъ ограды.

— Обожди, Тоничка, самую малость, сказалъ старикъ.—Надо мнѣ батюшкѣ словечко сказать.

— Только живѣе! отозвался мальчикъ. — Какъ бы намъ не опоздать... Хватятся насъ—и все узнается.

— Ни-ни, гдѣ опоздать! У насъ кушаютъ за столомъ куда дольше, чѣмъ люди Богу молятся.

Лакей вошелъ въ алтарь, мальчикъ сталъ дожидаться его. Чрезъ нѣсколько времени онъ снова вышелъ, и оба они двинулись изъ церкви.

— Не усталъ? выговорилъ старикъ.

— Нѣтъ, не усталъ... Гдѣ же! отозвался мальчикъ.

Они прошли молча по слякоти, осторожно ступая, и черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ вдругъ обратился къ спутнику:

— Тарасинька, я ждалъ что́ ты сказалъ, и не дождался.

— Чего то-ись, князинька?

— А ждалъ молитву, про которую ты вчера сказывалъ, и должно пропустилъ.

— Какую такую?

— А вотъ что ты вчера говорилъ... Твоя самая любимая.

— Ахъ, Тоничка, Тоничка! То-то вотъ, слушаешь, да не выслушиваешь! Вѣдь молитва-то эта великопостная... Такъ какъ же ее теперь, да будутъ возглашать?

— Вотъ что! А я думалъ, услышу.

— Какъ можно! Молитва эта „Владыко живота моего“ только постомъ Великимъ возглашается. Да я тебѣ ее завтра же и доставлю. За тѣмъ самымъ я и къ батюшкѣ заходилъ въ алтарь. Обѣщался онъ мнѣ три раза, авось соберется ее написать. Завтра, либо послѣ-завтра я тебѣ и принесу. А ты выучи... Вотъ и хорошо будетъ.

— Спасибо, Тарасинька.

— Не за что, родной мой... Я это ради пользы твоей. Молитва первѣйшая... Хороша молитва Христова „Отче нашъ“, а эта и ей мало уступитъ. Если жить всякому бы по этимъ двумъ молитвамъ, Тоничка, то хорошо бы на свѣтѣ было. Не стали бы люди жить, какъ твой мерзавецъ учитель. Званія якобы духовнаго, а песъ, хуже пса...

— А что̀ въ ней говорится, Тарасинька? перебилъ мальчикъ, зная слабую струну старика и не желая бесѣды объ гувернерѣ своемъ.

— А вотъ прочтешь, узнаешь... Говорится главное: не будь празденъ, зря не унывай, будь смирёнъ, терпѣливъ, не осуждай ближнихъ... А главное будь смирёнъ въ помыслахъ и терпѣливъ!.. Люблю я эту молитву—вотъ какъ... Каждое слово золото! съ чувствомъ произнесъ Тарасъ.

Старикъ и мальчикъ повернули за уголъ и вышли на Сергіевскую улицу. Невдалекѣ отъ нихъ большой домъ сіялъ огнями.

— Ну вотъ и пришли, сказалъ Тарасъ.—Ножекъ не промочилъ?

— Нѣтъ.

— То-то... Промочишь, захвораешь, а захвораешь, то Марѳа Яковлевна тебя со мной отпущать побоится.

II.

У большаго подъѣзда красиваго дома Сергіевской стояла масса экипажей. Весь домъ былъ ярко освѣщенъ. Въ залѣ за большимъ столомъ, изящно и богато убраннымъ, гостей было около тридцати человѣкъ.

Гости состояли преимущественно изъ молодыхъ жен-

щинъ. Изъ мужчинъ, военныхъ и статскихъ, не было ни одного достигшаго сорока лѣтъ. Все это общество состояло изъ тѣхъ лицъ, которыя являются коноводами во всякомъ праздномъ времяпрепровожденіи, во всяческомъ „копченіи неба“ и во всяческомъ прожиганіи жизни.

Всѣ они числились близкими людьми или друзьями хозяина дома — князя Яхтомскаго и его жены. Разъ въ недѣлю бывалъ у Яхтомскихъ обѣдъ, такъ-называемый четверговый, на которомъ бывали такъ-называемые les intimes.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ однако только двѣ молодыя женщины были дѣйствительно дружны съ княгиней, а затѣмъ было человѣкъ пять мужчинъ, неравнодушно относившихся къ ней, т. е. влюбленныхъ въ княгиню и усиленно ухаживающихъ за ней. Только одинъ человѣкъ изъ числа всѣхъ этихъ лицъ, отставной уланскій полковникъ Ватбольскій, былъ дѣйствительно другомъ хозяина дома, но не-другомъ княгини.

Хотя за столомъ шелъ оживленный разговоръ, тѣмъ не менѣе обѣдъ не былъ настолько веселъ, какъ бывалъ обыкновенно.

Еще въ началѣ обѣда кто-то замѣтилъ, что за столомъ почти нехорошее число — двадцать шесть человѣкъ, а именно, двѣ чертовы дюжины. Нѣсколько минутъ всѣ шутили на этотъ счетъ и мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что считается дурнымъ только тринадцать за столомъ, а два раза тринадцать ничего не означаетъ и ничего худаго не предвѣщаетъ. Другіе шутили, что двѣ чертовы дюжины еще хуже одной.

Съ самаго начала обѣда хозяинъ дома былъ нѣсколько угрюмъ и необычно молчаливъ. Напротивъ, княгиня была неудержимо весела, разговорчива и любезна.

Хозяинъ и хозяйка, сидѣвшіе на двухъ противоположныхъ концахъ стола, представляли собой по наружности полную противоположность.

Уланскій штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, князь Андрей Николаевичъ Яхтомскій былъ крайне смуглый брюнетъ, сухой, худощавый и небольшаго роста. Въ чертахъ лица его не было ничего русскаго. Бабушка-молдаванка повліяла на фамильный типъ.

Несмотря на рѣзкія черты лица, наружность князя была добродушная. На толстыхъ губахъ всегда была добрая усмѣшка, въ глазахъ—спокойствіе, искренность. Князь былъ собственно очень некрасивъ собой, а вмѣстѣ съ тѣмъ лицо его было пріятно и симпатично.

Княгиня Юлія Павловна, наоборотъ, прежде всего поражала своей блестящей и въ то же время оригинальной красотой. Это была высокая женщина, на полголовы выше мужа, стройная и граціозная въ движеніяхъ.

Оригинальность красоты этой женщины, которой было уже немного за тридцать лѣтъ, заключалась въ цвѣтѣ волосъ, золотисто-рыжихъ, въ чрезвычайной бѣлизнѣ лица, нѣжности и прозрачности кожи. Но болѣе всего очаровывала княгиня Юлія Яхтомская своими большими глазами цвѣта бирюзы съ зеленоватымъ оттѣнкомъ.

Всякій, взглянувъ на княгиню, могъ съ перваго же мгновенія убѣдиться, что эта женщина принадлежитъ къ породѣ опасныхъ, недобрыхъ и неискреннихъ женщинъ-хищницъ.

Княгиня извѣстна была въ петербургскомъ обществѣ тѣмъ, что ее собственно никто вполнѣ не зналъ. Ближайшіе друзья ея должны были сознаться, что она настолько скрытна, что остается для нихъ нѣкотораго рода загадкой.

Послѣ третьяго блюда лакей подалъ князю письмо. Князь хотѣлъ, не распечатывая, положить его въ карманъ, но поглядѣвъ надпись, извинился у ближайшихъ и разорвалъ конвертъ. Быстро пробѣжавъ глазами одну страницу, онъ сунулъ его въ карманъ. Лицо его измѣнилось.

Княгиня замѣтила это и насупилась на мгновеніе, но собственно за то, что добрякъ-мужъ не умѣетъ владѣть собой.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ князь молчалъ, не разговаривая ни съ кѣмъ, и даже не слушая, что говорили около него и, наконецъ, проведя рукой по лицу, вымолвилъ громко и рѣзко:

— Pardon, извините меня. Мнѣ вдругъ какъ-то стало дурно... Я прошу позволенія поступить невѣжливо. Впрочемъ, черезъ минутъ пять я вернусь.

Князь поднялся и вышелъ изъ столовой прямо въ свой кабинетъ.

Гости на минуту примолкли, болѣе изъ вѣжливости, но затѣмъ веселый говоръ начался снова.

— Quelque mauvaise nouvelle! сказала молоденькая и маленькая брюнетка, баронесса Штейнъ, обращаясь къ своему первому другу—княгинѣ.

— О, нѣтъ! отозвалась хозяйка.—Такихъ, благодаря Бога, ожидать нельзя — неоткуда. Мужу съ утра нездоровится.

Между тѣмъ Яхтомскій, войдя въ свой кабинетъ, усилилъ свѣтъ карсели, стоящей на столѣ, сѣлъ и сталъ читать полученное письмо. Прочтя со вниманіемъ двѣ страницы, князь откинулся въ кресло, закрылъ глаза, и такъ просидѣлъ съ четверть часа. Затѣмъ онъ провелъ руками по лицу и шепнулъ:

— Ну, что-жь, надо было ожидать!.. Чему же удивляться?.. Но это—придирка, глупый предлогъ... Тетушка съ ума еще не сходила...

Но затѣмъ черезъ нѣсколько мгновеній онъ прибавилъ уже громче:

— Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда, что она способна на это! Отъ нея это станется.

Подумавъ, Яхтомскій снова вымолвилъ:

— Нечему удивляться—это должно было случиться! Удивительно, какъ оно не случилось еще въ прошломъ году...

III.

Прошло полчаса и въ кабинетъ вошелъ тихо камердинеръ князя и его любимецъ. Это былъ именно тотъ старикъ, который только что вернулся изъ церкви.

— Тарасъ, вымолвилъ Яхтомскій,—гдѣ моя маленькая книжка?

— Красненькая?.. отозвался старикъ.

— Ну, да, записная... Ну, счета... Будто не знаешь!

— Вотъ здѣсь-съ... въ ящикѣ, въ бюрѣ.

— Вздоръ.. Я тамъ утромъ искалъ... Нигдѣ, ни въ одномъ ящикѣ нѣтъ.

— Точно такъ-съ, она тамъ. Во второмъ ящикѣ, направо.

— Я тебѣ говорю—вздоръ! Ну, сыщи.

Тарасъ медленно и спокойно подошелъ къ столу, оглядѣлъ его, потомъ перешелъ къ другому, маленькому, заставленному всякой всячиной, и затѣмъ, приблизившись къ бюро, хотѣлъ, казалось, отворить одинъ изъ ящиковъ.

Яхтомскій слѣдилъ за нимъ и выговорилъ нетерпѣливо:

— Вотъ ужь упрямъ, какъ оселъ. Говорю тебѣ, тамъ нѣту!

— Ваше сіятельство, вѣрно я сказываю, я же ее видѣлъ сегодня. Развѣ вы изволили вынуть?..

— Ничего я не вынималъ!.. Говорятъ тебѣ, ее тамъ нѣту, потому что и не было!

Тарасъ стоялъ около бюро и не двигался. Яхтомскій задумался, но черезъ нѣсколько мгновеній поднялъ глаза на лакея и увидѣлъ его въ неподвижной позѣ.

Выставка картинъ И. Е. Рѣпина въ Имп. Академіи Художествъ. „Запорожцы". Кошевой Сѣрко съ товарищами отвѣчаютъ насмѣшками на грамоту султана Магомета IV.

Съ карт. Рѣпина (право воспроизведенія пріобрѣтено „Нивой"), автотипія Демчинскаго.

— Что ты, съ ума сошелъ? вскрикнулъ онъ.—Я тебѣ говорю: ищи!

— Слушаю-съ!

Камердинеръ обошелъ почти весь кабинетъ, приподнимая на столахъ и полкахъ разные предметы, но затѣмъ снова остановился и вымолвилъ:

— Прикажете искать?

— Разумѣется.

— Извольте, я хоть до ночи буду искать. Только, позвольте доложить,—напрасное препровожденіе времени будетъ. Я же знаю, что она въ ящичкѣ... вотъ въ энтомъ!

Князь молчалъ.

— Такъ какъ-же-съ, прикажете искать?

— Ищи!

— А не позволите отворить ящичекъ, чтобы ее достать?

— Такъ убирайся, оселъ, къ чорту! вдругъ вскрикнулъ князь внѣ себя.

Камердинеръ двинулся изъ кабинета, постоялъ у двери, но затѣмъ вернулся назадъ и выговорилъ голосомъ, которымъ няни и дядьки разговариваютъ съ малыми дѣтьми:

— Андрей Николаевичъ, что попусту гнѣваться... Вѣдь вамъ книжка нужна. Такъ позвольте ее подать.

И не дожидаясь приказанія, Тарасъ быстро шагнулъ къ бюро, отворилъ второй ящичекъ и, доставъ оттуда красненькую книжку, передалъ ее барину.

— Фу! Какъ же я ее тамъ... началъ было князь, но махнулъ рукой и развернулъ книжку.

Тарасъ пошелъ было снова къ дверямъ, но оглянувшись на барина и видя, что онъ взволнованъ болѣе чѣмъ когда-либо, камердинеръ—уже тридцать пять лѣтъ знавшій и любившій своего барина—не выдержалъ и второй разъ вернулся къ креслу, на которомъ сидѣлъ князь.

— Андрей Николаевичъ, позвольте мнѣ доложить вамъ. Дѣло важное... Коли вамъ извѣстно, тогда нечего толковать, а коли вамъ неизвѣстно, такъ я долженъ васъ упредить...

— Ну, что? разсѣянно отозвался князь.

— Въ домѣ тетушки не совсѣмъ ладно. Была у моей жены поутру одна изъ ея горничныхъ, разсказывала такое, что боюсь вамъ доложить... Разсердитесь и дуракомъ обзовете. А доложить, полагаю, моя обязанность.

Князь пристально вглядѣлся въ лицо камердинера и вымолвилъ быстро:

— Ну, говори!

— Да, изволите видѣть, сказывала она подъ великой тайной, что Марья Георгіевна... ужъ не знаю, какъ вамъ доложить...

— Замужъ идетъ? выпалилъ князь.

— Точно такъ-съ. Я думалъ, вамъ неизвѣстно.

— Такъ это и въ домѣ говорятъ! воскликнулъ князь.—И люди ея уже знаютъ, стало-быть, это вѣрно? Ничего я, Тарасъ, не зналъ, сейчасъ только узналъ изъ письма.

— Ужъ если и вамъ пишутъ, стало-быть горничная не вретъ. Что же, бываетъ всякое на свѣтѣ! Грѣхъ такой, лукавый попуталъ! Вспомните, Андрей Николаевичъ, еще годъ назадъ я сказывалъ вамъ: займитесь, да обратите вниманіе на этого пройдоху. Вы изволили смѣяться. А теперь вотъ поди уже и поздно. Обдѣлалъ свое дѣло, поганецъ. Да и срамъ-то, срамъ-то! Вѣдь онъ Марьѣ Георгіевнѣ во внучаты годится! Вѣдь ему двадцати-пяти лѣтъ нѣту. Вся надежда, что ее вѣнчать не дозволятъ. Кажись на это законъ полагается: позже семидесяти лѣтъ никто не смѣй вѣнчаться.

— Э, полно врать! сердито отозвался князь. — Это вамъ, холопамъ, законы писаны.

Князь помолчалъ и прибавилъ:

— Какъ только откушаютъ, такъ позови тихонько Сергѣя Сергѣевича. Скажи, прошу зайти ко мнѣ.

Тарасъ вышелъ изъ кабинета. Князь снова взялся за письмо и снова перечелъ его, затѣмъ точно такъ же откинулся въ кресло, закрылъ глаза и сидѣлъ съ одной мыслью въ головѣ, съ однимъ вопросомъ:

„Какъ же быть?“

Изрѣдка онъ отвѣчалъ себѣ:

„Никакъ! Ничего нельзя!“

До кабинета долеталъ гулъ голосовъ за столомъ, иногда взрывы смѣха, или стукъ посуды. Наконецъ громъ отодвигаемыхъ стульевъ ясно достигъ слуха князя.

— Наконецъ-то! выговорилъ онъ и, поднявшись, сталъ ходить по горницѣ, поглядывая на дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и полковникъ Ватбольскій быстро вошелъ.

— Что? Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ, приглядываясь къ лицу друга.

— А вотъ... отозвался князь.—Садись и читай!

Полковникъ сѣлъ въ кресло и взялъ письмо. Князь сѣлъ противъ него и пристально глядѣлъ въ его лицо, будто надѣясь, что другъ, прочитавъ, скажетъ что-нибудь утѣшительное.

Дочитавъ письмо, Ватбольскій вздохнулъ и выговорилъ:

— Да. Это извѣстный жидъ. Кто Мозера не знаетъ. Не хорошо! Но почему же, скажи, сразу такая сумма?

— Скупилъ векселя, больше ничего! отозвался князь.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Ничего.

— Заплатишь?

— Ты шутишь?

— Неужели же у тебя и этого нѣтъ?

— Этого! Почти сто тысячъ! Ты шутишь?

— Да неужели же, любезный другъ, удивился Ватбольскій,—ты до этого достигъ? Еще годъ назадъ ты говорилъ...

— Эхъ, годъ назадъ! махнулъ рукой князь.—Шесть мѣсяцевъ тому назадъ можно было еще вывернуться, а теперь—конецъ! Этого я уплатить не могу сразу, а за этимъ грянутъ всѣ остальные. Да. Вотъ и разсчитывай на наслѣдство! Вмѣсто того чтобы умереть, дура въ семьдесятъ лѣтъ замужъ собралась. Не будь этого замужества, эти всѣ черти ждали бы еще десять лѣтъ, а теперь почуяли, сообразили! Хоть и не будетъ у старой дуры дѣтей, да вѣдь она по завѣщанію можетъ все мужу оставить.

Наступило молчаніе, послѣ котораго князь прибавилъ:

— Да, вотъ какія дѣла на свѣтѣ бываютъ! Вмѣсто тетушкиныхъ милліоновъ — разгромъ, разореніе, нищета! А что-жь ты думаешь: мнѣ страшно, обидно? Ей-Богу, Сергѣй, все равно... Даже радъ. Эта дурацкая жизнь прекратится. Но для Юліи это будетъ такой ударъ, котораго она не перенесетъ, а потомъ и Тонька будетъ нищій. А я думалъ, онъ будетъ современемъ первый женихъ въ Петербургѣ.

— Ну, любезный другъ, это нелѣпо. Думать о томъ, какимъ женихомъ будетъ сынъ, которому четырнадцать лѣтъ. Если бы ты и получилъ тетушкины милліоны, такъ къ тому времени, когда Тоня сталъ бы жениться, право, отъ нихъ тоже бы ничего не осталось по милости Юліи Павловны. Ты лучше подумай, какъ теперь быть.

— Никакъ! Повторяю тебѣ, если тетушка дѣйствительно сбѣсилась и на этотъ срамъ идетъ, то всему конецъ. Мои кредиторы только и ждали, что она умретъ и мнѣ все передастъ, а теперь—конецъ!

Наступило молчаніе.

— За кого же она выходитъ? спросилъ Ватбольскій.

— Навѣрное за своего homme de compagnie, раздражительно пошутилъ князь.

— За этого дамскаго прелестника, что у нея вѣкъ торчитъ, что хиромантіей занимается?

— Какъ—хиромантіей?

— Развѣ ты не знаешь, что онъ всѣмъ дамамъ гадаетъ по рукѣ. Разумѣется, молоденькимъ, а не старымъ ворожитъ.

— Однако, ты видишь, что и старыми не брезгаетъ, если тетушка за него собралась даже замужъ...

— Неужели за него? За Бѣлинскаго?

— Да. Я въ этомъ увѣренъ, больше не за кого.

— Но вѣдь эта свадьба—скандалъ, посмѣшище! Ей сколько лѣтъ?

— Лѣтъ за семьдесятъ... Право, не знаю. Знаю, что когда я въ первый разъ увидѣлъ ее, она была уже старухой. Можетъ-быть и шестьдесятъ пять.

Друзья снова помолчали, а затѣмъ Ватбольскій спросилъ:

— И ты не намѣренъ противодѣйствовать этакой дурацкой свадьбѣ?

— Какимъ же это образомъ?

— Всячески. Убѣдить старуху, что она имѣетъ дѣло съ авантюристомъ безроднымъ. Княжна — женщина умная. Съ ней можно говорить. Съ глупымъ не сговоришь, а съ умнымъ можно всегда сговориться.

— Ты не знаешь тетушки. Она чудодѣй, какихъ свѣтъ не производилъ. Однажды она собиралась въ монахини, въ схиму, а теперь вотъ — подъ вѣнецъ... Да что толковать! воскликнулъ князь досадливо.—Бросимъ. Только зря раздражать себя.

IV.

Князю Яхтомскому шелъ тридцать девятый годъ. Это былъ человѣкъ добрый, мягкій, нерѣшительный, изъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ ни тѣни собственной воли, которымъ органически необходимо быть въ зависимости, подъ чьимъ-либо вліяніемъ и повиноваться.

Поставленные случайно судьбой въ независимое положеніе, не имѣя родственника или друга, такіе люди могутъ подпасть подъ вліяніе лица много ниже стоящаго, хотя бы собственнаго лакея. По большей части подобные люди глубоко убѣждены, что обладаютъ сильнымъ характеромъ и вполнѣ самостоятельны.

Князь Андрей Николаевичъ лишился отца еще въ дѣтствѣ и былъ воспитанъ матерью полу-русскаго происхожденія, женщиной энергичной, суровой, деспотомъ и въ домѣ, и въ своей средѣ.

Если и были какіе задатки воли и характера въ мальчикѣ, то подъ гнетомъ воспитанія, отчасти и отъ непослѣдовательности этого воспитанія, мальчикъ, а затѣмъ юноша сдѣлался мягокъ, какъ воскъ.

Когда княгиня внезапно умерла, ея сыну было уже двадцать лѣтъ, а по развитію, привычкамъ и вкусамъ можно было дать четырнадцать. На похоронахъ матери онъ шелъ за гробомъ съ тремя гувернерами: французомъ, нѣмцемъ и какимъ-то сомнительнымъ итальянцемъ, который обучалъ его фехтованію и танцамъ.

Врядъ-ли какой-либо юный монархъ при вступленіи своемъ нежданно на престолъ былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ находился молодой князь, очутившись на свѣтѣ одинъ. Близкихъ родственниковъ у него не было никого.

Если бы три гувернера согласились вмѣстѣ, то, бытьможетъ, сдѣлались бы его повелителями, изобрѣли бы нѣчто въ родѣ регентства.

На помощь молодому человѣку, которому еще не минуло совершеннолѣтія, явилась опека. Въ число опекуновъ попалъ случайно его очень дальній родственникъ, сравнительно молодой, лишь недавно вступившій въ уланскій полкъ. Этотъ опекунъ — Ватбольскій — сталъ другомъ молодаго князя на всю жизнь.

Опекуны тотчасъ же разочли гувернеровъ, очистили домъ покойной княгини отъ массы прихлебателей, а молодаго человѣка опредѣлили въ уланскій полкъ юнкеромъ.

Года черезъ полтора князь Яхтомскій, уже совершеннолѣтній, уже уланскій офицеръ, жилъ въ Петербургѣ самостоятельно, но одиноко, и не веселился какъ его товарищи, а скучалъ. Состояніе, полученное княземъ отъ матери, было очень большое и въ полномъ порядкѣ. Онъ получалъ до тридцати тысячъ въ годъ дохода съ разныхъ имѣній и буквально не зналъ, куда и на что̀ тратить свои деньги.

Пристроиться къ чему-либо — къ кутежамъ, къ картамъ — онъ не могъ и вообще былъ совершенною противоположностью всѣмъ своимъ товарищамъ по полку. Несмотря на всѣ старанія этихъ товарищей и другихъ гвардейскихъ офицеровъ увлечь князя и заставить жить своей жизнью, онъ не поддался, потому что ихъ затѣи, прихоти и вся ихъ обстановка были слишкомъ ему не по нраву.

Молодой князь сидѣлъ у себя въ великолѣпной квартирѣ одинъ. Разумѣется, такъ-называемыхъ друзей было у него много и всякій день домъ переполнялся офицерами различныхъ гвардейскихъ полковъ. Нашлись, конечно, и ухаживатели, пользовавшіеся его средствами.

Помимо полковой службы, бравшей немного времени, князь короталъ время тѣмъ, что учился музыкѣ, рисовалъ акварелью, а въ лѣтнее время не мало удивлялъ товарищей и подвергался ихъ шуткамъ и прибауткамъ за то, что у себя, въ большомъ саду, копался въ клумбахъ, сажая и пересаживая цвѣты. Князь совершенно искренно говорилъ, что нѣтъ лучше доли, какъ быть садовникомъ и заниматься исключительно разведеніемъ цвѣтовъ и растеній.

Вѣроятно, такая жизнь протянулась бы нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, но простой случай перемѣнилъ все. Однажды князь получилъ большое письмо. Оно было изъ Бессарабіи и было подписано именемъ княжны Маріи Мавроціано.

Подпись эта, бросившаяся въ глаза Яхтомскому, сразу напомнила ему, что покойная мать, хотя и не часто, упоминала это имя. Оказалось, что у князя есть троюродная родня—старая дѣвица.

Княжна писала родственнику, заявляя, что она была въ дурныхъ отношеніяхъ съ его матерью вслѣдствіе ея гордости и строптивости, но теперь, узнавъ, что Яхтомскій остался одинъ на свѣтѣ, она приглашаетъ его пріѣхать къ ней познакомиться и погостить.

Письмо это подѣйствовало на князя толчкомъ. Онъ скучалъ и не зналъ, что̀ придумать. Двинуться изъ Петербурга, проѣхаться — ему на умъ не приходило. Письмо это явилось якоремъ спасенія.

Мысль покинуть Петербургъ и сдѣлать большое путешествіе настолько понравилась Яхтомскому, что онъ тотчасъ же взялъ отпускъ и черезъ недѣлю былъ уже въ пути.

Дальняя родственница, пятидесяти-пяти-лѣтняя женщина, не замужняя, приняла родственника, или какъ называла она его, племянника радушно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія князя въ великолѣпномъ имѣніи тетки-княжны, онъ былъ уже отчасти подъ ея вліяніемъ.

Въ Петербургъ уже было послано прошеніе объ отставкѣ, а княжна уже искала своему племяннику подходящую невѣсту въ Молдавіи, обѣщая при этомъ все свое состояніе, свыше милліона, передать ему по смерти.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Невѣста была найдена. Князь Яхтомскій былъ уже безумно влюбленъ въ нее, что̀ было и не мудрено, такъ какъ юная нареченная его была замѣчательно красива. Но бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ за мѣсяцъ передъ ожидавшейся великолѣпной свадьбой красавица-дѣвушка вдругъ заболѣла и скончалась.

Молодой князь былъ настолько пораженъ, что захворалъ, а когда оправился, то пожелалъ прежде всего покинуть тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями его перваго и крупнаго горя. Ради развлеченія, онъ объѣхалъ свои имѣнія въ Россіи и, самъ не зная зачѣмъ, снова вернулся въ Петербургъ. Но здѣсь онъ прожилъ только одну зиму, видаясь съ прежними товарищами. Праздная жизнь и скука снова одолѣли его.

На лѣто одинъ изъ его полковыхъ друзей, прибалтійскій нѣмецъ, пригласилъ его къ себѣ въ Курляндію. Поѣздка эта повліяла на всю жизнь князя. Въ маленькомъ мѣстечкѣ, на морскихъ купаньяхъ, онъ встрѣтилъ нѣмецкую семью мѣстныхъ дворянъ — барона Вергейма съ женою и семнадцатилѣтней дочерью.

Юная баронесса Юлія была львицей мѣстнаго общества благодаря своей красотѣ и несмотря на то, что у ея отца не было почти никакого состоянія.

Въ концѣ сезона князь, страшно влюбленный въ юную баронессу и уже совершенно забывшій о своей прежней невѣстѣ-молдаванкѣ, сдѣлалъ предложеніе. Отецъ и мать были въ восторгѣ, но къ общему удивленію юная баронесса отказалась наотрѣзъ выходить замужъ за князя. Сердце ея принадлежало троюродному брату лифляндцу.

Получивъ отказъ, который подѣйствовалъ на Яхтомскаго столь же сильно, какъ и потеря первой невѣсты, онъ вернулся въ Петербургъ, совершенно не зная, что̀ подѣлать съ собой.

Между тѣмъ, въ семьѣ барона Вергейма у родителей съ дочерью продолжалась усиленная борьба. И въ ту же осень князь былъ обрадованъ извѣстіемъ, что молодая дѣвушка наконецъ уступила и согласилась идти за него замужъ.

Сообразивъ всѣ обстоятельства и присмотрѣвшись поближе къ красивой баронессѣ, быть-можетъ всякій другой не рѣшился бы соединить навѣки свою судьбу съ ея судьбой. Но князь былъ слишкомъ влюбленъ и слишкомъ мечтатель, чтобы взвѣсить и обдумать все бросавшееся въ глаза...

Черезъ два мѣсяца князь былъ уже женатъ и собирался купить великолѣпный за̀мокъ въ Курляндіи, чтобы навсегда поселиться среди мирной обстановки. Но вмѣсто этого онъ съ молодою женой очутился въ Петербургѣ, купилъ домъ на Сергіевской и отдѣлалъ его за̀ново при огромныхъ затратахъ. Случилось это, конечно, по желанію молодой княгини.

И съ этой же зимы началась жизнь, продолжавшаяся болѣе пятнадцати лѣтъ подъ-рядъ. Княгиня Яхтомская, будучи совершенной противоположностью своего мужа, не могла ни единаго дня обойтись безъ общества и поэтому страстно окунулась во все, что̀ давалъ Петербургъ.

Черезъ годъ послѣ ея замужества у нея родился сынъ. Первое время она занялась ребенкомъ, на нѣсколько мѣсяцевъ бросила свои выѣзды и забыла о туалетахъ, но затѣмъ понемногу началась снова прежняя жизнь. За то князь всею душой привязался къ ребенку, замѣняя ему нѣжную мать.

Каждую зиму Яхтомскіе проводили въ Петербургѣ, лѣтомъ ѣздили въ Курляндію или въ Бессарабію, разъ пять побывали на германскихъ водахъ.

По истеченіи пятнадцати лѣтъ, отъ большаго состоянія князя, полученнаго отъ матери въ полномъ порядкѣ, не оставалось ничего, кромѣ массы долговъ, которые было бы даже мудрено уплатить продажею всего имущества.

Разумѣется, это разореніе было дѣломъ малодушія князя, но прямой виновницей была конечно княгиня Юлія Павловна.

Однако пустая, тщеславная кокетка оказалась не вполнѣ легкомысленна. Три года назадъ она съѣздила къ княжнѣ-теткѣ, у которой уже гостила не разъ и которую съумѣла обворожить, и за эту поѣздку прожила у тетки гораздо дольше. И достигла того, къ чему стремилась! Молдаванка Мавроціано пріѣхала погостить въ Петербургъ, а княгиня съумѣла такъ обставить пребываніе тетушки въ столицѣ, что старой дѣвицѣ полюбилось на берегахъ Невы и она, собираясь къ себѣ, все оставалась откладывая отъѣздъ.

Каждый разъ что князь приходилъ въ ужасъ отъ неоплатныхъ долговъ и грозящаго разоренія, княгиня утѣшала мужа будущимъ наслѣдствомъ.

Дѣйствительно, всѣмъ было хорошо извѣстно, что у княжны Мавроціано, живущей крайно благоразумно, состояніе простирается теперь по крайней мѣрѣ до двухъ милліоновъ, и кредиторы Яхтомскихъ терпѣливо ожидали смерти семидесятилѣтней старой дѣвицы.

Иногда, впрочемъ, этихъ заимодавцевъ брало нѣкоторое смущеніе: княжна слишкомъ мало походила на собирающуюся умирать. Стоило только присмотрѣться къ ней, чтобы убѣдиться, что она многихъ молодыхъ переживетъ и похоронитъ. Ни единаго сѣдаго волоса въ черныхъ какъ смоль волосахъ, ни единой морщинки! Привычка ложиться въ девять часовъ и вставать въ шесть утра! Привычка часъ въ день играть на бильярдѣ, когда погода плоха, а когда хороша — часъ ѣздить въ манежѣ верхомъ, а вечеромъ, тоже часъ, играть въ мячикъ со своими приживалками! Конечно это мало радовало и обнадеживало заимодавцевъ князя Яхтомскаго.

Не разъ конечно пробовалъ князь обращаться къ теткѣ съ просьбой ссудить деньгами взаймы на „очень короткій“ срокъ, но упрямая княжна, знавшая въ какомъ положеніи дѣла Яхтомскаго, всегда отвѣчала:

— Все какъ есть отдамъ до послѣдняго гроша тебѣ одному и по закону, но только послѣ смерти. А теперь не взыщи. Не могу себѣ представить, что я тебѣ дамъ десять тысячъ, а ты на нихъ закатишь полдюжины обѣдовъ или баловъ. Такъ я лучше у себя ихъ сдѣлаю и гостей позову.

— Долги уплачу, тетушка, отзывался князь.

— Ладно. Уплатишь стало-быть то̀, что бралъ для обѣдовъ и баловъ. Стало-быть съѣденное, выпитое, сожженное и станцованное, на мой счетъ будетъ. Еще непонятнѣе мнѣ это... Ужъ совсѣмъ глупо выходитъ.

И этимъ кончалась бесѣда о займѣ.

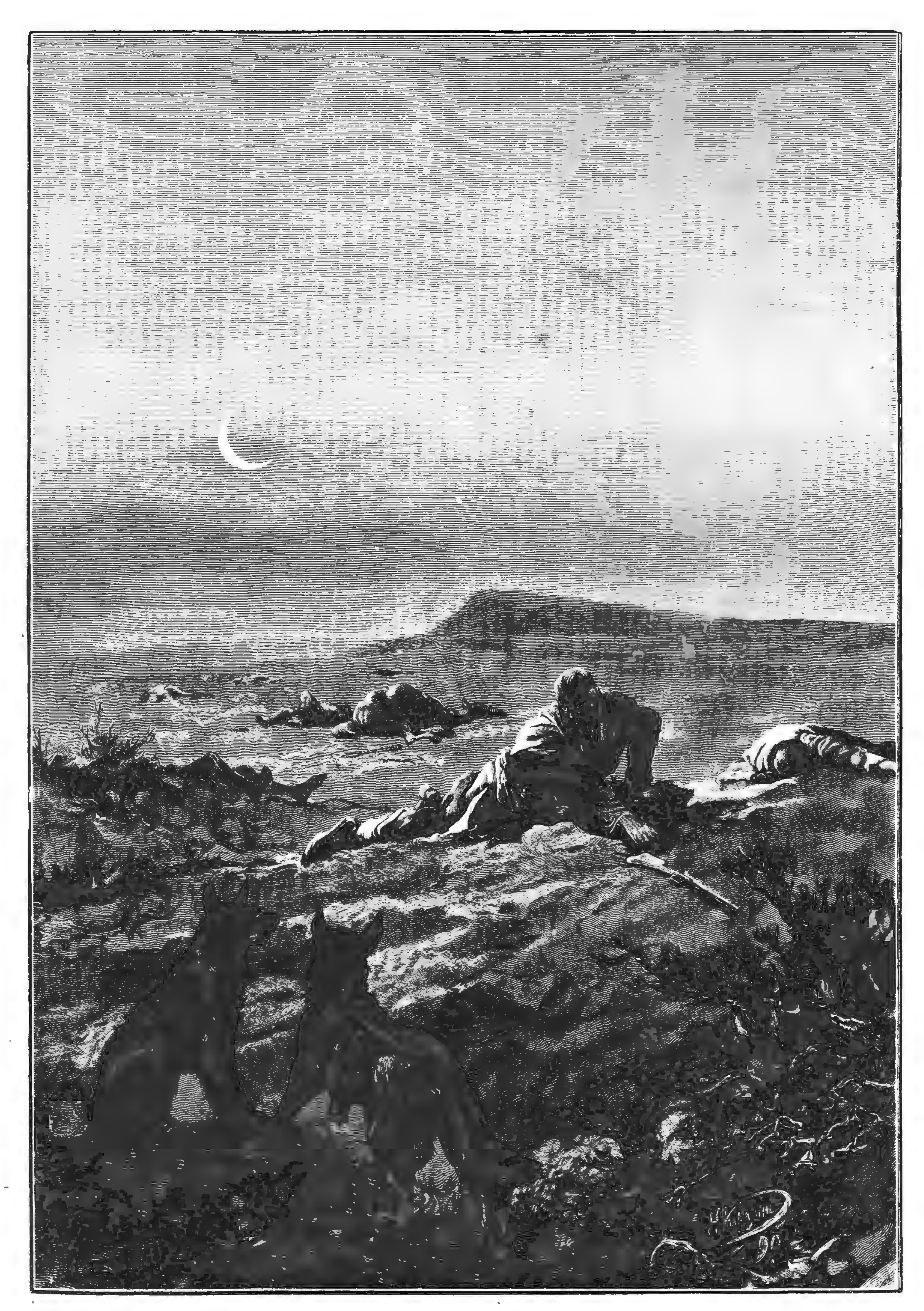
V.

Вскорѣ по окончаніи обѣда, въ виду нетерпѣнья князя, Ватбольскій по просьбѣ друга отправился за княгиней, чтобы вызвать ее къ мужу. Онъ нашелъ ее въ углу гостиной, отдѣльно отъ дамъ, на маленькомъ диванчикѣ. Она сидѣла полу-лежа и облокотясь на подушку. Кругомъ нея на стульчикахъ и табуретахъ сидѣло человѣкъ пять мужчинъ.

Тутъ были представители всѣхъ возрастовъ: и двадцатилѣтній корнетъ-уланъ, двое тридцатилѣтнихъ статскихъ, одинъ пожилой генералъ и одинъ уже пятидесятилѣтній сановникъ англоманъ. Всѣ они были одинаково влюблены въ Юлію Павловну.

Одинъ изъ нихъ уже давно далъ ей прозвище, которое повторялъ весь Петербургъ, la divine princesse. Между тѣмъ княгиня вовсе не походила на божественную. Напротивъ, проницательные люди замѣчали въ ней нѣчто совершенно противоположное: едва замѣтныя, ибо скрытыя, сатанинскія черты.

Казалось, что княгинѣ, благодаря ея счастливо сложившейся веселой и беззаботной жизни, нѣтъ никакой нужды проявлять эти сатанинскія черты,—но будь ея положеніе другое, заставь ее обстоятельства попасть въ какіе-либо нравственные тиски, многое дремлющее проснется, многое скрытое въ ней явится на свѣтъ Божій и удивитъ, даже испугаетъ самыхъ близкихъ къ ней людей.

Послѣ боя. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Н. Каразина.** грав. Флюгель.

Лицо княгини, правильное, безспорно красивое, съ удивительно нѣжнымъ цвѣтомъ кожи и легкимъ румянцемъ, уподоблялось лицу восковой куклы по своей правильности, безжизненности и свѣжести. Но такъ было только въ тѣ минуты, когда вѣки были опущены, что̀ было у нея привычкой, иногда уловкой. Когда глаза бывали открыты, то въ сине-зеленоватомъ блескѣ ихъ было что-то загадочное, зловѣщее.

Мужчины всѣ равно обожали „божественную княгиню“. Быть въ нее влюбленнымъ было почти модой. За то многія дѣйствительно порядочныя и серьезныя женщины не находили ничего обворожительнаго въ княгинѣ Яхтомской. Замѣчательно, что всѣ самыя лучшія семьянинки, лучшія жены и матери относились къ княгинѣ недружелюбно и подозрительно.

Однако, за много лѣтъ жизни Яхтомскихъ въ Петербургѣ, никто не могъ ни въ чемъ упрекнуть княгиню. Она была большая кокетка, на видъ легкомысленная, но по молвѣ поведенія безупречнаго.

Не смотря на то, что за эти годы у нея перебывало болѣе полсотни всякихъ обожателей всякаго рода и всѣхъ возрастовъ, не смотря на то, что нѣкоторые серьезно увлекались ею и были готовы даже на драму, Юлія Павловна повидимому никому не отдала пальмы первенства, никого не довела до полнаго отчаянія, и ни разу ничего громкаго и бурнаго не случилось.

Во всемъ Петербургѣ былъ только одинъ человѣкъ, который подозрительно относился къ княгинѣ. Онъ обвинялъ ее мысленно въ поступкахъ возмутительныхъ, глубоко ненавидѣлъ и искренно презиралъ. Но правъ-ли онъ былъ?..

Это былъ именно другъ князя, Ватбольскій — человѣкъ близкій въ домѣ, который могъ многое видѣть и подмѣтить; но фактовъ у него не было.

Онъ основывалъ свое сужденіе и презрѣніе къ ней на внутреннемъ убѣжденіи. Онъ основывалъ все на ариѳметическомъ тройномъ правилѣ: по тремъ извѣстнымъ даннымъ, находить четвертое, неизвѣстное.

Княгиня чувствовала, что другъ мужа не любитъ ее, и относилась къ нему сдержанно, осторожно и, конечно, враждебно.

Войдя въ гостиную, полковникъ подошелъ къ кружку образовавшемуся около хозяйки и выговорилъ:

— Княгиня, простите. Я долженъ обезпокоить васъ... Позвольте мнѣ получит: обѣщанное, потому что мнѣ сію минуту надо ѣхать.

Княгиня, разумѣется, изумилась, но присмотрѣлась пристальнѣе нѣсколько мгновеній къ говорившему, поняла и поднялась съ мѣста.

Она двинулась въ сосѣднюю маленькую комнату—ея будуаръ. Ватбольскій послѣдовалъ за ней.

Пройдя дверь, княгиня обернулась, какъ-то выпрямилась, не-то непріязненно, не-то нѣсколько взволнованно, и вымолвила:

— Въ чемъ дѣло? Это письмо?..

— Да, княгиня, письмо! И Андрей проситъ васъ сейчасъ же пройти къ нему.

Княгиня потупилась, опустила глаза, и черезъ секунду, снова взглянувъ на Ватбольскаго сурово холоднымъ взглядомъ, произнесла сухо:

— Скажите, вѣдь это что-нибудь, очевидно, очень дурное?

— Да, Юлія Павловна, очень...

— То-есть совсѣмъ... совсѣмъ дурное?

— Совсѣмъ дурное.

— Ударъ, что называется?

— Да. Именно...

— Ну, вотъ... Нѣтъ, я не пойду. Скажите Андрею— когда всѣ разъѣдутся, я приду. А теперь невозможно, глупо. Я вернусь—и всѣ замѣтятъ мое волненіе.

Наступило мгновенное молчаніе. Ватбольскій вздохнулъ и выговорилъ какъ бы для себя:

— Да, разсужденіе здравое и замѣчательное. Признаюсь, не всякій на это способенъ.

— На что̀?

— Я первый былъ бы неспособенъ сидѣть три-четыре часа забавлять гостей, зная, что меня ждетъ нравственный ударъ. Я бы пожелалъ, какъ и всякій человѣкъ, скорѣе узнать все или броситься навстрѣчу бѣдѣ. Ожиданіе, кажется, еще хуже.

— Вы судите какъ женщина, сухо отозвалась княгиня. — Въ такомъ случаѣ людямъ надо вѣкъ сидѣть въ слезахъ, вздыхать и мучиться, потому что они знаютъ, что когда-нибудь непремѣнно умрутъ. Однако, хотя смерть неизбѣжна, люди о ней не думаютъ ежечасно и не плачутъ.

— Comparaison n'est pas raison, княгиня.

— Странно, заговорила княгиня, помолчавъ мгновеніе и какъ бы соображая,—что это можетъ быть? Ничего такого ожидать было нельзя. Близкихъ у насъ нѣтъ, чья-либо смерть на насъ подѣйствовать не можетъ...

И замѣтивъ вдругъ, что Ватбольскій какъ бы собирается сказать что-то, княгиня протянула на него свою красивую руку, съ замѣчательнымъ браслетомъ, унизаннымъ крупными великолѣпными рубинами и изумрудами, и быстро произнесла:

— Не вздумайте мнѣ сказать, или намекнуть. Повторяю: я не хочу! Теперь девять часовъ, часа черезъ три всѣ разъѣдутся и я пройду къ Андрею.

Сказавъ это, княгиня двинулась снова въ гостиную, снова сѣла на свое прежнее мѣсто и, улыбаясь, обратилась шутливо къ старому англоману:

— Ну-съ, pardon, что же, ваша свѣтлость, случилось потомъ съ вашей героиней, которую вы называете русалкой?

Его свѣтлость, дипломатъ по карьерѣ, а по вкусамъ— англоманъ, продолжалъ свой разсказъ. Остальные, прислушиваясь къ его повѣствованію, влюбленными глазами взирали на хозяйку. Только уланъ слушалъ вполнѣ внимательно.

— Князю Вахтенштейну слѣдовало бы писать романы, замѣтилъ юноша-офицеръ.

Ватбольскій вернулся къ князю и объяснилъ ему рѣшеніе его жены.

— Да, она права, вымолвилъ Яхтомскій,—я не знаю, зачѣмъ я сталъ спѣшить.

(Продолженіе будетъ).

Тюленій островъ.

(Драма на морѣ).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

Устрашенные поразительною картиной смерти своего обожаемаго командира, матросы не рѣшились уже воспользоваться плотомъ, но разсудили лучше остаться на шхунѣ и ждать, когда ее разобьетъ совсѣмъ. Они надѣялись спастись при этомъ на какомъ-нибудь крупномъ обломкѣ палубы или борта...

Между тѣмъ вѣтеръ, на время стихнувшій, началъ опять свѣжѣть. Громадныя волны стали налетать на шхуну съ большею яростью, словно торопясь поглотить четырехъ изможденныхъ страдальцевъ, судорожно прильнувшихъ къ обезображенному остову судна. Волны чаще и чаще начинаютъ ходить черезъ шхуну. Буруны ревутъ съ какимъ-то демонскимъ ожесточеніемъ, сердито пѣнясь вокругъ подводныхъ камней и вздымаясь зловѣщими фонтанами при каждомъ ударѣ о надводныя кекуры, словно приходя въ бѣшенство отъ невозможности сбросить эти скалистыя громады въ море и превратить ихъ въ прахъ... Прошло еще нѣсколько мучительныхъ часовъ. Солнце уже успѣло перейти полуденный меридіанъ и стало медленно склоняться къ западу. Волны разрушали шхуну все больше и больше... Еще нѣсколько могучихъ усилій со стороны водяныхъ громадъ—и, наконецъ, свершилось то, что̀

должно было, рано или поздно, свершиться: судно потерпѣло полное крушеніе... Днище снесло на глубину и затопило окончательно. Часть разбитой палубы отдѣлилась отъ корпуса и образовала случайный плотъ, на которомъ искали спасенія трое: Корсунцевъ, матросъ Зеленкинъ и раненый Трапезниковъ. Четвертый страдалецъ безслѣдно погибъ въ моментъ разрушенія шхуны...

Обломокъ палубы, подхваченный грозными бурунами, сталъ крутиться среди камней, точно въ водоворотѣ. Измученные горемыки держались на обломкѣ съ большимъ трудомъ, судорожно цѣпляясь окровавленными ногтями за каждый ничтожнѣйшій выступъ. Особенно тяжело было несчастному Трапезникову, медленно истекавшему кровью. Силы его быстро угасали... Наконецъ онъ не выдержалъ и съ мольбою простоналъ:

— Братцы, привяжите... Невмоготу держаться!..

Товарищи, несмотря на полное свое изнеможеніе, тотчасъ же отозвались на мольбу страдальца. Съ нечеловѣческими усиліями подтащили они его къ сохранившемуся обуху, къ которому и привязали кое-какими обрывками веревокъ, случайно попавшими подъ руку. Къ сожалѣнію, ихъ самоотверженная работа не имѣла значенія: Трапезниковъ вскорѣ умеръ, не испустивъ ни одного стона, ни одной жалобы на злосчастную судьбу. Онъ угасъ, какъ мученикъ, покорный волѣ Божіей... Между тѣмъ обломокъ несло все ближе и ближе къ берегу. Необыкновенно счастливо миновалъ онъ, тамъ и здѣсь торчавшіе, каменья, вокругъ которыхъ буруны бушевали съ адскимъ ревомъ, подобнымъ реву какихъ-то сказочныхъ чудовищъ. Море, безпощадное и грозное, продолжало неистовствовать сильнѣй и сильнѣй, точно досадуя, что послѣднія жертвы начинаютъ ускользать изъ его мертвенныхъ объятій... Солнце стало уже заходить, бросая на скалистый берегъ Сахалина кровавый отблескъ. Подобнымъ же отблескомъ было охвачено полъ-неба; казалось, оно было совершенно залито кровью, словно невѣдомые духи праздновали въ пространствѣ жестокую тризну... Вотъ послѣдніе солнечные лучи скользнули по бѣлѣвшему вдали парусу... Парусъ ближе и ближе, все растетъ и растетъ... Показался уже знакомый корпусъ „Крейсерка“... Шхуна неслась попутнымъ вѣтромъ прямо въ заливъ Терпѣнія, видимо кого-то отыскивая... Такъ по крайней мѣрѣ казалось двумъ страдальцамъ, продолжавшимъ колыхаться на своемъ утломъ обломкѣ. Въ ихъ сердцахъ вдругъ зародилась жгучая надежда на близкое спасеніе. Они стали кричать, стараясь перекричать неумолчный ревъ буруновъ, махать сорванными съ тѣла рубахами, думая привлечь вниманіе „Крейсерка“... Напрасно!.. Шхуна, не замѣчая среди крупныхъ волнъ погибающихъ, прошла слишкомъ далеко и вскорѣ исчезла на горизонтѣ. Надеждамъ страдальцевъ былъ нанесенъ послѣдній тяжкій ударъ. Изможденные физически, истомленные душевно, они безмолвно склонились къ обломку... Крупныя слезы отчаянія полились вдругъ изъ ихъ воспаленныхъ глазъ и смѣшались съ соленой водой бушующаго моря... Въ этотъ моментъ плотъ нанесло на гряду камней съ такою всесокрушающею силою, что онъ разлетѣлся вдребезги. Все—вода, дерево и люди смѣшалось въ какомъ-то адскомъ хаосѣ... Черезъ минуту на поверхности моря появился человѣкъ... Это былъ Корсунцевъ, чудомъ избѣгшій смерти. Его несло прямо на отлогій берегъ, видпѣвшійся всего въ нѣсколькихъ саженяхъ...

IX.

Вельботъ съ американцами, выбравшись благополучно изъ буруновъ, направился къ Тюленьему острову, до котораго предстояло идти подъ веслами и при томъ противъ свѣжаго вѣтра и крупнаго волненія. Хищники, впрочемъ, не унывали. Совершенно освоившіеся со всевозможными передрягами моря, они работали веслами съ рѣдкою энергіею, поощряемые боцманомъ Гарри, принявшимъ на себя, въ силу своего недавняго положенія, управленіе вельботомъ. Среди промышленниковъ возстановилась строгая дисциплина. Они покорно исполняли всѣ распоряженія Гарри, требовавшаго безусловнаго повиновенія, подобнаго тому, которое всегда поддерживалъ на шхунѣ „Роза“, только-что покинутой. Присмирѣлъ даже строптивый Питеръ, неожиданно очутившійся опять въ подчиненномъ положеніи. Онъ сознавалъ, что обстоятельства измѣнились далеко не въ его пользу, почему считалъ необходимымъ держать ухо востро. Онъ теперь опасался возбудить справедливый гнѣвъ боцмана, только на время забывшаго недавнюю дерзость Питера и не находившаго удобнымъ сводить старые счеты при такихъ исключительныхъ условіяхъ. Въ данный моментъ всѣ мысли Гарри были сосредоточены на томъ, чтобы благополучно добраться до Тюленьяго острова, гдѣ представлялось возможнымъ попасть на одну изъ хищническихъ шхунъ, иногда шныряющихъ по Охотскому морю до конца октября, въ надеждѣ на счастливую добычу котиковыхъ шкуръ...

Въ теченіе цѣлыхъ десяти часовъ вельботъ упорно шелъ къ намѣченной цѣли, подчиняясь стальнымъ, привычнымъ мускуламъ хищниковъ, не знавшихъ, повидимому, устали. Уже почти сутки никто не ѣлъ и не имѣлъ во рту капли прѣсной воды, но между тѣмъ среди хищниковъ не было замѣтно даже ничтожнѣйшаго унынія или малодушія. Никто не выражалъ, ни словомъ, ни жестомъ, какого-либо протеста противъ непосильной работы. Всѣхъ воодушевляла жажда близкаго спасенія и скораго отдыха... Тюленій островъ былъ уже недалеко. Встрѣчный вѣтеръ доносилъ уже пронзительные крики морскихъ птицъ, еще не оставившихъ своего излюбленнаго плато. Промышленники безъ понужденія налегли на весла. Вельботъ запрыгалъ по волнамъ значительно быстрѣе... Вдругъ Томми, сидѣвшій на загребномъ веслѣ, пересталъ грести и пристально взглянулъ на горизонтъ, весь залитый багрянымъ блескомъ заходящаго солнца.

— Скверное дѣло! отрывисто прохрипѣлъ онъ, ткнувъ передъ собой мозолистымъ, заскорузлымъ кулакомъ.

Всѣ молча взглянули по указанному направленію: на горизонтѣ виднѣлся „Крейсерокъ“, лавировавшій къ Тюленьему острову. На шхунѣ, повидимому, уже примѣтили вельботъ съ американцами и старались нагнать его, въ чемъ не представлялось никакого затрудненія.

— Не уйти отъ него, угрюмо проворчалъ Гарри.—Придется спуститься (по вѣтру) и просить помощи... Это будетъ лучше... Меньше подозрѣній...

Боцманъ налегъ на румпель и поворотилъ вельботъ прямо на „Крейсерокъ“.

— Вы не болтайте тамъ, на шхунѣ, лишняго вздору... Дайте говорить мнѣ одному... Какъ-нибудь вывернусь, предупредилъ онъ товарищей.

— А можетъ-быть, на шхунѣ и другіе съ „Розы“: все уже разсказали, сердито замѣтилъ старикъ Недъ, начинавшій опасаться за свою шкуру.

Совѣсть его была не чиста. Онъ отлично помнилъ, какъ хватилъ ножомъ въ горло одного матроса, пытавшагося также сѣсть въ вельботъ. Правда, онъ ткнулъ разокъ ножомъ и другаго, уже успѣвшаго спрыгнуть въ шлюпку, но съ тѣмъ расправлялись всѣ...

„При происшедшей тогда свалкѣ съ „Розы“ могли и не замѣтить, кто больше всѣхъ работалъ ножомъ“, мелькнуло у Неда въ головѣ,—а за первый ударъ придется отвѣчать одному... А русскіе шутить не любятъ... Повѣсятъ... Навѣрное повѣсятъ!..“ мрачно рѣшилъ онъ свою участь.

Гарри отлично примѣтилъ тревогу старика, разомъ какъ-то осунувшагося, и поспѣшилъ успокоить его:

— Не тревожься понапрасну, старая парусина... Все сойдетъ благополучно... Ихъ въ живыхъ нѣтъ... Подумай хорошенько: на чемъ они спасутся... И мы-то едва выползли изъ буруновъ... Не правда-ли, старина?..

— Вѣрно, вѣрно, согласился Недъ, разомъ ободрившись отъ словъ товарища.

— Глядите-же, молодцы, будьте нѣмы какъ рыбы, вторично предупредилъ Гарри промышленниковъ. — Дайте мнѣ одному расхлебывать заваренную кашу... Вѣдь мы ее знатно пересолили, и вамъ она покажется не по вкусу...

Хищники молча согласились съ опытнымъ боцманомъ, во многихъ передрягахъ и всегда выходившимъ сухимъ изъ воды.

— Особенно ты, Питеръ, держи языкъ за зубами, продолжалъ Гарри. — Я знаю, ты золъ на меня и готовъ чортъ знаетъ что наговорить... Не совѣтую тебѣ этого дѣлать!.. Старые счеты успѣемъ свести позже, а теперь надо поберечь наши шкуры... Понимаешь?..

— Отлично понимаю, хмуро проворчалъ Питеръ, продолжая грести.

— Въ случаѣ чего, ему можно будетъ заткнуть ротъ ножомъ, съ угрозою прохрипѣлъ Недъ, который никакъ не могъ забыть былыя воровскія похожденія Питера по ввѣренному ему камбузу.

— Какъ бы тебѣ не попало! разсердился Питеръ, выведенный изъ терпѣнія.

— Полно, полно ругаться! властно крикнулъ Гарри.

Хищники замолчали и только налегли на весла съ такимъ ожесточеніемъ, что тѣ даже хрустнули.

Между тѣмъ „Крейсерокъ“ уже приблизился настолько, что можно было разглядѣть простымъ глазомъ лица матросовъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за всѣми движеніями вельбота.

— Сэръ!.. Сэръ!.. началъ кричать плачевнымъ голосомъ Гарри, увидя командира, стоявшаго рядомъ съ рулевымъ,— Примите насъ на шхуну!.. Помираемъ отъ голоду и усталости!..

Услыхалъ-ли Алексѣй Павловичъ жалобный вопль боцмана — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ „Крейсерокъ“, подойдя ближе, началъ постепенно приводить къ вѣтру и легъ, наконецъ, въ дрейфъ *). Черезъ минуту на приблизившійся вельботъ были брошены концы (веревки), за которые промышленники поспѣшили подтянуться къ борту шхуны. Прошло еще немного времени, и хищники выкарабкались, хотя съ большимъ трудомъ, на палубу „Крейсерка“.

— Гдѣ остальные?! чуть не крикнулъ Алексѣй Павловичъ сильно взволнованнымъ голосомъ, какъ только всѣ вышли изъ вельбота.

— Погибли, сэръ... Всѣ погибли!.. жалобно отвѣтилъ Гарри, строя грустную гримасу.

*) Лечь въ дрейфъ — расположить паруса такимъ образомъ, чтобы одни давали ходъ впередъ, а другіе—назадъ. При этомъ судно почти останавливается.

2

Литературный альбомъ. „Война и миръ“ гр. Л. Н. Толстаго. Наташа и Николай Ростовъ у дядюшки въ Михайловкѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Маленькій телефонистъ. Карт. Скаффан, грав. Мюллеръ.

Если бы бомба неожиданно разорвалась у ногъ Алексѣя Павловича, то она произвела бы меньшее на него впечатлѣніе, чѣмъ странныя слова боцмана. Едва услышавъ ужасную вѣсть, онъ затрепеталъ, словно подстрѣленная птица; лицо исказилось нервною судорогой; изъ глазъ чуть не хлынули потокомъ неудержимыя слезы. Алексѣй Павловичъ былъ ошеломленъ отвѣтомъ Гарри настолько, что едва не свалился съ ногъ. Мысли у него путались. Онъ не находилъ словъ для дальнѣйшихъ разспросовъ и только повторялъ сдавленнымъ голосомъ:

— Погибли... Погибли...Боже мой!.. Это ужасно!.. Погибли...

— Какъ погибли?! съ ужасомъ вскрикнулъ, въ свою очередь, приблизившійся Михаилъ Дмитріевичъ, услыхавъ послѣднія слова командира.

Страшная вѣсть мгновенно разлетѣлась по всему судну и ввергла всѣхъ въ неподдѣльное отчаяніе. Всѣ внутренно содрогались по поводу непонятной, неожиданной гибели товарищей, которыхъ только наканунѣ видѣли здоровыми и веселыми, лелѣявшие сладкія надежды на скорое возвращеніе во Владивостокъ... Какая ужасная иронія судьбы!.. Хотѣлось бы не вѣрить страшной катастрофѣ; хотѣлось всѣмъ надѣяться, что не могло случиться то, о чемъ даже мучительно подумать... Но... фактъ былъ на лицо, во всей своей ужасающей, угнетающей душу наготѣ...

— Гдѣ... гдѣ это случилось?.. Когда? съ трудомъ выговорилъ наконецъ Алексѣй Павловичъ, едва сдерживая невыносимую боль своего сердца.

— Ночью выскочили на камни, сэръ... У мыса Терпѣнія, сэръ, сталъ раболѣпно разсказывать Гарри. — Какъ мы туда попали, трудно сказать... Шхуну разбило.. Я съ товарищами сѣли на одинъ вельботъ, а остальные — на другой... Мы съ трудомъ, сэръ, выгребли изъ буруновъ, а другой вельботъ перевернуло, и всѣ погибли... На нашихъ глазахъ, сэръ, погибли, и мы никакъ не могли помочь... Не правда-ли? обратился боцманъ къ товарищамъ, угрюмо топтавшимся на палубѣ.

Тѣ молча кивнули головами.

— Шхуна же гдѣ?.. Я не видѣлъ ее, когда проходилъ заливомъ Терпѣнія, прошепталъ командиръ, недоумѣвая и въ то же время мало довѣряя словамъ Гарри. Ему казалось, что тотъ что-то недоговариваетъ.

— Шхуну, сэръ, разбило вдребезги, поспѣшилъ отвѣтить боцманъ тѣмъ же подобострастнымъ тономъ. — На нашихъ глазахъ, сэръ, разбило... Не правда-ли? обратился онъ опять къ товарищамъ. Тѣ такъ же угрюмо кивнули головами, хотя эти кивки вышли у нихъ болѣе естественными, чѣмъ первые, потому что промышленники дѣйствительно видѣли издали, какъ разсыпалась въ бурунахъ злополучная „Роза".

— Мы должны идти въ заливъ Терпѣнія, проговорилъ болѣе твердымъ голосомъ командиръ, какъ бы совѣтуясь со своимъ помощникомъ.—Я долженъ убѣдиться въ полной справедливости словъ этого молодца, не возбуждающаго во мнѣ довѣрія... Я не уйду изъ Охотскаго моря раньше, добавилъ Алексѣй Павловичъ рѣшительно,—пока окончательно не выясню, не спасся ли кто-либо?.. Можетъ-быть кто-нибудь бѣдствуетъ на безлюдномъ берегу, и мы не въ правѣ оставить несчастныхъ умираетъ съ голоду и отъ стужи...

— Конечно, конечно, повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ нѣсколько разъ, вполнѣ согласный со жгучимъ желаніемъ командира идти немедленно на помощь страдающимъ, можетъ-быть, товарищамъ. Такимъ же самоотверженнымъ желаніемъ была охвачена вся команда, „Крейсерка", который, быстро поставивъ всѣ паруса, полетѣлъ съ попутнымъ вѣтромъ обратно въ заливъ Терпѣнія.

— Накормить ихъ и запереть въ трюмъ вмѣстѣ съ остальными, приказалъ Алексѣй Павловичъ своему помощнику, указывая на Гарри съ товарищами. — Выпускать же на палубу, въ помощь нашей командѣ, не болѣе какъ по два человѣка, по очереди.

— Знаете, намъ надо быть очень осторожными съ этими мерзавцами, продолжалъ командиръ въ болѣе мягкомъ тонѣ, какъ бы оправдывая свое суровое приказаніе. — Насъ вѣдь меньше ихъ и они легко могутъ рѣшиться на какое-нибудь отчаянное дѣло. Я жду отъ нихъ рѣшительно всего, включительно до разбоя. И такъ, Михаилъ Дмитріевичъ, прикажите стеречь хищниковъ какъ можно внимательнѣе. Распорядитесь, чтобы у трюма постоянно находились двое часовыхъ съ револьверами.

— Есть, коротко отвѣтилъ мичманъ и поспѣшилъ исполнить приказаніе командира...

X.

Уже начало темнѣть, когда Корсунцева прибило къ песчаному берегу. Донельзя измученный продолжительною борьбой съ бурунами, потрясенный физически и душевно, онъ съ большимъ трудомъ отползъ отъ бушевавшаго моря и повалился на сырую траву въ полномъ безпамятствѣ. Сколько времени пролежалъ Корсунцевъ въ такомъ положеніи—трудно сказать, но когда онъ пришелъ въ себя отъ пронизывающаго, страшно холоднаго вѣтра, была уже ночь, темная настолько, что въ нѣсколькихъ шагахъ съ трудомъ можно было разглядѣть отдѣльные предметы. Корсунцева трясла лихорадка; зубъ не попадалъ на зубъ... Онъ поднялся и побрелъ берегомъ къ мысу Терпѣнія, разсчитывая найти тамъ примѣченную раньше, заброшенную гиляцкую юрту, въ которой надѣялся отдохнуть и согрѣться. Кромѣ того, ему хорошо было извѣстно, что за мысомъ Терпѣнія, на морскомъ берегу, находится орочонское селеніе Сиська, но сколько было верстъ до этого селенія—Корсунцевъ не зналъ. Дойдетъ-ли онъ до него? Объ этомъ онъ даже не думалъ, машинально двигаясь по прибрежью. Его босыя, окровавленныя ноги вязли въ морскомъ пескѣ почти по щиколотокъ. Пронизывающій вѣтеръ рвалъ съ него мокрыя рубища, прикрывавшія тѣло только наполовину. Голодный, истомленный жаждой, страдалецъ подвигался впередъ съ нечеловѣческимъ трудомъ. По берегу, въ разныхъ мѣстахъ, попадались ему обломки разбитой шхуны и шлюпокъ, выброшенные бѣшеными бурунами. Въ одномъ мѣстѣ онъ неожиданно наткнулся на трупъ безъ головы и рукъ, въ американскихъ длинныхъ сапогахъ и съ обрывками сукна на тѣлѣ. По сапогамъ Корсунцевъ съ ужасомъ призналъ въ трупѣ своего командира, такъ трагически погибшаго на его глазахъ. Онъ не могъ вынести страшнаго вида измолотаго среди камней человѣка и бросился бѣжать отъ трупа, охваченный паническимъ ужасомъ... Корсунцевъ бѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, до тѣхъ поръ, пока не свалился въ безсиліи на траву. Немного отдохнувъ, онъ пошелъ дальше, стараясь держаться самаго моря... Вскорѣ онъ увидалъ какой-то огонь, мелькавшій вдали, среди волнъ. Это былъ огонь шхуны „Крейсерокъ", возвращавшейся въ заливъ Терпѣнія; но Корсунцевъ и не подозрѣвалъ этого. Онъ даже не могъ себѣ представить изумительно счастливую возможность возвращенія „Крейсерка" для поисковъ погибшихъ. Онъ предполагалъ, что огонь принадлежитъ какой-либо промысловой шхунѣ, и началъ кричать, лелѣя себя призрачною надеждой, что его могутъ услышать на такомъ далекомъ разстояніи, при ревѣ буруновъ и свистѣ вѣтра. Корсунцевъ кричалъ до полной хрипоты голоса, кричалъ отчаянно, безумно, до окончательнаго изнеможенія, какъ физическаго, такъ и душевнаго. Не докричавшись, онъ опустился на траву и просидѣлъ до разсвѣта, не сомкнувъ глазъ и не шелохнувшись, точно окаменѣвшій. За все это время Корсунцевъ ничего не чувствовалъ: ни пронизывающаго, холоднаго вѣтра, ни мукъ отъ голода и жажды. Чувства его притупились. Онъ ни о чемъ не думалъ, ничего не соображалъ... Первые проблески разсвѣта оживили его. Онъ сталъ приглядываться, въ надеждѣ увидѣть на морѣ какое-либо судно, но спустившійся, чрезвычайно густой, туманъ не позволилъ ему разсмотрѣть предметы далѣе нѣсколькихъ саженей. Онъ всталъ и машинально пошелъ дальше, упорно преслѣдуя цѣль — пробраться за мысъ Терпѣнія, къ орочонскому селенію Сиська, находясь при этомъ въ полномъ невѣдѣніи относительно громаднаго разстоянія, которое предстояло ему пройти. Окруженный туманомъ, подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ, Корсунцевъ прошелъ берегомъ около часу, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ вязкаго грунта. Далѣе нельзя было идти близь моря, такъ какъ побережье состояло изъ высокихъ, скользкихъ утесовъ, смѣло подставлявшихъ свою истрескавшуюся грудь шумной прибойной волнѣ. У подошвы этихъ утесовъ море клокотало и грозно бурлило. Водяныя громады обрушивались на берегъ съ грохотомъ и ревомъ, то вскидываясь на огромную высоту, точно желая смыть съ вершинъ скалъ безпечно сидящихъ морскихъ птицъ, то отпрядывая назадъ для новаго отчаяннаго приступа на отвѣсное побережье... Корсунцеву пришлось отдалиться отъ берега и углубиться въ приземистый, довольно густой лѣсъ, состоявшій изъ ели, березы, лиственницы и мелкаго кедровника, росшаго въ видѣ кустарника. Въ лѣсу онъ неожиданно наткнулся на массу всевозможныхъ ягодъ; морошка, клюква, брусника, голубица и черника росли всюду въ такомъ необычайномъ изобиліи, что придавали во многихъ мѣстахъ почвѣ свой характерный оттѣнокъ. Голодный Корсунцевъ набросился на ягоды съ нечеловѣческою жадностью; онъ пожиралъ ихъ горстями, постоянно поперхиваясь и давясь. Въ лѣсу же онъ отыскалъ нѣсколько родниковъ, позволившихъ ему утолить нестерпимую жажду. Насытившись ягодами, Корсунцевъ бодро зашагалъ дальше, изрѣдка присаживаясь для кратковременнаго отдыха. Къ вечеру онъ добрелъ до мыса Терпѣнія, гдѣ отыскалъ необитаемую юрту, въ которой и переночевалъ сравнительно покойно... Съ разсвѣтомъ Корсунцевъ пошелъ дальше, придерживаясь все берега и заходя въ ближайшій лѣсъ только для того, чтобы наѣсться ягодами и немного отдохнуть. Такимъ образомъ онъ прошелъ еще двое сутокъ, подвергаясь ночью и по утрамъ сильной стужѣ. Одинъ утренникъ былъ особенно холодный. Вода въ родникахъ покрылась за ночь ледяною корою. Корсунцевъ при этомъ отморозилъ себѣ пальцы на обѣихъ ногахъ до такой степени, что никакъ не могъ оттереть ихъ. Съ отмороженными ногами онъ продолжалъ свой тернистый путь съ большимъ трудомъ, лелѣя себя надеждой добраться, рано или поздно, до селенія Сиська. Страдалецъ едва двигался, испытывая невыразимую боль въ ступняхъ, страшно опухшихъ и избитыхъ. Къ вечеру третьихъ сутокъ онъ сталъ чувствовать

такое полное изнеможеніе, что былъ вынужденъ прилечь на траву, несмотря на наступавшую стужу. Онъ сознавалъ, что это отдохновеніе будетъ преддверіемъ къ смерти, но не въ силахъ былъ противиться искушенію отдаться сладостному сну въ такое опасное время дня. Обыкновенно онъ шелъ ранѣе ночью, спасаясь отъ замерзанія усиленными движеніями, и спалъ нѣсколько часовъ днемъ, когда солнечные лучи подымали температуру воздуха выше нуля. Теперь же, не имѣя силъ идти дальше, онъ легъ какъ разъ передъ заходомъ солнца, покорно отдавшись волѣ Божіей. Трехсуточная, непрерывная борьба со смертью довела, наконецъ, Корсунцева до такого неотразимаго угнетенія, какъ душевнаго, такъ и физическаго, что онъ началъ молить Бога о скорѣйшемъ прекращеніи своей страдальческой жизни. Онъ жаждалъ смерти какъ избавленія отъ страшныхъ мученій, все усиливавшихся съ каждой минутой и съ каждымъ шагомъ впередъ. Ему вдругъ опротивѣла эта каторжная жизнь. Онъ желалъ полнаго успокоенія, какъ ни страшно оно было на чужбинѣ, вдали отъ семьи, которая и не узнаетъ, гдѣ погибъ ея несчастный кормилецъ.

„Измучился... Нѣтъ больше силъ...“ мрачно думалъ Корсунцевъ, лежа на травѣ. — „Умру какъ собака... Хищныя птицы расклюютъ мое тѣло, но косточкамъ разнесутъ... Что-жъ!.. Божья на то воля!..“

Корсунцевъ лежалъ въ такомъ состояніи около часу. Солнце уже стало скрываться за ближайшимъ лѣсомъ. Стужа усиливалась. Мокрыя рубища страдальца начали постепенно промерзать. Самъ онъ чувствовалъ, какъ прежде защипало все его тѣло, словно кто-то накалывалъ его многочисленными иголками, и какъ постепенно затѣмъ оно начало разгораться... Болѣзненное ощущеніе смѣнилось пріятнымъ и даже сладостнымъ. Корсунцевъ началъ замерзать, сохраняя еще память и какъ бы осязая медленное приближеніе неотвратимой смерти... Въ этотъ критическій моментъ до слуха страдальца долетѣли какіе-то неопредѣленные, странные звуки: не то плескъ волны, не то мѣрные удары веселъ... Ближе и ближе... Вотъ какъ будто заскрипѣлъ песокъ... Раздались чьи-то голоса... Корсунцевъ разомъ встрепенулся, хотѣлъ-было подняться, но уже не могъ, словно его привязали къ землѣ, наложивъ, кромѣ того, на руки и ноги десятипудовыя гири. Тогда онъ вскрикнулъ, вскрикнулъ отчаянно, мучительно... На этотъ крикъ подбѣжали къ нему какіе-то неизвѣстные люди и начали теребить его съ такимъ неистовствомъ, что Корсунцевъ закричалъ отъ боли, вдругъ разлившейся волной по всему тѣлу. Люди, не обращая вниманія, продолжали мять Корсунцева съ прежнею энергіей и настойчивостью, обдавая страдальца отвратительнымъ запахомъ перегнившаго нерпичьяго жира. Постепенно Корсунцевъ началъ соображать... Внимательно приглядѣвшись, онъ увидѣлъ надъ собой двухъ орочонъ, добродушно скалившихъ свои грязные зубы.

— Эге, батька, замерзъ есть, прохрипѣлъ одинъ изъ дикарей коверканымъ русскимъ языкомъ, увидя, что Корсунцевъ окончательно пришелъ въ себя. — Худо есть... А теперь карашо есть... Нѣтъ номирай!..

— Мало мало вставай есть, продолжалъ говорить тотъ же дикарь, приподнимая съ товарищемъ Корсунцева за плечи. Мало мало ходи есть... Это карашо... Спать нѣтъ карашо...

— Спасибо, братцы... Спасибо! Отъ смерти спасли прошепталъ страдалецъ, съ трудомъ подымаясь при помощи орочонъ, на ноги.

— Табака есть? задалъ вдругъ неожиданный вопросъ тотъ же дикарь, повидимому одинъ только умѣвшій говорить порусски.

— Нѣтъ, братцы, табаку, съ сожалѣніемъ отвѣтилъ Корсунцевъ, искренно досадуя, что ничѣмъ не можетъ благодарить добродушнаго орочона.

— Ну, не нада табака, добродушно засмѣялся дикарь. — Иди жрать!..

Оба орочона ухватили Корсунцева за руки и потащили къ своей лодкѣ, вытащенной на прибрежный песокъ.

— Моя звать Отай, товарищъ — Урканъ, продолжалъ болтать орочонъ.—Сиська знай есть?.. Моя живетъ Сиська... Товарищъ тоже Сиська... Наша охотникъ есть... Нерпа жиръ!.. Жри!.. закончилъ Отай свою краткую біографію, торопливо порывшись въ лодкѣ и ткнувъ затѣмъ прямо въ лицо Корсунцеву цѣлой юколой.

Корсунцевъ жадно схватилъ вяленую рыбу и сталъ рвать ее зубами.

— Хи-хи-хи!.. Батька жрать хочу, шибко хочу!.. весело затараторилъ опять Отай, добродушно поглядывая маленькими, подслѣповатыми глазками на Корсунцева. — Батька голодный есть... Батька помирай есть... Теперь, здоровъ есть, нѣтъ помирай... Урканъ, тепло батька дѣлай!..

Дѣйствительно, другой орочонъ успѣлъ развести большой костеръ, возлѣ котораго окончательно обогрѣлся несчастный крушенецъ, чудомъ спасенный отъ смерти добродушными дикарями-охотниками, случайно приставшими для ночлега именно къ тому мѣсту, гдѣ собирался умирать страдалецъ. Орочоны не только накормили и обогрѣли Корсунцева, но даже снабдили его теплою одеждой, состоявшей изъ просторной мѣховой рубахи, такихъ же штановъ, а также сапогъ, сшитыхъ изъ выдѣланной нерпичьей кожи.

Корсунцева доставили въ селеніе Сиська только на восьмой день, такъ какъ пять дней пришлось простоять на одномъ мѣстѣ, по случаю поднявшейся сильнейшей пурги. Изъ Сиськи страдальца отправили въ Корсаковскій постъ, лежащій на берегу залива Анива. Это было крайне необходимо, потому что у Корсунцева начали отгнивать отмороженные пальцы ногъ и представлялась неотложная надобность ихъ ампутировать. Операцію эту благополучно выполнилъ мѣстный врачъ и тѣмъ окончательно спасъ жизнь крушенцу, столько испытавшему, такъ много вытерпѣвшему всевозможныйъ страданій и лишеній...

Изъ Корсаковскаго поста Корсунцевъ въ скоромъ времени былъ отправленъ во Владивостокъ и затемъ уволенъ, съ пенсіей, въ отставку, какъ неспособный къ дальнейшей службѣ... Пенсія даетъ ему возможность жить на родинѣ безъ особенной нужды...

(Оконч. въ слѣд. №)

Къ рисункамъ.

Очистка почтовой дороги отъ снѣжныхъ заносовъ.

(Рис. на стр. 49).

Въ Западномъ краѣ, прибалтійскихъ и финляндскихъ губерніяхъ Россіи снѣжные заносы на шоссе расчищаются весьма легко и скоро. Для этого служитъ такъ-называемый треугольникъ (зимній катокъ). Это просто сколоченный изъ досокъ треугольникъ, обращенный вершиною впередъ и съ заднею стороной (основаніемъ) въ ширину дороги.

На дно треугольника наваливаются камни и садятся люди (для тяжести), а къ вершинѣ на крючкахъ и постромкахъ припрягается столько лошадей, сколько могутъ сдвинуть эту машину, когда она станетъ врѣзаться вершиною въ снѣжные заносы.

Такимъ образомъ лишній рыхлый снѣгъ разрѣзается треугольникомъ и отваливается глыбами по обѣ стороны дороги, а самая дорога уплотняется и укатывается днищемъ катка подъ тяжестью камней. Дорога такимъ образомъ получается превосходнаго качества, въ сравнительно скорое время.

Запорожцы, пишущіе грамоту султану.

(Рис. на стр. 52 и 53).

Имя нашего знаменитаго русскаго художника такъ широко распространено по всей Россіи, такъ извѣстно въ той части Европы, которая интересуется Россіей и русскими, что каждая новая картина И. Е. Рѣпина составляетъ въ нашей жизни крупное явленіе. Въ русскомъ художественномъ мірѣ, задолго до появленія такой новой картины, о ней говорятъ и спорятъ съ самымъ искреннимъ жаромъ, о ней сообщаютъ свѣдѣнія, полученныя отъ людей, близко стоящихъ къ художнику и посѣщающихъ его мастерскую — одинъ изъ самыхъ живыхъ и заманчивыхъ уголковъ художественнаго Петербурга...

Почтенный художникъ не дѣлаетъ секрета первостепенной важности изъ своихъ работъ, охотно показываетъ ихъ весьма обширному и разнообразному кружку лицъ, но въ тоже время очень часто самымъ курьезнымъ образомъ обманываетъ ожиданія поклонниковъ его громаднаго таланта. Живой и впечатлительный, „нервный“, въ высшемъ, художественномъ значеніи этого слова, И. Е. Рѣпинъ иногда нѣсколько лѣтъ подърядъ трудится надъ выполненіемъ какой-нибудь своей излюбленной художественной задачи, внося в нее по частямъ новыя наблюденія и новыя впечатлѣнія изъ той же области, и вдругъ... въ нѣсколько недѣль разрушаетъ все, созданное годами, передѣлываетъ и переписываетъ заново то, что казалось уже вполнѣ завершеннымъ и законченнымъ, приходитъ къ такимъ художественнымъ результатамъ, которыхъ совсѣмъ не могли отъ него ожидать видѣвшіе картины нѣсколько времени (недѣль, мѣсяцевъ) тому назадъ въ ея полузаконченномъ видѣ...

То, что высказано нами выше по поводу особыхъ пріемовъ художественнаго творчества И. Е. Рѣпина, вполнѣ можетъ быть примѣнено къ его новой картинѣ по преимуществу. О „Запорожцахъ“ говорили въ нашихъ художественныхъ кружкахъ уже лѣтъ восемь тому назадъ; первый набросокъ этой картины (въ гораздо меньшемъ объемѣ) намъ удалось видѣть еще въ 1885 году, отдѣльные эскизы къ ней и богатѣйшій запасъ этюдовъ какъ этому замечательному произведенію былъ у насъ въ рукахъ еще ранѣе... Въ прошломъ году намъ неоднократно пришлось видѣть «Запорожцевъ“ въ различныхъ фазисахъ развития той мудреной художественной поэмы; но когда мы увидѣли картину на вы-

ставкѣ въ академическомъ залѣ, мы нашли въ ней все же очень много новаго, невиданнаго нами, нашли важныя отмѣны въ важнѣйшихъ деталяхъ, нашли, что многія, давно знакомыя намъ фигуры исчезли безслѣдно съ холста и замѣстились новыми, неизвѣстными намъ... Въ общемъ, явилось одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній русской живописи, поразительное не только по краскамъ и дивнымъ художественнымъ эффектамъ, но и по чрезвычайно-живому выполненію труднѣйшей задачи, въ смыслѣ той экспрессіи, которая такъ изумительно придана этой массѣ лицъ, нагроможденныхъ прихотливою и мощною кистью художника на такомъ, сравнительно-небольшомъ пространствѣ. Вся эта „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній"—живетъ и движется предъ зрителемъ; вся она охвачена однимъ общимъ порывомъ дружнаго, веселаго, огульнаго смѣха, который одновременно потрясаетъ и мощную, тучную фигуру богатыря-казачины, и тщедушную, корявую фигурку старичонка съ люлькой въ зубахъ, и всю столпившуюся около походнаго стола „громаду". Оттѣнки и переходы смѣха, во всѣхъ его проявленіяхъ, отъ раскатистаго хохота до саркастической улыбки—переданы художникомъ съ поразительною силою и съ такимъ искусствомъ, что зритель, стоящій передъ картиною, невольно поддается обаянію кисти художника-чудодѣя!.. Всматриваясь въ эти лица, кажется, слышишь здоровый, оглушительный взрывъ хохота этой толпы богатырей, далеко разносящійся кругомъ по чистому полю, незаглушаемый даже и громомъ военной грозы, еще пылающей вдали. Зрителю становится, до нѣкоторой степени, яснымъ и тотъ поводъ, который потрясаетъ такимъ дружнымъ хохотомъ всю казацкую „громаду". Запорожцы, только-что одолѣвшіе въ битвѣ своего исконнаго врага, „бусурманскаго султана", пишутъ ему „грамоту" самаго недвусмысленнаго свойства, въ которой насмѣшливо предлагаютъ ему свои условія будущаго договора и пересыпаютъ эти условія крупною солью своего безцеремоннаго запорожскаго остроумія... Двое писцовъ,—очевидно, бурсаки, кончающіе или окончившіе курсъ въ Кіевской школѣ,—закрѣпляютъ на бумагѣ измышленія „громады", въ которыя каждый изъ „лыцарей" вноситъ свое слово, какъ кирпичикъ вносится каменщикомъ въ составъ большаго зданія,—и грамота растетъ и растетъ и обращается въ длинный, безконечно-длинный документъ, полный укоровъ и насмѣшекъ и ясно высказывающій презрѣніе и ненависть, питаемую этими богатырями, этими ярыми защитниками „Христовой вѣры" ко всему бусурманству.

Трудно было бы, конечно, утверждать, что такія грамоты къ султану писались запорожцами при томъ или другомъ случаѣ, во время одного изъ ихъ безчисленныхъ походовъ и набѣговъ на Крымъ или на Черноморскія прибрежныя владѣнія султана. Тѣ различные изводы и стили подобныхъ грамотъ, которые сохранились до нашего времени въ рукахъ нѣкоторыхъ любителей малороссійской старины, легко могутъ быть отнесены къ области измышленій позднѣйшихъ грамотеевъ. Но что такими грамотами и сочиненіемъ ихъ могли иногда тѣшиться запорожцы, не терявшіе присутствія духа и здороваго юмора ни въ виду смерти, ни среди опасностей,—это едва-ли возможно отрицать; а потому и понятно, что художникъ, увѣренный въ силѣ и громадныхъ средствахъ своего таланта, могъ избрать такую „грамоту" и моментъ ея написанія — за исходную точку своего художественнаго вдохновенія.

Отмѣтимъ, въ заключеніе нашей замѣтки, одну, чрезвычайно важную и любопытную особенность новаго произведенія И. Е. Рѣпина. Въ качествѣ художника въ высшей степени добросовѣстнаго и тщательно изучающаго бытовыя подробности, И. Е. Рѣпинъ, для своихъ „Запорожцевъ" неутомимо, настойчиво и очень долго собиралъ и изучалъ тотъ богатый матеріалъ, который и внесъ цѣликомъ въ свою картину. Съ цѣлью изученія остатковъ запорожской старины, художникъ объѣхалъ всѣ мѣстности, связанныя съ воспоминаніями о Запорожской Сѣчи, посѣтилъ всѣ храмы, построенные „сѣчевиками" и сохранившіе въ ризницахъ своихъ запорожскія знамена, хоругви и иные войсковые клейноды. Долго жилъ художникъ и въ тѣхъ имѣньяхъ, гдѣ владѣльцы, подобно извѣстному любителю малороссійской старины, г. Тарновскому, успѣли собрать болѣе или менѣе богатые музеи, важные для изученія быта запорожцевъ и Запорожья. Не довольствуясь вещественными памятниками, И. Е. Рѣпинъ, для будущей своей картины, входилъ въ тѣсное общеніе съ простонародьемъ въ мѣстностяхъ, близкихъ къ бывшему Запорожью, и среди этого люда искалъ типовъ, которые, по прямому родовому преемству, могли сохранить намъ обликъ древнихъ „лыцарей". Этимъ путемъ создалъ онъ богатѣйшій запасъ художественныхъ деталей, который далъ ему возможность такъ щедро, такъ разнообразно и такъ полно иллюстрировать бытовую сторону „громады" въ его „Запорожцахъ". Тотъ, кто знакомъ съ этимъ богатымъ запасомъ альбомовъ, эскизовъ и этюдовъ И. Е. Рѣпина, знаетъ, что въ его картинѣ всѣ подробности одежды, вооруженія и утвари—отъ баклаги и кувшина, поставленныхъ на столѣ, до бандуры, сабли, пороховницы и винтовки—взяты прямо съ предметовъ, нѣкогда несомнѣнно принадлежавшихъ запорожцамъ. Въ этомъ смыслѣ картина И. Е. Рѣпина является картиною вполнѣ *исторической*, такъ какъ бытъ Запорожья переданъ въ ней съ археологической точностью, и она представляетъ собою живую страницу запорожскаго прошлаго. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что И. Е. Рѣпину—первому изъ русскихъ художниковъ—удалось такъ полно, такъ ясно и такъ блистательно воскресить это прошлое въ художественныхъ образахъ: дикое, мрачное, полное красокъ и звуковъ, полное безшабашной удали и разгула, неподдѣльнаго юмора и веселости, полное поэтическихъ преданій, грозное и кровавое, оно смотритъ на насъ съ холста художника, одухотворенное и увѣковѣченное его кистью.

П. Полевой.

После битвы. (Рис. на стр. 57).

(Стихи въ прозѣ).

Стихъ боевой шумъ и утомленные бойцы давно покинули поле битвы.

Смолкли крики минутнаго торжества, призывной звукъ трубъ, грохотъ барабановъ, вопли страданья, смертоносный трескъ ружейной пальбы и громовой гулъ пушечныхъ жерлъ... Долина смерти торжественно молчитъ. А солнце палитъ съ высоты небесъ, жгутъ его лучи беззащитныя мертвыя тѣла, слѣпитъ открытыя мертвыя очи, сушитъ кровавыя лужи...

И нѣтъ ему, этому безпристрастному, вѣчному свѣтилу, никакого дѣла до человѣческихъ распрей, безучастно обдаетъ оно своими лучами эти, повсюду разсѣянныя въ пустынѣ, тѣла людей и конскіе трупы, яркими блестками сверкая на желѣзѣ доспѣховъ...

Кончился день, красная заря протянулась на западѣ, заискрились на небѣ безчисленныя звѣзды, прохладою-туманомъ потянуло по низу...

Оживила эта прохлада до сихъ поръ неподвижное тѣло; приподнялся человѣкъ на локоть, открылъ глаза. Словно очнувшійся отъ крѣпкаго сна, изумленно окидываетъ онъ вокругъ потускнѣвшимъ взоромъ, и словно память мало-по-малу возстановляетъ передъ нимъ дикія, полныя ужаса, сцены недавней борьбы...

Раненъ... оставленъ... одинъ... умирающій... Пить... пить... Хоть бы каплю!..

Одинъ!.. Нѣтъ, не одинъ!.. Вонъ по долинѣ мелькаютъ легкія тѣни... Подъ покровомъ ночнаго мрака изъ балокъ и впадинъ пустыни появились страшные могильщики. Неслышною поступью бѣгаютъ они, обнюхивая трупы...

Вздрогнули волки, насторожили уши... Чу!.. кто-то стонетъ, шевелится... Живъ—бѣда!.. назадъ!..

Но не страшенъ имъ этотъ ожившій на минуту мертвецъ. Напрасно онъ ослабѣвшею рукою конвульсивно тянется за оружіемъ.

Страшные четвероногіе санитары опомнились и, окруживъ умирающаго, терпѣливо ждутъ послѣдняго мгновенія — смертельной агоніи, сторожа остатокъ быстро угасающей жизни.

И. И.

Литературный альбомъ. „Война и миръ" гр. Л. Н. Толстаго. Ростовы у дядюшки.

(Рис. на стр. 60).

Рисунокъ А. Земцова иллюстрируетъ одну изъ главъ хорошо извѣстнаго романа графа Л. Толстаго „Война и миръ", какъ молодые Ростовы съ охоты заѣхали къ дядюшкѣ, ихъ дальнему родственнику и небогатому сосѣду.

Единственнымъ убранствомъ жилища дядюшки была старомодная мебель, да кое-какія принадлежности охоты. Послѣ деревенскаго угощенія, которому молодежь послѣ травли отдала должную честь, стали упрашивать дядюшку сыграть на гитарѣ. Дядюшка былъ въ духѣ (любимая собака его превосходно взяла зайца) и приказалъ подать инструментъ.

„Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунулъ пыль, костлявыми пальцами стукнулъ по крышкѣ гитары, настроилъ и поправился на креслѣ. Онъ взялъ (нѣсколько театральнымъ жестомъ, отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и мѣрно и спокойно, но твердо началъ отдѣлывать извѣстную пѣсню: „По у-ли-и-цѣ мостовой". Въ разъ, въ тактъ, со степеннымъ весельемъ запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни...

„— Прелесть, прелесть, дядюшка, еще, еще! закричала Наташа, какъ только онъ кончилъ.

„Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ заигралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисьи Ѳедоровны явилось въ дверяхъ, и изъ-за нея еще другія лица... „За холодной ключевой, кричитъ дѣвица постой!" игралъ дядюшка, сдѣлалъ опять ловкій переборъ, оторвалъ и шевельнулъ плечами.

„— Ну, ну, голубчикъ дядюшка, такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ будто жизнь ея зависѣла отъ этого.

„— Ну, племянница! крикнулъ дядюшка, взмахнувъ Наташѣ рукой, оторвавшею аккордъ.

„Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ накинутъ

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ († въ 12 час. ночи на 13 января 1892 г.).

Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руки въ боки, сдѣлала движеніе плечами и стала...

„Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ—страхъ, что она не то сдѣлаетъ,—прошелъ и они уже любовались ею.

„Она сдѣлала то самое и такъ точно, такъ вполнѣ точно это сдѣлала, что Анисья Ѳедоровна, которая тотчасъ подала ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ."

Маленькій телефонистъ. (Рис. на стр. 61).

Замѣчательное изобрѣтеніе Белля—*телефонъ*—извѣстно всему свѣту. Но задолго до его появленія уже встрѣчалась игрушка, позволявшая разговаривать на разстояніи. Состояла она изъ двухъ небольшихъ трубокъ, у которыхъ одно изъ отверстій было затянуто пузыремъ и которыя были соединены съ середины этого донышка изъ пузыря ниткою. Стоило растянуть ее—и можно было разговаривать чрезъ эти трубочки на небольшомъ разстояніи, какъ это видно изъ нашего рисунка, гдѣ маленькій шалунъ потѣшаетъ такимъ телефономъ свою мать, къ великой забавѣ и любопытству сестричекъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ († 13 января 1892).

(Портр. на стр. 65).

Въ Бозѣ почившій Великій Князь Константинъ Николаевичъ, второй сынъ Императора Николая I, родился 9 сентября 1827 г., еще въ юности выказывалъ блестящія дарованія и съ особенною любовью занимался морскимъ дѣломъ, изученію котораго много содѣйствовали морскія путешествія Его Высочества и посѣщеніе имъ важнѣйшихъ заграничныхъ морскихъ сооруженій.

Въ 1855 году Великій Князь былъ назначенъ управляющимъ флотомъ и Морскимъ вѣдомствомъ на правахъ министра въ чинѣ адмирала, а въ 1860 — предсѣдателемъ Адмиралтействъ Совѣта. Во время Крымской кампаніи Августѣйшій Адмиралъ командовалъ морскими силами на Балтійскомъ морѣ. Слѣдующіе года онъ провелъ большею частію при дворахъ Италіи и Англіи. 30 мая 1862 года Великій Князь былъ назначенъ Намѣстникомъ Царства Польскаго, но уже на другой день по въѣздѣ его въ Варшаву (21 іюня) совершено было злодѣйское покушеніе на жизнь Его Высочества, къ счастью не удавшееся. Въ январѣ 1863 года вспыхнулъ давно подготовлявшійся польскій мятежъ, и 1 августа Его Высочество возвратился въ Петербургъ.

11 сентября 1848 года Великій Князь Константинъ Николаевичъ вступилъ въ супружество съ Великою Княгинею Александрою Іосифовною, дочерью герцога Саксенъ - Альтенбургскаго.

Почившій Великій Князь имѣлъ званіе Генералъ-Адмирала и былъ предсѣдателемъ Комитета о раненыхъ и Имп. Русск. Географ. Общества, почетнымъ членомъ Имп. Воен.-Медиц. Академіи и Михайловской Артиллерійской академіи.

Мехмедъ-Тевфикъ и Аббасъ-паша, хедивы Египетскіе. (Портр. на стр. 68).

26 декабря скончался отъ инфлуэнцы въ своемъ загородномъ замкѣ въ Гелуанѣ, по близости отъ Каира, шестой вице-король изъ династіи Мехмеда-Али. Свою молодость покойный хедивъ прожилъ въ Куббѣ, расположенномъ по дорогѣ изъ Каира въ знаменитый городъ солнца, Геліополисъ. Отецъ его, хедивъ Измаилъ-паша, не любилъ своего первенца. Сынъ невольницы, онъ считался мало развитымъ въ умственномъ отношеніи. Бережливый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ по характеру являлся прямою противоположностію своему расточительному отцу. Несмотря на дурныя отношенія между отцомъ и сыномъ, первый непремѣнно хотѣлъ установить въ Египтѣ порядокъ престолонаслѣдія по европейскому образцу, чего и добился наконецъ. Но наслѣдника своего Измаилъ-паша приблизилъ къ управленію страной лишь незадолго до своего низложенія. До того времени Тевфикъ-паша жилъ уединенно. Въ 1874 году онъ сочетался бракомъ съ принцессою Эминехъ-ханумъ, извѣстною своимъ образованіемъ и добротою сердца. Призванный внезапно 14 іюня 1879 года къ управленію страною, онъ нашелъ страну въ большомъ безпорядкѣ и неустройствѣ. Обремененный громаднымъ долгомъ Египетъ было трудно привести въ порядокъ. Недовѣрчивый къ приближеннымъ, онъ обратился къ иностранцамъ и ввелъ ихъ въ свою страну. Но за это онъ вскорѣ понесъ должную кару, и, какъ сообщаетъ египетскій шейхъ Абу-Каддаръ въ *Figaro*, вскорѣ сталъ хедивомъ только по названію, а настоящимъ хедивомъ были англичане во главѣ съ сэръ-Э. Берингомъ, главнымъ дипломатическимъ агентомъ Великобританіи въ Египтѣ. Дѣло дошло до того, что всѣ указы Тевфикъ подписывалъ не читая. Такое подчиненное положеніе его мучило и онъ впалъ мало-по-малу въ ипохондрію. Но послѣдній ударъ нанесъ ему пожаръ Абдинскаго дворца, такъ какъ онъ былъ очень суевѣренъ. Говорятъ, что въ числѣ прочихъ документовъ сгорѣлъ и фирманъ султана, установляющій въ Египтѣ новый порядокъ престолонаслѣдія. Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ хедивъ сталъ еще болѣе тосковать, состояніе здоровья его ухудшилось и расположило его къ воспринятію инфлуэнцы. Это, однако, не помѣшаетъ народу говорить, что англичане угостили хедива чашкою дурнаго чая.

Старшій сынъ его и преемникъ, 18-лѣтній Аббасъ-паша, воспитывавшійся въ вѣнскомъ Терезіанумѣ, не отличается особенными симпатіями къ Англіи и болѣе расположенъ къ Франціи. Европейски образованный, онъ уже прибылъ въ Каиръ и вступилъ въ управленіе страною. 4 января передъ Абдинскимъ дворцомъ, въ присутствіи многочисленнаго войска, прочитанъ былъ фирманъ султана о провозглашеніи Аббасъ-паши хедивомъ.

Профессоръ В. А. Манасеинъ. (Портр. на стр. 68).

Ординарный профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи, тайный совѣтникъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манасеинъ происходитъ изъ дворянъ Казанской губерніи, родился 3 марта 1841 г. Среднее образованіе получилъ въ Казанскомъ пансіонѣ Омона и въ I Казанской гимназіи, а высшее—въ училищѣ Правовѣдѣнія. Въ августѣ 1857 года поступилъ, по выдержаніи экзамена, на медицинскій факультетъ Московскаго университета; въ 1860 году перешелъ въ Казань на 3-й курсъ, въ 1861 году въ Дерптъ, въ 1864 году въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1866 г. кончилъ курсъ въ Академіи и былъ награжденъ серебряной медалью. Въ Академіи выдающіяся способности В. А. Манасеина обратили на него вниманіе преподавателей, и 31 декабря 1866 года онъ былъ оставленъ при Академіи, въ клиникѣ покойнаго проф. Боткина, для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Одинъ изъ многихъ ученыхъ трудовъ его, именно обширный трактатъ „О голоданіи", далъ ему степень доктора медицины 18 марта 1869 г. 10 октября 1869 г. онъ былъ приглашенъ занять мѣсто ассистента клиники покойнаго проф. Бессера. 22 марта 1870 г. посланъ отъ Академіи на 2 года для усовершенствованія заграницу, гдѣ работалъ въ Вѣнѣ у Опольцера, Шроттера, Бенедикта и Вагнера, и въ Тюбингенѣ у Либермейстера и Гоппе-Зейлера. По возвращеніи изъ-за границы, 22 октября 1872 г. удостоенъ званія приватъ-доцента. 21 мая 1875 года выбранъ адъюнктъ-профессоромъ общей терапіи и діагностики. 21 ноября 1876 г. приглашенъ читать частную патологію и терапію и завѣдывать пропедевтической терапевтической клиникой. Названную каѳедру Манасеинъ занималъ до настоящаго времени. Выходъ Манасеина въ отставку—большая потеря для Академіи; въ немъ она теряетъ крупную научную и выдающуюся нравственную силу. Обладая огромной памятью, необыкновенной начитанностью и самой горячею готовностью подѣлиться своими знаніями со всякимъ врачемъ, онъ былъ извѣстенъ среди врачей за „ходячую энциклопедію". Аудиторія его всегда была полна слушателей. Онъ былъ любимъ студентами и за свои превосходныя лекторскія способности, и за проповѣдь врачебной этики, которую онъ внушалъ студентамъ съ истинно-юношескимъ пыломъ. Эта любовь студентовъ особенно выразилась на послѣдней прочитанной имъ лекціи. Онъ былъ встреченъ рукоплесканіями, выслушалъ нѣсколько адресовъ и былъ отнесенъ на рукахъ изъ Академіи почти до самаго дома. Уходя изъ Академіи, онъ тѣмъ самымъ являетъ собою рѣдкій примѣръ добровольнаго и принципіальнаго оставленія каѳедры. Манасеинъ всегда проповѣдывалъ, что 25 лѣтъ срокъ вполнѣ достаточный для профессорской дѣятельности, и по истеченіи этого срока каждый профессоръ обязанъ уступить мѣсто другимъ, болѣе молодымъ силамъ. Несмотря на свой не старый еще возрастъ и полный расцвѣтъ силъ, онъ все-таки, вѣрный своимъ принципамъ, оставляетъ профессуру. Единственнымъ утѣшеніемъ для учениковъ, врачей и почитателей Манасеина остается то обстоятельство, что онъ попрежнему будетъ стоять во главѣ газеты *Врачъ*, лучшаго въ Россіи медицинскаго изданія.

31 декабря исполнилось 25 лѣтъ со дня выпуска врачей 1866 года, который далъ Россіи многихъ талантливыхъ меди-

ковъ, сдѣлавшихся теперь свѣтилами медицины. Въ составъ этого выпуска, кромѣ В. А. Манасеина, входятъ еще такія имена, какъ Ю. Т. Чудновскаго, Н. В. Соколова, П. Добрынина и А. Брандта.

Ю. И. Іогансенъ. (Портр. на стр. 69).

Въ началѣ текущаго мѣсяца СПБ. консерваторія скромно и семейнымъ образомъ отпраздновала 25-лѣтній юбилей завѣдывающаго консерваторіей, Юлія Ивановича Іогансена. Юбиляръ въ 1866 г. былъ приглашенъ бывшимъ тогда директоромъ А. Г. Рубинштейномъ въ нашу музыкальную alma mater въ качествѣ профессора по классу гармоніи. Въ теченіе четверти вѣка служенія Ю. И. Іогансена музыкально-педагогическому дѣлу въ Россіи, ему пришлось, кромѣ своихъ спеціальныхъ классовъ, занимать постъ инспектора консерваторіи въ продолженіе 12 лѣтъ и два раза исполнять обязанности директора ея. Чрезвычайно образованный музыкантъ, одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ, крайне добросовѣстно относящійся къ своему дѣлу и весьма любимый и уважаемый товарищами, г. Іогансенъ вполнѣ заслужилъ то теплое къ нему отношеніе сослуживцевъ и печати, которое было обнаружено въ день его юбилея.

Юлій Ивановичъ Іогансенъ датчанинъ; родился въ Копенгагенѣ 28 февраля 1826 года; получилъ полное классическое образованіе и до 19-ти-лѣтняго возраста жилъ у родителей, давшихъ ему возможность развить свои музыкальныя способности, которыя онъ обнаружилъ съ дѣтства. Весьма основательно подготовленный по теоріи музыки и по игрѣ на фортепіано и органѣ, онъ въ 1845 г. поступилъ въ Лейпцигскую консерваторію, гдѣ состоялъ ученикомъ Рихтера и Гауптмана—по теоріи музыки, Мендельсона и Гаде — по практическому сочиненію, Пледи и Мошелеса—по игрѣ на фортепіано и Беккера—по игрѣ на органѣ. Чрезъ три года онъ блестяще окончилъ курсъ консерваторіи и вскорѣ отправился въ Россію, въ Петербургъ, откуда онъ однако въ 1849 г. вынужденъ былъ по климатическимъ условіямъ отправиться на Югъ.

До 1852 г. Іогансенъ жилъ въ Полтавской губерніи, гдѣ занимался преподаваніемъ фортепіанной игры и теоріи музыки у разныхъ помѣщиковъ; но съ этого времени онъ снова переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь его плодотворная дѣятельность дала прекрасные результаты. Графъ Віельгорскій въ 1856 г. пригласилъ его преподавателемъ исторіи музыки и эстетики въ Николаевскій сиротскій институтъ, а съ 1866 г. Іогансенъ не оставляетъ нашей консерваторіи, гдѣ его почтенная дѣятельность заслужила всеобщее уваженіе. Врагъ всякой рекламы и уличнаго шума, Іогансенъ энергично работаетъ на избранномъ имъ поприщѣ и насчитываетъ десятками своихъ учениковъ теоретиковъ, разсѣянныхъ по всей Россіи; спеціальные классы теоріи у него окончило 90 человѣкъ.

Г. Іогансенъ, одинъ изъ первыхъ теоретиковъ въ настоящее время въ Европѣ, много писалъ для фортепіано и для голоса; но онъ рѣдко рѣшается выпускать свое произведеніе, изъ излишней скромности; особенно много трудился онъ надъ составленіемъ своего учебника гармоніи и контрапункта, снабдивъ его массой примѣровъ; трудъ этотъ выйдетъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ въ скоромъ времени. Юбиляръ получилъ много цѣнныхъ подарковъ отъ товарищей, привѣтственныхъ адресовъ и телеграммъ. Видимо, истинныя заслуги находятъ еще свою справедливую оцѣнку. **В. Б.**

Курсы Рапгофъ.

Музыкально-драматическому училищу, извѣстному подъ названіемъ „Курсовъ Рапгофъ“, исполнилось десять лѣтъ со времени основанія его. Директоръ этихъ „курсовъ“, весьма энергичный человѣкъ, сумѣлъ выдвинуть свое дѣло, и его училище считается теперь въ Петербургѣ первою между частными школами. Дирекція стремится выработать изъ своихъ классовъ нѣчто въ родѣ частной консерваторіи; по крайней мѣрѣ на „курсахъ“ изучаются всѣ предметы, преподаваемые въ консерваторіи, съ прибавленіемъ еще практически-драматическаго класса: пѣніе, игра на фортепіано, скрипкѣ, віолончели и другихъ инструментахъ, а также—теорія музыки, классы сольфеджіо и хороваго пѣнія и пр.

Е. П. Рапгофъ.

Результаты дѣятельности „курсовъ“ конечно за такой сравнительно короткій срокъ не могутъ идти въ параллель съ результатами существующихъ уже давно консерваторій, но если директору ихъ удастся достигнуть желаемой цѣли, то заслуги его дѣйствительно будутъ громадны, тѣмъ болѣе, что онъ не пользуется никакими субсидіями и ведетъ свое дѣло на собственный рискъ. Школа ежегодно устраиваетъ публичные „музыкально-драматическіе вечера“, въ которыхъ участвуютъ воспитанники и воспитанницы ея, и публика имѣетъ возможность слѣдить какъ за преподаваніемъ въ школѣ, такъ и за успѣхами питомцевъ ея. Жаль, что дирекція упустила одну изъ лучшихъ преподавательницъ пѣнія, г-жу Греннигъ-Вильде, давшую такихъ учениць, какъ г-жи Долина (на Маріинской сценѣ) и Кирштейнъ. Особенно хорошо поставлены классы игры на фортепіано, руководимый директоромъ, и драматическій, находящійся въ рукахъ артиста казенныхъ театровъ г. Сосновскаго.

В. Б.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ рождественскаго и новогодняго перерыва повсюду въ Европѣ возобновились засѣданія депутатовъ. Въ Вѣнѣ палата депутатовъ, большинствомъ 245 голосовъ противъ 42, вотировала 7 января торговые договоры съ Германіей, Швейцаріей и Бельгіей. Оппозиція состояла изъ младочеховъ и антисемитовъ. Противъ договора съ Италіей вотировали также многіе изъ южнославянскихъ депутатовъ, вслѣдствіе чего оппозиція возросла до 88 человѣкъ. Нельзя было сомнѣваться въ принятіи торговыхъ договоровъ, но совершилось оно не безъ возраженій, указавшихъ на цѣли различныхъ партій въ рейхстагѣ. Особенно горячо противостояли торговымъ договорамъ младочехи. Депутаты Вашатый, Аданекъ и Крамаршъ указывали на порабощеніе по этимъ договорамъ австрійской промышленности германскою. Аданекъ заявилъ, что нынѣшній торговый договоръ есть начало таможеннаго союза; чешскій народъ не потерпитъ, чтобы король Чешскій превратился въ вассала Германскаго императора. Младочехъ Крамаршъ въ теченіе преній коснулся въ своей рѣчи предстоящихъ переговоровъ о заключеніи торговыхъ договоровъ съ балканскими государствами и назвалъ нынѣшнюю политику Австріи на Востокѣ ошибочною, такъ какъ Австрія силится установить тамъ свое вліяніе лишь посредствомъ одного или немногихъ лицъ. Вслѣдствіе этого ее ждутъ и въ Болгаріи такія же горькія испытанія, какъ и въ Сербіи. Исключительно еврейскіе гешефтмахеры — плохая политическая рекомендація. Не Россія конкурируетъ съ Австріей на Балканскомъ полуостровѣ,—центръ тяжести ея торговли лежитъ въ Азіи, а конкурируютъ Германія и Италія. Противники Габсбургской имперіи находятся въ самомъ тройственномъ союзѣ, вотъ почему чехи и возстаютъ такъ противъ этого союза.

Въ Римѣ палата, возобновивъ свои засѣданія 2 января, приступила къ обсужденію торговыхъ договоровъ съ Австро-Венгріей и Германіей, которые приняты 8 января.

Въ Берлинѣ открытъ 2 января прусскій сеймъ министромъ-президентомъ, который прочиталъ тронную рѣчь, совершенно не касающуюся внѣшняго положенія дѣлъ.

Въ Парижѣ засѣданія сената и палаты депутатовъ начались съ избранія тѣхъ же президентовъ въ нихъ, Ле-Ройе въ сенатѣ и Флоке въ палатѣ. При открытіи засѣданія сената, Ле-Ройе заявилъ, что сенатъ держится того взгляда, что реформы должны быть достигнуты безъ волненій и безъ торопливости. Дабы интересы и права всѣхъ гражданъ были обезпечены—присовокупилъ предсѣдатель—не слѣдуетъ, чтобы эти гарантіи превратились въ орудіе давленія. Сенатъ приступилъ затѣмъ къ обсужденію бюджета. Въ палатѣ депутатовъ Флоке, занявъ президентское кресло, произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, что подъ знаменемъ республики Франція пріобрѣла вновь прежнее положеніе въ мірѣ и что подъ этимъ знаменемъ соединены всѣ французы для торжества справедливости и устойчиваго мира, основаннаго на взаимномъ уваженіи права.

На первыхъ же порахъ палата депутатовъ сдѣлалась ареною неприличныхъ выходокъ. 7 января, въ засѣданіи палаты депутатовъ, буланжисты Лоръ и Лессенъ объявили, что предъявятъ запросъ относительно обвиненій, взводимыхъ газетою *Intransigeant* на одного изъ членовъ кабинета. Фрейсинэ отказался вступать въ пренія, имѣющія цѣлью подрывъ довѣрія къ правительству, и нѣсколько депутатовъ потребовали предварительнаго вопроса. Лоръ, протестуя противъ этого, говоритъ: „Если вы вотируете предварительный вопросъ, то станетъ извѣстно, что вы хотите прикрыть министра, давно уже ошельмованнаго общественнымъ мнѣніемъ“. Констанъ, исполненный негодованія, бросается къ трибунѣ и, встрѣтивъ Лора у лѣстницы, даетъ ему пощечину. Депутаты лѣвой апплодируютъ. Сильное волненіе. Лора окружаютъ и усаживаютъ на его мѣсто, Констана горячо поздравляютъ. Флокэ, послѣ тщетныхъ попытокъ прекратить

шумъ, пріостанавливаетъ засѣданіе. Лоръ, ошиканный, выходитъ изъ залы засѣданія. Не смотря на удаленіе бюро, депутаты остаются въ залѣ и шумъ продолжается. Республиканецъ Дельпешъ даетъ пощечину буланжисту Кастелену. Въ коридорахъ палаты происходятъ новые инциденты. Секунданты Кастелена, Дюмонтель и Монтэгю, явились къ Дельпешу, причемъ между послѣднимъ и Дюмонтелемъ произошелъ обмѣнъ рѣзкихъ словъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено, что послѣ дуэли Дельпеша съ Кастеленомъ, состоится дуэль между Дельпешомъ и Дюмонтелемъ. Въ то же время, вслѣдствіе сильнаго спора, одинъ журналистъ далъ пощечину буланжистскому депутату Будо. Тогда квесторы предложили депутатамъ удалиться во внутренніе коридоры, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ столкновеній; въ противномъ случаѣ они грозили очистить залу Pas perdus. Бюро палаты обсудило случай съ Констаномъ и признало, что постановленій устава нельзя примѣнить къ Констану, такъ какъ онъ состоитъ членомъ сената. Вслѣдствіе этого бюро рѣшилось не вмѣшиваться во все это дѣло. При возобновленіи засѣданія Констанъ былъ встрѣченъ рукоплесканіями. Депутаты были совершенно спокойны. Констанъ, взойдя на трибуну, извинился, что помѣшалъ преніямъ, но прибавилъ, что бываютъ случаи, когда сохранять хладнокровіе невозможно. Лѣвая аплодируетъ. Предварительный вопросъ относительно запроса Десселя и Лора вотированъ большинствомъ 438 голосовъ противъ 44 и засѣданіе было закрыто.

Мехмедъ-Тевфикъ, хедивъ Египетскій († 26 декабря 1891 г.).

Аббасъ-паша, новый хедивъ Египетскій.

Искусство.

„Эсклармонда“ Массенэ и „Тайный бракъ“ Чимарозы. „Эсклармонда“ — новинка текущаго репертуара; „Тайный бракъ“—„старинка“ (если такъ можно выразиться) забытаго репертуара; первая поставлена на Маріинской сценѣ, вторая—учениками консерваторіи на Александринскомъ театрѣ; первой всего два года, второй—ровно сто. Было бы очень любопытно провести параллель между этими двумя произведеніями съ точки зрѣнія развитія опернаго искусства за цѣлый вѣкъ, отдѣляющій ихъ другъ отъ друга; къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ задаваться такой задачей. Мы ихъ соединили только потому, что обѣ оперы слѣдовали одна за другой и представляютъ наибольшій интересъ сезона въ нашей оперной жизни.

„Эсклармонда“ написана для г-жи Сандерсонъ и, благодаря ей (пѣвица приглашена на 15 представленій по 1000 руб. за каждое), опера эта поставлена у насъ; объ этомъ фактѣ можно только пожалѣть, потому что ни опера, ни приглашенная пѣвица не представляютъ ничего особеннаго, т. е. такого, изъ-за чего слѣдовало бы отложить постановку русскихъ оперъ, напр. „Млады“ г. Римскаго-Корсакова, которая, по слухамъ, уже въ этомъ сезонѣ поставлена не будетъ. Да и помимо этихъ соображеній, „Эсклармонда“ сама по себѣ не заслуживаетъ серьезнаго вниманія: это очень слабая вещь слабаго композитора, написанная къ тому же на странный сюжетъ. Опера названа „волшебною“, вѣроятно для обезоруженія критики, ибо произведеніе это нелогично отъ начала до конца.

У императора Востока (?), Форкаса, двѣ дочери: Эсклармонда и Парсида; первой изъ нихъ онъ почему-то уступаетъ тронъ и власть надъ духами; но она до 20 лѣтъ не должна показываться мужчинамъ; послѣ же этого времени онъ устроитъ турниръ и Эсклармонда достанется тому изъ рыцарей, кто одержитъ побѣду. Но Эсклармонда уже любитъ рыцаря Роланда, котораго она мелькомъ видѣла. Женихъ Парсиды, Эней, разсказываетъ, что онъ былъ по-

Профессоръ В. А. Манасеинъ (по поводу 25-лѣтія профессорской дѣятельности). Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

бѣжденъ Роландомъ, что французскій король Клеомеръ въ награду за эту побѣду хочетъ выдать за него свою дочь. Эсклармонда рѣшается при помощи своей волшебной силы вызвать къ себѣ Роланда, которому она объясняется въ любви, обѣщая каждую ночь являться къ нему, гдѣ бы онъ нибылъ.

На разставаніи Роландъ получаетъ отъ нея волшебный мечъ, которымъ онъ побѣждаетъ враговъ Клеомера, сарациновъ, причемъ Роландъ снова отказывается отъ руки дочери Клеомера, такъ какъ онъ любитъ Эсклармонду, хотя онъ никогда не видалъ ея лица и не знаетъ ея имени. Причина отказа Роланда чрезвычайно заинтересовываетъ епископа, являющагося къ нему, когда его посѣщаетъ Эсклармонда. Онъ срываетъ съ нея покрывало; она проклинаетъ Роланда и исчезаетъ. Между тѣмъ сестра ея встрѣчается съ отцомъ живущимъ въ пещерѣ; сюда же приходитъ Эсклармонда; старикъ, узнавъ, для чего она употребила волшебство, требуетъ, чтобы она отреклась отъ своей любви, иначе „онъ“ умретъ; послѣ нѣкоторой борьбы она соглашается на первое.

Послѣдняя картина, эпилогъ (опера въ четырехъ дѣйствіяхъ и 8 картинахъ), составляетъ развязку, которая такъ же безсмысленна, какъ и самый сюжетъ сцены: старикъ Форкасъ снова на тронѣ; Эсклармондѣ уже 20 лѣтъ; на турнирѣ оказался побѣдителемъ Роландъ и онъ получаетъ въ награду Эсклармонду, въ которой узнаетъ свою очаровательницу. Опера происходитъ внѣ времени и пространства; по музыкѣ она очень мало содержательна. Массенэ хотѣлъ подражать въ ней Вагнеру, но копія вышла очень блѣдная и слабая. Музыкальныхъ характеровъ въ ней нѣтъ, литературныхъ типовъ также. Мелодическій даръ, вообще очень мизерный у Массенэ, здѣсь уже совсѣмъ въ микроскопической дозѣ. Оркестръ безпрестанно шумитъ; пѣвучихъ мѣстъ весьма мало (много три-четыре нумера); въ итогѣ опера не имѣла никакого успѣха, да она его и не заслуживаетъ.

Авторъ слишкомъ холоденъ; онъ не придаетъ никакой идеализаціи любви; правда, оркестровый колоритъ временами недуренъ, но этого слишкомъ мало для цѣлой партитуры. Исполнительница заглавной партіи г-жа Сандерсонъ—хорошая пѣвица и ничего болѣе; нижній регистръ совсѣмъ слабъ, средній нѣсколько поблекшій, верхній лучше всѣхъ; въ „Эсклармондѣ“ она въ одномъ мѣстѣ (каденца) беретъ высокое *fa*, но искусство пѣвца не заключается въ одной нотѣ, хотя бы и самой высокой; г-жа Сандерсонъ очень холодна и не производитъ никакого непосредственнаго впечатлѣнія своимъ темпераментомъ, своей артистической натурой, и поэтому мы бы сказали, что она не заслуживаетъ такой высокой платы. Обставлена опера превосходно; роскошь и блескъ костюмовъ и декорацій, освѣщенія и пр. не поддаются никакому описанію.

Профессоръ СПБ. Консерваторіи Ю. И. Іогансенъ (по поводу 25-лѣтняго юбилея).
Автотипія Демчинскаго.

Отъ мертворожденнаго младенца перейдемъ къ живому, бодрому и здоровому столѣтнему старику, къ созданію Чимарозы „Тайный бракъ“, написанному на сюжетъ Касти, который очень одобрялъ Гёте, какъ канву для комической оперы. „Matrimonio segreto“, данный въ Михайловскомъ дворцѣ, а потомъ въ Александринскомъ театрѣ,—настоящій образецъ „opera-buffa“, гдѣ остроуміе и юморъ въ музыкѣ не перестаютъ бить ключемъ. Чимароза по таланту весьма сродственъ съ Моцартомъ, котораго онъ пережилъ на десять лѣтъ (Чим. ум. въ 1801 г.); авторъ „Тайнаго брака“ написалъ массу произведеній, изъ которыхъ многія оперы и теперь еще даются на итальянскихъ сценахъ. Можно смѣло сказать, что безъ „Свадьбы Фигаро“ и „Тайнаго брака“ не было бы „Севильскаго Цырюльника“.

Вотъ въ самомъ сжатомъ видѣ содержаніе: у богатаго купца Теронимо (глухаго) есть двѣ дочери: старшая Лизета, сварливая и своенравная, и младшая, кроткая Каролина. Послѣдняя, зная слабость отца къ титулованнымъ особамъ, за которыхъ онъ мечтаетъ выдать своихъ дочерей, тайно обвѣнчалась съ секретаремъ его, Паолино; между тѣмъ за Паолино ухаживаетъ сестра Теронимо, Фидельма, старая, но богатая вдова. Пріѣзжаетъ графъ Робинзонъ; за него старикъ хочетъ выдать старшую дочь; но графу нравится младшая, за которой онъ начинаетъ ухаживать, вызывая зависть въ Лизетѣ и ревность въ мужѣ Каролины. Вся эта путаница даетъ богатый матеріалъ для истинно-комическихъ qui pro quo, нашедшихъ богатѣйшее выраженіе въ музыкѣ; аріи, дуэты, тріо, ансамбли замѣчательны по выдержкѣ музыкальныхъ характеровъ и по неисчерпаемости мелодическихъ рисунковъ.

Лизета со старой теткой, видя во всѣхъ своихъ планахъ помѣху въ Каролинѣ, уговариваютъ отца отправить ее въ монастырь; графъ между тѣмъ соглашается взять только половину придана́го лишь бы же-

ниться на младшей дочери; молодые супруги уговариваются бѣжать изъ дому, никакого другаго исхода нѣтъ. Лизета, услышавъ ночью голоса въ комнатѣ Каролины и, подозрѣвая, что у нея графъ, сзываетъ всѣхъ и общему изумленію нѣтъ конца, когда появляются Каролина съ Паолино. Тутъ дѣло разъясняется; старикъ прощаетъ супруговъ, графъ женится на Лизетѣ, а вдова остается неутѣшенной. Послѣдній финалъ—совершенно моцартовское произведеніе. Да, сто лѣтъ тому назадъ лучше писали, чѣмъ теперь; тогда было вдохновеніе, творчество, а теперь—высиженность, дѣланность; все нынче сводится къ изящной рамѣ, а самой картины-то и нѣтъ; роскошь и блескъ прикрываютъ наготу и бѣдность содержанія и мысли... Разучена опера „Тайный бракъ" учениками консерваторіи прекрасно.

В. Баскинъ.

Смѣсь.

Къ неоспоримымъ выводамъ новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій принадлежитъ и то мнѣніе, что въ извѣстную эпоху образованія земли бóльшая часть Европы, подобно нынѣшней Гренландіи, была покрыта ледниками и глетчерами. Благодаря причинамъ, которыя еще не вполнѣ выяснены, льды отодвинулись къ сѣверу и въ теченіе долгихъ періодовъ времени на ихъ мѣстѣ образовалась та почва съ которою Средняя Европа вступила въ историческую жизнь. Болѣе точное разъясненіе состоянія земли послѣ удаленія льдовъ даетъ Альфредъ Нерингъ, много лѣтъ поработавшій надъ этимъ вопросомъ. Этотъ извѣстный палеонтологъ утверждаетъ, что Средняя Европа послѣ ледоваго періода походила флорою и фауною на теперешнія тундры; затѣмъ эти тундры подвинулись къ сѣверу, а въ Средней Европѣ водворилась флора Оренбургскихъ и Киргизскихъ степей. Лѣса явились гораздо позже степей и не сразу. Поэтому жилищемъ первобытныхъ людей должно считать степи, а не лѣса, тогда еще не существовавшіе. Первобытная культура охотничьихъ племенъ развилась въ степныхъ мѣстностяхъ, и мнѣніе, что люди послѣ ледоваго періода переселились изъ лѣсовъ въ степи, ошибочно. Леммингъ или пеструшка, маленькая полевая мышь, которая водится теперь въ арктическихъ странахъ, жила, какъ показываютъ раскопки, въ средней и западной Европѣ. Нерингъ уже раньше доказалъ, что между сѣвернымъ склономъ Гарца и городомъ Брауншвейгомъ въ нѣкоторое время дилювіальнаго періода находилась тундрообразная равнина, на которой водились лемминги. Среди ископаемыхъ дилювіальнаго періода нѣтъ недостатка и въ другихъ арктическихъ млекопитающихъ; такъ, въ большомъ количествѣ находятъ кости полярной лисицы, сѣвернаго оленя, мускуснаго быка, горностая и др. Только по мѣрѣ того, какъ климатъ становится теплѣе, эти животныя массами переселялись къ сѣверу и сѣверо-востоку; дольше другихъ держался повидимому сѣверный олень, но уже ко времени Цезаря и онъ не встрѣчается въ Германіи. Въ степяхъ Средней Европы водились и дикія лошади, кости которыхъ часто встрѣчаются въ ископаемыхъ поледоваго періода. Степи доставляли обильное питаніе всѣмъ этимъ животнымъ и обширное мѣсто для ихъ пастбищъ; дикія лошади изрѣдка заходили и въ тундрообразныя равнины ледоваго періода, такъ какъ кости ихъ попадаются, впрочемъ довольно рѣдко, среди другихъ ископаемыхъ ледоваго періода. Сто лѣтъ тому назадъ дикія лошади встрѣчались еще и въ Уральскихъ степяхъ, теперь же только изрѣдка попадаются небольшими стадами въ Средней Азіи. По Нерингу прирученіе лошади и обращеніе ея въ домашнее животное совершилось еще на зарѣ дилювіальнаго періода. До этого времени она въ дикомъ видѣ паслась въ обширныхъ степяхъ Средней Европы, поэтому мнѣніе относительно азіатскаго происхожденія нашей лошади ошибочно. Среди степныхъ обитателей Средней Европы необходимо упомянуть и объ антилопахъ-сайгахъ, явившихся сюда вѣроятно съ востока. Климатъ того времени былъ еще слишкомъ рѣзокъ въ сравненіи съ настоящимъ; животныя часто погибали цѣлыми стадами отъ снѣговыхъ бурь, отчего кости ихъ иногда находятся массами въ одномъ мѣстѣ. Съ того времени прошли тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ совершилось многое, чего мы не знаемъ. На поприще исторической жизни Средняя Европа выступила уже покрытая лѣсами, населенными германскими племенами. (к.)

Мусульманское объясненіе обычая ношенія серегъ. Сарра, по магометанскому преданію, побуждаемая ревностью къ Агари, поклялась обезобразить лицо послѣдней. Авраамъ случайно услыхалъ эту клятву и всѣми силами старался убѣдить Сарру не приводить въ исполненіе ея ужаснаго плана. Ему удалось добиться отъ Сарры обѣщанія не дѣлать этого. Тогда послѣдняя обошла свое обѣщаніе и проткнула оба уха Агари. Преданіе не говоритъ, Авраамъ-ли въ утѣшеніе бѣдной Агари подарилъ ей серьги, или сама она додумалась до этого, чтобы скрыть свои раны. Турецкія женщины съ семилѣтняго возраста начинаютъ носить серьги въ честь Агари, сынъ которой Измаилъ считается родоначальникомъ ихъ племени. (к.)

Хорошимъ лѣкарствомъ отъ запоя служитъ молоко. Лѣченіе молокомъ къ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ окончательно избавляетъ отъ жажды къ вину и даже внушаетъ къ нему отвращеніе. (к.)

Мѣткій отвѣтъ. Въ 1770-мъ году по случаю бракосочетанія Дофина съ Маріею-Антуанеттой былъ устроенъ рядъ торжественныхъ празднествъ, покрыть которыя должна была государственная касса. На послѣднемъ изъ нихъ Лудовикъ XV спросилъ своего министра финансовъ де-Террея, какъ онъ нашелъ эти празднества. „Неоплатными, ваше величество", отвѣчалъ тотъ. (к.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНОЕ И ЗНАМЕНИТОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Основано въ 1864 году.

50 чистыхъ породъ.

Первое въ Германіи заведеніе для дрессировки и развед. чистокровныхъ собакъ

АРТУРЪ ЗЕЙФАРТЪ

КЕСТРИЦЪ (ГЕРМАНІЯ)

признанное лучшими знатоками, доставляетъ высшіе образцы современныхъ собакъ, комнатныхъ, охотничьихъ, спортовыхъ и друг. R. № 5596

Большая коллекція собакъ—сенъ-бернардскихъ, ньюфаундлендскихъ, мастифовъ, нѣмецкихъ договъ, бульдоговъ, борзыхъ, лягавыхъ, гончихъ, ищеекъ, таксъ, пуделей, болонокъ, крысоловокъ, пинчеровъ, мопсовъ и сторожевыхъ собакъ.

Гарантія только за высшее качество!
Громадный выборъ.
Лучшіе отзывы изо всѣхъ странъ.
Тысячи благодарственныхъ писемъ авторитетовъ по кинологіи.

Богато иллюстрированный альбомъ 50 пфенниговъ или 65 сантимовъ. Каталогъ безплатно.

Собака, ея разведеніе, дрессировка и уходъ за нею, за 5 марокъ или 6 фр. 50 сант.

Вывозъ во всѣ части свѣта.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 г. (третій годъ изданія)

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ и ВОСПИТАТЕЛЕЙ

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“,

имѣющій цѣлію широкое распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ.—Къ журналу прилагаются рисунки.—Срокъ выхода восемь разъ въ годъ.—Цѣна въ годъ безъ доставки 5 р. с., съ доставкой 6 р. с., за границу 7 р. 50 к., за полгода 3 р. Адресъ: Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская Больница, кварт. Гл. Д-ра. № 5593 Редакторъ-издатель Д-ръ Е. А. Покровскій.

В. № 5381 6—6

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА БЕРТЫ-РИСЪ.

Личная помада „Pasta Eugenie“	1 р. 60 к.
Ручная помада для смягченія кожи рукъ	1 „ 30 „
Головная помада для волосъ	2 „ — „
„Триксогенъ“, жидкость для мытья головы	2 „ — „
„Эликсиръ Меланжъ“ для волосъ	2 „ — „
Бальзамъ изъ миртовыхъ цвѣтовъ, жидкая пудра	1 „ 75 „
Пудра 3-хъ цвѣтовъ: бѣлая, розовая и рашель для брюнетокъ, съ пуховкой	1 „ 50 „
безъ пуховки	1 „ 20 „
Румяна „Eugenie“	1 „ 50 „

ХИМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РИСЪ-ГУТМАНА.

Краска для волосъ 4-хъ цвѣтовъ: черная, коричневая, свѣтло- и темно-русая		3 р. — к.
Токайскій бальзамъ отъ мозолей		— „ 60 „
Порошокъ противъ таракановъ, моли и блохъ	1—20 и 1,2	— „ 65 „
Жидкость противъ клоповъ		1 „ — „
Средство отъ крысъ и мышей: большая жестянка		1 „ 50 „
маленькая жестянка		— „ 60 „

№ 5475 6—5

Можно получать во многихъ аптек. и косметич. магаз. Россіи.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО

ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

Главный складъ у Василія АУРИХЪ. С.-Петербургъ. Колокольная. № 18/19.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

приготовленное лабораторіей А. Энглундъ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 5403 10—4

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

А. ЭНГЛУНДЪ,

СПБ., Литейный пр., 36.

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ С. СІУ и К°.
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ
ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ОТЪ ПОДРАЖАНІЯ НАШЕЙ МАРКИ

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.— 2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 5347 (4)

ОСВѢЖАЮЩАЯ ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ (Invigorating Lavender Salts).

Новая, весьма пріятнаго запаха, нюхательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то пріятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящ. въ флаконѣ, закупорен. короною. THE CROWN PERFUMERY C° 177 New Bond Street, London. Прод. во всѣхъ лучш. парфюмерн. магазин.

Оптовая продажа! 7 разъ удостоены первыхъ наградъ. ВЫВОЗЪ!

ЦИТРЫ

отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Гретера для самообученія I ч. 5 м., II ч. высш. школа 7 м.

Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куранты безплатно.

Ц. № 5440 БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ, 4—4
Фабрика инструментовъ, Крейцнахъ

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Произведеніе прелестнаго запаха, не портящееся, обладаетъ мягчительными свойствами и придаетъ цвѣту лица красоту. Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

La Poudre Simon (Пудра Симонъ) и le Savon à la crème Simon (Мыло Симонъ) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ и аптекарей. № Pt. 5529 12—6

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°. въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ. Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 5364 (9)

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 5391 16—6
Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.
Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.*
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни, Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Царь-Дѣвица. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЦВѢТЫ
букеты и головные уборы для свадебъ и баловъ; растенія для комнатъ.
Троицкая ул. д. № 27, кв. 12.

ВЫШЕЛЪ
новый пятый альбомъ узоровъ по канвѣ
К. ДАЛМАТОВА.
1 р. 50 к., съ перес. 2 р. № 5587
Четвертый съ перес. 4 руб.
Адресъ К. Д. Далматова: СПБ., Лиговка, 29.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. №5182 20-20

на 1892 г. Вѣстникъ
ТИРАЖЕЙ
помѣщаетъ всѣ тиражныя таблицы, безусловно вѣрныя, съ прибавленіемъ №№ непредъявленныхъ къ оплатѣ.
На годъ безъ доставки . . 4 р. — к.
„ „ съ дост. въ СПБ. . 5 „ — „
„ „ „ „ во всѣ м. Им. 6 „ — „
Подписка въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блокъ, 59, Невскій, СПБ. 4—2

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Поступилъ въ продажу
ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1891 г.
заключ. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столбц. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ произведеній: **П. Д. Боборыкина**, кн. **М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенко**, гр. **Е. А. Саліаса, Э. Центковской**, и проч. и проч. Стихотворенія **Величко, Круглова, А. Н. Майкова, К. Фофанова** и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

1) **ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ СБОРНИКЪ „НИВЫ“**, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей.

2) **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**, изданн. подъ ред. **А. И. Введенскаго**, въ 4-хъ томахъ (сброшюрованныхъ въ 2 книги), съ біографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

3) **ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ** съ 10-ю акварелями, исполненными fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: **Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенко, Клевера, Премацци и Сверчкова.** Альбомъ выдается въ роскошной папкѣ, украшенной акварельнымъ рисункомъ художника **Земцова**.

4) **12 листовъ ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ**, составляющ. прилож. къ 12 нумер. **Парижскихъ Модъ** со множеств. чертеж. выкр. въ натуральн. велич. (всего болѣе 1000 гравюръ, рисунк. и чертежей).

Цѣна тому **„НИВЫ“ со всѣми приложеніями 5 руб.** На пересылку слѣдуетъ прилагать за **23 фунта** по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ **1 р. 50 к.** и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) **1 р. 25 к.** Пересылка брошюрованныхъ и переплетеныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплет. экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется **8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.**
Съ требован. обращ. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

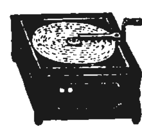
КРЫШКИ
для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

Только что поступилъ въ продажу альбомъ рисунковъ въ краскахъ съ акварелей художника **Петра Соколова**, къ **„Запискамъ охотника“ И. С. Тургенева.**
Готовятся второй и слѣдующіе выпуски.
Цѣна альбома (въ 6 рисунковъ) — 4 руб., съ перес. 5 рублей. № 5591
Складъ изданія у Н. К. Фонъ-Бооль, С.-Петербургъ, Симбирская ул., 20, кв. 7.

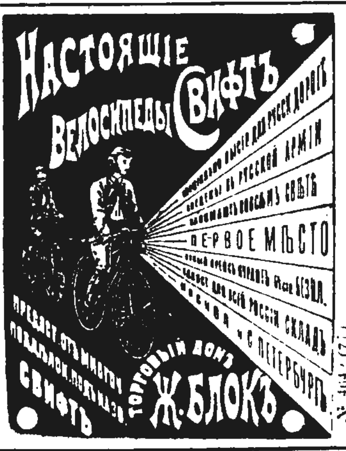
ПІАНО-МЕЛОДИКО.
Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы. Звуки его имѣютъ сходство со звуками мандолины и фортепіано.
Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 70 к. за метръ (1½ арш.).
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

АРИСТОНЪ-МАЛЮТКА
мал. ручн. органъ съ 10 пьес. 8 руб.
СИМФОНІОНЫ
муз. ящики съ перемѣнающ. нотами: ручные 8 р., заводные 18 р., 35, 55 и 90 руб.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Требуйте иллюстриров. прейсъ-курантъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію
„BOUQUET RUSSE“.
Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саше.**
Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (3)

К. М. ШРЕДЕРЪ
первая россійская паровая ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА, основанн. въ 1818 г.
С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ 52.
ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:
Императора Всероссійскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго, Короля Датскаго и Короля Баварскаго.
ПІАНИНО ОТЪ 400 р., РОЯЛИ ОТЪ 600 руб.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 5574 2—2

Дозвол. ценз., СПБ., 15 января 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

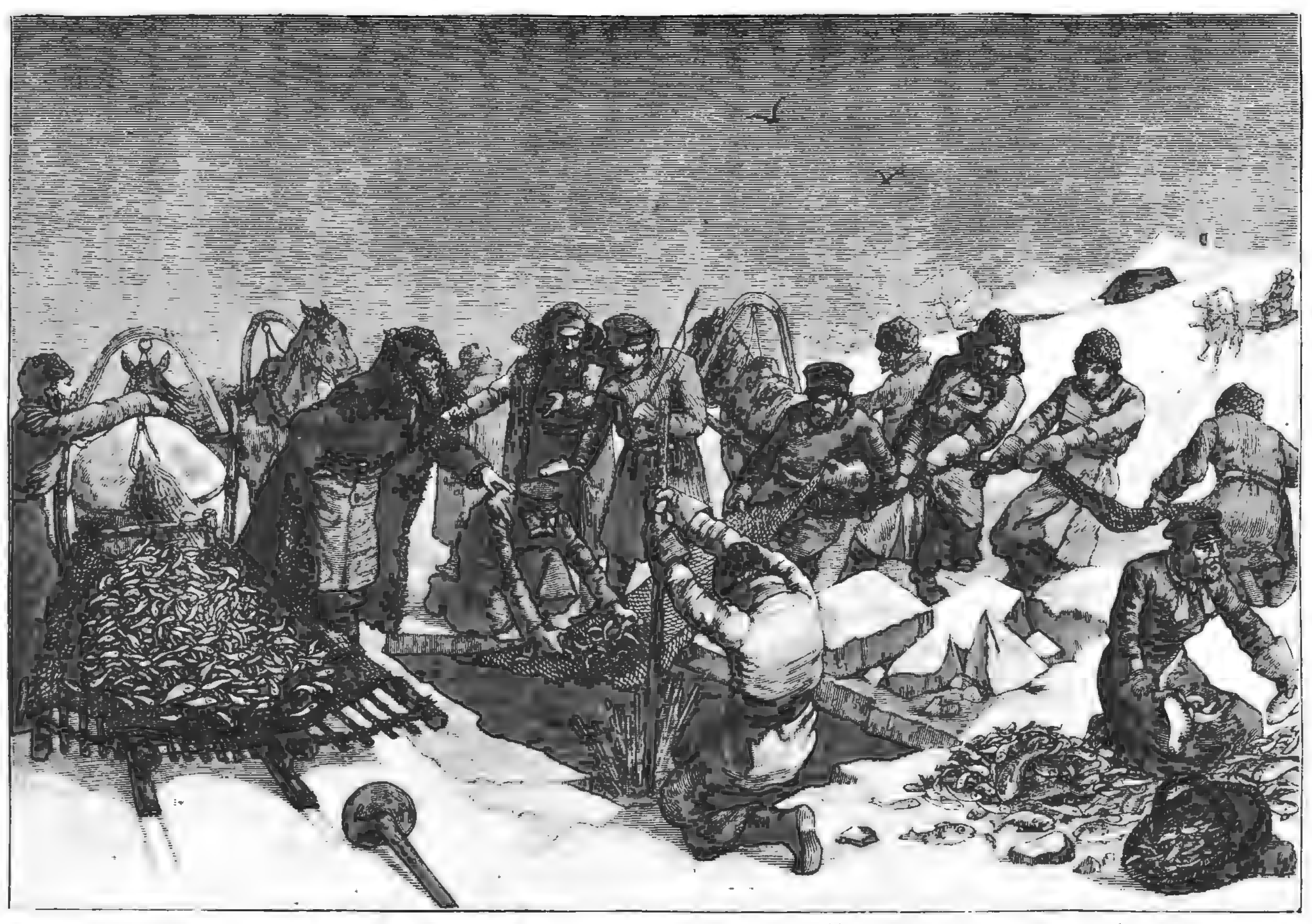
XXIII г. | г. XXIII

№ 4 | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 25 января 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Тоня на озерѣ зимой въ Витебской губ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Рашевскій.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Ватбольскій нашелъ князя уже не одного. Около него на диванѣ сидѣлъ его сынъ.

Мальчикъ, блѣдный, худенькій, тщедушный, съ такими же свѣтлыми волосами, какъ у его матери, былъ собственно очень похожъ на мать, но съ совершенно инымъ выраженіемъ, благодаря другимъ глазамъ. Это были глаза отца, добрые, кроткіе, слегка задумчивые.

Тоня сидѣлъ, обнявъ шею отца бѣлою, какъ снѣгъ, рукой, а щекой прилегъ къ его плечу. Лицо его было настолько серьезно, какъ рѣдко бываетъ у его сверстниковъ. Онъ перебиралъ другой рукой брелоки, висѣвшіе на часахъ отца, а самъ, очевидно, задумался и какъ бы не замѣтилъ появленія Ватбольскаго.

Полковникъ сѣлъ напротивъ и вымолвилъ, улыбаясь:

— Что, Антонъ Андреевичъ, будто вы припечалились?

Лицо Ватбольскаго сразу теперь измѣнилось, сдѣлалось веселымъ. Пожилой холостякъ обожалъ сына своего друга и говорилъ, что онъ „единственен" въ своемъ родѣ на свѣтѣ, что подобный ребенокъ — необычайное явленіе.

Про себя онъ добавлялъ, что ребенокъ—удивительная игра природы. Какимъ образомъ у „такой" матери могъ родиться „такой" сынъ?

Тоня какъ бы пришелъ въ себя, отклонилъ отъ отца голову и, обернувшись къ Ватбольскому, улыбнулся.

— Мы тутъ съ Тоней философствовали, отозвался князь.

— Что̀ это значитъ? выговорилъ мальчикъ.

— Что̀ значитъ—философствовать? Ну, этого я тебѣ объяснить не съумѣю. Ты не поймешь.

— Пустяки папа́ говоритъ. Ты все поймешь всегда, вступился Ватбольскій. — Слушай. Я тебѣ по-своему поясню. Философствовать значитъ—думать и говорить умно, и притомъ считать на свѣтѣ все пустяками, потому что на свѣтѣ дѣйствительно все пустяки.

— Конечно, пустяки, прервалъ Тоня, выпрямляясь и указывая на отца. — Вотъ папа сейчасъ говорилъ, что надо ѣхать въ деревню и жить тамъ, а не въ Петербургѣ, и что я буду скучать. А это пустяки. Говоритъ, что я буду носить платье попроще, суконное, а не бархатное, и безъ этихъ кружевъ, и безъ ленточекъ; что гостей у насъ никого не будетъ и что будетъ бѣда какая тоска. А я говорю, что это пустяки, будетъ гораздо веселѣе. Вотъ мамѣ будетъ скучно безъ гостей, а папѣ и мнѣ не будетъ скучно. Мы будемъ гулять, изъ цвѣтовъ букеты дѣлать, набирать грибы. И будетъ, конечно, веселѣе, чѣмъ здѣсь.

— Вѣрно, мой милый, ты правду говоришь, произнесъ Ватбольскій. — Будетъ тебѣ гораздо веселѣе въ деревнѣ, чѣмъ здѣсь. Только вотъ ты забылъ, что у тебя будетъ одинъ человѣкъ, который будетъ къ тебѣ въ гости пріѣзжать и тоже съ тобой грибы собирать, а зимой въ санкахъ съ тобой кататься, ледяныя горы тебѣ устроитъ въ саду. Вотъ ты про него и забылъ.

— А вотъ и не забылъ! отозвался Тоня. — Спроси вотъ у папа.

— Правда! отозвался князь. — Когда я сказалъ, что мы должны скоро уѣзжать изъ Петербурга, чтобы жить въ деревнѣ и что тамъ будетъ скучно, онъ сейчасъ же спросилъ: „а крестный пріѣдетъ къ намъ?"

— За это дайте мнѣ вашу милую мордочку поцѣловать! произнесъ Ватбольскій и, поднявшись, онъ притянулъ къ себѣ мальчика, расцѣловалъ три раза и прибавилъ:—Ну, а мнѣ, однако, пора.

— Когда же ты будешь?

— Завтра утромъ заѣду.

Простившись съ другомъ, князь обнялъ Тоню и вмѣстѣ съ нимъ направился въ его спальню. Изрѣдка, раза два въ недѣлю, онъ присутствовалъ при вечернемъ туалетѣ мальчика, когда тотъ ложился спать. Теперь Тоня былъ уже великъ, но старая привычка оставалась попрежнему. Тоня любилъ это, но не всегда это было возможно, такъ какъ по вечерамъ въ десять часовъ часто бывали гости, или самъ князь не бывалъ дома, увозимый почти поневолѣ женою.

Старуха-нянюшка Марѳа Яковлевна, полная женщина, низенькаго роста, съ добродушнымъ лицомъ, въ простомъ бѣломъ, какъ снѣгъ, чепцѣ, туго подвязанномъ подъ подбородокъ, встрѣтила ихъ и, присмотрѣвшись къ лицу князя, тотчасъ же спросила:

— Что это ты, мой батюшка,—хворъ?

— Нѣтъ, няня.

— Ну, такъ худое что приключилось?

— А что, развѣ лицо у меня такое?

— Нехорошее лицо, отецъ мой, совсѣмъ дурное. Хворъ, что-ли?

— Нѣтъ, не хворъ—хуже...

— Бѣда какая?

— Да, няня, бѣдовая бѣда. Лучше бы заболѣть.

— Пустое! Не всякая бѣда бѣдой кончается. Бываетъ бѣда на счастіе человѣку, а болѣзнь никогда къ добру не бываетъ.

Няня начала помогать Тонѣ умываться и раздѣваться и приготовила постель. Несмотря на возрастъ мальчика, онъ все еще оставался на попеченіи той, которая выходила его.

Уже разувая его, старуха обернулась къ князю.

— А что, родной мой, вѣдь ты не утерпѣлъ, сказалъ что-нибудь Тоничкѣ? Смотри, какіе у него глазки невеселые.

— Неправда, няня, я ничего, заявилъ Тоня.

— Ничего! Спать не будешь, долго не заснешь.

— Не бѣда! отозвался мальчикъ.

Князь расцѣловалъ сына, перекрестилъ его и вернулся къ себѣ.

Но едва только князь вышелъ изъ дѣтской, какъ появился Тарасъ.

— Еще не почиваютъ? Э-эхъ вы! обратился онъ шутливо-строго къ нянѣ. — Всякій-то день все позже укладываете.

— Князь его задержалъ разговорами, оправдалась Марѳа Яковлевна.

— Ну, такъ... Сами изъ ночи день дѣлаютъ и дѣтей морятъ.

— Да мнѣ не хотѣлось спать, сказалъ Тоня.—И теперь не хочется. Сядь ко мнѣ.

— Посижу минуточку, а вы засыпайте скорѣе.

И Тарасъ сѣлъ около постели мальчика, что̀ бывало ежедневно.

И Тарасъ, и Тоня оба знали, что первый просидитъ около получаса и болѣе, покуда послѣдній не начнетъ дремать. Иногда Тарасъ разсказывалъ что-нибудь мальчику и объяснялъ, всего чаще что-нибудь касающееся храма, литургіи, священниковъ, даже митрополита или вообще духовенства. Бо́льшею частью старикъ начиналъ разговаривать вполголоса съ Марѳой Яковлевной, а мальчикъ прислушивался, дремалъ и сладко засыпалъ подъ этотъ говоръ двухъ людей, наиболѣе имъ любимыхъ.

— Чудное лицо у барина, заговорила нянюшка. — Будто хвораетъ.

— Нѣтъ... Письмо подали за обѣдомъ, отвѣтилъ Тарасъ.—Ума не приложу, что такое...

— Можетъ опять вьюнъ навьюнилъ?!

— Можетъ-быть. Думаю, важнѣе что...

Мальчикъ зналъ, кто именно всегда именуемъ „вьюномъ“... Это была его мать. Но онъ всегда дѣлалъ видъ, что не понимаетъ.

— Полагать надо, продолжалъ Тарасъ, — что дошло дѣло до расчетовъ съ какимъ-нибудь жйлой. Векселей у князя к-и! Боже мой!

— Что такое: векселей? спросилъ Тоня сонливо.

— А ты почивай, а то я уйду, отозвался старикъ.—Вексель—бумажка. Ее врагъ человѣческій выдумалъ. Одинъ человѣкъ-жйла дастъ другому денегъ и возьметъ у него бумажку и ее хранитъ, покуда тотъ деньги тратитъ. Какъ тотъ растратитъ деньги, такъ жйла приходитъ и говоритъ: „отдай мнѣ мои деньги, что я тебѣ далъ. А коли нѣту — давай мнѣ другую бумажку...“ А тамъ этакъ, одну за другой, наберетъ ихъ кучу, а набравши — этого человѣка въ яму и посадитъ. И сиди въ ней.

— Въ яму? изумился Тоня.

— А ты почивай... А то я уйду... Да...

И Тарасъ продолжалъ тихо болтать, обращаясь къ Марѳѣ Яковлевнѣ. Наконецъ, заслыша ровное дыханіе мальчика, онъ осторожно поднялся, чтобы уходить.

— Видѣла я жидовину, шепнула няня. — Что-то есть... Глаза такъ и сверкаютъ какъ у волка.

— Ну его... Подохъ бы, песъ!.. Въ грѣхъ онъ меня вводитъ! шепотомъ выговорилъ Тарасъ печально.—Зла я ему каждодневно желаю! Грѣхъ! А вѣстимо изъ-за Тонички... Какъ же это, Господи, взять въ учителя къ отроку этакаго мерзавца! Духовный! Нѣтъ! Онъ отродіе дьявола, прости Господи!

И старикъ, махнувъ рукой, тихо вышелъ изъ горницы.

VI.

Чрезъ часъ или полтора по окончаніи обѣда—всѣ гости разъѣхались, дамы уѣхали первыми. А между тѣмъ время приближалось къ полуночи, и князь тщетно ожидалъ жену. Нѣсколько разъ глянулъ онъ въ окно. У подъѣзда не оставалось ни единой кареты. Онъ отворялъ дверь и прислушивался. Въ парадныхъ комнатахъ было совершенно тихо, однако всѣ онѣ были освѣщены.

Наконецъ въ нетерпѣніи князь позвонилъ. Явился старикъ Тарасъ.

— Всѣ разъѣхались? спросилъ князь.

— Всѣ-съ... Только одинъ все еще сидитъ... Князь этотъ старый съ мудреной фамиліей. Тотъ, что, вы изволили разъ сказывать, англичанина представляетъ изъ себя.

— Вахтенштейнъ?

— Вотъ-съ, онъ именно. Онъ уже одинъ давно у княгини сидитъ.

— Ну, ступай! Прикажи людямъ сказать тебѣ, когда онъ уѣдетъ, и доложи мнѣ.

Въ тѣ самыя минуты, когда князь объяснялся со своимъ любимцемъ-камердинеромъ, въ маленькой гостиной передъ княгиней, снова полулежавшей на кушеткѣ, сидѣлъ все тотъ же англоманъ—одинъ изъ ея обожателей.

Они молчали.

Княгиня была нѣсколько смущена. Лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ, который медленно сходилъ и пропадалъ, а гость пытливо и пристально смотрѣлъ въ ея красивое лицо и какъ бы ждалъ. Но княгиня, не поднимая глазъ, казалось, даже и не собиралась что-либо отвѣтить.

Послѣ долгаго молчанія гость вымолвилъ:

— Я снова повторяю вамъ: отнеситесь къ этому хладнокровно и благоразумно. Мнѣ пятьдесятъ пять лѣтъ, я не могу надѣяться на возможность быть любимымъ женщиной, а тѣмъ паче такою, какъ вы. Я предлагаю условія обоюдо-выгодныя. Толпа назоветъ мое предложеніе циническимъ, но мы должны стать выше этого. Мы — не толпа. И вы, и я — выше мы толпы. Я даю вамъ честное слово князя Вахтенштейна, что условія будутъ соблюдены въ точности. Вы будете аккуратнѣйшимъ образомъ... vous toucherez annuellement семьдесятъ двѣ тысячи, что составляетъ шесть тысячъ рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Если вы находите это недостаточнымъ, я могу идти далѣе. Да я и предполагаю, что съ разными мелочами должно выйти сто въ годъ. Сто тысячъ для меня — немного менѣе половины моего годоваго дохода. Если бы не необходимость поддерживать нѣсколько зàмковъ родовыхъ въ Германіи и массу пенсіонеровъ, оставленныхъ мнѣ покойнымъ отцомъ и дядей—герцогомъ, я бы готовъ былъ предложить вамъ весь мой годовой доходъ. Мнѣ лично ничего не нужно. Никакихъ страстей у меня нѣтъ. Единственное безъ чего я никогда не обойдусь—это хорошая, лучшая, какая существуетъ на свѣтѣ, гаванская сигара. Но, право, княгиня, даже и въ этомъ отношеніи за ваше *да*, условное, я бы готовъ былъ пожертвовать...

— И лучшею въ мірѣ гаванскою сигарой? вымолвила чуть слышно княгиня.

— Да... Не шутите этимъ... Для того, кто пріобрѣлъ какую-либо привычку тому назадъ болѣе тридцати лѣтъ, пожертвовать ею мудреное дѣло.

Наступило снова молчаніе и князь прервалъ его восклицаніемъ:

— Но быть-можетъ вы не довѣряете мнѣ. Въ такомъ случаѣ я готовъ условіемъ, формально совершеннымъ у нотаріуса въ Германіи, обязаться передавать вамъ ежегодно сумму въ семьдесятъ двѣ тысячи рублей впредь до...

Князь запнулся и затѣмъ прибавилъ:

— До такого случая, который бы показалъ мнѣ ясно, что вы со своей стороны нарушаете условіе.

— Впредь до факта, или впредь до вашего подозрѣнія? тихо выговорила княгиня.

Князь не сразу понялъ, но затѣмъ вымолвилъ улыбаясь:

— Это вопросъ мудреный, его надобно обсудить... Этотъ пунктъ самый щекотливый. Одна изъ двухъ сторонъ въ данномъ случаѣ можетъ имѣть множество уликъ, но не прямыхъ. Иногда бываетъ... я долженъ выразиться по-французски: souvent les apparences sont un équivalent de la réalité... Кажущіяся видимости часто равняются дѣйствительности.

— C'est joli! отозвалась княгиня.—Стало-быть то, что будетъ вамъ казаться, вы сочтете долгомъ считать истиной?

— Повторяю, княгиня, что этотъ пунктъ мы можемъ обсудить и выразить опредѣленнѣе.

Княгиня вдругъ разсмѣялась звонкимъ и отчасти ироническимъ смѣхомъ и приподнялась съ подушки, на которую облокотилась. Она выпрямилась и прикрыла ротъ маленькимъ кружевнымъ платочкомъ, дѣлая видъ, что зѣваетъ.

— Trève de bêtise! Пора почивать. Вы хвастаетесь тѣмъ, что всю жизнь ложитесь спать въ полночь, а вотъ уже пять минутъ перваго, показала княгиня на большіе часы, стоявшіе на каминѣ.

— Нынѣшній день такой въ моей жизни, княгиня, что я готовъ бы былъ вовсе до утра не ложиться! Да я и увѣренъ, что всю ночь не сомкну глазъ.

Князь Вахтенштейнъ поднялся, взялъ шляпу и, остановившись передъ хозяйкой, въ легкомъ волненіи выговорилъ:

„Разговоръ“ везутъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Акад. П. Суходольскаго, грав. Рашевскій.

Пятая чайная СПБ. Общества трезвости. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **г. Броллинга**, грав. Ольшевскій.

— Итакъ я ухожу безъ рѣшительнаго отвѣта?

— Не забудьте, князь, что весь этотъ разговоръ произошелъ между нами случайно. Основаніемъ его было ваше простое подозрѣніе. Быть-можетъ я сейчасъ узнаю отъ мужа, что вамъ все это померещилось.

— Повторяю вамъ, княгиня, что дѣла ваши, или вашего мужа, мнѣ болѣе извѣстны, чѣмъ вамъ, даже болѣе извѣстны, чѣмъ ему самому. Онъ самъ не знаетъ, въ какомъ положеніи находятся его дѣла. Все въ рукахъ нѣкоего банкира Мозера, а это почти моя креатура, не въ смыслѣ пребыванія на государственной службѣ, а въ смыслѣ его общественнаго положенія въ Петербургѣ. Я помогъ ему явиться сюда и устроиться. У него было не болѣе пятидесяти тысячъ всего состоянія, теперь же это крупный банкиръ, крупный дѣлецъ, обороты котораго доходятъ до милліона. Дѣла его настолько связаны съ моими, что если я завтра захочу, то могу сдѣлать его банкротомъ. Вы же, или вашъ мужъ, т. е. всѣ ваши дѣла—въ рукахъ этого Мозера.

— Простой логическій выводъ изъ этого, князь, слѣдующій: у насъ неоплатные долги; вы устроили такъ, что сдѣлались,—вы, а не какой-то еврей,—вы, лично, сдѣлались нашимъ главнымъ кредиторомъ. И это дастъ вамъ возможность поставить меня au pied du mur.

— Княгиня! воскликнулъ Вахтенштейнъ,—я умоляю васъ не ставить вопроса въ такомъ ужасномъ видѣ, оскорбительномъ для меня. Я повторяю, что давно и глубоко люблю васъ...

— И движимый этимъ глубокимъ чувствомъ скупали по городу векселя князя Яхтомскаго, прибавила княгиня.—Ну, trève de bêtise, ваша свѣтлость! До свиданія!

Хозяйка протянула руку, князь почтительно поцѣловалъ ее, но, выпрямившись, произнесъ тихо:

— Когда позволите быть?

— Когда хотите.

— А отвѣта не будетъ ни завтра, ни послѣ?

— Пора почивать! вымолвила Юлія Павловна.

Вахтенштейнъ поклонился дипломатически холодно и корректно и вышелъ изъ гостиной.

Княгиня двинулась, подошла къ камину, облокотилась на него и, задумавшись, простояла недвижно нѣсколько минутъ.

— Если бы онъ зналъ! шепнула она наконецъ. — Весь вопросъ въ томъ, съумѣю-ли я, достаточно-ли я искусна; или при неловкости съ моей стороны, достаточно-ли онъ глупъ или слѣпъ. Les apparences, какъ вы, князь, говорите, всегда будутъ, но именно необходимы въ противовѣсъ, другія apparences съ моей стороны. Необходимо вселить въ васъ глупую увѣренность въ васъ самихъ, и въ то̀, что вы обожаемы. И вотъ эта видимость будетъ кушать ту видимость. И такъ же, какъ во снѣ Фараона семь тощихъ коровъ съѣли столько же тучныхъ и тучнѣе не стали, такъ и вы обойдетесь одними увѣреніями въ любви и будете счастливы. Да, но теперь надо...

И княгиня очнулась, посмотрѣлась въ каминное зеркало, поправила прическу, оглядѣлась, точно собираясь выходить къ гостямъ, и тихими шагами, шурша платьемъ по ковру гостиной, а затѣмъ по паркету большой, ярко-освѣщенной залы прошла къ дверямъ кабинета мужа.

Обѣ двери кабинета—и маленькая изъ коридора, и большая изъ залы, отворились одновременно. Въ первой появился Тарасъ съ заявленіемъ объ отъѣздѣ послѣдняго гостя.

VII.

Княгиня, переступивъ порогъ и увидя на другомъ концѣ горницы фигуру камердинера мужа, улыбнулась непріязненно.

— Ah! L'oiseau de mauvais augure! вымолвила она.

Затѣмъ, обернувшись къ мужу, прибавила:

— Теперь я не сомнѣваюсь, что у васъ дурныя вѣсти, коль скоро я имѣла удовольствіе увидать господина Тараса.

Между тѣмъ камердинеръ уже скрылся за дверью.

Князь, вставъ навстрѣчу женѣ, нѣсколько блѣдный, взволнованный, вымолвилъ нетерпѣливо:

— Милый другъ, ты не можешь жаловаться. Съ тѣхъ поръ, что ты не приказала Тарасу попадаться тебѣ на глаза, онъ всячески избѣгаетъ тебя. Но жить въ одномъ домѣ и совсѣмъ никогда не встрѣтиться—довольно мудрено. Вѣроятно ты уже недѣли двѣ не видала его?

— Да, кажется. Я не записываю, въ какіе дни я вижу Тараса. Во всякомъ случаѣ, я увѣрена, что въ эти дни кромѣ непріятнаго для меня ничего не бываетъ.

— Подъ одной кровлей невозможно... началъ было князь.

— Конечно. Но другой на вашемъ мѣстѣ удалилъ бы лакея, котораго окончательно не переноситъ жена.

— Ахъ, душа моя, право, не до этого сегодня... не до Тараса. Я получилъ письмо отъ банкира Мозера, которому я долженъ.

— Ну, и что же? произнесла равнодушно княгиня. И сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, сѣла въ большое кресло.

Князь сталъ передъ женой и хотѣлъ начать говорить, но не находилъ словъ, не зналъ, какъ бы мягче объявить женѣ роковую вѣсть. Покуда онъ собирался, не зная съ чего начать, Юлія Павловна приложила свои маленькіе розовые пальчики съ длинными, заостренными и бѣлыми какъ перламутръ ноготками къ виску.

— Кажется опять... les vapeurs, шепнула она.

— Наше положеніе, началъ Яхтомскій, — крайне мудреное, мы почти разорены. Надо теперь уплатить нѣкоему Мозеру такую сумму, которую мнѣ окончательно негдѣ достать. Это можно назвать разореніемъ, — однимъ словомъ, дѣлать нечего. Черезъ два мѣсяца этотъ домъ будетъ уже не нашъ. Я буду счастливъ, если у насъ останется только одно Рязанское имѣніе, въ которомъ намъ и придется жить.

— C'est à dire это банкротство? спросила княгиня.

— Да, банкротство.

— И мы на всю жизнь должны поселиться въ деревенской глуши?

— Да.

— Я на это неспособна! вздохнула княгиня съ такимъ страннымъ вздохомъ, который былъ даже краснорѣчивъ и объяснялъ что она поневолѣ должна будетъ предпочесть нѣчто другое.

— Но что же дѣлать?! воскликнулъ князь.—Поневолѣ!.. нужда... Исхода другаго нѣтъ.

— Я подумаю, можетъ-быть найду. Похоронить себя заживо въ деревнѣ я не могу. Я лучше пойду въ приживалки къ тетушкѣ Маріи Георгіевнѣ, но останусь въ Петербургѣ.

— Но княжны Маріи Георгіевны Мавроціано въ скоромъ времени не будетъ... Я долженъ нанести тебѣ еще другой сердечный ударъ. Бѣды пришли разомъ. Тетушка черезъ мѣсяцъ будетъ уже простой польской шляхетной дворянкой, госпожей Бѣлинской.

Княгиня двинулась въ креслѣ, выпрямилась, широко раскрыла глаза. Видно было, что она этимъ вторымъ извѣстіемъ поражена во сто разъ болѣе, нежели первымъ.

— Это вздоръ, сплетни, выдумки! Откуда ты это знаешь?

— Навѣрное я ничего не знаю. Я говорю тебѣ предположеніе. Наши люди узнали это отъ людей тетушки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Мозеръ слышалъ это. Ступай завтра къ тетушкѣ и постарайся узнать.

Княгиня снова опустилась на спинку кресла, глубоко задумалась и не слышала того, что̀ говорилъ мужъ.

Яхтомскій снова подробнѣе излагалъ, какимъ образомъ онъ запутался въ своихъ дѣлахъ и какимъ образомъ, по его мнѣнію, теперь не было никакого исхода, кромѣ продажи всего состоянія, за исключеніемъ одной Рязанской вотчины.

Онъ думалъ, что жена слушаетъ внимательно, такъ какъ она сидѣла неподвижно и по привычкѣ опустивъ глаза, а между тѣмъ Юлія Павловна была мыслями и грёзами Богъ вѣсть гдѣ.

Сначала она очутилась въ домѣ молдаванки-тетки, а затѣмъ перенеслась далѣе, а черезъ нѣсколько минутъ была уже въ Германіи, въ великолѣпномъ древнемъ герцогскомъ замкѣ, гдѣ она полная хозяйка, какъ здѣсь, въ этомъ домѣ, на Сергіевской. А затѣмъ, когда князь подробно разсказывалъ какимъ образомъ нѣсколько крупныхъ векселей очутились въ рукахъ еврея-банкира, княгиня была мысленно въ прелестной виллѣ на берегу Комскаго озера, которое она чрезвычайно любила и которое было для нея полно воспоминаній.

Проживъ цѣлый сезонъ на берегу этого озера, когда она еще была шестнадцати лѣтъ, баронесса Юлія увлеклась здѣсь юнымъ итальянцемъ—сыномъ трактирщика по сосѣдству. Это была ея первая любовь, это былъ цѣлый романъ, конечно, невинный, идиллическаго характера. Но чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ дороже прошлое...

И теперь княгинѣ, перешедшей за тридцатилѣтній возрастъ, юный, черноокій Лоренцо казался иногда дороже, чѣмъ кто либо. Вотъ съ нимъ, съ этимъ Лоренцо она, кажется, была бы способна похоронить себя въ усадебномъ домѣ, въ глуши Рязанской губерніи.

И вернувшись мысленно въ предѣлы Россіи, въ Рязань, хотя и вмѣстѣ съ Лоренцо, княгиня вымолвила, прерывая рѣчь мужа, которой не слыхала:

— А домъ въ Рязани великъ?

Лицо князя оживилось. Ему въ этомъ вопросѣ почудилось, что жена, выслушавъ внимательно всю его рѣчь, успокоилась и примирилась съ мыслью, что надо поселиться въ деревнѣ. Разумѣется, онъ и не подозрѣвалъ, что онъ былъ замѣненъ какимъ-то юнымъ Лоренцо.

— Домъ старинный, удобный, только его надо поправить, освѣжить. Это опять траты тысячъ въ десять, а гдѣ ихъ взять? Какъ-нибудь, понемногу, я надѣюсь. Надо было это сдѣлать прежде, не надо было доводить это родовое гнѣздо до полнаго упадка.

— Ну, а теперь пора... выговорила княгиня, двинувшись.

— Да теперь поневолѣ, но для этого нужны, говорю, деньги.

Княгина поднялась и вымолвила:

— Нѣтъ, я не то... Теперь пора спать.

Князь, нѣсколько озадаченный, пристально посмотрѣлъ въ лицо жены и окончательно смутился.

— Julie, я не понимаю, какъ ты холодно принимаешь все это. Ты будто надѣешься...

— Да, я надѣюсь что-нибудь придумать. Ты способенъ съ Тоничкой поселиться хотя бы на необитаемомъ островѣ, въ особенности если съ тобой будетъ Ватбольскій, но я положительно не могу. Все равно я умерла бы черезъ годъ отъ скуки. А вѣдь ты не захочешь моей смерти? нѣжнѣе и ласковѣе, но съ фальшивой интонаціей прибавила княгиня.

Яхтомскій хотѣлъ отвѣтить: „это такъ говорится!“ но промолчалъ и опустилъ голову.

Княгиня воспользовалась и молчаніемъ, и его позой, чтобы медленно двинуться къ дверямъ. Отворивъ дверь, она обернулась къ князю:

— Ахъ, кстати, пошли, пожалуйста, завтра къ M-me Henriette. Надо узнать, сколько я ей должна. Ты понимаешь, я не хочу, чтобы она dans ces circonstances... могла потерять что либо. Ей надо заплатить прежде другихъ.

— Почему же? ледянымъ голосомъ отозвался вдругъ князь.—Потому что она поставляла за сто рублей платье, стоющее двадцать. У насъ есть болѣе важные долги, гдѣ надо платить по векселямъ рублемъ за взятый рубль, а не рублемъ за взятый двугривенный.

— То до меня не касается. Я въ этихъ вещахъ, то-есть въ векселяхъ, ничего не понимаю. Я только желаю, чтобы M-me Henriette получила сполна по всѣмъ счетамъ. Иначе выйдетъ, что я выѣзжала въ чужихъ платьяхъ, а не въ своихъ собственныхъ. Это мой личный долгъ, и я хочу чтобы онъ былъ уплаченъ.

— Твой личный! А то, что я бралъ для баловъ и для...

Но княгиня быстро вышла и притворила за собой дверь.

Прерванный на половинѣ фразы, князь остался на своемъ мѣстѣ и долго не двигался, опустивъ голову и тяжело переводя дыханіе.

Отношенія съ женой казались князю уже давно особенными, только свѣтскими, приличными, салонно-дружескими. Но сейчасъ будто мелькнуло что-то новое и страшное. Князь никакъ не могъ понять того, что̀ чувствовалъ на сердцѣ. Чувствовалось сильно и ясно, а разуму представлялось все туманно, загадочно. Разумъ не хотѣлъ примириться съ дѣйствительностью.

Княгиня, вернувшись въ свою маленькую туалетную горницу, начала раздѣваться и надѣла капотъ, столь же элегантный, что и любое платье для выѣзда. За это время люди потушили всюду свѣчи и лампы, и сразу всѣ парадныя комнаты погрузились въ полный мракъ. Весь домъ затихъ. Свѣтъ оставался только въ угольныхъ окнахъ дома,—въ кабинетѣ князя и въ туалетной княгини.

Чрезъ полчаса, среди темноты, тихо и осторожно прошла, или скорѣе прокралась, чрезъ всѣ горницы какая-то фигура и, достигнувъ туалетной, вошла и затворила за собой дверь на ключъ. Княгиня, сидѣвшая на диванчикѣ, обернулась на шорохъ и, увидя предъ собой высокаго молодаго человѣка, вымолвила:

— Знаешь уже что-нибудь?

— И да, и нѣтъ, отвѣтилъ вошедшій.—Письмо. Важное. Скверное.

— Да, совсѣмъ скверное.

— Ну, такъ разсказывай...

Молодой человѣкъ, съ умнымъ, но не добрымъ лицомъ, слегка усѣяннымъ рябинами отъ оспы, сѣлъ противъ княгини и вопросительно поглядѣлъ на нее.

На немъ былъ простой черный, но странный сюртукъ, особаго покроя, однобортный, застегнутый на крючки и очень длинный. На шеѣ, вмѣсто галстука, виднѣлись два бѣлыхъ четвероугольничка изъ бѣлаго сукна, выпущенные на грудь поверхъ сюртука. Молодой человѣкъ былъ аббатъ, гувернеръ сына Яхтомскихъ.

VIII.

Между тѣмъ князь, пріидя въ себя, тоже собрался ложиться въ постель, хотя зналъ, однако, что не заснетъ всю ночь.

Онъ былъ уже давно не одинъ въ кабинетѣ. Едва только княгиня вышла изъ горницы, какъ въ дверяхъ показался старикъ Тарасъ. Но, присмотрѣвшись къ барину, онъ поникъ головой и не двигался. Онъ слышалъ весь разговоръ супруговъ, сидя за слегка притворенной дверью.

Когда князь пришелъ въ себя, онъ приблизился. Князь ни слова не сказалъ ему, а старикъ не заговорилъ первый. Только лицо его стало еще грустнѣе.

„А еще любимцемъ прозываюсь", думалось ему горько.

Тарасъ, камердинеръ и любимецъ князя, былъ человѣкомъ семейнымъ. Въ верхнемъ этажѣ дома были въ его владѣніи три горницы, въ которыхъ помѣщалась его семья, состоящая изъ жены и трехъ дѣтей. Марьѣ Кузьминичнѣ, женщинѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, маленькой и худой, по ея доброму виду и по ея свѣжему лицу, можно было дать и сорокъ лѣтъ. Изъ трехъ дѣтей, сынъ былъ очень красивый малый, одна дочь крайне не казиста, а другая—почти красавица.

Сынъ этотъ, по имени Андрей, двадцатипятилѣтній малый, умный и дѣльный, былъ въ домѣ сначала буфетчикомъ и, въ качествѣ крестника князя, пользовался нѣкоторыми льготами; но съ годъ назадъ ненависть княгини къ Тарасу перешла и на сына. Молодой малый былъ исключенъ изъ числа прислуги и ему было дано право идти по оброку. Старикъ, не желая разставаться съ сыномъ, выпросилъ у князя позволенія для его крестника все-таки жить при отцѣ и просто наниматься на разные балы и вечера. Такимъ образомъ, Андрей былъ на оброкѣ, но жилъ въ семьѣ. Никогда не показываясь въ горницахъ, онъ тщательно избѣгалъ, какъ и отецъ, попасть на глаза княгинѣ.

Двѣ дочери Тараса, уже подъ двадцать лѣтъ, были страннымъ явленіемъ въ семьѣ. Старшая, Софья, дурная собой, была и глуповата, но добрая и тихая. Она обожала отца, мать и брата, и казалось жила не для себя, а для нихъ, и только съ сестрой была сдержанна.

Помимо семьи, у нея былъ еще одинъ идолъ—князекъ Антонъ Андреевичъ, и понемногу она сдѣлалась помощницей няни около Тонички. Но дѣлалось это украдкой, такъ какъ княгиня не любила встрѣчать Софью въ горницахъ сына. По счастію, княгиня рѣдко заглядывала сюда.

Другая дочь Тараса, восемнадцати лѣтъ—Марья, пользовалась вниманіемъ княгини, постоянно стояла за нее горой въ семьѣ, постоянно справляла разныя порученія Юліи Павловны, но не говорила никогда ни слова о томъ, что̀ поручается ей.

Въ семьѣ опасались Марьи, боясь ея наушничества. Хотя нечего было доносить ей о нихъ княгинѣ, но, тѣмъ не менѣе, Тараса безпокоили отношенія барыни къ Марьѣ.

Впрочемъ за послѣднее время Тарасъ нѣсколько успокоился. Когда зашелъ вопросъ объ удаленіи его изъ дому, князь такъ горячо вступился за своего любимца, что тутъ Тарасъ впервые отъ роду увидалъ насколько баринъ дѣйствительно привязанъ къ нему.

Когда-то, еще молодымъ человѣкомъ, Тарасъ былъ приставленъ дядькой къ молодому князьку, которому было всего года три. Нянька молодаго князька была женщина лѣнивая и безсердечная, ходила за ребенкомъ довольно плохо и предпочитала пить чай и спать елико возможно больше.

Трехлѣтній барченокъ, разумѣется, привязался къ дядькѣ всѣмъ сердцемъ. Тарасъ былъ единственный человѣкъ, который всячески забавлялъ его, нянчился съ нимъ, стряпалъ ему разныя игрушки, зимой каталъ его на салазкахъ, лѣтомъ—въ колясочкѣ, часто въ прогулкахъ носилъ на рукахъ цѣлыя версты. И на этихъ рукахъ князьку было и покойно, и уютно, и какъ-то особенно „ничего не страшно".

Не разъ случалось ему засыпать на этихъ рукахъ, просыпаться, смѣясь въ лицо смѣющемуся Тарасу, и опять засыпать. И тысячи разъ случалось при намѣреніи Тараса положить мальчика въ колясочку, или въ постель, что князекъ отчаянно начиналъ кричать, махать руками и отбиваться и отъ постели, и отъ колясочки.

Баловство Тараса доходило до того, что иногда ему случалось просиживать цѣлыя ночи, держа уже большаго ребенка на рукахъ. Князекъ не былъ боленъ, а просто на него нападало упрямое желаніе спать на рукахъ Тараса, прислонившись къ его плечу.

Впрочемъ, на это была иногда и важная причина. Нервный ребенокъ часто видѣлъ страшные сны: то большую сѣрую собаку, то бородатаго мужика съ палкой, то нѣчто желтое, что клубкомъ каталось по полу.

Но это все случалось лишь въ постели. На рукахъ Тараса никогда ничего подобнаго не грезилось мальчику. Объяснить онъ этого не могъ, но инстинктивно предпочиталъ руки дядьки, на которыхъ спится со свѣтлыми грёзами, своей постели, гдѣ творятся всякія страшныя диковины.

Юноша, князь Яхтомскій, сталъ добрымъ и сердечнымъ юношей и любилъ своего бывшаго дядьку попрежнему. Чувство къ Тарасу видоизмѣнялось, но оставалось повидимому сильнымъ. Въ сущности, князь любилъ въ Тарасѣ самого себя, такъ какъ его самыя свѣтлыя воспоминанія въ дѣтствѣ и въ отрочествѣ соединялись непремѣнно съ фигурой и съ лицомъ дядьки.

Молодой князь современемъ полюбилъ отчасти и семью своего дядьки. Будучи еще самъ ребенкомъ, онъ крестилъ сына Тараса, держалъ и носилъ его вокругъ купели. Заранѣе клятвенно обѣщался онъ отцу и матери новорожденнаго, что ни за что младенца не уронитъ, но чтобы только никто изъ присутствующихъ не смѣлъ помогать ему — держать подушку, на которой будетъ новорожденный.

И здѣсь любовь Тараса къ князьку, любовь безъ границъ, сказалась съ той же силой. Передъ крестинами Тарасъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Не троньте его, не уронитъ! Что его обижать! Ну, а уронитъ—на то, стало быть, воля Божія!

И въ эту важную минуту своей жизни Тарасъ жертвовалъ однимъ Андрюшенькой, своимъ собственнымъ,— другому Андрюшенькѣ, котораго положительно любилъ больше, чѣмъ жену и новорожденнаго сына.

Съ первыхъ дней, что Тараса приставили къ молодому князьку, и до теперешнихъ роковыхъ дней Тарасъ никогда не покидалъ своего барина.

Когда-то, будучи въ Бессарабіи, князь совѣщался съ дядькой, согласиться-ли ему на уговоры тетки-княжны, искать невѣсту и жениться. И Тарасъ не останавливалъ барина, а напротивъ, подтверждалъ мнѣніе княжны, что молодому человѣку слѣдуетъ жениться.

Когда наконецъ нашлась невѣста, Тарасъ тотчасъ же сталъ обожать будущую княгиню, тотчасъ же угадалъ въ ней золотое сердце и ясно видѣлъ, что князь будетъ счастливъ съ такимъ ангеломъ.

Когда невѣста неожиданно скончалась, тотъ же Тарасъ явился утѣшителемъ. Съ нимъ, и только съ нимъ однимъ, могъ князь говорить по цѣлымъ вечерамъ. Иногда, лежа въ постели, передъ сномъ, часовъ до двухъ ночи, толковали они и все объ одномъ и томъ же: объ усопшей невѣстѣ. Случалось князю плакать при Тарасѣ и говорить, что онъ никогда не найдетъ другой такой подруги жизни.

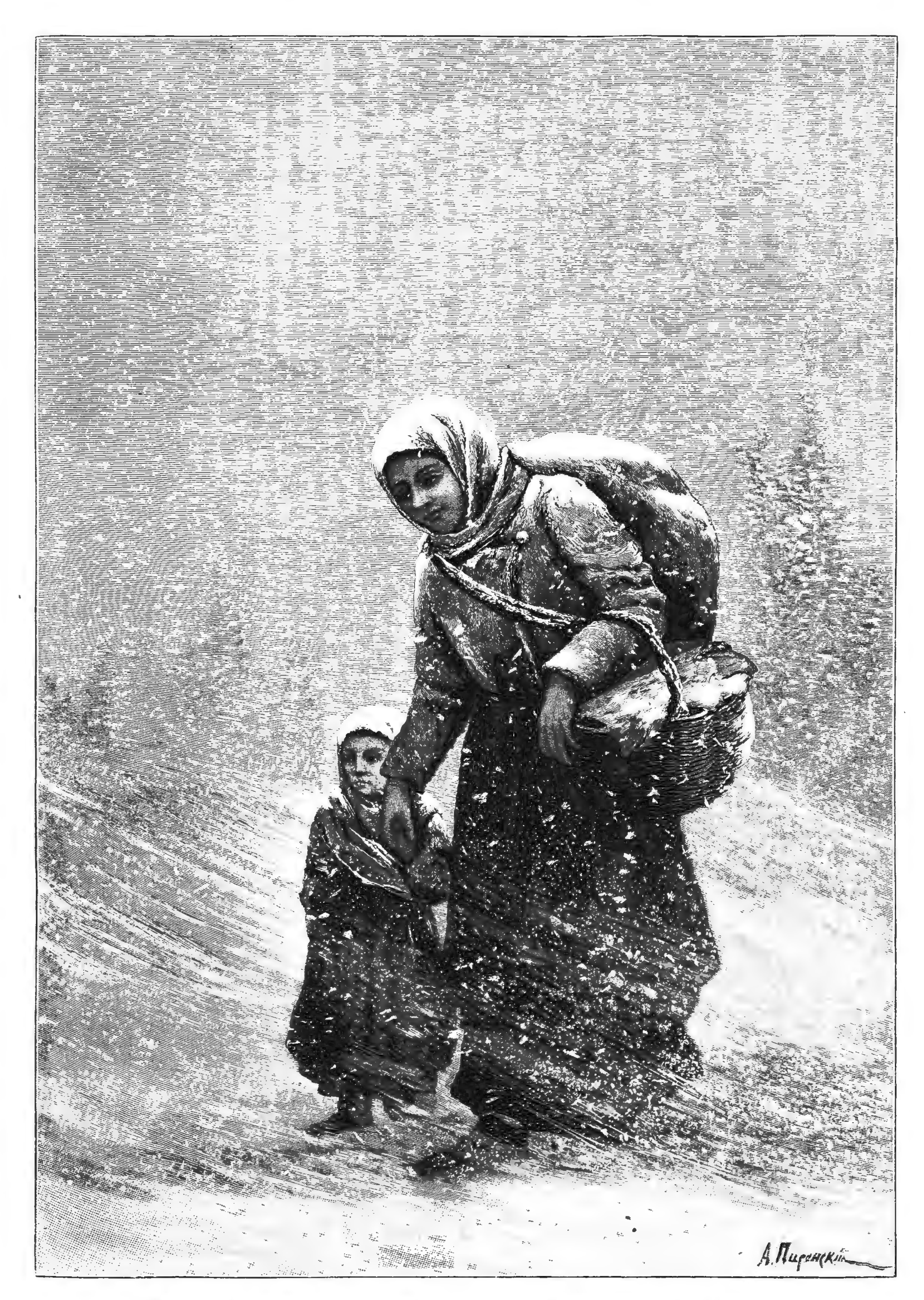
Затѣмъ позднѣе, когда князь началъ ухаживать въ Курляндіи за полу-нѣмкой баронессой Вергеймъ, Тарасъ—ясновидецъ—многое видѣлъ, угадывалъ, предчувствовалъ и всячески оборонялъ своего князя отъ осады, правильной и упрямой, которую вели отецъ и мать красавицы.

Вначалѣ князь смѣялся надъ ухаживаніемъ за нимъ и соглашался съ Тарасомъ.

— Они меня ловятъ, я это вижу, говорилъ онъ.— Да ты не бойся, Тараска, мы не дураки!

Однако, вскорѣ Тарасъ могъ сказать обожаемому князю:

— Вотъ, Андрей Николаевичъ, и вышла ваша неправда—оказались мы дураки.

Въ городъ на работу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Писемскаго, грав. Рашевскій.

Онъ говорилъ о рѣшеніи князя сдѣлать предложеніе. Но на этотъ разъ князь разсердился. Онъ уже былъ настолько влюбленъ въ юную баронессу, что ничто не могло остановить его въ намѣреніи жениться.

Первый годъ послѣ женитьбы барина былъ самый грустный для Тараса. Молодые путешествовали, и онъ почти годъ не видалъ своего князя. Затѣмъ началась петербургская жизнь.

Понемногу отношенія Тараса и князя измѣнились. Яхтомскій обожалъ жену, своего ребенка, а надъ своей привязанностью къ старику-дядькѣ часто подшучивалъ теперь, такъ какъ надъ этимъ любила подшучивать княгиня.

За все это время, которое вело Яхтомскаго къ погибели, только одинъ Тарасъ изрѣдка вечеромъ, раздѣвая барина, рѣшался предсказывать то, что теперь приключилось.

Иногда князь спокойно разговаривалъ съ бывшимъ дядькой и соглашался съ нимъ, что этакъ, пожалуй, можно когда-нибудь и разориться. Иногда же князь сердился и говорилъ:

— Не твое это дѣло! Я тебя избаловалъ... Ты забываешь иногда, что ты мой крѣпостной холопъ.

— Знаю, что крѣпостной и холопъ, отзывался Тарасъ. — Не будь я имъ, такъ и не любилъ бы васъ, какъ люблю. Вотъ есть у меня жена, трое дѣтей, а хотите вы, я сейчасъ ихъ всѣхъ четырехъ для васъ брошу, клятву дамъ никогда ихъ не видать, только бы вы были счастливы.

Князь, конечно, принималъ это за простыя слова, а между тѣмъ со стороны старика Тараса это была сущая правда.

(Продолженіе будетъ).

Тюленій островъ.

(Драма на морѣ).

А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

XI.

Между тѣмъ шхуна „Крейсерокъ", возвратившись въ заливъ Терпѣнія уже поздно вечеромъ, не могла стать тамъ на якорь вслѣдствіе громаднаго волненія и была вынуждена держаться подъ парусами цѣлую ночь. На другой день вѣтеръ стихъ, но въ то же время все окружающее скрылось въ такомъ непроницаемомъ туманѣ, что командиръ началъ опасаться, какъ бы не выскочить въ такую погоду на какой-нибудь неизвѣстный подводный камень, которыми усѣяно все сахалинское прибрежье и въ особенности, почти не изслѣдованный, заливъ Терпѣнія. Этотъ день былъ особенно мучительный для Алексѣя Павловича. Онъ горѣлъ жгучимъ желаніемъ выяснить участь товарищей, страстно стремился оказать несчастнымъ крушенцамъ, если кто-либо еще живъ, самоотверженную помощь; но въ то же время не могъ, въ силу обстоятельствъ, шевельнуть въ пользу ихъ даже пальцемъ. „Крейсерокъ", застигнутый густымъ туманомъ въ неизвѣстномъ пунктѣ залива, долженъ былъ подвигаться впередъ съ большою осторожностью, постоянно бросая лотъ и идя подъ самыми малыми парусами. Онъ приближался гадательно къ мысу Терпѣнія, имѣя впереди себя спущенныя на воду шлюпки, съ которыхъ дѣлали, въ свою очередь, тщательный и внимательный промѣръ. Шлюпки шли всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, но тѣмъ не менѣе онѣ были невидимы среди тумана. Въ виду этого, приходилось идти впередъ особенно осторожно, все время переговариваясь, чтобы не разлучиться, условленными звуковыми сигналами: на „Крейсеркѣ" усиленно били рынду (звонили въ колоколъ), а на шлюпкахъ трубили въ рожки. При такихъ предосторожностяхъ „Крейсерокъ" подвинулся за цѣлый день на самое короткое разстояніе. Съ наступленіемъ темноты пришлось лечь въ дрейфъ и ждать на мѣстѣ разсвѣта. Длинная, осенняя ночь тянулась необыкновенно долго и мучительно для всѣхъ. Никто изъ экипажа шхуны не смыкалъ глазъ. Никто не въ состояніи былъ уснуть при одной мысли, что можетъ-быть тутъ же, почти рядомъ, несчастные товарищи теряютъ въ борьбѣ за свою угасающую жизнь послѣднія силы и послѣднюю энергію. И нельзя имъ помочь! Нѣтъ физической возможности вырвать ихъ изъ цѣпкихъ когтей неумолимой смерти! Какая ужасная нравственная мука!.. Алексѣй Павловичъ, вообще нервный и впечатлительный, особенно страдалъ и мучился. Онъ не сходилъ съ палубы, не ѣлъ, не пилъ; все всматривался въ непроглядную тьму туманной ночи, чутко прислушивался, надѣясь уловить въ ночномъ воздухѣ чей-нибудь крикъ, зовъ или стонъ. Иногда ему казалось, что кто-то кричитъ; онъ начиналъ прислушиваться, но крикъ не повторялся въ теченіе долгаго времени. То ему чудилось, что кто-то стонетъ у самой шхуны; онъ стремительно бросался къ борту, свѣшивался черезъ него чуть-ли не къ самой поверхности воды, приглядывался, прислушивался, но кромѣ ровнаго плеска воды ничего не слышалъ. Въ такой страшной тревогѣ Алексѣй Павловичъ провелъ всю ночь. Къ утру его нельзя было узнать: такъ онъ сразу осунулся, постарѣлъ и поблѣднѣлъ. Глубоко ввалившіеся глаза блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Между насупленными бровями появилось нѣсколько рѣзкихъ морщинъ — результатъ тяжкаго, ночнаго раздумья о злосчастной участи товарищей...

Разсвѣтъ не принесъ ничего отраднаго. Туманъ не разсѣялся и въ то же время погода стихла до безусловнаго штиля. Море почти успокоилось. Шхуна безпомощно колыхалась на отлогой зыби, маслянистая поверхность которой напоминала громадныя, изящно изогнутыя, зеркала безъ малѣйшаго пятнышка или морщинки. Поставленные паруса безсильно хлопали при каждомъ розмахѣ шхуны, недвижно стоявшей среди безграничныхъ пластовъ непроницаемаго тумана. Алексѣй Павловичъ нѣсколько разъ пытался отыскать берегъ на шлюпкѣ, но эти попытки оказались безрезультатными, хотя онъ удалялся отъ „Крейсерка" на такое разстояніе, что едва слышалъ звуки сигнальнаго колокола. Выйти же изъ сферы этихъ звуковъ было опасно, потому что шлюпка могла при этомъ безслѣдно затеряться въ морѣ и погибнуть...

Наступила вторая ночь, столь же мучительная и безсонная, но за то принесшая съ собой кое-какую надежду на улучшеніе погоды. Штиль смѣнился слабымъ вѣтеркомъ, подувшимъ отъ сѣверо-востока. Туманъ началъ постепенно расходиться, но въ то же время температура воздуха упала ниже нуля на два градуса. Предвидѣлся морозъ, столь обыкновенный въ октябрѣ мѣсяцѣ въ южной части Охотскаго моря. Мало того, надо было ожидать снѣжной непогоды; но какъ скоро она наступитъ—трудно было отгадать. Во всякомъ случаѣ, „Крейсерку" нельзя было мѣшкать въ негостепріимныхъ водахъ, угрожающихъ осенью смертельною опасностью. Алексѣй Павловичъ вполнѣ сознавалъ это, но въ то же время желалъ убѣдиться, что помощь его дѣйствительно не нужна погибшимъ крушеніе, какъ продолжалъ утверждать Гарри. Алексѣй Павловичъ нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ хитраго боцмана погибшей шхуны „Роза", разспрашивалъ его о мельчайшихъ подробностяхъ крушенія, стараясь выяснить всѣ обстоятельства гибели Андрея Павловича и команды. Гарри при всѣхъ разспросахъ стоялъ на одномъ:

— Я съ товарищами, сэръ, сѣлъ на одинъ вельботъ, а русскій экипажъ „Розы" на другой... Мы съ большимъ трудомъ, сэръ, выгребли изъ буруновъ, а другой вельботъ перевернуло, и всѣ погибли... На нашихъ глазахъ, сэръ, погибли...

И боцманъ, утверждая послѣднее, вновь приводилъ въ свидѣтели катастрофы всѣхъ своихъ товарищей, которые упорно продолжали поддакивать Гарри. Такимъ образомъ, Алексѣй Павловичъ не могъ разузнать больше того, что уже зналъ въ первый моментъ принятія американцевъ на „Крейсерокъ". Мало того, боцманъ погибшей „Розы" успѣлъ спутать его относительно пункта, гдѣ разбилась шхуна. Гарри довольно ловко разсказалъ всѣ обстоятельства злосчастнаго крушенія по восточную сторону мыса Терпѣнія, а не по западную, гдѣ въ дѣйствительности катастрофа случилась. Къ этому наглому обману вынуждали хищника весьма тонкія соображенія. Гарри опасался, какъ бы не были найдены трупы матросовъ со слѣдами звѣрской расправы американцевъ. Подобное обстоятельство могло, конечно, послужить разгадкой подозрительнаго для Алексѣя Павловича спасенія всѣхъ промышленниковъ и гибели всѣхъ русскихъ, — разгадкой, весьма опасной прежде всего для Гарри, какъ коновода всего гнуснаго дѣла...

Такимъ образомъ, основываясь на ложномъ показаніи всѣхъ сговорившихся хищниковъ, Алексѣй Павловичъ, какъ только туманъ разсѣялся къ утру слѣдующаго дня, направилъ „Крейсерокъ" къ фиктивному пункту крушенія „Розы". Шхуна подошла къ указанному Гарри мѣсту возможно ближе и стала на якорь. Алексѣй Павловичъ, сѣвъ на вельботъ, отправился на розыски лично. Самый тщательный осмотръ побережья на разстояніи нѣсколькихъ верстъ не далъ никакихъ результатовъ. Ничего не было найдено. Явилось предположеніе, и притомъ очень возможное, что трупы погибшихъ, а также обломки шхуны „Роза" унесены теченіемъ въ открытое море.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и разбитыми надеждами воз-

вратился Алексѣй Павловичъ на „Крейсерокъ". Это было уже поздно вечеромъ, передъ самымъ заходомъ солнца. Не медля ни минуты, онъ отдалъ приказаніе сниматься съ якоря для слѣдованія во Владивостокъ. Онъ словно торопился теперь уйти отъ мрачнаго мыса Терпѣнія, возлѣ котораго нашли преждевременную могилу столько самоотверженныхъ людей.

„Крейсерокъ" снялся съ якоря въ моментъ солнечнаго заката и, поставивъ всѣ паруса, быстро понесся съ попутнымъ вѣтромъ къ Лаперузову проливу. Ночь прошла спокойно, но съ разсвѣтомъ сѣверо-восточный вѣтеръ значительно засвѣжѣлъ, при паденіи температуры воздуха на пять градусовъ ниже нуля. Небо заволокло бѣлесоватыми тучами. Весь горизонтъ покрылся какою-то желтовато-сѣрою мглою. Море взволновалось. Волны вздымались подобно громаднымъ горамъ и играли шхуной какъ мячикомъ. Шхуна, то подбрасываемая къ небесамъ, то стремительно падающая въ зіяющія водяныя пропасти, содрогалась во всѣхъ своихъ сочлененіяхъ, стонала и скрипѣла. Свинцовыя тучи зловѣще скучивались по всему небосклону, и вдругъ, словно прорвавшись, затмили воздухъ и море необъятными массами сухаго снѣга... Поднялась страшная метель въ открытомъ морѣ. Вѣтеръ достигъ степени шторма и со стономъ понесся по морю, срывая съ водяныхъ громадъ ихъ пѣнистыя вершины. Въ воздухѣ загудѣло, засвистѣло и заревѣло. Море, казалось, мгновенно ожило и яростно затрепетало въ какой-то ужасающей агоніи. Могучій вихрь несъ передъ собой тучи снѣга и со стономъ разметывалъ ихъ по всему необъятному простору моря. Казалось, легіоны злыхъ демоновъ безумно закружились во мракѣ и съ дикими завываніями терзали другъ друга въ жестокой междоусобной борьбѣ. Все окружающее затмилось непроницаемой, непроглядной мглой. Небо почернѣло и опустилось низко-низко, словно собираясь придавить своей громадой разбушевавшееся море. Вѣтеръ, точно стѣсненный въ своихъ яростныхъ порывахъ, налеталъ съ бѣшенымъ ревомъ, взрывая и вспѣнивая морскую поверхность. То вопли отчаянія, то угроза, то ропотъ слышались въ его дикихъ завываньяхъ.

„Простору, дайте мнѣ простору!" молилъ, казалось, онъ, стараясь сокрушить передъ собой все живое.

Шхуна шла подъ всѣми парусами, стараясь уйти отъ набѣгавшихъ сзади водяныхъ громадъ. Засыпанная снѣгомъ, съ глыбой льда на носу, образовавшейся отъ всплесковъ волнъ и мороза, она бѣжала впередъ почти со сказочною быстротою, перебрасываясь съ борта на бортъ. Алексѣй Павловичъ былъ на палубѣ и зорко слѣдилъ: вынесутъ-ли мачты и паруса подобную бѣшеную скачку по вспѣненнымъ волнамъ. Онъ съ гордостью глядѣлъ на свое легкое судно, свободно побѣждавшее разъяренное море. Вихрь за вихремъ налетали на шхуну и сильно кренили ее, словно желая перевернуть; но шхуна, временно поддавшись яростному давленію вѣтра, черезъ минуту выпрямлялась и гордо бѣжала дальше, съ вала на валъ, изъ пропасти въ другую. Вѣтеръ, словно раздосадованный своимъ безсиліемъ сокрушить небольшое суденышко, замѣтно свирѣпѣлъ и вдругъ разразился такимъ жестокимъ порывомъ, что шхуна легла почти совсѣмъ на-бокъ. Раздался звукъ, похожій на пушечный выстрѣлъ: это вырвало передній парусъ... Мгновенно изодранный въ клочья, парусъ унесло вмѣстѣ съ тучами снѣга. Въ тотъ же моментъ, словно прорвавши плотину, хлынулъ въ шхуну громадный валъ и положилъ ее еще больше на-бокъ. Наступила критическая минута... Но Алексѣй Павловичъ не дремалъ...

— Придерживайся!.. протяжно раздался его голосъ, полный желѣзной воли и самоувѣренности.

Этотъ голосъ, какъ пѣснь торжествующей побѣды надъ волнами, разбѣжался, казалось, по трепетавшимъ снастямъ накренившейся шхуны и замеръ гдѣ-то вдали, среди стона и рева бушующей непогоды.

„Крейсерокъ", послушный сильной волѣ командира, привелъ противъ вѣтра и волны, выпрямился и сталъ встрѣчать порывы шторма обледенѣлою грудью. Теперь онъ уже шелъ подъ глухо зарифленными парусами, стараясь отдалиться отъ опасныхъ береговъ Сахалина. Метель продолжалась, но стужа значительно ослабла. Термометръ сталъ подниматься...

XII.

Въ теченіе трехъ сутокъ „Крейсерокъ" велъ непрестанную борьбу съ разсвирѣпѣвшею стихіей и вышелъ, наконецъ, изъ этой борьбы побѣдителемъ. Черезъ трое сутокъ погода стихла, метель прекратилась. На прояснившемъ небосклонѣ опять засверкало яркое солнце, полное радости и жизни. Жестокій попутный штормъ перешелъ въ ровный юго-восточный вѣтеръ, теплый и ласкающій. Подъ дуновеніемъ этого животворнаго вѣтра, шхуна быстро сбросила съ себя ледяную броню и такимъ образомъ счастливо избѣгла страшной опасности обмерзнуть въ открытомъ морѣ. Между тѣмъ эта опасность висѣла надъ „Крейсеркомъ" въ теченіе трехъ сутокъ, словно Дамокловъ мечъ, держа настороже, день и ночь, всю судовую команду. Матросы безъ устали очищали палубу и борта отъ глыбъ льда, постоянно накоплявшихся при каждомъ всплескѣ волнъ, сбивали ледяную броню съ парусовъ и снастей, освобождали форштевень шхуны отъ опасной тяжести, отнимавшей у судна необходимую пловучесть. Благодаря слабому, сравнительно, морозу, не превышавшему пяти градусовъ, работу эту могли выполнять вполнѣ успѣшно, при энергичномъ содѣйствіи американцевъ, которыхъ выпускали изъ трюма, въ помощь матросамъ, небольшими партіями, во избѣжаніе какихъ-либо насилій съ ихъ стороны. Подозрительный Алексѣй Павловичъ слѣдилъ за хищниками особенно внимательно, справедливо не довѣряя этимъ отчаяннымъ головамъ, способнымъ, по его мнѣнію, на всевозможныя преступленія. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ почти не смыкалъ глазъ, опасаясь оставить шхуну въ такое критическое время безъ личнаго управленія. Командиръ сознавалъ, что жизнь порученныхъ ему людей виситъ на волоскѣ, и онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы оградить эту жизнь отъ опасныхъ случайностей, вполнѣ возможныхъ при самомъ незначительномъ недосмотрѣ. Алексѣй Павловичъ бодрствовалъ, ревниво и отважно охраняя свое судно отъ стихійныхъ силъ, метавшихъ по необъятному простору моря разрушеніе и смерть. Онъ съ необычайною энергіею велъ привычную борьбу съ разсвирѣпѣвшей непогодой, преодолѣвая разумомъ безсмысленный хаосъ безумствовавшей природы и сокрушая желѣзною волею бѣшеные напоры зловѣщихъ волнъ. И онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой грандіозной, неравной борьбы; но эта побѣда не радовала его... Онъ сознавалъ, что могучая природа дала ему только первое предостереженіе, что впереди, въ теченіе продолжительнаго осенняго плаванія по бурнымъ морямъ, надо предвидѣть еще бòльшіе ужасы и болѣе грозныя опасности. Удастся-ли избѣгнуть ихъ?.. Этотъ жгучій, нѣмой вопросъ наполнялъ мужественное сердце Алексѣя Павловича какимъ-то неотразимымъ трепетомъ, смѣшаннымъ съ угнетавшимъ душу сомнѣніемъ относительно вполнѣ благополучнаго плаванія. Было-ли это опять предчувствіемъ близкаго несчастья — онъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета. Между тѣмъ онъ твердо вѣрилъ въ предчувствіе, тѣмъ болѣе, что одно, очень недавнее, оправдалось ужаснѣйшимъ образомъ...

Алексѣй Павловичъ хорошо зналъ, что благопріятное время плаванія по Японскому морю уже миновало и потому прилагалъ всѣ свои знанія и усилія къ тому, чтобы добраться до Владивостока возможно скорѣй. Войдя черезъ Лаперузовъ проливъ, шхуна только на нѣсколько часовъ зашла на маякъ Крильонъ, съ цѣлью пополнить истощившійся запасъ дровъ и прѣсной воды, и затѣмъ смѣло вступила, съ восходомъ солнца, въ бурныя воды Японскаго моря. Послѣднее встрѣтило „Крейсерокъ" необычайно привѣтливо. Ничто не предвѣщало какихъ-либо особенныхъ передрягъ. Барометръ при совершенно ясномъ небѣ стоялъ достаточно высоко. Море было величественно-спокойно. Дулъ легкій, умѣренный по теплотѣ, юго-восточный вѣтеръ. Шхуна шла окруженная берегами: справа и немного сзади тянулась вдаль мрачная громада каторжнаго Сахалина; далеко впереди едва виднѣлся высокій, обрывистый мысъ Диапойнтментъ — вѣчный и несокрушимый стражъ азіатскаго материка, на рубежѣ Японскаго моря съ Татарскимъ проливомъ, со снѣговой, пышной шапкой на гигантской головѣ; слѣва вздымались изъ волнъ непривѣтливые, гористые берега японскаго острова Матцмая, уже засыпанные сплошною пеленою снѣга, дѣвственной чистоты и сверкавшаго на яркомъ солнцѣ милліардами разноцвѣтныхъ огней: казалось, рука волшебника щедро осыпала всю видимую мѣстность драгоцѣнными камнями изумительной игры и чистоты.

Около полудня совершенно заштилѣло. Паруса повисли и стали безсильно хлопать о мачты и снасти, при каждомъ движеніи шхуны на зеркально-гладкой зыби. На поверхности моря появился китъ, но чего-то словно испугавшись, быстро скрылся въ морской пучинѣ, съ шумомъ выбросивъ изъ ноздрей громадные фонтаны воды, разсыпавшейся въ недвижномъ воздухѣ на милліоны блестящихъ брызгъ. Тамъ и здѣсь на минуту показывались изъ воды круглыя, усатыя головы сивучей, подозрительно оглядывавшихъ безграничный морской просторъ. Въ прозрачномъ воздухѣ заволновались, откуда-то налетѣвшія, чайки, высматривавшія въ морѣ лакомую добычу. Въ ихъ нерѣшительномъ полетѣ замѣчалось какое-то инстинктивное недовѣріе къ неожиданно наступившей тишинѣ. Онѣ держались высоко надъ морскою гладью, словно подозрѣвая, что эта коварная гладь таитъ въ себѣ смерть и разрушеніе. Вдругъ чайки видимо встревожились, почуя какую-то близкую опасность, и понеслись къ ближайшему берегу, оглашая воздухъ жалобными криками, схожими съ дѣтскимъ плачемъ... Далеко на горизонтѣ, отъ сѣверо-запада, начала медленно подниматься темная тучка. Барометръ разомъ упалъ. Подозрительная туча не ускользнула и отъ опытнаго, юркаго глаза командира „Крейсерка", бывшаго въ это время на палубѣ.

— Свистать всѣхъ на верхъ, брать рифы! раздался его спокойный, твердый голосъ.

Команда, отдыхавшая послѣ сытнаго обѣда, не замедлила выбѣжать на палубу, чтобы исполнить энергичное приказаніе командира. Не болѣе какъ черезъ пять минутъ шхуна уже колыхалась на зыби подъ глухо зарифленными, штормовыми парусами.

Между тѣмъ туча все росла и росла, грозно надвигаясь на лазуревое небо, словно гигантская, страшно тяжелая завѣса.

Долоресъ. Карт. К. Кизеля, грав. Фельдвегъ.

Изъ испанской антологіи.

1.

Эти черные два глаза,
Съ ихъ глубокимъ, мѣткимъ взглядомъ —
Два бандита съ наведеннымъ
Изъ засады карабиномъ.

2.

Противъ глазъ твоихъ ничуть,
Вѣрь, я злобы не питаю.
На меня вѣдь имъ взглянуть
Страхъ какъ хочется, я знаю...

4.

Эти очи—свѣтъ со тьмою,
Очи полныя зарницъ,
Окаймленныя густою
Ночью черною рѣсницъ!

Но—былъ мигъ—и ночь вдругъ стала
Раздвигаться, мракъ исчезъ—
И мнѣ въ сердце засіяла
Глубина святыхъ небесъ.

5.

Холодный, смертный приговоръ
Твои глаза мнѣ произносятъ;
Мои жъ, снѣдая свой позоръ,
Лишь о помилованьи просятъ.

А. Майковъ.

Ясный день быстро превращался въ зловѣщій полусумракъ. Кругомъ разлилась какая-то подавляющая, удушливая тишина. Но вотъ вдали послышался ужасающій ревъ, мгновенно разразившійся и приближавшійся съ демонскою быстротою. Море, передъ этимъ гладкое какъ зеркало, моментально покрылось сплошною пѣнистою пеленою, забурлило и застонало. Страшный вихрь разметывалъ по воздуху пѣну, вздымалъ воду подобно горамъ, бѣшено срывалъ ихъ вершины и несъ къ шхунѣ тучи брызгъ. Еще мгновеніе, и „Крейсерокъ“ легъ подъ напоромъ вихря совсѣмъ на-бокъ, готовый ежесекундно опрокинуться. Температура воздуха быстро понижалась. Показались первыя градины, сперва мелкія и рѣдкія, но затѣмъ онѣ становились все крупнѣе и крупнѣе, многочисленнѣе и многочисленнѣе... Вскорѣ градъ началъ падать почти сплошною массою и съ поразительною трескотнею...

Черезъ нѣсколько минутъ туча пронеслась и исчезла за горизонтомъ столь же быстро, какъ и появилась; но студеный вихрь продолжалъ усиливаться. Море кипѣло точно въ въ котлѣ. Огромные валы вздымались, подобно горамъ, и яростно обрушивались на небольшое судно, которое содрогалось во всѣхъ своихъ сочлененіяхъ, стонало, скрипѣло, подкидываемое къ небесамъ и низвергаемое внизъ, словно перышко. Мачты трещали и гнулись какъ трости. Снасти трепетали и гудѣли, точно натянутыя струны подъ могучими ударами вдохновившагося виртуоза. Шхуна должна была опять „привести“, то-есть встать носомъ по возможности противъ вихря и валовъ. Въ моментъ этого смѣлаго маневра, громадная волна, въ нѣсколько саженъ вышины, съ грохотомъ перевалила черезъ шхуну, сбивая съ ногъ людей, ухватившихся за снасти, мачты и борта, и смывая въ море все, что не было прихвачено надежными найтовами (веревками). Грозный валъ оставилъ на всемъ свой слѣдъ въ видѣ тонкой льдистой коры, мгновенно образовавшейся подъ могучимъ дѣйствіемъ морознаго вихря. Температура воздуха, между тѣмъ, продолжала все понижаться. Къ заходу солнца термометръ показывалъ уже —10° R. Это ужасающее паденіе температуры не обѣщало ничего отраднаго. При каждомъ всплескѣ волны, борта и носъ шхуны быстро обмерзали. Брызги, попавшія на мачты, паруса, блоки и снасти, покрывали ихъ ледянымъ наростомъ, постепенно утолщавшимся. Такой же ужасающій наростъ сталъ появляться на палубѣ, люкахъ и рубкѣ, словно морозъ спѣшилъ сдавить судно своими мертвящими объятіями. Въ теченіе самаго непродолжительнаго времени на бакѣ образовалась цѣлая ледяная гора; тоненькія, въ палецъ толщиною, снасти утолщились настолько, что ихъ едва можно было обхватить обѣими ладонями; обмерзшій рангоутъ съ трудомъ сдерживалъ обледенѣлые паруса, трещавшіе подъ демонскимъ напоромъ грознаго шторма... Командиръ, не теряя присутствія духа, отдалъ энергичное приказаніе скалывать со шхуны образовывающійся ледъ, очищать отъ него рангоутъ, снасти, блоки и паруса, съ цѣлью освободить судно отъ излишней, непомѣрной тяжести. Матросы приступили къ тяжелой, адской работѣ со свойственной ревностью, не обращая вниманія на нестерпимо холодный вѣтеръ. Обдаваемые брызгами, моментально на нихъ замерзающими, матросы работаютъ безъ устали, съ отчаяніемъ оспаривая у мороза свое судно, а вмѣстѣ съ нимъ и свою жизнь. Американскіе хищники, выпущенные изъ трюма, гдѣ предстояло имъ замерзнуть, энергично скалываютъ ледъ на ряду со своими врагами, хорошо сознавая критическое положеніе шхуны и предавъ временному забвенію, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ разсвирѣпѣвшихъ стихій, свои распри, ненависть, злобу и разбойничьи инстинкты. Опасность смирила ихъ и образумила. Они поняли, что жизнь можетъ быть спасена только при общихъ, единодушныхъ усиліяхъ, а малѣйшая оплошность грозитъ всѣмъ неминуемой гибелью...

Работа согрѣваетъ людей, но, обдаваемые яростно налетающими волнами, они начинаютъ постепенно также обмерзать, хотя первое время и не замѣчаютъ этого. Никто не рѣшается спуститься внизъ, въ каюты, чтобы укрыться хотя отъ вѣтра. Каждый сознаетъ, что ничтожнѣйшее замедленіе въ работѣ поставитъ судно въ безвыходное положеніе. Кромѣ того, совершенно обледенѣвшія каюты производятъ неотразимое впечатлѣніе: вступить въ нихъ невыносимо страшно, особенно когда надъ головой идетъ непрестанная борьба за существованіе, борьба съ проблескомъ кое-какой надежды... Въ каютахъ же царила одна лишь бездушная смерть...

Наступившая ночь ввергла всѣхъ въ томительную неизвѣстность. Морозъ усиливается или по крайней мѣрѣ такъ кажется изнеможеннымъ людямъ, насквозь пронизываемымъ морознымъ вихремъ. Обмерзаніе шхуны продолжается, несмотря на нечеловѣческую работу всего экипажа. Непроницаемая тьма осенней ночи дѣлаетъ опасность невыразимо страшною. Не видно зги. Лишь слышится глухой гулъ разбивающихся о борта волнъ, да адское гудѣніе шторма среди обледенѣлыхъ снастей. Люди изнемогаютъ отъ холода, усталости и голода, но въ то же время каждый проявляетъ рѣдкій примѣръ твердости духа и дисциплины. Порядокъ и чувство безграничнаго самоотверженія большинства восторжествовали надъ трусостью и эгоистическимъ инстинктомъ самосохраненія, которымъ едва не отдались нѣкоторые хищники. Всѣ безпрекословно и съ полною готовностью исполняютъ энергичныя приказанія командира и его помощника, безтрепетно стоящихъ на болѣе опасныхъ мѣстахъ обледенѣлой палубы и ежеминутно рискующихъ быть сброшенными въ море волнами. Руководимые несокрушимой волей начальниковъ, всѣ работаютъ безъ растлѣвающей суеты и губительнаго смятенія. Каждый старается примѣрнымъ исполненіемъ своего долга превзойти товарищей...

Приближается полночь. Буря не стихаетъ, но какъ будто ожесточенная удивительнымъ упорствомъ слабыхъ людей, реветъ словно сказочное чудовище, обдавая своимъ ледянымъ дыханіемъ бѣдствующее судно, трепещущее среди водяныхъ громадъ, какъ въ предсмертной, мучительной агоніи. Люди съ отчаяннымъ мужествомъ продолжаютъ оспаривать свою жизнь у разсвирѣпѣвшей стихіи, но ихъ силы падаютъ съ каждой минутой. Они начинаютъ окончательно изнемогать отъ непрестанной, безконечной борьбы и Сизифовой работы. Море, въ союзѣ съ морозомъ, спѣшитъ нагромоздить всюду новыя глыбы льду, взамѣнъ только что сброшенныхъ людьми. Шхуна, несмотря на всѣ усилія, продолжаетъ обмерзать съ ужасающею быстротою, особенно съ внѣшней стороны, недоступной для людей въ такую жестокую непогоду. Она замѣтно тяжелѣетъ и уже не всходитъ на вершины валовъ съ прежнею легкостью; чаще принимаетъ на палубу ихъ пѣнистыя вершины, мгновенно превращающіяся въ цѣлыя глыбы льду. Изнеможенные страдальцы начинаютъ сознавать въ своихъ сердцахъ, что жизнь ихъ въ рукахъ Всевышняго. Если Тотъ, Кому повинуются вѣтры и волны, не простретъ надъ ними Своей всемогущей Десницы, то никакія человѣческія усилія не въ состояніи отвратить ужасную смерть...

Командиръ, лучше другихъ понимая безнадежность положенія, не перестаетъ ободрять словами болѣе робкихъ и воодушевлять ихъ къ дальнѣйшей борьбѣ. Болѣе сильные духомъ и тѣломъ продолжаютъ еще повиноваться, но слабые безъ ропота склонились подъ неотразимыми ударами злосчастной судьбы и съ тихою молитвою на устахъ начали готовиться къ смерти на обледенѣлой палубѣ обледенѣлаго судна. Страданія, претерпѣваемыя несчастными, невыразимы. Обыкновенно, при замерзаніи тѣло человѣка постепенно цѣпенѣетъ и умирающій безсознательно засыпаетъ, переходя въ вѣчность. Не то испытываютъ страдальцы. Хотя ихъ оледенѣлые члены уже утратили способность чувствовать, моральная агонія все еще продолжалась до послѣдней предсмертной минуты.

Съ теченіемъ времени неотразимое изнеможеніе охватываетъ остальныхъ. Живые ищутъ защиты у мертвыхъ, прикрываясь трупами отъ вѣтра и волнъ. Никто не слушаетъ уже ослабѣвшаго голоса командира, изнемогшаго также подъ не посильнымъ бременемъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Въ безпорядочной кучѣ, на обледенѣлой палубѣ, сплотились живые, умирающіе въ страшной агоніи и трупы уже погибшихъ отъ мороза. Раздирающіе душу стоны страдальцевъ смѣшиваются съ сатанинскимъ ревомъ бури и вселяютъ ужасъ въ безстрашное сердце командира, который еще такъ недавно хладнокровно глядѣлъ въ глаза смерти. Онъ начинаетъ завидовать участи тѣхъ, которые успѣли обратиться въ безжизненные трупы и не чувствуютъ болѣе сверхъестественныхъ мученій. Но желанная смерть-спасительница отъ нечеловѣческихъ страданій — приближается слишкомъ медленными шагами, словно тѣшась и глумясь надъ людьми, осмѣлившимися вступить въ неравный бой съ грозной стихіей. Тѣмъ не менѣе командиръ ждетъ безпощадную, жестокую смерть съ христіанскимъ чувствомъ покорности злосчастной судьбѣ, ждетъ, вперивъ воспаленный взоръ приблизительно въ ту точку темнаго горизонта, откуда должно вскорѣ подняться дневное свѣтило. Разсвѣтъ, повидимому, близокъ, и Алексѣю Павловичу хочется взглянуть въ послѣдній разъ на восходящее солнце и сказать „прощай“ этому чудному міру, такъ много обѣщавшему и такъ мало давшему. Вотъ, какъ будто, начинаетъ свѣтать; на востокѣ появилась узкая кроваво-красная кайма. Да, солнце приближается къ горизонту. Наконецъ-то! Вдругъ мелькнулъ во мракѣ лучъ блѣднаго свѣта. Неужели это уже солнечный лучъ!? Нѣтъ, не можетъ быть!.. Блѣдный свѣтъ мелькнулъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ кровавой каймы утренней зари. Вотъ прорѣзалъ тьму другой лучъ — красный и черезъ минуту къ нему присоединился яркій зеленый огонекъ. Что это такое!? Не предсмертная-ли галлюцинація?.. О, Боже! это, кажется, паровое судно. Три огня, бѣлый, красный и зеленый, которые обыкновенно носятъ ночью паровыя суда, видны уже вполнѣ отчетливо. Ближе и ближе.

Между тѣмъ вѣтеръ воетъ и реветъ, пригибая къ водѣ обледенѣлую шхуну, съ трудомъ вздымающуюся на водяныя громады. Вихрь налетаетъ за вихремъ, одинъ яростнѣе другаго. Раздается сильный трескъ: могучій порывъ вырываетъ всю середину грота (задній парусъ шхуны) и уноситъ ея клочья въ полумракъ наступающаго утра. Изнеможенный командиръ на мгновенье встрепенулся и отдаетъ какое-то приказаніе; но слабый его голосъ совершенно затеривается среди оглушительнаго рева озвѣрѣлой стихіи. Да некому и слушать. Командиръ, исполнивъ свой послѣдній долгъ, смолкаетъ въ свою очередь. Силы окончательно покинули его: онъ не можетъ даже

взглянуть на неизвѣстное паровое судно, явственно вырисовавшееся на фонѣ посвѣтлѣвшаго неба. Вѣтеръ между тѣмъ поставилъ шхуну, лишенную паруса, поперекъ волненія. Водяныя громады, словно обрадовавшись одержанной побѣдѣ, понеслись съ торжествующимъ стономъ черезъ шхуну, смывая своимъ могучимъ, стихійнымъ напоромъ мертвыхъ и полуживыхъ страдальцевъ. Въ морозномъ воздухѣ раздался ужасный вопль погибавшихъ, и все, затѣмъ, смолкло. Лишь слышались вой бури, да неумолчный хлестъ волнъ объ обмерзшіе борта безпомощной шхуны.

Англійскій пароходъ „Star“, шедшій изъ Хакодате въ Нагасаки Японскимъ моремъ, случайно подошелъ къ „Крейсерку“ въ моментъ его окончательнаго крушенія. Было уже достаточно свѣтло, чтобы разглядѣть всѣ перипетіи послѣдней агоніи шхуны, затонувшей, подъ тяжестью льда, по самую верхнюю палубу. Шкиперъ „Star'a“, бравый кэптэнъ Смитъ, движимый высокимъ чувствомъ человѣколюбія, поспѣшилъ приблизиться къ „Крейсерку“, въ надеждѣ спасти хоть кого нибудь. Зоркимъ глазомъ оглядѣлъ мистеръ Смитъ сѣдую поверхность бушующаго моря и вскорѣ примѣтилъ одного страдальца, крѣпко прильнувшаго къ обломку мачты. Но какъ спасти его, какимъ образомъ вырвать изъ цѣпкихъ объятій разсвирѣпѣвшей стихіи? Командѣ парохода, не спускавшей глазъ съ обломка, казалось это невозможнымъ, но мистеръ Смитъ, бывалый, опытный морякъ, думалъ совсѣмъ иное. Для него не существовало невозможнаго въ дѣлѣ спасенія человѣка отъ смертельной опасности.

— На рулѣ, не зѣвай! зычно крикнулъ онъ рулевымъ.—Немного лѣво!.. Такъ держать!..

Обмерзшій пароходъ тяжело поворотилъ и чрезъ нѣсколько минутъ подошелъ вплотную къ обломку мачты, за который продолжалъ держаться неизвѣстный человѣкъ съ сильно всклокоченной, густой бородой, закрывавшей рѣшительно все его лицо.

— Эвое!.. Джемсъ! крикнулъ бравый кэптэнъ Смитъ не менѣе бравому своему боцману.—Спустись-ка на концѣ (веревкѣ) за бортъ и накинь петлю на того молодца. Получишь бутылку джину за успѣшную работу!..

— Слушаю, сэръ, хладнокровно пробормоталъ Джемсъ и тотчасъ-же сталъ обвязываться крѣпкимъ концомъ.

Спустя минуту, онъ уже осторожно спускался по скользкому наружному борту парохода, имѣя въ правой рукѣ, наготовѣ, широкую петлю отъ другаго конца, который держали въ рукахъ полдюжины наиболѣе расторопныхъ матросовъ, готовыхъ выбирать конецъ по первому приказанію. Джемсъ, очевидно, страшно рисковалъ, но онъ не смущался, поощряемый надеждой честно заработать цѣлую бутылку любимаго напитка, цѣнимаго имъ на вѣсъ золота. Нѣсколько разъ Джемсъ погружался, при качкѣ, въ студеную воду; волны захлестывали его, но онъ не унывалъ, настойчиво пытаясь поддѣть петлей подъ свѣсившіяся ноги погибавшаго. Послѣ долгихъ, почти сверхъестественныхъ, усилій, бравому боцману удалось, наконецъ, выполнить заданную работу вполнѣ успѣшно, и онъ крикнулъ на палубу:

— Выбирай живо!.. Бутылка джину, сэръ, за вами!.. Гипъ, гипъ, ура!..

Дюжина мускулистыхъ рукъ дружно потянули конецъ. Неизвѣстный человѣкъ съ лохматой бородой два раза стукнулся о бортъ и не болѣе какъ черезъ секунду оказался внѣ власти моря.

— Да это Гарри! радостно крикнулъ вдругъ Джемсъ, разглядѣвъ спасеннаго и узнавъ въ немъ своего стараго друга.—Вотъ живучая бестія!.. Глядите, вся рожа въ крови, а дышитъ еще...

— Какой такой Гарри? удивился кэптэнъ Смитъ.

— Боцманъ съ американской шхуны „Роза“, почтительно доложилъ Джемсъ, продолжая суетиться возлѣ друга.—Я сейчасъ приведу его въ чувство... Пожалуйте, сэръ, скорѣй бутылку рому для товарища, и онъ, увѣряю васъ, вскочитъ, какъ встрепанный, несмотря на всѣ випетрѣпныя имъ недавно передряги... А ихъ было, судя по его искалѣченной рожѣ, не мало!..

Джемсъ оказался правымъ. Гарри, щедро натертый ромомъ снаружи и снутри, пришелъ въ себя весьма скоро и подробно разсказалъ товарищу о своихъ послѣднихъ похожденіяхъ, а также о страшныхъ перипетіяхъ обмерзанія „Крейсерка“ и гибели всей команды. По приходѣ парохода „Star“ въ Нагасаки, мистеръ Смитъ счелъ не лишнимъ доложить о всемъ видѣнномъ и слышанномъ своему консулу.

XIII.

Японецъ Унό-Техé, единственный сторожъ дома для прохожихъ, построеннаго на безлюдномъ берегу острова Матцмая, въ Вакисякунаи, проснулся въ одно бурное ноябрьское утро раньше обыкновеннаго: не могъ онъ больше спать подъ адскую какофонію разсвирѣпѣвшей непогоды. Небольшой домикъ дрожалъ до основанія отъ демонскаго грохота прибрежныхъ буруновъ и чудовищнаго рева ужаснаго шторма. Вѣтеръ гудѣлъ съ какимъ-то сатанинскимъ остервенѣніемъ, злобно потрясая стѣны сторожки и словно силясь сорвать ее съ мѣста и унести въ ближайшія горы. Унό-Техé, достаточно свыкшійся, за много лѣтъ своей одиночной жизни на безлюдномъ берегу, съ грозными проявленіями силъ могучей природы, не могъ однако хладнокровно отнестись къ тому необычайному хаосу, который господствовалъ въ упомянутое утро въ морѣ и на берегу. Набросивъ на плечи теплый киримонъ *) и повязавъ сѣдую голову цвѣтнымъ платкомъ, Унό-Техé вышелъ изъ сторожки, любопытствуя взглянуть, что творится внѣ ея. На дворѣ, однако, его встрѣтила такая нестерпимая стужа, что онъ поспѣшилъ захлопнуть дверь и возвратиться въ комнатку, не имѣя охоты замораживать свое старческое тѣло, ради удовлетворенія празднаго любопытства.

— Да хранитъ всемогущій Будда несчастныхъ путниковъ, застигнутыхъ въ дорогѣ такой непогодой! прошепталъ Унό-Техé свою обычную фразу въ бурные дни, торопливо раздувая въ жаровнѣ уголья, чтобы нагрѣть остуженную, ворвавшимся вихремъ, сторожку.

— Подожду, когда солнце повыше взойдетъ и потеплѣе станетъ—тогда и погляжу, что тамъ творится, утѣшилъ себя любопытный старикъ, ставя на уголья небольшой бронзовый чайникъ съ водой. Присѣвъ на корточки, онъ сталъ, отъ нечего дѣлать, слѣдить, какъ змѣился въ жаровнѣ яркій огонекъ и какъ онъ жадно лизалъ почернѣвшее дно чайника.

— Отлично... Скоро поспѣетъ, шепталъ Унό-Техé, изрѣдка дотрогиваясь до чайника морщинистою ладонью.—Чаю напьюсь, потеплѣе одѣнусь, да и посмотрю, какова погода.

— Реветъ-то какъ, продолжалъ старикъ разговаривать съ самимъ собой, прислушиваясь къ стону бури.—Да хранитъ всемогущій Будда несчастныхъ путниковъ, застигнутыхъ въ дорогѣ такой непогодой!..

Но вотъ вода въ чайникѣ забурлила. Унό-Техé привсталъ съ корточекъ, добылъ откуда-то небольшую фарфоровую чашку съ крышечкой и мѣшочекъ зеленаго чаю. Не торопясь, онъ всыпалъ щепотку чаю въ чашку, заварилъ его кипяткомъ и накрылъ чашку крышкой. Черезъ минуту ароматный напитокъ былъ готовъ. Съ наслажденіемъ выпивъ нѣсколько чашекъ, такимъ образомъ завареннаго, чаю, старикъ плотно запахнулся въ свой киримонъ и вышелъ опять изъ сторожки. Солнце было довольно уже высоко. Поднявшись надъ снѣжными вершинами ближайшихъ холмовъ, оно обдавало пѣнистое море снопами яркихъ лучей. Море бурлило и стонало. У прибрежья клокотали грозные буруны, взметывая къ небу массы брызгъ и пѣны.

Унό-Техé, прикрывъ ладонью глаза отъ солнечнаго блеска, прежде всего внимательно оглядѣлъ, по своей обязанности, извилистую, узкую дорогу, прихотливо тянувшуюся въ обѣ стороны по берегу: не видать-ли гдѣ измученнаго путника, нуждающагося въ отдыхѣ? Вполнѣ успокоенный, что никто не нуждается въ его помощи, старикъ перевелъ глаза на море. Вѣтеръ рвалъ съ его головы, повязанный по-бабьему, платокъ и захватывалъ дыханіе. Было нестерпимо холодно, несмотря на яркое солнце; но Унό-Техé, одолѣваемый любопытствомъ, продолжалъ всматриваться по горизонту, стараясь уловить зоркимъ глазомъ какое-либо бѣдствующее отъ непогоды судно или рыбачью фуне (японскую лодку), отброшенную бурею въ море. Послѣднее словно кипѣло, будучи усѣяно шумящими, пѣнистыми, серебристыми гребнями. Сильный вихрь срывалъ вершины волнъ и, превративъ ихъ въ мелкія брызги, мчалъ къ берегу въ видѣ радужной пыли, застилавшей, будто туманомъ, ближайшіе острова Рейсири и Рибунсири. Мѣстами эта пыль превращалась, при болѣе могучихъ порывахъ вѣтра, въ смерчевые столбы, бѣшено кружившіеся въ воздухѣ и затѣмъ разсѣивавшіеся въ водяной туманъ надъ поверхностью моря.

Долго приглядывался Унό-Техé, но взбаломученное море было пустынно, словно непогода смела съ его поверхности малѣйшій признакъ жизни. Старикъ уже рѣшилъ оставить свой наблюдательный постъ и скрыться отъ стужи въ сторожкѣ, какъ неожиданно его зоркій глазъ примѣтилъ на горизонтѣ какой-то черный, длинный предметъ, тяжело колыхавшійся въ волнахъ. Унό-Техé встрепенулся и сталъ всматриваться вдаль съ возбужденнымъ любопытствомъ, стараясь выяснить себѣ, къ какому классу морскихъ животныхъ принадлежитъ появившееся чудовище, медленно приближавшееся къ берегу, какъ-бы подчиняясь яростному напору волнъ. Старикъ переходилъ отъ догадки къ догадкѣ и наконецъ рѣшилъ окончательно:

— Мертвый китъ плыветъ...

Подъ впечатлѣніемъ этого, повидимому, наиболѣе подходящаго опредѣленія, Унό-Техé началъ строить фантастическіе замки о томъ, какъ кита прибьетъ, наконецъ, къ берегу и какъ онъ воспользуется его жиромъ, спермацетомъ, усомъ и даже мясомъ, если только животное не успѣло протухнуть.

Между тѣмъ неопредѣленный темный предметъ продолжалъ приближаться, освѣщаемый полуденнымъ солнцемъ. Начало какъ будто бы стихать: по крайней мѣрѣ вихрь не такъ часто скрывалъ горизонтъ и ближайшіе острова характерною

*) Киримонъ—верхняя часть японской одежды.

водяною мглою. Унό-Теке́, пользуясь временнымъ утомленіемъ бѣшеной стихіи, могъ слѣдить за любопытнымъ предметомъ, плывущимъ къ берегу, вполнѣ безпрепятственно. Всматриваясь пристальнѣе, онъ скоро разочаровался въ недавнихъ своихъ иллюзіяхъ и надеждахъ.

— Это не китъ плыветъ, а разбитое судно, прошепталъ старикъ, окончательно убѣдившись въ своей ошибкѣ.

Дѣйствительно, волны прибивали къ берегу совершенно разбитый корпусъ небольшой двухъ-мачтовой шхуны. Мачты вывороченныя изъ стенса (основанія), были повалены на правую сторону. На исковерканной палубѣ не было видно ни людей, ни шлюпокъ.

— Прими, всемогущій Будда, души погибшихъ! дрожащимъ голосомъ воскликнулъ Унό-Техе́, потрясенный представившейся его глазамъ картиной разрушенія и смерти..

Грустно воротился старикъ въ свой домикъ и съ душевнымъ волненіемъ палъ ницъ передъ статуэтками божковъ, аккуратно разставленныхъ на полочкѣ, въ одномъ изъ угловъ комнаты.

— Прими, всемогущій Будда, души погибшихъ! продолжалъ шептать Унό-Техе́.

Къ вечеру разбитая шхуна коснулась дна и остановилась въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ берега... Спустя три дня прохожіе принесли Унό-Техе́ флагъ, найденный ими на прибрежьи: флагъ былъ бѣлый съ синимъ Андреевскимъ крестомъ. Другіе прохожіе, пришедшіе съ сѣверной оконечности Матцмая, сообщили сторожу, что въ четырехъ миляхъ отъ Вакисякупаи лежитъ на берегу вельботъ съ проломленными бортами а еще далѣе — трупъ русскаго матроса... Такой же вельботъ былъ вскорѣ замѣченъ у маяка Сойя, на сѣверной оконечности Матцмая... И больше ничего!..

Описанная нами драма на морѣ закончилась лаконическимъ приказомъ по морскому вѣдомству: „Умершіе исключаются изъ списковъ. лейтенанты N N и мичманъ N..." Подобные же приказы были отданы въ тѣхъ командахъ, въ которыхъ числились погибшіе страдальцы изъ нижнихъ чиновъ...

Къ рисункамъ.

Тоня на озерѣ зимой въ Витебской губ.

(Рис. на стр. 73)

На озерахъ Витебской губерніи, особенно въ Люцинскомъ уѣздѣ, рыбная ловля производится не только лѣтомъ, но и зимою. Въ исходѣ февраля на заранѣе намѣченныя мѣста пріѣзжаютъ. рыбаки, торговцы рыбой и зачастую любители-помѣщики. Изъ сосѣднихъ деревень нанимаютъ 8—10 человѣкъ крестьянъ для каждаго невода и затѣмъ приступаютъ къ рубкѣ прорубей, въ которыя посредствомъ длинныхъ гнутыхъ шестовъ, называемыхъ „вилами", просовываютъ бичеву невода. Какъ только все намѣченное пространство охвачено, тотчасъ же начинается самый веселый моментъ лова—вытаскиваніе невода, причемъ, чтобы рыба не уходила, бьютъ по водѣ шестами съ прикрѣпленными къ концу ихъ дощечками. Шумъ заставляетъ рыбу бросаться въ неводъ. Рабочіе, вытаскивающіе неводъ, никакой денежной платы не получаютъ, но за то когда неводъ съ массой рыбы вытягивается на ледъ, каждый изъ нихъ зачерпываетъ рыбу корзинкой: сколько попалось — столько и заработалъ. Рыба разбирается покупщиками на мѣстѣ, а если уловъ значителенъ и она останется, тогда рыбаки наполняютъ ею свои воза и везутъ сами на продажу въ ближайшій городокъ.

„Разговоръ" везутъ (Рис. на стр. 76).

Давно уже, къ несчастію, не тайна, что никакія дѣла въ деревнѣ не дѣлаются безъ водки. Попробуйте собрать сходку хотя бы по самому полезному дѣлу—о немъ и разговаривать не станутъ въ сухомятку. Кулаки и міроѣды отлично это знаютъ, а потому, собираясь обланошить какое-нибудь „опчество" почтенныхъ мужичковъ, прежде всего запасаются „разговоромъ", т. е. развязывающимъ языки зеленымъ виномъ. Вотъ передъ нами одинъ изъ такихъ кулаковъ на двухъ подводахъ—на одной сидитъ самъ со своею дородною супружницей, а на другой везетъ цѣлую бочку разговора—толкъ значитъ будетъ непремѣнно.

Пятая чайная СПБ. Общества трезвости.

(Рис. на стр 77)

Извѣстно всѣмъ, какое пагубное вліяніе производитъ злоупотребленіе спиртными напитками среди населенія столичныхъ городовъ, особенно среди фабричнаго и рабочаго люда. Не мало преступленій совершается подъ пьяную руку, что доказываетъ статистика послѣдняго времени. Чтобы хотя нѣсколько ослабить это прогрессивно развивающееся зло, изъ нѣсколькихъ лицъ столичнаго населенія, нѣсколько времени тому назадъ. образовался кружокъ, а затѣмъ составилось и общество, наименовавшее себя „Петербургскимъ Обществомъ трезвости".

Главными иниціаторами основанія Общества были: А. С. Балицкая, сенаторъ Ф. Л. Барыковъ, М. О. Головинъ, Д. Н. Бородинъ, протоіерей В. Я. Михайловскій и др.

Почетнымъ же предсѣдателемъ Общества единогласно избранъ досточтимый кронштадтскій пастырь, протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.

Какъ одну изъ мѣръ для борьбы съ пьянствомъ Общество выработало проектъ устройства чайныхъ, цѣль которыхъ дать рабочему и фабричному люду хорошій, столь любимый русскимъ человѣкомъ, чаёкъ и здоровую питательную пищу за дешевую цѣну, а также дать возможность попользоваться и духовною пищею — почитать газеты и журналы, и этимъ, хотя въ нѣкоторой степени. отвлечь отъ пагубнаго порока—пьянства.

Проектъ Обществомъ былъ быстро приведенъ въ исполненіе. И въ настоящее время въ разныхъ концахъ столицы, преимущественно окраинахъ и мѣстахъ населенныхъ рабочимъ людомъ, открыто уже нѣсколько таковыхъ чайныхъ.

Здѣсь мы помѣщаемъ рисунокъ и описаніе одной изъ подобныхъ чайныхъ, по счету пятой, находящейся въ Гавани, по Малому проспекту, въ домѣ Кекина.

Нужно, между прочимъ, замѣтить то, что столичное населеніе отзывчиво относится къ благодѣтельнымъ начинаніямъ Общества. Такъ, напримѣръ, помѣщеніе описываемой нами чайной дается Обществу г. Кекинымъ безплатно.

Чайная эта освящена 6 октября прошлаго года при громадномъ стеченіи народа самимъ почетнымъ предсѣдателемъ Общества, отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ.

Чайная и столовая занимаютъ двѣ свѣтлыя и чистыя комнаты, каждая съ пятью окнами на улицу и тремя окнами, выходящими въ пролеты сосѣднихъ домовъ, отдѣленныя одна отъ другой коридоромъ. Каждая комната разсчитана на пятьдесятъ человѣкъ и имѣетъ длины 5 саженъ, ширины 3 саж. и высоты 3 саж. и 1 аршинъ.

Въ чайной на стѣнѣ помѣщенъ портретъ досточтимаго почетнаго предсѣдателя Общества, отца Іоанна Ильича Сергіева, такъ много помогающаго Обществу матеріальными средствами.

Самое помѣщеніе отличается замѣчательною чистотою. Чай и кушанье весьма дешевы и доброкачественны.

Въ воскресные и праздничные дни въ чайной членами Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви ведутся бесѣды, послѣ которыхъ раздаются посѣтителямъ безплатно брошюры религіознаго содержанія.

Чайная всегда переполнена бѣднымъ людомъ, что вполнѣ доказываетъ необходимость и пользу подобныхъ учрежденій въ отдаленныхъ и бѣдныхъ уголкахъ столицы.

А. Зыбинъ.

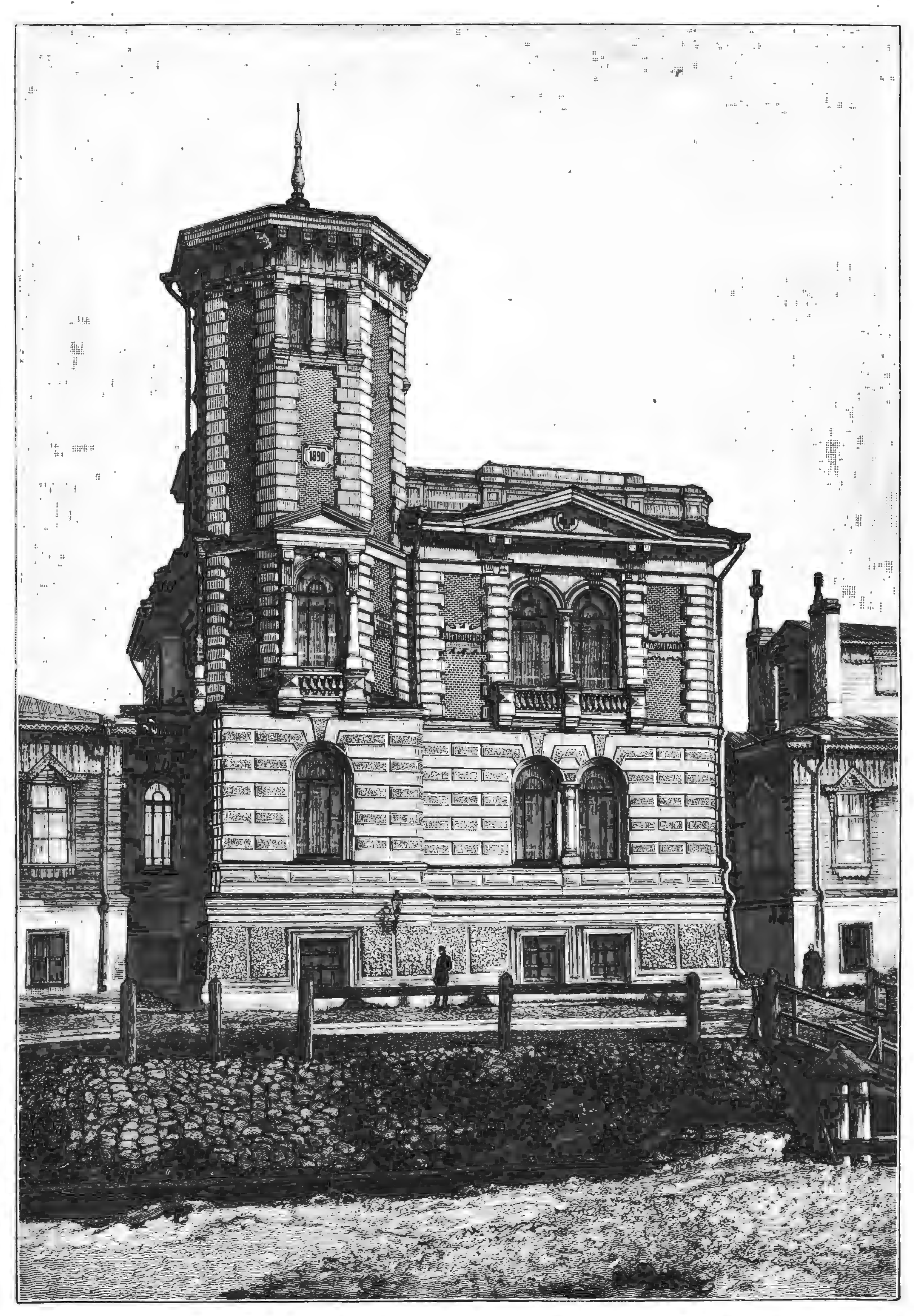
Въ городъ на работу. (Рис. на стр. 81).

Превосходно переданный эффектъ метели, захватившей двухъ спутницъ на дорогѣ въ городъ, куда онѣ пробирались на работу. Русскому человѣку снѣгъ не въ диковину, страшенъ онъ становится когда валитъ нѣсколько часовъ кряду на необозримомъ просторѣ нашихъ полей. Пока же сквозь кружевную фату метели просвѣчиваютъ то елочки, то крыши зданій, заблудиться трудно... А морозный воздухъ только подбадриваетъ и дастъ силу отломать такую путину, что лѣтомъ и подумать о ней страшно.

Долоресъ. (Рис. на стр 84 и 85).

Извѣстный жанровый живописецъ Конрадъ Кизель давно прославился какъ искусный изобразитель женской красоты. Уроженецъ Дюссельдорфа, Кизель вначалѣ посвятилъ себя архитектурѣ, затѣмъ занимался ваяніемъ, пока, послѣ путешествія въ Голландію, не занялся и живописью, сперва подъ руководствомъ Паульсена въ Берлинѣ, затѣмъ Вильгельма Зона въ Дюссельдорфѣ. Въ настоящее время имя Кизеля извѣстно не только въ Германіи, но и за предѣлами ея. Гравюры съ его картинъ, изображающихъ преимущественно красивыхъ и изящныхъ женщинъ, являются украшеніемъ иллюстрированныхъ журналовъ всѣхъ странъ.

Одною изъ самыхъ удачныхъ работъ Кизеля можно считать помѣщаемую на стр 84 и 85 „Долоресъ", красивую испанку съ чудесными очами.

Новое зданіе при Общинѣ Св. Георгія на Выборгской сторонѣ, для ознакомленія сестеръ милосердія съ новѣйшими медицинскими открытіями и изслѣдованіями, построенное по проекту гражданскаго инженера П. И. Балинскаго. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Новое зданіе при Общинѣ Св. Георгія на Выборгской Сторонѣ, въ СПБ. (Рис. на стр. 89).

Новое зданіе при Общинѣ Св. Георгія построено на средства пожертвованныя тайнымъ совѣтникомъ Владиміромъ Александровичемъ Ратьковымъ-Рожновымъ. Мысль построить новое зданіе для Общины Св. Георгія, въ которомъ сестры милосердія могли бы изучать на практикѣ гидротерапію, электротерапію, гимнастику, массажъ, бактеріологію, а также производить химическія изслѣдованія слюны, мокроты и т. п. у больныхъ, находящихся въ помянутой Общинѣ, и тѣмъ самымъ подготовляться къ войнѣ и къ поступленію въ больницы — родилась у покойнаго главнаго врача Общины Св. Георгія, Н. П. Боголѣпскаго. На эту мысль съ полнымъ сочувствіемъ откликнулся дѣйствительный членъ Общины Св. Георгія, тайный совѣтникъ В. А. Ратьковъ-Рожновъ, пожертвовавшій 150,000 руб. на постройку названнаго зданія и на окончательное его устройство и обзаведеніе всѣми новѣйшими медицинскими приборами и машинами.

Въ новомъ зданіи Общины Св. Георгія помѣщаются слѣдующіе отдѣлы: гидротерапевтическій, состоящій изъ душевой комнаты со всѣми необходимыми приборами, кабинета врача, завѣдывающаго душами, комнатъ для раздѣванія, отдѣльныхъ и общей, въ которыхъ температура можетъ быть доведена до 45° Цельсія; электротерапевтическій, состоящій изъ комнаты, съ устроенной въ ней электрической ванной, и комнаты, гдѣ помѣщается большая машина для лѣченія статическимъ электричествомъ; гимнастическо-массажный, состоящій изъ общей залы для гимнастики и отдѣльныхъ комнатъ для массажа, съ особо устроенными скамейками; бактеріологическій, микроскопическій и химическій, состоящій изъ 2-хъ кабинетовъ: для работы съ кислотами и для анализовъ и стерилизаціи. Затѣмъ библіотека, музей, комнаты для посуды и громадные подвалы. Зданіе Общины построено по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора П. И. Балинскаго.

Наслѣдный принцъ Шведскій Густавъ-Адольфъ.

(Портр. на стр. 92).

Во вторникъ, 14 января, прибылъ въ С.-Петербургъ наслѣдный принцъ Шведскій Густавъ-Адольфъ, герцогъ Вермландскій. Старшій сынъ Шведскаго короля Оскара II и супруги его принцессы Софіи Нассауской, высокій посѣтитель Россіи родился 25 мая 1858 г. Несмотря на свою молодость, принцъ уже десять лѣтъ состоитъ въ супружествѣ съ принцессой Викторіей Баденской. Старшему сыну его, принцу Фридриху, недавно минуло 9 лѣтъ.

Наслѣдный принцъ Шведскій является представителемъ царствующей въ Швеціи и Норвегіи династіи. Родоначальникомъ ея былъ славный маршалъ Наполеона I Бернадотъ, князь Понтекорво, которому наслѣдный принцъ приходится правнукомъ.

Для встрѣчи высокаго гостя за границу отправились назначенные состоять при немъ генералъ-адъютантъ Розенбахъ и полковникъ Пашковъ. Въ Петербургѣ наслѣдный принцъ былъ встрѣченъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великими Князьями Владиміромъ Александровичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ, Николаемъ Михаиловичемъ, Георгіемъ Михаиловичемъ, Сергіемъ Михаиловичемъ, княземъ Евгеніемъ Максиміліановичемъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ. Въ 2 часа 35 минутъ прибылъ въ Петербургъ поѣздъ Варшавской желѣзной дороги. Музыка заиграла шведскій гимнъ и назначенная въ почетный караулъ рота Его Величества отъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка со знаменемъ, взяла на караулъ. Наслѣдный принцъ вышелъ изъ вагона и былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ. Послѣ обмѣна привѣтствій съ Особами Императорской Фамиліи, принцъ пошелъ по фронту почетнаго караула. Принцъ былъ въ шведской формѣ и лентѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго. По обходѣ почетнаго караула, Августѣйшія Особы вошли въ Царскія комнаты. Послѣ встрѣчи, Государь Императоръ, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и наслѣднымъ принцемъ въ каретѣ поѣхалъ въ Зимній дворецъ, гдѣ Высокому Гостю въ 4-й запасной половинѣ отведены аппартаменты. Съ наслѣднымъ принцемъ прибыла свита — генералъ Брекеншильдъ, маіоръ фонъ-Земмерфельдтъ, капитанъ фонъ-Арбинъ и лейтенантъ, баронъ фонъ-Бликинъ-Финнке.

Артисты Императ. русской оперы въ СПБ.

(Портр. на стр. 93).

На Маріинской сценѣ не было поставлено ничего новаго, кромѣ „Эсклармонды“ Массенэ, о которой намъ уже пришлось говорить; много обстоятельствъ содѣйствовало такому положенію; во-первыхъ, болѣзнь главнаго капельмейстера г. Направника; замѣнявшимъ его лицамъ приходилось наспѣхъ выучивать цѣлыя партитуры текущаго репертуара; это, конечно, не могло благотворно вліять на теченіе дѣла. Во-вторыхъ, отсутствіе главнаго режиссера г. Кондратьева, уѣхавшаго за-границу; въ-третьихъ, господа гастролеры, для которыхъ приходится ставить заигранныя оперы, такъ какъ имъ необходимо спѣть извѣстное число разъ въ продолженіе сезона; наконецъ, въ-четвертыхъ, приглашеніе иностранныхъ „знаменитостей“, оказывающихся въ большинствѣ случаевъ, если не посредственностями, то во всякомъ случаѣ не такими величинами, ради которыхъ слѣдовало бы перевернуть вверхъ дномъ весь заведенный строй (г-жа Сандерсонъ).

Выбравъ темой бесѣды Маріинскій театръ, мы, за отсутствіемъ новыхъ произведеній, вынуждены обратиться къ исполнителямъ. Но такъ какъ о многихъ изъ нихъ уже говорилось въ *Нивѣ* (о г-жахъ Фигнеръ и Мравиной, г. Фигнерѣ и др.), то остановимся на тѣхъ, имена которыхъ рѣже попадаются на глаза, но которые тѣмъ не менѣе заслуживаютъ теплаго отзыва: помѣщаемъ портреты г-жъ Литвинъ и Славиной (сопрано и меццо-сопрано) и гг. Михайлова, Яковлева и Стравинскаго (теноръ, баритонъ и басъ), на этотъ разъ ограничиваясь квинтетомъ, составляющимъ главныя силы оперной труппы.

Г-жа **Литвинъ**, петербургская уроженка, еще молодая пѣвица, хотя она уже лѣтъ 8 или 10 на сценѣ. Пѣла много за границей на большихъ сценахъ съ большимъ успѣхомъ и въ большихъ отвѣтственныхъ партіяхъ [„Гугеноты“ (Валентина), „Робертъ“ (Алиса), „Африканка“ (Селика), „Жидовка“ (Рахиль), „Иродіада“, „Зигфридъ“ (Брунгильда), „Фаустъ“ (Маргарита) и др.]. Музыкальное образованіе получила она въ Парижѣ и оперы проходила съ извѣстными артистами (Морель, Решке и др.). Въ настоящее время г-жа Литвинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между драматическими сопрано въ Европѣ по своему богатому голосовому матеріалу и умѣнью имъ владѣть. Въ Россіи она поетъ теперь уже второй сезонъ и здѣсь впервые пѣла партіи Юдиѳи въ оперѣ Сѣрова того же названія и Наташи въ „Русалкѣ“.

Артистка сравнительно мало пѣла, быть можетъ вслѣдствіе причинъ выставленныхъ въ началѣ; хотя и она находится на условіяхъ гастролерши, но приглашена на пять мѣсяцевъ. Конечно съ такой пѣвицей можно было бы освѣжить репертуаръ, возобновить давно не шедшія большія оперы („Аида“, „Робертъ“, „Жидовка“ и др.) или поставить что-нибудь новое, но... не приходится говорить о томъ, что было бы, а о томъ, что есть. Выступала она только въ четырехъ операхъ: „Гугенотахъ“, „Юдиѳи“, „Джокондѣ“ и „Русалкѣ“. Голосъ ея прекрасный, обширный по діапазону, ровный во всѣхъ регистрахъ и на высокихъ нотахъ легко покрывающій нашъ многочисленный хоръ и оркестръ. Привыкнувъ къ репертуару напыщенныхъ героинь и будучи питомицей заграничной школы, она конечно не могла сразу перейти на реальную почву русской школы; вотъ почему Наташа ей почти не удалась; въ „Юдиѳи“ она гораздо лучше, хотя г-жа Литвинъ и здѣсь обнаруживаетъ недостатокъ темперамента; ея пѣніе красиво, изящно, но не тепло.

Г-жа **Славина** на сценѣ двѣнадцать лѣтъ, и публика ее знаетъ по такимъ большимъ и сильнымъ партіямъ, какъ Амнерисъ („Аида“), Ортруды („Лоэнгринъ“), Розины („Севильскій Цырюльникъ“), Рогнѣды, Карменъ, Фидесъ („Пророкъ“), Орлеанской дѣвы, Кончаковны („Князь Игорь“), Графини („Пиковая дама“), Ратмира („Русланъ“), Княгини („Русалка“), Груни („Вражья Сила“) и т. д. Прежде всего въ пользу г-жи Славиной говоритъ ея добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, тщательное изученіе поручаемыхъ ей ролей; мы охотно вѣримъ ея словамъ: „я твердо помню, что артистка до конца своей карьеры должна стремиться идти впередъ“; она это доказываетъ на дѣлѣ. Одного прилежанія однако недостаточно и г-жа Славина не занимала бы такого положенія въ труппѣ, если бы она не была одарена талантомъ, темпераментомъ, артистическою натурой. Голосовыя ея средства хороши, ея голосъ прекрасно обработанъ и ей доступны колоратурныя вещи. Г-жа Славина теперь въ самомъ расцвѣтѣ своихъ силъ.

Теноръ г. **Михайловъ** по богатству своего голосоваго матеріала занимаетъ по праву первое мѣсто не только на Маріинской сценѣ, но и вообще въ Россіи; лучшаго тенора у насъ нѣтъ. По тембру голосъ его подходитъ къ голосу Мазини; это настоящій, совершенно теноровый звукъ, идущій свободно до самыхъ высокихъ нотъ. Г. Михайловъ—воспитанникъ Московской консерваторіи. Гибкость и легкость его голоса даютъ ему возможность преодолѣвать всевозможныя колоратурныя трудности. Репертуаръ его обширный, заключающій въ себѣ свыше сорока оперъ самаго разнообразнаго характера. Къ сожалѣнію, этотъ превосходный вокалистъ долгое время видимо полагалъ, что пѣвцу не обязательно быть актеромъ и поэтому онъ равнодушно относился къ сценической игрѣ. Привычка сдѣлала свое. Хотя онъ теперь старается играть и даже дѣлаетъ успѣхи въ этомъ отношеніи („Гугеноты“), но все-таки творчества въ немъ мало; мимика и жестикуляція мало выработаны; походка и выговоръ также оставляютъ желать многаго. Но кто отъ пѣвца ждетъ голоса и пѣнія, тому г. Михайловъ доставитъ большое удовольствіе.

Съ баритонами происходитъ нѣчто загадочное: баритоновъ масса, а между тѣмъ рѣдкая сцена можетъ похвастать порядочнымъ баритономъ. Строго говоря, на нашей сценѣ одинъ только баритонъ и есть, г. **Яковлевъ**. Онъ еще сравнительно очень недавно на сценѣ, но уже успѣлъ завоевать симпатіи публики; однако это еще незаконченный артистъ; ему еще предстоитъ усовершенствовать свои дарованія. Но его блестящія музыкальныя способности, которыя онъ обнаруживаетъ съ каждою новою ролью, ручаются за достиженіе имъ одного изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ. Онъ теперь ежегодно ѣздитъ совершенствоваться за-границу и прекрасно дѣлаетъ. Началъ г. Яковлевъ свою артистическую карьеру въ Тифлисѣ и по предложенію П. И. Чайковскаго приглашенъ на Маріинскую сцену. Голосъ его изъ высокихъ (лирическій), очень пріятнаго тембра; прекрасная сценическая внѣшность, хорошія манеры, отличный выговоръ—все это конечно способствуетъ его успѣху. У него ужь большой репертуаръ, особенно расширившійся съ уходомъ г. Мельникова.

Въ заключеніе скажемъ о г. **Стравинскомъ**, самомъ старшемъ изъ представляемой группы артистовъ. Онъ на сценѣ съ 1876 года и публика давно уже имѣла возможность оцѣнить его выдающійся талантъ, охватывающій и комическій, и драматическій репертуары, по такимъ разнообразнымъ ролямъ, какъ англичанина въ „Фра-Дьяволо", Сенъ-Бри въ „Гугенотахъ", Еремки во „Вражьей Силѣ", Олоферна въ „Юдиѳи", Мамырова въ „Чародѣйкѣ", Югурты въ „Корделіи", Мефистофеля, Мисаила въ „Борисѣ Годуновѣ", Командора въ „Каменномъ Гостѣ", Фальстафа въ „Виндзорскихъ Кумушкахъ" и т. д. Нашъ списокъ вышелъ бы слишкомъ длиннымъ, если бы мы вздумали напомнить читателямъ всю разнообразную галлерею типовъ, которую развернулъ г. Стравинскій предъ публикой въ теченіе своей дѣятельности. Г. Стравинскій всегда подкупалъ и подкупаетъ своимъ отношеніемъ къ дѣлу. Онъ уже пѣлъ 55 партій въ 49 операхъ (въ нѣкоторыхъ по двѣ); съ дебюта въ Мефистофелѣ и Фарлафѣ („Русланъ") онъ сталъ любимцемъ посѣтителей Маріинскаго театра.

Въ заключеніе прибавимъ, что съ такими силами, при нашемъ хорѣ и оркестрѣ, можно было бы достичь болѣе блестящихъ художественныхъ результатовъ, а на нашей сценѣ ставятся много-много двѣ новыя оперы въ теченіе года, а то и одна, какъ напримѣръ въ нынѣшній сезонъ.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

Торговые договоры, долженствующіе послужить новымъ залогомъ мира, по мнѣнію западно-европейскихъ политиковъ, продолжаютъ быть злобою дня депутатской жизни. Въ Австріи палата господъ приняла единогласно всѣ договоры, а въ Германіи рейхстагъ принялъ послѣ другихъ договоровъ и договоръ со Швейцаріей.

Въ этой послѣдней странѣ недавно принятъ законъ, служащій къ обезпеченію и внутренняго мира государствъ: законъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, принятый національнымъ совѣтомъ, 9 января.

Въ палатѣ депутатовъ Прусскаго сейма обсуждается законопроектъ о народныхъ училищахъ. Министръ-президентъ заявилъ при этомъ, что предстоящими въ существующемъ законѣ измѣненіями имѣется въ виду удовлетворить по возможности и католическихъ согражданъ. Не нынѣшнее прусское правительство вело культурную борьбу. Прусскимъ восточнымъ провинціямъ должно внушить чувство самостоятельности, тогда „польскій призракъ" исчезнетъ самъ собою.

Французскую палату занимаетъ нынѣ напечатанное въ церковныхъ газетахъ заявленіе нѣсколькихъ архіепископовъ, которые разъясняютъ положеніе церкви во Франціи и намѣчаютъ обязанности французскихъ католиковъ, особенно рекомендуя имъ признавать существующія политическія учрежденія и поступать согласно долгу избирателей, чтобы обезпечить наилучшее народное представительство. Заявленіе это, какъ говорятъ, сдѣлано по волѣ папы Льва XIII.

Столкновеніе г. Констана съ Лоромъ считается оконченнымъ. Этотъ неугомонный и побитый буланжистъ всячески продолжаетъ обращать на себя вниманіе. Вначалѣ Лоръ рѣшилъ было послать своихъ секундантовъ г. Констану, но Констанъ объявилъ, что послѣ колебаній противника и оглашенія телеграммъ, коими обмѣнялись Лоръ и Рошфоръ, онъ, Констанъ, отказывается вступать въ переговоры съ представителями Лора. Одновременно съ посылкою секундантовъ къ г. Констану, Лоръ предупредилъ генеральнаго прокурора, что принесетъ на Констана жалобу, мотивированную тѣмъ, что министръ совершилъ преступленіе при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Но генеральный прокуроръ увѣдомилъ Лора, что по инциденту въ Бурбонскомъ дворцѣ онъ можетъ дать ходъ жалобѣ на г. Констана, если она послѣдуетъ со стороны президента палаты. Тогда Лоръ потребовалъ отъ Флокэ, чтобы тотъ возбудилъ дѣло предъ прокуратурою. Но письмо Лора оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ инцидентъ считается исчерпаннымъ.

Франко-болгарское столкновеніе повидимому улажено и французское посольство въ Константинополѣ увѣдомило Порту, что правительство республики принимаетъ проектъ болгарской ноты, вслѣдствіе чего инцидентъ съ Шадурномъ поконченъ. Въ нотѣ выражается сожалѣніе болгарскаго правительства по поводу того, что французскій консулъ не былъ предварительно извѣщенъ письменно о высылкѣ Шадурна, и обѣщано дѣлать отнынѣ письменныя сообщенія. Рядомъ съ тѣмъ, въ Софіи ходятъ въ обществѣ упорные слухи о внесеніи во французское консульство 50,000 фр. вознагражденія Шадурну за его изгнаніе изъ Болгаріи. Говорятъ, что эта часть французскихъ требованій была исполнена болгарскими управителями на условіи, чтобы уплата денегъ не значилась въ соглашеніи офиціально, дабы не породить волненій въ странѣ.

Вообще болгарскимъ главарямъ не счастливится. 12 января, какъ телеграфируютъ изъ Софіи черезъ Лондонъ, у Стамбулова, во время прогулки въ саняхъ, разрядился револьверъ. Стамбуловъ раненъ въ правое бедро. Пораненіе это вызвало въ Софіи большое возбужденіе. Въ первую минуту всѣ думали, что тутъ не несчастный случай, а покушеніе. Увѣряютъ, что когда раздался выстрѣлъ револьвера, Стамбуловъ выскочилъ изъ саней и закричалъ: „Держите убійцу!" Сопровождавшія его близкія лица едва могли успокоить его. Когда Стамбулова привезли въ Софію, докторъ осмотрѣлъ его и нашелъ, что рана неопасна. Пуля проникла въ верхнюю часть бедра, причемъ ни кость, ни артерія не повреждены.

Библіографія.

Альманахъ-путеводитель по С.-Петербургу. Съ 16-ю отдѣльными картинами и многими рисунками въ текстѣ. Составилъ **И. Зарубинъ**. СПБ. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Альманахъ-путеводитель г. Зарубина представляетъ красивую, довольно большую книгу съ многочисленными рисунками петербургскихъ улицъ, площадей и зданій (большинство ихъ заимствовано изъ *Нивы*). Текстъ знакомитъ читателя съ Петербургомъ вообще и съ его замѣчательностями въ частности. Книга отпечатана хорошо; недурно исполнено и большинство рисунковъ.

Откликъ. Въ пользу голодающихъ. Одесса. Тип. **„Одесскаго Листка"**. 1892. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Одесскій сборникъ въ пользу голодающихъ представляетъ уже тотъ интересъ, что въ немъ передъ нами преимущественно литературныя силы одной изъ провинцій. Добрая цѣль должна послужить къ его распространенію. Къ сборнику приложенъ большой листъ съ автографами многихъ русскихъ писателей.

Новый (пятый) альбомъ узоровъ для вышиванія по канвѣ. К. Далматова. СПБ. 1892. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Имя г. Далматова, пользующагося въ своей сферѣ составителя канвовыхъ узоровъ такою громкою извѣстностью, и четыре первыхъ его альбома, изъ которыхъ иные уже давно разошлись и не существуютъ въ продажѣ, конечно освобождаютъ насъ отъ рекомендаціи новаго, вышедшаго теперь, пятаго выпуска. Мы можемъ развѣ только сказать еще, что опытность автора, конечно, не могла послужить во вредъ его таланту, и большинство канвовыхъ рисунковъ пятаго выпуска превосходны.

В. Грачевъ. Иллюстрированный каталогъ сѣмянъ, растеній и т. п. на 1892 г. Ц. 75 к.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, В. Е. Грачевъ отпечаталъ на наступившій годъ иллюстрированный каталогъ растеній, сѣмена для которыхъ находятся въ его учрежденіи, пользующемся столь заслуженною извѣстностью. Каталогъ этотъ по роскоши исполненія, по многочисленнымъ прекраснымъ рисункамъ принадлежитъ къ самымъ выдающимся изданіямъ своего рода и даетъ читателю средства наглядно ознакомиться съ богатыми образцами растительнаго царства, которые онъ можетъ развести изъ сѣмянъ, продающихся у Грачева.

Волшебный камень (Vice versa). Разсказъ **F. Anstey**. Пер. съ англ. **Эльзе**. Съ 8-ю картинками. СПБ. 1891. Ц. 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.

Разсказъ Анстея, одного изъ лучшихъ дѣтскихъ писателей Англіи, заслужилъ самые лестные отзывы англійской и американской печати. Оригинальный замыселъ разсказа—превращеніе отца, почтеннаго коммерсанта Сити, и сына, 13-лѣтняго школьника, другъ въ друга, и происшедшія отъ того комическія положенія, а также добродушный и въ то же время глубокій юморъ, проникающій разсказъ, заслужили этой книжкѣ большой успѣхъ и распространеніе. Переводъ ея на русскій

языкъ сдѣланъ недурно, съ внѣшней стороны изданіе приличное, текстъ снабженъ восемью хромолитографированными картинками. Сравнительно съ обычными цѣнами нашихъ дѣтскихъ книжекъ—цѣна „Волшебнаго камня“ не высока.

Смѣсь.

Объявленіе о продажѣ билетовъ второй благотворительной лотереи послѣдовало въ субботу 18 января. 13-го января часть билетовъ разослана по губерніямъ.

Розыгрышъ первой лотереи состоится 1 февраля. (к.)

Стейницъ пишетъ въ сентябрьскомъ нумерѣ *International Chess Magazine* слѣдующее относительно своего матча съ Чигоринымъ: „Въ настоящее время рѣшается интересный вопросъ, кому изъ насъ принадлежитъ въ шахматной игрѣ пальма первенства, которая до сихъ поръ въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ безспорно принадлежала мнѣ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей при всякомъ выступленіи моемъ на шахматную арену слишкомъ горячо меня прославляли противъ моей воли. Теперь, выступая на состязаніе съ однимъ изъ сильнѣйшихъ игроковъ въ мірѣ, я долженъ признаться, что вовсе не увѣренъ въ безусловной побѣдѣ. Господинъ Чигоринъ моложе меня и полнъ честолюбія; я же достигъ того возраста, когда мозгъ тяготится сильною головной работой. Извѣстно, что почти никто изъ прежнихъ шахматистовъ не пользовался побѣдами на шахматномъ поприщѣ болѣе десяти лѣтъ подъ-рядъ, такъ какъ умственная дѣятельность ослабѣваетъ, когда человѣкъ подходитъ къ 50 годамъ. Недостатокъ времени для упражненія, благодаря моимъ литературнымъ занятіямъ, и надрывъ работою обыкновенно бываютъ причинами того, что въ началѣ состязаній я терплю и всегда терпѣлъ неудачи, вызывавшія неудовольствіе моихъ сторонниковъ. Тѣмъ не менѣе я никогда не терялъ надежды и побѣждалъ. Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, окружающія меня, я надѣюсь, что чувство патріота предъ отечествомъ, которому я обязанъ всѣмъ, придастъ мнѣ силы и вдохновенія для этой борьбы и поможетъ выйти изъ нея побѣдителемъ“. (к.)

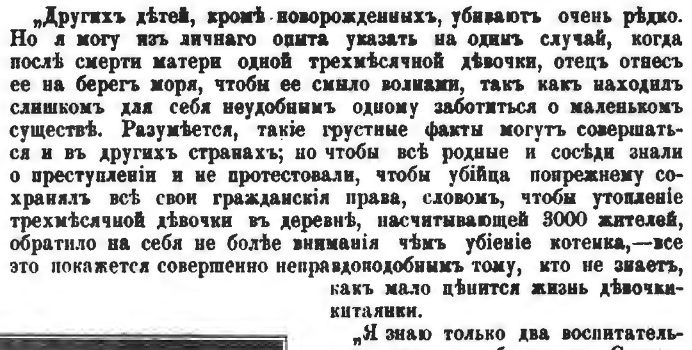

Наслѣдный принцъ Шведскій Густавъ-Адольфъ.

Легализированное убійство дѣвочекъ въ Китаѣ. Американка Адель Фильде, прожившая въ Китаѣ десять лѣтъ для миссіонерскихъ цѣлей, посвятила тамошней жизни, особенно описанію быта женщинъ, цѣлую книгу, которая недавно вышла уже шестымъ изданіемъ (Pagoda Shadows, studies from life in China. Boston. 1890). Мы извлекаемъ изъ этого сочиненія то, что относится къ умерщвленію дѣтей въ Китаѣ, умерщвленію, не караемому закономъ, такъ какъ жертвами бываютъ исключительно дѣти женскаго пола.

„Стараясь, для ихъ же блага, какъ можно короче познакомиться съ битомъ китаянокъ, я наткнулась на одинъ ужасающій фактъ. Безъ краски стыда на лицѣ, совершенно не сознавая своей виновности, язычницы разсказывали мнѣ объ убійствѣ собственныхъ дѣтей. Тѣ же изъ нихъ, которыя обратились въ христіанство, совѣсть которыхъ была пробуждена свѣтомъ истинной вѣры, приходили ко мнѣ и со слезами умоляли молиться, чтобы этотъ грѣхъ ихъ прежней жизни былъ сглаженъ изъ Книги Живота. Путешествуя по странѣ, я зачастую видѣла на дорогѣ трупы маленькихъ дѣтей, которыхъ родители, не желая воспитывать, живыми выбрасывали вонъ. Чтобы узнать, въ какой степени практикуются въ Китаѣ подобныя преступленія, я написала нѣсколькимъ дамамъ въ другихъ частяхъ страны, прося ихъ содѣйствія для установленія статистики дѣтоубійствъ.

„Въ Сватовѣ я лично выслушала по этому предмету показанія сорока женщинъ, изъ которыхъ каждой было не менѣе пятидесяти лѣтъ: въ общей сложности онѣ умертвили семьдесятъ восемь дѣвочекъ, своихъ дочерей. Дѣйствительно, китаянки-язычницы рѣдко оставляютъ въ живыхъ болѣе двухъ дочерей. Передъ рожденіемъ каждаго ребенка происходитъ семейное совѣщаніе объ его участи, на тотъ случай, если это будетъ дѣвочка; когда же она дѣйствительно является на свѣтъ, а рѣшеніе семейнаго совѣта для нея неблагопріятно, то родители или бабка тотчасъ же безъ дальнихъ околичностей ее душатъ. Сосѣдка одной изъ моихъ толковницъ Библіи имѣла шесть дочерей, изъ которыхъ пять задушила. Когда родилась шестая, мать стала говорить, что это возвращается все одна и та же, а она во что бы то ни стало желаетъ имѣть мальчика. Поэтому, думая помѣшать дѣвочкѣ родиться еще разъ, она ее разрѣзала на множество частицъ и разбросала по полямъ риса.

„Другихъ дѣтей, кромѣ новорожденныхъ, убиваютъ очень рѣдко. Но я могу изъ личнаго опыта указать на одинъ случай, когда послѣ смерти матери одной трехмѣсячной дѣвочки, отецъ отнесъ ее на берегъ моря, чтобы ее смыло волнами, такъ какъ находилъ слишкомъ для себя неудобнымъ одному заботиться о маленькомъ существѣ. Разумѣется, такіе грустные факты могутъ совершаться и въ другихъ странахъ; но чтобы всѣ родные и сосѣди знали о преступленіи и не протестовали, чтобы убійца попрежнему сохранялъ всѣ свои гражданскія права, словомъ, чтобы утопленіе трехмѣсячной дѣвочки въ деревнѣ, насчитывающей 3000 жителей, обратило на себя не болѣе вниманія чѣмъ убіеніе котенка,—все это покажется совершенно неправдоподобнымъ тому, кто не знаетъ, какъ мало цѣнится жизнь дѣвочки-китаянки.

„Я знаю только два воспитательныхъ дома въ обширномъ Сватовскомъ округѣ, хотя ихъ можетъ быть и больше. Одинъ изъ нихъ ежегодно принимаетъ отъ 100 до 200 новорожденныхъ дѣвочекъ, которыхъ однако тотчасъ же раздаютъ на воспитаніе, уплачивая за каждаго ребенка по 4 цента въ день. Какъ только эти подкидыши достигаютъ двухнедѣльнаго возраста, тѣхъ изъ нихъ, которые на видъ покрѣпче, укладываютъ въ корзины и поденщикъ, за двадцать центовъ въ день, разноситъ этотъ живой товаръ по деревнямъ. Женщины, желающія вступить съ нимъ въ сдѣлку, разсматриваютъ содержимое корзинъ и выбираютъ себѣ будущихъ невѣстокъ. Послѣ этого, благотворительное учрежденіе уже избавлено отъ дальнѣйшихъ заботъ о дѣтяхъ.

„Прогуливаясь однажды вечеромъ въ окрестностяхъ Го-Кана, я встрѣтила человѣка, несшаго на плечѣ, на обоихъ концахъ бамбуковаго шеста, двѣ большія закрытыя корзины, изъ которыхъ слышался жалобный пискъ. Я просила показать мнѣ, что въ корзинахъ, и когда торговецъ ихъ открылъ, увидѣла, что его товаръ состоялъ изъ трехъ маленькихъ дѣтей, которыя лежали на спинѣ полузамерзшія и голодныя. Этотъ разносчикъ дѣтей вышелъ утромъ съ шестью маленькими дѣвочками, но продалъ только половину, и теперь съ другою половиной долженъ былъ возвращаться домой. Онъ жаловался на усталость и на предстоящій ему длинный путь и предлагалъ „весь оставшійся товаръ“ уступить мнѣ за одинъ долларъ.

„Отъ вышеупомянутыхъ сорока женщинъ я узнала, что онѣ въ общей сложности произвели на свѣтъ 183 сына и 175 дочерей. Изъ сыновей достигло десятилѣтняго возраста 126, изъ дочерей только 53. Соединяя статистическія цифры, собранныя дамами-миссіонерками въ другихъ частяхъ страны, съ тѣми, которыя установлены лично мною, я нахожу, что отъ 160 китаянокъ—всѣ старше пятидесяти лѣтъ,—родился 631 ребенокъ мужескаго пола и 538—женскаго. Изъ мальчиковъ за десятилѣтній возрастъ перешло 366, стало быть почти 60%, между тѣмъ какъ изъ дѣвочекъ только 205, то есть 38%, достигло этого возраста. Эти 160 женщинъ, по собственному ихъ признанію, умертвили въ общей сложности 158 дочерей, но ни одного сына.

„Такъ какъ только четыре изъ этихъ женщинъ оставили въ живыхъ и воспитали каждая болѣе трехъ дочерей, то очень вѣроятно, что настоящая цифра дѣтоубійствъ гораздо выше той, въ которой женщины сознались. Одна китаянка какъ-то между прочимъ разсказала мнѣ, что даже хорошенько не помнитъ, сколькихъ дѣвочекъ спровадила на тотъ свѣтъ. Максимумъ дѣтоубійствъ, въ которыхъ призналась одна женщина, равнялся одиннадцати.

„Причины преступленій—бѣдность и суевѣріе. Съ обращеніемъ въ христіанство—это послѣднее исчезаетъ, такъ какъ родители начинаютъ надѣяться на будущую жизнь въ Богѣ, а не на своихъ мужскихъ потомковъ. Принятіе христіанства, конечно, не уменьшитъ бѣдности, за то самую жизнь представитъ въ новомъ свѣтѣ, какъ путь къ высшему совершенству, — цѣль, для достиженія которой самая печальная жизнь часто представляетъ самыя лучшія средства“. (в.)

Индійскіе фокусники. Одинъ европеецъ, жившій долгое время

Г-жа Ф. Литвинъ.

Г. Яковлевъ.

въ Индіи, разсказываетъ удивительныя вещи о туземныхъ фокусникахъ. При немъ и трехъ другихъ европейцахъ, скептически относившихся ко всевозможнымъ фокусамъ и притомъ отличавшихся хорошимъ зрѣніемъ, былъ произведенъ извѣстный фокусъ съ манговымъ деревомъ. Большой цвѣточный горшокъ былъ наполненъ землею, только что взятой изъ сада на глазахъ у зрителей. Фокусникъ помѣшалъ землю и вложилъ въ нее сухое зерно манго, затѣмъ полилъ землю и покрылъ горшокъ льнянымъ платкомъ. Пока онъ и его помощникъ для развлеченія зрителей продѣлывали рядъ поразительныхъ фокусовъ, европейцы сосредоточили все свое вниманіе на манго, рѣшившись не дать себя въ обманъ. Платокъ между тѣмъ сталъ подниматься посрединѣ. Тогда фокусникъ подошелъ къ горшку, осторожно приподнялъ платокъ, не касаясь горшка, и всѣ увидѣли молодой стебель манго съ четырьмя свѣжими листочками, возрастомъ въ недѣлю. Фокусникъ закрылъ горшокъ платкомъ и вернулся къ своимъ фокусамъ. Когда во второй разъ сняли платокъ, манго превратился уже въ деревцо, возрастомъ въ два года. Въ 3-й разъ, манго уже достигло ½ метра высоты и на немъ находилось два зеленыхъ плода, которые вполнѣ дозрѣли при четвертомъ поднятіи платка. Фокусникъ предложилъ ихъ европейцамъ, которые, попробовавъ, нашли ихъ превосходными. Затѣмъ они подробно осмотрѣли деревцо, которое было низкоросло, но чрезвычайно красиво, и не нашли ничего подозрительнаго. Такимъ образомъ остается только удивляться необычайному искусству индійскихъ фокусниковъ. (к.)

М. А. Славина.

Одною изъ главныхъ причинъ Мёнхенштейнской и Эггольсгеймской катастрофъ было то, что въ обоихъ случаяхъ поѣзда везлись двумя локомотивами. Когда первый локомотивъ останавливается при помощи тормаза, не давъ предупредительнаго сигнала второму, то послѣдній при всякомъ закривленіи пути долженъ неизбѣжно соскочить съ рельсъ, что и произошло въ обоихъ случаяхъ. И если внимательно прослѣдить статистику несчастныхъ случаевъ съ поѣздами, то окажется, что крушенія по большей части происходили въ тѣхъ случаяхъ, когда у поѣздовъ было по два локомотива.

Месть художника. Микель-Анджело всегда раздражался слушая критиковъ, расточавшихъ похвалы античной скульптурѣ и ни во что не цѣнившихъ современную. Ему страстно хотѣлось уличить въ невѣжествѣ этихъ ложныхъ знатоковъ искусства. Скоро ему представился удобный случай. Нѣкто купилъ землю по близости отъ его дома, на которой хотѣлъ построить новое зданіе. Микель-Анджело наскоро но со всегда присущимъ ему мастерствомъ изваялъ статую. У этой статуи онъ отбилъ руку и всячески старался придать ей видъ антика, послѣ чего закопалъ ее, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ строиться домъ. Разумѣется, при закладкѣ фундамента, рабочіе нашли эту статую. Извѣстіе объ этомъ конечно тотчасъ же облетѣло весь городъ. Множество критиковъ собралось посмотрѣть на вновь найденный quasi-антикъ; всѣ единогласно отнесли его къ глубокой древности и восхищались имъ, не преминувъ наговорить язвительныхъ колкостей по адресу находившагося здѣсь же Микель-Анджело. Давъ высказаться болтунамъ, великій художникъ въ свою очередь разсказалъ исторію найденной статуи и въ до-

Ѳ. И. Стравинскій.

М. И. Михайловъ.

Артисты Импер. русской оперы въ СПБ. Автотипія Демчинскаго.

казательство своихъ словъ представилъ отбитую имъ руку, которую сохранилъ у себя.. Теперь настала очередь смѣяться ему надъ смущенными критиками. (к.)

Герой. Во время египетскаго похода Наполеона въ 1798 году, въ Каирѣ былъ схваченъ молодой фанатикъ, пытавшійся проникнуть къ Наполеону, со скрытымъ подъ одеждою кинжаломъ. На военномъ судѣ онъ назвался Сулейманомъ-эль-Халеби, 24-хъ лѣтъ, родомъ изъ Сиріи; онъ былъ подосланъ въ Каиръ алепскимъ агою янычаръ, для того, чтобы убить главнокомандующаго. Судъ приговорилъ посадить его на колъ, съ предварительнымъ сожженіемъ правой руки, а тѣло отдать на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Приговоръ былъ исполненъ предъ лицомъ французскаго войска, и предъ толпою мѣстныхъ жителей. Сулейманъ велъ себя настоящимъ мусульманиномъ и безъ страха шелъ на смерть. Его связали и положили на огонь локоть правой руки. Въ теченіе пяти минутъ онъ выдерживалъ эту ужасную муку, не испуская ни одного крика. Но когда ему положили на руку раскаленные уголья, онъ отдернулъ руку и потребовалъ, чтобы угли сняли. Когда палачъ удивился, что такой мужественный человѣкъ, вынесшій ужасную пытку, не можетъ перевести сравнительно меньшей боли, Сулейманъ отвѣчалъ: „боли я не боюсь, но я настаиваю на своемъ правѣ: объ угляхъ въ приговорѣ не упомянуто!“ Послѣ этого Сулейманъ былъ отведенъ къ ближайшей мечети и посаженъ на шпицъ ея минарета Въ такомъ положеніи онъ въ теченіе четырехъ съ половиною часовъ до самой смерти произносилъ нараспѣвъ стихи изъ Корана. Тѣло его оставалось на шпицѣ четыре недѣли до тѣхъ поръ пока птицы окончательно не исполнили ужасный приговоръ людей. (к.)

Быстрая находчивость. Однажды въ Théâtre français, на представленіи одной изъ трагедій Сулье, Дюма, сидя рядомъ съ авторомъ въ партерѣ, замѣтилъ заснувшаго зрителя.

— Посмотри, сказалъ онъ Сулье, — какое дѣйствіе производятъ на публику твои трагедіи.

На слѣдующій вечеръ давалась комедія Дюма. Оба драматурга были въ театрѣ. На этотъ разъ Сулье замѣтилъ заснувшаго зрителя и, толкнувъ Дюма, сказалъ:

— Видишь, другъ мой, твои комедіи дѣйствуютъ не лучше моихъ трагедій...

— Но вѣдь это тотъ самый что заснулъ вчера — онъ кажется и до сихъ поръ не выспался, находчиво отвѣтилъ Дюма. (к.)

Звѣринцы въ древности. Во всѣхъ большихъ городахъ Европы существуютъ въ настоящее время зоологическіе сады, гдѣ показываютъ разнообразныхъ животныхъ. Нѣчто подобное было и въ древности. Существовали кромѣ того цѣлые парки, гдѣ содержались разныя животныя, предназначенныя для охоты или для стола знатныхъ людей. Китайскія лѣтописи упоминаютъ о такихъ звѣринцахъ, существовавшихъ даже за 3000 лѣтъ до нашего времени. Въ періодъ процвѣтанія Рима дикія животныя Африки и Азіи тысячами привозились въ Вѣчный Городъ, торговля ими была крайне прибыльна. Здѣсь они предназначались для цирка, для увеселенія римской черни. Въ 252 году Метеллъ послѣ побѣды надъ карѳагенянами послалъ въ Римъ 142 слона. Императоръ Пробъ держалъ для цирка: 1000 страусовъ, оленей и кабановъ, 200 львовъ, 200 пантеръ и 300 медвѣдей. Въ 1520 году даже въ далекомъ Мексико Фердинандъ Кортецъ нашелъ подобіе звѣринца, въ которомъ кромѣ звѣрей были рыбы и птицы. (к.)

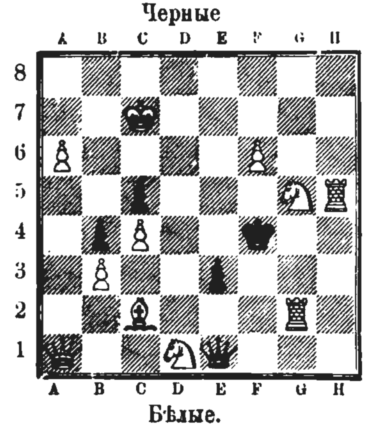
Способъ узнать поддѣльное вино. Въ небольшой стаканъ съ водою влить 6—10 капель вина и поставить его на ночь не закрывая Утромъ попробовать воду. Если влитыя капли сообщили ей характерный вкусъ вина, то значитъ вино настоящее. Поддѣльное вино не придаетъ водѣ этого вкуса. (к.)

ШАХМАТЫ,

подъ редакціей А. П Шишкина *)

Задача № 4.
W. Miejes
(Изъ сборника задачъ Дюфреня).

Черные

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 5.
L. Cimburek.
1-й призъ на конкурсѣ 3-го съѣзда шахматистовъ въ Прагѣ.

Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 4 хода.

ПАРТІЯ № 1.

Играна по консультація въ Прагѣ 3-го (15-го) августа 1891 г., на 3-мъ съѣздѣ чешскихъ шахматистовъ.

Испанская партія

Бѣлые I. Kotrc, I. Pacit, I. Pospisil, Черные I. Dobrusky, I. Kvicala, P. Traxler.

Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2—e4	e7—e5	7. 0—0	f5 : e4	13 Л. a1—e1	С. c8—g4
2. К g1—f3	К. b8—c6	8. d2—d4	e4 : d3	14. С. g5—e3 4)	С. c5—d6
3. С. f1—b5	С. f8—c5 1)	9. Ф. d1 : d3 2)	К g8—e7	15. К. d2—c4 5)	
4. c2—c3	f7—f5	10. К. e5—f3	Ф. h4—h5		
5. С. b5 : c6	d7 : c6	11. С. c1—g5	0—0!	Бѣлые сдались	
6. К. f3 e5	Ф. d8—h4	12. К. b1—d2 3)	К. e7—d5		

Примѣчанія къ партіи

1) Этотъ ходъ считается слабымъ въ испанской партіи По мнѣнію М. И. Чигорина—лучше уже дѣлать его послѣ 3. a7—a6 или 3. f7—f5.

2) Въ этомъ ходѣ заключается, повидимому, та ошибка, вслѣдствіе которой бѣлымъ не удалось вполнѣ воспользоваться преждевременнымъ и, вообще, слабымъ выходомъ чернаго слона на c5. Продолжая—9. Ф. d1—b3, Ф. h4—f6 (или Ф. h4—e7); 10. К. e5 : d3, С. c5—b6; 11. К. b1—d2 и т. д.— бѣлые быстро развили бы свою игру и имѣли бы передъ черными значительное преимущество въ положеніи.

3) Лучше было бы помѣняться слономъ на коня, чтобы, во-первыхъ, уменьшить у черныхъ число атакующихъ фигуръ, а во-вторыхъ потому, что положеніе этого слона на g5—очень не выгодно для бѣлыхъ; впослѣдствіи, какъ это и видно будетъ изъ партіи, черные постоянно угрожали выиграть его, и бѣлымъ пришлось, въ концѣ концовъ, отступивъ имъ на e3, потерять очень важный въ ихъ трудномъ положеніи темпъ. Если 12. Ф. d3—c4+, К. e7—d5; 13. Ф. c4 : c5, то 13. . . . Л. f8 : f3 и если 14. g2 : f3, то 14. . . . . С. c8—h3 и бѣлые должны жертвовать ферзя, чтобы спастись отъ мата, если же, напр., 14. К. b1—d2, то 14. . . . . . Л. f3—f5; 15. С. g5—e3, К. d5—f4; 16. Ф. c5—c4+, С. c8—e6; 17. Ф. ∾, К. f4—e2+, 18. Кр. g1—h1, Ф. h5 : h2+ и 19. Л. f5—h5 ‡.

4) Черные угрожали: 14. . . . . С. g4 : f3; 15. К. d2 : f3, Л. f8 : f3 и 16. . . . . . Ф. h5 : g5.

5) Черные угрожали: 15. . . . . С. g4 : f3; 16. К. d2 : f3, Л. f8 : f3 и 17. . . . . Ф. h5 : h2. Если 15. h2—h3, то 15. . . . . С. g4 : f3; 16. К. d2 : f3, Л. f8 : f3; 17. g2 : f3, Ф. h5 : h3; 18. f3—f4, С. d6 : f4 и бѣлые должны отдать ферзя, чтобы спастись отъ мата.

*) Принявшаго на себя завѣдываніе шахм. отдѣломъ по случаю болѣзни Э. С. Шифферса.

10-ю партію и 12-ю своего матча съ В. Стейницемъ выигралъ М. Чигоринъ; 11-ю же—В. Стейницъ.

Задача слоговъ (ходъ коня) № 6.

	на	дѣ					руг	сго	
ло	спо	ужъ	ужъ			такъ	бить	раз	коль
рать	за	коль	рить	ну	зить	безъ	ря	нуть	лю
	такъ	такъ	гро	не	ку	шут	спле	такъ	
	пиръ	ко	суд	коль	коль	такъ	ча	про	
ко	такъ	такъ	го	коль	на	коль	ча	руб	ло
такъ	рой	ли	ду			ужъ	стать	ли	сиѣ
	шой	пиръ					нуть	всей	

Данную фигуру раздѣлить на пять равныхъ частей; полученныя части вновь сложить, но такъ, чтобы можно было посредствомъ хода коня прочесть извѣстное стихотвореніе.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 года.

(Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ).

Подписчики „НИВЫ“ на **1892** г. получатъ, кромѣ **52** нумеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „НИВА“ и кромѣ 12 нумеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 нумеровъ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12 КНИГЪ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будутъ заключаться:

за Іюль сочиненія ГРИБОѢДОВА
за Августъ „ ПОЛЕЖАЕВА
за Сентябрь „ КОЗЛОВА

Для несостоящихъ подписчиками „Нивы“ цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ **1 рубль.**

Каждый изъ этихъ поэтовъ будетъ изданъ подъ редакціей **А. И. Введенскаго** и составитъ отдѣльный томъ, съ гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретомъ.

Кромѣ того подписчики „НИВЫ“ на 1892 годъ получатъ какъ главную художественную премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile въ краскахъ по картинамъ: **Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковскаго** и **Навозова**, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошной акварелью **Александровскаго.**

Разсрочка подписной платы на 1892 годъ

допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) **ВЪ ДВА СРОКА:** При подпискѣ вносится **4** р. и къ 1-му іюня 1892 г. **8** р.

2) **ВЪ ТРИ СРОКА:** При подпискѣ вносится **8** р., къ 1-му мая 1892 г. **2** р. и къ 1-му августа 1892 г. **2** р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

Въ контору журнала „Нива“ поступило въ пользу голодающихъ: отъ В. Критской, Тифлисъ—10 руб., отъ Э. Коганъ, Килія—1 р., отъ Е. Д. Кисловской, ст. Кораблино—1 р., отъ подписчицы „Нивы“, изъ г. Аккермана—5 руб., и отъ В. И. Калугина, Самаркандъ—9 р., а всего 26 руб., которая сумма отправлена почтою, по назначенію жертвователей, въ Шадринскій временной благотворительный комитетъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Служитель Бога.** Историческій романъ въ двухъ частяхъ графа **Е. А. Саліаса.** Ч. I. (Продолженіе). **Тюленій островъ.** (Драма на морѣ). **А. Я. Максимова.** (Окончаніе).—Къ рисункамъ: **Тоня на озерѣ зимой въ Витебской губ.** (съ рис.).—**„Разговоръ“ везутъ** (съ рис.).—**Пятая чайная СПБ. Общества трезвости** (съ рис.).—**Въ городъ на работу** (съ рис.).—**Долоресъ** (съ рис.).—**Новое зданіе при общинѣ Св. Георгія на Выборгской сторонѣ, въ СПБ.** (съ рис.).—**Наслѣдный принцъ Шведскій Густавъ-Адольфъ** (съ портр.).—**Артисты Импер. русской оперы въ СПБ.** (съ 5 портретами). — Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Смѣсь. — Шахматы. — Задача. — Отъ конторы Редакціи „Нивы“. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. цензур., СПБ., 22 января 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

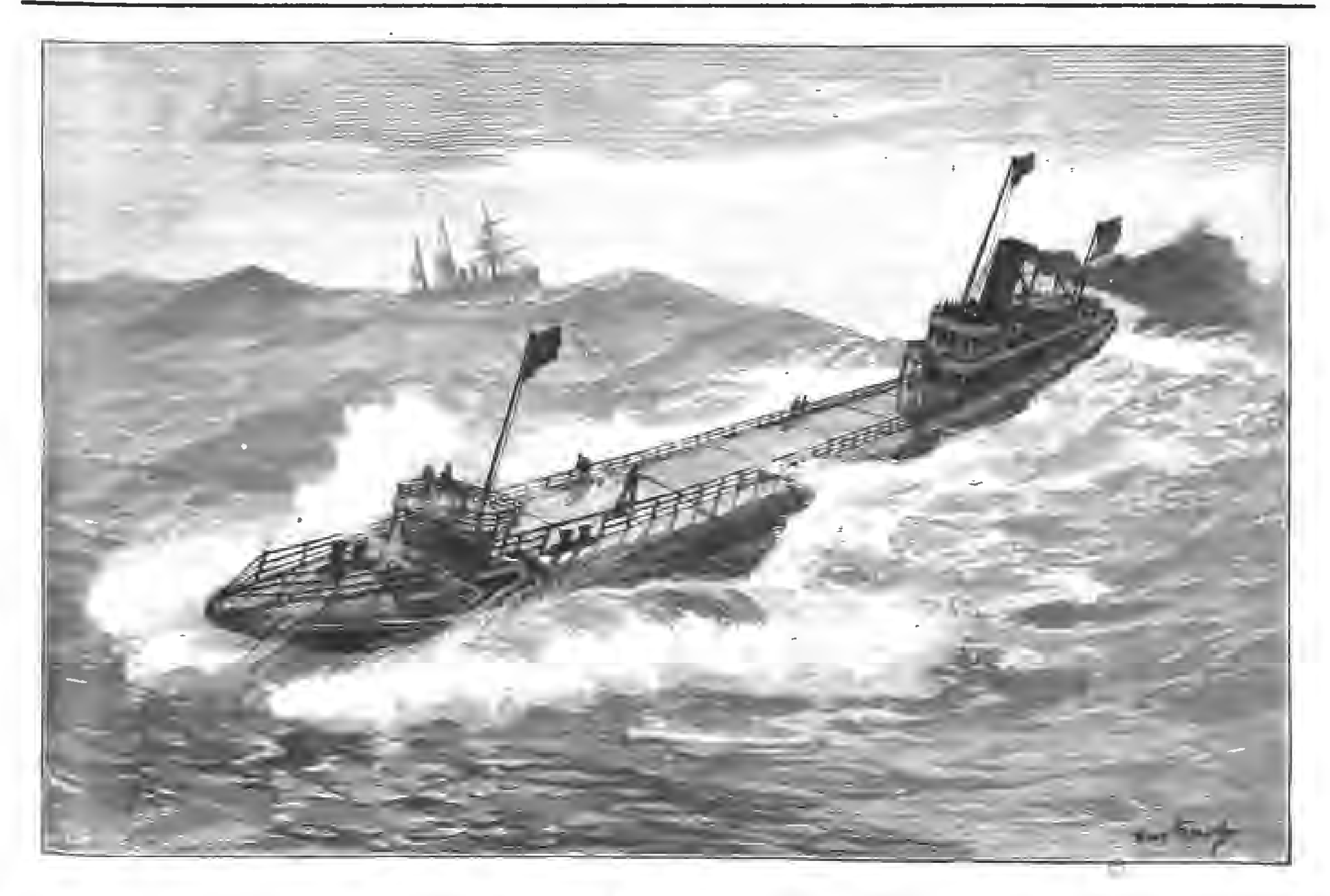

ЛИТЕРАТУРЫ

XXIII г. № 5 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXIII 1892

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ.
Выданъ 1 февраля 1892 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 80 к.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ФЕВРАЛЬ**, 2) „ПАРИЖСКIЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1892 г. съ 30 рис. и отд. лист. съ 28 черт. выкр. въ натур. велич. и 23 рис. выпильныхъ работъ.

Новое американское перевозочное судно для хлѣба.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

IX.

На Невскомъ проспектѣ, между Екатерининскимъ каналомъ и Михайловской улицей, стоялъ большой и красивый домъ. Домъ этотъ, имущество католической церкви Св. Екатерины, перешелъ недавно во владѣніе особаго общества, которое было новою народившеюся въ Россіи гидрой.

Это былъ тотъ союзъ людей, который лѣтъ двѣсти имѣлъ всесвѣтное значеніе и безграничное вліяніе на общества и правительства почти всей Европы. Роль этого союза была уже сыграна въ Европѣ, и теперь живы еще были послѣдствія этой роли: всеобщая ненависть и презрѣніе во всѣхъ людяхъ къ представителямъ этого союза. Союзъ этотъ именовался обществомъ или орденомъ Іисуса, а въ просторѣчіи — іезуитами.

Іезуитизмъ былъ гидрой, злобною и ядовитою, въ жизни возрождающейся и обновляющейся Европы. Въ самые дни торжества Лютера и его ученія, которое нанесло ударъ вѣковаго значенія римскому католицизму и въ особенности папизму, у римскаго престола явился защитникъ и слуга-рабъ въ лицѣ монаха на новый, особый покрой. Не монахъ поглощенный моленіемъ Богу въ своей кельѣ, а монахъ милитантъ—воинъ: нападающій на врага якобы Христова изъ-за угла, сзади и якобы во славу Божію.

Въ тѣ дни, когда лютеранство узаконило себя, успѣшно боролось съ папскимъ престоломъ и въ нѣсколько лѣтъ изъ подозрительнаго сектантства стало государственною религіей милліоновъ людей,—въ эти же дни римскіе первосвященники узаконили существованіе новаго общества вѣрныхъ слугъ папизма.

За шесть лѣтъ до смерти Лютера, папа формально призналъ буллой и принялъ подъ свое покровительство новое общество монаховъ.

Спустя лѣтъ восемь послѣ рожденія на свѣтъ Мартина Лютера, врага преемниковъ Святаго Петра, родился на свѣтъ защитникъ и рабъ папскаго престола—Игнатій Лойола и, избравъ задачей жизни цѣль совершенно противоположную Лютеру, пережилъ его на десять лѣтъ.

Лойола, родомъ испанецъ, былъ въ молодости воиномъ, былъ въ свитѣ Кастильскаго короля Фердинанда Католическаго и до тридцати лѣтъ пользовался всякими благами мірской жизни.

Опасно, почти смертельно раненый въ одномъ изъ сраженій, Игнатій Лойола въ борьбѣ между жизнью и смертью какъ бы переродился. Избѣгнувъ смерти, онъ принялся за чтеніе священныхъ книгъ и собрался поступить въ монахи.

Замѣчательно совпаденіе, что почти въ тѣ же дни молодой германецъ, сынъ рудокопа, Мартинъ Лютеръ, убоясь гнѣва Божія, взялся за Священное Писаніе и поступилъ въ монахи, чтобы сдѣлаться основателемъ протестантизма.

Лойола послѣ долгаго изученія священныхъ книгъ отправился ко Святымъ Мѣстамъ, вернулся на родину и пожелалъ быть проповѣдникомъ. Но инквизиція была равно строга и подозрительна какъ ко врагамъ Церкви, такъ и относительно черезчуръ ярыхъ служителей ея.

Лойола, преслѣдуемый инквизиціей, безъ всякаго повода, попалъ въ заточеніе и затѣмъ долженъ былъ бѣжать съ родины во Францію. И здѣсь, спустя нѣсколько времени, сойдясь съ горстью такихъ же фанатиковъ въ дѣлѣ вѣры какъ и онъ самъ, Игнатій рѣшился основать новый монашескій орденъ, цѣль котораго была бы посвятить жизнь свою Богу, проповѣдовать Евангеліе невѣрнымъ, обучать юношество и бороться со всякой ересью.

Горсть фанатиковъ, преслѣдуемая французскимъ правительствомъ, должна была разсѣяться. Но четыре года спустя Игнатій Лойола, бѣжавшій въ Римъ, уже былъ главнымъ начальникомъ или „генераломъ“ ордена Іисуса, офиціально признаннаго папою Павломъ III.

Цѣль новаго ордена была—спасеніе душъ человѣческихъ во всемъ мірѣ, укрѣпленіе и торжество католической Церкви, всесвѣтное распространеніе духовной власти римскаго первосвященника. Вся жизнь, всякое дѣяніе и всякія малѣйшія дѣйствія, по возможности, всякое слово новаго монаха, іезуита, должны были служить для наивящей славы Божьей, „ad majorem Dei gloriam“.

Это изреченіе стало девизомъ новаго ордена, но затѣмъ въ его стремленіи къ этой наибольшей славѣ Божіей создалось другое изреченіе, ставшее іезуитскою аксіомой: „цѣль оправдываетъ средства“. Изъ этого слѣдовало, что человѣку въ его служеніи во славу Божію все возможно, все законно. „Не убій“, говоритъ заповѣдь.—„Но если это во славу Божію“, прибавляетъ іезуитъ,—„то забудь о ней“.

Будто противодѣйствующимъ отголоскомъ лютеранства и его торжества, іезуитизмъ сразу окрѣпъ, нашелъ подъ собой твердую почву и сталъ процвѣтать.

Черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ всенароднаго признанія ордена римскимъ престоломъ, Игнатій Лойола, умирая, уже видѣлъ торжество своего дѣла. У ордена было уже двѣнадцать многочисленныхъ управленій, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ Европы, и были миссіи при богатыхъ владѣніяхъ въ Африкѣ, въ Америкѣ и въ Индіяхъ. Орденъ въ своемъ устройствѣ не походилъ на другіе монашескіе ордена. У него былъ свой особенный регламентъ и своя іерархія.

Главнымъ начальникомъ всего ордена былъ выборный генералъ. При немъ состоялъ совѣтъ изъ ассистентовъ, избранныхъ изъ всѣхъ націй. Каждымъ управленіемъ въ какой бы то ни было странѣ завѣдывалъ особый „провинціалъ“ или начальникъ, по назначенію генерала. Для рѣшенія важныхъ вопросовъ они собирались и составляли генеральную конгрегацію, которой принадлежали права законодательныя и исполнительныя.

Въ орденѣ были четыре степени: „новиціи“ или послушники, „схоластики“ или семинаристы, „коадъюторы“ духовные и свѣтскіе и наконецъ „профессы“ или монахи, которые дали полный обѣтъ и должны быть не моложе тридцати трехъ лѣтъ.

Цѣлесообразное устройство ордена, фанатизмъ его съ первыхъ дней существованія, благодарная почва въ эти дни смуты въ умахъ, благодаря лютеранству, покровительство римскаго престола, — все вмѣстѣ содѣйствовало процвѣтанію общества Іисуса. Только въ Англіи и въ другихъ маленькихъ государствахъ Европы, гдѣ уже господствовало ученіе Лютера, іезуиты были не приняты и изгоняемы.

За весь послѣдующій XVII вѣкъ іезуиты укрѣпились повсюду, боролись со своими врагами и завистниками и повсюду одержали побѣду.

Во Франціи послѣ покушенія на жизнь короля Генриха IV, совершеннаго новиціемъ изъ іезуитовъ, они были изгнаны изъ королевства. Пять лѣтъ спустя тотъ же Генрихъ IV дозволилъ іезуитамъ снова вернуться

во Францію, не потому, что симпатизировалъ имъ и уважалъ ихъ орденъ, а потому, что боялся его, какъ тайнаго, коварнаго врага.

Въ слѣдующемъ XVIII вѣкѣ характеръ новаго монашескаго ордена вполнѣ опредѣлился. Ненависть и презрѣніе къ нему вмѣстѣ съ опасеніемъ и боязнью его сказались во всѣхъ католическихъ странахъ. Во второй половинѣ вѣка іезуитовъ начали изгонять отовсюду.

Первый примѣръ подала Португалія, за ней послѣдовала Франція, гдѣ іезуиты нажили себѣ яраго гонителя въ лицѣ знаменитой маркизы Помпадуръ. Вслѣдъ затѣмъ они были изгнаны изъ Испаніи, изъ королевства обѣихъ Сицилій и изъ разныхъ мелкихъ княжествъ Италіи.

Съ этихъ поръ слово „іезуитъ" стало уже нарицательнымъ наименованіемъ всякаго коварнаго, нечестнаго и опаснаго человѣка. И наименованію этому суждено оставаться навѣки во всемъ подлунномъ мірѣ.

Но дѣло не остановилось на одномъ изгнаніи. Монархи главныхъ, наиболѣе могущественныхъ католическихъ государствъ Европы совмѣстно обратились къ папѣ Клименту XIII съ просьбой объ уничтоженіи ордена, изъявляя желаніе, чтобы отъ іезуитовъ не оставалось бы никакого слѣда, чтобы самое наименованіе „compagnie de Jesus", общества Іисуса, было запрещено.

Слабовольный, робкій Климентъ, собственно не любившій, но боявшійся своихъ вѣрныхъ слугъ, долго колебался, а когда рѣшился удовлетворить просьбу всего католическаго міра, то внезапно и загадочно скончался. Можетъ-быть какой-нибудь служитель Бога, подвизаясь ради наивящей славы Божіей, ускорилъ кончину уступчиваго римскаго первосвященника.

Однако орденъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Новоизбранный папа Климентъ XIV тотчасъ приступилъ къ тому же дѣлу и на первыхъ порахъ задался цѣлью удовлетворить требованіе всѣхъ католическихъ державъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не стирать окончательно съ лица земли слугъ римскаго престола.

Климентъ XIV предложилъ ордену нѣкоторыя органическія измѣненія, предложилъ войти въ обоюдное соглашеніе насчетъ многихъ пунктовъ, регламента, цѣлей, задачъ и образа дѣйствій ордена. И тогда-то послѣдовалъ отвѣтъ іезуитскаго генерала Риччи, оставшійся въ исторіи сакраментальнымъ выраженіемъ, изреченіемъ, чуть не пословицей.

Генералъ отвѣчалъ папѣ на его предложеніе реформъ въ орденѣ словами: „Sint ut sunt, aut non sint" (Да будутъ каковы суть, или да не будутъ вовсе).

Вслѣдъ затѣмъ появилась знаменитая папская булла „Dominus ac Redemptor", въ силу которой орденъ былъ совершенно уничтоженъ и пересталъ существовать офиціально. Даже наименоваться іезуитомъ было воспрещено. Но разумѣется іезуиты остались на свѣтѣ подъ различными другими наименованіями: подъ именемъ „Братьевъ Святаго Креста", „Пакканаристовъ" и другихъ. Но за цѣлыя тридцать лѣтъ о нихъ было почти не слышно въ Европѣ. Іезуиты притихли и будто попрятались.

И только въ одномъ государствѣ Европы они продолжали быть терпимы, въ государствѣ мудрѣйшаго, но и хитрѣйшаго монарха своего времени — Фридриха Прусскаго.

X.

Другая страна, гдѣ давно свившіе себѣ гнѣздо іезуиты не были изгнаны и не были преслѣдуемы правительствомъ, была въ исключительномъ положеніи. Это было королевство Польское, переживавшее свои послѣдніе дни, наканунѣ политической смерти, и часть котораго была уже подъ властью если не хитрѣйшей, то прозорливѣйшей монархини своего времени. Вѣнценосная покровительница монаховъ, изгнанныхъ отовсюду, ненавидимыхъ и презираемыхъ всѣми, была дальновидная Великая Екатерина.

России іезуитъ уже былъ знакомъ.

Покуда орденъ два съ половиной вѣка былъ всемогущъ въ Европѣ, за то же время монахи-милитанты появлялись конечно и въ предѣлахъ Московскаго государства.

Первый іезуитъ, вступившій на русскую землю, былъ безспорно знаменитый Поссевинъ, явившійся къ царю Іоанну Грозному.

Іезуитъ былъ присланъ Римомъ, чтобы явиться посредникомъ и примирителемъ между Грознымъ царемъ и Стефаномъ Баторіемъ. Поступилъ онъ, конечно, какъ и слѣдовало іезуиту, продавъ русскихъ полякамъ, но цѣль его была иная.

Римскій престолъ возомнилъ, что Московія можетъ быть обращена въ латинство.

Когда намѣренія и цѣли Поссевина были угаданы, Грозный царь въ послѣдней бесѣдѣ съ посланцемъ назвалъ латинянъ „изувѣрами", а святаго отца папу „волкомъ" и попросилъ іезуита отправляться „по добру по здорову во-свояси".

Посѣщеніе Поссевиномъ России не осталось однако безъ послѣдствій. Римскій престолъ обратилъ вниманіе на русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, послѣдствіемъ чего явилась унія и окатоличиваніе православнаго народа.

Второй разъ Россія и даже священныя стѣны Кремля увидѣли іезуитовъ снова у себя въ гостяхъ, во множествѣ, но не надолго. Они явились вмѣстѣ съ Гришкой Отрепьевымъ и поляками, но и вмѣстѣ съ ними были вновь изгнаны.

Въ концѣ того же столѣтія, при правительницѣ Софьѣ, іезуиты снова явились, добились покровительства Василія Голицына, свили себѣ маленькое гнѣздышко въ Москвѣ, въ Лефортовѣ. Одинъ изъ нихъ настолько возомнилъ о себѣ, что сталъ угрожать патріарху Іоакиму. И снова, въ третій разъ, іезуиты были изгнаны изъ предѣловъ России именемъ царей Іоанна и Петра.

Но за-то вскорѣ же, въ началѣ царствованія императора Петра, лукавый и воинствующій орденъ снова появился въ Москвѣ, снова нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ Патрика Гордона. Въ Москвѣ появилась „іезувитская" слобода и даже храмъ.

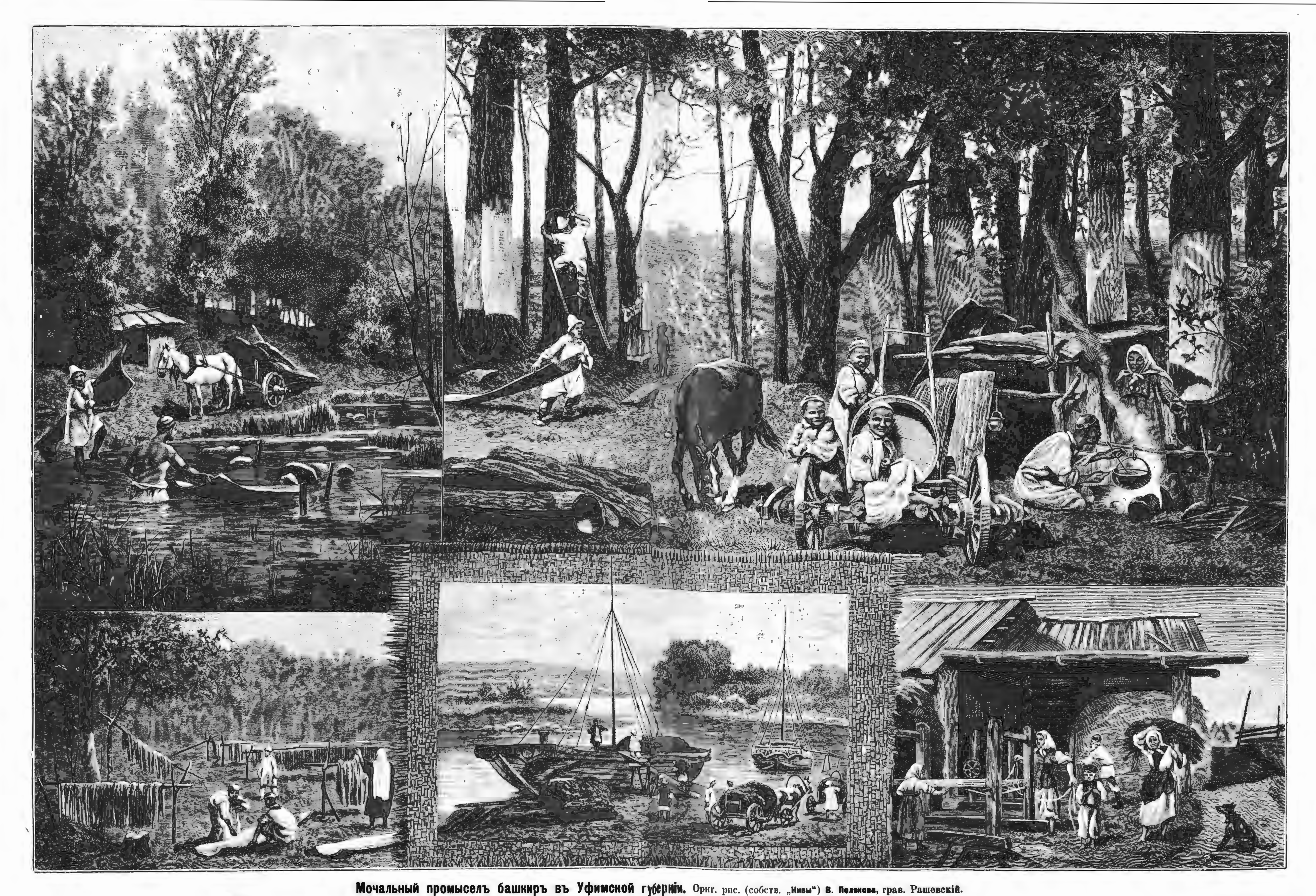
Замѣчательно, что церковь эта была построена „по установленію" государя Петра Алексѣевича, а государь, за время пребыванія своего въ Москвѣ, увидя іезуитскій храмъ, заявилъ, что никогда „сего строенія не установлялъ и ничего о семъ не вѣдалъ".

Между тѣмъ у этой церкви вскорѣ уже явилось свое собственное имущество, свои помѣстья.

Въ Москвѣ нашелся русскій человѣкъ, дворянинъ Ладыженскій, принявшій католицизмъ. Это былъ „первый" русскій дворянинъ перешедшій въ католицизмъ. Ладыженскій уѣхалъ въ Римъ, остался тамъ навсегда, а всѣ права свои на всѣ свои вотчины и помѣстья передалъ отцамъ „іезувитской" слободы.

За время этого пребыванія въ России іезуиты не столько занимались молитвословіемъ, сколько иными выгодными дѣлами. Они были соглядатаями нѣмецкаго императора. Петръ подозрѣвалъ это, но изъ уваженія къ императору, или не считая этихъ шпіоновъ для себя опасными, все-таки терпѣлъ ихъ въ Москвѣ. Но въ тотъ годъ, когда царевичъ Алексѣй, бѣжавшій отъ отца, нашелъ гостепріимство у нѣмецкаго императора, іезуиты были тотчасъ и въ четвертый разъ изгнаны изъ предѣловъ России.

И съ этого года, 1719, почти въ продолженіе полустолѣтія, ни одинъ іезуитъ не ступилъ на русскую

Мочальный промыселъ башкиръ въ Уфимской губерніи. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **В. Полякова**, грав. Рашевскій.

Мочище. **Сушка мочалъ.** **Нагрузка мочальнаго товара.** **Заготовленіе лубковъ.** **Тканіе рогожъ.**

землю. Но затѣмъ обстоятельства измѣнились. Великая Екатерина пріобрѣла новый, хотя русскій, но давно отторженный край, и въ этомъ краѣ — Бѣлоруссіи — нашла давнишнія іезуитскія гнѣзда.

Вся Европа, со словъ мудрѣйшаго человѣка того времени, называла іезуитскіе коллегіумы „змѣиными гнѣздами", а мудрая Екатерина, найдя ихъ въ присоединенной Бѣлоруссіи, не только ихъ не тронула, но стала явно покровительствовать ордену.

Въ іюлѣ 1773 года Климентъ XIV офиціально, на весь міръ, уничтожаетъ орденъ своихъ вѣрныхъ слугъ, какъ бы признавъ въ нихъ враговъ религіи и римскаго престола; а полгода спустя, въ январѣ 1774 года, Сѣверная монархиня офиціально признаетъ существованіе ордена въ Польшѣ и Бѣлоруссіи и беретъ его подъ свое покровительство.

Вся Европа была изумлена.

Однако императрица потребовала, чтобы орденъ вполнѣ подчинился архіепископу Могилевскому, верховному пастырю всѣхъ ея подданныхъ католиковъ, и поставила условіемъ, чтобы іезуиты не только не признавали и не повиновались, но даже „не ссылались ни съ какой духовной властью внѣ имперіи сущей". Однимъ словомъ, Екатерина, не уничтожая у себя общества братьевъ Іисуса, вполнѣ подчиняетъ его законамъ своего государства и своей власти.

Это дѣяніе великой монархини было и разумно, и политично, и не невольно. Подъ державу Русскую, послѣ долгой борьбы и по логикѣ исторіи, пришли уже и ожидались еще въ будущемъ нѣсколько милліоновъ подданныхъ католиковъ и, слѣдовательно, замиренныхъ враговъ и вѣрныхъ сыновъ Рима.

Екатерина знала и предвидѣла, что предстоитъ борьба православія съ католицизмомъ во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ, и она проницательно, мудро и, пожалуй, отчасти лукаво поставила почти во главѣ своихъ новыхъ католическихъ подданныхъ самыхъ фанатическихъ католиковъ. Но кого? Тѣхъ людей, которые въ эти же дни, переставъ вдругъ быть рабами римскаго первосвященника, стали его самыми ярыми врагами, благодаря новой буллѣ ихъ поразившей.

И то, что̀ казалось въ Европѣ загадкой или легкомысленнымъ дѣяніемъ великой сѣверной монархини, было мудрымъ политическимъ актомъ.

Признавая въ предѣлахъ своей имперіи существованіе ордена, уничтоженнаго повсюду, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ предписала своимъ сподвижникамъ, министрамъ и начальникамъ губерній: „вы за сими іезуитами наипаче *недреманно* смотрѣть имѣете яко за *коварнѣйшими* изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ".

И вмѣстѣ съ этимъ, Екатерина изрекаетъ мудрѣйшее опредѣленіе іезуита. Она считаетъ возможнымъ и даже цѣлесообразнымъ допустить его въ Польшу и въ Бѣлоруссію и покровительствовать ему всячески, потому что „іезуитъ не принадлежитъ ни къ какой національности".

Всякій человѣкъ молодой и старый, по мнѣнію великой монархини, кто бы онъ ни былъ родомъ: итальянецъ, нѣмецъ, французъ или испанецъ, перестаетъ быть итальянцемъ, французомъ, нѣмцемъ и испанцемъ, — онъ становится человѣкомъ принадлежащимъ къ особому роду людей—іезуитомъ. Поэтому мудрая монархиня рѣшила, что чѣмъ сильнѣе будетъ орденъ въ Польшѣ и Бѣлоруссіи, тѣмъ выгоднѣе Россіи, а „чѣмъ больше поляковъ сдѣлается іезуитами, тѣмъ меньше останется поляковъ".

Такъ какъ орденъ научалъ всякаго „новиція" прежде всего слѣпому, безотвѣтному повиновенію всякому начальнику и всякому, отъ кого онъ зависитъ,—слѣдовательно, монархиня, подчинивъ орденъ законамъ имперіи и своей державной власти, сдѣлала изъ прежнихъ рабовъ святѣйшаго отца вѣрныхъ слугъ Россійскаго престола.

И только спустя много лѣтъ, вслѣдствіе ошибокъ русскаго правительства, уже во дни императора Павла, орденъ, покорный и смирный, снова сталъ смѣлъ, ядовитъ и снова сдѣлался воинствующимъ.

Черезъ года два по воцареніи Павла, гидра подняла свои головы, высунула свои ядовитые языки, змѣей обвилась на берегахъ Невы вокругъ Двора, важнѣйшихъ сановниковъ и самого императора. То, что̀ было немыслимо во дни Екатерины, стало возможно и даже легко исполнимо во дни Павла.

Въ послѣдніе дни послѣдняго года стараго, умирающаго восемнадцатаго столѣтія, старикъ-іезуитъ, маленькій человѣчекъ съ уродливой головой, выѣхалъ изъ главнаго іезуитскаго гнѣзда, Полоцка, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Съ его появленіемъ на берегахъ Невы началась новая эра для ордена Іисуса и въ Россіи, и въ Европѣ.

Въ столицѣ православнаго государства должно было начаться возрожденіе и новое торжество уничтоженнаго и изгнаннаго отовсюду союза людей, готовыхъ на всякое преступленіе во славу Божію.

Этотъ маленькій человѣчекъ былъ Гавріилъ Груберъ, вскорѣ ставшій ректоромъ Петербургскаго коллегіума, помѣстившагося въ домахъ католической церкви Св. Екатерины.

XI.

Утромъ рано Тарасъ и Тоня снова отправились тайкомъ въ церковь ради престольнаго праздника, а около двѣнадцати часовъ Яхтомскіе—мужъ и жена—выѣхали изъ дому въ разныя стороны.

Князь отправился къ еврею-банкиру, отъ котораго получилъ письмо, хотя не ожидалъ никакого успѣха отъ своего визита. Ему какъ бы хотѣлось только при бесѣдѣ съ банкиромъ Мозеромъ лично убѣдиться, что дѣло непоправимо.

Князь почти всю ночь не смыкалъ глазъ. Какъ всѣ малодушные люди, онъ попрекалъ себя, что безразсудно жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, и давно уже видя, что средствъ раньше или позже не хватитъ, что дѣла непремѣнно запутаются и все кончится разореніемъ, тѣмъ не менѣе во-время не остановился.

Впрочемъ, вспоминая все это прошлое пребываніе въ Петербургѣ, круговоротъ, въ которомъ главную роль играло сореніе деньгами,—онъ ясно видѣлъ, что минуты остановиться не было. Онъ любилъ жену на особый ладъ, былъ просто влюбленъ въ нее, такъ же, какъ и въ первые годы брака, и не могъ ни въ чемъ отказать ей. А княгиня только тогда и бывала довольна, счастлива, когда могла исполнять всѣ свои прихоти и затѣи дорого стоющія.

Раздумывая иногда о грозящемъ разореніи, князь Андрей Николаевичъ всегда утѣшалъ себя мыслью, что судьба такъ милостиво устроитъ дѣла, что все обойдется благополучно.

Ему представлялось, что въ то самое время, когда онъ швырнетъ послѣднюю тысячу, уже не свою собственную, а заемную, непремѣнно умретъ молдаванка-тетушка и милліонное наслѣдство перейдетъ ему въ руки.

Очень часто князю, какъ и многимъ другимъ, представлялось однако, что старая дѣвица семидесяти лѣтъ, княжна Мавроціано, переживетъ не только его, а и людей моложе его. Но вмѣстѣ съ этимъ надежда на ея смерть и на наслѣдство все-таки оставалась какъ бы въ видѣ утѣшенія.

Изъ-года-въ-годъ дѣла все путались. Уже раза четыре князю Яхтомскому пришлось деньгами, занятыми за огромные проценты, избѣжать петли, что называется „обернуться".

Теперь наступило такое время, когда и обернуться

было невозможно. Если бы онъ получилъ теперь около ста тысячъ, то спасъ бы все отъ погрома не болѣе какъ на годъ.

За эту послѣднюю ночь князь выстрадалъ больше, чѣмъ когда либо. Мысль о разореніи не такъ поразила его, какъ объясненіе съ женой. Князь не боялся засѣсть въ глуши деревни съ женой, сыномъ и лучшимъ другомъ. Онъ былъ даже радъ удалиться отъ суеты петербургской жизни.

Заявленіе княгини, что она неспособна на это и никогда не согласится—было настоящимъ ударомъ для князя. Ему казалось немыслимымъ, что онъ уѣдетъ въ деревню, а жена останется въ Петербургѣ. Разлука съ женой казалась ему обстоятельствомъ, которое онъ совершенно неспособенъ переварить, о которомъ никогда не думалъ.

Чтобы избѣгнуть этой необходимости, онъ чувствовалъ, что готовъ идти на все, хотя бы на какое либо преступленіе, если бы это понадобилось. Ему казалось, что если ему предложатъ разстаться съ женой, или безнаказанно умертвить княжну, то онъ, не колеблясь, рѣшится на послѣднее.

Разумѣется, это только казалось такъ. Добрый и правдивый, Яхтомскій не былъ положительно способенъ ни на что̀ худое по собственному влеченію. Но человѣкъ безъ тѣни воли, мягкій, впечатлительный, рожденный на то, чтобы быть подъ чьимъ либо вліяніемъ, могъ, конечно, быть способенъ и на худое, подвигнутый на это владѣющею имъ рукою.

Какъ княгиня заставила мужа безсмысленно разориться на скучную для него жизнь въ Петербургѣ, точно такъ же могла она легко заставить его совершить и многое иное, худшее.

Когда князь явился на подъѣздъ новоиспеченнаго банкира, которому половина петербургской знати была должна большія суммы, швейцаръ узналъ князя и тотчасъ приказалъ доложить. Черезъ минуту Яхтомскій былъ уже принятъ хозяиномъ.

Пожилой человѣкъ, средняго роста, полный, тщательно обритый, безъ усовъ и бороды, подъ гребенку остриженный, съ большими карими глазами, большимъ носомъ съ горбомъ, поражалъ прежде всего порядочностію и благопристойностью всей своей фигуры.

Онъ не былъ элегантенъ, въ его фигурѣ не было изящества, онъ казался какимъ-то предметомъ собственно дешевымъ и негоднымъ, но гладко отчищеннымъ—весь напоказъ, налицо.

Въ высшей степени любезный, предупредительный, мягкій, будто бархатный во всякомъ движеніи и въ каждомъ словѣ, вѣчно какъ бы ухаживающій за всякимъ, Мозеръ могъ бы съ перваго же раза производить самое выгодное впечатлѣніе. Все было испорчено лишь однимъ: его ртомъ, губами.

У этого лица, гладко выбритаго и чистаго, моложаваго, съ легкимъ румянцемъ, былъ только слишкомъ большой ротъ, какъ говорится,—до ушей, съ толстыми, будто шлепающими, губами.

Мозеръ вышелъ навстрѣчу къ князю почти на самую парадную лѣстницу, взялъ его обѣими руками за руку и, послѣ такого пожатія, въ которомъ были всевозможныя чувства, отъ дружбы до благодарности включительно, повелъ гостя въ свой кабинетъ.

Судя по пріему и по манерѣ разговаривать, всякій посторонній могъ бы подумать, что Мозеръ сейчасъ же не только согласится на всякія льготы, но сейчасъ же изорветъ всѣ документы и векселя и объявитъ, что все дѣло — шутка, или простая мистификація, ради забавы.

Въ дѣйствительности было совершенно иное. Мозеру, какъ и многимъ ему подобнымъ, приходилось постоянно заставлять людей глотать приготовленныя имъ смертельныя пилюли и собственная какъ бы безопасность заставляла его возможно сильнѣе золотить эти пилюли. Мозеръ въ этихъ случаяхъ походилъ на того сказочнаго, или шуточнаго повара, который съ величайшимъ почтеніемъ, даже самоуничиженіемъ, добивается узнать у курицы, которую онъ собирается зарѣзать на жаркое: подъ какимъ именно соусомъ и съ какими приправами желаетъ она быть съѣденной.

Хозяинъ и гость сѣли къ письменному столу, и князь началъ рѣчь о томъ, „какъ быть“, такъ какъ уплатить невозможно. Мозеръ взялъ клочокъ бумаги и карандашъ и быстро, легко, красивыми цифрами, справляясь съ маленькой книжкой, которую досталъ изъ боковаго кармана, доказалъ князю, что дѣло—пустяки, сущій вздоръ.

— Надо только въ срочный день будущаго мѣсяца, не позже, конечно, двѣнадцати часовъ, внести сто тридцать четыре тысячи.

— Но у меня ихъ нѣтъ и достать ихъ неоткуда! заявилъ Яхтомскій нетерпѣливо.

Мозеръ сдѣлалъ легкое движеніе рукой и затѣмъ поправилъ нѣсколько хвостиковъ у нѣсколькихъ написанныхъ цифръ. Въ движеніи его и въ лицѣ былъ ясный отвѣтъ на то, что говоритъ князь.

А отвѣтъ заключался въ томъ, что заявленіе князя совершенно къ дѣлу не относится.

Чрезъ секунду Мозеръ уже завелъ разговоръ самый модный—о Бонапартѣ, его нахальствѣ, о бѣдахъ, грозящихъ всей Европѣ. Затѣмъ Мозеръ сталъ смотрѣть на часы, явно намекая гостю, что ему не время болтать объ этихъ Бонапартахъ...

Когда князь уже собирался вставать, Мозеръ спросилъ, какъ бы вскользь, знакомъ ли князь съ княземъ Вахтенштейномъ. На утвердительный отвѣтъ Яхтомскаго, банкиръ заявилъ, что, по его мнѣнію, князь могъ бы обратиться за услугой къ этому хорошему знакомому и что, по его мнѣнію, князь Вахтенштейнъ не откажется сдѣлать одолженіе князю Яхтомскому. Состояніе его настолько громадно, что подобная услуга была бы ему нипочемъ.

— Съ какой же стати? воскликнулъ князь.—Мы простые знакомые. Наконецъ, я—русскій, онъ—нѣмецъ. Нынче онъ здѣсь при амбасадѣ, завтра можетъ быть переведенъ Богъ вѣсть куда... въ Константинополь, въ Мадритъ!..

— Совершенно вѣрно! отозвался Мозеръ,—но вы можете какъ-нибудь справиться, устроить ваши дѣла и черезъ какихъ-нибудь полгода возвратить эту сумму князю.

— Если я теперь не могу выплатить этого, то и черезъ полгода точно также буду не въ состояніи.

Наступило молчаніе. Оба стояли другъ противъ друга, и хозяинъ, очевидно, ждалъ, чтобы гость откланялся. Князь протянулъ руку, Мозеръ снова взялъ ее въ обѣ свои, мягкія, нѣжныя, съ розовыми ладонями, и довелъ такимъ образомъ гостя до дверей кабинета. Затѣмъ онъ проводилъ князя опять почти до парадной лѣстницы и любезно сталъ откланиваться съ такимъ счастливымъ лицомъ, какъ если бы князь только что привезъ и подарилъ ему милліонъ.

— Повторяю, дорогой князь, произнесъ онъ тихо,—Вахтенштейнъ! Вахтенштейнъ!

Яхтомскій вышелъ, сѣлъ въ карету и выговорилъ:

— Вахтенштейнъ? Прелестно! Ты совсѣмъ дуракъ!

XII.

Баварецъ, свѣтлѣйшій князь Вахтенштейнъ былъ человѣкъ очень богатый, потомокъ древняго рыцарскаго рода. Прадѣды его были даже монархами маленькаго, нынѣ медіатизированнаго, государства, съ полумилліономъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь былъ человѣкъ чрезвычайно образованный, когда-то считался блестящимъ студентомъ Бонскаго универси-

тета, а затѣмъ всю жизнь продолжавшій самообразованіе, интересовавшійся всѣмъ, касающимся до наукъ и искусствъ.

Но главной его задачей въ жизни была дипломатическая карьера и на этомъ поприщѣ Вахтенштейнъ подвизался уже тридцать пять лѣтъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ былъ уже болѣе десяти лѣтъ посланникомъ, представителемъ своего отечества въ Голландіи, потомъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, послѣ чего былъ просто причисленъ къ посольству въ Петербургѣ. Слухъ ходилъ что князь самъ пожелалъ быть простымъ attaché, чтобъ въ качествѣ почти частнаго лица изучать Россію и уже впослѣдствіи сдѣлаться посланникомъ. Теперь эта минута, по слухамъ, ужь приближалась.

Какъ дипломатъ, князь былъ сторонникъ теоріи, которую якобы создалъ еще Лудовикъ XV и которою не брезгалъ и Наполеонъ I.

Теорія эта заключалась въ томъ, чтобы дѣйствовать макіавелистически, но, главнымъ образомъ, чрезъ женщинъ, попросту, имѣть въ странѣ, гдѣ представляетъ и охраняетъ интересы своего отечества—ловкихъ шпіоновъ въ юбкахъ. При непремѣнномъ условіи, конечно, чтобы онѣ были умницы и красавицы, и не очень строги къ себѣ въ области нравственности.

Князь Вахтенштейнъ благодаря своему состоянію, а равно красивой и элегантной внѣшности, всѣ свои дипломатическіе успѣхи пріобрѣлъ именно благодаря своимъ любовнымъ интригамъ. Повсюду, гдѣ онъ поочереди перебывалъ представителемъ Баваріи, у него были помощники дипломаты или просто шпіоны въ юбкахъ.

То же самое нужно было и теперь въ Россіи. Но теперь князю было уже не 30 лѣтъ, а 55, и разсчитывать на извѣстные успѣхи среди свѣтскихъ женщинъ было мудрено... Старый холостякъ уже поневолѣ подалъ въ отставку изъ Донъ-Жуанства. Оставалось одно средство—состояніе, деньги... Не менѣе могучій рычагъ...

Долго, по пріѣздѣ въ Петербургъ, приглядывался князь и не находилъ себѣ помощника... Съ полгода назадъ, онъ обратилъ вниманіе на умную, хитрую и блестящую женщину—княгиню Яхтомскую.

„Да Это была бы находка“, подумалъ онъ.

Но княгиня была вся поглощена, всей душой и всѣмъ разумомъ тонула въ пустыхъ свѣтскихъ забавахъ. А главное — она пользовалась большими средствами. Понравиться легкомысленной женщинѣ и сойтись съ ней было немыслимо въ его годы; а взять деньгами?...

„Ce n'est pas le cas“, досадливо думалъ князь.

Однако баварецъ, не унывая, занялся развѣдываніемъ всего что касалось Яхтомскихъ и, къ великому своему счастью, открылъ что князь, живя давно не по средствамъ, обрѣтается „въ долгу какъ въ шелку“. Благодаря добродушнымъ нравамъ и обычаямъ страны, онъ можетъ еще десять лѣтъ и болѣе просуществовать благополучно, впредь до полученія милліоновъ своей тетки Мавроціано. Слѣдовательно, надо взяться за дѣло на особый ладъ. Надо стать самому его главнымъ кредиторомъ, или даже единственнымъ.

Составить проектъ цѣлаго образа дѣйствій было легко, но исполненіе представляло не мало затрудненій. Могъ-ли въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ внукъ монарха, аристократъ, гордый своимъ происхожденіемъ, и будущій посланникъ своего короля при Русскомъ императорѣ—самъ скупать векселя русскаго дворянина и, умышленно явившись его кредиторомъ, разорить его? Конечно, это было немыслимо. Довѣриться другимъ и дѣйствовать чрезъ подставныхъ лицъ — было почти одинаково невозможно, ибо рискованно. Эти люди могли выдать нѣмца и вышла бы огласка... И хитрый, дальновидный Вахтенштейнъ началъ дѣло не спѣша, но тоньше и безъ всякаго риска для своей репутаціи.

Князь выписалъ въ Россію вѣрнаго человѣка, гамбургскаго уроженца, по происхожденію еврея, который когда-то былъ имъ спасенъ отъ гибели. Еврей невинно попался и былъ замѣшанъ въ какое-то дѣло, за которое ему грозила смерть. Онъ былъ завербованъ насильно въ войска Прусскаго короля, что случалось постоянно и повсюду. Молодой человѣкъ дезертировалъ, но былъ пойманъ и его ожидало разстрѣляніе. Сестра его, красавица собой, узнавъ, что гостящій въ Гамбургѣ по своимъ дѣламъ князь Вахтенштейнъ—поклонникъ прекраснаго пола и человѣкъ властный, рѣшилась спасти брата, очаровавъ князя.

Дѣйствительно, князь увлекся красивой еврейкой и хотя очень ненадолго, но братъ ея, по имени Авраамъ Мозеръ, былъ спасенъ. Князь своимъ вліяніемъ высвободилъ его изъ-подъ суда и избавилъ и отъ военной службы, и отъ казни. Еврей не забылъ благодѣянія сановника и остался его вѣрнымъ рабомъ.

Это случилось лѣтъ за двадцать до пріѣзда князя въ Россію, но онъ, не теряя Мозера изъ виду, часто сносился съ нимъ.

И вотъ, когда понадобился теперь вѣрный человѣкъ для приведенія въ исполненіе плановъ насчетъ русскаго князя, Вахтенштейнъ вспомнилъ объ Мозерѣ и выписалъ его въ Петербургъ.

Прежде всего князь далъ Мозеру около двадцати тысячъ денегъ для того, чтобы тотъ объявился банкиромъ на берегахъ Невы и дѣйствительно могъ заняться всевозможными денежными предпріятіями.

Дѣла еврея сразу пошли блестящимъ образомъ. Онъ называлъ Россію „обѣтованною землей“, иногда „непочатымъ угломъ простаковъ“, иногда — „болотомъ безъ чорта“. Разумѣется, онъ съ наслажденіемъ и успѣхомъ взялъ на себя эту роль. И если онъ не былъ теперь чортомъ, то былъ все-таки волкомъ въ Аркадіи. Вскорѣ Мозеръ настолько разбогатѣлъ, что легко возвратилъ князю полученныя отъ него деньги. Онъ могъ бы даже еще бóльшую сумму ссудить Вахтенштейну или помочь выигрывать крупныя деньги въ ловкихъ коммерческихъ оборотахъ. Но это было ненужно. Князь былъ слишкомъ богатъ и гордъ, чтобъ польститься на мѣщански добытые червонцы. У него было достаточно своихъ доходовъ изъ помѣстій дѣдовъ и прадѣдовъ.

Мозеръ, богатѣя, оставался попрежнему благодарно-преданнымъ рабомъ баварскаго князя.

Теперь именно этотъ еврей-банкиръ сталъ главнымъ кредиторомъ князя Яхтомскаго и, дѣйствуя отъ своего имени, безпрекословно повиновался Вахтенштейну.

Между тѣмъ тонкій дипломатъ, не вполнѣ разборчивый на средства для достиженія цѣли, не выдержалъ роли хладнокровнаго и разсчетливаго искусителя. Онъ избралъ или намѣтилъ княгиню Яхтомскую для своего плана холодно, по расчету... но чрезъ полгода относился къ ней уже иначе. Вѣроятно, старъ становился прежній безсердечный ловеласъ, или же княгиня была болѣе сильнымъ врагомъ для борьбы, нежели онъ думалъ. Вахтенштейнъ вдругъ оказался серьезно увлеченнымъ красавицей-княгиней. Онъ не покинулъ прежняго намѣренія сдѣлать изъ свѣтской львицы—своего соглядатая и предателя ея отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта женщина все болѣе покоряла его и властвовала надъ его сердцемъ, насколько это было возможно съ такимъ эгоистомъ, какимъ былъ князь. Разставляя сѣти, онъ самъ попался.

Какъ ревностный, набожный католикъ, князь Вахтенштейнъ не могъ, конечно, относиться безразлично къ ордену Іисуса. Разумѣется, сами отцы-іезуиты первые обратили вниманіе на нѣмца-католика, богача, аристократа и дипломата. Такой кліентъ стоилъ сотни. Вслѣдствіе этого Вахтенштейнъ, будучи въ двадцать лѣтъ первымъ секретаремъ посольства, былъ уже хорошо извѣстенъ отцамъ-іезуитамъ.

Хорошій гешефтъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") академика М. Зощенко, грав. fac simile Флюгель.

Вскорѣ въ сношеніяхъ съ княземъ, еще когда онъ былъ при посольствѣ въ Португаліи, мѣстные отцы предложили князю вступить въ орденъ на особо существовавшій ладъ. Поступающій произносилъ простой обѣтъ, или vota simplicia. Это не обязывало его ни къ чему и, конечно, не обязывало надѣть іезуитскую одежду.

Подобный членъ ордена былъ, разумѣется, не что иное какъ тайный іезуитъ и, по мнѣнію отцовъ, полезнѣйшій. Іезуитъ, въ одеждѣ монашеской, не могъ навербовать столько прозелитовъ, сколько могъ человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, или въ военномъ мундирѣ: къ таковому люди относились довѣрчивѣе, не видя въ немъ профессіональнаго вербовщика.

Сначала молодой Вахтенштейнъ испугался подобнаго предложенія, боясь, чтобы „простой обѣтъ" не наложилъ на него какихъ-либо узъ. Впослѣдствіи, уже будучи за тридцать лѣтъ, князь, какъ человѣкъ лукавый и дальновидный, понялъ, что отцы-іезуиты могутъ быть ему полезны. Онъ видѣлъ это около себя на практикѣ. Нѣкоторыхъ дипломатовъ іезуиты повсюду превозносили и незамѣтно двигали на высшія должности своимъ вліяніемъ вообще на правительство и общество страны, иногда же какъ духовники самого короля или министровъ.

Разумѣется, князь догадался, что служители Бога выводятъ въ люди тѣхъ дипломатовъ, которые состоятъ ихъ тайными членами, произнеся простой обѣтъ. И это, какъ предположеніе, оказалось вѣрнымъ. Вскорѣ послѣ произнесенія „простаго обѣта" князь Вахтенштейнъ еще быстрѣе пошелъ въ гору.

Святой отецъ-папа и генералы ордена Іисуса и многіе вліятельные іезуиты, разсѣянные въ разныхъ городахъ Европы, стали превозносить до небесъ таланты, умъ, набожность и всевозможныя достоинства свѣтлѣйшаго князя, потомка монарховъ.

Разумѣется, тайное сопричастіе къ ордену налагало на члена его нѣкоторыя обязанности, а прежде всего всяческую помощь для распространенія ордена и его процвѣтанія, но это было не противно его совѣсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ люди богатые были принуждены дѣлать иногда крупные вклады и пожертвованія, и немного скуповатый князь долженъ былъ все-таки раза два подарить отцамъ-іезуитамъ довольно крупныя суммы.

Разумѣется, теперь, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Вахтенштейнъ былъ въ самыхъ близкихъ и лучшихъ отношеніяхъ съ членами Петербургскаго коллегіума.

(Продолженіе будетъ).

Пустой листъ.

(Эпизодъ изъ судебной хроники).

Разсказъ **А. Бертольда.**

„Дѣло Бергеръ съ Виндгеймомъ!" раздался въ коридорѣ суда возгласъ судебнаго пристава, и въ густой, запружавшей коридоръ, толпѣ народа тотчасъ поднялась невообразимая давка. Сотни людей протискивались къ большому залу присяжныхъ засѣданій, гдѣ, между тѣмъ, за столомъ сидѣло только трое судей и секретарь, для веденія протокола. Присяжные отсутствовали.

Въ нѣсколько минутъ просторное помѣщеніе для зрителей было переполнено. Предсѣдатель позвонилъ, приказалъ приставу закрыть двери и обратился къ присутствовавшимъ со словами: „По причинѣ большаго стеченія публики, привлеченной сюда интересомъ дѣла, разбирательство будетъ въ видѣ исключенія происходить здѣсь, въ залѣ присяжныхъ засѣданій, хотя само дѣло суду присяжныхъ и не подлежитъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ публикѣ уже успѣли составиться разнородныя мнѣнія по поводу имѣющаго слушаться дѣла; поэтому предостерегаю присутствующихъ отъ какихъ либо проявленій своихъ чувствъ во время разбирательства, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, я, безъ всякаго снисхожденія, попрошу очистить залу.—Теперь мы приступаемъ къ разбирательству. Обвинительница, Ада Бергеръ, здѣсь?"

Къ столу подошла молодая женщина, лѣтъ около двадцати, довольно-бѣдно одѣтая. Красивой ее едва ли можно было назвать; блѣдное личико выдавало слѣды многихъ слезъ; теперь оно было искажено страхомъ и стыдомъ.

— Обвиняемый, Рудольфъ Виндгеймъ, также здѣсь?

Противъ истицы сталъ элегантно одѣтый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Онъ коротко поклонился.

— А эти господа? спросилъ предсѣдатель, взглянувъ на двухъ, сопровождавшихъ отвѣтчика мужчинъ.

— Мой повѣренный, юстиціи совѣтникъ Борнштедтъ, и мой отецъ.

Судья слегка поклонился.

— Господинъ коммерціи совѣтникъ Виндгеймъ, сказалъ онъ,—вы явились сюда поддерживать вашего сына?

— Да, отвѣтилъ старикъ, по виду солидный коммерсантъ.

— Обвинительница не имѣетъ повѣреннаго?

— Нѣтъ, раздался дрожащій голосъ Ады Бергеръ.

— Итакъ, дѣвица Ада Бергеръ, или—какъ вы себя называете—госпожа Виндгеймъ, вы обвиняете находящагося здѣсь Рудольфа Виндгейма въ самовольномъ расторженіи и непризнаніи брака между нимъ и вами. Господинъ Виндгеймъ отрицаетъ, что когда либо вступалъ съ вами въ бракъ; между тѣмъ, вы настаиваете на противномъ. Не угодно ли вамъ объяснить, на чемъ основывается ваше обвиненіе?

Видимо робѣя, но постепенно овладѣвъ собою, Ада Бергеръ начала:

— Я была приглашена, въ качествѣ компаньонки, въ домъ коммерціи совѣтника Виндгейма, еще при жизни его жены. Въ это время я познакомилась съ Рудольфомъ Виндгеймомъ, онъ сталъ за мною ухаживать и нѣсколько разъ признавался мнѣ въ любви. Онъ мнѣ нравился, но, сознавая всю трудность, почти невозможность подобнаго брака, я отклонила его ухаживанія. Тутъ умерла г-жа Виндгеймъ, я оставила домъ и приняла должность учительницы въ одной англійской школѣ въ Шотландіи; но, по просьбѣ Рудольфа Виндгейма, осталась съ нимъ въ перепискѣ. Черезъ полгода послѣ моего отъѣзда въ Шотландію, онъ сообщилъ мнѣ, что отецъ посылаетъ его для довершенія образованія въ Англію, и что ему было бы пріятно встрѣтить меня въ Лондонѣ. Изъ понятной осторожности, я отказывалась ѣхать на это свиданіе до тѣхъ поръ, пока Рудольфъ не написалъ мнѣ письма, въ которомъ клялся, что его намѣренія вполнѣ честны. Въ этомъ письмѣ онъ по всѣмъ правиламъ дѣлалъ мнѣ предложеніе, сообщалъ даже адресъ одного лондонскаго священника, который соглашался насъ вѣнчать безъ всякихъ предварительныхъ формальностей, и настоятельно просилъ меня какъ можно скорѣе пріѣхать въ Лондонъ. Послѣ этого письма я отправилась туда и, черезъ нѣсколько дней, была повѣнчана съ Рудольфомъ Виндгеймомъ, причемъ свидѣтелями были два англичанина, хорошіе его знакомые. Мы прожили вмѣстѣ годъ, и во все это время я ни разу не могла пожаловаться на моего мужа. Нашъ бракъ, по его словамъ, долженъ былъ пока оставаться въ тайнѣ, такъ какъ коммерціи совѣтникъ Виндгеймъ, во всякомъ случаѣ, его бы не одобрилъ. Мужъ успокаивалъ меня тѣмъ, что, по возвращеніи домой, умилостивитъ своего отца и расположитъ его въ пользу нашего союза; въ противномъ случаѣ, намъ придется еще нѣкоторое время его скрывать. Рудольфъ Виндгеймъ настоялъ на томъ, чтобы я и своимъ роднымъ ничего не сообщала о нашей свадьбѣ. Около года тому назадъ, мужъ былъ отозванъ отцомъ въ Германію и простился со мною, обѣщая въ скоромъ времени писать. Изъ Германіи онъ прислалъ мнѣ немного денегъ, но потомъ я уже больше о немъ не слышала; ждала отъ него извѣстій цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, прожила все что имѣла, и кое-какъ перебивалась уроками. Все это время я не рѣшалась писать мужу, боясь, чтобы мое письмо не попалось его отцу и намъ не повредило. Но вдругъ, въ одной нѣмецкой газетѣ я читаю, что сынъ коммерціи совѣтника Виндгеймъ помолвленъ съ дочерью одного оптоваго промышленника, фамиліи котораго теперь не припомню, и что, въ скоромъ времени, назначена свадьба. Тогда я написала Рудольфу, умоляя его дать наконецъ о себѣ какое нибудь извѣстіе и объяснить причину такихъ странныхъ слуховъ; но отвѣта не получила. Въ отчаяніи я собрала послѣднія крохи и пріѣхала сюда заявить свои права.

Молодая женщина замолчала и въ смущеніи опустила глаза. Въ публикѣ пробѣжалъ ропотъ.

— Имѣете вы какія нибудь письменныя доказательства для подтвержденія вашихъ словъ: письма, напримѣръ, брачное свидѣтельство, словомъ, что нибудь? спросилъ предсѣдатель.— Сколько мнѣ извѣстно, англійское духовенство, при заключеніи брака, выдаетъ свидѣтельство?

— Это свидѣтельство мужъ взялъ къ себѣ, отвѣтила Ада Бергеръ.

— И у васъ нѣтъ больше никакого письменнаго доказательства?

— Только вышеупомянутое письмо, въ которомъ Рудольфъ Виндгеймъ приглашалъ меня пріѣхать въ Лондонъ. Оно содержало фамилію и адресъ—теперь совершенно мною забытые—того священника, который долженъ былъ насъ вѣнчать.

Это письмо я тщательно спрятала между своими бумагами, тогда какъ всѣ прочія письма, какія мнѣ писалъ мужъ до свадьбы, по его просьбѣ, сожгла. Послѣ его отъѣзда изъ Лондона, я получила отъ него только почтовую повѣстку, на отрѣзкѣ которой онъ набросалъ нѣсколько словъ; этотъ отрѣзокъ, какъ не важный, я не сохранила.

— А гдѣ же, спросилъ предсѣдатель,—то важное письмо, о которомъ вы говорите?

— Вотъ оно, сказала Ада Бергеръ, подавая четвертку почтовой бумаги.

Предсѣдатель развернулъ бумагу и осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ. Листъ былъ совершенно чистъ, на немъ не стояло ни одной буквы. Предсѣдатель покачалъ головой и вопросительно взглянулъ на молодую женщину.

— Клянусь всѣмъ, что для меня свято, воскликнула Ада Бергеръ,—что это было письмо, заключавшее тѣ обѣщанія и объясненія, какія я приводила выше! Письмо лежало въ маленькомъ деревянномъ ящичкѣ, гдѣ хранились мои бумаги; я положила его въ это потайное отдѣленіе, такъ какъ оно было единственнымъ доказательствомъ моего брака и моихъ отношеній къ Рудольфу Виндгейму, хотя въ это время мнѣ и въ голову не приходило, что онъ меня обманетъ, и что я буду вынуждена заявлять свои права посредствомъ суда. Это письмо я вынула изъ ящика только теперь, по пріѣздѣ въ Германію. Тутъ, къ моему ужасу, въ конвертѣ оказался чистый листъ бумаги!.. Перемѣшать письма я не могла; остается только допустить, что Рудольфъ Виндгеймъ имѣлъ нечестныя намѣренія уже тогда, когда приглашалъ меня въ Лондонъ, и что письмо это было написано такъ-называемыми симпатическими чернилами, которыя черезъ нѣкоторое время блѣднѣютъ и совершенно пропадаютъ.

— Вы уже заявляли это въ вашемъ прошеніи, сказалъ предсѣдатель.—Мы выслушаемъ двухъ экспертовъ по письменной части. Введите ихъ! обратился онъ къ разсыльному.

Оба эксперта—канцеляристъ при судебной палатѣ и младшій актуаріусъ—были приведены къ присягѣ, послѣ чего имъ передана бумага. Каждый изъ нихъ изслѣдовалъ ее, при помощи увеличительныхъ стеколъ, младшій даже подъ микроскопомъ. Потомъ канцеляристъ вынулъ изъ принесеннаго съ собою ящика спиртовую лампу, зажегъ ее и подержалъ надъ пламенемъ бумагу, которую потомъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, долго разсматривалъ противъ свѣта. Наконецъ оба, покачивая головой, начали между собой совѣщаться, послѣ чего старшій объявилъ:

— Въ силу данной мною присяги, объявляю какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени моего коллеги, что, по нашему убѣжденію, на этомъ листѣ бумаги никогда ничего не было написано. Есть, разумѣется, симпатическія чернила, которыя со временемъ блѣднѣютъ и совершенно исчезаютъ; но такія чернила всегда оставляютъ послѣ себя легкіе слѣды. Согласно со всѣми сочиненіями, трактующими о криптографіи,—сочиненіями, которыя мы тщательно перечитали, готовясь къ предстоящему разбирательству,—написанныя такими чернилами буквы особенно чувствительны къ теплу и должны снова выступить при нагрѣваніи бумаги. Этотъ опытъ мы производили на глазахъ г.г. судей; однако, даже при помощи самыхъ лучшихъ увеличительныхъ стеколъ, намъ не удалось открыть и слѣдовъ буквъ, вслѣдствіе чего мы должны объявить, что, по нашему убѣжденію, на этой бумагѣ вообще ничего никогда не было написано.

Эксперты удалились, а предсѣдатель обратился къ обвиняемому:

— Не угодно ли вамъ теперь дать ваши показанія?

— Я предоставляю отвѣтъ моему повѣренному, сказалъ Рудольфъ Виндгеймъ, какъ казалось, нѣсколько неувѣреннымъ тономъ.

— Прошу васъ говорить, г. юстиціи совѣтникъ! сказалъ предсѣдатель.

Юстиціи совѣтникъ, пожилой господинъ и превосходный ораторъ, тотчасъ же обратился къ судьямъ и заявилъ, что процессъ, надѣлавшій такого шума и уже причинившій не мало вреда всѣми уважаемому семейству Виндгеймъ, по твердому его, Борнштедта, убѣжденію, объясняется очень просто. Отъ имени своего кліента онъ соглашается съ тѣмъ, что молодой человѣкъ дѣйствительно объяснялся Адѣ Бергеръ въ любви, когда она жила въ домѣ его родителей, что онъ встрѣчался съ нею въ Лондонѣ, но что ему никогда и въ голову не приходило дѣлать ей предложеніе и вступать съ нею въ бракъ. Черезъ годъ послѣ его отъѣзда изъ Лондона, обвинительница вдругъ является и заявляетъ свои притязанія на якобы заключенный съ нею бракъ. Обвинительница узнала изъ газетъ о помолвкѣ Рудольфа Виндгейма съ богатою особой, знаетъ что онъ самъ богатъ, онъ когда-то самъ говорилъ ей о любви, и вотъ она порѣшила воспользоваться обстоятельствами, внезапно заявивъ свои права—конечно, ради полученія извѣстной суммы денегъ. Мой кліентъ, продолжалъ адвокатъ,—также какъ его всѣми уважаемый отецъ, были готовы затушить это дѣло въ самомъ началѣ; но требованія обвинительницы были безграничны. Она прежде всего добивалась признанія мнимаго брака и, когда, разумѣется, на это не согласились, подняла такой шумъ, что помолвка Рудольфа Виндгейма съ молодой особою разстроилась. Доказательство, на которомъ г-жа Бергеръ основываетъ свои слова, просто смѣшно; еще не бывало примѣра, чтобы кто нибудь осмѣлился представить суду, въ видѣ доказательства, чистый листъ бумаги и утверждать, что тамъ было что-то написано. Я прошу судъ, на основаніи всего мною изложеннаго, отказать просительницѣ въ искѣ, а принимая во вниманіе, что семейству Виндгеймъ нанесено большое оскорбленіе, а также, что г-жа Бергеръ, вѣроятно, употребитъ всѣ усилія, чтобы продолжать ему вредить, покорнѣйше прошу признать эту особу виновною въ публичномъ оклеветаніи, оскорбленіи семейной чести и вымогательствѣ, на основаніи чего арестовать ее, такъ какъ можно подозрѣвать, что, не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства, она поспѣшитъ скрыться.

Рѣчь эта, повидимому, произвела большое впечатлѣніе не только на публику, но и на судей.

— Имѣете ли вы что нибудь возразить на слова г. защитника? обратился предсѣдатель къ обвинительницѣ.

— Нѣтъ, печально сказала Ада Бергеръ,—я не имѣю ничего, кромѣ этой бумаги. Могу повторить только то, что уже сказала суду, и клянусь...

— Пожалуйста, не клянитесь, прервалъ ее предсѣдатель,— здѣсь это не имѣетъ цѣли. Но мы поставимъ г. Рудольфу Виндгейму еще одинъ вопросъ. Вы, г. Виндгеймъ, отрицаете, что были повѣнчаны съ обвинительницею? вы отрицаете, что когда либо писали ей письмо такого содержанія, какое приводитъ г-жа Бергеръ?

— Да, отрицаю, сказалъ Рудольфъ Виндгеймъ.

— И вы готовы подтвердить ваши слова присягой?

— Да.

— Угодно вамъ дать присягу въ томъ, что вы никогда не писали извѣстнаго письма и никогда не заключали съ г-жею Бергеръ брака въ Англіи? Можете ли вы это сдѣлать по чистой совѣсти?

— Могу.

— Въ такомъ случаѣ присягайте. Этимъ процессъ кончится и будетъ положена преграда всякимъ дальнѣйшимъ притязаніямъ обвинительницы. Подойдите, Рудольфъ Виндгеймъ, и поднимите руку для присяги.

Предсѣдатель, судьи и всѣ присутствующіе поднялись со своихъ мѣстъ. Рудольфъ Виндгеймъ, нѣсколько блѣдный, закусилъ губу и выступилъ впередъ.

Вдругъ возлѣ него очутилась Ада Бергеръ.

— Рудольфъ! воскликнула она, въ сильнѣйшемъ волненіи,— ты не дашь ложной клятвы, ты не станешь призывать Бога въ свидѣтели той низости, какую намѣренъ совершить! Развѣ у тебя нѣтъ совѣсти!

— Я долженъ васъ просить, обвинительница, сказалъ предсѣдатель,—воздержаться отъ какихъ бы то ни было задержекъ при разбирательствѣ, въ особенности же отъ нанесенія оскорбленій обвиняемому. Г. Виндгеймъ былъ спрошенъ о томъ, можетъ ли дать эту присягу; онъ, безъ сомнѣнія, уже давно посовѣтовался со своею совѣстью и знаетъ, что ему дѣлать. Поэтому приглашаю васъ, обвинительница, стать по другую сторону стола и ничѣмъ болѣе не нарушать хода разбирательства. А вы, Рудольфъ Виндгеймъ, повторяйте за мною формулу присяги.

Рудольфъ Виндгеймъ присягнулъ. Ада Бергеръ во время обряда молча ломала руки. По окончаніи присяги предсѣдатель спросилъ:

— Не имѣетъ ли кто нибудь еще какихъ либо заявленій?

Повѣренный Виндгейма повторилъ свое ходатайство, и судъ удалился для совѣщаній.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ въ залѣ царила томительная тишина, судьи вернулись и предсѣдатель объявилъ, что просительницѣ отказано въ искѣ, за отсутствіемъ доказательствъ; въ то же время, въ видахъ того, чтобы обезпечить семейство Виндгеймъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій, рѣшено взять Аду Бергеръ подъ арестъ, такъ какъ противъ нея возбуждается обвиненіе въ вымогательствѣ.

Ада Бергеръ молча позволила служителю увести себя; на порогѣ зала она бросила на Рудольфа Виндгейма еще одинъ, послѣдній взглядъ.

Судебное разбирательство, со всѣми побочными обстоятельствами дѣла, составляло въ этотъ день тему всѣхъ разговоровъ въ томъ провинціальномъ городѣ сѣверной Германіи, гдѣ разыгралась эта судебная драма. Большинство было склонно признать Аду Бергеръ ловкою мошенницей, и именно въ этомъ смыслѣ высказывались обычные посѣтители одного большого ресторана на рыночной площади. Говорили совершенно безъ стѣсненія, такъ что какой-то, никому не знакомый господинъ, сидѣвшій по близости за отдѣльнымъ столикомъ, поневолѣ слышалъ весь разговоръ отъ слова до слова. Къ десяти часамъ завсегдатаи ресторана ушли, а незнакомецъ — высокій мужчина лѣтъ около тридцати—призвалъ старшаго кельнера и подробно разспросилъ его о томъ, гдѣ находится слѣдственная тюрьма и гдѣ живетъ предсѣдатель суда. Собравъ эти

Владыка джунглей. Рис. Джемсъ, автотипія „Нивы“.

Русская исторія. Судъ надъ патріархомъ Никономъ. Ориг. рис. (собств **„Нивы")** **А. Земцова**, грав. Шюблеръ.

свѣдѣнія, онъ удалился, погруженный въ глубокую задумчивость.

Ада Бергеръ провела въ тюрьмѣ ужасную ночь. На другое утро, къ девяти часамъ, тюремщица доложила ей, что какой-то господинъ въ пріемной настоятельно желаетъ ее видѣть по важному дѣлу. На присланной имъ визитной карточкѣ стояла незнакомая Адѣ фамилія: „Dr. M. Арнольдъ, приватъ-доцентъ при высшей технической школѣ въ Б.“

Ада отправилась въ пріемную. Это была большая комната, раздѣленная рѣшеткою на двѣ, почти равныя, части; по одну сторону рѣшетки стояли заключенные, по другую—лица желавшія съ ними говорить. Тюремщикъ или тюремщица всегда присутствовали при разговорахъ.

Ада увидѣла передъ собою незнакомаго господина; это былъ тотъ самый случайный посѣтитель ресторана, который, наканунѣ вечеромъ, слышалъ о ней такія удивительныя вещи.

— Я пришелъ попытаться, сказалъ онъ,—не могу ли содѣйствовать вашему оправданію. Скажите только, гдѣ тотъ листъ бумаги, который, по вашему заявленію, былъ раньше покрытъ буквами?

— Онъ при актахъ, отвѣчала Ада.—Во время засѣданія я передала его предсѣдателю и онъ присоединилъ его къ актамъ.

— Значитъ, я долженъ обратиться въ судъ. Угодно вамъ довѣрить мнѣ это дѣло? Вы позволите мнѣ взять на себя вашу защиту?

— Я въ такомъ ужасномъ положеніи, что благодарна каждому, кто обо мнѣ заботится и хочетъ мнѣ помочь. Не знаю только, какъ вы можете меня защищать: по вашей визитной карточкѣ я заключила, что вы не юристъ, а техникъ.

Арнольдъ улыбнулся.

— Въ этомъ случаѣ, сказалъ онъ,—юристъ ничего не можетъ сдѣлать; за то химикъ, знакомый съ новѣйшими открытіями науки—очень много. Мои лекціи въ высшей технической школѣ и работы въ лабораторіяхъ относятся какъ разъ къ вещамъ, которыя имѣютъ для вашего процесса рѣшающее значеніе. Я въ этомъ городѣ совершенно случайно, проѣздомъ; но ваше дѣло такъ меня интересуетъ, что я охотно, если понадобится, пожертвую остаткомъ каникулярнаго времени, чтобы своими познаніями помочь вамъ, быть можетъ, возстановить свои права. Одно только вы должны мнѣ подтвердить: дѣйствительно-ли этотъ, теперь пустой, листъ бумаги—то самое письмо, которое вы получили въ Лондонѣ, и не перемѣшали-ли вы какъ-нибудь?

— Насколько я знаю и помню, ничего подобнаго не могло случиться, сказала Ада.

— Зналъ ли вашъ мужъ о томъ, гдѣ вы хранили это письмо?

— Нѣтъ, не зналъ даже того, что оно вообще еще уцѣлѣло. По его желанію, которое теперь мнѣ понятно, я сожгла всѣ письма, какія только отъ него получала. Онъ думалъ, что и это письмо сожжено, а между тѣмъ я его оставила, считая важнымъ и, кромѣ того, я точно предчувствовала, что когда нибудь это письмо можетъ имѣть для меня значеніе.

— Благодарю васъ за эти разъясненія, сказалъ Арнольдъ, откланиваясь молодой женщинѣ.—Думаю, что вы можете надѣяться. Обо мнѣ скоро услышите больше.

Недѣлю спустя, Рудольфъ Виндгеймъ былъ арестованъ по обвиненію въ клятвопреступленіи; Ада Бергеръ освобождена изъ-подъ ареста. Неожиданный оборотъ, принятый помимо этого сенсаціоннымъ дѣломъ, возбудилъ всеобщее вниманіе еще сильнѣе, чѣмъ въ день перваго разбирательства. Рудольфъ Виндгеймъ, сынъ самаго почтеннаго, самаго богатаго человѣка въ городѣ,—клятвопреступникъ! Стало-быть правда, что несчастная Ада Бергеръ—его жена. Но какимъ образомъ все это вдругъ обнаружилось, когда судебное разбирательство не дало никакихъ результатовъ?

Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы до самаго того дня, на который былъ назначенъ новый разборъ дѣла, на этотъ разъ при участіи присяжныхъ засѣдателей. Теперь уже залъ не могъ вмѣстить и десятой части публики.

Въ залѣ суда на этотъ разъ можно было видѣть престранныя вещи. Возлѣ стола, за которымъ засѣдали судьи, была устроена эстрада и на ней поставленъ негативъ съ какой-то особенной машиной. У подножія эстрады лежалъ большой гуттаперчевый мѣшокъ, съ привязанными къ нему гирями. Противъ машины, на стѣнѣ былъ натянутъ большой кусокъ желтовато-бѣлой матеріи, величиною въ нѣсколько квадратныхъ метровъ. На окнахъ зала висѣли темныя шторы, которыхъ тамъ обыкновенно не было.

Во время слѣдственнаго ареста Рудольфъ Виндгеймъ упорно отрицалъ свою виновность. Блѣдный, какъ полотно, шелъ онъ къ скамьѣ подсудимыхъ, и было замѣтно, какъ его тяготили устремленные на него любопытные взоры.

Среди мертвенной тишины послѣдовалъ выборъ присяжныхъ, составился судъ. Предсѣдатель спросилъ Рудольфа Виндгейма, признаетъ ли онъ себя виновнымъ. Когда подсудимый отвѣтилъ отрицательно, прокуроръ всталъ и произнесъ рѣчь, въ которой указывалась важность настоящаго уголовнаго дѣла; потомъ еще разъ обратился къ подсудимому:

— Вы никогда не писали бывшей Адѣ Бергеръ письма слѣдующаго содержанія?

Послѣ этого прочелъ во всеуслышаніе взятое изъ актовъ письмо.

Текстъ прочитаннаго, какъ видно было, произвелъ на Виндгейма потрясающее впечатлѣніе: подсудимый попеременно то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и, чтобы не упасть, судорожно держался за перила, отдѣлявшія его скамью отъ судей. Прокуроръ долженъ былъ три раза повторить вопросъ, прежде чѣмъ онъ собрался съ силами отвѣтить едва слышнымъ:

— Нѣтъ.

— Вы слышали, продолжалъ прокуроръ,—что въ этомъ письмѣ приведена фамилія одного англійскаго священника; не знаете, живъ ли еще этотъ Аткинсонъ?

Виндгеймъ покачалъ головой.

— Этотъ человѣкъ умеръ, сказалъ прокуроръ,—и вы это прекрасно знаете, почему и считали себя внѣ опасности. Вы не знали только того, что англійскіе священники обязаны заносить каждое совершаемое ими вѣнчаніе въ книгу, которая ежегодно доставляется суду. Эта книга разыскана въ Лондонѣ, и въ ней, подъ числомъ совершенно совпадающимъ съ показаніемъ вашей жены, записано вѣнчаніе Рудольфа Виндгейма съ Адою Бергеръ. Вы и это отрицаете?

Подсудимый молчалъ.

— Садитесь! сказалъ прокуроръ.—Г. предсѣдатель, прошу васъ выслушать эксперта, который будетъ демонстрировать свой опытъ.

— Приватъ-доцентъ, докторъ Арнольдъ! вызвалъ предсѣдатель.

Арнольдъ вошелъ, и взоры всѣхъ съ удивленіемъ устремились на никому въ городѣ незнакомое лицо. Въ качествѣ эксперта онъ былъ приведенъ къ присягѣ, потомъ обратился къ присяжнымъ со слѣдующею рѣчью:

— Въ тотъ день, когда происходило судебное разбирательство жалобы г-жи Виндгеймъ на ея вѣроломнаго мужа, я проѣздомъ былъ въ этомъ городѣ, случайно услышалъ о процессѣ и заинтересовался имъ, такъ какъ моя спеціальность химія и новѣйшія усовершенствованія фотографіи. Я поговорилъ съ г-жею Виндгеймъ, которая была уже подъ арестомъ, и получилъ позволеніе г. предсѣдателя судебной палаты изслѣдовать находившійся при актахъ пустой листъ бумаги. На немъ я не нашелъ ничего, что бы походило на слѣды буквъ. Произведенный прежними экспертами опытъ съ нагрѣваніемъ бумаги также не далъ результата. Но есть новѣйшее изобрѣтеніе, благодаря которому можно видѣть лучше, чѣмъ въ самое сильное увеличительное стекло или самый лучшій микроскопъ: это—особаго рода примѣненіе фотографіи. При содѣйствіи одного изъ здѣшнихъ фотографовъ, я сдѣлалъ въ судейской комнатѣ снимки всѣхъ четырехъ пустыхъ страницъ письма, и результатъ моего опыта представлю на ваше разсмотрѣніе.

Арнольдъ взошелъ на эстраду, прибавилъ внутри аппарата огня и открылъ маленькій клапанъ, черезъ который, свистя и шипя, сталъ набираться изъ гуттаперчеваго мѣшка газъ, распространяя вокругъ интенсивный свѣтъ. Въ то же время въ залѣ были спущены всѣ шторы. Тогда Арнольдъ снялъ съ аппарата крышку, и на стѣнѣ напротивъ появилось свѣтлое пятно въ формѣ круга, имѣющаго въ поперечникѣ около четырехъ метровъ.

— Отъ фотографическихъ снимковъ пустаго листа бумаги, объяснялъ Арнольдъ,—я, по желанію, отдѣлялъ ту или другую часть, переносилъ на стеклянную пластинку и помѣщалъ въ проектирующій аппаратъ съ Друммондовымъ свѣтомъ и сильнымъ увеличеніемъ. Когда препаратъ былъ вдвинутъ такъ, какъ теперь, то на стѣнѣ показалось то, что вы видите.

Шепотъ удивленія пробѣжалъ по залу. На стѣнѣ, исполинскими буквами, отчетливо красовалась подпись: „Рудольфъ Виндгеймъ“.

— Этотъ пробный опытъ, продолжалъ Арнольдъ,—былъ для меня достаточнымъ доказательствомъ того, что на бумагѣ прежде дѣйствительно находились буквы, болѣе невидимыя человѣческому глазу, но слѣды которыхъ еще сохранили свое вліяніе на необыкновенно чувствительную къ свѣту фотографическую пластинку. Я могу представить вамъ, такимъ образомъ, въ видѣ отрывковъ, все содержаніе письма. А для того, чтобы убѣдить г.г. присяжныхъ въ томъ, что это дѣйствительно почеркъ Рудольфа Виндгейма, я тутъ же даю образчикъ его письма отъ самаго недавняго времени. Это записка, представленная въ мое распоряженіе г. слѣдователемъ,—записка, которую подсудимый изъ заключенія тайно отправилъ своимъ домашнимъ и которая была перехвачена. Это несомнѣнно его рука.

Опять въ свѣтовомъ кругу показались буквы; присяжные и публика съ удивленіемъ прочли:

„Пришлите мнѣ обѣщанное, на всякій случай. Я отчаиваюсь.
Р. В.“

— Не угодно ли вамъ, вновь обратился Арнольдъ къ присяжнымъ,—запечатлѣть эти буквы въ своей памяти. Кромѣ того, черезъ извѣстные промежутки времени, я буду опять ихъ показывать, чтобы вы получили твердое убѣжденіе въ

томъ, что слѣдующее за этою запискою письмо дѣйствительно написано Рудольфомъ Виндгеймомъ Адѣ Бергеръ, и именно симпатическими чернилами, по нѣкоторомъ времени совершенно выцвѣтшими, остатки которыхъ, однако, не могли укрыться отъ новѣйшей фотографіи.

При полнѣйшей тишинѣ и напряженномъ вниманіи присутствовавшихъ, передъ ихъ глазами въ свѣтовомъ кругу прошло по частямъ все письмо, содержаніе котораго уже сдѣлалось извѣстнымъ въ началѣ судебнаго разбирательства. Изъ этого-то письма прокуроръ узналъ фамилію англійскаго священника, совершавшаго вѣнчаніе, благодаря чему, при содѣйствіи судебнаго вѣдомства въ Лондонѣ, удалось такъ скоро достать копію съ брачной записи, сдѣланной покойнымъ священникомъ.

Опытъ занялъ болѣе часа. Подсудимый все время сидѣлъ молча и неподвижно, опустивъ голову на руки.

Когда Арнольдъ кончилъ, слушатели едва могли удержаться, чтобы громко не проявить своего одобренія; но энергическій призывъ предсѣдателя къ порядку во-время остановилъ взрывъ энтузіазма.

Арнольдъ отставилъ свой аппаратъ, велѣлъ поднять шторы и вернулся къ своему мѣсту.

— Подсудимый, что вы можете возразить на эти доказательства вашей виновности? спросилъ предсѣдатель.

Рудольфъ Виндгеймъ не шевелился. Предсѣдатель повторилъ свой вопросъ, судебный приставъ подошелъ къ Виндгейму и потрясъ его за плечо. Со скамьи подсудимыхъ упалъ трупъ; судорожно сжатая рука еще держала маленькій пузырекъ, съ остатками темной жидкости... Рудольфъ Виндгеймъ отравился, пока вниманіе всѣхъ было направлено на опытъ съ фотографіей. Онъ ушелъ отъ суда людей и теперь стоялъ передъ Вѣчнымъ Судіею...

Коммерціи совѣтникъ Виндгеймъ не могъ перенести постигшаго его удара, хотя и не былъ виновенъ въ позорномъ поступкѣ сына. Короткое время спустя, удрученный горемъ, старикъ умеръ; но, передъ смертью, открыто призналъ Аду вдовою своего сына, прежде даже, чѣмъ это объявилъ судъ, и не только назначилъ ей богатое содержаніе, но широко обезпечилъ ее въ своей духовной.

Ада живетъ у своихъ стариковъ-родителей, а приватъ-доцентъ, докторъ Арнольдъ, — настоящей его фамиліи мы, разумѣется, здѣсь не называемъ, — уже имѣетъ профессорскую каѳедру и громкое имя, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ области практической науки, которая, благодаря своимъ новѣйшимъ успѣхамъ, перешагнула далеко за прежніе предѣлы и оказываетъ человѣчеству важныя и незамѣнимыя услуги на всѣхъ поприщахъ жизни. Б.

Къ рисункамъ.

Новое американское перевозочное судно для хлѣба. (Рис. на стр. 97).

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и въ прежніе годы вывозили разныхъ хлѣбныхъ товаровъ болѣе чѣмъ на 250 милл. рублей, а нынѣ, съ воспрещеніемъ вывоза хлѣба изъ Россіи, избытокъ американскихъ запасовъ еще обильнѣе завалитъ рынки Европы. Поэтому изобрѣтеніе особо приспособленныхъ перевозочныхъ средствъ въ Америкѣ становится потребностью дня.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ моряки не мало дивились новому судну, которое, совершивъ благополучно плаваніе отъ Верхняго озера до Ливерпуля и обратно, занялось перевозкою товаровъ и въ другія мѣста. Это — судно-китъ Чарльза Ветмора. Построенное въ Вестъ-Суппріорѣ (Мичиганъ), въ самомъ сердцѣ хлѣбныхъ округовъ Америки, оно забрало грузъ въ 87,000 бушелей и перевезло по озерамъ, порогамъ рѣки Св. Лаврентія и черезъ океанъ въ Ливерпуль.

Судно это, болѣе похожее на громадную барку, чѣмъ на пароходъ, имѣетъ форму колоссальной сигары, заостренной съ обоихъ концовъ. Палуба нѣсколько сводчата, и кромѣ небольшой башенки спереди, да надстройки позади, на ней ничего нѣтъ. Въ башнѣ помѣщается часть экипажа, въ надстройкѣ — паровая машина въ 800 лошадиныхъ силъ, рубка рулеваго, каюты: капитана, офицеровъ и инженеровъ. Снаружи судно покрыто сталью, имѣетъ длины около 40 саженъ и ширины около 6 саженъ. Внутри, на одинъ метръ выше киля, устроена для большей прочности другая стѣнка корабля, а пространство между внѣшнею и внутреннею—раздѣлено на 9 отдѣленій, которыя, у сильно нагруженнаго судна, наполняются сжатымъ воздухомъ, а у легко нагруженнаго—водою для увеличенія балласта. Вокругъ всего судна на палубѣ устроены перила изъ проволочныхъ канатовъ. Все внутреннее помѣщеніе не разгорожено, за исключеніемъ небольшаго отдѣленія для части экипажа въ башнѣ спереди, а сзади—для машины и кають для кочегаровъ. Судно сидитъ въ водѣ на 5 метровъ и поднимаетъ 3,000 тоннъ или 180,000 пудовъ. Выгоды этого судна заключаются въ сравнительной дешевизнѣ постройки, которая обходится на $^2/_3$ дешевле парохода такой же величины. Эллиптическая форма его представляетъ меньшее сопротивленіе вѣтру и непогодѣ, такъ что оно легче движется, потребляетъ вполовину менѣе угля сравнительно съ пароходомъ и требуетъ на $^1/_3$ менѣе матросовъ.

Мочальный промыселъ. (Рис. на стр. 100 и 101).

Издѣлія изъ липоваго луба составляютъ, почти во всѣхъ лѣсистыхъ губерніяхъ Россіи, весьма значительный крестьянскій промыселъ, извѣстный вообще подъ названіемъ *мочальнаго*. Промыселъ этотъ широко развитъ и въ Уфимской губерніи. На нашемъ рисункѣ мы видимъ уфимскихъ башкиръ, занятыхъ этимъ дѣломъ.

Съ молодыхъ, тонкихъ липъ сдираютъ *лыко*, которое употребляется на плетеніе лаптей, веревокъ и разныхъ котомокъ. Съ болѣе же толстыхъ липъ снимаютъ *лубки*. Лубки заготовляются двухъ родовъ. Одни называются *крышечными* или *сухими*, приготовляются длиною въ одну сажень и остаются цѣлыми во всю ширину, образуемую окружностью дерева. Эти лубки идутъ на подстилку и на покрышку разнаго товара, перевозимаго на разныхъ судахъ, на застилку крышъ крестьянскихъ избъ, на приготовленіе коробовъ для укладки сухихъ веществъ, на кузова къ санямъ и телѣгамъ, на доски для лубочныхъ картинъ и т. п. Другіе лубки называютъ *мочальными;* ихъ приготовляютъ длиною въ двѣ сажени и снимаемый съ нихъ лубъ предназначается для раздѣленія на множество тонкихъ лентъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *мочала*. Изъ мочальныхъ лентъ ткутъ цыновки, рогожи, кули, употребляютъ также мочало для набивки тюфяковъ и мебели.

Для добыванія лубковъ предпочитаютъ липовыя деревья, имѣющія длину не менѣе 4½ саженъ отъ земли до того мѣста, гдѣ толщина дерева становится 2 вершка. На мочальные лубки выбираютъ липы средняго возраста, толщиною въ 4—5 вершковъ; а болѣе старыя деревья не годятся на мочало, потому что ихъ лубъ трудно раздѣляется на ленты, да и самое мочало изъ стараго луба бываетъ непрочно и имѣетъ темный цвѣтъ. Изъ старыхъ деревъ заготовляютъ только крышечные лубки.

Липовая кора съ лубомъ сдирается весною и въ началѣ лѣта, иногда до Петрова дня. Мочальники говорятъ, что кора тогда только легко отстаетъ отъ дерева,—или, по ихъ выраженію, *падаетъ*,—когда ее отмочило дождемъ, отпарило солнцемъ и откачало вѣтромъ.

На нашемъ рисункѣ (сверху съ правой стороны) цѣлое семейство башкиръ выѣхало въ лѣсъ для заготовленія лубковъ. Одинъ парень уже тащитъ къ общему складу готовый лубокъ, а другой башкиръ, приставивъ лѣсенку, начинаетъ дѣлать надрѣзы коры, чтобъ потомъ ее снять. Но прежде чѣмъ начать надрѣзы, рабочій отмѣрилъ, съ какой высоты надо снять лубокъ, чтобъ выходило по длинѣ два, три или болѣе крышечныхъ, либо мочальныхъ лубковъ; затѣмъ кругомъ ствола, въ видѣ кольца, рабочій дѣлаетъ ножемъ или топоромъ надрѣзъ до самой древесины; и такіе же кольцеобразные надрѣзы коры дѣлаетъ въ разстояніи равномъ длинѣ лубковъ, а послѣ проводитъ одинъ разрѣзъ, также до древесины, въ вертикальномъ направленіи, вдоль ствола.

Когда все это исполнено, тогда, съ помощью клинообразно заостренной палки, отдѣляютъ со ствола всю кору, вмѣстѣ съ лубомъ.

Снятая кора принимаетъ прежнее свое положеніе какое имѣла на деревѣ, такъ что представляетъ видъ трубы, и называютъ ее тогда *скалою*. Въ другихъ мѣстностяхъ такую же операцію сдирки коры производятъ не на растущемъ деревѣ, а на предварительно срубленномъ.

Тѣ лубки, которые должны идти въ дѣло сухими или крышечными, кладутъ плашмя на землю, выпрямляя ихъ подъ гнетомъ, и когда они высохнутъ, то кору стесываютъ топоромъ. Тогда крышечный лубокъ готовъ.

Гораздо болѣе хлопотъ съ мочальными лубками; у нихъ надо не стесать верхнюю кору, а отодрать ее отъ находящагося подъ нею слоя луба, исполнить же это невозможно безъ предварительной вымочки всего лубка. Для этой цѣли всю скалу перевозятъ къ *мочищамъ*, т. е. къ прудамъ или запруженнымъ лѣснымъ рѣчкамъ, и тамъ погружаютъ лубки въ воду, а чтобы они не всплыли, кладутъ на нихъ каменья. У насъ на рисункѣ (вверху слѣва) мы видимъ такое мочище, куда грузятъ подвезенные лубки.

Въ мочищахъ лубки лежатъ не менѣе 10 недѣль, часто даже до первыхъ заморозковъ, а затѣмъ ихъ вытаскиваютъ изъ воды, раскладываютъ на берегу, корою внизъ; послѣ того рабочій, съ помощью небольшаго плоскаго деревяннаго бруска, съ округленными краями, — такъ-называемаго *калачика* *), — отдѣляетъ отъ края лубка, легонько, видимый явственно разбухшій слой мочала отъ коры и, образовавъ во всю ширину лубка щель, вкладываетъ въ нее гладкую палку и, придерживая на землѣ одною ногою кору, другою ногою подпих-

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ *кочедыкъ*.

ваетъ палку впередъ, по мѣрѣ того, какъ самъ отдираетъ руками весь толстый слой мочала.

У хорошо вымоченнаго лубка мочало отстаетъ легко.

Содранный слой мочала тотчасъ перекидывается чрезъ жерди,—такъ-называемыя *вѣшала*,—укрѣпленныя горизонтально между растущими деревьями, аршина два надъ землею. Тутъ вода стекаетъ съ мокраго лубянаго слоя, который оставляется недѣли двѣ-три на вѣшалахъ, а иногда до саннаго пути.

Нѣсколько просохшій, но все еще сырой, лубяной слой раздираютъ на ленты руками и полученныя ленты перекидываются опять на вѣшала для высушиванія, что и изображено на рисункѣ (внизу по лѣвую руку).

Просохшія ленты сортируются; лучшія изъ нихъ употребляются для основы, а худшія, неровно отдѣлившіяся и короткія, на утокъ.

Тканье рогожъ производится почти такъ, какъ и холста, т. е. чрезъ простое и довольно большое бердо снуютъ мочальныя ленты, концы которыхъ связываются и натягиваются на простую раму.

Утокъ пропускается помощью деревянной иглы, имѣющей около ³/₄ аршина длины и на обоихъ концахъ отверстія для продѣванія лентъ. На прибиваніе утка употребляютъ *трепало*, т. е. гладкую дощечку до 5 четвертей длины и около 1¹/₂ вершковъ ширины.

Ширина и длина основы зависитъ отъ того, на что предназначается рогожа.

На рисункѣ изображенъ станокъ для тканья рогожъ (внизу по правую руку); средній же рисунокъ внизу показываетъ рѣчное судно во время нагрузки его мочальными издѣліями.

Хорошій гешефтъ. (Рис. на стр. 105).

Всегда-ли „хорошій гешефтъ" означаетъ сдѣлку способную вызвать негодованіе? Есть мѣстности, въ которыхъ сынъ Израиля считаетъ себя счастливымъ, если ему удалось нажить нѣсколько копѣекъ въ день. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ есть мѣстечки исключительно еврейскія. Бѣдность ихъ неописуемая. Спрашиваютъ разъ у такого обывателя: „Чѣмъ же вы занимаетесь?"—„Хандлемъ" (торговлей).—„Съ кѣмъ же вы торгуете?"—„Ну, кто-нибудь заѣдетъ съ почтоваго шляху!" отвѣчаетъ неунывающій обыватель.

Владыка джунглей. (Рис. на стр. 108).

Тигръ встрѣчается какъ въ большихъ, высокоствольныхъ лѣсахъ, такъ и въ джунгляхъ, т. е. камышевыхъ и травяныхъ заросляхъ, съ кустарниками и немногими деревьями; но любимыя его мѣстопребыванія — именно джунгли, поросшія камышемъ берега рѣкъ, камышевидный бамбуковый кустарникъ и другія чащи. Здѣсь онъ скрывается и отсюда крадется за своей жертвой, пока не приблизится къ ней до того, что можетъ достигнуть ея въ нѣсколько прыжковъ. Сила тигра необычайна. Онъ съ легкостью влечетъ не только человѣка или оленя, но даже лошадь или буйвола на цѣлыя мили; антилопу или дикую козу онъ просто несетъ въ пасти, какъ мышенка. Послѣ очень сытнаго обѣда тигръ впадаетъ въ усыпленіе и иногда остается болѣе дня въ полубезчувственномъ положеніи. Онъ встаетъ только для того чтобъ напиться и предается пищеваренію съ нѣкотораго рода наслажденіемъ. Индусы увѣряютъ, что онъ иногда лежитъ даже до трехъ дней на одномъ и томъ же мѣстѣ. Другіе же говорятъ, что на слѣдующее утро, и самое позднее, слѣдующимъ вечеромъ, онъ возвращается опять къ прежней добычѣ, для того чтобы снова поѣсть ея, если найдетъ остатки,—отъ его стола пользуется голодная нищая мелкота, точно такъ же какъ и отъ стола льва. Шакалы, лисы и дикія собаки, шляющіеся ночью по лѣсамъ, идутъ по кровавому слѣду влекомаго тигромъ животнаго и наѣдаются до отвалу остатками.

Судъ надъ патріархомъ Никономъ.

(Рис. на стр. 109).

Художникъ избралъ темою для своего рисунка одно изъ самыхъ печальныхъ недоразумѣній, какія когда либо возникали въ Русской Церкви, и для рѣшенія котораго были призваны духовныя власти восточныхъ, единовѣрныхъ намъ Церквей.

Церковная распря, вызванная энергическою и нѣсколько суровою дѣятельностью патріарха Никона на пользу Русской Церкви, произвела сильное волненіе во всемъ современномъ русскомъ обществѣ и вызвала съ разныхъ сторонъ такіе протесты, съ которыми не легко было справиться государственной власти... Враги явились у патріарха во всѣхъ классахъ общества и даже въ народѣ; но преимущественно среди бояръ и невѣжественнаго духовенства. Враги эти не смѣли подымать голосъ противъ патріарха до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствовалъ заодно съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который видѣлъ въ немъ своего искренняго друга и находился подъ обаяніемъ умнаго и энергическаго пастыря церкви. Но когда врагамъ Никона удалось охладить дружескія отношенія между царемъ и патріархомъ, и самолюбивый, гордый Никонъ не захотѣлъ первый пойти на объясненіе со своимъ другомъ царемъ Алексѣемъ, тогда положеніе, занимаемое Никономъ, вдругъ совершенно измѣнилось. Клеветы, сплетни, измышленія самаго низкаго сорта посыпались на Никона отовсюду и приводили царя сначала въ изумленіе, а потомъ и въ раздраженіе противъ патріарха. Услужливые и хитрые наушники передавали патріарху каждое слово, каждый отзывъ государя, извращая передаваемое своими добавленіями и догадками, и наконецъ достигли того, что раздраженный Никонъ рѣшился на весьма неосторожный шагъ: въ 1658 г. онъ покинулъ Москву, отказался отъ патріаршества и удалился въ свой любимый монастырь около Москвы (въ такъ-называемый Ново-Іерусалимскій или Воскресенскій). Враги съумѣли истолковать царю Алексѣю Михайловичу этотъ неосторожный шагъ Никона (въ которомъ онъ впослѣдствіи и самъ раскаивался) въ самомъ дурномъ свѣтѣ и всѣми силами старались раздуть возникшія между царемъ и патріархомъ непріязненныя отношенія... Искусно поддерживая раздоры, вельможи, окружавшіе царя Алексѣя Михайловича и опасавшіеся Никонова вліянія, сдѣлали наконецъ невозможнымъ всякое примиреніе между патріархомъ и царемъ. Никонъ въ теченіе 8¹/₂ лѣтъ не въѣзжалъ въ Москву и не занимался дѣлами церковными, и это обстоятельство въ особенности способствовало тому, чтобы рѣшеніе распри между царемъ и патріархомъ было предоставлено на судъ восточныхъ патріарховъ, которые одни только и могли снять съ Никона санъ патріарха Всероссійскаго.

Двое изъ восточныхъ патріарховъ—патріархи Александрійскій Паисій и Антіохійскій Макарій—изъявили желаніе принять участіе въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ, и тогда царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ созвать въ Москву, для присутствованія на этомъ судѣ, всѣхъ россійскихъ епископовъ.

2 ноября 1666 года самъ царь, съ боярами и знатнѣйшимъ духовенствомъ, торжественно встрѣчалъ восточныхъ патріарховъ въ Москвѣ, а ноября 28, „по изволенію великаго государя и съ согласія патріарховъ восточныхъ" отправлены были въ Воскресенскій монастырь духовныя власти—звать Никона въ Москву на судъ, предъ Соборъ восточныхъ и русскихъ святителей.

Утромъ (въ 9-мъ часу) въ воскресенье 1 декабря 1666 г., въ царской столовой палатѣ [1]) собрался блистательный Соборъ, какого еще не видывали въ Россійской Церкви. На Соборѣ собрались два восточныхъ патріарха, семь русскихъ митрополитовъ, семь митрополитовъ греческихъ, шесть архіепископовъ русскихъ и два греческихъ, пять епископовъ русскихъ, двадцать-четыре архимандрита, семь игуменовъ, тринадцать протоіереевъ и сверхъ того два важныхъ духовныхъ лица Александрійской и Антіохійской Церквей. Сюда же явился и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный знатнѣйшими изъ бояръ, преимущественно противниковъ Никона.

Первое засѣданіе Собора началось со взаимныхъ объясненій между царемъ и Никономъ, и изъ этого объясненія не трудно было придти къ заключенію, что поводы къ ссорѣ между царемъ и патріархомъ были самые ничтожные и примиреніе между ними давно бы состоялось, если бы и царь, и Никонъ не поддались злымъ совѣтамъ враговъ тишины и мира. Царь Алексѣй Михайловичъ, во время этого объясненія „проливалъ слезы", многіе изъ присутствовавшихъ на Соборѣ также плакали. Послѣ объясненій начались нападки на Никона и обвиненія его со стороны многихъ духовныхъ властей, и Никонъ отвѣчалъ горячо, сурово и стойко.

5 декабря Соборъ собрался вновь въ томъ же помѣщеніи. Обвинители изъ духовныхъ властей опять поднялись противъ Никона, но ихъ нападки были отринуты и опровергнуты имъ блистательно. Царь требовалъ отъ бояръ уликъ противъ патріарха; но всѣ безмолвствовали... Одинъ только князь Юрій Долгорукій рѣшился говорить, но говорилъ такъ неосновательно, что долженъ былъ замолчать... Второе засѣданіе Собора закончилось опять „тихою бесѣдою" царя съ Никономъ, изъ которой лишь весьма немногое могли слышать близъ стоявшіе... Это свиданіе Никона съ царемъ было послѣднимъ: они уже никогда больше не видѣлись. Послѣ этой бесѣды, засѣданіе Собора продолжалось еще до вечера и не привело собравшихся ни къ какому рѣшенію.

Затѣмъ, еще недѣля прошла въ совѣщаніяхъ духовныхъ властей. Только трое изъ всѣхъ русскихъ епископовъ подали голосъ въ пользу Никона, которому они хотѣли сохранить санъ святительскій, лишая его только патріаршества. Всѣ остальные настаивали на томъ, чтобы Никонъ былъ лишенъ патріаршества и святительства и отправленъ на покаяніе въ одинъ изъ дальнихъ монастырей. Это большинство, враждебное къ нему, взяло верхъ надъ меньшинствомъ.

12 декабря открылось третье засѣданіе Собора. Царь на немъ не присутствовалъ. Засѣданіе происходило уже не во дворцѣ, а въ небольшой Благовѣщенской церкви, надъ воротами Чудова монастыря. Здѣсь прочтены были Никону обвинительные противъ него пункты и объявлено рѣшеніе восточныхъ патріарховъ: „отнынѣ ты уже не долженъ называться патріархомъ и жить въ созданномъ тобою Воскресенскомъ

[1]) Эта столовая палата, извѣстная нынѣ подъ названіемъ *золотой*, сохранилась въ полной неприкосновенности въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Анджело Мазини. Съ фот. грав. Барановскій.

Марчелла Зембрихъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

монастырѣ, но долженъ идти на покаяніе въ назначенный тебѣ отъ царя и Собора Ѳерапонтовъ монастырь".

Отпущенный Соборомъ, но не убѣжденный въ своей виновности, Никонъ, садясь въ сани, говорилъ во всеуслышаніе:

— Никонъ! Никонъ! Вотъ за что все это тебѣ: не говори правды, не теряй царской дружбы...

Вскорѣ послѣ того онъ былъ отправленъ въ назначенную ему дальнюю обитель и, какъ извѣстно, впослѣдствіи, умеръ, возвращаясь изъ ссылки, уже въ царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича.

Нужно ли добавлять, что всѣ духовныя власти, осудившія Никона, на томъ же Соборѣ *отнеслись съ полнѣйшимъ одо-*

Ливія Дрогъ.

Сивилла Сандерсонъ.

бреніемъ къ приведенному имъ въ исполненіе дѣлу исправленія церковныхъ книгъ.

П. Полевой.

Иностранные пѣвцы въ СПБ. (Портреты на стр. 113).

Время процвѣтанія искусства bel canto слѣдуетъ считать прошедшимъ или, вѣрнѣе, отошедшимъ въ исторію; нѣтъ болѣе мастеровъ пѣнія, и искусство это со времени развитія новыхъ, если хотите, болѣе раціональныхъ требованій отъ оперы, доживаетъ послѣдніе дни. Исторія вообще не знаетъ скачковъ и переходы отъ одной формы развитія къ другой совершаются обыкновенно постепенно; въ каждомъ періодѣ можно найти существенные остатки доживающей формы и зародышъ будущей, нарождающейся. Искусство пѣнія также постепенно вымираетъ и остатки его, подобно угасающему пламени, вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ; но свѣтъ этотъ мимолетный, преходящій и неустойчивый. Вдругъ разнесется слухъ: народилась новая звѣзда на вокальномъ горизонтѣ („услужливыхъ" журналистовъ развелось видимо-невидимо), и проблеснетъ она ненадолго, пока не убѣдятся, что блескъ этотъ искусственный, что свѣтъ ея электрическій и что не въ силахъ она вернуть прежнія времена.

Пробовали и пробуютъ „создавать" знаменитостей, особенно охотно этимъ занимаются въ Парижѣ. Какому-нибудь композитору необходимо обратить на себя вниманіе; на свои силы и талантъ онъ мало разсчитываетъ или же у него не хватаетъ терпѣнія дождаться успѣха естественнымъ путемъ (въ нашъ вѣкъ телеграфовъ и телефоновъ — терпѣніе и трудъ стали очень рѣдки); онъ высматриваетъ у профессоровъ пѣнія — обыкновенно очень падкихъ на рекламу и шумъ (и они — дѣти своего времени) — какую-нибудь пѣвицу, способную на что-нибудь оригинальное: или у нея какая-нибудь высокая нота найдется, или у нея усовершенствованъ какой-нибудь техническій отдѣлъ (трель, staccato и т. п.),—и вотъ онъ начинаетъ подгонять свое произведеніе къ найденной имъ особенности у той или другой пѣвицы. Если голосъ у нея слабый вообще, онъ заставляетъ оркестръ молчать, когда она поетъ; вводитъ въ партію, написанную для нея, ту именно особенность, отъ которой онъ пришелъ въ восторгъ и на которую онъ разсчитываетъ, какъ на главный гвоздь своего успѣха.

Такимъ образомъ „создана" была Ванъ-Зандтъ, для которой Делибъ написалъ „Лакмэ"; у нея хорошее staccato — и всѣ фіоритуры партіи сводятся къ этой технической подробности; трель у нея плоха — и во всей партіи композиторъ старается избѣгнуть ея, какъ и вообще всего того, что не подходитъ къ арсеналу техники данной пѣвицы. Расчетъ вѣренъ: опера имѣетъ успѣхъ, пѣвица прославляется. Но на одной партіи пѣвцу сидѣть нельзя, и вотъ, когда дутая звѣзда начинаетъ показываться въ другихъ роляхъ, тутъ-то и убѣждаются, что это былъ мыльный пузырь, что звѣзда блеститъ только въ своей деревнѣ, а въ другой ужь ея и не видно. Такъ было съ Ванъ-Зандтъ, когда она взялась за „Севильскаго Цырюльника", „Миньону" и другія партіи, для которыхъ требуется еще кое-что кромѣ staccato, которымъ она ослѣпляла въ „Лакмэ". Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Петербургъ она уже никого не привлекала и сборы не окупали даже расходовъ, нужныхъ для уплаты ей одной за ея выходы.

И г-жа Ванъ-Зандтъ не единичный продуктъ рекламы.

Другой примѣръ — г-жа Сандерсонъ и „Эсклармонда" Массенэ. Талантъ его весьма ограниченъ; успѣха онъ, несмотря на цѣлый десятокъ оперъ библейскаго, романтическаго и инаго содержанія, не имѣлъ нигдѣ и никакого, кромѣ Парижа, и то вѣроятно благодаря „друзьямъ" въ печати; захотѣлось большаго, и вотъ начинаются поиски за чѣмъ-либо выдающимся; нашлась въ школѣ Маркези пѣвица, у которой есть необычайно высокая нота *fa*; вотъ то, что требуется; къ тому же она молода и красива; дѣло сдѣлано, и даже немного нужно для этого: въ одномъ только мѣстѣ достаточно ввести каденцу съ этой высокой нотой, чтобы поразить и ослѣпить публику, и успѣхъ будетъ, если не оперы, то этой пѣвицы и въ особенности того мѣста, куда вставлена высокая нота. А чтобы произвести еще большій шумъ, можно прибавить, что пѣвица и не думала о сценической карьерѣ, что стоило невѣроятныхъ усилій убѣдить ее выступать (и конечно не меньше какъ за 1,000 рублей въ вечеръ) и пр., или придумать какую-нибудь небылицу въ родѣ легенды о г-жѣ Никита, попавшей будто бы въ плѣнъ къ индѣйцамъ и спасшейся, благодаря „феноменальному" голосу, очаровавшему дикарей.

Прежде къ такимъ экстраординарнымъ мѣрамъ рекламы не прибѣгали: не композиторы унижались до такихъ способовъ прославленія своего имени, а артисты возвышались до идеаловъ авторовъ; прежде артисты вырабатывали изъ себя пѣвцовъ, подгоняли свои способности къ художественнымъ образцамъ, подымали свое искусство и его развитіе до уровня господствовавшихъ идеаловъ. Теперь, наоборотъ, композиторы роняютъ свое достоинство, и въ погонѣ за дешевыми хлопками и мимолетнымъ шумомъ размѣниваются на гроши и низводятъ вкусы публики на самую низкую ступень. Стремленіе къ возвышеннымъ задачамъ болѣе рѣдкое явленіе; къ счастью, оно все же еще существуетъ и среди композиторовъ, и среди исполнителей; но не во Франціи и Америкѣ нужно искать тѣхъ и другихъ; напротивъ, къ патентамъ этихъ странъ слѣдуетъ скептически относиться; патентованными продуктами американско-французскаго производства являются и г-жа Сандерсонъ, и г-жа Никита, и др. Можно только сожалѣть, что люди, которыхъ слѣдуетъ считать компетентными, также ослѣплены рекламой и видятъ солнце въ обыкновенной свѣчкѣ...

Послѣдними изъ могиканъ *искусства пѣнія* должно считать гастролирующихъ въ итальянской оперѣ у насъ г-жу Зембрихъ и г. Мазини. Первая — дѣйствительно „первая" послѣ Патти колоратурная пѣвица въ Европѣ, и кому не извѣстно, сколько ей стоило добиться своего положенія въ артистическомъ мірѣ; для нея никто не писалъ никакихъ оперъ; *она* выработала свой репертуаръ; правда, онъ не особенно богатъ количествомъ, за то качество его самой высокой пробы. Она за свой репертуаръ и отвѣчаетъ. Впрочемъ, кто же не слыхалъ г-жу Зембрихъ и кто не восторгался ея голосомъ, его обработкой и мастерскимъ исполненіемъ? Г-жа Зембрихъ теперь обогатила свой репертуаръ Маргаритой („Фаустъ"), партіей менѣе подходящей къ ея голосовымъ средствамъ, но это все же доказываетъ стремленіе къ новымъ завоеваніямъ, желаніе сдѣлать что-нибудь новое... Какъ странно, что наша образцовая сцена ее не приглашаетъ на гастроли, тѣмъ болѣе, что г-жѣ Зембрихъ, какъ полькѣ, очень не трудно было бы выучить свой репертуаръ по-русски.

А г. Мазини? За нимъ ужь давно упрочилось—и совершенно справедливо — имя „короля теноровъ"; да, онъ дѣйствительно въ своей сферѣ стоитъ не ниже Рубинштейна. Кромѣ поистинѣ феноменальнаго голоса, равнаго которому нѣтъ въ настоящее время, онъ поражаетъ своею школой, своимъ безконечнымъ дыханіемъ. И какое разнообразіе репертуара: самыя сильныя драматическія партіи чередуются съ самыми комическими! Заняло бы слишкомъ много мѣста перечисленіе всѣхъ оперъ, въ которыхъ пѣлъ г. Мазини; достаточно сказать, что ихъ около 50. И все-таки онъ продолжаетъ расширять свой репертуаръ; недавно еще онъ пѣлъ у насъ въ новыхъ для него операхъ: „Искателяхъ жемчуга" и „Сельской чести". Про него обыкновенно говорятъ, что онъ не обращаетъ вниманія на сценическую игру; это справедливо только отчасти. Если онъ въ духѣ, онъ умѣетъ и прекрасно играть, напримѣръ въ „Риголетто", „Фавориткѣ", „Севильскомъ цырюльникѣ" и др.

Къ сказанному объ иностранныхъ пѣвцахъ, посѣтившихъ Петербургъ въ текущую зиму, слѣдуетъ прибавить два слова о г-жѣ Дрогъ, одной изъ лучшихъ исполнительницъ въ итальянской оперѣ. Г-жа Дрогъ выступала въ партіяхъ Аиды, Элеоноры („Трубадуръ"), Донны-Анны („Донъ-Жуанъ", шедшій безъ исполнителя заглавной партіи; главнаго героя пѣлъ „древнѣйшій Донъ-Жуанъ" г. Падилла) и Валентины („Гугеноты").

В. Баскинъ.

Разведеніе гусей въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. (Рис. на стр. 116).

Разведеніе гусей въ Соединенныхъ Штатахъ принимаетъ иногда значительные размѣры и притомъ въ чрезвычайно любопытной обстановкѣ. На выдѣлку перинъ и подушекъ въ Штатахъ ежегодно потребляется 1.350,000 килограммовъ пуху. Такъ какъ съ одного гуся среднимъ числомъ получается 450 граммовъ пуху, то для полученія помянутаго количества, приходится ощипать около *трехъ* милліоновъ гусей. Штаты наиболѣе занимающіеся разведеніемъ гусей суть Иллинойсъ, южная часть Миссури, Кентукки, Арканзасъ и Тенесси. Дѣло въ томъ, что нуженъ климатъ довольно холодный для того чтобы пухъ былъ тонокъ и густъ, но не суровый, такъ какъ въ студеную зиму гуси, не находя ни подножнаго корма, ни въ водѣ покрытой льдомъ, должны кормиться на птичномъ дворѣ, а каждый изъ нихъ съѣдаетъ зерна не менѣе чѣмъ овца. Жаркія страны также неудобны для разведенія гусей по недостатку воды. Американцы, впрочемъ, нашли средство пособить и этому горю. Одинъ путешественникъ по Алабамѣ встрѣтилъ между Портерсгаемъ и Миллерсвилемъ погонщика гнавшаго дюжину гусей на поля хлопчатника. У каждаго гуся на груди висѣла фляжка съ водой. Фляжки эти содержатъ дневной запасъ потребный для гуся; гуси проводятъ день на плантаціяхъ хлопчатника, поѣдая сорныя травы, т. е. играютъ роль полольщицъ, и утоляютъ жажду другъ у друга, какъ видно на рисункѣ, заимствованномъ нами изъ *Nature*.

Своеобразный ночникъ. (Рис. на стр. 117).

Въ наполненный водою стаканъ погружаютъ огарокъ свѣчи, отягощенный воткнутымъ снизу гвоздемъ. Толщина и тяжесть этого гвоздя должны быть таковы, чтобы свѣча погружалась какъ разъ до верхняго своего края и плавала такимъ образомъ, не подмачивая свѣтильни. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, это легко налаживается. Затѣмъ зажигаютъ свѣчу и объявляютъ зрителямъ, что она будетъ горѣть и сгоритъ до самаго конца. Какъ это ни удивительно, однако нѣтъ ничего естественнѣе. Огарокъ становится тѣмъ легче, чѣмъ болѣе

сгораетъ его сверху, а потому въ той же мѣрѣ все поднимается всплывая на поверхность воды, и пламя не гаснетъ. Кромѣ того, охлаждаемый водою стеаринъ или воскъ горитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ на воздухѣ, и въ то же время пламя образуетъ на верхнемъ концѣ свѣчи впадинку (см. маленькій рисунокъ справа), которая также дѣлаетъ свѣчу легче и предохраняетъ свѣтильню отъ соприкосновенія съ водой. Такимъ образомъ свѣча догораетъ до конца.

Политическое обозрѣніе.

15 января Германія праздновала день рожденія своего императора. По этому случаю въ Берлинѣ состоялся въ Рыцарскомъ залѣ Зàмка парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали императорская чета, короли Саксонскій и Виртембергскій, великіе герцоги Баденскій и Гессенскій, другія Августѣйшія особы и Великій Князь Алексѣй Александровичъ, который находился въ это время въ Берлинѣ, на обратномъ пути изъ Англіи, куда Его Высочество ѣздилъ по случаю кончины герцога Кларенскаго. Вечеромъ происходилъ парадный спектакль въ оперномъ театрѣ. 20 января императоръ издалъ манифестъ, въ которомъ выражаетъ благодарность народу за вѣрноподданническое участіе, проявленное имъ въ день рожденія императора. Въ манифестѣ говорится, между прочимъ, что празднованіе дня рожденія было, къ сожалѣнію, омрачено глубокопечальными событіями въ царственныхъ фамиліяхъ, состоящихъ въ близкомъ родствѣ и тѣсной дружбѣ съ императорскимъ домомъ.

Около этого времени Германскій рейхстагъ обсуждалъ законопроектъ, касающійся примѣненія таможенныхъ льготъ и изъятій, установленныхъ договорами для ввоза въ Германію товаровъ изъ государствъ, не пользующихся положеніемъ наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. Депутатъ Клейстъ-Рецовъ высказалъ предположеніе, что Союзный Совѣтъ предоставитъ и Россіи условія наиболѣе благопріятствуемой націи; но статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ Маршаль возразилъ на это, что Союзный Совѣтъ воспользуется предоставленнымъ ему въ этомъ смыслѣ правомъ только относительно такихъ государствъ, которыя обнаружатъ серьезное желаніе войти съ Германіей въ постоянныя сношенія.

Въ Парижѣ *Journal Officiel* напечаталъ декретъ о введеніи въ дѣйствіе съ 1 февраля новаго порядка торговыхъ сношеній. Министръ Рибо, въ своемъ докладѣ, приводитъ объясненіе насчетъ истекающихъ торговыхъ договоровъ и излагаетъ ходъ переговоровъ по этому поводу съ различными европейскими государствами. Изъ этого изложенія видно, что Швеція съ Норвегіей, Голландія, Бельгія, Швейцарія и Греція находятся въ тѣхъ предусмотрѣнныхъ закономъ условіяхъ, которыя даютъ имъ право воспользоваться съ 1 февраля минимальнымъ тарифомъ. Рибо заявляетъ, что переговоры съ Испаніею представятъ затрудненія, „и мы — прибавляетъ министръ — должны отклонить отъ себя отвѣтственность за разрывъ, который находился бы въ полномъ несоотвѣтствіи съ чувствами обѣихъ странъ“. Выгоды минимальнаго тарифа распространятся на Россію, Англію, Германію, Австро-Венгрію, Турцію, Данію и Мексику.

По поводу прекращенія торговыхъ сношеній между Франціею и Испаніей, испанская газета *Imparcial* возлагаетъ отвѣтственность на французское правительство, а *Globo* ставитъ, напротивъ, это въ вину испанскому протекціонизму.

16 января начались выборы въ венгерскую палату депутатовъ. Хотя они еще не кончены, но по полученнымъ свѣдѣніямъ о результатахъ выборовъ въ Венгріи, либеральная правительственная партія утратила уже пятнадцать мѣстъ. Такимъ образомъ цѣль распущенія палаты, заключавшаяся въ ослабленіи оппозиціи, не достигнута. Оппозиціонныя газеты уже ликуютъ, предсказывая, что въ будущей палатѣ борьба противъ правительства выразится сильнѣе прежняго. Изъ многихъ мѣстъ, гдѣ происходили выборы, сообщаютъ о безпорядкахъ, сопровождавшихся, кровопролитіемъ; было много убитыхъ и раненыхъ. Вѣнская *Allgemeine Zeitung* указываетъ также на близость парламентскаго кризиса въ Австріи. Въ составѣ нѣмецко-либеральной партіи обнаружилась оппозиція; съ другой стороны, умѣренная фракція младочеховъ собирается присоединиться къ феодальному дворянству и старочехамъ. Вслѣдствіе этого правительственная партія будетъ отнынѣ состоять изъ поляковъ, клуба Гогенварта, праваго крыла нѣмецко-либеральной партіи, клуба Коронини и новой чешской партіи. Въ Львовѣ происходилъ съѣздъ членовъ старорусской партіи; на него прибыло нѣсколько тысячъ человѣкъ. Предсѣдателемъ съѣзда состоитъ соборный священникъ Павликовъ. Съѣздъ принялъ резолюцію, въ которой выражено, что единственнымъ ручательствомъ въ прочности политическаго преуспѣянія слѣдуетъ признать объединеніе всѣхъ русскихъ фракцій. Въ засѣданіи высказаны были рѣзкія порицанія дѣйствіямъ младо-русовъ, которые, поддавшись различнымъ обѣщаніямъ, обратились въ безусловныхъ друзей поляковъ и правительства, тогда какъ данныя ими обѣщанія остались невыполненными. Заявлено было также о необходимости раздѣленія Галиціи на двѣ части и введенія прямаго избирательнаго права въ сельскихъ общинахъ. Съѣздомъ получено болѣе ста телеграммъ, съ выраженіемъ сочувствія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 18 января, въ Петропавловскомъ соборѣ происходило погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Е. И. В. Генералъ-Адмирала Вел. Кн. Константина Николаевича. По окончаніи литургіи, началось отпѣваніе, на которое вышелъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ. Послѣ отпѣванія, Высочайшія Особы послѣдній разъ поклонились тѣлу въ Бозѣ почившаго Великаго Князя, адмиралы сняли съ гроба кормовой флагъ, а адъютанты покойнаго Великаго Князя принесли крышку отъ гроба. По закрытіи гроба, Государь Императоръ и Великіе Князья подняли гробъ и, въ предшествіи митрополита и духовенства, понесли къ устроенной въ соборѣ могилѣ; по сторонамъ гроба шли шесть гренадеръ дворцовой роты и десять фельдфебелей, вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ. Когда гробъ опустили въ могилу, загремѣлъ послѣдній салютъ въ Бозѣ почившему Генералъ-Адмиралу.

— 19 января въ Собственный Его Величества (Аничковъ) Дворецъ къ Высочайшему завтраку были приглашены его королевское высочество наслѣдный принцъ Шведско-Норвежскій Густавъ со свитою и уполномоченные иностранныхъ державъ, прибывшіе въ СПБ. на погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Вел. Кн. Константина Николаевича. 20 января, въ пять часовъ пополудни, принцъ Густавъ возвратился съ охоты на медвѣдей, въ окрестностяхъ деревни Ящуръ. Охота началась въ 9 часовъ утра и происходила въ глухомъ лѣсу. Одинъ изъ медвѣдей убитъ принцемъ. 22 января принцъ Густавъ и его свита были приглашены къ Высочайшему обѣду въ Собственный Его Величества (Аничковъ) Дворецъ. Послѣ обѣда, въ 9 часовъ вечера, наслѣдный принцъ отправился на Николаевскій вокзалъ, для слѣдованія въ Москву. На вокзалъ провожать его королевское высочество прибыли Его Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 28 ноября 1891 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: на расходы по производству общественныхъ работъ ассигновать изъ суммъ Государственнаго Казначейства 10 милліоновъ руб.

На счетъ этого ассигнованія, въ первомъ засѣданіи особаго совѣщанія, состоявшемся 18 декабря прошлаго года, предназначено къ отпуску:

1) На разработку лѣса . . .	3.175,000 р.
2) На улучшеніе существующихъ грунтовыхъ дорогъ въ 6 губерніяхъ	1.290,000 „
и 3) На постройку шоссе .	425,000 „
	4.890,000 р.

— Государь Императоръ, 20 января, Высочайше соизволилъ на предоставленіе Министру Государственныхъ Имуществъ права въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, отпускать для надобностей народныхъ столовыхъ, устраиваемыхъ съ цѣлью прокормленія пострадавшаго отъ неурожая населенія, дрова изъ казенныхъ дачъ безплатно, съ тѣмъ, чтобы такой отпускъ производился во все время существованія этихъ столовыхъ и въ количествѣ необходимомъ для ихъ потребностей.

Военное и морское дѣло.

— Государь Императоръ, 14 декабря минувшаго года, Высочайше соизволилъ утвердить образецъ драгунской 3-хъ-лин винтовки со штыкомъ, для перевооруженія войскъ, имѣющихъ нынѣ 4,2 лин. винтовки Бердана драгунскаго образца и безъ штыка, для всѣхъ казачьихъ частей войскъ, имѣющихъ нынѣ на вооруженіи казачьи винтовки Бердана.

— Состоящій на службѣ, въ чинѣ подполковника, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, расположенномъ въ Пятигорскѣ, принцъ Луи Наполеонъ Бонапартъ часто совершаетъ поѣздки въ Нальчикскій округъ, на земли кабардинскихъ помѣщиковъ, съ цѣлью охоты на крупнаго звѣря и фазановъ. Принцъ живо интересуется горскими племенами, населяющими сѣверный Кавказъ, и будущею весною предполагаетъ совершить поѣздку въ сѣверную Осетію и Чечню. Въ настоящее время онъ настолько освоился съ разговорною русскою рѣчью, что большею частью объясняется безъ помощи переводчика.

Сельское хозяйство.

— Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской, и Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, во многихъ сельскихъ хозяйствахъ введенъ въ послѣднее время посѣвъ костра безостнаго (Bromus inermis). Это растеніе требуетъ тщательной обработки почвы, такъ какъ благопріятный ростъ его обусловливается хорошимъ развитіемъ корней. Лучшіе урожаи костра получаются на заливныхъ лугахъ. Костеръ даетъ два укоса, а въ лучшіе годы даже три.

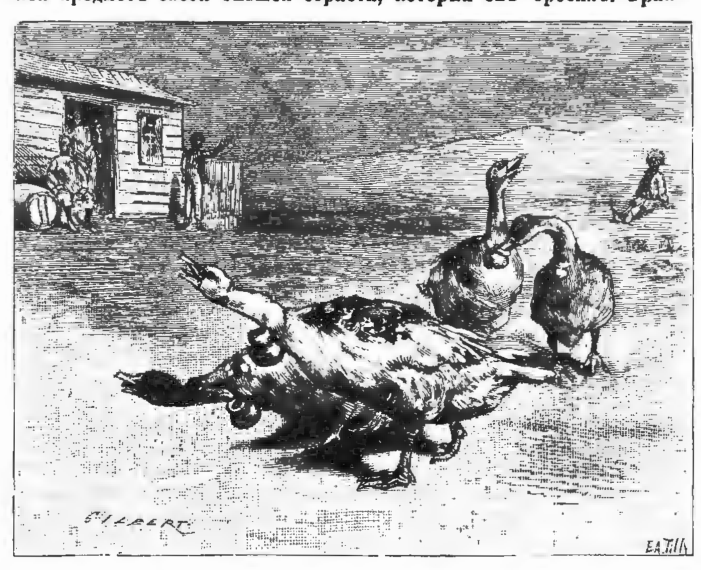
Торговля.

— Изъ Одессы отъ 19 января сообщаютъ, что еженедѣльный вывозъ сахара въ Персію, Италію и Англію увеличился до 150 тысячъ пудовъ.

Искусство.

„Поэтъ“.—На Маріинской сценѣ поставлена новая опера въ одномъ дѣйствіи г. Кроткова, дирижера Александринскаго театра, на французскій сюжетъ Курнье „Le doute et la croyance“, которая очень понравилась публикѣ, главнымъ образомъ благодаря „легкой музыкѣ“ и въ особенности исполнителямъ, г-жамъ Фигнеръ и Долиной и гг. Фигнеру и Яковлеву, положившимъ много стараній на изученіе своихъ партій. Музыкантамъ-спеціалистамъ легкая композиція не можетъ нравиться; но любители безпретенціозной музыки, ищущіе въ слушаніи ея пріятнаго препровожденія времени, очень довольны этой работой, разсчитанной на силы названныхъ артистовъ, дѣйствительно вывозящихъ эту оперу на своихъ плечахъ.

Сюжетъ „Поэта“ незамысловатъ. Поэтъ Луиджи любитъ свою невѣсту Франческу; къ нему пріѣзжаетъ братъ Фабіо, узнающій въ ней предметъ своей бывшей страсти, который онъ бросилъ. Франческа умоляетъ его пощадить и не губить ее, такъ какъ она не знала, что Луиджи братъ Фабіо; этотъ разговоръ подслушиваетъ Луиджи и отталкиваетъ ее отъ себя, а она съ отчаянія бросается въ воду. Не будучи въ состояніи пережить свою возлюбленную, Луиджи закалывается. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи въ XVI вѣкѣ. Опера названа „лирическимъ этюдомъ“; не знаемъ, почему не драматическимъ. Также не вытекаетъ изъ сюжета, почему Луиджи—„поэтъ“. Но видимо композиторъ такими вопросами не задавался, и написалъ легкую вещь, нравящуюся, потому что исполнители превосходны, въ особенности чета Фигнеръ. Вмѣстѣ съ „Эсклармондой“ „Поэтъ“ составляетъ новинку сезона, а русскія оперы и притомъ извѣстныхъ композиторовъ, какъ напр., Сѣрова, Рубинштейна, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова и др. обождутъ будущаго сезона. (в. в.).

Гуси въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

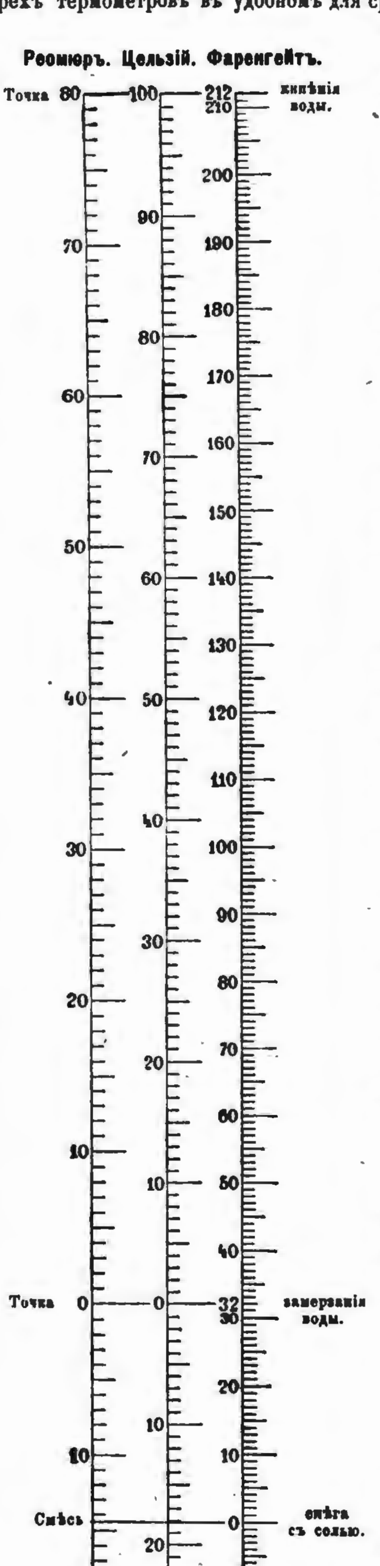
Выставки рисунковъ, такъ-называемыя Blanc et Noir (Бѣлое и черное), наряду съ выставками масляной живописи и акварелей, прочно привились въ Петербургѣ. Открытая на-дняхъ въ помѣщеніи Имп. Общества поощренія художествъ, выставка Blanc et Noir, устроенная гг. Бенуа, Гефтлеромъ, Каразинымъ и Крыжицкимъ, какъ и предшедшія, весьма интересна. Какъ и на всевозможныхъ выставкахъ живописи, здѣсь преобладаютъ ландшафты, исполненные углемъ, карандашемъ, тушью, сепіей и перомъ. Особенно выдаются произведенія проф. Лагоріо и Мещерскаго, Бенуа, Казанцева, Писемскаго, Крыжицкаго и др. Переходъ отъ пейзажа къ жанру представляютъ мастерскія охотничьи и другія сцены Н. Н. Каразина. Въ портретной живописи первое мѣсто занимаетъ, какъ и слѣдуетъ, г. Рѣпинъ, изобразившій широкими штрихами угля г-жу Дузе, которая какъ бы живетъ передъ нами каждою чертой своего лица, съ поразительно уловленнымъ сходствомъ. Очень хороши копіи головъ съ картинъ Бруни, также углемъ П. Зермы. Прелестны, какъ всегда, женскія головки В. Боброва, карандашемъ и сангины. Наконецъ жанры Бонча-Томашевскаго, Навозова, Урлауба, а также иллюстраціи проф. Дмитріева-Оренбургскаго и Самокишъ-Судковской.

Особое отдѣленіе занимаютъ экспонаты издателя „Нивы“, А. Ф. Маркса. Это цѣлая коллекція оригинальныхъ рисунковъ: Александровскаго, Броллинга, Волкова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зощенка, Кравченка, Князева, Кившенка, Соломка, Судковскаго, Трутовскаго, Штейна; гравюры на деревѣ, гуттаперчевыя матрицы съ гравюръ на деревѣ, гальванопластическія клише, автотипіи, дающія полное понятіе о воспроизведеніи рисунковъ въ иллюстрированномъ журналѣ.

Электрическая выставка въ С.-Петербургѣ открылась вечеромъ 11 января въ зданіи Соляного Городка, въ присутствіи гг. министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ — статсъ-секретаря И. Н. Дурново и Финансовъ—И. А. Вышнеградскаго. Подъ выставку отведены шесть залъ и павильоновъ, изъ которыхъ самый обширный въ серединѣ. Выставка крайне интересна и охотно посѣщается не только лицами, близко интересующимися громадными успѣхами электричества за послѣдніе годы, но и просто любопытными, находящими на ней не мало занятнаго и поучительнаго.

Смѣсь.

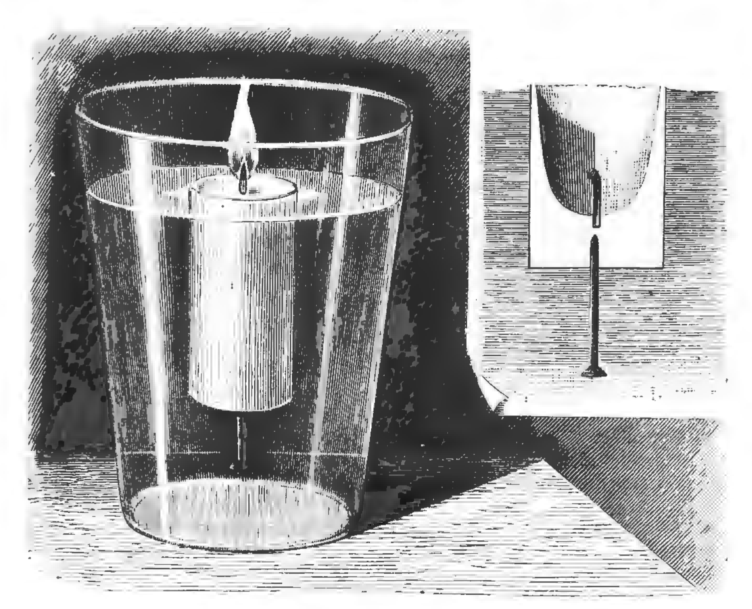
Наиболѣе употребительные термометры. Въ виду все еще продолжающихся холодовъ и вообще большой важности измѣренія температуры, для каждаго дома важно знать различіе въ градусахъ наиболѣе употребительныхъ термометровъ: Реомюра, Цельзія и Фаренгейта. На приложенномъ рисункѣ изображены дѣленія всѣхъ трехъ термометровъ въ удобномъ для сравненія видѣ. Еще Галилей дѣлалъ слѣдующій опытъ: „бралъ стеклянный сосудъ величиною съ куриное яйцо, снабженный тонкою трубкою локтя въ два длиною, нагрѣвалъ сосудъ рукою и опрокидывалъ въ поставленный стаканъ. Когда воздухъ охлаждался, вода поднималась въ трубкѣ больше чѣмъ на локоть выше уровня жидкости въ стаканѣ“. На основаніи этого опыта Галилей, кажется, первый приготовилъ инструментъ для измѣренія степени тепла и холода. Далѣе члены флорентинской академіи del Cimento (около 1662 г.) употребляли въ качествѣ термометра резервуаръ съ трубкой, наполненный спиртомъ, который описывали слѣдующими словами: „Термометръ есть инструментъ, служащій для измѣренія степени тепла воздуха. Онъ состоитъ изъ стеклянной трубки, оканчивающейся на одномъ концѣ шарикомъ изъ того же вещества... Термометръ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе діаметръ шарика сравнительно съ діаметромъ трубки... Чтобы наполнить термометръ, разогрѣваютъ на огнѣ шарикъ, дабы выгнать воздухъ чрезъ открытое отверстіе, и погружаютъ тотчасъ же отверстіе въ спиртъ, который и входитъ въ снарядъ по мѣрѣ того, какъ внутренній воздухъ (охлаждаясь) сгущается... Трубку раздѣляютъ помощію циркуля на десять равныхъ частей, которыя и отмѣчаютъ маленькими шариками изъ бѣлой эмали, для посредствующихъ дѣленій употребляютъ шарики другаго цвѣта... Спиртъ предпочтенъ водѣ, потому что вода съ теченіемъ времени даетъ осадокъ, затемняющій стекло“. Въ виду произвольности раздѣленія трубки, показанія различныхъ термометровъ не могли быть сравниваемы безъ предварительной провѣрки. Для устраненія этого громаднаго недостатка Фаренгейтъ (1686—1736), славившійся искусствомъ приготовлять чувствительные и согласные между собою термометры, предложилъ новый способъ ихъ приготовленія. Нулевое дѣленіе своего термометра онъ установилъ по самой низшей температурѣ, бывшей зимою въ 1709 г. въ Данцигѣ; впрочемъ, та же самая степень холода получается когда угодно при смѣшеніи 1 части поваренной соли съ 4 частями снѣга. Исходя изъ этой точки Фаренгейтъ въ первый разъ вѣроятно просто откладывалъ на трубкѣ произвольныя части, причемъ температура кипѣнія воды пришлась на 212°. По показанію извѣстнаго философа XVIII вѣка Вольфа крайнія точки Фаренгейтовой скалы суть: температура смѣси льда и соли и температура кипѣнія ртути, пространство между которыми дѣлится на 600 равныхъ частей, что даетъ 32° для температуры замерзанія воды. Французъ Реомюръ принялъ за нуль своего термометра температуру та-

ющаго льда, затѣмъ замѣчалъ высоту ртутнаго столба при опусканіи въ кипящую воду и пространство между двумя этими постоянными точками дѣлилъ на 80 частей. Пришлось бы долго разсказывать, почему онъ избралъ именно это число. Съ того времени, какъ появились десятичныя мѣры, конечно, термометръ не могъ удержать число 80. Поэтому Цельзій (1701—1744) раздѣлилъ пространство между постоянными точками на 100 равныхъ частей. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что 80° по Реомюру равны 100° по Цельзію и (такъ какъ точка замерзанія воды соотвѣтствуетъ у Фаренгейта 32°, то, вычитая изъ 212°—32, и получимъ) 180° по Фаренгейту, т. е. относятся какъ 4:5:9. Замѣчательно, что англичане привыкли къ нѣмецкому термометру (Ф.), нѣмцы къ французскому (Р.), а французы къ шведскому (Ц); мы, русскіе, болѣе употребляемъ реомюровскіе. Термометры Фаренгейта удержались во всеобщемъ употребленіи лишь въ Великобританіи и Америкѣ; реомюровскіе изъ Франціи скоро перешли въ Германію, гдѣ и пользуются всеобщимъ распространеніемъ. Въ ученомъ мірѣ, равно какъ вездѣ на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ Австріи и Франціи употребляется **термометръ** Цельзія, который, надо надѣяться, современемъ вытѣснитъ всѣ остальные.

Тюльпаноманія. Многіе ломали голову надъ тѣмъ отчего въ половинѣ XVII столѣтія за тюльпаны и луковицы ихъ платились баснословныя суммы, въ особенности въ Голландіи. Что за непонятная страсть къ цвѣтамъ обуяла людей? На дѣлѣ ни о какой страсти къ цвѣтамъ здѣсь не было и помину; тюльпаны просто были тѣмъ же самымъ, что теперь желѣзнодорожныя и другія акціи, т. е. объекты съ помощью которыхъ совершались спекуляціи на разницу въ цѣнѣ. Чтобы понять какъ велись операціи съ тюльпанами, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Положимъ одинъ купецъ обязался продать дворянину тюльпановую луковицу черезъ 6 мѣсяцевъ за 1000 гульденовъ. Но черезъ 6 мѣсяцевъ этотъ родъ тюльпановъ, благодаря спросу, вдругъ повысился въ цѣнѣ на 500 гульденовъ, тогда дворянинъ могъ не покупая цвѣтка потребовать съ купца 500 гульденовъ. Если тюльпанъ наоборотъ понизился въ цѣнѣ, то дворянинъ платилъ купцу разницу. (к).

Щука—береговой хищникъ. Давно извѣстно, что угорь иногда по ночамъ выходитъ изъ воды на берегъ, въ сырыя мѣста. Прежде полагали, что онъ ѣстъ траву и зеленый горошекъ; теперь вполнѣ выяснено, что онъ выходитъ ловить жирныхъ улитокъ, составляющихъ для него большое лакомство. Но слыхалъ-ли кто-нибудь чтобы хищникъ нашихъ прѣсныхъ водъ щука (Esox lucius) выходила на землю за добычей? Многіе усомнятся въ этомъ, а между тѣмъ г. Нейзе утверждаетъ, что дважды былъ свидѣтелемъ этого интереснаго явленія. Въ первый разъ подлѣ Глюкштадта въ Голштиніи, онъ видѣлъ щуку длиною въ полметра на болотистомъ лугу, гдѣ она весело прыгала. Ему удалось схватить ее руками. Когда онъ хотѣлъ подѣлиться своимъ удивленіемъ со своимъ спутникомъ, мѣстнымъ жителемъ, тотъ сталъ увѣрять его, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и что щуки часто выходятъ на берегъ, гдѣ рыбаки ловятъ ихъ руками. Другой разъ г. Нейзе видѣлъ прыгавшую щуку въ окрестностяхъ Брюгге на берегу маленькой рѣчки. Онъ наблюдалъ за нею цѣлые полчаса. Щука то прыгала, то скользила по землѣ, параллельно рѣкѣ, наконецъ приблизилась къ ней и съ быстротою молніи нырнула въ воду. Щука—акула прѣсныхъ водъ. Она ужасно прожорлива и весьма вѣроятно выходитъ и на землю за добычею. Утверждаютъ, что щука въ теченіе недѣли можетъ съѣсть столько, что вѣсъ ея увеличивается почти вдвое. Она пожираетъ не только рыбешку, но и маленькихъ млекопитающихъ, рѣчныхъ птицъ и гадовъ. Въ особенности она любитъ лягушекъ и можетъ быть за ними-то и устраиваетъ свои ночныя прогулки по-суху. Видали какъ щуки съѣдали утокъ и даже хватали лебедей за голову, когда послѣдніе погружали ее въ воду. Охотники, бившіе надъ рѣкою воронъ видали, какъ около убитой птицы являлась щука и утаскивала съ собой добычу. Вальтонъ разсказываетъ, что одинъ изъ его друзей наблюдалъ среди дня схватку между щукою и рѣчной выдрой изъ-за пойманнаго послѣднею карпа. Карпъ остался за щукой, а выдра принуждена была удрать, спасая свою шкуру. Много ходитъ разсказовъ о пораненіяхъ наносимыхъ щукою даже людямъ. Во всякомъ случаѣ интересно прослѣдить, насколько вѣрно сообщеніе о выходѣ щукъ на сушу и объ ихъ сухопутныхъ разбояхъ. (к).

Физическій опытъ: своеобразный ночникъ.

Экспедиція въ западную Гренландію, проектированная, какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году Берлинскимъ географическимъ обществомъ для изслѣдованія движенія тамошнихъ ледяныхъ массъ и его физическихъ законовъ, отложена до слѣдующаго года по причинѣ многихъ встрѣтившихся препятствій. Лѣтомъ былъ посланъ туда развѣдочный отрядъ подъ начальствомъ Дригальскаго, который долженъ былъ намѣтить планъ дѣйствій и мѣсто стоянки для будущей большой экспедиціи. Дригальскій недавно опубликовалъ результаты своего путешествія, а также и собственныя весьма интересныя наблюденія надъ бытомъ туземцевъ. До сихъ поръ обитателями западной Гренландіи считали эскимосовъ; по изслѣдованію же Дригальскаго, туземные жители представляютъ не чистую расу, а сліяніе нѣсколькихъ. Сами они называютъ себя „иннуитъ", что значитъ „люди". Коренастые, маленькаго роста, они отличаются спокойствіемъ и флегмой характера. Главнымъ подспорьемъ жизни

для нихъ служитъ рыбная ловля и охота, въ особенности же ловля тюленей. За тюленями они охотятся въ каякахъ, маленькихъ лодчонкахъ; бьютъ ихъ гарпунами, а также, сравнительно недавно, и изъ винтовокъ, но настоящимъ охотникомъ считается у нихъ тотъ, кто хорошо владѣетъ гарпуномъ. Торговля въ Гренландіи составляетъ монополію датскаго правительства и гренландцы должны продавать свои товары по таксѣ назначенной правительствомъ. Покупаютъ они болѣе всего порохъ, табакъ и кофе. Послѣдній гренландцы такъ любятъ, что готовы пить его гдѣ, когда и сколько угодно. Можно даже сказать, что расположеніе духа ихъ зависитъ отъ количества выпитаго кофе. Правительствомъ строжайше запрещена продажа водки въ Гренландіи, что, по замѣчанію Дригальскаго, составляетъ истинное благо для страны, сохраняя первобытную чистоту и строгость нравовъ. Гренландцы отличаются уступчивостью и взаимнымъ согласіемъ. Они крайне нетребовательны и для ихъ полнаго довольства надо весьма немного. Обманъ и воровство почти неизвѣстны имъ, главнымъ же порокомъ ихъ является ихъ крайняя беззаботность. (к.)

Вѣжливый врагъ. Когда король Альфонсъ VIII Кастильскій (1155—1214) въ походѣ противъ Мавровъ стоялъ подъ стѣнами Орехи, супруга его, Элеонора, дочь Генриха II Англійскаго, оставалась въ Толедо. Вдругъ подъ стѣнами города появился внезапно Али-бенъ-Иза, мавританскій полководецъ, съ пятидесятитысячнымъ войскомъ, и потребовалъ сдачи города. Элеонора послала къ нему одного изъ придворныхъ, приказавъ сказать, что для такихъ храбрыхъ воиновъ, какъ мавры, побѣда надъ беззащитною женщиной не составитъ большой славы; если же они добиваются лавровъ ея, то должны идти подъ Ореху, гдѣ супругъ ея приметъ ихъ болѣе надлежащимъ образомъ. Али-бенъ-Иза, услыхавъ этотъ отвѣтъ, выказалъ себя настоящимъ рыцаремъ. Отославъ вѣстника, онъ просилъ его передать королевѣ, что мавры уходятъ и просятъ королеву въ знакъ ея милости показаться со стѣнъ города мавританскому войску. Королева, окруженная великолѣпною свитой, вышла на башню. Мавры съ вождемъ своимъ во главѣ привѣтствовали высокую даму и удалились отъ стѣнъ города. (к.)

Англійскій путешественникъ Биддульфъ, посѣтившій въ 1891 году Персію, изслѣдовалъ солончаковую степь Дарья-и-навакъ, лежащую между Тегераномъ и Кашаномъ, описаніе которой помѣщено имъ въ газетѣ *Globus*. Съ примыкающихъ на югѣ къ Дарья-и-навакъ горъ открывается чудный видъ на солончаковую степь, напоминающую собою огромное замерзшее озеро. Соляная кора какъ зеркало блеститъ на солнцѣ. Мѣстные проводники разсказываютъ множество чудесныхъ исторій объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ переходомъ степи. Черезъ нее пролегаетъ только одинъ путь; незнающій его погибнетъ въ безднахъ этого озера-степи. Степь отстоитъ отъ горъ на 24 километра; промежутокъ этотъ занятъ топкимъ глинистымъ грунтомъ, объ опасности перехода черезъ который свидѣтельствуетъ множество разсѣянныхъ по нему костей и скелетовъ вьючныхъ животныхъ. Въ началѣ степи соль мягка и смѣшана съ землею, по мѣрѣ же углубленія въ степь она становится столь крѣпкою, что мало чѣмъ отличается отъ ледяной коры. Въ общемъ степь похожа на озеро, которое вдругъ замерзло при сильномъ волненіи, когда поднявшіяся волны такъ и заледенѣли, не успѣвъ опуститься. Путь настолько проченъ, что по нему безопасно ходятъ цѣлые караваны съ верблюдами и лошадьми. Соль такъ крѣпка, что съ трудомъ возможно откалывать отъ нея лишь маленькіе кусочки. Туземцы утверждаютъ, что слой соли простирается на 3 метра въ глубь, подъ нимъ же находится стоячая вода или болото. Биддульфъ полагаетъ, что соль въ теченіе многихъ вѣковъ стекала съ горъ въ видѣ раствора въ равнину, гдѣ кристаллизовалась послѣ испаренія воды подъ жгучими лучами солнца. Степь, длина которой не превышаетъ 30 километровъ, переходится въ 8 часовъ. По другую сторону ея находится небольшой оазисъ Мариньябъ, гдѣ обыкновенно устраиваютъ стоянки утомленные переходомъ путешественники. (к.)

Орасъ Верне, знаменитый французскій живописецъ, ѣхалъ однажды въ Парижъ на скоромъ поѣздѣ. Въ одномъ купэ съ нимъ ѣхали двѣ дамы, которыхъ онъ не зналъ, но которыя видимо узнали его и безцеремонно говорили вслухъ о немъ и его картинахъ. Это раздражило художника и онъ рѣшилъ наказать дамъ. Когда поѣздъ шелъ черезъ туннель у Сенъ-Клу въ непроглядной темнотѣ, художникъ громко поцѣловалъ нѣсколько разъ свою руку. Какъ только поѣздъ вышелъ на свѣтъ, обѣ дамы внезапно замолкли и непріязненно смотрѣли одна на другую. Въ Парижѣ, выходя изъ купэ, Верне обратился къ дамамъ съ такими словами: „Mesdames, я долго ломалъ голову надъ тѣмъ, которая изъ васъ поцѣловала меня въ туннелѣ". (к.)

Найденъ способъ дѣлать пригодною для питья морскую воду. По сообщенію Магдебургской газеты, фабрикою металлическихъ издѣлій Фишера сдѣланъ аппаратъ съ помощью котораго морская вода обращается въ прѣсную. Аппаратъ помѣщается въ печь и послѣ кипяченія доставляетъ болѣе 300 литровъ чистой, годной для питья воды. Для нагрѣванія его достаточно того топлива, которое идетъ обыкновенно на приготовленіе пищи для экипажа судна. Этотъ аппаратъ, не требующій особаго ухода, является незамѣнимымъ въ морскихъ плаваніяхъ, такъ какъ для суденъ обременительно брать большой запасъ прѣсной воды. (к.)

Средство противъ боли желудка. Положить на больное мѣсто теплый компрессъ изъ превращенной въ кашицу ромашки. Если боль не утихнетъ, то отварить горсть ромашки, процѣдить, черезъ холстъ и вновь положить компрессъ, мѣняя его всякій разъ, какъ онъ будетъ остывать. Средство это быстро уменьшаетъ и окончательно прогоняетъ боль. (к.)

ШАХМАТЫ,
подъ редакціей А. П. Шишкина.

ПАРТІЯ № 2.

Первая партія матча; играна въ Гаваннѣ 19 декабря 1891 г.

Гамбитъ Эванса.

М. Чигоринъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.	М. Чигоринъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.	М. Чигоринъ. Бѣлые.	В. Стейницъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e5	12. К. b1—a3	К. g8—h6	23. Ф. d1—h5[6])	g7—g6[7])
2. К. g1—f3	К. b8—c6	13. К. a3—c4	С. a5—b6	24. С. a3 : e7+	Кр. f6 : e7[8])
3. С. f1—c4	С. f8—c5	14. a2—a4	c7—c6	25. К. e5 : g6+	Кр. e7—f6
4. b2—b4	С. c5 : b4	15. e4—e5[1])	d6—d5	26. К. g6 : h8	С. b6 : d4[9])
5. c2—c3	С. b4—a5	16. К. c4—d6+	Кр. e8—f8	27. Л. b1—b3	Ф. c8—d7[10])
6. 0—0	d7—d6	17. С. b2—a3	Кр. f8—g8[2])	28. Л. b3—f3	Л. a8 : h8
7. d2—d4	С. c8—g4	18. Л. a1—b1	К. h6—f5[3])	29. g2—g4	Л. h8—g8
8. С. c4—b5	e5 : d4	19. К. d6 : f7!	Кр. g8 : f7	30. Ф. h5—h6+	Л. g8—g6[11])
9. c3 : d4	С. g4—d7	20. e5—e6+	Кр. f7 : e6[4])	31. Л. f3 : f5+	Сдались.[12])
10. С. c1—b2	К. c6—e7	21. К. f3—e5	Ф. d7—c8		
11. С. b5 : d7+	Ф. d8 : d7	22. Л. f1—e1[5])	Кр. e6—f6		

Примѣчанія къ партіи:

1) Бѣлые предпочитаютъ продолжать атаку, которая значительно ослабѣла бы, если бы они воспользовались представлявшеюся имъ здѣсь возможностью отыграть пѣшку: 15. d4—d5 (угрожая 16. С. b2 : g7 и если 16. ... f7—f6, то 17. d4 : c6 и 18. К. c4 : d6+) 0—0; 16. К. c4 : b6, a7 : b6; 17. Ф. d1—d4, угрожая 18. Ф. d4 : g7 ╪, f7—f6; 18. Ф. d4 : b6, c6 : d5; 19. e4 : d5; К. e7 : d5; 19. Ф. b6—b3, Ф. d7—f7; 20. С. b2—c1!, К. h6—f5; 21. Л. f1—d1 и если 21... К. f5 или d5—e7, то 22. Ф. b3 : b7.

2) Бѣлые угрожали 18. e5—e6 и если 18. ... f7 : e6, то 19. К. f3—e5, Ф. d7—c7; 20. Ф. d1—f3+, Кр. f8—g8; 21. К. d6—f7, угрожая 22. К. f7 : h6+ и 23. Ф. f3—f7 ╪, Л. a8—f8; 22, К. f7 : h6+, g7 : h6; 23. Ф. f3—g4+ и т. д. Если же 18. .. Ф. d7 : e6, то 19, Л. f1—e1 и бѣлые, атакуя коня e7 ладьей и слономъ, имѣютъ почти выигрышное положеніе.

3) Чернымъ во всякомъ случаѣ очень трудно защищаться. Бѣлые, между прочимъ, угрожали 19. a4—a5 и 20. Л. b1 : b7. Ходъ 18. ... К. h6—f5 даетъ возможность бѣлымъ болѣе или менѣе блестяще закончить партію.

4) Очевидно, что если 20. ... Ф. d7 : e6, то 21. К. f3—g5+ и бѣлые выигрываютъ ферзя.

5) Угрожая выиграть фигуру: 23. К. e4—g6+ и 24. К. g6 : e7 и т. д.

6) Угрожая 24. К. e5—g4 ╪.

7) Если 23. ... К. e7—g6, то 24. g2—g4 и если 24. ... К. g6 : e5, то 25. g4—g5+, Кр. f6—e6; 26. Л. e1 : e5+ и т. д.; если же 24. ... К. f5 ∾, то 25. g4—g5+ и 26. К. e5 : g6+ и т. д.

8) На 24. ... К. f5 : e7 послѣдовало бы 25. Ф. h5—h4+, g6—g5; 26. К. e5—g4+, Кр. f6—f7; 27. Ф. h4 : g5 и если 27. ... Л. h8—e8, то 28. Ф. g5—f6+, и 29. К. g4—h6 ╪; если 27. ... Ф. c8—d8 (27. ... Ф. c8—d7, 28. К. g4—e5+), то 28. Ф. g5—f6+ и 29. Ф. f6 : h8+ или 29. К. g4—h6 ╪; если же 27. ... К. e7—g8, то 28. К. g4—h6+, Кр. f7—f8 (28. ... К. g8 : h6; 29. Л. e1—e7+ и 30. Ф. g5—g7 ╪); 29. Ф. g5—f4+, Кр. f8—g7; 30. Ф. f4—f7+, Кр. g7 : h6; 31. Л. e1—e6+, Кр. h6—g5; 32. Л. e6—e5+ и если 32. ... Кр. g5—h6 или g4, то 33. Л. e5—h5 ╪ или 33. Ф. f7—h5+ и 34. Ф. h5—g5 ╪

9) Если 26. ... Ф. c8 : h8, то 27. Л. e1—e5, Ф. h8—c8; 28. g2—g4 и если 28. ... К. f5—d6, то 29. Ф. h5—g5+, Кр. f6—f7; 30. Л. e5—e7+ и 31. Ф. g5—g7 ╪.

10) Если теперь 27. ... Ф. c8 : h8, то 28. Л. b3—f3, Ф. h8—c8; 29. g2—g4 и бѣлые должны выиграть.

11) Очевидно, что если 30. ... Кр. f6—f7, то 31. Ф. h6+ h7: и выигрываютъ.

12) 31. ... Ф. d7 : f5; 32. Ф. h6—f8+ и т. д.

Пятнадцатую партію матча выигралъ М. И. Чигоринъ на 47-мъ ходѣ. Положеніе матча теперь таково:

М. И. Чигоринъ выигралъ 7 партій.
В. Стейницъ „ 4 „
Ничьихъ . . . . . . 4 „

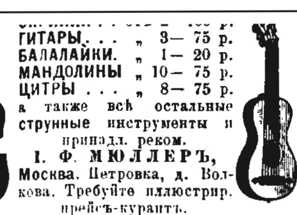
Задача-акростихъ № 7.

Изъ слѣдующихъ 63 буквъ: 13 а, в, г, 3 д, ж, и, 2 к, 3 л, м, 8 о, 2 п, 7 р, 3 с, 2 т, 5 у, х, ц, ш, 5 ъ, 2 ь составить *семнадцать* словъ; вотъ ихъ значенія: 1) Названіе кушанья, 2) Переднія части головъ, 3) Поземельная мѣра во Франціи, 4) Орудіе, 5) Одна изъ главныхъ рѣкъ Россіи, 6) Отдѣльное племя кочеваго народа, 7) Часть колеснаго экипажа, 8) Утвержденіе, 9) Вино, 10) Вредное насѣкомое, 11) Синонимъ времени, 12) Часть драматической пьесы, 13) Хлѣбное растеніе, 14) Часть лица, 15) Рыболовная принадлежность, 16) Одинъ изъ іудейскихъ царей, 17) Междометіе радости. Къ каждому изъ этихъ словъ приставить слѣва по одной буквѣ такъ, чтобы образовалось 17 новыхъ словъ, начальныя буквы которыхъ составили бы русскую пословицу. Какая это пословица?

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ГИТАРЫ. . . „ 3— 75 р.
БАЛАЛАЙКИ. „ 1— 20 р.
МАНДОЛИНЫ „ 10— 75 р.
ЦИТРЫ . . . „ 8— 75 р.
а также всѣ остальные струнные инструменты и принадл. реком.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ,
Москва. Петровка, д. Волкова. Требуйте иллюстрир. прейсъ-курантъ.

Ц. № 5612 4—1

РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,

ПРОЗРАЧНОЕ

КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и Кº.
въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

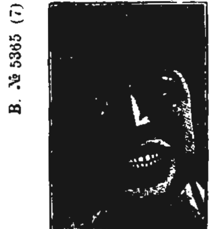
Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5364 (10)

В. № 5365 (7)

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Ауриха: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

П. № 5430 12—4

ПЯТОЕ изданіе
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,

съ портретомъ автора, гравирован. на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.** съ перес. **6 руб. 75 коп.**; въ роскошн. каленкор. перепл. съ золот. тиснен.—**8 р.**, съ перес. **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. **6 р. 25 к.**; въ переплетѣ **7 руб.**, съ пересылкою **8 руб.**

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА
БЕРТЫ-РИСЪ.

Личная помада „Pasta Eugenie“ . . . . . 1 р. 60 к.
Ручная помада для смягченія кожи рукъ. . 1 „ 30 „
Головная помада для волосъ. . . . . . 2 „ — „
„Триксогенъ“, жидкость для мытья головы. 2 „ — „
„Эликсиръ Меланжъ“ для волосъ. . . . . 2 „ — „
Бальзамъ изъ миртовыхъ цвѣтовъ, жидкая пудра. . . . . 1 „ 75 „
Пудра 3-хъ цвѣтовъ: бѣлая, розовая и рашель для брюнетокъ, съ пуховкой. . . . . . 1 „ 50 „
безъ пуховки . . . . . 1 „ 20 „
Румяна „Eugenie“ . . . . 1 „ 50 „

ХИМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РИСЪ-ГУТМАНА.

Краска для волосъ 4-хъ цвѣтовъ: черная, коричневая, свѣтло- и темно-русая . . . . 3 р. — к.
Токайскій бальзамъ отъ мозолей . . . . . — „ 60 „
Порошокъ противъ таракановъ, моли и блохъ . . . . . 1—20 и 1/2 — „ 65 „
Жидкость противъ клоповъ. . . . . . . 1 „ — „
Средство отъ крысъ и мышей: большая жестянка . . . 1 „ 50 „
№ 5475 6—6 маленькая жестянка. . . . . — „ 60 „

Можно получать во многихъ аптек. и косметич. магаз. Россіи.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (6)

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4—5 книжекъ.

До 15 января вышли слѣдующія **60 біографій:** Бекона, Бѣлинскаго, Боккачіо, Рих. Вагнера, Галилея, **Гаррика**, Гегеля, Гете, Говарда, Гоголя, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гюго, Даламбера, Данте, Дарвина, Демидовыхъ, Дженнера, **Достоевскаго**, Кальвина, Каразина (основателя харьков. университета), Карлейля, Кеплера, Колумба, Конфуція, **Кольцова**, Крамскаго, Крылова, Кювье, Лавуазье, **Лермонтова**, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, Лойолы, Микель-Анджело, Мицкевича, Мольера, Томаса Мора, Моцарта, Никона, **Новикова**, **Паскаля**, **Пржевальскаго**, **Прудона**, Пушкина, Рафаэля, Сакіа-Муни (Будды), Салтыкова, Свифта, В. Скотта, Стэнли, Теккерея, Уатта, **Франклина**, Шопенгауэра, Эдисона и Морзе, **Джорджъ-Эліота**. Mt. № 5613

Жирнымъ шрифтомъ обозначены біографіи, вышедшія за послѣдніе 2 мѣсяца.

Печатаются: Беранже, Боткинъ, Байронъ, Волковъ, Гейне, Гутенбергъ, Дефо, Диккенсъ, Мирабо, Сенковскій, Сперанскій и др.

Главный складъ изданія въ книж. магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по **25 коп.** во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ
для коллекціи
большой выборъ рѣдкостныхъ марокъ; прейсъ-курантъ серіи безплатно.

К. А. РОДЕ
Ср. Подъяческ., д. 6, кв. 8.

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. **Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ изящн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: **въ СПБ.**, къ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

на 1892 г. Вѣстникъ

ТИРАЖЕЙ

помѣщаетъ всѣ тиражныя таблицы, безусловно **вѣрныя**, съ прибавленіемъ №№ непредъявленныхъ къ оплатѣ.

На годъ безъ доставки . . . **4** р. — к.
„ „ съ дост. въ СПБ. . **5** „ — „
„ „ „ „ во всѣ м. Им. **6** „ — „

Подписка въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, 59, Невскій, СПБ. 4—4

МЕДОВО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ
ЖИДКОЕ МЫЛО

Приготовленное лабораторіей А. Энглундъ.

При употребленіи **медово-глицериноваго** жидкаго мыла кожа лица, рукъ и проч. принимаетъ нѣжный и свѣжій видъ; удобно имѣть въ дорогѣ, такъ какъ легко помѣщается въ любой кармашекъ, слѣдовательно, не занимаетъ почти никакого мѣста, и получается всегда чистота и опрятность при употребленіи.—Цѣна металлическаго флакона 30 коп., съ пересылкою 6-ти флаконовъ 2 р. 25 к. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ всей Россійской Имперіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: 10—4
А. Энглундъ, Спб., Литейный, 36.

CRÈME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Произведеніе прелестнаго запаха, не портящееся, обладаетъ мягчительными свойствами и придаетъ цвѣту лица красоту. Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

La Poudre Simon (Пудра Симонъ) и **le Savon à la crème Simon** (Мыло Симонъ) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ и аптекарей. № Pt. 5529 12—8

Дозвол. цензур., СПБ., 29 января 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — г. XXIII

№ 6 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 февраля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Масляница. Катанье съ горъ. Ориг. рис. (собств. **„Нивы"**) **Р. Штейна**, грав. Шюблеръ.

Служитель Бога.

Историческiй романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Салiаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженiе).

XIII.

Покуда князь Андрей Николаевичъ объяснялся съ евреемъ-банкиромъ, въ тѣ же самые часы княгиня Юлiя Павловна была у своей тетки. Княжна Марiя Георгiевна Мавроцiано нанимала большой домъ съ садомъ, неподалеку отъ Таврическаго сада.

Несмотря на то, что старая княжна была одинока на свѣтѣ, большой двухъ-этажный домъ былъ биткомъ набитъ. У княжны была цѣлая масса приживальщицъ и приживальщиковъ—и молдаванъ, и русскихъ,—кромѣ того, многочисленная прислуга и около полдюжины нянюшекъ, хотя дѣтей въ домѣ не было.

Нянюшки эти, въ числѣ которыхъ была одна шведка, одна турчанка и одна гречанка, были приставлены къ любимицамъ княжны — собакамъ и кошкамъ разныхъ породъ.

И въ домѣ княжны пословица: „живутъ, какъ кошка съ собакой“, была вполнѣ опровергнута. Ея любимцы, враги по природѣ, жили въ замѣчательномъ согласiи, въ мирѣ и любви, причемъ самый огромный ангорскiй котъ, сѣрый съ фiолетовымъ отливомъ, былъ первымъ другомъ огромнаго чернаго водолаза.

А по ихъ примѣру всѣ остальные коты и кошки всевозможныхъ колеровъ и всѣ псы—болонки, левретки, кингъ-чарльзы—дружили, не обижали другъ друга ни въ чемъ никогда. Они даже могли быть хорошимъ нагляднымъ примѣромъ для нахлѣбниковъ княжны, часто ссорившихся между собой.

Княгиня Юлiя Павловна, прiѣхавъ и поднявшись по большой лѣстницѣ, тотчасъ же достала изъ кармана небольшой флакончикъ съ сильно пахнущими духами. Она не выносила воздуха въ домѣ тетушки.

Дѣйствительно, всюду разгуливавшие любимцы княжны давали себя чувствовать. Воздухъ во всемъ домѣ, почти никогда не освѣжаемый, былъ спертый, удушливый.

О княгинѣ доложили, и тетушка приняла ее въ угловой, маленькой горницѣ, съ большомъ окномъ на площадь. Юлiя Павловна вошла, ласково улыбаясь, расцѣловалась съ теткой, сидѣвшей за пяльцами, и помѣстилась около нея.

Княжна Марiя Георгiевна была характерною представительницей своей родины. Очень высокая и очень худая, она казалась еще выше и худѣе, вслѣдствiе того что постоянно носила туго-застегнутый кафтанчикъ, вышитый галуномъ, и узкую темную кашемировую, или атласную юбку, смотря по времени.

Черные, какъ смоль, волосы она заплетала въ двѣ небольшiя косички, которыя колесами устраивала по бокамъ головы. Эти колесики гладко прилегали къ вискамъ и ушамъ, а на нихъ неизмѣнно была надѣта бархатная шапочка, большею частiю зеленая, вышитая золотомъ.

Лицо семидесяти-лѣтней молдаванки было еще очень сравнительно моложаво, только нѣсколько морщинокъ виднѣлось вокругъ глазъ. Черты лица были довольно правильны, только ноздри были слишкомъ велики, да скулы черезчуръ развиты, со ртомъ и губами наподобiе тѣхъ, что озадачивали каждаго въ банкирѣ Мозерѣ. Вдобавокъ лицо княжны было не только желтое, но почти шафраннаго цвѣта, и хотя было очень сурово, но не злое. Въ немъ прежде всего можно было прочесть крайнюю самостоятельность, твердость характера, волю. Эта женщина привыкла съ дѣтства повелѣвать, пожалуй, даже круто и безпощадно, но не переходя тѣхъ границъ, гдѣ начинается несправедливость и жестокость.

Княжну всѣ приживальщики уважали и любили, но повиновались безпрекословно по малѣйшему мановенiю ея глазъ, ея пальчика. Неповиновенiе человѣка, зависящаго отъ нея въ чемъ бы то ни было, княжна считала кровной обидой и оскорбленiемъ.

Однажды она предложила пятидесятилѣтнему нахлѣбнику жениться на сиротѣ, которую выискала и хотѣла пристроить, и когда старый холостякъ воспротивился этому, то былъ черезъ часъ изгнанъ изъ дома, въ которомъ прожилъ почти пятнадцать лѣтъ.

Княжна Марiя Георгiевна даже не могла понять, или сообразить, какимъ образомъ она что-либо прикажетъ человѣку зависимому отъ нея и этотъ человѣкъ этого не исполнитъ.

Гордясь собственною желѣзною волей, находя это украшенiемъ человѣка, княжна не допускала малѣйшаго проявленiя того же самаго въ лицахъ ее окружающихъ. Тотъ, кто имѣлъ какую-либо волю, не могъ быть близкимъ къ ней лицомъ.

Въ обращенiи со знакомыми княжна была сдержанно ласкова. Она очень гордилась своимъ древнимъ происхожденiемъ отъ молдаванскихъ старинныхъ владѣтельныхъ князей, считала себя въ родствѣ съ византiйскими императорами, могла доказать это документами изъ своей родословной. Поэтому въ обращенiи со всѣми себѣ равными княжна Мавроцiано была всегда черезчуръ чинна, недоступна для какой-либо фамильярности. Единственныя лица на свѣтѣ, съ которыми допускала она извѣстнаго рода короткость и фамильярность, были: князь Яхтомскiй, его жена и ихъ сынъ.

Расцѣловавшись съ племянницей, княжна отодвинула отъ себя пяльцы и взяла съ окошка маленькiй бильбоке, чрезвычайно изящной работы, изъ слоновой кости. Разумѣется, она не стала играть, а взяла его въ руки, чтобы чѣмъ-нибудь занять ихъ.

Княжна не могла сидѣть съ пустыми руками и когда она не работала, то непремѣнно держала что-нибудь въ рукахъ и вертѣла предметъ.

— Ну, милая моя, начала она какъ всегда, — что̀ новаго?

— Ничего, тетушка... Заѣхала васъ провѣдать.

Слова эти княгиня сказала весело, равнодушнымъ голосомъ, а между тѣмъ новаго было очень много. Она прiѣхала съ тѣмъ, чтобы вывѣдать у тетушки, справедливо-ли самое ужасное извѣстiе, которое когда-либо изъ дома княжны доходило до ихъ дома.

— Что твой мужъ? Давно я не видала его.

— Онъ былъ немножко нездоровъ, тетушка, солгала княгиня,—но вѣроятно сегодня, или завтра будетъ у васъ. У него большая непрiятность... Тамъ деньги какiя-то! Надо кому-то платить... и очень много.

— Почему же ты называешь это непрiятностью? Если долженъ человѣкъ, то онъ платитъ. Даже это слово: „я долженъ“, или „я должна“, доказываетъ, что заплатить нужно. Говорятъ: „я должна деньги“, не прибавляя слова „уплатить“,—оно само собой разумѣется.

— Совершенно справедливо, тетушка, нѣсколько угрюмо отозвалась княгиня на этотъ урокъ грамматики.

— Это самая простая истина, моя прелесть.

— Мужъ всегда и аккуратно платитъ, но теперь... кажется, Андрей затрудняется. Кажется, денегъ теперь совсѣмъ нѣтъ, надо подождать, продать имѣнiе или два. А тотъ, кто долженъ деньги получить, кажется, не хочетъ подождать. Однимъ словомъ, чуть не разоренiе... Я конечно всего этого не понимаю. Это для меня мудренѣе астрономiи.

— Ну и брось, душа моя, и не занимайся... Это дѣло Андрея. Не въ первый разъ! Онъ живо все это и устроитъ.

„Да, устроитъ! Какъ бы не такъ! подумала раздражительно Юлія Павловна.—Хорошо тебѣ разговаривать, съ милліонами!"

Княгиня не могла наивно ожидать, что тетка тотчасъ по первому слову разспроситъ ее и войдетъ въ подробности для того, чтобы предложить свою помощь; напротивъ, она знала навѣрное, что это дѣло немыслимое, ибо никогда ничего подобнаго не бывало. Хотя, правду сказать, прежде не бывало и серьезнаго повода. Не было такого отчаяннаго положенія. Поэтому теперь княгиня, готовая разсказать все, вдругъ, даже съ истерикой, поневолѣ надѣялась на разспросы, участіе и помощь. Однако княжна сразу перевела разговоръ на своего внучка и спросила, какъ здоровье Тонички и когда его приведутъ къ ней. Княгиня солгала, обѣщая прислать мальчика съ гувернеромъ, какъ только у него пройдетъ кашель.

И затѣмъ Юлія Павловна, будто озлившись на то, что тетка совершенно равнодушно отнеслась къ извѣстію о серьезной путаницѣ въ ихъ денежныхъ дѣлахъ, вдругъ почувствовала въ себѣ отвагу—прямо, не стѣсняясь, приступить къ щекотливому объясненію.

— Ахъ, тетушка, забыла совсѣмъ... Вы спросили, нѣтъ-ли чего новаго, а я и забыла. Есть новость... Сплетня петербургская... Представьте себѣ, до чего дошли болтуны: на васъ, тетушка, сочинили такое, что вы изумитесь!

— Что же такое? спокойно отозвалась Марія Георгіевна.

— Совѣстно сказать... Вы не разсердитесь?

— Зачѣмъ же мнѣ сердиться? Глупо сердиться на то, что̀ про тебя могутъ выдумать.

— Говорятъ, тетушка, что вы замужъ выходите! вымолвила княгиня, смѣющимися глазами, но упорно и пристально глядя въ лицо тетки.

Ни единая черта въ лицѣ старой дѣвицы не двинулась. Она продолжала попрежнему просто и серьезно смотрѣть на племянницу, но выговорила нѣсколько тише:

— Нѣтъ дыму безъ огня, душа моя! Это отчасти справедливо...

Княгиня что-то хотѣла сказать, но запнулась, и сильно озадаченная, осталась мгновеніе съ раскрытымъ ртомъ, чего съ ней никогда не бывало.

— Ты удивилась, моя милая? Еще бы! Всякій удивится... Дѣвица шестидесяти лѣтъ вдругъ собралась замужъ.

„Семидесяти двухъ, если не больше!" злобно подумала про себя Юлія Павловна.

А между тѣмъ княгиня относилась къ теткѣ несправедливо. Княжна Марія Георгіевна сдѣлала большую уступку. Не далѣе какъ полгода назадъ, она говорила себѣ пятьдесятъ восемь, не рѣшаясь приблизиться къ ненавистному числу, обозначающему слѣдующій десятокъ.

— Да, душа моя, мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, и всякій долженъ ахнуть. Впрочемъ, это дѣло еще не вполнѣ рѣшенное. Я хочу еще подумать... Я вполнѣ увѣрена въ привязанности ко мнѣ того лица, которое рѣшается вступить со мною въ бракъ, но все-таки надо подумать. Ты и Андрей—вы не должны ничего опасаться. Все мое состояніе все-таки перейдетъ къ вамъ послѣ моей смерти, за исключеніемъ извѣстной законной доли, кажется—седьмой, которая перейдетъ мужу. Дѣтей у насъ, конечно, быть не можетъ.

— Стало быть, тетушка, въ этихъ слухахъ все-таки есть доля правды? рѣшилась выговорить княгиня.

И какъ ни старалась она сдѣлать голосъ свой любезнымъ и ласковымъ, все-таки легкое озлобленіе сквозило въ немъ.

— Да... это дѣло почти рѣшенное.

— Могу я узнать, тетушка, кто вашъ избранникъ?

— Это не искренній,—притворный вопросъ, душа моя!.. Ты отлично знаешь.

Княгиня слегка вспыхнула.

— Я могу только предполагать, тетушка, но мнѣ непріятно было бы первой назвать этого человѣка. Можетъ-быть я ошибаюсь, и тогда выйдетъ неловкость.

— Нѣтъ, милая моя, ошибаться ты не можешь. Ты знаешь, что въ послѣднее время только одинъ человѣкъ постоянно былъ при мнѣ здѣсь и былъ мнѣ столь же близокъ, какъ и ваша семья... Однимъ словомъ, ты знаешь, что это Фортунатъ.

— Я такъ и думала, тетушка. Господинъ Бѣлинскій все это время постоянно бывалъ у васъ... Я могу только поздравить васъ. Онъ человѣкъ весьма пріятный въ обществѣ, умный и чрезвычайно красивый.

— Ну, красота—это послѣднее дѣло. Въ мои годы на это вниманія не обращается... Это подъ-стать вамъ, молодымъ женщинамъ, быть неравнодушными къ мужской красотѣ. А въ нёмъ сердце золотое, вотъ что̀ въ немъ плѣнило меня! И затѣмъ я уже стара, мнѣ нуженъ помощникъ въ жизни, нуженъ вѣрный человѣкъ, который бы занимался моими дѣлами и не позволялъ меня обворовывать разнымъ довѣреннымъ лицамъ.

Княгиня настолько была поражена откровеннымъ и простоватымъ признаніемъ тетки въ совершенно невѣроятномъ приключеніи съ ней, что потеряла всякую способность разговаривать.

Просидѣвъ нѣсколько минутъ, она поднялась, и ссылаясь на то, что у нея много визитовъ въ городѣ, расцѣловалась со старой дѣвицей и простилась съ ней.

И сѣвъ въ карету, княгиня, по странной случайности, тотчасъ перенеслась мыслью къ тому же лицу, къ которому мысленно перенесся князь, уѣзжая отъ Мозера.

„Это ужасно! думалось ей. — Старая дура! Попала на удочку ловкаго проходимца, пронырливаго поляка! Что̀ же мнѣ дѣлать?.. Вахтенштейнъ? Да, одно спасеніе!"

XIV.

Покуда Яхтомская сидѣла у тетки, въ кабинетѣ княжны ходилъ взадъ и впередъ мѣрными шагами молодой человѣкъ, поражавшій своей изящной фигурой и замѣчательно красивымъ лицомъ. Свѣтло-бѣлокурые волосы, вьющіеся кольцами надъ высокимъ лбомъ, тонкія, будто нарисованныя, брови, большіе синіе глаза, правильное очертаніе всего лица, даже манера держать себя, поступь и всѣ движенія,—все было изящно въ этомъ на видъ двадцатипятилѣтнемъ человѣкѣ. Онъ былъ рѣдкимъ образчикомъ славянской расы.

Это былъ молодой полякъ, не болѣе двухъ лѣтъ назадъ явившійся въ Петербургъ изъ Подоліи, по имени Фортунатъ Бѣлинскій. Благодаря своей внѣшности, благовоспитанности и недюжинному образованію, Бѣлинскій былъ легко допущенъ въ петербургское высшее общество. Увѣряли, что онъ родня польскихъ аристократовъ, графовъ Бѣлинскихъ.

Бѣлинскій свободно говорилъ по-русски съ легкимъ польскимъ акцентомъ, а по-французски изъяснялся какъ истый французъ.

Вдобавокъ, онъ обладалъ симпатичнымъ голосомъ, хорошо пѣлъ, и аккомпанируя себѣ, недурно игралъ на мандолинѣ, прелестно рисовалъ, и наконецъ, что̀ прельщало многихъ его поклонницъ— занимался хиромантіей.

На вечерахъ и раутахъ часто подолгу держалъ онъ въ рукахъ много хорошенькихъ ручекъ, предсказывая ихъ обладательницамъ или блестяще заманчивую будущность, или трагическое событіе въ жизни.

Масляница. Карнавалъ въ институтѣ. Съ карт. Вейзера, грав. Кренеръ.

Разумѣется, нельзя еще было сказать насколько хиромантія далась красивому малому, но покуда сбывалось нѣчто иное. Всѣхъ дамъ, которымъ онъ ворожилъ, онъ имѣлъ способность обворожить, а благодаря имъ отцы, мужья и братья ихъ относились къ молодому Бѣлинскому дружески.

Не имѣя ни гроша состоянія, Бѣлинскій жилъ довольно порядочно, тратя въ годъ до двухъ и трехъ тысячъ... Но откуда онъ ихъ аккуратно получалъ — было серьезною тайной. Обнаруженіе этой тайны было бы громаднымъ скандаломъ въ обществѣ.

Когда Яхтомская уѣхала, Бѣлинскій прошелъ къ княжнѣ.

Переступивъ порогъ горницы, гдѣ сидѣла Марія Георгіевна, онъ совершенно преобразился. Тамъ, въ ожиданіи, онъ былъ задумчивъ, лицо было сумрачно, теперь же какъ бы сіяло радостью.

Онъ быстро подошелъ къ старухѣ и поцѣловалъ у нея руку, она же поцѣловала его въ голову. Когда онъ сѣлъ около нея, она положила руку на его кудрявую голову и стала лохматить ее и гладить, но съ какимъ-то особымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ которомъ не было любви, не было, конечно, страсти, а было ласковое отношеніе сверху внизъ, или свысока.

Марія Георгіевна гладила голову молодаго человѣка, какъ стала бы гладить любимую собаченку, и именно это отношеніе старухи къ жениху сказывалось настолько ясно, что всѣ въ домѣ замѣтили это давно. Часто вспоминались главной приживалкѣ княжны ея слова, сказанныя ею съ годъ тому назадъ, когда Бѣлинскій еще не бывалъ въ домѣ, хотя уже былъ съ ней знакомъ.

Однажды Марія Георгіевна, послѣ многихъ дней странной задумчивости, выразилась:

— Да что-жь, думала, думала, и вотъ додумалась! Надо мнѣ себѣ мужа завести.

И вотъ теперь Марія Георгіевна уже давно рѣшилась и завела себѣ жениха, какъ заводятъ болонку или мопса.

„Безпокойно будетъ, непривычно сначала, думаетъ всякій заводящій собачонку, которой прежде не имѣлъ.— Мыть надо, выпускать гулять. Нечистота заведется въ горницахъ, иной разъ лай безъ толку, шорохъ ночью. И сразу не придетъ на умъ, что въ домѣ есть живое существо гдѣ-нибудь подъ диваномъ. Ну, за-то, если собака умная, то чужаго человѣка не прозѣваетъ...“

Мысли Маріи Георгіевны по поводу Бѣлинскаго были почти такого же рода. Проживя семьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ и будучи старой дѣвицей со всякаго рода привычками, даже прихотями, она часто смущалась теперь при мысли, что у нея въ домѣ заведется мужъ, за которымъ смотрѣть надо.

Онъ молодъ, красивъ, непремѣнно шалить начнетъ; не давать ему денегъ нельзя, конечно. Имѣя громадныя средства, придется ему ради гонора давать въ видѣ карманныхъ денегъ довольно крупную сумму. А какъ онъ будетъ тратить ее? Если пойдетъ кутить на всѣ лады въ Петербургѣ, то надъ ней, старой, смѣяться будутъ. Избави Богъ красавицу какую заведетъ—самолюбіе жены можетъ пострадать. Запереть его и держать постоянно при себѣ тоже нельзя—скучать начнетъ.

„Да, мудрено, думала иногда старая княжна,—а вначалѣ куда будетъ безпокойно, съ непривычки“.

Когда Бѣлинскій сѣлъ, Марія Георгіевна снова подвинула къ себѣ пяльцы, но затѣмъ, присмотрѣвшись къ работѣ, снова отставила пяльцы, взяла темную шерсть, свитую въ жгутъ, и молча передала Бѣлинскому.

Молодой человѣкъ зналъ въ чемъ дѣло. Онъ распуталъ жгутъ, затѣмъ вздѣлъ шерсть на обѣ руки и сталъ держать. Княжна взяла кончикъ и начала сматывать шерсть въ клубокъ. Такъ какъ княжна вышивала очень много и быстро, то сматывать шерсть приходилось очень часто, и это производилось всегда на рукахъ Бѣлинскаго.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Марія Георгіевна подняла глаза на жениха и, смѣривъ его сухимъ взглядомъ, вымолвила:

— Что же не спросишь, зачѣмъ племянница прилетала?

— Я и хотѣлъ, да подумалъ, можетъ-быть семейное что-нибудь...

— Да хоть и семейное! Ты мнѣ не чужой человѣкъ, скоро тоже въ семьѣ будешь.

— Опасался васъ разгнѣвать... Я не люблю, когда вы гнѣваетесь, тихо произнесъ Бѣлинскій.

— А не любишь, такъ не серди.

— Я въ этомъ не виноватъ-съ... Я всячески стараюсь избѣгать и все-таки иной разъ попадусь.

— Ну, слушай! Прилетала племянница справляться... Слухи о насъ пошли по столицѣ, да и пора. Эка, дурни, хватились! Удивляюсь, какъ такъ долго никто ничего не замѣтилъ. Слава Богу, много въ Петербургѣ болтушекъ, сплетницъ и всякихъ любознательницъ чужихъ дѣловъ! Ну, вотъ теперь всѣ стало-быть знаютъ, что ты княжну Мавроціано очаровалъ и соблазнилъ, и что она въ пятьдесятъ девять лѣтъ собралась за молокососа замужъ выходить. Вскорѣ стало-быть узнаютъ и второе... важнѣйшее.. невѣроятнѣйшее...

— Вы не одни, замѣтилъ Бѣлинскій.—Не проходитъ мѣсяца, чтобы кто-нибудь изъ петербургскихъ аристократовъ явно или тайно не перешелъ въ католицизмъ. Я могу вамъ сообщить навѣрное вѣсть еще неизвѣстную при Дворѣ. Супруга московскаго генералъ-губернатора, графиня Растопчина на прошлой недѣлѣ тоже перешла въ католицизмъ.

— Другіе для меня не примѣръ. Не потому я на это иду!.. Я никогда не обезьянничала. Надо жить такъ, чтобы тебѣ подражали, а не такъ, чтобы самой съ другихъ все перенимать, суровѣе вымолвила княжна.

— Нѣтъ-съ, да я такъ-съ... Что же вамъ графиня Растопчина?.. заговорилъ Бѣлинскій такимъ мягкимъ и виноватымъ голосомъ, по которому видно было, что онъ боится, не приметъ-ли бесѣда сейчасъ же бурный оттѣнокъ и нравоучительный характеръ.

— Ну, вотъ что, очарователь мой, усмѣхнулась насмѣшливо княжна,—коли весь городъ болтаетъ о насъ, то надо объявить, что мы—женихъ съ невѣстой. Да уже заодно не скрывать и предстоящаго перехода изъ схизматической въ истинную церковь.

— Что-же-съ, какъ вамъ будетъ угодно!

— Знаю, Фортунатъ, серьезно и уже задумчиво выговорила княжна,—но вѣдь послѣ объявленія о предстоящемъ нашемъ бракѣ уже нельзя будетъ назадъ идти—скандалъ! Такъ вотъ я тебѣ дамъ еще срокъ какой пожелаешь, подумай-ка хорошенько.

— О чемъ же мнѣ думать! горячо воскликнулъ Бѣлинскій.—Позвольте... Который разъ заходитъ эта бесѣда между нами?.. О чемъ же мнѣ думать?.. Я сто разъ говорилъ вамъ, тысячу разъ, что если вы не согласитесь быть моей женой, то я буду совершенно несчастный человѣкъ. Вы не вѣрите, что я люблю васъ. Что же мнѣ дѣлать! Чѣмъ же я могу доказать это? Вы все повторяете, что вамъ пятьдесятъ девять лѣтъ, и не хотите понять...

— Ну, полно, полно. Слышала я все это сто разъ. И обожаешь-то ты меня, и старуха-то лучше всякой молодой, и наружность-то для тебя ничего не значитъ, а все въ душѣ да въ разумѣ женщины...

— Да. И я не лгу. Я готовъ поклясться всѣмъ святымъ... Но вы не хотите вѣрить... Что же мнѣ...

— Вѣрю, вѣрю... выговорила княжна такимъ голосомъ, который говорилъ:

„Не вѣрю и не повѣрю, да это пустое, не въ томъ суть“.

И затѣмъ она прибавила·

— Когда же мнѣ побывать у отца Гавріила? Ты съѣзди и спроси.

— Слушаю-съ... Отецъ-ректоръ будетъ счастливъ принять васъ когда угодно.

Княжна пододвинула пяльцы, но не стала вышивать, а задумалась глубоко. Что́ совершилось недавно и совершалось въ душѣ старой дѣвы, милліонерши, сухой эгоистки съ упорнымъ и непреклоннымъ характеромъ—было загадкой и тайной для всѣхъ.

Собраться замужъ вдругъ, будучи уже за шестьдесятъ лѣтъ, и измѣнить вѣрѣ, въ которой родилась—было для личности въ родѣ княжны Мавроціано не дѣломъ легкомыслія или моднаго подражанія другимъ, въ чаду захватившаго всѣхъ огульнаго ренегатства.

Нравственнымъ двигателемъ было, конечно, нѣчто разумное, но скрытое ото всѣхъ.

Будучи еще 18-ти лѣтъ, Марія Георгіевна, дѣвушка крайне тщеславная и властолюбивая, съ сильной волей и твердымъ умомъ, жаловалась часто, что доля и участь женщины на землѣ горестно-глупая. Неужели стоитъ родиться на свѣтъ только затѣмъ, чтобъ сдѣлаться подругой „другаго существа и адъютантствовать“ въ жизни.

— Мужъ глава жены, учитъ насъ Св. Писаніе, говорила она улыбаясь.—Стало-быть жена не подруга и не товарка, а подчиненная, вѣрноподданная... Нѣтъ, я лучше проживу дѣвицей. По крайней мѣрѣ я буду сама себѣ главой.

И дѣйствительно, имѣя возможность сто разъ выйти замужъ, Марія Георгіевна всю жизнь оставалась дѣвицей. Но всю жизнь она была снѣдаема мыслью, что ея существованіе на землѣ безсмысленно и безслѣдно.

— Живу невзачетъ! говорила она. — Потому что родилась бабой. Заняться своимъ бабьимъ дѣломъ—рожать дѣтей и какъ коровѣ давать имъ себя доить—я не хочу... А иного дѣла нѣту для бабы.

И уродись Марія Георгіевна мужчиной, нѣтъ сомнѣнія, что она стала бы теперь, въ ея годы, крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ.

Встрѣча княжны Мавроціано съ ректоромъ Петербургскаго коллегіума отцомъ Груберомъ была роковымъ событіемъ въ жизни старой дѣвицы. На ея гореваніе, что для женщины нѣтъ участія въ судьбахъ великихъ земныхъ дѣяній, дѣлъ и событій, іезуитъ якобы изумился наивности и невѣдѣнью княжны. Онъ сталъ доказывать, что всякая умная и энергичная женщина, а въ особенности обладательница милліоновъ, не только можетъ, но обязана имѣть крупную долю участія въ событіяхъ первой важности.

— Надо найти дѣло, сказалъ ректоръ, — и стать около него, чтобы постепенно получить возможность стать и во главѣ его.

Какое дѣло—іезуитъ вскорѣ объяснилъ. Служители Бога „ради наивящей Его Славы“, не исключаютъ изъ своей среды женщинъ. И если женщина не можетъ дать обѣтъ ордену, даже vota simplicia немыслимы, то она можетъ дать обѣтъ Богу, служить всячески ордену служащему Богу. Прежде всего обогащать орденъ, если есть возможность.

Но на эту простую удочку княжна не пошла... Надо было придумать иную приманку, которой прикрыть крючокъ. И отецъ-іезуитъ нашелъ ее. Онъ сталъ проповѣдывать о томъ, какое громадное значеніе и вліяніе на дѣла ордена Іисуса можетъ имѣть женщина какъ она. Имя Мавроціано можетъ стать безсмертнымъ въ Италіи.

И княжна съ трудомъ, не скоро, не легко и не податливо и легкомысленно, но все-таки попала въ разставленныя сѣти...

Разумѣется, прежде всего ей приходилось бросить церковь схизматиковъ, именуемую Православіемъ, и содѣлаться вѣрной дочерью истинной церкви—римской. А затѣмъ, такъ какъ женщинѣ мудрено дѣйствовать лично, то нуженъ секретарь, человѣкъ вѣрный и преданный, а еще лучше... нуженъ мужъ, связанный съ орденомъ клятвой.

И отцы-іезуиты, имѣвшіе у себя запасы всего, не только запасы денегъ, но и запасы людей, — распорядились немедленно.

Въ домѣ княжны появился молодой человѣкъ, якобы не имѣвшій ничего общаго съ іезуитами Петербурга, но „склонный“ узнать поближе что̀ такое этотъ орденъ.

Вскорѣ онъ сталъ избранникомъ старой дѣвы, и она же его представила отцу-ректору якобы въ первый разъ.

XV.

Фортунатъ Бѣлинскій, посидѣвъ у своей невѣсты, отправился прямо въ коллегіумъ. Первое время онъ скрывалъ, что бываетъ у іезуитовъ, но теперь уже давно сталъ являться сюда явно и, по крайней мѣрѣ, раза два въ недѣлю. Онъ объяснялъ невѣстѣ и всѣмъ что нежданно оказался въ дальнемъ родствѣ со старикомъ-отцомъ Августиномъ, адмониторомъ коллегіума.

Зала, въ которой онъ тихо шагалъ взадъ и впередъ, въ ожиданіи пріема, была убрана строго-роскошно, съ бьющей въ глаза простотой. По стѣнамъ стояли большія кресла, готическаго стиля, обитыя темно-краснымъ сафьяномъ, а посрединѣ огромный столъ, накрытый чернымъ сукномъ, съ серебряной бахромой. На столѣ стояло большое Распятіе—черный, дубовый крестъ, и на немъ, изъ слоновой кости, художественной работы, изображеніе распятаго Христа.

Въ этой горницѣ каждый стулъ стоилъ огромныхъ денегъ, а Распятіе было драгоцѣнностью по цѣнѣ.

Зала была мѣстомъ засѣданій совѣта петербургскихъ отцовъ ордена Іисуса.

Послѣ получаса ожиданій, дверь отворилась. Красивый, пятнадцатилѣтній мальчикъ, кудрявый, съ женоподобнымъ лицомъ, появился на порогѣ. На немъ была черная шелковая однобортная куртка, застегнутая на всѣ пуговицы, такія же шелковыя панталоны до колѣнъ, затѣмъ черные узорчатые чулки и лаковые башмаки, съ золотыми пряжками.

Онъ поклонился Бѣлинскому, сталъ бокомъ къ растворенной имъ двери и вымолвилъ вѣжливо и улыбаясь:

— Прошу, пане!

Бѣлинскій двинулся и вошелъ въ маленькую комнату въ два окна. У стѣнъ стояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ шкафомъ было изображеніе креста. У третьей стѣны былъ простой письменный столъ, покрытый бумагами и тетрадями—дѣлами коллегіума.

Передъ столомъ, въ большомъ деревянномъ креслѣ, сидѣлъ благообразный старикъ, въ черной сутанѣ, съ двумя бѣлыми какъ снѣгъ воротничками, или язычками у шеи. На груди его былъ крестъ на золотой цѣпи.

Благообразный старикъ, не поднимаясь, обернулся къ вошедшему и протянулъ ему руку. Бѣлинскій подошелъ, поцѣловалъ руку, а потомъ сѣлъ напротивъ у стола.

Старикъ былъ отецъ Августинъ—адмониторъ и главный наперсникъ ректора Петербургскаго коллегіума. Le révérend père Augustin, какъ звали старика въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, былъ хорошо извѣстенъ всей столицѣ, даже извѣстенъ самому императору, любимъ и почитаемъ многими высокопоставленными лицами и многими членами петербургской аристократіи.

Благообразный Августинъ былъ, вѣроятно, смолоду очень красивъ, не менѣе красивъ, чѣмъ сидящій те-

перь передъ нимъ Бѣлинскій. Правильныя черты лица сохранились и до сихъ поръ, не смотря на то, что ему было уже семьдесятъ лѣтъ.

Но отгадать сколько лѣтъ іезуиту было бы трудно, такъ какъ лицо было тщательно выбрито и еще очень свѣжо, волосы гладко острижены, подъ гребенку, затылокъ тоже весь выбритъ кружкомъ. То, едва замѣтное количество волосъ, которое виднѣлось на головѣ, было только еще съ легкою просѣдью.

Старикъ былъ равно извѣстенъ въ столицѣ своими удивительными глазами: большими, свѣтло-сѣрыми, чуть не бѣлесоватыми, а между тѣмъ чрезвычайно выразительными.

Во взглядѣ отца Августина было что-то особенное, непередаваемое. У всякаго являлось невольное желаніе все болѣе и болѣе вглядываться въ эти умные, глубокіе, свѣтлые глаза, и всякій незамѣтно подпадалъ подъ ихъ чары. Эти глаза очаровывали, овладѣвали и, будто опутывая легкой паутиной, приковывали къ себѣ и уже затѣмъ повелѣвали.

Всѣ, кто зналъ отца Августина, повиновались ему; если же не имѣли возможности исполнить что́ либо изъ его просьбъ или приказаній, то всячески избѣгали его, какъ бы съ нечистой совѣстью, какъ бы виноватые.

Посадивъ передъ собой молодаго человѣка, старикъ улыбнулся своими тонкими и красивыми губами и выговорилъ:

— Ну, что же,—все во славу Божію и въ нашу пользу?

Старикъ заговорилъ по-французски—языкъ на которомъ онъ объяснялся со всѣми, но онъ былъ родомъ не французъ и никто не зналъ даже какого онъ происхожденія. Нѣкоторые считали его итальянцемъ. Ходилъ слухъ, и быть-можетъ это было вѣроятнѣе всего, что іезуитъ былъ родомъ съ острова Кубы и языкъ его ранняго дѣтства, теперь полу-забытый, былъ испанскій.

Во всякомъ случаѣ, съ двѣнадцатилѣтняго возраста, Августинъ жилъ безвыѣздно во Франціи. Здѣсь, впослѣдствіи, будучи двадцати лѣтъ, поступилъ онъ въ орденъ новиціемъ, вскорѣ затѣмъ сталъ схоластикомъ, но въ 33 года, по уставу, далъ vota plenaria, т. е. полный обѣтъ. Вызванный Груберомъ въ Россію, онъ получилъ, съ полгода назадъ, должность адмонитора.

— Итакъ, сынъ мой, все благополучно? заговорилъ старикъ.—Все хорошо, sauf les affaires de nos ennemis.

— Да, отвѣтилъ Бѣлинскій съ радостнымъ лицомъ,—именно, какъ вы изволите говорить, mon père. Все хорошо идетъ, кромѣ дѣлъ нашихъ враговъ и, слѣдовательно, и ихъ дѣла хорошо идутъ... съ нашей точки зрѣнія.

— Да, милый мой, всякая практическая философія основана на этомъ во всемъ свѣтѣ. Когда дѣла враговъ ордена Іисуса очень дурны, то идутъ хорошо. Когда же, скажи, рѣшается все окончательно?

— Думаю, не нынче—завтра, отецъ мой. Надо ждать натиска непріятеля, въ лицѣ князя и княгини Яхтомскихъ, но этого опасаться не приходится.

— Когда же княжна будетъ у отца Гавріила?

— На этихъ же дняхъ. Я именно явился узнать, когда высокочтимый отецъ-ректоръ пожелаетъ принять княжну.

— Но ты думаешь, что она совершенно приготовилась. Не побоится она молвы свѣта? Не откажется въ послѣднюю минуту? Тогда будетъ огласка и нареканія на насъ.

— Никогда! Я вполнѣ увѣренъ. Она говоритъ что уже давно думала о переходѣ въ католицизмъ. Я же, по совѣту вашему, постоянно говорю ей, что если мужъ и жена не ходятъ въ одинъ и тотъ же храмъ, то истинной любви и благословенія Божьяго на бракъ быть не можетъ.

— Слѣдовательно, улыбнулся отецъ Августинъ,—на разстояніи двухъ-трехъ дней два торжества, одно другаго значительнѣе. Присоединеніе къ лону вѣрныхъ католиковъ и бракосочетаніе въ одномъ храмѣ, а не въ двухъ. А помнишь ли ты, мой милый, какъ ты сомнѣвался въ успѣхѣ и того, и другаго, а въ особенности перваго?

— Да, я хотѣлъ отложить это. Я думалъ, что когда княжна будетъ моей женой, то мнѣ будетъ легче убѣдить ее сдѣлаться католичкой.

— Пустое! когда на комъ благословеніе Божіе, то все удается. Ну, а документы? вдругъ прибавилъ Августинъ.

— Завтра я привезу, все готово! какимъ-то страннымъ, другимъ голосомъ отвѣтилъ Бѣлинскій и вдругъ опустилъ глаза передъ яснымъ и проницательнымъ взоромъ старика-іезуита.

— Зачѣмъ ты опускаешь глаза? выговорилъ старикъ.—Какъ это понимать?

— Да я, mon père, все въ томъ же сомнѣніи, горячо заговорилъ Бѣлинскій.—Я право не знаю... Я не боюсь. Я готовъ на все. Но я не знаю, нужно ли это?.. Какая цѣль этого? Я, конечно, могу надѣяться пережить мою будущую жену, такъ какъ я втрое моложе ея. Мнѣ двадцать-четыре, а ей вѣроятно семьдесятъ слишкомъ. Но когда она скончается и при какихъ условіяхъ, я этого знать не могу. А что я буду обладателемъ всего ея состоянія, когда овдовѣю, на это нѣтъ никакихъ данныхъ, и съ ея твердымъ характеромъ врядъ ли это можетъ случиться. Она согласилась стать моей женой, согласилась перемѣнить религію, но никогда не согласится лишить наслѣдства князя Яхтомскаго. Слѣдовательно, мое обязательство, котораго вы требуете, можетъ со временемъ быть пустою, ничего не стоющею бумагой.

Отецъ Августинъ помолчалъ, а затѣмъ отвѣтилъ спокойно и твердо:

— Сынъ мой, повторяю тебѣ сотый разъ: тогда мы эту ничего не стоющую бумагу изорвемъ. Если же ты, овдовѣвъ, сдѣлаешься собственникомъ всего ея состоянія, то ты будешь обязанъ поступить по нашему условію. Богатство княжны Мавроціано настолько велико, что и половины его достаточно съ тебя. Я обѣщалъ тебѣ добыть вѣрныя свѣдѣнія о размѣрахъ ея состоянія, которое она тщательно скрываетъ, и скажу тебѣ цифру послѣ того, что ты подпишешь свое обязательство. А теперь, пожалуй, скажу тебѣ, что оно гораздо болѣе того, что думаютъ въ Петербургѣ, что думаютъ даже ея наслѣдники—Яхтомскіе. Въ настоящую минуту, я думаю, что если бы старуха могла прогнать своихъ управляющихъ, то сама не повѣритъ, до какой цифры достигли бы ея капиталы. Я увѣренъ, что каждый годъ у нея крадутъ, по крайней мѣрѣ, до сотни тысячъ. Итакъ, повторяю: всѣ формальности—наше дѣло. Но скажи мнѣ, наконецъ, когда же ты офиціально явишься сюда, съ документами, которые здѣсь подпишутся и будутъ вручены мнѣ, какъ адмонитору, для сбереженія.

— На-дняхъ! отозвался тихо Бѣлинскій.

— Хорошо. Помни, сынъ мой!—И голосъ Августина сталъ строгъ.—Не подписавъ этого обязательства, ты не будешь мужемъ княжны Мавроціано.

Бѣлинскій странно взглянулъ въ лицо іезуита и тотчасъ же отвелъ глаза въ сторону.

— Вижу по глазамъ твоимъ, мой милый, сухо заговорилъ Августинъ съ усмѣшкой,—что по наивности, ты, кажется, не согласенъ со мной. Ты думаешь, что старая дѣва глубоко привязалась къ тебѣ теперь и что ты можешь стать мужемъ милліонерши помимо насъ, не обращая никакого вниманія на наши требованія. Ты ошибаешься! Я могу призвать Бога въ свидѣтели, что все дѣло, дѣйствительно, въ нашихъ рукахъ и твоя

Масляница. Въ маскарадѣ. Съ картины академика Бенча-Томашевскаго, грав. Шюблеръ.

2

участь тоже въ нашихъ рукахъ. Ты воображаешь, что старая княжна безумно влюблена въ тебя, что ты совершенно покорилъ себѣ ея волю, что ты, однимъ словомъ, можешь жениться на ней, не подписывая той бумаги, которую мы отъ тебя требуемъ. И вотъ въ этомъ заключается глупая, роковая ошибка. Не безумствуй, сынъ мой! Ты, стало быть, не знаешь нашей власти. Много такихъ, какъ ты, изъ самомнѣнія, изъ гордости, весь успѣхъ своего дѣла приписывали неосторожно себѣ самимъ, а не намъ. И сразу потеряли все, на что надѣялись, что считали уже у себя въ рукахъ. Такъ и ты, сынъ мой, въ случаѣ лукавства и обмана нашего ордена—потеряешь все. Ты не только будешь изгнанъ изъ дома княжны Мавроціано, но будешь изгнанъ изъ Петербурга, изъ предѣловъ Россіи. И ступай тогда странствовать и нищенствовать по чужимъ тебѣ краямъ, вмѣсто того, чтобы быть богачемъ, стать знатнымъ и сильнымъ человѣкомъ въ этой сѣверной, дикой, но добронравной странѣ. Повторяю, выбрось изъ головы увѣренность въ себѣ, самомнѣніе. Врагъ человѣческій силенъ и можетъ погубить вдругъ. Не будь жаденъ! Вчера у тебя не было еще ни гроша, сегодня у тебя есть приличныя средства отъ насъ, на которыя ты могъ и можешь жить, какъ членъ высшаго общества. Мы это дали тебѣ—и ты у насъ въ долгу. Не будь неблагодаренъ. Завтрашній день тебѣ сулитъ горы золотыя, умѣрь свои низменныя чувства, свою алчность, и согласись подѣлиться половиной тѣхъ сокровищъ, къ которымъ мы толкнули тебя, но которыми ты еще не обладаешь, а вскорѣ будешь обладать при нашей помощи. Я умоляю тебя, ради тебя самого, не лукавствуй! Послѣдній разъ говорю тебѣ: прежде ты подпишешь обязательство, а потомъ уже отецъ-ректоръ приметъ княжну Мавроціано для бесѣды съ ней объ ея переходѣ въ католичество и объ ея бракѣ съ тобой.

Бѣлинскій, слегка смущенный, слегка тревожный, съ лицомъ, которое покрылось чуть замѣтнымъ румянцемъ отъ волненія, сталъ краснорѣчиво убѣждать старика-іезуита, что онъ и не думалъ ни единаго мгновенія лукавить и обманывать, но что ему только кажется страннымъ документально обѣщать то, что онъ не имѣетъ самъ.

Отецъ Августинъ хотѣлъ снова и строже повторить почти то же самое, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ въ лукавствѣ молодаго человѣка, но въ эту минуту отворилась дверь.

XVI.

— Son Altesse, le prince Wachtenstein! доложилъ съ порога тотъ же кудрявый мальчуганъ.

Августинъ тотчасъ поднялся и двинулся. Выйдя за порогъ своей горницы, онъ прошелъ половину залы, гдѣ гость уже шелъ навстрѣчу ему быстрыми шагами.

— Давно мы не имѣли чести видѣть васъ, сказалъ Августинъ, радушно поздоровавшись.

— Не могъ, болѣлъ, Dominatio Vestra (ваше господство), отозвался князь, а затѣмъ протянулъ руку Бѣлинскому, который оказался за іезуитомъ, и прибавилъ по-французски:

— Я думалъ, вы покинули столицу. Васъ нѣтъ нигдѣ. Наши дамы соскучились. Некого спросить о своей судьбѣ.

Бѣлинскій низко поклонился, но не отвѣтилъ ничего, такъ какъ отецъ Августинъ уже взялъ князя почтительно подъ руку и повелъ къ себѣ. Уже садясь къ тому же столу, іезуитъ обернулся къ юношѣ, притворявшему дверь, и приказалъ:

— Эдуардъ! Кто бы ни явился, не принимай. Говори, что отецъ-ректоръ занятъ. Меня видѣть конечно можно, и обернувшись къ князю, Августинъ прибавилъ: — Вы такой рѣдкій гость, князь, что отецъ-ректоръ скоро не отпуститъ васъ.

— Я съ хорошими вѣстями, отецъ мой, началъ Вахтенштейнъ, когда дверь заперлась. — Я даже не ожидалъ такого успѣха. Князь Голицынъ, баронъ Риттихъ, еще одинъ русскій князь съ самымъ громкимъ именемъ, какое только можетъ быть въ этой Россіи,—называть его, я думаю, не стоитъ, — всѣ трое почти рѣшились.

— Почти? улыбнулся отецъ Августинъ.

— Пожалуй даже скажу—рѣшились. Князь Голицынъ во всякомъ случаѣ будетъ католикомъ, прежде чѣмъ явится новолуніе.

— Слава Господу. Слава и честь вамъ, князь. Я вѣдь убѣжденъ и говорю всегда, что самые ревностные католики: испанцы и германцы. И если бы не исчадіе дьявола, Лютеръ, то теперь центральная Европа представляла бы иное зрѣлище, могучая исповѣданіемъ истинной религіи. Ну, а скажите, что прелестная княгиня Яхтомская?

— Теперь, Dominatio Vestra, критическая минута. Вчера князь узналъ, что онъ разоренъ, банкротъ, а я высказался вполнѣ ясно. Но никакого отвѣта отъ княгини я еще не имѣю. Если хотите, она отвѣчала отрицательно, даже казалась оскорбленною. Но мнѣ вѣрится, что это была игра. Да, наконецъ, какой же исходъ несчастной женщинѣ? Она привыкла блистать въ обществѣ, быть львицей большаго свѣта, сорить деньгами направо и налѣво. Жизнь для нея — это блескъ. Блистать самой въ блестящей обстановкѣ. А теперь ей придется ѣхать въ глушь, въ деревню, жить въ какой-нибудь русской усадьбѣ, гдѣ бродятъ кругомъ и завываютъ волки и медвѣди.

— Или ходятъ зловонные, лохматые и неумытые, не менѣе дикіе чѣмъ волки, русскіе мужики, добавилъ смѣясь Августинъ.

— Разумѣется, отозвался князь. — Вотъ, если она и пойдетъ на это, то не выдержитъ—и мѣсяца черезъ два вернется сюда и согласится на мои условія. А разъ она будетъ въ моихъ рукахъ, я отвѣчаю за нее. Вы знаете лучше меня, mon père, насколько въ дѣлахъ вѣры свѣтскія женщины легкомысленны. Не только перейти изъ православія въ католицизмъ — двѣ религіи, которыя наиболѣе близки одна другой, — но я увѣренъ, что женщины, подобныя княгинѣ, красавицы, кокетки, легкомысленныя, умныя лишь въ свѣтскомъ смыслѣ слова, способны перейти даже въ магометанство, увѣровать равно легко и въ Магомета, и въ Будду, и въ Конфуція, и...

— Увы! это совершенно вѣрно.

— И такъ, какъ только княгиня согласится быть моею... Вахтенштейнъ запнулся и поправился: — быть со мной, она тотчасъ сдѣлается ревностною католичкой и будетъ сама заниматься прозелитизмомъ въ Петербургѣ. Вообще, я глубоко убѣжденъ, что не пройдетъ какихъ-нибудь пяти лѣтъ — и вашъ орденъ будетъ имѣть огромное значеніе въ Россіи.

— Не въ одной Россіи, князь. И не чрезъ пять лѣтъ, а мѣсяца черезъ три. Позвольте вамъ отвѣтить, князь, маленькой новостью, самодовольно произнесъ Августинъ. — Императоръ Всероссійскій вскорѣ формально потребуетъ у святаго отца Пія признанія нашего ордена вновь.

— Что вы! Какъ! воскликнулъ пораженный Вахтенштейнъ.—А булла Dominus ac Redemptor!?

— Императоръ Павелъ I — глава православной Россіи — потребуетъ отъ главы католицизма уничтоженія буллы Климента XIV.

— Но это невѣроятно, mon père.

— Вѣрьте, князь. Не вѣрите — спросите нашего общаго друга, посланника Сардинскаго короля. Онъ, т. е. графъ де-Местръ, много помогъ намъ въ этомъ святомъ дѣлѣ.

— Но это святое дѣло—дѣло разума и энергіи отца Гавріила. Вотъ заслуга предъ міромъ и предъ Всевышнимъ! воскликнулъ Вахтенштейнъ.

— Да. Вы вѣрно выразились, князь. Именно гигантскій подвигъ и заслуга предъ Всевышнимъ Богомъ, не только предъ міромъ земнымъ. Подумайте. Вотъ уже сколько лѣтъ нашъ орденъ страдаетъ и гонимъ, какъ былъ гонимъ и страдалъ Самъ Спаситель міра. Надъ нами издѣвались, насъ бичевали, насъ нравственно распинали на крестѣ злословія и клеветы. И вотъ мы снова оживемъ, воскреснемъ для новой жизни.

— Но какъ же достигъ этого высокочтимый отецъ Гавріилъ? Какъ государь согласился, рѣшился?

— Этого я не знаю, отвѣтилъ Августинъ скромно.— Но знаю я одно только, что̀ и вамъ извѣстно. Пій VII слишкомъ многимъ обязанъ Русскому императору, чтобы отвѣтить отказомъ на такое прошеніе.

— Можно даже прямо сказать, отозвался князь, — что святой отецъ обязанъ государю своимъ избраніемъ въ папы. Бонапартъ ничего бы не сдѣлалъ для него безъ желанія Павла I.

— Помилуйте! воодушевился Августинъ. — Полгода не было первосвященника и римскій престолъ оставался вакантнымъ. Полгода! И одно слово императора Русскаго побудило Бонапарта вступиться и просто приказать избрать кардинала ничѣмъ себя не заявившаго, мало даже извѣстнаго въ мірѣ духовныхъ, но за то покровительствуемаго Русскимъ монархомъ. И Кіаромонти сталъ Піемъ VII.

— Признаніе! Уничтоженіе буллы Климента?! Да... Это... Да... проговорилъ князь Вахтенштейнъ, все еще изумленный.

Отецъ Августинъ молчалъ и улыбался, видя изумленіе извѣстнаго въ Европѣ дипломата. „Это не по-вашему!“ думалось іезуиту.— „Дипломаты—дѣти сравнительно съ нами“.

Послѣ краткаго молчанія, князь заявилъ о своемъ желаніи видѣть ректора отца Гавріила.

— Сейчасъ я доложу, отозвался отецъ Августинъ, и поднявшись, прошелъ маленькою дверью въ сосѣднюю горницу.. Чрезъ мгновенье онъ снова стоялъ на порогѣ и молча, жестомъ приглашалъ Вахтенштейна войти.

Князь двинулся и вошелъ въ совершенно маленькую горницу, гдѣ стояли только большой шкафъ съ тайными и важнѣйшими для ордена бумагами и небольшой рабочій столикъ.

За этимъ столикомъ, въ высокомъ готическомъ креслѣ, сидѣлъ съ молитвенникомъ въ рукахъ крошечный человѣчекъ съ самымъ обыкновеннымъ и даже невзрачнымъ лицомъ, безъ малѣйшаго выраженія, тѣмъ болѣе, что вѣки глазъ были опущены надъ маленькой книжкой съ золотымъ крестомъ. Ничего не говорила эта фигурка или только заявляла краснорѣчиво про свое полное ничтожество.

— Salut, reverendissime père, выговорилъ князь Вахтенштейнъ, приблизясь.— Benevolentia dominationis vestrum mecum sit.

Фигурка іезуита не двинулась. Она только тихо шевельнула головой и подняла безцвѣтные и почти безжизненные глаза...

— Pax vobiscum! выговорилъ наконецъ іезуитъ едва слышно.

(Продолженіе будетъ).

Приключеніе студента въ Веймарѣ.

Въ августѣ 1803 года одинъ молодой іенскій студентъ, Андрей Слуховиный, отправился изъ Іены въ Веймаръ. Венгерскій словакъ родомъ, онъ, незадолго передъ тѣмъ, получилъ стипендію отъ своего роднаго города Пресбурга, позволившую ему ѣхать въ Іену изучать филологію. Нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Пріѣхавъ въ Веймаръ и подивившись на многія достопримѣчательности города, усталый, онъ попалъ въ совершенно своеобразную улицу съ красивыми домишками, обнесенными садами. Жара была невыносимая, ему страшно хотѣлось пить. Онъ тщательно осмотрѣлся, ища трактира, но нигдѣ не было никакой вывѣски. Вдругъ донесся до него веселый смѣхъ, шумъ катящагося шара и грохотъ падающихъ кегель. „Ага, подумалъ онъ, вотъ и трактиръ“.

Онъ вошелъ въ отворенную калитку сада и увидѣлъ кегельбанъ, гдѣ трое мужчинъ играли въ кегли. Возлѣ нихъ, на стульяхъ, сидѣло нѣсколько дамъ, смотрѣвшихъ на игру. Старыя липы сада бросали тѣнь на эту идиллическую сцену. На заднемъ планѣ изъ зелени поднимался фасадъ красиваго дома.

— Да здѣсь очень мило! произнесъ про себя молодой словакъ.—И общество вполнѣ приличное. Право, въ этомъ Веймарѣ то и дѣло натыкаешься на такіе поэтическіе уголки.

Онъ замѣтилъ бесѣдку, вошелъ въ нее, сѣлъ за столикъ и крикнулъ:

— Эй, хозяинъ, кружку пива!

Всѣ взоры обратились къ нему, какъ показалось ему, съ удивленіемъ, а молодыя дамы переглянулись и захихикали.

Слуховиный, однако, сохранилъ полное достоинство, сдѣлавъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія. Онъ вытащилъ изъ кармана кисетъ и трубку, набилъ ее, высѣкъ огня и трутомъ закурилъ ее.

Въ это время одинъ изъ господъ, игравшихъ въ кегли, высокій и худой, съ болѣзненнымъ видомъ,—студентъ почему-то принялъ именно его за хозяина,—сказалъ что-то сидѣвшей подлѣ молоденькой дѣвушкѣ, та быстро убѣжала въ домъ и скоро вернулась съ кружкою пива, которую поставила передъ студентомъ, произнеся съ комическою важностью: „готово, сударь!“

— Благодарю, сказалъ Слуховиный.—А что это за пиво?

— Веймарское, сударь!

Онъ сдѣлалъ маленькій глотокъ и проговорилъ:

— Мм, славное пиво!..

— Мы держимъ только первый сортъ, сказала дѣвушка и отбѣжала опять къ дамамъ, которыя еще что-то тихо говорили ей, причемъ всѣ какъ и прежде смѣялись.

Слуховиный не торопясь покуривалъ трубку и пилъ превосходное пиво; въ то же самое время онъ съ интересомъ слѣдилъ за господами, игравшими въ кегли. Второй изъ нихъ былъ молодой и красивый господинъ съ орлинымъ носомъ и гордымъ выраженіемъ лица. Третій, маленькій, уже пожилой человѣчекъ, сразу располагалъ къ себѣ прекраснымъ выраженіемъ лица и добрыми глазами. Онъ то и дѣло перекидывался шутками съ дамами.

Что касается высокаго и худаго хозяина, игравшаго съ ними въ кегли, то игра его, положительно, выводила изъ себя студента. Что ни ударъ, шаръ уклонялся постоянно въ сторону, давая „пуделя“, какъ это называется въ игрѣ.

Молодымъ дамамъ, повидимому, доставляли большое удовольствіе промахи хозяина, ибо всякій разъ онѣ весело кричали: „пудель! пудель! пудель!“

Слуховиный не могъ безъ жалости смотрѣть на подобную игру; онъ подошелъ къ игравшимъ и вызвался научить хозяина правильно бросать шаръ.

— Э? отвѣчалъ тотъ, улыбаясь,—вы, повидимому, мастеръ играть въ кегли?

Студентъ поклонился.

— Кто вы такой?

— Я студентъ изъ Іены.

— Я такъ и думалъ... Что вы изучаете?

— Филологію.

— Вы, вѣроятно, недолго жили и въ Іенѣ?

— Не болѣе мѣсяца. Теперь я вздумалъ посмотрѣть Веймаръ, эти современныя Аѳины, гдѣ блистаютъ великіе геніи, до которыхъ пожалуй и не допустятъ простаго словака.

— А... вы словакъ?

— Да, венгерскій словакъ изъ Пресбургскаго комитата, Андрей Слуховиный.

— Слу... какъ?

— Слуховиный...

— Простите, ваша фамилія слишкомъ трудна для произношенія. Ну такъ будьте любезны, господинъ Слу... и такъ далѣе, замѣните меня въ игрѣ, я страшно усталъ.

— Если господа согласны...

— Отлично! сказалъ маленькій; высокій тоже кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Студентъ взялъ шаръ и съ размаху пустилъ его по кегельбану.

— Всѣ девять!

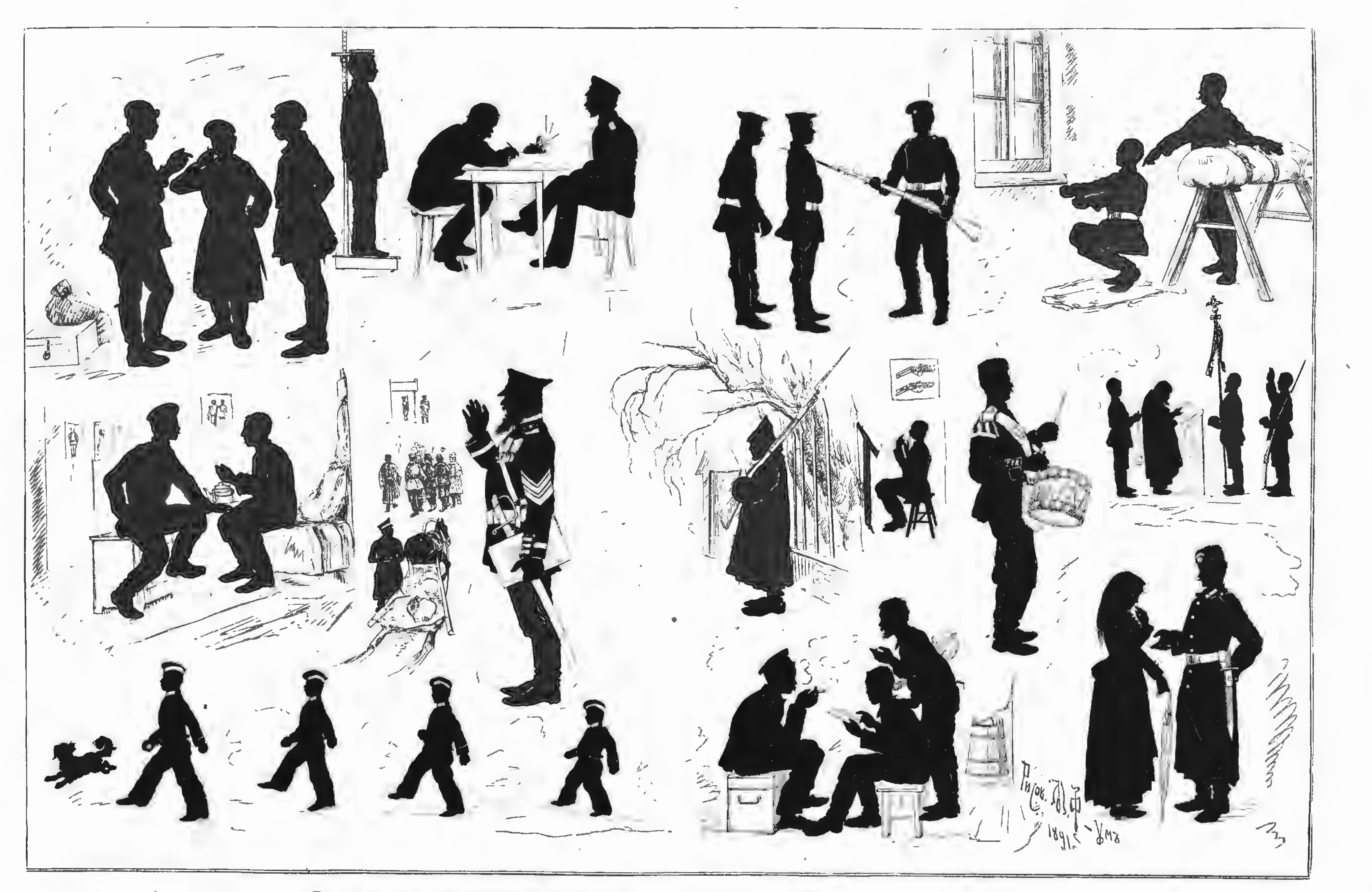
— Браво! браво! браво! воскликнули молодыя дамы и захлопали въ ладоши.

— Да, господинъ Слу... и такъ далѣе, вы мастеръ играть!

Такимъ образомъ Слуховиный игралъ съ полчаса и выигралъ за своего довѣрителя почти безнадежную партію. До сихъ

Масляница. Дорогой зятюшка на блинахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Флюгель.

Силуэты изъ солдатской жизни. Оригин. рис. (собств. „Нивы") М. Ф—ума, грав. Рашевскій.

поръ онъ еще не успѣлъ узнать именъ господъ, съ которыми игралъ.

Вдругъ молодая дѣвушка, подававшая ему пиво, закричала звонкимъ голосомъ:

— Къ столу, господа!

Студентъ оглянулся. Въ большой бесѣдкѣ былъ накрытъ столъ. Онъ успѣлъ разглядѣть его роскошную сервировку...

„Теперь пора и удалиться“, подумалъ онъ, и вынулъ кошелекъ, чтобы расплатиться.

— Что это вы тамъ выдумали, господинъ Слу... и такъ далѣе! воскликнулъ худой господинъ.—Оставьте ваши деньги!

— Но я долженъ еще...

— Гдѣ же вы находитесь по-вашему?

— Да думаю, что въ лѣтнемъ трактирчикѣ...

Все общество дружно расхохоталось, приведя въ окончательное смущеніе бѣднаго студента.

— Такъ вы меня, чего добраго, приняли за трактирщика? весело спросилъ худой господинъ.

— Долженъ признаться...

— Любезный господинъ Слу... Слу... и такъ далѣе, я вовсе не трактирщикъ, я нѣмецкій поэтъ, а имя мое Шиллеръ.

— Боже! возможно-ли? пробормоталъ молодой словакъ. — О, вы безъ сомнѣнія шутите?..

— Нисколько, мой дорогой господинъ Слу... и такъ далѣе; господа, съ которыми вы играли, могутъ подтвердить вамъ мои слова.

— Да, я ручаюсь за истину ихъ, сказалъ высокій красивый господинъ,—если вы только вѣрите Гёте?

— Его слова такъ же вѣрны, какъ то, что меня зовутъ Виландомъ! хохоча во все горло закричалъ пожилой господинъ.

Словакъ дико озирался кругомъ...

— Ужь не сплю ли я? пробормоталъ онъ.—Мнѣ выпало на долю счастье видѣть сразу трехъ величайшихъ писателей Германіи, творцовъ „Орлеанской Дѣвы“, „Вертера“ и „Оберона“...

— Да, господинъ Слу... и такъ далѣе, если вамъ это доставляетъ удовольствіе. Не откажите же и вы намъ въ удовольствіи пообѣдать вмѣстѣ съ нами.

Слуховинный, такъ своеобразно попавшій въ такое изысканное общество, конечно, не заставилъ себя просить въ другой разъ и благословлялъ свою судьбу, сидя за столомъ.

Воодушевленный рейнвейномъ и шампанскимъ, Слуховинный спѣлъ своимъ сильнымъ теноромъ, въ честь любезнаго хозяина, его безсмертную „Lied an die Freude“ и привелъ въ восхищеніе все общество своимъ чуднымъ голосомъ.

— Ахъ, господинъ Слу... Слу... ну, чортъ возьми! все равно! сказалъ Гёте,—у васъ феноменальный теноръ, вамъ надо на сцену, въ оперу!

— Къ сожалѣнію, это невозможно, сказалъ студентъ.—Недавно я принялъ стипендію отъ роднаго города, съ условіемъ что буду тамъ учителемъ.

Поздно вернулся домой молодой студентъ и всю ночь не могъ заснуть, размышляя о своемъ приключеніи.

Андрей Слуховинный былъ впослѣдствіи директоромъ Пресбургской школы. Приключеніе это было записано имъ и теперь является въ печати. К.

Силуэты изъ солдатской жизни.

(Рис. на стр. 133).

Рисунки художника-любителя, г. М. Ф—ума, конечно привлекутъ вниманіе не только военной среды, но и всѣхъ лицъ, интересующихся войсковымъ бытомъ. Особенный интересъ представляютъ они для семьи, гдѣ подрастаютъ юноши, которымъ надлежитъ пройти воинскую повинность. Въ предлежащихъ рисункахъ представлены характернѣйшія черты полковой солдатской жизни, тонко подмѣченныя молодымъ художникомъ. Всѣ фигуры проникнуты симпатіей къ нравамъ русскаго простолюдина, къ его оригинальному быту, гдѣ рядомъ съ простотой, искренностью и другими хорошими качествами ютится самый добродушный, истинно-русскій юморъ.

Посмотрите на этихъ двухъ новобранцевъ, бесѣдующихъ съ мѣстнымъ унтеръ-офицеромъ (рис. № 1). Это тѣ самые краснощекіе молодцы, въ полушубкахъ и въ сапожищахъ, которые въ декабрѣ, до распредѣленія въ полки, гуляютъ группами по городу и наивно останавливаются передъ какимъ нибудь пятиэтажнымъ домомъ, громко разсуждая: живетъ ли тамъ кто нибудь, въ пятомъ этажѣ—„на самой, значитъ, горѣ“.

— Надо быть, живутъ, потому—окна попадѣланы, говоритъ одинъ изъ парней.

— Проходи! проходи дальше! неустанно преслѣдуетъ ихъ полицейскій стражъ, глазъ котораго не можетъ выносить сборищъ.

— Мы, господинъ, ничего... мы только, значитъ, поглядѣть хотѣли...

— Ладно! нечего глазѣть—проходи дальше!

— Вы тульскіе? спрашиваете вы ихъ при встрѣчѣ.

— Да, да, господинъ, тульскіе,—дѣйствительно такъ, отвѣчаютъ они, хватаясь за шапки.—А вы, господинъ, здѣшній будешь?

— Да, здѣшній... а вамъ на что?

— Такъ, значитъ, спрашиваемъ, потому—мы сами не здѣшніе...

Но вотъ эти люди попадаютъ въ полки, и черезъ недѣлю вы ихъ совсѣмъ не узнаете: всѣ они гладко выстрижены, вымыты въ банѣ, элегантно одѣты и подтянуты портупеями; при разговорѣ съ начальникомъ стоятъ въ струнку и отвѣчаютъ по-солдатски: „здравія желаемъ“, „рады стараться“, „такъ точно“, „никакъ нѣтъ“, „виноватъ“ и „покорнѣйше благодаримъ“.

На слѣдующей картинкѣ (№ 2), представленъ тотъ же новобранецъ, но уже немножко взволнованный: ему что-то приказываютъ, о чемъ-то строго разспрашиваютъ, суетятъ, ставятъ подъ мѣрку. Но здѣсь интересна фигура доктора; это совсѣмъ живой человѣкъ—типъ бывшаго медицинскаго студента. Онъ вышелъ изъ академіи немножко растрепаннымъ, съ усами никогда не видавшими щипцовъ и почти незнакомыми со щеткой; одѣтъ онъ былъ въ очень смѣшной сюртукъ, вѣроятно, сшитый у какого-нибудь жида, подлежащаго выселенію въ предѣлы еврейской осѣдлости. Теперь же вы видите его элегантно одѣтымъ, и только своевольные клочки усовъ, неподдающіеся щипцамъ, выдаютъ его прежнее пренебреженіе къ внѣшности. Вообще докторъ, изображенный г. Ф—омъ, представляется намъ человѣкомъ уже слившимся съ офицерской средой—славнымъ малымъ, хорошимъ товарищемъ, членомъ каждой веселой компаніи, дамскимъ кавалеромъ, и строгимъ начальникомъ въ лазаретѣ. Прежде онъ говорилъ съ солдатомъ на „вы“ и, осматривая больнаго, принималъ позы, свойственныя клиническимъ свѣтиламъ, а теперь раздѣляетъ свой трудъ съ фельдшерами и предпочитаетъ клиническимъ позамъ гусарскія; офицеровъ лѣчитъ отъ лихорадки коньякомъ и даже трудно больнымъ разрѣшаетъ выпить стаканчикъ пива.

— А что, докторъ, спрашиваетъ его какой-нибудь пріятель,—скажи мнѣ откровенно, какъ другу: вѣришь ли ты въ свою науку?

— По правдѣ сказать, не особенно...

— Какъ? значитъ и Кохъ, и Вирховъ,—всѣ врутъ?

— А ты думалъ нѣтъ?

— Хорошо... а для чего же ты, когда вышелъ изъ академіи, все насъ насчетъ бактерій просвѣщалъ?.. Теперь, значитъ, пересталъ вѣрить?

— Зачѣмъ?.. какой наивный вопросъ... Это нужно, такъ сказать, для нравственности... Для чего, напримѣръ, вы учите солдата ровно пальцы держать по швамъ? Вѣдь этимъ непріятель не побѣждается...

Къ сожалѣнію, „докторъ“ единственная не солдатская фигура у г. Ф—ума.

Слѣдующая картинка (№ 3), представляетъ знакомство съ дядькой и занятія, такъ называемой, „словесностью“. Это камень преткновенія въ солдатской школѣ, особенно для людей, не умѣющихъ говорить по-русски. Мы позволимъ себѣ привести сценку изъ напечатаннаго уже нашего разсказа („Развѣдчикъ“, № 75), въ которой шустрый новобранецъ Цыгановъ помогаетъ своему товарищу, чухонцу Кўпьѣ.

Вы входите въ роту и застаете Цыганова и Кўпью у окна. Цыгановъ человѣкъ добродушный, занимается ласково и терпѣливо; онъ обнялъ Кўпью, деликатно наклоняя его голову поближе къ книжкѣ. При вашемъ появленіи они оба вскакиваютъ. Цыгановъ улыбается отъ радости, что васъ увидѣлъ, и Кўпья, глядя на него, тоже считаетъ своей обязанностью оскалить зубы.

— Здравствуйте! Что вы учите?

— „Начальство“, ваше высокоблагородіе,—„знамя“, „что есть солдатъ?“—всякую „словесность“, отвѣчаетъ Цыгановъ, привѣтливо фыркая носомъ.

— Ну, разскажи, обращаетесь вы къ Кўпьѣ, который, не дождавшись вашего вопроса, уже что-то бормочетъ.

— Э... три собрашэнья, ваше высокое благородіе, отвѣчаетъ Кўпья, кивая головой на удареніяхъ.

— Что такое?

— Э... три собрашэнія...

— Это, ваше высокоблагородіе, „они“ про знамя хотятъ сказать, что тамъ есть три изображенія, поясняетъ Цыгановъ, изъ вѣжливости къ вамъ называя Кўпью „они“.

— Ну?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе,—„они“, надо быть, изъ нѣмцовъ будутъ... по-своему „они“ здорово лопочутъ и книжку умѣютъ читать, а по-нашему все больше изъ середки запоминаютъ, а краюшки опосля подучиваютъ...

— Э... ффэра и отэцство (вѣра и отечество), припоминаетъ Кўпья дальнѣйшія слова, относящіяся къ понятію о знамени.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе,—мы сейчасъ „началь-

ствомъ“ занимались, продолжаетъ Цыгановъ:- окромя „батальоннаго“ всѣхъ выучили: „батальоннаго“ (командира) нѣмцы не можутъ выговорить.

— А ну, спроси.

Цыгановъ, подражая дядькамъ, ставитъ Кýпью по формѣ передъ собой, и, увлеченный своей ролью, неистово очищаетъ носъ, какъ бы забывъ о вашемъ присутствіи.

— Кýпья!

— Здравія зилаю!!

— Не надо „здравія желаю“: это—когда здороваются; а ты скажи мнѣ, Кýпья, кто у тебя полуротный?

— Пáтра... Пáтра...

— Зачимъ?.. зачимъ горячку пороть? Ты стой вольно, какъ есть,—одно слово—прохладно стой... „Они“, ваше высокоблагородіе, потѣютъ здóрово.

— Пáтра... Пáтра... продолжаетъ Кýпья, раскачивая свою думательную машину.

— Да не надо такъ... ты не пужайся... ты спомни портупею; портупею знаешь?

— Такъ тоцно.

— Такъ ты все и думай себѣ о портупеѣ... То будетъ портупея, а это поручикъ Патракѣевъ,—понялъ?

— Такъ тоцно.

— Такъ, ваше высокоблагородіе, „они“ лучше запоминаютъ, потому—„они“ нѣмцы. Ежели „имъ“ теперича палецъ покажешь, то „они“ и поручика Кальцына спомянутъ.

— Патрак... Патрак... продолжаетъ Кýпья, роняя капли пота на полъ.

— Ну, будетъ уже, будетъ... Дозвольте, ваше высокоблагородіе, имъ оправиться: они напужались здóрово.

— Ну, а ты много выучилъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — я уже половину „дисциплины“ знаю,—хошь такъ, хошь по „вопроснику“.

— А ну, разскажи.

— Дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами; поэтому она...

— Ну, дальше,—„облзываетъ“... что-жь ты остановился?

— Никакъ нѣтъ!—„обязываетъ“ дяденька на завтра оставили,—такъ и карандашемъ отгорожено... Только что я, ваше высокоблагородіе, и это выучу,—мнѣ бы только съ Кýпьей управиться.

Нечего и говорить, что вы недовольны такимъ состояніемъ школы и дѣлаете выговоръ дядькамъ; но дядьки поняли вашъ выговоръ въ томъ смыслѣ, что занятія „словесностью“ надо усилить. Съ тѣхъ поръ Кýпью даже за обѣдомъ стали донимать вопросомъ: „что такое солдатъ?“ на что Кýпья отвѣчалъ: „социтныкъ отъ раговъ, нутреныхъ и нэшныхъ“.

Конечно, эта сценка относится только къ отсталымъ школамъ; теперь наглядный методъ обученія окончательно вытѣсняетъ „зубряжку“, а отвлеченныя понятія преподаются новобранцу офицеромъ. Гуманныя начала, воздѣйствіе на нравственныя свойства человѣка, предпочитаются той безразборной строгости, которою въ былыя времена выколачивалась дисциплина.

Очень хороши картинки: „отводъ новобранцевъ въ полкъ“, „кантонисты въ мѣшковатыхъ курточкахъ“, хорошо извѣстные петербургской публикѣ въ качествѣ пѣвчихъ въ церквахъ; „письмо изъ дома“, приблизительно такого содержанія: „Вѣдомо тебѣ, Ѳедюша, что ты мой любимый всегда былъ и есть, и что васъ только двое засталось опосля смерти твово родителя; а какъ ты въ тыи поры малъ былъ и на грудку жалился, то я боялась—не померъ бы... И таково мнѣ памятно это, что и понынѣ жалѣю тебя, и рѣдка ноченька, что не плачу... Одначе посылаю тебѣ рупь серебра и родительское благословеніе навѣки нерушимое... и т. д.—Твоя мать Алёна“.

Недурны также картинки: „часовой“, „присяга“ и „влюбленный солдатъ, бесѣдующій на улицѣ съ землячкой“, но лучшимъ рисункомъ г. Ф—ума безспорно слѣдуетъ признать „почтеннаго стараго фельдфебеля“. Это совсѣмъ живой человѣкъ, когда-то бывшій „столпомъ“ въ войсковой школѣ, но теперь, къ сожалѣнію, вырождающійся. Въ войскахъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ „Егорыча“. Хорошо когда-то жилось офицерамъ подъ крыломъ у этого человѣка, умѣвшаго предусмотрѣть всякія требованія и даже капризы начальства. Для характеристики этой крупной военной фигуры мы позволимъ себѣ привести одну сценку изъ нашей повѣсти „Прежняя служба и настоящая“.

Это было лѣтъ 20 тому назадъ. Вы благополучно командовали ротой и почти никогда не учили ее, зная навѣрное, что Егорычъ всему научитъ. Вдругъ является новый начальникъ и предъявляетъ новыя требованія, которыхъ даже Егорычъ не могъ предусмотрѣть. Прежде всего роту разносятъ за маршировку, на которой люди неправильно машутъ рукой. Получивъ выговоръ, вы сами являетесь въ роту, чтобы исправить эту ошибку; браните унтеръ-офицеровъ, укоризненно смотрите на Егорыча. Затѣмъ, нервно надѣвая дрожащими руками очки, вы суетливо роетесь въ уставѣ, разыскивая роковой параграфъ, котораго, съ непривычки, не можете найти, ибо уже нѣсколько лѣтъ не заглядывали въ уставъ.—„Тридцать пятая страница“, мягко подсказываетъ Егорычъ.—„Знаю!“ отвѣчаете вы сердито и начинаете читать уставъ: „рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, свободно посылается отъ плеча“ и т. д.—„Поняли?“ обращаетесь вы къ ротѣ. — „Такъ точно, ваше высокоблагородіе!“ — „Смотри-жь: кто ошибется — подъ арестъ!“

Начинается маршировка. Весьма понятно, что уничтожить пятнадцатилѣтнюю привычку не легко. Рота ошибается; вы кричите, выходите изъ себя, опять надѣваете очки и разыскиваете тридцать пятую страницу; наконецъ приходите въ отчаяніе; но у васъ за спиной стоитъ мудрый Егорычъ, у котораго уже назрѣваетъ какой-то планъ; это видно по лихому, съѣдающему роту, его взгляду и по шевелящимся толстымъ пальцамъ вытянутыхъ по швамъ его рукъ. Онъ уже два раза деликатно кашлянулъ, приставляя ладонь ко рту и видимо собираясь что-то сказать.—„Ваше высокоблагородіе!“ раздается тихій, вѣжливый голосъ за вашей спиной.—„Ваше высокоблагородіе!“ слышится нѣсколько громче, чтобы не сразу васъ встревожить.—„Не извольте безпокоиться,—дозвольте, я сейчасъ обучу“.

Вы оборачиваетесь къ фельдфебелю (до сихъ поръ вы, какъ бы въ наказаніе, старались на него не смотрѣть), и чувствуете, что вы уже не въ силахъ сердиться: передъ вами стоитъ тотъ самый радѣтель не только служебныхъ, но и вашихъ частныхъ интересовъ, который приходитъ обучать „шустрости“ вашего деньщика; не снимаетъ ранца на бивакѣ, пока не разставятъ вашу палатку; бываетъ грустенъ, когда вы бываете больны, и даже самъ предлагаетъ услуги натирать васъ спиртомъ, прогоняя неловкаго деньщика; онъ же самъ лично приноситъ сѣнца въ вашу палатку, если она разставлена на сыромъ мѣстѣ, и, показывая деньщику кулакъ, освобождаетъ изъ лужи вашъ чемоданъ; онъ же васъ останавливаетъ, если вы, въ качествѣ дежурнаго, идете ночью по болоту провѣрять цѣпь, боясь, чтобы вы не промочили ногъ и не простудились; онъ проситъ, чтобы вы его послали вмѣсто себя, и если вы не соглашаетесь, то провожаетъ васъ, какъ малолѣтняго, помогая переступать съ кочки на кочку и ворча себѣ подъ носъ: „Господи! и куда они пошли?..“ Приходя съ вечернимъ рапортомъ въ вашу палатку, онъ окутываетъ одѣяломъ ваши ноги, ворча на неисправнаго деньщика, и, вѣроятно, мысленно васъ креститъ... Словомъ, этотъ человѣкъ любитъ васъ горячо и искренно и, что самое замѣчательное,—самъ не зная за что,—просто потому, что вы „его баринъ“.

Можно ли сердиться на такого человѣка? Вы тотчасъ же принимаете его услугу относительно неудающагося пріема и, отходя отъ роты съ облегченнымъ сердцемъ, уже совсѣмъ мягко говорите: „это твое дѣло, Егорычъ,—не мнѣ же въ самомъ дѣлѣ безпокоиться...“ Вы въ сущности и сердились только потому, что фельдфебель медлилъ со своей услугой.

У Егорыча дѣло загорѣлось сразу. Онъ встряхнулъ головой, ухарски расправилъ плечи и, неизвѣстно зачѣмъ, плюнулъ въ руку, которую тотчасъ же сложилъ въ громадный кулакъ. Рѣшительный взглядъ этого человѣка и смѣлая поступь выражали умѣнье, соединенное съ непреклонной силой начальника. Рота, до сихъ поръ скучавшая, подъ вліяніемъ вашего неосновательнаго выговора и монотоннаго чтенія о „слегка сгибаемой и посылаемой отъ плеча рукѣ“, весело насторожила уши, почуявъ передъ собой мастера.

— Слышь, молодцы! какой это палецъ? показалъ Егорычъ на кулакъ.

— „Казательный“, Иванъ Егорычъ, отвѣчали люди.

— А это какой суставъ?

— Второй.

— Тэ-эксъ... Теперь каждый подыми руку и укуси это самое мѣсто.

Люди коснулись зубами втораго сустава указательнаго пальца, нисколько при этомъ не улыбаясь. Всѣ хорошо знали, что Егорычъ зря ничего не дѣлаетъ.

— Больнѣй! скомандовалъ фельдфебель и самъ показалъ какъ надо кусать.

Люди опять укусили, но не всѣ, какъ показалось Егорычу, съ должнымъ стараніемъ.

— Вы что тамъ—въ задней шеренгѣ? дожидаетесь, чтобы васъ попросили? Ладно, попросимъ!.. Обойди ихъ, взводные,—посмотри, у всѣхъ ли укушено?..

Взводные обошли людей и у кого не нашли краснoты на пальцѣ, тому сдѣлали ее въ другомъ мѣстѣ.

— Теперь, слышь, молодцы! это самое мѣсто, что болитъ, доноси на маршировкѣ до затылка приклада,—поняли?

— Такъ точно, Иванъ Егорычъ!

Маршировка сразу пошла, какъ нельзя лучше.

— Ну что? выучилъ? спрашиваете вы Егорыча при вечернемъ рапортѣ.

— Готово, ваше высокоблагородіе,—хоть сейчасъ на смотръ.

— Что же они такъ долго не понимали этого параграфа? Я вѣдь имъ три раза прочелъ...

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь вамъ доложить: имъ этого читать не нужно,—они и такъ поймутъ...

Этого Егорыча, не смотря на рѣзкія отеческія внушенія, солдаты любили, какъ отца; да и какъ было не любить его,

когда онъ принималъ близко къ сердцу всякое горе солдатское: достаточно было видѣть его въ ту минуту, когда онъ приходилъ съ гостинцами къ больнымъ или печалился о смерти какого-нибудь солдата, чтобы сразу понять причину глубокой привязанности къ нему людей. Дѣлая, напримѣръ, нарядъ на похороны, онъ распоряжался, какъ родной, и въ ласково-смиренномъ тонѣ его голоса вы узнавали тотъ самый тонъ, которымъ вообще родители отпѣваемаго покойника разговариваютъ съ церковнымъ причтомъ. — „Тамъ же свѣчей возьмешь, говорилъ онъ отправляемому на похороны каптенармусу, — да вотъ отдашь рубль священнику“ и т. д.

Теперь „Егорычи“ почти уже сошли со сцены, ихъ опустѣвшее мѣсто занято другими людьми, они хорошо служатъ и поступаютъ законно, предпочитая карцеръ отеческому внушенію, но любить такъ солдата и понимать его, какъ любилъ и понималъ старикъ Егорычъ, они не могутъ.

Конечно, Егорычъ, представленный на рисункѣ, принадлежитъ къ позднѣйшимъ формаціямъ этого типа, но въ немъ есть и сейчасъ приведенныя черты.

Вотъ краткое содержаніе силуэтовъ г. М. Ф—ума. Болѣе подробное изображеніе военнаго быта, но уже изъ другой области, читатель найдетъ въ принадлежащемъ издателю „Нивы“ нашемъ разсказѣ „Деньщикъ Морозка“.

Ник. Бутовскій.

Паша. Съ карт. Минны Стоксъ.

Къ рисункамъ.

Катанье съ горъ. (Рис. на стр. 121)

Кто не знаетъ этой чисто русской забавы, которую французы, заимствовавъ у насъ, такъ и назвали montagnes russes? Вотъ она передъ нами во всѣхъ трехъ главнѣйшихъ фазахъ. Одинъ мальчуганъ взбирается на гору со своими салазками и по дорогѣ норовитъ запустить снѣжкомъ въ кого-нибудь изъ благополучно скатывающихся. Эти послѣдніе, ловко управляя ногами, несутся подъ гору съ быстротой стрѣлы. Наконецъ еще одинъ мальчуга, которому не посчастливилось, перекувырнулся салазками въ снѣгъ, къ величайшему своему ужасу который тѣмъ комичнѣе, что совершенно неоснователенъ.

Карнавалъ въ институтѣ. (Рис. на стр. 124 и 125).

Карнаваломъ называютъ на Западѣ время праздниковъ и разнаго рода увеселеній начиная съ Крещенья до Великаго поста. Въ это время, какъ бы собираясь вести строгую жизнь въ посту, всѣ предаются веселью, которое сразу прекращается, какъ только наступитъ полночь на среду 1-й недѣли поста. Наряжанья всякаго рода, балы и маскарады устраиваются во все время карнавала и чѣмъ болѣе близится конецъ его, тѣмъ шумнѣе и безпечнѣе становится карнавалъ.

Всеобщее веселье во время карнавала проникло даже за стѣны строгаго и тихаго института. Картина Вейзера переноситъ насъ въ одно изъ такихъ учебныхъ заведеній, гдѣ идутъ приготовленія къ маскараду, и мы видимъ цѣлый рядъ хорошенькихъ дѣвушекъ - подростковъ, переряженныхъ во всевозможные костюмы: тутъ и геніи съ пальмовыми вѣтвями, и Германъ, и Доротея, и воинъ въ тяжеломъ шлемѣ на курчавой головкѣ. Всѣ почти готовы и черезъ нѣсколько минутъ вся пестрая и веселая толпа, подъ наблюденіемъ надзирательницъ, забывшихъ на этотъ случай свою ворчливость и строгость, шумно отправится въ рекреаціонный залъ танцовать и веселиться.

Масляница. Въ маскарадѣ. (Рис. на стр. 129).

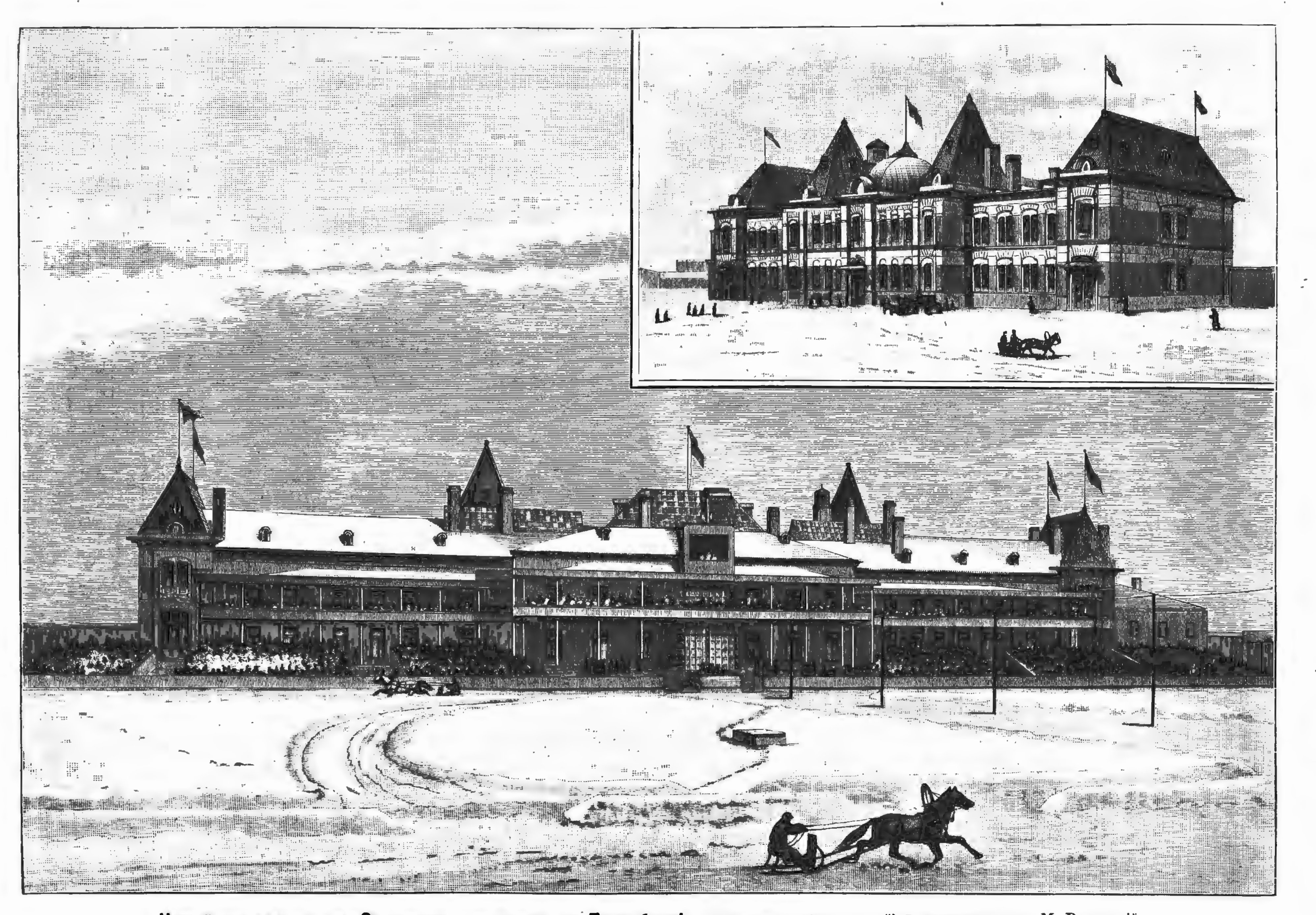
Академикъ Бонча-Томашевскій изображаетъ намъ самую интересную минуту маскараднаго флирта. Когда всѣ уловки мистификаціи, съ одной стороны, уже истощены, а съ другой—т. е. со стороны кавалера — оказывается полная невозможность угадать кто именно скрывается подъ маской, эта послѣдняя вдругъ приподнимается, и озадаченный юноша видитъ передъ собою совсѣмъ не то лицо, котораго ожидалъ.

Масляница. Дорогой зятюшка на блинахъ. (Рис. на стр. 132)

Блины такъ-сказать въ первобытномъ видѣ, подаваемые прямо изъ печи на сковородкѣ... Зажиточный крестьянинъ угощаетъ своего зятя, повидимому подрядчика, женившагося на его дочери больше за красоту. Пока молодая охорашивается въ свѣтелкѣ передъ зеркаломъ съ помощью младшей сестры,— теща успѣла уже запечь блинокъ съ припекой и прямо на сковородникѣ подаетъ его съ пылу съ жару дорогому гостю, а тестюшка наливаетъ ему живительной влаги. Столъ заставленъ обычною деревенской закуской—яйцами, заливной рыбой, и горшечками съ масломъ и сметаной.

Паша. (Рис. на стр. 136).

Художница, изобразившая великолѣпнаго мопса, названнаго ею „пашой“, Минна Стоксъ родилась въ Швернинѣ. Своему искусству училась она сначала въ Берлинѣ у профессора Стеф-

Новый ипподромъ на Семеновскомъ плацу въ Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") г. Броллинга, грав. М. Рашевскій.

фека, потомъ въ Дюссельдорфѣ, и наконецъ въ 1880 г. основалась въ Мюнхенѣ. Область ея—живопись животныхъ, изображая которыхъ г-жа Стокс проявляетъ не только блестящую технику и изящество композиціи, но и глубокое пониманіе психической жизни ея моделей.

Новый ипподромъ въ СПБ. (Рис. на стр. 137).

Любовь русскаго народа къ рысистымъ бѣгамъ хорошо извѣстна. Во всѣхъ значительныхъ городахъ нашей родины происходятъ они, и слава русскихъ рысаковъ, начиная съ орловскихъ, гремитъ по всему міру.

Въ былое время рысистыя состязанія въ Петербургѣ происходили на Невѣ, противъ Зимняго дворца. Впослѣдствіи они были перенесены на Семеновскій плацъ, гдѣ нынѣ отстроено прекрасное каменное зданіе, по проекту архитектора Л. Бенуа, собирающее въ себѣ многочисленную публику, особливо въ зимнее время, когда въ Петербургѣ бѣга происходятъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Каждый праздникъ можно наблюдать тамъ живописную толпу зрителей, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрящихъ, какъ, пущенные съ противуположныхъ сторонъ ристалища, быстрые, какъ вѣтеръ, кони несутся одинъ вслѣдъ другому, оспаривая цѣнные призы, иногда въ нѣсколько тысячъ рублей.

Принцъ Георгъ Вельскій. (Портр. на стр. 140).

Со смертію герцога Альберта-Виктора Кларенскаго ближайшимъ наслѣдникомъ Англійскаго престола послѣ принца Альберта-Эдуарда Вельскаго становится сынъ его и братъ усопшаго герцога, принцъ Георгъ-Фридрихъ-Эрнестъ-Альбертъ, родившійся въ Мальборо-Гаузѣ 22 мая 1865 года. Воспитанный вмѣстѣ со своимъ покойнымъ братомъ, принцъ особенно привязанъ къ англійскому флоту, гдѣ онъ числится лейтенантомъ и морскимъ адъютантомъ ея величества королевы Викторіи, своей бабки. Перенеся недавно тяжелый недугъ, молодой принцъ теперь уже почти совсѣмъ оправился, къ всеобщему утѣшенію окружающихъ и всего англійскаго народа, среди которыхъ онъ очень любимъ за свой веселый и привѣтливый нравъ.

Элеонора Дузе. (Портр. на стр. 141).

Про вопросъ о реализмѣ на сценѣ можно только повторить: „Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu",—и однако каждый разъ, когда встрѣчаешься съ новымъ представителемъ натуральной игры, вопросъ этотъ снова возникаетъ и снова остается неразрѣшеннымъ; требованія, предъявленныя къ актеру такими колоссами эстетики, какъ Дидро, Лессингъ и др., сводятся къ разсудочной, обдуманной, строго логической игрѣ, къ „подражанію" дѣйствительности; однако, весьма нерѣдко сильное впечатлѣніе производитъ на зрителей актеръ играющій—употребимъ установившееся у насъ вульгарное выраженіе — „нутромъ"; мы не беремся рѣшить вопросъ о томъ, что лучше и какъ лучше (интересна статья объ этомъ предметѣ извѣстнаго Сальвини, служащая отвѣтомъ на мнѣнія Коклэна), а замѣтимъ только, что знаменитая итальянская артистка, Элеонора Дузе,—представительница реальной сценической школы; она—женщина южнаго, горячаго темперамента (венеціянка), крайне впечатлительна и обладаетъ въ высшей степени нервной организаціей.

Изъ этихъ существенныхъ чертъ ея натуры прямо вытекаютъ всѣ громадныя достоинства этой артистки, едва ли имѣющей себѣ соперницъ въ настоящее время, а также и недостатки, предъ которыми нельзя закрывать глаза спокойному обозрѣвателю художественныхъ явленій. Г-жа Дузе, по своему исключительному таланту, художественному чутью и сценическимъ даннымъ—феноменъ; но это солнце, согрѣвающее своей теплотой и дающее поэтическую окраску и жизнь окружающимъ ее героинямъ, далеко не безъ пятенъ. Во всѣхъ роляхъ артистка эта по преимуществу—героиня чувства; она все переживаетъ на глазахъ зрителей, заставляя ихъ жить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ея жизнью, ея сердечными интересами, дѣлить ея чувства и страданія; но во всѣхъ роляхъ — предъ зрителемъ г-жа *Дузе*, страдающая за Клотильду („Фернанда"), Клеопатру („Антоній и Клеопатра"), Маргариту Готье („La dame aux camélias"), Нору, Адріенну Лекуврёръ и др. Другими словами—она очаровываетъ *собою*, а не своимъ созданіемъ; это сама г-жа Дузе васъ трогаетъ до слезъ, а не образъ той или другой женщины, которую она воспроизводитъ.

Такая психическая передача малѣйшихъ деталей говоритъ о глубокомъ пониманіи женскаго сердца; художественныхъ моментовъ въ каждой роли бездна; г-жа Дузе столько же поражаетъ умомъ своимъ, глубокимъ знаніемъ сценическаго искусства, сколько трогаетъ прочувствованнымъ возсозданіемъ своихъ героинь; впечатлѣніе, оставляемое ею, неизгладимо, и въ то же время, выходя изъ театра, невольно задаешь себѣ вопросъ: искусство ли это? Женщина пережила цѣлую житейскую драму и... право жаль ее; это не *актриса* изображала смерть Маргариты Готье, *послѣднюю* любовь Клеопатры, *первую* страсть Джульетты („Ромео и Джульетта"), месть Клотильды, перерожденіе Норы, отравленіе Лекуврёръ и пр., и пр., а г-жа Дузе пережила всѣ эти психическіе моменты и физически выстрадала предсмертныя муки; все это чрезвычайно художественно, правдиво, въ высшей степени реально, даже слишкомъ реально, настолько, что духъ захватываетъ, и все-таки предъ вами была г-жа Дузе.

Названный репертуаръ ея почти исключительно французскій; изъ шекспировскихъ героинь она играетъ только Джульетту и Клеопатру, за Шиллера она вовсе не берется, несмотря на громадное разнообразіе женскихъ характеровъ, которые вывелъ въ своихъ пьесахъ великій германскій поэтъ; le répertoire c'est l'artiste; во всѣхъ названныхъ пьесахъ мотивы почти одни и тѣ же; вездѣ пѣснь о любви и только о любви; правда, г-жа Дузе великая мастерица варьировать эту тему; правда, ея запасъ сценическихъ пріемовъ для выраженія даже одной и той же страсти неистощимъ; но отсутствіе разнообразія въ мотивахъ непремѣнно влечетъ за собой *однообразіе* впечатлѣній; даже въ названныхъ шекспировскихъ героиняхъ — чувство почти тождественное. Г-жа Дузе не распространяетъ своего творчества на другія сферы духовной жизни женщины, напр. властолюбіе (Леди Макбетъ, Елизавета, Марія Стюартъ), геройскіе порывы (Юдиѳь), материнскую любовь и пр.

Быть-можетъ, артистка не приступаетъ еще къ другимъ областямъ жизни женскаго сердца вслѣдствіе молодости своей; очень возможно, но это нисколько не противорѣчитъ нашему мнѣнію объ однообразіи вдохновенія артистки, а г-жа Дузе должно быть еще очень молода, несмотря на то, что она на сценѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Вотъ кто дѣйствительно дитя сцены. Фамилія Дузе давно извѣстна въ итальянскомъ театральномъ мірѣ; ея родственники, и даже родители кажется, были антрепренерами и артистами; Элеонора Дузе дебютировала чуть не пяти или семи лѣтъ, разумѣется въ роляхъ дѣтей; она постоянно жила сценой и мыслью объ искусствѣ. Серьезнымъ шагомъ въ ея карьерѣ слѣдуетъ считать ея дебютъ въ Джульеттѣ, состоявшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ какъ разъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ любила и страдала шекспировская героиня, т. е. въ Веронѣ. Присутствовавшіе на спектаклѣ пришли въ неописанный восторгъ; говорили, что ожила сама Джульетта во всемъ блескѣ своей красоты, молодости, любви, поэтическаго ореола. Съ этого вечера имя Дузе стало распространяться по всей Италіи, а затѣмъ и за предѣлы ея, по Европѣ и Новому Свѣту.

Артистка посѣтила Россію въ первый разъ въ прошломъ году, когда она сразу завоевала симпатіи русской публики своимъ обширнымъ талантомъ; въ нынѣшній же пріѣздъ г-жа Дузе познакомила публику съ новой ролью Норы въ пьесѣ Ибсена того же названія. Норвежскій поэтъ этотъ сталъ почему-то особенно популяренъ у насъ за послѣдній годъ; одна за другой цѣлыхъ пять пьесъ были переведены: „Эллида", „Гедда Габлеръ", „Докторъ Штокманъ", „Призраки" и „Нора"; нѣкоторыя изъ нихъ ставятся на нашихъ сценахъ; появился цѣлый рядъ статей, имѣющихъ своимъ сюжетомъ Ибсена; имъ какъ-то вдругъ заинтересовались и, какъ это всегда у насъ бываетъ, похвалы сыпятся на его сѣдую голову со всѣхъ сторонъ. Что удивительнѣе всего, мы восхваляемъ въ немъ и въ его творчествѣ именно то, что мы такъ мало цѣнимъ у своихъ драматурговъ и что мы имъ выставляемъ на видъ, какъ крупный недостатокъ, а именно: тенденціозность его пьесъ; эта особенность почти всегда присуща драмамъ норвежскаго поэта. Его вниманіе привлекали вопросы о бракѣ и наслѣдственности.

„Нора" также имѣетъ своимъ предметомъ „брачный вопросъ", но съ варьированной подкладкой. И въ этой пьесѣ, какъ и въ другихъ, поэтъ оставляетъ разсматриваемый имъ вопросъ открытымъ, не доводя его до конца и предоставляя зрителю или читателю дополнить окончаніе драмы собственною фантазіей. Пріемъ этотъ, практикуемый и другимъ норвежскимъ поэтомъ, Бьёрнсономъ, весьма любопытенъ: авторъ вводитъ насъ въ семью, раскрываетъ всѣ завѣсы, объясняетъ отдѣльные элементы данной среды, показываетъ внутренній разладъ ея и причины этого разлада, но не говоритъ, какъ пособить горю, какъ избѣжать подобнаго зла; словомъ, онъ рисуетъ намъ жизнь, какъ она есть въ дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ, и въ заключеніе какъ бы говоритъ: „Что вы объ этомъ думаете? Если вы этимъ недовольны, придумайте что-нибудь лучшее; старайтесь не попадать въ такія положенія; думайте надъ жизнью сами и пересоздайте ее, если она вамъ не нравится".

Вотъ какова исторія Норы. Она, этотъ „жаворонокъ, бѣлочка", какъ мужъ ее называетъ, вышла замужъ по любви за адвоката Гельмера, въ которомъ видитъ воплощеніе мужскаго ума, честности, нравственности, идеалъ любви и преданности, и обожаетъ его. Одно время онъ болѣлъ, нужны были средства для его лѣченія; отецъ ея умираетъ въ это же время; чтобы достать необходимую сумму, она подписала вексель именемъ отца, забывъ при этомъ даже дату его смерти; вексель оказывается подписаннымъ двумя днями позже; она работаетъ день и ночь, чтобы уплатить безъ вѣдома мужа этотъ долгъ, экономничаетъ на чемъ только можетъ. Между тѣмъ кредиторъ ея лишается мѣста въ томъ учрежденіи, гдѣ служитъ мужъ Норы; онъ обращается за содѣйствіемъ къ Норѣ, но просьбы ея тщетны; тогда кредиторъ присылаетъ письмо

Гельмеру, изъ котораго тотъ узнаетъ, что жена его сдѣлала „подлогъ“; онъ обрушивается на свою „бѣлочку“, доказывая ей всю преступность ея поступка.

Къ счастью, у Норы есть подруга, за которой когда-то ухаживалъ ея кредиторъ; при помощи этой подруги удается вернуть обратно вексель, и Гельмеръ въ восторгѣ извиняется предъ женой; но въ Норѣ произошло „перерожденіе“: мужъ, видите ли, не оцѣнилъ всей преданности ея сердца, не понялъ, какую жертву она принесла, желая спасти его здоровье; она убѣдилась, что мужъ эгоистъ, что онъ только забавлялся своей „куклой“; только теперь она поняла свое назначеніе („я прежде всего человѣкъ, — по крайней мѣрѣ попытаюсь стать имъ“), разрываетъ союзъ съ мужемъ, длившійся однако восемь лѣтъ, покидаетъ своихъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей (ихъ-то за что же? и не пожестче ли этотъ эгоизмъ мужнина?) и уходитъ. Что дальше будетъ съ Норой — остается неизвѣстнымъ. Не беремся теперь судить, насколько возможенъ въ дѣйствительности подобный переломъ въ натурѣ человѣка; прибавимъ только, что въ драмѣ сценическаго *дѣйствія* очень мало, но что г-жа Дузе и въ этой роли съумѣла ослѣпить своимъ необыкновенно яркимъ талантомъ.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

28 января открылся въ Лондонѣ англійскій парламентъ тронною рѣчью, выражающею скорбь по поводу кончины герцога Кларенскаго, смягченную лишь трогательными доказательствами преданности и соболѣзнованія подданныхъ. Далѣе заявлено, что отношенія ко всѣмъ державамъ имѣютъ попрежнему дружественный характеръ, а также упомянуто о кончинѣ египетскаго хедива, въ лицѣ котораго королева лишилась честнаго союзника. Королева надѣется, однако, что наслѣдникъ его будетъ держаться той же дальновидной политики. Выражена надежда, что учрежденіе въ Занзибарѣ портофранко будетъ содѣйствовать развитію владѣній Занзибарскаго султана и преуспѣянію британской торговли на восточно-африканскомъ прибрежьи. Въ заключеніе извѣщается о внесеніи законопроекта, касающагося введенія въ Ирландіи самоуправленія наподобіе англійской системы и законопроекта объ измѣненіи договора правительства съ Англійскимъ банкомъ.

На другой день палата лордовъ, послѣ двухчасовыхъ преній, единогласно приняла отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. Во время преній маркизъ Солсбери заявилъ, что правительство никогда не допуститъ въ Египтѣ ни преобладанія какой-нибудь другой державы, ни возникновенія безпорядковъ и анархіи.

Германія издавна прославилась выправкою и дисциплиною войска. Но о томъ какими путями достигается эта слава — ходили лишь смутные слухи, пока главный соціалистскій органъ *Vorwaerts* не напечаталъ конфиденціальный приказъ командира саксонскаго армейскаго корпуса, принца Георга Саксонскаго, о неимовѣрно жестокомъ обращеніи съ солдатами. Приказъ этотъ произвелъ въ Германіи потрясающее впечатлѣніе. Сначала возникли было сомнѣнія въ подлинности приказа, ожидали и требовали рѣшительныхъ опроверженій со стороны принца или военнаго вѣдомства. Но вмѣсто того, появилось, однако, подтвержденіе: приказъ появился въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Затѣмъ, въ засѣданіи 24 января бюджетной коммисіи рейхстага, о приказѣ зашла уже рѣчь совсѣмъ формально. Представитель военнаго вѣдомства полковникъ фонъ-Шлибенъ объявилъ, что въ подлинности приказа сомнѣваться нельзя, но что приведенныя въ немъ жестокости обнимаютъ долгій періодъ времени. Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній бюджетная коммисія рейхстага приняла сдѣланное консерваторами и центромъ предложеніе, направленное къ большей гласности военнаго судопроизводства и облегченію подачи жалобъ.

Вслѣдъ затѣмъ и въ Австріи имперскій военный министръ приказалъ произвести разслѣдованіе по дѣламъ о дурномъ обращеніи съ нижними чинами, имѣя въ виду тѣ дѣла этого рода, которыя въ прошломъ году доходили до суда въ австро-венгерской арміи.

Въ Венгріи послѣдніе выборы оказались благопріятными для правительственной партіи; партія эта въ окончательномъ результатѣ утратила лишь нѣсколько мѣстъ. Венгерскій министръ-президентъ произнесъ передъ своими избирателями въ Темешварѣ рѣчь, въ которой заявилъ, что окончившіеся теперь выборы не ослабили правительственной партіи. Графъ Сапари прибавилъ, что имѣется въ виду установить болѣе строгій внутренній распорядокъ въ сеймѣ, а также внести въ парламентъ законопроекты объ административной реформѣ, объ урегулированіи валюты и о преобразованіи налоговъ. Одновременно съ этимъ, депутатъ графъ Биссингенъ объявилъ въ *Pesti Naplo* о своемъ выходѣ изъ состава венгерской либеральной партіи, потому что на выборахъ въ Ретбергѣ правительственные органы оказывали такое воздѣйствіе, что нынѣшнее правительство представляется основаннымъ лишь на насиліи и злоупотребленіяхъ.

По словамъ депеши, отъ 22 января, въ Парижъ доставлено письмо къ королевѣ Наталіи. Письмо это подписано многими членами сербской либеральной партіи, которые выражаютъ преданность королевѣ и просятъ ее пріѣхать въ Сербію, гдѣ либеральная партія обѣщаетъ защитить ее, если въ томъ представится надобность. Черезъ нѣсколько дней, 27-го января, въ засѣданіи скупщины президентъ совѣта министровъ Пашичъ отвѣтилъ на запросъ 12 депутатовъ либеральной партіи о высылкѣ королевы Наталіи правительственною декларацією, заключающеюся въ шести пунктахъ. Министръ сказалъ, что во всѣхъ монархическихъ государствахъ члены царствующаго дома занимаютъ исключительное положеніе и не могутъ быть приравниваемы къ прочимъ гражданамъ. Такъ какъ Сербскій царствующій домъ не управляется особыми законами, то всѣ вопросы, касающіеся родителей короля, должны быть разрѣшаемы по соглашенію короны съ скупщиною, что и было сдѣлано въ данномъ случаѣ. Палата выразила согласіе, а корона разрѣшила и вмѣнила въ обязанность правительству предложить королевѣ оставить Сербію. Когда всѣ дружественныя попытки остались безъ результата, пришлось поневолѣ прибѣгнуть къ дѣйствію власти. Участіе въ дѣлѣ войскъ явилось послѣдствіемъ сопротивленія, выказаннаго народомъ. Отданъ былъ приказъ не употреблять въ дѣло оружія, но одинъ отрядъ, который подвергся нападенію со стороны толпы, вынужденъ былъ, въ силу военныхъ законовъ, прибѣгнуть къ оружію для самозащиты. Отвѣтственность падаетъ прежде всего на тѣхъ, кто подстрекалъ невѣжественную толпу противъ законнаго порядка, а затѣмъ на участниковъ безпорядковъ. Изъ нихъ нѣкоторые были преданы суду, который и постановитъ рѣшеніе. Послѣ того скупщина удовлетворилась объясненіемъ правительства на запросъ объ удаленіи королевы Наталіи и перешла къ очереднымъ дѣламъ.

Искусство.

Моцартовскій юбилей не прошелъ совершенно безслѣдно; *частныя* оперныя сцены вспомнили объ этомъ событіи въ музыкальномъ мірѣ и поставили „Донъ-Жуана“ и „Свадьбу Фигаро“; первую исполнила итальянская труппа, за вторую взялись артисты русской оперы, играющіе въ залѣ Кононова. Что касается послѣднихъ, то совершенно достаточно будетъ сказать, что опера у нихъ прошла недурно: здѣсь участвуютъ любители пѣнія; общество ихъ не носитъ характера прочно-организованной труппы, занимающейся исключительно опернымъ дѣломъ; напротивъ, они поютъ для своего удовольствія и поэтому у нихъ попадаются такіе спектакли, за которые лучше бы было вовсе не браться („Русланъ“, „Карменъ“ и др.). Но къ произведенію Моцарта они отнеслись насколько возможно старательно и за это уже заслуживаютъ сочувственнаго отношенія.

„Донъ-Жуанъ“ у итальянцевъ былъ обставленъ съ нѣкоторой торжественностью; оперѣ предшествовалъ „Прологъ“, прочитанный однимъ изъ русскихъ драматическихъ артистовъ въ присутствіи членовъ итальянской труппы предъ бюстомъ великаго композитора, декорированнымъ тропическими растеніями; дирижировалъ извѣстный музыкальный критикъ и композиторъ М. Ивановъ, придавшій своимъ авторитетомъ нѣсколько иной характеръ спектаклю; партіи въ оперѣ исполняли: г-жи Зембрихъ (Церлина), Дрогъ (Донна-Анна) и Маргелли (Эльвира), и гг. Равелли (Оттавіо), Напетти (Лепорелло) Падилла (Донъ-Жуанъ), Сколяра (Мазетто) и Ломбарди (Командоръ). За исключеніемъ развѣ одного только г. Падилла, который напрасно берется олицетворять героевъ въ родѣ Донъ-Жуана и Фигаро (для нихъ прежде всего нужна *молодость* и сила), исполнители были на мѣстахъ и спектакль прошелъ очень удачно.

При этомъ невольно приходитъ мысль, какъ жаль, что нашъ Маріинскій театръ совершенно упустилъ изъ виду этотъ юбилей, которого не пропустили даже маленькія провинціальныя сцены; конечно, больше всѣхъ долженъ былъ думать объ этомъ бывшій режиссеръ г. Кондратьевъ; тѣмъ болѣе, что на нашей образцовой сценѣ не идетъ ни одна опера Моцарта, а составъ исполнителей хотя бы въ томъ же „Донъ-Жуанѣ“ могъ быть прекрасный; женскія партіи: Донна-Анна — г-жа Литвинъ, Церлина — г-жа Славина или г-жа Фигнеръ, Эльвира — г-жа Ольгина; мужскія партіи: Донъ-Жуанъ — г. Яковлевъ, Оттавіо — г. Михайловъ или г. Фигнеръ, Лепорелло — г. Стравинскій и Командоръ — г. Карякинъ. Намъ думается, что и теперь еще не поздно съ этимъ составомъ разучить безсмертную оперу Моцарта (vaut mieux tard que jamais); тѣмъ болѣе, что мы привыкли праздновать 25-лѣтніе юбилеи („Юдиѳь“ Сѣрова) спустя два года.

В. Б.

„Сельская честь“ (Cavalleria rusticana) возобновлена въ итальянской оперѣ съ г. Мазини въ главной партіи. Масканьи, авторъ этой оперы, еще очень молодъ (ему 25-й годъ) и однако ужъ обратилъ на себя вниманіе Европы; положимъ, дѣло тутъ не обошлось безъ шумной рекламы, на которую такіе мастера итальянцы и въ особенности нѣкоторые музыкальные издатели; но шумъ — шумомъ, а дѣло — дѣломъ; если бы у Масканьи не было

таланта, то ему при посредствѣ одного только шума нельзя было бы достичь такихъ результатовъ. Такъ или иначе, а авторъ „Cavalleria rusticana“ получилъ премію на конкурсѣ и, если принять въ соображеніе молодость его и нѣкоторое дарованіе, сказавшееся въ разныхъ мѣстахъ его первой партитуры, то къ этому произведенію слѣдуетъ относиться снисходительно: вторая его опера „l'Amico Fritz“ уже не имѣла никакого успѣха, судя даже по итальянскимъ газетамъ.

Да и „Cavalleria rusticana“ въ Парижѣ не произвела никакого впечатлѣнія, равно какъ и въ Петербургѣ, гдѣ она давалась и дается исключительно благодаря г. Мазини; болѣе всѣхъ облюбовала эту оперу почему-то Германія, что положительно трудно объяснить: послѣ Вагнеровскихъ оперъ восторгаться „новшествами“ Масканьи какъ-то странно, а Масканьи билъ на оригинальность. и въ Италіи, гдѣ Вагнера до послѣдняго времени вовсе не знали, эта оригинальность должна была произвести эффектъ. Оригинальность же выразилась въ томъ, во-первыхъ, что опера въ одномъ актѣ, къ чему тамъ не привыкли; во-вторыхъ, что сюжетъ взятъ изъ сельской жизни: „Сельская честь“ написана на драму Верги того же названія; вмѣсто королей, графовъ, принцевъ и другихъ напыщенныхъ героевъ, публика увидала на сценѣ простыхъ крестьянъ съ ихъ обычной обстановкой и услыхала близкую ей народную пѣсню.

Въ-третьихъ, оригинальность проявляется въ нѣкоторыхъ пріемахъ письма: Масканьи вводитъ въ увертюру сицилійскую пѣсню, исполняемую теноромъ (Мейерберъ раньше додумался до этого эффекта: въ увертюрѣ къ „Динорѣ“ хоръ поетъ „Ave Maria“); посреди дѣйствія, длящагося столько же, сколько два добрыхъ акта (а двухактныхъ оперъ очень много), оркестромъ исполняется intermezzo, изображающее праздничное настроеніе (дѣйствіе происходитъ на Пасхѣ) сельчанъ (только незнакомые съ „Нибелунгами“ и вообще съ операми Вагнера могутъ изумляться этому пріему Масканьи); въ оперѣ, гдѣ это возможно было, встрѣчаются и Leitmotiv'ы, которые для итальянцевъ также явились новымъ откровеніемъ; словомъ, композиторъ рядомъ съ народными мотивами, которые всегда дѣйствуютъ обаятельно на данную народность, знакомитъ итальянцевъ съ Вагнеровскими пріемами.

Все это конечно должно было казаться „чудомъ“ и издатель Сондзоньо не пожалѣлъ средствъ и красокъ, чтобы изъ этого „чуда“ создать восьмое чудо свѣта; для насъ же, русскихъ, въ „Сельской чести“ конечно никакого чуда нѣтъ, нѣтъ даже ничего новаго: опера интересна, мѣстами музыка нравится, но и только; драматизмъ сюжета насъ не можетъ поразить, равно какъ и участіе въ оперѣ простаго народа; мы ко всему этому давно привыкли и намъ трудно даже понять, чѣмъ тутъ восторгаются: реализмъ въ искусствѣ, во всѣхъ отрасляхъ его — живописи, скульптурѣ, драмѣ и музыкѣ — нашъ лозунгъ, и мы гораздо дальше ушли въ этомъ отношеніи отъ другихъ европейскихъ народовъ; если хотите, мы въ иныхъ случаяхъ даже перешагнули грань „художественнаго“ реализма; у насъ есть произведенія, граничащія съ антихудожественнымъ; но о нихъ въ другой разъ.

Вотъ сюжетъ „Сельской чести“ Верги.

У старушки Лючіи есть сынъ Туридду (г. Мазини), который до поступленія въ военную службу любилъ свою односельчанку Санту (сопрано) и обѣщалъ на ней жениться; по возвращеніи же ему приглянулась сестра Санты, Лола (альтъ), вышедшая замужъ во время его отсутствія за пріятеля Туридду, Альфіо (баритонъ). Санта, которую Туридду грубо отталкиваетъ, конечно въ отчаяніи и изъ чувства мести открываетъ глаза Альфіо на отношенія между Лолой и Туридду. Между пріятелями происходитъ краткое объясненіе; они должны драться. Предъ уходомъ на бой, Туридду, прощаясь съ матерью (лучшая страница по музыкѣ), проситъ ее не оставить Санту въ случаѣ, если бы онъ не вернулся. На дуэли оказывается убитымъ Туридду. Этимъ заканчивается опера.

Сюжетъ годенъ для музыки; характеры довольно ярки, какъ въ мужскомъ (беззаботный Туридду и рѣшительный Альфіо), такъ и женскомъ персоналѣ (страстная Санта и холодная, кокетливая Лола); музыка разнообразна (эта смѣсь и угождаетъ на разные вкусы) и слушается съ интересомъ. **В. Баскинъ.**

Его королевское высочество принцъ Георгъ Вельскій.
Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Американскіе дома-башни. За послѣднее время строительное искусство сдѣлало громадный шагъ впередъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ большихъ промышленныхъ городахъ дома напоминаютъ собою башни, поднимаясь надъ улицею на 70 метровъ въ вышину и имѣя по 15—16 и болѣе этажей. Дома эти служатъ преимущественно для коммерческихъ цѣлей. Въ нижнихъ этажахъ ихъ ведутся цѣлыя торговыя предпріятія и помѣщаются всевозможныя торговыя заведенія, тогда какъ въ верхнихъ находятся сотни различныхъ бюро и конторъ. Крайняя дороговизна земли побудила предпріимчивыхъ янки расширять зданія въ вышину. Постройка этихъ башнеподобныхъ домовъ положительно стала маніей за послѣднее время: старые дома покупаютъ на сломъ и на мѣстѣ ихъ воздвигаютъ новые колоссы. Въ особенности Нью-Іоркъ, Филадельфія, Чикаго и Бостонъ изобилуютъ этими великанами. Отъ фундамента зданія до верхняго этажа ходятъ усовершенствованныя подъемныя машины. Вдоль каждаго этажа идутъ галлереи, по которымъ публика расходится кому куда нужно. Кромѣ того существуютъ и лѣстницы, въ большинствѣ случаевъ чугунныя. Дома эти почти безопасны въ пожарномъ отношеніи, такъ какъ главнымъ матеріаломъ при постройкѣ ихъ служитъ желѣзо. Въ архитектурномъ отношеніи всѣ эти дома строятся на одинъ ладъ: нижніе этажи составляютъ цоколь зданія и оканчиваются карнизомъ, надъ ними поднимаются слѣдующіе съ аркообразными окнами, съ громадными зеркальными стеклами. Зданіе кончается аттикою, надъ которою высится главный, выдающійся впередъ карнизъ. Стиль этихъ зданій американцы называютъ „modern romanesque“. (к.)

Докторъ Кнауте высказалъ предположеніе, что рыбы, жабы и лягушки никогда не замерзаютъ до полнаго оцѣпенѣнія. Противъ этого мнѣнія выступилъ недавно Мюллеръ-Эрцбахъ изъ Бремена. Въ доказательство ошибки доктора Кнауте онъ ссылается на свои ранѣе напечатанныя въ *Zool. Anz.* статьи, гдѣ совершенно ясно доказано противное. Мюллеръ неоднократно наблюдалъ, что лягушки, заключенныя на нѣсколько часовъ въ ледяной комъ, куда не было доступа кислорода ни изъ воздуха, ни изъ воды, не умирали. Однажды онъ посадилъ древесную лягушку въ стаканъ воды и поставилъ его на морозъ. Когда вода стала замерзать, лягушка пыталась раскачать ее движеніями тѣла и пробить уже образовавшуюся ледяную плёнку, но это не удалось ей и вскорѣ она была плотно заморожена въ кускѣ льда. Послѣ этого стаканъ еще въ теченіе 5 часовъ оставался на воздухѣ при температурѣ отъ —6° до —8,7° Цельсія. Въ теплой комнатѣ ледъ растаялъ въ 2 часа, но лягушка еще не выказывала никакихъ признаковъ жизни; черезъ $1^{1}/_{2}$ часа Мюллеръ замѣтилъ наконецъ на поверхности воды пузырьки отъ сильнаго дыханія. Въ другомъ случаѣ одна древесная и одна зеленая прудовая лягушка въ теченіе 6 часовъ оставались на морозѣ при —6° Цельсія, черезъ 4 часа затѣмъ онѣ оттаяли, но еще не двигались, черезъ 6 же часовъ одна начала учащенно дышать, другая же даже выпрыгнула изъ стакана. Даже лѣтомъ лягушки могутъ быть замораживаемы безъ особаго вреда для нихъ. У замороженныхъ лягушекъ кровообращеніе прекращается, оно еще не замѣтно подъ микроскопомъ, даже и тогда когда ледъ растаетъ, и только черезъ нѣкоторое время кровь вдругъ начинаетъ обращаться, сначала усиленно, а затѣмъ вполнѣ нормально. Плотва, колюшка и другая мелкая рыба, а также и водяные жуки, замораживаемые вышеописаннымъ образомъ, умираютъ. (к.)

Августъ Сильный и его медвѣдь. Августъ II Сильный, король Польскій и курфюрстъ Саксонскій приручилъ медвѣженка, который съ теченіемъ времени выросъ и превратился въ огромнаго медвѣдя. Медвѣдь былъ очень привязанъ къ королю и послѣдній не только держалъ его въ своихъ комнатахъ, но даже кормилъ изъ своихъ рукъ. Придворные предостерегали короля, чтобы онъ не слишкомъ полагался на своего любимца, въ которомъ всякую минуту можетъ проснуться его природная дикость; но король былъ такъ увѣренъ въ своемъ медвѣдѣ, что не обращалъ вниманія на эти предостереженія. Однажды, сидя за завтракомъ, одинъ въ своей комнатѣ, король вздумалъ подразнить медвѣдя. Онъ протягивалъ ему куски хлѣба, отдергивая ихъ всякій разъ, какъ медвѣдь тянулся за ними. Эта игра раздражила медвѣдя и онъ съ ужаснымъ ревомъ пошелъ на

короля. Тотъ быстро забѣжалъ за столъ и не теряя присутствія духа ловко увертывался отъ лапъ разъяреннаго звѣря, пока не вбѣжалъ одинъ изъ его егерей, который нанесъ медвѣдю глубокую рану въ голову. Сбѣжавшіеся придворные хотѣли добить медвѣдя, но король не позволилъ, желая вылѣчить своего любимаго звѣря. Медвѣдь дѣйствительно выздоровѣлъ, но король ужь не хотѣлъ болѣе держать его у себя, а отослалъ въ замокъ Гогенштейнъ въ Саксонію, гдѣ помѣщался его звѣринецъ. Тамъ этотъ медвѣдь прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и погибъ геройскою смертью, пробитый рогами зубра на одной изъ травлей, которыя такъ любилъ Августъ Сильный. (к.)

Новое о небѣ. Говоря о спектрофотографіи въ научномъ отдѣлѣ *Journal des Débats*, г. Г. де-Парвиль перечисляетъ замѣчательные результаты, достигнутые этимъ новымъ методомъ изслѣдованія. Основываясь на трудахъ Допплера, Максвелля и Гюггинсъ нашли, что въ различныхъ разнаго времени снимкахъ одного и того же свѣтящагося тѣла, линіи спектра измѣняются; изъ чего они заключили о зависимости этого измѣненія отъ движенія тѣла. Благодаря этому открытію стало возможнымъ, зная величину измѣненія, опредѣлить скорость и размѣры движенія тѣла. Толлони уже въ 1880 году нашелъ способъ опредѣленія ихъ, который развилъ и дополнилъ Фогель. Фотографія сильно подвинула впередъ эти изслѣдованія и была введена во всѣхъ обсерваторіяхъ міра, въ Гринвичѣ, Потсдамѣ и др. Зная среднюю скорость обращенія земли вокругъ солнца (30,6 килом. въ 1 сек.) можно вычислить скорость движенія и большинства другихъ планетъ и звѣздъ. Такъ Альдебаранъ двигается со скоростью 50 километровъ въ 1 секунду, Альфа Оріона со скоростью 47 и Бета Малой Медвѣдицы со скоростью 46. Но спектрофотографія не ограничивается только этимъ. Фогель въ Потсдамѣ нашелъ, что перемѣнчивая звѣзда Альголь двигается въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ, изъ чего заключилъ, что эта звѣзда вращается вокругъ какого-то невидимаго съ земли центральнаго пункта; радіусъ движенія ея равняется 1.700,000 километр., сама же звѣзда обращается вокругъ себя въ 2 дня 20 часовъ и 49 минутъ. Въ обсерваторіи Гарвардъ-Колледжа, гдѣ послѣ Драйера спектрофотографіей занимается Пиккеринг, провѣрка клише передана женщинамъ; точно такъ же и во Франціи уже со времени Буке-де-ля-Гріе образовано бюро молодыхъ дѣвушекъ, для той же цѣли, ибо женщины, какъ извѣстно, отличаются болѣе изощреннымъ зрѣніемъ, чѣмъ мужчины. Одна изъ этихъ дѣвушекъ, миссъ Мори, занимаясь въ прошломъ году спектрофотографическими работами, замѣтила по снимку Цеты Большой Медвѣдицы, что звѣзда эта, считавшаяся простою,—двойная. Точно такъ же было обнаружено, что и звѣзда Бета Возничаго не простая, а двойная. Всѣ эти открытія и изслѣдованія стали возможными только со времени открытія и введенія спектрофотографіи. (к.)

Элеонора Дузе. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Лоцманъ-рыба. Долго смотрѣли какъ на сказку на тотъ фактъ, что у акулъ есть свои особые развѣдчики. Однако разсказы матросовъ о томъ, что акулу всегда сопровождаетъ и ведетъ нѣсколько особенныхъ рыбъ, подтверждаются и сообщеніями натуралистовъ, которымъ приходилось наблюдать этотъ удивительный союзъ. Что акула имѣетъ своихъ путеводителей въ лицѣ рыбъ-лоцмановъ совсѣмъ не сказка, остается только выяснить причины союза этихъ рыбъ. Одни полагаютъ, что лоцманъ ведетъ акулу къ добычѣ, остатки которой получаетъ въ награду за развѣдки; другіе же стоятъ за то, что рыба-лоцманъ чувствуетъ себя въ полной безопасности отъ всѣхъ своихъ враговъ, находясь подлѣ акулы. Можно еще согласиться съ тѣмъ, что лоцманъ получаетъ остатки добычи отъ акулы, но почему акула никогда не трогаетъ этихъ своихъ спутниковъ, даже если они плывутъ густою толпой прямо предъ ея пастью, остается загадкой. Замѣчательно и то, что лоцманы, какъ утверждаетъ Беннетъ, всегда находятся только при одинокой акулѣ и никогда не сопровождаютъ цѣлую стаю акулъ. Обыкновенно лоцманъ плыветъ сбоку акулы или немного впереди и плыветъ зигзагами, точно высматривая путь. Уставая онъ прячется подъ плавникъ акулы. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что между этими рыбами существуетъ союзъ. Коммерсонъ говоритъ: „мнѣ часто приходилось видѣть, какъ лоцманы снуютъ впереди акулы и она плыветъ за ними; когда поймаютъ акулу, то лоцманы не оставляютъ ее до тѣхъ поръ, пока ее совсѣмъ не вытащутъ изъ воды; тогда они поспѣшно уплываютъ.“ Жоффруа разсказываетъ слѣдующее: „во время моей поѣздки въ Египетъ, за кораблемъ показалась акула, сопровождаемая двумя лоцманами; послѣдніе раза два обогнули корабль и вернулись къ акулѣ, послѣ чего вся эта компанія скрылась. Тогда одинъ изъ матросовъ закинулъ въ море крюкъ съ саломъ. Лоцманы, очевидно услышавъ плескъ, тотчасъ появились вновь и повертѣвшись около куска сала, помчались къ своему повелителю, забавлявшемуся плесканьемъ на поверхности воды. Акула тотчасъ приплыла, имѣя съ боковъ по лоцману, жадно схватила добычу и попалась на крюкъ“. Подобные же разсказы мы находимъ у Майена и другихъ путешественниковъ. (к.)

Однимъ-ли инстинктомъ руководятся птицы при постройкѣ своихъ гнѣздъ. По поводу этого вопроса г. Диксонъ сообщаетъ въ „Nature“ свои интересныя наблюденія. Нѣкто докторъ Буртонъ взялъ съ собой въ Новую Зеландію нѣсколько молодыхъ птичекъ, въ томъ числѣ и зябликовъ, чтобы воспитать ихъ въ странѣ Антиподовъ. По пріѣздѣ птички были выпущены на волю и чувствовали себя совсѣмъ хорошо. Онѣ начали вить гнѣзда, и вотъ гнѣзда-то эти и замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ. Гнѣздо зябликовъ было построено на развѣтвленіи сука безъ того искусства, какимъ отличаются наши зяблики въ постройкѣ гнѣздъ. Скорѣе гнѣздо похоже формою на гнѣзда скворцовъ. Очевидно, у молодыхъ птичекъ совсѣмъ не было образца, которому-бъ онѣ могли подражать, онѣ не могли въ точности воспроизвести тѣ гнѣзда, въ которыхъ родились и воспитывались. Изъ этого видно, что птицы вьютъ гнѣзда руководясь не только слѣпымъ инстинктомъ, но подражая тѣмъ гнѣздамъ, въ которыхъ онѣ выростаютъ. (к.)

Путешествіе вокругъ свѣта въ 43 дня. Немного еще времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ удивлялись баснословному путешествію Финеаса Фогга, объѣхавшаго свѣтъ въ 80 дней. Теперь подобное путешествіе, какъ показалъ практическій опытъ, возможно въ 43 дня. Именно:

Изъ Іокогамы на Ванкуверъ	4334	мили въ	10 дней
Съ Ванкувера въ Нью-Іоркъ	3183	„ „	4 „
Изъ Нью-Іорка въ Лондонъ	3050	„ „	6 „
Изъ Лондона въ Бриндизи	1450	„ „	2 „
Изъ Бриндизи въ Портъ-Саидъ	12,000	„ „	2½ „
Изъ Портъ-Саида въ Аденъ			3½ „
Изъ Адена въ Коломбо			5 „
Изъ Коломбо въ Сингапуръ			3 „
Изъ Сингапура въ Гонконгъ			3 „
Изъ Гонконга въ Іокогаму			4 „

Итого около 24,000 анг. м. въ 43 дня. (к.)

Самоубійство въ Швеціи. Во всѣхъ государствахъ Европы церковь отказываетъ въ послѣднемъ напутствіи самоубійцамъ; въ Швеціи кромѣ того существуетъ законъ, запрещающій хоронить ихъ. Трупъ самоубійцы обыкновенно отдается медицинскому факультету мѣстнаго университета и служитъ для анатомическихъ цѣлей. Поэтому и самоубійства рѣдки въ Швеціи, такъ какъ многіе разочарованные въ жизни не убиваютъ себя, чтобы избавить свою семью отъ этого послѣдняго жестокаго испытанія. Въ большинствѣ случаевъ шведы рѣшившіеся покончить съ жизнью удаляются въ Данію, гдѣ нѣтъ подобнаго закона. (к.)

Индійское богатство. Что нѣкогда—Киджи въ Римѣ, Фуггеры въ Аугсбургѣ, то были Шеки въ Бенгаліи. Этотъ торговый домъ въ началѣ прошлаго столѣтія обладалъ состояніемъ въ 400 милліоновъ франковъ; кредитъ его былъ не ограниченъ, корабли его бороздили всѣ моря; векселя его принимались съ охотою, какъ въ Кантонѣ, такъ и въ Константинополѣ. Болѣе 800 кораблей находилось въ его распоряженіи. Могущественнѣйшій изъ государей Индостана моголъ Аурентъ-Зебъ обѣдалъ разъ у Шековъ. Кресло его, осыпанное драгоцѣнными камнями, стоило болѣе 3 милліоновъ. Послѣ обѣда Шеки просили высокаго гостя принять въ знакъ благодарности за его посѣщеніе драгоцѣнное кресло. (к.)

Антисептическая перевязка профессора А. Пеля. При совершенствѣ нынѣшняго оружія, когда вся забота культурныхъ націй направлена на изобрѣтеніе поистинѣ адскихъ машинъ для уничтоженія людей, война должна быть ужасна и жертвы ея безчисленны. Къ счастію, современная наука заботится не только о томъ, какъ убивать, ранить и дѣлать безвреднымъ противника, но и какъ приходить къ нему на помощь, врачуя раны и спасая его отъ смерти. Медицина и хирургія сдѣлали большой шагъ впередъ со времени введенія антисептическихъ средствъ. Лучшимъ антисептикомъ, по словамъ профессора Бергмана, является сулема въ растворѣ 1 : 2000, убивающая всѣхъ посторонныхъ болѣзненныхъ бациллъ. Крайняя же необходимость въ антисептическихъ средствахъ ощущается конечно на войнѣ, гдѣ раны солдатъ легко засоряются, угрожая имъ піэміей. Во французской и нѣмецкой арміяхъ введены антисептическія перевязки, носимыя солдатами въ ранцахъ и состоящія изъ бинта, пропитаннаго растворомъ сулемы. Но такъ какъ, высыхая, сулема улетучивается, то кромѣ перевязокъ солдаты должны носить въ ранцахъ и растворы сулемы въ склянкахъ, что не совсѣмъ удобно. Гораздо остроумнѣе устроены антисептическія перевязки профессоромъ А. Пелемъ. Онѣ состоятъ изъ гуттаперчеваго шара наполненнаго растворомъ сулемы и завернутаго въ марли. Шаръ этотъ, величиною съ дѣтскій мячикъ, не занимаетъ много мѣста и обладаетъ такой прочностью, что можно наступать на него ногою, не разрывая гуттаперчи. Стоитъ проколоть его булавкою, какъ изъ него выступаетъ растворъ сулемы, которымъ пропитывается бинтъ изъ марли. (к.)

ШАХМАТЫ,

подъ редакціей А. П. Шишкина.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ въ №№ 49 и 51.

№ 52. **Н. Nanz.** Матъ въ 3 хода

1. **Ф. b5—b2**, С. e3 : b2; 2. К. h5—f4, ✕; 3. g2—g3⧧.

a) 1. . . . К. c4—d2 или : b2; 2. К. h5—f6, ∞; 3. Л. g8—g4⧧.

b) 1. . . . С. e3—d2 или e1; 2. Ф. b2 : d4—, Кр. h4 : h5; 3. Ф. d4 h8 . .

c) 1. . . . e3 e2; 2. Ф. b2—e1, ✕; 3. Ф. e1 -g5 или h1⧧.

d) 1. . . . Кр. h4 : h5; 2. g2- g4 , Кр. ✕; 3. Ф. b2—h2⧧.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ 2. g2 -g3 - и 3. Ф. b2 h2⧧ или 3. К. h5—f4⧧.

№ 53. **Н. Cudmore.** Матъ въ 2 хода.

1. **К. b3—c5**, ∞; 2. Матъ различными способами.

№ 55. **А. Андерсена.** Матъ въ 3 хода.

1. **Л. d6—d1**, g5—g4; 2. С. h6—d2, ∞; 3. С. d2 a5⧧.

№ 56. **М. Окунькова.** Матъ въ 2 хода.

1. **Ф. d1 d7**, ∞; 2. Матъ различными способами.

Правильныя рѣшенія прислали:

Всѣхъ задачъ.—**Л. К. Истоминъ** (Харьковъ).

№ 52. **И. Ф. Штрандманъ** (Вейсенштейнъ), **Я. П. Горръ** (Могилевъ) и **А. Беръ** (Ацхуры).

№ 53. **Я. П. Горръ.**

№ 55. **А. Магазаникъ** (Бердичевъ) и **А. Беръ.**

№ 56. **С. П. Соколовъ** (Калуга), **Я. П. Горръ**, **Б. Л. Меркуловскій** (ст. Плюсса Варш. ж. д.), **А. Магазаникъ, А. Беръ** и **„Техникъ“** (Москва).

Матчъ М. И. Чигорина съ В. Стейницемъ.

14 и 16 партію выигралъ В. Стейницъ, 15 и 17 М. И. Чигоринъ.

М. И. Чигоринъ выигралъ 7 партій.
В. Стейницъ „ 6 „
Ничьихъ . . . . . . 1 „

Въ прошломъ нумерѣ *Нивы* было напечатано, что М. И. Чигоринъ выигралъ 7, а В. Стейницъ 4 партія. Эта ошибка произошла вслѣдствіе невѣрности въ телеграммѣ, полученной изъ Гаваны относительно 14-й партіи, которую выигралъ В. Стейницъ, а не М. И. Чигоринъ.

	к	л	а	
н	я	е	т	с
я	к	л	а	н
я	е	т	с	я
а	п	р	и	д
е	т	ъ	д	о
м	о	й	р	а
с	т	я	н	е
	т	с	я	

Рѣшеніе задачи-загадки № 54

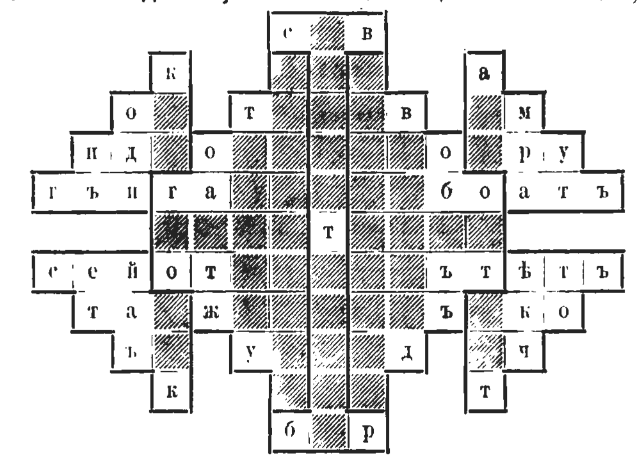
(помѣщ. въ № 48 1891 г.).

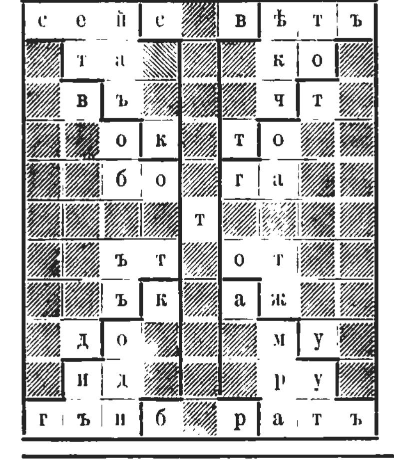
1) Столяръ. 2) Дядя. 3) Не. 4) Сатана. 5) Пеня. 6) Я. 7) Стирка. 8) Темя. 9) Клей. 10) Сто.

„Кланяется, кланяется, а придетъ домой—растянется“ (Топоръ).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи получены отъ гг: **Вильно**—В. А. Стефановича, **Выборгъ**—Соломатина, **Гельсингфорсъ**—Полошохтинской, **Калуга** С. Н. Соколова, **Кронштадтъ**—Тетерина, **Рига**—Молодцова, **Москва**—В. А. Блюмъ, **СПБ.**—Ф. Михель, К. М. Савилова.

Рѣшеніе задачи буквъ № 48 (помѣщ. въ № 16 1891 г.).

„Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ, тотъ каждому и другъ и братъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг: **Гельсингфорсъ**—В. Н. Яжинской; **Казиль-Арватъ**—Н. Берцова; **Ковровъ**—М. С. Былинской; **Калуга**—С. Н. Соколова; **Москва** Е. А. Евреиновой.

При этомъ № прилагается листъ съ тиражемъ выигрышей Высочайше разрѣшенной Благотворительной Лотереи.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОХИЩЕННЫЙ РЕБЕНОКЪ.

6 сентября 1891 г., въ Петербургѣ, среди бѣлаго дня, былъ похищенъ двухлѣтній ребенокъ, изъ рукъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки, его сестры. Подробности этого похищенія очень загадочны и крайне интересны.

3-го сентября жена бѣднаго отставнаго солдата, Ципина, вышла погулять съ двухлѣтнимъ мальчикомъ Борей въ Юсуповъ садъ, и едва сѣла на скамью, какъ къ ней подходитъ молодая, лѣтъ около 30, прилично одѣтая дама, брюнетка, и спрашиваетъ, который часъ, не смотря на то, что послѣ у нея оказались золотые часы. Незнакомка завязываетъ съ Ципиной разговоръ, выражаясь по-русски очень чисто, — разговоръ, въ которомъ она выдаетъ себя за польку Екатерину Карловну Иванову, недавно пріѣхавшую изъ Витебска съ мужемъ, неимѣющую въ Петербургѣ никого знакомыхъ и очень скучающую о родномъ городѣ, гдѣ она оставила мать, будто бы занимающуюся акушерствомъ. Ципина, сама недавно поселившаяся въ Петербургѣ, очень сочувствуетъ ей. Незнакомка провожаетъ Ципину до ея квартиры и наводитъ разговоръ такъ, что Ципина приглашаетъ ее зайти къ нимъ, гдѣ гостья ведетъ себя по отношенію къ мальчику такъ, что Боря, маленькій, дичившійся вообще незнакомыхъ, начинаетъ ласкаться къ незнакомкѣ, которая при этой же первой встрѣчѣ постаралась возбудить къ себѣ довѣріе простодушной провинціалки Ципиной, хотя Ципину и удивляло нѣсколько одно обстоятельство, что предложенный ею чай незнакомка пила, не снимая съ лица густой вуали; но Ципина въ своемъ незнаніи рѣшила, что это вѣроятно свѣтская манера. Въ злополучный день 6 сентября незнакомка узнаетъ на улицѣ, по лицу будто бы, дочь Ципиной, дѣвочку лѣтъ 12-ти, которую она прежде у Ципиныхъ не могла видѣть, такъ какъ въ то время дѣвочка была въ школѣ. Незнакомка вмѣстѣ съ дѣвочкой входитъ въ квартиру Ципиной, которая была въ это время занята по хозяйству. Просидѣвъ нѣсколько времени не снимая вуали, незнакомка, лаская дѣтей, обращается къ Ципиной съ вопросомъ, почему она не отпускаетъ дѣтей гулять. Узнавъ, что Ципиной некогда самой идти съ дѣтьми гулять, она предложила ей отпустить въ Юсуповъ садъ дѣтей, гдѣ она обѣщала ихъ покатать на каруселяхъ. Ципина, не имѣя основанія подозрѣвать злаго умысла со стороны такой доброй дамы, отпускаетъ дѣтей въ садъ. Въ саду незнакомка предложила дѣвочкѣ прокатиться съ мальчикомъ на извозчикѣ; дѣвочка согласилась. Незнакомка повезла дѣтей въ Екатерининскій скверъ на Невскомъ, гдѣ, посидѣвъ немного, она посылаетъ дѣвочку за лакомствами; не прошло и пяти минутъ, дѣвочка возвратилась, но ни незнакомки, ни маленькаго братца Бори уже въ скверѣ не оказалось. Ципина-мать, убравшись по хозяйству, пошла навѣстить дѣтей въ Юсуповъ садъ. Не найдя ихъ тамъ и обезпокоившись, она направилась по Садовой улицѣ; на Сѣнной она встрѣтила плачущую дочь, которая и разсказала ей о похищеніи Бори.

Энергичные розыски полиціи пока остаются тщетными. Отчаянію родителей нѣтъ границъ: похищенный Боря ихъ единственный мальчикъ. Мальчикъ красивъ собою: у него большіе темно-каріе глаза, блѣдное, смуглое личико, совершенно темные волосы. Онъ недавно только началъ ходить, произноситъ онъ только „мама" и „дядя". Особыхъ примѣтъ на тѣлѣ не имѣетъ. Родители надѣются, что всякій имѣющій какія-либо свѣдѣнія объ украденномъ ребенкѣ не откажется сообщить имъ по адресу: С.-Петербургъ, Екатерингофскій проспектъ, д. № 4, кв. № 72. Ципину.

Невольно является вопросъ: для чего и кому понадобился ребенокъ? Какія чувства и цѣль руководили похитительницей его?

Дозвол. цензур., СПБ., 5 февраля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. № 7 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6–10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 15 февраля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

К. М. фонъ-Бэръ.

Знаменитый естествовѣдъ теоретикъ и практикъ, Карлъ Максимовичъ (Карлъ-Эрнстъ) фонъ-Бэръ, сотую годовщину рожденія котораго чествуетъ теперь ученый міръ, родился 17 февраля 1792 г. въ помѣстьѣ Пипъ (Іервскаго округа, Эстляндской губ.) и былъ сыномъ ландрата Магнуса фонъ-Бэръ и жены его Юліи. Стѣсненныя обстоятельства заставили ландрата отдать двухъ своихъ сыновей, Карла и Фридриха, на воспитаніе своему бездѣтному брату въ Вирляндію. По возвращеніи въ родительскій домъ въ 1799 г., Карлъ получилъ первоначальное образованіе сначала дома подъ руководствомъ гувернантки и учителя, а затѣмъ въ Ревельскомъ дворянскомъ училищѣ, и въ 1810 году поступилъ въ Дерптскій университетъ по медицинскому факультету. Окончивъ курсъ съ отличіемъ, Бэръ выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и 29 августа 1814 г. защитилъ диссертацію о болѣзняхъ эстовъ („De morbibus inter Ehstonos indemis"). Затѣмъ отправился за-границу и работалъ въ Вѣнѣ, Вюрцбургѣ и Берлинѣ, при тамошнихъ университетахъ. Въ 1817 году онъ получилъ каѳедру въ Кенигсбергскомъ университетѣ и читалъ лекціи о строеніи позвоночныхъ, изучая въ то же время сѣверо-прусскую флору и фауну, видоизмѣненія медузы, строеніе осетра, стоячія воды и ихъ обитателей. Здѣсь же онъ основалъ Кенигсбергскій зоологическій музей. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ естественной исторіи, по защитѣ диссертаціи объ ископаемыхъ остаткахъ млекопитающихъ въ Пруссіи. Къ этому времени относится множество его научныхъ трудовъ, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны наблюденія надъ развитіемъ зародыша, которыя произвели переворотъ въ эмбріологіи. Извѣстность его въ ученомъ мірѣ была такъ велика, что въ 1828 году ему петербургская Академія Наукъ предложила вакантное мѣсто академика зоологіи, но въ Кенигсбергѣ ему сдѣлали такія блестящія предложенія, что отказаться было неловко, и онъ

Академикъ К. М. фонъ-Бэръ (по поводу сотой годовщины рожденія).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

только въ 1834 году принялъ вторичное предложеніе того же мѣста. Прибывъ въ Россію, Бэръ всецѣло посвящаетъ свои познанія и труды своей родинѣ и въ различныхъ ученыхъ и другихъ изданіяхъ появляется цѣлый рядъ сочиненій и статей почтеннаго ученаго, всегда любопытныхъ и нерѣдко новыхъ по фактамъ и мыслямъ. Въ своихъ работахъ новый академикъ преимущественно касается естественной исторіи Россіи, въ особенности фауны ея. Перечисленіе всѣхъ трудовъ Бэра невозможно въ небольшой статьѣ. Списокъ ихъ можно найти въ автобіографіи ученаго („Nachrichten über Leben u. Schriften des Herrn Geheimrathes Dr. Karl-Ernst v. Bær, 1865"). Послѣ почти трехлѣтняго пребыванія въ Россіи, въ 1837 году Бэръ совершаетъ ученое путешествіе на Новую Землю и въ Лапландію, посѣщенныя имъ еще вторично въ 1840 г. Въ 1839 году, Бэромъ написано „Предложеніе о разведеніи квинои въ сѣверныхъ областяхъ Россійской имперіи". Но болѣе всего занимали ученаго изслѣдованія въ области ихтіологіи и самыми важными останутся его сочиненія по этому предмету. Такъ, въ 1854 году, во II томѣ ученыхъ записокъ Императорской Академіи Наукъ, по I и III отдѣленіямъ, находится записка Бэра: „Матеріалы для исторіи рыболовства въ Россіи и въ принадлежащихъ ей моряхъ". Работа эта является плодомъ изслѣдованія русскаго рыбодства, начатаго академикомъ Бэромъ съ 1851 года, по поводу уменьшенія количества рыбы въ Чудскомъ озерѣ. Затѣмъ съ этою цѣлью Бэромъ былъ изслѣдованъ Остзейскій край и берега Финляндіи и вообще рыболовство въ Балтійскомъ морѣ. Съ 1853 по 1857 года, изслѣдуются Волга и Каспійское море. Плоды этого послѣдняго изслѣдованія являются самыми знаменитыми работами почтеннаго ученаго, усиленно и обильно трудившагося всю свою долгую жизнь. Въ 1862 году, маститый академикъ, утомленный путешествіями и работами, а главное, желая дать доступъ и ходъ болѣе молодымъ силамъ, просилъ объ увольненіи отъ званія академика. Но Академія, не желая разстаться съ ученымъ, столь много потрудившимся для ея славы, предложила ему званіе почетнаго члена Академіи и оставила за нимъ право присутствовать въ ея засѣданіяхъ и конференціяхъ. Почетъ и уваженіе, которое снискалъ себѣ Бэръ, выразились краснорѣчиво въ блестящемъ юбилеѣ, который былъ отпразднованъ въ 1864 году, по случаю пятидесятилѣтія полученія имъ докторской степени. Чрезъ три года, ища болѣе покойной жизни, маститый ученый переселился на родину, въ Эстляндію. Здѣсь, несмотря на разстроенное здоровье и преклонные годы, Бэръ продолжалъ трудиться почти до самой смерти, послѣдовавшей въ Дерптѣ 16 ноября 1876 г. 16 ноября 1886 г. тамъ же ему поставленъ памятникъ.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XVII.

Однажды, года полтора назадъ, въ туманныя сумерки ненастнаго дня, въ одну изъ заставъ Петербурга въѣхала простая телѣжка парой почтовыхъ лошадей. За рослымъ, широкоплечимъ молодцомъ-ямщикомъ едва виднѣлась сидящая на своемъ чемоданчикѣ маленькая фигурка, укутавшаяся отъ ненастья.

Съ виду путешественникъ казался мальчикомъ лѣтъ пятнадцати. Въ дѣйствительности это былъ маленькій и худой человѣчекъ шестидесяти лѣтъ. Подъ теплымъ платьемъ обыкновеннаго покроя была монашеская одежда ордена іезуитовъ.

Путешественникъ, въѣзжавшій въ Петербургъ, не имѣлъ въ столицѣ никого не только родни или друзей, но даже ни единаго знакомаго и везъ въ карманѣ рекомендательное письмо къ одному изъ членовъ Академіи Наукъ.

Много такихъ лицъ въѣхало и въѣзжаетъ въ Невскую столицу и, пробывъ одиноко среди вполнѣ чуждаго народонаселенія, уѣзжаютъ обратно.

Этотъ же маленькій человѣчекъ, у котораго была возможность и право повидаться и переговорить только съ однимъ изъ ученыхъ академиковъ, въѣзжалъ въ столицу съ дерзкими мечтами, въ осуществленіи которыхъ не сомнѣвался.

Цѣль человѣчка была — по мѣрѣ возможности, всяческими путями, сдѣлаться лично извѣстнымъ царствующему императору. Если бы онъ признался въ томъ что̀ онъ думаетъ и на что̀ надѣется, то конечно всякій бы почелъ его безумнымъ.

А между тѣмъ никому не извѣстный старикъ, полукарликъ, не имѣвшій ни души знакомой при въѣздѣ въ столицу, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ входить безъ доклада въ кабинетъ монарха, предъ которымъ преклонялась обширная Имперія.

Человѣчекъ этотъ былъ Гавріилъ Груберъ, по происхожденію австрійскій нѣмецъ, по своему званію іезуитъ, а по общественному положенію—преподаватель механики и архитектуры въ Полоцкомъ коллегіумѣ.

Но какимъ же образомъ могло произойти, что нелѣпыя мечтанія монаха-учителя, почти безъ роду и племени, быстро и легко осуществились?

Что̀ невозможно для всякаго простаго смертнаго — часто возможно для настоящаго іезуита. Сочетаніе дерзости съ лукавствомъ можетъ дойти до геніальности и во всякомъ случаѣ до виртуозности. А вооруженный ими человѣкъ пройдетъ и въ игольныя уши, въ которыя не пройдетъ верблюдъ.

Безъ сомнѣнія, при этомъ не малую роль играетъ и тайная и неразгаданная сила, именуемая фортуной.

Во всякой жизни и дѣлахъ человѣческихъ громадное значеніе имѣетъ слѣпой случай, но человѣкъ большею частью не умѣетъ или боится имъ пользоваться. Іезуитъ, какъ охотникъ въ погонѣ за дичью, чуетъ случай, еще не видя его, а затѣмъ, увидя еще издалека, хватаетъ и подчиняетъ себѣ.

Великія событія земныя совершаются, великія дѣла творятся изъ-за ничтожно-малыхъ причинъ. Не даромъ говорится: „Отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла". Отъ пролитаго стакана воды на королеву безпощадная и кровавая война вспыхнула. Отъ домашней ссоры съ женой предпріимчивый человѣкъ сѣлъ на корабль и Новый Свѣтъ открылъ.

Подобное случилось и въ Россіи съ іезуитизмомъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ ордену предназначалось имѣть огромное значеніе въ предѣлахъ Имперіи и оставить долго потомъ смываемый и надолго неизгладимый слѣдъ.

Если бы императрица Марія Ѳеодоровна не простудилась и не подверглась сильной зубной боли, продолжавшейся двѣ недѣли, несмотря на усилія всѣхъ петербургскихъ врачей, и если бы не пристрастіе императора къ хорошему шоколаду,—то, по всей вѣроятности, у іезуитовъ не было бы своего коллегіума въ Петербугѣ, они не распространились бы и не перенесли свои гнѣзда изъ Полоцка и Бѣлоруссіи въ столицу и въ коренныя русскія губерніи; уничтоженный орденъ не былъ бы снова возстановленъ папой и, наконецъ, многіе и многіе русскіе аристократы не стали бы ренегатами.

Съ дерзостью Мефистофеля, съ лукавствомъ и мягкостью Тартюфа, съ разсудительностью и тактичностью Маккіавелли, простой учитель Полоцкаго коллегіума въ два-три года совершилъ для своего ордена то, чего этотъ орденъ за два съ половиной вѣка никогда не видѣлъ.

Остановившись на скромномъ постояломъ дворѣ, преподаватель механики и архитектуры явился къ одному изъ академиковъ, познакомился съ нимъ, затѣмъ перезнакомился съ другими членами Академіи и вскорѣ былъ всѣми ими уважаемъ, сталъ желаннымъ гостемъ.

Оно было и немудрено. Груберъ былъ слишкомъ интересенъ, какъ собесѣдникъ.

Поступивъ въ орденъ съ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ учился въ іезуитской академіи, съ успѣхомъ преодолѣлъ всѣ философскія и богословскія науки. Восемнадцати лѣтъ онъ уже былъ искусенъ въ механикѣ, въ гидравликѣ. Ему было поручено исправленіе русла

рѣки и осушка болотъ въ окрестностяхъ Лайбаха. Онъ былъ талантливый архитекторъ, любилъ и зналъ физику, и самъ изобрѣлъ много интересныхъ инструментовъ.

Какъ многіе іезуиты, онъ былъ отличный математикъ и превосходно зналъ исторію. Занявшись химіей, онъ и въ ней сдѣлалъ не маловажныя открытія. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ человѣкъ былъ хорошій музыкантъ и, наконецъ, въ минуту досуга, въ праздничный день, онъ любилъ заниматься особымъ искусствомъ—кондитерскимъ. Печенье и конфекты отца-іезуита были загадкой для людей съ тончайшимъ вкусомъ.

Къ довершенію всего, шестидесятилѣтній іезуитъ за всю свою жизнь, не спѣша, по-очереди, изучилъ и усвоилъ себѣ семь языковъ, на которыхъ могъ не только читать, но и объясняться. Онъ прекрасно зналъ языки: свой родной нѣмецкій, латинскій, французскій, итальянскій, турецкій, польскій и русскій, а затѣмъ изрядно понималъ и арабскій.

Отцы ордена Іисуса, посылая его въ Петербургъ, хорошо знали, что за индивидуума они посылаютъ.

Отецъ Гавріилъ былъ извѣстенъ не только всему ордену, но даже самому покойному папѣ Клименту XIV тѣмъ дѣяніемъ, что когда орденъ былъ уничтоженъ папской буллой, Груберъ былъ послѣдній іезуитъ, снявшій съ себя одежду ордена и яко бы сложившій съ себя обѣты общества.

Онъ сдѣлалъ это, когда власти города Лайбаха угрожали ему крѣпостью. Но затѣмъ онъ тотчасъ покинулъ предѣлы Австріи и явился тамъ, гдѣ могъ снова надѣть ту же одежду и предаться той же дѣятельности, а именно въ Полоцкъ, гдѣ уцѣлѣло іезуитское гнѣздо.

Когда отцы-іезуиты рѣшили послать Грубера въ Петербургъ, то дали ему порученіе настолько мудреное, что, конечно, не могли надѣяться на большую удачу. А между тѣмъ Гавріилъ Груберъ не только превзошелъ всѣ ихъ ожиданія, но вскорѣ самъ подивился своимъ успѣхамъ.

Причина посылки Грубера заключалась въ томъ, что новый императоръ, черезъ два года по вступленіи на престолъ, указомъ Сенату поставилъ римско-католическое исповѣданіе въ Имперіи въ другія рамки.

Въ 1798 году былъ изданъ утвержденный Сенатомъ регламентъ, которымъ были расширены права начальника всего католическаго духовенства, архіепископа Могилевскаго, причемъ онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита всѣхъ католиковъ. Разумѣется, при этомъ іезуитскій орденъ долженъ былъ очутиться, какъ и другіе монашескіе ордена, подъ полной властью и контролемъ новаго митрополита.

Іезуиты, еще со времени офиціально признавшей ихъ существованіе Великой Екатерины, мечтали не только о самостоятельномъ существованіи и полной независимости, но тайно стремились, усиліями своихъ генеральныхъ викаріевъ, замѣнившихъ прежнихъ „генераловъ“ ордена, стать даже во главѣ всѣхъ католиковъ Польши, Бѣлоруссіи и другихъ гнѣздъ, свитыхъ на разныхъ мѣстахъ и далекихъ окраинахъ Россіи.

И поневолѣ теперь, благодаря новому указу императора и новому регламенту, возникла борьба между генеральнымъ викаріемъ и митрополитомъ католиковъ. На горе отцовъ-іезуитовъ митрополитомъ былъ Сестренцевичъ-Богушъ, замѣчательная по уму и энергіи личность, пользовавшаяся вдобавокъ большою благосклонностью императора.

Отцы-іезуиты послали преподавателя механики и архитектуры Полоцкаго коллегіума, чтобы найти въ Петербургѣ друзей и начать искусно, не спѣша, но успѣшно подкапываться подъ вліяніе митрополита на императора. Надо было достигнуть если не уничтоженія новаго регламента, то какихъ-нибудь правъ, которыя освободили бы орденъ отъ контроля Сестренцевича.

Вотъ все, въ чемъ состояла задача старика-учителя или профессора, пріѣхавшаго въ Петербургъ, гдѣ у него не было ни души знакомой. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилось нѣчто почти невѣроятное.

Маленькій и худенькій человѣчекъ съ большущею головой клиномъ, съ вѣчно-опущенными вѣками на странно-горящихъ глазахъ, тихій, скромный, мягкій, не словоохотливый, не выпускающій молитвенника изъ рукъ, уничтожилъ вліяніе католическаго митрополита на государя и навелъ страхъ на всѣхъ петербургскихъ враговъ ордена Іисуса, погубивъ главныхъ изъ нихъ. Произошло это, повидимому, очень просто, такъ же просто, какъ совершаются иногда самыя замысловатыя событія исторіи.

Нѣсколько храбрыхъ солдатъ и нѣсколько самоотверженныхъ и умныхъ командировъ, нѣсколько лишнихъ пушекъ, какой-нибудь пригорокъ, какая-нибудь рѣчка, какая-нибудь убитая подъ полководцемъ лошадь,—рѣшаютъ такое дѣло, послѣ котораго исчезаютъ государства и нарождаются новыя, цѣлыя народности подпадаютъ подъ чужеземное иго.

Гавріилъ Груберъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, быстро подружился со всѣми академиками. Полоцкъ и прежде сносился постоянно съ академіей. Іезуиты посылали въ Петербургъ разныя свои изобрѣтенія, разныя машины, вещи, въ родѣ ножницъ для стрижки овецъ, иногда скульптурныя произведенія, рисунки, гравюры.

Теперь Груберъ привезъ новые инструменты для физическаго кабинета, своего собственнаго изобрѣтенія, привезъ свою маленькую книжку по химіи, гдѣ были интересныя открытія. При этомъ онъ предъявилъ и разныя вещи работы преподавателей и учениковъ Полоцкаго коллегіума. Все это было выставлено въ академіи для публики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Груберъ привезъ съ собой много червонцевъ и странную манію. Оказалось, что онъ любитъ давать деньги взаймы безъ всякаго документа. Эта манія была у него якобы и прежде, хотя въ дѣйствительности онъ здѣсь первый разъ занялся этимъ ремесломъ, именуемымъ въ русскомъ языкѣ лиходательствомъ.

Послѣ академиковъ отецъ Гавріилъ вскорѣ проникъ въ домъ многихъ невскихъ вельможъ. Въ Петербургѣ много было польскихъ аристократовъ, дружившихъ съ русскими. Первые, принявъ почтеннаго отца Гавріила, представляли и рекомендовали его вторымъ. Въ числѣ польскихъ магнатовъ отецъ Гавріилъ выбралъ себѣ двухъ, ради сношеній съ которыми стоило потрудиться, съ которыми слѣдовало подружиться.

Онъ быстро сошелся съ полякомъ графомъ Иллинскимъ. Аристократъ былъ извѣстенъ въ Петербургѣ тѣмъ, что вслѣдствіе благосклонности къ нему императора по его просьбѣ было возвращено изъ Сибири одиннадцать тысячъ поляковъ, сосланныхъ при Екатеринѣ.

Вдобавокъ графъ Иллинскій былъ человѣкъ самолюбивый, пылкій, мечтавшій о какой бы то ни было роли въ столицѣ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ. И вдругъ является человѣчекъ, предлагающій ему не спасать изъ Сибири тысячи сосланныхъ, хотя это и благое дѣло, а служить „ad majorem gloriam Dei“ и, отдавшись этой службѣ, прежде всего стараться своимъ вліяніемъ добиться уничтоженія новаго регламента, гнетомъ лежащаго надъ служителями Бога ордена Іисуса. И графъ Иллинскій душою и сердцемъ отдался дѣлу отца Гавріила.

Другой другъ, вновь пріобрѣтенный Груберомъ, былъ польскій богачъ, натурализованный итальянецъ—Мануччи, пользовавшійся тоже благосклонностью государя, по совершенно инымъ причинамъ.

Отецъ Мануччи состоялъ когда-то при князѣ Таврическомъ въ качествѣ шпіона высшаго полета. Потемкинъ ничего не предпринималъ, тайно не обслѣдовавъ заранѣе почву, на которой предстояло дѣйствовать;

Выставка рисунковъ (Blanc et noir) въ Импер. Общ. Поощр. Худож. Помѣщичья помощь крестьянамъ. Оригинал. рис. (собств. „**Нивы**") **профессора Дмитріева-Оренбургскаго**, грав. Хельмицкій.

при этомъ онъ всегда употреблялъ искусство своего вѣрнаго раба Мануччи.

Наслѣднику престола, ненавидѣвшему Потемкина, былъ извѣстенъ и Мануччи, не мало содѣйствовавшій успѣхамъ Таврическаго князя. Едва только Павелъ вступилъ на престолъ, а Потемкинъ и его шпіонъ были уже на томъ свѣтѣ, Мануччи-сынъ явился въ Петербургъ, представился государю и передалъ ему изъ рукъ въ руки неоцѣненную рукопись, изъ которой императоръ узналъ многое такое, чего не знала и сама Екатерина.

Это былъ дневникъ его отца, гдѣ были разсказаны авторомъ-очевидцемъ, близкимъ и довѣреннымъ человѣкомъ Потемкина, всѣ дѣла, планы, замыслы и сокровеннѣйшія мысли и намѣренія самого покойнаго князя Тавриды. Съ этой минуты Мануччи сталъ приближеннымъ лицомъ государя, и даже жена его являлась на маленькіе вечера императрицы.

Разумѣется, за этими двумя новыми пріятелями явились многіе и многіе: и русскіе, и поляки, которые искали знакомства умнаго и занимательнаго отца Гавріила, а въ числѣ прочихъ даже двое самыхъ могущественныхъ и властныхъ людей: любимцы государя—графъ Кутайсовъ и свѣтлѣйшій князь Лопухинъ.

XVIII.

Вскорѣ въ гостиныхъ придворнаго кружка и петербургской знати, отъ праздности и тоски, или подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, только и было толку, что о замѣчательномъ іезуитѣ Груберѣ. Никто не зналъ, чему больше удивляться: многосторонней-ли его учености и языковѣдѣнію, или его скромности и благочестію.

А между тѣмъ самъ отецъ Гавріилъ былъ недоволенъ. Молва бѣгала по Петербургу объ его талантахъ и знаніяхъ, а до самого императора, очевидно, не можетъ достигнуть.

И вотъ является на помощь пустой случай.

Императрица Марія Ѳеодоровна простудилась. Сильная зубная боль явилась послѣдствіемъ. Прошла цѣлая недѣля и придворные врачи не могли помочь ей ничѣмъ, какъ ни старались. Прошла еще недѣля. Императрица измучилась: ни одно средство не помогало.

Какъ во времена оны въ Египтѣ разыскивался человѣкъ, способный разъяснить сонъ фараону, точно такъ же теперь на берегахъ Невы разыскивался человѣкъ, способный облегчить страданія всѣми любимой, доброй государыни.

И въ эти дни графъ Иллинскій передалъ его величеству небольшое письмо, кратко объяснивъ на словахъ, что ученый монахъ, мастеръ на всѣ руки, предлагаетъ свои услуги. Маленькій человѣчекъ ловилъ слѣпой случай! Тихо и безшумно, змѣею проникшій въ среду петербургской знати, онъ просовывалъ теперь голову и во дворецъ. И не находилось человѣка, который бы, предвидя будущее, раздавилъ каблукомъ эту змѣиную голову.

Въ тотъ же день іезуитъ предсталъ предъ императоромъ. Встрѣченный сухо и сурово, онъ отвѣчалъ робко, изображая собой смиреннѣйшаго раба Божьяго, императорскаго и человѣческаго. Іезуитъ брался помочь императрицѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы находиться нѣсколько дней безотлучно близъ ея покоевъ и день и ночь.

Государь согласился на это. Въ маленькой горницѣ, неподалеку отъ комнаты государыни, была устроена спальня и почти лабораторія ради приготовленія лѣкарствъ для зубнаго врача, іезуита. Государь одновременно приказалъ перенести его собственную кровать въ сосѣднюю съ императрицей горницу.

Дней пять провели вмѣстѣ въ простыхъ бесѣдахъ императоръ и императрица Всероссійскіе съ преподавателемъ механики въ маленькомъ училищѣ бѣлорусскаго городка. Зубная боль смягчилась немного съ перваго же дня, стало гораздо легче черезъ два дня.

Измучившаяся императрица почивала спокойно и была въ духѣ по цѣлымъ днямъ. И какъ женщина умная и любознательная, она не могла не найти особеннаго удовольствія въ разговорахъ съ человѣкомъ всесторонняго образованія и ума, вдобавокъ посвятившаго себя служенію Богу.

Императоръ точно такъ же, въ восторгѣ, что болѣзнь уступила средствамъ іезуита, не только ласково бесѣдовалъ съ отцомъ Гавріиломъ, но уже однажды обнялъ его. Наконецъ, когда государыня проснулась на шестой и на седьмой день совершенно здоровая, императоръ объявилъ іезуиту, что награждаетъ его Голштинскимъ орденомъ Св. Анны.

Отецъ Гавріилъ съ чувствомъ поблагодарилъ монарха, но заявилъ, что по уставу своего ордена онъ не можетъ принять и носить какихъ-либо отличій свѣтскихъ. Уставъ его ордена обязываетъ всякаго іезуита служить царямъ и ихъ подданнымъ безвозмездно, только ради наивящей славы Божьей.

— Таковъ нашъ девизъ, наши стремленія и наша цѣль! сказалъ Груберъ.

— Какъ?.. Какъ?.. Повторите! развеселился государь.

— Ad majorem gloriam Dei.

Съ этой минуты зубной врачъ удалился изъ дворца и спальня-аптека уничтожилась, но старикъ-іезуитъ получилъ право являться къ государю когда пожелаетъ, по всякому дѣлу, и важному, и маловажному.

И отецъ Груберъ не преминулъ вскорѣ появиться во дворцѣ въ числѣ прочихъ знатнѣйшихъ сановниковъ. Каждый разъ, что императоръ видѣлъ маленькую фигурку, входящую къ нему въ кабинетъ, онъ весело смѣялся, восклицая:

— А, здравствуйте, господинъ Ad majorem gloriam Dei!

Но вѣдь нельзя же являться къ императору Всероссійскому раза по три въ недѣлю! Какъ же добиться того, чтобы бывать почти всякій день? Какъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь при императорѣ, быть ему столь же необходимымъ, какъ его камердинеръ, или брадобрей?.. Даже изъ такой обязанности можетъ послѣдовать для человѣка нѣчто исключительно важное, чему были въ Петербургѣ живые примѣры.

И вотъ въ эти минуты оказалось, что языковѣдъ и ученый хорошо сдѣлалъ, что не побрезговалъ узнать разныя, сравнительно презрѣнныя мастерства.

Іезуитъ - зубной - врачъ легко проникъ во дворецъ, іезуитъ-философъ или языковѣдъ никогда бы не проникъ. Іезуитъ-механикъ и архитекторъ не могъ являться теперь къ императору хотя бы разъ въ недѣлю, а іезуитъ-кондитеръ вдругъ получилъ право появляться почти ежедневно.

Въ одно изъ своихъ появленій, отецъ Гавріилъ нашелъ государя пьющимъ шоколадъ и скромно, даже благочестиво попросилъ милости отвѣдать этого шоколада.

— Понимаю зачѣмъ! воскликнулъ государь.—Когда я былъ въ Италіи, я полюбилъ шоколадъ... Но такого, какой я пилъ тамъ, я съ тѣхъ поръ никогда не отвѣдывалъ! Вы, господинъ Ad majorem gloriam Dei, хотите отвѣдать, чтобы доказать мнѣ, что онъ никуда не годится... я это и безъ васъ знаю.

— Позвольте мнѣ, ваше императорское величество, приготовить вамъ шоколадъ здѣсь же, во дворцѣ, и если онъ вамъ понравится, то я буду неизмѣримо счастливъ являться всякое утро его готовить и подавать вашей священной особѣ.

Первая же чашка шоколада іезуита-кондитера возымѣла такое дѣйствіе на монарха, какого никогда бы не достигъ іезуитъ-математикъ, или іезуитъ-философъ.

— Какая умница! воскликнулъ Павелъ.—На всѣ руки.

И съ этого дня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль,

отецъ Гавріилъ—курьезное существо, нѣчто въ родѣ саламандры и хамелеона вмѣстѣ—являлся во дворецъ готовить и подавать царю шоколадъ. Но готовя его, не забывая сахаръ, корицу и лепестокъ какой-то душистой травки, приносимой въ бумажкѣ, кондитеръ не забывалъ и митрополита Сестренцевича, не забывалъ и регламентъ сенатскій и многое иное, что́, повидимому, къ варенью шоколада совершенно не относилось.

За эти дни однажды, покуда отецъ Гавріилъ варилъ напитокъ, къ нему подошелъ первый любимецъ царя, графъ Кутайсовъ, и сталъ просить его вставить нѣсколько словечекъ въ свою бесѣду съ царемъ, т. е. за него походатайствовать. Дѣло шло о пріобрѣтеніи знаменитаго Шкловскаго помѣстья, не менѣе знаменитаго Зорича, за сравнительно малую сумму и безъ перевода долга, который былъ въ два милліона рублей.

Груберъ согласился помогать графу и просилъ его помощи въ иномъ предстоящемъ дѣлѣ, не имѣвшемъ сравнительно никакой важности. Надо помочь ему, іезуиту, получить въ полное владѣніе ордена Іисуса—петербургскую католическую церковь Св. Екатерины, съ принадлежащими ей домами и землей, чтобы устроить коллегіумъ и новиціатъ.

Прошло еще немного времени, и отецъ Гавріилъ уже пересталъ являться для варки шоколада. Оно было не нужно болѣе. Императоръ кушалъ конечно снова худшій шоколадъ, но это было для отца-іезуита совершенно безразлично.

Теперь было уже не до шоколада, или лѣкарствъ противъ зубныхъ болей. Отецъ Гавріилъ орудовалъ черезъ своихъ друзей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ, лично, у письменнаго стола монарха. Результатомъ его мягкой, тихой рѣчи, его намековъ, его обѣщаній, всѣхъ его словъ, какъ истиннаго служителя Бога, явилось событіе большаго значенія для католическихъ подданныхъ русскаго царя.

Однажды, въ три часа ночи, когда митрополитъ Сестренцевичъ былъ уже давно въ постели, къ нему явился полицмейстеръ Зильбергарнишъ. Онъ попросилъ его одѣться и тотчасъ переѣхать на жительство въ домъ капитула Мальтійскаго ордена, но вмѣстѣ съ тѣмъ захватить съ собой и всѣхъ духовныхъ лицъ, обитающихъ въ квартирахъ церковнаго дома.

Въ тотъ же домъ утромъ явился отецъ Гавріилъ, съ нѣсколькими іезуитами, давно уже выписанными имъ изъ Бѣлорусскаго гнѣзда. И тихій, мягкій отецъ Гавріилъ, отъ счастія и восторга, не воздержался. Обратившись къ прибывшимъ вмѣстѣ съ нимъ отцу Августину и другимъ, онъ воскликнулъ радостно:

— Каково я ихъ всѣхъ отсюда вымелъ! И вѣрно сказываю: никогда больше эти ехидны сюда не возвратятся.

Прошелъ еще мѣсяцъ или два—и храмъ, и домъ преобразились. Въ домѣ была роскошь и богатое убранство, въ храмѣ—великолѣпный органъ и ежедневныя горячія проповѣди, а въ результатѣ ихъ — русскіе дворяне и баричи, склоняющіеся къ убѣжденію въ превосходствѣ католицизма надъ ихъ религіей схизматической.

Въ одномъ изъ домовъ былъ коллегіумъ, а въ другомъ новиціатъ, скромно называвшійся покуда простой школой для приходящихъ учениковъ.

Одновременно съ этимъ, митрополитъ всѣхъ католиковъ былъ арестованъ, затѣмъ высланъ на жительство въ свое маленькое помѣстье, около Могилева, безъ права являться въ столицу.

А три члена департамента католицкихъ дѣлъ, особенно неосторожно боровшіеся когда-то съ іезуитами, выѣхали съ жандармами въ три разныя стороны: въ Вологду, въ Пермь и въ Верхотурье.

Многіе въ Петербургѣ изумлялись быстрому возвышенію и значенію отца Гавріила, который еще недавно считалъ большой честью быть представленнымъ графу Иллинскому. А между тѣмъ удивлявшіеся не знали всего. Они не знали, что въ эти же дни, важная, загадочная личнюсть, прибывшая тайно въ Петербургъ, подъ вымышленнымъ именемъ и съ чужимъ паспортомъ, явилась исключительно на поклонъ къ отцу Гавріилу Груберу. Личность эта была тайно прислана не кѣмъ инымъ, какъ самимъ первымъ консуломъ Бонапартомъ. Повелитель судебъ Франціи прислалъ просить отца-іезуита воспользоваться своимъ вліяніемъ на русскаго монарха, чтобы разстроить европейскую коалицію, разорвать связь Россіи съ Англіей и заключить союзъ съ Франціей.

Давно ли учитель механики и архитектуры въѣхалъ въ Петербургъ, не имѣя ни души знакомой во всемъ городѣ, а теперь онъ сталъ посредникомъ между представителемъ власти во Франціи, имя котораго уже прогремѣло на всю Европу, и самодержцемъ Всероссійскимъ. Лѣкарь зубной боли, варитель шоколада, съумѣлъ тоже быстро разжечь въ русскомъ императорѣ пріязнь и уваженіе къ консулу Бонапарту и положилъ первое основаніе будущей, хотя и не долговременной, дружбѣ правительствъ Франціи и Россіи.

Теперь отцу Гавріилу оставалось одно великое дѣяніе, которое было бы равносильно дѣянію самого Игнатія Лойолы, совершенному двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Когда-то великій и уже причтенный къ лику святыхъ основатель ордена Іисуса заставилъ римскаго первосвященника всесвѣтно признать этотъ орденъ. Это была задача трудная.

У отца Гавріила была теперь задача труднѣйшая. Нужно было чтобы папа Пій VII, по просьбѣ, или, вѣрнѣе, по настоятельному требованію Россійскаго императора, уничтожилъ буллу Dominus ac redemptor и чтобы орденъ, снова всесвѣтно-признанный, вновь возродился къ иной жизни, къ иной сугубой силѣ во всей Европѣ и во всемъ мірѣ.

И эта задача была почти достигнута. Дѣло ладилось... И если бы кто-нибудь сказалъ теперь, что отецъ Гавріилъ не есть существо сочетавшее въ себѣ Маккіавели, Тартюфа и Мефистофеля, а просто самъ воплощенный Вельзевулъ, то это не было бы преувеличеньемъ.

XIX.

Прошла недѣля послѣ того роковаго дня, когда князь Яхтомскій получилъ письмо отъ банкира Мозера.

Но князь мало думалъ объ разореніи, о срамѣ и скандалѣ. Онъ думалъ больше о разговорѣ съ женой и ея странномъ отношеніи къ дѣлу.

Княгиня продолжала жить той же жизнію, какъ будто ничего новаго въ домѣ и не бывало. Она меньше принимала, но сама выѣзжала всякій день на обѣды и вечера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она видимо избѣгала снова заговаривать или объясняться съ мужемъ о предстоящей катастрофѣ. Иногда князю чудилось, что жена будто спокойно надѣется на что-то, на спасеніе, на счастливую развязку.

„Неужели она такъ наивна, думалось ему,—что надѣется на возможность для меня какъ-нибудь обернуться, опять занять...“

Всякій день, мучась и терзаясь, но ничего не предпринимая, князь бродилъ по всему дому. Надо было прежде всего разобрать и привести въ порядокъ всѣ свои дѣловыя бумаги, хотя бы сосчитать долги, сообразить кой-что, оглянуться... Но характера не хватало даже на то, чтобы заняться чтеніемъ бумагъ. Бродя по дому, въ отсутствіи вѣчно рыскающей по городу жены, Яхтомскій чаще всего заходилъ въ „классную“, или въ ту горницу, гдѣ ежедневно аббатъ-іезуитъ занимался съ его сыномъ, обучая его по книжкамъ всему тому, что̀ самъ недавно узналъ, или же тому, что̀ узнавалъ одновременно съ ученикомъ. Онъ всегда, кивкомъ головы, молча кланялся аббату, но еще ни разу

ни о чемъ не заговорилъ съ нимъ. Князь садился и, чтобы убить время, слушалъ урокъ сына.

Наконецъ, только черезъ недѣлю, князь переломилъ себя и, запершись въ своемъ кабинетѣ на ключъ, досталъ большую шкатулку, вынулъ оттуда разныя тетради, книги и цѣлыя связки различныхъ документовъ. Вся эта масса бумагъ касалась его дѣлъ по имѣніямъ, закладовъ ихъ и займовъ.

Князь ненавидѣлъ эту шкатулку, напоминавшую ему только объ одномъ, что всѣ дѣла находятся въ самомъ ужасномъ видѣ. Все запутано, и какіе были сроки—всѣ пропущены. Во всемъ этомъ не только ему было бы не въ мочь разобраться, но и опытный дѣлецъ не сразу добился бы толку.

Спеціалистъ, просидѣвъ надъ этими бумагами дня три, пришелъ бы только къ одному результату: что князь Яхтомскій чуть не нищій. Это былъ путаный узелъ, который можно только разрубить.

Князь зналъ, что удара мечомъ по этому узлу надо ждать неминуемо и все тогда станетъ ясно, все сразу какъ бы распутается. Итогомъ будетъ нуль. И вотъ именно только съ этой цѣлью, убѣдить себя въ нулѣ, князь занялся кое-какими тетрадями и документами.

Ему хотѣлось, впрочемъ, узнать навѣрное одно: можно ли изъ всеобщаго погрома спасти маленькое Рязанское имѣніе—вотчину родовую, переходившую изъ поколѣнія въ поколѣніе. Еще при Петрѣ Великомъ жилъ въ своей Рязанской деревнѣ, жалованной московскими царями, князь Яхтомскій—пращуръ князя Андрея Николаевича.

Но князю было теперь не до честолюбивыхъ аристократическихъ соображеній; являлся простой вопросъ: есть ли у него что либо въ остаткѣ, хоть одно гнѣздо, хоть одна кровля, куда укрыться съ женой и сыномъ послѣ погрома.

Неужели придется нанимать небольшую квартиру въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ? Но вѣдь и при такомъ образѣ жизни нужно будетъ имѣть что-нибудь на прожитокъ.

Князь занялся разборкой вороха бумагъ, которыя досталъ, и послѣ цѣлаго дня работы вычисленій, соображеній, онъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе. Ему показалось, что, за уплатой всѣхъ долговъ, можно все-таки сохранить Рязанскую вотчину.

— А между тѣмъ, воскликнулъ онъ вдругъ,—годъ, два тому назадъ можно было еще выпутаться, спасти половину всего большаго состоянія!

А кто помѣшалъ ему тогда это сдѣлать? Его слабоволіе, исполненіе всѣхъ прихотей жены!

Въ сумерки кто-то постучался. Онъ подошелъ къ дверямъ и услыхалъ голосъ жены.

— C'est moi! Нужно.

Онъ отомкнулъ замокъ и впустилъ жену.

Юлія Павловна вошла плавно, спокойно, и опустилась въ кресло, не просто сѣла, а усѣлась, устроилась въ такой позѣ, какъ если бы очутилась въ театрѣ, въ ложѣ, и ожидала начала зрѣлища.

Тотчасъ, по привычкѣ своей, она опустила вѣки красивыхъ глазъ, прижала маленькій кружевной носовой платокъ къ губамъ и выговорила равнодушно:

— Ну что, André. Что новаго?

Князь сѣлъ противъ жены угрюмый и на ея вопросъ только пожалъ плечами.

— Ничего нельзя сдѣлать? Ты не хочешь опять съѣздить къ Мозеру?

— Зачѣмъ? Для глупыхъ разговоровъ? Я же знаю что ничего нельзя сдѣлать. Мозеръ не старинный другъ, а просто ростовщикъ.

— А если онъ захочетъ ждать?

— Ждать! воскликнулъ князь нервно.—Предположимъ, что жидъ станетъ ждать полгода, ну, хоть годъ. Какой же изъ этого будетъ толкъ? Черезъ годъ будетъ то же самое. Я даже начинаю жалѣть что раньше не случилась эта катастрофа. Мы бы давно спокойно жили въ Рязанской деревнѣ. А теперь я не знаю, спасу ли я и Рязань.

— Стало-быть, это, какъ говорится, le commencement de la fin?

— Нѣтъ, это собственно самый конецъ. Начало конца было давно тому назадъ, когда мы, живя здѣсь, безразсудно тѣшили чорта.

Княгиня поморщилась. Она терпѣть не могла рѣзкихъ выраженій, поэтому мужъ, обыкновенно, въ ея присутствіи избѣгалъ ихъ. Она не любила даже выраженія, которое случалось слышать часто: „чортъ знаетъ". Она всегда отзывалась на эти слова кокетливо-жалостнымъ голосомъ: „Оставьте его въ покоѣ! Если онъ и знаетъ, то не скажетъ."

Наступило молчаніе, послѣ котораго княгиня вдругъ, будто собравшись съ духомъ, какъ бы готовая начать какое-то новое объясненіе, важное и серьезное, произнесла нѣсколько отрывисто:

— Сколько мы, André, тратимъ въ годъ?

Князь усмѣхнулся иронически.

— Это никому неизвѣстно. Полагаю, что своихъ денегъ и чужихъ болѣе пятидесяти тысячъ въ годъ. А можетъ-быть и семьдесятъ, а можетъ-быть и больше. Своихъ у насъ было когда-то чистыхъ сорокъ тысячъ. И, если ты помнишь, первые годы брака у насъ оставалось въ концѣ года кое-что. За послѣднее время, я думаю, что мы почти столько же каждый годъ занимали. Я включаю въ это число и уплату процентовъ по разнымъ обязательствамъ. Но на жизнь все-таки шло болѣе шестидесяти тысячъ.

— Скажи мнѣ, выговорила княгиня, поднимая глаза на мужа, — ты совершенно ясно представляешь себѣ наше положеніе, совершенно обсудилъ его, холодно и здраво? Ты обдумалъ все?

— Не понимаю твоего вопроса. Что же тутъ обсуживать, обдумывать, такъ или иначе, холодно или горячо? Тутъ нѣтъ ничего замысловатаго. Жили, разорялись, разорились и пойдемъ по міру, если не спасемъ родовую вотчину.

— А если мы ее спасемъ, едва замѣтно улыбнулась княгиня, — то поселимся въ ней анахоретами? Будемъ по воскресеньямъ въ сельскую церковь къ обѣднѣ ѣздить, будемъ квасъ дѣлать, моченыя яблоки, лѣтомъ за грибами и по ягоду въ лѣсъ ѣздить, зимой съ ледяныхъ горъ кататься. Однимъ словомъ, будемъ наслаждаться прелестями деревенской жизни. Скажи, пожалуйста, André, какъ по-твоему? Если бы я была въ морѣ и случилось бы un sinistre, ну, кораблекрушеніе, то, какъ ты думаешь... что̀ предпочла бы я: спастись и выплыть съ трудомъ на необитаемый островъ, или утонуть? Ты, конечно, поплылъ бы на этотъ островъ?

— Разумѣется. Но не иначе, какъ съ тобой и съ Тоней. Если бы васъ не было со мной, или бы вы погибли, то, конечно, я бы предпочелъ тоже утонуть.

— Ну, вотъ видишь-ли! Представь ты себѣ, что мы на кораблѣ и что онъ тонетъ, мы попадаемъ въ воду. Ты плывешь на этотъ необитаемый островъ и тянешь за собой Тоню, я же предпочитаю утонуть. Что ты сдѣлаешь?

— Я боюсь твоихъ словъ, Юлія, выговорилъ вдругъ князь, измѣняясь въ лицѣ.

— Ты имѣешь на это основаніе, холодно выговорила вдругъ Юлія Павловна,—потому что я дѣйствительно пришла объясниться серьезно и сказать тебѣ то, что̀ я рѣшила. Впрочемъ, у меня есть два предложенія тебѣ, я даю ихъ на выборъ: или будетъ такъ, какъ я сказала — ты спасешься съ Тоней, а я пожелаю утонуть. Конечно, ты понимаешь, я говорю не о самоубійствѣ. Или же я предложу тебѣ спастись всѣмъ троимъ на такой берегъ, который въ первую минуту покажется

Послѣднія минуты Архимеда. Съ карт. Барабино, грав. Веберъ.

тебѣ ужаснымъ. Но надо подумать, холодно все обсудить, примириться съ извѣстными фактами—и все будетъ слава Богу.

— Я какъ есть не понимаю ни единаго слова, хотя боюсь... и боюсь! выговорилъ князь.

— Желаешь-ли ты распутаться нѣсколько съ твоими дѣлами, оставаться здѣсь, въ Петербургѣ, въ этомъ самомъ домѣ, и имѣть въ годъ почти сто тысячъ и на жизнь, и на постепенную уплату остальныхъ долговъ?

— Не понимаю этого предложенія. Вѣдь не ты же дашь мнѣ эти сто тысячъ въ годъ? Вѣдь не тетушка же обѣщала тебѣ ихъ выплачивать?

— Это все равно — кто и какъ, отвѣтила княгиня, не глядя. — Я спрашиваю, желаешь-ли ты имѣть эти сто тысячъ?

— И эти деньги не стыдно будетъ взять?..

— Зависитъ отъ того, какъ судить.

Князь пристально всмотрѣлся въ лицо жены и послѣ долгаго молчанія выговорилъ:

— Неужели же это какая-нибудь невообразимая мерзость? И ты... ты... рѣшаешься?!

Княгиня слегка пожала плечами.

— Нельзя одинаково разсуждать при разныхъ обстоятельствахъ жизни, выговорила она.—Приходится, смотря по стеченію обстоятельствъ, думать и чувствовать разно.

— Хорошее правило! воскликнулъ князь. — Стало-быть, при иныхъ обстоятельствахъ можно почесть убійство хорошимъ дѣломъ? Вчера я былъ честный человѣкъ и христіанинъ, благодаря обстоятельствамъ, а сегодня, смотря по другимъ обстоятельствамъ, негодяй и убійца.

— Ты мнѣ все-таки не отвѣчаешь на вопросъ, хочешь-ли ты оставаться здѣсь и жить той же жизнью, которой мы жили, имѣя около ста тысячъ въ годъ.

— Скажи мнѣ, откуда, съ какихъ небесъ, онѣ будутъ манною падать на наши головы, и я отвѣчу тебѣ, уже раздражительно произнесъ князь.

— Эти деньги по формальному условію, которое нарушить мнѣ нельзя безнаказанно, я буду получать отъ человѣка который меня давно безумно любитъ.

— За что̀ онъ будетъ тебѣ давать ихъ? черезъ силу спросилъ Яхтомскій.

— Я думаю, это объяснять излишне, тихо выговорила Юлія Павловна и черезъ нѣсколько мгновеній прибавила еще тише:—Ты понимаешь и понялъ такъ, какъ оно есть.

Князь тяжело дышалъ и съ трудомъ заговорилъ:

— Меня, твоего мужа, и твоего сына будетъ содержать на свой счетъ этотъ господинъ, такъ-ли? И я буду этими деньгами платить за провизію, за хлѣбъ, который буду ѣсть? На эти же деньги воспитывать Тоню и этими же деньгами уплачивать долги? Знаешь-ли, Юлія, какъ на Руси въ простонародьи мужья на этакое предложеніе... отвѣчаютъ своимъ женамъ? Они ихъ бьютъ! Берутъ въ лапы вотъ эти лохмы, показалъ князь на красивую прическу жены, — и за нихъ таскаютъ по полу. И знаешь, что̀ я тебѣ скажу: они хорошо дѣлаютъ. Есть всему мѣра и границы! Когда одинъ человѣкъ переходитъ эту границу, то даетъ право и другому перейти ее.

— Стало-быть, ты отказываешь? вымолвила княгиня уже нѣсколько вызывающе.—Ты предпочитаешь срамъ, скандалъ и жизнь въ глуши?

— Нѣтъ, не я предпочитаю срамъ, а ты! Я предпочитаю честную уплату всѣмъ всего, что̀ долженъ. И дѣйствительную жизнь потомъ, настоящую жизнь, послѣ этой безпутной вакханаліи. Я отдохну въ деревнѣ и разумомъ и душой.

— Ну, такъ ступай и отдыхай!

Князь впился глазами въ лицо жены и вымолвилъ тихо:

— А ты за мной не послѣдуешь?

— Конечно, нѣтъ! Зачѣмъ? Чтобы умереть? Я такой жизни не вынесу... Шести мѣсяцевъ не вынесу. Зачѣмъ же я буду собой жертвовать? Повторяю: лучше утонуть, чѣмъ жить на необитаемомъ островѣ.

Князь взялъ себя руками за голову, просидѣлъ такъ нѣсколько мгновеній, потомъ тихо махнулъ рукой на жену.

— Довольно! Больше не надо! произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ. — Только скажу: ничего этого не будетъ! Ты поѣдешь со мной, или я останусь здѣсь... и убью тебя.

— Plait-il? отозвалась княгиня съ очаровательной улыбкой.

— Убью... Да, убью! Зарѣжу, или застрѣлю!

— Ты это когда-нибудь дѣлалъ?

— Сдѣлаю!

— Ну, вотъ, видишь-ли, cher ami, никогда этого не дѣлавши, ты не можешь знать, насколько это мудрено. L'intention est aisée, mais l'acte ne l'est pas.

— Вижу, вижу! воскликнулъ вдругъ князь.—Только теперь вижу совершенно ясно, что ты меня совершенно не знаешь, никогда не знала. Ты судишь по тому, что я, какъ рабъ, какъ негръ, какъ собака, былъ у тебя въ рукахъ игрушкой. Былъ у тебя какъ дѣвчонка у горничныхъ на побѣгушкахъ, на посылкахъ. Все это было такъ и это положеніе я даже любилъ, покуда я зналъ, что ты честная жена, вѣрная своему долгу и любящая меня. Но разъ ты перестаешь быть ею, дѣлаешься отребьемъ рода человѣческаго,—отношенія сразу мѣняются. Если ты настолько низкая натура, что способна пасть, то я обязанъ не допустить тебя до этого, обязанъ спасти тебя. А спасеніе возможно только ножомъ, или пистолетомъ. Повторяю тебѣ, Юлія, ради Бога вѣрь мнѣ. Я не лгу. Я тебя убью! И сдѣлаю это гораздо проще, гораздо спокойнѣе, болѣе твердою рукой, чѣмъ самый отчаянный разбойникъ, потому что я буду силенъ мыслью, что исполняю свой священный долгъ по отношенію къ семьѣ.

— Ну, это уже не разговоръ, вымолвила княгиня, вставая.—Это уже просто бредни.

— Ты съ ума сходишь! вскрикнулъ князь.

— Нѣтъ, полагаю, что ты сходишь съ ума. Ты говоришь пустяки, когда съ тобой хотѣли переговорить серьезно.

— Julie, что̀ съ тобой? Ты-ли это? Ты-ли это говоришь? Ты-ли это относишься такъ спокойно къ самому отвратительному дѣлу, какое только можно было выдумать? Я чувствую, что дѣйствительно мысли у меня путаются. Я не вѣрю, что ты передо мной стоишь и говоришь все это.

— Ну, до свиданія! вымолвила княгиня, направляясь къ двери.—Успокойся! Обдумай все, холодно обсуди и завтра мы снова переговоримъ.

(Продолженіе будетъ).

Опасное слово.

Разсказъ **Карла Ганнемана.**

(Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

На вечернихъ собраніяхъ въ Мальмезонѣ, гдѣ хозяевами были знаменитый первый консулъ Наполеонъ и его супруга Жозефина, присутствовать на которыхъ считалось большою честью для самыхъ выдающихся людей Франціи того времени, появлялся, между прочимъ, молодой лингвистъ Буастъ Такъ какъ молодой ученый изучилъ не только всѣ французскія нарѣчія, съ баскскимъ включительно, но и корси-

канскій языкъ, то Бонапартъ очень интересовался имъ, и Буастъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ посѣтителей упомянутыхъ вечеровъ. Его познанія, привѣтливость и скромность располагали къ нему одинаково какъ дамъ, такъ и мужчинъ. Въ числѣ другихъ и всесильный министръ полиціи Фуше вначалѣ очень благоволилъ къ нему. Но однажды, во время спора, возникшаго между знаменитымъ эллинистомъ Буассадомъ и Фуше, по поводу значенія и происхожденія слова „cabale", Буастъ навлекъ на себя неудовольствіе могущественнаго министра, что послужило для него впослѣдствіи источникомъ большихъ непріятностей.

— Я полагаю, что знаю свой родной языкъ не хуже присутствующихъ здѣсь ученыхъ, проговорилъ, раздраженный споромъ, Фуше;—и утверждаю, что слово „cabale" не есть французское слово, а обязано своимъ происхожденіемъ англійскому министерству Карла II — Clifford-Ashley-Buckingham-Arlington-Lauderdale, какъ состоящее изъ начальныхъ буквъ этихъ именъ, а слѣдовательно вошло въ нашъ языкъ не ранѣе 1672—1674 года. Это фактъ, оспаривать который не можетъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ.

— Что касается перваго высказаннаго вами пункта, возразилъ съ легкой насмѣшкой Буассадъ,—то, конечно, каждый здравомыслящій французъ долженъ согласиться съ вами; но никакъ нельзя сказать того же относительно двухъ остальныхъ пунктовъ. Никто изъ знакомыхъ съ англійской исторіей не можетъ, конечно, оспаривать, что упомянутое вами министерство сѣяло интриги и козни своимъ противникамъ; но, сопоставить значеніе слова „cabale" съ начальными буквами именъ упомянутыхъ министровъ, могъ только какой-нибудь остроумный шутникъ, ибо слово „cabale" существовало въ нашемъ языкѣ во всякомъ случаѣ раньше появленія на свѣтъ этого министерства.

— Вотъ какъ! воскликнулъ Фуше насмѣшливо;—а позвольте спросить: какой великій ученый обогатилъ нашъ языкъ этимъ словомъ, если не тотъ же англійскій острякъ?

— Разслѣдовать это, казалось бы, легче всего полиціи, отпарировалъ Буассадъ.—Мои изысканія относительно этого предмета привели лишь къ тому, что слово „cabale" раввинскаго происхожденія и означаетъ „тайное ученіе" и „скрытую шайку"; въ послѣднемъ смыслѣ, какъ извѣстно, и мы употребляемъ его. Слово „каббала", означающее іудейское „тайное ученіе", по всей вѣроятности, извѣстно и вамъ,

— А вы что скажете на это, г. Буастъ? обратился Фуше къ молодому ученому, который до сихъ поръ былъ молчаливымъ свидѣтелемъ спора.—Въ качествѣ извѣстнаго языковѣда, говорящаго, какъ утверждаютъ, на пятидесяти-двухъ языкахъ...

— Нарѣчіяхъ, г. министръ, только нарѣчіяхъ, скромно перебилъ молодой человѣкъ.

— Ну, все равно,—нарѣчіяхъ. Такъ что же вы думаете объ этомъ злополучномъ словѣ? Вы, конечно, тоже изслѣдовали этотъ вопросъ.

— Да, конечно. Въ общемъ я присоединяюсь къ мнѣнію г. профессора Буассада; но попросилъ бы разрѣшенія сдѣлать нѣсколько постороннихъ замѣчаній.

— Пожалуйста, г. Буастъ, предупредительно проговорилъ эллинистъ.

— Сдѣлайте одолженіе, небрежно бросилъ Фуше.

— Вы вѣроятно читали Люціана и Мольера?

— Разумѣется, г. Буастъ, разумѣется, поспѣшилъ отвѣтить Буассадъ, предчувствуя куда клонится безобидный, повидимому, вопросъ ученаго.

— Къ чему эти отступленія? спросилъ недовольнымъ тономъ Фуше, боясь обнаружить свое полное незнакомство съ Люціаномъ и весьма поверхностное знаніе Мольера.

— Извините меня, г. министръ полиціи, отвѣчалъ Буастъ съ легкимъ поклономъ,—это отступленіе должно послужить доказательствомъ того, что слово „cabale" употреблялось въ нашемъ языкѣ еще до существованія пресловутаго англійскаго министерства. Мы находимъ его уже въ 1652 году у Люціана въ смыслѣ „тайныхъ происковъ"; и то же самое значеніе придавалъ ему Мольеръ нѣсколько лѣтъ спустя.

— О! воскликнула Жозефина, внимательно прислушивавшаяся къ словопренію.—Это, дѣйствительно, служитъ несомнѣнно подтвержденіемъ словъ г. профессора. Я сама вспомнила теперь, что встрѣчала слово „cabale" у Мольера. Но, пожалуйста, продолжайте, г. Буастъ, мы съ такимъ удовольствіемъ слушаемъ васъ. Вы видите, что и мужъ мой весь обратился въ слухъ.

Языковѣдъ почтительно поклонился.

— Такъ какъ упомянутые писатели пользовались словомъ „cabale", то оно, несомнѣнно, должно было находиться и во французскихъ словаряхъ, продолжалъ онъ.—Я сталъ дѣлать новыя изысканія и наконецъ мнѣ посчастливилось найти это выраженіе въ лексиконѣ Монне 1636 года, гдѣ оно соотвѣтствуетъ слову „заговоръ". Къ сожалѣнію, тамъ не упомянуто, кто творецъ разбираемаго нами слова, что обыкновенно дѣлается по установившемуся въ наукѣ обычаю, если только есть возможность указать отца, прибавилъ Буастъ съ улыбкой.— Наконецъ, когда мнѣ попалъ въ руки, составляющій въ настоящее время библіографическую рѣдкость, словарь Жака Дюбуа, я и тамъ нашелъ слово „cabale". Дюбуа объясняетъ его такъ: тайное ученіе, тайныя ковы, скрытый заговоръ, комплотъ. Вотъ все, что мнѣ удалось развѣдать объ этомъ предметѣ.

— Этого совершенно достаточно, и я благодарю васъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ, дорогой г. Буастъ, ласково проговорилъ Наполеонъ, похлопавъ молодаго ученаго по плечу.

Языковѣдъ поклонился и хотѣлъ возразить что-то, но первый консулъ уже повернулся къ Фуше.

— Позвольте и мнѣ съ своей стороны поздравить васъ, сказалъ вполголоса Буассадъ Буасту, отойдя съ нимъ въ сторону;— вы блистательно поддержали меня и, кромѣ того, снискали милость Бонапарта. Лишить васъ ея можетъ развѣ только одинъ Фуше. Вы уготовили ему пораженіе, которое онъ врядъ ли проститъ, пока не отмститъ вамъ.

— Но вѣдь онъ самъ просилъ меня высказаться по этому предмету, возразилъ Буастъ испуганно.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, отвѣчалъ Буассадъ.—Это доказываетъ, что онъ твердо разсчитывалъ на вашу поддержку. Берегитесь его. Онъ опасный противникъ и интриги—его родная стихія.

— Что же онъ можетъ сдѣлать противъ меня, безобиднаго буквоѣда, который не интересуется ни политикой, ни чѣмъ инымъ?

— Пока вы завѣдомый любимецъ перваго консула и его супруги, можетъ быть и ничего. Я говорю—можетъ быть, потому что особенно полагаться на это обстоятельство вамъ не слѣдуетъ. Фуше хитрая лиса и всегда съумѣетъ подставить ножку противнику. Прежде всего—будьте осторожны въ своей корреспонденціи; вы можете быть увѣрены, что ни одно написанное или полученное вами письмо не минуетъ рукъ его шпіоновъ.

— Благодарю васъ, г. профессоръ; я послѣдую вашему совѣту.

Между тѣмъ, Наполеонъ подошелъ къ Фуше, который удалился въ оконную нишу и стоялъ сердито устремивъ глаза передъ собою. Консулъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на него, потомъ заговорилъ тономъ, въ которомъ ясно слышалось злорадство:

— Вы не въ духѣ, мой милый Фуше. Это тѣмъ болѣе поражаетъ, что вы совсѣмъ не пріучили насъ къ этому. Положимъ, вамъ не должно быть особенно пріятно, если какой-нибудь Буастъ заставилъ васъ сложить оружіе. Да, да, когда высшая полиція пускается въ область языковѣдѣнія, свойственное ей чутье, несомнѣнно, покидаетъ ее.

— Нельзя знать всего, г. консулъ, отвѣчалъ Фуше, и въ голосѣ его слышалось раздраженіе.—Мнѣ не слѣдовало пускаться въ пренія съ этими буквоѣдами.

— Вотъ это я и хочу сказать. Вы вдались въ область вамъ совершенно чуждую.

— Не совсѣмъ. Бываютъ лингвистическія изысканія, которыя прямо относятся къ моей служебной дѣятельности, и я надѣюсь, рано или поздно, доказать вамъ это.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Наполеонъ съ насмѣшливой улыбкой.—Скажу вамъ только одно: если вы хотите послѣдовать моему совѣту, милѣйшій Фуше, то не упражняйте своего полицейскаго искусства въ области лингвистики, по крайней мѣрѣ относительно этого Буаста, который, при всей своей скромности, кажется мнѣ свѣтлой головой. Вы потерпите только новыя пораженія, что было бы не желательно въ вашихъ же собственныхъ интересахъ. Достаточно съ васъ и сегодняшняго урока.

Проговоривъ эти слова, Наполеонъ круто повернулся и направился къ своей супругѣ; а къ министру полиціи подошелъ лакей съ докладомъ, что одинъ изъ подчиненныхъ Фуше ждетъ его въ пріемной, желая сообщить нѣчто важное. Довольный предлогомъ положить конецъ непріятному положенію, Фуше поспѣшно вышелъ изъ залы, приказавъ лакею доложить первому консулу, что неотложныя служебныя дѣла вынудили его немедленно покинуть Мальмезонъ.

Когда консулъ подошелъ къ своей супругѣ, онъ нашелъ ее въ оживленной бесѣдѣ съ молодымъ языковѣдомъ.

— Знаешь ли, Наполеонъ, обратилась Жозефина къ своему супругу,—я поручаю г. Буасту одинъ научный трудъ.

— Вотъ какъ! Что же именно?

— Я спрашиваю г. Буаста, не возьмется ли онъ составить французскій этимологическій словарь, такъ какъ у насъ дѣйствительно чувствуется недостатокъ въ хорошемъ произведеніи такого рода.

— Но вѣдь составленіе словаря потребуетъ многихъ лѣтъ труда и гражданинъ Буастъ врядъ ли найдетъ для этого достаточно свободнаго времени при другихъ своихъ ученыхъ занятіяхъ.

— Да, да, горячо воскликнула Жозефина,—г. Буастъ уже почти далъ слово и ждетъ только твоего согласія.

— Въ самомъ дѣлѣ, гражданинъ-лингвистъ? обратился Бонапартъ къ скромно стушевавшемуся ученому.

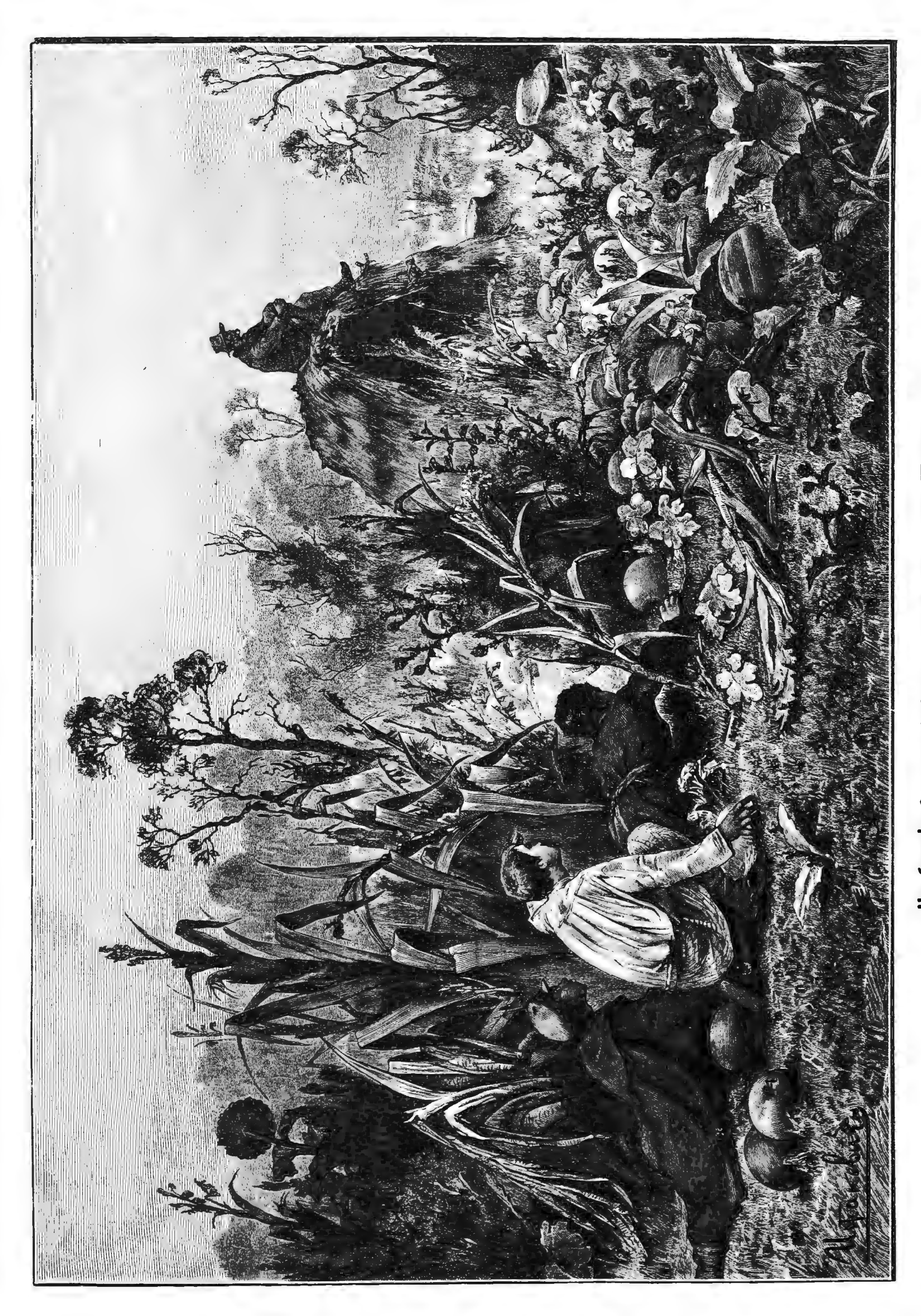
Тотъ поклонился.

— Въ согласіи моемъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, если только отъ меня не потребуютъ никакихъ затратъ.

— Объ этомъ нѣтъ и рѣчи, г. консулъ.

Прощальное воскресенье послѣ братской вечерни. Ориг.-рис. (собств. „**Нивы**“) **Козачинскаго**, грав. Хельмицкій.

На бахчѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Ижаковича**, грав. Шюблеръ.

— Въ такомъ случаѣ, я буду очень радъ въ ближайшемъ будущемъ снова услышать объ этомъ дѣлѣ, гражданинъ-ученый, сказалъ Наполеонъ, отпуская Буаста легкимъ наклоненіемъ головы.

Буастъ почтительно поклонился и, сказавъ нѣсколько словъ Буассаду по поводу полученнаго порученія, поѣхалъ домой, обдумывая уже на пути планъ предполагаемаго сочиненія. Онъ не скрывалъ отъ себя, что составленіе словаря будетъ сопряжено съ большими затрудненіями и потребуетъ сильнаго умственнаго напряженія и утомленія. Но, какъ опытный языковѣдъ, къ тому же привычный къ постоянному труду и не имѣющій семьи, которая мѣшала бы ему, Буастъ надѣялся справиться со своей задачей. Онъ собирался на слѣдующій же день приняться за изученіе источниковъ; но, какъ назвать свой трудъ? Просто: „словарь французскаго языка"? Нѣтъ, рѣшилъ онъ, лучше: „Панлексиконъ".

II.

Прошло три года. Не смотря на всѣ свои старанія, Фуше не удалось найти случая отомстить молодому ученому, такъ какъ послѣдній, съ одной стороны, не давалъ ни малѣйшаго повода къ принятію противъ него насильственныхъ мѣръ, съ другой—пользовался слишкомъ открытымъ расположеніемъ Бонапарта. Первый консулъ не разъ даже выражался въ разговорѣ съ Фуше, что изъ всѣхъ ученыхъ, которыхъ ему приходилось встрѣчать, ему больше всѣхъ симпатиченъ Буастъ, и требовалъ, чтобы министръ полиціи оказывалъ ученому всевозможную поддержку и не посягалъ на свободу его корреспонденціи. Фуше не смѣлъ ничего предпринять противъ молодаго языковѣда, но тѣмъ не менѣе далъ порученіе своимъ довѣреннымъ лицамъ имѣть за нимъ неослабный надзоръ. Можетъ быть и найдется какая-нибудь зацѣпка, за которую можно будетъ ухватиться.

Что касается до самого Буаста, то онъ, среди своихъ трудовъ и занятій, совершенно забылъ, что нажилъ себѣ когда-то врага въ лицѣ министра полиціи.

Между тѣмъ первый консулъ—Бонапартъ успѣлъ возвести Францію въ достоинство имперіи и самъ вступилъ на вновь воздвигнутый тронъ.

Въ виду укрѣпленія своего положенія, новый императоръ прежде всего озаботился щедро наградить всѣхъ своихъ приверженцевъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Буастъ, которому выплатили впередъ годовое содержаніе въ четыре тысячи франковъ, по новому его званію „языковѣда и лексикографа его величества", отличіе вполнѣ, впрочемъ, заслуженное молодымъ ученымъ.

Когда Фуше узналъ объ этомъ, онъ сжалъ кулаки и гнѣвно проговорилъ своему довѣренному и помощнику Гадену:

— Я вижу, что мнѣ такъ и не удастся отомстить этой чернильной душѣ. Онъ точно опоилъ чѣмъ-то Бонапарта!

— О! Это ничего не значитъ, усмѣхнулся Гаденъ.—Я не выпускаю малаго изъ глазъ, и трудно предположить, чтобы рано или поздно не удалось подставить ему ножку.

Такъ и случилось.

Вечеромъ, 1 августа 1804 года, лексикографъ его величества, докторъ Буастъ окончилъ корректуру послѣдняго листа своего словаря.

— Слава Богу! проговорилъ онъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія.—Оконченъ трехлѣтній тяжелый трудъ. Надо надѣяться, что книга моя проложитъ себѣ дорогу и найдетъ сочувствіе въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, ею интересуются въ высшихъ сферахъ.

Кто-то постучалъ въ дверь, и на сказанное Буастомъ „войдите", появился мальчикъ изъ типографіи.

— А, это ты, Жанъ, проговорилъ ученый.—Ты пришелъ за корректурой?

— Такъ точно, господинъ докторъ.

— Вотъ она. Тяжелый былъ это трудъ, Жанъ; я радъ, что онъ пришелъ къ концу.

— Да, это точно, господинъ докторъ.

— И ты, я думаю, радъ, что не придется больше бѣгать ко мнѣ? спросилъ Буастъ съ улыбкой.

— Вѣдь это моя обязанность, господинъ докторъ, носить корректуру отъ господъ ученыхъ въ типографію и обратно, отвѣчалъ мальчикъ уклончиво.

— Это правда, но все-таки ты будешь дѣлать нѣсколькими концами меньше.

— Такъ-то такъ, да мнѣ было бы лучше потерять другихъ ученыхъ, вмѣсто васъ. Я всегда охотно ходилъ къ вамъ, господинъ докторъ.

— Вотъ какъ! Почему же ты предпочитаешь меня другимъ моимъ коллегамъ, Жанъ?

— Вотъ видите-ли, господинъ докторъ, у другихъ ученыхъ никогда не перепадетъ ничего нашему брату, а вы...

— Понимаю, со смѣхомъ перебилъ его Буастъ,—я угадываю твою мысль. Ха-ха! Ты судишь о достоинствѣ ученыхъ по тому, сколько они даютъ на чай! Ну, такъ вотъ, чтобы вознаградить тебя за тѣ убытки, которые ты понесешь вслѣдствіе окончанія моего труда, возьми это,—онъ протянулъ мальчику пятифранковую монету, — и сохрани обо мнѣ добрую память до тѣхъ поръ, пока я не начну печатать другаго сочиненія, что вѣроятно не заставитъ себя ждать. А теперь можешь идти.

— Благодарствуйте, господинъ докторъ, благодарствуйте! вскричалъ мальчикъ внѣ себя отъ радости. — Желаю вамъ написать еще много знаменитыхъ книгъ.

Съ этими словами мальчикъ выбѣжалъ изъ комнаты и стремглавъ пустился съ лѣстницы.

Буастъ спалъ въ эту ночь крѣпкимъ сномъ праведника. Когда онъ проснулся, было уже восемь часовъ утра. Онъ услышалъ шумъ какихъ-то голосовъ и увидѣлъ, что кровать его окружена жандармами. Буастъ подумалъ, что еще видитъ сонъ, и протеръ себѣ глаза, но вдругъ грубый голосъ проговорилъ:

— Ну, милостивый государь, угодно вамъ будетъ, наконецъ, встать и послѣдовать за нами?

— Въ чемъ дѣло, господа!? воскликнулъ ученый, вскакивая на постели.—Какимъ образомъ вы сюда попали?.. Что вамъ отъ меня надо?.. Это какая-нибудь ошибка!

— Врядъ-ли, если только васъ зовутъ докторомъ Буастомъ, перебилъ его жандармъ.

— Да, я докторъ Буастъ, лексикографъ его величества, императора.

— Ну, въ томъ-то и дѣло! Значитъ все въ порядкѣ. Вотъ приказъ о вашемъ арестованіи.

Буастъ не возражалъ болѣе. Онъ наскоро одѣлся и двадцать минутъ спустя находился уже передъ Венсенскимъ бастіономъ. Напрасно проломавъ себѣ голову всю дорогу надъ угадываніемъ причины своего ареста, онъ надѣялся, что по крайней мѣрѣ въ канцеляріи тюрьмы для политическихъ преступниковъ, куда привезли его, дѣло разъяснится.

— Извините меня, милостивый государь, сказалъ онъ, обращаясь къ начальнику канцеляріи,—меня сейчасъ подняли съ постели и привезли сюда; но тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе. Я не знаю за собою никакой вины, и можетъ быть нѣтъ человѣка на свѣтѣ болѣе преданнаго его величеству, чѣмъ я. Будьте добры, сообщите мнѣ по крайней мѣрѣ причину моего ареста.

Начальникъ канцеляріи отложилъ перо въ сторону и холодно проговорилъ:

— Вашъ арестъ послѣдовалъ въ интересахъ общественной безопасности.

— Въ интересахъ общественной безопасности! повторилъ, не помня себя отъ удивленія, языковѣдъ. — А смѣю я спросить васъ сказать мнѣ, по чьему распоряженію я арестованъ?

— Это мнѣ неизвѣстно.

И чиновникъ позвонилъ въ стоящій передъ нимъ колокольчикъ. Вошли два жандарма, заняли мѣста по обѣимъ сторонамъ несчастнаго Буаста и повели его черезъ дворъ бастіона въ какую-то комнату, съ желѣзными рѣшетками, въ которой находилась только узенькая походная кровать, скамейка и кружка съ водой. Жандармы предоставили арестованнаго его судьбѣ и удалились.

Около полудня явился сторожъ, неся скудную арестантскую пищу, и вѣжливо освѣдомился, не пожелаетъ-ли господинъ докторъ еще чего-нибудь.

— Нѣтъ, ничего, отвѣтилъ Буастъ.—Вѣдь меня скоро выпустятъ отсюда?

Сторожъ почесалъ затылокъ.

— Гмъ! проговорилъ онъ,—врядъ-ли. Кто разъ попадетъ сюда, не скоро вырвется на свободу.

Словамъ его суждено было оправдаться.

День проходилъ за днемъ, не принося никакихъ измѣненій въ судьбѣ Буаста. Напрасно молодой ученый ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какимъ образомъ онъ, погруженный въ одни лишь ученыя занятія, могъ угрожать общественной безопасности; онъ ничего не могъ придумать. Наконецъ онъ заговорилъ однажды о своихъ недоумѣніяхъ со сторожемъ, который, противъ обыкновенія этихъ людей, отличался сердечностью и обходительностью.

— Если-бъ я только зналъ, въ чемъ меня обвиняютъ, сказалъ онъ,—все-же мнѣ было бы легче.

— Гмъ! Не случалось-ли вамъ, въ присутствіи друзей или знакомыхъ, порицать правительственныя распоряженія?

— Никогда. Да я и не интересуюсь политикой. Кромѣ моихъ ученыхъ занятій, мнѣ ни до чего другаго нѣтъ дѣла.

— Такъ нѣтъ-ли у васъ враговъ?

— Насколько я знаю—нѣтъ.

Молодой ученый совершенно забылъ о своемъ столкновеніи съ Фуше, который за это время успѣлъ получить уже титулъ герцога Отрантскаго и сдѣлаться необходимымъ Наполеону, благодаря своей осмотрительности и своимъ полицейскимъ способностямъ.

— Вы какъ-то говорили мнѣ, что написали словарь и что васъ арестовали какъ разъ послѣ того, какъ вы его окончили?

— Совершенно вѣрно. Ахъ, мой бѣдный Панлексиконъ! воскликнулъ Буастъ жалобнымъ голосомъ. — Продается-ли онъ? Понравился-ли онъ ихъ величествамъ? Какъ мнѣ хотѣлось бы знать все это!

— Знаете-ли что! воскликнулъ сторожъ, озаренный внезапной мыслью. — Вашъ арестъ навѣрное имѣетъ какую-нибудь связь съ этой книгой.

— Полноте! возразилъ ученый рѣшительнымъ тономъ.—Это

совершенно невозможно! Я писалъ книгу по порученію ихъ величествъ. И государь и императрица не разъ милостиво освѣдомлялись о томъ, какъ подвигается мой трудъ, и его величество даже назначилъ меня своимъ придворнымъ лексикографомъ. Кромѣ того, книга проходила чрезъ руки цензоровъ, и ни одинъ изъ нихъ не дѣлалъ никакихъ замѣчаній. Нѣтъ, нѣтъ, любезный мой, вы ошибаетесь.

— Гмъ! Въ такомъ случаѣ я не знаю, что и подумать, господинъ докторъ. Но если такъ, я подалъ бы на вашемъ мѣстѣ прошеніе.

— Вы правы. Мнѣ давно слѣдовало бы это сдѣлать.

Въ этотъ же день и во всѣ послѣдующіе несчастный заключенный не переставалъ писать письма. Онъ писалъ ко всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ, по его мнѣнію, значеніе у императора; писалъ всѣмъ знакомымъ, эллинисту Буассаду, языковѣду де-Вальи, своему издателю Дидеро и другимъ, прося ходатайства и заступничества у его величества. Всѣ письма заканчивались словами: „Я не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ, такъ какъ совѣсть моя чиста. Если же я совершилъ какой либо проступокъ, то не иначе какъ безсознательно и, въ такомъ случаѣ, убѣдительнѣйше прошу сообщить мнѣ, въ чемъ онъ состоитъ, чтобы я могъ оправдаться. Каждый обвиняемый имѣетъ право знать, въ чемъ его обвиняютъ“.

Дошли ли всѣ эти письма по назначенію, осталось неизвѣстно Буасту, онъ узналъ только, что трое изъ тѣхъ, кому онъ писалъ, находились въ отсутствіи, а именно: Дидеро, де-Вальи и Буассадъ. Когда послѣдній, черезъ два мѣсяца, возвратился изъ своего путешествія на Востокъ, онъ нашелъ ожидавшее его письмо злополучнаго товарища и немедленно поѣхалъ къ маркизу де-Фонтанъ, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ императора. Маркизъ, увѣренный что арестъ Буаста произошелъ по недоразумѣнію, поспѣшилъ съ письмомъ молодаго ученаго къ императору.

Наполеонъ прочелъ письмо.

— Это дѣло Фуше, проговорилъ онъ, нахмуривъ брови;—онъ мнѣ отвѣтитъ!

Императоръ тотчасъ послалъ за министромъ полиціи.

— Что это значитъ, герцогъ? проговорилъ онъ, показывая ему письмо Буаста.—Сколько мнѣ помнится, я поручалъ автора этого письма вашему особому попеченію.

Фуше, съ видомъ глубокаго удивленія, пожалъ плечами.

— Ваше величество, проговорилъ онъ,—я никогда не позволилъ бы себѣ поступить вопреки приказаніямъ моего государя. Я впервые изъ этихъ строкъ узнаю объ арестованіи г. Буаста.

— Въ такомъ случаѣ приказъ написанъ однимъ изъ вашихъ подчиненныхъ, а вы, г. герцогъ, подписали его не читая!

— Извините меня, ваше величество, возразилъ Фуше обиженно,—я всегда прочитываю подобные приказы, прежде чѣмъ подписать ихъ. Я прошу позволенія послать за префектомъ.

Наполеонъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Явился префектъ, но и онъ ничего не зналъ объ арестѣ ученаго. Префектъ послалъ за начальникомъ отдѣленія, начальникъ отдѣленія за начальникомъ бюро, но ни одинъ изъ этихъ чиновниковъ не могъ разъяснить въ чемъ дѣло.

Герцогъ Отрантскій, успѣвшій снять съ себя всякія подозрѣнія, былъ милостиво отпущенъ императоромъ, съ приказаніемъ, однако, разслѣдовать дѣло и донести о результатахъ разслѣдованія.

— Чортъ бы побралъ этого букводѣда! сердито пробормоталъ Фуше, возвращаясь къ себѣ въ бюро.—Вотъ уже второй разъ я имѣю изъ-за него непріятности. Но мнѣ все-таки интересно знать, кто его засадилъ въ тюрьму.

Послѣ трехдневныхъ розысковъ, министру полиціи удалось найти злополучный приказъ объ арестованіи Буаста въ цензурномъ вѣдомствѣ, которое, какъ оказалось, распорядилось арестомъ вслѣдствіе донесенія одного изъ цензоровъ о томъ, что Буастъ назвалъ императора похитителемъ и грабителемъ. „Ручаясь своимъ словомъ за справедливость обвиненія“, такъ гласилъ доносъ, „я обязуюсь представить требуемыя доказательства, какъ только будетъ начато преслѣдованіе Буаста. Гаденъ“.

Высшая цензурная инстанція положила слѣдующую резолюцію:

„Не имѣя основанія сомнѣваться въ справедливости обвиненій, изложенныхъ цензоромъ Гаденомъ, который за свою полугодовую службу въ нашемъ вѣдомствѣ выказалъ себя дѣятельнымъ, усерднымъ и добросовѣстнымъ чиновникомъ, мы дѣлаемъ настоящее распоряженіе объ арестованіи лексикографа, доктора Буаста“.

— Такъ это Гаденъ? пробормоталъ Фуше, съ полусердитой, полудовольной усмѣшкой.—Славную онъ заварилъ кашу, въ своемъ усердіи угодить мнѣ! Впрочемъ, Гаденъ, вѣроятно, имѣетъ какія-нибудь основанія, если рѣшился возвести на этого Буаста такое тяжкое обвиненіе. Но странно, почему онъ не приводитъ сразу своихъ доказательствъ? Императоръ, навѣрное, потребуетъ ихъ. Какъ бы то ни было, пусть онъ выпутывается самъ, какъ знаетъ; я не могу рисковать новыми непріятностями.

Фуше отправился во дворецъ и представилъ документъ императору.

— Вотъ какъ! воскликнулъ Наполеонъ, нахмуривъ брови.— Обвиненіе серьезное, но я не совсѣмъ ему вѣрю. Гдѣ и когда употреблилъ Буастъ упомянутыя выраженія, изъ отчета этого не видно. Разслѣдуйте дѣло подробно, герцогъ. Я хочу знать, какъ это случилось.

Фуше отправился лично въ цензурное управленіе, но ему сказали, что цензоръ Гаденъ находится въ командировкѣ и вернется лишь черезъ нѣсколько дней. Зная, что Наполеонъ врагъ всякихъ проволочекъ, Фуше увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ самому обвиняемому.

III.

Это было 10 декабря 1804 года.

Въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ Буастъ, проникъ первый лучъ утренняго солнца.

Молодой ученый еще крѣпко спалъ на своей походной постели, когда дверь отворилась и на порогѣ комнаты появился сторожъ.

— Добраго утра, г. докторъ, сказалъ онъ, подходя къ заключенному.

Буастъ разомъ поднялся на постели.

— Добраго утра, мэтръ Пьеръ, возразилъ онъ, протирая глаза.—Неужели я такъ заспался? Или вы пришли сегодня раньше обыкновеннаго?

— Я пришелъ немного раньше, такъ какъ имѣю приказаніе въ девять часовъ вести васъ въ канцелярію.

— Ага! Вѣроятно хотятъ снять съ меня допросъ. Что-жь, тѣмъ лучше. Я, по крайней мѣрѣ, узнаю въ чемъ меня обвиняютъ; а то я не на шутку началъ приходить въ отчаяніе.

— Должно быть ваше дѣло пошло наконецъ настоящимъ путемъ, проговорилъ сторожъ.—Какъ бы то ни было, сюда вы не вернетесь, а потому я прошу васъ на прощанье къ себѣ на чашку кофе.

— Благодарю васъ отъ всего сердца, мэтръ Пьеръ! отвѣчалъ тронутый Буастъ, успѣвшій между тѣмъ умыться и одѣться.—Я готовъ.

Сторожъ повелъ заключеннаго въ свою небольшую казенную квартирку и представилъ своей семьѣ, состоящей изъ жены и двухъ дочерей. Буастъ былъ пріятно пораженъ тѣмъ непритворнымъ радушіемъ, съ которымъ его приняли; но особенно глубокое впечатлѣніе своею дѣтски-безъискусственною искренностью произвела на него старшая дочь сторожа, двадцатилѣтняя Aimée.

Когда, часъ спустя, мэтръ Пьеръ объявилъ, что пора идти въ канцелярію, Буастъ съ сожалѣніемъ разстался съ радушной семьей.

— Если васъ выпустятъ на свободу, г. докторъ, чего я и моя семья отъ души желаемъ вамъ, сказалъ ему на прощанье сторожъ,—такъ не откажите дать мнѣ на память экземпляръ вашего сочиненія.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, мэтръ Пьеръ, привѣтливо отвѣчалъ Буастъ;—если позволите, я привезу его самъ. А пока будемъ надѣяться что добрыя пожеланія ваши оправдаются.

Пьеръ отвелъ заключеннаго въ канцелярію и передалъ на руки двухъ жандармовъ, которые провели его чрезъ сѣни и наружный дворъ бастіона и посадили въ карету. Черезъ какихъ-нибудь пятнадцать минутъ ѣзды, экипажъ остановился, жандармы предложили Буасту выйти и ввели его въ комнату въ нижнемъ этажѣ дома, въ которой находились уже герцогъ Отрантскій и маркизъ де-Фонтанъ.

— А, господинъ Буастъ, сказалъ Фуше,—вамъ вѣроятно извѣстно, зачѣмъ я вытребовалъ васъ къ себѣ?

— Насколько я могу предположить, ваше превосходительство, вѣроятно, желали подвергнуть меня допросу.

— Совершенно вѣрно. Но прежде всего я желаю узнать отъ васъ причину вашего ареста.

— Отъ меня? Причина эта, вѣроятно, извѣстна вашему превосходительству лучше, чѣмъ мнѣ. Мнѣ сказали только, что арестъ мой произведенъ въ интересахъ общественной безопасности.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, возразилъ Фуше, съ едва скрываемымъ злорадствомъ,—считая меня виновникомъ вашего ареста. Мнѣ совершенно неизвѣстно за что васъ арестовали. И вы дѣйствительно сами не знаете этого?

— Нѣтъ, не знаю, ваше превосходительство.

— Въ такомъ случаѣ я скажу вамъ, что вы арестованы по распоряженію цензурнаго вѣдомства. Васъ обвиняютъ въ преступленіи противъ Августѣйшей особы его величества.

Буастъ вздрогнулъ.

— Какъ вы сказали, г. герцогъ? Меня?... Въ преступленіи противъ его величества?

— Я уже сказалъ разъ, холодно отвѣтилъ Фуше.—Вотъ, можете прочесть сами.

И онъ подалъ молодому ученому жалобу цензора.

Буастъ пробѣжалъ глазами бумагу.

— И это все, въ чемъ меня обвиняютъ? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Какъ, и это все? воскликнули въ одинъ голосъ Фонтанъ и Фуше.

— Вы хотите сказать, что это ошибка? добавилъ маркизъ.

— Напротивъ; это совершенная правда.

— Правда? воскликнулъ Фуше, торжествуя;—значитъ вы сознаетесь, милостивый государь, что назвали императора похитителемъ и разбойникомъ?

— Вовсе нѣтъ. Я дѣйствительно упомянулъ о его величествѣ въ своемъ словарѣ, но къ чести, а не къ осужденію его. Смѣю я просить разрѣшенія вашего превосходительства привести доказательство изъ моей книги. Я вижу, она стоитъ здѣсь на полкѣ.

Фуше утвердительно кивнулъ головой.

Молодой ученый взялъ словарь, открылъ его на буквѣ „S“ и, проведя пальцемъ по строкамъ, остановился на словахъ: „Spoliateur (Napoléon)“.

Взоръ министра полиціи такъ и впился въ злополучную строку. На лицѣ Фонтана выразился ужасъ, и онъ замѣтилъ, съ несвойственной ему горячностью:

— Милостивый государь, вы удивляете меня. Неужели вы не понимали, что совершаете преступленіе противъ Августѣйшей особы его величества, поставивъ имя его рядомъ со словомъ *spoliateur*?

— И за это преступленіе вы поплатитесь головой, милостивый государь! вскричалъ Фуше.—Какой чортъ, скажите, дернулъ васъ назвать императора разбойникомъ и похитителемъ?

— Прошу, ваше превосходительство, и васъ, г. маркизъ, извинить меня, спокойно возразилъ языковѣдъ, — но вы оба ошибаетесь. Я поступилъ, какъ того требуетъ установившійся въ наукѣ обычай. Генералъ Бонапартъ первый употребилъ слово „spoliateur“ съ трибуны палаты депутатовъ и долженъ быть признанъ творцомъ его. Ему принадлежитъ честь созданія новаго слова. Онъ обогатилъ французскій языкъ, позаимствовавъ это слово изъ своего роднаго, благозвучнаго, корсиканскаго нарѣчія. Ни одно изъ существовавшихъ у насъ словъ — *brigand*, *pilleur*, *larron*, *saccageur* — не выражаетъ вполнѣ того понятія, которое имѣетъ по-корсикански слово *spoliateur*. Оно означаетъ человѣка, который не только лишаетъ имущества своего ближняго, но и причиняетъ ему всевозможныя страданія, оставляя его, однако, въ живыхъ. Какъ человѣкъ науки, я обязанъ былъ назвать творца новаго слова и смѣю надѣяться, г. герцогъ и г. маркизъ, что его величество не найдетъ въ моемъ поступкѣ ничего достойнаго порицанія.

Министръ полиціи и Фонтанъ съ удивленіемъ переглянулись между собою. Спокойное достоинство, съ которымъ говорилъ ученый, внушало имъ невольное уваженіе.

— Будьте увѣрены, г. докторъ, заговорилъ наконецъ маркизъ,—что я передамъ его величеству мотивы вашего поступка совершенно такъ, какъ вы объяснили ихъ намъ, а г. герцогъ, вѣроятно, съ удовольствіемъ подтвердитъ мои слова.

Фуше поспѣшилъ выразить свое согласіе. Онъ хорошо понималъ, что долженъ на этотъ разъ дѣйствовать открыто.

— Я беру съ васъ честное слово, что вы не покинете этой комнаты, пока не получите на то разрѣшенія, сказалъ онъ, обращаясь къ Буасту, и, не теряя времени, поѣхалъ, вмѣстѣ съ маркизомъ, къ Наполеону.

Слѣдствіемъ донесенія ихъ императору было то, что Буастъ въ тотъ же день былъ выпущенъ на свободу. Его снова утвердили въ правахъ и обязанностяхъ „языковѣда и лексикографа его величества“, но поставили условіемъ, чтобы онъ устранилъ Наполеона отъ сосѣдства со словомъ *spoliateur* и перепечаталъ вновь злополучную страницу своего словаря.

Убытокъ, понесенный Буастомъ вслѣдствіе этой перепечатки и выкупа изъ обращенія „опасныхъ“ экземпляровъ словаря, достигъ слишкомъ трехъ тысячъ франковъ. Всѣ эти экземпляры были уничтожены, за исключеніемъ двухъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ руки Вильгельма Гумбольдта, другой былъ переданъ Парижской библіотекѣ.

Впрочемъ, надо замѣтить, что молодой ученый никогда не жаловался ни на понесенные убытки, ни на свое стодневное заключеніе. Напротивъ, о послѣднемъ онъ всегда вспоминалъ съ признательностью, такъ какъ, благодаря ему, узналъ и полюбилъ ту, которая была для него впослѣдствіи доброй и вѣрной подругой и помощницей въ его ученыхъ трудахъ; онъ узналъ Aimée, дочь тюремнаго сторожа Пьера Лапода, съ которой, 10 января 1805 года, онъ заключилъ союзъ на всю жизнь.

Но почему же цензурное вѣдомство пропустило безпрепятственно корректуру означеннаго листа и только тогда подало жалобу на автора, когда былъ напечатанъ послѣдній листъ его труда? Для Буаста оно навсегда осталось загадкой, но мы знаемъ, что это была месть Фуше, приведенная въ исполненіе преданнымъ ему Гаденомъ. (с.)

Къ рисункамъ.

Помѣщичья помощь крестьянамъ.

(Рис. на стр. 148 и 149).

На ряду со щедрою помощью правительства и дѣятельностью губернскихъ комитетовъ, частная благотворительность также не остается праздною въ виду неурожая, постигшаго нѣкоторыя мѣстности нашего обширнаго отечества. Рисунокъ профессора Дмитріева-Оренбургскаго изображаетъ намъ помѣщичью семью, явившуюся на помощь заголодавшимъ крестьянамъ. Чета землевладѣльцевъ помѣстилась на лавкѣ у стола, передъ которымъ стоитъ хозяинъ избы, разсказывающій про свою бѣду, про болѣзнь жены, лежащей подлѣ печки, и про безпомощное положеніе дѣтей. Самый маленькій ползкомъ пробирается къ доброй барынѣ, которая протягиваетъ ему пряникъ. Больная черезъ силу улыбается на эту сцену. На заднемъ планѣ лакей и кучеръ вносятъ въ избу мѣшки со всякой всячиной. Кругомъ характерная обстановка избы съ развѣшанными по балкамъ бѣльемъ и одеждой, съ лубочными картинами по стѣнамъ, портретами генераловъ, неизбѣжнымъ Страшнымъ Судомъ и т. п.

Послѣднія минуты Архимеда. (Рис. на стр. 153)

Итальянская живопись нашего времени мало извѣстна русской публикѣ. А между тѣмъ въ Италіи, этой классической странѣ искусствъ, появляется не мало превосходныхъ произведеній живописи и скульптуры, и среди современныхъ представителей ихъ, имена итальянскихъ художниковъ должны занять не послѣднее мѣсто. Однимъ изъ лучшихъ живописцевъ справедливо считается недавно умершій флорентійскій художникъ Николо Барабино. Сынъ портнаго, Барабино родился въ Sampierdarena, невдалекѣ отъ Генуи. Онъ рано проявилъ наклонность къ живописи, и благодаря покровительству и помощи одного генерала, успѣлъ развить свой талантъ въ Генуѣ и Флоренціи. Въ 1859 году 26-ти-лѣтній живописецъ могъ выставить большой холстъ „Consolatrix afflictorum“ для госпиталя въ Савонѣ, и имя его съ того времени стало извѣстно повсюду въ Италіи. Посвятивъ себя исторической живописи, церковной и свѣтской, Барабино цѣлымъ рядомъ картинъ прославляетъ свое имя. Создавъ своеобразную манеру письма, основаніемъ которой послужило тщательное и усидчивое изученіе великихъ старинныхъ мастеровъ, онъ въ то же время не уклонялся отъ современныхъ требованій въ искусствѣ, и въ его произведеніяхъ близость къ природѣ, простота замысла и блестящее выполненіе его, всегда счастливо сочетаются. Большинство произведеній Барабино находятся частью въ Генуѣ, частью во Флоренціи. Болѣе другихъ богаты твореніями кисти великаго мастера дворцы Челезія и Орсини въ Генуѣ. Въ одномъ находятся фрески „Галилео Галилеи передъ судомъ инквизиторовъ“, „Pier Capponi“, „Сицилійская Вечерня“, въ другомъ „Торжество наукъ“, „Аллегорія любви“, „Архимедъ“ и др.

Въ послѣдней картинѣ изображены послѣднія минуты великаго математика и физика Архимеда. Уроженецъ Сиракузъ, говорятъ, первыя познанія свои получилъ во время пребыванія въ Египтѣ, у александрійскихъ ученыхъ. По возвращеніи на родину, онъ жилъ только для науки и имъ сдѣлано не мало великихъ открытій во славу ея. Почти всѣ творенія Архимеда дошли до насъ, и одно перечисленіе говоритъ о геніальномъ умѣ ученаго. Имъ написаны сочиненія: о сферѣ и цилиндрѣ, объ измѣреніи круга, о коноидахъ и сфероидахъ, о спираляхъ, о равновѣсіи площадей, о квадратурѣ параболы, псаммитъ или аренарій, о тѣлахъ погруженныхъ въ жидкость, о леммахъ. Итальянскій художникъ изобразилъ Архимеда углубленнымъ надъ разрѣшеніемъ какого-то вопроса, въ то время какъ осаждавшіе Сиракузы римляне, подъ предводительствомъ Марцелла, овладѣли городомъ. Одинъ изъ воиновъ, проникшій въ домъ Архимеда, убилъ 75-ти-лѣтняго старца, успѣвшаго только проговорить передъ смертью: „Не трогай моихъ круговъ!“

Прощальное воскресенье. (Рис. на стр. 156).

На нашемъ рисункѣ представленъ трогательный обычай: прощаніе монашествующей братіи съ настоятелемъ и другъ съ другомъ въ прощальное воскресенье предъ Великимъ постомъ. Этотъ святой обычай изстари ведется у насъ на Руси. Спаситель нѣкогда сказалъ своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ: „если вы будете прощать людямъ прегрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный. А если не будете прощать людямъ прегрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“. (Мѳ. VI, 14—15).

И вотъ, истинно вѣрующіе христіане свято соблюдаютъ этотъ обычай и, предъ наступленіемъ дней поста и покаянія, стараются примириться другъ съ другомъ, дабы примиренными выступить на предстоящій нравственный подвигъ.

Это послѣднее воскресенье предъ Великимъ постомъ Св. Церковь посвящаетъ богослужебному воспоминанію объ изгнаніи нашихъ падшихъ прародителей изъ рая, и останавливаетъ наше вниманіе на томъ, какъ принялъ Адамъ изреченный ему Правосудіемъ Божественнымъ приговоръ за преступленіе, и насъ приглашаетъ послѣдовать примѣру нашего праотца, раскаявшагося отъ всего сердца. Но чтобы получить прощеніе въ своихъ грѣхахъ отъ Отца Небеснаго, Св. Церковь требуетъ, чтобы мы примирились другъ съ другомъ. Для этого-то, вечеромъ въ прощальное воскресенье, мы и испрашиваемъ прощеніе другъ у друга.

С.-Петербургское общество попеченія о глухонѣмыхъ. По наброску Гусарева, рис. Земцовъ, грав. Пуцъ.

1) Общее собраніе глухонѣмыхъ. 2) Читальня. 3) Карточная комната. 4) Залъ для танцевъ. 5) Залъ для спектаклей. 6) Буфетъ. 7) Бильярдная. 8) Прихожая.

Обычай испрашиванія прощенія восходитъ къ древнимъ временамъ христіанскаго подвижничества и историческое свое значеніе получаетъ изъ практики св. подвижниковъ удаляться при наступленіи Св. Четыредесятницы изъ своихъ монастырей для уединенныхъ подвиговъ въ пустынныя мѣста. Разставаясь, подвижники прощались другъ съ другомъ и просили взаимнаго прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, чтобы съ чистою совѣстью и душевнымъ миромъ начать молитвенные подвиги, которые они совершали *въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. XI, 38) и при этомъ всегда пѣли пасхальныя стихиры. Съ тѣхъ поръ всѣ истинно вѣрующіе христіане строго придерживаются этого обычая, который строже всего соблюдается въ нашихъ монастыряхъ. **А. Зыбинъ.**

На бахчѣ. (Рис. на стр. 157).

Въ Малороссіи бахчой называются гряды, засѣянныя арбузами и дынями. Мѣсто подъ нихъ выбирается поодаль отъ хутора, гдѣ-нибудь подъ опушкой, и обыкновенно зарастаетъ кругомъ коноплями, подсолнухами, а то и просто бурьяномъ. Въ сторожа такой бахчи назначаютъ кого-нибудь изъ старыхъ дѣдовъ, которому уже не подъ силу работа. Построятъ ему шалашикъ и сидитъ себѣ дѣдко на кровлѣ его, покуривая люльку да поглядывая по сторонамъ, не пробирается-ли кто къ запретному плоду. Но воры — большею частью маленькіе хлопцы — тоже догадливы. Они зорко слѣдятъ, въ какую сторону глядитъ старый, и сообразно тому не спѣша подвигаются ползкомъ къ лакомой добычѣ, подъ прикрытіемъ зарослей.

С.-Петербургское общество попеченія о глухонѣмыхъ. (Рис. на стр. 161.).

13 октября 1891 года С.-Петербургское Общество попеченія о глухонѣмыхъ, существующее съ 1888 г., гостепріимно открыло двери новаго своего помѣщенія (Средняя Подъяческая ул., д. № 8). Общество, неуклонно преслѣдуя тѣ цѣли, которыя намѣчены въ его Уставѣ, а именно: 1) оказаніе помощи нуждающимся глухонѣмымъ (выдача пособій, ссудъ, пріисканіе занятій, устройство мастерскихъ и т. п.); 2) попеченіе о семьяхъ глухо-нѣмыхъ; 3) учрежденіе ссудо-сберегательной кассы для глухонѣмыхъ и 4) содѣйствіе къ сближенію между собою глухонѣмыхъ, для доставленія имъ возможности проводить свой досугъ съ наибольшею пользой и разнообразіемъ,—устроило при помѣщеніи клуба убѣжище для глухонѣмыхъ мужчинъ и женщинъ. Цѣль убѣжища — оказаніе помощи престарѣлымъ глухонѣмымъ, доставленіе имъ орудій производства для работы, напр., швейныхъ машинъ и проч., а также преподаваніе и ознакомленіе глухонѣмыхъ съ различными производствами, при посредствѣ которыхъ они могли бы зарабатывать средства къ своему существованію. Къ сожалѣнію, средства Общества очень скромны и составляются почти исключительно изъ трехрублеваго взноса членовъ Общества, и поэтому Общество попеченія о глухонѣмыхъ съ удовольствіемъ принимаетъ въ составъ своихъ членовъ и не глухонѣмыхъ, равно какъ и различныя пожертвованія, буде найдутся охотники пожертвовать.

Заведенія для пріюта, воспитанія и обученія глухонѣмыхъ— явленіе весьма недавнее и начали возникать всего съ половины прошлаго столѣтія. Въ древности (по мнѣнію Аристотеля) и въ средніе вѣка (Августинъ, Римское право) глухонѣмые считались неспособными къ развитію. Тѣмъ не менѣе какъ тамъ, такъ и здѣсь были исключенія: въ древнемъ Римѣ упоминаются два нѣмыхъ живописца, Рудольфъ Агрикола упоминаетъ о глухонѣмомъ выучившемся писать и т. д. Знаменитѣйшимъ изъ древнихъ учителей для глухонѣмыхъ былъ испанскій монахъ Педро де-Пона, а первымъ основателемъ заведенія для глухонѣмыхъ былъ аббатъ Л'Епе (1760 г.).

Д-ръ В. В. Юнкеръ. (Портр. на стр. 164).

1 февраля скончался въ СПБ. извѣстный путешественникъ по Африкѣ, д-ръ Василій Васильевичъ Юнкеръ.

Юнкеръ родился въ Москвѣ въ 1840 г., первоначальное образованіе получилъ въ петербургскомъ нѣмецкомъ Петро-Павловскомъ училищѣ, затѣмъ изучалъ медицину въ Геттингенскомъ, Берлинскомъ и Пражскомъ университетахъ. Первое путешествіе его было въ Исландію. Послѣ кратковременныхъ поѣздокъ въ Тунисъ (1874) и въ Нижній Египетъ (1875), онъ въ 1876 г. отправился изъ Суакима въ Кассалу и Хартумъ, объѣздилъ Голубой Нилъ и предпринималъ дальнія странствованія по западнымъ притокамъ Нила. Въ концѣ 1879 г. онъ собрался въ новую экспедицію въ земли Ніамъ-Ніамовъ и Монбутту для изслѣдованія рѣкъ Уэлле и Непоко. Въ 1883 году, намѣреваясь возвратиться въ Европу, онъ встрѣтилъ помѣху, благодаря восстанію махди, и вынужденъ былъ съ Эминъ-беемъ и Казати направиться къ Уніоро на юго-восточномъ берегу озера Мвутанъ-Нзаге, откуда они думали пробраться на восточный берегъ. Но властитель Уганды воспротивился этому. Юнкеру удалось, однако, обойдя Уганду, достичь 2 декабря 1886 г. Занзибара, откуда онъ черезъ Каиръ и прибылъ въ Европу.

Съ этого времени вся жизнь Юнкера была посвящена обширному труду—описанію его путешествій по Африкѣ, которое и вышло недавно на нѣмецкомъ языкѣ со множествомъ рисунковъ и картъ. Книга эта несомнѣнно будетъ служить необходимымъ источникомъ свѣдѣній для каждаго отправляющагося въ Африку, независимо отъ достоинствъ ея какъ научнаго труда, касающагося всѣхъ отраслей знанія: географіи, этнографіи, лингвистики, зоологіи, ботаники и проч., и проч.

Въ частной жизни В. В. Юнкеръ отличался благородствомъ, любезностью, скромностью, простотой и полнымъ отсутствіемъ гордости, которая была бы, впрочемъ, даже понятна при его громадныхъ заслугахъ.

Искусство.

Бенефисъ В. Н. Давыдова („Арсеній Гуровъ", драма) (портр. на стр. 164). Авторъ „Гурова"—г. Михеевъ—имя неизвѣстное въ драматической литературѣ, и мы имѣемъ дѣло съ дебютантомъ, требующимъ обыкновенно снисходительнаго къ себѣ отношенія. Спѣшимъ оговориться, что изъ поставленныхъ на названномъ театрѣ пьесъ мы останавливаемся на „Гуровѣ" не потому, что это лучшее произведеніе, а потому что оно стоитъ на очереди; къ другимъ, быть-можетъ, въ бѣгломъ обзорѣ дѣятельности Александринскаго театра за весь сезонъ, еще вернемся, такъ какъ кое-что заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

„Арсеній Гуровъ—адвокатъ и писатель, бывшій профессоръ, подъ 40 лѣтъ", говоритъ авторъ о своемъ героѣ; „натура блестящая, даровитая, энергичная, разносторонняя, выдающаяся" и пр. Къ 40 годамъ онъ ужъ „бывшій" профессоръ, т. е. оставившій каѳедру, знаменитый адвокатъ и извѣстный писатель. Гдѣ растутъ у насъ такіе Гуровы—не знаемъ; но что онъ дѣлаетъ въ драмѣ?

Мотивъ драмы созданъ авторомъ какъ бы въ насмѣшку надъ своимъ героемъ; „свѣтило-Гуровъ",—неудовлетворившееся „узкими" педагогическими задачами, жаждущее всемірной славы, пріобрѣвшее имя въ литературѣ и блестящее положеніе въ обществѣ, неоднократно повторяющее про себя: „я не мальчикъ", „я мужчина", „я – Гуровъ" и пр.—влюбляется на самомъ дѣлѣ какъ мальчишка, и тутъ ужъ конецъ всему: прощай полезная дѣятельность, прощайте возвышенныя идеи! Кого же любитъ это выходящее изъ ряда вонъ явленіе,—Гуровъ?

Онъ конечно любитъ самую ординарную дѣвицу, „оранжерейное растеніе", дочь „родовитаго богатаго помѣщика"; въ противномъ случаѣ не было бы контраста. Елена Торбѣева — предметъ необузданной страсти Гурова. Авторъ ею очень мало занимается и не сообщаетъ намъ ничего объ этой „валькиріи" (такъ называетъ ее Гуровъ въ моментъ высшей нѣжности); отецъ ея въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что она „изящно воспитанная дѣвушка, свѣжа, красива" и пр.; по дѣйствіямъ ея трудно судить объ ея „изящномъ воспитаніи"; она тоже продѣлываетъ вещи, которыя никогда не позволитъ себѣ у насъ дѣвица съ такимъ воспитаніемъ, какъ говоритъ устами отца ея авторъ; но и тутъ отвѣтъ готовъ: она влюблена; что взять съ влюбленныхъ? Это ужъ такое ненормальное состояніе. Что Елена могла плѣниться такимъ блестящимъ свѣтиломъ, какъ Гуровъ, — совершенно понятно, но что нашелъ Гуровъ въ этой барышнѣ, такъ и остается тайной. Въ чемъ же тутъ *драма?* Оба безумно влюблены, объяснились они еще до поднятія перваго занавѣса, ну и прекрасно.

Но тутъ выступаетъ на сцену „родовитый богатый помѣщикъ", который читалъ рѣчи Гурова, знакомъ съ теоретическими его сочиненіями и не раздѣляетъ „взглядовъ" его (на что—неизвѣстно), а такъ какъ дочь его, Елена, раздѣляетъ его, Торбѣева, „убѣжденія", то она не должна быть женою Гурова; на этомъ „вопросѣ" построены пять актовъ, въ теченіе которыхъ авторъ ставитъ всѣхъ своихъ героевъ въ очень нелѣпое положеніе, большей частью комическое, хотя и старается все драматизировать и всѣхъ заставляетъ говорить и даже дѣйствовать весьма серьезно.

Родители всячески стараются отвлечь вниманіе Елены отъ опаснаго Гурова; приглашаютъ для этого друга дѣтства Елены, бывшаго ея жениха, которому она отказала, познакомившись съ Гуровымъ, нѣкоего Станицына. Сестра устраиваетъ ихъ свиданіе, мать умоляетъ Станицына: „хорошій мой, завоюйте же снова себѣ счастье и спасите намъ нашу Лену". Гуровъ хочетъ убѣдиться изъ устъ Елены, что она добровольно отъ него отказывается, а не по настоянію родителей и тутъ происходитъ нѣчто неподобное. Родители отправляются съ ней къ пріятелю Гурова, и здѣсь она всенародно отрекается отъ своего героя, который, какъ мальчишка, спрятался за занавѣской. Но когда судъ чести готовъ оправдать виновницу, выскакиваетъ профессоръ и совершаетъ непозволительную выходку по отношенію къ любимой имъ дѣвушкѣ: бросаетъ ей кольцо, подаренное ею ему, сопровождая это крайне оскорбительными выраженіями, совершенно невозможными въ устахъ „профессора-адвоката-литератора".

Женихъ Станицынъ вызываетъ Гурова на дуэль. И этимъ ужъ конечно можно было бы закончить пьесу, въ которой собственно нѣтъ *развитія страсти*, того, что составляетъ суть драмы; но

молодой авторъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи не только вывести самую дуэль и смерть Гурова, но и прибавить совершенно ненужную и выпускаемую на сценѣ шестую картину, сцену свиданія Елены съ женихомъ, Станицынымъ, предъ дуэлью, изъ которой видно, что Елена любитъ Гурова; слѣдовательно, она въ сущности на „судѣ чести" говорила неправду. Можно подумать, что Гуровъ это Лассаль, Елена—Елена Раковицъ, Торбѣевъ—отецъ Раковицъ. Какъ бы въ дополненіе къ этимъ лицамъ, въ пьесѣ фигурируетъ нѣкая г-жа Лучинина, другъ Гурова, для которой онъ выигралъ важный процессъ, спасъ ее отъ мужа; личность эта очень напоминаетъ графиню Гатцфельдъ, которая была такъ привязана къ Лассалю. Но что общаго между Лассалемъ и Гуровымъ въ примѣненіи къ русской почвѣ и къ помѣщику Торбѣеву—это, вѣроятно, знаетъ только авторъ. Въ „Гуровѣ"—масса совершенно лишнихъ лицъ, что слѣдуетъ оправдать полною неопытностью автора распоряжаться матеріаломъ.

Но это еще сравнительно меньшая бѣда; хуже то, что у него нѣтъ живыхъ, типичныхъ фигуръ, ни комическихъ, ни драматическихъ: лица пьесы очень безцвѣтны, блѣдны, не имѣютъ характеристики. Есть, однако, одна сторона, заставляющая ожидать отъ автора лучшихъ пьесъ, если онъ намѣренъ работать на этомъ поприщѣ; мы говоримъ о недурной временами компановкѣ сценъ, объ эффектной сортировкѣ ихъ; такимъ свойствомъ отличается второе дѣйствіе; живо написанъ и четвертый актъ; вѣроятно, благодаря этому, пьеса легко смотрится.

Вѣроятно, по этой же причинѣ, нашъ извѣстный артистъ, г. Давыдовъ, и поставилъ ее въ свой бенефисъ, желая дать ходъ начинающему автору и показать себя въ драматической роли. Высокодаровитый В. Н. Давыдовъ, занявшій въ нашей труппѣ такое выдающееся положеніе, уже пробовалъ себя на драматическомъ амплуа (Васильковъ въ „Бѣшеныхъ деньгахъ" Островскаго) и хотя талантъ его и всегда подкупающій искренній тонъ обнаружились и въ этой области, но его настоящая сфера — это комизмъ, и комизмъ серьезный. Цѣлый рядъ типовъ, созданныхъ этимъ прекраснымъ артистомъ въ пьесахъ Шекспира, Мольера, Островскаго, Гоголя, Грибоѣдова и др., давно упрочилъ за нимъ имя первокласснаго актера. Остается только изумляться, что у насъ не идутъ такія пьесы, какъ „Виндзорскія кумушки" (Фальстафъ), „Скупой" (Гарпагонъ), „Продѣлки Скапена", „Жоржъ Данденъ" и пр., въ которыхъ г. Давыдовъ былъ бы такъ на мѣстѣ. Артистъ теперь въ самомъ расцвѣтѣ силъ и таланта; ему подъ 40 лѣтъ. Г. Давыдовъ (псевдонимъ) очень образованный человѣкъ, всецѣло посвятившій себя искусству съ раннихъ лѣтъ и добившійся трудомъ и талантомъ своего громаднаго успѣха повсюду.

Бенефиціанта встрѣтили цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ; въ теченіе спектакля ему поднесены были масса вѣнковъ и цѣнныхъ подарковъ; оваціи продолжались весь вечеръ. Авторъ пьесы былъ нѣсколько разъ вызванъ. Изъ другихъ исполнителей назовемъ г-жъ Мичурину и Абаринову, игравшихъ Елену и Лучинину.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Вѣнѣ въ палатѣ депутатовъ рейхсрата въ теченіе одной недѣли были приняты два законопроекта, свидѣтельствующіе о расположеніи, которое питаетъ монархія Габсбурговъ къ своей восточной сосѣдкѣ—Россіи. Сперва обсуждался вопросъ о субсидіи Дунайскому пароходному обществу, противъ котораго было поднято обвиненіе въ разныхъ злоупотребленіяхъ, но обвиненія эти, какъ было заявлено съ правительственной стороны, не могутъ быть предъявлены къ нынѣшнему правленію, хотя при прежнемъ правленіи дѣло не обходилось безъ злоупотребленій. Наиболѣе же вѣскимъ доводомъ къ выдачѣ просимой субсидіи было указаніе, что безъ помощи Обществу дунайское пароходство въ нижнемъ теченіи рѣки будетъ всецѣло находиться въ рукахъ русскихъ. Затѣмъ, 3 февраля, при обсужденіи—въ палатѣ депутатовъ рейхсрата—вопроса о сооруженіи желѣзной дороги Станиславовъ-Вороненка, Вашатый заявилъ, что дорога вовсе не покроетъ расходовъ на ея постройку, а только увеличитъ государственный дефицитъ. Моравіи и Богеміи придется-де уплатить эти десять милліоновъ въ пользу Галичины. Правительство печется только о Галичѣ и о Вѣнѣ. Дорога имѣетъ цѣлью ускоренную перевозку войскъ противъ Россіи; эта мобилизація противъ Россіи является-де послѣдствіемъ союза съ Германіей и производится, несмотря на положительнѣйшія увѣренія Россіи, что она расположена вполнѣ дружески къ Австріи и вовсе не желаетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на ея счетъ. При перемѣнѣ направленія германской политики Австріи дадутъ пинка, какъ въ томъ сознался недавно Бисмаркъ. Австріи слѣдовало бы войти въ соглашеніе съ Россіей и не слушаться вѣнскихъ газетъ, которыя все толкуютъ о голодѣ въ Россіи, а о нуждѣ въ Галичинѣ и Прагѣ забываютъ. Полякъ Щепановскій, въ качествѣ докладчика, сказалъ, что заявленіе Вашатаго о возможности пинка со стороны Германіи слѣдуетъ отвергнуть съ негодованіемъ.

Какъ можно было заранѣе догадаться, рейхсратъ вотировалъ оба законопроекта.

Въ *Figaro* появилась телеграмма изъ Берлина, что тамъ обнаруженъ анархистскій заговоръ и что арестовано 60 человѣкъ. Затѣмъ уже стало извѣстнымъ, по спеціальной депешѣ оттуда же, что открытіе заговора несомнѣнный фактъ, но арестовано всего 4 человѣка, а не 60. Констатировано, что заговорщики находились въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Кенигсбергѣ. Полиція продолжаетъ энергично розыски.

Во Франціи совершенно неожиданно произошелъ министерскій кризисъ. 6 февраля Гюббаръ внесъ въ палату предложеніе о признаніи неотложности обсужденія законопроекта объ ассоціаціяхъ. Фрейсине согласился на безотложность, но просто какъ на процедуру обсужденія законопроекта, а вовсе не какъ на подготовительный актъ къ отдѣленію церкви отъ государства. Пуркерсъ-де-Буассеренъ внесъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предлагающую правительству продолжить республиканскую политику. Фрейсине принялъ эту формулу, причемъ поставилъ кабинетный вопросъ. Палата, большинствомъ 304 голосовъ противъ 212, отвергла эту формулу де-Буассерена. Послѣ того министры были у Карно, который принялъ отставку кабинета.

Новому Времени телеграфируютъ изъ Вѣны, что на будущей недѣлѣ въ Софіи назначено къ слушанію дѣло по обвиненію въ государственной измѣнѣ трехъ женщинъ: г-жъ Каравеловой, Орошановой и Георговой, искавшихъ у европейскихъ правительствъ заступничества за несчастныхъ заключенныхъ по дѣлу объ убійствѣ Бельчева. Обвиняемыя отказались отъ предложенныхъ имъ судомъ защитниковъ, хотя прокуроръ предлагаетъ примѣнить наказаніе по 49 статьѣ турецкаго кодекса, т. е. смертную казнь. Правительство тѣмъ не менѣе назначило имъ защитниковъ.

Въ *Times* сообщаютъ изъ Филадельфіи отъ 29 января: „Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ принимаются обширныя мѣры для оказанія помощи голодающимъ въ Россіи. Учрежденный въ Филадельфіи комитетъ по сбору пособій отправитъ вскорѣ въ Либаву пароходъ съ провіантомъ. Владѣльцы мельницъ въ штатѣ Миннезота пожертвовали 2.000 тоннъ (120,000 пудовъ) муки, которая будетъ послана въ Россію въ мартѣ. Нью-іоркскій комитетъ перевелъ на имя сѣвероамериканскаго посланника въ Петербургѣ первую долю пожертвованій, въ суммѣ 10,000 долларовъ. Фондъ филадельфійскаго комитета составлялъ донынѣ 9,000 долларовъ".

Смѣсь.

О положеніи дѣлъ общества взаимнаго страхованія жизни „Нью-Іоркъ." Какъ извѣстно, вслѣдствіе распространенныхъ противъ него инсинуацій, общество „Нью Іоркъ" 12 іюня прошлаго года обратилось съ просьбою къ департаменту страхованія штата Нью-Іоркъ о производствѣ строгаго разслѣдованія положенія дѣлъ и управленія означеннаго общества. Просьба эта была принята во вниманіе, и правительство поручило начальнику департамента страхованія штата Нью-Іоркъ, г. Пирсу, и его товарищу, г. Шанону, произвести тщательную провѣрку дѣлъ общества. Ревизія началась 20 іюня прошлаго года и, несмотря на безпрерывную работу г. Шанона и сорока человѣкъ правительственныхъ чиновниковъ, могла быть окончена только послѣ пяти мѣсяцевъ.

Продолжительность ревизіи никого не удивитъ, если принять въ соображеніе, что дѣло шло о провѣркѣ имущества, стоимость котораго превышаетъ 600 милліоновъ франковъ; что ревизующему комиссару пришлось разсматривать каждую облигацію этого многомилліоннаго имущества и установить ея курсовую стоимость; что для опредѣленія размѣра и стоимости помѣщенныхъ за-границей капиталовъ пришлось обращаться за свѣдѣніями, путемъ дипломатическимъ, къ подлежащимъ иностраннымъ правительствамъ; что предстояло вычислить резервы премій по каждому полису всего наличнаго состава страхованій въ силѣ, достигающихъ огромной суммы въ 3 милліарда франковъ; что принадлежащіе обществу дома и недвижимости, подъ которыя оно выдало ссуды, были оцѣнены особымъ экспертомъ, г. Кольманомъ, чиновникомъ министерства финансовъ, и что для опредѣленія стоимости домовъ общества, находящихся въ Европѣ, пришлось обратиться къ правительствамъ различныхъ государствъ.

Такимъ образомъ, все имущество общества „Нью-Іоркъ" было самымъ тщательнымъ образомъ провѣрено и оцѣнено и, благодаря принятымъ для этой цѣли пріемамъ, почти всѣ европейскія государства были привлечены къ участію въ оцѣнкѣ этого имущества.

Финансовые кружки и публика съ весьма понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали результата ревизіи этого колоссальнаго общества, такъ какъ результатъ этотъ долженъ былъ или оправдать возведенныя на общество „Нью-Іоркъ" обвиненія, или признать послѣднія неосновательными и незаслуживающей вниманія абсурдной клеветой.

Полученная изъ Нью-Іорка телеграмма извѣщаетъ, что ревизія окончена и что правительство штата Нью-Іоркъ опубликовало представленный ему начальникомъ департамента страхованій отчетъ,

изъ котораго оказывается, *что общество взаимнаго страхованія жизни „Нью-Іоркъ“, за покрытіемъ всѣхъ резервовъ премій и всѣхъ своихъ обязательствъ, располагаетъ излишкомъ въ 76 милліоновъ франковъ.*

Такой блестящій результатъ даетъ обществу „Нью-Іоркъ“ самое лучшее удовлетвореніе за ту гнусную клевету, которую недобросовѣстная конкуренція распространяла на его счетъ въ истекшемъ году.

Лучшимъ подтвержденіемъ солидности, обширности и устойчивости управленія общества „Нью-Іоркъ“ служитъ тотъ фактъ, что при самой строгой оцѣнкѣ его имущества, достигающаго огромной цифры въ 601 милліонъ франковъ, разница между оцѣнкой ревизіонной комиссіи и записями по книгамъ общества составляетъ всего только ¼%, что при такомъ колоссальномъ активѣ нельзя не признать цифрой весьма ничтожной.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость, что публика не переставала относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому, существующему около полустолѣтія и постоянно прогрессирующему, обществу даже въ теченіе прошлаго года, въ самый разгаръ непріязненныхъ противъ него агитацій, что доказывается тѣмъ, *что въ теченіе 1891 года общество „Нью-Іоркъ“ заключило новыхъ страхованій на 778 милліоновъ франковъ.* („Annalen des gesammten Versicherungswesen.“)

Д-ръ В. В. Юнкеръ († 1 февраля 1892).

Искусственная окраска животныхъ. Извѣстно, что опереніе канарейки, питающейся кайенскимъ перцемъ, принимаетъ красный цвѣтъ. Нѣмецкій натуралистъ Зауерманъ пытается объяснить это явленіе слѣдующимъ образомъ. Кайенскій перецъ кромѣ красочнаго вещества (подобное вещество содержится и въ моркови, томатѣ и др.) имѣетъ еще крайне ѣдкій жирный сокъ. Если этотъ сокъ выварить изъ кайенскаго перца, то не теряя своего краснаго цвѣта, онъ уже не будетъ болѣе дѣйствовать на окраску перьевъ канарейки; но стоитъ прибавить къ этому вываренному перцу прованскаго масла — и онъ снова будетъ вліять на окраску птицы. Дѣло въ томъ, что жирный и ѣдкій сокъ кайенскаго перца, а во второмъ случаѣ прованское масло служатъ какъ бы проводниками для перехода красочнаго вещества, содержимаго перцемъ, въ опереніе птицы. Если бѣлую курицу кормить кайенскимъ перцемъ, то перья ея примутъ блѣдно-красный цвѣтъ, который при сырой погодѣ становится темно-краснымъ. По такимъ курамъ можно безошибочно предсказывать дождь задолго до начала его. Желтокъ въ яйцахъ такихъ куръ бываетъ темно-краснаго цвѣта. Десять лѣтъ тому назадъ подобные же опыты съ курами продѣлали съ помощью алканнаго корня (Anchusa tinctoria), который окрашиваетъ перо птицы въ фіолетово-красный цвѣтъ. Докторъ Мюллеръ изъ Галле, издатель журнала *Natur*, также сообщаетъ по поводу этого вопроса нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. На Малайскихъ островахъ, гдѣ туземцы употребляютъ въ пищу орангутанговъ, этихъ обезьянъ долгое время предъ убоемъ кормятъ мареной. Кости орангутанговъ, кормимыхъ мареною, бываютъ окрашены въ красный цвѣтъ. Докторъ Мюллеръ самъ видѣлъ подобный окрашенный скелетъ обезьяны нѣсколько лѣтъ тому назадъ у извѣстнаго зоолога Бурмейстера, который купилъ его у католическихъ миссіонеровъ въ Саравакѣ на Борнео. Слѣдовательно, дикіе народы вѣроятно уже давно имѣютъ понятіе объ искусственной окраскѣ животныхъ. (к.)

Ложа для слѣпыхъ въ Парижской Большой Оперѣ. Ложа находится въ самомъ верху, въ пятомъ ярусѣ. Въ ней постоянно находится отъ 4 до 6 молодыхъ людей, которые почти не двигаются во время дѣйствія и все вниманіе которыхъ повидимому цѣликомъ поглощено тѣмъ, что происходитъ на сценѣ. Они не говорятъ между собою и не дѣлятся впечатлѣніями. Такихъ молчаливыхъ и внимательныхъ зрителей рѣдко встрѣтишь въ театрѣ. Взоръ ихъ, если присмотришься, неподвиженъ и выраженіе лица не мѣняется по мѣрѣ того, какъ мѣняются декораціи, сцены, положенія лицъ, и проч. Молодые люди эти пансіонеры Національнаго института для слѣпыхъ, а ложа эта разъ въ недѣлю дается имъ дирекціей Большой Оперы. Какъ мало значатъ для этихъ своеобразныхъ зрителей блескъ рампы, разнообразіе цвѣтовъ и великолѣпіе костюмовъ и декорацій. И однако они имѣютъ обо всемъ этомъ довольно точное представленіе. Музыка, которую они слышатъ среди окружающей ихъ вѣчной ночи, даетъ имъ представленіе о драмѣ, которая происходитъ на сценѣ. Это, такъ сказать, книга которую они читаютъ при помощи слуха. Молодые люди ходятъ въ театръ по очереди и надо видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ они желаннаго дня. Попавшіе въ оперу счастливцы на другой день бываютъ окружены цѣлою толпою товарищей, которые подробно разспрашиваютъ ихъ обо всѣхъ ихъ впечатлѣніяхъ. Остается пожелать, чтобы благой примѣръ дирекціи Парижской Большой Оперы нашелъ себѣ подражаніе у насъ и въ другихъ государствахъ Европы. (к).

Положеніе актеровъ въ Китаѣ весьма незавидно. Ихъ презираютъ, они живутъ отдѣльно въ отведенной для нихъ части города. Горе актеру, который осмѣлился-бы просить руки дѣвушки изъ класса зажиточныхъ горожанъ. Раздраженный отецъ можетъ на основаніи закона наказать его сотнею палочныхъ ударовъ. Демонстративныя слова со сцены считаются важнымъ преступленіемъ. (к).

В. Н. Давыдовъ.

Тиражъ выигрышей Высочайше разрѣшенной Благотворительной лотереи, произведенный 1. 3 и 4 февраля 1892 г. въ Правленіи Государственнаго Банка.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
1	87	250	287	55	250	641	71	250
6	36	250	292	62	1000	644	40	250
9	23	1000	295	71	250	646	7	250
11	70	250	304	68	250	646	54	250
12	8	250	311	29	250	647	36	250
12	48	250	331	45	250	657	16	250
14	58	250	335	14	250	661	10	250
14	77	250	338	75	250	666	36	250
15	53	250	338	87	250	671	34	250
22	64	250	340	49	250	676	31	250
28	47	250	340	82	250	683	92	250
29	70	250	342	18	500	689	52	250
30	10	250	343	32	50000	702	26	5000
35	11	250	350	44	250	710	69	250
35	57	250	352	33	250	711	8	250
41	54	250	358	1	250	719	64	250
48	18	250	358	100	350	719	94	250
50	29	250	371	84	250	722	53	250
50	35	250	373	53	250	724	33	250
69	100	250	373	69	250	726	94	250
70	98	250	376	46	250	729	99	250
71	92	250	382	58	250	733	55	250
72	20	250	384	8	250	737	31	250
79	43	250	390	8	250	739	66	250
81	68	250	395	5	250	740	6	250
84	89	250	401	72	250	740	7	250
85	97	250	405	32	250	741	51	250
96	74	250	406	58	500	746	92	250
120	4	500	412	44	250	750	54	250
120	83	250	413	41	250	760	6	500
121	69	500	416	97	250	760	38	250
125	7	250	417	100	250	760	56	250
127	63	250	419	84	250	764	91	250
127	94	250	420	28	5000	776	28	250
130	83	250	420	81	250	777	66	500
130	91	250	428	16	250	785	70	250
135	58	250	428	43	500	787	27	500
135	71	500	436	3	250	787	85	250
137	30	250	439	59	250	788	61	250
141	15	250	440	41	250	790	97	250
142	75	250	444	11	1000	811	25	250
148	8	250	448	67	250	814	99	250
149	68	250	448	100	250	818	93	500
151	48	250	450	51	250	829	48	250
152	16	250	453	32	250	831	87	250
152	33	250	455	77	250	844	82	250
154	87	250	461	14	250	845	52	250
155	48	250	469	88	250	854	47	250
157	67	1000	470	32	250	856	24	250
158	18	250	473	23	250	857	37	250
158	24	1000	473	92	250	878	46	250
158	55	250	479	76	250	881	20	250
158	98	250	484	36	250	885	6	1000
161	39	250	485	36	250	886	52	250
168	69	250	491	16	250	895	58	250
172	52	250	492	20	250	900	94	250
173	27	250	495	77	250	908	17	250
179	21	250	497	69	250	910	37	250
183	99	250	501	46	250	945	65	250
198	17	250	504	62	250	946	20	250
201	10	250	513	46	250	947	3	250
212	73	250	516	30	250	948	46	250
213	83	250	520	40	250	952	23	500
215	35	250	527	59	250	954	45	250
227	11	250	528	2	250	962	76	250
234	17	250	533	42	250	965	25	250
234	85	500	537	86	250	969	4	250
236	81	250	555	96	250	971	30	250
238	32	250	565	72	250	977	74	1000
239	17	250	567	75	250	982	4	250
242	10	250	585	46	250	982	96	250
242	50	250	586	19	1000	985	88	250
247	29	250	591	72	250	990	8	250
249	58	250	595	75	250	994	27	250
252	18	250	601	58	250	1000	94	250
256	14	250	604	3	250	1003	79	250
257	77	250	604	12	1000	1013	22	10000
258	70	500	605	19	250	1030	31	1000
263	32	250	621	84	250	1033	69	250
274	82	1000	628	52	250	1037	90	500
279	19	250	630	66	250	1039	56	250
287	19	250	631	78	250	1040	95	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
1041	13	1000	1330	54	250	1608	87	500
1041	94	250	1330	98	5000	1621	99	250
1046	32	250	1331	99	250	1629	45	250
1052	51	250	1338	68	250	1633	38	250
1052	89	250	1345	88	250	1637	76	250
1058	13	250	1347	63	250	1638	62	250
1059	45	250	1350	74	250	1653	10	250
1060	20	250	1350	91	250	1655	20	250
1060	93	250	1357	53	250	1659	14	250
1061	31	250	1360	92	250	1660	21	250
1065	79	250	1362	37	250	1663	84	250
1067	15	250	1362	71	250	1665	69	250
1068	28	250	1363	83	250	1670	36	1000
1069	71	250	1365	54	250	1673	52	250
1082	14	250	1368	79	250	1674	83	250
1083	25	250	1373	52	250	1679	6	250
1085	99	250	1389	18	250	1688	39	250
1089	44	250	1390	29	250	1689	15	250
1092	25	250	1390	36	250	1690	9	250
1094	88	250	1390	54	250	1692	81	250
1096	55	250	1392	62	250	1695	51	250
1101	67	250	1401	81	250	1698	65	250
1105	22	250	1401	90	250	1702	44	250
1106	59	250	1403	63	250	1708	95	250
1108	69	250	1404	67	250	1715	83	250
1110	52	250	1405	27	250	1726	89	250
1110	68	250	1405	50	250	1728	37	250
1110	80	250	1406	21	250	1734	93	500
1114	64	500	1407	37	250	1745	62	250
1121	54	250	1407	45	250	1747	21	500
1125	3	250	1407	91	250	1749	89	1000
1130	52	250	1409	83	250	1751	4	250
1130	57	250	1410	32	250	1754	24	250
1132	95	250	1410	56	250	1766	96	500
1135	64	250	1412	74	250	1767	80	250
1136	39	250	1412	89	250	1768	44	250
1137	85	100000	1412	90	500	1775	8	250
1141	25	250	1417	42	250	1776	5	250
1144	53	250	1417	74	250	1778	87	250
1151	3	250	1420	14	250	1779	82	250
1151	53	250	1429	58	250	1786	20	250
1152	51	1000	1430	65	250	1787	43	250
1154	34	250	1439	59	250	1790	93	250
1158	51	500	1445	31	250	1794	29	250
1159	58	250	1445	67	500	1807	9	250
1159	73	250	1448	39	250	1808	100	250
1163	80	250	1448	65	250	1810	70	500
1166	63	250	1451	65	250	1816	40	250
1172	79	250	1459	28	250	1817	89	250
1175	27	250	1461	49	250	1823	4	250
1176	44	250	1466	29	250	1828	50	250
1176	70	250	1466	48	250	1829	56	250
1176	76	250	1468	9	250	1841	85	250
1179	50	250	1472	20	250	1844	63	250
1196	11	250	1472	48	250	1854	82	250
1198	93	250	1472	65	250	1866	1	250
1206	71	250	1480	25	250	1867	21	250
1208	53	250	1481	90	250	1873	66	250
1208	87	250	1481	91	250	1891	67	250
1213	2	250	1485	51	500	1897	51	500
1215	26	250	1493	66	250	1899	74	250
1218	26	250	1494	8	250	1900	14	500
1230	47	1000	1502	82	250	1910	32	250
1233	100	250	1515	88	250	1914	41	250
1236	39	250	1520	35	250	1932	25	500
1238	22	250	1523	67	250	1934	40	1000
1238	87	250	1525	27	250	1951	88	250
1248	34	250	1531	61	250	1955	96	250
1256	17	250	1537	37	250	1961	96	250
1256	73	500	1544	56	250	1961	99	250
1262	95	500	1550	45	250	1968	39	250
1272	96	250	1552	23	250	1970	52	250
1275	83	250	1555	62	250	1971	62	250
1280	63	250	1558	11	500	1972	22	250
1289	85	250	1563	27	250	1977	13	250
1290	79	500	1569	86	250	1990	21	250
1299	61	250	1571	56	500	1990	82	250
1299	93	250	1589	87	250	1991	14	250
1305	63	1000	1591	96	250	1993	19	250
1319	82	250	1598	86	1000	1994	83	250
1322	31	250	1599	62	500	1995	87	250
1330	6	250	1601	66	250	1999	37	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
2006	31	250	2359	72	250	2640	80	500
2009	58	250	2361	44	250	2640	92	250
2011	8	250	2364	53	500	2644	97	500
2016	70	250	2364	86	250	2645	88	250
2023	38	250	2365	49	250	2649	46	250
2028	54	250	2367	55	250	2653	41	250
2031	38	250	2373	84	250	2666	1	250
2046	56	250	2376	23	250	2667	87	250
2050	6	250	2376	71	250	2673	54	250
2055	21	250	2380	34	250	2675	45	250
2059	93	250	2384	75	250	2686	44	250
2074	86	250	2385	81	500	2689	74	250
2078	61	250	2386	31	250	2694	36	250
2088	98	500	2386	52	250	2696	2	250
2102	3	250	2389	39	250	2698	74	250
2114	56	250	2389	79	250	2702	19	250
2114	84	500	2392	13	250	2709	65	250
2115	41	250	2402	78	250	2710	89	250
2116	55	250	2403	3	250	2714	45	250
2118	33	250	2403	14	250	2714	50	250
2125	4	250	2405	16	250	2717	56	250
2129	37	250	2405	26	250	2717	99	250
2133	57	500	2407	22	250	2718	20	500
2134	60	250	2418	65	250	2722	78	250
2136	19	250	2420	95	250	2723	74	250
2144	26	250	2432	5	250	2724	84	250
2145	99	250	2432	26	250	2729	62	250
2150	28	250	2434	56	1000	2732	67	250
2153	19	250	2451	40	250	2739	52	250
2159	56	250	2452	75	1000	2751	8	250
2172	62	500	2457	99	500	2775	57	1000
2178	26	250	2467	43	250	2782	44	250
2182	72	250	2479	3	250	2788	3	250
2184	94	250	2479	18	250	2799	91	250
2185	17	250	2479	39	250	2804	64	250
2188	95	250	2485	53	250	2806	69	250
2191	2	250	2485	71	250	2806	71	250
2195	79	250	2488	2	250	2818	44	1000
2199	11	250	2488	40	500	2837	3	250
2199	43	250	2491	29	250	2837	38	250
2199	91	1000	2492	28	250	2838	72	250
2202	21	250	2500	2	250	2841	15	250
2202	84	250	2500	42	250	2843	87	250
2202	91	250	2501	89	250	2859	89	250
2208	88	250	2505	99	250	2868	52	250
2210	22	250	2507	1	250	2874	34	250
2216	1	500	2519	100	250	2881	59	250
2223	81	250	2522	99	250	2887	25	10000
2227	33	250	2528	6	250	2896	6	250
2230	8	250	2530	24	250	2897	66	250
2231	5	250	2534	92	250	2898	98	250
2233	18	250	2540	49	250	2900	16	250
2233	23	250	2540	57	10000	2905	70	250
2242	93	250	2544	61	500	2920	97	250
2250	67	250	2545	79	250	2922	4	1000
2257	35	250	2549	68	250	2933	1	250
2263	14	250	2550	96	250	2939	35	250
2266	50	250	2551	31	250	2939	92	250
2266	52	250	2551	92	250	2942	63	250
2271	98	500	2566	10	250	2952	55	250
2278	23	250	2575	100	10000	2957	73	250
2279	3	250	2577	52	500	2931	68	250
2281	96	250	2581	30	250	2965	35	250
2287	36	1000	2582	47	250	2969	4	250
2288	61	250	2586	17	1000	2988	14	250
2290	45	250	2591	83	1000	2991	45	250
2297	74	250	2591	87	1000	2998	34	250
2312	73	500	2592	16	250	2999	22	250
2325	2	1000	2598	8	250	2999	89	250
2332	7	250	2602	90	250	3004	60	250
2334	92	250	2607	64	250	3005	54	1000
2336	6	250	2612	64	250	3009	30	250
2338	86	250	2624	12	250	3009	69	250
2343	86	250	2624	91	500	3015	10	250
2344	98	250	2625	29	500	3021	16	250
2345	95	250	2625	58	10000	3021	55	250
2348	20	250	2625	94	250	3023	27	250
2348	61	250	2626	26	250	3027	60	250
2354	87	250	2630	33	250	3029	15	250
2356	51	250	2630	47	250	3043	23	250
2356	52	250	2635	20	250	3046	74	250
2358	9	250	2639	79	250	3053	7	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
3053	30	250	3399	39	250	3701	19	250
3058	28	250	3404	67	250	3703	71	250
3061	17	250	3413	36	250	3704	79	250
3061	64	250	3420	17	250	3709	88	500
3065	84	250	3422	70	250	3710	33	250
3086	92	250	3426	49	250	3719	88	250
3087	74	250	3430	5	250	3722	7	250
3087	100	500	3431	55	250	3723	33	250
3097	7	250	3435	72	250	3725	58	250
3097	15	250	3436	7	250	3728	69	250
3099	83	250	3442	11	250	3735	53	250
3102	57	250	3442	79	250	3736	59	250
3107	13	250	3446	69	250	3744	25	1000
3107	65	250	3452	17	250	3747	98	250
3107	66	250	3457	6	500	3752	37	250
3108	66	250	3460	75	250	3755	79	250
3113	96	250	3464	11	500	3766	5	250
3114	58	250	3464	15	250	3767	53	250
3127	86	1000	3469	34	250	3773	74	250
3139	47	250	3470	32	250	3775	4	250
3143	27	250	3472	96	250	3781	51	250
3143	44	250	3479	12	250	3782	49	250
3148	58	250	3487	24	250	3789	18	250
3150	10	250	3490	38	250	3802	59	500
3159	78	250	3493	89	250	3803	22	250
3164	1	250	3500	43	250	3803	93	250
3164	8	500	3504	73	250	3805	71	250
3169	98	250	3506	3	250	3807	32	500
3171	9	250	3521	30	250	3807	95	250
3174	68	250	3521	68	250	3808	25	250
3175	5	250	3524	94	250	3825	71	250
3177	16	250	3539	87	250	3832	5	250
3182	74	250	3541	41	250	3851	53	250
3183	73	250	3541	51	250	3852	86	250
3185	39	250	3542	66	500	3858	76	5000
3185	91	250	3550	55	500	3869	23	250
3189	93	250	3555	27	250	3881	45	250
3192	71	250	3557	82	250	3882	52	250
3217	11	500	3572	72	250	3885	25	500
3218	56	250	3573	61	250	3895	86	250
3219	28	250	3575	71	250	3897	24	250
3220	82	500	3577	50	250	3904	36	250
3226	95	250	3579	8	500	3905	45	250
3229	88	250	3590	9	250	3906	1	250
3243	62	1000	3592	91	250	3908	68	250
3246	28	250	3593	3	250	3913	81	250
3247	83	250	3596	49	250	3923	6	250
3248	96	250	3600	17	250	3937	57	250
3253	99	250	3600	30	500	3937	83	250
3254	83	250	3613	32	250	3940	6	250
3261	52	250	3613	76	250	3940	21	250
3277	96	250	3614	3	250	3940	97	250
3279	94	250	3614	30	250	3948	87	250
3302	77	500	3616	67	500	3949	4	500
3302	90	250	3621	27	1000	3951	16	250
3303	93	1000	3622	19	250	3955	26	250
3304	74	250	3623	24	250	3960	85	250
3310	11	250	3624	6	250	3968	48	250
3312	64	250	3633	66	500	3972	60	250
3312	71	250	3634	65	250	3977	47	250
3312	85	250	3636	1	250	3978	5	250
3322	35	250	3636	38	250	3978	87	250
3322	85	250	3640	10	250	3982	25	250
3330	71	250	3642	1	250	3985	40	250
3335	17	250	3642	7	250	3990	89	250
3339	5	250	3642	50	250	3994	31	1000
3343	41	250	3642	73	250	4000	99	250
3345	23	250	3646	31	250	4002	92	250
3348	81	250	3646	38	250	4003	41	5000
3352	21	250	3646	87	250	4003	56	250
3353	98	250	3651	14	250	4010	23	250
3357	1	250	3651	54	250	4017	26	250
3360	4	250	3651	78	250	4025	66	250
3362	83	250	3653	90	250	4027	21	250
3363	6	250	3654	64	250	4034	56	250
3366	57	250	3655	52	250	4038	9	250
3375	12	250	3657	16	250	4038	41	250
3384	47	250	3663	90	250	4041	89	250
3385	58	500	3687	74	250	4043	34	250
3397	63	250	3688	78	250	4043	55	250
3397	40	250	3694	33	500	4044	52	250
3397	69	250	3699	18	250	4053	41	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
4068	53	250	4397	43	250	4743	5	250
4076	31	250	4397	66	250	4743	21	500
4080	3	250	4397	79	250	4747	99	250
4080	59	250	4399	92	250	4749	8	250
4084	14	250	4400	33	500	4750	69	250
4086	15	250	4405	33	250	4750	87	250
4088	16	250	4406	94	250	4752	35	250
4093	99	250	4408	89	250	4754	47	250
4106	11	250	4409	98	250	4754	60	250
4106	85	250	4412	52	250	4760	75	250
4116	43	250	4417	18	250	4763	84	250
4121	39	250	4417	50	500	4766	70	250
4133	26	250	4418	46	250	4769	41	250
4134	19	250	4418	51	250	4773	50	250
4136	3	250	4420	26	250	4781	2	250
4138	67	250	4432	89	250	4785	89	250
4140	30	250	4439	86	250	4785	100	250
4145	92	1000	4440	18	250	4790	87	250
4154	94	500	4443	63	250	4790	90	250
4157	26	250	4461	94	250	4805	46	250
4158	19	250	4464	15	250	4805	88	250
4158	35	250	4469	2	250	4807	91	250
4165	62	250	4470	89	250	4818	66	250
4165	76	250	4474	24	250	4818	97	250
4166	55	250	4494	96	250	4819	36	250
4170	97	250	4496	81	250	4821	68	250
4172	11	250	4499	73	1000	4826	59	1000
4174	19	250	4501	21	250	4829	1	250
4174	47	250	4504	32	250	4832	56	250
4174	63	1000	4504	44	250	4835	62	250
4174	89	250	4505	35	250	4836	40	250
4175	59	250	4505	48	250	4839	18	250
4176	78	1000	4507	52	250	4841	87	500
4178	39	250	4517	87	250	4846	81	250
4193	84	250	4525	83	250	4847	70	250
4212	87	250	4531	6	250	4847	71	250
4215	20	250	4535	23	250	4849	37	250
4220	53	250	4536	62	250	4853	44	250
4221	40	250	4537	95	250	4855	43	250
4221	95	250	4542	100	250	4856	26	250
4226	57	250	4546	38	250	4858	68	250
4234	54	250	4549	41	500	4859	34	250
4237	93	250	4559	4	250	4863	2	250
4240	65	250	4565	71	250	4864	18	250
4247	91	250	4567	2	250	4864	36	250
4267	4	250	4571	18	250	4867	51	250
4267	41	250	4571	52	250	4873	63	250
4270	19	250	4576	68	250	4876	71	250
4274	86	250	4577	54	250	4878	52	250
4276	7	250	4579	92	250	4889	37	250
4277	88	250	4580	33	250	4893	64	250
4278	90	250	4592	31	250	4910	71	250
4279	34	250	4597	44	500	4915	18	250
4287	74	250	4610	72	250	4917	58	250
4289	39	250	4613	9	250	4920	84	250
4289	77	250	4616	77	250	4926	67	250
4295	22	250	4619	4	250	4927	83	250
4299	19	250	4640	26	250	4930	62	250
4300	42	250	4644	84	1000	4933	78	250
4305	22	250	4645	70	250	4936	73	250
4313	83	250	4651	17	500	4940	45	250
4321	90	250	4659	84	250	4940	97	500
4332	70	250	4660	14	250	4948	29	500
4334	88	250	4661	77	250	4950	38	250
4339	63	250	4664	25	250	4953	47	250
4344	28	250	4667	8	500	4954	67	250
4348	47	250	4675	34	250	4954	76	250
4350	44	250	4684	82	1000	4956	31	250
4350	60	250	4685	4	250	4958	28	250
4352	4	250	4692	87	250	4963	23	250
4354	67	250	4692	98	250	4966	31	250
4356	45	250	4696	12	250	4967	29	250
4356	64	250	4697	96	250	4978	76	250
4357	34	500	4699	42	250	4983	98	250
4358	6	250	4702	38	250	4988	47	250
4358	80	500	4706	54	250	4989	81	250
4361	34	250	4709	56	250	4990	76	250
4366	17	250	4726	27	1000	4994	13	250
4369	14	250	4728	55	250	4998	74	250
4370	8	250	4731	90	250	5000	61	250
4395	46	250	4740	74	250	5007	37	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
5007	61	250	5336	35	250	5692	18	250
5013	25	250	5337	30	500	5696	86	250
5013	33	250	5340	50	250	5698	15	250
5016	73	250	5340	86	250	5699	64	500
5016	91	250	5341	28	250	5699	97	250
5019	80	250	5343	76	1000	5701	97	250
5019	98	250	5346	62	250	5702	100	250
5023	79	250	5354	51	250	5705	47	500
5024	16	250	5356	49	250	5707	26	250
5029	1	250	5359	81	250	5709	73	250
5030	69	500	5360	97	250	5717	56	10000
5032	43	250	5362	42	250	5722	4	250
5034	53	500	5369	26	1000	5727	89	250
5039	27	250	5372	17	250	5729	97	250
5040	35	250	5373	59	250	5733	53	250
5047	9	250	5378	67	250	5741	53	250
5049	59	250	5382	20	250	5744	72	250
5049	83	250	5387	67	250	5752	81	250
5049	100	250	5392	52	500	5754	31	250
5055	80	250	5394	75	250	5754	51	250
5059	15	1000	5400	91	250	5759	72	250
5060	22	250	5414	32	250	5767	43	250
5061	40	250	5415	2	250	5769	82	250
5067	73	250	5417	33	250	5771	92	250
5069	63	500	5417	85	250	5775	13	250
5079	30	250	5417	98	250	5775	42	250
5082	71	250	5425	93	250	5782	29	250
5087	37	500	5427	30	250	5786	74	250
5091	89	250	5429	28	250	5788	64	250
5093	76	250	5433	27	250	5789	1	250
5097	87	250	5436	52	250	5792	55	250
5098	7	500	5439	36	250	5800	61	250
5100	24	1000	5442	52	250	5803	13	250
5107	56	5000	5454	81	500	5815	18	250
5110	21	250	5457	44	250	5818	16	250
5111	28	250	5458	77	250	5819	27	250
5113	80	250	5464	27	250	5822	64	250
5119	54	250	5465	76	250	5824	8	500
5129	10	500	5466	95	250	5825	3	500
5133	20	250	5468	76	250	5825	32	250
5140	40	250	5476	14	250	5826	13	1000
5144	45	250	5476	30	250	5827	42	500
5145	61	250	5481	13	250	5828	45	250
5155	64	1000	5483	31	250	5830	2	250
5171	65	250	5486	35	250	5831	33	250
5179	100	250	5497	56	250	5834	12	500
5184	21	1000	5512	39	250	5837	89	250
5189	92	250	5515	65	5000	5838	58	250
5190	3	250	5517	72	250	5845	52	500
5193	72	250	5533	76	1000	5856	39	250
5197	50	250	5537	43	250	5859	12	250
5198	47	250	5541	17	250	5868	99	250
5199	34	250	5541	75	250	5886	34	250
5199	50	250	5560	41	10000	5888	30	250
5207	66	250	5563	21	250	5893	97	250
5216	24	250	5564	59	1000	5894	71	250
5228	80	250	5568	97	250	5895	10	250
5229	36	250	5579	65	250	5898	97	250
5231	5	250	5580	73	250	5902	54	500
5235	47	250	5591	80	250	5906	61	1000
5239	92	250	5598	58	1000	5908	11	250
5240	84	250	5607	77	250	5911	12	250
5244	55	250	5608	43	250	5914	5	250
5248	8	250	5608	100	250	5919	7	250
5250	21	250	5609	87	250	5921	33	250
5257	10	250	5611	34	250	5936	68	250
5265	44	250	5617	2	250	5942	53	250
5275	30	250	5620	11	250	5942	97	500
5284	86	250	5621	35	250	5943	100	250
5293	76	250	5623	45	250	5949	1	250
5305	33	250	5631	60	250	5952	18	250
5310	4	250	5635	17	250	5952	55	500
5312	14	250	5641	70	250	5956	67	250
5313	47	500	5643	10	250	5958	21	250
5313	53	250	5650	73	250	5958	25	250
5322	59	250	5651	14	500	5959	1	250
5322	98	250	5653	17	250	5963	61	250
5327	3	250	5658	33	1000	5982	65	5000
5330	99	250	5661	48	250	5983	69	250
5331	68	250	5668	87	250	5988	81	250
5336	30	250	5690	25	250	5996	58	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
6001	83	250	6353	31	250	6668	2	250	7028	20	250	7328	79	250	7676	39	250
6004	55	250	6353	41	250	6670	20	250	7037	38	250	7330	44	250	7683	39	1000
6005	72	250	6354	23	250	6673	73	250	7043	99	250	7348	28	250	7688	29	250
6009	42	250	6354	64	250	6674	37	250	7045	40	250	7349	97	250	7696	77	250
6011	48	250	6355	10	250	6680	66	500	7049	43	250	7350	7	250	7705	95	250
6012	63	250	6355	74	250	6690	34	250	7050	8	250	7354	73	250	7712	17	250
6013	43	250	6357	23	250	6690	40	250	7050	13	250	7355	60	250	7730	15	250
6016	12	250	6362	24	250	6691	97	250	7059	100	250	7356	25	250	7730	33	250
6017	65	250	6369	20	250	6694	57	250	7062	56	250	7357	86	250	7735	18	250
6018	29	250	6373	59	250	6697	76	250	7063	99	250	7358	88	250	7738	64	250
6019	93	250	6393	98	250	6705	52	250	7064	49	250	7361	95	250	7744	62	250
6021	55	250	6394	71	250	6725	41	1000	7071	12	250	7364	79	250	7747	30	250
6027	44	250	6395	66	250	6728	22	250	7072	6	250	7367	7	250	7748	55	250
6035	91	250	6397	98	250	6730	52	250	7074	19	250	7371	77	250	7753	67	250
6037	55	500	6399	8	250	6744	77	250	7075	10	250	7372	88	500	7753	99	250
6046	39	250	6401	15	250	6745	85	1000	7076	87	250	7373	3	250	7755	34	250
6049	84	500	6402	11	250	6747	38	250	7081	20	250	7376	3	250	7758	58	250
6049	90	250	6417	56	250	6751	92	1000	7083	45	250	7377	21	250	7759	87	250
6061	77	250	6417	88	250	6755	7	250	7087	95	250	7379	84	250	7762	5	250
6064	99	250	6418	96	250	6756	77	250	7091	13	250	7379	87	250	7772	16	250
6066	85	250	6426	16	250	6768	66	250	7095	80	250	7381	45	250	7790	72	250
6076	21	250	6434	3	1000	6769	59	250	7098	51	250	7383	17	250	7792	95	250
6083	58	250	6436	74	250	6770	26	250	7098	82	250	7395	6	250	7810	99	1000
6088	4	250	6440	37	250	6780	76	500	7101	56	250	7397	24	250	7815	50	250
6092	57	250	6441	46	250	6788	52	1000	7102	26	250	7398	8	250	7816	10	250
6100	38	250	6442	64	250	6789	46	250	7111	100	250	7403	75	250	7824	17	250
6103	34	250	6444	81	500	6796	16	250	7114	85	250	7423	15	250	7836	68	250
6122	82	250	6461	58	250	6796	31	250	7117	7	250	7434	53	250	7836	72	250
6125	69	250	6461	68	250	6797	7	250	7124	63	250	7435	14	250	7853	65	250
6128	6	250	6464	51	250	6799	85	250	7126	67	250	7441	97	250	7860	24	250
6130	41	250	6464	69	250	6802	59	250	7128	66	250	7442	14	250	7862	48	250
6130	86	250	6470	100	500	6804	51	250	7134	75	250	7465	84	250	7875	24	250
6137	24	250	6472	45	250	6814	10	250	7136	82	250	7466	91	250	7876	88	250
6138	70	250	6473	31	250	6814	74	250	7138	22	250	7469	79	250	7880	95	250
6139	88	250	6477	79	250	6815	29	250	7139	15	250	7471	92	250	7884	11	250
6144	29	250	6481	4	250	6815	47	500	7148	31	250	7477	5	250	7890	62	250
6153	11	250	6485	29	250	6818	95	250	7150	19	250	7485	72	250	7890	94	250
6175	40	250	6486	6	250	6823	4	250	7154	54	250	7489	93	250	7892	62	250
6178	94	250	6486	100	250	6823	47	250	7157	20	250	7497	62	250	7892	89	250
6191	81	1000	6487	100	250	6827	5	250	7166	4	250	7502	74	250	7893	31	250
6209	2	250	6496	32	250	6829	41	250	7167	38	250	7503	52	250	7902	36	250
6223	31	250	6496	51	250	6829	71	250	7167	74	250	7506	91	250	7905	59	250
6226	75	250	6498	15	250	6830	61	250	7170	64	250	7522	28	250	7909	8	250
6233	92	250	6510	99	250	6831	75	250	7171	54	250	7524	91	1000	7913	14	250
6235	3	250	6513	25	250	6831	88	250	7182	26	250	7525	54	250	7913	20	250
6240	8	250	6513	38	250	6835	9	250	7182	82	250	7530	7	250	7918	95	250
6241	36	250	6517	50	250	6839	82	250	7198	45	250	7535	91	250	7921	52	250
6241	60	250	6521	15	250	6841	4	250	7199	67	250	7545	61	250	7921	89	250
6247	62	250	6527	15	250	6841	61	250	7201	25	250	7545	75	250	7922	33	250
6248	59	250	6534	18	500	6841	97	250	7210	78	1000	7545	81	250	7928	53	250
6255	38	250	6535	96	250	6842	40	250	7212	18	1000	7550	78	250	7932	20	250
6259	79	250	6537	47	250	6850	82	250	7212	54	250	7559	33	250	7932	32	1000
6265	93	250	6537	92	250	6852	44	250	7223	39	250	7563	21	1000	7944	40	250
6277	94	250	6543	25	250	6862	83	250	7225	53	250	7564	52	250	7944	55	250
6281	89	250	6543	75	250	6866	49	250	7225	90	500	7566	45	250	7945	81	250
6286	79	250	6546	87	250	6868	20	250	7237	29	250	7569	96	500	7955	26	250
6296	12	250	6559	42	250	6868	50	250	7237	54	250	7575	65	250	7955	100	250
6296	80	5000	6569	34	250	6875	6	250	7238	100	250	7578	54	250	7958	12	250
6297	60	1000	6570	93	250	6890	67	250	7239	56	250	7581	64	250	7958	96	250
6299	97	250	6573	40	250	6892	14	250	7255	5	250	7581	78	250	7982	11	250
6300	77	250	6575	74	250	6895	19	500	7255	92	250	7581	82	500	7993	32	250
6305	18	250	6579	29	250	6900	66	250	7256	51	250	7582	39	250	8005	89	250
6305	96	250	6584	84	250	6903	58	250	7257	40	250	7582	55	500	8009	70	500
6305	98	500	6596	88	250	6909	10	5000	7265	62	250	7591	49	250	8012	23	250
6306	77	250	6600	3	250	6923	80	250	7269	87	250	7594	29	250	8015	47	250
6306	100	250	6601	39	250	6927	30	250	7276	72	250	7601	9	250	8017	44	250
6308	70	250	6602	66	250	6928	39	250	7276	79	250	7605	32	250	8019	93	250
6319	24	250	6604	20	250	6937	17	250	7278	27	1000	7605	99	250	8022	67	250
6326	26	250	6607	81	250	6942	38	250	7280	78	250	7613	75	250	8024	14	250
6326	86	250	6612	40	250	6943	58	250	7282	6	250	7632	36	250	8028	32	250
6328	70	250	6615	46	1000	6955	59	250	7282	81	250	7635	96	250	8029	42	250
6332	52	250	6616	80	250	6961	25	250	7291	28	250	7638	76	250	8031	29	250
6335	87	250	6623	34	5000	6962	5	500	7295	11	250	7638	90	250	8033	49	250
6337	35	250	6635	83	1000	6976	52	250	7301	71	250	7642	52	250	8033	57	250
6337	65	250	6636	80	250	6988	41	250	7304	77	250	7642	90	250	8038	31	500
6342	35	250	6638	3	250	6990	66	250	7305	75	250	7652	67	250	8038	42	250
6344	68	250	6641	13	250	6992	28	250	7309	22	250	7662	42	250	8038	61	250
6345	71	250	6642	63	250	6996	29	250	7310	20	250	7665	79	250	8041	11	250
6349	6	500	6646	43	250	7010	43	250	7316	40	500	7665	86	500	8051	71	250
6350	74	250	6659	20	250	7016	98	250	7317	86	1000	7673	89	250	8058	37	250
6351	52	250	6659	72	250	7017	88	250	7325	64	250	7674	8	250	8059	15	250

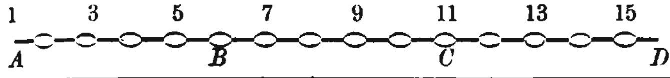
№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
8069	33	250	8462	45	250	8800	71	250	9065	89	250	9374	58	500	9698	52	250
8077	87	250	8473	25	250	8804	33	250	9066	80	250	9378	93	250	9707	66	250
8080	84	250	8482	64	250	8815	34	250	9069	74	250	9380	95	500	9710	87	250
8085	9	250	8484	74	250	8818	40	250	9076	47	250	9382	76	250	9720	36	500
8085	82	250	8490	14	250	8818	77	250	9076	97	250	9385	6	250	9722	52	500
8089	83	250	8490	63	250	8819	31	500	9077	73	500	9386	47	250	9723	62	250
8091	91	250	8494	62	250	8824	56	250	9080	71	250	9387	46	250	9725	76	250
8091	92	250	8504	50	250	8826	2	250	9082	15	250	9392	74	250	9726	45	250
8095	64	250	8506	86	500	8828	78	250	9083	25	250	9394	98	250	9726	92	250
8097	72	250	8508	31	250	8832	4	250	9086	97	1000	9395	100	250	9746	44	250
8100	23	250	8511	70	250	8837	22	250	9100	80	250	9401	35	250	9747	98	250
8107	29	250	8512	50	250	8838	29	250	9104	58	250	9404	17	250	9754	68	250
8109	66	5000	8513	65	250	8841	89	250	9110	53	250	9406	47	250	9757	36	5000
8120	65	1000	8513	77	250	8844	18	250	9122	21	250	9414	59	250	9757	72	250
8123	89	250	8513	79	250	8845	75	250	9123	1	250	9440	13	250	9765	20	250
8135	34	250	8516	77	250	8847	58	250	9125	15	250	9441	67	250	9767	69	250
8144	98	250	8522	23	250	8850	19	250	9126	76	250	9443	83	250	9770	59	250
8151	29	500	8529	27	250	8853	34	250	9128	7	250	9445	26	250	9776	71	250
8156	47	250	8531	85	250	8853	88	1000	9143	57	250	9447	24	250	9778	55	250
8159	87	250	8533	9	250	8855	41	250	9144	29	250	9452	39	250	9780	75	250
8171	54	250	8536	21	250	8863	34	250	9147	55	250	9454	96	250	9781	63	250
8177	23	250	8537	53	250	8866	58	500	9147	57	250	9465	56	250	9785	20	250
8178	26	250	8549	32	250	8866	63	250	9156	36	250	9466	9	250	9787	29	500
8187	83	500	8554	74	250	8867	4	250	9156	67	250	9469	43	250	9788	26	500
8191	24	250	8562	96	250	8868	28	250	9156	90	250	9475	92	250	9794	34	250
8195	49	250	8574	66	250	8868	56	250	9160	98	250	9476	65	250	9797	9	250
8200	14	250	8574	84	250	8869	24	250	9165	82	250	9478	96	250	9797	16	250
8205	56	250	8577	6	250	8871	30	250	9167	1	250	9483	96	250	9800	40	250
8210	91	500	8582	15	250	8873	48	250	9169	10	250	9484	92	250	9805	52	250
8212	48	250	8588	37	250	8874	32	250	9173	15	250	9489	73	250	9805	66	250
8215	90	250	8596	56	500	8879	63	250	9177	45	250	9495	74	250	9812	61	500
8229	53	250	8598	59	250	8879	73	250	9178	22	250	9499	59	500	9813	4	250
8240	70	250	8601	77	250	8883	35	250	9178	91	250	9504	3	250	9814	36	250
8245	36	250	8609	13	250	8886	57	250	9179	86	1000	9504	10	250	9819	85	250
8247	88	250	8610	77	250	8894	54	500	9180	82	250	9505	70	250	9822	82	250
8256	5	250	8611	23	250	8897	62	250	9181	78	250	9506	72	250	9823	83	250
8257	26	250	8616	18	250	8898	21	250	9186	92	250	9513	31	250	9827	84	250
8257	52	250	8620	73	250	8902	24	250	9187	89	250	9514	72	250	9836	28	250
8268	97	250	8635	15	250	8902	45	1000	9188	33	500	9518	77	250	9843	80	250
8276	98	250	8636	30	500	8907	20	250	9193	77	250	9525	19	250	9850	42	250
8286	17	250	8648	87	250	8908	50	250	9193	85	250	9528	10	250	9850	73	250
8286	98	250	8653	76	250	8910	59	250	9199	19	250	9545	54	1000	9863	45	500
8290	83	250	8655	38	250	8912	99	250	9204	95	250	9549	6	250	9868	64	250
8301	99	250	8656	33	500	8918	8	250	9219	42	250	9554	31	250	9869	91	250
8302	79	250	8661	46	250	8919	35	250	9222	37	250	9569	5	250	9871	33	250
8309	86	250	8665	95	250	8922	1	250	9224	27	500	9569	100	250	9871	47	500
8313	3	250	8672	68	250	8928	81	250	9239	44	250	9570	46	250	9897	37	500
8314	75	250	8675	76	250	8939	31	250	9239	65	250	9572	92	250	9899	31	250
8317	89	250	8679	49	500	8942	44	250	9241	4	250	9574	45	250	9904	82	250
8325	26	250	8680	23	500	8947	48	250	9246	100	250	9576	98	250	9908	85	250
8326	4	250	8681	44	250	8949	34	250	9261	22	250	9578	84	250	9913	83	250
8326	70	250	8688	74	250	8958	43	1000	9261	46	250	9590	29	250	9921	16	250
8330	35	250	8689	48	250	8959	41	250	9261	84	250	9595	4	250	9921	85	250
8344	70	250	8691	57	250	8959	61	250	9262	55	250	9597	9	250	9923	28	500
8347	51	250	8692	35	250	8959	98	250	9263	89	250	9597	31	250	9924	7	250
8369	48	250	8699	86	250	8964	39	250	9268	20	250	9602	56	250	9924	42	250
8369	99	250	8700	84	250	8964	56	250	9271	26	250	9602	78	250	9925	91	250
8380	36	250	8702	1	250	8968	81	250	9274	78	250	9605	70	250	9926	76	250
8383	57	250	8716	96	250	8970	68	250	9279	39	250	9607	1	250	9928	51	250
8387	27	250	8727	38	250	8975	60	500	9282	41	5000	9611	98	250	9931	87	250
8392	80	250	8729	7	250	8980	89	250	9288	38	250	9612	6	1000	9948	74	250
8397	79	250	8731	23	250	8984	76	250	9288	61	250	9615	89	250	9948	78	250
8400	89	250	8732	3	250	8987	69	500	9295	59	500	9616	3	250	9953	52	250
8403	60	250	8734	28	10000	8988	21	250	9298	42	1000	9622	57	250	9955	98	250
8405	42	250	8742	40	250	8995	63	250	9312	88	250	9628	81	250	9963	8	250
8405	83	250	8745	10	250	9003	32	250	9317	99	250	9628	82	250	9964	69	250
8406	97	250	8747	7	500	9010	83	250	9321	28	10000	9629	48	250	9966	20	250
8408	9	500	8752	66	250	9012	3	250	9323	13	250	9631	30	250	9966	50	250
8420	96	250	8758	60	500	9012	76	250	9326	16	250	9640	15	250	9969	7	250
8421	14	250	8761	74	250	9018	59	250	9326	20	250	9640	42	500	9980	96	250
8428	46	250	8765	88	250	9018	98	250	9327	79	250	9641	2	250	9997	9	500
8433	94	250	8766	43	250	9019	6	250	9332	22	5000	9641	74	250	9998	89	250
8436	76	250	8769	46	250	9019	97	250	9333	37	250	9648	88	250	10001	17	250
8438	21	250	8770	29	250	9025	18	250	9339	65	250	9651	63	250	10008	67	250
8438	35	250	8771	48	250	9030	92	250	9352	59	250	9678	33	250	10011	57	250
8439	92	250	8774	58	250	9036	56	250	9364	51	250	9685	10	250	10013	83	250
8446	40	250	8778	79	500	9052	68	250	9366	85	250	9685	48	1000	10013	88	250
8453	60	250	8785	24	250	9056	100	250	9367	32	250	9689	12	250	10013	95	250
8455	9	250	8789	57	250	9059	5	250	9367	90	250	9689	77	250	10018	40	250
8459	20	250	8794	12	250	9062	12	250	9370	35	250	9690	45	250	10020	52	250
8462	10	250	8798	89	250	9062	88	250	9373	68	250	9690	95	250	10021	78	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10030	64	250	10302	100	250	10639	78	250	11037	18	250	11332	78	250	11673	82	25
10030	77	250	10305	12	250	10641	18	250	11038	39	250	11334	94	250	11674	99	25
10034	16	1000	10318	59	250	10641	80	250	11043	5	250	11336	64	250	11678	98	25
10038	11	250	10326	12	250	10641	98	250	11045	27	250	11339	43	250	11683	39	25
10040	84	250	10331	35	250	10654	16	250	11052	42	250	11347	33	1000	11691	39	25
10041	63	250	10334	4	250	10661	49	250	11055	84	250	11347	65	250	11691	84	25
10048	79	250	10334	39	250	10664	97	250	11059	23	250	11351	18	250	11693	25	50
10049	36	500	10338	57	250	10667	20	250	11062	91	250	11357	34	250	11693	64	50
10055	79	250	10338	99	1000	10676	75	250	11069	91	250	11357	51	250	11696	16	25
10058	6	250	10342	3	250	10683	44	250	11071	39	250	11357	52	250	11698	78	25
10071	77	250	10342	24	250	10702	77	250	11071	66	250	11358	17	250	11707	72	50
10082	52	250	10348	19	500	10710	22	250	11076	51	250	11369	76	250	11708	100	25
10082	84	1000	10350	8	250	10711	19	500	11082	17	250	11378	85	250	11709	82	25
10086	80	250	10350	43	250	10711	96	250	11082	22	250	11382	60	250	11713	29	25
10090	11	500	10370	31	250	10716	6	500	11086	83	250	11387	61	250	11721	13	25
10099	51	250	10372	67	250	10721	40	250	11087	86	250	11395	46	250	11722	78	25
10104	55	250	10379	13	250	10723	10	1000	11088	10	250	11403	95	250	11728	26	25
10104	82	250	10379	21	250	10724	76	250	11089	25	250	11411	65	250	11731	69	25
10108	12	500	10412	42	250	10728	45	250	11091	100	250	11416	23	250	11736	8	25
10112	21	250	10413	88	250	10733	55	250	11093	22	250	11419	87	250	11751	35	50
10113	51	250	10415	91	500	10737	58	250	11093	27	250	11424	26	250	11754	97	25
10116	44	250	10426	27	250	10744	67	250	11102	51	250	11425	64	250	11756	72	25
10118	11	500	10437	73	250	10746	89	250	11121	68	250	11430	77	250	11758	33	25
10121	33	250	10438	24	250	10758	2	250	11122	28	250	11437	46	250	11761	18	25
10122	63	250	10441	56	250	10759	65	500	11126	16	250	11438	54	250	11774	33	100
10128	96	250	10443	51	250	10762	49	250	11132	92	250	11442	23	250	11774	90	25
10131	81	250	10443	57	250	10762	74	250	11137	18	500	11448	31	250	11775	60	25
10138	25	250	10445	79	250	10769	80	250	11139	44	250	11454	20	250	11780	56	25
10138	43	500	10450	38	250	10771	24	250	11140	2	250	11455	30	250	11780	84	25
10139	5	250	10452	28	250	10777	87	250	11145	7	250	11457	84	250	11784	65	25
10140	17	250	10454	14	250	10779	92	250	11147	4	250	11465	39	250	11786	8	25
10141	26	500	10459	4	250	10780	97	250	11149	50	250	11466	36	250	11790	51	25
10142	29	250	10459	66	250	10792	24	500	11161	2	250	11472	82	250	11797	26	25
10142	33	250	10463	34	250	10797	47	250	11170	84	250	11476	99	250	11800	25	25
10143	89	250	10468	8	250	10799	61	250	11170	93	250	11484	6	500	11800	28	25
10149	50	250	10468	9	250	10807	17	250	11175	100	250	11485	90	250	11801	53	25
10151	45	1000	10470	21	250	10814	44	250	11178	20	250	11487	77	250	11804	35	25
10154	21	500	10474	50	250	10817	72	250	11181	14	250	11491	11	250	11810	9	25
10161	98	250	10478	47	250	10817	90	250	11184	67	250	11498	32	250	11812	51	25
10168	25	1000	10481	54	250	10820	29	250	11185	42	250	11503	63	250	11816	58	25
10171	49	250	10486	45	250	10823	88	500	11188	35	250	11504	88	250	11817	4	25
10172	69	250	10487	19	500	10827	13	250	11190	9	250	11505	40	250	11817	37	25
10173	18	250	10489	74	250	10830	9	1000	11191	91	250	11512	78	250	11820	44	25
10173	67	250	10493	96	250	10833	60	250	11195	13	250	11520	57	250	11822	85	25
10175	77	250	10499	1	250	10837	35	250	11196	53	250	11525	37	250	11828	9	25
10184	94	250	10499	25	250	10850	16	250	11197	53	250	11525	86	250	11837	93	25
10186	29	250	10501	75	250	10851	14	250	11198	2	250	11536	87	250	11842	33	50
10186	55	25000	10507	95	500	10863	70	250	11203	19	250	11538	5	250	11848	6	25
10193	13	250	10509	63	250	10871	83	250	11203	78	500	11547	3	250	11857	4	50
10195	80	250	10513	7	250	10877	75	250	11216	36	250	11547	14	250	11859	77	25
10198	42	250	10519	1	250	10878	66	250	11224	18	250	11553	81	250	11860	15	25
10199	55	250	10523	78	250	10902	55	250	11229	77	250	11555	41	250	11877	11	25
10200	68	250	10526	83	250	10908	7	250	11230	70	250	11562	60	500	11877	80	25
10207	31	250	10529	52	250	10911	12	250	11233	87	250	11571	12	250	11891	25	25
10207	80	250	10531	13	250	10916	39	250	11240	87	250	11571	99	250	11891	64	25
10209	6	250	10539	32	250	10918	39	250	11243	93	250	11573	96	250	11891	83	25
10217	28	250	10549	2	250	10921	43	250	11250	55	250	11574	39	250	11907	77	25
10220	63	250	10549	90	250	10921	94	250	11251	64	250	11577	65	250	11909	66	25
10222	29	250	10556	3	250	10926	15	250	11252	35	250	11580	2	250	11910	32	25
10224	90	250	10559	21	250	10926	54	1000	11254	9	500	11580	76	1000	11917	33	25
10226	97	250	10568	72	500	10929	10	250	11255	60	250	11587	26	250	11917	57	50
10226	99	250	10576	18	1000	10930	24	250	11261	37	250	11589	58	250	11921	94	25
10228	39	500	10579	87	500	10940	43	250	11262	14	250	11601	19	250	11924	69	25
10228	89	250	10584	91	1000	10941	50	250	11265	38	250	11605	50	250	11926	81	25
10230	92	250	10587	66	250	10942	87	250	11267	46	500	11605	56	250	11927	2	25
10238	92	250	10588	63	250	10945	85	250	11267	58	250	11608	40	250	11927	52	25
10244	60	250	10591	18	250	10954	66	250	11268	2	250	11613	70	250	11930	2	25
10247	64	250	10591	44	250	10959	29	250	11270	53	250	11613	88	250	11930	21	50
10249	37	250	10596	50	250	10960	93	250	11270	77	1000	11615	51	250	11931	67	25
10249	53	250	10598	41	1000	10963	32	250	11270	79	250	11620	62	250	11933	21	25
10251	25	250	10599	22	10000	10973	6	250	11275	23	250	11623	57	250	11933	32	25
10258	89	250	10600	91	250	10985	45	250	11281	29	250	11630	94	250	11937	11	25
10262	78	250	10611	56	250	10990	22	250	11282	73	250	11652	99	250	11944	68	25
10264	17	250	10613	31	250	10995	15	250	11285	10	250	11655	2	250	11960	22	25
10270	84	500	10613	32	250	11001	44	250	11288	63	250	11655	47	250	11960	70	25
10272	62	500	10617	41	500	11008	12	250	11289	32	250	11657	36	250	11963	32	25
10273	19	250	10620	86	250	11014	78	250	11289	92	250	11661	51	250	11965	8	25
10280	35	250	10621	64	250	11015	61	250	11312	3	250	11663	99	250	11976	35	25
10285	28	250	10632	74	250	11018	9	250	11313	22	250	11664	62	250	11981	54	25
10297	65	250	10635	81	250	11020	57	250	11317	7	250	11666	58	500	11982	13	25
10299	53	250	10639	35	250	11022	59	250	11320	88	250	11668	4	250	11984	37	25

Рѣшеніе задачи № 1.

(Помѣщенной № 1-мъ 1892 года).

Беремъ моментъ встрѣчи вагоновъ на разъѣздахъ: это одинъ изъ болѣе удобныхъ способовъ рѣшить задачу. Понятно, что вагоны встрѣтятся на разъѣздахъ въ одно время, такъ какъ разстоянія между разъѣздами одинаковы. Нельзя опустить изъ виду того, что для удобства публики на пунктѣ A ждутъ 3 вагона, на пунктѣ B—1, на C и D по одному. Итакъ, на первомъ, третьемъ и пятомъ разъѣздахъ встрѣтится по шести вагоновъ, на седьмомъ, девятомъ и одиннадцатомъ по четыре, а на тринадцатомъ и пятнадцатомъ—по два. Всего 36 вагоновъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

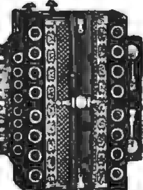
Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ

имѣютъ такой

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, $5^1/_2$, 6, 7, $7^1/_2$, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р., и вѣнскія въ 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ д. Захарьина

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА БАРСЪ
ПРОДАЖА ВЕЗДѢ
Москва, Петровка, у зубн. врача Р. А. БАРСЪ.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ „АРГУСЪ"

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля". № 5615 2—2

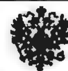
Предостережен. Вслѣдствіе усиленнаго спроса на наши универсальн. бинокли „Аргусъ" и „Лилипутъ", появились разн. дешев. но крайне плохія поддѣлки, поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящіе бинокли нашей фабрики, продаются въ Россіи только въ ниже указанномъ складѣ.

Спеціальн. фабр. оптическ. инструментовъ
Е. КРАУСЪ и К°.
въ Парижъ, Rue de Bondy, № 32.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптическ. и фотограф. прибор. высыл. безплатно.

ВНИМАНІЮ Г.г. ПУБЛИКУЮЩИХЪ.

Контора журнала „Нива" предлагаетъ гг. публикующимъ помѣщать свои объявленія на обложкахъ ежемѣсячныхъ книгъ **„Сборника Нивы"**. Книги „Сборника" печатаются въ томъ же количествѣ какъ и „Нива" и такимъ образомъ являются **самымъ распространеннымъ изданіемъ въ Россіи.**

ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенный 12 Декабря 1891 г. второй и послѣдній выпускъ билетовъ Благотворительной Лотереи въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года.

Второй выпускъ билетовъ Благотворительной Лотереи будетъ произведенъ на сумму 6.000.000 руб. на точномъ основаніи правилъ, содержащихся въ ВЫСОЧАЙШЕ одобренномъ 18 Ноября 1891 г. положеніи о Благотворительной Лотереѣ.

О срокѣ, когда будетъ произведенъ тиражъ выигрышей, будетъ объявлено въ свое время.

Продажа билетовъ и отдѣльныхъ купоновъ будетъ производиться: въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, въ отдѣленіяхъ Сберегательной Кассы Банка въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ уѣздныхъ казначействахъ, въ учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго вѣдомства и Краснаго Креста, въ кассахъ станцій желѣзныхъ дорогъ, въ частныхъ банкахъ и банкирскихъ конторахъ и проч. № 5637

О днѣ открытія продажи билетовъ въ каждомъ городѣ будетъ объявлено отдѣльно, вмѣстѣ съ перечисленіемъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ продажа сія будетъ производиться.

АРМИНЪ

НОВАЯ ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА для холи и мягкости усовъ и бороды.

Цѣна за банку 1 р. с., съ перес. во всѣ города Россіи — 1 руб. 40 коп. **Наложеннымъ платежомъ.**

Продается во всѣхъ аптекарск. магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Пюпа, Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ. № 5603 (4)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ"
И
ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

Журналъ имѣетъ выходить съ Мая 1892 года, **2 раза въ мѣсяцъ**, въ размѣрѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Задача изданія—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла и, въ особенности, по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Все лучшее уже имѣющееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составитъ, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, будутъ изложены общедоступно. № 5642

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересыл. или дост.: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

Подписка принимается въ Томскѣ: 1) въ книжн. магаз. Михайлова и Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала. Редакт.-Издат.: горн. инженеръ **В. Реутовскій.**

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (5)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ № 5633 — 2

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

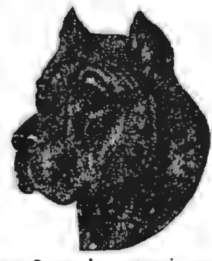
Собственный магазинъ: Невскій, 30, въ С.-Петербургѣ.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНОЕ И ЗНАМЕНИТОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
Основано въ 1864 году.
50 чистыхъ породъ.

Первое въ Германіи заведеніе для дрессировки и развед. чистокровныхъ собакъ

АРТУРЪ ЗЕЙФАРТЪ

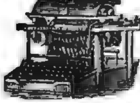
КЕСТРИЦЪ (ГЕРМАНІЯ)

признанное лучшими знатоками, доставляетъ высшіе образцы современныхъ собакъ, комнатныхъ, охотничьихъ, спортовыхъ и друг. К. № 5596

Большая коллекція собакъ—сенъ-бернардскихъ, ньюфаундлендскихъ, мастифовъ, нѣмецкихъ договъ, бульдоговъ, борзыхъ, лягавыхъ, гончихъ, ищеекъ, таксъ, пуделей, болонокъ, крысоловокъ, пинчеровъ, мопсовъ и сторожевыхъ собакъ.
Гарантія только за высшее качество!
Громадный выборъ.
Лучшіе отзывы изо всѣхъ странъ.
Тысячи благодарственныхъ писемъ авторитетовъ по кинологіи.
Богато иллюстрированный альбомъ 50 пфенниговъ или 65 сантимовъ. Каталогъ безплатно.
Собака, ея разведеніе, дрессировка и уходъ за нею, за 5 марокъ или 6 фр. 50 сант.
Вывозъ во всѣ части свѣта.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и миог. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3745

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 12 февраля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — № 8 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXIII — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 22 февраля 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Оптинскій старецъ Амвросій.

10 октября 1891 г. скончался въ Калужской губ. оптинскій старецъ, іеросхимонахъ Амвросій.

Первая телеграмма со словами: „Потеря для всей Россіи“ и три-четыре небольшія статьи въ одной крупной московской газетѣ, краткіе некрологи въ нѣсколькихъ другихъ изданіяхъ — вотъ все, чѣмъ откликнулась печать на это событіе.

Да, это было событіе — смерть отца Амвросія, котораго такъ мало знали въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ и имя котораго почти у всѣхъ вызываетъ вопросъ недоумѣнія. Этотъ отецъ Амвросій — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, одинъ изъ верховныхъ радѣтелей русскаго народа, преподобный, съ которымъ говорили по телеграфу, чудотворецъ конца девятнадцатаго вѣка. Онъ былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ—такимъ, какихъ больше всего любитъ православная Русь, а

Оптинскій старецъ, іеросхимонахъ Амвросій († 10 окт. 1891 г.) Съ фот. грав. Шюблеръ.

по своему внутреннему облику представлялъ одно изъ тѣхъ самыхъ совершенныхъ и законченныхъ явленій русской народности, къ которымъ принадлежатъ преп. Сергій, митрополитъ Филиппъ, Петръ Великій, Ломоносовъ, Суворовъ, Пушкинъ.

Труды же отца Амвросія заключались въ томъ, что онъ продолжалъ дѣло начавшееся въ Оптиной до него: онъ былъ старцемъ. Старчество выражается въ подчиненіи каждой отдѣльной воли руководству избраннаго духовника, старца, которому открываются не только всѣ дѣла, но и всѣ помыслы, всѣ тайны сердечныя, и у котораго спрашиваютъ совѣта и благословенія на всякій важный поступокъ. Въ монашеской аскетикѣ этотъ путь единогласно признанъ наилучшимъ для нравственнаго воспитанія, а вслѣдъ за монахами такому руководительству старцевъ подчиняютъ себя и міряне, ищущіе спасенія души. Кромѣ такихъ постоянныхъ послушниковъ, къ старцамъ обращаются люди въ тяжелыхъ обстоятель-

страхъ, въ недоумѣніи, лица сознавшія свое безсиліе предъ какимъ-либо вопросомъ и желающія услышать мудрое слово.

Старчество процвѣтало въ древнихъ монашескихъ общинахъ, но затѣмъ стало ослабѣвать; его возвращеніемъ обязаны трудамъ молдаванскаго игумена Паисія Величковскаго. Съ начала нынѣшняго столѣтія, благодаря ему, старчество утверждалось въ нѣкоторыхъ русскихъ обителяхъ. Старчеству суждено было особенно возвеличить Калужскую Введенскую Оптину пустынь, которая выдвинула цѣлый рядъ замѣчательныхъ старцевъ.

Оптина пустынь принадлежитъ къ числу древнихъ русскихъ обителей, и еще въ далекія времена была жалована царями; но ея значеніе какъ-то совсѣмъ упало, и въ началѣ нашего столѣтія она была одною изъ самыхъ незначительныхъ русскихъ пустыней. Въ ней не было того, что̀ привлекаетъ богомольцевъ—ни святынь, ни чудотворныхъ иконъ, ни мощей. Ее ждала другая слава — слава духовнаго учительства и наставничества, слава помощницы страдающихъ въ жизни.

Въ тридцатыхъ годахъ въ Оптину пришелъ замѣчательный человѣкъ, инокъ Левъ. Родомъ изъ мѣщанъ, онъ монашествовалъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ, подвизался въ суровыхъ обителяхъ русскаго Сѣвера, и утвердился, наконецъ, въ Оптиной, гдѣ и установилъ старчество.

Отецъ Левъ и его послѣдовательные преемники, Макарій и Амвросій, имѣли нѣкоторыя общія черты, будучи совершенно различными людьми. Всѣ они были аскеты крѣпкаго закала, прикрывавшіе, однако, свою святость всегда веселымъ, часто шутливымъ расположеніемъ духа; всѣ имѣли въ высокой степени даръ исцѣленій, даръ молитвы и особенно даръ прозорливости; всѣ отличались безконечною заботливостью о всякомъ, приходившемъ къ нимъ.

Но при всемъ томъ Левъ былъ какъ бы грубѣе въ обращеніи и строже, Макарій—тоньше, а Амвросій—нѣжнѣе и ласковѣе.

Подъ вліяніемъ старчества Оптина преобразилась. Духовная жизнь процвѣла въ ней. Имя пустыни стало именемъ дѣятельнаго и искренняго монашескаго подвига, Оптина начала собирать истинныхъ Христовыхъ работниковъ. А вслѣдъ за монахами пошли за руководствомъ старцевъ и міряне; далекая пустынь стала въ лѣтнее время наполняться толпами богомольцевъ.

Оптина пустынь лежитъ въ 70 верстахъ отъ Калуги, въ двухъ—отъ древняго города Козельска, прославленнаго геройскимъ сопротивленіемъ татарскимъ полчищамъ. На возвышенномъ берегу глубокой рѣки Жиздры раскинулась привольно пустынь. Издали, за серебряною полосою воды, видны ея бѣлая каменная ограда съ зеленою крышею и многочисленныя бѣлыя постройки, посреди которыхъ выдѣляется величественный куполъ собора и колокольня. Въ широкой оградѣ келіи, — въ видѣ деревянныхъ домиковъ, поставленныхъ тутъ и тамъ,— вездѣ множество яблонь, которыми справедливо славится Оптина, а тамъ, сзади, стройная, плотная стѣна стараго сосноваго бора—вотъ видъ пустыни.

Въ самомъ бору, саженяхъ въ двухстахъ отъ пустыни, стоитъ скитъ. Онъ весь строенъ изъ дерева; въ сторонѣ, ближе къ оградѣ, разбросаны маленькіе домики-келіи.

На той сторонѣ ограды, которая смотритъ на Оптину, стоитъ бѣленькій домикъ съ зеленой крышей. Одно крыльцо его выходитъ наружу, такъ что и женщины, не допускаемыя въ скитъ, могли входить въ этотъ домикъ. Здѣсь съ утра до вечера стоялъ народъ, ожидавшій чего-то; въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Амвросій.

Болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ въ Оптину пришелъ липецкій учитель Александръ Михайловичъ Гренковъ и просилъ, чтобъ его приняли въ скитъ.

Онъ былъ сынъ причетника церкви Тамбовскаго уѣзда, хорошо учился въ семинаріи, былъ веселаго и живаго нрава и отличался своими необыкновенными способностями; гдѣ онъ ни жилъ—ссорившіеся между собою приходили къ нему, чтобъ онъ ихъ мирилъ.

Въ Липецкѣ Гренковъ жилъ со своимъ товарищемъ по ученію, и тотъ замѣчалъ, какъ онъ тайно молился по ночамъ. Когда Гренкову предложили священническое мѣсто, онъ колебался, повидимому уже думая о монашествѣ.

Въ селѣ Троекуровѣ, подъ Лебедянью, подвизался тогда прозорливый затворникъ, старецъ Илларіонъ; къ нему и пошелъ Гренковъ и услыхалъ: „Ступай въ Оптину и будь опытнѣй“, а по уходѣ его Илларіонъ предсказалъ, что „изъ этого молодаго человѣка выйдетъ великій старецъ“.

Гренковъ далъ внутренній обѣтъ отречься отъ міра, но медлилъ исполненіемъ его; тогда онъ тяжко заболѣлъ и во время болѣзни далъ вторично обѣтъ. Выздоровѣвъ, онъ, не говоря никому, ушелъ въ Оптину, былъ принятъ въ скитъ, примѣрно проходилъ всѣ послушанія, начиная съ кухоннаго, года черезъ два постриженъ съ именемъ Амвросія, вскорѣ сдѣланъ іеродіакономъ и іеромонахомъ, опредѣленъ келейникомъ къ старцу отцу Макарію, и оставался при этомъ старцѣ до его смерти.

Отецъ Макарій довершилъ монашеское воспитаніе Амвросія, развилъ въ немъ терпѣніе и покорность, научилъ его *разсужденію*, составляющему одну изъ основъ старчества, и всѣ его добродѣтели увѣнчалъ смиреніемъ. Отецъ Макарій хорошо сознавалъ, какого человѣка готовитъ онъ міру въ лицѣ Амвросія. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ уже направлялъ къ нему людей за совѣтомъ. Въ 1860 году отецъ Макарій скончался, и отецъ Амвросій началъ свой подвигъ старчества.

Къ отцу Амвросію могъ прійти, или обратиться письменно, всякій со всякимъ вопросомъ.

Если чью-нибудь совѣсть тяготилъ страшный грѣхъ и трудно было рѣшиться открыть его обыкновенному духовнику, а хотѣлось услышать разрѣшеніе и быть утѣшену особенно сильнымъ духовнымъ руководителемъ, тогда шли къ отцу Амвросію. Если что-нибудь не ладилось въ семьѣ и нельзя было разобраться, кто правъ, кто виноватъ и какъ можно все умирить—шли къ отцу Амвросію. Если положеніе было отчаянное, помощи уже было ждать неоткуда и всѣ усилія были истощены—шли къ отцу Амвросію. Люди, которыхъ всѣ отвергли, которымъ оставалось только петлю на шею, больные и убогіе, за которыми нуженъ былъ уходъ, которые не могли дотянуть руки за подаяніемъ и донести куска хлѣба до рта — все это собиралось къ отцу Амвросію и оставалось у него.

Отецъ Амвросій всѣхъ любилъ больше, чѣмъ мать любитъ единственнаго ребенка, всѣхъ принималъ у себя и всѣхъ покрывалъ. Въ этомъ было все его значеніе.

Какъ-то случалось всегда, что люди разъ видѣвшіе отца Амвросія—въ трудный часъ всегда вспоминали о немъ и знали, что никто не можетъ помочь лучше его. Откровенность въ отношеніяхъ съ отцомъ Амвросіемъ всегда являлась тоже сама собою; что-то влекло открыться ему и говорило, что отъ этого будетъ хорошо.

Его дѣятельность выражалась главнымъ образомъ въ тѣхъ совѣтахъ, которые онъ давалъ по просьбѣ приходившихъ къ нему. На всякій вопросъ батюшка ясно и опредѣленно отвѣчалъ, да или нѣтъ. Иногда онъ, благословляя какой-нибудь поступокъ, нѣсколько измѣнялъ то что̀ предполагалось, и дѣлалъ свои дополненія. Отецъ Амвросій не только отвѣчалъ на то, о чемъ ему говорили, но, по своей прозорливости зная все, нерѣдко первый наводилъ рѣчь на предполагавшееся дѣло и тогда разсуждалъ о немъ.

Одобряя или отсовѣтывая что-нибудь, онъ имѣлъ въ виду, во-первыхъ, нравственное качество поступка, и, во-вторыхъ, его внѣшнія послѣдствія для лица. И то, и другое батюшка видѣлъ разомъ съ необыкновенною ясностью, потому что всякая тончайшая нить самой запутанной сѣти отношеній была предъ нимъ обнажена. Отъ его прозорливости ничего не укрывалось. Онъ въ совершенствѣ зналъ людей, приходившихъ къ нему въ первый разъ,—зналъ, какой совѣтъ дать имъ на будущее время, что̀ напомнить имъ въ ихъ прошломъ, что̀ всего важнѣе въ ихъ настоящемъ положеніи.

При такомъ громадномъ вѣдѣніи, отецъ Амвросій никогда почти не предсказывалъ; онъ указывалъ только, какъ поступать, чтобъ людямъ было возможно лучше, и иногда говорилъ: „Не дѣлайте этого“,—чтобъ избавить отъ бѣды, которую предвидѣлъ.

Въ полнотѣ своей любви отецъ Амвросій не зналъ мелочей; у него можно было просить совѣта относительно всего, потому что онъ зналъ, что̀ все въ жизни имѣетъ свою цѣну; а его пониманіе жизненныхъ вещей было безгранично. Люди говорившіе съ нимъ о самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ, ремеслахъ и дѣлахъ, единогласно отзываются, что онъ обо всемъ имѣлъ самыя глубокія свѣдѣнія, не выходя полстолѣтія изъ своей келіи, и когда поступали по его совѣту—только удивлялись потомъ, сколько въ немъ было заключено мудрости.

Онъ обладалъ замѣчательною способностью понимать людей, стать въ ихъ положеніе, такъ сказать, отождествиться съ ними. Великосвѣтская женщина и послѣдній бродяга одинаково чувствовали, что въ батюшкѣ имѣютъ самаго близкаго и вѣрнѣе всѣхъ понимающаго ихъ человѣка. Въ этой взаимной увѣренности другъ въ другѣ и въ убѣжденіи, что батюшка все знаетъ и все видитъ, дурное и хорошее, и хочетъ помочь—было величайшее счастіе.

Людямъ не видавшимъ отца Амвросія—трудно и разсказать, какая жила въ немъ любовь. Онъ чудеснымъ сочетаніемъ совмѣстилъ въ себѣ всѣ самыя возвышенныя стороны души,— все, что̀ нужно для отрады другаго. Прежде чѣмъ быть великимъ подвижникомъ и чудотворцемъ, это былъ самый ласковый и нѣжный человѣкъ съ русскою, безпредѣльно широкою, всеобъемлющею душою. На словахъ эта любовь никогда не высказывалась, но свѣтила во всякомъ его взглядѣ, въ голосѣ, въ улыбкѣ, а больше всего въ его трогательной заботѣ о всѣхъ, кто въ немъ нуждался.

Онъ съ виду былъ согбенный старичокъ, потому что родился въ 1812 году, а его постоянные подвиги и неимѣрные труды совсѣмъ расшатали еще съ молодости слабое здоровье. Этотъ старичокъ былъ одѣтъ въ теплый, на ватѣ, черный кафтанчикъ, а на головѣ носилъ черную, на ватѣ, камилавку. Онъ почти всегда лежалъ на узкой кровати, и такъ принималъ

всѣхъ, потому что у него была постоянная болѣзнь ногъ. Когда же онъ вставалъ — опирался на деревянный костыль, лежавшій около постели. Всякаго приходившаго, который шелъ къ нему съ открытымъ сердцемъ, — что̀ батюшка всегда чувствовалъ — онъ встрѣчалъ ласковой улыбкой, оживленнымъ словомъ привѣта, какой-нибудь ободряющей шуткой.

Онъ представлялъ замѣчательное совпаденіе суроваго подвижничества съ постоянною веселостью нрава: остроумныя рѣчи, мѣткія замѣчанія, риомы, художественныя выраженія такъ и лились у него одно за другимъ. Въ шутливомъ словѣ онъ часто высказывалъ глубокія мысли.

Съ утра до ночи обремененный множествомъ дѣлъ, выслушивая признанія въ самыхъ тяжкихъ грѣхахъ, въ которыхъ искали у него разрѣшенія, живя среди самыхъ тяжелыхъ несчастій и поставивъ себѣ цѣлью быть утѣшителемъ ихъ, отецъ Амвросій, конечно, не изъ себя бралъ то ясное спокойствіе, которымъ дышалъ его образъ, и то непамѣнное мужество и цѣльность духа, которыя были необходимы для его дѣла. То было даромъ дѣйствовавшей въ немъ благодати.

Проявленія ея были разнообразны. Когда еще умъ не могъ постигнуть отца Амвросія и преклониться передъ нимъ, — чувство невольно отзывалось на то, что̀ жило въ этомъ праведникѣ. Какъ-то странно, что почти со всѣми людьми не изъ простыхъ повторялось одно и то же: странное недовѣріе и осужденіе до свиданія съ отцомъ Амвросіемъ, и что-то охватывающее все существо, умиленіе и восторгъ при бесѣдѣ съ нимъ. Были люди которые ходили къ нему съ дерзкими рѣчами, съ желаніемъ изобличить „стараго лицемѣра“, — начинали свои укоры и, черезъ двѣ минуты, невольно, опускались предъ нимъ на колѣни и выходили въ слезахъ.

Эта же благодать дѣлала то, что въ присутствіи отца Амвросія было необыкновенно легко: всѣ страхи, скорби, недоумѣнія — все куда-то уходило и оставалась духовная радость. Тѣ, которые исповѣдывались у отца Амвросія, испытывали что-то неизъяснимое, начало чего-то новаго, лучшаго, когда онъ произносилъ: „прощаю и разрѣшаю“.

Отецъ Амвросій велъ суровый образъ жизни. Онъ жилъ въ тепломъ домикѣ, потому что его здоровье не могло выносить ни на минуту воздуха ниже 15° тепла, но у него было тѣсно. Онъ почти ничего не ѣлъ: раза два въ день ему давали какой-нибудь жижицы, въ родѣ похлебки, а по утрамъ онъ пилъ кофе. Утромъ, на ночь и подъ вечеръ правились длинныя, келейныя службы; онъ мало оставался одинъ, да вѣроятно и это время почти все посвящалъ уединенной молитвѣ. Весь день, съ восьми до часу, и съ трехъ до поздняго вечера, онъ отдавалъ себя тѣмъ, кто къ нему приходилъ, какъ бы дурно онъ себя ни чувствовалъ, и какъ бы слабъ ни былъ.

Если къ нему приходили безъ вопросовъ, только за благословеніемъ, онъ самъ иногда давалъ такой совѣтъ, который охватывалъ всю жизнь человѣка. Про него говорили: „Какъ много другіе говорятъ, убѣждаютъ — и ничего не выходитъ, а батюшка однимъ словомъ все освѣтитъ. Это потому такъ, что другіе все вертятся около, да попасть въ цѣль не могутъ, а онъ прямо видитъ самое главное“.

Чтобы понять, какова была дѣятельность отца Амвросія, довольно сказать, что ежедневно, кромѣ руководства нѣсколькими стами оптинскихъ монаховъ и монахинь Шамординской общины, имъ основанной, у него бывало 30, 40 и болѣе посѣтителей, всѣ съ самыми трудными вопросами и дѣлами; ежедневно получалось не менѣе 40 писемъ, а писались отвѣты въ послѣднее время подъ диктовку. Притомъ, надо имѣть въ виду, что міряне обращались къ отцу Амвросію большею частью въ трудныхъ положеніяхъ, когда сами ничего не могли придумать, и шли къ нему за указаніемъ какъ къ послѣдней надеждѣ; каждое изъ этихъ лицъ имѣло не одинъ, а много вопросовъ, вопросовъ жизненныхъ. И вотъ, среди этой ежедневной путаницы, руководя вблизи и издали тысячами людей и семействъ, которые его совѣтами спасались часто отъ гибели, онъ все зналъ, все помнилъ, все направлялъ и все предвидѣлъ. Отъ его заботливаго взгляда не укрывалось ничего, и всякій поступокъ обсуждался имъ не только со стороны пользы и вреда для того, кто его предпринималъ, но и со стороны разнообразнѣйшихъ послѣдствій для внутренней и внѣшней жизни.

Уже одна мысль о томъ, какъ жилъ и что̀ дѣлалъ отецъ Амвросій, приводитъ къ заключенію, что на такое существованіе не могло хватить никакихъ человѣческихъ силъ и способностей. Какъ бы велики ни были опытность и умъ, ни разу не ошибиться, давая ежедневно, въ теченіе тридцати лѣтъ, сотни разнообразнѣйшихъ совѣтовъ, невозможно для человѣка; невозможно также ни разу не оказаться безсильнымъ дать отвѣтъ, если дѣйствовать только человѣческими средствами.

Отецъ Амвросій говорилъ не отъ себя, а по вдохновенію; его отвѣтъ такъ быстро слѣдовалъ за вопросомъ, иногда прежде чѣмъ ему успѣвали разсказать все дѣло, что было ясно, что не изъ себя и не изъ своихъ соображеній беретъ онъ свои рѣшенія.

Отецъ Амвросій получилъ отъ Бога и даръ исцѣленій, но скрывалъ его. Молясь о больномъ, онъ совѣтовалъ ему употреблять какое-нибудь невинное средство, иногда вовсе не то, какое нужно, или посылалъ купаться въ цѣлебный колодезь въ Тихоновой пустынѣ, подъ Калугой. Онъ имѣлъ также обычай сильно ударять рукою или клюкой по больному мѣсту, и боль проходила.

Мѣра даровъ его съ годами все росла и росла; онъ еще при жизни являлся въ разныхъ мѣстахъ людямъ въ видѣніяхъ и они узнавали его, когда приходили въ Оптину. Но чѣмъ выше восходилъ онъ, тѣмъ становился проще, смиреннѣе и ласковѣе. Онъ точно хотѣлъ, чтобъ всѣ забыли, кого видятъ предъ собою. Да и въ глубинѣ души считалъ себя недостойнымъ.

Онъ любилъ разсказывать о подвигахъ древнихъ Святыхъ и заканчивалъ такъ: „вотъ какъ люди жили; а ты что̀ — лежишь только весь свой вѣкъ и ничего не дѣлаешь, и за что̀ тебя хвалятъ — не знаю. Горе ему же слава паче дѣлъ его“, сокрушенно шепталъ онъ, поникая головой.

Но народъ зналъ, почему хвалилъ его. Вездѣ, гдѣ произносилось имя отца Амвросія, отъ богатыхъ палатъ до распутій большихъ дорогъ, это имя было выраженіемъ всего самаго лучшаго, что̀ живетъ въ человѣкѣ, какъ въ Божьемъ созданіи, и уже одно то чувство, съ которымъ выговаривалось это имя, свидѣтельствовало, что великое добро въ этомъ человѣкѣ.

Отрада и утѣшеніе вѣрующихъ, онъ былъ и залогомъ обращенія къ Богу тѣхъ, кто не признавалъ Бога. Многіе изъ нихъ начинали съ того, что привязывались къ отцу Амвросію и, видя что служеніе Богу сдѣлало его отцомъ Амвросіемъ, начинали чтить и любить все, что̀ чтилъ и любилъ батюшка, и чрезъ него вступали въ общеніе съ Церковью.

Самъ великій праведникъ, отецъ Амвросій никого ни разу не укорилъ. Путь суровости и страха не былъ знакомъ ему. Онъ дѣйствовалъ любовью, и въ этомъ была его величайшая сила.

Человѣкъ широкихъ взглядовъ и громаднѣйшаго ума, онъ не налагалъ на людей бремень, которыхъ они не могли снести.

Въ отцѣ Амвросіи была присущая русскому человѣку созидательная способность. Крѣпкимъ и великимъ памятникомъ, имъ воздвигнутымъ во имя Божіе, остался его Шамординъ, или женская Казанская община въ Шамординѣ.

Еще когда онъ былъ молодымъ послушникомъ, однажды старецъ Левъ, безо всякаго повода, надѣлъ на него женскій клобукъ; такъ издалека онъ предвидѣлъ труды отца Амвросія.

Шамордино принадлежало богатой семьѣ помѣщиковъ Ключаревыхъ, находившейся подъ постояннымъ руководствомъ батюшки, и куплено по его совѣту. Владѣлица имѣнія, умирая, завѣщала его на устройство женской общины. Зерно ея уже было заложено; въ Шамординѣ уже жили благочестивыя женщины, посвятившія себя служенію Богу.

Множество необыкновенныхъ явленій, и особенно уже исполнившихся предсказаній, ознаменовало постепенное устройство Шамордина. Всякій гвоздь въ Шамординѣ вбивался съ благословенія батюшки, все здѣсь освящено его молитвой.

Шамординъ лежитъ въ 15 верстахъ отъ Оптиной, ближе къ Калугѣ — на краю высокаго обрыва, гдѣ извивается прозрачная рѣчка Серена. Далеко вдаль, съ другой стороны, развернулась холмистая поверхность пашень, сливающихся съ горизонтомъ. Весь Шаморинъ жилъ на тѣ пожертвованія, которыя приносили батюшкѣ его мірскія дѣти. Но, кромѣ монашеской общины, здѣсь было мѣсто величайшихъ благотвореній. Сюда собиралъ отецъ Амвросій тѣхъ несчастныхъ, отъ которыхъ всѣ отвернулись и которые были всѣмъ въ тягость; ему свозили разслабленныхъ, недвижимыхъ, извивающихся, ползающихъ людей и, видя такое положеніе, онъ говорилъ кротко: „возьмите въ Шамординъ“. Тамъ для нихъ выстроены были дома и ихъ заботливо покоили. Много, много такихъ людей собрано батюшкою въ Шамординѣ и въ Рудневѣ — лѣсной усадьбѣ, недалеко отъ общины.

Затѣмъ устроенъ былъ пріютъ, гдѣ болѣе 50 дѣвочекъ, — которыхъ иногда приносили къ батюшкѣ и, говоря: „Вотъ тебѣ, — расти“, оставляли у него, — спасены отъ нищеты и всѣхъ ужасовъ бродячей жизни, и гдѣ изъ нихъ готовятъ вѣрующихъ, дѣльныхъ женщинъ. Онъ любилъ приходить въ этотъ пріютъ и, когда тихіе дѣтскіе голоса запѣвали молитву Казанской иконѣ Богоматери, Покровительницы этого мѣста, онъ не могъ совладать съ собою — и плакалъ, плакалъ...

Его правиломъ и завѣтомъ было — никому не отказывать, и онъ никому въ свою жизнь не отказалъ. Его помощь не знала границъ. Онъ поддерживалъ множество людей, давалъ бѣднымъ семьямъ сотни, а иногда тысячи, а когда его укоряли — молчалъ, но его живые глаза говорили, что не попуститъ Богъ, чтобъ оскудѣла рука дающаго. Иногда, въ ту минуту, какъ отчаяніе охватывало людей, нежданно присылались отъ батюшки деньги: онъ издали прозрѣвалъ нужду. Въ милость Божію онъ вѣровалъ непоколебимо, и Богъ подавалъ ему...

Какихъ-нибудь пять лѣтъ прошло со дня основанія Шамордина, а уже болѣе 500 сестеръ собрано въ немъ.

Шаморинъ ждетъ великій удѣлъ. Что особенно важно, въ немъ уже теперь совершаютъ монашескій подвигъ много вы-

Оборона. Съ карт. итальянск. художника Винеа, грав. Лаустереръ.

дающихся русскихъ женщинъ, съ рѣдкимъ образованіемъ и умомъ, и изъ родовитыхъ семей.

Кончина отца Амвросія представляетъ вѣнецъ его жизни.

Хотя онъ былъ страшно слабъ послѣднею весною и осенью, но о концѣ никто не думалъ. Онъ существовалъ благодатью, такъ какъ врачи единогласно говорили, что при его истощеніи уже давно онъ долженъ былъ умереть.

Только когда его не стало, по нѣкоторымъ его словамъ догадались, что онъ зналъ о своей смерти. Монаху, завѣдывавшему шамординскими постройками, онъ сказалъ: „Брось все; пріютъ и комнаты у церкви *намъ* надо поскорѣе достроить, а остальное *ты* потомъ какъ-нибудь докончишь".

Въ іюлѣ 1891 г. онъ пріѣхалъ на закладку храма и остался въ Шамординѣ. Видно было, что на то было указаніе ему отъ Бога. Епархіальная власть нѣсколько разъ настоятельно требовала его возвращенія въ Оптину, но онъ не могъ этого исполнить, зная, что ему нужно быть въ Шамординѣ, и разъ, когда эти недоразумѣнія стали особенно тяжелы ему, сказалъ: „я въ Оптину живымъ не вернусь".

Въ концѣ сентября онъ заболѣлъ; явилась глухота, и онъ не могъ говорить. Въ этомъ была ему особая милость отъ Бога, потому что его оставили въ покоѣ; видно было, что онъ молится; хорошо было также для него, что не думали о концѣ; иначе бы всеобщая скорбь нарушила тишину его послѣднихъ дней. Одинъ только человѣкъ зналъ о томъ. Его любимый ученикъ, іеросхимонахъ Іосифъ, въ ночь на 7 октября, въ Оптиномъ скиту, въ своей келіи имѣлъ откровеніе.

Рано утромъ о. Іосифъ отправился въ Шамординъ, разсказалъ что было одной только игуменьѣ, матери Евфросиніи (Розовой), женщинѣ высокой духовной жизни, и сталъ готовить батюшку къ смерти.

Его пріобщали и соборовали. 10 октября въ 11½ ч. утра, отецъ Амвросій, приподнявъ руку знаменіемъ креста или благословенія, отошелъ.

Описать общую скорбь невозможно.

14-го числа происходило перенесеніе тѣла Амвросія изъ Шамордина въ Оптину. Это шествіе походило на перенесеніе мощей.

Все время дѣти несли его на рукахъ.

Во всю ширину большака двигалась сплошная толпа, растянувшаяся на двѣ версты. Большинство прошло длинный путь пѣшкомъ, несмотря на сильнѣйшій дождь, лившійся непрерывно и размывшій дороги. Всѣми было замѣчено, что четыре свѣчи, которыя безъ всякаго прикрытія несли по бокамъ гроба, подъ страшнымъ ливнемъ пылали все время. Слабые, изнемогавшіе отъ усталости, прикасались рукою ко гробу и получали силы идти дальше. По этой ужаснѣйшей погодѣ никто не простудился.

Цѣлыми деревнями шли крестьяне; въ церквахъ встрѣчали звономъ, выходили съ хоругвями. Что-то необъяснимое стояло въ воздухѣ.

15 октября отца Амвросія похоронили.

Много можно разсказать подробностей о замѣчательныхъ обстоятельствахъ кончины отца Амвросія, много чудесъ его, которыя онъ при жизни умѣлъ скрыть, открылось, когда онъ лежалъ уже въ землѣ, но все это найдетъ себѣ мѣсто только въ житіи его.

Удивительное смиреніе проявилъ отецъ Амвросій въ томъ, что не оставилъ по себѣ никакой предсмертной воли, никакого завѣта. Вся его жизнь и дѣятельность—завѣтъ его дѣтямъ, а все что онъ покидалъ на землѣ—онъ передалъ Богу.

Е. Поселянинъ.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XX.

Когда Юлія Павловна нѣсколько болѣе быстрымъ шагомъ вышла изъ комнаты мужа, князь остался въ креслѣ, какъ пораженный громомъ. Онъ чувствовалъ, что онъ въ какомъ-то круговоротѣ, куда невидимая сила увлекла его и вертитъ безъ конца и смысла. Часъ тому назадъ онъ съ ужасомъ, съ болью на сердцѣ думалъ о разореніи, срамѣ на весь городъ, о необходимости пережить нѣсколько ужасныхъ дней, но затѣмъ успокоиться и быть почти счастливымъ въ глуши деревни.

Теперь же все это оказалось пустяками. Фактъ разоренія такъ маловаженъ, что кажется просто какой-то непріятной шуткой надъ нимъ, маленькой обидой. То, что казалось страшнымъ ударомъ, теперь оказывается простымъ щелчкомъ. А вотъ онъ—настоящій ударъ, поразившій его и въ мозгъ, и въ сердце.

„Да жена-ли это?.. Не сонъ-ли это?.. Не задремалъ-ли онъ въ этомъ креслѣ часъ тому назадъ? Быть-можетъ все это приснилось?"

И Яхтомскій готовъ былъ бѣжать черезъ всѣ комнаты на половину жены, чтобы спросить у нея, приходила-ли она къ нему въ кабинетъ, было-ли между ними объясненіе, говорила-ли она то, что осквернило ее въ его глазахъ.

— Нѣтъ. Такъ, такъ! выговорилъ Яхтомскій вслухъ.— Такъ!.. Все это правда, все это сейчасъ было... Но я не допущу. Я убью ее!.. И пожалуй и себя потомъ. А Тоня?.. Боже мой, неужели же нѣтъ исхода?

Князь смолкъ, закрылъ лицо руками и сидѣлъ въ креслѣ, но онъ уже не былъ погруженъ въ тѣ же мысли. Въ головѣ было какъ-то пусто — одинъ шумъ и гулъ.

Наконецъ онъ очнулся отъ чьего-то голоса, отнялъ руки отъ лица и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Тарасъ, взволнованный, со слезами на глазахъ. Старикъ все слышалъ и зналъ.

— Князинька! Что вы?.. Полноте!.. Грѣхъ! говорилъ Тарасъ дрожащимъ голосомъ. — Это малодушіе. И зачѣмъ вамъ здѣсь въ Питерѣ жить? Не по васъ онъ совсѣмъ... Что за важность, что продадутъ этотъ домъ и всѣ ваши бездѣлухи,—весь этотъ хламъ ни на что негодный? Будете жить въ деревнѣ, поглядите, совсѣмъ иначе заживете. Довольны и счастливы будете... Миръ въ душѣ будетъ.

— Ахъ, старый мой, знаю я все это! отозвался Яхтомскій. — Не въ этомъ дѣло... Къ этому я уже привыкъ. И мнѣ нищета самая, по совѣсти, не страшна...

— Что же тогда, князинька?.. Такъ успокойтесь... Поглядите, на что вы похожи?.. Краше въ гробъ кладутъ!

— Букашкинъ, посуди, посовѣтуй.... вдругъ выговорилъ князь со слезами на глазахъ и называя старика по фамиліи, что бывало очень рѣдко.—Посуди!.. Княгиня не поѣдетъ съ нами, останется здѣсь жить.

— Что-жъ, пускай! Одни поѣдемъ. У васъ ребенокъ. Вамъ Богъ его далъ, и отъ васъ за него отвѣта потребуетъ. Будете богобоязненно воспитывать, въ вѣрѣ наставлять, уму разуму учить. А тамъ, Богъ дастъ, онъ женится. И вы будете еще счастливѣе. Будете со внучатами жить. Жена, князинька, хороша хорошая, а худая пуще врага человѣческаго, пуще самого дьявола-искусителя.

— Ахъ, Тарасъ, да вѣдь княгиня не спроста здѣсь останется!.. Если-бъ ты зналъ зачѣмъ...

— Все за тѣмъ же, князинька.

— Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ я скажу... Ты мнѣ не лакей, а другъ лучшій! съ чувствомъ вымолвилъ князь.

— На рукахъ, князинька, носилъ васъ, выговорилъ Тарасъ, и слезы потекли по лицу его.

— Знаю! И тебѣ я скажу. Княгиня останется здѣсь... Ну, понимаешь?.. Будетъ человѣкъ, который ей много денегъ будетъ давать. И будетъ она здѣсь жить и веселиться. Развѣ я могу согласиться на это, пережить это? Я убью ее!

— Нѣтъ, князинька! твердо заговорилъ старикъ.— Смиритесь, сочтите это Божескимъ наказаніемъ за свои какіе грѣхи, покайтесь и смиритесь. Ничего зря не бываетъ! Всякія бѣды и напасти, всякое горе, всякое

злосчастье—все это намъ за наши грѣхи! И мы должны принимать это со смиренiемъ. Ступайте въ деревню съ Тоней и живите мирно и счастливо, а княгинѣ предоставьте радоваться во всякомъ нечестiи. Горбатаго исправитъ могила.

— И подумать, что все это деньги! воскликнулъ князь не слушая старика.—Не будь разоренія, ничего подобнаго и на умъ бы не пришло ей!

— Князинька, родной мой, простите... Какъ не пришло бы!.. Охъ, не могу я...

Тарасъ вдругъ опустился на колѣни, взялъ обѣими руками руку князя, поцѣловалъ ее и выговорилъ:

— Князинька, тѣмъ лучше! Давно бы слѣдъ вамъ разойтись въ разныя стороны. Не пàра она вамъ. Всѣмъ извѣстно давно; вы одни ничего не знаете и не видѣли... Нечестивая она жена...

— Что̀? Я не понимаю тебя, Тарасъ!?

— Князинька, вѣдь давно... вотъ уже лѣтъ съ пятокъ, какъ я знаю, и другіе знаютъ все что̀ творитъ княгиня. Вы одни не видали и не знаете... Такъ пускай же она лучше одна будетъ жить и все этакое творить, а не срамить мужа и сына.

— Ты съ ума сошелъ! Ты лжешь, Тарасъ! вскрикнулъ князь.

Старикъ молчалъ, и князь снова громко вскрикнулъ чутя не на весь домъ:

— Тарасъ!.. Если ты солгалъ... даже если ты только ошибся, и другіе тебя обманули, налгали, то я тебя... Говори, Тарасъ!

— Хоть голову снимите, князинька. Вотъ вамъ передъ Господомъ Богомъ!.. Вѣрно все! старикъ перекрестился на икону въ углу.—Не налгали мнѣ, а самъ я знаю. Самъ я видѣлъ... И не разъ, князинька, не два... Много, много разовъ. Всѣхъ ихъ назвать могу... И теперешняго злодѣя назвать могу...

Тарасъ хотѣлъ продолжать, но, приглядѣвшись къ князю, вскрикнулъ и заметался.

Блѣдный какъ смерть, Яхтомскій сидѣлъ въ креслѣ съ повиснувшей на-сторону головой и безъ признаковъ жизни въ страшно искаженномъ лицѣ.

Съ княземъ сдѣлался обморокъ, чего никогда не бывало. Настолько силенъ былъ полученный ударъ.

Съ трудомъ приведенный въ чувство старикомъ, князь выслалъ его жестомъ, ни слова не произнеся и даже не глянувъ въ лицо своего прежняго дядьки.

Оставшись одинъ и оправившись, князь дрожащею рукой написалъ записку другу, единственному человѣку, съ которымъ былъ давно близокъ.

Онъ звалъ Ватбольскаго тотчасъ къ себѣ, и записка кончалась словами:

„Дѣло идетъ о женѣ. Ты долженъ знать или догадываться... Неужели я одинъ былъ слѣпъ на весь Петербургъ?.. Скорѣе ко мнѣ, другъ. На помощь! Привези мнѣ жизнь или смерть!..“

Чрезъ часъ отвѣтъ полученный съ человѣкомъ отъ полковника былъ для князя неожиданностью. Ватбольскій увѣдомлялъ друга, что получилъ командировку и выѣзжаетъ немедленно на Югъ Россіи.

Это была ложь. И князь понялъ смыслъ и мотивъ этой лжи со стороны человѣка давно его любившаго.

Яхтомскій отгадалъ вѣрно. Когда Ватбольскій получилъ записку друга, то воскликнулъ:

— Я скажу?.. Я открою глаза?!.. Никогда! Узнай отъ другихъ! Увидай своимъ глазомъ! Да и что̀ я скажу? Мои подозрѣнья — не факты. Моя глубокая увѣренность въ ея гнусномъ поведеніи не доказательство. Нѣтъ, я не нанесу тебѣ этого удара, милый Андрей. Я лучше возьму отпускъ и спасусь бѣгствомъ. Я пригожусь послѣ, позднѣе...

И дѣйствительно, Ватбольскій въ тотъ же вечеръ выѣхалъ за городъ, а затѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга не повидавшись съ другомъ.

XXI.

Князь, вторично убѣжденный поведеніемъ друга въ истинности всего открытаго Тарасомъ, сталъ чувствовать себя съ каждымъ часомъ все хуже и рано легъ въ постель. Тарасъ устроился на матрацѣ за дверьми спальни барина.

Прислушавшись среди ночи, часовъ около трехъ, онъ осторожно отворилъ дверь и вошелъ. Князь что-то говорилъ. Тарасъ зажегъ свѣчку и вымолвилъ:

— Что̀ прикажете?

Князь заговорилъ что-то безсмысленное, разныя слова безъ связи, и при этомъ не открывалъ глазъ. Старикъ тотчасъ же догадался, что онъ бредитъ, и немедленно послалъ за докторомъ верховаго.

Поутру оказалось, что князь серьезно боленъ. У него начиналось воспаленіе мозга. Докторъ добивался всячески у единственнаго лица, къ которому онъ могъ обратиться, т. е. у Тараса, что̀ произошло съ княземъ за послѣдніе дни.

Тарасъ отзывался невѣдѣніемъ, хотя отлично понималъ, что̀ было причиной болѣзни, и обвинялъ прежде всего самого себя.

Дѣйствительно, нервная натура Яхтомскаго не вынесла двухъ ударовъ, изъ которыхъ второй былъ во сто кратъ ужаснѣе перваго. Мысль о разореніи, о срамѣ, о грядущей нищетѣ надломила его, а затѣмъ, едва успѣлъ онъ за недѣлю освоиться съ новымъ положеніемъ, котораго смутно давно ожидалъ, какъ разразился другой громовый ударъ.

Любимецъ-камердинеръ, конечно, изъ любви къ барину, и въ самыя тяжелыя для него минуты, счелъ нужнымъ утѣшить обожаемаго барина, убѣдивъ, что не стòитъ сожалѣть о разлукѣ съ супругой. Тарасъ передалъ князю то, что̀ нѣкоторымъ людямъ въ Петербургѣ смутно чудилось, но чего навѣрное никто не могъ знать.

Никто—кромѣ самого старика.

Никто не считалъ нужнымъ или любопытнымъ внимательно слѣдить за княгиней — шпіонить. Старикъ Тарасъ, изъ обожанія къ барину, давно рѣшился на это и его выслѣживанія имѣли полный успѣхъ.

За послѣднія пять лѣтъ Тарасъ зналъ уже трехъ лицъ въ Петербургѣ, которыя пользовались благосклонностью княгини. За послѣдній годъ онъ выслѣдилъ и открылъ новое лицо — молодаго іезуитскаго аббата Салмоновича, гувернера Тони.

И Тарасъ могъ побожиться князю..

Болѣзнь князя приняла опасный и бурный характеръ, смутившій всѣхъ. Три доктора, въ томъ числѣ одна знаменитость, навѣщали больнаго ежедневно.

Тарасъ не отходилъ отъ постели обожаемаго барина и уже спрашивалъ себя съ леденящимъ сердце ужасомъ, не убилъ-ли онъ своего Андрея Николаевича, котораго когда-то имѣлъ право называть „Андрюшенькой“.

Въ городѣ было, конечно, извѣстно, что князь захворалъ серьезно. Гости, являвшіеся справляться о ходѣ болѣзни, толпились по цѣлымъ днямъ въ гостиныхъ княгини. При этомъ веселый говоръ не умолкалъ въ горницахъ, и посторонній свидѣтель никакъ бы не повѣрилъ, что всѣ эти лица—мужчины и женщины—являются якобы ради того, чтобы узнать о положеніи больнаго.

Въ Петербургѣ уже прошелъ слухъ, что причина болѣзни—разореніе. Нѣкоторыя пріятельницы спрашивали княгиню, прося сказать правду. Княгиня отвѣчала, что дѣйствительно дѣла запутаны, но до полнаго разгрома еще далеко, его и не предвидится.

Затѣмъ Юлія Павловна стала всѣмъ говорить, что мужъ рѣшилъ продать домъ въ Петербургѣ и поселиться въ деревнѣ, чтобы заняться устройствомъ дѣлъ. Она же, не вынося деревенскую глушь, думаетъ нанять

себѣ небольшой домъ и проводить тоже часть года въ деревнѣ, конечно, лѣтомъ. Но осень она будетъ за границей, зиму—въ Петербургѣ, весну—или въ Петербургѣ, или за границей, или въ деревнѣ.

Принимая гостей и весело болтая, продолжая кокетничать со своими безчисленными обожателями, княгиня все-таки была крайне встревожена. Хотя она владѣла собой настолько, насколько иному дипломату или полководцу и во снѣ не снилось, тѣмъ не менѣе необходимость сдерживаться и скрывать все отъ постороннихъ, физически утомляла ее.

Вслѣдствіе этого многіе, близко знавшіе ее, замѣчали въ ней что-то особенное, какую-то рѣзкость, нервозность, иногда сильную разсѣянность.

Княгиню, конечно, смущала болѣзнь мужа, но совершенно съ особой точки зрѣнія. Видѣвъ князя за нѣсколько часовъ до начала болѣзни и объяснившись съ нимъ, она покинула его лишь взволнованнымъ и раздраженнымъ этимъ объясненіемъ. Она никакъ не могла предполагать, что все ею сказанное поведетъ къ такому сильному нравственному потрясенію. Да она и не вѣрила въ это.

„Нѣтъ, думалось ей. — Съ нимъ случилось что-нибудь еще! Онъ могъ бы заболѣть такъ, если бы я дѣйствительно уже разъѣхалась съ нимъ и поселилась бы въ Петербургѣ одна. Но теперь, послѣ одного разговора объ этомъ, ничего не могло случиться такого серьезнаго. Стало-быть, есть что-нибудь еще“.

Размышляя о томъ, что̀ именно нанесло князю такой жестокій ударъ, свалившій его въ постель, княгиня, конечно, терялась въ догадкахъ. Она не могла догадаться, что виновникъ всего — Тарасъ.

Княгиня уже давно инстинктивно ненавидѣла Тараса, чувствуя, что онъ, неизвѣстно почему, презираетъ ее. И отношеніе ея къ любимцу мужа дошло до того, что она потребовала удаленія его изъ дому.

Князь не согласился, считая это прихотью жены и, кромѣ того, величайшею несправедливостью по отношенію къ старику, который когда-то былъ его дядькой, почти нянькой. Тарасъ остался при князѣ съ условіемъ стараться, по мѣрѣ возможности, не попадаться на глаза княгинѣ. И врагъ попрежнему былъ въ домѣ.

Но почему старикъ былъ ея врагомъ — причинъ не было... Княгинѣ и въ умъ не приходило, что этотъ старикъ не просто безъ всякихъ основаній ненавидитъ ее. Она бы не мало была поражена, если бы узнала, что Тарасъ, изъ любви къ барину, убѣдился собственными глазами и ушами во всемъ томъ, что̀ искусно скрыто ею отъ цѣлой столицы.

Прошло три дня—и больной былъ все въ бреду. На четвертый день онъ пришелъ въ себя и, увидя передъ собой Тараса, вымолвилъ:

— Мнѣ нехорошо, Тарасъ! Пошли за докторомъ, только за нашимъ.

— Слушаю-съ, отозвался Тарасъ, и лицо его стало грустно.

Подумавъ мгновеніе, онъ прибавилъ:

— Петръ Ивановичъ уже былъ сегодня утромъ. Вы уже съ вечера все жаловались. Онъ сказываетъ — ничего. Черезъ недѣльку подыметесь.

— Съ вечера я плохъ? выговорилъ князь.

— Да-съ, да-съ!

Въ этотъ день князю было нѣсколько лучше и хотя ночью снова начался бредъ, но, по заявленію докторовъ, опасность уже миновала.

На слѣдующій день князь чувствовалъ себя еще слабѣе, но за то въ головѣ было ясно. Проснувшись и придя въ себя около девяти часовъ, онъ кликнулъ камердинера.

Старикъ подошелъ къ постели.

— Слушай. Встанетъ княгиня, ты ступай, скажи ей... Ты... Понялъ? Ты самъ...

— Понялъ-съ... Если прикажете, что же-съ? Ваша воля...

— Ты самъ! Скажи: князь проситъ васъ сюда не ходить. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— Если пойдетъ, ты ее не пустишь. Понялъ?

— Понялъ-съ, тихо отозвался Тарасъ, невольно опуская глаза.

Князь помолчалъ, потомъ прибавилъ:

— Я тебѣ позволяю не пускать. Я приказываю... Если пустишь, помни: мнѣ служить не будешь. Я тебя прогоню. Никогда не увидишь меня. Понялъ-ли?

— Слушаю-съ, еще тише отозвался Тарасъ.—Будетъ исполнено въ точности.

Князь вздохнулъ тяжело и отвернулся къ стѣнѣ.

Когда около полудня онъ задремалъ, Тарасъ прислушался къ его дыханію и, найдя его ровнымъ, спокойнымъ, тихонько вышелъ изъ комнаты. Кликнувъ лакея, онъ послалъ его за женой, а самъ сѣлъ у притворенной двери въ спальню.

XXII.

Марья Кузьминична Букашкина, позванная человѣкомъ къ мужу, явилась, конечно, тотчасъ же. Маленькая, худенькая фигурка, въ простомъ ситцевомъ сѣромъ платьѣ, катышкомъ прикатилась въ горницу, гдѣ сидѣлъ у дверей Тарасъ.

— Что̀ тебѣ, Тарасъ Мосѣичъ? заговорила она, нѣсколько тревожно, зная, что мужъ по пустому дѣлу не позоветъ ее внизъ къ самымъ горницамъ князя.

— Не пугайся, Кузьминична, а то совсѣмъ мысли растеряются и толку не выйдетъ. А дѣло важное.

При словѣ „не пугайся“ Марья Кузьминична струхнула еще болѣе и разинула ротъ.

— Ну, такъ! выговорилъ Тарасъ сурово.—Толкомъ тебѣ говорю—подбодрись! Мнѣ некому порученіе дать, а дѣло важное. Ступай ты сейчасъ, разыщи Машутку и скажи ей якобы отъ себя... Пойми: ты — отъ себя! Поняла ты? Не я тебѣ сказывалъ дочери говорить, а такъ въ разговорѣ сказалъ, а ты ужь ей тайкомъ якобы говоришь отъ себя.

— Да что же? Что̀?

— А слушай! Тайкомъ отъ себя скажи: поди, молъ, ты къ княгинѣ и скажи ей не ходить въ спальню князя. Онъ-де отцу приказалъ не впускать васъ ни за что, хоть въ драку съ вами входить и просто гнать. Такъ строго указалъ! Вотъ вы, княгиня, лучше, молъ, не ходите, а то срамъ будетъ на весь домъ. Тятька, молъ, васъ—помретъ—не впуститъ. А князь собственно это такъ приказалъ, что тятька ему на образа крестился исполнить. Ужь такія, молъ, обстоятельства вышли. Поняла?

— Какъ будто поняла.

— Ну, повтори.

Марья Кузьминична начала повторять и на этотъ разъ по счастію ничего не перепутала.

— Ну, вотъ умница ты! Подь скорѣй, разыщи дѣвчонку и посылай къ княгинѣ, а то я боюсь—какъ разъ она сюда нагрянетъ.

Букашкина тотчасъ пустилась разыскивать по всему дому свою дочь и нашла ее въ горницахъ молодаго барина. Передавъ якобы отъ себя все, что̀ она слышала отъ мужа, она послала дочь къ княгинѣ.

— Нѣтъ, матушка, этакъ плохо будетъ, возразила молоденькая и пригожая Маша съ лукавыми глазами, яркими и бойкими. — Такъ негоже. Вы мнѣ отъ себя все это говорите. Но вѣдь васъ тятя послалъ. Я же не дура! Такъ я тоже пойду къ княгинѣ отъ себя, якобы подслушала, какъ тятенька вамъ это говорилъ. А то ей будетъ обидно. Выходитъ, будто тятенька княгинѣ приказаніе посылаетъ. Помилуй Богъ, какое тутъ произойти можетъ!

Зима. Ориг. рис. (собств. „Нивы") С Мухарскаго, автотипія Демчинскаго.

— Ну, тамъ, дочка, какъ знаешь. Ты умница, рѣшила Букашкина.

И, сбывъ съ рукъ порученіе, отправилась къ себѣ.

Маша тотчасъ же направилась на половину княгини, узнала, что у Юліи Павловны гость, и рѣшилась ждать его отъѣзда. Черезъ полчаса гость уже уѣхалъ. Маша смѣло явилась въ гостиную и объяснила все барынѣ.

Такъ какъ Машѣ случалось часто наушничать въ разныхъ пустякахъ, то Юлія Павловна тотчасъ повѣрила, что дѣвушка пришла отъ себя. Она сильно смутилась и даже сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы сѣсть въ кресло, такъ какъ ноги ея слегка дрогнули.

Совершилось что-то особенное. Опять-таки приказъ мужа не могъ быть основанъ только на одномъ ихъ послѣднемъ объясненіи.

„Нѣтъ, есть еще что-то новое“, подумалось княгинѣ.

Оправившись, княгиня встала и рѣшительно двинулась черезъ всѣ комнаты прямо къ дверямъ спальни мужа.

Заслышавъ шелестъ шелковаго платья, Тарасъ ахнулъ и шепнулъ:

— Ахъ, дура моя, не успѣла. Скажи на милость!

Княгиня подходила къ дверямъ, съ ненавистью мѣряя Тараса съ головы до пятъ. Старикъ поднялся со своего стула, сталъ въ дверяхъ, спиной загораживая ихъ и, опустивъ глаза, взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ, проговорилъ:

— Ваше сіятельство! Князь не приказалъ васъ... Извините. Я васъ пропустить не могу.

Княгиня молча остановилась, злобно глянула на лакея, и лицо ея слегка исказилось. Она сдѣлала еще шагъ впередъ, поднявъ на него руку и какъ бы приказывая посторониться:

— Князь не приказалъ! дрожащимъ уже голосомъ заговорилъ Тарасъ. — Сказалъ, если я пропущу васъ, то онъ тотчасъ прогонитъ меня и никогда не пуститъ на глаза. Разсудите, ваше сіятельство. Я не могу. Помру тутъ, а не пропущу.

— Если ты сталъ ужь главнымъ наперстникомъ князя, его повѣреннымъ, выговорила княгиня, рѣзко смѣясь,—то скажи по крайней мѣрѣ... Будь настолько внимателенъ и любезенъ ко мнѣ. Скажи, на чемъ основано все это? Чтò случилось? Чтò я сдѣлала? Будьте милостивы, господинъ холопъ, лисица, Іуда... зашептала княгиня внѣ себя.

— Я этого не могу знать, ваше сіятельство, я исполняю приказаніе.

— Я этому приказанію не вѣрю. Князь въ бреду, а ты умничаешь.

Княгиня вернулась въ залу и кликнула людей.

Черезъ нѣсколько мгновеній она вернулась и вслѣдъ за ней шли четверо лакеевъ.

— Возьмите! протянула она руку, указывая на Тараса.—Уведите! Свяжите!

Люди, перепуганные, нерѣшительно двинулись къ старику. Они чувствовали всю фальшь своего положенія. Они не знали въ чемъ дѣло, но поняли, что если Тарасъ Мосѣичъ вдругъ не повинуется княгинѣ, то, стало-быть, на то есть основаніе, пожалуй даже строгій приказъ князя. Послушаться княгиню — значитъ ослушаться князя.

— Берите же его! вскрикнула Юлія Павловна такимъ голосомъ, что пришлось повиноваться.

Люди схватили Тараса за руки и потащили отъ двери. Старикъ хотѣлъ упираться, но затѣмъ покорился.

— Что же, я не виновенъ! выговорилъ онъ.—Если изволите силой входить... Только проку будетъ мало.

Княгиня вошла въ спальню, но въ порывѣ пыла и негодованія позабыла притворить дверь за собой. Черезъ мгновеніе и Тарасъ, и четверо людей, которые уже перестали держать его, а просто стояли около него, всѣ ясно услышали рѣзкій, хриплывый, но громкій голосъ князя:

— Ни слова! Подите вонъ!

Затѣмъ, вѣроятно въ отвѣтъ на что-то сказанное княгиней, снова раздалось еще громче:

— Тарасъ! Тарасъ!

Старикъ двинулся къ дверямъ, а изъ спальни раздалось:

— Вонъ! Тарасъ!.. Гони вонъ!

Княгиня появилась вновь изъ спальни, блѣдная какъ снѣгъ, но улыбающаяся. Лицо ея поразило даже четырехъ дворовыхъ лакеевъ. Даже они замѣтили какое-то удивительное выраженіе у княгини.

„Богъ ее знаетъ! сообразили они мысленно. — Не то на смерть перепугана она, не то обрадовалась до смерти“.

Дѣйствительно, лицо княгини было мертво-блѣдно, искажено гнѣвомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глаза сіяли будто радостью.

И не мудрено! Выходя изъ спальни мужа княгиня думала про себя:

„Все рѣшилось. Все устроилось. Самъ прогналъ. оскорбилъ. При людяхъ! Я этого никогда не прощу... чтобы быть свободной“.

И пройдя къ себѣ, Юлія Павловна послала тотчасъ дѣвушку попросить господина Салмоновича къ ней.

— Скажи: очень нужно. Прошу сейчасъ придти.

Чрезъ пять минутъ аббатъ уже входилъ въ гостиную княгини и озирался. Онъ это дѣлалъ всегда, чтобы знать, какъ начать разговоръ: на *вы* или на *ты*.

Замѣтя крайнюю блѣдность и тревогу княгини, Салмоновичъ тоже встревожился.

— Чтò такое?.. Чтò случилось?

Княгиня разсказала все происшедшее сейчасъ съ мужемъ. Салмоновичъ задумался и насупился.

— Странно. Непонятно, выговорилъ онъ наконецъ.— Во всякомъ случаѣ, я знаю одно и вѣрно: насъ онъ не подозрѣваетъ. Единственный человѣкъ меня безпокоющій—это старый чортъ Тарасъ. Я два раза видѣлъ, готовъ побожиться, что онъ за мной подглядываетъ. Но не на того напалъ. Я тоже остороженъ и меня не проведешь.

— Этого я и не думаю, отозвалась княгиня.—Да и что же... Пускай. Теперь мнѣ все равно. Мнѣ важнѣе теперь скрываться отъ князя Вахтенштейна, нежели отъ князя Яхтомскаго.

— Конечно, конечно... Но все-таки не слѣдуетъ ничего страннаго около себя оставлять неразъясненнымъ. Это опасно.

И подумавъ, Салмоновичъ спросилъ:

— Что же ты намѣрена теперь дѣлать?

— Объясниться съ Вахтенштейномъ и согласиться на его предложенье, холодно отвѣтила Юлія Павловна.

— Это никогда не поздно. Но какъ еще нѣмецъ отнесется къ вашему разрыву...

— Будетъ въ восторгѣ.

— Сомнѣваюсь... Увидимъ... Сомнѣваюсь. Впрочемъ, какъ знаешь. А я отправлюсь къ моему другу Рафаилу. Одна голова хорошо, а двѣ лучше. Мы съ нимъ побесѣдуемъ и что-нибудь рѣшимъ. Я съ нимъ ни въ чемъ не скрываюсь.

— Какъ ни въ чемъ?!.. воскликнула княгиня.—Надѣюсь, есть исключенья.

— Нѣтъ. Зачѣмъ?

— Тогда ты меня компрометируешь...

— Полноте, ваше сіятельство... Да мой Рафаилъ— могила. И даже отвратительная могила.

XXIII.

Личность жившая въ домѣ князя Яхтомскаго, въ качествѣ гувернера Тони, была изъ числа тѣхъ, какихъ, къ несчастью, было много во многихъ дворян-

скихъ семействахъ столицы. Съ тѣхъ поръ, что въ Петербургѣ, съ соизволенія императрицы, возникъ іезуитскій коллегіумъ, появились при немъ двѣ школы: одна простая, для лицъ всѣхъ состояній, другая исключительно дворянская. Въ петербургскомъ высшемъ обществѣ тотчасъ явилось рвеніе воспитывать дѣтей въ этой школѣ, гдѣ плата за ученіе была по времени невѣроятно высокою, доходившею до двухъ тысячъ серебряныхъ рублей или до семи тысячъ ассигнаціями.

Русскіе аристократы, не желавшіе отставать отъ моды, желавшіе слѣдовать примѣру Голицыныхъ, Волконскихъ, Юсуповыхъ, Нарышкиныхъ, Гагариныхъ и др., но не имѣвшіе возможности платить эту огромную сумму, придумали иной способъ. Они брали въ домъ гувернера и преподавателя изъ іезуитовъ за гораздо меньшую плату, но не иначе, какъ по рекомендаціи самого отца Гавріила.

Груберъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать какія-либо затрудненія ради заполученія учениковъ и семи тысячъ барыша въ пользу пансіона, напротивъ, съ большой охотой рекомендовалъ преподавателей изъ аббатовъ, не числившихся официально іезуитами, но связанныхъ съ Орденомъ чѣмъ-либо болѣе серьезнымъ, чѣмъ vota simplicia.

Отецъ Гавріилъ, подобно многимъ другимъ ректорамъ, рекомендовалъ въ семейства людей, которые, вслѣдствіе тайныхъ причинъ, были рабами Ордена, слѣпыми покорнѣйшими исполнителями всякихъ приказаній и требованій безъ границъ, безъ исключенія.

Въ данномъ случаѣ отцы-іезуиты не выигрывали ничего деньгами, но выигрывали нравственно несравненно больше. Воспитатель, живущій въ какой-либо семьѣ, былъ ихъ шпіономъ. Вся обстановка семейная, малѣйшая мелочь повседневной жизни—все было черезъ него извѣстно въ коллегіумѣ.

Такимъ образомъ во многихъ петербургскихъ семьяхъ сановниковъ и государственныхъ людей были учителями аббаты, которые были не что иное, какъ простые рядовые коварнаго, всюду побѣдоноснаго войска служителей Бога, монаховъ-милитантовъ.

Разумѣется, никому въ Петербургѣ не приходило на умъ, что аббатъ, скромно присутствующій за обѣденнымъ столомъ или за завтракомъ вмѣстѣ со своимъ питомцемъ, ведущій себя всегда безукоризненно, занятый лишь двумя вещами: учить мальчика и молиться Богу,—собственно есть шпіонъ и предатель.

Иному семейству, живущему мирно, просто и стало-быть не любопытно для іезуитовъ, подобный соглядатай былъ бы и не опасенъ. Но инструкція отцовъ командировъ простому рядовому изъ арміи часто не ограничивалась только предписаніемъ о соглядатайствѣ. Часто нужно было нѣчто иное, важнѣйшее. Скромный воспитатель ребенка обязывался всячески—и, конечно, мастерски, искусно, а не грубо,—вносить раздоръ въ семью, если это было нужно для отцовъ Ордена.

Разумѣется, для подобнаго рода дѣятельности отецъ Гавріилъ, какъ и другіе отцы-іезуиты, избирали молодыхъ людей, которые бы совмѣщали въ себѣ два условія: во-первыхъ, одаренную натуру, одаренную скорѣй пороками чѣмъ достоинствами, обладающую мастерствомъ въ интригѣ и лукавствѣ, идущую на всякія сдѣлки съ совѣстью и соединяющую въ себѣ три свойства: проницательность, пронырливость и энергію.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось и другое. Вслѣдствіе своихъ личныхъ обстоятельствъ жизни подобный аббатъ и тайный агентъ долженъ былъ непремѣнно быть связанъ съ Орденомъ не однимъ обѣтомъ и не одною лишь сложною клятвой. Онъ долженъ былъ быть непремѣнно въ полной власти, въ рукахъ іезуитовъ, вслѣдствіе какого-либо особеннаго, тайнаго обстоятельства.

Салмоновичъ былъ именно образчикомъ такого слуги Ордена, простаго рядоваго ихъ арміи, воспитателя и шпіона вмѣстѣ. Аббатъ, за годъ передъ тѣмъ поступившій гувернеромъ Тони, былъ даже яркимъ образчикомъ этихъ рядовыхъ арміи и живымъ доказательствомъ, что отцы-іезуиты не брезгали никѣмъ.

Еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти или двадцати-семи, съ неправильными чертами лица, но съ чрезвычайно умнымъ и выразительнымъ лицомъ.

Онъ былъ мало образованъ, зналъ только три языка: польскій, нѣмецкій и русскій, но совершенно не зналъ латыни, что было крайне подозрительно. Начавъ заниматься латинскимъ языкомъ съ годъ назадъ, онъ однако могъ теперь скрывать это незнаніе и прятаться за латинскія цитаты выученныя наизусть.

Салмоновичъ отличался тѣмъ, что при первомъ знакомствѣ съ нимъ каждому казался человѣкомъ крайне некрасивымъ и не очень умнымъ. Но впослѣдствіи о немъ приходилось составить совершенно противоположное мнѣніе. Женщинамъ Салмоновичъ съ перваго разу совершенно не могъ нравиться, и онѣ не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Но когда Салмоновичъ хотѣлъ покорить себѣ кого-либо изъ представительницъ прекраснаго пола, то это почти всегда удавалось ему. И Богъ вѣсть почему! Онъ добивался того, что имѣлъ неотразимое вліяніе на избранную имъ жертву. Но какимъ путемъ—онъ самъ бы точно объяснить не могъ. Съ мужчинами это удавалось менѣе, но съ женщинами почти всегда.

Салмоновичъ случайно зналъ и часто вспоминалъ, что знаменитый дѣятель Франціи, недавно умершій, графъ Мирабо, былъ примѣрный побѣдитель прекраснаго пола, несмотря на то, что былъ страшно дуренъ собой, съ вульгарными чертами лица, испещреннаго слѣдами оспы. Чѣмъ же онъ бралъ? Тѣмъ же чѣмъ и Салмоновичъ. Чѣмъ-то неуловимымъ, необъяснимымъ. Всякая женщина, начиная неравнодушно относиться къ аббату, сама не понимала, почему это происходитъ. Не одинъ умъ и не одно краснорѣчіе тутъ дѣйствовали, а то, что можно было бы назвать моднымъ словомъ—„магнетизмъ“.

И вотъ именно нѣчто подобное случилось теперь съ княгиней Яхтомской. Послѣ многихъ избранниковъ, отличавшихся всѣмъ тѣмъ, чего не было въ Салмоновичѣ, блестящихъ молодыхъ людей изъ среды гвардіи, двора и дипломатическаго корпуса, она теперь если не была влюблена въ Салмоновича, то все-таки была въ его власти, была у него въ рукахъ, чего прежде съ ней никогда не бывало. Она какъ бы поневолѣ уступала ему и повиновалась. Она часто говорила себѣ, задумчиво улыбаясь:

„J'ai été fascinée...“

(Продолженіе будетъ).

Миражи (очерки, легенды, впечатлѣнія).

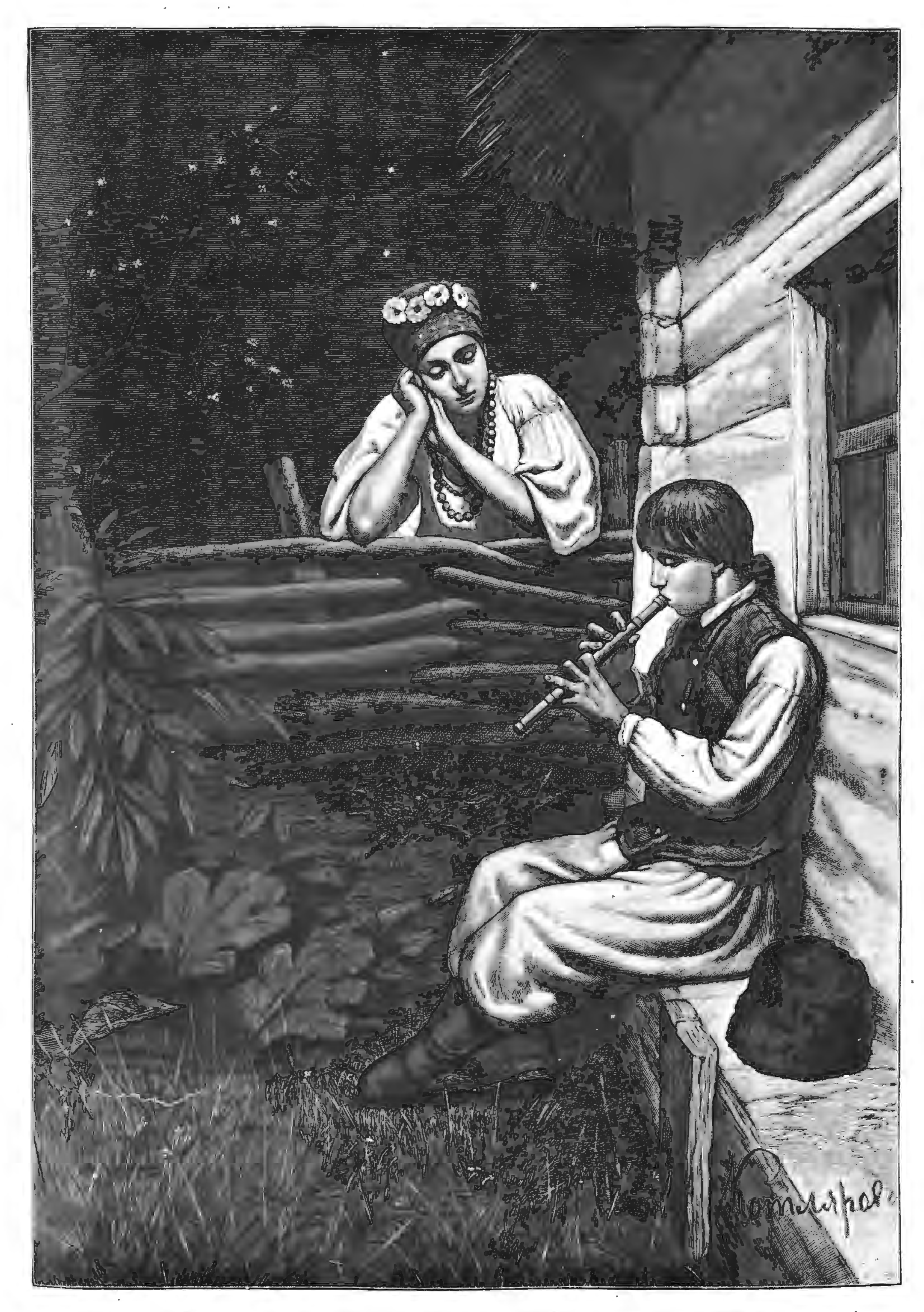
Вас. И. Немировича-Данченко.

1. Одѣтая статуя.

„Мама, ей холодно?..“—„Холодно, душечка, холодно!“ И она нѣжно улыбалась кудрявому голубоглазому ребенку, глядя какъ тотъ, опершись подбородкомъ на пухлыя ладони, мечтательно и дѣтски-пристально, не мигая, смотритъ въ огонь лампы.—„Отчего же она не скажетъ?“—„Она, дѣточка, каменная и говорить не можетъ.“—„И каменная, и говорить не можетъ!“ соображалъ пятилѣтній Сережа—и передъ нимъ словно въявь раскинулся ихъ громадный садъ, казавшійся еще громаднѣе такому маленькому ребенку. Недвижно въ морозномъ воздухѣ стоятъ безлистныя деревья, точно скелеты. Только коегдѣ на вѣткахъ серебрятся пуховины снѣга. Сережа, со словъ своей старой няни, твердо вѣритъ, что это ангельскія гнѣзда.

Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила“ Пушкина. Бой Руслана съ Рогдаемъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Винцмана, грав. Шюблеръ.

Малорусская идиллія. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

Снѣгъ все усталъ кругомъ, чистый, искристый, съ какими-то крохотными слѣдками, которые дитя называетъ просто „лапками“. Надъ прудомъ, недалеко отъ выходящаго въ садъ крыльца, стоитъ бѣломраморная богиня, таинственно глядя вдаль своими недвижными очами. Прудъ покрылся льдомъ, который Сережа очень любитъ. Здѣсь его каждый день казачокъ Ѳомка катаетъ въ ручныхъ санкахъ. Оба они быстро несутся въ веселомъ просторѣ, и хохотъ ихъ мрачно слушаютъ пустынныя, точно притаившіяся аллеи... „Она каменная и говорить не можетъ... И ей холодно... Мнѣ жалко ее, мама... Отчего ты не велишь Егору одѣть ее?..“ Но тутъ счастливая мать громко разсмѣялась, схватила его на руки, высоко подбросила, расцѣловала его глазки и, позвавъ няню, отправила ребенка спать. Сонная старуха удивилась даже — что это Сережа не торгуется съ нею.

Всякій разъ, ложась, онъ требовалъ отъ нея сказки и иначе никакъ не соглашался заснуть. Она сама не знала что мелетъ, начинала ему какой-то безсвязный разсказъ еще стаскивая съ него чулки. Сегодня, напротивъ, Сережа самъ началъ ей: „ты знаешь, няня, бѣлую, что въ саду... Ей, бѣдной, холодно и она каменная и говорить не можетъ!“—„Что ты, что ты!“ испуганно замахала на него руками та. „Экъ что, непутевый младенецъ, къ ночи придумалъ!..“ Послѣ этого Сережа смутно уже помнитъ какъ приходила мама, цѣловала и крестила его. Потомъ ребенка окутала какая-то тьма и долго она стояла кругомъ. А во тьмѣ вдругъ передъ его кроваткой показалась бѣлая статуя и, глядя на него своими незрячими глазами, говорила ему: „Сережа, мнѣ холодно, ахъ какъ мнѣ холодно, Сережа!.. Тебѣ хорошо, ты въ теплой кроваткѣ и въ комнатѣ твоей натоплено, а мнѣ-то каково?.. Меня, бѣдную, до сихъ поръ кромѣ тебя еще никто не пожалѣлъ“.—„Какъ же ты говоришь, съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ ее,—когда ты не можешь?“—„Это неправда!.. Я могу съ такими какъ ты, которые меня жалѣютъ...“ И Сережа видитъ какъ по ея бѣлому-бѣлому лицу катятся слезинки и слезинки. Онѣ горятъ какъ камешки на кольцахъ у его мамы... Послѣ этого опять былъ мракъ и вдругъ Сережа открылъ глаза, проснулся, поднялся на локоткѣ, зайчикомъ выглянулъ изъ запертой своей кроватки. „Няня... Няня!..“ Но няня похрапываетъ. Онъ видитъ какъ она съ истомы даже ротъ смѣшно открыла. Въ комнатѣ полусвѣтъ. Робко-робко мигаетъ огонекъ лампадки за ея розовымъ стекломъ, и всякій разъ, какъ онъ вспыхнетъ, за нимъ тускло поблескиваютъ почернѣвшія серебряныя ризы съ камнями, отъ времени покрывшимися матомъ, выдѣляется пучокъ вербы и вздрагиваетъ на стѣнѣ тѣнь отъ лампадки и цѣпочекъ, на которыхъ она виситъ. Сережа закрылъ глаза, хотѣлъ заснуть, но сонъ отошелъ. Онъ совсѣмъ поднялся на постели, схватился за край ея ручками и посмотрѣлъ кругомъ. Бѣлой статуи не было. Онъ взглянулъ въ мракъ, густившійся за открытыми дверьми слѣдующей комнаты, и тамъ тоже ея нѣтъ. Сережу ничто пока не пугало и онъ росъ здоровымъ ребенкомъ, не боясь темноты, не зная что существуютъ на свѣтѣ разные злые люди. Въ сказкахъ своихъ няня мало о нихъ разсказывала—ея героями были большею частью киски-мурлышки, козлы рогатые, сѣренькія мышки, зайчики-ушанчики, куры-дуры, да нахалы-пѣтухи. Изъ этого заколдованнаго круга она не выходила, и если ужъ ей хотѣлось пугнуть ребенка, она говорила: „вотъ придетъ лайка и укуситъ тебя за носъ.“ Но Сережа въ такихъ лаекъ не вѣрилъ. Тѣхъ лаекъ, которыхъ онъ зналъ, Сережа самъ таскалъ, съ наслажденіемъ впивался своими пухлыми пальчиками въ ихъ густыя лохмы. „Няня, а няня!“ позвалъ ее ребенокъ. Но та захрапѣла еще слаще и ротъ шире открыла. „Ишь, посмотрѣлъ на нее ребенокъ,—а сама говоритъ, что ворона влетитъ въ ротъ!..“ Сережа усѣлся въ постели и сталъ думать... Жалко ему „бѣлую“, такъ жалко... Всѣ одѣты, прикрыты, а она одна на морозѣ. Хоть бы какой-нибудь платокъ ей, все бы легче. И вдругъ ребенку страстно захотѣлось именно теперь, сейчасъ помочь ей. Все равно—никто не узнаетъ, а если и узнаютъ, только старая няня поворчитъ. Мама—та похвалитъ. Она ему говорила: „Сережа, тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, всегда помогать слѣдуетъ. Отецъ, когда пріѣдетъ изъ города—узнаетъ, скажетъ: ты у меня молодецъ, Сережа...“ Помочь надо... И онъ, хоть маленькій, а можетъ это сдѣлать. Только вотъ что: какъ онъ самъ чулки надѣнетъ. Хоть няня его и стыдитъ, а до сихъ поръ онъ никакъ этого сдѣлать не можетъ. Онъ взялъ свои чулочки, попробовалъ,—до половины влѣзли, а дальше не идутъ. Этакъ башмаковъ не натянешь. Развѣ взять нянины теплые коты? По комнатамъ онъ пройдетъ въ болтающихся чулкахъ, а предъ крыльцомъ которое въ садъ никогда не запирается, онъ надѣнетъ коты. Сережа черезъ перила кровати перебрался на стулъ, задомъ напередъ надѣлъ штанишки, около, на сундукѣ, лежала его шубка, сунулъ въ нее руки—оказалось хорошо. Застегнуться онъ самъ не умѣетъ, да и не надо, недалеко... Кончивъ со всѣмъ этимъ, онъ задумался: что же онъ отнесетъ его „бѣлой“?.. Свое пальто—оно будетъ мало. „Бѣлая“ длинная, а онъ маленькій, и пальто у него коротенькое. Онъ уже о маминой шубѣ подумалъ, но она виситъ на крючкѣ, а до крючка ему никакъ не подняться, даже если онъ влѣзетъ на стулъ. Развѣ вотъ что—нянинъ ковровый платокъ. Она всякій разъ ложится на него спать, аккуратно складываетъ его на сундукѣ. Вонъ онъ уголкомъ торчитъ изъ-подъ ея платья. Ребенокъ вытащилъ, живо захватилъ одинъ изъ котовъ подъ мышку, въ другой ручкѣ у него былъ платокъ. Какъ же онъ сдѣлается съ другимъ котомъ?.. Но Сережа былъ мальчикъ умный и не долго останавливался надъ разрѣшеніемъ этой трудной задачи. Онъ взялъ да надѣлъ себѣ его на голову, вмѣсто шапки. Ухъ,—какъ темно въ залѣ... Тутъ шторами окна закрыты и маятникъ въ высокомъ футлярѣ часовъ все стучится—выйти ему, бѣдному, все хочется. Иногда, когда Сережѣ не спалось, онъ часто думалъ—за что это его заперли въ деревянный ящикъ?—ужь онъ тамъ болтается, болтается, а ему не отворяютъ. Тѣсно должно быть бѣдняжкѣ и свѣту нѣтъ. Тукъ-тукъ—а его никто не слушаетъ. Сережа самъ бы отворилъ, онъ и пытался не разъ, да ключъ у мамы, и ящикъ съ маятникомъ и часами запертъ. Вотъ тутъ, въ гостиной, хорошо, свѣтло. Луна весело смотритъ въ окна, за мальчикомъ по полу и по стѣнѣ стелется его длинная-длинная тѣнь. Птица въ окнѣ шелохнулась. Ее на ночь шелковымъ платкомъ закрываютъ. Должно быть его почуяла,—затрепеталась... Тускло отсвѣчиваетъ зеркало, посмотрѣлъ туда Сережа—и самъ засмѣялся. Нянинъ котъ носкомъ въ самое небо смотритъ, на затылокъ ему съѣхалъ, другой подъ мышкой у ребенка, платокъ за нимъ позади тянется, совершенно какъ будто хвостъ у тети Сани, которую и папа и мама называютъ франтихой... „Сколько ты однихъ хвостовъ отреплешь“, говоритъ ей папа. Вотъ и онъ теперь какъ тетя Саня...

За этою комнатою была та, изъ которой выходъ въ садовое крыльцо. Этой комнаты онъ прежде боялся; тутъ у стѣны стоитъ ящикъ, который ему казался гробомъ. Разъ даже онъ не хотѣлъ было сюда идти и сказалъ объ этомъ папѣ; тотъ взялъ сына, пошелъ съ нимъ, открылъ крышку у ящика — и въ немъ мальчикъ увидѣлъ старую засаленную колоду картъ казачка Ѳомки, ваксу въ коробкѣ отъ сардинокъ и сапожныя щетки. Съ тѣхъ поръ „гробъ“ потерялъ для ребенка всю свою таинственность... Внутреннія двери были притворены, ребенокъ уцѣпился за нихъ и отворилъ; наружныя были заперты задвижкой. Сережа научился распоряжаться съ нею и, выходя съ няней гулять, обыкновенно говорилъ ей: „Дай, дай, няня, я самъ, самъ!“ Теперь это ему помогло, и онъ вышелъ на крыльцо и зажмурился... Вотъ-то весело, вотъ-то красиво! Отчего это мама не пускаетъ его гулять вечеромъ и ночью? Не то-ли это самое тридевятое царство, тридесятое государство, о которомъ онъ столько слышалъ?.. Луна-то, луна—полная, круглая—остановилась посреди неба, и точно ей ужасно нравится садъ этотъ, такъ и разливается надъ нимъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ. Горитъ снѣгъ, горятъ деревья въ бѣломъ уборѣ—днемъ онъ ихъ не видѣлъ такими, днемъ они чернѣютъ, а теперь точно въ фатѣ вѣнчальной стоятъ. Мамина сестра замужъ шла—такая же тоненькая да бѣленькая была... Хорошо! Прудъ-то, прудъ, такъ и блещетъ льдомъ, съ котораго вѣтеръ еще вчера смелъ послѣдній снѣгъ. Какъ же можно,—разумѣется, теперь лучше, чѣмъ при солнышкѣ: все бѣло, ясно, чисто, тѣни легкія-легкія лежатъ и сквозь нихъ, сквозь эти тѣни, точно сквозь стрекозиное крыло, все отлично видать. Между деревьями онѣ на снѣгахъ спятъ. И въ небесахъ-то звѣздочекъ-звѣздочекъ!.. Холодно, правда, и Сережа жмется голенькими колѣнками одна о другую. Запахнулъ бы шубку на груди, да куда платокъ бросить?... Теперь, кстати, не увидитъ-ли онъ, кто это по снѣгу бѣгаетъ, чьи это „лапки“ днемъ онъ замѣчалъ на его чистой поверхности... Вонъ по крышѣ кошка крадется... „Маруська, Маруська!“ Но та только хвостъ трубою подняла и исчезла за угломъ кровли... А луна все ярче и ярче; все легче и воздушнѣе тѣни, все бѣлѣе и праздничнѣе деревья въ своемъ чудномъ вѣнчальномъ уборѣ... Сережа забылъ было, что онъ въ однихъ наполовину надѣтыхъ чулкахъ и влѣзъ въ нихъ въ снѣгъ. Только когда тотъ закусалъ его за ноги — онъ сбросилъ съ головы котъ, другой изъ-подъ мышки, влѣзъ въ нихъ и, шмыгая по снѣгу, повернулъ къ пруду... Какъ онъ горитъ! Кажется, каждая снѣжинка сама за себя блещетъ отдѣльно и радуется тому, что и ее не забылъ лучъ волшебника-мѣсяца и приласкалъ своимъ серебрянымъ мерцаніемъ... По ту сторону старыя деревья. Вверху на нихъ галочьи гнѣзда, точно черныя большія шапки упали съ неба и застряли на ихъ переплетающихся вершинахъ. Вотъ надъ прудомъ и „бѣлая“. „Говорить не можетъ! Вонъ она приходила ко мнѣ и сказывала, какъ ей, бѣдной, холодно“. Сережа быстро зашмыгалъ къ ней, взобрался по ступенькамъ на холодный и бѣлый камень, на которомъ она стояла, вытянулся на цыпочкахъ, вскинулъ ей на плечи платокъ, другимъ концомъ обернулъ ее и смотритъ... Головкѣ холодно будетъ... Ишь, она стоитъ простоволосая!.. Онъ взялъ ее за каменную руку, подтянулся на ней и надѣлъ на голову „бѣлой“ одинъ изъ котовъ няни... Кончивъ съ этимъ, ребенокъ спросилъ ее: „Ну, что, хорошо тебѣ?..“ Статуя молчала. Сережа обидѣлся. „Ишь, какъ я спалъ,—приходила, плакала, жалилась, а теперь точно воды въ ротъ набрала, молчишь! Не хорошая ты!..“ И быстро-быстро сползъ внизъ.

Ужь, отойдя, онъ оглянулся. Одѣтая имъ статуя теперь

смотрѣла черезъ прудъ въ синюю глубь ярко залитой луннымъ сіяніемъ аллеи своими недвижными глазами... Одной ногѣ ребенка,—той, что безъ кота была,—стало холодно, онъ побѣжалъ къ крыльцу, живо отворилъ дверь, захлопнулъ ее и знакомыми комнатами добрался до постельки, заснулъ какъ убитый, а утромъ, когда проснулся, открылъ глаза и замеръ въ восторгѣ...

Что за чудное царство въ его комнаткѣ?.. Нѣтъ, не комнаткѣ: какая это комнатка, когда кругомъ предѣла ей нѣтъ!.. Рухнули стѣны въ какую-то бездну, поднялся потолокъ съ нарисованною на немъ птицею и слился съ синими-синими небесами... Отъ пола не осталось даже того пятна, которое надѣлалъ онъ, разбивъ баночку съ масломъ, принесеннымъ няней для лампады... Сережа самъ сталъ такимъ же бѣлымъ, какъ та статуя.. Крылья за ея плечами, что-ли?.. Только она крѣпко обняла ребенка своими каменными, но теперь такими же мягкими, какъ у мамы, руками и летитъ-летитъ съ нимъ, далеко-далеко, въ лунный край, гдѣ стоятъ пышные бѣлые дворцы, сквозные совсѣмъ въ тонкихъ колоннахъ и высокихъ аркахъ, за которыми мерещатся голубыя, какъ это небо, тѣни... Чудныя бѣлыя птицы несутся мимо и весело сверкаютъ на него своими алмазными глазами... Такія же дѣти, какъ онъ, радостно трепещутъ въ воздухѣ своими бѣлыми, пышными крылышками, похожими на страусовый вѣеръ мамы... „Гдѣ мы?" спрашиваетъ онъ у одѣтой имъ статуи.—„Тамъ, дѣточка, слышится ему серебристый голосокъ ея, точно колокольчикъ звенитъ около,—тамъ, гдѣ никому не холодно, гдѣ нѣтъ бѣдныхъ, гдѣ никто не плачетъ, не жалуется..." — „А мама гдѣ? Я маму хочу!.." Она смѣется ему въ отвѣтъ и, удивленно вглядываясь въ нее, онъ узнаетъ въ ней маму... „Развѣ это ты стояла въ саду?" Но она прижимаетъ къ его губкамъ свои, и такъ весело, хорошо имъ обоимъ и еще выше и выше взвиваются они въ лазурь и каждымъ крылышкомъ колыхаются въ ея чистомъ просторѣ... Бѣлыя моря трепещутся внизу... Серебряными волнами бьются они въ бѣлые берега... Бѣлыя рощи—безлистныя, но въ цвѣтахъ, сплошь ихъ осыпавшихъ, разливаютъ кругомъ дивный ароматъ... Хорошо ребенку, такъ хорошо, что когда „бѣлая мама" говоритъ ему: „Ну, теперь, дѣточка, пора домой, на землю", онъ хватается ручонками за ея шею, прижимается къ ея теплой груди и говоритъ: „Полетаемъ еще, чуточку только!.."

Когда онъ очнулся—надъ нимъ склонилось исхудавшее, заплаканное лицо матери... За нею стоялъ старый добрый докторъ, у котораго всегда въ карманѣ были леденцы для Сережи. Съ другой стороны сидѣлъ угрюмый, истрадавшійся отецъ.

— Мама, мама!.. Какъ тамъ хорошо!.. Зачѣмъ мы назадъ прилетѣли?..

— Гдѣ? чуть слышно шепчетъ она.

— Тамъ, гдѣ никому не холодно, гдѣ никто не плачетъ, гдѣ всѣмъ весело...

— Долго же, бутузъ, ты былъ тамъ! улыбается ему старый докторъ. — Три недѣли проболѣлъ. Едва мы тебя вернули оттуда!..

— Мама, а гдѣ она?.. Я, знаешь, одѣлъ ее!..

— Знаю, знаю.

И слабая улыбка освѣщаетъ ея поблѣднѣвшее лицо.

Еще бы не знать! Утромъ у ребенка, послѣ той лунной ночи, открылся бредъ и жаръ полымемъ охватилъ его маленькое тѣльце... Никто не понималъ, въ чемъ дѣло, пока нянька не хватилась своихъ котовъ и платка. Богъ знаетъ, сколько времени никто бы не могъ сообразить, что случилось, если бы Ѳомка не прибѣжалъ весь блѣдный.

— Матушка-барыня! крикнулъ онъ, — въ саду-то, въ саду!..

— Ну, что еще?..

— Идолица-то наша... Одѣмшись.

Кинулись туда. Мраморная богиня, завернувшаяся въ старый нянинъ ковровый платокъ, накрывъ себѣ голову котомъ, загадочно устремляла недвижный взглядъ въ мистическую глубь засыпанныхъ снѣгами аллей...

Скачки въ Сибири.

(Разсказъ принца Генриха Орлеанскаго въ *Illustration Universelle*).

У насъ, во Франціи, увлеченіе конскими скачками сильно распространено: легко себѣ представить, какова эта страсть въ Россіи, которая славится извѣстными породами лошадей, замѣчательныхъ неутомимостью, и смѣлыми ѣздоками, единственными можетъ-быть въ свѣтѣ. Мы не могли, конечно, ожидать, что сибирскія скачки сколько-нибудь похожи на блестящія состязанія на Отёльскомъ и Лоншанскомъ ипподромахъ, но до насъ доходили такіе слухи, что мы очень были заинтересованы и рѣшились посмотрѣть на одну изъ нихъ. Вотъ самая точная картинка оригинальнаго праздника, на которомъ мы присутствовали.

Послѣ перевала Уральскихъ горъ съ западныхъ склоновъ на востокъ, мы прибыли къ берегамъ Иртыша, первой изъ большихъ судоходныхъ рѣкъ Сибири. По теченію, на сѣверѣ лежитъ Тобольскъ, ближе Омскъ, а нѣсколько километровъ южнѣе — Семипалатинскъ, гдѣ происходили скачки.

Впрочемъ, это далеко не городъ *семи палатъ* или *семи* дворцовъ. Даже нельзя и называть городомъ; это — большая деревня, наводящая уныніе своимъ видомъ; тутъ ни малѣйшей тѣни, кривыя, деревянныя избенки тянутся кое-какъ вдоль песчанаго берега. Кругомъ необозримая голь пустыни, съ кочующими первобытными племенами. Еслибъ не забота объ этихъ обездоленныхъ ордахъ, непонятно было бы, что могло привлечь сюда русскихъ.

Мы прибыли сюда наканунѣ большаго мусульманскаго праздника *Курбанъ-Байрамъ* (большаго Байрама). У киргизовъ въ степи разгулъ, всевозможныя увеселенія и игры. Ихъ старшины услыхали о появленіи двухъ *фаранги*. Такъ они именуютъ французовъ, слывущихъ здѣсь съ давнихъ временъ, едва-ли не съ Крестовыхъ походовъ, удалымъ и храбрѣйшимъ народомъ, и это мнѣніе у нихъ популярно. Прибыли послы; съ предупредительною улыбкой просятъ насъ пожаловать на ихъ праздникъ; мы конечно очень рады случаю взглянуть на нравы и обычаи такъ мало извѣстнаго племени, и то по сомнительнымъ разсказамъ разнаго рода писателей, ничѣмъ не выдающихся, развѣ необузданностью фантазіи.

Утромъ 11 августа мы выѣзжаемъ въ степь. Солнце уже высоко, жгутъ лучи, жгутъ наши подошвы и сыпучіе кругомъ пески. Но утомительный путь не великъ, мы скоро очутились у берега Иртыша. Паромъ быстро несетъ насъ по теченію къ противоположному берегу.

Минуемъ нѣсколько большихъ деревень, заселенныхъ бѣднотой-киргизами, бросившими кочеванье.

За ними опять песчаная степь, ширь и гладь безбрежныя, съ жалкою, пересохшею до желтизны, травою, едва замѣтною. Вдали, здѣсь и тамъ, виднѣются какія-то нагроможденныя кучи камней—и только...

Далѣе *аулы*, родъ кочевыхъ стоянокъ, или *юрты*, по мѣстному названію, какъ у эскимосовъ, похожія на жилища рѣчныхъ бобровъ. По равнинѣ кругомъ, какъ дымъ громаднаго пожара, стелются облака пыли: къ мѣсту праздничнаго сборища со всѣхъ сторонъ скачутъ наѣздники, скачутъ небольшими группами, скорчившись на лошади; въ каждой на пикѣ развѣвается флагъ—это хоругвь племени.

Небольшой холмъ, центръ общаго движенія, кишитъ народомъ, а киргизы все прибываютъ. Куда ни обращенъ взоръ—отовсюду несутся группы за группами. Точно волны морскаго прилива охватываютъ степь. Какая сила ихъ остановитъ? Невольно переносимся мыслью къ давно минувшему, когда орды монголовъ, предковъ этихъ племенъ, подобно тучамъ саранчи летѣли одна за другою покорять міръ подъ водительствомъ Чингисъ-Хана.

Потомки монголовъ сохранили ихъ типъ. У нихъ узкій, длинный разрѣзъ глазъ, выдающіяся скулы, расплюснутый носъ, жиденькая борода, жесткіе волосы, но вообще народъ здоровый, сильный, съ развитыми мускулами, съ выразительными тѣлодвиженіями. Одежда однообразна: острые кожаные колпаки, отороченные барашкомъ, околышекъ зимою опускается на шею. У иныхъ на головѣ *малахай*, родъ остроконечной шапки съ длинными концами, которыми закутываютъ уши и шею. Всѣ они въ длинныхъ, темнаго цвѣта, халатахъ, въ таліи перехваченныхъ поясомъ. Сапоги безъ шпоръ.

У *аксакаловъ*, ихъ вождей, одежда нѣсколько изысканнѣе. Они въ бархатной шапкѣ, халаты обшиты золотымъ или серебрянымъ галуномъ. Для щегольства или, можетъ быть, для отличія, они носятъ простые шальвары. Изъ нихъ выбираются судьи для ристалища, тогда у нихъ на шеѣ виситъ родъ медали на блестящей цѣпочкѣ.

Насъ встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ и ведутъ въ приготовленную палатку.

Послѣ привѣтствій и всякаго рода пожеланій, *аксакалы* просятъ позволенія начать *байгу*—лошадиныя скачки. Изъ всѣхъ удовольствій, у нихъ эта *байга*, разумѣется, на первомъ планѣ.

Намъ подаютъ чаши съ кумысомъ. Толпу зѣвакъ разгоняютъ палками. Она располагается кое-какъ большимъ кругомъ; кто на двухколесной тележкѣ, кто на землѣ, кто верхомъ. Въ середину выходятъ выборные судьи и вызываютъ охотниковъ.

Къ скачкѣ допускаются лошади всѣхъ породъ и возрастовъ; каждый собственникъ можетъ записывать лошадей, сколько хочетъ. За каждую вносится въ кассу по четыре рубля. Это просто складчина для выигрышей. Полицейскій чиновникъ, въ присутствіи выборныхъ, тутъ же на спинѣ киргиза записываетъ по очереди имена—владѣльца лошади и ѣздока, выдаетъ послѣднему нумерокъ, который прикалывается къ халату на видномъ мѣстѣ; затѣмъ отмѣчаетъ примѣты скачущей лошади.

Она вообще не рослая, красивыхъ статей, съ легкою поступью и сильною грудью, какъ у арабскихъ породъ, голова не очень складна, профиль морды не прямой. Усталости, какова бы дорога ни была, она не знаетъ. Мундштукъ коротенькій, на двухъ

узенькихъ ремешкахъ, уздечка жиденькая. Лошадь выѣзжена жеребенкомъ, и слушается даже голоса.

Хвостъ для скачки разбирается у нея въ двѣ косы, конецъ каждой продѣвается въ узенькую матерчатую трубочку, верхняя часть гривы собирается кверху и также перевязывается шелковой лентой: она торчитъ хохолкомъ между ушами. Лошадей не подковываютъ, развѣ для очень дальняго пути.

Сѣдло деревянное, подъ нимъ кусокъ войлока и родъ прямоугольнаго кожанаго чепрака, иногда расшитаго шелками, подпруги узенькія, разукрашенныя у иныхъ металлическими насѣчками, стремена короткія. Нога у ѣздока высоко согнута, точно онъ стоитъ на колѣняхъ, но тѣмъ не менѣе сидитъ очень крѣпко на лошади.

Положительно, этотъ кочевникъ живетъ лошадью, на лошади и для лошади. Онъ не слѣзаетъ съ нея, даже спитъ иногда на ней. Цѣлые дни просидитъ на ней и—не замѣтитъ.

Мы и не дивились, что между ѣздоками видимъ мальчугановъ, отъ восьми до четырнадцати лѣтъ. Всѣ они въ бѣлыхъ рубахахъ, съ пестрыми платками на головѣ, вмѣсто шапокъ; хлыстовъ они не знаютъ: у нихъ, просто, ремень на небольшой деревянной ручкѣ—нагайка.

Записанныя лошади ранжируются въ полукругъ, по порядку нумеровъ. Здоровая фляга кумыса быстро переходитъ изъ рукъ въ руки ѣздоковъ. Она мигомъ осушена. Знакъ поданъ. Наѣздники летятъ къ пункту отправленія, за двадцать пять верстъ отсюда. Всѣ исчезли галопомъ. Два верховые, въ качествѣ блюстителей порядка, зорко слѣдятъ за ними. Доскакавъ до опредѣленнаго мѣста, выстраиваются въ шеренгу; раздается: разъ, два, три! и все несется стрѣлою назадъ.

Ожиданіе, конечно, у насъ довольно долгое. Судьи въ это время дѣлятъ собранную сумму на призы. Прискакавшій первымъ получитъ 16 рублей (40 франковъ), другіе пять—пропорціонально меньше.

Вообще награды ничтожны, призъ рѣдко доходитъ до 100 рублей. Впрочемъ, не всегда: въ 1874 году въ Иссык-кулѣ у каракиргизовъ умеръ одинъ богачъ. Наслѣдники устроили въ его честь скачку; призы были: въ 1000 лошадей, 100 верблюдовъ, 100 шкурокъ норки и 100 тильдъ (мелкой золотой монеты, приблизительно въ 10 фр. цѣною). Если положить, среднимъ числомъ, за лошадь 10 рублей, за верблюда 40, а за норку 5, то составится кругленькая сумма въ 40,000 франковъ. Но такъ какъ здѣсь деньги цѣнятся едва-ли не вчетверо болѣе, чѣмъ у насъ, то подобный призъ имѣетъ то же значеніе, какъ у насъ grand-prix отъ Парижа или др. Та скачка происходила на разстояніи 60 километровъ и по неровной мѣстности; бѣжали едва-ли не болѣе 200 лошадей, въ томъ числѣ три иноходца.

Правда, здѣсь и не помнятъ другой подобной, но хотя и рѣдко, побѣдителю достается иногда 2,000 овецъ или до 1,000 золотыхъ монетъ.

Пока идетъ скачка, зрители заняты рукопашною борьбою. Киргизы кочующіе и киргизы деревень становятся въ два строя другъ противъ друга. На каждой сторонѣ голова, вооруженный палкою, наблюдаетъ за порядкомъ и выкликаетъ бойцовъ. Гладіаторы не сбрасываютъ одежды, — за нее удобнѣе взяться; они не обхватываютъ туловища, а держатся вытянутыми руками. Исходъ единоборства зависитъ отъ крѣпости и силы бедръ и поясницы. Побѣдителемъ считается успѣвшій ринуть противника о-земь навзничь. Киргизы страстные охотники такой гимнастики и неистовыми криками ободряютъ бойцовъ.

Вдругъ все умолкаетъ, бой конченъ. Все мѣшается, снуетъ, толкается, всѣ спѣшатъ по одному направленію. Кто садится на коня; сидѣвшій верхомъ уже скачетъ, кто бѣжитъ сломя голову... Показались ѣздоки. Тутъ выборнымъ работы за порядкомъ будетъ довольно. Случается не мало плутовства. Напримѣръ, ѣздоки прибѣгаютъ къ такому: у иного въ запасѣ на сѣдлѣ веревка; его лошадь дѣлаетъ страшныя усилія, теряетъ силу. Какъ помочь ей? Ѣздокъ бросаетъ конецъ веревки встрѣчному пріятелю,—тотъ на свѣжей, конечно, лошади, скачетъ рядомъ, повидимому изъ любопытства,—а въ небольшомъ разстояніи отъ пункта прибытія веревка исчезаетъ.

Зрѣніе у степныхъ жителей, безъ сомнѣнія, острѣе нашего. Мы только нѣсколько минутъ спустя вдали начали различать въ густыхъ облакахъ пыли какія-то черныя точки, и потомъ уже, мало-по-малу, лошадиныя формы. Одинъ удалецъ опередилъ другихъ метровъ на полтораста. Съ трудомъ пронизываетъ онъ толпу зрителей, бѣгущихъ навстрѣчу съ громкими кликами и поздравленіемъ. Лошадь его, казалось, не только не выбилась изъ силъ, но могла бы пробѣжать и дальше, а она пронеслась уже 50 верстъ и 200 метровъ всего въ два часа и четыре минуты. Пять-шесть ѣздоковъ прискакали почти вслѣдъ за нимъ. Нѣкоторые за три дня передъ тѣмъ сдѣлали 300 и даже 600 верстъ на тѣхъ же лошадяхъ, лишь бы поспѣть во-время на скачку. Лошадь точно каменѣетъ на мѣстѣ, когда ѣздокъ, достигнувъ цѣли, тронетъ поводомъ. Иныхъ отводятъ въ сторону къ палаткамъ, пускаютъ кровь, а наѣздникъ и вида усталости не подаетъ. Такова сила привычки.

Побѣдитель и отъ насъ получаетъ награду. Въ знакъ благодарности онъ ударяетъ себя ладонью по бедру. Конечно, награда заслужена. Выигрышный призъ не его собственность, а принадлежитъ всему племени, — ѣздокъ получаетъ ничтожную долю.

Байга кончена. Начальство усаживается съ нами и принимается усердно за любимое кушанье сартовъ—*палау*, какую-то смѣсь вареныхъ кусковъ баранины въ своемъ жирѣ съ рисомъ и лукомъ. Намъ подаютъ деревянныя ложки, но нашимъ друзьямъ ловчѣе ѣсть пальцами...

Кумысъ такъ и льется; побѣдители торжествуютъ, побѣжденные утѣшаются чѣмъ попало. Шумное раздолье кругомъ. Народъ столпился у барда, присѣвшаго на чемъ-то у палатки, съ поджатыми ногами. Онъ аккомпанируетъ себѣ на какой-то трехструнной гитарѣ (родъ балалайки) и, раскачивая головою, звучно распѣваетъ хвалебныя импровизаціи въ честь иноземцевъ, прибывшихъ издалека, изъ чудной французской земли. Мы просто очарованы оригинальными мотивами пѣсни, чуднымъ мужскимъ голосомъ. Наступаетъ ночь, темнымъ пологомъ стелется она по необъятной равнинѣ. Толпы рѣдѣютъ... все бредетъ къ домашнему очагу.

Часъ, когда по словамъ Магомета нельзя отличить черной нитки отъ бѣлой, уже пробилъ, но ни единаго возгласа имени Аллаха не долетѣло до нашего слуха, а праздникъ большой— Курбанъ-Байрамъ! Ослабла, повидимому, вѣра у тѣхъ, кто покорялъ чуть не весь міръ. Съ вѣрою въ свое оружіе, вѣра въ Аллаха погухла. Теперь ихъ сердца всецѣло отдались лошадямъ, женамъ и степному раздолью.

Къ рисункамъ.

Оборона. (Рис. на стр. 172 и 173).

Двое итальянскихъ солдатъ со своимъ вахмистромъ зашли въ остерію (гостинницу) и повели правильную осаду, ухаживая за двумя хорошенькими прислужницами: одинъ хочетъ блеснуть пламеннымъ краснорѣчіемъ, другой пѣніемъ и музыкой, а старый рубака — остроумными шуточками и прибаутками... Но красотки очень хорошо знаютъ, что

Барабанъ пробьетъ походъ,
Навсегда солдатъ уйдетъ...

А потому не очень внимательно слушаютъ любезниковъ: одна зажимаетъ уши, а другая грозитъ обдать холодной водой изъ кувшина...

Зима. (Рис. на стр. 177).

Въ бойкомъ, эффектномъ рисункѣ художникъ собралъ типическія черты русской зимы: наши шубы и другія мѣховыя одежды, сборъ топлива въ лѣсу, лихую тройку и проч.

Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила" Пушкина. Бой Руслана съ Рогдаемъ.

(Рис. на стр. 180).

При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужь копья брошены далеко.
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены:
Ихъ члены злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожитъ,
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой —
И въ волны съ берега бросаетъ.

Малорусская идиллія. (Рис. на стр. 181).

На темномъ фонѣ весенней ночи выдѣляются лишь звѣзды да цвѣты вишень на гибкихъ вѣткахъ; земля и хатки залиты бѣлымъ какъ мѣлъ луннымъ свѣтомъ. Молодой паробокъ, сидя на призбѣ, даетъ серенаду своей возлюбленной дивчинѣ, которая, за неимѣніемъ балкона, вышла къ плетню своей хаты, и облокотясь на него, слушаетъ игру на самодѣльной сопилкѣ (дудкѣ).

Джоакино Россини. (Портр. на этой стр.).

„Всемірная слава Россини — говоритъ въ своихъ *Musikalische Characterköpfe* Риль о „пезарскомъ лебедѣ“ — имѣетъ своимъ началомъ дни Вѣнскаго конгресса, душное, подавленное десятилѣтіе послѣ войнъ за свободу. Усталые народы нуждались въ убаюкивающихъ пѣсняхъ, и итальянецъ создалъ для этого самую страстную, полную нѣги музыку. Всѣ были пресыщены трагическимъ паѳосомъ Наполеоновской школы, какъ на сценѣ, такъ и въ жизни. Всѣ жаждали припасть къ источнику сладкаго забвенія, даруемому искусствомъ. А гдѣ можно было найти лучшее, какъ не въ операхъ Россини?“ Риль относитъ эти слова къ періоду безграничнаго властвованія Россини на всѣхъ оперныхъ сценахъ, т. е. ко времени между 1813 и 1830 гг., когда онъ дѣйствительно повсюду царилъ единодержавно и былъ альфой и омегой въ музыкальномъ мірѣ. Но мы видимъ, что слава автора „Севильскаго Цырюльника“ и „Вильгельма Телля“ нисколько не померкла и въ настоящее время, и приписывать ее какимъ-либо политическимъ событіямъ—значитъ не понимать значенія Россини. Если бы это было такъ, то объ имени Россини знали бы въ настоящее время одни развѣ спеціалисты, какъ и о многихъ другихъ композиторахъ, ставшихъ уже давно достояніемъ исторіи.

Россини, сто лѣтъ со дня рожденія котораго исполняется 29 февраля, живъ, и нѣтъ такой сцены, которая не ставила бы его лучшихъ по крайней мѣрѣ произведеній; хотя онъ тѣлесно умеръ въ 1868 г., а духовно, т. е. съ точки зрѣнія творчества, еще въ 1829 г.,—имя его не перестаетъ жить, да едва-ли когда-нибудь или по крайней мѣрѣ скоро умретъ. А Россини дѣйствительно не имѣетъ въ исторіи музыки себѣ равныхъ въ смыслѣ добровольной смерти, которой онъ самъ обрекъ себя безъ всякой видимой причины. Почти сорокъ лѣтъ онъ жилъ, ничего не дѣлая для искусства и довольствуясь плодами прежней дѣятельности; въ самомъ расцвѣтѣ силъ и таланта, въ самомъ разгарѣ всеобщихъ восторговъ и безграничнаго поклоненія, онъ оставилъ свое композиторство. Тридцати-семи лѣтъ онъ написалъ своего „Телля“, которому суждено было совершить переворотъ въ оперной музыкѣ, и послѣ этого онъ умеръ для сцены; онъ какъ бы инстинктивно чувствовалъ, что послѣ „Телля“ наступаетъ царство „Роберта“, „Гугенотовъ“ и „Пророка“, или, вѣрнѣе, ихъ творца, Джакомо Мейербера; сценой заговора въ „Теллѣ“ онъ показалъ своему преемнику, какую богатую сцену можно написать для „освященія мечей“ въ „Гугенотахъ“.

Чрезмѣрное ли самолюбіе, не желаніе-ли соперничества изъ-за первенства съ кѣмъ бы то ни было, сознаніе-ли упадка силъ, но фактъ тотъ, что Россини, написавшій около сорока оперъ до 37-лѣтняго возраста, сразу закончилъ свою композиторскую карьеру и больше для сцены не писалъ; его „Stabat mater“ и другіе мелкія вещи, появившіяся за остальное время его жизни, не даютъ ужь понятія о великомъ творцѣ многочисленныхъ оперъ, ставившихся на всѣхъ сценахъ всѣхъ странъ. Что еще удивительнѣе, именно это время онъ жилъ спокойно, матеріально былъ обезпеченъ доходомъ отъ своихъ оперъ, пользовался всеобщимъ почетомъ и любовью. Впрочемъ, если вѣрить его біографамъ Стендалю, Вендту, Рилю, Эттингеру, Клеману, Амбросу и др. (особенно интересны разсказы Гиллера о немъ), вся жизнь его была сплошнымъ праздникомъ. Онъ никогда не задавался никакими „Weltschmerz'ами“; всегда былъ веселъ, остроуменъ, находчивъ, ни о чемъ не печалился и смотрѣлъ на жизнь гораздо проще многихъ другихъ. Это его міросозерцаніе отразилось и на его творчествѣ, и онъ во многомъ напоминаетъ Моцарта, въ особенности въ манерѣ своего письма; онъ писалъ только по вдохновенію и писалъ очень легко и скоро.

Трудно повѣрить, что „Севильскій Цырюльникъ“ написанъ въ *тринадцать дней* и притомъ при условіяхъ конкуренціи съ Паэзіелло, написавшимъ своего „Цырюльника“. Россини даже не рѣшился назвать свою оперу тѣмъ же именемъ; онъ озаглавилъ ее „Альмавива или безполезная предосторожность“. Когда сторонники Паэзіелло шикали и свистали оперѣ и автору, дирижировавшему ее въ первый разъ, одинъ Россини съ невозмутимымъ спокойствіемъ и полнымъ сознаніемъ своего достоинства, аплодировалъ артистамъ, успокаивая ихъ и совѣтуя окончить оперу; но на другой день опера вторично была дана и энтузіазму не было конца, — и энтузіазмъ этотъ охватилъ не только Италію, но и весь міръ. Впрочемъ, слава „пезарскаго лебедя“ уже давно гремѣла по Италіи, еще со времени „Танкреда“, хотя лучшія его произведенія—„Отелло“, „Сорока-воровка“, „Семирамида“, „Моисей“, „Графъ Ори“ и „Вильгельмъ Телль“ — послѣдовали за „Цырюльникомъ“, поставленнымъ впервые въ 1816 г., когда автору было всего 24 года и когда онъ однако писалъ уже *шесть лѣтъ*. Первая его опера „La Cambiale di matrimonio“ была исполнена въ 1810 году, и Россини до этого времени перепробовалъ три карьеры: колбасника, кузнеца и пѣвца.

Джоакино Россини (по поводу 100-й годовщины рожденія).
Съ эстампа на мѣди грав. Шюблеръ.

Россини родился въ Пезаро (отсюда его прозвище „пезарскій лебедь“) въ Романьи, 29 февраля 1792 г. Отецъ его, мясникъ и тубаистъ (игралъ на тубѣ въ оркестрѣ), сначала отдалъ сына, лѣниваго и шаловливаго мальчика, къ колбаснику; видя, что это ремесло не особенно по душѣ мальчику, перемѣнилъ спеціальность сына, послѣ того какъ его самого выпустили изъ тюрьмы, въ которую онъ попалъ за свои политическія убѣжденія. Недолго былъ маленькій Россини и у кузнеца. Мать, красавица собой, во время нахожденія мужа въ тюрьмѣ, поступила на сцену; она обладала хорошимъ голосомъ. Съ нею-то, бывая на репетиціяхъ и спектакляхъ, сынъ пристрастился къ театру и, бѣжавъ изъ кузницы, серьезно принялся за музыку. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Болонскій лицей по классу контрапункта къ Маттеи. Благодаря унаслѣдованнымъ отъ родителей музыкальнымъ способностямъ, онъ сталъ дѣлать громадные успѣхи на этомъ поприщѣ и уже черезъ годъ написалъ свою кантату: „Pianto d'Armonia per la morte d'Orfeo“ (Плачъ Гармоніи о смерти Орфея), а черезъ два года его первая опера уже имѣла успѣхъ, давшій молодому композитору рѣшимость всецѣло отдаться композиціи. Недостатокъ теоретической подготовки онъ дополнилъ практически.

Онъ основательно изучилъ произведенія Моцарта и Гайдна и до „Севильскаго Цырюльника“ написалъ оперъ двѣнадцать, изъ которыхъ многія имѣли большой успѣхъ; этому обстоятельству способствовали отчасти пѣвцы и въ особенности знаменитая Кольбранъ, ставшая впослѣдствіи женою Россини. Онъ первый выдвинулъ партіи басовъ, которые въ итальянской оперѣ почти отсутствовали; такимъ образомъ, благодаря его операмъ, выдѣлились басы Галли, Цукелли и впослѣдствіи знаменитый Лаблашъ. Россини называли „tedeschino“ (нѣмчикомъ) за его основательное знакомство съ нѣмецкою музыкальной литературой. Послѣ „Дѣвы озера“, которую маэстро считалъ своимъ „любимымъ дѣтищемъ“, не имѣвшей однако такого успѣха, какого ожидалъ Россини, онъ отправился въ

Лондонъ (1823 г.), и здѣсь его талантъ, остроуміе, находчивость были оцѣнены по достоинствамъ; за свои концерты онъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти мѣсяцевъ выручилъ до 200 тысячъ франковъ; онъ былъ принятъ въ лучшихъ аристократическихъ домахъ; его вездѣ носили на рукахъ. Но слава его достигла апогея въ Парижѣ, куда онъ прибылъ на 32 году жизни, обезпеченный матеріально, счастливый своимъ повсемѣстнымъ успѣхомъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ директоромъ королевской оперы; онъ поставилъ „Crociato" Мейербера и далъ такимъ образомъ ему ходъ. Познакомившись съ требованіями „Большой оперы", онъ написалъ своего „Телля", который и былъ его „лебединой пѣсней"; онъ убѣдился, что дальше ему некуда идти, большаго успѣха ему не достичь и—почилъ на лаврахъ.

Въ 1866 году, когда въ Вѣнѣ давались концерты для сооруженія памятника Моцарту, Россини прислалъ два хора: „Chant des Titans„ и „Chant de Noël" при слѣдующемъ письмѣ: „Прошу снисхожденія къ этимъ скромнымъ сочиненіямъ, все значеніе которыхъ заключается лишь въ томъ, что ихъ написалъ старикъ, постоянный поклонникъ Моцарта". Россини признанъ всѣми по преимуществу маэстро dell'opera-buffa; особеннымъ блескомъ таланта отличаются его „Цырюльникъ", „Отелло", „Семирамида" и „Моисей"; но „Теллемъ" онъ доказалъ, что ему одинаково доступна серьезная опера, какъ и комическая. Нѣмецкая критика къ нему всегда относилась сурово; послѣдняя же опера Россини вызвала между прочимъ слѣдующія строки извѣстнаго критика Амброса („Culturhistorische Bilder"): „Въ „Теллѣ" нѣтъ ни одной изъ свойственныхъ ему манеръ; замѣтно чрезвычайное богатство формъ: полная любви, очень заботливая разработка частностей при грандіозномъ планѣ общаго; въ этой оперѣ совершенно изгнаны колоратуры, трели и рулады, вполнѣ устранены банальныя каденціи; характеръ и истина выдержаны съ начала до конца, даже мелодіи написаны не по обычному ходу прежней мелодики Россини, отъ которой онѣ заимствовали только прелесть и теплый жизненный колоритъ". Россини, кажется, единственный художникъ, который всю жизнь пользовался славой, но не пережилъ ее.

В. Баскинъ.

Пьетро Масканьи. (Портр. на стр. 188).

Итальянцы частенько таки грѣшатъ противъ заповѣди: „Не сотвори себѣ кумира"; у нихъ „геніи" нарождаются вдругъ; шумъ такой подымутъ, что остается только руками развести; особенно много кричали про автора одноактной оперы „Сельская честь", о которой мы недавно говорили, про Пьетро Масканьи. Если вѣрить не въ мѣру горячившимся итальянскимъ газетамъ, то Верди, услыхавъ „Cavalleria rusticana", будто бы сказалъ: „Теперь я могу спокойно умереть"; Сгамбатти же—пришелъ въ такой восторгъ, что такъ выразился: „объ этой музыкѣ нельзя разсуждать и спорить; она захватываетъ и заставляетъ молчать". Уличная реклама, стоящая въ Италіи вовсе не дорого, пошла гораздо дальше: она занялась вычисленіями въ такомъ родѣ. „Семь первыхъ представленій дали сбору 46 тысячъ франковъ"; „авторъ послѣ оперы былъ вызванъ 48 разъ"; „опера ставится сразу на 12 театрахъ"; всѣ эти и имъ подобные слухи электризовали массу, заинтересовывали антрепренеровъ, и издатель Сондзоньо съ большой прибылью окупилъ свои расходы на изданіе оперы и за плату журналистамъ разныхъ газетъ, трубившимъ славу Сондзоньо и Масканьи.

Реклама добилась своего, имя Масканьи за одну одноактную оперу распространилось гораздо болѣе, чѣмъ имя любаго композитора за 20 лѣтъ дѣятельности. Мы ужь видѣли, каковы достоинства этой оперы (№ 6); но вотъ тотъ же Масканьи написалъ вторую оперу „l'Amico Fritz" и отзывы даже итальянскихъ газетъ о ней очень кислы: „авторъ взялся за неподходящій сюжетъ"; „сюжетъ не по таланту Масканьи"; „композиторъ былъ вызванъ 30 разъ (ужь не 48), но лучше всего второе дѣйствіе" и т. д.

Вотъ свѣдѣнія о жизни такъ внезапно прославившагося композитора. Пьетро Масканьи, сынъ булочника въ Ливорно, родился въ 1863 г. На пути музыкальнаго образованія встрѣтилъ много препятствій (безъ этого „геніи" не обходятся); года два онъ учился въ Миланской консерваторіи, благодаря помощи графа Лардереля, у Саладино, но курса все-таки не окончилъ. Затѣмъ Масканьи года три былъ дирижеромъ оркестра странствующей опереточной труппы; наконецъ онъ поселился въ маленькомъ городкѣ Чериньолѣ, гдѣ принялъ на себя директорство музыкальнаго общества. Отсюда суждено было ему прославиться на весь міръ (такъ гласитъ все та же реклама); тутъ онъ узналъ о конкурсѣ, назначенномъ ловкимъ издателемъ Сондзоньо, прислалъ ему свою „Cavalleria rusticana", она одержала побѣду надъ другими, совершенно уже заурядными произведеніями, и... Масканьи замѣнилъ Верди!..

И вотъ какимъ образомъ создаются „геніи". Но, откинувъ рекламу, нужно все-таки сказать, что Масканьи въ своей первой оперѣ обнаружилъ несомнѣнныя способности писать оперную музыку.

В. Баскинъ.

Водяной велосипедъ, ходящій и на сушѣ.

(Рис. на стр. 188).

Послѣ того какъ въ послѣдніе годы явились изобрѣтатели нѣсколькихъ системъ водяныхъ велосипедовъ, недавно обратила на себя особенное вниманіе система Георга Пинкерта, которому послѣ многолѣтнихъ опытовъ удалось построить вполнѣ удачный велосипедъ, ходящій и на водѣ и на сушѣ. Съ этимъ трехколеснымъ велосипедомъ можно ѣхать съ довольно большою скоростью не только прямо въ воду, но и обратно на берегъ. Поэтому привилегированный въ Россіи и во всѣхъ странахъ велосипедъ Пинкерта удобенъ для военныхъ цѣлей, при крѣпостяхъ лежащихъ на берегу рѣки, озера или моря, далѣе для служащихъ при таможняхъ, портахъ и водяныхъ сооруженіяхъ, для охотника, для сообщенія на рѣкахъ съ сильнымъ теченіемъ или на водахъ съ мелями и порогами и т. д., вообще тамъ, гдѣ лодки трудно употребить, съ условіемъ конечно чтобы берегъ не былъ слишкомъ крутъ.

Для туристовъ велосипедъ системы Пинкерта очень практиченъ, такъ какъ можно прямо ѣхать не обходя рѣкъ, озеръ и мелей и пороговъ въ нихъ. Колеса этого велосипеда построены изъ прессованной стали и изъ двойныхъ листовъ, наружнаго и внутренняго, такъ что если наружный листъ сломается (объ камень и пр.), все-таки внутренній листъ остается неповрежденнымъ; велосипедъ поэтому вполнѣ безопасенъ. Кромѣ того онъ управляется очень легко и дѣлаетъ поворотъ на мѣстѣ. Вѣсъ его около 3½ пудовъ, такъ что и осадка его небольшая. Строятся велосипеды такой же системы и для двухъ лицъ и разныхъ величинъ, смотря по вѣсу велосипедиста-заказчика; а если для морскихъ береговъ требуется, то и съ большею устойчивостью, почему съ привязаннымъ на длинной веревкѣ спасательнымъ кругомъ и съ багромъ онъ и удобенъ для спасательныхъ станцій, тѣмъ болѣе что всѣ, и дамы и дѣти, никогда не ѣздившія на велосипедѣ, съ перваго раза легко могутъ на немъ ѣхать. Велосипедъ этотъ можно теперь видѣть въ дѣйствіи на водѣ въ здѣшнемъ циркѣ и получать здѣсь въ Петербургѣ, у Виктора Рулипа, Вас. Остр., 10 лин., 43, который и дастъ подробныя объясненія.

Подземныя желѣзныя дороги въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 189).

Громадное движеніе по улицамъ Парижа, но все-таки недостаточное для многомилліонной столицы Франціи, вызвало необходимость устройства сѣти подземныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ проектѣ, представленномъ къ утвержденію компаніею Эйфеля и сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, особенно интересно устройство тунелей, не препятствующее сообщенію по улицамъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ четыре главные момента этого устройства. Производится оно подъ прикрытіемъ перевознаго моста, длиною около 17 сажень, покрывающаго совершенно ту часть дороги, подъ которою совершаются земляныя и каменныя работы по проведенію туннеля. Въ теченіе ночи мостъ передвигается постепенно по мѣрѣ того, какъ идутъ работы. Работы начинаются съ возведенія боковыхъ стѣнокъ. Затѣмъ выводится сводъ и во все время этихъ работъ сохраняется открытою для уличнаго движенія ⅓—⅔ дороги. Когда сводъ выведенъ, изъ-подъ него увозится земля по главному пути и по боковымъ галереямъ. По этимъ галереямъ предполагаютъ пускать цѣлый рядъ поѣздовъ двухъ классовъ, на подобіе поѣздовъ между Парижемъ и Сенъ-Дени. Скорость ихъ должна доходить до 13—14 верстъ въ часъ, считая остановки. Устройство всей сѣти дорогъ полагаютъ окончить въ три года.

Объ иллюстраціяхъ „Мертвыхъ душъ".

Все, что касается такого произведенія какъ „Мертвыя души" Гоголя, безъ сомнѣнія, достойно полнаго вниманія каждаго образованнаго русскаго человѣка. Къ изданію этого литературнаго произведенія ближе многаго другаго касаются его иллюстраціи, имѣющія своею задачей восполнить художественное впечатлѣніе текста посредствомъ графическихъ изображеній, воспроизводящихъ описанныя авторомъ лица и бытовую обстановку жизни тогдашняго времени. Поэтому иллюстраціи къ литературному произведенію такого большаго значенія, какъ „Мертвыя души", должны быть очень дороги для народа, изъ котораго вышелъ данный крупный писатель, и образованнымъ людямъ въ этомъ народѣ слѣдуетъ знать, что относится ко всѣмъ попыткамъ представить извѣстное произведеніе въ лицахъ и обстановкѣ; а между тѣмъ есть не только подозрѣнія и сомнѣнія, но есть явныя примѣты, что огромному большинству русскаго общества, по удивительному его невниманію къ родной литературѣ, совсѣмъ неизвѣстно, какіе были сдѣланы опыты представить „Мертвыя души" въ иллюстраціяхъ, и какіе всякій опытъ далъ результаты? А какъ въ нынѣшнемъ 1892 году вышли новымъ изданіемъ старые ри-

сунки Агина, бывшіе долгое время рѣдкостью и продававшіеся очень дорогою цѣною, то теперь у насъ не только есть поводъ, но у насъ есть побудительная причина и даже обязанность напомнить, что въ этомъ отношеніи дѣлалось, и при томъ указать, что при выходѣ иллюстрацій было необыкновеннаго, и чѣмъ одно изданіе отличается отъ другаго.

Иллюстрировали „Мертвыя души" три русскіе художника: Агинъ, Боклевскій и П. Соколовъ. Всѣхъ подробнѣе и обстоятельнѣе, рисуя сцену за сценою, изготовлялъ свои иллюстраціи Агинъ. Онъ выпустилъ 72 картины, гравированныхъ на деревѣ Бернадскимъ; хотѣлъ онъ выпустить *сто* картинъ, а нарисовалъ ихъ даже не сто, а *сто три*; но выпущены имъ были только 72, а остальныя *до ста* были отгравированы Бернадскимъ, по въ свѣтъ не вышли; а *три* хотя тоже были отгравированы, и пожалуй тоже вышли, но *сникли* и составляютъ нынче такую большую рѣдкость, что о нихъ почти никто и не знаетъ.

Это вотъ и стоитъ того, чтобы быть разъясненнымъ теперь, когда вышло новымъ изданіемъ *сто* рисунковъ Агина, и къ нимъ *недостаетъ трехъ*, о которыхъ русскіе писатели и художники должны бы знать, но не знаютъ.

Случай былъ такого рода: когда Агинъ нарисовалъ три рисунка, изображавшіе сцены изъ исторіи „Капитана Копѣйкина" (въ 1847 г.), въ Петербургѣ редакціею *Современника* приготовлялся къ изданію „Иллюстрированный Альманахъ", и издатели этого „Альманаха" пріобрѣли у Агина *два* рисунка для помѣщенія ихъ въ своемъ „Альманахѣ", — что и исполнили. Но въ этомъ же „Альманахѣ" они помѣстили повѣсть г-жи Панаевой (Станицкаго) подъ заглавіемъ „Семейство Тальниковыхъ", которая обратила тогда на себя чье-то особенное вниманіе и вызвала противъ себя особенную же мѣру, или полумѣру: „Альманахъ", *ради этой повѣсти*, не могъ быть выпущенъ въ свѣтъ, а былъ связанъ, запечатанъ и лежалъ очень долго на чердакѣ въ помѣщеніи редакціи. А издатели его, *взамѣнъ опечатаннаго* въ 1848 г. „Альманаха", выпустили въ 1849 году „Литературный Сборникъ", гдѣ опять, стараясь придерживаться программы „Альманаха", помѣстили *одну* (третью) картинку Агина къ исторіи „Капитана Копѣйкина". Эта и вышла въ свѣтъ; а когда *черезъ десять лѣтъ* по какому-то случаю хозяева *Современника* хватились сложеннаго на ихъ чердакѣ опечатаннаго „Альманаха", то оказалось, что съ покражею этою случилась неожиданность: всѣ связки съ „Альманахомъ" *пропали*. И никакого розыска объ этой пропажѣ не дѣлали, да и поздно было уже его дѣлать. Это дѣло о пропажѣ — оставили безъ послѣдствій, что было тѣмъ удобнѣе, что *офиціальнаго запрещенія на этотъ „Альманахъ" никогда не было*.

Такъ, *два* рисунка Агина къ исторіи „Капитана Копѣйкина" *пропали* и, вѣроятно, изведены гдѣ-нибудь на оклейку стѣнъ или на бумажный перемолъ, но въ рѣдкостномъ собраніи П. А. Ефремова есть по экземпляру каждаго изъ этихъ двухъ рисунковъ, а также есть и третій рисунокъ, вышедшій въ *Лит. Сборникѣ* 1849 года. *Но доски всѣхъ этихъ трехъ рисунковъ пропали безслѣдно.*

Теперь, когда случайно найдены доски *ста* рисунковъ Агина, съ которыхъ въ нынѣшнемъ, 1892 г., книгопродавецъ Д. Өедоровъ издалъ альбомъ подъ заглавіемъ „*Сто рисунковъ* къ поэмѣ Гоголя", любители литературы получили большое удовольствіе: они за дешевую цѣну (3 р.) пріобрѣтаютъ теперь самую пространную и самую подробную иллюстрацію „Мертвыхъ душъ"; но когда знаешь, какъ шли дѣла съ иллюстраціею поэмы, то все-таки нельзя не жалѣть, что въ этомъ альбомѣ заключаются *не всѣ* картинки, нарисованныя Агинымъ, т. е., что ихъ тутъ только *сто*, тогда какъ ихъ нарисовано *сто три*. Положимъ, что двѣ картинки, попавшія въ „Альманахъ" и одна въ *Лит. Сборникъ*, Агинымъ были *перерисованы* для Альбома, но это не замѣнило тѣхъ, которыя были прежде нарисованы, и потому не восполнило художественной утраты, ибо тогда, когда это случилось, многимъ было извѣстно, что Агинъ, послѣ опечатанія „Альманаха", безъ причины растерялся и старался нарисовать вновь напечатанныя въ „Альманахѣ" картины *совсѣмъ иначе*, какъ онѣ были имъ нарисованы въ первый разъ, по свободному вдохновенію. И это видно съ перваго взгляда, если сравнивать картинки о капитанѣ Копѣйкинѣ, находящіяся въ альбомѣ, изданномъ Д. Өедоровымъ, съ картинками, которыя сохранились въ собраніи библіографическихъ рѣдкостей П. А. Ефремова. Разница въ достоинствѣ и мѣткости рисунка особенно замѣтна въ картинкѣ, представляющей волокитство Копѣйкина за англичанкою, которая проходитъ мимо Милютинскихъ лавокъ. Во всякомъ случаѣ, эти три картинки составляютъ необходимое пополненіе Агинскаго альбома, изданнаго нынѣ книгопродавцемъ Өедоровымъ, и пока ихъ въ этомъ альбомѣ пѣтъ, мы должны считать, что альбомъ все-таки представляетъ собою *не все*, что Агинъ нарисовалъ, а Бернадскій выгравировалъ къ поэмѣ „Мертвыя души"; и что для того, чтобы альбомъ явился полнымъ собраніемъ всѣхъ Агинскихъ рисунковъ—необходимо, чтобы съ трехъ картинокъ, доски которыхъ пропали, были сдѣланы снимки фотогравюрою или цинкографіею, и чтобы онѣ были доступны для пріобрѣтенія тѣми лицами, которыя пріобрѣтаютъ теперь „Сто рисунковъ" Агина, въ изданіи Д. Өедорова (1892 года).

Возможность къ этому существуетъ полная, такъ какъ П. А. Ефремовъ, по всей вѣроятности, не откажется обязательно ссудить свои картинки Агина для воспроизведенія однимъ изъ современныхъ способовъ, и у издателя еще не ушло время ихъ изготовить и успѣть ихъ присоединить къ выпущенному въ продажу новому изданію Агинскаго альбома.

Но такъ какъ мы живемъ въ обществѣ которое славится равнодушіемъ къ литературѣ, и въ немъ очень мало людей которые могутъ понимать: почему именно слѣдуетъ дорожить каждымъ извѣстнымъ рисункомъ Агина и ревниво хлопотать о ихъ воспроизведеніи, тогда какъ есть уже сто рисунковъ этого художника, и кромѣ того, существуютъ альбомы работы Боклевскаго и П. Соколова—то надлежитъ объяснить здѣсь о томъ, чѣмъ особенно важны всѣ рисунки Агина и черезъ что они не утрачиваютъ своей драгоцѣнности, несмотря на существующіе рисунки Боклевскаго и П. Соколова. Рисунки Боклевскаго славятся своею *веселостію*, и въ этомъ смыслѣ они очень хороши, но они впадаютъ въ шаржъ и даже въ карикатурность, а потому ихъ нечего и сравнивать съ рисунками Агина, который рисовалъ очень правильно и старался дать *типы* гоголевскихъ лицъ, которые были ему знакомы, какъ современнику; а новѣйшіе рисунки П. Соколова—превосходны и похвалены въ газетахъ по достоинству (въ нихъ особенно достойна вниманія обстановочная сторона, которая бѣдна у Агина), но у г. Соколова, въ его альбомѣ всего только *12 картинъ*, и сообразно этому, значитъ, изображено только 12 сценъ изъ „Мертвыхъ душъ", тогда какъ у Агина 103 картины, представляющія сто разныхъ моментовъ и три сцены въ двухъ варіантахъ... Это всегда будетъ давать Агинскому альбому преимущество передъ альбомами менѣе полными, и потому-то любителю литературы Агинскій альбомъ рисунковъ къ „Мертвымъ душамъ" непремѣнно будетъ интереснѣе и драгоцѣннѣе другихъ двухъ альбомовъ, тоже очень хорошихъ, но не представляющихъ собою всей той полноты, какую мы находимъ въ альбомѣ рисунковъ Агина.

Николай Лѣсковъ.

Политическое обозрѣніе.

Выдающимся событіемъ минувшихъ дней является паденіе французскаго министерства, о чемъ мы уже сообщали вкратцѣ въ прошломъ Обозрѣніи. Произошло оно совершенно неожиданно; тѣмъ не менѣе въ теченіе всего засѣданія палаты, въ которомъ оно совершилось, министерство вело себя, точно идя навстрѣчу своему паденію. Произошло оно изъ-за незначительнаго въ сущности предложенія Гюббара о признаніи неотложности обсужденія законопроекта объ ассоціаціяхъ. Кассаньякъ поддержалъ это предложеніе, мотивируя свои требованія необходимостью, чтобы палата скорѣе расправилась съ крайне возмутительнымъ проектомъ. Фрейсинэ отвѣтилъ, что правительство соглашается на безотложность, но просто какъ на процедуру обсужденія законопроекта, а вовсе не какъ на подготовительный актъ къ отдѣленію церкви отъ государства. Если духовенство не станетъ внимать мудрымъ совѣтамъ папы, указывающаго на необходимость признанія католиками установленнаго правительства, то республиканцы обратятся къ всенародному голосованію. Бриссонъ и Клемансо находятъ декларацію Фрейсинэ не достаточно ясною и требуютъ, чтобы правительство откровенно высказалось за борьбу съ церковью. Сторонникъ правительства Пуркерсъ-де-Буассеренъ внесъ затѣмъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предлагающую правительству продолжать республиканскую политику, и Фрейсинэ принимаетъ эту формулу, поставивъ въ то же время кабинетный вопросъ. Палата, большинствомъ 304 голосовъ противъ 212, отвергла формулу де-Буассерена. Такое рѣшеніе вызвало сильное волненіе и министры оставили залу засѣданій. Предложенная затѣмъ Пишономъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ отвергнута большинствомъ 299 голосовъ противъ 191, и послѣ того сейчасъ же, большинствомъ 286 голосовъ противъ 246, палата отвергла предложеніе о признаніи неотложности обсужденія законопроекта объ ассоціаціяхъ. Такимъ образомъ предложеніе г. Гюббара, вызвавъ пренія по вопросу объ отношеніяхъ церкви къ государству, сдѣлало необходимымъ голосованіе, при которомъ сплотилось 194 радикала со 110 членами правой стороны, и министерство оказалось въ меньшинствѣ. Отставка министерства была вслѣдъ затѣмъ принята президентомъ поручившимъ сначала г. Рувье, а потомъ г. Буржуа, составить новое министерство, въ которомъ вѣроятно останутся нѣсколько членовъ прежняго кабинета.

Изъ Буда-Пешта передаютъ, что императоръ Францъ-Іосифъ открылъ 10 февраля венгерскій сеймъ рѣчью, въ которой, прежде всего, упомянулъ объ исполнившейся 25-ти-лѣтней годовщинѣ улаженія отношеній Венгріи къ монархіи. Затѣмъ

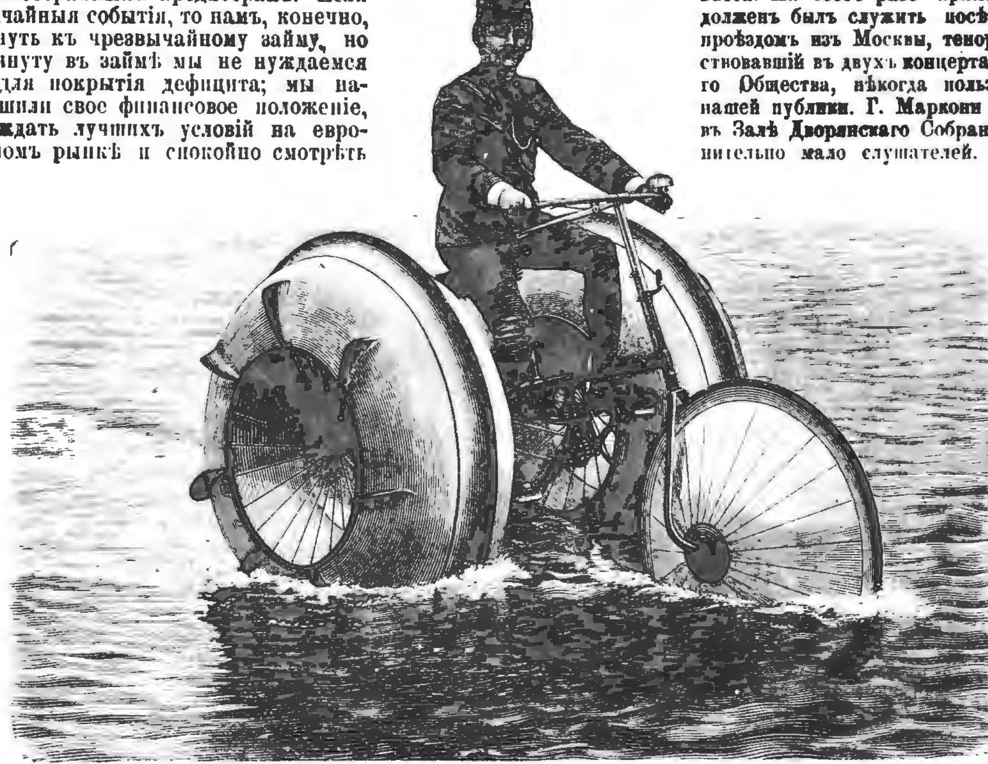
онъ сказалъ, что въ виду улучшившихся финансовыхъ условій Венгріи въ сеймъ будутъ вскорѣ внесены законопроекты относительно регулированія валюты и о податной реформѣ. Далѣе тронная рѣчь касается внутреннихъ преобразованій, особенно же административной реформы. Мѣсто рѣчи, касающееся иностранной политики, изложено въ слѣдующихъ словахъ: „При закрытіи предшествующаго сейма мы упоминали о нашихъ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ иностраннымъ державамъ; мы можемъ съ удовольствіемъ сказать, что отношенія эти остаются и теперь безъ измѣненія". Рѣчь свою императоръ заключилъ пожеланіемъ, чтобы сеймъ благоразумно и спокойно воспользовался мирнымъ временемъ для совершенія великаго дѣла внутренняго преобразованія.

Въ Бѣлградѣ, 8 февраля, при обсужденіи въ скупщинѣ финансоваго закона министръ-президентъ Пашичъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Ложныя утвержденія оппозиціонныхъ ораторовъ относительно финансоваго положенія Сербіи и совпадающія съ ними тенденціозныя сообщенія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ поощрили предпринять кампанію противъ сербскихъ цѣнностей. Между тѣмъ, въ послѣднее время, финансовое положеніе Сербіи значительно улучшилось и окрѣпло. Когда мы вступили въ управленіе дѣлами, дефицитъ достигалъ изъ года въ годъ отъ восьми до десяти милліоновъ; мы же стали постепенно сокращать дефицитъ и на 1892 годъ имѣли возможность представить бюджетъ вполнѣ уравновѣшенный и безъ всякаго дефицита. Точно такъ же мы имѣли возможность категорически опровергнуть извѣстія о предстоящихъ займахъ. Сербское финансовое управленіе не нуждается въ новыхъ займахъ для покрытія обыкновенныхъ расходовъ и для исполненія своихъ обязательствъ по отношенію къ иностраннымъ кредиторамъ. Если наступятъ чрезвычайныя событія, то намъ, конечно, придется прибѣгнуть къ чрезвычайному займу, но въ настоящую минуту въ займѣ мы не нуждаемся и меньше всего для покрытія дефицита; мы настолько уже улучшили свое финансовое положеніе, что можемъ обождать лучшихъ условій на европейскомъ денежномъ рынкѣ и спокойно смотрѣть въ будущее".

Разоблаченія о грубомъ обращеніи съ рядовыми въ Германіи не прекращаются, и соціалистская газета *Vorwaerts*, вслѣдъ за извѣстнымъ приказомъ принца Георга Саксонскаго, теперь напечатала конфиденціальный приказъ баварскаго военнаго министра командиру 2-го баварскаго корпуса по тому же предмету. Въ то же время рейхстагъ уже успѣлъ принять большинствомъ 143 голосовъ противъ 100 тотъ пунктъ внесеннаго націоналъ-либералами и вольномыслящими предложенія, который касается постояннаго характера и самостоятельности военныхъ судовъ и гласнаго и устнаго судопроизводства, равно какъ предложеніе одной изъ парламентскихъ комиссій, относящееся къ облегченію подачи жалобъ солдатами.

Пьетро Масканьи.

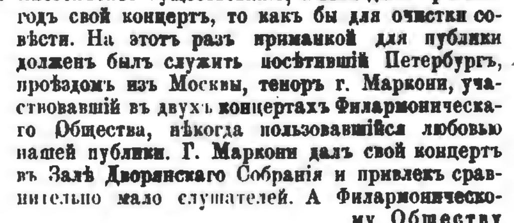

Водяной велосипедъ, который и на сушѣ идетъ.

Искусство.

Наше Филармоническое Общество даетъ обыкновенно разъ въ годъ свой концертъ съ благотворительною цѣлью; почему оно такъ рѣдко обнаруживаетъ свою жизнеспособность—неизвѣстно. Но если бы оно и вовсе не преслѣдовало никакихъ художественныхъ цѣлей, кромѣ благотворительности, то и тогда было бы совершенно непонятно, почему оно въ текущемъ сезонѣ, когда силой обстоятельствъ населеніе неурожайныхъ губерній всего болѣе нуждается въ поддержкѣ и благотворительности, не дастъ нѣсколькихъ вечеровъ, хотя бы съ такой же, достойной всякаго сочувствія, цѣлью. Всѣ наши музыкальныя учрежденія и выдающіеся дѣятели откликнулись на постигнувшее насъ бѣдствіе. А. Г. Рубинштейнъ нарочно пріѣхалъ изъ-за границы съ тѣмъ, чтобы дать по два концерта въ Петербургѣ и Москвѣ въ пользу голодающихъ. Не ограничившись этимъ, онъ отправился за-границу концертировать съ такою же цѣлью и посѣтитъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Вѣну и Берлинъ. По стопамъ великаго артиста пошли и другіе; но Филармоническое Общество стоитъ особнякомъ и мало интересуется не только искусствомъ, но и жизнью.

Въ области искусства оно представляетъ собой рѣдкій контрастъ съ Московскимъ Филармоническимъ Обществомъ, являющимся такимъ серьезнымъ конкурентомъ Русскому Музыкальному Обществу. Московское даетъ въ теченіе сезона столько же музыкальныхъ собраній, сколько Русское Музыкальное Общество симфоническихъ, т. е. двѣнадцать; собираетъ публику, и не въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ эти послѣднія; имѣетъ свое музыкально-драматическое училище, считающееся опаснымъ соперникомъ консерваторіи. Наше же Общество никакой дѣятельности не обнаруживаетъ, несмотря на свое многолѣтнее существованіе, а если даетъ разъ въ годъ свой концертъ, то какъ бы для очистки совѣсти. На этотъ разъ приманкой для публики долженъ былъ служить посѣтившій Петербургъ, проѣздомъ изъ Москвы, теноръ г. Маркони, участвовавшій въ двухъ концертахъ Филармоническаго Общества, нѣкогда пользовавшійся любовью нашей публики. Г. Маркони далъ свой концертъ въ Залѣ Дворянскаго Собранія и привлекъ сравнительно мало слушателей. А Филармоническому Обществу онъ ужъ могъ дать развѣ только дефицитъ, хотя онъ имѣлъ большой внѣшній успѣхъ въ обоихъ концертахъ.

Мы никогда не ставили этого пѣвца въ ряды „свѣтилъ", какъ потому, что голосъ его достаточно-таки „бѣлый" и нѣсколько сдавленный, такъ и потому, что въ его исполненіи не видно художника, человѣка съ артистическимъ вкусомъ. Напримѣръ, въ обоихъ концертахъ г. Маркони находилъ возможнымъ и нужнымъ пѣть разныя народныя неаполитанскія пѣсни, распѣваемыя тамъ чуть-ли не въ портерныхъ и съ „шикомъ" весьма сомнительной пробы. Публика приходила въ неистовый восторгъ и награждала его безконечными вызовами, аплодисментами, криками „bis" и пр. Г. Маркони охотно исполнялъ ея требованія; но артистъ съ большимъ развитіемъ не сталъ бы распѣвать въ Дворянскомъ Собраніи такія

пѣсенки, которыя дозволительны развѣ только въ веселой компаніи. Истинный артистъ руководитъ вкусами публики, а не угождаетъ имъ; подымаетъ ихъ къ себѣ, а не опускается до нихъ, — таковъ Рубинштейнъ. Но жажда нравиться и аплодисментовъ ослѣпляетъ не одного г. Маркони,—онъ только не исключеніе изъ большинства. Истинные художники между артистами довольно-таки рѣдкое явленіе...

В. Б.

Смѣсь.

Новый способъ отопленія желѣзнодорожныхъ вагоновъ введенъ во Франціи на Сѣверной дорогѣ. Всѣ вагоны будутъ отопляться ящиками наполненными уксусокислою содой. Сода кладется въ ящики въ твердомъ состояніи, затѣмъ эти ящики ставятся въ горячую воду, при чемъ сода плавится. Изъ горячей воды ящики переносятся въ вагоны. Сода тотчасъ же начинаетъ кристаллизоваться и во время этого процесса въ теченіе 5–6 часовъ испускаетъ теплоту, которую поглотила при плавленіи, благодаря чему нагрѣвается воздухъ вагона. (к).

Долговѣчность эллиновъ. Большинство древнегреческихъ поэтовъ, писателей, философовъ и государственныхъ людей достигали глубочайшей старости. Поэтъ и философъ Ксенофанъ Колофонскій умеръ 100 лѣтъ отъ роду, комикъ Эпихаридъ — 90, лирикъ Анакреонъ 85, лирическій поэтъ Симонидъ съ острова Кеоса 89, знаменитый поэтъ Пиндаръ 80, трагикъ Софоклъ 91, комикъ Кратинъ 97, софистъ Горгій 108, законодатель Солонъ 81, историкъ Ксенофонтъ 90, Аристовулъ 90, Гіеронимъ 104, Ктесибій 124, знаменитый абдерскій философъ Демокритъ 100, философъ Платонъ 81, Теофрастъ 90, Зенонъ 98, философъ Ксенократъ, ученикъ Платона, 84, Хризиппъ 81, философъ Клеантъ 99, Посидоній 84, Критолай 82, скептическій философъ Карнеадъ 90, риторъ Исократъ 98, спартанскій царь и полководецъ Агезилай 80, и аѳинскій полководецъ Фокіонъ 85. Благодаря правильной жизни, всѣ эти люди пользовались до самой старости физическимъ здоровьемъ и спокойствіемъ духа. (к).

Во что обходятся Англіи преступники, видно изъ одного приложенія къ газетѣ *Times*, въ которомъ нѣкто г. Моррисонъ приводитъ слѣдующія статистическія данныя: ежегодные полицейскіе расходы достигаютъ до 5.859,940 фунтовъ стерлингъ, тюремные—до 1.020,343 фунт. ст., а расходы по исправительнымъ и рабочимъ домамъ (не включая Ирландію) — до 593,551 фунт. ст. Въ общей сложности издержки достигаютъ громадной суммы въ 7.473,834 фунт. стерлингъ, которая ежегодно увеличивается. Если прибавить сюда расходы по уголовнымъ процессамъ, содержанію судей и другихъ чиновниковъ, то окажется, что преступники обходятся Англіи ежегодно болѣе, чѣмъ въ 10.000,000 фунт. стерлингъ. (к.)

Способы узнавать несвѣжія яйца. 1) Посмотрѣть яйцо на солнце или на свѣчку. Свѣжее будетъ прозрачно, тогда какъ испорченное темно. 2) Опустить яйцо въ воду; свѣжее потонетъ, а испорченное будетъ держаться на водѣ. (к).

Скорость голубинаго полета. Недавно, по сообщенію германскихъ газетъ, почтовые голуби Кельнскаго общества совершили путь между Кельномъ и Лозанной, т. е. 540 километровъ, съ изумительною скоростью въ 8 часовъ. (к).

Отличная прочная замазка приготовляется, по словамъ журнала *Diamant*, слѣдующимъ образомъ: раскалить и истолочь въ порошокъ чистую охру и всыпать ее въ смѣсь изъ расплавленныхъ смолъ колофонія и терпентина. Замазку употреблять въ жидкомъ видѣ; по отвердѣніи она становится прочной, какъ камень. (к.)

Проектъ подземной желѣзной дороги въ Парижѣ.
1—4. Способъ устройства туннелей. 1—2. Выведеніе боковой стѣнки. 3. Устройство свода. 4. Удаленіе земли и настилка дна.

Врачебная наука недавняго прошлаго. Когда въ 1836 году королевское баварское правительство задумало построить желѣзную дорогу между Нюренбергомъ и Фюртомъ, сочли нужнымъ затребовать мнѣніе высшей медицинской коллегіи королевства Баварскаго о возможныхъ послѣдствіяхъ быстрой ѣзды для человѣческаго организма. Замѣчательный отвѣтъ этого ученаго собранія гласилъ буквально слѣдующее: „Въ интересахъ общественнаго здоровья слѣдуетъ запретить путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ. Быстрое движеніе неминуемо должно вызвать у пассажировъ особую болѣзнь мозга, родъ бѣшенаго помѣшательства. Если же люди будутъ упорствовать въ своемъ намѣреніи быстро передвигаться съ мѣста на мѣсто, презирая грозящую имъ опасность, то государство обязано по крайней мѣрѣ охранять случайныхъ зрителей такого бѣшенаго движенія, такъ какъ достаточно одного только взгляда на быстро несущійся паровозъ, чтобы получить упомянутую выше болѣзнь мозга. Поэтому необходимо потребовать, чтобы весь желѣзнодорожный путь обставленъ былъ съ обѣихъ сторонъ сплошнымъ дощатымъ заборомъ вышиною не менѣе пяти футовъ." Можно себѣ представить послѣ того, какъ успѣшно могли лѣчить тогдашніе врачи при подобномъ состояніи медицинскихъ знаній. (А).

Пловучія преріи въ Луизіанѣ. Вдоль всего Мексиканскаго залива плаваютъ на водѣ части отлогаго морскаго берега. Это такъ наз. Prairies tremblants, образуемыя падающими въ воду и уносимыми морскимъ теченіемъ, деревьями и кустами травъ, въ которыхъ скопляются землистыя частицы, исподволь отвердѣвающія до того, что выносятъ на себѣ тяжесть кустарниковъ и даже деревьевъ. Толщина ихъ слоя не превышаетъ трехъ дюймовъ и потому онъ остается на поверхности воды, а иногда отрываются отъ него цѣлые куски, образуя островки, свободно плавающіе по заливу. У береговъ республики Санъ-Сальвадора находится множество такихъ островковъ, гонимыхъ вѣтромъ, при чемъ деревья служатъ имъ парусами. (А).

Когда земля будетъ окончательно заселена. Англійскій ученый Равенстейнъ, на основаніи отчетовъ Лондонскаго географическаго общества и собственныхъ вычисленій, пытается разрѣшить вопросъ, когда земля будетъ окончательно заселена людьми. Въ настоящее время земля, насчитывающая всего 1.467 милліоновъ обитателей, населена еще не плотно, въ общемъ на 1 англійскую кв. милю (2,59 кв. километра) приходится 31 житель. Раздѣливъ всю земную поверхность въ 46.350.000 англійскихъ кв. миль на 3 полосы: плодородную, степную и пустынную, найдемъ что первая обнимаетъ приблизительно 28.000.000 англійскихъ кв. миль, вторая—14 и третья всего—4. Въ плодородной части земли maximum жителей на 1 кв. милю не можетъ превысить 207, такъ какъ большее количество земля не въ состояніи кормить. Цифра эта есть средняя величина числа жителей на 1 кв. милю во всѣхъ густо населенныхъ странахъ: Индіи (175), Китаѣ (295), Японіи (264) и др. Въ общемъ въ каждое десятилѣтіе населеніе Европы возрастаетъ на 8,7%, Азіи на 6%, Африки на 10%, Австраліи и Полинезіи на 30%, Сѣверной Америки на 20% и Южной на 15%. Въ среднемъ населеніе земли за 10 лѣтъ увеличивается на 8%. Изъ этого Равенстейнъ выводитъ, что въ 2072 году, то есть черезъ 180 лѣтъ населеніе земли возрастетъ до 5.994 милліоновъ и покроетъ собою всю плодородную часть земли. Замѣчательно, что какъ разъ къ этому времени по предсказанію геологовъ будетъ исчерпанъ весь запасъ каменнаго угля, находящійся въ нѣдрахъ Англіи. (к).

Бумага изъ желѣза. Уже въ 1851 году на первой англійской всемірной выставкѣ можно было видѣть бумагу, сдѣланную изъ желѣза и приспособленную для письма. Идея эта въ настоящее время была вновь подхвачена нѣсколькими англійскими желѣзными фабрикантами, между которыми теперь возникла оживленная конкуренція. Тонкость листа желѣзной бумаги не превышаетъ 1/1800 англійскаго дюйма. Изумительная тонкость новой бумаги станетъ еще понятнѣе, когда мы сравнимъ ее съ обыкновенною, листъ которой имѣетъ 1/1200 англійскаго дюйма толщины. Новая бумага, благодаря своей полированной поверхности, крайне удобна для скорописи, несмотря на то, что обладаетъ порами. (к).

Рѣдкій дневникъ. Одинъ изъ японскихъ журналовъ недавно помѣстилъ описаніе интереснаго дневника, принадлежащаго нѣкоему Хозакѣ, помѣщику изъ провинціи Кошинъ, находящейся посреди главнаго острова государства Микадо. Этотъ дневникъ ведется аккуратно уже болѣе трехсотъ лѣтъ и начатъ Хозакою, предкомъ нынѣшняго владѣльца, во время паденія рода Такеда, правившаго провинціею Кошинъ при великомъ японскомъ государѣ Іоритомо. Въ немъ безъ преувеличеній описаны семейныя дѣла и заслуги предъ правительствомъ членовъ рода Хозака. Главы семьи поочередно добросовѣстно заносили туда даже самыя незначительныя мелочи, въ родѣ ежедневнаго состоянія погоды и т. п. На этотъ дневникъ обратили вниманіе по поводу возникшаго недавно процесса о родствѣ между двумя вѣтвями одного именитаго рода. Благодаря дневнику споръ этотъ былъ легко разрѣшенъ. За свое долголѣтнее существованіе дневникъ достигъ значительнаго объема: онъ помѣщается въ 8 сундукахъ, въ 5 фут. дл., 2 шир. и 2½ выш. каждый. (к).

Сколько стоитъ вишенное дерево? Подобный вопросъ возникъ недавно при проведеніи желѣзной дороги. Необходимо было купить участокъ земли, посреди котораго стояла вишня. Владѣлецъ потребовалъ за вишню 3600 марокъ, мотивируя такую высокую цѣну тѣмъ, что онъ ежегодно получаетъ съ дерева столько доходу, сколько получилъ-бы съ потребованнаго имъ капитала. Однако послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ онъ согласился уступить дерево за 2400 марокъ. (к).

ШАХМАТЫ.

ПАРТІЯ № 3.

Испанская партія.

Четвертая партія матча. Играна 26 декабря 1891 г.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5	11.	h2—h4	К. c6—e7	21.	d3—d4!	e5 : d4[3])
2.	К. g1—f3	К. b8—c6	12.	h4—h5	d6—d5	22.	К. f3 : d4	С. g7 : d4[4])
3.	С. f1—b5	К. g8—f6	13.	h5 : g6	f7 : g6?[2])	23.	Л. d1 : d4	К. e6 : d4?[5])
4.	d2—d3	d7—d6	14.	e4 : d5	К. e7 : d5	24.	Л. h1 : h7+!	Кр. h8 : h7
5.	c2—c3	g7—g6	15.	К. e3 : d5	Ф. d8 : d5	25.	Ф. f1—h1+	Кр. h7—g7
6.	К. b1—d2	С. f8—g7	16.	С. c2—b3	Ф. d5—c6	26.	С. e3—h6+	Кр. g7—f6
7.	К. d2—f1	0—0	17.	Ф. d1—e2	С. c8—d7	27.	Ф. h1—h4+	Кр. f6—e5
8.	С. b5—a4[1])	К. f6—d7	18.	С. c1—e3	Кр. g8—h8	28.	Ф. h4 : d4+	Сдаются.
9.	К. f1—e3	К. d7—c5?	19.	0—0—0	Л. a8—e8			
10.	С. a4—c2	К. c5—e6	20.	Ф. e2—f1!	a7—a5		1 ч. 25 м.	1 ч. 24 м.

Примѣчанія къ партіи:

[1]) Повидимому довольно безцѣльное отступленіе, если не считать цѣлью—возможность при случаѣ еще отступить этимъ слономъ на c2. В. Стейницъ же говоритъ, что онъ отступилъ, слѣдуя „принципамъ новой школы" (?), торжествомъ которой онъ считаетъ свою побѣду въ этой партіи.

[2]) Можетъ-быть нѣсколько и лучше было бы брать пѣшку пѣшкой h, но и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы положеніе черныхъ при открытой для бѣлой ладьи линіи h было, если не спокойно, то по крайней мѣрѣ безопасно.

[3]) Черные не имѣютъ возможности защитить этой пѣшки: если 21. . . . К. e6—f4, то, очевидно, 22. d4 : e5, С. g7 : e5; 23. К. f3 : e5 и 24. С. e3 : f4; если же 21. . . . К. e6—d8, то 22. Л. h1 : h7+, Кр. h8 : h7; 23. Ф. f1—h1+ и 24. Ф. h1 : h6≠.

[4]) Если 22. К. e6 : d4, то 22. Л. h1 : h7+ и т. д.

[5]) Теперь черные получаютъ матъ въ 6 ходовъ; но и при всякомъ другомъ ходѣ имъ едва-ли возможно было спасти партію.

Въ Гаваннѣ по поводу этой партіи возгорѣлся большой споръ между мѣстными игроками и В. Стейницемъ, утверждавшимъ, что эта партія — лучшая изъ всѣхъ игранныхъ до сихъ поръ. Г. Понсе предлагалъ даже пари, что первая партія матча будетъ признана компетентными судьями за безусловно лучшую, и хотѣлъ послать ее, если бы пари состоялось, на судъ Вейса, Таррата и редакцій шахматныхъ журналовъ. Конечно, вкусы гаванскихъ шахматныхъ маэстро относительно достоинства партій могутъ, какъ это ни странно, расходиться. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что первая партія (см. № 5 *Нивы*) во всякомъ случаѣ болѣе богата интересными варіантами, чѣмъ четвертая, и что пожертвованіе коня на f7 въ первой партіи, во-первыхъ, было сдѣлано почти въ серединѣ партіи, что отчасти говоритъ о большей глубинѣ комбинаціи; во-вторыхъ же, первое пожертвованіе и на зрителя производитъ болѣе впечатлѣніе неожиданности, чѣмъ почти очевидное (особенно, когда пунктъ g8 атакованъ слономъ) пожертвованіе ладьи на h7.

21-я партія матча была признана ничьею на 49-мъ ходѣ. 18-ю и 20-ю партіи выигралъ В. Стейницъ. 19-ю М. И. Чигоринъ, такъ что положеніе матча теперь таково:

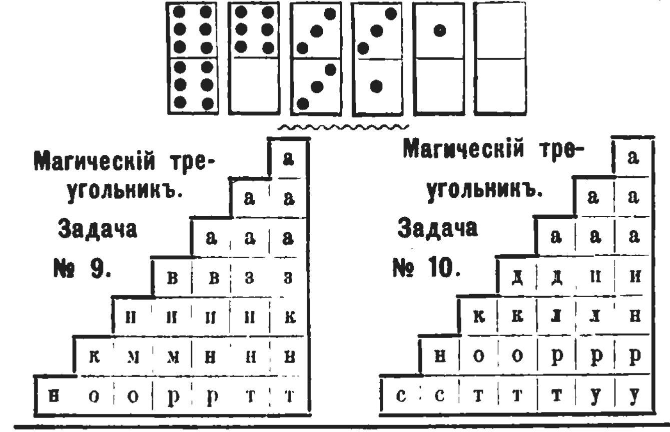
М. И. Чигоринъ выигралъ 8 партій.
В. Стейницъ „ 8 „
Ничьихъ . . . . . . 5 „

С. З. Алапинъ находится настоящее время въ Берлинѣ, гдѣ онъ сыгралъ уже нѣсколько партій съ мѣстными сильными игроками. Тамъ же, вѣроятно, состоится въ скоромъ времени его матчъ съ г. Ласкеромъ до 5 выигранныхъ партій.

Задача игры въ домино № 8.

Н. В. П.

Игра вчетверомъ безъ прикупа. Каждый беретъ по 6 камней; 4 остаются въ талонѣ. Партія кончается камнемъ ; у одного партнера остался камень въ 2 очка, у другаго въ 4, а у третьяго всѣ камни. Какъ расположились остальные камни, какой ходъ игры и въ какой рукѣ сидѣлъ тотъ партнеръ, у котораго остались всѣ взятые имъ камни:

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

На Пасху предлагаю изящныя брошки, послѣдняя парижская новинка. Онѣ сдѣланы изъ серебра 84 пр. съ позолотою и украшены жемчугами и бирюзою (imit.). Имѣются слова: „На память, Souvenir, Вѣра, Надежда, Любовь, Екатерина, Марія, Софія". ФУТЛЯРЪ ВЪ ВИДѢ ЯИЧКА.

Шт. 5 руб. Пара 9 руб. Перес. налож. плат.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. К. № 5652

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: легавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки безплатно. 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ", съ 50-ю рис. собакъ, получившихъ первую премію, по французск. и нѣмец. — за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.

(Bahnhof-Wittenberg).

КАЛИГРАФЪ

рекомендуетъ № 5647

Генрихъ Жемличка.

Москва, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго переулка, домъ Фальцъ-Фейнъ, велосипедный магазинъ № 19.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНО!!!

Роскошная и всевозможная дешевая мебель и прочія случайныя вещи, золото, серебро и т. д. продаются безпрерывно въ Аукціонномъ Залѣ А. И. Силина, Москва, Пассажъ Солодовникова, входъ съ Неглиннаго.

Пріемъ на продажу случайныхъ вещей продолжается. Ц. № 5648

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ПОРОШКИ:

для канцел. и школьн. чернилъ ф. 1 р. 25 к. 1 ф. порошку даетъ 12 ф. чернилъ;
для копировальныхъ чернилъ ф. 1 р. 75 к. 1 ф. порошку даетъ 6 ф. чернилъ;
для красн., син. и зелен. чернилъ каждая коробка 40 к., 3 за 1 р. 1 кор. даетъ 1 ф. чернилъ.
ЧЕРНИЛЬНАЯ СМЕРТЬ уничтож. чернильн. пятна изъ бум. и матеріи 1 р. 3 за 2 р. 50 к.
Пересылаю налож. платеж. изъ БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20А.

МЫЛО

ОТЪ ГОДОВОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА БАРСЪ ПРОДАЖА ВЕЗДѢ
Москва, Петровка, у зубн. врача Р. А. БАРСЪ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 12—6

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни, Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15 12

Англійскіе велосипеды завода Зингера и К° въ Ковентри, рекомендуетъ Генрихъ ЖЕМЛИЧКА въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, спеціальный велосипедный магазинъ № 19. № 5638 6—2

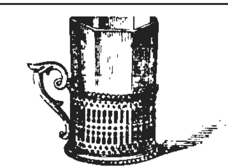
Высылается прейсъ-курантъ.

Поступили въ продажу

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

В. Я. Стоюнина.

Вся сумма отъ продажи сполна назначается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Складъ у Ж. Н. Стоюниной: Вознесенскій просп., 17. № 5650

ФАБРИКА

МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

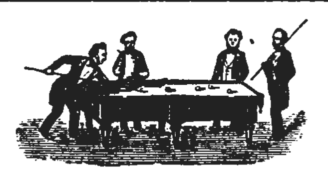
А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 5656 3—1

I. BUREAU DE
PLACEMENT FRANÇAIS

pour institutrices, gouvernantes et bonnes de M-me S. Scheithauer (Suissesse), institutrice française à Dresde. 3—1 Ц. № 5658

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 5607 26—4

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

К. № 5646 (1)

ФАБРИКА

ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)

высылаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ массивнаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причемъ самая стоимость можетъ быть присылаема русскими кредитными билетами или почтовыми марками.

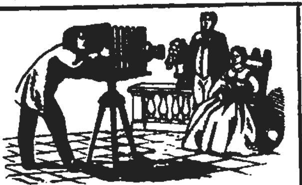
№ 736. Кольцо изъ 14 каратнаго золота съ искусственнымъ брилліантомъ 8 руб.

№ 549. Медальонъ для 2-хъ фотографій изъ 14 каратнаго золота 15 руб.

№ 1268. Дамскіе ремонтоарные часы съ прекрасн. механ. изъ 14 каратн. зол. 29 р.

ДЕШЕВО, ХОРОШО И ИНТЕРЕСНО.

Новость! Штопальный аппаратъ чинитъ чулки, матеріи и проч. скоро и хорошо 1 р.◆Переносная бензино-газовая лампа горитъ безъ запаха, очень изящна и практична 3 р. ◆ Машинка для обрѣзанія ламповыхъ фитилей 75 к. ◆ Патентованная щеточистка необходима каждому 65 к. ◆ Автоматич. свѣчетушитель пара 60 к. ◆ Америк. приборъ для запечатанія конвертовъ 1 р. 50 к.◆Безопасныя бритвы самому бриться 3 р. 75 к.◆Америк. вѣшалка для платья 1 р. 50 к.◆Швейная машина 4 р.◆Корзинка-метаморфоза изъ коей складываются 15 различ. хозяйственныхъ предметовъ 75 к.◆Машинка для модной дамской прически 1 р.◆Предохранители отъ лопанія ламповыхъ стеколъ 1 дюжина 1 р. ◆ Испытатель вина, изящно патентован. аппаратъ, безошибочно опредѣляющій доброкачественность вина. Необходимъ въ каждой семьѣ 1 р.◆Всемірныя ножницы, содержащія 12 предметовъ 1 р. 50 к.◆ Щипцы для ногтей 1 р.◆Машинка для дѣланія петель (французское изобрѣтеніе) 3 р.◆Машинка для шитья перчатокъ 1 р. 50 к.◆Пробочникъ винтовой, легчайшій способъ 1 р. 50 к. и 2 р.◆Кухня бензиновая на 6 пламень 1 р. 50 к.◆Папиросный-автоматъ, изящн. столов. приб. выбрасывающій при нажимѣ по одной папироскѣ, украшеніе любаго кабинета 3 р. 50 к. ◆ Вѣшалка для бумагъ съ любой надписью по 50 к.◆Музыкальный ящикъ 1 р. 50 к. и 3 р.◆Автоматъ перо-карандашъ 75 к.◆ Автоматъ-карандашъ 50 к.◆Карман. фонарь изящн. 50 к., 75 к. и 1 р. 50 к.◆Самосвѣтящ. полн. курительн. приборъ британск. серебра 8 р.◆Гравиров. на стеклѣ (приборъ) 2 р.◆Гравированіе на стали 50 к.◆Кремневая спичечница очень изящная 1 р.◆Электрич. спичечница 1 р.◆Путешествіе вокругъ свѣта 75 к.◆Спичечница съ фитилемъ 1 р.◆Тоже безъ онаго 50 к.◆Губка юности, аппаратъ для мытья и фротировки тѣла 1 р.◆Дѣтскіе фокусные часы 75 к.◆Игра съѣхъ дѣтей и взрослыхъ 1 р. 25 к.◆Шкатулка чародѣйка 75 к.◆Новость! Магическая лампа, замѣняющая спички 1 р.◆Лампозажигатель зажигаетъ лампы не снимая стекла 75 к.◆ Пуншъ машина или аппаратъ превращенія предметовъ 3 р. ◆ Ящикъ съ фокусами въ 1 р., 2, 4.◆Портфель съ фокусами (10 и 20 фокусовъ) 1 р. 50 к.. 2 р.◆30 штукъ головоломокъ (игра въ терпѣніе) 3 руб.◆Игра (Пасьянсъ) Эйфелева башня 50 коп.◆Американскія никелевые столовые часы, ручательство—4 руб.◆ Машинка для стрижки волосъ людей и животныхъ 7 р.◆Комнатныя фигурчатыя кегли (очень изящн.). Игра 6 р.◆Сапогоразуватель и обуватель 2 р.◆Летающая муха (парижская новость) 1 р. 50 к. ◆ Музыкальный волчокъ 1 р.◆Выжиганіе по дереву и кожѣ, полный приборъ съ платиновымъ прожигателемъ 12 руб. ◆ Тисненіе по кожѣ любыхъ рисунковъ, съ инструментами и образцами 6 руб.◆Большой приборъ 10 р.◆Живопись на фарфорѣ, фаянсѣ, майоликѣ и стеклѣ н. 12 р.◆Настоящій фотограф. аппаратъ—не игрушка 5 руб., и многое другое. Мt. № 5655

Заказы исполняются немедленно. Новый (иллюстриров.) каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 к. марку.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

Б. Морская, № 17, бель-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. М. № 5651 8—1

ОТЪ КОМИТЕТА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ.

Продажа билетовъ 2-го выпуска благотворительной лотереи въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года, будетъ производиться въ Петербургѣ, начиная съ понедѣльника 10 сего февраля, въ присутственное время, въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

1) Въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка.
2) Въ Почтамтѣ и городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ.
3) Въ Главномъ Управленіи Общества „Краснаго Креста" (Инженерная, № 9).
4) Въ частныхъ банкахъ: Варшавскомъ Коммерческомъ (с.-петербургское отдѣленіе)—Малая Морская, 9; Волжско-Камскомъ Коммерческомъ — Невскій, 38—4; Ліонскомъ Кредитѣ—Мойка, 59; Обществѣ Взаимнаго Кредита С.-Петербургскаго Уѣзднаго Земства—Невскій, 50; Россійскомъ Торговомъ и Коммиссіонномъ — Невскій, 27; Русскомъ для внѣшней торговли—Большая Морская, 32; С.-Петербургско-Азовскомъ Коммерческомъ — Невскій, 64; С.-Петербургскомъ Международномъ Коммерческомъ—Англійская набережная, 6; С.-Петербургско-Московскомъ Коммерческомъ—Галерная, 3; С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита—Екатерининскій каналъ, 83; С.-Петербургско-Тульскомъ—Невскій, 63; С.-Петербургскомъ Учетномъ и Ссудномъ—Невскій, 30; С.-Петербургскомъ Частномъ Коммерческомъ—Англійская набережная, 18; Сибирскомъ Торговомъ—Невскій, 20 и Торгово-Промышленномъ Коммерческомъ—Невскій, 23.
5) Въ банкирскихъ домахъ и конторахъ: Блоккъ, Генрихъ—Невскій, 59; Вавельбергъ, Г.—Невскій, 25; Волковъ съ сыновьями—Невскій, 60; Гинсбургъ, I. Е.—Конногвардейскій бульваръ, 17; Кутузовъ—Невскій, 29—31; Ламне и Комп.—Невскій, 28; Мейеръ, Э. М. и Комп.—Англійская набережная, 30; Нелькенъ, Мавриній — Невскій, 52; Рафаловичъ, А. и Комп.—Невскій, 60; Товарищества Де-Ла-Фаръ, М. и Комп.—Невскій, 44; Юнкеръ, I. В. и Комп.—Невскій, 22.

Во всѣхъ сихъ учрежденіяхъ продажа билетовъ будетъ производиться безъ всякаго коммиссіоннаго вознагражденія, т. е. по цѣнѣ 5 р. за билетъ и 1 р. за купонъ.

№ 5657 Комитетъ благотворительной лотереи.

Дозвол. цензур., СПБ., 19 февраля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XXIII
№ 9 | | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 29 февраля 1892 г.
Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Бьёрнстьерне-Біорнсонъ.

Имя знаменитаго норвежскаго поэта Бьёрнстьерне-Біорнсона у насъ сравнительно мало извѣстно. О немъ у насъ весьма недавно заговорили, хотя поэтъ уже находится почти на склонѣ своей дѣятельности; въ настоящее время нашлись издатели его сочиненій (Лемерле и др.) по общедоступной цѣнѣ. За эту услугу нашей литературѣ можно быть только признательнымъ. Переводится Біорнсонъ г. Ганзеномъ, большимъ панегиристомъ этого писателя. Бьёрнстьерне-Біорнсонъ не только поэтъ, романистъ, драматургъ и авторъ народныхъ разсказовъ, но и ораторъ, и политическій дѣятель. Такимъ образомъ, дѣятельность его крайне разностороння и личность его весьма интересна. Впрочемъ, вотъ вкратцѣ его curriculum vitae.

Раннее дѣтство поэтъ провелъ въ мѣстечкѣ Квикне (род. 8 дек. 1832 г.), гдѣ отецъ его

Бьёрнстьерне-Біорнсонъ. Рис. Кольбъ, грав. Мейеръ.

былъ священникомъ. Шести лѣтъ отъ роду онъ перевезенъ былъ въ Ромсдаль, одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Норвегіи; здѣсь обнаружилась страсть мальчика къ чтенію, въ особенности народныхъ сказокъ и сагъ. На семнадцатомъ году жизни Біорнсонъ отправился въ Христіанію держать экзаменъ при университетѣ. Три года проведенные имъ здѣсь имѣли огромное вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность: кромѣ серьезнаго изученія датской литературы, онъ здѣсь пристрастился къ театру, оказавшему большое вліяніе на развитіе художественныхъ сторонъ его натуры. По возвращеніи домой, въ 1852 г., онъ сталъ заниматься литературой, и главнымъ образомъ посвятилъ себя критикѣ. Поѣздки его въ Христіанію и Копенгагенъ могли только развивать его наблюдательность, и онъ ужь тогда задумалъ свою комедію „Новобрачные", которую однако написалъ гораздо позже. Къ раз-

сматриваемому періоду его дѣятельности относится „Между сраженіями", комедія, обратившая на себя вниманіе печати и имѣвшая успѣхъ на сценѣ.

За первымъ опытомъ на драматическомъ поприщѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ разсказовъ, отличавшихся новизной формы и встрѣтившихъ вслѣдствіе этого не мало порицаній: пуще всего люди обыкновенно боятся новизны и оригинальности, въ чемъ бы онѣ ни сказались. Изъ драмъ его, между прочимъ, произвели сенсацію „Марія Шотландская" (1864 г.) и „Новобрачные" (1865 г.). Одна „Марія Шотландская" его могла бы составить славу писателя. Біорнсонъ не идеализируетъ Марію Стюартъ, подобно Шиллеру, а беретъ настоящую, *историческую* Марію въ моментъ ея увлеченія Ботвелемъ. На глазахъ у зрителей Марія переживаетъ убійство Риччіо и Дарнлея, ея мужа, и съ отчаянія предается Ботвелю, этому человѣку, имѣвшему на нее такое роковое вліяніе. Біорнсонъ глубоко изучилъ эпоху несчастной шотландской королевы и создалъ изъ личностей Нокса, Маріи, Ботвеля и Дарнлея художественные образы, не отступающіе и отъ историческихъ въ то же время.

Одно время норвежскій поэтъ увлекся изученіемъ Милля, Дарвина, Макса Миллера и другихъ европейскихъ ученыхъ и прервалъ свою литературную дѣятельность; но это былъ только временной перерывъ. Вскорѣ появилась его комедія „Банкротство" (шла на Михайловской сценѣ по-нѣмецки подъ заглавіемъ „Ein Fallissement"), затѣмъ „Редакторъ" (сатира на положеніе журнальнаго дѣла на Сѣверѣ), „Король" и др. Изъ большихъ романовъ его слѣдуетъ упомянуть о двухъ: „Городъ и гавань украсились флагами" и „На Божьемъ пути". Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ авторъ и здѣсь является поборникомъ такъ-называемой идейности въ художественномъ произведеніи. Мы, русскіе, не привыкли встрѣчать въ романахъ корифеевъ нашей литературы непремѣннаго стремленія къ проведенію данной идеи, и вопросъ о тенденціи въ беллетристикѣ у насъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; думаемъ, поэтому, что едва-ли романы Біорнсона особенно понравятся читающей публикѣ.

Обыкновенно, люди, владѣющіе перомъ, не умѣютъ блистать словомъ; рѣдко въ комъ соединяются ораторскій и писательскій таланты. Біорнсонъ счастливецъ въ этомъ отношеніи; его рѣчи увлекаютъ слушателей, и онъ иногда выступаетъ въ качествѣ защитника извѣстныхъ идей, пользуясь огромнымъ вліяніемъ, какъ благодаря своему авторитету, такъ и блестящей способности убѣждать. На-дняхъ напечатана издателемъ Лемерле, въ русскомъ переводѣ г. Ганзена, рѣчь Бьёрнстьерне-Біорнсона подъ заглавіемъ: „Единобрачіе и многобрачіе",— призывъ къ сѣверной молодежи; статья эта, вызванная, по собственнымъ словамъ автора, „возмутительными нападками нѣкоторой части печати на г-жу Грунтвигъ, осмѣлившуюся потребовать одинаковаго цѣломудрія какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ женщинъ, и поставившую цѣломудріе цѣлью, къ которой долженъ стремиться родъ человѣческій," одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній, а также и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Одно заглавіе этой прекрасной рѣчи, полной наблюдательности, таланта и блеска, ужъ указываетъ на цѣль, преслѣдуемую авторомъ: онъ требуетъ „единобрачія" въ буквальномъ смыслѣ слова и отвергаетъ „многобрачіе" во всякихъ смыслахъ; главныя средства къ борьбѣ—это воспитаніе, нравственность, школа, домашній бытъ, семья; во всѣхъ этихъ вопросахъ авторъ высказывается рѣшительно, основываясь на мнѣніяхъ ученыхъ и спеціалистовъ (по медицинѣ), разсматривая историческіе факты въ ихъ логической послѣдовательности и обнаруживая вездѣ обширныя знанія и искреннія убѣжденія. „Пусть молодыя женщины, заканчиваетъ авторъ свою рѣчь, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, убѣдятся въ нравственной солидарности мужчины, которому онѣ готовы ввѣрить свою судьбу! Пора прекратить отнынѣ брачную безотвѣтственность многоженцевъ!"

Въ качествѣ политическаго дѣятеля Бьёрнстьерне-Біорнсонъ всегда являлся защитникомъ и горячимъ поборникомъ независимости Норвегіи. Онъ также пробовалъ себя и на редакторскомъ поприщѣ; въ 1859 г. онъ редижировалъ въ Христіаніи *Вечернюю газету*, а потомъ, между 1866—67 гг.—*Норвежскую народную газету*. Бьёрнстьерне-Біорнсону въ настоящее время шестьдесятъ лѣтъ, но онъ еще очень свѣжъ, бодръ и продолжаетъ неустанно работать въ своемъ имѣніи Авлестадѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ со своей семьей, занимаясь въ то же время и сельскимъ хозяйствомъ.

Ниже, въ этомъ же №, помѣщаемъ мы замѣтку по поводу драмы этого автора „Перчатка", поставленной въ бенефисъ даровитаго артиста нашей драматической труппы П. Ѳ. Савонова, и поэтому здѣсь такъ мало говоримъ собственно о драматическомъ талантѣ норвежскаго писателя.

В. Баскинъ.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ
графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Аббатъ Салмоновичъ былъ происхожденія темнаго, конечно, для всѣхъ, кромѣ отцовъ-іезуитовъ... Онъ былъ еврей, уроженецъ Франкфурта-на-Майнѣ, и его прежняя настоящая фамилія была просто Соломонъ.

Будучи натурой испорченной съ дѣтства, благодаря природнымъ задаткамъ а равно и обстоятельствамъ жизни, молодой еврей Сандеръ Соломонъ попался, въ девятнадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ другими, въ поддѣлкѣ документовъ, ради пріобрѣтенія большой суммы денегъ. Онъ былъ отданъ подъ судъ вмѣстѣ съ прочими и засаженъ въ тюрьму. Но и въ тюрьмахъ тогдашнихъ бывали, хотя бы мимоходомъ заглядывая, іезуитскіе соглядатаи.

Въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ Салмоновичъ, оказался таковой. И этотъ рядовой ордена сразу оцѣнилъ Салмоновича по достоинству, сразу увидѣлъ въ немъ дорогое пріобрѣтеніе для ордена и доложилъ объ немъ.

Мѣсяца черезъ три послѣ заключенія, Салмоновичъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, крестился и сталъ христіаниномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободнымъ гражданиномъ. Какимъ образомъ все это приключилось—онъ, конечно, самъ вполнѣ не понималъ и объяснить бы не могъ. Но переступивъ порогъ тюрьмы и выйдя изъ храма послѣ крещенія съ именемъ Фридриха Соломона, онъ былъ вызванъ на квартиру какого-то старика, показавшагося ему загадочнымъ.

Старикъ объяснилъ молодому человѣку, что не тѣ спасли его, которые вывели изъ заключенія и взялись быть его крестными при купели, а иная, невидимая рука. И вотъ, отъ имени этого таинственнаго спасителя, старикъ заявилъ Салмоновичу, что его виновность и подсудность не уничтожается, а временно отлагается. Тотъ же невидимый покровитель можетъ, когда захочетъ, снова однимъ словомъ посадить его въ ту же тюрьму или отправить на каторгу.

Затѣмъ старикъ далъ ему денегъ и паспортъ на имя Салмоновича, и приказалъ ѣхать въ такіе предѣлы, что молодой человѣкъ невольно струхнулъ. Ему, франкфуртскому уроженцу, приказали, если онъ не хочетъ снова очутиться въ числѣ острожниковъ, выѣзжать немедленно въ тотъ край, который недавно перешелъ изъ-подъ власти Польскаго короля подъ скипетръ Русской императрицы. Ѣхать въ Россію! Въ какую-то „бѣлую" Россію. И хотя она бѣлая, но тѣмъ не менѣе все-таки страшна. Быть-можетъ потому она и бѣлой именуется, что въ ней живутъ одни бѣлые медвѣди.

Но однако выбора не было. Вдобавокъ старикъ давалъ много денегъ на дорогу и обѣщалъ, что тамъ, въ этой „weisses Russland", онъ заживетъ припѣваючи, какъ ему никогда и не снилось.

Салмоновичъ былъ слишкомъ умный малый, чтобы долго смущаться. Вскорѣ онъ былъ даже радъ, понявъ, кто его спасъ и чего отъ него будутъ требовать. Онъ долженъ былъ ѣхать въ Полоцкъ, прямо къ отцамъ ордена Іисуса.

Чрезъ мѣсяцъ молодой человѣкъ былъ уже въ Полоцкѣ и поступилъ въ число схоластиковъ, хотя было уже поздно учиться. Ему приказано было позаняться годъ или два, чтобы стать все-таки грамотнымъ человѣкомъ и имѣть кой-какія свѣдѣнія.

До этой минуты Салмоновичъ хорошо обучился собственно только одному: искусно поддѣлываться подъ

чужіе почерки и искусно поддѣлывать документы. Однако дарованія взяли свое, и въ два года Салмоновичъ выучился по-польски и по-русски, выучился грамотно писать и нахваталъ столько вершковъ, что могъ казаться человѣкомъ совершенно способнымъ для занятія должности гувернера и учителя.

Въ Полоцкѣ онъ случайно обратилъ на себя вниманье отца Гавріила и былъ имъ записанъ въ особую книжку въ числѣ очень немногихъ. Это число, въ которое отецъ Гавріилъ включилъ Салмоновича, не превышало семнадцати. Надъ ихъ именами стояла какая-то загадочная надпись отца Гавріила, сдѣланная имъ по-арабски, чтобы никѣмъ не быть понятой въ случаѣ потери или утраты книжки. Смыслъ надписи былъ такой: „Маленькіе демоны въ услуженіи ордена; опасные люди, если они связаны одной лишь клятвой,—самые полезные люди, если они связаны съ нашимъ обществомъ на основаніи какого-либо преступленія“.

Разумѣется, молодой Салмоновичъ, котораго отцы могли когда вздумается снова засадить въ острогъ, или сослать въ каторгу,—былъ находкой, и не могъ быть опаснымъ.

Когда дѣятельность Грубера по пріѣздѣ въ Петербургъ расширилась и когда пришлось вызвать изъ Полоцка много всякихъ помощниковъ, всякихъ членовъ и всякихъ рядовыхъ, онъ вспомнилъ о Салмоновичѣ и выписалъ его тоже. А вскорѣ по пріѣздѣ молодаго человѣка въ Петербургъ, онъ рекомендовалъ его гувернеромъ въ семью князя Яхтомскаго. Съ первыхъ же дней пребыванія въ домѣ, молодой аббатъ велъ себя загадочно и заинтересовалъ княгиню. А затѣмъ вскорѣ онъ съумѣлъ сблизиться съ ней. Какъ это случилось, Юлія Павловна положительно сама не могла отдать себя яснаго отчета. Она отдѣлывалась предъ своей совѣстью словами:

„Il m'a fascinée... Это кудесникъ или колдунъ. Онъ дуренъ собой, но за то уменъ какъ сатана. Une intelligence infernale, démoniaque“.

XXIV.

Аббатъ дѣйствительно отправился въ іезуитскій коллегіумъ къ своему другу, такому же аббату, какъ и онъ самъ.

Это былъ еще молодой человѣкъ, служившій при церкви Св. Екатерины и дававшій уроки въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнявшій должность надзирателя за дѣтьми. Происхожденьемъ онъ былъ—балтійскій нѣмецъ, изъ Ревеля, и протестантъ отъ рожденія, но вслѣдствіе разныхъ личныхъ выгодъ перешелъ въ католицизмъ и, явившись въ Полоцкъ, поступилъ въ орденъ Іисуса.

Отецъ Гавріилъ сразу оцѣнилъ молодаго человѣка и, сдѣлавшись ректоромъ Петербургскаго коллегіума, немедленно выписалъ и его въ числѣ прочихъ способныхъ и полезныхъ людей.

Рафаилъ былъ не столько умный человѣкъ, сколько хитрый и изобрѣтательный. Его изобрѣтательности не было предѣла, и часто этимъ даромъ свыше онъ поражалъ и радовалъ отца Гавріила. Въ трудномъ и замысловатомъ дѣлѣ ректоръ обращался къ Рафаилу и говорилъ:

— Надумай, какъ изъ этого положенья выйти.

И молодой аббатъ выискивалъ средство.

Салмоновичъ, посидѣвъ и побесѣдовавъ съ другомъ, перешелъ въ верхній этажъ и велѣлъ красивому Эдуарду доложить о себѣ отцу Гавріилу.

И долго, цѣлыхъ часа два, бесѣдовали ректоръ и аббатъ. Если-бъ Салмоновичъ не повидался предъ тѣмъ со своимъ другомъ, то конечно и разговоръ этотъ со строгимъ начальникомъ не состоялся бы. Это былъ докладъ и крайне серьезнаго свойства, послѣ котораго въ горницѣ отца Гавріила стало такъ тихо, какъ если бы она давно опустѣла. А между тѣмъ въ ней попрежнему, у маленькаго стола, передъ ректоромъ, сидѣвшимъ въ креслѣ, продолжалъ недвижно сидѣть и Салмоновичъ. Оба они молчали уже нѣсколько минутъ послѣ долгой бесѣды.

Отецъ Гавріилъ глубоко задумался и, склонивъ огромную голову немного на-сторону, безсознательно смотрѣлъ на бумагу, лежавшую передъ нимъ на столѣ. Лицо его, всегда безстрастное, становилось въ минуты задумчивости и усиленнаго мышленія не угрюмымъ или серьезнымъ, какъ у многихъ: когда мозгъ бывалъ занятъ настолько, что Августинъ забывалъ о самомъ себѣ, лицо его, какъ истинное зеркало души, отражало то, что было главнымъ основаніемъ всей его натуры. Выраженіе его при самозабвеніи бывало презрительно-лукавое. Въ эти минуты всякій проницательный человѣкъ, взглянувъ внимательно въ гладко-обритое и свѣжее, хотя уже старое лицо іезуита, прочелъ бы на немъ, что отецъ Гавріилъ презираетъ все кругомъ него существующее, движущееся, мыслящее. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ относится къ этой жизни, какъ къ комедіи, а къ этимъ людямъ—какъ къ кукламъ, которыми онъ безъ труда играетъ.

Салмоновичъ молча смотрѣлъ въ лицо Грубера умными проницательными глазами и въ ожиданіи, что старикъ снова заговоритъ, невольно задалъ себѣ въ тысячный разъ вопросъ:

„Что̀ это за человѣкъ?“

И отвѣчалъ:

„Да, это страшный человѣкъ!“

Салмоновичъ близко зналъ отца Гавріила, давно имѣлъ съ нимъ сношенія и каждый разъ убѣждался все болѣе, что этотъ человѣкъ есть—страшная, опасная и вредная сила. Счастье тому, кто попалъ къ нему въ друзья или помощники, а не въ число его враговъ.

„А между тѣмъ, думалось теперь Салмоновичу,—и у тебя есть Ахиллесова пята—уязвимое мѣсто: это твое самомнѣніе, самообольщеніе, слишкомъ чрезмѣрная увѣренность въ себѣ. Я, Салмоновичъ, человѣкъ безъ роду и племени, вытащенный тобою изъ грязи и считаемый тобой за какое-то насѣкомое, могъ бы погубить тебя, такъ какъ въ своемъ самообожаніи ты доходишь до ребяческой наивности“.

Думая и разсуждая такъ, Салмоновичъ былъ правъ.

— Да, заговорилъ наконецъ Груберъ съ презрительно-веселой улыбкой, какъ если бы дѣло шло о какой-нибудь забавной, по глупой затѣѣ.—Да, все хорошо слагается!-

И затѣмъ, какъ бы почувствовавъ во время своего размышленія то, что̀ думалъ Салмоновичъ, іезуитъ пристально посмотрѣлъ въ лицо молодаго человѣка и вымолвилъ:

— Все это, по мнѣнію какого-нибудь посторонняго лица, показалось бы чудовищнымъ и пожалуй даже грѣховнымъ, потому что этотъ посторонній не въ состояніи понять великихъ задачъ нашего ордена. Если бы я, Гавріилъ Груберъ, или вы, простой аспирантъ въ професы, дѣйствовали для нашей личной выгоды, для цѣлей, обезпечивающихъ наше личное земное счастіе на свѣтѣ, то конечно все это было бы и чудовищнымъ, и грѣховнымъ. Но вѣдь наши личности тутъ не при чемъ. Мы—служители Бога, мы дѣйствуемъ не для себя, а во славу Божію.

— Я такъ и понимаю, ваше господство, почтительно отозвался Салмоновичъ. — Я такъ и смотрю на мое служеніе ордену. Если это служеніе дастъ мнѣ личное счастіе — тѣмъ лучше, но я о немъ не думаю. Моя цѣль — принести огромную пользу ордену Іисуса. И если средства выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, то я не виновенъ и не считаю себя виновнымъ ни передъ обществомъ, ни передъ Богомъ.

— Вы хотите намекнуть на аксіому, которую при-

„Подлинное изображеніе легаціи или пословъ Великаго Князя изъ Москвы къ Римско-Цесарскому Величеству, также въ какомъ платьѣ и видѣ каждый изъ нихъ прибылъ ко двору, когда они Римско-Цесарскому Величеству подносили вѣрительныя грамоты и подарки въ Регенсбургѣ на Сеймѣ 18 іюля сего 1576 года."
„Печатано въ Прагѣ Михаиломъ Петерле съ разрѣшенія Его Римско-Цесарскаго Величества. Воспрещается перепечатывать или воспроизводить въ меньшемъ или большемъ видѣ". Грав. Флюгель.

Видъ центральной части Петербурга (1/9 города) съ высоты птичьяго полета. По модели инженеръ-механика Л. Ф. Краббе, грав. М. Рашевскій.

1 Зимній дворецъ.
2. Александровская колонна.
3 Александровская площадь.
4. Главный штабъ
5. Эрмитажъ
6 Государственный архивъ
7 Театральное зданіе Зимняго дворца.
8 Военное Министерство
9. Памятникъ Петру I-му.
10 Адмиралтейство.
11 Театръ Панаева.
12 Александровскій скверъ
13. Конно-гвардейскій манежъ
14 Сенатъ
15. Академія Генеральнаго штаба.
16. Невскій проспектъ
17, 18 } Частные дома
19 Дворецъ Николая Николаевича.
20 Складъ Морскаго вѣдомства.
21 и 23 Конно-гвардейскія казармы.
22 Почтамтъ.
24. Церковь Благовѣщенія.
25 Маріинскій театръ.
26. Частный домъ
27. Морская тюрьма.
28. Большой театръ.
29. Исаакіевскій соборъ.
30. Памятникъ Николаю I-му.
31. Государственный Совѣтъ.
32. Частный домъ.
33. Гороховая улица.
34. Адмиралтейская часть.
35. Голландская церковь.
36. Казанскій соборъ.
37. Цер. Спаса на Сѣнной
38. Лютеранская Петропавловская церковь.
40. Шведская церковь.
41. Государственный Банкъ.
42. Маріинскій рынокъ.
43. Пѣвческій мостъ.
44. Зданіе Конюшеннаго вѣдомства.
45. Гостиный дворъ.
46. Городская дума.
47. Михайловскій театръ.
48. Михайловскій дворецъ.
49. Садъ Михайловскаго дворца.
50. Домъ принца Ольденбургскаго
51 Павловскія казармы.
52. Мраморный дворецъ.
53. Дворецъ Е. И. В. В. К. Михаила Николаевича.
54. Запасное зданіе Мраморнаго дворца.
55. Памятникъ Суворову.
56. Домъ Англійскаго посольства.
57. Царицынъ лугъ.
58. Конюшенный госпиталь.
59. Мѣсто катастрофы 1 марта.
60. Лебяжья канава.
61. Часовня.
62. Лѣтній садъ.
63. Академія Наукъ.
64. Биржа.
65. Таможня.
66. Таможенные склады.
67. Таможенные склады.
68. Обсерваторія университета.
69. Университетъ.
70. I-й кадетскій корпусъ.
71. Частный домъ.
72. Плацъ I-го кадетскаго корпуса.
73. Лютер. цер. Св. Екатерины.
74. Памятникъ Румянцеву.
75. Академія Художествъ.
76. Тучковъ мостъ.
77. Цер. Великомученицы Екатерины.
78. Цер. Андрея Первозваннаго.
79. Маяки (2 колонны).
80. Петропавловскій Соборъ.
81, 82 } Петропавловская крѣпость.
83. Александровскій паркъ.
84. Цер. Св. Троицы.
85. Провіантскіе амбары.
86. Зоологическій садъ.
87. Домикъ Петра I.
88. Арсенальный дворъ.
89. Александровскій паркъ.
90. Цер. Св. Владиміра.
91. Ватный буянъ.
92. Пеньковый буянъ.
93. Часовня.
91. Петровскій мостъ.
95. Садъ.
96. Петровскій паркъ.
97. Петербургская часть.
98. р. Ждановка.
99. Малая Нева.
100. Большая Нева.
101. Николаевскій мостъ.
102. Дворцовый мостъ.
103. Троицкій мостъ.
104. Памятн. Екатеринѣ II.
105. Александровскій театръ.
106. Импер. Публич. библіотек
107. Монетный дворъ.

писываютъ нашему ордену? странно улыбаясь отозвался Груберъ. — Изреченіе: „цѣль оправдываетъ средства“ быть-можетъ было дѣйствительно высказано приснопамятнымъ святымъ Игнатіемъ Лойолой. Но это изреченіе надо понимать шире и благочестивѣе. Цѣль въ служеніи Богу оправдываетъ средства, которыми она достигается.

— Ну, да! воскликнулъ Салмоновичъ.—Если я убью человѣка ради наивящей славы Божіей, то я не поступилъ противъ шестой заповѣди и я не простой убійца.

Груберъ посмотрѣлъ своими проницательными, острыми глазами въ лицо молодаго человѣка и не нашелъ на немъ ничего лукаваго или двусмысленнаго.

— Конечно, я не убійца тогда! воскликнулъ Салмоновичъ съ поддѣльно-искреннимъ паѳосомъ.—Я приведу примѣръ. Развѣ испанское ауто-да-фе — сжиганіе людей—не было убійствомъ?

— Казнью, а не убійствомъ. Но убійство та же казнь, если на него имѣешь священное право.

— Ихъ сжигали, уничтожали, какъ враговъ Христовыхъ, враговъ служителей Божіихъ, и слѣдовательно это не было убійствомъ.

— Въ этомъ отношеніи вы совершенно правы, выговорилъ Груберъ. — Враги Христовы должны быть обращаемы на путь истинный или уничтожаемы.

— Да развѣ теперь, воскликнулъ Салмоновичъ, — мнѣ есть какая личная выгода отъ того, что я пожелаю уничтожить, стереть съ лица земли князя Яхтомскаго? Никакой! Но его благополучное существованіе является помѣхой святымъ цѣлямъ ордена, и я являюсь вѣрнымъ слугою ордена и устраняю помѣху въ лицѣ, собственно говоря, никому ни на что ненужнаго человѣка.

Груберъ не отвѣчалъ ни слова и въ его кабинетѣ на нѣсколько мгновеній снова воцарилось молчаніе.

— И такъ, отецъ мой, заговорилъ Салмоновичъ,—вы благословляете меня на это дѣло?

— Благословеніе Божіе на всякомъ человѣкѣ, во славу Его подвизающемся, уклончиво отвѣтилъ іезуитъ. — Но, повторяю вамъ, сынъ мой, если вы не надѣетесь на полный успѣхъ, то лучше не начинайте— это главное. Если нѣтъ въ человѣкѣ полной увѣренности въ возможности довести до конца начинаемое имъ, то лучше, если онъ броситъ всѣ свои предначертанія и возьмется за что-либо иное, что̀ чувствуетъ болѣе себѣ по силамъ. Неудача въ чемъ-либо приноситъ всегда большой вредъ дѣлу.

— Объ этомъ не тревожьтесь, ваше господство. Я сказалъ уже „что̀“ намѣренъ сдѣлать, но считаю излишнимъ говорить вамъ, „какъ“ я это сдѣлаю. Человѣку въ вашемъ санѣ не подобаетъ входить въ мелкія подробности какого-либо предпріятія служителя вашего ордена, искренняго и добровольнаго. Я объясняю и обѣщаю вамъ, что въ случаѣ смерти старой княжны Мавроціано, будущей госпожи Бѣлинской, наслѣдникомъ ея не будетъ ея нынѣшній прямой наслѣдникъ. Всѣ права на огромное состояніе перейдутъ прямо моему ученику и воспитаннику, а этого юношу я надѣюсь воспитать такъ, что онъ явится еще болѣе ревностнымъ слугою святой вѣры и вашего ордена.

— Господь не оставитъ васъ Своею милостью за такое дѣло, выговорилъ отецъ Гавріилъ.—Но все-таки я повторяю, я желалъ бы...

И іезуитъ запнулся.

— Я понимаю васъ, отозвался Салмоновичъ. — Уже въ третій разъ, отецъ мой, вы хотите сдѣлать мнѣ вопросъ и не рѣшаетесь. Извольте, я отвѣчу на него прямо. Князь Яхтомскій переживетъ быть-можетъ и васъ, и меня. Онъ лишится только правъ на милліонное наслѣдство. Кромѣ этого онъ не лишится почти ничего. Однимъ словомъ, улыбнулся Салмоновичъ, — я не противъ шестой заповѣди иду.

Лицо Гавріила нѣсколько просвѣтлѣло.

— Помоги вамъ Богъ! громче выговорилъ онъ. — А въ подробности я входить, повторяю вамъ, не желаю. Это ваше дѣло.

— Отвѣтивъ и разрѣшивъ ваше сомнѣніе, заговорилъ Салмоновичъ, — я бы просилъ васъ, отецъ мой, разрѣшить и нѣкоторое недоразумѣніе, нѣкоторое мое сомнѣніе... Отвѣтьте мнѣ тоже на одинъ вопросъ, меня удивляющій. Отвѣтьте мнѣ на нѣчто, что̀ кажется мнѣ какимъ-то недоразумѣніемъ.

— Извольте! Если могу, то отвѣчу прямо.

— Почему вы благоволите Бѣлинскому, допускаете его женитьбу на княжнѣ, потворствуете этой затѣѣ? Онъ мнѣ кажется человѣкомъ ловкимъ, даже отчасти двоедушнымъ. Сдѣлавшись мужемъ семидесятилѣтней старухи, мало-ли чего онъ можетъ достигнуть. Она можетъ сдѣлать завѣщаніе въ пользу молодаго мужа, котораго будетъ обожать. Тогда зачѣмъ же мое дѣло, моя услуга? Она будетъ ни къ чему. Если состояніе перейдетъ въ руки Бѣлинскаго законнымъ образомъ, то существованіе Яхтомскаго становится для ордена безразлично.

— На это, сынъ мой, я не могу отвѣчать вамъ прямо и подробно. Скажу вамъ только, что мы желаемъ этого брака. Бѣлинскій — достойный человѣкъ и нашъ искренній и истинный слуга.

— И вы увѣрены въ немъ, что онъ не обманетъ васъ?

— Никогда!

— Но зачѣмъ же вамъ нуженъ бракъ княжны, когда я обѣщаю вамъ, что наслѣдникомъ ея сдѣлается мой воспитанникъ?

— Согласитесь, дорогой сынъ мой, отозвался Груберъ, тонко, едва замѣтно улыбаясь,—что лучше брать крѣпость съ двухъ сторонъ, чѣмъ съ одной. Если одинъ приступъ будетъ отбитъ, то другой можетъ удаться.

Салмоновичъ ничего не отвѣтилъ, задумался, очевидно пораженный тѣмъ, что̀ узналъ, а затѣмъ поднялся и, получивъ благословеніе отъ отца Гавріила, вышелъ изъ горницы.

„Да. Я услужу вамъ серьезно“, думалъ аббатъ, идя домой. — „Но знайте — не даромъ. Вы должны будете перестать держать меня въ кабалѣ и уничтожить всѣ документы объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, изъ-за котораго я попалъ въ ваши руки и поневолѣ служу вамъ рабомъ! Да, я добьюсь этого отъ васъ!“

XXV.

Прошла еще недѣля. Яхтомскій уже настолько оправился, что покинулъ постель и проводилъ день въ креслѣ, слабый, грустный, но спокойный.

Княгиня не появлялась, за то мальчикъ проводилъ почти цѣлые дни съ отцомъ; давалъ ему лѣкарство, поправлялъ подушку въ креслѣ, разсказывалъ ему разныя исторіи изъ своихъ книжекъ, а затѣмъ сталъ читать какія-то нѣмецкія басни и легенды въ переводѣ. Эти дѣтскія исторіи, которыя внимательно слушалъ князь, удивительно подѣйствовали на него: отрадно и успокоительно. Тарасъ конечно тоже не отходилъ отъ барина, хотя князь постоянно отсылалъ его, говоря: „Мнѣ Тоня все сдѣлаетъ“.

Княгиня знала все, что̀ дѣлается въ горницѣ больнаго и ожидала, чтобы князь совершенно оправился, для того, чтобы послать ему большое письмо на четырехъ страницахъ, сочиненное ею вмѣстѣ съ другомъ Салмоновичемъ.

За это время и въ Яхтомскомъ, и въ Юліи Павловнѣ равно происходила душевная борьба. И онъ, и она въ этой борьбѣ пришли къ совершенно противоположнымъ результатамъ, нежели думали вначалѣ.

Князь въ припадкѣ злобы и ревности грубо и рѣзко

поступилъ съ женой, но затѣмъ, постепенно обдумывая свое положеніе, пришелъ къ такому рѣшенію, которое считалъ постыднымъ для себя, почти невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ.

Другаго исхода, другаго конца по отношенію къ женѣ онъ не могъ надумать. На рѣшительный шагъ силъ не хватало. Несмотря на все то, что̀ онъ узналъ, онъ чувствовалъ, что все-таки любитъ жену и разстаться съ нею не можетъ. Приходилось мириться, постыдно уступить, простить все и оставаться попрежнему вмѣстѣ.

„Но захочетъ-ли она еще простить меня? Захочетъ-ли она, чтобы я ее простилъ?“ являлось вопросомъ.

И князь былъ готовъ на все на свѣтѣ, чтобы жена позволила ему простить ее.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе страннаго, но понятнаго душевнаго переворота, князь возненавидѣлъ старика, который открылъ ему глаза. Онъ теперь не могъ спокойно видѣть снующаго въ горницѣ Тараса. Когда камердинеръ приближался къ нему или спрашивалъ что-нибудь, князь старался не смотрѣть на него.

„Зачѣмъ? думалось ему.—Холопъ услужливый! Лучше бы мнѣ ничего не знать! Я былъ бы попрежнему счастливъ. Къ чему все это привело теперь? Къ постыдной уступкѣ съ моей стороны, къ моему же униженію.“

Одновременно Юлія Павловна со своей стороны, подъ вліяніемъ объясненія съ Вахтенштейномъ и совѣтовъ аббата, пришла тоже къ совершенно иному результату. Она рѣшила во что бы то ни стало примириться съ мужемъ, оправдаться передъ нимъ, и если онъ что-либо узналъ объ ея поведеніи, то доказать, что всѣ его подозрѣнія ни на чемъ не основаны.

Нѣмецъ-дипломатъ и англоманъ, проводившій половину дня въ гостяхъ со шляпой въ рукахъ и въ безукоризненныхъ свѣтлыхъ перчаткахъ, казалось, и къ жизни относился на извѣстный чопорный ладъ. Онъ тоже касался „въ перчаткахъ“ всѣхъ жизненныхъ вопросовъ, и чѣмъ они были мудренѣе, тѣмъ бережнѣе затрогивалъ онъ ихъ.

Недаромъ князь Вахтенштейнъ говорилъ, что мудреный латинскій девизъ въ его гербѣ, который всѣ филологи переводили на разные лады, онъ готовъ бы былъ замѣнить девизомъ: „золотая середина“.

Княгиня, послѣ своего визита къ теткѣ, стала уже относиться къ Вахтенштейну гораздо любезнѣе, явно намекая на перемѣну въ образѣ мыслей, происшедшую въ ней по отношенію къ его особѣ.

Послѣ рѣзкой сцены съ мужемъ, выгнанная изъ спальни, Юлія Павловна на другой же день, принявъ Вахтенштейна одного, вечеромъ, просидѣла съ нимъ наединѣ далеко за полночь. Она откровенно объяснилась съ нимъ, считая себя свободною, считая, что окончательный разрывъ съ мужемъ уже произошелъ, и заявила, что соглашается на его предложеніе.

Къ ея крайнему удивленію, Вахтенштейнъ былъ пораженъ и объявилъ, что все погибло. Для него, его безупречной репутаціи серьезнаго и степеннаго дипломата, занятаго исключительно интересами своего государя и отечества, немыслимо что-либо въ родѣ свѣтскаго скандала, шума и пересудовъ.

Онъ готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія. Онъ предполагалъ, что княгиня попрежнему останется въ Петербургѣ въ той же обстановкѣ, что никто изъ постороннихъ не будетъ ничего знать. Положенія же разведенной жены, или хотя бы бросившей мужа, онъ не допускалъ.

— Если васъ перестанутъ принимать въ обществѣ и при Дворѣ, а императоръ будетъ коситься на васъ, то въ какомъ же положеніи буду я — представитель моего монарха. Надо все это устроить! Во что бы то ни стало!

Такимъ образомъ самъ Вахтенштейнъ явился вдругъ примирителемъ супруговъ.

Одновременно и аббатъ, котораго отношенія къ княгинѣ были, конечно, совершенно неизвѣстны нѣмцу, былъ того же мнѣнія.

— Разъѣхаться съ княземъ всегда успѣешь, говорилъ онъ княгинѣ.—Чтобы отдѣлаться отъ мужа, надо съ нимъ оставаться. Это не я выдумалъ. Это мнѣ буквально сказалъ братъ Рафаилъ — негодяй первостатейный, котораго я люблю и уважаю и каждое слово котораго есть золотое изреченіе, есть нѣчто болѣе непреложное, чѣмъ геометрическая аксіома. Тебѣ бы нужно было овдовѣть, выйти замужъ за этого желтаго нѣмца и тогда мы всѣ трое отлично заживемъ. Вчетверомъ неудобно. И если даже вы разъѣдетесь, будетъ князь жить въ деревнѣ, вы не будете видѣться, тѣмъ не менѣе все-таки мы будемъ вчетверомъ. Онъ будетъ путаться между нами. Надо, чтобы положеніе было ясное. Будешь ты женой Вахтенштейна—я буду при васъ, и все пойдетъ прекрасно. Стало-быть, прежде всего надобно съ мужемъ помириться, съ нимъ оставаться, для того чтобы отъ него отдѣлаться.

Княгиня была отчасти испугана такого рода разъясненіемъ дѣла, но Салмоновичъ успокоилъ ее.

— Не убьемъ же мы его, Господь съ тобой! Въ преступники попадаютъ только дураки, а мы—люди умные. Мы отъ него отдѣлаемся.

— Какимъ образомъ? постоянно допытывалась княгиня.

Но Салмоновичъ каждый разъ отвѣчалъ, усмѣхаясь:

— Не твое дѣло! Мой братецъ Рафаилъ, le révérend frère Raphael берется за все. Онъ будетъ меня обучать, а я—тебя, и вмѣстѣ мы обучимъ князя Андрея Николаевича. И въ концѣ концовъ ты выйдешь за князя Вахтенштейна замужъ.

— Ничего не понимаю! недоумѣвала княгиня.

— Понимать покуда и не нужно. Потомъ все поймешь.

Однажды Салмоновичъ явился и объяснилъ Юліи Павловнѣ, что прежде чѣмъ идти объясняться съ мужемъ, или послать къ нему письмо, надо порѣшить какъ-нибудь съ Тарасомъ, удалить его изъ дому.

— Но это невозможно! воскликнула княгиня.

— Это крайне мудрено и крайне просто. Все зависитъ, конечно, отъ князя. Внимательно выслушай! Вотъ что̀ надо тебѣ сдѣлать. Чистые пустяки. А дальше — что̀ князь.

И Салмоновичъ передалъ княгинѣ подробный планъ удаленія Тараса изъ дому.

XXVI.

Прошло два дня послѣ этого объясненія. У княгини были вечеромъ гости. Она была въ духѣ. Князь среди дня присылалъ къ ней Тоню попросить одинъ томъ сочиненій Шекспира. Затѣмъ онъ снова прислалъ сына сказать, что княгиня хорошо бы сдѣлала, если бы съѣздила къ теткѣ, которая часто присылала узнать объ его здоровьи, и поблагодарила бы ее за ея заботы. Однимъ словомъ, князь хотя и не прямо, а черезъ мальчика вступалъ въ сношенія съ женой и даже какъ будто заискивалъ.

Юлія Павловна еще прежде смутно предчувствовала это, но боялась надѣяться. Теперь оказывалось, что она была права. Безхарактерный и попрежнему влюбленный мужъ, очевидно, боролся съ собой, но не смогъ придти къ какому-либо рѣшительному шагу.

За часъ до полуночи Юлія Павловна, весело болтавшая съ дюжиной гостей, пріятельницъ и молодыхъ людей, будто вдругъ вспомнила что-то и вышла въ свою спальню.

Вернувшись опять въ гостиную, она объявила тревожно:

— Странное происшествіе! У меня пропали всѣ брильянты съ туалета.

Гости нѣсколько всполошились. Посыпались вопросы совершенно излишніе:

— Какъ? Когда? Какимъ образомъ?

Салмоновичъ, разговаривавшій въ углу съ какимъ-то офицеромъ, поднялся, переспросилъ княгиню и отвѣтилъ рѣшительно:

— Распорядитесь, княгиня. Надо сію минуту, не теряя ни мгновенія, послать за полиціей. Воръ, очевидно, въ домѣ; какъ бы только не упустить его.

И аббатъ, попросивъ у княгини право распорядиться, принялся за дѣло ловко и спѣшно. Было приказано никого изъ людей не выпускать изъ дому.

Черезъ часъ полиція была уже въ домѣ и просила разрѣшенія прежде всего обыскать людей. Покуда въ гостиной весело болтали и даже княгиня казалась не очень встревоженной,—полицейскій, два сыщика и еще три невзрачныя личности, служащія при полиціи, обыскивали всю многочисленную прислугу, рылись во всѣхъ комнатахъ и каморкахъ, во всѣхъ комодахъ и сундучкахъ.

Не прошло часу, какъ брильянты были принесены въ гостиную. Всѣ ахнули отъ удивленія, но затѣмъ всѣ единогласно согласились, что дѣло самое простое. А вышло все просто только благодаря находчивости Салмоновича.

Воры были уже арестованы, связаны и сидѣли въ нижнемъ этажѣ, въ горницѣ швейцара, въ ожиданіи перевоза ихъ въ острогъ. Воры были: Тарасъ, его жена и дѣти. Брильянты были найдены въ столѣ, принадлежащемъ старому камердинеру. Улики были всѣ на лицо.

Вдобавокъ, когда полиція хотѣла отпереть столъ Тараса и требовала ключъ, старикъ божился, что уже съ полудня ключъ утерянъ и онъ его тщетно искалъ. Или онъ самъ его потерялъ, или же, по его мнѣнію, кто-то укралъ его у него на смѣхъ.

Хотя Тарасъ и предложилъ самъ тотчасъ сломать столъ, заявляя, что тамъ, кромѣ разной мелочи, ничего нѣту, но онъ, очевидно, по мнѣнію полиціи, надѣялся, что столъ ломать не будутъ. Когда ящикъ былъ выломанъ, то брильянты оказались всѣ на лицо.

Княгиня не рѣшалась дозволить везти въ острогъ любимца мужа, не доведя невѣроятнаго происшествія до его свѣдѣнія. Идти самой было невозможно, послать было некого. Несмотря на позднее время, она рѣшилась и пошла въ горницу къ сыну.

Тоня давно уже спалъ. Княгиня разбудила его, привела въ себя, велѣла умыться, и когда полу-сонный Тоня былъ на ногахъ, удивленный, отчасти испуганный, княгиня нѣсколько сухо стала приводить его въ полное сознаніе. Она объяснила, что мальчикъ долженъ идти къ отцу и, разсказавъ ему происшествіе, просить разрѣшенія вопроса.

Тоня, явившись къ отцу, крайне удивилъ его своимъ позднимъ появленіемъ.

— Что такое? Отчего ты еще не спишь?! воскликнулъ князь испуганно.

„Неужели она уже покинула домъ?“ пришло ему на умъ съ ужасомъ.

— Важное дѣло. Мама прислала сказать..

И Тоничка разсказалъ то, что̀ случилось въ домѣ. Мальчикъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

Князь задумался, опустилъ голову и долго молчалъ, а затѣмъ выговорилъ:

— Скажи мамѣ, что это не наше дѣло. Тарасъ принадлежитъ теперь не намъ. Воръ — собственность властей. Пускай увозятъ!

Мальчикъ явился въ гостиную и передалъ матери рѣшеніе отца.

Черезъ нѣсколько минутъ арестованныхъ уже посадили на извозчиковъ въ сопровожденіи полицейскихъ и увезли изъ дому.

Разумѣется, всѣ они были ни живы, ни мертвы, только одинъ старикъ Тарасъ былъ спокоенъ, слегка блѣденъ, но часто крестился и шепталъ что-то непонятное.

Въ гостиной продолжался веселый говоръ. Только изрѣдка княгиня и Салмоновичъ переглядывались и аббатъ ухмылялся съ крайнимъ довольствомъ на лицѣ.

Когда князь собрался ложиться спать, ему уже прислуживалъ другой лакей, а отсутствіе ненавистнаго теперь Тараса было ему пріятно противъ воли.

Что касается до преступленія Тараса, то князь терялся въ догадкахъ. Онъ былъ увѣренъ, что кто-либо изъ дѣтей его, вѣроятно, одна изъ дочерей, по всей вѣроятности, Марья, совершила его.

„Тамъ видно будетъ! думалъ князь. — По крайней мѣрѣ теперь я избавился отъ этого смутителя“.

Послѣ полуночи всѣ забыли о происшествіи и о Тарасѣ. Одинъ Тоня, въ угольной темной гостиной, припавъ горячимъ лицомъ къ подушкѣ дивана, горько тайкомъ плакалъ. Ему больно было за Тараса и за Софью, которыхъ онъ любилъ.

Мальчикъ былъ почти единственное существо въ домѣ, которое не повѣрило сразу въ то, чего еще вполнѣ объяснить никто въ домѣ не могъ. Всѣ люди говорили: „воровство“. Всѣ изумлялись, восклицая:

— Тарасъ Мосѣичъ?!

Всѣ ничего не понимали, но, однако, будто вѣрили на половину. Но Тоня ясно понималъ и чувствовалъ, что все случившееся—неправда, клевета, грѣхъ...

Няня долго ждала мальчика, волновалась, но была увѣрена, что Тоня у отца, или зря задержанъ въ гостиной матерью.

Наконецъ Тоня появился и тихо вошелъ въ свою дѣтскую горницу. Лицо его было печально и задумчиво, а глаза заплаканы и красны. Онъ увидѣлъ няню, сидѣвшую въ углу на креслѣ съ чулкомъ въ рукахъ, но, ни слова не сказавъ ей и даже не поглядѣвъ на нее, усѣлся на стулъ у темнаго окна.

— Ну что, сердечный? выговорила она, кончивъ рядъ и вытаскивая пятую спицу. — Отчего задержали такъ? Что̀?

— Ничего, тихо отозвался Тоня, не поворачивая къ ней лица.

Марѳа Яковлевна почесала голову концомъ вынутой спицы, помолчала мгновеніе, а затѣмъ, печально ухмыльнувшись, выговорила:

— Да ну... говори ужь... Вижу. Что̀ тамъ было?.. Заступился небось... Что же было-то?

— Ничего...

Наступило снова молчаніе.

Няня воткнула спицу въ петлю и, вздохнувъ тяжело, начала новый рядъ... Шевелившіяся спицы, кругомъ чулка въ видѣ бѣлаго мѣшечка, засіяли при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи.

Чрезъ мгновенье Марѳа Яковлевна выговорила:

— Пора, Тоничка, почивать. Второй часъ ночи.

— Не хочется, не до сна, няня.

— Ну такъ не упрямся, скажи, Тонюшка, что̀ тамъ толковали, на бѣднаго старика взваливали.

— Что же? Всѣ сказываютъ одно: воровство.

— А что̀ у тебя тамъ спрашивали? Про что̀ рѣчь была? Или чѣмъ разобидѣли тебя?

— Ничѣмъ не разобидѣли меня. А неправда. Грѣхъ... И я знаю. Хорошо знаю. И я мама̀ сказалъ... Она говоритъ—не мое дѣло. Говоритъ: онъ злой человѣкъ. Коли не воръ, то еще хуже.

— Это про Тараса Мосѣича-то она?

— Ну да... Это неправда. Мама̀ налгали про него.

— Вѣстимо напраслина. Но ничего тутъ никто не подѣлаетъ. Чистъ Тарасъ Мосѣичъ, какъ и мы съ то-

Литер. альбомъ. „Ундина“ Жуковскаго. Въ Черной долинѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Шлиццеръ.

бой. И безгрѣшенъ онъ какъ ты—человѣкъ онъ старый и всю жизнь по-христіански прожилъ. Но ничего нельзя. Сильны враги у него... Захотѣли враги погубить—и погубили.

— Ихъ Богъ накажетъ!

— Не говори такъ! Не годно!.. отозвалась няня.

— Отчего? Ты сама говоришь всегда, что за дурныя дѣла Богъ накажетъ.

— Знамо. Знамо. Да не тебѣ этакъ говорить.

— Почему же мнѣ нельзя?

— Потому что кто загубилъ Тараса Мосѣича ты не знаешь, а я знаю... Вотъ я и сказываю, что не долженъ ты такъ говорить: Богъ накажетъ. Грѣхъ это.

— Какъ?.. Грѣхъ, если Богъ накажетъ?

— Да нѣту, дурной ты мой... Пускай Господь накажетъ. Подѣломъ будетъ. Да не тебѣ это говорить.

— Отчего?! воскликнулъ Тоня.—Другіе могутъ это говорить, а мнѣ нельзя. Что я? Маленькій совсѣмъ что ли?

— Не потому.

— Такъ почему? Скажи.

— Не могу, родной. Брось говорить про это.

И Тоня ничего не добился отъ няни.

XXVII.

На утро одинъ только человѣкъ въ домѣ сіялъ радостью и даже не могъ скрыть своего. чуть не восторженнаго состоянія. Это былъ аббатъ-гувернеръ.

— Чего нашъ учитель радуется? замѣтили даже люди.—Чему жидовина зубы скалитъ? Ему что?

Люди въ домѣ какъ-то будто чутьемъ узнали происхожденье Салмоновича и давно окрестили его такъ,

Аббатъ, недавно объяснившійся съ отцомъ Гавріиломъ довольно прямо, снова нѣсколько разъ побывалъ у друга Рафаила и по цѣлымъ вечерамъ бесѣдовалъ съ нимъ о семьѣ Яхтомскихъ, ничего не скрывая.

Рафаилъ встрѣтилъ однажды вечеромъ Салмоновича и, ни слова не говоря, началъ смѣяться и долго смѣялся. Затѣмъ, на вопросъ друга, что̀ съ нимъ случилось, Рафаилъ объяснилъ, что радуется своей новой выдумкѣ насчетъ „господина русскаго князя, патрона“ Салмоновича. И онъ передалъ что̀ надумалъ. Аббатъ-гувернеръ былъ пораженъ... Потомъ онъ сталъ противорѣчить другу, находя его выдумку нелѣпой. А затѣмъ, часа черезъ два, снова слушая молодаго іезуита, онъ пришелъ къ убѣжденію, что другъ Рафаилъ чертовски-изобрѣтателенъ и пожалуй все имъ надуманное хотя и очень, очень мудрено, но однако, при помощи Божьей, исполнимо.

— Ad majorem Dei gloriam! воскликнулъ Рафаилъ.

— Да, конечно. Но и ad majorem utilitatem доминуса Салмоновича! воскликнулъ этотъ.

И съ этого дня аббатъ ходилъ еще болѣе довольный и веселый.

Однажды, поздно вечеромъ, когда явилась возможность вполнѣ безопасно побывать у княгини въ будуарѣ, что̀ случалось не часто, Салмоновичъ явился и долго объяснялъ ей „геніальный и чертовскій планъ“ своего друга Рафаила насчетъ исхода изъ ихъ затруднительнаго положенія.

Аббатъ не все объяснилъ княгинѣ и не рѣшался сказать главнаго, чтобы не испугать ее. Но все-таки Юліи Павловнѣ было достаточно слышаннаго, чтобы стать тревожно-задумчивою.

Полулежа на своей кушеткѣ и облокотясь красивою рукой на подушку, княгиня задумчиво смотрѣла предъ собой и на лицѣ ея, послѣ легкой тревоги, явилось уныніе.

— Какъ трудно жить на свѣтѣ! отвѣтила она аббату и продолжала мысленно:

„Какъ трудно жить на свѣтѣ! Главное—деньги, а всякимъ деньгамъ бываетъ конецъ. У милліона тоже есть послѣдній рубль... Еще не менѣе главное, въ жизни женщины,—любовь. Но и этому чувству быстро приходитъ конецъ. Первый поцѣлуй и сотый—какая разница! Думаешь: вотъ наконецъ нашла человѣка... И все вздоръ! Начинай сызнова... А теперь вотъ! Какъ мудрено все устроить къ лучшему, избавиться отъ мужа, очаровать до безсмыслія Вахтенштейна и побороть его упрямство. Вотъ этому демону все кажется легко, а для меня полная во всемъ путаница. Даже голова идетъ кругомъ...“

Между тѣмъ, покуда княгиня томительно размышляла, Салмоновичъ сидѣлъ передъ ней на небольшомъ стульчикѣ и былъ, повидимому, нѣсколько раздраженъ.

— Ну, что же? выговорилъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія.

— Не знаю! отозвалась Юлія Павловна.—Право, не знаю! Все это страшно запуталось, ничего не поймешь.

— Ничего запутаннаго нѣтъ! воскликнулъ аббатъ.—Все это тебѣ такъ кажется. Женскія головы — удивительныя головы! Вѣдь вотъ ты умная женщина, а пустяки тебя озадачиваютъ!

— Да вѣдь тутъ все запутано. Ничего понять нельзя. Никакого исхода нѣтъ.

— А я повторяю въ сотый разъ, что, наоборотъ, ничего запутаннаго нѣтъ. Ну, давай обсуждать, какъ полководцы обсуждаютъ планъ сраженія. Положеніе наше таково же, какія бываютъ всегда на свѣтѣ. Ничто просто, по мановенію жезла волшебника, не дѣлается. Ничего нельзя достигнуть, лежа, вотъ какъ ты теперь, на кушеткѣ. Помѣхи и препятствія есть во всемъ всегда. Даже букашка, которая ползетъ по какому-нибудь листку, встрѣчаетъ едва преодолимое препятствіе, которое нашему глазу даже не видно. Въ нашей жизни, въ нашемъ ползаніи по листочкамъ—тоже препятствія. Но для человѣка сильнаго волей, предпріимчиваго, все это наполовину не существуетъ. Вы разорены; Вахтенштейнъ предлагаетъ явиться на помощь; ты согласна на нее, но князь не согласенъ. Онъ не хочетъ жить и блистать въ Петербургѣ на такія двусмысленныя средства. И это совершенно понятно, совершенно естественно. Ты желаешь его бросить, быть свободной, но нѣмецъ, дипломатъ, щепетильный, охраняющій свою репутацію, какъ зѣницу ока, не хочетъ скандала, боится женщины не только разъѣхавшейся съ мужемъ, но даже разведенной, если бы разводъ былъ возможенъ. Онъ предлагаетъ, чтобы все оставалось по-старому. Князь этого не хочетъ. Ты со своей стороны тоже не очень желаешь, предпочла бы сдѣлаться женою германскаго князя. Тутъ столкновеніе волей разныхъ индивидуумовъ. И вотъ нужно примирить все это, распутать, устроить такъ, чтобы всѣ были довольны. Конечно, кромѣ твоего мужа. Если ты хочешь достигнуть этого, спасти себя и добиться желаемаго, то должна дѣйствовать такъ, какъ я говорю, и главное—не медлить. Мало ли что̀ можетъ случиться! Надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Но я не вѣрю въ удачу твоего плана...

— А я вѣрю! воскликнулъ Салмоновичъ.—Я даже увѣренъ, что все устроится гораздо скорѣй, нежели мы думаемъ. Разумѣется, самый конецъ всему будетъ не скоро. Замужество твое будетъ возможно, пожалуй, только черезъ полгода, или годъ, но, въ ожиданіи конца, Вахтенштейнъ согласится на то, на что̀ не соглашается теперь. Онъ не хочетъ сблизиться съ брошенной женой, съ разведенной, но относительно такой, которая свободна по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, ничто не препятствуетъ ему хотя бы даже объявить себя женихомъ. И такъ, пройдетъ полгода, годъ, а затѣмъ вы можете и вѣнчаться, если ты съумѣешь его поработить.

(Продолженіе будетъ).

Изображеніе посольства, отправленнаго Іоанномъ Грознымъ къ императору Максимиліану II, въ 1576 г.

(Рис. на стр. 196 и 197).

Однимъ изъ весьма видныхъ украшеній Императорской Публичной Библіотеки, въ залѣ историческихъ сочиненій, слѣдуетъ считать ту витрину, въ которой помѣщается точный снимокъ съ весьма оригинальной, раскрашенной пражской гравюры, изданной въ 1576 г., тотчасъ послѣ посѣщенія Германской имперіи русскимъ посольствомъ. Самый фактъ прибытія посольства изъ отдаленной, дикой и таинственной *Московіи* уже поразилъ всѣхъ, такъ какъ это государство было тогда столь же мало извѣстно въ Европѣ, какъ внутренняя Африка лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Одежды, физіономіи, обычаи, пріемы, религіозные обряды „этихъ людей, прибывшихъ изъ Московіи“, до такой степени поразили всѣхъ современниковъ, что одинъ изъ пражскихъ издателей, *Михаилъ Петтерле*, рѣшился затратить довольно крупную сумму на изданіе полнаго и подробнаго изображенія „Московскаго посольства“, въ которомъ оно все было нарисовано въ томъ видѣ, въ какомъ шло на пріемъ во дворецъ императора, неся торжественно дары ему и вѣрющую грамоту. Рядомъ съ этимъ изображеніемъ, въ которомъ многія подробности чрезвычайно важны въ археологическомъ отношеніи, чехъ-издатель помѣстилъ и другое изображеніе, показывающее съ большими подробностями „какъ московиты Богу молятся“, какъ они кланяются передъ своими иконами, какъ крестятся, какъ служатъ въ своей походной церкви. Подъ всѣмъ этимъ, довольно длиннымъ, изображеніемъ тянется печатная подпись, въ нѣмецкихъ виршахъ, напечатанная готическими буквами въ видѣ правильно расположенныхъ столбцовъ. Подпись эта въ такой степени наивна, что заслуживаетъ вниманія, какъ памятникъ времени и того весьма ограниченнаго круга свѣдѣній, который въ концѣ XVI вѣка имѣли о нашемъ отечествѣ не только европейцы живущіе на крайнемъ Западѣ, но даже и наши ближайшіе сосѣди, австрійскіе нѣмцы, и наши соплеменники—чехи. Передаемъ эту подпись въ точномъ и близкомъ переводѣ, не выпуская изъ нея ни одного слова:

„Истинное изображеніе посольства или пословъ великаго князя Московскаго къ его императорскому Римскому величеству. Также въ какихъ одеждахъ и какомъ видѣ каждый изъ нихъ явился ко двору, когда они его императорскому Римскому величеству представили вѣрющую грамоту и подарки, въ Регенсбургѣ, на нынѣшнемъ имперскомъ сеймѣ, 18 іюля 1576 г.

„Въ 1576 году, въ Регенсбургѣ, когда тамъ былъ имперскій сеймъ, *появились тамъ разные народы*. Но удивительно то, что великій князь Московскій, смѣлый и отважный, 12 марта отправилъ своихъ пословъ въ Германію. Они, какъ я узналъ, пріѣхали въ Регенсбургъ въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ и были приняты самымъ блистательнымъ образомъ. Его императорское Римское величество, извѣстившись о ихъ прибытіи, отправилъ имъ навстрѣчу свои экипажи, вмѣстѣ съ придворными особами, чтобы ихъ привезли самымъ великолѣпнымъ образомъ. Итакъ они, скоро и живо, были привезены въ ихъ помѣщеніе. Потомъ, 18 іюля, послы пожелали представиться его императорскому величеству, и онъ опять послалъ за ними свои собственныя кареты, вмѣстѣ съ придворными особами. Такимъ образомъ они вскорѣ и поспѣшно были привезены къ его императорскому величеству. Тутъ-то всѣ увидѣли, какъ алебардщики и драбанты стояли въ порядкѣ отъ Императорскаго дворца до Московскаго посольскаго дома. Когда же послы пріѣхали ко дворцу, они, какъ я слышалъ, вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ, въ порядкѣ, попарно. И кто пожелаетъ, увидитъ ихъ представленными здѣсь, воочію, на рисункѣ. А самые знатные изъ нихъ будутъ названы здѣсь по именамъ.

„*Московское посольство къ его императорскому Римскому величеству:*

„Главный посолъ, князь Захарій Ивановичъ Сугорскій, дворянинъ и намѣстникъ Бѣлозерскій, идетъ впереди, въ червленомъ золотномъ платьѣ и мѣховой шапкѣ.

„Рядомъ съ нимъ шелъ его товарищъ, Андрей Гавріловичъ Арцыбашевъ, дьякъ, въ синемъ золотномъ платьѣ.

„Во второй парѣ шли принадлежащіе къ посольству дворяне или бояре, какъ-то: Третьякъ Дмитрій Зубатый Старшій, въ бѣломъ платьѣ съ золотными цвѣтами и высокой шапкѣ.

„Его товарищъ, Мамлей Ивановичъ Илинъ, дворянинъ; въ золотномъ платьѣ съ красно-золотыми цвѣтами.

„Въ третьей парѣ шелъ подьячій, по имени Аѳанасій Михайловичъ Монастыревъ. Онъ несъ вѣрющую грамоту въ красномъ кармазинѣ. Одѣтъ былъ весь въ красномъ. Другой, что подлѣ сего шелъ, просто дворянинъ, въ голубомъ шелковомъ платьѣ.

„Въ какомъ платьѣ, нарядахъ и уборахъ, по своему обычаю, шли пятеро пословъ къ его императорскому Римскому величеству, о томъ даетъ понятіе этотъ рисунокъ.

„Тотчасъ за этими послами слѣдовали двадцать особъ менѣе знатныхъ. Между прочимъ, въ числѣ ихъ были и два мальчика прислуживавшіе имъ. Изъ числа помянутыхъ особъ болѣе важные несли подарки, которыми великій князь Московскій почтилъ его императорское Римское величество.

Подарки были слѣдующіе:

„Во-первыхъ, главный посолъ поднесъ, отъ имени своего государя, великаго князя Московскаго, его императорскому величеству, сорокъ соболей, и отъ своего имени также сорокъ соболей.

„Дьякъ посольства поднесъ его императорскому величеству также сорокъ соболей. Другіе, каждый, дали по сорока соболей.

„Подьячій поднесъ его императорскому величеству пару соболей и обоимъ молодымъ принцамъ, сыновьямъ его императорскаго величества, также по парѣ соболей.

„Когда означенное посольство поднесло свои подарки и исполнило свои порученія, оно было отвезено домой попрежнему, со всѣми почестями. И потомъ его императорское величество угостилъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А 15 сентября они все совершенно покончили и получили отъ императора съ удовольствіемъ подарки. 17 числа они собрались и всѣ вмѣстѣ поѣхали обратно домой.

Заключеніе.

„И такъ, послѣ того, какъ великій князь пожелалъ обратиться къ Римскому императору для пользы и блага христіанству, и чтобы мужественно дать крѣпкій отпоръ Турку,—мы должны теперь просить Бога, чтобы Онъ соизволилъ помилосердовать о насъ и своею могучею десницею защитилъ насъ отъ Турка и всего его войска, и далъ намъ спасти славу своего имени. Также, чтобы Онъ отечески призрѣлъ свое бѣдное христіанство и сохранилъ насъ повсюду при Своемъ благомъ Словѣ, дабы мы могли, наконецъ, черезъ Его Святое имя быть вѣчно блаженными. Аминь“.

Въ концѣ этой длинной рацеи припечатана императорская привилегія Михаилу Петтерле, издателю въ Прагѣ, предоставляющая ему единственное право пользованія этимъ рисункомъ и воспрещающая всякія копіи, контрафакціи и воспроизведенія.

Рисунокъ, воспроизводимый нами вопреки привилегіи, данной издателю императоромъ Максимиліаномъ II, очень замѣчателенъ по своимъ подробностямъ, которыя, очевидно, воспроизведены современнымъ художникомъ съ величайшею точностью. Это можно видѣть и по узорамъ матерій на кафтанахъ и шубахъ пословъ, и по тщательной отдѣлкѣ фигуръ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою экспрессію и даже опредѣленный типъ. Еще болѣе видно это по одной любопытной подробности, которую художникъ не могъ, конечно, придумать самъ, а зарисовалъ съ натуры. Эта подробность, — имѣющая важную цѣну археологическую, — заключается въ способѣ увязки и подвесенія собольихъ сороковъ, которые такъ бережно несутъ нѣкоторые изъ членовъ посольства. Эти сорока соболей связаны мордками кверху, хвостами книзу, и только прикрыты поверхъ спинокъ и черевовъ матерчатыми чехлами, за сборки которыхъ послы и свита ихъ и несутъ эти бездѣнные въ то время дары дальняго Востока его императорскому Римскому величеству.

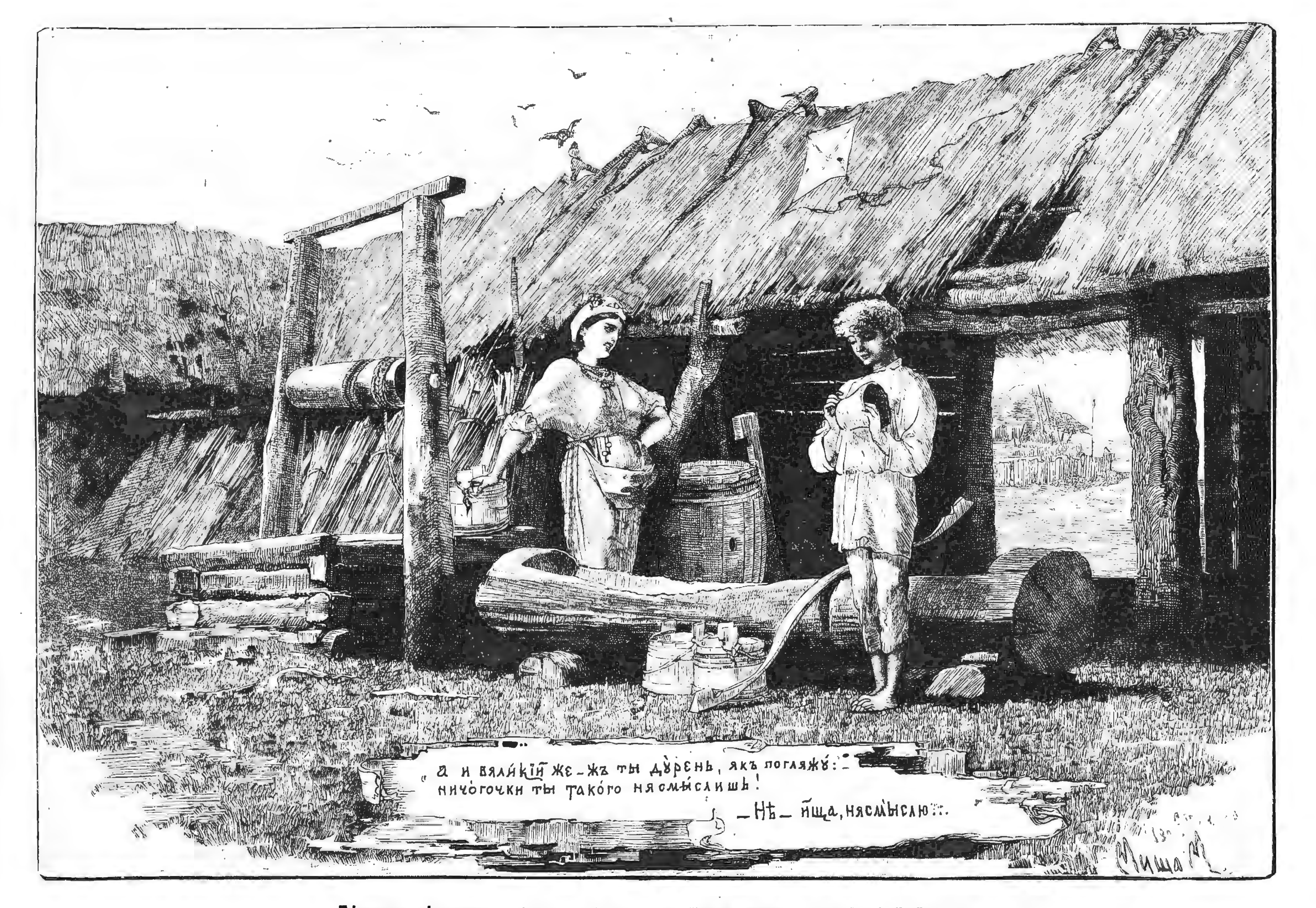
Другую половину изображенія, представляющую богослуженіе въ походной посольской церкви, мы не воспроизводимъ, потому что для насъ, русскихъ, она не имѣетъ никакого, ни художественнаго, ни научнаго интереса. **П. Полевой.**

Видъ центральной части Петербурга съ высоты птичьяго полета.

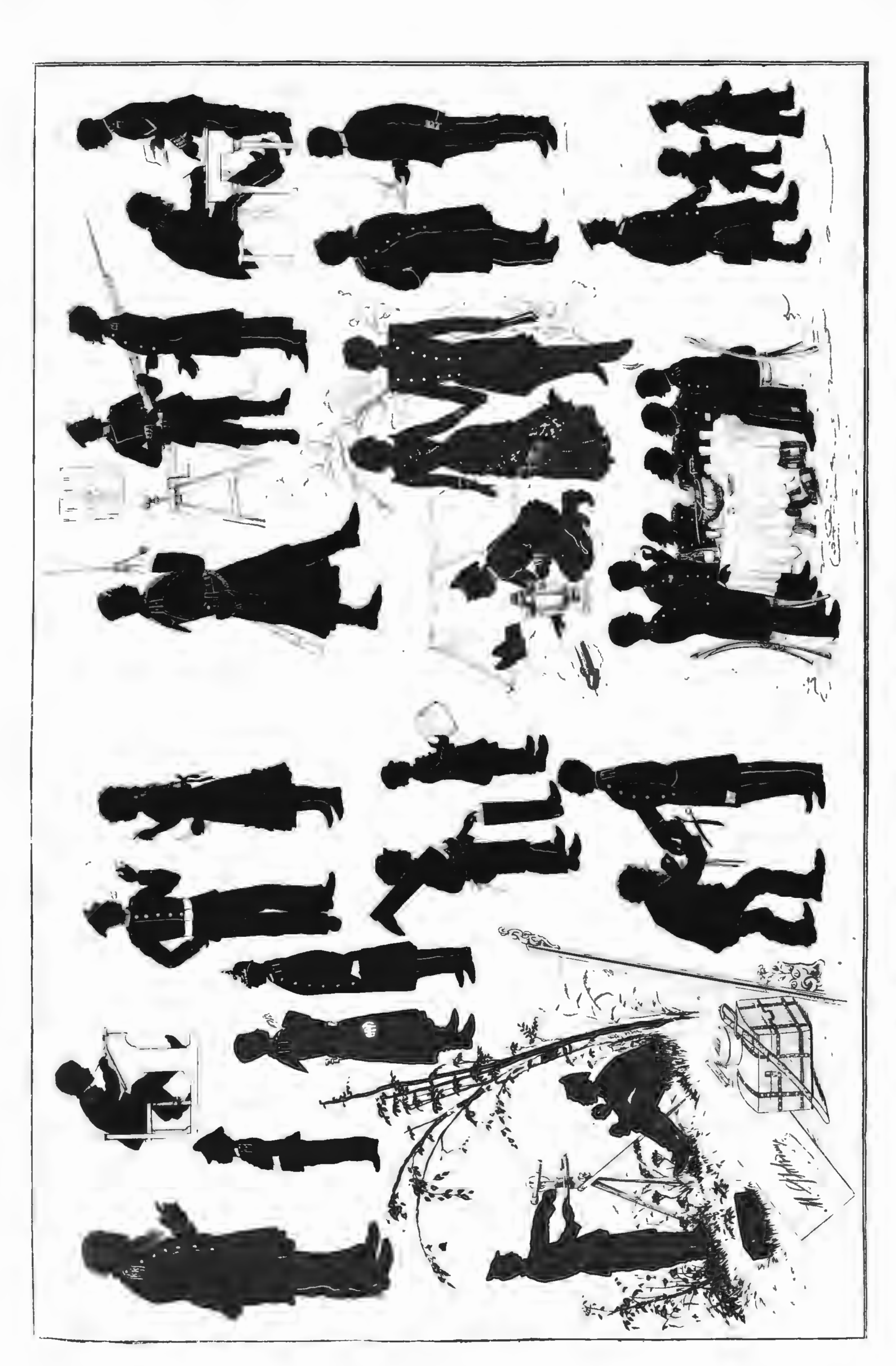
(Рис. на стр. 196 и 197).

Любопытный рисунокъ, предлагаемый нами читателямъ нашимъ въ настоящемъ *№ Нивы*, даетъ довольно точное и ясное понятіе о громадности того города, который въ настоящее время принадлежитъ несомнѣнно къ красивѣйшимъ столицамъ Европы и такъ часто величается въ произведеніяхъ творчества „Сѣверною Пальмирою“. Несмотря на то, что Санктъ-Петербургъ (или *Питеръ*, какъ привыкъ его называть народъ) принадлежитъ въ ряду европейскихъ столицъ къ числу городовъ наиболѣе новыхъ (ему нѣтъ еще и двухсотъ лѣтъ), онъ можетъ и по красотѣ своей, и по быстротѣ роста соперничать съ большинствомъ старыхъ столичныхъ городовъ, а по населенности, по удобствамъ жизни, по возрастающему богатству своему, по распространенности торговли и фабричной производительности — Петербургъ давно уже обогналъ многія изъ столицъ Европы, существовавшія уже и тогда, когда европейцы еще не имѣли понятія объ отдаленной Московіи.

Новая столица обширнаго Россійскаго государства, по смѣлому замыслу Великаго Преобразователя Россіи, была осно-

Бѣлорусскія сцены. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **М. О. Микѣшина**, грав. fac-simile Флюгель.

Силуэты изъ военной жизни. Оригин. рис. (собств. „Нивы") **М. Ф—ума.** грав. fac-simile М. Рашевскій.

вана имъ какъ разъ въ самый разгаръ столь трудной борьбы Петра съ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ. Овладѣвъ, послѣ тяжкихъ усилій и пожертвованій, выходомъ въ Неву изъ Ладожскаго озера, Петръ, послѣ взятія *Нотебурга* (сильной шведской крѣпости, переименованной имъ въ *Шлиссельбургъ — Ключъ-городъ*), рѣшился утвердиться на берегахъ Невы. Овладѣвъ шведскою крѣпостью *Ніэншанцемъ*, которая послѣ паденія Нотебурга уже не могла держаться противъ русскихъ войскъ, Петръ I заложилъ на Заячьемъ островѣ, у праваго берега Невы, основаніе собора во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла и одновременно съ этой закладкой сталъ строить на томъ же островѣ земляную крѣпость, которую назвалъ *Петербургомъ*, въ „свое государево имя". Это достопамятное событіе совершилось 29 іюня 1703 года, въ самое тезоименитство государя. Цѣлью заложенія крѣпости была защита невскихъ береговъ отъ вторженія шведской флотиліи со стороны моря. Цѣль эта была достигнута — шведы въ Невѣ уже болѣе не показывались, но блокировали устья Невы до самыхъ заморозковъ въ теченіе всего 1703 года и этимъ побудили Петра изыскать новыя мѣры къ защитѣ возникающаго Петербурга. Когда въ слѣдующемъ 1704 году шведская флотилія явилась въ Финскомъ заливѣ — она уже не могла подойти къ устьямъ Невы, потому что главный фарватеръ былъ защищенъ крѣпостью *Кроншлотомъ*, воздвигнутою на островѣ Котлинѣ. Обезпечивъ такимъ образомъ постройку новаго города отъ наиболѣе опасныхъ нападеній шведовъ со стороны моря, Петръ дѣятельно принялся работать надъ осушеніемъ мѣстности, избранной имъ для города, надъ распредѣленіемъ частей города по обоимъ берегамъ Невы, надъ вырубкою лѣсовъ, которые густою чащею росли всюду по берегамъ рѣки и островамъ въ ея устьѣ. Около Петропавловскаго собора (№ 80 на нашемъ планѣ) растянулись укрѣпленія крѣпости (№ 82 - 81), въ которой сосредоточились важнѣйшія казенныя учрежденія и склады. Кругомъ крѣпости, по правому берегу Невы, на такъ-называемой Петербургской Сторонѣ, сталъ густо застраиваться городъ Петра. Прежде всего явился здѣсь древнѣйшій изъ Петербургскихъ храмовъ — церковь Св. Троицы (№ 84), доселѣ уцѣлѣвшая въ своемъ прежнемъ, скромномъ видѣ. Отъ этой церкви и мостъ, перекинутый черезъ Неву, около крѣпости (№ 103), получилъ названіе Троицкаго. Невдалекѣ отъ Троицкой церкви, на берегу Невы, выстроился и такъ-называемый *домикъ Петра* (№ 87), замѣнявшій великому монарху великолѣпный дворецъ и построенный по образцу того саардамскаго домика, въ которомъ онъ жилъ и плотничалъ нѣкогда на Саардамской верфи. Одновременно съ заселеніемъ Петербургской Стороны, стала заселяться и оконечность ближайшаго къ крѣпости *Васильевскаго острова*, лежащаго между Большою Невою (№ 100) и Малою Невою (№ 99). Здѣсь знаменитый любимецъ Петра, Александръ Меншиковъ выстроилъ себѣ громадныя и роскошныя палаты (нынѣшнее зданіе 1-го кадетскаго корпуса, № 70), а немного позже воздвигнуто было и зданіе нынѣшняго Университета (№ 69), въ которомъ сосредоточены были всѣ важнѣйшія государственныя учрежденія, подъ названіемъ „Двѣнадцати коллегій". Плавучій мостъ, поставленный противъ Меншиковскихъ палатъ, соединялъ Васильевскій островъ съ противуположнымъ, лѣвымъ берегомъ Невы, и получилъ названіе *Исаакіевскаго*, такъ какъ онъ упирался въ площадь, на которой, близъ нынѣшняго великолѣпнаго Исаакіевскаго собора, стояла въ Петровское время скромная небольшая церковь Св. Исаакія Далматскаго. Нынѣ на той же самой площади возвышается прекрасный памятникъ Петру Великому (№ 9), воздвигнутый при Екатеринѣ II, а бывшій Исаакіевскій мостъ подняли выше по Невѣ и поставили около Зимняго дворца (№ 1), почему и придано ему названіе Дворцоваго (№ 102). Какъ разъ противъ Меншиковскихъ палатъ, на лѣвомъ берегу Невы, въ Петровское же время были заложены верфи для судовъ и обширное *Адмиралтейство* (№ 10), окруженное высокими валами и глубокими рвами, т. е. укрѣпленное на случай нападенія съ моря или съ суши. Отъ этого Адмиралтейства и вся часть города, еще при Петрѣ возникшая на лѣвомъ берегу рѣки, получила названіе *Адмиралтейской*. Здѣсь построили себѣ дома многіе изъ сподвижниковъ Петровыхъ, и онъ самъ заложилъ вскорѣ Лѣтній дворецъ, а около него приказалъ развести обширный *Лѣтній садъ* (№ 62), и донынѣ составляющій одно изъ лучшихъ украшеній Петербурга. Около Лѣтняго сада расположенъ былъ, по желанію Петра, и тотъ обширный *Царицынъ лугъ* (№ 57) на которомъ происходили упражненія войскъ петербургскаго гарнизона и народныя увеселенія [1].

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ главнымъ остовомъ Петербурга въ то время, когда онъ еще только зачинался „по мановенію" Великаго Петра, мы уже безъ особаго труда можемъ дополнить эту первоначальную основу столицы дальнѣйшими наслоеніями. При ближайшихъ преемникахъ Петра тѣ части города, которыя первоначально имѣли наибольшее значеніе, пріютившись поближе къ крѣпости, стали мало-по-малу это значеніе утрачивать, и въ настоящее время Петербургская Сторона представляетъ собою мѣстность, населенную небогатымъ мѣщанствомъ и чиновничествомъ. Васильевскій островъ сталъ преимущественно средоточіемъ всякаго рода учебныхъ и ученыхъ учрежденій (Академія Наукъ, 63, Университетъ, 69, Академія Художествъ, 75) и центромъ торговымъ, такъ какъ здѣсь видимъ и Биржу (64) съ ея громадными ростральными колоннами, и Таможню (65) съ ея обширными складами (67). Главное, первенствующее значеніе въ столицѣ пріобрѣла именно Адмиралтейская Сторона, на которой стали постепенно строить дворцы за дворцами, палаты за палатами. Около дворцовъ и палатъ явились прекрасные, тѣнистые сады, бульвары, скверы, протянулись прямыя, широкія улицы, раскинулась красивѣйшая въ свѣтѣ громадная набережная Невы, на которой дворцы тянутся почти непрерывнымъ рядомъ: Мраморный дворецъ (52), дворецъ В. Кн. Михаила Николаевича (53), далѣе дворецъ В. Кн. Владиміра Александровича и громадное зданіе Зимняго дворца (№ 1). Позади Зимняго дворца находится обширная Александровская площадь съ воздвигнутою на ней громадной Александровской колонной, въ память Александра Благословеннаго (№ 2). Эту площадь, въ значительной части ея, огибаетъ колоссальное подковообразное зданіе Главнаго Штаба (№ 4). Далѣе, отъ Адмиралтейства, широкими лучами расходятся въ трехъ направленіяхъ три весьма важныя улицы-артеріи: Невскій проспектъ (16), Гороховая (33) и Вознесенскій проспектъ (на немъ возвышается памятникъ императору Николаю I, № 30). Невскій проспектъ соединяетъ прилежащія къ Адмиралтейству части Петербурга съ отдаленною Александро-Невскою лаврою и проходитъ мимо Казанскаго собора (36), Думы (46) и Гостинаго Двора (45), по богатѣйшимъ и населеннѣйшимъ мѣстностямъ столицы [2]. Гороховая проходитъ по самому центру Петербурга, вплоть до Загороднаго проспекта, по кварталамъ, населеннымъ преимущественно ремесленниками, промышленниками и мелкими торговцами. Вознесенскій проспектъ соединяетъ прибрежныя части Петербурга съ отдаленными кварталами, въ которыхъ расположены Балтійскій и Варшавскій вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Между Исаакіевскимъ соборомъ (29) и церковью Благовѣщенія (24) пролегаетъ широкій Конногвардейскій бульваръ, который проходитъ мимо обширныхъ Конногвардейскихъ казармъ (21—23) и заканчивается у дворца Вел. Кн. Николая Николаевича (19). Мимо этого дворца проходитъ прямая улица къ Николаевскому мосту (101)—первому каменному постоянному мосту, построенному при императорѣ Николаѣ I для соединенія Васильевскаго острова съ центромъ города. Въ данную минуту движеніе отъ окраинъ города къ центру возросло въ такой степени, что этотъ монументальный мостъ—нѣкогда считавшійся дивомъ строительнаго искусства—уже оказывается недостаточно широкимъ... Являются уже проекты новаго моста (каменнаго и широкаго) на мѣстѣ Дворцоваго; а Дума готовится осуществить колоссальный планъ постройки постояннаго моста на мѣстѣ Троицкаго. Городъ растетъ и ширится во всѣ стороны, захватывая всюду новыя и новыя территоріи, присоединяя къ себѣ подгородныя слободы. Каналы и рѣчки, съ великимъ трудомъ и тщаніемъ проведенные Петромъ по территоріи его топкаго и туманнаго „Парадиза", начинаютъ уже засыпать, чтобы очистить больше мѣста для улицъ и бульваровъ, чтобы приготовить готовое полотно для городскихъ желѣзнодорожныхъ линій... Наконецъ, въ послѣднее время, осуществилась и давнишняя мечта петербургскаго торговаго міра: столица, благодаря Морскому каналу, сдѣлалась *портомъ*, въ который приходятъ съ моря корабли съ самой большой осадкой. „Градъ Петровъ" красуется и стоитъ твердо на своемъ побережьи, выполняя въ точности завѣщаніе Великаго Преобразователя Россіи.

П. Полевой.

Силуэты изъ военной жизни.

(Рис. на стр. 205).

Новая серія силуэтовъ г. М. Ф—ума относится къ военно-педагогической и къ строевой офицерской средѣ. Рисунки молодаго художника-любителя представляютъ характерныя, тонко подмѣченныя сцены изъ жизни кадетскаго корпуса, военнаго училища, роты и полковаго офицерскаго общества. Отличительная черта этихъ рисунковъ заключается въ полномъ отсутствіи какой-нибудь предвзятой тенденціи; въ нихъ видно простое, добродушное отношеніе художника къ тому міру, который онъ избралъ предметомъ своихъ наблюденій; а потому и юморъ въ изображаемыхъ имъ сценахъ скорѣе способенъ привлечь симпатію къ военнымъ людямъ, чѣмъ оттолкнуть отъ нихъ.

Посмотрите на этого пожилаго воспитателя, дающаго наставленіе увольняемому въ отпускъ кадету. Это типъ стараго военнаго педагога, работавшаго десятки лѣтъ надъ чужими

[1] И въ настоящее время назначеніе его не измѣнилось.

[2] Въ самомъ началѣ Невскаго, около 16 № на планѣ, пріютилась и редакція *Нивы*.

дѣтьми и несомнѣнно любящаго эту работу. Онъ такъ привыкъ къ однообразному режиму своего заведенія, къ кадетскому шуму, къ обстановкѣ рекреаціоннаго зала и классовъ, къ процедурѣ увольненія мальчиковъ въ отпускъ, къ своему собственному покрикиванію и т. д.,—такъ сжился и сроднился съ этимъ, что у него нѣтъ уже другой сферы, гдѣ бы онъ могъ съ такимъ же увлеченіемъ проявлять свою энергію. Отымите у него эту работу, и онъ навѣрно зачахнетъ, опустится, какъ это всегда бываетъ со стариками, оторванными отъ многолѣтняго любимаго дѣла.

Почтенная, но въ высшей степени однообразная дѣятельность наложила отпечатокъ даже на внѣшность этого педагога. вылила изъ него фигуру хорошо всѣмъ намъ извѣстную. Кто не видѣлъ этой бороды, подстригаемой въ пятилѣтніе сроки; симпатичной лысины съ кустиками мягкихъ волосъ; сюртука съѣзжающаго съ круглаго живота на грудь; брюкъ безъ штрипокъ и шпоръ съ засорившимися, глухо звенящими кольцами? Кто изъ военныхъ, будучи кадетомъ, не мигалъ глазами передъ жестикулирующею рукой этого почтеннаго наставника и не начиналъ шалить еще больше послѣ того, какъ эта рука опустится?

Маленькій головастикъ, стоящій на вытяжку передъ воспитателемъ, навѣрно за полчаса передъ этимъ прятался за него, играя съ товарищами въ „пятнашки“ и, увлеченный игрой, хватался съ разбѣга за его фалды. Мальчикъ представленъ слабенькимъ, дурно сложеннымъ, какъ большинство нашихъ современныхъ дѣтей; но онъ современемъ выправится, потому что находится въ заведеніи, гдѣ физическое воспитаніе поставлено на твердую почву. Кромѣ гимнастики, представляющей главную отрасль этого воспитанія, въ корпусахъ теперь преподаются: фронтъ, фехтованье, плаваніе, вольныя игры, танцы, музыка и ручной трудъ. Для преподаванія всего этого установлена строгая система, сообразенная съ послѣдвимъ словомъ заграничныхъ школьныхъ авторитетовъ. Такимъ образомъ умственный трудъ отнынѣ будетъ чередоваться съ физическимъ, и навѣрно того кадетика (въ первой группѣ), который такъ старательно готовитъ урокъ, скоро вытащатъ маршировать, играть въ мячъ на плацу или работать въ мастерской для ручнаго труда.

Слѣдующія двѣ фигуры чрезвычайно жизненны; онѣ и еще „деньщикъ ведущій дѣтей“ (послѣдняя группа), пожалуй, выше всѣхъ другихъ по экспрессіи. Пажъ, аристократъ, сынъ генерала, встрѣчаетъ своего пріятеля, вѣроятно, юнкера одного изъ военныхъ училищъ. Онъ радъ, что встрѣтился съ нимъ и готовъ съ дѣтскимъ радушіемъ подать ему обѣ руки; но такъ поступать не принято, потому что у него каска, черное пальто съ золочеными пуговицами, а можетъ-быть и камеръ-пажескія нашивки. Онъ гордо стоитъ, заложивъ руки въ карманы, но слушаетъ пріятеля внимательно, потому что любитъ его; ему самому видно хочется быть проще, но какая-то традиціонная жилка, непріятная для него самого, безпощадно надъ нимъ властвуетъ. Юнкеръ — типъ приличнаго и представительнаго молодаго человѣка, готовящагося въ офицеры: онъ изящно одѣтъ въ сѣрую солдатскую шинель; держится стройно; лицо неглупое, спокойное; взглядъ симпатичный и въ мѣру добродушный. Онъ разговариваетъ съ пажомъ, какъ со всякимъ товарищемъ, и даже не унижается до упрека пріятелю за его надменность. Пажъ, можетъ-быть, сознаетъ превосходство юнкера въ умѣніи себя держать, и это сознаніе, вѣроятно, заставляетъ его краснѣть.

На слѣдующемъ рисункѣ изображенъ избалованный кадетъ, ухаживающій за своей кузиной. Онъ куритъ, похищенную у отца, а можетъ-быть и свою собственную, секретно купленную папиросу; подбочениваетcя, лихо выставляетъ ногу и этимъ даетъ понять дѣвочкѣ, что онъ уже большой и потому можетъ ухаживать. Онъ влюбленъ, какъ вообще влюбляются дѣти, преимущественно воображеніемъ: ему нравится не кузина, а какая-нибудь черточка въ ней, напримѣръ, застѣнчивая улыбка, которою она его встрѣчаетъ, когда онъ приходитъ изъ корпуса въ отпускъ. Послѣ долгаго свиданія кузина можетъ-быть и надоѣдаетъ ему, о чемъ можно судить по небрежности, съ которой онъ разговариваетъ съ ней на картинкѣ; но впечатлѣніе застѣнчивой улыбки все-таки остается, и онъ уноситъ его въ корпусъ, задумывается, рисуетъ желанный образъ, который опять-таки воплощается въ кузинѣ. За скучнымъ урокомъ какого-нибудь нѣмца, мальчикъ вычисляетъ дни, часы и минуты, оставшіеся до того момента, когда онъ будетъ имѣть право сдѣлать кузинѣ предложеніе. Такія упражненія иногда приносятъ сюрпризъ учителю математики, въ видѣ хорошаго знанія лѣнивымъ кадетомъ таблицы умноженія.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ двухъ юнкеровъ, занимающихся мензульной съемкой съ инструментомъ, выданнымъ на двоихъ. Одинъ юнкеръ очень старательный и, вѣроятно, работаетъ за себя и за товарища; а другой сидитъ да покуриваетъ, но считаетъ своею непремѣнной обязанностью донимать товарища совѣтами и замѣчаніями, которыя тотъ, повидимому, принимаетъ благодушно, несмотря на то, что навѣрно лучше учится и лучше совѣтчика понимаетъ свое дѣло.

На рисункѣ, представляющемъ примѣрку офицерскаго платья выпускнымъ юнкеромъ, немножко вяла фигура юнкера, но портной схваченъ художникомъ отлично, несмотря на то, что представленъ въ нѣсколько карикатурномъ видѣ. Это подвальный кротъ, типъ перебивающагося петербургскаго ремесленника. Онъ сгорбленный, изможденный, но, несмотря на это, юркій, веселый и разговорчивый со своимъ кліентомъ. Съ появленіемъ такого портнаго вся комната начинаетъ пахнуть подкладочнымъ клейстеромъ, лукомъ, подвальной сыростью. Глядя на этого бодраго старичка, вы всегда удивляетесь, какъ это онъ можетъ быть веселымъ и здоровымъ, живя подъ горизонтомъ, въ смрадной сырости, шлепая по улицѣ въ изорваныхъ сапогахъ и употребляя въ пищу говядину, отъ которой воротитъ носъ у вашей кухарки; какъ онъ до сихъ поръ не потерялъ глазъ, работая десятки лѣтъ при жестяной ламночкѣ безъ всякаго абажура и т. д. Между тѣмъ какъ вы сами постоянно ходите съ гриппомъ, чувствуете общее недомоганіе и жалуетесь на глаза, живя въ опрятной и сухой квартирѣ, питаясь лучшими дарами природы и постоянно замѣняя свои дорогія лампы еще лучшими, только-что изобрѣтенными.

Хороши также мальчики, принесшіе выпускному юнкеру офицерскіе сапоги и коробку съ фуражкой. Нечего и говорить, что и портной и мальчики чрезвычайно симпатичны будущему офицеру, потому что самъ онъ счастливъ, сдавъ послѣдній экзаменъ и чувствуя приближеніе свободы.

На слѣдующемъ рисункѣ изображенъ бравый молодой офицеръ, подходящій къ начальнику съ рапортомъ. Намъ кажется, что на лицѣ этого офицера слѣдовало бы изобразить больше волненія; онъ дѣлаетъ пріемъ слишкомъ спокойно, какъ будто практикуется передъ зеркаломъ.

Далѣе идетъ обученіе прикладкѣ. Это сцена очень интересная: солдатъ чего-то не понимаетъ въ мудреной для него техникѣ стрѣлковаго дѣла, а офицеръ волнуется, потому-что объяснять двадцать разъ одно и то же, пожалуй, можетъ и надоѣсть. Еще было бы интереснѣе, если бы художникъ взялъ сцену изъ прежней школы, когда отъ солдатъ требовалась не только практика, но и теорія стрѣльбы. Понятно, что люди, взятые отъ сохи, не могли вмѣстить у себя въ головѣ воображаемыхъ математическихъ линій (ось канала, траэкторія и т. д.), а потому эти линіи изображались для наглядности нитками, продѣтыми въ ружье. При этомъ происходили интересныя сцены.

— Что такое „ось канала“? спрашиваетъ солдата офицеръ.

Солдатъ переминается на ногахъ, шепчетъ про себя что-то заученное и боится произнести его невпопадъ.

— Ну что же?

— Запамятовалъ, ваше высокоблагородіе.

— Какъ запамятовалъ?.. Подойди къ ружью, посмотри!

Солдатъ подходитъ ко вставленному въ станкѣ ружью, заглядываетъ въ стволъ, опять переминается на ногахъ и безнадежно вздыхаетъ. Крапинки пота выступаютъ отъ мозговыхъ усилій на его лбу.

— Такъ что „ихъ“ сейчасъ здѣсь нѣту, отвѣчаетъ онъ, изъ уваженія къ офицеру называя „ось“—„они“.

— Чего—„ихъ“?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, —„оси“.

— Какъ?!

— „Оси“, ваше высокоблагородіе: взводный, Иванъ Матвѣевичъ, вынули.

Офицеръ начинаетъ развивать понятіе о линіи, но безуспѣшно: для солдата ось канала навсегда останется ниткой, которую вчера продѣвали въ ружье и которая сегодня лежитъ у взводнаго въ карманѣ.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ хозяйственный докладъ фельдфебеля. Этотъ фельдфебель уже не лихачъ, не „Егорычъ“, а изъ новыхъ; но въ немъ сохранились и нѣкоторыя черты „Егорыча“. Старичокъ ротный командиръ сидитъ, вѣроятно, за ротной книгой, въ которую каждый мѣсяцъ вносится обычный приходъ и расходъ; но, вѣроятно, есть и какія-нибудь новшества, потому что фельдфебель о чемъ-то хлопочетъ и даже водитъ по цифрамъ указательнымъ пальцемъ—привычка немножко фельдшерская, передъ которой настоящій „Егорычъ“ навѣрно бы ужаснулся. На всякое замѣчаніе ротнаго командира фельдфебель отвѣчаетъ:

— Э... слушаю, ваше высокоблагородіе... понимаю!

— А это что за расходъ? спрашиваетъ командиръ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь вамъ доложить: командиръ въ первой ротѣ очень довольны остались,— тамъ лѣстницу краснымъ песочкомъ посыпаютъ, когда ждутъ начальства; такъ я и своему артельщику—красный велѣлъ купить.

— Ага!.. спасибо, что догадался.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!.. И опять же, ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь вамъ доложить... и т. д.

Очень недурна фигура засидѣвшагося въ оберъ-офицерскихъ чинахъ капитана, который, вѣроятно, уже выслужилъ пенсію и мечтаетъ о подполковничьемъ чинѣ.

Деньщикъ, ставящій самоваръ, схваченъ очень живо. Никто на свѣтѣ такъ скоро не раздуетъ самовара, какъ офицерскій деньщикъ. Онъ сейчасъ накладываетъ угольи, а черезъ нѣсколько секундъ начнетъ дуть такъ сильно, какъ, можетъ-

быть, никогда въ жизни не дулъ для себя, для своей собственной надобности. Неопытнаго деньщика приходитъ „подшустрять“ „дядя“ (фельдфебель), и по временамъ, сердито отстраняя его своей жилистой рукой, самъ начинаетъ выдувать въ самоваръ воздухъ изъ своей могучей груди, какъ изъ кузнечнаго мѣха. Сосѣдніе люди, бивакирующіе впереди капитанской палатки, тоже приходятъ помогать деньщику насчетъ растопки. Все это искренно старается для капитана, особенно если „они“ (капитанъ), какъ выражаются солдаты, „господа добрые“. Позади видна палатка, изъ которой торчатъ ноги другаго деньщика. Его сейчасъ позовутъ, и онъ схватится, какъ сумасшедшій, и будетъ божиться, что не спалъ.

Если рота уходитъ куда-нибудь налегкѣ, безъ обоза, то случается, что деньщикъ тащитъ не только закуску, но и самоваръ на себѣ. Неопытнаго деньщика всегда снаряжаетъ въ такихъ случаяхъ фельдфебель. Мы позволимъ себѣ привести, относящуюся къ такому случаю, маленькую сценку изъ нашей повѣсти „Прежняя служба и настоящая“.

— Ну, ворочайся! Нѣшто не знаешь, что „они“ чай съ лимономъ изволятъ кушать? ворчитъ Егорычъ.—Да не туда кладешь,—сюда пирожки пойдутъ!.. Я такъ и зналъ, что ножи позабудешь! Экая тетя!

Окончивъ укладку, фельдфебель обыкновенно подымалъ корзину, хлопалъ по ней рукой, какъ бы удостовѣряясь въ ея прочности, и съ строгимъ жестомъ передавалъ ее деньщику.

— Ну, смотри-жь! воронъ у меня не ловить: какъ придемъ на мѣсто, чтобы и ты былъ тамъ; а на походѣ сторонкой пробирайся, подалѣ отъ начальства.

— Начальство не заругаетъ, дяденька?—давеча генералъ „зустрѣлись“ и спрашиваютъ: чья корзина? А я говорю: наша съ капитаномъ. „Они“ только засмѣялись; ей-Богу правда.

— Ну, ладно! Поговори еще у меня! отвѣчаетъ фельдфебель и приглашаетъ деньщика посмотрѣть на свою жилистую, сложенную въ огромный кулакъ руку.

На слѣдующемъ рисункѣ представленъ офицеръ-щеголь, ведущій даму въ полонезѣ, а можетъ-быть приготовляющійся танцовать мазурку. Это типъ свѣтскаго офицера, не очень высокаго тона. Люди съ лучшимъ воспитаніемъ никогда такъ рѣзко не позируютъ. Истинное изящество манеръ всегда соединено съ простотой и проявляется у человѣка не искусственно, а по рефлексу. Здѣсь же поднятіе головы и плечъ принужденное; корпусъ натянутъ; а потому, несмотря на бравый видъ офицера и элегантность въ одеждѣ, эта фигура все-таки не производитъ пріятнаго впечатлѣнія.

На слѣдующемъ рисункѣ мы видимъ симпатичнаго и, вѣроятно, благодушнаго офицера, дѣлающаго выговоръ своему деньщику. Деньщикъ красивый, проворный и плутоватый; навѣрно выпиваетъ и знакомъ съ какой-нибудь землячкой. Чѣмъ онъ больше чувствуетъ себя виноватымъ, тѣмъ больше тянется передъ своимъ бариномъ и старается ему услужить. Несомнѣнно, что деньщикъ любитъ этого офицера и справляетъ свою работу хорошо; но какъ же, служа у такого благодушнаго барина, не отлучаться самовольно въ кабачокъ и къ землячкѣ въ тѣ длинные вечера, которые баринъ проводитъ гдѣ-нибудь въ клубѣ или въ гостяхъ? Землячка даромъ бѣлье стираетъ, даритъ вышитыя рубашки и поитъ кофеями, а цѣловальникъ разскажетъ всѣ городскія новости раньше, чѣмъ ихъ подхватятъ газеты. Деньщику объявляется въ сотый разъ, что его посадятъ подъ арестъ, и въ сотый же разъ деньщикъ знаетъ, что этого не исполнятъ. И какъ ужь онъ старается въ такія минуты ухаживать за своимъ бариномъ: то щетку схватитъ—пылинку смахнетъ, то бросится чистить уже вычищенные сапоги; а если баринъ ляжетъ отдыхать, то не только закутаетъ его ноги, а еще и нѣжно погладитъ ихъ, мысленно благословляя своего добраго барина.

Группа офицеровъ, варящихъ жжёнку, по нашему мнѣнію, самый слабый рисунокъ въ предлежащей серіи. Въ немъ мало типичнаго. Если художникъ хотѣлъ представить настоящій военный кутежъ, такъ надо показать, какъ душа ходитъ въ человѣкѣ, какъ всѣ черты его находятся въ движеніи. Здѣсь же мы видимъ группу офицеровъ, какъ будто усаженныхъ фотографомъ.

Послѣдняя картина: „Деньщикъ, ведущій по улицѣ дѣтей“—прелестна. Это типъ заботливой няньки въ солдатской шинели, заслуживающій самой глубокой симпатіи. Чтó ему эти чужія дѣти? Какое, спрашивается, дѣло этому рязанскому или калужскому парню, забранному въ солдаты и случайно попавшему въ деньщики, до этихъ, повидимому, капризныхъ малютокъ? А, между тѣмъ, онъ за ними бросится въ воду, если они упадутъ, и ужь это навѣрно... Онъ бережетъ ихъ пуще своего глаза, какъ не въ состояніи беречь никакая бонна. На рисункѣ видно, какъ деньщикъ останавливаетъ маленькаго шалуна, слишкомъ отдѣлившагося впередъ. „Сашенька, не бѣгайте! Подъ извозчика попадете... Сашенька!“ Но капризный мальчикъ нарочно отдѣляется еще больше. „Сашенька, ей-Богу барину скажу!.. Ну, чтò я съ „ними“ подѣлаю!“

Однако, если Сашенькѣ будетъ грозить настоящая опасность, то деньщикъ не поцеремонится схватить его въ охапку. Буянъ Сашенька сейчасъ же начнетъ хлестать его по щекамъ своими маленькими рученками, но деньщикъ на это не обижается.—„Сашенька, не балуйте... не хорошо! Ей-Богу барину скажу: баринъ осерчаетъ, въ уголъ поставитъ“.

Однако жалобы никогда не бываетъ; за то же дѣти и любятъ своего деньщика; у нихъ дружба идетъ на кухнѣ: вмѣстѣ картинки разсматриваютъ и читать учатся. Единственный недостатокъ этой няньки заключался въ томъ, что она, секретно отъ родителей, давала дѣтямъ сладкое, иногда передъ самымъ обѣдомъ; но и это явленіе было трогательнымъ, потому что деньщикъ, имѣя за душой какой-нибудь рубль, покупалъ леденцовъ на свои собственныя три копѣйки. Онъ таинственно носилъ гостинцы въ карманѣ, улыбался и, пофыркивая носомъ, спрашивалъ: „А ну-те, Сашенька, отгадайте, что у меня есть?“

Случалось, что деньщика встрѣчало начальство не по формѣ одѣтымъ и сажало подъ арестъ: тогда дѣти подымали ревъ; а когда деньщику наступило время уходить домой, то къ слезамъ дѣтей присоединились и слезы родителей.

Причину такой заботливости солдата о чужихъ дѣтяхъ слѣдуетъ искать въ отзывчивомъ сердцѣ русскаго простолюдина и въ умѣніи нѣкоторыхъ офицеровъ завоевывать это сердце.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе рисунковъ г. Ф—ума, взятыхъ изъ той богатой для наблюденій среды, которая группируетъ подъ своими знаменами людей, стекающихся изъ всѣхъ губерній нашего обширнаго отечества.

Н Бутовскій.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Ундина“ Жуковскаго.

(Рис. на стр. 201).

Кто не восхищался въ юности поэтическимъ пересказомъ исторіи рыцаря Гульбранда и его полу-неземной супруги Ундины (феи водъ, воплотившейся въ женщину), ея дяди Струя и разлучницы Бертальды? Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе изящной композиціи г. Волкова. Рыцарь Гульбрандъ, уже измѣнивъ своей женѣ въ глубинѣ сердца, отправляется искать въ Черной долинѣ бѣжавшую Бертальду, которая съ каждымъ днемъ становится ему милѣе. Дядя Струй, мстящій ему за Ундину, воздвигаетъ ему на каждомъ шагу стихійныя препятствія. Наконецъ, когда Гульбрандъ находитъ выбившуюся изъ силъ Бертальду, къ нимъ приближаются въ потемкахъ лѣса двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ роста огромнаго въ бѣломъ плащѣ, и фура прикрытая бѣлой холстиной. Погонщикъ предлагаетъ вывезти ихъ изъ лѣса. Они приняли его помощь. Поѣхали.

Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщиковъ голосъ:
„Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно, бѣда намъ!“
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ—что-жь онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: они какъ на мельницѣ, съ шумомъ,
Съ пѣной и брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужь въ водѣ по колѣно.
„Что за дорога такая? спросилъ у погонщика рыцарь,
Прямо идетъ въ середину потока“.—„Напротивъ, погонщикъ
Со смѣхомъ сказалъ, потокъ идетъ въ середину дороги;
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали!“
Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами:
Выше и выше онѣ подымались.—„Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ—товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя какого словечка?“—
„Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто я, и какъ прозываюсь!“—„Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ,—вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно“.—„А такъ-то не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ,—что, просимъ не гнѣваться, самъ я
Струй!“ И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку...
Но повозка ужь болѣ была не повозка, ужь были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, расшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужь готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить ихъ...
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной явился
Образъ Ундины: она погрозила волнамъ—и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину, и руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ
Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ, потихоньку,
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ замокъ.

Выставка коллекціи Н. Л. Шабельской. Древніе кокошники и проч. женскіе головные уборы.
Съ фот. грав. Флюгель.

Бѣлорусская сцена. (Рис. на стр. 204).

Академикъ скульптуры Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ, увѣковѣчившій свое имя памятниками: тысячелѣтія Россіи, императрицѣ Екатеринѣ II, Богдану Хмѣльницкому и проч., пользуется среди любителей русскаго искусства заслуженною извѣстностью и даровитаго рисовальщика, наблюдательнаго и полнаго юмора. Кто не знаетъ его прелестныхъ рисунковъ въ *Искрѣ, Пчелѣ, Руси*, подписанныхъ уменьшительною подписью *Миша М.?* Какъ образчикъ этихъ высоко-талантливыхъ созданій, помѣщаемъ на стр. 204 сцену изъ бѣлорусской жизни.

Выставка предметовъ русской старины изъ коллекціи Н. Л. Шабельской. (Рис. на стр. 209).

Въ залахъ дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича открыта, съ 14 января, выставка предметовъ русской старины и современныхъ работъ историческаго содержанія, исполненныхъ стариннымъ церковнымъ швомъ. Выставка устроена Н. Л. Шабельскою въ пользу Краснаго Креста, на пособіе пострадавшимъ отъ неурожая. Для этого добраго дѣла г-жа Шабельская выставила свою обширную и, можно сказать, единственную по своему богатству и разнообразію коллекцію, находящуюся въ частныхъ рукахъ. Выставка занимаетъ большой залъ и двѣ боковыя площадки грандіозной и замѣчательной по своей архитектурѣ лѣстницы Николаевскаго дворца. Прямо, при входѣ, вниманіе останавливается на трехъ большихъ стѣнныхъ коврахъ, исполненныхъ по стариннымъ образцамъ и сдѣланныхъ изъ рыбьей чешуи, гдѣ особенно эффектно выдѣляется на голубомъ бархатѣ двуглавый орелъ, окруженный сказочными райскими птицами. На правой площадкѣ идетъ цѣлый рядъ экрановъ, на которыхъ помѣщены съ одной стороны рѣдкіе экземпляры старинныхъ полотенецъ и подвѣсовъ свадебныхъ простынь, исполненныхъ двустороннимъ швомъ красною бумагой. Многіе изъ этихъ вышивокъ по мотиву узора и орнамента указываютъ на несомнѣнную принадлежность ихъ къ древнимъ, языческимъ временамъ. Такъ, напр., на нѣкоторыхъ изображены религіозныя процессіи, на нихъ вышито жертвенное дерево, окруженное женскими фигурами, съ поднятыми руками, держащими птицъ въ видѣ жертвоприношенія. Затѣмъ очень оригинальны концы полотенецъ съ вышитыми животными, птицами и проч.; мотивы эти нерѣдко встрѣчаются въ орнаментахъ рукописей XIII и XIV вѣковъ, а также нерѣдки и въ восточномъ орнаментѣ.

Въ концѣ площадки выставлена большая коллекція инородческихъ вышивокъ—низовыхъ и луговыхъ чувашей и черемисовъ. Узоръ и самое исполненіе поражаютъ зрителя своимъ изящнымъ исполненіемъ и богатствомъ красокъ. Далѣе, по этой же площадкѣ, слѣдуетъ громадная коллекція старинныхъ русскихъ тканей XVII вѣка, какъ-то: парчи, камки, штофъ и проч.; также хороши собранія старинныхъ русскихъ набивныхъ тканей „*набоекъ*", которыя употребляли въ старину на церковныя одежды и въ повседневной жизни.

При входѣ въ большой залъ невольно разбѣгаются глаза, и не знаешь съ чего начать и на чемъ остановить вниманіе. Начнемъ съ главной части выставки, т. е. съ русской старины. Описывать подробно все, что здѣсь выставлено, нѣтъ ни времени, ни мѣста, приходится ограничиться краткимъ обзоромъ: великолѣпный подборъ подвѣсовъ свадебныхъ простынь и обрядовыхъ старинныхъ полотенецъ, разнообразныхъ по техникѣ исполненія, какъ-то: шитье по перевити, шитье полотнянками по холсту, шитье по перевити разноцвѣтными шелками, шитье цѣнное, верхошовъ и т. д., а также интересныхъ по мотивамъ узоровъ, представляющихъ иногда весьма стильно переданныя древнія миѳическія изображенія, или сцены бытоваго и сказочнаго характера. Обращаютъ на себя вниманіе большія скатерти (столешники) временъ царя Алексѣя Михайловича, въ орнаментѣ котораго встрѣчаются весьма древніе типы животныхъ. Особенно интересенъ и богатъ отдѣлъ старинныхъ головныхъ женскихъ уборовъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, отличающійся причудливостью формъ, разнообразіемъ орнамента, шитья и имѣющій большой этнографическій интересъ. Далѣе слѣдуютъ: шитые золотомъ старинные дѣтскіе свивальники, крестильныя рубашечки, башмачки, одѣяльца и проч. Отмѣтимъ еще собраніе старинныхъ золотыхъ кружевъ, галуновъ, пуговицъ, серегъ, бармъ, женскихъ ожерелій, ароматники, т. е. футляры на пузырекъ съ духами, шитые золотомъ по атласу, графитники, лакомники, кошельки и проч. Старинныя русскія одежды, собранныя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, привлекаютъ вниманіе красивымъ подборомъ тоновъ, богатствомъ матеріи и шитья. Нѣкоторыя изъ женскихъ одеждъ если не относятся къ XVII вѣку, все-таки сохранили традиціи этого вѣка, какъ напр. длинные пятнарщинные рукава. Изъ церковной старины въ коллекціи много старинныхъ окладовъ на образа, шитыхъ кафимскимъ и половинчатымъ жемчугомъ, оплечья священническихъ ризъ, съ изображеніемъ святыхъ, эпитрахили, старинные воздухи, образа, плащаницы и т. д.

Обозрѣвая коллекцію г-жи Шабельской, невольно приходится остановиться на мысли, что собиратели русской старины заслуживаютъ глубочайшей признательности. Теперь именно время собирать эти предметы, такъ какъ всякому интересующемуся народной жизнью ясно стало, что пройдетъ немного лѣтъ и предметы бытовой нашей жизни окончательно исчезнутъ и не останется намъ никакихъ памятниковъ старины. Съ прискорбіемъ нужно сказать, что Западъ ранѣе насъ, русскихъ, обратилъ вниманіе на изящество и оригинальность нашего орнамента и ежегодно вывозитъ изъ Россіи во Францію, Англію и Америку тысячи предметовъ, получающихъ почетное мѣсто въ музеяхъ и нерѣдко примѣняемыхъ къ украшенію комнатъ, какъ предметы роскоши.

Ревностными истребителями русской старины, кромѣ вывоза, являются наши татары и такъ-называемые „офени" (старьевщики), которые большую часть вещей, особенно церковныхъ, скупаютъ спеціально для выжиганія золота и серебра, и такимъ образомъ исчезаютъ какъ вещи, такъ и узоры.

Во второмъ отдѣлѣ выставки, именно въ современныхъ работахъ историческаго содержанія, мы видимъ, что г-жа Шабельская поставила себѣ задачей возстановить технику стариннаго церковнаго шитья, приспособляя свои работы къ потребностямъ нашей современной обстановки, т. е. примѣняя эти шитыя картины для украшенія стѣнъ, мебели и т. д., на манеръ гобеленовъ. При входѣ въ большой залъ, передъ вашими глазами развертывается цѣлый рядъ картинъ нашей русской исторіи. На лѣвой сторонѣ стоитъ шитый портретъ, почти въ ростъ человѣка, боярина Потемкина, русскаго посла въ Англіи 1682 г. Далѣе слѣдуютъ два стѣнныхъ ковра, съ изображеніемъ сценъ, взятыхъ изъ рукописи: „Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго при бракосочетаніи государя царя и вел. кн. Михаила Ѳеодоровича съ дѣвиц. Евдокіею Лукьяновыхъ Стрѣшневыхъ 5 февраля 1626 г." Здѣсь же вы можете видѣть массу вышивокъ, исполненныхъ по рукописи „Титулярникъ" 1672 г. (рукопись хранится въ Московск. главн. архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ), какъ напр.: московскій гербъ, портреты: Димитрія Царевича, Владиміра Мономаха, Владиміра Святаго и проч. Далѣе слѣдуетъ оригинальная вышивка родословнаго дерева нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ, со старинной живописи на паперти церкви Св. Ильи Пророка въ г. Ярославлѣ. Вся ниша залы установлена сверху донизу рядомъ картинъ, по которымъ можно наглядно познакомиться съ исторіей русской одежды съ X вѣка до временъ Петра I. Всѣ эти работы исполнены по лучшимъ источникамъ, прекрасны по техникѣ, выдаются художественнымъ исполненіемъ, подборомъ красокъ и вкусомъ. Вообще, вся выставленная коллекція представляетъ высоко-научный интересъ для всѣхъ интересующихся древнимъ русскимъ бытомъ и орнаментомъ.

Луиджи Керубини. (Портр. на стр. 212).

Луиджи-Марія *Керубини*, со дня смерти котораго исполнится 3 марта (по новому стилю 15) 50 лѣтъ,—одинъ изъ немногочисленныхъ композиторовъ, имѣвшихъ большое вліяніе на развитіе оперы и оставившихъ по себѣ глубокій слѣдъ въ музыкальномъ искусствѣ: достаточно сказать, что онъ былъ для Бетховена „наиболѣе уважаемымъ изъ всѣхъ современныхъ ему оперныхъ композиторовъ", что учениками Керубини были Галеви и Оберъ, и что его произведенія, въ особенности увертюры, служили образцами для самого Бетховена. Конечно, его оперы отжили свое время,—нигдѣ формы такъ не старятся, какъ въ оперѣ,—къ тому же, ему все попадались плохо составленныя либретто; но увертюры ко многимъ его операмъ: „Анакреону", „Медеѣ", „Лодоискѣ" и др. исполняются до сихъ поръ въ концертахъ съ большимъ успѣхомъ: быть-можетъ, имъ мы обязаны увертюрами къ „Леонорѣ", „Эгмонту" и „Коріолану" Бетховена. Но кромѣ композиторской его дѣятельности, охватывающей почти всѣ жанры музыкальнаго письма (оперы, мессы, романсы, увертюры, камерная музыка), личность Керубини чрезвычайно интересна какъ характеръ.

Извѣстны отношенія къ нему Наполеона I. Будучи еще консуломъ, Наполеонъ, недолюбливавшій его за его „ученую" музыку, на одномъ представленіи мало обратилъ на него вниманія и, проходя мимо композитора, вторично спросилъ его, кто онъ; „Все попрежнему Керубини", лаконически отвѣтилъ сдержанный композиторъ. Однажды Наполеонъ назвалъ его музыку шумною и при этомъ хвалилъ Паэзіелло и Цингарелли: „Вы любите музыку, ваше величество, отвѣтилъ съ достоинствомъ маэстро,—которая не мѣшала бы думать о государственныхъ дѣлахъ". И однако, когда Наполеонъ предложилъ композитору Мегюлю занять мѣсто директора консерваторіи взамѣнъ Керубини, тотъ наотрѣзъ отказался, не считая себя достойнымъ замѣстить Керубини; столь великъ былъ авторитетъ его въ музыкальномъ мірѣ. Слѣдующій фактъ еще больше характеризуетъ отношенія того же Мегюля къ Керубини; его опера „Медея" не сразу была понята и оцѣнена по заслугамъ критикой; одинъ журналъ—*Цензоръ*—упрекнулъ автора въ подражаніи Мегюлю; послѣдній горячо возсталъ противъ этой несправедливости; такихъ примѣровъ въ музыкальной исторіи нашихъ дней что-то не много.

Керубини пользовался громаднымъ успѣхомъ во Франціи, которой онъ посвятилъ лучшія свои силы и въ которой онъ можетъ считаться послѣ Глука главнѣйшимъ піонеромъ серьезной оперы; его примѣру послѣдовалъ другой итальянецъ, Спонтини, которому также суждено было играть здѣсь большую роль вслѣдъ за авторомъ „Водовоза“ (Les deux journées); такимъ образомъ главнѣйшіе французскіе оперные дѣятели: Глукъ, Керубини, Спонтини, Россини и Мейерберъ—пришлый элементъ, состоящій изъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Къ чести французовъ слѣдуетъ отнести то, что они цѣнятъ этихъ композиторовъ наравнѣ со своими національными авторами. Керубини прожилъ въ Парижѣ 45 лѣтъ и умеръ здѣсь восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, окруженный славой и почестями, хотя нужно тутъ же прибавить, что далеко не всѣ его произведенія одинаково нравились парижанамъ: многія изъ его оперъ прямо-таки не имѣли успѣха, напр. опера „Али-Баба“, написанная имъ въ глубокой старости на либретто Скриба и Мельвиля, взятое изъ арабскихъ сказокъ: „Тысяча и одна ночь“.

Занимающій насъ композиторъ прошелъ суровую школу жизни, наложившую свою печать и на его творчество. Керубини родился во Флоренціи (въ Тосканѣ) 8 сентября 1760 г. Отецъ его, самъ профессоръ музыки, былъ первымъ учителемъ своего сына. Средства къ жизни были ограниченныя, и мальчику не пришлось жить въ роскоши. Девяти лѣтъ онъ уже изучалъ гармонію и помогалъ отцу, зарабатывая деньги аккомпаниментомъ; ему едва минуло 13 лѣтъ, какъ онъ сочинилъ мессу и написалъ интермедію для театра любителей; несмотря на успѣхъ этихъ первыхъ опытовъ, онъ оставилъ ихъ, предавшись серьезнымъ занятіямъ. Едва-ли удалось бы ему однако выбиться на дорогу, если бы въ его судьбу не вмѣшался Тосканскій герцогъ Леопольдъ II, который, узнавъ о стѣсненныхъ обстоятельствахъ родителей Керубини, назначилъ мальчику пенсію; тогда юноша отправился въ Болонью къ Сарти и подъ его руководствомъ сталъ изучать старинныхъ мастеровъ римской школы; послѣ двухлѣтнихъ занятій онъ послѣдовалъ за своимъ профессоромъ въ Миланъ, гдѣ Сарти получилъ мѣсто директора музыки въ соборной церкви. Молодой композиторъ впервые дебютировалъ здѣсь трехактною оперой „Quinto Fabio“, поставленной въ 1781 г. и имѣвшей средній успѣхъ.

Слѣдующія однако его оперы: „Armida“, данная во Флоренціи, и „Adriano in Siria“—на сценѣ ливорнскаго театра, обезпечили его успѣхъ въ Италіи. Тѣмъ временемъ онъ посѣтилъ Венецію, гдѣ молодаго маэстро прозвали за его курчавые волосы, красивое лицо и „ангельскія мелодіи“ „Il Cherubino“ (херувимъ). Не станемъ слѣдить за всѣми шагами нашего композитора; скажемъ лишь, что онъ пробовалъ свои силы и на поприщѣ комической оперы, и не безуспѣшно („La finta principessa“). Въ 1786 г. мы видимъ его уже въ Лондонѣ; но суровый Альбіонъ не ласково принялъ молодаго итальянца; его „Sabino“ потерпѣлъ полное фіаско. Чрезъ два года онъ поселился въ Парижѣ, откуда ужъ не выѣзжалъ и гдѣ нашелъ свою вторую родину; здѣсь онъ написалъ лучшія свои произведенія, которыя главнымъ образомъ дѣлятся на свѣтскія (оперы) и духовныя. Многіе отдаютъ предпочтеніе послѣднимъ предъ первыми. Особенно заслуживаетъ вниманія его реквіемъ C-moll, месса D-moll и „Pater noster“, дышащій истиннымъ благочестіемъ: на этихъ произведеніяхъ видны слѣды глубокаго изученія Палестрины. Особенно много писалъ онъ духовной музыки со времени назначенія его при Лудовикѣ XVIII директоромъ королевской музыки на мѣсто извѣстнаго Мартини.

На періодъ времени между 1780 и 1810 гг. выпадаетъ наибольшее количество его серьезныхъ оперъ, написанныхъ по требованіямъ того времени на сюжеты изъ классической жизни: „Демофонъ“, „Анакреонъ“, „Медея“ и др. Особеннымъ успѣхомъ однако пользовались его: „Лодоиска“ (1791 г.), „Водовозъ“, обошедшій всю Европу, и „Фаниска“, поставленная въ первый разъ въ Вѣнѣ и заслужившая искреннія похвалы Гайдна и Бетховена. Не мѣшаетъ припомнить для характеристики дѣятельности Керубини, что онъ пережилъ въ Парижѣ революціонное время, царствованіе Наполеона I и всю послѣдовавшую эпоху послѣ этого періода, и всегда пользовался одинаковымъ уваженіемъ французовъ; вѣянія пережитаго времени не могли не оказывать извѣстнаго вліянія на его творчество; напримѣръ, многія изъ его церковныхъ произведеній, за исключеніемъ названныхъ выше, носятъ на себѣ отпечатокъ концертной музыки, несмотря на то, что все драматизировано въ музыкѣ, что только представляло поводъ къ тому въ текстѣ. Съ другой стороны, онъ былъ слишкомъ ученъ для своего времени и вводилъ въ свои оперы гармоническіе эффекты, къ которымъ до него не привыкли, но которые сослужили большую службу дальнѣйшему развитію оперной музыки, не замедлившему сказаться на произведеніяхъ его учениковъ („Жидовка“ Галеви и „Нѣмая“ Обера). Мы однакоже значительно ушли отъ этихъ зачатковъ серьезной оперы и на насъ музыка Керубини въ настоящее время не можетъ произвести такого сильнаго впечатлѣнія; такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ пришлось прослушать въ Москвѣ „Водовоза“, оставившаго слушателей совершенно холодными; это кажется говоритъ за то, что Керубини имѣетъ уже только историческое значеніе.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ долгаго молчанія императоръ Германскій, Вильгельмъ, снова выступилъ въ роли оратора и произнесъ рѣчь, затрогивающую дѣла страны, и потому крайне интересную. Произнесена она была на ежегодномъ обѣдѣ Бранденбургскаго провинціальнаго сейма. Согласно официальному тексту, напечатанному въ ***Имперскомъ Указателѣ***, императоръ, поблагодаривъ бравыхъ бранденбургцевъ за вѣрность и преданность, высказалъ сожалѣніе, что въ настоящее время вошло въ обычай осуждать все что дѣлается правительствомъ, и тѣмъ нарушать душевное спокойствіе людей сочувствующихъ судьбамъ и преуспѣянію отечества. Лучше-де было бы, если-бъ эти недовольные отряхнули нѣмецкій прахъ съ своихъ туфель и какъ можно скорѣе удалились отъ внутреннихъ дѣлъ Германіи, которыя имъ кажутся скверными и жалкими! „Мы переживаемъ, говорилъ императоръ,—переходное время. Германія вступаетъ въ юношескій возрастъ, а потому намъ пора освободиться отъ дѣтскихъ болѣзней. Въ такіе тревожные дни, сужденія большей части людей чужды надлежащей объективности; но за этими днями послѣдуетъ болѣе спокойное время. Твердая увѣренность въ вашемъ сочувствіи придаетъ мнѣ новыя силы и побуждаетъ меня идти безостановочно впередъ по начертанному мнѣ Небомъ пути. Къ этому присоединяется еще отвѣтственность предъ нашимъ Высшимъ Повелителемъ и мое твердое убѣжденіе, что Тотъ, кто былъ нашимъ союзникомъ подъ Россбахомъ и Денневицемъ, не покинетъ меня. Намъ суждено совершить многое великое, и я веду васъ къ блестящимъ днямъ. Только не позволяйте никакимъ брюзжаніямъ и разглагольствованіямъ недовольныхъ вводить васъ въ заблужденіе. На вѣчно враждебные намеки о новомъ „„курсѣ““, я спокойно отвѣчаю: „„Мой курсъ вѣренъ и я буду идти имъ далѣе“. Рѣчь эта произвела своеобразное впечатлѣніе не только въ Германіи, но и за предѣлами ея. Нѣмецкіе консервативные органы обходятъ ее молчаніемъ. Ультрамонтанскіе стараются, съ одной стороны, успокоить демократическіе элементы центра, а съ другой совѣтуютъ не относиться слишкомъ строго къ словамъ монарха. За то вся либеральная печать, насколько позволяютъ уваженіе и преданность къ государю, высказываетъ свое неудовольствіе. Особенно старательно останавливаются на той части рѣчи, гдѣ предлагается недовольнымъ удалиться изъ Германіи, и *Tageblatt* даже вычислилъ, что если бы всѣ политическіе выборщики, подававшіе за послѣдніе годы голоса противъ правительства, оставили съ ихъ семействами Германію, то населеніе послѣдней разомъ уменьшилось бы на 26 милліоновъ душъ. Довольными же рѣчью императора Германіи оказались между прочимъ не нѣмцы, а поляки, замѣчающіе въ ***Познанскомъ Курьерѣ***, что рѣчь государя въ извѣстныхъ кругахъ вызвала большое неудовольствіе. „Мы, говоритъ газета,—присоединиться къ нимъ никакого повода не имѣемъ; напротивъ, мы должны желать, чтобы государю дѣйствительно удалось настоять на своемъ и идти далѣе по пути, предначертанному ему самимъ Небомъ“.

Послѣ неудачныхъ попытокъ сформировать новое французское министерство со стороны Рувье и Буржуа, оно образовалось послѣ девятидневнаго кризиса стараніями сенатора Лубэ. Послѣдній назначенъ президентомъ совѣта министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Рикаръ — министромъ юстиціи, Віеттъ—министромъ общественныхъ работъ, Кавеньякъ—морскимъ министромъ, Фрейсине, Рибо, Рошъ, Девелль, Рувье и Буржуа сохранили прежніе портфели. Печать встрѣтила новое министерство холодно; какъ консерваторы, такъ и радикалы видятъ въ немъ лишь преобразованный прежній кабинетъ, т. е. „двусмысленное министерство“, и предрекаютъ ему скорое паденіе. Республиканцы сильно упрекаютъ кабинетъ въ томъ, что онъ исключилъ изъ своей среды Констана, и въ этомъ видятъ удовлетвореніе, данное буланжизму.

Одновременно съ этимъ произошелъ министерскій кризисъ и въ Аѳинахъ. 17 февраля король предложилъ министерству Дельяниса подать въ отставку. Министры возразили, что въ отставку они подать не могутъ, такъ какъ сохраняютъ большинство въ палатѣ, но что король можетъ ихъ уволить, что̀ и было сдѣлано. Вслѣдствіе отказа Трикуписа сформировать кабинетъ, король обратился къ вождю средней партіи Константопулосу, который и составилъ новое министерство, принявъ на себя портфели финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Эксъ-король Миланъ отрекся отъ всего въ Сербіи, что̀ можно заключить изъ собственноручнаго письма эксъ-короля къ скупщинѣ, содержащаго въ себѣ заявленіе, что онъ, Миланъ, „приноситъ Сербіи и своему сыну послѣднюю жертву“, отрекаясь отъ всѣхъ своихъ правъ и права жительства въ Сербіи. Въ концѣ письма Миланъ заявляетъ, что впредь „не будетъ

имѣть никакихъ претензій къ Сербіи въ качествѣ родителя короля, члена царствующей династіи, генерала сербскихъ войскъ и сербскаго гражданина".

12 февраля въ Константинополѣ болгарскій агентъ Вулковичъ, послѣ нѣсколькихъ визитовъ, возвращался въ 7 час. вечера въ агентуру. Онъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, когда къ нему подошелъ неизвѣстный мужчина и ударилъ его ножемъ въ лѣвую сторону живота. Убійца оставилъ ножъ въ ранѣ и пустился бѣжать. Вулковичъ самъ вынулъ ножъ и кое-какъ дотащился до агентуры. Призванные врачи констатировали проколъ кишекъ. Рана оказалась смертельною, и черезъ день Вулковичъ скончался.

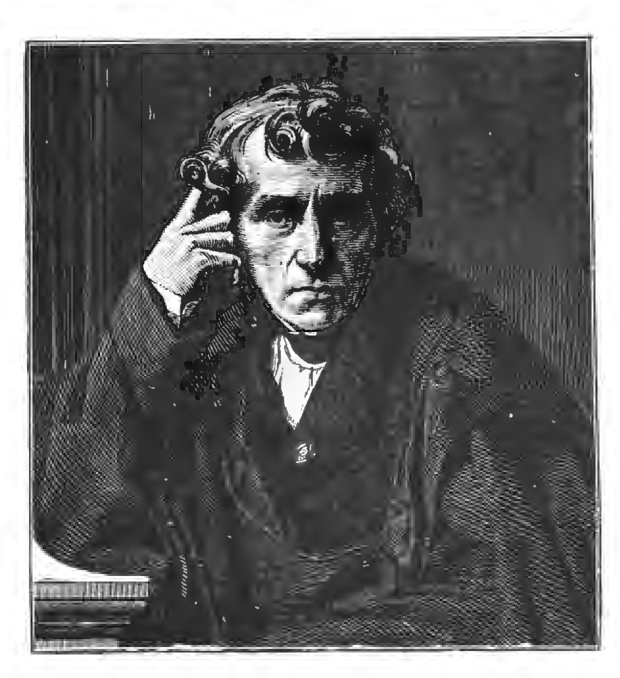
Убійству Вулковича газеты тройственнаго союза приписываютъ политическій характеръ и попутно инсинуируютъ на Россію, говоря, что убійца—бывшій кавасъ русскаго консульства въ Софіи и т. п. вздоръ.

Искусство.

Бенефисъ Н. Ѳ. Сазонова. („Перчатка", комедія Біорнсона). Артистъ этотъ на сценѣ Александринскаго театра уже съ 1863 года и не перестаетъ пользоваться большимъ успѣхомъ; хотя г. Сазоновъ пробовалъ и не безъ удачи свои силы въ драматическихъ роляхъ — Уріель Акоста, Чацкій, Неронъ („Смерть Агриппины" г. Буренина), Красновъ („Грѣхъ да бѣда") и др., но дарованіе его болѣе склонно къ комическому амплуа. Особенно хорошъ онъ въ пьесахъ Гоголя (Хлестаковъ), Островскаго (рѣдкая изъ его комедій обходится безъ участія этого талантливаго актера), Грибоѣдова (Репетиловъ), Тургенева. Репертуаръ его охватываетъ нѣсколько сотенъ ролей, и нѣкоторыя изъ нихъ не находятъ себѣ до сихъ поръ другаго исполнителя; напр. роль Хлопонина въ „Злобѣ дня", Андрея Бѣлугина въ „Женитьбѣ Бѣлугина". Менѣе удавались ему типы Мольера (Тартюфъ); но положительно нѣтъ роли, про которую можно было бы сказать, что г. Сазоновъ въ ней былъ плохъ; если принять во вниманіе сумму созданныхъ имъ ролей, то надо согласиться, что это высшая похвала для артиста.

Н. Ѳ. Сазоновъ находится въ настоящее время въ полной силѣ своего таланта и, несмотря на то, что онъ ужь давно окончилъ срокъ своей „службы", онъ вѣроятно еще долго будетъ украшеніемъ нашей драматической труппы, такъ какъ ему теперь не болѣе 45—46 лѣтъ; артистъ этотъ — воспитанникъ Театральнаго училища, весьма рано выдвинувшійся, благодаря таланту, вызвавшему симпатіи публики съ первыхъ шаговъ его карьеры. Для послѣдняго своего бенефиса онъ выбралъ новую „комедію" г. Крылова „Лѣтнія грёзы" и „Перчатку" Бьèрнстьерне-Біорнсона. „Перчатка" поставлена у насъ по второй редакціи; первая авторомъ измѣнена.

Комедія состоитъ изъ трехъ дѣйствій (первоначальная—изъ четырехъ); хотя во всей пьесѣ нѣтъ ни одного „дѣйствія"; она состоитъ изъ разговоровъ, очень скучныхъ, растянутыхъ, бьющихъ на тенденцію,—тенденцію, довольно наивную для насъ по крайней мѣрѣ; все подтасовано для этой тенденціи и поэтому говорить о „Перчаткѣ", какъ о художественномъ произведеніи, не приходится, потому что тутъ нѣтъ жизни, а есть подставныя лица, говорящія отъ имени автора. Русская школа требуетъ *художественнаго реализма* на сценѣ и не мирится ни съ идейностью, всегда сопровождаемой дѣланными фигурами, измышленными лицами, придуманными ситуаціями и пр., ни съ положительными типами, т. е. лицами, которыхъ авторъ выставляетъ, какъ образецъ, достойный поклоненія и подражанія; вѣроятно по этой причинѣ наша драматическая литература богата комедіями, а не драмами въ строгомъ смыслѣ. По этой же причинѣ „идейныя" пьесы не имѣютъ у насъ успѣха; такъ случилось и съ „Перчаткой", которую публика прослушала равнодушно и не одобрила.

Луиджи Керубини. По поводу 50-й годовщины смерти.

Вотъ на чемъ вращается сюжетъ комедіи. Передъ нами двѣ семьи— Рисъ и Кристензенъ; у первой есть дочь Свава, у второй — сынъ Альфъ; Свава полюбила Альфа и они—женихъ и невѣста. Но она узнаетъ, что у него была интрига до помолвки съ ней и отказываетъ въ своей рукѣ, бросая ему перчатку, въ полной увѣренности, что она найдетъ мужа, который будетъ такъ же „чистъ", какъ и она. Такой наивный взглядъ на жизнь довольно-таки взрослой дѣвицы нашелъ бы еще оправданіе, если бы она воспитывалась въ абсолютно „чистомъ" домѣ; но авторъ, увлеченный „идейностью" пьесы, не обратилъ вниманія на тѣ противорѣчія, которыя онъ оставилъ въ „Перчаткѣ".

Во-первыхъ, отецъ Свавы—„журъ" и далеко не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ, доступныхъ богатому человѣку. Свава, несмотря на свой умъ и наблюдательность, никогда ничего не замѣчала и только въ пьесѣ узнаетъ отъ матери, что ея „идеальный" папа очень далекъ отъ ея по крайней мѣрѣ идеаловъ и что мама терпѣла все ради нея, Свавы; очень это все трогательно, но неправдоподобно и странно: въ кого же вышла Свава,—ни въ отца, ни въ мать; она вѣдь не мирится со своимъ Альфомъ и не прощаетъ ему; но такъ видимо нужно было автору для обрисовки своей идейной героини.

Второе — является болѣе страннымъ противорѣчіемъ въ характеристикѣ Свавы. По піесѣ она — ужь не первой молодости, много путешествовала, довольно смѣлая особа, гуляетъ одна по лѣсамъ, купается одна въ морѣ, читала много романовъ и основала дѣтскіе пріюты; слѣдовательно, дѣвица во всѣхъ отношеніяхъ — передовая. Сама она говоритъ, что въ пріютъ къ ней приходили матери, которыя больше нуждались въ помощи, чѣмъ дѣти, и что отъ нихъ она узнала *ту пучину грязи, чрезъ которую онѣ проходятъ*. Какъ послѣ этого не изумляться ея феноменальной наивности, граничащей съ глупостью, когда она считаетъ Альфа исключеніемъ. Но что уже совсѣмъ непонятно для насъ, русскихъ, въ этой идеальной дѣвицѣ, такъ это слѣдующая ея фраза, обращенная къ матери: „Я думаю, что единственное, что намъ остается—это дѣлать то же самое. Тогда намъ не на что будетъ жаловаться"; вотъ каковы норвежскія идеальныя передовыя дѣвицы! И эта Свава рекомендуется авторомъ, какъ образецъ „чистоты" и нравственности.

Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Съ фот. Бергамаско грав. Шюблеръ.

Во всякомъ случаѣ, какъ драматическое произведеніе, „Перчатка" не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ въ ней никакого сценическаго движенія нѣтъ; по идеѣ—она не выдержана и полна противорѣчій; къ тому же, „идея" эта можетъ быть является новою для Норвегіи; у насъ она была давнымъ-давно уже высказываема и въ гораздо болѣе талантливой и художественной формѣ. Исполненіе „Перчатки" у насъ на сценѣ было посредственно. Впрочемъ, не виноватъ ли больше въ этомъ Бьèрнстьерне-Біорнсонъ?

В. Баснинъ.

Библіографія.

Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ и для лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями. Съ 25 рис. Составилъ **Ѳ. К. Арнольдъ.** Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ. 1892. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 коп.

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько хорошихъ учебниковъ и руководствъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ лѣснаго хозяйства: по лѣсовозращенію, лѣсосохраненію, таксаціи и

лѣсоустройству, но нѣтъ стоящихъ на высотѣ современнаго знанія руководствъ, гдѣ бы всѣ эти отрасли лѣсоводства соединены были въ сжатомъ объемѣ. Пополнить этотъ пробѣлъ и имѣлъ въ виду авторъ. Руководство его назначается, кромѣ школъ, для тѣхъ лѣсовладѣльцевъ, которые не стремятся быть лѣсничими высшей формаціи, а ощущаютъ необходимость, съ одной стороны, быть въ состояніи сами руководить несложными лѣсными работами, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣснаго спеціалиста, а съ другой, имѣя большое и интенсивное хозяйство, желаютъ быть настолько свѣдущими, чтобы съ пониманіемъ дѣла слѣдить за дѣйствіями своихъ лѣсничихъ. Имя г. Арнольда, извѣстнаго автора „Русскаго Лѣса", уже ручается за высокія достоинства книги, которая должна сдѣлаться настольною для всякаго лѣсовода: съ обширными спеціальными познаніями авторъ соединяетъ необыкновенную ясность и точность изложенія, столь необходимыя для яснаго же и точнаго пониманія. Книга, большой томъ въ 376 страницъ, издана очень изящно, на прекрасной бумагѣ. **В. А.**

„Сборникъ образцовыхъ музыкальныхъ произведеній прежнихъ временъ", изданный фирмой Битнера и составленный профессоромъ Петербургской консерваторіи Л. А. Саккетти— есть безплатное приложеніе къ музыкальному журналу „Муза" на текущій годъ. Названный профессоръ консерваторіи, выпустившій на-дняхъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ свой „Очеркъ всеобщей исторіи музыки", готовитъ къ печати „Историческую музыкальную хрестоматію съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно". Несмотря на отрывочность „Сборника", служащаго преміей къ журналу „Муза" и состоящаго однако изъ двадцати пяти пьесъ, онъ заключаетъ въ себѣ образцы музыки восточной, греческой, средневѣковой, полифонической, оперной и инструментальной и даетъ совершенно ясное понятіе о главныхъ эпохахъ исторіи музыкальнаго искусства; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что гармонизація древнихъ напѣвовъ оставлена безъ измѣненій. „Сборникъ", о которомъ мы говоримъ, представляетъ большой интересъ уже тѣмъ, что знакомитъ публику съ образцами музыкальнаго творчества разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ. У насъ по этой части нѣтъ никакихъ пособій и хрестоматій; такимъ образомъ трудъ г. Саккетти долженъ считаться главнымъ. Правда, г. Размадзе снабдилъ свою „Исторію музыки" кое-какими примѣрами изъ произведеній старинныхъ писателей, но это совсѣмъ не то, что даетъ премія „Музы".

Вотъ содержаніе „Сборника": „Жалоба супруги" (китайская пѣснь), индійская мелодія, арабская плясовая пѣсня, гимнъ, приписываемый Пиндару (съ греческимъ текстомъ), секвенція „Dies irae", приписываемая Ѳомѣ Челанскому, пѣсня рыцаря де-Куси, покаянная пѣсня Тангейзера, итальянская пѣсня неизвѣстнаго автора „Alla Trinita beata", знакомая намъ по исполненію въ концертахъ хоромъ г. Архангельскаго, „Gaudeamus" изъ мессы Жоскина, „Adoramus" Палестрины, канцона изъ оперы „Эвридика" Пери, „Жалоба Аріадны" Монтеверде. Арія Скарлатти, „Исторія страстей и смерть Христа" Шютца, хоръ изъ музыкальной трагедіи Люлли „Армида", арія оттуда же, The masque изъ „Тимона аѳинскаго" Пурселя, Фрескобальди, токката Фробергера, токката Пассельбеля, прелюдія и „Дудочка возчика" (The carmans wistle) Бирда, извѣстная публикѣ по историческимъ концертамъ нашего знаменитаго виртуоза А. Г. Рубинштейна, сюита Пурселя, рондо „Жнецы" Куперена и соната Кунау. Сборникъ изданъ изящно; виньетка для него сдѣлана г. Еремѣевымъ въ русскомъ стилѣ XVI вѣка. „Муза" продолжаетъ выходить ежемѣсячными выпусками, состоящими изъ 9 пьесъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и современныхъ. **В. Б.**

Смѣсь.

Благотворительное Общество „Работный домъ" въ городѣ Тамбовѣ основано въ концѣ 1888 г. и имѣетъ своею цѣлію искорененіе нищенства путемъ доставленія нуждающимся заработка въ самомъ „Работномъ домѣ" при готовой пищѣ.

„Работный домъ" началъ свое существованіе на самыя скромныя средства, а именно 1151 р., составившіяся изъ членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій, и постепенно расширялъ свою дѣятельность по мѣрѣ того, какъ Общество убѣждалось въ его благотворительной дѣятельности.

„Работный домъ" находится въ настоящее время въ наемномъ помѣщеніи, имѣетъ мастерскія, кухню и квартиру для надзирательницы. Желающіе работать собираются, кромѣ праздничныхъ дней, къ 7 часамъ утра и остаются тамъ до 6 часовъ вечера; за это время они имѣютъ обѣдъ и ужинъ, и кромѣ того за производимыя ими работы получаютъ задѣльную плату, каждый по своимъ трудамъ. Въ „Работномъ домѣ" нищіе занимаются клееніемъ папиросныхъ гильзъ, кондитерскихъ коробокъ, картонокъ для магазиновъ, плетеніемъ корзинъ, лаптей и веревочныхъ ковровъ, расческою мочалы, щипкою пера, изготовленіемъ матрасовъ и щетокъ, починкою мѣшковъ, пряденіемъ шерсти, вязаніемъ чулокъ и т. п. За все время существованія „Работнаго Дома" поступило членскихъ взносовъ и единовременныхъ пособій и пожертвованій 4566 руб. 14 коп., выручено за изделія нищихъ 3320 руб. 80 коп., отъ предпріятій Общества 1948 руб. 36 коп., всего 9905 руб. 28 коп. Изъ этой суммы израсходовано на прокормленіе 25,524 нищихъ (17,735 мужчинъ и 7,789 женщинъ) 7409 руб. 57 коп. и выдано заработной платы 1843 руб. 85 коп.

Среднимъ числомъ въ „Работномъ домѣ" ежедневно имѣютъ пріютъ и заработокъ около 40 человѣкъ, наибольшій наплывъ которыхъ бываетъ преимущественно въ холодное осеннее и зимнее время. (В. Л.)

Оркестръ и хоръ при скиніи и храмѣ Іерусалимскомъ во времена царей Давида и Соломона. Богослужебную музыку царь Давидъ устроилъ для своего времени замѣчательно. Онъ составилъ изъ левитовъ колоссальный и для нашего времени *оркестръ*, состоявшій изъ 4000 музыкантовъ, которые играли преимущественно на кимвалахъ, псалтиряхъ и цитрахъ. Этотъ громаднѣйшій оркестръ былъ раздѣленъ въ свою очередь на 24 меньшихъ оркестра (или на 24 череды), изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ 154 музыканта и 12 капельмейстеровъ или начальниковъ хоровъ (*менатцеахъ*), какъ они назывались; такимъ образомъ число *одниxъ капельмейстеровъ* равнялось очень внушительной цифрѣ 288. Послѣдніе были подчинены въ свою очередь ***тремъ главнымъ капельмейстерамъ Асафу, Еману и Идиѳуму*** (1 кн. Парал. гл. 23, 5 и сл.; 25, 1—33; 16 гл., 5). Эти капельмейстеры были отличные музыканты, игравшіе на извѣстныхъ музыкальныхъ инструментахъ (1 Пар. 16, 5). Каждый оркестръ (череда) отправлялъ свою службу, смѣняясь чрезъ недѣлю; въ большіе же праздники должны были являться на службу всѣ 24 оркестра, т. е. 3702 музыканта, 288 капельмейстеровъ и 3 главныхъ капельмейстера—дирижера. Музыкальный оркестръ въ полномъ сборѣ помѣщался, обыкновенно, на восточной сторонѣ отъ жертвенника всесожженій. Всѣ музыканты одѣвались въ виссонъ, самую дорогую изъ одеждъ. Здѣсь левитскіе мальчики, дисканты и альты, стояли на нижнихъ ступеняхъ подмостокъ, на верхнихъ же ступеняхъ стоялъ хоръ взрослыхъ пѣвцовъ. Еманъ съ подчиненными ему капельмейстерами изъ 288 дирижировалъ среднимъ хоромъ—оркестромъ, Асавъ—правымъ, а Идиѳумъ—лѣвымъ. Всѣ музыканты составляли вмѣстѣ и музыкальный оркестръ и хоръ пѣвцовъ, такъ какъ они пѣли и играли поперемѣнно и старались превзойти другъ друга въ искусствѣ. Такъ какъ гармонія этого колоссальнаго оркестра была совершенно необыкновенная (всѣ—и играющіе и поющіе, какъ замѣч. въ кн. Паралип., были, какъ одинъ, издавая одинъ голосъ—2 Парал. 5, 13), то необходимо должны были существовать какія-нибудь музыкальныя ноты. Изъ нихъ дошли до насъ только для насъ непонятныя,—такъ назыв., *селагъ*, т. е. сигналы музыкальному оркестру для начала дѣйствія, находящіеся въ псалмахъ; всѣ же прочіе потеряны. Что же касается до удареній въ еврейскомъ текстѣ, въ которыхъ нѣкоторые хотятъ видѣть древнія музыкальныя ноты евреевъ, то они стали ставиться и употребляться вмѣсто нотъ уже позднѣйшими іудеями; поэтому всѣ попытки разобрать древнія мелодіи іудеевъ потерпѣли совершенную неудачу. Пиѳагоръ, учившійся музыкѣ въ Египтѣ и излагавшій ее математически, по всей вѣроятности, подобно египтянамъ, вмѣсто нотъ употреблялъ гласныя буквы.

Первый парикъ. Парики появились въ глубокой древности на Востокѣ, почти за 11 вѣковъ до Рождества Христова. Парики первоначально дѣлались не изъ человѣческихъ волосъ, а изъ козьей шерсти, ибо на Востокѣ, по замѣчанію Бохарта, волосы козьей шерсти очень тонки и весьма похожи на человѣческіе; отсюда легко объясняется тотъ фактъ, что патріархъ Исаакъ могъ ошибочно принять козьи волосы на рукахъ хитраго Іакова за волосы любимаго его сына, косматаго первенца Исава, такъ какъ при этомъ еще его глаза были слѣпы и чувство осязанія не менѣе притупилось, какъ и зрѣніе (*S. Bochart.* Hierozoicon sive bipartitum opus de animalibus S. Scripturae (Гіерозоиконъ, или состоящее въ двухъ частяхъ сочиненіе о животныхъ Св. Писанія). Lugduni Batav. 1712). Первый такой парикъ, т. е. изъ козьей шерсти, выдумала одна изъ женъ царя Давида, по имени Мелхола. Когда послы царя Саула пришли убить преслѣдуемаго Сауломъ Давида, Мелхола, подъ предлогомъ болѣзни мужа, который спасся бѣгствомъ, положила на его постель статую (чучело), голову которой покрыла плетенеьемъ изъ козьихъ волосъ (I кн. Царствъ, гл. 19, ст. 13 и дал.). Изъ козьихъ же волосъ приготовляли парики и древніе римляне, чтобы прикрывать свои лысины (Johann Jahn: Biblische Archäologie. L. I. Theil I, § 52).

Образецъ лести. Однажды на пиру Персидскій царь Камбизъ обратился къ придворнымъ съ вопросомъ, равенъ-ли онъ по ихъ мнѣнію своему отцу, великому Киру. Раболѣпные царедворцы въ одинъ голосъ отвѣчали утвердительно и принялись превозносить его побѣды и завоеванія. Только одинъ Крезъ, плѣненный еще Киромъ царь Лидіи, отрицательно покачалъ головой. „Почему?" запальчиво воскликнулъ не терпѣвшій противорѣчій Камбизъ. „Царь, отвѣчалъ хитрый Крезъ, — прости меня за дерзкое мнѣніе: въ одномъ ты уступаешь своему великому отцу: у тебя нѣтъ такого сына, какого оставилъ намъ покойный Киръ". (к).

Пештскій бургомистръ. Во время перваго путешествія Франца-Іосифа по Венгріи, въ Пештѣ бургомистромъ былъ крайне несимпатичный человѣкъ. Онъ предложилъ въ ратушѣ устроить императору торжественную встрѣчу, которая 1) будетъ сюрпризомъ для императора, 2) ничего не будетъ стоить и 3) наконецъ доставитъ удоволь-

ствіе народу. На другой день бургомистръ получилъ анонимное письмо, гдѣ предлагалось ему повѣситься на тріумфальной аркѣ, устроенной для встрѣчи императора, такъ какъ 1) это будетъ сюрпризомъ для императора, 2) ничего не будетъ стоить и 3) доставитъ громадное удовольствіе народу. (к).

Какъ отмывать непрозрачныя стекла. Покрыть непрозрачное стекло истолченнымъ въ порошокъ ѣдкимъ кали съ водою. Оставить такъ нѣкоторое время и затѣмъ вымыть и вычистить. Стекло становится прозрачнымъ, какъ новое. (к.)

Заоблачная метеорологическая станція.—Устройство на горахъ наблюдательныхъ станцій для изслѣдованія атмосферы въ высшихъ ея слояхъ, является результатомъ научнаго прогресса послѣдняго времени. Къ числу первыхъ изъ нихъ принадлежитъ обсерваторія, устроенная на вершинѣ Пикъ въ штатѣ Колорадо. Эта громаднѣйшая гора возвышается съ восточной стороны, крутымъ своимъ склономъ, на 4,308 метровъ надъ уровнемъ моря.

Первымъ наблюдателемъ, отважно рѣшившимся провести годъ на этой уединенной верхушкѣ, былъ сержантъ Робертъ Зейботъ, и потому разсказы его въ высшей степени интересны. Онъ прибылъ туда въ октябрѣ 1873 года, и, въ самомъ же началѣ былъ встрѣченъ, продолжавшеюся безъ перерывовъ трое сутокъ, снѣжною бурею, покрывшею всѣ окрестности столь глубокимъ слоемъ снѣга, что и воды для питья не растопивъ снѣгу достать нельзя было. Въ ноябрѣ ураганъ повторился съ такою страшною силою, что наблюдатель опасался, какъ бы и самого его, вмѣстѣ съ зданіемъ, не снесло съ горы. Снѣгъ шелъ чрезвычайно мелкій, пробиваясь, подобно сухой пыли, сквозь малѣйшія щели оконъ, дверей и даже самыхъ стѣнъ. Къ вечеру вершина горы окуталась густою, замѣчательно своеобразною снѣжною тучею, возбудившею у жителей города Колорадо-Спрингсъ предположеніе, что станція горитъ. Изъ животныхъ появились мыши и одна полевая куница, любопытно заглядывавшая въ окна. Посѣтители взобравшіеся въ первый разъ на вершину, чувствовали себя не хорошо, жаловались на головокруженіе и боль въ головѣ. Въ такомъ же состояніи находился и станціонный плотникъ, прибывшій въ концѣ ноября. Между прочимъ, онъ принесъ съ собою молодаго котенка, который однако скоро освоился и сталъ усердно истреблять мышей. Съ начала декабря обитателямъ станціи довелось переживать очень тяжелые дни; они находились постоянно въ замерзшемъ облакѣ густаго тумана. Зима продолжалась очень долго; термометръ Цельзія понижался до 39°. Однажды замѣчены были слѣды медвѣдя.

Первый гулъ грома пронесся 11 мая 1874 года и съ этого дня начались внушавшія невольный ужасъ, часто совершенно неожиданныя, явленія атмосфернаго электричества. Первымъ ихъ предвѣстникомъ былъ ударъ молніи, промелькнувшей во время грозы въ жиломъ помѣщеніи, въ видѣ огненной полосы фута въ два длиною, и затѣмъ раздались трескъ, шорохъ, шумъ по всѣмъ угламъ; на телеграфныя проволоки молніи просто сыпались, и опасались, какъ пишетъ Зейботъ въ своемъ дневникѣ, что само зданіе долго не устоитъ.

Въ маѣ слѣдующаго года, вся рабочая комната наполнилась во время грозы электричествомъ; молнія ударила въ громоотводъ, и самъ наблюдатель, вышедшій въ этотъ моментъ для измѣренія дождевыхъ облаковъ, едва не сдѣлался ея жертвою. 5 іюля, какъ записано въ дневникѣ „молнія извергалась непрерывными огненными струями, въ воздухѣ распространился сильный, съ трудомъ выносимый запахъ сѣры, и при этомъ трескъ и какъ будто выстрѣлы изъ небольшаго пистолета раздавались со всѣхъ сторонъ.“ Во время грозы, бывшей въ августѣ, разряженія электричества были такъ сильны, что наблюдатель искалъ спасенія въ кухнѣ; громоотводы и подземные проводники оказались поврежденными и два барометра къ употребленію негодными.

По временамъ интенсивность электричества проявлялась еще другими, болѣе мучительными для людей послѣдствіями. Такъ, при начавшемся ночью сильномъ ураганѣ, при чемъ снѣгъ шелъ небольшой, наблюдатель Бёмеръ услышалъ громкій трескъ и шумъ, почувствовавъ въ то же мгновеніе какъ будто тысяча иголокъ пронизываютъ его кожу и вмѣстѣ съ тѣмъ его борода и волоса на головѣ наэлектризовались. На всѣхъ металлическихъ предметахъ показалось фіолетоваго цвѣта пламя, достигавшее 2 ф. высоты и 1/4 дюйма въ поперечникѣ. Отъ прикосновенія къ нимъ пальцами пламя исчезало, появляясь вновь и на этихъ предметахъ и на пальцахъ, и между тѣми и другими стали мелькать блудящіе огоньки. Метеорологическіе и кухонные приборы, даже пуговицы на шапкѣ наблюдателя—все наэлектризовалось, а снѣгъ издавалъ какіе-то невыразимые, казалось, поющіе звуки. Снѣгъ перестаіъ и съ нимъ прекратились и всѣ эти явленія. То же самое опять повторилось, когда однажды нѣсколько туристовъ взобрались на гору, во время грозы, разразившейся на 3,000 фут. ниже обсерваторіи. Раздались опять тѣ же странные поющіе звуки, и всѣ находившіеся на станціи до того наэлектризовались, что при взаимныхъ сближеніяхъ между ними появлялись довольно большія искры, желто-фіолетоваго цвѣта; у лошадей на хвостахъ волосы становились дыбомъ, а лежавшіе на полу бумажные обрѣзки повисли на дверяхъ, притянувшись съ разстоянія до 12 фут. Явленія эти продолжались до прекращенія грозы.

Во время грозъ послѣ того бывшихъ, ударъ молніи разразился, однажды, въ комнатѣ наблюдателей и при этомъ, внезапно, появился огненный шаръ, направившійся къ печи. Въ другомъ случаѣ молнія оглушила одного туриста, бывшаго въ моментъ ея удара на станціи, и самого наблюдателя, пробила дыру въ приборѣ, показывающемъ скорость вѣтра, и зажгла кучу бумаги.

Такого рода явленія происходили постоянно при паденіи снѣга или града и повторялись столь часто, что наблюдатели наконецъ привыкли къ нимъ. Многимъ путешественникамъ вѣроятно удалось уже видѣть подобныя явленія на г. Этнѣ, но нигдѣ въ мірѣ не происходятъ они съ такою силою, какъ на Пикѣ, самой высочайшей обсерваторіи земнаго шара. Въ лѣтніе мѣсяцы станція эта нерѣдко посѣщалась любознательными туристами, не разсчитывавшими, разумѣется, какими тяжелыми жертвами придется оплатить ихъ славный подвигъ. Одинъ посѣтитель, натуралистъ Ральфъ Аберкромби, много лѣтъ уже путешествовавшій, взобравшись на гору верхомъ на конѣ, былъ утомленъ до того, что едва въ силахъ былъ выпить стаканъ кофе и не въ состояніи былъ проглотить никакой твердой пищи; только отдохнувъ и спустившись приблизительно на 1 000 фут. онъ почувствовалъ себя лучше и тогда только увидѣлъ ту чудную панораму, которая открылась глазамъ его. Лѣтомъ, на вершинѣ, температура подымается выше точки замерзанія только на самый короткій промежутокъ времени, а ниже обсерваторіи развивается цвѣтущая флора, существованіе которой однако тоже весьма непродолжительно; скоро опять наступаютъ морозы и цѣлые мѣсяцы продолжается жестокая, какъ въ сѣверной Сибири, стужа, сопровождаемая снѣжными бурями, туманами и сильными разряженіями электричества. (л.)

ШАХМАТЫ.

Задача № 11.
Pilnacek.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 12.
E. Dvorzak.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Матчъ С. З. Алапина съ В. Ласкеромъ начался. По послѣднимъ извѣстіямъ, изъ двухъ сыгранныхъ партій—одну выигралъ С. З. Алапинъ, другая же ничья.

Игранный недавно матчъ между Бердомъ и Ломаномъ окончился побѣдою перваго при 4-хъ выигранныхъ партіяхъ и 2-хъ проигранныхъ.

17 февраля пришла телеграмма изъ Гаванны, извѣщающая объ окончаніи матча М. И. Чигорина съ В. Стейницемъ. Побѣдителемъ опять оказался непобѣдимый въ матчахъ В. Стейницъ. Надо однако замѣтить, что въ послѣднія 25 лѣтъ никто такъ удачно не боролся со Стейницемъ, какъ М. И. Чигоринъ и какъ это показываетъ окончательный результатъ матча:

М. И. Чигоринъ выигралъ 8 партій.
В. Стейницъ „ 10 „
Ничьихъ . . . . . . 5 „

Задача № 13.

Найти 17 словъ въ четыре буквы каждое. По начальнымъ буквамъ этихъ словъ должна получиться одна пословица.

1) Славянская буква. 2) Закуска. 3) Дерево. 4) Часть человѣка. 5) Музыкальный инструментъ. 6) Кухонная принадлежность. 7) Болѣзнь. 8) Мѣра времени. 9) Часть театральной пьесы. 10) Напитокъ. 11) Вьючныя животныя. 12) Письменная принадлежность. 13) Часть дома. 14) Часть корабля. 15) Рыба. 16) Часть головы. 17) Искусственное сооруженіе для насѣкомыхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

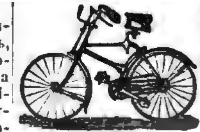
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. **Редакторъ В. Клюшниковъ.**

На Аѳонѣ въ Андреевскомъ Скиту скончался Настоятель О. Ѳеоклитъ, а вмѣсто его избранъ Ризничій Іеромонахъ Іосифъ, извѣстный изъ газетъ по вывозу чудотворной Иконы съ Аѳона въ С.-Петербургъ на Подворье, воздвигнутое по особо Высочайшему разрѣшенію въ память спасенія Государя въ 1888 г. 17 октября; а посему просятъ адресоваться такъ:

1) Одесса, довѣренному Андреевскаго Скита съ передачею **Настоятелю Іеромонаху Іосифу съ братіею;** № 5662

и 2) С.-Петербургъ, Пески, довѣренному Аѳонскаго Андреевскаго Скита съ передачею **Настоятелю Іеромонаху Іосифу съ братіею.**

Англійскіе велосипеды завода Зингера и Кº въ Ковентри, рекомендуетъ **Генрихъ ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, спеціальный велосипедный магазинъ № 19. 6—3 № 5638

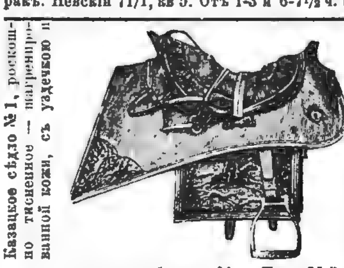
Высылается прейсъ-курантъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: **Генрихъ Блокъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15-1

Д-ръ **Волицкій,** возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: паружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

Казацкое сѣдло № 1, роскошно тисненное — шагренированной кожи, съ уздечкою и остальн. полн. приборомъ 20 р. Тоже № 2—16 р. Пересылка по ж. д. 2 руб. Почтою за 30 фунт. **Фабрика М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ.** Саратовъ. Новый иллюстриров. прейсъ-курантъ высылается за двѣ 7 к. марки.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

АРМИНЪ

НОВАЯ ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА для холи и мягкости усовъ и бороды.

Цѣна за банку 1 р. с., съ перес. во всѣ города Россіи — 1 руб. 40 коп. **Наложеннымъ платежомъ.**

Продается во всѣхъ аптекарск. магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Пюпа, Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ. № 5603 (6)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на **1892** годъ на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

8-й годъ изданія.

Москва, Малая Дмитровка, д. № 12.

Еженедѣльное изданіе, необходимое **для техника,** ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ, для школъ и *во всякой семьѣ.*

◆ Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со **множествомъ** рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.

◆ Къ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Русселя и др.) и пр. и пр.

Кромѣ того: 1) Календарь для ремесленниковъ и 2) Одно изъ руководствъ, изданныхъ редакціей, по выбору подписчика.

☛ *Каждый подписчикъ найдетъ въ „РЕМ. ГАЗ." и въ руководствахъ, изданныхъ редакціей, много такихъ указаній, которыя принесутъ ему* **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЯ ВЫГОДЫ.** № 5660

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой, за ½ года 4 р.

„Рем. Газ." одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

КАЛИГРАФЪ

рекомендуетъ № 5647 (2)

Генрихъ ЖЕМЛИЧКА

Москва, уг. Тверской и Стараго Газетнаго переулка, д. Фальцъ-Фейнъ, велосипедный магазинъ № 19.

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А.М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Только подлинно съ этой фабричн. маркой

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и Кº.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Аурика, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5364 (12)

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE."

Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саше.**

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (5)

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. М. № 5651 8—2

БРОКАРЪ и Кº.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ № 5633 8—4

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА

ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ

ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Собственный магазинъ: Невскій, 30, въ С.-Петербургѣ.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 5391 16—8

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у **В. Аурихъ,** Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ЕЩЕ НОВОСТИ!

Кромѣ вещей опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ поступили еще слѣдующія: Щетки для карточн. игры, съ водою, очень практичны, пара 2 руб. ◆ Миніатюра или искусство раскрашиванія по стеклу красками портретовъ, картинъ, эстамповъ и проч. ц. 6 р. ◆ Литохромія или искусство обращать гравюры и литографіи въ изящныя масляныя картины, ц. 7 р. ◆ Геліоминіатюра и литохромія вмѣстѣ, ц. 11 р. ◆ Домашній фотографъ посредствомъ коего всякій, даже ребенокъ, можетъ переснимать портреты, гравюры и проч. ц. 3 р. ◆ Гальванопластика или искусство золоченія, серебренія, никелированія и т. д., ц. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. ◆ Опыты съ электричествомъ, полный приборъ, ц. 2 р. 50 к. ◆ Работы изъ стружекъ и бересты, ц. 1 р. 50 к. ◆ Живопись брызгами, ц. 2 р. ◆ Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія карт., план., рисун. и проч. ц. 1 р. 50 к., тоже металл. 4 р. ◆ Каллиграфъ, коимъ всякій можетъ научиться красиво писать, ц. 1 р. ◆ Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ съ красками, ц. 1 р. 50 к. ◆ Живописецъ-самоучка, съ красками, ц. 2 р. ◆ Дитя архитекторъ, ц. 2 р. ◆ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ, ц. 3 р. ◆ Живописн. лото, для изуч. языка русск., франц. и нѣмецк. ц. 1 р. 50 к. ◆ Шахматы, ц. 2 р. Шашки, ц. 1 р. ◆ Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашивать картины ц. 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 к., до 50 р. ◆ Камеръ-обскуры для рисованія съ натуры ц. 2 р. 50 к. ◆ Тоже большія, складныя, ц. 5 р. ◆ Ортораma, новый приборъ для рисованія перспективы съ красками и проч. ц. 3 р. ◆ Станокъ для выпиловки по дереву и металламъ (работать рукою и ногою) деревянн., со всѣми приложеніями, ц. 3 р. ◆ Такой-же желѣзный, ц. 6 р. ◆ Ящикъ со столярными и переплетными инструментами, ц. 10 р. ◆ Паяльный приборъ для спаиванія и припая всякихъ металлическ. вещей, ц. 5 р. ◆ Приборъ для дѣланія рамъ изъ багета, съ инструментами, ц. 6 р. ◆ Фотографич. аппаратъ—не игрушка, для сниманія съ натуры визитныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пробнымъ снимкомъ и подробн. руковод. (пересылка за 15 фун.), ц. 5 р. ◆ Симфоніонъ, музыкальный инструментъ, играющій неограниченное число пьесъ съ приложеніемъ 6 п. 8 р. Пьеса отдѣльно по 35 к. ◆ Новость! Электрическая лампа автоматъ, ц. 5 р. ◆ Новость! Телефоны и электр. телеграфъ по 8 р. ◆ Телефоны и электр. звонки (полные) 8 р. и много др. новостей.

Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами.

Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на три рубля. Новый иллюстриров. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ высылается за 10 к. марку. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній (фирма существ. съ 1872-го года). Mt. № 5659

Только что отпечатана и поступила въ продажу новая книга:

КУРСЪ ЛѢСОВОДСТВА

ДЛЯ ЛѢСНЫХЪ ШКОЛЪ И ДЛЯ ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И УПРАВЛЯЮЩИХЪ ИМѢНІЯМИ.

Составилъ **Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.**

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Большой томъ in 8°, въ 388 страницъ, **съ 25-ю рисунками въ текстѣ,** на лучшей веленевой бумагѣ. СПБ. 1892 годъ. **Цѣна 2 р.,** съ пересылкою **2 р. 30 к.**

Содержаніе книги: 1) Лѣсная почва; 2) Древесныя породы растущія въ лѣсахъ Россіи и изъ акклиматизованныхъ разводимыя въ степяхъ; 3) Опасности, которымъ подвергается лѣсъ; 4) Посѣвъ лѣса изъ руки; 5) Устройство питомниковъ и древесныхъ школъ; 6) Посадка деревъ съ корнями; 7) Садка черенковъ и кольевъ и укрѣпленіе овраговъ; 8) Живыя изгороди и защитныя полосы вдоль желѣзныхъ дорогъ; 9) Самосѣвъ; 10) Поросль отъ пня и отпрыски отъ корней; 11) Чистыя и смѣшанныя насажденія; 12) Предупрежденіе тѣсненія деревъ и заглушенія ихъ тѣнью, и содѣйствіе къ преобладанію главныхъ древесныхъ породъ въ насажденіяхъ; 13) Формы и системы хозяйства; 14) Оборотъ рубки и оборотъ хозяйства; 15) Лѣсная таксація; 16) Лѣсоустройство; 17) Приложенія: 1) Таблица площади круговъ. 2) Вѣдомость исчисленія площадей. 3) Таксаціонное описаніе (инвентарная опись). 4) Вопросникъ для повторенія и усвоенія пройденнаго.

Такимъ образомъ, авторъ соединилъ въ настоящей книгѣ, въ сжатомъ объемѣ лѣсной энциклопедіи, **всѣ отрасли лѣсоводства,** какъ-то: лѣсовозращеніе, лѣсоохраненіе, таксацію, лѣсоустройство и проч. Книга эта главнымъ образомъ предназначается **лѣсовладѣльцамъ и управляющимъ имѣніями. Она даетъ имъ полную возможность самимъ руководить несложными лѣсными работами и съ пониманіемъ дѣла слѣдить за дѣйствіями своихъ лѣсничихъ, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣсного спеціалиста.**

Требованія на книгу просятъ адресовать въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“, Невскій просп., д. 6, и кромѣ того книга эта находится во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное **А. Ф. Марксомъ,** подъ редакціею **А. И. Введенскаго, съ біографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ въ Лейпцигѣ.**

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе **исправленное, тщательно свѣренное съ рукописями** или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, **объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).**

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій **1 р. 50 к.,** а съ перес. **2 руб.** Въ двухъ коленкоровыхъ, тисненыхъ красками, **переплетахъ 2 руб.,** а съ пересылкою **2 руб. 50 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный **Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.**

ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. **Цѣна** въ литограф. обертке **1 р. 25 к.,** съ пересылкою **1 р. 60 коп.** Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

Дозвол. цензур., СПБ., 25 февраля 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса,** Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 10 — г. XXIII 1892

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ.
Выданъ 7 марта 1892 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы" безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 80 к.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА МАРТЪ.** 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ 1892 г. съ 28 рис. и отд. лист. съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 35 рис. рукодѣл. работъ.

Высокопреосвященный Палладій, экзархъ Грузіи, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій.

Въ минувшемъ году 18 декабря исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня хиротоніи высокопреосвященнаго Палладія во епископскій санъ. Немногіе изъ нашихъ архипастырей пользовались такою любовью въ населеніи и въ средѣ духовенства управляемыхъ епархій, какою пользуется нынѣшній экзархъ Грузіи, высокопреосвященный Палладій. Отличительныя черты этого архипастыря: гуманность, доброта, щедрость, сердечное обхожденіе. Слова и рѣчи его, изданныя въ 1881 году, отличаются задушевностью, простотой и назидательностью. Высокопреосвященный Палладій—сынъ священника Раева, уроженецъ Нижегородской епархіи, по окончаніи курса въ Казанской духовной академіи со степенью магистра богословія въ 1852 году, въ 1856 году рукоположенъ во священники; овдовѣвъ въ 1861 г. онъ былъ постриженъ въ

Высокопреосвященный Палладій, экзархъ Грузіи (по поводу 25-й годовщины служенія въ епископскомъ санѣ). Фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

монашество и вскорѣ назначенъ на должность ректора С.-Петербургской духовной семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1866 г. 18 декабря хиротонисованъ въ санъ епископа Ладожскаго съ назначеніемъ старшимъ викаріемъ С.-Петербургской митрополіи; при прощаніи его съ семинаріей товарищи-воспитатели поднесли владыкѣ драгоцѣнную панагію, какъ знакъ ихъ особаго уваженія и любви, коею владыко пользовался, какъ среди товарищей и сослуживцевъ, такъ и среди студентовъ семинаріи. Въ 1869 году владыко получилъ самостоятельную епархію Вологодскую; здѣсь преосвященнымъ было положено начало эмеритальной кассы для духовенства, устроена вспомогательная касса при семинаріи, основано епархіальное женское училище и много сдѣлано пожертвованій на нужды духовно-учебныхъ заведеній епархіи. Память о преосвященномъ Палладіи жива и теперь, многіе изъ вологодскихъ крестьянъ спрашиваютъ и въ настоящее время: „а гдѣ тотъ архіерей, что одѣ-

лялъ насъ крестниками". Въ 1873 году, будучи назначенъ на Тамбовскую каѳедру, преосвященный обратилъ вниманіе на сутяжничество среди духовныхъ и уничтожилъ его совершенно; здѣсь же имъ основано братство Пресвятыя Богородицы Казанскія, учреждены благочиннические попечительные совѣты, расходующіе на сиротъ ежегодно 12,000 рублей, при всѣхъ женскихъ монастыряхъ основаны пріюты, въ коихъ, къ концу управленія сей епархіи преосвященнымъ Палладіемъ, воспитывалось до 200 круглыхъ сиротъ. Устроены общежитія при 4-хъ духовныхъ училищахъ — въ Тамбовѣ, Липецкѣ и Шацкѣ. Въ 1876 г. владыко получилъ въ управленіе Рязанскую епархію: тамъ учреждено имъ братство Св. Василія Рязанскаго, выстроено новое зданіе образцоваго епархіальнаго женскаго училища. Любовь и уваженіе паствы къ своему архипастырю здѣсь выразились въ поднесеніи губернскимъ Рязанскимъ дворянствомъ дорогой панагіи, духовенство же учредило стипендію имени преосвященнаго въ семинаріи. При Рязанскомъ каѳедральномъ соборѣ имѣлся историко-статистическій комитетъ, который совершенно прекратилъ было свое существованіе; преосвященный Палладій, пригласивъ въ составъ онаго лицъ съ академическимъ образованіемъ, вновь открылъ его дѣйствія. Имъ же было обращено вниманіе на составъ преподавателей и воспитательницъ при женскомъ епархіальномъ училищѣ, и педагогическій персоналъ былъ обновленъ лицами съ высшимъ образованіемъ.

Въ 1881 году преосвященный Палладій возведенъ былъ въ санъ архіепископа, а въ 1882 году назначенъ на одну изъ старѣйшихъ архіепископскихъ каѳедръ — въ Казань; обширная и благотворная дѣятельность высокопреосвященнаго Палладія сказалась здѣсь особыми заботами о нуждахъ учащихся и учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ заслужилъ имя „отца-благотворителя". Имъ учрежденъ складъ духовно-нравственныхъ книгъ и обращено вниманіе на библіотеки.

Одною же изъ важнѣйшихъ заслугъ высокопреосвященнаго Палладія въ Казанской епархіи было созваніе помѣстнаго съѣзда епископовъ Поволжскаго края, состоявшагося въ Казани въ 1885 году; подъ его мудрымъ руководствомъ, съѣздомъ выработанъ рядъ мѣръ, отличающихся высокою гуманностью и истинно христіанскою любовью къ невѣдающимъ христіанской истины иновѣрцамъ или же отступникамъ православной церкви. Въ 1887 году высокопреосвященный Палладій былъ назначенъ на нынѣшній высшій и отвѣтственный постъ экзарха Грузіи, архіепископа Карталинскаго (митрополичья каѳедра) и Кахетинскаго.

Въ Грузинскомъ экзархатѣ въ то время бушевали страсти и населеніе было очень возбуждено противъ бывшаго экзарха Грузіи. Выборъ павшій на высокопреосвященнаго Палладія былъ весьма удаченъ: благотворное вліяніе, тактъ, сердечное отношеніе вновь назначеннаго высокопреосвященнаго съ первыхъ же дней вступленія его въ управленіе экзархатомъ завоевали ему симпатію, уваженіе и любовь паствы, постоянно возрастающія. Черезъ два года управленія экзархатомъ паства поднесла высокопреосвященному Палладію дорогой архипастырскій посохъ.

День своего юбилея высокопреосвященный Палладій провелъ въ дорогѣ, ибо 12 декабря выѣхалъ на Кавказъ; по присущей архипастырю скромности, празднованіе этого знаменательнаго для него дня имъ было отмѣнено. **А. Хвостовъ.**

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Снова наступило молчаніе, послѣ котораго княгиня выговорила тихо:

— А если это не удастся?

— Что? кратко и сухо отозвался Солмоновичъ.

— Ну, избавиться... отъ него...

— А я говорю, что удастся! Предоставь это мнѣ.

— Пойми же, наконецъ, вдругъ воскликнула Юлія Павловна, поднимаясь и садясь на кушеткѣ,—пойми, что если бы ты взялся дѣйствовать здѣсь, вотъ при этой обстановкѣ, въ Петербургѣ, то я бы сейчасъ согласилась. А ты требуешь прежде Богъ вѣсть чего: разоренія, отъѣзда въ глушь... Ты хочешь чтобы все было уничтожено и на развалинахъ всего будешь строить зданіе моего счастія и благополучія. А если это не удастся,—при чемъ же я останусь? На развалинахъ? Я останусь ни при чемъ и назадъ возврата не будетъ.

Солмоновичъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по маленькой, красивой, изящно-убранной горницѣ, потомъ остановился предъ княгиней, вздохнулъ и вымолвилъ:

— Ну, какъ знаешь! Я могу только сказать: честь имѣю кланяться! Другаго исхода нѣтъ и ничего другаго я придумать не могу. Но только, прошу тебя, рѣшай тотчасъ же. Откладывать въ долгій ящикъ я не хочу, потому что не могу. Все это должно совершиться теперь, ибо, пойми, теперь у меня все подъ руками, я во всеоружіи. Если ты согласишься на это черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, или два, я не могу ручаться что буду въ состояніи что-либо сдѣлать. Пойми же, вѣдь я не одинъ, у меня есть... Ну, есть оружіе, есть люди, средства. Все это теперь у меня въ рукахъ. Черезъ мѣсяцъ, быть-можетъ, у меня ничего не будетъ. Наконецъ, скажу прямо, одинъ вѣрный рабъ и слуга, еврей изъ Данцига, ежедневно пристаетъ ко мнѣ — или дать ему работу, или отпустить на родину. Если я отпущу его завтра, то послѣ-завтра даже на твою просьбу, не только согласіе, долженъ буду отвѣчать отказомъ. Безъ этого еврея я ничего сдѣлать не могу.

Княгиня вздохнула, провела платкомъ по лицу и вымолвила тихо:

— Хорошо, я напишу Вахтенштейну, а завтра вечеромъ объяснюсь съ нимъ окончательно. Согласись, что онъ будетъ крайне изумленъ, онъ тоже ничего не понимаетъ, тоже сочтетъ все загадочнымъ.

— Почему же это?

— Какъ почему? То что̀ онъ затѣялъ противъ меня, то чѣмъ угрожалъ мнѣ, то что̀ было оружіемъ въ его рукахъ, теперь становится чѣмъ же?.. Оружіемъ въ моихъ же рукахъ! Я должна просить его, умолять поступить такъ, какъ онъ самъ хотѣлъ поступить прежде противъ меня. Вѣдь это все какая-то демонская комедія, въ которой ничего понять нельзя!

— Пускай другіе не понимаютъ, лишь бы мы съ тобой понимали...

— Но вѣдь князь удивится, когда я буду просить его разорить мужа и, стало-быть, меня. А объяснить ему въ чемъ дѣло—я не могу, потому что ты не хочешь.

— Понятно не хочу! Достаточно, что въ это дѣло, которое есть моя тайна, замѣшана одна женщина— ты. И ты—лишняя. И тебѣ не слѣдовало бы ничего знать; но брать новаго соучастника—нѣмца, къ которому я, собственно, не имѣю никакого довѣрія, я не хочу. Заставь его, какъ знаешь, но пускай онъ дѣйствуетъ, пускай явится и банкиръ Мозеръ, и другіе кредиторы. Ну, однимъ словомъ, вы должны быть разорены и должны выѣхать въ ту деревню, про которую говорилъ твой мужъ.

— Самой разрушить все, не зная, удастся-ли потомъ что-либо... задумчиво вымолвила княгиня.

— Пускай! Потомъ все устроится.

— Но не въ этомъ дѣло... А трудно! произнесла княгиня раздражительно.—Дѣло въ томъ, что я буду просить князя сама разорить насъ, погубить, сослать въ глушь, и не могу объяснить зачѣмъ. А если я скажу ему, что черезъ нѣсколько времени послѣ этого я буду свободна и даже могу выйти за него замужъ, то онъ, во-первыхъ, вообразитъ себѣ, что я собираюсь умертвить мужа и, во-вторыхъ, можетъ отступить предъ мыслью о законномъ бракѣ, ибо еще недостаточно влюбленъ въ меня.

— Ну-съ, ваше сіятельство, какъ угодно. Это наше послѣднее объясненіе. Но помни, придетъ время, и ты

станешь просить и настаивать сама вмѣсто меня, но будетъ поздно. Все будетъ потеряно.

XXVIII.

Послѣдствія происшествія въ домѣ съ брильянтами были самыя неожиданныя.

Разумѣется, самое дѣло — покража брильянтовъ у княгини любимцемъ-камердинеромъ князя—было подстроено, придумано и исполнено Салмоновичемъ съ помощью такого лица, которое легко и просто могло это исполнить. Это была дочь Тараса, Марья, коварно предавшая отца.

Старикъ, пораженный всѣмъ неожиданно случившимся, разумѣется, все-таки догадался, кто положилъ брильянты къ нему въ столъ и унесъ ключъ.

Попасть подъ судъ и быть осужденнымъ—по времени, было одно и то же. Темный, келейный судъ не церемонился. Волокита прошлаго столѣтія еще не вывелась, и если не была попрежнему смѣла, то была попрежнему хитра и изворотлива.

Крѣпостные люди, заподозрѣнные въ чемъ-либо, при при желаніи господъ освободить ихъ, получали тотчасъ свободу, при желаніи господъ избавиться отъ нихъ—ссылались почти безъ суда.

Каждый помѣщикъ имѣлъ право сослать въ Сибирь на поселеніе всякаго своего раба, не объясняя почти причинъ и мотивовъ; тѣмъ паче заподозрѣнный холопъ, вѣрно или ошибочно, отправлялся на каторгу почти безъ разъясненія дѣла.

Въ данномъ случаѣ преступленіе было совершенно ясно. Кража была совершена, а покраденное найдено у крѣпостнаго человѣка. Вникать въ подробности, искать какого-либо предателя, находить въ дѣлѣ чье-либо ухищреніе, опредѣлять нравственный обликъ подозрѣваемыхъ или ихъ отношеніе къ окружающимъ, однимъ словомъ, глубже вникать въ дѣло никому не было надобности.

По желанію княгини, или по собственному соображенію, но судьи тотчасъ же раздѣлили арестованныхъ. Марья Кузминична, ея сынъ и старшая дочь были сочтены только соучастниками, а главнымъ виновникомъ считался Тарасъ. Дочь Марья была освобождена чрезъ недѣлю и вернулась въ домъ.

Возвращеніе дѣвушки и тѣ вѣсти, которыя она принесла княгинѣ—повлекли за собой много новаго въ домѣ. Марья, явившись поутру къ барынѣ прямо изъ острога, подтвердила рѣшительно все, что прежде уже предполагала на основаніи однихъ своихъ подозрѣній.

Старикъ отецъ ея, тотчасъ по прибытіи въ острогъ, прямо сказалъ ей, что она погубила ихъ всѣхъ изъ желанія угодить княгинѣ. А что княгиня мститъ ему, Тарасу, за то, что онъ всю правду открылъ князю объ измѣнѣ ею своему супружескому долгу. Такимъ образомъ причина болѣзни князя и его поведенія относительно жены стала теперь совершенно ясна.

Въ тотъ же день послѣ полудня къ княгинѣ явился по обыкновенію Салмоновичъ, и они стали совѣщаться, что предпринять тотчасъ. Письмо, уже написанное княгиней мужу, гдѣ она просила прощенія, было измѣнено совершенно.

Признаніе Тараса и нахожденіе его въ острогѣ позволяло представить дѣло въ совершенно иномъ видѣ.

Вдобавокъ Марья, оставшаяся теперь одна въ домѣ, уже могла не стѣсняться по отношенію къ отцу и быть въ случаѣ нужды дѣйствительно полезной помощницей княгинѣ—быть лжесвидѣтельницей.

Въ сумерки княгиня, оставшись одна, быстро переписала сочиненное вмѣстѣ съ Салмоновичемъ письмо, затѣмъ позвала къ себѣ скучающаго и печальнаго Тоню и приказала ему снести письмо къ отцу.

Князь очень удивился, увидя предъ собой сына съ большимъ запечатаннымъ конвертомъ въ рукахъ.

— Откуда это? вымолвилъ онъ.

— Не знаю, папà. Мамà мнѣ дала.

На конвертѣ не было никакихъ штемпелей и вдобавокъ князь узналъ почеркъ жены.

— Мамà здѣсь!? воскликнулъ онъ. — Не уѣхала? Дома?

— Дома! удивился мальчикъ голосу отца.

— Гдѣ она?

— У себя сидитъ.

— Не собирается ѣхать?

— Нѣтъ. Не знаю...

Князь былъ убѣжденъ, что письмо это есть объявленіе жены объ ея выѣздѣ изъ дому послѣ оскорбленія, нанесеннаго ей. Разорвавъ конвертъ и быстро пробѣжавъ четыре страницы письма, князь просіялъ. Лицо его было не только довольное и радостное, но вполнѣ счастливое.

„Боже, какъ виноватъ я!“ подумалъ онъ и чуть не воскликнулъ вслухъ.

И князь взялъ себя за голову, такъ какъ все въ головѣ путалось. Все, что было недавно, представлялось какимъ-то ужаснымъ сномъ, кошмаромъ.

Яхтомскій не вѣрилъ теперь, что все бывшее дѣйствительно было, дѣйствительно произошло.

Не даромъ нѣсколько дней назадъ захотѣлось ему прочесть „Отелло“. Не даромъ какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что и онъ въ томъ же положеніи, что и у него быть-можетъ есть въ домѣ коварный Яго, который играетъ имъ какъ мальчишкой.

По счастію, въ дѣйствительности все происходитъ не такъ, какъ на сценѣ. По счастію, Яго, какъ разъ во-время, попался самъ грубымъ образомъ. Онъ наказанъ судьбой за то, что клеветалъ на непорочную, чистую женщину.

Да, теперь князь почти вѣрилъ, что Тарасъ—воръ. Если онъ могъ быть злымъ и подлымъ клеветникомъ, то почему же не быть ему и воромъ.

— Но каковъ же негодяй! воскликнулъ Яхтомскій, перечитывая снова письмо жены.

— Кто это? простымъ голоскомъ спросилъ Тоня.

— Кто! Кто!.. Голубчикъ мой, старый Тарасъ негодяй... Неблагодарное животное!

— Неправда, папà! воскликнулъ Тоня и слезы показались на глазахъ его.

— Что ты! Богъ съ тобой! удивился князь.

И притянувъ къ себѣ мальчика, онъ посадилъ его на колѣни и сталъ ласкать.

— Это неправда, папà! Тарасъ не могъ украсть... Всѣ это говорятъ... Няня говоритъ. Всѣ люди теперь говорятъ. Ему подложили въ столъ мамины вещи.

— Полно, глупости! Да это и не твое дѣло! Попусту не плачь... Не стòитъ того. Ступай-ко лучше къ себѣ, займись чѣмъ-нибудь...

Все это произнесъ Яхтомскій какъ-то смущаясь. Будто лучъ свѣта хотѣлъ освѣтить ему все, что такъ темно и запутано; но онъ будто испугался этого луча, потому что лучъ этотъ грозилъ освѣтить все совсѣмъ не такъ, какъ желалось князю. И безъ того все теперь становилось ясно, но на особый ладъ. А этотъ лучъ свѣта будто хочетъ освѣтить все по-своему.

Князь поцѣловалъ сына и велѣлъ ему идти къ себѣ.

„Мало-ли что они болтаютъ и передали Тоничкѣ, мысленно рѣшилъ князь.—Вся дворня любила Тараса, и за него заступается. А если онъ не виноватъ, то кто же виноватъ? Виновнаго нѣтъ“.

И князь снова перечиталъ письмо. Юлія Павловна писала мужу, что она готова на все, готова тотчасъ же разъѣхаться съ нимъ, если онъ того желаетъ. Но теперь и сама она пришла къ убѣжденію, что не можетъ рѣшиться на все то, о чемъ передъ болѣзнью князя говорила ему. Все это легко на словахъ, на дѣлѣ она чувствуетъ, что не можетъ разстаться ни съ нимъ, ни съ Тоней.

Отступленіе готовъ съ тѣломъ короля Тейи послѣ битвы при Везувіи. Съ карт. Бэма, грав. Геданъ.

Зимняя ловля рыбы въ прорубяхъ (Костромск. губ.). Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **А. Писемскаго**, грав. Флюгель.

Если она рѣшилась на ужасный поступокъ, то въ виду холодности и пренебреженія князя къ ней. За послѣднее время она утѣшалась тѣмъ, что позволяла многимъ и многимъ ухаживать за собой. Какъ покинутая нравственно супруга, она имѣла на это право. Но до сихъ поръ она не можетъ примириться съ мыслью, что князь почти съ первыхъ лѣтъ ихъ женитьбы обманывалъ ее, обманываетъ и теперь. Если бы не это обстоятельство, то отношенія ихъ никогда бы не измѣнились, никогда дѣло не дошло бы до того, что̀ происходитъ теперь.

Княгиня кончала письмо увѣреніемъ, что несмотря на то, что мужъ былъ и есть первый нарушитель святости брака, она все-таки ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя.

Изъ этого письма князь понялъ то, что онъ виноватъ кругомъ, но мѣстѣ съ тѣмъ, однако, оно было для него настоящей загадкой.

Разумѣется, онъ тотчасъ же рѣшился на объясненіе. Онъ позвонилъ и приказалъ явившемуся человѣку—просить къ себѣ княгиню.

— Скажи, если княгиня не пожалуетъ ко мнѣ тотчасъ, то я черезъ силу отправлюсь на ея половину.

Черезъ пять минутъ лакей явился и доложилъ, что княгиня явится немедленно.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мгновеній княгиня, серьезная, холодная, съ лицомъ, на которомъ ясно читалось, насколько она возмущена и оскорблена, явилась въ спальню мужа. Она не подошла къ князю, сѣла на ближайшее кресло и вымолвила:

— Я васъ прошу не волноваться, такъ какъ это для васъ крайне вредно. Объяснимтесь спокойно и холодно! Да вамъ и нечего волноваться: васъ никто не оскорбляетъ.

— Юлія, прости меня! Вотъ что́ я долженъ сказать прежде всего.. Но объяснись, я ничего не понимаю,—твое письмо, съ первой строчки до послѣдней—загадка! Какая невѣрность съ моей стороны?.. Откуда ты это взяла? Что все это?.. Я ничего не понимаю.

— Дѣло очень простое, отозвалась княгиня, опуская глаза къ себѣ на руки, въ которыхъ былъ неизмѣнный кружевной платокъ. — Я могу только повторить все то же, хотя съ нѣкоторыми подробностями... Вскорѣ послѣ нашего брака, вы хотя и любили меня, но позволяли себѣ то, что̀ многіе мужчины позволяютъ себѣ. Я этого ничего не знала и узнала лишь недавно... Поймите, какъ это должно было подѣйствовать на меня! Я считала, что мы жили душа въ душу, что я для васъ единственная женщина на свѣтѣ.

— Да оно такъ всегда и было, Юлія! горячо вымолвилъ князь.

— Неправда! Вы и теперь лжете и надѣетесь обмануть меня. Теперь я знаю все до мелочей, и несмотря на то, что человѣкъ открывшій мнѣ глаза—сдѣлалъ это изъ любви ко мнѣ, я возненавидѣла его.

— Но кто же это? Вѣдь это клеветникъ, лгунъ! Тутъ нѣту слова правды.

— Этотъ человѣкъ только теперь, въ первый разъ въ жизни, сталъ сомнительнымъ человѣкомъ! отозвалась княгиня.—До сихъ поръ это былъ повидимому безупречный человѣкъ.

— Но кто же это?

— Неужели вы не догадываетесь?

— Нѣтъ.

— Разумѣется, Тарасъ.

— Тарасъ?! воскликнулъ князь, приподнялся въ креслѣ и снова опустился въ него.

Наступило молчаніе.

Наконецъ князь выговорилъ:

— Это почти невѣроятно!

— Почему же невѣроятно? холодно произнесла Юлія Павловна.—Тарасъ зналъ про васъ все, зналъ больше, конечно, чѣмъ я. Онъ относился къ намъ съ одинаковою любовью и однажды рѣшился разсказать мнѣ всю правду... И я узнала, что черезъ три года послѣ нашей свадьбы, когда я все еще обожала васъ, вы уже обманывали меня.

— Это ложь, ложь! закричалъ князь.—Вы ссылаетесь на человѣка сидящаго теперь въ острогѣ за воровство. Что-жь, этого слѣдовало ожидать, послѣ того, что я въ свой чередъ...

— Но у меня есть свидѣтель, перебила княгиня,—свидѣтельницей можетъ быть его родная дочь, въ присутствіи которой происходилъ какъ-то одинъ изъ нашихъ разговоровъ... Марья подтвердитъ вамъ, что я не лгу.

— Не тебя обвиняю я во лжи, Юлія... Этотъ негодяй лгалъ, клеветалъ... Но зачѣмъ? Клеветалъ на меня тебѣ, а мнѣ на тебя... Но со мной рѣшился онъ на эту роль клеветника только недавно. Отъ этого все и произошло, отъ этого я и заболѣлъ... Ахъ, негодяй! И какъ мы всѣ глупы!.. Надо быть глупѣе малыхъ дѣтей, чтобы нами могъ вертѣть первый попавшійся крѣпостной холопъ! Теперь только я все понимаю... Тотъ же Тарасъ недавно, вотъ въ этой комнатѣ, Богъ вѣсть что̀ наговорилъ мнѣ про тебя—и я повѣрилъ.

— Что́ вы хотите сказать?! испуганно, не только изумленно, вымолвила княгиня.

— Да, я повѣрилъ!.. Да и какъ было не вѣрить человѣку, который съ дѣтства при мнѣ, былъ почти моей няней, всегда якобы обожалъ меня... Войди въ мое положеніе: какъ же мнѣ было не вѣрить Тарасу?

— Я не знаю, что̀ онъ могъ наклеветать на меня, спокойно и тихо отозвалась княгиня, опуская глаза.—Знаю только, что я вполнѣ повѣрила тому, что онъ разсказалъ мнѣ про васъ. И убѣдившись, какъ вы безчеловѣчно поступили со мной, горячо заговорила она,—я стала искать утѣшенья въ свѣтской жизни, въ пустомъ блескѣ, въ суетѣ. И, par dépit amoureux, я позволяла ухаживать за собой, влюбляться въ себя всѣмъ, и молодымъ, и старикамъ. Все это нисколько не забавляло меня, но мнѣ казалось, что я этимъ какъ бы мстила, если не вамъ, то судьбѣ. И наконецъ, то же горькое чувство довело меня до того, что когда вы мнѣ объявили о разореніи, о необходимости ѣхать въ деревню, то я отвѣтила вамъ... вы знаете какъ: якобы собралась пожертвовать вами... Но развѣ это возможно?! Я лучше умру нежели рѣшусь на это! Я лгала, я была цинична... Но почему? Вы даже не догадались, что все это было опять-таки изъ ревности!

Князь поднялся со своего кресла, двинулся къ женѣ и упалъ предъ ней на колѣни.

— Юлія, прости меня! воскликнулъ онъ; рыданія душили его.

XXIX.

Былъ уже мартъ мѣсяцъ, холодный и морозный. Однажды поздно вечеромъ, когда въ домѣ коллегіума уже потухли огни во всѣхъ горницахъ, къ подъѣзду приблизился высокаго роста человѣкъ и вошелъ въ швейцарскую. Не найдя въ ней никого, онъ окликнулъ. Изъ маленькой дверки выглянулъ полураздѣтый швейцаръ, извинился, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мгновеній, появился въ сюртукѣ.

— Я желаю видѣть отца-ректора, заявилъ прибывшій.

— Это невозможно, господинъ... Въ этакую пору отецъ Гавріилъ уже, вѣроятно, почивать легъ.

— А ты, голубчикъ, приглядись ко мнѣ, да вспомни, кто я такой... Приглядись!

Швейцаръ исполнилъ совѣтъ и ахнулъ.

— Извините!.. Да что же это вы?

— Бороду, голубчикъ, отпустилъ.

— И то правда! Совсѣмъ не призналъ... Какъ же, какъ же... васъ указано пускать всегда, хотя бы даже на зарѣ. Извините, сейчасъ самъ сбѣгаю.

Гость снялъ шубу и шапку. Это былъ высокій и плотный человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, съ сѣдыми усами и сѣдой бородой, слѣдовательно, купецъ или иностранецъ, такъ какъ всѣ люди порядочнаго общества брились. И только за послѣднее время кое-кто и даже нѣкоторые сановники, подражая наслѣднику престола, дозволяли себѣ маленькіе узенькіе бакенбарды до половины щеки и коротко подстриженные.

Несмотря на то, что отецъ Груберъ, дѣйствительно, уже окончивъ вечернюю молитву, собирался ложиться спать, онъ велѣлъ принять гостя. Іезуитъ встрепенулся и оживился, когда швейцаръ доложилъ ему, что пріѣхалъ господинъ Ивановъ.

— Который? спросилъ Груберъ.

— А тотъ большущій, коего приказано всегда пускать.

Гость явился тотчасъ же, и принятый ректоромъ въ кабинетѣ, тихо и таинственно сказалъ ему нѣсколько словъ. Груберъ пристально приглядѣлся къ его лицу и перевелъ его въ другую комнату, крошечную, сажени въ полторы, въ самомъ углу зданія. Онъ затворилъ за собой дверь большаго кабинета, а затѣмъ притворилъ и дверь маленькой комнаты.

Гость сдѣлалъ нѣкоторое вступленіе насчетъ дѣла, по которому явился, и затѣмъ въ короткихъ словахъ объяснилъ это дѣло. Онъ привезъ отцу Гавріилу новость. Іезуитъ перемѣнился въ лицѣ, сильно поблѣднѣлъ, потомъ оправился и черезъ нѣсколько минутъ выговорилъ:

— Да правда-ли это?.. Вѣрно-ли это?

— Клянусь вамъ Всемогущимъ Богомъ!.. Наконецъ, въ вашемъ положеніи вамъ нечего опасаться... Предположите, что я—сумасшедшій, враль и болтунъ. Если все окажется вздоромъ, свалите все на меня,—пускай меня ссылаютъ или сажаютъ въ крѣпость... А если это правда, то поймите какую услугу я хочу оказать вамъ!

Груберъ поднялся съ мѣста съ такой быстротой, какой никогда не бывало въ немъ. Онъ, всю свою жизнь тихо двигавшійся, бросился къ гостю какъ мальчишка, обнялъ его, расцѣловалъ и, совершенно какъ потерянный, сѣлъ на свое мѣсто. Лицо его было все еще блѣдно, руки дрожали. Онъ хотѣлъ говорить и не находилъ словъ.

— Да, да... Не знаю... нѣтъ! забормоталъ онъ.—Не знаю что сказать... Если такъ, то вы нашъ благодѣтель... Благодѣтель всей римской церкви, благодѣтель всего міра, благодѣтель земнаго шара!

Побесѣдовавъ еще нѣсколько мгновеній, гость поднялся и простился съ іезуитомъ. Выходя въ дверь, онъ вдругъ обернулся и вымолвилъ:

— Вотъ что, отецъ Гавріилъ, если все будетъ слава Богу, то черезъ нѣсколько дней я опять заѣду къ вамъ и скажу вамъ, какъ меня, господина Иванова, звать... какая моя настоящая фамилія.

Груберъ дернулъ головой и вытаращилъ глаза на гостя.

— Да, да, не удивляйтесь, а главное не опасайтесь. Моя фамилія не Ивановъ... Да не все-ли это вамъ равно? Слава Богу, вы меня давно знаете... Вотъ если все благополучно окончится, то вы и узнаете мое истинное званіе и именованіе.

Гость вышелъ. Груберъ проводилъ его до гостиной. Молодой аббатъ проводилъ гостя далѣе, до швейцарской.

Груберъ вернулся въ свою спальню, сѣлъ на кресло, просидѣлъ нѣсколько мгновеній, но снова взволновавшись, началъ ходить по горницѣ взадъ и впередъ. Нѣсколько разъ садился онъ и тотчасъ же опять вставалъ. Кончилось тѣмъ, что онъ бился какъ левъ въ клѣткѣ, или вѣрнѣе, по сходству, какъ маленькая гіена.

Гость, подъ вымышленнымъ именемъ, котораго онъ зналъ, однако, подъ этимъ именемъ уже лѣтъ пять и имѣлъ основаніе любить и уважать, привезъ ему теперь такую вѣсть, отъ которой всякій могъ сойти съ ума.

И крѣпкій разумомъ и сердцемъ, іезуитъ потерялся какъ школьникъ. Только часа черезъ два могъ Гавріилъ лечь въ постель. Но напролетъ всю ночь не спалось ему какъ всегда. Онъ метался и бредилъ.

XXX.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Груберъ уже поднялся и снова до полудня волновался всячески. Въ двѣнадцать часовъ у подъѣзда коллегіума появилась его карета, и ректоръ, садясь въ нее, приказалъ лакею подсаживавшему его, ѣхать въ зàмокъ, близь Лѣтняго сада.

Черезъ нѣсколько минутъ карета подкатила къ зàмку. Фигура іезуита была хорошо знакома всѣмъ, отъ главныхъ лицъ, приближенныхъ къ государю, до послѣдняго камеръ-лакея. Немногіе лишь косились на малорослую и гаденькую фигурку; большинство любезно спѣшило навстрѣчу, пожать руку этому маленькому человѣчку, для многихъ остававшемуся загадкой.

Когда іезуитъ вступилъ въ пріемную, гдѣ обыкновенно дожидались всѣ своей очереди, онъ, къ своему удивленію, нашелъ только трехъ совершенно незнакомыхъ ему генераловъ и одного сановника въ гражданскомъ мундирѣ.

Іезуитъ сѣлъ въ углу на стулѣ и, казалось, волненіе и тревога снова овладѣли имъ, какъ вчера вечеромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ дверей кабинета государя показался, хорошо знакомый Груберу, графъ Паленъ. Пригласивъ одного изъ генераловъ войти къ государю, Паленъ заговорилъ съ другимъ, стоя спиной къ іезуиту и не видя его.

Груберъ поднялся и тихо подошелъ сзади. Графъ Паленъ, будто почувствовавъ кого-то за спиной, обернулся, увидѣлъ іезуита и сразу слегка перемѣнился въ лицѣ. Ненависть-ли это была къ іезуиту, или иное что—никто бы рѣшить не могъ.

— Прошу васъ, ваше сіятельство, доложить его императорскому величеству обо мнѣ.

Паленъ хотѣлъ отвѣтить, но какъ-то поперхнулся, слегка будто смутился и наконецъ проговорилъ:

— Не знаю, право, не знаю... Государь очень занятъ.

Груберъ пристально взглянулъ на сановника, и лицо его, которымъ привыкъ онъ владѣть, какъ самымъ послушнымъ орудіемъ, противъ его воли выразило изумленіе. Онъ не узнавалъ этого графа Палена. Съ нимъ что-то творилось.

„Ergo veritas!“ подумалъ про себя іезуитъ.

— Какъ будетъ угодно его величеству, но я буду просить ваше сіятельство доложить обо мнѣ.

— Конечно, конечно!..

И Паленъ, забывъ что не кончилъ бесѣды съ генераломъ, быстро скрылся въ дверяхъ кабинета государя.

Отецъ Гавріилъ сѣлъ на первое попавшееся кресло и невольно, несмотря на присутствіе чужихъ людей, взялъ себя за голову. Все путалось и кружилось, ходуномъ ходило вокругъ него.

„Если не примутъ? Если этотъ графъ что-нибудь подстроитъ?!.. Вѣдь онъ, увидя меня, перемѣнился въ лицѣ, взволновался пуще, чѣмъ я взволнованъ. Ergo veritas! Да, но тогда я силой пройду въ эту дверь... Да, силой! Qui ne risque rien, ne gagne rien!“

И въ своемъ волненіи, Груберъ началъ разговаривать самъ съ собой: то по-латыни, то по-польски, то по-французски, и наконецъ вымолвилъ чуть не вслухъ какую-то турецкую пословицу, гласившую: „бойся не палача, а преступленія“.

Прошло съ полчаса. Паленъ уже разъ вышелъ, пригласилъ другаго генерала къ государю, но косо глянулъ на іезуита и снова скрылся. Затѣмъ онъ снова вышелъ и уже прямо подошелъ къ Груберу.

— Государь императоръ не можетъ васъ принять сегодня и указалъ назначить вамъ пріѣхать дня черезъ два, три...

— Ваше сіятельство, настойчиво проговорилъ Груберъ,—прошу васъ доложить его императорскому величеству, что я настоятельно прошу принять меня сегодня. Дѣло мое крайне спѣшное и важное, касающееся Полоцкаго коллегіума. Я умоляю его величество принять меня сегодня.

— Это невозможно, рѣзко выговорилъ Паленъ,—и я не дерзну доложить это государю. Вдобавокъ, государь сегодня раздраженъ разными мелочами, и вы напрасно настаиваете видѣть его.

— Я прошу васъ, графъ. Я не могу отложить. Я не уйду отсюда. Я не могу повѣрить, что государь не приметъ меня, въ виду его благосклонности всегдашней ко мнѣ и къ нашимъ богоугоднымъ дѣламъ... Я не могу, воля ваша... Не могу уйти отсюда!

Отецъ Гавріилъ, говоря эти слова, настолько волновался, что Паленъ, зорко приглядѣвшись къ нему, еще замѣтнѣе перемѣнился въ лицѣ.

Можно было подумать, что эти два человѣка—два борца. Они будто борются изъ-за чего-то невидимаго никому, но имъ хорошо извѣстнаго.

Графъ ни слова не вымолвилъ и прошелъ снова въ кабинетъ государя.

„Одно спасеніе!“ думалъ онъ.

Оставшись наединѣ съ государемъ, Паленъ доложилъ о нѣсколькихъ петербургскихъ мелочахъ. Но онъ зналъ, какое вліяніе его докладъ будетъ имѣть на императора.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ пріемной слышенъ былъ голосъ императора, до-нельзя разгнѣваннаго и кричавшаго на Палена. И въ тотъ самый моментъ, когда государь, съ вспыхнувшимъ отъ гнѣва лицомъ, швырнулъ на столъ книжку, которая была въ его рукахъ, Паленъ выговорилъ:

— Ваше величество, тамъ еще два лица дожидаются: сенаторъ Ефимовъ и іезуитъ Груберъ. Вы этого лису-казнодѣя должны, ваше величество, непремѣнно принять. Онъ этого требуетъ и даже заявилъ, что не уйдетъ. Хоть силой пройдетъ въ дверь. Должно быть очень важное дѣло по іезуитскому коллегіуму.

— Что?! вскрикнулъ государь.—Прогони вонъ! Скажи: надоѣлъ онъ мнѣ. И его папа надоѣлъ...

Паленъ быстро вышелъ изъ кабинета и, уже прямо подойдя къ Груберу, произнесъ совершенно инымъ голосомъ:

— Государь указалъ просить васъ удалиться и не настаивать. Вы, вѣроятно, даже слыша́ли сами, насколько его величество разгнѣвался. Я изъ-за васъ навлекъ на себя гнѣвъ государя.

Паленъ повернулся на каблукахъ и отошелъ къ сенатору. Груберъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, снова забывая что онъ не одинъ, у себя въ кабинетѣ, взялъ себя за голову.

— Но это ужасно! выговорилъ онъ вслухъ.

Паленъ прислушивался и косо приглядывался, но продолжалъ говорить съ сенаторомъ, какъ бы не замѣчая іезуита.

Груберъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ къ дверямъ и остановился, какъ бы колеблясь. Казалось, что онъ борется, въ какую дверь двинуться: въ эту ли, налѣво, чтобы сѣсть въ карету и уѣхать, или въ эту, направо, чтобы броситься къ ногамъ императора и сказать свое дѣло...

И отецъ Гавріилъ, будто невольно, будто толкаемый невидимой рукой, сдѣлалъ два шага къ правымъ дверямъ. Но графъ Паленъ, на-сторожѣ, шагнулъ тоже и очутился между дверьми и іезуитомъ.

— Господинъ ректоръ, выговорилъ онъ ледянымъ голосомъ и закинувъ голову назадъ,—я долженъ напомнить вамъ, что вы...

Паленъ запнулся и прибавилъ:

— Вы забываете будто, гдѣ вы, къ кому вы ломитесь силой.

— Это ужасно! выговорилъ Груберъ, какъ бы себѣ самому, не глядя на Палена.—Если бы государь зналъ... Если бы я могъ... Это ужасно!

— Извольте идти!

— Но...

— Извольте уходить! выговорилъ Паленъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ.—Я не пропущу васъ! Вы доведете меня до насилія. Пожалуйте!

И какъ бы загораживая двери, высокая и плотная фигура Палена надвинулась на крошечную фигурку іезуита. Груберъ попятился. Паленъ наступалъ. Іезуитъ снова раскрылъ ротъ, чтобы сказать что-то, но Паленъ все надвигался и уже шепталъ почти съ угрозой:

— Прошу васъ! Прошу васъ!..

Казалось, еще мгновеніе, и онъ схватитъ за воротъ эту тщедушную фигурку, эту ящерицу, или змѣйку, обернувшуюся человѣкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ іезуитъ былъ снова въ своей каретѣ, ѣхалъ обратно въ коллегіумъ, но сидѣлъ закрывъ лицо руками и качая головой, какъ если бы чувствовалъ сильнѣйшія боли въ тѣлѣ. Іезуитъ былъ настолько сраженъ, настолько потерялся, что не сознавалъ ничего окружающаго...

XXXI.

На утро весь Петербургъ былъ на ногахъ. Повсюду бѣгала стоустая молва, разнося многозначительную вѣсть: императоръ Павелъ Петровичъ скончался за ночь. Въ полдень уже началась повсюду присяга вновь вступающему на престолъ императору Александру Павловичу.

И до отца Гавріила достигла эта вѣсть. Выслушавъ ее, онъ, пошатываясь, дошелъ до своей спальни, опустился на колѣни предъ Распятіемъ и, поднявъ вверхъ судорожно сложенныя руки, выговорилъ, почти выкрикнулъ:

— Боже! Боже! Не захотѣлъ Ты возвеличить меня!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вступленіе на престолъ императора Александра Павловича праздновалось во всей Россіи, изъ края въ край, восторженно, радостно...

Это событіе можно было сравнить только съ однимъ, таковымъ же, ему предшествовавшимъ болѣе полувѣка назадъ. Только при воцареніи „Дщери Петровой“, при которой ждали избавленія отъ „Нѣмца“, произошло на Руси то же повсемѣстное и всенародное ликованіе.

Тысячи людей, погубленныхъ тогда Бирономъ, безвинно осужденныхъ и сосланныхъ, ожили и увѣровали въ свое освобожденіе и возвратъ къ домашнему очагу, въ семью, въ родню... Теперь было то же.

На улицахъ Петербурга происходило нѣчто, что̀ бываетъ лишь на Пасхѣ. Встрѣчные обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ новымъ императоромъ.

На первыхъ порахъ смутило многихъ лишь одно обстоятельство. Проявился или народился вдругъ какъ бы новый временщикъ, вдобавокъ изъ нѣмцевъ—графъ Паленъ... Гордый, надменный, прихотливо самовластный, вдругъ „возмнившій о себѣ“ балтіецъ, казалось, собирался захватить въ свои руки, безраздѣльно, бразды правленія.

Петербургъ смутился, а за нимъ и вся Россія. Никто не зналъ, что балтіецъ быстро сталъ въ тягость молодому, человѣчному и кроткому императору.

И къ общей радости, вскорѣ же, благодаря вмѣшательству петербургскаго митрополита, любимаго народонаселеніемъ столицы, — графъ Паленъ, устрашенный враждебнымъ отношеніемъ къ нему петербуржцевъ, подалъ въ отставку и удалился въ свое балтійское имѣніе.

Кореецъ-торговецъ. Ориг. рис. (собст. „Нивы") М. Вольскаго, грав. Рашевскій.

Началось славное, четверть-вѣковое царствованіе, кротко-правосудное внутри и побѣдно-громкое извнѣ.

Давно-ли, всего пять лѣтъ назадъ, была еще на престолѣ Великая Екатерина, состарѣвшаяся, суровая, подозрительная, а теперь, съ новымъ вѣкомъ и новымъ царствованіемъ, повѣяло новымъ духомъ.

Наступила весна.

Уже прошло около мѣсяца послѣ домашней бури ссоры и примиренія — и жизнь въ домѣ Яхтомскихъ какъ бы вошла въ прежнюю колею. Все пошло постарому. Князь вполнѣ оправился отъ болѣзни, но будучи, однако, нѣсколько слабъ, не выѣзжалъ изъ дому. Онъ казался спокоенъ и счастливъ. Катастрофа, потеря всего состоянія, уже представлялись ему совершенно въ другомъ видѣ.

Послѣ перваго нравственнаго удара отъ извѣстія, что банкиръ Мозеръ, скупивъ главные векселя, намѣренъ немедленно представить ихъ ко взысканію, надъ княземъ разразился другой, настолько сильнѣйшій ударъ, что первый показался ничтожнымъ.

Князь столько выстрадалъ отъ того, что̀ повѣдалъ ему Тарасъ, и настолько былъ счастливъ теперь, когда все это оказалось чудовищною клеветой, что предстоящій имущественный разгромъ представлялся пустяками.

„Вѣдь она согласна теперь ѣхать въ Яхтомку, думалось князю,—стало-быть, собственно, никакой бѣды нѣту. Мы заживемъ мирно и счастливо въ деревенской тиши".

И дѣйствительно, минутами Яхтомскій бывалъ почти счастливъ при мысли о своемъ разореніи. Онъ не любилъ Петербурга, даже ненавидѣлъ шумную столичную жизнь, и мысль поселиться въ глуши, въ старинной родовой усадьбѣ, вмѣстѣ съ обожаемой женой и обожаемымъ сыномъ была исполненіемъ его давнишнихъ мечтаній.

Едва только оправившись, князь досталъ себѣ извѣстнаго въ столицѣ стряпчаго и совѣщался съ нимъ ежедневно, соображая, какъ спасти свое небольшое родовое имѣніе. Стряпчій—мастеръ своего дѣла—привелъ въ порядокъ и выяснилъ всѣ дѣла, взялся за все и вскорѣ же совершенно успокоилъ Яхтомскаго.

При продажѣ всего для уплаты долговъ можно было спасти имѣніе при помощи маленькой хитрости и маленькаго подлога. Надо было заднимъ числомъ устроить такъ, чтобы Яхтомка оказалась заложенною, но, конечно, въ вѣрныхъ рукахъ, въ силу фиктивныхъ сдѣлокъ.

Вѣрный человѣкъ нашелся, и князь спокойно ожидалъ роковаго дня. О скандалѣ въ городѣ и въ обществѣ онъ не помышлялъ. Вопли его знакомыхъ и всяческій великосвѣтскій шумъ были для него совершенно безразличны.

Въ тѣ же дни Юлія Павловна казалась тоже совершенно довольною и спокойною. Она начала все менѣе выѣзжать и все менѣе приглашать къ себѣ. Только самые близкіе люди, человѣкъ пять-шесть, бывали у нея, и въ томъ числѣ, конечно, чаще всѣхъ князь Вахтенштейнъ.

Каждый разъ, что княгиня днемъ или ввечеру бывала одна, она немедленно отправлялась къ мужу и просиживала съ нимъ иногда по два часа, бесѣдуя объ ихъ будущей жизни въ деревнѣ. Казалось, что отношенія супруговъ никогда не бывали настолько близки и дружественны, какъ теперь послѣ прошедшей надъ ними грозы.

Князь былъ даже пораженъ перемѣной, происшедшею въ женѣ. Почти никогда не бывала она настолько ласкова и мила съ нимъ. Нѣсколько разъ за это время Юлія Павловна на всѣ лады говорила мужу:

— Я какъ будто очнулась отъ чада, въ которомъ жила. Я какъ будто проснулась отъ какого-то безпокойнаго сна и кошмара. Я только теперь будто прозрѣла.

Игра княгини была искусная, тонкая, мастерская. Человѣкъ, менѣе наивный и менѣе честный, чѣмъ князь, попался бы точно такъ же въ разставленныя сѣти. Самый недовѣрчивый супругъ—и тотъ обманулся бы теперь и былъ бы проведенъ этой игрой поистинѣ даровитой актрисы.

Одновременно Юлія Павловна играла и съ другимъ человѣкомъ: ему точно такъ же были разставлены сѣти, въ которыя онъ точно такъ же запутывался. Этотъ другой былъ князь Вахтенштейнъ.

Несмотря на просьбы Салмоновича спѣшить, княгиня въ теченіе почти двухъ недѣль ни словомъ не обмолвилась съ Вахтенштейномъ о главномъ. Она была занята исключительно однимъ: скорѣй за это время влюбить въ себя „желтаго нѣмца", какъ называлъ князя Салмоновичъ. Влюбить кого-либо въ себя было для княгини дѣломъ привычнымъ, совершенно легкимъ. Еще ни разу въ этомъ дѣлѣ не потерпѣла она фіаско. И старики, и молодые люди, серьезные и легкомысленные одинаково попадались на удочку мастерскаго кокетства.

Теперь же княгиня смущалась и не надѣялась вполнѣ на свои силы. Причина была простая. То, что̀ приходилось дѣлать, случалось въ первый разъ въ жизни.

Князь Вахтенштейнъ, какъ хладнокровный нѣмецъ, и какъ безпечный свѣтскій человѣкъ, и какъ прежній профессіональный Донъ-Жуанъ, и, наконецъ, какъ истинный дипломатъ и честолюбецъ, былъ субъектомъ, съ которымъ было мудрено произвести ту операцію, на которую пошла теперь княгиня.

Пожилой человѣкъ, много видавшій на своемъ вѣку, капризный и прихотливый, относившійся ко всему на свѣтѣ разсудительно и безсердечно, былъ, конечно, уязвимъ, но, къ ужасу княгини, быстро оправлялся отъ получаемыхъ ударовъ.

Иногда далеко за полночь онъ уѣзжалъ послѣ вечера, проведеннаго съ княгиней, безумно влюбленный въ нее, „ошалѣлый", какъ опредѣлялъ Салмоновичъ, украдкой глядя на него черезъ слегка притворенную дверь будуара. И на другой день княгиня встрѣчала снова безукоризненно-движущагося и разсуждающаго дипломата, которому она „очень нравится", но и только. О вчерашней страсти нѣтъ и помину.

Даже Салмоновичъ приходилъ иногда въ отчаяніе.

— Да вѣдь это туркина голова! восклицалъ онъ и злобно, и тревожно.

— Какая туркина голова? удивилась княгиня.

— Да это такая машинка, что-ли, на которой силу пробуютъ. Кулакомъ бьютъ по головѣ, машинка мѣтитъ цифры, но опять отскакиваетъ назадъ. Вѣдь онъ вчера показывалъ пятидесятый нумеръ влюбленности въ тебя, стало-быть, сила удара была большущая. А сегодня опять чуть не на нулѣ.

А между тѣмъ задача княгини была вся въ томъ, чтобы за малое время, за недѣлю, много за двѣ, заставить „желтаго нѣмца" потерять голову и тогда уже приказывать и повелѣвать имъ. А приказывать приходилось собственно то, чѣмъ онъ самъ еще недавно угрожалъ и на что̀, пожалуй, не согласится теперь, потому что въ концѣ концовъ результатъ долженъ оказаться совершенно иной, чѣмъ онъ мечталъ. Разореніе князя должно повести къ совершенно иной цѣли, чѣмъ желалъ и предполагалъ нѣмецъ.

Покуда князь Яхтомскій, спокойный, чуть не счастливый, ожидалъ разгрома, а княгиня, совершенно довольная, стремилась добиться этого разгрома, аббатъ часто видался съ іезуитомъ Рафаиломъ, и оба вмѣстѣ они тоже готовились.

II.

Только одно существо въ домѣ Яхтомскихъ страдало и изнывало тайкомъ ото всѣхъ, за исключеніемъ одного близкаго человѣка. Этимъ существомъ—былъ Тоня.

Мальчикъ самъ прежде не зналъ, насколько любилъ своего Тараса, насколько старикъ былъ нуженъ ему. Врядъ-ли Тоня былъ бы несчастливѣй, если бы потерялъ теперь роднаго отца. О матери, конечно, и говорить нечего. Мать, казалось, существовала для него на свѣтѣ только затѣмъ, чтобы поутру, тщательно осмотрѣвъ свой костюмъ въ зеркало, идти поцѣловать у ней руку, а затѣмъ вернуться въ свои комнаты и не видѣть ее до обѣда, иногда и до вечера. Вечеромъ повторялось то же прохожденіе по всѣмъ комнатамъ, чтобы поцѣловать руку и проститься передъ сномъ. Но это бывало не всякій день, а только тогда, когда не было чужихъ, а были только свои, т. е. близкіе люди. Каждый разъ, что бывалъ вечеръ и много гостей, Тоня ложился спать не видавъ матери, но за то ожидалъ отца къ себѣ въ дѣтскую.

Яхтомскій какъ будто далъ себѣ слово, въ тѣ дни, когда сынъ не можетъ проститься съ матерью, приходить взглянуть на него и поцѣловать уже въ постели. Тоня любилъ расцѣловаться съ отцомъ предъ тѣмъ, что засыпать. Но это было не главное. И именно теперь оказалось, что это было не главное въ его жизни. Главнымъ оказалось—присутствіе въ дѣтскихъ горницахъ Тараса.

Тарасъ, по обыкновенію, раза по три и четыре являлся къ Тонѣ и непремѣнно, что̀ бы ни было, что̀ бы ни помѣшало, приходилъ вечеромъ проститься со своимъ князькомъ и кое-что разсказать, кое-что объяснить, кое-что посовѣтовать.

И вотъ эта фигура старика-лакея, сидящая на стулѣ около постели Тони и освѣщенная тусклымъ огнемъ свѣчки, въ тѣ минуты, когда очи его смежалъ сонъ, была не привычкой, а чѣмъ-то бо̀льшимъ, необходимымъ, какъ тотъ же сонъ или пища.

Когда Тоня ложился теперь въ постель, даже при желаніи спать, отсутствіе этой фигуры старика около постели разгоняло сонъ, волновало мальчика, и почти всякій день доводило до тайныхъ слезъ въ подушку. И онъ засыпалъ часомъ и двумя позднѣе, до-сыта наплакавшись по Тарасѣ.

И за послѣднее время мальчикъ сильно измѣнился, похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Взглядъ его добрыхъ, свѣтлыхъ глазъ, всегда бойкихъ и веселыхъ, сталъ тусклымъ, горько-задумчивымъ.

Марѳа Яковлевна, конечно, знала и видѣла все, но помочь было невозможно. Она утѣшала Тоню какъ умѣла, даже доходила до сознательной лжи и всяческаго обмана. Она иногда увѣряла мальчика, что все дѣло кончится ничѣмъ, что Тараса освободятъ изъ острога, оправдаютъ въ воровствѣ и что онъ снова явится въ домъ. Но Тоня, конечно, понималъ, что все это говорится ради утѣшенія и все ложь. Онъ зналъ, что Тарасъ пойдетъ въ Сибирь и что онъ, конечно, его никогда болѣе не увидитъ. „И вдобавокъ—за что?“ вѣчно думалось мальчику.

— Да, няня, скажи, за что! восклицалъ часто Тоня.— За то, чего никогда не дѣлалъ! Коли Тарасъ укралъ брильянты у мамы, то стало-быть и мы съ тобой можемъ въ воры попасть.

Такимъ образомъ день и ночь Тони проходили исключительно въ мысляхъ о старикѣ-лакеѣ. Днемъ мальчикъ безъ конца разговаривалъ съ няней о томъ, что̀ и какъ Тарасъ, въ какой горницѣ онъ сидитъ, чѣмъ его кормятъ, надѣли-ли на него кандалы, надѣли-ли острожное платье, горюетъ-ли онъ или спокоенъ.

Вечеромъ, передъ тѣмъ, чтобъ заснуть, Тоня мучился еще болѣе. А во снѣ, чуть не каждую ночь, видѣлся съ Тарасомъ то въ домѣ, то на улицѣ, то при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ.

Однажды вмѣстѣ съ Тарасомъ Тоня ѣхалъ верхомъ по какимъ-то горамъ на одной лошади. И они шибко, шибко летѣли внизъ, стремглавъ, будто не скакали, а просто падали въ какую-то пропасть. И вдругъ они очутились среди поля, горы пропали, а они сѣли на лужокъ и стали вынимать изъ корзинокъ грибы и шутя спорили у кого больше бѣлыхъ.

Марѳа Яковлевна объяснила этотъ сонъ какъ очень хорошій, доказывающій, что всѣ бѣды минуютъ. По горамъ летать и ѣздить—заботы и бѣды. Ѣхать въ гору куда не хорошо, а спускаться отлично.

— Коли вы спустились, стало-быть вся бѣда и минуетъ.

Такъ прошло много времени. Марѳа Яковлевна ежедневно ожидала, что „ребенокъ“ — какъ мысленно называла она Тоню — успокоится, забудетъ про Тараса болѣе или менѣе, и что все наладится. А между тѣмъ ихъ личная жизнь въ дѣтской шла все хуже.

(Продолженіе будетъ).

Оторванная отъ семьи.

Разсказъ **Германа Гейберга**.

Карлъ Биллингъ былъ немногимъ старше своей жены. Въ прошломъ году ему стукнуло ровно пятьдесятъ, а недѣлю тому назадъ былъ окончательно готовъ его новый домъ.

Но спокойная семейная жизнь не манила его: онъ еще чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для дѣятельности, несмотря на то, что всю жизнь работалъ безъ устали. Ему пришлось зарабатывать себѣ хлѣбъ уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста. У отца его было восемь человѣкъ дѣтей, и хотя онъ былъ зажиточный человѣкъ и содержалъ столярное заведеніе—но не могъ прокормить такую большую семью.

Всю жизнь Карлу Биллингу пришлось думать о другихъ. Въ его памяти неизгладимо сохранились слова матери: „Рука дающаго не оскудѣетъ“. Когда онъ спросилъ ее о значеніи этихъ словъ, она на другой день подарила ему книгу, на заголовкѣ которой стояло: „Благодѣяніе щедро вознаграждается“, и этимъ отвѣтила на его вопросъ. Онъ помнилъ также любимую поговорку своего отца: „Кто въ 20 лѣтъ не уменъ, въ 40 ни на что не способенъ, а въ 50 не богатъ—тому не для чего было родиться“.

Итакъ, къ пятидесяти годамъ человѣкъ долженъ обезпечить себя. Карлъ Биллингъ помнилъ это, работалъ — и не напрасно.

Сначала простой каменщикъ, затѣмъ подрядчикъ и, наконецъ, строитель-капиталистъ—вотъ какъ сложилась матеріальная его жизнь.

Въ одно изъ воскресеній Карлъ Биллингъ гулялъ со своею женою по тѣнистымъ аллеямъ обширнаго сада, примыкавшаго къ его загородному дому, и съ довольнымъ видомъ осматривалъ свое владѣніе.

— Завтра мы увидимъ Лизу, Анна! обратился онъ къ женѣ.— Вчера я получилъ письмо отъ ея отца. Онъ пишетъ, что если дѣвочка такъ же понравится намъ, какъ и въ прошлый разъ, то мы можемъ взять ее къ себѣ.

Онъ не вынулъ и не показалъ ей письма, боясь опечалить ее.

Ея сестра, Катрина Мѳль, была замужемъ за бѣднымъ труженикомъ, который держалъ постоялый дворъ въ окрестностяхъ города. Мѣсто было не бойкое и доходъ столь ничтожный, что они находились въ крайней нуждѣ.

Единственную отраду бѣдной женщины составляли трое дѣтей ея — Лиза, Эмма и Петеръ. Мужъ ея былъ человѣкъ не злой, но крайне суровый и придирчивый, какъ всякій надломленный въ житейской борьбѣ.

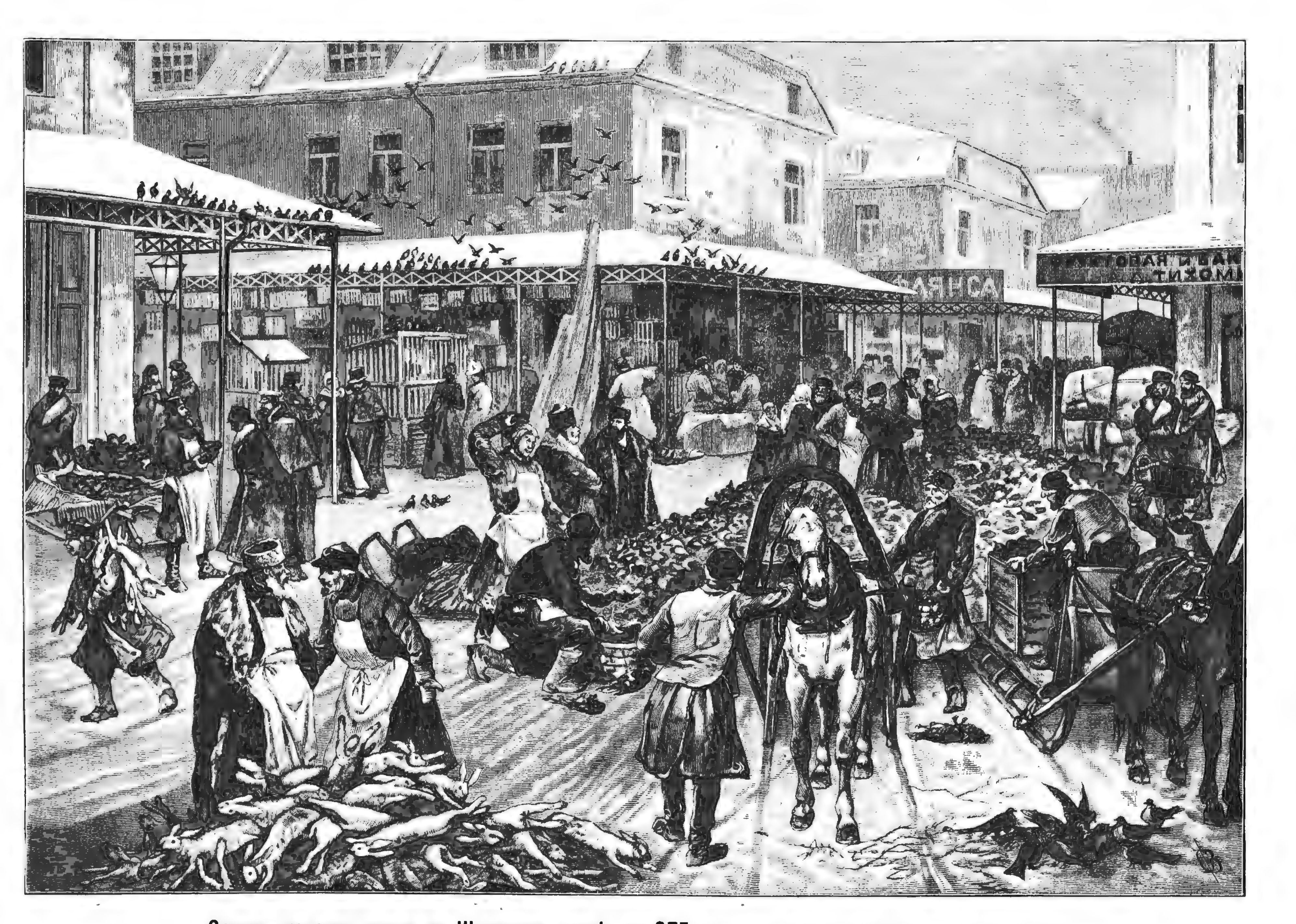
По цѣлымъ мѣсяцамъ она не слыхала отъ него ласковаго слова, онъ и вообще рѣдко съ кѣмъ говорилъ. Жена Биллинга помогала имъ, чѣмъ только могла, а въ послѣдніе годы, когда мужъ ея мало-по-малу разбогатѣлъ, матеріальная помощь со стороны ихъ усилилась. Биллинги были бездѣтны и предложили Петеру Мѳлю взять его старшую дочку Лизу, обѣщая за это крупную сумму.

Петеръ Мѳль едва могъ уговорить свою жену отдать Лизу Биллингамъ. Онъ убѣждалъ ее, что дѣвочка будетъ обезпечена и счастлива и что они всегда могутъ видѣться съ нею, когда захотятъ. Результатомъ этихъ убѣжденій было письмо, посланное имъ Биллингу.

Между тѣмъ Биллинги только и мечтали о томъ, чтобы принять въ свой домъ понравившуюся имъ дѣвочку.

На слѣдующее утро они отправились къ Мѳлямъ. Отъ города почти вплоть до деревни, гдѣ жили послѣдніе, шла машина. Оставалось только нѣсколько верстъ, которыя надо было проѣхать на лошадяхъ.

Стоялъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ дней, которые только и бываютъ въ концѣ лѣта.

Зимняя торговля дичью на Щукиномъ дворѣ, въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") г. Броллинга, грав. Пуцъ.

Городъ Новый-Орлеанъ съ рѣки Миссисипи. Рис. Джонсъ, грав. Рау.

Голубое, безоблачное небо казалось выше и прозрачнѣе, горизонтъ — безграничнымъ, а птицы — застывшими въ скованномъ воздухѣ, откуда звонкія пѣсни ихъ доносились до очарованной земли.

Нанявъ на станціи парную коляску, Биллинги покатили сначала по широкому шоссе мимо зеленыхъ луговъ и желтѣющихъ пашенъ, а затѣмъ по голой степной мѣстности.

Въ этотъ чудный денекъ степь являлась во всей своей прелести. Выжженная солнцемъ, бурая трава была похожа на темное золото, надъ нею жужжали цѣлые рои пчелъ, въ воздухѣ тамъ и сямъ мелькали миріады разноцвѣтныхъ насѣкомыхъ. Болотистыя мѣста и лужи, образовавшіяся послѣ недавнихъ дождей, сверкали то серебромъ, то золотомъ въ яркомъ дневномъ освѣщеніи; около нихъ картинно вырисовывались кучи бѣлыхъ овецъ, щипавшихъ траву.

Въ воздухѣ носился пахучій ароматъ степныхъ травъ; задорно-веселое щебетаніе птицъ не умолкало.

Наконецъ вдали показался и постоялый дворъ Мёля, который вмѣстѣ съ двумя сосѣдними мызами оживлялъ широкую степь. То были единственныя жилыя постройки во всей окрестности. Постоялый дворъ присосѣдился къ самой дорогѣ. Изрѣдка завертывали сюда проѣзжіе извозчики, торговцы, почтальоны и прочій бродячій людъ, съ котораго бываетъ мало дохода хозяевамъ.

Мёль былъ худой, загорѣлый мужчина съ цѣлою шапкою черныхъ волосъ. Его густыя, черныя, вѣчно нахмуренныя брови придавали мрачный видъ его лицу, черты котораго были однако правильны и даже красивы.

И въ лицахъ дѣтей его было что-то чужеземное, не нѣмецкое; они рѣзко отличались отъ бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ дѣтей этой мѣстности.

Блѣдное лицо Катрины Мёль носило на себѣ слѣды заботы, выраженіе которой свѣтилось и въ прекрасныхъ глазахъ. Въ горницахъ было тѣсно, но опрятно, и потому бѣдная обстановка ихъ не производила непріятнаго впечатлѣнія. Вся мебель въ ихъ трактирчикѣ казалась сильно подержанною. На полкахъ была разставлена посуда, полъ усыпанъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, пескомъ, который въ изобиліи доставляла степь. На низенькихъ окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, а на одномъ даже висѣла клѣтка съ канарейкою.

Поздоровавшись съ дѣтьми, изъ которыхъ двое около дома смотрѣли за козами, Биллинги вошли въ домъ. Мёли радушно приняли ихъ и угощали наперерывъ. Послѣ завтрака мужчины, закуривъ трубки, вышли гулять и направились къ небольшому холмику, съ котораго открывался дивный видъ на окрестность. Женщины сѣли на лавочку у воротъ поболтать. Маленькая Лиза, хорошенькая шестилѣтняя рѣзвушка, похожая на цыганку, тоже подсѣла къ нимъ съ какою-то работой.

Анна Биллингъ нѣсколько разъ пыталась заговорить съ сестрою о цѣли своего пріѣзда, и всякій разъ слова замирали на губахъ ея. Она ждала, что сестра сама произнесетъ, наконецъ, роковое слово, но Катрина Мёль не произносила его. Она говорила о своемъ мужѣ, о плохомъ состояніи ихъ хозяйства, о заботахъ и болѣзни своей и менѣе всего о своихъ дѣтяхъ. О нихъ она вскользь бросила фразу:

— Если-бъ у меня ихъ не было, Анна, я просто умерла бь съ горя!

При этихъ словахъ она отвернулась отъ сестры и устремила свой грустный взоръ вдаль, гдѣ виднѣлся на горизонтѣ темный сосновый лѣсъ, единственное украшеніе степи.

Когда Анна Биллингъ снова встрѣтила взоръ ея, онъ блеснулъ точно молнія и загорѣлся яркимъ пламенемъ.

Анна Биллингъ испуганно отодвинулась.

Сестра ея встала и подъ какимъ-то предлогомъ удалилась въ горницы. Маленькая Лиза сѣла рядомъ съ теткою. Та стала разсказывать ей о прелестяхъ городской жизни. Лиза улыбалась и хлопала въ ладоши, узнавая постепенно, что въ городѣ много великолѣпныхъ высокихъ домовъ и церквей, въ садахъ бьютъ фонтаны, на улицахъ вѣчное движеніе и оживленіе, въ магазинахъ много игрушекъ и разныхъ сладостей.

Большіе глаза дѣвочки разгорѣлись, она прижалась къ теткѣ и не сводила съ нея глазъ.

Скоро пришла сестра и вернулись мужчины.

У дверей Биллингъ далъ знакъ женѣ отойти съ нимъ немного въ сторону. Хозяева между тѣмъ вошли въ домъ. Всѣмъ необходимо было переговорить другъ съ другомъ.

— Ну? спросила Катрина, удаливъ маленькую Лизу, уцѣпившуюся было за ея передникъ.

Мужъ ея подошелъ къ столу, не торопясь снялъ съ полки зеленый стеклянный стаканъ, посмотрѣлъ его на свѣтъ и вытеръ пыль. Послѣ этого онъ сказалъ:

— Они хотятъ взять Лизу сейчасъ же. Карлъ дастъ мнѣ за это двѣ тысячи марокъ...

Онъ не договорилъ, такъ какъ жена его, точно подкошенная, безъ слезъ и упрековъ, упала на стулъ. Это извѣстіе было для нея равносильнымъ извѣстію о смерти ея дочери.

Это вывело изъ себя ея мужа. Наливая въ стаканъ вина для подкрѣпленія или подбодренія себя, онъ осыпалъ жену упреками.

Она не можетъ для него помириться съ временною утратой, когда ему предстоитъ полное разореніе, если онъ во время не уплатитъ виноторговцу, у котораго бралъ въ кредитъ товаръ,—когда все хозяйство ихъ идетъ къ упадку и самъ онъ ходитъ чуть не босикомъ.

Короче, онъ перечислялъ всѣ бѣды и невзгоды, и вынесенныя имъ, и тѣ что еще предстояли въ недалекомъ будущемъ, если они не отдадутъ Лизы Биллингамъ.

Развѣ, наконецъ, ему самому не тяжело разставаться со своею милою дѣвочкой, радостью ихъ семьи? Но онъ не высказываетъ этого. Она должна такъ же затаить горе въ глубинѣ души своей.

Она упорно молчала, но лицо ея нѣсколько просвѣтлѣло и грустная улыбка скользнула по губамъ, когда онъ сталъ говорить о томъ, какъ хорошо будетъ Лизѣ у тетки и какъ перемѣнится ихъ собственная жизнь, когда они получатъ такую большую сумму.

Все это онъ говорилъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, заглушая свое собственное горе.

Жена еще колебалась, наконецъ вѣки опущенныхъ глазъ поднялись, она грустно взглянула на мужа. Изъ груди ея вырвался протяжный, тяжелый вздохъ, выдававшій ея сердечную муку. Она безъ словъ кивнула головою и повернулась ко входной двери.

— Они хотятъ взять ее непремѣнно сейчасъ, выколачивая пепелъ изъ трубки, сказалъ мужъ, все еще не увѣренный въ томъ, что окончательно убѣдилъ жену.

Та вдругъ повернулась, страстнымъ порывомъ бросилась къ мужу, и обнимая его прошептала:

— Только не сейчасъ... голубчикъ! Завтра, пусть они возьмутъ ее завтра!.. Пусть она пробудетъ еще у насъ хоть одинъ денечекъ!..

— Вздоръ! Сегодня или завтра—какая разница? Все равно придется разстаться съ нею. Къ чему еще цѣлый день общихъ мученій?.. Нѣтъ, пусть они увозятъ ее... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Я такъ хочу!..

На дворѣ запрягали лошадей, которыя нетерпѣливо фыркали и били копытами въ песокъ; младшія дѣти Мёлей, съ краюшками хлѣба въ рукахъ, разиня ротъ смотрѣли на рѣдкое зрѣлище. Петеръ Мёль поднялъ Лизу и посадилъ ее на козлы къ кучеру.

Ей сказали, что ее берутъ погостить въ городъ на недѣлю и затѣмъ опять привезутъ домой. Дѣвочка смѣялась и распѣвала сидя подлѣ стараго кучера.

Предъ отъѣздомъ, обнимаясь съ сестрой, Катрина вдругъ разрыдалась. Долго сдерживаемыя слезы брызнули ручьемъ; ей представилось, что она видитъ въ послѣдній разъ свою маленькую Лизу. Цѣлуя сестру, она шептала ей прерывающимся голосомъ: „ты замѣнишь ей меня, Анна,—да?“ Она принялась шепотомъ описывать ей, что любитъ и чего не любитъ, къ чему привыкла ея дочка...

Еще разъ поцѣловались сестры. Лошади тронулись, экипажъ качнулся и покатился по песчаной дорогѣ, провожаемый громкими криками ребятишекъ.

Петеръ направился въ домъ, дѣти побѣжали къ матери. Она ласково потрепала ихъ по курчавымъ головкамъ и велѣла идти домой, сама же торопливо пошла за изгородь, чтобы еще разъ взглянуть на удалявшуюся коляску.

И она увидѣла ее еще разъ. Степь горѣла золотыми красками подъ лучами заходящаго солнца и уже былъ близокъ тотъ мигъ, когда онѣ должны были уступить мѣсто загадочнымъ тѣнямъ и серебристому покрову лунной ночи.

Дорога рѣзко выдѣлялась на общемъ темно-золотомъ фонѣ степи. На ней вдали чернѣла коляска, которую все дальше и дальше уносили застоявшіеся кони.

Смотря вслѣдъ удалявшейся коляскѣ, бѣдная женщина прижала руку къ груди, и чувствовала, какъ порывисто она подымалась и какъ сильно билось въ ней наболѣвшее сердце.

Она долго стояла на одномъ мѣстѣ, пока прихотливыя тѣни не охватили почти всю окрестность, скрывъ изъ глазъ ея и безграничную степь, и убѣгавшую вдаль дорогу. Къ ней вернулись благодѣтельныя слезы, но не могли облегчить ея горе.

— Иди-же!.. Дѣти хотятъ спать! раздался въ тишинѣ суровый голосъ ея мужа, заставившій ее вздрогнуть.

Онъ тихо подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и въ глазахъ его засвѣтилась необычная нѣжность.

— Не плачь, Катрина,—я съ тобою, развѣ я не могу утѣшить тебя? Не плачь... твои слезы мнѣ смертная мука.

Прошло два мѣсяца, но не сбылось то, чего ожидалъ Петеръ Мёль и чего страстно желали Биллинги. Маленькая Лиза не была похожа на другихъ дѣтей ея возраста. Биллинги не знали, чему приписать ея упорное молчаніе и непріязненное выраженіе, мелькавшее порою въ ея глазахъ. Вмѣсто ожидаемой радости, дѣвочка доставляла имъ только огорченіе и заботы. То, что неотразимо дѣйствуетъ на другихъ дѣтей, не имѣло никакого вліянія на Лизу. Она уклонялась отъ игръ съ дѣтьми сосѣдей и знакомыхъ Биллинговъ. Всѣ убѣжденія и ласки разбивались объ ея упорное молчаніе. Она молча выносила всѣ выговоры и порицанія, только большіе темные глаза ея сверкали мрачнымъ, враждебнымъ огонькомъ.

Улыбка исчезла съ лица ея и замолкъ ея рѣзвый смѣхъ—

точно подмѣнили маленькую Лизу! Когда ее стали учить, она училась хорошо, но относилась къ ученью совсѣмъ безучастно.

Совсѣмъ иною была крошка Грета, дочка однихъ знакомыхъ Биллинговъ. Веселая, безпечная, нѣжная и всегда послушная. Она доставляла только радость родителямъ, а Лиза...

До сихъ поръ Анна Биллингъ пыталась приручить дѣвочку лаской; ей казалось, что съ теченіемъ времени пройдетъ и горе маленькой дѣвочки, и ласка окажетъ на нее свое всемогущее дѣйствіе.

Но прошло уже два мѣсяца... упорство и безучастность дѣвочки раздражила почтенную фрау, она потеряла терпѣніе и наказала ребенка.

Когда послѣ этого она подмѣтила злой взглядъ въ темныхъ глазахъ дѣвочки, внутренній голосъ сказалъ ей, что этимъ она все испортила и дѣвочка для нея безвозвратно погибла.

Она сама плакала и обнимала дѣвочку, стараясь осушить слезы на ея грустныхъ глазкахъ.

— Ты сама вынудила наказать тебя, Лиза! говорила она.— Но забудемъ это, и я попрежнему буду доброю тетей!

Эти слова не тронули Лизу. Тогда Анна Биллингъ поняла окончательно, что съ дѣвочкою ничего нельзя сдѣлать. Но вмѣсто гнѣва или раздраженія, она чувствовала къ ней только неизъяснимую жалость и въ душѣ рѣшила снова отдать ее сестрѣ.

Она не знала только, какъ ей быть съ мужемъ. Онъ очень привязался къ ребенку; и отношенія дѣвочки къ нему были сердечнѣе чѣмъ къ ней. Онъ любилъ сажать дѣвочку къ себѣ на колѣни и тихо гладить ея кудрявую головку.

На выручку ей пришло письмо отъ Катрины. Оно содержало лишь нѣсколько глубоко растрогавшихъ сердце Анны строкъ:

„Дорогая сестра! Уже съ недѣлю я лежу больная и не встану больше. Мнѣ кажется, я скоро умру. Что Лиза? Ради Бога, напиши о ней поскорѣе твоей Катринѣ“.

Этого было довольно. Анна молча подала мужу письмо и наблюдала за нимъ. Онъ поникъ головою и глаза его потемнѣли.

— Надо скорѣе свезти ей Лизу, сейчасъ же... умоляющимъ голосомъ сказала она.—Катрина умираетъ... Она оправится, если возвратить ей ребенка. О, что будетъ, если она умретъ!

Онъ молча пожалъ плечами и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ. Закуривъ сигару, онъ ушелъ въ садъ.

Онъ долго ходилъ по саду взадъ и впередъ. Вернувшись къ кофе, онъ ласково взглянулъ на жену и сказалъ:

— Ты права, Анна! Завтра мы отвеземъ Лизу. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Какъ ни тяжело, а надо покориться волѣ Его!

Тогда она обняла мужа и горячо сказала:

— Ты славный, Карлъ, я знала, что ты сдѣлаешь это!

— Дорогая, прошепталъ онъ, цѣлуя жену...

На другой день коляска Биллинговъ остановилась у воротъ трактира, встрѣченная звонкимъ лаемъ дворняжки. Но едва собачонка замѣтила Лизу, какъ выскочила изъ конуры и на разные голоса начала выражать свою радость.

— На мѣсто! прикрикнулъ на нее встрѣтившій Биллинговъ Петеръ Мёлъ.

— Что Катрина? спросила она.

— Плохо ей, лежитъ и все плачетъ... голосъ его оборвался, и чтобы скрыть волненіе, онъ принялся раскуривать трубку. Вотъ хорошо, что вы привезли Лизу, это ее обрадуетъ! добавилъ онъ, пропуская гостей въ горницы.

Лиза ужь была подлѣ матери. Ихъ застали въ объятьяхъ другъ друга, онѣ были взволнованы и счастливы.

— Какъ я благодарна вамъ! сказала больная, протягивая вошедшимъ свои исхудалыя руки.

Биллингъ далъ знакъ шурину слѣдовать за нимъ. Когда они вышли на дворъ, онъ сказалъ:

— Видишь, Петеръ, я хочу сказать тебѣ нѣчто важное. По близости отъ Реденсбурга продается постоялый дворъ съ землею. Земля добрая и мѣсто бойкое, подлѣ самаго шоссе. Я самъ ѣздилъ посмотрѣть его... Вотъ бы тебѣ купить его.

— Да... только на что? угрюмо спросилъ тотъ.

— Деньги я дамъ тебѣ. И когда Катрина поправится, вы заживете на славу, Лиза останется у васъ.

Въ этотъ мигъ къ нимъ подбѣжалъ маленькій Петеръ:

— Папа, скорѣй, мама кличетъ, и дядю тоже!

Они вошли въ домъ. Анна Биллингъ сидѣла на постели подлѣ больной. Глаза обѣихъ женщинъ блестѣли неподдѣльнымъ счастьемъ.

— Я не знаю, какъ благодарить тебя, Карлъ! сказала больная, и въ голосѣ ея зазвучала нотка умиленія. — Ты самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ!

— Да, да! сказалъ ея мужъ.—Карлъ подарилъ намъ землю въ Реденсбургѣ, Катрина! Когда ты поправишься, мы переѣдемъ туда, и Лиза...

Онъ схватилъ руку Биллинга и крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ.

Подъ вечеръ заложили коляску. Анна простилась съ Катриной и ожидала мужа, который ушелъ съ шуриномъ на прогулку.

Вскорѣ они показались въ воротахъ. Маленькая Лиза вертѣлась и прыгала подлѣ нихъ. Ея глазки блестѣли, и она была такъ хороша, что Анна невольно залюбовалась ею. Она обняла дѣвочку и вмѣстѣ съ нею вошла въ комнату больной.

— Это ты, Петеръ?.. а Лиза? раздался голосъ Катрины.

Въ комнатѣ было темно и она не могла разглядѣть вошедшихъ. Вмѣсто отвѣта, Анна толкнула впередъ Лизу, которая подбѣжала къ постели матери.

— Лиза моя, золотая! услышала Анна нѣжный шепотъ больной.

Она тихо вышла и направилась къ коляскѣ.

Рыжая дворняжка затявкала, когда Петеръ захлопнулъ дверцу, и коляска быстро покатилась по степи.

Теперь опять все стало попрежнему. (Б. К.)

Новый-Орлеанъ.

(Рис. на стр. 229).

Дать понятіе объ американскихъ городахъ человѣку не видавшему ихъ, вообще говоря, очень не трудно. Правильно пересѣкающія одна другую, подъ прямымъ угломъ, улицы, общественныя зданія построенныя на одинъ образецъ, однообразная архитектура церквей и школъ, — все это придаетъ городамъ Соединенныхъ Штатовъ извѣстную монотонность, нарушаемую развѣ только топографическими особенностями самой мѣстности.

Есть однако одинъ городъ въ Соединенныхъ Штатахъ, не поддающійся никакому описанію. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ его улицахъ, переулкахъ и бульварахъ, надо увидѣть его собственными глазами, надо тщательно изучить его. Городъ этотъ — Новый-Орлеанъ, представляющій собою невообразимое смѣшеніе испанской романтики, французской галантерейности, американской скуки и — это не послѣднее — негритянской грязи.

Новый-Орлеанъ имѣетъ свою исторію, не лишенную нѣсколько романтической окраски. Въ 1718 году, эпоху наибольшаго увлеченія колоніями, французская компанія отправила въ дельту Миссисипи три корабля со всевозможными авантюристами. Они основались тамъ и избрали губернаторомъ новой колоніи—Луизіаны—канадца Бьенвиля, хорошо знакомаго съ мѣстными условіями. Бьенвиль дѣятельно принялся отыскивать подходящее мѣсто для центральнаго пункта колоніи, выборъ его палъ на ту именно точку на берегу Миссисипи, гдѣ теперь стоитъ Новый-Орлеанъ. Въ то время мѣстность эта была покрыта густымъ лѣсомъ.

Вначалѣ новому городу не посчастливилось. Буря и наводненіе совершенно разрушили его, но губернаторъ твердо стоялъ на пригодности избраннаго имъ пункта, хотя все поселеніе состояло тогда изъ какой-нибудь сотни незатѣйливыхъ хижинъ, съ тремя стами жителей; оно было названо Новымъ-Орлеаномъ, въ честь французскаго регента, герцога Орлеанскаго.

Переходя нѣсколько разъ то въ руки испанцевъ, то снова въ руки французовъ, Луизіана была наконецъ продана Франціей въ 1803 году Соединеннымъ Штатамъ. Новый-Орлеанъ представлялъ въ то время уже цвѣтущій городъ съ 100,000 жителей. Современный же намъ Новый-Орлеанъ является главнымъ центромъ всего Юга и занимаетъ огромную площадь въ 105 квадратныхъ англійскихъ миль.

Такъ-называемая Канальная улица раздѣляетъ его на двѣ части — верхній или новый и нижній или старый городъ, носящій названіе Сити. Обѣ эти части представляютъ рѣзкій контрастъ между собою. Новый городъ отличается характеромъ чисто-американской прямолинейности и скуки. Старый же, сохранившійся со временъ французскаго и испанскаго владычества и когда-то обнесенный стѣною, состоитъ изъ узкихъ улицъ и небольшихъ домовъ, но тѣмъ не менѣе здѣсь царитъ постоянное оживленіе и сосредоточены различныя достопримѣчательности и главныя зданія, какъ напримѣръ, знаменитый соборъ, старый испанскій судъ, французскій рынокъ, французская опера, монетный дворъ, таможня, бывшій монастырь урсулинокъ, важнѣйшіе торговые дома и историческія постройки. Вся эта часть города носитъ печать былаго величія и весьма интересна въ своемъ живописномъ упадкѣ. Къ ней же примыкаетъ такъ-называемый французскій кварталъ, гдѣ сосредоточены жилища креоловъ, живо напоминающія дома Италіи и южной Франціи. Балконы, окна и спускающіеся террасами сады обнесены изящными желѣзными рѣшетками. Все это утопаетъ въ цвѣтахъ и зелени, а въ мартѣ или апрѣлѣ городъ превращается въ сплошную корзину розъ. Розы вьются по стѣнамъ домовъ, по рѣшеткамъ балконовъ и оконъ, по стволамъ деревьевъ, растутъ въ садахъ и на улицахъ. У каждой женщины приколотъ на груди букетъ розъ; каждый мужчина имѣетъ розу въ петличкѣ или держитъ розу въ зубахъ. Если бы креолы были нѣсколько болѣе одарены торговымъ и промышленнымъ духомъ, они могли бы извлекать большія вы-

годы изъ такой богатой культуры розъ, занявшись изготовленіемъ благовонныхъ маслъ.

Не менѣе своеобразный характеръ имѣютъ и улицы съ одноэтажными маленькими испанскими домиками, въ которыхъ живутъ большею частью негры.

Жизнь въ Новомъ-Орлеанѣ такъ же разнохарактерна, какъ и внѣшній видъ города. Основную черту составляетъ несомнѣнно французская живость и, въ былое время, когда богатые южные плантаторы проводили здѣсь зимніе мѣсяцы, Новый-Орлеанъ былъ пожалуй самымъ веселымъ, оживленнымъ и легкомысленнымъ городомъ Соединенныхъ Штатовъ. Тонъ задавали креолы, внося въ общественную жизнь французское образованіе и французскіе обычаи, а квартеронки и октронки славились своею замѣчательною красотой и причудливымъ соединеніемъ французской живости съ мечтательностью и лѣнью Юга.

Креолъ отличается болѣе или менѣе замкнутымъ характеромъ: въ дѣлахъ онъ сдержанъ, не одаренъ духомъ предпріимчивости и потому заклятый врагъ всякихъ новшествъ. Не мудрено, если американскіе купцы захватили торговлю въ свои руки и отодвинули креола на задній планъ. Впрочемъ, вслѣдствіе тропическаго климата и постоянныхъ сношеній съ креолами, и американецъ утратилъ здѣсь ненасытную, всепоглощающую жажду наживы, которая составляетъ отличительную черту сѣвернаго янки. Онъ гораздо привѣтливѣе, общительнѣе, обладаетъ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ и если даже съ теченіемъ времени креольскій элементъ будетъ окончательно вытѣсненъ американскимъ, то все же Новый-Орлеанъ сохранитъ свой особый характеръ, такъ рѣзко отличающій его отъ Бостона, Чикаго или Санъ-Франциско.

Прежніе богатые плантаторы, гордые бароны-рабовладѣльцы, со своимъ рыцарскимъ „Code d'honneur", своими дуэлями, надменностью и своеволіемъ отошли на задній планъ; война придавила ихъ; чернокожіе сдѣлались свободными гражданами и жизнь получила совсѣмъ другое теченіе. Впрочемъ, надо сказать, что освобожденное негритянское населеніе, составляющее около четвертой части всѣхъ жителей города, не съумѣло до сихъ поръ подняться на болѣе высокую ступень образованія и осталось ограниченнымъ, лѣнивымъ, лживымъ, грязнымъ и суевѣрнымъ.

Въ высшей степени интересно бродить по улицамъ Новаго-Орлеана, потому что быть-можетъ ни одинъ городъ въ мірѣ не представляетъ такъ много оригинальнаго и характернаго. Въ креольскомъ кварталѣ привлекаютъ самыя улицы, своеобразная архитектура домовъ, причудливые балконы, сады и веранды, съ таинственною глубиной двориковъ и очаровательными обитательницами - креолками. Вдоль береговъ рѣки — длинные ряды величественныхъ пароходовъ, шумъ, движеніе, нагрузка и выгрузка, сложенные на набережныхъ товары, тюки съ хлопкомъ, ящики съ табакомъ и т. д., и т. д. На каждомъ шагу привлекаетъ глазъ то оригинальная, запряженная мулами, повозка, то двухколесная телѣжка, на которой дремлетъ негръ, въ ожиданіи заработка, то почтенный представитель „солиднаго Юга", съ ярко-краснымъ бумажнымъ зонтикомъ надъ головой, то продавецъ пирожковъ, то растянувшійся на тюкахъ съ товарами негръ, то негритянка, ловко балансирующая на головѣ тяжело нагруженную корзину; слѣпцы-нищіе у церковныхъ папертей, черныя монахини,— черныя не только одеждой, но и цвѣтомъ лица, — вся эта пестрая смѣсь представляетъ для сѣвернаго жителя неисчерпаемый источникъ новизны и разнообразія.

Раскинется-ли Новый-Орлеанъ еще шире—покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, онъ есть и будетъ не только однимъ изъ привлекательнѣйшихъ, но и важнѣйшихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, центръ обширнаго, залитаго горячимъ солнцемъ, Юга. (С.)

Къ рисункамъ.

Отступленіе остготовъ съ тѣломъ короля Тейи.

(Рис. на стр. 220).

Во II вѣкѣ по Р. Х., по устью рѣки Вислы жило германское племя готовъ. Переселившись въ слѣдующемъ столѣтіи въ окрестности Чернаго моря, между рѣками Дономъ и Дунаемъ, готы начинаютъ становиться извѣстными въ исторіи по тому вліянію, которое они проявляютъ на другіе народы Западной Европы. Незначительные вначалѣ набѣги готовъ на Балканскій полуостровъ — принимаютъ съ теченіемъ времени размѣры опустошительныхъ нашествій. По принятіи готами христіанства, въ концѣ IV вѣка, Готское государство распадается на двѣ части: остготовъ и вестготовъ. Послѣдніе особенно прославились при Аларихѣ, опустошившемъ Грецію и Италію и разгромившемъ Римъ въ 410 году. Возникшее въ томъ же вѣкѣ Вестготское государство, обнимавшее преимущественно нынѣшнюю южную Францію и Италію, существовало до начала VIII вѣка, когда арабы, разбивъ вестготовъ при Хересъ-де-ла-Фронтера въ 710 году, положили конецъ Вестготскому государству.

Менѣе продолжительнымъ было существованіе остготовъ. Подчинившись вначалѣ гуннамъ, они, послѣ смерти Аттилы, поселились въ Панноніи. Самою славною эпохою въ ихъ исторіи было царствованіе Теодориха Великаго, основавшаго государство, въ составъ котораго входили Италія, Сицилія, Далмація и Провансъ. Со смертію Теодориха, въ 526 году, начинается паденіе его государства, просуществовавшаго еще только 30 лѣтъ. Послѣднимъ королемъ былъ Тейя, бывшій вначалѣ полководцемъ короля Тотилы. По смерти Тотилы, при Тагинѣ, въ 552 году, Тейя былъ избранъ королемъ, собралъ въ верхней Италіи остатки остготовъ и отправился съ ними на помощь своему брату, осажденному въ Кумахъ римлянами. Здѣсь, въ 556 году, при Сарнѣ, онъ, послѣ шестидесятидневной отчаянной, но безнадежной битвы, палъ вмѣстѣ съ большею частью своего народа. Нашъ рисунокъ представляетъ перенесеніе тѣла этого послѣдняго короля остготовъ.

Зимняя ловля рыбы. (Рис. на стр. 221).

Прелестный рисунокъ академика Писемскаго наглядно изображаетъ намъ уженье зимою, для чего прорубается небольшое четвероугольное пространство на льду, а на краю проруби ставится такъ-называемая *колодка*,—въ простѣйшемъ видѣ полѣно съ воткнутыми въ него двумя короткими удилищами. Къ верхней части лесы прикрѣпляется маленькій колокольчикъ или бубенчикъ, звонъ котораго и даетъ знать, что рыба клюнула.

Кореецъ. (Рис. на стр. 225).

Къ самой южной части нашихъ владѣній на дальнемъ Востокѣ прилегаетъ узкою полосой земли Корейское королевство. Чау-сіанъ—по-китайски, оно до сихъ поръ крайне мало извѣстно европейцамъ. Расположенное на полуостровѣ выступающемъ между морями Японскимъ и Желтымъ, королевство занимаетъ пространство въ 3,962 кв. мили. Самый полуостровъ на южной и западной сторонѣ окруженъ небольшими островами и изрѣзанъ бухтами и заливами, изъ которыхъ самый значительный носитъ названіе Корейскаго. Во всю длину острова тянется горный хребетъ, ближе къ восточному берегу. Подъ 38° 10′ сѣверной широты, онъ достигаетъ наибольшей высоты. Близь этого мѣста беретъ свое начало рѣка Ханъ, которая, протекая на юго-западъ и минуя столицу государства, Сеулъ, впадаетъ многими рукавами въ Желтое море. На сѣверѣ рѣки покрываются зимою толстымъ льдомъ и даже самое море замерзаетъ верстъ на 6—7 отъ берега. Вообще, несмотря на положеніе, соотвѣтствующее южной Италіи, климатъ Кореи на сѣверѣ, особливо въ горахъ, суровъ и холоденъ, за то на югѣ онъ сухъ и жаркъ. Населена Корея 10.519,000 жителей, по наружности болѣе похожихъ на японцевъ, чѣмъ на китайцевъ. Высшее сословіе исповѣдуетъ ученіе Конфуція, простонародье же придерживается буддизма. По роду занятій въ большомъ ходу земледѣліе и скотоводство. Прежде Корея славилась обработкой металловъ и изготовленіемъ фарфора, которыя заимствовали изъ Кореи японцы. Нынѣ этотъ родъ промышленности совершенно ничтоженъ и жители болѣе занимаются приготовленіемъ шелка, бумаги, матовъ, вѣеровъ, щетокъ, гребенокъ и др. Торговля Кореи съ иностранцами началась послѣ 1868 г., и до сихъ поръ совершенно незначительна.

Зимній торгъ дичью на Щукиномъ дворѣ.

(Рис. на стр. 228).

По Садовой улицѣ въ Петербургѣ, противъ обширнаго и красиваго зданія Государственнаго Банка, находятся хорошо извѣстные каждому жителю сѣверной столицы торговые дворы Апраксинъ и Щукинъ, называемые теперь Александровскимъ и Маріинскимъ рынками. Они занимаютъ громадную площадь между Садовой улицей и Фонтанкой и переулками Чернышевымъ и Апраксинымъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ Апраксинъ и Щукинъ дворы представляли ряды магазиновъ, лавокъ и лавочекъ безъ всякаго порядка. Въ 1862 году случился памятный пожаръ Апраксина рынка, послѣ чего постройки начали воздвигаться отдѣльными каменными корпусами, съ необходимыми перерывами и другими предосторожностями на случай пожара. Съ лицевой стороны они тянутся въ видѣ длиннаго зданія Александровской и Маріинской линіи, съ аркадами, пересѣченнаго нѣсколькими пассажами и проѣздами. Съ этой стороны сосредоточены преимущественно магазины модные и галантерейные, торгующіе платьемъ, разными матеріями и предметами дамскаго туалета. Внутри можно найти лавки желѣзнаго товара, мебельныя, посудныя, книжныя, сѣменныя, сундучныя, башмачныя, суровскія, перинныя и всякія другія. Внутри Щукина двора замѣчательны ряды птичій и ягодный. Послѣдній чрезвычайно интересенъ лѣтомъ и осенью, а первый—зимою, когда туда свозится громадное множество битой птицы и дичи.

Коллекція старинныхъ вещей Н. Л. Шабельской въ залахъ Николаевскаго дворца. Старинная утварь и рѣзныя вещи изъ кости. Съ фот. грав. Рашевскій.

Выставка предметовъ русской старины изъ коллекціи Н. Л. Шабельской. (Рис. на стр. 233).

Изображенные на этомъ рисункѣ старинные ларцы носятъ различныя названія, какъ-то: укладки, теремки, зголовники, сундучки и проч. Украшали ихъ рѣзьбой изъ мамонтовой и моржевой кости, подкладывая рѣзьбу слюдой и фольгой, а иногда покрывали рѣзьбой изъ желѣза, или обивали кожей и старинными матеріями. На внутренней части крышки встрѣчаются оригинальные рисунки, какъ, напримѣръ, на одномъ изъ ларцевъ изображена трапеза и, судя по одеждѣ сидящихъ за столомъ и по внѣшнему орнаменту, относится къ XVII вѣку. Рисовали также сцены сказочнаго характера съ изображеніемъ излюбленныхъ сказочныхъ райскихъ птицъ, подъ названіемъ „птица сиринъ", „алконостъ" и проч. Внѣшняя рѣзьба имѣетъ весьма причудливую форму: вырѣзали двуглавыхъ орловъ, пироговъ, легендарныхъ звѣрей и разнообразный старинный орнаментъ. Рѣзьба изъ кости не всегда оставалась бѣлою, а иногда окрашивалась—и преимущественно въ зеленый цвѣтъ. Ларчики въ старину были очень распространены, служили иногда для храненія „казны" (денегъ), для чего устраивались замысловато, имѣли множество секретовъ, потайныхъ ящиковъ, дѣлались съ двойнымъ дномъ и двойными крышками и съ фигурными секретными замками. У бояринъ и бояршень было по нѣсколько ларцовъ, и каждый имѣлъ свое особое назначеніе: иные, носившіе названіе „уборнаго ларца", замѣняли наши современные туалетные столы; въ подобные ларцы, на внутреннюю часть крышки, вставлялось зеркало, или придѣлывали зеркала на поверхности крышки; кромѣ того, ларчики служили для храненія разныхъ украшеній, или употреблялись какъ рабочая шкатулка. Особый видъ ларца, съ покатою крышкой, назначался для храненія денегъ; онъ былъ окованъ желѣзными полосками, украшался фигурнымъ замкомъ съ секретомъ, и, кромѣ большаго ящика внутри, имѣлъ много потайныхъ и секретныхъ отдѣловъ; такіе ларцы ставились подъ изголовье, почему и называются „зголовниками". Величина ларчиковъ самая разнообразная: начиная отъ вершковыхъ до сундучковъ весьма большихъ размѣровъ; наружная рѣзьба и украшенія дѣлались всегда тщательно. Всѣ рѣзные костяные ларцы—работы Архангельской губерніи и частью Сѣверной Сибири. Длинная полоса, расположенная сверху рисунка, съ весьма оригинальнымъ орнаментомъ, сдѣлана изъ низаннаго жемчуга и украшена каменьями. Такія полосы въ старину подвѣшивались подъ образа и служили украшеніемъ такъ-называемаго Краснаго угла. Затѣмъ, на этомъ рисункѣ, мы видимъ: фигурное рѣзное изображеніе Рая, изъ мамонтовой кости, старинной отчетливой работы; группу „Жертвоприношеніе Авраама" и весьма оригинальныя фигуры, изображающія охоту тунгузовъ на медвѣдя. Старинные кувшины, ковши, кружки-бокалы временъ императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II съ ихъ вензелями—красивы, изящны и представляютъ большой интересъ для любителей русской старины.

Г. Н. Ѳедотова. (Портр. на стр. 236).

Если есть еще у насъ хоть одна сцена, живущая традиціями искусства,—то это московскій Малый театръ, наша Comédie Française; здѣсь и силы подобраны хорошія, здѣсь и талантовъ больше чѣмъ на другихъ сценахъ, здѣсь еще заботятся объ ансамблѣ и о художественной сторонѣ сценическаго дѣла. Если въ прежнія времена особенно ярко блисталъ мужской персоналъ (Щепкинъ, Самаринъ, Садовскій, Шумскій), то въ послѣднее время перевѣсъ на сторонѣ женскаго (г-жи Ѳедотова, Ермолова, Никулина, Медвѣдева), хотя нужно тутъ же оговориться, что и теперь есть талантливые люди въ мужской половинѣ (гг. Ленскій, Южинъ, Садовскій, Музиль, Горевъ, Правдинъ и др.). Немудрено, что съ такими силами составляется интересный репертуаръ, что тутъ еще нѣтъ-нѣтъ и возобновляютъ пьесы корифеевъ русской и иностранной литературъ (Кальдеронъ, Лопе-де-Вега, Расинъ и др), что Шекспиръ и Мольеръ почти не сходятъ со сцены и что истые любители драматическаго искусства такъ цѣнятъ этотъ храмъ Мельпомены и такъ высоко ставятъ даровитыхъ жрецовъ этого храма. Бенефисы ихъ являются настоящимъ праздникомъ для москвичей; все спѣшитъ запастись мѣстомъ и имѣть возможность отблагодарить своихъ любимцевъ за доставляемое эстетическое наслажденіе.

Москва недавно праздновала два такихъ праздника; въ началѣ текущаго года исполнилось тридцатилѣтіе служенія на московской сценѣ даровитыхъ артистокъ труппы, г-жъ Ѳедотовой и Никулиной, въ одинъ годъ вышедшихъ изъ театральнаго училища и начавшихъ свою артистическую карьеру; къ бенефису г-жи Никулиной вскорѣ вернемся, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о Гликеріи Николаевнѣ Ѳедотовой. Кто не видалъ ее въ той или другой роли? Кому не доставляла она истинное наслажденіе своимъ художественнымъ воспроизведеніемъ героинь Шекспира, Мольера, Островскаго и друг.? Списокъ нашъ вышелъ бы слишкомъ длиннымъ, если бы мы вздумали перечислить всѣ пьесы, въ которыхъ играла г-жа Ѳедотова и въ которыхъ она всегда оставляла неизгладимое впечатлѣніе, и притомъ впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, законченнаго и художественно-созданнаго.

А именно тутъ-то сказывается кромѣ таланта—школа. Ѳедотова ученица Самарина, а онъ не признавалъ „обезьянства" въ искусствѣ, т. е. фотографированія видѣннаго и окружающаго; онъ требовалъ воспроизведенія жизни въ искусствѣ путемъ наблюденія, анализа и изученія *типическихъ* явленій; эти основы его школы усвоила его даровитая ученица; эти же основы и выдвинули вторую характерную черту игры г-жи Ѳедотовой — соблюденіе *мѣры*, какъ въ трагизмѣ, такъ и въ комизмѣ. Островскій гдѣ-то говоритъ, что „мѣра и есть само искусство"; вотъ эту-то мѣру и соблюдаетъ вездѣ наша артистка, считающаяся не безъ основанія гордостью не одной только московской сцены; доказательствомъ этому служатъ ея тріумфы по всей Россіи, гдѣ бы только она ни появлялась. Къ этимъ двумъ качествамъ прибавляется третье, составляющее альфу и омегу для всякаго художника, будетъ-ли онъ живописцемъ, музыкантомъ, поэтомъ или актеромъ,—*талантъ*,—талантъ гибкій, разнообразный, одинаково способный къ воспроизведенію сильныхъ, патетическихъ мѣстъ въ роляхъ, какъ и истинно-комическихъ. Самые восторженные поклонники г-жи Ѳедотовой, думаемъ, затруднятся сказать, въ какомъ амплуа она выше, въ драматическомъ или комическомъ, въ чемъ ей отдать предпочтенье, въ „Медеѣ" или въ „Укрощеніи строптивой".

Знаменитый Сальвини пришелъ въ неописанный восторгъ отъ ея Медеи, и мы совершенно понимаемъ этотъ восторгъ великаго артиста; но что бы онъ сказалъ, если бы на второй день увидалъ ее въ Эльмирѣ („Тартюфъ") или Беатриче („Много шуму изъ ничего"); впрочемъ, не одинъ Сальвини, но и публика, именно интелигентная публика, давно оцѣнила рѣдкія качества г-жи Ѳедотовой—и подробно разбирать тѣ образы, въ которыхъ она появлялась предъ зрителями въ теченіе своей тридцатилѣтней сценической дѣятельности, нѣтъ возможности въ бѣглой замѣткѣ.

Взамѣнъ этого приведемъ пару строкъ изъ „Сборника ко дню юбилея" г-жи Ѳедотовой, изданнаго въ Москвѣ въ 1887 г. по случаю 25-лѣтія ея службы на сценѣ Малаго театра; эти строки дадутъ понятіе о томъ, какъ артистка доходитъ постепенно до созданія тѣхъ фигуръ, которыхъ она является олицетвореніемъ предъ зрителями; вотъ что она говоритъ между прочимъ: „...глубже вдумываясь въ роль и уже воображая ее на сценѣ, невольно думаешь себѣ: здѣсь бы одною чертою прибавить ее, тамъ—другою; опять возьмешься за Шекспира, чтобъ провѣрить себя, такъ-ли я понимаю; смотришь, все это дѣйствительно есть у него въ роли, на что прежде не обращалось вниманія".

Этотъ методъ самокритики совершенно аналогиченъ съ методомъ созданія ролей у Сальвини и Ристори (Мемуары послѣдней); лишь этимъ путемъ и можно добиться такой тщательной филигранной отдѣлки ролей и возможности предстать предъ публикой во всеоружіи творчества. Къ сожалѣнію, новѣйшіе авторы, произведенія которыхъ наводняютъ наши сцены, не даютъ артистамъ такого богатаго матеріала для работы; героини ихъ въ большинствѣ случаевъ удивительно похожи одна на другую—и даровитому даже артисту стоитъ большихъ усилій, чтобы невольно не повторяться и въ то же время не быть собой или же вовсе безличнымъ. А между тѣмъ новѣйшіе авторы вытѣсняютъ классиковъ, имъ удѣляется много вечеровъ; по прочтеніи новой роли талантливому артисту приходится нерѣдко убѣдиться, что автору не удалось создать живое лицо, что въ его героѣ нѣтъ темперамента, нѣтъ натуры, и тутъ положеніе артиста дѣйствительно трагическое; иногда приходится невольно отказаться отъ порученной ему роли или же играть ее въ ущербъ своему артистическому реноме, такъ какъ „изъ ничего ничего не выходитъ".

Мы однакоже до сихъ поръ не коснулись біографическихъ данныхъ нашей артистки; мы думаемъ, что артистъ разсказываетъ свою біографію съ первымъ же выходомъ на сцену или даже на эстраду; сейчасъ видно, есть-ли у человѣка талантъ или нѣтъ, учился-ли онъ чему-нибудь или нѣтъ; мѣсто рожденія въ сущности говоря безразлично: что же касается его лѣтъ, то какъ бы онъ ни былъ хорошо загримированъ, возрастъ его всегда скажется. Никто, напримѣръ, не скажетъ, что Росси—Ромео юноша, или что Ристори въ Маріи Стюартъ только 44 года, какъ это было исторической Маріи въ годъ ея казни. Но въ силу установившагося обычая, прибавимъ два слова, касающіяся curriculum vitae г-жи Ѳедотовой. Родилась она въ Орлѣ, 10 мая 1846 г.; родителей не помнитъ, оставшись очень рано круглой сиротой; ее приняли на воспитаніе семилѣтнею дѣвочкой Поздняковы; десяти лѣтъ она поступила въ театральное училище въ классъ Самарина, шестнадцати лѣтъ дебютировала съ громаднымъ успѣхомъ въ „Ребенкѣ" и съ тѣхъ поръ пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ и любовью москвичей и всей Россіи; на семнадцатомъ году она вышла замужъ за артиста А. Ф. Ѳедотова.

В. Баскинъ.

Эмиль Зауэръ. (Портр. на стр. 237).

Молодой піанистъ этотъ, пользующійся за-границей доволь-

по прочным репомэ среди выдающихся артистовъ, не былъ извѣстенъ у насъ до предпослѣдняго симфоническаго собранія, когда онъ впервые выступилъ предъ петербургской публикой: послѣ блистательнаго успѣха, завоеваннаго имъ съ первымъ же выходомъ, г. Зауеръ далъ два концерта въ залѣ Кредитнаго общества, привлекшіе массу публики. Иностранная печать о немъ давно уже заговорила, и онъ обратилъ на себя вниманіе не только на сѣверѣ Европы, но и на югѣ,—въ Италіи и въ Испаніи,—гдѣ инструментальною музыкой, и въ особенности фортепіано, гораздо меньше интересуются, чѣмъ вокальною. Рѣдко о комъ изъ піанистовъ приходилось читать такіе лестные отзывы, какъ о г. Зауэрѣ. Напримѣръ, извѣстный Гансликъ называетъ его „трубадуромъ фортепіано нашихъ дней“. Намъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить блестящіе успѣхи г. Зауэра, что онъ имѣетъ соприкосновеніе съ Россіей; онъ ученикъ покойнаго Николая Григорьевича Рубинштейна.

Въ 1876 г. Ант. Григ. Рубинштейну указали четырнадцатилѣтняго мальчика въ Гамбургѣ; онъ послушалъ его игру, оцѣнилъ его способности и посовѣтовалъ отправить его въ Москву къ Ник. Григ. Рубинштейну. Мальчикъ этотъ былъ Эмиль Зауэръ, родившійся въ 1862 г. въ Гамбургѣ. Пять лѣтъ пробылъ молодой піанистъ въ Московской консерваторіи и окончилъ курсъ въ 1881 г. Затѣмъ, не выступая въ Россіи, онъ началъ свою виртуозную карьеру въ Германіи, посѣтилъ Лондонъ и Парижъ, объѣздилъ Испанію и Италію и наконецъ завоевалъ себѣ имя и въ Австріи, вкусъ которой очень избалованъ музыкальными талантами; тѣмъ не менѣе онъ далъ въ Вѣнѣ шесть концертовъ подъ-рядъ и вызвалъ восторженные отзывы даже самыхъ суровыхъ и педантичныхъ критиковъ. Г. Зауэръ зарекомендовалъ себя не только въ качествѣ піаниста-виртуоза, но и композитора, многими пьесами, написанными для фортепіано. Артисту въ настоящее время 30 лѣтъ, и вся его карьера, собственно говоря, еще впереди, хотя, какъ виртуозъ, онъ ужъ и теперь занимаетъ выдающееся положеніе.

Отличительное свойство игры г. Зауэра — законченность и художественность передачи. У него вы не замѣтите никакихъ эффектовъ, на которыхъ такъ охотно выѣзжаютъ многіе артисты, стремящіеся ослѣпить публику и поразить ее чѣмъ либо небывалымъ; также не бьетъ онъ на техническія трудности, хотя техника его — совершенство; онъ пользуется ею, какъ *средствомъ* для передачи мыслей автора, но никогда техника не является у него *цѣлью* искусства. Отсюда уже вытекаетъ, что̀ составляетъ главную прелесть игры этого піаниста: мысль композитора въ толкованіи г. Зауэра. Программы его составляются изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ, начиная съ классиковъ и кончая современными композиторами, и, за что̀ бы онъ ни взялся, на первомъ планѣ у него духъ произведенія, характеръ его, которые онъ чрезвычайно тонко улавливаетъ и такъ же тонко, благодаря своей богатой техникѣ, передаетъ. Указанія авторовъ служатъ для него только канвой для его собственнаго толкованія и, какъ человѣкъ темперамента, г. Зауэръ подкупаетъ своихъ слушателей своимъ личнымъ участіемъ, субъективнымъ настроеніемъ. Г. Зауэръ въ настоящее время предпринялъ артистическую tournée по Россіи, начиная съ первопрестольной столицы, и снова вернется въ Петербургъ. **В. Баскинъ.**

Политическое обозрѣніе.

Новое французское министерство вступило въ управленіе страною. 20 февраля министръ-президентъ Лубе прочелъ въ палатѣ депутатовъ министерскую декларацію. Въ ней сказано, что кабинетъ будетъ стоять на стражѣ всѣхъ законовъ республики, особенно же законовъ военнаго и о школахъ. По словамъ министра-президента, кабинетъ не считаетъ своею задачей подготовлять отдѣленіе церкви отъ государства; поэтому онъ будетъ съ твердостью поддерживать законодательство основанное на конкордатѣ, и будетъ примѣнять его въ истинномъ его духѣ. Духовенство обязано повиноваться національнымъ законамъ и держаться безусловно въ сторонѣ отъ пререканій и борьбы партій. Если законодательство, основанное на конкордатѣ, окажется недостаточнымъ, то кабинетъ испроситъ у парламента необходимыя для дѣйствій средства. Въ деклараціи прибавлено, что парламентъ даровалъ Франціи такой экономическій порядокъ, который обезпечиваетъ охрану земледѣлія и промышленности и свободу тарифовъ, и который можетъ быть измѣненъ только самимъ же парламентомъ. Въ заключеніе, въ деклараціи напоминается о внесенныхъ уже въ палаты законопроектахъ относительно рабочихъ и въ концѣ республиканцы приглашаются къ единенію.

За исключеніемъ центра, декларація была встрѣчена довольно холодно. Въ ней, какъ видно, вовсе не упоминается объ иностранной политикѣ. Такое опущеніе объясняется тѣмъ, что во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ остался тотъ же Рибо, и слѣдовательно направленіе международной политики Франціи останется прежнее. Тѣмъ не менѣе, по прочтеніи деклараціи республиканецъ Риве сдѣлалъ запросъ о политикѣ правительства. Рибо и Лубе заявили, что съ Ватиканомъ министерство не связано никакими обязательствами предшествовавшаго кабинета, котораго политику оно одобряетъ. Вниманіе папы оно обратило только на манифестаціи епископовъ и на избирательные катехизисы. Папа обѣщалъ запретить эти катехизисы. Затѣмъ палата, большинствомъ 325 голосовъ противъ 75, вотировала формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе кабинету.

Чтобы уяснить себѣ, кто составлялъ большинство, сочувствовавшее министерству, интересно просмотрѣть списокъ голосовавшихъ, откуда можно почерпнуть, что большинство состояло изъ 274 республиканцевъ или радикаловъ, 2 соціалистовъ, 13 членовъ правой принадлежащихъ къ группѣ „конституціонной правой“, 14 членовъ правой и 22 буланжистовъ. Въ составъ меньшинства вошли: 23 республиканца или радикала, 4 соціалиста, 3 члена „конституціонной правой“ и 45 членовъ правой. Отъ голосованія воздержались 144 депутата.

Несмотря на то, что новое министерство „въ полномъ ходу“, газеты усиленно занимаются сообщеніемъ уясненія причинъ паденія прежняго кабинета. Устраненіе отъ дѣлъ Констана только подливаетъ масло въ огонь и безъ того горячихъ разоблаченій. Изъ нихъ оказывается, что весь министерскій кризисъ является не чѣмъ инымъ, какъ плодомъ соревнованія и вражды Фрейсине и Констана. Они не уживались въ одномъ кабинетѣ и въ дѣло были пущены всевозможныя интриги до союза (?!) Фрейсине съ Росфоромъ и буланжистами включительно, чтобы вытѣснить того или другаго соперника. Средства оказались дѣйствительными, министерство пало и, какъ говорятъ газеты, честолюбію и проискамъ Фрейсине не стало границъ. Только угроза Карно удалиться отъ управленія страною охладила Фрейсине, и министерство возродилось подъ главенствомъ Лубе, друга и сторонника президента. Лубе—сенаторъ и бывшій президентъ бюджетной коммиссіи этой палаты. Прежде онъ занимался адвокатурою. Родился Лубе въ 1838 г. Съ 1876 г. по 1885 г. онъ былъ депутатомъ, а съ 1885 г. состоитъ сенаторомъ. Лубе былъ уже разъ министромъ, а именно министромъ общественныхъ работъ въ кабинетѣ Тирара, образовавшемся немного спустя послѣ избранія Карно президентомъ республики.

20 февраля рейхстагъ обсуждалъ законопроектъ о порядкѣ провозглашенія осаднаго положенія въ Эльзасъ-Лотарингіи. Эльзасскій депутатъ Петри выразилъ удивленіе по поводу внесенія этого проекта, который, по его словамъ, „падаетъ съ неба, какъ молнія въ ясную погоду“. Ораторъ прибавилъ, что если за-границею пытаются объяснить появленіе даннаго законопроекта ненормальностью существующихъ въ Имперской области условій, то онъ, со своей стороны, можетъ увѣрить, что тамъ господствуетъ полное спокойствіе и что Эльзасъ и Лотарингія рѣшительно не хотятъ знать такъ называемаго „эльзасъ-лотарингскаго вопроса“. Статсъ-секретарь Боссе указалъ на то, что законопроектъ вовсе не имѣетъ того значенія, которое приписываетъ ему Петри, и что нынѣшнему положенію Эльзасъ-Лотарингіи отнюдь не будетъ придано болѣе крутаго характера. Дальнѣйшія поясненія—прибавилъ Боссе—будутъ даны правительствомъ въ коммиссіи. Законопроектъ переданъ въ коммисію.

24 февраля открылся румынскій парламентъ. Король и наслѣдный принцъ присутствовали при открытіи его. Ихъ горячо привѣтствовали. Королевское посланіе констатируетъ, что послѣдніе выборы являются безспорнымъ доказательствомъ того, что прежде всего страна желаетъ порядка и устойчивости. Далѣе извѣщается о внесеніи важныхъ законопроектовъ, въ томъ числѣ о начальномъ образованіи и объ административной реформѣ. Сообщается также о перевооруженіи арміи новымъ ружьемъ, о реорганизаціи кавалеріи и постройкѣ новыхъ казармъ. Въ заключеніе посланія сказано, что отношенія со всѣми державами имѣютъ весьма дружественный характеръ.

Сербскій регентъ Ристичъ выбранъ въ члены академіи. Въ торжественномъ ея засѣданіи, въ присутствіи короля и многочисленной публики, онъ прочелъ рѣчь объ историкѣ Ранке и объ освобожденіи Сербіи. Разсмотрѣвъ дѣятельность Георгія Чернаго и Милоша, Ристичъ пришелъ къ заключенію, что своимъ политическимъ возрожденіемъ Сербія всецѣло обязана Милошу Обреновичу. Возражая на мнѣніе Ранке, утверждавшаго, что возрожденіе Сербіи совершилось подъ вліяніемъ Запада, Ристичъ заявилъ, что сербскій народъ боролся противъ мусульманства подъ знаменемъ православія, при помощи Россіи и вопреки Западу, поддерживавшему Турцію.

Въ Софіи судъ оправдалъ г-жу Каравелову и другихъ обвиняемыхъ. Стамбуловъ крайне недоволенъ имъ. Быть-можетъ этимъ и объясняется оставленіе Грековымъ поста министра юстиціи. Также многіе изъ числа участвовавшихъ въ демонстраціяхъ въ пользу обвинявшихся арестованы. Домашній арестъ, подъ которымъ находились обвинявшіяся до суда, еще не снятъ, и префектъ полиціи ссылается на неполученіе соотвѣтствующихъ распоряженій отъ прокурора.

Смѣсь.

Десятилѣтній юбилей существованія Перваго Дамскаго Художественнаго кружка былъ торжественно отпразднованъ 26 февраля. Учрежденный стараніями нынѣшней своей предсѣдательницы, Пелагеи Петровны Куріаръ, кружокъ плодотворно и блистательно работалъ за минувшее десятилѣтіе. Талантливая предсѣдательница, П. П. Куріаръ, сама отличная художница и любезная хозяйка, своею любовью къ дѣлу и радушіемъ съумѣла тѣсно сплотить вокругъ себя художницъ нашей столицы, которыя, собираясь на бесѣды въ гостепріимныхъ помѣщеніяхъ Михайловскаго дворца, пріятно проводили время за художественными работами и въ то же время оказывали посильную помощь отечественному искусству, поддерживая его, какъ личнымъ примѣромъ, такъ и матеріальною помощью другимъ лицамъ, посвятившимъ себя служенію искусствамъ. Торжество началось на квартирѣ П. П. Куріаръ. Сюда собрались члены кружка, среди которыхъ было не мало представительницъ нашего высшаго общества и много гостей. Члены кружка поднесли г-жѣ Куріаръ адресъ съ пожеланіемъ продленія плодотворной дѣятельности на многія лѣта и роскошный альбомъ въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ съ писанными на немъ цвѣтами, украшенномъ вензелевымъ изображеніемъ инициаловъ П. П. изъ серебра. Въ альбомѣ были размѣщены портреты почетныхъ членовъ кружка, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны, Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны и Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской. Затѣмъ въ альбомѣ размѣщены портреты членовъ Дамскаго Художественнаго кружка. Большинство портретовъ окружено рисунками. Группа художниковъ и любителей поднесла г-жѣ Куріаръ роскошный краснаго дерева альбомъ-футляръ со своими рисунками и портретами. Кромѣ того, получено много поздравительныхъ телеграммъ изъ разныхъ угловъ Россіи, изъ Америки отъ Общества художниковъ, отъ Общества русскихъ артистовъ и художниковъ въ Парижѣ за подписью Боголюбова, отъ художественнаго отдѣла Уменецкой Бесѣды Чешской Праги, отъ ученицъ Пражской рисовальной школы, отъ Пражскаго дамскаго клуба, отъ Пражскаго артистическаго общества, отъ директора музея въ Прагѣ, отъ И. К. Айвазовскаго. Кромѣ того, получены привѣтствія отъ рисовальной школы Императорскаго Общества поощренія художниковъ, отъ Общества „Понедѣльники" и много другихъ привѣтствій и телеграммъ. Вечеромъ, въ 9 часовъ, въ большой театральной залѣ Михайловскаго дворца состоялся торжественный концертъ кружка съ живыми картинами въ пользу бѣдныхъ художниковъ. Концертъ начался народнымъ гимномъ, исполненнымъ оркестромъ, и состоялъ изъ двухъ отдѣленій. Особенный успѣхъ выпалъ на долю живыхъ картинъ, поставленныхъ художникомъ А. Н. Бруни. Сюжеты ихъ были посвящены искусству.

Вечеръ закончился ужиномъ, предложеннымъ членамъ и друзьямъ кружка въ одной изъ роскошныхъ залъ дворца, и прошелъ весьма оживленно. Послѣ ужина предсѣдательница П. П. Куріаръ пригласила гостей въ рабочее помѣщеніе кружка, гдѣ была устроена выставка ста-десяти работъ даровитой художницы, которыя она тутъ же, по жребію, раздарила всѣмъ членамъ кружка и нѣкоторымъ почетнымъ гостямъ на память объ этомъ дорогомъ для кружка днѣ.

23 февраля былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей профессора Николая Ѳеодоровича Здекауера. Въ 1842 году въ этотъ день онъ защитилъ свою докторскую диссертацію „о золотухѣ".

Изобрѣтеніе г. Коха. Петербургскій фортепіанный мастеръ Германъ Кохъ изобрѣлъ способъ улучшать звучность и усиливать тонъ роялей и піанино, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, почти разбитыхъ инструментовъ. Это интересное изобрѣтеніе демонстрировалось 22 сентября въ помѣщеніи музыкально-театральнаго агентства Бернарда въ СПБ., при профессорахъ консерваторіи, артистахъ и музыкальныхъ рецензентахъ, которые были поражены результатами опытовъ. Изобрѣтатель имѣетъ аттестаты гг. Балакирева, проф. СПБ. консерваторіи Іогансена и другихъ, свидѣтельствующіе о дѣйствительномъ улучшеніи тона и силы инструментовъ посредствомъ изобрѣтеннаго имъ резонатора.

Г. Н. Ѳедотова.

Румяна и притиранія у древнихъ народовъ. Румяна и притиранья уже въ глубокой древности были извѣстны и употреблялись почти у всѣхъ народовъ Востока. Краска или сурьма, которая для этого употреблялась, у евреевъ называлась *фук*, по арабски *coholstibium*—сурьма, отсюда евр. *кахал*—красить, подкрашивать, сурьмить (4 Цар. 9,30. Іезек. 23, 40). Краска эта приготовлялась изъ минерала, сѣрнистаго антимонія, который, будучи сожженъ и истолченъ, представляетъ черный, блестящій порошокъ. Румяна составлялись изъ разныхъ веществъ и употреблялись въ видѣ порошка или мази. Сурмяный порошокъ, приготовленный съ масломъ или другою какою либо жидкостью, сохраняли въ особыхъ флаконахъ, а самое крашеніе производили посредствомъ тоненькой кисточки или посредствомъ гладкой небольшой, но изящной палочки изъ слоновой кости или серебра или дерева, проводя ею съ приготовленною мазью по сжатымъ вѣкамъ, вслѣдствіе чего *глаза получали черный цвѣтъ и казались больше.* Сурьмою же подкрашивались брови и волоса, чтобы сдѣлать ихъ черными. У кого глаза были слабы, тѣмъ посредствомъ такого накрашиванія сурьмою *краевъ вѣкъ сообщали глазамъ глянецъ и живость* (Zellev. 2. p. 436). На глубокую древность такого крашенія указываетъ встрѣчающееся въ Библіи, именно въ кн. Іова, гл. 42, 14, имя третьей дочери Іова—*Керенгаппухъ*, что значитъ рогъ румянъ, и въ текстѣ далѣе (ст. 15) прибавлено: *и не находилось женщинъ столь прекрасныхъ, какъ дочери Іова, на всей землѣ.* Въ гробницахъ египтянъ во множествѣ находили банки или жестянки съ составомъ румянъ для натиранія глазъ, щекъ, бровей и проч. По замѣчанію Плинія, этимъ порошкомъ красили брови, чтобы сдѣлать ихъ чернѣе, удлиняли ихъ проводя черты по обѣимъ сторонамъ и соединяя ихъ надъ носомъ; рисовали имъ и другія черныя украшенія на лицѣ и на рукахъ. Подобно другимъ восточнымъ народамъ, евреянки также подкрашивали этой краской брови и глаза, такъ какъ черные глаза на Востокѣ въ древности, какъ и теперь, считались самыми красивыми и плѣнительными и сравнивались съ красивыми глазами газели. Арабскія женщины окрашиваютъ руки и ноги въ совершенно желтый цвѣтъ; ногти красятъ кроваво-краснымъ цвѣтомъ, а губы синимъ; онѣ накалываютъ также разныя украшенія на кожѣ—на лицѣ, особенно на губахъ и подбородкѣ, на рукахъ и на груди и покрываютъ эти наколы извѣстнымъ притираньемъ, чтобы они остались навсегда. Это считалось особеннымъ украшеніемъ. Въ книгѣ Премудрости Соломоновой (13, 14) упоминается, что миніей (minium) или красною киноварью (сурикомъ) люди окрашивали своихъ идоловъ. Въ древности вытравливали также на кожѣ, особенно на правой рукѣ, изображеніе боговъ и ихъ храмовъ, чтобы сдѣлать ихъ незабвенными для себя. Такое уродованіе своего тѣла, соединявшееся съ идолопоклонствомъ, евреямъ было запрещено (Лев. 19, 28). Пророки живо даютъ видѣть суетность людей въ ихъ украшеніи своего тѣла сурьмою и разными румянами и натираніями. Царица Іезавель, повѣствуетъ Книга Царствъ, при въѣздѣ Іиуя въ Израиль, нарумянивъ лицо свое и украсивъ свою голову, глядѣла въ окно, думая прельстить его своею красотою; но она была выброшена изъ окна, по приказанію Іиуя, и, раздавленная проѣзжавшею колесницею, растерзана была псами (4 Цар. 9, 30—35).

Медицина и врачи у древнихъ восточныхъ народовъ. Искусство врачеванія появилось уже въ самой глубокой древности; но въ своемъ развитіи и совершенствованіи оно должно было идти труднымъ и продолжительнымъ путемъ опыта и наблюденій. *Въ Вавилонѣ* въ древности больныхъ клали на улицу и всякій проходящій, знакомый по опыту съ какимъ-либо средствомъ въ подобной болѣзни, долженъ былъ рекомендовать его больному. *Въ Египтѣ* съ древнихъ временъ записанные рецепты испытанныхъ лѣкарствъ хранились въ храмахъ, особенно Сераписа; жрецы, обыкновенно, заучивали эти рецепты и потомъ уже рекомендовали ихъ своимъ паціентамъ, являясь такимъ образомъ первыми врачами народными.

Впослѣдствіи возникла и спеціальная профессія врачевства; появились помимо врачей-жрецовъ, спеціальные врачи. Эти опытные врачи привели въ порядокъ всѣ испытанные и строго провѣренные древніе рецепты, записали ихъ по родамъ болѣзней и такимъ образомъ явилось нѣчто въ родѣ современныхъ *фармакологій*. Съ теченіемъ времени число врачей въ Египтѣ весьма умножилось, такъ что каждая болѣзнь стала имѣть своего особеннаго врача-спеціалиста; врачи египетскіе особенно славились и считались самыми лучшими въ то древнее время, такъ что ихъ весьма часто приглашали къ своему двору цари Персидскіе. Въ Индіи уже въ IV вѣкѣ до Р. Хр. царемъ Асокою было издано повелѣніе устроить госпитали на всемъ пространствѣ его владѣній и госпитали эти процвѣтали даже въ V и VII вв. по Рожд. Христовѣ. Въ Библіи слово *врачи* упоминается въ первый разъ въ книгѣ Іова (13, 4). Со временъ царя Давида врачи существовали постоянно у евреевъ, а во время Соломона число ихъ весьма умножилось: въ Притчахъ этого царя весьма часто встрѣчаются слова „*лѣкарство*" и „*врачъ*," а у пророковъ слово *рафа*—*лѣчить*, весьма часто употребляется въ переносномъ смыслѣ. Но первоначальное искусство врачеванія сперва ограничивалось лѣченіемъ ранъ и другихъ *наружныхъ болѣзней*. Впослѣдствіи стали лѣчить и *внутреннія болѣзни* (2 Пар. 16, 12). Наконецъ, въ это же время стали лѣчить даже *душевныя* болѣзни, именно игрою на музыкальныхъ инструментахъ и при этомъ такихъ, которые своими тихими, гармоничными пріятными звуками успокаивали душу больнаго. О такомъ лѣченіи говоритъ первая книга Царствъ (гл. 16, 16—23), гдѣ, между прочимъ, повѣствуется: „когда нападалъ злой духъ отъ Бога на Саула, то Давидъ бралъ гусли и игралъ на нихъ; тогда свободнѣе дышалъ Саулъ и ему было лучше и отступалъ отъ него злой духъ." Такимъ образомъ, якобы *новый и небывалый* способъ лѣченія больныхъ *музыкою* одного англійскаго доктора, о которомъ въ концѣ прошлаго (1891) года много говорили особенно англійскія газеты, является только возобновленіемъ очень древняго, хотя и забытаго въ настоящее время, способа лѣченія.

Лѣченіе внутреннихъ болѣзней у древнихъ евреевъ стало значительно прогрессировать около времени плѣна Вавилонскаго и особенно послѣ плѣна. Въ это время искусство врачеванія перешло въ руки государственной власти,—*писцовъ*, которые очень подвинули медицину впередъ и поставили ее на такую высоту, что знаніе медицины сдѣлалось однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлаться членомъ великаго синедріона. Высшей степени своего развитія медицина достигла у извѣстныхъ іудейскихъ сектантовъ—ессеевъ. (л).

Пещерные жители экваторіальной Африки. Семь лѣтъ тому назадъ Іос. Томсонъ возбудилъ всеобщій интересъ открытіемъ пещерныхъ жителей въ одной африканской горѣ. На сѣверовосточномъ берегу озера Викторія-Ніанца находится старый вулканъ, Эльгонъ,—одна изъ высочайшихъ горъ экваторіальной Африки, высотою болѣе 14,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Какъ у подножія горы, такъ и на ея склонахъ Томсонъ открылъ большія пещеры, нѣкоторыя съ пропастями глубины недосягаемой. Въ пещерахъ этихъ живутъ сотни туземцевъ, построившихъ себѣ лачужки и выпасающихъ тамъ даже стада скота своего. Томсонъ былъ того мнѣнія, что происхожденіе этихъ пещеръ искусственное. Ничего положительнаго по этому вопросу у туземцевъ узнать не могъ, но по его мнѣнію онѣ, вѣроятно, вырыты были древними рудокопами. Обстоятельства не позволили ему произвести болѣе точныхъ изслѣдованій какъ самой горы, такъ и ея обывателей, и только нѣсколько лѣтъ спустя Ф. І. Джаксонъ, отправившійся въ экспедиціи, снаряженной Королевско-британскимъ Восточно-африканскимъ обществомъ, обошелъ эту гору, по пути въ Уганду, и пересѣкъ ея вершину съ сѣвера на югъ. Онъ еще не возвратился, но краткія донесенія его обнародованы уже въ запискахъ Королевскаго-географическаго общества.

Для изслѣдованія этой горы потребовалось ему около 8 недѣль и самый подъемъ до кратера продолжался 6 дней. Люди его сильно страдали отъ холода, и слѣдовать его примѣру другимъ караванамъ онъ не совѣтуетъ. Двое его провожатыхъ поплатились жизнью, не перенеся стужи и изнуренія. Лѣсной поясъ обхватываетъ гору на высотѣ отъ 6,000 до 9,000 футовъ, и затѣмъ къ нему примыкаетъ полоса кустарниковъ изъ вереска и грубыхъ травъ. Кратеръ въ поперечникѣ имѣетъ около 8 анг. миль, и отсюда двѣ рѣки получаютъ свое начало, прорываясь сквозь трещины его стѣнъ. Большая часть дна болотистая или покрыта травами, верескомъ и мхами. Высшая точка достигнутая путниками была 14,044 фута; другіе пики не превышаютъ 50 фут.

Растительность южной покатости гораздо роскошнѣе сѣверной: деревья выше, лѣсъ гуще и бамбукъ занимаетъ обширныя пространства. Въ этомъ лѣсу, на южной его сторонѣ, на высотѣ 7,500 фут. Джаксонъ нашелъ нѣкоторыя пещерныя жилища. По разсказамъ проводниковъ, обитатели ихъ умерщвлены враждебнымъ племенемъ Ванaнди. Внутри этихъ пещеръ было 30 продолговатыхъ хижинъ, сходныхъ съ находящимися въ Массаи. Прежде, какъ объяснялъ глава туземцевъ Кимангидтша, они жили у подошвы горы въ деревняхъ, хорошо устроенныхъ, но оттуда ихъ изгнало племя Ванaнди, и теперь селиться внѣ пещеръ они опасаются. Тогда у нихъ были цвѣтущіе сады и обиліе въ продовольственныхъ припасахъ; въ настоящее же время даже скотъ, выпасаемый по скатамъ горъ, на ночь загоняется въ пещеры.

Такимъ образомъ сообщеніе Томсона о пещерныхъ жителяхъ подтвердилось; лишь мнѣніе его объ искусственномъ происхожденіи тѣхъ пещеръ не согласуется со взглядомъ позднѣйшаго изслѣдователя. (А).

Новое средство противъ инфлуэнцы рекомендуется всѣми медицинскими журналами и газетами. Это средство, называемое антинервиномъ, далеко превосходитъ антипиринъ, и по сообщенію доктора Кэтлера, съ успѣхомъ употреблявшаго его при недавней эпидеміи въ Глогау, оно уже привлекло вниманіе всего медицинскаго міра. При его примѣненіи не слѣдуетъ обращать вниманія на его побочное неблагопріятное дѣйствіе, потому что въ общемъ антинервинъ способствуетъ быстрому ослабленію лихорадки послѣ сильнаго выдѣленія пота. Достаточно принять въ теченіе 2-хъ дней 8 порошковъ антинервина по ½ грамма каждый, чтобы остановить и ослабить силу болѣзни. Другое важное преимущество антинервина предъ антипириномъ состоитъ въ томъ, что онъ почти впятеро дешевле послѣдняго. Антинервинъ уже введенъ и съ успѣхомъ употребляется въ туринской и генуэзской королевскихъ клиникахъ. (к.)

Эмиль Зауэръ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Въ Эдинбургѣ найдена скрипка, принадлежавшая Петру Великому въ то время, когда онъ работалъ на Клейдскихъ верфяхъ. Инструментъ отличается прекраснымъ звукомъ. Чьей работы скрипка — неизвѣстно, такъ какъ стерлись буквы; но можно разобрать, что въ 1601 году скрипка эта была поправлена Балтазаромъ Данквартомъ. (к.)

Въ Гиллоганѣ въ Египтѣ найденъ недавно весьма интересный документъ на папирусѣ. Это завѣщаніе, по которому одинъ мужъ оставляетъ въ наслѣдство все свое состояніе своей женѣ. На актѣ обозначены день и мѣсяцъ его составленія и упомянуто, что онъ составленъ въ царствованіе Аменемхи III, т. е. за 2220 лѣтъ до Р. Х. Изъ этого документа видно, что уже за 4100 лѣтъ до нашего времени человѣчество достигло такой степени развитія, что считало женщину правоспособною. (к.)

Своеобразное вознагражденіе. Авганцы до сихъ поръ сохраняютъ своеобразный обычай вознагражденія за оскорбленіе. Древніе франки, готы и др. народы вносили извѣстную пеню или виру за оскорбленіе въ пользу потерпѣвшаго, авганцы же уплачиваютъ за оскорбленіе извѣстнымъ числомъ женщинъ. Въ западномъ Авганистанѣ за убійство убійца обязанъ выдать родственникамъ убитаго 12 женщинъ, шесть изъ которыхъ приносятъ еще положенное вѣно. За лишеніе руки, носа или уха отдается 6 женщинъ, за выбитіе зуба—3, за рану на лбу—1; у восточныхъ авганцевъ обычай уже начинаетъ выходить изъ употребленія, и пеню въ большинствѣ случаевъ уплачиваютъ деньгами. (к.)

Приготовленіе воска для моделей. На слабомъ огнѣ растопить 1 килограммъ желтаго воску и прибавить къ нему 130 граммъ венеціанскаго терпентина, 65 граммъ свинаго сала и 725 граммъ очищеннаго болюса. Затѣмъ влить все это въ сосудъ съ водою. Получается отличный воскъ, весьма удобный для приготовленія моделей. При растопленіи желтаго воска температура должна быть настолько низка, чтобы растопленный воскъ не брызгалъ. (к.)

Извѣстный американскій географъ, докторъ Стеффенсъ, сообщаетъ въ послѣднемъ нумерѣ *Globus'a* интересныя свѣдѣнія относительно безпримѣрнаго развитія Чикаго, мѣста будущей всемірной выставки. По его словамъ, Чикаго единственный городъ въ мірѣ, который бы въ столь короткое время такъ расширился и достигъ такого процвѣтанія. Чикаго, какъ городъ, существуетъ менѣе 60 лѣтъ. До 1833 года онъ былъ маленькимъ мѣстечкомъ въ 175 домишекъ съ 550 жителями; въ этомъ году у индѣйцевъ за $4^1/_2$ милліона марокъ были пріобрѣтены плодородныя земли, лежащія вокругъ Чикаго (нынѣшніе штаты Индіана, Мичиганъ и Иллинойсъ). Въ 1837 году Чикаго получилъ права города, уже тогда онъ занималъ $2^1/_2$ кв. мили и считалъ въ себѣ 4170 жителей. Въ настоящее время городъ раскинулся на площади въ 182 кв. мили, число же жителей его возрастало слѣдующимъ образомъ: въ 1850 г.—29,963, въ 1860 г.—109,206, въ 1870 г.—306,600, въ 1880 г.—491,516, въ 1890 г.—1.098,576. Такимъ образомъ Чикаго по цифрѣ населенія является вторымъ городомъ Соединенныхъ Штатовъ. Прибавляя къ числу жителей города число окрестнаго населенія, мало-по-малу тяготѣющаго къ Чикаго и заполняющаго его рабочимъ элементомъ, можно сказать, что въ Чикаго около 1.300,000 жителей, т. е. всего на 300,000 менѣе чѣмъ въ Берлинѣ. Изъ чудесъ этого промышленнаго города въ высшей степени замѣчательны башнеподобные дома въ 10—20 этажей (вышиною отъ 40 до 90 метровъ), построенные изъ камня и желѣза. (к.)

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что недавно въ присутствіи митрополита, регентовъ, министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ и сановниковъ происходили экзамены молодаго короля. Съ истекшимъ учебнымъ годомъ король окончилъ курсъ средне-учебныхъ заведеній и на слѣдующій годъ долженъ будетъ слушать высшія науки. Нѣтъ сомнѣнія, что молодой король, уже ранѣе зарекомендовавшій себя образцовымъ прилежаніемъ, превосходно выдержалъ всѣ экзамены и получитъ дипломъ, который будетъ сданъ въ государственный архивъ, копія же съ него будетъ опубликована. (к.)

ШАХМАТЫ.

Рѣшеніе шахматныхъ задачъ въ № 2 „Нивы" 1892 г.

№ 2. Г. Ф. Слэтера. Матъ въ 3 хода.

1. **e6—e7,** Кр. e8—d7; 2. Ф. f5+ и 3. e8 (К)≠ или 3. f7≠.

a) 1. . . . Кр. f7; 2. Ф. d5+ и 3. e8 (К)≠ или 3. d7≠.

№ 3. Г. Хохолуша и С. Гольда. Матъ въ 3 хода.

1. **Ф. f8—d8,** Кр. a4—b5; 2. Ф. d3+ и 3. Ф. b3≠.

a) 1. . . . b5; 2. Cb4, угрожая 3. Ф. : a5≠, и если 2. : b4, то 3. Ф. a8≠, если 2. Кр : b4, то 3. Ф. d4≠; если же 2. С : b4, то 3. Ф. d1≠

b) 1. . . . С. e3; 2. Ф. d3 и 3. Ф. b3≠.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ 2. Ф : b6 и 3. Ф. b3 или : c6≠.

Многіе прислали рѣшеніе: 1. Ф. f8—f3. Но при этомъ ходѣ задача рѣшается во всѣхъ варіантахъ, исключая одного—1. . . . С. d2—c3.

Правильныя рѣшенія прислали:

Обѣихъ задачъ: **С. П. Соколовъ** (Калуга), **З. И. Рехнеръ** (Одесса), **Бартошкевичъ** (Бѣлостокъ), **А. И. Левинъ** (Кіевъ) и гг. бомбардиры **Х. Каганъ** и **П. Сапожниковъ** (Павловская, Моск. г.).

№ 2: А. К. Беръ (м. Ацхуръ), **И. Ф. Штрандманъ** (Вейсенштейнъ), **П. Осинскій** (Ростовъ), **Д-ръ Райвидъ** (Тельши), **г. Гудинецкій** (Тирасполь) и **Ф. Г. Ходуновъ** (С.-Петербургъ).

Корреспонденція.

С. А. Никитину (г. Елецъ). Не можемъ напечатать вашихъ задачъ, не зная ихъ рѣшеній.

М. А. Юновидову (ст. Колѣно, Саратовской губ.). Нельзя-ли исправить нѣсколько ваши задачи. Такъ, напр., въ задачѣ № 1 бѣлые вмѣсто перваго хода—a1—g7—могутъ пойти сначала c5—b6. Переставивъ же даму съ a1 на d4, можно уничтожить это второе рѣшеніе.

И. Серебряникову (Москва). Въ настоящее время, къ сожалѣнію, нѣтъ на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе порядочныхъ руководствъ. Изъ переводныхъ мы можемъ рекомендовать вамъ Цукерторта и Дюфреня.

Болѣе или менѣе подробно изложенную теорію шахматной игры можете найти также въ *Шахматномъ Листкѣ* М. И. Чигорина за 1876—80 гг.

А. Мыслину (г. Сарапулъ). Знаки $\pm$, $\frac{+}{-}$, $\mp$, $\frac{-}{+}$ и $\frac{-}{-}$ означаютъ:

$\pm$ — партія бѣлыхъ нѣсколько лучше,

$\frac{+}{-}$ — партія бѣлыхъ значительно лучше или бѣлые должны выиграть,

$\mp$ — партія черныхъ нѣсколько лучше,

$\frac{-}{+}$ — партія черныхъ значительно лучше,

$\frac{-}{-}$ — игра равна.

Руководство Э. С. Шифферса почти готово и выйдетъ въ свѣтъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ его выздоровленія.

Рѣшеніе задачи—акростихъ № 7 (помѣщенн. въ № 5).

Ч—уха. **Р**—оса.
У—лица. **О**—пора.
Ж—аръ. **Т**—актъ.
О—пушка. **Д**—рожь.
И—волга. **Е**—ротъ.
Х—орда. **Р**—уда.
Л—ось. **Е**—саулъ.
Ѣ—да. **Т**—ура.
Б—ромъ.

„Чужой хлѣбъ ротъ деретъ".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г. **СПб.**—Т. Широкова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Екатеринославъ**—М. Катрановой.

Задача буквъ № 14.

12 а; г; 4 д; е; з; 5 л; 2 к; л; 3 м; 4 н; 6 о; 3 п; р; 2 с; 2 т; 2 у; х; щ; ъ; ы. Изъ этихъ 54 буквъ составить 9 трехсложныхъ словъ, обозначающихъ: 1) Принадлежность упряжи. 2) Туалетная принадлежность. 3) Бѣдность. 4) Птица. 5) Мѣсто склада запасовъ. 6) Хозяйственная принадлежность. 7) Смятеніе. 8) Названіе оперы. 9) Части рукъ.

Найденныя слова расположить въ такомъ порядкѣ, чтобы по среднимъ слогамъ можно было прочитать пословицу.

Рѣшеніе задачи слоговъ (ходъ коня) № 6

(помѣщенной въ № 4).

		18	21			16	11		
(5)	20	3	6	17	10	13	8	15	(1)
	5	22	19	2	7	24	47	12	
		29	4	23	48	9	14		
			1	30	25	46			(2)
			28	49	32	37			
		56	31	26	51	40	45		
(4)	54	27	50	59	38	33	36	43	(3)
	57	60	55	52	41	44	39	34	
		53	58			35	42		

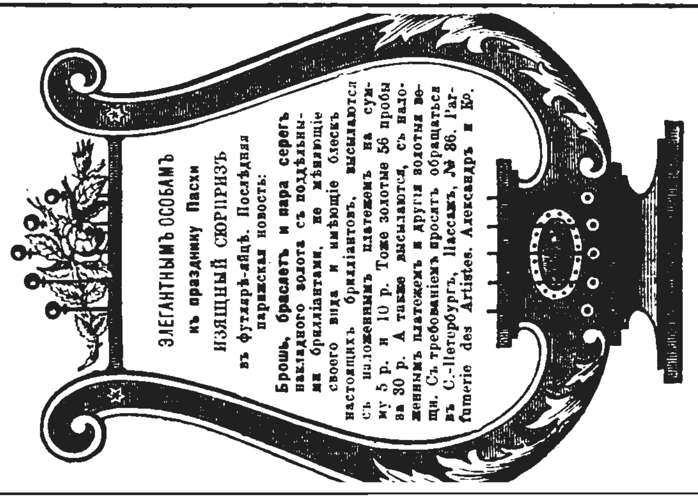
Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

А. К. Толстой.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — В. С. Кроткова, Ф. Михель, Т. Широкова; **Москва** — Студ. Матвѣева, И. Я. Романова, Л. П. Лунина, Д. Рербергъ, А. Лаврова, П. Еремина, П. Ө. К., С. В. Кононова, **Бобруйскъ** — Е. Мольской; **Брянскъ**—А. Клементьева; **Бараново**—В. Н. Макарова; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Вильно**—Т. Лопатина; **Витебскъ** — Д. Ш. Заблудовскаго; **Екатеринодаръ**—О. Илличъ; **Ивангородъ**—Т. Соколовской; **Калуга**—С. П. Соколова; **Касимовъ** — К. Штейертъ; **Одесса** — Н. Гольбской, М. Юрьева; **Остеръ** — М. С.; **Рязань**—П. Постникова; **Рыбинскъ**—Е. Разговорова; **Спасское** — М. Крузенштернъ; **Суджа** — А. С. Гралевской, **Харьковъ** — Д. Н. Войниловича; **Царское село** — Вадима; **Ялта**—Н. А. Сидорова.

ПРИ СЕМЪ № ПРИЛАГАЮТСЯ: 1) **СБОРНИКЪ „НИВЫ" за МАРТЪ;** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ 1892 г. съ 28 рис. и отд. лист. съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 35 рис. рукодѣл. работъ.**

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

рекомендуетъ № 5647 (3)

Генрихъ
ЖЕМЛИЧКА
Москва, уг. Тверской и Стараго Газетнаго переулка, д. Фальцъ-Фейнъ, велосипедный магазинъ № 19.

ВЫИГРЫШНЫЕ билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, № 5649
8—2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°.
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.
П. № 5667 5—1

На Пасху предлагаю изящныя брошки, последняя парижская новинка. Онѣ сдѣланы изъ серебра 84 пр. съ позолотою и украшены жемчугами и бирюзою (Imit.). Имѣются слова: **„На память, Souvenir, Вѣра, Надежда, Любовь, Екатерина, Марія, Софія“.**
ФУТЛЯРЪ ВЪ ВИДѢ ЯИЧКА.
Шт. 5 руб. Пара 9 руб. Перес. налож. плат.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА
Ягодный Хвойникъ) имѣется у Сергѣя Зиновьевича Орлова, г. Бузулукъ, Самарской губер., д. Жуковой. Ц. № 5672.

ОСВѢЖАЮЩАЯ **ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ** (Invigorating Lavender Salts).

Новая, весьма пріятнаго запаха, нюхательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то пріятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящ. въ флаконѣ, закупоренн. короною. **THE CROWN PERFUMERY C° 177 New Bond Street, London.** Прод. во всѣхъ лучш. парфюмерн. магазин.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.
Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.*
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1848 года.
Многочисленныя благодарности за высокое достоинство стеколъ

и изящество оправъ.

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА!
Экономія съ изяществомъ.

Очки и пенсне въ оправахъ изъ настоящаго накладнаго золота (**Double d'or**). Оправы эти, сильно отличаясь въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, **тѣмъ не менѣе прочнѣе послѣднихъ, ибо покрытыя золотой пластинкой, не допускаютъ ломкости; самая оправа имѣетъ видъ настоящей масс. золотой.**— **Цѣна** съ перископическими (Periscopique) **стеклами, шлифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, укрѣпляющими зрѣніе, съ пересылкой 4 руб.**

Примѣчаніе. При заказахъ слѣдуетъ обозначать, какія требуются стекла, т. е. для близорукаго или дальнозоркаго, на какомъ разстояніи заказчикъ ясно различаетъ предметы, употреблялись-ли имъ уже ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ?
Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, ул. Королевская, № 49—8.
Заказы исполняются точно и добросовѣстно. Прейсъ-курантъ безплатно.
Высылаются и наложеннымъ платежемъ. № 5263

и изящество оправъ.

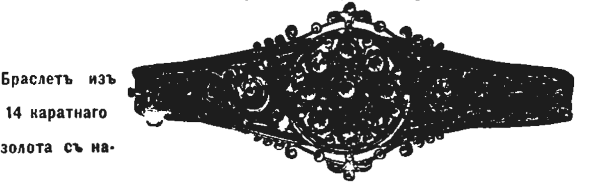
Многочисленныя благодарности за высокое достоинство стеколъ

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет-№ 5607 скаго моста, домъ № 7—2. 26—5
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ
А. Я. ПАНАФИДИНА,
СПБ., внутри Гостин. двора, 27.
Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу № 5669
ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ КНИГЪ
по всѣмъ отраслямъ науки, имѣющій въ себѣ 500 стран.
Ц. 40 к., съ перес. Выписыв. съ наложеннымъ платежемъ приплачив. 10 к. за платежъ.

R. № 5676 (1)
ФАБРИКА
ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)
высылаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ **массивнаго 14 каратнаго золота** съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причемъ самая стоимость можетъ быть присылаема русскими кредитными билетами или почт. марк.

Браслетъ изъ 14 каратнаго золота съ на-

стоящимъ жемчугомъ 28 р. 50 к.

Кольца изъ 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами.

№ 1589 11 рубл.

№ 1597 8 рубл.

№ 1592 12 рубл.

№ 1 95 11 р. 40 к.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Главный складъ у Василія АУРИХЪ. С.-Петербургъ. Колокольная, № 18/19.

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одну 7 к. марк. выс. услов. Одесса, Дериб., проф. кал. Конидарисъ.

Вышло новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ВЪ НЕБЕСАХЪ.
Астрономическій романъ **К. Фламмаріона.** 2-е дополненное изданіе съ 85 рисунками (35 новыхъ рисунковъ). **Цѣна 75 коп.**

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА БАРСЪ
ПРОДАЖА ВЕЗДѢ
Москва, Петровка, у зубн. врача
№ 5681 **Р. А. БАРСЪ.** 4—1

П. № 5480 12—5

I. BUREAU DE
PLACEMENT FRANÇAIS
pour institutrices, gouvernantes et bonnes de M-me S. Scheithauer (Suissesse), institutrice française à Dresde. Ц. № 5658
3—3

Англійскіе велосипеды завода Зингера и К° въ Ковентри, рекомендуетъ **Генрихъ ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, спеціальный велосипедный магазинъ № 19. № 5638
6—4
Высылается прейсъ-курантъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЗОНТИЧНАЯ И БѢЛЬЕВАЯ
№ 5670 **фабрика** 2—1
В. Ф. СПѢХИНА
Имѣетъ честь увѣдомить **гг. торговцевъ,** что къ предстоящему сезону заготовленъ громадный выборъ зонтиковъ и бѣлья новѣйшихъ рисунковъ и фасоновъ.
Желающимъ высылается подробный прейсъ-курантъ. Садовая ул., д. № 29.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15 14

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

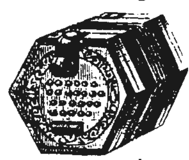
КУСОКЪ 30 к. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ
П. П. ГНѢДИЧА
для театра, для любит. и домашн. спект.
1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** К. въ 2 д.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйств.
Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

АНГЛІЙСКОЕ

КОНЦЕРТИНО

Инструментъ очень пріятнаго тона, съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно играть послѣ короткаго упражненія всевозможныя пьесы со всѣми нюансами.

СОПРАНО 48-тонныя въ 24, 30, 40, 50, 65, 85, 100, 125 и 140 р., 56-тонныя въ 160 и 200 р.

Баритоны 48-тонные въ 85 и 140 руб.

Самоучитель Пруссака 2 руб.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Большой выборъ нотъ для англійскаго концертино.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

арм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.

ольш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.

Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ ѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго инокля“. № 5677 2—1

Предостережен. Вслѣдствіе усиленнаго проса на наши универсальн. бинокли „Аргусъ“ и „Лилипутъ“, появились разн. дешев. о крайне плохія поддѣлки, поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящіе бинокли нашей фабрики, родаются въ Россіи только въ ниже указанномъ складѣ.

пеціальн. фабр. оптическ. инструментовъ

Е. КРАУСЪ и К°.

въ Парижъ, Rue de Bondy, № 32.

ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ:

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

ллюстр. прейсъ-курантъ оптическ. и фотограф. прибор. высыл. безплатно.

УЖЕНЬЕ РЫБЫ

усовершенствованными способами.

Соч. Барона П. І. Черкасова.

мѣетъ выйти въ теченіе 92 года. Подписа принимается у издателя, Барона П. І. еркасова, Казань, Вознесенская ул., д. Журавлева. № 5668.

Подписная цѣна три рубля, включая пересылку.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

КАУЧУКОВЫЙ

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.

Главное депо: Невская аптека магистра А. Берггольца. Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 5674

Цѣна коробки 40 коп.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. — **С.-Петербургъ** В. Морская, 21.

Только что отпечатана и поступила въ продажу новая книга:

КУРСЪ ЛѢСОВОДСТВА

ДЛЯ ЛѢСНЫХЪ ШКОЛЪ И ДЛЯ

ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И УПРАВЛЯЮЩИХЪ ИМѢНІЯМИ.

Составилъ **Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.**

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Большой томъ in-8°, въ 388 страницъ, **съ 25-ю рисунками въ текстѣ,** на лучшей веленевой бумагѣ. СПБ. 1892 годъ. **Цѣна 2 р.,** съ пересылкою **2 р. 30 к.**

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько хорошихъ учебниковъ и руководствъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ лѣснаго хозяйства: по лѣсовозращенію, лѣсоохраненію, таксаціи и лѣсоустройству, **но нѣтъ стоящихъ на высотѣ современнаго знанія руководствъ, гдѣ бы всѣ эти отрасли лѣсоводства соединены были въ сжатомъ объемѣ.** Пополнить этотъ пробѣлъ и имѣлъ въ виду авторъ. Руководство его назначается, кромѣ школъ, для тѣхъ лѣсовладѣльцевъ, которые не стремятся быть лѣсничими высшей формаціи, а ощущаютъ необходимость, съ одной стороны, **быть въ состояніи сами руководить несложными лѣсными работами, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣснаго спеціалиста, а съ другой, имѣя большое интенсивное хозяйство, желаютъ быть настолько свѣдущими, чтобы съ пониманіемъ дѣла слѣдить за дѣйствіями своихъ лѣсничихъ.** Имя г. Арнольда, извѣстнаго автора „Русскаго Лѣса“, уже ручается за высокія достоинства книги, которая должна сдѣлаться настольною для всякаго лѣсовода. Съ обширными спеціальными познаніями авторъ соединяетъ необыкновенную ясность и точность изложенія, столь необходимыя для яснаго же и точнаго пониманія.

Требованія на книгу просятъ адресовать въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“, Невскій просп., д. 6, и кромѣ того книга эта находится во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

употребляется вмѣсто мыла для стирки бѣлья, чиститъ, дезинфецируетъ и сохраняетъ его. № 5675 3—1

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ превосходное средство для мытья всякихъ матерій, какъ-то: платьевъ, портьеръ, мебельныхъ чехловъ и проч., а равно и для чистки и мытья металлическихъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, стеклянной и фарфоровой посуды, половъ, лѣстницъ и проч.

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ удостоенъ за-границею награды 21 медали.

На пробу высылаются ящики въ 3 пуда по 4 р. за пудъ франко станціи Петербургъ. Главный представитель для всей Россіи: **Л. Минлосъ.** С.-Петербургъ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (6)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

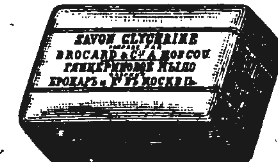
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ № 5633 8—5

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Собственный магазинъ: Невскій, 30, въ С.-Петербургѣ.

ФАБРИКА

МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 86.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 5656 3—3

КУЗЬМИЧЕВА ТРАВА

съ описаніемъ ея приготовленія и употребленія высылаетъ наложеннымъ платежемъ за одинъ рубль № 5671.

АПТЕКАРСКІЙ МАГАЗИНЪ

Н. И. ШМИДТЪ въ Саратовѣ.

№ 5665 3—1

САРПИНКА

РУЧНОЕ ТКАЧЕСТВО ДЛЯ ДАМСКИХЪ и ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ

ФАСОННЫЯ и ГЛАДКІЯ НОВОСТИ

на лѣто 1892 года

РОЗНИЧНАЯ и ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

АЛЬБОМЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЫСЫЛАЮТЪ СЪ ДЕКАБРЯ М-ца за 40 коп., присланныхъ почтовыми марками въ заказномъ письмѣ **ВЪ САРАТОВЪ,**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

САРАТОВЪ, пассажъ Лаптева.

ОТДѢЛЕНІЯ:

МОСКВА, Петровка, между Кузнецкимъ и Салтык. пер., прот. маг. Вандрагъ.

Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. Х. Юшкова.

въ **Тифлисѣ** съ Ноября 1891 г.

ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“

Ц. № 5469 10—9

XXIII г. № 11

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 14 марта 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Подъ зонтикомъ. Ориг. рис. Князева, грав. fac simile Флюгель.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Тоня сталъ жить совершенно иною жизнью. Когда онъ не говорилъ съ Мареой Яковлевной о Тарасѣ, то садился у окна на стулѣ, глядѣлъ во дворъ, гдѣ то и дѣло запрягали и отпрягали экипажъ; глядѣлъ черезъ высокую каменную стѣну на улицу, гдѣ проѣзжалъ и проходилъ всякій народъ, но мысли его были не о томъ, что̀ было предъ глазами.

Наконецъ Тоня началъ прихварывать, и вмѣсто того, чтобы жаловаться на то, что̀ у него болитъ, жаловался Мареѣ Яковлевнѣ на то, что нѣтъ Тараса.

— Хоть бы повидать его одинъ разочекъ! Хоть на одинъ часочекъ! объяснилъ однажды Тоня.

Разумѣется вскорѣ князь замѣтилъ перемѣну въ сынѣ и однажды вечеромъ заговорилъ объ этомъ съ нимъ, а затѣмъ и съ няней.

Мареа Яковлевна объяснила причину прямо.

— Тарасъ?!.. воскликнулъ князь.

— Вѣстимо, ваше сіятельство, онъ горюетъ по Тарасѣ Мосѣичѣ.

— И отъ этого боленъ!? снова воскликнулъ князь.— Какъ не стыдно тебѣ лгать на старости лѣтъ и выдумывать!

— Она не выдумываетъ, выговорилъ глухо Тоня.— Это правда. Я Тараса люблю. Я думаю о немъ и день и ночь.

Къ немалому удивленію и няни, и мальчика, князь перемѣнился въ лицѣ и заговорилъ такъ, какъ Тоня еще никогда не слыхалъ.

— Я тебѣ это запрещаю! воскликнулъ Яхтомскій.— Ты не долженъ смѣть думать о немъ, а не только прикидываться, чтобы меня разжалобить. Въ эти годы, да начать комедіянствовать!? Мареа Яковлевна сдуру вообразила, что достаточно ей и тебѣ прикинуться огорченными, и что я сейчасъ же верну въ домъ мерзавца.

Князь былъ настолько разсерженъ, что, боясь какого-либо лишняго слова, которое сорвется съ его языка, быстро повернулся и вышелъ изъ горницы. Онъ даже не замѣтилъ, какими изумленными глазами смотрѣла на него Мареа Яковлевна, и не замѣтилъ, какъ горько заплакалъ Тоня, услыхавъ слово „мерзавецъ“.

Это объясненіе съ княземъ странно подѣйствовало на Мареу Яковлевну. Она будто въ самомъ дѣлѣ надѣялась на перемѣну въ судьбѣ оклеветаннаго старика.

На другой же день, не говоря никому ни слова, Мареа Яковлевна вышла изъ дому и вернулась довольно поздно. На слѣдующій день она опять исчезла надолго. На третій день она поднялась ранехонько и тоже ушла.

Тоня проснулся, и не найдя Мареы Яковлевны на ея обычномъ мѣстѣ, напился чаю одинъ и, удивляясь, сталъ ждать няню. Мареа Яковлевна явилась только въ сумерки.

— Что̀ съ тобой дѣлается? изумленно и печально присталъ къ ней Тоня.—Куда ты пропадаешь? Никуда, никуда не ходила, а теперь пропадаешь третій день.

— Такія обстоятельства! лукаво улыбаясь отозвалась Мареа Яковлевна.—Обожди еще денекъ или два, и я тебѣ скажу, куда я пропадаю. И тогда мы съ тобой вмѣстѣ пропадемъ часочка на два.

Тоня будто почуялъ что-то и улыбнулся.

III.

Мареа Яковлевна, возмущенная послѣднимъ объясненіемъ съ княземъ по поводу Тараса, а равно и ради любви къ своему питомцу, рѣшилась на простое и вмѣстѣ съ тѣмъ опасное предпріятіе. Она рѣшилась хлопотать, чтобы доставить возможность Тонѣ повидаться съ заключеннымъ другомъ.

Когда Мареа Яковлевна прямо объяснила это Тонѣ, мальчикъ ахнулъ, бросился къ ней на шею и долго душилъ въ объятіяхъ. Съ этой минуты Тоня нѣсколько ожилъ и жилъ только одной мыслью, однимъ ожиданіемъ—повидаться съ Тарасомъ.

Еще раза два отлучалась няня изъ дому и принесла наконецъ радостную вѣсть. Черезъ день, около полудня, Тараса должны были провести изъ острога въ кварталъ, для снятія новаго допроса.

Мареа Яковлевна якобы вызвалась сообщить кое-что по дѣлу о кражѣ, и квартальный надзиратель приказалъ ей явиться тоже въ тотъ же часъ.

Няня все предусмотрѣла впередъ и уже истратила около пяти рублей на разные чаи. Все было улажено. Приведенный изъ острога Тарасъ долженъ былъ остаться одинъ въ горницѣ, гдѣ сидѣлъ только писецъ, и сюда же должна была придти она, захвативъ съ собою своего якобы племянника.

Оставалось только одно—придумать, какъ нарядить племянника. Надо было снять съ него модное платьице и надѣть какой-нибудь кафтанчикъ и сапоги похуже. Но въ этомъ видѣ какъ выйти изъ дому незамѣченными? Наконецъ и это было придумано.

Однажды около десяти часовъ утра Тоня и Мареа Яковлевна собрались якобы на военное ученье. На ихъ счастье уже давно было заведено, что ихъ утреннія прогулки куда-либо ни отъ кого не зависѣли. Они могли выйти не спрашиваясь ни у княгини, ни у князя.

На этотъ разъ, разумѣется никому не сказавшись, они объяснили только на всякій случай горничной, приставленной къ дѣтскимъ горницамъ, что идутъ поглядѣть на военное ученье на дворцовомъ плацу.

Черезъ полчаса они были уже въ маленькой квартиркѣ пріятельницы Мареы Яковлевны, жившей на Гороховой. Здѣсь Тоня, несказанно счастливый и радостный, надѣлъ чистую русскую красную рубашку, кафтанъ и натянулъ простые, грубовато сдѣланные сапоги, которые были немного широки и шлепали. А затѣмъ, нанявъ извозчика, Мареа Яковлевна и ея племянникъ, паренекъ изъ простонародья, явились въ кварталъ и прошли въ грязную, пустую горницу.

Тоня сѣлъ у окна и жадно, не спуская глазъ, смотрѣлъ на улицу, по которой долженъ былъ прибыть Тарасъ.

Въ этой комнатѣ, помимо Мареы Яковлевны, былъ только одинъ писецъ, который, не отрываясь отъ стола, скрипѣлъ гусинымъ перомъ по бумагѣ. Только изрѣдка обтиралъ онъ перо объ волосы—бѣлокурыя кудри и, обмакнувъ его въ чернильницу, снова начиналъ скрипѣть, не обращая никакого вниманія на двухъ постороннихъ лицъ.

Прошло около получаса въ ожиданіи, и вдругъ Тоня, смотрѣвшій на улицу, вскрикнулъ и закрылъ лицо руками.

— Что ты? ахнула Мареа Яковлевна.

Тоня замоталъ головой и не отвѣтилъ ни слова. Женщина посмотрѣла въ окошко и тоже если не ахнула, то двинулась ближе къ стекламъ, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ и желая убѣдиться.

По улицѣ тихо двигался человѣкъ въ длинномъ сѣромъ кафтанѣ, или халатѣ, котораго и она сразу узнала, хотя Тарасъ казался постарѣвшимъ на много лѣтъ. На правомъ рукавѣ его, выше локтя, была нацѣплена веревка петлей, конецъ которой держалъ въ рукахъ

шедшій за нимъ будочникъ, съ большой алебардой на плечѣ.

Хожалый велъ преступника къ допросу „на цукундерѣ“ единственно въ силу обычая, такъ какъ попавшіе волокитѣ въ руки отнюдь не намѣревались загодя спасаться отъ суда бѣгствомъ, а еслибъ возъимѣли это намѣреніе, то, конечно, веревочка не могла бы удержать ихъ въ рукахъ правосудія.

Казалось, этотъ обычай — водить по городу находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ—имѣлъ скорѣе какое-то символическое, устрашительное значеніе. Всякій прохожій, видя хожалаго, ведущаго на веревочкѣ другаго человѣка, зналъ, что это преступникъ. Но убійца ли это, бѣжавшій ли каторжникъ, попавшійся вновь, простой ли буянъ, или человѣкъ стащившій на толкучкѣ съ лотка грошевый товаръ, — на это видимыхъ признаковъ не было.

Тоня не разъ, гуляя въ городѣ съ Тарасомъ, видѣлъ такихъ людей на веревочкахъ и всегда озирался на нихъ съ трепетомъ, чуя въ нихъ нѣчто страшное, себѣ непріязненное и равно враждебное всему окружающему. Въ каждомъ такомъ человѣкѣ ему представлялся звѣрь-человѣкъ. И вдругъ теперь, тотъ же старикъ, его „Тарасинька“, обожаемый имъ, оказался такимъ же звѣремъ-человѣкомъ. Его ведутъ сюда такъ же, какъ водятъ убійцъ.

Горе, охватившее Тоню, настолько было велико, что онъ очнулся, когда старикъ-лакей уже былъ въ горницѣ. Вскрикнувъ отъ удивленія и счастія, старикъ кинулся къ своему князьку, всталъ на колѣни передъ его стуломъ и, обнявъ, началъ покрывать поцѣлуями его руки и колѣни.

— Тарасинька... Тарасинька!.. могъ только повторять мальчикъ, заливаясь слезами.

Наконецъ онъ обхватилъ голову Тараса руками, припалъ щекой къ его небритому лицу и стихъ. Мароа Яковлевна отошла въ сторону и утирала слезы. А плакала она въ жизни рѣдко.

Писецъ пересталъ тоже скрипѣть перомъ по бумагѣ и глупо-изумленными глазами смотрѣлъ на неожиданное зрѣлище.

„Должно-быть сынъ или внученокъ стараго“, думалось ему.

И затѣмъ писецъ, двадцать лѣтъ работавшій при полиціи, рѣшилъ дѣло по-своему:

„И хорошо, что попался старый, подумалъ онъ.—А то бы внученка обучилъ тому же самому, за что́ теперь сидитъ въ острогѣ и въ Сибирь пойдетъ.“

Старикъ и мальчикъ пробыли вмѣстѣ около четверти часа, но почти ни о чемъ не говорили и ничего не разспросили другъ у друга. Оба плакали, глядя другъ на дружку. Тарасъ успѣлъ только одно сказать своему князинькѣ:

— Не вѣришь и не вѣрь, золотой мой. Не вѣрь, что я виноватъ въ чемъ... Ни въ чемъ я не виноватъ. Наказалъ меня Господь за гордость, за мудрствованіе. И все это мнѣ и слѣдъ. Подѣломъ! Пойду я въ Сибирь, тамъ больше о Богѣ думать буду, чѣмъ здѣсь. Душу свою спасу. А здѣсь грѣшную жизнь велъ. Не забывай меня, золотой мой. А пуще всего молись Богу и утромъ, и вечеромъ и, молясь, не забывай меня въ своей молитвѣ отрочей. Поминай Тараса и проси Господа Бога спасти его. Да не отъ сибирскихъ предѣловъ, а отъ грѣха земнаго.

Тоня слушалъ, замирая всѣмъ существомъ, но сквозь какой-то туманъ. Мальчикъ очнулся вполнѣ только тогда, когда Тарасъ, позванный на допросъ, сталъ прощаться съ нимъ, тихо обливаясь слезами, которыя ручьемъ текли по его исхудалому лицу.

— Ну, прости, ангелъ мой... заговорилъ старикъ.— Не забывай, что́ я скажу... Люби и почитай родителей своихъ, повинуйся имъ, не раздражай ихъ... Не осуждай никого, чтобы тебя пуще не осудили. Выростешь, помни о себѣ, своихъ прегрѣшеніяхъ; не полагай себя лучше, безгрѣшнѣе другихъ... Накажетъ Господь за гордость... Претерпишь... Поставитъ тебя Господь ниже малыхъ, хуже злыхъ. Вотъ былъ я гордъ, возмнилъ объ себѣ. И вотъ я въ злодѣяхъ нынѣ. Острожникъ! Сибирнымъ буду... Заучи, Тоничка, молитву, что я тебѣ далъ, и тверди часто. Что́ за дѣло, что она великопостная. И живи по ней... И благо всякое тебѣ будетъ и уврачеваніе душѣ твоей... Ну, прости... Я за тебя ежеденно молиться буду... На томъ свѣтѣ свидимся... Всѣ предстанемъ предъ Всевышнимъ Судьей.

Тарасъ обнялъ мальчика и долго держалъ въ своихъ объятіяхъ. Тоня зарыдалъ.

— Тарасинька, буду большой, я тебя изъ Сибири верну, выговорилъ онъ чрезъ рыданія.

— Не дожить мнѣ до этого, Тоничка... Да и зачѣмъ? Я тамъ лучше душу свою упасу.

Тоня не помнилъ, какъ разстался со старикомъ, какъ затѣмъ уже очутился на улицѣ и шелъ около Мароы Яковлевны, утиравшей себѣ лицо платкомъ.

— Грѣхъ! Грѣхъ! Не проститъ это имъ Господь, шептала она.—Накажетъ. Погляди какъ накажетъ.

„Да, накажетъ!.. подумалъ и Тоня. — А кого? Отца и мать?.. Вѣдь они это сдѣлали. Отецъ виноватъ, что не заступился... А мать... да! пуще...“

IV.

Ректоръ Петербургскаго коллегіума имѣлъ основаніе думать, что съ кончиной императора Павла и вступленіемъ на престолъ новаго императора дѣло іезуитовъ въ Россіи окончательно потеряно.

Отецъ Гавріилъ не счелъ нужнымъ узнать по пріѣздѣ въ Петербургъ ни личности наслѣдника престола, ни его окружающихъ. Предполагая долголѣтнее царствованіе императора Павла, онъ былъ сильно занятъ лишь однимъ дѣломъ — приблизиться къ нему, сдѣлаться его довѣреннымъ лицомъ и сойтись съ его любимцами. Кто же могъ предполагать, что императоръ процарствуетъ всего четыре съ половиной года?..

Новый государь и перемѣна правительственныхъ лицъ застали отца Гавріила врасплохъ. Оставаясь въ томъ же городѣ, въ стѣнахъ того же отвоеваннаго дома, Груберъ очутился въ такомъ положеніи, какъ если бы вдругъ переѣхалъ въ другія стѣны и въ другой городъ.

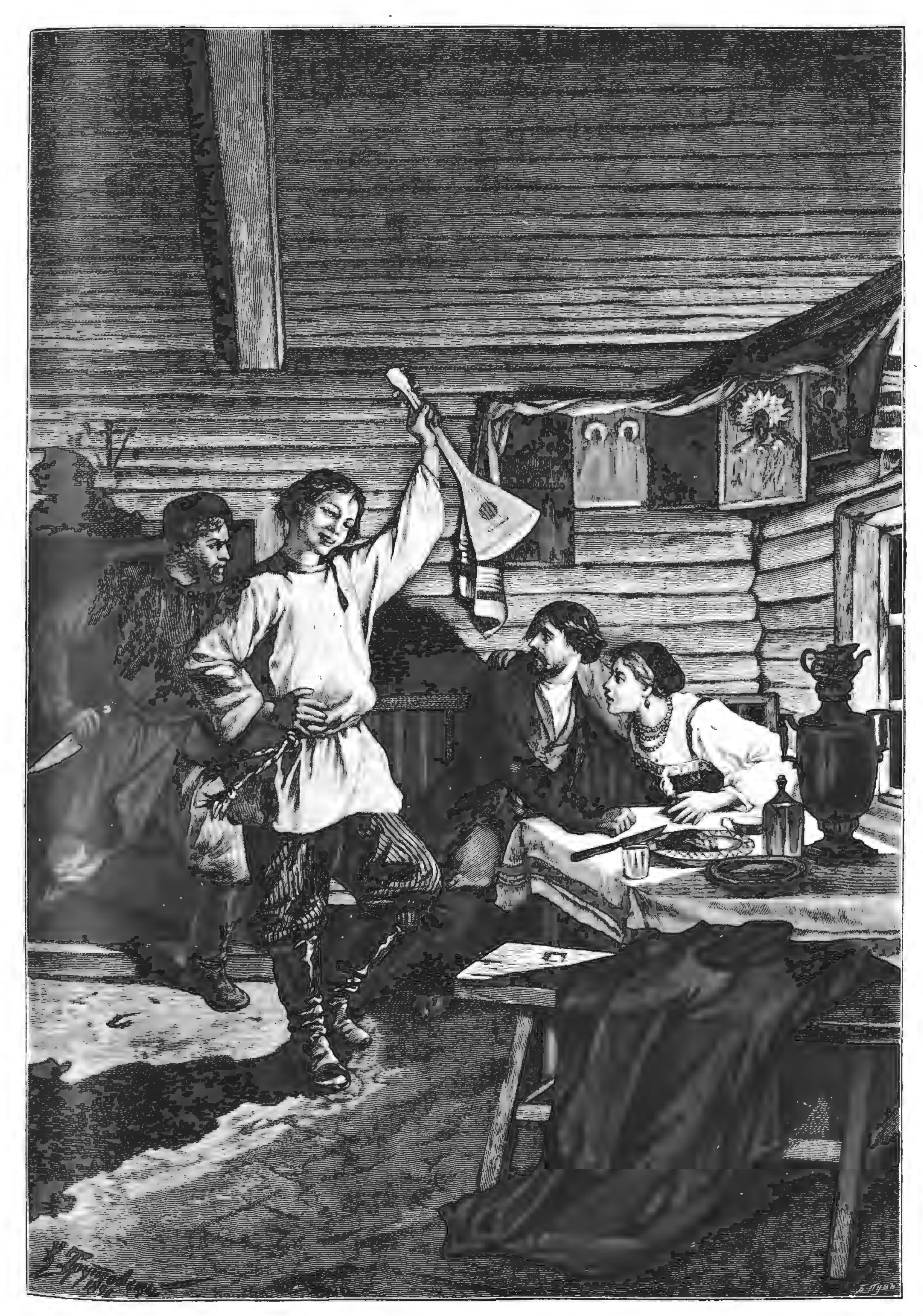
Вчера у него было много друзей — сильныхъ міра сего; вчера онъ могъ, когда вздумаетъ, садиться въ карету и ѣхать прямо съ докладомъ или просьбой къ самому монарху. Сегодня онъ попалъ въ положеніе простаго духовнаго лица, какого-то приходскаго священника, вѣдающаго храмъ и принадлежащіе ему дома. Но у всякаго такого священника есть начальство, черезъ которое онъ можетъ добиться того, чего желаетъ и отъ котораго зависитъ. Отецъ Гавріилъ не имѣлъ никакого начальства, былъ независимъ и при этой независимости совершенно одинокъ. Слѣдовательно, онъ былъ въ зависимости отъ всякихъ случайностей, отъ перваго лица, которое пожелаетъ возвратить церковь Святой Екатерины римско-католическому митрополиту, а его, простымъ приказомъ по полиціи, вышлетъ вонъ изъ Петербурга обратно въ Полоцкъ.

Всѣ люди, съ которыми Груберъ сошелся, былъ близокъ, которые сначала ему покровительствовали, а затѣмъ были съ нимъ на равной ногѣ,—всѣ исчезли, попрятались, или выѣхали, невѣдомо куда.

Изъ числа приближенныхъ новаго государя, у Грубера не было ни одного друга. Въ первые же дни новаго царствованія, іезуитъ увидѣлъ, что новое правительство косо смотритъ на него, а могущественный въ эти дни до своевольства графъ Паленъ—его личный врагъ. Впрочемъ, при встрѣчѣ съ Паленомъ, Груберъ видѣлъ, что Паленъ относится къ нему не столько

Петербургскіе уличные типы. Продавецъ дудокъ и корзинъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Куренного, грав. Хельмицкій.

Литературный альбомъ. „Хуторокъ“ Кольцова. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) академика Трутовскаго, грав. Пуцъ.

съ ненавистью, сколько съ крайнимъ презрѣніемъ и насмѣшкой.

До Грубера дошло выраженіе Палена, что іезуиты— ядовитые клопы и что персидская ромашка на нихъ уже заготовляется.

На счастіе и къ великому восторгу іезуитовъ, зазнавшійся, какъ говорили въ столицѣ, графъ Паленъ вдругъ потерялъ все и исчезъ изъ Петербурга, посланный жить въ собственномъ имѣніи въ Прибалтійскомъ краѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ врагъ іезуитовъ, митрополитъ Петербургскій, пользовался особенной благосклонностью новаго государя, а другой злѣйшій врагъ Грубера, недавно побѣжденный имъ, митрополитъ римско-католическій, былъ прощенъ и ожидался вновь въ Петербургъ.

„Стало-быть, все погибло! думалъ и восклицалъ отецъ Гавріилъ.—Но неужели же дѣйствительно все погибло?"

Хватаясь, какъ утопающій, за соломинку, Груберъ старался сохранить пріятельскія отношенія съ тѣми людьми, на которыхъ прежде смотрѣлъ свысока, считая людьми мало-способными и малозначущими.

Въ числѣ этихъ лицъ оказалось одно, къ которому іезуитъ еще недавно относился ласково, но ухаживать за которымъ считалъ лишнимъ. Теперь этотъ человѣкъ вдругъ случайно оказался полезнымъ. Съ новымъ царствованіемъ его положеніе измѣнилось, и онъ вдругъ, къ изумленію Грубера, изъ простыхъ помощниковъ іезуитовъ могъ сдѣлаться ихъ покровителемъ.

Это былъ экс-посланникъ сверженнаго съ престола, но признаваемаго Россіей, Сардинскаго короля, графъ Де-Местръ, ревностный католикъ, но вдобавокъ ярый папистъ до мозга костей. Безъ всякой наклонности сдѣлаться истиннымъ іезуитомъ, онъ, однако, наивно относился къ ордену, искренно вѣруя, что орденъ Іисуса долженъ быть главнымъ краеугольнымъ камнемъ для процвѣтанія католицизма, главнымъ устоемъ для престола римскаго первосвященника.

Графъ Де-Местръ былъ человѣкъ очень образованный, начитанный, но нѣсколько ограниченный. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ свѣтскій человѣкъ, имѣлъ обширныя знакомства и обширныя связи въ Петербургѣ. Его повсюду любили и принимали съ распростертыми объятіями, потому что онъ былъ идеаломъ свѣтскаго человѣка: болтливъ и занимателенъ. Графъ былъ и политикъ, и богословъ-проповѣдникъ, и философъ, и поэтъ, и острякъ-каламбуристъ. Но прежде всего—папистъ. Его прозвище въ Европѣ и Россіи, характерное и точное, было: Voltaire à l'envers. Въ одинъ вечеръ его можно было увидѣть въ гостяхъ съ богословской или философской книгой или съ Апокалипсисомъ въ рукахъ, разъясняющимъ самыя темныя мѣста, никому непонятныя, но для него, искренно убѣжденнаго, совершенно ясныя. А затѣмъ, черезъ полчаса, его уже можно было видѣть показывающимъ хорошенькой дѣвушкѣ chassé и croisé, или трудное pas мателота, или граціозный реверансъ менуэта.

Оказалось нѣчто, о чемъ Груберъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, такъ какъ оно еще недавно не могло быть для него любопытнымъ. Графъ Де-Местръ, забавный собесѣдникъ, бывавшій повсюду безъ всякой задней мысли, ради развлеченія, часто приглашался въ тѣ дома, гдѣ на вечерахъ бывалъ и наслѣдникъ престола, нынѣ царствующій государь.

Де-Местру былъ крайне симпатиченъ, какъ и очень многимъ, мягкій, снисходительный, любезный, всѣмъ интересующійся и любознательный Александръ Павловичъ. Разумѣется, ученику Лагарпа долженъ былъ нравиться и графъ Де-Местръ. Если это были два разныхъ человѣка, то гуманитарный лоскъ на нихъ былъ одинъ и тотъ же.

Когда Де-Местръ первый разъ представился новому императору—онъ былъ благосклонно принятъ и ему было обѣщано покровительство.

Такимъ образомъ теперь ректоръ Петербургскаго коллегіума, очутившись вдругъ одинокимъ и беззащитнымъ, нашелъ новаго покровителя въ лицѣ человѣка, къ которому еще недавно относился свысока своего умственнаго превосходства. Это было, конечно, соломинкой, за которую ухватился утопающій, и благодаря не столько крѣпости этой соломинки, сколько ловкости погибающаго Грубера, все дѣло отцовъ-іезуитовъ воспрянуло изъ волнъ, грозившихъ поглотить его, и очутилось на берегу.

Прежде всего Груберъ добился увѣренія, что его не тронутъ, что церковь Святой Екатерины и все имущество попрежнему останутся во власти ордена.

Но не прошло мѣсяца со вступленія на престолъ императора Александра, какъ посмѣлѣвшій Груберъ уже сталъ усиленно хлопотать о дѣлѣ, имѣвшемъ громадное значеніе.

Папа Пій VII, по настоятельной просьбѣ покойнаго императора, отмѣнилъ буллу Dominus ac redemptor и вновь призналъ формально существованіе іезуитскаго ордена въ Россіи. Отвѣтъ и „бреве" Пія VII былъ давно полученъ въ Петербургѣ, но оставался какъ бы подъ спудомъ. Русское правительство какъ бы игнорировало его. Но маленькій человѣчекъ съ огромной головой, недавно мечтавшій лишь о томъ, чтобы остаться въ стѣнахъ дома церкви Святой Екатерины, постепенно снова посмѣлѣлъ, снова готовъ былъ вступить въ борьбу со всѣми своими врагами и съ митрополитомъ Сестренцевичемъ. И онъ смѣло вновь началъ кампанію, конечно, черезъ графа Де-Местра, не смущаясь тѣмъ, что почва будетъ теперь не столь благопріятна для процвѣтанія ордена.

Но, видно, орденъ уже отрастилъ глубокіе корни. Груберъ, самъ того не ожидая, пожиналъ плоды посѣяннаго прежде. Въ петербургскомъ высшемъ обществѣ оказалось такъ много прозелитовъ, такъ много тайныхъ ренегатовъ своей вѣры, что у графа Де-Местра нашлись помощники и въ высшемъ свѣтѣ, и при дворѣ, и въ средѣ приближенныхъ государя.

Были люди между членами правительства, которые считали іезуитизмъ язвой въ государствѣ, но либо изъ лѣни, либо изъ равнодушія, либо изъ желанія услужить пріятелю, относились къ ордену пассивно: не помогали и не мѣшали. Были честные, умные, дальновидные люди, которые не хотѣли мѣшать временному процвѣтанію ордена, основываясь на томъ, что, чѣмъ іезуиты сдѣлаются сильнѣе, тѣмъ скорѣе сами себя погубятъ.

И отецъ Гавріилъ добился своего. Булла Климента XIV была уничтожена обнародованіемъ посланія или „бреве" папы Пія VII. И въ тотъ же день, когда состоялось офиціальное отъ русскаго правительства признаніе ордена въ предѣлахъ Имперіи,—въ тотъ же день отецъ Гавріилъ сталъ ходатайствовать о дальнѣйшемъ— и также достигъ цѣли.

Русское правительство взяло на себя починъ ходатайствовать за орденъ предъ другими европейскими государствами.

Франція, Испанія, Португалія, большая часть католической Германіи, многія и многія мелкія государства, изгнавшія отъ себя іезуитовъ, оставались заклятыми врагами ордена. И вдругъ теперь правительство православной земли являлось къ нимъ съ предложеніемъ признать вновь орденъ. Схизматики, по ученію римско-католиковъ, являлись борцами за возрожденіе слугъ римскаго престола.

И снова отецъ Груберъ становился видною личностью въ Петербургѣ, и хотя былъ въ Полоцкѣ іезуитскій генералъ признаннаго теперь ордена, слѣдовательно, офиціальное лицо, но этотъ генералъ, глава ордена, по имени Карей, не имѣлъ никакого значенія. Старикъ, дряхлый, больной и слабосильный, оказался не на высотѣ своего положенія. Тайнымъ, настоящимъ главою

былъ Груберъ. Оставалось лишь дождаться смерти старика Карея, чтобъ избрать новаго генерала ордена, который бы смогъ, при новыхъ обстоятельствахъ, забрать всю прежнюю власть и имѣть прежнюю мощь іезуитскихъ генераловъ.

Были же генералы, съ которыми считались папы. Былъ же генералъ Риччи, боровшійся съ Климентомъ XIV. Почему же вновь не явиться генералу ордена, который снова попробуетъ завоевать міръ и осуществить на землѣ идеалъ, завѣщанный ордену основателемъ его, Игнатіемъ Лойолой?...

V.

Заботясь о судьбахъ и процвѣтаніи ордена Іисуса вообще, отцы Петербургскаго коллегіума не отстранялись и отъ мелкихъ заботъ объ успѣшномъ веденіи своихъ мѣстныхъ столичныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, которыя влекли за собой наживу и обогащеніе.

Прошла Пасха, и отцы-іезуиты воистину могли сказать: „на нашей улицѣ праздникъ". Однажды храмъ Св. Екатерины засіялъ въ огняхъ. Всюду—и вокругъ алтаря, и въ углахъ храма горѣли сотни свѣчъ. Даже самая большая люстра, зажигаемая въ Рождественскую ночь, и та была зажжена.

У паперти и далеко по Невскому стояла масса экипажей, а храмъ былъ переполненъ приглашенными и простыми любопытными, явившимися по собственному почину. Въ храмѣ состоялось „присоединеніе къ лону истинной церкви схизматички княжны Мавроціано".

Такъ изъяснялись отцы-іезуиты. Иначе говоря, въ храмѣ Св. Екатерины происходило нѣчто иное... Въ русской столицѣ, въявь „предъ всѣмъ честнымъ народомъ", предъ цѣлымъ многолюднымъ собраніемъ петербургской знати и высшей администраціи состоялось смѣлое и беззастѣнчивое ренегатство семидесятилѣтней старухи-милліонерши.

И въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ гостей, приглашенныхъ мужчинъ и женщинъ, нашлось лишь очень мало лицъ, которыя строго и сурово отнеслись къ тому, что явились смотрѣть. Переходъ изъ православія въ католицизмъ былъ еще недавно только модой, теперь же становился эпидеміей.

Еще недавно переходъ въ католицизмъ жены московскаго генералъ-губернатора графа Растопчина надѣлалъ много шуму, произвелъ сильный соблазнъ. Теперь же многіе ссылались на графиню Растопчину и желали доказать свѣту, что и они обладаютъ тою же силой воли и тѣмъ же свѣтлымъ разумомъ, возбраняющимъ оставаться въ числѣ схизматиковъ.

Церемонія обряда въ храмѣ продолжалась не долго, но пышно, эффектно. Новый, великолѣпный органъ чудно гудѣлъ на весь храмъ, заливая толпу гармоническими, поэтическими волнами звуковъ.

Когда обрядъ кончился, стоявшая впереди всѣхъ въ элегантномъ, бѣломъ какъ снѣгъ, костюмѣ княгиня Яхтомская, а около нея молодой и красивый Бѣлинскій, — первые подошли поздравить новообращенную: одна—тетку, другой—невѣсту.

О свадьбѣ княжны уже носилась молва въ Петербургѣ и заставляла всѣхъ не мало забавляться и смѣяться, заставляла многихъ остряковъ сочинять чуть не цѣлые томы всякихъ шутокъ и прибаутокъ. Теперь въ церкви всѣ убѣдились, что молва была не сплетней. Здѣсь же, послѣ перехода въ католицизмъ, княжна представила двумъ-тремъ лицамъ молодаго человѣка, назвавъ его своимъ женихомъ.

— Voilà un front, qui ne rougit de rien! замѣтилъ кто-то.

Прямо изъ церкви княжна и ея нареченный отправились въ гости, на чашку шоколада, къ отцу Гавріилу. На этотъ разъ Груберъ, сдѣлавшій свою духовную карьеру благодаря шоколаду, конечно, не самъ приготовилъ его. Онъ былъ занятъ въ это утро совершенно инымъ мастерствомъ.

То, что іезуитъ смастерилъ предъ крещеніемъ старухи, было двѣ мелко исписанныхъ страницы, которыя теперь уже были переписаны набѣло на гербовой бумагѣ и лежали на столѣ у отца Августина.

Покуда княжна сидѣла у отца Гавріила въ гостиной, богато и элегантно меблированной, отецъ Августинъ попросилъ къ себѣ молодаго человѣка. Притворивъ дверь, старикъ попросилъ Бѣлинскаго сѣсть и вымолвилъ:

— По всей вѣроятности, необходимый документъ съ вами?

— Нѣтъ... смутился Бѣлинскій.—Я думаю заѣхать съ нимъ завтра.

Августинъ улыбнулся.

— Я такъ и думалъ, что вы забудете, и потому приготовилъ другой. Вотъ онъ. Потрудитесь прочесть внимательно и подписать.

Бѣлинскій перемѣнился въ лицѣ и принялъ изъ рукъ Августина чисто переписанный листъ. Руки его слегка дрожали. Онъ прочелъ внимательно бумагу. Въ ней подробно, съ разными мелочами, излагалось обязательство отъ его, Фортуната Бѣлинскаго, имени, пожертвовать въ пользу ордена Іисуса тотъ капиталъ, которымъ онъ будетъ обладать послѣ смерти нынѣ его нареченной, а въ будущемъ его законной супруги.

Бѣлинскій обязывался пожертвовать все, что онъ овдовѣвши получитъ, за исключеніемъ одной седьмой части, которая останется въ его пользованіи.

Молодой человѣкъ, дочитавши документъ, поднялъ голову. Лицо его еще сильнѣе измѣнилось.

— Но вѣдь это ужасно! выговорилъ онъ слегка поблѣднѣвшими губами.—Зачѣмъ же мнѣ жениться на семидесятилѣтней старухѣ, если я долженъ все, что получу отъ нея, передать ордену. Извините, я говорю рѣзко, но говорю искренно.

— У васъ останется, сынъ мой, одна седьмая. Но знаете ли вы сколько рублей будетъ въ этой одной седьмой? спокойно и строго выговорилъ Августинъ.— Отвѣчаю вамъ, что я черезъ недѣлю найду въ Петербургѣ десять человѣкъ не хуже васъ, которые этотъ документъ подпишутъ обѣими руками. Эта седьмая часть, которая останется у васъ, можетъ превысить милліонъ. Такъ потому что ихъ нѣсколько, этихъ милліоновъ,— вы не хотите остаться съ однимъ? Это ребячество! Подумайте!

Наступила мгновенная пауза.

— Если вы, сынъ мой, не желаете, то нечего и толковать, заговорилъ снова Августинъ.—Повторяю вамъ только, что тогда не мечтайте о женитьбѣ на княжнѣ Мавроціано. Подумайте и отвѣчайте мнѣ сейчасъ же. Если вы не согласны, я пройду въ гостиную, доложу ваше рѣшеніе отцу Гавріилу, а затѣмъ попрошу васъ— и княжна тотчасъ вамъ объявитъ при насъ, что она не желаетъ выходить за васъ замужъ. Чѣмъ заставимъ мы ее вдругъ, сейчасъ же отказать вамъ, это для васъ, вѣроятно, не тайна.

— Я знаю! глухо выговорилъ Бѣлинскій.—Графство?

— Этого мало... Отецъ Гавріилъ дастъ княжнѣ слово, что вы не только не родня графовъ Бѣлинскихъ, но прямо объяснитъ ей что вы есть.

Молодой человѣкъ, совершенно блѣдный, потянулся къ бумагѣ и лихорадочно, горящими глазами, сталъ искать перо. Августинъ быстро и любезно подалъ его. Черезъ мгновеніе подъ текстомъ бумаги стояла подпись: „Фортунатъ Бѣлинскій".

Молодой человѣкъ и іезуитъ вернулись вмѣстѣ въ гостиную, гдѣ бесѣдовалъ ректоръ съ княжной. Груберъ поднялъ на мгновеніе глаза, быстрымъ, какъ молнія, взглядомъ глянулъ на Августина, глянулъ на Бѣлинскаго и понялъ, что дѣло обстоитъ благополучно.

И обернувшись къ княжнѣ, отецъ Гавріилъ спросилъ, когда будетъ ея вѣнчаніе.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! отозвалась, улыбаясь, княжна.—Мнѣ приданаго не шить. Я не вижу зачѣмъ откладывать.

И княжна ласково взглянула на своего жениха.

— Все это зависитъ отъ васъ! выговорилъ Груберъ.— Но позвольте мнѣ сказать вамъ, что вашъ бракъ съ Бѣлинскимъ можетъ не состояться, можетъ быть помѣха...

— Какая? почти вскрикнула княжна.

— Мой другъ и адмониторъ, тихо выговорилъ Груберъ,—какъ единственный родственникъ Бѣлинскаго, долженъ благословить его на бракъ съ вами. Но отецъ Августинъ не дастъ своего согласія и благословенія, если вы не пожелаете еще до бракосочетанія написать завѣщаніе въ пользу вашего будущаго супруга. Всѣ мы смертны, княжна! Молодой человѣкъ можетъ умереть прежде васъ, но можетъ и пережить васъ. По всей вѣроятности, если Богъ продлитъ вашу жизнь еще на двадцать и тридцать лѣтъ, онъ все-таки можетъ пережить васъ. Поэтому, княжна...

— Объ этомъ нечего и говорить! прервала ректора княжна нѣсколько сухо.—На это я согласна. Все, что есть у меня родоваго состоянія, должно идти моимъ законнымъ наслѣдникамъ, но что есть благопріобрѣтеннаго мною,—я завѣщаю Фортунату. А это какъ разъ половина всего моего состоянія.

— И вы согласны сдѣлать формальное завѣщаніе? спросилъ Августинъ.

— Вполнѣ согласна и на этихъ же дняхъ сдѣлаю его.

Отецъ Гавріилъ въ отвѣтъ на заявленіе княжны, предложилъ ей еще чашку шоколаду. Княжна отказалась, и бесѣда приняла другой оборотъ.

Черезъ четверть часа гости уѣхали отъ іезуитовъ, и всѣ четверо были довольны. Даже Бѣлинскій глядѣлъ веселѣе.

„Что-жь, думалось ему,—дѣлать нечего! Если напавшіе въ лѣсу разбойники, ограбивъ все, оставили на тѣлѣ платье—и за то надо быть благодарнымъ.“

Черезъ нѣсколько дней княжна подписала формальное завѣщаніе. Еще черезъ нѣсколько дней храмъ Св. Екатерины снова сіялъ въ огняхъ, но передъ папертью стояла уже страшная масса экипажей. Внутри храма доступа не было, и протиснуться было невозможно. Была богатѣйшая, пышнѣйшая свадьба, какую когда-либо видѣли стѣны церкви Святой Екатерины. Родня, конечно, присутствовала.

Алтарь горѣлъ золотомъ. Невѣста наканунѣ прислала денежный вкладъ въ церковь и новую серебряную позолоченную утварь, которая и сіяла теперь на престолѣ. Кромѣ того, одна изъ паръ большихъ подсвѣчниковъ, стоявшая на престолѣ, была изъ литаго золота.

Весь вкладъ старухи оцѣнивали въ двѣсти тысячъ.

Когда, послѣ обряда вѣнчанія, молодые двинулись изъ церкви и проходили сквозь разступившуюся толпу приглашенныхъ — новобрачный въ цвѣтномъ синемъ фракѣ, новобрачная въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ кружевами, съ fleur-d'orange'мъ на черныхъ, какъ смоль, волосахъ, но и надъ чернымъ, какъ смоль, лицомъ,— многіе ухмылялись и подсмѣивались.

— Да, храбрый молодой человѣкъ! заявилъ князь Яхтомскій.

— Oui, c'est du toupet! раздражительно сказала и княгиня.

VI.

Между тѣмъ усилія княгини уже увѣнчивались успѣхомъ. Ловкая кокетка достигала своей цѣли. Медіатизированный германскій князь, предки котораго были маленькими монархами и имѣли когда-то своихъ подданныхъ, надъ которыми властвовали безгранично, становился самъ послушнымъ рабомъ хитрой и безсердечной красавицы.

Серьезно влюбленный Вахтенштейнъ, насколько то было возможно въ его годы, уже смотрѣлъ на княгиню Яхтомскую совершенно иными глазами. Когда-то онъ готовъ былъ пожертвовать половиною своего дохода, намѣтивъ ее для роли шпіона и помощника въ его дипломатической карьерѣ. Теперь всѣ эти хитрыя намѣренія остались въ сторонѣ, и если бы теперь понадобился соглядатай въ Германіи на пользу русскаго правительства для дипломата, княгини Яхтомской, то князь поневолѣ бы согласился на это.

Главное, о чемъ мечтала красавица, было ею теперь достигнуто. Князь самъ заговаривалъ о томъ, что если бы Юлія Павловна была свободна, была бы вдовой, то онъ, не колеблясь ни минуты, предложилъ бы ей руку и сердце. Это былъ большой шагъ, большое повышеніе. Еще недавно медіатизированный князь предлагалъ ей званіе дорого стоющаго шпіона.

Однажды вечеромъ, когда Вахтенштейнъ засидѣлся у княгини далеко за полночь и особенно горячо, съ юношескимъ пыломъ, не напускнымъ, а искреннимъ, говорилъ ей о своей любви и сожалѣлъ, что она не свободна, Юлія Павловна вдругъ рѣшилась на роковое объясненіе.

— Если хотите знать, князь, выговорила княгиня грустно,—то я вамъ не вѣрю. Это все та же тактика всѣхъ ухаживателей за замужними женщинами. Стыдно только вамъ, человѣку не молодому и серьезному, прибѣгать къ тѣмъ же уловкамъ.

— Какъ не стыдно вамъ, княгиня, подозрѣвать меня! возразилъ Вахтенштейнъ.—Это тѣмъ болѣе жестоко, что я не въ состояніи доказать вамъ противнаго, не могу сейчасъ же вѣнчаться съ вами. Я не могу перейти отъ слова къ дѣлу не по собственной винѣ.

— Это очень просто, однако, сказала княгиня какъ бы задумчиво. — Я не вѣрю вамъ какъ ухаживателю, comme à mon amoureux, но я вѣрю вамъ какъ германцу—дворянину королевской крови. Однимъ словомъ, если я не вѣрю вашимъ увѣреніямъ въ любви, то я вполнѣ повѣрю вашему честному слову, слову потомка средневѣковыхъ рыцарей. Дайте мнѣ ваше честное слово, что если бы я была черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ свободною женщиной, положимъ вдовой, то вы бы не колеблясь ни минуты повели меня въ храмъ подъ вѣнецъ.

— Разумѣется! воскликнулъ Вахтенштейнъ.—Я про это и говорю вамъ почти всякій день.

— Дайте мнѣ ваше слово. Формулируйте клятву правильно, какъ если бы нашъ разговоръ былъ какимъ-либо официальнымъ дѣйствіемъ.

— Извольте! Я даже не понимаю вашего недовѣрія. Вы не видите насколько я люблю васъ, и уже давно. Прежде это была привязанность глубокая и искренняя человѣка пожилаго, теперь же это стало страстью какого-то стараго юноши или юнаго сердцемъ старика. Я клянусь вамъ, даю честное слово германца, честное слово потомка владѣтельныхъ князей, что въ тотъ день, когда вы могли бы сдѣлаться свободною, правильно разведенною, или вдовой, я былъ бы счастливъ безконечно, если-бъ вы пожелали назваться княгиней Вахтенштейнъ. Но вѣдь это все невозможно, это мечты, простыя грёзы! прибавилъ Вахтенштейнъ искренне-печальнымъ голосомъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, князь, что это не грёзы. Я поймала васъ. Черезъ полгода или годъ я буду свободна...

— Какъ?!.. воскликнулъ Вахтенштейнъ.

— Да, я буду свободна. Я буду полу-вдовой, имѣющею право выходить замужъ.

— Какимъ образомъ?!..

— Это я вамъ не скажу, это немыслимо. Повторяю вамъ, что скоро, быть-можетъ и ранѣе полугода, я буду свободна. Но такъ какъ это зависитъ отчасти отъ васъ, то вы должны помогать мнѣ добиться этой цѣли.

— Я готовъ на все, княгиня, но я не могу дѣйствовать какъ бы впотьмахъ или съ завязанными глазами. Я не понимаю того, на что вы надѣетесь, или что хотите дѣлать?

— Я хочу быть свободной отъ брачныхъ узъ, связывающихъ меня теперь съ княземъ Яхтомскимъ. Какъ это сдѣлается, или, вѣрнѣе выразиться, какъ это произойдетъ, помимо моей воли, я вамъ сказать не могу.

— Помимо вашей воли?!.. выговорилъ Вахтенштейнъ, пристально глядя въ лицо княгинѣ.

— Да.

— Я ничего не понимаю...

— А между тѣмъ оно очень просто, князь.

— Вѣдь не можете же вы, княгиня, идти на какія-либо преступленія и предлагать мнѣ содѣйствовать вамъ?

Юлія Павловна разсмѣялась добродушно.

— Я понимаю и допускаю преступленія, выговорила она смѣясь, — даже самыя невинныя преступленія, если бы таковыя были... Допускаю въ романахъ, на сценѣ и затѣмъ въ средѣ грубаго простонародья. Преступленія въ нашей средѣ немыслимы. Въ насъ нѣту даже самаго необходимаго для этого, нѣту достаточной энергіи и силы воли.

И княгиня снова повторила спокойно и увѣренно, что вскорѣ обстоятельства такъ сложатся, что она будетъ свободна.

— Вы намѣрены просить государя о разводѣ? отвѣтилъ Вахтенштейнъ. — Вотъ что я думаю. Но вы не успѣете въ этомъ предпріятіи. Вы относитесь къ дѣлу черезчуръ по-женски. Чтобы получить разводъ, надо имѣть извѣстныя права. Наконецъ, нуженъ процессъ, который, извините меня, замараетъ васъ, да вдобавокъ не приведетъ ни къ какому результату.

— Вы ошибаетесь, я развода просить не буду. Если бы я даже имѣла какія права на это, если бы мой мужъ былъ виновенъ какъ супругъ, то я никогда не пошла бы на такую огласку.

— Въ такомъ случаѣ вы разсчитываете на смерть князя, а онъ, послѣ довольно трудной болѣзни, оправился и, конечно, переживетъ меня. Слѣдовательно, надѣяться быть вдовой, да еще въ такомъ скоромъ времени, вы не можете. На убійство, отравленіе или что-либо подобное вы, конечно, не пойдете, да и я на это согласиться не могу. А какъ же иначе сдѣлаться вдовой?

— Я и не буду вдовой, я буду полу-вдовой. Князь будетъ живъ, а я получу право выйти замужъ.

Наступило молчаніе. Вахтенштейнъ смотрѣлъ въ улыбающееся, спокойное и увѣренное лицо красавицы и окончательно терялся въ догадкахъ.

— Какимъ же образомъ?.. тихо проговорилъ онъ наконецъ, какъ бы про себя.

— Повторяю, князь, этого я не могу сказать вамъ, но я могу почти дать мое честное слово, что скоро, очень скоро, положимъ мѣсяца черезъ три, вы узнаете, какимъ образомъ я фактически сдѣлаюсь свободною при жизни мужа. Черезъ шесть мѣсяцевъ или девять я уже стану по закону свободною. Черезъ годъ во всякомъ случаѣ могу быть вашей законной женой. Если же вы пожелаете, какъ-то странно улыбнулась княгиня,—то ранѣе этого срока я могу уже быть вашею тайною нареченною или невѣстой.

— Вы — сфинксъ! заговорилъ наконецъ Вахтенштейнъ. — Истинный сфинксъ! Разгадать то, что вы говорите, я не въ силахъ, да и никто бы на моемъ мѣстѣ не отгадалъ. А между тѣмъ, я вамъ вѣрю, начинаю быть вполнѣ увѣреннымъ. Но скажите, въ вашемъ поведеніи, въ вашихъ средствахъ къ достиженію этой цѣли, есть-ли хоть что-нибудь сомнительное? Все-таки, скажу прямо, я не допускаю что-либо съ вашей

Тѣло Вселенскаго патріарха Діонисія V, выставленное въ церкви Греческаго патріархата въ Константинополѣ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

стороны дурное, противузаконное или жестокое по отношенію къ вашему мужу?.. Отвѣчайте правду.

— Даю вамъ слово, что ничего нѣтъ. Я палецъ о палецъ не ударю и стану свободною.—Все само произойдетъ. То, что нужно будетъ для этого сдѣлать, сдѣлаетъ самъ князь Яхтомскій. У меня на совѣсти не будетъ и не останется ничего. J'aurai la conscience nette!

— Да? Но если вы сказали сейчасъ, что я долженъ помогать вамъ, стало-быть вы будете дѣйствовать.

— Вы должны помочь только теперь, въ эту минуту, въ самомъ началѣ, а затѣмъ спокойно въ сторонѣ ожидать результатовъ. Вы должны тотчасъ понудить Мозера взыскать всѣ наши долги и разорить насъ до-тла.

Вахтенштейнъ вытаращилъ глаза и долго смотрѣлъ въ спокойно улыбающееся лицо княгини.

— Да, положительно... Вы—сфинксъ! шепнулъ онъ.

— Пожалуй! разсмѣялась Юлія Павловна.—Но между сфинсомъ и мною та разница, что онъ пожиралъ тѣхъ, кому загадывалъ загадки, я же васъ скушать не собираюсь. Если будетъ жертва этого загадочнаго событія, то это мой мужъ, который будетъ, однако, не моей жертвой, а жертвой собственнаго своего поведенія. И такъ, князь, первый шагъ къ осуществленію нашего предпріятія и нашего будущаго счастія вы должны сдѣлать сами. Онъ вамъ будетъ не труденъ, такъ какъ вы и безъ того когда-то собирались сдѣлать это.

— Да, но я не понимаю... Какимъ образомъ вы же, княгиня, просите объ этомъ?

— Какъ и зачѣмъ—это уже входитъ въ область той загадки, которую я загадала вамъ, и, слѣдовательно, объяснять я ничего не стану. Постарайтесь, чтобы мы были скорѣй разорены, чтобы все было продано и чтобы я уѣхала съ мужемъ и сыномъ въ глушь его родовой усадьбы. Мы пробудемъ въ Яхтомкѣ, по моему расчету, мѣсяца три-четыре, и за это время я могу пріѣхать раза два въ Петербургъ. Наконецъ вы, какъ близкій другъ дома, можете навѣстить насъ тоже раза два.

Говоря это, княгиня внимательно глядѣла на своего собесѣдника и старалась всячески разгадать его тайныя мысли. Вахтенштейнъ сидѣлъ смущенный, колеблющійся. Онъ какъ будто все еще силился разгадать смыслъ всего того, что слышалъ.

— Дайте мнѣ подумать! выговорилъ онъ наконецъ.

— А, понимаю! воскликнула княгиня.—Стало-быть, вы меня подозрѣваете въ чемъ-либо?

— Нѣтъ-нѣтъ! Божусь вамъ! Но все это очень странно. То, чѣмъ я когда-то хотѣлъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ васъ...

— И вдругъ теперь я же прошу!

— Да.

— И когда-нибудь вы поймете все, узнаете, что если я взяла на себя какое-либо преступленіе, то исключительно это—просьбу разорить насъ. Это будетъ мое первое и единственное дѣйствіе не вполнѣ красивое по отношенію къ моему мужу. Помимо этого я ни въ чемъ, слышите-ли, ни въ чемъ виновна не буду.

Вахтенштейнъ, просидѣвъ молча около получасу, разстался съ княгиней смущенный, недоумѣвающій, даже опасающійся за свою репутацію. Въ немъ зарождалась будто бы легкая боязнь женщины, которую онъ любилъ. Ему уже мерещилось, что этотъ сфинксъ погубитъ его и дипломатическая карьера его будетъ навсегда уничтожена. Онъ станетъ причастнымъ какому-нибудь ужасному, преступному и вдобавокъ грязному дѣлу.

Идти на преступное дѣяніе, зная напередъ какъ совершишь его, конечно, мудрено и тяжело; идти же на таковое, ничего не зная впередъ, впотьмахъ,—еще страшнѣе и еще труднѣе. А въ такомъ именно положеніи былъ Вахтенштейнъ.

(Продолженіе будетъ).

Миражи (очерки, легенды, впечатлѣнія).

Вас. И. Немировича-Данченко.

II. Доминиканская легенда.

Бѣлыя арки подковами, мраморныя кружева галерей вверху, внизу обломки какіе-то. По нимъ дикій журавленникъ разбросалъ свои листья, въ скважинахъ стѣны поднялись какіе-то яркіе красные цвѣты. Въ старой синагогѣ безмолвіе. Только ящерица пробѣжитъ порою, да змѣя выползетъ на солнце. Такая тишина, что жутко дѣлается! Мой проводникъ не безъ страха оглядывается во всѣ стороны. Ужь вечерѣетъ, и золотистые лучи огнистыми пятнами вспыхиваютъ вверху на пожелтѣвшемъ отъ времени камнѣ. Скоро будетъ ночь, и онъ меня торопитъ вернуться.

— Не чистое мѣсто! шепчетъ онъ мнѣ.

— А что?..

— Тутъ призраки являются... Видите вонъ колодецъ?

— Вижу.

Дворъ окаймленъ нѣжными мраморными галереями. Тонкія колонны намъ кажутся розовыми подъ прощальнымъ отсвѣтомъ заката. Вверху онѣ развѣтвляются въ стройные своды. Въ четвероугольникѣ двора алоэ, точно ножи, разбросали свои зеленые листья. Посрединѣ—колодецъ.

— Это и есть колодецъ подземелья! еще тише шепчетъ проводникъ.

— Вѣрно басню какую-нибудь разсказываютъ по его поводу?

— Какъ—басню? У насъ всѣ знаютъ старца подземелья... Какъ яркая лунная ночь—онъ уже и сидитъ на краю колодца... Сказываютъ, въ свое время важный раввинъ былъ...

Въ этомъ колодцѣ евреи, до своего изгнанія изъ Испаніи, совершали омовенія. Онъ соединяется съ подземными галереями, ведущими къ таинственнымъ пещерамъ утеса, на которомъ построенъ старый городъ. Здѣшнему израилю нѣкогда были извѣстны эти пещеры. Въ періодъ гоненій, какъ, напримѣръ, при Петрѣ Жестокомъ, онъ пряталъ сюда свои сокровища. Монахи по этому поводу создали много легендъ, большею частью грубыхъ и жестокихъ. Но надо сказать, что разсказанная мнѣ проводникомъ выгодно отличалась отъ нихъ.

Старый Пако, нищій изъ собора, выдалъ свою дочь замужъ и на радостяхъ такъ много выпилъ, что самъ не зналъ какъ, а всего вѣрнѣе искушаемый нечистою силою, забрался въ эти развалины и заснулъ въ травѣ у мраморнаго колодца. Ночь была лунная и свѣтлая-свѣтлая. Такая свѣтлая, что колонны старой синагоги подымались и сплетались вверху въ кружево галерей словно серебряныя. Между ними рѣзко ложились синія тѣни. Часовъ около двухъ утра спавшій почувствовалъ, что кто-то его толкаетъ. Онъ открылъ глаза. Мѣсяцъ въ бездонной вышинѣ неба остановился надъ самымъ дворикомъ синагоги. Пако вскочилъ-было и видитъ, что на краю колодца сидитъ старецъ, весь въ бѣломъ. Длинная, сѣдая борода его падала низко на землю. Лунный свѣтъ точно струился по ней... Должно-быть хмѣль еще не вывѣтрился изъ головы Пако, потому что ему совсѣмъ не показалось страннымъ обстоятельство, отъ котораго всякаго истиннаго католика охватилъ бы ужасъ,—Пако все видѣлъ сквозь старика: и мавританскую арку позади, и узорчатую капитель колонны, и словно замершее въ безвѣтріи миндальное дерево, еще безлистое, но осыпанное нѣжнымъ пухомъ весеннихъ цвѣтовъ.

— Кто ты? храбро спросилъ Пако.

— Встань и иди за мною...

— Куда?

— Ты хочешь быть богатъ и знатенъ?

— А кто этого не хочетъ?

— Такъ не разсуждай...

Старецъ поднялся и очутился на воздухѣ. Всякій другой испугался бы, но нищій, по его словамъ, былъ слишкомъ „старый христіанинъ“. Онъ смѣло ступилъ на край колодца. Старецъ подалъ ему руку. Отъ его прикосновенія Пако всего пронизало холодомъ...

— Ну, а дальше куда?

— Ты не слыхалъ-ли о сокровищахъ евреевъ?

— Еще бы не слыхать!

— Ну, такъ слѣдуй за мною—и ты ихъ сейчасъ увидишь.

И вдругъ ихъ окружила сырость и тьма. Только вверху серебрилось, озаренное луннымъ свѣтомъ, отверстіе колодца. Но и оно все узилось и узилось... Сначала въ звѣздочку обратилось, потомъ и она погасла, и Пако почувствовалъ, что все глубже и глубже погружается въ непроглядный мракъ. Справа и слѣва слышался шумъ падавшей воды, и Пако сообразилъ, что это подземные ручьи просочились сквозь жилы и поры скалъ и льются внизъ по стѣнкамъ колодца. Холодъ становился все сильнѣе и сильнѣе, когда, наконецъ, что-то засіяло

внизу краснымъ блескомъ... Ярче и ярче. Наконецъ соборнаго нищаго окружилъ какой-то благодатный туманъ, въ которомъ чувствовались и дыханіе розъ, и запахъ жасминовъ, и струился ароматъ цвѣтовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ ему на землѣ. Отъ этого запаха сладко-сладко закружилась голова; мысль, словно подстрѣленная птица, билась, безсильная подняться.

— Душа-ли мужа или слабой женщины заключена въ тебѣ?

Только теперь кастилецъ сообразилъ, что все время опускался какимъ-то чудомъ, не касаясь ногами ни лѣстницы, ни доски, короче — никакой опоры. Онъ струсилъ, но сознаться въ этомъ ему мѣшала испанская гордость, и онъ угрюмо отвѣтилъ:

— Какая тамъ душа во мнѣ — я не знаю. Мнѣ извѣстно только, что я гидальго—это разъ, что я потомокъ конквистадоровъ—два.

— А вѣдомо-ли тебѣ, что твой предокъ, въ свое время знатный рыцарь, былъ великодушенъ къ несчастнымъ евреямъ и скрывалъ ихъ въ своемъ дворцѣ во времена гоненій?

— Этого я не знаю. Къ сожалѣнію, онъ былъ великодушенъ за счетъ своихъ потомковъ, потому что я, какъ вашей милости извѣстно, совсѣмъ нищій.

— Да, но отъ тебя зависитъ сдѣлаться обладателемъ богатствъ, какихъ нѣтъ во всей Испаніи.

Въ это время ноги кастильца коснулись мрамора, устилавшаго такую громадную залу, что онъ совсѣмъ не видѣлъ ея концовъ. Всюду возносились восьмиугольныя колонны. Вверху величественно раскидывались подковообразныя арабскія арки, какъ въ старыхъ синагогахъ вверху. Только въ синагогахъ такихъ колоннъ всего тридцать двѣ, а тутъ ихъ было, пожалуй, больше трехъ тысячъ. Точно стволы деревьевъ въ густомъ лѣсу сливались онѣ вдали смутными перспективами. На всѣ эти чудеса подземнаго міра невѣдомо откуда изливался розовый свѣтъ. Между колоннами били фонтаны, и чистыя струи ихъ, отражая розовый свѣтъ, падали въ серебряныя чаши водоемовъ чудной отдѣлки. По колоннамъ вились вверхъ великолѣпно исполненныя золотыя лозы и у капителей падали внизъ ярко сверкавшими гроздьями винограда изъ рубиновъ, изумрудовъ и другихъ камней, какіе Пако видывалъ только на Мадоннахъ и на Святыхъ своего собора; вверху своды были покрыты тоже золотомъ, по которому во всѣ стороны бѣжали самыя фантастическія арабески. Только говоръ струй въ фонтанахъ нарушалъ торжественную, царившую здѣсь тишину.

Старецъ пошелъ впередъ, и теперь нищій замѣтилъ, что подъ нимъ розовый и голубой мраморъ, а по розовому и голубому мрамору свѣтятся инкрустаціи изъ затѣйливыхъ узоровъ. Коегдѣ къ мрамору были ввинчены золотыя кольца и на нихъ шли надписи такими странными буквами, какихъ онъ нигдѣ не видѣлъ. По стѣнамъ, когда онъ обратилъ вниманіе на это, проступали и опять пропадали такія же точно надписи, точно ихъ на эти стѣны падали отражали волшебныя зеркала.

— Что такое подъ этими плитами? спросилъ Пако.

— Подыми какую хочешь...

Нищій наклонился и поднялъ.

Ему казалось ужасно труднымъ совладать съ тяжестью мрамора, но онъ, этотъ мраморъ, точно ждалъ, и Пако почудилось, что плиты сами повертываются на петляхъ. Подъ первою же сверкнуло что-то; онъ наклонился—до верху тамъ были насыпаны золотыя монеты, но такихъ онъ никогда не видѣлъ: онѣ были тонкія и крупныя. Онъ поднялъ другую плиту—подъ нею оказались груды алмазовъ въ серьгахъ, брошахъ, запястьяхъ, пряжкахъ, медальонахъ, поясахъ... Третья открыла христіанскіе кресты, богослужебныя книги въ дивныхъ оправахъ, оклады образовъ, сверкавшіе громадными драгоцѣнными каменьями... Четвертая накрывала сокровищницу, гдѣ лежали дивные и таинственные талисманы; пятая... Но старецъ все шелъ и шелъ впередъ, не оглядываясь. Пако страшно показалось, какъ бы не затеряться, если тотъ исчезнетъ въ этомъ стройномъ лѣсу восьмиугольныхъ колоннъ. Онъ бросился догонять его, и чѣмъ дальше они подвигались, тѣмъ и подземная зала раскидывалась все шире и шире, и наконецъ кастильцу почудилось, что вдали что-то ярко сверкаетъ, какъ солнце, только это солнце было алѣе, и отъ него-то по всему подземелью разливается такой мягкій, розовый свѣтъ.

— Что это? со страхомъ уже спросилъ кастилецъ.

То, что казалось солнцемъ, висѣло въ воздухѣ ни на чемъ. Оно само чудесно держалось въ пространствѣ.

— Это хранилище завѣта.

— Какого завѣта?

— Все равно, тебѣ не зачѣмъ знать.

Кастилецъ посмотрѣлъ еще разъ, а старецъ распростерся ницъ передъ алымъ солнцемъ.

И Пако примерещилось, что въ этомъ солнцѣ намѣчиваются и пропадаютъ тысячи чьихъ-то ликовъ, и отъ него на стѣнѣ отражаются и вновь исчезаютъ причудливые силуэты... Но вотъ и солнце осталось позади—и вдругъ зала разомъ окончилась.

За нею мерещилась радужная арка; свѣтъ небесъ и отблески розоваго пламени переливались по ней. За нею лились какія-то алмазныя струи, слышались мелодическіе звуки безчисленныхъ арфъ, таявшіе въ напоенномъ одуряющими ароматами воздухѣ, пѣли сладкіе-сладкіе голоса, — такіе сладкіе, такіе нѣжные, что кастильцу въ одно и то же время захотѣлось и плакать, и смѣяться чему-то. Въ свѣтоносномъ туманѣ мелькали лица невиданныхъ красавицъ, слышался манящій шорохъ ихъ пышныхъ одеждъ.

— Захочешь—и все это будетъ твоимъ, послышался кастильцу голосъ старца. Самъ же старецъ преобразился. Одежды на немъ вспыхнули и засіяли какимъ-то горящимъ, но несгорающимъ огнемъ, и по его серебряной бородѣ пролилось и заструилось нѣчто свѣтлое, ослѣпительное.

— Что я долженъ сдѣлать для этого?

— Смотри: что я сдѣлаю сейчасъ, то же сдѣлай и ты.

Только тутъ замѣтилъ кастилецъ, что подъ аркой, въ мраморѣ пола, тамъ, гдѣ онъ оканчивался и переходилъ во что-то таинственное и сіяющее, врѣзанъ большой и грубый, неотесанный деревянный крестъ. На крестѣ этомъ распято чье-то тѣло... Чье? Голову нищаго точно отуманило въ эти мгновенія. Онъ не сознавалъ „чье"; напротивъ, задумывался даже: кто бы это могъ быть? Голова страдальца безсильно склонилась на-бокъ и глаза распятаго закрыты. На лицѣ застыло выраженіе муки.

— Смотри: что я сдѣлаю, то же сдѣлай и ты.

И вдругъ старецъ наступилъ на ноги распятаго... Изъ-подъ гвоздей, которыми онѣ были прибиты къ дереву, тотчасъ показалась и тонкою струйкою побѣжала внизъ алая кровь; потомъ старецъ другою ногою наступилъ на грудь его и изъ прободеннаго бока опять пролилась кровь... и вдругъ глаза Страдальца открылись. Кроткій и всепрощающій взглядъ ихъ устремился въ пространство.

— Ну, иди! послышался повелительный голосъ.—Иди—и все это твое... И всѣ мы станемъ служить тебѣ, какъ нашему королю. И не будетъ предѣла твоей славѣ, твоему могуществу, твоему богатству. Народы земли повторятъ твое имя, бездны небесъ не хватитъ для твоего блеска...

Кастилецъ не понималъ, что это, гдѣ онъ и Кто передъ нимъ. Благоуханный туманъ заволакивалъ голову, сердце сладко замирало, въ ушахъ звучали пѣсни, раздававшіяся за радужной аркой. Онъ ужъ хотѣлъ шагнуть впередъ, какъ вдругъ губы Распятаго зашевелились. Нищій остановился. Какая-то смутная мысль проникла въ его соображеніе. Но онъ никакъ не могъ разобрать ее. Ему хотѣлось что-то припомнить... Онъ сознавалъ, что какая-то тяжесть легла на его голову и не даетъ ему возможности ни думать, ни понимать. Что-то вѣдь онъ зналъ объ этомъ крестѣ, но что? Со стороны что-то все больше и больше одурманивало его.

Губы Страдальца продолжали шевелиться и, наконецъ, послышался тихій-тихій голосъ,—такой тихій, точно онъ безъ словъ стучался въ сердце, говорилъ душѣ, а не уху. Но отъ этого голоса вдругъ замолкли и арфы, и пѣсни, и шумъ алмазныхъ водопадовъ...

— Прости имъ, Господи!.. Не вѣдаютъ, что творятъ.

И разомъ все вспомнивъ, нищій рухнулъ, какъ подкошенный, къ подножію креста, охватилъ руками ноги Распятаго и страстно прижался губами къ Его ранамъ.

И вдругъ послышался кругомъ грохотъ и трескъ... Заколебались чудныя колонны. Звуки арфъ и сладкія пѣсни смѣнились рыданіями и смѣшанными криками ужаса кругомъ, погасло алое солнце и болотнымъ туманомъ разсѣялось въ воздухѣ. Тьма объяла кастильца со всѣхъ сторонъ, онъ только чувствовалъ, что руки Распятаго охватили его и что въ ихъ объятіяхъ онъ несется куда-то далеко-далеко...

Кастилецъ проснулся утромъ, но уже не въ саду синагоги, а внизу, на выступѣ дикаго камня. У самой головы его бѣшено, въ пѣнѣ и грохотѣ, неслись волны Тахо, а надъ нею подымались отвѣсные утесы...

— Какъ вамъ нравится это преданіе?

— Очевидно, у нищаго было пламенное воображеніе и ему снились поэтическіе сны.

— Какъ сны, когда послѣ того цѣлые три дня у насъ топили, вѣшали и жгли евреевъ, какихъ только еще могли найти... Какъ же этому не вѣрить, если все это записано въ монастырскія хроники?

— И этимъ заправляли Доминиканскіе монахи?

— Да.

— И въ ихъ же монастыри пошло все золото, найденное у евреевъ?

— А то куда же?

— Теперь это понятно. Они забыли только одно...

— Что именно?

— Послѣднія слова, спасшія нищаго: „Прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что творятъ..."

Не прошло ста лѣтъ, какъ въ томъ же городѣ и на тѣхъ улицахъ тотъ же народъ разносилъ, жегъ и рушилъ на диво выведенные монастыри католическихъ иноковъ... Теперь въ Испаніи нѣтъ ни одного монаха, за то ужъ родились легенды о несмѣтныхъ сокровищахъ, спрятанныхъ послѣдними въ тѣ самыя пещеры черныхъ утесовъ, въ какія передъ ними складывали ихъ, будто бы, гонимые жиды...

Вестготы провозглашаютъ Торисмонда королемъ послѣ битвы на поляхъ Каталаунскихъ. Рис. А. Цике, грав. Гёнеманъ.

Къ рисункамъ.

Подъ зонтикомъ. (Рис. на стр. 241.).

Очаровательный трилистникъ и вдобавокъ еще съ прилистниками, какихъ конечно не видывалъ ни одинъ ботаникъ на своихъ экскурсіяхъ... Три малютки, у каждой по котенку на колѣняхъ, пріютились самъ-шестъ подъ громаднымъ дырявымъ зонтикомъ и терпѣливо пережидаютъ дождь, заботясь только о томъ, какъ бы не замочило ихъ любимцевъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на тонкую гравюру г. Флюгеля, воспроизводящую fac-simile рисунокъ карандашемъ.

Петербургскіе уличные типы. Продавецъ дудокъ и корзинъ. (Рис. на стр. 244).

На улицахъ Москвы и Петербурга часто попадаются обвѣшанные своимъ товаромъ—корзинами, проволочными и жестяными издѣліями—торговцы несомнѣнно славянскаго типа и говорящіе понятнымъ намъ нарѣчіемъ. Это словаки, славянскіе обитатели сѣверной Венгріи, такъ и называемые у насъ венгерцами. Природа ихъ страны и естественныя богатства вполнѣ способны обезпечить благосостояніе обитателей, и трудолюбивый словакъ могъ бы благословлять свою родину, если бы иноплеменники-мадьяры и гости — нѣмцы и евреи — не сдѣлали его нищимъ и чужимъ въ собственной землѣ, вслѣдствіе чего словакъ часто бываетъ принужденъ ради заработка покидать родной край и уходить въ далекія страны.

Литературный альбомъ. „Хуторокъ" Кольцова.

(Рис. на стр. 245).

Читатели конечно помнятъ хуторочекъ подъ горой на рѣкѣ, гдѣ проживала молодая вдова, которую любилъ удалой добрый молодецъ; помнятъ, какъ однажды опоздавшій проѣзжій купецъ на большой дорогѣ, а на рѣкѣ—рыболовъ, и оба зашли въ хуторокъ скоротать остатокъ ночи у молодой вдовы; какой пиръ, пѣсни и пляски поднялись у нея въ избѣ... Но

Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа,
И какъ глазомъ моргнуть
Растворилась изба...
. . . .
И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ,
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ.

А. Кольцовъ.

Вселенскій патріархъ Діонисій V.

(Рис. на стр. 249).

Недавно въ *Нивѣ* (см. № 52 за 1891 г.) былъ помѣщенъ портретъ новаго Вселенскаго патріарха Неофита VIII. Теперь мы помѣщаемъ снимокъ съ усопшаго вселенскаго патріарха Діонисія V.

Рисунокъ на стр. 249 представляетъ тѣло патріарха въ томъ положеніи, въ какомъ оно было выставлено въ церкви греческаго патріархата въ Константинополѣ: останки его святѣйшества, въ роскошномъ архіепископскомъ одѣяніи, помѣщены на патріаршемъ тронѣ, который покрытъ чернымъ сукномъ; правая рука патріарха, со сложенными тремя пальцами, благословляетъ; въ лѣвой онъ держитъ Св. Писаніе. Похороны состоялись въ балуклійской церкви (Балукли — греческое предмѣстье) въ Константинополѣ. По прибытіи въ эту церковь, роскошныя одѣянія патріарха были замѣнены болѣе простыми, и останки опущены въ склепъ. Внутри склепа былъ устроенъ мраморный тронъ, на которомъ почившій патріархъ былъ помѣщенъ сидя, какъ и въ церкви. Діонисій V скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, 24 августа 1891 года, на 75 году жизни.

Альбертовъ.

Провозглашеніе Торисмонда королемъ.

(Рис. на стран. 252 и 253).

Великое переселеніе народовъ, сопровождавшееся паденіемъ Западной римской имперіи, обновило древній міръ и положило начало исторіи среднихъ вѣковъ. Въ этомъ громадномъ передвиженіи разныхъ народностей по Европѣ, выдающуюся роль играетъ нашествіе гунновъ, подъ водительствомъ Аттилы. На Восточную римскую имперію, затѣмъ Германію, Галлію и наконецъ Италію, двинулись несмѣтныя полчища номадовъ изъ Панноніи, увлекая на своемъ пути, подобно лавинѣ, покоренныя племена. Болѣе чѣмъ полумилліонная, безпорядочная и необузданная толпа дошла наконецъ до середины Галліи, все разрушая и опустошая на пути такъ, что „даже трава не росла тамъ, гдѣ ступалъ копытами конь Аттилы".

Но у Орлеана этотъ „бичъ Божій" впервые потерпѣлъ сильное пораженіе отъ соединенныхъ силъ римлянъ и вестготовъ. Ища болѣе добычи, нежели славы, Аттила ночью поспѣшилъ сняться съ лагеря и тою-же дорогою, которою пришелъ, началъ отступленіе къ сѣверо-востоку. Отыскивая страну, менѣе опустошенную нежели окрестности Орлеана и по возможности открытую, гдѣ-бы успѣшно могла дѣйствовать гунская конница, Аттила дошелъ до мѣстности называвшейся въ VI вѣкѣ Кампаніей и нынѣ носящей названіе Шампани. Здѣсь у города Durocatalaunum, теперешняго Шалона на Марнѣ, настигаемый непріятелемъ, занялъ Аттила, со своими полчищами, окрестную равнину, извѣстную въ исторіи подъ именемъ Каталаунскихъ полей. Вынужденный на битву, Аттила остановилъ своихъ кочевниковъ и построилъ кибитки кругомъ, расположивъ внутри его палатки. Въ тотъ же день римскіе легіоны, подъ предводительствомъ Аэція, стали лагеремъ противъ гунновъ, а союзные римлянамъ варвары расположились безъ окоповъ и палисадовъ по народностямъ.

Раздраженный необычнымъ пораженіемъ у Орлеана, Аттила рѣшился стойко защищаться, хотя заранѣе предугадывалъ полную неудачу. Значительно уменьшившееся войско, изнуренное долгимъ походомъ, какъ бы подтверждало предчувствія вождя. Къ этому присоединялись отовсюду неблагопріятныя предсказанія. Захваченный въ лѣсу пустынникъ смѣло заявилъ кровожадному воителю: „Ты бичъ Божій и палица, которою Провидѣніе поражаетъ міръ; но Богъ, по волѣ Своей, сломитъ орудіе Своей кары и по Своимъ предначертаніямъ передастъ мечъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Знай, что ты будешь побѣжденъ въ битвѣ съ римлянами и чрезъ то поймешь, что твоя сила не отъ міра сего". Вслѣдъ за христіанскимъ прорицателемъ и жрецы войска Аттилова объявили, что гунны будутъ поражены. Желая сдѣлать это пораженіе по возможности незначительнымъ, Аттила рѣшилъ начать борьбу какъ можно позже, чтобы съ наступленіемъ ночи принять нужныя мѣры. Только около 3 часовъ дня гунны вышли изъ своей стоянки. Аттила со своими гуннами занялъ центръ, на лѣвомъ крылѣ стали остготы подъ водительствомъ Валамира, а на правомъ крылѣ расположился Ардарикъ съ гепидами и другими племенами, подчиненными Аттилѣ. Напротивъ сталъ Аэцій съ римскими легіонами, правое-же крыло заняли вестготы со своимъ престарѣлымъ королемъ Теодорикомъ, а въ серединѣ помѣстилось менѣе надежное войско, состоявшее изъ бургундовъ, франковъ, арморяковъ и алановъ. Такое расположеніе указывало, что Аттила, сосредоточивъ лучшую часть войска въ серединѣ позиціи и по близости своего лагеря, хотѣлъ повести быстрое нападеніе на непріятеля и одновременно съ тѣмъ всегда имѣть возможность отступить къ укрѣпленіямъ. Со своей стороны, Аэцій, расположивъ главныя силы на крыльяхъ, предполагалъ воспользоваться нападеніемъ середины Аттилова войска, чтобы, окруживъ его, отрѣзать ему отступленіе.

Между обоими войсками находилось небольшое возвышеніе. Къ нему, съ одной стороны, отправилось нѣсколько конныхъ отрядовъ гунновъ, а съ другой — Аэцій послалъ Торисмонда съ вестготскою кавалеріей. Послѣдній, занявъ возвышеніе раньше непріятеля, бросился на гунновъ сверху и опрокинулъ ихъ безъ труда. Это послужило началомъ къ битвѣ. Прежде другихъ дѣло завязалось у римскихъ легіоновъ, затѣмъ вступили въ бой два родственные народа — вестготы съ остготами. Старый Теодорикъ ѣздилъ посреди своихъ воиновъ, поощряя ихъ къ битвѣ, пока пораженный дротикомъ не свалился съ коня и не исчезъ подъ копытами конницы. Въ то же время гунны стремительно бросились на своихъ враговъ, смяли ихъ и заняли ихъ мѣсто. Но вестготы, побѣдивъ на правомъ крылѣ, атаковали ихъ во флангъ. То же движеніе предприняли и римляне. Аттила, замѣтивъ опасность, отступилъ за кибитки, откуда цѣлою тучею стрѣлъ удерживалъ нападающихъ.

Битва эта, по словамъ Іордана или Іорнанда, жившаго въ VI вѣкѣ и описавшаго эпоху переселенія народовъ, была самою свирѣпою, ужасною и отчаянною. Полуизсякшіе ручейки, протекавшіе по долинѣ, вздулись отъ потоковъ крови, и раненые, утоляя изъ нихъ жажду, тотчасъ-же умирали. Конецъ рѣзнѣ положила ночь, въ теченіе которой оба войска были все время насторожѣ.

Наступившій день освѣтилъ поле усѣянное трупами. Полагаютъ, что убитыхъ и раненыхъ было на немъ до 300 тысячъ. Въ числѣ ихъ погибъ и король Теодорикъ. Долгое время его искали, пока не нашли его тѣла подъ грудою другихъ убитыхъ. При видѣ убитаго своего вождя, готы запѣли погребальную пѣснь и на глазахъ у гунновъ понесли усопшаго съ большимъ торжествомъ. Присутствовавшій при томъ сынъ его, Торисмондъ, едва оправившійся отъ раны въ голову, былъ поднятъ своими соплеменниками на щиты и провозглашенъ королемъ. Эту сцену и изображаетъ рисунокъ Зика. Отпросившись затѣмъ у Аэція, Торисмондъ ушелъ со своимъ войскомъ къ Тулузѣ, а Аттила, видя что стоянка готовъ опустѣла, тоже поднялся съ мѣста и началъ отступать, продолжая сохранять грозный видъ. Аэцій, съ войскомъ уменьшеннымъ почти на половину, не рѣшался напасть на отступавшаго и лишь издали слѣдилъ за Аттилой.

Управляющій министерствомъ Путей Сообщенія С. Ю. Витте. (Портр. на стр. 256).

Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, даннымъ 15 февраля текущаго года директоръ Департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ д. с. с. Сергѣй Юліевичъ Витте назначенъ *управляющимъ министерствомъ Путей Сообщенія.*

Прежняя двадцати-лѣтняя плодотворная дѣятельность новаго министра Путей Сообщенія, посвященная желѣзно-дорожному дѣлу, даетъ право надѣяться, что С. Ю. Витте, получившій министерскій портфель на 43-мъ году жизни, т. е. въ полномъ расцвѣтѣ силъ, съ неослабной энергіей примѣнитъ свою опытность и познанія на новомъ обширномъ поприщѣ государственнаго служенія, при чемъ и русское желѣзно-дорожное дѣло будетъ прогрессировать болѣе успѣшно и болѣе счастливо.

С. Ю. Витте родился 17 іюня 1849 года въ Тифлисѣ, гдѣ отецъ его былъ членомъ совѣта намѣстника Кавказа; мать Витте, рожденная Фадѣева,—сестра писателя генерала Фадѣева. По достиженіи сыномъ десяти-лѣтняго возраста, семейство Витте переѣхало въ Бессарабію; здѣсь юноша получилъ среднее образованіе въ Кишиневской гимназіи, высшее—въ Одессѣ, въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, по физико-математическому факультету, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1870 году. Поступивъ на государственную службу въ 1871 году, Витте въ теченіе шести лѣтъ дослужился до чина титулярнаго совѣтника и, выйдя въ отставку, избралъ себѣ частную службу на желѣзной дорогѣ въ Одесскомъ участкѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ получилъ мѣсто помощника бухгалтера и, постепенно возвышаясь по службѣ, прошелъ всѣ административныя должности, до начальника движенія включительно на Одесскомъ участкѣ Юго-Западныхъ дорогъ, при управленіи въ то время этимъ участкомъ адмираломъ Чихачевымъ. Въ 1878 году Витте былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ назначеніе при правленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ — начальникомъ эксплоатаціоннаго отдѣла. Въ 1880 г. онъ былъ назначенъ въ Кіевъ, начальникомъ эксплоатаціи при управленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1885 г.—управляющимъ Юго-Западными желѣзными дорогами. Такимъ образомъ, въ теченіе 12 лѣтъ, С. Ю. Витте, начавъ службу помощникомъ бухгалтера, дослужился до управляющаго дорогой. Такимъ быстрымъ успѣхомъ Витте обязанъ громадной энергіи и несомнѣнной административной талантливости. Пріобрѣтенная имъ служебная и финансово-коммерческая опытность, участіе его въ коммиссіи покойнаго графа Баранова, занимавшейся изслѣдованіемъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, труды С. Ю. Витте по составленію желѣзно-дорожнаго устава, обратили на него вниманіе Правительства, и въ 1889 году отставной титулярный совѣтникъ Витте, Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, былъ назначенъ директоромъ вновь образованнаго Департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ и членомъ совѣта министра Путей Сообщенія, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За время управленія С. Ю. Витте Юго-Западными желѣзными дорогами, имъ была выработана и примѣнена на практикѣ особая система слѣдованія *нагруженныхъ и порожнихъ вагоновъ*, которая оказалась наиболѣе практичною и цѣлесообразною изъ всѣхъ существующихъ и очень скоро была примѣнена *на западно европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ*, подъ именемъ „системы Витте“. Организація Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ закончена при С. Ю. Витте, дороги въ очень скоромъ времени пришли въ образцовое состояніе и начали давать прочный доходъ.

Какъ управляющій Юго-Западными дорогами, С. Ю. Витте получалъ большое содержаніе, а потому при новомъ назначеніи, въ видѣ особаго исключенія, Высочайше разрѣшено было выдавать ему усиленное содержаніе, въ размѣрѣ 18,000 рублей въ годъ.

Какъ первый директоръ-организаторъ новаго органа государственнаго управленія, С. Ю. Витте заслуживаетъ особаго вниманія, какъ энергичный, дѣятельный работникъ по радикальной переработкѣ всѣхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ смыслѣ, наиболѣе благопріятномъ для русской промышленности и торговли.

С. Ю. Витте былъ также иниціаторомъ идеи привлеченія наиболѣе доходныхъ дорогъ къ постройкѣ линій менѣе доходныхъ; несмотря на оппозицію, встрѣченную со стороны министерства Путей Сообщенія, идея С. Ю. Витте восторжествовала, и въ настоящее время болѣе богатыя желѣзнодорожныя общества: Юго-Западное, Кіево-Курское, Московско-Рязанское, Рязанско-Козловское и Владикавказское приступили къ постройкѣ дорогъ, доходность коихъ можетъ развиться только въ будущемъ. Въ организованномъ С. Ю. Витте департаментѣ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ введено имъ образцовое дѣлопроизводство—упрощенное и быстрое, которое не оставляетъ желать ничего лучшаго.

С. Ю. Витте внесъ свой вкладъ и въ русскую литературу, имъ первымъ на русскомъ языкѣ напечатано „Изложеніе національной экономіи“ Листа,—сочиненіе это рекомендуется С. Ю. Витте какъ настольное руководство въ практическихъ задачахъ экономической политики. Кромѣ того, книга его „Принципы желѣзно-дорожныхъ тарифовъ“ вышла уже вторымъ изданіемъ. С. Ю. Витте состоитъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ Кіева и Одессы, при чемъ въ Одесскомъ обществѣ для пособія бывшимъ воспитанникамъ Ришельевскаго лицея и Новороссійскаго университета онъ дѣйствительный членъ-учредитель. Изъ Высочайшихъ наградъ имѣетъ ордена Св. Станислава I-й степени и Св. Анны I-й степени.

А. Х.

Н. А. Никулина. (Портр. на стр. 257).

Надежда Алексѣевна Никулина, драматическая артистка Малаго театра въ Москвѣ, сверстница Г. Н. Ѳедотовой и по школѣ, и по сценической карьерѣ, и по талантливости; тридцатилѣтіе артистической дѣятельности г-жи Никулиной почти совпало съ юбилеемъ ея подруги. Она на службѣ съ начала 1862 г., строго говоря даже съ конца 1861 г. Родители ея, совсѣмъ не принадлежавшіе къ артистическому кругу, долгое время противились стремленію дочери попасть на сцену; Никулиной было около десяти лѣтъ, когда ее впервые взяли въ театръ, и съ тѣхъ поръ она бредила сценой. Отношеніе общества къ актерской средѣ въ тѣ времена было довольно опредѣленное и суровое; немудрено, что люди, по своей спеціальности неприкосновенные къ театру, смотрѣли на представителей сцены тѣмъ установившимся на нихъ взглядомъ, который господствовалъ въ то время. Истинная страсть къ сценѣ Никулиной заставила родителей уступить ея просьбамъ и помѣстить ее въ театральное училище. Здѣсь она находилась въ качествѣ своекоштной ученицы у такихъ колоссовъ сценическаго искусства, какъ артисты Дмитревскій и Самаринъ, а впослѣдствіи и Щепкинъ. Пробывъ 4½ года въ школѣ, Никулина дебютировала въ водевилѣ „Взаимное обученіе“, и съ большимъ успѣхомъ; съ тѣхъ поръ была рѣшена ея карьера; она принята была на сцену Малаго театра, гдѣ и до сихъ поръ продолжаетъ быть украшеніемъ его и любимицей московской публики; впрочемъ, ей приходилось играть не въ одной Москвѣ; она завоевала симпатіи публики и въ Казани, Саратовѣ, Одессѣ и Варшавѣ.

У большинства русскихъ драматическихъ артистовъ, собственно говоря, амплуа нѣтъ; имъ приходится (въ особенности провинціальнымъ актерамъ) играть все: нерѣдко случается сегодня увидѣть вчерашняго Париса въ роли датскаго принца, или Менелая въ роли короля Лира. Конечно, на казенной сценѣ не можетъ быть такихъ рѣзкихъ метаморфозъ съ актеромъ, какія бываютъ сплошь да рядомъ въ провинціи; но и здѣсь строгаго амплуа нѣтъ, и артисты тоже пробуютъ свои силы въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ. Нѣчто подобное было и съ г-жой Никулиной; она играла роли драматическія, бытовыя, комическія, классическія и др. Но болѣе всего она на мѣстѣ въ бытовыхъ и вообще комическихъ роляхъ. Однако, такія роли, какъ царицы Анны въ „Василисѣ Мелентьевой“ и Варвары въ „Грозѣ“, Лели въ „Блуждающихъ огняхъ“ и Глаши въ „Каширской Старинѣ“, Нади въ „Воспитанницѣ“ и Лизы въ „Горѣ отъ ума“—достаточно свидѣтельствуютъ о разнообразіи и гибкости таланта г-жи Никулиной. Въ Мольеровскихъ пьесахъ она была превосходна; роль Доринны въ „Тартюфѣ“—одна изъ лучшихъ въ ея обширномъ репертуарѣ, насчитывающемъ сотни разныхъ характеровъ и типовъ. Впрочемъ, всѣхъ ея ролей не перечесть, да въ этомъ нѣтъ никакой надобности; дѣло, наконецъ, не въ количествѣ ихъ, а въ качествѣ исполненія. Особенность игры г-жи Никулиной—это реальная простота, жизненность, вносимая ею въ каждое созданное лицо, и искренній тонъ рѣчи, — именно тѣ стороны, которыя сразу обличаютъ талантъ. Артисткѣ въ настоящее время 47-й годъ (родилась въ Москвѣ 12 августа 1845 года) и можно ожидать, что она еще долгое время будетъ оживлять московскую драматическую сцену своимъ блестящимъ дарованіемъ.

В. Б.

Политическое обозрѣніе.

Бывшій король Сербскій Миланъ сталъ частнымъ человѣкомъ. 29 февраля въ скупщину внесенъ слѣдующій законопроектъ: Статья 1. Народная скупщина принимаетъ къ свѣдѣнію и утверждаетъ заявленіе бывшаго короля Милана, въ коемъ сказано: „Господа королевскіе регенты,—Въ связи съ моимъ актомъ 30 марта сего года, который былъ адресованъ на ваше имя и по сообщеніи котораго народная скупщина того же дня вынесла извѣстную резолюцію, имѣю честь сообщить вамъ, что, руководясь тѣми же самыми основаніями и мотивами, я рѣшился принести еще новую, притомъ величайшую и послѣднюю жертву. Настоящимъ актомъ, имѣющимъ обязательную силу, я торжественно отказываюсь навсегда отъ принадлежности къ Сербскому королевскому дому, а равно отъ всѣхъ правъ и обязанностей, сопряженныхъ по консти-

туціи и государственнымъ законамъ съ сею принадлежностью, изъ чего слѣдуетъ, что право заботиться о воспитаніи короля Александра I, принадлежавшее мнѣ на основаніи параграфа 72 конституціи по самому духу и смыслу сей статьи, переходитъ на васъ, вслѣдствіе чего опекуны liste civile его величества короля Александра будутъ получать отъ васъ руководство, вамъ будутъ давать отчеты и у васъ испрашивать одобреніе. Точно также отказываюсь отъ всякихъ требованій отъ Сербскаго королевскаго дома. Вмѣстѣ съ симъ моимъ заявленіемъ объ отреченіи отъ упомянутыхъ правъ имѣю честь извѣстить васъ и о дальнѣйшемъ моемъ обязательномъ для меня рѣшеніи, коимъ я отказываюсь также и отъ сербскаго гражданства, подданства, а равно и отъ всѣхъ правъ, каковыя предоставляетъ сіе гражданство, съ тѣмъ, чтобы навсегда поселиться внѣ предѣловъ Сербіи и никогда въ оную не пріѣзжать, исключая единственно случая серьезной болѣзни его величества, когда по смыслу резолюціи скупщины отъ 30 марта сего года, меня пригласятъ на время серьезной болѣзни регентство и правительство. Въ связи съ симъ моимъ неизмѣннымъ рѣшеніемъ прошу васъ сдѣлать распоряженіе, дабы надлежащимъ путемъ учинено было все необходимое для выхода моего изъ сербскаго гражданства и подданства, чтобы затѣмъ я могъ принять иностранное подданство. Сообщая вамъ настоящее мое заявленіе, имѣю честь просить васъ, господа королевскіе регенты, не отказать увѣдомить меня о вашемъ согласіи и одобреніи этихъ моихъ твердыхъ и обязательныхъ для меня рѣшеній, изложенныхъ въ настоящемъ актѣ. Парижъ 30 сентября 1891 г. *Миланъ*". Статья 2. Настоящій законъ вступаетъ въ силу со дня подписанія его королемъ. Въ тотъ же день обнародовано правительственное сообщеніе объ увольненіи бывшаго короля Милана, согласно прошенія, изъ сербскаго подданства, и актъ объ увольненіи препровожденъ просителю. 2 марта Миланъ Обреновичъ увѣдомилъ императора Франца-Іосифа о своемъ отказѣ отъ званія шефа 97 австровенгерскаго пѣхотнаго полка.

29 февраля опубликованъ въ *Имперскомъ Указателѣ* рескриптъ императора Вильгельма министерству. Въ рескриптѣ сказано, что наступило время, когда императоръ признаетъ нужнымъ снять запрещеніе съ имущества короля Ганноверскаго и возвратить его законному наслѣднику; къ рескрипту приложено письмо герцога Кумберландскаго, сына покойнаго короля Ганноверскаго Георга V, императору Вильгельму; въ письмѣ этомъ герцогъ повторяетъ, что всякое дѣйствіе, угрожающее спокойствію государства и ему принадлежащихъ владѣній, далеко отъ его намѣреній.

Затѣмъ появился законопроектъ о возвращеніи вельфскаго фонда, относительно котораго ожидаютъ особаго королевскаго распоряженія. Въ изложеніи мотивовъ сказано, что положеніе дѣлъ въ Ганноверѣ до такой степени спокойное, что особыя средства противодѣйствія тамъ агитаціи представляются безполезными. Настоящимъ закономъ король имѣетъ въ виду явить населенію Ганновера свое довѣріе и содѣйствовать дальнѣйшему успокоенію края.

Зловѣщая дѣятельность анархистовъ за послѣднее время стала проявляться въ разныхъ мѣстахъ Европы. Ей приписываютъ—и не безъ основанія—недавніе бунты въ Испаніи, затѣмъ уличные безпорядки въ Берлинѣ. Не безъ участія этихъ крамольниковъ произошли недавно въ Парижѣ динамитные взрывы въ разныхъ частяхъ города. Необходима скорая и строгая борьба съ подпольными злодѣями, не щадящими ни чьей собственности и жизни. Этимъ объясняется новый законопроектъ французскаго министра юстиціи о примѣненіи смертной казни къ виновникамъ разрушенія имуществъ взрывными веществами.

На 1-е марта ночью скончался великій герцогъ Гессенскій Лудвигъ, Августѣйшій родитель супруги Великаго Князя Сергія Александровича, Елисаветы Ѳеодоровны, и въ тотъ же день въ *Regierungsblatt* опубликованo о вступленіи въ управленіе великаго герцога Эрнста-Лудвига.

О кончинѣ великаго герцога Лудвига сообщаютъ слѣдующія подробности: уже въ 5 часовъ пополудни казалось, что катастрофа наступила. Всѣ члены велико-герцогской фамиліи, Великій Князь Сергій Александровичъ съ супругою, а также министры и придворный штатъ были приглашены къ постели больнаго. Состояніе великаго герцога вновь нѣсколько улучшилось, пока не началось у него хрипѣніе въ горлѣ. Въ 1 ч. 15 мин. ночи великій герцогъ тихо почилъ, напутствуемый молитвами главнаго придворнаго священника, въ присутствіи всей семьи.

Сергѣй Юліевичъ Витте, управляющій министерствомъ Путей Сообщенія.
Съ фотографіи Здобнова, грав. Шюблеръ.

Искусство.

„Донъ-Жуанъ“ г. Направника. Главный дирижеръ оркестра петербургской русской оперы, авторъ „Нижегородцевъ“ и „Гарольда“, г. Направникъ, написалъ музыку къ драматической поэмѣ графа А. К. Толстаго „Донъ-Жуанъ“, которая была исполнена въ Маріинскомъ театрѣ вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ Мендельсоновской оперы „Лорелея“ и съ третьимъ актомъ „оперы-балета“ „Млада“ г. Римскаго-Корсакова. Вечеръ этотъ представлялъ большой музыкальный интересъ, и это одинъ изъ крупнѣйшихъ концертовъ текущаго великопостнаго сезона. Произведеніе г. Направника состоитъ изъ трехъ дѣйствій, снабженныхъ прологомъ и эпилогомъ, и заключаетъ въ себѣ 22 музыкальныхъ нумера, иллюстрирующихъ почти всѣ картины поэмы графа Толстаго, состоящей, какъ извѣстно, изъ двухъ частей, также съ прологомъ и эпилогомъ. На этотъ сюжетъ ужь нѣсколько русскихъ композиторовъ обратило вниманіе; кромѣ „Каменнаго Гостя“ Даргомыжскаго, написаннаго впрочемъ къ Пушкинской драмѣ, у насъ существуетъ опера г. Шелля „Донъ-Жуанъ де-Теноріо“ (сюжетъ — поэма гр. Толстаго), серенада Жуана въ музыкѣ гг. Чайковскаго и Карганова и наконецъ теперь — музыкальная поэма г. Направника, съ которой мы только-что познакомились.

Драматическая поэма „Донъ-Жуанъ“, какъ извѣстно, не предназначалась для сценическаго исполненія; поэтому музыкальная ея иллюстрація тоже должна быть такого же свойства, т. е. не для представленія на сценѣ. Оперная форма не вполнѣ соотвѣтствовала бы художественнымъ цѣлямъ автора разсматриваемаго „Донъ-Жуана“. Этотъ сюжетъ обработывало въ разныхъ европейскихъ литературахъ до шестидесяти писателей; главнѣйшіе изъ нихъ, придавшіе этому всемірно-литературному типу особенныя черты характера, слѣдующіе: въ испанской литературѣ—Тирсо-де-Молина (Габріель Телецъ — первый создатель Донъ-Жуана), во французской — Мольеръ и Мериме, въ итальянской — Да-Понте (либреттистъ Моцартовской оперы того же названія), въ англійской—Байронъ, въ нѣмецкой—Гоффманъ и въ русской—Пушкинъ и Толстой; быть-можетъ когда-нибудь вернемся къ особенностямъ, внесеннымъ каждымъ изъ названныхъ поэтовъ въ литературную обработку этого типа; теперь насъ интересуетъ музыка г. Направника, которая, на нашъ взглядъ, болѣе подходитъ къ мысли Толстаго по своей формѣ, чѣмъ какая-либо другая. Форма эта не новая; въ такомъ родѣ написана музыка къ „Эгмонту“ Гёте Бетховеномъ, къ „Сну въ лѣтнюю ночь“ Шекспира Мендельсономъ, къ „Манфреду“ Байрона Шуманомъ.

Она состоитъ изъ антрактовъ къ отдѣльнымъ актамъ и картинамъ, увертюры, предшествующей всему произведенію, и изъ пѣсенъ, исполняемыхъ тѣмъ или другимъ дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ, если къ этому представляется случай. Г. Направникъ выбралъ для многихъ нумеровъ поэмы мелодраму, разговоръ между дѣйствующими лицами, сопровождаемый музыкой; мелодрама въ

такомъ видѣ ужъ отжила свое время и едва-ли представляется необходимость воскрешать ее снова; въ мелодрамѣ дѣйствительно музыка точно мѣшаетъ поэзіи и, наоборотъ, если внимательно прислушиваться къ слову — музыка совершенно стушевывается, а между тѣмъ въ ней главный интересъ и лежитъ. Къ сожалѣнію, нашъ композиторъ увлекся этою мелодрамой и отвелъ ей слишкомъ много мѣста; изъ двадцати двухъ нумеровъ — сольнаго пѣнія только три; хороваго тоже сравнительно немного; всѣ персонажи (Командоръ, Донна-Анна, Лепорелло, Сатана, духи) разговариваютъ подъ музыку. Всю эту часть нельзя причислить къ лучшей; она слишкомъ однообразно звучитъ.

Все-таки нужно сказать, что либретто даетъ прекрасную канву для музыкальныхъ узоровъ: участіе сверхъестественныхъ силъ даетъ матеріалъ для фантастической музыки, сюжетъ драмы—для драматической; есть очень удачные моменты для лирической музыки и наконецъ—смерть героя въ монастырѣ — для католически-церковной. Композиторъ всѣми этими элементами воспользовался, къ сожалѣнію, не въ одинаковой мѣрѣ, хотя произведеніе его производитъ въ общемъ очень выгодное для автора впечатлѣніе и главнымъ образомъ потому, что надъ всѣмъ имъ господствуетъ испанскій колоритъ; композиторъ обнаружилъ обширное знакомство съ испанскими національными напѣвами и придалъ имъ блескъ инструментовки.

Драматическая музыка, — характеризующая состояніе духа героевъ, сцены комическія (участіе Лепорелло), танцы на пиру у Донъ-Жуана, появленіе стражи Sant' Officio, и выраженная главнымъ образомъ въ антрактахъ къ картинамъ (оркестровыя вступленія) — самая главная часть поэмы и самая лучшая. Здѣсь композиторъ широко пользовался испанскими мотивами и вездѣ блистаетъ своею яркою и характерною инструментовкой; каждый № говоритъ о своей принадлежности къ странѣ мантильи и кастаньетъ. Говоря объ оркестровкѣ, упомянемъ кстати, что г. Направникъ нашелъ прекрасное музыкальное выраженіе для обрисовки журавлей (хоръ) и соловья (пѣснь); послѣдняя вещь примыкаетъ къ лирической музыкѣ „Донъ Жуана“; сюда же относятся два нумера для пѣнія: серенада и аріозо Донъ Жуана, порученныя баритону (г. Яковлевъ); пѣснь соловья исполняетъ г-жа Мравина). Лирическая музыка настолько понравилась слушателямъ, что всѣ три нумера пришлось повторить, хотя серенада значительно уступаетъ по вдохновенію той же серенадѣ г. Чайковскаго. Церковная музыка является въ заключеніи контрастомъ всѣмъ предшествовавшимъ сценамъ и прекрасно завершаетъ созданіе г. Направника, имѣвшее значительный успѣхъ.

„Лорелея“ Мендельсона—отрывокъ изъ неоконченной оперы (или вѣрнѣе начатой только) на сюжетъ Гебеля; вотъ въ двухъ словахъ содержаніе финала, идущаго у насъ. Леонора, дочь одного шкипера въ Бахарахѣ, выбрана подругами поздравить королевскую чету съ бракосочетаніемъ пфальцграфа; въ послѣднемъ она узнаетъ своего обольстителя, являвшагося къ ней подъ видомъ охотника. Возмущенная его поступкомъ, она взываетъ о мщеніи къ духамъ воды и воздуха; они обѣщаютъ свою помощь, если она согласится принадлежать имъ. Она на это рѣшается; содержаніе сходно съ „Ундиной“ и нашей „Русалкой“. Музыка этого отрывка очень драматична, но великій творецъ многихъ чудесныхъ произведеній, ставшихъ давнымъ-давно достояніемъ всѣхъ концертныхъ эстрадъ, видимо мало былъ знакомъ съ природнымъ инструментомъ, съ человѣческимъ голосомъ; партія Леоноры требуетъ исключительныхъ голосовыхъ средствъ. Г-жа Сонки сдѣлала большой tour-de-force, преодолѣвъ съ честью всѣ трудности партіи.

О „Младѣ“ г. Римскаго-Корсакова выскажемся, когда его произведеніе пойдетъ цѣликомъ въ будущемъ сезонѣ.

В. Баскинъ.

Смѣсь.

Съ прошлаго года издается у насъ *Метеорологическій Вѣстникъ*,—журналъ, знакомящій публику съ явленіями климата и погоды. Онъ издается ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 3-хъ печатныхъ листовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ живо и занимательно написанныя ежемѣсячныя *обозрѣнія погоды*, съ картами. Читатели *Вѣстника* уже въ іюнѣ 1891 г. могли бы убѣдиться изъ обзора погоды за май, что озими не подаютъ никакой надежды на пространствѣ не менѣе 10 губерній, и зная это, воздержались отъ продажи своего хлѣба за безцѣнокъ. Статьи журнала также написаны общепонятнымъ языкомъ и большинство ихъ касается вопросовъ, интересныхъ для каждаго образованнаго человѣка, каковы, напр., статьи А. В. Клоссовскаго: отвѣты метеорологическіе на запросы практической жизни; А. И. Воейкова: измѣняется-ли нашъ климатъ, и поѣздка по Россіи въ 1891 году; М. М. Поморцева: о наблюденіяхъ на воздушныхъ шарахъ; В. Н. Дмитріева: климатъ южнаго берега Крыма, и т. д. Въ нынѣшнемъ году редакція обѣщаетъ цѣлый рядъ статей о вліяніи лѣса на климатъ, — вопросъ современный въ виду грустныхъ послѣдствій вырубки лѣсовъ въ черноземной полосѣ. Кромѣ карты погоды, къ нѣкоторымъ нумерамъ прилагаются еще другія карты и прекрасно исполненные политипажи. Изданіе не дорого: 5 рублей въ годъ. Иногородные подписываются въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, въ С.-Петербургѣ, а городскіе — тамъ же и въ магазинѣ *Новаго Времени*.

Феноменальный счетчикъ. Всѣ члены Парижской академіи наукъ были недавно поражены удивительной способностью къ вычисленіямъ молодаго 24-лѣтняго человѣка. Жакъ Иноди пріѣхалъ въ Парижъ въ 1880 г.; не умѣя ни писать, ни читать, не зная цифръ, онъ уже тогда, почти моментально, рѣшалъ самыя сложныя задачи. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ. На-дняхъ Дарбу написалъ слѣдующія два числа: 4,123,547,238,445,523,831 и 1,248,126,138,284,128,910 и, прочитавъ эти цифры, попросилъ Иноди сдѣлать вычитаніе. Тотъ повторилъ числа на память и тотчасъ же вѣрно сказалъ рѣшеніе. Тогда Дарбу предложилъ ему вторую задачу: какое число, кубъ котораго и квадратъ, сложенные вмѣстѣ, дадутъ въ результатѣ 3,600? По прошествіи двухъ секундъ Иноди отвѣтилъ: „15“. Затѣмъ онъ рѣшилъ задачу: „взять число 4,800 въ квадратѣ, уменьшить его на 1 и раздѣлить на 6“ и одновременно съ нею отвѣтилъ на вопросъ: „какой день недѣли былъ 11 марта 1822 года?“ Въ дѣтствѣ у него былъ очень выпуклый лобъ, съ годами же общія очертанія головы сильно измѣнились. Теперь его лицевой уголъ приблизился къ нормальному, и профиль его почти греческій. Черепъ его представляетъ любопытную особенность: на маковкѣ, вдоль линіи, соотвѣтствующей соединенію обоихъ мозговыхъ полушарій можно видѣть и ощупать довольно глубокую борозду, какъ будто раздѣляющую эти два полушарія и покрытую лишь тоненькой пленкой, очень чувствительной къ прикосновенію, такъ какъ черепъ еще не сросся. (к.)

Н. А. Никулина. Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Открытый секретъ. Императоръ Наполеонъ I однажды обратился къ Талейрану съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы король дипломатовъ въ Европѣ, въ чемъ заключается секретъ вашей силы?

— Государь, отвѣчалъ тотъ,—я открою вамъ свой секретъ, но въ свою очередь попрошу и васъ откровенно отвѣтить на мой вопросъ: желали бы вы сами выбирать мѣста для сраженій?

— Ну, еще бы! воскликнулъ Наполеонъ. — Чего же лучше если бы я могъ, напримѣръ, сказать непріятельскому главнокомандующему: „прошу васъ немного отступить“ или „прикажите своимъ войскамъ идти туда-то“. Только, къ сожалѣнію, такъ не бываетъ. Но зачѣмъ вамъ это?

— То, чего вы не можете сдѣлать въ полѣ, сиръ, я всегда могу сдѣлать въ разговорѣ. Я говорю только тогда, когда мнѣ надо, никогда не отвѣчаю и не позволяю себя разспрашивать. Если-жъ мнѣ и зададутъ вопросъ, я всегда сумѣю уклониться отъ прямаго отвѣта. Я помню, когда я охотился, я стрѣлялъ всегда въ нѣсколькихъ шагахъ и билъ, правда, немного дичи, за-то навѣрняка, тогда какъ другіе охотники, стрѣляя издали, въ большинствѣ случаевъ пуделяли. Такъ, и въ разговорахъ я не касаюсь тысячи предметовъ, не имѣющихъ къ дѣлу прямаго отношенія, за то и не дамъ пуделя по тому, что для меня крайне важно. (к.)

Письмо на кишкахъ животныхъ. Въ числѣ другихъ предметовъ для письма (хлопчатой бумаги, кожъ животныхъ и др.) въ древности употреблялся, между прочимъ, особый, оригинальный спо-

собъ писанія *на кишкахъ* животныхъ, конечно, искусно обдѣланныхъ для этой цѣли. Въ библіотекѣ Греческихъ императоровъ, въ Константинополѣ, которая заключала въ себѣ 300,000 томовъ и которую сжегъ Левъ Исавряninъ, находился *Гомеръ, писанный золотыми буквами на кишкахъ огромной змѣи*; кожа изъ этихъ кишекъ имѣла 120 футовъ длины (*Claire*,—introduction historique et critique aux livres de l'ancien et du nouveaux Testament: Des arts chez les anciens Hébreux). (в. л.)

О двухъ новыхъ примѣненіяхъ электрическаго свѣта французскія газеты сообщаютъ слѣдующее: одно состоитъ въ переносной электрической лампочкѣ для поисковъ раненыхъ на полѣ сраженія, второе—маленькій электрическій фонарь для ночныхъ сраженій пѣхоты. (к.)

На замландскомъ берегу найденъ кусокъ янтаря вѣсомъ въ 3 килограмма 250 граммъ (т. е. 8½ фунтовъ). Онъ отправленъ въ музей фирмы Stantien и Becker, гдѣ является вторымъ по величинѣ изъ всѣхъ кусковъ янтаря въ коллекціи фирмы. (к.)

При обмораживаніи помогаетъ натираніе обмороженныхъ мѣстъ накрошеннымъ лукомъ. Боль быстро проходитъ и все лѣченіе оканчивается въ 4—5 дней. (к.)

Лѣкарства, употреблявшіяся въ древности, были: хорошая діэта, врачебныя средства изъ царства растительнаго, животнаго и минеральнаго. У древнихъ евреевъ испытанныя лѣкарства были: *бальзамъ*, и теперь высоко цѣнимый въ Египтѣ: *деревянное масло*, иногда соединяемое съ этою цѣлью съ водою; *бани*; *смоковничный пластырь*, который прикладывали къ нарывамъ (4 Цар. 20, 7). арабскіе врачи рекомендовали его особенно при созрѣвшихъ нарывахъ; *разные другіе пластыри* (Премудр. Солом. 16, 12); *части животныхъ*, какъ напр., изъ рыбъ *сердце*, *печень*, желчь (Тов. 6, 5—9); *медъ* какъ мягчительное средство (I Цар. 14, 25—27); наконецъ, *минеральныя воды*, которыхъ въ Палестинѣ было много; изъ нихъ болѣе извѣстны: Каллироэ, источникъ на восточной сторонѣ Мертваго моря; горячіе источники: въ Еммаусѣ, въ Галилеѣ близъ Тиверіады. Извѣстно, напр., что царь Иродъ прибѣгалъ къ лѣченію минеральными водами, какъ объ этомъ упоминаетъ Іосифъ Флавій въ своихъ древностяхъ (Древн. к. 17, глава 6, § 5). (л.)

Задача № 15.

Теперь мнѣ вдвое болѣе лѣтъ, чѣмъ было вамъ тогда, когда мнѣ было столько, сколько вамъ теперь; когда же вамъ будетъ столько лѣтъ, сколько мнѣ теперь, то сумма нашихъ лѣтъ будетъ равна—63. Сколько мнѣ и вамъ теперь лѣтъ?

ПАРТІЯ № 4.

Играна въ Берлинѣ въ январѣ 1892 г.

Итальянская партія.

(Гамбитъ Алапинъ-Эвансъ).

	С. З. Алапинъ. Бѣлые.	Г. ф.-Шеве. Черные.		С. З. Алапинъ. Бѣлые.	Г. ф.-Шеве. Черные.		С. З. Алапинъ. Бѣлые.	Г. ф.-Шеве. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5	10.	К. f3—g5	К. c6 : e5 4)	19.	Ф. h5 : g5	b7—b6
2.	К. g1—f3	К. b8—c6	11.	f2—f4	h7—h6	20.	Ф. g5—d8+	Кр. g8—h7
3.	С. f1—c4	С. f8—c5	12.	f4 : e5	h6 : g5	21.	Ф. d8—e8?	Л. f7—f5? 7)
4.	0—0	К. g8—f6	13.	Ф. d1—h5	Ф. d8—e7	22.	g2—g4	Л. f5—f4
5.	b2—b4	С. c5 : b4 1)	14.	С. c1—a3	e7—c5? 5)	23.	Ф. e8—h5+	Кр. h7—g8
6.	d2—d4 2)	0—0 3)	15.	Л. f1 : f7!	Ф. e7 : f7 6)	24.	g4—g5	Л. f4—f5
7.	d4 : e5	К. f6 : e4	16.	С. d5 : f7+	Л. f8 : f7	25.	Ф. h5—e8+	Кр. h8—h7
8.	С. c4—d5	К. e4—c3	17.	Л. a1—d1	С. c3—d4+	26.	С. a3—c1	g7—g6
9.	К. b1 : c3	С. b4 : c3	18.	Л. d1 : d4	c5 : d4	27.	h2—h4	Сдались.

Примѣчанія къ партіи:

1) Если 5. . . . К. c6 : b4, то 6. c2—c3, К. b4—c6; 7. d2—d4 и т. д. и партія приводится къ невыгодному для черныхъ варіанту гамбита Эванса.

2) Если 6. c2—c3, то 6. . . . С. b4—e7 и партія приводится къ невыгодному для бѣлыхъ варіанту. С. З. Алапинъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ этой партіи говоритъ: по этому ходу, употребленному мною впервые (мнѣ неизвѣстно до сихъ поръ какихъ-либо партій или анализовъ, или вообще какихъ-либо намековъ на этотъ варіантъ), я позволилъ себѣ дать варіанту вышеприведенное названіе—гамбитъ „Алапинъ-Эвансъ" (подобно названію „Торальдъ-Альгайеръ" или „Гампе-Альгайеръ").

3) На 6. . . . e5 : d4 С. З. Алапинъ рекомендуетъ 7. c2—c3, и если 7. . . . С. b4—e7, что онъ считаетъ наилучшимъ для черныхъ, то 8. c3 : d4, К. f6 : e4; 9. d4—d5, К. c6—a5; 10. c4—d3, К. e4—f6; 11. С. c1—b2 и т. д., и бѣлые имѣютъ атаку (вопросъ—достаточную-ли за двѣ пѣшки?). Если же 7. . . . d4 : c3, то 8. e4—e5, d7—d5; 9. С. c4—b5!, К. f6—e4; 10. С. b5 : c6+, b7 : c6; 11. Ф. d1—a4 (угрожая 12. Ф. a4 : c6+, С. c8—d7; 13. Ф. c6 : d5 и т. д.), c3—c2; 12. К. b1—a3 (12. Ф. a4 : c6+, С. c8—d7; 13. Ф. c6 : d5, c2 : b1 Ф.; 14. Л. a1 : b1, К. e4—c3 и т. д.) и т. д.

4) Если 10. . . . С. c3 : a1, то 11. Ф. d1—h5, h7—h6, 12. К. g5 : f7, Л. f8 : f7, 13. С. c4 : f7+, Кр. g8—f8 (13. . . . Кр. f8—h7; 14. С. c1 : h6, g7 : h6; 15. Ф. h5—g6+ и 16. Ф. g6 : h6≠); 14. С. c1—a3+, d7—d6; 15. e5 : d6 и т. д.

5) Значительно лучше было бы 14. . . . d7—d6, освобождая слона.

6) Хуже было бы 15. . . . Л. f8 : f7, такъ какъ тогда 16. Л. a1—f1 и у бѣлыхъ—выигрышное положеніе.

7) Черные могли теперь, а также и на 22-мъ и на 26-мъ ходахъ выиграть ферзя: 21. . . . Л. f7—f1+ и 22. . . . С. c8—a6+.

2-й заемъ 1866 года. 52-й тиражъ 3 марта 1892 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
240	46	500	2858	22	500	4823	23	500	7202	43	500
288	12	500	2859	26	500	4842	18	500	7352	20	500
290	35	500	2864	5	500	4866	1	500	7454	7	500
305	16	500	2879	25	500	4879	32	500	7530	9	500
345	22	10000	2905	25	500	4931	29	500	7591	23	500
373	36	500	2913	18	500	4991	9	500	7600	43	1000
465	17	500	2934	9	1000	5038	17	500	7736	38	1000
480	28	500	2945	42	500	5049	8	500	8146	30	500
485	37	500	2963	17	500	5065	23	500	8171	49	500
549	20	500	3087	28	500	5133	19	500	8182	46	500
616	11	1000	3131	42	500	5182	2	500	8256	17	500
679	81	500	3164	8	500	5209	25	500	8363	9	500
759	28	500	3187	48	500	5271	1	500	8374	50	500
809	1	500	3227	12	500	5309	47	500	8414	6	500
990	2	500	3298	35	500	5654	47	500	8489	40	500
1018	19	500	3362	25	500	5796	41	500	8631	37	500
1099	44	8000	3365	25	500	5816	47	500	8722	81	1000
1355	4	500	3497	9	500	5917	19	500	8755	43	500
1411	85	500	3523	2	500	6010	46	500	8760	22	5000
1521	20	500	3614	45	500	6194	3	500	8767	32	500
1613	40	500	3616	41	500	6252	34	500	8826	19	500
1622	50	500	3627	13	500	6271	49	500	8884	47	500
1639	37	500	3757	39	500	6326	45	500	9017	33	500
1653	40	500	3779	4	500	6345	7	1000	9042	23	500
1679	32	10000	3783	40	500	6380	9	500	9076	40	500
1787	37	500	3812	22	500	6405	29	8000	9083	18	500
1775	49	500	3872	48	500	6425	24	500	9290	3	500
2065	20	500	4002	27	500	6441	50	500	9293	13	500
2114	17	500	4087	35	500	6493	50	500	9360	4	500
2129	34	500	4152	37	500	6526	6	500	9366	35	500
2222	19	500	4200	38	500	6538	42	5000	9428	33	500
2299	34	500	4204	19	500	6606	22	500	9474	39	8000
2501	30	5000	4280	9	500	6738	12	500	9486	37	500
2543	33	500	4306	34	500	6739	30	500	9526	14	500
2687	12	500	4374	9	500	7019	5	500	9662	25	500
2721	24	500	4444	24	1000	7028	12	500	9779	34	500
2734	22	500	4462	48	500	7104	21	5000	9814	35	500
2818	18	500	4512	22	500	7136	4	500	9823	25	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10074	5	8000	12794	7	500	14505	12	500	17559	29	500
10115	1	500	12831	6	500	14514	36	500	17682	42	500
10178	48	5000	13023	25	1000	14567	31	500	17755	31	500
10267	9	500	13037	50	1000	14655	28	500	17770	5	500
10559	7	500	13058	42	500	14841	35	1000	17849	46	500
10642	28	200000	13138	35	500	14852	20	500	17948	48	500
10645	26	500	13144	8	500	15072	13	500	17963	19	500
10703	35	500	13145	42	500	15076	26	500	18070	40	500
10804	11	500	13150	12	500	15111	14	500	18175	22	500
10894	42	1000	13163	30	500	15115	8	500	18224	7	500
10931	34	500	13216	8	500	15175	18	500	18234	10	500
11011	37	500	13248	3	500	15295	46	500	18485	48	500
11047	45	500	13335	20	500	15357	44	500	18496	31	500
11092	30	500	13377	48	500	15451	13	500	18531	28	500
11135	43	500	13418	8	1000	15781	10	500	18568	48	500
11190	31	500	13494	2	500	15800	31	500	18574	30	500
11217	31	500	13522	23	500	15832	44	500	18688	50	500
11287	48	500	13619	14	500	15853	13	500	18707	45	500
11308	38	1000	13662	8	500	16197	9	75000	18714	43	500
11314	32	500	13757	34	500	16279	2	1000	18722	4	500
11358	19	500	13759	33	500	16285	27	500	18806	33	500
11513	15	500	13801	43	1000	16386	20	500	18947	8	500
11563	32	500	13827	13	500	16443	49	500	19065	5	500
11599	39	500	13830	21	500	16445	26	500	19083	27	500
11611	35	10000	13875	43	1000	16560	30	500	19095	11	500
11829	4	500	13893	27	500	16679	24	5000	19188	24	500
11865	14	500	13923	25	500	16730	29	500	19195	32	500
11875	38	500	13968	38	25000	16767	45	500	19216	38	1000
11963	13	5000	13976	37	8000	16902	38	500	19405	33	500
12085	47	500	14016	38	500	17106	32	500	19458	38	500
12174	29	500	14025	37	5000	17134	22	500	19497	13	500
12181	22	500	14052	23	500	17192	34	500	19525	38	40000
12233	28	500	14119	45	500	17314	14	500	19565	24	500
12316	3	500	14121	10	500	17375	23	1000	19629	23	500
12319	40	500	14290	29	500	17453	8	500	19709	16	500
12589	4	500	14380	46	1000	17511	6	500	19951	3	1000
12649	34	500	14480	21	500	17582	19	500	19998	34	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

275, 327, 422, 737, 983, 1246, 1344, 1390, 1514, 1554, 1616, 2343, 2529, 2686, 3089, 3133, 3160, 3437, 3619, 4112, 4168, 4449, 4552, 4749, 4769, 4830, 4908, 4942, 5111, 5120, 5245, 5324, 5408, 5434, 6399, 6624, 6932, 7057, 7178, 7922, 8165, 8303, 8311, 8365, 8430, 8460, 8606, 9342, 9687, 10186, 10430, 10636, 10715, 11222, 11286, 11391, 11573, 11632, 11800, 12066, 12705, 12767, 12962, 13549, 13654, 14137, 14694, 15245, 15595, 15656, 15731, 15929, 15993, 16167, 16245, 16445, 16537, 16612, 16639, 17152, 17517, 17645, 17771, 17857, 18197, 18322, 18596, 18692, 18700, 18940, 19039, 19187, 19352, 19439, 19790, 19842.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ГЕРМАНЪ КОХЪ

СПБ., Пески, 1 ул., д. 10.

СПЕЦІАЛИСТЪ ПО УЛУЧШЕНІЮ ТОНА и исправленію всякаго рода роялей и піанино. Имѣетъ множество аттестатовъ знаменитѣйшихъ піанистовъ. № 5693 2—1

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ

употребляется вмѣсто мыла для стирки бѣлья, чиститъ, дезинфецируетъ и сохраняетъ его. № 5675 3—2

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ превосходное средство для мытья всякихъ матерій, какъ-то: платьевъ, портьеръ, мебельныхъ чехловъ и проч., а равно и для чистки и мытья металлическихъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, стеклянной и фарфоровой посуды, половъ, лѣстницъ и проч.

ЛЕССИВЪ ФЕНИКСЪ удостоенъ за-границею награды 21 медали.

На пробу высылаются ящики въ 3 пуда по 4 р. за пудъ франко станціи Петербургъ. Главный представитель для всей Россіи: **Л. Минлосъ.** С.-Петербургъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ЗОНТИЧНАЯ И БѢЛЬЕВАЯ

№ 5670 **фабрика** 2—2

В. Ф. СПѢХИНА

Имѣетъ честь увѣдомить **гг. торговцевъ,** что къ предстоящему сезону заготовленъ громадный выборъ зонтиковъ и бѣлья новѣйшихъ рисунковъ и фасоновъ.

Желающимъ высылается подробный прейсъ-курантъ. Садовая ул., д. № 29.

Д-ръ **Волицкій,** возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

Продажа билетовъ и отдѣльныхъ купоновъ **втораго и послѣдняго выпуска Высочайше разрѣшенной Благотворительной Лотереи въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года,** производится: въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ уѣздныхъ казначействахъ, въ учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго вѣдомства и Краснаго Креста, въ кассахъ станцій желѣзныхъ дорогъ, въ частныхъ банкахъ и банкирскихъ конторахъ и проч. № 5687

Тиражъ выигрышей билетовъ 2-го выпуска будетъ произведенъ немедленно по распродажѣ билетовъ и во всякомъ случаѣ не позже 1 августа 1892 года.

О днѣ, который будетъ назначенъ для производства тиража, будетъ объявлено особо.

!!БЕЗПЛАТНО!!

Высылается каждому больш. иллюстр. каталогъ (300 рис.) на русск. яз. торгов. **дома** „M-n Simon, 26 Rue Notre Dame de Nazareth, Paris", который высылаетъ по почтѣ всевозможн. кольца, серьги, броши, брасл. нов. франц. зол. и серебр., часы отъ 3 р., разн. цѣпочки для час., мелкую бронзу для туалета, вѣера, всевозможн. косметич. и шелков. вещи etc., etc. по цѣнамъ всѣмъ доступнымъ. Гг. торговцамъ цѣны фабричныя. **Требуйте каталоги! Писать можно по-русски.** № 5682

Только подлинно съ этой фабричн. маркой

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Аурика въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5364 (13)

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе

Ф. ПАВЛЕНКОВА. Mt. № 5688

ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ.

Составилъ **А. Альмедингенъ. Цѣна 60 коп.**

Поступило въ продажу **новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

НА ЗЕМЛѢ И ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. Сборникъ разсказовъ **ГАЛУЗѢЕВА.** Со многими рисунками. Цѣна **1** р. **25** коп. Въ папкѣ **1** р. **50** коп. Въ переплетѣ **2** руб. Mt. № 5689

Москва, Петровка, у зубн. врача

№ 5681 **Р. А. БАРСЪ.** 4—2

Шорно-сѣдельной фабрики въ Саратовѣ М. и И. Малышевыхъ.

СѢДЛА

Казацкое охотничье № 1, роскошно тисненое, шагренирован. кожи, 20 р.

Тоже № 2—16 р. Наборное 25 и 30 р.

Черкесское черн. 25 и 30 р. Наборн. 40 р.

Киргизск. 30 р., съ переметн. сумами 35 р.

Англійское 20, 25 и 30 р. Тоже мягкое 35 и 40 р.

Венгерское 35 р., съ мундштукомъ вмѣсто узды 40 р.

Дамское замшевое 35 и 40 р., свиной кожи 50 р. Р. № 5692

Всѣ сѣдла высылаются съ уздечками и остальн. полн. приборомъ. Вѣсъ съ упаковкою отъ 30 до 40 ф. Иллюстр. прейсъ-курантъ за двѣ 7 к. марки.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. М. № 5651 8—4

НОВАЯ КНИГА: ГИГІЕНА ЖЕНСКАГО ОРГАНИЗМА

во всѣхъ фазисахъ жизни. Дѣтскій возрастъ, половая зрѣлость, беременность, роды, послѣродовой періодъ и климактерическіе годы.

Популярное изложеніе какъ предохранить себя отъ заболѣванія женскими болѣзнями и какъ излѣчивать безъ помощи доктора нѣкоторыя легкія заболѣванія. Соч. доктора медицины **В. А. Кашеваровой-Рудневой.** Изданіе 2-е Н. П. Карбасникова. Ц. 1 руб.; съ перес. 1 р. 25 к., можно марками.

КУРИТЕ, СКОЛЬКО ХОТИТЕ Исторія употребленія табака, психологическія основы этой привычки, безвредность ея и важнѣйшія гигіеническія правила куренія. 90 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к. марками.

ТУЧНОСТЬ, ея причины, послѣдствія и нов. спос. **лѣченія,** проф. Эбштейна. Общедоступн. излож. д-ра Фридберга. Спб. 1884 г. Ц. 35 к., съ пер. 45 к. марками.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова: С.-Петербургъ: 1) Литейный, 46. 2) Внутри Гостинаго двора, № 21; Москва: 1) Моховая, д. Кохъ; 2) Плющиха, д. Орлова. Варшава: Нов. Свѣтъ, 67. № 5686.

[П]ЕРВЫЙ РЕВЕЛЬСКІЙ РАЗСАДНИКЪ

ДОМАШНЕЙ ПТИЦЫ

[Е]ВГЕНІЯ ЮЛЬЯНОВИЧА БЛОКА

въ Ревелѣ

[п]редлагаетъ

[Я]ЙЦА ДЛЯ ВЫСИЖИВАНІЯ

[в]сѣхъ породистыхъ птицъ и замѣняетъ всѣ [н]еоплодотворенныя яйца **безплатно свѣжими.**

Прошу требовать немедленно **„Иллюстрированный каталогъ"**, который высылается [б]езплатно и франко, и въ которомъ помѣ[щ]ены дальнѣйшія подробности.

4000 стр. обыкнов. журнальнаго формата. Въ годъ съ пересылкой и доставкой 3 р.

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

(второй годъ изданія).

12 книгъ въ годъ **3** р. съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

„Всемірная библіотека" выходитъ въ среднихъ числахъ каждаго мѣсяца книжками **въ 18—20 печатныхъ листовъ** большаго журнальнаго формата (до **4,000 страницъ въ годъ**).

Въ журналѣ помѣщаются исключительно лишь выдающіяся новинки иностранной литературы.

Между прочимъ въ теченіе 1891 года были помѣщены слѣдующіе романы и разсказы: ОДНА ЖИЗНЬ, ОДНА И ЛЮБОВЬ. Романъ **Маріонъ Бреддонъ.**—ПѢНА. Романъ **Армандо Палаччіо Вальдесъ.**—ТРОТТОЛИНО. Разсказъ **Уйда.**—ПЮИЖОЛИ. Историческій романъ изъ временъ французской революціи **Жюля Кларети.**—ТИРСА.—Романъ **Джоржа Гиссинга.**—НЕСЧАСТНОЕ ЖИВОТНОЕ. Разсказъ **Пьера Лоти.**—БЕЗДНА. Романъ изъ русской жизни графа **Вазили. (Переводъ съ французскаго съ разрѣшенія автора).**—ПАРИ. Разсказъ **Генриха Сенкевича.**—ТРУЖЕНИКЪ. Разсказъ **Поля Бурже.**—ТИВЕРІЙ. Историческій романъ **Вильгельма Валло.**—КАЛЕБЪ и ХОРА. Новелла **Эмиля Эркмана.**—ВЪ СОСНОВОЙ ПРОСѢКѢ Повѣсть **Бретъ-Гарта.**—ИДА ЛЮДИНГТОНЪ. Романъ **Эдварда Беллами** (автора романа **„Будущій вѣкъ"**).—**НОВАЯ ЖИЗНЬ.** Повѣсть **Елизы Ожешковой.**—БЕЗЪ ВОЗВРАТА. Романъ **Теодора Фонтана.**—УСТАЛОЕ СЕРДЦЕ. Разсказъ **Осипа Шубина.**—ДЕНЬГИ. Романъ **Э. Зола.**—СЧАСТЬЕ. Повѣсть **Маріи Радзевичувны.**—**ДОЛГЪ МЕСТИ.** Романъ **Жоржа Онэ.**—„ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ". Разсказъ **Э. Додэ.**—**СНИГИРЬ.** Эскизъ **Уйда.**—**1815 ГОДЪ.** Историческій романъ **Жюля Лермина.**—**КРОВЬ.** Разсказъ **Эмиля Зола.**—ЯНЪ МАРІЯ ПЛОЙХАРЪ. Романъ **Ю. Зейера** (переводъ съ чешскаго, одобренный авторомъ).—ПРОПАВШІЕ ЛИМОНЫ. Разсказъ **Педро Аларкона.**—ИЗЪ ЖИЗНИ СТЕПИ. Разсказъ **Тола Доріанъ.**—ИСПОВѢДЬ. Романъ **Марселя Прево** съ приложеніемъ письма **Александра Дюма.**—ИЗМѢННИКЪ. Разсказъ **Педро Аларкона.**—НЕ ИЗЪ ГЕРОЕВЪ. Повѣсть (переводъ съ англійскаго съ рукописи) **Чарльза Тёрнера.**—**ДУРНУШКА.** Разсказъ **Сальватора Фарина** (переводъ съ рукописи).—ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ. Разсказъ **Матильды Серао** и др. Р. № 5691

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи: на годъ. . . **3** руб.; на полгода. . . **2** руб.

Содержаніе первыхъ двухъ книжекъ 1892 г.: МЕЛИССА. Истор. романъ **Георга Эберса.** Ч. I. I—XII.—ИНГЕРЪ ИЗЪ ЭСТРОТА. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. **Генриха Ибсена.**—**МОЯ ЖЕНИТЬБА.** Разсказъ Берты фонъ-Суттнеръ, автора извѣстнаго романа „Waffen nieder" („Долой оружіе!").—**РѢДКІЙ БАНКРОТЪ.** Романъ **Фр. Коппэ.**—ДЯДЯ ИЗЪ КАЛИФОРНІИ. Повѣсть **Бретъ-Гарта.**—ТИРСА. Романъ **Гиссинга.** I—X.—**ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.** Романъ изъ аргентинской жизни. **Г. Рейтера.**—МАЛЕНЬКІЙ ШПІОНЪ. Разсказъ **Альфонса Додэ.**—МОИ ЧАСЫ. Разсказъ **Марка Твэна.**—РАЗГРОМЪ. Романъ **Э. Зола.**—I—III (переводъ съ рукописи). Съ февральской книжки „Всемірной Библіотеки" начатъ печатаніемъ

НОВЫЙ РОМАНЪ Э. ЗОЛА

„DÉBACLE"

Переводъ на русскій языкъ, **по порученію автора, сдѣланъ съ рукописи** подъ редакціей г. **Гальперина-Каминскаго,** что при печатаніи большими частями даетъ возможность предупреждать французское изданіе, которому запроданъ оригиналъ.

Подписка принимается въ редакціи (**С.-Петербургъ, Троицкая, 36**) и въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи).

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ. Невскій, 59. 15—15

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подписч. (за исключ. московск.) объявленіе отъ книжнаго магазина А. Я. Панафидина въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ., 11 марта 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 марта 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Генрикъ Ибсенъ.

Все болѣе входящій у насъ въ моду, наряду со своимъ соотечественникомъ Біорнсономъ, норвежскій драматургъ Ибсенъ во многомъ напоминаетъ своего собрата по перу и товарища по школѣ—до нѣкоторой странности общаго ихъ и внезапнаго успѣха у насъ включительно. Генрикъ Ибсенъ родился 8 (20) марта 1828 года въ Скіенѣ, въ Норвегіи, въ купеческомъ семействѣ, и первые годы дѣтства провелъ среди роскоши, но въ 1836 году отецъ его обанкрутился, и обстоятельства круто измѣнились. Разгромъ и сопряженное съ нимъ униженіе угнетающимъ образомъ подѣйствовали на душу впечатлительнаго мальчика, и это отразилось впослѣдствіи на всѣхъ его произведеніяхъ. 16-ти лѣтъ Ибсенъ вынужденъ былъ уѣхать въ сосѣдній городокъ Гримстадъ и тамъ поступить ученикомъ къ аптекарю; но вскорѣ отказался отъ этого мѣста и отправился въ Христіанію, гдѣ сталъ готовиться въ университетъ на такъ-называемой „фабрикѣ студентовъ“. Онъ хотѣлъ быть врачемъ, и въ теченіе 5 мѣсяцевъ подготовился ко вступительному экзамену. Въ

Генрикъ Ибсенъ.

университетѣ онъ впрочемъ недолго занимался медициной; нужда въ средствахъ дошла до такой степени, что онъ вынужденъ былъ первую свою драму „Катилина“, изданную еще въ Гримстадѣ, продать на макулатуру. Все это заставило его въ январѣ 1851 года принять на себя редижированіе политико-сатирическаго листка, который однако черезъ 9 мѣсяцевъ прекратился. Между тѣмъ, извѣстный скрипачъ Оле-Буль, познакомившійся съ талантомъ Ибсена, звалъ его въ Бергенъ съ тѣмъ, чтобы тамъ устроить его при новооснованномъ театрѣ. Здѣсь Ибсенъ въ теченіе шести лѣтъ былъ режиссеромъ и драматургомъ, обязаннымъ ежегодно ставить по пьесѣ ко дню годовщины основанія театра. Впослѣдствіи Ибсенъ не признавалъ этихъ произведеній, за исключеніемъ одной пьесы, да и то передѣланной имъ заново. Въ 1857 г. онъ перешелъ директоромъ театра въ Христіанію. Здѣсь написаны имъ драмы: „Претенденты на престолъ“ и др., а также сатирическая „Комедія любви“, которая вызвала противъ него цѣлую бурю негодованія. Кромѣ того, театръ обанкрутился, и весной 1864 года Ибсенъ покинулъ отечество—

сначала для Рима, гдѣ написалъ три драмы и одну комедію (послѣднюю въ прозѣ). Изъ Рима въ 1868 г. Ибсенъ отправился въ Мюнхенъ, затѣмъ въ Дрезденъ и въ 1875 году снова въ Римъ. Только лѣто 1885 года, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія, провелъ онъ въ Норвегіи.

Хотя Ибсенъ и не жилъ на родинѣ, но всѣ его произведенія носятъ чисто норвежскій характеръ и посвящены ей — далеко впрочемъ не въ смыслѣ прославленія отечества. Напротивъ, Ибсенъ постоянно громитъ своихъ соотечественниковъ, нападая то на пустоту и лицемѣріе общества („Столбы общества"), то на недостатки воспитанія женщинъ и ихъ будто бы недостойное общественное положеніе („Нора"), то на такъ-называемое общественное мнѣніе („Врагъ народа"), то на современный бракъ („Призраки"). Для насъ, русскихъ, идеи, проводимыя Ибсеномъ въ его драмахъ, представляютъ смѣсь чего-то устарѣлаго, тяжелаго, вымученнаго и крайне тенденціознаго. Впрочемъ, о характерѣ его творчества подробнѣе сказано будетъ по поводу его пьесы „Геда Габлеръ", назначенной къ представленію въ Михайловскомъ театрѣ.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

VII.

Однако, черезъ нѣсколько дней, княгиня окончательно достигла своей цѣли искуснымъ маневромъ. Она убѣдила Вахтенштейна дать большой балъ для всего высшаго петербургскаго общества, балъ съ присутствіемъ государя и государыни. А такъ какъ князь былъ холостякъ, то онъ долженъ былъ пригласить хозяйкой на этотъ балъ своего лучшаго друга изъ столичныхъ женщинъ, т. е. ее—Яхтомскую.

Князь съ восторгомъ согласился.

Чрезъ недѣлю все было уже готово, приглашенія разосланы и самый день назначенъ.

Наканунѣ бала, Юлія Павловна дня два кряду, почти не выѣзжая, провела въ домѣ Вахтенштейна, помогая ему во всѣхъ приготовленіяхъ, и выказала столько ума, вкуса и изобрѣтательности въ разныхъ мелочахъ, что князь только изумлялся.

Его балу, очевидно, предстояло затмить всѣ балы, бывшіе за послѣдніе года въ Петербургѣ. Правда, на это потребовалась много денегъ, но съ тѣми же самыми деньгами самъ князь, одинъ, не сдѣлалъ бы ничего особеннаго.

Наконецъ, великолѣпный домъ, который нанималъ Вахтенштейнъ на Англійской набережной, засверкалъ огнями. Весь высшій, знатнѣйшій Петербургъ явился на пышный балъ въ полу-дворецъ иностранца-сановника.

Императоръ не могъ быть, вслѣдствіе приключившагося нездоровья, но за то явилась на балъ государыня Елизавета Алексѣевна, пробыла около получаса и милостиво разговаривала съ временною хозяйкой, на одинъ вечеръ замѣнившей несуществующую на свѣтѣ княгиню Вахтенштейнъ.

Въ этотъ день, на ногахъ съ девяти часовъ и далеко за полночь, хозяйка сіяла такой красотой, такимъ изяществомъ и любезностью, что окончательно плѣнила и тѣхъ, кто еще оставался свободенъ отъ ея чаръ.

Когда въ четвертомъ часу гости стали разъѣзжаться и домъ опустѣлъ, княгиня наконецъ сѣла отдохнуть, утомленная, но довольная всѣмъ, довольная собой и вполнѣ счастливая. Вахтенштейнъ, проводивъ до парадной лѣстницы послѣднихъ гостей, быстро вернулся въ гостиную, сѣлъ противъ красавицы, взялъ ея обѣ руки въ свои и, ни слова не говоря, началъ цѣловать ихъ.

— Вы благодарите меня за распорядительность? вымолвила княгиня.—Но я не понимаю, откуда является этотъ жаръ, этотъ пылъ? Я оказала вамъ простую услугу.

Разумѣется, княгиня хитрила. Не даромъ она сама натолкнула Вахтенштейна на мысль дать балъ.

— Если вы такъ думаете, заговорилъ Вахтенштейнъ, въ какомъ-то восторженномъ состояніи, — то вы сами себя не знаете, ничего не понимаете... Вы не видѣли себя занятая другими... Вы не могли оцѣнить себя! Съ тѣхъ поръ, что я живу на свѣтѣ, я не видѣлъ ни одной женщины-красавицы, которая бы такъ принимала, которая была бы такой блестящею представительницей! Вамъ, именно вамъ, надо быть женой посланника, веселить и принимать общество большой столицы, какой бы то ни было,—Петербурга, Мадрида или Парижа. Да, княгиня, сегодня, глядя на васъ, не спуская съ васъ моихъ глазъ, прикованныхъ къ вамъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ, я думалъ только объ этомъ. Я думалъ: если бы это была княгиня Вахтенштейнъ!.. Она бы простой свѣтскостью, простымъ умѣніемъ быть хозяйкой, помогла моей карьерѣ дипломата, очаровывая мѣстное общество, правительство и монарха, при которомъ я былъ бы акредитованъ, — въ Парижѣ, въ Мадридѣ, или въ Лондонѣ — все равно! Такая жена можетъ только укрѣпить положеніе иностраннаго резидента въ странѣ, гдѣ онъ служитъ представителемъ своего монарха. Да, княгиня, цѣлый вечеръ я только и думалъ: если бы вы могли быть княгиней Вахтенштейнъ! Сегодня вы походили не на хозяйку бала у нѣмецкаго князя, а на королеву, на сказочную принцессу, принимающую въ своемъ волшебномъ дворцѣ.

Вахтенштейнъ говорилъ быстро, горячо, съ такимъ паѳосомъ, что не замѣчалъ самъ, какъ держа обѣ руки княгини въ своихъ рукахъ, крѣпко сжималъ ихъ, наклонялся къ ней и тянулъ ее къ себѣ. Когда онъ кончилъ и хотѣлъ снова расцѣловать обѣ ручки, княгиня высвободила ихъ и двинулась. Руки ея вдругъ обвили шею князя, а поцѣлуй скользнулъ на его лицѣ. И затѣмъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя, княгиня уже стояла среди гостиной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Князь вскочилъ, бросился къ ней, но Юлія Павловна протянула руку, какъ бы защищаясь отъ нападенія.

— Пощадите... простите! вымолвила она тихо, стараясь искусственно придать своему голосу волненіе.— Я увлеклась, сдѣлала глупость...

— Княгиня, я теряю разумъ! умоляющимъ голосомъ произнесъ Вахтенштейнъ.

— Прикажите принести сюда мою шубу и подавать карету.

— Ради Бога, княгиня... Я какъ безумный! Скажите одно слово—и я готовъ...

— Ни слова болѣе, князь! Идите, прикажите принести сюда все... Я боюсь спускаться въ холодную швейцарскую.

Черезъ нѣсколько минутъ кокетка, тщательно укутанная въ гостиной княземъ, какъ если бы онъ былъ ея мужемъ, уже сидѣла въ каретѣ и мчалась домой, болѣе счастливая, чѣмъ когда-либо.

Блестящій балъ, самый блестящій—какой когда-либо она видѣла, и балъ, на которомъ она была хозяйкой, фантастическимъ видѣніемъ стоялъ передъ ней. Здѣсь, въ экипажѣ, она еще мысленно продолжала разговаривать съ императрицей и любезно принимать сотни гостей.

Князь, оставшись одинъ въ домѣ, долго, тихими шагами бродилъ въ глубокомъ раздумьѣ по пустымъ гостинымъ и по танцовальной залѣ. Лицо его то сіяло счастьемъ, то становилось мрачнымъ и выражало почти страданіе.

Главный майордомъ Вахтенштейна, стилированный имъ за двадцать лѣтъ службы, глянувъ раза два на своего барина, не позволилъ ни одному изъ многочисленной прислуги сдѣлать хотя бы шагъ для уборки въ домѣ.

Всюду все было тихо, какъ бы въ ожиданіи. Нигдѣ ничто не убиралось, не тушилось. Домъ, совершенно пустой, продолжалъ сіять сотнями огней, а хозяинъ ходилъ по всей анфиладѣ блестящихъ парадныхъ горницъ, молчаливо, взадъ и впередъ, мѣрными шагами, совершенно смущенный, пораженный и очарованный. Если бы не душный воздухъ въ горницахъ, не догоравшія свѣчи, не тишина ночная на пустыхъ улицахъ, можно было бы подумать, что князь ходитъ въ ожиданіи гостей, что балъ сейчасъ начнется. И такъ прошелъ цѣлый часъ.

Многочисленная прислуга уже перешептывалась въ недоумѣніи. Майордомъ заботливо вглядывался изъ-за двери въ медленно проходившую взадъ и впередъ мимо него фигуру барина и начиналъ смущаться.

„Что случилось? думалось ему.—Государь не былъ на балѣ... Но вѣдь хорошо извѣстно всему Петербургу, что императоръ хвораетъ, что это не политическая хитрость, не есть знакъ нерасположенія къ князю Вахтенштейну. Что же тогда?.. Что съ нимъ?“

Майордомъ зналъ, что князь влюбленъ въ княгиню Яхтомскую, и объ этомъ не мало сплетенъ ходило по дому.

Но вѣдь княгиня уѣхала веселая и довольная! Князь проводилъ ее почти до крыльца, чуть не вышелъ на улицу, и глядѣлъ на нее влюбленными, счастливыми глазами.

Бродя по дому въ очарованіи, Вахтенштейнъ ничего не помнилъ и не замѣтилъ. Очнувшись, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и сѣлъ за письменный столъ. Черезъ нѣсколько минутъ майордомъ осторожно проникъ въ кабинетъ и выговорилъ почтительно:

— Прикажете, ваша свѣтлость, что-нибудь? Позволите убирать и тушить?

— Конечно... Чего же вы ждете! отозвался Вахтенштейнъ.

— Вы изволили прохаживаться по всѣмъ горницамъ и я, поэтому...

— Гдѣ?.. Когда? разсѣянно выговорилъ Вахтенштейнъ.—Ахъ, да... конечно!.. Я не понялъ! прибавилъ онъ, схитривъ.

Онъ, дѣйствительно, только теперь сообразилъ, что по разъѣздѣ всѣхъ гостей долго ходилъ по своему дому. Майордомъ хотѣлъ выйти, но князь позвалъ его.

— Вотъ записка... Завтра вы сами, Бернеръ, свезете ее господину Мозеру и передадите изъ рукъ въ руки. Это очень важное письмо!.. Попросите господина Мозера дать отвѣтъ словесно, писать ничего не нужно. Для этого я и посылаю васъ—довѣренное лицо. Но помните одно и исполните точно: по прочтеніи этой записки Мозеромъ, вы получите ее обратно и привезете мнѣ... Здѣсь сказано, что я прошу его прочесть и возвратить вамъ эту записку. Вы отправляйтесь въ девять часовъ утра; въ десятомъ—Мозеръ, уже позавтракавъ, занятъ дѣлами. Попросите отъ моего имени, чтобы онъ принялъ васъ первымъ, прежде другихъ, если кто-либо окажется.

Вахтенштейнъ передалъ майордому записку, запечатанную большой гербовой печатью, и когда толстякъ Бернеръ скрылся за дверью, Вахтенштейнъ выговорилъ:

— C'est fait!—Затѣмъ онъ почему-то прибавилъ то же на своемъ родномъ языкѣ:—Ist gethan! Шагъ рѣшительный! Можетъ-быть, совершенно простой и невинный, можетъ-быть, роковой и ужасный!.. Быть-можетъ, это первый крючочекъ, первая ниточка большой сѣти, въ которую я буду затянутъ и въ которой погибну. Неужели князю Вахтенштейну суждено сдѣлаться соучастникомъ въ какомъ-нибудь темномъ дѣлѣ? Не можетъ быть! Эта женщина слишкомъ умна, слишкомъ прекрасна, чтобы быть способной на какое-нибудь гнусное предпріятіе. Нѣтъ, она—сфинксъ, но чистый и непорочный. Неужели черезъ полгода, или годъ, она будетъ дѣйствительно княгиней Вахтенштейнъ?.. И будетъ тѣмъ, чѣмъ была сегодня: очаровательной, сказочной королевой, властвующей надъ сердцами своихъ гостей, какъ если бы они всѣ были ея подданные?..

VIII.

Пришло лѣто. Главной темой разговора въ столичномъ обществѣ, а отчасти и при дворѣ, была судьба постигшая всѣмъ извѣстнаго князя Яхтомскаго, а главнымъ образомъ—княгиню. Князь не былъ непремѣннымъ членомъ этого общества, а княгиня была почти душой его.

Домъ на Сергіевской стоялъ пустой, принадлежалъ какому-то иностранцу, и продавался. Богатая обстановка исчезла и какъ бы разсыпалась по городу. Кресло или шкапчикъ, стоявшіе рядомъ, очутились на двухъ противоположныхъ концахъ города во владѣніи личностей, не имѣвшихъ между собой ничего общаго.

Князь, съ семьей и ближайшими сожителями, не простившись ни съ кѣмъ, исчезъ изъ Петербурга. Только немногія лица говорили, что Яхтомскіе, разоренные совершенно, уѣхали на житье въ маленькую родовую усадьбу, въ какой-то подмосковной губерніи.

Большинство въ обществѣ, знавшіе даже, что усадьба называется „Яхтомкой“, почему-то, ради собственнаго удовольствія, считали Яхтомскихъ безслѣдно исчезнувшими.

— Ils ont disparu! говорили они.

Разумѣется, всѣ обвиняли князя въ неумѣніи вести свои дѣла, за непомѣрные расходы, за жизнь не по одежкѣ. Всѣ сожалѣли о несчастной женщинѣ, которая во цвѣтѣ лѣтъ и красоты должна была отправиться въ глушь и сдѣлаться une prisonnière.

Никто и знать не хотѣлъ очевиднаго факта, что княгиня была главной причиной разоренія, что домосѣдъ-князь, будь онъ холостъ или вдовъ, никогда бы не довелъ себя до катастрофы.

Покуда петербургское общество обвиняло и критиковало Яхтомскаго, на всѣ лады сожалѣло о княгинѣ, выставляя ее за образецъ супруги, жертвующей собой, Яхтомскіе, очутившись въ старинномъ, хорошо устроенномъ и только запущенномъ домѣ, устраивались какъ могли удобнѣе.

Имѣніе князя, въ глуши одного изъ уѣздовъ Рязанской губерніи, верстъ за пятьдесятъ отъ уѣзднаго городка, похожаго на большое село, было когда-то, въ Екатерининскія времена, красивой и удобной усадьбой. Отецъ князя лѣтъ пятнадцать провелъ въ Яхтомкѣ безвыѣздно, поэтому въ имѣніи и въ домѣ было много затѣй домовитаго хозяина. Теперь же все было запущено, все въ упадкѣ, даже ставни на окнахъ не запирались какъ слѣдуетъ за неимѣніемъ петель.

Первые дни по пріѣздѣ въ Яхтомку прошли необычно странно для всѣхъ. Не только княгиня пугливо и дико озиралась кругомъ себя, но даже самъ князь смущался. Даже люди, привыкшіе къ дому на Сергіевской, привыкшіе въ свободные часы прогуляться по Невскому или въ Таврическомъ саду, всѣ были въ особомъ, необъяснимомъ для нихъ самихъ, состояніи.

— Не только я чувствую себя какъ на днѣ морскомъ, говорила княгиня Салмоновичу, — но даже всѣ люди, даже прачка Матрена,—всѣ какъ потерянные. Ils sont tous dépaysés.

— Всѣ опалѣли, отозвался Салмоновичъ своимъ любимымъ словомъ.—Ничего, пройдетъ, да и не надолго.

— Кто знаетъ! задумчиво шептала княгиня.

— Я знаю. Меня смѣшитъ до слезъ твой милый

Всенощная въ помѣщичьемъ домѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") академика К. Трутовскаго, грав. Шюблеръ.

супругъ, воображающій, что мы здѣсь поселились на пятнадцать или двадцать лѣтъ. По моему расчету, мы здѣсь мѣсяца на три.

— Какой вздоръ! воскликнула княгиня, а между тѣмъ лицо ея оживлялось отъ надежды.

— Не вздоръ! Повторяю, мѣсяца на три. Ну, клади четыре. Maximum. Но разумѣется четыре мѣсяца для вашего сіятельства покажутся четырьмя столѣтіями. Все вздоръ, скажу я. Посмотри, какъ быстро время пройдетъ.

Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ въ усадьбу, жизнь какъ-то сама собой будто наладилась, люди не глядѣли одичалыми. Каждый какъ будто нашелъ, какимъ способомъ замѣнить свои петербургскія привычки другими.

Одинъ изъ крѣпостныхъ лакеевъ, красавецъ собой и большой франтъ, посѣщавшій въ Петербургѣ театръ и какую-то нѣмецкую пивную, въ Яхтомкѣ началъ немного запивать.

Другой завелъ гармонію и проводилъ вечера на селѣ, третируя крестьянъ и молодухъ съ высоты своего величія, и находилъ въ этомъ удовлетвореніе своему тщеславію.

Двое другихъ людей внезапно попросили позволенія жениться, что̀ и было разрѣшено. Въ Петербургѣ мысль о женитьбѣ имъ и на умъ не приходила.

За то были въ Яхтомкѣ теперь два существа счастливыя до-нельзя. Это были Тоня и Марѳа Яковлевна.

Если няня чувствовала себя счастливой — оно было понятно. Въ петербургскомъ домѣ она проводила день въ двухъ дѣтскихъ горницахъ и конечно никогда не разгуливала по парадньмъ комнатамъ, гдѣ часто бывали гости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она не имѣла друзей среди дворни, отъ которой всегда удалялась. Выходить гулять по Петербургу одной казалось ей совершенно безсмысленнымъ, прогулки съ Тоней въ Таврическій садъ были однообразны.

Здѣсь съ первыхъ же дней Марѳа Яковлевна получила право и возможность появляться во всѣхъ комнатахъ. Это сдѣлалось какъ-то само собой. Она не просила объ этомъ дозволенія и никто не давалъ ей разрѣшенія на это.

Княгиня, встрѣчая нянюшку въ гостиной или въ столовой, заговаривала съ ней ради тоски, задерживала, сажала около себя и разспрашивала о разныхъ пустякахъ.

Тоня, бывшій въ Петербургѣ почти въ томъ же положеніи, что его няня, тоже сидѣвшій день-деньской въ одной горницѣ, теперь точно такъ же радъ былъ своей свободѣ и возможности двигаться по большому дому, выходить на улицу, во дворъ, въ садъ, даже на деревню.

На первыхъ же порахъ одинъ изъ дворовыхъ людей, вѣкъ свой проживщій въ Яхтомкѣ, оказался для Тони находкой. Рыжеватый, высокій и худой какъ шестъ Елисей оказался охотникомъ. Онъ предложилъ „князинькѣ“ ходить съ ружьемъ за зайцами всего за версту или за двѣ отъ усадьбы.

Князь разрѣшилъ это сыну, тѣмъ болѣе что въ домѣ нашлось небольшое хорошее ружье. Княгиня, къ которой тоже обратился мальчикъ за разрѣшеніемъ, удивилась и сразу не сообразила въ чемъ дѣло.

— Ахъ, да, la chasse! Что-жъ, выговорила она, — дѣти англійскихъ лордовъ съ дѣтства занимаются этимъ. Это аристократическая привычка. Что же, отлично!

Но затѣмъ княгиня приказала позвать къ себѣ Елисея и, оглядѣвъ его смѣшную, тощую и длинную фигуру, задала ему только два вопроса.

— Ты будешь водить Тоню стрѣлять зайцевъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Ты его не убьешь?

— Помилуй Богъ, ваше сіятельство!

— Ну, да, пожалуйста. Я тебя прошу, прибавила Юлія Павловна, и кивкомъ головы отпустила Елисея.

Салмоновичъ, слышавшій краткій разговоръ изъ другой комнаты, не выдержалъ и явился.

— Ты бываешь иногда прелестна! произнесъ онъ, тихо смѣясь.

— Что такое? удивилась княгиня.

— Если бы кто слышалъ твои слова: „пожалуйста, я тебя прошу“, то никакъ бы не догадался, что дѣло идетъ о просьбѣ не убивать роднаго сына.

— Tout ça est bel et bon! отозвалась княгиня. — А вотъ что̀ я скажу серьезно: съ нынѣшняго дня мы должны говорить другъ другу *вы*, а не *ты*. Здѣсь не Сергіевскій домъ: и жизнь другая, да и стѣны другія. Вчера я слышала почти отъ слова до слова все, что̀ говорилъ мужъ въ своей спальнѣ, которая отсюда за четыре горницы. Это tutoiement можетъ погубить насъ. Болѣе того: можетъ все погубить, все дѣло...

— Совершенно вѣрно, выговорилъ Салмоновичъ, — и я даже изумляюсь себѣ самому, что мнѣ первому не пришло это на умъ. Да, вы, княгиня, совершенно правы, и отнынѣ вы не услышите *ты*, улыбнувшись выговорилъ онъ.

И съ этого дня Салмоновичъ началъ усиленно и внимательно пріучать себя не быть съ княгиней на *ты*, когда они оставались одни. Вообще онъ сталъ вести себя осторожно въ домѣ, гдѣ даже три или четыре комнаты могли бы войти въ одну танцовальную залу дома на Сергіевской.

И это оказалось не лишнимъ. Вскорѣ, въ сумерки, когда Салмоновичъ сидѣлъ съ княгиней и говорилъ о какихъ-то, по счастію, пустякахъ, въ дверяхъ нежданно появился князь. Застигнутые едва не ахнули вмѣстѣ въ разъ.

Дѣло было въ томъ, что князь завелъ халатъ и туфли, которыхъ почти никогда не носилъ въ Петербургѣ. Сказавъ два слова женѣ, онъ удалился, а княгиня выговорила тихо:

— Знаешь что... И поправилась: — знаете что, эти туфли надо уничтожить. Онѣ предательскія.

— Нѣтъ, пускай! Это ничего, сказалъ Салмоновичъ. — Это лучше. Туфли пріучатъ насъ къ бо̀льшей осторожности. Вся сила въ насъ. Мы должны помнить, что мы должны жить какъ на чеку, ушки на макушкѣ, и всего-то какихъ-нибудь три мѣсяца.

И разумѣется съ этого дня и княгиня, и Салмоновичъ стали еще осторожнѣе.

IX.

Устроивши немного домъ, кое-что поправивъ, кое-что передѣлавъ и перемѣстивъ, князь начиналъ чувствовать себя совершенно довольнымъ своею судьбой. Мысль прожить здѣсь хотя бы всю жизнь не только не пугала его, но сладко щемила сердце.

Вдобавокъ князь былъ пріятно пораженъ тѣмъ, что жена не только не имѣетъ унылаго вида, не только не горюетъ, но даже какъ будто счастлива. Какъ ни странно было это, но для князя оно не казалось загадкой.

„Вѣроятно надоѣла и ей столичная жизнь“, думалось князю. — „Быть-можетъ мѣсяца черезъ два-три соскучится. Ну, тогда, авось, найдутся деньги на побывку въ Петербургъ“.

Однако князь ошибся. Вскорѣ онъ сталъ замѣчать, что жена становится скучна и задумчива. Въ одномъ только не могъ онъ упрекнуть ее—въ холодности. Никогда княгиня не была такъ предупредительна и ласкова съ нимъ, какъ теперь. Даже въ первый годъ

ихъ брака онъ не видѣлъ отъ нея тѣхъ нѣжныхъ заботъ и ласкъ, какія видѣлъ теперь ежедневно.

И это точно опьяняло его, заставляло чувствовать себя въ какомъ-то чаду упоенія. Теперь онъ чувствовалъ, что для этой женщины готовъ, не колеблясь ни минуты, на все на свѣтѣ.

Почти съ первыхъ дней жизни въ Яхтомкѣ князь сошелся ближе съ гувернеромъ сына. Въ Петербургѣ между нимъ и Салмоновичемъ, казалось, не было ничего общаго. Князь третировалъ молодаго аббата нѣсколько свысока, какъ наемное лицо въ домѣ. Гувернеръ относился къ хозяину съ холоднымъ почтеніемъ.

Только изрѣдка случалось Салмоновичу, преимущественно за обѣдомъ, подымать рѣчь о какой-либо серьезной матеріи. Но все, что̀ говорилъ онъ, князь принималъ снисходительно и когда бывалъ съ нимъ не согласенъ, то не дѣлалъ ему чести противорѣчить и убѣждать въ противномъ.

Князь въ этихъ случаяхъ улыбался снисходительною улыбкой, какъ бы говоря:

— Думай и толкуй какъ знаешь, я не стану убѣждать тебя въ противномъ!

Теперь, въ глуши деревни, отношенія сразу перемѣнились. Въ Петербургѣ князь все-таки изрѣдка видѣлъ людей, съ которыми могъ бесѣдовать по душѣ, хотя разумѣется не изъ тѣхъ, которые часто бывали въ домѣ ради ухаживанія за его женой.

Теперь, въ Яхтомкѣ, князь былъ радъ изрѣдка поговорить о чемъ-либо, а между тѣмъ помимо Салмоновича не было никого. И вдругъ, Богъ вѣсть почему, по какимъ причинамъ или вслѣдствіе какихъ тайныхъ пружинъ, князь сталъ открывать чуть не ежедневно въ Салмоновичѣ множество качествъ, о которыхъ и не подозрѣвалъ.

Салмоновичъ оказывался человѣкомъ очень образованнымъ, стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, имѣющимъ свое собственное рѣшительное слово на все и про все, вдобавокъ человѣкомъ обладающимъ талантомъ убѣдить въ томъ, что̀ онъ считаетъ самъ непреложнымъ.

Но этого было мало. Князь открылъ въ Салмоновичѣ добрѣйшее сердце, узналъ, что этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ никакихъ привычекъ свойственныхъ его возрасту. Въ Салмоновичѣ оказалось влеченіе чуть не къ аскетизму. Прежде всего выяснилось, что Салмоновичъ совершенно счастливъ отъ той новой обстановки, въ которую внезапно попалъ. Такая жизнь была всегда его мечтой.

— Сугробы, волки! восклицалъ онъ, бесѣдуя съ княземъ,—да именно это жизнь! Келья, монастырь—вотъ жизнь, а не Невскій проспектъ! Просыпаясь поутру, я съ наслажденіемъ думаю о томъ, что помимо васъ и княгини никого не увижу за цѣлый день. Ни одинъ дуракъ мнѣ не скажетъ ни одной глупости, которыя я, по моему общественному положенію, долженъ выслушивать молча.

Найдя въ Салмоновичѣ умнаго и образованнаго человѣка, счастливаго отъ тихой простой жизни, которая для всѣхъ нихъ началась въ Яхтомкѣ, князь сталъ быстро привязываться къ нему. Наконецъ ко всему, что̀ князь нашелъ въ молодомъ аббатѣ, надо было еще прибавить новое открытіе, сдѣланное княгиней. Салмоновичъ былъ якобы всегда глубоко и искренно преданъ ему и ей, но только теперь сознался, что обожаетъ Тоню. Онъ никогда якобы не хотѣлъ этого высказывать въ Петербургѣ, такъ какъ подозрѣніе князя, что это неправда, оскорбило бы его.

Какъ-то однажды, послѣ прогулки въ лѣсу, княгиня стала вдругъ особенно грустна, задумывалась настолько, что почти забывалась. Князь поневолѣ обратилъ на это вниманіе и встревожился двояко. Во-первыхъ, его озаботило, почему жена такъ грустна, а затѣмъ просто испугала мысль, что тоска деревенской жизни убиваетъ жену противъ ея воли и что она тщетно беретъ на себя задачу свыкнуться съ этимъ существованіемъ въ глуши. Рано или поздно она не выдержитъ. Или уѣдетъ въ столицу, или переломитъ себя, пожертвуетъ собой и зачахнетъ. Стало-быть тогда онъ, князь, явится убійцей жены.

Несмотря на вопросы князя, что̀ съ ней, Юлія Павловна не отвѣтила прямо, а солгала, что у нея голова болитъ. Посидѣвъ послѣ обѣда съ часъ въ кабинетѣ мужа, она ушла къ себѣ, жалуясь на усилившуюся боль. Въ гостиной она встрѣтила, очевидно поджидавшаго ее, аббата и шепнула смѣясь:

— Не выдержала. Ушла. Не могу я шесть часовъ изображать несчастную, когда мнѣ до смерти смѣшно. Подите къ нему.

Салмоновичъ отправился немедленно къ князю и вошелъ безпечный, довольный, веселый. Князь увидѣлъ аббата, и поневолѣ контрастъ между молодымъ человѣкомъ и княгиней бросился ему въ глаза.

— Я вамъ не помѣшалъ заниматься? спросилъ Салмоновичъ.

— Нисколько... Пожалуйста. Посидите. Мнѣ грустно что-то сегодня. И ради жены...

— А что же княгиня? наивно спросилъ аббатъ.

Князь передалъ свои соображенія, подозрѣнія и боязнь, что жена не выдержитъ этой жизни въ глуши деревни, заболѣетъ. Салмоновичъ долго молчалъ, затѣмъ попросилъ позволенія высказаться откровенно. Оно говорилъ долго, горячо, князь слушалъ внимательно и еще болѣе упалъ духомъ. Аббатъ доказалъ князю какъ дважды два четыре, что княгиня зачахнетъ вскорѣ, какъ южное растеніе на морозѣ, что надо придумать что-либо и спасти ее во̀-время.

— Но что же придумать?! воскликнулъ князь.

— Не знаю. Я знаю одно! воскликнулъ Салмоновичъ.—Для такой женщины, какъ княгиня, я бы пошелъ на все. На преступленіе пошелъ бы ради ея счастія!

Салмоновичъ просидѣлъ у князя весь вечеръ и разговоръ шелъ исключительно о княгинѣ. Аббатъ съумѣлъ какъ-то наэлектризовать Яхтомскаго, встряхнуть его и вывести изъ лѣниво-благодушнаго состоянія. Салмоновичъ убѣдилъ его, что онъ не имѣетъ права губить такую чудную женщину, какъ его жена, и долженъ что-либо придумать, чтобы поправить свои дѣла и дать возможность женѣ ѣздить чаще въ Петербургъ, если имъ нельзя всей семьей жить тамъ.

— А захотѣли бы вы, такъ и это было бы возможно! кончилъ Салмоновичъ съ упрекомъ въ голосѣ. Но затѣмъ онъ тотчасъ же перевелъ разговоръ на другое.

X.

Между тѣмъ, сближаясь съ княземъ среди деревенской обстановки, аббатъ не терялъ времени.

Хотя въ домѣ было много свободныхъ горницъ, Салмоновичъ еще вскорѣ по пріѣздѣ попросилъ у князя разрѣшенія жить отдѣльно.

Въ саду, недалеко отъ дома, былъ маленькій домикъ въ четыре комнаты, затѣйливой постройки, нѣчто въ родѣ круглой, низкой, но широкой башни. Онъ назывался въ Яхтомкѣ „розовымъ павильономъ“. Когда-то отецъ князя еще въ молодости выстроилъ этотъ домикъ неизвѣстно зачѣмъ, подражая модѣ и своимъ сосѣдямъ.

Круглая башня съ плоскою крышей была окрашена въ ярко-розовый цвѣтъ. Теперь стѣны были темно-коричневыя, порыжѣлыя, но домикъ попрежнему назывался „розовымъ павильономъ“.

Услыхавъ подобную просьбу, князь нѣсколько удивился и замѣтилъ Салмоновичу, что ему будетъ гораздо удобнѣе жить въ домѣ, нежели въ павильонѣ, который еще болѣе запущенъ, чѣмъ всѣ остальныя постройки.

— Въ холода вы замерзнете тамъ, сказалъ онъ.

Но Салмоновичъ стоялъ на своемъ, увѣрялъ князя, что если ему дадутъ двухъ-трехъ рабочихъ, то онъ въ одну недѣлю возстановитъ павильонъ и сдѣлаетъ его вполнѣ обитаемымъ.

Мебель и даже кровать и всякія принадлежности, даже буфетъ съ посудой — все нашлось въ павильонѣ.

Въ виду настойчивыхъ просьбъ князь, конечно, согласился и, дѣйствительно, черезъ десять дней Салмоновичъ привелъ павильонъ въ порядокъ, сдѣлалъ его настолько уютнымъ, что въ немъ не было и тѣни прежняго запустѣнія.

Затѣмъ онъ отпраздновалъ свое новоселье, пригласивъ князя и княгиню вечеромъ на чашку чая. Вмѣстѣ съ ними явился, конечно, и Тоня. Этотъ вечеръ въ гостяхъ не мало забавлялъ всѣхъ.

Тутъ же было рѣшено, что Салмоновичъ будетъ заниматься съ Тоней не въ домѣ, а въ павильонѣ, гдѣ гораздо тише и ничто не можетъ разсѣять вниманія ученика.

Княгиня объявила, что ради тоски, отъ нечего дѣлать, будетъ являться на уроки Тони. Вмѣстѣ съ тѣмъ она шутя попросила Салмоновича почаще устраивать вечера и рауты, почаще приглашать ее и мужа на чашку чая.

Однако недѣли черезъ три аббатъ оказался уже не одинъ въ павильонѣ. Однажды утромъ онъ явился къ князю и обратился къ нему съ просьбой. У него былъ старинный знакомый полу-русскій, полу-нѣмецъ, который пріѣхалъ навѣстить его.

Салмоновичъ просилъ дозволенія оставить знакомаго на нѣкоторое время у себя погостить. Князь ничего не нашелъ противъ этого. Княгиня была даже довольна.

Гость Салмоновича явился въ тотъ же день представиться. Это оказался маленькій человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, съ еврейскимъ типомъ лица, тихій, скромный, говорящій едва слышно, беззвучно, но вкрадчиво, и только глаза его горѣли постоянно яркимъ огнемъ, выдавая силу воли, умъ и энергію.

Новоприбывшій говорилъ очень хорошо по-русски, понималъ по-французски, объяснялся легко по-нѣмецки, думалъ про себя по-еврейски и носилъ фамилію Франкфуртеръ.

Неожиданный гость и постоялецъ показался князю съ первой же минуты загадочнымъ. Въ томъ, что это былъ жидъ, не было никакого сомнѣнія; но опредѣлить, что̀ это за жидъ, какого сорта — было, конечно, невозможно. Онъ могъ быть и часовщикомъ, и портнымъ, и биржевымъ зайцемъ, и банкиромъ.

На разспросы князя, Салмоновичъ объяснилъ, что знаетъ Франкфуртера съ дѣтства, что еврей былъ близокъ когда-то съ его отцомъ, что въ этомъ евреѣ нѣтъ ничего жидовскаго.

— Вдобавокъ, прибавилъ Салмоновичъ, — это настолько несчастный человѣкъ, лишившійся большаго состоянія, что я изъ жалости и человѣколюбія прошу васъ дозволить ему пробыть около мѣсяца у меня. Что касается обѣда, то княгиня разрѣшила, что ему будутъ носить обѣдать въ павильонъ.

Но князь возсталъ противъ этого предложенія. Франкфуртеръ былъ по внѣшности настолько приличенъ, что не было ничего противъ его постояннаго присутствія въ домѣ и права обѣдать за столомъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Яхтомкѣ Франкфуртеръ производилъ на князя уже менѣе непріятное впечатлѣніе. Онъ нашелъ въ евреѣ занятнаго человѣка, „виды видавшаго".

Дѣйствительно, Франкфуртеръ когда-то живалъ и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, побывалъ въ Италіи и даже въ Сициліи. Яхтомскіе — мужъ и жена — вскорѣ, вѣроятно, отъ тоски, находили уже удовольствіе разговаривать съ неожиданнымъ сожителемъ.

Вслѣдъ за появленіемъ Франкфуртера появился въ павильонѣ молодой человѣкъ, очень приличный, красивый собой, съ прелестными голубыми глазами. Онъ пріѣхалъ на нѣсколько часовъ, повидался съ Салмоновичемъ и уѣхалъ, но затѣмъ каждые три-четыре дня снова появлялся на простой крестьянской лошади. Раза два онъ ночевалъ въ павильонѣ.

Однажды князь спросилъ у Салмоновича, что это за личность. Салмоновичъ добродушно разсмѣялся, махнулъ рукой и выговорилъ:

— Ужь лучше, князь, не говорите! Не знаю, что̀ и дѣлать!

— Что̀ такое? удивился князь.

— Да боюсь я вашу Яхтомку обратить въ богадѣльню.

— Какъ?! Что?! выговорилъ князь.

— Да все то же... И этому некуда дѣваться. Я говорилъ вчера княгинѣ, чтобы она попросила васъ, мнѣ ужь совѣстно...

— Да въ чемъ дѣло?

— Да, повторяю вамъ, все то же... И этому юношѣ въ настоящую минуту некуда дѣваться. Онъ вчера умолялъ меня позволить пробыть ему здѣсь хоть недѣлю.

— Ну, что же? Что-жь изъ этого? Оставьте его!

И новый обыватель Яхтомки пріѣхалъ вновь, неизвѣстно откуда, остался и сдѣлался обитателемъ того же павильона. Однако, этотъ гость былъ не изъ такихъ, котораго князь могъ допустить къ своему столу.

Вновь появившійся носилъ фамилію Дзицкаго, не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, ни какого-либо опредѣленнаго положенія, но, по словамъ Салмоновича, обладалъ выдающимся талантомъ. Онъ былъ рисовальщикъ и хорошій граверъ.

Любовь къ этому дѣлу была настолько велика, что Дзицкій привезъ съ собой все, что нужно, и съ перваго же дня занимался въ горницѣ, ему отведенной, по восьми и десяти часовъ, не отрываясь отъ работы.

Появленіе Дзицкаго было какъ бы послѣдней новостью или событіемъ въ Яхтомкѣ. Прошло еще недѣли двѣ, и за это время не случилось ничего выдающагося. Единственное, что могло бы быть еще нѣкотораго рода новостью для всѣхъ, это—не состоявшійся отъѣздъ временныхъ гостей и дозволеніе хозяевъ оставаться имъ обоимъ на жительствѣ въ павильонѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ усадебномъ домѣ среди обитателей произошло что-то. Люди видѣли всякій день княгиню все болѣе унылую при князѣ и часто взволнованную—въ бесѣдахъ съ аббатомъ. Князь былъ тоже часто задумчивъ и какъ бы менѣе доволенъ и спокоенъ, чѣмъ въ первые дни по пріѣздѣ.

Салмоновичъ не перемѣнился, былъ все тотъ же—и новаго было лишь то, что учитель, или Ѳедоръ Станиславичъ, какъ звали его люди, сталъ чѣмъ-то большимъ въ домѣ.

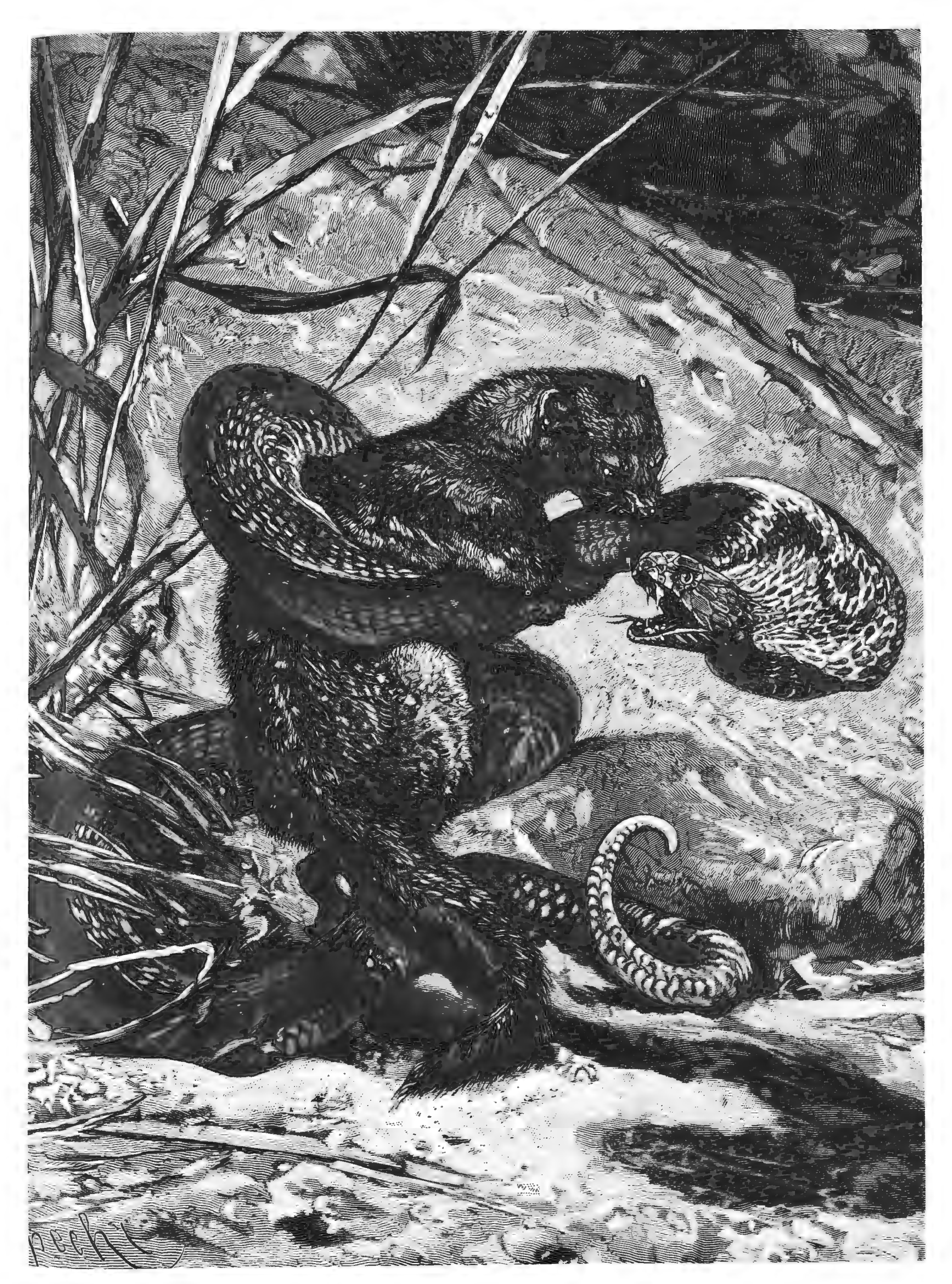
Когда-то въ Петербургѣ, будучи на правахъ наемнаго человѣка, якобы воспитателя молоденькаго князя, онъ держалъ себя скромно при князѣ и нѣсколько свободно при княгинѣ; теперь же Ѳедоръ Станиславичъ былъ въ Яхтомкѣ на правахъ какъ бы родственника, или близкаго друга князя.

По отношенію къ прислугѣ онъ уже не ссылался на господъ, а приказывалъ отъ своего имени и пустое, и важное. Онъ уже дѣлалъ выговоры лакеямъ, онъ уже громко говорилъ:

— Какая безпорядица! Вы пользуетесь тѣмъ, что княгиня не можетъ быть простою хозяйкой и глядѣть за вами, а управляющаго настоящаго нѣтъ.

Вообще даже по фигурѣ Салмоновича можно было догадаться, что его положеніе въ семьѣ и въ домѣ совершенно измѣнилось. Онъ сталъ какъ бы человѣкомъ, отъ котораго многое зависитъ.

И простому разуму простаго люда русскаго, у котораго чутье развито болѣе, чѣмъ у какого-либо изъ другихъ народовъ, чудилось въ Яхтомкѣ нѣчто особенное.

Мунгосъ въ борьбѣ съ очковою змѣей. Рис. и грав. Шпехтъ.

Какъ отъ дальняго невидимаго пожара пахнетъ въ воздухѣ гарью, такъ въ Яхтомкѣ пахло теперь какъ будто чѣмъ-то грознымъ, страшнымъ, какъ будто какою-то катастрофой или бѣдой.

Низенькая, невзрачная, сутуловатая фигурка господина Франкфуртера, котораго не знали до сихъ поръ люди, какъ величать по имени и отчеству, а равно и красивый, смѣлый, шустрый молодой человѣкъ, явившійся вслѣдъ за нимъ, несмотря на свою привлекательную внѣшность, — оба возбуждали къ себѣ всеобщее недовѣріе.

Недавно появившаяся задумчивость и угрюмость князя, озабоченный или взволнованный видъ у княгини, своевольство въ домѣ Салмоновича — все вмѣстѣ было для людскаго чутья именно этой гарью, приносимою пролетнымъ вѣтромъ отъ далекаго пожара.

И чутье людское не ошиблось. Въ Яхтомкѣ готовилось нѣчно невѣроятное.

(Продолженіе будетъ).

Поѣздка въ Печенгскій монастырь.

Очерки русской Лапландіи. **Д. Н. Островскаго.** (Рис. на стр. 272).

Дальше всѣхъ православныхъ монастырей ушла на Сѣверъ Печенгская обитель и стоитъ она въ глуши Лапландіи, почти на 70° с. ш., близъ Норвежской границы. Основана она была въ XVI вѣкѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ Преп. Трифономъ, но существовала всего полстолѣтія, будучи вскорѣ послѣ смерти своего основателя разграблена и сожжена финляндцами. Празднуя трехсотлѣтіе существованія г. Архангельска, вспомнили и о Печенгѣ, и возобновленіе ея теперь принято на себя Соловецкимъ монастыремъ.

Поздно вечеромъ, въ февралѣ 18*7 г., запряженная тройкой „ладожскихъ" лошадей, обитая рогожей, повозка потянулась отъ одного изъ петербургскихъ подъѣздовъ въ дальній путь къ Бѣлому морю, къ тундрамъ Кольскаго полуострова.

Пробѣжала повозка мимо Шлюшина, Лодейнаго Поля, Ладоги, Олонца, завернула въ красивый Петрозаводскъ и снова жалобно завизжали ея полозья, скользя по жесткому мартовскому снѣгу.

Помню я одно холодное тоскливое утро. Завѣшанная наглухо рогожей, въ защиту отъ мятели, повозка казалась тюрьмою. Не вытерпѣлъ я, отдернулъ рогожу и высунулся изъ повозки. Мы ѣхали или, вѣрнѣе сказать, ползли въ какомъ-то снѣжномъ пространствѣ. Мятель заметала дорогу, слѣпила глаза, прохватывала холодомъ до костей.

— Гдѣ мы ѣдемъ? крикнулъ я ямщику.

— „Онегомъ" ѣдемъ, сурово отвѣчалъ онъ,—верстъ пятнадцать еще до Повѣнца осталось.

Употребляющееся на Сѣверѣ названіе Онежскаго озера мужскимъ именемъ „Онегъ" какъ-то особенно поражаетъ воображеніе. При этомъ имени возстаетъ что-то языческое, олицетворенное. Вѣетъ Чудью, окраиной русскаго государства. Отъ Повѣнца почтовый трактъ выходитъ на берега Бѣлаго моря, къ Сумскому посаду—начинается знаменитое Поморье, съ его особымъ складомъ торгово-морской жизни, вѣрованіями и преданіями. Море и расколъ наложили свой особый отпечатокъ на весь бытъ поморовъ. Русское духовенство, къ слову сказать, чувствуетъ себя здѣсь какъ въ ссылкѣ, въ положеніи миссіонеровъ. Поморы-безпоповцы всячески сторонятся, избѣгаютъ и даже откупаются отъ всякаго общенія со священникомъ и съ никоніанами; но удивительно то, что такой въ былыя времена крупный вождь раскола, какъ Соловецкій монастырь, далеко не пользуется особеннымъ сочувствіемъ къ нему поморовъ, какъ этого можно было бы ожидать: большинство богомольцевъ въ монастырѣ, не говоря уже о братіи, изъ Вятской губерніи. Старинныя церкви въ поморскихъ деревняхъ—все постройки Соловецкаго монастыря. Невольно залюбуется путникъ на деревянную церковь въ деревнѣ Шуѣ, какъ на прекрасный образчикъ русскаго зодчества XVII вѣка. Построена она въ 1666 г. и, несмотря на такой отдаленный „звѣриный" годъ ея постройки, стоитъ она со своей колокольней-бойницей ветхая, но красивая, среди большой и богатой деревни на высокомъ берегу рѣки Шуи.

Поморъ человѣкъ разъѣзжій, бродячій. Дома онъ почти вовсе не бываетъ. Весной нанимаетъ работниковъ-покручениковъ и посылаетъ ихъ на рыбные промыслы къ берегамъ Ледовитаго океана, а самъ починяетъ свою двухмачтовую парусную шхуну, нагружаетъ ее мукою и идетъ въ „Нордвегу" въ Финмаркенъ, вымѣнивать муку на свѣжую треску. Размѣнявъ муку на рыбу, поморъ возвращается въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ Маргаритинской ярмаркѣ въ Архангельскъ, сбываетъ рыбу „верховику", т. е. купцамъ, пріѣзжающимъ съ верховьевъ Двины, и затѣмъ, по первопутку, отправляется съ соленою семгой въ Петербургъ и Москву; другіе отправляютъ рыбу въ Петербургъ прямо на судахъ, кругомъ Скандинавскаго полуострова.

Торговлей съ Петербургомъ занимаются однако пока еще очень немногіе, наиболѣе даровитые и предпріимчивые. Это дѣло большое. Для него требуется нѣкоторая широта взгляда, рискъ, и потому громадное большинство предпочитаетъ по примѣру отцовъ и дѣдовъ кормить мукой Нордвегу. „Кормленіе" это старинное, длящееся уже нѣсколько сотенъ лѣтъ, ведется безъ денегъ, прямо мѣною товара на товаръ. Норвежцы очень дорожатъ этою торговлей и каждое лѣто встрѣчаютъ „русаковъ" съ особенной радостью. Несмотря на то, отношеніе норвежскаго купца къ „русаку" остается до сихъ поръ отношеніемъ барина къ мужику. Придетъ поморъ къ норвежцу въ контору, стоитъ, проситъ: „дозволь, Алексѣй Абрамовичъ [1], и сей годъ на твою брюггу [2] товаръ сложить. Есть у меня дрова, муки часть, бересто есть, доски, все что твоей милости надоть, а мнѣ, вишь, судно поскорѣй опорожнить требуется, надо рыбу отъ „фильмановъ" [3] принимать да солить въ трюмъ, на декѣ [4] оставлять нельзя, портится. Послѣ за товаръ-то ужь съ тобой разсчитаемся, не въ первый разъ".

Не торопясь, записывая что-то въ огромную книгу, слушаетъ норвежецъ помора, какъ бы нехотя принимая летящую въ его руки добычу, и милостиво даетъ разрѣшеніе помору. Подноситъ ему рюмку коньяку или портвейну, тѣмъ дѣло и кончается. Никогда норвежецъ не пригласитъ помора къ себѣ въ домъ, какъ желаннаго гостя, хотя, наоборотъ, поморы зачастую угощаютъ норвежцевъ въ своихъ каютахъ на судахъ и наливками, и пуншемъ, и чаемъ, и сластями, и прочими русскими „раритетами".

За немногими исключеніями, норвежскіе купцы прекрасно говорятъ по-русски; поморы по природной смѣткѣ ловятъ смыслъ норвежской рѣчи. Особенно любопытными представляются разговоры поморовъ съ норвежскими рыбаками, когда начинается ломка русскаго, норвежскаго и другихъ языковъ и обращеніе ихъ въ какую-то невообразимую чепуху, понятную, однако, въ силу привычки, обѣимъ сторонамъ и носящую названіе „норвежско-русскаго языка".

Стоитъ поморское судно въ гавани. Къ нему подходитъ только-что возвратившаяся съ моря, нагруженная до краевъ трескою, рыбачья лодка. Стоя прямо на рыбѣ, въ огромныхъ сапогахъ, круглой широкой шляпѣ и въ пропитанной олифой масляной курткѣ, норвежецъ кричитъ помору:

— Здрастуй!

— Здравствуй, здравствуй, фильманъ. Ну! что, гротъ встока по гафъ? [5])

— Nei, nun det er ganske bra! [6]) Купомъ-fisk? [7])

— Ю, ю, отвѣчаетъ поморъ,—трокомъ трокъ [8]) по крупъ. Ту [9]) пуди крупъ, этъ [10]) пудъ фискъ.

— All right!

Начинается перекидка рыбы изъ лодки на палубу судна. Поморъ недоволенъ покупкою, рыба ему не нравится, или кажется ему что онъ дорого мѣняетъ, или другой поморъ съ близь стоящаго судна переманилъ норвежца къ себѣ, сдѣлалъ „перебой". Пріемъ рыбы прекращается и возникаетъ ссора.

— Jeg skal go til betjent [11]), заявляетъ норвежецъ.

— Иди, иди къ бекенту, гротъ каналья, кричитъ поморъ,— мнѣ твой бекентъ не указъ, у насъ „консырь" есть, мы къ „консырю" пойдемъ!

Норвежецъ уѣзжаетъ на берегъ и возвращается на судно съ полицейскимъ. Дѣло, однако, не улучшается, полицейскій плохо понимаетъ по-русски и отсылаетъ спорящихся въ консульство.

Поморы гораздо болѣе торговцы, чѣмъ моряки. Неграмотные, совершенно незнакомые съ правилами морской науки, они плаваютъ по примѣтамъ, почти наобумъ. Громадную пользу могли бы имъ принести мореходные классы, но въ силу рабскаго поклоненія старинѣ, они относятся къ наукѣ, какъ ко всему новому, недовѣрчиво и крайне неохотно отдаютъ своихъ дѣтей въ мореходные классы, и то только потому, что окончаніе здѣсь курса сбавляетъ срокъ воинской повинности. Отданныя въ ученье дѣти поморовъ выказываютъ нерѣдко поразительныя способности и дарованіе. — „Наука-то только въ этихъ скитаніяхъ между Норвегіею и Бѣлымъ моремъ остается для нихъ безплодною, разсказываетъ одинъ изъ почтенныхъ преподавателей шкиперскаго училища.—Занимается мальчикъ хорошо, прилежно цѣлую зиму, а на лѣто опять поступаетъ

[1] Поморы всѣхъ норвежцевъ перекрещиваютъ на русскія имена, величая ихъ по имени и отчеству.
[2] Пристань.
[3] Рыбопромышленниковъ.
[4] На палубѣ.
[5] Много вѣтра на морѣ?
[6] Нѣтъ, теперь хорошая погода.
[7] Рыба.
[8] Французское слово troquer, какимъ-то чудомъ залетѣвшее въ поморскую рѣчь, значитъ *мѣнять*.
[9] Два.
[10] Одинъ.
[11] Я пойду жаловаться полиціи.

на то же поморское судно, гдѣ часто рядомъ съ компасомъ валяется топоръ, или компасъ ставится вмѣстѣ съ другимъ компасомъ и гдѣ вообще не соблюдается никакихъ правилъ кораблевожденія. Молодой человѣкъ видитъ, что все идетъ благополучно и безъ науки, и привыкаетъ считать ее если не безполезною, то по крайней мѣрѣ лишнею вещью. Да и то еще грустно, прибавилъ онъ съ рѣдкою, честною откровенностью, — видишь какъ ученики стараются, преподаешь имъ науку, а потомъ когда они ее постигнутъ — говоришь имъ: плюньте вы на все это. По правиламъ науки, въ Бѣломъ морѣ плавать нельзя. Карты настолько невѣрны, что, ведя судно по картѣ. вы непремѣнно посадите его на мель; лучше плавайте, какъ старики ваши плавали—по примѣтамъ“.

Городомъ Кемью кончается богатое Поморье съ большими деревнями-посадами, подымающими артели на Мурманѣ и ведущими торговлю съ „Нордвегою“. Кемью кончается расколъ, почерпающій свои „правила“ изъ Соловецкой челобитной. За Кемью начинаются „карелы“—население, живущее почти сплошь „подъ священникомъ“, ходящее на Мурманъ и въ Нордвегу больше въ „казакахъ“ (работникахъ). Приливающая въ громадномъ количествѣ къ берегамъ Бѣлаго моря сельдь до Кеми коптится и сдается скупщикамъ-вологжанамъ на возы, для перевозки гужомъ въ Москву и въ Петербургъ; за Кемью сельдь только солится въ небольшихъ боченкахъ и отвозится на судахъ въ Архангельскъ.

Но помимо своего бытоваго и экономическаго значенія Кемь даетъ себя чувствовать, такъ сказать, непосредственно самой особѣ путника. За Кемью начинается дорога „убойная“, узкая, жолобомъ. Волей-неволей путникъ бросаетъ свою проходную петербургскую кибитку и изъ „сѣдока“ превращается въ „лежака“: его укладываютъ въ растяжку на оленьи шкуры, въ длинную, узкую повозку, съ маленькимъ парусиннымъ верхомъ, и такимъ образомъ, перекладывая на каждой станціи, влачатъ на одной лошаденкѣ верстъ 300 до деревни Кандалакши, отъ которой начинается еще болѣе своеобразный путь через дикую лопь на оленяхъ въ Колу.

Ѣхали мы въ самую „ярманку“, т. е. въ то время, когда черезъ Поморье идутъ „ватаги“ промышленниковъ на Мурманъ. Не разъ приходилось намъ объѣзжать длинныя вереницы оленей, тянувшихъ пожитки мурманщиковъ. Столкнуть или стащить за рога оленя съ дороги въ снѣгъ, чтобы очистить путь ѣдущему съ „колокольцемъ и погонялкой“ [1]), т. е. съ видимыми атрибутами казенной подорожной, стоило не малой борьбы и усилій.

— Везутъ промышленниковъ корелы, лопари, шветы, разсказывалъ мнѣ мой возница, безпрестанно соскакивая и поддерживая повозку въ ухабахъ, чтобъ не „опружило“. — Сей годъ нагнали оленей много. Другъ дружку сбиваютъ. Везутъ дешево: отъ Княжой до Разноволоки за рубль (около 150 верстъ). Нонѣ, сами знаете, идетъ промышленниковъ на Мурманъ не порато много. Годъ-то былъ вовсе не промышленой, хозяевъ-то много посадило. Какъ которые „полномочные“, такъ тѣ поднялись, а которые „не полномочные“, такъ тѣ сѣли...

Дорога шла холмистою тайболою, рѣдкимъ, жиденькимъ лѣсомъ. Передъ глазами торчали хохлатыя, тычинныя ели, сосенки, тонкій березнякъ и осинникъ. Погода была тяжелая, теплая. Спускался крупный мокрый снѣгъ.

— Ишь ты, Артемій, крикнулъ мой возница ѣхавшему сзади товарищу, — конь-то какъ порато вспѣнился! Га! окрикнулъ онъ лошадь какимъ-то особымъ, только здѣсь слышнымъ горловымъ окликомъ.—Много этой самой Финляндіи, продолжалъ онъ далѣе,—выѣзжаетъ къ намъ для ради мурманщиковъ. Она недалеко отъ нашей Княжой-то. Выѣхалъ къ намъ этто нѣмецъ, человѣкъ онъ бѣдный, „нужной“, и продалъ мнѣ вотъ эту лошадку за двадцать-два рубля...

— Самъ ты бывалъ на Мурманѣ?

— Въ прежніе годы хаживалъ, теперь дома больше сестринымъ дѣломъ займуюсь. Сестра жила замужемъ, да мужъ-то померъ. Шелъ онъ изъ Архангельска и у Керети услышалъ въ себѣ болѣзнь. Зашибалъ онъ крѣпко. Такъ черезъ два года и померъ. Отъ мужа осталось ей судно; на немъ теперь и возимъ сельдянку въ Архангельскъ. Вонъ тамъ пабушка, показалъ онъ на виднѣвшееся въ сторонѣ озеро,—тамъ мы по осени и „жируемъ“. Въ тѣ поры рыбы порато много живетъ и бываетъ грудно попадаетъ.

— А когда у васъ ловъ-то начинается?

— А ловъ начинается по веснѣ, когда сдѣлается „срывъ“, надутъ, значитъ, погоды, ледъ сорветъ, — вотъ тогда и начинается.

Дорога шла спускомъ изъ лѣсу въ губу. Вдали на противоположномъ берегу лѣпилась по горамъ красивая Кандалакша. Сзади нея по горѣ вилась въ мелкомъ лѣскѣ узенькая просѣка. „Вѣрно дорога въ Лапландію“, подумалось мнѣ.

— Вотъ и Кандалакша, прервалъ мою мысль возница.—Теперь васъ повезутъ на оленяхъ. Олень звѣрь дикой, продолжалъ онъ наставительнымъ тономъ,—его не удержишь. Другаго такъ досадитъ, что чуть живой останется. Тамъ на Имандрѣ кой въ „кережкахъ“ ѣдетъ, кой на „чункахъ“ [2])—всяко, всяко. Тамъ, на Имандрѣ, климатъ не здѣшній, тамъ климатъ холоднѣе...

Но я его уже больше не слушалъ. Мои глаза были прикованы къ той узенькой полоскѣ, что вилась въ лѣсу. Хотѣлось самому скорѣе въ эту даль, въ эту глушь.

— Ваши вещи въ кладовую?

— Въ какую кладовую, голубчикъ? Не понимаю.

Да то-есть, значитъ, особый олень пойдетъ съ вещами, такъ мы къ нему въ санки и уложимъ.

Вещи уложены въ кладовую, т. е. родъ лодки или корыта, къ которому привязанъ олень. По здѣшнему этотъ родъ экипажа зовется „кережкой“. Сами мы садимся каждый отдѣльно въ санки, запряженныя парой оленей. Санки, на довольно высокихъ полозьяхъ, раскрашены синею и красною краской: на спинкѣ нарисованы часы, на сидѣньи компасъ,—всѣ принадлежности серьезной экспедиціи.

Усѣлись, намотали на правую руку веревку, которою управляется олень, и ждемъ, когда тронется передній лопарь-проводникъ, по здѣшнему „райникъ“.

— Хорей возьмите, ваше-скородie!

— Какой хорей?

— Да палку, что оленей погоняютъ.

Беру длинную, сажени въ двѣ, палку. Райникъ тронулся. За его оленями бросились вскачь и наши. Тяжело дыша, высунувъ языки, перегоняя другъ друга, неслись олени, стараясь изо всѣхъ силъ догнать своего передняго товарища и не разбирая ни камней, ни поворотовъ, ни кручъ, ни выбоинъ. Съ обѣихъ сторонъ, надъ самымъ ухомъ, слышался свистящій храпъ, мелькали разинутыя морды, болтались окровавленные языки, черные глаза горѣли дикимъ огонькомъ. Въ этой сумятицѣ роговъ и копытъ неслись мы добрыхъ двѣ версты, изо всѣхъ силъ, натягивая веревку, чтобы умѣрить пылъ разгорячившихся животныхъ, пока не вылетѣли изъ лѣсу на широкій просторъ озера. Райникъ быстро и неожиданно свернулъ своихъ оленей въ сторону, соскочилъ съ санокъ и ловко воткнулъ въ снѣгъ на подобіе знамени свой хорей--знакъ остановки.

Произошла еще большая путаница. Разбѣжавшіяся санки со всего размаха били по ногамъ оленей. Тѣ граціозно прыгали, бросались въ сторону, жадно хватали снѣгъ и останавливались, какъ вкопаные.

Перещелкавъ оленямъ ноги и, къ великому удивленію, не повредивъ ни одной, поѣздъ нашъ остановился. Только теперь, глядя на этихъ кротко стоявшихъ передъ нами милыхъ животныхъ, являлось сознаніе того, какъ бы они мило и граціозно перещелкали ребра и суставы тому изъ насъ, кому лихая судьба судила бы слетѣть съ санокъ во время только-что окончившейся дикой скачки.

Ѣдемъ дальше. Наступила морозная, звѣздная ночь въ самой глуши далекой Лапландіи; слабое сѣверное сіяніе въ видѣ стелющагося по небу бѣловатаго дыма; кругомъ тощій хвойный лѣсъ, изрѣдка освѣщаемый кострами промышленниковъ, идущихъ на Мурманъ и расположившихся на ночлегъ.

Одинъ за другимъ длинною вереницею бѣгутъ уже своею обычною, мѣрною рысью неутомившіеся олени, тяжело дыша и высунувъ языки, какъ усталыя на охотѣ собаки.

Тихо, пожалуй даже грустно. Васъ начинаетъ клонить не то дума, не то дремота; но недремлющій олень уже замѣтилъ, что вы слишкомъ отстали отъ каравана и пускается вскачь догонять товарищей. На одномъ прыжкѣ вы неожиданно вылетаете изъ санокъ и тащитесь на веревкѣ, непріятно сознавая возможность удара о камень или дерево и ощущая коварное сосѣдство съ вашимъ тѣломъ лежащаго въ карманѣ заряженнаго револьвера (глупѣйшій остатокъ дикой цивилизаціи въ такой идеальной странѣ, какъ Лапландія!).

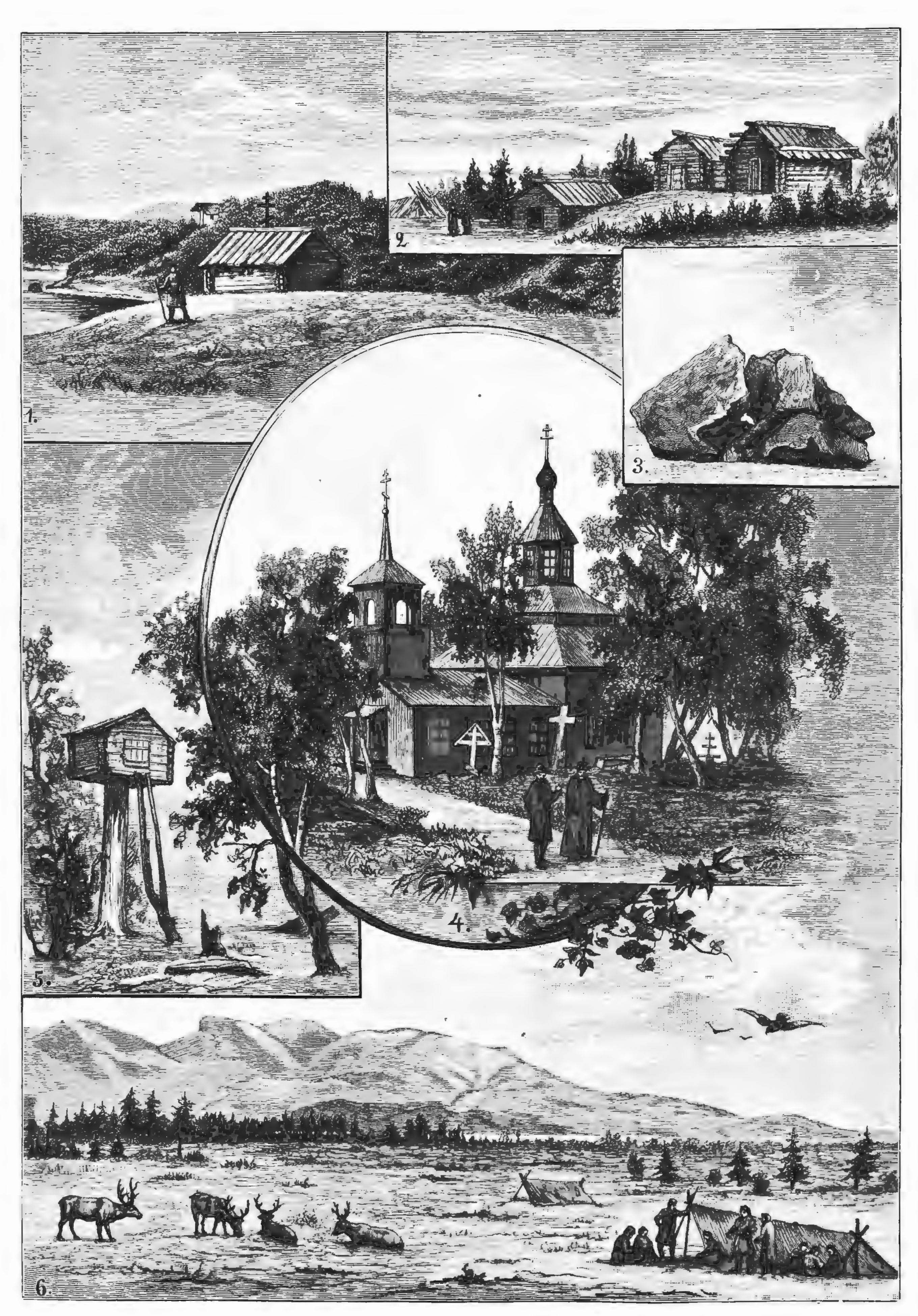
— Райникъ, райникъ, стой! кричите вы не своимъ голосомъ. Къ вамъ подбѣгаютъ, останавливаютъ оленя, вытаскиваютъ вашу испуганную и измятую особу изъ снѣга и сажаютъ снова. Товарищи смѣются и напоминаютъ мудрую одиннадцатую заповѣдь.

Станція. Убогая лачужка съ одиночными рамами и громаднымъ каминомъ (камелькомъ). Лапландія и каминъ?! Какой самоотверженный протестъ противъ снѣжныхъ бурь и трескучихъ морозовъ! Красивые, молодые, но по большей части плѣшивые, съ покрытой струпьями головою (мѣстная болѣзнь, послѣдствіе крайней нечистоплотности), ямщики-лопари выносятъ ваши вещи, ставятъ самоваръ и разсаживаются рядомъ съ вами на лавку, въ ожиданіи чая и водки.

Между Кандалакшей и Колой шесть станцій. До первой станціи, Зашейка, отъ Кандалакши считается 30 верстъ, затѣмъ до Іокострова—30, отсюда по озеру Имандрѣ до Разнаволока—50, до Масельги—35, до Кицы—40 и наконецъ перегонъ до Колы—30 верстъ. Изъ Кандалакши выѣхали мы 12 марта въ 8 часовъ вечера и были въ Колѣ 14 марта утромъ часовъ въ 11, слѣдовательно переѣздъ черезъ Лапландію былъ сдѣланъ въ 1½ сутки.

Черезъ три дня, съ первымъ весеннимъ рейсомъ парохода „Чижовъ“, выѣхали мы изъ Колы на Мурманскій берегъ. Небольшой пароходъ нашъ былъ биткомъ набитъ пассажирами-рыбопромышленниками. Всего въ этотъ только рейсъ ихъ ѣхало

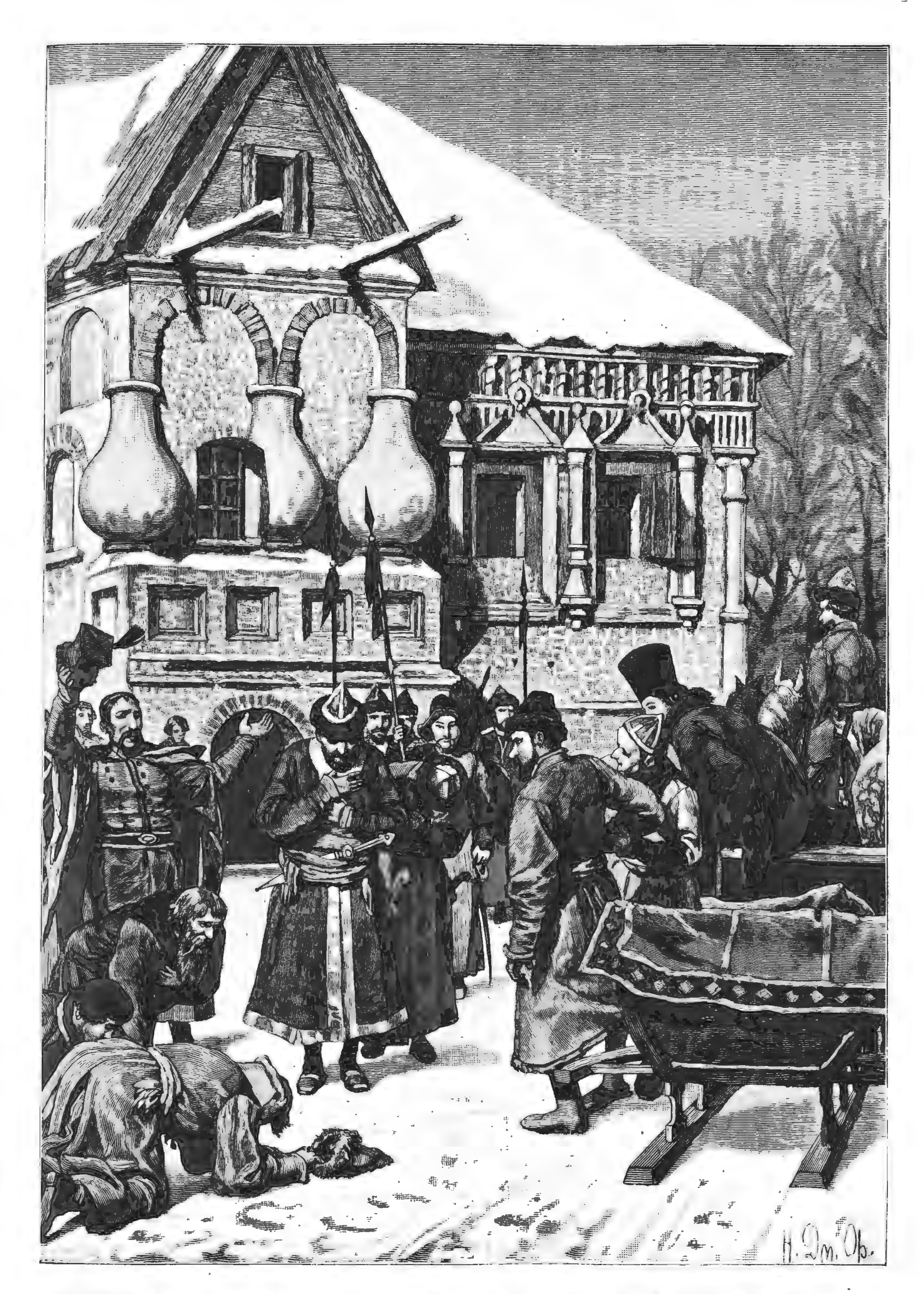
[1]) Кнутомъ.
[2]) Родъ санокъ.

Русская Лапландія. Поѣздка въ Печенгскій монастырь.

Съ наброска Д. Н. Островскаго, рис. на деревѣ А. Земцовъ, грав. Рашевскій.

1) Русская часовня въ Норвегіи. 2) Лопарскія тупы. 3) Камень-буревѣстникъ въ Печенгской тундрѣ. 4) Церковь Печенгскаго монастыря, построенная на мощахъ Преподобнаго Трифона. 5) Лопарскій амбаръ въ лѣсу. 6) Общій видъ лапландской тундры.

Прибытіе втораго самозванца (Тушинскаго вора) въ Калугу, послѣ бѣгства изъ Тушина.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") профес. **Дмитріева-Оренбургскаго**, грав. Рашевскій.

съ нами болѣе 300. По выходѣ изъ Кольской губы широко раскинулся Ледовитый океанъ, на этотъ разъ очень гостепріимно насъ встрѣтившій.

Вотъ оно, то свободное при-океанье, откуда русскій флотъ свободно и смѣло могъ бы смотрѣть въ лицо всему міру, не чувствуя себя въ ловушкѣ и стоя на стражѣ у европейскихъ предѣловъ русскаго государства.

Радостно сообщилъ я капитану, стоявшему на мостикѣ и пристально разсматривавшему въ бинокль берегъ, это привѣтствіе океану.

— Да ужъ что говорить: вонъ въ Еретикахъ, либо въ Арѣ-губѣ, либо въ Печенгѣ, мѣста на два флота хватитъ, да бѣда-то въ томъ, что дары Божіи у насъ втунѣ оставляются. Посмотрѣли бы въ Норвегіи, такъ тамъ, ей-Богу, идешь вдоль берега, точно у васъ по Невскому, отъ маяка къ маяку, какъ отъ фонаря къ фонарю, а здѣсь ни обозначительныхъ знаковъ, ни огней! Какъ хочешь, такъ и плавай!

Наступила свѣтлая, лунная ночь. Шли мы въ Ару-губу. Капитанъ позвалъ себѣ на помощь старыхъ моряковъ-товарищей, съ малыхъ лѣтъ знакомыхъ съ Мурманскимъ берегомъ, но какъ они ни смотрѣли — не могли опознать берегъ. При лунномъ сіяніи покрытыя снѣгомъ скалы ослѣпительно блестѣли и сливались въ одну однообразную, серебристую массу.

Рѣшено было подойти ближе къ берегу и идти вдоль него съ цѣлью яснѣе различить примѣты. Вдругъ столпившіеся на носу парохода промышленники-поморы замахали руками, крича капитану:

— Не ходи, не ходи туда, держи „голоменѣе“, тамо „кошки“!

— Право на бортъ! торопливо скомандовалъ капитанъ.

— Право на бортъ, глухо повторилъ рулевой и быстрымъ поворотомъ пароходъ отошелъ въ голомень [1]).

— Это вотъ такъ теперь, а осенью, въ темную ночь, изволь-ка заходить въ становище безъ огней, замѣтилъ капитанъ.

И капитанъ былъ правъ — и радость моя смѣнилась грустью.

На слѣдующій день, часовъ въ 12 ночи, пароходъ бросилъ якорь въ Печенгской губѣ, у „Лодейнаго“. Черезъ полчаса на пароходъ явились монастырскіе служки принимать кладь и богомольцевъ. Поверхъ кулей муки и разной другой провизіи посадили насъ въ лодку и свезли на берегъ, откуда снова на оленяхъ, мимо выстроившихся по берегамъ рѣки Печенги селеній, носящихъ здѣсь названіе „колоній“, Баркина, Княжухи и Монастырской, помчались мы къ мѣсту погребенія просвѣтителя лопарей, Преп. Трифона, гдѣ застали въ полномъ разгарѣ хлопоты и труды настоятеля съ братіею по устройству и созданію Печенгской обители.

Долго прожилъ я въ Печенгской обители. Настало время и для насъ, богомольцевъ, и для братіи, и для работавшихъ у обители лопарей справлять первую со времени возстановленія обители Пасху, огласить благовѣстомъ и пѣніемъ Свѣтлой Христовой заутрени давно умолкнувшія пустыни Лапландіи, напомнить имъ о томъ, что съ такимъ же чиномъ и благолѣпіемъ совершалось на этихъ мѣстахъ три вѣка тому назадъ. Какъ хорошо, какъ дѣтски радостно и чисто было тогда на душѣ, какъ будто въ глубинѣ ея, въ этомъ хаосѣ и непроглядной тьмѣ, теплилась яркая лампада Богу!

Тѣсная, маленькая деревянная церковь наполнена лопарями. Они торопливо, но усердно кладутъ земные поклоны; какъ-то не кланяются, а присѣдаютъ, складываются втрое и кувыркаются въ землю. Дѣти пустыни, дѣти въ душѣ, дѣти и съ виду!

Странно какъ-то слышать, когда на казенномъ языкѣ лопарь называется крестьяниномъ. Очень ужъ онъ комично малъ, низокъ и слабъ въ сравненіи съ почтеннымъ образомъ русскаго землепашца.

Въ храмѣ двѣ гробницы, въ притворѣ третья. Подъ одною у стѣны покоится тѣло самого Трифона Печенгскаго. Свершивъ великое дѣло просвѣщенія дикой лопи онъ уединился сюда отъ основаннаго имъ монастыря, своими руками построилъ здѣсь церковь во имя Пресвятой Дѣвы Маріи и умеръ среди того народа и той безмолвной пустыни, которымъ онъ посвятилъ всѣ лучшіе дни свои, всѣ лучшія силы своей души.

Вотъ его строгій ликъ глядитъ на насъ. Такимъ стоялъ онъ предъ царемъ Иваномъ Грознымъ, при своемъ путешествіи въ царствующій градъ Москву, разсказывая царю о крайнихъ предѣлахъ его государства, гдѣ лѣтомъ въ полночь ярко свѣтитъ солнце, а зимой ходятъ по небу сверкающіе „сполохи“ [2]), о дикомъ народѣ лопи, о чудовищѣ китѣ-рыбѣ и о важности святой обители, оплотѣ русской жизни въ этихъ пустыняхъ.

Но чьи же два другіе гроба стоятъ рядомъ съ гробомъ великаго подвижника?.. Іеромонаха Іоны и послушника Германа. При этихъ именахъ вспоминается та страшная рождественская ночь, когда шайка финновъ, прослышавъ о богатыхъ царскихъ дарахъ, привезенныхъ Трифономъ изъ Москвы въ Печенгу, вышла изъ Каяны [3]) и пустилась на Сѣверъ. Іеромонахъ Іона служилъ повечерье, послушникъ Германъ былъ на колокольнѣ. Увидѣлъ онъ, что къ церкви идутъ вооруженные люди, побѣжалъ внизъ предупредить Іону, но встрѣтился съ врагами на паперти и былъ убитъ. Іеромонахъ Іона, какъ стоялъ на амвонѣ, такъ и упалъ подъ ножами убійцъ на полъ, какъ разъ передъ царскими дверями. Его гробница до сихъ поръ загромождаетъ входъ въ алтарь. Заслонилъ онъ отъ враговъ своимъ тѣломъ святыню, но не спасъ обители отъ разгрома! Убивъ этихъ двухъ иноковъ и разрушивъ скитъ, финны пошли дальше внизъ по р. Печенгѣ, напали на стоявшій здѣсь монастырь, перебили всю братію, разграбили и сожгли постройки. Злодѣи сняли колокола и повезли ихъ съ собою, но при переѣздѣ черезъ одно озеро, ледъ подломился и колокола рухнули въ воду, а съ тѣхъ поръ и озеро это называется „Колокольнымъ“, разсказываютъ лопари. У церкви въ колоніи „Монастырской“ до сихъ поръ указывается высокая насыпь, — могила погибшей братіи; невдалекѣ у рѣки лежатъ два мельничные жернова и въ самой рѣкѣ видны два-три совершенно сгнившія бревна отъ мельничной плотины. Все это такъ живо припомнилось, такъ осязательно говорило о страшномъ погромѣ, о минувшей, далеко отошедшей отъ насъ жизни. Все это наводитъ на молящагося въ храмѣ такую грустную, тяжелую думу...

— Христосъ Воскресе!

— Воистину Воскресе! какъ одинъ человѣкъ отвѣтилъ храмъ.

Воскресъ Христосъ, воскресла надежда, воскресла новая обитель, а съ ней и новая жизнь. „Каянскіе нѣмцы“ не придутъ больше и русскій крестъ прочно водруженъ на краю Лопской земли, „исконной государевой отчины и дѣдины“, какъ назвалъ ее Грозный въ отвѣтѣ Датскому королю.

Въ первый же день Пасхи выѣхали мы изъ монастыря поклониться другому памятнику просвѣтительной дѣятельности Преп. Трифона, — церкви, построенной имъ во имя Святыхъ Князей Бориса и Глѣба, на р. Пазѣ, теперь какъ разъ на самой границѣ Норвегіи.

Ѣхали мы съ лопарями по „Каменной тундрѣ“ и поднялись на высокую, повидимому совершенно безплодную „пахту“ [1]), но тутъ-то и оказалась обильная пища для нашихъ оленей. Какъ только мы остановились, олени тотчасъ разбрелись и начали разбивать копытомъ ледяную кору, выдергивая изъ-подъ нея верхушки мха.

Вечерѣло. Внизу передъ нами разстилалась окрестъ во всей своей красѣ Лапландская пустыня; гроздьями, какъ въ саду, стояли лѣса, раздѣленные озерами. Группы другихъ „пахтъ“ высились передъ нами и, синѣя, рядами уходили въ даль. Со стороны моря тянуло холоднымъ „полуночникомъ“. Закутанные въ „печокъ“ (оленья шуба мѣхомъ вверхъ) лопари прыгали, грѣлись.

— Ухъ, вѣтеръ какъ огонь жжетъ! говорили они, видя что я намѣревался угостить ихъ коньякомъ.

Наканунѣ меня сильно ушибъ олень: я не могъ теперь править имъ самъ и лежалъ въ „балкѣ“ (закрытой повозкѣ), прислушиваясь къ какому-то странному гулу, отъ времени до времени доносившемуся до меня.

— Что это гудитъ такое? спросилъ я лопарей.

— Это старецъ реветъ... Вонъ тамъ, на той пахтѣ онъ сидитъ! „Погода“ теперь на морѣ.

Ровно ничего не понимая, я смотрѣлъ на лопарей выпучивъ глаза.

— Аль не видишь?.. Вонъ тамъ на пахтѣ камень лежитъ. Этотъ камень зовется по нашему „Ренъ“, — старецъ значитъ. Онъ какъ человѣкъ стоитъ на двухъ ногахъ. Когда „падетъ“ вѣтеръ, онъ всегда заревётъ. Наши отцы сказывали: прежде больше ревѣлъ. Теперь онъ разсыпался.

До-нельзя заинтересованный этой диковинкой, я упросилъ лопарей (при помощи коньяку, разумѣется) свезти меня на ту гору, гдѣ лежалъ старецъ.

Громадный аэролитъ, расколовшійся отъ времени на три части, лежалъ передо мною. Въ нижней его части имѣлся родъ туннеля, черезъ который съ шумомъ пролеталъ вѣтеръ.

— Наши отцы его за Бога считали, разсказывали мнѣ лопари, — онъ давалъ имъ знать, когда на морѣ погода; они тогда на промыселъ не выѣзжали.

Тутъ только вспомнилъ я, что какъ-то давно читалъ я о старинныхъ вѣрованіяхъ лопарей и о тѣхъ каменныхъ „бабахъ“, которымъ они поклонялись. Такой камень-буревѣстникъ объяснилъ мнѣ смыслъ подобнаго поклоненія.

Только-что спустились мы съ пахты въ лѣсъ, смотрю, стоитъ избушка на одной ногѣ. Верхушка дерева срублена, стволъ очищенъ отъ вѣтвей и коры и на немъ поставленъ домикъ безъ оконъ.

— Райникъ, стой! кричу лопарю. — Это еще что за чудо? Господи, куда я заѣхалъ: сказочныя избушки на курьихъ ножкахъ здѣсь стоятъ воочію! Да что вы, колдуны что-ли какіе? крикнулъ я на лопарей.

— Это амбаръ Михея-Лопина, онъ тутъ недалеко въ „тупѣ“ [2]) живетъ.

— Зачѣмъ же онъ его на одной-то ногѣ поставилъ?

— Да вишь, россомахи насъ больно обижаютъ. Все поѣдятъ, что ни положи въ амбаръ: мясо, шкуры, сѣтки; такъ

[1]) Открытое море.
[2]) Сѣверное сіяніе.
[3]) Замокъ въ Финляндіи.

[1]) Гору.
[2]) Тупа — изба.

вотъ мы всѣ такъ наши амбары и ставимъ. Въ нихъ звѣрь не залѣзетъ.

— А сами какъ же туда лазите?

— Лѣстницу ставимъ.

Къ утру пріѣхали мы на Норвежскую границу къ церкви Бориса и Глѣба. Маленькая часовня, построенная по преданію самимъ Преп. Трифономъ, обшитая тесомъ, прячется въ рощицѣ изъ маленькихъ березокъ. Нѣсколько подаль, на самомъ берегу рѣки Пазы стоитъ большая красивая церковь и домъ церковнаго причта, построенные въ 1871 году. Около видны старыя лопарскія могилы.

Красива мѣстность Печенгскаго монастыря, но рѣдко можно встрѣтить такой прелестный уголокъ, какъ здѣсь на Пазѣ у Бориса и Глѣба. Повыше церкви шумитъ водопадъ, кругомъ высокія горы, поросшія березнякомъ; почти наискось отъ церкви на норвежскомъ берегу стоитъ усадьба мѣстнаго ленсмана (становаго). Не даромъ эта мѣстность (называемая по-норвежски Syd-Varanger) славится между туристами, и не мало ихъ заѣзжаетъ сюда лѣтомъ посмотрѣть на русскую церковь, снять съ нея фотографію, попробовать русскаго чая у гостепріимнаго священника и половить въ Пазѣ семги.

Поѣздкою на Пазу-рѣку, къ Борису и Глѣбу, не оканчивалось еще посѣщеніе всѣхъ остатковъ русской старины и святыни на дальнемъ Сѣверѣ. Дѣятельность лопарскаго апостола Преп. Трифона была настолько широка, что слѣды ея выходятъ далеко изъ нынѣшнихъ предѣловъ русской земли. При впаденіи р. Пазы въ губу на норвежской сторонѣ, въ скалѣ указывается пещера, гдѣ Преп. Трифонъ укрывался отъ преслѣдованія лопарскихъ кедуновъ—шамановъ. Верстъ пятьдесятъ далѣе къ западу, въ другой губѣ, Нявдемѣ (по-норвежски Neiden), на рѣкѣ того же имени, у водопада, стоитъ древняя русская часовня, также построенная Трифономъ. Туда собирались мы ѣхать, но наступала уже весна, ѣхать на оленяхъ было нельзя, надо было ждать вскрытія рѣки и губы.

Наступала весна чрезвычайно быстро. Солнце уже перестало заходить и все время оставалось надъ горизонтомъ. Ночей не было: начинался одинъ полярный день, длящійся десять недѣль. Прилетѣли лебеди, гуси, запѣли жаворонки, на проталинахъ изъ-подъ снѣга замелькали желтые одуванчики, съ горъ побѣжали снѣжные водопады, все торопилось расцвѣсти, рвалось къ солнцу, спѣшно оживало. Льду на Пазѣ въ одинъ день какъ не бывало, недѣли черезъ двѣ деревья дали полный листъ и, Боже мой, какъ хороша, и радостна, и легка была весна послѣ всего пережитаго за эту зиму!

Съѣздили мы на „тройникѣ" (лопарской лодкѣ) въ Нявдему. Вмѣсто часовни нашли тамъ какой-то ушедшій въ землю, съ прогнившею крышей и съ покривившимся на ней крестомъ, сарайчикъ. Двери настежь, изображеній на иконахъ разобрать не было никакой возможности, такъ онѣ облѣзли, облупились. Говорятъ, что нерѣдко овцы и коровы заходятъ въ часовню и лижутъ иконы...

А кругомъ у рѣки стоятъ красивые дома поселившихся здѣсь выходцевъ изъ Финляндіи, лѣтнія дачи норвежскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ сюда ловить семгу. Изъ часовни виденъ водопадъ. Все такая веселая, живая обстановка, и среди нея такъ жутко становится за забытую на чужбинѣ святыню.

Если вы истинный любитель природы поѣзжайте въ Лапландію (try Lappland, какъ говорятъ каждое лѣто тысячами наѣзжающіе въ нее англичане)—и вы не раскаетесь. Нѣтъ надобности избирать для этого зимній путь. Съ полнымъ удобствомъ и очень дешево можно посѣтить Мурманскій берегъ, Печенгскій монастырь и часть Норвегіи—на прекрасно устроенномъ русскомъ пароходѣ, отходящемъ каждыя двѣ недѣли изъ Архангельска.

Къ рисункамъ.

Всенощная въ помѣщичьемъ домѣ.

(Рис. на стр. 264 и 265).

Прилагаемый здѣсь рисунокъ академика Труговскаго переноситъ насъ въ наше недавнее прошлое.

Оригинальный рисунокъ этотъ наглядно знакомитъ насъ съ семейною жизнью старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Въ старое время всѣ религіозные обряды очень строго соблюдались.

Въ каждой помѣщичьей усадьбѣ предъ воскресными и праздничными днями считалось необходимымъ приглашать мѣстный приходскій причтъ для совершенія всенощнаго бдѣнія у себя, въ барскихъ покояхъ, гдѣ собиралась и вся ихъ дворня. Нужно также замѣтить, что этотъ обычай и понынѣ соблюдается во многихъ помѣстьяхъ, разбросанныхъ по обширному лицу нашей дорогой родины.

И вотъ, передъ нами старинная барская зала съ колоннами. Царствуетъ полумракъ... Совершается всенощное бдѣніе.

Тишина нарушается только мѣрнымъ и благоговѣйнымъ чтеніемъ священника и діакона, да монотоннымъ пѣніемъ псаломщика.

Добродушное лицо священника, убѣленнаго сѣдинами, съ вѣрою обращено на стоящія передъ нимъ иконы.

Посреди комнаты, въ покойномъ креслѣ, занимаетъ почетное мѣсто, какъ видно любимая всѣми, дряхлая старушка—мать помѣщика, а для другихъ—бабушка. Она, по своей старости и болѣзни, не можетъ отстоять на ногахъ все всенощное бдѣніе.

Возлѣ нея стоитъ самъ помѣщикъ, сынъ ея, съ женою и малолѣтними дѣтьми. Вся фигура его и военная выправка прямо показываютъ, что онъ отставной военный, бывшій кавалеристъ.

Съ другой стороны кресла простерлась въ умиленіи управительница дома—ключница. Позади нея важно стоитъ, положа руки на животъ, разжирѣвшій управляющій или дворецкій, или по-просту приказчикъ, какъ зоветъ его дворня.

Далѣе видны почтенная старушка-няня, горничныя, лакеи, кучера и прочая дворня.

И на всѣхъ ихъ лицахъ виденъ отпечатокъ истинно религіознаго чувства.

Они съ умиленіемъ внимаютъ словамъ молитвы, читаемой ихъ духовнымъ отцомъ. И взоры ихъ обращены туда, куда призываетъ ихъ молитва.

Отъ всей картины на зрителя такъ и дышитъ чѣмъ-то роднымъ русскому сердцу. **А. Зыбинъ.**

Мунгосъ и очковая змѣя. (Рис. на стр. 269).

Мунгосъ (Herpestes griseus) въ Индіи замѣняетъ нашу домашнюю кошку и служитъ для истребленія вредныхъ грызуновъ. Если сравнить этихъ животныхъ, то преимущество, безъ сомнѣнія, останется на сторонѣ мунгоса. Звѣрокъ этотъ очень похожъ съ виду на ихневмона или фараонову мышь, священное животное древнихъ египтянъ. Длина тѣла его не превышаетъ 50 сантиметровъ, не считая хвоста, который достигаетъ почти такой же длины. Мунгосъ легко дѣлается ручнымъ привязывается къ человѣку, слѣдуетъ за нимъ какъ собака и ѣстъ изъ рукъ. Это красивый, чистый и опрятный звѣрокъ. Онъ очищаетъ весьма быстро жилыя мѣста отъ крысъ и мышей, неутомимо лазя по всѣмъ щелямъ и дырамъ; его тонкое чутье сильно помогаетъ ему при выслѣживаніи добычи. Не малую пользу онъ приноситъ и тѣмъ, что безъ боязни нападаетъ на ядовитыхъ змѣй. Между ядовитыми змѣями Индіи самою опасною не безъ основанія считается очковая змѣя. Ядъ ея смертеленъ, и ежегодно тысячи индусовъ умираютъ отъ укушенія очковыми змѣями. Несмотря на то, что очковая змѣя достигаетъ отъ 1,4 до 1,8 метровъ длины, мунгосъ отваживается вступать съ нею въ бой и въ большинствѣ случаевъ остается побѣдителемъ. Замѣтивъ очковую змѣю, онъ медленно начинаетъ приближаться къ ней, не спуская съ нея своихъ маленькихъ глазокъ. Захватить врасплохъ бдительную змѣю удается ему крайне рѣдко, въ большинствѣ случаевъ она еще издали замѣчаетъ врага. Она поднимается горизонтально, опираясь на кольца хвоста, раздувается и шипя открываетъ свою смертоносную пасть, показывая заключающіе страшный ядъ зубы. Мунгосъ медленно приближается, наблюдая за каждымъ движеніемъ змѣи и подстерегая мигъ, удобный для нападенія. Змѣя тоже начинаетъ подвигаться къ нему, повидимому рѣшившись принять бой со врагомъ, такъ дерзко потревожившимъ ея покой. Вдругъ мунгосъ, минуя ядовитые зубы змѣи, ловкимъ прыжкомъ бросается на нее, хватаетъ ее за затылокъ и своими острыми зубами разрываетъ становой хребетъ змѣи, прежде чѣмъ та успѣваетъ нанести ему вредъ своими страшными зубами. Если онъ не извернется отъ укуса, то конечно умираетъ на полѣ битвы, умертвивъ также и своего врага. Въ Индіи распространено сказаніе, что укушенный очковою змѣей мунгосъ ищетъ корень растенія Ophiorhiza Mungos, который будто бы приноситъ ему исцѣленіе. Это подтверждается нѣкоторыми путешественниками, и даже Бремъ вѣритъ тому, что въ этомъ сказаніи есть доля правды. Подобное повѣрье существуетъ и у насъ относительно неуязвимости ежей змѣями. И такъ, мунгосъ въ большинствѣ случаевъ остается побѣдителемъ, умѣя, благодаря своей ловкости, избѣжать смертоноснаго укуса змѣи. Такимъ образомъ, несомнѣнна громадная польза, приносимая мунгосомъ въ Индіи, чѣмъ и объясняется его большое распространеніе по всему Индостану. Мунгосъ походитъ на нашу кошку и тѣмъ, что онъ никогда не прочь поохотиться и за птицами, которыхъ онъ ловитъ какъ и наши кошки. Особенно любитъ онъ куръ и нерѣдко для приманки ихъ употребляетъ хитрость, описанную въ безсмертномъ „Рейнеке-Лисѣ". Притворившись мертвымъ, онъ ложится недалеко отъ курятника. Любопытныя куры начинаютъ подходить къ нему, онъ лежитъ неподвижно, но едва одна изъ довѣрчиво-глупыхъ птицъ приблизится къ нему совсѣмъ, какъ онъ моментально вскакиваетъ и хватаетъ опѣшившую птицу, прежде чѣмъ та догадается искать спасенія въ бѣгствѣ. Нѣчто подобное Бремъ наблюдалъ и у средне-африканскихъ мангустовъ. Поэтому мунгоса держатъ подальше отъ домашней птицы. **(К.)**

Пріѣздъ Тушинскаго вора въ Калугу.

(Рис. на стр. 273).

Въ тяжелую эпоху Смутнаго времени, въ ту пору, когда послѣ убіенія Лжедмитрія I, на престолъ былъ возведенъ князь Василій Шуйскій, Московское государство не могло успокоиться и прійти въ свое обычное мирное состояніе. Едва только улеглись смуты въ городахъ ближайшихъ къ Москвѣ, какъ уже въ Сѣверской области, въ Стародубѣ, явился новый и смѣлый самозванецъ, который выдавалъ себя за царя Дмитрія, будто бы спасшагося отъ ножей убійцъ. Этотъ второй Лжедмитрій—польско-литовскій шляхтичъ, мало-образованный и мало-знакомый съ русскими обычаями—былъ человѣкъ не глупый, способный, и ловко умѣлъ играть свою роль царя Дмитрія. Какъ только распространилась вѣсть о появленіи втораго Лжедмитрія въ Сѣверщинѣ, во всей западной и юго-западной части Московскаго государства поднялось сильнѣйшее броженіе. Отовсюду подъ знамена хитраго обманщика стали стекаться всѣ тѣ, кому смута была выгодна, кому хотѣлось пограбить и пожить на чужой счетъ. Въ Сѣверщину сошлись и донскіе казаки, и запорожцы; собрались и самые отчаянные головорѣзы изъ польской шляхты. На службу ко второму Лжедмитрію явились даже и многіе знатные польскіе паны. Весною 1608 г., второй Лжедмитрій двинулся къ Москвѣ, разбилъ царскія войска и укрѣпился подъ Москвою въ селѣ Тушинѣ (въ 12 верстахъ отъ столицы). Здѣсь онъ оставался долго, разсылая во всѣ стороны отряды дерзкихъ грабителей и безпрестанно угрожая Москвѣ, къ которой онъ почти пресѣкъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Отъ долгаго пребыванія въ Тушинѣ, Лжедмитрій второй былъ прозванъ современниками *Тушинскимъ воромъ*, а его приверженцы получили названіе *Тушинцевъ*.

Только уже въ началѣ осени 1609 года, значеніе „Тушинскаго вора" поколебалось, потому что король Польскій Сигизмундъ объявилъ войну царю Василію и призвалъ подъ свои знамена всѣхъ поляковъ, служившихъ Лжедмитрію. Тогда въ Тушинѣ поднялись смятеніе и раздоры. Самозванецъ сталъ опасаться измѣны и тайкомъ бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу, гдѣ у него было много приверженцевъ. Онъ бѣжалъ туда лишь съ немногими своими приверженцами изъ татарскихъ князьковъ, которыми любилъ себя окружать. Изъ остальной придворной свиты съ нимъ былъ только шутъ его, Кошелевъ. Вскорѣ послѣ того, къ нему въ Калугу явилась и достойная супруга его, Марина Мнишекъ (изъ корыстныхъ видовъ признавшая его своимъ мужемъ), а вслѣдъ за нею собрались въ Калугу остатки тушинскаго сброда. Отсюда еще почти два года Тушинскій воръ грозилъ Москвѣ и грабилъ сосѣднія русскія области. Только уже въ декабрѣ 1610 года онъ былъ убитъ въ Калугѣ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Въ Калугѣ и до нашего времени еще сохранился домъ (мѣщанина Коробова), въ которомъ второй Лжедмитрій и Марина жили во время своего пребыванія въ Калугѣ.

Художникъ, избравшій темою для своего рисунка пріѣздъ Тушинскаго вора въ Калугу, избралъ мѣстомъ дѣйствія дворъ этого стараго Коробовскаго дома. Онъ изобразилъ Тушинскаго вора выходящимъ изъ саней и окруженнымъ свитой изъ татаръ. Одинъ изъ татарскихъ князьковъ и высаживаетъ его, между тѣмъ какъ съ облучка саней слѣзаетъ бояринъ самозванца. Налѣво, именитые калужскіе граждане, поспѣшившіе навстрѣчу Лжедмитрію, отвѣшиваютъ ему земные поклоны. Позади ихъ виденъ какой-то польскій панъ, случайно попавшій въ Калугу со сбродными тушинскими дружинами и также привѣтствующій самозванца. **П. Полевой.**

Лудвигъ IV, великій герцогъ Гессенскій († 1 марта 1892 г.).

(Портр. на этой стр.).

Лудвигъ IV, великій герцогъ Гессенскій († 1 марта 1892 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Эрнстъ Лудвигъ, теперешній великій герцогъ Гессенскій.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Скончавшійся 1 марта великій герцогъ Гессенскій такъ же мало считалъ себя призваннымъ на престолъ, какъ и принцъ Вильгельмъ Прусскій, впослѣдствіи король Прусскій и императоръ Германскій Вильгельмъ I. Онъ родился въ Дармштадтѣ 31 августа (12 сентября) 1837 года и былъ старшимъ сыномъ принца Карла Гессенскаго (брата великаго герцога Лудвига III) и принцессы Елисаветы Прусской, двоюродной сестры короля Вильгельма I. Получивъ блестящее воспитаніе и образованіе подъ руководствомъ превосходныхъ учителей, молодой принцъ вступилъ поручикомъ въ ряды I Гессенскаго пѣхотнаго полка, а затѣмъ, усвоивъ себѣ основы военной службы, онъ въ 1855 и 56 годахъ слушалъ лекціи Геттингенскаго и Гиссенскаго университетовъ. Въ августѣ 1856 года онъ заступалъ мѣсто Лудвига III при коронаціи императора Александра Николаевича въ Москвѣ, а въ январѣ 1859 г. былъ назначенъ свитскимъ капитаномъ въ I Прусскій гвардейскій пѣхотный полкъ. Ко дню коронованія короля Вильгельма произведенный въ майоры (6 октября 1861 г.), принцъ 1 іюля 1862 года женился въ Осборнъ-гаусѣ (островъ Вайтъ) на принцессѣ Алисѣ Великобританской и Ирландской, будучи незадолго затѣмъ произведенъ въ полковники отечественной службы и назначенъ вторымъ командиромъ I Гессенскаго коннаго полка. Во время франко-прусской войны принцъ отличился преимущественно въ сраженіи при Гравелоттѣ-С. Привà 6 (18) августа 1870 г., за что былъ награжденъ орденами *Желѣзнаго Креста* 1-й и 2-й степени и *Pour le mérite*, съ чиномъ генералъ-лейтенанта.

1 (13) іюня 1877 года онъ наслѣдовалъ покойному великому герцогу Гессенскому, Лудвигу III, такъ какъ отецъ его, принцъ Карлъ, умеръ еще въ мартѣ того же года.

Великая герцогиня Алиса дѣлила съ нимъ бремя правленія всего полтора года. 2 (14) декабря 1878 года она скончалась отъ ужасной болѣзни—дифтерита, оставивъ семерыхъ дѣтей: 1) принцессу Викторію (въ супружествѣ съ принцемъ Лудвигомъ Баттенбергскимъ), 2) принцессу Елисавету (въ супружествѣ съ Е. И. В. Великимъ Княземъ Сергіемъ Александрови-

чемъ); 3) принцессу Ирину (въ супружествѣ съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ); 4) принца Эрнста-Лудвига; 5) принца Фридриха († 29 мая 1873 г.); 6) принцессу Алису и 7) принцессу Марію († 16 ноября 1878 г.).

Покойный великій герцогъ былъ рыцаремъ съ головы до ногъ въ военномъ дѣлѣ, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ и много содѣйствовалъ процвѣтанію своей страны за 15 лѣтъ своего правленія.

Эрнстъ-Лудвигъ, великій герцогъ Гессенскій.

(Портр. на стр. 276).

Вступившій нынѣ на престолъ великаго герцогства Гессенскаго, принцъ Эрнстъ-Лудвигъ родился 13 (25) ноября 1868 г. въ Дармштадтѣ. Подготовленный домашнимъ воспитаніемъ, онъ слушалъ лекціи въ Гисенскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, а затѣмъ, подобно отцу, вступилъ въ I Прусскій гвардейскій пѣхотный полкъ, гдѣ и состоитъ нынѣ поручикомъ. Въ послѣдніе дни принцъ предпринялъ было поѣздку въ Ниццу, чтобы поправиться отъ инфлуэнцы, когда телеграмма о болѣзни отца вызвала его обратно въ Дармштадтъ, а затѣмъ и на престолъ.

Украшеніе пасхальныхъ яицъ. (Рис. на этой стр.).

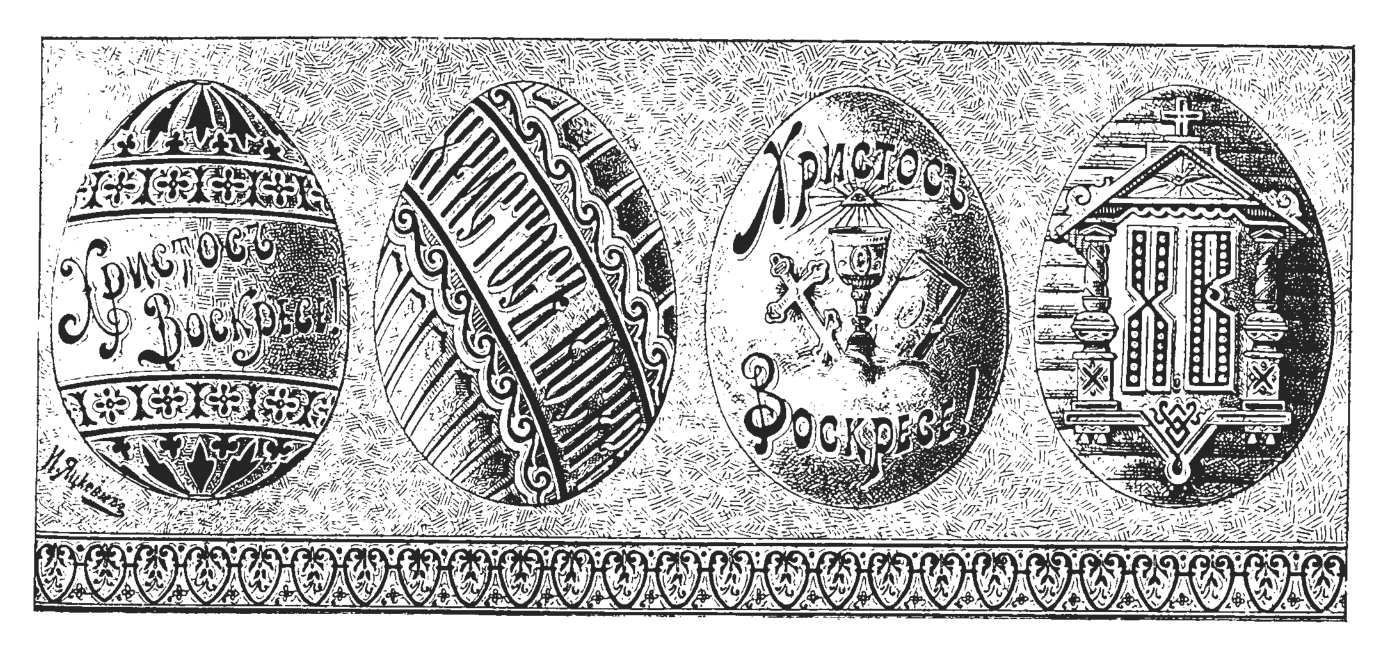
Въ виду наступающей Пасхи прилагаемъ образцы для раскрашиванія пасхальныхъ яицъ.

Фонъ яйца можетъ быть какого угодно цвѣта: если фонъ свѣтлый, то рисунокъ дѣлается кисточкою (черной акварельной краской или тушью), по темному же фону рисунокъ выходитъ красивѣй бѣлымъ, что достигается раскрашиваніемъ бѣлилами, или же выцарапываніемъ острымъ ножемъ, хотя и по темному фону можно рисовать черною краской, но тогда края узоровъ и буквъ нужно процарапать ножемъ. Контуръ дѣлается простымъ карандашемъ; когда же рисунокъ окончень, то оставшійся карандашъ стирается бѣлымъ хлѣбомъ.

Рисунокъ 1 представляетъ свѣтло-окрашенное яйцо, разрисованное черной краской и бѣлилами. Рис. 2—яйцо, разрисованное по темному фону. Рис. 3—4—свѣтло-окрашенныя яйца, съ черными и бѣлыми украшеніями. **И. Яцкевичъ.**

Политическое обозрѣніе.

Въ Берлинѣ произошелъ министерскій кризисъ. 6 марта въ городѣ появились слухи, которые вскорѣ были подтверждены *Nord Deutsche Allgemeine Zeitung*, что министръ исповѣданій графъ Цедлицъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ тотъ же день императоръ Вильгельмъ спѣшно выѣхалъ въ охотничій замокъ Губертусштокъ. Этотъ замокъ, или скорѣе небольшой охотничій домъ находится приблизительно въ $2^1/_2$ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ и на лошадяхъ отъ Берлина. Домъ расположенъ въ обширномъ лѣсу Шорфгайде, вдали отъ всякихъ сообщеній, на берегу обширнаго Вербелинскаго озера. На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Губертусштока никого не встрѣчаешь, кромѣ лѣсниковъ и охотниковъ. Внутренняя обстановка зданія отличается крайнею простотою. Здѣсь, какъ императоръ самъ объявилъ передъ отъѣздомъ, Вильгельмъ II намѣренъ совершать прогулки въ лѣсу, вернуть себѣ аппетитъ и возстановить на лонѣ природы свои ослабѣвшія, послѣ недавней болѣзни, силы. Императора сопровождали небольшая свита и его лейбъ-медикъ Лейтгольдъ. Событія эти вызвали не мало толковъ и догадокъ. По однимъ извѣстіямъ, удаленіе министра Цедлица было вызвано тѣмъ, что императоръ желалъ нѣкоторыхъ измѣненій въ проектѣ новаго школьнаго закона; по другимъ слухамъ, министерскій кризисъ является послѣдствіемъ заявленія императора на состоявшемся 5 марта коронномъ совѣтѣ, гдѣ якобы императоръ объявилъ, что онъ предпочитаетъ отъ школьнаго закона отказаться, если законъ будетъ утвержденъ одними только ультрамонтанами и фракціею *Крестовой Газеты.* Министръ исповѣданій и канцлеръ Каприви замѣтили, что провести законъ они, однако, безъ содѣйствія этихъ двухъ партій не могутъ. Тогда императоръ заявилъ, что если это такъ, то лучше отложить обсужденіе закона; но Цедлицъ и Каприви съ такимъ мнѣніемъ не согласились, утверждая, что лучше обождать результата перваго чтенія. Тогда императоръ рѣшительно объявилъ, что такова его воля и что онъ отъ своего рѣшенія не отступится. Вслѣдствіе этого Цедлицъ просилъ его величество уволить его отъ занимаемой имъ должности. Послѣдствіемъ переговоровъ является объявленіе 12 марта въ *Имперскомъ Указатель* объ увольненіи графа Каприви отъ должности министра-президента, съ оставленіемъ въ должностяхъ члена прусскаго министерства и министра иностранныхъ дѣлъ. Объявлено также объ увольненіи министра исповѣданій графа Цедлица, съ оставленіемъ въ званіи прусскаго министра, и о назначеніи графа Эйленбурга на постъ министра-президента, а статсъ-секретаря Боссе—въ министры исповѣданій. Въ либеральныхъ парламентскихъ кругахъ считаютъ новую министерскую комбинацію за мѣру лишь временную и полагаютъ, что графъ Эйленбургъ будетъ вскорѣ и имперскимъ канцлеромъ. Центръ доволенъ новымъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ графъ Эйленбургъ и Боссе извѣстны за людей консервативно-клерикальнаго образа мыслей.

Украшеніе пасхальныхъ яицъ. Рис. И. Яцкевичъ, грав. Флюгель.

6 марта за границей—день воспоминаній о печальныхъ дняхъ 1848 года. Въ Парижѣ, совпадая съ годовщиной провозглашенія коммуны, онъ рѣдко обходится безъ волненій. Но недавніе анархическіе взрывы и вызванные этимъ строгіе розыски злодѣевъ поудержали манифестантовъ, и на этотъ разъ 6 марта въ Парижѣ прошло спокойно и безъ уличныхъ безпорядковъ. За то въ Берлинѣ тысячи народа посѣтили могилы въ Фридрихсгайнѣ и возложили на нихъ вѣнки. Полиція приняла большія мѣры предосторожности. Въ прилегающей Гегтештрассе произошло столкновеніе, причемъ нѣсколько человѣкъ было ранено и арестовано.

Въ Копенгагенѣ послѣ долгихъ переговоровъ правая и умѣренная лѣвая рикедага приняла 5 марта важное въ политическомъ отношеніи рѣшеніе относительно осуществленія новыхъ законопроектовъ, именно тѣхъ, которые касаются условій вознагражденія въ университетѣ, высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и земледѣльческой школѣ, а также главной цѣли домогательствъ умѣренной лѣвой—удвоенія субсидій высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Рѣшенъ также вопросъ о законопроектѣ относительно кассъ для больныхъ, съ выдачею средствъ на нихъ изъ казны, а не отъ общинъ. Средства эти предполагается отпускать въ размѣрѣ около двухъ кронъ на каждаго больнаго.

16 марта исполнилось трехсотлѣтіе со дня рожденія славнаго славянскаго педагога Іоанна-Амоса Коменскаго. Въ чествованіи его принялъ участіе весь свѣтъ. Только въ Австріи оно запрещено. Въ *Народныхъ Листахъ* опубликовано правительственное распоряженіе низшимъ властямъ относительно воспрещенія устраивать празднества въ честь Коменскаго. Младочехи внесли въ чешскій сеймъ составленные въ рѣзкихъ выраженіяхъ запросы о томъ, какими соображеніями оправдываетъ правительство это запрещеніе, когда имя Коменскаго пользуется почетомъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ—Россіи, Германіи, Франціи, Англіи и даже Америкѣ.

Смѣсь.

Графиней Клейнмихель были устроены 5, 6 и 8 марта три спектакля въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Въ присутствіи высшаго общества столицы, при участіи и содѣйствіи выдающихся представителей его, были разыграны двѣ пьесы: двухактная оперетка „La tante d'Horace," текстъ барона Гюне и музыка г. Кислинскаго, и оперетка „Un père dans l'embarras", передѣланная графомъ Адлербергомъ изъ оперетки Зуппе „Десять невѣстъ и ни одного жениха." Разыграны пьесы были блестяще и оживленно. Сборъ съ спектаклей въ размѣрѣ двухъ третей поступаетъ въ Комитетъ Государя Наслѣдника Цесаревича и одна треть отсылается въ Моршанскій уѣздъ Тамбовской губерніи.

Ариѳметическая задача № 16.

Одинъ крестьянинъ вынесъ на базаръ продавать арбузы. Первый разъ онъ продалъ половину всѣхъ арбузовъ и еще полъ-арбуза, 2-й разъ тоже $1/2$ оставшихся и еще полъ-арбуза и въ третій разъ $1/2$ оставшихся и еще полъ-арбуза. Сколько у крестьянина было арбузовъ?

Ариѳметическая задача № 17.

Найти такое число, которое бы дѣлилось на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 съ остаткомъ постоянно 1 отъ всѣхъ дѣленій.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ИЩЕМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°.

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

П. № 5667 5—2

ИЩЕМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 12—7

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.*

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. R. № 5702

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: лягавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки **безплатно.** 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ", съ 50-ю рис. собакъ, получившихъ первую премію. по французск. и нѣмец. — за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.

(Bahnhof-Wittenberg).

Французскій Книжный Магазинъ

Р. ВІОЛЕ.

ПОСТАВЩИКЪ РУССКИХЪ ПОЧТЪ

Невскій 28, С.-Петербургъ.

Магазинъ **Р. ВІОЛЕ,** существующій съ 1880 года, желая дать возможность почтеннѣйшей публикѣ изъ провинціи пріобрѣсти модные журналы отдѣльными номерами для **портнихъ, модистокъ, бѣлошвеекъ, портныхъ, парикмахеровъ, сапожниковъ** и т. д., чтобы имѣть выгоды наравнѣ съ петербургскими жителями, открываетъ съ сегодняшняго дня свои **новыя дѣйствія,** черезъ которыя каждый можетъ получить еженедѣльно одинъ или нѣсколько изъ модныхъ журналовъ; за пересылку почтовыя марки или деньги.

Журналы (для дамъ), выходящіе еженедѣльно, содержащіе одну раскрашенную картинку.

	въ магазинѣ	съ пересылкой
(Ле Коке) Le Coquet	0. 50	0. 55
(Ле Коке, 1 разъ въ мѣс. двойн. карт.) Le Coquet.	0. 75	0. 90
(Ле Салонъ де ла Модъ) Le Salon de la Mode.	0. 50	0. 55
(Ла Нувоте) La Nouveauté	0. 50	0. 55
(Ла Модъ Пратикъ) La Mode Pratique.	0. 50	0. 60
(Ла Модъ Франсезъ) La Mode Française.	0. 50	0. 55
(Ла Модъ де Стиль) La Mode de Style	0. 50	0. 55
(Ле Мониторъ де ла Модъ) Le Moniteur de la Mode.	0. 50	0. 55
(Ла Ревю де ла Модъ) La Revue de la Mode	0. 50	0. 55
(Ларъ е ла Модъ) L'Art et la Mode.	0. 80	0. 95

Журналы (для дамъ), выходящіе два раза въ мѣсяцъ съ двумя и тремя раскрашенными картинками.

	въ магазинѣ	съ пересылкой
(Сезонъ безъ карт.) La Saison sans gravures.	0. 35	0. 40
(Сезонъ съ карт.) La Saison avec gravures	0. 50	0. 60
(Кутюрьеръ, 2 карт.) La Couturière	0. 75	0. 90
(Кутюрьеръ, 3 карт.) La Couturière	1 —	1. 20
(Гидъ де Кутюрьеръ) Le Guide des Couturières	1 —	1. 20
(Пари Фигюринъ 2 карт.) Paris Figurine	0. 75	0. 90
(Модъ Артистикъ) La Mode Artistique.	0. 75	0. 80

Журналы (для дамъ) большаго формата, выходящіе разъ въ мѣсяцъ и содержащіе шесть больш. раскрашен. картинокъ.

	въ магазинѣ	съ пересылкой
(Альбомъ Ревъ) Album Rêve	3. 50	3. 75
(Альбомъ Паризьенъ) Album Parisien	3. 50	3. 75
(Пари Туалетъ) Paris Toilette	3. [illegible]0	3. 75

Модный журналъ большаго формата, выходящій четыре раза въ годъ и содержащій много раскрашенныхъ картин. и около 20 стран. текста.

(Гу Паризьенъ) **Le Gout Parisien**, каждый номеръ стоитъ **3** р. **50** к. въ магазинѣ и **4** руб. по почтѣ.

Слѣдующій номеръ этого журнала выйдетъ отъ 1 до 5 Марта 1892 г.; просятъ заблаговременно подписаться.

Журналы для Модистокъ.

	въ магазинѣ	съ пересылкой
Модистъ Юниверсаль, 4 карт., 1 разъ въ мѣсяцъ.	1. —	1. 20
Модистъ Паризьенъ, 1 карт., 1 разъ въ мѣсяцъ	0. 50	0. 55
Модистъ Франсезъ, 1 разъ въ мѣсяцъ.	1. —	1. 20
Каприсъ, 2 раза въ мѣсяцъ.	0. 60	0. 80
Журналъ де Модистъ, 2 раза въ мѣсяцъ.	0. 50	0. 60

Журналы для Портныхъ.

	въ магазинѣ	съ пересылкой
Прогре, 1 разъ въ мѣсяцъ (Progrès)	0. 75	0. 90
Журналъ де Маршанъ Тальеръ, 10 разъ въ годъ.	1. —	1. 20
„ „ „ „ 2 раза въ г. двойн №№.	1. 75	2. —

Журналы для Парикмахеровъ.

	За нумера въ магазинѣ	съ пересылкой
Куафюръ, иллюстрир., 1 разъ въ мѣсяцъ.	0. 75	0. 90
Мониторъ де ла Куафюръ, 1 разъ въ мѣсяцъ	0. 75	0. 90

Магазинъ особенно рекомендуетъ всѣ подчеркнутые модные журналы дамамъ, желающимъ дѣлать у себя наряды, также портнихамъ, имѣющимъ заказы, которыя могутъ воспользоваться случаемъ пріобрѣсти по одному номеру изъ модныхъ изданій.

Магазинъ Р. ВІОЛЕ напоминаетъ своимъ многочисленнымъ **кліентамъ,** что подписка на всѣ модные журналы начинается и продолжается по ихъ желанію.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ ПОРТНИХАМЪ и ДАМСКИМЪ ПОРТНЫМЪ.

Магазинъ Р. Віоле, желающій всегда быть полезнымъ и пріятнымъ своимъ многочисленнымъ кліентамъ, замѣчаетъ, что еще не существуетъ **спеціальнаго журнала для конфекціи, манто, жакетъ,** и т. д.; магазинъ принялъ на себя издавать **Спеціальный альбомъ,** который долженъ выходить два раза въ годъ: **въ** Мартѣ и Сентябрѣ. Для этой цѣли **Р. ВІОЛЕ** обезпечилъ себя конкурсомъ лучшихъ художниковъ въ Парижѣ, произведенія которыхъ исключительно будутъ для этого Альбома, называемаго:

Альбомъ Віоле. Выпускъ этого изданія ограниченъ, потому просятъ убѣдительно особъ интересующихся подписаться заблаговременно.

Альбомъ Віоле будетъ продаваться въ магазинѣ за **1** р. **50** коп., по почтѣ заказнымъ **1 р. 75 к. Р. ВІОЛЕ** напоминаетъ, что онъ принимаетъ подписки на 1, 2, 3, 6, 9, 12 мѣс. на всѣ ежедневныя газеты по необыкновенно дешевымъ цѣнамъ. **Подписки** начинаютъ какъ и для модныхъ и иллюстрированныхъ журналовъ по желанію кліента.

Магазинъ принимаетъ всякаго рода заказы на французскія изданія. Лица, желающія получать аккуратно всѣ **новости** и **номера иллюстрированныхъ и модныхъ** журналовъ еженедѣльно и имѣть текущій счетъ, должны послать при первомъ заказѣ 5 или 10 руб.

Заказы, не превышающіе рубля, могутъ быть уплачены почтовыми марками отъ 5, 7 до 10 коп. Всякія свѣдѣнія сообщаются за приложеніемъ 7-ми-коп. марки; всѣ письма съ почтовыми марками должны высылаться заказными.

Figaro illustré (фигаро иллюстре) въ магазинѣ 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

DERNIÈRES NOUVEAUTÉS.

A. Daudet »ROSE ET NINETTE«.

Въ магазинѣ стоитъ томъ 1 р. 40 коп., а по почтѣ **1 р. 60 коп.**

Читайте въ **„Vie Populaire"**, выходящемъ два раза въ недѣлю, неизданный романъ **Zola „La Débâcle"**. Каждый номеръ **„Vie Populaire"** продается по **12 коп.** въ магазинѣ и **15 коп.** съ пересылкою. Можно подписаться на десять номеровъ сразу. Деньги и заказы послать въ магазинъ.

La Mode Pratique (Модъ Пратикъ). Большой модный журналъ получается еженедѣльно съ раскрашенными картин. Ц. 50 к. №.

Р. ВІОЛЕ, 28 Невскій, С.-Петербургъ. Mt. № 5700

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одну 7 к. марк. выс. услов. Одесса, Дерпб., проф. кал. **Конидарисъ.**

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА БАРСЪ

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

Москва, Петровка, у зубн. врача

№ 5681 **Р. А. БАРСЪ.** 4—3

30-й пѣхотный Полтавскій полкъ

Приступая, въ виду предстоящаго въ 1898 году столѣтняго юбилея, къ составленію исторіи полка, покорнѣйше проситъ всѣхъ лицъ, когда либо служившихъ въ полку или имѣющихъ какія либо данныя о немъ, какъ-то: мемуары, дневники, записки, письма, отчеты, гравюры, портреты фотографіи и другіе документы, не отказать прислать для снятія копій, послѣ чего таковыя будутъ съ благодарностью возвращены обратно. № 5690 3—2

Адресъ: до 1-го сентября 1892 года гор. Варшава; съ 1-го сентября 1892 года гор. Прасnышъ, Плоцкой губерніи.

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

РЫБОЛОВНЫЕ СНАРЯДЫ

Г. Шторкъ въ Мюнхенѣ

Nordenstrasse, 3.

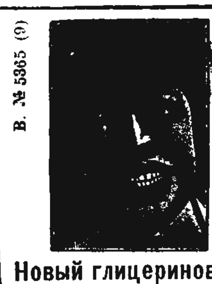
Медаль Лондонъ, сер. м. Берлинъ, зол. м. Австрія, сер. м. Кельнъ, Вюрцбургъ, Линцъ, бр. м. Берлинъ, м. Гессенъ, м. Померанія. 10 дипломовъ.

Громадный складъ всевозможныхъ рыболовныхъ принадлежностей.

Иллюстр. прейсъ-куранты за 30 к., съ указат. употребленія.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА въ ВѢНѢ

В. № 5365 (9)

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19.

САРПИНКА РУЧНОЕ ТКАЧЕСТВО

ДЛЯ ДАМСКИХЪ и ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ

ФАСОННЫЯ и ГЛАДКІЯ НОВОСТИ

на лѣто 1892 года

РОЗНИЧНАЯ и ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

АЛЬБОМЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЫСЫЛАЮТЪ СЪ ДЕКАБРЯ м-ца за 40 коп., присланныхъ почтовыми марками въ заказномъ письмѣ ВЪ САРАТОВЪ,

ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

САРАТОВЪ, пассажъ Лаптева.

ОТДѢЛЕНІЯ:

МОСКВА, Петровка, между Кузнецкимъ и Салтык. пер., прот. маг. Вандрагъ.

Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. Х. Юшкова.

въ **Тифлисѣ** съ Ноября 1891 г.

ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ"

Ц. № 5469 10—10

При этомъ № прилаг. 2 прейсъ-куранта: 1) для г.г. городск. и иногородн. подписч. отъ магаз. А. М. Честнова въ СПБ. 2) **Для г.г. иногородн. подписч. (за исключ. московск.) отъ чайной торговли Н. Е. Киселева въ Москвѣ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 18 марта 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса,** Ср. Подьяч., № 1.

НИВА

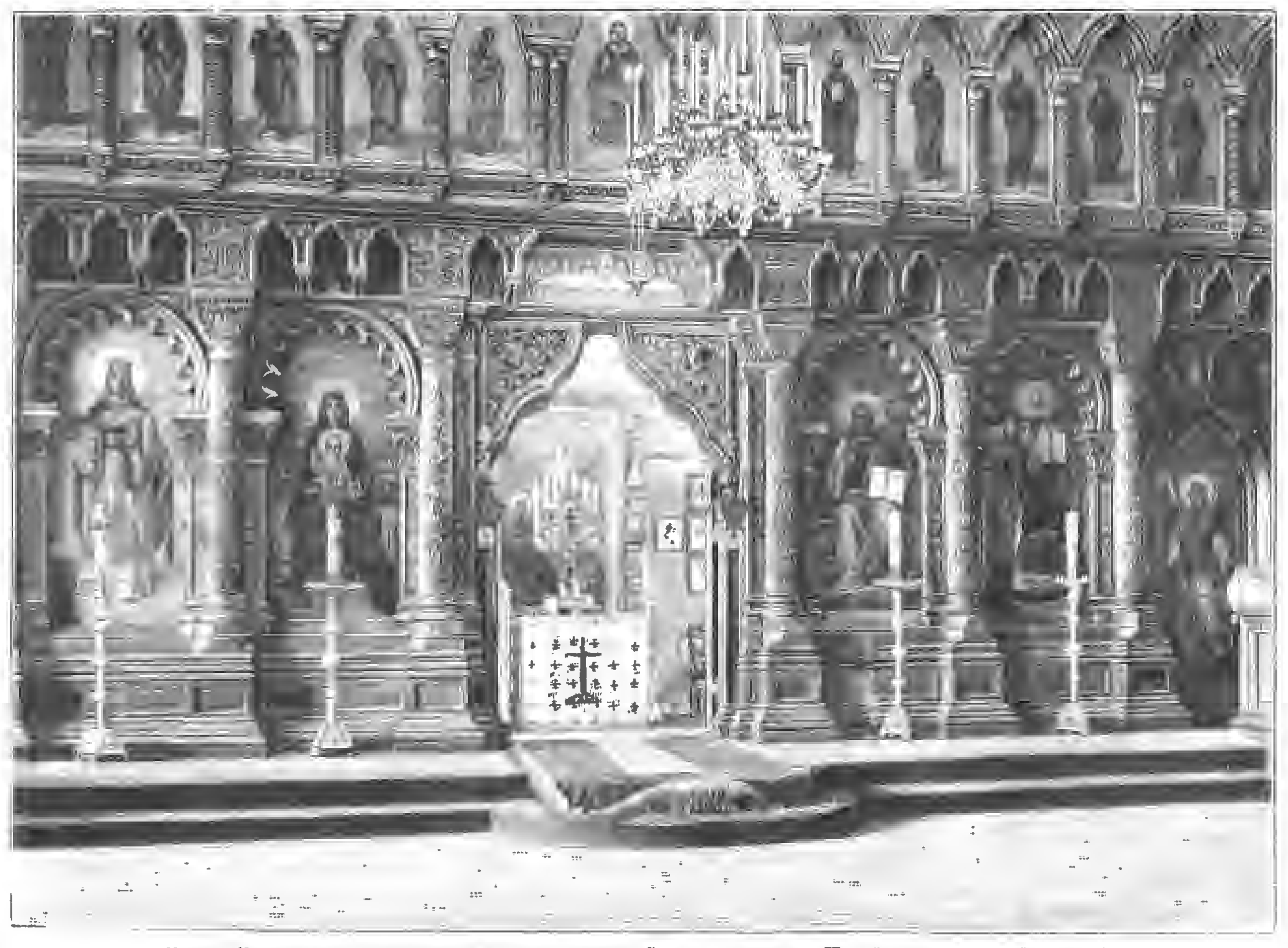
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. № 13 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6 10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 28 марта 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ницца. Иконостасъ православной русской церкви. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XI.

Въ домѣ у Таврическаго сада, гдѣ давно жила княжна Мавроціано, нынѣ госпожа Бѣлинская, жизнь, повидимому, шла попрежнему. Послѣ замужества старой дѣвицы никакихъ перемѣнъ въ домѣ не произошло. За то сама Марія Георгіевна была неузнаваема. Она сильно измѣнилась и нравомъ, и даже лицомъ. Изъ смуглой она сдѣлалась темно-коричневою. Глаза изъ строгихъ стали злыми. Улыбка, хотя бы и насмѣшливая, не появлялась на лицѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марія Георгіевна была до-нельзя раздражительна, какъ бы озлоблена на весь міръ, и отъ зари до зари придиралась ко всѣмъ обитателямъ дома.

Молодой мужъ ея тоже нѣсколько перемѣнился. Онъ былъ попрежнему, конечно, красивъ и изященъ, но лицо его не было попрежнему свѣтлое и довольное. Онъ былъ сумраченъ, иногда печаленъ. Глаза его безпокойно бѣгали, точно какая-то мысль неотступно преслѣдовала его.

Отношенія мужа и жены были странными до загадочности. Марія Георгіевна обращалась съ мужемъ сухо, строго, непріязненно и тщательно скрывала отъ него и ото всѣхъ, что влюблена въ него, какъ молоденькая дѣвушка.

Самолюбіе не позволяло старухѣ показывать людямъ то, на что́ она потеряла якобы право, и то же самолюбіе не допускало возможности показать это мужу, въ которомъ не было и тѣни чувства къ ней.

Марія Георгіевна какъ будто теперь только догадалась, что она ошиблась въ Бѣлинскомъ и что молодой человѣкъ женился на ней исключительно ради ея милліоновъ. Она послѣднею въ столицѣ додумалась до того, что̀ было давнымъ-давно извѣстно даже всякому мальчугану среди ея дворни. А между тѣмъ это была женщина умная и проницательная. Видно часто бываетъ на свѣтѣ, что человѣкъ за деревьями лѣса не видитъ.

Бѣлинскій тоже ошибся. Онъ храбро шелъ на этотъ бракъ. Онъ мечталъ только о жизни въ большомъ и красивомъ домѣ, съ туго набитымъ деньгами портфелемъ, и хотя онъ не былъ человѣкомъ наивнымъ, но думалъ, что какъ-нибудь уживется съ женой, которая на сорокъ лѣтъ старше его и легко бы могла быть его бабушкой.

Насколько Марія Георгіевна тщательно скрывала отъ мужа, что влюблена въ него, настолько же, конечно, Бѣлинскій скрывалъ отъ жены, какъ тяжело было для него его положеніе.

Когда-то Бѣлинскій жилъ тихо, скромно и порядливо, и у него не было никакихъ особенныхъ прихотей, никакой пагубной страсти ни къ чему. Теперь же онъ постепенно окунулся во все, что̀ можно было только найти въ Петербургѣ, въ смыслѣ всякихъ не вполнѣ порядочныхъ затѣй.

Онъ сошелся со всякими игроками и шулерами, игралъ въ карты и много проигрывалъ, зналъ почти всѣхъ женщинъ сомнительной репутаціи и въ высшемъ обществѣ, и въ низшемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ сильно кутить, ужиная въ большой компаніи всякій день до пяти и шести часовъ утра.

Видѣвшіе эту перемѣну въ его поведеніи объясняли это просто. Прежде не было средствъ и былъ малый порядливый, а теперь завелись деньги, которыхъ дѣвать некуда,—и сразу оказался кутилой.

Между тѣмъ очень удивились бы тѣ, кто такъ судилъ, узнавъ, что подобнаго рода жизнь была вовсе Бѣлинскому не по характеру. Она стала противъ воли необходимостью.

Молодой человѣкъ въ своихъ оргіяхъ, картежной игрѣ и всякихъ затѣяхъ отводилъ душу. Въ эти минуты онъ старался забыть и дѣйствительно забывалъ, что онъ—мужъ старой молдаванки. А забыть это было для него теперь насущною потребностью.

Одну фразу повторялъ Бѣлинскій постоянно своимъ друзьямъ и прихлебателямъ, но они не понимали значенія этихъ словъ, которыя то и дѣло появлялись на его языкѣ.

— Да, говорилъ онъ сплошь и рядомъ.—Не знаетъ человѣкъ своихъ силъ! Обманывается часто человѣкъ, полагаясь на такія силы, какихъ не имѣетъ! Надѣется человѣкъ поднять двадцать пудовъ, а подниметъ лишь десять, да и то надорвется.

Эти часто повторяемыя фразы относились прямо къ положенію, на которое Бѣлинскій храбро пошелъ. И теперь онъ попалъ въ безвыходное положеніе... Вернуться назадъ было невозможно, а дальше терпѣть онъ тоже положительно не находилъ въ себѣ силы. Развестись со старой женой было невозможно. Просто разъѣхаться, конечно, очень легко. Но чѣмъ же тогда жить?

Вмѣстѣ съ этимъ Бѣлинскій не понималъ жены. Она была для него загадкой. Иногда казалось ему, что она его боготворитъ, не только обожаетъ, и эти минуты были самыя отвратительныя. Онъ готовъ былъ бѣжать на край свѣта. Все въ немъ возмущалось.

Въ иныя минуты ему казалось, что жена ненавидитъ его, озлоблена на него въ высшей степени и тщательно сдерживаетъ себя и скрываетъ это. Тогда Бѣлинскому чувствовалось легче, но за то имъ овладѣвала боязнь.

Марія Георгіевна почти ни въ чемъ не стѣсняла мужа, хотя, конечно, знала, что онъ возвращается домой почти въ пять и шесть часовъ утра. Зная всѣ его затѣи и продѣлки до послѣднихъ мелочей, она ни разу не побранила его, изрѣдка журила слегка и всегда шутливымъ тономъ.

Бѣлинскій только удивлялся ея всезнанію, не подозрѣвая того, что у Маріи Георгіевны съ полдюжины служащихъ по найму шпіоновъ, которые, толкаясь постоянно около ея мужа, почти ежедневно доносятъ ей все.

Наконецъ, помимо всего, старуха давала мужу не только много денегъ, но больше того, чѣмъ онъ просилъ. При этомъ соблюдалась только пустая формальность, пустая прихоть старухи, нѣчто ни на что́, собственно, не нужное. Выдавая мужу по тысячѣ рублей каждый разъ, что онъ просилъ, а иногда и по собственному почину, Марія Георгіевна брала съ него вексель.

Бѣлинскій удивлялся, зачѣмъ это нужно, но старуха объясняла, что это простой капризъ. Такимъ образомъ за короткое время накопилось у Бѣлинской на тридцать тысячъ выданныхъ мужемъ векселей. Изъ этихъ денегъ у него по крайней мѣрѣ одна треть ушла зря, проигранная въ карты.

Между тѣмъ съ каждымъ мѣсяцемъ Бѣлинскій становился все сумрачнѣе и тоскливѣе, все болѣе кидался на всякаго рода затѣи, которыхъ, собственно, не любилъ; все чаще просилъ денегъ и зря, безъ всякаго удовольствія, расшвыривалъ ихъ.

Теперь оказывалось ясно, что молодой человѣкъ былъ много лучше, честнѣе и чище душой, чѣмъ самъ о себѣ думалъ.

Отцы-іезуиты завладѣли имъ, дали средства войти въ высшее общество, куда его тянуло, а затѣмъ, изъ любви къ нему, разумѣется, толкнули его на такой

бракъ, который теперь для его натуры, конечно, былъ хуже тюрьмы или ссылки.

И подъ гнетомъ тоски и унынія, являвшимися прямо послѣдствіемъ его отвращенья къ семидесятилѣтней женѣ, молодой человѣкъ не зналъ буквально, куда дѣваться и что съ собой подѣлать. Исхода не было. Чѣмъ заглушить тягостное чувство? Гдѣ найти лѣкарства?

Однажды пустой случай помогъ ему самымъ неожиданнымъ, хотя и простымъ образомъ. Бѣлинскій встрѣтился и познакомился съ молоденькой женщиной лѣтъ двадцати, только что овдовѣвшей послѣ смерти мужа, шестидесяти-лѣтняго старика, съ которымъ она промучилась четыре года.

Едва только разговоръ коснулся прошлаго, молоденькая и очень красивая Татьяна Ивановна Малинина просто, искренно, въ живыхъ краскахъ разсказала Бѣлинскому его собственную исторію, его собственныя мученья. Разумѣется, вдовушка говорила не прямо и не рѣзко, но все, чего она не договаривала, досказывалъ разумомъ и сердцемъ самъ Бѣлинскій.

Все, что вынесла Малинина со старымъ мужемъ, за котораго ее выдали родители насильно, со старикомъ вдобавокъ въ нее влюбленнымъ, ревнивымъ до звѣрскаго изступленія, при постоянныхъ, чуть не ежедневныхъ ссорахъ — все это было для Бѣлинскаго отраженьемъ его собственнаго существованія.

А отвращенье къ мужу?! Какъ мягко и кротко, даже наивно коснулась молодая женщина этого вопроса, а какъ глубоко почувствовалъ и понялъ Бѣлинскій все что она испытала, чрезъ что прошла.

Разумѣется, эта встрѣча не ограничилась простымъ знакомствомъ и скоро привела къ близости, къ дружбѣ, а затѣмъ и къ болѣе нѣжному чувству.

Бѣлинскій горячо исповѣдался и тоже открылъ свою душу, повѣдалъ свои терзанія. Сочувственно и пылко отозвалась хорошенькая и кротко-милая женщина на муки молодаго человѣка.

Ихъ судьба была совершенно одна и та же, съ той разницей, что для молодой женщины пытки прекратились, а для Бѣлинскаго только начинались. И предвидѣть конецъ имъ было невозможно.

Старикъ Малининъ былъ больной, ему постоянно угрожалъ параличъ сердца, отъ котораго онъ и умеръ вдругъ въ постели.

А Марья Георгіевна пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ и казалось иногда, что она теперь только собралась жить, предъявляя права на „вторую" молодость.

Знакомство Бѣлинскаго со вдовушкой стало вдругъ для молодаго человѣка панацеей отъ всѣхъ его нравственныхъ пытокъ. Онъ все больше влюблялся въ свою Таню и становился все спокойнѣе и радостнѣе. Всякій день съ утра бѣжалъ онъ къ ней. Иногда же до четырехъ и пяти часовъ утра оставался у нея...

За то Марья Георгіевна стала сумрачна и съ каждымъ днемъ становилась все темнѣе и грознѣе... Соглядатаи ея, конечно, не дремали и доносили обо-всемъ...

XII.

Князю, собиравшемуся жить въ Яхтомкѣ мирно и тихо, поневолѣ пришлось вдругъ смутиться и призадуматься. Однажды вечеромъ княгиня явилась къ мужу посидѣть и поговорить, что дѣлала она теперь аккуратно. Въ этотъ разъ она была ласковѣе и сердечнѣе, чѣмъ когда-либо.

За послѣднее время Юлія Павловна постоянно твердила объ одномъ и томъ же, что желала бы жить именно такъ, въ деревенской глуши и тиши, но вмѣстѣ съ тѣмъ при другихъ условіяхъ. Она желала бы жить въ Яхтомкѣ при прежнихъ средствахъ къ существованію, а не послѣ разоренія. Она говорила, что ее постоянно преслѣдуетъ мысль, какъ вернуть утраченное состояніе, чтобы нашлось, что оставить Тонѣ, который теперь нищій.

И каждый разъ, заведя эту бесѣду, княгиня прибавляла, что если серьезно подумать, размыслить, разбудить въ себѣ силу воли и энергію, то возвратить потерянное было бы возможно.

На вопросъ князя, какимъ образомъ — Юлія Павловна всегда отвѣчала:

— Не знаю! Это не женское дѣло. Я знаю только, что много людей на свѣтѣ богаче насъ разоряются и снова всплываютъ, становятся богаче прежняго.

Въ этотъ вечеръ княгиня, придя, весело заговорила все о томъ же, и постепенно стала грустна и печальна и вмѣстѣ съ тѣмъ мила и ласкова. Снова утирая, якобы украдкой отъ мужа, глаза совершенно сухіе, покраснѣвшіе отъ тренія платкомъ, княгиня выговорила наконецъ вздохнувъ:

— А если бы ты пожелалъ, согласился бы, то черезъ годъ или два мы стали бы богаче, чѣмъ когда-либо прежде были.

Слова были сказаны настолько рѣшительнымъ и увѣреннымъ голосомъ, что князь невольно удивился и воскликнулъ:

— Какимъ же образомъ?!.. Господь съ тобой! Ты говоришь, какъ будто знаешь даже средство сразу сдѣлаться милліонерами.

— Да! выговорила княгиня рѣзко и выпрямляясь.— Да, именно... Я знаю средство. И это средство почти у насъ въ рукахъ. Для успѣха нужно только одно— твое согласіе. Тебѣ даже ничего не надо дѣлать, не надо уѣзжать изъ Яхтомки, не надо почти сходить вотъ съ этого кресла, гдѣ ты сидишь и читаешь; надо только сказать: да, я согласенъ.

— Что ты?!.. еще болѣе изумился князь.—Я готовъ подумать, что ты отъ тоски ума лишилась.

Княгиня помолчала, какъ бы собираясь съ мыслями, и затѣмъ, пересѣвъ ближе къ мужу, положила руку къ нему на плечо и вымолвила:

— Скажи, любишь-ли ты меня?

— Вотъ вопросъ!

— Если любишь, то докажи. Исполни то, что я потребую, какъ бы оно страшно и невѣроятно ни показалось.

— Что же, утопиться прикажешь?

— Нѣтъ, прикажу разбогатѣть...

— Ты—сумасшедшая!

— Готовъ-ли ты рисковать... не жизнью, а иначе... какъ бы сказать? Готовъ-ли ты изъ-за меня пойти на поселеніе въ Сибирь, но вмѣстѣ со мной, конечно? Въ Сибири гдѣ-нибудь въ городкѣ или въ деревнѣ намъ будетъ не хуже, чѣмъ въ Яхтомкѣ. Вотъ весь рискъ.

— Стало-быть, ты хочешь предложить мнѣ преступленіе?

— И да, и нѣтъ! Преступленіе по людскому убѣжденію, но я его таковымъ не считаю. Я считаю преступленіемъ то, что дѣлается во вредъ кому-либо. То, что никому не вредитъ или вредитъ фиктивно — не есть преступленіе.

— Батюшки, какая галиматья! воскликнулъ князь добродушно.—Но въ чемъ же дѣло?

— Отвѣчай прежде, согласенъ-ли разбогатѣть или, въ случаѣ неудачи, что почти невѣроятно, очутиться со мной, вмѣсто Яхтомки, въ какой-нибудь деревушкѣ Тобольской или Иркутской губерніи?

— Не въ этомъ дѣло. Я съ тобой на край свѣта готовъ отправиться. Но дѣло въ томъ, можно-ли рѣшиться на тотъ шагъ, который насъ туда приведетъ. Поселеніе, рудники и даже каторга не страшны относительно, но потерять честное имя, вотъ...

— Да, перебила княгиня,—конечно! Такъ разговариваютъ мужчины. Когда въ нихъ должна возникнуть борьба между любовью и честью, они жертвуютъ любовью во имя условной чести и нравственности. Женщины, наоборотъ, какъ ты знаешь, бо́льшею частію

Утренняя молитва въ католическомъ монастырѣ. Съ карт. Галлегоса, грав. Бонгъ.

жертвуютъ честью во имя любви, потому что для нихъ любовь все, она поглощаетъ ихъ. Женщина живетъ любовью, когда это чувство завладѣло ею. У мужчины любовь—подробность въ ихъ существованіи... un détail. Есть мужчины, которые думаютъ, что только и живы своей любовью, а между тѣмъ она для нихъ то же, что портсигаръ или часы — вещь, конечно, совершенно необходимая.

Князь разсмѣялся.

— И ты думаешь, что моя любовь къ тебѣ тоже портсигаръ?

— Нѣтъ, нѣчто большее, но не все. Частица, а не цѣлое. Скажи, что ты готовъ пожертвовать честью, прибавляю, условной,—и я повѣрю, что ты любишь меня. Скажи слово—и мы будемъ снова богаты, страшно богаты, почти не рискуя ничѣмъ. Но если бы случилась бѣда, то ты потеряешь только честь, а любовь мою не потеряешь. Мы будемъ счастливы и будемъ знать, что Тоня, который скоро вступитъ въ жизнь, не нищій, а богатый человѣкъ.

— Но что же это, наконецъ, такое?.. Вѣдь я все-таки ничего не понимаю! воскликнулъ князь.

— Сегодня я ничего больше тебѣ не скажу. Подумай, размысли и дай мнѣ отвѣтъ, готовъ-ли ты доказать мнѣ и нашему ребенку, что ты любишь насъ и готовъ мнѣ и Тонѣ пожертвовать всѣмъ.

— Мнѣ нечего объ этомъ думать.

— Ты согласишься для насъ на преступленіе? На преступленіе, повторяю тебѣ, условное, фиктивное, воображаемое.

Князь ничего не отвѣтилъ, и послѣ долгаго молчанія, вымолвилъ:

— Да, ты права, я не могу такъ... Дай мнѣ подумать.

И дѣйствительно, цѣлыя сутки князь размышлялъ. Въ его душу запали нѣкоторыя слова жены.

„Она правду говоритъ, думалось князю.—Какъ часто женщины, даже дѣвушки шестнадцати лѣтъ, сознательно жертвуютъ честью, приносятъ ее въ жертву своей любви. А мы, мужчины, якобы боготворимъ женщину, а зайди дѣло о чести—отступаемъ отъ всякой жертвы. Если я люблю Юлію, какъ думаю, и люблю Тоню, то не могу-ли я найти свое счастіе въ томъ, чтобы знать, что я безчестный человѣкъ, но за то они счастливы.

И за однѣ сутки, что продолжались размышленія князя, онъ, мудрствуя лукаво, убѣдилъ себя, что онъ обязанъ создать, возстановить счастье жены и главнымъ образомъ сына, обязанъ вернуть утраченное состояніе.

Вскорѣ князь уже исключительно думалъ о томъ, въ чемъ можетъ состоять замыселъ жены. За обѣдомъ онъ, улыбаясь, заявилъ Юліи Павловнѣ, что вечеромъ они должны переговорить рѣшительно.

— Я всю ночь не спалъ, прибавилъ онъ,—все думалъ, et j'ai fait du chemin, далеко ушелъ. Быть-можетъ дальше, чѣмъ ты желала.

Салмоновичъ и Франкфуртеръ, сидѣвшіе за столомъ, переглянулись, потомъ взглянули на князя, и Яхтомскій удивился. Онъ думалъ, что его слова будутъ понятны только женѣ, а эти два человѣка такъ поглядѣли на него, какъ будто знали все, знали больше, чѣмъ онъ самъ.

Княгиня, замѣтивъ все происшедшее, нѣсколько смутилась, оторопѣла.

— Я всегда думалъ, былъ убѣжденъ, выговорилъ Салмоновичъ,—что вы, князь, человѣкъ рѣшительный, съ большою силой воли, которая, извините, почивала въ васъ вслѣдствіе условій благопріятныхъ для существованія человѣческаго, но не благопріятныхъ для госпожи воли.

— Вы меня удивляете! отозвался князь.—Вы какъ будто догадались, о чемъ я намекнулъ женѣ.

— Нѣтъ, князь, гдѣ же догадаться! А я просто знаю въ чемъ дѣло, выговорилъ аббатъ твердо.

Юлія Павловна невольно вздрогнула и почти ахнула; Франкфуртеръ безпокойно взглянулъ на Салмоновича. Очевидно, что для княгини и для еврея выходка молодаго человѣка была нечаянностью. Это не было условлено заранѣе.

Сразу наступило странное молчаніе. Всѣ будто были застигнуты врасплохъ. Одинъ Салмоновичъ оглядывалъ всѣхъ рѣшительнымъ, горящимъ взглядомъ.

— Позвольте мнѣ, князь, послѣ обѣда отправиться къ вамъ въ кабинетъ для самаго серьезнаго разговора, какой когда-либо я имѣлъ въ жизни. Да и вы врядъ-ли когда имѣли подобный. А затѣмъ нынѣшній же вечеръ я и господинъ Франкфуртеръ... или мы останемся здѣсь, въ Яхтомкѣ, на жительство на долгія времена и станемъ для васъ близкими людьми, связанные общимъ дѣломъ первостепенной важности... Или же мы оба непремѣнно выѣдемъ отсюда сегодня же, чтобы никогда болѣе не увидѣться.

Салмоновичъ кончилъ и смотрѣлъ упорно въ лицо Яхтомскаго. Княгиня и Франкфуртеръ тоже какъ бы впились глазами въ него. Князь имѣлъ растерянный видъ, даже болѣе того... Онъ уподоблялся зайцу, окруженному собаками.

— Хорошо... Я не знаю... не понимаю... Я согласенъ... пролепеталъ онъ, а затѣмъ, взглянувъ на сына, сидѣвшаго около него, онъ еще болѣе растерялся.

У Тони вдругъ почему-то лицо стало печально. Его красивые глаза съ любовью, участіемъ и какъ будто даже состраданіемъ смотрѣли на отца.

Мальчикъ инстинктивно чувствовалъ, что происходитъ нѣчто особенное, и на него уже давно, благодаря бесѣдамъ съ няней, пахнуло гарью... Теперь же, въ эту минуту, Тоня будто почувствовалъ, что уже видно зарево большаго пожара, грозно приближающагося къ нимъ.

XIII.

Въ тотъ же вечеръ въ кабинетѣ князя просидѣли далеко за полночь: княгиня, Салмоновичъ и Франкфуртеръ. Подобнаго не бывало еще ни разу. Въ продолженіе шести часовъ бесѣдовали они или, вѣрнѣе, князь выслушивалъ поочереди аббата, жену и еврея.

И теперь, около полуночи, гости князя имѣли видъ взволнованный, крайне тревожный, а самъ Яхтомскій казался пришибленнымъ, раздавленнымъ. Мудрствовать наканунѣ и по-утру было легко, имѣть дѣло съ дѣйствительностью и двинуть ногой, чтобы сдѣлать роковой шагъ, оставляя позади себя честное имя,—было мудрено.

Князь узналъ нѣчто, что̀ было для его собесѣдниковъ дѣломъ самымъ простымъ и что́ для него казалось страшной пропастью. Салмоновичъ первый, явившись къ нему для объясненія наединѣ, рѣзко и прямо повѣдалъ эту тайну, а затѣмъ, вслѣдъ за нимъ, явилась княгиня, грустная и любящая.

Аббатъ энергически убѣждалъ князя, Юлія Павловна страстно умоляла и даже становилась на колѣни около сидящаго мужа. Затѣмъ, не получивъ даже согласія князя, она приказала попросить въ кабинетъ господина Франкфуртера.

Князь былъ въ какомъ-то странномъ состояніи. Когда онъ пришелъ вполнѣ въ себя, и вполнѣ уразумѣлъ все, то ему показалось, что онъ уже совершилъ нѣчто. Возврата уже нѣтъ! Онъ уже въ рукахъ двухъ лицъ и они влекутъ его на край пропасти.

Но вѣдь за этимъ краемъ жена, которую онъ обожаетъ, за нимъ счастье, ихъ общее счастье. Она будетъ увѣрена что онъ любитъ ее и будетъ за это боготворить его. А Тоня? Онъ ничѣмъ не рискуетъ и будетъ богатъ. Богаче, чѣмъ когда-либо былъ самъ Яхтомскій. Если же онъ погибнетъ, то его Тоня все-таки остается цѣлъ и невредимъ. Да и погибель эта

не страшна. Это такая же жизнь въ тиши захолустья съ той же любимой женщиной.

Тайна, которую князь узналъ, заключалась въ томъ, что Салмоновичъ, Франкфуртеръ и Дзицкій устроили въ павильонѣ, съ самаго появленія своего, цѣлую лабораторію. Закрываясь тщательно ставнями, они работали цѣлыя ночи и результатъ ихъ работъ былъ уже на столѣ князя въ видѣ образчика. Они дѣлали фальшивыя ассигнаціи.

Чтобы продолжать это дѣло, нужны были и помощь, и согласіе князя. За то ему же должна была принадлежать львиная доля во всемъ.

Въ полночь двое гостей ушли къ себѣ въ павильонъ, не добившись отъ князя рѣшительнаго отвѣта. Они были смущены. Имъ чудилось, что дѣло обернется совершенно иначе, чѣмъ они надѣялись. Этотъ „тюфякъ", по словамъ Салмоновича, не станетъ доносить на нихъ, но попроситъ удалиться изъ Яхтомки. И все пропало.

А пропадала для Салмоновича не дикая возможность нажиться. Пропадало громадное дѣло. Пропадалъ бракъ княгини съ Вахтенштейномъ. Пропадали милліоны старухи тетки князя. Пропадалъ самъ Салмоновичъ, ибо на-вѣки оставайся поневолѣ аббатомъ или монахомъ, которымъ отцы-іезуиты будутъ недовольны и, пожалуй, жестоко отмстятъ за неумѣніе служить имъ.

Княгиня отлучилась тоже но не надолго и вернулась въ прелестномъ пеньюарѣ, немного не скромномъ. Она принесла мужу его любимое токайское вино и шепнула, какъ если бъ они были не одни:

— Давай, устроимъ оргію. Oui, une orgie.

Что̀ дѣлала и говорила княгиня, что̀ было особеннаго въ принесенномъ винѣ, князь почти не помнилъ или не сознавалъ, но кончилось тѣмъ, что въ два часа ночи онъ въ какомъ-то чаду, будто одурманенный, соглашался на все, что̀ шепотомъ требовала жена въ доказательство что онъ любитъ ее... И несмотря на позднее время, и на странность поступка, князь среди ночи вдругъ отправился вмѣстѣ съ женой въ гости къ своимъ гостямъ, поселеннымъ въ павильонѣ.

— Они насъ ждутъ, повторяла княгиня.—Они на зарѣ могутъ уѣхать изъ опасенія... Надо рѣшаться... Идемъ! идемъ!

Пробывъ часа два въ павильонѣ, князь такой же, какъ бы одурманенный и потерянный, вернулся къ себѣ, не вѣря всему, что̀ съ нимъ произошло.

Отъ усталости и многаго перечувствованнаго онъ заснулъ на диванѣ.

На другой день, послѣ обѣда, Яхтомскій снова отправился въ гости въ павильонъ и вернулся только въ два часа ночи.

На этотъ разъ князь уже подробно и сознательно увидѣлъ все. Гости все ему разсказали и объяснили. Павильонъ, дѣйствительно, былъ лабораторіей, гдѣ и рисовали, и гравировали, и печатали, и гдѣ было уже много образчиковъ мастерства. И образчики были поистинѣ изумительные. Ста и пятидесяти-рублевые билеты, представленные Франкфуртеромъ князю, онъ съ трудомъ призналъ за фальшивые. Онъ готовъ былъ подозрѣвать, что съ нимъ играютъ комедію, что ему показываютъ настоящія ассигнаціи.

Черезъ два дня послѣдовали нѣкоторыя распоряженія помѣщика-князя, очень странныя, но однако не удивившія никого. Рабочіе были посланы въ павильонъ вынуть цѣлую стѣну, задѣлать два окна на-глухо, а затѣмъ огородить весь павильонъ высокимъ заборомъ, превративъ его въ какой-то маленькій острогъ.

Можно было подумать, что гости князя боятся ночевать въ этомъ павильонѣ, опасаются воровъ и злоумышленниковъ, или, наоборотъ, что князь хочетъ содержать гостей, какъ въ плѣну.

Когда разнаго рода работы въ павильонѣ были окончены, то жизнь въ Яхтомкѣ нѣсколько перемѣнилась. Князь, ложившійся рано спать, сталъ теперь запаздывать въ павильонѣ до пяти, шести часовъ утра и вставалъ гораздо позже. Завтракъ сдѣлался обѣдомъ, обѣдъ—ужиномъ.

Отношенія между всѣми обитателями стали другія. Люди замѣчали, что князь сталъ страшно молчаливъ. За то всѣ другіе господа стали веселѣе, въ особенности Салмоновичъ.

Отношенія между княземъ и его гостями стали другія, уже совершенно дружескія, за панибрата. Наконецъ за столомъ господскимъ появился и господинъ Дзицкій, обѣдавшій прежде одинъ, со стола.

Одновременно съ этимъ Салмоновичъ перешелъ жить изъ павильона въ домъ и среди дня ни разу даже не приближался къ лабораторіи. Вскорѣ онъ совсѣмъ отказался помогать въ работѣ, ссылаясь на неумѣнье.

Образъ жизни въ усадьбѣ водворился новый, какъ говорится: день въ ночь. И, конечно, чутье людское тотчасъ же подсказало всей дворнѣ и даже крестьянамъ, что въ усадебномъ домѣ творится что-то такое удивительное. Только княгиня да учитель живутъ попрежнему: рано встаютъ и день цѣлый у всѣхъ на виду. А баринъ иностранный, господинъ Франкфуртеръ—таковъ, что можетъ всякаго заставить подумать, что „всѣмъ бѣдамъ отворяй ворота" тамъ, гдѣ такой человѣкъ замѣшается.

XIV.

Такъ прошло два мѣсяца, но за это время княгиня уже отлучилась одинъ разъ, съѣздила въ Петербургъ, пробыла недѣлю и вернулась, какъ обѣщала. Вернулась они еще болѣе довольная и счастливая, чѣмъ поѣхала.

Въ столицѣ она видѣлась съ княземъ Вахтенштейномъ и дала ему обѣщаніе, поразившее попрежнему сильно влюбленнаго князя. Она обѣщала, что вскорѣ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, она будетъ въ Петербургѣ и просила уже его нанять домъ, маленькій, уютный, конечно, на его счетъ, гдѣ она поселится почти свободная, съ тѣмъ, чтобы быть вполнѣ свободной въ концѣ года.

Дѣйствительно, княгиня не лгала и не обманывала никого. Недѣли черезъ двѣ послѣ ея возвращенія князь въ свой чередъ собрался въ Москву.

Когда князь, попрежнему въ мрачномъ настроеніи духа, очутился въ Москвѣ, оставшіеся въ Яхтомкѣ ликовали. Вслѣдъ за княземъ выѣхалъ Дзицкій, но князь этого не зналъ.

Князь явился въ Москву и сталъ искать купить большое имѣніе, тысячъ въ сто и болѣе, за наличныя деньги. Онъ остановился въ гостиницѣ, сдѣлалъ объявленье въ газетахъ, побывалъ у разныхъ лицъ, которыя тоже публиковали о продажѣ своихъ вотчинъ. Имѣнье нашлось въ Кіевской губерніи и такое, какое было нужно Яхтомскому,—такое, которое можно было вскорѣ и легко продать снова. А это было главное. Князю нужно было сбыть свои яхтомскія ассигнаціи, а затѣмъ, при продажѣ имѣнія, получить государственныя. Отправляться къ какому-нибудь банкиру и обмѣнять свѣжія, съ иголочки, сотенныя бумажки у него не хватило духу. Идти въ казенное учрежденье и подавно было страшно.

И князь будто не соображалъ, что если его ассигнаціи плохи и могутъ возбудить подозрѣніе, то въ рукахъ другаго человѣка онѣ лучшими, искуснѣе сдѣланными не окажутся. А въ случаѣ открытія обмана, получившій ихъ отъ него, на него же укажетъ. Разумѣется, князь это понималъ, но внутренній страхъ мѣшалъ ему идти самому въ какой-либо банкъ.

Наконецъ покупка имѣнія и уплата состоялись. Князь выложилъ сто тысячъ чистоганомъ.

— Новенькія! замѣтилъ стряпчій, присутствовавшій при этомъ.

Яхтомскій отвѣтилъ что получилъ деньги съ казны за подрядъ.

Разумѣется, въ продолженіе послѣдующихъ дней князь волновался и даже не смыкалъ глазъ по ночамъ. Одинъ и тотъ же вопросъ стоялъ передъ нимъ:

„Достаточно ли искусно сдѣланы яхтомскія или франкфуртеровскія ассигнаціи. Или тюрьма, или милліонное состояніе! Все зависитъ отъ глупости,—отъ мастерства въ рукѣ гравера Дзицкаго“.

Прошло дней десять. Князь успокоился и собирался уже возвращаться въ Яхтомку, чтобы посылать Салмоновича въ Кіевъ, продавать купленное имѣнье. Но выѣхать не пришлось.

Поздно вечеромъ, когда въ Яхтомкѣ всѣ сидѣли за чаемъ, пріѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ Дзицкій. Переговоривъ съ Салмоновичемъ, онъ тотчасъ же выѣхалъ обратно, но вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ и еврей.

Аббатъ и княгиня остались одни и по ихъ лицамъ видно было, что они торжествуютъ побѣду, торжествуютъ успѣхъ мудренаго предпріятія, которое оказалось болѣе легкимъ, нежели они думали.

Дзицкій привезъ извѣстіе, что князь, какъ сбытчикъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, уже арестованъ въ Москвѣ и что скоро слѣдуетъ ожидать властей въ Яхтомку.

Дѣйствительно, чрезъ трое сутокъ послѣ появленія Дзицкаго и исчезновенія его вмѣстѣ съ Франкфуртеромъ, власти нагрянули въ Яхтомку.

Дѣло оказалось очень просто и ясно. Помѣщикъ князь Яхтомскій, съ другими личностями, занимался преступнымъ дѣломъ въ своей усадьбѣ.

Павильонъ, оставленный въ томъ видѣ, въ какомъ былъ при отъѣздѣ князя, ясно это доказывалъ.

Княгиня и воспитатель ея сына, аббатъ, взятые страшною вѣстью врасплохъ, были, конечно, сильно смущены, но ничего не понимали.

Губернаторскій чиновникъ, явившійся для слѣдствія, человѣкъ молодой, хвалившійся проницательностью, тотчасъ же увидѣлъ и понялъ, что прелестная и восхитительная княгиня и какой-то шутъ гороховый аббатъ— ничего не знали о преступныхъ занятіяхъ самого князя.

Чиновникъ потерялъ около двухъ часовъ въ бесѣдѣ съ княгинею, разстроенною несказанно, но все-таки успѣшно чарующею и увлекающею. Затѣмъ, позавтракавъ, чиновникъ открылъ засѣданіе въ столовой. Начался допросъ всѣхъ безъ исключенія, начиная съ княгини и кончая дворовыми и нѣкоторыми крестьянами. Только одного „молодаго князя“ не потребовали, тѣмъ болѣе, что онъ лежалъ въ постели блѣдный, съ сверкающими глазами, шепча непонятныя слова. Вѣроятно, по мнѣнію всѣхъ, у мальчика была лихорадка.

Болѣе всѣхъ, изъ чувства негодованія, разъяснилъ все на допросѣ аббатъ, отчасти и княгиня, сильно смущенная, много выяснила. Кто такіе были Франкфуртеръ и Дзицкій—они не знали; куда оба исчезли, прослышавъ объ арестѣ князя—они тоже не знали. Жизнь Яхтомскаго за послѣднее время въ усадьбѣ была крайне странная—это могли подтвердить и люди. Точно такъ же допрошенная дворня единогласно подтвердила, что князь никого не пускалъ въ павильонъ, не только прислугу, но даже своей супруги и учителя. Господинъ Салмоновичъ прежде жилъ въ павильонѣ, но когда два проходимца явились въ Яхтомку, князь перевелъ аббата въ домъ. Послѣ необходимыхъ формальностей, власти удалились изъ Яхтомки. Вслѣдъ за ними выѣхала въ Москву княгиня, съ больнымъ сыномъ, его гувернеромъ и няней. Въ Москвѣ княгиня собиралась повидаться съ арестованнымъ мужемъ, но затѣмъ объявила всѣмъ, что ей въ этомъ было отказано.

Разумѣется, это была ложь. Несмотря на всю дерзость княгини, у нея не хватило бы духу повидаться теперь съ мужемъ. Да оно было и не нужно ни для него, ни для нея.

Онъ если не разумомъ, то чутьемъ дошелъ до подозрѣнія, что онъ наивная жертва. Она же, сыгравъ искусно свою роль, спѣшила въ Петербургъ, начать играть другую, болѣе легкую и болѣе пріятную.

Однако княгиня была задержана въ Москвѣ усилившеюся болѣзнью сына. Тоня, недавно лишь оправившійся и переставшій тосковать по Тарасѣ, теперь былъ совершенно сраженъ. Это было уже не такое горе, а настоящее, безъисходное.

Если Тоня не зналъ прежде, кого онъ больше любитъ—отца или Тараса, то теперь онъ чувствовалъ, что отца любитъ много больше. По крайней мѣрѣ, мысль объ отцѣ, болью острой и жгучей, врѣзалась въ сердце. Тонѣ сказали въ Москвѣ что отецъ пойдетъ на каторгу. Ему будетъ много хуже, чѣмъ Тарасу.

Мальчикъ опасно заболѣлъ. Болѣзнь, принятая докторами за сильную простуду, оказалась нервною горячкой. Княгиня оставила сына на попеченіи Марѳы Яковлевны, а сама поспѣшила въ Петербургъ съ аббатомъ, якобы хлопотать по дѣлу мужа. Она чувствовала себя на седьмомъ небѣ.

XV

По прибытіи въ Петербургъ и княгиню и аббата, ровно счастливыхъ безмѣрно, ожидало разочарованіе— заботы и хлопоты которыя не скоро удалось завершить успѣхомъ.

Княгиня поразила Вахтенштейна разсказавъ все что произошло въ Яхтомкѣ. Хотя она и представила все дѣло въ иномъ видѣ, тѣмъ не менѣе баварецъ понялъ что все это было махинаціей княгини, и вдобавокъ предательскою и гнусною.

Надо было все краснорѣчіе Юліи Павловны и самомнѣніе князя чтобы между ними водворилось согласіе и послѣдовало соглашеніе. Княгиня убѣдила стараго Донъ-Жуана, что рѣшилась на предательство изъ-за страсти къ нему, а князь какъ-бы примирился съ гнуснымъ поступкомъ красавицы, совершеннымъ ради него... Любовь вѣдь все прощаетъ!

Аббатъ, со своей стороны, перенесъ еще болѣе всякихъ неожиданныхъ заботъ. Онъ разумѣется тотчасъ отправился въ коллегіумъ съ докладомъ обо всемъ что произошло въ имѣніи князя Яхтомскаго. Онъ не сталъ похваляться какъ избавилъ орденъ отъ прямаго наслѣдника милліоновъ старухи Бѣлинской. Комедія была соблюдена; аббатъ не разсказалъ какъ пригласилъ двухъ негодяевъ и толкнулъ князя Яхтомскаго на преступленіе. Онъ просто доложилъ отцу-ректору о невѣроятномъ событіи въ имѣніи князя. Онъ изумлялся на что хватило духу у аристократа и сожалѣлъ княгиню, на которую позоръ и ужасъ положенія произвели конечно потрясающее дѣйствіе. Отецъ Гавріилъ понялъ конечно все какъ слѣдуетъ и ласковыми глазами смотрѣлъ на ретиваго въ службѣ аббата.

Только одно не понравилось ректору: неожиданная болѣзнь будущаго прямаго наслѣдника госпожи Бѣлинской и необходимость оставаться покуда въ Москвѣ.

— Но мальчикъ не опасенъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, dominatio vestra. Онъ вскорѣ вѣроятно оправится, и я привезу его сюда, въ Петербургъ.

— Да, да.. это главное . строго замѣтилъ Груберъ, отпуская аббата — Озаботьтесь мальчикомъ.

Салмоновичъ вышелъ совершенно счастливымъ отъ довольства отцовъ-іезуитовъ и мысленно собрался вскорѣ снова зайти къ ректору съ особой, важной просьбой.

Но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Однажды утромъ Салмоновичъ былъ разбуженъ мальчишкой, который ему прислуживалъ. И одинъ видъ его смутилъ аббата. Мальчикъ былъ перепуганъ. Онъ объя-

Іисусъ Христосъ на Масличной горѣ. Съ карт. Лишка, грав. Бонгъ.

снилъ, что въ квартиру явилась полиція и жандармъ, который желаетъ видѣть Салмоновича тотчасъ же.

Разумѣется, аббатъ сразу понялъ въ чемъ дѣло и сильно смутился. Онъ быстро одѣлся, но покуда одѣвался, успѣлъ уже успокоиться.

„Вздоръ! повторялъ онъ мысленно.—Не запутаешь ты меня, отверчусь! Доказать ничего нельзя. Я только посовѣтовалъ. Я ни разу днемъ не вошелъ въ павильонъ; никто ни разу меня не видалъ выходящимъ оттуда...“

Салмоновичъ написалъ нѣсколько строкъ, позвалъ мальчугана, засунулъ записку ему за пазуху и строго приказалъ бѣжать въ коллегіумъ и передать эту записку отцу Августину.

— Скажи, прибавилъ онъ, — все, что здѣсь видѣлъ, что за гости

Мальчикъ умный и шустрый, сообразилъ все и другой дверью, минуя полицію, выскочилъ на улицу.

Салмоновичъ не ошибся. Къ нему явились власти по дѣлу князя Яхтомскаго. Ему было объявлено, что онъ долженъ немедленно ѣхать въ Москву, привлекаемый къ слѣдствію по дѣлу о фальшивыхъ монетчикахъ Рязанской губерніи.

На отговорки Салмоновича жандармскій офицеръ объяснилъ ему, что онъ долженъ непремѣнно тотчасъ же отправиться въ Москву, но что ему опасаться нечего, ибо онъ вызывается въ качествѣ свидѣтеля. Однако если онъ самъ не поѣдетъ, то будетъ отправленъ съ жандармомъ.

Сбывъ съ рукъ нежданныхъ посѣтителей, аббатъ, разумѣется, бросился тоже въ коллегіумъ. Отецъ Августинъ принялъ его, долго говорилъ съ нимъ и разспросилъ снова о разныхъ подробностяхъ преступленія. Салмоновичъ разсказалъ все и поклялся, что все правда.

— Я не дуракъ. Я зналъ, чѣмъ все кончится — поймите это! Если бы все это было дѣйствительно предпріятіемъ настоящимъ, если бы мы собирались дѣйствительно дѣлать фальшивыя ассигнаціи и сбывать ихъ, то я бы велъ себя быть-можетъ совершенно иначе. Но вѣдь я зналъ навѣрное, что главный дѣятель будетъ взятъ і что будетъ судъ, будетъ слѣдствіе. Понятно, что я велъ себя осторожно.

Августинъ вызвался доложить отцу Гавріилу самъ и велѣлъ Салмоновичу зайти ввечеру.

Вечеромъ отецъ Августинъ сказалъ аббату, что ректоръ ручается за все.

— Отецъ Гавріилъ приказалъ вамъ передать, что съ вами ничего дурнаго не будетъ, не можетъ быть и не должно быть. Мы не можемъ васъ выдать. Это было бы позоромъ, страшнымъ ударомъ для ордена. Отецъ Гавріилъ рекомендовалъ васъ въ домъ князя Яхтомскаго, и поэтому хотя вы и не членъ ордена Іисуса, хотя вы не профессъ, тѣмъ не менѣе вы лицо близкое къ ордену. Повторяю вамъ со словъ отца Гавріила, чтобы вы ничего не опасались. Мы васъ ни за что не выдадимъ. Если будетъ нужно, то отецъ Гавріилъ самъ лично будетъ просить за васъ государя императора и поручится честнымъ словомъ, что вы не могли быть причастны къ такому возмутительному преступленію.

Салмоновичъ, совершенно успокоенный, собрался выѣзжать на утро въ Москву, но въ тотъ же вечеръ былъ пораженъ другою новостью... Къ нему явился жандармскій унтеръ-офицеръ, а внизу уже стояла телѣжка съ почтовыми лошадьми.

— Что это значитъ?! воскликнулъ аббатъ.—Я не понимаю! Я долженъ былъ выѣзжать самъ завтра съ дилижансомъ.

— Ничего, ваше благородіе, не знаю, отозвался жандармъ.—Приказано васъ взять, свезти въ комендантское управленіе, а оттуда я съ вами поѣду въ Москву.

Дѣйствительно, въ ту же ночь Салмоновичъ выѣхалъ въ Москву съ жандармомъ и зналъ только одно, что дѣло его за послѣдніе дни повернулось хуже. Онъ былъ привлекаемъ къ суду не въ качествѣ свидѣтеля, какъ говорилъ жандармскій офицеръ, а въ качествѣ обвиняемаго въ соучастіи.

Всю дорогу, продолжавшуюся четверо сутокъ, Салмоновичъ настолько тревожился и волновался, что почти не ѣлъ и не спалъ, а только изрѣдка дремалъ и очнувшись приходилъ въ отчаяніе.

Давно ли онъ мечталъ отдѣлаться отъ іезуитовъ, снять платье аббата и сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, а тутъ вдругъ новое дѣло свалилось на голову, пожалуй худшее, чѣмъ прежнее во Франкфуртѣ. И тотъ же отецъ Гавріилъ — теперь вся его надежда, въ немъ одномъ его спасеніе.

(Продолженіе будетъ).

Памятное приключеніе.

(Изъ сибирской жизни).

Виктора Николаева.

Въ 1864 году я былъ назначенъ становымъ приставомъ въ городъ N—скъ, Красноярской губерніи. Населеніе моего стана бóльшею частію состояло изъ ссыльныхъ сектантовъ, молоканъ и духоборцевъ, и только меньшую часть составляли тунгузы, туземные инородцы Несмотря на жительство въ одной и той же мѣстности, эти слои рѣзко отличались другъ отъ друга и еще болѣе усиливали это различіе замкнутою жизнью въ кругу только своихъ соплеменниковъ и враждебными отношеніями другъ къ другу, которыя зачастую разрѣшались насиліями со стороны сектантовъ и жалобами со стороны тунгузовъ. Внѣшнее различіе тоже было громадное; сектанты, занимаясь хлѣбопашествомъ и питаясь здоровою мясною и мучною пищей, вслѣдствіе отсутствія въ той глуши кабаковъ, разрушающихъ домашній бытъ и здоровье крестьянина, выработали у себя красивый и мощный типъ славянина; высокій, широкоплечій, со свѣтлорусыми волосами красавецъ-сектантъ могъ смѣло поспорить съ любымъ силачомъ, подвизающимся на аренахъ провинціальныхъ цирковъ. Тунгузы представляли обратное явленіе; занимаясь преимущественно рыбной ловлей и питаясь исключительно рыбой, они были плохо развиты въ физическомъ отношеніи малорослы, узкоплечи, со скудной растительностью на головѣ и почти всѣ чрезвычайно слабосильны. Единственное сходство заключалось въ ихъ характерахъ; какъ тѣ, такъ и другіе были злопамятны и мстительны до крайности; къ несимпатичнымъ чертамъ своего характера духоборцы прибавляли еще крайнюю распущенность нравовъ.

Вскорѣ послѣ моего назначенія на должность, я получилъ извѣстіе изъ отдаленнаго угла моего участка, что шайка духоборцевъ напала ночью на тунгузскую деревушку Лихошъ, разграбила все имущество ея обитателей и вдобавокъ переранила и искалѣчила многихъ изъ нихъ, пытавшихся защищать свое добро. Ни минуты не медля, я приказалъ своему слугѣ, татарину Ахмету, уложить въ чемоданъ все необходимое, захватилъ пару карманныхъ револьверовъ,—кстати сказать, вещь весьма нужная въ тѣхъ краяхъ, — и отправился самъ-другъ со слугою, сопровождаемый различными пожеланіями домашнихъ. Выѣхалъ я въ ясное іюньское утро, и такъ какъ до конечной цѣли моей поѣздки было верстъ около ста, то я разсчитывалъ къ ночи быть уже на мѣстѣ, хотя надобно сказать, что версты въ Сибири не мѣрныя, и часто въ верстѣ оказывается не пятьсотъ, а восемьсотъ и даже болѣе саженъ. Лѣто уже вполнѣ вступило въ свои права, и могучая, дѣвственная природа Сибири цвѣла во всей своей красѣ; дорога то сбѣгала внизъ по глинистому кряжу въ тѣнистую, сырую ложбинку, гдѣ пересѣкалась, еще довольно глубокимъ отъ весеннихъ водъ, ручейкомъ,—то поднималась на горку, сплошь покрытую высокимъ можжевельникомъ, то врѣзывалась въ темнозеленую чащу столѣтнихъ сосенъ и кедровъ, то выбѣгала на гладкую, словно обтянутую зеленымъ сукномъ полянку. Картины одна другой прекраснѣе, одна другой привлекательнѣе быстро смѣнялись передъ моими глазами и мысленно переносили меня на берега родной, далекой Волги, гдѣ впервые увидѣлъ я свѣтъ Божій и гдѣ протекла лучшая пора моей жизни — дѣтство. Всецѣло погруженный въ свои воспоминанія, я совершенно забылъ даже о цѣли моей поѣздки. На козлахъ сидѣлъ, подремывая, мой вѣрный Ахметъ. Надобно вамъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ субъектѣ, игравшемъ не маловажную роль въ случившемся со мною событіи. Ахметъ былъ старше меня лѣтъ на десять. Ему бы-

ло около тридцати-пяти лѣтъ. Какъ и всѣ казанскіе татары, средняго роста, широкоплечій, черноволосый, скуластый, онъ обладалъ, кромѣ того, громадною физическою силою, но, надобно отдать ему справедливость, никогда не злоупотреблялъ ею. Меня съ нимъ связывала старинная дружба: когда я былъ еще маленькимъ пятилѣтнимъ барчукомъ, то мнѣ въ тѣлохранители былъ назначенъ Ахметъ; онъ сопутствовалъ мнѣ всюду и былъ товарищемъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ игръ и затѣй. Привязанность его ко мнѣ не имѣла границъ; онъ однажды спасъ меня отъ смерти, подвергая опасности собственную жизнь: самоотверженно бросился на бѣшенаго волка, готовившагося напасть на меня, и ударомъ дубины размозжилъ ему голову. Послѣ объявленія воли, онъ со слезами на глазахъ просилъ меня оставить его у себя, на что я, конечно, согласился, такъ какъ, по правдѣ сказать, мнѣ самому было бы тяжело съ нимъ разстаться.

И теперь, мнѣ кажется, онъ тоже думалъ о томъ, давно прошедшемъ и пріятномъ для насъ времени, но все-таки не такъ глубоко погрузился въ свои воспоминанія, чтобы не обращать вниманія на окружающее.

— Баринъ, а баринъ, проговорилъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ,—глянь-ка на полудень—вѣдь заволакиваетъ.

Я вскинулъ глазами по направленію его руки и дѣйствительно увидѣлъ, что тамъ творится что-то недоброе: синевато-сѣрая, съ сѣдыми краями, туча грузно поднималась изъ-за лѣса и медленно охватывала небосклонъ; перспектива быть промоченнымъ до костей, за неимѣніемъ непромокаемаго платья, котораго я не захватилъ, понадѣявшись на хорошую погоду, порядочно смутила меня, тѣмъ болѣе что мнѣ былъ уже данъ урокъ подобнаго рода, и послѣдствія его были еще очень памятны; поэтому я велѣлъ Ахмету подогнать лошадей, а самъ завернулся плотнѣе въ шинель, такъ какъ сейчасъ же стало свѣжѣть. Внезапно оторванный отъ пріятныхъ воспоминаній, я уже не могъ вернуться къ нимъ и теперь только желалъ скорѣе доѣхать до мѣста, съ тоской и тревогой поглядывая на грозную тучу, которая съ изумительной быстротой нагоняла насъ.

— Ну что, Ахметъ, доѣдемъ до Утицы? спросилъ я своего возницу, называя большое село, лежащее въ трехъ верстахъ отъ цѣли моей поѣздки.

— А шайтанъ его вѣдай, флегматично отвѣтилъ Ахметъ,— ежели до проливня поспѣемъ къ Дунькину логу — такъ поспѣли, а нѣтъ, такъ надо бы, баринъ, жилье поискать, а то и въ недѣлю не высохнешь; баютъ, отсель недалече заимка есть,—отъ Дунькина лога правѣй версты на три будетъ,—вотъ туда везти не прикажешь-ли?

Я тотчасъ же принялъ его предложеніе, потому что уже началъ накрапывать дождикъ, да и, кромѣ того, при одномъ только воспоминаніи о Дунькинѣ логѣ меня морозъ подралъ по кожѣ. Дунькинъ логъ—одна изъ тѣхъ бездонныхъ трясинъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ Сибири,—представлялъ обширную поляну около версты въ ширину и верстъ на десять въ длину, сплошь поросшую густою, высокою осокой, скрывавшею подъ этимъ обманчивымъ зеленымъ покровомъ липкую, черную, какъ уголь, полужидкую грязь. Достаточно было отойти на нѣсколько шаговъ отъ берега, чтобы погибнуть самою ужасною смертію: ноги вязли все глубже и глубже, и тѣло медленно, но безостановочно погружалось въ грязь; всякія усилія выбраться изъ трясины только ускоряли ея ужасное дѣйствіе; черезъ нѣсколько минутъ грязь доходила до груди, достигала горла и затѣмъ безпощадно засасывала съ головой страшно барахтающуюся и кричащую жертву, предсмертный дикій вопль оглашалъ безотвѣтную окрестность, и все стихало. Совершивъ свое ужасное дѣло, поляна такъ же, какъ и прежде, спокойно и привѣтливо помахивала тонкими стебельками осоки, какъ бы заманивая новыя жертвы, а на мѣстѣ недавней катастрофы не оставалось никакихъ слѣдовъ. Единственнымъ путемъ, соединявшимъ берега этого лога, была гать, проложенная уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ для какой-то казенной надобности и съ тѣхъ поръ ни разу не ремонтированная. Въ сухую погоду по ней можно было ѣздить совершенно безопасно, потому что жердины и хворостины гати, склеенныя грязью, распредѣляли давленіе на значительную поверхность трясины; въ мало-мальски сырую погоду на гати образовывались своего рода полыньи, которыя дѣлали движеніе по ней небезопаснымъ, а въ дождливую погоду немыслима была никакая попытка переѣхать черезъ трясину. И такъ, вы теперь поймете, почему я, въ виду дождя, не рѣшился ѣхать по трясинѣ, тѣмъ болѣе, что у меня было еще свѣжо на памяти недавнее происшествіе, стоившее жизни двумъ сѣдокамъ и ямщику, не говоря уже о тройкѣ лошадей, поглощенныхъ пучиной. Поэтому, не доѣхавъ до трясины версты на двѣ, Ахметъ повернулъ направо и погналъ лошадей вскачь къ заимкѣ, такъ какъ дождь полилъ не на шутку. Дорога пошла темнымъ, дремучимъ боромъ; почуявъ близость грозы, лошади бодро везли бричку по узенькой лѣсной дорожкѣ. Наконецъ вдали показалась заимка, окруженная со всѣхъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ; это была группа низенькихъ, но опрятныхъ и, повидимому, прочныхъ строеній, опоясанныхъ высокимъ сосновымъ тыномъ. На стукъ нашей телѣжки по хрящеватому полотну дороги—раздался изъ-за тына басистый лай цѣлой своры собакъ. Подкативъ къ воротамъ, Ахметъ проворно спрыгнулъ съ козелъ и принялся, что было силы, стучать въ калитку; по прошествіи нѣсколькихъ секундъ послышался скрипъ отворяемой двери, и дребезжащій старушечій голосъ грозно прикрикнулъ на собакъ, не перестававшихъ яростно заливаться лаемъ:

— Цыцъ вы, окаянныя! ишь вѣдь разорались, лѣшіе!

Собаки послушно умѣрили свое рвеніе и ограничились только сердитымъ ворчаніемъ.

— Кто вы такіе будете? окликнула насъ старуха.

— Люди добрые, не бойся, тетка, отворяй скорѣй, и такъ уже вымокли, поспѣшилъ отвѣтить Ахметъ.

Но старуха видимо не рѣшалась еще впустить насъ.

— Дома-то никого нѣтути, какъ же впустить васъ, потомъ еще наплачешься, возразила она.

Зная недовѣрчивость сибиряковъ къ незнакомцамъ, я рѣшилъ прекратить безконечныя пререканія моего Ахмета со старухой, сообщивъ ей свое званіе, хотя мнѣ было бы гораздо пріятнѣе и удобнѣе появиться врасплохъ на мѣстѣ преступленія. Услышавъ мое званіе, старуха торопливо принялась отворять калитку; наконецъ, заскрипѣла тяжелая сосновая дверь, и въ образовавшееся отверстіе высунулось сморщенное и желтое, какъ лимонъ, лицо старухи, съ длиннымъ, хищнымъ носомъ и маленькими, тревожно бѣгающими глазками.

— Ну, ужь пріѣхали, такъ дѣлать нечего, входите, неласково проворчала старая вѣдьма, принимаясь отворять ворота, запертыя цѣлою системою дубовыхъ засововъ.

Жалобно застонали тяжелыя ворота на ржавыхъ петляхъ, и мы въѣхали во дворъ заимки, представлявшій чистую, почти квадратную площадку, обнесенную тыномъ, въ углахъ котораго ютилось по собачьей будкѣ, съ привязаннымъ къ ней громаднымъ сибирскимъ волкодавомъ. Посреди двора стояла жилая бревенчатая клѣть, а справа и слѣва симметрично были расположены скотный дворъ съ навѣсомъ и амбаръ съ холодною клѣтью. Нисколько не смущаясь неласковымъ пріемомъ старухи, сойдя съ брички, я прямо пошелъ въ избу, а Ахметъ повелъ тройку подъ навѣсъ скотнаго двора. При входѣ въ избу, меня прежде всего поразило отсутствіе образа, изъ чего я тотчасъ заключилъ, что имѣю дѣло съ сектантами; это открытіе меня, по правдѣ сказать, порядочно смутило, и какое-то недоброе предчувствіе не замедлило шевельнуться во мнѣ. Однакоже, не обнаруживая ни малѣйшимъ признакомъ овладѣвшаго мною волненія, я рѣшительно подошелъ къ угловой скамейкѣ, положилъ предъ собою на столъ бумаги и сѣлъ такъ, чтобы имѣть предъ своими глазами всю избу. Одного бѣглаго взгляда мнѣ было достаточно для того, чтобы безошибочно опредѣлить степень зажиточности обитателей этой избы; обширная и опрятная комната, аккуратно сложенная русская печь съ плитой на шесткѣ, обитыя домашнимъ войлокомъ полати, плотный полъ и гладко выстроганный столъ— все это указывало на то, что хозяева не только живутъ безбѣдно, но и доставляютъ себѣ въ нѣкоторомъ родѣ комфортъ. Слѣдомъ за мной вошла въ избу старуха, беззвучно скользя по полу истоптанными лаптями, подошла къ печкѣ, порылась въ ней и вытащила громадный горшокъ простокваши, отлила нѣкоторую долю въ глиняную мисочку, отрѣзала ломоть хлѣба и, поставивъ все это на столъ, не сказавъ ни слова, такъ же беззшумно юркнула изъ комнаты. Я, конечно, не ожидая приглашенія, принялся за ѣду, такъ какъ тряска въ продолженіе почти восьми часовъ порядочно возбудила мой аппетитъ. Минутъ черезъ пять въ избу вошелъ Ахметъ. Взглянувъ на него, я тотчасъ же замѣтилъ, что у него на душѣ тоже не все спокойно; мои предположенія не замедлили оправдаться: оглянувшись подозрительно по сторонамъ, Ахметъ подошелъ къ столу, за которымъ я сидѣлъ, и, опускаясь на скамью противъ меня, сказалъ мнѣ по-татарски:

— Баринъ, не въ доброе мѣсто мы заѣхали.

— А что такое? по возможности спокойнѣе спросилъ я его, а у самого мурашки забѣгали по кожѣ, такъ какъ я зналъ, что Ахметъ безъ особенной причины не встревожилъ бы меня.

— Да сдается мнѣ, что и наши хозяева попировали въ Лихошѣ: въ сараѣ рыбы-то что навалено—страсть! Да и архалуковъ лихошскихъ на конюшнѣ штукъ пятнадцать виситъ,— ребята, видно, теплые! Не лучше-ль намъ по добру, по здорову, пока время не ушло, убраться отсюда?

— А дождь идетъ? спросилъ я его, начиная сдаваться на его предложеніе.

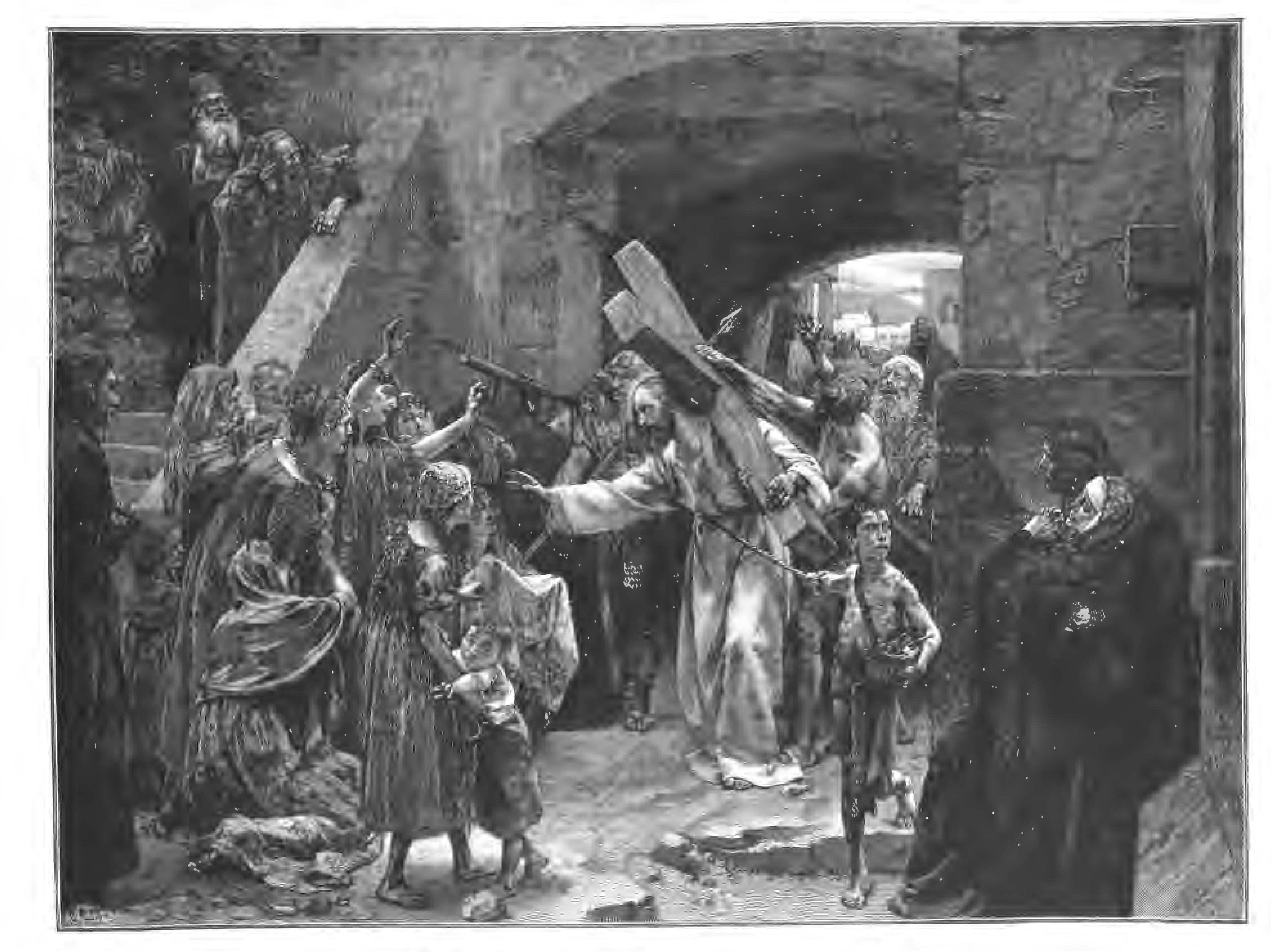
— Маленько стихать началъ. Да лучше ужь помокнемъ, чѣмъ сидѣть-то здѣсь.

— Ну, хорошо, сейчасъ и тронемъ, пусть только покормятся лошади, да и ты самъ позакуси, сказалъ я, придвигая ему миску съ оставшейся простоквашей и хлѣбъ.

Между тѣмъ порядочно стемнѣло, и дождь повидимому прекратился.

— Ну, баринъ, я готовъ; прикажешь подать? Лошадей-то я не кормилъ и не разнуздывалъ, сказалъ Ахметъ, покончивъ съ остатками простокваши.

— Ладно, да кликни заодно старуху, надо разсчитаться.

Крестный путь. Съ карт. Гебгарда Фугеля, грав. Пейне.

Вербное воскресенье. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **Целебровскаго**, грав. Шюблеръ.

— Э, небось, за этимъ сама придетъ, таковская! проговорилъ Ахметъ, переступая порогъ избы.

Но вдругъ онъ остановился какъ вкопаный, вытянувъ шею впередъ и какъ будто бы прислушиваясь къ какому-то шуму: я тоже весь обратился въ слухъ и ясно услышалъ топотъ коней и стукъ колесъ по каменистой дорогѣ. Черезъ нѣсколько секундъ къ воротамъ подкатила во весь духъ телѣга.

— Эй, старуха! закричалъ громкій мужской голосъ, — отворяй скорѣй!

— Сейчасъ, сейчасъ, родимые, проскрипѣла старуха, выскользнувъ изъ сѣней, гдѣ она сидѣла все время, вѣроятно въ надеждѣ подслушать нашъ разговоръ.

Я моментально очутился у окна, Ахметъ сталъ за мной. Снова заскрипѣли ворота, и на дворъ, побрякивая наборной сбруей, въѣхала телѣга, запряженная тройкой сытыхъ коней.

— Ну, старуха, радуйся: добра на цѣлую зиму напасено; будутъ вдругорядь жалиться, лѣшіе! сказалъ высокій мужикъ, спрыгивая съ передка телѣги.

— Тише ты, тише! испуганнымъ голосомъ прервала его старуха.—Въ избѣ чужіе!

— А, вотъ оно что! Кого Богъ принесъ? спросилъ мужикъ, разомъ понижая голосъ.

Старуха что-то сказала ему шепотомъ.

— Ну, что-жь, дѣтки, пойдемъ, поклонимся его благородію, произнесъ тотъ же голосъ.—А ты, Трофимушко, убери-ка лошадокъ; замучались, сердечныя.

И вся компанія направилась къ избѣ.

Я тотчасъ же занялъ свое прежнее положеніе въ углу; Ахметъ помѣстился рядомъ со мною, спиной къ окну.

— Старая, огня! командовалъ все тотъ же голосъ, принадлежавшій, какъ видно, главѣ семейства.

Старуха моментально явилась съ сальною свѣчкою въ рукахъ, и слѣдомъ за ней въ избу ввалилась вся пріѣхавшая компанія. Первымъ вошедшимъ въ избу былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, футовъ шести ростомъ, широкоплечій, очень бодрый на видъ, но совершенно сѣдой; густая, окладистая борода обрамляла его выразительное и энергичное лицо, спаленное солнечнымъ зноемъ. За нимъ вошли въ избу три парня, великаны всѣ на подборъ и замѣчательно похожіе другъ на друга, повидимому его сыновья.

— Вашему благородію всякаго благополучія желаемъ, почтительно произнесъ старикъ, кланяясь мнѣ поясным поклономъ; сыновья послѣдовали его примѣру.

— Здравствуй, здравствуй, добрый человѣкъ; не обезсудь, что пріѣхали незваными гостями, отвѣтилъ я на его привѣтствіе.

— Помилуй, баринъ! Нешто можно такъ говорить? Мы завсегда рады хорошимъ гостямъ. Эхъ, старая вѣдьма, что плохо угощала гостей?! Плети давно не нюхала?! Тащи скорѣй щи да пельмени! грозно прикрикнулъ онъ на старуху, которая мигомъ побѣжала исполнять его приказаніе.

— Спасибо, хозяинъ, мы ужь подкрѣпились; пора и въ путь, сказалъ я, желая поскорѣй избавиться отъ не особенно пріятнаго и надежнаго общества.

— Ну, нѣтъ, шалишь! не солоно хлебавши не отпущу, не таковскій; да и дождь сейчасъ снова зачнетъ чесать такъ, что и въ кибиткѣ потонешь, категорически заявилъ старикъ.

Пришлось поневолѣ уступить. Старикъ повернулся лицомъ къ востоку, перекрестился по-духоборски двумя перстами и занялъ мѣсто противъ меня; сыновья, перекрестившись точно такъ же, сѣли подлѣ него, такъ что я съ Ахметомъ оказались совершенно отрѣзанными отъ дверей и припертыми къ стѣнѣ. Съ минуту, въ ожиданіи ѣды, длилось тягостное молчаніе; старикъ безпокойно поглядывалъ по сторонамъ, ища предмета для разговора.

Вдругъ дверь отворилась, и въ избу вошелъ человѣкъ небольшаго роста, очень коренастый, съ головой, обвязанной грязнымъ платкомъ, густою, курчавою рыжею бородой и маленькими свирѣпыми глазками.

— А, Трофимушко, привѣтствовалъ его старикъ, спѣшившій прервать молчаніе,—садись тутотка, да подкрѣпись.

Вновь прибывшій, никому не поклонившись, молча подошелъ къ отдаленному краю стола и опустился на скамью. Взглянувъ на него внимательнѣе, я тотчасъ вспомнилъ, что гдѣ-то, не особенно давно, видѣлъ эту характерную физіономію. Перебирая мысленно всѣхъ людей, съ которыми я встрѣчался послѣднее время, я наконецъ остановился на одномъ отчаянномъ разбойникѣ, пользовавшемся ужасною репутаціей и извѣстномъ всей Сибири подъ именами Трошки-Рыжака или Трошки-Безпалаго, недавно бѣжавшемъ изъ енисейскаго острога. Чѣмъ долѣе смотрѣлъ я на него, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ тождественности находящагося передо мной субъекта и извѣстнаго разбойника; оставалось только повѣрить, дѣйствительно-ли у него недоставало двухъ пальцевъ на правой рукѣ.

Между тѣмъ старуха принесла щи, и вся компанія принялась ужинать. Взглянувъ на Ахмета, я замѣтилъ, что онъ тоже что-то подозрительно поглядываетъ на рыжаго парня, котораго онъ могъ узнать, часто посѣщая енисейскій острогъ и проходя мимо арестантовъ, совершавшихъ свои ежедневныя прогулки по тюремному двору. Рыжій парень, повидимому, былъ очень недоволенъ нашимъ вниманіемъ къ его наружности: онъ безпокойно вертѣлся на скамьѣ, бѣгалъ глазами по сторонамъ и всѣми силами старался избѣжать нашихъ взглядовъ.

Послѣ щей появились пельмени и тоже подверглись уничтоженію. Интересовавшій меня и Ахмета субъектъ дѣйствительно бралъ пельмени на ложку не правой, а лѣвой рукой, что окончательно убѣдило меня въ справедливости моего подозрѣнія. Не знаю, долго-ли продолжалось бы это неопредѣленное положеніе, если бы одинъ пустяшный случай не выяснилъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Нарочно или нечаянно, но Ахметъ, накладывая себѣ на тарелку пельмени, толкнулъ мисочку рыжаго парня, которую тотъ несъ къ себѣ, конечно, лѣвой рукой, такъ сильно, что она чуть-чуть было не упала на полъ; рыжій парень инстинктивнымъ движеніемъ выдернулъ изъ-подъ стола правую руку, чтобы поддержать мисочку, но тотчасъ же спохватившись спряталъ обратно, хотя это было уже поздно: всѣ ясно увидѣли его искалѣченную руку, на которой не хватало двухъ пальцевъ. Увидѣвъ наши широко раскрытые глаза и сознавъ свою непоправимую ошибку, онъ пришелъ въ такую дикую ярость, что на него было страшно смотрѣть: съ пѣною у рта, съ глазами налитыми кровью, вскочилъ онъ изъ-за стола и, засучивъ до локтей свои жилистыя руки, на которыхъ повыше кистей виднѣлись багровые слѣды кандаловъ, мигомъ выхватилъ изъ-за пояса широкій мясницкій ножъ и съ крикомъ: „я те ужо задамъ, проклятая татарская образина!“ готовъ былъ ринуться на Ахмета... Но тутъ случилось что-то необычайное. Ахметъ не дремалъ: быстрымъ и энергичнымъ движеніемъ схватилъ онъ обѣими руками столъ за верхнюю доску, уперся спиною въ стѣну и съ такою силой и быстротой отпихнулъ столъ отъ себя, что всѣ сидѣвшіе противъ насъ наши хозяева съ громкими воплями ярости и боли покатились на полъ. Свѣчка упала и погасла; въ избѣ воцарился мракъ.

— Бѣги скорѣй въ окно, я выпрыгну за тобой! шепнулъ мнѣ Ахметъ.

И дѣйствительно, терять времени было нечего; слышно было, какъ изъ-подъ обломковъ тяжелаго дубоваго стола со стономъ и оханьемъ торопливо выкарабкивались наши гостепріимные хозяева.

Я вскочилъ на скамью, на которой только-что сидѣлъ, вышибъ ударомъ кулака оконную раму и прямо кинулся головой впередъ въ образовавшееся отверстіе... Падать было не высоко и кромѣ того упалъ я на мягкую траву; поэтому я тотчасъ же вскочилъ на ноги и побѣжалъ къ лошадямъ... Но тутъ на меня съ дикимъ ревомъ бросилось какое-то чудовище, я выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ; чудовище съ визгомъ покатилось на землю. Добѣжавъ до лошадей, я мигомъ отвязалъ ихъ отъ столба, поддерживавшаго навѣсъ, вскочилъ на козла и, ударивъ возжами по лошадямъ, направилъ ихъ въ ворота, которыя, по счастливой случайности, оставались отворенными, вѣроятно въ ожиданіи еще какихъ-либо гостей. Вылетѣвъ за ворота, я остановился. Все это было дѣломъ менѣе чѣмъ одной минуты. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что въ избѣ уже замерцалъ огонекъ, а по двору къ воротамъ стремглавъ несется Ахметъ съ ножкой дубоваго стола въ рукахъ; на него съ лаемъ налетѣлъ другой волкодавъ, но, получивъ мѣткій ударъ дубовой палицы, стихъ навѣки.

Покончивъ съ волкодавомъ, Ахметъ ринулся на мой зовъ и, схватившись за край брички, ловко прыгнулъ въ нее. И была пора: изъ сѣней избы высыпали съ крикомъ и бранью наши хозяева съ зажженными лучинами въ рукахъ, вооруженные топорами и кольями.

Ахметъ ударилъ по лошадямъ; отдохнувшія лошади бодро рванули бричку и вынесли насъ за ворота. Судя по росту, одинъ изъ сыновей хозяина успѣлъ догнать бричку и ухватиться за рессору; я выстрѣлилъ, и онъ съ воплемъ покатился на землю. Не знаю, кони-ли сами повернули, или Ахметъ второпяхъ смѣшался, но мы поскакали не по старой дорогѣ, по которой пріѣхали, а по ея продолженію въ глубь лѣса, въ чемъ насъ скоро убѣдила луна, величественно всплывшая надъ прояснившимся горизонтомъ. Кони мчали насъ по узенькой лѣсной дорожкѣ; бричка прыгала по корнямъ лѣсныхъ исполиновъ, дребезжала и скрипѣла, обѣщая каждую минуту разсыпаться и оставить насъ на землѣ. Эта бѣшеная скачка продолжалась должно-быть часа два, потому что луна уже стала понемногу блѣднѣть и въ лѣсу распространился таинственный полусвѣтъ, предвѣстникъ утра, когда мы во весь духъ вылетѣли на опушку. Но тутъ, вообразите наше отчаяніе; дорога упиралась прямо въ рѣку! Доскакавъ до самой воды, измученныя лошади остановились, дрожа всѣмъ тѣломъ; я и Ахметъ, не теряя ни секунды, разомъ выскочили изъ брички, ища укрытія отъ взоровъ разбойниковъ, которые, какъ мы въ томъ и не сомнѣвались, гнались по нашимъ слѣдамъ. Обѣгая глазами окрестность, я остановился на высокомъ гранитномъ утесѣ, одиноко стоящемъ на самомъ берегу

рѣки, шагахъ въ полутораста отъ насъ *). Большой столѣтній кедръ, вырванный бурей, тяжело прислонилъ свою старую голову на край утеса, представляя собою естественную лѣстницу на недоступную скалу. Сообразивъ всѣ выгоды этой позиціи, я показалъ на нее Ахмету и немедленно бросился къ ней, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе: влѣзть на нее и хоть на время избавиться отъ преслѣдованія страшныхъ враговъ. Ахметъ побѣжалъ за мной. Я уже добѣжалъ до подошвы импровизированной лѣстницы, какъ вдругъ какой-то всадникъ вихремъ вылетѣлъ изъ лѣсу, остановился какъ вкопаный увидя нашу пустую бричку, обѣжалъ глазами берегъ рѣки и, замѣтивъ насъ у скалы, ринулся къ намъ.

— Полѣзай скорѣй, баринъ! Я и одинъ управлюсь! крикнулъ мнѣ Ахметъ, поднимая съ земли тяжелый сосновый сукъ, отломанный бурей.

Повинуясь постыдному инстинкту самосохраненія, я безотчетно послѣдовалъ его совѣту и полѣзъ съ ловкостью и проворствомъ обезьяны по наклонному стволу кедра. Пройдя не болѣе двухъ саженъ по этому опасному и головокружительному пути, я остановился и оглянулся назадъ, побуждаемый дружбой къ Ахмету и отчасти любопытствомъ.

Вотъ что представилось моимъ глазамъ: не доскакавъ шаговъ десяти до Ахмета, всадникъ—это былъ старикъ—скорѣе свалился, чѣмъ спрыгнулъ съ коня, выхватилъ изъ-за пояса топоръ и бросился на Ахмета; но Ахметъ ждалъ его: ловкимъ и сильнымъ взмахомъ своей неуклюжей орясины онъ такъ ловко ударилъ старика по правой рукѣ, что топоръ звеня полетѣлъ на каменистую почву и лишилъ его послѣдняго оружія. Не успѣлъ Ахметъ снова взмахнуть своей дубиной, чтобы поразить своего врага, какъ тотъ уже обхватилъ его своими могучими лапами. Видя безполезность своего оружія, Ахметъ бросилъ его и сжалъ въ свою очередь старика въ своихъ ужасныхъ объятіяхъ. Старикъ должно-быть слылъ силачемъ во всей округѣ и, увѣренный въ своей силѣ, не ожидалъ встрѣтить въ Ахметѣ такого опаснаго соперника, потому что онъ позволилъ ему обхватить себя снизу, что разомъ дало Ахмету перевѣсъ надъ противникомъ. Сознавъ свою ошибку, старикъ сдавилъ Ахмета своими могучими руками и старался подмять его подъ себя, пользуясь своимъ высокимъ ростомъ; но Ахметъ твердо стоялъ на мѣстѣ, какъ бы окаменѣвъ, и только надутыя на лбу и на вискахъ жилы свидѣтельствовали о той громадной физической работѣ, которая происходила въ немъ.

Старикъ былъ ужасенъ; его смѣлое, энергичное лицо выражало теперь только одно бѣшенство, глаза налились кровью, жилы надулись какъ канаты и посинѣли, сѣдые, растрепанные волосы, смоченные потомъ, свѣсились на лобъ безобразными космами; выкрикивая сиплымъ голосомъ ужасныя ругательства, онъ бѣшено рвалъ Ахмета, силясь вывести его изъ его оцѣпенѣлой позы, но ничто не помогало. Наконецъ, воспользовавшись неловкимъ движеніемъ старика, Ахметъ быстро переставилъ правую ногу за него и сильно толкнулъ его всѣмъ тѣломъ назадъ...

Измученный непосильной борьбой съ молодымъ и сильнымъ противникомъ, старикъ не выдержалъ послѣдняго натиска и грузно, всѣмъ своимъ исполинскимъ тѣломъ повалился на землю, ударившись при паденіи затылкомъ объ острый обломокъ гранита, которыми была усѣяна почва. Густая струя черной крови хлынула изъ раны, и онъ съ глухимъ стономъ выпустилъ Ахмета изъ ослабѣвшихъ рукъ. Ахметъ съ быстротой молніи вскочилъ на ноги, схватилъ валявшійся на землѣ топоръ и съ этимъ трофеемъ въ рукахъ бросился по моимъ слѣдамъ. Я поспѣшилъ кончить свое восхожденіе по опасной лѣстницѣ, готовой каждую минуту соскользнуть съ угла утеса подъ тяжестью двухъ человѣкъ, и очутился на гладкой, поросшей мхомъ и верескомъ, площадкѣ величиною около десяти квадратныхъ саженъ. Едва успѣлъ я стать на площадку, какъ изъ лѣсу съ грохотомъ, во весь духъ, вылетѣла телѣга, биткомъ набитая нашими недавними хозяевами. Остановивъ на всемъ скаку телѣгу возлѣ нашей брички, они соскочили съ нея и, замѣтивъ мою фигуру на вершинѣ утеса, съ угрозами и криками ярости, размахивая топорами, побѣжали по направленію къ кедру, по которому еще лѣзъ Ахметъ. Но тутъ имъ внезапно бросилось въ глаза безжизненное тѣло старика, плавающее въ лужѣ темной крови. Съ громкимъ воплемъ горести и злобы бросился старшій изъ сыновей къ отцу, бережно поднялъ его и понесъ при помощи остальныхъ къ телѣгѣ, не переставая посылать намъ страшныя угрозы и проклятія.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Иконостасъ православной церкви въ Ниццѣ.

(Рис. на стр. 281).

Православная, во имя Св. Николая Чудотворца и Царицы Александры, однопрестольная церковь въ городѣ Ниццѣ (на югѣ Франціи) построена по почину покойной императрицы Александры Ѳеодоровны и на доброхотныя даянія русскихъ; освящена въ 1860 году.

Она состоитъ изъ двухъ этажей: въ верхнемъ церковь, а въ нижнемъ—помѣщается ризница и библіотека, комната для канцелярскихъ занятій и церковный архивъ. Планъ церкви, по порученію императрицы, составленъ дворцовымъ архитекторомъ Кудиновымъ. Въ то время Ницца принадлежала Сардинскому правительству, которое неохотно дозволяло воздвигать у себя иновѣрческіе храмы; поэтому архитекторъ долженъ былъ ограничиться однимъ только куполомъ, не возводя его выше другихъ обыкновенныхъ шести-этажныхъ домовъ.

Всѣхъ, и преимущественно иностранцевъ-туристовъ, посѣщающихъ храмъ, удивляетъ иконостасъ рѣзной работы по дубу, пожертвованный императрицей Александрой Ѳеодоровной; особенно художественно исполнены царскія врата. Рисунокъ иконостаса проектированъ академикомъ Горностаевымъ; исполнителями же были: по части деревянныхъ работъ купецъ Алексѣевъ, а живописи—академикъ Васильевъ. Работа производилась въ С.-Петербургѣ, откуда онъ былъ доставленъ въ двухстахъ частяхъ на фрегатѣ „Олафъ“.

Замѣчателенъ по своей работѣ и драгоцѣнности запрестольный, серебряный вызолоченный, съ изображеніями святыхъ на эмали, крестъ, принесенный въ даръ церкви отъ Войска Донскаго въ память покойнаго цесаревича.

Передъ мѣстными иконами массивные и вмѣстѣ съ тѣмъ изящные серебряные подсвѣчники, пожертвованные въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ и государыней императрицей Маріей Александровной также въ память покойнаго цесаревича Николая Александровича.

Въ воскресные и праздничные дни храмъ бываетъ полонъ молящимися.

Утренняя молитва. (Рис. на стр. 284 и 285).

Въ темный храмъ одинъ прокрался
Лучъ полдневный, озаря
Два-три бѣлыхъ покрывала
Изъ толпы у алтаря.

Тихо! точно какъ на отдыхъ
Собрались въ прохладный храмъ—
Эти ангелы подъ своды,
Эти люди къ алтарямъ...

(А. Майковъ).

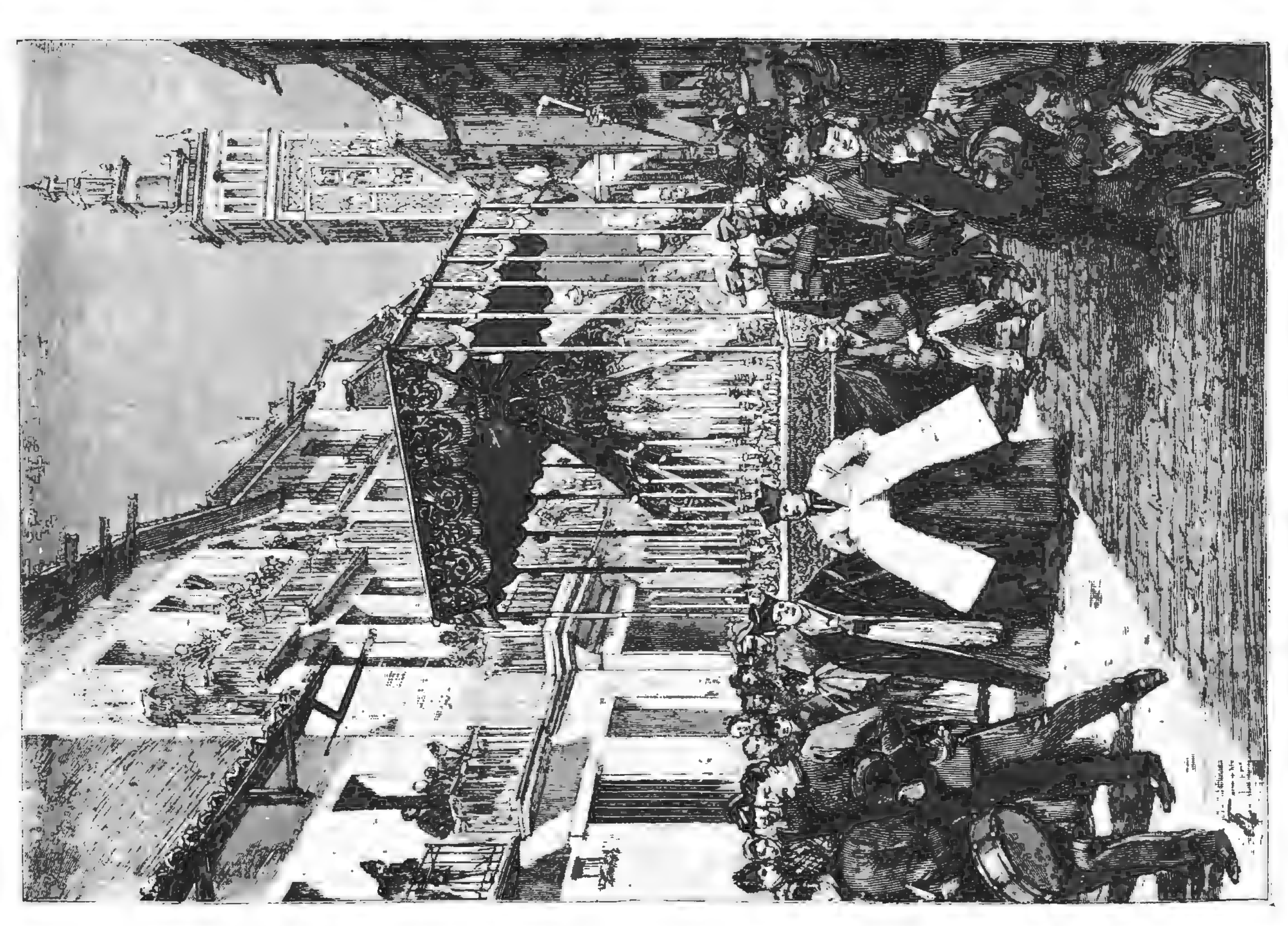
Моленіе о Чашѣ. (Рис. на стр. 289).

Предъ нами великолѣпная картина—моленіе нашего Божественнаго Искупителя въ саду Геѳсиманскомъ о Чашѣ. Нужно-ли говорить, какія мучительныя минуты переживалъ Сынъ Божій въ Геѳсиманіи, зная, что чрезъ нѣсколько часовъ Онъ будетъ преданъ поруганію и затѣмъ крестной смерти? Все Его лицо на рисункѣ дышитъ божественною скорбью о неблагодарныхъ сынахъ іудейскихъ, для которыхъ Онъ столь много сдѣлалъ добра. Молитва Сына Божія къ Его Божественному Отцу была настолько велика, что потъ съ Его лица капалъ на камень, на который Онъ облокотился, въ видѣ капель крови. Про это моленіе Евангелисты повѣствуютъ такъ: *„Самъ отошелъ отъ нихъ на верженіе камня, и преклонивъ колѣна, молился, говоря: „„Отче! О, если бы Ты благоволилъ пронесть Чашу сію мимо Меня! Впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ““. И, находясь въ бореніи, прилежнѣе молился; и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю“* (Луки XXII, 41—44). Послѣ всего Спаситель добавилъ: *„Отче Мой! если не можетъ Чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя“* (Матѳ. XXVI, 42).

И горячая молитва Сына Божія, принесенная съ безконечнымъ упованіемъ и вѣрою, была услышана... И этотъ вопль измученнаго сердца, эти горячія слезы Величайшаго Праведника не были отвергнуты. Подъ темною сѣнію деревъ, среди слабо пробивающагося луннаго свѣта, явился ангелъ, который подкрѣпилъ Его ослабѣвающія силы и помогъ Ему побѣдно встать послѣ этой горячей молитвы. Лишь кровавые слѣды мучительной борьбы остались на Божественномъ челѣ.

Такія тяжелыя минуты Сынъ Божій переживалъ въ саду Геѳсиманія, находящемся на горѣ Масличной или Елеонской, около небольшаго селенія *Гевъ-Симани*. Садъ этотъ для каждаго христіанина имѣетъ громадное значеніе. Онъ освященъ слезами и страданіями нашего Спасителя. Здѣсь, какъ мы-

*) Такіе утесы сплошь да рядомъ встрѣчаются въ Сибири, въ особенности по берегамъ большихъ, могучихъ рѣкъ, прекрасно гармонируя съ густымъ, непрогладнымъ лѣсомъ, окружающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Происхожденіе ихъ объясняютъ двояко: нѣкоторые говорятъ, что эти утесы представляютъ обломки скалъ, перенесенные изъ гористой мѣстности великимъ потопомъ; другіе полагаютъ, что они мѣстнаго происхожденія, выдвинутые изъ-подъ почвы вулканическими силами; второе предположеніе основательнѣе, потому что подпочву этихъ мѣстностей дѣйствительно составляетъ гранитъ.

Процессія на Страстной недѣлѣ въ Севильѣ. Богоматерь.

Процессія на Страстной недѣлѣ въ Севильѣ. Пророкъ Исаія.

выше сказали, Онъ былъ послѣ Тайной Вечери со Своими учениками и уединившись молился Отцу Небесному. Сюда пришелъ Іуда Искаріотскій въ сопровожденіи стражи и служителей архіерейскихъ и предалъ чрезъ лобзаніе своего Божественнаго Учителя іудеямъ. Здѣсь также Апостолъ Петръ выразилъ свою ревность, отрубивъ ухо архіерейскому рабу. Здѣсь же было предано землѣ Пречистое Тѣло Пресвятой Дѣвы Маріи—Матери нашего Божественнаго Искупителя; въ погребальномъ вертепѣ Ея въ настоящее время устроенъ храмъ. И каждый паломникъ, бывающій въ Іерусалимѣ, считаетъ своею обязанностью побывать въ этомъ саду и поклониться его святынямъ.

А. Зыбинъ.

Несеніе Креста.

(Рис. на стр. 292).

„...Если отпустишь Его, вопила разъяренная толпа предъ преторіей Пилата, — если отпустишь Его, ты не другъ Кесаря!“ Устрашенный этимъ грознымъ для проконсула словомъ, Пилатъ уступилъ требованіямъ народной массы и произнесъ роковыя слова „ibis ad crucem“. Но совѣсть мучила проконсула, и онъ умылъ предъ народомъ руки, какъ бы смывая съ себя кровь Праведника. И вотъ свершилось за многіе вѣка предсказанное пророками. Крестъ былъ взваленъ на измученнаго и поруганнаго Богочеловѣка. Процессія двинулась къ мѣсту казни. Начался тотъ скорбный путь, который никогда не изгладится со страницъ міровой исторіи. Истомленный молитвеннымъ подвигомъ въ саду Гефсиманскомъ, измученный тремя допросами, долгими и томительными сценами въ преторіи, допросомъ Ирода, издѣвательствомъ слугъ архіерейскихъ и римскихъ воиновъ, Божественный Страдалецъ не разъ падалъ подъ тяжестью массивнаго креста. Женщины іудейскія, слѣдовавшія за Христомъ, несшимъ крестъ, слушавшія раньше Его Божественное ученіе, испытавшія на себѣ Его благодѣянія, не могли сдерживать своихъ чувствъ при видѣ Измученнаго Страдальца, били себя въ грудь и оглашали воздухъ воплями и плачемъ... И вотъ Спаситель остановился, обернулся къ нимъ и произнесъ торжественное и грозное предостереженіе: „дщери іерусалимскія, не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ, ибо приходятъ дни, въ которыя скажутъ: блаженны неплодныя и утробы не родившія, и сосцы не питавшіе. Тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ. Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что̀ будетъ?“

Этотъ торжественный моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Также видно съ какимъ злорадствомъ смотрѣли на эту печальную сцену униженія Спасителя фарисеи и книжники іудейскіе.

А. Зыбинъ.

Янъ-Амосъ Коменскій (по поводу 300-й годовщины рожденія).
Съ совр. портрета грав. Шюблеръ.

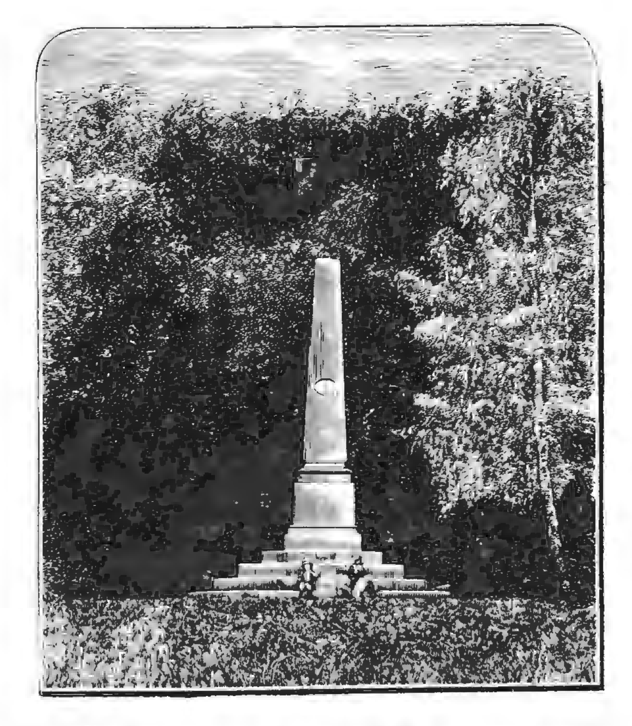
Вербное Воскресеніе.

(Рис. на стр. 293).

На нашемъ рисункѣ изображенъ выходъ изъ церкви богомольцевъ съ вербами и свѣчами въ рукахъ послѣ утрени въ Вербное Воскресеніе. Кому изъ насъ не извѣстенъ этотъ великій праздникъ? Онъ напоминаетъ намъ пріятныя и свѣтлыя минуты нашего дѣтства. Праздникъ этотъ особенно почитаемъ сельскимъ населеніемъ. На лѣвой сторонѣ рисунка видна деревенская церковь. Около паперти стоитъ сборщикъ на построеніе храма.

Домикъ Коменскаго близъ Брандейса. Съ фот. грав. Флюгель.

Памятникъ Коменскому въ Брандейсѣ. Съ фот. грав. Флюгель.

Изъ храма выходятъ крестьяне, и какая радость свѣтится на ихъ лицахъ! Всѣ спѣшатъ домой, въ то же время не забывая подать лепту на построеніе храма и одѣлить тутъ же рядомъ стоящихъ нищихъ.

Праздникъ „Вербное Воскресеніе" называется у насъ еще „*Ваія*", т. е. вѣтви финиковыя или палестинской ивы. Съ этими вѣтвями, по свидѣтельству Евангелистовъ, народъ іудейскій встрѣчалъ Іисуса Христа, когда Онъ, за пять дней до Своей смерти, входилъ въ Іерусалимъ (Іоан. XII, 12—13). Съ какимъ торжествомъ Онъ взошелъ въ Іерусалимъ! Даже дѣти, простирая свои ручонки къ Спасителю, кричали: „Осанна въ вышнихъ!" Можно-ли было думать, что Богочеловѣкъ будетъ поруганъ и распятъ на Крестѣ тѣми людьми, которые такъ восторженно привѣтствовали Его.

Въ воспоминаніе этого торжественнаго событія изъ жизни нашего Спасителя, Святая Церковь издревле назвала шестой воскресный день Четыредесятницы или Великаго поста недѣлею „*Ваій*". Православные христіане имѣютъ обыкновеніе на утрени этого Воскресенія держать въ рукахъ финиковыя вѣтви или, за неимѣніемъ ихъ, вербу. Поэтому-то недѣля „Ваій" у насъ и называется Вербною недѣлею, а воскресенье— Вербнымъ.

А. Зыбинъ.

Страстная недѣля въ Севильѣ.

(Рис. на стр. 296).

Въ Страстную недѣлю во многихъ мѣстахъ Испаніи устраиваются своеобразныя шествія и процессіи. Начало ихъ относится къ глубокой древности и, по преданіямъ, они уже совершались вскорѣ послѣ освобожденія Испаніи отъ мавровъ. Эти шествія обставлены большою торжественностью въ Мурсіи, Кадиксѣ и другихъ городахъ, но нигдѣ они не отличаются такимъ великолѣпіемъ, какъ въ Севильѣ.

Въ прежнія времена для такихъ процессій нанимался добровольцъ, изображавшій Іисуса Христа, и его били и хлестали на улицахъ. Кающіеся, съ закрытымъ лицомъ, но съ обнаженнымъ туловищемъ, слѣдовали за шествіемъ и бичевали себя до крови. Усердіе ихъ иногда было ужасно, и потребовался приказъ короля Карла III, чтобы положить конецъ ихъ религіозному изступленію.

Въ настоящее время зрители, съ большимъ уваженіемъ относясь къ процессіямъ, все же видятъ въ нихъ больше занимательное зрѣлище; оттого онѣ и привлекаютъ множество любопытныхъ. Со среды до пятницы на Страстной недѣлѣ никто не работаетъ. Экипажи и конки перестаютъ двигаться по улицамъ, которыя предоставлены несмѣтнымъ толпамъ зѣвакъ, толкающихся по улицамъ.

Calle de las Sierpes и площадь San-Francisco бываютъ переполнены зрителями, которые размѣщаются довольно удобно на стульяхъ или на особыхъ трибунахъ.

Съ утра въ тѣхъ церквахъ, откуда должны послѣдовать шествія, все уже приготовлено и выставлено для всеобщаго обозрѣнія: свѣчи, кресты, хоругви, знамена, pasos.

На послѣднихъ изображаются различныя событія изъ Священной Исторіи обоихъ Завѣтовъ. Нѣкогда они изображались живыми актерами, а теперь это фигуры, вырѣзанныя очень искусно изъ дерева, чрезвычайно естественно раскрашенныя и одѣтыя въ драгоцѣнные наряды. Удивителенъ при этомъ контрастъ правдивости положенія фигуры и ея выраженія съ необычайной роскошью одѣяній. Окровавленное и измученное тѣло Христа облечено въ длинную одежду изъ краснаго бархата, расшитаго золотомъ. Подъ роскошнымъ балдахиномъ, Mater Dolorosa, съ глазами, покраснѣвшими отъ слезъ, держитъ въ рукахъ платокъ изъ дорогихъ кружевъ; платье ея, украшенное бриллiантами и сафирами, исчезаетъ подъ густымъ золотымъ шитьемъ...

Но наступаетъ полдень. Въ ограды церквей и монастырей понемногу собираются участники церемоній. Прибываютъ римскіе воины въ костюмахъ, какіе приходится видѣть на театральныхъ подмосткахъ. Кающіеся приходятъ отдѣльно. Дожидаясь начала процессіи, они разбиваются на группы и непринужденно болтаютъ. Наконецъ, носильщики приготовились занять свои мѣста подъ paso. Ихъ бываетъ иногда до 20, чтобы нести каждое изъ нихъ. Скрытые драпировкой, они неторопливо идутъ, управляемые проводникомъ, который отдаетъ свои приказанія громкимъ крикомъ и постукиваніемъ молотка.

Вдругъ раздаются крики и рукоплесканія. Церковныя ворота отворяются. Музыканты, также разодѣтые въ особый нарядъ, играютъ маршъ. Pasos выносятся изъ церкви и процессія медленно движется по улицамъ. Кающіеся, въ высокихъ колпакахъ, закрывающихъ лицо, тихо шествуютъ, неся въ рукахъ зажженыя свѣчи. Между ними и за ними идутъ римскіе воины, знаменосцы, ликторы. Маленькія дѣвочки, одѣтыя ангелами, держатъ въ рукахъ эмблемы страданій Христовыхъ. Все это окружаетъ paso. На одномъ видна фигура пророка Исаіи. подъ пальмой, на другомъ Богоматерь, La Nuestra Genova del mayor Dolor en su soledad. одна изъ самыхъ почитаемыхъ Мадоннъ въ городѣ.

Такія процессіи расхаживаютъ съ утра до глубокой ночи по городу въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней.

Янъ-Амосъ Коменскій. (Портр. и рис. на стр. 297).

Если прослѣдить исторію Чехіи и Моравіи въ періодъ XVI и XVII вѣковъ, то нельзя не изумиться живучести чехо-моравской славянской народности, съумѣвшей сохранить до нашихъ дней свой языкъ, свою религію и національность, послѣ ряда тяжелыхъ испытаній, залившихъ кровью поля Чехіи, огнемъ уничтожившихъ ея селенія и города. Славяне боролись съ нѣмцами, религіозная свобода — съ гнетомъ іезуитизма, возрожденіе — съ схоластикой. И вторые побѣждали...

Но отдѣльные борцы славянства не падали духомъ: силою оружія или силою слова они работали на пользу родины, и ихъ энергія служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какихъ великихъ результатовъ можетъ добиться собственными усиліями человѣкъ неутомимо трудящійся надъ любимымъ дѣломъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Однимъ изъ этихъ служителей слова былъ знаменитый Янъ-Амосъ Коменскій, трехсотлѣтіе со дня рожденія котораго (16 марта 1592 г.) чествовалось недавно всѣмъ образованнымъ міромъ. Имя геніальнаго чеха навсегда останется авторитетнымъ въ философіи и педагогикѣ, потому что его ученіе проникнуто жизненностью, глубокимъ пониманіемъ человѣческаго духа, а главное — практичностью. Теоріи Амоса Коменскаго осуществлялись съ огромнымъ успѣхомъ во дни его жизни, съ неменьшимъ успѣхомъ примѣняются и теперь. Сущность ученія Коменскаго составляетъ развитіе евангельской заповѣди: „люби ближняго, какъ самого себя", что онъ особенно выразительно передалъ въ своемъ сочиненіи „Лабиринтъ свѣта", гдѣ въ аллегорической формѣ изображены недостатки земной жизни человѣческихъ обществъ, указаны причины многихъ, всюду допускаемыхъ, пороковъ и несправедливостей, а въ концѣ намѣченъ путь къ исправленію всѣхъ этихъ золъ съ помощью прощенія и братской любви. Громадное значеніе въ борьбѣ съ различными неустройствами человѣческой жизни придавалъ Коменскій знанію, т. е. наукѣ и просвѣщенію. Онъ задумалъ и частію, въ отдѣльныхъ монографіяхъ, осуществилъ изданіе обширной энциклопедіи знаній по всѣмъ отраслямъ словесныхъ и натуралистическихъ наукъ. Къ сожалѣнію, планъ этотъ ему не удалось довести до конца, такъ какъ этому помѣшали указанныя выше, неблагопріятныя историческія обстоятельства.

Орудіемъ распространенія знаній является, конечно, школа. Служенію ей Амосъ Коменскій и посвятилъ большую часть своей жизни; лучше сказать, онъ только школой и жилъ. Великій педагогъ заложилъ въ своей „Великой дидактикѣ" тѣ основы воспитанія, на которыхъ зиждется и въ наше время жизнедѣятельность лучшихъ школъ, гдѣ преподаваніе не заключается въ формальномъ лишь выполненіи программъ, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ и живое ознакомленіе учащихся съ дѣйствительностью, а не съ одною только теоріей. Такимъ образомъ Амосъ Коменскій ратовалъ прежде всего за „наглядное обученіе", указывая, что дисциплина ума и его развитіе возможны лишь тогда, когда человѣкъ съ самыхъ первыхъ ступеней своего развитія ясно сознаетъ связь между словомъ и предметомъ, дѣйствіемъ и понятіемъ. Съ особою наглядностью эти свои взгляды высказалъ Коменскій въ сочиненіи своемъ „Отверстыя врата языковъ", гдѣ изложенъ также и образцовый методъ быстраго и легкаго изученія иностранныхъ языковъ. Кромѣ того, „наглядно" изображенъ свѣтъ и въ монографіи „Orbis pictus", т. е. „Картины міра". Учебникъ этотъ, подъ заглавіемъ „Зрѣлище вселенныя", повелѣніемъ императрицы Екатерины II былъ переведенъ на русскій языкъ.

Считая знаніе залогомъ счастливой жизни, Амосъ Коменскій еще болѣе ставилъ ее въ зависимость отъ любви. Безъ любви онъ не называлъ жизнь жизнью, и потому въ основу воспитанія, по его ученію, должна быть поставлена любовь. Этому чувству никто не научитъ ребенка лучше его матери, и „Школѣ материнской" Коменскій отводитъ первое мѣсто; система материнскаго воспитанія подробно разработана этимъ, какъ его называютъ, „Коперникомъ воспитанія" или „славянскимъ Колумбомъ европейской педагогики", въ монографіи цитированнаго уже заглавія. Перу Коменскаго принадлежитъ также масса спеціальныхъ работъ по философіи, богословію и филологіи. Пожаромъ уничтоженъ его сорокалѣтній трудъ— „Словарь чешскаго языка" и многія другія работы. Трудолюбіе, энергія и подъемъ духа Амоса Коменскаго изумительны, особенно если принять во вниманіе его внѣшнюю жизнь.

Она сложилась въ высшей степени неблагопріятно. Рожденный чехомъ, Амосъ Коменскій всегда хотѣлъ и остаться имъ, и потому смѣло вступилъ въ общество Чехо-Моравскихъ Братьевъ, чтобы всѣми силами бороться противъ іезуитсконѣмецкаго гнета. Но побѣда, какъ мы знаемъ, склонилась не на сторону славянства: Чехія была опустошена, къ концу борьбы изъ трехъ милліоновъ жителей осталось лишь 800 тысячъ. Изгнаны были „братья", а въ числѣ ихъ и Коменскій, сдѣлавшійся уже священникомъ. Но его уже и тогда, какъ прославленнаго педагога, съ охотою приняли въ Англіи, Швеціи, Польшѣ, наконецъ въ Голландіи. И вездѣ съ одинаковымъ рвеніемъ онъ служилъ святому дѣлу воспитанія и науки.

не забывая въ то же время о своей далекой, дорогой родинѣ. Избранный во епископы „чешскихъ братьевъ", онъ не перестаетъ утѣшать ихъ своими посланіями, гдѣ учитъ терпѣнію и любви, предрекая рано или поздно возрожденіе славянской народности. Скончался Амосъ Коменскій въ 1672 году въ Голландіи. Въ Чехіи, какъ и въ другихъ государствахъ, онъ основалъ много школъ, преподаваніе въ которыхъ велось по предложенному имъ методу, и успѣхъ обученія въ этихъ заведеніяхъ оправдалъ на практикѣ всѣ теоріи великаго педагога, обезсмертивъ его имя.

А. Яворовскій.

Миссъ Кэтъ Марсденъ. (Портр. и рис. на стр. 300).

Во время прошлой Турецкой кампаніи 18-ти-лѣтняя сестра милосердія англійскаго „Краснаго Креста", миссъ Кэтъ Марсденъ, въ числѣ прочихъ своихъ подругъ, подавала помощь нашимъ раненымъ въ Дунайской арміи. Натолкнувшись впервые на двухъ прокаженныхъ болгаръ, страшно обезображенныхъ проказой, сестра Марсденъ дала обѣтъ посвятить свою жизнь облегченію участи этихъ несчастныхъ. По окончаніи войны, возвратившись подъ родной кровъ, миссъ Марсденъ объявила родителямъ, что желаетъ быть сестрой милосердія въ госпиталѣ для прокаженныхъ, въ одной изъ тѣхъ британскихъ колоній, гдѣ уходъ ея окажется наиболѣе необходимъ. Но родители не позволили ей исполнить ея желанія, и только по смерти отца и матери миссъ Марсденъ приступила къ исполненію на дѣлѣ своего обѣта.

Прежде всего она отправилась въ Сѣверную Африку, гдѣ цѣлые десятки тысячъ туземцевъ заражены проказой. Затѣмъ побывала въ Малой Азіи, гдѣ такъ же, какъ и въ Африкѣ, ознакомилась съ положеніемъ мѣстныхъ прокаженныхъ.

Возвращаясь изъ Малой Азіи въ Константинополь, миссъ Марсденъ услышала случайно отъ одного изъ пассажировъ, ѣхавшихъ съ ней, что въ Якутской области растетъ цѣлебная трава, которою мѣстные инородцы излѣчиваютъ проказу. Миссъ Марсденъ рѣшается отправиться въ Сибирь, чтобы отыскать эту траву. Энергичная англичанка, не привыкшая отдѣлять слова отъ дѣла, въ ноябрѣ 1890 года прибыла въ Петербургъ, гдѣ дважды удостоилась счастья быть принятою Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Императрицей, причемъ Ея Величество снабдила миссъ Марсденъ письмомъ, обезпечивающимъ ей помощь и покровительство въ продолженіе всего ея путешествія по Сибири.

Отъ Петербурга до Вилюйска считается 9448 верстъ, которыя миссъ Марсденъ совершила частью въ вагонѣ, частью на пароходѣ, частью на паузкѣ (деревянное судно въ родѣ барки, которое по размѣрамъ и устройству можетъ плыть только по теченію и служитъ въ Сибири для доставки грузовъ), послѣднія *3000 верстъ* ей пришлось сдѣлать верхомъ, впервые садясь на лошадь по-мужски: иначе сибирскія лошади не давали сѣдлать себя.

Дорогъ по тайгѣ, лѣсами и болотами нѣтъ никакихъ, такъ что только верхомъ-и можно совершать путешествіе—и то лѣтомъ. Нужно было много мужества и храбрости, чтобы совершить такое трудное и сопряженное съ опасностями путешествіе.

Сильный жаръ днемъ, холодъ ночью, миріады комаровъ и насѣкомыхъ ослѣпляютъ вамъ глаза и наполняютъ вамъ ротъ и носъ, сырость отъ болотъ, опасность отъ медвѣдей, пища, состоящая изъ черныхъ сухарей и чая, невозможность умыться или раздѣться въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, зачастую промокши насквозь, ночью никакого пріюта, кромѣ палатки,—все это можетъ дать понятіе о трудностяхъ этого переѣзда.

Несмотря на то, что миссъ Марсденъ посѣтила Якутскую область въ страдную пору, якуты, узнавъ что она ѣдетъ по собственному почину, по своей доброй волѣ помочь ихъ прокаженнымъ, оставляли свои полевыя работы и встрѣчали ее всюду съ восторгомъ, поправляя дороги, прокладывали новыя, строили мосты (стелюги) по болотамъ.

Прокаженныхъ въ Якутской области, по словамъ миссъ Марсденъ, очень много. Такъ, въ одномъ округѣ съ 70-тысячнымъ населеніемъ она нашла 74 больныхъ проказой. Положеніе этихъ несчастныхъ самое жалкое. Ухода за больными никакого; медицинской помощи и быть не можетъ, ибо на весь округъ, равный территоріи Франціи, имѣется одинъ врачъ и одна больница на 8 человѣкъ. Якуты смотрятъ на проказу какъ на болѣзнь заразительную (хотя современная медицина окончательнаго заключенія по этому вопросу пока не даетъ) и поэтому придерживаются по отношенію къ больнымъ проказою системы самой строгой изоляціи. Больныхъ отвозятъ подальше отъ деревень въ глухую чащу лѣса, устраиваютъ имъ отвратительныя юрты, похожія скорѣе на собачьи конуры, нежели на человѣческія жилища. Въ юртахъ помѣщаютъ по нѣсколько человѣкъ, при чемъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, сюда же иногда помѣщаютъ и корову, которая продовольствуетъ всю колонію.

Пищу доставляютъ общины, по опредѣленію коихъ они изолированы. Пища прокаженныхъ состоитъ изъ гнилой рыбы, кислаго молока, хлѣба, по чаще древесной коры. Да и то эти болѣе чѣмъ скромные продукты зачастую доставляются въ ограниченномъ количествѣ. Когда прокаженный умираетъ, онъ остается въ юртѣ вмѣстѣ съ живыми до трехъ дней.

Когда привозятъ гробъ, прокаженные сами должны втащить его въ юрту, положить тѣло умершаго и затѣмъ, втащивъ гробъ на сани, отвозятъ его на нѣсколько аршинъ до могилы.

То ужасное положеніе, въ которомъ находятся прокаженные, описать невозможно; тѣ лишенія, которыя претерпѣваютъ эти несчастные люди, вызываютъ ужасъ и негодованіе. Когда миссъ Марсденъ ничѣмъ не могла помочь имъ, она безсильно опускала руки и плакала вмѣстѣ съ несчастными. Дабы облегчить участь этихъ несчастныхъ, она рѣшилась устроить колонію прокаженныхъ въ Якутской области.

Для осуществленія этого дѣла она на возвратномъ пути изъ Якутска начала сборъ доброхотныхъ пожертвованій, и уже въ Иркутскѣ передала 20 тысячъ рублей высокопреосвященному Веніамину, архіепископу Иркутскому (въ февралѣ нынѣшняго года скончавшемуся). Покойный архипастырь состоялъ членомъ учрежденнаго по иниціативѣ миссъ Марсденъ комитета для вспомоществованія прокаженнымъ, въ составъ коего вошли предсѣдатель генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Горемыкинъ и Иркутскій викарный епископъ, представители мѣстной интелигенціи и великобританская подданная Кэтъ Марсденъ. Таковой же комитетъ сю организованъ, при содѣйствіи мѣстнаго архіерея и вице-губернатора, и въ Якутскѣ.

Въ настоящее время высшее общество Петербурга и Москвы, со всегдашней искренней готовностью отзываться на нужды народа, щедрой рукой шлетъ свои пожертвованія, и успѣхъ этого святаго дѣла вполнѣ обезпеченъ. Но кромѣ Якутской области прокаженные имѣются и въ другихъ губерніяхъ нашего обширнаго отечества: въ Самарской губерніи отыскано 8 человѣкъ; по послѣднимъ слухамъ, 16 человѣкъ найдено въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи; вообще же больныхъ проказой, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, около 1,200 человѣкъ. Щедрыя пожертвованія, поступающія на это доброе дѣло, даютъ право надѣяться, что въ самомъ непродолжительномъ времени дѣло помощи прокаженнымъ будетъ поставлено на раціональную почву. Въ настоящее время въ синодальной типографіи напечатана, въ количествѣ 40,000 экземпляровъ, брошюра *Путешествіе англійской сестры милосердія въ Якутскую область для помощи прокаженнымъ*. Брошюра эта уже поступила въ продажу по 15 коп. за экземпляръ, при чемъ всѣ вырученныя суммы отъ продажи этого изданія имѣютъ быть обращены въ пользу прокаженныхъ Якутской области.

Продолжительное время проведенное въ дорогѣ, невзгоды и ужасы перенесенные миссъ Марсденъ отозвались на ея здоровьѣ; видъ ея страшно утомленный, на ея красивомъ лицѣ отпечатокъ горя и лишеній, которыя она вынесла. Намъ едва удалось уговорить миссъ Марсденъ дать намъ ея фотографію для воспроизведенія въ журналѣ; ей лично это нисколько не нужно, и рѣшилась она позволить воспроизвести ея изображеніе, только ради ея святаго дѣла; мы ей сказали, что увидя ея портретъ и прочтя эти строки, многіе откликнутся. Помѣщаемъ еще рисунокъ, гдѣ миссъ Марсденъ снята со своими неизмѣнными спутниками при экскурсіяхъ ея, предпринимавшихся для разысканія прокаженныхъ: казакомъ Егоромъ и его собакой Жучкой, съ ея бѣлымъ кончикомъ хвоста, служившимъ маякомъ при ночныхъ переѣздахъ. Собака всегда бѣжала впереди и бѣлый кончикъ ея хвоста мелькалъ въ темнотѣ; если-же вдругъ онъ моментально исчезалъ, то это означало, что впереди яма, и приходилось дѣлать объѣздъ.

Теперь миссъ Марсденъ занята сборомъ пожертвованій въ первопрестольной столицѣ.

Весной миссъ Марсденъ намѣрена ѣхать въ Якутскъ для устройства колоніи прокаженныхъ, если ей позволитъ здоровье, такъ какъ оно сильно у ней надорвано тѣми лишеніями, которыя ей пришлось перенести, и тѣми ужасными нравственными потрясеніями, которыя она переживала при посѣщеніи несчастныхъ прокаженныхъ. Трава цѣлебная ею найдена, но, къ сожалѣнію, она только облегчаетъ страданія больныхъ проказой, а не излѣчиваетъ. Трава эта послана ею въ Индію, гдѣ прокаженныхъ насчитываются милліоны.

Изъ Россіи миссъ Марсденъ ѣдетъ въ Америку, гдѣ будетъ читать о проказѣ и прокаженныхъ рядъ лекцій, сборъ съ которыхъ предназначенъ ею въ пользу этихъ отверженныхъ-несчастныхъ.

Родилась миссъ Марсденъ въ 1859 году, 13 мая, въ окрестностяхъ Лондона; отецъ ея былъ адвокатомъ въ Лондонѣ, гдѣ дочь его и получила образованіе. Миссъ Марсденъ очень высокаго роста, стройная дѣвушка, съ красивымъ, но видимо утомленнымъ лицомъ, шатенка, съ карими глазами въ коихъ видна мысль и энергія. Кромѣ англійскаго языка прекрасно владѣетъ французскимъ и немного понимаетъ по-русски, а ея неизмѣнный спутникъ по Якутской губерніи, Егоръ-казакъ якутъ, выучилъ ее нѣсколько словъ по-якутски и по-русски.

А. Хвостовъ.

М. И. Семевскій.

(Портр. на стр. 301).

Не часто можно встрѣтить человѣка съ такою разностороннею дѣятельностью, какую проявлялъ покойный Михаилъ Ивановичъ Семевскій. И—надо отдать ему справедливость—за что бы онъ ни брался, онъ всегда велъ дѣло съ рѣдкимъ рвеніемъ и необыкновенною горячностью.

Прослуживъ въ военной службѣ, по окончаніи курса въ кадетскихъ корпусахъ Полоцкомъ и Константиновскомъ (называвшемся прежде Дворянскимъ полкомъ, а потомъ 2-мъ военнымъ училищемъ), всего около 6½ лѣтъ—съ 11 іюня 1855 по 1861 г., онъ въ этотъ кратковременный періодъ дважды исполнялъ экстренныя порученія, будучи назначенъ въ составъ войскъ, охранявшихъ прибрежья С.-Петербургской и Выборгской губерніи во время предпослѣдней Восточной войны (съ 30 іюня по 9 октября 1855 г.), а также собранныхъ въ Москвѣ по случаю Св. Коронованія въ Бозѣ почившихъ императора и императрицы (съ 6 іюля по 30 сентября 1856 г.).

Выйдя послѣ того въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ съ чиномъ подпоручика л.-гв. Павловскаго полка, Семевскій черезъ 2½ года снова поступилъ на службу, но на этотъ разъ по гражданскому вѣдомству, а именно въ Государственную Канцелярію, гдѣ и пробылъ безъ малаго 18½ лѣтъ — съ 10 января 1864 по 17 іюня 1882 г. Тутъ онъ прошелъ послѣдовательно должности младшаго и старшаго помощника экспедитора, затѣмъ экспедитора (съ 17 октября 1866 г.), потомъ дѣлопроизводителя (съ 31 декабря 1869 г.), наконецъ, помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта (съ 1 января 1878 г.), спеціально занимаясь въ теченіе этого періода въ отдѣленіяхъ „Государственной Экономіи“ и „объ устройствѣ сельскаго состоянія“ (съ 17 октября 1866 г.), гдѣ временно онъ даже управлялъ дѣлами Главнаго Комитета (съ 25 августа 1880 г.), и получая за особые труды и отлично-усердную службу денежныя награды, ордена и чины—отъ коллежскаго секретаря до тайнаго совѣтника.

Особенно была полезна дѣятельность Семевскаго по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ, за что онъ имѣлъ даже особые знаки отличія (1869), по участію въ трудахъ Высочайше учрежденной Коммиссіи объ устройствѣ въ имперіи архивовъ, куда онъ былъ командированъ отъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго; затѣмъ, по отправленію должности почетнаго попечителя Великолуцкаго реальнаго училища въ соединеніи съ членствомъ въ попечительномъ совѣтѣ Великолуцкой, а потомъ Торжецкой женской прогимназіи (съ 1878—79), что доставило ему даже званіе почетнаго гражданина города Великихъ Лукъ (1884) и, наконецъ, почетнаго мироваго судьи Великолуцкаго уѣзда въ теченіе почти 9-ти трехлѣтій. Главныя же его заслуги передъ государствомъ и обществомъ оказаны имъ не въ его служебной карьерѣ, а въ качествѣ литературнаго и городскаго общественнаго дѣятеля.

Еще съ молодыхъ лѣтъ, Семевскій, слушавшій въ Москвѣ лекціи проф. Буслаева, Бѣляева, Соловьева, сталъ проявлять наклонность къ научнымъ занятіямъ, почему еще съ 1862 г., когда ему едва минуло 25 лѣтъ (онъ род. въ Полоцкой губ. 4 января 1837 г.), разные комитеты и общества стали послѣдовательно избирать его въ свои члены.

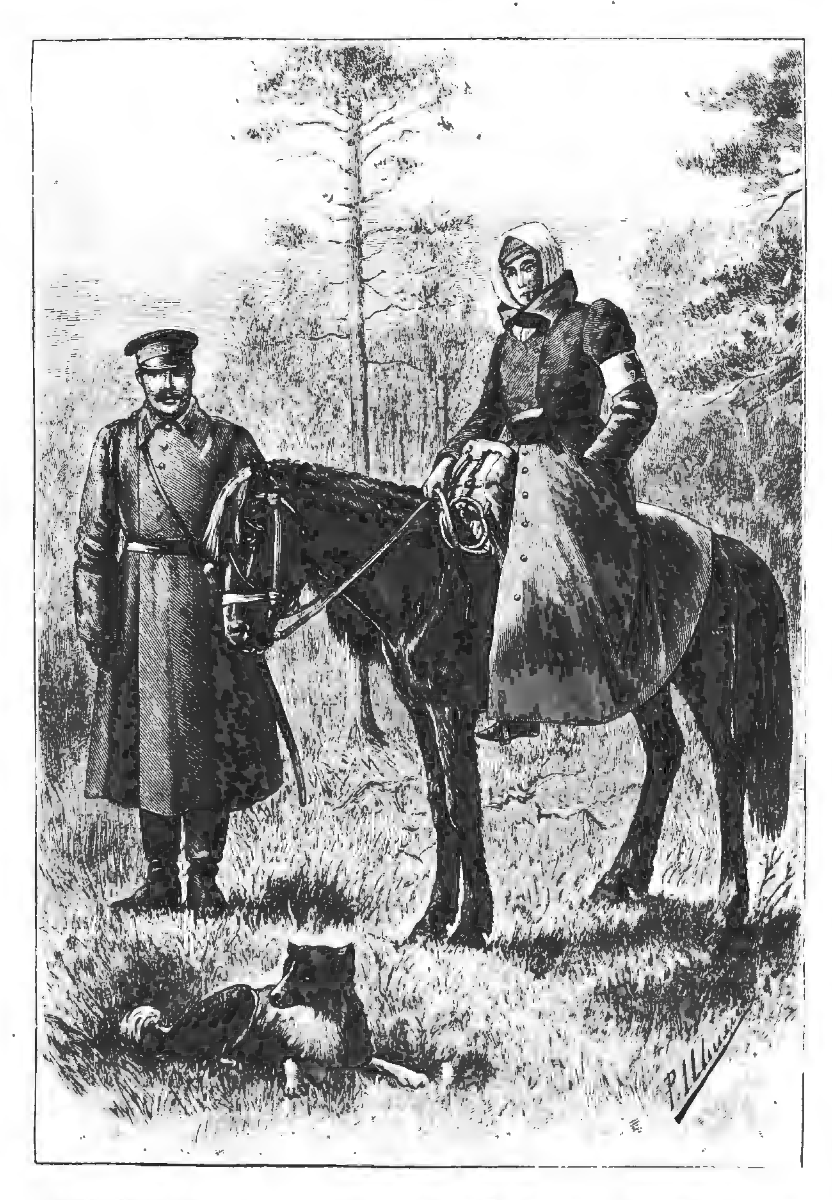
Въ то же время, будучи однимъ изъ старѣйшихъ гласныхъ С.-Петербургской Городской Думы, Семевскій состоялъ два года помощникомъ городскаго головы (1883–85) и вообще всегда горячо отстаивалъ интересы населенія, шла-ли рѣчь о богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ—больницахъ, народныхъ училищахъ—или о какихъ-либо городскихъ предпріятіяхъ—водопроводахъ, освѣщеніи улицъ и проч.

Кромѣ того, покойный Семевскій принималъ непосредственное участіе въ занятіяхъ разныхъ спеціальныхъ коммиссій.

Если обратимся къ литературной дѣятельности покойнаго, то тутъ на первомъ планѣ должно быть, безъ сомнѣнія, поставлено созданное имъ обширное историческое изданіе *Русская Старина*, существующее уже свыше 22-хъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ онъ представлялъ собою типъ настоящаго редактора, тщательно и умѣло собирая матеріалъ для своего періодическаго сборника, дѣятельно отыскивая себѣ новыхъ, надежныхъ сотрудниковъ, не желая довольствоваться только тѣмъ, что могло случайно попасть ему въ руки. Оттого журналъ его былъ всегда интересенъ и нѣкоторые годы расходился въ двухъ-трехъ изданіяхъ, по нѣскольку тысячъ экземпляровъ каждое.

Миссъ Кэтъ Марсденъ, сестра милосердія.
Съ фот. Шульца, грав. Шюблеръ.

Миссъ Кэтъ Марсденъ, съ Егоромъ и Жучкой, въ лѣсахъ Якутской области.
По фот. рис. Р. Штейнъ, грав. Шюблеръ.

Заботясь о разнообразіи и современности содержанія своего сборника, не смотря на историческій характеръ его статей, Семевскій въ то же время прилагалъ всѣ старанія, чтобы главнѣйшіе материалы были иллюстрированы наилучшимъ образомъ, для чего постоянно помѣщалъ при своемъ журналѣ портреты историческихъ личностей и другіе рисунки въ исполненіи лучшихъ граверовъ. Вообще, это былъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу, и безъ справокъ съ этимъ изданіемъ просто немыслимъ теперь ни одинъ историческій трудъ.

Сверхъ того, Михаиломъ Ивановичемъ были изданы очень старательно составленныя систематическія росписи *Русской Старины* за первыя 20 лѣтъ ея существованія, альбомы автографовъ разныхъ лицъ, съ біографическими данными о нихъ, пять собраній портретовъ русскихъ дѣятелей, въ гравюрахъ на мѣди и на деревѣ, и, въ послѣднее время, начатъ изданіемъ „Архивъ князя Ѳ. А. Куракина“.

Помимо редакторства, покойный Семевскій и самъ занимался историческими разысканіями, въ родѣ особыхъ изданій: „Слово и дѣло“, изъ эпохи Петра Великаго, „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ“, „Царица Прасковья“ и проч.

Едва оправившись отъ инфлуэнцы, бывшей у него въ минувшемъ февралѣ, Семевскій поѣхалъ 6 марта въ Кронштадтъ, читать въ Морскомъ собраніи лекцію „О Петрѣ Великомъ“, но еще во время перерыва почувствовалъ себя дурно, а 9-го числа его уже не стало—неожиданная смерть послѣдовала отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

11 марта прахъ покойнаго былъ привезенъ по Балтійской ж. д. въ Петербургъ, а на слѣдующій день преданъ землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Н. С.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій († 9 марта 1892 г.)
Съ фот. Бош, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Парижъ находится въ угнетенномъ состояніи, вслѣдствіе многочисленныхъ взрывовъ, учиняемыхъ анархистами. Вслѣдъ за взрывами въ казармахъ Лобо, на бульварѣ Сенъ-Жерменъ, и другими, 15 марта совершенъ ужасный взрывъ на улицѣ Клиши, въ домѣ № 39, гдѣ живетъ генеральный адвокатъ Бюло, производившій слѣдствіе по дѣлу анархистовъ. У дома обвалилась стѣна, обрушились лѣстницы и перебиты окна. Точное число раненыхъ неизвѣстно; къ счастію, убитыхъ нѣтъ. Взрывъ этотъ произвелъ въ городѣ впечатлѣніе ужаса. Поврежденный динамитомъ домъ имѣлъ болѣе четырехъ капитальныхъ стѣнъ. Отъ взрыва разлетѣлись вдребезги оконныя стекла и ставни сосѣднихъ домовъ. Виновникъ этого злодѣянія скрылся. Проходившій мимо въ минуту взрыва молодой человѣкъ видѣлъ какого-то брюнета, поспѣшно выбѣжавшаго изъ дома. Полагаютъ, что главнымъ виновникомъ этихъ взрывовъ является отчаянный анархистъ, по имени Равашоль или Кенигштейнъ. Незаконный сынъ пруссака, онъ родился въ Сентъ-Шамонѣ и успѣлъ уже совершить не мало самыхъ гнусныхъ преступленій. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно ускользалъ отъ рукъ правосудія, съ невѣроятною ловкостью мѣняя наружность и жительство. Но событія послѣднихъ дней вызвали всю энергію полиціи, и Равашоль былъ арестованъ. При арестованіи онъ оказалъ отчаянное сопротивленіе. Толпа, узнавъ объ его арестѣ, кричала: „Убить анархиста!“ Когда Равашоля удалось наконецъ доставить въ префектуру, онъ сталъ запираться, утверждая, что онъ вовсе не Равашоль, но, по антропологическому измѣренію, личность его была признана вполнѣ. Держалъ онъ себя цинично. Въ тотъ же день были подписаны декреты о высылкѣ 40 анархистовъ германской, бельгійской, австрійской, швейцарской и итальянской національностей. Имъ приказано выѣхать изъ Франціи въ теченіе сутокъ. Всѣ газеты, не исключая даже *Radical* и *Justice*, единогласно требуютъ энергичныхъ мѣръ противъ анархистовъ. Маньяръ въ *Figaro* предлагаетъ прибѣгнуть къ англійской и американской системѣ, т. е. обѣщать крупную сумму за открытіе преступниковъ. „Вѣдь государство, говоритъ Маньяръ,—выдаетъ же преміи за каждую голову ехидны!“ Въ палатѣ депутатовъ Эмиль Ферри внесъ предложеніе, направленное къ возложенію на государство отвѣтственности за убытки, причиняемые динамитчиками. При этомъ Ферри потребовалъ, чтобы обсужденіе предложенія признано было неотложнымъ. Лубе, сдѣлавъ нѣкоторыя оговорки, замѣтилъ, что вопросъ имѣетъ важное значеніе. Предложеніе о безотложности отвергнуто было большинствомъ 252 голосовъ противъ 244, послѣ чего палата приняла безъ преній и при заявленіи неотложности законопроектъ, устанавливающій смертную казнь за покушенія, производимыя взрывными средствами.

Изъ Шанхая сообщаютъ, какъ китайское правительство расправляется съ бунтовщиками: во время послѣдняго возстанія въ Монголіи 8,000 инсургентовъ обезглавлено и около 500 сожжено заживо.

Увольненіе графа фонъ-Каприви отъ должности министра-президента и отдѣленіе обязанностей имперскаго канцлера отъ всѣхъ другихъ должностей считается многими временною мѣрою и выставляется на видъ трудность, вытекающая изъ параллельныхъ положеній Каприви, Эйленбурга, Беттигера и Микеля, что врядъ-ли можетъ долго продолжаться. При этомъ большая часть политическихъ круговъ въ Германіи горячо признаетъ патріотизмъ и самоотверженіе графа Каприви, которому принадлежитъ мысль о такомъ отдѣленіи.

Преемникъ фонъ-Каприви, графъ Эйленбургъ, объяснилъ въ рейхстагѣ разъединеніе должностей прусскаго министра-президента и имперскаго канцлера также и тѣмъ, что трудъ по исполненію обѣихъ этихъ обязанностей превышаетъ силы одного человѣка. Значитъ, какихъ трудовъ и способностей стоили выполненіе своихъ обязанностей князю Бисмарку, занимавшему обѣ должности непрерывно семнадцать лѣтъ!

Новый министръ-президентъ, графъ Эйленбургъ, началъ свою дѣятельность не вполнѣ счастливо. Его заявленіе въ засѣданіи палаты депутатовъ прусскаго сейма, что въ виду всеобщей оппозиціи законопроекту о народныхъ школахъ правительство отказывается отъ дальнѣйшаго его обсужденія, оставляя за собою право возбудить этотъ вопросъ впослѣдствіи, встрѣчено было смѣхомъ, шиканьемъ и криками правой стороны и центра; либералы, напротивъ, аплодировали.

Какъ бы въ отместку правительству за то, что оно взяло назадъ школьный законопроектъ, 17 марта центръ отклонилъ кредитъ на постройку новаго крейсера. Ожидаютъ дальнѣйшей оппозиціи центра. При этомъ всѣми было замѣчено, что поляки, подъ предводительствомъ Косцѣльскаго, впервые оказались въ несогласіи съ центромъ въ подобныхъ вопросахъ; это истолковывается въ смыслѣ побѣды правительственной политики. Послѣ того, какъ законопроектъ о народныхъ школахъ взятъ обратно вопреки желанію парламентскаго большинства, либералы настойчиво требуютъ распущенія, чтобы выяснить истинное настроеніе народа.

Смѣсь.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, Русское Общество охраненія народнаго здравія устраиваетъ въ С. Петербургѣ, весною 1893 года, *Первую Всероссійскую Гигіеническую Выставку*, состоящую подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича.

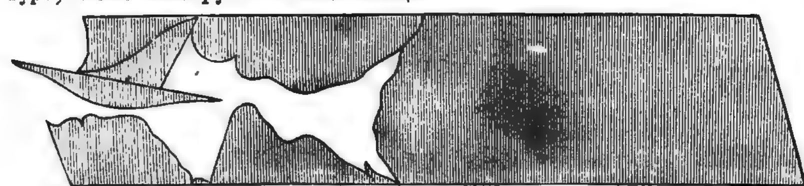
Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, Бюро Выставки приглашаетъ желающихъ принять въ ней участіе обращаться съ заявленіями въ помѣщеніе Бюро (С. Петербургъ, Дмитровскій пер., д. 15) или къ Предсѣдателю Бюро, Д-ру Александру Леонтьевичу Эберману (С. Петербургъ, Загородный просп., д. 24.). Программы Выставки, а равно и печатный бланкъ заявленія для экспонентовъ высылаются безплатно по первому требованію.

Попечительство 5 участка Ряжскаго уѣзда Рязанской губерніи имѣетъ честь довести до свѣдѣнія г.г. жертвователей, что имъ до 1 марта получено пожертвованій: деньгами 795 руб., ржаной муки 343 п., кукурузной 1108 пуд., пшена 464 п., соли, сала,

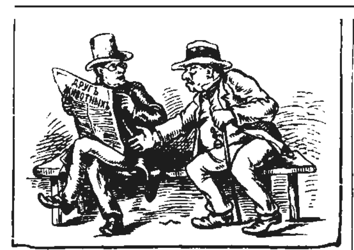
масла и капусты около 45 пудовъ. На эти средства попечительствомъ въ январѣ и февралѣ устроено 39 столовыхъ для 700 женщинъ-кормилицъ и 1180 дѣтей. Съ подробностями г.г. жертвователи могутъ познакомиться изъ отчета, который будетъ напечатанъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ,* или обратившись къ предсѣдателю Попечительства и адресуя письма на Александро-Невскую почтовую станцію Рязанской губерніи, земскому начальнику 5 участка Ряжскаго уѣзда.

Задача № 18.

Составить изъ собранныхъ въ трапецевидную фигуру частей бюстъ (контуръ) извѣстнаго русскаго баснописца.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 2-ой годъ изданія
иллюстрированнаго журнала
сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ
„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ“.
ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА
съ пересылкою, считая съ 1-го
Mt. № 5716 апрѣля, 2—1
1 руб.
(можно и почтовыми марками).

Журналъ этотъ, вслѣдствіе своего богатаго и разнообразнаго содержанія, представляетъ высшій интересъ, не только для любителей спорта, сельскихъ хозяевъ и т. д., но и для всякаго частнаго человѣка, почему и просимъ не упустить случая воспользоваться вновь открытой подпиской.

Чтобы дать возможность убѣдиться въ дѣйствительно полезномъ и разнообразномъ содержаніи журнала, **просимъ требовать пробный нумеръ его**, который немедленно будетъ высланъ **безплатно и франко**.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ РЕВЕЛѢ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Редакторъ-издатель **Е. Ю. БЛОКЪ.**

ЛИМАНЪ и РИКСЪ
Гороховая, 16,
у Краснаго моста.
САМЫЙ БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ
всѣхъ
резиновыхъ товаровъ, хирургическихъ и перевязочныхъ предметовъ.
КОЖАНЫЯ КУРТКИ
ПАЛЬТО и проч.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. Павленкова:**

БАКТЕРІИ

и нхъ роль въ жизни человѣка. Популярно-научные очерки д-ра **Мигула**. Перев. съ нѣм. **А. Карицкаго**, съ 35 рисунками и дополнит. статьей **Н. Книповича**: „О борьбѣ организма съ болѣзнетворными бактеріями“.
Цѣна 1 р. Mt. № 5714

Шорно-сѣдельной фабрики въ Саратовѣ М. и И. Малышевыхъ.

СѢДЛА

Казацкое охотничье № 1, роскошно тисненое, шагренирован. кожи, 20 р.
Тоже № 2—16 р. Наборное 25 и 30 р.
Черкесское черн. 25 и 30 р. Наборн. 40 р.
Киргизск. 30 р., съ переметн. сумами 35 р.
Англійское 20, 25 и 30 р. Тоже мягкое 35 и 40 р.
Венгерское 35 р., съ мундштукомъ вмѣсто узды 40 р.
Дамское замшевое 35 и 40 р., свиной кожи 50 р. Р. № 5718

Всѣ сѣдла высылаются съ уздечками и остальн. полн. приборомъ. Вѣсъ съ упаковкою отъ 30 до 40 ф. Иллюстр. прейсъ-курантъ за двѣ 7 к. марки.

ВЫИГРЫШНЫЕ билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, № 5649
8—4
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что обувь производства его фабрики имѣютъ слѣдующіе торговцы и въ слѣдующихъ городахъ:

Въ г. **Аккерманѣ**, Л. Чобригеръ.
„ „ **Александровскѣ**, Г. Д. Ольховскій.
„ „ „ М. О. Грюнбергъ.
„ „ **Ананьевѣ**, Б. Литвинъ.
„ „ **Архангельскѣ**, М. П. Аренсонъ.
„ „ **Астрахани**, С. Ф. Трембинскій.
„ „ „ И. Г. Степановъ.
„ „ „ И. И. Постниковъ.
„ „ „ Торг. д. „Братья Гантшеръ“.
„ „ **Баку**, Х. Сааковъ, въ пассажѣ.
„ „ **Барнаулѣ**, Е. А. Жернаковъ.
„ „ **Батумѣ**, Х. Попандопуло, набережн.
„ „ **Бердянскѣ**, С. К. Левензонъ, Гостиный дворъ.
„ „ **Благовѣщенскѣ**, И. Я. Чуринъ и К°.
„ „ **Богословскомъ заводѣ**, Прокофій Матвѣевичъ Шадринъ.
„ „ **Борисоглѣбскѣ**, Василій Андреевичъ Черномашенцовъ.
„ „ **Брянскѣ**, К. Т. Бриллiантовъ.
„ „ **Валкѣ** (Лифл. губ.), М. Кронбергъ.
„ „ **Вейсенштейнѣ**, Г. Лейнбергъ.
„ „ **Владивостокѣ**, У. Г. Лангелитье.
„ „ **Владикавказѣ**, Е. С. Зипалова сынов.
„ „ „ Братья И. и В. Богдасаровы.
„ „ „ П. И. Лукьяновъ, на базарѣ.
„ „ „ Д. А. Никитинъ.
„ „ „ Сергѣй Эммануил. Перзіевъ.
„ „ **Воронежѣ**, Д. Н. Поповъ.
„ „ **Воронцовкѣ** (Ставр. губ.), Степанъ Родіоновичъ Корниловъ.
„ „ **Вѣкшнѣ**, И. Рабиновицъ.
„ „ **Гельсингфорсѣ**, Марія Линдросъ, Александровская ул., 11.
„ „ „ Э. Ленбекъ, противъ Эспланады.
„ „ **Георгіевскѣ**, Е. М. Кузьминъ.
„ „ **Грозномъ**, Е. М. Зипалова.
„ „ **Гурьевѣ** (Урал. Обл.), В. В. Ларинъ.
„ „ „ Богданъ Джаніевъ.
„ „ **Дерптѣ**, К. Г. Миллеръ.
„ „ **Динабургѣ**, С. А. Кляцкинъ.
„ „ **Дубовкѣ** (Сарат. губ.), Александръ Христофоровичъ Граубергеръ.
„ „ **Евпаторіи**, И. Базаджіевъ.
„ „ **Ейскѣ**, И. С. Карлашевъ.
„ „ **Екатеринбургѣ**, братья Макаровы.
„ „ **Екатеринодарѣ**, И. Шапошниковъ.
„ „ „ Бр. Шевцовы, Красная ул.
„ „ „ И. В. Котляровъ.
„ „ „ Е. С. Михалевъ.
„ „ **Екатеринославѣ**, Х. Л. Будиловъ.
„ „ „ К. А. Стрѣлянный.
„ „ **Ельцѣ**, И. К. Чистовъ.
„ „ **Житомірѣ**, С.-Петербургскій магазинъ О. А. Эйленбергъ.
„ „ **Жмеринкахъ**, Мандель Мордокъ.
„ „ **Зейской пристани на Амурѣ**, И. А. Опаринъ.
„ „ **Иваново-Вознесенскѣ**, Александръ Венедиктовичъ Щудровъ.
„ „ **Казани**, М. В. Катковъ.
„ „ **Калугѣ**, Яковъ Григ. Кушинниковъ.
„ „ „ В. М. Добровольскій.
„ „ **Каменецъ-Подольскѣ**, І. Гитлеръ.
„ „ **Касимовѣ**, И. О. Петько.
„ „ **Кашинѣ** (Тверск. губ.), Федоръ Федоровичъ Черенинъ.
„ „ **Керчи**, Д. И. Дицманъ, Воронц. ул.
„ „ „ Х. С. Михайловъ.
„ „ „ С. Фильштинеръ.
„ „ „ Я. М. Хачкурузовъ.
„ „ **Кинешмѣ**, М. П. Новикова.
„ „ **Кіевѣ**, А. И. Шабардинъ.
„ „ **Козловѣ**, В. Н. Никифоровъ.
„ „ **Костромѣ**, И. С. Пастуховъ.
„ „ „ А. С. Козинъ.
„ „ **Красноярскѣ**, Николай Герасимовичъ Гадаловъ съ сыновьями.
„ „ **Кременчугѣ**, Я. М. Бабахаджи.
„ „ **Кронштадтѣ**, Я. К. Марковъ.
„ „ **Кузнецкѣ** (Томск. губ.), Леонидъ Никандровичъ Емельяновъ.
„ „ **Курганѣ**, А. В. Хлызовъ.
„ „ **Курскѣ**, магазинъ СПБ. Мех. обуви Московская ул. д. Александрова.
„ „ **Кутаисѣ**, Г. О. Кемуляровъ.
„ „ „ В. Габунія.
„ „ „ И. Б. Габунія.
„ „ **Маргеланѣ**, Д. Н. Захо.
„ „ **Мелитополѣ**, М. С. Сахаровъ.

Въ г. **Мелитополѣ**, А. М. Косой.
„ „ **Митавѣ**, А. Хомзе.
„ „ **Могилевѣ**, О. М. Эберлинъ.
„ „ **Моздокѣ**, Н. Г. Кожевниковъ.
„ „ **Моршанскѣ**, И. М. Сазановъ.
„ „ **Нижнемъ-Новгородѣ**, Митрофанъ Никаноровичъ Смирновъ.
„ „ „ „ А. М. Мокѣевъ.
„ „ **Нижне-Уральскѣ**, Г. С. Стуловъ.
„ „ **Нерчинскѣ**, Ф. И. Рифъ.
„ „ **Новочеркаскѣ**, Е. Д. Титченко, Н. И. Моноцковъ, С. К. Корнѣевъ и Н. Г. Милюковъ.
„ „ **Николаевѣ**, Яковъ Ага, Соборн. ул.
„ „ **Николаевскѣ-на-Амурѣ**, Дикманъ и К°.
„ „ **Оберпаленѣ**, К. Ф. Лейбергъ.
„ „ **Одессѣ**, С. Нейманъ, Ришельев. ул.
„ „ „ К. М. Яковенко, Александр. ул.
„ „ „ „ „ Соборная площ.
„ „ „ З. Филюринъ, Рыбная площадь.
„ „ „ Л. Филюринъ, въ городск. домѣ на стар. базарѣ.
„ „ **Омскѣ**, Козьминъ и Деровъ.
„ „ **Оренбургѣ**, А. И. Мошковъ.
„ „ „ О. Н. Грабовскій.
„ „ **Орлѣ**, Братья А. Я. и В. Щенкины.
„ „ **Павлодарѣ**, Козьминъ и Деровъ.
„ „ **Пензѣ**, М. П. Карташевъ.
„ „ „ А. Н. Семеновъ.
„ „ **Перми**, А. Г. Калашниковъ.
„ „ „ П. Г. Гавриловъ.
„ „ „ Продовольств. отдѣлъ уральской жел. дор.
„ „ **Петровскѣ**, И. И. Николаевъ.
„ „ **Пинегѣ**, Братья Володины.
„ „ **Полтавѣ**, С. Я. Токарева.
„ „ **Поти**, М. Г. Алхазовъ.

Въ г. **Пошехоньѣ**, И. Д. Свѣшниковъ.
„ „ **Прилукахъ** (Полтавск. губ.), И. С. Литвиненко сыновья.
„ „ **Пятигорскѣ**, С. А. Бураковъ.
„ „ **Ревелѣ**, Карлъ Юргенсонъ.
„ „ **Ригѣ**, А. Хомзе и К°.
„ „ **Ростовѣ н/Д.**, И. И. Ильинъ.
„ „ „ Бр. А. и Э. Бахчисарайцевы.
„ „ „ И. М. Троянкинъ.
„ „ **Рыбинскѣ**, И. В. Батыревъ.
„ „ **Рыльскѣ**, И. В. Дураковъ.
„ „ **Рязани**, А. М. Пономаревъ.
„ „ **Самарѣ**, К. Н. Поповъ.
„ „ „ Ю. Б. Христензенъ.
„ „ **Самаркандѣ**, Д. Н. Захо.
„ „ **Саратовѣ**, И. Г. Бестужевъ.
„ „ „ А. П. Болдыревъ.
„ „ „ А. Н. Полозова.
„ „ **Севастополѣ**, П. И. Грязновъ, Нахимовскій просп.
„ „ **Семипалатинскѣ**, Козьминъ и Деровъ.
„ „ **Симферополѣ**, Л. Базаджіевъ, Полиц. ул.
„ „ „ Ѳ. Я. Гусиковъ.
„ „ „ И. М. Балясный.
„ „ **Симбирскѣ**, И. М. Берицъ.
„ „ **Смоленскѣ**, И. А. Гринцевичъ.
„ „ **Скопинѣ**, В. С. Фадѣевъ.
„ „ **Таганрогѣ**, Н. И. Ильинъ.
„ „ „ Тащіевъ и Хаснековъ.
„ „ **Тальсенѣ**, Г. Б. Бергеръ сыновья.
„ „ **Тамбовѣ**, М. А. Афанасьевъ.
„ „ „ П. Н. Гридневъ.
„ „ **Ташкентѣ**, Д. Н. Захо.
„ „ **Тавризѣ**, Багдасаръ Джаніевъ.
„ „ **Твери**, М. П. Жуковъ.
„ „ **Тифлисѣ**, А. С. Гиргидовъ, Дворцовая ул.
„ „ „ С. Г. Алавердовъ.
„ „ „ Н. В. Абовіанцъ, Эриванская площ.
„ „ **Томскѣ**, И. Н. Малыхъ.
„ „ „ И. И. Колосовъ.
„ „ **Торжкѣ**, М. М. Луковникова.
„ „ **Тобольскѣ**, Н. А. Ершовъ.
„ „ **Тулѣ**, Н. Н. Ксенофонтовъ.
„ „ „ Н. И. Щегольковъ.
„ „ „ Торговый домъ „Селезнева сыновья.“
„ „ **Тюмени**, Н. И. Ядрышниковъ.
„ „ **Уфѣ**, А. Е. Злыгостевъ.
„ „ „ В. М. Вавиловъ.
„ „ **Усольѣ**, Н. Н. Тарасовъ.
„ „ **Устюжнѣ**, М. В. Безнина.
„ „ **Харьковѣ**, С. Я. Токарева.
„ „ „ А. М. Корнутенко.
„ „ „ И. И. Прикъ.
„ „ „ А. И. Коровинъ.
„ „ **Херсонѣ**, А. Ходушинъ, Эгизов. ул.
„ „ **Царицынѣ**, Я. В. Губановъ.
„ „ „ П. и В. Климовы.
„ „ **Черниговѣ**, Карлъ Рексъ.
„ „ **Чистополѣ**, Е. Ф. Фроловъ.
„ „ **Шуѣ**, В. Х. Пороковъ.
Въ г. **Эривани**, Хачатуръ Девоянцъ.
„ ст. **Юзово** (Дон. ж. д.), И. С. Бондаревъ.
„ г. **Ялтѣ**, И. Пурицъ, Набережная.
„ „ „ Майкапаръ и Кушлю, Набережн.
Въ Ярославлѣ, А. Н. Сазановъ.
Въ Ярославлѣ, А. Н. Дмитріева.

№ 5695 (8)

АРМИНЪ НОВАЯ ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА для холи и мягкости усовъ и бороды.

Цѣна за банку 1 р. с., съ перес. во всѣ города Россіи — 1 руб. 40 коп. **Наложеннымъ платежомъ.**

Продается во всѣхъ аптекарск. магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Нюпа, Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ. № 5603 (8)

Проф. **БЕРКАНЪ** лечитъ **ЗАИКАНІЕ** безъ лекарствъ операц. гипнот. МОСКВА Б. Кисловка д. Базилевскаго

Ц. № 5708 НОВАЯ КНИГА: 2—1
О ЦѢЛОМУДРІИ.
Евг. Пикрута. Ц. 20 коп. За требованіями просятъ обращаться къ издателю Н. А. Ильяшенко въ Казани. Марки не принимаются.

НОВЫЯ ПРАВИЛА ОБЪ ОХОТѢ
Ц. 25 коп. СПб. Невскій, 148. Типографія.

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 марта 1892 г. **Руб. 2.160.939 89.**

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (2)

Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 24 марта 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

Пасхальный Нумеръ
НИВЫ
№ 14

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. | № 14 | г. XXIII | 1892

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ.
Выданъ 4 апрѣля 1892 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 80 к.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА АПРѢЛЬ.** 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1892 г. съ 36 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 23 рис. выпил. работъ.

Пастушки. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **Р. Штейна**, грав. Шюблеръ.

Прощеніе.

(Разсказъ **Ф. Коппè**).

I.

Настаалъ день праздника. Вчера еще, съ субботы
Пасхальной въ мастерскихъ окончились работы,
И, словно праздничной любуясь чистотой,
Играетъ въ комнатахъ лучъ солнца золотой,
На окнахъ завѣли жасмины съ резедою
И вянутъ ландыши въ стаканчикахъ съ водою.

Въ просторной мастерской, гдѣ Антуанъ Бернаръ,
Работникъ хоть куда, по ремеслу—столяръ,
Съ сынишкою живетъ—все прибрано и чисто,
Рубанокъ съ топоромъ запрятаны въ углу;
И мальчикъ, головой склоняся золотистой
Надъ грубо сдѣланнымъ ковчегомъ, на полу
Играетъ весело. Съ наивными глазами,
Большими, темными, и съ тонкими чертами,
Онъ кротокъ и уменъ. Ребенку восемь лѣтъ.
Порой среди игры онъ поднимаетъ взоры
Съ улыбкой на отца, и ласково въ отвѣтъ
Тотъ улыбается. Столяръ давно укоры
Выслушивалъ, что онъ не женится опять,
Что, дескать, мальчику нужна вторая мать.
Увы! никто не зналъ—и какъ могли бы знать?—
Что не былъ онъ вдовцомъ...

Пуская клубы дыма
Изъ трубки, Антуанъ невольно отдался
Воспоминаніямъ, и жизнь былая вся
Невольно чередой предъ нимъ проходитъ мимо...
Все измѣнилося... А какъ бывалъ онъ радъ,
Встрѣчая праздники два года лишь назадъ!
Веселостью жены и смѣхомъ серебристымъ
Все было въ эти дни оживлено кругомъ.
Открытый взоръ ея такимъ казался чистымъ!
Съ улыбкой нѣжною и радостнымъ лицомъ
Она благодарить спѣшила за обновку.
Наряды тѣшили безпечную головку,
И онъ, чтобъ угодить красавицѣ-женѣ
Работалъ по ночамъ, не думая о снѣ,
И счастливъ этимъ былъ... Но не была счастливой
Она, и день насталъ—какъ этотъ день дождливый,
Туманный помнитъ онъ!—когда вернулся онъ
Съ работы вечеромъ, измученъ, утомленъ,
И комнату нашелъ нетопленной, холодной,
Ребенка, что заснулъ, наплакавшись, голодный,
И на столѣ—письмо прощальное ея...
Она писала въ немъ, что дорога семья
Для ней попрежнему, но тяжкій трудъ, лишенья
Невыносимы ей, молила о прощеньѣ,
Прощаясь навсегда...

Какъ это перенесъ
Бернаръ—не знаетъ онъ. Тоски его и слезъ
Никто не увидалъ, онъ ихъ таилъ упорно,
Но въ бородѣ его, какъ смоль когда-то черной,
И въ волосахъ густыхъ пробилась сѣдина.

Жизнь потянулася, безцвѣтна и мрачна.
Чтобъ сразу положить для розсказней границы,
Столяръ перебрался въ другой конецъ столицы.
Современемъ онъ сталъ спокойнѣе на видъ,
И лишь по праздникамъ сильнѣй его томитъ
Мечта о счастіи, о прошломъ сожалѣнье...

Онъ бросилъ трубку, всталъ и зашагалъ въ волненьѣ.
„Жакъ, что ты дѣлаешь? Не хочешь-ли, пойдемъ
Сестрицу навѣстить, на кладбище? Снесемъ
Фіалокъ ей...“—„Пойдемъ!“ И бросивъ населенье
Ковчега, мальчикъ всталъ, и подбѣжалъ къ отцу.
Улыбка блѣдная скользнула по лицу
Отца, и наклонясь поцѣловалъ онъ Жака.
Когда чрезъ мигъ они сошли на тротуаръ,
Консьержъ сказалъ женѣ: „Опять мосьё Бернаръ
На кладбище пошелъ. Примѣрный мужъ однако!“

II.

На Montparnasse весна вполнѣ въ свои права
Вступила. Межъ камней пробилася трава
И ландышъ кое-гдѣ виднѣлся межъ травою,
А липы свѣжею одѣлися листвою.
На множествѣ могилъ виднѣлися вѣнки,
Гирлянды скромныя: нарцисы, васильки...
Столяръ и мальчикъ шли безмолвно по аллеямъ,
Гдѣ рядомъ съ мраморнымъ роскошнымъ мавзолеемъ
Темнѣютъ скромные, подгнившіе кресты.
Ребенокъ тихо шелъ, неся въ рукѣ цвѣты,
Покой, и тишина, и полумракъ аллеи
Отозвались въ душѣ отзывчивой сильнѣе
На этотъ разъ. Отецъ, въ раздумье погруженъ,
Молчалъ, и, какъ всегда, о прошломъ думалъ онъ.
Они пришли. Вонъ тамъ, средь небольшой поляны
Могилка маленькой, всего трехлѣтней Жанны—
Плита, гранитный крестъ и бѣлыхъ розъ кусты...
Но что же это?.. Здѣсь лежатъ среди плиты
Игрушки дѣтскія... солдатики, лошадка
И барабанъ съ ружьемъ!.. Какая вдругъ догадка
Мелькнула въ головѣ у столяра? Зачѣмъ
Остановился онъ—и сумраченъ, и нѣмъ,
Подобно одному изъ этихъ изваяній,
Не слыша радостныхъ ребенка восклицаній?
Онъ сознавалъ одно, что здѣсь была *она*...
Очнувшись медленно, какъ будто бы отъ сна,
Онъ поднялъ голову и замеръ тутъ же... Прямо
Предъ нимъ мелькнуло тамъ, межъ зеленью густой,
Лицо сіявшее когда-то красотой,
Любимое лицо!.. И съ громкимъ крикомъ: „Мама!“
Ребенокъ кинулся, весь поблѣднѣвъ впередъ—
Къ ней, къ матери! И онъ во слѣдъ за нимъ идетъ.
Какъ? Эта женщина съ печальнымъ взоромъ впалымъ,
Съ лицомъ измученнымъ и страшно исхудалымъ—
Его жена, его красавица Адель?
Она дрожитъ... Она приподнялась... Ужель
При немъ поцѣловать она не смѣетъ сына?
Какъ страшно извела несчастную кручина!

И Антуанъ Бернаръ съ спокойной добротой
Приблизившись къ женѣ, мозолистой рукой
Коснулся головы Адели наклоненной,
И кротко женщинѣ онъ молвилъ пораженной:
„Тебѣ бы отдохнуть. Пойдемъ къ себѣ домой“.

Дорогою никто не вымолвилъ ни слова
Подъ впечатлѣніемъ всего пережитого.
Когда вошли они, Бернаръ досталъ кольцо
Вѣнчальное жены изъ ящика комода,
Кольцо, которое, тому назадъ два года,
Она оставила въ письмѣ. Ея лицо
Румянцемъ вспыхнуло, когда среди молчанья
Онъ вновь надѣлъ его на палецъ ей. Рыданья,
Душившія ее, вдругъ вырвались у ней
Невольно изъ груди, и плача все сильнѣй
Она къ губамъ своимъ прижала эту руку
Моля простить ей все: и скорбь его, и муку...

III.

Страданья кончились. Когда ночная тѣнь
Спустилась надъ землей, одной семьею стало
Счастливой болѣе, за бурями настала
Желанная пора спокойствія, и день
Великій праздника Христова Воскресенья
Для нихъ явился днемъ любви и всепрощенья.

1892 г. **О. Чюмина.**

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Аббатъ явился въ Москву и былъ помѣщенъ въ маленькой горницѣ при полицейскомъ управленіи, а на другой день стоялъ уже предъ судьями. Послѣ перваго же допроса Салмоновичъ убѣдился, что князь Яхтомскій, сознавшійся во всемъ, разсказалъ все подробно. Онъ обвинялъ Салмоновича въ томъ, что тотъ все затѣялъ, все сдѣлалъ и вообще князь всю свою вину свалилъ на аббата.

Но послѣ перваго же допроса Салмоновичъ увидѣлъ, что помимо голословнаго обвиненія князя Яхтомскаго не было ничего, не было никакихъ доказательствъ. Салмоновичъ объяснилъ, что онъ, живя въ Яхтомкѣ, видалъ двухъ странныхъ людей и зналъ, что князь проводитъ ночи у нихъ въ павильонѣ, но помимо этого онъ не зналъ и не вѣдалъ ничего.

Нѣкоторые изъ крѣпостныхъ людей князя показали, что Франкфуртеръ и Дзицкій явились прежде всего къ Салмоновичу, остановились у него, когда еще онъ жилъ въ павильонѣ. На это аббатъ отвѣчалъ, что принялъ у себя обоихъ по приказанію князя.

На бѣду однако аббата въ первый же разъ, когда онъ сослался на свое полудуховное званіе, главный слѣдователь, важный чиновникъ, отвѣтилъ:

— Вы — іезуитъ, стало быть, это только лишнее доказательство, что вы могли участвовать въ преступленіи.

Подобное рѣзкое сужденіе, поразившее Салмоновича, было немыслимо на берегахъ Невы. Но вѣдь здѣсь была Москва!

Черезъ два дня случилось то, чего Салмоновичъ долженъ былъ ожидать: очная ставка ему и князю.

Когда аббатъ явился въ горницу, гдѣ сидѣли судьи и слѣдователи, когда черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь и вошла въ острожномъ платьѣ какая-то фигура, Салмоновичъ, не обладая мягкимъ сердцемъ, все-таки смутился... У него ёкнуло на сердцѣ. Онъ не сразу призналъ князя Андрея Николаевича. Передъ нимъ былъ похудѣлый и посѣдѣлый человѣкъ.

Салмоновичъ ожидалъ взгляда полнаго ненависти и презрѣнія и невольно удивился. Князь Яхтомскій, увидя его, только грустно глянулъ на него и тотчасъ быстро отвернулся. Одно лишь омерзѣніе, а не гнѣвъ и ненависть, выразилось въ этомъ движеніи.

На очной ставкѣ князь повторилъ то же, что показалъ на прежнихъ допросахъ. Салмоновичъ отрицалъ все. Князь стоялъ, опустивъ глаза, не глядѣлъ на аббата, и только разъ, когда этотъ, какъ-бы воодушевившись, сталъ упрекать князя въ клеветѣ и напраслинѣ, въ желаніи запутать его въ срамное преступленіе, съ которымъ онъ не имѣетъ ничего общаго, князь поднялъ на него глаза, покачалъ головой и выговорилъ кротко и спокойно, почти грустно:

— Какое нахальство! Вотъ человѣкъ!

И это краткое и грустное восклицаніе странно подѣйствовало на всѣхъ присутствующихъ. Если у правды есть своя сила, то она могуче сказалась въ восклицаніи подсудимаго. По этому одному слову судьи и предсѣдатель внутренно убѣдились сразу, что передъ ними стоятъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ дѣйствительно жертва другаго.

Все дѣло стало ясно сразу. И прежде князь Яхтомскій казался судьямъ легкомысленнымъ и слабодушнымъ человѣкомъ, терпящимъ какъ бы „въ чужомъ пиру похмѣлье“, человѣкомъ попавшимъ въ главные виновники поневолѣ. Теперь же, при личномъ знакомствѣ съ человѣкомъ, на котораго такъ часто ссылался князь, судьи еще болѣе убѣдились въ правотѣ князя.

Аббатъ, скромный, тихій, вѣжливый, умно отвѣчающій на вопросы, въ то же время отвѣчаетъ очень ловко, иногда даже черезчуръ ловко, но всегда уклончиво. Его приходится ловить, его приходится какъ бы загонять съ двухъ, трехъ сторонъ и припирать въ уголъ, чтобы добиться прямаго отвѣта. И только припертый къ стѣнѣ, аббатъ, не отвѣчая на вопросъ, начиналъ каждый разъ ссылаться на свое духовное званіе.

Одно смущало судей: если, со словъ князя Яхтомскаго, главный заводчикъ всего былъ этотъ гувернеръ его сына, то какая же цѣль была у него? Имѣть свою долю? Обогатиться? Но если онъ, умный, хитрый и ловкій человѣкъ, хотѣлъ загребать жаръ чужими руками, то зачѣмъ онъ пустилъ князя сбывать фальшивыя деньги и вдобавокъ сбывать самымъ наивнымъ, ребяческимъ образомъ? Какъ умный и ловкій негодяй, онъ долженъ былъ придумать другое, болѣе вѣрное средство сбыта. Казалось, будто князь шелъ прямо въ чью-то ловушку. Не онъ же, аббатъ, подстроивъ многое, подстроилъ и западню. Тутъ противорѣчіе...

Такъ думали и гадали судьи.

По счастью въ это время появился въ Москвѣ человѣкъ, который многое на видъ противорѣчивое могъ объяснить суду. Это былъ полковникъ Ватбольскій.

Другъ князя давно находился въ отсутствіи вслѣдствіе того, что получилъ въ Подоліи для командованія гусарскій полкъ. Онъ узналъ на окраинѣ Россіи о судьбѣ постигшей друга и не могъ явиться тотчасъ, но при первой возможности поскакалъ въ Москву.

Конечно, Ватбольскій подозрѣвалъ страшную, невѣроятно лукавую интригу. Онъ не могъ допустить ни на минуту мысли, чтобы его старинный другъ, честнѣйшій хотя и безхарактернѣйшій человѣкъ, могъ оказаться способнымъ на гнусное и дикое преступленіе.

Прибывъ въ Москву, Ватбольскій добился права повидаться съ заключеннымъ. Князь ожилъ на нѣсколько дней при свиданіяхъ съ другомъ. Онъ все правдиво и горько повѣдалъ Ватбольскому.

Полковникъ сталъ пытаться спасти друга, но это оказалось немыслимымъ. Закону не было дѣла до интриги и до комедіантской стороны дѣла. Умыселъ преступнаго обогащенія былъ все-таки налицо. Неудача явилась помимо воли князя.

Если Ватбольскій не попалъ въ число свидѣтелей очевидцевъ преступленія, то сталъ объяснителемъ многаго непонятнаго и загадочнаго для судей.

Такъ, между прочимъ, полковникъ объяснилъ, что по его мнѣнію зачинщику нужно было главнымъ образомъ не обогащеніе князя, а его погибель. Ему нужно было освободить княгиню отъ мужа, ради возможности ея новаго замужества. За кого? Быть-можетъ за котораго-нибудь изъ многихъ ея любовниковъ.

Послѣ очной ставки аббата и князя и разъясненій данныхъ Ватбольскимъ, судьи рѣшили перевести аббата изъ горницы полицейскаго управленія въ особую горницу острога въ дворянскомъ отдѣленіи. Распоряженіе должно было послѣдовать черезъ день, или два. Но на утро уже явилось приказаніе изъ Петербурга — обратить особое вниманіе на одно замѣшанное въ дѣло лицо — аббата Салмоновича, оставить его на свободѣ и строжайше разслѣдовать дѣло, дабы доказать, что аббатъ не могъ быть соучастникомъ преступленія.

Приказаніе ссылалось на такое важное лицо въ Петербургѣ, что у судей руки опустились и предсѣда-

Встрѣча Свѣтлаго Праздника. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Целебровскаго**, грав. Хельмицкій.

тель, такъ вѣрно и рѣзко опредѣлившій іезуита, выговорилъ:

— Этого слѣдовало ожидать! Что же дѣлать! Чортъ съ нимъ. Надо его оставить!

Разумѣется, это приказаніе было послѣдствіемъ ходатайства отца Гавріила. Ему было дано формальное обѣщаніе, что рекомендованный имъ въ домъ Яхтомскихъ аббатъ будетъ тотчасъ же освобожденъ отъ суда и слѣдствія изъ уваженія къ ордену Іисуса.

Дѣйствительно, черезъ недѣлю были исполнены всѣ формальности, благодаря которымъ совершенно счастливый аббатъ снова выѣхалъ изъ Москвы.

Теперь, освободившись отъ суда и отъ необходимости просить помощи и заступничества у отцовъ-іезуитовъ, Салмоновичъ могъ снова обратиться къ нимъ по своему кровному дѣлу. Онъ могъ просить наконецъ о наградѣ за свои труды. А награда эта состояла въ возвратѣ ему нѣкоторыхъ документовъ хранящихся у отца-ректора.

Явившись въ коллегіумъ, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, Салмоновичъ разсказалъ какъ избавился отъ слѣдствія и конечно поблагодарилъ ректора за покровительство. Но затѣмъ аббатъ тотчасъ перешелъ къ своему кровному дѣлу. Оставшись наединѣ съ Груберомъ и объяснившись съ нимъ, Салмоновичъ вышелъ отъ него возмущенный, озлобленный и внѣ себя отъ негодованія. Онъ сталъ прямо просить Грубера, чтобъ ему выдали извѣстные документы касающіеся одного печальнаго приключенія съ нимъ въ молодости и мѣшающіе ему спокойно существовать на свѣтѣ. Но отецъ Гавріилъ отвѣтилъ на это кратко и тихо:

— Они давно уничтожены.

Это говорилъ его голосъ. По лицо его, въ особенности глаза говорили: „Я лгу. Они цѣлы и останутся у насъ!“ Салмоновичъ понялъ равно и сказанное языкомъ, и выраженное глазами. И не зналъ что дѣлать.

Онъ сталъ умолять Грубера въ награду за вѣрную службу избавить его отъ Дамоклова меча надъ головой и рѣшился наконецъ прямо заявить что, не вѣря въ уничтоженіе бумагъ его компрометирующихъ, онъ проситъ ихъ отдать ему.

Груберъ строго замѣтилъ аббату, что онъ не имѣетъ права ему не вѣрить и подозрѣвать во лжи.

— Да и не все-ли равно?.. рѣшилъ онъ наконецъ.— Служите намъ вѣрно, попрежнему, сынъ мой. И все будетъ благополучно.

„Но я не хочу болѣе вамъ служить! мысленно воскликнулъ Салмоновичъ. — Я хочу сбросить съ себя это проклятое платье, стать свободнымъ гражданиномъ, а не духовнымъ лицомъ. Я хочу жить. Жениться. Разбогатѣть!“

Но сказать все это онъ не посмѣлъ, зная что тогда Груберъ и подавно не согласится отдать документы. Выпустить изъ ордена и слѣдовательно изъ-подъ ферулы соумышленника въ совершенныхъ темныхъ дѣяньяхъ — немыслимо, наивно, глупо.

Разумѣется, послѣ этого объясненія изъ коллегіума вышелъ ярый врагъ іезуитовъ и мститель, которому приходилось поневолѣ бороться...

XVII.

Была зима, январь мѣсяцъ, но въ благодатномъ краю. Яркое южное солнце спускалось надъ моремъ, разбрасывая золотые лучи по голубому заливу и водяному людскому гнѣзду, которое, какъ каменная паутина, лежало на синемъ лонѣ моря.

Это людское гнѣздо,—храмы, дворцы, дома и хижины, разсыпанные по десяткамъ островковъ съ безчисленнымъ количествомъ мостовъ и мостиковъ, цѣлые вѣка носило именованіе „красавицы и повелительницы Адріатики“.

Этотъ городъ — Венеція, основанный морскими разбойниками и рыбаками, Богъ вѣсть въ силу какихъ историческихъ причинъ и случайностей, будучи самъ на водѣ, владѣлъ громадными землями, пріобрѣтенными могуществомъ и богатствомъ Венеціанской республики. Ея таинственно-грозное государственное устройство ставило ее какъ бы особнякомъ въ Европѣ.

Не было столицы въ Европѣ съ бо́льшимъ блескомъ и пышностью, съ болѣе гордой аристократіей, съ болѣе страшнымъ загадочнымъ правительствомъ. Именуясь республикой, государство управлялось деспотами и тиранами, около которыхъ поблѣднѣли бы личности Лудовика XI, или царя Грознаго.

Но дни могущества, славы, счастія, блеска и веселья миновали... Теперь красавица Адріатика была красивымъ мертвецомъ, убитая Бонапартомъ. Всѣ владѣнія Венеціи были у нея отняты, разграблены сосѣдями, а сама она подпала подъ позорное для нея иго Австріи.

Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ и патриціи продолжали носить черную траурную одежду, и даже мѣстные экипажи и извозчики — маленькія гондолы были тоже облечены въ трауръ. Когда-то эти гондолы бывали всѣхъ цвѣтовъ радуги, сіяли золотомъ и серебромъ, бархатомъ и атласомъ. Теперь же у всѣхъ, отъ самаго богатаго патриція до простаго обывателя-купца и горожанина, гондолы были обтянуты чернымъ сукномъ. И тамъ, гдѣ прежде выборное правительство, дожи, сенаторы и всякіе патриціи давали блестящія шумныя торжества и празднества, было теперь мертво-тихо.

Гордые венеціанцы, властвовавшіе нѣсколько вѣковъ надъ сосѣдними предѣлами, бывшіе грозою Востока, султана и мусульманъ, не могли привыкнуть къ своей новой участи: быть подъ пятою издавна ненавидимаго „тедеско“.

Во всемъ городѣ, отъ самаго знатнаго патриція, лишеннаго своего прежняго званія временъ республики, до послѣдняго рыбака на взморьѣ — всякій пріунылъ, сосредоточился и мечталъ о тѣхъ дняхъ, когда придется освободиться отъ ненавистнаго нѣмца тедеско и снова увидѣть своего дожа и догарессу.

А покуда въ этомъ уголкѣ теплаго Юга, гдѣ еще недавно била жизнь ключемъ, гдѣ еще недавно и день, и ночь шумъ празднествъ безъ умолку сливался съ безконечнымъ плескомъ Адріатической волны, теперь висѣла надъ всѣмъ и надъ всѣми какая-то пелена унынія и скорби. И въ этотъ именно тихій уголокъ привезъ, какъ бы заточилъ, свою возлюбленную подозрительный и ревнивый нѣмецъ-князь Вахтенштейнъ.

Много утекло воды съ тѣхъ поръ, что княгиня Яхтомская принимала государыню на балѣ князя въ его роскошномъ домѣ на набережной Невы. Много воды утекло по отношенію ко многимъ лицамъ, окружавшимъ княгиню. Но для нея время это не принесло еще вполнѣ всего о чемъ грезилось.

Когда Яхтомскій былъ арестованъ, княгиня явилась въ Петербургъ и поселилась сравнительно скромно, разумѣется на средства Вахтенштейна. Она стала попрежнему выѣзжать въ свѣтъ, блистать на всѣхъ вечерахъ и балахъ, но ей приходилось поневолѣ изображать женщину, удрученную горемъ.

Хотя и не виновна она была въ невѣроятномъ преступленіи мужа, но тѣмъ не менѣе имя, которое она носила, стало притчей во языцѣхъ.

„Видано-ли, слыхано-ли, чтобы русскій дворянинъ и князь оказался фальшивымъ монетчикомъ?!“

Княгиня, гордая и тщеславная, не могла выносить косыхъ взглядовъ и перешептываній въ разныхъ гостиныхъ. Она чувствовала, что якобы на ней самой лежитъ пятно, въ которомъ она однако неповинна. А между тѣмъ исхода не было. Приходилось ждать и ждать.

Судъ надъ мужемъ, не много отличавшійся отъ волокиты временъ царей московскихъ, длился безконечно. Дѣло было просто и ясно. Всѣ доказательства были налицо, но князь, по мнѣнію всего Петербурга, очевидно

умышленно затянулъ дѣло, обвиняя въ соучастіи съ нимъ людей совершенно неповинныхъ.

Трудно было даже понять, какая цѣль могла быть у Яхтомскаго сдѣлать, напримѣръ, участникомъ своего преступленія простаго воспитателя его сына, вдобавокъ лицо полу-духовное — аббата.

Показанія Яхтомскаго на допросахъ, что зачинщикъ всего преступленія былъ Салмоновичъ, не привели сначала ни къ чему, но затѣмъ оказались нѣкоторыя другія улики противъ аббата. Пойманный проходимецъ, арестованный въ столицѣ Саксонскаго королевства и выданный русскому правительству, по имени Дзицкій, тоже свидѣтельствовалъ противъ Салмоновича. И это затянуло дѣло, такъ какъ аббатъ былъ неуязвимъ, ибо былъ слишкомъ близокъ къ всесильнымъ служителямъ ad majorem gloriam Dei.

Отецъ Гавріилъ и его сподвижники упорно не выдавали и въ концѣ концовъ не выдали, а спасли своего клеврета. Тѣмъ не менѣе судъ надъ Яхтомскимъ затянулся, а княгиня должна была ждать. Наконецъ, спустя полгода князь Вахтенштейнъ принесъ своей возлюбленной радостную вѣсть... Она была свободна, она была, дѣйствительно, если не вдова, то женщина имѣющая право на вступленіе во вторичный бракъ.

Все совершилось такъ, какъ она говорила и предсказывала,—такъ, какъ она мечтала. Но, увы! только по отношенію къ погубленію мужа. Остальныя детали ея громаднаго предпріятія не радовали ее.

Вахтенштейнъ былъ влюбленъ въ нее болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ даже готовъ былъ пожертвовать ей цѣлью и счастіемъ всей своей жизни, дипломатической карьерой. Онъ готовъ былъ сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и не мечтать болѣе о руководствѣ политикой Европы.

Онъ соглашался, конечно, въ день освобожденія любимой женщины отъ узъ брака, сдѣлать ее княгиней Вахтенштейнъ, онъ былъ готовъ на все, на всякія жертвы. Но онъ требовалъ взамѣнъ любви и вѣрности. Всякій на его мѣстѣ потребовалъ-бы того же. Но нѣмецъ-дипломатъ и англоманъ будто забывалъ, что онъ старикъ, а княгиня еще красавица. Онъ уже пресытился всѣмъ, ибо, занимаясь политикой, не забывалъ пользоваться всѣми благами міра, которыми, благодаря его средствамъ, щедро осыпала его судьба; а она еще жаждетъ пожить.

Княгиня по натурѣ любила теперь то же, что любилъ прежде князь. Но онъ, какъ мужчина, не скрывалъ своихъ влеченій, наклонностей и пристрастій; ей же, какъ женщинѣ, ставилось то же самое въ великое преступленіе.

Когда Яхтомская стала свободна, она, разумѣется, тотчасъ же ожидала бракосочетанія съ Вахтенштейномъ. Нѣмецъ обѣщалъ, но пожелалъ выждать. Княгиня смущала его. Проницательный и подозрительный баварецъ, всякіе виды видавшій, сотни женщинъ близко наблюдавшій, видѣлъ и теперь многое. Но мерещилось-ли это ему, или было дѣйствительностью? — вотъ вопросъ поистинѣ Гамлетовскій, надъ которымъ мучился Вахтенштейнъ.

XVIII.

Заграничная жизнь старика и красавицы—была бурная. Князь подозрѣвалъ и ревновалъ. Княгиня возмущалась, оскорблялась, клялась. Послѣ домашней войны нѣсколькихъ дней заключался миръ. А затѣмъ снова начиналась война. Князь соглашался на бракъ, на всевозможныя жертвы, но при извѣстныхъ условіяхъ. А княгиня при тѣхъ же самыхъ условіяхъ не могла согласиться на бракъ. Слишкомъ давно, благодаря „тюфяку“ мужу, привыкла она жить такъ, какъ ей подсказывала ея природа.

И если она какъ-бы поневолѣ обманывала молодаго и красиваго мужа, то какъ нелѣпо и забавно казалось ей требованіе этого уже много пожившаго человѣка съ крайне неказистой внѣшностью.

Частое общеніе съ потомкомъ медіатизированныхъ монарховъ привело къ простымъ открытіямъ, ужаснувшимъ красавицу.

Она знавала князя въ пудренномъ парикѣ. Теперь по всей Европѣ волной прошла новая мода. Франція первая сбросила пудренные чужіе волосы, пачкавшіе платье, а за ней вся Европа тоже согласилась на то, что еще недавно казалось стыдомъ. Теперь и въ Россіи, подражая императору, первому подавшему примѣръ, всѣ сняли парики, всѣ „опростоволосились“.

И женихъ княгини, увы! оказался внѣ возможности опростоволоситься, такъ какъ этихъ волосъ почти не было на его головѣ.

Гладкій, блестящій, — въ особенности вечеромъ, въ особенности на балахъ — черепъ Вахтенштейна былъ чѣмъ-то особеннымъ для княгини. Если бы ей предложили, чтобы Вахтенштейнъ оказался убійцей цѣлой дюжины людей, или страдающимъ какою-нибудь болѣзнью въ родѣ падучей, то оно было-бы ей менѣе страшнымъ, гадкимъ и возбуждающимъ всѣ фибры и нервы ея существа, чѣмъ это... нѣчто круглое, бѣлое, блестящее, будто торжественное.

Иногда княгинѣ казалось, что ближайшая лампа или люстра отражается на черепѣ Вахтенштейна, какъ въ зеркалѣ. И свѣтъ, бросаемый живымъ матовымъ шаромъ, возмущалъ ее.

Затѣмъ долго скрываемое нѣмцемъ тоже было узнано княгиней. Дипломатъ, подражая англичанамъ, цѣдилъ свою не изящную, а изысканную французскую рѣчь сквозь зубы. Это было-бы ничего, это придавало ему какой-то оттѣнокъ дипломатической важности и аристократическаго высокомѣрія. Но, увы! княгиня узнала, что эту французскую рѣчь онъ цѣдитъ черезъ чужіе зубы.

Однажды на столикѣ въ комнатѣ князя она нашла въ большой кружкѣ съ водой нѣчто заставившее ее вздрогнуть, ахнуть и отскочить. Ей представилось въ водѣ какое-то чудище въ родѣ червя, круглое, бѣлое, чешуйчатое. Ей представилась и голова, и ноги, и хвостъ у этого чудища. Но затѣмъ она присмотрѣлась и оказалось, что спокойно-лежавшій въ водѣ звѣрь былъ челюстью. Двойной рядъ фальшивыхъ зубовъ и двѣ небольшія среди нихъ пустоты доказывали, что тамъ у князя во рту существуетъ лишь два его собственные зуба.

Послѣ этого невольнаго открытія княгиня умышленно сдѣлала еще два, или три маленькихъ открытія въ особѣ своего возлюбленнаго и нареченнаго, о которыхъ тоже частенько задумывалась.

И благодаря всему этому, Юлія Павловна рѣшила твердо на сердцѣ, что оставаться съ этимъ человѣкомъ, быть его женой, пользоваться его средствами возможно только при одномъ условіи: пользоваться бо́льшею свободой, чѣмъ при прежнемъ мужѣ. Быть его вѣрной супругой и любящей подругой, безъ этого условія было-бы безумствомъ, было-бы даже преступленіемъ предъ ея собственною молодостью и красотой.

Да, она „должна“ цѣнить себя, любить себя, даже поклоняться себѣ. Глядя на себя въ зеркало, она говорила:

— Какъ?! Такая женщина! Вотъ „такая“? Будетъ рабой этого человѣка съ лампой на плечахъ вмѣсто головы? Никогда! Это было-бы съ моей стороны почти преступленіемъ!

Слѣдовательно, приходилось разрѣшить мудреный вопросъ, почти развязать Гордіевъ узелъ. Надо было сдѣлаться и быть княгиней Вахтенштейнъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приносить дань красавицѣ, которую она въ себѣ обожала.

Задача была мудреная и еще болѣе мудреная

съ такимъ человѣкомъ, какъ князь Вахтенштейнъ. Искусна была Юлія Павловна въ своихъ махинаціяхъ. Привычка и практика сдѣлали ее мастеромъ въ этомъ дѣлѣ, но этотъ нѣмецъ, который не могъ ничего видѣть и не могъ ничего слышать, вслѣдствіе ея крайней осторожности, какъ будто чуялъ какимъ-то собачьимъ легавымъ чутьемъ все то, до чего не достигалъ его взоръ, или слухъ.

Въ князѣ Вахтенштейнѣ именно было какое-то чутье. И это свойство раздражало и бѣсило княгиню. Въ тѣ минуты, когда Вахтенштейнъ не имѣлъ никакого основанія подозрѣвать ее, былъ обманутъ артистическимъ образомъ, онъ вдругъ становился мраченъ и начиналъ ревновать. И былъ правъ, конечно, но доказать этого не могъ.

И задача княгини не разрѣшалась, этотъ узелъ не развязывался. Она ждала чтобъ онъ повелъ ее въ церковь вѣнчаться, а князь ждалъ, чтобы его чутье перестало что-либо ему подсказывать.

Такимъ образомъ прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, что княгиня стала свободна и могла бы быть давно княгиней Вахтенштейнъ.

И теперь князь, человѣкъ не даромъ подвизавшійся на дипломатическомъ поприщѣ, хитрый и дальновидный, поселился со своей возлюбленной въ тихомъ уголкѣ Юга, гдѣ нѣтъ экипажей, и лошадей, и шума на улицахъ, гдѣ вѣчная тишь, гдѣ нѣтъ улицъ, а коридорчики и канальчики.

Разумѣется, несмотря на трауръ душевный и внѣшній, въ одеждѣ, высшее общество Венеціи жило такъ же, какъ и въ другихъ городахъ. Князю Вахтенштейну, какъ нѣмцу, носящему въ Венеціи ту же кличку—„тедеско"—было мудрено, несмотря на свое общественное положеніе, близко сойтись съ патриціями прежней республики.

Вдобавокъ оно было мудрено и потому, что онъ занималъ одинъ домъ съ молодой красавицей, которую выдавалъ за племянницу. Конечно, послѣдній наемный итальянецъ-лакей, или гондольеръ понимали, что „синьорина принчипесса" по всей вѣроятности не княжна и во всякомъ случаѣ не племянница синьора тедески. Тѣмъ паче косились на княгиню венеціанки высшаго полета, съ которыми она начала знакомиться.

Это исключительное положеніе привело къ тому, что въ красивомъ палаццо Корнарини, нанятомъ княземъ и отдѣланномъ внутри заново, богато и пышно, стало собираться на вечера много мужчинъ и мало женщинъ, какъ изъ туземныхъ, такъ и изъ иностранныхъ аристократовъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ пребыванія здѣсь во дворцѣ на Canal Grande, какъ дамы совершенно перестали бывать и стали странно отлучаться изъ дому въ тѣ минуты, когда племянница князя Вахтенштейна пріѣзжала къ нимъ въ гондолѣ съ визитомъ. Однимъ словомъ, княгиню перестали принимать.

Для чутья Вахтенштейна и это было признакомъ. Не одно же подозрѣніе въ томъ, что она не племянница его, подѣйствовало? Нѣтъ ли еще чего?

За то и днемъ, и вечеромъ, и далеко за полночь въ ярко-освѣщенномъ палаццо Корнарини, гдѣ было много роскоши, гдѣ бывали великолѣпные ужины съ изящною сервировкой, стало бывать все больше и больше мужчинъ, и молодыхъ, и старыхъ Тутъ были и итальянцы, и французы, и нѣмцы, одинъ испанецъ, даже одинъ грекъ Только англичанъ недолюбливала и не звала къ себѣ княгиня Ей казалось, что у всѣхъ у нихъ во рту такое же чудище, какъ у ея жениха

XIX

Постоянно, въ Россіи и за границей, почти денно и нощно, Юлія Павловна была озабочена однимъ: когда же пойдутъ они въ храмъ? Разумѣется, прежде всего, чтобы скорѣй идти въ храмъ — ей слѣдовало перемѣнить образъ жизни, отказаться, хотя-бы временно, отъ своей долголѣтней привычки — окружать себя цѣлымъ роемъ ухаживателей. Но это было немыслимо, сверхъ силъ.

И здѣсь, съ перваго же дня пребыванія, когда появилась масса молодежи — венеціанцевъ и иностранцевъ, княгиня, уже окруженная цѣлой свитой обожателей, сдѣлала выборъ. Щеголеватый, ловкій, красивый, но не очень знатный и богатый французъ былъ первымъ избранникомъ ея, но не надолго. Онъ оказался слишкомъ пустымъ и неосторожнымъ человѣкомъ, способнымъ погубить женщину, отчасти изъ тщеславія, отчасти и по легкомыслію.

При первомъ же докладѣ чутья Вахтенштейна и первой же ссорѣ съ княгиней по поводу француза, Юлія Павловна предложила, какъ доказательство ея правоты, отказать ему отъ дома. Князь повѣрилъ своей ошибкѣ, восторженно поблагодарилъ княгиню, но отъ дома французу все-таки отказалъ. Такимъ образомъ, избавивъ возлюбленную отъ человѣка неосторожно избраннаго, онъ далъ ей возможность на второе избраніе.

Этимъ вторымъ избранникомъ оказался двадцатилѣтній неаполитанецъ, отличавшійся провербіальною красотою его соотечественниковъ.

Итальянецъ при первомъ же своемъ посѣщеніи, даже почти заглазно, понравился княгинѣ. Ей подали визитную карточку гласившую: Cavaliere Di Bàya. Paggio di Sua Santità.

Княгиня, уже понимавшая немножко по-итальянски, была почему-то прельщена одною этою карточкой. Ей представилось, что пажъ его святѣйшества долженъ быть красивъ. Не даромъ средніе вѣка воспѣвали пажей, воспѣвали ихъ побѣды надъ сердцами заключенныхъ женъ и дочерей рыцарей.

Вдобавокъ это пажъ главы католическаго міра. Это придавало въ глазахъ княгини еще болѣе поэтическаго оттѣнка незнакомцу. Наконецъ онъ носилъ титулъ не существующій нигдѣ помимо Италіи и Франціи.

Когда кавалеръ ди-Байа и пажъ святаго отца предсталъ предъ ясныя очи русской княгини, то она увидала сразу, что не ошиблась. Одного лишь не хватало для этого пажа, чтобы сдѣлаться пажомъ романовъ и эпопей — недоставало костюма.

Молодой человѣкъ, чуть не юноша, былъ дѣйствительно классически красивъ собой, и лицомъ, и станомъ. И кромѣ того поразилъ княгиню своимъ голосомъ. Онъ не говорилъ какъ всѣ другіе, какъ жители Сѣвера въ особенности. Теноровые звуки въ его рѣчи были какъ-то мягки и ласковы, шли прямо въ сердце, въ то сердце, куда уже давно, сразу, проникъ свѣтъ его большихъ, глубокихъ весело-задумчивыхъ черныхъ глазъ.

И этотъ Paggio di Sua Santità сдѣлался съ такой головокружительной быстротой избранникомъ сѣверной княгини, что даже нѣкоторое время самъ въ себя придти не могъ. Онъ быстро сошелся съ русско-нѣмецкимъ семействомъ, даже почему-то понравился князю. Бытьможетъ потому, что князь наивно считалъ его слишкомъ юнымъ, чтобы быть опаснымъ. Вскорѣ, по просьбѣ Юліи Павловны, кавалеръ ди-Байа явился въ палаццо Корнарини въ своемъ костюмѣ пажа римскаго первосвященника.

Костюмъ былъ не замысловатый — средневѣковаго покроя съ мелкими деталями, которыя разсмѣшили князя, а еще пуще заставили смѣяться до слезъ его майордома Бернера, чопорнаго нѣмца. Но княгиня нашла пажа святаго отца и, отнынѣ, ея собственнаго — прелестнымъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Кавалеръ ди-Байа велъ себя скромно, осторожно, былъ повидимому настоящій Херубинъ изъ комедіи Бомарше. Княгиня почему-то особенно благоволила къ этому избраннику, которому за-

Пасха. Не поладили. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Шлипперъ.

2

труднилась бы, конечно, дать цифру по счету и очереди въ числѣ всѣхъ ея избранниковъ. Она боялась ежедневно, что и эта затѣя, за которую она пожертвовала-бы многимъ, станетъ подозрительна Вахтенштейну.

И здѣсь въ первый разъ въ жизни, быть-можетъ, благодаря безконечнымъ ссорамъ съ Вахтенштейномъ, княгинѣ пришла мысль завести ширмы.

Въ числѣ прочихъ знакомыхъ, бывавшихъ въ палаццо Корнарини всякій вечеръ, бывалъ французъ, сверстникъ Вахтенштейна, но сильно нравственно и физически износившійся.

Онъ молодился всячески, старался блеснуть щегольствомъ своего костюма, быстротой своихъ жестовъ и свѣжестью своего лица, но все это было поддѣльно. При первомъ его появленіи въ гостиной княгини, она мысленно опредѣлила его.

„Une ganache!“ подумала она про себя.

Пожилой, но уже совсѣмъ состарившійся французъ казался все-таки много старше Вахтенштейна, хотя и былъ однихъ лѣтъ съ нимъ. Быть-можетъ, потому что онъ молодился, онъ и казался еще старѣе.

Тѣмъ не менѣе французъ и истый парижанинъ, баронъ Lussac de-la-Digue былъ очень забавный собесѣдникъ, легко и мелко остроумный, сыпавшій шутками, прибаутками и остротами по цѣлымъ вечерамъ, сыпавшій ими, какъ бисеромъ, едва замѣтнымъ глазу. Это не былъ блестящій умъ, это были блестки ума, или салонный, кадрильный умъ.

Юлія Павловна скоро привыкла къ Люссаку, любила его слушать, иногда любила сидѣть, не слушая, но подъ журчанье его болтовни обо всемъ на свѣтѣ.

Люссакъ, какъ французъ и главнымъ образомъ какъ парижанинъ, съ первыхъ часовъ знакомства понялъ и опредѣлилъ княгиню. У него тоже было своего рода чутье.

Взглянувъ нѣсколько разъ въ лицо сѣверной красавицы, перемолвившись съ ней почти о пустякахъ, Люссакъ черезъ часъ или два бесѣды уже отдалъ бы голову свою на отсѣченіе, что эта красавица не племянница Вахтенштейна. А главное, за что именно Люссакъ и поручился бы своей головой — было убѣжденіе, что княгиня обманываетъ Вахтенштейна такъ, что многимъ его соотечественницамъ въ Парижѣ стало-бы завидно глядя на нее.

„Une femme à cent coups“, думалъ Люссакъ и прибавилъ: „Да и какъ еще! Въ одну недѣлю сотню штукъ выкинетъ...“

И вотъ именно этого человѣка и пришло на умъ княгинѣ избрать ширмами, которыми-бы она могла прикрыть панскаго и своего пажа. Съ этого дня княгиня дѣлала все на свѣтѣ, чтобы заставить князя до извѣстной степени подозрительно относиться къ ея дружбѣ съ барономъ Люссакомъ и не обращать ни малѣйшаго вниманія на ея отношенія съ юношей, пажомъ святаго отца.

И князь поддался обману. Чутье его, какъ бываетъ и на болотѣ у легавой собаки, было сбито съ толку. Какъ породистая собака можетъ въ нѣсколько разъ быть испорчена какимъ-нибудь бѣгающимъ по болоту коростелемъ, виртуозно путающимъ свои слѣды, точно такъ князь вдругъ обратился въ подобную легавую собаку, благодаря коростелю — княгинѣ.

Цѣлый мѣсяцъ длилось совершенно благополучное, тихое и мирное существованіе. Князь видѣлъ, что ему „надо“ ревновать возлюбленную къ барону Люссаку, но глядя на него и глядя на себя, онъ пожималъ плечами.

Люссакъ, примазанный, припудренный, прикрашенный, перетянутый въ таліи, обтянутый узкими до-нельзя панталонами, былъ весь красивою но затасканною и измятою картинкой.

Князь чувствовалъ, что Люссакъ именно то, что опредѣлила княгиня: „Une ganache renforcée d'artifices“. Несмотря на нѣкоторыя apparances, князь чувствовалъ фальшь этихъ видимостей. Не можетъ баронъ, на видъ болѣе пожилой, чѣмъ онъ самъ — князь, нравиться Юліи Павловнѣ.

„А кавалеръ ди-Байа? спрашивалъ себя иногда Вахтенштейнъ. — Скромный и глупый мальчикъ!“

И Вахтенштейну чувствовалось ясно и твердо представлялось, какъ всякому пожившему и старому ловеласу, что двадцатилѣтній красавецъ, полу-юноша, полумужъ, положительно не можетъ нравиться молодой женщинѣ. На всякаго стараго мудреца много юношеской простоты!

(Продолженіе будетъ).

Рыцарь тайги.

Разсказъ **Ив. Невзорова**.

> Отступникъ свѣта, другъ природы,
> Покинулъ онъ родной предѣлъ,
> И въ край далекій полетѣлъ
> Съ веселымъ призракомъ свободы.
> (Пушкинъ).

I.

Амуръ глухо волновался. Точно на крыльяхъ прилетѣла лѣтомъ 188* года и распространилась по всему краю вѣсть, что на правомъ, китайскомъ, берегу рѣки найдены несмѣтныя богатства. Говорили о баснословныхъ золотыхъ розсыпяхъ, будто бы затмевавшихъ всѣ остальные пріиски, передавали слухи и вѣсти, одни другихъ фантастичнѣе: что такой-то привезъ съ собою два мѣшка золота, что другой въ пять дней нарылъ на 50 тысячъ и придя только съ ружьемъ за плечами и кайлой въ рукахъ, ушелъ богачемъ. Утверждали за вѣрное, что золото лежитъ тамъ чуть не на поверхности земли: нагнись и подбирай!

И слухи подтверждались. Сибирь вообще славится золотомъ, но тутъ выходило нѣчто невиданное. Началась „золотая лихорадка“, которая долго будетъ памятна въ лѣтописяхъ края. Все потянулось къ верховьямъ Амура, къ маленькой русской станицѣ Игнашину, почти напротивъ которой, на территоріи Китая, въ горахъ, въ глухой тайгѣ, по теченію рѣчки Желтуги, лежали новооткрытые пріиски. Массы народа приливали со всѣхъ сторонъ. Скоро образовался цѣлый городокъ изъ пришлаго, вольнаго люда, въ 8 — 10 тысячъ жителей, со своими законами, со своимъ самостоятельнымъ судомъ. Китайцевъ не боялись, такъ какъ вообще въ этомъ дикомъ краю на нихъ привыкли смотрѣть сверху внизъ: да и что могло сдѣлать ничтожное китайское войско противъ десятитысячной, отчаянной, готовой на все, толпы! Наоборотъ, ободренный присутствіемъ русскихъ, всякій разношерстный сбродъ изъ подданныхъ Китая присоединился къ нимъ, значительно увеличивъ собою „Амурскую Калифорнію“ (такъ назвали новые аргонавты свое вольное поселеніе).

За искателями золота потянулись разные фурниссёры, поставщики припасовъ, антрепренеры, содержатели различныхъ казино, и просто охотники до легкой наживы, искатели сильныхъ впечатлѣній. Люди всякихъ званій и всевозможныхъ профессій сошлись здѣсь, въ узкой болотистой долинѣ, сжатой горными хребтами, по теченію дикой рѣчонки. Жажда золота соединила всѣхъ. Глубоко спящая Сибирь встрепенулась...

Волна отраженнаго движенія коснулась и В*, этой столицы Приморскаго края. Лѣтомъ того года въ городъ то и дѣло пріѣзжали новыя и новыя лица, опредѣлить общественное положеніе и профессію которыхъ было по меньшей мѣрѣ трудно. В* хотя и „владѣетъ Востокомъ“ но это только въ будущемъ, а теперь, несмотря на громкое названіе столицы области, все-таки довольно мизерный городишко. На жительство туда никто не пріѣзжаетъ кромѣ чиновниковъ и нѣсколькихъ купцовъ, рѣшившихся рискнуть своими капиталами и предложить амурскому человѣчеству гамбургскій и американскій товаръ со скромнымъ барышомъ 300 на 100. Поэтому присутствіе новыхъ джентльменовъ, щеголявшихъ въ свѣжихъ перчаткахъ и безукоризненныхъ костюмахъ изъ С.-Франциско и бросавшихъ деньгами направо и налѣво, производило сначала довольно сильное впечатлѣніе. Положимъ, это бросаніе денегъ шло зачастую на ряду съ приключеніями довольно сомнительнаго свойства, но это не мѣшало новымъ людямъ бывать вездѣ, гдѣ только можно. В*, какъ и всѣ молодые города, въ этомъ отношеніи не очень щепетиленъ. Потомъ, только-что начинали привыкать къ этимъ людямъ, они обыкновенно быстро тускнѣли, прогорали, и улетучивались безслѣдно, оставляя за собой развѣ

только двусмысленныя воспоминанія да иногда большее или меньшее количество долговъ, смотря по довѣрчивости публики, и на ихъ мѣстѣ появлялись уже другіе минутные „баловни фортуны“.

Однажды вечеромъ, въ „офицерское собраніе“ (мѣстный клубъ) города В* явился никому незнакомый господинъ, назвавшій себя глухо „пріѣзжимъ съ Амура“. Формальности пріема въ В* не велики, и клубъ радушно отворяетъ свои двери всякому пріѣзжему. Случайно присутствовавшему дежурному старшинѣ онъ объяснилъ:

— Знаете.. нѣсколько дней только пріѣхалъ. Надѣюсь, что ко мнѣ отнесутся не слишкомъ строго. Небрежность костюма...

На него посмотрѣли.

Это былъ высокій, плечистый брюнетъ съ вьющимися волосами и черными цыганскими глазами. Онъ былъ положительно интересенъ и могъ бы назваться красавцемъ, еслибъ красота его не загрубѣла, такъ сказать. Широкій, довольно свѣжій шрамъ шелъ поперекъ лба и скрывался за волосами. Румяныя губы подъ длинными, выхоленными усами дерзко улыбались. Лицо было слегка помято, загорѣло, обвѣтрено, манеры небрежны, но въ общемъ получалось удовлетворительное впечатлѣніе; что-то невольно чувствовалось такое, что обличало человѣка, выросшаго въ иной сферѣ и иныхъ привычкахъ, обличало порядочность, далеко запрятанную среди треволненій безпутной, скитальческой жизни.

Онъ былъ одѣтъ въ довольно поношенную куртку со шнурами, поверхъ которой болталась изящная полуфунтовая цѣпочка, въ видѣ якорной цѣпи, работы іокогамскихъ мастеровъ. Бѣлье сомнительной свѣжести блестѣло крупными брильянтами на воротникѣ и рукавахъ, высокіе сапоги были забрызганы грязью. Собственно говоря, разныя драгоцѣнныя украшенія плохо шли къ нему и, навѣрное, этотъ человѣкъ прежде такъ не одѣвался. Его опредѣлили довольно вѣрно.

„Съ Амура... Амурская птица“.

Но онъ какъ-то былъ крупнѣе другихъ „птицъ“ подобнаго рода. Въ грязной курткѣ онъ все-таки казался джентльменомъ. Его записали.

— Какъ ваша фамилія?

— Снарскій... Феликсъ Снарскій.

Онъ прошелъ въ танцовальную залу. Въ тотъ годъ въ В* часто давались такъ-называемые „балы“. Молодежь всегда рада поплясать, а пріѣзжихъ оказывалось много, да и деньги они не жалѣли—дешево доставались. Убогій оркестръ, бѣдность обстановки—все съ избыткомъ выкупалось веселостью и неподдѣльнымъ оживленіемъ танцующихъ. Снарскій остановился у дверей среди танцующей публики и оглядѣлъ залу. Доканчивали кадриль. Несмотря на его слова, что онъ всего нѣсколько дней въ В*, у него нашлись уже знакомые. Миловидная молодая дѣвушка, въ какомъ-то легкомъ свѣтломъ платьѣ и manches courtes, привѣтливо ему улыбнулась. Снарскій поклонился и, когда кончилась кадриль, подошелъ и остановился около ея стула.

— Здравствуйте, привѣтствовала его молодая дѣвушка, обмахиваясь вѣеромъ.—Однако, вы не держите своего слова: обѣщали проводить меня сюда, а сами ушли изъ дому не сказавшись.

— Виноватъ, и прошу прощенія, отвѣчалъ Снарскій, пожимая протянутую ему ручку.—Дѣла... Я и теперь на минутку, посмотрѣть только, что тутъ у васъ такое.

Онъ еще разъ окинулъ глазами залъ, гдѣ мѣстныя барышни, въ ожиданіи слѣдующей кадрили, взявшись за руки по-двое и по-трое, ходили взадъ и впередъ. Онъ стоялъ слегка наклонясь надъ молодой дѣвушкой, и его стройный станъ красиво выдѣлялся на свѣтлыхъ обояхъ стѣны. Онъ сознавалъ, что на него смотрятъ, что своимъ костюмомъ онъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ разодѣтой провинціальной публикой и мундирами военныхъ, но не смутился нисколько.

— Что же, нравится вамъ? Будете вы танцовать?

Снарскій замѣтилъ, что молодая дѣвушка улыбнулась, говоря эти слова. Онъ улыбнулся тоже.

— Непремѣнно. И я имѣю честь,—тутъ онъ серьезно поклонился,—имѣю честь просить васъ на слѣдующую кадриль.

Дѣвушка вспыхнула. Ей неловко было отказать и совѣстно танцовать съ нимъ въ такомъ костюмѣ. Она и то сознавала, что смѣло поступаетъ, разговаривая съ человѣкомъ котораго никто здѣсь не знаетъ и котораго она сама знаетъ всего два дня. Положимъ, онъ поселился у нихъ въ домѣ, нанялъ двѣ комнаты у ея матери. Но что-жь изъ этого? Ея подруги и такъ на нее смотрятъ съ удивленіемъ. Положимъ, онъ ей нравится немножко... такъ чуть-чуть... ничего серьезнаго, конечно... Она не забываетъ, что она почти невѣста, что она любитъ другаго. Молодой офицеръ, съ бѣлокурыми усиками и въ мундирѣ съ иголочки, и то два раза прошелъ мимо нихъ, особенно выразительно посматривая на нее и ея собесѣдника. А она уже знаетъ, что это значитъ.

Она рѣшилась. Милое дѣтское личико вдругъ стало серьезно.

— Извините...

Но Снарскій не далъ ей договорить:

— Не извиняйтесь, сказалъ ласково онъ, и глаза его потеряли на минуту обычное вызывающее выраженіе. Что-то доброе, простое блеснуло въ нихъ. —Я пошутилъ. Куда мнѣ танцовать въ такихъ сапогахъ... И то здѣшняя публика смотритъ на меня какъ на заморскаго звѣря. Ничего, пусть примутъ меня каковъ есть...

И небрежно усмѣхнувшись, онъ поклонился и отошелъ, мелькомъ взглянувъ на офицера, который въ третій разъ переходилъ залъ, рѣшительно направляясь теперь къ молодой дѣвушкѣ.

Ему что-то стало скучно. Недавнее оживленіе точно пропало. Кромѣ этой глупенькой дѣвушки, знакомыхъ ни души,—да и стоитъ-ли право знакомиться? Среди душнаго, пыльнаго воздуха буфета, куда онъ прошелъ изъ залы, ему точно пахнуло вдругъ мягкимъ, смолистымъ запахомъ вѣковыхъ кедровъ и пихтъ. Вотъ она, тайга!.. Хорошо въ ней! Положимъ, онъ *долженъ* былъ временно уѣхать оттуда. Нужно было... И среди дикаго, вольнаго народа нашлось нѣчто, потребовавшее его удаленія. Впрочемъ, прошлаго не вернешь... Здѣсь все-таки лучше въ В*, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ случаѣ чего, можно и въ Америку махнуть. Денегъ много, даже слишкомъ много... Чего же недостаетъ?.. Онъ тряхнулъ головою.

„Эта дѣвочка своей веселостью навела на меня хандру. Эхъ! бывалъ веселъ и я!“

Онъ выпилъ рюмку коньяку и прошелъ въ большую угловую комнату около балкона. Тамъ играющее человѣчество тѣсной гурьбой расположилось вокругъ зеленаго стола. Металъ штосъ гроза трусливыхъ понтеровъ, поручикъ Широковъ.

Нѣсколько лицъ вопросительно уставились на пришедшаго, но здѣсь слишкомъ всѣ были поглощены интересомъ игры, да и В* въ послѣднее время уже попривыкъ къ личностямъ подобнаго рода. Окинувъ бѣглымъ но привычнымъ взглядомъ и столъ съ разбросанными тамъ и сямъ кучками денегъ, и лица игроковъ, Снарскій вѣжливо обратился къ банкомёту:

— Можно поставить карту?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ тотъ, съ любопытствомъ взглянувъ на пришедшаго.

„Это еще что за гусь?“ мелькнуло у него въ головѣ.

Взявъ первую попавшуюся карту, Снарскій поставилъ на нее нѣсколько смятыхъ депозитокъ. Карта была убита.

— Не хотите-ли присѣсть? пригласили его.

Игра продолжалась нѣсколько времени съ перемѣннымъ успѣхомъ, но Снарскому собственно не хотѣлось играть. Онъ просто не зналъ, какъ убить время. Да и игра была мелкая.

— Сколько въ банкѣ?

Поручикъ счелъ деньги.

— Четыреста тридцать рублей.

— Можно поставить на всѣ?

— Сдѣлайте одолженіе, опять отвѣчалъ банкомётъ.

Онъ былъ игрокъ въ душѣ и ласково посмотрѣлъ на Снарскаго.

Карта опять была убита.

— Не везетъ сегодня, замѣтилъ Снарскій, хладнокровно отодвигая карту.

Слегка прищурившись, онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, точно раздумывая, продолжать игру или нѣтъ. Потомъ поклонился и отошелъ.

Ему становилось все скучнѣе. Натура, не привыкшая стѣсняться, чувствовала себя связанною среди кое-какихъ условій общежитія цивилизованной жизни. Остатки прежней порядочности помогали ему сдерживать себя, но это-то и тяготило его.

„Боюсь я ихъ, что-ли? Эхъ, нѣтъ со мной товарищей... Мы имъ показали-бы, какъ слѣдуетъ веселиться. А впрочемъ, чортъ съ ними... пора идти...“

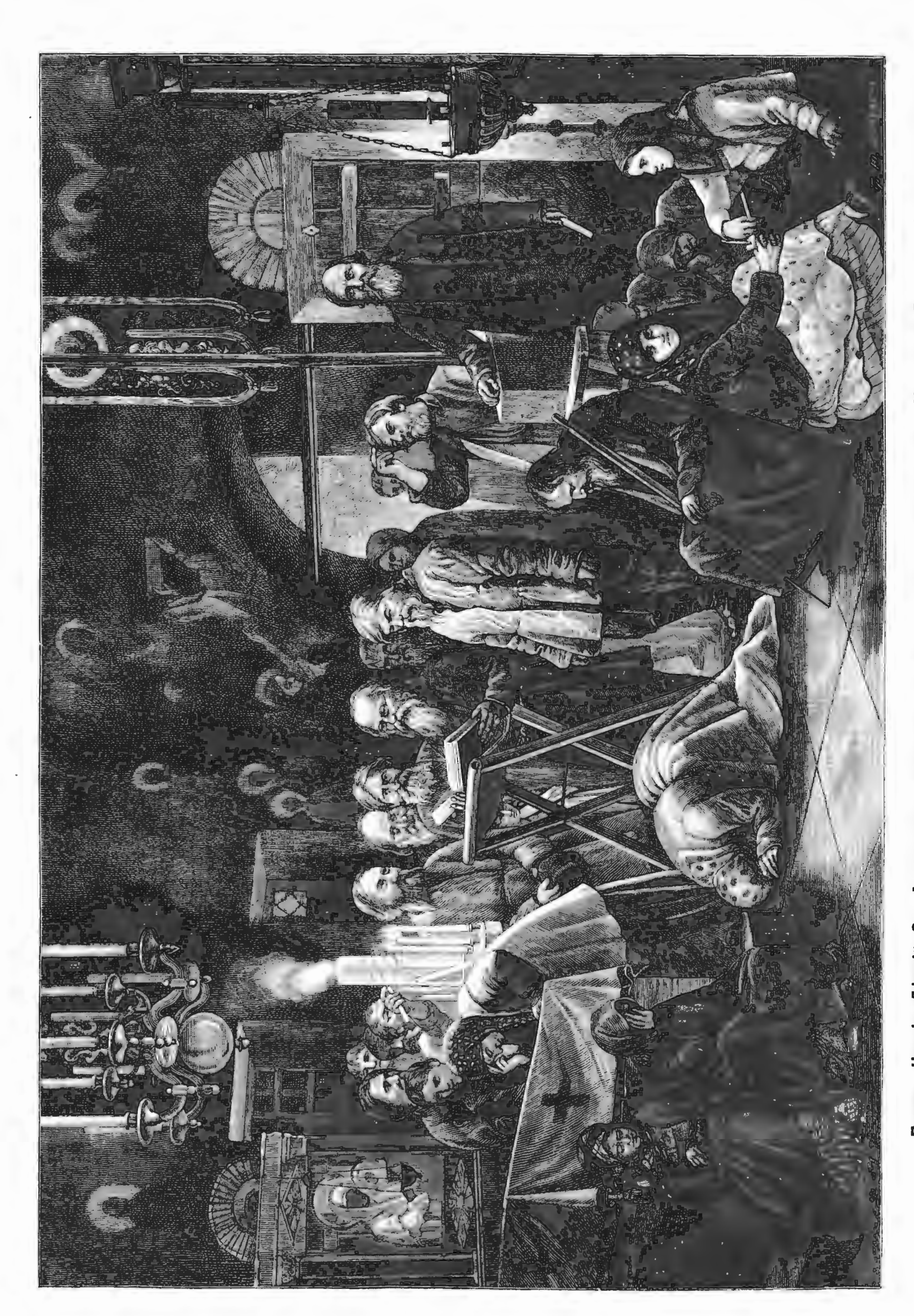
Изъ залы доносились звуки вальса. По дорогѣ онъ заглянулъ туда. Народу прибыло. Кружилось паръ десять. Молодая дѣвушка, съ которой онъ разговаривалъ недавно, теперь танцовала съ какимъ-то офицеромъ. Нѣсколько времени онъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ, близко промелькнувшей мимо него и обдавшей его ароматомъ дешевыхъ духовъ. Лицо его приняло почти нѣжное, непривычное ему выраженіе. Онъ точно вспомнилъ что-то; что-то давно забытое, похороненное, къ чему уже нѣтъ возврата, куда загороженъ путь, точно выплывало передъ нимъ изъ далекой, туманной глубины прошедшаго.

Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ.

„Дрянь городишко, и нечего мнѣ здѣсь дѣлать, думалъ онъ, шагая прямо посерединѣ улицы и не обращая вниманія на лужи и грязь. — А вѣдь хороша... очень хороша... Развѣ приволокнуться?..“

Но тутъ онъ остановился. Противъ его воли, онъ не могъ заставить себя думать дурно объ этой дѣвушкѣ, какъ онъ думалъ обыкновенно о всѣхъ другихъ женщинахъ. Что-то мѣшало ему. Синіе глазки, такъ ясно и довѣрчиво смотрѣвшіе на него, тихо возникли передъ нимъ какъ живые, въ недвижной темнотѣ этой теплой іюльской ночи.

Снарскій снялъ шляпу и обмахнулся. Въ воздухѣ было душно, на небѣ сверкала зарница, гдѣ-то въ сторонѣ слышались мѣрные всплески морскихъ волнъ. Онъ шелъ, погруженный въ задумчивость, машинально сбивая хлыстикомъ верхушки придорожныхъ растеній.

Пасха. Чтеніе Дѣяній Св. Апостоловъ крестьянами передъ заутреней Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Целебровскаго, грав. Шюблеръ.

Заутреня Свѣтлаго Христова Воскресенія. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Писемскаго, грав. Пуцъ.

II.

Молодую дѣвушку, съ которой разговаривалъ Снарскій въ клубѣ, звали Таней Орловой. Впрочемъ, въ городѣ знакомые называли ее еще „прекрасною камчадалкой". Ея мать была вдова стараго штурмана, долго служившаго въ Петропавловскѣ, и послѣ его смерти переселилась въ В*, гдѣ выстроила домикъ. Въ этотъ домикъ она пускала иногда пріѣзжихъ. Но такъ какъ пріѣзжихъ въ В* было вообще мало, то и ея дѣла не процвѣтали; а такъ какъ, съ другой стороны, Снарскій предложилъ ей чуть не сумасшедшую цѣну за двѣ маленькія комнатки, то неудивительно, что онъ пріобрѣлъ себѣ большую цѣну въ ея глазахъ, хотя старуха сначала и смущалась нѣсколько внѣшностью новаго жильца.

— Точно разбойникъ, прости Господи! говорила она.

Дочка—та ничего не говорила. Наивная дикарочка, по-своему она была очень хороша. Главную ея прелесть составляли синіе,—увы, немного косо прорѣзанные,—глаза, въ противоположность чернымъ кудрявымъ волосамъ, и прелестное, чисто дѣтское очертаніе полныхъ губокъ. Она вела хозяйство, распѣвала какъ птичка, состояла „приходящею" учительницей въ мѣстной городской школѣ и наполняла весельемъ весь домъ. Семнадцати лѣтъ она походила на розовое, цвѣтущее дитя.

Снарскій сначала понравился и заинтересовалъ ее. Она разговаривала, гуляла съ нимъ охотно, относилась просто какъ къ хорошему знакомому. Онъ не былъ ей опасенъ нисколько, потому что она втайнѣ уже любила другаго. Бѣлокурый поручикъ ихъ мѣстнаго батальона давно плѣнилъ ея сердце.

Какъ только поэтому замѣтила она, что—сначала легкое и небрежное—ухаживанье Снарскаго получаетъ все болѣе замѣтный и, главное, безцеремонный характеръ, такъ тотчасъ же, съ инстинктомъ женщины любящей другаго, стала къ нему холодна, стала чуждаться его. По этому поводу у нихъ съ матерью часто происходили бурныя сцены.

— Я, мама, не буду выходить, когда онъ приходитъ къ намъ, наконецъ рѣшительно заявила она матери, послѣ того, какъ Снарскій нѣсколько разъ приходилъ къ нимъ въ „залу" побесѣдовать и напиться чаю, и слишкомъ долго и выразительно жалъ ей руку.

— Напрасно, Таня, возражала старуха, втайнѣ начавшая сильно благоволить къ новому жильцу, особенно послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ дѣлалъ ей подарки.—Онъ, кажется, хорошій человѣкъ, а съ тебя не убудетъ, что ты придешь и посидишь...

— Я, мама, боюсь его—онъ такъ смотритъ.

— Онъ не волкъ, матушка, чтобъ его бояться. А ты дѣвочка молоденькая и не должна упускать своего счастія. Кто знаетъ?..

Тутъ старуха таинственно умолкала, а Таня обыкновенно начинала плакать.

Но слезы дешево цѣнятся тамъ, гдѣ на другой чашкѣ вѣсовъ лежитъ бѣдность. Старая штурманша искренно любила дочь, но по-своему понимала „счастіе" молодой дѣвушки. Она заставила-таки ее принять отъ Снарскаго цѣнный браслетъ и верховую лошадь съ сѣдломъ, заплаченную что-то очень дорого.

— Теперь я буду имѣть по крайней мѣрѣ удовольствіе кататься съ вами, говорилъ Снарскій.

Напрасно Таня отказывалась.

— Я не хочу, я не возьму, Феликсъ Осиповичъ!

Но, однако, взяла, или, вѣрнѣе, принуждена была взять. Снарскій прибѣгъ къ авторитету матери, а та, конечно, не устояла передъ дорогимъ подаркомъ.

— Очень вы ужь балуете дочку. Благодари же, Таня!

— Не говорите глупостей... Что еще?.. Дорого стóитъ?.. Пустяки, я и не это сдѣлалъ бы, чтобъ только доставить удовольствіе вашей дочери.

И онъ смотрѣлъ на Таню своими блестящими „цыганскими" глазами.

— Только, кажется, трудно сдѣлать что-нибудь, чтó доставило бы вамъ удовольствіе; что вы такая невеселая, Татьяна Николаевна? спрашивалъ онъ ее, когда они остались одни.

Молодая дѣвушка молчала.

— Вамъ не нравятся мои подарки? Да? тише и тише спрашивалъ Снарскій, наклоняясь надъ нею.

Таня подняла на него глаза.

— Мнѣ не нравится, Феликсъ Осиповичъ, то, что вы ихъ дѣлаете. Зачѣмъ это? Оставьте...

Снарскій нахмурился.

— Я дѣлаю ихъ... Впрочемъ, зачѣмъ вамъ знать, для чего я ихъ дѣлаю? Надѣюсь, я не обидѣлъ васъ? Чтó съ вами?

Полныя губки задрожали. Таня совсѣмъ приготовилась заплакать.

— Такъ... оставьте меня...

Снарскій ушелъ. Все чаще и чаще послѣ разговоровъ съ нимъ Таня чувствовала себя разстроенною. Она даже сердилась на себя. Нѣсколько разъ сбиралась она сказать ему, чтобъ онъ оставилъ ее въ покоѣ, что она любитъ другаго. Но всякій разъ какая-то инстинктивная боязнь удерживала ее. А между тѣмъ и она должна была выдерживать тяжелыя сцены. Такъ и въ этотъ разъ.

Въ городѣ, привыкшемъ къ сплетнямъ, ничто, конечно, не остается тайной. Узналъ о подаркѣ Снарскаго и возлюбленный Тани, поручикъ Гангесовъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! выговаривалъ онъ.—Чтó объ тебѣ могутъ подумать? А этого авантюриста я проучу.. Я покажу ему, какъ дѣлать подарки чужимъ невѣстамъ!..

— Но, Петя! вѣдь онъ не знаетъ, что я твоя невѣста! Не сердись, Петя, милый Петя!..

И она ласкалась къ нему, и смотрѣла на него еще мокрыми отъ слезъ, но уже смѣющимися глазками, и плакала, и цѣловала.

А поручикъ Гангесовъ думалъ тяжелую думу. Это былъ молодой, совсѣмъ еще „зеленый" юноша, но онъ крѣпко любилъ свою Таню. О своей любви, дѣйствительно, она не говорила никому. Гангесовъ справедливо опасался отказа и со стороны матери Тани, и со стороны своего начальства. У штурманши не было ничего, кромѣ жалкаго домишка, стоившаго нѣсколько сотъ рублей, и молодому офицеру нужно было представлять залогъ, чтобъ имѣть право жениться. А у него въ завѣтномъ бумажникѣ на груди, который онъ всегда носилъ съ собою, было только 1800 р. разными бумажками и билетами, плодъ долгихъ сбереженій.

А между тѣмъ уже десять мѣсяцевъ (время, въ которое онъ познакомился съ Таней) онъ отказываетъ себѣ во всемъ. Товарищи и то зовутъ его скупягой и Плюшкинымъ за то, что онъ почти никогда не участвуетъ ни въ одной пирушкѣ, не пьетъ, не играетъ въ карты, или играетъ по невозможно маленькой, ставя по полтиннику, по рублю, и возбуждая насмѣшки товарищей. Чтó за бѣда! Онъ не обращаетъ на это вниманія. Вѣдь это все для нея, для его Тани...

И вотъ изъ 1,200 рублей, съ которыми онъ пріѣхалъ въ В*, у него стало 1,800. И только. Далеко еще до пяти тысячъ и долго ждать.

А ждать все тяжелѣе. Таня кружила ему голову, особенно въ тѣ минуты, когда съ невѣдѣніемъ молодости, сама не сознавая, что съ ней, она прижималась къ нему, и шептала, стоя передъ нимъ съ поблѣднѣвшими щеками, съ туманомъ горячей страсти въ глазахъ:

— Петя, милый! Когда же... когда ты возьмешь меня къ себѣ?..

А тутъ еще этотъ Снарскій. Кто онъ? Откуда? Гангесовъ ясно видѣлъ, чтó значитъ, когда человѣкъ, подобный Феликсу Снарскому, дѣлаетъ дѣвушкѣ тысячные подарки. Да и дура мать души въ немъ не чаетъ...

На сердцѣ молодаго человѣка было тяжело, и въ груди его начинало вспыхивать недоброе чувство къ предполагаемому сопернику.

(Оконч. въ слѣд. №).

Памятное приключеніе.

(Изъ сибирской жизни).

Виктора Николаева.

(Окончаніе).

Смятеніе, происшедшее у непріятелей, дало возможность Ахмету взобраться на утесъ, а мнѣ обсудить обстоятельства, въ которыхъ мы очутились. Солнце уже взошло надъ горизонтомъ и озарило окрестность несмѣлымъ, блѣднымъ свѣтомъ утра. Утесъ, на которомъ мы находились, стоялъ на полукруглой полянкѣ, имѣя съ трехъ сторонъ густой дѣвственный лѣсъ. Позади утеса безшумно но мощно несла свои воды широкая, могучая рѣка; за ней, въ разстояніи версты отъ насъ, виднѣлся низкій болотистый и пустынный берегъ.

Я еще не успѣлъ окончить своихъ наблюденій, какъ крики и проклятія непріятеля дали мнѣ знать о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Враговъ тутъ было пять человѣкъ: рыжій парень, два хозяйскихъ сына (одинъ, должно-быть, остался въ заимкѣ, получивъ отъ меня свинцовый подарокъ) и, кромѣ того, два бородатыхъ, съ бритыми затылками, варнака, вѣроятно гостившихъ скрытно на заимкѣ. На наше счастье, ни у одного изъ нихъ не было огнестрѣльнаго оружія, а то они перестрѣляли бы насъ какъ журавлей.

Первымъ бросился на штурмъ нашей крѣпости старшій изъ сыновей старика. Съ рѣшительнымъ и мрачнымъ видомъ, имѣя за поясомъ топоръ и держа въ зубахъ большой широкій ножъ, полѣзъ онъ по стволу кедра, быстро перехватывая сучья своими исполинскими руками. Онъ уже успѣлъ добраться до середины, когда я съ Ахметомъ, замѣтивъ его маневръ, постарались помѣшать ему совмѣстными усиліями: взявши, валявшуюся тутъ же, вершину кедра, мы подсунули ее подъ его стволъ на подобіе рычага и напрягши всѣ свои силы, начали сдвигать его съ края утеса. Вотъ разбойникъ почти дости-

гаетъ уже утеса; еще нѣсколько секундъ—и онъ станетъ на скалу; но въ это время мы послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ сталкиваемъ стволъ... Съ глухимъ трескомъ и грохотомъ покатился столѣтній, уже успѣвшій высохнуть, великанъ на землю вскормившую его, увлекая въ своемъ паденіи смѣльчака, ослѣпленнаго жаждою мести. Нечеловѣческій крикъ ужаса былъ тотчасъ поглощенъ трескомъ ломающихся сучьевъ, и только безжизненное, искалѣченное тѣло человѣка, за минуту передъ тѣмъ цвѣтущаго здоровьемъ и силой, погребенное подъ изломанными членами лѣснаго исполина, свидѣтельствовало о катастрофѣ. Непріятели, видя полнѣйшую невозможность добраться до насъ открытою силой, повидимому рѣшились выморить насъ голодомъ, и расположились на привалѣ шагахъ въ пятидесяти отъ утеса. Исключительность нашего положенія заставила меня обратить вниманіе на нашу крѣпость и подробнѣе осмотрѣть ее. Это было въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе природы *). Представьте себѣ шестисаженный, четырехгранный прямой столбъ гранита, стоящій у самаго берега рѣки на полукруглой хрящеватой полянкѣ; поверхность площадки, на которой мы находились, была почти квадратная, а возлѣ середины ея, ближе къ рѣкѣ, чернѣло круглое отверстіе около аршина въ діаметрѣ. Я бросилъ въ него осколокъ гранита—черезъ секунду послышался глухой всплескъ воды; ясно было, что вода въ этомъ естественномъ колодцѣ стояла на одномъ уровнѣ съ поверхностью рѣки и, должно-быть, имѣла съ ней сообщеніе. По краямъ площадки, тамъ и сямъ, въ ямкахъ лежали яйца чаекъ и рыболововъ, которые съ пронзительнымъ крикомъ кружились надъ нашими головами. Это открытіе меня очень порадовало, такъ какъ доставляло намъ хотя и незначительный, но все-таки нѣкоторый запасъ пищи. Между тѣмъ солнце поднялось уже довольно высоко и начало насъ печь жесточайшимъ образомъ. Для того, чтобы хоть немного облегчить дѣйствіе ужаснаго жара, намъ пришлось развѣсить свое верхнее платье на кустарникъ, сѣмена котораго, Богъ знаетъ какой бурей, были занесены на эту площадку, и скрыться подъ этой импровизованной палаткой. Непріятель тоже разбилъ себѣ нѣкоторое подобіе палатокъ въ тѣни столѣтнихъ кедровъ. Поодаль стояла телѣга и около нея мирно паслась тройка лошадей; съ нашей же бричкой уѣхалъ одинъ изъ варнаковъ. Видя спокойное положеніе непріятеля, я думалъ послѣдовать примѣру Ахмета, который давно уже лежалъ въ растяжку на мягкомъ ложѣ мха, отдыхая послѣ тяжелой ночной и утренней работы. Но едва попытался я привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ на насъ посыпались камни, комья земли и обломки сучьевъ изъ непріятельскаго лагеря. Конечно, тутъ нечего было и думать объ отдыхѣ. Мы вскочили на ноги и затѣяли съ непріятелемъ перестрѣлку, пользуясь тѣмъ же самымъ матеріаломъ. Нѣкоторые изъ непріятельскихъ камней попали въ гнѣзда чаекъ, гдѣ лежала наша драгоцѣнная провизія. Это заставило насъ перенести яйца изъ всѣхъ гнѣздъ къ кустамъ вереска и покрыть ихъ всѣмъ, что имѣлось у насъ подъ руками, т. е. мхомъ. Наконецъ непріятелю надоѣла эта безцѣльная перестрѣлка, и онъ оставилъ насъ въ покоѣ, нанеся намъ и получивъ отъ насъ нѣсколько легкихъ контузій.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, сказалъ Ахметъ и растянулся на мягкой моховой постели.

Я прилегъ возлѣ него, съ твердымъ намѣреніемъ не смыкать глазъ; но сильное физическое и нервное потрясеніе, вызванное событіями ночи, дало себя знать: крѣпкій, здоровый сонъ утомленнаго человѣка тотчасъ сковалъ мои вѣки и оторвалъ меня отъ дѣйствительности. Какъ часто сонъ шутитъ надъ нами и переноситъ насъ въ совершенно иную обстановку! Мнѣ снилось, что я дома, спокойно дремлю на софѣ въ ожиданіи обѣда, въ комнату входитъ моя младшая сестрица и говоритъ мнѣ, что обѣдъ уже готовъ. Я слышу ее, но притворяюсь спящимъ; она подходитъ ко мнѣ, беретъ меня за плечи и начинаетъ раскачивать...

— Уфъ! наконецъ-то добудился! промолвилъ Ахметъ, вытирая со лба крупныя капли пота.—Ну, и здоровъ же ты спать нонѣ, баринъ.

Я протеръ глаза и съ удивленіемъ осмотрѣлся по сторонамъ; первое мгновеніе я ни въ чемъ не могъ дать себѣ отчета, и только спустя нѣкоторое время мало-по-малу событія ночи возстановились въ моей памяти и я узналъ окружающую обстановку. Взглянувъ на непріятелей, я увидѣлъ, что они сидѣли за ужиномъ, такъ какъ солнце давно уже перевалило за полдень и медленно склонялось къ западу. Около непріятельскихъ палатокъ стояла наша бричка съ лошадьми, вѣроятно привезшая провизію.

— Смотри, баринъ, недоброе они затѣяли, на то тебя и разбудилъ, замѣтилъ Ахметъ, указывая мнѣ на окраину поляны.

Я взглянулъ по его указанію и увидѣлъ, что на нѣкоторыхъ деревьяхъ, ближайшихъ къ утесу, были сдѣланы зарубки со стороны противоположной намъ, т. е. такъ, что при паденіи дерево неминуемо должно было опереться на утесъ. Планъ непріятеля былъ ясенъ: опрокинуть на насъ за-разъ пять лѣсныхъ великановъ и задавить насъ ихъ верхушками или же добраться до насъ сразу по пяти штурмовымъ лѣстницамъ. И то и другое не обѣщало намъ ничего хорошаго. Я тотчасъ понялъ адскій замыселъ непріятеля и принялся было измышлять способы спасенія и бѣгства изъ этой западни до наступленія критическаго момента. Но тутъ зрѣлище ужина напомнило мнѣ о томъ, что мы со вчерашняго дня ничего не ѣли, и до того подзадорило мой аппетитъ, что я, отложивъ въ сторону проектированіе обороны, досталъ изъ нашей кладовой нѣсколько яицъ, склонилъ къ тому же и Ахмета, и мы принялись есть эти яйца, подобно преступникамъ, осужденнымъ на смертную казнь и утоляющимъ съ большимъ удовольствіемъ свой аппетитъ за нѣсколько часовъ до смерти. Поужинавъ такимъ образомъ, мы почувствовали сильнѣйшую жажду, для удовлетворенія которой мнѣ пришлось пожертвовать своей шелковой рубашкой: она была разрѣзана на тоненькія полоски, полоски, связанныя между собою, образовали бичевку, къ которой была прикрѣплена дорожная фляга, имѣвшаяся у Ахмета. Опустивъ эту флягу въ колодецъ, мы достали воды. Подкрѣпивъ себя этимъ легкимъ ужиномъ, я обратилъ вниманіе на дѣйствія противника. Тамъ дружно стучали пять топоровъ по твердымъ стволамъ кедровъ, рѣзко нарушая вечерній покой природы. Особенно ревностно работалъ рыжій парень; цѣлый снопъ щепокъ такъ и летѣлъ во всѣ стороны при каждомъ могучемъ взмахѣ его топора, у другихъ работа шла менѣе успѣшно. Съ наступленіемъ сумерокъ, непріятель прекратилъ работу и, поставивъ часоваго на берегу рѣки, влѣво отъ утеса, улегся спать.

На первую смѣну сталъ одинъ изъ сыновей старика; онъ бодро ходилъ взадъ и впередъ, изрѣдка поглядывая на насъ. Его смѣнилъ рыжій парень, исполнявшій свою обязанность такъ же ревностно, такъ что бѣгство съ утеса представлялось совершенно невозможнымъ. Намъ тоже пришлось поочередно караулить сонъ товарища, такъ какъ можно было опасаться, что непріятель, воспользовавшись нашимъ сномъ и темнотою ночи, приставитъ какія-нибудь тоненькія жерди къ нашему утесу и по нимъ проберется къ намъ незваннымъ гостемъ. Но опасенія наши были напрасны, непріятель преспокойно спалъ себѣ всю ночь и не обнаружилъ никакихъ враждебныхъ попытокъ. Ночь была замѣчательно теплая, и только сырость поднимавшаяся отъ рѣки заставляла насъ прикрываться своими шинелями. Но не долго довелось намъ наслаждаться этимъ относительнымъ покоемъ. Коротенькая лѣтняя ночь промелькнула быстрѣе мысли, и заалѣвшій востокъ уже свидѣтельствовалъ о зарожденіи новаго дня, когда наши непріятели начали вылѣзать изъ своихъ палатокъ. Покинувъ палатки и совершивъ коротенькую общую молитву, согласно обрядовъ духоборцевъ, сидя на колѣняхъ лицомъ къ востоку, они принялись за работу. Рѣшительный моментъ приближался; у рыжаго парня дерево было надрублено болѣе чѣмъ на половину, у другихъ нѣсколько менѣе. Положеніе было отчаянное. На бѣгство сухимъ путемъ нечего было разсчитывать въ виду такого, превосходящаго числомъ непріятеля; оборона на мѣстѣ была если не нелѣпа, то очень сомнительна; оставался, значитъ, только одинъ путь отступленія—рѣка. Но какъ до нея добраться? Спуститься по гладкой стѣнѣ утеса не было никакой возможности; броситься прямо въ воду было очень рискованно, въ виду небольшой глубины у берега, да и кромѣ того шумъ отъ этого паденія непремѣнно бы привлекъ вниманіе непріятеля, а намъ нужно было выиграть какъ можно больше времени, не давая о себѣ знать. Я не зналъ на что рѣшиться. Но тутъ взоръ мой, безцѣльно блуждавшій по сторонамъ, вдругъ остановился на отверстіи колодца, и мнѣ въ голову внезапно пришла, показавшаяся сначала сумасбродною, мысль воспользоваться этимъ колодцемъ какъ путемъ къ рѣкѣ; я подошелъ къ отверстію и заглянулъ внутрь: труба опускалась внизъ не совсѣмъ вертикально, а склонялась немного къ рѣкѣ, стѣнки были довольно шероховаты, вслѣдствіе того имѣли массу выступовъ и впадинъ, образовавшихся отъ вывѣтриванія камня; глубоко на днѣ свѣтилась желтоватая вода. Это обстоятельство меня сильно поразило, потому что глубина и узость колодца не могли допустить туда наружнаго свѣта черезъ верхнее отверстіе, слѣдовательно свѣтъ получался сбоку, съ рѣки, и сообщеніе съ рѣкой было не особенно длинно. Я сообщилъ Ахмету мой планъ дѣйствій, онъ тотчасъ же согласился, потому что самъ отлично понималъ безвыходность нашего положенія, и мы принялись приводить его въ исполненіе. Воспользовавшись тѣмъ, что непріятели работали очень близко и не могли видѣть всего происходившаго на площадкѣ, мы сняли съ себя все верхнее платье, сдѣлали изъ него нѣкоторое подобіе лежащихъ фигуръ и придвинули ихъ поближе къ краю на видъ непріятелямъ. Затѣмъ надобно было рѣшаться на головоломное и рискованное путешествіе. Мы оба, выросшіе на Волгѣ, были прекрасные пловцы, такъ что вода насъ не пугала, но что было бы съ нами, если бы отверстіе, сообщавшее колодецъ съ рѣкой, оказалось узко для человѣка: при одномъ только предположеніи волосы становились дыбомъ; однакоже это былъ единственный исходъ и надо было рѣ-

*) Утесъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится на берегу Енисея въ 150 верстахъ выше впаденія въ него р. Верхней Тунгузки; онъ имѣетъ центральный колодецъ и почитается святымъ мѣстомъ у тунгузовъ, которые зовутъ его Лимикутъ — пребываніе или резиденція Лимы.

шаться, не теряя ни минуты времени. Я полѣзъ первымъ. Схватившись руками за края колодца и спустивъ туловище внизъ, я нащупалъ ногами упоры для ступней на стѣнкахъ колодца, развелъ изо всѣхъ силъ ноги, перенесъ руки поочередно на выступы внутри колодца, переставилъ снова ноги и продолжалъ тѣмъ же порядкомъ дальнѣйшее путешествіе; наконецъ, цѣною неимовѣрныхъ усилій, мнѣ удалось благополучно достигнуть площадки, шириной около фута, у самой воды; едва успѣлъ я утвердиться на ней для того, чтобы хотя немного оправиться отъ непосильной гимнастики, какъ изъ-подъ моихъ ногъ съ визгомъ выскочили два маленькихъ звѣрька и нырнули въ воду,—это я очевидно потревожилъ гнѣздо рѣчныхъ выдръ, которыя въ изобиліи водятся на всѣхъ сибирскихъ рѣкахъ. Внезапно наступившая темнота сверху и шорохъ дали мнѣ знать, что Ахметъ послѣдовалъ моему примѣру и спускается на меня; я прижался возможно плотнѣе къ стѣнѣ противуположной той, по которой онъ лѣзъ. Вода въ колодцѣ просвѣчивала довольно сильно, что свидѣтельствовало о достаточной ширинѣ отверстія, однакоже я не отваживался нырнуть въ этотъ подземный бассейнъ, не дождавшись Ахмета, который наконецъ, тяжело кряхтя и отдуваясь, спустился на площадку, бормоча себѣ подъ носъ татарскія ругательства по адресу нашихъ непріятелей.

— Ну-ка, поддержи меня, Ахметъ, сказалъ я ему, беря его за руку и погружая свое тѣло въ воду, которая была не особенно тепла.

Опускаясь все глубже и глубже, поддерживаемый Ахметкой, я, уже стоя по горло въ водѣ, наконецъ нащупалъ ногами дно; тогда я, выпустивъ руку Ахмета, опустилъ голову подъ воду и, повернувшись лицомъ къ свѣту, увидѣлъ, приблизительно въ сажени отъ себя, широкое свѣтлое пятно; поднявъ голову, я разсказалъ Ахмету все видѣнное мною, немного отдышался и затѣмъ, перекрестившись, нырнулъ по направленію свѣта; чрезъ нѣсколько секундъ я уже вынырнулъ на поверхность рѣки саженяхъ въ двухъ отъ утеса; слѣдомъ за мной показалась изъ воды голова Ахмета, и мы съ величайшей осторожностью поплыли на другую сторону рѣки.

Не успѣли мы отплыть сажень двадцати, какъ ужаснѣйшій трескъ привлекъ наше вниманіе на берегъ, и вотъ что̀ представилось нашимъ взорамъ: утесъ, только-что служившій убѣжищемъ для насъ, былъ положительно погребенъ подъ густой зеленой горой, а по стволамъ двухъ прибрежныхъ кедровъ, поверженныхъ на утесъ, взбирались, испуская дикіе крики торжества, съ проворствомъ обезьянъ, съ одной стороны—Трошка Рыжакъ, а съ другой стороны—одинъ изъ варнаковъ. Едва ступили они на площадку, какъ крики торжества смѣнились воплями ярости и досады. При первомъ же взглядѣ на рѣку они увидѣли наши головы на поверхности воды; градъ камней полетѣлъ въ нашу сторону; тутъ подоспѣли къ нимъ и остальныя силы, которыя открыли по насъ пальбу изъ револьверовъ, оставленныхъ мною на утесѣ; но мы уже были внѣ всякихъ выстрѣловъ и, подхваченные быстриной, неслись внизъ по рѣкѣ. Уносимые теченіемъ, мы видѣли, какъ непріятели слѣзли со скалы и бросились вдоль берега въ лѣсъ, чтобы преслѣдовать насъ по берегу, но это намѣреніе было невыполнимо—берега рѣка были покрыты такимъ дремучимъ лѣсомъ, что никакое быстрое движеніе въ немъ не было возможно.

Избавившись наконецъ отъ назойливыхъ непріятелей, я обратилъ вниманіе на собственную особу, которая привела меня къ весьма печальнымъ размышленіямъ; все мое тѣло послѣ гимнастическаго путешествія было покрыто царапинами и ссадинами, особенно же болѣли руки и ноги, всѣ мускулы ныли, надорванные непосильной работой, и не обѣщали продолжительной службы. Ахметъ, повидимому, чувствовалъ себя не лучше.

И дѣйствительно, положеніе наше было отчаянное: внезапный упадокъ силъ, слѣдствіе чрезмѣрной физической работы, быстро замѣнилъ собою приливъ энергіи въ моментъ опасности и угрожалъ отдать насъ на съѣденіе рыбамъ. О переправѣ на другую сторону рѣки нечего было и думать: каждое лишнее усиліе, сдѣланное рукой или ногой, приближало насъ къ смерти. Пристать къ этому берегу было тоже очень трудно, потому что мы отплыли уже порядочно, да и опасно, въ виду преслѣдованія непріятеля. Оставалось только одно: лежать спокойно на водѣ и предоставить себя всецѣло на волю Божію. Но и это было не безопасно: стаи чаекъ и рыболововъ такъ и сновали надъ нашими головами и иногда спускались до того низко, что, казалось, будто хотѣли выклевать глаза; приходилось перевертываться и плыть нѣкоторое время на груди. Эти частые маневры до того утомили меня, что я началъ мало-по-малу терять сознаніе. Помню только, одинъ изъ рыболововъ такъ низко пролетѣлъ надъ моей головой, что я инстинктивно повернулся на грудь и хотѣлъ плыть; но тутъ силы окончательно оставили меня и я пошелъ было ко дну, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то поддерживаетъ меня за плечо; я вынырнулъ и увидѣлъ подлѣ себя блѣдное, изнеможенное лицо Ахмета.

— Подбодрись, баринъ, сказалъ онъ мнѣ хриплымъ голосомъ,—вишь впереди лодки!

Я посмотрѣлъ впередъ и дѣйствительно увидѣлъ шагахъ въ трехстахъ впереди насъ нѣсколькихъ туземцевъ, ловившихъ рыбу, въ своихъ легкихъ долбленыхъ лодочкахъ. Я собралъ послѣднія силы, высунулся немного изъ воды и крикнулъ; какой-то болѣзненный вопль вырвался изъ моей груди вмѣсто крика, но все-таки былъ услышанъ, потому что я увидѣлъ, хотя и смутно, что люди повернули къ намъ.. Затѣмъ предъ моими глазами все пожелтѣло; въ этой прозрачной желтизнѣ промелькнуло нѣсколько рыбъ, стволы водорослей, въ ушахъ поднялся ужаснѣйшій шумъ, и все скрылось.

Очнулся я ровно двѣ недѣли спустя, въ своей квартирѣ въ N., среди своихъ домашнихъ, проведя все это время между жизнью и смертью, въ сильнѣйшей нервной горячкѣ, осложненной физическимъ потрясеніемъ. Когда я началъ возстановлять въ своей памяти прошедшее, то первымъ моимъ желаніемъ было освѣдомиться объ участи Ахмета; но я скоро успокоился въ этомъ отношеніи, когда увидѣлъ его, здраваго и невредимаго, входящаго въ мою комнату. Получивъ у доктора позволеніе разговаривать, я не преминулъ спросить у Ахмета то, чего не сохранила моя память, и вотъ что̀ я услышалъ отъ него: послѣ того, какъ крикнувъ я пошелъ ко дну, Ахметъ подхватилъ меня и плылъ нѣкоторое время со мною, напрягая послѣднія силы; туземцы между тѣмъ приближались. Наконецъ и желѣзные мускулы Ахмета не выдержали, и онъ началъ тонуть не выпуская меня изъ рукъ. На счастье тутъ подоспѣли туземцы и бросили ему конецъ веревки; онъ схватился за него и былъ вытащенъ изъ воды, влача за собою мое безжизненное тѣло. Туземцы тотчасъ перенесли насъ въ свою хижину и всякими средствами стали приводить меня въ чувство; дыханіе имъ удалось возбудить, но глазъ я такъ и не открывалъ. Ахмету съ грѣхомъ пополамъ удалось объяснить туземцамъ—откуда мы поѣхали и куда намъ нужно возвратиться. Они ему сообщили, что мы находимся въ семидесяти верстахъ отъ N., а утесъ, на которомъ мы болѣе сутокъ выдерживали осаду, есть извѣстное священное мѣсто туземцевъ, почитаемое за резиденцію бога зла Лимы, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ завываніями во время вѣтра, что очевидно происходитъ отъ свиста и воя вѣтра въ колодцѣ. Узнавъ отъ Ахмета о нашихъ приключеніяхъ, туземцы стали относиться къ намъ съ величайшимъ уваженіемъ, и кромѣ того, что оказали намъ радушный пріемъ, вызвались доставить насъ въ N., что и выполнили вполнѣ добросовѣстно. Окончаніе слѣдствія, начатаго мною, было поручено моему помощнику; онъ отправился въ сопровожденіи десяти казаковъ на заимку нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ, но вмѣсто нея нашелъ только груду углей и пеплу. Жильцы заимки пропали безъ вѣсти, уведя съ собою всѣхъ лошадей.

Черезъ пять лѣтъ я получилъ повышеніе, а именно, былъ назначенъ Н—скимъ исправникомъ, и какъ разъ въ день моего пріѣзда въ Н—скъ, въ округѣ была поймана и приведена въ городъ цѣлая шайка „рыцарей проѣзжихъ дорогъ“, всего семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ я узналъ всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ; они сдѣлали видъ или на самомъ дѣлѣ не узнали меня, а черезъ нѣсколько дней отправились дальше, по пути къ Сахалину, куда были приговорены на вѣчную каторгу; болѣе объ нихъ я не слышалъ.

Къ рисункамъ.

Пастушки. (Рис. на стр. 305).

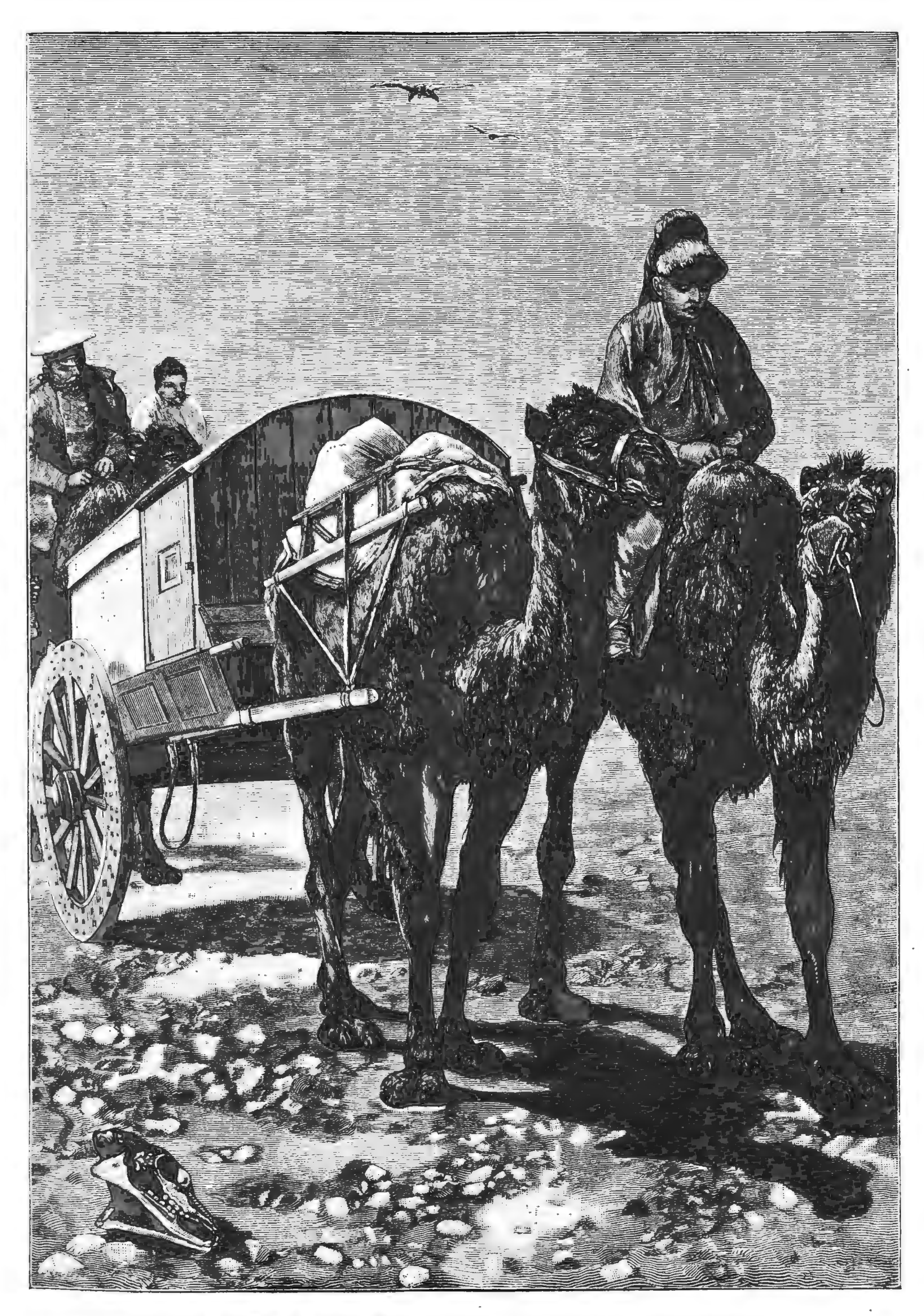
Подъ лучами теплаго весенняго солнышка зазеленѣли лѣса, зацвѣли луга. Послѣ долгой зимы, скотину выгнали въ поле на свѣжій кормъ, а за нею на пастбище потянулась и домашняя птица. Длинною, бѣлою лентою идутъ гуси, одинъ за другимъ, по мягкой и свѣжей муравѣ, подъ присмотромъ двухъ дѣвочекъ-подростковъ, усѣвшихся отдохнуть на холмикѣ.

Пасха Христова. Встрѣча Свѣтлаго Праздника.

(Рис. на стран. 308 и 309).

Художникъ совмѣстилъ въ одномъ рисункѣ всѣ главные моменты встрѣчи Свѣтлаго Праздника: чтеніе Дѣяній Апостольскихъ надъ плащаницею; шествіе съ хоругвями и зажженными свѣчами вокругъ храма, и наконецъ христосованіе священника съ паствой. Внизу, ближе къ лѣвой сторонѣ, дѣти устраиваютъ самодѣльную иллюминацію, около которой можно и погрѣться въ холодномъ утренникѣ, а въ верхней части рисунка изображенъ трогательный обычай христосованія съ усопшими. Нѣсколько человѣкъ собрались на кладбище, къ роднымъ могилкамъ, и каждому изъ дорогихъ покойниковъ принесли красное яичко, символъ воскресенія, которое и кладется на дерновую насыпь у креста и зарывается въ могилу.

Недаромъ Свѣтлое Воскресенье называется: праздникомъ праздникъ и торжество изъ торжествъ Такого свѣтлаго, радостнаго настроенія не найдете въ другіе праздники, которые

Русская почта въ степи Шамо (Гоби). Съ рис. Вудвилля, грав. Шлипперъ.

нерѣдко, къ стыду нашему, проводятся среди разгула, переходящаго въ безчинства. Христосованія же знаменуютъ чистую любовь христіанскую, завѣщанную намъ Божественнымъ Учителемъ.

Не поладили. (Рис. на стр. 313).

Два мальчугана, понабравъ за Свѣтлый праздникъ крашеныхъ яицъ, задумали *побиться*: у кого крѣпче, тотъ и отбираетъ разбитое яйцо. Большая была охота у меньшаго выиграть нѣсколько яицъ у своего товарища, но какъ на грѣхъ съ каждымъ ударомъ онъ проигрывалъ. Наконецъ, проигравъ послѣднее, онъ съ досады расплакался. И подѣломъ, другой разъ не жадничай!

Чтеніе „Страстей" крестьянами ночью предъ пасхальною утренею. (Рис. на стр. 316).

Еще съ вечера, наканунѣ „Пасхи", крестьяне изъ дальнихъ и ближнихъ деревень начинаютъ стекаться въ свой приходскій храмъ, гдѣ и располагаются, на полу въ разныхъ группахъ и позахъ. Въ семь часовъ вечера приходитъ въ храмъ священникъ и начинаетъ чтеніе, какъ крестьяне называютъ, „Страстей Господнихъ". По прочтеніи первой главы, онъ уступаетъ чтеніе самимъ крестьянамъ, которые и читаютъ затѣмъ до самой пасхальной утрени по-очереди.

На приложенномъ здѣсь рисункѣ и представлено это чтеніе. Передъ Плащаницей около аналоя стоитъ старецъ деревенскій грамотей въ очкахъ, и громко и внятно читаетъ „Страсти Господни". Въ церкви полумракъ и торжественная тишина. Голосъ чтеца слышенъ всюду. Кругомъ его стоятъ слушатели и ждутъ также своей очереди, когда и имъ можно почитать. Нужно-ли говорить съ какою радостію продолжаютъ свое дѣло счастливцы-чтецы, когда дойдетъ до нихъ очередь. Тутъ же рядомъ на полу сидитъ, какъ видно, дряхлый старикъ съ палкою въ рукахъ и внимательно слушаетъ чтеніе Дѣяній Апостольскихъ. Около него, также на полу, расположилась группа деревенскихъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя жадно ловятъ каждое слово чтеца, можетъ-быть ихъ отца или дѣда. Возлѣ Плащаницы на ступенькахъ возвышенія катафалка сидятъ двѣ прилежныя слушательницы. Одна изъ богомолицъ съ набожностію, присущею нашимъ крестьянамъ, прикладывается къ Св. Плащаницѣ; другая простерлась ницъ предъ Плащаницею. Позади всей группы стоитъ, какъ можно предполагать, ктиторъ церковный, или староста, и продаетъ свѣчи. Возлѣ него сторожъ церковный усердно молится Богу. Но вотъ, когда наступитъ двѣнадцать часовъ ночи, раздастся ударъ колокола,—приходитъ въ церковь священникъ, убираетъ на свое мѣсто Плащаницу, прекращается чтеніе Страстей Господнихъ и начинается служеніе пасхальной утрени. **А. Зыбинъ.**

Заутреня. (Рис. на стр. 317).

Тихая весенняя ночь. На небѣ, какъ огоньки, теплятся звѣздочки. Окутанныя темнотою, неподвижно стоятъ, точно дремлютъ, деревья, опушенныя молодою листвою. Изъ-за нихъ высится темная деревенская церковь. По наступила полночь, ударилъ колоколъ къ заутренѣ, точно свѣтляки задвигались вокругъ храма огни, и онъ, въ сіяніи, точно радуясь Свѣтлому празднику, засверкалъ посреди ночной темноты.

Варіантъ этого рисунка, принадлежащій кисти того же автора, академика Писемскаго, воспроизведенъ нами въ красках на обложкѣ настоящаго (Пасхальнаго) № *Нивы*.

Русская почта въ степи Шамо (Гоби).
(Рис. на стр. 321).

Громадное степное и пустынное плато (плоская возвышенность) Средней Азіи, извѣстное у монголовъ подъ именемъ *Гоби*, а у китайцевъ—*Шамо*, т. е. песчаное море, до новѣйшаго времени было terra incognita. Свѣдѣнія о немъ ограничивались немногими караванными путями, которыми спокон вѣка велись сообщенія между Китаемъ и Сѣверною Азіей. Только въ послѣднее время нѣсколько экспедицій изслѣдовали Гоби въ разныхъ направленіяхъ. Степь эта не представляетъ ни однообразной равнины, ни вполнѣ песчаной или каменистой пустыни. Только середина ея, со всѣхъ сторонъ охваченная кое-гдѣ разорванными отвѣсными утесами, можетъ по праву назваться песчанымъ моремъ. Когда выѣдешь изъ послѣднихъ холмистыхъ отроговъ этого обрамленія, предъ глазами путника открывается необозримая пустыня, совершенно гладкая и непрерывная, какъ поверхность моря въ затишье. Кругомъ царитъ ужасающая мертвая тишина, не нарушаемая ни однимъ признакомъ жизни. По словамъ одного англійскаго путешественника, даже южно-африканскія пустыни Кару и Калагари не производятъ такого безотраднаго впечатлѣнія, какъ Гоби. Одинъ взглядъ на нее уже вызываетъ въ памяти ужасные разсказы о мучительной голодухѣ и жаждѣ несчастныхъ странниковъ, заблудившихся на ея непроглядномъ просторѣ. И нѣтъ недостатка въ дополненіяхъ къ этой грозной картинѣ. Справа и слѣва отъ едва распознаваемой дороги валяются кости верблюдовъ, падающихъ жертвой негостепріимнаго края, особенно зимою, когда стужа почти такъ же сильна, какъ въ Сибири, и снѣгъ покрываетъ пустыню на нѣсколько футовъ. Могильная тишина нарушается по временамъ лишь проходящими караванами, съ которыми, между прочимъ, слѣдуетъ и русская почта. На нашемъ рисункѣ изображенъ такой почтовый верблюдъ, окруженный ради безопасности отъ степныхъ разбойниковъ казаками.

Кокленъ и Маджи. (Портр. на стр. 324).

Великимъ Постомъ сѣверную Пальмиру посѣтили итальянскій трагикъ, вернувшійся изъ Америки, г. Маджи, и извѣстный французскій комикъ г. Кокленъ, прибывшій изъ Москвы; знакомство съ иностранными талантами было интересно. Каждый изъ нихъ привезъ свою труппу, и на этотъ разъ труппы эти оказались не набранными на скорую руку и состоящими Богъ вѣсть изъ кого, какъ это обыкновенно бываетъ когда насъ посѣщаютъ знаменитости; и въ труппѣ г. Маджи, и у г. Коклена—встрѣчались талантливые люди, поддерживавшіе своего принципала-гастролера. Кромѣ французской и итальянской драматическихъ труппъ у насъ гостила еще нѣмецкая,—вѣдь извѣстно, что нашъ Великій Постъ является настоящей Масляницей для иностранцевъ.—но о нѣмецкой труппѣ говоримъ отдѣльно. Какъ г. Маджи, такъ и г. Кокленъ пріютились въ Маломъ театрѣ; по отъѣздѣ перваго въ Москву, его мѣсто занялъ второй. Первый сыгралъ Лира, Кина, Отелло, Гамлета и Краснаго графа, второй поставилъ—„Укрощеніе строптивой", „Зятя Пуарье", „Тартюфа", „Друга Фрица", „Термидоръ", „Бомбиньяка", „Скапена" и еще что-то, все по одному разу; г. же Маджи долженъ былъ Отелло играть три раза и Гамлета два раза.

Трагика Маджи никто у насъ не зналъ; комикъ же былъ извѣстенъ многимъ по Парижу и Москвѣ, гдѣ онъ уже нѣсколько разъ игралъ. Неудивительно поэтому, что на представленія втораго публика брала билеты съ бою, а у перваго театръ бывалъ частенько пустъ. Г. Маджи не болѣе 35 лѣтъ; онъ уроженецъ Турина, воспитывался въ Римѣ и на сценѣ ужь шестнадцать лѣтъ. Онъ обладаетъ прекраснымъ голосомъ (баритонъ); гибкимъ, выработаннымъ (должно-быть онъ учился пѣть); мимика его весьма разнообразна, но артистъ порою злоупотребляетъ ею.

Впрочемъ, преувеличенія попадаются у г. Маджи не только въ области мимики; онъ иногда переходитъ грань и въ выраженіи чувствъ, напр., страха въ сценѣ съ отцомъ въ „Гамлетѣ"; чрезмѣрнымъ реализмомъ нарушаетъ онъ иногда требованія эстетическаго чувства на сценѣ, напр., въ смерти мавра; имѣетъ иногда склонность къ пѣвучей декламаціи, составляющей, впрочемъ, особенность его школы. Но за всѣми этими неровностями виденъ талантливый артистъ, много работавшій надъ своимъ дарованіемъ, и человѣкъ горячаго темперамента. Менѣе всего понравился намъ онъ въ Лирѣ, котораго онъ играетъ разслабленнымъ, дряхлымъ старикомъ, что совершенно не подходитъ къ замыслу Шекспира; кромѣ того, въ его Лирѣ временами проглядывалъ молодой артистъ, — онъ иногда употреблялъ неподходящую походку. Въ Кинѣ онъ былъ недуренъ, но не болѣе.

Гамлета Маджи играетъ нервно больнымъ человѣкомъ, у котораго слишкомъ разыгралось воображеніе. Съ этой исходной точкой никакъ нельзя согласиться, если припомнить, вопервыхъ, эпоху въ которую жилъ Гамлетъ, а во-вторыхъ, особенную заботливость, съ которой Шекспиръ многократно такъ-сказать настаиваетъ на томъ, что Гамлетъ отнюдь не страдаетъ разстройствомъ ума. Весьма много своеобразнаго вноситъ артистъ и въ сценѣ съ актерами, Офеліей, съ матерью и пр., и, напротивъ, никакого значенія почти не придаетъ всѣмъ сценамъ, гдѣ Гамлетъ иронизируетъ надъ окружающими. Въ общемъ въ его игрѣ много оригинальнаго и способнаго затрогивать зрителя, но самый образъ Гамлета и даже просто принца ему не дается: внѣшнему явленію его положительно недостаетъ величавости. Г. Маджи вернется въ будущемъ сезонѣ и съ новымъ репертуаромъ. Артистъ остался очень доволенъ отношеніемъ къ нему критики, несмотря на далеко не единогласныя мнѣнія о немъ. „Для такихъ цѣнителей стоитъ работать", сказалъ онъ намъ.

О второмъ нашемъ гостѣ можемъ меньше сказать, хотя мы его видѣли въ такой капитальной роли, какъ Тартюфъ; вѣроятно многимъ покажется страннымъ наше мнѣніе, но г. Кокленъ намъ совершенно не понравился въ этой пьесѣ; артистъ былъ гораздо лучше въ роли переодѣтаго лакея въ „Жеманницахъ". Отсюда приходимъ къ заключенію, что его сфера роли комика-буффъ, а не серьезно-комическія. У него всѣ данныя для сцены мастерски выработаны; мимика его не знаетъ границъ въ разнообразіи. Но въ Тартюфѣ онъ слабѣе многихъ нашихъ исполнителей. Если бы мы не читали его прекрасныхъ статей о типѣ Тартюфа, о Мизантропѣ, его превосходную параллель между Мольеромъ и Шекспиромъ; если бы мы не имѣли такого блестящаго печатнаго доказательства его глубокаго пониманія и изученія Мольера, то, судя по тому, что мы видѣли въ его Тартюфѣ на сценѣ, мы бы вынесли убѣжденіе, что онъ просто не понимаетъ этого типа. Но доказательства противнаго—налицо; поэтому приходится сказать, что понимать и умѣть воспроизводить — не одно и то же.

Достаточно сказать, что онъ выдвигалъ въ этомъ героѣ одну лишь смѣшную сторону и притомъ лишь во внѣшнихъ ея проявленіяхъ; но Тартюфа-грабителя, Тартюфа-злодѣя — у него не было. Совершенно пропала у него сцена, когда Тартюфа арестуютъ; артистъ обернулся спиной къ публикѣ и такъ простоялъ ее до конца; пріемъ очень нетрудный. И въ сценахъ съ Эльмирой (весьма хорошая артистка г-жа Мальво) также не видно было плотояднаго ханжи; вообще г. Кокленъ провелъ роль очень монотонно и успѣха не имѣлъ въ ней никакого, да онъ и впечатлѣнія не оставилъ никакого; гораздо лучше были его остальные товарищи. Въ роли же раввина Давида въ *l'ami Fritz* г. Кокленъ былъ прекрасенъ и далъ законченный типъ.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

1 апрѣля по новому стилю—день рожденія князя Бисмарка. Этотъ день былъ отпразднованъ во многихъ большихъ городахъ Германіи торжественнымъ образомъ. Число перебывавшихъ въ Фридрихсруэ исчисляютъ въ нѣсколько тысячъ. Желѣзнодорожный вокзалъ и частные дома были богато украшены, со всѣхъ концовъ имперіи и изъ-за границы получена масса подарковъ. Въ 11 ч. утра лауенбургскіе егеря исполнили музыкальную пьесу, послѣ чего публика была допущена въ паркъ для принесенія поздравленія. Національ-либеральная партія послала князю Бисмарку коллективную поздравительную телеграмму. Командующій въ Альтонѣ генералъ графъ Вальдерзэ лично поздравилъ князя. Князя буквально брали штурмомъ. Въ 1 ч. пополудни состоялся пріемъ бохумской депутаціи — представителей десяти тысячъ единомыслящихъ людей. Князь сказалъ, что онъ никогда не вѣрилъ обвиненіямъ, направленнымъ противъ бохумскихъ ферейновъ. Толпа разрослась до того, что пришлось закрыть паркъ. Въ 6 час. состоялось устроенное гамбуржцами факельное шествіе. Желавшихъ участвовать въ факельномъ шествіи оказалось такое количество, что пришлось ограничить число участниковъ. Дефилированіе шествія потребовало больше часа времени. Князь сказалъ, что теперь онъ можетъ отойти въ вѣчность, убѣдясь въ признательности своихъ согражданъ, которую онъ цѣнитъ больше всякихъ орденовъ. Впослѣдствіи князь замѣтилъ, что на своемъ вѣку ему приходилось видѣть не мало овацій, но никогда еще онъ не видалъ такого множества довольныхъ лицъ. Всѣ очевидцы торжества свидѣтельствуютъ, что нынѣшнее чествованіе князя Бисмарка превзошло всѣ предшествовавшія.

Большая часть органовъ печати вспоминаетъ, по случаю дня рожденія князя Бисмарка, его заслуги, и даже политическіе противники его, напр., *Berliner Tageblatt*, признаютъ его значеніе. *Tageblatt* выставляетъ на видъ, что князь содѣйствовалъ осуществленію объединительной мечты націи и что въ народѣ чувство признательности къ нему никогда не изсякнетъ. *Berliner Fremdenblatt* говоритъ, что никто не можетъ лишить народъ права быть искреннимъ и выражать признательность тому, кто ея достоинъ. О томъ, кто виновенъ въ размолвкѣ императора съ Бисмаркомъ, никто судить не имѣетъ права, но долгъ повелѣваетъ относиться безпристрастно ко всѣмъ и каждому. *Staatsbürger Zeitung* указываетъ, что Бисмаркъ возвеличилъ имя Германіи, но газета убѣждена, что и впредь найдутся люди, стоящіе на высотѣ событій. *Boersen Zeitung* въ длинной статьѣ воздаетъ должное великодушнымъ стремленіямъ императора, но утверждаетъ, что холодный критическій разумъ Бисмарка, который лучше знакомъ съ людьми и дѣлами, оказался правымъ. *Vossische Zeitung* выставляетъ на видъ, что и свободомыслящая партія признаетъ заслуги князя Бисмарка, но при этомъ вовсе не видитъ надобности въ его возвращеніи. Газета совѣтуетъ правительству противодѣйствовать усиливающемуся сожалѣнію объ увольненіи князя Бисмарка болѣе твердою и либеральною политикою.

Чествованіе Яна-Амоса Коменскаго, по случаю трехсотлѣтія со дня его рожденія, какъ извѣстно, было запрещено въ Австріи. Тѣмъ не менѣе оно вызвало не мало случаевъ нарушенія этого запрещенія, особенно въ Чехіи. Между прочимъ, 21 марта, въ засѣданіи Чешскаго сейма, младочешскій депутатъ Шпиндлеръ внесъ предложеніе о постановкѣ въ чешскомъ національномъ музеѣ бюста Коменскаго. При голосованіи за предложеніе высказывались младочехи, нѣсколько нѣмцевъ и нѣсколько старочеховъ, но большинство оказалось противъ предложенія. Это вызвало сильное волненіе среди младочеховъ, которые тутъ же имѣли совѣщаніе съ намѣстникомъ. Какъ сообщаютъ, неблагопріятный результатъ голосованія объясняется недоразумѣніемъ, вслѣдствіе чего вопросъ былъ подвергнутъ вторичному обсужденію, и младочехъ Шпиндлеръ, видоизмѣнивъ отчасти свое первоначальное, отвергнутое, предложеніе, внесъ новое предложеніе, имѣющее въ виду постановку бюста Коменскаго и учрежденіе библіотеки и педагогическаго института имени Коменскаго. Предложеніе это было принято единогласно. Шпиндлеръ объявилъ также, что впослѣдствіи онъ внесетъ предложеніе о перенесеніи праха Коменскаго въ Богемію для преданія его чешской землѣ.

Въ Парижѣ анархистъ Равашоль признался, что онъ дѣйствительно Равашоль, но что онъ взрывовъ не производилъ; наконецъ послѣ большихъ переспросовъ и очныхъ ставокъ онъ заявилъ, что взрывы производились имъ.

Въ *Allgemeine Reichscorrespondenz* напечатанъ отчетъ объ исполненіи русскаго бюджета 1891 годъ. *Reichsanzeiger* говоритъ, что отчетъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что пять неурожайныхъ мѣсяцевъ года не повліяли неблагопріятно на государственные финансы Россіи. *Berliner Boersenzeitung* находитъ, что особеннаго вниманія заслуживаетъ фактъ увеличенія косвенныхъ доходовъ. Это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ урожайныхъ губерніяхъ полилъ настоящій золотой дождь (!) вслѣдствіе продажи хлѣбныхъ запасовъ по тройнымъ цѣнамъ, что увеличило податную силу крестьянскихъ и сельскихъ хозяевъ въ большей части Россіи. *Boersencourier* выставляетъ на видъ, что результатъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о чрезвычайно осторожномъ составленіи бюджета министромъ финансовъ, такъ какъ уже при исчисленіяхъ на 1891 г. принята была въ соображеніе возможность неурожая. Многія утреннія газеты, воспроизводя статью *Allgemeine Reichscorrespondenz* дѣлаютъ различныя замѣчанія. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* указываетъ на достигнутый благопріятный результатъ, несмотря на трудности, сопряженныя съ дѣломъ вспомоществованія нуждающимся. *Berliner Actionaer* говоритъ: „Кажущійся дефицитъ при включеніи неизрасходованныхъ на желѣзнодорожныя сооруженія суммъ превращается въ согласный съ правилами счетоводства излишекъ“. *Kleines Journal* приписываетъ благопріятное положеніе русскихъ финансовъ ряду блистательно выполненныхъ конверсій, равно какъ предпринятымъ въ 1891 г. чрезвычайнымъ погашеніямъ долговъ.

Искусство.

Вечеръ учениковъ консерваторіи, данный въ пользу своихъ недостаточныхъ товарищей, представлялъ интересъ двойной: во-первыхъ, насколько воспитанники нашей музыкальной almæ matris преуспѣваютъ въ занятіяхъ, а во-вторыхъ, каково преподаваніе въ разныхъ классахъ; кромѣ того, любопытно было познакомиться съ юными нашими талантами. Поле для наблюденій представлялось тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ этомъ вечерѣ участвовали лучшіе представители почти всѣхъ классовъ; оркестръ, состоявшій исключительно изъ учениковъ, далъ совершенно достаточное понятіе какъ объ инструментальныхъ классахъ, такъ и о классѣ ансамбля; затѣмъ здѣсь выступали солисты: пѣвцы, піанисты и скрипачъ. По оперному спектаклю труднѣе было судить объ учащихся, потому что тамъ было много побочныхъ обстоятельствъ, отвлекавшихъ вниманіе: игра на сценѣ, обстановка, созданіе роли и пр., — словомъ, все то, что не можетъ имѣть мѣста въ концертѣ, гдѣ исполнитель значительно ограниченъ и предоставленъ лишь своему голосу или инструменту. Если примѣнить къ нашей консерваторіи взглядъ, который хотѣлъ бы установить на нее основатель ея, А. Г. Рубинштейнъ, т. е. что она - высшая музыкальная школа, нѣчто въ родѣ университета, то результаты, показанные профессорами ея на вечерѣ въ залѣ Кредитнаго Общества, не могли бы удовлетворить серьезнымъ требованіямъ, которыя можно предъявлять къ такому учебному заведенію; можно высказать болѣе снисходительное мнѣніе о консерваторіи, если забыть о желаніи нашего великаго виртуоза-композитора.

Слабѣе остальныхъ предстали классы пѣнія и, главнымъ образомъ, по отсутствію выдающихся голосовъ; скажутъ, въ этомъ консерваторія не виновата: она не можетъ давать матеріалъ учащимся, равно какъ и талантъ. Это совершенно справедливо и никто противъ этого спорить не станетъ; но консерваторія можетъ гораздо большее: не принимать людей безголосыхъ или съ такими голосами, отъ которыхъ рѣшительно трудно ожидать какихъ-либо результатовъ въ будущемъ. Пѣніе — самое больное мѣсто всѣхъ консерваторій, какъ то разъ сказалъ намъ А. Г. Рубинштейнъ; наша школа только, молъ, не исключеніе изъ общаго правила; хотя „на людяхъ и смерть красна“, но все-таки въ этомъ утѣшительнаго мало. Если же исполнители, которыхъ мы слышали, пришли въ школу съ хорошимъ матеріаломъ и тутъ его такъ на-чисто „обработали“, то вѣдь это еще хуже. Лучше гораздо поставлены инструментальные классы, и въ особенности классъ скрипки; выступавшіе ученики этихъ классовъ обнаружили школу, т. е. работу въ классахъ. Индивидуальныя особенности участвовавшихъ невольно, конечно, сказались то у того, то у другаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они показали, что съ ними сдѣлали преподаватели, — и съ этой стороны приходится засвидѣтельствовать о серьезномъ трудѣ. Прекрасно поставленъ и оркестровый классъ; ученики отлично сыграли музыку Мендельсона къ „Сну въ лѣтнюю ночь“, также отлично аккомпанировали они фортепіанные концерты съ оркестромъ. Кое-кто выказалъ и выдающіяся способности; особенно выдѣлился одинъ мальчикъ-піанистъ, который при дальнѣйшей работѣ, вѣроятно, сдѣлаетъ

блестящую карьеру. Въ общемъ, однако, впечатлѣніе вечера не особенно благопріятное, хотя родственники, обычные посѣтители консерваторскихъ вечеровъ, очень горячо одобряли учащихся, находя ихъ исполненіе, должно-быть, прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

В. Б.

Нѣмецкій театръ („Натанъ Мудрый“). Нѣмецкая труппа, собранная для Великаго поста знакомымъ Петербургу г. Бокомъ, бывшимъ режиссеромъ нѣмецкихъ спектаклей на Михайловской сценѣ, играла въ Александринскомъ театрѣ и пользовалась блестящимъ успѣхомъ; здѣсь даны были между прочими пьесами „Отелло“, „Честь“, „Капля яду“, „Satisfaction“, „Натанъ Мудрый“, „Тартюфъ“ и др. Труппа была подобрана очень хорошая; въ мужскомъ персоналѣ назовемъ гг. Миттервурцера, Клейна и др.; въ женскомъ — г-жъ Гроссъ, Мозеръ-Шпернеръ, Прейсъ и др. Особеннымъ успѣхомъ пользовался г. Клейнъ, замѣчательно игравшій прусскаго генерала въ „Satisfaction“; пьеса эта была дана нѣсколько разъ. Этотъ же артистъ игралъ главную роль въ пьесѣ Лессинга „Натанъ Мудрый“, о которой скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ она имѣла большое литературное значеніе и весьма рѣдко дается не только по-русски (кажется, на русской сценѣ никогда не шла), но и по-нѣмецки. Роль Натана очень трудная и требуетъ первоклассного артиста для ея всесторонней передачи; знаменитый г. Поссартъ былъ безподобнымъ Натаномъ.

Французскій комикъ Кокленъ. Съ фот. Ванъ-Бонгъ, грав. Шюблеръ.

„Не должно удивляться, писалъ философъ Мендельсонъ брату Лессинга, Карлу, вскорѣ послѣ смерти автора „Натана“ — что масса современниковъ не умѣла познать достоинства этого произведенія; лучшія будущія поколѣнія еще и чрезъ 50 лѣтъ будутъ долго пережевывать и переваривать его“. Эти слова—почти пророческія; вотъ уже больше ста лѣтъ прошло со времени появленія „Натана“ (1779 г.), а вопросы этики, положенные въ основу этого геніальнаго произведенія, извѣстны лишь меньшинству публики. У насъ есть прекрасный переводъ (и, кажется, единственный) этой пьесы, г. Крылова, помѣщенный въ *Вѣстникѣ Европы* за 1868 годъ и вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ въ 1875 г., съ историческимъ обзоромъ и примѣчаніями. Пьеса эта, какъ извѣстно, написана Лессингомъ въ зрѣломъ возрастѣ (1729—1781), за два года до его смерти, и составляетъ результатъ всей его многострадальной литературной дѣятельности; въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразились всѣ стремленія и идеалы знаменитаго критика и философа, отлично понимавшаго свое время и познавшаго, что для борьбы съ нетерпимостью недостаточно полемизировать посредствомъ статей.

Лессингъ избралъ другой путь; препирательства о вопросахъ нравственности (извѣстна его борьба съ д-ромъ Траллесомъ, Гётце и др.) не давали ему такого простора дѣйствія, какъ область *искусства*, гдѣ онъ могъ на основаніи анализа прекраснаго и пошлаго, полезнаго и вреднаго, нравственнаго и безнравственнаго, высказывать свои свѣтлые взгляды на жизнь и ея нравственныя требованія. Мѣстомъ дѣйствія онъ избралъ сцену, — самую широкую арену; съ этой каѳедры онъ проповѣдывалъ свои гуманныя теоріи и старался дѣйствовать на свою аудиторію путемъ *убѣжденія*. Его стремленіемъ было не разрушеніе старыхъ взглядовъ посредствомъ насильственнаго навязыванія своихъ новыхъ, а, наоборотъ, стараніе довести общество до самосознанія, чтобы разрушеніе прежнихъ отжившихъ идеаловъ совершилось само собой, на основаніи разумной критики и любви къ человѣчеству. На „Натана Мудраго“, поэтому, нельзя смотрѣть съ узкой точки зрѣнія сценическаго произведенія; сцена здѣсь только полотно, на которомъ этотъ геніальный художникъ рисовалъ свои идеальные образы,—и это отлично понималъ авторъ, назвавши пьесу „драматическимъ стихотвореніемъ“.

Италіанскій трагикъ Андреа Маджи.

Фабула пьесы взята, по словамъ Лессинга, изъ одной новеллы „Декамерона“ Боккаччіо (Gior. I Now. III. Melchisedesch Giudeo). Идея „Натана“ заключается въ знаменитой сказкѣ о кольцахъ, служащей отвѣтомъ Натана на вопросъ Саладина: „Какую вѣру и ея законы ты лучшими считаешь?“ Отвѣтъ Натана—притча о чудодѣйственномъ кольцѣ. У одного старика было трое сыновей, одинаково любимыхъ имъ и одинаково хорошихъ; у него же было и кольцо, обладаніе которымъ обусловливало главенство въ семьѣ; кольцо это имѣло таинственную силу сдѣлать владѣльца его любимымъ людьми и Богомъ. Предъ смертью, старикъ, не желая обидѣть никого изъ дѣтей своихъ, заказалъ еще два кольца, точно такихъ же, и роздалъ каждому изъ нихъ, потихоньку отъ братьевъ. Вскорѣ однако послѣ смерти отца братья заспорили о томъ, какое изъ этихъ колецъ настоящее. Отправились они къ судьѣ и послѣдній рѣшилъ этотъ вопросъ приблизительно такъ: пусть каждый изъ нихъ считаетъ свое кольцо неподдѣльнымъ и пусть старается „сдѣлаться любимымъ людьми и Богомъ“ за свое милосердіе, кротость, добрыя дѣла и любовь къ ближнему.

Всѣ эти прекрасныя стороны человѣческой натуры во власти *человѣка*; пусть поэтому братья не теряютъ времени на споры, а лучше стремятся къ осуществленію идеаловъ въ поступкахъ и дѣяніяхъ; кому дороги свои убѣжденія, тому должны быть дороги и чужія. Единственный путь къ примиренію это дѣлать добро и оставить всякія распри. Мысль эта заключается не только въ эпизодическомъ разсказѣ о кольцахъ, но проходитъ чрезъ всю пьесу; Натанъ почти на каждомъ шагу подтверждаетъ фактами высказываемыя имъ теоріи. Такъ, во время Крестоваго похода на его глазахъ сожжены были всѣ семь сыновей его; онъ, однако, не только не отталкиваетъ принесеннаго ему христіанскаго ребенка, но принимаетъ его къ себѣ на воспитаніе. Его полное любви отношеніе къ этой дѣвочкѣ Рехѣ, являющейся въ пьесѣ уже взрослою, его постоянныя заботы о ней, съ которыми такъ свыклась послѣдняя, дѣлаютъ то, что она въ пятомъ актѣ умоляетъ султана Саладина не отнимать ее у Натана, хотя она ужь знаетъ, что онъ только воспитатель ея, а не родной отецъ.

Не слѣдуетъ быть слишкомъ придирчивымъ къ содержанію пьесы, т. е. прилагать къ ней современныя требованія; не забудемъ, что „Натану“ сто съ лишнимъ лѣтъ, и что многія мысли, имъ высказываемыя, не утратили своей свѣжести до настоящаго времени; напримѣръ, хотя бы фраза его въ разговорѣ съ Рехой, видящей чудо въ появленіи храмовника, спасшаго ее изъ огня во время отсутствія Натана, и не желающей видѣть въ этомъ просто проявленія состраданія къ погибающему: „Пойми, что набожно мечтать гораздо легче, чѣмъ совершить хорошій поступокъ“; такихъ изреченій не мало въ драмѣ. Суть ея, однако, не въ интригѣ, кончающейся не такъ, какъ того ожидаетъ зритель или читатель. Когда храмовникъ и Реха, такъ горячо любящіе другъ друга, оказываются братомъ и сестрой, племянниками Саладина и Зитты, чувство зрителя остается не удовлетвореннымъ; но великій мыслитель не столько заботился объ интересѣ сценическомъ, сколько о пробужденіи въ публикѣ чувствъ гуманности, объ ея критическомъ отношеніи къ окружающему, о ея разумномъ отреченіи отъ устарѣвшихъ взглядовъ; съ этой цѣлью онъ чрезвычайно рельефно обрисовалъ главныхъ героевъ.

Двѣ противоположности по убѣжденіямъ составляютъ Натанъ и католическій патріархъ; послѣдній является на сцену только разъ (дѣйствіе 4-е), и авторъ сумѣлъ превосходно концентриро-

вать всѣ особенности этого типа. Узнавъ, что еврей воспитываетъ христіанскаго ребенка, патріархъ не перестаетъ твердить „сжечь еврея“, не входя ни въ какія обстоятельства дѣла; какое формальное отношеніе, какимъ холодомъ отдаетъ отъ этого представителя духовной власти, какъ онъ далекъ отъ благодушнаго, мягкосердечнаго Натана,—какая противоположность характеровъ и взглядовъ! Лучшая черта характера Натана — это его безконечная доброта, осмысленное отношеніе ко всему, съ чѣмъ онъ приходитъ въ столкновеніе; всѣ свои убѣжденія онъ черпаетъ не изъ книгъ, а изъ самой жизни, изъ опыта; Реха говоритъ о немъ сестрѣ Саладина, Зиттѣ, что онъ не любитъ учености, начертанной „мертвыми знаками“, т. е. книжной учености.

Прекрасные характеры также султанъ и его сестра Зитта; они тоже очень гуманны, добры, великодушны, хотя и трудно нѣсколько представить ихъ себѣ таковыми въ XII вѣкѣ; извѣстно, что Саладинъ былъ современникомъ Ричарду Львиное Сердце; но на ихъ доброту, если даже она немного тенденціозна, все-же слѣдуетъ смотрѣть, какъ на капризъ властелиновъ. Болѣе живое участіе вызываютъ въ насъ молодые люди, храмовникъ и Реха, хотя авторъ пьесы обращаетъ на нихъ меньшее вниманіе; ихъ обоюдное влеченіе и поступки, вытекающіе отсюда, присущіе увлекающейся молодости, даютъ только поводъ высказываться другимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Онъ—честный, прямой юноша, съ горячимъ темпераментомъ, беззавѣтно отдающійся вліянію сердца, какъ и предметъ его страсти, Реха, у которой доброе сердце беретъ верхъ надъ умомъ; нѣсколько наивными являются искреннія увѣренія ея (дѣйствіе 1), что спасшій ее изъ пламени храмовникъ не человѣкъ, а ангелъ. Это дань господствовавшему во времена Лессинга романтизму въ литературѣ. Блѣднѣе другихъ лицъ очерченъ дервишъ; извѣстно, что Лессингъ хотѣлъ написать прологъ къ „Натану“ подъ названіемъ „Дервишъ“; вѣроятно авторъ и самъ былъ не вполнѣ доволенъ этимъ персонажемъ.

Нѣмецкій акторъ Адольфъ Клейнъ (въ роли Натана Мудраго).
Съ фот. Адлера, грав. Шюблеръ.

Совершенно особнякомъ стоятъ въ пьесѣ Дайя и Бонафида, компаньонка Рехи и монастырскій служка. Послѣдній, добрый малый, мягкій по природѣ, но недальновидный и неразвитый, исполняетъ возлагаемыя на него порученія, которыя ему иногда совершенно не по сердцу; но онъ всю свою жизнь поступалъ такъ, какъ ему приказывали; этотъ типъ художественно обработанъ Лессингомъ. Весьма тонко обрисована и Дайя, вѣра которой, по справедливому замѣчанію Куно Фишера, остановилась на той степени развитія, когда человѣкъ смотритъ на свою религію, какъ на собственность; она знаетъ, что Реха не еврейка, и она всѣ усилія употребляетъ на то, чтобы вернуть ее въ лоно христіанства; она всячески старается сблизить молодыхъ людей въ надеждѣ, что этимъ путемъ ей удастся наконецъ вырвать Реху изъ рукъ Натана, хотя она послѣдняго по-своему любитъ и сознаетъ, что родной отецъ не могъ бы горячѣе ее любить.

Роль Натана игралъ у насъ г. Клейнъ, артистъ съ большимъ дарованіемъ, основательно поработавшій надъ ролью. Его Натанъ—живое лицо, со многими, очень удачными, специфическими особенностями, на которыя у Лессинга указаній нѣтъ. Особенно блестяще провелъ онъ сцену съ султаномъ въ третьемъ дѣйствіи и за сказку о кольцахъ вызвалъ громкія одобренія. Къ сожалѣнію, остальные исполнители, за исключеніемъ развѣ г-жи Нейманъ, игравшей увлекающуюся Реху, были очень слабы и совсѣмъ не поняли своихъ ролей; крикъ, преувеличиваніе, битье на комизмъ (патріархъ), безразличное отношеніе къ роли—вотъ главные недостатки прочихъ артистовъ.

В. Баскинъ.

Смѣсь.

Въ 9-мъ нумерѣ „Нивы“ былъ помѣщенъ видъ центральной части ($^1/_9$) города С.-Петербурга съ высоты птичьяго полета по модели инженеръ-механика Л. Ф. Краббе. Въ виду общаго интереса, возбужденнаго этимъ рисункомъ, дополняемъ описаніе слѣдующими данными: Модель сдѣлана изъ бристольскаго картона и заключаетъ въ себѣ $^1/_9$ часть города, считая и пригородныя части. Работа модели производилась болѣе 2-хъ лѣтъ. 1 іюля 1886 г. авторъ имѣлъ счастіе представить ее для осмотра Его Императорскому Величеству Государю Императору и Его Высочеству Генералъ-Адмиралу Великому Князю Алексѣю Александровичу.

Съ 10 декабря 1886 года по 10 января 1887 года модель была выставлена въ залѣ Городской Думы для осмотра публики. Въ настоящее время она находится (временно) въ кабинетѣ городскаго головы и будетъ вѣроятно отправлена на всемірную выставку въ Чикаго.

Для лучшаго ознакомленія съ моделью, приводимъ здѣсь замѣтку одной изъ столичныхъ газетъ. „Модель, размѣромъ въ 1 кв. арш. и 2 вершка, заключаетъ въ себѣ точное воспроизведеніе $^1/_9$ Петербурга со всѣми заключающимися въ ней зданіями, церквами, рѣками и т. п. Точность и отчетливость исполненія таковы, что когда смотрѣть на модель съ эстрады въ бинокль, то кажется, что глядишь на Петербургъ съ высоты полета воздушнаго шара. Модель приготовлена по картамъ гидрографическаго отдѣленія Морскаго министерства, исправленнымъ въ 1884 году, и воспроизводитъ въ полной натуральной точности Адмиралтейскую сторону, начиная съ части Лѣтняго сада и оканчивая устьемъ Невы, около новаго Адмиралтейства, Васильевскій островъ и большую часть Петербургской стороны. На модели помѣщается около ста улицъ съ двумя тысячами различныхъ зданій. Всѣ зданія, значащіяся на модели, срисованы съ натуры, имѣютъ точный размѣръ и даже вѣрную натурѣ окраску. До чего доходитъ отчетливость исполненія, видно изъ того, что показаны даже балконы на зданіяхъ и воспроизведены всѣ пушки на стѣнахъ Петропавловской крѣпости.

„Трудился надъ своею поистинѣ микроскопическою работой г. Краббе болѣе двухъ лѣтъ, имѣя при этомъ нѣсколько помощниковъ. Обошлась модель, не считая работы, болѣе тысячи рублей. Эта цифра не представляется слишкомъ великой, если принять во вниманіе, что для вѣрнаго воспроизведенія натуры необходимы были различныя изысканія, сниманіе плановъ, срисовываніе фасадовъ домовъ и т. п. Для помѣщенія на модели церквей приходилось, напр., дѣлать точное измѣреніе ихъ высоты. Для опредѣленія глубины Невы, приходилось нанимать чуть-ли не цѣлую канцелярію для отыскиванія данныхъ. Сдѣлана модель изъ бристольской бумаги. Горизонтъ Невы представляетъ искусно расположенное стекло. Если смотрѣть сверху, то видно дно Невы со всѣми котловинами, изгибами и ямами. Если же глядѣть сбоку модели, то появляется полная иллюзія хрустальной поверхности воды, отражающей въ себѣ прибрежныя зданія. Особенно эффекты на модели церкви и соборы, Петропавловская крѣпость и монументы, представляющіеся не болѣе $^1/_5$ дюйма вышины. Красивы также мосты на Невѣ; особенно Николаевскій съ замѣчательно точно воспроизведенною часовней. Масштабъ модели 1 дюймъ=50 саженямъ“.

Продажа означенной модели все еще не состоялась даже и за ту сумму, во что она обошлась автору.

Больше спать. Докторъ Гольдъ высказалъ мнѣніе, что дѣтямъ необходимо спать болѣе, чѣмъ обыкновенно позволяютъ имъ. Въ первые дни жизни, говоритъ онъ, здоровый ребенокъ спитъ большую часть дня и въ первые годы надо давать дѣтямъ спать, сколько они хотятъ. На седьмомъ году, когда начинается школьный періодъ, въ ребенкѣ наступаетъ замѣтная перемѣна. До 11 лѣтъ ребенокъ обыкновенно спитъ 8—9 часовъ, иногда 10—11. Этотъ срокъ сна все уменьшается по мѣрѣ того, какъ дитя становится старше. Докторъ Гольдъ полагаетъ, что до 20 лѣтъ слѣдуетъ спать 8—9 часовъ. При болѣе короткомъ промежуткѣ сна нервная система разстраивается, и мозгъ, получающій мало отдыха, уклоняется отъ нормальнаго отправленія, вслѣдствіе чего организмъ истощается. (к.)

Въ 1892 году предстоитъ явленіе двухъ періодическихъ кометъ. Первая изъ нихъ комета Темпеля I, впервые замѣченная и наблюдаемая астрономомъ Темпелемъ 3 апрѣля 1857 года. Послѣ этого она являлась еще въ 1873 и 1879 годахъ. Время обращенія ея приблизительно 6 лѣтъ. При послѣднемъ своемъ явленіи она была невидима, что вѣроятно повторится и въ нынѣшнемъ году. Вторая комета Виннеке, по вычисленію астрономовъ, должна явиться при выгодныхъ для наблюденія условіяхъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ она достигнетъ своего перигелія и по мѣрѣ приближенія къ землѣ въ началѣ іюля будетъ видима даже невооруженнымъ глазомъ. Астрономы не безъ основанія ожидаютъ появленія также третьей кометы, открытой въ 1886 году Бруксомъ, такъ какъ по ихъ предположенію время обращенія ея равняется 6, 3 года. (к).

Новая отрасль преподаванія. Въ Чикаго появилась молодая дама, занимающаяся оригинальнымъ промысломъ. Она объявляетъ въ газетахъ, что предлагаетъ свои услуги молодымъ людямъ, робкимъ и застѣнчивымъ въ обществѣ дамъ, обучая ихъ этикету и пріятному для дамъ способу держать себя. Дама ручается за полный успѣхъ своего обученія. (к).

ШАХМАТЫ

подъ редакціей А. П. Шишкина.

Задача № 19.

А. В. Галицкій.

Призъ за лучшую задачу конкурса „Шашечницы“.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 20.

F. Carreras.

Изъ „La Stratégie“.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Новости шахматнаго міра.

Недавно состоялся первый конкурсъ журнала *Шашечница* (съ новаго года—*Шахматное Обозрѣніе*).

Призы за лучшія посылки изъ двухъ задачъ (одна въ 2, а другая въ 3 хода) получили:

Первый—**Э. С. Монтвидъ** (Москва).

Второй—**Л. К. Истоминъ** (Харьковъ).

Почетные отзывы получили:

Первый—**Э. С. Монтвидъ** (Москва).

Второй—**А. В. Галицкій** (Спасскъ).

Третій—**Г. З.** (Ставрополь).

Спеціальные призы за лучшія задачи получили: за лучшую двухъ-ходовую **А. В. Галицкій**; за лучшую трехъ-ходовую—ex aequo: **А. В. Галицкій** и **Г. З.** и **Юрій Ишты** (Ярославль).

Въ Лондонѣ начался въ началѣ марта національный турниръ, въ которомъ участвуютъ: Мэзенъ, Бердъ, Госсипъ, Лококъ, Ласкеръ, Ли, Мортимеръ, Ванъ-Флитъ, Рамбель, Ясноградскій и Фентонъ.

Корреспонденція.

К. Вержбицкому (Маріуполь). Одинъ изъ вашихъ опытовъ можно будетъ напечатать, особенно, если вы его нѣсколько доразработаете; варіантъ, въ которомъ пѣшка проходитъ въ ферзи—нехорошъ: пѣшка можетъ сдѣлаться и слономъ, и ферземъ,—матовое положеніе не чисто.

Г-ну Nic-Nic (С.-Петербургъ). Считается недостаткомъ многоходной задачи, если она начинается шахомъ, въ двухъ-ходовыхъ же задачахъ это совсѣмъ не допускается.

Ред. шахм. отд. проситъ присылать задачи для напечатанія обязательно въ діаграммахъ и съ полными рѣшеніями.

Пасхальная задача № 21.

Требуется составить изъ данныхъ 68 буквъ: 13 а, 1 в, 3 г, 2 д, 4 е, 1 ж, 5 и, 2 к, 3 л, 3 н, 5 о, 2 п, 7 р, 6 с, 5 т, 3 у, 2 х и 1 ч—14 словъ, значенія которыхъ слѣдующія:

1) Величайшая изъ всѣхъ богинь скиѳовъ. 2) Народъ восточной отрасли славянскаго племени, жившій по р. Днѣпру. 3) Извѣстный городъ персидской провинціи Иракъ-Аджеми. 4) Англійскій поэтъ начала XIX стол. 5) Числительное. 6) Карточная игра. 7) Названіе сіамцевъ и десятый мѣсяцъ Индійскаго календаря. 8) Народъ, живущій на юго-западъ отъ Россіи. 9) Султанскій приказъ. 10) Предлогъ. 11) Путевая мѣра въ Турціи и Закавказскомъ краѣ. 12) Сладкое вещество. 13) Озеро образованное моремъ. 14) Синонимъ ученія, школы, системы. Найденныя слова расположить въ *формѣ яйца*—такъ, чтобы, при чтеніи крайнихъ буквъ этихъ словъ, получилась фраза.

Къ свѣдѣнію вновь поступившимъ подписчикамъ

Объявляемъ, что они могутъ еще пріобрѣсти томъ **„НИВЫ“ за 1891** годъ, брошюров., со всѣми приложеніями, за 5 рублей. Желающіе имѣть изданіе въ коленкоровыхъ переплетахъ, прилагаютъ за переплетъ тома **„НИВЫ“** 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги **СБОРНИКА** 1 р. 25 к. Пересылка производится въ ящикѣ, за который взимается по 75 к. На пересылку слѣдуетъ прилагать **за 23 фунта.**

Томъ **„НИВЫ“ за 1891** годъ и приложенія **„СБОРНИКЪ“** содержатъ между прочимъ слѣдующіе большіе романы и повѣсти:

„МАЛЬТІЙСКАЯ ЦѢПЬ“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **кн. М. Н. Волконскаго.**

„ИЗЪЯНЫ ВОЛИ“, романъ въ 3-хъ частяхъ **Н. Д. Маслова.**

„НАЛЬ“, романъ въ 3-хъ частяхъ **Н. Н. Каразина.**

„КОРЕНЬ ЗЛА“, историческій романъ **П. Н. Полевого.**

„КНЯЗЬ НИКИТА ѲЕДОРОВИЧЪ“, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ **кн. М. Н. Волконскаго.**

„СМУТИТЕЛЬ“, разсказъ **гр. Е. А. Саліаса.**

„КНЯЖНА“, разсказъ **К. Л. Ярославской.**

„ПѢТУХЪ“, разсказъ **Н. Станицкаго.**

„УШЛО“, разсказъ **П. Д. Боборыкина.**

„НЕПОКУПНОЕ“, повѣсть **П. Н. Полевого.**

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРІЯ“, быль **И. Н. Потапенко.**

„РОЗИТА“, историческій разсказъ **гр. Е. А. Саліаса.**

„УЧЕНЫЙ СОНЪ“, разсказъ **Д. В. Аверкіева.**

„ПОЛСУТОКЪ НА ДЕРЕВѢ“, разсказъ **А. Я. Максимова.**

„ЗОЛОТО, ЗОЛОТО, ЗОЛОТО“, очеркъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

„ИГРУШКА“, разсказъ **Е. Красильниковой.**

„ПРАЧКА“, разсказъ **И. Д. Ахшарумова.**

Стихотворенія **Майкова, Полонскаго, Мережковскаго, Фофанова, Величко, Круглова** и др.

Кромѣ того въ томѣ **„НИВЫ“** 1891 г. и въ приложеніяхъ Сборника „НИВЫ“ помѣщены рядъ мелкихъ повѣстей, разсказовъ, научно-популярныхъ статей и множество прекрасныхъ гравюръ русскихъ и иностранныхъ первоклассныхъ художниковъ. **Полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**, изд. подъ редакціей **А. И. Введенскаго** въ 4 томахъ (брошюров. въ 2 книги), съ біографіей Лермонтова и портретомъ гравиров. на стали. **„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ“** съ 10-ю акварелями, исполненными fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ.

По 4 руб. брошюр. и 5 р. 50 коп. въ коленкор. перепл. можно еще получить слѣдующіе тома „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ: 1871, 1872, 1876, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890.

Остальные года 1870, 1873, 1874, 1875, 1877, 1881 и 1882 **„НИВЫ“** почти распроданы и можно нѣкоторые получить за увеличенную цѣну.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за АПРѢЛЬ. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ съ 36 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. величину и 23 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

„АРИСТОНЪ“

органъ (аплинутъ) съ 10 пьесами 8 руб. Добавочныя пьесы за каждую по 25 коп.

КОНЦЕРТИНЫ въ 2½, 4, 7, 8½ и 12 р. Самоучитель 75 коп.

ОКАРИНЫ отъ 50 к. до 5 р.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ фабрики Готруа въ Парижѣ въ 13, 20, 25, 30, 35 р. 40, 50 и до 100 р.

Флейты отъ 1½ до 35 р. **Кларнеты** отъ 5—30 р. **Цитры** отъ 2¾ до 50 р.

СКРИПКИ отъ 1½ р. до 500 руб. **ГИТАРЫ** отъ 1½—75 р. **БАЛАЛАЙКИ** отъ 1 р. до 20 руб. **МАНДОЛИНЫ** отъ 7 до 75 руб.

нѣмецкія и русскія **ГАРМОНІИ** отличающіяся силою звука, мелодичнымъ тономъ и по своему качеству заслуж. вполнѣ самые лестные отзывы отъ многочисленн. моихъ покупат. Проданы многія сотни тысячъ. Рекоменд.

Торговый домъ и фабрика
А. Е. КУЛАКОВЪ
имѣющій въ своихъ громадныхъ складахъ и магазинахъ массу всевозможн. и друг. музык. инструмент. Новѣйшій иллюстрир. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ съ фабричн. цѣнами высылается безплатно. С.-Петербургъ, Садовая ул., № 40.

У КНИГОПРОДАВЦА Ф. ЮГАНСОНА въ Кіевѣ № 5724
поступилъ въ продажу по уменьшенн. цѣнѣ:
Очеркъ анатоміи человѣка, Д-ра Генле, переводъ проф. Вагнера, 2 т. съ раскрашенными рисунками (284 рис.). Цѣна вмѣсто 10 руб.—3 р., за пересылку 60 к.
Каталогъ книгъ продающихся по уменьшенной цѣнѣ — и новыхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, высылается безплатно.

Во всѣхъ эстампныхъ и книжныхъ магаз. поступилъ въ продажу 2-й вып. альбома рисунковъ (въ краскахъ) Петра Соколова къ „ЗАПИСКАМЪ ОХОТНИКА“ И. С. Тургенева, заключающій въ себѣ 6 рис. къ разсказамъ „Уѣздный лѣкарь“, „Мой сосѣдъ Радиловъ“, „Льговъ“, „Бѣжинъ лугъ“ и „Бурмистръ“. 2—2
Цѣна: на коричн. карт. 4 р., съ перес.—5 р.; на бѣл. карт.—3 р., съ пер.—4 р. Тотъ-же альбомъ съ рисунками, наклеенными на картонъ безъ полей 1 р. 60 к., съ пер.—2 р. Складъ у Н. К. Фонъ-Бооль: СПБургъ, Симбирская, 20 кв. 7.

НОВАЯ КНИГА: № 5709 2—2
ПОЛЕВОДСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО и САДОВОДСТВО.
Сост. Моралевъ. Содерж.: Почва. Удобр. Обработка. Посѣвъ. Сѣвообороты. С. хоз. раст. Вредн. насѣк. Свѣд. по огородн. и садов. Цѣна 35 к. Выписывающіе отъ издателя: Казань. Н. А. Ильяшенко, за пересылку не платятъ. Марки не принимаются.

Только что поступила въ продажу новая книга:

КУРСЪ ЛѢСОВОДСТВА

ДЛЯ ЛѢСНЫХЪ ШКОЛЪ И ДЛЯ ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И УПРАВЛЯЮЩИХЪ ИМѢНІЯМИ.

Составилъ **Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.**

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

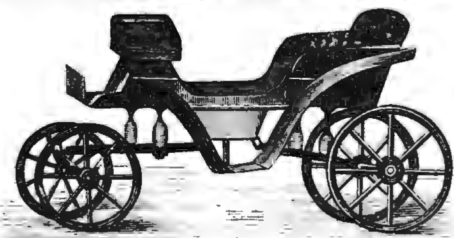
Большой томъ in-8°, въ 388 страницъ, **съ 25-ю рисунками въ текстѣ,** на лучшей веленевой бумагѣ. СПБ. 1892 годъ. **Цѣна 2 р.,** съ пересылкою **2 р. 30 к.**

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько хорошихъ учебниковъ и руководствъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ лѣснаго хозяйства: по лѣсовозращенію, лѣсоохраненію, таксаціи и лѣсоустройству, **но нѣтъ стоящихъ на высотѣ современнаго знанія** руководствъ, **гдѣ бы всѣ эти отрасли лѣсоводства соединены были въ сжатомъ объемѣ.** Пополнить этотъ пробѣлъ и имѣлъ въ виду авторъ. Руководство его назначается, кромѣ школъ, для тѣхъ лѣсовладѣльцевъ, которые не стремятся быть лѣсничими высшей формаціи, а ощущаютъ необходимость, съ одной стороны, **быть въ состояніи сами руководить несложными лѣсными работами, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣснаго спеціалиста, а съ другой, имѣя большое интенсивное хозяйство, желаютъ быть настолько свѣдущими, чтобы съ пониманіемъ дѣла слѣдить за дѣйствіями своихъ лѣсничихъ.** Имя г. Арнольда, извѣстнаго автора „Русскаго Лѣса“, уже ручается за высокія достоинства книги, которая должна сдѣлаться настольною для всякаго лѣсовода. Съ обширными спеціальными познаніями авторъ соединяетъ необыкновенную ясность и точность изложенія, столь необходимыя для яснаго же и точнаго пониманія.

Требованія на книгу просятъ адресовать въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“, Невскій просп., д. 6, и кромѣ того книга эта находится во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ц. № 5768 НОВАЯ КНИГА: 2—2
О ЦѢЛОМУДРІИ.
Евг. Никрута. Ц. 20 коп. За требованіями просятъ обращаться къ издателю Н. А. Ильяшенко въ Казани. Марки не принимаются.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева.** Изданіе. 3-е. СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ЭКИПАЖИ

на резиновыхъ буферахъ (рессорахъ) **НЕЗАМѢНИМЫ** для грунтовыхъ дорогъ. Покойны, какъ рессорные, прочны и легки на ходу. Отъ 125 руб., изящный экипажъ отъ 145 руб.

Складъ при конторѣ **Л. Ф. ПЛО,**
Москва, Мясницкая улица, д. Ермакова. Ц. № 5727 2—1
Прейсъ-курантъ высылается за одну 7-копѣечную почтовую марку.

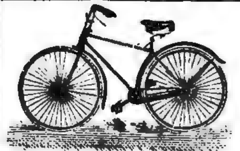
ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (2)

УДОЧКИ
2—1

и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинѣ **С. И. ДОЙНИКОВА, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, домъ № 27, С.-Петербургъ.** Иллюстрированный прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежн. высылается безплатно.

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одну 7 к. марк. выс. услов. Одесса, Дериб., проф. кал. Конидарисъ.

Старѣйшій и обширнѣйшій заводъ въ свѣтѣ компаніи **РУДЖЪ,**
ПРЕДСТАВИТЕЛИ
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
Москва, Мясницкая ул., д. № 2.
Ц. № 5731 Каталоги безплатно. 4—1

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева.** СПб. **Изд. 2-е.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Туалетная вода Эсъ ТАМЪ-ТАМЪ

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ:

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ, ЛИЧНЫЕ

УТИРАЛЬНИКИ

Косметика А. Энглундъ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач.: 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ—**красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ,** С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Только С.-Петербургской Косметической

Лабораторія А. Энглундъ.

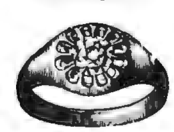
К. № 5676 (3)

ФАБРИКА ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

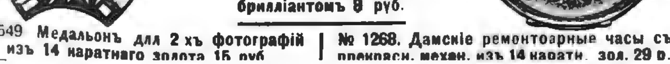
КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)

высылаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ **массивнаго 14 каратнаго золота** съ искусственными бриліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причемъ самая стоимость можетъ быть присылаема русскими кредитными билетами или почтовыми марками.

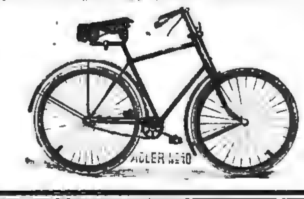

№ 736. Кольцо изъ 14 каратнаго золота съ искусственнымъ бриліантомъ 8 руб.

№ 549 Медальонъ для 2-хъ фотографій изъ 14 каратнаго золота 15 руб.

№ 1268. Дамскіе ремонтоарные часы съ прекрасн. механ. изъ 14 каратн. зол. 29 р.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ОРЕЛЪ“
Франкфуртъ-на-Майнѣ.
Ц. № 5728 СПЕЦІАЛЬНАЯ 12—1
ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (9)

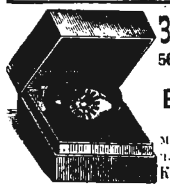
„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 марта 1892 г. Руб. 2.160.939 89.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (3)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

56-й пробы, съ превосходнымъ

БРИЛЛІАНТОМЪ.

Этотъ бриллiантъ самое лучшее, что имѣется изъ искусств. камней. Каждое кольцо въ изящномъ футлярѣ.

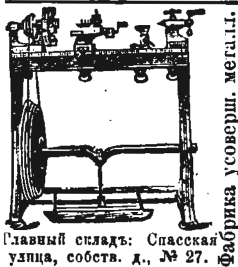
Шт. 4 р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

На Пасху предлагаю изящныя брошки, послѣдняя парижская новинка. Онѣ сдѣланы изъ серебра 84 пр. съ позолотою и украшены жемчугами и бирюзою (Imit.). Имѣются слова: „На память, Souvenir, Вѣра, Надежда, Любовь, Екатерина, Марія, Софія“. ФУТЛЯРЪ ВЪ ВИДѢ ЯИЧКА.

Шт. 5 руб. Пара 9 руб. Перес. налож. плат.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ. Невск. пр., № 20.

Фабрика усоверш. металл. токарныхъ станковъ

А. СКАВРОНСКАГО.

СПБ., Гродненскій пер., собств. домъ, № 6. Прейсъ-куранты за 14 коп. марку.

Главный складъ: Спасская улица, собств. д., № 27.

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

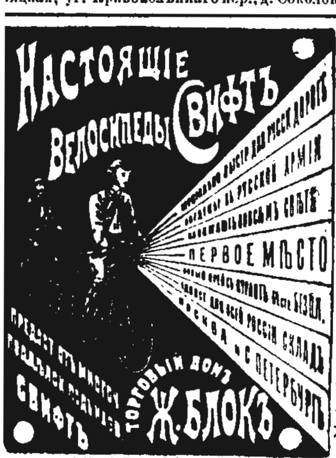
ФОТОГРАФІЯ

Р.С. 3 ВЪ КАРМАНѢ

Новѣйшая тайная моментальная ручная карманная камера. Цѣна 3 р. Новый богато-иллюстрированный прейсъ-курантъ 1892 года.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей. **С.-Петербургъ.** Невскій пр. у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка № 30/16, входъ съ Екатерининскаго канала. **Москва.** Мясницкая, уг. Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.

Только что отпечатано и поступило въ продажу

II ИЗДАНІЕ ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА „НИВЫ“ НА 1891 Г. СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ,

исполненными красками fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ, а именно:

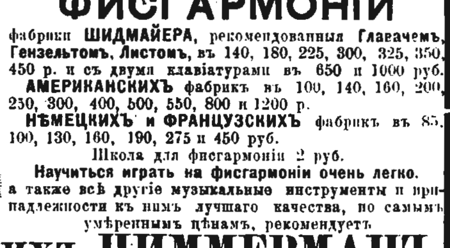
1) Профессора **И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „На Черномъ морѣ“.** 2) Академика **С. Ѳ. АЛЕКСАНДРОВСКАГО: „Молодая шведка“.** 3) Академика **С. И. ВАСИЛЬКОВСКАГО: „Раннее утро у запорожцевъ“.** 4) Академика **Е. Е. Волкова: „ПЕЙЗАЖЪ“.** 5) Придворнаго художника **М. ЗИЧИ: „ТАМАРА“.** 6) Художника **Н. Н. КАРАЗИНА: „Конный бухарскій стрѣлокъ“.** 7) Академика **А. Д. КИВШЕНКО: „Охота на лисицу“.** 8) Профессора **Ю. Ю. КЛЕВЕРА: „Вечеръ въ деревнѣ“.** 9) Профессора **Л. О. ПРЕМАЦЦИ: „На дворѣ Толедскаго дома“.** 10) Профессора **Н. Е. СВЕРЧКОВА: „На медвѣдя“.**

Картины заключены въ роскошную папку, украшенную акварелью художника **А. Земцова.** Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7½ вершк. ширины.

Каждая картина въ альбомѣ печатана **15—20 красками,** на лучшей **бѣлой бристольской бумагѣ,** и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Альбомъ этотъ продается по **2 руб.** съ пересылкой.

Требованія просятъ адресовать въ **СПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

ФИСГАРМОНІИ

фабрики **ШИДМАЙЕРА,** рекомендованныя **Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ,** въ 140, 180, 225, 300, 325, 350, 450 р. и съ двумя клавіатурами въ 650 и 1000 руб.
АМЕРИКАНСКИХЪ фабрикъ въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 550, 800 и 1200 р.
НѢМЕЦКИХЪ и ФРАНЦУЗСКИХЪ фабрикъ въ 85, 100, 130, 160, 190, 275 и 450 руб.

Школа для фисгармоніи 2 руб.

Научиться играть на фисгармоніи очень легко.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ лучшаго качества, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, рекомендуетъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.—**Москва,** Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ **безплатно.**

По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа, требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ПОЧЕМУ

встрѣчается такъ часто недоброкачественная обувь? Торговецъ охотнѣе всего запасается дешевымъ товаромъ потому, что послѣдній легче сбыть съ рукъ. Сапожникъ, гдѣ только можно, старается дѣлать экономію и достигаетъ послѣднюю главнымъ образомъ на счетъ доброкачественности матеріала. Кожевникъ выдѣлываетъ кожу поспѣшно и не даетъ ей созрѣть, чтобы имѣть возможность уменьшить стоимость ея. Въ иныхъ случаяхъ, онъ, быть можетъ, употребляетъ разныя химическія вещества для ускоренія дѣла, такъ какъ щелокъ дорогъ и медленно дѣйствуетъ. Всѣ эти недостатки устранены нами. Мы имѣемъ большой кожевенный заводъ, гдѣ мы примѣняемъ исключительно естественный способъ выдѣлки кожи и продаемъ нашу обувь по установленнымъ цѣнамъ, почему мы и можемъ доставлять всегда одинаково хорошій товаръ.

Т С О П М

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

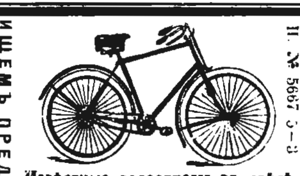
№ 5695 (4)

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ (2)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

ИЩЕМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англійскаго завода

ГУМБЕРЪ и К°.

Представители

Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.

Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Ц. № 5667 3—3

ИЩЕМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

ЖЖЕНЫЙ КОФЕ

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

Ц. № 5630 12—6

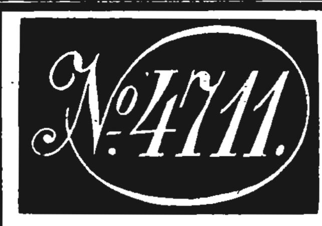
ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, № 5649 8—5

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

Ц. № 5612 4—3

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,

ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и многихъ правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Дозвол. цензур., СПБ., 30 марта 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Дозволено цензурою, Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческ. № 1.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. № 15 | г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 апрѣля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Въ дорогѣ на конскую ярмарку, въ Витебск. губ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Р. Штейна, грав. Рашевскій.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XX.

Болѣзнь дряхлаго генерала ордена Іисуса и болѣзнь отрока-князя Яхтомскаго—вотъ что теперь не выходило изъ головы Грубера. Семейство Яхтомскихъ обратило на себя вниманіе служителей Бога только потому, что оно въ будущемъ могло наслѣдовать милліоны старухи-молдаванки.

И отецъ Гавріилъ могъ дѣйствительно похвастаться тѣмъ, какъ разгромилъ эту семью. Цѣль была почти достигнута. Можно было смѣло надѣяться, что лѣтъ черезъ десять почти всѣ милліоны, за исключеніемъ подачки Бѣлинскому, перейдутъ въ руки Ордена двумя различными путями.

Прямой наслѣдникъ—Яхтомскій, лишенный гражданскихъ правъ, былъ на пути въ каторгу. Княгиня могла быть тоже отстранена, какъ опекунша, что бы съ ней ни случилось. Если она выйдетъ замужъ за германскаго князя, то состояніе ея сына, доходами съ котораго она могла бы отчасти пользоваться, будетъ ей не диковиной, такъ какъ у княгини Вахтенштейнъ средства будутъ еще больше.

Если же съ княгиней Яхтомской приключится что-нибудь худшее, благодаря ея легкомысленному поведенію, то она и подавно можетъ быть отстранена отъ опекунства. Тогда прямой наслѣдникъ старухи будетъ уже вполнѣ въ рукахъ Ордена.

Уѣхавъ изъ Петербурга съ Вахтенштейномъ, княгиня поручила сына аббату съ тѣмъ, чтобы отдать мальчика во вновь открытый пансіонъ Ордена въ зданіи церкви св. Екатерины. Пансіонъ этотъ, или, какъ онъ именовался, „конвиктъ", былъ уже наиболѣе моднымъ училищемъ въ Петербургѣ. Дѣти самыхъ важныхъ сановниковъ, самыхъ древнихъ русскихъ дворянъ наполняли его.

Вскорѣ послѣ отъѣзда княгини за-границу, Салмоновичъ принялъ съ рукъ на руки отъ Марѳы Яковлевны привезеннаго въ Петербургъ, выздоровѣвшаго, но все-таки совершенно слабаго мальчика. Все пережитое и перечувствованное Тоней было слишкомъ тяжело, было бы не по силамъ и взрослому человѣку.

Умный, чувствительный и впечатлительный Тоня перенесъ нервную горячку, выздоровѣлъ, но отъ этой болѣзни или отъ пережитаго остались опасные слѣды. Мальчикъ былъ очень худъ, блѣденъ, задумчивъ, грустилъ и молчалъ по цѣлымъ днямъ.

Хотя Салмоновичъ взялъ Тоню по приказанію княгини и велѣлъ нянѣ отправляться на житье въ Яхтомку, тѣмъ не менѣе Марѳа Яковлевна тайкомъ осталась въ Петербургѣ. Она поселилась у своей родственницы и, таясь отъ „жидовины", какъ звала она аббата, слѣдила за всѣмъ, что творили съ ея „робёнкомъ".

Салмоновичъ, вмѣсто того чтобы прямо свезти Тоню въ конвиктъ, что дѣлалъ съ другими дѣтьми, повезъ его сначала представить отцу-ректору.

Причиной этого исключенія для молодаго князя Яхтомскаго были якобы его годы. Онъ не имѣлъ уже права, вслѣдствіе своего возраста, поступить въ іезуитское училище. Но для такого мальчика, который въ случаѣ смерти бабушки, будетъ обладать милліонами, отцы-іезуиты могли сдѣлать всякое исключеніе.

Однажды утромъ аббатъ и его питомецъ явились въ коллегіумъ. Тотъ же красивый, кудрявый Эдуардъ доложилъ о нихъ отцу Августину, а старикъ доложилъ его господству отцу-ректору.

Черезъ минуту Салмоновичъ, а за нимъ смущенный и оробѣвшій Тоня, вошли въ маленькую рабочую комнату отца Гавріила. Ректоръ посадилъ обоихъ противъ себя и долгимъ, проницательнымъ взглядомъ осмотрѣлъ мальчика съ головы до пятъ.

Тоня невольно вспыхнулъ подъ этимъ взглядомъ и затѣмъ поблѣднѣлъ еще болѣе. Мальчикъ ощутилъ отъ этихъ глазъ что-то особенное. Какъ будто глаза этого крошечнаго старичка съ огромной головой были ядовиты и отравили его въ одну минуту.

— Онъ больной совершенно! выговорилъ отецъ Гавріилъ едва слышно и чуть двигая губами.

— Онъ былъ боленъ, ваше господство, очень долго и опасно, отозвался Салмоновичъ. — Сильно простудился...

Тоня поднялъ глаза и поглядѣлъ на аббата. Ему хотѣлось глубоко вздохнуть, но онъ не посмѣлъ. Мальчика почти оскорбляло подобное объясненіе его болѣзни. Онъ отлично понималъ, что заболѣлъ отъ нравственнаго потрясенія съ того дня и почти съ той минуты, когда узналъ, что отецъ идетъ въ каторгу. А они всѣ объясняютъ его болѣзнь простудой.

— Поступишь въ наше училище, заговорилъ Груберъ, обращаясь къ Тонѣ,—за тобой будетъ хорошій уходъ и ты быстро поправишься. Ученіемъ тебя очень мучить не будутъ. Будешь дѣлать что можешь. Спѣшить не зачѣмъ. Можешь пробыть въ училищѣ до полнаго совершеннолѣтія. Старайся только вести себя хорошо, почитать воспитателей и повиноваться имъ вполнѣ. А главное, будь прилеженъ по отношенію къ Закону Божію. Въ конвиктѣ есть русскій попъ-законоучитель, но онъ человѣкъ, къ несчастію, очень глупый и своего дѣла почти не знаетъ. Всѣ ученики надъ нимъ потѣшаются. Что дѣлать! И тебѣ, конечно, покажется онъ смѣшонъ. Но если ты захочешь заниматься съ любовью Закономъ Божьимъ, то у насъ много нашихъ законоучителей, къ нимъ и обращайся. Они люди хорошіе, умные и добрые. Когда чего не уразумѣешь, обращайся къ нимъ, и они будутъ наставлять тебя. Я, со своей стороны, предупрежу ихъ, чтобы они на тебя обратили свое вниманіе и оказали тебѣ всякое попеченіе.

Сказавъ эту рѣчь медленно, нѣсколько сухо и строго, Груберъ обратился къ Салмоновичу и заговорилъ по-нѣмецки:

— Въ церкви онъ, вѣроятно, рѣдко бывалъ?

— Яхтомскіе—мужъ и жена почти никогда не бывали. Но, кажется, мальчикъ бывалъ съ няней. хотя, вѣроятно, очень рѣдко.

Груберъ обернулся къ Тонѣ и вымолвилъ:

— Ты любишь въ церкви Богу молиться?

— Да... едва слышно и въ первый разъ подалъ голосъ Тоня.

— Но ты рѣдко бывалъ въ церкви?

— Бывалъ...

— Рѣдко бывалъ?

Тоня слегка перемѣнился въ лицѣ, но затѣмъ выговорилъ смѣлѣе:

— Часто бывалъ.

— Какимъ образомъ? вступился Салмоновичъ.

По лицу Тони видно было, что въ немъ происходила легкая борьба, но затѣмъ онъ возвысилъ голосъ и вымолвилъ смѣлѣе:

— Я часто бывалъ съ няней и съ Тарасомъ.

Груберъ съ строгой укоризной глянулъ аббату въ лицо.

— Стало-быть ты бывалъ тайкомъ, тихонько отъ всѣхъ? спросилъ Салмоновичъ.

Нѣсколько секундъ Тоня не отвѣчалъ и наконецъ выговорилъ:

— Да. Я объ этомъ не говорилъ...

Наступило молчаніе, послѣ котораго Груберъ выговорилъ:

— Родители могли не знать, а вамъ, господинъ аббатъ, слѣдовало знать, что ребенка тайкомъ таскаютъ въ церковь нянька и еще кто-то... вѣроятно лакей.

Салмоновичъ виновато промолчалъ.

— Скажите мнѣ, продолжалъ Груберъ по-нѣмецки,— каковъ характеръ мальчика? Упрямъ онъ?

— Нѣтъ, dominatio vestra. Онъ—тихій, послушный.

— Способности есть?

— Такъ себѣ... не особенно большія.

— Вообще мальчикъ умный, или глупый?

— Скорѣй глупый.

— Добрый?

— Да.

Наступило молчаніе и отецъ Гавріилъ думалъ про себя: „Глупый, добрый, послушный, болѣзненный... Все бы хорошо, если бы не послѣднее. Ему надо прожить десять лѣтъ, а пожалуй болѣе, чтобы наслѣдовать послѣ старухи. Авось мы съумѣемъ сдѣлать его здоровымъ юношей, любящимъ и уважающимъ нашъ орденъ.“

Отецъ Гавріилъ отпустилъ аббата съ питомцемъ, приказавъ свести его въ училище и передать съ рукъ на руки старшему надзирателю, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ его особому наблюденію Рафаила, чтобы этотъ могъ два раза въ мѣсяцъ докладывать ему, Груберу, о молодомъ князѣ.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ Тоня очутился въ конвиктѣ, среди кучи мальчиковъ всякаго возраста. И первые дни пребыванія его въ пансіонѣ чуть не уложили его снова въ постель. Вся обстановка конвикта была настолько чужда и странна, что Тоня озирался какъ въ лѣсу.

Онъ зналъ по-французски очень мало и могъ только съ трудомъ составлять фразы, а вокругъ него звучала исключительно французская рѣчь. Ученики между собой тоже объяснялись по-французски, даже и тѣ, которые знали мало. Это было заведено по строжайшему приказанію начальства.

Особый надзиратель слѣдилъ за тѣмъ, чтобы русской рѣчи не было слышно. Мальчикъ, заговорившій по-русски, конечно не наказывался, но ему строго замѣчали, что если онъ будетъ говорить по-русски, то никогда не выучится французскому языку. Понужденіе къ исполненію было изобрѣтено особенное. Раза два-три умышленно или невольно провинившагося мальчика надзиратель, человѣкъ умный и острякъ, умѣлъ такъ ловко поднять на смѣхъ, что всѣ ученики тоже начинали подшучивать надъ любителемъ русской рѣчи.

Тоня поэтому съ первыхъ же дней кое-какъ долженъ былъ объясняться на языкѣ, который только немного понималъ. Но это было не главное...

Главное, что поразило мальчика и подѣйствовало на него болѣе сильно, чѣмъ на кого либо изъ другихъ мальчиковъ при ихъ поступленіи, было нѣчто совершенно для него неожиданное и невѣроятное. Въ первый же день предъ ученьемъ онъ услыхалъ утреннюю молитву, которая показалась ему какой-то странною комедіей и какой-то тарабарщиной. Ученики, собранные вмѣстѣ, крестились по-русски, но произносили и пѣли что-то совершенно дикое для слуха Тони.

Разумѣется, онъ тотчасъ узналъ, что это были тѣ же молитвы, которыя онъ зналъ, но произносимыя по-латыни, и что онъ обязанъ прежде всего выучить и знать точно и Pater noster, и Ave Maria, и другія молитвословія.

Вечеромъ произошло то же самое передъ отходомъ ко сну. Это было въ пятницу. Въ воскресенье Тоню ожидало нѣчто новое... Наканунѣ онъ узналъ, что всѣ пойдутъ къ обѣднѣ и, конечно, обрадовался.

Какъ давно не былъ онъ у обѣдни, благодаря своей болѣзни! И вотъ завтра утромъ можно будетъ помолиться за бѣднаго отца, за Тараса, за няню Маѳу Яковлевну, которая тоже, Богъ вѣсть, гдѣ теперь. И за мать, которая гдѣ-то въ чужихъ краяхъ, конечно, тоже...

И на утро, вмѣстѣ съ прочими учениками, рядомъ съ товарищемъ, съ которымъ онъ уже подружился, Тоня двинулся въ церковь. Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ въ церкви, изумленный, смущенный, дико озирающійся кругомъ себя.

Это была не церковь! А если это церковь, то „нхняя“. Зачѣмъ же онъ попалъ въ нее? Что бы сказалъ теперь Тарасъ, если бы увидѣлъ его? Тоня оглядывался на своихъ товарищей и былъ пораженъ тѣмъ, что они, повидимому, чувствовали себя какъ бы и впрямь въ церкви. Нѣкоторые сидѣли съ молитвенниками и на лицахъ ихъ было написано вниманіе, у нѣкоторыхъ старшихъ—благоговѣніе.

Надзиратель объяснилъ Тонѣ, какъ новичку, что хотя всѣ мальчики православные, но бываютъ въ католической церкви, чтобы ознакомиться немного съ католическимъ богослуженіемъ.

Іезуитъ равно объяснилъ, что религія мальчиковъ и религія римско-католическая — одна и та же религія. Только въ римско-католическомъ богослуженіи все умнѣе и проще, въ храмѣ сидятъ и, дѣйствительно, молятся Богу, а не приходятъ только топтаться на мѣстѣ и глазѣть на народъ.

Тоня слушалъ и изумлялся. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что все окружающее настолько диковинно ему, что онъ никогда этотъ храмъ не почтетъ за храмъ, никогда эту тарабарщину не почтетъ обѣдней.

Въ мальчикѣ, не въ примѣръ прочимъ его товарищамъ, сказался сразу, твердо, порывомъ,—питомецъ и любимецъ Тараса. Слишкомъ много и часто водилъ старикъ Тоню въ русскій храмъ, слишкомъ много и часто бесѣдовалъ съ нимъ объ разномъ „божескомъ“. Изо всѣхъ русскихъ дѣтей всего Петербурга ни одинъ мальчикъ не былъ, конечно, менѣе приготовленъ къ тому, чтобы съ чувствомъ запѣть въ католическомъ храмѣ „Sainte Marie, je vous salue“ или же съ набожностью сказать Pater noster.

Надзиратель невольно замѣтилъ, какъ во время всей литургіи на лицѣ Тони было написано особенное изумленіе, а подъ конецъ—полное угнетеніе и грусть.

Это было явленіемъ рѣдкимъ и важнымъ. Поэтому въ тотъ же день все было донесено отцу-ректору. Груберъ отдалъ приказаніе, что, если не произойдетъ вскорѣ никакой перемѣны къ лучшему въ маленькомъ князѣ Яхтомскомъ, то доложить ему вновь. Надо было пресѣчь зло въ корнѣ и не теряя времени, въ виду возраста мальчика.

Въ эти самые дни Тоню ожидала нежданная радость, даже счастіе.

Однажды, во время занятій, надзиратель вызвалъ его въ пріемную горницу, гдѣ кто-то ожидалъ его. Мальчикъ ожилъ и, идя за надзирателемъ, задавалъ себѣ вопросъ: „Кто это? Мать? Няня?! Во всякомъ случаѣ это не бѣдный папа, не бѣдный Тарасъ.“

И, выйдя въ пріемную, мальчикъ все-таки вскрикнулъ отъ радости. Предъ нимъ былъ тоже близкій человѣкъ, котораго онъ любилъ и о которомъ забылъ. Это былъ полковникъ Ватбольскій.

Расцѣловавъ молча мальчика и усадивъ около себя, Ватбольскій молчалъ мгновеніе, не зная что сказать. Заговорить объ отцѣ? Зачѣмъ. И что сказать? Послѣднюю новость, что отецъ идетъ на каторгу. Объ матери Тони Ватбольскій самъ не зналъ ничего.

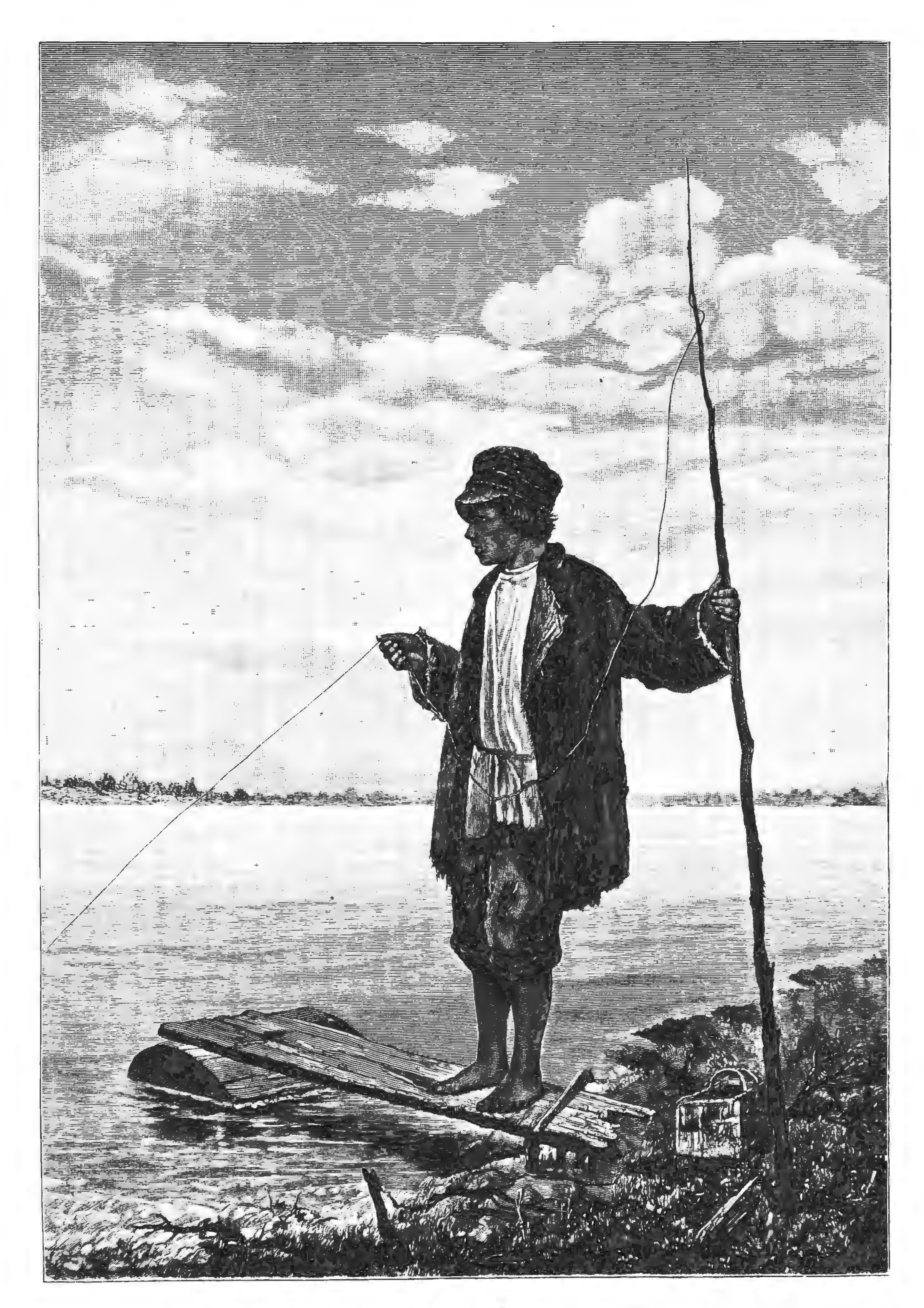
— Ну какъ ты, Тоня... какъ тебѣ здѣсь? выговорилъ наконецъ полковникъ.

— Ничего... отозвался мальчикъ и отвернулся.

Выставка въ Импер. Академіи Художествъ. „Интересная сказка“.

Группа **И. Я. Гинцбурга** (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ **„Нивѣ“**), грав. Шюблеръ.

Выставка въ Импер. Академіи Художествъ. „Рыболовъ“.

Карт. **И. Өедорова** (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Рашевскій.

— Дурно тебѣ здѣсь?..

Тоня отвернулся еще болѣе, и слезы выступили у него на глазахъ.

Ватбольскій разспросилъ мальчика обо всемъ, и въ отвѣтъ на разсказъ Тони только вздыхалъ и качалъ головой.

Разумѣется, если бы онъ могъ, то спасъ бы мальчика отъ іезуитовъ и взялъ бы немедленно изъ конвикта. Но онъ, какъ чужой человѣкъ, не имѣлъ на это никакого права. Отецъ тоже потерялъ уже свои права на сына.

Ватбольскій обѣщалъ Тонѣ заѣхать еще раза два повидаться предъ своимъ отъѣздомъ къ полку, но обманулъ Тоню...

Такъ думалъ мальчикъ... Но обманъ шелъ отъ служителей Бога. Разговоръ полковника и Тони былъ подслушанъ надзирателемъ, и когда Ватбольскій явился вновь, ему сказали, что князь Яхтомскій на прогулкѣ. Въ другой разъ заѣхалъ полковникъ, и ему сказали, что молодой князь у ректора... И Ватбольскій выѣхалъ изъ Петербурга, не повидавъ снова мальчика.

Отцы-іезуиты оберегали зорко свою добычу.

Понемногу, изо-дня-въ-день, Тоня сталъ поневолѣ привыкать къ чуждой обстановкѣ, началъ легче болтать съ товарищами по-французски и уже начиналъ спать болѣе крѣпко и сладко по ночамъ. Онъ былъ друженъ съ двумя мальчиками, но съ остальными совершенно не сходился. Эти два мальчика были почти въ такомъ же положеніи, какъ и онъ. Одинъ изъ нихъ былъ круглый сирота. Къ тому-же, оба они, какъ и Тоня, тщетно мечтали побывать въ своей церкви...

Четвертый классъ, въ который былъ принятъ Тоня, былъ не великъ. Въ немъ было всего четырнадцать учениковъ.

Мальчикъ сталъ учиться порядочно, но любимый предметъ его — Законъ Божій — оказался предметомъ въ исключительномъ положеніи.

Предметъ былъ въ загонѣ, такъ же, какъ и его преподаватель. Урокъ Закона Божія былъ только разъ въ недѣлю, въ субботу, и послѣднимъ, когда кончались недѣльныя занятія и когда всѣ мальчики мечтали только о томъ, чтобы кончить ученье или отправиться въ домъ къ родителямъ.

И этотъ послѣдній урокъ недѣли проводился въ шутовствѣ и невѣроятныхъ шалостяхъ.

Тоня былъ пораженъ съ перваго же раза, и не могъ ничего понять. Товарищи вели себя непозволительно, урока не знали, не только молчали на вопросы законоучителя, говорящаго со страннымъ акцентомъ, но иногда отвѣчали на его вопросы шутками. Нѣкоторыя шутки оскорбляли Тоню и дѣлали его врагомъ своихъ товарищей.

А между тѣмъ преподаватель Закона Божія не только не былъ строгъ, какъ многіе другіе, но спускалъ все: и грубости, и шутки. Задолго до окончанія урока нѣкоторые ученики уже самовольно уходили изъ класса.

На вопросъ Тони, обращенный къ своему новому пріятелю—сиротѣ, отчего всѣ ведутъ себя такъ странно за урокомъ Закона Божія, мальчикъ отвѣчалъ:

— Всегда такъ. Это вѣдь не урокъ... Это только такъ... Это, говорятъ, не нужно. Законъ Божій объясняютъ намъ аббаты-надзиратели. А субботній урокъ не въ счетъ.

— Почему же?

— Не знаю.

И дѣйствительно, оба мальчика не знали и не понимали того, что̀ видѣли глаза ихъ.

Черезъ двѣ недѣли Тоня, который велъ себя въ церкви Св. Екатерины прилично, получилъ выговоръ за невниманіе. Это была несправедливость, которую мальчикъ понялъ. Онъ былъ совершенно внимателенъ, но продолжалъ дико озираться кругомъ себя, а въ душѣ горячо и страстно мечталъ о томъ, какое было бы счастіе, если бы его пустили хоть на четверть часа въ какую-нибудь петербургскую русскую церковь.

Ему хотѣлось услышать все то, что̀ такъ часто слушалъ онъ, стоя около Тараса, и что̀ затѣмъ старикъ пояснялъ ему, когда онъ задремывалъ въ своей постели.

Но черезъ недѣлю еще худшее, сугубо-странное и тягостное ожидало мальчика. Въ одно воскресенье онъ былъ назначенъ въ число дѣтей прислужниковъ у алтаря, въ число, какъ говорилось, „Enfants de choeur“.

Тоню, какъ и другихъ двухъ товарищей, нарядили въ какой-то для него шутовской костюмъ, надѣли на него кружевную бѣлую, будто дамскую пелерину, поставили его въ хвостѣ патера и заставили, прислуживая у алтаря, производить странныя, полупонятныя для него вещи. Многое было Тонѣ смѣшно, но онъ не смѣялся, а готовъ былъ плакать.

И всѣ замѣтили это.

Вслѣдствіе состоявшагося новаго доклада о молодомъ князѣ Яхтомскомъ, отецъ-ректоръ обратилъ на мальчика сугубое вниманіе.

Единственный ученикъ въ конвиктѣ, наслѣдникъ милліоновъ, былъ, какъ на зло, совершенно испорченъ въ извѣстномъ смыслѣ. Приходилось ломать природу мальчика, а онъ былъ слишкомъ хилъ и слабъ. Ломая, можно было сломать. А если питомецъ очутится вдругъ на кладбищѣ, то въ чьемъ же карманѣ очутятся милліоны его бабушки?

И для умнаго и тонкаго отца Гавріила юный Яхтомскій сталъ мудреною задачей.

„Какъ быть? думалось ему.—Онъ не сдается такъ же легко, какъ многіе другіе его сверстники, а между тѣмъ необходимо его взять. И надо спѣшить изгладить въ немъ слѣды прежняго воспитанія. Надо, чтобы онъ скорѣй привыкалъ ко многому тому, что̀ въ будущемъ обладателѣ милліоновъ необходимо ad majorem gloriam Dei. А не дастся это намъ — никому не достанется!“

И отецъ Гавріилъ, поручивъ мальчика для ломки особому попеченію одного хитроумнаго профессора, отца Викентія, категорически объяснилъ:

— Намъ въ немъ нуженъ истинный католикъ или же... онъ вовсе не нуженъ!

XXII.

Въ Венеціи жизнь шла мирно и весело, благодаря массѣ гостей-мужчинъ, каждый вечеръ наполнявшихъ салоны палаццо Корнарини. Князь уже начиналъ считать, наконецъ, искусъ оконченнымъ и собирался здѣсь же, въ Венеціи, или по близости — въ Австріи, вѣнчаться, и на первое время привезти снова въ тотъ же дворецъ молодую княгиню Вахтенштейнъ.

И въ эти дни, когда нѣмецъ-дипломатъ наиболѣе успокоился, когда его собачье чутье было наиболѣе запутано хитрымъ коростелемъ, когда онъ окончательно рѣшался на роковой шагъ въ жизни,—въ эти же самые дни Юлія Павловна будто позабыла, зачѣмъ сослала мужа на каторгу и зачѣмъ живетъ въ Венеціи. Ея задача была ею отброшена въ сторону. Она думала, и просыпаясь утромъ, и засыпая ночью въ постели, только объ одномъ: о будущемъ, вновь условленномъ свиданіи съ прелестнымъ какъ херувимъ пажомъ.

За это время появился въ Венеціи гость изъ Россіи, ежедневно бывавшій во дворцѣ Корнарини и очень нравившійся теперь князю.

Это былъ аббатъ Салмоновичъ, выписанный княгиней какъ бы себѣ на помощь. Аббатъ, ознакомившись съ положеніемъ, сталъ убѣждать княгиню, что она играетъ въ опасную игру и сама себѣ врагъ. Но, разумѣется, никакія увѣщанія не подѣйствовали.

Между тѣмъ въ Венеціи наступали особые дни, дорогіе для всякаго итальянца—дни карнавала. Не взирая

на свой трауръ по утраченной независимости и потерѣ политическаго существованія, Венеція все-таки готовилась къ этимъ днямъ.

Многія сотни людей, и мужчинъ, и женщинъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, готовили себѣ костюмы. Вскорѣ надо было ждать, что маленькія улицы-коридоры, площадь Св. Марка, Піацетта и набережная Рива дельи-Скіавони покроются шумною, пестрою толпой замаскированныхъ и пойдетъ дымъ коромысломъ.

Высшее общество Венеціи не брезгало вѣковымъ обычаемъ, любило тоже въ костюмѣ и подъ маской веселиться на улицѣ, интригуя знакомыхъ и забавляясь надъ иностранцами. Поэтому княгиня пожелала тоже сшить себѣ костюмъ и съ перваго же дня карнавала выйти на площадь Св. Марка интриговать своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, друзей и поклонниковъ.

Князь сначала противился этой затѣѣ. Что было дозволительно для жены или дочери какого-нибудь патриція въ силу стараго обычая, казалось ему не подходящимъ для нея—русской княгини и, главное, его нареченной. Но усиленныя мольбы, ласки и всякія ухищренія Юліи Павловны переломили упорство Вахтенштейна.

Князь согласился, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы княгиня въ костюмѣ и подъ маской, тщательно скрывающей лицо, появилась исключительно на одной площади Св. Марка, не удалялась бы далѣе Піацетты и не углублялась въ маленькія улицы-коридорчики.

При этомъ князь потребовалъ, чтобы она не покидала ни на одну секунду руки своего кавалера, во избѣжаніе какого-либо глупаго случая или скандала. Но кто же будетъ кавалеромъ? Это былъ вопросъ серьезный.

Салмоновичъ, въ качествѣ аббата, конечно, не могъ костюмироваться.

Баронъ Люссакъ былъ положительно для этого слишкомъ старъ. Вѣдь княгиня часовъ пять-шесть пробудетъ на ногахъ и будетъ просто бѣгать въ шумной, веселой толпѣ. Гдѣ же ему поспѣть за ней—ему, который только храбрится и не можетъ выдержать часовой прогулки пѣшкомъ.

Кавалеръ ди-Байа можетъ, конечно, хоть за сто верстъ сопровождать княгиню, но онъ слишкомъ юнъ и легкомысленъ.

Костюмъ цыганки уже былъ заказанъ, шился и украшался рядами настоящихъ червонцевъ, а кавалеръ для карнавала еще избранъ не былъ.

Юлія Павловна, изъ-за женской прихоти, хотѣла окунуться въ пеструю замаскированную толпу подъ-руку съ милымъ пажомъ и затѣмъ, исчезнувъ съ площади Св. Марка, пропасть на два часа, чтобы затѣмъ опять явиться на площадь. Подобныя свиданія съ ди-Байа были не диковинкой, но бывали всегда днемъ. А теперь оно могло бы устроиться вечеромъ. И главное—въ костюмахъ! Вотъ что забавно и заманчиво — какъ исключеніе...

И княгиня отказывалась отъ всѣхъ кавалеровъ предлагаемыхъ Вахтенштейномъ, непремѣнно желая взять ди-Байа. Его, и никого другаго...

Разумѣется, чутье князя заговорило и проснулась усыпленная на время подозрительность: а заподозривъ, ревнивецъ тотчасъ согласился.

Въ первый же день карнавала, въ сумерки, когда шумная, страстно и пылко веселящаяся толпа наводнила площадь Св. Марка, всѣ сосѣднія улицы и аркады, Цыганка, въ богатомъ нарядѣ, подъ-руку съ Мушкетеромъ, явилась среди сотни другихъ ряженыхъ и замаскированныхъ.

Костюмъ цыганки, усѣянный настоящими нѣмецкими червонцами, конечно, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Костюмъ мушкетера былъ тоже очень красивъ и эффектенъ и шелъ къ статной фигурѣ юнаго красавца ди-Байа.

И Цыганка, и Мушкетеръ встрѣчали знакомыхъ, интриговали, стараясь измѣнить голосъ, и благодаря своимъ маскамъ, „строго“ пригнаннымъ, не могли быть узнаны. Поэтому и сами они между собою не стѣснялись... Окунувшись въ гудящую толпу, они безпечно болтали, говоря другъ другу „ты“. Цыганка все время фамильярно прижималась къ Мушкетеру и почему-то видно было, даже въ глаза бросалось, что эта парочка—влюбленная чета. Изрѣдка Мушкетеръ бралъ ручку, которая опиралась на него, и приподнявъ кружевную бороду своей маски, цѣловалъ эту ручку или подолгу держалъ ее, прижавъ къ губамъ. Цыганка не обращала на это никакого вниманія, какъ на нѣчто обычное.

Погулявъ по площади, посновавъ всюду, парочка двинулась на Піацетту и наняла гондолу. Мушкетеръ обнялъ Цыганку, помогая ей сѣсть въ гондолу.

Но уже давно около этой парочки сновала, и какъ бы шла неотступно по ея слѣдамъ, другая пара замаскированныхъ. Это былъ Друидъ, въ длинномъ до земли балахонѣ, съ огромной бѣлой бородой, и Тиролька.

Эта пара масокъ тоже очутилась на Піацеттѣ при отъѣздѣ первой пары, и тоже пожелала прокатиться по Canal Grande. И вторая гондола двинулась за первой, быстро скользя по гладкой поверхности водъ, а затѣмъ, вскорѣ сравнялась съ ней и пошла рядомъ на подачу руки.

Тиролька крикнула Мушкетеру:

— Ты занятъ своей Цыганкой больше чѣмъ самымъ карнаваломъ!

— Разумѣется! весело откликнулся Мушкетеръ.

— Желаю тебѣ отъ души, воскликнула Цыганка,—провести вечеръ со своимъ старымъ жрецомъ такъ же весело, какъ я проведу его съ моимъ!..

Но Друидъ сидѣлъ истуканомъ и не отвѣтилъ ни слова.

Гондолы прошли еще немного рядомъ и разъѣхались. Друидъ знакомъ приказалъ повернуть обратно.

Вернувшись къ Піацеттѣ, жрецъ и его дама часа два пробыли молча на набережной, какъ бы въ ожиданіи. И они дождались. Мушкетеръ и Цыганка вернулись.

Чрезъ полчаса княгиня была уже въ палаццо со своимъ кавалеромъ, усталая и довольная карнаваломъ. Она собиралась передать князю свои впечатлѣнія. Но Вахтенштейна дома не оказалось. Въ полночь его все еще не было.

На утро, проснувшись поздно, княгиня тотчасъ стала вспоминать вчерашній дивный вечеръ.

Какъ поэтично-граціозна была вчера вся Венеція, ребячески справляющая свой карнавалъ, звенящая, шумящая, поющая, заливающаяся на всѣ лады по всѣмъ улицамъ-коридорчикамъ, по всѣмъ лагунамъ и каналамъ!

Затѣмъ княгиня очутилась мысленно въ гондолѣ со своимъ пажомъ и безумно скользила въ какомъ-то волшебномъ синемъ мірѣ, по синевѣ морской, подъ звѣздной синевой далекихъ, глубокихъ небесъ. Гондола не летитъ по морю, а будто несется въ какомъ-то эфирномъ пространствѣ... И вечернее ихъ свиданіе послѣ карнавальной толкотни показалось ей несказанно поэтичнѣе всѣхъ предыдущихъ.

„Да, думалось княгинѣ,—вотъ это жизнь! Если бы всегда такъ жить, именно въ этой Венеціи, гдѣ гудѣлъ бы вѣчный карнавалъ!“

Чувствуя себя очень утомленною, княгиня собиралась пролежать въ постели часовъ до четырехъ и снова, какъ бывало часто, поболтать со своей служанкой и выучить нѣсколько новыхъ словъ по-итальянски.

Ея горничная Терезина, оригинальное существо, смѣсь славянки, нѣмки и итальянки, уже давно заставила княгиню полюбить себя и сдѣлалась ея довѣреннымъ лицомъ. Въ Терезинѣ была веселость и страстность итальянки, сердечность славянки, степенность и честность нѣмки. Терезина давно поняла отношеніе кня-

гини къ Вахтенштейну и изучила до тонкости характеръ своей госпожи.

Подавъ княгинѣ кофе на придвинутый къ постели столикъ, Терезина, поболтавъ о вчерашнемъ днѣ, главнымъ образомъ, конечно, о карнавалѣ, вышла зачѣмъ-то въ другую горницу и пропала. Княгиня нѣсколько разъ позвала ее, но безуспѣшно.

Прошло около получасу и, наконецъ, Терезина явилась снова. Она вошла въ спальню быстро, подошла къ самой кровати и, держа руки въ карманахъ своего фартучка, выговорила тихо, съ нѣсколько встревоженнымъ лицомъ:

— У насъ, signora principessa, въ домѣ что-то особенное, непонятное...

— Что такое?!.. удивилась, но и улыбнулась княгиня, видя какъ бы дѣтски перепуганное лицо камеристки.

— Господинъ Бернеръ еще утромъ приказалъ явиться всѣмъ поставщикамъ и теперь расплачивается. Прислугу тоже разсчитываютъ и распускаютъ, а камердинеры князя поспѣшно укладываютъ его вещи. Они спѣшатъ къ шести часамъ къ отплытію корабля въ Анкону.

— Чтò?!. Чтò?!. воскликнула княгиня и, сразу поднявшись, сѣла въ постели.

— Да, это вѣрно! Когда же я сказала, что я ничего не укладываю, то люди, конечно, удивились. А господинъ Бернеръ, къ которому я обратилась съ вопросомъ, отвѣчалъ мнѣ: „Когда княгиня прикажетъ вамъ укладываться, тогда и будете укладываться! Это до меня не касается“.

Княгиня, какъ бы сразу понявъ, или скорѣе почуявъ ударъ, неожиданно разразившійся надъ нею, совершенно потерялась.

„Очевидно, вчера что-нибудь!.. подумала она.—Вчера я была неосторожна!.. Эти проклятыя маски! Вѣдь это былъ маскарадъ. Онъ могъ быть около меня въ костюмѣ и подъ маской. И что-нибудь увидѣть, услышать... Какъ что-нибудь?.. Онъ могъ все узнать... А Друидъ?! Неужели?! Да; пожалуй... Проклятый карнавалъ!..“

Княгиня потребовала бумаги и карандашъ и рѣшилась написать два слова князю. Разумѣется, она не хотѣла ставить прямаго вопроса о томъ, чтò достигло до нея черезъ горничную. Она написала, спрашивая, желаетъ-ли князь черезъ часъ ѣхать кататься на островъ Лидо.

Терезина вышла съ запиской, и вскорѣ вернулась съ отвѣтомъ. Князь писалъ, что проситъ позволенія явиться черезъ полчаса или часъ къ княгинѣ, дабы передать ей нѣчто важное для нихъ обоихъ. Разумѣется, Яхтомская, проводившая всегда часа по два за своимъ утреннимъ туалетомъ, на этотъ разъ быстро одѣлась, прибралась, и хотя минутъ съ десять повертѣлась передъ зеркаломъ, но получасу не прошло, какъ она была уже въ гостиной.

(Продолженіе будетъ).

Рыцарь тайги.

Разсказъ **Ив. Невзорова.**

(Окончаніе).

III.

А Снарскому жилось тоже не особенно хорошо. Натура, привыкшая широко пользоваться всѣмъ возможнымъ, рвавшаяся на просторъ привольной цыганской жизни, не могла долго выносить стѣсненій, налагаемыхъ все-таки хоть немного цивилизованною жизнью города. Сначала онъ еще крѣпился кое-какъ, познакомился съ нѣкоторыми домами, гдѣ его приняли на первыхъ порахъ радушно; но потомъ, по мѣрѣ того, какъ ветшали дорогіе костюмы, выписанные имъ изъ Японіи, съ него точно опадали и рвались въ лоскутья и привычки порядочнаго человѣка.

Общество мало узнало о немъ подробностей. Когда по какому-то случаю потребовали у него видъ, то документы оказались въ полной исправности. Изъ его паспорта, на которомъ, между прочимъ, были визы русскихъ консуловъ въ Марсели и Санъ-Франциско, узнали, что онъ дворянинъ Кіевской губерніи, Феликсъ Осиповичъ Снарскій, корнетъ въ отставкѣ, 39 лѣтъ. И только. О своей прошедшей жизни онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Разъ какъ-то, въ хорошую минуту, онъ разсказалъ про себя, что онъ былъ добровольцемъ въ Сербскую кампанію, а потомъ участвовалъ въ походѣ Скобелева подъ Геокъ-Тепе. Впрочемъ, онъ не скрывалъ, что въ послѣднее время онъ былъ въ „Амурской Калифорніи“, гдѣ „заработалъ“ кучу денегъ. Но когда кто-то, безъ всякаго умысла, спросилъ его:

— То-есть какъ это—„заработали?“ Рыли золото?

Онъ вспыхнулъ и, противъ всякаго ожиданія, грубо отвѣтилъ:

— Ну да, конечно!.. Не укралъ же его... Странный вопросъ!

— Что же вы теперь думаете предпринять что-нибудь? Займетесь какимъ-нибудь дѣломъ?

— Не знаю, господа.

— По крайней мѣрѣ скажите, что вы, останетесь у насъ?

— И этого не знаю. Пока мнѣ и въ В* живется недурно. Ну, а выйдутъ деньги — поневолѣ придется уѣхать. Да и вы вѣдь, господа, прибавилъ онъ, насмѣшливо глядя на собесѣдниковъ,—врядъ-ли будете меня тогда удерживать.

Дѣло происходило у него въ квартирѣ, въ своей компаніи, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ гостей сочли нужнымъ обидѣться.

— Что же намъ за дѣло до вашихъ денегъ? За кого вы насъ принимаете?

Снарскій усмѣхнулся. Онъ не обманывался на свой счетъ; за то въ треволненіяхъ скитальческой жизни научился узнавать людей. Онъ отлично понималъ, что съ нимъ знакомы только до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи принимать и поить всю эту ораву. Уйдутъ деньги, уйдутъ и эти пріятели... И такъ вотъ уже много лѣтъ! Одинъ, всегда одинъ...

Не велико утѣшеніе, что онъ въ свою очередь не церемонится съ ними. А все-таки они сильнѣе его, уже потому, что ихъ много; за нихъ вся рутина жизни, за нихъ традиціи общества... Развѣ они лучше его? Они пьютъ и ѣдятъ у него, обыгрываютъ его въ карты, а между тѣмъ ихъ семьи для него недоступны, онъ опасный человѣкъ, „не ихъ круга“ въ ихъ глазахъ. О, лицемѣры!..

Неужели же они правы? Кто онъ, въ самомъ дѣлѣ? Бездомный бродяга, безъ имени, безъ будущаго, безъ прошлаго, или, по крайней мѣрѣ, съ такимъ прошлымъ, о которомъ неудобно вспоминать. И неужели всѣ дороги назадъ навсегда отрѣзаны?

Лицо его приняло печальное, почти отчаянное выраженіе, выраженіе загнаннаго на смерть звѣря. Подвыпившіе гости, конечно, не замѣтили этого. „Э! къ чорту эти думы, въ самомъ дѣлѣ!..“

— Вы меня не такъ поняли, господа! заговорилъ онъ. — А впрочемъ, кто желаетъ принять это серьезно... я никогда не отказываюсь отъ своихъ словъ! прибавилъ онъ, медленно осматривая собесѣдниковъ. — Вы молчите?.. Отлично. Не будемъ ссориться изъ пустяковъ. Faites votre jeu, messieurs, закончилъ онъ, опять впадая въ шуточный тонъ.—Штосъ готовъ!

И игра пошла попрежнему, какъ будто ничего не бывало. Онъ велъ крупную игру и почти всегда проигрывалъ. Сначала его сочли было за шуллера, за игрока по профессіи, послѣ того какъ вскорѣ послѣ пріѣзда ему на нѣкоторое время повезло счастіе, но потомъ объ этомъ никто и не заикался. Въ игрѣ онъ велъ себя положительно джентльменомъ. Когда другіе обливались потомъ и громко жаловались на свое несчастіе, или выходили изъ себя и сердились при ничтожной потерѣ, онъ не волновался ни при какомъ проигрышѣ, а только блѣднѣлъ и съ преувеличеннымъ хладнокровіемъ тасовалъ карты, да пилъ стаканами крѣпкое вино.

Но за то въ другихъ случаяхъ онъ былъ очень невоздерженъ и рѣзокъ на языкъ. Странное дѣло, его боялись. Буяновъ и забіякъ вездѣ много, были они и въ В*, были тамъ и скандалы, но со Снарскимъ не связывались до поры до времени. Чувствовалось безсознательно, что этому человѣку все ни по чемъ, что дѣло не ограничится пустою ссорой и что въ крайнемъ случаѣ онъ не задумается поставить на карту и свою, и чужую жизнь.

Но недовольство росло и отчужденіе вокругъ него стало сказываться замѣтнѣе. Семейные дома затворились предъ нимъ. На вызовъ онъ отвѣчалъ вызовомъ и, подобравъ себѣ компанію кутилъ, сталъ устраивать настоящія оргіи.

Разъ какъ-то, за городомъ, зашелъ разговоръ о силѣ, о ловкости. Стали вспоминать различныя событія изъ своей жизни, начали стрѣлять въ цѣль.

— А вы хорошо стрѣляете, Феликсъ Осиповичъ? спросили Снарскаго.

— Недурно. Не совѣтую вызывать меня на дуэль. Подстрѣлю какъ куропатку.

Выставка въ Имп. Акад. Худ. „Бояринъ“. Карт. (собств. „Нивы“) Н. Е. Маковскаго, грав. Флюгель.

— Что же вы не покажете намъ свое искусство?

— Не стоитъ. Это дѣтская забава. А впрочемъ, если желаете, то вотъ...

Онъ взялъ пистолетъ. Шагахъ въ тридцати шелъ къ нимъ манза, всегда сопровождавшій Снарскаго и даже пріѣхавшій съ нимъ вмѣстѣ въ В*. Онъ несъ господамъ только-что откупоренную бутылку вина. Снарскій тщательно прицѣлился и выстрѣлилъ. Оторопѣлый манза не успѣлъ вскрикнуть, какъ посыпались осколки бутылки и вино залило куртку и шаровары. Гости ахнули.

— Развѣ можно такъ рисковать? Вы вѣдь могли попасть въ него!..

— Не думаю. Я имѣю привычку попадать въ то, во что̀ цѣлюсь. Что, испугался, Си-хо? ласково спросилъ онъ подошедшаго манзу.

Тотъ скалилъ зубы, но, противъ воли, голосъ у него дрожалъ.

— Испугался, господинъ.

— Дуракъ! Вѣдь кажется это не въ первый разъ... На!..

Онъ далъ ему крупную бумажку. Вообще окрестные манзы, несмотря на то, что боялись его какъ огня, все-таки любили его. Положимъ, плутоватыя дѣти Небесной имперіи обкрадывали его какъ могли, но все-таки очевидно было, что вообще поступки Снарскаго, его храбрость, его безшабашная удаль имъ импонировали.

Манза конечно не жаловался (онъ былъ преданъ Снарскому какъ собака), но объ этомъ случаѣ узнали въ городѣ и Снарскому посовѣтовали быть осторожнѣе. А когда въ другой разъ онъ крѣпко побилъ двухъ пьяныхъ матросовъ, проходившихъ съ пѣснями мимо его дома и отвѣтившихъ дерзостью на его приказаніе перестать орать подъ окнами (домъ штурманши стоялъ почти на краю города и Таня какъ-то сказала ему, что она боится и что ее прежде часто пугали такъ матросы), то ему прямо замѣтили, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго его вышлютъ изъ города.

Онъ сталъ чаще задумываться. По мѣрѣ того, какъ дѣла его ухудшались, крупныя бумажки смѣнялись мелкими, исчезали новенькіе полуимперіалы, потомъ брилліантовыя кольца и запонки, онъ становился все угрюмѣе и раздражительнѣе. Часто больной, съ головой, еще трещавшей отъ вчерашней попойки, онъ угрюмо шагалъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и хмурился, кусая усы.

— Достукался кажется опять, братъ Феликсъ Осиповичъ! пронизировалъ онъ самъ надъ собою.—Придется опять вѣрно ѣхать на добычу. Да! Скоро однако спустилъ я денежки. Да и ѣхать скверно теперь. Осень... И не хочется, чортъ побери!..

Онъ не договаривалъ даже самому себѣ, почему не хочется, и только какой-то червякъ сосалъ у него подъ сердцемъ. Кончалось тѣмъ, что онъ „возстановлялъ“ себя виномъ.

— Я точно баба какая! злился онъ.—Крѣпись, братъ Снарскій! Терпи, казакъ, атаманомъ будешь... Не это суть важно...

Онъ бралъ гитару и начиналъ наигрывать что-нибудь, или шелъ къ кому-нибудь въ гости, или садился на коня и, свистнувъ Си-хо, уѣзжалъ дня на два, на три въ тайгу.

Кругъ его знакомыхъ быстро рѣдѣлъ. На него очевидно смотрѣли уже какъ на „поконченнаго“, подобно тѣмъ многимъ молодцамъ, которые въ томъ году тоже приходили съ Амура съ деньгами и повертѣвшись исчезали, пропадали опять безъ вѣсти. Этотъ держался дольше, потому что былъ богаче, вотъ и все. Но и послѣднихъ собутыльниковъ онъ разгонялъ своими рѣзкостями.

Разъ шумъ въ его квартирѣ былъ особенно великъ. Играли въ карты, спорили. Кто-то пѣлъ во все горло, съ размаху ударяя рукой по гитарѣ. Самъ хозяинъ не игралъ, и только изрѣдка присаживался посмотрѣть на игру. У него не было денегъ и онъ не успѣлъ достать, а между тѣмъ поставилъ себѣ правиломъ никогда не играть въ долгъ. Вдругъ дверь пріотворилась и показалась старуха-штурманша.

— Феликсъ Осиповичъ, на минутку...

Онъ вышелъ.

— Ужь вы извините меня, батюшка; я бы ничего, да вотъ дочка проситъ... тянула старуха, попрежнему любившая своего жильца, несмотря на его видимое обѣдненіе, но теперь очевидно чѣмъ-то встревоженная.

— Татьяна Николаевна?! быстро спросилъ Снарскій. — Что̀ такое?

— Нельзя-ли потише... Ужь очень боится она. Плачетъ...

Снарскій стоялъ, опустивъ голову.

— Она и прежде хотѣла просить васъ, да все какъ-то совѣстилась, продолжала старуха. — А теперь я и сама вижу, что неладно... Ужь пожалѣйте ее... Вы всегда были для нея такой старательный...

Губы Снарскаго слегка дрогнули, но онъ не отвѣтилъ ни слова и повернувшись ушелъ къ себѣ, оставивъ старуху въ полномъ недоумѣніи. Но не надолго.

— Господа, извините меня, обратился онъ къ гостямъ, — мнѣ теперь нужно остаться одному. Мнѣ очень жаль...

— Какъ? Что̀ такое? посыпались вопросы.

— Ничего... Еще разъ говорю, извините!

— Однако, это того... говорили обидѣвшіеся гости.—Это ужь черезчуръ...

Кто-то догадался и позволилъ себѣ подтрунить надъ нервною молодою хозяйкой, очевидно имѣющею на своего жильца большое вліяніе.

Снарскій хотѣлъ было что-то отвѣтить, но обычное хладнокровіе, не оставлявшее его въ минуты даже самыхъ рѣзкихъ выходокъ, тутъ ему измѣнило. Онъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы и рюмки со звономъ посыпались на полъ.

— Ступайте вонъ! бѣшено крикнулъ онъ.

IV.

Да, ему давно было пора ѣхать. И истраченныя деньги, и жажда прежней буйной и разгульной жизни,—все звало его... Но онъ не ѣхалъ. Противъ его воли, новое чувство, болѣе сильное и болѣе нѣжное, встало передъ нимъ и властно загородило ему дорогу.

Онъ полюбилъ Таню.

„Avec l'amour c'est comme avec le spectre; tout le monde en parle, mais peu de gens en ont vu“, сказалъ еще нѣкогда Ларошфуко. Но къ чему въ самомъ дѣлѣ анализировать, допытываться, почему именно случилось то, а не другое?

Снарскій и не пытался этого дѣлать. Онъ только инстинктивно сознавалъ, что настоящая, серьезная любовь въ его положеніи будетъ больше нежели ошибкой, будетъ несчастіемъ. Онъ невольно поэтому боялся чувства, да пожалуй никогда и не испытывалъ ничего подобнаго.

Въ ранней молодости, когда онъ еще былъ принятъ въ порядочномъ обществѣ, онъ мало обращалъ вниманія на дѣвушекъ. Блестящій офицеръ, хорошей фамиліи, онъ жилъ какъ всѣ, можетъ-быть немножко шумною, разгульною жизнью. И вдругъ все измѣнилось. Мальчишескій задоръ, исторія съ начальствомъ, дерзкіе, небрежные отвѣты... Ему намекнули, чтобъ онъ извинился, но онъ не хотѣлъ и слышать. Пришлось выйти изъ полка. Онъ гордо принялъ вызовъ общества и продолжалъ жить въ Петербургѣ, пока не прожилъ свое, довольно значительное, состояніе. Несомнѣнно умный, по-своему безукоризненно честный, но слабый, впечатлительный, влюбленный въ себя эгоистъ, онъ не могъ и не хотѣлъ дисциплинировать свою волю. Его имя начало встрѣчаться въ разсказахъ о сомнительныхъ похожденіяхъ петербургской золоченой молодежи. Онъ уже не разъ балансировалъ на той узкой дорожкѣ, гдѣ только одинъ шагъ въ сторону — и идетъ область уголовныхъ законовъ. Возвратъ къ старому былъ отрѣзанъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Снарскій самъ скоро сознalъ это.

— Уѣду, рѣшилъ онъ.—Бѣлый свѣтъ не клиномъ сошелся!..

И онъ уѣхалъ. А затѣмъ... цѣлыхъ 15 лѣтъ цыганской, кочевой жизни...

Въ то время, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, весь Туркестанъ наполненъ былъ славою нашихъ завоеваній. Повинуясь неудержимой логикѣ событій, мы шли и шли впередъ, и передъ русскими штыками падали одно за другимъ мелкія, разбойничьи государства.

Феликсъ Осиповичъ очутился въ Ташкентѣ. Онъ былъ лично знакомъ Кауфману и даже служилъ одно время по военно-народному управленію. Потомъ что-то вышло... вообще отъ этого человѣка трудно было узнать подробности его прошлой жизни. Говорили что онъ служилъ отлично, но что кто-то изъ петербуржцевъ, пріѣхавъ въ Ташкентъ, поразсказалъ кое-что изъ его столичныхъ похожденій, и его вѣжливо попросили удалиться. Это окончательно озлобило Снарскаго. Сознавая что пострадалъ напрасно, что его искреннія усилія начать новую жизнь не привели ни къ чему, онъ потерялъ голову. Онъ публично, въ клубѣ, жестоко избилъ хлыстомъ обидчика и скрылся. Дѣло, положимъ, замяли, но Снарскій вынырнулъ уже въ глухой тайгѣ и почти на „не легальномъ“ положеніи. Онъ жилъ и въ Барнаульскомъ округѣ, и въ Олекминской тайгѣ, гдѣ долго работалъ на пріискахъ Базанова и Нѣмчинова, и въ глухихъ Саянскихъ трущобахъ, гдѣ копалъ золото „въ мерзлотѣ“, на 180 четвертей подъ землей. То, вдругъ, отправлялъ онъ караванъ со спиртомъ, то чуть не побирался Христовымъ именемъ, то опять везъ въ Китай партію маральихъ роговъ, то уѣзжалъ въ Санъ-Франциско... и, наконецъ, усталъ, страшно усталъ.

Но онъ все-таки не любилъ. Были мимолетныя привязанности, были временныя увлеченія...

Теперь же не то, совсѣмъ не то...

„Но что же дѣлать?“ уперся онъ какъ лбомъ въ стѣну въ роковой вопросъ.

Онъ уже не скрывалъ отъ себя, что только Таня удерживала его въ В*. Онъ полюбилъ эту дѣвушку почти съ перваго дня. Она съ такимъ участіемъ отнеслась къ одинокому, бездомному бродягѣ. Она такъ хороша съ нимъ, такъ просто себя держитъ. Ему такъ скучно безъ нея.

Онъ пробовалъ махнуть на все рукой, забывался въ оргіяхъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ. Но Таня становилась уже ему нужна, какъ жизнь, какъ воздухъ. Онъ былъ еще полонъ дикой энергіи, но часто, послѣ особенно шумной попойки, или далекой экскурсіи, на него нападала какая-то непонятная апа-

тія. Онъ пріѣзжалъ въ кривобокую избу штурманши, какъ въ родной домъ. Не хотѣлось ни о чемъ думать... Хотѣлось отдохнуть, успокоиться... Женскій заботливый уходъ, отъ котораго онъ отвыкъ уже много лѣтъ, былъ особенно дорогъ въ эту минуту, и обольстительный призракъ роднаго „своего" очага неясно мелькалъ передъ глазами усталаго отъ жизни человѣка...

„Но что же дѣлать? что дѣлать?.."

„Жениться? Но какъ? Что дѣлать потомъ? перемѣнить радикально образъ жизни, сдѣлаться семьяниномъ, быть можетъ чиновникомъ... Да! жить вѣдь будетъ нечѣмъ и придется идти на службу... если только примутъ, впрочемъ. Онъ вѣдь опозоренный человѣкъ... Ха, ха, ха! бѣшено смѣялся Снарскій, и воспоминаніе о прежней обидѣ острой болью хватало его за сердце.—Опять кланяться, унижаться... и все изъ-за этой дѣвчонки... Что же это такое?.. Что она мнѣ въ самомъ дѣлѣ?.." Онъ тщетно ворочался съ боку на бокъ, стараясь заснуть. Всѣ дурные инстинкты его души поднялись наружу и вступили въ послѣднюю ожесточенную борьбу съ новымъ чувствомъ.

„Уѣду! не буду бабой... кончу эту дурацкую канитель"...

Но нѣтъ, онъ не уѣдетъ... Какъ живой встаетъ передъ нимъ миловидный образъ дѣвушки съ синими, добрыми глазами. Нѣтъ, онъ не уѣдетъ; уже и теперь, при одной мысли объ этомъ, сердце ноетъ больно и все его существо жадно требуетъ отъ судьбы своей доли любви и счастья.

Да и куда ѣхать? Онъ вездѣ чужой. Опять на Игнашинскіе пріиски, опять въ тайгу? Снова эта привлекательная, положимъ, но тяжелая жизнь, тяжелыя лишенія и грубыя, противныя ему теперь удовольствія. А вѣдь онъ любилъ эту жизнь, любитъ ее и теперь, но... опять это „но".

Странно: думая и передумывая на тысячу ладовъ, Снарскій ни разу не представлялъ себѣ возможность отказа со стороны молодой дѣвушки. Хорошо изучивъ людей, съ ихъ недостатками и слабостями, Феликсъ Осиповичъ былъ плохой знатокъ женскаго сердца. „Она любитъ меня", увѣренно говорилъ онъ, думая объ Танѣ. Холодность, такъ ясно показываемую ему въ послѣднее время молодой дѣвушкой, онъ объяснялъ скромностью. „Кромѣ того, старуха за меня... да и наконецъ, развѣ я плохая партія для Тани. Кто она?—дочь простаго штурмана..."

Положимъ, у него нѣтъ теперь денегъ. Въ три мѣсяца прожилъ, или, вѣрнѣе, раскидалъ во всѣ стороны больше пятнадцати тысячъ рублей. Но Снарскій мало думалъ объ этомъ. Онъ уже давно привыкъ къ самымъ капризнымъ оборотамъ колеса фортуны. Не бѣда! деньги будутъ.

„Рѣшено! Объяснюсь завтра окончательно. Все равно, ни до чего не додумаешься. Можетъ-быть меня еще ждетъ счастье..."

V.

Сырое и холодное октябрьское утро давно уже встало надъ городомъ. Сѣдой туманъ густою пеленой лежалъ на верхушкахъ высокихъ холмовъ, окаймлявшихъ бухту. Свинцовыя волны „Босфора восточнаго" тяжело катились одна за другой, подъ порывами осенняго вѣтра и по низменнымъ мѣстамъ вкатывались на берегъ, съ какимъ-то жалобнымъ плескомъ. Опустѣлыя улицы В* казались еще печальнѣе. Усталая природа точно доживала послѣдніе дни.

Несмотря на такую погоду, Снарскій неутомимо расхаживалъ въ крошечномъ садикѣ штурманши. Несмотря на то, что онъ далъ самому себѣ честное слово объясниться окончательно съ Таней, имъ все-таки овладѣла какая-то странная нерѣшительность. Сначала онъ откладывалъ разговоръ подъ тѣмъ предлогомъ, что старая хозяйка сидитъ дома, и ему не хочется говорить при другихъ.

Но вотъ уже штурманша давно ушла на манзовскій базаръ, прошло слишкомъ полчаса, а Снарскій все еще вымѣривалъ шагами небольшое огороженное пространство, гдѣ росло нѣсколько чахлыхъ деревьевъ, съ облетѣвшими теперь листьями. А между тѣмъ онъ зналъ навѣрное, что Таня теперь дома и одна, такъ какъ сегодня праздникъ и она не пошла въ школу.

Наконецъ онъ рѣшился.

Онъ вошелъ въ домъ и осторожно постучался къ молодой дѣвушкѣ.

— Кто тамъ? раздался голосъ Тани.—Это вы, Феликсъ Осиповичъ? Подождите немного.

Черезъ минуту она отворила ему дверь. Снарскій занималъ у штурманши лучшія двѣ комнаты и мать съ дочерью ютились въ задней половинѣ, въ двухъ крошечныхъ каморкахъ, изъ которыхъ одна носила громкое названіе „зала". Снарскій отлично помнилъ эту комнату, съ бѣдной, убогой мебелью, съ полинявшимъ зеркаломъ и съ бальзаминами на окнахъ. Сколько разъ пилъ онъ тутъ чай, еще въ первое время своего пріѣзда сюда! И незамѣтно потомъ эта убогая обстановка стала ему казаться краше самыхъ дорогихъ палатъ. Веселый дѣвическій смѣхъ, казалось, звенѣлъ только для него одного и синіе глазки свѣтили ему ярче драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Въ этой комнатѣ приняла его Таня.

— Здравствуйте! Что это вы дома сегодня? встрѣтила она его.

Дѣвушка что-то шила; она опять взяла свою работу и сѣла. Собственно, его посѣщеніе было для нея непріятно, но она не могла отказать ему. Они уже давно не видѣлись наединѣ, съ тѣхъ поръ какъ Таня вообще стала избѣгать его.

„Вѣрно пришелъ за какимъ-нибудь дѣломъ?" подумала она.

— А мамы дома нѣтъ!.. сказала она Снарскому.—Она должно-быть скоро придетъ. Если вамъ нужно что-нибудь...

— Нѣтъ, Татьяна Николаевна, на этотъ разъ мнѣ нужно поговорить съ вами.

Таня посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Что такое, Феликсъ Осиповичъ?

Но Снарскій медлилъ.

— Да что съ вами сегодня? Вы сегодня разстроены чѣмъ-то?

— Я скоро уѣзжаю, Татьяна Николаевна.

Молодая дѣвушка не отвѣчала. Она низко опустила голову и съ усиленнымъ вниманіемъ разглядывала что-то на своемъ столикѣ.

— Что же вы молчите? Это все равно для васъ?

— Что же я скажу вамъ, прошептала Таня.—Намъ будетъ очень жаль.

Не могла же она ему сказать, что въ глубинѣ души она рада этому, что въ послѣднее время его присутствіе только пугало и стѣсняло ее.

— Куда же вы думаете ѣхать? спросила она, только чтобы спросить что-нибудь, чтобъ онъ какъ-нибудь не угадалъ ея мыслей.

Снарскій что-то принялся разсказывать ей. Онъ говорилъ долго, сбиваясь нѣсколько разъ и принимаясь снова сначала. Онъ самъ понималъ, что говоритъ совсѣмъ не то, и это его сердило еще болѣе. А время шло, и штурманша могла вернуться каждую минуту.

— Нѣтъ, я не объ этомъ хотѣлъ говорить съ вами, вдругъ рѣзко прервалъ онъ.—Скажите, вы ничего не замѣчали во мнѣ въ послѣднее время?

Молчаніе. Таню начиналъ смутно тяготить этотъ разговоръ.

— Вы молчите... Вы знаете, о чемъ я говорю! Я люблю васъ, Татьяна Николаевна!

Онъ всталъ. Таня тоже встала, совершенно растерянная.

„Вотъ оно что!" мелькало у нея въ головѣ. Она и боялась, и отчасти желала этого разговора. Желала—потому, что послѣ него, по крайней мѣрѣ, должно было все кончиться невысказанное въ ихъ отношеніяхъ; боялась потому, что была одна и ея матери не было тутъ. Какъ пріятно ей было наединѣ съ Петей Гангесовымъ, съ которымъ она не могла наговориться по цѣлымъ часамъ, такъ ей было страшно теперь въ присутствіи этого высокаго, угрюмаго человѣка. Молчаніе, однако, не могло продолжаться долго. Снарскій ждалъ.

— Феликсъ Осиповичъ! милый Феликсъ Осиповичъ! краснѣя, начала дѣвушка.—Ради Бога... оставимте этотъ разговоръ...

Но Снарскій не понялъ или по-своему растолковалъ ея слова. Онъ порывисто бросился къ ней.

— Татьяна Николаевна! Таня!.. Вы тоже любите меня? Дорогая! Скажите?..

Та замолчала, испуганная. Какъ могъ онъ это подумать?

— Да? Вы любите меня? Вы согласны быть моей женой? Онъ жадно ждалъ ея отвѣта. Этотъ сильный человѣкъ дрожалъ теперь отъ волненія.

Но Таня не замѣчала этого. Она думала только какъ бы поскорѣе кончить этотъ разговоръ. А тутъ какъ нарочно мама нейдетъ такъ долго. Ну, что-жь дѣлать? Придется сказать прямо.

Она подняла прямо на Снарскаго чистые, синіе глаза.

— Феликсъ Осиповичъ! Мнѣ очень жаль... Но этого не можетъ, право же не можетъ быть.

Снарскій отступилъ. Какъ! неужели и послѣдняя надежда измѣнила? Что-то въ тонѣ ея голоса подсказало ему, что этотъ отвѣтъ окончательный.

— Татьяна Николаевна, выслушайте меня...—Онъ перевелъ духъ.—Я люблю васъ, какъ я не умѣю и высказать. Теперь моя судьба въ вашей власти. Ну, я не стою вашей руки, я велъ дурную жизнь... Теперь отъ васъ зависитъ спасти меня. Видите, я во всемъ признаюсь. Этого отъ меня не слыхалъ еще никто въ жизни. Сжальтесь!

— Феликсъ Осиповичъ!..

— Постойте, дайте мнѣ договорить... Что я хотѣлъ еще сказать?..—Снарскій путался и мѣшался.—Дайте вспомнить... Да, если насчетъ денегъ... какъ утопающій за соломинку, хватался онъ,—то я достану денегъ, достану больше прежняго...

— Какъ вамъ не стыдно, Феликсъ Осиповичъ! Какъ вы можете говорить это?

— Ну, хорошо, дайте мнѣ срокъ — полгода, годъ. Я буду ждать. Только не лишайте меня надежды...

— Нѣтъ, Феликсъ Осиповичъ, тихо сказала Таня. — Я не могу васъ обманывать. Мнѣ такъ тяжело, что я сдѣлала вамъ больно, такъ тяжело... Но... я не могу быть вашей женой...

— Никогда?

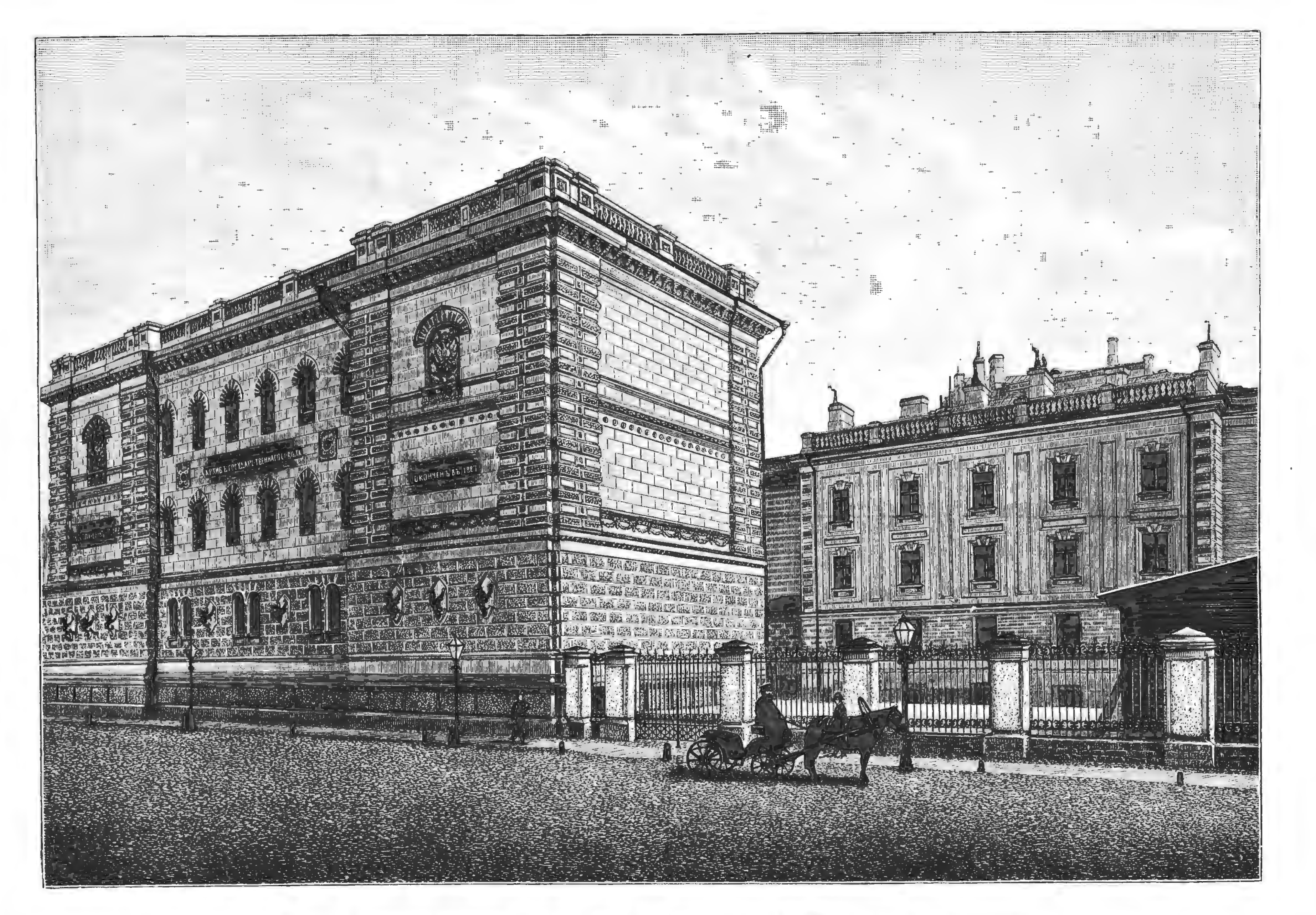
— Никогда, глухо прозвучалъ отвѣтъ.

Но истинная страсть, даже когда она и не раздѣляется, всегда имѣетъ извѣстное обаяніе. Молодой дѣвушкѣ стало безконечно жаль его. Она подошла къ нему.

— Простите меня, если можете... Все пройдетъ. Вы встрѣтите другую дѣвушку, лучше меня, полюбите ее... Останемся друзьями...

Выставка въ Импер. Акад. Худ. „Наказной атаманъ въ дорогѣ“ (изъ воспоминаній путешествія въ семидесятыхъ годахъ).
Карт. П. Н. Грузинскаго (исключ. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

Архивъ Государственнаго Совѣта, въ Милліонной ул., въ СПБ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Она протянула ему руку.

Въ полномъ блескѣ молодости и красоты она стояла передъ нимъ, робко заглядывая ему въ глаза съ какою-то довѣрчивою лаской. Снарскій потерялъ голову. Близость любимаго существа точно огненной отравой зажгла его кровь. Какой-то красный туманъ всталъ передъ глазами...

Бросившись впередъ, онъ обнялъ ее и началъ покрывать бѣшеными поцѣлуями ея лицо, шею, плечи...

— Люблю, люблю... Никому не отдамъ тебя!.. Моя!.. шепталъ онъ какъ въ бреду.

Молодая дѣвушка вырвалась. Она отбѣжала въ противоположный уголъ и безъ слезъ, съ горящими глазами, гнѣвно смотрѣла теперь на обидчика.

— Это гадко, безчестно! говорила она, задыхаясь.—Вы низкій человѣкъ!.. Уйдите, я не могу васъ видѣть!..

Снарскій не отвѣчалъ. Что могъ онъ сказать ей? Ему было душно, тяжело. Минутное увлеченіе проходило, какъ тяжелый кошмаръ. Онъ теперь ясно видѣлъ, что все для него потеряно.

— И вы еще смѣли говорить, что любите меня! продолжала Таня въ негодованіи.—Вы хотѣли... Не подходите! вскричала она, замѣтивъ, что Снарскій сдѣлалъ какое-то движеніе.—Я на улицу выпрыгну, буду звать прохожихъ!..

Она отошла къ окну.

— Не даромъ я всегда боялась васъ! И вы могли думать?.. Даже если бы я не любила другаго...

Снарскій вздрогнулъ и поднялъ голову. Что же она, смѣялась надъ нимъ?

— Вы любите другаго? медленно спросилъ онъ.

— Да, другаго, вызывающе отвѣчала Таня, — и я жалѣю, что его не было здѣсь, чтобъ защитить меня.

— Его имя?

— Зачѣмъ вамъ это? Во всякомъ случаѣ онъ не такой, какъ вы! отрѣзала Таня.

Недавней жалости въ ней какъ не бывало. Ей хотѣлось какъ-нибудь больно-больно обидѣть его, въ свою очередь. Гадкій человѣкъ! Такъ-то онъ воспользовался ея желаніемъ утѣшить его.

— Любите другаго? Какого-нибудь молокососа?

— Не смѣйте такъ говорить! запальчиво перебила его Таня.— Онъ добрый и честный человѣкъ. Онъ дѣйствительно любитъ меня и никогда не позволилъ бы себѣ оскорбить беззащитную дѣвушку, пользуясь тѣмъ, что сила на его сторонѣ.

Но Снарскій уже не слушалъ ее. Онъ повернулся и медленно пошелъ къ себѣ.

VI.

Неудачный романъ Снарскаго на этомъ и кончился. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ изъ В*.

Онъ пришелъ къ себѣ въ какомъ-то странномъ настроеніи. Его самолюбіе было оскорблено, неудовлетворенное чувство щемило сердце; онъ хотѣлъ сердиться—и не могъ. Сначала онъ строилъ различные планы мести. Онъ узнаетъ имя своего соперника, вызоветъ его на дуэль, убьетъ... Но, подзадоривая себя всѣмъ этимъ, онъ въ то же время отлично сознавалъ, что онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ. Не то чтобъ онъ трусилъ дуэли, или боялся отвѣтственности. Ничуть не бывало. Въ случаѣ чего онъ, не задумываясь, бросилъ бы на ставку свою голову; но тутъ не хватало главнаго, — не было возбужденія, когда человѣкъ дѣйствуетъ очертя голову. Подъ вліяніемъ страсти Снарскій былъ способенъ на все, но вызвать на дуэль единственно изъ желанія мести и потомъ хладнокровно убить человѣка—это, по мнѣнію Снарскаго, было то же, что зарѣзать изъ-за угла, и къ это онъ былъ неспособенъ.

Развѣ увезти дѣвушку силой? Это, пожалуй, возможно. Си-хо вѣрный человѣкъ, да и въ тайгѣ у Снарскаго были знакомые, на которыхъ можно было положиться. Они окажутъ нужную услугу, онъ въ этомъ не сомнѣвался. Вѣдь и Феликсъ Снарскій можетъ пригодиться, въ свою очередь. Что тутъ? День пути до Посьета, а тамъ—ищи его въ Корейскихъ предѣлахъ. Потомъ можно пробраться на Усури; гиляки отвезутъ куда угодно. Стоитъ рискнуть...

И при одномъ воспоминаніи о недавнихъ поцѣлуяхъ, о томъ, какъ онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, у него начинала кружиться голова.

Но и тутъ тайный голосъ шепталъ ему, что и этого онъ не сдѣлаетъ. Вѣдь онъ хочетъ, чтобъ она любила его, а этого такъ не добьешься.

Оставался одинъ исходъ—уѣхать; а разъ рѣшившись, Снарскій не любилъ откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Когда Таня вернулась, его уже не было.

Сильно мучило Снарскаго желаніе еще разъ увидѣть дѣвушку, но онъ удержался. Онъ зналъ себя. Онъ любилъ ее, и радъ былъ за нее все отдать, но при видѣ ея боялся опять не выдержать. Онъ такъ и уѣхалъ не простившись.

Только можетъ-быть старая штурманша одна и удивилась искренно внезапному исчезновенію своего жильца; въ городѣ же всѣ привыкли въ этотъ годъ къ подобнаго рода явленіямъ. Спросили только, много-ли задолжалъ Снарскій. Но онъ никому не остался долженъ.

У Тани отлегло на сердцѣ, когда она узнала, что страшный жилецъ уѣхалъ. Собственно, ея негодованіе противъ него скоро улеглось. Инстинктомъ женщины она поняла, что у Снарскаго и въ мысляхъ не было оскорбить ее. Ее пугала, но въ то же время немножко и импонировала такая страсть, которую она внушила. Но все-таки она была искренно рада, что онъ уѣхалъ. Жениху своему она не сказала ни слова, и даже заступалась за Снарскаго.

— Нѣтъ, Петя, говорила она, когда Гангесовъ, безотчетно не любившій Феликса Осиповича, начиналъ на него нападать.—Не говори такъ. Онъ не такой ужъ дурной, онъ просто несчастный человѣкъ.

Черезъ два дня, когда она шла въ школу, бритый бронзовый мальчишка-манзенокъ сунулъ ей въ руку записку и тотчасъ же убѣжалъ. Записка была отъ Снарскаго.

„Я уѣхалъ, оттого что мнѣ было тяжело оставаться, писалъ Снарскій,—да и дѣла подошли такія. Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ ничего дурнаго, я только крѣпко любилъ васъ. Я не буду больше мѣшать вамъ. Будьте счастливы! Ф. Сн.“

Таня пришла домой немного растроганная, записку не показала своему „Петѣ“ и сберегла ее. Ей все-таки было немножко жаль этого человѣка.

Снарскій такъ и исчезъ. Говорили, что его зарѣзали китайцы, когда въ началѣ слѣдующаго года пришли цѣлымъ скопомъ, разорили и сожгли „Амурскую Калифорнію“. Тогда много бѣжало оттуда всякаго народа, и въ В* явились очевидцы, передававшіе все съ такими подробностями, точно дѣло было на ихъ глазахъ. А потомъ прошелъ слухъ, что его видѣли въ верховьяхъ Шилки верхомъ, съ ружьемъ и цѣлой связкой соболей за плечами, въ сопровожденіи еще двухъ какихъ-то лицъ, похудѣвшаго и загорѣлаго, но веселаго и довольнаго.

Впрочемъ, онъ еще разъ напомнилъ о себѣ. Почти черезъ годъ послѣ всего описаннаго, изъ Благовѣщенска пришла на имя Тани посылка. Адресъ былъ написанъ незнакомою рукой. Посылку вскрыли, и оказались роскошные дамскіе часики съ эмалью и брильянтами. При посылкѣ ни слова, но Таня догадалась, отъ кого она. Давно еще говорила она Снарскому, что изъ всѣхъ бездѣлушекъ она только одно хотѣла бы имѣть—хорошіе дамскіе часы.

„Онъ должно-быть на самомъ дѣлѣ любилъ меня“, съ добрымъ чувствомъ подумала дѣвушка.

Гдѣ онъ теперь?.. Манитъ-ли его новый призракъ счастія?.. И что было бы изъ этого „рыцаря тайги“, какъ зовутъ такихъ лицъ въ Сибири, если бы Таня согласилась выйти за него?..

Къ рисункамъ.

Въ дорогѣ на конскую ярмарку. (Рис. на стр. 329).

Витебская губернія, одна изъ западныхъ бѣлорусскихъ губерній, содержитъ въ себѣ много равнинъ, но онѣ или лѣсисты или низменны и представляютъ необъятныя болота. Сѣнокосы состоятъ преимущественно изъ поемныхъ и другихъ луговъ, подъ которыми считается не многимъ болѣе 150 тысячъ десятинъ. Скотоводство не достаточно развито и конскихъ заводовъ, чѣмъ либо выдающихся, въ губерніи нѣтъ. Лошадей приводятъ изъ другихъ мѣстъ на ярмарки.

На рисункѣ Р. Штейна нѣсколько конскихъ барышниковъ со своимъ товаромъ остановились у корчмы по пути на ярмарку. Около нихъ хлопочутъ мѣстные гешефтмахеры, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна сдѣлка въ краѣ.

„Интересная сказка“, группа И. Я. Гинцбурга.

(Рис. на стр. 332).

Илью Яковлевича Гинцбурга, автора воспроизведенной здѣсь группы „Интересная сказка“, можно смѣло считать ученикомъ М. М. Антокольскаго, хотя онъ и кончилъ курсъ въ Академіи Художествъ. Благодаря нашему извѣстному скульптору, обратившему вниманіе на его еще младенческія попытки въ скульптурѣ, при проѣздѣ черезъ западныя губерніи, онъ попалъ въ Петербургъ и сталъ работать въ его мастерской, когда тотъ лѣпилъ своего „Іоанна Грознаго“. Благодаря тому же Антокольскому, онъ еще ребенкомъ побывалъ за границей и вдоволь наглядѣлся на разныя художественныя произведенія.

Окончивъ затѣмъ курсъ во II-мъ СПБ. реальномъ училищѣ, молодой Гинцбургъ поступилъ въ Академію Художествъ и прошелъ тамъ всѣ академическія степени до малой золотой медали включительно, полученной имъ за исполненіе, по программѣ, круглой фигуры „Каина“ (1885). Но большой медали ему такъ и не дали за вылѣпленный имъ барельефъ „Плачъ Іереміи“ (1886), хотя сюжетъ этотъ былъ, конечно, болѣе близокъ ему, чѣмъ всякому другому.

Въ публикѣ же молодой скульпторъ и тогда уже пользовался нѣкоторою извѣстностью за свои прекрасные бюсты А. К. Глазунова и П. В. Стасовой (1885) — лучшія его работы въ этомъ родѣ, и, въ особенности, за круглую фигуру „Мальчика спускающагося въ воду“ (1886)—первый его опытъ реальной

скульптуры. Поэтому, если онъ не могъ попасть за-границу въ качествѣ казеннаго пенсіонера, тотъ же баронъ Г. О. Гинцбургъ, который далъ ему возможность окончить курсъ въ Академіи, помогъ и теперь, по совѣту друзей, предпринять путешествіе для дальнѣйшаго усовершенствованія въ искусствѣ.

Однако, вылѣпленная имъ во Флоренціи группа „Волкъ идетъ“ (1888), изображавшая ребенка, пугающаго женщину, была признана публикой и критикой менѣе удачною, чѣмъ первая его фигура, сработанная до послѣдней поѣздки въ чужіе края; за-то, слѣдовавшія затѣмъ статуэтки: „Маленькій эквилибристъ“ и „Странникъ“ (1889), вмѣстѣ съ фигурой „Первая музыка“ (1890), представлявшей будущаго музыканта ребенкомъ, снова привлекли вниманіе посѣтителей Академической выставки. Но тутъ ему пришла мысль вылѣпить въ небольшихъ фигуркахъ цѣлую галлерею нашихъ извѣстныхъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ, подобно тому, какъ другой молодой скульпторъ, Бернштамъ, сталъ дѣлать бюсты разныхъ знаменитостей, русскихъ и иностранныхъ. Правда, не всѣ фигурки выходили одинаковаго достоинства: однѣ передавали съ большей вѣрностію, другія съ меньшей—изображаемыхъ ими личностей, напр.: В. В. Стасова (1890), гр. Л. Н. Толстаго, А. Г. Рубинштейна, И. И. Шишкина (1892). Во всякомъ случаѣ, онѣ удавались молодому скульптору болѣе, чѣмъ нѣкоторые бюсты въ большомъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ лѣпить и въ крупныхъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ: группу „Послѣ купанья“ (1891), представлявшую двухъ дрожащихъ отъ холода мальчиковъ, и гораздо болѣе удачную „Первую сказку“ (1892), появившуюся на нынѣшней Академической выставкѣ. **S.**

„Рыболовъ“, картина И. К. Өедорова.

(Рис. на стр. 333).

Иванъ Кузьмичъ Өедоровъ, картина котораго воспроизведена въ настоящемъ № *Нивы*, принадлежитъ еще къ молодымъ художникамъ: прошло всего какихъ-нибудь восемь лѣтъ, какъ его произведенія стали появляться на петербургскихъ выставкахъ. Онъ уроженецъ Юга и, родясь въ Одессѣ, въ 1854 г., учился сперва въ мѣстной рисовальной школѣ, находящейся подъ покровительствомъ Академіи Художествъ и служащей какъ бы подготовительнымъ заведеніемъ къ ней.

Такъ и Өедоровъ, получивъ въ этой школѣ пять серебряныхъ медалей, прямо перешелъ потомъ въ Академію и здѣсь заслужилъ еще пять медалей—за рисунки и этюды съ натуры и за композицію. Оставалось только работать на золотыя медали—сперва малую, затѣмъ большую, дающую право на заграничное пенсіонерство. Однако, когда онъ исполнилъ программу на малую медаль: „Вулканъ приковываетъ Прометея къ скалѣ Кавказа“ (1882 г.), онъ уже почти приблизился къ 30-лѣтнему возрасту и потому ему уже мудрено было разсчитывать на посылку за-границу на казенный счетъ. Тогда Өедоровъ, пріобрѣтя, вмѣстѣ съ послѣднею медалью, званіе классная художника 2-й степени, пошелъ по преподавательской части и въ 1885 г. поступилъ учителемъ въ общерисовальные классы Рисовальной школы, принадлежащей Имп. Обществу Поощренія Художествъ.

Занятый постоянно уроками, онъ, разумѣется, не можетъ удѣлять достаточно времени художественнымъ работамъ, особенно при короткости дня въ зимнее и осеннее время. Но все-таки онъ постоянно работаетъ, и на каждой академической выставкѣ бываетъ одно-два его произведенія. Еще раньше поступленія преподавателемъ въ школу, онъ выставилъ въ Обществѣ Поощренія Художествъ, для соисканія преміи по исторической живописи, картину—„Императрица Екатерина II у Ломоносова“, и дѣйствительно получилъ за нее дополнительную премію на конкурсѣ 1884 г.

Почти одновременно съ этимъ имъ были выставлены въ Академіи 10 этюдовъ разнаго содержанія, а затѣмъ уже каждый годъ стали появляться на академическихъ выставкахъ его типы, портреты и жанры. Къ первымъ можно отнести: „Цыгана“, „Пастушку“ (1887 г.), „Беззаботнаго“ (1888), „Пажа“ (1890), „Рыболова“ (1892); къ послѣднимъ — „Модель въ мастерской художника“ (1886), „Въ кабачкѣ“ (1887), „Во время урока“ (1890), „У больнаго“ (1891) и проч. Не дурны были также его портреты: архитектора Токарева (1887) и доктора Яковлева (1892). **S.**

„Бояринъ“, картина проф. К. Е. Маковскаго.

(Рис. на стр. 337).

Семья Маковскихъ какъ-то особенно сохраняетъ въ себѣ художественныя традиціи, подобно славнымъ мастерамъ прежнихъ временъ. Отецъ трехъ братьевъ, все извѣстныхъ художниковъ, и ихъ сестры, тоже художницы, составилъ себѣ имя, правда, не въ качествѣ дѣятеля на художественномъ поприщѣ, а исключительно въ роли одного изъ ревностнѣйшихъ собирателей у насъ въ 30-хъ годахъ картинъ и гравюръ. Это обстоятельство, въ связи съ самой тѣсной дружбой, существовавшей между покойнымъ Е. И. Маковскимъ и многими значительнѣйшими нашими художниками того времени, не могло не повліять на развитіе художественныхъ вкусовъ въ его дѣтяхъ. Двое изъ нихъ, старшій—Константинъ и младшій—Владиміръ, поступили, какъ нѣкогда и онъ самъ, въ „Московское училище живописи и ваянія“, давшее намъ, за 60 лѣтъ своего существованія, столько дѣйствительно крупныхъ художниковъ, а средній, Николай, — въ тамошнее же „Дворцовое архитектурное училище“; наконецъ, дочь, Александра, получила свое художественное образованіе дома, занимаясь въ мастерскихъ своихъ братьевъ.

Изъ этихъ четырехъ членовъ художественной семьи Маковскихъ двое пошли по бытовой и портретной живописи, а двое послѣднихъ — по пейзажной. Конечно, не всѣ они обладали одинаковыми способностями, но каждый давалъ что могъ: стоитъ только вспомнить прекрасные виды и сцены Востока, работы покойнаго Николая Егоровича, и очень милыя вещицы, кисти Александры Егоровны, чтобы оцѣнить дарованія даже наименѣе прославившихся членовъ изъ семьи Маковскихъ. О двухъ другихъ братьяхъ и говорить нечего: кто не знаетъ у насъ чрезвычайно правдивыхъ и глубокихъ сценъ изъ городской и сельской жизни, то комическихъ, то драматическихъ, необыкновенно талантливаго и разносторонняго Владиміра Егоровича, который такъ прекрасно зарекомендовалъ себя въ послѣднее время и на поприщѣ портретной живописи; кому не извѣстны въ высшей степени блестящія и колоритныя произведенія Константина Егоровича—то изъ теперешней жизни, то изъ древней, то изъ міра аллегорій, то, наконецъ, по части портретныхъ изображеній—мужскихъ и, въ особенности, женскихъ.

Тутъ-то и сказались различныя направленія двухъ братьевъ: оба они—воспитанники московской школы, но одинъ, младшій, такъ и остался ея представителемъ, посвятивъ себя почти исключительно воспроизведенію нашего быта, тогда какъ старшій (родившійся въ Москвѣ 30 іюня 1839 г.), перейдя впослѣдствіи въ Академію Художествъ, перемѣнилъ свой прежній жанръ—бытовой живописи—на исторію и аллегорію, и можетъ считаться теперь художникомъ петербургской школы, этой послѣдовательницы западно-европейскаго искусства. Отсюда и различные взгляды нашей публики и критики на обоихъ братьевъ Маковскихъ. Одни, признавая только меньшаго, Владиміра, истиннымъ художникомъ, чуть уже не во всемъ отказываютъ старшему, Константину; другіе, напротивъ, обращая вниманіе лишь на внѣшнюю сторону, высоко ставятъ одного Константина Егоровича и уже слишкомъ малое значеніе придаютъ Владиміру Егоровичу. Между тѣмъ у каждаго изъ нихъ есть свои достоинства, и если одинъ беретъ, главнымъ образомъ, чрезвычайно блестящимъ исполненіемъ, то другой — необыкновенною глубиною своихъ сюжетовъ.

Можно, разумѣется, жалѣть, что Константинъ Егоровичъ совсѣмъ покинулъ тотъ родъ живописи, на которомъ онъ сразу такъ выдвинулся въ концѣ 60-хъ годовъ, почти тотчасъ по выходѣ изъ Академіи съ малою золотою медалью, полученною имъ въ 1862 г. за картину „Агенты Димитрія Самозванца убиваютъ сына Бориса Годунова“, — отъ исполненія программы на большую золотую медаль изъ міра аллегорій, какъ несоотвѣтствовавшихъ его тогдашнимъ вкусамъ, онъ отказался вмѣстѣ съ другими своими товарищами, образовавшими вслѣдъ затѣмъ „Артель с.-петербургскихъ художниковъ“ для пріема художественныхъ заказовъ (1863), задолго до основанія „Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ“, въ которомъ онъ тоже принималъ дѣятельное участіе. Родъ этотъ—были сцены изъ повседневной жизни, самымъ яркимъ представителемъ которыхъ можно считать „Народное гулянье во время масляницы на Адмиралтейской площади“, доставившее художнику званіе профессора въ 1869 г., и съ виду очень обыкновенные портреты, какъ, напр.: гр. Муравьева-Амурскаго (1864) и др., представлявшіе собою тѣмъ не менѣе цѣлыя картины. Но за то, со времени путешествія на Востокъ и частыхъ посѣщеній Парижа, Константинъ Егоровичъ пріобрѣтаетъ особенную виртуозность исполненія. Достаточно припомнить „Процессію перенесенія священнаго ковра въ Каиръ“ (1876), „Болгарскихъ мученицъ“ (1877), „Русалокъ“ (1878) и проч., чтобы получить представленіе о второмъ періодѣ дѣятельности этого художника.

Къ этой же эпохѣ относится и большинство чрезвычайно миловидныхъ женскихъ портретовъ, которыми такъ щеголяетъ Константинъ Егоровичъ, что не помѣшало ему, однако, создать одновременно съ этимъ и глубоко-трагическое изображеніе императора Александра II на смертномъ одрѣ (1881), а затѣмъ въ высшей степени типичное изображеніе стараго дворецкаго Алексѣича (1882). Далѣе слѣдовали у него историческіе жанры изъ древне-русской жизни, въ родѣ: „Свадебнаго боярскаго пира XVII ст.“, „Смерти Ивана Грознаго за шахматной игрой“, „Выбора невѣсты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“, „Облаченія царской невѣсты“, гдѣ съ такою необыкновенною вѣрностію и совершенствомъ передана была вся своеобразность домашней обстановки нашихъ предковъ, столько образцовъ которой находится въ собраніи самого художника. Оттого-то, вѣроятно, картины эти и возбуждали такіе восторги въ иностранцахъ, особенно американцахъ, всегда относящихся съ большимъ интересомъ ко всякимъ подробностямъ древне-русскаго быта. Наконецъ, Константинъ Егоровичъ, почти окончательно поселившись въ Парижѣ, сталъ пріо-

бовать свои силы и въ аллегорическомъ жанрѣ, исполняя плафоны и панно съ нимфами и амурами, вакханками и сатирами, а также другими аллегорическими фигурами,—для дома фонъ-Дервиза въ Петербургѣ или въ родѣ выставленныхъ нынче въ Академіи Художествъ. Среди послѣднихъ, на нынѣшней Академической выставкѣ, появился и принадлежащій издателю *Нивы* типъ „Боярина", воспроизведенный въ настоящемъ нумерѣ журнала.

Въ концѣ 1885 года Константинъ Егоровичъ справлялъ 25-ти-лѣтній юбилей своей художественной дѣятельности, а въ началѣ 1886 года имъ была устроена въ „Соляномъ Городкѣ" спеціальная выставка его произведеній, какъ наглядный отчетъ этой дѣятельности. **S.**

„Наказной атаманъ въ дорогѣ", картина акад. П. Н. Грузинскаго. (Рис. на стр. 340).

Петръ Николаевичъ Грузинскій рѣдко появляется со своими произведеніями на публичныхъ выставкахъ. Такъ, послѣ цѣлаго ряда баталическихъ и жанровыхъ картинъ, которыя онъ выставлялъ въ Академіи Художествъ въ періодъ времени съ 1853 до 1864 г., когда онъ былъ еще ученикомъ ея, занимаясь подъ руководствомъ проф. Г. П. Виллевальда, а затѣмъ казеннымъ пенсіонеромъ за-границей и на Кавказѣ, по полученіи двухъ золотыхъ медалей за программы „Цыганскій таборъ" (1860) и „Послѣдній штурмъ Гуниба" (1862), его произведеній не видать было вплоть до 1872 г., когда онъ привезъ изъ вторичной поѣздки въ Парижъ свою новую картину „Оставленіе горцами аула при приближеніи русскихъ войскъ", пріобрѣтенную императоромъ Александромъ II и доставившую художнику званіе академика.

Послѣ того, Грузинскій снова исчезаетъ съ выставокъ почти на 17 лѣтъ, если не считать двухъ сценъ изъ деревенскаго быта, его кисти, появившихся на 1-й выставкѣ только что основаннаго тогда при Академіи „Общества выставокъ художественныхъ произведеній", да двухъ его прежнихъ работъ: „Взятіе Гуниба" и „Переселеніе горцевъ", бывшихъ на Академической выставкѣ 1881 г., спеціально устроенной въ память 25-ти-лѣтія царствованія императора Александра II, передъ отправленіемъ картинъ на Московскую Всероссійскую выставку 1882 г.

Лишь въ послѣдніе три-четыре года онъ сталъ снова показываться со своими произведеніями на академическихъ выставкахъ, выставляя опять то жанровыя, то баталическія картины. Такъ, въ 1889 г. имъ было доставлено въ Академію цѣлыхъ девять произведеній, а въ нынѣшнемъ—еще пять.

Такое рѣдкое появленіе художника на судъ публики можно объяснить тѣмъ, что, во-первыхъ, Грузинскій постоянно много работалъ по Высочайшимъ заказамъ для украшенія Императорскихъ дворцовъ и потому картины его не всегда могли попадать на выставки, а во-вторыхъ, ему уже нечего было особенно заботиться о пріобрѣтеніи извѣстности, такъ какъ онъ давно уже составилъ себѣ имя своими произведеніями, снимки съ которыхъ неоднократно появлялись въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

Родившись въ Курскѣ 19 декабря 1837 г., онъ 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, до поступленія въ Академію, учился еще въ С.-Петербургской Рисовальной школѣ для вольноприходящихъ, основанной незадолго передъ тѣмъ при Министерствѣ Финансовъ, и съ тѣхъ поръ перешедшей въ вѣдѣніе Общества Поощренія Художествъ, а потомъ, съ 16-ти-лѣтняго возраста, постоянно работалъ то въ Петербургѣ, то на Кавказѣ, то въ Парижѣ. Много путешествуя въ своей жизни, онъ зачертилъ, между прочимъ, и ту сцену, которая является сюжетомъ воспроизведенной здѣсь картины его кисти съ нынѣшней Академической выставки—„Наказной атаманъ въ дорогѣ". **S.**

Архивъ Государственнаго Совѣта.

(Рис. на стран. 341).

Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія у насъ было обращено самое серьезное вниманіе на прочное и безопасное въ пожарномъ отношеніи устройство нашихъ важнѣйшихъ архивовъ, не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Драгоцѣнный архивный матеріалъ стали переносить изъ старыхъ, сырыхъ, нерѣдко подвальныхъ помѣщеній—въ новыя, просторныя, сухія, удобно-устроенныя зданія, приспособленныя къ потребностямъ архивнаго дѣла, сообразованныя съ тѣми планами подобныхъ зданій, которые уже издавна были выработаны въ Европѣ для храненія архивнаго матеріала. Важный и сильный толчокъ въ этомъ дѣлѣ данъ былъ покойнымъ сенаторомъ Н. В. Калачовымъ, глубокимъ знатокомъ нашихъ архивовъ. Онъ первый, не жалѣя ни личныхъ средствъ, ни личнаго труда, открылъ въ С.-Петербургѣ „Археологическій Институтъ" (наподобіе Парижской École des Chartes), главнымъ образомъ съ цѣлью приготовленія новаго поколѣнія ученыхъ архивистовъ, которое бы могло относиться разумно и сознательно къ хранимому въ архивахъ рукописному матеріалу. Съ другой стороны, Н. В. Калачовъ поднялъ и поставилъ совершенно правильно вопросъ о необходимости построить новыя зданія для нашихъ важнѣйшихъ архивовъ въ столицахъ, и значительно способствовалъ устройству такъ-называемыхъ *архивныхъ комиссій* для наблюденій за архивнымъ матеріаломъ въ провинціи и отчасти для его разбора и разработки. Подъ руководствомъ Н. В. Калачова и его личнымъ наблюденіемъ построенъ былъ въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ громадный „Архивъ Министерства Юстиціи", въ который перенесенъ изъ ветхихъ и неудобныхъ старыхъ зданій драгоцѣннѣйшій запасъ рукописнаго матеріала по внутренней исторіи Московскаго Государства, начиная съ XVI вѣка, и по юридическому быту Россіи XVIII вѣка. Движеніе, приданное дѣлу столь важному и полезному, конечно, не могло остановиться на отдѣльныхъ явленіяхъ: позаботились объ одномъ изъ важныхъ русскихъ архивовъ—пришлось позаботиться о многихъ другихъ, не менѣе важныхъ, хотя и менѣе старыхъ и менѣе богатыхъ рукописнымъ запасомъ. Къ числу такихъ архивовъ принадлежалъ несомнѣнно архивъ Государственнаго Совѣта, обнимающій собою періодъ времени существованія этого высшаго государственнаго учрежденія (съ 1810 года), въ которомъ сходились всѣ нити государственнаго управленія. До 1883 года этотъ важный архивъ хранился въ очень тѣсномъ и не безопасномъ отъ огня помѣщеніи, въ зданіи Правительствующаго Сената; въ этомъ году рѣшено было воздвигнуть для архива Государственнаго Совѣта особое зданіе, которое и по размѣрамъ и по внутреннему устройству вполнѣ соотвѣтствовало бы своему назначенію. Мѣсто для зданія было указано весьма удобное — на участкѣ земли, нѣкогда занятомъ бывшимъ громаднымъ экзерциргаузомъ, на углу Милліонной улицы и набережной Зимней канавки, противъ зданія Императорскаго Эрмитажа. Здѣсь, къ концу 1887 года, было возведено монументальное зданіе, весьма простой, но изящной архитектуры, въ которое и перевезены были всѣ дѣла Государственнаго Совѣта изъ зданія Правительствующаго Сената. Недавно, намъ удалось посѣтить это превосходное зданіе и, благодаря любезности г. управляющаго Архивомъ, осмотрѣть всѣ помѣщенія его въ подробности и съ величайшимъ вниманіемъ.

Зданіе Архива Государственнаго Совѣта, изображенное на рисункѣ нынѣшняго № *Нивы* (см. стран. 341), представляетъ правильный прямоугольный треугольникъ и состоитъ изъ двухъ флигелей, вытянутыхъ по двумъ сторонамъ (по катетамъ) треугольника двумя фасами. Одинъ фасъ обращенъ на Милліонную улицу, другой — на Зимнюю канавку. Пространство внутри этихъ двухъ сторонъ треугольника, занятыхъ флигелями, остается открытымъ и обращено на прекрасный, обширный, до изящества чистый дворъ, со стороны Милліонной украшенный красивою чугунною рѣшеткой, а внутри обстроенный нѣсколькими жилыми казенными зданіями. Кстати замѣтимъ, что эти зданія размѣщены во дворѣ очень просторно и ни одно изъ нихъ не соприкасается со зданіемъ Архива. Съ улицы нѣтъ входа въ зданіе Архива, нижній этажъ котораго представляетъ собою и съ Милліонной, и съ канавки сплошную стѣну. Только со втораго этажа въ зданіи Архива пробиты на улицу и во дворъ окна, прикрытыя солидными и красивыми рѣшетками изъ кованаго желѣза. Подъѣздъ Архива—главный и единственный—находится во дворѣ, въ самой вершинѣ треугольника, образуемаго обоими флигелями. Войдя въ подъѣздъ, изъ небольшихъ сѣней, попадаешь на прекрасную кругообразную лѣстницу, которая, опираясь на весьма остроумно-сопоставленную систему легкихъ каменныхъ столбовъ, проходитъ черезъ всѣ четыре этажа Архивнаго зданія. Съ широкихъ площадокъ этой лѣстницы двѣ двери открываются въ каждомъ этажѣ въ просторные и свѣтлые коридоры обоихъ флигелей Архива. Эти двери закрываются красивыми желѣзными рѣшетками. Въ каждомъ этажѣ, въ углу, образуемомъ линіей Милліонной и Зимней канавки, расположенъ большой залъ. Въ первомъ этажѣ, въ такомъ залѣ помѣщается канцелярія Архива; во второмъ—кабинетъ г. управляющаго Архивомъ; въ третьемъ — залъ для лицъ допускаемыхъ къ занятію матеріалами Архива. По коридорамъ каждаго этажа Архива размѣщены въ каждомъ флигелѣ высокія, обширныя и свѣтлыя залы со сводами, обращенныя окнами внутрь двора зданія. Каждая зала, съ коридора, замыкается толстѣйшею желѣзною дверью. Самые документы хранятся въ шкапахъ изъ кованаго желѣза, вытянутыхъ вдоль стѣнъ и въ пролетахъ между столбами сводовъ. Стѣны зданія поражаютъ своею толщиною (почти сажень); внутри—чистота и простота отдѣлки удивительная... Въ каждомъ коридорѣ приняты мѣры противъ какой бы то ни было возможности пожара: вездѣ проведены трубы и пожарные рукава; хотя, собственно говоря, огня въ зданіи Архива нѣтъ и не можетъ быть никакого, потому что отопленіе производится снизу, водяное, по особой системѣ, а освѣщенія никакого въ Архивѣ не допускается. Изъ этажа въ этажъ, въ коридорахъ Архива, проведены говорные трубы. Для удобства отысканія матеріаловъ, въ канцеляріи Архива, въ трехъ особыхъ шкапахъ, помѣщается каталогъ дѣламъ архива, который, за одни только послѣднія сорокъ лѣтъ его существованія, достигаетъ почтенной цифры 85,000 карточекъ, расположенныхъ въ извѣстной системѣ по алфавиту. Стоимость постройки этого прекраснаго и во всѣхъ отношеніяхъ образцоваго зданія равняется 450,000 р. с., не считая мѣста.

П. Полевой.

Протоіерей А. П. Рудаковъ. (Порт. этой на стр.).

Скончавшійся 13 марта протоіерей Александръ Павловичъ Рудаковъ, по учебникамъ котораго училось не одно поколѣніе, былъ сыномъ дьячка С.-Петербургской епархіи, родился въ Петербургѣ 27 октября 1824 года, окончилъ курсъ наукъ въ Петербургской Духовной Академіи и былъ причисленъ 28 іюня 1849 г. къ первому разряду воспитанниковъ. 19 іюля 1850 г. рукоположенъ митрополитомъ Никаноромъ во священника и опредѣленъ законоучителемъ Горнаго Института, при которомъ онъ состоялъ болѣе 30 лѣтъ. За 25-ти-лѣтнюю его службу при Горномъ Институтѣ, съ 1 августа 1875 г. была ему назначена пенсія въ размѣрѣ 1,000 руб. въ годъ. 16 февраля 1853 г. утвержденъ былъ въ степени магистра, съ 9 августа 1853 по 15 августа 1855 г. безвозмездно преподавалъ Законъ Божій во второй Дѣвичьей Школѣ Человѣколюбиваго Общества; съ 12 ноября 1856 г. былъ законоучителемъ Ларинской Гимназіи, въ высшихъ классахъ, гдѣ онъ былъ 20 лѣтъ. 3 апрѣля 1866 года произведенъ былъ въ санъ протоіерея. 4 іюля 1867 г. опредѣленъ членомъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. Въ 1868 году избранъ почетнымъ членомъ Слуцкаго православнаго Николаевско-Преображенскаго братства; 1 мая 1868 года составилъ, по порученію митрополита, пенсіонный уставъ объ эмеритальной кассѣ для духовенства С.-Петербургской епархіи. Отецъ Александръ издалъ „Священную Исторію Новаго и Ветхаго Завѣта“ для учебныхъ заведеній, для Священной Исторіи „Географію Палестины“, съ приложеніемъ географическихъ картъ, „Исторію Христіанской Православной Церкви“, „Краткіе разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“ и „Курсъ Богословія“ въ память 100-лѣтняго юбилея Горнаго Института; кромѣ того, имъ сдѣланы переводы съ нѣмецкаго языка „Писемъ противъ матеріализма“, сочиненія Фабри, и книги „Очеркъ Церковной Исторіи“, сочиненія Куртца, со многими измѣненіями и дополненіями, приспособительно къ ученію Православной Церкви. Нѣкоторыя изъ его книгъ были переведены на иностранные языки, между прочимъ на японскій языкъ. За свои заслуги былъ награжденъ орденами Св. Анны 2 и 3 степени, Св. Владиміра 4 степени и получилъ 2 іюля 1864 г., въ память отправленія Богослуженія въ присутствіи Ихъ Величествъ въ Киссингенѣ, наперсный золотой крестъ осыпанный драгоцѣнными камнями.

Протоіерей А. П. Рудаковъ († 13 марта 1892 г.).
Съ фот. Пазети, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Нѣмецкія газеты продолжаютъ помѣщать подробныя и благопріятныя статьи объ исполненіи русской государственной росписи за прошлый годъ. Даже берлинская *National Zeitung*, которая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ систематически истолковывала неблагопріятнымъ положеніе русскихъ финансовъ, публикуетъ отчетъ благопріятный; въ этой статьѣ биржевые кружки видятъ признакъ измѣненія положенія.

Быть-можетъ эти отзывы и вызвали слухи, нашедшіе себѣ мѣсто на страницахъ германскихъ газетъ, о возможности открытія переговоровъ между Россіею и Германіею для заключенія торговаго трактата. Австрійскія газеты, перепечатывая подобныя извѣстія, отдѣлываются отъ этихъ непріятныхъ для нихъ сообщеній тѣмъ, что называютъ ихъ невозможными.

Палата господъ прусскаго сейма приняла 25 марта единогласно законопроектъ о снятіи запрещенія съ имущества покойнаго короля Георга Ганноверскаго. Членъ палаты графъ Мюнстеръ выразилъ отъ имени ганноверскаго провинціальнаго сейма благодарность императору за починъ въ законопроектѣ и присовокупилъ, что не мало существовало людей, чувство справедливости которыхъ возмущалось упомянутымъ запрещеніемъ, но которые теперь охотно присоединятся къ новымъ порядкамъ.

По свѣдѣніямъ *Kuryer Poznanski*, депутатъ Козельскій получилъ императорскій рескриптъ, въ которомъ выражается благодарность Козельскому и всей польской фракціи рейхстага за ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ морскому бюджету. Какъ мы уже сообщали, вслѣдъ за изъятіемъ законопроекта о школахъ, правительству было отказано въ кредитѣ на постройку новыхъ судовъ. Только польская фракція рейхстага высказалась за правительственное предложеніе. Въ то же время императоръ подарилъ Козельскому большую картину, изображающую императорскую яхту, за прусско-патріотическое отношеніе его фракціи къ требованіямъ морскаго вѣдомства.

Вслѣдъ за Парижемъ подверглась нападеніямъ анархистовъ и столица Испаніи. 23 марта обнаруживалась въ Мадридѣ попытка взорвать испанскую палату депутатовъ. Два анархиста, французъ Девакъ и португалецъ Феррейра, были задержаны въ ту минуту, когда клали взрывныя бомбы на лѣстницѣ, ведущей изъ помѣщенія президента къ залѣ засѣданій. Виновники покушенія оказали сильное сопротивленіе. Они были допрошены министромъ внутреннихъ дѣлъ. Найденныя бомбы конической формы, въ мѣдной оболочкѣ, 5 сент. толщины и 14 сент. высоты, предназначались, какъ видно изъ отобранныхъ бумагъ, къ взрыву палаты, сената и дворца.

Произведены аресты по всей странѣ; въ Барселонѣ арестованы 14 французскихъ анархистовъ, затѣмъ задержаны анархисты въ Сарагоссѣ, Бильбао, Севильѣ, Кадиксѣ и Валенціи.

По извѣстіямъ изъ Познани, въ Козельцѣ, въ окрестностяхъ Иновроцлава, деканъ Понинскій подвергся въ своей квартирѣ нападенію трехъ переодѣтыхъ мужчинъ, потребовавшихъ отъ него денегъ по порученію польскихъ анархистовъ. Понинскій выскочилъ изъ окна въ садъ, злодѣи стали стрѣлять въ него изъ револьверовъ, ранили тяжело, хотя не смертельно, и пустились бѣжать, но за ними бросились въ погоню прислуга Понинскаго и другіе, сбѣжавшіеся на выстрѣлы. Завязалась ожесточенная борьба. Одинъ изъ злодѣевъ былъ убитъ, другой застрѣлился, третій убилъ четвертаго и наконецъ самъ покончилъ съ собою. Двое изъ шайки были признаны, ихъ называютъ: Пилавскимъ и Урбаніекомъ изъ Иновроцлава. Всѣ эти люди пріѣхали, повидимому, изъ Берлина. Виновники покушенія на жизнь декана Понинскаго опоясаны были красными шарфами, а въ карманахъ убитыхъ найдены краснаго цвѣта карточки съ надписью на польскомъ языкѣ: „Исполнительный комитетъ польскихъ анархистовъ“. Найдены еще печати съ подобными-же надписями и конверты съ траурными кантами. Каждый изъ убитыхъ грабителей оказался вооруженнымъ двумя револьверами, а въ карманахъ найдены списки всѣхъ духовныхъ лицъ познанско-гнѣзденской епархіи. Понинскій получилъ одну рану въ голову, двѣ въ спину и одну въ руку, но раны не представляютъ опасности для жизни.

На прошлой недѣлѣ почти ежедневно были въ центральныхъ частяхъ Вѣны большіе пожары. Сходство всѣхъ этихъ пожаровъ между собою породило среди пожарныхъ подозрѣніе, что это поджоги. Вспоминаютъ, что въ 1883 году, когда въ Вѣнѣ было много убійствъ со стороны анархистовъ, они тоже начали свою дѣятельность поджогами.

Въ Парижѣ дѣло Равашоля назначено къ разбирательству передъ судомъ присяжныхъ департамента Сены на 13 (25) апрѣля. Обвинять будетъ генеральный прокуроръ Кенэ-де-Борепэръ.

Новыя изобрѣтенія.

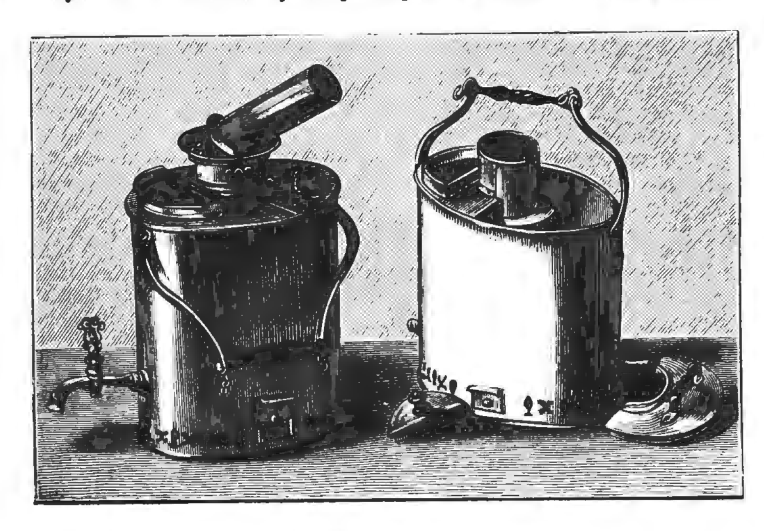
Универсальный походный „самоваръ-кухня“.

(Рис. на стр. 346).

Это новое изобрѣтеніе, предназначаемое для офицеровъ на походѣ, охотниковъ, путешественниковъ и т. д., состоитъ изъ овальнаго самовара, раздѣленнаго внутри перегородкою, такъ что въ немъ одновременно можно кипятить воду и варить супъ, щи и т. п. Аппаратъ снабженъ дугообразной ручкой и колѣнчатой трубой для отвода дыма. Горючимъ матеріаломъ служатъ щепки, уголь, древесный мусоръ и т. п. Кухню можно нести въ рукахъ или за плечами въ видѣ ранца, при чемъ она,

наполненная кушаньемъ и водою на 4 человѣкъ, вѣситъ наполовину меньше ранца и при переноскѣ варитъ такъ-же какъ и на мѣстѣ.

Кухни имѣются четырехъ размѣровъ: на одного, на двухъ,

Универсальный походный „самоваръ-кухня".

на трехъ и на четырехъ человѣкъ и стоятъ соотвѣтственно: 7 р. 50 к., 8 р. 50 к., 9 р. 50 к. и 10 р. 50 к. Получать ихъ можно у Ф. Золотова, Невскій просп., № 25—1, въ СПБ.

Смѣсь.

Ветеринарные курсы для женщинъ. На предположенномъ въ Москвѣ съѣздѣ ветеринарныхъ врачей будетъ между прочимъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи ветеринарныхъ курсовъ для женщинъ и о предоставленіи лицамъ, окончившимъ такіе курсы, правъ помощницъ ветеринарныхъ врачей. Учрежденіе такого рода курсовъ имѣется въ виду предоставить земствамъ. (г. в.)

Пониженіе аптекарской таксы. Особымъ распоряженіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ произведено измѣненіе аптекарской таксы за трудъ (taxa laborum). Значительное пониженіе этой таксы является несомнѣнно очень важнымъ санитарнымъ дѣломъ и составляетъ большую заслугу Медицинскаго департамента. Новая такса въ С.-Петербургѣ и Москвѣ введена съ 1 января этого года, въ другихъ же мѣстностяхъ Россіи она будетъ принята или съ 1 іюля этого года или съ 1 января 1893 года. (г. в.)

Усвоеніе яицъ, всмятку и вкрутую, здоровыми людьми. Для рѣшенія этого вопроса, дѣйствительно, до настоящаго времени представляющагося еще спорнымъ, д-ръ М. П. Тихвинскій произвелъ шесть опытовъ продолжительнаго питанія здоровыхъ лицъ обыкновенною пищей изъ хлѣба и мяса съ прибавкою 8 яицъ въ день. Въ общемъ количество питательныхъ веществъ не превышало нормы. Опыты были установлены такимъ образомъ, что 3 лица въ теченіе первой недѣли питались яйцами вкрутую, а въ теченіе второй недѣли — яйцами сваренными всмятку; у трехъ другихъ лицъ пищевой режимъ былъ установленъ обратно. Въ результатѣ своихъ опытовъ авторъ получилъ ясный и опредѣленный выводъ, что второй періодъ кормленія яйцами, независимо отъ способа ихъ приготовленія (всмятку или вкрутую), всегда оказывался лучше перваго относительно усвоенія азота и жировъ. Въ дѣлѣ усвоенія яицъ не имѣетъ значенія то, какъ приготовлены яйца — всмятку или вкрутую, а все сводится лишь къ тому: къ какимъ яйцамъ человѣкъ приспособился, привыкъ, — тѣ и усваиваются лучше. Средній процентъ усвоенія при питаніи яйцами въ теченіе первой недѣли: для азота=89,999%, и для жира=94,468%; на второй недѣлѣ: для азота=91,643% и для жира=95,766%. (г. в.)

Общество снабженія здоровымъ молокомъ въ Петербургѣ. По словамъ журнала *Наша пища*, въ непродолжительномъ времени въ Петербургѣ организуется новое „Общество снабженія здоровымъ молокомъ" по образцу подобнаго же общества, существующаго въ Копенгагенѣ. Все доставляемое потребителямъ молоко будетъ предварительно подвергаться изслѣдованію и на каждой бутылкѣ будетъ наклеиваться поверхъ пробки этикетъ съ анализомъ молока. Цѣна на цѣльное молоко не будетъ превышать 12 к. за бутылку. (г. в.)

Къ вопросу о фальсификаціи. Съ введеніемъ въ дѣйствіе проектированнаго закона о карательныхъ мѣрахъ за фальсификацію жизненныхъ продуктовъ обязательно будетъ устройство въ городахъ и другихъ значительныхъ населенныхъ пунктахъ санитарныхъ станцій. На послѣднія возложено будетъ изслѣдованіе съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и другихъ предметовъ потребленія, а также разрѣшеніе вопросовъ общаго санитарно-гигіеническаго характера. Непосредственныя сношенія лицъ, заинтересованныхъ въ результатѣ изслѣдованій, съ персоналомъ служащихъ на станціяхъ не допускаются. Пробы, предназначенныя для изслѣдованія, передаются черезъ особыя санитарныя комиссіи на станціи безъ указанія фамилій лицъ, отъ которыхъ поступаютъ анализы. Результаты анализовъ, сдѣланныхъ на станціи, относятся только къ данному моменту и не могутъ служить ни для дальнѣйшаго производства извѣстнаго продукта, ни для печатанія рекламъ объ этомъ, о чемъ и объявляется лицамъ, представившимъ предметы для анализа. Виновные въ нарушеніи послѣдняго правила подвергаются штрафу до пятидесяти рублей.

Какъ извѣстно, въ настоящее время во многихъ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, приступлено къ разнаго рода общественнымъ работамъ подъ главнымъ руководствомъ генерала Анненкова и подъ наблюденіемъ особыхъ уполномоченныхъ Высшаго Комитета по оказанію помощи населенію этихъ губерній. Характеръ этихъ общественныхъ работъ довольно разнообразенъ: въ однихъ мѣстахъ населеніе занято работами по устройству новыхъ желѣзныхъ, шоссейныхъ и другихъ дорогъ, въ иныхъ производится рубка лѣса, въ другихъ — усилены кустарные промыслы съ помощью особо ассигнованныхъ Комитетомъ средствъ. Относительно выбора и направленія общественныхъ работъ высказано было въ печати и различныхъ Обществахъ довольно много мнѣній. Въ настоящее время явился новый проектъ, принадлежащій Русскому Обществу охраненія народнаго здравія, гдѣ рекомендуется воспользоваться имѣющимися въ распоряженіи средствами и людьми для производства цѣлаго ряда санитарныхъ работъ съ цѣлью оздоровленія городовъ и деревень Россіи, не отличающихся особою чистотой и благоустройствомъ. Изъ длиннаго списка предлагаемыхъ Обществомъ работъ отмѣтимъ: канализацію, водоснабженіе, осушка болотъ и лѣсонасажденіе, очистка рѣкъ и колодцевъ, приведеніе въ порядокъ нашихъ курортовъ. Въ общемъ нельзя не сочувствовать благимъ намѣреніямъ Общества охраненія народнаго здравія и можно только пожелать, чтобы и на санитарныя работы ассигнованы были нѣкоторыя суммы. (г. в.)

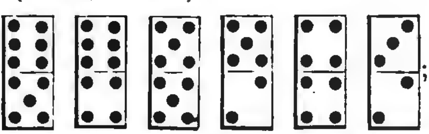
Задача 22.

На 5 рублей требуется купить 100 штукъ живности трехъ родовъ: гусей — по 50 к., утокъ — по 10 к. и воробьевъ — по 1 к.

Рѣшеніе задачи игры въ домино № 8

(помѣщ. въ № 8).

У А были камни:

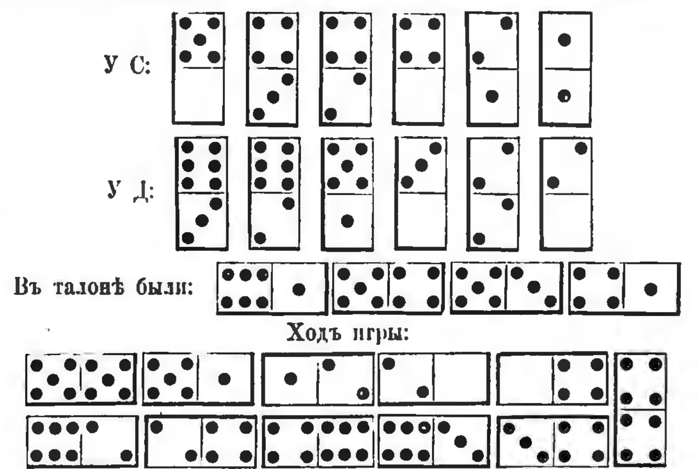

Тотъ, у котораго остались всѣ камни, сидѣлъ во второй рукѣ;

У С:

У Д:

Въ талонѣ были:

Ходъ игры:

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: В. Бѣликова въ **Москвѣ**, С. Н. Соколова въ **Калугѣ**, М. Юрьева въ **Одессѣ**, Н. Б. Лемберскаго въ м. **Смѣлѣ**.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Американскую пишущую машину
КАЛИГРАФЪ
рекомендуетъ № 5647 (4)
Генрихъ
ЖЕМЛИЧКА
Москва, уг. Тверской и Стараго Газетнаго переулка, д. Фальцъ-Фейнъ, велосипедный магазинъ № 19.

ВЕЛОСИПЕДЫ
сист. Свифтъ 100 р., съ двойнымъ ходомъ. СПБ., Спасская ул., д. 35.
А. АБРИКОСОВА.

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
А. БЕРГГОЛЬЦА.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.
Главное депо: **Невская аптека** магистра **А. Берггольца.** Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 5733
Цѣна коробки 40 коп.

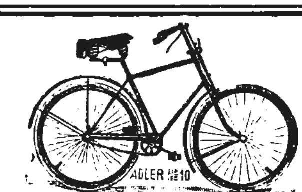
ВЫИГРЫШНЫЕ билеты и Дворянскіе листы (III выигрыши. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, № 5649
8—6
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 2-ой годъ изданія
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА
сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ
„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ".
ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА
съ пересылкою, считая съ 1-го апрѣля,
Мt. № 5716 2—2
1 руб.
(можно и почтовыми марками).
Журналъ этотъ, вслѣдствіе своего богатаго и разнообразнаго содержанія, представляетъ высшій интересъ, не только для любителей спорта, сельскихъ хозяевъ и т. д., но и для всякаго частнаго человѣка, почему и просимъ не упустить случая воспользоваться вновь открытой подпиской.
Чтобы дать возможность убѣдиться въ дѣйствительно полезномъ и разнообразномъ содержаніи журнала, просимъ требовать пробный нумеръ его, который немедленно будетъ высланъ безплатно и франко.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала въ РЕВЕЛѢ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.
Редакторъ-издатель Е. Ю. БЛОКЪ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ
Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.
съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи
П. П. ГНѢДИЧА.
Изд. А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 480 прекрасно исполн. гравюрами — копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.
Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тиснен. и 3-мя красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.
Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива": СПБ, Невскій проспектъ № 6; въ отдѣленіе конторы „Нивы" Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торгов. линій.
Эта книга имѣется также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Іодисто-соляное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.
Лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Весьма благопріятныя климатическія условія. Желѣзнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ. **СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.**
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ безплатно
R. № 5666 4—2 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. М. № 5651 8—7

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
ВЕЛОСИПЕДЫ
„ОРЕЛЪ"
Франкфуртъ-на-Майнѣ.
Ц. № 5728 СПЕЦІАЛЬНАЯ 12—2
ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ. № 5729 6—2

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
Бр. А. и Н. МАМОНТОВЫХЪ,
Москва,
ПРЕДЛАГАЕТЪ И. № 5707 5—2
МАСЛЯНЫЯ КРАСКИ
цѣльныя, безъ примѣсей, высшаго достоинства.
Прейсъ-куранты высылаются по требованію на масляныя краски, масляные лаки и олифы, спиртовые лаки и политуры, сургучи, смолки и пробки, свинцовую и оловянную бумагу.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію
„BOUQUET RUSSE.
Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саше.**
Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (7)

Schlesischer Obersalzbrunnen
OBER SALZBRUNN SCHUTZ-MARKE
Oberbrunnen
OBER SALZBRUNN SCHUTZ-MARKE
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно:
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—1 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5742

Туалетная вода Эсъ Тамъ-Тамъ
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. Энглундъ.
Для нѣжности и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.
№ 5734 Только С.-Петербургской Косметической Лабораторіи А. Энглундъ.

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ С. СІУ и Ко.
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ.
ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ОТЪ ПОДРАЖАНІЯ НАШЕЙ МАРКИ.

НОВОСТЬ!
ЦИТРА
„АРФА"
Цѣна 10 р. Самоучитель 1 руб.
Этотъ инструментъ, усовершенствованный по моей инициативѣ, въ отличіе отъ другихъ цитръ, имѣетъ 32 струны и 10 педалей; съ помощію означенныхъ педалей полными пріятными аккордами можетъ всякій разыгрывать все что угодно, не имѣя даже понятія о нотахъ. Подробное объясненіе и руководство въ самоучителѣ.
НАРОДНАЯ ЦИТРА,
на которой въ теченіе часа можно выучиться разыгрывать разныя пѣсни. Самоучитель 30 к.
Съ 24 струнами и 7 педалями. Ц. 5 р. 50 к.
Новѣйшій иллюстрирован. прейсъ-курантъ **съ фабричными цѣнами** всѣмъ инструмент. высылается безплатно.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
„А. Е. КУЛАКОВЪ",
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Садовая улица, № 40.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1892 г. НА
РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ
8-й годъ изданія,
Москва, Мал. Дмитровка, д. № 12
Еженедѣльное изданіе,
необходимое для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ, для школъ и *во всякой семьѣ.*
◆ Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со **множествомъ** рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.
◆ Къ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Русселя и др.) и пр., пр.
Кромѣ того: 1) Календарь для ремесленниковъ и 2) Одно изъ руководствъ, изданныхъ редакціей, по выбору подписчика.
Каждый подписчикъ найдетъ въ „РЕМ. ГАЗ." и въ руководствахъ, изданныхъ редакціей, много такихъ указаній, которыя принесутъ ему **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЯ ВЫГОДЫ.** № 5737
6 руб. въ годъ съ перес. и дост., за 1/2 года 4 руб.
„РЕМ. ГАЗ." одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

Дозвол. цензур., СПБ., 8 апрѣля 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — № 16 — г. XXIII — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 апрѣля 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Новости“.
Карт. **О. А. Гофмана** (исключительное право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть **С. Н. Терпигорева.**

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

I.

Верстахъ въ шестидесяти отъ нашей деревни, совсѣмъ на другомъ концѣ уѣзда, было большое село Всесвятское, принадлежавшее къ тому времени, какъ сталъ я помнить себя, бабушкѣ нашей, Дарьѣ Николаевнѣ Стебельцыной.

Всесвятское было очень большое село съ двумя церквами, базарной площадью и огромнымъ выгономъ. Въ селѣ числилось до полуторы тысячи душъ. Барская усадьба была расположена нѣсколько поодаль отъ села, такъ въ полуверстѣ отъ него. Съ одной стороны паркъ, съ другой садъ, совершенно скрывали усадьбу отъ проѣзжихъ по большой дорогѣ, которые могли видѣть только бѣлыя трубы на крышѣ высокаго дома, заслоненнаго деревьями. Эти бѣлыя трубы издали казались кусочками сахара положенными на зелень. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось намъ, дѣтямъ, когда мы подъѣзжали ко Всесвятской усадьбѣ и смотрѣли на нее изъ окна кареты.

Когда проѣдешь широкую и длинную липовую аллею, которая начиналась почти отъ самой большой дороги, и потомъ проѣдешь паркъ, передъ глазами вдругъ и совершенно неожиданно развертывалась картина богатой и огромной усадьбы, въ серединѣ которой возвышался каменный трехъэтажный бѣлый съ колоннами домъ подъ желѣзной зеленой крышей. Направо и налѣво отъ него флигеля, а тамъ дальше ужь службы, людскія, контора, конюшни, сараи и такъ какія-то зданія, назначенія которыхъ мы не знали.

Всесвятская усадьба считалась лучшею и самою богатою не только въ уѣздѣ у насъ, но и во всей губерніи. Она построена была еще при императрицѣ Екатеринѣ, но потомъ все надстраивалась, разрасталась и увеличивалась. Первоначально домъ былъ двухъэтажный, потомъ надстроили еще этажъ. Флигелей сперва тоже не было, ихъ построили уже позже. Почти постоянно тамъ шли какія-то все постройки и перестройки. Намъ, дѣтямъ, это очень нравилось, и мы всегда съ удовольствіемъ ходили смотрѣть, какъ плотники рубятъ, стругаютъ, пилятъ, маляры красятъ, кровельщики стучатъ по желѣзу и проч. Все это намъ было въ диво, потому что все это производилось во Всесвятскомъ въ огромныхъ размѣрахъ, на широкую руку, чего ни у насъ и ни у кого кругомъ у сосѣдей не было.

— И чего это все стòитъ, слышали мы, разсуждали сопровождавшія насъ наши няньки и гувернантки.— Бабушка богата... Этакое имѣніе!.. Махина! И чтò денегъ тутъ положено... Тысячи...

Но бабушка новаго сама ничего не начинала строить, а только возобновляла и поддерживала то, чтò отъ времени приходило уже въ ветхость.

Въ этомъ отношеніи она поступала съ какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ къ остаткамъ полуразвалившейся старины. Такъ, напримѣръ, постоянно чинился, подновлялся и красился снаружи театръ, построенный еще прадѣдушкой, и въ которомъ лѣтъ пятьдесятъ уже никакихъ не было представленій и самой труппы актеровъ уже не существовало.

А театръ стоялъ какъ новый, хотя пустой и запертый.

И въ немъ мы бывали всякій разъ, когда бывали во Всесвятскомъ. Мы просили, чтобы насъ отпустили туда посмотрѣть, и шли въ сопровожденіи старика Игнатія Ивановича, бывшаго дворецкаго, который отпиралъ намъ театръ, вводилъ въ зрительный залъ, гдѣ мы долго стояли, смотря по сторонамъ на пустыя ложи, вверхъ— на расписной потолокъ; потомъ шли по какимъ-то коридорамъ на сцену и оттуда смотрѣли на зрительный залъ, гдѣ мы сейчасъ только что были.

Игнатій Ивановичъ отлично помнилъ, когда въ театрѣ происходили представленія, и объяснялъ намъ со всѣми подробностями, гдѣ во время этихъ представленій сидѣли прадѣдушка съ прабабушкой; называлъ неслыханныя нами названія пьесъ и имена актеровъ и актрисъ, которые тутъ играли, вызывая общіе восторги и одобренія.

И мы все это слушали каждый разъ какъ новость какую-нибудь, хотя многое уже знали напередъ изъ того, чтò онъ будетъ намъ разсказывать.

Было особенное какое-то чувство, которое мы испытывали каждый разъ среди этой ветхой старины, въ этой прохладѣ, отзывавшейся плѣсенью и сыростью нежилаго, пустаго огромнаго зданія.

И какъ громко и странно раздавались тамъ наши голоса, хотя мы и говорили обыкновенно, какъ всегда, нисколько не громче!

Точно также огромныхъ денегъ должно-быть стоила бабушкѣ и поддержка оранжерей. Деревья въ нихъ росли, множились, и она то и дѣло была вынуждаема расширять и настраивать теплицы и оранжереи, стеклянныя крыши которыхъ тянулись длинною полосой вдоль лѣваго фланга усадьбы.

Но тамъ была по крайней мѣрѣ жизнь, тамъ все росло, цвѣло, созрѣвало, и бабушка сама любила эту жизнь.

Въ оранжереи она всегда сама ходила съ нами. Жара тамъ, паръ, мы мокрые всѣ отъ жары, а готовы ходить тамъ сколько угодно. Тутъ пальмы съ гигантскими листьями и съ какими-то мудреными латинскими названіями, которыя такъ странно, но такъ самоувѣренно и гордо произноситъ садовникъ Михей; тамъ, въ крошечныхъ горшечкахъ, въ атмосферѣ еще болѣе жаркой, зрѣютъ громадные ананасы. Нѣсколько штукъ изъ нихъ бабушка прикажетъ срѣзать, какіе поспѣлѣй, и ихъ сегодня будутъ подавать за десертомъ.

Эти оранжереи тоже старинныя, но такими обширными онѣ стали уже при дѣдушкѣ Григоріи Алексѣевичѣ, любителѣ садоводства и цвѣтоводства. Старыя прадѣдовскія оранжереи и теплицы онъ расширилъ и увеличилъ вдесятеро, выписывалъ изъ Петербурга и изъ-за границы рѣдкія растенія, цвѣты, и проводилъ цѣлые дни самъ, съ Михеемъ, ухаживая за ними, справляясь по градусамъ, нужно-ли поднять или понизить въ нихъ температуру. Это была его манія, страсть, которая обходилась ему по разсказамъ очень дорого, но онъ ничего не жалѣлъ, покупалъ, выписывалъ все новыя и новыя растенія, какихъ бы денегъ ни стоили они, а главное, ихъ перевозка и доставка во Всесвятское.

И все это бабушка, сама любительница садоводства и пчеловодства, хотя и не такая страстная, поддерживала съ чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ памяти своего покойнаго мужа.

— „Rubrus Rubrorum“ пожалуй придется выписать. Два экземпляра были, которые покойный баринъ передъ самой почти кончиной ужь изволили выписать, а они тогда же вянуть начали что-то, чахнуть, такъ изъ-года-въ-годъ пропадали, пропадали все, и совсѣмъ пропали... докладывалъ Михей.

— Отчего же это? спрашиваетъ бабушка.

— Да должно-быть тогда еще покойный баринъ изволили ихъ замочить. Оно, конечно, растеніе это мòчу любитъ, однако же они его тогда же должно-

быть ужъ очень заполивали, оно и начало пропадать. Я имъ тогда же докладывалъ...

— Ну что-жъ, когда надо запиши, подай записку, пусть выпишутъ, кротко и разсудительно говоритъ бабушка, въ сомнѣніи и недовѣріи и къ такимъ тонкимъ познаніямъ Михея, и вообще ко всему этому анекдоту о выпискѣ „Rubrum Rubrorum" и о чрезмѣрномъ поливаніи его покойникомъ дѣдушкой.

И такою она бывала во всемъ, что̀ хотя въ отдаленіи напоминало ей о мужѣ.

— Это дорого было для него, а память объ немъ дорога мнѣ, говорила она обыкновенно, когда кто-нибудь изъ родственниковъ или изъ близкихъ возражалъ ей, говорилъ зачѣмъ она дѣлаетъ такія траты.

II.

Но особенно она цѣнила, берегла и сохраняла, если можно такъ выразиться, стариковъ и старухъ изъ числа служившихъ при покойномъ ея мужѣ и бывшихъ близкими къ нему.

Очень многіе изъ флигелей въ усадьбѣ, тѣ, которые были въ отдаленіи отъ дома, отведены были подъ этихъ стариковъ и старухъ, и жили они тамъ ужъ ничего не дѣлая, на полномъ иждивеніи бабушки, являясь въ домъ въ высокоторжественные праздники или въ дни ея именинъ и рожденія, чтобы принести ей свои поздравленія.

И со всѣми ими она разговаривала, находила о чемъ кого спросить, что̀ кому сказать. Потомъ всѣ получали угощеніе, какіе-нибудь маленькіе подарки. Тутъ же кстати они, пользуясь случаемъ, и сами выпрашивали себѣ что-нибудь.

Это—приближенные, а сколько ихъ, стариковъ и старухъ, еще во дворнѣ и на деревнѣ жили на полномъ покоѣ и тоже на ея содержаніи.

Очень многихъ изъ приближенныхъ стариковъ и мы знали, пріѣзжая во Всесвятское на бабушкины именины или въ день ея рожденія и постоянно видая ихъ, пришедшихъ съ поздравленіемъ. Особенной важностью какою-то всѣ они отличались, говорили особеннымъ какимъ-то языкомъ, выспреннимъ и вычурнымъ, и самыя слова попадались какихъ мы ужъ не знали и слыхали только отъ нихъ, когда разговаривали они съ нами или съ кѣмъ-нибудь. И одѣты они были тоже должно-быть по-тогдашнему, какъ ходили тогда, въ ихъ время: въ длиннополыхъ зеленаго сукна сюртукахъ съ роговыми пуговицами; шеи обмотаны чистыми бѣлыми платками на манеръ жабо; картузы большіе, высокіе, изъ какой-то матеріи въ родѣ плюша или бархата, на ватѣ, съ огромными козырьками. Особенно величественъ былъ между ними старикъ кучеръ, служившій еще при прадѣдушкѣ, Ермилъ Захаровичъ, высокій, ужъ согбенный, сѣдой, даже бѣлый совсѣмъ старикъ, въ свое время славившійся на всю губернію своей силой. Про него у меня въ памяти сохранился разсказъ, который я слыхалъ безконечное число разъ и который всегда слушалъ съ живѣйшимъ интересомъ, о томъ, какъ онъ спасъ жизнь дѣдушкѣ, когда въ дорогѣ, въ лѣсу, гдѣ-то подъ Рязанью, напали ночью разбойники. Это очень длинный разсказъ, въ которомъ было очень много чрезвычайно интереснаго, такъ какъ въ немъ было много страшнаго. И съ какимъ бывало любопытствомъ мы смотрѣли на этого великана-старика, когда онъ приходилъ поздравить бабушку, и та къ нему выходила принять эти поздравленія; вмѣстѣ съ нею и мы выбѣгали въ дѣвичью, или потомъ смотрѣли въ окно, когда онъ уходилъ дворомъ къ себѣ домой, т. е. въ одинъ изъ тѣхъ флигелей, о которыхъ я говорилъ. Медленно, важно, останавливаясь съ попадавшими ему навстрѣчу людьми и бесѣдуя съ ними, шелъ онъ, совсѣмъ какъ взрослый между дѣтьми.

— Бабушка, а теперь онъ ужъ не такой силачъ? спрашивали мы.

— Другъ мой, да вѣдь ужъ ему скоро девяносто лѣтъ будетъ, развѣ онъ можетъ въ эти годы быть такимъ же сильнымъ.

— Но все-таки онъ сильный, отстаивали мы.

— Ну, конечно, съ тобою сладитъ, смѣялась бабушка. И мы смѣялись.

Или вотъ тоже этотъ бывшій дворецкій, Игнатій Ивановичъ, который показывалъ намъ всякій разъ пустой и запертый театръ. Этотъ не поражалъ ни видомъ колоссальнымъ, ни степенной важностью и сознаніемъ своей силы и своего достоинства, своей заслуги, какъ Ермилъ; но въ немъ было столько утонченной деликатности и вмѣстѣ столько достоинства, что я, напримѣръ, не видавшій своими глазами стариковъ вельможъ екатерининскаго времени, всегда по немъ составлялъ себѣ понятіе объ нихъ, представляя ихъ только еще болѣе исполненными величавости, изящества и достоинства. Положительно не вяжется какъ-то съ представленіемъ объ немъ слово *лакей*, которымъ онъ все-таки же былъ на самомъ дѣлѣ. Или ужъ это старость дѣлаетъ...

Онъ вотъ и съ нами ходилъ, показывалъ театръ, объяснялъ намъ, разсказывалъ, и все это съ такимъ достоинствомъ и въ то же время такъ утонченно вѣжливо, что даже на насъ, маленькихъ дѣтей, это производило впечатлѣніе, и мы смотрѣли на него и удивлялись. Мы видѣли также, какъ онъ, встрѣтивъ бабушку вмѣстѣ съ нами гдѣ-нибудь на прогулкѣ, стоялъ передъ нею снявъ картузъ свой; но онъ дѣлалъ это не съ раболѣпствомъ, а какъ бы вѣжливый кавалеръ старикъ, преисполненный къ ней всяческаго уваженія и почтенія. Особая совсѣмъ манера, особый совсѣмъ тонъ, которые трудно передать на словахъ. Кто не видѣлъ самъ этихъ людей своими глазами, тотъ никогда ихъ не пойметъ и не представитъ себѣ. А между тѣмъ они жили въ самое крутое время, о которомъ мы теперь и понятія не имѣемъ.

Игнатій Ивановичъ имѣлъ тоже какую-то свою легенду, которую я теперь хорошо уже не помню; знаю только, что она относилась къ пребыванію дѣдушки еще въ Петербургѣ, когда онъ былъ блестящимъ офицеромъ, служилъ въ гвардіи, и связана съ поединкомъ, который имѣлъ дѣдушка съ какимъ-то англичаниномъ, вообще иностранцемъ, тоже изъ высшаго общества. Игнатій Ивановичъ состоялъ тогда камердинеромъ дѣдушки, и его хотѣли все по случаю этой дуэли для чего-то подкупить, а онъ не согласился, несмотря на большія деньги, которыя ему предлагали, разсказалъ обо всемъ этомъ дѣдушкѣ, предупредилъ его такимъ образомъ и этимъ какъ-то спасъ и его жизнь, и его честь, такъ какъ и той и другой угрожала опасность,—что-то въ этомъ родѣ. Хорошо этой легенды я не помню, потому вѣроятно, что она казалась намъ менѣе интересною чѣмъ легенда о разбойникахъ, отъ которыхъ спасъ дѣдушку кучеръ Ермилъ Захаровичъ.

Но какова бы ни была легенда, для бабушки ужъ достаточно было, что Игнатій Ивановичъ этотъ былъ приближеннымъ и любимцемъ ея покойнаго мужа,—а тутъ еще по этой легендѣ онъ спасъ ему жизнь,—чтобы она и на немъ покоила свои симпатіи, заботилась объ немъ и берегла его.

И много было во Всесвятскомъ такихъ людей.

III.

Бабушка унаслѣдовала Всесвятское, которое было родовымъ имѣніемъ дѣдушки и должно было такимъ образомъ, съ выдѣломъ ей ея законной части, перейти къ его родному брату,—тоже въ силу какой-то домашней семейной легенды о проигрышѣ дѣдушкою, вскорѣ послѣ его женитьбы, всего ея приданаго, въ томъ числѣ даже и ея брильянтовъ, которые пришлось продать, чтобы покрыть проигрышъ. Дѣдушка, который въ молодости,

XX передвижная выставка. „Мороженикъ“.

Карт. С. П. Костенко (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“) грав. Шюблеръ.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „За одолженіемъ“.

Карт. акад. И. Л. Асѣназія (исключительно право воспроизв. въ грав. и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. М. Рашевскій.

будучи еще блестящимъ офицеромъ, былъ большой жуиръ, игрокъ и ловеласъ, какимъ-то образомъ попалъ въ одинъ изъ многочисленныхъ тогда въ Петербургѣ игорныхъ домовъ, куда ѣздила играть вся знать, и его тамъ обыграли на огромную сумму, которой онъ вовсе не имѣлъ, и онъ могъ расплатиться вотъ только такимъ манеромъ, т. е. отдавши на покрытіе его все приданое и брильянты своей молодой жены, бывшей тоже изъ очень богатаго семейства. Разсказы о томъ, какъ бабушка самоотверженно отдала все что у нея было, ни единымъ словомъ, даже взглядомъ не упрекнувъ мужа, и поставивъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ выходилъ въ отставку и ѣхалъ въ деревню,—я слышалъ тоже многое-множество разъ, точно такъ же какъ и то, что бабушка, видѣвши въ первые года замужества своего много горя, нашла свое счастіе и душѣ своей покой съ этимъ переѣздомъ со своимъ мужемъ изъ столицы во Всесвятское, такъ какъ тутъ дѣдушка, можетъ-быть подъ вліяніемъ великодушнаго и самоотверженнаго поступка жены или по какой другой еще причинѣ, совершенно перемѣнился и вообще, и въ особенности въ своихъ отношеніяхъ къ ней.

Такъ они прожили тридцать три года въ полномъ счастіи и согласіи, испытавъ только горе утраты обоихъ своихъ дѣтей—сыновей, умиравшихъ роковымъ образомъ въ тотъ же день, какъ имъ исполнялось семь лѣтъ. Когда заболѣлъ и потомъ умеръ второй ея ребенокъ, бабушка едва не лишилась разсудка съ горя. И только черезъ два года потомъ она пришла какъ слѣдуетъ въ себя. Потомъ у нихъ уже не было дѣтей.

Дѣдушка, Григорій Алексѣевичъ, судя по разсказамъ объ немъ и по сохранившемуся его портрету, былъ въ молодости должно-быть дѣйствительно замѣчательной красоты. Даже и въ томъ странномъ на нашъ непривычный взглядъ мундирѣ, въ которомъ онъ нарисованъ, все же, вглядываясь въ его лицо, находишь его красавцемъ, которые не часто попадаются.

По разсказамъ, онъ былъ въ молодости, особенно когда еще жилъ въ Петербургѣ, пылкаго и неукротимаго нрава; но потомъ, съ годами и подъ вліяніемъ умной, спокойной и кроткой жены, искренно и сильно его любившей, онъ совершенно измѣнилъ свой характеръ, сдѣлавшись и самъ такимъ же спокойнымъ и кроткимъ. Послѣднее время онъ пользовался уваженіемъ и не потому только что былъ богатъ и знатнаго рода, но также и потому, что былъ дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ, справедливымъ въ отношеніи всѣхъ, великодушнымъ и щедрымъ. Такою же точно репутаціей пользовался и его братъ, отставной морякъ, Стратонъ Алексѣевичъ, жившій въ своемъ имѣніи Поддубьѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Всесвятскаго. Братья были очень дружны между собою, и такъ какъ этотъ не былъ женатъ, оставался холостымъ, то онъ почти каждый день пріѣзжалъ къ брату во Всесвятское. Онъ также высоко цѣнилъ умъ и душевныя качества своей невѣстки, бабушки Дарьи Николаевны, подходя всякій разъ къ ней къ ручкѣ и называя ее не иначе, какъ „любезнѣйшая сестрица Дарья Николаевна“. И когда дѣдушка передъ кончиной сдѣлалъ такое распоряженіе или такой актъ, по которому Всесвятское перешло не къ нему, а къ бабушкѣ, Дарьѣ Николаевнѣ, то онъ не только не былъ на него въ претензіи за это, но имѣются основанія предполагать, что дѣдушка и поступилъ такъ именно по его указаніямъ или совѣтамъ.

И послѣ кончины брата онъ нисколько не измѣнилъ ни своего обыкновенія заѣзжать почти каждый день во Всесвятское, ни вообще своего расположенія къ невѣсткѣ. Напротивъ, онъ даже удвоилъ къ ней свое родственное вниманіе и сердечную свою участливость, что тогда особенно было важно для бабушки, такъ какъ она была почти убита потерей мужа.

Стратонъ Алексѣевичъ принялъ на себя и всю заботу по имѣнію, дѣлалъ, по просьбѣ бабушки, всѣ главныя распоряженія, слѣдилъ за всѣми вообще ея денежными дѣлами, процессами какими-то, которые достались ей послѣ мужа и которые у нихъ были общіе съ братомъ; кажется, по какому-то отдаленному чьему-то наслѣдству. Словомъ, все оставалось попрежнему, недоставало только одного Григорія Алексѣевича, котораго они оба, равно какъ и всѣ его знавшіе, оплакивали искренно.

Бабушка сдѣлалась послѣ кончины мужа только еще болѣе кроткою, незлобивою и какой-то тихою, да легъ на нее отпечатокъ еще болѣе благородной, покорной, всепрощающей грусти. Прекрасно, по тогдашнему времени, воспитанная, выдержанная, не позволявшая себѣ рѣзкаго слова, она, оставшись одна, вновь принялась на старости перечитывать обширную библіотеку, которая была у нея въ домѣ, и съ увлеченіемъ также отдалась серьезной музыкѣ, которую такъ любила когда-то въ молодости и которую съ годами почти совсѣмъ забыла.

Всѣ говорили по этому поводу, что она въ этомъ чтеніи и въ музыкѣ ищетъ забвенія понесенной ею утраты, находитъ себѣ утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ, такъ какъ перечитывая то, что читала въ молодости и вспоминая музыку, она вновь въ мысляхъ и въ душѣ переживаетъ свои счастливые, молодые годы.

Это по всей вѣроятности такъ и было, потому что это было совершенно согласно и съ ея характеромъ, и и воспитаніемъ, которое она получила и которое тогда всѣмъ этого круга молодымъ дѣвушкамъ давалось.

IV.

Такою именно застали ее мы, дѣти, т. е. такою вотъ грустно задумчивою, мечтательною и безконечно доброю. Она, казалось, жила совсѣмъ въ другомъ мірѣ, куда ушла со всѣмъ тѣмъ, что было для нея когда-нибудь дорого и мило. Здѣсь же, среди насъ, ее интересовало и занимало только то, что имѣло какую-нибудь связь съ этимъ ея міромъ, и чего, уходя отъ насъ, она не могла взять съ собою. Отсюда ея забота и нѣжное вниманіе ко всѣмъ и ко всему, что только напоминало ей о жизни, которою она жила тамъ, въ созданномъ ею мірѣ воспоминаній и грёзъ. Отсюда ея забота и о старикахъ и о старухахъ, свидѣтеляхъ ея здѣшней, земной жизни, которыхъ она, переселяясь въ свой міръ, не могла взять съ собою, забота о поддержкѣ и сохраненіи повидимому никому и ни на что ненужнаго театра, оранжерей и проч. Но для нея они были нужны, потому что были дороги ей по воспоминаніямъ, которыми она только и жила.

Какъ сейчасъ, вижу я ее, идетъ она своею легкою, изящною походкой по саду, по кленовой аллеѣ, что противъ балкона, вся въ бѣломъ, въ легкой лѣтней матеріи, черно-сѣрые волосы гладко причесаны по бокамъ красиваго лица, глаза темные, умные и выраженіе въ нихъ участливой милости и безконечной, всепрощающей доброты.

А зимою она бывала вся въ черномъ, къ ней и этотъ шелъ цвѣтъ, она и въ немъ была такая же изящная, спокойная, кроткая и добрая. Только еще блѣднѣе казалось ея красивое, хотя и старческое, въ морщинахъ лицо, и еще больше не отъ міра, еще задушевнѣе глядѣли ея глаза, полные вдохновеннаго созерцанія.

Только въ дни особеннаго какого-нибудь торжества, когда она у кого-нибудь бывала на именинахъ, на свадьбѣ или когда она принимала у себя собравшихся поздравить ее съ именинами или съ какимъ-нибудь большимъ праздникомъ, надѣвала она сѣраго цвѣта платье, зимою шелковое, лѣтомъ изъ какой-нибудь легкой лѣтней матеріи, но никогда никакихъ украшеній, ни лентъ, ни цвѣтовъ,—ничего.

И не было это чѣмъ-нибудь рѣшеннымъ съ ея стороны, что̀ бы указывало на ея мысль или намѣренiе обречь себя на вѣчный трауръ; нѣтъ, это вышло какъ-то само собою, инаго платья она и не могла носить, потому что оно ей просто не нравилось и прямо таки не шло къ ней.

Однажды, когда зимою она гостила у насъ, ей показалось, или въ самомъ дѣлѣ это было такъ, что въ комнатѣ холодно. Она сказала объ этомъ сидѣвшей съ нею матушкѣ, и та накинула ей на плечи свою теплую, пеструю шаль. Бабушка по обыкновенiю поблагодарила ее, коснувшись своею рукою до ея плеча, и такъ и сидѣла въ этой шали; но когда надо было идти въ столовую чай пить или ужинать, и ей пришлось проходить мимо зеркала, въ которомъ она увидала себя, она остановилась передъ нимъ, посмотрѣла на себя въ зеркалѣ и со своей очаровательно-кроткой улыбкой замѣтила матушкѣ:

— А какая я пестрая въ твоей шали!

— Тетушка, я вамъ дамъ черный теплый платокъ, сказала матушка.

— Что̀ за глупости, на что̀ это? возразила она.

И все время за чаемъ сидѣла въ этой шали и не снимала ее во весь вечеръ.

Съ непривычки мы, я помню, смотрѣли на нее, и она казалась намъ какою-то странною, совсѣмъ не тою, какою мы привыкли ее видѣть. Она казалась намъ въ этой шали какою-то умалившейся, совсѣмъ обыкновенной, какъ и всѣ. Но когда, на другой день— было опять холодно въ комнатѣ или ей нездоровилось— и она вошла по-утру въ своемъ бо̀льшомъ черномъ синелевомъ платкѣ накинутомъ на плечи, мы съ прiятнымъ чувствомъ увидѣли прежнюю бабушку.

А я даже не утерпѣлъ и высказалъ ей это:

— А къ вамъ, бабушка, этотъ платокъ идетъ лучше маминой шали.

— Да? сказала она, улыбаясь.—Ты это замѣтилъ? Ты понимаешь это?

И она нѣсколько разъ, смѣясь, разсказывала о моемъ замѣчанiи ей.

Она не была и въ обществѣ отшельницей, затворницей какой-нибудь, которой непрiятны веселье, смѣхъ, непрiятны люди у которыхъ интересы есть въ жизни. Она у всѣхъ бывала, гдѣ и прежде бывала, всѣхъ у себя принимала и нисколько, ни малѣйше не была расположена выставлять свое горе, говорить объ немъ; напротивъ, была и весела и разговаривала обо всемъ. Горе свое, свои думы она приберегала для себя, считая неприличнымъ и недостойнымъ кого бы то ни было въ эту святыню свою. Да и зачѣмъ? Развѣ они ее поймутъ? Еще оскорбятъ какъ-нибудь ненарочно, и не понимая, что это больно...

Такъ же точно, искренно и глубоко религiозная, она не ѣздила, какъ многiя въ ея положенiи, по монастырямъ и прямо-таки не любила ни приживалокъ, ни богомолокъ-странницъ и проч. Она помогала имъ, когда онѣ просили у нея, но сама не сидѣла съ ними и не находила никакого удовольствiя въ ихъ обществѣ. Онѣ, со своейи оказной, выставочной, напускной религiозностью, съ профессiональнымъ богомолiемъ, и не могли ей нравиться, приходиться по душѣ,— ей, которая такъ ревниво оберегала отъ постороннихъ взоровъ свое собственное горе, что̀ было у самой у нея на душѣ...

Она мнѣ въ этомъ отношенiи безконечно нравилась, хотя все это я понялъ и оцѣнилъ въ ней, конечно, не тогда, а гораздо уже позже. Тогда она нравилась просто какъ необыкновенно добрая, если можно такъ выразиться, изящно добрая, тихая, кроткая, умная, образованная, головой выше всѣхъ образованныхъ, бодрая еще старушка, близкая и дорогая родственница.

Чувство, говорятъ, взаимно, и оттого, можетъ-быть, и она меня любила больше другихъ, т. е. больше чѣмъ другихъ ласкала, чаще разговаривала со мною, съ какимъ-то загадочнымъ пристальнымъ вниманiемъ слушала, что̀ я болталъ, всматривалась въ меня. Я смущался отъ этого, путался въ мысляхъ, словахъ, но, помню, отъ этого ея вниманiя ко мнѣ я положительно выросталъ въ своихъ глазахъ.

„Отчего же ни съ кѣмъ она объ этомъ не говоритъ, а со мною вотъ говоритъ, и сама начинаетъ говорить?“ думалъ я потомъ, и откуда-нибудь съ угла дивана, съ дальняго кресла вглядывался въ нее, всматривался въ выраженiе ея лица, упорно и долго смотрѣлъ на ея лобъ и гладко причесанные волосы вокругъ него. Что̀ она думаетъ, какiя мысли тамъ у нея въ головѣ?..

(Продолженiе будетъ).

Служитель Бога.

Историческiй романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Салiаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженiе).

XXIII.

Едва только на порогѣ показался Вахтенштейнъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ княгинѣ, какъ она увидала, что подозрѣнiя ея совершенно основательны. Къ ней вошла какая-то каменная статуя, или деревянная кукла, способная только глядѣть стеклянными глазами безъ выраженiя и двигать губами.

Вахтенштейнъ какъ будто весь застылъ, или надѣлъ на себя какую-то ледяную оболочку. Онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ Юлiи Павловны и не только не цѣлуя по обыкновенiю ея руку, но даже не подавая руки, сѣлъ въ кресло.

— Что̀ съ вами? вымолвила княгиня, прикидываясь удивленною и принимая безпечный видъ.

— Я пришелъ, княгиня, объявить вамъ, заговорилъ Вахтенштейнъ, какъ-то бурча безъ интонацiи, какъ если бы говорилъ не живой человѣкъ, а шипѣла какая-нибудь машина,—я пришелъ объяснить вамъ, что черезъ часъ выѣзжаю изъ Венецiи на такомъ кораблѣ, для котораго будетъ въ морѣ попутный вѣтеръ. Слѣдовательно, я выѣду или къ итальянскимъ берегамъ, или къ далматинскимъ. Мнѣ это безразлично. Я желаю только скорѣе уѣхать отсюда. Здѣсь все въ порядкѣ, все уплачено. Палаццо остается за вами еще на цѣлый мѣсяцъ. Необходимая вамъ сумма уже готова, и вы получите ее отъ Бернера. Пятьдесятъ тысячъ флориновъ. Больше этой суммы въ настоящую минуту я оставить затрудняюсь.

— Я ничего не понимаю! воскликнула княгиня, уже измѣнившись въ лицѣ.—Что̀ все это значитъ?..

— Позвольте, княгиня, просить васъ относиться ко мнѣ съ бо̀льшимъ уваженiемъ, строго отозвался баварецъ.—Если вамъ угодно разыгрывать балаганную комедiю, если вы желаете быть Коломбиной и у васъ есть Арлекинъ, то я не желаю брать на себя роли Полишинеля, или какого-либо другаго дѣйствующаго лица въ вашей арлекинадѣ. Я объявляю вамъ, что уѣзжаю, что мы никогда не увидимся. А объяснять, кромѣ этого, ничего не желаю, такъ какъ все остальное вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ мнѣ самому.

— Опять глупый припадокъ ревности? выговорила княгиня, хотя ей самой стало стыдно этой фразы.

— Ревнуютъ тѣхъ, кого любятъ и уважаютъ. Слѣдовательно, я не могу ревновать васъ, отвѣтилъ Вахтенштейнъ.

— Это безуміе! воскликнула княгиня.

— Напротивъ, съ моей стороны это проснувшійся разсудокъ, вернувшееся зрѣніе и слухъ.

Князь поднялся и выговорилъ:

— Достаточно-ли съ васъ пятидесяти тысячъ флориновъ?

— И вы даже не требуете отъ меня объясненій, не желаете выслушать оправданій?

— Княгиня, убѣдительно прошу васъ отвѣтить на послѣдній вопросъ: достаточно-ли пятидесяти тысячъ?

Княгиня выпрямилась, вздернула головой и, съ ненавистью и презрѣніемъ глянувъ въ лицо Вахтенштейну, вдругъ выговорила:

— Какъ бы я счастлива была, если бы могла эти пятьдесятъ тысячъ швырнуть вамъ въ лицо! Но я должна остаться на улицѣ и поэтому поневолѣ...

— Вы все-таки не отвѣчаете на вопросъ. Я могу черезъ двѣ недѣли выслать вамъ еще.

— Послѣдній разъ спрашиваю васъ, князь: хотите-ли вы объясниться?

— Послѣдній разъ повторяю вамъ, княгиня, что это лишнее. Честь имѣю кланяться!

Князь былъ уже около дверей гостиной, когда Юлія Павловна вдругъ порывисто поднялась съ кресла и вскрикнула:

— Стойте! Отвѣчайте: неужели вы такъ просты, что вообразили себѣ... въ ваши лѣта...

Но Вахтенштейнъ рѣзко звенящимъ голосомъ перебилъ ее:

— Я такъ простъ, княгиня, что вообразилъ себѣ, что вы порядочная женщина. А вы...

Но благовоспитанный человѣкъ воздержался и, быстро повернувшись на каблукахъ, исчезъ за дверями.

Княгиня осталась на своемъ мѣстѣ истуканомъ. Она тяжело дышала, и глаза ея вдругъ наполнились слезами, какія, по счастію, появляются рѣдко у такихъ женщинъ. Это были слезы злобы. Наконецъ княгиня провела платкомъ по лицу, вздохнула глубоко, чтобы перевести дыханіе, и вымолвила презрительно:

— Imbécile! Triple imbécile!!

Черезъ четверть часа Юлія Павловна была въ своей горницѣ, и передъ ней уже сидѣлъ вызванный ею, встревоженный аббатъ. Они молчали. Княгиня разсказала ему все. Салмоновичъ развелъ руками и повторилъ нѣсколько разъ слово „ужасно“ на всѣ лады. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ проводилъ руками по лицу, по лбу и по головѣ, даже теръ себѣ уши, какъ бы оглушенный пушечнымъ выстрѣломъ. Затѣмъ, подумавъ, онъ зашагалъ по комнатѣ, однозвучно повторяя другое слово:

— Дьяволъ, дьяволъ!

Но это не относилось къ Вахтенштейну. Слово относилось къ самому сатанѣ, который подстроилъ все стеченіе обстоятельствъ, теперь приведшее къ катастрофѣ.

Наконецъ, долго посидѣвъ и помолчавъ, Салмоновичъ вымолвилъ:

— Ахъ, проклятый папскій пажъ! Провались онъ вмѣстѣ со своимъ папою и римскимъ престоломъ!

— И это говоритъ аббатъ! невольно замѣтила княгиня.

— Аббатъ! аббатъ! раздраженно вскрикнулъ Салмоновичъ.—Какой дьяволъ аббатъ?! Нечего было на себя надѣть—и надѣлъ вотъ этотъ нелѣпый кафтанъ. Вывѣску служенія Богу! А въ дѣйствительности я служилъ, служу и буду служить лишь дьяволу. Самый неблагодарный хозяинъ! Служишь ему по чести, всѣми силами, а онъ тебя, каналья, не спасетъ изъ бѣды и вѣчно подводитъ подъ напасти и бѣды.

Салмоновичъ злобно шутилъ, ибо въ дѣйствительности ему было не до шутокъ. Катастрофа съ княгиней отзывалась прямо на его личномъ существованіи. Просидѣвъ еще нѣсколько минутъ, аббатъ поднялся съ порывомъ.

— Я пойду къ себѣ и буду ломать голову цѣлый вечеръ, въ полночь приду, или даже завтра утромъ. Что-нибудь надумаю и скажу.

— Вы думаете, что примиреніе съ княземъ еще возможно? Напрасно...

— Никогда! Развѣ это человѣкъ? Это—идолъ, истуканъ, кукла, или просто—болванъ.

— Нѣтъ, онъ далеко не болванъ. Напротивъ, онъ умный человѣкъ. Это не князь Андрей Николаевичъ...

— Умный! умный! воскликнулъ Салмоновичъ.—Понятіе объ умѣ неопредѣленно и растяжимо. Я могу согласиться лишь въ одномъ, что Вахтенштейнъ—умный оселъ. Но за то я—ограниченный геній, ограниченный лишь одной выдумкой людской—сводомъ законовъ. И вотъ я завтра же докажу что не лгу. Я что-нибудь да придумаю. Черезъ полгода мы забудемъ о существованіи этого желтаго нѣмца.

Едва только Салмоновичъ вышелъ отъ княгини, какъ явился степенный Бернеръ, еще болѣе кукла, чѣмъ его патронъ. Майордомъ князя подражалъ ему во всемъ, даже въ голосѣ и въ жестахъ. Иногда это забавляло княгиню, заставляло смѣяться до слезъ: теперь ей, конечно, было не до того.

Бернеръ постучалъ въ дверь, и на отвѣтъ: „войдите!“ появился на порогѣ и поклонился. Въ рукахъ его былъ пакетъ.

— Его свѣтлость, князь, приказалъ мнѣ передать вашему сіятельству этотъ пакетъ, въ которомъ находится шестьдесятъ-пять тысячъ флориновъ.

Княгиня не тронулась съ мѣста, и умышленно, даже не взглянувъ на Бернера, выговорила сухо:

— Положите тутъ на столъ!

Бернеръ исполнилъ приказаніе, затѣмъ отвѣсилъ поклонъ и вышелъ изъ горницы. Княгиня подошла къ столу и взяла большой пакетъ, гдѣ не было надписи, а лишь цифра „пятьдесятъ“, перечеркнутая два раза, и рядомъ другая—„шестьдесятъ-пять“.

Заперевъ деньги въ бюро, княгиня подошла къ окну, подъ которымъ разливался синій Canal Grande. У подъѣзда палаццо стояло нѣсколько гондолъ и одинъ баркасъ, который грузили сундуками и чемоданами.

Нѣсколько разъ подходила Юлія Павловна къ окну и украдкой поглядывала на подъѣздъ. Наконецъ, услыхавъ гулъ голосовъ подъ окнами, она снова выглянула, и на ея глазахъ отъ палаццо отъѣхала вереницей цѣлая флотилія.

Впереди въ открытой гондолѣ сидѣлъ Вахтенштейнъ и, отъѣзжая, не шевельнулся, даже не поднялъ глазъ на окна. Во второй гондолѣ, на главномъ мѣстѣ, были разложены всякіе мѣшечки и шкатулочки, а передъ ними сидѣлъ еще болѣе окаменѣлый, чѣмъ самъ князь, его вѣрный рабъ и подражатель Бернеръ. Въ третьей гондолѣ, попроще, были два камердинера князя. За ними пошелъ баркасъ съ вещами и еще двѣ лодки съ людьми.

Прислуга, довольно многочисленная, оставалась на на подъѣздѣ и, проводивъ барина, начала послѣ его удаленія болтать, безцеремонно горланить и смѣяться, какъ если бы палаццо оставался совершенно пустымъ.

Княгиня невольно почувствовала себя оскорбленною. Она вызвала Терезину и отдала нѣсколько приказаній. Прежде всего она послала просить къ себѣ кавалера ди-Байа, но оказалось, что его нѣтъ въ Венеціи. Онъ выѣхалъ почти одновременно съ Вахтенштейномъ, неизвѣстно куда и на сколько времени.

Княгиня была озадачена и встревожена.

Аббатъ явился лишь на утро. Онъ продумалъ и вечеръ, и всю ночь, и, разумѣется, ничего не измыслилъ для княгини. Онъ рѣшилъ, что она женщина отпѣтая, безъ будущности. Но за то онъ придумалъ кое-что для себя самого.

Явившись въ палаццо Корнарини, Салмоновичъ сталъ совѣтовать княгинѣ начать иную жизнь, бросить свои

XX передвижная выставка. „Послушница“.

Карт. **Н. Д. Кузнецова** (исключительное право воспроизведенія въ грав. и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Шюблеръ.

пагубныя привычки и прихоти и, найдя порядочнаго человѣка съ состояніемъ, выходить замужъ... Или возвращаться на родину...

Княгиня слушала и удивлялась.

— Только это и придумали? сказала она.

— Покуда я ничего не могу посовѣтовать! Только одно... Сейчасъ же... Бросьте этотъ палаццо и переѣзжайте, поселитесь поскромнѣе. А главное — не оставляйте денегъ дома. Надо ихъ передать въ банкирскую контору... Дайте, я это сдѣлаю... Иначе могутъ обокрасть и вы останетесь вполнѣ на улицѣ...

Чрезъ два дня утромъ аббатъ взялъ деньги у княгини, чтобы везти ихъ къ банкиру. Въ сумерки Терезина передала барынѣ пакетъ, гдѣ была расписка конторская, тратта на пятьдесятъ тысячъ и записка аббата, въ которой онъ объяснялъ кратко, что взялъ себѣ пятнадцать тысячъ и выѣзжаетъ въ Россію. Салмоновичъ желалъ княгинѣ удачи и благополучія и кончалъ припиской: „Я не считаю это воровствомъ. Я это заслужилъ".

Княгиня сильно смутилась. Не потеря денегъ, а потеря друга и совѣтника поразила ее.

XXIV.

Было уже лѣто. На берегахъ Невы служители Бога продолжали мирно процвѣтать.

Однажды утромъ, къ парадному подъѣзду коллегіума крупной рысью подъѣхалъ верховой съ сумкой черезъ плечо. Онъ слѣзъ съ лошади и искалъ глазами гдѣ бы привязать ее, чтобы войти въ домъ, но швейцаръ вышелъ къ нему навстрѣчу.

— Къ намъ что-ли?

— Такъ точно... Тутъ вѣдь стало-быть католицкій архимандритъ живетъ?

— Да... Что такое?

— Штафета.

Прибывшій полѣзъ въ сумку и досталъ большой пакетъ. Швейцаръ прочелъ имя отца-ректора. Это была эстафета, или письмо съ нарочнымъ, на имя Грубера изъ Бѣлоруссіи.

Эстафета была послана изъ Полоцкаго коллегіума, съ уплатой высшаго размѣра, ради наибольшей быстроты. Письмо было, очевидно, важное.

Швейцаръ принялъ пакетъ, поднялся наверхъ и, встрѣтивъ молоденькаго аббата, дежурившаго въ залѣ, передалъ со словами:

— Штафета отцу-ректору.

Аббатъ немедленно разыскалъ красавца Эдуарда.

— Эстафета! сказалъ онъ.—Передайте.

Красавецъ-юноша быстро направился въ кабинетъ отца Августина.

— Что такое? спросилъ старикъ, сидя за огромной старо-печатной книгой, по-латыни.

— Эстафета изъ Полоцка! звучнымъ голосомъ вымолвилъ юноша.

Августинъ сразу поднялся, почти вскочилъ и протянулъ руки.

— Быть не можетъ! воскликнулъ онъ и, поглядѣвъ на надпись, просіялъ. — Вѣрно, вѣрно! Gloria Dei!.. Наконецъ-то!

И тотчасъ же, взявъ пакетъ въ руки, Августинъ прошелъ въ рабочую комнатку Грубера. Отецъ Гавріилъ былъ точно такъ же занятъ, но не чтеніемъ. Окруженный разными документами, бумагами и тетрадями, онъ былъ поглощенъ такою работой, которую скрывалъ отъ всѣхъ, кромѣ старика-адмонитора.

Прикрѣпленная на высокомъ стулѣ, передъ нимъ была развернута большая карта Россіи, вся изрисованная красными чернилами. Красныя линіи всѣ исходили изъ Петербурга, радіусами разной длины. Были коротенькія черточки, протянувшіяся отъ Петербурга до Новгорода, до Ярославля, Москвы. Были длинныя линіи, шедшія до Одессы, до Астрахани. Одна линія была проведена въ Сибирь до Томска. На концѣ каждой линіи стояли разные значки, кружки съ крестиками, просто кружки и просто крестики.

Этотъ рисунокъ былъ проектомъ обширнымъ, глубоко и долго обдуманнымъ и чрезвычайнаго значенія для русскаго государства. Это былъ проектъ и планъ распространенія той сѣти іезуитскаго господства въ Россіи, къ которому надлежало стремиться и котораго слѣдовало достигнуть въ ближайшемъ будущемъ.

А насколько работа Грубера была фантазіей, на это всякій членъ высшаго общества или высшей администраціи столицы, могъ бы отвѣтить прямо и безошибочно. Мечтаній и грёзъ въ проектѣ не было никакихъ по той простой причинѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Кочубей, былъ въ эти дни близкимъ человѣкомъ и любимцемъ государя. А въ то же время, тотъ же Кочубей былъ почти другомъ ректора Петербургскаго коллегіума.

Работу, которую отецъ Гавріилъ скрывалъ ото всѣхъ, кромѣ Августина, онъ только наполовину скрывалъ отъ Кочубея, такъ какъ въ качествѣ іезуита и ad majorem gloriam Dei обманывалъ конечно и своего друга, русскаго министра.

Конечныхъ цѣлей и результатовъ своего плана онъ не могъ открыть Кочубею, ибо тотъ, какъ всякій русскій государственный мужъ, содрогнулся бы.

Августинъ появился въ дверяхъ и по его быстрой походкѣ, а равно и по протянутымъ впередъ рукамъ, въ которыхъ былъ пакетъ, отецъ Гавріилъ сразу догадался, что его ожидаетъ нѣчто исключительное.

— Эстафета! съ сіяющимъ лицомъ выговорилъ Августинъ.

— Изъ Полоцка?.. воскликнулъ Груберъ.

— Изъ Полоцка.

— Неужели? почти шепнулъ ректоръ, быстро поднимаясь въ креслѣ и протягивая руки къ пакету. — Неужели эта самая?!

— Увѣренъ, что да! отозвался Августинъ.

Груберъ взялъ пакетъ, сорвалъ печать его, но затѣмъ положилъ его на столъ передъ собой, и глядя на адмонитора, улыбнулся. Улыбка эта была скорѣй безобразнѣйшею гримасой. Громадный ротъ и толстыя губы іезуита скривились на сторону, коснувшись краемъ самаго уха. Груберъ, уродливый собой, былъ поистинѣ чудовищно безобразенъ когда улыбался, и случалось это на его счастіе довольно рѣдко. При этой улыбкѣ сказывалась вся злодѣйская природа этого маленькаго человѣчка, ясно чувствовались всѣ адскіе помыслы его уродливо громадной головы.

Августинъ сѣлъ на кресло противъ ректора и тоже улыбнулся, но у благообразнаго старика улыбка была добродушная.

— Боитесь? выговорилъ онъ.

— Боюсь! Ужь очень обидно, если мы ошибаемся. Вѣдь пора, пора! Пойми, товарищъ, братъ, не честолюбіе говоритъ во мнѣ... Раньше или позже, если удастся мнѣ прожить на свѣтѣ еще лѣтъ десять-пятнадцать, я знаю, что этимъ кончится. Помимо меня нѣтъ никого, кто можетъ со мной поспорить! Но время дорого... пойми, другъ, дороги эти дни! Въ этой странѣ все можетъ быть,—Россія, да, Россійская имперія, а не Испанія есть страна чудесъ и дикихъ сюрпризовъ. Какъ знать, черезъ годъ обстоятельства могутъ настолько перемѣниться, что это... Груберъ положилъ руку на пакетъ,—это будетъ ни къ чему. А теперь, покуда Кочубей во власти, покуда царствуетъ добрѣйшій ангелъ Александръ I, мы все можемъ... И все мнѣ удастся легче и скорѣй, чѣмъ многое прежнее... Легче, чѣмъ я получилъ вотъ этотъ домъ для коллегіума. И какъ выжилъ отсюда митрополита Сестренцевича съ его кликой, такъ могу теперь взять въ руки гигантскую метлу и начать мести ею гигантскими взмахами... вымести все...

Груберъ обернулся и указалъ пальцемъ на развернутую карту Россіи.

— Вотъ на этомъ протяженіи я буду мести все то, что̀ намъ вредно и стало-быть негодно.

Груберъ замолчалъ. Августинъ сидѣлъ улыбаясь и наконецъ вымолвилъ:

— Благословясь, dominatio vestra, берите и читайте.

Отецъ Гавріилъ сдѣлалъ крестное знаменіе, ударилъ себя легкимъ, едва замѣтнымъ движеніемъ кулака въ грудь и затѣмъ поцѣловалъ свой палецъ на этомъ кулакѣ. Онъ взялъ пакетъ въ обѣ руки, вынулъ оттуда сложенный листъ—рапортъ, пробѣжалъ его во мгновеніе глазами и взглянулъ на Августина.

— Это?! воскликнулъ старикъ-адмониторъ.

— Да! тихимъ, но не искусственнымъ, а естественно упавшимъ отъ волненія голосомъ, отозвался Груберъ.

— Когда?

Груберъ глянулъ въ бумагу.

— Пять дней тому назадъ.

И оба старика замолчали, взволнованные.

XXV.

Бумага, явившаяся съ коннымъ нарочнымъ, или эстафета—заключала въ себѣ извѣстіе изъ Полоцка о самомъ простомъ случаѣ, не любопытномъ ни для кого, кромѣ отцовъ Ордена Іисуса. Но для Ордена вообще и для петербургскаго провинціала и ректора въ особенности, извѣстіе это было фактомъ громадной важности: это было увѣдомленіе о смерти іезуитскаго генерала Карея.

Смерть болѣзненнаго, слабовольнаго и ничтожнаго разумомъ и способностями іезуита Карея, должна была повлечь за собой событіе государственнаго значенія для Русской имперіи. На мѣсто умершаго генерала, іезуиты должны были выбрать новаго, такого, который бы былъ на высотѣ положенія и призванія.

Карей, подобно своему предшественнику, считался генераломъ ордена не офиціально, а такъ-сказать келейно между одними іезуитами Полоцка и Россіи.

Орденъ, уничтоженный папой, отнималъ всякое значеніе у своего выборнаго генерала или главы. Но теперь, по признаніи Ордена и возстановленіи его въ силу бреве папы Пія VII, генералъ получалъ совершенно иное значеніе. Таковое же, какое было у прежнихъ генераловъ ордена; таковое же, какимъ когда-то пользовался знаменитый Риччи.

Ректоръ Петербургскаго коллегіума и его адмониторъ, всѣ іезуиты коллегіума, а равно и всѣ іезуиты Полоцкаго коллегіума и всей Бѣлорусіи, всѣ до единаго, отъ мала до велика, отъ стараго, дряхлаго професса до юнѣйшаго схоластика или новиція,—всѣ ждали со страстнымъ нетерпѣніемъ смерти Карея.

Іезуиты жаждали избрать новаго генерала, бойца, полководца, истиннаго фельдмаршала для ихъ войска, который бы повелъ ихъ на приступъ, на завоеваніе не Петербурга, не Россіи, не Европы,—а всего міра.

И подобный человѣкъ существовалъ и былъ членомъ ихъ Ордена. Этотъ человѣкъ былъ—отецъ Груберъ.

Можно смѣло было надѣяться, что съ такимъ генераломъ орденъ воскреснетъ и воспрянетъ, и будетъ тѣмъ, чѣмъ никогда не бывалъ, чѣмъ только представлялся въ мечтаніяхъ и вожделѣніяхъ самому его основателю—Игнатію Лойолѣ.

Преподаватель механики и архитектуры, явившись когда-то въ Петербургъ и не имѣя въ столицѣ ни единой знакомой души, съумѣлъ въ самый короткій срокъ стать любимцемъ Русскаго императора, основать коллегіумъ на берегахъ Невы, пріобрѣсти дружбу въ средѣ высшей знати и высшей администраціи. Какимъ же образомъ генералъ ордена Іисуса, облеченный властью, окруженный ореоломъ почетнаго званія, не достигаетъ болѣе знаменательныхъ и великихъ цѣлей, для него, въ силу его общественнаго положенія, совершенно легкихъ?

И вотъ теперь генералъ Карей скончался. Орденъ Іисуса признанъ римскимъ первосвященникомъ. Мѣсто генерала вакантно. Нуженъ сатана, чтобы замѣстить должность генерала. И онъ налицо, существуетъ и уже адски съумѣлъ заявить себя. Въ маломъ былъ онъ великъ, что̀ же будетъ онъ въ великомъ!

Молчаніе въ рабочей комнаткѣ продолжалось долго. Груберъ оперся обоими локтями на столъ и положилъ на руки свою безобразно громадную голову. Отецъ Августинъ тоже задумался. И оба старика-іезуита думали объ одномъ и томъ же, думали о томъ, что̀ предстоитъ теперь ихъ ордену.

Старикъ-адмониторъ мысленно прямо опредѣлилъ, что̀ должно быть. Маленькій человѣчекъ, сидящій теперь передъ нимъ и пораженный радостнымъ извѣстіемъ, можетъ вскорѣ быть сюзереномъ императоровъ и королей, монархомъ различныхъ государствъ Европы и другихъ частей свѣта.

Наконецъ адмо̀ниторъ пришелъ въ себя, вздохнулъ протяжно и вымолвилъ:

— Что же? Какими путями вы намѣрены дѣйствовать?

Груберъ пришелъ въ себя, принялъ руки со стола, сѣлъ глубже въ кресло и съ опущенными вѣками, не глядя на собесѣдника, вымолвилъ тихо:

— Дѣйствовать прямо... Имѣть дѣло съ нимъ однимъ, помимо всѣхъ.

— Съ императоромъ?

— Конечно, съ императоромъ... Черезъ Кочубея.

— И скоро?

— Конечно... Надо чтобы Сестренцевичъ не успѣлъ узнать о смерти Карея. Онъ будетъ бѣсноваться и прежде всего будетъ стараться, чтобы было отнято именованіе генерала, будетъ хлопотать о какомъ-нибудь другомъ названіи, хотя бы—генеральнаго викарія. А этого допустить нельзя... Нѣтъ, выговорилъ громче Груберъ и опустилъ нервно сжатый кулакъ на столъ,—будетъ у Ордена генералъ! И если первый генералъ Игнатій, нынѣ причтенный къ лику святыхъ, славенъ въ исторіи, потому что былъ основателемъ, то будущій генералъ Гавріилъ—будетъ еще болѣе славенъ въ исторіи, какъ возстановитель ордена и довершитель святаго дѣла! Да, надо спѣшить. Сегодня же вечеромъ я напишу письмо на имя императора, завтра Кочубей передастъ его и черезъ два-три дня я выѣду въ Полоцкъ... Напишите сейчасъ же отцу Вихарту, чтобы все было готово, чтобы всѣ съѣхались скорѣй и ждали моего прибытія.

Оба іезуита поднялись съ мѣстъ. Августинъ сдѣлалъ шагъ впередъ и распростеръ объятія.

— Позвольте мнѣ первому, заранѣе, поздравить васъ генераломъ Ордена Іисуса!

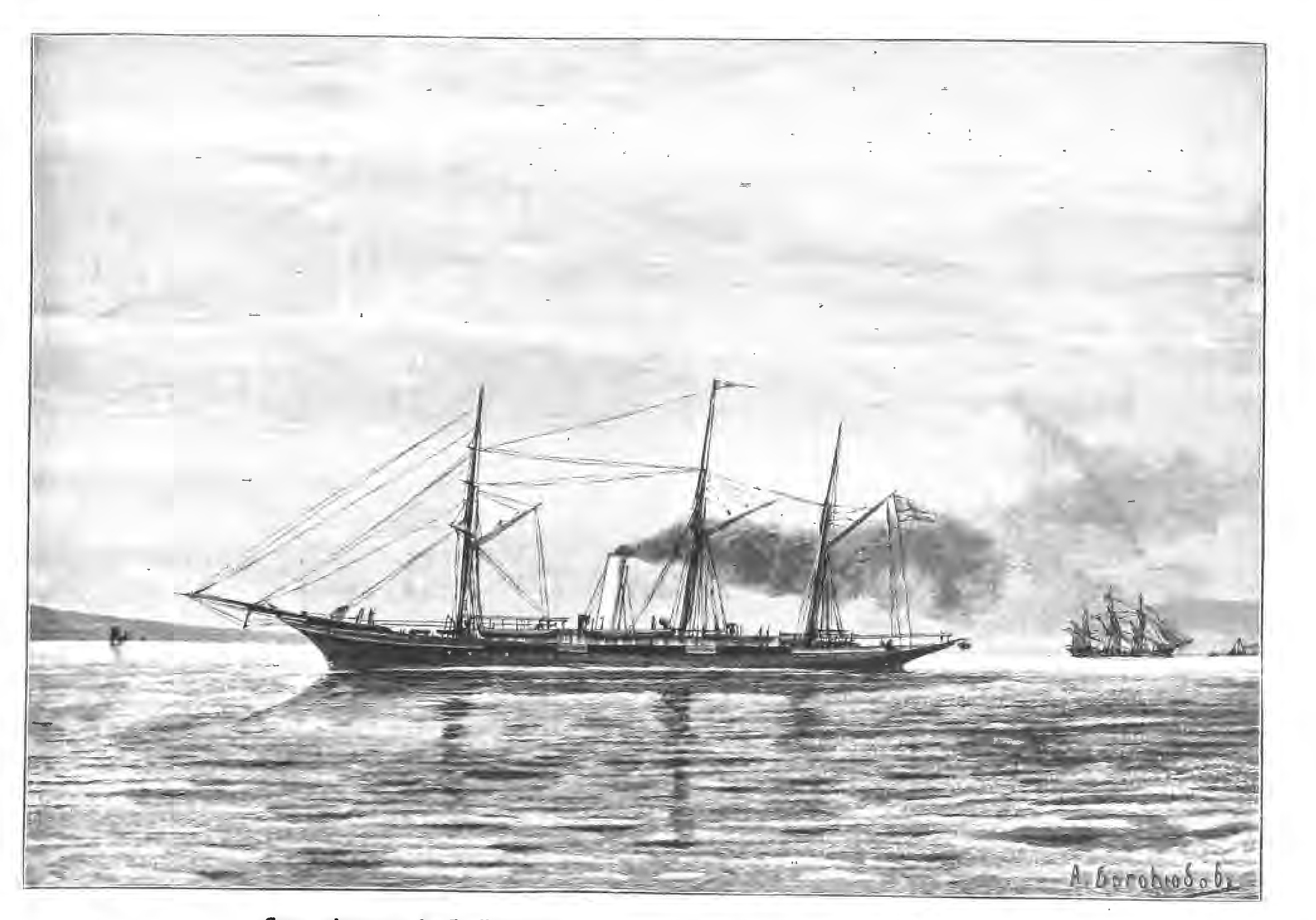
И плотный, довольно высокій старикъ-адмониторъ крѣпко обнялъ маленькаго и худенькаго, на подобіе мальчика, отца Гавріила.

— Хвала Богу! шепнули оба.

Какъ мечтали два старика-іезуита, такъ все и совершилось. На слѣдующій день, у министра внутреннихъ дѣлъ, Кочубея, было уже пространное письмо ректора Петербургскаго коллегіума на имя его императорскаго величества. Оно извѣщало государя о смерти генерала Ордена и просило о разрѣшеніи выбрать ему преемника.

Это не касалось Русскаго монарха. Это была слишкомъ пустая мелочь. Ректоръ долженъ былъ извѣстить департаментъ католическихъ дѣлъ и митрополита Сестренцевича. А затѣмъ временный іезуитскій съѣздъ въ Полоцкѣ долженъ былъ рѣшить свое домашнее дѣло. Но лукавый Груберъ поставилъ вопросъ иначе—хитро и дерзко.

При помощи почти обмана онъ заручился отвѣтомъ

Яхта „Форосъ“ А. Г. Кузнецова. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Боголюбова, грав. Шюблеръ.

Не облилась-бы! Карт. Реттиха, грав. Ерикс.

и разрѣшеніемъ Русскаго монарха. Избраніе новаго генерала должно было состояться какъ бы съ соизволенія Русскаго царя.

При разрѣшеніи его императорскаго величества, іезуитамъ не нужно было согласія департамента католицкихъ дѣлъ или согласія католическаго митрополита. Они были обойдены и должны были, оставаясь въ сторонѣ, только молчать и изумляться дерзости петербургскаго провинціала-ректора.

Наконецъ насталъ день, давно нетерпѣливо ожидаемый всѣми іезуитами россійскихъ предѣловъ. Груберъ, явившійся въ Полоцкъ на генеральное собраніе всѣхъ наличныхъ членовъ Ордена, былъ единогласно избранъ генераломъ—наслѣдникомъ всѣхъ предыдущихъ, начиная съ Игнатія.

Спустя два мѣсяца, въ стѣнахъ большаго зданія на Невскомъ проспектѣ помѣщался уже не простой ректоръ коллегіума, а могущественный, полновластный глава Ордена Іисуса, полководецъ коварно-злобнаго, ни передъ чѣмъ не останавливающагося войска.

Центромъ іезуитизма въ Россіи былъ теперь не маленькій бѣлорусскій городокъ среди бѣднаго края и еврейскаго населенія. Центръ былъ въ столицѣ имперіи, на берегахъ Невы. И если у прежняго генерала Ордена были друзьями полоцкіе чиновники и богатые помѣщики, то у вновь избраннаго генерала были друзья министры, посланники и принцы королевской крови.

Явившись въ Петербургъ, генералъ Груберъ страстно принялся за свое дѣло порабощенія Россіи и обращенія схизматической страны на истинный путь.

Вскорѣ по прибытіи Грубера въ Петербургъ, онъ представился государю въ качествѣ генерала Ордена Іисуса, а затѣмъ вскорѣ же принялъ у себя трехъ лицъ съ ходатайствомъ.

Первый изъ нихъ — графъ Іосифъ де-Местръ, его другъ, просилъ генерала взять подъ свое покровительство низвергнутаго съ престола Сардинскаго короля и добиться его возстановленія на престолѣ, заручившись для этого согласіемъ и желаніемъ Русскаго императора.

Другая личность явилась отъ перваго консула, повелителя Франціи. На этотъ разъ Бонапартъ просилъ у генерала его дружбы, его благосклоннаго отношенія къ тѣмъ событіямъ, которыя могутъ совершиться во Франціи.

Эти событія ожидались. Груберъ, какъ и многіе дальновидные люди своего времени, зналъ, что первый консулъ, не нынѣ—завтра, станетъ цезаремъ.

Третья личность, явившаяся съ ходатайствомъ къ генералу ордена, ходатайствовала въ качествѣ посланца отъ цѣлой страны. Страна эта умоляла отца Гавріила помочь ей возродиться снова къ государственно-политической жизни. Посланецъ этотъ былъ отъ прекратившей свое существованіе Рѣчи Посполитой.

Груберъ обѣщалъ все и не обманывалъ никого. Онъ зналъ что̀ предстоитъ ему! Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду! Онъ уже видѣлъ вдали ореолъ своей будущей славы, и этотъ ореолъ ослѣплялъ его самого...

XXVI.

Въ тѣ дни, когда іезуитскій генералъ отецъ Гавріилъ приблизился къ зениту своего благополучія, въ Петербургѣ снова появился его злѣйшій врагъ, совсѣмъ простой смертный, скромный аббатъ. Но это былъ человѣкъ умный, дерзкій, способный на все и вдобавокъ задыхающійся въ тѣхъ нравственныхъ цѣпяхъ, въ которыя заковали его отцы-іезуиты.

Это былъ Салмоновичъ. Проживъ нѣсколько времени на своей родинѣ, во Франкфуртѣ, онъ почти поневолѣ пріѣхалъ снова на берега Невы. Здѣсь должна была рѣшиться его судьба или судьба его враговъ. Здѣсь предстояло аббату изъ еврейскихъ перекрестей начать борьбу, упорную и отчаянную, на жизнь и на смерть, съ самимъ всесильнымъ генераломъ ордена Іисуса.

Салмоновичъ, укравъ у княгини Яхтомской пятнадцать тысячъ флориновъ и имѣя теперь маленькій капиталъ, сталъ мечтать болѣе чѣмъ когда-либо о томъ, чтобы освободиться отъ рабства у отцовъ-іезуитовъ.

Молодому человѣку только и грезилось скорѣе снять съ себя платье аббата, сбросить званіе, почти насильно ему навязанное, и сдѣлаться простымъ гражданиномъ, семьяниномъ и частнымъ лицомъ, пожалуй даже купцомъ и негоціантомъ. Салмоновичу чудилось, что онъ рожденъ быть банкиромъ, чтобы стать милліонеромъ.

Но что̀ бы ни ждало его въ будущемъ—все будетъ лучше, нежели это рабство у отцовъ Ордена и этотъ костюмъ, мѣшающій жить по-человѣчески.

Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Петербургъ аббатъ явился въ коллегіумъ, гдѣ былъ уже другой ректоръ, и заявилъ о желаніи представиться генералу. Отецъ Августинъ, попрежнему адмониторъ, объяснилъ молодому аббату, что „отецъ генералъ“ настолько занятъ денно и нощно важнѣйшими вопросами управленія всѣмъ орденомъ, что не принимаетъ никого, кромѣ крупныхъ сановниковъ и „великихъ міра сего“.

Несмотря на всякія попытки, Салмоновичъ не добился чести повидать генерала и лично возобновить снова свою просьбу о выдачѣ ему роковыхъ для него документовъ.

И аббатъ рѣшился переговорить о дѣлѣ съ Августиномъ, смѣло, прямо, искренно... Онъ заявилъ, что не чувствуетъ въ себѣ призванія для духовной карьеры и желалъ бы сдѣлаться простымъ гражданиномъ. Послуживъ ревностно Ордену, онъ считаетъ себя въ правѣ просить въ награду возвращенія ему этихъ роковыхъ, порочащихъ его и вѣчно грозящихъ ему, бумагъ.

Старикъ-адмониторъ улыбнулся, помоталъ головой и наконецъ объявилъ аббату прямо, что его желаніе — наивность.

— Никогда вамъ этихъ бумагъ не возвратятъ, сынъ мой, сказалъ кротко Августинъ. — Выпустить васъ изъ повиновенія намъ — слишкомъ большая неосторожность и даже глупость... То, что̀ вы желаете, никогда никому не дозволялось и не удавалось.

Салмоновичъ снова вышелъ изъ коллегіума внѣ себя и снова далъ клятву бороться и побѣдить или погибнуть. Но на этотъ разъ аббатъ рѣшилъ не откладывать дѣла и тотчасъ придумать демонски хитрый и ловкій способъ борьбы, медленный, но вѣрный.

— Хоть черезъ годъ... а побѣдить! рѣшилъ онъ.

Затѣмъ одинъ изъ первыхъ домовъ, куда отправился аббатъ, былъ конечно домъ г-жи Бѣлинской.

Салмоновичъ не любилъ мужа старухи, но ему хотѣлось, да и слѣдовало, побывать у диковинной четы супруговъ.

Бѣлинскій и Салмоновичъ изрѣдка видались прежде, но отношеній между ними не было никакихъ. Ихъ общественное положеніе, въ дѣйствительности совершенно одинаковое и равное,—два человѣка безъ роду и племени,—было однако совершенно различное. Одинъ былъ членомъ высшаго петербургскаго общества, любимцемъ дамъ, личностью хорошо знакомою многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Другой былъ простымъ гувернеромъ или домашнимъ учителемъ, а въ будущемъ станетъ простымъ монахомъ или священникомъ.

Когда Бѣлинскій считался по молвѣ любимцемъ старой княжны Мавроціано, а затѣмъ сталъ ея женихомъ, Салмоновичъ изрѣдка появлялся въ домѣ старухи, приводя къ ней ея внучка. Раза два-три случилось ему, покуда бабушка бесѣдовала со внучкомъ, вступать въ разговоръ съ Бѣлинскимъ.

Общаго, повидимому, между ними не было ничего. Единственною связью была возможность говорить на знакомомъ обоимъ языкѣ—польскомъ. Бѣлинскій, корчившій аристократа со всякимъ, кого считалъ ниже

себя поставленнымъ, относился къ Салмоновичу сдержанно, сразу почуявъ въ немъ и жида, и къ тому же сомнительную личность.

Салмоновичъ сразу увидѣлъ, что̀ за личность Бѣлинскій: добрый малый, но пустой, избравшій себѣ цѣлью жизни деньги во что̀ бы то ни стало, а съ ними положеніе.

Аббатъ имѣлъ основаніе презирать Бѣлинскаго. Какъ очень умный человѣкъ, онъ не обманывался на собственный свой счетъ. Онъ признавался мысленно, что онъ далеко не изъ добродѣтельныхъ людей, что пороковъ у него много.

Но было однако на свѣтѣ такое дѣло, на которое Салмоновичъ былъ неспособенъ. Онъ допускалъ возможность такого сочетанія обстоятельствъ его жизни, что онъ пойдетъ и на смертоубійство. Но жениться на семидесятилѣтней старухѣ и быть ея мужемъ лѣтъ десять въ ожиданіи большаго состоянія — Салмоновичъ считалъ себя совершенно неспособнымъ.

Теперь, явившись въ Петербургъ, Салмоновичъ воображалъ увидать Бѣлинскаго на седьмомъ небѣ, на зенитѣ счастья и довольства.

Послѣ визита къ госпожѣ Бѣлинской, которая приняла Салмоновича очень любезно, аббатъ изъ приличія велѣлъ доложить о себѣ ея супругу. Принятый имъ, аббатъ тотчасъ же, при первомъ же взглядѣ на молодаго человѣка, невольно ахнулъ внутренно... Передъ нимъ былъ другой Бѣлинскій, съ другимъ лицомъ, съ другимъ взглядомъ, будто потухнувшимъ, съ очевидной тоской на сердцѣ, которая его гнететъ, пожалуй даже съ мучительнымъ страданіемъ въ душѣ, которое гложетъ его, подтачиваетъ его существованіе.

Съ первыхъ же словъ о какихъ-то пустякахъ Салмоновичъ увидѣлъ, что Бѣлинскій какъ-то безстрастно, по-старчески относится ко всему на свѣтѣ. Многое видѣлъ въ своей жизни іезуитъ изъ перекрестей и привыкъ не удивляться, но тѣмъ не менѣе Бѣлинскій поразилъ его.

И быть-можетъ въ первый разъ въ жизни Салмоновичъ отнесся къ чужому человѣку съ чѣмъ-то похожимъ на сочувствіе.

XXVII.

Аббатъ и тоскующій Бѣлинскій сошлись теперь сразу. Съ первой же встрѣчи явилось будто нѣчто общее и они стали видаться часто. Наконецъ, однажды зашла рѣчь объ іезуитскомъ коллегіумѣ.

Салмоновичъ, сидя въ гостяхъ у Бѣлинскаго, спросилъ, правда-ли, что онъ находится въ дальнихъ родственныхъ отношеніяхъ съ отцомъ Августиномъ.

— У меня до него огромная просьба, прибавилъ Салмоновичъ. — Исполнить ее ничего ему не стоитъ. Я бы просилъ васъ помочь мнѣ уговорить, умолить отца-адмонитора. Если онъ согласится, то и ректоръ согласится.

Бѣлинскій въ отвѣтъ на это поднялъ опущенную слегка голову, поглядѣлъ молча въ глаза Салмоновичу, потомъ презрительно улыбнулся.

— Я столько же родня Августину, сколько и Гавріилу, и Китайскому императору, и первому проѣзжему извозчику. Все это комедія!..

Слова эти были сказаны такъ раздражительно, съ такой презрительной усмѣшкой, что Салмоновичъ въ свою очередь отвѣтилъ долгимъ, проницательнымъ взглядомъ въ лицо Бѣлинскаго. Даже упоминаніе двухъ именъ двухъ іезуитовъ безъ почтительнаго прибавленія отцовъ не ускользнуло отъ вниманія аббата.

— Вы вѣроятно имѣете основаніе быть недовольнымъ господами іезуитами? выговорилъ Салмоновичъ.

Бѣлинскій снова съ презрѣніемъ улыбнулся и потомъ, указавъ аббату на его бѣлый суконный воротничекъ, вымолвилъ:

— Если бы не это, я бы выразился какъ слѣдуетъ. Но вы—аббатъ, поэтому для васъ члены Ордена Іисуса, можетъ-быть, представляются въ видѣ святыхъ отцовъ-пустынниковъ.

— Вы ошибаетесь, пане Бѣлинскій. Я быть-можетъ раздѣляю ваше чувство и къ членамъ Петербургскаго коллегіума, и къ членамъ всѣхъ другихъ провинцій, и вообще ко всему Ордену.

— Вы не можете быть о нихъ того же мнѣнія, что и я, горячо отозвался Бѣлинскій,—потому что мое—исключительное. Я хладнокровно о нихъ слышать не могу!

— А я ихъ ненавижу! Если бы я могъ... Да я бы ихъ всѣхъ сослалъ въ каторгу.

Молодые люди поглядѣли другъ другу въ глаза. Бѣлинскій улыбнулся веселѣе. Салмоновичъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы улыбнуться.

— Да. Я буду говорить откровенно. Наше одинаковое мнѣніе объ отцахъ іезуитахъ — исключительное — даетъ мнѣ возможность отвести душу, откровенно и прямо поговоривъ о нихъ. Теперь это почти невозможно. Мнѣ предстоитъ быть-можетъ погубить себя изъ-за нихъ... Мнѣ надо съ ними бороться теперь. Они вѣроятно побѣдятъ и погубятъ меня. Но и я не останусь въ долгу. Да, я отомщу!..

Салмоновичъ былъ настолько возбужденъ, что замолчалъ и тяжело дышалъ. Бѣлинскій пристально-упорно смотрѣлъ въ лицо своего собесѣдника. Аббату почудилось, что со стороны Бѣлинскаго это было не простое любопытство. Ему почудилось, что Бѣлинскій колеблется, хочетъ сказать что-то и не рѣшается.

Наконецъ Бѣлинскій, вздохнувъ глубоко, вымолвилъ:

— Послушайте, господинъ Салмоновичъ, этотъ разговоръ не долженъ, по-моему, оставаться безъ послѣдствій. Мы совершенно случайно переговорили о томъ, что насъ обоихъ наиболѣе занимаетъ, даже вліяетъ на наше существованіе. Мы относимся совершенно одинаково къ здѣшнимъ представителямъ Ордена, чувства наши одни и тѣ же. Поэтому надо бы намъ договориться... согласны-ли вы?

— Вполнѣ.

— Въ такомъ случаѣ—мы союзники.

И Бѣлинскій протянулъ руку Салмоновичу. Этотъ крѣпко пожалъ протянутую руку и выговорилъ:

— Если вы хотите всей душой зла Гавріилу и Августину, то во всемъ мірѣ не найдете человѣка болѣе подходящаго нежели я.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

„Новости“, картина О. А. Гофмана.

(Рис. на стр. 349).

Оскаръ Адольфовичъ Гофманъ, картина котораго „Новости“ съ послѣдней Академической выставки воспроизведена въ настоящемъ № *Нивы*, принадлежитъ по происхожденію и мѣсту дѣятельности къ русскимъ художникамъ, а по художественному образованію — къ нѣмецкимъ. Онъ родился въ Дерптѣ 24 января 1851 г., учился первоначально въ одномъ изъ мѣстныхъ училищъ, но живопись и гравированіе изучалъ въ Дюссельдорфѣ (съ 1872 г.), хотя и подъ руководствомъ бывшихъ воспитанниковъ нашей Академіи Художествъ, также уроженцевъ Прибалтійскихъ губерній, а именно: историческаго живописца Гебгардта, получившаго въ академическихъ классахъ первыя художественныя познанія, и пейзажиста Е. Э. Дюккера, нѣкогда заслужившаго отъ Академіи право на казенное пенсіонерство за-границу и потомъ званіе профессора.

Продолжая въ Дюссельдорфѣ свои занятія до половины 1877 г., Гофманъ почти ежегодно бывалъ на родинѣ для писанія этюдовъ и картинъ, но исполненные имъ виды низовьевъ Рейна, Вестфаліи, Лифляндіи и сцены изъ народнаго быта эстонцевъ выставлялъ все-таки въ Дюссельдорфѣ (съ 1876 г.), откуда они и находили сбытъ какъ въ Германію, такъ и въ Голландію и Англію. Точно также, начавъ съ 1880 г. зани-

маться гравированіемъ крѣпкою водкой, онъ, будучи избранъ въ члены дюссельдорфскимъ обществомъ аквафортистовъ, помѣщалъ сперва свои гравюры исключительно въ нѣмецкихъ художественныхъ журналахъ и сборникахъ и посылалъ на иностранныя художественныя выставки, какъ, напр. на бывшую въ Вѣнѣ международную выставку графическихъ искусствъ.

Однако, съ 1881 г. Гофманъ начинаетъ выставлять и въ Петербургѣ—то пейзажи, то жанры, преимущественно изъ эстонской природы и жизни (виды Дерпта и береговъ Финскаго залива, съ типами и сценами родныхъ ему эстонцевъ), а съ 1883 г.—прилагать свои офорты и къ русскимъ изданіямъ, въ родѣ „Вѣстника изящныхъ искусствъ". Съ 1884 г. не проходило ни одной академической выставки безъ того, чтобы на ней не появлялось нѣсколько произведеній этого художника, только что поселившагося передъ тѣмъ въ Петербургѣ. Какъ въ своихъ картинахъ, такъ и въ гравюрахъ, онъ изображаетъ лишь свою родину и притомъ очень правдиво, и въ этомъ — его главное достоинство. Въ техническомъ же отношеніи произведенія его отличаются замѣчательной тонкостью, напоминая собою произведенія иностранныхъ художниковъ-миніатюристовъ.

„Мороженикъ", картина С. П. Костенко.

(Рис. на стр. 352).

Сергѣй Петровичъ Костенко—еще совсѣмъ начинающій художникъ. Онъ южанинъ и живетъ въ Кіевѣ. На петербургскихъ выставкахъ онъ является со своими произведеніями всего второй разъ, а именно на нынѣшней передвижной выставкѣ съ воспроизведенной здѣсь картиной „Мороженикъ", да въ прошломъ году—тоже съ порядочной вещицей „Послѣ базара". Въ работахъ его замѣчается еще нѣкоторая сухость и негармоничность красокъ, но зато замѣтно стремленіе въ передачѣ выраженій въ физіономіяхъ изображаемыхъ имъ личностей, напр. въ дѣтяхъ, покупающихъ мороженое, — на нынѣшней его картинѣ.

„За одолженіемъ", картина акад. И. Л. Аскназія.

(Рис. на стр. 353).

Исаакъ Львовичъ Аскназій, авторъ воспроизведенной здѣсь картины „За одолженіемъ", — одинъ изъ самыхъ молодыхъ академиковъ: онъ получилъ это званіе за двѣ картины—„Моисей въ пустынѣ" и „Палачъ съ головою Іоанна Крестителя"— въ 1885 г., когда ему не было и 30-ти лѣтъ — онъ родился 16 января 1856 г. въ Дриссѣ. Въ то время можно было рано поступать въ Академію Художествъ, и потому 14-ти лѣтъ онъ былъ уже ея вольнослушающимъ, а черезъ четыре года, по сдачѣ экзамена изъ научныхъ предметовъ, попалъ въ число академистовъ.

Получивъ отъ Академіи положенныя по уставу для окончанія полнаго курса 4 серебряныя медали и 2 золотыя, Аскназій, до поѣздки за-границу на казенный счетъ, написалъ еще одну картину — на собственную тему, подъ названіемъ „Въ темницѣ" (1880), которая и фигурировала на Всероссійской выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ, вмѣстѣ съ его послѣдней конкурсной программой „Блудница передъ Христомъ" (1879).

Посѣтивъ Кенигсбергъ, Берлинъ и Дрезденъ, нашъ молодой художникъ занимался около года въ Вѣнѣ, пользуясь совѣтами знаменитаго Макарта, и тамъ началъ писать картину „Палачъ съ головою Іоанна Крестителя", оконченную имъ уже въ Римѣ. До поселенія своего въ столицѣ Италіи, Аскназій побывалъ въ Венеціи, Падуѣ и Болоньѣ, а послѣ того съѣздилъ во Флоренцію, Краковъ и, наконецъ, въ Броды— для этюдовъ еврейскихъ типовъ къ своимъ будущимъ картинамъ.

Здоровье его требовало, однако, поправленія, и онъ провелъ нѣкоторое время въ Глейхенбергѣ и Меранѣ, а затѣмъ сталъ оканчивать двѣ начатыя картины: „Палачъ съ головою Іоанна Крестителя" и „Моисей въ пустынѣ", доставившія ему званіе академика. Изъ этихъ картинъ, первая была пріобрѣтена Академіей Художествъ съ ея выставки 1886 г. на счетъ ежегодно отпускаемыхъ ей изъ Министерства Императорскаго Двора суммъ на покупку художественныхъ произведеній для здѣшняго и провинціальныхъ музеевъ, а вторая—извѣстнымъ владѣльцемъ національной галереи въ Москвѣ, П. М. Третьяковымъ.

На той же Академической выставкѣ появилась еще одна картина Аскназія—„Игра въ кости" и три этюда—„Холодъ", „Головка итальянки" и „Женщина съ чулкомъ", а на слѣдующихъ двухъ выставкахъ 1887 и 1888 г.г.—двѣ жанровыя сцены изъ еврейскаго быта: „Скорбныя вѣсти" и „Наступленіе субботы".

Послѣ небольшаго антракта, онъ снова выступаетъ въ Академіи со своими произведеніями и опять чисто жанроваго характера, разрабатывая преимущественно національные сюжеты. Изъ картинъ его, появившихся на выставкѣ нынѣшняго года, одна, какъ особенно характерная, и приложена здѣсь въ снимкѣ.

„Послушница", картина Н. Д. Кузнецова.

(Рис. на стр. 357).

Николай Дмитріевичъ Кузнецовъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, появившихся у насъ за послѣднія 20—25 лѣтъ, художниковъ, которые или совсѣмъ минуютъ Академію, или, если и посѣщаютъ ея классы, то лишь начальные, да и то самое короткое время, чтобы только подучиться рисовать; своимъ же художественнымъ образованіемъ обязаны исключительно самимъ себѣ, учась на произведеніяхъ другихъ мастеровъ и предпринимая поѣздки за-границу безъ остановокъ на долгіе годы въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ. Это не мѣшаетъ имъ, однако, достигать значительнаго совершенства въ избранномъ ими родѣ искусства и, благодаря тому, пріобрѣтать извѣстность своими произведеніями.

Такъ было и съ Кузнецовымъ. Пробывъ нѣкоторое время въ академическихъ классахъ, онъ не сталъ добиваться разныхъ академическихъ степеней, а предпочелъ учиться у своихъ товарищей по искусству и иностранныхъ мастеровъ. Поселясь затѣмъ на Югѣ, откуда онъ и родомъ, а именно въ окрестностяхъ Одессы, Кузнецовъ съ небольшимъ 10 лѣтъ тому назадъ сталъ присылать свои картины на передвижныя выставки, и правдивостью своихъ произведеній, въ соединеніи съ блестящимъ исполненіемъ, сразу завоевалъ себѣ общія симпатіи. Его первыя же картины были настолько безупречны, что „Товарищество" передвижныхъ выставокъ, послѣ двухлѣтняго участія его въ этихъ выставкахъ, тотчасъ избрало его въ свои члены. Картины эти были: „Объѣздъ владѣній"—помѣщикомъ на бѣговыхъ дрожкахъ, „Въ праздникъ" — крестьянская дѣвушка среди поля (1881), „Охотникъ изъ дворовыхъ", „На заработки"—въ Малороссіи (1882).

Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ портретовъ, между прочимъ: проф. Мечникова и художниковъ — Рѣпина (1886), Полѣнова (1889), Васнецова (1891) и др. лицъ, вмѣстѣ съ жанрами, какъ: „На сѣнокосѣ", „Старый помѣщикъ", „Угостился" (1884), „Ремонтеръ"—выбирающій лошадей для полка (1885), „Прогулка въ деревнѣ", „Охота на вальдшнеповъ" (1886), „Ключница"—необыкновенно сильно написанная (1887), „Мировой посредникъ"—творящій судъ въ дорогѣ, „Послѣ обѣда"—отдыхъ на свѣжемъ воздухѣ (1888), „Въ своемъ саду" — прогулка помѣщицы съ двумя прислужницами (1889) и проч.

Болѣзнь послѣдняго года помѣшала Кузнецову написать что-нибудь болѣе сложное къ нынѣшней выставкѣ, но и на ней онъ выставилъ все-таки одинъ портретъ въ ростъ, въ настоящую величину, и 4 небольшихъ картинки, изъ которыхъ одна, подъ названіемъ „Послушница", и воспроизводится въ настоящемъ № *Нивы*. **Н. С.**

Яхта „Форосъ". Рис. проф. Боголюбова.

(Рис. на стр. 360).

Знаменитый маринистъ, проф. А. П. Боголюбовъ, прислалъ намъ свой рисунокъ, изображающій яхту, на которой онъ присутствовалъ во время перваго (пробнаго) ея плаванія. Яхта эта, по величинѣ, красотѣ, комфорту и по постройкѣ согласно требованіямъ новѣйшаго яхтостроенія, займетъ выдающееся мѣсто среди судовъ этого рода не только русскихъ, но и заграничныхъ. Принадлежитъ яхта московскому купцу А. Г. Кузнецову и названа имъ по имени его имѣнія „Форосъ", лежащаго въ Крыму, вблизи Байдарскихъ воротъ.

Заложенная въ ноябрѣ 1890 года на верфи Скотта и комп. въ Гринонѣ, около Глазго, въ Шотландіи, яхта спущена 2 іюня 1891 года. Чертежи и постройка ея произведены извѣстнымъ конструкторомъ яхтъ, инженеромъ Ватсономъ, подъ наблюденіемъ нашего морскаго агента въ Лондонѣ, капитана 1-го ранга Н. А. Зеленаго. Длина ея между перпендикулярами 296 фут., при ширинѣ въ 30½ фут. Сидитъ на 16 фут., водоизмѣщеніе 1,100 тоннъ. Машина въ 2 т. силъ даетъ яхтѣ обыкновенную скорость въ 14½ узл., которую можно развить до 16 узл., какъ это выяснилось на 27-мильной пробѣ. Запасъ угля берется на 10 дней или 300 тоннъ, для полнаго хода. Машина—тройнаго расширенія, при 3-хъ цилиндрахъ и одной вспомогательной машинѣ. Всѣхъ паровыхъ механизмовъ для разныхъ надобностей (напримѣръ, для электрическаго освѣщенія, вентиляціи, дѣланія льда и пр.)—10. Электрическій фонарь на мостикѣ равенъ 5,000 свѣчей, и 185 лампъ освѣщаютъ каюты и палубы. Пассажирскихъ каютъ, не считая громадной столовой, гостиной и помѣщенія для владѣльца яхты,—десять. Каждая каюта снабжена ванной, съ холодной и горячей водой. Есть камера для замораживанія мяса и зелени, аппаратъ для выдѣлки прѣсной воды и т. д.— Команду на яхтѣ составляютъ 36 человѣкъ подъ начальствомъ капитана, при которомъ состоятъ еще 2 штурманскихъ помощника. На „Форосѣ" имѣются два орудія, необходимый комплектъ ружей, и т. п. На ней 8 шлюпокъ, паровой катеръ и спасательный. Вооружена вообще какъ 3-хъ-мачтовая шхуна; чрезвычайно красива, обладаетъ отличными морскими качествами и можетъ быть въ случаѣ надобности тотчасъ превращена въ военное судно.

Въ настоящее время яхта находится въ Средиземномъ морѣ, въ Каннѣ.

Не облилась-бы! (Рис. на стр. 361).

Дѣтямъ роздали молоко и ложки; но это процедура скучная— принимай какъ лѣкарство черезъ столько-то по ложкѣ! Средняя сестренка живо додумалась, что дѣло гораздо скорѣй— прямо изъ тарелки черезъ край... Всѣ остальные, кто въ изумленіи, кто со страхомъ слѣдятъ за нею, какъ бы не вышло бѣды—обольется и перепортитъ все платьице...

Могила профессора В. Л. Грубера.

(Рис. на этой стр.).

На вершинѣ отлогаго холма, у подошвы котораго ютится опоясанная Дунаемъ Вѣна, расположено Дёблингское кладбище, наименьшій, но и самый красивый изъ всѣхъ погостовъ столицы Австріи. Здѣсь царитъ покой и тишина, сюда не доносится столичный шумъ. Но при всей незначительности размѣровъ, кладбище это пріютило въ своихъ нѣдрахъ не мало знаменитостей: здѣсь похоронены отцы вѣнскаго вальса Штраусъ (старшій) и Ланнеръ, законовѣдъ министръ Бергеръ, врачъ профессоръ Лейдесдорфъ и наконецъ одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ врачебной науки, знаменитый анатомъ Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ, болѣе сорока лѣтъ бывшій профессоромъ Военно-Медицинской Академіи въ СПБ. Едва прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ праздновался 40-лѣтній юбилей его ученой дѣятельности. Вскорѣ затѣмъ юбиляръ по болѣзни оставилъ каѳедру и препаровочную и вернулся изъ втораго отечества въ первоначальное, въ Вѣну, гдѣ и скончался 30 сентября 1890 года. Память о немъ въ Россіи жива и долго сохранится въ сердцахъ его многочисленныхъ учениковъ.

Считаемъ поэтому не излишнимъ приложить здѣсь рисунокъ памятника, воздвигнутаго ему неутѣшною вдовой на Дёблингскомъ кладбищѣ.

Могила Грубера имѣетъ 2 сажени длины и $1^1/_2$ сажени ширины и окружена фигурной желѣзною, богато позолоченною рѣшеткой. Густыя плакучія ивы склоняютъ надъ нею свои кроны. Полуторасаженный обелискъ изъ чернаго габбро, отличающійся величественною простотой формы, украшеній и надписи (имя, званіе, мѣсто дѣятельности, годы рожденія и смерти), украшенъ двумя большими медальонами свѣтлой бронзы, изображающими большую золотую медаль, выбитую съ соизволенія Государя Императора къ 40-лѣтнему юбилею Грубера, съ надписью: „Учителю 8,000 русскихъ врачей“. По сторонамъ могилы, на кубическихъ гранитныхъ постаментахъ, высятся два чугунные канделябра. Рѣшетка вокругъ могилы — работы извѣстнаго вѣнскаго мастера Гаузера. Могилу постоянно окружаетъ благоуханіе цвѣтовъ, и почти ежедневно можно видѣть передъ нею даму въ глубокомъ траурѣ: это Августа Груберъ, вѣрная подруга жизни неутомимаго труженика науки. Вмѣстѣ съ каждымъ посѣщеніемъ кладбища, г-жа Груберъ привозитъ съ собою серебряные вѣнки, которыми почтили покойнаго русскіе врачи и члены Академіи, и украшаетъ ими памятникъ, какъ видно на рисункѣ.

Поднесенный Груберу въ день юбилея русскими художниками великолѣпный альбомъ пожертвованъ г-жей Груберъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и находится въ залѣ рукописей.

Памятникъ на могилѣ профессора В. Л. Грубера на Дёблингскомъ кладбищѣ въ Вѣнѣ.
Съ фот. Франкенштейна, грав. М. Рашевскій.

Фридрихъ-Мартинъ фонъ-Боденштедтъ.

(Портр. на стр. 368).

Германія лишилась одного изъ своихъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ въ лицѣ Фридриха-Мартина фонъ-Боденштедта, скончавшагося 8 апрѣля въ Висбаденѣ. Это утрата не только для Германіи, но и для Россіи, гдѣ началась литературная дѣятельность автора извѣстныхъ всему образованному міру „пѣсенъ мирзы-Шаффи“. Ни одинъ изъ иностранныхъ писателей не сдѣлалъ такъ много для Россіи, сколько покойный Боденштедтъ, познакомившій своими переводами Западную Европу съ Лермонтовымъ. Его первыя вдохновенія, не покидавшія его въ теченіе всей долгой жизни, принадлежатъ Россіи.

Боденштедтъ родился 22 апрѣля 1819 года въ Пейне въ Ганноверѣ. Противъ своей воли и склонности принуждаемый родителями къ занятію торговлей, онъ однако успѣлъ побывать въ Гёттингенскомъ, Мюнхенскомъ и Берлинскомъ университетахъ, усердно предавшись изученію древнихъ и новыхъ языковъ и философіи. Юношей 21-го года онъ попалъ въ Москву домашнимъ учителемъ въ семейство князя Голицына, гдѣ провелъ лучшіе годы жизни, вращаясь въ высшемъ московскомъ обществѣ и посвящая свободное время филологическимъ и историческимъ занятіямъ. Онъ безъ труда усвоилъ въ совершенствѣ русскій языкъ и познакомился съ обширною нашей литературой. Плодами ея изученія явились его блестящій этюдъ „Крыловъ, Пушкинъ и Лермонтовъ“ (Лейпцигъ 1843 года) и сборникъ „Поэтическая Украйна“ (1845 г.). Въ 1843 году онъ поѣхалъ въ Тифлисъ съ кавказскимъ намѣстникомъ генераломъ Нейдгардтомъ и здѣсь, будучи учителемъ въ мѣстной гимназіи, производилъ обширныя этнографическія наблюденія и познакомился съ восточнымъ міромъ. Благодаря дальнѣйшимъ путешествіямъ, онъ изучилъ также Арменію, берега Чернаго моря, Крымъ, Турцію и Малую Азію. Его путешествія дали ему богатый матеріалъ, мастерски изложенный имъ въ двухъ сочиненіяхъ „Народы Кавказа“ (2 т. Франкфуртъ 1858 г.) и „Тысяча и одинъ день на Востокѣ“ (Берлинъ 1849 г.), сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ въ Европѣ. Въ 1846 году Боденштедтъ вернулся въ Германію и въ Мюнхенѣ подъ

вліяніемъ Фридриха Листа изучалъ политическую экономію. Вскорѣ послѣ этого онъ сдѣлался редакторомъ „Oesterr. Lloyd" въ Тріестѣ, но послѣ Октябрьской коалиціи вернулся въ Берлинъ, гдѣ въ 1851 году появились его „Пѣсни мирзы-Шаффи", доставившія громкую извѣстность его имени. Эти пѣсни, въ которыхъ созерцательная мудрость Востока смѣшивается съ граціознымъ тонкимъ юморомъ и свѣтлымъ міросозерцаніемъ европейца, считаются лучшимъ произведеніемъ Боденштедта. Книга выдержала громадное количество изданій (болѣе ста) и до сихъ поръ не утратила своего живаго интереса.

Но Востокъ не вытѣснилъ изъ сердца Боденштедта его любви къ Россіи и увлеченія великими русскими писателями. Боденштедтъ, оставившій переводы Лермонтова, Пушкина и Тургенева, никогда не будетъ забытъ въ Россіи. Многіе переводчики превосходятъ его точностью перевода нашихъ классиковъ, но ни одинъ изъ нихъ съ такимъ совершенствомъ не передалъ духа писателей, какъ Боденштедтъ. Въ теченіе своей долгой жизни покойный много разъ занимался журналистикой, такъ въ 1850 году онъ былъ редакторомъ *Weser. Ztg.* въ Бременѣ. Коронованныя особы искали его дружбы, нѣкоторое время онъ жилъ въ Готѣ по приглашенію герцога Эрнста Кобургъ-Готскаго. Въ 1854 году, по желанію короля Баварскаго Максимиліана, онъ прибылъ въ Мюнхенъ и прожилъ здѣсь 12 лѣтъ, состоя профессоромъ славянскихъ нарѣчій и исторіи славянской литературы при мѣстномъ университетѣ. Позднѣе онъ занимался и старою англійскою литературой, плодами изученія которой явились подражанія сонетамъ Шекспира и большое сочиненіе „Современники Шекспира и ихъ произведенія". Онъ принималъ участіе и въ переводѣ твореній великаго англійскаго поэта на родной языкъ. Среди этихъ трудовъ онъ не забывалъ и Россіи, и любимаго имъ Востока, повременамъ возвращаясь къ нимъ въ своихъ вдохновеніяхъ. Его сочиненія „Aus Ost und West", „Russische Fragmente" и др., изданныя имъ въ это время, драмы „Димитрій" и др. посвящены Россіи. Востокъ также не разъ давалъ обильную пищу его творчеству и отразился въ его произведеніяхъ „Ширазскій пѣвецъ" (1881 г.), „Die Lieder und Sprüche des Omar Chassam verdeutscht" (1882 г.) и др.

Дѣятельность Боденштедта не ограничилась одною литературой; въ 1866 году онъ, по приглашенію герцога Мейнингенскаго, явился къ его двору и въ короткое время довелъ до совершенства маленькую труппу придворнаго театра этого государя. За послѣдніе годы жизни Боденштедтъ часто мѣнялъ свое мѣстожительство; такъ, онъ жилъ въ Дорнау подъ Альтоной, въ Ганноверѣ и наконецъ послѣ 1876 года въ Висбаденѣ. 62-хъ-лѣтнимъ старцемъ неутомимый поэтъ предпринялъ путешествіе въ Сѣверную Америку, гдѣ былъ встрѣченъ общимъ энтузіазмомъ. Это путешествіе дало матеріалъ его сочиненію „Отъ Атлантическаго до Тихаго океана". До послѣднихъ дней своей жизни онъ оставался вѣренъ и журналистикѣ, основавъ въ Берлинѣ столь распространенную теперь газету *Tägliche Rundschau*, въ которой за послѣднее время только изрѣдка помѣщалъ свои стихотворенія. (К.)

Майоръ Фукушима. (Рис. на стр. 368).

12 марта въ Петербургъ прибылъ японскій военный агентъ въ Берлинѣ, майоръ Фукушима, предпринявшій, какъ извѣстно, поѣздку верхомъ въ Японію черезъ Европейскую и Азіатскую Россію. Въ окрестностяхъ Пулкова отважный путешественникъ былъ встрѣченъ кавалерійскими офицерами Петербургскаго гарнизона, которые горячо привѣтствовали его. Затѣмъ майоръ Фукушима продолжалъ путь въ обществѣ офицеровъ, которые проводили его въ Офицерскую кавалерійскую школу, гдѣ былъ сервированъ завтракъ. Растроганный гость отвѣчалъ на здравицы тостами въ честь русской арміи, императорской гвардіи, кавалерійскихъ офицеровъ и проч. Вечеромъ онъ посѣтилъ японское посольство.

18 марта майоръ Фукушима имѣлъ счастіе представляться Его Императорскому Величеству Государю Императору.

28 марта майоръ выѣхалъ верхомъ въ Москву, провожаемый цѣлой кавалькадой офицеровъ до Колпина.

Майоръ Фукушима весьма небольшаго роста, такъ что не можетъ сѣсть на лошадь безъ чужой помощи или безъ подставки. Во время путешествія онъ питается почти исключительно яйцами, которыхъ съѣдаетъ до трехъ десятковъ заразъ (по разсказамъ его знакомыхъ) и при этомъ выпиваетъ цѣлый самоваръ. По-русски майоръ знаетъ всего нѣсколько словъ: „здравствуйте", „прощайте", „яйца" и т. п. Чтобы выразить „десятокъ", онъ показываетъ десять пальцевъ.

Взрывъ 23 марта на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ. (Рис. на стр. 369).

23 марта, въ исходѣ 5 часа пополудни, въ отдѣленіи бездымнаго ружейнаго пороха на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, въ пироксилиновой сушильнѣ подъ № 269, произошелъ взрывъ пироксилина въ количествѣ 350 пудовъ. Сушильня помѣщалась въ каменномъ, обнесенномъ валомъ, одно-этажномъ зданіи; зданіе это, вмѣстѣ съ фундаментомъ, взлетѣло на воздухъ, такъ что отъ него не осталось слѣда, если не считать огромной трубы сушилки, которая почему-то уцѣлѣла. Взрывъ произошелъ во время работъ, но всѣ находившіеся въ сушильнѣ рабочіе исчезли. Вѣроятно они разорваны на клочки и разбросаны на большое разстояніе. Такъ приходится судить по найденнымъ въ разстояніи 100 и болѣе саженъ отъ мѣста взрыва частямъ человѣческаго тѣла, оторваннымъ и обезформеннымъ до неузнаваемости головамъ и проч. Выяснено, что рабочихъ погибло 9 человѣкъ и всѣ они служили по вольному найму. Это крестьяне: Романъ Голябинъ, 32-хъ лѣтъ; Петръ Ивановъ, 42-хъ лѣтъ; Василій Исаковъ, 44-хъ лѣтъ; Поликарпъ Пуповъ, 28-ми лѣтъ и Ульянъ Трофимовъ, 29-ти лѣтъ; отставные: фельдфебель Антонъ Григайтисъ, 68-ми лѣтъ, и канониръ Евстигѣевъ, 43-хъ лѣтъ; запасные: унтеръ-офицеръ Николай Матросовъ, 31-го года, и рядовой Якубъ Незаметдиновъ, 23-хъ лѣтъ. Кромѣ того, пять человѣкъ получили тяжкія поврежденія. Они находились въ смежныхъ зданіяхъ завода, которыя также сильно пострадали при взрывѣ. Это крестьяне: А. Николаевъ, К. Ѳедоровъ, Г. Ѳедоровъ, запасный рядовой С. Леонтьевъ и неизвѣстнаго званія А. Шемелетдиновъ. Всѣ они немедленно были помѣщены въ заводскій лазаретъ. Послѣдствія взрыва могли быть гораздо гибельнѣе, такъ какъ пироксилиновыхъ сушиленъ, подобныхъ взорванной, на заводѣ нѣсколько и въ каждой имѣется значительное количество пироксилина для изготовленія бездымнаго пороха. Бездымный порохъ изготовляется съ прошлаго года и требуетъ крайней осторожности при работахъ. Ударъ былъ настолько силенъ, что былъ слышенъ въ городѣ, а на разстояніи до двухъ верстъ отъ завода во многихъ домахъ потрескались потолки и полопались стекла въ окнахъ. Очевидцы катастрофы утверждаютъ, что въ моментъ взрыва они были совершенно оглушены и въ то же время чувствовали сотрясеніе всего тѣла, точно электрическій токъ проходилъ по всему тѣлу, а подъ ногами колебалась земля. Надъ самымъ заводомъ нѣсколько мгновеній стояла въ воздухѣ густая мгла и дождь сыпавшихся съ неба мелкихъ кирпичей.

Какъ можно видѣть на рис. № 1, сушильня помѣщалась за четырехсторонним валомъ какъ бы въ футлярѣ и отопляласъ помощью трубъ проведенныхъ на значительное разстояніе отъ печи, коей колоссальная труба видна на лѣвой сторонѣ рисунка. Еще лѣвѣе, на такомъ же разстояніи отъ трубы находится другая сушильня, которая уцѣлѣла также какъ и труба. Рисунокъ 2 изображаетъ часть разрушеннаго вала и внутренность сушильни, усѣянную обломками.

Такъ какъ при взрывѣ ясно были слышны два удара: одинъ — глухой — на землѣ и другой — громовый — спустя секунду на воздухѣ, то пиротехники предполагаютъ, что часть пироксилина вмѣстѣ съ укупоркой была поднята первымъ взрывомъ на воздухъ и тамъ уже взорвалась въ свою очередь.

Собранные растерзанные останки погибшихъ рабочихъ были преданы землѣ въ общемъ гробѣ, при чемъ родственники только прикрыли ихъ погребальными сорочками и крестиками, такъ какъ надѣть ихъ было не на что.

Слѣдствіе о причинахъ взрыва производится.

Клоунъ А. Дуровъ. (Рис. на стр. 370).

Въ настоящее время въ циркѣ Чинизелли въ Петербургѣ даетъ представленія съ животными Анатолій Дуровъ. Этотъ „русскій соло-клоунъ", какъ онъ себя величаетъ, заставляетъ собакъ не только прыгать, но и распѣвать дуэты, свиней вальсировать, кошекъ продѣлывать на высотѣ разные фокусы не хуже людей-акробатовъ, пѣтуха пѣть по приказу... Замѣчательнѣе всего у него крысы, которыхъ онъ выводитъ цѣлою стаей. Онѣ подъ звуки флейты слушаются своего хозяина, устраивающаго съ ними цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ, съ машинистомъ, кондукторами и пассажирами.

Политическое обозрѣніе.

Вмѣстѣ съ перемѣной, происшедшей въ высшихъ сферахъ правленія въ Берлинѣ, ожидаютъ измѣненій и въ общемъ направленіи германской политики.

Взгляды и предположенія высказываются на страницахъ газетъ и отдѣльными лицами, и къ нимъ тѣмъ внимательнѣе прислушиваются, чѣмъ говорящія личности вліятельнѣе и ближе стоятъ къ правительству. Изъ отдѣльныхъ лицъ за послѣднее время обратили на себя вниманіе своими политическими рѣчами графы Беллестремъ и Штольбергъ. Первый, вождь германской партіи католическаго центра, произнесъ 3 апрѣля въ Бреславлѣ, въ многочисленномъ собраніи, рѣчь-программу, въ которой сказалъ, что внезапный поворотъ правительственной политики относительно школьнаго закона слѣдуетъ приписать невѣрующимъ профессорамъ и евреямъ. Далѣе ораторъ заявилъ, что католики готовы къ борьбѣ и будутъ вести ее до тѣхъ поръ, пока не добьются полной равноправности, свободы, вліянія

церкви на школу и возвращенія іезуитовъ.

Оберъ-президентъ Восточной Пруссіи графъ Штольбергъ произнесъ 8 апрѣля въ Кенигсбергскомъ университетѣ рѣчь на обѣдѣ у одного изъ членовъ университетскаго сената, въ которой, коснувшись извѣстной рѣчи императора о пессимизмѣ въ политикѣ, перешелъ къ настоящему времени и сказалъ: „Всего вреднѣе вдаваться въ пессимизмъ; но, къ сожалѣнію, это дѣлаютъ даже такіе люди, отъ которыхъ этого не ожидаютъ. Послѣдняя рѣчь императора тоже была истолкована невѣрно. Императоръ хотѣлъ сказать, что тѣ, кто изъ-за недовольства становится спиною къ отечеству, вскорѣ вернутся, убѣдившись, что родные порядки лучше заграничныхъ. Эта мысль свидѣтельствуетъ о сознательной увѣренности въ себѣ. Да здравствуетъ императоръ, который не только царствуетъ, но и правитъ!“ Въ берлинскихъ политическихъ кругахъ полагаютъ, что рѣчь эта внушена свыше.

Въ Парижѣ занимались колоніальною политикою. Внезапное нападеніе дагомейцевъ на французскія поселенія вызвало необходимость мѣръ и средствъ къ защитѣ ихъ. Въ палатѣ депутатовъ 30 марта было по этому случаю заявлено, что правительство полагаетъ пріостановить на нѣсколько лѣтъ всякія колоніальныя завоеванія, но занятыхъ территорій все-таки не будетъ очищать и займется организаціей существующихъ колоній. Этимъ закончились общія пренія. При этомъ правительство потребовало простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, который и былъ вотированъ большинствомъ 271 голосовъ противъ 232. Правительство, требуя отъ палаты вотированія простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, желало сохранить за собою полную свободу дѣйствія относительно операціи въ Дагомеѣ. Прежде чѣмъ остановиться на какомъ нибудь опредѣленномъ планѣ военныхъ дѣйствій, правительство посовѣтуется съ военными и моряками, знакомыми съ этимъ краемъ. Общее управленіе вооруженными силами, которыя будутъ посланы въ Дагомею, поручено будетъ морскому министерству. Парижскія газеты полагаютъ, что это засѣданіе палаты имѣло для всѣхъ неблагопріятный результатъ, какъ потому, что на сторонѣ правительства оказалось слабое большинство, такъ и по лишенной значенія формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ; сверхъ того, вопросъ объ отвѣтственности не былъ рѣшенъ; колоніальная политика сохраняетъ попрежнему неопредѣленный характеръ и, слѣдовательно, положеніе не измѣнилось.

2 апрѣля въ Каирѣ состоялось въ Абдинскомъ дворцѣ торжественное чтеніе фирмана и телеграммы великаго визиря. Чтеніе происходило въ присутствіи англійскихъ и египетскихъ войскъ. *Journal des Débats*, говоря о чтеніи фирмана, замѣчаетъ, что сюзеренныя права Порты и международный характеръ Египта точно обозначены и что европейское международное право вышло цѣлымъ и невредимымъ изъ этого инцидента, несмотря на усилія сэръ-Эвелина Беринга. Изъ опубликованнаго офиціальнаго сообщенія по вопросу о фирманѣ видно, что Англія заявила, что безъ ея согласія фирманъ измѣненъ быть не можетъ, и не допуститъ, чтобы права и притязанія Египта на существующую территорію были затронуты перемѣнами въ редакціи фирмана. На самомъ дѣлѣ это случилось нѣсколько иначе и измѣненія произошли по особому распоряженію султана, сдѣланному въ видѣ дополненія къ фирману.

Болгарское правительство прислало Портѣ ноту, въ которой подробно излагаются всѣ обстоятельства, касающіяся убійствъ Бельчева и Вулковича. Передача въ Константинополь этой ноты вызвала въ султанѣ неудовольствіе и недоумѣніе, ибо въ этомъ невѣроятномъ, неожиданномъ документѣ съ комичной наивностью связывается убійство Вулковича съ требованіемъ, чтобы султанъ призналъ Фердинанда Кобургскаго княземъ Болгаріи. Венгерская газета *Пемцетъ* сообщаетъ по этому поводу, что уже при пріемѣ новаго болгарскаго агента Димитрова, когда этотъ послѣдній затронулъ вопросъ о признаніи принца Фердинанда—султанъ вѣжливо, но рѣшительно заявилъ о невозможности этого, указавъ, что признаніе принца Фердинанда княземъ Болгаріи вызвало бы международныя осложненія.

Недоумѣніе, если не болѣе, вызвано этой нотой не въ одной Турціи. Даже въ Вѣнѣ, гдѣ обыкновенно одобряютъ все, что творится въ Софіи, нашли, что на этотъ разъ болгарскіе правители ужъ черезчуръ зарвались. Этимъ, очевидно, впечатлѣніемъ и объясняется распространившійся тамъ слухъ, что инспираторъ ноты Стамбуловъ сошелъ съ ума. Въ берлинскія и парижскія газеты почти единогласно телеграфируютъ изъ Вѣны, что эта новая выходка Стамбулова произвела тамъ очень неблагопріятное впечатлѣніе.

Искусство.

Концертный сезонъ. *(Симфоническія собранія).* Симфоническихъ собраній обыкновенно бываетъ десять абонементныхъ и два экстренныхъ; въ истекшемъ сезонѣ было только одно экстренное собраніе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Всѣ вечера даются подъ управленіемъ профессора нашей консерваторіи по классу скрипки, г. Ауэра; впрочемъ, однимъ вечеромъ (шестымъ) дирижировалъ А. Г. Рубинштейнъ, посвятившій всю программу произведеніямъ Бетховена, а въ другомъ (девятомъ) управленіе первой половиной концерта принялъ на себя П. И. Чайковскій, познакомившій публику со своимъ новымъ произведеніемъ („Щелкунчикомъ“). Программы обыкновенно составляются весьма интересно, со включеніемъ въ нихъ не только классическихъ авторовъ, но и современныхъ; въ послѣднемъ случаѣ имѣется главнымъ образомъ въ виду дать ходъ русскимъ композиторамъ преимущественно, хотя составители программъ включаютъ и все новѣйшее изъ иностранной литературы; конечно, дирижеру приходится быть очень осмотрительнымъ при выборѣ пьесъ, такъ какъ въ число десяти концертовъ не можетъ войти все, съ чѣмъ желательно было бы ознакомить слушателей; не забудемъ, что есть авторы, которыхъ нельзя не играть, напр. Генделя, Баха, Бетховена, Моцарта, Шумана, Шуберта и пр.

Каждая программа обыкновенно состоитъ изъ 4—5 пьесъ; намъ конечно придется остановиться изъ 40 — 50 пьесъ, исполненныхъ въ симфоническихъ собраніяхъ истекшаго сезона, лишь на тѣхъ, которыя или рѣдко исполняются и были только возобновлены, или же которыя въ первый разъ были играны. Къ первымъ слѣдуетъ отнести: двѣ симфоническія поэмы Листа „Мазепа“ и „Торквато Тассо“, увертюру къ оперѣ „Бенвенуто Челлини“ Берліоза, кантату „Lobgesang“ Мендельсона, Requiem Моцарта, музыку къ „Эгмонту“ Бетховена, увертюру къ „Струэнзе“ Мейербера и пр. Въ первый разъ исполнены были: заключительная сцена второй картины перваго акта „Парсиваля“ Вагнера, а изъ произведеній русскихъ композиторовъ: сюита изъ новаго балета Чайковскаго „Щелкунчикъ“ и увертюра „Лѣсъ шумитъ“ только что окончившаго курсъ въ московской консерваторіи г. Конюса. Держась принципа безпартійности, Русское музыкальное общество весьма охотно удѣляетъ мѣсто въ своихъ программахъ всѣмъ русскимъ авторамъ, безъ всякаго различія въ направленіи, и иногда вводитъ пьесы, которыя не представляютъ никакого интереса новизны; такъ, и въ этомъ сезонѣ исполнены были между прочимъ: увертюра на русскія темы г. Балакирева, отрывки изъ лирической комедіи г. Кюи „Flibustier“ и „Въ Средней Азіи“ Бородина.

Такое безпристрастное отношеніе къ представителямъ разныхъ музыкальныхъ лагерей конечно дѣлаетъ только честь завѣдывающимъ художественнымъ отдѣломъ Русскаго музыкальнаго общества: они не берутъ на себя въ данномъ случаѣ роли критиковъ, а предоставляютъ самой публикѣ возможность оцѣнить достоинства тѣхъ и другихъ произведеній; къ тому-же это избавляетъ ихъ отъ всякихъ нареканій въ нерасположеніи къ тѣмъ или другимъ авторамъ. Такимъ-же широкимъ доступомъ въ эти концерты пользуются солисты: все хорошее получаетъ здѣсь мѣсто; къ сожалѣнію, въ послѣдній сезонъ распорядители собраній были иногда слишкомъ добры въ ущербъ художественнымъ задачамъ и эстетическому развитію публики; угощали иногда такими солистами, въ особенности между пѣвцами, которымъ здѣсь вовсе не мѣсто и которые попали сюда или по какой-то ошибкѣ или же по протекціи; во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи программы заслуживаютъ серьезнаго упрека, потому что публика въ теченіе многихъ лѣтъ привыкла встрѣчать въ симфоническихъ собраніяхъ первоклассныхъ исполнителей, русскихъ и иностранныхъ. Кстати, солисты здѣсь были троякаго рода: пѣвцы, скрипачи и піанисты; впрочемъ, еще выступилъ здѣсь иностранный віолончелистъ г. Беккеръ.

Но прежде чѣмъ перейти къ исполнителямъ, скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ названныхъ выше пьесъ. Изъ произведеній Генделя исполненъ былъ одинъ изъ его „Concerti grossi“. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ самъ Гендель смотрѣлъ на этотъ родъ пьесъ, приведемъ слѣдующій фактъ изъ его жизни. Однажды онъ гулялъ въ одномъ изъ садовъ Лондона со своимъ другомъ, священникомъ Фоунтеномъ, большимъ знатокомъ музыки. Гендель спрашиваетъ его, нравится-ли ему исполнявшійся въ томъ же саду концертъ; на это Фоунтенъ говоритъ: „не стоитъ слушать, это полнѣйшая дребедень“.—„Вы правы, сказалъ Гендель, я самъ такъ думалъ, когда сочинялъ этотъ концертъ“. Когда же пріятель сталъ извиняться предъ авторомъ, Гендель прибавилъ: „Музыка эта дѣйствительно никуда не годится; ваше сужденіе о ней столько же справедливо, сколько и честно“. Тѣмъ не менѣе, исполненный у насъ Concerto Grosso очень понравился посѣтителямъ собраній, хотя эти произведенія отжили свое время. А вотъ музыка философствующихъ композиторовъ — Берліоза, Листа и Вагнера — оставляетъ слушателей почти равнодушными, несмотря на частое продуцированіе этихъ авторовъ. Они всегда старались связывать свои композиціи съ именемъ извѣстнаго поэта или произведенія, чтобы такимъ образомъ музыкальный интересъ только дополнить литературный; расчетъ отчасти вѣрный, но не всегда.

Программа музыкальнаго произведенія является какъ бы якоремъ спасенія, а съ другой стороны глазоотводомъ, вѣрнѣе было бы сказать „ухоотводомъ“; такого пошиба исполнявшіяся поэмы Листа, отрывокъ изъ „Парсиваля“ (Вагнеръ прибѣгалъ къ народному эпосу) и увертюра къ „Челлини“. Совершенную противоположность по музыкальному направленію представляютъ творенія Бетховена, Моцарта и Мендельсона; музыка къ „Эгмонту“ Гёте—настоящій образецъ музыки къ драмѣ; это именно иллюстрація тѣхъ чувствъ и настроеній, которыми волнуются дѣйствующія

лица драмы. Насколько глубоко понялъ духъ произведенія Бетховенъ — можно судить по тому факту, что онъ совершенно игнорировалъ любовный эпизодъ драмы между Эгмонтомъ и Клерхенъ, взявшись за музыкальную картину; его интересовала только борьба за независимость, идея пьесы, и замѣчательно—нигдѣ, ни въ увертюрѣ, ни въ антрактахъ у него нѣтъ даже намека на любовный элементъ, который здѣсь такъ не къ лицу знаменитому герою и который такъ противорѣчитъ дѣйствительности и исторической правдѣ. Музыка эта до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равной по сжатости мыслей, по глубинѣ содержанія и по изящной и въ то же время безхитростной формѣ.

О „Requiem'ѣ" Моцарта говорить теперь не станемъ, это насъ завлекло бы слишкомъ далеко; что же касается „Lobgesang" Мендельсона для солистовъ, хора и оркестра, то нужно сказать, что мы никогда не были поклонниками духовной музыки этого композитора; она въ большинствѣ случаевъ красиво звучитъ, отлично написана для оркестра, но никогда не производитъ впечатлѣнія религіозной музыки, не будитъ настроенія. Его „Lobgesang", несмотря на благозвучность, страдаетъ двумя крупными недостатками; вопервыхъ, она (кантата) слишкомъ длинна, а вовторыхъ, крайне неудобно написана для человѣческихъ голосовъ, въ особенности сопранная партія. Такой даже колоссальный голосъ, какъ у г-жи Литвинъ, еле могъ преодолѣть эту неимовѣрно трудную тесситуру. Если не ошибаемся, „Lobgesang" исполнена была у насъ въ первый разъ; въ первый же разъ шла и увертюра „Лѣсъ шумитъ" г. Конюса. Молодой авторъ видимо поклонникъ Вагнера и въ значительной степени зараженъ его реформаторскими идеями; но онъ не безъ дарованія и отъ него можно ожидать интересныхъ вещей въ будущемъ. Большой успѣхъ имѣли также отрывки изъ новаго балета Чайковскаго „Щелкунчикъ".

В. Баскинъ.

Фридрихъ-Мартинъ фонъ-Боденштедтъ. Съ фотогр. грав. А. Нейманъ.

Смѣсь.

Обезвреживаніе молока. Въ одномъ изъ засѣданій Общества одесскихъ врачей проф. А. А. Вериго демонстрировалъ приборъ для обезвреживанія молока, до крайней степени простой и общедоступный. Это обыкновенная бутылочка, которую наливаютъ молокомъ, затѣмъ накладываютъ на горлышко гуттаперчевый кружокъ, а сверхъ него жестяной или, еще лучше, никкелевую капсулу, служащую какъ-бы грузомъ. Въ такомъ видѣ бутылочку ставятъ въ кастрюлю съ водою и кипятятъ въ теченіе 30—40 минутъ до 70—90°. Во время кипяченія кружокъ отъ дѣйствія пара прыгаетъ, но упасть ему не даетъ капсула. Когда-же молоко охлаждаютъ, то бутылочка сама собою герметически закупоривается — кружокъ силою атмосферы вдавливается въ горлышко и преграждаетъ доступъ воздуха къ молоку. (в.)

Первая санаторія для чахоточныхъ въ Россіи. Въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства" напечатано Высочайше утвержденное положеніе о санаторіи Халила, учреждающейся въ принадлежащемъ Государю Императору имѣніи въ Выборгской губерніи, въ 17 верстахъ отъ станціи Новая Кирка Финляндской жел. дороги, и состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества. Санаторія эта имѣетъ цѣлью пользованіе больныхъ, страдающихъ хроническими грудными болѣзнями и преимущественно бугорчаткою легкихъ. Управленіе санаторіею во врачебно-административномъ отношеніи ввѣряется главному врачу, въ помощь коему назначаются два ассистента. Въ санаторію принимаются за установленную плату больные обоего пола всѣхъ званій и возрастовъ, страдающіе хроническою грудною болѣзнью. Лица недостаточные отъ платы освобождаются. При санаторіи учреждается бактеріологическая лабораторія для производства всѣхъ такихъ бактеріологическихъ наблюденій и изслѣдованій, которыя соотвѣтственно современному положенію науки могутъ содѣйствовать возможно большему разъясненію всѣхъ вопросовъ, относящихся къ бугорчаткѣ легкихъ. Средства для содержанія санаторіи отпускаются изъ Собственной Его Величества канцеляріи. (в.)

Уходъ за зубами. Чисто содержимые прекрасные бѣлые зубы усиливаютъ красоту свѣжаго рта, наоборотъ самое прекрасное молодое лицо теряетъ привлекательность, если чрезъ открытыя губы видны во рту черные гнилые зубы. Причиною гніенія и черноты зубовъ являются гнилостные процессы, благодаря дѣйствію органическихъ веществъ попавшихъ въ зубъ на ткани послѣдняго. Для избѣжанія этого необходимо дважды въ день (утромъ и вечеромъ) полоскать зубы какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ въ особенности. Правильный уходъ за зубами состоитъ въ томъ, что по возможности послѣ каждаго принятія пищи ихъ слѣдуетъ чистить щеткою, взявъ слабый растворъ кислаго мар-

Поѣздка верхомъ въ Японію черезъ Европейскую и Азіатскую Россію. Отъѣздъ майора Фукушима изъ Петербурга. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

ганцево-кислаго кали. Затѣмъ чистить обыкновеннымъ зубнымъ порошкомъ, который сохраняетъ эмаль. Прекрасный зубной порошокъ составляется по ниже слѣдующему рецепту и стóитъ всего 50 — 60 копѣекъ. Взять 30 грамм. фосфорнокислой и 15 грамм. осажденной углекислой извести, 15 грамм. порошка молочнаго сахара, 0,1 соляно-кислаго кокаина, 8 капель гвоздичнаго масла. Если средство употребляется больными людьми, чувствующими противный вкусъ и запахъ во рту, то слѣдуетъ прибавлять ко всей этой смѣси еще 2—3 капли горчичнаго спирта, который убиваетъ микроорганизмы и производитъ полную дезинфекцую рта. Не слѣдуетъ для чистки зубовъ употреблять слишкомъ жесткой щѣтки, чтобы не повредить деснамъ. (к.)

Изъ Санъ-Ремо сообщаютъ въ „Frankf. Zeitg." объ интересномъ случаѣ, разыгравшемся недавно въ этомъ городѣ. За послѣдніе дни въ городѣ былъ большой наплывъ иностранцевъ, такъ что съ трудомъ можно было достать свободную комнату въ гостинницѣ. Одинъ путешественникъ послѣ долгихъ поисковъ нашелъ каморку въ одной изъ гостиницъ города. Въ полночь онъ проснулся отъ шума, происходившаго въ комнатѣ, и приподнявшись съ постели увидалъ съ ужасомъ двухъ людей, вносившихъ въ комнату гробъ. Путешественникъ собралъ послѣднія силы и пытаясь улыбнуться сказалъ имъ: „Любезные, вы вѣрно ошиблись нумеромъ, я не имѣю никакого желанія быть похороненнымъ." — „Успокойтесь, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—мы пришли сюда за дѣломъ, а не по ошибкѣ." Люди открыли стѣнной шкапъ и вынули оттуда трупъ мужчины, положили его въ гробъ и унесли какъ ни въ чемъ не бывало, къ великому ужасу путешественника, у котораго волосы стали дыбомъ на головѣ. Исторія объяснилась на другой же день. Оказалось, что трупъ принадлежалъ одному постояльцу внезапно умершему въ то утро; хозяинъ же, не желая, чтобы комната стояла даромъ, отдалъ ее новому жильцу, спрятавъ трупъ до похоронъ въ стѣнной шкапъ. (к).

Взрывъ 23 марта на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ. Сушильнаго завода валъ, со стороны моста (снято съ середины пруда). Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

Взрывъ 23 марта на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ. Мѣсто гдѣ стоялъ сушильный заводъ, со стороны входа (восточной). Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

Въ Мертвомъ морѣ, пріобрѣтшемъ печальную извѣстность полнымъ отсутствіемъ органической жизни въ немъ, г. Лортетомъ открыты два вида бациллъ, именно болѣзней гнилостной гангрены и столбняка. Толстыя, похожія на языкъ колокола, бациллы первой болѣзни и гвоздеобразныя второй такъ хорошо извѣстны, что въ распознаніи ихъ не можетъ быть ошибки. Изъ этого можно вывести заключеніе, что даже столь насыщенная (24,5%) солью вода, какъ воды Мертваго моря, не можетъ служить антисептическимъ средствомъ при этихъ болѣзняхъ.

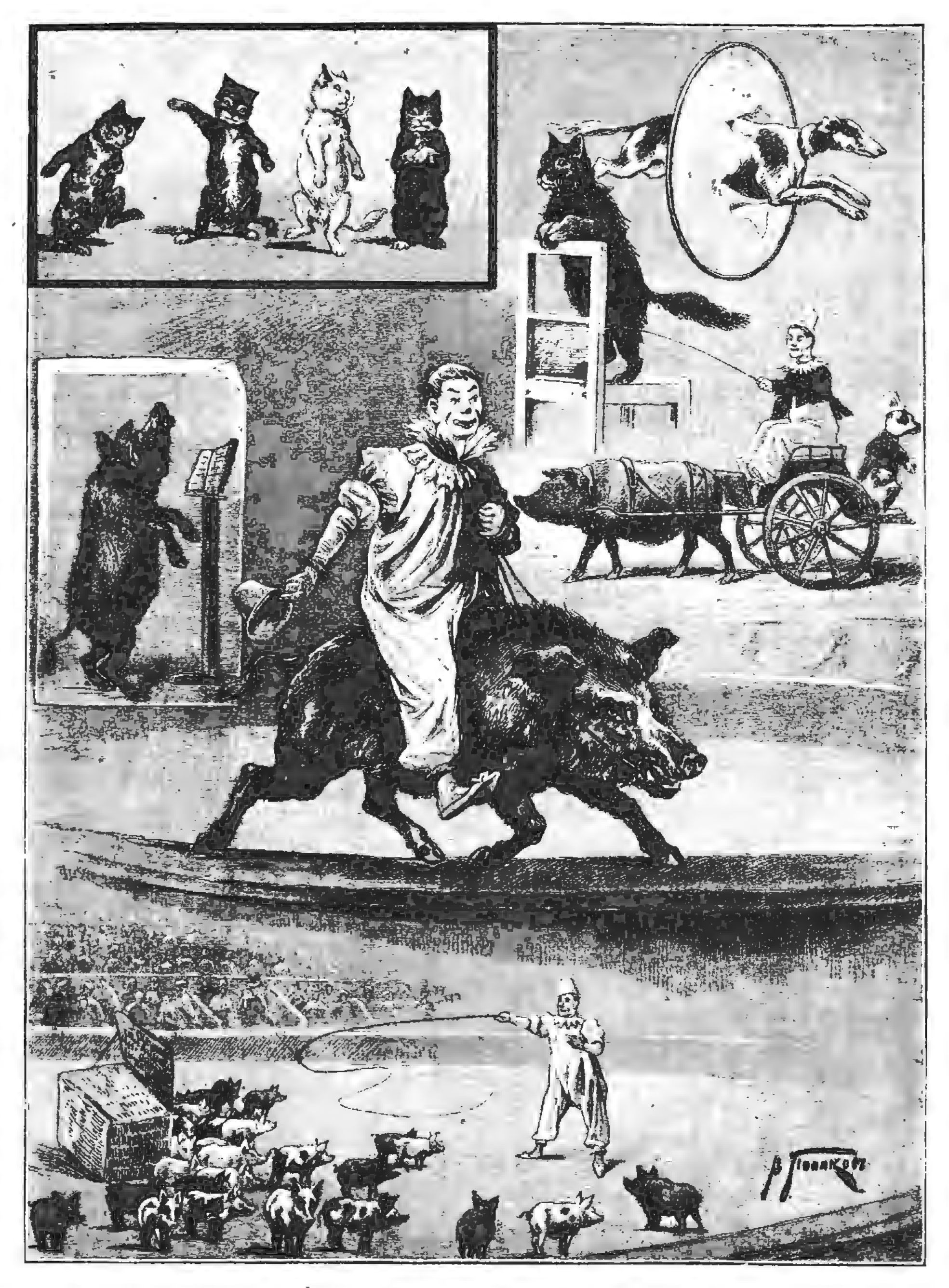
На желѣзныхъ дорогахъ Сѣверной Америки введена новая машина для расчистки снѣга. Она устроена въ видѣ тяжелаго вагона, внутри котораго находится паровая машина съ котломъ. Эта машина приводитъ въ движеніе помѣщенное впереди вагона колесо съ лопастями, острые концы которыхъ врѣзаются въ снѣгъ и раскидываютъ его. Машина можетъ расчищать линію отъ слоя снѣга въ 2 метра вышины. (к).

Шелковую матерію не слѣдуетъ завертывать въ бѣлую бумагу, такъ какъ входящая въ составъ послѣдней хлористая известь, несмотря на незначительное количество ея, вредитъ нѣжной окраскѣ шелка. (к.)

Изъ произведенныхъ недавно наблюденій, относительно вопроса, на какомъ разстояніи видны высочайшіе пункты земнаго шара, оказалось, что Гималайскія горы видны за 300, а Монбланъ за 275 верстъ. (к.)

Простое средство противъ коклюша. Чрезвычайно хорошо дѣйствуетъ противъ коклюша слѣдующее простое домашнее средство. Принять въ день нѣсколько кусковъ сахару, пропитаннаго уксусомъ. Въ 90 случаяхъ изъ 100 это средство вылѣчиваетъ больнаго. (к.)

Число дѣтей на земномъ шарѣ. По новѣйшимъ статистическимъ расчетамъ, число дѣтей, ежегодно рождающихся на земномъ шарѣ, доходитъ до 36,000,000. Каждую минуту на землѣ родится, въ среднемъ, около 70 младенцевъ или нѣсколько больше чѣмъ по 1 ребенку при каждомъ колебаніи секунднаго маятника. Для приданія большей наглядности этимъ выкладкамъ одинъ британскій статистикъ даетъ такія иллюстраціи. Если бы, говоритъ онъ, всѣхъ младенцевъ, родившихся въ теченіе одного года, уложить въ колыбельки и разставить послѣднія въ одинъ рядъ, то эта цѣпь колыбелекъ обогнула бы кругомъ весь земной шаръ. Еще поразительнѣе другая иллюстрація. Пусть читатель или читательница представятъ себѣ, что они сидятъ, напримѣръ, у окна, и что мимо нихъ въ теченіе цѣлаго года, днемъ и ночью, движется процессія матерей съ ихъ младенцами на рукахъ, при чемъ матери проходятъ по-одиночкѣ, одна за другою. Если бы даже допустить, что такимъ манеромъ мимо окна проходятъ не менѣе 20 младенцевъ въ 1 минуту или 1,200 въ часъ, то все-таки дѣлающему смотръ довелось бы увидѣть въ теченіе года не болѣе одной шестой доли всего годоваго числа дѣтей, явившихся въ сей міръ. Другими словами, дѣти, которыхъ приходилось носить на рукахъ въ моментъ начала процессіи, начали бы ходить уже сами, прежде чѣмъ успѣла пройти мимо окна незначительная доля годовой дѣтской арміи. Арьергардъ послѣдней, проходя мимо смотроваго окна, оказался бы состоящимъ уже не изъ младенцевъ, а изъ шестилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. (г. в.)

Клоунъ А. Дуровъ.

Сонъ. Изъ лучшихъ сочиненій, касающихся этого вопроса, видно, что при засыпаніи не всѣ чувства одновременно перестаютъ функціонировать, но одно за другимъ — въ извѣстномъ порядкѣ. Зрѣніе теряетъ свою воспріимчивость благодаря закрытію глазъ вѣками, въ то время какъ остальныя чувства еще продолжаютъ отправлять свои функціи. За зрѣніемъ вкусъ и обоняніе становятся бездѣятельными. Затѣмъ слѣдуетъ слухъ и послѣднимъ осязаніе. Чувства погружаются въ сонъ въ различной степени. Первымъ пробуждается осязаніе, затѣмъ слухъ, зрѣніе, вкусъ и обоняніе. (к.)

ШАХМАТЫ

Задача № 23.
М. Окунькова (Сима).
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Задача № 24.
А. П. Шишкина.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 4 хода.

Рѣшеніе задачи № 13 (помѣщенной въ № 9).

В—ѣди.	**А**—рфа.	**А**—ктъ.	**П**—еро.	**Е**—ршъ.
И—кра.	**С**—оль.	**П**—иво.	**О**—кно.	**Т**—емя.
Д—убъ.	**О**—сна.	**О**—слы.	**Л**—юкъ.	**У**—лей.
Н—ога.	**В**—ѣкъ.			

„Видна сова по полету“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—К. М. Савилова, Ф. Михель, Б. Земрау, В. С. Кроткова, Н. Пожарскаго; **Москва** — С. Н. Волкова, В. А. Блюмъ, Н. Дубницкаго, Дмитріевой, И. Я. Романова, А. Лузина; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Баку**—А. Г. Грабова; **Бобруйскъ**—Е. Мозьской; **Брянскъ**—А. Клементьевой; **Владикавказъ**—А. Перепеловской; **Бараново**—В. Н. Макарова; **Глуховъ**—В. Мѣщаниновой; **Калуга**—С. Н. Соколова; **Новгородъ**—В. К. Богоявленскаго; **Новогеоргіевскъ**—О. Кашкаревой; **Николаевъ**—А. Биндерманъ, Е. Тихановой; **Морусовка**—А. Рославлевой; **Одесса**—I. Шрафманъ; **Оренбургъ**—С. Сухарева; **Симферополь**—М. Яковлевой; **Юзовка**—Э. К. Фолькертъ; **Ярославль**—Е. Жихмановой.

Рѣшеніе задачи № 14 (помѣщенной въ № 10).

7) На—ни—ка.	8) А—н—да.	9) Ла—до—ни.
3) Ни—ще—та.	6) По—су—да.	4) Со—ро—ка.
1) Хо—му—ты.	2) По—ма—да.	5) Ма—га—зинъ.

„Нищему и сума дорога“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—К. М. Савилова, В. Земрау, Н. К. Устрѣцкаго, Н. И. Орлова, Т. Широкова, Ф. Михель, А. Арнольдъ, Л. Е. Давыдова; **Москва**—В. А. Блюмъ; **Ивангородъ**—Т. Соколовской; **Лида**—С. А. Дубинкова; **Одесса**—М. Юрьева; **Прасковея**—З. Тарасенко; **Харьковъ**—Д. Н. Войниловичъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное **А. Ф. Марксомъ**, подъ редакціею **А. И. Введенскаго**, съ біографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ въ Лейпцигѣ.

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе **исправленное**, тщательно свѣренное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ **два тома** in 8⁰, **объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).**

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій **1 р. 50 к.**, а съ перес. **2 руб.** Въ двухъ коленкоровыхъ, тисненыхъ красками, **переплетахъ 2 руб.**, а съ пересылкою **2 руб. 50 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

„ДОМОСТРОЙ“.

Журналъ будетъ давать въ сжатой и общепонятной формѣ практически-испытанные **совѣты** по всѣмъ отраслямъ домоводства, хозяйства, животноводства и охоты, притомъ **своевременно**, когда совѣты эти могутъ получить **немедленное примѣненіе.**

I. ДОМА. Домашнее благоустройство. Домъ, квартира и дача. Одежда.—**Въ кухнѣ и столовой.—Въ кладовой и погребѣ.—Въ дѣтской.** Уходъ за дѣтьми. Дѣтскія игры и занятія.—**Домашняя гигіена.** Первая помощь, домашняя аптечка. Истребленіе паразитовъ.—**Домашній досугъ.** Работы, игры, карты, шахматы, цвѣты, пѣвчія птицы, комнатныя собаки и акваріумы. № 5751 3—1

II. НА ДВОРѢ. Животноводство. Лошади, рогатый скотъ и домашняя птица.- Собаки.—**Ветеринарія.—Спортъ на открытомъ воздухѣ.** Гимнастика, коньки, велосипеды и пр.

III. ВЪ ОГОРОДѢ И ВЪ САДУ. Оранжереи, теплички и парники. Овощи, ягоды и фруктовыя деревья.—Цвѣтники и сады.

IV. ВЪ ЛѢСУ И ВЪ ПОЛѢ. Полеводство, луговодство и лѣсоводство. Разведеніе кормовыхъ и лѣкарственныхъ растеній. Рыбоводство, рыбная ловля и уженье.—Охота на птицъ и звѣрей.

V. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Правительственныя распоряженія. Биржевой указатель и справочныя цѣны. Смѣсь. Вопросы и отвѣты.

VI. Адреса извѣстныхъ хозяевъ и торговцевъ.—Объявленія и прейсъ-куранты.

VII. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: Календарей (общаго и спеціальныхъ по отдѣламъ), **руководствъ** (Домашній лѣчебникъ, Уходъ за дѣтьми, Домашній столъ, Огородничество, Птицеводство и др.), **Записныхъ книгъ, отрывочнаго и стѣннаго календарей, нотъ, модъ, узоровъ, сѣмянъ огородныхъ и цвѣточныхъ растеній, образцовъ матерій, рыболовныхъ крючковъ, письменныхъ принадлежностей** и тому подобныхъ хозяйственныхъ предметовъ, удобныхъ для пересылки.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, въ объемѣ 1—2 печатныхъ листовъ, не считая приложеній, съ пояснительными чертежами и рисунками.

Первый номеръ выйдетъ 30 апрѣля.

При первомъ номерѣ будетъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ **комплектъ сѣмянъ** для небольшого огорода; при второмъ—**образцы лѣтнихъ матерій.**

Подписная цѣна со всѣми приложеніями: на годъ 6 р., на 8 мѣсяцевъ (по 1 января 1893 г.) 4 р., на 2 мѣсяца 1 р.

Адресъ: **Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.** Редакт.-издат. **Л. П. САБАНѢЕВЪ.**

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

ВЕЛОСИПЕДЫ

„ОРЕЛЪ“

Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Ц. № 5728 СПЕЦІАЛЬНАЯ 12—3

ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. М. № 5651 8—8

Единственный складъ усовершенствованныхъ англійскихъ велосипедовъ фабрики

ГОРТОНА

въ Ковентри.

С.-Петербургъ, Васильевск. Островъ, 9-я линія, № 24.

Р. НЕШЕЛЬ. № 5755

Прейсъ-куранты высылаю безплатно.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

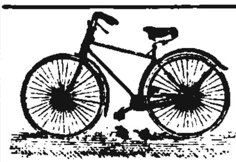

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ. № 5729 6—3

Проф. **БЕРКАНЪ** лѣчитъ

ЗАИКАНІЕ 10—6

Москва, Б. Кисловка, д. Базилевскаго.

Старѣйшій и обширнѣйшій заводъ въ свѣтѣ компаніи

РУДЖЪ,

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ,

Москва, Мясницкая ул., д. № 2.

Ц. № 5731 Каталоги безплатно. 4—2

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ (4)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. **Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.**

Вышло и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ

(Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ). **Ф. А. Ланге.**

Переводъ съ 4 нѣмецк. изданія. Съ предисловіемъ **Р. Сементковскаго.** 330 страницъ. Цѣна **1** руб. **25** коп. Мт. № 5749

МОЙНАКСКОЕ

ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ

И

ЛИМАННОЕ

№ 5750 **ЗАВЕДЕНІЕ** 6—1

въ городѣ Евпаторіи

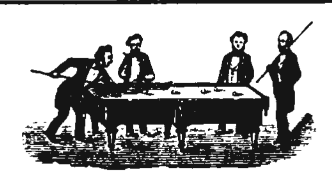
Открывается съ 20 мая по 20 августа.

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: **наружныя, кожныя, грудныя болѣзни** и ракъ. **Невскій 71/1**, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. **Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно.** За одну 7 к. марк. выс. услов. Одесса, Дериб., проф. кал. **Конидарисъ.**

ФОТОГРАФІИ

для моделей, женскія и мужскія, жанръ, ландшафты. 100 миніатюрн. фотографій и 4 образца за 3 р. Самая большая и лучшая коллекція всего міра. Каталоги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ язык. по 20 к. **Louis Ramlo Kunstverlag München II, Postfach 16**

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египет- № 5607 **скаго моста, домъ № 7—2.** 26—7

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

РОЗОВОЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,

ПРОЗРАЧНОЕ

КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (8)

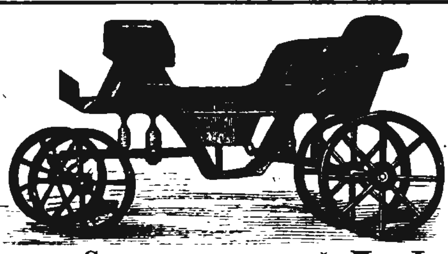
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЭКИПАЖИ

на резиновыхъ буферахъ (рессорахъ) **НЕЗАМѢНИМЫ** для грунтовыхъ дорогъ.

Покойны, какъ рессорные, прочны и легки на ходу. Отъ 125 руб., изящный экипажъ отъ 145 руб.

Складъ при конторѣ **Л. Ф. ПЛО,**

Москва, Мясницкая улица, д. Ермакова. Ц. № 5727 2—2

Прейсъ-курантъ высылается за одну 7-копѣечную почтовую марку.

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно. № 5649 8—7

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

Дозвол. ценз., СПБ., 15 апрѣля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6–10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 25 апрѣля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Дикая лошадь (Equus Przewalskii), убитая въ Джунгаріи, въ урочищѣ Гашунъ. Съ фот. Грумъ-Гржимайло, грав. Рашевскій.

Дикая лошадь (EQUUS PRZEWALSKII).

Изъ дневника путешествія въ Китай 1889—90 гг.

М. Грумъ-Гржимайло.

Н. М. Пржевальскій былъ первый изъ европейцевъ, обогатившій науку открытіемъ новаго животнаго, родственнаго нашей лошади и относящагося къ роду Equus, которое и названо его именемъ. Описаніе этого животнаго, сдѣланное по единственному экземпляру шкуры съ черепомъ, подаренныхъ ему Зайсанскимъ уѣзднымъ начальникомъ г. Тихоновымъ, помѣщено въ его сочиненіи: „Третье путешествіе въ Центральную Азію".

Хотя и можно было сдѣлать довольно точное описаніе дикой лошади по шкурѣ двухлѣтняго жеребенка и по разспросамъ, но оно далеко не удовлетворяло научнаго интереса; вотъ почему при сборахъ нашей экспедиціи въ Центральную Азію Императорская Академія Наукъ обратила особое наше вниманіе на это животное, прося употребить всѣ средства для добычи полныхъ экземпляровъ его.

Какъ извѣстно, наши старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ настоящее время музей Академіи Наукъ обогащенъ четырьмя полными экземплярами Equus Przewalskii (2 жеребца 18 и 9 лѣтъ, кобыла 10 лѣтъ и жеребенокъ по второму году) съ черепами и скелетами.

Мы въ свою очередь были первые изъ европейцевъ, охотившіеся на эту лошадь и изучившіе весьма подробно ея норовъ и привычки на родинѣ. Описанію ихъ я и посвящаю настоящую замѣтку.

Двигаясь изъ Кульджи частью горами, частью подгорною полосой сѣвернаго склона Тянь-Шаня, мы прибыли въ столицу Синьдзяня Урумчи, или Хуміоза (кит.). У встрѣчныхъ сартовъ, дунганъ, китайцевъ и проводниковъ-монголовъ мы старательно вывѣдывали мѣсто, гдѣ можно встрѣтить дикихъ лошадей (по-монгольски — таке). По восточному обычаю, намъ говорили много и долго. Какъ на мѣсто нахожденія дикихъ лошадей указывали на Хами, Лобъ-Норъ, Баркуль, стараясь обставлять розсказни самыми мельчайшими подробностями; однако, всѣ эти разговоры не вели ни къ чему: девять десятыхъ оказывалось вымысломъ. Несмотря на всѣ старанія, намъ не попадался человѣкъ, который могъ бы точно указать, гдѣ именно обыкновенно держатся дикія лошади, мало того—не было людей видѣвшихъ когда-либо это животное или знавшихъ, по крайней мѣрѣ, охотниковъ на него. Но, наконецъ, намъ улыбнулось счастье. По принятому нами правилу, мы никогда не сторонились мѣстныхъ жителей; напротивъ, всегда старались по возможности ихъ къ себѣ расположить, въ чемъ и не раскаивались, ибо нерѣдко среди хвастливой болтовни, вранья, подчасъ назойливыхъ разспросовъ и приставаній мы получали драгоцѣнныя указанія, съ избыткомъ вознаграждавшія насъ за наше терпѣніе. Вообще нашъ лагерь представлялъ базаръ, гдѣ съ утра до вечера толкалась масса народа.

То же случилось и въ Урумчи, въ пятистахъ верстахъ отъ русской границы. Къ нашей стоянкѣ съ утра стали прибывать изъ города любопытные сарты, которые быстро образовывали шумящую и галдящую толпу, привлекавшую къ нашимъ юртамъ даже проѣзжихъ по большой дорогѣ. Въ числѣ прочихъ любопытныхъ путниковъ къ намъ подъѣхали офицеры-монголы племени солоновъ, посланные въ окрестности Богда-Ола и Гучена для сбора подданныхъ князя и водворенія ихъ въ окрестностяхъ Кобдо. Какъ людей сановитыхъ, мы пригласили ихъ къ намъ въ юрты. Сначала монголы были озадачены, увидя въ юртѣ русскихъ чиновниковъ, но затѣмъ нашъ ласковый пріемъ ободрилъ ихъ, и между нами скоро завязался оживленный разговоръ. Разсказывая о звѣряхъ, на которыхъ охотятся монголы, они упомянули, между прочимъ, о такѣ, т. е. о давно желанной дикой лошади. Конечно, мы не упустили такого счастливаго случая и стали подробно разспрашивать про это важное для насъ животное, стараясь разобрать, не смѣшиваютъ-ли они джигетая, или кулана съ лошадью. Однако оказалось, что монголы отлично различаютъ этихъ животныхъ. Изъ ихъ разсказовъ намъ стало ясно, гдѣ водятся дикія лошади, а именно — въ урочищѣ Гашунъ (Кошунъ, какъ они говорили), мѣсто нахожденія котораго точно указать они намъ не могли.

Разсчитывая при дальнѣйшемъ нашемъ странствованіи все же найти человѣка, знающаго урочище Гашунъ, мы продолжали наше движеніе на Богда-Ола, уклонившись, однако, къ сѣверу въ сторону Гучена, а не на югъ къ Турфану, какъ предполагали. Въ Гученъ мы прибыли 21 августа 1889 года. Тутъ, дѣйствительно, наша надежда оправдалась: мы не только узнали мѣсто расположенія названнаго урочища, но даже наняли, за довольно, впрочемъ, высокую плату, охотника-проводника. Н. М. Пржевальскій называлъ урочище Гашунъ—Сенкюльтай; лежитъ оно въ нижней Чжунгаріи, въ 80-ти верстахъ къ сѣверу отъ Гучена, по скотопрогонной дорогѣ изъ Улясутая.

Между хребтами Тянь-Шаня съ юга и системой Алтая съ сѣвера лежитъ плоская возвышенность, имѣющая среднюю высоту до 2,000 ф.; съ запада и съ востока эта равнина замкнута отрогами, соединяющими Алтай съ Тянь-Шанемъ. Такимъ образомъ Чжунгарская пустыня лежитъ между 52° и 61° восточной долготы и 44°—46° сѣверной широты. Уширяясь около 57° восточной долготы, она съуживается къ западу и востоку. Рѣки, стекающія съ горъ Тянь-Шаня западнѣе меридіана Урумчи, образуютъ рядъ соленыхъ озеръ [1]) и солончаковыхъ болотъ; послѣднія покрыты густыми зарослями камыша, дающаго пріютъ множеству кабановъ, тигровъ и волковъ. Восточнѣе Урумчи воды рѣкъ исчезаютъ въ грядѣ песковъ, тянущихся отъ города Фукана до меридіана городка Морохо. Рѣки, текущія съ южныхъ склоновъ Алтая, малы, и воды ихъ не добѣгаютъ до Центральной Джунгаріи. Тѣ солончаковыя болота, которыя образовались сѣвернѣе песчаной гряды, обязаны своимъ происхожденіемъ подземнымъ ключамъ. Эти ключи вѣками выносили соль изъ земли и осаждали ее на поверхности; сами же, пробѣжавъ 2—3 аршина, снова уходили въ землю.

Вотъ въ этой-то части Джунгаріи, за грядой песковъ, лежитъ урочище Гашунъ. Рядъ ключей, тянущихся съ востока, а потомъ круто уклоняющихся къ сѣверу, образуютъ на протяженіи 6—7 верстъ подобіе русла рѣки, покрытаго почти сплошь камышомъ; мѣстами берега этой рѣки совершенно бѣлы отъ вывѣтрившейся глауберовой соли, мѣстами же представляютъ роскошныя пастбища.

По всей длинѣ рѣчки имѣются озерки горько-соленой воды, однако эта вода все же годна для животныхъ и служитъ приманкою для дикихъ лошадей и другихъ обитателей пустыни животнаго царства.

Отъ города Гучена до Гашуна, по нашимъ соображеніямъ, было всего около 65 верстъ; пройти это пространство съ вьюками сразу было трудно. А потому мы рѣшили днемъ подойти къ пескамъ, гдѣ было маленькое разоренное селеніе Пигучонза, тутъ покормить лошадей, сварить обѣдъ и, выступивши около 6 часовъ вечера, пройти пески ночью.

Утромъ 23 августа, съ восходомъ солнца, нашъ караванъ сталъ вытягиваться въ длинную вереницу вьючковъ. Впереди ѣхали братъ, проводникъ и охотникъ-сартъ, который, какъ говорили, не только былъ хорошій стрѣлокъ, но отлично зналъ привычки лошадей. Затѣмъ шли вьюки, а въ хвостѣ ѣхалъ я съ препараторомъ М. Жиляевымъ.

Всѣ люди каравана были возбуждены ожиданіемъ охоты на животныхъ, шкуры которыхъ, во что бы то ни стало, должны были украсить нашу коллекцію. Тысячу разъ передавались одинъ другому разсказы, слышанные отъ насъ, какъ интересовали эти животныя ученый міръ, какъ Пржевальскій добылъ свой экземпляръ и т. д. Всякій дѣлалъ свои замѣчанія.

— А что, ваше благородіе, коли мы этихъ лошадей добудемъ, какая тебѣ награда будетъ? спрашивалъ монголъ-переводчикъ,—дадутъ тебѣ большаго чиннаго (чиновника)?

— Не знаю, братъ, что дадутъ, а только похвалятъ навѣрно; а вотъ, если ты убьешь, такъ навѣрно 4 красныхъ получишь.

— Ваше благородіе, да какъ же ему убить, если онъ, когда цѣлитъ, то дуло къ плечу приставляетъ? кричитъ какой-то шутникъ-казакъ,—развѣ заарканитъ, только вѣдь не сдержать тогда: въ пустыню его, бѣднаго, лошадь-то уволокётъ.

— Молчи ты, кошма! лучше тебя стрѣлять умѣемъ, ворчитъ обиженный старикъ.

А караванъ все идетъ и идетъ; обожженная степь раскинулась кругомъ насъ, почти высохшій ползучій камышъ шуршитъ подъ ногами лошадей; звучно стучатъ копыта по твердой, какъ камень, солонцоватой глинѣ; кое-гдѣ стоятъ высокіе кусты чія, раскинувшіе на подобіе дикобраза свои твердыя, какъ проволока, соломины. Становится тяжело отъ безжизненности природы, а къ этому еще прибавляется духота отъ палящаго солнца, тонкими струями поднимается воздухъ отъ разогрѣтой почвы, и высокая цѣпь снѣжныхъ вершинъ Тянь-Шаня кажется поднятою миражемъ надъ поверхностью земли.

Но путь нашъ уже близится къ концу. Пройдя около 20-ти верстъ, мы подошли къ селенію Питучонза; селеніе это нѣкогда было богато, но дунганская инсурекція оставила и здѣсь свои слѣды.

Въ восьмомъ часу мы уже двинулись съ бивака. Стало темнѣть, и съ трудомъ можно было разобрать дорогу. Но вскорѣ луна своимъ слабымъ свѣтомъ освѣтила мѣстность. Мы шли холмами, покрытыми тонкимъ слоемъ песку. На тропинкѣ онъ былъ тоже не глубокъ: нога тонула всего вершка на полтора; тѣмъ не менѣе идти было трудно, и лошади утомлялись.

По закрѣпленнымъ барханамъ виднѣлись густыя поросли гребенчука; мѣстами, гдѣ песокъ былъ сдутъ и обнаруживалась глина, росли солянка и камышъ. Мѣстность все повышалась, песокъ становился крупнѣе, превращаясь въ гальку.

Но вотъ часы показываютъ безъ пяти девять.

— Вьюки стой!

[1]) Изъ нихъ наиболѣе крупныя: Аяръ-норъ и Эби-норъ.

Предупрежденные люди спѣшатъ развьючить двухъ лошадей, на которыхъ идутъ ягтаны [1]) съ хронометрами. Через 8—10 минутъ хронометры заведены, и мы снова двигаемся въ путь.

Подулъ свѣжій вѣтерокъ, люди одѣлись въ шинели. Къ полуночи холодъ настолько усилился, что казаки одинъ за другимъ стали слѣзать съ лошадей, чтобы пройтись пѣшкомъ и разогрѣть закоченѣвшія ноги.

Тяжелы были всегда ночные переходы, но теперешній казался особенно утомительнымъ: ни люди, ни лошади не успѣли отдохнуть отъ дневнаго перехода по жарѣ въ 30 слишкомъ градусовъ; а тутъ приходилось дѣлать второй переходъ по крайне тяжелой дорогѣ, къ тому же при холодномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, понизившемъ температуру до —2° Ц. Люди стали кутаться крѣпче, надѣли полушубки и нерѣдко поклевывали носами.

Прошло еще часа два. Наше намѣреніе было пройти до половины дороги (это разсчитывали мы сдѣлать въ 5—6 часовъ), тутъ у колодца Гурбанъ-Кудукъ покормить лошадей и, отдохнувъ часа четыре, двинуться далѣе. Но вотъ уже четвертый часъ, а проводникъ не останавливаетъ каравана. По всей вѣроятности, въ темнотѣ ночи онъ пропустилъ колодецъ, такъ какъ половина пути, по расчету, должна была быть давно пройдена.

Поговоривъ съ братомъ, мы рѣшили дать отдыхъ и людямъ, и лошадямъ. Да и пора было: люди и лошади шли изъ послѣднихъ силъ; караванъ какъ-то замеръ въ своемъ движеніи, даже огоньковъ отъ трубокъ не стало видно, лошади машинально передвигали ногами, а люди спали въ сѣдлахъ.

Вьюки были быстро развьючены и брошены какъ попало; лошади сведены въ кучу. Бѣдныя животныя отворачивали морды отъ торбъ съ кормомъ, но охотно ѣли солянку, собранную кругомъ. Воды не было: проводникъ не зналъ, въ какой сторонѣ остался колодецъ. Каждый выбралъ себѣ мѣсто по вкусу и улегся отдыхать, стараясь укрыться отъ вѣтра.

Но сонъ былъ не дологъ.

При свѣтѣ зари оказалось, что мы ночевали далеко пройдя колодецъ и находились на высшей точкѣ песчаной возвышенности; почва была тверда какъ камень, и только тонкій слой песку заставлялъ думать, что мы шли по песчанымъ барханамъ. Гряда, на которой мы были, значительно возвышалась и надъ Гученомъ, и надъ Гашуномъ; роскошный видъ открывался съ нея на сѣверъ и югъ. Сквозь дымку зари блестѣли снѣговыя вершины Тянь-Шаня, облитыя золотымъ пурпуромъ восходящаго солнца, подошвы же этихъ великановъ тонули въ волнахъ утренняго тумана. Далеко-далеко на сѣверѣ смутно вырисовывались неясныя очертанія Алтая, ближе подступали гладкія, точно облитыя водою, вершины Байшыкъ-Богдо. Внизу подъ ногами, на огромномъ пространствѣ, зеленѣли камыши урочища Гашунъ, граничащіе съ глубокимъ оврагомъ и низенькимъ уваломъ кремнистыхъ, разрушенныхъ временемъ, горъ Наменъ-чю.

Растительность стала и гуще, и разнообразнѣе, чѣмъ въ первой половинѣ пути; появился саксаулъ, встрѣчались мѣста густо заросшія камышомъ, въ ямкахъ же росли солянковыя растенія. Бугры были сплошь изрыты грызунами, которые при нашемъ приближеніи издавали какой-то пискъ и быстро скрывались въ норкахъ. Мнѣ удалось однако подкараулить и убить нѣсколько штукъ.

Съ восходомъ солнца засуетилось и пернатое царство: выбѣжала саксаульная сойка, чирикнулъ пустынный воробей, и какой-то хищникъ быстро пронесся, не давъ даже времени вскинуть ружье. Но вотъ раздалось знакомое карканье, кончавшееся трелью „ррр...“, и со свистомъ пронесся на водопой большой табунъ (Syrrhaptes paradoxa) пустынныхъ куропатокъ, за нимъ второй, третій, спѣша туда же, куда спѣшили и мы, т. е. къ ключамъ Гашуна.

Около полудня мы вышли на поляну, гдѣ былъ пикетъ съ нѣсколькими китайскими солдатами для прогона на верблюдахъ казенныхъ пакетовъ; тутъ мы напились довольно скверной соленой воды. Пройдя еще три версты, нашъ караванъ остановился у солонцеватыхъ озеръ, среди прекраснаго подножнаго корма, какъ разъ въ углу, гдѣ водяной стокъ круто заворачиваетъ съ востока на сѣверъ. Погода была теплая и пріятно было отдохнуть и напиться чаю послѣ тяжелаго ночнаго перехода. Приготовленія къ охотѣ не дали возможности заснуть до вечера. Переговоры о способѣ веденія ея, которые велись подъ руководствомъ опытнаго сарта-охотника, и необходимый осмотръ окрестностей заняли все время до вечера. Въ общемъ, мѣстность представляла слѣдующую картину. Около главнаго лога, тянувшагося съ востока, мѣстность была довольно ровная, и къ югу до самыхъ песковъ покрыта кормовою травою; на этомъ пространствѣ въ двухъ мѣстахъ находились ключи, которые орошали вышеуказанное пространство. Далѣе къ востоку, въ верстѣ отъ нашей стоянки, виднѣлось озерко весьма хорошей воды. Это была послѣдняя вода: еще далѣе версты на три логъ былъ сухъ и блестѣлъ кристаллами глауберовой соли и соды. Солончаковое русло, изогнувшись немного къ югу, снова поворачивало на востокъ и входило въ долину, шириною около трехъ верстъ; почва ея была до крайности слабой, такъ что нога, пробивъ верхнюю тонкую кору, проваливалась до полуколѣна въ какую-то порошкообразную массу. Края долины представляли нѣсколько волнистую и твердую поверхность, покрытую крупною галькою, а мѣстами надутымъ пескомъ; верстахъ въ 15—18 эти края смыкались и, подымаясь, уходили къ юго-востоку. Къ сѣверу отъ нашей стоянки долина была узка, русло образовывало около 15 озерковъ, вытянутыхъ въ одну линію; тутъ, въ густо поросшихъ камышомъ лужахъ, находила себѣ пріютъ и отдыхъ перелетная водяная дичь. За исключеніемъ мѣстъ, прилегающихъ къ ключамъ, все пространство было удобопроходимо; покрытое порослями тамарикса, камышомъ, а мѣстами и тугракамн (Populus diversifolia), оно представляло довольно ровную степь, раскинувшуюся на 60 кв. приблизительно верстъ. Степь эту мы изъѣздили во время поисковъ лошадей и вдоль, и поперекъ. Особенности степи, которая рѣзко бросалась въ глаза, заключалась въ томъ, что вся мѣстность была нарѣзана тропинками, пробитыми животными. Въ промежуткахъ и по краямъ тропинокъ слѣдовъ не было замѣтно; мѣстами онѣ уширялись и образовывали какъ бы площадку, посреди которой лежала обыкновенно масса навоза, будто бы нарочно собраннаго въ кучу. По слѣдамъ на тропинкахъ мы не могли опредѣлить положительно, принадлежать-ли они куланамъ или лошадямъ, а равно трудно было сказать, откуда приходятъ животныя. Поэтому охотникъ-сартъ посовѣтовалъ намъ занять линію между крайнимъ восточнымъ и сѣвернымъ озерами.

Задолго до восхода солнца, часовъ около двухъ ночи, мы въ числѣ десяти человѣкъ вышли изъ лагеря и безъ шума пробрались къ заранѣе выбраннымъ мѣстамъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался я вдаль, прислушиваясь къ малѣйшему шороху; но все было спокойно. Изрѣдка только раздавался пискъ какого-то мышенка или свистъ пустыннаго зайца. Сидѣть было холодно, а мертвая тишина природы и слабое освѣщеніе луны располагали къ дремотѣ; мысли путались; чувствовалось, что засыпаешь.

На востокѣ заалѣла заря. Что-то стукнуло невдалекѣ; это шла антилопа-каракурюкъ, за ней, осторожно ступая, вышла изъ-за куста вторая, тамъ третья. Граціозныя животныя скользили какъ тѣни, чутко ко всему прислушиваясь. Онп остановились не далеко, всего шагахъ въ 80-ти, но стрѣлять было нельзя: по словамъ сарта-охотника, лошади боязливы и при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ уносятся съ быстротою вѣтра, возвращаясь снова на водопой не ранѣе двухъ-трехъ дней. Почти то же писалъ о лошадяхъ Н. М. Пржевальскій. Поэтому всѣмъ было воспрещено стрѣлять по чему бы то ни было, за исключеніемъ лошадей; мнѣ тоже поневолѣ оставалось только любоваться милыми антилопами, которыя на ходу пощипывали травку. Маленькій козликъ рѣзвился около матери, то становился на дыбки и прыгалъ вверхъ, то, разбѣжавшись, выгибалъ шею и ударялъ безрогою головкой въ грудь матери. Ружье, лежавшее у меня на колѣняхъ, скользнуло и ударило въ стволъ куста, за которымъ я сидѣлъ. Вѣтеръ былъ на меня, поэтому животныя не почуяли, но все же, недовѣрчиво озираясь, побѣжали рысцой по направленію къ ключамъ, скрываясь въ туманной дали.

Солнце взошло — было шесть часовъ утра; охотники стали одинъ за другимъ подниматься изъ-за кустовъ, расправляя замлѣвшіе члены. Мы собрались. Никто не видалъ лошадей. Только одинъ казакъ сталъ насъ увѣрять, что видѣлъ какого-то страннаго звѣря, ни на что не похожаго.

Трудно было составить себѣ понятіе по этому разсказу, что за звѣря видѣлъ нашъ молодецъ. Ясно было только, что за туманомъ онъ не разобралъ его толкомъ. Такъ животное это и осталось для насъ загадкой. Однако дней черезъ шесть объяснилось, что животное это — молодая антилопа сайга, или по-мѣстному — бургакъ. Казаки встрѣтили ее въ одну изъ дневныхъ поѣздокъ за лошадьми — верстахъ въ двадцати отъ лагеря. Оригинальное сложеніе этого жвачнаго, до сихъ поръ никѣмъ изъ нашихъ людей не виданнаго, даже и днемъ навело сомнѣніе на казаковъ. Большинство рѣшило, что это долженъ быть больной волкъ; другіе же, что отставшій захудалый баранъ. Во всякомъ случаѣ люди рѣшили, что по такой падали стрѣлять не стоитъ, и упустили звѣря. Впослѣдствіи намъ удалось убить нѣсколько штукъ сайгаковъ близъ перевала Улангъ-су, гдѣ они водились большими стадами. Въ Центральной Азіи эти антилопы очень рѣдки, и мы были первые, доставившіе ихъ оттуда въ Императорскую Академію Наукъ. На слѣдующую ночь охота возобновилась. Охотники разошлись группами по озерамъ, но и эта ночь была неудачна. Однако мы не унывали. Осматривая днемъ водопои и тропинки, мы убѣдились, что лошади приходили на водопой уже послѣ того, какъ были покинуты нами засадки. Подошли онѣ съ подвѣтренной стороны, откуда мы ихъ и не ждали. Это открытіе такъ порадовало насъ, что мы еле дождались третьей ночи. Я съ сибирцемъ Иваномъ Комаровымъ и семирѣченцемъ Андреемъ Глаголевымъ заняли мѣсто около крайняго восточнаго озера, другіе же усѣлись группами у сѣверныхъ озеръ. Въ девять часовъ вечера всѣ были на мѣстахъ. Выбравъ себѣ

[1]) Вьючные ящики, сдѣланные изъ непромокаемой ткани или кожи.

Выставка въ Имп. Акад. Худ. „Наказана“.
Карт. **Гюбнеръ-Симонисъ** (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**“), грав. Пуцъ.

ХХ передвижная выставка. „Плутовки“.

Карт. К. В. Лемоха (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Хелмицкій.

засадку спиною къ озеру передъ большими зарослями, я вырѣзалъ всѣ лишнія вѣтки, мѣшавшія движеніямъ и стрѣльбѣ. Съ трехъ сторонъ меня окружалъ высокій кустарникъ, и только слѣва была широкая долина лога, вся блестѣвшая отъ кристалловъ соли; съ этой стороны я ожидалъ лошадей. Вечеръ былъ теплый и ясный, то и дѣло прилетали къ водѣ какія-то пташки; слышно было, какъ онѣ шлепались въ воду озерка... Пищали болотные кулики... но по мѣрѣ сгущенія сумерокъ все затихало. Гдѣ-то недалеко пролетѣлъ громадный сычъ, оглашая воздухъ своимъ замогильнымъ крикомъ, послѣднимъ среди засыпавшей природы. Но вотъ послышался шорохъ, и по тѣни, скользнувшей по бѣлой пеленѣ лога, я узналъ тихо кравшагося къ водѣ волка.

Луна поднималась все выше и выше. Жутко было сидѣть одному среди потонувшихъ во мракѣ зарослей: въ кустахъ я не могъ ничего разсмотрѣть, не помогли и расчищенныя между ними пространства. Вдругъ почти надъ ухомъ позади меня раздался какой-то храпъ, похожій на хрюканье кабана. Морозъ побѣжалъ по кожѣ, и я, сжавъ въ рукахъ штуцеръ, сталъ тихо поворачиваться въ сторону слышаннаго звука, стараясь разглядѣть сквозь кусты виновника, нарушившаго ночной покой. Напрасно, все было покойно, ни одна вершинка кустовъ, рѣзко выдѣлявшихся на фонѣ чистаго неба, не колебалась. Прошло минутъ пятнадцать —такой же храпъ, но подальше, раздался со стороны, откуда я только что отвернулся. Звукъ былъ настолько страненъ, что я терялся въ догадкахъ.

Такъ продолжалось около часу; хрюканье слышно было то ближе, то дальше. Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилось.

„Вѣрно пройдутъ мимо моей засадки", и я усѣлся получше.

Но время идетъ, ноги совсѣмъ одеревенѣли, а лошадей нѣтъ, какъ нѣтъ, и ни шороха, ни звука. Прошло не менѣе часа томительнаго ожиданія... Рѣзко щелкнулъ на озерѣ выстрѣлъ, и жалобный звукъ летѣвшей пули донесся до меня.

„Экая мерзость — промахнулся!" чуть не вслухъ проговорилъ я.

Но вотъ второй, третій удаляющіеся выстрѣлы.

„Надо спѣшить: вѣрно ранилъ и преслѣдуетъ."

Я выскочилъ изъ засадки, бросился къ озеру и тутъ же наткнулся на двухъ казаковъ.

— Въ кого стрѣляли?

— Да вотъ, ваше благородіе, въ лошадей.

— Ну, а сейчасъ?

— Да въ нихъ же, вотъ онѣ стоятъ.

Дѣйствительно въ трехстахъ шагахъ въ указанномъ направленіи, вытянувшись въ линію, стояло семь лошадей. При свѣтѣ луны онѣ казались, какъ снѣгъ, бѣлыми и стояли, не шевелясь.

— Надо къ нимъ красться, а стрѣлять тутъ далеко.

— Да, ваше благородіе, мы и то пробовали, да жеребецъ ихъ уводитъ. Онъ прячется вотъ тутъ за кустомъ и за нами смотритъ; чуть двинемся, онъ сейчасъ начнетъ чертить кругомъ и уведетъ табунъ.

— Стойте здѣсь, а я попробую.

И съ этими словами я опустился на колѣни и на четвереренькахъ поползъ къ табуну. Не успѣлъ я отползти и шестидесяти шаговъ, какъ съ фырканьемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь,—такъ хорошъ былъ дикарь. Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно вѣтеръ былъ неблагопріятный, и онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, онъ снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силой втянулъ воздухъ и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулся кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ), и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ на двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налѣво дуги, становясь на дыбы и фыркая.

Разспросивъ казаковъ, какъ подошелъ къ озеру табунъ, я узналъ слѣдующее. Около одиннадцати часовъ вечера люди услышали шорохъ между мной и ихъ засадками, потомъ раздался храпъ. Вѣтеръ былъ отъ меня къ нимъ, поэтому они ясно слышали, что происходило въ моей сторонѣ. Жеребецъ, почуявъ опасность, обходилъ мою засадку то съ одной, то съ другой стороны. Точно опредѣливъ мое положеніе, онъ тихо удалился въ сторону песковъ, гдѣ и раздалось вѣроятно призывное его ржаніе. Далеко къ востоку обойдя меня и наше озеро, табунъ тихо приближался къ нему съ сѣвера. Когда казаки замѣтили лошадей, жеребецъ шелъ впереди, а за нимъ шагахъ въ ста табунъ. Почти безъ шума подошелъ жеребецъ къ водѣ и сталъ пить. Онъ стоялъ не далѣе сорока шаговъ отъ Комарова и пилъ, оборотясь мордой къ нему. Слабый стукъ взведенной пружины заставилъ лошадь приподнять голову. Казакъ цѣлилъ въ лобъ, но при всемъ желаніи въ темнотѣ не могъ найти мушку, хотя около нея и была привязана полоска бумаги. Послѣдовалъ промахъ. Жеребецъ бросился къ табуну и, отогнавъ его шаговъ на триста, сталъ шагахъ въ ста отъ засадки казака. По немъ-то и продолжали стрѣлять безъ успѣха Комаровъ и Глаголевъ.

Наши ночныя сидѣнія на озерахъ продолжались еще дня три, но безъ успѣха. Лошади подходили шаговъ на двѣсти, но болѣе приближаться не рѣшались. Бѣдныя животныя, лишившись необходимаго питья, выбивали ногами въ сырыхъ мѣстахъ ямки и пили накоплявшуюся тамъ воду.

Пришлось намъ увидѣть и днемъ этихъ жителей пустыни. На шестой день нашего пребыванія въ Гашунѣ прибѣжалъ дежурный казакъ изъ нашего табуна и сообщилъ, что верстахъ въ трехъ ходятъ дикія лошади. Мы рѣшили объѣхать табунъ со стороны песковъ. Показавшись тамъ лошадямъ, этимъ заставить ихъ войти въ восточный рукавъ, гдѣ на тропахъ и должны были поджидать табунъ пѣшіе охотники. Сказано-сдѣлано. Поднявшись на маленькій холмикъ, я увидалъ лошадей, которыя спокойно паслись около песковъ. Оріентировавшись, я съ двумя охотниками отправился къ узкому мѣсту восточнаго рукава, а остальные, сѣвъ на лошадей, стали объѣзжать табунъ, забирая сильно на западъ.

Не успѣли мы занять нашей позиціи, какъ услыхали выстрѣлъ. Очевидно, нашъ планъ былъ разрушенъ. Дѣйствительно, табунчикъ былъ обойденъ легко, но когда люди вышли къ нему, то лошади стали двигаться параллельно цѣпи, стараясь прорвать ее, и налетѣли на казака Петра Колотовкина. Неожиданность такъ озадачила его, что нашъ перворазрядный стрѣлокъ далъ промахъ въ тридцати шагахъ. Къ довершенію неудачи за мчавшимся табуномъ поскакала и его лошадь. Бывшіе близко люди погнались за бѣглянкой и поймали ее только потому, что она не могла поспѣть за табуномъ.

Интересно было наблюдать поведеніе жеребца во все время опасности. Почуявъ что-то недоброе, онъ фырканьемъ далъ знать табуну; лошади мгновенно выстроились гуськомъ, имѣя впереди молодого жеребца, а жеребятъ посрединѣ, между кобылъ. Пока табунъ шелъ, имѣя сбоку охотниковъ, жеребецъ держался съ той же стороны, направляя табунъ то голосомъ, то ударами копытъ на избранный имъ путь. Когда лошади прошли сквозь цѣпь охотниковъ, и за ними слѣдомъ помчались люди, стараясь отбить сѣрка, увязавшагося за табуномъ, жеребецъ сталъ въ арьергардѣ. Забавно было, какъ онъ понукалъ маленькаго жеребенка, который не могъ поспѣть за всѣми на своихъ слабыхъ ножкахъ. Сперва, когда жеребенокъ началъ отставать, кобыла старалась его подбодрить тихимъ ржаніемъ, но видя, что ничего не помогаетъ, она отдѣлилась отъ табуна, не желая, повидимому, бросать своего дѣтища. Однако, жеребецъ не допустилъ подобнаго безпорядка: сильно лягнувъ кобылу два раза, онъ заставилъ ее догнать табунъ, а самъ принялъ попеченіе о жеребенкѣ. Онъ то подталкивалъ его мордой, то тащилъ, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь въ воздухъ.

Поймавъ сѣрка, казаки вернулись въ лагерь. Всѣмъ было досадно. И лошадей-то видѣли недалеко, и совсѣмъ онѣ не такія недоступныя, какъ о томъ писалъ Пржевальскій, а все неудачи. Причина ихъ очевидно заключалась въ томъ, что люди не освоились еще съ охотой и терялись, когда приходилось стрѣлять. Мы себѣ составили совершенно превратное понятіе объ осторожности дикихъ лошадей. Это обстоятельство на три четверти уменьшало успѣхъ охоты, мы оказывались чрезчуръ осторожными, когда этого вовсе не требовалось, и наоборотъ. Насколько дикія лошади осторожны ночью, настолько онѣ сравнительно безпечны днемъ; но за то днемъ лошади такъ хорошо маскируются мѣстностью, что нерѣдко, преслѣдуя табунъ въ 300—400 шагахъ, мы совершенно теряли его изъ виду и находили только по слѣду.

Хорошая до того времени погода вдругъ измѣнилась: два дня шелъ дождь. Съ наступленіемъ ихъ перестали появляться около озера и лошади. Это обстоятельство взволновало насъ. Явился вопросъ,—совершенно-ли покинулъ табунъ, напуганный нашимъ постояннымъ присутствіемъ, это урочище, или только временно. Вѣдь лошадямъ вслѣдствіе дождливой погоды не было необходимости приходить къ постоянному водопою: теперь вездѣ была вода. Прошло два дня, небо прояснѣло. Мы стали снаряжаться для отысканія ключей, такъ какъ соленая вода Гашуна вредно дѣйствовала на нашихъ караванныхъ животныхъ. Медлить было невозможно.

Часовъ въ семь вечера, я съ двумя казаками и проводникомъ покинулъ лагерь. Не успѣли мы проѣхать и двѣнадцати верстъ, какъ впереди насъ раздался храпъ. Оказалось, мы встрѣтились какъ разъ съ табуномъ, который шелъ на водопой по той же тропинкѣ, но съ противоположной стороны. Почуявъ насъ, вожакъ храпомъ извѣстилъ лошадей; тѣ мигомъ повернули назадъ и, отбѣжавъ шаговъ на триста, стали. Казаки спѣшились и стали пробираться къ табуну, гдѣ ползкомъ, гдѣ прикрываясь кустами; я остался наблюдать и держалъ лошадей. Жеребецъ то уходилъ въ кусты, то снова появлялся, мечась изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сообразивъ опасность, онъ перебѣжалъ на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагахъ въ четырехстахъ, и ржаньемъ позвалъ къ себѣ табунъ. Лошади мигомъ перебѣжали къ нему и крупною рысью направились мимо насъ къ Гашуну. Казаки вернулись, ругая бдительность жеребца, и мы вернулись до-

мой. На общемъ совѣтѣ рѣшено было впередъ ключей на ночь не занимать, а стараться подойти къ табуну днемъ, а также дать лошадямъ день отдыха, чтобы усыпить ихъ бдительность. Наконецъ, наши старанія увѣнчались успѣхомъ, памятнымъ останется для меня навсегда 1 сентября 1889 г. Въ четыре часа утра дежурный казакъ разбудилъ насъ и сообщилъ, что табунъ опять гуляетъ на прежнемъ мѣстѣ около песковъ. Зная, что лошади около пяти часовъ начинаютъ двигаться съ пастбища въ пустыню, мы живо собрались, и не прошло и получаса, какъ всѣ были на коняхъ. Двое казаковъ были назначены въ обходъ табуну, остальные должны были вытянуть цѣпь и загородить проходъ въ восточный рукавъ. До мѣста мы ѣхали рысью, казаки изрѣдка останавливались и, ставъ на сѣдла, высматривали, на мѣстѣ-ли табунъ. Сойдя съ лошадей и спугавъ ихъ, мы осторожно вытянулись линіей, занявъ пространство около двухъ верстъ, и каждый по своему усмотрѣнію сталъ красться къ табуну. Каково же было наше удивленіе, когда, подойдя къ кустамъ, около которыхъ должны были быть лошади, мы увидѣли, что ихъ и слѣдъ простылъ.

Вглядываясь вдаль, мы увидали тихо двигавшійся табунъ уже на первыхъ грядахъ песчаной полосы, верстахъ въ двухъ отъ насъ. Очевидно, лошадей мы не испугали, иначе слышали бы ихъ тревожное фырканье; способность ихъ ассимилироваться съ окружающей природой, дала имъ возможность пройти мимо насъ незамѣченными. Неудача и этой охоты произвела на меня крайне тягостное впечатлѣніе. Не разсчитывая, чтобы погода оставалась и на завтра ясною, я рѣшился одинъ попробовать счастья; а именно,—отыскавъ слѣдъ табуна, увязаться за нимъ и нагнать его на отдыхѣ.

Предоставивъ людямъ продолжать охоту по своему усмотрѣнію, я повернулъ прямо въ восточный рукавъ, разсчитывая, что ушедшій въ пески табунъ сдѣлаетъ дугу и пересѣчетъ мною избранное направленіе. Отъѣхавъ верстъ пять, я услышалъ за собою шумъ; оглядываюсь, вижу брата.

Очевидно, нами руководила одна и та же мысль, и оба одинаково досадовали на неудачи.

Я тщательно всматривался въ слѣды по краямъ тропинки, пробитой дикими лошадьми, какъ вдругъ увидалъ маленькій слѣдокъ жеребенка, который шелъ одиноко, пересѣкая нашу тропу. Я слѣзъ съ лошади и, ощупавъ слѣдъ, нашелъ, что онъ совершенно свѣжъ. Ощупываніе слѣда утромъ въ пескахъ гораздо надежнѣе, чѣмъ одно разсматриваніе: на глазъ всякій слѣдъ болѣе одного вершка глубиною кажется совершенно свѣжимъ, на ощупь же сыроватые свѣжіе слѣды имѣютъ боковыя стѣнки сухія, а сухіе свѣжіе слѣды—боковыя стѣнки не слишкомъ..., что бываетъ у старыхъ сухихъ слѣдовъ, вслѣдствіе смачиванія ихъ росою.

И такъ, слѣдъ табуна былъ найденъ. Очевидно, лошади шли спокойно и вразсыпную. По слѣду мы скоро выбрались изъ трухлявой почвы рукава на сѣверный твердый берегъ. Тутъ къ маленькому слѣду присоединился большой, вѣроятно, принадлежавшій маткѣ. Мѣстами попадая на твердую почву, слѣдъ исчезалъ совершенно; тогда братъ останавливался на послѣднемъ слѣдѣ; я же, описывая кругъ, отыскивалъ выходной изъ круга слѣдъ и, удостовѣрившись въ его вѣрности, двигался съ братомъ дальше. Шли мы очень быстро и такъ были увлечены, что трудно сказать, сколько часовъ продолжалось выслѣживаніе, но по нѣкоторымъ признакамъ видно было, что мы уже отъ табуна недалеко и нагоняемъ его. Передавъ лошадь брату и выйдя впередъ шаговъ на 300—400, я уже сталъ съ большою осторожностью подыматься на бугры. Наконецъ, съ одного изъ нихъ, шагахъ въ 800, я увидалъ табунъ въ восемь лошадей, въ числѣ ихъ былъ и жеребенокъ.

Лошади не шли гурьбой, а придерживались одной линіи. Своими движеніями и видомъ онѣ точь-въ-точь напоминали нашихъ домашнихъ лошадей, когда тѣ въ жаркій день тянутся одна за другой въ лѣсокъ, или на водопой, или съ заходомъ солнца идутъ по деревнѣ, направляясь къ своимъ дворамъ. Лѣниво покачиваясь, помахивая хвостами и пощипывая попадавшійся камышъ, онѣ тихо брели. Тутъ ужъ приходилось быть насторожѣ.

Я снялъ сапоги, перестегнулъ патронташъ и, улегшись, слѣдилъ, когда послѣдняя лошадь перевалитъ за впереди лежащій бугорокъ. Осторожно перебравшись ползкомъ черезъ гребень бугра, я поднялся на ноги, бѣгомъ добрался до слѣдующаго холма и всползъ на него. Много разъ я повторялъ этотъ маневръ и два раза, благодаря удобному расположенію бугровъ, я подходилъ сзади къ табуну шаговъ на 100—120. Но я видѣлъ только крупы лошадей, поэтому стрѣлять не рѣшался.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ меня чуть не открылъ жеребецъ; хотя онъ не былъ такъ бдителенъ, какъ ночью, но сохранялъ ту же привычку оставаться спрятавшимся въ кустахъ и пропускать табунъ шаговъ на 200—300 впередъ или выходить самому на то же разстояніе передъ табуномъ. Выползая на гребень, я такъ и вздрогнулъ, услыхавъ шагахъ въ тридцати зловѣщее фырканье, которое, къ счастью, раздалось по другую сторону гребня. Скорчившись, какъ возможно было, я припалъ къ землѣ, боясь вздохнуть.

„Неужели всѣ старанія даромъ?“ мелькнуло въ головѣ.

Я тихонько сталъ всматриваться въ кусты, чтобы разсмотрѣть жеребца; о немъ я могъ судить только по легкому шороху, слышавшемуся спереди. Обойдя обѣ стороны и не почуявъ опасности, онъ успокоился и пустился догонять табунъ.

Пролежавъ еще минутъ пять, я покинулъ холмъ и вернулся къ брату. Мы условились, что онъ не будетъ двигаться впередъ, пока не услышитъ выстрѣла; зачѣмъ прискачетъ ко мнѣ возможно скорѣе, чтобы дать лошадь, если придется догонять раненое животное.

Когда я снова вернулся на холмъ, то лошади были уже шагахъ въ пятистахъ. Опять приходилось ползти; я уже сильно усталъ. Отправляясь на охоту я не пилъ даже чаю и впопыхахъ не взялъ папиросъ, но страсть охотничья превозмогла все. Было далеко за полдень. Догнавъ табунъ еще разъ, я сталъ искать глазами какого-нибудь холмика, къ которому можно было бы незамѣтно подползти и, опередивши, сбоку встрѣтить лошадей. Шагахъ въ 600 впереди я увидѣлъ гряду, тянувшуюся параллельно движенію табуна, длиною около ста саженъ. Это была послѣдняя возвышенность: впереди виднѣлось ровное пространство, покрытое саксауломъ, тамариксомъ и мѣстами рѣдкимъ и высокимъ камышемъ. Надо было спѣшить. Мысленно опредѣливъ тотъ кругъ, который я долженъ былъ обползти, я спустился съ холма, закинулъ штуцерный ремень за плечи и поползъ, что было силъ, въ обходъ. Жара и духота вблизи земли были ужасныя, на мнѣ не было сухой нитки, а колѣни и руки ныли отъ врѣзавшейся гальки. Наконецъ я вползъ на вершину гряды. Оказалось, лошади прошли шагахъ въ восьмидесяти отъ гряды и въ эту минуту были далеко впереди. „Попробуемъ еще разъ погоняться съ ними“, подумалъ я и снова пополз. Достигнувъ гребня, я увидѣлъ, наконецъ, лошадь въ профиль. Это была вторая съ конца. Безъ звука поднялъ я курки штуцера Hardge'а, даннаго мнѣ Высокимъ покровителемъ нашей экспедиціи при отправленіи въ Китай, и, ставъ на колѣно, сталъ выдвигаться изъ-за маленькаго куста саксаула, прикрывавшаго меня. Лошадь стояла покойно обрывая листики камыша. Медленно поднявъ ружье, я приложился. Но утомленіе сказалось тутъ во всей своей силѣ: я съ трудомъ держалъ ружье, а отъ волненія и усталости руки и ноги дрожали какъ въ лихорадкѣ. Я чувствовалъ, что стрѣлять не могу. Опустивъ штуцеръ, я припалъ къ землѣ.

Прошло не болѣе полминуты; досада на слабость и усталость просто душила меня. Я поднялъ голову. У камыша стояла уже послѣдняя лошадь. „Или сейчасъ, или больше сегодня не удастся“, подумалъ я. Собравъ всѣ силы, я быстро поднялся на одно колѣно и приложился. Штуцеръ не дрожалъ въ рукахъ. „Лѣвѣе, лѣвѣе... ниже, ниже...“

Грянулъ выстрѣлъ и отъ страху, что промахъ, у меня волосы стали дыбомъ. „Нѣтъ, вотъ красное пятно чуть выше сердца, попалъ... что же не падаешь“, мелькало въ головѣ. Вдругъ лошадь рванулась и, сдѣлавъ дугу, стала другимъ бокомъ. Безсознательно я снова приложился и выстрѣлилъ. Лошадь упала на колѣна, но, быстро вскочивъ, ринулась впередъ, то падая, то снова подымаясь. „Скорѣе, скорѣе стрѣлять“, и я судорожно вталкивалъ новые патроны въ ружье. Между тѣмъ табунъ круто повернулъ назадъ. Думая, что выстрѣлъ былъ спереди, онъ сначала рысью, а потомъ карьеромъ пронесся мимо меня. Боясь потерять уже раненое животное и помня крѣпкоранность травоядныхъ, я уже не обращалъ вниманія на лошадей, а то не одно бы животное осталось на мѣстѣ. Я выскочилъ изъ куста и бросился къ моей жертвѣ. Всѣ ея старанія уйти были напрасны: обѣ лопатки были пробиты пулями, и хотя лошадь двигалась, но очень медленно. Двѣ новыхъ пули, изъ которыхъ одна перебила хребетъ, покончили дѣло. Лошадь упала на бокъ и осталась неподвижной. Не могу выразить того чувства радости, которое охватило меня. Наконецъ-то мы добыли то, что еще въ Петербургѣ было темой безконечныхъ разговоровъ; удалось убить животное, которое такъ старательно искалъ и не нашелъ знаменитый охотникъ и стрѣлокъ Пржевальскій. Минутъ черезъ десять подъѣхалъ братъ.

Мы подошли къ убитой лошади.

— Кто съ тобою стрѣлялъ?

— Да я одинъ.

— Удивительно быстро слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ; я думалъ, не встрѣтилъ ли ты кого изъ людей. По правдѣ сказать, слыша такую канонаду, я сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ, предполагая, что вы просто стараетесь хоть подшибить какую-нибудь лошадь изъ убѣгающаго табуна, говорилъ онъ, разглядывая лошадь.—Какъ это ты такъ быстро заряжалъ ружье?

Разсматривая раны, причиненныя пулями животному, я сталъ сожалѣть, что упустилъ случай и не воспользовался моментомъ, когда выстрѣлъ озадачилъ табунъ, и онъ стоялъ секунды двѣ-три не шевелясь. Но мое волненіе находило оправданіе въ этомъ: предметъ охоты уже чересчуръ былъ рѣдокъ и чрезвычайной важности.

Полюбовавшись на красивое животное, мы рѣшили, что я останусь снимать шкуру, а братъ поѣдетъ въ лагерь и приведетъ людей, чтобы помочь мнѣ справиться съ работой. Было

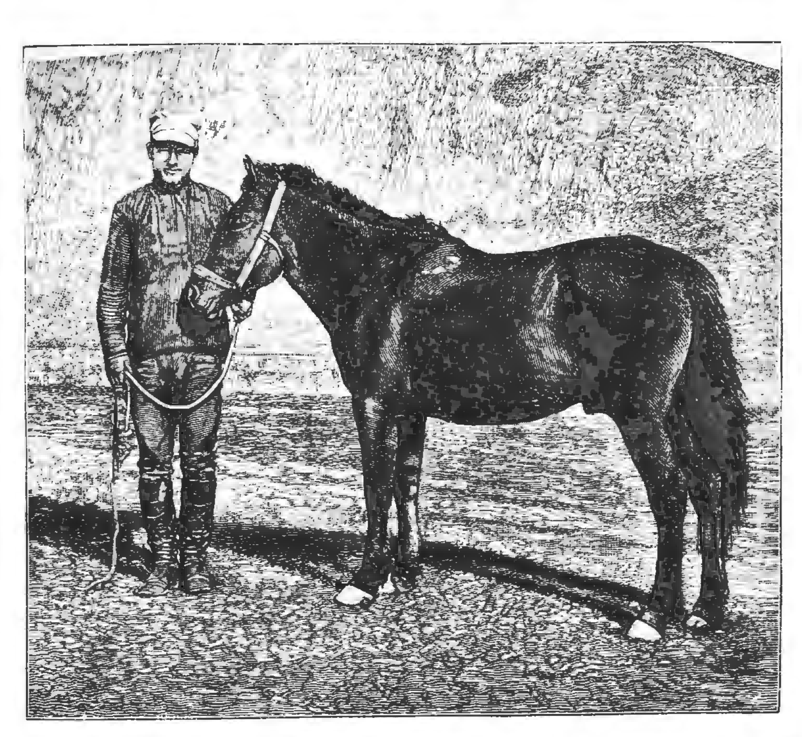
уже четыре часа. Я вооружился перочиннымъ ножемъ, который уже не разъ исполнялъ должность препараторскаго скальпеля, и энергично принялся за дѣло. Работа шла быстро, я хотѣлъ поспѣть къ пріѣзду людей, даже и не воображая, что отъ мѣста, гдѣ была убита лошадь, до лагеря болѣе двадцати верстъ.

Я уже вьючилъ шкуру и черепъ на свою лошадь, когда услышалъ почти одновременно четыре выстрѣла. Думая, что эти выстрѣлы—призывные, я отвѣтилъ изъ штуцера тѣмъ же. Черезъ нѣкоторое время я увидѣлъ вдали препаратора артиллериста Жиляева, который быстро ѣхалъ ко мнѣ.

— Ваше благородіе, закричалъ онъ, увидѣвъ меня,--казаки сейчасъ еще жеребца убили!

Надо было видѣть его радостное лицо при этомъ возгласѣ, чтобы понять, какъ отражались всякія наши удачи и неудачи на людяхъ. Полная отчужденность отъ родины связала насъ почти родственными узами, и интересы личные становились общими.

По пріѣздѣ брата въ лагерь извѣстіе, что лошадь, наконецъ, мною убита, произвело общій восторгъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть и поздравить съ удачей; люди даже пріодѣлись почище, чтобы праздничнымъ видомъ ознаменовать этотъ день. Кто-то даже флагъ сдѣлалъ изъ лоскутка и воткнулъ около нашей юрты. Въ сопровожденіи трехъ казаковъ и препаратора братъ рысью поѣхалъ ко мнѣ. Не доѣзжая двухъ верстъ до меня, одинъ изъ казаковъ увидѣлъ табунъ, стоявшій въ кустахъ; нѣкоторыя лошади лежали, другія стояли. Люди тотчасъ спѣшились, и двое, послѣдовавъ моему примѣру, снявъ сапоги и все лишнее, поползли къ табуну. Залпъ изъ двухъ винтовокъ положилъ на мѣстѣ красавца-жеребца: одна пуля попала въ високъ, другая перебила шейный позвонокъ. Тѣмъ не менѣе люди, перерядивъ винтовки, дали второй залпъ уже по лежавшему животному.

Лошадь Алтайской расы, замѣчательная по отсутствію чолки и сложеніемъ напоминающая Equus Przewalskii. Съ фот. Грумъ-Гржимайло, грав. Рашевскій.

Собравъ охотничьи принадлежности, закуривъ, наконецъ, папиросу и выпивъ воды, я поѣхалъ посмотрѣть второй экземпляръ добычи нашей охоты.

Убитый жеребецъ, судя по зубамъ, былъ около десяти лѣтъ. По строенію тѣла имѣлъ статьи отличающія нашихъ алтайскихъ лошадей, карабаховъ и финскихъ лошадокъ, т. е. при сравнительно небольшомъ ростѣ—два аршина съ вершкомъ, лошадь отличалась шириною груди и крупа, широкой, массивной и короткой шеей, тонкими и изящными, какъ у скаковыхъ лошадей, ногами и широкимъ, круглымъ копытомъ. Голова казалась нѣсколько тяжелою сравнительно съ корпусомъ и имѣла широкій, красивый лобъ (въ противоположность куланамъ); линія вдоль лба къ ноздрямъ—прямая; верхняя полная губа нѣсколько заходила (нависала) надъ нижней, уши для такой массивной головы—слишкомъ малы. Хвостъ хотя и не былъ покрытъ отъ самой сурѣпицы длинными волосами, какъ у нашей лошади, но волосы на немъ были жестче и длиннѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ, поэтому онъ не имѣлъ вида метелки. Цвѣтъ его близь сурѣпицы былъ одинаковъ съ шерстью, покрывавшей весь корпусъ животнаго, конецъ же хвоста—черный. Лошадь не имѣла чолки, но грива ея начиналась нѣсколько впереди ушей и шла до холки; волосы наиболѣе длинные были посерединѣ гривы и очень рѣдки, наибольшая длина ихъ была четверть. Вообще по бѣдности волосъ на гривѣ, хвостѣ и щеткахъ дикая лошадь напоминала текинскую. Оригинальной особенностью этого животнаго являлись жесткія, доходившія до вершка бакенбарды, шедшія по ребру нижней челюсти, начинавшіяся немного ниже ушей и соединявшіяся подъ мордой, не доходя до подбородка. Масть лошадей саврасая лѣтомъ и свѣтло-гнѣдая (скорѣе шеколадная) зимой--въ обоихъ случаяхъ съ почти бѣлыми подпалинами. Волосы на щекахъ и на лбу нѣсколько темнѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ; конецъ морды бѣловатъ. Спинной ремень очень слабо выраженъ и у лошадей въ зимнемъ уборѣ совершенно пропадаетъ. Ноги вершка на полтора выше колѣнъ и до копытъ, а равно копыта и грива—черныя. Грива свѣшивается на лѣвую сторону. Вообще шерсть короткая и гладкая, но у другихъ убитыхъ экземпляровъ, напримѣръ у молодаго убитаго жеребчика, она курчавая. На всѣхъ четырехъ ногахъ мозоли.

Показавъ линіи разрѣзовъ кожи жеребца, я съ братомъ поѣхалъ домой, оставивъ казаковъ и препаратора доканчивать сниманіе шкуры. По пріѣздѣ въ лагерь поздравленія посыпались со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ приказано было готовить ужинъ, и мы устроили праздникъ, конечно убогій по внѣшности, но отличавшійся удивительнымъ весельемъ. Да какъ было и не радоваться! убивъ дикую лошадь, мы не только добились того, что̀ составляло цѣль нашей рискованной поѣздки въ пески, но могли сдѣлать драгоцѣнный вкладъ въ музей нашей Академіи Наукъ, важный уже потому, что ни одинъ иностранный музей не имѣетъ ни одного экземпляра этого чуднаго животнаго. Кромѣ того, эта удача съ внѣшней стороны много могла способствовать успѣху экспедиціи, потому всякое дѣло оцѣнивается не по количеству труда, здоровья, затраченныхъ на него, но по результатамъ.

Дня черезъ три, при помощи облавы, убили еще жеребца, вѣроятно по старости отбившагося отъ табуна и бродившаго отдѣльно. Съ этого 18-тилѣтняго экземпляра и была снята фотографія вмѣстѣ съ охотниками, на которыхъ набѣжалъ несчастливецъ. Потомъ убили кобылу десяти лѣтъ; ее доставилъ прямо въ Гученъ нашъ охотникъ-сартъ.

Между тѣмъ, несмотря на наши удачныя охоты, мы должны были, какъ можно скорѣе, покинуть урочище Гашунъ, такъ какъ горько-соленая вода губительно дѣйствовала на лошадей. Мы выступили шестаго сентября, взявъ съ собой фуражъ для корма лошадей. Лошади съ трудомъ перешли пески, одну изъ нихъ пришлось даже бросить, а нѣкоторыхъ уже безъ вьюковъ мы еле-еле дотащили до селенія Питучонца.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ глубь Центральной Азіи намъ приходилось постоянно встрѣчать кулановъ и джигетаевъ. Сравнивая дикую лошадь съ двумя послѣдними, мы видимъ слѣдующее существенное различіе въ привычкахъ ихъ и жизни.

Дикая лошадь — житель равнинъ пустыни и выходитъ на пастьбу и водопой ночью, съ наступленіемъ-же дня возвращается въ пустыню, гдѣ и остается отдыхать до полнаго захода солнца. Весною, когда въ табунѣ есть жеребята, она отдыхаетъ всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Это свидѣтельствуется тѣмъ, что мною была найдена площадка около сорока квадратныхъ саженъ, сплошь покрытая толстымъ слоемъ жеребячьяго навоза. Почти полное отсутствіе крупнаго навоза заставляетъ предполагать, что мѣсто отдыха табуна измѣняется, когда жеребята подрастаютъ, и остается постояннымъ во время ихъ малолѣтства.

Животныя рода asinus-ословъ — жители подгорныхъ странъ и никогда не встрѣчаются въ равнинахъ. Съ восходомъ солнца стадо ихъ выходитъ изъ горъ на пастбище и водопой, къ заходу-же солнца возвращается обратно въ горы, гдѣ и ночуетъ. Горы они предпочитаютъ скалистыя. Мы встрѣчали кулановъ и джигетаевъ массами, но мѣста ихъ постоянныхъ кочевокъ найти не могли.

Дикія лошади держатся въ числѣ не болѣе десяти штукъ, имѣя въ каждомъ косякѣ главаря-жеребца. Другіе жеребцы имѣются тоже въ косякѣ, но только подростки, да и тѣ, судя по шкурѣ молодаго двухлѣтняго жеребца, жестоко страдаютъ отъ главаря: на кожѣ этого жеребенка видна была масса укусовъ.

Куланы и джигетаи, наоборотъ, держатся стадами по сто штукъ и болѣе и имѣютъ много жеребцовъ, не подчиненныхъ повидимому ни одному изъ нихъ преимущественно. Исключеніе составляетъ видъ asinus'овъ, держащихся въ бассейнѣ озера Куку-Нора: они ходятъ отдѣльными табунами по десяти-двѣнадцати штукъ, не болѣе, и подчинены одному жеребцу.

Дикія лошади ходятъ большею частью гуськомъ, особенно когда уходятъ отъ опасности; куланы-же и джигетаи, будучи

Поединокъ ночныхъ хищниковъ. Рис. Домбровскій, грав. Кевлейнъ.

испуганы, всегда толпятся и убѣгаютъ въ безпорядкѣ. Вслѣдствіе привычки лошадей ходить гуськомъ, по всей мѣстности Гашуна идутъ глубоко протоpенныя тропинки; между тѣмъ тамъ, гдѣ водятся куланы и джигетаи, мы этого не встрѣчали, за исключеніемъ долины верховья рѣки Ганьчжауской (Хы-хо) въ Нянь-Шанѣ. Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ присутствія въ данномъ мѣстѣ дикихъ лошадей служатъ громадныя кучи навоза близъ тропъ; на эту особенность указалъ нашъ сартъ-охотникъ, который тотчасъ-же, по прибытіи нашемъ въ Гашунъ, по этому признаку опредѣлилъ, что лошади были на водопоѣ наканунѣ.

Куланъ и джигетай не ржутъ, а кричатъ, да и то весьма рѣдко. Дикая лошадь наоборотъ ржетъ звонко, и ржанье это совершенно схоже съ ржаньемъ домашней лошади; точно такъ же, когда дикая лошадь сильно испугана, то ея храпъ и фырканіе напоминаетъ нашихъ лошадей.

Въ зависимости отъ различнаго мѣста нахожденія лошадей и кулановъ находится строеніе копытъ, которое у нихъ совершенно не схоже. Родъ asinus имѣетъ копыта съуженныя и полныя, со слабо развитой стрѣлкой, лошади-же имѣютъ круглыя, большею частью весьма глубокія. Вслѣдствіе отрастанія роговой оболочки слѣдъ животныхъ достигаетъ 10 дюймовъ длины и 9 дюймовъ ширины. Стрѣлка копытъ очень хорошо развита.

По сложенію дикая лошадь тѣмъ отличается отъ кулана, что онъ цыбатъ, узокъ въ плечахъ и имѣетъ длинную шею. У лошади совсѣмъ наоборотъ. Кромѣ того, куланы Закаспійской области имѣютъ крупъ значительно выше переда. Эта особенность однако не является общею всѣмъ куланамъ и джигетаямъ Центральной Азіи; хотя послѣдніе и кажутся поджарыми, но превышеніе крупа надъ холкой — незамѣтно. По головѣ родъ asinus отличается отъ лошадей горбоносостью, узкимъ лбомъ и длинными ушами. Другихъ отличій рода asinus отъ лошади я не касаюсь, не будучи зоологомъ.

Много разъ приходилось слышать, что кромѣ саврасыхъ бываютъ еще голубыя и пѣгія лошади. Голубыхъ мы совсѣмъ не видали. Пѣгихъ лошадей намъ казалось что мы видѣли, когда разсматривали табунъ съ двухъ или трехверстной дистанціи; съ приближеніемъ-же къ лошадямъ эта пѣгая окраска пропадала. Это можно объяснить, мнѣ кажется, просто сильнымъ освѣщеніемъ солнца. Немного взъерошенная отъ валянья шерсть, или потемнѣвшій отъ омертвѣнія при линяніи волосъ не отражаютъ свѣтъ такъ-же сильно, какъ гладкая шерсть и живой волосъ. Поэтому такія мѣста кажутся темными пятнами. Отъ свойства освѣщенія зависитъ вѣроятно и кажущаяся голубая окраска лошадей. Напримѣръ, намъ при лунномъ освѣщеніи лошади казались совершенно бѣлыми.

Дикихъ лошадей, по разсказамъ, можно встрѣтить и среди домашнихъ лошадей. Одинъ изъ калмыцкихъ князей, кочующій между г. Улясутаемъ и г. Кобдо, пожелалъ приручить дикую лошадь. Онъ велѣлъ поймать жеребятъ и припустить ихъ къ домашнимъ маткамъ. Однако, по словамъ разсказчиковъ, дикая лошадь не поддается вліянію человѣка, дичится его и не позволяетъ себя утилизировать. Ловятъ калмыки лошадей весьма просто. Ко времени, когда матки жеребятся, калмыки о двуконь отправляются въ пустыню; найдя табунъ, они начинаютъ его преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока не набравшіеся еще силъ жеребята, обезсилѣвъ, не падаютъ. Ихъ тогда забираютъ и пускаютъ въ табунъ домашнихъ лошадей.

Разсказываютъ, что жеребцы дикихъ лошадей иногда уводятъ домашнихъ матокъ съ собою въ пустыню, но это едва-ли вѣрно. Очень сомнительно, чтобы нашихъ домашнихъ животныхъ могли удовлетворить плохой кормъ и соленая вода, которыми вполнѣ довольствуются дикія лошади.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Въ тотъ же вечеръ молодые люди сошлись вмѣстѣ поужинать, въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ, просидѣли до трехъ часовъ ночи и все было сказано, откровенно исповѣдано обоими.

Бѣлинскій первый разъ послѣ своей женитьбы облегчилъ свою душу искренней исповѣдью. Онъ признался Салмоновичу, насколько положеніе его тяжело. Онъ сознался въ своей жгучей ненависти, въ мучительномъ для него отвращеніи къ своей женѣ, годящейся ему въ бабушки.

Разумѣется, онъ признался, что никогда бы не пошелъ на такое дѣло, не согласился бы погубить себя, если бы не отцы-іезуиты.

— Я бы женился на какой-нибудь молодой дѣвушкѣ въ Петербургѣ, сказалъ онъ. — Съ небольшими средствами я былъ бы, право, счастливѣе. Но тогда они посадили бы меня въ тюрьму за деньги, которыя давали мнѣ и на которыя я вертѣлся въ высшемъ обществѣ. Разумѣется, я самъ виноватъ, не надо было ихъ брать. Но могъ-ли я думать, что̀ заставятъ они меня сдѣлать за какія-нибудь семь-восемь тысячъ, мною полученныя и истраченныя?.. Они гнусно и безсердечно заставили меня жениться на семидесятилѣтней, злой, бездушной старухѣ.

— Но зачѣмъ, зачѣмъ? воскликнулъ Салмоновичъ.

Бѣлинскій объяснилъ подробно всю махинацію, жертвой которой онъ сдѣлался. По завѣщанію въ его пользу, сдѣланному его женой, все состояніе что оставитъ она ему, должно перейти во владѣніе коллегіума, кромѣ одной седьмой части.

— Но имъ хорошо, легко ждать смерти Маріи Георгіевны, воскликнулъ Бѣлинскій,—а мнѣ каково! Я начинаю предвидѣть, что она меня переживетъ. Наконецъ я чувствую, что не дождусь ея смерти,—я убѣгу на край свѣта, въ Америку.

— Да, это еще умнѣе и хитрѣе устроено, чѣмъ все что̀ сдѣлано со мной! выговорилъ аббатъ. — Мое дѣло простое: спасли изъ бѣды, заручились документами, которыми могутъ меня всякій день снова засадить въ тюрьму, и помыкаютъ... Это проще, грубѣе.

Разсказавъ каждый свою тайну, молодые люди за нѣсколько часовъ стали уже настоящими друзьями, и какъ бы давнишними.

— Мы отомстимъ оба, рѣшилъ аббатъ.

Съ этого дня Бѣлинскій и Салмоновичъ стали видѣться ежедневно. Кончилось тѣмъ, что аббатъ, съ позволенія, конечно, Маріи Георгіевны, сталъ иногда даже ночевать въ горницахъ друга, а вскорѣ сдѣлался и ея любимцемъ.

XXVIII.

Княгиня Яхтомская, брошенная Вахтенштейномъ, осталась въ Венеціи, но жила уже не въ палаццо Корнарини, а въ небольшомъ домѣ, нанятомъ ею около моста Ріальто.

Изъ денегъ, переданныхъ ей Вахтенштейномъ, оставалось уже крайне мало и уже частенько думала она о недалекомъ будущемъ, о томъ, что дѣлать, чѣмъ придется жить. Писать и просить у тетки—не стоило труда. Старуха, если бы и прислала что̀, то какую-нибудь подачку, на которую трудно было бы прожить годъ.

Изо всего блестящаго общества мужчинъ, которое когда-то окружало княгиню въ палаццо Корнарини, оставалось только двое: толстый и глупый грекъ и подмалеванный Люссакъ.

Пажъ его святѣйшества послѣ ея разрыва съ княземъ уѣхалъ въ Римъ, затѣмъ вернулся не надолго, снова окончательно исчезъ и, написавъ княгинѣ два письма, замолкъ. Красавецъ-неаполитанецъ былъ слишкомъ юнъ, чтобы долго быть влюбленнымъ въ русскую княгиню.

Если бы не добрякъ и весельчакъ Люссакъ, бывавшій у нея ежедневно, ей не съ кѣмъ было бы даже проводить вечера.

Много пожившій и молодившійся старикъ постепенно, но совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о княгинѣ и насколько могъ — глубоко и искренно привязался къ ней. Уже не разъ заходила рѣчь о томъ, что если княгиня согласится сдѣлать ему честь выйти за него замужъ, то онъ будетъ совершенно счастливъ.

Состояніе Люссака было далеко не столь велико, какъ состояніе германскаго князя, но все-таки онъ былъ очень богатый человѣкъ. Княгиня предвидѣла, что ей придется ухватиться за Люссака, какъ за соломинку, чтобы не утонуть. Но все-таки она откладывала это роковое рѣшеніе и старалась покуда держать француза около себя, какъ бы въ запасѣ.

Странное дѣло: теперь, когда князя Вахтенштейна не было съ ней, когда не предстояло выходить замужъ за страшнаго богача и крупнаго сановника-дипломата, княгиня вела себя вполнѣ безупречно и даже скромно. Думы и заботы о ближайшемъ будущемъ не оставляли ей времени думать объ увеселеньяхъ, кокетничаньѣ и тому подобномъ.

Если бы князь Вахтенштейнъ былъ теперь съ ней и видѣлъ ее отъ зари до зари, то, конечно, протянулъ бы ей руку и повелъ въ храмъ.

Часто княгиня, оставаясь одна, думала объ этомъ недавнемъ прошломъ, о томъ, какъ невѣроятно глупо и легкомысленно поступила она. И она не могла себѣ отдать отчета, какъ все это случилось. Сатана послалъ ей этого смазливаго мальчишку, пажа святаго отца, чтобы все зданіе долго и усердно ею созидаемое—здѣсь рухнуло сразу.

Княгиня раскаивалась, но поздно. За это время она имѣла малодушіе написать два раза Вахтенштейну и просила прощенья, увѣряла его въ своей любви, въ невозможности жить безъ него. Но конечно ни на одно письмо она не получила отвѣта. Баварецъ-англоманъ былъ не изъ того сорта людей, какъ ея „тюфякъ" мужъ. Княгиня однако ошибалась, думая что Вахтенштейнъ не можетъ простить ея увлеченія красивымъ пажомъ папы. Князь, когда-то сильно влюбленный въ нее и теперь еще не вполнѣ излѣчившійся, былъ бы пожалуй способенъ простить это увлеченіе. Но самолюбивый, пожилой ловеласъ не могъ забыть одной фразы, которую взбѣшенная женщина сказала ему въ минуту разставанія,—ту фразу, которая сразу поставила его въ смѣшное положеніе и на которую онъ едва нашелся отвѣтить.

Разумѣется, Яхтомской жилось скучно, даже грустно. О Россіи она многое знала, потому что постоянно переписывалась съ бывшей своей пріятельницей, баронессой Штейнъ.

Баронесса часто писала княгинѣ и разсказывала ей все, что происходило въ Петербургѣ. Разумѣется, иногда писала она ей и объ ея сынѣ. Будучи у іезуитовъ „en bonne odeur", она допускалась къ юному князю Антону и знала, что имъ были довольны и особенно ему покровительствовали.

Впрочемъ, сынъ мало интересовалъ княгиню. Ее слишкомъ озабочивала ея собственная судьба.

Тоня прозябалъ въ конвиктѣ отцовъ-іезуитовъ какъ тропическій цвѣтокъ въ душно-сыроватой оранжереѣ. Онъ былъ пересаженъ съ одной почвы на другую, перенесенъ изъ легкой атмосферы въ тяжелую. И окружающее его было настолько чуждо ему, что существованіе поддерживалось какъ бы искусственно. Мальчикъ свыкся съ жизнью конвикта и повидимому уступилъ мастерской ломкѣ своего воспитателя, профессора Викентія.

Іезуитъ ломалъ натуру мальчика и зародыши его убѣжденій и вѣрованій—тихо, мягко, осторожно. Надо было гнуть, но не надо было сломать деревцо.

И Тоня сталъ среди всѣхъ товарищей чѣмъ-то особенно безличнымъ, автоматическимъ. Онъ слѣпо повиновался, былъ самымъ послушнымъ, примѣрно тихимъ питомцемъ. Отецъ-генералъ былъ доволенъ вполнѣ и благодарилъ отца Викентія.

Но оба іезуита не догадывались, что мальчикъ находится какъ бы въ состояніи своего рода лунатизма. Роль луны вліяющей на всѣ дѣйствія, поступки и слова субъекта—игралъ въ данномъ случаѣ отецъ Викентій. Тоня спалъ, потому что рѣшилъ что надо спать, покуда не явится возможность проснуться.

Мальчикъ часто среди ночи и темноты въ дортуарѣ молился стоя на колѣняхъ въ постели, и радостно улыбался, зная, что онъ все спряталъ отъ Викентіевъ, Гавріиловъ и другихъ отцовъ. Спряталъ гдѣ-то далеко-далеко. И все — и любовь страстную къ сосланному отцу, и слезы по живущей одиноко нянѣ, и вѣру которой обучалъ его „Тарасинька", и любовь къ русскому храму, къ русскому „Отче нашъ", и свои грёзы о томъ, что когда онъ будетъ совершеннолѣтнимъ, выйдетъ изъ этого конвикта, то заживетъ настоящею жизнью... Проснется. И если дѣйствительно онъ получитъ послѣ бабушки, какъ говорятъ іезуиты, много-много денегъ, то онъ поступитъ совершенно обратно тому, чего желаютъ отецъ Викентій и отецъ Гавріилъ.

А покуда надо днемъ слушаться всѣхъ и читать „Pater Noster", а ночью читать „Отче нашъ" и надѣяться, ждать, терпѣть. Все будетъ слава Богу, только имѣй, какъ говорилъ „Тарасинька",—смиренномудріе, терпѣніе и любовь.

Но вдругъ Тоня почувствовалъ всѣмъ существомъ, что въ него запала страшная ненависть къ его воспитателямъ.

Въ конвиктъ явилась однажды какая-то женщина, изъ нахлѣбницъ бабушки его, Маріи Георгіевны. Она объяснила дежурному аббату, что бывшая няня юнаго князя, живущая въ Петербургѣ, находится при смерти и умоляетъ дозволить ея питомцу пріѣхать проститься съ ней.

Отецъ Викентій разрѣшилъ поѣздку. Тоня, получивъ грустную вѣсть, залился слезами и тотчасъ же сталъ собираться съ лихорадочной поспѣшностью. Но вдругъ возникъ вопросъ, отпустить-ли Яхтомскаго съ незнакомой іезуитамъ женщиной или послать его съ аббатомъ.

Дѣло было доложено генералу. Прошелъ день безъ всякаго результата. Наступила ночь. Тоня конечно легъ спать, но не смыкалъ глазъ, мучился и за нѣсколько часовъ изстрадался до неузнаваемости. Поутру пришло разрѣшеніе отца Гавріила ѣхать къ бывшей нянѣ на полчаса времени и не иначе, какъ въ сопровожденіи аббата.

Но было уже поздно. Предъ полуднемъ вновь явилась та же женщина и передала Тонѣ образокъ отъ скончавшейся за ночь Марѳы Яковлевны. При этомъ извѣстіи съ мальчикомъ сдѣлался обморокъ. Но все случившееся врѣзалось въ его сердце на всю жизнь.

Его воспитатели озарились въ его глазахъ какимъ-то новымъ, адскимъ свѣтомъ.

(Продолженіе будетъ).

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть С. Н. Терпигорева.

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

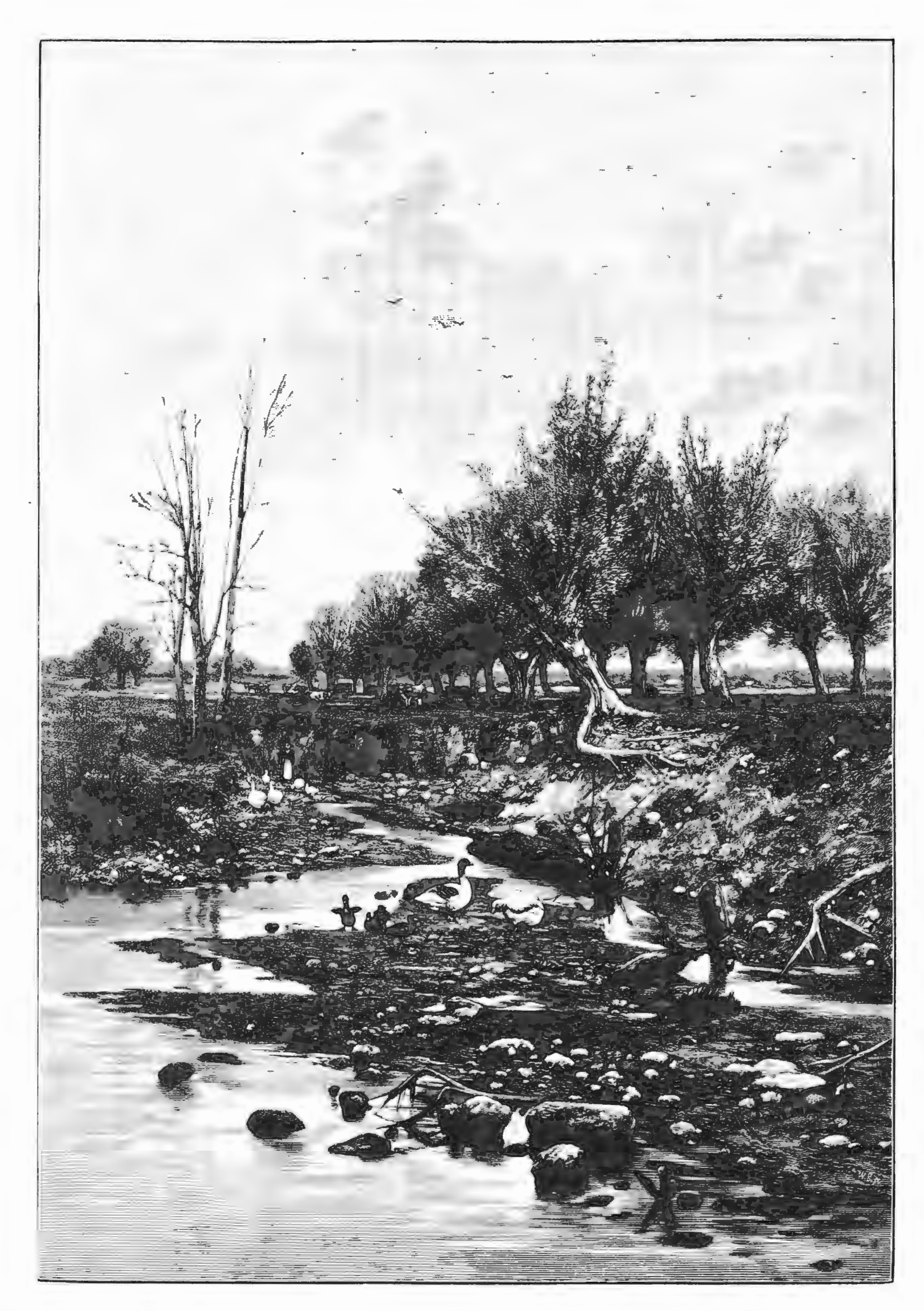
(Продолженіе.)

V.

„Дѣдушкинъ братъ" или „второй дѣдушка", какъ мы его звали, Стратонъ Алексѣевичъ былъ на годъ или на два моложе своего брата и, по разсказамъ о покойномъ дѣдушкѣ Григоріи Алексѣевичѣ, былъ полнымъ его контрастомъ. Онъ былъ морякъ, совер-

Встрѣча Данте съ Беатриче. Съ карт. Валля, грав. Фрюауфъ.

Весеннее утро. Карт. Кохановскаго (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Пуцъ.

шившій кругосвѣтное плаваніе, отличный математикъ, механикъ; у него была масса разныхъ машинъ, аппаратовъ для опытовъ, которыми онъ любилъ заниматься. Онъ былъ также хорошій токарь, рѣзчикъ и плотникъ. Мы нѣсколько разъ, пріѣзжая къ нему въ Поддубье, заставали его съ топоромъ въ рукахъ или съ пилой и съ ремешкомъ на головѣ, чтобы не падали во время работы волосы на глаза, какой обыкновенно надѣваютъ на голову плотники, столяры и токари.

— Ну, любезнѣйшая племянница, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ матушкѣ,—вы ужь извините что застали меня въ такомъ видѣ.

И при этомъ широко разводилъ руками, смотря себѣ на красную рубашку, всю покрытую стружками или опилками.

И руки у него отъ этой работы были жесткія, грубыя, и самъ онъ былъ загорѣлый, красный даже. Образъ жизни онъ велъ самый простой, т. е. самый скромный, несмотря на свое очень большое состояніе. Обѣдъ его всегда состоялъ изъ двухъ блюдъ, изъ которыхъ зимою щи, а лѣтомъ ботвинья съ бѣлугой были обязательны на каждый день.

— Это для меня, а то ужь для гостей, если кто, милости просимъ, пожалуетъ ко мнѣ, говорилъ онъ.

И одѣвался онъ тоже всегда очень просто и всегда одинаково: дома въ красной кумачной рубашкѣ, надѣтой поверхъ ослѣпительной бѣлизны и тонкой голландской, а въ гостяхъ—въ отставномъ мундирѣ того времени, на распашку, съ бѣлымъ жилетомъ подъ нимъ.

Въ противоположность всѣмъ, курившимъ тогда изъ трубокъ съ длинными чубуками, онъ курилъ изъ маленькой коротенькой трубки-носогрѣйки, какъ онъ ее называлъ, и такъ же точно, въ противоположность всѣмъ своимъ товарищамъ по службѣ во флотѣ, которыхъ было нѣсколько въ числѣ сосѣдей и которые всѣ любили пить и не всегда въ мѣру, онъ въ ротъ ничего не бралъ. Это всѣ знали, точно такъ же, какъ и то, что уговорить его выпить хоть каплю вина нѣтъ никакой возможности, а потому не приставали къ нему съ этимъ и не удивлялись, когда на званыхъ и торжественныхъ обѣдахъ онъ точно такъ же, какъ и всѣ, чокался налитымъ бокаломъ и потомъ, не отхлебнувъ даже и не сдѣлавъ этого даже для вида, ставилъ бокалъ передъ собою.

Наружности онъ былъ суровой, никогда почти не смѣялся; мы, дѣти, побаивались даже его, хотя намъ и говорили и даже старались насъ увѣрить въ томъ, что этотъ дѣдушка у насъ предобрѣйшій. И самъ онъ должно-быть любилъ дѣтей, но только у него выходило это какъ-то грубо, не умѣлъ онъ съ ними обращаться. Относительно этого неумѣнья его обращаться съ дѣтьми, особенно маленькими, въ моей памяти сохранился такой разсказъ объ немъ, который матушка всегда передавала со страхомъ. Однажды гдѣ-то ей пришлось съ нимъ крестить. Стали они у купели, дали ему держать ребенка; онъ его какъ-то ухватилъ посвоему, и что ужь онъ потомъ съ нимъ ни дѣлалъ—во все время, пока совершался обрядъ, ребенокъ не переставалъ кричать вплоть до того момента, когда священникъ взялъ его отъ него, и тутъ только всѣ поняли, отчего ребенокъ кричалъ. Дѣдушка все время держалъ его головой внизъ.

— Ну, кто-жь его знаетъ, какъ его надо держать. Не нарочно же это я, замѣчалъ онъ всегда, когда при немъ разсказывали этотъ случай съ нимъ.

И съ тѣхъ поръ больше уже никогда не соглашался крестить, какъ бы его ни упрашивали.

И усадьба у него въ Поддубьѣ, точно въ противоположность огромной, роскошной и обширной Всесвятской, была маленькая, вся состояла изъ сруба въ четыре комнаты, наподобіе избы съ нештукатуренными ни снаружи, ни внутри стѣнами, голыми, бревенчатыми, только подъ столярную работу отдѣланными внутри, да такой же большой, просторной людской избы, конюшни на четыре стойла, да на самомъ берегу большой, липоваго дерева бани, работы его самого. Тамъ гдѣ-то дальше были и обширныя постройки и флигеля, и сараи, но тутъ, гдѣ онъ самъ жилъ, въ его резиденціи, такъ сказать, ничего не было, кромѣ того вотъ, о чемъ сказано.

И убранство въ этомъ домѣ-избѣ тоже было совсѣмъ особенное. Ни одного зеркала, напримѣръ, не было; не было ни одной мягкой мебели, всѣ сидѣнья у особеннаго фасона стульевъ и креселъ были кожаныя и висѣли какъ-то на ремняхъ. Письменнымъ столомъ была огромная, широкая, удивительно гладко выстроганная, точно отполированная бѣлая, некрашеная сосновая доска на ножкахъ крестъ-накрестъ. Онъ любилъ запахъ сосны, и чтобы онъ былъ сильнѣе — каждую субботу заново выстрагивалъ эту доску. То же самое было и во всемъ остальномъ.

Но онъ такъ жилъ, нисколько этимъ не рисуясь и ни для кого не напоказъ. Онъ не корчилъ изъ себя и нисколько не былъ какимъ-то оригиналомъ-затворникомъ, отшельникомъ. Онъ просто любилъ простую жизнь и жилъ ею, никогда не отказываясь и отъ дорогихъ прихотей, которыя ему нравились: дорогихъ сигаръ, которыхъ у него была цѣлая комната, какъ магазинъ; тонкаго бѣлья, которое онъ мѣнялъ нѣсколько разъ въ день, любилъ, чтобы оно было необыкновенной свѣжести и бѣлизны. Невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень трудно было достать и такой осетрины или бѣлужины, которыя лѣтомъ подавались у него къ ботвиньѣ. Онъ очень любилъ и выписывалъ себѣ какой-то сыръ, который подавался въ огромномъ кускѣ. У него много было прихотей, но онѣ всѣ были ни для кого не напоказъ, а просто для себя самого, потому что онъ ихъ любилъ, это ему дѣйствительно почему-нибудь нравилось, и онъ привыкъ къ этому и не хотѣлъ и не видѣлъ надобности отставать отъ этого.

Таковы были эти два друга, ближайшіе между собою сосѣди—бабушка Дарья Николаевна, оставшаяся теперь ко времени этого разсказа вдовою, и ея деверь, братъ ея покойнаго мужа, исполненный къ ней безконечнаго уваженія, преданности и почтенія, удвоившій проявленіе всего этого по кончинѣ брата.

VI.

Выше было сказано, что Стратонъ Алексѣевичъ никогда не былъ женатъ, оставаясь или предпочитая оставаться холостымъ.

По поводу этого я помню много разговоровъ, которые велись даже при немъ, и въ которыхъ онъ даже самъ принималъ участіе, нисколько этимъ не стѣсняясь.

Но я помню также и объясненіе этой развязности его, такъ странной въ немъ, и разговоръ его на эту тему, такой необычный. Это объясняли всѣ тѣмъ, что онъ хочетъ такимъ образомъ предотвратить или отклонить заподазриваніе его въ сильныхъ, будто бы, чувствахъ, которыя, какъ говорили, нѣкогда онъ питалъ къ одной дѣвушкѣ, дочери своихъ сосѣдей, и изъ-за которой у него въ то время была дуэль гдѣ-то въ Москвѣ или Петербургѣ. Этого чувства своего онъ даже въ прошедшемъ своемъ не хотѣлъ обнаружить—такъ онъ берегъ эту свою святыню, и для того, чтобы не заподозрили въ немъ хотя бы какихъ-нибудь остатковъ этого чувства, онъ отзывался всегда такъ желчно и рѣзко и о женщинахъ, называя женитьбу, вообще бракъ, глупой карточной ставкой.

— Стратонъ Алексѣевичъ, неужели вамъ никогда не приходило въ голову жениться? спрашивали его.

— Нѣтъ, въ молодости, когда всякая глупость приходитъ въ голову,—приходила и эта.

И сейчасъ же добавлялъ:

— Въ молодости, какъ глупость, какъ сумасшедшій рискъ—я еще понимаю; но молодость мою я всю почти провелъ на службѣ, былъ много въ плаваніи, и въ дальнемъ плаваніи,—какъ бы я могъ жениться, на что же бы я тогда женился, на кого же бы я оставилъ жену тогда и, наконецъ, какое же имѣетъ право человѣкъ при этихъ условіяхъ жениться?

— Да, говорили ему,—это все такъ, но вы могли бы выйти для этого въ отставку.

— Значитъ, чувства у меня такого не было, которое пересилило бы мою любовь къ службѣ.

— А потомъ, впослѣдствіи? допытывали его.

— А потомъ, впослѣдствіи, вотъ я вамъ и говорю, что я ужь не понимаю, какъ это такъ люди рискуютъ жениться.

— Но неужели, по-вашему, нѣтъ достойныхъ женщинъ? продолжали его допытывать.

— Этого я не говорю и никогда не скажу: у меня есть на глазахъ примѣръ—достойнѣйшая женщина, какую я только зналъ, — моя невѣстка, жена покойнаго брата, Дарья Николаевна.

— Ну, это, положимъ, ваша родственница, вы ее любите по-родственному; а еще? развѣ не знаете еще примѣровъ?

— Такихъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно.

И дѣйствительно, по выходѣ въ отставку, когда онъ пріѣхалъ еще вполнѣ бодрымъ въ деревню, далеко еще не старикомъ, за нимъ очень многія ухаживали, считая его завиднымъ для своихъ дочерей женихомъ. Но онъ вездѣ очень охотно бывалъ, насколько умѣлъ, былъ любезенъ, старался быть ловкимъ, разговорчивымъ съ дамами и дѣвицами, и ни въ отношеніи хотя бы одной какой изъ нихъ не выказалъ ни малѣйшаго чувства или увлеченія, не только что ужь намѣренія жениться.

А между тѣмъ у этого „анахорета“, какъ всѣ его звали, у этого противника женщинъ, какимъ всѣ его считали, были самыя нѣжныя чувства къ одной сироткѣ, бѣдной дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, привезенной имъ съ собою изъ Москвы въ одну изъ поѣздокъ его туда и очень охотно взятой бабушкой Дарьей Николаевной на воспитаніе къ себѣ во Всесвятское.

Съ этою дѣвочкой серьезный человѣкъ этотъ любилъ разговаривать, привозилъ и дарилъ ей книги, самъ очень часто училъ ее математикѣ, которую, какъ всѣ говорили, онъ зналъ превосходно. Когда бабушка рѣшила, что пора и вообще слѣдуетъ взять для нея гувернантку, Стратонъ Алексѣевичъ ни за что и слышать не хотѣлъ, чтобы ей платила бабушка, а вызвался самъ и платилъ этой гувернанткѣ не только больше положеннаго, но безпрестанно дѣлалъ ей подарки.

Дѣвочку эту мы видѣли, знали. Бабушка, пріѣзжая къ намъ, всегда брала ее съ собою, и мы играли съ нею, находя ее только какою-то странной—не нашенская совсѣмъ она была. Звали ее Липочкой, по батюшкѣ Васильевной. О происхожденіи ея всѣмъ было извѣстно, что она дочь одного моряка, товарища Стратона Алексѣевича, недавно умершаго—жена его умерла черезъ годъ послѣ него—и вотъ послѣ нихъ осталась эта дѣвочка-сирота, которую онъ пріютилъ и даетъ образованіе, а потомъ—почемъ знать?—можетъ и оставить ей все свое состояніе.

Мы слышали—смутно я помню это—о какомъ-то запечатанномъ конвертѣ, — „пакетѣ“, съ ея бумагами и документами, который хранится у бабушки. И, помнится, мы даже видѣли въ письменномъ столѣ у бабушки, когда она открывала его ящики, этотъ огромный „Липочкинъ пакетъ“, съ огромной красной сургучной печатью и надписью на немъ рукой Стратона Алексѣевича. Больше ничего не было извѣстно.

Такъ тихо, скромно, быть-можетъ для нѣкоторыхъ странно и загадочно жилъ этотъ человѣкъ и дожилъ въ своемъ уединеніи, пока, наконецъ, стукнуло ему пятьдесятъ-семь лѣтъ.

VII.

Въ этомъ году—это былъ 1852 годъ—въ нашемъ уѣздномъ городѣ N*, славившемся въ то время своими минеральными водами, въ управленіи этихъ водъ случились какіе-то безпорядки и была образована какая-то комиссія, чтобы обревизовать какія-то дѣла этихъ водъ. Комиссія нашла безпорядки по управленію, растраты, упущенія. Попечитель этихъ водъ, избираемый каждые три года дворянствомъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Въ N* былъ въ это время какой-то съѣздъ, всѣ начали просить Стратона Алексѣевича, чтобы онъ принялъ на себя хоть эту должность, или обязанность попечителя, хотя разъ бы послужилъ обществу.

И Стратонъ Алексѣевичъ поддался на эту просьбу, согласился. Но сколько я понимаю его теперь, онъ поддался, я думаю, искушенію заняться любимымъ своимъ занятіемъ—механикой, строительствомъ и т. под., такъ какъ на этихъ водахъ было много разныхъ механическихъ приспособленій для накачиванія воды въ ванны и вообще много всякихъ машинъ и къ тому-же еще предстояло все это устройство заново передѣлывать. Навѣрно, я думаю, это его и соблазнило...

Всѣ находили этотъ поступокъ Стратона Алексѣевича—его согласіе — прекраснымъ съ его стороны, а когда вскорѣ узнали, что кромѣ того онъ еще пожертвовалъ на устройство водъ пятьдесятъ тысячъ, то одобреніямъ и разговорамъ объ этомъ не было конца.

— Отлично и умно сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ нашелъ себѣ дѣло по душѣ, которое онъ знаетъ и которое у него конечно хорошо пойдетъ. А то онъ закисъ совсѣмъ въ своемъ Поддубьѣ.

— И это онъ очень хорошо и благородно сдѣлалъ, что пожертвовалъ въ пользу своего роднаго города и на такое дѣло пятьдесятъ тысячъ рублей. При его состояніи—да къ тому-же онъ еще и холостой, одинокій—это пустяки въ сущности, а для города и вообще для дѣла это огромная помощь.

Такъ всѣ говорили и одобряли его.

Всѣ передавали, что Стратонъ Алексѣевичъ просто сдѣлался неузнаваемъ. Разговариваетъ, дѣлаетъ разныя предположенія какъ сдѣлать то-то, какъ устроить это и проч. Передавали также, что бабушка Дарья Николаевна встрѣтила очень сочувственно привезенное ей Стратономъ Алексѣевичемъ извѣстіе о принятіи имъ на себя этой должности, а также и о сдѣланномъ имъ пожертвованіи.

Бабушка, не любившая приживалокъ, богомолокъ, юродивыхъ, неизвѣстныхъ какихъ-то монаховъ разъѣзжавшихъ тогда во множествѣ за сборомъ пожертвованій и неохотно всегда жертвовавшая имъ, очень много, напротивъ, помогала всѣмъ, кто обращался къ ней со своей дѣйствительной нуждой, и также много жертвовала на больницы, на разные общественные пріюты для стариковъ и старухъ. Она поэтому и не могла не одобрить поступка Стратона Алексѣевича, тѣмъ болѣе, что, въ самомъ дѣлѣ, ему, одинокому, къ чему было беречь деньги, которыхъ у него было скоплено болѣе чѣмъ много.

Вскорѣ мы и самого его увидѣли. Отправляясь въ N*, онъ сдѣлалъ маленькій кругъ, свернулъ съ прямой дороги изъ своего Поддубья въ N*, и заѣхалъ къ намъ повидаться и переговорить по какому-то дѣлу съ отцомъ.

Здѣсь уже онъ самъ разсказывалъ обо всемъ, какъ все это вышло, и видно было, что онъ горячо примется за дѣло, что онъ считаетъ его серьезнымъ и оно ему вполнѣ по душѣ.

— Вѣдь вамъ, дядюшка, сказала ему матушка,—лѣтомъ придется пожалуй все время жить въ N*, пока не кончится сезонъ водъ.

— Да, ужъ что-жъ дѣлать, согласился и онъ.

— И вѣдь это каждый годъ.

— Да ужъ, конечно.

Онъ по этому случаю, разговаривая, высказалъ даже предположеніе купить и перестроить для себя чей-нибудь домъ въ N*, а то и вовсе новый выстроить.

— Вотъ тогда ко мнѣ можетъ быть Дарья Николаевна соберется какъ-нибудь, замѣтилъ онъ. — Вы, милости просимъ, пріѣзжайте хоть на время баловъ. Я надѣюсь поднять воды и поставить ихъ на ту же ногу, какъ и прежде это было.

У насъ тоже были очень довольны, что Стратонъ Алексѣевичъ взялся за это дѣло, оно его интересуетъ и онъ смотрѣлъ такъ бодро, сдѣлался такимъ подвижнымъ и, казалось, даже помолодѣлъ, по крайней мѣрѣ поздоровѣлъ и былъ въ отличномъ расположеніи духа.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

„Наказана“, картина Э. В. Гюбнеръ.

(Рис. на стр. 376).

Эмма Васильевна Гюбнеръ, по мужу Симонисъ, очень недавно стала появляться со своими произведеніями на публичныхъ выставкахъ—всего какихъ-нибудь лѣтъ шесть. Родившись въ 1862 г., она 17-ти-лѣтнею дѣвушкой поступила въ Московское училище живописи и ваянія, а на 21-мъ году перешла въ Академію Художествъ, и въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ (1884—88) получила отъ нея 4 серебряныхъ медали за рисунки и этюды съ натуры и 2-ю золотую за конкурсную программу „Св. мученица Акилина 10-ти лѣтъ поучаетъ вѣрѣ Христовой своихъ подругъ язычницъ“. Послѣ того, она два раза выставляла въ Академіи женскія головки своей работы—въ 1886 и 1889 г.г., одинъ разъ женскій портретъ—въ 1891 г., а въ нынѣшнемъ году, какъ первый опытъ собственной композиціи, — картину „Наказана“, которая и воспроизводится здѣсь въ снимкѣ. Необыкновенно мило это выраженіе горя, мольбы и надежды въ лицѣ маленькаго человѣчка, едва доросшаго до замка двери.

„Плутовки“, картина К. В. Лемоха.

(Рис. на стр. 377).

Карлъ Викентьевичъ Лемохъ уже не новичокъ въ искусствѣ: въ будущемъ году исполнится 30 лѣтъ, какъ онъ появляется со своими произведеніями на публичныхъ выставкахъ. Сперва онъ выставлялъ въ Академіи Художествъ, гдѣ, кромѣ его программы 1863 г. на 2-ю золотую медаль: „Моисей источаетъ воду изъ скалы“ (отъ исполненія задачи на 1-ю золотую медаль онъ отказался, вмѣстѣ съ другими 12-ю товарищами, такъ какъ данная тогда конкурентамъ тема не соотвѣтствовала его характеру), были выставлены еще его работы: въ 1868 г.—одна изъ лучшихъ его картинъ „Семейное горе“, въ 1870 г.—три этюда, а въ 1875 г.—цѣлыхъ двѣнадцать произведеній, изъ которыхъ одно, „Женщина у люльки“, было пріобрѣтено императоромъ Александромъ II.

Но послѣ того, потому-ли, что съ тѣхъ поръ ежегодныхъ академическихъ выставокъ собственно не было вплоть до 1884 г., такъ какъ на бывшихъ въ 1873, 1878 и 1881 гг. фигурировали преимущественно лишь произведенія, которыя предназначались на всемірныя или Всероссійскую выставки, и въ Академіи образовалось особое „Общество выставокъ художественныхъ произведеній“, переселившееся съ 1881 года въ домъ Ганзена па Невскомъ просп.,—или же потому, что многіе изъ прежнихъ товарищей Лемоха, составившіе, вслѣдъ за отказомъ своимъ отъ исполненія программъ на 1-ю золотую медаль, „Артель С.-Петербургскихъ художниковъ“, къ которой принадлежалъ и онъ самъ, вошли потомъ въ составъ „Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ“, только нашъ художникъ сталъ съ 1878 г. ежегодно участвовать въ выставкахъ послѣдняго, сдѣлавшись однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этого художественнаго центра.

Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ были все близкіе ему люди, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ И. И. Шишкинъ и Г. Г. Мясоѣдовъ, принимали къ тому же особенное участіе въ немъ, лишь только онъ пріѣхалъ изъ Москвы, гдѣ родился въ 1842 г. и обучался въ „Училищѣ живописи и ваянія“,—въ Петербургъ для поступленія въ Академію Художествъ, такъ что Мясоѣдова онъ считаетъ даже настоящимъ своимъ учителемъ по бытовой живописи.

Можно смѣло сказать, главною спеціальностью своею Лемохъ избралъ преимущественно сцены изъ крестьянскаго быта и, въ особенности, изъ жизни дѣтей, въ изображеніи которыхъ у него найдется очень не много соперниковъ въ русскомъ искусствѣ. Правда, были у него и глубоко-драматическія картины, какъ „Круглая сирота“ (1879), „Божья воля“ (1888), но главный его жанръ заключается все-таки въ граціозной передачѣ всѣхъ особенностей дѣтскаго возраста и въ чрезвычайно тонкомъ исполненіи чисто миніатюрныхъ портретовъ во весь ростъ, какіе стали выходить изъ-подъ его кисти съ 1883 г.

Своими необыкновенно правдивыми изображеніями дѣтей Лемохъ пріобрѣлъ себѣ такую извѣстность, что когда англичанамъ понадобилось дать нѣсколько картинъ изъ дѣтской жизни въ одномъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ изо всѣхъ художественныхъ журналовъ—„*Magazine of Art*“ (1884), они, на основаніи уже существовавшихъ у насъ тогда сборниковъ снимковъ съ произведеній русскихъ художниковъ, въ родѣ „Иллюстрированнаго каталога Московской Всероссійской выставки 1882 г.“, могли во всемъ нашемъ искусствѣ отыскать всего одно изображеніе по этой части, именно картину Лемоха „Круглая сирота“.

Перечислять здѣсь всѣ работы этого художника нѣтъ возможности—на однѣхъ только передвижныхъ выставкахъ ихъ появилось за 14 лѣтъ до сорока, да къ тому же онѣ поименованы всѣ въ перепечаткѣ указателей первыхъ 15-ти выставокъ „Товарищества“, приложенной къ „Иллюстрированному каталогу 17-й выставки“ 1889 г. Достаточно будетъ сказать, что какъ „Круглая сирота“ можетъ считаться образцомъ затронутыхъ Лемохомъ трагическихъ сюжетовъ, такъ помѣщаемый тутъ снимокъ его картины съ нынѣшней Передвижной выставки, подъ названіемъ „Плутовки“, можетъ дать наилучшее понятіе о граціозномъ изображеніи имъ будущихъ взрослыхъ людей.

Н. С.

Поединокъ ночныхъ хищниковъ. (Рис. на стр. 381).

Кончается жаркій лѣтній вечеръ. Сумерки охватили лѣсъ и только макушки высокихъ сосенъ еще позлащены солнцемъ. Пропадаютъ послѣдніе блики солнца и луна загорается на темной синевѣ неба. Длиннѣе становятся тѣни, мракъ окуталъ весь лѣсъ, воцарилась мертвая тишь. Вдругъ раздается рѣзкій крикъ филина. Это пробудился хищникъ ночи, отъ остраго зрѣнія котораго теперь не укроется ни одно движеніе. Онъ не брезгаетъ ничѣмъ: мыши, лягушки, птицы, насѣкомыя, ничто не избѣжитъ его острыхъ когтей. Крикъ филина разбудилъ и лѣсную куницу, изъ дупла показывается ея маленькая красивая головка. Искристые глаза заботливо осматриваютъ окрестность. Убѣдившись въ полной безопасности, куничка вылѣзаетъ изъ дупла. Лѣсная куница самый дерзкій и ловкій изъ лѣсныхъ хищниковъ, разбой и убійство—ея промыселъ. Отъ нея не укроется ни одно птичье гнѣздо, она не упуститъ случая полакомиться яйцами или молодыми птенцами. Она неслышно подкрадывается ко всѣмъ птицамъ во время ихъ сна, ловко прыгая съ вѣтки на вѣтку и вѣрнымъ прыжкомъ настигая жертву. Любопытна встрѣча ночныхъ хищниковъ. Вотъ они замѣтили другъ друга и изумленно глядятъ. Ни одинъ не думаетъ о бѣгствѣ, а ищетъ только мѣста, съ какого удобнѣе напасть. Куница стремглавъ бросается на филина, но тотъ приготовился къ оборонѣ, онъ отталкиваетъ звѣрка лапой, при чемъ острые когти его вонзаются въ тѣло куницы. Перья защищаютъ филина отъ зубовъ врага, а удары клюва его падаютъ на незащищенную голову куницы. Она отступаетъ для отдыха и враги издали наблюдаютъ другъ за другомъ. Обыкновенно филинъ снимается и летитъ съ побѣдоноснымъ крикомъ, а куница остается зализывать свои раны. (К.)

Встрѣча Данте съ Беатриче. (Рис. на стр. 384).

Съ безсмертною славою Данте Алигіери (1265—1321 г.) неразрывно соединено имя его возлюбленной Беатриче. На одномъ изъ весеннихъ праздиествъ во Флоренціи, девяти лѣтъ отъ роду, онъ впервые увидалъ ту, дивный взоръ которой разбудилъ въ немъ геній поэта. Беатриче, восьмилѣтняя дочка Фолько де-Портинари, выдѣлялась изъ толпы подругъ своей граціей и очаровательною красотой. Въ тотъ мигъ, какъ взоры ихъ встрѣтились, Данте, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ стихахъ, воскликнулъ: „есть божество сильнѣе меня, оно явилось и будетъ вѣчно властвовать мною!“ Послѣ этой первой встрѣчи прошло болѣе девяти лѣтъ. Образъ очаровательнаго флорентійскаго ребенка не изгладился въ душѣ поэта, и онъ сталъ часто видать ее на улицѣ передъ церковью. Новая встрѣча, но уже не съ ребенкомъ, а съ пышною красавицей, заставила вновь забиться любящее сердце юноши: она шла прямо навстрѣчу ему съ двумя подругами и, поровнявшись съ нимъ, подняла свой глубокій взоръ и долго смотрѣла на него, какъ бы посылая ему первый привѣтъ. Смущенный и взволнованный полученнымъ привѣтомъ, онъ, не отдавая себѣ отчета, добрался до своей комнаты. Ночью онъ видѣлъ во снѣ, что богъ любви несетъ къ нему въ своихъ объятіяхъ заснувшую Беатриче и, поднимая въ рукѣ что-то горящее, говоритъ [illegible] „это твое сердце!“ Этотъ сонъ далъ поэту первыя сло[illegible] перваго сонета. На нашемъ рисункѣ изображенъ [illegible]тъ встрѣчи Данте и Беатриче. Тогда еще онъ

былъ студентомъ. Но встрѣчи ихъ продолжались недолго. Беатриче вскорѣ вышла замужъ за богатаго Симона де-Барди и умерла совсѣмъ еще молодою въ 1290 году. По одному изъ дошедшихъ до насъ писемъ Данте видно, какъ страстно оплакивалъ онъ смерть Беатриче. Ея образъ никогда болѣе не покидалъ его, хотя онъ по смерти ея и женился на доннѣ Джеммѣ изъ рода Донати; она одна сдѣлалась источникомъ его вдохновеній, въ честь нея зазвучали безсмертные сонеты и создалось геніальнѣйшее произведеніе среднихъ вѣковъ — „Божественная комедія“. (К.)

Весеннее утро. (Рис. на стр. 385).

Близко, близко солнце!
Понеслись навстрѣчу
Грядки золотыя
Облачковъ летучихъ.
Встрепенулись птицы,
Заструились воды...

(А. Майковъ.)

Эдуардъ Лудвиговичъ Регель.

(Портр. на этой стр.).

Русская наука вообще и Императорскій СПБ. Ботаническій садъ въ особенности понесли тяжелую утрату. 15 апрѣля скончался директоръ Сада, всемірно извѣстный ученый, тайный совѣтникъ Эдуардъ Лудвиговичъ Регель, почти полжизни своей посвятившій этому учрежденію. Регель родился въ Готѣ 1 августа 1815 г. Отецъ его былъ учителемъ герцога Эрнста Кобургъ-Готскаго, и дружескія отношенія его къ владѣтельному дому никогда не прекращались, хотя Регель впослѣдствіи принялъ швейцарское подданство. Изучивъ свой предметъ въ ботаническихъ учрежденіяхъ Геттингена, Бонна и Берлина, онъ въ 1842 г. сталъ садовникомъ въ Цюрихскомъ ботаническомъ саду. Здѣсь онъ проявилъ свои административныя способности и ученость, основавъ Швейцарское общество садоводства и читая лекціи въ университетѣ. Въ 1855 году онъ былъ вызванъ въ Россію и сталъ ученымъ директоромъ нашего ботаническаго сада. Своевременно (*Нива* 1881, № 16) мы помѣстили полный обзоръ его ученой и практической дѣятельности на пользу этого учрежденія. Три года спустя, по пріѣздѣ, онъ основалъ Имп. Россійское Общество Садоводства, коего президентомъ состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Далѣе, имъ же основанъ садъ Акклиматизаціи въ СПБ. Кромѣ многихъ сочиненій, написанныхъ имъ до прибытія въ Россію (важнѣйшее—*Flora Bonnensis*), онъ обработалъ здѣсь флоры Туркестанскую, Восточно-Сибирскую и Джунгарскую, издалъ „Русскую дендрологію“, вмѣстѣ съ Эндеромъ „Всеобщую книгу садоводства“, написалъ „Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ“, „Русскую помологію“ и проч. Какъ частный человѣкъ, покойный былъ любимъ всѣми его знавшими, за кроткій, незлобивый нравъ, сердечность и неподкупную честность.

Эдуардъ Лудвиговичъ Регель († 15 апрѣля 1892 г.).

Политическое обозрѣніе.

Злодѣйства динамитчиковъ и анархистовъ требуютъ энергичныхъ мѣръ расправы. *Journal des Déb*[illegible] говоритъ по этому поводу, что недостаточно карать совер[illegible]ое преступленіе, но необходимо принимать какія-нибудь [illegible]упредительныя мѣры, необходимо всячески препятствовать, какъ это случалось за послѣдніе дни во Франціи. Тамъ ужасъ настолько обуялъ всѣхъ, что въ процессѣ Равашоля, у присяжныхъ не хватило мужества произнести подсудимымъ заслуженный приговоръ, и Равашоль съ Симономъ осуждены только на каторжныя работы безъ срока, а трое остальныхъ подсудимыхъ оправданы. Правда, этотъ вердиктъ былъ произнесенъ на другой день, послѣ новаго взрыва, которому подвергся 13 апрѣля ресторанъ Вери, гдѣ былъ арестованъ Равашоль. По полученнымъ о взрывѣ подробностямъ, раненыхъ оказалось пять человѣкъ, въ томъ числѣ самъ Вери. Слухъ, что онъ умеръ при ампутаціи раздробленной ноги, не подтвердился. Ранены также жена и дочь Вери; двое изъ гостей получили контузіи и обжоги лица, изъ нихъ одинъ сильно пострадалъ. Гарсонъ Леро остался невредимъ. Взрывъ произведенъ бомбою, которая, какъ полагаютъ, положена была подъ прилавокъ. Заведеніе совершенно разрушено, повреждена также сосѣдняя лавка, но домъ не особенно сильно пострадалъ. Виновники покушенія неизвѣстны. Четыре человѣка были арестованы, но затѣмъ освобождены. *Journal de St-Pétersbourg* пишетъ по этому случаю: „Это новое злодѣйство вызвало должно быть въ Парижѣ сильное волненіе, такъ какъ, судя по тону газетъ, тамъ чувствовали себя нѣсколько успокоенными энергичными мѣрами, на которыя рѣшилось правительство, а также полагали, что суровый законъ, вотированный недавно палатами, внушитъ цѣлебный страхъ послѣдователямъ Равашоля. Но, какъ видно, цѣль эта не была достигнута. Шайка продолжаетъ свои мрачные подвиги, и для того, чтобы съ нею справиться, потребуются мѣры несравненно болѣе общаго и рѣшительнаго характера. Непосредственнымъ результатомъ вчерашняго преступленія будетъ, конечно, усиленіе мѣръ общаго и рѣшительнаго характера. Непосредственнымъ результатомъ преступленія 13 апрѣля будетъ, конечно, усиленіе бдительности и строгостей, особенно въ виду страшнаго „1-го мая“, ожидаемаго съ такимъ трепетомъ во всѣхъ западныхъ государствахъ. Репрессивными мѣрами, однако, ограничиваться нельзя; необходимо хорошо задуманное общее дѣйствіе, увѣренное въ себѣ и проникнутое сознаніемъ намѣченной цѣли, дѣйствіе, независимое отъ какихъ бы то ни было политическихъ заботъ и партійныхъ соображеній. Такого именно дѣйствія и требуетъ единогласно общественное мнѣніе. *National Zeitung* относится къ дѣлу съ болѣе широкой точки зрѣнія и трактуетъ анархистскій вопросъ въ его совокупности: „Чѣмъ тѣснѣе рабочія массы сплачиваются, тѣмъ болѣе — говоритъ эта газета — для буржуазнаго общества, будь оно французское или германское, становится необходимымъ и настоятельнымъ отстаивать соединенными силами существующій порядокъ вещей и созданную имъ цивилизацію. Побѣдоносный соціализмъ не можетъ ограничить свою систему однимъ только государствомъ; сама сущность его такова, что онъ будетъ вынужденъ стремиться къ повсемѣстному господству. Честолюбія и соперничества, сѣющія раздоръ между народами, должны стушеваться передъ опасностями, коими грозитъ общій врагъ. Самая кровопролитная война между французами и германцами, какъ то свидѣтельствуетъ исторія ихъ вѣковой борьбы, не въ состояніи уничтожить основы ихъ государственности и ихъ культуры, тогда какъ диктатура пролетаріата надѣется разрушить всякій установленный соціальный порядокъ, уничтожая въ одно и то же время государство и церковь, культуру и науку.“

Въ Римѣ произошелъ частный министерскій кризисъ 10 апрѣля. Король Гумбертъ принялъ отставку министра финансовъ и поручилъ министру казначейства временное управленіе министерствомъ финансовъ. Всѣ прочіе министры сохраняютъ свои портфели. Но рѣшено также замѣстить остававшіяся вакантными должности министровъ земледѣлія и почтъ и телеграфовъ. Далѣе постановлено приступить къ крупнымъ сбереженіямъ по военному вѣдомству и по управленію колоніями.

Въ томъ же городѣ состоялось въ муниципалитетѣ открытіе пятой международной конференціи Обществъ Краснаго Креста. Президентомъ избранъ предсѣдатель итальянскаго общества Краснаго Креста; въ числѣ избранныхъ вице-президентовъ находится русскій делегатъ г. Оомъ, завѣдующій канцеляріей Е. И. В. Государыни Императрицы. Послѣ открытія конференція вотировала формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предлагающую державамъ, подписавшимъ Женевскую конвенцію, распространить по мѣрѣ возможности ея благія дѣйствія и на морскія войны. Русскій делегатъ профессоръ Мартенсъ предложилъ провозгласить необходимость покровительства со стороны правительствъ и судамъ спасательныхъ обществъ, а также приступить къ активной пропагандѣ своихъ идей учрежденіемъ многочисленныхъ подкомитетовъ, раздачею брошюръ, устройствомъ конференцій и т. д.

Въ Вѣнѣ, 11 *апрѣля*, въ офиціальной газетѣ опубликованъ приказъ министра юстиціи объ учрежденіи въ Векельсдорфѣ, въ Чехіи, окружнаго суда. Приказъ этотъ будто бы удовлетворяетъ требованіямъ нѣмецко-либеральной партіи и является выраженіемъ благодарности за вѣрность ея проекту соглашенія. Нѣмцы требуютъ, сверхъ того, чтобы правительство провело въ Чехіи разграниченіе судебныхъ округовъ 'административнымъ порядкомъ и не спрашивая мнѣнія сейма. Чешскія газеты считаютъ учрежденіе нѣмецкаго окружнаго суда въ Векельсдорфѣ за объявленіе войны правительствомъ чешскому народу, который, однако, съумѣетъ выдержать эту борьбу à outrance. Въ *Narodni Listy* опубликованъ манифестъ всѣхъ младочешскихъ депутатовъ къ народу. Манифестъ направленъ противъ насильственныхъ мѣръ правительства, которое оказывается хуже прежнихъ враждебныхъ чехамъ министерствъ. Противъ этихъ мѣръ—говоритъ манифестъ—должно дѣйствовать общими силами и непоколебимо стоять за себя. Въ чешскомъ народѣ господствуетъ возбужденіе. Старочешскіе депутаты Машутъ и Затка, принадлежавшіе къ составу комиссіи о разграниченіи судебныхъ округовъ, заявили, по порученію старочешскаго исполнительнаго комитета, что выходятъ изъ этой комиссіи. Младочешскій исполнительный комитетъ рѣшилъ не прибѣгать къ политикѣ уклоненія отъ участія въ засѣданіяхъ сейма, но, напротивъ, оказывать самую рѣзкую оппозицію министерству графа Таафе. Кромѣ того, младочехи намѣрены внести въ рейхсратъ предложеніе относительно привлеченія министерства къ суду за явное нарушеніе закона въ дѣлѣ учрежденія окружнаго суда въ Векельсдорфѣ.

9 апрѣля изъ Шверина сообщаютъ, что вечеромъ скончалась тамъ великая герцогиня-мать Александрина, сестра покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги императора Николая Павловича, и императора Германскаго Вильгельма I. Усопшая, дочь короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III и его супруги Луизы, пережила не только всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ, но и своего супруга, великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Павла-Фридриха, и дѣтей. 15 *апрѣля*, въ 2 часа пополудни, состоялось торжественное погребеніе тѣла великой герцогини. Присутствовали императоръ, великій герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, другія высокія особы и огромная толпа народа.

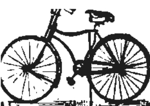
Интересныя свѣдѣнія объ „успѣхахъ“ конституціонныхъ принциповъ въ Японіи сообщаются въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* изъ Токіо, 11 февраля 1892 года:

„Состоявшіеся 3 (15) февраля выборы въ палату депутатовъ прошли весьма бурно. Въ самомъ Токіо безпорядки, благодаря многочисленной полиціи, не приняли крупныхъ размѣровъ, хотя все-таки были значительныя свалки, въ результатѣ которыхъ оказалось нѣсколько раненыхъ. Что же касается провинцій, то тамъ кровь проливалась довольно обильно. Въ нѣкоторыхъ городахъ происходили настоящія битвы и выборы пришлось отложить до другаго дня. Въ городѣ Кацн, во время перевозки баллотировальнаго ящика, толпа напала на сопровождавшаго ящикъ секретаря управленія и убила его. Въ Сага выборы были пріостановлены, вслѣдствіе безпорядковъ. Убито и ранено до 15 человѣкъ полицейскихъ чиновъ. Во многихъ другихъ округахъ полиція оказывалась совершенно безсильною унять буяновъ и принуждена была спасаться бѣгствомъ; только подоспѣвшимъ коннымъ жандармамъ удавалось водворить нѣкоторый порядокъ. Главными героями всѣхъ этихъ безпорядковъ оказались пресловутые „соси“. Несмотря на новый строгій законъ, направленный къ ихъ обузданію, правительству не хватило, очевидно, энергіи, чтобы сломить во-время этихъ представителей кулачнаго права. Оппозиціонные органы сваливаютъ всю вину за происшедшіе безпорядки на правительство и обвиняютъ его въ томъ, что охранительныя мѣры были приняты слишкомъ поздно. Радикалы увѣряютъ, что безпорядки были вызваны самимъ кабинетомъ, вслѣдствіе чего и противная партія должна была прибѣгнуть къ самозащитѣ. Правительство, конечно, отрицаетъ все это, утверждая, что безпорядки явились слѣдствіемъ той разнузданности страстей, которую вносятъ радикалы въ народную среду. Какъ-бы то ни было, второй актъ японской парламентской жизни начался кровопролитіемъ. Нравственные идеалы народа мало-по-малу исчезаютъ среди ожесточенной борьбы партійныхъ интересовъ“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

усовершенствованныхъ англійскихъ велосипедовъ фабрики

ГОРТОНА

въ Ковентри.

С.-Петербургъ,
Васильевск. Островъ, 9-я линія, № 24.
Р. НЕШЕЛЬ. № 5755 (2)
Прейсъ-куранты высылаю безплатно.

ТАИНСТВЕННЫЙ КАРТОЧНЫЙ КРУЖОКЪ.
НОВОСТЬ! НОВОСТЬ!

Гарантирую, что посредствомъ этого маленькаго изящнаго никелеваго аппарата **каждый въ состояніи будетъ безъ всякой подготовки продѣлать 50 разнообразныхъ** и очень трудныхъ фокусовъ съ картами. Успѣхъ изумительный. Большое развлеченіе въ обществѣ. R. № 5774

Вмѣстѣ съ руководствомъ **цѣна 2 рубля.**

новость! ЛИЛИПУТЪ-МИРЛИТОНЪ. новость!

Маленькій музыкальный инструментъ, на которомъ можно играть хотя онъ **и не видимъ.** Гарантирую обученіе въ нѣсколько минутъ. Его можно носить въ карманѣ жилета; забавенъ и занимателенъ; годится для аккомпанимента и соло-игры. 3—1

Цѣна 2 рубля. Можно почтовыми марками.
Обѣ вещи франко и безпошлинно.

GEORG MUSIC.
Berlin, Bahnhof Straussberg.

МОЙНАКСКОЕ

ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ

и

ЛИМАННОЕ

№ 5750 **ЗАВЕДЕНІЕ** 6—2

въ городѣ Евпаторіи

Открывается съ 20 мая по 20 августа.

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ

П. П. ГНѢДИЧА

для театра, для любит. и домашн. спект.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** К. въ 2 д.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйств.

Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **30** к.

ФОТОГРАФІИ

для моделей, женскія и мужскія, жанръ, ландшафты. 100 миніатюрн. фотографій и 4 образца за 3 р. Самая большая и лучшая коллекція всего міра. Каталоги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ язык. по 20 к. **Louis Ramlo Kunstverlag München II, Postfach 16.**

1892. МЮНХЕНЪ
Стеклянный Дворецъ.

Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Корол. Высочества Принца-регента Луитпольда Баварскаго и почетнаго предсѣдателя Его Корол. Высочества Принца Людвига Баварскаго

VI БОЛЬШАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

отъ 1-го іюня до конца октября. B. № 5759

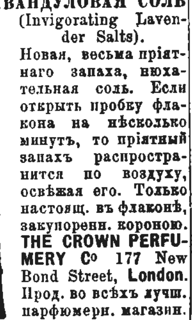
МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1.** Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (4)

ОСВѢЖАЮЩАЯ **ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ** (Invigorating Lavender Salts).

Новая, весьма пріятнаго запаха, нюхательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то пріятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящ. въ флаконѣ, закупоренн. короною. **THE CROWN PERFUMERY C° 177 New Bond Street, London.** Прод. во всѣхъ лучш. парфюмерн. магазин.

НОВОСТЬ—ВАКСА „МОЛНІЯ"

Рекоменд. военнымъ! Реком. путешествующ.

для обуви, резин. галошъ, сбруи и проч. Получ. моментально глянецъ на нѣсколько дней безъ употребленія щетокъ; не пачкаетъ платья. Можно получать въ маг. Т-ва СПБ. механ. производства обуви въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Гл. депо въ конторѣ В. Бартельсъ, М. Лубянка, д. Французской ц. въ Москвѣ. Гг. иногороднымъ высылается пробная ½ дюж. почтою за 3 р.

НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

„ДОМОСТРОЙ".

Журналъ будетъ давать въ сжатой и общепонятной формѣ практически-испытанные **совѣты** по всѣмъ отраслямъ домоводства, хозяйства, животноводства и охоты, притомъ **своевременно,** когда совѣты эти могутъ получить **немедленное примѣненіе.**

I. ДОМА. Домашнее благоустройство. Домъ, квартира и дача. Одежда.—**Въ кухнѣ и столовой.—Въ кладовой и погребѣ.—Въ дѣтской.** Уходъ за дѣтьми. Дѣтскія игры и занятія.—**Домашняя гигіена.** Первая помощь, домашняя аптечка. Истребленіе паразитовъ.—**Домашній досугъ.** Работы, игры, карты, шахматы, цвѣты, пѣвчія птицы, комнатныя собаки и аквариумы. № 5751 3—2

II. НА ДВОРѢ. Животноводство. Лошади, рогатый скотъ и домашняя птица.—Собаки.—**Ветеринарія.—Спортъ на открытомъ воздухѣ.** Гимнастика, коньки, велосипеды и пр.

III. ВЪ ОГОРОДѢ И ВЪ САДУ. Оранжереи, теплички и парники. Овощи, ягоды и фруктовыя деревья.—Цвѣтники и сады.

IV. ВЪ ЛѢСУ И ВЪ ПОЛѢ. Полеводство, луговодство и лѣсоводство. Разведеніе кормовыхъ и лѣкарственныхъ растеній. Рыбоводство, рыбная ловля и уженье.—Охота на птицъ и звѣрей.

V. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Правительственныя распоряженія. Биржевой указатель и справочныя цѣны. Смѣсь. Вопросы и отвѣты.

VI. Адреса извѣстныхъ хозяевъ и торговцевъ.—Объявленія и прейсъ-куранты.

VII. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: Календарей (общаго и спеціальныхъ по отдѣламъ), **руководствъ** (Домашній лѣчебникъ, Уходъ за дѣтьми, Домашній столъ, Огородничество, Птицеводство и др.), **Записныхъ книгъ, отрывочнаго и стѣннаго календарей, нотъ, модъ, узоровъ, сѣмянъ огородныхъ и цвѣточныхъ растеній, образцовъ матерій, рыболовныхъ крючковъ, письменныхъ принадлежностей** и тому подобныхъ хозяйственныхъ предметовъ, удобныхъ для пересылки.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, въ объемѣ 1—2 печатныхъ листовъ, не считая приложеній, съ пояснительными чертежами и рисунками.

Первый номеръ выйдетъ 30 апрѣля.

При первомъ номерѣ будетъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ **комплектъ сѣмянъ** для небольшого огорода; при второмъ—**образцы лѣтнихъ матерій.**

Подписная цѣна со всѣми приложеніями: на годъ 6 р., на 8 мѣсяцевъ (по 1 января 1893 г.) 4 р., на 2 мѣсяца 1 р.

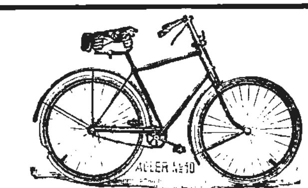
Адресъ: **Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.** Редакт.-издат. **Л. П. САБАНѢЕВЪ.**

B. № 5768 6—1

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. **Москва,** по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

ВЕЛОСИПЕДЫ

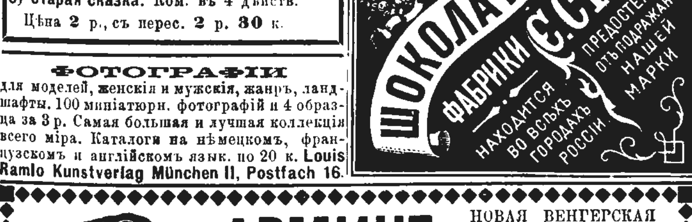
„ОРЕЛЪ"

Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Ц. № 5728 **СПЕЦІАЛЬНАЯ** 12—4

ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

АРМИНЪ

НОВАЯ ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА для **холи и мягкости усовъ и бороды.**

Цѣна за банку 1 р. с., съ перес. во всѣ города Россіи — 1 руб. 40 коп. **Наложеннымъ платежомъ.**

Продается во всѣхъ аптекарск. магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Пюпа, Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ. № 5603 (10)

На-дняхъ выйдетъ:

И. А. ШТЕГМАНА

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ КУЛЬТУРѢ РОЗЪ.

4-е изданіе, дополненное и исправленное.

Цѣна въ папкѣ 1 руб.

Н. КИММЕЛЬ.

Книжный магазинъ въ Ригѣ. № 5762 2—1

ЕЩЕ

ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

приходится имѣть дѣло съ торговцами, которые требуютъ отъ насъ уменьшенныхъ цѣнъ, часто прибавляя:

„что обувь можетъ быть и худшаго качества, такъ какъ при такихъ условіяхъ спросъ въ публикѣ увеличивается!"

Такимъ образомъ желаютъ достигнуть отъ насъ того, чтобы мы, изъ-за какихъ-нибудь 15—20 коп., уменьшили бы достоинство нашей обуви на 1 рубль и больше.

Наши покупатели могутъ однако быть совершенно спокойны; потворствовать такимъ желаніямъ мы никогда не рѣшимся; мы пріобрѣли себѣ имя, именно благодаря хорошему товару и установленнымъ цѣнамъ, и мы и впредь не отступимъ ни на шагъ отъ нашихъ правилъ.

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

№ 5695 (6)

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (10)

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ

имѣютъ такой

фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣнскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Продажа оптомъ и въ розницу.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ д. Захарьина

ФОТОГРАФІЯ

КАРМАНѢ

Новѣйшая тайная моментальная ручная карманная камера. Цѣна 3 р. Новый богато-иллюстрированный прейсъ-курантъ 1892 года.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

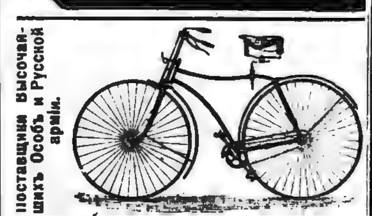
Складъ фотографическихъ принадлежностей. С.-Петербургъ. Невскій пр. у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка № 30/16, входъ съ Екатерининскаго канала. **Москва.** Мясницкая, уг. Кривоколѣннаго пер., д. Соколова.

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, № 5649 8—8

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

= Около 1000 велосипедовъ на складѣ. =
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

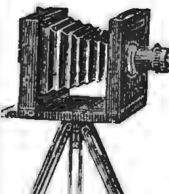
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый Домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ въ 1863 г.)

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Коканд и Екатеринбургъ. 19—1
Новый каталогъ 80 страницъ
БЕЗПЛАТНО.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

для Г.г. любителей.

Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.
Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и дор.
Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ отъ 15 р.
Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К°
фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, **Мойка № 42.**
Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 5770 2—1

Проф. **ВЕРКАНЪ** лѣчитъ
ЗАИКАНІЕ
10—7
Москва. Б. Кисловка, д. Базилевскаго.

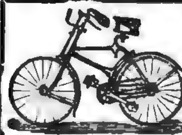
ВЕЛОСИПЕДЫ

сист. Свифтъ съ новѣйшими усовершенствованіями лучшихъ заграничныхъ фабрикъ предлагаетъ по удешевленнымъ цѣнамъ

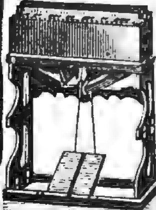
магазинъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ
РОБЕРТА ГЕТЦЪ.

Уголъ Садовой и Гороховой, домъ ВОДЕНИКОВА.
№ 5711 3—3

Оптовый складъ по 11 ротѣ Измайловскаго полка, въ собственномъ домѣ, № 6. Тутъ же большой выборъ токарныхъ станковъ, строгательныхъ и Shapping машинъ и проч.
Каталогъ высылается безплатно.

Англійскіе велосипеды завода Зингера и К° въ Ковентри, рекомендуетъ **Генрихъ Жемличка** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, спеціальный велосипедный магазинъ, № 19.
Высылается прейсъ-курантъ. 3—2

ФИСЪ-ГАРМОНІИ
(ГАРМОНІУМЫ)

складныя дорожныя въ 65, 80 и 100 рублей.
ФРАНЦ. ФАБРИКИ
„ДЭБЕНА“
въ 90, 120 и до 250 р.
Новѣйшій иллюстр. прейсъ-кур. всѣмъ инструментамъ высылается безплатно.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА
„А. Е. КУЛАКОВЪ“,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Садовая улица, № 40.

кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 5—1
Цѣна за флак. **3 р.** съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

Туалетная вода Эсъ ТАМЪ-ТАМЪ

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

ДЛЯ МЫТЬЯ ВОЛОСЪ
БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ
косметика А. Энглундъ,

есть средство для мытья волосъ, освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ пересыл. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
№ 5757 Только С.-Петербургской Косметической «Лабораторіи А. Энглундъ».

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5765 7—1

ЭЛЕОПАТЪ
ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5719 (3)

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 марта 1892 г. Руб. 2.160.939 89.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (6)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

РУССКІЙ ФИЛЬТРЪ
„ЗДОРОВЬЕ“

удостоенъ высшей награды на врачебно-гигіенич. выставкѣ 1889 г. въ С.-Петербургѣ.
Даетъ чистую, здоровую и вкусную воду, удобенъ, проченъ, легко, скоро и просто очищается домашними способами.
Для провинціи—фильтры не водопроводные (дѣйствуютъ сифономъ и напоромъ) отъ 2 руб. и дороже. № 5760
Въ Петербургѣ абонементъ 7 р. въ годъ.
Адресъ: СПБ. Пушкинская, 3.
Подробный каталогъ высылается по требованію съ прилож. 7 к. марки.

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин. или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно.

Дозвол. цензур., СПБ., 22 апрѣля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ.
Выданъ 2 мая 1892 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 80 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1892 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ Петерб. **5** р. | Съ дост. въ Петерб. **6** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія **6** р. | Съ перес. въ Москву и др. города Россіи **7** р. | За границу. **10** р.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА МАЙ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1892 г.** съ 24 рис. и отд. лист. съ 81 черт. выкр. въ натур. велич. и 49 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Тоска по родинѣ. Съ карт. М. Коха.

Тоска по родинѣ.

Тамъ небеса и воды ясны,
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина, всѣ дни твои прекрасны;
Гдѣ-бъ ни была, но все съ тобой
Душой.

* * *

Ты помнишь-ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

* * *

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

* * *

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ —
Все тамъ!

(Жуковскій).

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть **С. Н. Терпигорева.**

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

(Продолженіе).

VIII.

И разсказы приходившие изъ N* подтверждали всѣ предположенія, высказывавшіяся ранѣе, объ энергіи и о непрерывной дѣятельности Стратона Алексѣевича по устройству и приведенію въ порядокъ совсѣмъ было запущенныхъ водъ. По этимъ разсказамъ, онъ былъ совсѣмъ неузнаваемъ, проводя цѣлые дни на постройкахъ и при всякихъ другихъ работахъ. Разсказывали, будто-бы онъ обѣщалъ сдѣлать еще пожертвованіе, если этихъ денегъ окажется недостаточно, не хватитъ ихъ на все, что̀, по его мнѣнію, было необходимо и что̀ онъ уже началъ дѣлать.

Въ N* онъ нанялъ пока квартиру и довольно большую, такъ какъ заниматься постройкой или перестройкой собственнаго дома для себя ему было некогда теперь.

Въ Поддубьѣ у себя онъ бывалъ только на какія-нибудь сутки или двое и сейчасъ-же опять уѣзжалъ въ N*, гдѣ у него кипѣла работа и гдѣ, казалось, лежали всѣ его мысли и сердце.

Наконецъ открылся и лѣчебный сезонъ. Съѣздъ въ этомъ году, сверхъ ожиданія, былъ огромный, какого уже давно не бывало. И это его радовало, прибавляя еще болѣе ему энергіи.

Въ началѣ іюня, слѣдовательно одновременно почти съ открытіемъ сезона на минеральныхъ водахъ въ N*, бывалъ день рожденія бабушки Дарьи Николаевны — большой день во Всесвятскомъ, какъ это было заведено еще покойнымъ Григоріемъ Алексѣевичемъ. Въ этотъ день во Всесвятское наѣзжало много гостей. Бабушка бывала всегда въ хорошемъ расположеніи духа, по крайней мѣрѣ, старалась не казаться ни грустно задумчивою, ни разсѣянною, охотно разговаривала, угощала радушно, словомъ была или старалась быть такою точно, какою она была при жизни мужа, какою всѣ или большая часть изъ гостей ее тогда видѣли и знали.

Поѣхали къ этому дню, туда, во Всесвятское, и мы, т. е. матушка, я съ сестрой и съ нами гувернантка наша, Анна Карловна.

Намъ приготовляли всегда во Всесвятскомъ, ко дню нашего пріѣзда, помѣщеніе не въ одномъ изъ флигелей назначенныхъ для пріѣзда гостей, а въ самомъ домѣ, въ комнатахъ, ближайшихъ къ занимаемымъ самою бабушкой.

И окружены мы были во Всесвятскомъ особеннымъ вниманіемъ: о нашихъ удобствахъ всѣ заботились, всѣ справлялись не нужно-ли намъ чего, къ намъ прикомандировывались въ особое распоряженіе какія-то довѣренныя степеннаго вида женщины, которымъ матушка что-то поручала, и онѣ являлись къ ней каждый день, а то и вовсе находились при насъ или при нашихъ комнатахъ; такъ что пріѣзжавшая съ нами нянька наша и матушкина горничная дѣлались на это время какъ-бы начальницами ихъ, и онѣ тоже дѣлали указанія, и все по этимъ ихъ указаніямъ и требованіямъ, какъ-бы по требованію самой матушки, немедленно исполнялось.

Мы были, однимъ словомъ, во Всесвятскомъ на особомъ положеніи, привилегированномъ, какъ самые ближайшіе и слѣдовательно самые почетные гости.

Ко всему этому надо еще прибавить, что кромѣ такого высокаго официальнаго нашего положенія въ домѣ бабушки, мы, и просто, какъ родные, выдвигались бабушкой изо всѣхъ прочихъ въ силу ея особагo расположенія къ матушкѣ, которую она одну только и посвящала въ свой душевный міръ.

Такая-же точно встрѣча была намъ разумѣется и на этотъ разъ. Какъ только мы пріѣхали, бабушка, сидѣвшая уже съ собравшимися къ ней гостями, сейчасъ-же узнала объ этомъ, покинула гостей и прошла къ намъ, чтобы поздороваться съ матушкой и съ нами. Отъ прислуги мы успѣли узнать, что Стратонъ Алексѣевичъ тоже уже пріѣхалъ. Бабушка застала насъ умывающимися съ дороги, переодѣвающимися. Всѣхъ насъ она перецѣловала, была очень рада, что мы пріѣхали, шутила съ нами и затѣмъ, предоставивъ намъ оканчивать наши туалеты, прошла съ матушкой въ ту комнату, изъ числа отведенныхъ намъ, которая предназначалась собственно для самой матушки.

Мнѣ что-то вскорѣ понадобилось взять или спросить у матушки, и я побѣжалъ къ ней. Тамъ, къ удивленію моему, вдругъ я услыхалъ такой разговоръ:

— Нѣтъ, напрасно, напрасно тогда онъ согласился принять эту должность, говорила бабушка. — Не выйдетъ изъ этого ничего хорошаго, чувствую ужъ я это...

И говорила бабушка это совсѣмъ особеннымъ какимъ-то голосомъ, въ которомъ слышались особыя нотки, которыя рѣдко бывали у нея въ голосѣ. Несомнѣнно ее что-то задѣло за живое, она удивлена чѣмъ-то, и непріятно удивлена, и это близко ея сердцу, волнуетъ ее.

— Да вы что, тетушка, думаете собственно? спрашивала ее съ выраженіемъ особеннаго и чрезвычайнаго вниманія матушка.

— Ничего не думаю... Ничего не знаю... Но вотъ ты сама сейчасъ увидишь, посмотри на что̀ онъ сталъ похожъ!.. Человѣку шестьдесятъ лѣтъ скоро и въ эти годы вдругъ такія перемѣны! добавила она.

Больше изъ ихъ разговора я ничего не слыхалъ; но понялъ конечно, что рѣчь у нихъ шла о Стратонѣ Алексѣевичѣ. Я не зналъ о какихъ такихъ перемѣнахъ въ немъ говорила бабушка и почему ей эти перемѣны въ немъ не нравятся. Я помню только, что когда мы пришли въ гостиную, гдѣ сидѣли всѣ гости и гдѣ, въ числѣ ихъ, находился и Стратонъ Алексѣевичъ—я почти не спускалъ съ него глазъ все время, стараясь замѣтить въ немъ тѣ перемѣны, о которыхъ съ такимъ волненіемъ говорила бабушка...

Стратонъ Алексѣевичъ былъ повидимому совершенно такой-же, — былъ только оживленнѣе, чѣмъ всегда прежде; но мы уже видѣли его такимъ, когда онъ два мѣсяца назадъ пріѣзжалъ къ намъ, и всѣ эту перемѣну въ немъ находили тогда къ лучшему и даже прямо радовались ей... Потомъ, одѣтъ онъ былъ франтоватѣе обыкновеннаго,—но сегодня такой высокоторжественный день у бабушки...

Вотъ это развѣ, что онъ короче остригся, причесался и—мнѣ это показалось, когда онъ, здороваясь со мною, поцѣловалъ меня—усы у него какъ будто напомажены чѣмъ душистымъ и стали какъ будто чернѣе...

Но я все это объяснялъ себѣ желаніемъ его быть какъ можно франтоватѣе въ этотъ торжественный день у бабушки. Наконецъ, очень могло быть, что этого потребовала отъ него городская жизнь, которую онъ теперь велъ. Всѣ пріѣзжавшіе къ намъ изъ города обыкновенно были одѣты гораздо франтоватѣе живущихъ постоянно въ деревнѣ. Это и понятно: они не ѣздятъ ни на пахоту, ни на жнитво, ни на какія работы въ поле. Они тамъ у себя въ городѣ сидятъ, занимаются въ кабинетахъ или гуляютъ по чистымъ и подметеннымъ улицамъ...

По обыкновенію, въ этотъ день обѣдъ былъ обставленъ особенно торжественно и отличался необыкновеннымъ обиліемъ всего, что за нимъ подавалось. Сервировка была старинная, серебро еще Екатерининскихъ временъ, прислуга въ ливрейныхъ сюртукахъ тоже стариннаго фасона. За бабушкой, сидѣвшей на концѣ стола, стоялъ самъ элегантный Игнатій Ивановичъ, всегда служившій ей въ этотъ день, и я никакъ не могъ привыкнуть, все смотрѣлъ на его большое бѣлое жабо. На противоположномъ концѣ длиннаго стола, на мѣстѣ хозяина, какъ это и подобало теперь ему послѣ смерти брата, сидѣлъ Стратонъ Алексѣевичъ. За нимъ стоялъ тоже кто-то изъ стариковъ, являвшихся служить только въ этотъ день. Матушка сидѣла, какъ всегда, возлѣ бабушки, по правую ея сторону. Затѣмъ, тоже по старшинству, по почету и по родству, сидѣли остальные гости. При дѣдушкѣ покойномъ, въ этотъ день, говорятъ, всегда играла музыка, но бабушка этотъ обычай почему-то отмѣнила, и я ни разу не помню, чтобы она была. Первый тостъ провозглашался всегда за здоровье государя императора; потомъ уже за бабушку и т. д. за почетнѣйшихъ и старѣйшихъ гостей, при чемъ всѣ чокались. Такъ всегда было заведено съ незапамятныхъ еще временъ и такъ было, разумѣется, и въ этотъ разъ. Стратонъ Алексѣевичъ всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье государя императора, всѣ кричали три раза *ура*; потомъ, только это угомонилось и всѣ усѣлись, Стратонъ Алексѣевичъ опять всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье бабушки, потомъ бабушка за его здоровье, потомъ опять онъ за здоровье матушки и т. д., и т. д.

Мы, дѣти, сидѣли за отдѣльнымъ дѣтскимъ столомъ, вмѣстѣ съ нашими гувернантками, и принимали участіе во всѣхъ тостахъ, такъ какъ намъ въ бакалы тоже наливали „по капелькѣ“ шампанскаго и мы изъ-за своего стола вставали и ходили къ большимъ чокаться.

Такимъ образомъ, мы были какъ-бы даже и въ этомъ соучастниками съ большими—пили какъ и они вино—и это насъ очень поднимало въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Мы прислушивались за этимъ торжественнымъ обѣдомъ къ сдержаннымъ разговорамъ большихъ на высокія темы. Вообще, это былъ обычай, благодаря которому мы сами собою, путемъ примѣра, пріучались держать себя въ обществѣ. Говорили за этимъ обѣдомъ только почетнѣйшіе и самые уважаемые люди, а прочіе только слушали. И разговоръ всегда былъ о политикѣ, о высшихъ сановникахъ, и все это необыкновенно сдержанно, спокойно и какъ-то безапелляціонно, рѣшающе. Поговоритъ одинъ, замолчитъ, затѣмъ заговоритъ другой, какъ-бы продолжая его. И такъ весь обѣдъ, въ перемежку съ тостами, вплоть до какого-нибудь хитраго кондитерскаго пирожнаго съ горящими внутри свѣчами или съ вылетающей при первомъ прикосновеніи къ нему какой-нибудь маленькой птицей, что намъ такъ нравилось и чего мы всегда съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали. Это, впрочемъ, производило эффектъ и оживленіе и за большимъ столомъ, гдѣ всѣ конечно очень хорошо знали напередъ, что этотъ сюрпризъ будетъ, но всѣ показывали видъ, что пріятно имъ изумлены...

Такъ было всегда всякій годъ, такъ было, разумѣется, и этотъ разъ.

IX.

Послѣ обѣда, часть мужчинъ, по обыкновенію, отправилась въ дѣдушкины комнаты курить, а кто прилечь и отдохнуть; другая часть ихъ, со Стратономъ Алексѣевичемъ во главѣ, послѣдовала за дамами на террасу, куда должны были подать сейчасъ кофе, въ старинныхъ серебряныхъ кофейникахъ, на серебряныхъ подносахъ, съ бѣлымъ, т. е. начищеннымъ уже миндалемъ, какъ тогда это было заведено, или было въ модѣ. Тутъ мы, дѣти, присоединялись къ большимъ и ужь не составляли отдѣльной группы, а держались, по возможности, ближе къ своимъ и къ своимъ гувернанткамъ. Я съ сестрой были возлѣ матушки, помѣстившейся опять недалеко отъ бабушки, занявшей и на террасѣ самое почетное мѣсто. Передъ нами стоялъ Стратонъ Алексѣевичъ, съ чашкой кофе въ рукахъ, и разсказывалъ о водахъ, о пріѣхавшихъ на воды лѣчиться, о предстоящихъ въ N* балахъ, которые имѣютъ тамъ быть устроены, по обыкновенію, въ концѣ сезона.

— Я ожидаю васъ непремѣнно, любезнѣйшая сестрица, увѣреннымъ тономъ сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ бабушкѣ.

— Хотя слова и не даю, но постараюсь, братецъ, отвѣчала она.

— Да, да. Будемъ ждать непремѣнно.

— Постараюсь, братецъ, опять сказала бабушка.

— И васъ жду, непремѣнно, оборачиваясь къ матушкѣ сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ, и добавилъ:—пожалуйста у меня и остановитесь. У меня одиннадцать комнатъ въ квартирѣ, и вы никого не стѣсните. И пріѣзжайте съ дѣтьми непремѣнно. Пускай и они посмотрятъ, попляшутъ. Вѣдь они не бывали еще никогда на водахъ?

Матушка сказала ему, что тоже постарается пріѣхать, но только если пріѣдетъ ужь, то пріѣдетъ теперь, вскорѣ, а не къ баламъ.

— И теперь, и потомъ, къ баламъ. Почему же нельзя къ баламъ? спрашивалъ Стратонъ Алексѣевичъ.

И, словно практикуясь въ непривычной элегантности и ловкости, принимая какія-то невиданныя у него позы, онъ началъ опровергать ее, настаивалъ чтобы она сказала почему ей нельзя или она не хочетъ пріѣхать именно къ баламъ.

Отъ непривычки, или ужь очень онъ неловокъ былъ со своими манерами и со своими годами, но только странно и удивительно даже было смотрѣть на него и слушать его разсуждающимъ такимъ образомъ. Матушка что-то отвѣчала ему, и видно было по ея глазамъ и по лицу, что она едва удерживается, чтобы не разсмѣяться.

Въ это время, совершенно случайно, я взглянулъ на бабушку. Она сидѣла, какъ бы забывъ про все общество, грустная, не сводя съ него своихъ, полныхъ сожалѣнія къ нему, задумчивыхъ глазъ.

Въ это время матушка, отвѣчая ему въ разговорѣ, произнесла слово: „тетушка“. Бабушка при этомъ словѣ точно очнулась отъ забытья, при чемъ слегка даже какъ будто вздрогнула, и выраженіе у нея въ глазахъ и во всемъ лицѣ вдругъ измѣнилось, она оглянулась на сидѣвшихъ вокругъ нея и начала, видимо стараясь вновь войти въ свою обычную колею, какой-то первый попавшійся ей на умъ разговоръ.

Этотъ маленькій эпизодъ я замѣтилъ.

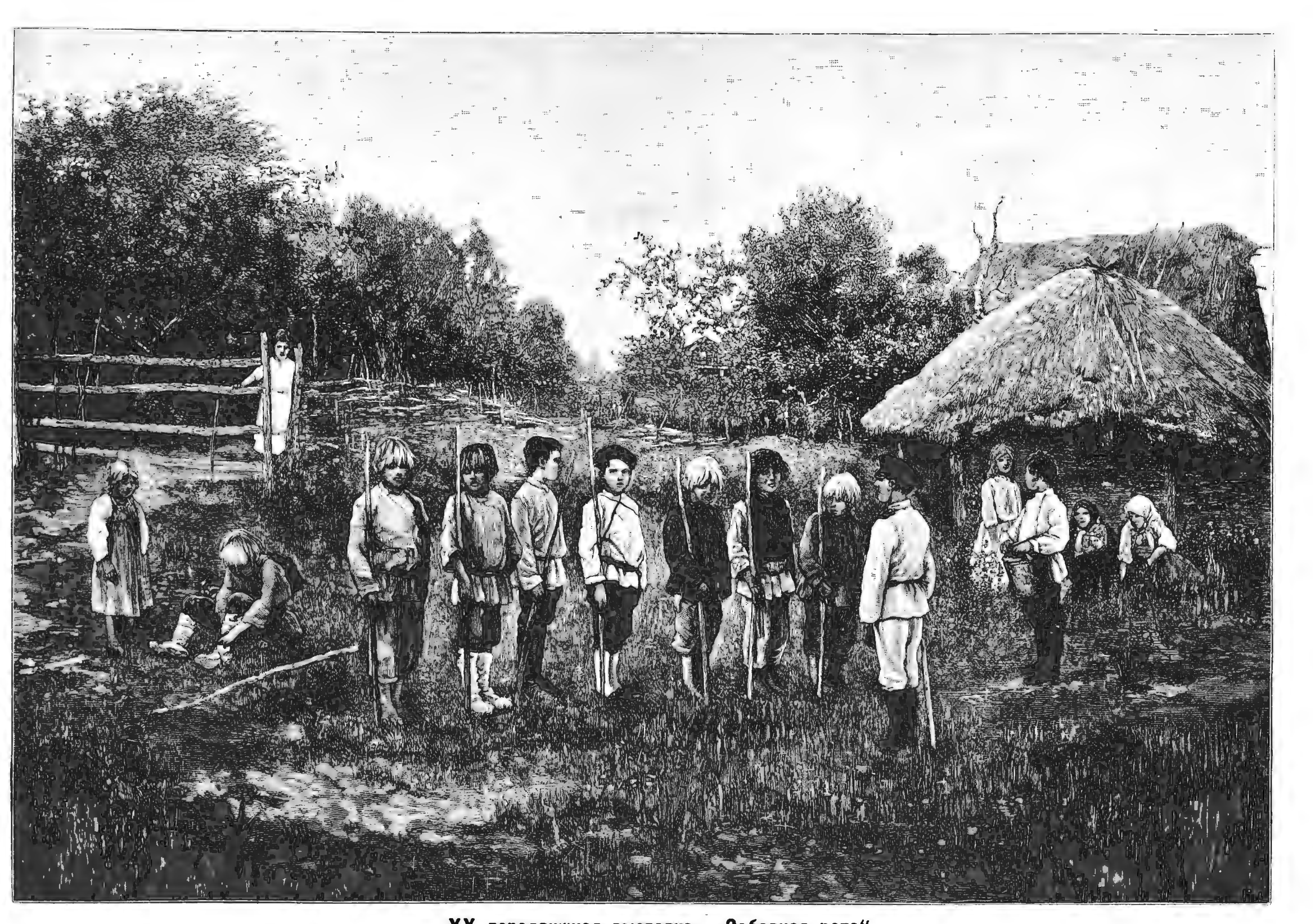
А Стратонъ Алексѣевичъ стоялъ съ чашкой кофе въ рукахъ передъ дамами, разсказывая какія онъ придумываетъ все новыя и новыя развлеченія для пріѣзжихъ больныхъ.

— Цвѣты, то есть уходъ за ними, наблюденіе за содержаніемъ ихъ въ порядкѣ, я, напримѣръ, ввѣрилъ дѣтямъ, говорилъ онъ.—И сколько радости, какъ они смотрѣть за ними стараются! Я имъ и командиршу далъ, которую они прозвали царицей цвѣтовъ—нѣкто княжна Войцеховская... пріѣзжая тоже.

Кто-то спросилъ его при этомъ:

— Полька?

— Полька... Красавица... И умна при этомъ, отвѣтилъ онъ.—Она съ матерью пріѣхала. Онѣ почти первыя, раньше всѣхъ пріѣхали... И какой, представьте, съ ними случай! На прошлой недѣлѣ ожидали онѣ

XX передвижная выставка. „Забавная рота“.

Карт. А. С. Степанова (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. М. Рашевскій.

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ. „Партнеры“.
Карт. **Н. М. Уварова** (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“). грав. М. Рашевскій.

себѣ денегъ изъ имѣнія и вдругъ, вмѣсто этого, получаютъ извѣстіе, что управляющій ихъ бѣжалъ, захвативъ съ собою всѣ деньги изъ конторы.

Всѣ начали выражать имъ свое сочувствіе по этому поводу, говорили какъ это нынче стало часто повторяться, что управляющіе обкрадываютъ господъ и прочее, и прочее; а Стратонъ Алексѣевичъ, послѣ малой паузы, онъ это любилъ дѣлать, продолжалъ:

— Но каково, спрашивается, ихъ положеніе? Женщины... одна еще совсѣмъ можно сказать ребенокъ по годамъ, въ прошломъ году только кончила курсъ въ институтѣ; другая—больная, съ разстроенными нервами... Заѣхали Богъ знаетъ въ какую даль отъ дому, знакомыхъ никого нѣтъ и—такая исторія!

И опять всѣ выразили свое участливое соболѣзнованіе къ нимъ, начали спрашивать, какъ же быть имъ теперь. Что же онѣ будутъ дѣлать теперь? Надо имъ, значитъ, бросить все и ѣхать къ себѣ въ имѣніе?

— Нѣтъ, говорилъ Стратонъ Алексѣевичъ, — и что же онѣ, женщины, подѣлаютъ? Онѣ написали родственнику одному своему, чтобъ тотъ поѣхалъ сейчасъ къ нимъ въ имѣніе и все это привелъ въ ясность, распорядился бы, заявилъ кому слѣдуетъ.

— А какъ же онѣ теперь безъ денегъ? спросила его матушка.

— Ну, это что-жь такое... Имъ бездѣлицу какую нибудь нужно. Онѣ очень скромно живутъ, добавилъ Стратонъ Алексѣевичъ, сдѣлалъ паузу, задумался нѣсколько, и вдругъ заговорилъ о чемъ-то ужь совсѣмъ другомъ, какъ бы желая почему-то замять этотъ разговоръ.

Но потомъ опять, какъ бы все еще продолжая думать о прерванномъ разговорѣ, обратился къ матушкѣ и, указывая ей на меня и на мою сестру, продолжалъ:

— И вы, пожалуйста, непремѣнно съ ними пріѣзжайте. Пускай они пошалятъ, поиграютъ. Имъ будетъ весело. Дѣтей много, цвѣтовъ—море! И такая еще командирша у нихъ!..

— Благодарю васъ, дядюшка, еще разъ сказала матушка,—непремѣнно постараюсь.

Но мнѣ показалось, что она это сказала съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ: дескать, да, конечно и очень благодарна, но я еще подумаю хорошенько: надо еще посмотрѣть сперва, какъ и что дальше будетъ съ тобою...

Этотъ первый день праздника всѣ, по крайней мѣрѣ ближайшіе родственники, обыкновенно оставались во Всесвятскомъ до поздней ночи, а иные, особенно близкіе, какъ мы, напримѣръ, или какъ Стратонъ Алексѣевичъ, даже пробывали и слѣдующій, и послѣ этого еще день, даже иногда и два дня. И бабушка это очень любила. Какъ вдругъ, этотъ разъ, послѣ вечерняго чая, всѣ съ удивленіемъ, въ особенности ужь бабушка, узнали, что Стратонъ Алексѣевичъ сегодня же уѣзжаетъ въ N*.

— Что же это вы, братецъ? съ изумленіемъ даже говорила ему бабушка, когда онъ объявилъ ей наконецъ самъ о своемъ намѣреніи.

— Что дѣлать! любезнѣйшая сестрица, отвѣчалъ онъ, вскидывая по обыкновенію плечами.

— Неужли же такъ-таки нельзя вамъ остаться? почти растерянно говорила бабушка.

— Сестрица любезнѣйшая, воскликнулъ Стратонъ Алексѣевичъ,—знаете сами пословицу: „Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ"...

— Да-а... Только какія же ужь такія дѣла?.. Неужели серьезно вы уѣзжаете, не шутите?..

— Нѣтъ, любезнѣйшая сестрица, не шучу...

Бабушка на мгновеніе какъ бы задумалась въ нерѣшительности, но потомъ сказала:

— Ну, если дѣла, что-жь тогда дѣлать!

И затѣмъ ни слова больше объ этомъ.

Стратонъ Алексѣевичъ въ другой разъ изумился бы, даже обидѣлся бы на нее за такую легкость, съ которою она уступила, не стала противиться его непремѣнному настоянію уѣхать, да ему и въ голову бы не пришло это сдѣлать, хотя бы отъ этого Богъ знаетъ какія тысячи терялъ, — а тутъ, нынѣшній разъ, у него точно камень съ плечъ свалился, онъ почти что обрадовался, что она уступила, не упрашиваетъ его больше и всѣ разговоры на эту тему и упрашиванія всѣ кончены.

Онъ началъ что-то разсказывать, говорить почему ему неотложно необходимо надо ѣхать сегодня же въ N*, но все это всѣмъ показалось такъ натянуто, длинно, малоубѣдительно, что для него гораздо лучше было бы, если бы онъ вовсе и не начиналъ ничего объ этомъ говорить и ничего въ свое оправданіе не приводилъ.

Бабушка его больше ужь не удерживала, ничего объ этомъ больше не говорила, была даже, то есть казалась совершенно попрежнему спокойна, весела и точно такъ же, совсѣмъ какъ ничего не бывало, была любезна съ нимъ. Она даже сказала ему:

— Братецъ, а я прикажу вамъ положить чего-нибудь на дорогу съ собою. А то вы привыкли ужинать, можетъ захотите чего-нибудь дорогой.

Но Стратонъ Алексѣевичъ принялся ее увѣрять, что ничего этого не нужно ему, такъ какъ онъ, какъ только лишь сядетъ въ коляску, сейчасъ же постарается заснуть и проспитъ все время до утра, когда пріѣдетъ въ N*.

— Какъ хотите. А то вѣдь это сейчасъ, пока вамъ будутъ закладывать лошадей, все будетъ готово, замѣтила она.

— Нѣтъ, не нужно, любезнѣйшая сестрица. Увѣряю васъ, я засну и такъ, и отлично просплю до утра, пока не пріѣду.

И опять бабушка замолчала, уступила, чего никогда бы въ другой разъ не было, да она и слушать бы его не стала, точно такъ же, какъ и онъ отказываться.

Лошадей ему скоро запрягли и онъ нетерпѣливо сталъ со всѣми нами прощаться. По обыкновенію всѣ мы, съ бабушкой во главѣ, вышли его провожать на крыльцо. На дворѣ было темно, собирались тучи и начиналъ уже накрапывать дождикъ.

— И въ этакую-то темь, въ дождикъ, грозу, вы, дядюшка, хотите ѣхать? сказала ему матушка.

— Ничего, я это даже люблю, возразилъ онъ.—Дорога знакомая, большая—отлично доѣду.

Велѣлъ поднять у коляски верхъ, еще разъ со всѣми простился, сѣлъ—и экипажъ тронулся.

X.

Бабушка казалась спокойною и веселою во весь остатокъ вечера и за ужиномъ все время. Но она не была на самомъ дѣлѣ такою. Я это замѣтилъ по настроенію матушки, которую изучилъ до тонкости. Она—не на словахъ разумѣется, но такъ, по взглядамъ, по выраженію лица, по страннымъ и безпричиннымъ вздохамъ и проч., и проч., по всему, словомъ, было видно,—выражала удивленіе, даже изумленіе, по поводу поступка Стратона Алексѣевича. Она чаще обыкновеннаго взглядывала на бабушку, съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, и бабушка каждый разъ послѣ этого принималась стараться быть со всѣми еще любезнѣе, разговорчивѣе, потчивала, угощала, шутила.

Наконецъ, поужинали; всѣ встали, поблагодарили бабушку. Кто уѣзжалъ—тѣ попрощались и уѣхали, а кто оставался — пожелали бабушкѣ покойной ночи и всѣ разошлись по отведеннымъ имъ помѣщеніямъ спать.

Мы съ матушкой и нашей гувернанткой Анной Карловной тоже отправились въ наши комнаты, какъ я сказалъ уже, отведенныя намъ въ домѣ и притомъ близь комнатъ, занимаемыхъ самой бабушкой.

Мнѣ отведена была комната какъ разъ смежная со спальней бабушки. Придя къ себѣ, осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ, поговоривъ о чемъ-то съ Анной Карловной, матушка вскорѣ прошла черезъ мою комнату къ бабушкѣ. Онѣ обѣ любили посидѣть съ часокъ вдвоемъ и поговорить о томъ, о семъ. Я въ это время уже раздѣлся и лежалъ въ своей кровати, но не спалъ, думалъ какъ это и когда мы поѣдемъ въ N* къ Стратону Алексѣевичу, сколько тамъ у него въ N* проживемъ, какъ будетъ тамъ весело съ этими незнакомыми мнѣ дѣтьми пріѣзжихъ на воды; припомнилъ и о цвѣтахъ, за которыми ухаживаютъ дѣти; припомнилъ и объ этой княжнѣ-красавицѣ, прозванной царицей цвѣтовъ, которой Стратонъ Алексѣевичъ поручилъ и цвѣты, и ухаживающихъ за ними дѣтей...

Въ домѣ была полная тишина; всѣ уже спали или улеглись и засыпали, уставъ за день и оставивъ всякую уборку и приборку до утра. Вдругъ я услыхалъ въ сосѣдней съ моею бабушкиной комнатѣ, которая была очень обширная, вся устланная коврами, голоса, то приближавшіеся къ отворенннымъ дверямъ въ мою комнату, то удалявшіеся опять. Бабушка, очевидно, и не думала еще ложиться спать, ходила и разговаривала съ матушкой.

Въ тишинѣ до меня ясно доносились отдѣльныя фразы изъ ихъ разговора, когда онѣ подходили къ моимъ дверямъ или были близко отъ нихъ, стояли и разговаривали, не предполагая вовсе, разумѣется, что кто-нибудь тутъ не спитъ еще и слышитъ ихъ.

— Ахъ, какое это несчастіе... говорила бабушка.

— Тетушка, но вѣдь это же невозможно.

— Нѣтъ, мой другъ, все возможно.

— Но, тетушка, въ его лѣта... Вѣдь ему ужь подъ шестьдесятъ...

— Ахъ, мой другъ, ты развѣ этихъ примѣровъ не знаешь?..

Нѣкоторое время ничего не слышно и потомъ опять вдругъ:

— Но вѣдь этого же не можетъ быть, тетушка!

— А почему ты это думаешь?

— Да вѣдь она же еще молоденькая дѣвушка... Онъ же вѣдь самъ говорилъ, что она еще недавно изъ института. И потомъ, мать...

— Ахъ, мать!.. О, матери разныя бываютъ! Ты не знаешь развѣ, какія бываютъ матери?.. Вотъ тебѣ Липочкина, напримѣръ, мать. Развѣ это не то же самое?

— Но та, тетушка, какъ бы то ни было, все-таки любила его. Да вѣдь и когда же еще это было? А вѣдь теперь ему пятьдесятъ семь лѣтъ.

— Повѣрь, и та по расчету... А потомъ, какъ выманила у него пятьдесятъ тысячъ — бросила и его, и дочь...

И опять пауза, тихо, ничего не слышно, а потомъ вновь:

— Расчетъ у нихъ прямой. Онъ ужь старикъ, не долго проживетъ... Богатъ, хорошей фамиліи... А онѣ какія-то польскія княжны... Ахъ, сколько такихъ примѣровъ!

Послѣ новой паузы:

— Эти подкрашенные усы... прическа... манеры... Я тебѣ говорю, онъ какъ вошелъ, какъ увидала я — такъ и ахнула.

— И все это еще можетъ-быть окажется одни наши предположенія, говорила матушка.—Онъ теперь въ обществѣ живетъ, всѣхъ принимаетъ у себя, у всѣхъ самъ бываетъ...

— Что ты, мой другъ, да развѣ для этого красятъ усы?.. Онъ просто хочетъ молодымъ казаться. Онъ молодится. Развѣ ты не видѣла, не слышала, что онъ говорилъ?..

— Перемѣна большая.

— Отвратительная! Боже мой, и если бы мнѣ наканунѣ, за часъ бы сказалъ кто это, я бы кажется голову прозаложила!..

— А мнѣ, тетушка, все-таки не вѣрится.

— Нѣтъ, это вѣрно такъ. Вотъ поѣдешь—все своими глазами увидишь...

— А какъ вдругъ, да все это... всѣ эти наши предположенія... все еще продолжала сомнѣваться и утѣшать матушка.

— Нѣтъ, это не предположенія, возражала ей бабушка. — И потомъ, ты можетъ-быть не замѣтила, не обратила вниманія,—онъ совсѣмъ измѣнился, не тотъ сталъ ужь и съ Липочкой. Поздоровался какъ пріѣхалъ, и потомъ простился когда уѣзжалъ. А такъ онъ съ нею въ цѣлый день и двухъ словъ не сказалъ. Никакого подарка ей не привезъ. Развѣ прежде такой онъ былъ съ нею?

— Липочку мнѣ ужасно жалко, согласилась матушка.— Во-первыхъ, и такъ я ее люблю, она славная дѣвочка, и потомъ, что же за положеніе будетъ ея, если все это въ самомъ дѣлѣ такъ?

— Я ему тогда Липочку не отдамъ.

— Но, тетушка, вѣдь это же значитъ ужь ссориться тогда. Вѣдь онъ же, какъ хотите, отецъ...

Послѣ новой паузы я услыхалъ ужь совершенно опредѣленный разговоръ ихъ о поѣздкѣ матушки съ нами въ N* и притомъ какъ о дѣлѣ ужь совсѣмъ рѣшенномъ. Матушка во всякомъ случаѣ уѣзжала за чѣмъ-то въ N*; онѣ разсуждали только о томъ, слѣдуетъ ей брать съ собою насъ, или ей лучше ѣхать туда одной.

— Нѣтъ, ты непремѣнно возьми ихъ съ собою... И знаешь что, вдругъ точно догадавшись или вспомнивъ что-нибудь очень значительное при этомъ воскликнула бабушка,—знаешь что? возьми съ собою и Липочку!

Но онѣ въ это время повернули отъ дверей, такъ что голосъ матушки, что-то говорившей, я слышалъ, но что именно она говорила — уже разобрать не могъ. Когда онѣ опять вернулись, матушка говорила ужь только о днѣ поѣздки, когда ей ѣхать: погодить нѣсколько дней и предупредить его, или ѣхать не откладывая, на другой же день какъ мы вернемся домой, и не предупреждать его.

Насколько я могъ догадаться и понять, онѣ приняли второе рѣшеніе, т. е., что мы должны будемъ ѣхать въ N* послѣзавтра, такъ какъ завтра мы возвратимся домой, и Стратона Алексѣевича предупреждать объ этомъ не будемъ.

Бабушка съ матушкой поговорили еще немного, затѣмъ простились, пожелавъ другъ другу покойной ночи, и матушка тихо, чтобы не разбудить меня, на цыпочкахъ, прошла черезъ мою комнату къ себѣ.

Разумѣется, я все отлично понялъ. Мнѣ тогда было уже двѣнадцать лѣтъ, а въ эти годы какъ же не понять?

Я узналъ о двухъ совершенно новыхъ для меня обстоятельствахъ: это, что Липочка дочь Стратона Алексѣевича, и потомъ, что онъ женится или, по крайней мѣрѣ, онѣ подозрѣваютъ его въ этомъ и имѣютъ на то основаніе въ видѣ тѣхъ неожиданныхъ перемѣнъ, которыя произошли какъ въ его наружности, внѣшности, такъ и въ самомъ характерѣ его, въ его настроеніи и поступкахъ.

Это были два очень важныхъ, по крайней мѣрѣ очень любопытныхъ для меня открытія. Липочка! такъ вотъ она кто!.. И потомъ, онъ женится теперь... На этой полькѣ, красавицѣ, „царицѣ цвѣтовъ"!..

И мнѣ ужасно захотѣлось теперь видѣть ихъ обоихъ, и его, и ее.

А ну какъ матушка не возьметъ насъ съ собою, раздумаютъ, передумаютъ онѣ съ бабушкой, придумаютъ что-нибудь иначе и она насъ не возьметъ съ собою, я не увижу ни его, ни ее!

Одно было обстоятельство за то, что она возьметъ насъ, — это то, что она согласилась взять съ собою и Липочку. Какъ же тогда, съ Липочкой она поѣдетъ, а насъ не возьметъ, оставитъ? Но почемъ мы знаемъ, для чего она беретъ съ собою Липочку? Можетъ Липочку ей нужно съ собою взять, а насъ, напротивъ, именно не нужно ей брать. И потомъ, мало-ли что̀ еще онѣ могутъ придумать.

Всѣ эти мысли и соображенія вмѣстѣ съ образомъ Стратона Алексѣевича и какимъ-то мелькающимъ представленіемъ „царицы цвѣтовъ“ долго еще путались у меня въ головѣ, пока наконецъ-то я заснулъ.

На другой день, послѣ завтрака, всѣ гости и родственники, остававшіеся во Всесвятскомъ, начали собираться по домамъ. Запрягали и подавали экипажи, то и дѣло уѣзжали одни родственники, одни знакомые, потомъ, немного погодя, другіе. Обыкновенно мы, какъ ближайшіе родственники и притомъ самые почетные у бабушки и самые любимые ею, оставались у нея еще и этотъ день и еще иногда день, но на этотъ разъ матушка сказала, что и мы тоже ѣдемъ послѣ завтрака, только попозже, когда всѣ разъѣдутся. Меня, знавшаго ужъ изъ вчерашняго ночнаго разговора въ чемъ дѣло, это нисколько не удивило, но гувернантка наша и сестра моя приняли извѣстіе это какъ совершенно неожиданное для нихъ и даже странное. Я видѣлъ удивленное лицо гувернантки нашей Анны Карловны, но матушка ей сказала:

— Такъ надо. Послѣ я вамъ скажу...

Наконецъ матушка объявила, что съ нами уѣзжаетъ также гостить къ намъ и Липочка. Она даже нашла и очень ловкій предлогъ для объясненія этого. Липочкина гувернантка была нездорова, такъ чтобы Липочка не отстала за это время отъ практики иностранныхъ языковъ. Я даже невольно улыбнулся, когда это сказали.

Но самое важное для меня было — вопросъ о нашей всѣхъ вмѣстѣ поѣздкѣ въ N* рѣшенъ значитъ!..

Матушка была очень озабочена вещами Липочки, сама смотрѣла что̀ взять съ собою изъ нихъ, сколько какого бѣлья, какія платья и проч., и проч. Липочка, не по годамъ развившаяся, высокая, съ нѣсколько оторопѣлымъ и какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ въ глазахъ, путала, забывала, отбирала не то, что̀ нужно; матушка ее учила, вразумляла, говорила, что нельзя быть „въ ея лѣта“ такою забывчивою и разсѣянною, что всѣ свои вещи она должна знать и пр., и пр. Мы стояли тоже тутъ, смотрѣли, смѣялись; смѣялась урывками съ нами и Липочка, изъ приличія или уваженія къ матушкѣ принимавшая всѣ ея замѣчанія и выслушивавшая ее съ величайшею серьезностью и вниманіемъ.

Въ этомъ укладываніи и собираніи Липочкиныхъ вещей, прерываемыхъ для матушки прощаніемъ съ отъѣзжающими знакомыми и родственниками, прошло очень много времени. Карета наша уже давно стояла запряженною у крыльца и бабушка уже начинала заговаривать, что пожалуй будетъ лучше, если мы пообѣдаемъ и ужь тогда поѣдемъ. Но на небѣ собирались тучи, къ ночи ожидали грозы, а между тѣмъ ѣхать далеко, да еще съ нами, дѣтьми, и потому матушка напрягла всю свою энергію, чтобы кончить съ Липочкиными сборами, и мы все-таки уѣхали до обѣда.

На прощаніе бабушка при насъ повторила матушкѣ:

— Ну, такъ такъ-то. „Оттуда“ ты значить ихъ отправишь домой, а сама ко мнѣ пріѣдешь. Экипажъ я тебѣ навстрѣчу вышлю въ Покровское. Они поѣдутъ домой, а ты пересядешь—и ко мнѣ.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что поѣздка матушки съ нами въ N* имѣетъ чисто политическій характеръ. Я ужь привыкъ къ этому: матушка предпринимала часто такія поѣздки въ интересахъ устройства и улаживанія отношеній между родственниками.

Но что̀ собственно, какая задача теперь у нея? Кого она будетъ мирить съ кѣмъ? Что̀ она такое будетъ улаживать и устраивать?

Во всякомъ случаѣ я былъ очень доволенъ, что матушка была въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

(Продолженіе будетъ).

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXIX.

Въ то же время, въ домѣ около Таврическаго сада, гдѣ жила суровая и энергическая старуха, вдругъ произошло нѣчто, заставившее смѣяться и даже долго забавляться петербургское общество. Въ домѣ Бѣлинскихъ разразилась катастрофа, но она отличалась не драматичностью, а водевильностью.

Между мужемъ и женой, послѣ нѣсколькихъ битвъ, произошло наконецъ настоящее генеральное сраженіе.

Марія Георгіевна объявила мужу, что она болѣе не желаетъ терпѣть его посѣщеній молоденькой вдовушки, и потребовала, чтобы мужъ отнынѣ ноги не ставилъ въ домъ ея.

Бѣлинскій отказался наотрѣзъ и послѣ нѣсколькихъ бурныхъ сценъ съ женой, однажды высказался столь же искренно, сколько рѣзко, почти грубо. И на-смерть оскорбилъ свою супругу. Онъ объяснилъ Маріи Георгіевнѣ, что его женили на ней почти насильно отцыіезуиты и что она настолько ему противна, „отвратительна“, что онъ готовъ бѣжать отъ нея на край свѣта.

Супруги разстались не просто. Марія Георгіевна, раздраженная объясненіемъ, тотчасъ указала ему на дверь и объявила, чтобъ онъ немедленно выѣзжалъ изъ дому и никогда не переступалъ его порога.

Что же касалось его дальнѣйшей судьбы, то старуха обѣщала вскорѣ увѣдомить его, что̀ она намѣрена предпринять.

Бѣлинскій, взволнованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то странно-счастливый, тотчасъ же выѣхалъ изъ таврическаго дома и переѣхалъ въ домъ Малининой, которую любилъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

Чрезъ нѣсколько дней молодой человѣкъ уже почти утѣшился и собирался зажить скромно и мирно у вдовушки, у которой были кое-какія средства. Но однажды Бѣлинскій получилъ отъ старухи письмо, въ которомъ былъ ультиматумъ: или покаяться, просить прощенія и, бросивъ г-жу Малинину, стать вѣрнымъ и ласковымъ супругомъ, или же, на основаніи векселей, имѣющихся у нея въ рукахъ, быть за долги посаженнымъ въ „яму“.

Пораженный молодой человѣкъ тутъ только понялъ, какъ провела его хитрая старуха. Онъ самъ не зналъ, на какую сумму надавалъ векселей, но, конечно, на такую, какой онъ никогда выплатить не сможетъ.

Не долго однако раздумывалъ и колебался Бѣлинскій и, взявъ перо, кратко отвѣтилъ на большомъ листѣ бумаги: „Лучше идти въ тюрьму, лучше въ преисподнюю,—нежели вернуться къ старой вѣдьмѣ“.

И чрезъ нѣсколько дней Бѣлинскій былъ въ долговомъ отдѣленіи, именуемомъ въ простонародьи „ямой“.

Марія Георгіевна была внѣ себя отъ злобы. Когда-

XX передвижная выставка. „Моя крошка“.

Съ карт. **М. И. Зощенка**, рис. самъ авторъ, автотипія Ангерера (исключ. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**“).

то отцы-іезуиты убѣдили ее выйти замужъ за молодаго красавца и вдобавокъ обѣщали ей въ будущемъ видную роль въ Орденѣ, почетную дѣятельность и огромное значеніе чуть не въ дѣлахъ Европы. Они же заставили ее сдѣлать формальную дарственную запись въ пользу молодаго супруга, въ силу которой, послѣ ея смерти, перейдутъ къ нему всѣ ея огромные капиталы. И документъ этотъ, хранящійся у отца-генерала, ни достать, ни уничтожить его силу другимъ документомъ теперь нельзя.

И изъ всѣхъ этихъ обѣщаній, дѣйствій и проектовъ не вышло ничего, кромѣ скандала на всю столицу. Молодой мужъ сбѣжалъ отъ жены и теперь посаженъ ею въ яму. А она поневолѣ борется сама съ собой. Уступить-ли своей жаждѣ мщенія, или прекратить потѣху, пересуды и смѣхъ всѣхъ знакомыхъ.

И Марія Георгіевна была настолько несчастлива, что начала вдругъ прихварывать, бросила всѣ свои давнишнія привычки, перестала ѣздить верхомъ, играть на бильярдѣ, даже вышивать. Старуха бродила день-деньской по всѣмъ горницамъ своего дома и... боролась сама съ собой, проклиная отцовъ-іезуитовъ, смутившихъ ея покой, ея мирное существованіе старой дѣвицы.

За эти именно дни появился, однако, утѣшитель. Это былъ аббатъ Салмоновичъ. Онъ принялъ, якобы, близко къ сердцу семейную драму Бѣлинскихъ. Онъ сталъ бывать у старухи всякій день, быстро добился ея довѣрія и сталъ обѣщать, что вернетъ ей невѣрнаго и легкомысленнаго мужа, котораго, однако, совѣтовалъ подержать покуда въ ямѣ.

Марія Георгіевна подчинилась совѣтамъ новаго преданнаго человѣка и скоро не могла уже обходиться безъ него. Аббатъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ она, печалуясь, отводила свою душу.

Но у хитраго Салмоновича былъ свой планъ. Онъ искусно сдѣлался посредникомъ между старухой и ея молодымъ мужемъ и сталъ постоянно видать обоихъ. Однако все что онъ говорилъ и дѣлалъ теперь было, разумѣется, не ради дружбы, внезапно якобы возникшей въ немъ къ Бѣлинскимъ, а исключительно ради личныхъ расчетовъ.

У Салмоновича попрежнему не выходила изъ головы мысль, почти завѣтная мечта—освободиться отъ іезуитскихъ оковъ. За послѣднее время у аббата явилось оружіе противъ служителей Бога, но онъ самъ не зналъ, какое это оружіе. Страшное, опасное для іезуитовъ, или не имѣющее для нихъ почти никакого значенія? Надо было узнать силу этого оружія, погрозить имъ, дабы убѣдиться, что сдѣлаютъ и скажутъ при видѣ его отецъ Гавріилъ и его приспѣшники.

Оружіе это, которое ловкимъ обманомъ добылъ себѣ отъ іезуита Рафаила энергичный аббатъ,—была маленькая книжечка, отпечатанная по-латыни... Во всемъ Петербургѣ этихъ книжечекъ было не болѣе дюжины и онѣ находились въ рукахъ только главныхъ членовъ Ордена. Непосвященнымъ во всѣ тайны Ордена эта книжка, конечно, не давалась. Ее не только берегли отцы-іезуиты, какъ зѣницу ока, но даже въ случаяхъ огласки и молвы объ ней упорно и дерзко отрицали самое ея существованіе.

Это было собственно нѣчто въ родѣ катехизиса для іезуита-професса подъ названіемъ: „Monita privata societatis Jesu“.

Въ „Монитѣ“ было шестнадцать параграфовъ, заключавшихъ въ себѣ тайныя наставленія, какъ дѣйствовать членамъ Ордена въ разныхъ случаяхъ жизни. Разумѣется, въ числѣ этихъ наставленій были такія, которыя бросали яркій свѣтъ на характеръ іезуитизма и имѣли срамящее Орденъ значеніе. Такъ, параграфъ второй наставлялъ въ томъ, какъ добиваться довѣрія монарховъ и ихъ сановниковъ, стараться быть ихъ духовниками, и все высказываемое ими на исповѣди доносить генералу.

Въ параграфѣ пятомъ объяснялось, какъ бороться со всѣми другими монашескими орденами. Параграфы шестой, седьмой и восьмой давали циническое наставленіе какъ дружиться съ богатыми вдовами и привязывать ихъ къ Ордену, подчинять себѣ ихъ души и овладѣвать ихъ средствами. Вообще почти всякій параграфъ „Тайной Мониты“ былъ какъ бы произведеніемъ сотрудничества Мефистофеля и Тартюфа. Коварство, безсовѣстность и наглость сочетались въ „Монитѣ“ въ нѣчто единое, чему трудно было бы придумать названіе, если не именовать просто—іезуитизмомъ.

Салмоновичъ смутно понималъ или чутьемъ постигъ, что „Монита“ есть серьезное оружіе противъ Ордена. Но вопросъ не менѣе важный: въ чьихъ рукахъ увидитъ отецъ Гавріилъ это оружіе? Кто будетъ грозиться имъ? Его, Салмоновича, отцы Ордена сотрутъ съ лица земли и легко увѣрятъ общество, что „Монита“ есть не что иное, какъ простой пасквиль, сочиненный по злобѣ самимъ аббатомъ, недостойнымъ сыномъ Ордена. Въ „Монитѣ“ было даже подробное наставленіе о томъ, какъ именно отрицать ея существованіе и какъ дѣйствовать съ тѣми, кто захочетъ огласить этотъ тайный іезуитскій регламентъ.

И лукавый аббатъ придумалъ способъ испробовать силу добытаго оружія.

XXX.

Салмоновичъ явился въ „яму“ къ заключенному пріятелю и познакомилъ его съ содержаніемъ „Мониты“. Бѣлинскій былъ пораженъ чтеніемъ этого „дьявольскаго катехизиса“, какъ онъ назвалъ книжку.

Салмоновичъ предложилъ пріятелю планъ, на который Бѣлинскій тотчасъ же согласился. Молодой человѣкъ написалъ письмо къ отцу Гавріилу, что въ его рукахъ находится „Monita privata“, и онъ предлагаетъ генералу на выборъ: или онъ передастъ своей женѣ этотъ позорный для Ордена документъ для оглашенія въ средѣ петербургскаго высшаго общества, съ тѣмъ, чтобы, конечно, немедленно довести его и до свѣдѣнія государя; или же генералъ Гавріилъ какими бы то ни было ухищреніями тотчасъ пріобрѣтетъ его векселя отъ Маріи Георгіевны и передастъ ихъ ему для уничтоженія, дабы онъ могъ равно освободиться и отъ заключенія, и отъ старой, отвратительной супруги.

Молодые люди сами не ожидали, какое дѣйствіе произвело это письмо на генерала Гавріила. Черезъ день адмониторъ Августинъ самъ явился провѣдать узника.

Старикъ объяснилъ Бѣлинскому, что „Монита“ есть мерзкій пасквиль на Орденъ, существующій уже болѣе столѣтія, и всѣмъ давно за таковой извѣстенъ. Однако Августинъ объяснилъ, что отецъ-генералъ изъ любви и жалости къ Бѣлинскому справитъ его дѣло и убѣдитъ старуху освободить его изъ заключенія.

Чрезъ мѣсяцъ Бѣлинскій былъ на свободѣ, но векселя его, перешедшіе отъ старухи къ Ордену, остались въ рукахъ отца-іезуита въ противовѣсъ „Монитѣ“, которую аббатъ, конечно, не пожелалъ въ угоду другу обмѣнять, предпочитая держать Гавріила въ рукахъ.

„Monita privata“ могла послужить ему самому. Салмоновичъ, узнавъ теперь силу этого дьявольскаго катехизиса, рѣшился воспользоваться опаснымъ оружіемъ для своей завѣтной цѣли.

Однажды аббатъ явился къ генералу и объяснилъ, что онъ узналъ изъ вѣрнаго источника очень странное обстоятельство.

Въ рукахъ приближеннаго къ государю лица, а именно у князя Волконскаго, находится какая-то латинская книжка, якобы регламентъ для членовъ ордена Іисуса подъ названіемъ „Monita“. Князь пишетъ докладъ объ этомъ государю, съ тѣмъ чтобы представить

и самый регламентъ, который есть, якобы, тайна Ордена.

Отецъ Гавріилъ взволновался и сталъ разспрашивать, откуда аббатъ имѣетъ свои свѣдѣнія. Салмоновичъ началъ нагло лгать и настолько искусно, что изъ его словъ ясно вытекало, насколько обширны его знакомство и связи въ Петербургѣ.

Генералъ удивился, что ранѣе не зналъ, какъ важенъ и полезенъ можетъ быть для Ордена этотъ аббатъ изъ еврейскихъ перекрестей. Но затѣмъ Гавріилъ еще болѣе изумился. Аббатъ предложилъ генералу — если онъ того пожелаетъ—украсть этотъ регламентъ у князя Волконскаго.

Гавріилъ заявилъ, что такого регламента не существуетъ, что въ рукахъ князя какой-нибудь мерзкій пасквиль враговъ Ордена, но что пріобрѣтеніе его было бы все-таки желательно.

— Вы хорошо знаете Бѣлинскаго? спросилъ Груберъ.—Не онъ-ли доставилъ князю эту книгу?

Салмоновичъ сдѣлалъ видъ, что даже не понимаетъ вопроса.

— Откуда же достанетъ ее Бѣлинскій? удивляясь, сказалъ онъ. — Если бы она у Фортуната была когда-либо въ рукахъ, я бы это зналъ. Во всякомъ случаѣ я берусь добыть ее изъ стола князя и вашему господству доставить.

Груберъ ласково улыбнулся громаднымъ ртомъ и кивнулъ головой.

Салмоновичъ объяснилъ, что, жертвуя собой и рискуя быть пойманнымъ, какъ воръ, въ кабинетѣ князя, онъ проситъ заранѣе награды за услугу.

— Чего же вы желаете, сынъ мой? спросилъ Гавріилъ.

Салмоновичъ объяснилъ все то же, что многократно объяснялъ. Онъ желаетъ имѣть извѣстные нѣмецкіе документы, роковые для него, которые давно въ рукахъ генерала.

— Привезите мнѣ эту книжку отъ князя — и ваши документы будутъ васъ ждать на этомъ столѣ, серьезно вымолвилъ Груберъ.

Чрезъ трое сутокъ ликующій Салмоновичъ, взявъ „Мониту“ въ своемъ комодѣ, снова явился къ генералу.

Груберъ взялъ книжку, проглядѣлъ ее, милостиво улыбнулся и заперъ ее въ столъ.

— Я обѣщалъ вамъ нѣмецкія бумаги объ вашемъ несчастномъ случаѣ... во Франкфуртѣ, кажется, сказалъ онъ.—Вотъ онѣ... Берите.

Салмоновичъ дрожащими руками взялъ со стола толстую тетрадь и быстро перелистовалъ ее. Самой важной бумаги—постановленія суда объ его заключеніи въ тюрьму—не было.

— Тутъ не всѣ... глухо вымолвилъ аббатъ.

— Нѣтъ, всѣ, тихо и сухо отозвался Груберъ.

— Тутъ нѣтъ главнаго документа.

— Не знаю... Стало-быть, онъ утерянъ...

Наступило молчаніе. Аббатъ сидѣлъ блѣдный отъ злобы. Генералъ сидѣлъ противъ него спокойно-строгій.

— Умоляю васъ, выговорилъ вдругъ Салмоновичъ упавшимъ голосомъ. — Умоляю васъ отдать мнѣ все!.. Я на колѣняхъ прошу васъ!..

Аббатъ быстро двинулся и вдругъ опустился на колѣни предъ старикомъ.

— Встаньте, сынъ мой. Бумага эта, очевидно, утеряна, и отдать вамъ то, чего я не имѣю,—я не могу.

— Но вѣдь это... отчаянно вскрикнулъ Салмоновичъ и запнулся.

Онъ хотѣлъ сказать: „Это ложь!“

— Обманъ — да, конечно, рѣзко вдругъ вымолвилъ Груберъ.—Обманъ въ томъ смыслѣ, что „Монита“ была не въ рукахъ князя Волконскаго, а у васъ...

Аббатъ, поднявшись съ пола, вымолвилъ тихо:

— Я не ожидалъ, что буду обманутъ... въ моихъ ожиданіяхъ.

— Не надо никогда желать чрезмѣрнаго — и тогда никогда не будетъ разочарованія! выговорилъ Груберъ назидательно, какъ если бы между ними только-что произошла бесѣда объ религіи или философіи, а не разговоръ о взаимномъ обманѣ.

И снова, уже не въ первый разъ, вышелъ аббатъ изъ кабинета іезуита, давая себѣ клятву бороться и отомстить.

„Теперь остается одно, думалъ Салмоновичъ, блѣдный отъ злобы и негодованія.—Остается преступленіе. И я его совершу“.

Съ этого дня аббатъ, сосредоточивъ всѣ силы разума для достиженія главной цѣли своей жизни, самъ себя покорилъ себѣ, свои тѣло и душу—своей волѣ, и совершенно измѣнился, преобразился.

Теперь каждый день и каждый почти часъ дня онъ посвящалъ на это завѣтное дѣло освобожденія себя отъ оковъ служителей Бога.

Онъ началъ издалека. Прежде всего онъ постарался сблизиться со старухой Бѣлинской настолько, чтобы она считала его самымъ преданнымъ себѣ человѣкомъ. Чрезъ старуху онъ намѣревался близко сойтись со многими лицами въ столицѣ, которыя могутъ ему быть полезными.

Аббатъ сталъ замѣчательно тихъ, спокоенъ и сосредоточенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно, до фанатизма, религіозенъ и набоженъ. Первый входилъ онъ во храмъ и послѣдній выходилъ изъ него, не пропуская ни единой службы.

Вскорѣ адмониторъ, а затѣмъ и генералъ замѣтили метаморфозу, совершившуюся въ аббатѣ, который еще недавно заявлялъ желаніе выйти изъ ордена Іисуса. Теперь оказывалось, что онъ именно фанатически преданъ и религіи, въ которую перекрещенъ, и Ордену, къ которому когда-то былъ почти насильно пріобщенъ.

Понемногу Груберъ и его наперсникъ Августинъ стали относиться къ аббату совершенно иначе, безъ тѣни подозрительности и недовѣрія.

XXXI.

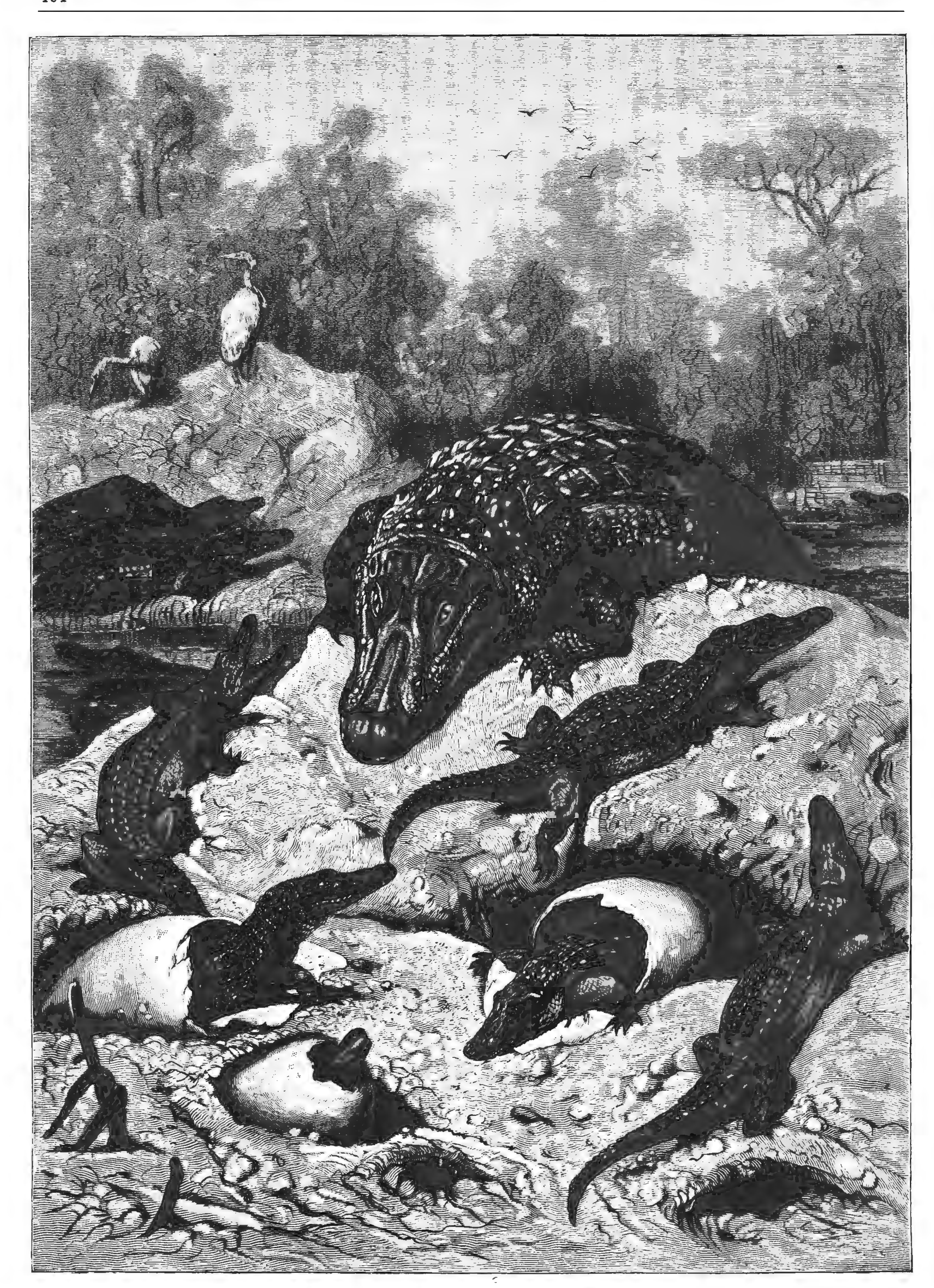
Прошелъ годъ.

Въ судьбѣ главнаго служителя ad majorem gloriam Dei не произошло ничего новаго. Генералу ордена Іисуса не приходилось мечтать о высшемъ положеніи въ общественной іерархіи. Оставалось мечтать и стремиться къ тому, чтобы расширять все болѣе то пространство, на которое легла сѣть Мефистофельской власти членовъ Ордена и ихъ главы.

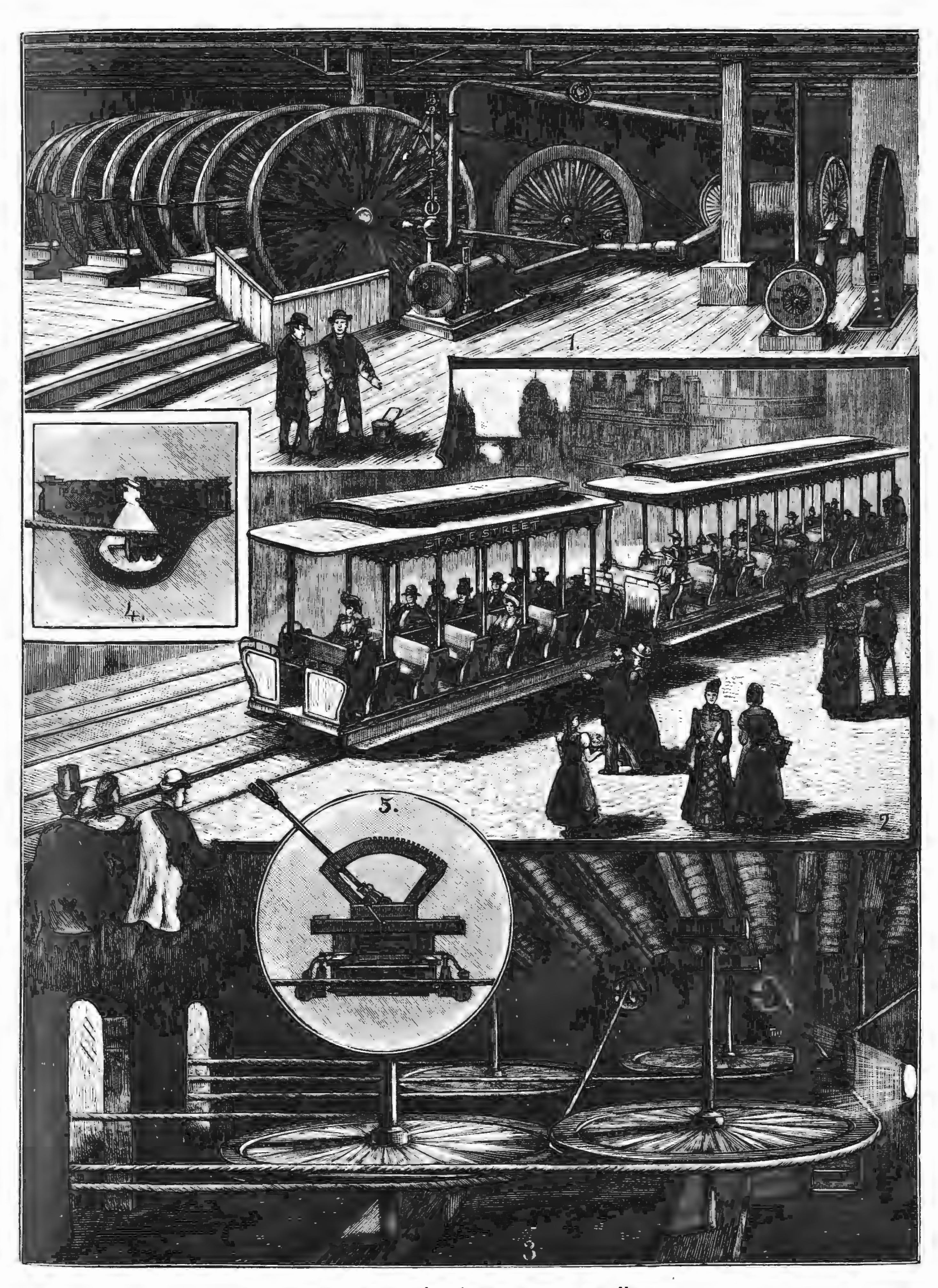
И сѣть эта, накинутая на Россію при императорѣ Павлѣ сравнительно скромнаго размѣра и сомнительной крѣпости, теперь разрасталась и крѣпла. Сѣть становилась оковами.

Не даромъ отцы Ордена надѣялись на Грубера, избирая его генераломъ. Не прошло года послѣ его избранія, и оказалось, что прежній учитель механики и архитектуры, зубной врачъ, столяръ и кондитеръ, будто рожденъ и предопредѣленъ судьбой быть полководцемъ той арміи воителей, которая побѣдоносно разитъ всякаго врага во славу Божію, изъ-за угла и сзади...

Дѣла іезуитовъ, со времени обнародованія бреве Пія VII, пошли настолько блестящимъ образомъ, что власть генерала уже не ограничивалась предѣлами Европы. На разныхъ пунктахъ земнаго шара возникли новыя колоніи Ордена или „провинціи“. У Ордена были теперь „провинціалы“ даже въ Австраліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Гавріилъ мечталъ о мирномъ религіозномъ завоеваніи цѣлой имперіи съ народонаселеніемъ въ триста милліоновъ. Страна эта была — Небесная имперія, которую Груберъ считалъ почему-то благодарной почвой для насажденія плодовъ своего вѣроученія. Китай представлялся генералу какъ tabula rasa, на которой возможно начертать что угодно... такъ же успѣшно, какъ и въ Россіи.

Выводокъ аллигаторовъ. Рис. А. Шпехтъ.

Проволочно-канатная желѣзная дорога въ Чикаго.

1. Двигатель главной станціи. 2. Поѣздъ на ходу. 3. Горизонтальные блоки. 4. Разрѣзъ подземной части пути. 5. Тормазъ.

А въ Россіи успѣхъ былъ полный. Враги іезуитизма осторожно молчали, а прибывавшіе не по днямъ, а по часамъ прозелиты „въ лоно истинной церкви“ съ непонятнымъ пыломъ и необъяснимымъ усердіемъ дѣйствовали по мановенію генерала.

Груберъ самъ изумлялся и не могъ уразумѣть яркаго факта, что ренегаты православія становились самыми ревностными католиками, самыми рьяными папистами и самыми отчаянными врагами „схизматиковъ“. Свѣже испеченые католики становились тотчасъ сугубыми іезуитами и plus royalistes que le roi. Всѣ россіяне-ренегаты, которыхъ заставилъ молиться Богу ихъ идолъ, Груберъ, лбы себѣ расшибали. Груберъ, не знавшій одной русской пословицы, недоумѣвалъ предъ этимъ фактомъ, воображая, что цвѣтъ ума и дарованія бѣжитъ въ его лагерь.

А между тѣмъ объясненіе было простое... Новыя вѣянія изъ Европы, возникшія въ потрясенной Франціи, смутивъ другія государства и уже низвергнувъ нѣкоторые троны, достигли до береговъ Невы. И эти вѣянія гнали людей на поиски чего-то иного, долженствующаго якобы примирить совѣсть съ окружающимъ обветшалымъ наслѣдіемъ прежнихъ вѣковъ.

И въ Россіи—какъ и во всей Европѣ—одни зачитывались и бредили энциклопедистами, поклонялись новому фетишу, „Господину Аруэ де-Вольтеру“, а другіе, менѣе требовательные, умственно искали спасенія отъ жажды душевной въ рядахъ служителя Бога ad majorem gloriam Dei. Эти послѣдніе шли по слѣдамъ петербургскаго коновода съ прозвищемъ Voltaire à l'envers.

Насколько генералъ ордена Іисуса былъ persona eminentissima на берегахъ Невы, настолько же былъ, по своему положенію и вліянію, всемогущъ и всевластенъ въ Петербургѣ и графъ Іосифъ де-Местръ.

Оба, друзья между собой, дѣйствовали и ратовали смѣло мечтая о томъ, что близокъ день и часъ, когда схизма отойдетъ въ область исторіи и новая католическая имперія станетъ папистскою—для де-Местра, и іезуитскою—для генерала Гавріила.

Друзья, обманывая всѣхъ, обманывали и другъ друга. Но пальма первенства была въ рукахъ Грубера.

Лукавый генералъ Ордена уже не раздѣлялъ мнѣнія объ іезуитахъ знаменитаго своего предшественника генерала Риччи: „Sint ut sunt, aut non sint“. Генералъ Груберъ не желалъ быть со своимъ войскомъ монаховъ-милитантовъ устоемъ престола Римскаго первосвященника. Онъ вѣровалъ, что генералъ ордена Іисуса можетъ и долженъ замѣнить святаго отца папу. И у этого новаго главы церкви будетъ четыре новыхъ краеугольныхъ камня въ основѣ поваго зданія христіанскаго міра — Европа, Россія, Китай и неисчислимыя мелкія гнѣзда Ордена, какъ бисеръ разсыпанныя по бѣлу свѣту, въ предѣлахъ всѣхъ пяти частей его, на окраинахъ Африки и Австраліи, и въ водахъ двухъ океановъ.

Генералъ Груберъ уже мечталъ о томъ, что когда-то чудилось, при извѣстіи о смерти Карея, другу его, адмонитору Августину... Стать монархомъ императоровъ и королей. И если былъ въ эти дни человѣкъ мечтавшій о подобномъ—будучи еще только въ званіи простаго консула Франціи,—то почему же не могло то же самое грезиться и другому человѣку—въ званіи простаго главы духовнаго Ордена монаховъ-милитантовъ.

Первый честолюбецъ собирался двинуться въ побѣдное шествіе съ мечомъ въ рукѣ. Второй собирался ратовать съ крестомъ въ рукѣ. Но оба, равно — безъ Евангелія.

XXXII.

За этотъ годъ красавица Юлія Павловна очутилась въ иныхъ предѣлахъ. Когда прежній мужъ ея спалъ въ ночные часы, то эти часы были денными для нея, и она бодрствовала. Прежніе мужъ и жена, бывшіе когда-то антиподами нравственными, теперь стали ими въ дѣйствительности на поверхности земнаго шара.

Юлія Павловна жила въ старинномъ замкѣ на берегахъ Нормандіи и называлась баронессой Люссакъ де-ла-Дигъ. Старый, износившійся парижанинъ, которому надоѣли соотечественницы, нашелъ что-то особенное, привлекательное въ смѣломъ умѣ русской княгини, въ ея рѣзкихъ и гордыхъ сужденьяхъ о нравственности, о законахъ, о житейской мудрости, даже о религіи. Дочь Сѣвера стояла выше всякихъ предразсудковъ, а предразсудками именовала все.

И парижанинъ, когда-то вѣрно и сразу опредѣлившій пріятельницу князя Вахтенштейна, назвавъ ее une femme à cent coups, теперь измѣнилъ свое мнѣніе и вѣрилъ во всякія ея добродѣтели и въ исключительность ея надменно-гордой натуры.

„Такая женщина не снизойдетъ до мелкихъ капризовъ и прихотей! Обманывать мужа — это вѣдь собственно прихоть мелкой натуры. Женщины Сѣвера холоднѣе, крупнѣе и горделивѣе. Онѣ любятъ поклоненіе имъ, а не прихоти свои“.

Такъ судилъ и разсуждалъ много поживщій баронъ Люссакъ и обожалъ жену.

Супруги жили болѣе или менѣе уединенно; у нихъ почти не бывало гостей. Только одинъ разъ побывали они на мѣсяцъ въ Парижѣ, чтобы „освѣжиться“, и возвратились подъ мирный кровъ родоваго замка—онъ съ наслажденьемъ, она поневолѣ.

При супругахъ всегда находился безотлучно и имъ сопутствовалъ камердинеръ барона, полу-нормандецъ, полу-шотландецъ по матери. Малый лѣтъ двадцати пяти, былъ замѣчательный красавецъ, обращавшій на себя всеобщее вниманіе даже среди суеты Парижа. Лакей по имени Charles былъ взятъ въ услуженіе недавно, но быстро привязался къ барону, любилъ его, всячески ухаживалъ за бариномъ, часто прихварывавшимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень уважалъ баронессу, считая ее женщиной доброю, но только черезчуръ гордою и неприступною. Только на это одно изрѣдка жаловался барону Шарль.

— Баронесса уроженка страны, гдѣ еще fleurit le servage! объяснялъ Люссакъ своему любимцу.—Поэтому не мудрено, что она слишкомъ рѣзко и надменно относится къ прислугѣ. Она все-таки женщина съ нѣжнымъ сердцемъ.

И Люссакъ былъ правъ. У Шарля были неопровержимыя доказательства нѣжности сердца баронессы, но онъ, конечно, тщательно скрывалъ это ото всѣхъ и въ особенности отъ барона.

Когда Юліи Павловнѣ приходилось задумываться надъ своимъ новымъ положеніемъ, то она кончала размышленіемъ:

„Подѣломъ... Не запирай въ клѣткѣ, не томи въ глуши провинціи среди дураковъ“.

Однако Юлія Павловна все-таки понемногу и потихоньку пріучала мужа къ мысли когда-нибудь окончательно поселиться въ Парижѣ. Если это и не удастся, то на худой конецъ баронъ все-таки долго не проживетъ. Онъ и прежде былъ слишкомъ хилъ и болѣзненъ, а со времени женитьбы сталъ видимо быстро разрушаться. А завѣщаніе, все въ пользу жены, уже сдѣлано и находится у нотаріуса. А тридцать пять лѣтъ еще не большіе года для красавицы, пользующейся крѣпкимъ здоровьемъ и пылкой натурой. Еще будутъ впереди свѣтлые дни—свободы и любви.

И все удалось скорѣе, чѣмъ баронесса могла мечтать. Положеніе хворавшаго Люссака вдругъ стало серьезнѣе. Онъ уже едва двигался. Юлія Павловна быстро собралась и повезла мужа въ Парижъ для пользованія у лучшихъ докторовъ.

Баронъ вскорѣ поправился, но назадъ въ Нормандію уже не собирался. Жена требовала, разумѣется изъ любви къ нему, чтобъ онъ поселился окончательно въ столицѣ.

И вотъ, наступилъ для Юліи Павловны день, о которомъ она давно мечтала. Она все и всѣхъ побѣдила, достигла того, къ чему стремилась всѣми неправдами.

Въ великолѣпномъ, богато и артистически убранномъ „отелѣ" Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, въ полудворцѣ,—былъ назначенъ первый балъ ради новоселья барона и баронессы Люссакъ де-ла-Дигъ. Самое блестящее общество, вся аристократія, вся знать собрались на этотъ балъ, такъ какъ и самъ новый императоръ Франціи долженъ былъ появиться въ салонѣ русской француженки.

Послѣ этого перваго бала въ своемъ отелѣ баронесса Люссакъ стала виднымъ членомъ сенъ-жерменскаго общества. Красавицу всюду звали. Она была окружена толпой вздыхателей и обожателей, снова блистала, снова сорила деньгами и становилась львицей, но уже не столицы „варварской" страны, какъ она окрестила Петербургъ. Она была львица высшаго общества перваго города въ мірѣ.

Прошло мѣсяца три самой беззаботной счастливой жизни. Юлія Павловна была на седьмомъ небѣ и за это время ни разу не вспомнила ни о прежнемъ мужѣ, ни о сынѣ.

Однажды на балѣ въ Тюильерійскомъ дворцѣ съ баронессой, вѣчно бодрой и веселой, цвѣтущей здоровьемъ и красотой, случилось нѣчто пустое, но удивившее ее и всѣхъ... Ей вдругъ сдѣлалось дурно среди танцевъ. Она должна была покинуть своего кавалера и балъ, почувствовавъ странное нездоровье, жгучія непонятныя боли въ желудкѣ. Однако она вспомнила, что подобное ощущеніе, хотя въ гораздо болѣе легкой формѣ, она уже замѣчала съ мѣсяцъ и, конечно, не обращала на это никакого вниманія.

Вернувшись домой, она тотчасъ же оправилась и почувствовала себя совершенно хорошо.

Чрезъ недѣлю случилось однако то же самое, и баронесса, по просьбѣ мужа, обратилась къ докторамъ за совѣтомъ. Приходилось ей дѣлать это въ первый разъ въ жизни. Доктора, разумѣется, не нашли ничего серьезнаго, не только опаснаго.

Прошло два мѣсяца. Баронесса менѣе веселилась и выѣзжала. Странныя боли являлись все чаще и становились все сильнѣе. Иногда она съ трудомъ выдерживала приступъ своей болѣзни и готова была начать стонать даже при посторонних.

И однажды, по настоянію барона, было назначено въ домѣ совѣщаніе лучшихъ докторовъ Парижа, такъ какъ красавица-баронесса чувствовала себя изо-дня-въ-день все хуже и слабѣе.

Консиліумъ медиковъ, наконецъ, сообразилъ и опредѣлилъ болѣзнь красавицы. Баронъ, узнавъ въ чемъ дѣло, едва не лишился чувствъ отъ испуга и ужаса... Но онъ ничего не сказалъ женѣ.

Баронесса узнала, что у нея ракъ, только тогда, когда уже не вставала съ постели. Почуявъ приближеніе смерти, которая явится избавительницей отъ долгихъ, тяжелыхъ страданій, себялюбивая и бездушная женщина только озлобилась.

Всѣхъ побѣдила она, всѣмъ овладѣла... Люди и обстоятельства, даже, казалось, сама судьба — уступили ей... А теперь сразитъ и отниметъ все—маленькая язва.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

„Забавная рота", картина А. С. Степанова.

(Рис. на стр. 396).

Алексѣй Степановичъ Степановъ воспитанникъ Московскаго училища живописи и ваянія, которое уже дало намъ столько хорошихъ художниковъ, начиная съ Перова, Шишкина, Прянишникова, Вл. Маковскаго и др. Еще находясь на школьной скамьѣ, онъ сталъ участвовать въ ученическихъ выставкахъ, ежегодно бывающихъ въ Московскомъ училищѣ, выставляя сценки изъ дѣтской, сельской и охотничьей жизни— съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ. Подобныя же картинки его работы начали появляться потомъ (съ 1886 г.) и на періодическихъ выставкахъ Московскаго Общества Любителей Художествъ, отъ котораго онъ получилъ впослѣдствіи (въ 1890 г.) 2-ю премію за „Разсказъ о быломъ", находящійся на нынѣшней передвижной выставкѣ.

Правдиво и прекрасно написанныя сцены изъ охотничьяго быта Степановъ присылалъ и прежде на здѣшнія передвижныя выставки (съ 1888 г.), почему „Товарищество" и избрало его въ свои члены въ прошломъ году. Нынче же онъ выставилъ, кромѣ помянутаго „Разсказа двороваго о быломъ", еще другой очень милый жанръ—„Забавную роту", который и воспроизводится здѣсь въ снимкѣ.

„Партнеры", картина Н. М. Уварова.

(Рис. на стр. 397).

Николай Митрофановичъ Уваровъ—тоже изъ молодыхъ художниковъ. Воспитанникъ 2-й Харьковской гимназіи и тамошней рисовальной школы М. Д. Раевской-Ивановой, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ Академію Художествъ, имѣя отъ роду 21 годъ, а черезъ 6 лѣтъ сталъ нарѣдка выставлять на академическихъ выставкахъ свои произведенія— то портреты, какъ, напр., Стрембицкаго (1888) и „Неизвѣстнаго" (1890), то жанры, въ родѣ: „Пастушка" (1888), „Скверннаго мальчика" (1890). Въ нынѣшнемъ же году появилось въ Академіи цѣлыхъ 7 его произведеній—все жанровыхъ, въ томъ числѣ и картинка „Партнеры", воспроизведенная въ настоящемъ № *Нивы*, быть-можетъ самая злая сатира на винтъ, если только бывали таковыя. Четверо младенцевъ, *еще* лысые, какъ *уже* лысы большею частью составляющіе обычную партію, перессорились на карточномъ столѣ. Одинъ точно съ торжествомъ объявляетъ безкозырную, а крайній справа совсѣмъ проштрафился.

„Моя крошка", картина М. И. Зощенко.

(Рис. на стр. 401).

Михаилъ Ивановичъ Зощенко — одинъ изъ молодыхъ художниковъ, хоть и посѣщавшихъ классы Академіи Художествъ, но не прошедшихъ всѣхъ академическихъ ступеней. Года четыре тому назадъ онъ впервые выступилъ со своими произведеніями на судъ публики, и картины его обѣщали ему нѣкоторую будущность. То были—„Волостной судъ", гдѣ изображалось приготовленіе къ расправѣ съ провинившимися (1888), и „Въ ожиданіи найма", съ группой рабочихъ у ограды подъ открытымъ небомъ (1890). Оба эти произведенія появились на здѣшнихъ передвижныхъ выставкахъ. Но, кромѣ того, онъ участвовалъ еще картиною „Свой воръ" въ 8-й періодической выставкѣ Московскаго Общества Любителей Художествъ (1889). Нынче онъ выставилъ всего одну небольшую вещицу, зато очень граціозную, подъ названіемъ „Моя крошка", которая и воспроизведена здѣсь точь-въ-точь, т. е. fac-simile по собственноручному рисунку автора (перомъ) на бумагѣ, автотипіей Ангерера въ Вѣнѣ.

Выводокъ аллигаторовъ. (Рис. на стр. 404).

Видавшіе въ зоологическихъ садахъ, какъ аллигаторы по цѣлымъ часамъ лежатъ на пескѣ безъ движенія и затѣмъ медленно сползаютъ въ воду, чтобы покопошиться тамъ такъ же лѣниво и безпомощно, — съ трудомъ повѣрятъ, что эти животныя способны проявлять много энергіи и смѣтливости. Совсѣмъ иначе являются они на родинѣ глазамъ путешественника. Жаръ тропическаго солнца повидимому расплавляетъ и холодную кровь этихъ флегматиковъ. Надо ихъ видѣть въ рѣкахъ и рѣчкахъ, озерахъ и болотахъ на югѣ Сѣверной Америки, если мы хотимъ познакомиться съ ихъ жизнью. Аллигаторы — исключительно водяныя животныя; хотя они и выводятъ дѣтенышей на твердой землѣ, а также и пищу переваривают на берегу, но главное ихъ мѣстопребываніе—вода. Здѣсь они движутся съ величайшею быстротою, охотясь за рыбами, которыя напрасно пытаются увернуться. Но и козы, овцы, собаки и даже лошади, приходящія на водопой, подвергаются нападеніямъ аллигаторовъ, утаскиваются ими подъ воду, топятся и затѣмъ пожираются. Весной, во время размноженія, самцы съ громкимъ ревомъ даютъ другъ другу страшные поединки. Потомъ самка выбираетъ подходящее мѣсто для кладки яицъ. Сюда сноситъ она въ пасти листву, тростникъ и другія растительныя вещества, на которыя и кладетъ около сотни яицъ, покрытыхъ твердою известковою

скорлупой. Затѣмъ покрываетъ ихъ такими же растительными веществами. Развивающеюся вслѣдствіе гніенія растеній теплотой яйца насиживаются, совершенно какъ въ птичьихъ гнѣздахъ, при чемъ не остаются безъ защиты. Заботливая мать сторожитъ ихъ и грозно накидывается на всякое приближающееся животное, даже на людей, которыхъ въ другое время боится. Черезъ нѣкоторое время выползаютъ молодые аллигаторы, которыхъ мать тотчасъ ведетъ въ воду. Въ неволѣ молодые легко ручнѣютъ и привязываются къ своему хозяину.

Проволочно-канатная уличная желѣзная дорога въ Чикаго. (Рис. на стр. 405).

Въ различныхъ городахъ Сѣверной Америки начинаетъ вводиться особаго рода система уличныхъ желѣзныхъ дорогъ съ паровымъ двигателемъ, а именно проволочно-канатная, называемая также кабельною. При этомъ употребляются неподвижныя паровыя машины, а для передачи двигательной силы вагонамъ служитъ безконечный проволочный канатъ (кабель), пробѣгающій подъ мостовою улицы, какъ видно на нашемъ рисункѣ (стр. 405). Дорога состоитъ изъ двухъ путей, и подъ каждымъ путемъ устроена проводная штольня изъ бетона (рис. № 4), въ которой на блокахъ бѣжитъ кабель въ 25 миллиметровъ толщины. На обоихъ концахъ всего протяженія канатъ переводится съ одного пути на другой посредствомъ горизонтальныхъ блоковъ, имѣющихъ 2,4 метра въ діаметрѣ (рис. № 3). Въ бетонный слой на извѣстныхъ разстояніяхъ погружены нижнею частью желѣзныя рамы, а по верхнимъ ихъ частямъ справа и слѣва проходятъ рельсы, по которымъ ходятъ вагоны; по серединѣ же дороги на рамахъ утверждены еще два V-образные рельса, между которыми остается открытый промежутокъ для тормаза (рис. № 5), служащаго для скрѣпленія вагоновъ съ движущимся подъ ними канатомъ (кабелемъ), т. е. для приведенія ихъ въ движеніе. Этотъ тормазъ прикрѣпленъ къ нижней части проходящаго внизъ изъ вагона черезъ пазъ стальнаго рельса, и посредствомъ рычага, находящагося подъ рукой у кондуктора, соединяется съ кабелемъ. Тормазъ имѣетъ видъ клещей, охватывающихъ канатъ съ двухъ сторонъ. Такимъ образомъ остановка и отправленіе въ путь совершенно открытыхъ вагоновъ (рис. № 2) происходитъ мгновенно и безъ толчковъ. Двигатель на главной станціи (рис. № 1) находится почти на половинѣ всего протяженія пути и нѣсколько въ сторонѣ отъ послѣдняго, такъ что здѣсь одинъ изъ канатовъ повертываетъ почти подъ прямымъ угломъ, чтобы обогнуть первый двигающій блокъ двигателя. Само собою разумѣется, что тормазъ не можетъ слѣдовать за этимъ уклоненіемъ каната, поэтому его близъ поворота размыкаютъ и затѣмъ опять смыкаютъ, при чемъ вагоны проходятъ это короткое разстояніе по инерціи. Вагоны ходятъ обыкновенно не по одному, а по два.

Храмъ Воскресенія Христова на мѣстѣ катастрофы 1 марта 1881 года. (Рис. на стр. 409).

Храмъ Воскресенія Христова, воздвигаемый во искупленіе тяжкаго грѣха 1 марта 1881 г., сооружается по проекту профессора архитектуры А. А. Парланда, Высочайше утвержденному въ г. Гатчино 1 мая 1887 г.

Пріемъ плана центральный, крестообразный, издревле примѣняемый въ церковныхъ постройкахъ Россіи (церковь Архангела Михаила въ Чудовомъ монастырѣ, Рождественскій соборъ въ Суздалѣ, церкви: Вознесенія—въ Дѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ, Св. Георгія—въ Юрьевѣ-Польскомъ Владимірской губерніи, Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ, Софійскій соборъ въ Кіевѣ и т. д.); онъ обогащенъ прибавленіемъ колокольни, находящейся надъ мѣстомъ смертельнаго пораненія въ Бозѣ почивающаго императора Александра II, и боковыхъ шатрообразныхъ крытыхъ входовъ съ четырьмя крыльцами, подъ двускатными крышами.

Стиль храма, по желанію Его Величества Государя Императора,—временъ московскихъ царей XVII вѣка. Длина продольной оси храма 27 саж., поперечной оси черезъ главный куполъ—14 саж. 1 арш., а длина поперечной оси черезъ колокольню и входы 21 саж. Высота храма надъ главнымъ куполомъ, крытымъ восьмиграннымъ шатромъ, съ крестомъ достигаетъ 35 саж. Второе мѣсто, по отношенію къ высотѣ, занимаетъ колокольня, увѣнчанная луковицеобразною золотою главою; общая высота ея съ крестомъ проектирована въ 28 саж. Четыре малыхъ купола, помѣщенныхъ по діагоналямъ средняго квадрата, надъ которымъ возвышается главный куполъ, покрываются также луковицеобразными главками, но не золотыми, а пестро-изравчатыми (желтый, бѣлый, зеленый и бирюзовый цвѣта). Высота этихъ частей достигаетъ 22 саж. Всѣхъ главъ 7. Меньшая находится надъ алтаремъ и будетъ позолочена.

Главный карнизъ, обходящій всѣ части храма (кромѣ алтарныхъ, гдѣ онъ ниже), а также и колокольню, помѣщается на высотѣ 10 саж.

Нижняя часть цоколя, общая высота котораго достигаетъ $8^{1}/_{4}$ арш., облицована 6 рядами русскаго гранита (съ острова Германа на Ладожскомъ озерѣ), изъ которыхъ два нижнихъ темно-сѣраго, а остальные свѣтло-сѣраго цвѣта. Облицовка остающейся части цоколя состоитъ изъ эстляндскаго мрамора, положеннаго меньшими по высотѣ противъ низа рядами, и завершается прорѣзнымъ съ зубчиками карнизомъ изъ того же матеріала. Этотъ цоколь оживляется свѣто-тѣнью устроенныхъ въ немъ нишеобразныхъ, перекрытыхъ плоскими арками, впадинъ, фланкируемыхъ колоннами; во впадинахъ предполагается помѣстить мраморныя доски для начертанія именъ лицъ, отозвавшихся на желаніе Его Величества Государя Императора и помогшихъ осуществленію Его высокой мысли видѣть на этомъ мѣстѣ величественный храмъ, въ которомъ неумолкаемо возносились бы молитвы ко престолу Всевышняго.

Имѣя въ виду главное назначеніе храма, А. А. Парландъ старался выразить его, по возможности, и внѣшними знаками, обращая при этомъ особенное вниманіе на ту часть храма, которая окружаетъ мѣсто катастрофы, т. е. на колокольню.

Такъ, снаружи надъ цоколемъ, подъ громаднымъ окномъ, освѣщающимъ скорбное мѣсто, выступаетъ подъ большимъ навѣсомъ, на золотомъ мозаичномъ фонѣ, мраморное барельефное Распятіе. Подобныя же мы видимъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, напр. въ Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ, гдѣ каменный крестъ съ рельефными изображеніями былъ сооруженъ архіепископомъ Алексіемъ въ XV вѣкѣ. По обѣ стороны Распятія помѣщаются иконы святыхъ дня рожденія и дня кончины покойнаго императора. Затѣмъ вся стѣна выше, вплоть до главнаго карниза, украшена гербами всѣхъ губерній Россійской имперіи, чѣмъ указывается не только на общее содѣйствіе при сооруженіи храма, но и на общую глубокую, неизгладимую печаль всей Россіи. Вокругъ вѣнца колокольни помѣщена, подъ золотою главою, высѣченная изъ камня надпись, на золотомъ мозаичномъ фонѣ, изъ молитвы Василія Великаго: *„безсмертный Царю пріими моленія наша и остави намъ прегрѣшенія наша, иже дѣломъ и словомъ и мыслью, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ согрѣшенная нами“*, имѣющая соотношеніе къ идеѣ храма, какъ къ памятнику искупленія великаго грѣха.

Отдѣлка стѣнъ храма надъ цоколемъ предполагается изъ облицованнаго кирпича въ 4 тона, завода „Надежда“, въ Боровичахъ, Новгородской губ., съ примѣненіемъ мѣстами, какъ-то: въ карнизахъ, тягахъ, колоннахъ, наличникахъ оконъ и пр. эстляндскаго мрамора.

Иконы на фасадахъ предполагаются, по желанію Августѣйшаго предсѣдателя комиссіи, мозаическими, по удешевленному способу Сальвіати, извѣстному нашему мозаическому отдѣленію при Императорской Академіи Художествъ. Двѣ главныя мозаики, помѣщенныя въ большихъ кокошникахъ сѣвернаго и южнаго фасадовъ, изображаютъ Сошествіе Спасителя въ адъ и Вознесеніе Господне. Мозаики четырехъ входовъ слѣдующія: Распятіе, Снятіе со Креста, Воскресеніе и явленіе Спасителя ученикамъ. Главный, т. е. западный фасадъ, украшается большими мозаиками: Богоматери, Іоанна ученика Спасителя и Нерукотвореннаго образа несомаго ангелами.

Храмъ будетъ весьма свѣтлымъ, такъ какъ всѣ купола снабжены окнами, стѣны имѣютъ два ряда оконъ, при чемъ въ алтарной части особенно большія и высокія окна, а съ противоположной стороны,—громадное окно западнаго фасада будетъ великолѣпнымъ источникомъ свѣта для всей внутренности храма вплоть до алтаря.

Необходимо прибавить, что всѣ примѣняемые къ постройкѣ матеріалы исключительно русскіе, что составляло и составляетъ одну изъ главныхъ заботъ архитектора-строителя профессора Парланда.

Въ настоящее время на мѣстѣ постройки открыта выставка замѣчательно красивой модели храма высотою 5 арш. По величинѣ это едва-ли не первая модель такихъ размѣровъ, дающая полное и ясное понятіе о будущемъ сооруженіи. Она работана на мѣстѣ постройки, сдѣлана изъ алебастра скульпторомъ Ботта и окрашена во всѣ цвѣта, какіе будетъ имѣть облицовка, со всѣми тѣми изображеніями святыхъ, гербовъ губерній и пр., которыя будутъ украшать храмъ. Модель установлена на вращающейся оси.

Рисунокъ нашъ воспроизведенъ по фотографическому снимку Б. К. Ковальскаго съ акварели-перспективы проф. Парланда.

Политическое обозрѣніе.

Несмотря на то, что 1 мая во Франціи, гдѣ ожидались большіе безпорядки отъ анархистовъ и рабочихъ, прошло довольно благополучно, — динамитные взрывы не прекращаются и выходятъ за предѣлы Франціи. Два раза уже получались извѣстія о взрывахъ въ Бельгіи, 28 апрѣля и 3 мая въ Люттихѣ, въ Швейцаріи близъ Лозанны и т. д.

30 апрѣля, въ Елисейскомъ дворцѣ, собрался совѣтъ министровъ въ предсѣдательствѣ президента республики, г. Карно.

Храмъ Воскресенія Христова на мѣстѣ катастрофы 1 марта 1881 года на Екатерининскомъ каналѣ въ С.-Петербургѣ (въ оконченномъ видѣ). По акварели А. Парланда, фот. Ковальскій, грав. М. Рашевскій.

Всѣ министры съѣхались въ Парижъ и присутствовали на совѣтѣ, за исключеніемъ г. Девеля, опоздавшаго съ марсельскимъ поѣздомъ. Совѣтъ занимался вопросомъ о пересмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ касательно фабрикаціи, перевозки и употребленія динамита. Изученіе этого вопроса началось тотчасъ послѣ первыхъ покушеній со стороны анархистовъ. Существующихъ законовъ и административныхъ правилъ, по мнѣнію газеты *Temps*, совершенно достаточно; надо только примѣнять ихъ съ полною строгостью. Понадобятся конечно нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ.

Страхъ-ли передъ новыми законами или принятыя заблаговременно полицейскія мѣры, но анархисты и другіе бунтари не проявили своего обычнаго усердія въ день 1 мая во Франціи и, какъ мы упомянули выше, онъ прошелъ совершенно спокойно. Въ Парижѣ не было ни одной манифестаціи. Улицы Парижа были почти пусты; не было выстроено ни полиціи, ни войска. Изъ состоявшихся сходокъ наиболѣе значительною была сходка въ залѣ Фавье, куда собралось 3,000 человѣкъ. Соціалистскій депутатъ Лави произнесъ рѣчь, въ которой горячо осуждалъ поступки анархистовъ, сказавъ, что самъ онъ сторонникъ революціи, но врагъ динамитныхъ покушеній. Слова эти были встрѣчены взрывомъ рукоплесканій.

Въ другихъ мѣстахъ западной Европы рабочій день прошелъ повсюду благополучно.

Въ Австріи вводится золотая валюта. Антисемитскіе и младочешскіе члены рейхсрата, вмѣстѣ съ южно-славянскими депутатами: Спинчичемъ, Дабаромъ, Біанкини и Лагиньей, собрались на совѣщаніе и рѣшили устроить массовую манифестацію австрійскаго народа противъ введенія такой валюты. Съ этою цѣлью въ концѣ мая предполагается созвать здѣсь многолюдное народное собраніе, которому должны выразить письменно или по телеграфу свое сочувствіе всѣ противники золотой валюты. Учрежденіе въ Векельсдорфѣ нѣмецкаго окружнаго суда вызвало, какъ извѣстно, въ Чехіи большое неудовольствіе. Въ рейхстагъ было даже внесено предложеніе младочеховъ о преданіи министра юстиціи графа Шенборна суду. Предложеніе это обсуждалось 22 апрѣля. Въ виду того, что подобнаго предложенія никогда еще не было вносимо въ австрійскій парламентъ, пренія эти привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Младочешскій депутатъ Тильшеръ, мотивируя обвиненіе, сказалъ, что учрежденіе нѣмецкаго окружнаго суда въ Векельсдорфѣ составляетъ противозаконную попытку къ раздробленію Чехіи и по этому поводу осыпалъ правительство самыми рѣзкими упреками. Глава нѣмецко-либеральной партіи Пленеръ предложилъ перейти къ очереднымъ дѣламъ. Старочешскій депутатъ Цукеръ заявилъ о солидарности всѣхъ чеховъ и сказалъ, что всего опаснѣе было бы просто перейти къ очереднымъ дѣламъ по вопросу о чешскомъ народѣ. Затѣмъ министръ юстиціи графъ Шенборнъ представилъ доводы въ доказательство того, что окружной судъ въ Векельсдорфѣ учрежденъ имъ только на основаніи мнѣнія, еще ранѣе высказаннаго комиссіею о чешско-нѣмецкомъ соглашеніи. Пренія палаты депутатовъ рейхсрата по поводу предложенія младочеховъ завершились тѣмъ, что большинство 239 голосовъ противъ 40 постановило перейти къ очереднымъ дѣламъ. Во время преній младочешскій депутатъ Герольдъ доказывалъ, что въ концѣ концовъ младочехи выйдутъ изъ борьбы побѣдителями; слова эти вызвали рукоплесканія среди чеховъ на галереяхъ, вслѣдствіе чего президентъ палаты тотчасъ приказалъ удалить публику съ галерей.

Библіографія.

Первый сборникъ товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ, изданный въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. СПБ. Типографія бр. Пантелеевыхъ. 1892. Цѣна 2 р. безъ пересылки.

Русскія картины. Изданіе *Посредника*. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ произведеній русской жизни (13 картинъ). Цѣна 1 руб. 30 коп. (каждая картина продается отдѣльно по 10 коп.). Прибыль съ этого изданія назначается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Москва. 1892.

Передъ нами два художественныхъ изданія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Первое изъ нихъ, петербургское, дѣлаетъ честь издателямъ—товариществу русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ съ гг. Микѣшинымъ, Кондратенко, Загорскимъ, Шарлеманемъ и Малышевымъ во главѣ. Оно безукоризненно и изящно во всѣхъ отношеніяхъ: по качеству бумаги и печати, выбору и исполненію рисунковъ и особенно заставокъ, содержанію текста (за ничтожнымъ исключеніемъ) и проч., и проч. Сборникъ составляетъ прекрасный альбомъ, которому по праву принадлежитъ мѣсто на книгэчномъ столѣ любой гостиной.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о московскомъ изданіи. Если оно и поражаетъ чѣмъ, то крайне страннымъ, быть-можетъ и случайнымъ, но весьма тенденціознымъ подборомъ мрачныхъ „русскихъ картинъ".

Смѣсь.

Объявленіемъ, помѣщеннымъ въ нынѣшнемъ нумерѣ *Нивы*, вызываются ближайшіе родственники Карла Юлія Бризе (Briese), скончавшагося въ Филене и оставившаго наслѣдство около 90,000 марокъ. Прежде всего рѣчь идетъ объ отцѣ умершаго, выселившемся много лѣтъ тому назадъ въ Россію, затѣмъ (буде таковые есть) о сводныхъ братьяхъ умершаго. До сихъ поръ у него оказываются лишь дальніе родственники въ боковыхъ линіяхъ.

Задачи военнаго воспитанія. Извѣстный нашимъ читателямъ, почтенный сотрудникъ нашъ, полковникъ Н. Д. Бутовскій, читая на-дняхъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ лекцію о задачахъ военнаго воспитанія и образованія, въ заключеніе обратился къ своимъ слушателямъ со слѣдующей характеристикой русскаго солдата:

„Я совѣтую вамъ, господа, сблизиться съ солдатомъ, особенно съ новобранцемъ, и полюбить его. Главная ваша задача—завоевать сердце этого простаго человѣка, безъ чего вы не будете имѣть успѣха въ занятіяхъ, и ваше дѣло будетъ казаться вамъ тяжелымъ, скучнымъ, безсодержательнымъ. Сердце неиспорченнаго русскаго простолюдина можно назвать золотымъ сердцемъ: оно можетъ удовлетворить самымъ тонкимъ требованіямъ не только моралиста, но и эстетика. Вы найдете въ немъ неисчерпаемый, почти незнакомый намъ, культурнымъ людямъ, источникъ самопожертвованія; вы будете очарованы этой готовностью человѣка отдать вамъ все за ваше доброе къ нему участіе.

„Любить своихъ подчиненныхъ и пользоваться ихъ любовью—это большое счастіе для военнаго человѣка; а идти въ бой съ преданными людьми—это высшія минуты счастья, исполненныя военной поэзіи; это—идеалъ, доступный избранникамъ нашей корпораціи."

Докторъ Мюлленгофъ сообщаетъ въ „Journal für Ornithologie" свои наблюденія надъ полетомъ птицъ, преимущественно надъ вліяніемъ вѣтра на летящую птицу. По его словамъ, наивысшія скорости полета, напримѣръ почтовыхъ голубей, менѣе зависятъ отъ движенія крыльевъ самой птицы, чѣмъ отъ ея умѣлаго пользованія воздушными теченіями. Поэтому мускульная сила птицы менѣе удивительна, чѣмъ способность ея отыскивать благопріятныя теченія воздуха. При этомъ птицѣ особенно помогаетъ ея чрезвычайно вѣрный глазомѣръ, благодаря которому она постоянно достигаетъ желаннаго мѣста съ наибольшею скоростью и наименьшей тратой силъ.

Кромѣ того заслуживаетъ особеннаго интереса слѣдующее мѣсто статьи. До сихъ поръ, говоритъ авторъ, самою большой изъ птицъ считалась вымершая уже новозеландская Моа. Недавно на раскопкахъ въ Аргентинѣ г.г. Марено и Мерсератъ нашли останки громадной птицы, которой дали названіе Brontornis Burmeisteri. Кости ея отправлены въ ляплатскій музей. Найденная птица далеко оставляетъ за собою Моа своей величиною; голень ея, напримѣръ, имѣетъ 76 сантиметровъ длины и бедро чуть поменьше лошадинаго. (к).

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" за МАЙ. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАЙ 1892 г. съ 24 рис. и отд. лист. съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 49 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ТАИНСТВЕННЫЙ КАРТОЧНЫЙ КРУЖОКЪ.
НОВОСТЬ! НОВОСТЬ!

Гарантирую, что посредствомъ этого маленькаго изящнаго никелеваго аппарата **каждый въ состоянiи будетъ безъ всякой подготовки продѣлать 50 разнообразныхъ** и очень трудныхъ фокусовъ съ картами. Успѣхъ изумительный. Большое развлеченiе въ обществѣ. R. № 5774

Вмѣстѣ съ руководствомъ **цѣна 2 рубля.**

НОВОСТЬ! ЛИЛИПУТЪ-МИРЛИТОНЪ. НОВОСТЬ!

Маленькiй музыкальный инструментъ, на которомъ можно играть хотя онъ **и не видимъ.** Гарантирую обученiе въ нѣсколько минутъ. Его можно носить въ карманѣ жилета; забавенъ и занимателенъ; годится для аккомпанимента и соло-игры. 3—2

Цѣна 2 рубля. Можно почтовыми марками.
Обѣ вещи франко и безпошлинно.

GEORG MUSIC.
Berlin, Bahnhof Straussberg.

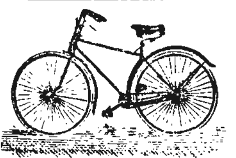
ИЩЕМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. ИЩЕМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

П. № 5667 5—5

Извѣстные велосипеды въ свѣтѣ англiйскаго завода
ГУМБЕРЪ и К°.
Представители
Г. ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Ечкиной, магазинъ № 14.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Проф. **БЕРКАНЪ** лѣчитъ
ЗАИКАНIЕ
10—8
Москва, Б. Кисловка, д. Базилевскаго.

Старѣйшiй и обширнѣйшiй заводъ въ свѣтѣ компанiи
РУДЖЪ,
ПРЕДСТАВИТЕЛИ
АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ,
Москва, Мясницкая ул., д. № 2.
Ц. № 5731 Каталоги безплатно. 4—3

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“
БIОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛIОТЕКА **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

Въ составъ ея войдутъ бiографiи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ бiографiямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4—5 книжекъ.

До 20 апрѣля вышли слѣдующiя **70 бiографiй: Байрона**, Бекона, Бѣлинскаго, Боккачiо, **Боткина**, Рих. Вагнера, **Волкова** (основателя рус. театра), Галилея, **Гарвея**, Гаррика, Гегеля, **Гейне**, Гете, Говарда, Гоголя, **Григорiя VII**, **А. Гумбольдта**, **Гуса**, **Гутенберга** Гюго, Даламбера, Данте, Дарвина, Демидовыхъ, **Дефо**, Дженнера, **Диккенса**, Достоевскаго, Кальвина, Каразина (основателя харьков университета), Карлейля, Кеплера, Колумба, Конфуцiя, Кольцова, Крамскаго, Крылова, Кювье, Лавуазье, Лермонтова, Лессинга Ливингстона, Линкольна, Линнея, Лойолы, Микель-Анджело, Мицкевича, Мольера, Томаса Мора, Моцарта, Никона, Новикова, Паскаля, Пржевальскаго, Прудона, Пушкина, Рафаэля, Сакiа-Муни (Будды), Салтыкова, Свифта, В. Скотта, Стэнли, Теккерея, Уатта Франклина, **Цвингли**, **Шиллера**, Шопенгауэра, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Элiота. Mt. № 578

Жирнымъ шрифтомъ обозначены бiографiи, вышедшiя за послѣднiе 2 мѣсяца.

Печатаются: Аристотель, Беранже, Дж. Бруно, Леон. да Винчи, Воронцовы, Глинка, Лапласъ и Эйлеръ, Мирабо, Ньютонъ, Сенковскiй, Сперанскiй, **Фарадей**, Фонвизинъ, Шопенъ и др.

Главный складъ изданiя въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (СПБ. Лештуковъ пер., 2). Вышедшiя книжки продаются по **25** коп. **во всѣхъ** книжныхъ магазинахъ безразлично.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенiя красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 5391 16—10
Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россiи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгiйскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россiи: у **В. Аурихъ,** Колокольная, **№ 18. С.-Петербургъ.**

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одну 7 к. марк. высылаю услов. Одесса, Дериб., проф. кал. **Конидарисъ**

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ
и
ЛИМАННОЕ
№ 5750 **ЗАВЕДЕНIЕ** 6—
въ городѣ Евпаторiи
Открывается съ 20 мая по 20 августа.

НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНIЕ
„ДОМОСТРОЙ“.

Журналъ будетъ давать въ сжатой и общепонятной формѣ практически-испытанные **совѣты** по всѣмъ отраслямъ домоводства, хозяйства, животноводства и охоты, притомъ **своевременно**, когда совѣты эти могутъ получить **немедленное примѣненiе**.

I. ДОМА. Домашнее благоустройство. Домъ, квартира и дача. Одежда.—**Въ кухнѣ и столовой.—Въ кладовой и погребѣ.—Въ дѣтской.** Уходъ за дѣтьми. Дѣтскiя игры и занятiя.—**Домашняя гигiена.** Первая помощь, домашняя аптечка. Истребленiе паразитовъ.—**Домашнiй досугъ.** Работы, игры, карты, шахматы, цвѣты, пѣвчiя птицы, комнатныя собаки и акварiумы. № 5751 3—3

II. НА ДВОРѢ. Животноводство. Лошади, рогатый скотъ и домашняя птица.- Собаки.—**Ветеринарiя.—Спортъ на открытомъ воздухѣ.** Гимнастика, коньки, велосипеды и пр.

III. ВЪ ОГОРОДѢ И ВЪ САДУ. Оранжереи, теплички и парники. Овощи, ягоды и фруктовыя деревья.—Цвѣтники и сады.

IV. ВЪ ЛѢСУ И ВЪ ПОЛѢ. Полеводство, луговодство и лѣсоводство. Разведенiе кормовыхъ и лѣкарственныхъ растенiй. Рыбоводство, рыбная ловля и уженье.—Охота на птицъ и звѣрей.

V. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТIЯ. Правительственныя распоряженiя. Биржевой указатель и справочныя цѣны. Смѣсь. Вопросы и отвѣты.

VI. Адреса извѣстныхъ хозяевъ и торговцевъ.—Объявленiя и прейсъ-куранты.

VII. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНIЯ: Календарей (общаго и спецiальныхъ по отдѣламъ), **руководствъ** (Домашнiй лѣчебникъ, Уходъ за дѣтьми, Домашнiй столъ, Огородничество, Птицеводство и др.), **Записныхъ книгъ, отрывочнаго и стѣннаго календарей, нотъ, модъ, узоровъ, сѣмянъ огородныхъ и цвѣточныхъ растенiй, образцовъ матерiй, рыболовныхъ крючковъ, письменныхъ принадлежностей** и тому подобныхъ хозяйственныхъ предметовъ, удобныхъ для пересылки.

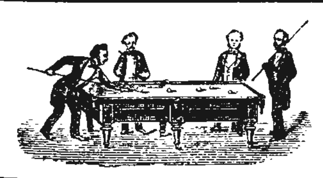
Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, въ объемѣ 1—2 печатныхъ листовъ, не считая приложенiй, съ пояснительными чертежами и рисунками.

Первый номеръ выйдетъ 30 апрѣля.

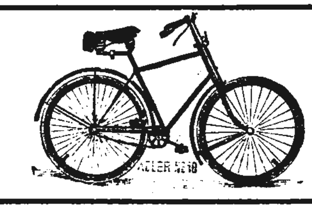
При первомъ номерѣ будетъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ **комплектъ сѣмянъ** для небольшого огорода; при второмъ—**образцы лѣтнихъ матерiй.**

Подписная цѣна со всѣми приложенiями: на годъ 6 р., на 8 мѣсяцевъ (по 1 января 1893 г.) 4 р., на 2 мѣсяца 1 р.

Адресъ: **Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.** Редакт.-издат. **Л. П. САБАНѢЕВЪ.**

БИЛЛIАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкiй пр., близъ Египет-
№ 5607 скаго моста, домъ № 7—2. 26—8
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованiямъ высылаются безвозмездно.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
ВЕЛОСИПЕДЫ
„ОРЕЛЪ“
Франкфуртъ-на-Майнѣ.
Ц. № 5728 **СПЕЦIАЛЬНАЯ** 12—5
ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

На-дняхъ выйдетъ:
И. А. ШТЕГМАНА
ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ КУЛЬТУРѢ РОЗЪ.
4-е изданiе, дополненное и исправленное.
Цѣна въ папкѣ 1 руб.
Н. КИММЕЛЬ.
Книжный магазинъ въ Ригѣ. № 5762 2—2

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ новѣйшее произведенiе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерiю
„BOUQUET RUSSE“.
Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саше.**
Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (8)

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россiи и Заграницы. Дирекцiя въ Буда-Пештѣ. № 5729 6—5

ДВУНОГIЙ ВОЛКЪ.
Романъ изъ жизни Туркестанскаго края **Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е,** дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. **Цѣна 2 руб.,** съ перес. **2 р. 50 к.;** въ роскошн. коленк. пер. **2 р. 75 к.,** съ перес. **3 р. 25 к.** Съ требов. прос. обращ. **въ Контору журнала „Нива“** (СПБ., Невскiй, д. 6).

Только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

ШАЛОСТИ ПЕРА

шуточныя стихотворенія

№ 5783 **Сергѣя Кречетова.** 2—1

Весьма изящно изданный томикъ, въ 188 стран., на лучшей бумагѣ. СПБ., 1892 г. Ц. 1 руб., а съ пересылкою 1 р. 20 коп. Складъ изданія у книгопрод. Н. П. Карбасникова, СПБ., Литейный, 48.

ЗА ГРАНИЦУ.

Поступило въ продажу второе изданіе книги:

„РУССКІЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ".

Слова и разговоры на русскомъ, англійскомъ, французск. и нѣмецкомъ. СПБ. 1892. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ФОТОГРАФІИ

для моделей, женскія и мужскія, жанръ, ландшафты. 100 миніатюрн. фотографій и 4 образца за 3 р. Самая большая и лучшая коллекція всего міра. Каталоги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ язык. по 20 к. **Louis Ramlo Kunstverlag München II, Postfach 16.**

УДОЧКИ

и всѣ рыболовн. принадлежн. въ больш. выборѣ; прейсъ-курантъ высыл. безплатно. **НОВОСТЬ:** Крючки изъ бронзъ-алюминія; образцы высыл. за двѣ 7-ми коп. марки.

№ 5777 **И. ГЛАЗУНОВЪ.**

Москва, Столешниковъ пер., № 8.

НОВЫЕ

АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ

Crab-Apple Blossoms

экстра-концентрированн. Съ освѣжающимъ пріятнымъ запахомъ, долго не выдыхающимся, и поэтому весьма экономные при употребленіи. Достаточно нѣсколькихъ капель. № 5780

Приготовляетъ исключительно **THE CROWN PERFUMERY Co.** 177 New Bond Str. London. Продажа у всѣхъ главныхъ парфюмеровъ.

Туалетная вода Эсъ ТАМЪ-ТАМЪ

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европескихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

МИНДАЛЬНОЕ
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовленное лабораторіей

А. Энглундъ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

№ 5775

Только С.-Петербургской Косметической

Лабораторіи А. Энглундъ.

„НЬЮ-IОРКЪ"

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Специальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 апрѣля 1892 г. Руб. 2.421.148 36.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (7)

Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ новая книга:

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Д. МАСЛОВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА,** въ С.-Петербургѣ.

Большой, изящно изданный томъ, въ 371 стран. убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ виньеткою художн. Р. Штейна. СПБ., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Романъ Н. Д. Маслова имѣлъ при его появленіи въ прошломъ году громадный успѣхъ среди читающей публики, а отдѣльное изданіе дополнено и пересмотрѣно авторомъ. Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива", Невскій, № 6.

ФИСГАРМОНІИ

лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ фабрикъ

въ 85, 100, 125, 130, 140, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 650, 800, 1000 рублей и дороже.

Самоучитель для фисгармоніи въ 2 рубля.

Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

УЧИТ. ФРАНЦУЗСК. ЯЗ. ѣдетъ съ сыномъ въ концѣ мая на Кавказъ, Крымъ на лѣто; желаетъ взять отъ 5 до 8 учених. для пользованія яз. и купаніями. Москва, Сухар.-Садовая, д. Киргофъ, кв. 50. Г. А. Е. № 5776

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ,

подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича,

ОСОБЫЙ КОМИТЕТЪ.

Денежныя пожертвованія, предоставляемыя въ распоряженіе состоящаго подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особаго Комитета для помощи нуждающимся въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, а также **заявленія** о желаніи жертвовать въ пользу нуждающихся хлѣбомъ (зерномъ и мукою), принимаются въ помѣщеніи Кабинета Его Императорскаго Величества, у Аничкова моста, ежедневно, за исключеніемъ дней неприсутственныхъ, отъ 11 час. утра до 3 час. дня. Пожертвованія отъ иногороднихъ слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Высочайше учрежденный, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Особый Комитетъ. № 5784

НАШИ
СКОРОХОДЫ

очень понравились публикѣ; многія тысячи отправлены во всѣ части Россіи, что вѣроятно послужило поводомъ къ появленію подражаній, которыя стремятся привлечь покупателей, главнымъ образомъ, уменьшеніемъ ихъ стоимости. Что кожа послѣднихъ худшаго качества, всякій замѣтитъ на первый же взглядъ, но отъ неспеціальности легко можетъ ускользнуть, что сама идея при постройкѣ этого сапога совершенно уничтожена худыми колодками и худой выкройкой. Кто желаетъ имѣть наши скороходы, тотъ долженъ обратить вниманіе на наше, помѣщенное на подошвѣ, фабричное клеймо.

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

№ 5695 (7)

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно.

5785 26—4

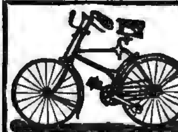
ВЫЗОВЪ НАСЛѢДНИКОВЪ.

13 октября 1891 года въ Филене (Filehne) умеръ **КАПИТАЛИСТЪ CARL JULIUS BRIESE,** не оставивъ ни законныхъ наслѣдниковъ, ни завѣщанія. Отцемъ его былъ **Carl Friedrich Briese,** родившійся 29 іюля 1798 года на мельницѣ близь **Цирке (bei Zirke, Provinz Posen)** отъ отца, мельника **Johann Christoph Briese** и матери, **Beate, урожденной Sieling (также Sielingen или Seelingen).** Вышеупомянутый отецъ наслѣдодателя, **Carl Friedrich Briese,** потерявъ мельницу, оставилъ отечество, когда наслѣдодателю, родившемуся 20 сентября 1825 года, было всего 4 года, слѣдовательно **въ 1829-мъ или 1830-мъ году,** и выразилъ свое намѣреніе отправиться **въ Россію,** а именно **въ Одессу.** Кромѣ наслѣдодателя осталась тогда на родинѣ жена **Карла Фридриха Бризе, Эмилія, урожденная Вольфрамъ,** разведенная съ мужемъ, неизвѣстно, до или послѣ отъѣзда послѣдняго. О **Карлѣ Фридрихѣ Бризе** со времени его отъѣзда здѣсь ничего не извѣстно. Имѣющихъ какія-нибудь свѣдѣнія о **Карлѣ Фридрихѣ Бризе,** о вступленіи его во второй бракъ или о дѣтяхъ его отъ этого брака прошу сообщить таковыя нижепоименованному, состоящему по назначенію суда попечителемъ надъ оставшимся наслѣдствомъ. **Карлъ Фридрихъ Бризе и его законныя дѣти** были-бы ближайшими наслѣдниками **Карла Юліуса Бризе.** Всѣ расходы будутъ возвращены. Наслѣдство, оставленное Карломъ Юліусомъ Бризе, опредѣлено по настоящее время приблизительно въ **90,000 марокъ.**

Филене (Filehne), 22 апрѣля 1892 г.

Попечитель надъ наслѣдствомъ

Присяжный повѣренный Рейнеке (Reinecke).

Англійскіе велосипеды завода Зингера и К° въ Ковентри, рекомендуетъ **Генрихъ Жемличка** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, спеціальный велосипедный магазинъ, № 19.

Высылается прейсъ-курантъ. 3—3

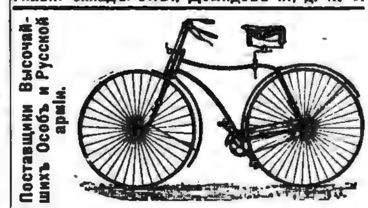
Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (5)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. **Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.**

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.

Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый Домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Коканд и Екатеринбургъ. 19—2

Новый каталогъ 80 страницъ

БЕЗПЛАТНО.

Дозвол. цензур., СПБ., 29 апрѣля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | № 19

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 мая 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Золотая свадьба ихъ величествъ короля Христіана IX и королевы Луизы Датскихъ. Съ фот. грав. Пуцъ и Шюблеръ.

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ.

(Портр. и рис. на стр. 413, 414, 415, 416, 417 и 418).

14 (26) мая текущаго года Европа будетъ свидѣтельницей торжества чрезвычайно рѣдкаго въ средѣ ея правителей. Въ столицѣ Даніи, Копенгагенѣ, празднуется состоявшаяся ровно полвѣка тому назадъ (золотая) свадьба королевской четы, связанной тѣснѣйшими узами родства съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ. Король Христіанъ IX и королева Луиза, столь популярные въ громадномъ большинствѣ населенія благодаря своей простотѣ и доступности, получатъ въ этотъ день новыя доказательства народной любви и преданности, которая окружаетъ ихъ уже сорокъ лѣтъ. Но не одна Данія будетъ ликовать, привѣтствуя Августѣйшую чету. Вся Россія, въ этотъ знаменательный день, откликнется горячими пожеланіями долгоденствія маститому королю Христіану IX и его Августѣйшей супругѣ на благо и преуспѣяніе его страны. Въ лицѣ державной четы, празднующей пятидесятую годовщину своего бракосочетанія, царелюбивый русскій народъ будетъ привѣтствовать Отца и Мать Своей Царицы, Дѣда и Бабку Цесаревича. Если за Австріей до сихъ поръ остается историческое изреченіе: „Tu Austria felix nube“ (ты, Австрія, счастлива браками), то не съ большимъ-ли правомъ можно сказать: „Tu Dania felix liberis“ (дѣтьми)? Потомство короля Христіана дало наслѣдниковъ престола двумъ величайшимъ въ мірѣ имперіямъ: Россійской и Англо-Индійской, правителя единовѣрному намъ королевству Греческому.

Вотъ многовѣтвистое родословное дерево нынѣшняго Датскаго королевскаго дома, раскинувшее свою сѣнь не только на Данію, но и на другія обширнѣйшія страны:

Христіанъ IX, король Даніи, Вендовъ и Готовъ, герцогъ Шлезвигскій, Гольштинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій, Лауэнбургскій и Ольденбургскій, род. въ Готторпѣ 27 марта 1818 г., сынъ герцога Вильгельма Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго (род. 1785 г., † 1831 г.) и его супруги Луизы, рожденной принцессы Гессенъ-Кассельской (род. 1789 г., † 1867); вступилъ на престолъ по Лондонскому трактату отъ 26 апрѣля 1852 г. и датскому закону о наслѣдованіи 19 іюля, послѣ смерти короля Фридриха VII (род. 1808 года, † 1863 г.).

Сочетался бракомъ (въ Копенгагенѣ) 14 мая 1842 г. съ *Луизой*, принцессой Гессенъ-Кассельской, родившеюся 27 августа 1817 г.

У нихъ дѣти:

I. Христіанъ-*Фридрихъ*-Вильгельмъ-Карлъ, родился въ Копенгагенѣ 22 мая 1843 года, наслѣдникъ престола, женился (въ Стокгольмѣ) 16 іюля 1869 г., на *Луизѣ*, принцессѣ Шведской и Норвежской, родившейся 19 октября 1851 года.

Ихъ дѣти:

1) Принцъ *Христіанъ*-Карлъ-Фридрихъ-Альбертъ-Александръ-Вильгельмъ, родился въ Шарлоттенлундѣ 14 сентября 1870 года.

2) Принцъ Христіанъ-Фридрихъ-*Карлъ*-Георгъ-Вальдемаръ-Аксель, родился въ Шарлоттенлундѣ 22 іюля 1872 года.

3) Принцесса *Луиза*-Каролина-Іозефина-Софія-Тира-Ольга, родилась въ Копенгагенѣ 5 февраля 1875 года.

4) Принцъ *Гаральдъ*-Христіанъ-Фридрихъ, род. въ Шарлоттенлундѣ 26 сентября 1876 г.

5) Принцесса *Ингеборга*-Шарлотта-Каролина-Фредерика-Луиза, родилась въ Шарлоттенлундѣ 21 іюля 1878 года.

6) Принцесса *Тира*-Луиза-Каролина-Амалія-Августа-Луиза, родилась въ Копенгагенѣ 2 марта 1880 года.

7) Принцъ Христіанъ-Фридрихъ-Вильгельмъ-Вальдемаръ-*Густавъ*, родился въ Копенгагенѣ 20 февраля 1887 года.

II. Принцесса *Александра*-Каролина-Марія-Шарлотта-Луиза-Юлія, родилась въ Копенгагенѣ 19 ноября 1844 г.; сочеталась бракомъ (въ Виндзорѣ) 26 февраля 1863 г. съ наслѣдникомъ престола Великобританскаго, *Альбертомъ*-Эдуардомъ, принцемъ Вельскимъ, родившимся 28 октября 1841 года.

У нихъ дѣти:

1) Принцъ *Георгъ*-Фридрихъ-Эрнестъ-Альбертъ, родился въ Мальборо-Гаусѣ 22 мая 1865 года.

2) Принцесса *Луиза*-Викторія-Александра-Даг-

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Празднованіе серебряной свадьбы ихъ величествъ 14 (26) мая 1867 г. въ Христіанборгскомъ замкѣ.

мара, родилась тамъ же 8 февраля 1867 года, въ супружествѣ за Александромъ-Вильямомъ-Георгомъ, герцогомъ Файфъ съ 15 іюля 1889 года.

3) Принцесса *Викторія*-Александра-Ольга-Марія, родилась 24 іюня 1868 года.

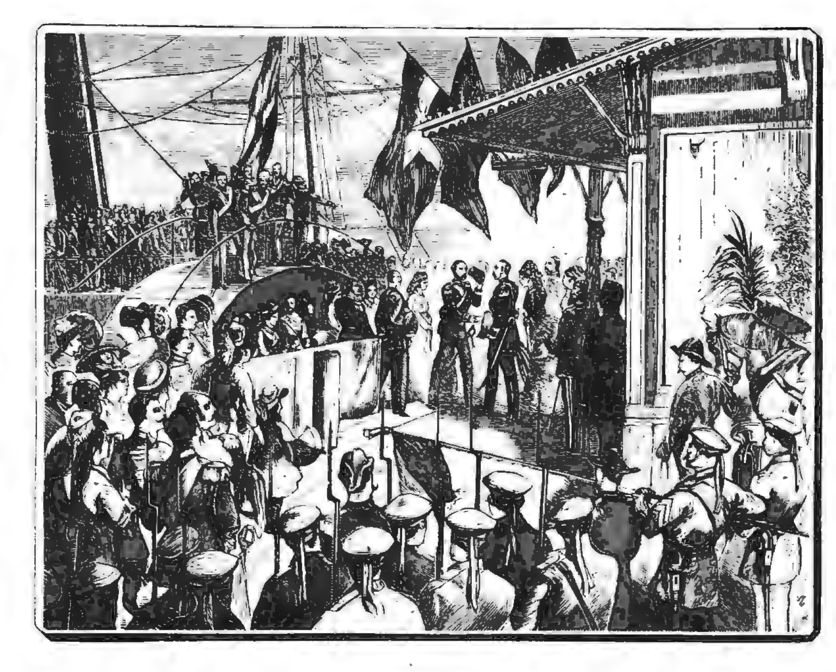
4) Принцесса *Модъ*-Шарлотта-Марія-Викторія, родилась 14 ноября 1869 г.

III. Принцъ Христіанъ-*Вильгельмъ*-Фердинандъ-Адольфъ-*Георгъ*, родился въ Копенгагенѣ 12 декабря 1845 г., принялъ 25 мая 1863 года корону греческую съ титуломъ „Георга I, короля Эллиновъ", сочетался бракомъ (въ С.-Петербургѣ) 15 октября 1867 года съ Е. И. В. Великою Княжной Ольгой Константиновной, родившеюся 22 августа 1851 года.

Ихъ дѣти:

1) Наслѣдникъ престола *Константинъ*, герцогъ Спартанскій, родился въ Аѳинахъ 21 іюля 1868 года, женился (въ Аѳинахъ) 15 октября 1889 года на Софіи, принцессѣ Прусской, родившейся 2 іюня 1870 года.

2) Принцъ *Георгъ*, родился въ Корфу 12 іюня 1869 года.

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Прибытіе Датской и Греческой королевскихъ фамилій въ Петергофъ 17 (29) іюля 1876 г.

3) Принцесса *Александра*, родилась въ Корфу 18 августа 1870 года, сочеталась бракомъ съ Е. И. В. Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, въ Бозѣ почила 12 сентября 1891 года.

У нихъ дѣти:

а) Е. И. В. Великая Княжна Марія Павловна, родилась 6 апрѣля 1890 года.

б) Е. И. В. Великій Князь Дмитрій Павловичъ, родился 6 сентября 1891 года.

4) Принцъ *Николай*, родился въ Аѳинахъ 9 января 1872 года.

5) Принцесса *Марія*, родилась въ Аѳинахъ 20 февраля 1876 года.

6) Принцъ *Андрей*, родился въ Аѳинахъ 20 января 1882 года.

7) Принцъ *Христофоръ*, родился въ Павловскѣ 29 іюля 1888 года.

IV. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, до супружества Принцесса Марія-Софія-Фредерика-*Дагмара*, родилась въ Копенгагенѣ 14 ноября 1847 года, въ супружествѣ съ 28 октября 1866 года съ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ.

У Нихъ дѣти:

Ихъ Императорскія Высочества:

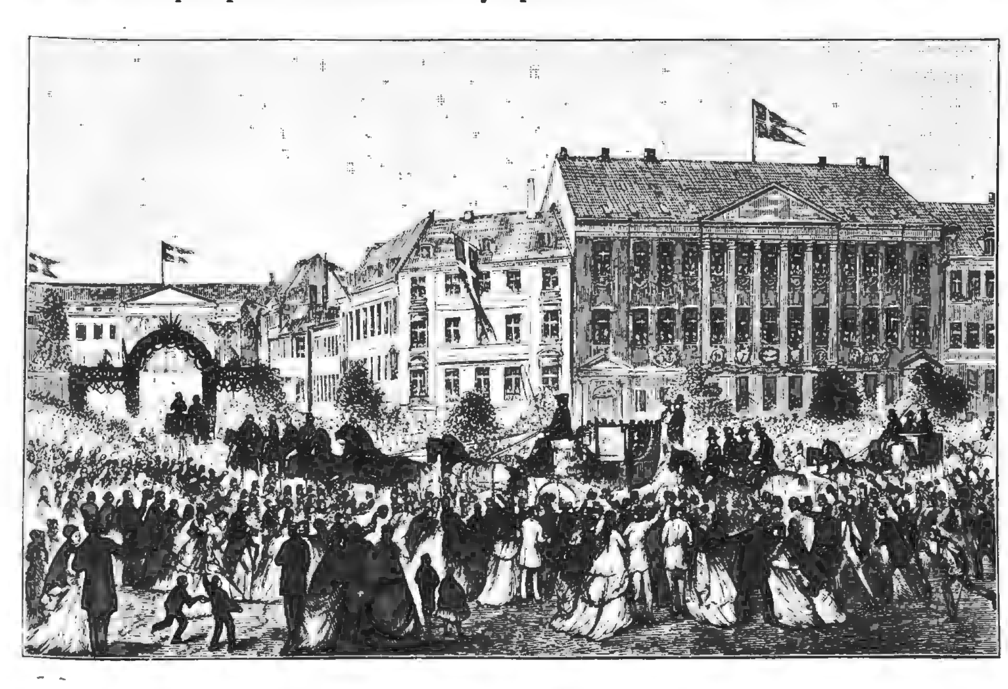
1) Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ, родился 6 мая 1868 года.

2) Великій Князь Георгій Александровичъ, родился 28 апрѣля 1871 года.

3) Великая Княжна Ксенія Александровна, родилась 25 марта 1875 года.

4) Великій Князь Михаилъ Александровичъ, родился 22 ноября 1878 года.

5) Великая Княжна Ольга Александровна, родилась 1 іюня 1882 года.

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Въѣздъ наслѣднаго принца Фридриха и принцессы Луизы въ Копенгагенъ 29 іюля (10 августа) 1869 г.

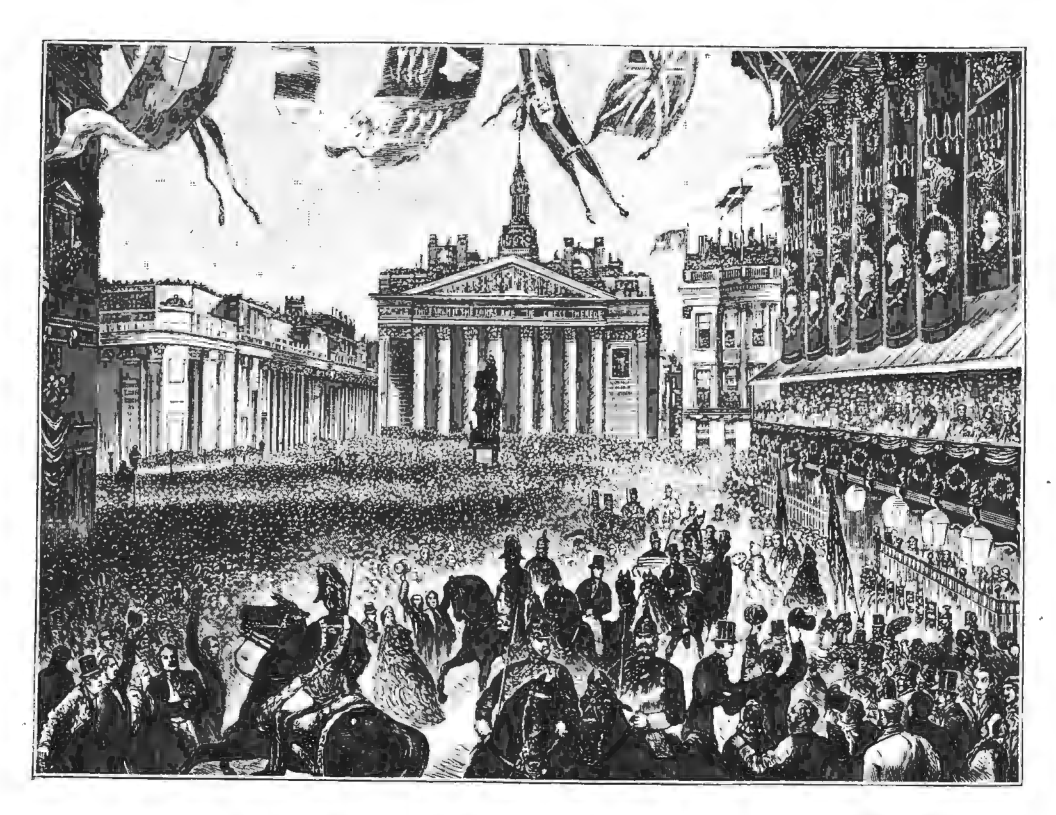
V. Принцесса *Тира*-Амелія-Каролина-Шарлотта-Анна, родилась въ Копенгагенѣ 17 сентября 1853 г., замужемъ съ 9 декабря 1878 года за *Эрнстомъ*-Августомъ, герцогомъ Кумберландскимъ, родившимся 9 сентября 1845 года.

У нихъ дѣти:

1) Принцесса *Марія-Луиза*-Викторія-Каролина-Амелія-Александра-Августа-Фредерика, родилась въ Гмунденѣ, 29 сентября 1879 года.

2) Принцъ *Георгъ-Вильгельмъ*-Христіанъ-Альбертъ-Эдуардъ-Александръ-Фридрихъ-Вальдемаръ-Эрнестъ-Адольфъ, родился въ Гмунденѣ 16 октября 1880 года.

3) Принцесса *Александра*-Луиза-Марія-

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Въѣздъ принцессы Александры Вельской въ Лондонъ въ февралѣ 1863 г.

Ольга-Елисавета-Тереза-Вѣра, родилась въ Гмунденѣ 17 сентября 1882 года.

4) Принцесса *Ольга*-Аделаида-Луиза-Марія-Александрина-Агнеса, родилась въ Гмунденѣ 24 іюня 1884 года.

5) Принцъ *Христіанъ*-Фридрихъ-Вильгельмъ-Георгъ-Петръ-Вальдемаръ, родился въ Гмунденѣ 22 іюня 1885 года.

6) Принцъ *Эрнестъ-Августъ*-Христіанъ-Георгъ, родился въ Пензингѣ, 5 ноября 1887 года.

VI. Принцъ *Вальдемаръ*, родился въ Бернсторфѣ 15 октября 1858 года, женатъ съ 10 октября 1858 года на *Маріи*, принцессѣ Орлеанской, родившейся 1 января 1865 года.

У нихъ дѣти:

1) Принцъ *Аагъ*-Христіанъ-Александръ-Робертъ, родился въ Копенгагенѣ 29 мая 1887 года.

2) Принцъ *Аксель*-Христіанъ-Георгъ, родился въ Копенгагенѣ 31 іюля 1888 года.

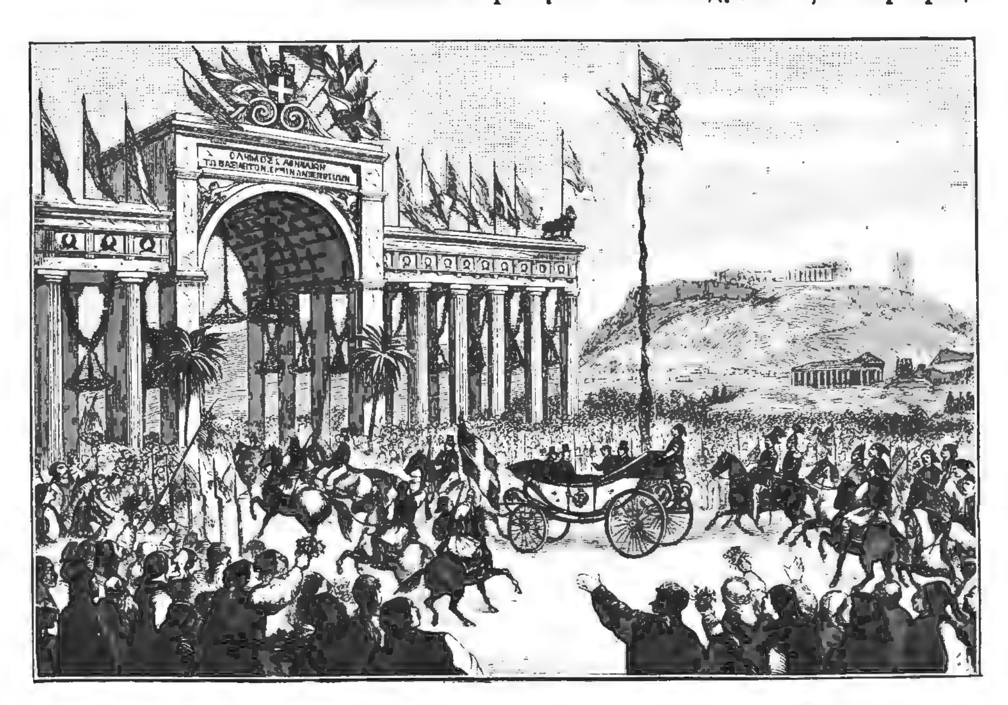
Прилагаемые рисунки изображаютъ наиболѣе выдающіяся событія изъ жизни короля и королевы Датскихъ и ихъ Августѣйшихъ дѣтей.

На первомъ изъ нихъ (стр. 418) изображено празднованіе *серебряной* свадьбы короля Христіана IX и королевы Луизы въ Копенгагенѣ 14 мая 1867 г., отличавшееся большимъ торжествомъ, множествомъ депутацій, торжественныхъ шествій, иллюминацій и пріемовъ.

Еще ранѣе этого, въ 1863 году, происходили изображенные на этой страницѣ торжественные въѣзды принцессы Александры Вельской въ Лондонъ (февраль) и короля Греческаго Георга въ Аѳины (18 октября). 26 мая (6 іюня) 1863 года принцъ Георгъ, съ согласія державъ-покровительницъ Россіи, Франціи и Великобританіи, принялъ поднесенную ему греческимъ національнымъ собраніемъ корону Греціи, высадился 18 (30) октября въ Пиреѣ и имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу Эллинскаго королевства, которому, какъ бы въ видѣ вѣнчальнаго подарка, онъ принесъ Іоническіе острова, уступленные Англіей.

На слѣдующей страницѣ первый рисунокъ изображаетъ отбытіе принцессы Дагмары изъ Даніи въ Россію 10 сентября 1866 г., а второй—торжественный въѣздъ Ея 17 сентября въ Петербургъ.

Первый рисунокъ на стр. 419 изображаетъ прибытіе Датской королевской четы въ Петергофъ 17 іюля 1876 г. На встрѣчу ихъ величествъ изволили выѣхать на пароходѣ по Финскому заливу Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Александръ Александровичъ, и Супруга Его Цесаревна Марія Ѳеодоровна. Они плыли на яхтахъ „Цесаревна“ и „Славянка“ до острова Гохланда, гдѣ и произошла встрѣча Ихъ съ высокими гостями, въ числѣ коихъ находились также король и королева Греческіе. Царственные гости прибыли затѣмъ въ Петергофъ, гдѣ и были привѣтствованы Ихъ Величествами императоромъ Александромъ II, императрицей

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Въѣздъ короля Греческаго Георга въ Аѳины 18 (30) октября 1863 г.

Маріей Александровной и Членами Императорскаго Дома.

Въ 1869 году 29 іюля происходилъ торжественный въѣздъ наслѣднаго принца Датскаго Фридриха и супруги его принцессы Луизы въ Копенгагенъ, изображенный на второмъ рисункѣ стр. 419.

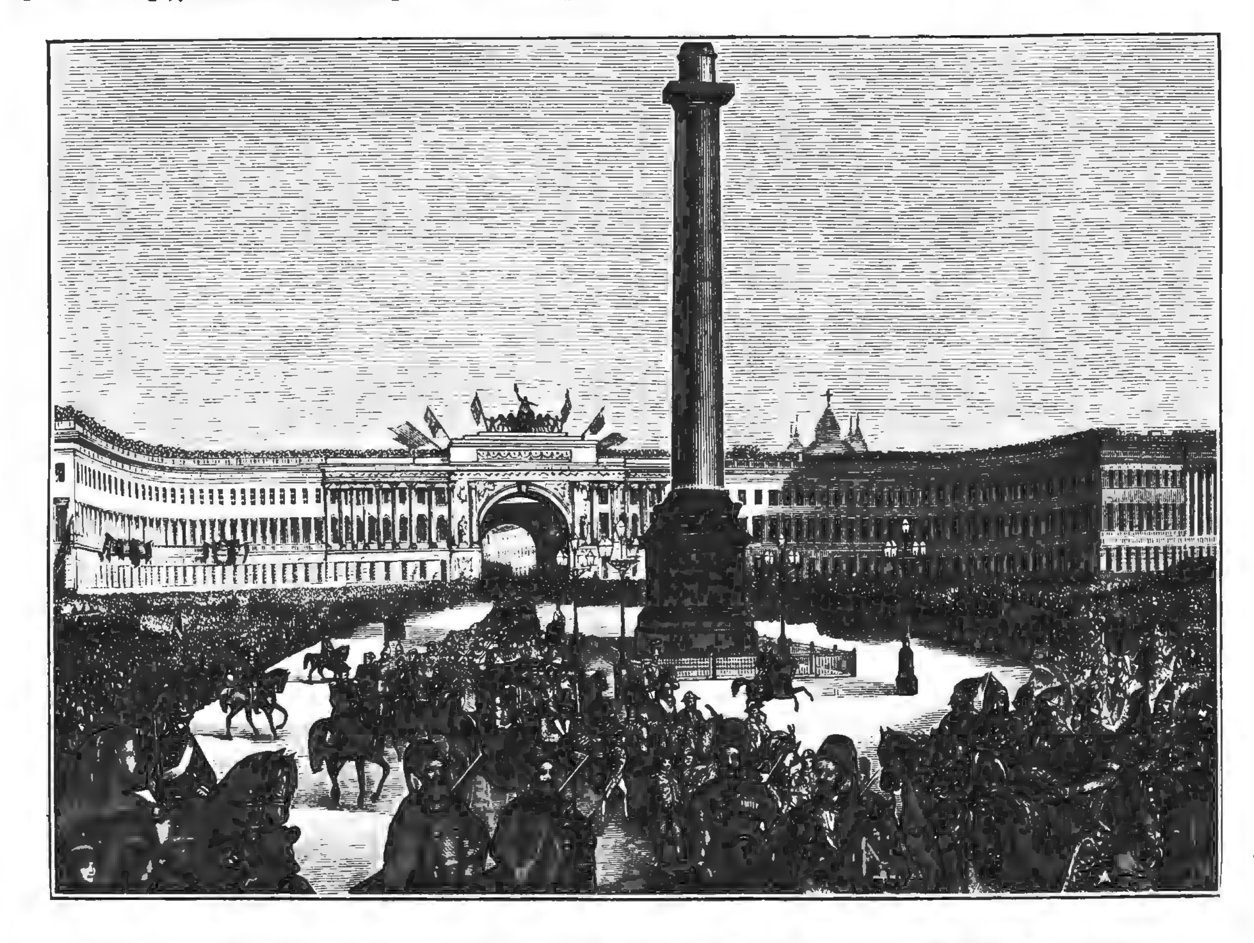
Послѣдній рисунокъ изображаетъ въѣздъ младшаго сына короля Датскаго, Вальдемара, и супруги его принцессы Маріи Орлеанской въ Копенгагенъ 8 декабря 1885 г. Новобрачные познакомились между собою въ 1884 г., когда герцогъ Шартрскій, отецъ принцессы Маріи, во время путешествія на Сѣверъ, посѣтилъ короля Датскаго. Въ сентябрѣ слѣдующаго года, 7 числа, совершено было обрученіе въ зàмкѣ Фредериксборгъ.

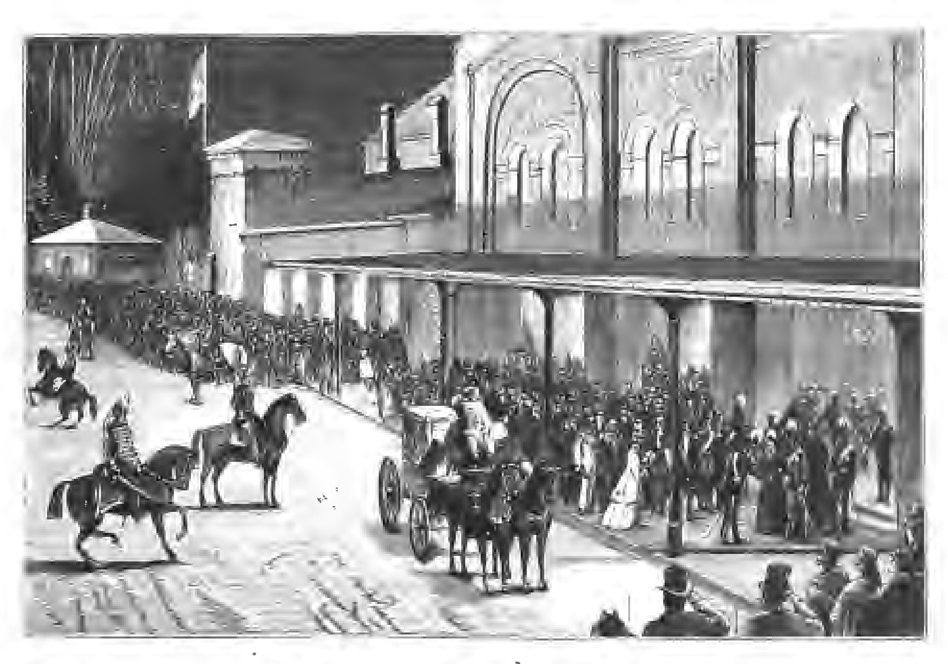
Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Отъѣздъ принцессы Дагмары въ Россію 10 (22) сентября 1866 г.

Бывшая королевская резиденція въ Копенгагенѣ, зàмокъ Христіансборгъ, выстроенный въ 1733—40 гг. Христіаномъ VI, сгорѣвшій въ 1794 г. и заново отстроенный въ 1828, обширный дворецъ, имѣющій около 58 сажень длины по главному фасаду; главныя зданія его разрушены пожаромъ 1884 г. Нынѣ резиденція короля находится въ одномъ изъ четырехъ, симметрично выстроенныхъ дворцовъ на Амаліенборгской площади; остальные заняты частью королевской фамиліей (дворецъ наслѣднаго принца и др.), частью министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Изъ загородныхъ дворцовъ замѣчательны Шарлоттенлундъ и Фредериксбергхавенъ.

Столица и резиденція королевства Датскаго, а также единственная въ немъ крѣпость, средоточіе торговли, промышленности, науки, литературы и искусства, Копенгагенъ, какъ извѣстно, расположенъ на двухъ островахъ, Зеландѣ и Амакѣ въ Зундѣ, и занимаетъ око-

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Въѣздъ Принцессы Дагмары въ Петербургъ 17 сентября 1866 года.

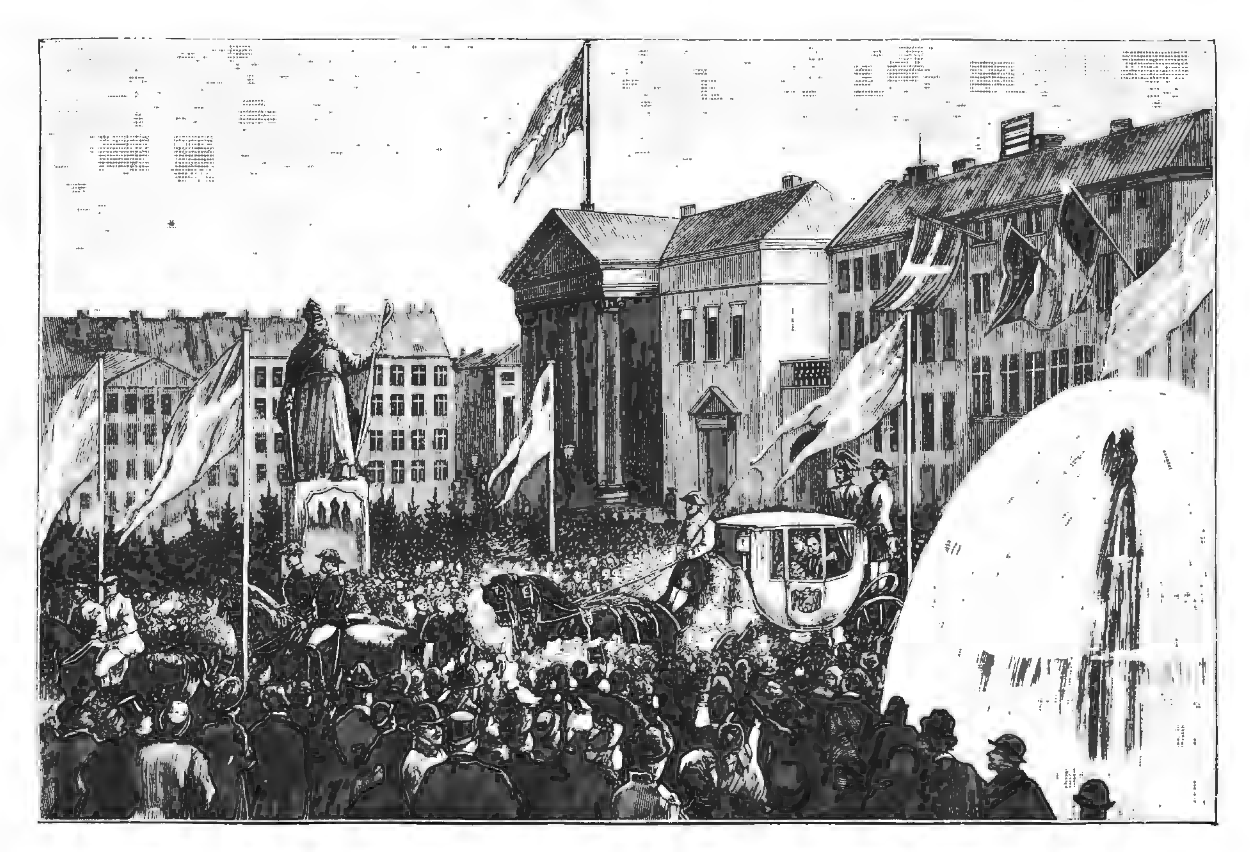

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Отъѣздъ герцога и герцогини Кумберландскихъ 9 (21) декабря 1878 г.

ло 23 квадратныхъ верстъ пространства. Проливомъ Кальвебодстрандъ, отдѣляющимъ большій островъ Зеландъ отъ меньшаго Амака, Копенгагенъ дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ бо̀льшая или собственно *Копенгагенъ* лежитъ на восточномъ берегу Зеланда, а меньшая—*Христіансгавнъ*—на сѣверо-западной оконечности Амака; третью главную часть столицы составляютъ лежащія за городскими валами, годъ отъ году разрастающіяся предмѣстья *Остербро*, *Нёрребро* и *Вестербро*, изъ коихъ два послѣднія находятся въ такой тѣсной связи съ мѣстечкомъ *Фредериксбергъ*, что оно можетъ считаться четвертымъ предмѣстьемъ. На сѣверъ отъ столицы, отдѣленная отъ нея лишь эспланадой, высится цитадель Фредериксгавнъ со старинными укрѣпленіями. Со стороны пролива городъ укрѣпленъ морскими фортами. Гавань, раздѣляющаяся на внутреннюю (до 7 метровъ глубины) и внѣшнюю, наилучшая и самая безопасная во всемъ Балтійскомъ морѣ и Каттегатѣ, чему и обязанъ Копенгагенъ своимъ развитіемъ съ 1043 года, когда онъ впервые упоминается какъ рыбачье село Гёфнъ (латинск. Hafnia). Вальдемаръ I (1157—82) положилъ основаніе городу, который въ сагахъ назывался Каупманнагёфнъ (купеческая гавань). Въ 1479 г. основанъ Копенгагенскій университетъ. Городъ былъ еще ранѣе укрѣпленъ и выдержалъ нѣсколько осадъ, а также атакъ съ моря.

Нынѣ (1890) Копенгагенъ имѣетъ 312,387 жителей, а если считать общины, которыя хотя и отдѣлены административно, но составляютъ съ нимъ экономически одно цѣлое, то число это возрастетъ до 375,251.

Все же населеніе Даніи, по послѣдней переписи (1890), составляетъ 2,127,205 душъ, кромѣ острововъ Фарерскихъ (12,954), Исландіи (69,763), Гренландіи (9,825) и Вестъ-Индскихъ острововъ (37,821). Датчане мужественны, выносливы и флегматичны, хорошіе наблюдатели и мыслители, съ наклонностью къ мечтательности, почему весьма воспріимчивы къ поэзіи. Что касается народнаго просвѣщенія, школьное образованіе обязательно для всѣхъ еще съ 1814 г. Главную отрасль народнаго хозяйства въ Даніи, какъ извѣстно, составляетъ

Золотая свадьба ихъ величествъ короля и королевы Датскихъ. Въѣздъ Датскаго принца Вальдемара и принцессы Маріи въ Копенгагенъ 8 (20) декабря 1885 г.

сельское хозяйство; главныя статьи вывоза — масло и сало. Скотоводство весьма развито. Фабричная промышленность незначительна.

И вотъ этой маленькой странѣ, въ лицѣ новой династіи ея правителей, суждено было связать себя родственными узами съ могущественными державами Европы. Мы заканчиваемъ нашъ обзоръ въ то время, когда еще мало свѣдѣній о приготовленіяхъ къ золотой свадьбѣ короля Христіана и королевы Луизы. Поэтому отчетъ объ этомъ торжествѣ будетъ помѣщенъ своевременно въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ. Теперь же ограничиваемся лишь общими чертами программы, сообщаемой заграничными органами печати.

По извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, порядокъ празднованія золотой свадьбы будетъ слѣдующій. Во вторникъ, 12 (24) мая, Августѣйшая чета и королевская фамилія примутъ причастіе въ дворцовой церкви. На другой день начнется пріемъ депутацій, который продлится до четверга или пятницы. Дипломатическій корпусъ будетъ принятъ въ среду послѣ полудня, и въ тотъ же день во дворцѣ Христіана VII будетъ парадный столъ. Въ самый день золотой свадьбы, въ четвергъ 14 (26) мая, въ Христіанборгской дворцовой церкви будетъ богослуженіе въ присутствіи ихъ величествъ и членовъ королевской фамиліи. Утромъ ихъ величествъ будутъ привѣтствовать копенгагенскія пѣвческія общества, а вечеромъ обѣдъ у наслѣднаго принца съ супругой и парадный спектакль въ Королевскомъ театрѣ. Въ пятницу обѣдъ у принца Вальдемара и принцессы Маріи, и вечеромъ пріемъ во дворцѣ Христіана VII. Университетское празднованіе золотой свадьбы произойдетъ въ субботу, 16 (28) мая. Въ воскресеніе предполагается процессія знаменъ. Кромѣ этой программы со стороны двора, есть еще программа городскаго управленія.

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть **С. Н. Терпигорева.**

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

(Продолженіе).

XI.

Всю дорогу, вплоть до дому, матушка была какъ будто чѣмъ-то озабочена и даже встревожена. Въ то же время она почему-то была особенно добра и даже нѣжна въ отношеніи Липочки. Она сразу же, какъ только еще усаживалась въ карету, проявила эти чувства къ ней: помѣстила ее между собою и гувернанткой Анной Карловной — мѣсто, обыкновенно занимаемое сестрой моей.

Ничего особенно завиднаго въ этомъ мѣстѣ не было, такъ какъ съ него нельзя было смотрѣть въ окошко и потомъ сидѣть тамъ было тѣсно, но оно считалось самымъ бережнымъ и безопаснымъ, и потому на немъ всегда сидѣла сестра, а теперь вотъ на него посадили Липочку. Она оттуда, смотря на насъ съ сестрой, сидѣвшихъ напротивъ нея, улыбалась, закусивъ губы, чтобы не разсмѣяться. Анна Карловна молчала. Мы, подъ вліяніемъ настроенія матушки, сидѣли со скучными, постными лицами. И такъ во всю дорогу. Дома насъ встрѣтилъ отецъ, удивленный такимъ неожиданно скорымъ возвращеніемъ нашимъ изъ Всесвятскаго отъ бабушки. Я уже сказалъ, что обыкновенно мы тамъ гостили дня три, а тутъ вдругъ вернулись на другой день.

На его удивленіе и вопросъ объ этомъ, матушка отвѣчала только:

— Послѣ... Потомъ разскажу.

Мы пріѣхали домой ужь довольно поздно; было темно, собирались тучки, накрапывалъ дождикъ. Подъ предлогомъ, что мы устали съ дороги, насъ сейчасъ же послѣ чаю отправили спать.

И весь слѣдующій день матушка была въ такомъ же точно настроеніи. Было объявлено, что на утро, съ разсвѣтомъ, мы поѣдемъ въ N*. Все время шли приготовленія, т. е. укладываніе и проч., и по тому, что бралось съ собою, можно было понять, что мы тамъ будемъ ходить въ полномъ парадѣ. Но на сколько времени мы ѣхали туда — это было совершенно не извѣстно. На мой окольный вопросъ объ этомъ матушка ничего не отвѣтила, только взглянула на меня. Я понялъ, что больше спрашивать ее неумѣстно.

Мы выѣхали на слѣдующій день рано утромъ. Когда мы проѣзжали деревню, бабы еще только выходили на работу: онѣ выходятъ нѣсколько позже мужиковъ, такъ какъ имъ надо еще убраться съ домомъ, но все-таки рано. Это мы такъ рано выѣхали для того, чтобы добраться до N* холодкомъ еще, до жары.

Матушка была въ особенномъ и чрезвычайномъ настроеніи. Она во время такихъ поѣздокъ всегда бывала въ особенномъ настроеніи, но теперь оно овладѣло ею исключительнымъ образомъ. Она несомнѣнно чувствовала призваніе совершить какой-то подвигъ, она казалась носительницей какой-то великой и важной тайны или большой идеи, никому еще невѣдомой. И тонъ у нея былъ поэтому тоже такой — важно загадочный.

— И я васъ ужь попрошу, Анна Карловна, сказала она, когда мы отъѣхали порядочно-таки, — чтобы никакихъ этихъ сближеній тамъ, въ саду, если пойдете гулять съ ними... Это вовсе не ихъ общество — Богъ ихъ тамъ знаетъ кто это такіе, и вамъ нечего съ ними сходиться... Князья, графы, но какіе это графы и князья—мы вѣдь этого ничего не знаемъ...

Я, слышавшій тогда ихъ разговоръ, конечно догадался, на кого это она намекаетъ или кого это она имѣетъ въ виду подъ именемъ „какихъ-то князей“.

— Я понимаю, отвѣчала ей Анна Карловна.

Матушка немного помолчала и потомъ, обратясь къ намъ, т. е. ко мнѣ съ сестрой—Липочка опять сидѣла между нею и гувернанткой, а мы противъ нея — тѣмъ же самымъ тономъ сказала намъ:

— Вы слышали? И пожалуйста, чтобы это ужь такъ было.

— Хорошо, отвѣтилъ я.

— Хорошо! То-то, чтобы это было такъ.

И во всю дорогу сохраняла она это свое настроеніе и этотъ свой тонъ.

Наконецъ, вдали на горѣ показался красивый N*, весь утопавшій въ зелени, изъ которой вытягивались бѣлыя церкви съ колокольнями и кое-гдѣ, мѣстами, выглядывали группы бѣленькихъ домиковъ, ослѣпительно блестѣвшихъ подъ солнцемъ. Было ужь часовъ одиннадцать. Жары мы все-таки прихватили, какъ ни рано выѣхали изъ дому, желая избѣжать ея,—пекло страшно, въ каретѣ была духота.

— Какъ пріѣдемъ, мы переодѣнемся и сейчасъ пойдемъ гулять? вдругъ совершенно неожиданно спросила сестра.

Матушка молча взглянула на нее.

— Какъ пріѣдемъ, надо еще посмотрѣть хорошенько куда мы пріѣхали! загадочно проговорила она какъ бы

сама про себя, — не отвѣчая сестрѣ на ея вопросъ, а выражая свое душевное настроеніе и занимающую ее мысль.

И опять тишина.

Карета наша, огромная и величественная, запряженная шестерикомъ, какъ ѣздятъ теперь только архіереи по епархіи, съ форрейторомъ впереди, медленно катилась по улицамъ города. Былъ должно-быть праздникъ, потому что шелъ звонъ въ церквахъ и народъ расходился отъ обѣдни. Проѣзжая мимо церквей, матушка крестилась и, какъ всегда, при этомъ вздыхала. Мы сидѣли, стараясь со своихъ мѣстъ увидѣть подальше впередъ, такъ какъ высовываться и выглядывать изъ окошка намъ было воспрещено.

Но вотъ карета, проѣхавъ таки порядочно по городу, повернула направо, налѣво и остановилась наконецъ у довольно большаго, каменнаго, бѣлаго дома съ колоннами и подъѣздомъ, съ разноцвѣтными,—желтыми, синими, красными стеклами въ рамахъ. Только мы остановились, изъ подъѣзда выскочилъ лакей. Нашъ лакей, Никифоръ, пріѣхавшій съ нами, тоже ужь соскочилъ съ козелъ, и они объ чемъ-то разговаривали.

— Дома Стратонъ Алексѣевичъ? спросила матушка.

— Никакъ нѣтъ-съ... Сейчасъ только уѣхали,

— Куда?.. Здѣсь въ городѣ, или въ деревню?

— Здѣсь-съ.

Надо было выходить и, все равно, размѣщаться и безъ него. Стратонъ Алексѣевичъ, не предупрежденный о нашемъ пріѣздѣ, не ожидавшій насъ къ тому же такъ скоро, не сдѣлалъ, разумѣется, никакихъ распоряженій на этотъ счетъ. Матушка съ нами вышла. Начали выносить наши сундуки, вещи изъ кареты, безчисленныя картонки, узелки, бывшіе съ нами. Между тѣмъ мы вошли въ квартиру. Матушка, а за нею и мы, не безъ нѣкотораго стѣсненія и пожалуй даже не безъ опаски, шли изъ комнаты въ комнату, всматриваясь въ ихъ убранство, очень богатое, даже роскошное, казалось намъ, какого мы ужь никакъ и не предполагали встрѣтить у Стратона Алексѣевича, привыкнувъ къ обстановкѣ его къ Поддубьѣ.

— А куда же онъ поѣхалъ? На постройки? спросила матушка у лакея, несшаго за нами какія-то вещи.

— Никакъ нѣтъ-съ... Фрыштыкать къ княгинѣ Войцѣховской! отвѣчалъ лакей.

Матушка даже остановилась, и сдѣлавъ удивленный видъ, точно она первый разъ слышитъ эту фамилію, спросила:

— Къ кому?.. Къ какой такой княгинѣ Войцѣховской?

— Это однѣ больныя-съ... Пріѣзжія-съ, — объяснилъ ей лакей.

Матушка не стала разспрашивать дальше, ничего не сказала, только улыбнулась съ такимъ выраженіемъ, дескать,—ну, да, я такъ и знала!

XII.

Стратонъ Алексѣевичъ, вѣроятно извѣщенный о нашемъ пріѣздѣ, явился домой очень скоро.

Онъ былъ въ отличномъ настроеніи, веселый, хотя и нѣсколько удивленный нашимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Матушка, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилась съ нимъ самымъ родственнымъ и, повидимому, задушевнымъ образомъ.

— Вотъ видите, дядюшка, какъ я скоро собралась къ вамъ! говорила она, здороваясь съ нимъ.

— Да это очень мило съ вашей стороны, и я очень радъ, отвѣчалъ онъ, обнимая и цѣлуя насъ,—но только какъ же это не предупредить... Написали бы мнѣ... А то какъ же теперь? Вы какъ же помѣстились? Гдѣ же ваши вещи?

И онъ своею неловкою походкой пошелъ смотрѣть гдѣ сложили эти вещи.

— Вотъ вамъ и хлопоты теперь... Я поэтому и не предупредила васъ, говорила матушка, идя вслѣдъ за нимъ.

— Какія же хлопоты? Никакихъ хлопотъ нѣтъ!.. Ну, что это? Ну развѣ вамъ можно здѣсь! воскликнулъ онъ, увидѣвъ, что матушка изъ осторожности и деликатности выбрала для себя и для насъ двѣ самыхъ маленькихъ заднихъ комнатки.—Ну какъ же тутъ можно вамъ помѣщаться? Надо вамъ туда...

— Не все-ли равно? Не безпокойтесь, дядюшка, говорила матушка, смотря какъ онъ распоряжался, самъ помогая переносить наши вещи въ другія, большія и самыя лучшія комнаты.

Вдругъ онъ вспомнилъ:

— А что же, завтракали вы?.. Вы и чаю можетъ еще не пили?

Матушка начала было говорить, что она ничего не хочетъ и мы тоже не хотимъ ничего, только испортимъ обѣдъ, если будемъ завтракать; но онъ велѣлъ подавать и самоваръ сейчасъ, и чтобы скорѣй былъ готовъ и завтракъ.

Вообще, по всему видно было, что онъ и радъ нашему пріѣзду, и въ отличномъ состояніи духа, и совершенно далекъ отъ мысли, что его въ чемъ-то подозрѣваютъ, хотятъ уловить, и что къ нему мы пріѣхали вовсе не спроста.

Наконецъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія насчетъ того, гдѣ, какъ и что поставить и размѣстить въ комнатахъ, онъ позвалъ и повелъ насъ въ свой большой, обширный и богатый кабинетъ, гдѣ, усѣвшись въ креслахъ и усадивъ и матушку, началъ разспрашивать ее.

Теперь матушка придала лицу своему выраженіе тихой и спокойной грусти и даже какой-то покорности судьбѣ, отвѣчала ему голосомъ, въ которомъ слышалась не то эта тихая грусть, не то сожалѣніе...

— Ну что сестрица, Дарья Николаевна? спрашивалъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Да что-жь, дядюшка, вы знаете вѣдь, что ея за жизнь! грустно отвѣчала матушка и тихо вздохнула при этомъ.

— Что же, случилось что-нибудь такое?

— Нѣтъ, ничего, пока еще, слава Богу.

— Здорова она?

— Здорова... Вѣдь вы знаете, какое ея здоровье...

— Вы, стало-быть, скоро тоже отъ нея уѣхали?

— На другой день, дядюшка. Мнѣ надо дома было быть на другой день, я и поѣхала.

— Да и я—вотъ такая досада—тоже не могъ дольше у нея пробыть, замѣтилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

Матушка вздохнула при этомъ.

— Ну, а у васъ дома, всѣ, слава Богу? здоровы? продолжалъ онъ.

— Всѣ, слава Богу...

Пауза и опять вздохъ.

Стратонъ Алексѣевичъ — я по глазамъ это его видѣлъ—съ какимъ-то не то недоумѣніемъ, не то припоминая что-то, во всякомъ случаѣ, не понимая этого тихо-грустнаго настроенія матушки, старался постичь его и выжидалъ, что̀ такое она еще скажетъ, изъ чего онъ бы могъ понять это ея настроеніе.

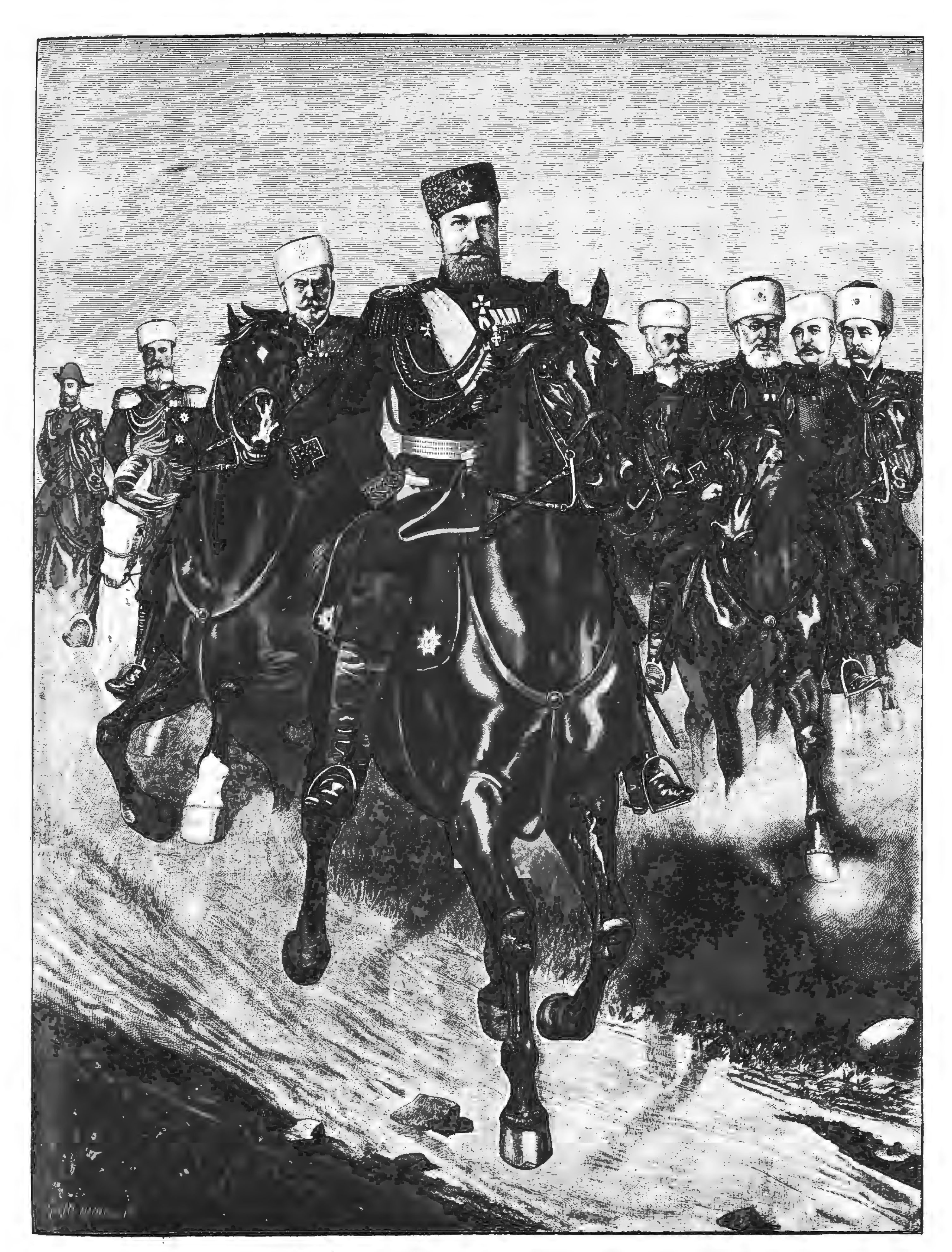
Пришелъ лакей и доложилъ, что самоваръ уже поданъ въ столовой.

— Любезнѣйшая племянница, сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ,—пожалуйте, и прошу быть хозяйкой!

Матушка, грустно взглянувъ на него и улыбаясь, поднялась и вслѣдъ за нею всѣ мы.

Въ столовой матушка усѣлась за самоваръ, приспособила къ себѣ и Липочку, т. е. избравъ ее, какъ старшую, для помощи себѣ, и то и дѣло обращалась къ ней то за тѣмъ, то за другимъ.

Липочка, со своимъ удивленнымъ лицомъ, исполняла все, о чемъ она ее просила, и потомъ садилась на свой стулъ поглядывая на насъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ.

Генералъ-адъютантъ Стюрлеръ.
Свиты Е. И. В. ген.-маіоръ князь Долгорукій.
Флигель-адъютантъ, лейтенантъ, Е. И. В. Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

Военный Министръ, генер.-адъют. Ванновскій.
Командующій Имп. Главною Квартирою, генералъ-адъютантъ Рихтеръ.
Генералъ-адъютантъ Черевинъ.
Министръ И. Двора, генер.-адъют. графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Съ акварели графини М. Клейнмихель, грав. Шюблеръ.

Матушка видимо хотѣла ее выдвинуть и показать, что она ее особенно любитъ и что притомъ Липочка ей жалка своимъ положеніемъ.

Это предположеніе мое сейчасъ же оправдалось. Матушка заговорила о несчастіи и неудачахъ, преслѣдующихъ всякое начинаніе въ воспитаніи Липочки и вообще во всемъ, что только задумаютъ для нея.

— Представьте, дядюшка, сказала она, послѣ того какъ Липочка исполнила ей какое-то ея порученіе и она назвала ее за это: „моей хорошей“,—представьте, гувернантка Липочкина вѣдь, кажется, очень серьезно заболѣла.

— Что такое съ ней? участливо спросилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Ничего не извѣстно еще... Говорятъ, упадокъ силъ, отчаяніе какое-то... Плачетъ, проситъ, чтобы ее въ Швейцарію, на родину, отправили.

— Докторъ былъ?

— Былъ... Ничего, говоритъ, еще опредѣлить нельзя. И добавила:—Ужасно это! Не везетъ ей... Прошлый разъ попалась такъ неудачно ей эта француженка, теперь — эта хорошая, и заболѣла вдругъ.

— Да что съ ней собственно?.. Отчего она скучаетъ? обратился Стратонъ Алексѣевичъ къ Липочкѣ.

— Она плачетъ все... Говорятъ, что хочетъ домой, отвѣчала Липочка, кашлянула и переложила свои крупныя ноги, обутыя въ коричневые чулки, одна на другую.

— Что-жь, Богъ съ ней въ такомъ случаѣ: надо ее отправить. Я напишу Дарьѣ Николаевнѣ, пошлю деньги, сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Не въ томъ дѣло, дядюшка,—но это все вредно очень на Липочкѣ отзывается... Сегодня одна, завтра другая гувернантка: это очень для нея не хорошо. При матери даже и то это всегда отзывается...

Матушка повидимому хотѣла еще что-то сказать, но не договорила, вздохнула и замолчала.

Стратонъ Алексѣевичъ опять странно какъ-то посмотрѣлъ на матушку, все не понимая, что это за настроеніе у нея такое сегодня.

И вдругъ матушка, послѣ всего этого, какъ бы подъ наитіемъ какихъ-то мыслей, неожиданно осѣнившихъ ее, заговорила объ удовольствіяхъ, какія здѣсь въ N* происходятъ и предстоятъ еще.

Стратонъ Алексѣевичъ отвѣчалъ ей и видимо обрадовался этой перемѣнѣ въ разговорѣ. Онъ началъ очень обстоятельно и подробно разсказывать о вчерашнемъ спектаклѣ пріѣзжихъ актеровъ, который былъ очень удаченъ и всѣмъ понравился, привлекъ всю публику. Потомъ началъ разсказывать о поѣздкахъ за-городъ, которыя устраиваются здѣсь пріѣзжими почти что каждый день и что вотъ и сегодня собирается тоже очень большое общество ѣхать въ село Р., славящееся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и отстоящее отъ города въ семи верстахъ, пить чай и кататься тамъ на лодкахъ.

— Мы можетъ вамъ помѣшали... вы тоже хотѣли ѣхать? Вы, дядюшка, объ насъ забудьте, сказала матушка.

— Нѣтъ, что-жь такое... Да я и не собирался, просто отвѣчалъ онъ,—это молодежь, верхомъ, съ амазонками.

— Вообще, тутъ у васъ веселье...

— Да! отвѣтилъ Стратонъ Алексѣевичъ, и опять недоумѣвающе посмотрѣлъ на матушку.

— Меня бы эта жизнь утомила, въ раздумьи произнесла она.

— Да, но вѣдь это молодежь все. Она вѣдь устали не знаетъ! отвѣтилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— А за молодыми и старые тянутся...

Матушка сказала это и съ грустной улыбкой подняла на насъ на всѣхъ глаза.

— Да, конечно это оживляетъ... А то въ прошломъ году здѣсь могила какая-то, говорять, была, отозвался Стратонъ Алексѣевичъ.

— Вамъ это, дядюшка, много денегъ и хлопотъ, я думаю, стоитъ? проговорила матушка.

— Мнѣ-то какихъ же? Это развѣ до меня касается?

— Ну все-таки, сьютить это все.

— Это не мое совсѣмъ дѣло... Молодежь сама все сьютитъ и устроитъ! сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ, и замолчалъ.

Онъ совершенно ничего не понималъ: что это за настроеніе у матушки, чѣмъ оно у нея вызвано, и вообще, при чемъ онъ тутъ...

Только мы отпили чай, подали завтракъ, на этотъ же столъ, съ котораго не убирали еще самовара, — сыръ, масло, икру, и все это въ огромныхъ кускахъ, потомъ блюдо котлетъ, цыплятъ.

Матушка все только повторяла:

— Ну вотъ видите, дядюшка, ну, къ чему это? Вотъ обѣдъ и пропалъ теперь!

Но мы были голодны и поѣли всего съ аппетитомъ.

За завтракомъ, Стратонъ Алексѣевичъ тоже чего-то скушалъ: онъ должно-быть не завтракалъ у Войцѣховскихъ. Матушка, извиняясь, сказала, что у нея съ дороги болитъ голова и она пойдетъ немного отдохнуть къ себѣ.

Стратонъ Алексѣевичъ совершенно одобрилъ эту ея мысль,—ему должно-быть въ это время въ самомъ дѣлѣ показалось, что она все время была такою отъ того, что у нея болѣла голова,—сказалъ, что сонъ лучшее самое лѣкарство; а чтобы ее не безпокоили, онъ вызвался самъ съ нами пойти погулять въ водный садъ и все намъ тамъ показать.

Но матушка настойчиво возстала противъ этого, приводя то одинъ, то другой доводъ, и кончилось тѣмъ, что Стратонъ Алексѣевичъ отступился отъ своего предложенія, оставилъ насъ.

— Ну, какъ знаете! сказалъ онъ.

— Ужъ вы не безпокойтесь, дядюшка, успѣютъ еще нагуляться на музыкѣ... если мнѣ, Богъ дасть, будетъ лучше, держась одной рукой за лобъ, сказала матушка.

Такъ мы и остались.

XIII.

Послѣ обѣда, который былъ поданъ въ шесть часовъ и прошелъ, благодаря нѣсколько улучшившемуся настроенію матушки, оживленнѣе и веселѣе завтрака, Стратонъ Алексѣевичъ напомнилъ, что если идти на музыку въ садъ—то пора, такъ какъ у нихъ, по заведенному порядку, къ двѣнадцати часамъ ночи все ужь кончается и всѣ больные спятъ.

Матушка согласилась, велѣла намъ одѣваться и сама пошла тоже перемѣнить свой туалетъ.

Я помню, въ какомъ я былъ возбужденномъ состояніи отъ увѣренности, что почему-то сегодня именно произойдетъ эта наша встрѣча на музыкѣ съ княжной-полькой, виновницей и причиной нашего съ матушкой пріѣзда сюда.

Я раньше всѣхъ одѣлся и вышелъ въ общія комнаты. Стратонъ Алексѣевичъ тоже — мнѣ такъ показалось—былъ не въ обычномъ своемъ спокойномъ состояніи; онъ то и дѣло посматривалъ на часы и спросилъ меня: скоро-ли и остальные будутъ готовы.

— А то станетъ темно и ничего не увидите: ни цвѣтовъ, ни вида съ горы на озеро, замѣтилъ онъ.

Наконецъ вышла и матушка. Она была вся въ черномъ, въ богатомъ кружевномъ платьѣ, въ кружевной же шляпкѣ, спокойно гордая, недосягаемая ни для какой радости и ни для какого огорченія... Сестра Соня и Липочка—въ бѣлыхъ платьицахъ съ широкими пестрыми лентами и бѣлыхъ соломенныхъ шляпкахъ съ такими же точно лентами.

Подали большую, щегольскую, новую Стратона Алексѣевича коляску. Мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ сѣли и поѣхали.

Садъ былъ очень близко отъ его квартиры и коляска потребовалась больше для параду. Мы обогнали нѣсколько экипажей, ѣхавшихъ, очевидно, туда же, и ужь совсѣмъ возлѣ сада — кавалькаду: двухъ амазонокъ и съ ними человѣкъ пять мужчинъ. Стратонъ Алексѣевичъ поспѣшилъ раскланяться. Изъ группы всадниковъ послышался женскій голосъ, что-то ему крикнувшій, но за стукомъ колесъ и копытъ ничего нельзя было разслышать.

У входа въ садъ коляска остановилась; пока мы выходили изъ нея, подоспѣли и амазонки со своими кавалерами — амазонки впереди. Въ это время еще подъѣхалъ экипажъ, потомъ еще; образовалась толкотня, верховыя лошади не стояли спокойно, шалили, горячились.

— Стратонъ Алексѣевичъ, что же вы стоите? послышался голосъ одной изъ амазонокъ.—Помогите мнѣ сойти. Дайте вашу руку.

Это была стройная, высокая дѣвушка, брюнетка, съ раскраснѣвшимся отъ ѣзды личикомъ и немного выбившимися изъ-подъ шляпки волосами.

Когда Стратонъ Алексѣевичъ, держа одною рукой поводья ея лошади, протянулъ ей другую, она досадливо нетерпѣливымъ голосомъ крикнула ему: „Не такъ!“ и тихонько ударила его хлыстомъ по рукѣ...

— Пойдемъ же, что-жь ты тутъ стоишь? услыхалъ я за собой голосъ матушки. — Иди, нечего тутъ останавливаться, смотрѣть...

Стратона Алексѣевича съ нами не было. Онъ отсталъ отъ насъ, замѣшкавшись съ услугами амазонкѣ. Мы шли, сами не зная куда, по незнакомому саду, шли молча, точно уходя отъ кого, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ. Гдѣ-то вдали играла музыка. И вдругъ на одномъ поворотѣ мы лицомъ къ лицу столкнулись со Стратономъ Алексѣевичемъ. Онъ шелъ съ этою самою стройною амазонкой, подобравшей и державшей въ одной рукѣ шлейфъ и что-то скоро-скоро ему говорившей, но съ сильнымъ не-русскимъ акцентомъ, и похлопывая по платью себя хлыстикомъ.

Столкнувшись, мы всѣ невольно остановились. Стратонъ Алексѣевичъ, мнѣ показалось, былъ теперь какой-то совсѣмъ растерянный.

— Куда же вы дѣвались? вдругъ точно обрадовавшись, увидя матушку, заговорилъ онъ. — Я смотрю-смотрю — васъ нѣтъ. — И вдругъ вслѣдъ затѣмъ: — А вотъ позвольте васъ познакомить.

И онъ назвалъ по имени и отчеству шедшую съ нимъ амазонку, а потомъ матушку. Это была, оказалось, Войцѣховская. Матушка едва-едва коснулась протянутой ей руки—и ни слова.

— А это вотъ будущій морякъ, чувствуя себя смущеннымъ, проговорилъ Стратонъ Алексѣевичъ и хлопнулъ меня по плечу.

— Вашъ племянникъ? съ акцентомъ тихо выговорила Войцѣховская.

— Внучекъ, mademoiselle, поправила ее матушка...

Войцѣховская, закусивъ улыбку, посмотрѣла на нее.

— Что же, на музыку пойдете? Что мы тутъ стоимъ? засуетился Стратонъ Алексѣевичъ и посторонился, давая дамамъ пройти впередъ.

Онъ все еще думалъ, должно-быть, что матушка какъ пойдетъ, заговоритъ съ княжной. Но матушка оглянулась на Соню, на Липочку, пустила ихъ впередъ и пошла за ними, сказавъ мнѣ тихо, чтобы я не отставалъ. Стратону Алексѣевичу такимъ образомъ пришлось идти съ Войцѣховской позади насъ.

Расположенія сада ни матушка, ни мы не знали и потому на каждомъ поворотѣ Стратонъ Алексѣевичъ предупреждалъ насъ, говоря: „налѣво... теперь направо“.

(Продолженіе будетъ).

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXXIII.

Въ тѣ же дни, когда энергичный генералъ ордена Іисуса властвовалъ надъ властными людьми Россіи, а неизлѣчимо больная баронесса Люссакъ ежечасно въ мученіяхъ тѣла и терзаніяхъ совѣсти боролась со смертію въ Парижѣ — прежній князь Яхтомскій былъ на краю свѣта.

Лишенный правъ состоянія, онъ именовался уже просто ссыльнокаторжнымъ Андреемъ Яхтомскимъ. Отправленный по этапу въ Сибирь, онъ былъ давно въ предѣлахъ Камчатки. Благодаря покровительству мѣстныхъ властей, и въ особенности одному губернатору, приходившемуся близкимъ родственникомъ Ватбольскому, онъ только числился на работахъ въ рудникахъ, но былъ собственно на положеніи простаго поселенца.

Помимо новаго именованія, онъ и не былъ уже прежнимъ княземъ Андреемъ Николаевичемъ. Это былъ совершенно другой человѣкъ. Сильно посѣдѣлый и похудѣвшій, онъ внѣшностью своею все-таки сравнительно меньше измѣнился, чѣмъ внутренно. Онъ судилъ все иначе и иначе чувствовалъ.

Будущее не представлялось ему ужаснымъ. Въ прошедшемъ ему не было жаль ничего. Только мысль о Тонѣ смущала его, только сына было ему жаль. Къ женщинѣ, которую онъ когда-то обожалъ, у него не было теперь ничего, кромѣ чувства всепрощенія, но въ то же время и полное равнодушіе.

Зная, что Тоня отданъ въ іезуитскій конвиктъ, князь утѣшался этимъ, даже порою радовался. Онъ радъ былъ, что мальчикъ не остался при матери, не увидитъ и не узнаетъ ничего, когда подростетъ. А современемъ онъ все-таки будетъ богатъ и очень богатъ.

Князь получилъ предъ отбытіемъ изъ Москвы письмо отъ тетки, которая клятвенно обѣщала все свое родовое состояніе оставить внуку, какъ единственному своему родственнику и нынѣ прямому наслѣднику.

Чрезъ какихъ-нибудь десять-двѣнадцать лѣтъ крѣпкая здоровьемъ старуха все-таки должна умереть и его дорогой Тоня будетъ обладать милліонами.

Яхтомскій обучился столярному мастерству и работалъ у себя, живя въ отдѣльной избушкѣ съ другимъ каторжнымъ изъ дворянъ, убившимъ свою жену изъ ревности.

Оба равно пострадавшіе изъ-за любви къ своимъ женамъ, — одинъ отъ излишней довѣрчивости, другой отъ излишней подозрительности,—легко сошлись и, конечно, вскорѣ подружились. Разница между ними была, однако, большая. Одинъ былъ обозленъ на весь родъ людской и оплакивалъ безвинно убитую имъ жену, боготворилъ ея память, такъ какъ разыгралъ Отелло. Другой, напротивъ, примиреннымъ окомъ взиралъ на весь міръ Божій и только презиралъ одно существо на свѣтѣ.

Жизнь ссыльно-каторжнаго изо-дня-въ-день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, шла однообразно, безцвѣтно, безъ радостей и горестей, тихо и просто, оставляя много свободнаго времени, много праздныхъ часовъ на размышленія, а затѣмъ на озлобленіе или на всепрощеніе.

Бывшій князь Яхтомскій сталъ мечтать все чаще, при покровительствѣ друга Ватбольскаго и его родни—добиться возможности стать монахомъ.

XX передвижная выставка. „Дѣвочка съ гусями“ (Малороссія).

Карт. Н. К. Бодаревскаго (исключ. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

Сказочница. Съ карт. Эйзенгута, грав. Кольбъ.

Въ то же время, въ той-же Сибири, въ маленькой деревушкѣ, поселенецъ, осужденный и сосланный за воровство, сѣдой какъ лунь старикъ Тарасъ Букашкинъ получалъ письма изъ Рязанскаго имѣнья князя Яхтомскаго. Жена его, Марья Кузминична, писавшая ему аккуратно каждые два-три мѣсяца при содѣйствіи писаря, однажды извѣстила своего „дрожайшаго Тараса Мосѣича", что по собраннымъ ею въ Москвѣ свѣдѣніямъ „нашъ князь" будетъ направленъ въ „Сибирскіе ваши предѣлы", въ какое-то мѣсто, куда посылаютъ преступниковъ искать золото. „Такъ начальство приказало". А куда собственно пойдетъ князь—покуда неизвѣстно, а когда станетъ извѣстно, то Марья Кузминична обѣщалась своего „несчастненькаго и дрожайшаго батюшку-супруга, Тараса Мосѣича, не оставить увѣдомить".

Тарасъ, давно знавшій по письмамъ жены судьбу всего семейства Яхтомскихъ, теперь добивался узнать, куда будетъ сосланъ его „князинька". И старикъ твердо рѣшилъ попасть туда же, быть съ нимъ, съ дорогимъ бариномъ, котораго въ дѣтствѣ няньчилъ на рукахъ.

Каторжному сдѣлаться поселенцемъ нельзя, а поселенцу стать каторжнымъ, стать отъявленнымъ преступникомъ—легко можно. И старикъ Тарасъ порѣшилъ на сердцѣ своемъ, что сдѣлаетъ все, что только возможно, чтобы попасть въ такіе же преступники, какъ и князинька. И добиться того, чтобы быть въ рудникахъ около него, хотя бы прикованнымъ къ той же тачкѣ, съ которой будетъ работать его дорогой Андрей Николаевичъ.

И старикъ зналъ и вѣрилъ, что такъ и будетъ. Онъ объ этомъ Богу вѣдь молится ежедневно, такъ какъ же этому не быть?.. Господь милостивъ, и непремѣнно онъ, Тарасъ, милостью Божьей, соединится съ бариномъ.

Дѣйствительно, около старика нашлись свѣдущіе люди, которые обучили его, какъ взять на себя чужое преступленіе, какъ оказаться убійцей и постепенно добиться свиданія и совмѣстной работы съ его прежнимъ бариномъ.

XXXIV.

Немезида только опоздала или ждала, и когда часъ возмездія насталъ, ея мечъ обрушился на преступную голову, правую предъ законами людскими.

Бога не обманешь!..

Если мышенокъ, по словамъ басенъ, освободилъ льва изъ сѣтей, то, наоборотъ, муха убила укусомъ царя звѣрей.

Груберъ, обманывавшій всѣхъ, имѣлъ свою Ахиллесову пяту—увѣренность, что его самого никто никогда не обманетъ, что не найдется человѣка, который бы оказался болѣе лжецъ, хитрецъ и болѣе демонъ, чѣмъ онъ самъ, генералъ войска разящаго враговъ изъ-за угла и сзади...

А таковой оказался... Въ громадную іезуитскую сѣть, куда попали и гдѣ бились львы, гіены и простые добродушные звѣри—попалъ и мышенокъ. Мышенокъ по своему общественному положенію, но тоже демонъ, какъ и Груберъ, по своей энергіи и злобѣ на Орденъ.

Этотъ мышенокъ былъ аббатъ изъ еврейскихъ перекрестей, захваченный въ іезуитскую сѣть. Онъ прогрызъ ее, освободилъ самого себя, а съ собою освободилъ и сильнѣйшихъ.

Служители Бога упорно мѣшали Салмоновичу достигнуть цѣлей его личнаго счастія и благополучія, и заставили его выйти на отчаянную борьбу съ собой, на полную погибель или спасеніе.

Долго и тщетно добивался аббатъ получить документы, по которымъ отцы всегда могли засадить его въ тюрьму.

И теперь, почти изнывая отъ своей давнишней, дорогой мечты—стать гражданиномъ и семьяниномъ—онъ рѣшилъ уничтожить эти документы, если нельзя ихъ достать.

Сдѣлавшись близкимъ лицомъ госпожи Бѣлинской и любимцемъ почти всего коллегіума, всѣхъ коадъюторовъ и профессоровъ, лукавый аббатъ, при ихъ общемъ содѣйствіи, добился постепенно, терпѣливо и осторожно, иного положенія и при всевластной особѣ генерала Ордена. Онъ сталъ общимъ слугою и совѣтникомъ. Онъ обѣщалъ всяческое всѣмъ, и обѣщанное имъ казалось всякому на подачу руки. Онъ обѣщалъ Груберу, что убѣдитъ Бѣлинскую передать въ Орденъ при жизни громадныя суммы и примиритъ супруговъ. Онъ обѣщалъ Маріи Георгіевнѣ, что приведетъ къ ея ногамъ кающагося и любящаго мужа, бросившаго сожительницу. Онъ обѣщалъ Бѣлинскому, что выманитъ у іезуитовъ его векселя и равно избавитъ его отъ обязательства предъ Орденомъ относительно наслѣдства послѣ старухи.

Всѣ ввѣрялись аббату и надѣялись на все имъ обѣщанное.

Но болѣе всѣхъ довѣрялся аббату самъ генералъ Ордена, потому что энергичный и умный молодой человѣкъ дѣйствительно много разъ оказался ему полезенъ въ разныхъ довольно мудреныхъ обстоятельствахъ.

Кончилось тѣмъ, что аббатъ, уже давно переселившійся на жительство въ домъ коллегіума, сталъ почти личнымъ секретаремъ генерала, фаворитомъ его и адмонитора. Онъ уже прямо, безъ доклада красавца Эдуарда, входилъ къ Августину. Безъ доклада адмонитора входилъ онъ и въ рабочую горницу Гавріила, куда не допускался запросто никто, такъ какъ въ ней всегда ковались ковы на Россію и на многія другія страны и правительства.

Однажды, въ мартѣ мѣсяцѣ, Салмоновичъ явился въ гости къ пріятелю Бѣлинскому и поразилъ его своей блѣдностью и волненіемъ.

— Что съ тобой! воскликнулъ Бѣлинскій другу, съ которымъ былъ уже давно на *ты*.

— Я чрезъ нѣсколько дней, отвѣтилъ послѣ паузы аббатъ,—буду судиться за преступленіе противъ людей, къ которымъ милостиво относится самъ русскій императоръ. Стало-быть понятно, что я иду на гибель. Я на пути туда—куда сослалъ лакея Яхтомскихъ, а затѣмъ самого Яхтомскаго.

— Что же ты хочешь?.. Умертвить Грубера изъ-за своихъ бумагъ!? воскликнулъ Бѣлинскій.

— Я не совсѣмъ дуракъ, милый мой! улыбнулся Салмоновичъ улыбкой на подобіе Груберовской.

— Что же ты хочешь сдѣлать?.. Какое преступленье?

— Этого я не скажу теперь. Послѣ самъ догадаешься. Скажу только, что вскорѣ мои проклятыя бумаги, не дающія мнѣ жить, перестанутъ существовать. Твои векселя на имя жены, находящіеся въ рукахъ Гавріила, будутъ уничтожены. Твое обязательство передать въ Орденъ все, что ты получишь по смерти Маріи Георгіевны, тоже исчезнетъ съ лица земли. Мы будемъ оба свободны отъ іезуитовъ.

— Какимъ образомъ? Ты украдешь все это...

— Нѣтъ. Украсть мудрено. Все это въ спальнѣ отца Гавріила вмѣстѣ съ важнѣйшими документами Ордена. И все это въ огромномъ дубовомъ шкафу, окованномъ желѣзомъ и съ массивными дверками, потайными ящиками и большущими замками и ключами. Груберъ вѣчно сидитъ рядомъ со спальней, а когда выѣзжаетъ, то запираетъ спальню на ключъ и сажаетъ еще у дверей Эдуарда. А когда Груберъ спитъ сномъ праведныхъ, ибо совѣсть у него давно украдена дьяволомъ, то онъ тоже запирается на ключъ. Стало-быть украсть ничего никогда нельзя. Убить его ночью невозможно, а днемъ можно, но безполезно. Не Августинъ же мнѣ, въ виду трупа Грубера, отворитъ шкафъ.

— Что̀ же ты хочешь дѣлать? удивился Бѣлинскій.

— Избавить себя и тебя отъ документовъ, не дающихъ намъ жить на свѣтѣ. И на-дняхъ мы будемъ спасены отъ враговъ, или я пойду въ Сибирь. Но я считаю мое преступленье настолько хорошимъ и добрымъ поступкомъ, что избираю день особый, великій, для его совершенія... день Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ... Авось этотъ день опять станетъ днемъ благовѣствующимъ міру объ иномъ, меньшемъ, но новомъ спасеніи отъ дьявола многихъ милліоновъ людей. Новый демонъ можетъ-быть останется живъ, но плоды его дѣлъ погибнутъ. Да, я вѣрю... Я вѣрю въ удачу. Если бывали и бываютъ преступленья и злодѣянія на пользу и на добро людямъ, то мое удастся потому, что будетъ таковымъ.

— Ты съ ума не сходишь?.. спросилъ наконецъ Бѣлинскій, серьезно и недовѣрчиво оглядывая друга.

— Нѣтъ. Сойду, если промахнусь! тихо и мрачно отозвался Салмоновичъ и простился съ пріятелемъ.

XXXV.

Когда аббатъ вернулся къ себѣ домой въ коллегіумъ, было уже часовъ девять вечера.

Этотъ вечеръ былъ канунъ дня Благовѣщенія. Генералъ, его другъ адмониторъ, всѣ коадъюторы и профессы уже ложились спать. На утро рано всѣмъ надо было быть уже въ храмѣ, чтобы священнодѣйствовать или вѣрнѣе: лицедѣйствовать, т. е. притворствовать и лукавить предъ престоломъ Всевышняго, вознося моленія Пресвятой Дѣвѣ и славословя Бога, именемъ Которыхъ за три вѣка совершили они столько злодѣйствъ.

Салмоновичъ, давно уже „свой человѣкъ" въ коллегіумѣ, отпустилъ тотчасъ дежурнаго аббата, посовѣтовалъ красавцу Эдуарду тоже идти раньше спать, обѣщавъ ему взять на себя всѣ услуги, какихъ могутъ еще потребовать отцы генералъ и адмониторъ. Приказавъ людямъ тушить огни ранѣе обыкновеннаго во всемъ домѣ, онъ распустилъ и ихъ на покой.

Затѣмъ аббатъ, среди темноты, тихо и осторожно обошелъ весь нижній этажъ и зашелъ въ большую горницу, гдѣ по стѣнамъ стояли высокіе шкафы съ книгами. Это была богатая библіотека коллегіума, съ множествомъ книгъ и рукописей—всего до десяти тысячъ томовъ.

Вернувшись въ верхній этажъ, въ большую залу засѣданій и совѣщаній іезуитовъ, аббатъ сѣлъ на стулъ въ углу и просидѣлъ около часу не шелохнувшись. Ночь на дворѣ была безлунная и туманная, и полная тьма царила въ залѣ. Окна едва можно было отличить отъ стѣнъ. Во всемъ домѣ была полная тишина. Наконецъ Салмоновичъ вздохнулъ глубоко и тяжело. Вздохъ этотъ среди мертвой тиши почти огласилъ всю залу, и вздохнувшій самъ будто оробѣлъ нарушенія всеобщаго сна и покоя. Онъ вскочилъ, быстро, будто трусливо, двинулся съ мѣста и воровскимъ шагомъ прокрался въ кабинетъ адмонитора, а оттуда въ крошечную рабочую горницу генерала.

Здѣсь онъ прислушался и пригляделся. Въ скважинѣ замка двери, ведущей въ опочивальню генерала, виднѣлся свѣтъ.

Отецъ Гавріилъ еще не потушилъ у себя свѣчи и, стало-быть, еще не спалъ.

Аббатъ сѣлъ на ближайшій стулъ, такъ какъ ноги его отъ внутренняго волненія подкашивались. Онъ сталъ ждать, не спуская глазъ съ замка и свѣта. Наконецъ этотъ свѣтъ вдругъ померкъ... Аббатъ поднялся, тихо приблизился къ самой двери и опустился предъ ней на полъ. Онъ досталъ что-то изъ кармана и беззвучно, безъ усилій, сталъ что-то дѣлать... И сдѣлалъ свое дѣло въ одну минуту...

Онъ пристроилъ огромный костыль предъ дверью, отворявшейся изъ горницы наружу, воткнувъ его въ давно готовую дыру, глубокую, но не замѣтную глазу. Генералъ сталъ узникомъ въ своей спальнѣ.

Затѣмъ аббатъ быстро, но тѣмъ же воровскимъ шагомъ побѣжалъ внизъ въ библіотеку. Здѣсь часъ цѣлый проработалъ онъ тихо, осторожно, но безъ устали и не покладая рукъ ни на мгновенье... Всѣ шкафы были очищены имъ по очереди отъ всей библіотеки и все было свалено въ огромную кучу среди горницы. Окончивъ странную ночную работу, аббатъ перешелъ въ коридоръ, гдѣ былъ подъ лѣстницей чуланъ. Ключъ отъ него давно уже былъ всегда исключительно въ его рукахъ. Здѣсь онъ ощупалъ руками большія ведра. Ихъ было десять. Уже мѣсяцъ какъ стояли они здѣсь, полныя масломъ. Чрезъ четверть часа пять паръ ведеръ были уже перетащены въ библіотеку и выплеснуты на массу сухой бумаги фоліантовъ, книгъ и тетрадей.

Затѣмъ Салмоновичъ досталъ изъ кармана спички. Маленькій огонекъ сѣрничка засинѣлъ, потомъ закраснѣлъ и тускло освѣтилъ странное зрѣлище — цѣлую гору чего-то сѣраго, лоснящагося масломъ. Всѣ пустые шкафы зловѣще распростирали дверцы на средину горницы, будто вздѣвали руки отъ ужаса того, что сейчасъ должно здѣсь произойти.

Прошло полтора часа.

Среди темной ночи, вѣтряной, холодной, немногочисленные прохожіе и проѣзжіе по Невскому проспекту начинали останавливаться на пространствѣ между Екатерининскимъ каналомъ и Михайловской улицей: изъ нижняго этажа одного большаго дома, близь католической церкви, на дворъ доносились шумъ, суетня и глухой гулъ голосовъ.

Не прошло четверти часа отъ первыхъ признаковъ смятенія, гама и бѣготни, какъ уже стало ясно всѣмъ мимоидущимъ, въ чемъ дѣло...

Пахло гарью; изъ подъѣзда дома, откуда выбѣжало нѣсколько человѣкъ, валилъ дымъ, а въ окнахъ нижняго этажа не свѣтился мирно, а зіялъ зловѣщій свѣтъ...

Іезуитскій коллегіумъ былъ объятъ пламенемъ, распространявшимся съ неимовѣрной быстротой. Огонь не шелъ, а бѣжалъ изъ горницы въ горницу и изъ перваго этажа уже пробрался по парадной лѣстницѣ во второй.

Вскорѣ тысячная толпа зѣвакъ окружала домъ и явилось съ десятокъ бочекъ съ водой и обыватели съ разными орудіями... Но они только галдѣли и толклись на мѣстѣ, не предпринимая ничего.

Въ толпѣ ходилъ уже слухъ, что не всѣ спаслись изъ дома, что многіе застигнуты въ верхнемъ этажѣ и ждутъ спасенія извнѣ. Іезуиты, спасшіеся на улицу, не досчитывались многихъ изъ своихъ.

— А генералъ? А отецъ Гавріилъ?! Гдѣ онъ?!

Кто первый догадался, кто первый вспомнилъ, кто первый вскрикнулъ—разобраться было нельзя.

Но сотни голосовъ подхватили и повторили этотъ страшный вопросъ.

— Гдѣ и что̀ отецъ Груберъ?!

Домъ былъ уже вполнѣ охваченъ огнемъ, когда одно изъ оконъ верхняго этажа зазвенѣло. Его разбивали изнутри и стекла летѣли внизъ. И сквозь разбитую раму появилась предъ толпой высунувшаяся фигура маленькаго человѣчка съ огромной головой.

— Спасите! Спасите! крикнулъ онъ.

Но огненные языки уже вились по стѣнамъ дома, вырываясь изъ нижнихъ оконъ, и скользили къ крышѣ. Взывавшій о помощи отскочилъ отъ окна и бросился внутрь, но снова появился у окна и снова крикнулъ:

— Спасите!..

Подать помощь было невозможно. Нижній этажъ былъ въ морѣ огня, а лѣстницъ, чтобъ приставить къ окну, не было.

Въ это мгновеніе явился на пожарищѣ прискакавшій на помощь къ другу-іезуиту графъ де-Местръ. Въ ужасѣ и отчаяніи онъ бѣгалъ въ толпѣ и молилъ всѣхъ спасти „святаго человѣка“ отца Гавріила.

Метавшійся въ своей горницѣ и уже отъ дыма задыхавшійся Груберъ еще разъ появился у окна и хрипливо крикнулъ что-то...

— Бросайтесь! закричалъ де-Местръ.—Прыгайте. Мы подхватимъ васъ.

Но у маленькаго человѣчка не хватило духа идти навстрѣчу хотя бы и сомнительной смерти. Надѣясь на жизнь, онъ остался ждать, чтобы вѣрная смерть сама подошла къ нему. Всѣ злодѣи такъ умираютъ.

Къ утру домъ сгорѣлъ до-тла. Въ числѣ нѣсколькихъ обугленныхъ труповъ былъ и маленькій трупъ съ большой головой. Отъ воплощенія демона остался хоть видимый призракъ, но отъ всего того, что̀ накопилъ онъ злодѣйскимъ трудомъ, не осталось и слѣда...

XXXVI.

Минули десять лѣтъ.

Въ Петербургѣ высшими сановниками государства обсуждался капитальный вопросъ: оставить или изгнать орденъ Іисуса изъ столицы, а затѣмъ постепенно и изъ предѣловъ имперіи.

Основаніемъ обсужденія вопроса государственной важности служилъ докладъ молодаго чиновника Департамента католическихъ дѣлъ. Этотъ докладъ былъ цѣлый трудъ, цѣлая исторія іезуитизма въ Европѣ и въ Россіи. Онъ принадлежалъ умному и даровитому молодому человѣку, посвятившему на это цѣлые три года. За то трудъ этотъ удостоился вниманія и одобренія самого государя.

Чиновникъ этотъ былъ князь Антонъ Яхтомскій, уже три года находившійся на службѣ.

Наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе о немедленномъ изгнаніи навсегда Ордена іезуитовъ изъ Петербурга, а затѣмъ и изъ предѣловъ Россіи.

По докладу министра внутреннихъ дѣлъ о наградѣ князю Яхтомскому, за его полезный и важный трудъ, было разрѣшено молодому человѣку просить, чего онъ пожелаетъ.

Князь Антонъ Яхтомскій попросилъ пересмотра двухъ уголовныхъ дѣлъ о двухъ ссыльныхъ, — отцѣ его, и крѣпостномъ человѣкѣ Букашкинѣ.

Вернуть изъ Сибири безвинно сосланнаго старика-дядьку было немудрено, но чтобы спасти отца понадобилась особая милость монарха.

И князь Антонъ достигъ своей цѣли при помощи и горячемъ содѣйствіи многихъ властныхъ лицъ.

Молодой человѣкъ былъ давно всеобщимъ любимцемъ главныхъ сановниковъ Петербурга, благодаря своему исключительному положенію. Онъ былъ дѣльный, трудящійся чиновникъ, умный и симпатичный человѣкъ и, наконецъ... обладатель страшнаго состоянія въ нѣсколько милліоновъ.

Незадолго до изгнанія іезуитовъ, князь Антонъ Яхтомскій наслѣдовалъ отъ умершей бабушки все ея состояніе.

Чрезъ годъ вернувшійся изъ Сибири князь Андрей Николаевичъ предоставилъ свои права сыну. Ему нужно было теперь только счастіе Тони.

Старикъ-князь и дряхлый старецъ Тарасъ Букашкинъ поселились въ Яхтомкѣ. Но зажили вмѣстѣ теперь, не баринъ и лакей, а два друга.

Фортунатъ Бѣлинскій получилъ послѣ покойной жены только лишь законную часть—седьмую—что̀ составило, однако, большое состояніе.

Аббатъ Салмоновичъ вскорѣ послѣ пожара и погибели генерала Грубера исчезъ изъ Россіи. Онъ сбросилъ съ себя ненавистное одѣяніе, женился на богатой вдовѣ-еврейкѣ и страстно занялся всякими торговыми дѣлами и предпріятіями.

Но удачи не было. Фортуна смѣялась, издѣвалась надъ нимъ. Самыя вѣрныя предпріятія рушились, если въ нихъ принималъ участіе негоціантъ Салмоновичъ. Борьба съ Фортуной еще пуще озлобляла его, чѣмъ когда-то борьба съ іезуитами. Ее нельзя было ни убить, ни сжечь...

Года черезъ четыре послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи Салмоновичъ, разоренный и совершенно нищій, обратился письменно къ своему бывшему питомцу за помощью, почти за кускомъ хлѣба.

Князь Антонъ Андреевичъ немедленно выслалъ десять тысячъ бывшему гувернеру, котораго имѣлъ бы основаніе и право ненавидѣть и презирать.

Бывшій Тоня не понималъ даже, что̀ за чувство— месть. Онъ напрягъ всѣ силы души, чтобы сокрушить орденъ Іисуса въ Россіи, но не изъ мести іезуитамъ, а изъ любви къ родинѣ. Бывшій конвиктористъ слишкомъ близко зналъ, что̀ за люди — служители ad majorem gloriam Dei. Іезуиты посѣяли злое сѣмя на доброй почвѣ, и оно дало плодъ, обратный ожидаемому ими...

КОНЕЦЪ.

Къ рисункамъ.

Его Величество Государь Императоръ со свитою на коняхъ. Акварель графини Клейнмихель.

(Рис. на стр. 421).

Хотя авторъ этой великолѣпной акварели не принадлежитъ къ числу художниковъ по профессіи, тѣмъ не менѣе произведеніе его обличаетъ большой талантъ и силу красокъ не уступающую масляннымъ. Портретное сходство, несмотря на размѣры почти миніатюрные, не оставляетъ желать ничего большаго. Общая композиція дышитъ жизнію и движеніемъ.

Для публики акварель эта, по желанію графини Клейнмихель, появится въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Въ Парижѣ у Лемерсье ею заказаны роскошные хромолитографированные экземпляры, которые, какъ слышно, будутъ продаваться по 2 руб. Дешевое хромолитографированное изданіе принялъ на себя московскій книгопродавецъ И. Д. Сытинъ, отказавшійся отъ предложенной ему графиней платы 5,000 руб. и пожертвовавшій 12,000 экземпляровъ въ распоряженіе Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича, какъ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Наконецъ, прекрасные фотографическіе снимки съ акварели выставлены въ эстампныхъ магазинахъ столицы.

„Дѣвочка съ гусями“, карт. Н. К. Бодаревскаго.

(Рис. на стр. 424).

Николай Корниліевичъ Бодаревскій принадлежитъ къ числу болѣе молодыхъ по годамъ, но давнишнихъ по работамъ „передвижниковъ“, неизмѣнно участвуя въ выставкахъ „Товарищества“ съ 1880 г., въ качествѣ сперва экспонента, потомъ члена. Родился онъ въ 1850 г. на Югѣ, и 19-ти лѣтъ поступилъ въ Академію Художествъ, а чрезъ два года имѣлъ уже 4 серебряныхъ медали за рисунки и этюды съ натуры, такъ что въ 1873 г. могъ уже конкурировать на 2-ю золотую медаль программою „Давидъ играетъ на гусляхъ передъ Сауломъ“.

Но на судъ публики онъ не являлся со своими произведеніями цѣлыхъ семь лѣтъ послѣ того, очевидно, занятый старательнымъ изученіемъ техники иностранныхъ мастеровъ. За то, первою же своею работою, выставленною имъ въ 1880 г., онъ сразу обратилъ на себя вниманіе, благодаря блестящему исполненію женскаго портрета въ ростъ, въ настоящую величину, подъ названіемъ „Амазонка“.

Послѣ этого, лишь въ 1881 г. Бодаревскій экспонируетъ въ Академіи Художествъ, принимая участіе въ выставкѣ, устроенной въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, передъ отправкой художественныхъ произведеній на Всероссійскую выставку въ Москву. Сюда имъ было доставлено четыре картины — изъ нихъ двѣ были посвящены Св. Николаю Чудотворцу: „Преставленіе его“ и „Перенесеніе его мощей въ Баръ“, а другія двѣ были — портретъ и пейзажъ. Затѣмъ, на передвижныхъ выставкахъ послѣднихъ 12-ти лѣтъ, появилось до 35 картинъ его кисти: на половину портретовъ—зачастую во весь ростъ, на половину жанровъ—преимущественно изъ малороссійской жизни, изрѣдка пейзажей — главнымъ образомъ Крымскихъ.

Картины Бодаревскаго попрежнему отличались колорит-

ностью, притомъ нѣкоторыя изъ нихъ были довольно значительныхъ размѣровъ, какъ, напр.: „Свадьба въ Малороссіи“, изображавшая собственно посѣщеніе молодыми крестьянами помѣщичьяго дома въ понедѣльникъ послѣ вѣнчанія (1888), или „Первый Спасъ въ Малороссіи“, иначе праздникъ „Маковея“ (1892). Бывали у него и чисто-семейныя сценки, въ родѣ: „Маленькой наѣздницы“, представлявшей катанье ребенка верхомъ на большой собакѣ (1890), или „На качеляхъ“ (1892). Какъ на граціозную вещицу работы Бодаревскаго съ послѣдней передвижной выставки можно указать на помѣщаемую здѣсь въ снимкѣ его картинку „Дѣвочка съ гусями“. **Н. С.**

Сказочница.

(Рис. на стр. 425).

Сказочница играетъ большую роль въ гаремной жизни Востока. Она обыкновенно рабыня и на ея обязанности лежитъ развлекать и забавлять свою повелительницу пѣснями, игрой на лютнѣ и сказками. Слушанье сказокъ на Востокѣ является любимымъ времяпровожденіемъ не только женщинъ, но и мужчинъ. Самыя знаменитыя сказки „Тысяча и одна ночь“, какъ извѣстно, индо-персидскаго происхожденія. Онѣ постоянно разсказываются въ гаремахъ и всегда слушаются съ живымъ интересомъ. На картинѣ Ф. Эйзенгута изображена восточная красавица съ мечтательнымъ выраженіемъ лица слушающая сказку своей черной невольницы. Всѣ измышленія роскоши, великолѣпныя платья, драгоцѣнные камни, находятся въ ея распоряженіи. Ароматный кальянъ опьяняетъ ее и возбуждаетъ ея фантазію. Подлѣ сидитъ привезенная изъ далекой Африки невольница, развлекающая свою госпожу замысловатыми сказками, запасъ которыхъ у нея неистощимъ. **(К.)**

Генералъ-лейтенантъ П. А. Грессеръ († 29 апрѣля 1892 г.).
Съ фот. Деньера, автотипія Кройса.

Генералъ - лейтенантъ П. А. Грессеръ († 29 апрѣля 1892 г.).

(Портр. и рис. на этой стр.).

Петербургъ лишился своего градоначальника. Менѣе недѣли до кончины его еще встрѣчали на улицахъ, какъ всегда, бодрымъ, неутомимымъ, бдительно слѣдящимъ за всѣмъ внѣшнимъ бытомъ столицы, коего онъ былъ душою; потомъ пошли темные слухи о страшной болѣзни, которой на первыхъ порахъ никто не хотѣлъ вѣрить, но слухи перешли въ офиціальные бюллетени, и 29 апрѣля столица узнала, что П. А. Грессеръ скончался отъ гнилостнаго зараженія крови. Утверждаютъ, что покойный хотѣлъ про-

Генералъ-лейтенантъ П. А. Грессеръ на смертномъ одрѣ. Съ фот. генерала Насвѣтевича, автотипія Кройса.

извести себѣ подкожное впрыскиваніе и заразился нечистымъ шприцемъ.

Потеря эта тяжелая, едва-ли скоро замѣнимая. Около десяти лѣтъ жизни посвятилъ покойный градоначальству, время почти безконечное для такой трудной должности, не оставлявшей своему носителю почти ни минуты покоя. Раннимъ-ли утромъ, когда всѣ обыватели спали еще сладкимъ сномъ, поздне-ли ночью, когда всѣ они уже отходили ко сну, градоначальника можно было видѣть всюду, куда призывали его внезапно возникавшія дѣла; кто же имѣлъ случай видѣть, сколько въ теченіе дня предстояло ему разныхъ мелкихъ дѣлъ, просьбъ, разрѣшеній, дѣловыхъ пріемовъ, требовавшихъ его личнаго вмѣшательства, тотъ съ изумленіемъ спрашивалъ себя: когда же онъ отдыхаетъ. Плоды этой непрерывной дѣятельности — на глазахъ у всѣхъ жителей Петербурга, и всѣ знавшіе П. А. Грессера навсегда сохранятъ добрую память объ его распорядительности, умѣ и неутомимости.

Петръ Аполлоновичъ Грессеръ родился въ 1833 году 10 августа въ Петербургѣ. Дѣтство свое покойный провелъ въ Ревелѣ, но образованіе получилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и на службу поступилъ въ 1850 г. въ гренадерскій полкъ, съ которымъ и сдѣлалъ нѣсколько походовъ. Въ 1852 году покойный произведенъ въ подпоручики со старшинствомъ, а въ 1859 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны за боевое отличіе; до 1862 г. покойный состоялъ ротнымъ командиромъ; съ 1862 г. по 1864 г. онъ былъ назначенъ состоять старшимъ адъютантомъ штаба отдѣльнаго гренадерскаго корпуса. Уже въ то время своей распорядительностью онъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Съ 1862 года покойный покидаетъ Петербургъ; въ чинѣ подполковника онъ откомандировывается въ распоряженіе кіевскаго губернатора.

Въ 1869 году П. А. Грессеръ былъ произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ состоять чиновникомъ особыхъ порученій при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ А. М. Дондуковѣ-Корсаковѣ, который вскорѣ по достоинству оцѣнилъ администраторскія способности полковника Грессера. Въ 1871 году П. А. Грессеръ перешелъ въ гражданскую службу и въ чинѣ статскаго совѣтника онъ назначенъ былъ волынскимъ губернаторомъ.

Занимая самостоятельный постъ, П. А. Грессеръ могъ проявить еще болѣе свои способности. По смерти князя Черкасскаго, когда его мѣсто въ Болгаріи занялъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, и П. А. Грессеръ, произведенный въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ новомъ княжествѣ и умѣлъ заслужить расположеніе населенія. Не долго пробылъ П. А. Грессеръ на чужбинѣ: 20 апрѣля 1880 года онъ былъ назначенъ харьковскимъ губернаторомъ. Жителямъ Харькова надолго останется памятной энергическая дѣятельность П. А. Грессера, который много сдѣлалъ для внѣшняго благоустройства этого города въ теченіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ. Особенно памятна харьковцамъ успѣшная борьба Грессера съ саранчею.

На важный и отвѣтственный постъ с.-петербургскаго градоначальника П. А. Грессеръ былъ назначенъ въ 1882 году 26 іюня, послѣ оберъ-полицеймейстера А. А. Козлова и съ этого времени вся жизнь усопшаго до послѣднихъ дней была всецѣло посвящена столицѣ. Въ ней распорядительный и энергичный генералъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и въ слѣдующемъ же 1883 году онъ удостоился Монаршаго подарка — золотой табакерки и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1887 году генералъ-лейтенантъ Грессеръ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, имѣя уже всѣ предшествующіе этому важному отличію ордена; въ 1889 г. П. А. Грессеръ былъ награжденъ орденомъ Александра Невскаго, съ назначеніемъ содержанія 12,000 р. и по 2,000 р. ежегодно аренды.

Послѣдніе часы предъ кончиной П. А. Грессеръ провелъ большею частію въ безсознательномъ состояніи, лишь изрѣдка на короткое время приходя въ себя. 29 апрѣля, въ 10 часовъ утра, семеро врачей, лѣчившихъ покойнаго, собрались на послѣдній консиліумъ и постановили бюллетень, гласившій, что надежды нѣтъ. Въ 11 часовъ къ умирающему прибылъ насторъ Мютель. Больной узналъ его и выразилъ радость по поводу его утѣшительнаго посѣщенія. Вскорѣ по уходѣ пастора, больной снова впалъ въ бредъ, тѣло стало холодѣть, началась агонія и въ $5^1/_2$ часовъ пополудни П. А. Грессера не стало.

Черезъ $2^1/_2$ часа по кончинѣ, генералъ Насвѣтевичъ сдѣлалъ прилагаемый фотографическій снимокъ съ покойнаго на смертномъ одрѣ.

Миръ праху честнаго, неутомимаго труженика!

Освященіе спасательныхъ лодокъ у Казанскаго собора въ СПБ.

(Рис. на стр. 432).

17 апрѣля Петербургъ былъ свидѣтелемъ торжественнаго отправленія спасательныхъ лодокъ въ разныя мѣста Россіи. Во второмъ часу дня отъ зданія министерства Путей Сообщенія по набережной Фонтанки отправилось шествіе. Впереди шелъ духовой оркестръ Гвардейскаго экипажа, за нимъ слѣдовали суда, украшенныя флагами и сопровождаемыя матросами нашихъ военныхъ судовъ, одѣтыми въ пробковые спасательные жилеты. Всѣхъ лодокъ семь: два стальныхъ спасательныхъ яла для Гирловой и для Ростовской станцій на рѣкѣ Донъ; четыре зимнихъ спасательныхъ лодки на лыжахъ—для станцій Глафировской, Маргаритовской и Сазальнинской на Азовскомъ морѣ и для Ярославской станціи на рѣкѣ Волгѣ. Кромѣ того, для пловучаго маяка въ гирлахъ рѣки Дона отправленъ вельботъ Боярскаго и для Балтійскаго порта—полный ракетный спасательный приборъ. Процессія двигалась по набережной Фонтанки; дойдя до Измайловскаго моста, она свернула на Вознесенскій проспектъ, а затѣмъ по Большой Морской и Невскому, направилась къ Казанскому собору, привлекая на пути массу публики. У Казанскаго собора шествіе остановилось. Здѣсь было совершено напутственное молебствіе, послѣ котораго процессія опять двинулась въ путь къ Николаевскому вокзалу.

Искусство.

„Князь Серебряный“ (рис. на стр. 433). „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ имѣетъ исключенія; намъ думается, что лучше вовсе не ставить новой оперы начинающаго композитора, чѣмъ поставить ее въ концѣ сезона, предъ самымъ закрытіемъ, дать ее два раза и снять съ репертуара за отсутствіемъ времени. Нѣчто подобное случилось съ *единственною новою русскою* оперой, данной въ истекшемъ сезонѣ; мы говоримъ о *„Князѣ Серебряномъ“* г. Казаченка, исполненномъ въ первый разъ 21 апрѣля, т. е. за недѣлю до окончанія сезона. Называемъ ее „единственною“, потому что ни провалившуюся съ г-жей Сандерсонъ „Эсклармонду“ Массене, ни безсодержательнаго „Поэта“ г. Кроткова нельзя считать русскими операми; обѣщана была „Млада“, но она отложена. Конечно, молодому автору не особенно должно быть пріятно такое отношеніе къ его первенцу, на котораго онъ положилъ такъ много труда и стараній. Не забудемъ, что г. Казаченко самъ передѣлалъ романъ графа А. Толстаго въ либретто для оперы, самъ сочинялъ музыку, издалъ на свои средства клавираусцугъ и партитуру, самъ проходилъ партіи съ хорами и солистами и даже самъ дирижировалъ оперой на двухъ представленіяхъ ея. Все это говоритъ за крайнюю заботливость автора о своемъ произведеніи, что впрочемъ совершенно естественно.

Успѣхъ опера имѣла посредственный, несмотря на всѣ старанія товарищей композитора, т. е. артистовъ, желавшихъ поддержать своего же хормейстера (г. Казаченко занимаетъ эту должность въ Маріинскомъ театрѣ), и администраціи, обставившей „Князя Серебрянаго“ въ костюмномъ, декоративномъ и аксессуарномъ отношеніяхъ прекрасно. Особенно эффектны сцены: пріѣзда Серебрянаго въ первомъ актѣ, гаданія князя Вяземскаго у мельника (при лунномъ освѣщеніи), трапезы у Іоанна Грознаго (эта картина роскошно обставлена и удивительно вѣрна въ археологическомъ смыслѣ,—самая блестящая картина), свиданія Елены съ Серебрянымъ въ саду, пира у боярина Морозова, на которомъ происходитъ поцѣлуйный обрядъ, и наконецъ — прощанія Серебрянаго съ Еленой въ монастырской оградѣ. Весьма оживленно прошли на театрѣ тѣ сцены, гдѣ участвуетъ народъ, а участвуетъ онъ почти во всѣхъ картинахъ, которыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много, т. е. цѣлыхъ девять, а такъ какъ каждая изъ нихъ равняется доброму акту, то въ итогѣ общая окраска всего произведенія, во-первыхъ, слишкомъ монотонна, а во-вторыхъ, опера утомительна, благодаря именно этой монотонности.

Неблагопріятному впечатлѣнію способствовалъ, главнымъ образомъ, стиль оперы — аріозно-речитативный или, вѣрнѣе, декламаціонный. Г. Казаченко видимо большой поклонникъ новыхъ теорій въ музыкѣ: оркестръ у него не перестаетъ играть, а солисты разговаривать нараспѣвъ подъ музыку. Гдѣ такое выраженіе нужно, напримѣръ въ мѣстахъ сильно драматическихъ,—оно еще терпимо, и то въ небольшихъ дозахъ; припомнимъ сцену мельника съ княземъ въ „Русалкѣ“. Но если всѣ персонажи все время декламируютъ, притомъ общимъ слогомъ, т. е. безъ особенно рельефныхъ характеристикъ для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, то у слушателя какъ-то сливаются въ одно всѣ эти рѣчи и ни одна изъ нихъ не производитъ нужнаго впечатлѣнія. Не забудемъ, что въ „Князѣ Серебряномъ“ девятнадцать дѣйствующихъ лицъ, рѣчи которыхъ совершенно похожи другъ на друга; языка Грознаго не отличишь отъ рѣчи какого-нибудь стремяннаго или мельника; естественно, что à la longue такое пѣніе, или разговоры подъ оркестръ, начинаетъ утомлять слушателя, ожидающаго — и подчасъ напрасно—когда же наконецъ будетъ музыка-то, пѣніе собственно.

Положимъ, оно есть, въ особенности въ народныхъ сценахъ, какихъ не мало въ разсматриваемой оперѣ: хороводы, пѣсни разбойниковъ, пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ, славленье Грознаго и пр., — все это пѣніе, но... Тутъ выступаетъ, на нашъ взглядъ, большой промахъ со стороны композитора, — именно то, что онъ, не мудрствуя лукаво, относится къ народной пѣснѣ, которою онъ къ тому же злоупотребляетъ; онъ вездѣ прибѣгаетъ къ ея помощи, гдѣ нужна мелодія. Народныя темы интересны, но, во-первыхъ, въ

незначительномъ количествѣ и, во-вторыхъ, въ культивированномъ видѣ, т. е. не какъ сырой матеріалъ, взятый прямо напрокатъ у народа и положенный на оркестръ, а поэтически-обработанный, въ такомъ видѣ, въ какомъ его представилъ Глинка въ „Жизни за Царя"; у него сырого матеріала нѣтъ, а есть духъ народной пѣсни, есть характеръ ея, отличительные повороты ея, но все это переработано художественно. Совсѣмъ не то мы находимъ у представителей школы г. Римскаго-Корсакова (г. Казаченко его ученикъ по Петербургской консерваторіи); они не даютъ себѣ никакого труда изучить и усвоить особенности народныхъ пѣсенъ, а берутъ ихъ цѣликомъ, въ натурѣ; разумѣется, художественный интересъ можетъ только страдать отъ этого.

Тоже и въ оркестровкѣ замѣчается стремленіе быть новымъ во что бы то ни стало, оригинальничать; и здѣсь встрѣчаются пріемы, нисколько не вытекающіе, какъ необходимость, изъ даннаго положенія, а употребленные для того, чтобы поразить слушателя. Тѣмъ не менѣе, въ „Князѣ Серебряномъ", либретто для котораго составлено весьма недурно (не останавливаемся на содержаніи въ полной увѣренности, что романъ гр. Толстаго всѣмъ извѣстенъ), есть нѣкоторые №№ (дуэты Серебрянаго съ Еленой, аріозо Морозова, монологъ Серебрянаго и друг.), говорящіе о способности композитора къ драматической музыкѣ. По этимъ прекраснымъ отрывкамъ можно думать, что если авторъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ откажется отъ всего того, что̀ такъ скучно въ первой оперѣ (отсутствіе мелодіи, речитативы, неумолкающій оркестръ, злоупотребленіе народными темами и пр.), то онъ напишетъ хорошую оперу, къ чему у него способности все-таки есть. Изъ исполнителей назовемъ: гг. Стравинскаго, Карякина и Яковлева (Грозный, Митька, Серебряный) и г-жу Сонки (Елена, партія которой крайне неудобно написана для голоса). **В. Баскинъ.**

Политическое обозрѣніе.

Journal de St. Pétersbourg, отмѣчая то относительное спокойствіе, которымъ отличался въ нынѣшнемъ году „день рабочихъ" 1 мая, пишетъ: „Относительно манифестацій воскресенья обращаетъ на себя вниманіе особенно то, что повидимому анархисты нагнали страхъ даже на соціализмъ. На многихъ митингахъ „поборники соціальныхъ требованій" почли долгомъ отвергнуть „ученія" анархистовъ и осуждать ихъ дѣянія, совершенныя „ради торжества дѣла", какъ обыкновенныя преступленія. Понятно, что анархисты, эти младшіе братья соціалистовъ, становятся неудобными для старшихъ, но „кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю"; а не пошлые протесты и громкія политическія исповѣди, въ которыхъ превозносятъ революцію, дѣлая въ то же время видъ, будто обсуждаютъ ея крайнія послѣдствія,—въ состояніи, конечно, оправдать виновниковъ анархизма, встревоженныхъ нынѣ заключительнымъ дѣйствіемъ своей пагубной пропаганды и своихъ тайныхъ подстрекательствъ. Эти болѣе или менѣе теоретическіе враги всякаго установленнаго порядка желали бы теперь оттолкнуть отъ себя тѣхъ бѣшеныхъ, которые пускаютъ въ ходъ „пропаганду дѣйствіемъ"; но наказаніе ихъ заключается въ томъ, что они уже не въ состояніи разогнать вызванныхъ ими же злыхъ духовъ".

Возобновленное министерство ди-Рудини просуществовало недолго. Два дня въ Римѣ палата депутатовъ обсуждала касающіяся министерскаго кризиса 14 апрѣля заявленія, сдѣланныя маркизомъ ди-Рудини въ началѣ засѣданія. Наконецъ, 23 апрѣля, вечеромъ, палата, большинствомъ 193 голосовъ противъ 185, отвергла предложенную Гримальди формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе къ кабинету. Вслѣдствіе этого голосованія министръ-президентъ подалъ въ отставку, которую король принялъ и поручилъ Джолитти сформировать новое министерство. Джолитти—глава авемонтской группы депутатовъ и главный виновникъ паденія кабинета ди-Рудини, такъ какъ его рѣчь противъ финансовой политики послѣдняго и переходъ всей группы въ оппозицію рѣшили участь министерства. Джолитти былъ министромъ финансовъ въ кабинетѣ Криспи, но разошелся съ нимъ, когда замѣтилъ, что политика его грозитъ странѣ разореніемъ.

Паденіе кабинета Рудини произвело въ Германіи угнетающее дѣйствіе, но правительственные круги сохраняютъ наружное спокойствіе и заявляютъ, что интересъ Италіи заставитъ ее остаться вѣрной тройственному союзу. Въ независимыхъ политическихъ кругахъ нынѣшній министерскій кризисъ въ Италіи считаютъ важнѣе предшествовавшихъ, такъ какъ 15 мѣсяцевъ тому назадъ дѣло не касалось внѣшней политики. *Kreuz-Zeitung*, не соглашаясь съ увѣреніями официозныхъ органовъ, находитъ, что кризисъ въ Италіи угрожаетъ опасностью тройственному союзу; газета высказываетъ опасеніе, что отпаденіе Италіи отъ этого союза повліяетъ на отношенія Англіи къ средне-европейскимъ державамъ.

Изъ Берлина сообщаютъ, что въ новую программу консервативной партіи войдетъ борьба съ биржевыми безобразіями, систематическимъ разореніемъ помѣщиковъ и съ ростовщичествомъ, виновниками чего считаются преимущественно евреи. Борьба эта установлена будетъ не законодательнымъ путемъ, а административнымъ. Будутъ стремиться устранять извѣстные непригодные элементы изъ нѣкоторыхъ областей общественной жизни, какъ это дѣлается, напримѣръ, нынѣ въ сословіи офицеровъ. Принятое консерваторами рѣшеніе включить въ программу партіи еврейскій вопросъ, *Kreuz-Zeitung* объясняетъ возрастающимъ съ каждымъ днемъ опасеніемъ, чтобы руководительствомъ въ этомъ вопросѣ какъ-нибудь не завладѣли совершенно непригодные для этого элементы. Либеральныя газеты высказываютъ опасеніе, что евреи могутъ лишиться—если не по конституціи, то фактически—гражданскихъ правъ.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что по дѣлу объ убійствѣ Вулковича Мерджанъ и Христо приговорены къ смертной казни за предумышленное убійство, а братья Тюфекчіевы приговорены заочно къ пятнадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ за подстрекательство къ убійству.

Смѣсь.

Россія производитъ льна больше чѣмъ всѣ остальныя страны Европы взятыя вмѣстѣ, именно около 336 милліоновъ кило (1889 г.). Ежегодный вывозъ льняныхъ сѣмянъ изъ Россіи колеблется между 3½ и 4½ милліонами гектолитровъ. Послѣ Россіи второе мѣсто по производству льна занимаетъ Австрія (45.000.000 кило), затѣмъ Германія (41.000.000 к.), Франція (38.000.000 к.), Ирландія (20.000.000 к.), Бельгія (18.500.000 к.) и Италія (18.250.000 к.). (к.)

Скорость электрическаго тока не многимъ уступаетъ скорости свѣта и равняется 40.000 географич. миль или 300.000 километровъ въ секунду. Раньше и гальваническому току приписывали почти такую же скорость, но впослѣдствіи это оказалось ошибкою, и въ настоящее время, на основаніи многихъ опытовъ съ атлантическимъ кабелемъ, длиною въ 10.500 километровъ, скорость гальваническаго тока опредѣлена съ большой вѣроятностью въ 10.000 километровъ въ 1 секунду. (к.)

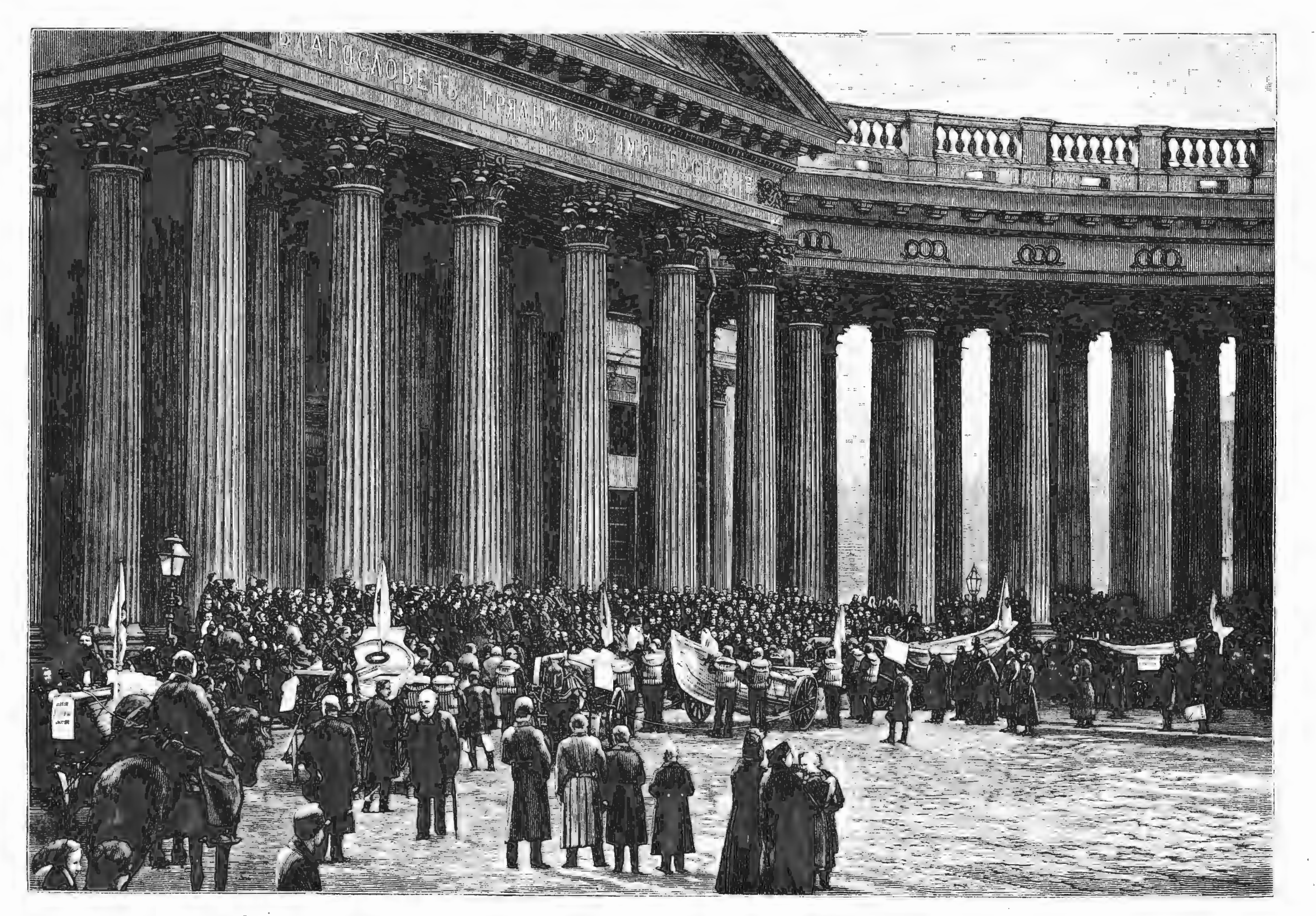
По новой переписи населеніе Соединенныхъ Штатовъ опредѣлилось въ 62.622.250 человѣкъ жителей, что составляетъ немного болѣе 8 на 1 кв. километръ. Вся территорія республики дѣлится на 98,16% суши и 1,84% рѣкъ. Если бы Техасъ былъ такъ же густо населенъ какъ Родъ-Эйландъ, то онъ имѣлъ бы 83.523.628 ч. ж., т. е. 121 на 1 кв. километръ. Будь такъ же плотно населена вся территорія Соединенныхъ Штатовъ, то число жителей ея достигло-бы 945¾ милліоновъ человѣкъ, т. е. почти ⅔ нынѣшняго населенія земли. Вотъ сколько жителей могутъ вмѣстить и пропитать Соединенные Штаты. (к.)

Старѣйшій изъ существующихъ банковыхъ билетовъ сохраняется въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ: это китайская ассигнація 1368 г. Бумажка эта на 300 лѣтъ старше первыхъ европейскихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. (г. в.)

Простѣйшая форма заключенія брака существуетъ у Ирокезовъ (племя краснокожихъ въ Сѣв. Америкѣ). Она не лишена, однако, поэтическаго оттѣнка. Женихъ и невѣста протягиваютъ другъ другу руки надъ воднымъ потокомъ, который въ данномъ случаѣ служитъ символомъ желанія, чтобы ихъ дальнѣйшая совмѣстная жизнь текла въ одномъ и томъ же направленіи, чтобы всѣ ихъ будущія стремленія и желанія были направлены въ одну и ту же сторону, къ одной и той же цѣли. (г. в.)

Ребусъ. Задача № 25.

Освященіе 7 спасательныхъ лодокъ у Казанскаго собора въ СПБ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

„Князь Серебряный“, опера Г. А. Казаченка.Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полякова, автотипія Ф. Кройса.

Пріѣздъ кн. Серебрянаго. Іоаннъ Грозный. Вяземскій у мельника. Свиданіе Серебрянаго съ Еленой.

Прощаніе Елены и Серебрянаго въ монастырѣ. Пиръ у Морозовыхъ.

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г. 5-й тиражъ 1 мая 1892 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
55	18	500	1955	12	500	3599	31	500	5597	31	500	7689	14	500	9768	40	500	11847	43	500	13556	8	500
170	50	500	1974	33	500	3623	31	500	5700	38	500	7690	22	500	9894	25	500	11848	20	500	13559	39	500
235	30	200000	2039	26	500	3700	31	500	5745	8	500	7722	19	500	9934	32	500	11887	36	1000	13589	8	500
249	50	500	2078	20	500	3747	42	500	5810	3	500	7728	19	500	9958	20	500	11926	12	500	13651	48	500
280	5	500	2090	48	500	3778	30	500	6004	27	500	7796	42	500	10028	25	500	12009	28	500	13727	37	500
287	48	500	2133	12	500	3799	35	500	6027	14	500	7819	7	500	10051	48	500	12076	14	500	13758	36	500
343	18	500	2192	7	500	3949	4	500	6037	26	500	7831	20	500	10146	2	500	12125	50	500	13849	43	500
348	47	1000	2208	41	500	3974	18	500	6139	45	500	8030	32	1000	10162	13	500	12135	34	500	13873	12	5000
399	32	500	2220	7	500	4024	10	500	6207	36	500	8082	50	500	10173	6	500	12257	3	500	13940	36	1000
440	12	500	2253	32	8000	4041	50	500	6267	18	500	8086	30	500	10215	11	500	12266	10	500	14048	47	500
556	20	500	2371	32	500	4067	1	500	6272	3	500	8099	38	500	10233	9	500	12271	22	500	14244	27	500
558	27	500	2478	38	500	4118	1	500	6286	38	500	8100	28	8000	10359	5	500	12301	42	1000	14304	11	500
579	41	8000	2586	7	500	4155	11	500	6295	18	500	8146	23	500	10409	13	500	12416	11	500	14389	48	500
611	27	500	2645	42	500	4172	36	500	6365	21	500	8289	12	500	10446	28	500	12469	1	500	14418	5	500
715	5	500	2652	40	500	4178	41	500	6407	30	500	8387	2	500	10575	29	500	12505	2	5000	14492	21	500
995	8	500	2666	20	500	4185	19	500	6414	42	1000	8401	31	500	10584	40	500	12506	46	500	14576	10	500
1088	47	500	2756	33	500	4215	14	500	6427	7	500	8491	48	500	10594	42	500	12536	32	500	14595	14	500
1120	11	500	2758	38	500	4234	13	500	6437	35	500	8586	5	1000	10721	27	500	12583	14	500	14596	44	500
1168	31	500	2762	20	500	4262	36	500	6487	18	500	8646	9	500	10953	20	500	12661	30	500	14650	6	500
1227	19	500	2778	17	500	4290	6	5000	6597	32	500	8650	25	500	10968	39	500	12803	39	500	14653	36	500
1230	37	500	2778	20	500	4354	43	500	6641	7	500	8701	49	1000	11000	38	500	12804	49	500	14682	22	500
1246	1	500	2860	8	500	4387	14	500	6642	15	500	8792	40	500	11017	18	75000	12873	14	500	14706	6	500
1266	33	500	2908	30	1000	4454	32	500	6665	32	500	8846	34	500	11048	8	1000	12892	23	500	14769	29	500
1379	20	500	2938	41	500	4623	47	500	6719	47	1000	8895	12	500	11127	17	500	12920	48	500	14811	29	8000
1392	2	500	2964	25	500	4798	15	500	6753	27	500	8930	1	500	11128	11	500	12977	50	500	14817	30	1000
1404	38	500	3058	13	500	4893	44	500	6818	11	500	9016	34	500	11129	27	500	13045	4	500	14871	15	500
1405	46	500	3094	19	500	5069	48	500	6822	1	500	9041	50	500	11217	21	500	13068	36	500	14923	11	500
1429	11	500	3113	45	500	5113	2	8000	6829	23	500	9093	12	500	11285	23	10000	13107	49	500	15102	29	500
1435	31	500	3299	38	1000	5166	21	500	6962	24	500	9201	12	500	11308	25	500	13213	25	500	15235	38	500
1436	17	500	3309	36	500	5251	27	500	7037	45	500	9203	30	500	11420	24	500	13224	23	500	15238	18	500
1469	26	500	3405	10	500	5292	50	500	7176	19	500	9335	44	500	11468	30	5000	13267	6	1 00	15393	14	500
1520	36	500	3412	40	5000	5404	6	500	7294	38	500	9389	41	10000	11483	27	500	13335	21	500	15406	38	500
1526	42	1000	3463	11	500	5479	13	500	7418	50	500	9468	30	1000	11520	1	500	13394	30	5000	15473	47	500
1706	45	500	3515	32	40000	5485	33	500	7496	38	500	9561	38	25000	11543	42	5000	13461	21	500	15534	38	500
1816	48	500	3568	34	500	5525	13	500	7513	1	500	9619	5	500	11624	28	10000	13499	18	500	15689	47	500
1853	30	500	3594	30	1000	5536	16	500	7596	20	500	9664	47	1000	11680	18	1000	13503	47	500	15786	36	500
1898	10	500	3597	14	500	5547	22	1000	7669	25	500	9708	39	500	11699	33	500	13522	23	500	15962	7	500
1945	40	5000	3598	11	500	5563	17	500	7677	7	500												

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1892 года.

Тиражъ погашенія будетъ производиться съ 1-го мая 1896 года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ВЫЗОВЪ НАСЛѢДНИКОВЪ.

13 октября 1891 года въ Филене (Filehne) умеръ **КАПИТАЛИСТЪ CARL JULIUS BRIESE**, не оставивъ ни законныхъ наслѣдниковъ, ни завѣщанія. Отцемъ его былъ **Carl Friedrich Briese**, родившійся 29 іюля 1798 года на мельницѣ **близь Цирке (bei Zirke, Provinz Posen)** отъ отца, мельника **Johann Christoph Briese** и матери, **Beate, урожденной Sieling** (также **Sielingen или Seelingen**). Вышеупомянутый отецъ наслѣдодателя, **Carl Friedrich Briese**, потерявъ мельницу, оставилъ отечество, когда наслѣдодателю, родившемуся 20 сентября 1825 года, было всего 4 года, слѣдовательно **въ 1829-мъ или 1830-мъ году**, и выразилъ свое намѣреніе отправиться **въ Россію, а именно въ Одессу**. Кромѣ наслѣдодателя осталась тогда на родинѣ жена **Карла Фридриха Бризе, Эмилія, урожденная Вольфрамъ**, разведенная съ мужемъ, неизвѣстно, до или послѣ отъѣзда послѣдняго. О **Карлѣ Фридрихѣ Бризе** со времени его отъѣзда здѣсь ничего не извѣстно. Имѣющихъ какія-нибудь свѣдѣнія о **Карлѣ Фридрихѣ Бризе**, о вступленіи его во второй бракъ или о дѣтяхъ его отъ этого брака прошу сообщить таковыя нижепоименованному, состоящему по назначенію суда попечителемъ надъ оставшимся наслѣдствомъ. **Карлъ Фридрихъ Бризе и его законныя дѣти** были-бы ближайшими наслѣдниками **Карла Юліуса Бризе**. Всѣ расходы будутъ возвращены. Наслѣдство, оставленное Карломъ Юліусомъ Бризе, опредѣлено по настоящее время приблизительно въ **90,000 марокъ**.

Филене (Filehne), 22 апрѣля 1892 г.

Попечитель надъ наслѣдствомъ

Присяжный повѣренный Рейнеке (Reinecke).

ТАИНСТВЕННЫЙ КАРТОЧНЫЙ КРУЖОКЪ.
НОВОСТЬ! НОВОСТЬ!

Гарантирую, что посредствомъ этого маленькаго изящнаго никелеваго аппарата **каждый въ состояніи будетъ безъ всякой подготовки продѣлать 50 разнообразныхъ** и очень трудныхъ фокусовъ съ картами. Успѣхъ изумительный. Большое развлеченіе въ обществѣ. R. № 5774

Вмѣстѣ съ руководствомъ **цѣна 2 рубля.**

новость! ЛИЛИПУТЪ-МИРЛИТОНЪ. новость!

Маленькій музыкальный инструментъ, на которомъ можно играть хотя онъ **и не видимъ**. Гарантирую обученіе въ нѣсколько минутъ. Его можно носить въ карманѣ жилета; забавенъ и занимателенъ; годится для аккомпанимента и соло-игры. 3—3

Цѣна 2 рубля. Можно почтовыми марками

Обѣ вещи франко и безпошлинно.

GEORG MUSIC.
Berlin, Bahnhof Straussberg.

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на **марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.**

Главный складъ А. Энглундъ, С.Петербургъ, Бассейная, № 2. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. № 5787

II № 5789 10—1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы,
первый сборникъ

ТОВАРИЩЕСТВА РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ-ИЛЛЮСТРАТОРОВЪ
(изданный въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).
Цѣна 2 рубля безъ пересылки.

Сборникъ содержитъ 12 рисунковъ и 20 буквъ и заставокъ на темы русской поэзіи и 6 листовъ соотвѣтствующаго текста.

Въ Сборникѣ принимаютъ участіе: Гг. Виццманъ, Загорскій, Зощенко, Клодтъ, Кондратенко, Лебедевъ, Малышевъ, Манизеръ, Матэ, Микѣшинъ, Тихомировъ, Шарлеманъ и Шильдеръ. № 5786

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 63, магазинъ П. Ѳ. Пантелеева.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО.

Занятія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, для городскихъ и сельскихъ учителей и для желающихъ будутъ продолжаться все лѣто. Подробности сообщаются устно и письменно въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 66; въ Москвѣ, Тверская, д. Хомяковыхъ.

СТОЛЫПИНСКІЯ
МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ И ГРЯЗИ.
КУМЫСОЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.

Лѣчебный сезонъ съ 15 мая по 15 августа. Хлористо-натріевые источники. Желѣзистые родники. Разсольная вода. Минеральная грязь. Степной кумысъ. — На засѣданіи 4 февраля сего года **Медицинскій Совѣтъ** призналъ Столыпинскія воды **имѣющими общественное значеніе и заслуживающими вниманія**. Главныя болѣзни: ревматизмъ, золотуха, сифилисъ, страданія суставовъ и надкостницы, невралгіи, параличи, хрон. женск. бол., общая слабость, малокровіе и др. Для лучшей постановки врачебной части, кромѣ постояннаго директора-врача заведенія, приглашенъ спеціалистъ по женск. бол. **доцентъ Казанск. универс. д-ръ мед. И. И. Львовъ.**—Подробности по требованію.

Адресъ: Самарск. губ., почт. отд. Криволучье, въ контору Столып. минер. водъ,—или по телеграфу: Балаково, почтою Криволучье, Водолѣчебная контора. № 5791

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ.

Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Цѣна флакону **1 р. 65 к.**; Бензоевое мыло **35 к.** и **50 к.** кусокъ; Опопомада (лучше кольдъ-крема) **1 р.** Упаковка и перес. въ Европ. Россіи **70 к.**, въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРИХА**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. **Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.**

ЭЛЕОПАТЪ
пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5796 (1)

ФОТОГРАФІИ

для моделей, женскія и мужскія, жанръ, ландшафты. 100 миніатюрн. фотографій и 4 образца за 3 р. Самая большая и лучшая коллекція всего міра. Каталоги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ язык. по 20 к. **Louis Ramlo Kunstverlag München II, Postfach 16.**

ЗОНТИКИ

въ большомъ выборѣ на фабрикѣ

В. СПѢХИНА.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ. № 5790

№ 29, Садовая, между Гор. и Мучн. пер., въ подъѣздъ во 2 этажѣ. № 29.

НЕ РЕКЛАМА,

а дѣйствительно оказавшіеся ничѣмъ не замѣнимые по прочности кальсоны изъ

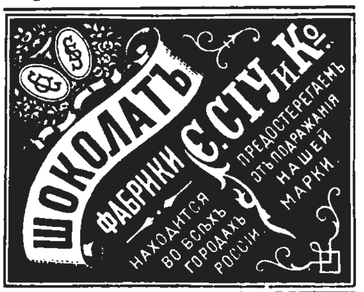
ТВИСТЪ

1-й доброт. въ спеціал. маг. бѣлья

Ю. ГОТЛИБЪ,

С.-Петербургъ, по Владимірск., д. 2, уголъ Невск. пр. Цѣна 1 р. 75 к. за каждыя. Перес. за 3 штуки 1 р., по Азіатск. Россіи—1 р. 75 к. Менѣе 3-хъ не высыл. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. Предлагаемые кальсоны др. маг. дешевле, не есть Твистъ, а только желаніе поразить дешевизною, вводя покупателей въ заблужденіе. Р. № 5788

КАПИЛЛЕРИНЪ для мытья волосъ
(ПРОВИЗОРА)
ОХОЦИМСКАГО
флаконъ 1 р. 20 к., полфлакона 65 к. ПРОДАЕТСЯ у ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ,
СКЛАДЪ ВЪ МОСКВѢ,
Лубянской аптекѣ П. ОХОЦИМСКАГО.
Ш. № 5747 6—3

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. **Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ изящн. литограф. обертке 1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ СПБ., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Для развлеченія и танцевъ
НА ДАЧѢ
рекомендуется
усовершенствованный, патентованный
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

Цѣна безъ нотъ 20 руб. Ноты по 50 коп. за пьесу.

ДЛЯ ДѢТСКИХЪ ТАНЦЕВЪ
ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ

Цѣна безъ нотъ 6 руб. Ноты по 25 коп. за пьесу.

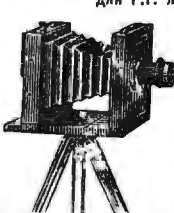
Списокъ пьесъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

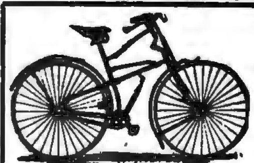
Только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:
ШАЛОСТИ ПЕРА
шуточныя стихотворенія
№ 5783 **Сергѣя Кречетова.** 2—2
Весьма изящно изданный томикъ, въ 188 стран., на лучшей бумагѣ. СПБ., 1892 г. Ц. 1 руб., а съ пересылкою 1 р. 20 коп. Складъ изданія у книгопрод. Н. П. Карбасникова, СПБ., Литейный, 48.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (5)

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ
для Г.г. любителей.

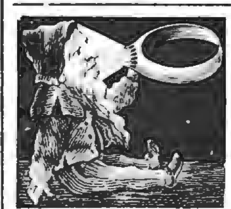

Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.
Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и дор.
Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ отъ 15 р.
Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.
Е. КРАУСЪ и К°
фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.
Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно.
№ 5770 2—2

Поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ новая книга:
соч. Ю. Блокъ: „ВЕЛОСИПЕДЪ".
Изящное изданіе на веленевой бумагѣ, 250 стр. 85 рисунковъ.
Содержаніе: Исторія изобрѣтенія и распространенія велосипеда. Гигіена велосипедной ѣзды. Краткое описаніе велосипеда. Наставленіе къ обученію ѣздѣ. Велосипедная ѣзда для дамъ. Одежда. Уходъ за велосипедомъ (чистка, смазка, разборка). Мелкія починки и временныя исправленія. Совѣты и указанія для путешествій. Велосипедныя общества и учрежденія. Гонки и тренировка. Примѣненіе велосипедовъ къ военному дѣлу. Цѣна въ изящномъ переплетѣ 2 р., съ пересылкой 2 р. 80 к.
Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ П. К. Прянишникова, Петровскія линіи, Ц. № 5793 въ Москвѣ. 3—1

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ новая книга:
ИЗЪЯНЫ ВОЛИ
Романъ въ 3-хъ частяхъ
Н. Д. МАСЛОВА.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА**, въ С.-Петербургѣ.
Большой, изящно изданный томъ, въ 371 стран. убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ виньеткою художн. **Р. Штейна.** СПБ., 1892 г. Ц. **1 р. 50 к.** съ перес.
Романъ **Н. Д. Маслова** имѣлъ при его появленіи въ прошломъ году громадный успѣхъ среди читающей публики, **а отдѣльное изданіе дополнено и пересмотрѣно авторомъ.** Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива", Невскій, № 6.

ТОЛЬКО 4 Р.
90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ 56-ой ПРОБЫ **ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО**
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛІАНТОМЪ.
Пересылаю наложеннымъ платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

НАТУРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и Заграницы. Дирекція въ Буда-Пештѣ. № 5729 6—6

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Въ сезонъ 1892 года курсъ лѣченія на группахъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ будетъ открытъ:

На Пятигорской		съ 1 Мая	по 15 Сентября.
„ Ессентукской		„ 14 Мая	по 1 Сентября.
„ Желѣзноводской	. . .	„ 20 Мая	по 1 Сентября.
„ Кисловодской		„ 1 Іюня	по 15 Сентября.

На всѣхъ группахъ водъ, кромѣ пользованія мѣстными источниками, бальнеологическими приспособленіями и лѣченія минеральною грязью Тамбуканскаго озера, можно получать: кумысъ, козье и коровье молоко (въ Кисловодскѣ — газированное) и минеральныя воды въ бутылкахъ: Ессентукскія №№ 17, 18, 6 и 4 (восходящей струи), Нарзанъ газированный, выдѣляемымъ имъ газомъ, и слабительную воду источника „Марія Терезія".

Всѣ вышеупомянутыя воды въ бутылкахъ (ящиками въ 60 и 30 бут.), а равно и Ессентукскія соль и лепешки, разсылаются съ 1 апрѣля по 1 октября Управленіемъ водъ также во всѣ города Россійской Имперіи, и находятся въ продажѣ у столичныхъ и провинціальныхъ дрогистовъ и аптекарей. **Вводимый въ употребленіе съ нынѣшняго года газированный Нарзанъ, по произведеннымъ опытамъ, вполнѣ сохраняетъ содержащійся въ немъ газъ даже при долговременномъ храненіи.** Съ заказами обращаться въ Канцелярію Правительственнаго Коммисара въ Пятигорскѣ.

Съ 1891 года на группахъ Пятигорской, Ессентукской и Желѣзноводской значительно **увеличено число грязевыхъ ваннъ.** На Пятигорской группѣ устроена отдѣльная **душевая комната** съ душами перемѣнной температуры и высокаго давленія (душъ Шарко). Въ Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ установлены **электрическія ванны.** Съ 1890 года Пятигорская группа снабжается прѣсною водою изъ водопровода отъ источника горы Юцы. Къ сезону 1892 года будетъ открытъ строющійся водопроводъ на Ессентукской группѣ изъ Капельнаго источника. Въ нынѣшнемъ году начата постройка желѣзной дороги отъ ст. „Минеральныя воды" на всѣ группы.

Новыми правилами, утвержденными Г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ 21 февраля 1892 года, цѣна сезоннаго билета, дѣйствительнаго на всѣхъ группахъ, **назначена для одного лица въ 3 рубля,** для семьи изъ 2-хъ лицъ **6 рублей, изъ 3-хъ** лицъ — 8 рублей, изъ 4-хъ до 8-ми — 10 рублей. **Врачи, пребывающіе въ теченіе лѣчебнаго сезона, получаютъ безплатные сезонные билеты и пользуются безплатно ваннами.**

Въ столичныхъ и иногороднихъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ **желѣзныхъ дорогъ имѣются въ продажѣ:**

1) Путеводитель и справочная книга по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ изд. 1891 года Горнаго Департамента и карты всѣхъ группъ минеральныхъ **водъ.**

2) Сборникъ анализовъ воды всѣхъ источниковъ, составленный химикомъ водъ **А. И. Ѳоминымъ.**

Означенныя книги можно получать также въ Канцел. Правительственнаго **Коммисара въ Пятигорскѣ, а во время** сезона въ **Конторахъ** группъ.

№ 5794 Правительственный Коммисаръ **П. Сущинскій.**

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин. или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно
5785 20—5

„НЬЮ-ІОРКЪ"
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 апрѣля 1892 г. Руб. 2.421.148 36.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (8)
Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ
и
ЛИМАННОЕ
№ 5750 **ЗАВЕДЕНІЕ** 6—4
въ городѣ Евпаторіи
Открывается съ 20 мая по 20 августа.

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ
романъ БЕРТЫ фонъ-СУТТНЕРЪ, новое 2 изданіе. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ вст. Ѳ. И. Булгакова. Цѣна 1 р. 60 к. Въ книжн. маг. „Нов. Врем.", Карбасникова и въ Ред. „Вѣстн. Иностр. Лит.", Спб., Верейская, 16.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.
Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый Домъ (основ въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—8
Новый каталогъ 80 страницъ
БЕЗПЛАТНО.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 5 мая 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. **А. Ф. Маркса,** Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XXIII

№ 20 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 мая 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Графиня Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ (Евгенія Туръ).

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу крупные писатели сороковыхъ годовъ и немного уже остается ихъ на оскудѣлой нивѣ русской литературы. Скончавшаяся 15 марта въ Варшавѣ, графиня Елизавета Васильевна Саліасъ-де-Турнемиръ, болѣе знакомая читающей публикѣ подъ псевдонимомъ *Евгеніи Туръ*, мать извѣстнаго читателямъ *Нивы* романиста гр. Е. А. Саліаса, была безъ сомнѣнія наиболѣе блестящимъ талантомъ изо всѣхъ современныхъ ей женщинъ-писательницъ. Весьма еще недавно (года два съ небольшимъ тому назадъ) мы дали біографію покойной и характеристику ея дарованія („Нива“ 1889, № 49), къ которымъ и отсылаемъ читателей за подробностями.

Литературная дѣятельность покойной замѣтнымъ образомъ распадается на три періода. Въ первомъ, молодая писательница, получившая блестящее образованіе подъ руководствомъ профессоровъ Морошкина и Максимовича, поэта Раича и др., выступила въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ съ повѣстью „Ошибка“, которая имѣла успѣхъ необычайный и сразу обратила общее вниманіе на автора. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ романовъ и повѣстей, которыми положительно зачитывались въ пятидесятыхъ годахъ. Это были „Племянница“, „Три поры жизни“, „Двѣ сестры“, „Заколдованный кругъ“, „Долгъ“, „Старушка“ и др.

Графиня Елизавета Васильевна Саліасъ-де-Турнемиръ (Евгенія Туръ) († 15 марта 1892). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Между тѣмъ съ 1856 г. покойный М. Н. Катковъ началъ издавать *Русскій Вѣстникъ*, въ которомъ Евгенія Туръ, напечатавъ одну повѣсть и сдѣлавъ крутой поворотъ отъ беллетристики къ публицистическимъ и критическимъ этюдамъ, помѣстила рядъ блестящихъ статей, обличавшихъ ея эрудицію и начитанность. Таковы были ея: „Г-жа Свѣчина“, „Миссъ Бронте“, „Вильямъ Чаннигъ“, „Нравы, люди и обычаи первой республики“, „Г-жа Рекамье“ и др., Парижскія письма, путевыя замѣтки, политическія обозрѣнія и проч. и проч. Въ 1861—62 г. графиня сама уже издавала журналъ *Русскую Рѣчь*, въ которомъ принимали участіе профессора и многіе талантливые писатели.

Наконецъ, третій періодъ обнимаетъ послѣдніе годы дѣятельности, посвященной графиней совершенно новому для нея и крайне трудному роду литературныхъ произведеній, а именно дѣтской литературѣ. И здѣсь она является мастеромъ первостепеннымъ. Такія произведенія какъ „Катакомбы“, повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, „Жемчужное ожерелье“, „Хрустальное сердце“, „Мученики Колизея“ и др. надолго останутся любимыми книгами неиспорченнаго юношества и образцами для будущихъ писателей въ этомъ родѣ. Уже въ преклонномъ возрастѣ, 75 лѣтъ отъ роду, графиня издала для юношества „Священную исторію Ветхаго Завѣта“.

Графиня Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ скончалась въ Варшавѣ, на рукахъ своей дочери, супруги Варшавскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта І. В. Гурко.

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть **С. Н. Терпигорева.**

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

(Продолженіе.)

Наконецъ мы дошли до обширной, разукрашенной пестрыми столбиками и цвѣтами площадки, гдѣ было уже много публики, сидѣвшей за столиками или группами стоявшей и разговаривавшей. Музыка только-что доиграла какую-то пьесу, и былъ перерывъ для отдыха. У самаго входа, передъ площадкой, матушка съ нами немного пріостановилась; въ это время съ нами поравнялись шедшіе позади насъ Стратонъ Алексѣевичъ съ княжной-амазонкой и, не обходя насъ, онъ пригласилъ рукой, чтобы мы шли дальше, т. е. на эту площадку. Но теперь онъ со своей дамой пошли уже рядомъ съ нами, такъ что Войцѣховская приходилась плечомъ къ плечу съ матушкой. Стратонъ Алексѣевичъ на ходу, не останавливаясь, то и дѣло раскланивался. Видимо всѣ знали его и онъ всѣхъ зналъ. У одного не занятаго столика, на самомъ видномъ мѣстѣ, какъ разъ передъ музыкой, Стратонъ Алексѣевичъ предложилъ матушкѣ сѣсть, сказавъ, что сейчасъ онъ велитъ сюда подать чай. Матушка согласилась, и мы всѣ начали размѣщаться: княжна-амазонка сѣла тоже съ нами. И—о, удивленіе!—матушка вдругъ сама первая заговорила съ ней, и заговорила тѣмъ благодушно простымъ тономъ, которымъ умные, сознающіе свое положеніе старшіе говорятъ съ понравившимися имъ чужими незнакомыми дѣтьми.

Войцѣховская отвѣчала съ предупредительною любезностью, несомнѣнно и видимо очень довольная этимъ. Со Стратономъ же Алексѣевичемъ произошла просто неузнаваемая перемѣна. Онъ пришелъ въ какое-то радостное состояніе, сдѣлался развязнымъ, веселымъ, живымъ — просто гора у него свалилась съ плечъ. Подбѣжавшимъ къ нему лакеямъ онъ приказывалъ подать чай, спрашивалъ, не хотимъ-ли мы мороженаго, ягодъ. И сейчасъ же началъ проектировать ужинъ, но только не здѣсь, а гдѣ-то въ отдѣльномъ павильонѣ. Онъ былъ просто въ восторженномъ состояніи, въ какомъ я его никогда не видѣлъ прежде.

Матушка и Войцѣховская на его предложеніе отвѣчали довольно равнодушно, даже прямо разсѣянно, такъ какъ въ это время онѣ заняты были своимъ разговоромъ. Я вслушался—матушка вела правильный допросъ ей. Она спрашивала, а Войцѣховская, внимательно любезно слушая ее, отвѣчала ей. И допросъ былъ главнѣйше и даже исключительно о ея семейномъ и домашнемъ положеніи: кто у нея живъ изъ родныхъ? Давно-ли умеръ ея отецъ? Есть-ли у нея дяди? Гдѣ они? Въ какой губерніи у нихъ имѣніе, какъ называется оно? Большое оно или нѣтъ?

— Я слышала вотъ объ этомъ несчастіи съ вами... вашъ управляющій скрылся... сказала матушка.

— Ахъ, да! Мама была просто въ отчаяніи. Я не знаю, что́ бы мы дѣлали теперь, если бы не Стратонъ Алексѣевичъ, отвѣчала княжна.—Онъ былъ такъ добръ, выручилъ насъ...

— Да, онъ говорилъ, тихо произнесла матушка.

— Мы такъ ему благодарны, такъ благодарны!.. повторяла княжна.

Я былъ, хотя и по другимъ причинамъ, но тоже, не менѣе Стратона Алексѣевича, радъ перемѣнѣ въ настроеніи матушки и радостно слушалъ ихъ разговоръ съ княжной. Но я замѣтилъ также и перемѣну, вдругъ происшедшую въ манерѣ держать себя, даже въ голосѣ красивой дѣвушки. Или это она тогда каталась, разгорячилась и отъ того такая была... смѣлая и дерзкая, а теперь, подъ вліяніемъ и въ обществѣ такой почтенной особы, какъ матушка, она была самою сдержанною, почтительною, прекрасно воспитанною дѣвушкой, съ безукоризненными манерами. И какая красавица!..

Проходя мимо насъ, многіе изъ гуляющихъ кланялись ей, и она такъ скромно отвѣчала имъ, едва наклоняя голову и сейчасъ же обращаясь къ матушкѣ, точно она была поручена ей кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ и пріѣхала сюда съ нами.

XIV.

Устроившись такъ удачно съ нами, даже болѣе чѣмъ удачно, Стратонъ Алексѣевичъ скоро насъ оставилъ, и мы видѣли, какъ онъ разговаривалъ то въ одной, то въ другой группѣ, на площадкѣ; къ нему подходили, онъ подходилъ. Но мыслями и душой онъ былъ несомнѣнно съ нами, потому что то и дѣло оглядывался на насъ.

Намъ между тѣмъ подали и чай, и мороженое, и ягоды—заставили весь столикъ. Разливать чай матушка заставила Липочку, и онѣ обѣ съ сестрой хозяйничали на большомъ серебряномъ подносѣ. Я сидѣлъ, подперши голову обѣими руками, и все смотрѣлъ то на матушку, то на княжну. Я разглядѣлъ, что у нея маленькія брильянтовыя сережки въ ушахъ и уши тоже такія маленькія, изящныя и розовыя. Она сняла длинныя съ крагами перчатки, и я увидѣлъ очень красивыя, узкія, изящныя руки ея съ розовыми ногтями. Глаза темно-сѣрые, живые, съ длинными черными рѣсницами и веселые, но она какъ-то сдерживала веселье въ нихъ, старалась быть скромницей.

Разговаривая съ нею, матушка что-то поправила у нея — воротничокъ у амазонки, вуаль — проявленіе у матушки высшаго благоволенія и расположенія ея. И княжна такъ мило улыбнулась, глазами поблагодаривъ ее.

Просто чудо какое-то совершилось: ждали грозы и вдругъ такая мирная, радостная тишина. Я былъ этимъ безмѣрно доволенъ и чувствовалъ себя по этому случаю вполнѣ счастливымъ.

Вдругъ княжна, объяснявшая что-то матушкѣ, оглянулась на площадку и быстро поднялась съ мѣста, какъ бы намѣреваясь идти. Всѣ тоже оглянулись въ ту сторону. Къ намъ спѣшила черезъ всю площадку какая-то дама, вся въ черномъ, довольно полная и съ очень не изящными манерами.

— Мама моя, проговорила княжна.

Въ это время неизящная женщина подошла къ намъ, и княжна ее представила матушкѣ, назвавъ по имени: „Ѳекла Станиславовна“. Матушка тоже встала, протянула ей руку, и не успѣла еще она выговорить какую-то фразу, какъ та ужь насказала: и что она много слышала о матушкѣ, еще не видавъ ее, она ужь уважала ее и вотъ теперь такой неожиданный случай, она такъ рада

познакомиться и т. д., и т. д. Потомъ, какъ усѣлась, она начала говорить, какъ онѣ обѣ много обязаны Стратону Алексѣевичу, что безъ него онѣ не знали бы, что̀ и дѣлать..

— Ахъ, помилуйте, кто это нынче сдѣлаетъ? Какимъ-то неизвѣстнымъ ему пріѣзжимъ—мало-ли сюда пріѣзжаютъ на воды?—и вдругъ, когда онъ узналъ, что управляющій скрылся, предложилъ самъ и денегъ, и все такое! Кто это нынче незнакомымъ совсѣмъ людямъ пять тысячъ дастъ? заключила она.

— У Стратона Алексѣевича очень хорошія средства, замѣтила ей матушка.

— Ахъ, мало-ли у кого хорошія есть средства! Я Броночкѣ (дочь звали Брониславой Львовной) говорю: „Ты вѣкъ должна помнить, не забывать того, что̀ сдѣлалъ для насъ Стратонъ Алексѣевичъ...“

— Онъ очень много дѣлаетъ добра, онъ очень добрый человѣкъ, сказала матушка.

— Ахъ, помилуйте, но незнакомымъ совсѣмъ людямъ!.. Нѣтъ, кто это сдѣлаетъ! Я говорю: „Броночка, ты вѣкъ свой должна Богу молиться за Стратона Алексѣевича... Ты ни одной минуты не должна забывать...“

Матушка слушала ее съ улыбкой.

— Но, помилуйте, она такъ еще молода, ваша дочь... Гдѣ же ей? Вы ей даете порученіе, которое она, если бы и хотѣла, никакъ не можетъ исполнить, сказала матушка.

Княгиня, должно-быть, ее не поняла или не разобрала хорошенько и съ удивленіемъ въ глазахъ смотрѣла на матушку, потомъ перевела глаза на дочь.

— Ну, да, сказала матушка.—Гдѣ же ей, въ ея годы, только и думать, что о Стратонѣ Алексѣевичѣ и его одолженіи, которое ему удалось оказать?.. Этого невозможно и требовать.

И вдругъ, обратясь къ княжнѣ, просто очень спросила ее:

— Вамъ который годъ?

— Девятнадцатый, отвѣтила та.

— Ну, вотъ видите, продолжала матушка. — А Липочкѣ четырнадцать. Всего пять лѣтъ разница...

Старая княгиня и княжна посмотрѣли на Липочку, потомъ княгиня ужь одна на матушку и тихо проговорила:

— Это ваша дочка? Меня не познакомила Броночка.

— Нѣтъ, это... воспитанница Стратона Алексѣевича... Онъ ей вмѣсто отца... опуская глаза, тихо проговорила матушка.

Княгиня еще внимательнѣе и пристальнѣе посмотрѣла на Липочку, которая, почувствовавъ себя неловко отъ этого, по обыкновенію, вдругъ покраснѣла.

А матушка продолжала:

— Стратонъ Алексѣевичъ имѣетъ, какъ вамъ это вѣроятно извѣстно, очень хорошія средства, такъ отчего же ему и не дѣлать добра, когда къ тому представляются случаи. Я его совершенно понимаю. Конечно, сами знаете, какъ надо быть нынче осторожнымъ чтобы не попасться въ глупую ловушку, но... у насъ, у русскихъ, есть пословица: „волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить“. Такъ и тутъ...

Княжна ее слушала, время отъ времени поднимая на нее глаза, съ какимъ-то страннымъ въ нихъ выраженіемъ, но матушка дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Вдругъ она, обращаясь къ Липочкѣ, сказала:

— Липа, дядѣ налей чай, вонъ онъ идетъ.

Вдали показался Стратонъ Алексѣевичъ, который теперь уже прямо шелъ къ намъ.

— Она племянница Стратону Алексѣевичу? указывая глазами на Липочку, тихо спросила матушку старуха-княгиня.

— Нѣтъ, отвѣчала ей матушка. — Но какъ же назвать его?.. Дядей. По-настоящему бы—дѣдушкой, но онъ такой молодой еще... особенно душой и сердцемъ, добавила матушка и улыбнулась, опуская глаза.

Но когда къ намъ подошелъ Стратонъ Алексѣевичъ, видимо продолжавшій быть все въ томъ же радостномъ и счастливомъ настроеніи, матушка ужь опять казалась и спокойной, и довольной, и просто веселой.

— Ну-съ, дорогая, любезнѣйшая племянница, началъ онъ, обращаясь къ матушкѣ,—вѣдь ужь десять часовъ одиннадцатый! И вы, княгиня, и вы, княжна!.. Эту мелюзгу—онъ кивнулъ на насъ—я не спрашиваю... Какъ же мы будемъ насчетъ ужина?.. Здѣсь или милости просимъ ко мнѣ?.. У меня, я думаю, это лучше будетъ?

Матушка сказала, что ей все равно, но что если онъ находитъ, что дома удобнѣе это, то, конечно, лучше дома. Старуха-княгиня смотрѣла на него своими слезящимися—у нея слезились они—глазами и не говорила ничего, какъ бы выражая этимъ, что она на все согласна.

— А вы, княжна? спросилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Какъ хотите, отвѣтила она, посмотрѣла на него, потомъ на матушку, потомъ на свою мать.

— Такъ лучше у меня, дома, по-семейному, сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ. — Посидимъ здѣсь до конца музыки и поѣдемъ прямо ко мнѣ, домой. А ужинъ къ тому времени будетъ готовъ.

Всѣ сказали, что очень хорошо. Стратонъ Алексѣевичъ куда-то отправился распорядиться, отдать приказаніе насчетъ ужина.

— А какая квартира у Стратона Алексѣевича!.. начала говорить матушкѣ княгиня. — Отдѣлана какъ, богатство какое!

— Да? Вамъ нравится?..

— Стратонъ Алексѣевичъ такой радушный, хлѣбосолъ. Онъ нѣсколько разъ приглашалъ насъ съ Броночкой къ себѣ и мы у него завтракали, а послѣдній разъ — когда это, третьяго дня кажется? — ужинали тоже у него.

— Третьяго дня?.. повторила матушка, какъ бы соображая что.—Ахъ да, третьяго дня ужь онъ могъ... онъ ужь тутъ былъ...

— Онъ третьяго дня утромъ пріѣхалъ. Онъ былъ у родственницы у одной своей, у старушки... Онъ намъ разсказывалъ, подтвердила княгиня, и добавила: — А вечеромъ онъ былъ здѣсь, на музыкѣ, и послѣ пригласилъ насъ съ Броночкой и еще двухъ молодыхъ людей, нашихъ знакомыхъ — Кшешицкаго и Пшекшицкаго. Они тоже пріѣзжіе на воды... изъ Варшавы прямо.

Музыка гремѣла какіе-то вальсы, мазурки, кадрили. Площадка была полна гуляющихъ. Вечеръ былъ чудный: тихій, теплый, какіе бываютъ въ нашей сторонѣ въ это время года. Но было совсѣмъ темно, совсѣмъ ночь.

Наконецъ опять явился Стратонъ Алексѣевичъ, объявилъ, что музыка скоро кончится и тогда мы поѣдемъ.

— Но мнѣ надо, мама, еще домой, сказала княжна.— Мнѣ надо еще переодѣться... Я въ амазонкѣ... Нельзя же мнѣ такъ.

Стратонъ Алексѣевичъ попробовалъ было начать увѣрять, что это все равно, но княжна не согласилась.

— Наконецъ, мнѣ просто неловко... таскать за собою этотъ хвостъ, сказала она, указывая на свой шлейфъ. — И потомъ, у меня всѣ волосы сбились, я растрепаная.

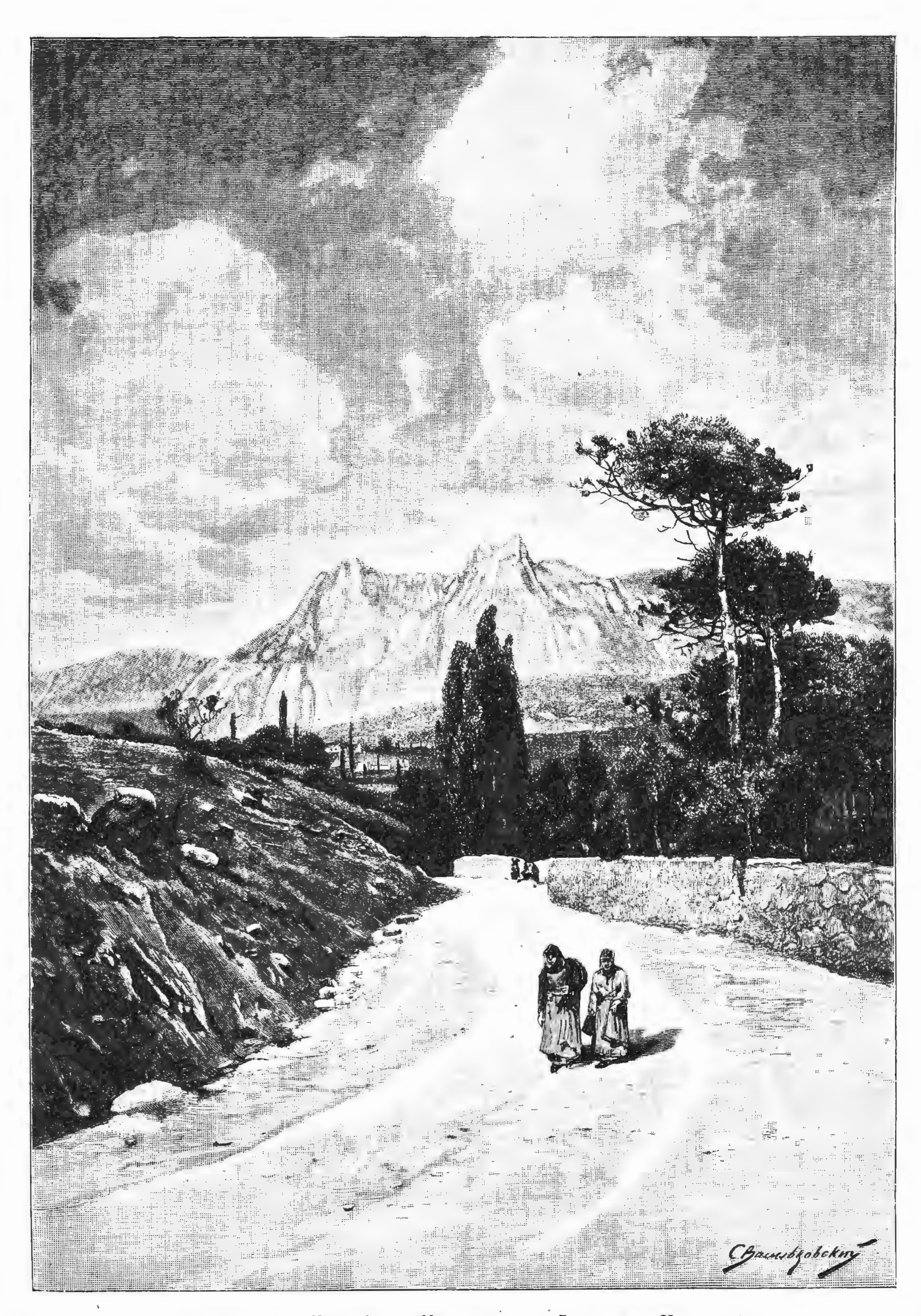
Тогда Стратонъ Алексѣевичъ засуетился, чтобы скорѣй подали коляску: онѣ доѣдутъ до дому, потомъ вернутся сюда, а потомъ мы всѣ поѣдемъ.

— Да къ чему вся эта путаница? сказала матушка.— Онѣ пусть поѣдутъ домой, а мы пойдемъ пѣшкомъ. Далеко-ли здѣсь? Ночь такая чудная. Мнѣ хочется, кстати, пройтись.

— Ну, и такъ можно, согласился Стратонъ Алексѣевичъ.

XX передвижная выставка. „Дурка“.
Карт. К. В. Лебедева (исключ. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. М. Рашевскій.

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ. „Дорога въ Мисхоръ“.

Карт. **С. И. Васильковскаго**, пріобрѣтенная Е. И. В. Государыней Императрицей. Для **„Нивы“** рис. самъ авторъ, грав. Рашевскій.

И мы всѣ тронулись къ выходу.

Когда подали его коляску, онъ самъ помогъ и княгинѣ и княжнѣ сѣсть въ нее. Матушка смотрѣла на его неловкую фигуру и едва-едва сдерживала улыбку.

XV.

Коляска покатила, загромыхавъ въ темной улицѣ, а мы пошли—впереди мы, дѣти, а позади насъ матушка со Стратономъ Алексѣевичемъ. Липочка шла съ Соней, а я одинъ, позади ихъ, и слѣдовательно ближе къ матушкѣ и Стратону Алексѣевичу и могъ слышать ихъ разговоръ.

Мы прошли шаговъ пятьдесятъ молча. Матушка сама не начинала. Началъ Стратонъ Алексѣевичъ. Онъ видимо ждалъ, чтобы начала она, но она выдерживала—и заговорить пришлось ему.

Это было до того очевидно, что я даже понималъ это: шелъ и ждалъ, кто изъ нихъ заговоритъ первый. Наконецъ онъ заговорилъ:

— Ну, а что, какъ вамъ эти Войцѣховскія нравятся? спросилъ онъ, и добавилъ: — Не правда-ли, княжна очень милая? Дѣти ее ужасно любятъ. Это та самая, про которую, помните, я разсказывалъ, что она цвѣтами завѣдуетъ...

— Ее и взрослые могутъ полюбить, не одни дѣти, сказала матушка.—Очень ловкая особа.

— То-есть какъ?.. Въ какомъ смыслѣ? серьезнымъ тономъ спросилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Красивая, изящная, видно, что въ обществѣ не потеряется... Эта въ каждомъ положеніи найдется.

— Она очень не глупа.

— Какой глупа!.. Для девятнадцати-то лѣтъ?.. Она очень даже умна для этихъ лѣтъ. Но кто онѣ такія? Онѣ какія-нибудь авантюристки должно-быть. Ея мать такая противная, сказала матушка.

— Онѣ, началъ послѣ нѣкоторой паузы Стратонъ Алексѣевичъ,—онѣ несомнѣнно когда-то очень должно-быть были богаты. Но отецъ умеръ — кажется былъ замѣшанъ въ возстаніе и даже сосланъ... Ну, а теперь у нихъ есть небольшое имѣніе, и съ тѣмъ вотъ, я разсказывалъ вамъ, вышло такое приключеніе: управляющій забралъ деньги и бѣжалъ.

— А не вымыселъ это какой-нибудь? серьезно сказала матушка.

Стратонъ Алексѣевичъ горячо сталъ отстаивать ихъ, говорилъ, что онѣ показывали ему письма, онъ самъ ихъ читалъ и проч.

— Онѣ обѣ очень вамъ признательны, что вы ихъ выручили, сказала матушка.

Стратонъ Алексѣевичъ молчалъ.

— Я ихъ совсѣмъ не знаю, опять начала послѣ небольшой паузы матушка,— ничего не слыхала объ нихъ, это мой взглядъ только, мое личное впечатлѣніе: онѣ производятъ впечатлѣніе какихъ-то... именно авантюристокъ.

— Почему это? проговорилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Повторяю, дядюшка, я можетъ-быть ошибаюсь... это мое личное впечатлѣніе... Вы лучше ихъ знаете... Но мнѣ такъ кажется... Какіе-то польскіе князья... Неизвѣстно откуда... Неизвѣстно зачѣмъ... Гдѣ-то у нихъ имѣніе... Потомъ, эта исторія съ управляющимъ... Я, дядюшка, всегда боюсь неизвѣстности...

— Да что-жъ такого?.. Что они князья—это изъ ихъ документовъ видно. Что онѣ пріѣхали на воды однѣ,—такъ какъ же имъ быть? Мать больна—дочь при ней. Что же касается этой исторіи, то, я вамъ говорю, я самъ читалъ ихъ письма.

— Я вѣдь, дядюшка, ничего вамъ не говорю. Я высказала вамъ мое личное впечатлѣніе—только. Вы желали этого,—я и сказала, не то возражая ему, не то оправдываясь, проговорила матушка.

Мы подходили къ дому. Вся квартира Стратона Алексѣевича была ярко освѣщена, и это было такъ красиво съ улицы.

— А вотъ, дядюшка, начала послѣ нѣкоторой паузы матушка, — вотъ насчетъ Липочки я хотѣла съ вами поговорить.

— Что такое? живо спросилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, такъ, это не теперь, это послѣ, отвѣчала матушка.

— Да что такое?

— Ничего, дядюшка. Это послѣ мы переговоримъ. Теперь когда же объ этомъ.

— Да въ чемъ дѣло-то? настаивалъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Ничего, дядюшка. Я такъ хочу съ вами, дядюшка, переговорить объ ней—и больше ничего. Это завтра какъ-нибудь, послѣзавтра...

Онъ не настаивалъ больше.

Когда мы ужъ поднимались на крыльцо, матушка сказала ему:

— Дядюшка, только если это у васъ долго затянется съ ужиномъ, вы тогда ужъ извините меня, если я не высижу до конца, попрошу у васъ позволенія уйти...

Онъ сталъ увѣрять ее, что это все сейчасъ. Онѣ скоро пріѣдутъ и мы сядемъ ужинать. А потомъ имъ заложатъ экипажъ и ихъ отвезутъ.

— А вы, дѣти, сейчасъ извольте спать идти, обратилась къ намъ матушка,—вамъ пора.

Стратонъ Алексѣевичъ сталъ ее упрашивать, но все, чего онъ могъ добиться, это было разрѣшено остаться одному только мнѣ, дѣвочекъ же матушка отправила спать.

Стратонъ Алексѣевичъ, какъ пришли, сейчасъ куда-то пропалъ, слышался только его голосъ въ заднихъ комнатахъ: то-то подайте, то-то принесите. Матушка ушла къ дѣвочкамъ наблюсти, все-ли тамъ у нихъ въ порядкѣ. Я остался одинъ, ходилъ по освѣщеннымъ комнатамъ и повторялъ мысленно про себя: „Авантюристки"!.. То-есть, что же это?.. Какое же это слово?.. Спросить у матушки—она сейчасъ догадается. У Анны Карловны—она слегла какъ пріѣхала, у нея заболѣли зубы. „Авантюристки"...

Княжна съ матерью не заставили себя долго ждать. Матушка даже удивилась, какъ скоро онѣ успѣли доѣхать, переодѣться и пріѣхать. Княгиня была, впрочемъ, въ томъ же платьѣ, переодѣлась только дочь. Она была теперь въ черномъ, отлично сшитомъ изъ какой-то легкой лѣтней матеріи платьѣ и была въ немъ еще лучше, еще красивѣе. Высокая, стройная, съ блистающими глазами, съ оживленнымъ, свѣжимъ лицомъ и вмѣстѣ—скромность, сама застѣнчивость и покорность по манерамъ и по разговору.

Когда онѣ подошли къ матушкѣ, чтобы еще разъ поздороваться, та ей начала говорить, какъ идетъ къ ней это платье, какъ хороша она въ немъ.

Старуха-княгиня, подошедшая тоже, слушала это съ выраженіемъ живѣйшей радости.

— Ну вотъ, видишь, Броночка, сказала она,—я тебѣ говорила, что у Стратона Алексѣевича есть вкусъ, — вотъ что? слышишь?

Дочь скромно молчала.

— Это выборъ Стратона Алексѣевича? проговорила матушка.

— Стратона Алексѣевича, отвѣчала старуха. — Это онъ Броночкѣ ко дню ея рожденія третьяго дня подарилъ. Это одно изъ шести платьевъ. Онъ заказалъ ихъ въ Москвѣ, и мѣрку туда посылалъ. И вотъ третьяго дня, какъ разъ и получили. Утромъ онъ, какъ вернулся оттуда, изъ деревни, куда онъ ѣздилъ къ этой старушкѣ, своей родственницѣ, они ужъ были присланы; онъ ихъ получилъ и прямо къ намъ, у насъ ихъ и распечатывали... И, представьте, шьютъ-то какъ въ Москвѣ—хотя бы у одного платья пришлось что-

нибудь передѣлать. Какъ будто на нее десять лѣтъ они ужь шьютъ... Ну, да вѣдь за-то и первая, говорять, портниха... и деньги ужь беретъ...

Матушка, слушавшая все время, какъ болтала старуха, съ серьезнымъ видомъ, когда она кончила, поспѣшила съ улыбкой сказать ей:

— Съ большимъ вкусомъ... Очень мило. И эти розы очень идутъ... Ахъ, это кажется живыя?

— Живыя, отвѣтила княжна, дотрогиваясь рукой до букетика изъ трехъ—красной, желтой и бѣлой—розъ, пришпиленнаго у лѣваго ея плеча.—Это мои подданные, тихо добавила она.

— Вы знаете, обратилась опять старуха къ матушкѣ,—ее вѣдь здѣсь прозвали всѣ „царицей цвѣтовъ". Стратонъ Алексѣевичъ отдалъ ихъ всѣ въ саду въ ея завѣдываніе.

— Да? удивилась матушка, какъ будто не слыхала этого раньше.—А отъ цвѣтовъ и до людей недалеко, добавила она...

Старуха ее кажется не поняла, а дочь взглянула на нее и быстро сейчасъ же опустила глаза: на щекахъ показались двѣ ямочки, но она поспѣшила прикусить губу, чтобы не улыбнуться; хрустнули тихонько только пальцы крѣпко стиснутыхъ рукъ.

Это все до такой степени выдало то, что она какъ слѣдуетъ поняла матушкинъ намекъ, что я невольно перевелъ глаза съ нея на матушку.

Въ это время къ намъ подошелъ окончившій всѣ распоряженія Стратонъ Алексѣевичъ и сказалъ что сейчасъ готовъ и ужинъ.

— А мы тутъ безъ васъ вотъ любовались на платье княжны, разбирали, дядюшка, вашъ вкусъ и, потомъ— отчего это вы намъ тогда въ деревнѣ не сказали, что спѣшили сюда ко дню рожденія княжны? Вотъ какъ! разсмѣялась матушка, но такъ, казалось, благодушно и просто.

— Да я вѣдь по дѣлу не могъ остаться. У меня расчетъ съ подрядчиками былъ въ этотъ день... И отчего же бы мнѣ не сказать, но княжну никто не знаетъ изъ тѣхъ кто тамъ былъ... полурастерянно и удивленно — откуда, дескать, она все это знаетъ? — говорилъ Стратонъ Алексѣевичъ.

— Очень, очень милое платье! смотря на княжну, проговорила матушка, и желая отвлечь или замять неловкій для Стратона Алексѣевича и для всѣхъ разговоръ, начала разсказывать какъ какая-то одна изъ здѣшнихъ портнихъ въ прошломъ году взяла съ нея тоже очень дорогую цѣну, но платье совершенно испортила, и т. д., и т. д.

XVI.

Ужинъ Стратонъ Алексѣевичъ устроилъ на славу. Во-первыхъ, весь столъ и даже вся комната были въ цвѣтахъ. Розами пахло какъ въ цвѣтникѣ, и потомъ— серебра, свѣчей—куда ни посмотри, вездѣ блеститъ, вездѣ огни.

— Ахъ, какъ это мило, воскликнула матушка, когда мы вошли въ столовую.

— Ужь кутить, такъ кутить! отвѣтилъ ей Стратонъ Алексѣевичъ. — Досадно только, любезнѣйшая племянница, что вотъ вы не согласились, отправили спать дѣвочекъ, съ недовольствомъ въ голосѣ добавилъ онъ.

— Дядюшка, имъ нельзя такъ поздно оставаться. Онѣ всегда въ десять часовъ ужь въ постели, отвѣтила въ свое оправданіе матушка.

Мы усѣлись. Направо отъ матушки, за круглымъ столомъ, на которомъ сервированъ былъ ужинъ, Стратонъ Алексѣевичъ посадилъ княгиню, налѣво — княжну, рядомъ съ нею меня, а со мною рядомъ, значитъ между мною и старухой-княгиней, почти противъ матушки, самъ сѣлъ. За каждымъ изъ насъ стояло по лакею, но это были не тѣ деревенскіе лакеи, какъ у насъ и у всѣхъ нашихъ сосѣдей, разные „Антипаши", „Петруши", „Степаши", къ физіономіямъ которыхъ мы съ дѣтства привыкли, а какіе-то новые, городскіе, во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Развертывая салфетку, какъ-то необыкновенно хитро сложенную, изъ которой при этомъ посыпались опять-таки цвѣты, матушка разсмѣялась и, обращаясь къ своей сосѣдкѣ налѣво, то есть къ княжнѣ, сказала:

— Ну, княжна, какъ хотите, а сегодня это ужь настоящій ужинъ „царицы цвѣтовъ". Я такъ и буду называть. Была, скажу, на ужинѣ „царицы цвѣтовъ"... Дядюшка! сказала она,—я говорю: сегодня—это настоящій ужинъ „царицы цвѣтовъ".

Онъ неловко разсмѣялся, а матушка начала говорить, что дѣйствительно, что же можетъ быть лучшимъ украшеніемъ, какъ цвѣты.

— Цвѣты—это молодость, сказала княгиня.

— Эмблема любви, молодости и счастія, поспѣшила добавить матушка...

Княжна, съ ямочками на щекахъ и покусывая губу, обратилась ко мнѣ и начала разспрашивать, когда меня отдадутъ въ Морской корпусъ, самъ ли я этого хочу, или этого хотятъ „папаша съ мамашей"? Дома мы говорили всегда „папенька и маменька" и оттого это „папаша съ мамашей" ужасно мнѣ показалось страннымъ. Я ей отвѣчалъ, безконечно счастливый тѣмъ, что она заговорила со мною, и даже ужь и тѣмъ однимъ что я сидѣлъ рядомъ съ нею и могъ такъ близко ее видѣть, не дѣлая надъ собою никакого рѣшительно усилія, чтобы побороть свою застѣнчивость, подойти, стать или сѣсть возлѣ нея такъ близко. Я всегда былъ ужасно неловокъ и застѣнчивъ и оттого постоянно вспыхивалъ и краснѣлъ.

Я ужь и тогда не помнилъ, что̀ я ей отвѣчалъ, но что-то отвѣчалъ, потому что она продолжала со мною говорить и какъ бы нарочно говорила, точно у нея была какая-нибудь цѣль въ это время непремѣнно говорить, точно она этимъ разговоромъ спасала себя отъ какого-то другаго дѣла, или что-то заглушала для себя.

Слушая ее и отвѣчая ей, лучше сказать—созерцая ее и млѣя отъ счастья, я ужь не слыхалъ, что̀ тамъ говорятъ другіе: я слышалъ ихъ голоса, порою смѣхъ, но и то лишь тогда, когда кто-нибудь изъ нихъ обращался къ княжнѣ и она отрывалась отъ бесѣды со мною, что-то имъ отвѣчала; я слышалъ отрывки ихъ разговора, но объ чемъ онъ у нихъ идетъ—я не вникалъ и мнѣ не было до этого никакого дѣла. Я думалъ только о томъ, чтобы она скорѣе отвѣтила имъ что̀ нужно, отдѣлалась отъ нихъ и опять бы обратилась ко мнѣ, заговорила бы со мною, а я бы имѣлъ поводъ, основаніе, право, отвѣчая ей, взглядывать на нее, любоваться и этими ямочками ея на розовыхъ ея щекахъ, и этими удивительными зубами, по которымъ, какъ живыя, бѣгали красныя губы, вдругъ разбѣгаясь въ веселую улыбку и тогда все—и губы эти, и зубы, и ямочки, и теперь, вечеромъ, темные съ блескомъ глаза ея,— все это словно искрилось.

Но они говорили должно быть весело, спокойно, хорошо, безъ шпилекъ и намековъ, потому что смѣялись и въ серединѣ, или даже въ концѣ ужина. Стратонъ Алексѣевичъ, по какому-то случаю обращаясь къ матушкѣ, произнесъ мое имя, а та, разсмѣявшись, окликнула меня и сказала мнѣ:

— Тебѣ очень нравится твоя сосѣдка?

Я, разумѣется, вспыхнулъ весь, покраснѣлъ до ушей, горло сдавило, и я бы, пожалуй, заплакалъ, если бы она вздумала продолжать шутить надо мною, но тутъ вдругъ случился совершенно неожиданный эпизодъ.

— А ты, Броночка, послѣ ужина, дай кавалеру твоему руку свою поцѣловать, какъ всегда это у насъ въ Польшѣ дѣлаютъ дамы кавалерамъ своимъ...

Она что-то еще сказала, я ужь не разобралъ, но княжна отвѣтила ей, что если я хочу, то могу это сдѣлать хоть сейчасъ и даже не только поцѣловать у нея руку, но и прямо поцѣловаться съ нею въ губы— вотъ такъ!

И она быстро взяла меня за плечи, пригнулась ко мнѣ и поцѣловала, такъ что чмокнуло даже, когда она оторвала свои губы отъ моихъ.

Я помню только, что у меня завертѣлось все въ глазахъ, что всѣ смѣялись, особенно громко Стратонъ Алексѣевичъ, а матушка, хотя и улыбающаяся, но пристально смотрѣла на меня, точно взвѣшивая причины моего смущенія и разбирая ихъ...

— Мы будемъ навѣрно друзьями, услыхалъ я голосъ княжны рядомъ со мною.

— А въ такомъ случаѣ, Броночка, раздался непріятный голосъ старухи-княгини,—ты, для скрѣпленія дружбы, выпей съ молодымъ человѣкомъ брудершафтъ на „ты“. Передъ вами стоитъ шампанское, и вы выпейте.

Я испугался, взглянулъ, какъ бы ища спасенія, на матушку. Та сидѣла не строгая, но внимательно глядя на меня. Стратонъ Алексѣевичъ подбавлялъ въ бокалы мнѣ и княжнѣ шампанское.

— Ну, берите же, взявъ одной рукой свой бокалъ, а другой опять обнимая меня за плечи и наклоняясь ко мнѣ, сказала княжна.

Я слышалъ ея дыханіе, видѣлъ ея губы, она смотрѣла прямо мнѣ въ мои растерянные, смущенные глаза.

— Берите же, повторила она, поднесла свой бокалъ къ губамъ, какъ-то предварительно подцѣпивъ меня подъ руку, и начала пить, не сводя съ меня глазъ. Потомъ, когда допила, рукавами утерла губы, дождалась пока допилъ и я, и провела рукавами же по моимъ губамъ, обхватила меня за шею и, не спѣша, крѣпко-крѣпко поцѣловала три раза, отрываясь всякій разъ губами отъ моихъ губъ.

— Ну, теперь ты долженъ мнѣ всегда говорить „ты“, и что бы тамъ ни случилось, ну, что бы ни произошло... И я *тебѣ* буду тоже говорить „ты“... Слышишь? Помни же! ужь совсѣмъ на этотъ разъ серьезно говорила княжна.

А я помнилъ только одно ощущеніе ея горячихъ губъ, на меня еще глядѣли ея глаза и я слышалъ запахъ ея духовъ, которыми она была надушена—сладкій, нѣжный—и я чувствовалъ, что у меня отъ всего этого голова кружится и я едва сижу на стулѣ...

(Продолженіе будетъ).

Шварцвальдскіе часы.

Разсказъ А. Мортмана.

На одномъ изъ самыхъ видныхъ пунктовъ сверкающаго бѣлизной мѣловаго берега Англіи, около Коригилла близъ Дувра, стоитъ хорошенькій домикъ съ зелеными ставнями и маленькимъ, заботливо содержимымъ палисадникомъ передъ окнами. Калитка палисадника приходится почти у самаго края скалы, и оттуда, по крутому скату бѣжитъ внизъ извилистая тропинка къ берегу. Но рѣдко кто ходилъ по этой тропинкѣ съ тѣхъ поръ, какъ буйные сыновья Джима Портера, владѣльца домика, выросли, сдѣлались матросами и плавали по всѣмъ морямъ земнаго шара. Только единственная ихъ сестра Доротея, или какъ ее называли дома Долли, еще оставалась дома и помогала матери держать домикъ въ такой чистотѣ, что все блестѣло въ немъ какъ зеркало,—пыль и подобные тому враги опрятныхъ хозяекъ, не знали доступа туда наверхъ.

Величайшей гордостью Джима Портера были простые шварцвальдскіе часы, которые онъ купилъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда устраивалъ для своей молодой женки уютный домикъ, гдѣ она съ той поры и царствовала полновластною госпожей, внушавшею почтительный страхъ и не терпѣвшей противорѣчія своимъ словамъ. Въ семейной хроникѣ извѣстенъ только одинъ споръ, въ которомъ Джимъ Портеръ упорно настаивалъ на своемъ мнѣніи и наконецъ, къ безграничному удивленію семьи, одержалъ побѣду,—и это было по поводу вышеупомянутыхъ шварцвальдскихъ часовъ, точность которыхъ не могла быть подвергнута сомнѣнію, безъ того чтобы не возбудить сильнѣйшаго его гнѣва. Никто кромѣ него не смѣлъ заводить эти чудесные часы; про точность ихъ онъ утверждалъ, что съ ними могутъ сравниться развѣ только часы Гринвичской обсерваторіи, провѣряемые ежедневно по солнцу. Такимъ образомъ, когда пушечный выстрѣлъ со станціоннаго корабля въ Дуврѣ, раздававшійся всегда ровно въ девять часовъ вечера, разъ, по часамъ Джима Портера, опоздалъ на пять минутъ, поднялся упорный споръ между Джимомъ бранившимъ небрежность вахтеннаго офицера и вообще все болѣе и болѣе возрастающую распущенность службы на военныхъ корабляхъ,—и спутницей его жизни, желавшей, чтобы онъ поставилъ часы по пушкѣ, и не добившейся исполненія своего требованія,—единственное пораженіе, на которое она могла указать въ теченіе всей ихъ супружеской жизни.

Впрочемъ, какъ потомъ оказалось, Джимъ и его часы были правы и передъ госпожею Портеръ и передъ станціоннымъ кораблемъ.

Долли была балованной любимицей отца, за то тѣмъ строже держала ее мать, а при существовавшемъ порядкѣ вещей, у отца она не могла найти заступничества противъ материнской строгости. Добродушная дѣвочка относилась къ этому очень легко, до того возраста, пока на нее не стали заглядываться молодые люди, да и сама она не стала живѣе, чѣмъ до сихъ поръ, интересоваться молодыми фермерами и синими флотскими блузами.

Среди ея искателей, только двое заслуживали серьезнаго вниманія, одинъ потому что онъ нравился Долли, другой потому что къ нему благоволила ея мать. Тутъ опять повторилась всегдашняя исторія: тотъ, который былъ богаче, пользовался бо̀льшимъ сочувствіемъ родителей, въ чьихъ глазахъ обладаніе нѣсколькими десятинами земли имѣло значеніе, чего Долли никакъ не могла взять въ толкъ. Но какимъ образомъ случилось, что въ выборѣ между Дикомъ Робинзономъ, къ которому благоволили родители, и Вильямомъ Фенномъ, котораго тайно выбрала въ своемъ сердцѣ Долли, рѣшающее значеніе выпало на долю непогрѣшимыхъ шварцвальдскихъ часовъ—въ этомъ играетъ роль необыкновенное стеченіе обстоятельствъ.

Въ ближнемъ городѣ, Кентербери, знаменитомъ своимъ древнимъ соборомъ, жила школьная подруга Долли. Приглашеніе въ этотъ домъ, гдѣ подруги собирались весело поболтать часокъ-другой, было настоящимъ праздникомъ для Долли, къ сожалѣнію кончавшимся всегда слишкомъ рано.

Одно изъ такихъ приглашеній, всегда встрѣчаемыхъ съ радостью, получила Долли и въ тотъ достопамятный день, который надолго остался въ памяти у жителей Дувра и его окрестностей. На этотъ разъ она рѣшилась попробовать упросить строгую мать продлить обыкновенно назначаемый ей слишкомъ короткій срокъ, но тщетно. Всѣ просьбы, всѣ доводы разбивались о непоколебимое упрямство старой женщины, ставившей слишкомъ высоко свою желѣзную систему воспитанія, чтобы допустить какое-либо послабленіе въ исполненіи своихъ приказаній. Послѣднія ея слова были:

— Въ шесть часовъ ты будешь здѣсь—это рѣшено. Ни на четверть часа позже! Или ты сегодня въ послѣдній разъ ѣдешь къ Минни. Поняла? Кажется ты меня знаешь.

Съ этими словами она ушла въ огородъ ни мало не обращая вниманія на слезы, выступившія отъ ея жесткихъ словъ, на глазахъ Долли. У Джима Портера сердце было мягче; онъ привлекъ къ себѣ дочь, гладилъ ее по щекамъ и говорилъ:

— Эхъ, дочурка, стоитъ ли плакать изъ-за какой-нибудь четверти часа. Неужели ужь такая важность для тебя быть дома въ шесть часовъ, вмѣсто четверти седьмаго.

— Хорошо если бы такъ! всхлипывала Долли.—Но для меня эти четверть часа составляютъ больше двухъ часовъ. Чтобы быть дома въ шесть часовъ, я должна уже въ три выйти отъ Минни, потому что слѣдующій поѣздъ идетъ только въ половинѣ шестаго и приходитъ въ Дувръ безъ пяти минутъ шесть. А въ пять минутъ я не могу придти оттуда домой.

— Досадно, проговорилъ съ сожалѣніемъ Джимъ.—Но,—онъ взглянулъ въ сторону жены, которая съ суровымъ видомъ прохаживалась между салатныхъ грядъ,—но ничего не подѣлаешь. Я бы на твоемъ мѣстѣ попросилъ Дика, чтобы онъ пріѣхалъ за тобой на станцію въ своемъ экипажикѣ—тогда пожалуй и успѣла бы.

— Этого я не сдѣлаю! рѣшительно заявила Долли, и Джимъ, безпомощный между упрямствомъ матери и настойчивостью дочери, ворча надѣлъ шапку, взялъ подзорную трубу и пошелъ къ своему любимому мѣсту на берегу наблюдать отходящія и входящія въ каналъ суда. Во всякомъ случаѣ это занятіе было занимательнѣе, чѣмъ возня съ женскими причудами.

Полчаса спустя Долли пришла проститься съ матерью.

— Развѣ ужь такъ поздно? съ удивленіемъ спросила она.—Мнѣ кажется я недавно слышала, какъ въ комнатѣ пробило десять. Тебѣ еще есть цѣлыхъ четверть часа времени.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Дѣвочка съ цыплятами“.

Карт. **Х. П. Платонова** (исключительно право воспроизв. въ грав. и т. п. принадлежитъ **„Нивѣ“**), грав. Шюблеръ.

— Конечно, отвѣтила Долли, вся вспыхнувъ, — но я хотѣла еще зайти къ сапожнику поговорить насчетъ твоихъ башмаковъ.

— Ну, это еще время терпитъ, возразила госпожа Портеръ. — Да пожалуй, иди. Кланяйся Минни, и не забудь: въ шесть часовъ.

Долли кивнула головой и быстрыми шагами пошла къ Дуврскому вокзалу.

Старые супруги обѣдали одни, и Джимъ только-что по обычаю вздремнулъ въ своемъ большомъ креслѣ, какъ занятая въ кухнѣ жена кликнула его. Какой-то матросъ, по виду иностранецъ и южанинъ, на ломаномъ языкѣ толковалъ ей что-то, чего она никакъ не могла разобрать, и думала, что Джимъ скорѣе сговорится съ нимъ. Одно она видѣла ясно, что у этого человѣка была сильно поранена лѣвая рука.

Джиму Портеру дѣйствительно удалось, благодаря пріобрѣтеннымъ въ прежнія морскія путешествія обрывкамъ разныхъ иностранныхъ словъ, кое-какъ понять итальянца. Это былъ матросъ изъ Ливорно, которому хотѣлось изъ Дувра пройти сухимъ путемъ въ Диль; по дорогѣ онъ упалъ, при чемъ поранилъ себѣ руку, и просилъ дать ему немножко воды и помочь сдѣлать перевязку.

Прямодушный и, несмотря на боль, веселый видъ незнакомца такъ живо напомнилъ старикамъ ихъ собственныхъ сыновей, что сердца ихъ размягчились. Они уговорили итальянца войти въ комнату, болтали съ нимъ, угостили его кофеемъ и отпустили только тогда, когда, взглянувъ на шварцвальдскіе часы, онъ объявилъ:

— Два часа, надо мнѣ идти, не то слишкомъ поздно приду въ Диль.

Они проводили его за дверь и смотрѣли за нимъ вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ глазъ; при этомъ госпожа Портеръ любовалась на яркій красный платокъ у него на шеѣ, который такъ великолѣпно шелъ къ его чернымъ волосамъ и смуглому лицу.

Послѣобѣденное время, такъ какъ говоруньи-дочурки не было дома, прошло скучнѣе обыкновеннаго, и Джимъ былъ радъ, когда большая стрѣлка приближалась къ 12-ти, а маленькая къ 6-ти. Уже прозвучало извѣстное шипѣнье, которое въ такихъ часахъ „предвѣщаетъ“, что они будутъ бить; Джимъ Портеръ съ безпокойствомъ посматривалъ на дверь, опасаясь, какъ бы Долли не опоздала. Но вотъ она уже бѣжитъ, едва переводя духъ, — ни одной секундой раньше.

— Что, небось поклонилась Дику? спросилъ, лукаво посмѣиваясь, Джимъ.

— И не думала, отрѣзала Долли и при этомъ такъ сильно тряхнула головой, что вся покраснѣла какъ огонь. — Я не переводя духа бѣжала отъ Дувра, вотъ и поспѣла.

— Да, да, молодыя ноги; мнѣ бы ужъ это не подъ силу было, замѣтилъ Джимъ.

И когда вечеромъ пушечный выстрѣлъ съ корабля ея величества „Альберта“ прогремѣлъ секунда въ секунду съ первымъ ударомъ шварцвальдскихъ часовъ, Джимъ Портеръ былъ болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденъ въ непогрѣшимости своего почтеннаго указателя времени.

На другой день рано утромъ Долли надо было ѣхать къ теткѣ, жившей за нѣсколько миль, и такимъ образомъ она ничего не узнала о тревожныхъ извѣстіяхъ, которыя вскорѣ дошли до домика въ Коршиллѣ и сдѣлали его обитателей важными дѣйствующими лицами въ кровавой драмѣ.

По большой дорогѣ между Дувромъ и Дилемъ стоялъ въ уединенномъ мѣстѣ маленькій домикъ нѣкоей госпожи Броунъ, одинокой вдовы; она слыла за достаточную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скупую женщину; послѣднее мнѣніе подтверждалось тѣмъ, что, несмотря на преклонные годы, она не держала прислуги и все домашнее дѣло справляла одна. Только два или три раза въ недѣлю приходила къ ней изъ Дувра разнощица съ разнымъ товаромъ, доставлявшая ей все необходимое по хозяйству.

Отъ этой женщины прежде всего и узнали въ домѣ Джима Портера о происшествіи, случившемся наканунѣ. Женщина эта, какъ обыкновенно, между тремя и четырьмя часами подошла къ дому вдовы и удивилась, отчего дверь не заперта. Когда же она вошла въ домъ, то глазамъ ея представилось ужасное зрѣлище: вдова Броунъ лежала на полу мертвая, истекая кровью изъ глубокой раны на шеѣ. Всѣ ящики, сундуки, комоды были открыты, кругомъ въ страшномъ безпорядкѣ валялись вещи, очевидно на-скоро выброшенныя при поискахъ денегъ и драгоцѣнностей. Подлѣ трупа лежали упавшіе со стѣны часы. Въ рукѣ у мертвой былъ маятникъ, за который она вѣроятно схватилась падая, и что повидимому было причиною паденія часовъ.

Разнощица подняла тревогу, и вскорѣ полиція прибыла на мѣсто преступленія. Немедленно произведенные во всей окрестности допросы насчетъ подозрительныхъ личностей привели къ необыкновенно быстрымъ результатамъ: нѣсколько человѣкъ извозчиковъ показали, что они видѣли, какъ въ 3¼ часа изъ калитки домика вышелъ какой-то человѣкъ, по виду матросъ, съ обвязанной рукой, и съ величайшей поспѣшностью пошелъ по дорогѣ къ Дилю. Онъ походилъ на иностранца, и что особенно въ немъ бросалось въ глаза — это красный платокъ, который былъ у него свободно повязанъ на шеѣ. Въ тотъ же вечеръ этотъ человѣкъ былъ арестованъ въ Дилѣ, и у него нашли старомодный золотой наперстокъ, принадлежавшій, по показанію нѣсколькихъ свидѣтелей, умершей вдовѣ. Объясненія обвиняемаго, насколько можно было разобрать его ломаный англійскій языкъ, сводились къ тому, что онъ вовсе не входилъ въ домъ, а только всего нѣсколько минутъ посидѣлъ на скамейкѣ у калитки; а наперстокъ онъ будто бы поднялъ на улицѣ, въ пыли, и взялъ себѣ.

Конечно, это однѣ пустыя увертки, какъ объясняла съ трепетомъ слушавшимъ ее супругамъ изо всѣхъ силъ тараторившая разнощица. Въ ея глазахъ дѣло этого человѣка было впередъ потеряно; да къ тому же это иностранецъ, а по мнѣнію простаго народа въ Англіи, иностранецъ способенъ на всякое злодѣйство. Но весь ея неутомимый потокъ рѣчей пропалъ даромъ. Джимъ, при описаніи наружности пойманнаго преступника, тотчасъ же вспомнилъ о морякѣ, котораго они съ женой такъ ласково приняли. Могли ли они это подозрѣвать! Между тѣмъ, припоминая открытый, честный видъ незнакомца, Джимъ не могъ себѣ представить, чтобы такой человѣкъ могъ быть грабителемъ и убійцей. Покачивая головой, пошелъ онъ въ судъ, куда былъ вызванъ къ слѣдствію въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу.

Если бы у него и оставалась слабая надежда, что все-таки можетъ-быть другой, а не его вчерашній гость, обвинялся въ столь тяжкомъ преступленіи, то при первомъ взглядѣ на сидѣвшаго между двумя жандармами подсудимаго, онъ долженъ былъ признать, что его итальянецъ и дерзкій убійца одно и то же лицо. Онъ долженъ былъ съ большимъ усиліемъ подавить въ себѣ желаніе сдѣлать привѣтливый кивокъ этому человѣку, на котораго со всѣхъ сторонъ устремлялись непріязненные взгляды, и отвернувшись отъ него, съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ домой.

Слѣдствіе окончило осмотръ тѣла и мѣста преступленія. Приговоръ гласилъ, какъ иначе и быть не могло: „убійство, совершенное съ цѣлью ограбленія имущества убитой“. Вслѣдствіе того, что упавшіе часы остановились на безъ четверти три, время совершенія убійства могло быть съ точностью опредѣлено. Заключеніе доктора вполнѣ согласовалось съ этимъ указаніемъ.

Какъ на вѣроятнаго виновника преступленія, слѣдствіе указывало на арестованнаго итальянца Маріо Милоцци; на него падало сильнѣйшее подозрѣніе, и всѣ улики противъ него повидимому подтверждались. Противъ него говорило обладаніе наперсткомъ, равно какъ взятое въ расчетъ согласованіе во времени: въ два часа, какъ выяснено показаніемъ Джима Портера, онъ вышелъ изъ дому послѣдняго; въ три четверти часа, при быстрой ходьбѣ, онъ могъ достигнуть мѣста преступленія, а тамъ его видѣли между тремя и четырьмя часами. Онъ и не дѣлалъ попытки оспаривать эти факты, и только настойчиво отрицалъ даваемое имъ объясненіе. Въ доказательство того, что онъ не могъ совершить преступленія, приводилъ онъ то, что у него нѣтъ ни копѣйки денегъ. Но на это самый глупый изъ констаблей отвѣтилъ бы только презрительной усмѣшкой. Откроется и то, куда онъ припряталъ награбленныя деньги, отвѣтили ему на это.

Джимъ Портеръ горячо принялъ къ сердцу судьбу чужеземца. Онъ лишился хорошаго расположенія духа, и считалъ бы себя очень несчастнымъ, если бы его показаніе послужило къ обвиненію подсудимаго. Жена его, ревниво оберегавшая свою единодержавную власть, не допускала въ его присутствіи разговоровъ объ этомъ происшествіи, чтобы не раздражать его напрасно. Такимъ образомъ случилось, что Долли и вернувшись домой, очень мало слышала объ этой печальной исторіи; къ тому же она мало интересовалась ею, такъ какъ была слишкомъ занята своими сердечными дѣлами.

Мать очень ловко воспользовалась этими обстоятельствами; она каждый день настойчивѣе и настойчивѣе представляла дочери, какъ бы это благодѣтельно подѣйствовало на разстроенное состояніе духа Джима, если бы Долли исполнила его желаніе и дала слово Дику Робинзону. Однако Долли, хотя и не смѣла высказывать этого, но втайнѣ была того мнѣнія, что отецъ гораздо менѣе матери заинтересованъ ея бракомъ, и выказывала твердое сопротивленіе, вслѣдствіе чего ей приходилось переживать тяжелыя минуты.

И такъ, раздраженіе и несогласіе царили въ маленькомъ уютномъ домикѣ до того дня, когда въ кентерберійскомъ окружномъ судѣ было назначено къ слушанію дѣло Маріо Милоцци. Джимъ Портеръ съ женой поѣхали туда: онъ — чтобы дать свое показаніе, она — чтобы послушать. Долли осталась дома и была очень довольна этимъ. Справившись съ самыми необходимыми работами по хозяйству, усѣлась она передъ домомъ; она рада была, что хоть разъ нѣтъ надъ ней строгаго материнскаго глаза, — можно немножко полѣниться, помечтать, полюбоваться на берегъ и на оживленный парусами каналъ. Часы пробили девять, — скоро процессъ долженъ начаться, на минуту промелькнуло въ мысляхъ Долли, но она тотчасъ же обратилась къ своему прежнему предмету, Вильяму Фенну, котораго она не видала уже нѣсколько дней.

Съ тропинки, идущей отъ берега, послышались голоса; Долли съ досадой, что нарушаютъ ея покой и одиночество, приподняла голову, чтобы посмотрѣть кто бы это могъ быть. Это оказались два старыхъ лоцмана, друзья ея отца. Они подошли къ деревянной рѣшеткѣ, дружески поздоровались съ Долли, и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Развѣ старика нѣтъ дома?

Долли объяснила куда поѣхали ея родители. Старые морскіе волки подсѣли къ ней, и разговоръ зашелъ о дѣлѣ Милоцци. Сначала Долли слушала безъ особеннаго интереса, но какое-то случайное замѣчаніе возбудило ея вниманіе; она начала разспрашивать подробнѣе, и приходила все въ бо́льшее и большее волненіе, которое съ трудомъ могла скрыть отъ своихъ посѣтителей.

Обстоятельство, возбудившее въ ней такое сильное безпокойство, было слѣдующее. Защитникъ Милоцци намѣревался кромѣ опроверженія слишкомъ слабыхъ уликъ, особенно напирать на то, что его кліентъ только въ такомъ случаѣ могъ бы въ три-четверти часа пройти разстояніе между домомъ Джима Портера и мѣстомъ гдѣ совершилось убійство, если бы онъ всю дорогу безостановочно бѣжалъ бѣгомъ; между тѣмъ, такое предположеніе уже потому неправдоподобно, что во все время, пока Джимъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, онъ шелъ ровнымъ шагомъ, и если бы продолжалъ такъ идти, то ему понадобилось бы на этотъ путь по крайней мѣрѣ четверть часа лишнихъ. Но какъ бы тамъ ни было, это не слишкомъ-то убѣдительный доводъ, и оба моряка считали другія обстоятельства настолько подозрительными, что навѣрное присяжные не придадутъ никакого значенія этому соображенію адвоката. Да, если бы времени было такъ *мало*, что вообще дойти до этого мѣста было бы *невозможно*, или если бы можно было усомниться въ благонадежности часовъ Джима Портера,—но вѣдь каждому извѣстно, что они вѣрны, какъ хронометръ.

Долли бросало въ жаръ и холодъ: она знала, что таковъ будетъ взглядъ и присяжныхъ, и если они рѣшатъ дѣло согласно съ нимъ, то Милоцци навѣрное будетъ приговоренъ къ смерти. А вѣдь онъ невиненъ, — кто-жъ могъ знать это лучше Долли?

Она сидѣла какъ на горячихъ угольяхъ; время шло, а оба гостя болтали, и незамѣтно было, чтобы собирались уходить,— между тѣмъ каждая минута была дорога; наконецъ, ей пришла счастливая мысль.

— Не сдѣлаете-ли вы мнѣ одного одолженія, Бобъ? обратилась она къ одному изъ моряковъ, съ самой очаровательной улыбкой.

— Не одно, а десять, моя красоточка, любезно отвѣтилъ Бобъ.—Въ чемъ дѣло?

— Постерегите за меня домъ съ полчасика: мнѣ необходимо нужно сходить тутъ недалеко.

Бобъ шутливо погрозилъ ей пальцемъ.

— О-о, Долли! проговорилъ онъ.—Это подозрительно! Вѣрно къ милому дружку?

— Чего вы не придумаете, Бобъ! горячо возразила дѣвушка.— Я забыла купить кофею, а вы знаете, мать вернется, славно мнѣ достанется.

— Да-да, согласился старикъ, — она крѣпко держитъ свою команду.

— Котелокъ съ кипяткомъ стоитъ на плитѣ, а ромъ и водочку вѣдь вы знаете гдѣ найти?

Мольба-ли въ глазахъ Долли, или соблазнительная перспектива крѣпкаго грога, или то и другое вмѣстѣ, сдѣлали эту просьбу непреодолимою, но только оба пріятеля изъявили готовность подежурить часочекъ или два за свою хорошенькую пріятельницу.

Пока они спокойно располагались въ домѣ, Долли живо надѣла шляпу, набросила на плечи платокъ и полетѣла по ближайшей дорогѣ черезъ поле къ Вильяму Фенну, который тотчасъ же долженъ заложить лошадь и везти ее въ Кентербери; въ два часа времени можно туда доѣхать, если онъ будетъ хорошенько погонять своего пони.

Но его не было дома; она застала только его мать, и та не знала куда онъ поѣхалъ. Можетъ-быть онъ и сейчасъ будетъ дома, а можетъ случиться, что и часа два не вернется.

„Что-жъ теперь дѣлать?"

Съ минуту Долли колебалась, но сейчасъ же ей стало стыдно, что ей легче пожертвовать жизнью человѣка, чѣмъ побѣдить свое отвращеніе къ Дику Робинзону. Она должна пойти къ нему и попросить его отвезти ее въ Кентербери.

На этотъ разъ она была счастливѣе; только что она немного отошла отъ дома Фенна, какъ встрѣтила Дика Робинзона, ѣдущаго на парѣ красивыхъ карихъ лошадокъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ остановился, выскочилъ изъ экипажа и вѣжливо осклабясь, поздоровался съ ней:

— Куда это вы такъ спѣшите, миссъ Долли?

— Къ вамъ, Дикъ; о, у меня къ вамъ такая большая просьба! Вы должны ее исполнить. Дѣло идетъ о жизни человѣка—мнѣ во что бы то ни стало нужно быть въ Кентербери.

— Такъ, такъ, вамъ нужно въ Кентербери, медленно повторилъ Дикъ.—И дѣло идетъ о жизни человѣка? Да здѣсь что-то опасное! Какъ же это такъ?

— Не разспрашивайте такъ много, Дикъ, я знаю одну вещь, которая докажетъ, что Милоцци невиновенъ.

— Милоцци? спросилъ въ раздумьи Робинзонъ. — Это тотъ иностранецъ, убійца? Ну, такъ пускай его повѣсятъ! Это навѣрное онъ убилъ!

— Но я вамъ говорю, что *нѣтъ*, гнѣвно возразила Долли,— я знаю.

Дикъ все еще не находился, какъ ему достойнымъ образомъ исполнить желаніе царицы своего сердца; онъ раздумывалъ и такъ, и сякъ, наконецъ въ его неповоротливомъ мозгу выработался планъ, казавшійся ему чудомъ хитрости.

— Я хочу сказать вамъ кое-что, миссъ Долли, началъ онъ.— Я отвезу васъ; но долгъ платежемъ красенъ. Дайте мнѣ согласіе, котораго я уже давно жду.

— Какъ не стыдно вамъ! воскликнула Долли съ пылающими щеками.—И вы можете предлагать мнѣ такой торгъ?

— Я не вижу въ этомъ ничего дурнаго, флегматично отвѣчалъ Дикъ.—Вамъ дороже всего на свѣтѣ попасть въ Кентербери, — мнѣ дороже всего на свѣтѣ услышать отъ васъ „да". Стало-быть, это какъ есть честный, правильный торгъ.

Всѣ просьбы Долли были тщетны. Дикъ настаивалъ на своемъ требованіи, и бѣдная дѣвушка въ горѣ и страхѣ не знала на что̀ рѣшиться.

— Рѣшайтесь, Долли, сказалъ Робинзонъ, направляясь къ эпипажу и дѣлая видъ, что хочетъ садиться.—Неужели изъ-за вашего упрямства будетъ повѣшенъ невинный?

Долли бросила на него пылающій презрительный взглядъ и проговорила:

— Жалкій человѣкъ, скорѣе я согласна бѣжать, пока не упаду отъ изнеможенія, чѣмъ уступлю вамъ! Или если...

Съ радостнымъ крикомъ прервала она свою гнѣвную рѣчь. По дорогѣ ѣхалъ въ своей таратайкѣ Вильямъ Феннъ — теперь она спасена! Не обращая больше вниманія на Робинзона, побѣжала она къ таратайкѣ. Феннъ точно такъ же удивился увидѣвъ здѣсь Долли, какъ передъ тѣмъ былъ удивленъ Робинзонъ; но когда она въ короткихъ словахъ передала свою просьбу, онъ только сказалъ: „Садитесь скорѣе!.. Ну, трогай, миссъ!" Послѣднее восклицаніе относилось къ пони, который навострилъ уши, качалъ головой, какъ будто бы вся исторія казалась ему въ нѣкоторомъ родѣ подозрительною, однако тронулся и побѣжалъ ровной рысцой, не измѣняя ей всю дорогу, пока Феннъ не остановилъ его у зданія суда въ Кентербери.

Дорогой Долли разсказала ему все и уговорилась, какъ ей лучше поступить. Съ однимъ изъ констаблей она послала передать защитнику написанную карандашомъ записку, и черезъ нѣсколько минутъ Долли, къ неописанному удивленію своихъ родителей, сидѣла на свидѣтельской скамьѣ.

Допросъ свидѣтелей былъ давно оконченъ, и прокуроръ въ своей ясной и убѣдительной рѣчи какъ разъ дошелъ до того мѣста, гдѣ въ заключеніе обращался къ присяжнымъ засѣдателямъ съ внушеніемъ, чтобы отсутствіе прямыхъ уликъ не слишкомъ подкупало ихъ въ пользу подсудимаго и не заставляло умалять значеніе косвенныхъ уликъ. Онъ еще разъ сдѣлалъ общій обзоръ этихъ послѣднихъ и въ искусной группировкѣ онѣ дѣйствительно представляли подавляющій матеріалъ для обвиненія.

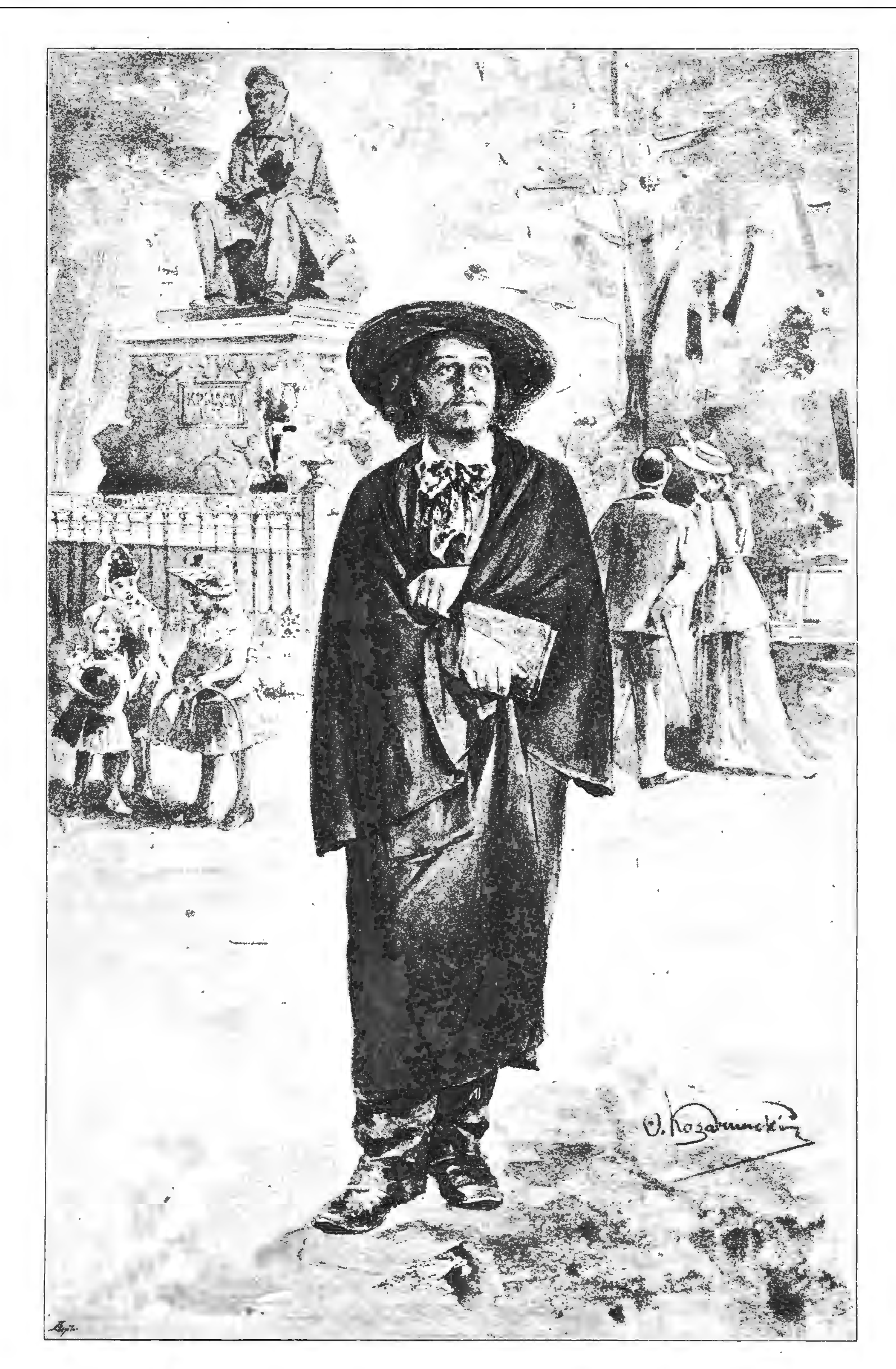
Всѣ были въ напряженномъ состояніи, ожидая что̀ будетъ говорить въ своемъ опроверженіи защитникъ, но никто не ожидалъ того, что̀ онъ сказалъ въ дѣйствительности. Онъ началъ:

— Господа присяжные! Положеніе мое одно изъ самыхъ необычайныхъ, въ какомъ только можетъ очутиться защитникъ. Во всеоружіи фактовъ, данныхъ мнѣ въ руки убѣжденіемъ въ невиновности подсудимаго, готовый вступить въ трудную борьбу съ остроуміемъ и краснорѣчіемъ господина прокурора, въ послѣднюю минуту я долженъ признать безполезность всего собраннаго мною матеріала, и какъ сейчасъ увидятъ, добровольно отказаться отъ него.

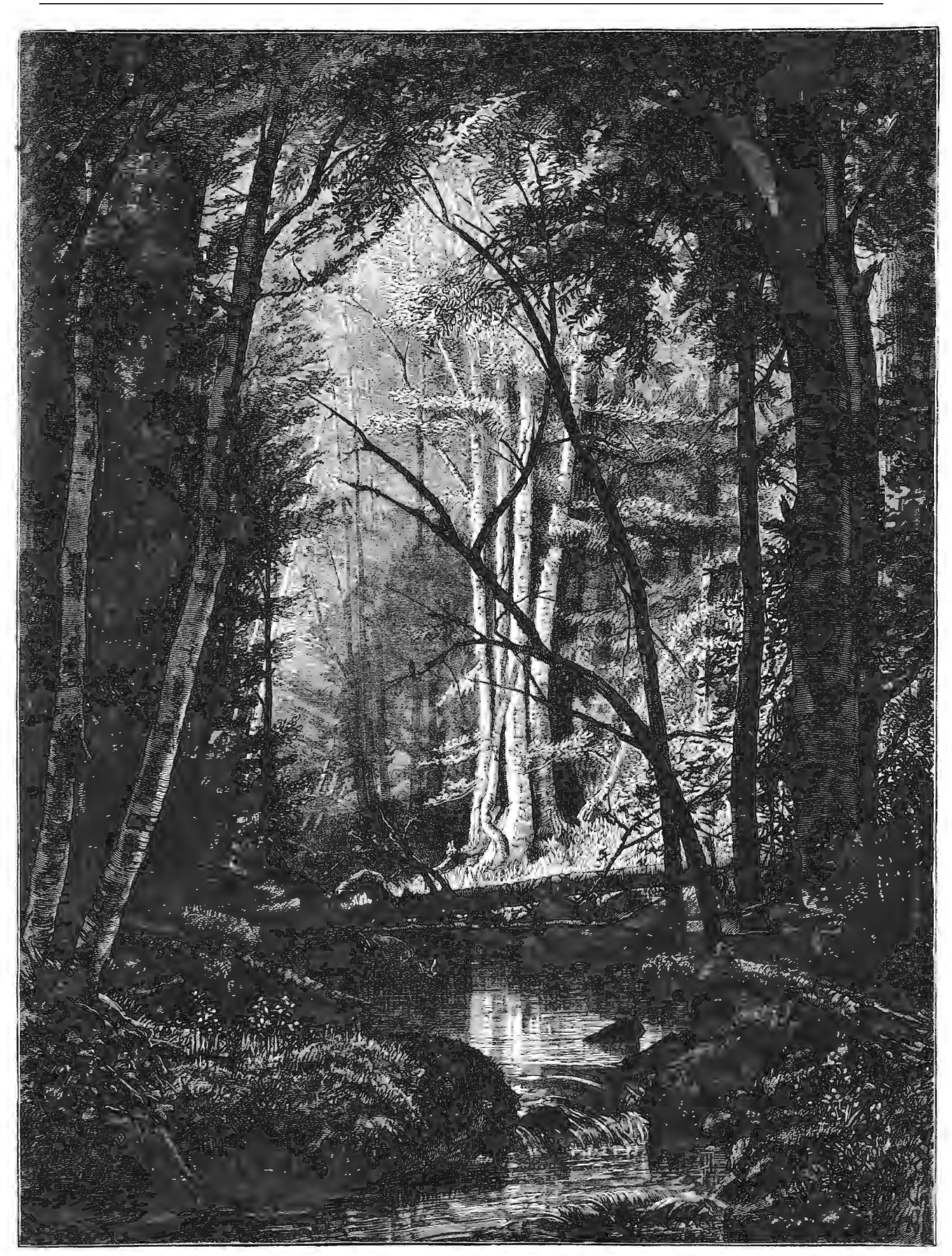
Здѣсь онъ сдѣлалъ маленькую паузу, чтобы дать этому неожиданному вступленію произвести полное впечатлѣніе.

— Но, милостивые государи, продолжалъ онъ, возвышая голосъ,—я бросаю мелкія серебряныя деньги, не потому чтобы находился, такъ-сказать, въ странѣ, гдѣ онѣ не имѣютъ никакой цѣны, а потому, что я теперь обладаю золотыми монетами, которыя дѣлаютъ излишними мою съ трудомъ собранную размѣнную монету. Другими словами: между тѣмъ, какъ до сихъ поръ и всѣ старанія направлялъ къ тому, чтобы обезсилить доказательства виновности подсудимаго—задача трудная, почти безнадежная!—теперь я имѣю счастіе представить прямое доказательство того, что Маріо Милоцци не имѣлъ возможности совершить убійства. Онъ *не могъ* бы этого сдѣлать, если бы даже хотѣлъ, такъ какъ мистриссъ Броунъ, по удостовѣренію судебнаго слѣдствія, была убита по крайней мѣрѣ за четверть часа раньше, чѣмъ Милоцци подошелъ къ ея дому. Неоспоримое доказательство этого факта я получилъ только нѣсколько минутъ тому назадъ отъ находящейся здѣсь свидѣтельницы, госпожи Доротеи Портеръ. Я прошу судъ и господина прокурора позволенія допросить свидѣтельницу.

Предсѣдатель послѣ короткихъ переговоровъ со своими коллегами, далъ разрѣшеніе, прокуроръ также не изъявилъ про-

Мечтатель. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Ѳ. Козачинскаго**, автотипія Ангерера.

Въ лѣсной глуши. Съ карт. Мадра, грав. Девисъ.

теста. Послѣ того, какъ была удостовѣрена личность Долли, и послѣдняя приняла присягу, защитникъ началъ опять:

— Я долженъ обратить вниманіе суда на то обстоятельство, что важнымъ пунктомъ въ моей системѣ защиты былъ вопросъ, достаточно-ли было времени, съ той минуты, какъ Милоцци вышелъ изъ дома свидѣтеля Портера, и до той, когда было совершено убійство, чтобы пройти разстояніе между обоими домами. Позволю себѣ напомнить, что этого разстоянія нельзя въ три четверти часа пройти иначе, какъ бѣгомъ. Но если я докажу, что для этого пути въ распоряженіи подсудимаго было всего только двадцать-пять минутъ, то это сдѣлаетъ яснымъ невозможность для Милоцци пройти этотъ путь, а слѣдовательно и невозможность того, чтобы онъ совершилъ убійство. Могу васъ просить, госпожа Портеръ, ясно и точно отвѣчать на мои вопросы?

Тутъ онъ сдѣлалъ опять маленькую паузу; напряженіе достигло высочайшей степени, когда защитникъ, наконецъ, предложилъ вопросъ:

— Твердо помните вы день, когда было совершено убійство вдовы Броунъ?

— Это было 14 іюня.

— А гдѣ вы были въ тотъ день?

— Въ Кентербери.

— Можете вы опредѣлить, по какой причинѣ вы увѣрены въ этомъ?

— Когда я вечеромъ вернулась домой, мнѣ разсказали о незнакомцѣ, который приходилъ во время моего отсутствія. На другой день я поѣхала къ своей теткѣ, и изъ письма отъ матери узнала, что этотъ самый человѣкъ обвиняется въ убійствѣ.

— Прекрасно. Вы видите, милостивые государи, обратился защитникъ къ присяжнымъ, — я не хочу оставлять никакихъ пробѣловъ въ цѣпи выясняемыхъ доказательствъ. Теперь прошу вашего полнаго безраздѣльнаго вниманія. Госпожа Портеръ, часы въ домѣ вашего отца всегда шли вѣрно?

— Минута въ минуту, не колеблясь отвѣчала Долли.

— Также и въ тотъ день?

— Нѣтъ.

— Почему вы это знаете?

Долли со стыдомъ опустила глаза и видимо боролась сама съ собой; но она чувствовала, что ужь не можетъ идти назадъ, и отвѣчала послѣ короткаго колебанія:

— Я передвинула стрѣлки назадъ, такъ что онѣ показывали на двадцать минутъ позднѣе.

— Когда вы это сдѣлали?

— Около десяти часовъ утра.

— Слѣдовательно,—дабы исключить какое-либо недоразумѣніе, — когда часы показывали два, сколько было въ дѣйствительности?

— Двадцать минутъ третьяго.

Здѣсь поднялся прокуроръ съ замѣчаніемъ:

— Въ данномъ раньше показаніи отца свидѣтельницы упоминается, что вечеромъ часы пробили девять въ ту самую минуту, какъ раздался выстрѣлъ со сторожеваго корабля въ Дуврѣ; значитъ часы шли вѣрно. Какъ объясните вы это?

Долли отвѣчала:

— Возвратясь домой, я немедленно, между шестью и семью, опять переставила стрѣлки вѣрно.

— Какой поводъ имѣли вы для совершенія такого поступка?

Долли опустила головку и нерѣшительно отвѣчала:

— Я должна была вернуться домой къ шести часамъ—такъ желала мать. Я боялась опоздать, такъ какъ была въ Кентербери въ гостяхъ у подруги, и вотъ чтобы этого не замѣтили, я и переставила часы.

— Это не дурно, сказалъ улыбаясь судья,—и все объясняетъ. Прошу васъ садиться.

Долли робко сѣла на свое мѣсто возлѣ родителей; Джимъ съ любовью пожалъ ея руку, но мрачное чело мамаши предвѣщало бурю; всѣ трое почти не замѣчали, что Долли сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія.

Теперь задача защитника была очень легка. Онъ доказывалъ, что во время убійства Милоцци не могъ быть на мѣстѣ преступленія; въ горячихъ выраженіяхъ отдавалъ справедливость энергіи и рѣшимости молодой дѣвушки, ни передъ чѣмъ не остановившейся, чтобы въ послѣднюю минуту спасти невиннаго, и съ особеннымъ удареніемъ прибавилъ, бросая взглядъ въ сторону насупившейся родительницы, что Долли, за всѣ могущія возникнуть ей непріятности вслѣдствіе ея показаній, получитъ полное вознагражденіе въ отрадномъ сознаніи, что она сдѣлалась орудіемъ спасенія невинно обвиненнаго.

Прокуроръ отказался отъ возраженія, предсѣдатель коротко изложилъ результаты преній, присяжные удалились и возвратились черезъ нѣсколько минутъ съ вердиктомъ „невиновенъ“.

Маріо Милоцци пожалъ руку своему защитнику, и потомъ, со всей наивной горячностью уроженца Юга, стремительно бросился къ Долли, схватилъ ея обѣ руки, прижималъ ихъ къ своему сердцу, къ губамъ, и смѣясь и плача, съ невообразимой быстротой рѣчи, призывалъ благословеніе Пресвятой Дѣвы Маріи и всѣхъ Святыхъ на Долли и ея родителей, на ея будущаго мужа и дѣтей, и на дѣтей ея дѣтей. На улицѣ зрители и масса народа встрѣтили смущенную дѣвушку новыми оваціями, прекратившимися только тогда, когда она съ родителями вошла въ вокзалъ. Напрасно Долли искала здѣсь глазами Вильяма, котораго ей очень хотѣлось еще разъ поблагодарить; онъ сейчасъ по окончаніи суда уѣхалъ домой.

Долли съ нѣкоторымъ безпокойствомъ подъѣзжала къ дому; теперь только она вспомнила объ обоихъ морякахъ, которыхъ она въ нѣкоторомъ родѣ поймала въ западню. Но ромъ и водка сократили имъ время, и единственная ихъ месть Долли состояла въ томъ, что къ напиткамъ они прибавили обѣдъ, съѣвъ всѣ кушанья, найденныя въ кухнѣ.

На другой день Джимъ Портеръ собственной персоной явился къ Фенну и пригласилъ его возобновить посѣщенія ихъ дома, а ужь онъ давно не смѣлъ туда показываться. Сначала Вильямъ не зналъ, чему приписать эту перемѣну вѣтра, и даже нѣкоторые таинственные намеки Джима не заставили его ни объ чемъ догадаться. Однако онъ не преминулъ ковать желѣзо пока оно горячо, и въ тотъ же вечеръ отправился въ домикъ около Корнгилла. И тамъ сама неприступная госпожа Портеръ разсказала ему, какъ Долли, когда разразилась надъ ней грозная домашняя буря, все время слушала покорно, не проронивъ словечка, пока въ материнскую нотацію не былъ вплетенъ Дикъ Робинзонъ; тутъ, съ сверкающими глазами, дрожащимъ голосомъ, она вдругъ объявила, что никогда слова не скажетъ съ Робинзономъ. Мать, хотя и не очень-то охотно, но все-таки, когда Долли разсказала ей о поступкѣ Дика, согласилась съ ней, что это недостойно порядочнаго человѣка. А такъ какъ, съ другой стороны, Вильямъ выказалъ такое безкорыстное служеніе долгу, то она сегодня утромъ послала къ нему своего мужа пригласить его къ себѣ.

Тайна преступленія, которому Долли и Вильямъ обязаны были своимъ счастьемъ, много лѣтъ оставалась неразъясненной. Уже цѣлая куча румяныхъ ребятишекъ прыгала вокругъ очага Вильяма и Долли, какъ разъ вечеромъ Вильямъ принесъ домой газету, гдѣ было напечатано о казни одного убійцы въ Манчестерѣ.

„Когда преступникъ—такъ было сказано въ пространной статьѣ,—узналъ, что его просьба о помилованіи отвергнута, онъ признался въ скрываемомъ имъ много лѣтъ преступленіи, говоря, что передъ смертью хочетъ облегчить свою совѣсть признаніемъ еще въ одномъ злодѣйствѣ. И затѣмъ онъ разсказалъ, какъ много лѣтъ тому назадъ, между Дилемъ и Дувромъ, онъ убилъ одну одиноко жившую вдову. Изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что это то самое, остававшееся до сихъ поръ неоткрытымъ убійство, изъ-за котораго одинъ итальянецъ чуть не былъ приговоренъ къ смерти. Читатели болѣе стараго поколѣнія, вѣроятно, еще помнятъ, какого шуму надѣлало тогда обстоятельство, въ послѣднюю самую минуту открывшее невиновность подсудимаго“.

Къ рисункамъ.

„Дурка“, картина художника К. В. Лебедева.

(Рис. на стр. 440).

Московскій художникъ, Клавдій Васильевичъ Лебедевъ, давно уже извѣстенъ читателямъ *Нивы* по тѣмъ оригинальнымъ рисункамъ и по тѣмъ снимкамъ съ картинъ, выставляемыхъ на передвижной выставкѣ, которые К. В. Лебедевъ уже нѣсколько лѣтъ сряду помѣщалъ у насъ. Читателямъ *Нивы*, вѣроятно, въ особенности памятны большіе рисунки этого молодаго и высоко-талантливаго художника: *Божій судъ* — судебный поединокъ боярина Морозова съ княземъ Вяземскимъ (изъ романа А. Толстаго „Князь Серебряный“), *Христосованіе боярины съ нищими*, *Взятіе подъ стражу Шакловитаго* (сцена изъ романа П. Н. Полевого „Братья-Соперники“), *Боярская свадьба* и т. д. На нынѣшней передвижной выставкѣ К. В. Лебедевъ поставилъ двѣ картины: *Царскій шутъ* (подпаиваемый боярами, которые черезъ него ходатайствуютъ передъ царемъ) и *Дурка*.

Оба эти произведенія, небольшія по объему, отличаются однакоже всѣми тѣми большими достоинствами, которыя составляютъ характерную особенность всѣхъ художественныхъ произведеній К. В. Лебедева. Изящество и вѣрность рисунка, необыкновенная тонкость и мягкость письма, вѣрность историческихъ деталей и большое разнообразіе выводимыхъ на сцену русскихъ типовъ — вотъ что видимъ мы и въ этихъ произведеніяхъ нашего художника, какъ и во всѣхъ предшествующихъ. Видно еще и то, что художникъ, всей душою преданный русской и преимущественно московской старинѣ, не перестаетъ изучать ее съ любовью—не перестаетъ совершенствоваться въ передачѣ ея деталей, съ поразительною точностью списывая ихъ съ натуры.

Дурка Клавдія Васильевича Лебедева вводитъ насъ въ ту

вакулисную сторону теремной жизни, которая составляла главное зло *терема*, какъ жизненной формы, какъ очага семьи. Наши теремныя затворницы, осужденныя на то, чтобы вѣкъ вѣковать въ четырехъ стѣнахъ своего *тюнекея* (женской половины дома), лишенныя всякаго общенія съ мужчинами до выхода замужъ, не вынужденныя ничѣмъ обязательно заниматься, не воспитанныя съ дѣтства въ пристрастіи къ тому или другому труду, исключительно предоставленныя самимъ себѣ — должны были, прежде всего, ужасно скучать. Скука была страшнымъ бичемъ терема. Тѣ, кто умѣли посвящать себя исключительно заботамъ о тѣлѣ и удовлетвореніи его потребностей, въ комъ преобладали животные инстинкты съ примѣсью восточной лѣни и беззаботности, — сживались съ теремомъ и не тяготились его обстановкой. Но за то тѣ немногія, рѣдкія женскія натуры, въ которыхъ духовный элементъ преобладалъ надъ тѣлеснымъ — тѣ были истинными мученицами въ теремахъ. Однѣ изъ нихъ сохли и погибали; другія искали выхода на просторъ и волю всѣми способами, и часто рѣшались для этого на безумныя затѣи и на страшныя преступленія. Для того, чтобы смягчить *скуку*—въ теремѣ были свои развлеченія... Но какія? Страшно подумать! Развлеченія эти состояли въ томъ, что боярыни и боярышни окружали себя *дурками* (т. е. отъ природы глупыми, неразвитыми и неспособными къ развитію идіотками), *шутихами*, сказочницами или *вральями*, которыя умѣли болтать безъ умолку всякій вздоръ. Всѣ эти члены теремной шутовской команды, подъ угрозою домашней расправы, должны были обязательно забавлять своихъ госпожъ немудреными измышленіями своими или плясками, уродливыми прыжками и кувырканьями. И вотъ одну изъ такихъ-то *дурокъ* (замѣчательно типичную) художникъ Лебедевъ избралъ главною фигурою для своей картины. Безсмысленно открывъ ротъ и искрививъ физіономію подобіемъ улыбки, дурка сидитъ на полу, воображая себѣ, что она тѣшитъ свою госпожу-боярыню, которая почти не слушаетъ ее съ грустною думою на челѣ, съ тоскою во взорахъ, съ болью въ сердцѣ отъ всей той противной теремной обстановки, которая ее окружаетъ и въ которой *дурка* можетъ представлять собою веселый и шутливый элементъ жизни. **П. Полевой.**

„Дорога въ Мисхоръ". Карт. С. И. Васильковскаго.

(Рис. на стр. 441).

Сергѣй Ивановичъ Васильковскій — одинъ изъ послѣднихъ пенсіонеровъ Академіи Художествъ по пейзажной живописи. Родившись въ Харьковѣ въ 1854 г. и получивъ воспитаніе въ тамошней 2-й гимназіи, онъ пробылъ въ Академіи Художествъ около 10 лѣтъ (съ 1876 по 1885 г.) и за этотъ періодъ времени заслужилъ отъ нея 5 серебряныхъ медалей: малую за этюдъ съ натуры (1881) и по двѣ — за пейзажи карандашемъ и масляными красками (1883), и 2 золотыя—за программы по пейзажной живописи (въ 1884 и 1885 гг.), а отъ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ—первую премію по пейзажу на годичномъ художественномъ конкурсѣ 1884 г.

Посланный затѣмъ на казенный счетъ за-границу въ качествѣ пенсіонера Академіи, Васильковскій работалъ, главнымъ образомъ, въ Парижѣ, но путешествовалъ также по Испаніи и Бретани, гдѣ и заимствовалъ не мало мотивовъ для своихъ картинъ, появившихся на академическихъ выставкахъ 1888—1889 годовъ.

По возвращеніи въ отечество, онъ сталъ писать преимущественно виды изъ Харьковской и Екатеринославской губерній (1890—91), а потомъ съ южнаго берега Крыма (1892), разнообразя свои пейзажики небольшими жанровыми сценками изъ жизни охотниковъ и Запорожцевъ.

Однѣ изъ его картинъ были пріобрѣтены съ академическихъ выставокъ Государыней Императрицей (напр.: „Окрестности Желоса въ Испаніи", 1888), другія — Вел. Княземъ Павломъ Александровичемъ (какъ „Запорожскій сторожевой пунктъ", 1890), третьи—Академіей Художествъ изъ Высочайше жалуемыхъ ей суммъ на пріобрѣтеніе произведеній отъ отечественныхъ художниковъ для пополненія столичнаго и провинціальныхъ музеевъ (а именно: „Запорожецъ на развѣдкахъ", „Станція Борки", 1888), и проч.

„Дѣвочка съ цыплятами", карт. Х. П. Платонова.

(Рис. на стр. 445).

Харитонъ Платоновичъ Платоновъ, составилъ себѣ извѣстность преимущественно изображеніемъ молодыхъ дѣвушекъ— то изъ крестьянокъ Курской губ. (1872—73), то изъ цыганокъ (1873—81), то изъ болгарокъ (1879), то изъ итальянокъ (1883), то изъ малороссіянокъ (1886 — 87), то изъ жидовокъ (1889). Бывали у него, впрочемъ, и мужскіе типы, какъ: „Нищій" (1874), „Мальчикъ-болгаринъ" (1879), „Старикъ" (1883), „Кобзарь Вересай" (1885); бывали у него также и жанрики, въ родѣ: „Погорѣльцевъ" (1876), „Водовозовъ" (1891) и проч., но главная его спеціальность была все-таки женскіе этюдики подъ различными наименованіями, напр.: „Лакомка" (1872), „Киска съѣла" (1874), „Молоко пролила" (1877), „Бродяжка" (1883—84), „Маруся", „Съ работы" (1884), „Изъ лѣсу" (1885), „У ручья" (1886), „Наймичка", пріобрѣтенная Академіей Художествъ (1887), „Купите ягодъ" (1888), „На рѣчкѣ" (1890) и т. д. Къ этой же категоріи можно отнести и воспроизведенную здѣсь въ снимкѣ его картинку съ нынѣшней академической выставки „Дѣвочка съ цыплятами".

Платонову теперь уже 50 лѣтъ—онъ родился въ 1842 г.; воспитывался онъ въ Академіи Художествъ (1859—70), отъ которой получилъ 3 серебряныхъ медали за рисунки и этюды съ натуры, золотую медаль Ржевской и Демидова „за экспрессію" и послѣдовательно — званія классналго художника всѣхъ трехъ степеней. Кромѣ того, онъ имѣетъ свидѣтельство на право преподаванія рисованія въ Царскосельскомъ уѣздномъ училищѣ, но у него бывали и посторонніе ученики, напр.— Пимоненко.

Мечтатель.

(Рис. на стр. 448).

Наше время неимовѣрно богато „поэтами". Всѣ редакціи буквально завалены грудами стихотвореній, присылаемыхъ со всѣхъ концовъ Россіи, изо всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже вѣсей. Правда, громадное большинство этихъ присылокъ не отличается не только гармоніей стиха, но даже и грамотностью прозаическаго стиля. Такъ напр., одинъ поэтъ пишетъ въ редакцію: „Прошу васъ помѣстить сіе стихи. Долженъ сказать что еще нигдѣ не печатался. Вотъ эти сіе стихи:

„У береговъ плескались рыбы,
„Балыкъ, форели и налимы... и т. д.

По всѣмъ признакамъ, именно одного изъ такихъ поэтовъ изобразилъ нашъ художникъ ищущимъ вдохновенія на прогулкѣ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ на него взираетъ „лукавый дѣдушка съ гранитной высоты..."

Въ лѣсной глуши.

(Рис. на стр. 449).

Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной,
Ліясь блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно, какъ гать, лежащей въ немъ.
Вкругъ теменъ лѣсъ и воздухъ сыръ;
Иду я, страхъ едва тая...
Нѣтъ! здѣсь свой міръ, живущій міръ,
И жизнь его нарушилъ я... **(А. Майковъ).**

Н. А. Бѣлелюбскій.

(Портр. на стр. 452).

Въ нашемъ журналѣ неоднократно помѣщались рисунки грандіозныхъ желѣзнодорожныхъ мостовъ, сооруженныхъ въ Россіи по проектамъ извѣстнаго инженера путей сообщенія профессора Николая Аполлоновича Бѣлелюбскаго.

Въ текущемъ мѣсяцѣ исполнилось *двадцать пять* лѣтъ служебно-ученой дѣятельности Бѣлелюбскаго.

Инженерная и вмѣстѣ съ тѣмъ учебная дѣятельность Бѣлелюбскаго началась съ 1867 года, т. е. съ года окончанія имъ курса въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ должности: репетитора, экстраординарнаго профессора (по каѳедрѣ строительной механики), а впослѣдствіи и ординарнаго профессора; на него-же было возложено завѣдываніе механическою лабораторіей института, которая, какъ станція для механическаго испытанія строительныхъ матеріаловъ, получила особенное значеніе по мѣрѣ развитія въ Россіи строительной, особенно желѣзнодорожной дѣятельности. Лабораторія, удовлетворяя запросамъ строительной практики, принимаетъ также участіе въ разработкѣ различныхъ техническихъ вопросовъ, особенно по условіямъ пріемки матеріаловъ—цемента, металловъ и т. п. Книга Бѣлелюбскаго „Механическая Лабораторія 1876—1886 г." заключаетъ въ себѣ картину дѣятельности лабораторіи за первое десятилѣтіе ея существованія. Съ 1884 года Бѣлелюбскій участвуетъ въ международныхъ совѣщаніяхъ по установленію однообразнаго испытанія строительныхъ матеріаловъ; такъ онъ состоялъ членомъ конференцій (отъ русскаго Министерства Путей Сообщенія) въ Мюнхенѣ (1884 г.), Дрезденѣ (1886) и въ Берлинѣ въ 1889 году, куда пріѣхалъ съ Кавказа, гдѣ въ то время былъ въ командировкѣ на открытіи Сурамскаго туннеля.

Во время Парижской выставки въ 1889 году Бѣлелюбскій участвовалъ, въ качествѣ члена докладчика, во всемірныхъ конгрессахъ, по механическому и строительному дѣлу.

Профессорская дѣятельность главнымъ образомъ была сосредочена въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, но нѣсколько лѣтъ Бѣлелюбскій преподавалъ въ Горномъ Институтѣ, а послѣдніе два года преподаетъ также въ Институтѣ Гражданскихъ Инженеровъ.

Почти одновременно съ учебной дѣятельностью началась и практическая дѣятельность Бѣлелюбскаго, выразившаяся главнѣйшимъ образомъ въ составленіи проектовъ желѣзнодорожныхъ мостовъ, часть коихъ и исполнялась при непосредственномъ участіи Бѣлелюбскаго въ общемъ техническомъ надзорѣ.

Вотъ краткій перечень главнѣйшихъ работъ, исполненныхъ по его проектамъ: 1) перестройка *70 деревянныхъ мостовъ* Николаевской ж. д. на желѣзные, въ томъ числѣ мосты черезъ Волховъ, Тверцу, Мсту, оврагъ р. Веребьи и другіе; *работа была исполнена безъ прекращенія движенія;* 2) мосты на Московско-Брестской и Козлово-Воронежской ж. д.—черезъ Березину,

Нѣманъ, Калитву и другіе; 3) мосты черезъ р. Оку на Ряжско-Вяземской д. и Прутъ, близъ Унгени, на Кишинево-Ясской д., и Чусовую на Уральской; 4) Александровскій черезъ Волгу мостъ близъ Сызрани—на Оренбургской, третій по длинѣ въ Европѣ и шестой въ свѣтѣ; длина его 689 саж. при 13 пролетахъ, подъ которыми совершенно свободно, даже въ половодье, проходятъ большіе волжскіе, американской системы, пароходы; 5) мосты черезъ Днѣпръ въ Екатеринославѣ и Ингулецъ въ Кривомъ Рогѣ на Екатерининской д.; 6) мосты черезъ Волгу въ Твери на Николаевской д., Бѣлую и Уфу—Самаро-Златоустовской д.

Командировки Бѣлелюбскаго повторялись ежегодно по нѣскольку разъ; въ каникулярное время онъ ѣздилъ по порученію правленій желѣзныхъ дорогъ въ Бельгію по исполненію Сызранскаго моста, былъ также въ Англіи по изготовленію желѣза для мостовъ на Полѣсскихъ ж. д.

Н. А. Бѣлелюбскій состоитъ: членомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, постояннымъ членомъ техническаго совѣщанія при Департаментѣ ж. д., почетнымъ членомъ нѣмецкаго Техническаго Общества въ Ригѣ, членомъ-корреспондентомъ и *почетнымъ членомъ* Общества гражданскихъ инженеровъ въ Парижѣ (Société des Ingénieurs Civils).

За выставки: Московскую 1882 года удостоенъ диплома перваго разряда, за Эдинбургскую международную 1890 года, состоявшуюся по случаю окончанія извѣстнаго Фортскаго моста — золотой медали.

Бѣлелюбскій со дня основанія (1877 г.) Общества вспомоществованія студентамъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, состоитъ секретаремъ Общества.

Кромѣ капитальныхъ сочиненій, Бѣлелюбскій написалъ еще много статей на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ въ спеціальныхъ журналахъ.

Н. А. Бѣлелюбскій родился 1 марта 1845 года въ Харьковѣ, вѣроисповѣданія православнаго. Отецъ его, Аполлонъ Васильевичъ Бѣлелюбскій, происходилъ изъ дворянъ Пензенской губерніи, былъ также инженеромъ путей сообщенія и извѣстенъ какъ составитель проекта и строитель водопровода въ Новочеркаскѣ. Въ Крымскую кампанію онъ строилъ батареи на берегу Дона вдоль Гниловской станицы (близъ Ростова). Оба дѣда—по отцу Бѣлелюбскій и по матери Иконниковъ—участвовали въ Отечественной войнѣ.

Дѣдъ Бѣлелюбскій (Василій Петровичъ) былъ при взятіи Парижа въ 1814 году, и за гуманное управленіе (во время оккупаціи) городомъ Мюльгаузеномъ въ 1815 году получилъ отъ Французскаго короля орденъ „Бѣлой Лиліи“. Мать Бѣлелюбскаго — родная сестра профессора исторіи Кіевскаго университета В. С. Иконникова.

Образованіе Бѣлелюбскій получилъ первоначальное дома (въ Ростовѣ-на-Дону), затѣмъ, вступивъ въ гимназію въ 4-й классъ, окончилъ курсъ въ 1862 г. съ золотой медалью. Вступивъ по экзамену въ 1862 г. въ Институтъ Путей Сообщенія, въ 1867 г. окончилъ курсъ блистательно и записанъ на мраморной доскѣ.

А. Хвостовъ.

Николай Аполлоновичъ Бѣлелюбскій, профессоръ Института инженеровъ путей сообщенія Импер. Александра I (по поводу 25-лѣтія службы).
Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

З. Р. Кочетова. (Портр. на стр. 453).

Давно-ли, кажется, на сценѣ Московскаго Большого театра выступила молоденькая, изящная красавица-пѣвица Зоя Разумниковна Кочетова?!.. Какая яркая и счастливая улыбалась ей будущность, какимъ блестящимъ успѣхомъ сопровождалось каждое ея появленіе въ оперѣ,—а намъ уже приходится заносить въ скорбный листъ ея имя! Какъ будто сейчасъ она у насъ передъ глазами—нѣжная, воздушная блондинка, съ глубокими, грустными глазами, съ небольшимъ по силѣ, но чуднымъ по школѣ, тембру и діапазону голосомъ. Съ концертной эстрады рѣдко раздаются, даже считая и заѣзжихъ знаменитостей, такія удивительныя трели, стаккато, гаммы, такія pianissimo, какими славилась покойная. Въ Москвѣ долго, до самаго отъѣзда своего за границу, она была въ полномъ смыслѣ слова кумиромъ. Ея карточки продавались на всѣхъ перекресткахъ, молодежь положительно боготворила юную артистку, концерты съ ея именемъ во главѣ переполнялись публикою. Но уже и тогда въ ея жизни сказывался глубокій трагизмъ. Давъ ей громадный талантъ, далеко выходящую изъ ряда музыкальность, чуткость ко всему прекрасному, природа отказала ей въ одномъ: въ здоровьѣ. Консерваторія, гдѣ она училась подъ главнымъ руководствомъ своей матери, г-жи Александровой-Кочетовой, въ то время знаменитой московской пѣвицы и профессора пѣнія, предсказывала ей завидную карьеру, чуть не ставила ее загодя на пьедесталъ. И надо сказать правду, къ счастливымъ дарованіямъ Кочетова присоединяла еще такую страстную любовь къ труду, такую неутомимую жажду знанія, что и тогда ее приходилось останавливать, напоминать, что ей судьба отпустила слишкомъ мало физическихъ силъ. Тріумфы не закружили ей головы. Она продолжала разрабатывать свой талантъ и не складывала рукъ даже лежа больная въ постели. Когда она успѣла сдѣлаться одною изъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ, изучить шесть языковъ съ ихъ литературами — это тайна ея удивительной даровитости. Казалось бы на это при обыкновенныхъ условіяхъ не хватило бы времени,—тѣмъ болѣе, что, освобождаясь отъ театра, она никогда не отказывала нищетѣ и лишеніямъ въ своей артистической помощи: она участвовала и сама устраивала множество благотворительныхъ концертовъ, изъ которыхъ нѣкоторые являлись истинными праздниками искусства. И за границей мало пѣвицъ, которыя поютъ съ такою строгою школой, сумѣвъ изъ маленькаго по силѣ голоса сдѣлать выдающееся артистическое явленіе. Пропѣвъ четыре года въ Россіи, все въ томъ же ореолѣ успѣха и общаго поклоненія, она послѣ спектакля-gala во время Коронаціи (ея послѣднее появленіе у насъ) уѣхала за границу и въ 1884 году выступила въ Миланѣ, потомъ въ Венеціи... Въ 1885 году она пѣла въ Королевскомъ театрѣ въ Мадридѣ и въ театрѣ Санъ-Фернандо въ Севильѣ, въ 1886 году въ Веронѣ, потомъ опять въ Миланѣ, Ниццѣ, Пармѣ и т. д. Репертуаръ ея значительно раздвинулся и сдѣлался однимъ изъ обширнѣйшихъ. Голосъ тоже усилился и окрѣпъ въ такой степени, что вернувшись въ Россію, она начала подумывать измѣнить амплуа колоратурной пѣвицы на лирическое. Она подготовляла Джоконду, Карменъ и другія, когда здоровье ея не выдержало суровости сѣверной зимы и она должна была спасаться опять на Югъ. Съ тѣхъ поръ ея жизнь становится поистинѣ мученическою борьбою большаго таланта съ хрупкою его оболочкой. Она пѣла на Югѣ, но страстная любовь къ роднѣ постоянно звала ее въ Россію. За границей она болѣла по отечеству, въ отечествѣ—ее убивали его зимы... Она оправлялась у южныхъ морей, подъ небесами Юга, и заболѣвала съ первымъ холоднымъ дыханіемъ Сѣвера. Съ тѣхъ поръ она уже не была здорова. Италія, Эмсъ, Ривьера, Сицилія оживляли ее. Она опять задумывала вернуться къ карьерѣ, искусству, съ нетерпѣніемъ хваталась за изученіе новыхъ партій, жадно наверстывая потраченное время, не слушая совѣта близкихъ и, точно угадывая близкую смерть, говорила: „Мнѣ судьба отпустила такъ мало, такъ страшно мало времени!..“ По мѣрѣ того, какъ разрушалось здоровье, голосъ выросталъ еще сильнѣе, становился металлическимъ, при чемъ его феноменальный верхній регистръ оставался такимъ же, какимъ былъ и прежде, доходя до трехчертнаго „соль“. Дарованіе, знанія, вкусы звали ее на сцену, а недугъ держалъ прикованнымъ къ постели. Въ зиму 1890 г. она слегла окончательно, а съ декабря 1891 года начала гаснуть на глазахъ у всѣхъ. Когда окружающіе — мать, мужъ, врачи—еще надѣялись, она только грустно улыбалась въ отвѣтъ... 5 февраля она написала письмо съ послѣдними распоряженіями. „Я не хочу умирать, начала она его,—но я знаю, что часъ мой близокъ...“ Въ мартѣ она таяла съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ. На ея прекрасномъ лицѣ лежала тихая грусть, она пристальнымъ взглядомъ слѣдовала за всѣми близкими, точно прощалась съ ними. И въ то же время без-

конечная жажда знанія не унималась. Въ постели она лежала, окруженная книгами. Цѣлыя ночи она проводила за ними... Энергія не оставляла ее даже умирающую. 30 марта, въ восемь часовъ утра, она сама вышла изъ спальни и сѣла въ гостиной. „Пошлите за священникомъ!“ спокойно попросила она. Священникъ, исповѣдывавшій ее, былъ потрясенъ самоотреченіемъ и кроткою покорностью Кочетовой. „Я второй разъ, въ эти сорокъ лѣтъ, вижу такую смерть!“ передавалъ онъ. Отпустивъ его, умирающая все остальное время говорила съ мужемъ и матерью. Она ни на одну минуту не теряла сознанія, и съ словомъ: „прощайте“ умерла въ двѣнадцать часовъ безъ всякой агоніи, безъ забытья... Похороны ея показали, что Москва ее не забыла. На гробъ была прислана масса вѣнковъ, гирляндъ, букетовъ. Покойница буквально была засыпана ими. Въ церкви нельзя было шевельнуться, улицы кругомъ были полны народомъ, желавшимъ хоть издали поклониться праху любимой, такъ рано ушедшей изъ міра артистки...

Ей не было и тридцати лѣтъ.

Похоронена она въ Донскомъ монастырѣ. Ее не забыли и теперь. На ея могилѣ лежатъ часто свѣжіе цвѣты. **С.**

Великая герцогиня Александрина Мекленбургская († 9 апрѣля 1892 г.).
Съ фот. Юнгмана, грав. Шюблеръ.

Великая герцогиня Александрина Мекленбургская. (Портр. на этой стр.).

9 апрѣля, какъ мы уже сообщали въ политическомъ обозрѣніи, скончалась, на 91 году, великая герцогиня Мекленбургская—Александрина, послѣдняя изъ остававшихся въ живыхъ дѣтей королевы Луизы Прусской, сестра принцессы Шарлотты, впослѣдствіи императрицы Александры Ѳеодоровны, и императора Германскаго Вильгельма I. Усопшая родилась 11 февраля 1801 года. Пятнадцати лѣтъ познакомилась она со старшимъ сыномъ наслѣдника Мекленбургскаго престола Лудвига-Фридриха, Павломъ-Фридрихомъ, который достигнувъ совершеннолѣтія въ 1820 г. посватался за принцессу. Въ то время Лудвигъ-Фридрихъ скончался, едва успѣвъ дать свое согласіе на предстоящій бракъ сына съ принцессою Александриною, которую онъ называлъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, настоящимъ ангеломъ. „Моя жена, писалъ онъ, — совершенно счастлива будущею невѣсткою, которая съ своей стороны относится довѣрчиво и любовно къ ней, такъ что это насъ радуетъ“. 13 мая 1822 года состоялось бракосочетаніе молодой четы въ Берлинѣ и нѣсколько дней спустя совершился торжественный въѣздъ ея въ Лудвигслустъ, гдѣ проживалъ чаще всего великій герцогъ Фридрихъ-Францъ I. Здѣсь 16 февраля слѣдующаго года родился у нея сынъ, впослѣдствіи великій герцогъ Фридрихъ-Францъ II, прославившійся въ франко-прусскую войну побѣдами при Орлеанѣ и Ле-манѣ (Le Mans). Въ 1837 г. скончался великій герцогъ, и на престолъ вступилъ внукъ его и супругъ принцессы Александрины. Не долго продолжалось царствованіе Павла-Фридриха. Смерть похитила его въ 1842 году. Съ того времени покойной великой герцогини пришлось пережить не мало утратъ, изъ коихъ особенно тяжелою была для нея смерть императора Вильгельма I, съ которымъ покойная герцогиня была соединена тѣсною дружбою и на котораго очень походила наружностью.

Зоя Разумниковна Кочетова († 30 марта 1892 года.).
Съ фот. Асигкритова, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Греціи только что окончены выборы въ палату депутатовъ или „буле“, причемъ Трикуписъ и его сторонники одержали полную побѣду. На Іоническихъ островахъ не избрали ни одного дельяниста, а на Цикладахъ выбрали очень немногихъ. Министры Деимезисъ, Мелетопуло и Филарестосъ потерпѣли пораженіе. По этому поводу *Journal de St.-Pétersbourg* говоритъ: „Политическое направленіе, котораго держится этотъ государственный человѣкъ (Трикуписъ), извѣстно, и его неоднократно видѣли на дѣлѣ, вслѣдствіе чего было бы безполезно дѣлать какія бы то ни было предположенія относительно его программы. Какъ бы то ни было, но должно желать, чтобы Греція, выйдя изъ пережитаго кризиса, собралась съ силами и подъ твердымъ и въ то же время отеческимъ окомъ своего государя спокойно посвятила себя дѣлу возстановленія своихъ финансовъ, эксплоатаціи своихъ естественныхъ богатствъ и подъема своей торговли — этихъ гарантій ея благосостоянія и преуспѣянія“.

Западно-европейская печать, отмѣчая удачу Трикуписа, называетъ ее побѣдою либераловъ надъ консерваторами. На это замѣчаетъ *Messager d'Athênes:* „У насъ нѣтъ ни консерваторовъ, ни либераловъ; мы бываемъ всѣ консерваторами или либералами, смотря по обстоятельствамъ. Объясняется это полнымъ отсутствіемъ соціальныхъ вопросовъ, религіозныхъ вопросовъ и, до нѣкоторой степени, политическихъ вопросовъ. Ни королевская власть, ни хартія, ни конституціонныя вольности обсужденію не подлежатъ. Церковь отдѣлена отъ государства. Населеніе, за ничтожными исключеніями, исповѣдуетъ православную вѣру и не отдѣляетъ вѣры отъ отечества. Первое мая у насъ долго еще будетъ только милымъ праздникомъ цвѣтовъ. При такихъ условіяхъ принятая вообще классификація партій къ нашимъ партіямъ не подходитъ. Никакого иного ярлыка, кромѣ имени ихъ вождя, у нихъ не имѣется, и онѣ расходятся между собою во мнѣніяхъ лишь по вопросамъ административнымъ и финансовымъ. Въ настоящее время у насъ сильно волнуются, но волненіе имѣетъ чисто избирательный характеръ. Какъ только выборы будутъ окончены и полномочія провѣрены — дѣла пойдутъ обычнымъ порядкомъ. Въ палатѣ окажутся трикуписты, дельянисты, кордоннисты или дельянисты-диссиденты и константопулисты, но не будетъ ни консерваторовъ, ни либераловъ въ томъ смыслѣ, какое придаютъ этимъ терминамъ западные народы“.

Свободно консервативный органъ *Deutsches Wochenblatt* рѣзко нападаетъ на канцлера Каприви, который поколебалъ довѣріе націи къ внутренней и внѣшней политикѣ правительства. Величайшая его ошибка заключается де въ томъ, что онъ не съумѣлъ достигнуть примиренія съ княземъ Бисмаркомъ.

Рядомъ съ этимъ *Staatsbürgerzeitung* утверждаетъ, что вслѣдствіе отказа графа Герберта Бисмарка отъ политической карьеры, недавно послѣдовалъ шагъ къ сближенію между Берлиномъ и Фридрихсруэ. Первымъ признакомъ этого является весьма любезное поздравленіе, посланное императоромъ графу Бисмарку по случаю его помолвки съ венгерскою графинею Гойошъ. Вслѣдъ за этимъ и въ Бисмарковскую, мюнхенскую *Allgemeine Zeitung* сообщаютъ изъ Берлина относительно шансовъ примиренія императора съ княземъ Бисмаркомъ и что вліятельные члены прусскаго министерства считаютъ это примиреніе необходимымъ.

Въ буда-пештскій и вѣнскій парламенты внесены министромъ финансовъ шесть тождественныхъ законопроектовъ, касающихся регулированія валюты. Газеты отмѣчаютъ особенную холодность, съ которою рѣчь министра финансовъ по этому поводу была встрѣчена всѣми членами рейхсрата. За нѣсколько дней до того, въ собраніи депутатовъ земельной группы, въ которомъ участвовалъ также и графъ Гоэнвартъ, депутатъ Саксъ сообщилъ о заявленіи министра финансовъ Штейнбаха о томъ, что платежи не будутъ производиться золотомъ, и по введеніи золотой валюты, въ тѣхъ видахъ, чтобы купленное золото не выходило изъ государственныхъ кассъ. Золото это, по мысли министра, должно служить резервомъ на случай войны. На другой день, 1 мая, въ *Wiener Abendpost* напечатана полуофиціальная замѣтка, судя по которой, сообщеніе депутата Сакса о разговорѣ его съ министромъ финансовъ Штейнбахомъ основано на недоразумѣніи. Штейнбахъ сказалъ, что не должно спѣшить платежемъ звонкою монетою и выпускать золото изъ государственнаго казначейства. О военномъ фондѣ не было и рѣчи; министръ сказалъ только, что регулированіе валюты имѣетъ также большое значеніе на случай войны, которой, къ счастью, въ виду не имѣется. Затѣмъ, спустя нѣсколько дней, министръ финансовъ Штейнбахъ сдѣлалъ въ польскомъ клубѣ обстоятельныя разъясненія по вопросу о регулированіи валюты. По словамъ *Neue Freie Presse*, онъ заявилъ, что закупку золота предположено производить отнюдь не съ цѣлью составленія военнаго фонда и, по этому поводу, сдѣлалъ очеркъ, общаго политическаго положенія, при чемъ неоднократно просилъ присутствовавшихъ хранить его сообщенія къ строжайшей тайнѣ.

Послѣдній динамитный взрывъ въ Парижѣ оказался не безъ жертвъ. Рабочій Гамоно и содержатель ресторана Вери, гдѣ произошелъ взрывъ и гдѣ до того былъ арестованъ Равашоль, умерли отъ полученныхъ ранъ. Оба похоронены очень торжественно на счетъ государства. Похороны Вери привлекли массы народа. На печальной церемоніи присутствовали члены судебнаго вѣдомства и муниципальные совѣтники. Произнесено было нѣсколько рѣчей, въ томъ числѣ министръ-президентомъ Лубэ, который, послѣ сочувственныхъ словъ въ память Вери, объявилъ, что правительство обезпечитъ пенсіей его жену и дочь. Затѣмъ министръ констатировалъ единогласное осужденіе анархистскихъ покушеній и заявилъ, что власти прибѣгнутъ ко всѣмъ средствамъ для защиты общества. Президентъ муниципальнаго совѣта Сотонъ сказалъ, что первое неожиданное впечатлѣніе изгладилось и теперь всѣ готовы исполнять свой долгъ.

Въ *Figaro* напечатано содержаніе разговора принца Виктора-Наполеона съ однимъ изъ сотрудниковъ этой газеты. Предметомъ разговора были недавнія динамитныя покушенія. Принцъ сказалъ, что власть во Франціи болѣе не существуетъ и повсюду господствуетъ анархія. Онъ обвинялъ правительство въ томъ, что оно вызвало соціальную и религіозную борьбу и въ заключеніе заявилъ, что единственное средство спасенія это сильное правительство, основанное на плебисцитѣ.

Смѣсь.

Женщины-аптекаря. По сообщенію Журн. Р. Общ. Охр. Нар. Здр. Медицинскій департаментъ разрѣшилъ лицамъ женскаго пола заниматься въ вольныхъ аптекахъ въ качествѣ аптекарскихъ учениць, одновременно съ лицами мужскаго пола, но лишь при условіи, чтобы онѣ жили внѣ аптекъ и приходили въ послѣднія для занятій только днемъ. Въ настоящее время въ Медицинскій департаментъ поступило ходатайство Г-жи Ситкевичъ, первой женщины, получившей недавно степень магистра фармаціи, объ открытіи въ Варшавѣ аптеки, въ которую для практики будутъ принимаемы однѣ лишь женщины, а также объ открытіи школы для приготовленія учениць къ первому вступительному экзамену. (г. в.)

Ночлежные дома въ С.-Петербургѣ. Съ благотворительною цѣлью стали учреждаться ночлежные дома сравнительно недавно, а именно съ основанія „Общества ночлежныхъ домовъ," въ 1883 г. Въ 1889 г. имъ содержалось 4 ночлежныхъ дома. За пользованіе въ нихъ ночлегомъ взимается плата не меньшая (5 коп.), чѣмъ въ другихъ содержимыхъ съ промышленною цѣлью ночлежныхъ пріютахъ, но за то гигіеническія и санитарныя условія несравненно выше.

Во всѣхъ 4 домахъ въ 1889 г. было 256,666 ночлеговъ, что соотвѣтствуетъ 700 каждодневнымъ ночлежникамъ, и расхода 19,770 р. Сборъ съ ночлежниковъ не покрываетъ этого расхода почти на 7000 р. Часть этого дефицита была покрыта субсидіею отъ города въ размѣрѣ 2000 р., часть пожертвованіями, на сумму 1450 р.; 3550 р. осталось въ дефицитѣ, такъ что дальнѣйшее существованіе домовъ возможно только при сильной поддержкѣ или со стороны города, или со стороны благотворителей.

Кромѣ этихъ 4 домовъ, въ Петербургѣ имѣется еще нѣсколько ночлежныхъ домовъ. Такъ, напр., пріютъ въ Измайловскомъ полку на 740 человѣкъ, другой по Обводному каналу на 200 человѣкъ и др.

Законъ періодичности засухъ. Въ послѣднемъ общемъ собраніи Физико-Химическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 16 апрѣля профессоръ физики въ Новороссійскомъ университетѣ Ѳ. Н. Шведовъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о подмѣченной имъ періодической правильности, съ которой повторяются у насъ засухи и происходящіе отсюда неурожаи въ юго-восточной степной полосѣ Россіи. Еще въ 1881 году проф. Шведовъ обратилъ вниманіе на крайне простой фактъ, остававшійся до тѣхъ поръ безъ должнаго вниманія, а именно, что въ срѣзанныхъ древесныхъ стволахъ такъ-называемые годичные слои древесины оказываются неодинаковой толщины: послѣ цѣлаго ряда слоевъ извѣстной толщины слѣдуетъ одинъ или два очень тонкихъ слоя и затѣмъ явленіе повторяется опять въ томъ же порядкѣ. Особенно хорошо и отчетливо замѣчается это на гладко отполированныхъ поверхностяхъ сруба: тогда годичные слои выступаютъ въ высшей степени рѣзко. Правильное чередованіе толстыхъ и тонкихъ слоевъ на самыхъ различныхъ экземплярахъ деревьевъ заставило Ѳ. Н. Шведова предположить здѣсь вліяніе какой-либо также періодически дѣйствующей причины или силы. Такая причина въ данномъ случаѣ имѣется въ видѣ засухъ, при которыхъ питаніе растеній значительно ухудшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется и ростъ слоевъ. Такъ какъ каждый слой соотвѣтствуетъ одному году, то не трудно было опредѣлить, чрезъ какіе промежутки времени возвращаются засухи: оказалось, что промежутокъ этотъ въ среднемъ равенъ девяти годамъ. Отсчитывая слои, начиная отъ поверхности ствола къ сердцевинѣ, можно было узнать даже, на какіе именно годы приходятся періоды сильнѣйшихъ засухъ. Этими годами оказались: 1854—55, 1864, 1872—73, 1882. При сличеніи найденныхъ такимъ образомъ датъ съ результатами метеорологическихъ наблюденій въ южной Россіи, а особенно въ Одессѣ, Ѳ. Н. пораженъ былъ изумительной ихъ тождественностью: количество выпавшихъ атмосферныхъ осадковъ подвергалось вполнѣ однороднымъ колебаніямъ съ тѣмъ же періодомъ. Когда результаты наблюденій надъ толщиной слоевъ и количествомъ осадковъ и весь ходъ измѣненій этихъ величинъ изображены были въ видѣ кривыхъ, совпаденіе обѣихъ кривыхъ въ общемъ ихъ направленіи обнаружилось совершенно явственно.

Убѣдившись такимъ образомъ въ правильности своихъ соображеній, проф. Шведовъ могъ еще 10 лѣтъ тому назадъ предсказать неурожай, постигшій въ прошломъ году всю юго-восточную Россію. Онъ остерегался однако сдѣлать это предсказаніе публично, желая предварительно убѣдиться на дѣлѣ, оправдается ли оно. Дѣйствительность не обманула его ожиданій.

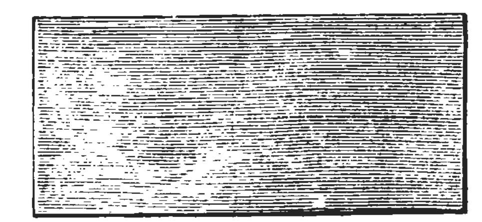
Болѣе детальное разсматриваніе хода кривыхъ, названныхъ проф. Шведовымъ — дендрограмма и плувіограмма — (dendron — дерево, pluvium — дождь,) обнаружило, что чрезъ каждыя 18 лѣтъ засуха охватываетъ не одинъ, а цѣлыхъ два года, такъ что настоящій 1892 годъ, согласно предсказанію докладчика, также долженъ быть неурожайнымъ, такъ какъ послѣдній разъ двухлѣтняя засуха была въ 1872—73 годахъ. Насколько оправдается и это предположеніе — покажетъ ближайшее будущее.

Кромѣ большихъ 9- и 18-лѣтнихъ періодовъ наблюдаются также маленькіе 3-лѣтніе періоды уменьшенія количества осадковъ, такъ что въ явленіи засухъ замѣчается періодичность, кратная числа трехъ.

Въ виду этого обстоятельства, проф. Шведовъ предполагаетъ въ данномъ случаѣ существованіе зависимости этого явленія отъ другаго также періодическаго явленія циклоновъ (грозовыхъ вихрей), проносящихся надъ Россіей съ юго-запада къ сѣверо-востоку. Но такъ какъ циклоны, по мнѣнію почтеннаго докладчика, подчиняются не только силамъ, дѣйствующимъ на нашей землѣ, но также и космическимъ, то, слѣдовательно, и засухи, и вызываемые ими неурожаи имѣютъ отчасти космическое происхожденіе. (г. в.)

40-дневный постъ. Миссъ Нельсонъ, американская постница, окончила свой 40-дневный постъ въ Парижѣ, заработавъ голоданіемъ 1.200 франковъ, по 30 фр. въ день. (г. в.)

Геометрическая задача № 26.

Данный прямоугольникъ разрѣзать на пять частей, изъ которыхъ составить квадратъ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№. „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ Г.г. подписчиковъ, **не внесшихъ полную годовую подписную плату за „Ниву“ 1892 года, озаботиться своевременными срочными взносами** слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Поступила въ продажу новая книга:

КУРСЪ ЛѢСОВОДСТВА
ДЛЯ ЛѢСНЫХЪ ШКОЛЪ
И ДЛЯ
ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И УПРАВЛЯЮЩИХЪ ИМѢНІЯМИ.

Составилъ **Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.**

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Большой томъ in-8°, въ 388 страницъ, **съ 25-ю рисунками въ текстѣ,** на лучшей веленевой бумагѣ. СПБ. 1892 годъ. **Цѣна 2 р.,** съ пересылкою **2 р. 30 к.**

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько хорошихъ учебниковъ и руководствъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ лѣснаго хозяйства: по лѣсовозращенію, лѣсоохраненію, таксаціи и лѣсоустройству, **но нѣтъ стоящихъ на высотѣ современнаго знанія руководствъ, гдѣ бы всѣ эти отрасли лѣсоводства соединены были въ сжатомъ объемѣ.** Пополнить этотъ пробѣлъ и имѣлъ въ виду авторъ. Руководство его назначается, кромѣ школъ, для тѣхъ лѣсовладѣльцевъ, которые не стремятся быть лѣсничими высшей формаціи, а ощущаютъ необходимость, съ одной стороны, **быть въ состояніи сами руководить несложными лѣсными работами, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣснаго спеціалиста, а съ другой, имѣя большое интенсивное хозяйство, желаютъ быть настолько свѣдущими, чтобы съ пониманіемъ дѣла слѣдить за дѣйствіями своихъ лѣсничихъ.** Имя г. Арнольда, извѣстнаго автора „Русскаго Лѣса“, уже ручается за высокія достоинства книги, которая должна сдѣлаться настольною для всякаго лѣсовода. Съ обширными спеціальными познаніями авторъ соединяетъ необыкновенную ясность и точность изложенія, столь необходимыя для яснаго же и точнаго пониманія.

Требованія на книгу просятъ адресовать въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“, Невскій просп., д. 6, и кромѣ того книга эта находится во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

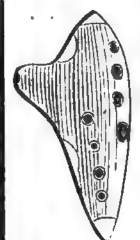
Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ новая книга:

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ
Романъ въ 3-хъ частяхъ
Н. Д. Маслова.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА,** въ СПБ.

Большой, изящно изданный томъ, въ 371 стран. убористой печати, въ красивой обложкѣ, съ виньеткою художн. **Р. Штейна.** СПБ., 1893 г. **Ц. 1 р. 60 к.,** съ перес.
Романъ **Н. Д. Маслова** имѣлъ при его появленіи въ прошломъ году громадный успѣхъ среди читающей публики, а отдѣльное изданіе дополнено и пересмотрѣно авторомъ. Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБ., въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6.

Инструменты, на которыхъ чрезвычайно легко играть:

ОКАРИНА

въ **60 к.**, **75 к.**, **1 р.**, **1½ р.**, **2 р.**, **2½ р.**, **5** и **7 р.** Краткое наставленіе безплатно. Самоучитель Андерсена 1 руб.

ПАЛКА-ФЛЕЙТА

№ 2. Верхняя часть изъ металла, нижняя изъ камыша **1 р.**

№ 3. Верхняя часть изъ металла, нижняя изъ бамбука **2 р.**

№ 4. Краснаго или амарантоваго дерева **3 р.**

№ 6. Чернаго дерева со слоновой костью **5 р.**

Краткое наставленіе безплатно.
Самоучитель Келера 1 р.
Тетрадь нотъ по нотно-циферной системѣ 50 коп.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ **безплатно.**
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5808

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. **Цѣна 35 коп.** за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1** Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (6)

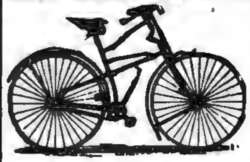
НОВОСТЬ — ВАКСА „МОЛНІЯ"

Рекоменд. военнымъ! Реком. путешествующ.

для обуви, резин. галошъ, сбруи и проч. Получ. моментально глянецъ на нѣсколько дней безъ употребленія щетокъ; не пачкаетъ платья. Можно получать въ маг. Т-ва СПБ. механ. производства обуви въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Гл. депо въ конторѣ В. Бартельсъ, М. Лубянка, д. Французской ц. въ Москвѣ. Гг. иногороднымъ высылается пробная ½ дюж. почтою за 3 р.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—1

Поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ новая книга:

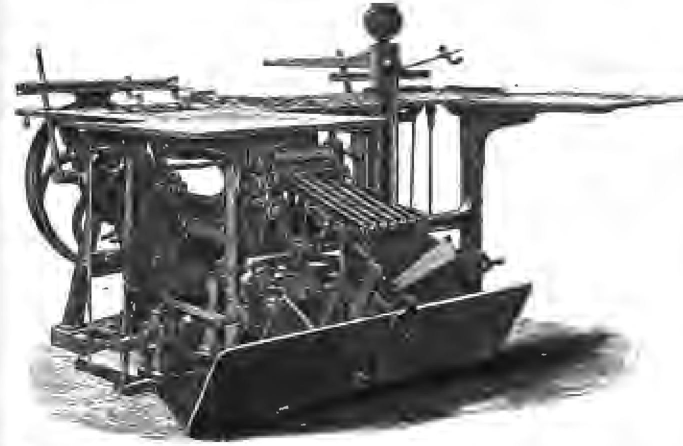
соч. Ю. Блокъ: **„ВЕЛОСИПЕДЪ".**

Изящное изданіе на веленевой бумагѣ, 250 стр. 85 рисунковъ.

Содержаніе: Исторія изобрѣтенія и распространенія велосипеда. Гигіена велосипедной ѣзды. Краткое описаніе велосипеда. Наставленіе къ обученію ѣздѣ. Велосипедная ѣзда для дамъ. Одежда. Уходъ за велосипедомъ (чистка, смазка, разборка). Мелкія починки и временныя исправленія. Совѣты и указанія для путешествій. Велосипедныя общества и учрежденія. Гонки и тренировка. Примѣненіе велосипедовъ къ военному дѣлу. **Цѣна въ изящномъ переплетѣ 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.**

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **П. К. Прянишникова**, Петровскія линіи, Ц. № 5793 въ Москвѣ. 3—2

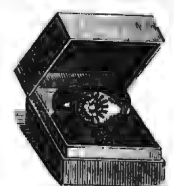
машины для фальцованія печатныхъ листовъ бумаги, двойной системы Мартини, на которыхъ двѣ работницы, безъ особаго труда, въ теченіе рабочаго дня (10 час. работы), могутъ сфальцовать 40,000 печ. листовъ.

Эти машины оказались превосходными въ работѣ и могутъ быть немедленно проданы по цѣнѣ 2200 руб. за каждую.

Число сгибовъ	Форматъ бумаги. Наибольшій.	Форматъ бумаги. Наименьшій.	Занимаютъ мѣста: Длина.	Занимаютъ мѣста: Ширина.	Занимаютъ мѣста: Вышина.	Вѣсъ брутто.
3	55×40	32×20	186	170	95	88 пудовъ.
	сантиметровъ.		сантиметровъ.			

Желающіе видѣть эти машины въ дѣйствіи, благоволятъ обращаться въ **типографію, въ С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, № 1.**

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ 56-ой ПРОБЫ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛІАНТОМЪ.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блондинокъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (11)

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 5—2

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.
Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.*
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ и ПОДРАЖАНІЙ ТРЕБУЙТЕ

НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

ИМѢЮЩЕЕ НА ЯРЛЫКѢ КРАСНУЮ ПОДПИСЬ „УТВЕРЖДЕННУЮ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ МАРКУ ЗА №

3374.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

Ц. № 5789 10—2

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ РИГѢ

СИГАРЫ, СИГАРЕТЫ, ПАПИРОСЫ, ТАБАКЪ, ТУРЕЦКІЙ и АМЕРИКАНСКІЙ.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ
СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. 5785 26—6

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (6)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

въ громадномъ выборѣ получилъ и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30—16.
Москва, Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова.
Харьковъ, Московская ул., д. № 2.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

№ 5800 (1)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. **Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ.** Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одну 7 к. марк. выс. услов. Одесса. Дериб., проф. кал. **Конидарисъ.**

ЧЕРНИЛЬНАЯ СМЕРТЬ УНИЧТОЖ. ЧЕРНИЛЬН. ПЯТНА ИЗЪ БУМ. и МАТЕРІИ 1 р. 3 ЗА 2 р. 50 К
ЧЕРНИЛЬНЫЙ ПОРОШОКЪ ДЛЯ КАНЦЕЛАРІИ и ШКОЛЪ. 1 Ф ДАЕТЪ 12 Ф. ЧЕРНИЛЪ 1 Ф 1 р 25 к 10 Ф 10 р.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

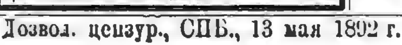
Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый Домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—4
Новый каталогъ 80 страницъ

БЕЗПЛАТНО.

Дозвол. цензур., СПБ., 13 мая 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — г. XXIII

№ 21 — 1892

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 мая 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ѣзда весной по Пинскимъ болотамъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Рашевскій.

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть **С. Н. Терпигорева.**

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

(Продолженіе).

XVII.

Вдругъ я услыхалъ голосъ матушки—озабоченный, тревожный:

— Выпей воды... выпей скорѣе воды!..

Кто-то мнѣ подалъ стаканъ и я принялся пить, держа его обѣими руками, чтобы онъ у меня не выпалъ.

— Ничего, говорили кругомъ меня.

— Ничего, это пройдетъ сейчасъ.

— Это отъ волненія у него. Очень молодаго человѣка сконфузили... Это ничего, пройдетъ. Вотъ ужь и прошло все, говорила старуха-княгиня, когда я, допивъ стаканъ, поставилъ его на тарелку.

Я больше всего боялся взглянуть на матушку, и даже не то чтобы боялся, но мнѣ было ужасно это трудно сдѣлать.

Но она сама сказала:

— Посмотри на меня... Прошло теперь?

— Ничего, отвѣтилъ я ей.

Она была нѣсколько встревожена, но не сердита. Стратонъ Алексѣевичъ увѣрялъ ее и доказывалъ ей, что это со мною произошло просто отъ того, что я ужь черезчуръ сконфузился.

— Онъ много вина выпилъ; вы, дядюшка, ему много налили. Я не замѣтила... Вѣдь онъ же никогда не пилъ, отвѣтила ему матушка.

Все, мало-по-малу, начало приходить въ прежній видъ, всѣ опять заговорили не обо мнѣ ужь, хотя я слышалъ, разговоръ былъ по поводу меня, о винѣ и проч.

Подавали мороженое. Лакей держалъ его передъ княжной, и та, отрѣзая его себѣ серебрянымъ ножомъ, спросила меня:

— *Тебѣ* положить?

— Положить, отвѣтилъ я, не рѣшаясь сказать „положи".

— Гм!.. Хитрый какой! разсмѣялась она, кладя кусокъ мнѣ на тарелку и отчищая его отъ ножа.—Ну, покушай, голубчикъ, холодненькаго,—совсѣмъ успокоишься, добавила она.

Мнѣ это показалось обидой, и я съ упрекомъ взглянулъ на нее.

Но она, сдвинувъ брови, пристально ужь глядѣла на свою мать.

— Ну, душечка, говорила та, близко пододвинувшись къ матушкѣ,—ну, выпьемте и мы съ вами! Дѣтки наши выпили—и мы выпьемъ... Я, душечка, такъ васъ полюбила, такъ васъ полюбила! Я еще когда и не знала васъ...

И вдругъ она припала къ матушкину плечу и поцѣловала ее въ плечо такъ быстро, какъ будто она ее куснула.

Матушка растерянно смотрѣла на нее, отклоняясь отъ нея.

— Я же не пью, говорила она.

— Ну, душечка... Ну, выпьемте...

— Мама! вдругъ громко сказала княжна.

Та на нее мелькомъ взглянула своими слезящимися глазами, какъ-то всхлипнула носомъ и опять начала приставать къ матушкѣ.

Вдругъ рука, на которую она опиралась, скользнула у нея подъ столъ и она какъ-то безпомощно качнулась въ сторону, голова упала на грудь и она что-то несвязно говорила.

Матушка, отклонившаяся на спинку стула, протянула руку къ ея недопитому стакану, стоявшему на самомъ краю и отставила его.

Княгиня была пьяна, и пьяна совершенно. Я видѣлъ, какъ она нѣсколько разъ сама наливала себѣ вино изъ бутылки, которую она сама къ себѣ пододвинула, но я не ожидалъ, что она такъ напьется. И вдругъ, до такой степени...

— Мама! Что съ тобою? вставая, сказала княжна и поспѣшила къ ней.

Стратонъ Алексѣевичъ тоже всталъ.

Матушка приказала подать воды лакею и тотъ бросился со всѣхъ ногъ.

— Мама, тебѣ дурно? приложивъ ладонь къ ея лбу, говорила съ дрожью въ голосѣ княжна.

Но та безсильно махнула рукой и заговорила что-то по-польски. Стратонъ Алексѣевичъ подавалъ ей принесенный лакеемъ стаканъ воды.

— Мама выпей, взявъ стаканъ отъ Стратона Алексѣевича, говорила княжна, поднося ей ко рту.

— Не хце... мотая головой, отвѣчала ей старуха.

— Княжна, брызните въ лицо водой, посовѣтовала матушка.

Та исполнила совѣтъ. Старуха откинула голову, рванулась и большими глазами смотрѣла кругомъ на всѣхъ.

— Позвольте, положимъ на диванъ... говорилъ Стратонъ Алексѣевичъ и приготовился было взять старуху подъ мышки.

Княжна закрыла вдругъ лицо руками и, рыдая, опустилась на стулъ. Я въ ужасѣ смотрѣлъ какъ голова ея тряслась на рукахъ—она облокотилась на столъ—и все это прямо передо мною. Она рыдала истерически, и рыдала не изъ боязни за жизнь матери, которой не угрожала никакая опасность, а отъ униженія, обиднаго, оскорбительнаго униженія, что это все передъ нами, мы это все видимъ.

— Уходи къ себѣ, ступай, вдругъ услыхалъ я голосъ матушки,—уходи, тебѣ тутъ нечего дѣлать.

Я взглянулъ на нее, на всѣхъ—никому не было до меня дѣла, и я ушелъ, не прощаясь ни съ кѣмъ и незамѣченный, разумѣется, никѣмъ.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату, посидѣлъ, потомъ раздѣлся и легъ. До меня доносились звуки шаговъ въ отдаленныхъ комнатахъ, какъ будто голоса. Что-то зазвенѣло какъ будто одинъ разъ.

Очень долго спустя въ мою комнату тихонько отворилась дверь, и я увидѣлъ фигуру матушки.

— Ты спишь? тихо спросила она.

Я промолчалъ.

Тогда она подошла къ моему изголовью, положила руку мнѣ на лобъ, потомъ на щеку, узнавая есть-ли у меня жаръ.

Когда она положила руку мнѣ на щеку, я тихонько коснулся ея губами, поцѣловалъ.

— Ты не спишь? Что-же ты не говоришь? спросила она.—Что, у тебя не болитъ голова?

— Нѣтъ, отозвался я.

— Ахъ, какую я глупость сдѣлала, оставивъ тебя къ ужину! И вотъ это все...

— А что тамъ? спросилъ я.

— Ничего тамъ. Проспится завтра и все пройдетъ... Ну, нашелъ себѣ Стратонъ Алексѣевичъ! сорвалось у нея противъ воли.

— А онъ гдѣ? спросилъ я.

— Онъ поѣхалъ ихъ провожать, разумѣется... Ну, спи. Завтра надо ѣхать отсюда. Намъ тутъ нечего дѣлать, закончила она, еще разъ провела у меня рукой по лбу и пошла изъ комнаты.

XVIII.

Я лежалъ и все еще не спалъ. Уходя, матушка оставила дверь незатворенною и длинная полоска свѣта въ смежной комнатѣ, протянувшись по полу и достигшая сюда изъ какой-нибудь дальней комнаты, ярко освѣщенной, все еще не пропадала. Я думалъ о сегодняшнемъ ужинѣ, о сценѣ со мною, какъ цѣловала меня княжна — чувствовалъ ея губы и слышалъ запахъ ея духовъ,—но все это покрывалось, отстранялось, уходило куда-то, какъ только я видѣлъ ее облокотившуюся на столъ, съ упавшимъ на руки лицомъ, рыдавшую со вздрагивавшими плечами и головой.

Я рѣшительно не могъ спать. Я поднимался и садился на постели и смотрѣлъ въ темную сосѣднюю комнату съ полосой свѣта на полу.

Вдругъ я явственно услышалъ шаги и потомъ услыхалъ и разобралъ голоса—матушкинъ и Стратона Алексѣевича. Я сталъ прислушиваться. Немного погодя они стали тише, не такъ громки, но слышались. Они, т. е. матушка со Стратономъ Алексѣевичемъ, очевидно усѣлись и гдѣ-то комнаты за двѣ отъ меня разговариваютъ. Я подождалъ немного, всталъ съ постели, прошелъ въ смежную комнату съ полоской свѣта, и тамъ остановился, прислушиваясь. Они сидѣли и говорили въ кабинетѣ, откуда шла и эта полоска свѣта.

Стратонъ Алексѣевичъ разсказывалъ матушкѣ—слышенъ былъ его голосъ — а та его слушала. До меня долетѣло нѣсколько фразъ.

— Старуха—да, можетъ-быть... Но эта честная дѣвушка. Эта высокой души...

— Но, дядюшка, если вы мнѣ позволите...

— Говорите, говорите...

Что вслѣдъ за тѣмъ говорила матушка—я не разобралъ и услыхалъ его опять, говорившаго въ отвѣтъ на ея слова.

— А за Липу будьте покойны. Она не останется необезпеченною.

Опять голосъ матушки—и опять я ничего не могъ разобрать.

Но онъ очень явственно сказалъ:

— Теперь ужь поздно... Я ей сейчасъ сказалъ... и она... Будь что будетъ... А если я ошибусь... если... я найду гдѣ мои послѣдніе годы пригодятся...

Они еще что-то говорили, но ужь я ничего не могъ разобрать. Я постоялъ передъ полоской свѣта еще немного и пошелъ къ себѣ въ комнату.

Утромъ я проснулся, разбуженный лакеемъ, котораго прислала матушка съ приказаніемъ, чтобы я вставалъ скорѣе: было ужь десять часовъ.

Я поспѣшилъ встать. Умываясь, я спросилъ запрягаютъ-ли нашихъ лошадей. Лакей отвѣтилъ, что нѣтъ.

— А Стратонъ Алексѣевичъ... дѣдушка, дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, они уѣхали ужь.

Въ столовой я засталъ всѣхъ своихъ. У всѣхъ физіономіи были постныя. Матушка сидѣла передъ потухшимъ самоваромъ; она не обратила на меня никакого вниманія когда я поздоровался съ нею, поцѣловалъ ее, и молча налила мнѣ чашку чаю со сливками. Я обвелъ глазами столовую—ужь ни цвѣтовъ, ничего, ни малѣйшаго слѣда того, что было здѣсь этой ночью. И комната какая-то сѣрая, мнѣ показалось. Точно все это во снѣ было. Матушка сидѣла на томъ-же мѣстѣ, какъ и тогда, а тамъ гдѣ „она" сидѣла и рядомъ съ нею я—теперь сидѣла Липочка и съ подвязанной распухшей щекой Анна Карловна.

Вскорѣ вернулся Стратонъ Алексѣевичъ. Онъ былъ ни скученъ, ни веселъ,—какой-то, точно одеревенѣлъ. И потомъ, въ разговорѣ съ матушкой—въ самомъ обыкновенномъ простомъ разговорѣ—нѣсколько разъ сказалъ: „А? Что такое? Что вы сказали?" Очевидно, онъ думалъ о чемъ-нибудь и мысли его были далеко отсюда.

Матушка была съ нимъ почтительно внимательна, но точно установила какую-то между собою и имъ границу, за которую сама не переступала и не хотѣла чтобы и онъ переступалъ. Она говорила съ нимъ все время о предметахъ совершенно постороннихъ, для обоихъ ихъ нисколько не интересныхъ. И онъ ее слушалъ и тоже отвѣчалъ въ томъ-же тонѣ. Точно они оба, по обоюдному согласію, порѣшили не касаться больше того, что ихъ интересуетъ, а говорить пустые разговоры, которыми можно наполнить извѣстное, оставшееся имъ до какихъ-то поръ, время.

Мы всѣ тоже были въ какомъ-то странномъ настроеніи, явно происходившемъ отъ нашего страннаго положенія: гулять насъ не пустили, заниматься нечѣмъ было; мы ходили въ большой чужой квартирѣ, смотрѣли въ окна на улицу, разсматривали какія-то гравюры, иллюстраціи, лежавшія на столахъ, и рѣшительно ничего не знали о томъ, когда все это кончится, т. е., останемся мы здѣсь еще или уѣдемъ.

Я ходилъ даже въ комнаты, занимаемыя матушкой, и спрашивалъ тамъ: укладываются-ли чтобы ѣхать? Но мнѣ отвѣчали, что укладываться—что-жь?—въ полчаса можно уложиться. Велятъ запрягать лошадей и укладываться начнутъ. И добавляли: „Что-же и укладываться-то, когда ни одного сундука почти и не разбирали..." И у всѣхъ на лицахъ какое-то грустно-жалостное выраженіе.

Въ двѣнадцать часовъ въ столовой начали стучать тарелками, ножами и затѣмъ въ дверяхъ гостиной, гдѣ мы всѣ собрались, появился лакей и доложилъ, что завтракъ готовъ. Стратонъ Алексѣевичъ, разговаривавшій такіе вотъ разговоры съ матушкой, всталъ и пригласилъ ее идти, а она въ это время, вставая съ кресла, сказала:

— Такъ ужь я, дядюшка, прикажу запрягать лошадей...

Онъ остановился на ходу и взглянулъ на нее страннымъ взглядомъ, въ которомъ было и какое-то больное, глубоко обиженное чувство, и мольба быть къ нему снисходительнѣе, и сознаніе собственное, что, дескать, въ чемъ-же я передъ всѣми вами виноватъ.

— Я прикажу? вопросительно, но такъ только для виду вопросительно сказала матушка, рѣшительно и безповоротно твердо рѣшившая уѣхать.

Онъ мгновеніе еще подержалъ на ней этотъ взглядъ и сказалъ:

— Хорошо...

Входя въ столовую, матушка обратилась къ первому изъ стоявшихъ тутъ лакеевъ со словами:

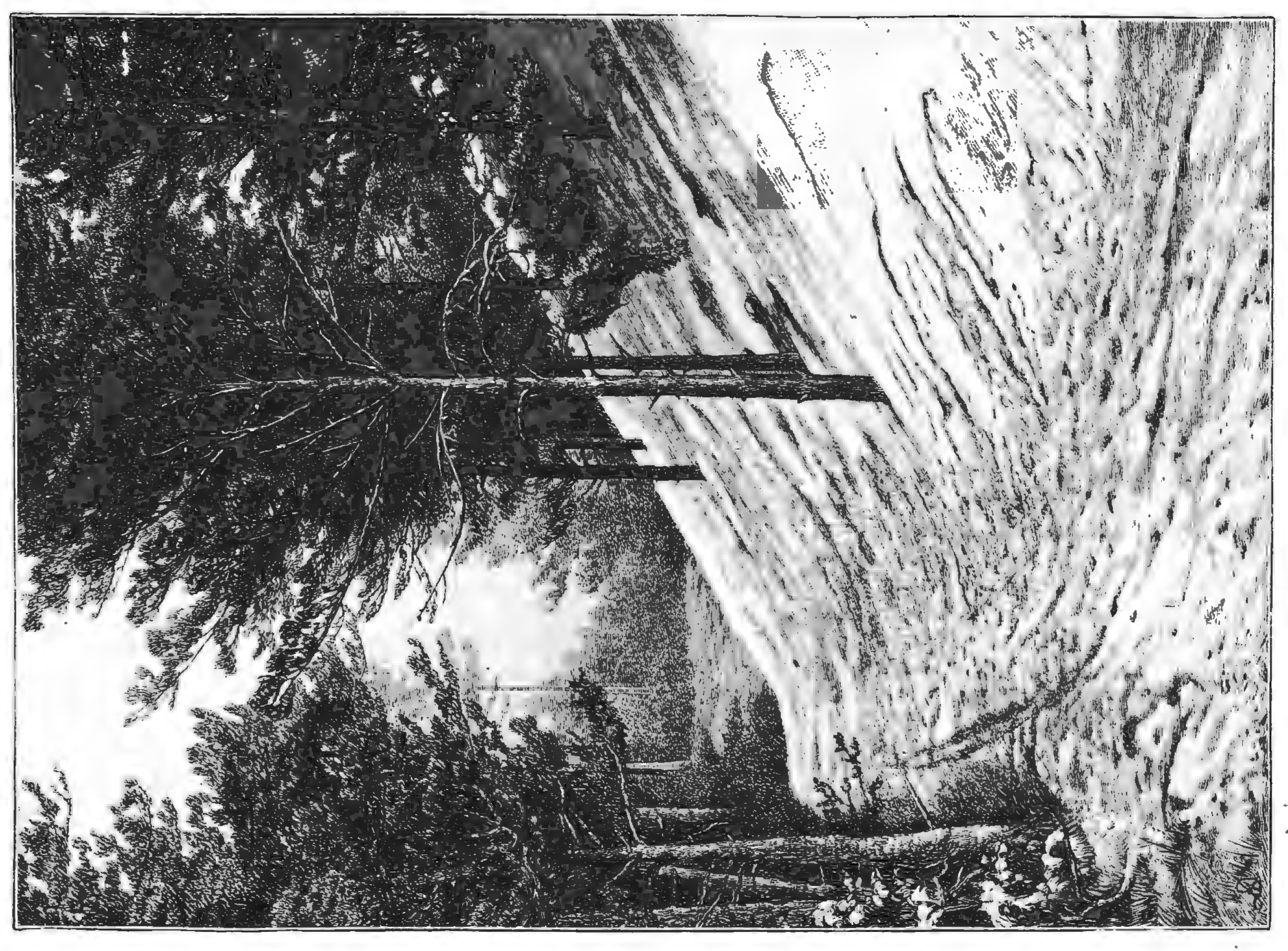
— Пожалуйста, чтобы нашихъ лошадей закладывали...

Лакей поспѣшно исчезъ, чтобы передать ея приказанія.

Весь завтракъ мы просидѣли въ томъ-же странномъ настроеніи: говорили какіе-то разговоры, говорили о томъ какъ хорошо и кстати будетъ, если пройдетъ дождикъ, который, казалось, собирается, что это будетъ очень полезно и для овса, и для пшеницы, и вообще для всего. Говорили о ягодахъ, которыхъ въ этомъ году необыкновенный урожай, и матушка обѣщала сварить Стратону Алексѣевичу какого-то удивительнаго крыжовника и т. под.

Наконецъ, этотъ завтракъ кончился. Матушка поспѣшила въ свои комнаты, чтобы поскорѣй все было уложено и готово къ отъѣзду. Стратонъ Алексѣевичъ то старался шутить съ нами, то куда-то уходилъ и сейчасъ-же возвращался. Начали выносить наши сундуки, чемоданы. Вышла матушка, совсѣмъ ужь одѣтая, въ шляпкѣ и въ какой-то длинной дорожной накидкѣ. Насъ тоже одѣли, и мы стояли ужь совсѣмъ готовые къ отъѣзду.

— Ну, до свиданія, дядюшка, начала матушка.

Дюны Сестрорѣцка. Засыпаніе деревьевъ и дороги. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. К. Денисова,** грав. Рашевскій.

Дюны Сестрорѣцка. Навѣтренный (выдуваемый) бокъ дюны. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. К. Денисова.** грав. Рашевскій.

Дюны Сестрорѣцка. Подвѣтренный (насыпаемый) бокъ дюны. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. К. Денисова,** грав. Рашевскій.

Выставка въ Импер. Акад. Художествъ. „Сваты“.

Карт. Н. К. Пимоненко (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

— Прощайте, любезнѣйшая племянница, сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ и, взявъ ея руку, наклонилъ голову, чтобы поцѣловать ее.

Но матушка отдернула ее и поцѣловалась съ нимъ.

— Какъ бы и что̀ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, дядюшка, я желаю вамъ счастья, сказала она вслѣдъ затѣмъ.

Онъ въ отвѣтъ молча еще разъ поцѣловался съ нею.

Затѣмъ онъ простился съ нами, при чемъ перекрестилъ Липочку и сказалъ ей:

— Слушайся... учись хорошенько...

Онъ проводилъ насъ на крыльцо и стоялъ все время, пока мы усаживались. Карета тронулась. Выглядывая изъ оконъ, мы видѣли, что онъ все еще стоитъ и смотритъ на насъ, провожая насъ глазами...

Назадъ кучеръ поѣхалъ другою дорогой, по другимъ улицамъ; и мы проѣзжали теперь мимо сада минеральныхъ водъ. У самаго входа, въ воротахъ сада, выглядывая изъ окна, я увидѣлъ выходящую оттуда въ скромномъ сѣренькомъ платьицѣ и въ соломенной шляпкѣ съ широкими полями, княжну, окруженную цѣлой толпой дѣтей и шедшихъ за ними ихъ гувернантокъ и нянекъ.

Матушка тоже должно быть увидала ее, потому что строгимъ голосомъ сказала мнѣ:

— Не высовывайся, сиди прилично, пожалуйста.

Но мнѣ все-таки нѣсколько мгновеній было видно княжну. Она, занятая обступившими ее дѣтьми, державшимися за ея руки, за платье, не обратила вниманія на нашу карету, и мы проѣхали незамѣченные ею.

XIX.

Домой мы пріѣхали одни, съ Анной Карловной, такъ какъ матушка въ Покровскомъ пересѣла въ ожидавшій ее уже тамъ экипажъ, высланный бабушкой изъ Всесвятскаго, и поѣхала къ ней.

Уѣзжая, матушка написала отцу записку карандашомъ и отдала ее Аннѣ Карловнѣ, чтобы та ему передала. Такъ какъ у нихъ, конечно, все было уговорено раньше, то отецъ, встрѣчая насъ, не выразилъ удивленія и не сталъ разспрашивать почему это мы такъ скоро вернулись изъ N*, а просто поздоровался съ нами и сталъ читать матушкину записку.

— Марья Дмитріевна (матушка) не говорила вамъ, спросилъ онъ у Анны Карловны,—когда за ней высылать лошадей—она мнѣ ничего не пишетъ объ этомъ—или она на тамошнихъ лошадяхъ пріѣдетъ?

Но и Анна Карловна ничего не знала; она сказала только, что матушка хотѣла быть назадъ дня черезъ три.

Намъ собрали обѣдать, такъ какъ у Стратона Алексѣевича мы только завтракали и проѣхавъ шестьдесятъ верстъ порядочно-таки проголодались.

Отецъ тоже подсѣлъ къ намъ, разспрашивалъ про N*, понравилось-ли намъ тамъ, и вдругъ обращаясь ко мнѣ сказалъ:

— Ну, а къ тебѣ учитель пріѣхалъ... Тебѣ надо будетъ позаняться этотъ мѣсяцъ, въ августѣ тебя надо будетъ ужь везти...

Я зналъ заранѣе ужь, что написано къ кому-то изъ родственниковъ въ Москву о высылкѣ оттуда къ намъ учителя, который-бы подготовилъ меня къ экзамену, и зналъ, что повезутъ меня въ августѣ—не было еще извѣстно только куда, въ Морской-ли корпусъ или въ благородный пансіонъ при нашей губернской гимназіи—и все-таки отецъ точно ошеломилъ меня этимъ извѣстіемъ. Не ждалъ я, никакъ не могъ представить себѣ, что это все случится такъ скоро, такъ какъ-то вдругъ. И потомъ, въ головѣ у меня въ это время было ужь совсѣмъ не до того—тамъ роились такія мысли, вставали такіе образы!..

Явился сюда-же, т. е. пришелъ изъ своей комнаты, и этотъ учитель—молодой, очень симпатичный человѣкъ, сразу-же и мнѣ и всѣмъ понравившійся. Онъ въ прошломъ году только окончилъ курсъ въ университетѣ, писалъ какое-то сочиненіе и согласился поѣхать на мѣсяцъ или на два въ деревню, чтобы и заработать сколько-нибудь денегъ и вмѣстѣ отдохнуть на чистомъ воздухѣ.

Онъ очень просто поздоровался со мною—я сидѣлъ ближе всѣхъ къ отцу, а онъ подошелъ прямо къ нему—потомъ съ сестрой Соней, съ Анной Карловной, съ Липочкой.

Послѣ обѣда, т. е., когда мы пообѣдали — онъ съ отцомъ раньше еще обѣдалъ — продолжая разговаривать со мною, онъ пошелъ, заложивъ руки назадъ, гулять по саду и мы такъ проходили съ нимъ часа два. Онъ въ это время обо всемъ меня выспросилъ: и что̀ я знаю, и по какому учебнику и сколько времени я училъ что, — такъ что сразу все узналъ; по крайней мѣрѣ, вечеромъ, за чаемъ, такъ онъ сказалъ отцу.

— И думаете, вы успѣете? спросилъ его отецъ.

— Конечно, увѣренно отвѣтилъ онъ, и, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня, какъ-бы вызывая и меня подтвердить его мнѣніе объ этомъ.

Мнѣ приходится теперь не рѣдко слышать, что весьма вредно развивать въ дѣтяхъ чувство самолюбія, что это чувство строптивое; гораздо лучше, если дѣти покорны, если въ нихъ развито послушаніе, чувство долга и проч. Не знаю, но меня, въ моей жизни, выручало всегда это чувство, т. е. самолюбіе, и ему я многимъ, если не всѣмъ, обязанъ.

Мой учитель попалъ какъ разъ въ это больное мое мѣсто. Онъ говорилъ, бесѣдовалъ и вообще обращался со мною совершенно какъ со взрослымъ, и мы съ нимъ чудеса сдѣлали въ эти полтора мѣсяца, которые оставались намъ до экзамена. И все это, несмотря еще на то, что въ эти полтора мѣсяца и мнѣ и ему, обоимъ намъ, пришлось много пережить, какъ это ниже будетъ видно.

Мы занимались съ нимъ и утромъ, и въ полдень, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и даже поздно ночью,—никакихъ у насъ не было опредѣленныхъ для этого часовъ: занимались когда ничто намъ не мѣшало, никто не пріѣзжалъ и когда ничто насъ не развлекало и не соблазняло — ни катанья, ни хорошая погода и т. п.

Все шло какъ-то удивительно просто и вмѣстѣ удивительно скоро. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ изъ ряда вонъ, талантливый и къ тому же трудолюбивый, прошедшій тяжелую школу, энергичный и съ сильною волей.

Онъ и наружностью былъ изъ ряда вонъ. Сильный брюнетъ, съ правильнымъ профилемъ, съ умными, тихо улыбающимися глазами, отлично сложенъ, росту выше средняго. И ко всему этому чарующій голосъ—грудной, чистый теноръ.

Когда онъ бывало запѣвалъ на берегу или въ полѣ, мы всѣ гулявшіе вмѣстѣ — и большіе, и дѣти — сразу затихали и слушали съ какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ, съ замираніемъ сердца. И ужь много спустя послѣ того какъ онъ умолкнетъ, кто-нибудь проговоритъ слово и такъ же отрывочно другіе ему отвѣтятъ. Чарующее производилъ впечатлѣніе.

Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ съ изящнымъ вкусомъ; одѣтъ былъ хорошо всегда, руки выхоленныя; даже всѣ вещички его были изящныя. Онъ скорѣе былъ похожъ на избалованнаго судьбою, выросшаго среди богатой обстановки, а вовсе не на труженика, своимъ хребтомъ и лбомъ содержавшаго себя и пробивавшаго себѣ дорогу. Но чувство изящнаго — прирожденное, и его одинаково не убьетъ никакая нужда и никакой трудъ, какъ не разовьетъ его никакое довольство и никакое богатство.

Звали его Алексѣй Павловичъ, по фамиліи—Юрьевъ.

XX.

Матушка пріѣхала изъ Всесвятскаго чуть не больная: до того на нее повліяло то угнетенное состояніе духа, въ которомъ она нашла бабушку Дарью Николаевну, получившую отъ кого-то еще ранѣе пріѣзда матушки извѣстіе, что всѣ ихъ подозрѣнія справедливы или, по крайней мѣрѣ, оправдываются и самымъ образомъ жизни Стратона Алексѣевича, и его близостью къ семейству пріѣхавшихъ на воды княгини Войцѣховской и ея дочери. Матушка только подтвердила всѣ эти извѣстія, ничего другаго ей и не оставалось сдѣлать, такъ какъ скрыть отъ бабушки или хоть не сразу сообщить ей все не было никакой возможности. Она ужь все знала.

Матушка говорила, что Дарья Николаевна прямо-таки, по ея мнѣнію, опасна. Эта внезапная перемѣна со Стратономъ Алексѣевичемъ или, какъ всѣ называли, „несчастіе“ съ нимъ, поглотила всѣ ея мысли, всѣ ея думы: она только и говоритъ, что объ одномъ объ этомъ и ни до чего другаго и ни до кого ей дѣла нѣтъ. Твердитъ все одно: „Боже, какое несчастіе!“

Все это я слышалъ мелькомъ изъ разговоровъ матушки съ отцомъ; но что̀ намѣрена она предпринять дальше, въ какія стать къ этому „несчастію“ отношенія и вообще что̀ будетъ или что̀ она предполагаетъ дальше — ничего этого, какъ ни старался я разузнать, не узналъ, да она и сама кажется ничего еще опредѣленно не знала. Было извѣстно мнѣ, что Стратонъ Алексѣевичъ женится, но когда, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ—тоже никто ничего не зналъ.

Настало между тѣмъ время варить варенье, и именно крыжовникъ.

Матушку кто-то научилъ варить его необыкновенно хитро и красиво. Ягодки какъ-то разрѣзывались, нанизывались въ такомъ разрѣзанномъ или надрѣзанномъ видѣ на вѣточки какихъ-то травъ, отчего получался видъ, что это какъ будто вѣтка хмѣля, а вовсе не крыжовникъ.

Это была очень копотная работа, за которую усаживались кромѣ самой матушки еще и Анна Карловна, и Соня сестра, и Липа, и все-таки онѣ никакъ не могли общими усиліями надѣлать этихъ вѣточекъ съ ягодами больше нѣсколькихъ фунтовъ въ день.

Матушка вспомнила, что въ послѣдній день пребыванія нашего въ N* у Стратона Алексѣевича она обѣщала сварить и ему этого удивительнаго варенья. Надо было поэтому еще усилить эту работу, и онѣ всѣ принялись за нее съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Мы съ Алексѣемъ Павловичемъ, приходя къ нимъ въ садъ или на террасу, гдѣ онѣ этимъ дѣломъ занимались, подсмѣивались, трунили надъ ними. И такъ какъ, за исключеніемъ насъ, да отца, весь домъ былъ занятъ этимъ вареньемъ, то и разговоровъ о немъ было много.

— А вотъ въ субботу Алексѣй Павловичъ поѣдетъ въ N*, сказалъ отецъ, — кстати и отвезетъ Стратону Алексѣевичу.

— А вы ѣдете развѣ? спросила матушка.

— Да вотъ двухъ книгъ намъ не хватаетъ. Надо будетъ тамъ въ уѣздномъ училищѣ ихъ постараться раздобыть, отвѣчалъ Юрьевъ.

Пришла суббота, и Алексѣй Павловичъ рано утромъ, тройкой, въ тарантасѣ, покатилъ въ N*, захвативъ съ собою разумѣется и варенье Стратону Алексѣевичу. Конечно, это былъ со стороны матушки только предлогъ загладить передъ старикомъ непріятное воспоминаніе о нашемъ странномъ отъ него отъѣздѣ. Кромѣ того, она можетъ-быть надѣялась услыхать что-нибудь новенькое еще...

Изъ города Юрьевъ долженъ былъ вернуться на другой день, т. е. въ воскресенье къ обѣду или къ вечеру, смотря какъ управится. Но его ждали къ обѣду — не пріѣхалъ, ждали къ вечеру — да такъ и не дождались вплоть до ужина. Поужинали и легли спать, рѣшивъ, что онъ вѣроятно выѣдетъ въ ночь и къ утру будетъ.

Но его не было и утромъ. Онъ вернулся на третій день только къ обѣду.

— Да вотъ все съ книгами возился. Насилу досталъ. Смотритель этотъ пьянъ, да къ тому же еще вчера воскресенье было, говорилъ Юрьевъ на разспросы, почему онъ не вчера вернулся, какъ хотѣлъ.—И потомъ, добавилъ онъ, — Стратонъ Алексѣевичъ меня не пускалъ. Я хотѣлъ было въ ночь выѣхать — не пустилъ. Оставилъ. Потащилъ съ собою въ садъ минеральныхъ водъ. Тамъ былъ какой-то балъ, домашній спектакль, концертъ—все было, и даже я пѣлъ на эстрадѣ!..

Всѣ смѣялись. Онъ разсказывалъ подробности, какъ его принялъ съ банками варенья Стратонъ Алексѣевичъ, какъ онъ потомъ угощалъ его въ саду, въ павильонѣ какомъ-то, обѣдомъ.

— И дамы были при этомъ? спросила матушка.

— Были, коротко отвѣтилъ Юрьевъ.

— Вѣроятно эта княгиня польская съ дочерью?

— Да... Тутъ какъ-то разговорились о музыкѣ, продолжалъ Юрьевъ,—я сказалъ, что люблю пѣть, но не умѣю, не учили. Стали меня просить спѣть, я и спѣлъ имъ „Лучинушку“. Съ этого и пошло... И вечеромъ стали просить спѣть, незнакомые какіе-то подходили. Ну, что-жъ мнѣ ломаться было, я знаю, что у меня хорошо выйдетъ, оговорился только, что фрака у меня нѣтъ съ собою, и вотъ въ этомъ сюртучкѣ пошелъ на эстраду и спѣлъ имъ.

— Ну, конечно, браво?

— Да... Три раза заставили спѣть...

— А намъ сегодня споете? спросилъ я.

— Отчего же нѣтъ? отвѣчалъ онъ.

И какъ бы подъ впечатлѣніемъ все еще того вечера, подумавъ немного, продолжалъ:

— А потомъ еще пѣлъ за ужиномъ.

— У Стратона Алексѣевича?

— Да...

— И опять были дамы?

— Да.

— Эти же все?

— Все эти же...

Матушка вздохнула, вспомнивъ о „несчастіи“.

Послѣ ужина въ этотъ день, когда мы пришли съ нимъ наверхъ спать — намъ съ нимъ отвели тамъ двѣ комнаты, гдѣ мы занимались — онъ улегся въ постель и по обыкновенію, пододвинувъ къ себѣ свѣчку, взялъ какую-то книгу и хотѣлъ было ее читать, но вдругъ отложилъ въ сторону, закинулъ руки подъ голову и, окликнувъ меня сплю-ли я, сказалъ:

— А я вамъ привезъ — не знаю что̀, поклонъ или поцѣлуй — отъ этой княжны. Она меня просила васъ поцѣловать, но такъ какъ между собой мужчины никогда не цѣлуются и потомъ сама она меня не поцѣловала, то я вамъ и передаю это такъ, на словахъ.

Я неловко разсмѣялся, чтобы скрыть смущеніе.

— Она очень много разсказывала, говорила о васъ.

— Что же такое? спросилъ я откашливаясь, потому что у меня пересохло въ горлѣ.

— Ничего. Она очень симпатично къ вамъ относится. Говорила, что вы впечатлительный, нервный мальчикъ...

— Да-а?

— Да. Разсказывала, какъ она дурачилась, цѣловалась съ вами.

„Дурачилась!.. Гм!..“ подумалъ я, и вдругъ мнѣ почему-то вспомнилось слово „авантюристка“, которое тогда сказала матушка въ разговорѣ о нихъ со Стра-

тономъ Алексѣевичемъ. Я хотѣлъ уже спросить его, но онъ меня перебилъ:

— А что такое — если это только не секретъ вашъ семейный — вашъ дѣдушка Стратонъ Алексѣевичъ хочетъ жениться на ней?

— Не знаю, кажется, отвѣчалъ я.

Онъ помолчалъ; я видѣлъ какъ по лицу его играла улыбка, вдругъ взялъ книгу, сказалъ мнѣ: „ну, спите, покойной ночи“, и углубился въ чтеніе.

XXI.

Прошло съ недѣлю; посланный, ѣздившій въ городъ на почту, привезъ Алексѣю Павловичу повѣстку на деньги, на какую-то, небольшую разумѣется, сумму. Онъ удивился, говорилъ, что не знаетъ отъ кого это.

— Вы напишите, что довѣряете получить такому-то, я засвидѣтельствую вашу подпись, почтмейстеръ и пришлетъ вамъ сюда, сказалъ отецъ.

Юрьевъ поблагодарилъ его. Но вслѣдъ затѣмъ сказалъ:

— Ахъ, вѣдь завтра суббота... Послѣзавтра воскресенье, мы будемъ отдыхать, не заниматься. Я и самъ пожалуй могу съѣздить... И съѣзжу я верхомъ. Здѣсь у васъ какая-нибудь лошаденка найдется вѣдь?

Но отецъ сталъ ему говорить, что къ чему же это дѣлать, когда есть и экипажъ, и лошади, и все это къ его услугамъ.

— Никого вы этимъ не стѣсните, сдѣлайте одолженіе. А то, шутка, верхомъ, вѣдь это туда да назадъ— сто двадцать верстъ. Васъ такъ растрясетъ...

Онъ сталъ говорить, что верхомъ онъ любитъ ѣздить, что привыкъ, много ѣздилъ, но въ концѣ концовъ конечно поѣхалъ въ тарантасѣ.

— Только вы, сказалъ отецъ, прощаясь съ нимъ съ вечера, такъ какъ онъ долженъ былъ опять выѣхать рано утромъ завтра, — только вы не застряньте тамъ этотъ разъ еще дольше, чѣмъ прошлый. Стратонъ Алексѣевичъ васъ затаскаетъ, заугощаетъ.

— О, нѣтъ! воскликнулъ Юрьевъ — Если впрочемъ вы боитесь, что онъ не выдержитъ экзамена, — онъ кивнулъ на меня,— то, будьте покойны, выбросьте это изъ головы.

И опять посмотрѣлъ на меня какъ тогда.

— Я не боюсь экзамена, сказалъ я. — Я выдержу— это я знаю навѣрно.

Утромъ я сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ поспѣшно одѣвался, собирался и уѣхалъ.

Прошло опять воскресенье, ждали весь день, весь вечеръ до ужина, и онъ не пріѣхалъ. Въ понедѣльникъ утромъ, когда еще всѣ спали, онъ явился и прошелъ прямо наверхъ, неумытый, весь въ пыли, съ заспаннымъ лицомъ.

— Вы всю ночь стало-быть ѣхали? спросилъ я его, еще лежа въ кровати.

— Нѣтъ, не всю. Я еще успѣлъ и покутить до двухъ часовъ, а въ два и выѣхалъ. Прямо изъ сада пришелъ и поѣхалъ. Ну-съ, вамъ опять кланяется ваша пріятельница.

— Видѣли вы?

— Какъ же! Опять все какъ слѣдуетъ: я пѣлъ, Стратонъ Алексѣевичъ угощалъ... Ну, а у васъ тутъ никакихъ новостей безъ меня не было? На меня не будутъ сердиться, что я не вчера вечеромъ, а сегодня утромъ пріѣхалъ? Мнѣ право такъ это непріятно, но что было дѣлать!..

За чаемъ, когда собрались, Юрьевъ опять разсказывалъ о N*, о Стратонѣ Алексѣевичѣ, и между прочимъ съ хохотомъ, что онъ получилъ отъ какого-то антрепренера, который ставилъ въ N* спектакль, ангажементъ пѣть у него въ труппѣ.

— Вотъ и прощай моя диссертація, добавилъ онъ.

Отецъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Я шучу, разумѣется, смѣясь отвѣтилъ Юрьевъ.

А матушка опять спросила его, видѣлъ-ли онъ этихъ— княгиню съ дочерью.

— Какъ же-съ, видѣлъ.

— У Стратона Алексѣевича?

— И у него, и съ нимъ былъ у нихъ, и потомъ въ саду.

— Удивляюсь! сказала матушка.—Въ его года...

Юрьевъ промолчалъ, ничего не отвѣтилъ.

Опять потянулось у насъ время прежнимъ порядкомъ. Мы много съ нимъ занимались, онъ много работалъ со мною и въ высшей степени добросовѣстно, былъ внимателенъ, все предвидѣлъ, отмѣчалъ мнѣ по каждому предмету опасныя мѣста, дѣлалъ наставленія какъ держать себя на экзаменахъ,—словомъ, дѣлалъ и сдѣлалъ все, что только могло отъ него зависѣть.

Черезъ недѣлю еще или дней черезъ десять подъ какимъ-то предлогомъ онъ опять съѣздилъ въ N* и вернулся точно такъ же утромъ рано. Видя какъ онъ занимается со мною и какъ усидчиво и съ охотой я самъ сижу, что приписывалось, и совершенно справедливо, его хорошему вліянію на меня, никто на него за эти поѣздки не сѣтовалъ: надо же и ему отдохнуть. Къ тому же, въ это время въ N* начался сезонъ всякихъ баловъ, спектаклей, концертовъ, пикниковъ и пр., такъ какъ курсъ лѣченія видимо подходилъ къ концу и больные и здоровые собравшіеся на воды веселились каждый день. Отчего же и ему не повеселиться?

По обыкновенію его разспрашивали, когда онъ возвратился, и онъ разсказывалъ тамошнія новости, сплетни, которыя успѣлъ собрать во время своего краткаго пребыванія тамъ.

Такъ же, по обыкновенію, привезъ онъ и поклонъ мнѣ.

— Она этотъ разъ особенно много разспрашивала объ васъ, какъ вы занимаетесь, какъ я вообще нахожу васъ. Сперва было очень подосадовала, что вы поступите не въ Морской корпусъ, а въ гимназію, но я ей доказалъ, что это будетъ и лучше, и больше къ вамъ подходитъ... Ну, какой вы военный, въ самомъ дѣлѣ? закончилъ онъ.

Я слушалъ очень довольный его разсказами объ ней.

— Она говоритъ, что вы у нея здѣсь, между родственниками Стратона Алексѣевича, единственный другъ, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ сказалъ Юрьевъ.

— Она же вѣдь никого не знаетъ, возразилъ я,—и ее никто не знаетъ.

— И тѣмъ не менѣе ее всѣ не взлюбили почему-то? Ну, чѣмъ она виновата, что Стратонъ Алексѣевичъ влюбился въ нее?

Мнѣ въ это время опять пришло въ голову слово „авантюристка“, произнесенное матушкой, и я на этотъ разъ спросилъ его.

— Авантюристка? какъ вамъ лучше объяснить? Это женщина или дѣвушка, которая ищетъ приключеній... Ну, конечно, не безкорыстно. Это что же ее такъ называютъ? спросилъ онъ.

— Я слышалъ.

— Гм! Какая она авантюристка!—она просто несчастная дѣвушка, сбитая съ толку и средой, и воспитаніемъ, и ухаживаніемъ за нею.

— А ея мать?

— Ну что-жь,—это дура, дрянь просто.

Мы помолчали немного.

— И вотъ какъ они несправедливы, тѣ, кто называютъ ее авантюристкой, продолжалъ Юрьевъ, задумавшись надъ этимъ словомъ.—Она—авантюристка потому, что за нею ухаживаетъ богатый старикъ, влюбленъ въ нее и говоритъ что женится на ней. Она подбирается, видите-ли, къ его состоянію... А онъ? А онъ къ чему подбирается? Да вѣдь она богаче его въ сто милліоновъ разъ... Онъ хочетъ завладѣть ея красотой, ея молодостью, ея умомъ,—чего это стоитъ? Вѣдь она королева, ей цѣны нѣтъ!..

Собственноручный портретъ г-жи Виже-Лебрёнъ (съ дочерью). Грав. Фельдветъ

Онъ замолкъ и прошелся раза три по комнатѣ, гордо неся голову. Легкая ироническая улыбка играла у него на губахъ.

Потомъ онъ сѣлъ и по привычкѣ что-то отмѣтивъ, сталъ разбирать мои тетрадки. Но прежде чѣмъ начать со мною заниматься, онъ сказалъ:

— Пожалуйста, только это все, что̀ я говорилъ, чтобы между нами осталось... Мнѣ какое дѣло до всего этого! проговорилъ онъ, не то, чтобы увѣрить, что ему дѣйствительно до этого никакого дѣла нѣтъ, не то въ видѣ горькой усмѣшки надъ самимъ собою.

(Оконч. въ слѣд. №).

Дяденька Войта.

Военный этюдъ. **Ник. Бутовскаго.**

Ефрейторъ Вбйта, или дяденька Вбйта, какъ называли его новобранцы, былъ феноменальный чухонецъ, мало похожій на „веекъ“, снабжающихъ „дивками“ бѣдное населеніе Петербурга. Правда, онъ былъ бѣлобрысый и имѣлъ типичный раздвоенный носъ, свойственный сынамъ этого убогаго племени, но за-то былъ не менѣе двѣнадцати вершковъ роста, держался стройно, смотрѣлъ молодцовато и пока не открывалъ рта, могъ быть принятъ за человѣка выросшаго вдали отъ финскихъ болотъ. Словомъ, Вбйта представлялъ странную игру природы: глядя на него, рѣшительно нельзя было предположить, что его родила сутуловатая, грязная, блѣдная и вообще изможденная чухонка, питающаяся селедкой и картофелемъ. Мы думаемъ, что Вбйта былъ воспитанникомъ, т. е. однимъ изъ питомцевъ Воспитательнаго дома, которыхъ чухны выращиваютъ въ своихъ деревняхъ. Но почему у этихъ воспитанниковъ, зачастую рождающихся брюнетами, волосы получаютъ характерный бѣлый цвѣтъ; почему носъ у нихъ непремѣнно раздваивается на двѣ не симметричныя половинки и лицо пріобрѣтаетъ пасторское выраженіе—объ этомъ предоставляемъ судить спеціалистамъ.

Вбйта прибылъ въ полкъ вмѣстѣ со своими земляками и, какъ матёрый волкъ, выдѣляющійся въ стаѣ обыкновенныхъ волковъ, обратилъ на себя общее вниманіе охотниковъ, жаждущихъ получить въ свою роту виднаго новобранца. Одѣтъ онъ былъ въ армякъ рыжевато-сѣраго цвѣта, тѣсный, короткій, подпоясанный плацѣвикомъ. На головѣ у него была большая шапка овчиннаго мѣха, тоже почему-то порыжѣлая; на ногахъ огромные сапоги съ носками шириною не менѣе трехъ дюймовъ.

Появленіе Вбйты въ 1-й ротѣ, куда онъ былъ назначенъ, произвело нѣкоторую сенсацію. Дядька Денисовъ, славившійся своею способностью подшустрять новобранцевъ, сначала принялъ его за русскаго.

— А ты откуда, молодчина такой?.. Какой губерніи будешь? спросилъ онъ Вбйту.

— Идэшнэй (здѣшней).

— Братцы! да это нѣмецъ, — пра̀!.. покатился Денисовъ со смѣху.—А изъ себя удалый какой!.. Вотъ ужь не думалъ... Ну, погоди маленько... какой бы тебѣ екзаментъ сдѣлать сейчасъ? Плясать умѣешь?

— Ja (да)! кивнулъ головой Вбйта.

— А ну-ка, ну-ка,—попляши по-своему.

Вбйта подбоченился и, не снимая теплаго армяка, съ самымъ серьезнымъ видомъ сталъ выдѣлывать разныя *па*, въ которыхъ дома практиковался только въ пьяномъ видѣ. Готовность Вбйты безропотно переносить всѣ тягости службы сказалась съ этого перваго шага: ручьи пота текли по его лицу и скатывались капельками по дорожкѣ раздвоеннаго носа, а онъ все продолжалъ плясать подъ хохотъ собравшихся солдатъ и безъ приказанія не смѣлъ остановиться.

— Ну, будетъ уже, будетъ,—потѣшилъ! ударилъ его по плечу Денисовъ.—Этакого, братцы, у насъ еще и не бывало,—пра̀!.. Можетъ ты и пѣсню умѣешь пѣть?

— Ja!

— А ну, валяй, валяй!.. Потѣха, братцы!

Запыхавшійся новобранецъ, не вытирая пота, глубоко вадохнулъ и затянулъ громкимъ, визгливымъ голосомъ какую-то отчаянную пѣсню, въ которой, въ видѣ припѣва, часто повторялись выраженія: „гу-гу“ и „муси-муси“.

Солдаты покатывались со смѣху.

На другой день Вбйту привлекли къ занятіямъ. Дядька Денисовъ, какъ опытный педагогъ, отлично зналъ, что передъ занятіями полезно человѣка растормошить, т. е. заставить попрыгать или побѣгать. Отличнымъ средствомъ для этого служила въ ротѣ деревянная кобыла, къ которой были привлечены Вбйта и два его товарища по обученію, Папелюкъ и Шиловъ—люди пасмурные, скучавшіе по родинѣ. Денисовъ не безъ основанія полагалъ, что и для этихъ субъектовъ кобыла будетъ настолько обаятельна, что заставитъ ихъ забыть мать, отца, жену и вообще все домашнее; такое свойство, по мнѣнію дядекъ, имѣла эта удивительная гимнастическая машина.

При видѣ кобылы, отъ страстнаго желанія одолѣть ее, у Вбйты занялся духъ, ноздри расширились и лицо налилось кровью; страшно было смотрѣть на него въ то время, когда онъ плевалъ на руки, приготовляясь бѣжать: казалось, душа Вбйты рвется изъ его тѣла и непремѣнно перелетитъ черезъ кобылу, даже и въ томъ случаѣ, если придется разстаться съ тѣломъ, т. е. оставить его мертвымъ по эту сторону. Съ перваго раза ни одному солдату не удается исполнить этого прыжка, поэтому рѣшимость Вбйты была дѣйствительно страшна, и два пасмурныхъ его товарища, Папелюкъ и Шиловъ, предполагая, что Вбйта убьется, на всякій случай закрыли глаза. Немножко струхнулъ и Денисовъ.

— Стой! стой!.. Не сразу. Погоди маленько! попробовалъ онъ остановить Вбйту, но было уже поздно.

Вбйта шарахнулся, какъ сумасшедшій, ударился животомъ о кобылу, чуть не свалилъ ее и перевалилъ свой мощный корпусъ на ту сторону. На полу онъ очутился на четвереньках; солдаты бросились подымать его, но онъ быстро всталъ и гордо обвелъ глазами окружающихъ. Здѣсь въ первый разъ увидѣли улыбку на лицѣ Вбйты; онъ былъ счастливъ какъ ребенокъ, и чувство соревнованія блистало въ его глазахъ, когда послѣ него стали прыгать его товарищи. Папелюкъ и Шиловъ подбѣгали къ кобылѣ нѣсколько разъ и, ударившись объ нее, уныло возвращались назадъ. Вбйтѣ стало жаль своихъ товарищей—и онъ началъ дѣлать какія-то ужимки плечами и головой, какъ бы помогая имъ подняться на воздухъ, но подъ конецъ разсердился и сталъ тихонько посылать имъ ругательства: „уу!.. цортъ!“

Съ такимъ же усердіемъ принялся Вбйта и за всѣ остальныя занятія, при чемъ выказалъ феноменальную память при заучиваніи такъ-называемой „словесности“. Не умѣя произнести правильно ни одного русскаго слова, онъ запоминалъ каждую фразу, произнесенную дядькой, и такимъ образомъ въ два мѣсяца выучилъ наизусть всѣ обязанности, иногда вовсе не понимая ихъ смысла. Онъ до того наметался въ устныхъ отвѣтахъ, что не успѣешь предложить ему вопросъ, какъ онъ уже что-то скоро и отрывисто бормочетъ; такъ, напримѣръ, услыхавъ въ вопросѣ выраженіе „внутренняя служба“, онъ сейчасъ же начиналъ отвѣчать: „солдатъ должен тоцно и совѣстно (добросовѣстно) полняйтъ сѣ ибязанности, которыя у него алозены (на него возложены)“ и т. д.

Съ неменьшимъ усердіемъ относился Вбйта и ко всякой работѣ, и даже гордился, замѣчая, что на него наваливаютъ больше работы, чѣмъ на другихъ. Эти достоинства новобранца были тотчасъ же эксплоатированы: еще будучи молодымъ солдатомъ, онъ получилъ почетную должность, возлагаемую обыкновенно на одного изъ шустрыхъ ефрейторовъ—подбирать въ ротѣ всякій случайный мусоръ передъ входомъ въ нее начальства. Вбйта изобрѣлъ способъ наскоро прятать этотъ мусоръ, разсовывая его по карманамъ, и съ шустростью птицы, собирающей зерна, схватывалъ валяющіяся на полу бумажки и другіе отброски въ то̀ время, какъ шиканье или, такъ-называемый, солдатскій телеграфъ давалъ знать, что начальство тронулось по казармамъ.

Безъ всякаго принужденія Вбйта вызывался прислуживать не только своему дядькѣ, но и другимъ; онъ чистилъ имъ сапоги, пуговицы; а послѣ обѣда не ложился отдыхать, чтобы не опоздать съ заваркой чая. „Эй, Вбйта! живо!“ командовалъ Денисовъ, лежа на койкѣ съ задранными кверху ногами. Стукъ кулакомъ по столу означалъ, что на этотъ столъ долженъ быть поданъ чай. Схвативъ чайникъ, Вбйта какъ сумасшедшій кидался на кухню. Сбѣгая по лѣстницѣ внизъ, онъ шагалъ черезъ ступеньку, а, подымаясь, отмѣривалъ сразу по три ступеньки и неистово ругался, если кто-нибудь загораживалъ ему дорогу; если же это было сопряжено съ пролитіемъ кипятка, Вбйта выходилъ изъ себя и заводилъ драку на лѣстницѣ. Ложась отдыхать, Денисовъ всегда приказывалъ Вбйтѣ, чтобы около его койки не было шума. Вбйта садился обыкновенно на табуреткѣ, у ногъ Денисова, и почему-то въ такихъ случаяхъ всегда читалъ свой лютеранскій молитвенникъ. Не отводя глазъ отъ молитвенника, онъ встрѣчалъ шиканьемъ каждаго проходящаго солдата, а если кто скрипѣлъ сапогами, Вбйта подымался и подавалъ знакъ рукой. Если же проходящій противился и нарочно начиналъ шумѣть, Вбйта догонялъ его и билъ по шеѣ.

Такія важныя достоинства Вбйты обратили на него вниманіе начальства, которое хотѣло отдать Вбйту въ учебную команду, чтобы потомъ произвести его въ унтеръ-офицеры; но этому помѣшало незнаніе русскаго языка и отсутствіе всякой надежды на будущіе успѣхи Вбйты въ этомъ отношеніи. Самое большее, на что могъ разсчитывать Вбйта, были ефрейторскія нашивки, для полученія которыхъ, по обычаю, заведенному въ N-мъ полку, нужно было сдать экзаменъ у батальоннаго командира.

По странной случайности, какъ ротный, такъ и баталіонный командиры Вӧйты тоже были инородцы, дурно владѣвшіе русскимъ языкомъ. Въ доброе старое время, а именно лѣтъ двадцать тому назадъ, такіе офицеры встрѣчались въ нашей арміи; но справедливость заставляетъ насъ замѣтить, что этотъ существенный недостатокъ не мѣшалъ многимъ изъ нихъ быть прекрасными офицерами.

Баталіоннаго командира Вӧйты звали Тратенбергъ, а ротнаго Браденбергъ. Оба они были славные малые, очень честные, можно сказать, рыцари въ душѣ. Ихъ любило начальство и товарищи за ихъ аккуратность и прямодушіе; но незнаніе русскаго языка частенько ставило ихъ въ весьма комическое положеніе.

По наружности, какъ подполковникъ, такъ и капитанъ были весьма представительны: стройно держались корпусомъ, чисто одѣвались, всегда сохраняли бодрый воинскій видъ и волосы на вискахъ, красиво окаймлявшіе интересную розовую лысину, зачесывали по послѣдней модѣ. Цвѣтъ волосъ у этихъ офицеровъ былъ такой же, какъ и у Вӧйты; баки росли необыкновенно густо и очень эффектно соединялись съ большими усами, которые, въ свою очередь, принимали въ свои объятія значительную растительность, пріютившуюся въ ноздряхъ. Глаза, особенно у Тратенберга, были на выкатѣ и казались очень серьезными и умными, особенно въ тѣ минуты, когда подполковникъ молчалъ; но странно: чѣмъ эти глаза казались серьезнѣе, чѣмъ больше свѣтилось въ нихъ умственной мощи, тѣмъ на баталіонныхъ ученіяхъ выходило больше путаницы, которая не устранялась, несмотря даже на глубокомысленныя совѣщанія, происходившія въ такихъ случаяхъ между подполковникомъ и капитаномъ на иностранномъ діалектѣ.

Вообще подполковникъ производилъ впечатлѣніе своей внушительной внѣшностью, особенно на простой народъ. Когда полкъ слѣдовалъ по улицѣ на ученіе, никто не обращалъ вниманія на командира полка; сидѣльцы магазиновъ и лавокъ, выбѣжавшіе послушать музыку, внимательно слѣдили за стройной фигурой подполковника, и въ народѣ слышались замѣчанія: „вотъ этотъ степенный, что позади музыки ѣдетъ, надо быть, надо всѣми ними начальникомъ будетъ“.

Тратенбергъ и Браденбергъ состояли между собой въ самой тѣсной дружбѣ; каждый вечеръ проводили вмѣстѣ и распивали свой національный пуншъ, дѣлая солидные промежутки между глотками, во время которыхъ глубокомысленно смотрѣли другъ на друга, складывая губы сердечкомъ и перекидываясь иностранными словами. При разговорѣ съ начальствомъ оба эти офицера наклоняли голову нѣсколько внизъ и набокъ, что означало почтеніе къ начальству; а получая благодарность, складывали губы такъ же, какъ и при питьѣ пунша, что выражало значительную степень удовольствія. На службѣ они старались держать себя офиціально, и подполковникъ иногда даже пытался разносить капитана, но это никогда не удавалось, потому что оба они, несмотря на свою природную раздражительность, были очень добры.

— Ти слишалъ моя команда?! грозно налеталъ Тратенбергъ на своего пріятеля.

— Да, слишалъ! Ну, и что?.. раздраженно отвѣчалъ капитанъ.

— Что-жь ти не испольняешь?

— Я не могу испольняйтъ: ти командуешь минута — одно, а минута — другой!..

— Я тебѣ приказываю, Густавъ!

— Я твой приказаній не могу испольняйтъ!

— А! ти забилъ дисциплинъ? Я буду тебя подъ судъ отдавайтъ!

— Ну, и что?.. Я буду ходить подъ судъ!..

— Ооо!.. многозначительно произносилъ подполковникъ и съ открытымъ отъ удивленія ртомъ отъѣзжалъ къ другимъ ротамъ.

Капитанъ вообще отличался нѣкоторыми странностями; такъ, напримѣръ, онъ не могъ запомнить фамилію своего фельдфебеля и не сразу узнавалъ свою роту.

— Фэльдфэбель! гдѣ наша рота? спрашивалъ онъ, выходя на ученіе.

— Издѣсь, ваше высокоблагородіе.

— Ну, ну! что ти мнѣ показиваешь? Я самъ знаю свою роту...

На ученіяхъ капитанъ часто сбивался и за всю свою долголѣтнюю службу не могъ разъяснить себѣ, отчего это сигналъ „кругомъ“ означаетъ не „кругомъ“, а „назадъ“. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ онъ обращался за помощью къ субалтернъ-офицерамъ; когда же они подсказывали „направо“ или „налѣво“, онъ сердился и дѣлалъ имъ выговоры.

Недостатки подполковника были другаго рода: онъ часто перепутывалъ приказанія, исходящія отъ командира полка и, собравъ ротныхъ командировъ, передавалъ имъ что-нибудь совершенно недоступное пониманію. Однажды, во время ученія, получивъ приказаніе остановиться на мѣстѣ въ то время, какъ другому батальону скомандуютъ „прямо“, подполковникъ передалъ его въ такой редакціи: „когда будутъ командовать „пря-мо“, тогда на-мэстэ!“

Теперь вернемся къ Вӧйтѣ, который долженъ былъ подвергнуться испытанію для полученія ефрейторскихъ нашивокъ. Экзаменъ былъ обставленъ нѣкоторою торжественностью: столъ былъ покрытъ, присланнымъ изъ капитанской квартиры, краснымъ сукномъ; нѣсколько листовъ бѣлой бумаги съ написанной на ней фамиліей Вӧйты, аккуратно очиненные карандаши, перья съ фигурными ручками и дорогая капитанская чернильница—возбуждали въ ротѣ большое любопытство и сообщали сѣрой ротной обстановкѣ праздничный видъ.

Подполковникъ явился въ роту въ новомъ сюртукѣ и, усѣвшись въ предсѣдательское кресло, велѣлъ Вӧйтѣ подойти къ столу.

— Ти спрашивай его немножко обязанности, сказалъ подполковникъ.

— Мнѣ спрашивайть? Я думалъ ти будешь?

— Нѣтъ,—ти спрашивай; я буду слушать!

— Вӧйта, ти знаешь обязанности? спросилъ капитанъ, сдвинувъ прилично случаю брови.

— Ja!

— Ниnадо „ja“. Говори по-русски: ти на Россіи служишь.

— Слусаю.

— Какія ти знаешь обязанности? „Часовой“ знаешь?

— Такъ тоцно.

— Скажи „часовой“.

— Цасовой долзенъ дитэлно (бдительно) охраняйтъ вой постъ и сё руценное его назору.

— А, хорошо!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

— А ти не сказалъ: онъ можетъ пэть (пѣть)?

— Никакъ нѣтъ.

— Ти слишалъ? спрашиваетъ капитанъ, многозначительно переглядываясь съ подполковникомъ.

— Да, слишалъ... Очень хорошо... А спрашивай его: онъ можетъ свистать?

— Свистать?

— Да.

— Вӧйта, ти можешь свистать?

— Фюп!.. засвисталъ Вӧйта, привыкшій моментально исполнять всякое приказаніе.

— Фуй!.. Нинадо здѣсь... Я спрашиваю: на караулѣ?

— Никакъ нѣтъ.

— Ти слишалъ?

— Да, слишалъ; очень хорошо... Ти спрашивай: кому онъ будетъ вызывайтъ караулъ?

— Вӧйта, ти будешь вызывайтъ караулъ, когда процессія будетъ ходить?

— Такъ тоцно.

— А если покойникъ будетъ съ командой ѣздить?

— Такъ тоцно.

— Ти слишалъ?

— Да, слишалъ, — очень хорошо... Спрашивай его: „на случай пожаръ...“

— На случай пожаръ?

— Да, на случай пожаръ.

— Вӧйта, ти можешь ходить изъ свой постъ на случай пожаръ?

— Никакъ нѣтъ.

— Ти слишалъ? Онъ все знаетъ!

— Да, слишалъ... Я думаю, его можно дѣлать „учитель“?

— Ти думаешь?

— Да, я думаю.

— Я тоже думаю.

Такимъ образомъ участь Вӧйты была рѣшена: онъ не только получилъ ефрейторскія нашивки, но и былъ признанъ способнымъ занять должность педагога, которому ввѣряются солдаты въ самомъ нѣжномъ, если такъ можно выразиться, военномъ возрастѣ.

Если-бы нужно было придумать для новобранца какое-нибудь наказаніе, превышающее свѣтлый и темный карцеръ, и даже военную тюрьму, то мы смѣло могли бы рекомендовать отдать его въ распоряженіе дяденьки Вӧйты, не потому, что Вӧйта былъ дурной человѣкъ,—напротивъ, онъ былъ очень честный и доброжелательный,—а потому, что глупость Вӧйты была такъ же феноменальна, какъ и его ростъ. Военное воспитаніе въ глазахъ Вӧйты заключалось главнымъ образомъ въ запугиваніи человѣка и въ донимаиіи его на каждомъ шагу разными замѣчаніями.

Получивъ въ свое вѣдѣніе пять человѣкъ новобранцевъ, Вӧйта какъ бы связалъ себя съ ними, буквально исполняя правило предписывающее дядькѣ не оставлять молодыхъ безъ надзора. Онъ ходилъ съ ними какъ насѣдка съ цыплятами, не позволяя имъ удаляться ни на шагъ отъ своего гнѣзда, и если кому-нибудь изъ его питомцевъ нужно было отлучиться „внизъ“, то онъ не только сопровождалъ его, но и таскалъ за собою остальныхъ, боясь, чтобы они не разбѣжались.

Вообще Вӧйта былъ представителемъ какого-то особеннаго, сочиненнаго имъ самимъ и совершенно недостижимаго порядка. Мы не можемъ себѣ представить такого идеальнаго ученика, который не раздражалъ бы дяденьку Вӧйту и не получалъ бы отъ него въ теченіе каждой минуты нѣсколькихъ замѣчаній.

Крестины. .Карт Шмуцлера, грав. Бонгъ.

За обѣдомъ Вѣйта смотрѣлъ въ ротъ своимъ питомцамъ, наблюдая чтобы они ѣли не слишкомъ мало и не слишкомъ много; въ первомъ случаѣ онъ замѣчалъ: „Ну, жри, цортъ!“ Когда же проголодавшійся новобранецъ просилъ прибавки, Вѣйта со злостью отдавалъ ему миску, приговаривая: „только и знаешь жрать!“ Людей бѣдныхъ, которые не имѣли своего чая, Вѣйта называлъ мусорными, упрекалъ ихъ принадлежностью къ дурной, нехозяйской семьѣ; другихъ же, которые пили свой чай, постоянно донималъ замѣчаніями: „только все цаями балуетесь, церти!“

Въ свободные отъ занятій часы, дяденька неустанно слѣдилъ за положеніемъ своихъ учениковъ, и никакое изъ принимаемыхъ ими положеній его не удовлетворяло: если они сидѣли пригорюнившись, онъ начиналъ ихъ упрекать, говоря, что солдату слѣдуетъ быть веселымъ; если они шутили между собой, Вѣйта ѣдко замѣчалъ: „цего балуетесь, церти!“ Сидящихъ онъ сгонялъ съ мѣстъ, объясняя, что солдату не слѣдуетъ засиживаться; ходящихъ — заставлялъ бѣгать; бѣгающихъ — останавливалъ.

На счастье Вѣйты, всѣ новобранцы, которыми онъ завѣдывалъ, принадлежали къ самому скромному классу людей, а именно — къ хлѣбопашцамъ. Двое изъ нихъ были орловцы, остальные малороссы. Нечего и говорить, что эти люди вполнѣ покорились своей участи. Они заранѣе знали, что военная служба будетъ для нихъ трудною, и въ настоящее время не тяготились этой трудностью, ибо, по простотѣ душевной, полагали, что исполненіе даннаго ими обѣта служить честно и нелицемѣрно — заключается для нихъ на первый случай въ безусловномъ подчиненіи дяденькѣ Вѣйтѣ.

Несмотря на то, что Вѣйта былъ отличнымъ гимнастеромъ и строевикомъ, занятія въ его партіи подвигались весьма туго. Онъ никакъ не могъ понять, что артистическое исполненіе пріемовъ достигается временемъ, и до того пилилъ своихъ учениковъ, что они уже не вслушивались въ его наставленія, а только потѣли и вздыхали, выражая отчаяніе въ своихъ способностяхъ.

Наибольшимъ камнемъ преткновенія, конечно, была такъ-называемая „словесность“. Въ этомъ занятіи Вѣйта былъ неумолимъ: зная на память всѣ обязанности, конечно на ломаномъ русскомъ языкѣ, онъ не прощалъ своимъ ученикамъ ни одного пропущеннаго слова.

— Кафари за мной: „снамя“...

— „Снамя“, повторяетъ ученикъ.

— „Истъ“ (есть).

— „Истъ“.

— „Воинская“.

— „Воинская“.

— „Вятыня“ (святыня).

— „Вятыня“.

— Теперь кафари сё разу (сразу).

Ученики безъ всякихъ разсужденій перенимали уставныя фразы въ редакціи, даваемой имъ дяденькой Вѣйтой. Только одинъ изъ малороссовъ осмѣливался подвергать ихъ критикѣ.

— Омелюкъ! робко обращался онъ къ товарищу, оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ.

— Чѣго?

— Нащо „воны“ (они) кажуть „снамя“? а-же то „знамя“...

— Мовчи! со страхомъ отвѣчалъ Омелюкъ: — то мабуть такъ трéба.

— А щё воно таке: „истъ“?

— Хто-жь ёго зна щё, — то уставъ такій.

— Нащо-жь мы ёго учимъ, коли намъ не звисно до чёго воно пристало?

— Про те дяденька зна... Мабуть такъ треба.

Настойчивость Вѣйты взяла свое. Послѣ неимовѣрныхъ усилій молодые выучили свои обязанности на ломаномъ русскомъ языкѣ. Экзаменъ происходилъ въ присутствіи генерала.

— Странно, замѣтилъ генералъ, обращаясь къ Браденбергу: — какъ у васъ много чухонцевъ... Вы эстляндцы или курляндцы?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, — орловскіе.

— Какъ орловскіе? а вы?

— Кіевскіе, ваше превосходительство!

— Капитанъ Браденбергъ! что это значитъ?

— Это Вѣйта, ваше превосходительство, — учитэль Вѣйта... у него русскихъ выговоръ нѣтъ...

— Господа! нельзя же назначать такихъ учителей!

— Онъ, ваше превосходительство, хорошо знаетъ словесныхъ познаный; ми сами съ баталіонный командиръ его экзаменовалъ...

Генералъ пожелалъ видѣть Вѣйту и много удивлялся его необычайной памяти, даже похвалилъ за усердіе, но навсегда смѣстилъ съ должности учителя.

Такимъ образомъ карьера Вѣйты закончилась ефрейторскими нашивками, и всю остальную службу онъ пробылъ въ должности такъ-называемаго „посыльнаго ефрейтора“, которую исполнялъ съ удивительнымъ, почти невиданнымъ въ невоенномъ быту усердіемъ.

Характеристика Вѣйты и его почтенныхъ начальниковъ была бы далеко не полною, если бы мы не упомянули объ ихъ участіи въ сраженіяхъ, гдѣ они показали себя истинными воинами и оставили по себѣ добрую память среди дальнѣйшихъ поколѣній N-го полка.

Въ войну 1877—78 года, наканунѣ жаркаго дѣла подъ укрѣпленіемъ Х*, капитанъ и подполковникъ по обычаю распивали въ палаткѣ свой пуншъ въ то время, какъ принесли изъ канцеляріи диспозицію на завтрашнее число.

— Ти видѣлъ? сказалъ подполковникъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Нѣтъ, не видѣлъ... а что?

— Нашъ баталіонъ назначайтъ на резервъ!

— На резервъ?

— Да, на резервъ.

— Ну, и что?

— Я не хочу на резервъ! я хочу перѣдъ (впередъ)!

— О-о! я тоже хочу перѣдъ!

— Если я ни храбръ, продолжалъ подполковникъ, снова ударивъ кулакомъ по столу и опрокинувъ бутылку съ пуншемъ, — если я ни храбръ, надо миня вонъ выгоняйтъ!.. Я сичасъ буду ему сказать!..

— Ти будешь ему сказать?

— Да, Густавъ, я буду ему сказать!

— Дай руку, Карлъ, сказалъ Браденбергъ, прослезившись.

Подполковникъ пристегнулъ саблю и, напутствуемый восторженнымъ взглядомъ своего добраго товарища, отправился къ командиру. Командиръ успокоилъ Тратенберга, объяснивъ ему, что резервъ назначенъ только для формы, и что всѣмъ баталіонамъ придется принять одинаковое участіе въ дѣлѣ.

На другой день, когда батальонъ выстроился, подполковникъ, лихо подбоченясь, выѣхалъ передъ строй.

— Ребята! сказалъ онъ торжественно, и голосъ его дрогнулъ: — ребята! я надѣюсь, я снаю, что ви не будете посрамляйтъ русское орушіе!.. Я вѣренъ, что ви будете храбръ, какъ вашъ отецъ и дѣдушка!.. Э, каждый слышь свой начальникъ, и Богомъ (съ Богомъ) перѣдъ!!

— Постараемся, ваше высокоблагородіе! отвѣчали солдаты.

Эта рѣчь, несмотря на ея слогъ, произвела сильное впечатлѣніе на людей своею искренностью. Лицо подполковника было строго серьезнымъ, но видно было, что онъ переживаетъ тѣ счастливыя, исполненныя военной поэзіи, минуты, которыя выпадаютъ на долю людей одаренныхъ военною жилкою. Особенно было трогательно, когда съ послѣдними словами своей рѣчи подполковникъ снялъ шапку и перекрестился по русскому обычаю.

Когда Тратенбергъ отъѣхалъ отъ баталіона, капитанъ вышелъ передъ свою роту и высоко поднялъ надъ головой шапку.

— Ребята! сказалъ онъ со слезами (онъ былъ сильно растроганъ рѣчью своего друга). — Ребята! Я тоже могу прибавляйтъ: иди смѣло на рага (врага), и Богомъ перѣдъ!!

— Постараемся, ваше высокоблагородіе!

Не долго батальону, которымъ командовалъ Тратенбергъ, пришлось находиться въ резервѣ; его выдвинули въ критическую минуту и прямо повели на непріятельское укрѣпленіе. Въ то время, какъ всѣ конные начальники спѣшились, одинъ Тратенбергъ оставался на лошади, и нѣсколько минутъ среди атакующей толпы раздавался его громкій голосъ:

— Друшно, ребята, перѣдъ!!

Когда этотъ голосъ умолкъ, Браденбергъ съ ужасомъ увидѣлъ лошадь своего друга, метавшуюся безъ сѣдока среди нестройно бѣгущихъ рядовъ. Обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ Тратенберга тяжело раненымъ и бросился подать ему помощь.

— Ступай прочь, Густавъ! Ти долженъ быть на свой постъ! строго сказалъ подполковникъ своему другу.

— Но ти раненъ, Карлъ... я буду тебя перевязать...

— Не надо перевязать... ступай перѣдъ!.. сказалъ подполковникъ съ видимымъ раздраженіемъ.

И это были послѣднія его слова. Закрывая навѣки глаза, онъ силился сдѣлать какой-то жестъ, которымъ, вѣроятно, указывалъ своему другу, что его мѣсто не здѣсь, а при своей ротѣ.

Подполковника похоронили съ большими почестями вмѣстѣ съ другими, павшими въ сраженіи. Лицо убитаго казалось спокойнымъ, довольнымъ: оно какъ бы выражало застывшее чувство героя, удовлетвореннаго своими дѣяніями.

Большая перемѣна произошла съ тѣхъ поръ съ капитаномъ: онъ заскучалъ, опустился и вскорѣ послѣ похода вышелъ въ отставку; но товарищи помнятъ его и принимаютъ какъ почетнаго гостя въ своемъ собраніи; во время полковыхъ праздниковъ они обмѣниваются съ нимъ поздравительными телеграммами.

Что же сталось съ Вѣйтой? Объ немъ упоминается въ нѣсколькихъ реляціяхъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ отважныхъ охотниковъ. Онъ принадлежалъ къ неуязвимымъ людямъ, которыхъ солдаты считаютъ заговоренными отъ пуль. Въ извѣстномъ дѣлѣ подъ А*, когда наши охотники заклепали цѣлую непріятельскую батарею, Вѣйта сидѣлъ верхомъ на орудіи и неистово ругалъ своихъ товарищей за нерасторопность; а во время стычки подъ укрѣпленіемъ Х*, въ то время какъ рота Браденберга залегла за бугромъ перевести духъ и всякаго

поднявшаго голову смѣльчака сражала непріятельская пуля, Вбйта преспокойно прохаживался по бугру и сообщалъ товарищамъ свои впечатлѣнія.

— Впсь, церти! ругался онъ, указывая на турокъ. — Васъ не надо стрѣляйтъ, васъ надо рикладомъ (прикладомъ) бить...

Вскочивъ однимъ изъ первыхъ въ непріятельскій редутъ, онъ буквально привелъ въ исполненіе свою угрозу.

Вернувшись съ похода, Вбйта просился на вторичную службу, но эта просьба не могла быть уважена, потому что онъ не былъ унтеръ-офицеромъ. Прощаясь съ ротой, Вбйта плакалъ горькими слезами.

Въ настоящее время дяденька Вбйта состоитъ егеремъ въ одномъ изъ охотничьихъ обществъ. Грудь Вбйты украшена двумя Георгіевскими крестами, а фамилія его занесена золотыми буквами на красную доску въ помѣщеніи 1-й роты N-го полка.

Сестрорѣцкія дюны.

Очеркъ **В. Д. Аленицина** (рис. на стр. 460).

Сестрорѣцкъ, или вѣрнѣе—Сестрорѣцкое, есть большое село Петербургской губерніи, Петербургскаго же уѣзда, лежащее на рѣкѣ Сестрѣ, вливающейся въ Финскій заливъ. Оно извѣстно, съ одной стороны, своимъ оружейнымъ заводомъ, а съ другой—своими дюнами, помимо того, что оно составляетъ дачное мѣстопребываніе немногихъ петербуржцевъ, способныхъ ужиться въ пескахъ, крайне затрудняющихъ движеніе, и помириться со страшною дорогою, которая ведетъ сюда отъ Финляндской желѣзной дороги.

Пески Сестрорѣцкаго представляютъ, дѣйствительно, нѣчто выходящее изъ ряду и всюду являются главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: на улицахъ-ли, по которымъ, едва лошадь ступила на песокъ, приходится плестись шагомъ, иногда въ облакахъ непроглядной, песочной пыли; въ огородахъ-ли, гдѣ хозяиномъ выступаетъ картофель, какъ овощь, порядочно растущая на богатой пескомъ почвѣ; на пустыряхъ, такъ быстро и такъ основательно заносимыхъ пескомъ, что не остается и слѣда отъ грядъ, если онѣ были на этихъ мѣстахъ; на морскомъ-ли берегу, производящемъ этотъ песокъ; въ лѣсахъ-ли, покрывающихъ сестрорѣцкіе холмы, образованные изъ того же песку. Вездѣ—кромѣ развѣ болотистыхъ мѣстъ да поверхности воды—песокъ рекомендуетъ себя самымъ навязчивымъ образомъ.

Этотъ песокъ очень тонокъ, въ массахъ желтовато-сѣраго, т. е. именно такъ-называемаго „песочнаго“ цвѣта, и, благодаря своей мелкости, чрезвычайно подвиженъ. Сегодня, напримѣръ, песчаное поле изборождено широкими и глубокими колеями, покрыто во всѣхъ направленіяхъ человѣческими и разными другими слѣдами; но съ вечера подулъ слабый вѣтеръ и къ утру—ни колей, ни слѣдовъ какъ не бывало: поверхность песковъ обметена нагладко и лишь тамъ и сямъ красуются на ней совершенно правильно начерченные, неизвѣстною силою, полные или, чаще, неполные круги. Всмотрѣвшись ближе, легко понять, что эти круги начертили своими концами не бросающіеся въ глаза при первомъ взглядѣ—стебли и листья злаковъ, пригибавшіеся къ землѣ и мотавшіеся во всѣ стороны во время вчерашняго вѣтра. При небольшомъ вѣтрѣ частицы песка двигаются незамѣтно или мало замѣтно. Но стбитъ подуть бурѣ—и песокъ обнаружитъ свою подвижность вполнѣ наглядно и подчасъ чувствительно. Подъ напоромъ вѣтра, гнущаго въ дугу молодыя деревья, онъ бойко скользитъ по поверхности навѣтренныхъ склоновъ холмовъ, бѣжитъ къ ихъ вершинамъ и каскадомъ летитъ черезъ гребни на подвѣтренные склоны. Въ узкихъ мѣстахъ, напр. въ пустыхъ промежуткахъ между звеньями забора, онъ рвется по вѣтру настоящими потоками, и едва-ли найдется охотникъ идти, безъ необходимости, навстрѣчу такой песчаной вьюгѣ, рѣжущей лицо и засыпающей глаза. Большинство, конечно, предпочтетъ лишнія полверсты дороги по улицѣ, подъ защитою домовъ и заборовъ,—пусть даже нога вязнетъ въ пескѣ по щиколотокъ,—прямому пути черезъ лазъ, осыпаемый пескомъ.

Но этими перелетами песка съ мѣста на мѣсто вовсе не кончается дѣло. Эффекты, являющіеся въ результатѣ путешествія песчаныхъ частицъ за длинный періодъ времени, получаются поразительные. Достаточно сказать, что холмы, окружающіе Сестрорѣцкое и на многія версты тянущіеся вдоль морскаго берега,—тѣ горы, покрытыя густымъ соснякомъ и застланныя то сѣрымъ, то фіолетово-розовымъ (когда онъ въ цвѣту) ковромъ вереска, которыя выступаютъ при подъѣздѣ къ Сестрорѣцкому, образованы сплошь изъ песку, налетѣвшаго съ вѣтромъ отъ морскаго берега,—чтобы опредѣлить колоссальные размѣры и работы вѣтра, и массы переметеннаго имъ матеріала.

Сестрорѣцкій песокъ рожденъ моремъ, т. е. выброшенъ имъ изъ глубины на линію прибоя, и отсюда уже передвинутъ и свернутъ вѣтромъ въ холмы разнообразнаго очертанія, расположившіеся въ видѣ рядовъ волнъ параллельно берегу моря. Очертаніе морскаго дна здѣсь очень благопріятствуетъ выносу песка изъ-подъ воды: оно весьма полого; а при этомъ волненіе своимъ напоромъ не размываетъ берега, но, наоборотъ, выдвигаетъ на прибой все новыя и новыя массы песку.

Въ свою очередь вѣтеръ, при каждомъ своемъ дуновеніи, при каждомъ порывѣ,—подхватываетъ песчинки съ прибоя и подвигаетъ или несетъ ихъ все дальше и дальше на сушу. Пусть, однако, на дорогѣ встрѣтится какое-нибудь препятствіе: камень, стволъ или сукъ дерева, старый пень, гривка сухой травы, кучка обломковъ тростника, нанесенныхъ также вѣтромъ,—и это ничтожное, повидимому, обстоятельство повлечетъ весьма значительныя послѣдствія. Песокъ останавливается и сгруживается около препятствія, съ той стороны, къ которой прибиваетъ его вѣтеръ, такъ что въ концѣ концовъ на этомъ мѣстѣ образуется песчаный бугорокъ или бугоръ, смотря по размѣрамъ препятствія, а также въ зависимости отъ массы мелкихъ причинъ, составляющихъ благопріятныя условія для преимущественнаго роста нѣкоторыхъ бугровъ. Эти послѣдніе и вырастаютъ, наконецъ, въ систему песчаныхъ холмовъ, такъ-называемыхъ—дюнъ.

При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что дюнный бугоръ—нѣчто довольно постоянное и устойчивое, какъ вообще холмъ. На дѣлѣ же, каждый бугоръ, если его поверхность не покрыта растительностью, предметъ весьма подвижной. Любой замѣтный вѣтеръ гонитъ песокъ, изъ котораго состоитъ бугоръ, какъ уже сказано, по навѣтренному боку къ вершинѣ и пересыпаетъ его на подвѣтренный бокъ.

Такъ какъ въ каждой мѣстности нѣкоторые вѣтры дуютъ чаще, продолжительнѣе и сильнѣе другихъ,—такъ-называемые преобладающіе вѣтры,—то понятно, что съ тѣхъ боковъ дюнныхъ бугровъ, которые обдуваются именно этими вѣтрами, должно выдуваться и переноситься на противоположные бока большее количество песку, чѣмъ съ другихъ сторонъ. Такъ, если въ данномъ пунктѣ преобладаютъ сѣверные и западные вѣтры, то, какъ бы ни перемѣщался песокъ по поверхности бугровъ въ теченіе года, наибольшее количество его все-таки будетъ выдуто съ сѣверныхъ и западныхъ склоновъ ихъ и перенесено на южные и восточные. Очевидно, что если это продолжается изъ года въ годъ, то система дюнныхъ волнъ должна медленно двигаться на югъ и на востокъ, т. е. на юго-востокъ.

При этомъ, въ силу частныхъ причинъ, отдѣльные холмы могутъ, конечно, передвигаться въ разной степени, сливаться другъ съ другомъ, распадаться на нѣсколько, пропадать совсѣмъ и т. д.

Такъ и идетъ всегда дѣло въ голыхъ дюнахъ; онѣ, незамѣтно, но вѣрно, подвигаются по направленію преобладающаго вѣтра, засыпая на пути все что встрѣтится и двигаясь туда, гдѣ ихъ никогда не бывало раньше. Такъ преобладающій вѣтеръ съ моря есть одно изъ первыхъ условій для возникновенія мощныхъ дюнъ, ползущихъ все глубже и глубже въ материкъ, пока какое-нибудь рѣшительное препятствіе: лѣсъ, высокій обрывъ втораго берега,—не положитъ предѣла ихъ движенію, или пока, въ силу удаленія отъ берега, песку не станетъ мало сравнительно съ обширностью площади, на которую онъ несется вѣтромъ.

Вѣтры несутъ, однако, на бока дюнъ не одинъ только песокъ: съ ними летятъ также сѣмена растеній, пыль различнаго происхожденія, разный соръ, каковы: обломки сучьевъ, тростника, сухой травы, хотя и въ незначительномъ количествѣ. Въ силу этого, при благопріятныхъ условіяхъ, тамъ и сямъ можетъ пробиться ростокъ сѣмени, а такъ какъ въ почвѣ дюны можетъ найтись, кромѣ песку, также немного питательныхъ веществъ, то нѣкоторые изъ ростковъ неприхотливыхъ растеній въ состояніи даже укорениться,—прежде всего тѣхъ растеній, которыя любятъ удобопроницаемую водою сухую почву. Сосна и верескъ, а въ мокрыхъ низинахъ, прерывающихъ гряды дюнъ, ольха и нѣкоторыя ивы, являются наиболѣе типическими и первыми поселенцами на дюнныхъ пескахъ. Сосна разрастается здѣсь прекрасно; верескъ же, густо одѣвающій поверхность почвы въ этихъ сосенкахъ, удобряетъ своимъ перегноемъ верхній слой ея, обогащая его органическими веществами. Въ результатѣ образуется особая легкая, такъ-называемая вересковая, почва, способная, однако, питать многія растенія, которыя мало-по-малу и появляются въ поросляхъ сосняка, превращающихся со временемъ въ настоящій сосновый лѣсъ,—правда очень сухой, небогатый растительными формами, но тѣмъ не менѣе прочно сковывающій пески и заставляющій ихъ осѣсть на мѣстѣ.

Впрочемъ, съ обрастаніемъ дюнъ, движеніе песковъ можетъ и не кончиться, а напротивъ, сосредоточившись въ извѣстныхъ мѣстахъ, пріобрѣсти болѣе рѣзкій характеръ. Это происходитъ именно тамъ, гдѣ сплошныя стѣны густаго лѣса прерываются, давая свободный или болѣе свободный путь вѣтру, напр. при устьяхъ и по долинамъ рѣкъ, текущихъ черезъ дюны къ морю, въ рѣдколѣсьи, а также на оставшихся, по какимъ-либо причинамъ, голыми участкахъ дюнныхъ песковъ. Вѣтеръ съ моря,

едва замѣтный на берегу и около обросшихъ лѣсомъ дюнъ, здѣсь оказывается уже чувствительнымъ, а сильный вѣтеръ въ подобномъ проходѣ—крѣпчаетъ еще болѣе.

Дѣло въ томъ, что масса воздуха, напирающая при каждомъ морскомъ вѣтрѣ на дюны, встрѣчая сопротивленіе движенію со стороны окрѣпшихъ дюнныхъ бугровъ и растущаго на нихъ лѣса, огибаетъ эти препятствія и течетъ справа и слѣва къ свободнымъ проходамъ, присоединяясь здѣсь къ струѣ воздуха, текущаго въ нихъ прямо съ моря, увеличивая ея скорость и силу. Понятно, поэтому, что здѣсь должны чаще и въ болѣе сильной степени, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, разыгрываться песчаныя мятели, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ въ узкихъ лазахъ между заборами и строеніями Сестрорѣцкаго.

И дѣйствительно, результаты работы вѣтра оказываются въ такихъ мѣстахъ весьма серьезными: стремясь въ проходъ, потокъ воздуха буквально сметаетъ и срываетъ поверхность навѣтреннаго бока дюны и въ короткій срокъ выдвигаетъ подвѣтренную сторону далеко впередъ, погребая подъ песками дороги, деревья, поля, покосы, и если на пути дюны лежитъ селеніе, то также огороды и строенія, принуждая жителей бросать хозяйство и искать другаго мѣста для домовъ.

Въ окрестностяхъ Сестрорѣцкаго, а также и въ самомъ селѣ, дюнныя картины являются мѣстами во всей полнотѣ. Мѣстность между разваливающимся вокзаломъ бывшей Миллеровской желѣзной дороги (стоящимъ почти на самомъ берегу моря, вблизи заброшенной Миллеровской же пристани) и между рукавомъ рѣки Сестры, по которому она течетъ нынѣ, представляетъ поразительныя издѣлія вѣтра изъ песку на каждомъ шагу. Тутъ долина рѣки Сестры и рѣдколѣсье,—можетъ быть, вмѣстѣ съ характеромъ очертанія береговой линіи, — явились его помощниками. И неутомимый работникъ навалилъ такія массы песку въ устье прежняго русла рѣки Сестры, что она перестала течь по нему, да по пути засыпалъ и передовыя, ближайшія къ морю, линіи лѣса. Бывшій рукавъ Сестры нынѣ—узкая полоса покойной воды, не достигающая до моря почти на четверть версты и окаймленная темнозеленою опушкою тростниковъ, здоровая густая зелень которыхъ какъ бы стремится успѣть пожить, пока массы желтовато-сѣрыхъ безжизненныхъ песковъ еще не вытѣснили ея и не отвоевали себѣ ея мѣсто, какъ это они сдѣлали съ лѣсомъ вблизи нынѣшняго русла рѣки. Тамъ бросается въ глаза,—если ѣхать по узкой дорожкѣ черезъ лѣсъ къ мостику, горбомъ перекинутому черезъ р. Сестру, у одинокой дачи, стоящей на противоположномъ берегу,—прежде всего, песчаный валъ, слѣва, или—если угодно — песчаная гора, которая, несмотря на свое спокойствіе въ данную минуту, даетъ опредѣленное впечатлѣніе громадной волны, остановившейся, какъ бы застывши, передъ дорогой. Напоръ движенія такъ и чувствуется въ каждой линіи ея очертаній. Она и движется на самомъ дѣлѣ. Вотъ влѣво отдѣлилась старая дорога, на которой сгладились уже слѣды колей, и пройдя нѣсколько саженъ между стройными стволами здороваго, молодаго сосняка, исчезла подъ подошвою этой песчаной волны, поднимающейся надъ нею уже въ видѣ мощнаго холма. Черезъ нѣсколько саженъ дальше, бѣловато-желтый языкъ чистаго, свѣженанесеннаго песку, по которому пока не ступала ничья нога и не прокатывалось колесо, перерѣзалъ поперекъ, сливаясь съ дюной, и теперешнюю дорогу. Ее, несомнѣнно, ожидаетъ та же судьба, какая постигла прежнюю, именно—быть похороненною подъ наступающею дюною. Но этотъ языкъ песку, охватившій также корни нѣсколькихъ сосенъ, сразу обращаетъ вниманіе на фактъ, незамѣчаемый на первыхъ порахъ. Дѣло въ томъ, что сосны, которыми какъ бы поросъ скатъ дюны, въ сущности, растутъ не на ея почвѣ, а такъ-сказать, лишь затоплены ея волною. И дѣйствительно, болѣе пристальный взглядъ убѣждаетъ, что эти сосны стоятъ—одна по колѣно, другая по поясъ, третья по грудь (употребляя эти не приложимые вообще къ деревьямъ термины для нагляднаго опредѣленія степени ихъ погруженія),—въ пришломъ пескѣ, засыпающемъ ихъ съ каждою минутою все болѣе и болѣе. Двѣ-три молодыхъ сосенки, имѣвшія несчастье вырасти на томъ мѣстѣ, гдѣ почти совершенно голый лобъ дюны твердымъ шагомъ направляется уже и къ теперешнему руслу р. Сестры, засыпаны настолько, что лишь однѣ ихъ верхушки возвышаются надъ гладкою поверхностью песка.

Мѣстами можно встрѣтить въ дюнахъ и старыя деревья въ такомъ положеніи. Было бы большою ошибкою подумать, что эти деревья будутъ продолжать расти, т. е., что верхняя, живая и зеленѣющая часть ихъ будетъ развиваться, разрастаясь, надъ пескомъ. Во-первыхъ, растенію далеко не все равно, на какой глубинѣ корни его находятся подъ землею, ибо они, во всякомъ случаѣ, нуждаются въ свободномъ доступѣ къ нимъ, сквозь почву, воздуха; а во-вторыхъ, песокъ рано или поздно покроетъ деревья и съ головою. Если подняться на гребень дюны и осмотрѣть ея навѣтренный бокъ, на который преимущественно напираетъ вѣтеръ, выдувая съ него песокъ, то значеніе движенія дюны для встрѣчаемаго ею по дорогѣ лѣса выступитъ съ полною отчетливостью.

Навѣтренный бокъ, это своего рода кладбище, — старое, съ разрушенными могилами, изъ которыхъ тутъ и тамъ выглядываютъ куски скелетовъ. Это—обширное взволнованное поле мелкаго песку, на которомъ большинство отдѣльныхъ бугровъ обращено верхушками въ сторону движенія дюны. Въ ту же сторону погнута, какъ-то пріютившаяся здѣсь, жалкая отрепанная березка. На иныхъ буграхъ щетиною торчатъ рѣдкіе чахлые стебли злаковъ. Но за то это поле богато иными деревьевъ. Различной величины и толщины, въ разной степени разрушенія, они высовываются изъ могилъ, — вблизи, въ видѣ столбовъ, корягъ, а вдали въ видѣ безпорядочно разбросанныхъ точекъ, похожихъ на соръ на поверхности песковъ.

Совершенно какъ послѣ лѣснаго пожара: дюна, засыпая наступающимъ бокомъ здоровыя и полныя силъ деревья, оставляетъ за собою лишь трухлые пни, которые вѣтеръ, передувая песокъ дальше, снова выводитъ на свѣтъ. Разница лишь въ томъ, что истребленіе лѣса дюною совершается медленно и обходится безъ дыма и пламени.

Таковы дѣйствія дюны въ лѣсу. Хотя не столь убійственна работа ея въ селеніи, куда ей удалось прорваться, либо же и образоваться тамъ, но она можетъ создать рядъ не малыхъ огорченій и хлопотъ для жителей.

На Петербургской улицѣ Сестрорѣцкаго, по которой идетъ дорога изъ села въ Петербургъ, черезъ Лисій Носъ и Лахту, пріобрѣлъ далеко не почетную извѣстность дюнный холмъ, составляющій издавна предметъ разсужденій для земскихъ дѣятелей, которые, однако, какъ говорятъ, и до сихъ поръ не могутъ найти средствъ освободить село отъ этого, крѣпко засѣвшаго на мѣстѣ, врага. Находчивые остряки изъ обывателей полагаютъ, что лишь желѣзная дорога можетъ избавить Сестрорѣцкое отъ бѣды, передвинувши эту груду песку въ столицу, гдѣ его можно сбыть даже за дорогую цѣну. Пока же онъ остается на мѣстѣ и служитъ весьма дешевымъ украшеніемъ села,—такъ какъ въ самомъ Сестрорѣцкомъ песокъ ничего не стоитъ, — угрожая похоронить подъ собою нѣсколько домовъ. Мѣстное преданіе относитъ начало образованія его ко времени Крымской войны, когда англійская эскадра адмирала Нэпира, по мѣстному „англичанка", крейсировала въ Балтійскомъ морѣ. При усиленіи обороны береговой линіи, были построены кое-какія земляныя укрѣпленія также въ Сестрорѣцкомъ, остатки которыхъ уцѣлѣли даже доселѣ, — напр., шанцы на Дубковскомъ мысѣ. По преданію, и на томъ мѣстѣ гдѣ возвышается нынѣ бугоръ, о которомъ идетъ рѣчь, были поставлены туры, и возведено укрѣпленіе. Съ окончаніемъ войны „англичанка" ушла, но туры остались. Около нихъ-то именно и началъ отлагаться песокъ, приносимый понемногу съ окружающей мѣстности, гдѣ онъ хотя мѣстами поросъ травою и ольховыми колками, но мѣстами лежитъ также на виду и вполнѣ доступенъ дѣйствію вѣтра. Постепенно скопился холмъ, лишенный растительности, очень тонкій песокъ котораго приходитъ въ движеніе даже при слабомъ вѣтрѣ. Онъ засыпаетъ дорогу и напираетъ на дома, при вѣтрѣ съ моря, и летитъ на огороды, если вѣтеръ дуетъ съ противоположной стороны, иногда отлагаясь подлѣ заборовъ, въ теченіе немногихъ дней, слоемъ въ нѣсколько вершковъ толщины. Такъ какъ здѣсь огороды забираются плетневымъ тыномъ или жердями, то онъ проникаетъ въ иные безпрепятственно, а въ другіе пробирается сквозь плетень. Дорога на улицѣ противъ бугра утомительна до крайности, особенно лѣтомъ, когда въ жары песокъ разогрѣвается. Нѣкоторые дома въ этомъ мѣстѣ Петербургской улицы уже прикрыты щитами, такъ что песокъ подошвы холма лежитъ передъ ними, въ сажени или двухъ, на высотѣ верхняго косяка оконъ, а вершина его поднимается надъ крышами. Здѣсь именно во всѣхъ узкихъ проходахъ и развиваются песчаные вихри и каскады при каждомъ порядочномъ вѣтрѣ.

Легко видѣть, насколько тягостенъ такой сосѣдъ, какъ дюны, и насколько трудна борьба съ этимъ врагомъ. Дюны ведутъ правильную осаду,—способъ считаемый, какъ извѣстно, вообще надежнѣйшимъ пріемомъ для завоеванія, въ особенности если врагъ подкрадывается медленно, мало замѣтно и безъ шума, какъ это дѣлаетъ дюна.

Самыя знаменитыя дюны въ Европѣ суть Гасконскія, во Франціи, и на берегахъ Куришъ-Гафа, гдѣ и выработались основанія борьбы съ ними. Они состоятъ въ томъ, что дюну стараются укрѣпить, обсаживая ее деревьями,—прежде всего лозою, такъ какъ она легко принимается на пескѣ и быстро растетъ, — или засѣвая травами, могущими расти на сыпучей песчаной почвѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по характеру мѣстности это необходимо, сначала образуютъ такъ-называемую „искусственную дюну". Для этого вблизи самаго моря накладывается рядъ камней, вдоль котораго скопляется песокъ, и образуется линія дюнныхъ бугровъ. Когда эта линія достигнетъ достаточной высоты, тогда она станетъ своего рода щитомъ, предохраняющимъ полосу дюнъ, лежащихъ дальше отъ моря, которыя нужно укрѣпить или „связать" отъ прямаго дѣйствія вѣтра и наноса песковъ. Послѣ этого приступаютъ уже къ посадкамъ и посѣвамъ на защищенныхъ такимъ образомъ пескахъ.

За укрѣпленіе дюнъ взялись и въ Сестрорѣцкомъ. А именно министерство Государственныхъ Имуществъ распорядилось засадить лозникомъ весь навѣтренный,—обращенный къ морю,—бокъ описаннаго холма на Петербургской улицѣ. Такъ какъ

Народныя гулянья на Троицу въ старину. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Оболенскаго, автотипія Ангерера.

тутъ между моремъ и дюною тянутся густыя поросли лѣса, а самая подошва холма защищается съ этой стороны сперва линіею огородовъ, затѣмъ узкою полоскою сосняка, растущаго по гребню старой, уже неподвижной гряды дюнъ и, наконецъ, еще линіею огородовъ, то надобности въ прикрывающихъ сооруженіяхъ, въ родѣ „передовой дюны“, не оказалось. Лозникъ можно было посадить прямо, и за лѣто 1891 года онъ принялся довольно удовлетворительно.

Къ сожалѣнію, трудно быть увѣреннымъ, что охрана этого цѣннаго насажденія будетъ легка. Правда, молодые побѣги были вытоптаны лѣтомъ только на тропинкахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть дѣйствительная необходимость для прохода. Но когда кусты подрастутъ, то вѣтви ихъ будутъ годиться и для вершъ, и для корзинъ, и для коробовъ. А это очень большая приманка, особенно если поросль, лежащая вплоть подлѣ домовъ, обрастетъ такъ густо, что ночью будетъ удобно нарѣзать въ ней вѣтвей, не привлекая ничьего вниманія.

Къ рисункамъ.

Ѣзда весной по Пинскимъ болотамъ.

(Рис. на стр. 457).

Въ Минской губерніи, рѣки, сливаясь весною съ озерами и болотами, представляютъ обширное пространство водъ. Разбросанныя мелкія деревни кажутся островами и надолго оставались бы безъ всякаго между собою сообщенія. Но изобрѣтательность и тутъ не измѣнила въ бѣдѣ русскому мужичку. Дѣло въ томъ, что поверхность, заливаемая водою, испещрена массою бугровъ, которые составляютъ препятствіе ѣдущимъ въ лодкѣ на веслахъ; побороть это препятствіе можно только съ посторонней силой. Изъ опыта оказалось, что лошадь непригодна для этого по сложенію своихъ ногъ и порывистымъ движеніямъ; волъ же, съ его равномѣрными и плавными движеніями, вполнѣ пригодился для этой цѣли. Дѣлается это такъ: въ плоскодонную лодку впрягается волъ, впереди котораго идетъ возница и длиннымъ шестомъ ощупываетъ почву, какъ показано на рисункѣ.

„Сваты“, картина Н. К. Пимоненко.

(Рис. на стр. 461).

Николай Корниловичъ Пимоненко, написавшій помѣщаемую здѣсь въ снимкѣ картину съ послѣдней Академической выставки: „Сваты“, -- ученикъ не столько Академіи Художествъ, гдѣ онъ, будучи вольнослушающимъ, учился главнымъ образомъ на педагогическихъ курсахъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1882—84) и получилъ большую поощрительную серебряную медаль за этюдъ съ натуры въ 1886 г., сколько живописца Х. П. Платонова, вліяніе котораго даже отчасти замѣтно на произведеніяхъ молодаго художника. Получивъ аттестатъ учителя рисованія, Пимоненко поселился въ Кіевѣ, какъ мѣстѣ своей родины (онъ родился тамъ 9 марта 1862 г.), и, въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ, аккуратно появлялся со своими картинами на академическихъ выставкахъ.

Первое, чѣмъ онъ обратилъ на себя вниманіе публики, была „Засватанная“, выставленная имъ еще въ 1886 г. За ней слѣдовали другіе жанры, въ родѣ: „Художника“, „На каникулахъ“, „Въ разлукѣ“, наконецъ „Въ Чистый четвергъ“ (1887), гдѣ особенно было эффектно освѣщеніе въ ночную тьму отъ горящихъ свѣчъ, несомыхъ богомольцами изъ церкви послѣ чтенія за всенощной 12-ти евангелій. Недурна была также, по экспрессіи лицъ, его картина „Святочное гаданье“ (1888), изображавшая двухъ малороссійскихъ дѣвушекъ, смотрящихъ на тѣни, получаемыя на стѣнѣ отъ литаго ими въ воду воска, и купленная Академіей изъ Высочайше жалуемой ей суммы на пріобрѣтеніе произведеній отъ отечественныхъ художниковъ для пополненія національныхъ музеевъ.

Въ слѣдующемъ году появились уже двѣ картины Пимоненко, свидѣтельствовавшія о старательномъ изученіи молодымъ художникомъ народныхъ типовъ, а именно: „Жница“ и „Аѳанасій Ивановичъ и Хавронья Никифоровна“. Затѣмъ, на выставкахъ 1890 и 1891 гг., посѣтители останавливались передъ его картинами: „Атакованъ“, „У дороги“, „Свадьба“ (въ Кіевской губ.), „Утро въ Христово Воскресенье“, какъ и передъ выставленными имъ въ нынѣшнемъ году „Сваты“ и „Пастушка“. Гравюра съ первой изъ этихъ картинъ помѣщена на стр. 461. Дѣйствіе происходитъ въ Малороссіи. Два свата, съ полотенцами черезъ плечо, у матери будущей невѣсты, послѣ „провѣдки“, дѣлаютъ предложеніе отдать дѣвчину замужъ. Дѣвчина изъ скромности отворачивается, дѣлая видъ что она не слушаетъ переговоровъ, а можетъ быть ей и не по сердцу предлагаемый женихъ.

Госпожа Виже-Лебрёнъ съ дочерью.

(Портр. на стр. 465).

Гравюра на стр. 465 воспроизводитъ старинный портретъ, принадлежащій кисти извѣстной портретистки Виже-Лебрёнъ и изображающій ее самое съ дочерью. Какъ не похожъ этотъ портретъ на портреты современныхъ живописцевъ! Тутъ нѣтъ смѣлыхъ мазковъ кисти, своеобразной позировки, эффектнаго освѣщенія, небрежной неоконченности и другихъ ухищреній, какими любятъ иногда щеголять современные портретисты. Въ портретѣ госпожи Лебрёнъ все прилично, граціозно, миловидно и привлекательно.

Портретистка Виже-Лебрёнъ (Vigé-Lebrun) родилась въ Парижѣ въ 1755 году. Первымъ наставникомъ въ рисованіи и живописи былъ ея отецъ, Луп Виже, въ свое время извѣстный живописецъ. Работы молодой художницы рано обратили на себя вниманіе и она, пользуясь указаніемъ разныхъ лицъ, между прочимъ Жозефа Верне, стала настолько извѣстною, что ей въ 1779 году было поручено написать портретъ королевы Маріи-Антуанеты. Шесть лѣтъ спустя она сдѣлалась членомъ Академіи живописи. Когда разразилась во Франціи революція, госпожа Виже-Лебрёнъ эмигрировала и, живя въ разныхъ мѣстахъ Европы, писала портреты по заказамъ высочайшихъ особъ въ разныхъ государствахъ. Между прочимъ ею написаны портреты императора Александра Павловича, въ то время великаго князя, его супруги Елизаветы Алексѣевны и другихъ особъ.

Возвратясь во Францію въ 1801 г., Виже-Лебрёнъ спокойно прожила въ ней до глубокой старости и умерла въ 1842 году, 87-ми лѣтъ. Она была въ замужествѣ за продавцемъ картинъ Лебрёномъ. Помимо множества портретовъ, число которыхъ доходитъ до 662, она писала пейзажи и картины историческаго содержанія. Изъ нихъ особенно извѣстны „Сибилла“ и „Миръ возвращающій изобиліе“. Послѣдняя картина, написанная въ 1783 году, находится въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ. Ея портреты отличаются изящнымъ и нѣжнымъ рисункомъ, правдивостью выраженія, красивою позировкой и блестящими красками. Госпожа Лебрёнъ оставила также три тома „Воспоминаній“, напечатанныхъ въ 1835 году.

Крестины. (Рис. на стр. 468 и 469).

Картина Л. Шмуцлера принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній живописи, въ которыхъ авторъ, не гоняясь за содержаніемъ, обращаетъ на себя вниманіе передачей его, удачною компановкой, вѣрностью эпохѣ, въ которую онъ переноситъ дѣйствіе на своей картинѣ, изящнымъ письмомъ и блестящими красками. Дѣйствительно, крестины каждый видѣлъ и въ то же время всякій полюбуется картиной Шмуцлера, гдѣ изображены такъ изящно тѣ поздравленія, которыя получаютъ родители по этому случаю.

Народныя гулянья на Троицу въ старину.

(Рис. на стр. 473).

Въ настоящее время праздники Троицына и Духова дня даже во многихъ деревняхъ почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ праздничныхъ дней; въ городахъ же, вслѣдствіе послѣдовавшаго въ половинѣ семидесятыхъ годовъ воспрещенія рубить молодыя деревья для украшенія вѣтвями домовъ и комнатъ, исчезъ и этотъ послѣдній троицкій обычай. Но не то было еще сравнительно недавно; лѣтъ же сорокъ тому назадъ праздникъ Св. Троицы, въ особенности въ деревняхъ, считался немыслимымъ безъ вѣнковъ, березокъ, хороводовъ и разныхъ игръ.

Какъ и всѣ наши народные обряды, троицкіе обычаи имѣютъ многое наслѣдованное отъ язычества. Христіанство принесло намъ свои священные торжественные праздники, они постепенно дѣлались народными по мѣрѣ того, какъ народъ роднился съ этою божественною религіей; но и язычество, какъ бы для поминокъ, оставило намъ свои праздники, которые, въ особенности въ былые годы, при полномъ отсутствіи самаго элементарнаго образованія въ народѣ, справлялись съ особеннымъ усердіемъ. У древнихъ славянъ, въ томъ числѣ и русскихъ, около того времени, когда обыкновенно приходится праздникъ Св. Троицы, было въ обычаѣ чествовать богиню Диву, представлявшую олицетвореніе земли или, вѣрнѣе, плодоносныхъ ея свойствъ. Отъ этого-то и сложилось древнее повѣрье, будто бы въ Духовъ день земля „именинница“, почему во многихъ мѣстахъ считалось „грѣхомъ“ рыть землю въ этотъ день. Подробныхъ описаній старинныхъ обрядовъ, соблюдавшихся въ Троицкую недѣлю, въ лѣтописяхъ не сохранилось; но судя по тому, что Соборное Уложеніе 1551 г. или „Стоглавъ“ называетъ эти обряды „непотребными дѣлами“,—видно, что и въ языческія времена, и въ XVI вѣкѣ они не имѣли ничего христіанскаго и нравственнаго. Уцѣлѣвшіе остатки ихъ въ XVIII столѣтіи, впрочемъ, не заключаютъ въ себѣ ничего подобнаго и скорѣе могутъ быть названы своеобразными народными играми, въ которыхъ принимаетъ участіе преимущественно молодежь. Еще въ тридцатыхъ годахъ поселяне задолго приготовлялись въ деревняхъ къ этимъ увеселеніямъ; готовились „варить брагу“, закупали наряды—платки и ленты. Въ народѣ троицкія гулянья носили обыкновенно общее названіе „Семикъ“; отличительную черту

ихъ составляли хороводы, пѣсни, березки, украшенныя лентами, вѣнки. Въ старину пожилые люди хаживали встрѣчать Семикъ на могилы родителей, гдѣ послѣ поминовенія вмѣстѣ съ семействами ѣли яичницу; молодежь же, завивши вѣнки изъ березы, отправлялась гулять въ рощу; здѣсь пѣли, плясали и играли въ хороводы до глубокой ночи; потомъ „всею гурьбою“ заламывали березку, обвѣшивая ее лентами и лоскутками, и съ пѣснями возвращались домой. Былъ еще въ старину обычай ходить въ Семикъ на „убогіе дома“ или „скудельницы“, т. е. кладбища, гдѣ въ ямы сваливались всѣ покойники неизвѣстнаго званія, самоубійцы, утопленники и казненные; наши набожные предки приходили съ рубашками, саванами и гробами и хоронили умершихъ; многіе изъ христіанскаго усердія сами рыли могилы; въ то же время изъ ближайшихъ селеній устраивались въ убогіе дома крестные ходы. Въ половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка убогіе дома были повсемѣстно уничтожены, какъ вредные для народнаго здравія, и обычаи эти прекратились.

Въ Калужской губерніи поселянки заранѣе приготовляли птицу-кукушку, а за неимѣніемъ ея — сплетали вѣнокъ изъ травы „кукушкины слезы“, перевязывали его красною лентою и выходили на лугъ или въ лѣсъ; здѣсь онѣ разстилали на травѣ платокъ, клали на него кукушку и садились въ кружокъ; потомъ мѣнялись крестами, цѣловались и обѣщали другъ другу вѣчную дружбу; это называлось „покумиться“. Въ Тульской губерніи при совершеніи этого обряда связывали двѣ березы платками или полотенцами въ видѣ вѣнковъ, а къ самымъ деревьямъ привѣшивали свои кресты; тутъ же клали птицу-кукушку или вѣнокъ; желавшія „покумиться“ подруги ходили въ разныя стороны вокругъ березокъ и три раза цѣловались сквозь вѣнокъ; въ это время другія женщины затягивали пѣсню: „ты, кукушка-ряба“ и проч.; въ заключеніе слѣдовалъ обмѣнъ кольцами и крестами, а вѣнокъ раздѣляли на части „на память“; мужчины къ исполненію этого обряда не допускались.

Во многихъ мѣстахъ вѣнки служили въ это время для гаданій; дѣвушки бросали вѣнки въ воду, наблюдая, который поплыветъ, который потонетъ; въ первомъ случаѣ предвѣщалось замужество въ теченіе года. Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ соблюдался тоже курьезный обычай: въ Троицынъ и Духовъ день крестьянскія дѣвицы, надѣвъ самыя худыя платья, выбирали одну изъ подругъ, которой давали прозвище „костромы“, клали ее на доску и несли къ рѣчкѣ. На берегу онѣ клали „кострому“ на землю, а сами шли купаться; потомъ, сдѣлавъ изъ лубка барабанъ и ударяя въ него, возвращались домой, гдѣ, одѣвшись въ хорошія платья, возвращались въ поле для хороводовъ.

Въ Воронежской губерніи, въ с. Гороховѣ, долго соблюдался странный обычай, дѣйствительно напоминающій что-то языческое. На лугу устраивали особенный шалашъ, украшали его цвѣтами и яркой зеленью, а внутри ставили чучело, сдѣланное обыкновенно изъ соломы; на чучело надѣвали сначала мужское, а потомъ женское платье. Размѣстившись вокругъ шалаша, поселяне устраивали хороводы, ѣли, пѣли и проч.; въ заключеніе раздѣвали чучело и со смѣхомъ бросали въ озеро. О языческомъ происхожденіи троицкихъ обрядовъ, и въ томъ числѣ хороводовъ, напоминаетъ преданіе, существующее въ Тульской губерніи, въ с. Козьемъ (на берегу рѣки Красивой Мечи); тамъ показываютъ груду камней, почитаемыхъ за хороводъ, обращенный въ камни громомъ за неистовую пляску въ Троицынъ день. Въ Полтавской губерніи еще въ пятидесятыхъ годахъ и позднѣе былъ обычай въ деревняхъ водить „тополю“; такъ называлась дѣвушка, вся закутанная разноцвѣтными „плахтами“, завѣшанная монистами, лентами и платками; куда приводили такую „тополю“, хозяинъ долженъ былъ выставлять дѣвушкамъ угощенье. Въ Енисейской губерніи во многихъ мѣстахъ украшаютъ лучшую березку и съ нею въ Троицынъ день послѣ обѣдни идутъ къ рѣкѣ, гдѣ веселятся.

Въ Тульской губерніи существовалъ съ давняго времени обычай „гонять русалокъ“; поселяне съ вечера собирались на поляны и пѣли пѣсни; потомъ ночью, вооружившись помелами, начинали махать по воздуху съ крикомъ: „догоняй, догоняй!“ Послѣ того купанье въ водѣ считается безопаснымъ, потому что, по повѣрью, кто купается до Троицына дня, того могутъ защекотать до смерти русалки.

Въ старинные годы въ Костромѣ и Твери поминали языческаго бога Ярилу; въ Муромѣ — погребали „Кострому“, во Владимірской губерніи было обыкновеніе погребать Ладу (тоже память о языческомъ божествѣ). Но теперь объ этихъ обычаяхъ не слышно.

Въ Москвѣ самое простонародное троицкое гулянье бывало на Колончевскомъ полѣ и около Краснаго пруда, прежде называвшагося „Русальскимъ“, а самыя блестящія аристократическія гулянья въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтій бывали въ Троицынъ день въ Лефортовскомъ саду. Въ Петербургѣ еще въ шестидесятыхъ годахъ въ большомъ ходу бывали гулянья въ Лѣтнемъ саду, при чемъ многіе купцы высматривали себѣ невѣстъ.

Высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ Волынскій и Житомирскій. (Портр. на стр. 476).

Происходившее на-дняхъ празднованіе 900-лѣтія основанія епископской каѳедры на Волыни побуждаетъ насъ сообщить читателю нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о высокочтимомъ архипастырѣ Волынской епархіи, высокопреосвященномъ Модестѣ, архіепископѣ Волынскомъ и Житомирскомъ, священно-архимандритѣ Почаевской Свято-Успенской лавры. Маститый архипастырь родился въ Каменцѣ (1826 г.) и, по окончаніи курса богословскихъ наукъ въ Подольской духовной семинаріи, постригся въ монашество, а въ 1848 году рукоположенъ въ іеромонахи, но вскорѣ (1849 г.) опредѣлился въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и окончилъ полный курсъ со степенью магистра богословія въ іюлѣ 1853 года, т. е. одновременно со многими весьма даровитыми товарищами своими, въ числѣ которыхъ понынѣ здравствуютъ: заслуженный профессоръ Кіевской академіи, докторъ богословія и д. с. с. И. И. Малышевскій, преосвященные епископы: Енисейскій—Александръ, Екатеринбургскій—Аѳанасій, Черниговскій—Веніаминъ, Нижегородскій—Владиміръ, Ставропольскій—Евгеній, Астраханскій—Павелъ и Могилевскій—Сергій (докторъ богословія). Прослуживъ девять лѣтъ преподавателемъ духовной семинаріи, затѣмъ инспекторомъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита (1862 г.), высокопреосвященный Модестъ въ теченіе восьми лѣтъ состоялъ ректоромъ Иркутской семинаріи, а въ 1876 году рукоположенъ былъ во епископа Екатеринбургскаго, викарія Пермской епархіи. Въ 1878 году назначенъ викаріемъ Варшавской епархіи, епископомъ Люблинскимъ, въ 1885 году на самостоятельную каѳедру въ Нижній-Новгородъ и, наконецъ, въ 1889 году,—епископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ, священно-архимандритомъ Почаевской Свято-Успенской лавры. Въ іюлѣ 1888 г. высокопреосвященный Модестъ принималъ живѣйшее участіе въ празднованіи 900-лѣтія православія въ Кіевѣ и учрежденія первой на Руси митрополіи Кіевской и всея Руси, прибывъ самолично въ первопрестольный градъ Русской земли представителемъ отъ всей Нижегородской епархіи и принесши тогда въ даръ городу Кіеву драгоцѣнныя хоругви и художественно исполненныя иконы Св. угодниковъ нижегородскаго края. Ближайшими сотрудниками Волынскаго архипастыря въ дѣлахъ управленія столь обширною епархіей, при $2^1/_2$-милліонномъ народонаселеніи, состоятъ нынѣ преосвященные епископы: первый викарій Антоній (въ городѣ Кременцѣ) и второй викарій—Паисій (въ Житомирѣ). Епископъ Антоній (въ мірѣ Михаилъ Флоренсовъ)—воспитанникъ Кіевской академіи (1874 г.), а епископъ Паисій—Московской духовной академіи (1872 г.). Высочайшимъ указомъ 15 мая сего года, епископъ Волынскій Модестъ, во вниманіе къ отлично-ревностному служенію и особымъ пастырскимъ трудамъ, возведенъ въ санъ архіепископа.

А. Хвостовъ.

900-лѣтіе основанія первой епископской каѳедры на Волыни. (Рис. на стр. 476).

Прошло девятьсотъ лѣтъ съ основанія первой епископской каѳедры на Волыни. Собственно христіанство проникло въ Волынскій край ранѣе княженія просвѣтителя Русской земли Св. Князя Владиміра. Еще при Святыхъ братьяхъ Кириллѣ и Меѳодіи (863—880 гг.) неоднократно посылались на Русь ихъ ученики для проповѣдыванія Слова Божія. И, конечно, это не оставалось безуспѣшнымъ. Въ актѣ, составленномъ по случаю присоединенія Моравскаго архіепископства къ Пражскому, упомянута и Волынь. Такимъ образомъ Волынь еще въ IX в. входила въ составъ епархіи Св. Меѳодія, отъ котораго получила свѣтъ христіанской вѣры. И кто знаетъ, можетъ-быть еще во времена Св. Меѳодія на Волыни было введено богослуженіе на славянскомъ языкѣ, теперь принятое во всей Россіи.

Христіанство-же на Волыни окончательно упрочилось только въ X вѣкѣ при Владимірѣ Святомъ, который, распространяя христіанство, построилъ на Волыни первые каменные храмы—Успенія Пресвятыя Богородицы и Св. Василія во Владимірѣ-Волынскѣ, Св. Василія — въ Овручѣ, Св. Димитрія — въ Луцкѣ и др.

Раздавая удѣлы своимъ сыновьямъ, Св. Владиміръ заботился о распространеніи христіанства. Такъ онъ говорилъ въ своемъ завѣщаніи: „посла съ ними священника, заповѣдая сыномъ своимъ, да кождо во области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть“.

На Волыни при Св. Владимірѣ христіанство распространилось до того, что потребовалось учредить особую епископскую каѳедру. По свидѣтельству „Никоновской лѣтописи“ и „Степенной книги“ эта каѳедра и была учреждена во Владимірѣ-Волынскѣ. Она была подчинена, какъ и теперь, Кіевскому митрополиту, и въ составъ ея, кромѣ Волыни, вошли: вся Холмщина, Подлясье, часть Подоліи и Галиція. Первымъ епископомъ Волынскимъ былъ Стефанъ I, посвященный въ епископы вторымъ русскимъ митрополитомъ Леонтіемъ и происходившій по свидѣтельству „Іоакимовской лѣтописи“ изъ

болгарскихъ славянъ, но вѣроятнѣе изъ грековъ — первыхъ русскихъ епископовъ.

Князья Волынскіе всѣ были Рюрикова племени. Они заботились всѣми силами о распространеніи христіанства въ своемъ удѣлѣ, а потому еще въ XII вѣкѣ не было ни одного селенія на Волыни,—мы не будемъ говорить о городахъ,—которое не было-бы украшено православною церковію.

Въ XII же вѣкѣ на Волыни существовали монастыри: Пречистенскій въ Луцкѣ, Николаевскій въ Жидичинѣ (Луцкаго уѣзда) и, наконецъ, Почаевскій, нынѣ Почаевская Успенская Лавра. И въ то же время на Волыни были учреждены другія епископскія каѳедры: Перемышльская и Галицкая, а въ XIII вѣкѣ — и Луцкая.

Но вотъ съ XII вѣка пошли на Руси усобицы, которыя жестоко отозвались на Волыни. Въ 1200 году Волынскій князь Романъ Мстиславичъ овладѣлъ Галичемъ, думалъ даже овладѣть Кіевскимъ великокняжескимъ престоломъ и безъ сомнѣнія овладѣлъ бы имъ, если бы согласился на условія папы Иннокентія III, который предлагалъ свое покровительство подъ условіемъ принятія католичества, но Романъ Мстиславичъ на это не согласился.

Высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ Волынскій и Житомирскій.
Съ фот. Коруцкаго, грав. Шюблеръ.

Въ первой половинѣ XIV вѣка прекратился родъ Волынскихъ князей, и Волынь была присоединена къ Литвѣ. Тогда настали тяжкіе дни для православія на Волыни. Католичество нашло здѣсь хорошую почву и постепенно становилось „панскою“ вѣрой, а православіе „хлопскою“. Въ особенности православіе преслѣдовалось во времена Ягелло при сліяніи Литвы съ Польшею. Появились строгіе указы противъ православія, и въ короткое время католическіе костелы появились во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Волыни; между тѣмъ какъ православные храмы постепенно закрывались. Съ введеніемъ Брестской уніи Волынь положительно обагряется кровію за сохраненіе православія. Іезуиты убѣдили польскихъ королей, что Волынь не прежде сдѣлается чисто польскою областью, какъ по водвореніи въ ней католической религіи и уничтоженіи православія. Многіе православные епископы, каковы: Инатій Поцѣй (Владиміръ - Волынскій), Кириллъ Терлецкій (Луцкій) и Діонисій Збруйскій (Холмскій) и др. изъ-за своихъ личныхъ выгодъ перешли въ католичество. Остался только ярымъ борцомъ за православіе князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Дошло дѣло до того, что въ 1601 году вооруженная толпа уніатовъ во главѣ съ Ипатіемъ Поцѣемъ напала ночью на церковь Св. Василія во Владимірѣ-Волынскѣ, забрала священныя книги, антиминсъ и агнецъ, вытащила изъ алтаря облаченнаго священника Мартина и повела его въ соборную церковь, гдѣ Ипатій Поцѣй, сидя на амвонѣ, билъ его до крови и остригъ по-уніатски. Кириллъ Терлецкій вооружилъ шайку разбойниковъ и разграбилъ Жидичинскій монастырь. Однимъ словомъ, православные терпѣли страшный гнетъ. Русскій народъ былъ повергнутъ на Волыни въ двухсотлѣтнее рабство. Всякій панъ былъ

Почаевская Лавра, по поводу 900-лѣтія основанія первой епископской каѳедры на Волыни. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

въ то время неограниченнымъ властелиномъ надъ русскими крестьянами; онъ могъ ихъ бичевать, увѣчить, предавать смерти, безъ всякой за то отвѣтственности. За сто грошей (50 коп.) каждый панъ имѣлъ право убить православнаго крестьянина. Жизнь жида цѣнилась вдвое болѣе жизни православнаго.

Но вотъ въ 1793 году Волынь снова стала русскою провинціей. Съ этихъ поръ въ исторіи Волыни началась новая эра, эра возрожденія православія и укрѣпленія русской народности.

Сейчасъ же, по присоединеніи къ Россіи, на Волыни было учреждено епархіальное управленіе. 13 апрѣля 1793 года, Изяславская (Волынская) епархія вошла въ составъ Минской епархіи, епископомъ которой былъ назначенъ Викторъ Садковскій. Движеніе въ православіе росло съ каждымъ днемъ; въ теченіе 1794 и 1795 годовъ на Волыни обратилось въ православіе болѣе пятидесяти тысячъ уніатовъ. Уніатскія епархіи были упразднены. Въ особенности объ обращеніи въ православіе волынцевъ заботилась императрица Екатерина II. При ней было возвращено въ православіе 815 церквей, для которыхъ были присланы антиминсы, св. миро и богослужебныя книги; на церковныя ризы Екатерина II пожаловала даже свои платья.

Въ 1827 году послѣдовалъ Высочайшій указъ о воспрещеніи обращать уніатовъ въ католичество. Вслѣдъ за тѣмъ извѣстный Іосифъ Сѣмашко, бывшій тогда членомъ Петербургской римско-католической коллегіи по уніатскому департаменту, потомъ русскій митрополитъ, оказалъ громадную заслугу православію. Онъ обратилъ почти всѣхъ уніатовъ въ православіе. Съ этого времени православіе на Волыни окончательно окрѣпло. Въ настоящее время на Волыни существуетъ 1830 православныхъ церквей и 11 монастырей. Между церквами своимъ богатствомъ въ особенности выдѣляется Житомирскій каѳедральный соборъ, построенный на счетъ правительства по усмиреніи польскаго мятежа въ 1863 году.

Нельзя, конечно, не упомянуть, что теперь на Волыни православная вѣра перестала носить названіе „хлопской“. И вотъ на этихъ дняхъ, именно 11 мая, на Волыни происходило великое торжество—празднованіе девятисотъ-лѣтія съ основанія тамъ первой епископской каѳедры.

Празднество началось въ Почаевской лаврѣ (рисунокъ коей помѣщенъ на стр. 476), гдѣ хранится главная мѣстная святыня — чудотворная икона Почаевской Божіей Матери. 2 мая икона эта выбыла изъ Почаева, сопровождаемая торжественною процессіею и массою прибывшаго нарочно для этого сюда народа, какъ изо всѣхъ мѣстъ Волыни, такъ и сосѣдней Галиціи. Съ ранняго утра главный соборъ лавры и весь дворъ были запружены народомъ; на дворѣ находились двѣ роты 42-го пѣхотнаго Якутскаго полка, прибывшія изъ Кременца для сопровожденія иконы. Послѣ литургіи и напутственнаго молебствія, изъ собора вышла торжественная процессія и, при звонѣ колоколовъ, оставила Почаевъ, направляясь въ Радзивиловъ. Отъ Почаева до Владиміра-Волынска 144 версты, которыя были пройдены торжественною процессіей въ восемь дней, и 10 мая икона была уже во Владимірѣ.

Чудотворная Почаевская икона, нынѣ перенесенная во Владиміръ, весьма древняго происхожденія; прославленіе же ея началось во второй половинѣ XVI вѣка. Съ тѣхъ поръ эта икона для православно-русской церкви на юго-западѣ Россіи имѣетъ такое же значеніе, какое на сѣверо-востокѣ икона Казанской Божіей Матери.

10 мая прибыли во Владиміръ крестные ходы изъ окрестностей, которые и встрѣтили Почаевскую икону; повсемѣстно служились во всей епархіи панихиды по волынскимъ дѣятелямъ. Равнымъ образомъ, прибыли во Владиміръ и депутаціи отъ всѣхъ городовъ губерніи. Стеченіе народа было громадное.

Нужно было быть самому очевидцемъ, чтобы понять то свѣтлое, радостное, глубоко религіозное настроеніе, какимъ была исполнена вся народная масса. Отъ желавшихъ, если не нести, то хоть дотронуться къ Святой, какъ говорится, отбою не было. Попеременно на всемъ слѣдованіи несли „Святую“ духовенство, офицеры, чиновники и народъ. Въ сосѣднемъ къ Радзивилову, гдѣ назначили ночлегъ, селѣ Батьковѣ испросили дозволеніе нести „Святую“ вплоть до Радзивилова, 8 верстъ, молодыя дѣвицы, двѣ дочери мѣстнаго священника и двѣ дочери мѣстнаго русскаго землевладѣльца, одѣтыя всѣ въ бѣлыя платья; вышла картина весьма трогательная и очень эффектная; на пути слѣдованія къ нимъ примкнули вышедшія для встрѣчи изъ Радзивилова еще нѣсколько дѣвицъ, которыя также были допущены къ несенію иконы.

Для участія въ церковномъ торжествѣ во Владиміръ-Волынскъ прибыли къ этому же времени пять святителей нашей церкви: митрополитъ Кіевскій Іоаннникій, архіепископъ Волынскій Модестъ, епископъ Варшавскій Флавіанъ, епископъ Подольскій Димитрій и второй викарій Волынской епархіи епископъ Паисій. Во время празднованія народу будутъ розданы брошюры, кресты, иконы и жетоны въ память этого событія.

Политическое обозрѣніе.

Данія торжественно празднуетъ золотую свадьбу своей королевской четы.

9 мая Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и всей Августѣйшей Семьей, изволили отбыть изъ Петербурга на Императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда“ въ Данію. Въ Копенгагенъ яхта „Полярная Звѣзда“ съ Особами Императорской Фамиліи пришла въ 11 час. утра, пятью часами ранѣе, чѣмъ ее ожидали. Навстрѣчу яхтѣ выѣзжали принцъ Вальдемаръ и принцесса Марія. Съ прибытіемъ яхты раздались салюты изъ орудій. Ихъ Величества встрѣчены были королемъ и королевою Датскими, герцогомъ Кумберландскимъ съ супругою, членами дипломатическаго корпуса, министрами и придворными сановниками.

Торжества начались 13 мая. Въ этотъ день состоялся парадный обѣдъ на 150 кувертовъ въ трехъ залахъ дворца въ 7 часовъ вечера. Въ первой залѣ обѣдали ихъ королевскія величества съ 36 гостями. Къ столу Государь Императоръ слѣдовалъ подъ руку съ королевою, король съ Государынею Императрицею, король Греческій съ герцогинею Кумберландскою, герцогъ Кумберландскій съ Греческою королевою, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ супругой наслѣднаго принца, наслѣдный принцъ съ супругою принца Вальдемара, великій герцогъ Люксенбургскій съ Великою Княжною Ксеніею Александровною, эрцгерцогъ Фридрихъ съ принцессою Маріею Греческою, принцъ Альбертъ Глюксбургскій безъ дамы. Государь Императоръ провозгласилъ тостъ въ честь ихъ Датскихъ величествъ. Въ 10 часовъ начался вечеръ у наслѣднаго принца. Улицы, красиво декорированныя и освѣщенныя электричествомъ, были полны народа.

На другой день Копенгагенъ съ утра огласился колокольнымъ звономъ и музыкою; роскошно убранныя улицы переполнились массами народа. Въ центральной части города всѣ дома и окна были украшены флагами, коврами, цвѣтами и т. п.; особенно изящно убраны были общественныя зданія, площади и многіе частные дома, а также бывшая казарма лейбъ-гвардіи коннаго полка, гдѣ жилъ король, когда былъ наслѣднымъ принцемъ, и дворецъ принца Вальдемара, гдѣ нѣкогда состоялось бракосочетаніе короля и королевы Датскихъ. Улица близь дворца Амаліенборгъ обращена была въ крытый зеленью ходъ. Красиво убраны были и всѣ предмѣстья. Въ 9 часовъ утра хоръ пѣвцовъ изъ тысячи человѣкъ исполнилъ передъ дворцомъ Амаліенборгъ утреннее привѣтствіе; король благодарилъ исполнителей, выйдя на балконъ съ внукомъ короля Георга на рукахъ. Толпа привѣтствовала короля бурными сочувственными возгласами. Въ 10 часовъ король поѣхалъ въ дворцовую церковь, передъ которою, на площади, воздвигнута тріумфальная арка и устроена аллея изъ флаговъ. Здѣсь оберъ-президентъ камергеръ Клейнъ обратился къ королю и королевѣ съ привѣтствіемъ.

Отвѣчая на привѣтствіе оберъ-президента, король Датскій произнесъ слѣдующую рѣчь: „Я глубоко тронутъ подавляюще любвеобильнымъ участіемъ, оказаннымъ намъ въ эти дни со всѣхъ сторонъ. Я — копенгагенецъ, такъ какъ 61 годъ тому назадъ мальчикомъ прибылъ въ этотъ городъ изъ области, съ которою мы, къ сожалѣнію, разлучены. Молю Бога о ниспосланіи благодати нашей странѣ, ея народу и городу Копенгагену, жителей котораго я считаю братьями и дѣтьми. Еще разъ искреннѣйше благодарю за подавляющее участіе къ нашему празднику“.

Затѣмъ совершено было богослуженіе въ дворцовой церкви. Оно продолжалось часъ, и на немъ присутствовали всѣ Высокіе Гости. Послѣ богослуженія всѣ отправились кортежемъ во дворецъ Амаліенборгъ. Впереди ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ Левеншельдъ съ двумя форейторами, въ сопровожденіи трехъ скороходовъ; затѣмъ слѣдовали въ парадномъ экипажѣ король и королева Датскіе съ эскортомъ изъ эскадрона гусаръ. За ними слѣдовали Государь Императоръ въ датскомъ лейбъгвардейскомъ мундирѣ и Государыня Императрица. Далѣе ѣхали Наслѣдникъ Цесаревичъ, русская свита, король Эллиновъ въ датскомъ адмиральскомъ мундирѣ, королева Греческая съ дѣтьми и свитою, принцъ Вельскій съ супругою, дѣтьми и свитой, Датскій наслѣдный принцъ съ супругою и дѣтьми, герцогъ Кумберландскій съ супругою и дѣтьми, принцъ Вальдемаръ и принцесса Марія съ дѣтьми, эрцгерцогъ Фридрихъ Австрійскій со свитою, представитель Германскаго императора принцъ Альбертъ Глюксбургскій, принцъ Карлъ Шведскій, великій герцогъ Люксембургскій съ сыномъ, братья короля Датскаго Вильгельмъ, Юлій и Гансъ и, наконецъ, принцъ Орлеанскій. Всѣхъ экипажей было 40.

Очень многіе члены риксдага, принадлежащіе ко всѣмъ партіямъ, за исключеніемъ соціалъ-демократовъ, приняты были въ полдень королемъ и королевою въ присутствіи всѣхъ Высокихъ Гостей. Президентъ ландстинга Либе въ теплыхъ выраженіяхъ поздравилъ королевскую чету. Затѣмъ произнесъ рѣчь президентъ фолькстинга Хогсбро, сказавшій, что фолькс-

тингъ присоединяется къ всеобщему выраженію преданности королю и королевѣ и что къ благословенію, очевидно почивающему надъ королевскимъ домомъ, конечно, присоединится въ будущемъ и развитіе добрыхъ отношеній между королемъ и народомъ. Въ отвѣтъ на эти привѣтствія король сказалъ, что для него риксдагъ является цѣннымъ членомъ въ ряду многочисленныхъ проявленій сердечнаго участія отъ лица столицы и всей Даніи. Король пожалъ руки всѣмъ присутствовавшимъ членамъ риксдага.

Высокоторжественное событіе не для однихъ только датчанъ нашъ *Journal de St.-Pétersbourg* отличаетъ слѣдующими строками: „Ихъ величества король и королева Датскіе празднуютъ 14 мая пятидесятилѣтнюю годовщину своей свадьбы, окруженные всѣми членами Августѣйшей семьи, равно какъ представителями государей и главъ государствъ всего міра. Своими горячими манифестаціями датскій народъ свидѣтельствуетъ, до какой степени онъ привязанъ и преданъ своему царствующему дому, какихъ онъ исполненъ чувствъ любви и уваженія къ достопочтенной королевской четѣ, которая послѣ царствованія, продолжающагося почти тридцать лѣтъ, празднуетъ полувѣковую годовщину столько же счастливаго, сколько благословеннаго брака.

„Поистинѣ трогательное и въ то же время величественное зрѣлище являетъ собою въ настоящую минуту столица Даніи, вмѣщающая въ стѣнахъ своихъ, по случаю этихъ празднествъ, столько Августѣйшихъ и знатныхъ особъ, связанныхъ съ ихъ Датскими величествами узами тѣснаго родства или дѣтской любви. Но золотая свадьба короля Христіана и королевы Луизы есть не только праздникъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, но и національное торжество. Датскій народъ, столь промышленный и трудолюбивый, достигшій высокой степени процвѣтанія въ благословенное царствованіе своего государя, счастливъ, что можетъ раздѣлить радости своего царствующаго дома и свидѣтельствовать ему свою любовь и свою признательность.

„Русскій народъ, съ своей стороны, счастливъ, вспоминая въ нынѣшній день, что онъ обязанъ Даніи своею милостивою и обожаемою Государынею. Вотъ почему онъ отъ всей души присоединяется къ ликованіямъ и къ проявленіямъ чувства почтительной симпатіи Датскаго народа, высказывая при этомъ самыя горячія и самыя искреннія пожеланія по случаю золотой свадьбы Августѣйшихъ родителей нашей возлюбленной Императрицы“.

Библіографія.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Въ 8 картинахъ. СПБ. Изданіе Фену и К°. Ц. по 25 к.

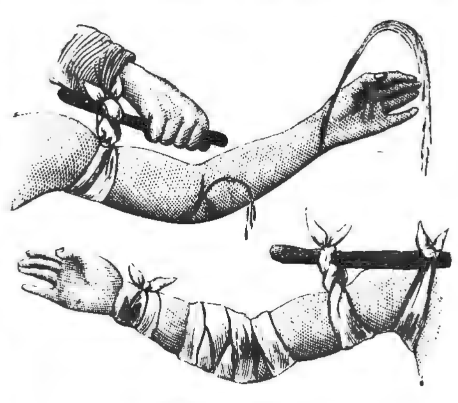
Подъ выписаннымъ заглавіемъ выпущены восемь стѣнныхъ довольно большихъ картинъ, составленныхъ по указаніямъ д-ра Тернера и имѣющихъ цѣлію наглядно изобразить, какъ должна быть подаваема первая помощь въ тѣхъ или другихъ несчастныхъ случаяхъ. Мысль издателей нельзя не признать счастливою, и нужно пожелать этимъ красивымъ картинамъ широкаго распространенія, особенно въ средѣ малообразованныхъ классовъ русскаго общества. Имѣя такую картину, даже неграмотный человѣкъ, разъ внимательно прослушавшій текстъ къ ней, имѣющійся тутъ же на картинѣ, найдется въ тревожномъ случаѣ принять необходимыя мѣры; да и картинки нарисованы такъ хорошо и отчетливо, что разъ видѣвшій ихъ легко запомнитъ, что нужно дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ. Каждая картинка распадается на центральную, изображающую, напр., пейзажъ, прекрасно исполненный, среди котораго нарисована жертва несчастія и люди помогающіе ей, а вокругъ нѣсколько изображеній, дающихъ детальное и ясное представленіе о томъ, какъ и что нужно сдѣлать. Первая картина изображаетъ помощь утонувшему, вторая посвящена перевязкѣ ранъ, третья и четвертая — способамъ остановки кровотеченія, пятая—пріемамъ при переломахъ костей, на шестой нарисованъ пожаръ и способы помощи потерпѣвшимъ отъ угара, обжоговъ и удара молніи, седьмая посвящена простѣйшимъ способамъ переноски и перевозки раненыхъ и больныхъ, наконецъ восьмая—помощи при отравленныхъ ранахъ: укушеніи змѣей, бѣшеной собакой и т. п. Повторяемъ, желательно возможно широкое распространеніе этихъ картинъ, а для того и возможное удешевленіе ихъ.

Первая помощь утопшимъ.

Первая помощь утопшимъ.

Перевязка ранъ.

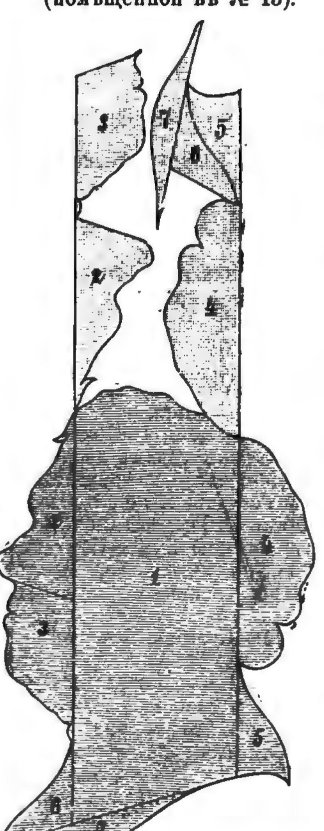
Смѣсь.

Самое теплое мѣсто земли находится на югозападномъ берегу Персіи, у залива. 40 дней іюля и августа термометръ показываетъ тамъ днемъ и ночью не менѣе $37\frac{1}{2}$° Цельсія, а часто подъ вечеръ стоитъ температура въ 53°! Воду, годную для питья, можно доставать только изъ колодцевъ глубиною въ 100—200 и даже 500 футовъ. Населеніе часто испытываетъ недостатокъ въ водѣ, которая продается тамъ по весьма высокой цѣнѣ. (к.)

Общедоступная столовая для рабочаго населенія. Нѣсколькими бывшими ученицами школы кухоннаго искусства Р. Общ. Охр. Нар. Здр. предпринимается устройство общедоступной столовой въ окрестностяхъ С.-Петербурга для рабочаго населенія. (г. в.)

Рѣшеніе задачи № 18

(помѣщенной въ № 13).

Рѣшеніе задачи № 15

(помѣщенной въ № 11).

Теперь мнѣ 28 лѣтъ, вамъ теперь 21 годъ; когда мнѣ было 21 годъ, то вамъ 14 минуло. Черезъ 7 лѣтъ сумма нашихъ лѣтъ будетъ равна 63 годамъ.

Рѣшеніе ариѳметической задачи № 16

(помѣщенной въ № 12).

У крестьянина было *7 арбузовъ*.

Первый разъ продалъ $3\frac{1}{2}+\frac{1}{2}=4$

Второй „ „ $1\frac{1}{2}+\frac{1}{2}=2$

Третій „ „ $\frac{1}{2}+\frac{1}{2}=1$

7

Рѣшеніе ариѳметической задачи № 17

(помѣщенной въ № 12).

2521.

Вѣрныя рѣшенія всѣхъ этихъ задачъ присланы отъ 1.249 лицъ, почему фамиліи ихъ, за недостаткомъ мѣста, не могутъ быть помѣщены.

Корреспонденція.

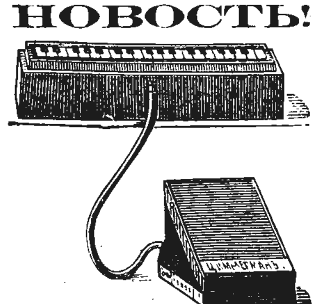
М. А. Ю . . . . . у (Ст. Колѣно). Изъ трехъ присланныхъ Вами задачъ, одна, помѣщенная нами въ № 4-мъ Сборника, оказалась задачей Плотицына и была напечатана въ „Сынѣ Отечества“; вторая оказалась задачей Трехполѣнинаго изъ руководства Фоглера и наконецъ третья, еще не напечатанная нами—задачей Чогодаева оттуда же. Легко же Вы хотите пріобрѣсти славу!

А. Ѳ. Селицкому. (Ростовъ на Дону). Ваши задачи были бы не дурны, если бы были немного потруднѣе. Задача № 8 имѣетъ кромѣ того нѣсколько рѣшеній и дамка на c3 совсѣмъ не нужна (1. h6—d2, a7 : g1; 2. d2—a5, h4 : f2; 3. a5 - e1).

Поправка. Въ задачѣ № 11 (№ 9 „Нивы“) Pilnacek'a – на d5 слонъ, а не пѣшка. Въ задачѣ № 23, М. Окунькова (№ 16 „Нивы“) черный конь долженъ стоять на e2, а не на d2.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НОВОСТЬ!

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключаетъ въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе вдуваніемъ воздуха на № 2 ртомъ, на № 6 и 8 ножною педалью.

№ 2. 2 октавы.		5 р.
№ 6. 3 „	съ ножною педалью.	17 р.
№ 8. 4 „	„ „ „	23 р.

Самоучитель Маковскаго 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 р. Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости, требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

„НЬЮ-ІОРКЪ"
Общ. Вз. Страх. Жизни.

Специальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 апрѣля 1892 г. Руб. 2.421.148 36.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (10)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

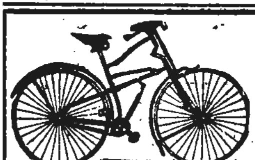

въ громадномъ выборѣ получилъ и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.
С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30—16.
Москва, Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова.
Харьковъ, Московская ул., д. № 2.

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ

№ 5750 **ЗАВЕДЕНІЕ** 6—6
въ городѣ Евпаторіи
Открывается съ 20 мая по 20 августа.

Поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ новая книга:

соч. Ю. Блокъ: „ВЕЛОСИПЕДЪ".

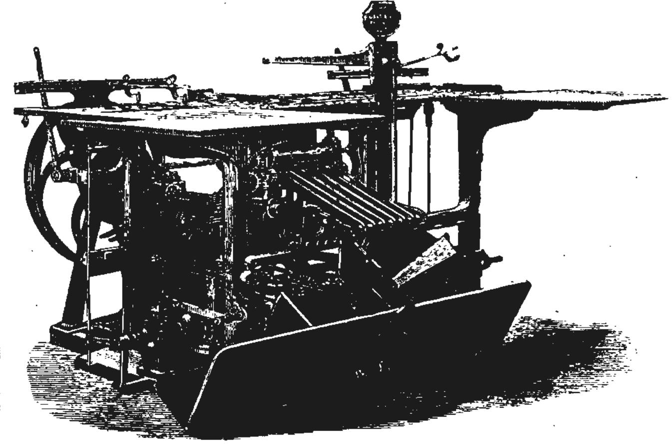
Изящное изданіе на веленевой бумагѣ, 250 стр. 85 рисунковъ.

Содержаніе: Исторія изобрѣтенія и распространенія велосипеда. Гигіена велосипедной ѣзды. Краткое описаніе велосипеда. Наставленіе къ обученію ѣздѣ. Велосипедная ѣзда для дамъ. Одежда. Уходъ за велосипедомъ (чистка, смазка, разборка). Мелкія починки и временныя исправленія. Совѣты и указанія для путешествій. Велосипедныя общества и учрежденія. Гонки и тренировка. Примѣненіе велосипедовъ къ военному дѣлу. Цѣна въ изящномъ переплетѣ 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **П. К. Прянишникова**, Петровскія линіи, Ц. № 5793 въ Москвѣ. 3—3

ТРИ ПОЧТИ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ

машины для фальцованія печатныхъ листовъ бумаги, двойной системы Мартини, на которыхъ двѣ работницы, безъ особаго труда, въ теченіе рабочаго дня (10 час. работы), могутъ сфальцовать 40,000 печ. листовъ.

Эти машины оказались превосходными въ работѣ и могутъ быть немедленно проданы по цѣнѣ 2200 руб. за каждую.

Число сгибовъ.	Форматъ бумаги.		Занимаютъ мѣста:			Вѣсъ брутто.
	Наибольшій.	Наименьшій.	Длина.	Ширина.	Вышина.	
3	55×40	32×20	186	170	95	88 пудовъ.
	сантиметровъ.		сантиметровъ.			

Желающіе видѣть эти машины въ дѣйствіи, благоволятъ обращаться **въ типографію, въ С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая. № 1.**

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ 56-ой ПРОБЫ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛІАНТОМЪ.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

АРМИНЪ

Новая венгерская помада для холи и мягкости усовъ и бороды.

Цѣна за банку 1 р. с., съ перес. во всѣ города Россіи — 1 руб. 40 коп. **Наложеннымъ платежемъ.**

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Пюна, Пассажъ, № 52. С.-Петербургъ. № 5795 (2)

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ

нашихъ фабрикатовъ находятся въ Торговомъ Домѣ **„Леопольдъ Нейшеллеръ":**

въ **Москвѣ:** Варварка, домъ Левашова.
„ **Одессѣ:** Еврейская улица. № 20 домъ Михельсона.
„ **Нижнемъ-Новгородѣ.** во время ярмарки: въ Пушномъ ряду, противъ канавы. Лит. А. Б. № 15, 16 и 17.

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

№ 5812

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно 5785 26—7

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (7)

Ш. № 5747 6—4

Ц. № 5789 10—3

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.

Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый Домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—5

Новый каталогъ 80 страницъ **БЕЗПЛАТНО.**

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго Дома Г. Блокъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 20 мая 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 22 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 мая 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ. „Изъ античной жизни". Карт. Ф. Боденмюллера, грав. М. Рашевскій.

Стратонъ Стебельцынъ.

(Изъ лѣтописей села Всесвятскаго).

Повѣсть **С. Н. Терпигорева.**

Посвящается Николаю Ивановичу Казнакову.

(Окончаніе).

XXII.

Отецъ и матушка, въ особенности отецъ, очень боялись за меня, когда я садился верхомъ или бралъ въ руки ружье. Это продолжалось и послѣ, когда я былъ уже въ гимназіи и пріѣзжалъ на каникулы въ деревню, и даже изъ университета. Тутъ же, въ тринадцать лѣтъ, каждый такой случай былъ настоящимъ событіемъ. Тѣмъ не менѣе, я все-таки разъ шесть въ лѣто и ѣздилъ верхомъ, и ходилъ съ кѣмъ-нибудь на охоту съ ружьемъ.

Былъ уже августъ въ началѣ. Дома мнѣ оставалось пробыть всего какихъ-нибудь дней десять и затѣмъ надо было ужъ ѣхать въ нашъ губернскій городъ сдавать экзаменъ въ гимназіи. И Юрьевъ, и самъ я были совершенно покойны за послѣдствія, которыя должны были получиться отъ этого экзамена.

— И замѣтьте, на будущее время, училъ меня Юрьевъ,—никогда не откладывать дѣло до послѣдняго дня, никогда не выходить на экзаменъ усталымъ, измученнымъ... Вотъ видите, какъ хорошо: сразу мы засѣли тогда, наддали, а теперь и занимаемся ужъ такъ въ прохладку, какъ говорится.

Въ первыхъ числахъ августа, въ нашей сторонѣ бываетъ обыкновенно очень много стрепетовъ. Они цѣлыми стадами собираются на жнивьяхъ и ихъ въ это время отлично стрѣлять. У насъ былъ кто-то изъ знакомыхъ сосѣдей, тоже охотникъ, сталъ разсказывать, какъ много въ этомъ году стрепетовъ, особенно въ Покровскомъ, гдѣ, проѣзжая въ N*, онъ видѣлъ ихъ просто стадами. Покровское это въ двадцати верстахъ отъ N*; принадлежало оно хорошему знакомому отца, очень почтенному человѣку, страстному охотнику.

— Совсѣмъ я этой охоты не знаю... Никогда на ней не былъ! сказалъ Юрьевъ.

— Это очень интересно, отвѣтилъ я, уже бывавшій на ней съ дядей.

— Поѣзжайте—мой совѣтъ—въ Покровское... Говорю вамъ: гибель ихъ тамъ! сказалъ сосѣдъ, привезшій это извѣстіе.—Только вы знаете, теперь, въ жару, самое лучшее—утромъ рано и потомъ вечеромъ. Днемъ невозможно ходить: страсть какая жара.

Мы съ Юрьевымъ начали проситься отпустить насъ въ Покровское. Юрьевъ опять сталъ увѣрять, чтобы за экзаменъ мой не безпокоились, онъ чѣмъ угодно отвѣчаетъ, что я выдержу, и даже вызвался самъ ѣхать со мною въ нашъ губернскій городъ на эти мои экзамены.

Отецъ былъ этимъ увѣреннымъ тономъ его очень доволенъ и согласился отпустить насъ съ нимъ въ Покровское къ своему пріятелю. Мы должны были поѣхать черезъ два дня, къ вечеру, ночевать тамъ и на другой день, поохотившись утромъ, къ ночи вернуться домой. Велѣно было приготовить намъ ружья, патроны и проч. Я былъ восторгѣ, все смотрѣлъ, примѣривалъ высокіе сапоги и т. д.

Послѣ обѣда, въ этотъ же день, Юрьевъ, у себя на верху, писалъ къ кому-то очень большое письмо. У него вообще была большая переписка; онъ очень много получалъ писемъ и очень много ихъ самъ писалъ. Передъ вечеромъ, еще до чая, онъ куда-то исчезъ. Часа черезъ два, когда онъ опять проявился, его кто-то спросилъ, гдѣ онъ пропадалъ.

— А я пошелъ пройтись, да задумался, такъ и дошелъ до Семеновки, отвѣтилъ онъ.

Семеновка, деревенька верстахъ въ двухъ отъ насъ, и мы тамъ часто бывали, гуляя. Тамъ жилъ племянникъ моей няньки, ловкій очень малый, сапожникъ по ремеслу, который намъ работалъ, и къ которому мы, бывая въ Семеновкѣ, иногда заходили посидѣть отдохнуть. Юрьевъ его зналъ и очень любилъ, говорилъ про него, что это страшная бестія, но славный и умный малый.

Черезъ два дня, какъ было сказано, намъ запрягли какую-то телѣжку парой и мы поѣхали настоящими охотниками, въ высокихъ сапогахъ, съ ружьями и старой-престарой куцой охотничьей собакой „Венеркой“. Напутствовали насъ конечно всяческими наставленіями и просьбами быть осторожнѣе на охотѣ.

Всю дорогу до Покровскаго Юрьевъ былъ въ какомъ-то странномъ настроеніи: посвистывалъ, улыбался самъ про себя, дурачился, тыкалъ меня пальцемъ въ бокъ, потомъ вдругъ задумывался.

— Зачѣмъ мы у этого остановимся, у помѣщика? вдругъ сказалъ онъ.—Незнакомый мнѣ человѣкъ; стѣснимъ еще пожалуй его... Гораздо лучше гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ или просто у какого-нибудь мужика. Право, это лучше!

Перспектива такой ночевки мнѣ самому понравилась, а Юрьевъ продолжалъ:

— И уляжемся мы гдѣ-нибудь на сѣновалѣ,—прелесть!

Мы такъ и сдѣлали,—остановились на постояломъ дворѣ и были очень довольны, когда на нашъ вопросъ: дома-ли покровскій помѣщикъ, сказали, что онъ сегодня утромъ съ семействомъ уѣхалъ въ N*. Оправданіе у насъ, если спросятъ — почему не у него остановились, значитъ есть.

Вдругъ откуда-то проявился на этомъ же постояломъ дворѣ и сапожникъ изъ Семеновки, нянькинъ племянникъ. Онъ сказалъ намъ, что былъ въ N* и теперь ѣдетъ назадъ домой. У него тоже было дома ружье, и онъ иногда стрѣлялъ и приносилъ продавать намъ дичь. Мы сказали ему, чтобы онъ оставался съ нами, что завтра пойдемъ вмѣстѣ стрѣлять. Онъ очень охотно согласился, хотя ружья съ нимъ не было. Онъ ѣздилъ, оказывалось, въ N* верхомъ.

Мы напились на крылечкѣ чаю, ходили гулять по лѣсу, ходили къ рѣкѣ, сидѣли на берегу, при чемъ нянькинъ племянникъ былъ все время съ нами. Юрьевъ, продолжая быть въ такомъ же странномъ, даже еще болѣе теперь, веселомъ настроеніи, пѣлъ и „Лучинушку“ и другія пѣсни. Наконецъ, когда совсѣмъ стемнѣло, мы поужинали тѣмъ, что взяли съ собою и улеглись на приготовленномъ для насъ сѣнѣ, во дворѣ подъ навѣсомъ, всѣ втроемъ въ повалку,—я, Юрьевъ и этотъ нянькинъ племянникъ. Завтра на разсвѣтѣ онъ долженъ былъ насъ разбудить. Тутъ же на дворѣ, недалеко отъ насъ, стояла наша телѣжка, къ ней привязанная наша лошадь, а въ телѣжкѣ легъ спать нашъ кучеренокъ, мальчишка лѣтъ шестнадцати.

Я, какъ легъ, вскорѣ и заснулъ.

Меня разбудилъ говоръ возлѣ меня Юрьева съ этимъ нянькинымъ племянникомъ. Было уже совсѣмъ свѣтло, солнце взошло и должно-быть не сейчасъ ужъ. Но я проснулся самъ, а не они меня разбудили. Юрьевъ, совсѣмъ ужъ одѣтый, но почему-то въ пыли, умывался изъ кувшина, который держалъ ему нянькинъ племянникъ. Онъ фыркалъ и приказывалъ лить ему на голову.

— Вотъ такъ, хорошо... Надо бы по-настоящему совсѣмъ выкупаться, ну, да теперь некогда, это послѣ, говорилъ онъ.

Онъ вытерся полотенцемъ и замѣтивъ пыль на своей

курткѣ, снялъ ее и началъ встряхивать. Вдругъ изъ кармана ея выпали розаны—темно-красный, желтый и бѣлый. Юрьевъ поспѣшно и ловко нагнувшись, схватилъ ихъ и, сунувъ опять въ карманъ, началъ надѣвать куртку. Надѣлъ и взглянулъ на меня. Я еще лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него.

— Что-жь вы не встаете? Опоздаемъ! сказалъ онъ.

Я началъ вставать, но эти розаны сидѣли у меня въ головѣ. Откуда они попали ему въ карманъ? Какіе... чьи это?

Мы наскоро выпили по стакану чаю со сливками; телѣжку намъ ужь запрягли, и она съѣхала со двора, чтобы мы могли сѣсть ужь тамъ, на улицѣ. Проходя по двору, Юрьевъ потрепалъ по шеѣ какую-то лошаденку, всю взмыленную и стоявшую привязанною у столба.

— Чтобы безъ тебя не напоили только, сказалъ онъ няньжину племяннику.

— Я ужь сказалъ... Не дадутъ, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же она такъ устала? спросилъ я.

— Работала много, лаконически отвѣтилъ мнѣ Юрьевъ, и опять взглянулъ на меня.

„Откуда эти розаны у него?“ мысленно соображалъ я.

Мы поѣздили по полю, стрепетовъ видѣли много, стрѣляли, но ничего не застрѣлили, и къ вечеру, какъ разъ къ чаю, пріѣхали домой.

Всѣ надъ нами смѣялись, что мы ничего не застрѣлили: „тоже охотники!“

Но въ общемъ всѣ были довольны, что мы вернулись благополучно и во-время.

Когда въ этотъ вечеръ мы прошли съ Юрьевымъ къ себѣ наверхъ, онъ пристально и улыбаясь посмотрѣлъ на меня, потомъ подошелъ къ своей курткѣ, висѣвшей на гвоздѣ на стѣнѣ у его кровати, опустилъ руку въ карманъ, пошарилъ тамъ и вынулъ три этихъ самыхъ, ужь совсѣхъ увядшихъ и смятыхъ розана, посмотрѣлъ на нихъ, положилъ ихъ на ладонь, и протягивая ко мнѣ руку, сказалъ:

— Выберите любой. Одинъ изъ нихъ велѣно вамъ отдать...

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Берите... Не хотите? повторилъ онъ.

Я нерѣшительно взялъ бѣлый.

— Ну, и пока—баста, говорить объ этомъ теперь не будемъ. Послѣ все разскажу... Теперь надо спать. Я вѣдь и пяти минутъ сегодня не заснулъ...

XXIII.

Черезъ нѣсколько дней надо было везти меня въ нашъ губернскій городъ въ благородный пансіонъ при гимназіи, гдѣ я долженъ былъ жить и оттуда ходить на лекціи въ гимназію. Со мною собирался ѣхать отецъ самъ.

— Да для чего вы сами поѣдете? спросилъ его какъ-то ужь за день или за два Юрьевъ.—У васъ тутъ дѣло, уборка, а вы Богъ знаетъ зачѣмъ поѣдете. Отдайте мнѣ документы его, деньги, что за него надо внести, и я все это вамъ устрою. Я же все равно поѣду его провожать. Я всякое дѣло люблю до конца доводить, чтобы потомъ меня ужь лихомъ не поминали...

Это его предложеніе пообсудили и рѣшили, что такъ какъ все дѣло въ экзаменахъ, а это лучше извѣстно Юрьеву, то и въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ ѣхать отцу, отрываться отъ дѣла въ такое горячее и спѣшное въ хозяйствѣ время.

— Я ужь, Алексѣй Павловичъ, на васъ полагаюсь, сказалъ ему отецъ.

— Да нечего тутъ и полагаться. Это такіе пустяки, отвѣчалъ онъ.

Въ назначенный день, рано утромъ, послѣ долгихъ прощаній, при чемъ, разумѣется, не обошлось и безъ слезъ, намъ подали тарантасъ, и мы съ Юрьевымъ покатили.

— И вы пожалуйста только не трусьте, повторялъ онъ мнѣ все дорогой,—будьте увѣрены, что половина изъ вашихъ товарищей знаетъ хуже васъ. Вотъ вы увидите, что за чепуху они будутъ отвѣчать на экзаменахъ: совсѣмъ безсмыслицу; увѣреннѣй, спокойнѣй, обдуманнѣй будьте... А если спросятъ, чего вы не знаете и мы не проходили, такъ прямо и скажите: я этого не знаю...

Такъ я и велъ себя на экзаменахъ. Онъ сидѣлъ тутъ же въ группѣ родителей присутствовавшихъ при экзаменахъ, и я видѣлъ, что онъ, довольный, улыбался. Я сдалъ отлично экзамены и поступилъ въ третій классъ.

Этотъ послѣдній вечеръ я провелъ съ нимъ на квартирѣ. Мы гдѣ-то гуляли, осматривали городъ, въ которомъ ни я, ни онъ никогда раньше не бывали, вернулись домой, напились чаю, поужинали.

— Ну, слава Богу, я очень радъ, что удалось и все такъ гладко сошло, повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ.— Эти по крайней мѣрѣ меня лихомъ поминать не будутъ... То-есть ваши по крайней мѣрѣ... Вашъ батюшка съ матушкой, добавилъ онъ, какъ бы поясняя мнѣ и вмѣстѣ выдѣляя ихъ отъ прочихъ.

Подумалъ и продолжалъ:

— Ну-съ, завтра я васъ отвезу въ пансіонъ, и вы останетесь тамъ... Это, кажется, хорошее очень заведеніе... А я поѣду... Заѣду къ вашимъ. Можетъ-быть поживу еще у нихъ денекъ или два и затѣмъ проѣду въ N*. Если нужно что, если хотите передать что вашей пріятельницѣ, скажите мнѣ или дайте — я передамъ.

— Вы увидите ее?

— Непремѣнно. Я за этимъ и ѣду...

— Кланяйтесь ей, сказалъ я.

— Хорошо.

И онъ опять задумался.

— Помните вы, какъ мы ѣздили за стрепетами въ Покровское? медленно началъ онъ:—ну, въ ту ночь я вѣдь былъ въ N*. Видѣлъ ее... И сдѣлалъ ей предложеніе... Она не выйдетъ замужъ за Стратона Алексѣевича... Я женюсь на ней!..

Онъ это сказалъ и сталъ смотрѣть на меня,—не испытующе, а какимъ-то разсѣяннымъ взглядомъ,—на волоса мои, на лобъ мой, на все лицо мое. А я почувствовалъ вдругъ.—и потомъ все больше и больше,— что я какъ-то умалился, и все меньше становлюсь и ничтожнѣе, и точно отхожу куда-то или, правильнѣе, отъ меня уходятъ и я одинъ остаюсь...

А онъ продолжалъ:

— Нѣтъ, она не авантюристка. Это ваша матушка ошибается... Она это напрасно... Да! Она хорошая дѣвушка... славная... Она попала только въ этотъ омутъ. И я вырву ее оттуда... Да ужъ и вырвалъ, заключилъ онъ.—Съ нами ужь теперь ничего не подѣлаютъ.

Онъ еще долго говорилъ со мною. Но говорилъ какъ-то такъ, что какъ будто это онъ говоритъ не для одного меня, но также и для себя, что онъ чувствуетъ какую-то потребность это все мнѣ говорить.

Онъ нѣсколько разъ при этомъ повторялъ:

— Вамъ, конечно, только тринадцать лѣтъ еще, но вѣдь есть—и ихъ большинство—которые и въ двадцать пять лѣтъ не поймутъ и половины изъ того, объ чемъ мы съ вами теперь говоримъ.

И все, что онъ говорилъ, было умно очень, сильно, а главное, очень красиво. Я слушалъ его, понималъ все что онъ говорилъ, даже всѣ намеки его; но мнѣ было и какъ-то больно, — пожалуй, даже прямо обидно, — что онъ такъ разсуждалъ о Стратонѣ Алексѣевичѣ, какъ о своемъ противникѣ, съ которымъ,—по его мнѣнію,—т. е. съ обаяніемъ богатства котораго ему пришлось помѣряться. Онъ говорилъ о сплетняхъ, какія распускались въ N* про нее, какъ онѣ, эти сплетни, его тревожили, какъ онъ боялся, сомнѣвался въ ней и проч., и проч. Но онъ при этомъ ни словомъ, ни однимъ намекомъ не коснулся меня, точно будто я ужь такое какое-то ничтожество, о которомъ онъ никогда

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ. „Возвращеніе съ пикника“.
Карт. И. С. Галкина (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Хелмицкій.

и не думалъ, и я при всемъ этомъ лицо ужь совсѣмъ безъ правъ и безъ рѣчей...

Онъ даже и не догадывался объ моихъ мысляхъ. Такъ мы и заснули въ этотъ вечеръ, правда очень поздно, особенно я: онъ ужь давно спалъ, а я все ворочался съ боку на бокъ.

На утро онъ отвезъ меня въ пансіонъ, побылъ со мною тамъ съ часъ, и началъ прощаться.

— Ну, всего хорошаго! Прощайте. Вамъ тоже лихомъ не за что меня поминать, сказалъ онъ, и даже обнялъ и поцѣловалъ меня.

Мы разстались.

Я смотрѣлъ въ окно провожая его глазами, какъ онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ.

Мнѣ казалось, что онъ это къ ней сейчасъ поѣхалъ и сейчасъ ее увидитъ...

XXIV.

И этимъ чувствомъ, совсѣмъ однако безплоднымъ, я былъ до такой степени подавленъ, что первые дни ходилъ, что называется, какъ потерянный. Мои товарищи объясняли это, конечно, разлукой моей съ домашними и непривычкой моей къ новой здѣшней жизни.

Но дни проходили за днями; выступили и встали передо мною новые интересы — все очень маленькіе, но которые обходить нельзя было,—и старая, прежняя жизнь съ ея радостями и печалями стала отодвигаться мало-по-малу, уходить куда-то назадъ.

По субботамъ и въ кануны праздниковъ за мною заѣзжалъ хорошій знакомый отца, какой-то до тѣхъ поръ незнакомый мнѣ отставной полковникъ, постоянно, и лѣто, и зиму проживавшій въ нашемъ губернскомъ городѣ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ большую семью. Это были очень хорошіе и добрые люди. Принятъ я у нихъ былъ совсѣмъ по-родственному, какъ дома.

Но средства у нихъ были небольшія, въ театръ и на прочія увеселенія они не ѣздили, и мы большею частью проводили вечера дома за разговорами, разсказами, воспоминаніями. Полковникъ зналъ очень хорошо Стебельцына Стратона Алексѣевича; дошли и до него слухи о „несчастіи“. Обстоятельство это за семейнымъ столомъ не обсуждалось, но по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ, намекамъ и проч. я могъ догадаться, что это и ему, и женѣ его извѣстно.

Осень и зима этого года были мрачныя—это былъ годъ начала Крымской войны. Извѣстія все получались печальныя, у насъ были все неудачи. Наконецъ начали приходить вѣсти, что тотъ-то изъ родныхъ или знакомыхъ убитъ, тотъ-то раненъ. И все больше и больше. Только и разговора было, что объ убитыхъ или раненыхъ. И вдругъ, среди этого унынія, духъ у всѣхъ почему-то поднимался выше, всѣ нѣкоторое время ходили бодрѣе, чего-то ожидали. Но приходило извѣстіе о новой нашей неудачѣ, и опять всѣ дѣлались серьезными, мрачными. Говорилось — то и дѣло это было слышно—о какихъ-то пожертвованіяхъ. Ожидали всѣ какихъ-то перемѣнъ. Наконецъ начали говорить о созывѣ ополченія. Изъ Петербурга то и дѣло пріѣзжали въ нашъ губернскій городъ какіе-то военные, которые черезъ день, черезъ два опять уѣзжали. Приходили откуда-то и уходили дальше одни войска за другими. Въ городъ наѣхало изъ деревень много помѣщиковъ: всѣ гостиницы были переполнены пріѣзжими. Наконецъ стало извѣстно, что назначено дворянское собраніе и будутъ отъ дворянъ пожертвованія. О нѣкоторыхъ изъ этихъ пожертвованій уже ходили слухи, — вѣрные не вѣрные, но почти съ каждой сколько-нибудь выдававшейся извѣстной фамиліей связывалась какая-нибудь болѣе или менѣе крупная сумма пожертвованій. Начали съѣзжаться помѣщики со всѣхъ уѣздовъ и видимо городъ наполнялся ими. Вездѣ все новыя лица, домашніе деревенскіе экипажи, деревенская прислуга. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, когда уже всѣ собрались и довольно долго ужь жили въ губернскомъ городѣ, состоялось, наконецъ, это собраніе для обсужденія, въ какой формѣ и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ сдѣлать пожертвованіе.

Помню, что это собраніе было наканунѣ какого-то праздника и я былъ въ отпуску, но не у полковника, а ужь у отца, который тоже пріѣхалъ на собраніе и стоялъ въ гостиницѣ. Стратонъ Алексѣевичъ тоже былъ въ городѣ, пріѣхалъ на собраніе, хотя остановился въ другой какой-то гостиницѣ. Отецъ говорилъ, что тотъ хочетъ сдѣлать какое-то громадное пожертвованіе. Я былъ въ этотъ день въ отпуску съ утра, и скука мнѣ сидѣть въ нумерѣ одному была страшная. Наконецъ, часовъ въ шесть уже возвратился изъ собранія отецъ. Почти вслѣдъ за нимъ къ намъ пріѣхало еще нѣсколько сосѣдей-помѣщиковъ. Всѣ они были изумлены, возбуждены, и только и говорили, что о пожертвованіи сдѣланномъ Стебельцынымъ.

— Больше всѣхъ!

— Этакую сумму!

Вечеромъ часовъ въ девять Стебельцынъ былъ у насъ. Онъ очень перемѣнился на мои глаза за эти четыре-пять мѣсяцевъ, какъ я не видѣлъ его, и первое, что̀ мнѣ бросилось, или, лучше сказать, первое, на что̀ я обратилъ вниманіе и что̀ меня удивило, это то, что усы у него опять были, какъ раньше, не закрученные, сѣдые, а волосы на головѣ также опять спутанные. Кромѣ того, онъ очень похудѣлъ, глаза ввалились и оттого смотрѣли изъ темныхъ впадинъ большіе и съ какимъ-то непривычнымъ суровымъ, даже болѣзненнымъ блескомъ.

Я ничего не зналъ о положеніи его „несчастія“; изъ дому мнѣ объ этомъ, конечно, ничего не писали. Отъ Юрьева, который обѣщалъ вскорѣ написать, я письма не получилъ. Полковникъ, къ которому я ходилъ въ отпускъ, какъ я уже сказалъ, дѣлалъ въ разговорѣ съ женой, когда у нихъ заходила рѣчь о Стебельцынѣ, намеки, изъ которыхъ я могъ заключить, что это все продолжается еще. Я такъ и думалъ, и былъ даже увѣренъ, и вдругъ эта перемѣна, возвращеніе къ прежнему...

Онъ посидѣлъ у насъ часа два и все время былъ серьезенъ, даже суровъ, и прощаясь сказалъ отцу, что уѣзжаетъ домой завтра утромъ.

Отецъ удивился и сталъ спрашивать что̀ за причина.

— Никакой причины, а что-жь тутъ дѣлать? Больше тутъ дѣлать нечего—болтать развѣ только?..

По обыкновенію, вскинулъ плечами, молча простился съ отцомъ, со мною, замѣтивъ такъ, мимоходомъ, что я очень вытянулся, выросъ,—и уѣхалъ.

— Какъ онъ перемѣнился! сказалъ я отцу, когда мы проводили его.

— Ужасно, отвѣтилъ онъ.—Вотъ и богатство!.. Несчастный человѣкъ совсѣмъ...

— Да что̀ такое съ нимъ?

Отецъ, не глядя на меня, мнѣ казалось, даже избѣгая глядѣть на меня, сказалъ:

— Много... Онъ много пережилъ за это время...

И замолчалъ; а потомъ, помолчавъ, и какъ бы о постороннемъ объ чемъ-нибудь продолжалъ:

— А ты слышалъ, Юрьевъ-то, Алексѣй Павловичъ, что готовилъ тебя къ экзаменамъ и все въ N* ѣздилъ—женился вѣдь.

— Когда? проговорилъ я.

— Недавно какъ-то... съ мѣсяцъ... на этой княжнѣ польской... Стратонъ Алексѣевичъ сто тысячъ имъ подарилъ и, кажется, еще какихъ-то глупостей съ завѣщаніемъ надѣлалъ...

— Гдѣ же онъ теперь?

— Въ Москвѣ... То есть, кажется, въ Москвѣ, я навѣрно не знаю... И добавилъ: — н-да!.. надѣлалъ онъ дѣловъ.

— Кто? спросилъ я.

— Стратонъ Алексѣевичъ, отвѣтилъ отецъ, сказалъ что усталъ, спросилъ не хочу ли я ужинать, я отказался, и мы вскорѣ легли спать.

„Значитъ, все кончено“, повторялъ я мысленно, про себя, не зная, что̀ собственно я этимъ хочу сказать...

XXV.

У отца были еще, кромѣ того, и какія-то свои дѣла въ нашемъ губернскомъ городѣ. Онъ прожилъ недѣли двѣ, и какъ разъ подошло время роспуска воспитанниковъ гимназистовъ на Рождественскіе праздники. Домой, въ деревню, мы поѣхали такимъ образомъ вмѣстѣ.

Тамъ, въ деревнѣ, было такъ же все мрачно. Уже во многихъ семействахъ сосѣдей были жертвы войны—раненые и убитые. Всѣ разговоры вертѣлись на одну тему—о военныхъ дѣйствіяхъ. Извѣстія къ тому же получались одно другаго неутѣшительнѣе. Уже много разъ ожидали поворота къ лучшему—и все напрасно. Каждый разъ послѣ этого уныніе дѣлалось еще сильнѣе и безотраднѣе. Слышались ужь голоса о невозможности для насъ побѣды...

Во всѣхъ почти помѣщичьихъ семействахъ, особенно гдѣ были убитые и раненые, и гдѣ женщины ходили въ трауръ, щипали корпію, дѣлали бинты. Все это лежало грудами по всѣмъ комнатамъ, ежеминутно напоминая о тяжеломъ времени, переживаемомъ всѣми...

Зима у насъ въ тотъ годъ была холодная, съ мятелями, вьюгами, поземками. На дворѣ трещали безъ перерыва тридцати-градусные морозы; всѣ окна въ домѣ запушило снѣгомъ, морозъ приковалъ его, и въ комнатахъ были постоянныя сумерки, наводившія еще болѣе уныніе...

Однажды, такъ черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, когда мы всѣ сидѣли вечеромъ въ угольной, на столѣ кипѣлъ самоваръ, въ окна била вьюга и всѣ были заняты своимъ обычнымъ дѣломъ — щипали корпію, въ залѣ вдругъ залаяла собака и потомъ взвыла. Этого никогда съ ней не бывало... Вслѣдъ за тѣмъ послышались голоса, и въ комнату, гдѣ мы сидѣли, вдругъ вошелъ Стратонъ Алексѣевичъ. Всѣ ужасно удивились—откуда онъ, въ такое позднее по зимнему время и еще въ такую погоду? Онъ былъ серьезенъ, хотя хотѣлъ казаться беззаботнымъ и даже веселымъ. Его начали разспрашивать, матушка спѣшила налить ему чаю, предлагала рому.

— Изъ Поддубнаго, отвѣчалъ онъ,—то есть теперь изъ Всесвятскаго, отъ Дарьи Николаевны... Ѣздилъ къ ней проститься, сходилъ на могилу къ родителямъ, съ ними простился... съ братомъ... вдругъ сообщилъ онъ.

Всѣ, не понимая еще въ чемъ дѣло, смотрѣли на него съ недоумѣніемъ и вмѣстѣ съ какой-то загадочной, тайной тревогой.

— Ѣду... туда... Вотъ и къ вамъ заѣхалъ проститься... продолжалъ онъ.—Оно, конечно, можетъ-быть и ничего—не всѣ тамъ остаются—можетъ даже и не оцарапать, но все вѣдь можетъ случиться...

Послѣ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія, когда всѣ наконецъ очнулись, его начали уговаривать оставить свое намѣреніе, не ѣздить. Говорили, что и безъ него есть кому тамъ стоять—помоложе его.

Но онъ очень коротко, сухо и съ непріятнымъ чувствомъ сказалъ:

— Это оставьте. Я не мальчикъ. Я рѣшилъ ужь... Я тамъ только буду на своемъ мѣстѣ...

Его начали спрашивать, когда же онъ думаетъ ѣхать.

— Ѣду ужь я!.. Въ Поддубье я ужь не вернусь... А отъ васъ я поѣду завтра утромъ.

Онъ былъ въ отставномъ своемъ форменномъ наглухо застегнутомъ длиннополомъ сюртукѣ, какіе носили тогда инвалиды, и казался теперь гораздо бодрѣе, чѣмъ когда я его видѣлъ въ губернскомъ нашемъ городѣ, заѣхавшимъ къ намъ въ гостиницу послѣ собранія, на которомъ онъ сдѣлалъ свое огромное пожертвованіе.

Такъ какъ говорить съ нимъ по поводу его личнаго дѣла, то есть намѣренія его ѣхать *туда*, на войну, значило прямо дѣлать ему непріятное, къ тому же всѣ сознавали, что это безполезно совершенно, то разговоръ продолжался на общую тогда во всѣхъ домахъ тему—о войнѣ вообще, о послѣднихъ извѣстіяхъ, о слухахъ, которые тогда ходили, и прочемъ.

Стратонъ Алексѣевичъ обо всемъ объ этомъ говорилъ очень охотно и спокойно, повидимому, какъ о совершенно для него постороннемъ дѣлѣ.

Изъ разсказовъ и разговоровъ его видно было, что онъ повидимому лучше всѣхъ зналъ положеніе дѣлъ, получалъ откуда-то свѣдѣнія, письма, и что у него „тамъ“ много товарищей и по воспитанію, и потомъ по службѣ, и что онъ, слѣдовательно, ѣдетъ „туда“ не въ чужое мѣсто и не къ чужимъ людямъ...

Передъ ужиномъ онъ сказалъ отцу, что ему надо съ нимъ переговорить кой о чемъ, и они ушли въ кабинетъ.

Когда мы остались одни, матушка перестала работать, задумалась и, какъ бы найдя настоящую мысль, все объясняющую, разгадку всего, глядя на Анну Карловну, сказала:

— А все это—несчастіе это его надѣлало!

Анна Карловна грустно покачала головой.

— Хоть бы „они“ его тамъ, въ Москвѣ, отговорили. Онъ черезъ Москву вѣроятно же поѣдетъ... Заѣдетъ „къ нимъ“ тоже проститься...

— Ахъ, ужь „имъ“ не до того! опять со вздохомъ отвѣтила ей Анна Карловна.—Кто нынче помнитъ добро? Да еще и въ Москвѣ ли „они“ теперь...

Отецъ вернулся изъ кабинета со Стратономъ Алексѣевичемъ, и оба они были серьезны и говорили о совершенно постороннихъ и ничтожныхъ предметахъ.

Сѣли ужинать. Всѣ серьезные, полные мыслей, говорили просто лишь для того только, чтобы слышать голоса свои, чтобы не было тишины, не водворилась бы она. Такъ обѣдаютъ въ домѣ первый разъ, какъ останутся одни, послѣ похоронъ дорогаго покойника...

Кончили ужинать.

— Ну, любезнѣйшая племянница, сказалъ Стратонъ Алексѣевичъ, — а вы мнѣ позвольте комнаты обойти, помолиться образамъ...

Матушка плакала, мы едва держались. Когда они втроемъ—онъ, матушка, и отецъ—вернулись къ намъ, Стратонъ Алексѣевичъ подозвалъ меня къ себѣ, поцѣловалъ, перекрестилъ три раза; потомъ то же самое съ сестрой моей.

— Ну-съ, а теперь стариковъ бы мнѣ вашихъ, сказалъ онъ,—какіе меня помнятъ и живы еще...

Вѣсть о пріѣздѣ Стратона Алексѣевича долетѣла ужь до дворни и всѣ ужь знали, зачѣмъ онъ пріѣхалъ—и въ переднюю набралось много народу, этихъ вотъ стариковъ. Ему сказали объ этомъ. Онъ вышелъ къ нимъ. Мы, плачущіе, смотрѣли изъ дверей, какъ онъ тамъ, въ передней, прощался съ ними. Каждаго назвалъ по имени, обнялъ, три раза поцѣловалъ: потомъ всѣмъ поклонился и быстро, ни на кого не смотря, вышелъ.

Онъ направился съ отцомъ въ кабинетъ, а намъ матушка сказала, чтобы мы шли къ себѣ спать.

Утромъ, когда мы встали, его ужь не было: онъ рано уѣхалъ...

Я вернулся послѣ Рождества опять въ пансіонъ. Однажды, это ужь было въ февралѣ, въ одну изъ субботъ пошелъ я въ отпускъ, къ полковнику моему.

— Слышалъ? спросилъ онъ меня, какъ только я показался,—прочти-ка.

Я прочелъ отмѣченное краснымъ карандашомъ на

газетѣ мѣсто. Тамъ стояло: „...При этомъ съ нашей стороны убиты: отставной капитанъ 1-го ранга Стебельцынъ“...

Я невольно опустилъ газету...

Бабушка Дарья Николаевна очень недолго пережила его. Конечно, на нее имѣла вліяніе и его смерть, но она начала слабѣть уже задолго, вскорѣ послѣ „несчастія“, и если непремѣнно искать ближайшую какую причину, ускорившую ея смерть, то это былъ вводъ во владѣніе и вообще вся процедура полученія Поддубья новыми владѣльцами, которымъ оно досталось въ наслѣдство по духовному завѣщанію отъ Стратона Алексѣевича. Онъ завѣщалъ его, какъ сказано, госпожѣ Юрьевой. По какимъ-то соображеніямъ, ни она, ни ея мужъ, сами за полученіемъ этого наслѣдства не явились, а пріѣхалъ отъ нихъ съ довѣренностью какой-то ходатай, бывшій чиновникъ, и велъ это дѣло крайне не деликатно и даже прямо невѣжливо относительно старухи, являясь къ ней, а потомъ присылая за какими-то отчетами по завѣдыванію будто бы ею со времени кончины Стратона Алексѣевича его имѣніемъ и всѣмъ его имуществомъ.

Ничѣмъ она не завѣдывала, ни до чего не касалась, ничего оттуда не брала, не вывозила, а этотъ повѣренный приставалъ къ ней, грозилъ даже подать какія-то бумаги, и это старуху страшно оскорбляло и безпокоило.

Она скончалась тихо, никто даже не видѣлъ изъ домашнихъ, какъ она умерла. Прилегла утромъ, послѣ чаю, совсѣмъ одѣтая, отдохнуть на кровать, у себя въ спальнѣ; долго ея не видѣли, хватились ее, вошли къ ней въ комнату—она была ужь мертвою.

Всесвятское досталось послѣ нея, какъ оказалось, по уговору со Стратономъ Алексѣевичемъ,—Липочкѣ. Но она все-таки отъ этого не была счастлива. Изъ Москвы къ ней пріѣхала ея мать, распоряжалась здѣсь, ни у кого не была, гдѣ принимали такъ хорошо и по-родственному ея дочь, и осенью онѣ обѣ вмѣстѣ уѣхали въ Москву. Въ томъ же году Липочка вышла тамъ замужъ за какого-то офицера, кутилу, игрока, и лѣтъ черезъ пять Всесвятское было продано съ аукціона. Купили его какъ-то вмѣстѣ, пополамъ: нашъ же мѣстный купецъ Подъугольниковъ и бывшій секретарь духовной консисторіи Сладкопѣвцевъ. Они нѣсколько лѣтъ и хозяйничали вмѣстѣ: очистили имѣніе отъ излишнихъ и ненужныхъ построекъ, въ родѣ, напримѣръ, театра съ заколоченными окнами, оранжерей и теплицъ и проч., и проч. и освободили отъ лишнихъ ртовъ, продолжавшихъ жить тамъ все еще на барскомъ иждивеніи. Въ числѣ ихъ былъ выселенъ и смотритель театра Игнатій Ивановичъ, все еще не умиравшій...

Поддубье Стратонъ Алексѣевичъ завѣщалъ госпожѣ Юрьевой однакожь не безусловно и не полностью, а обязавъ ее сдѣлать уплату трехсотъ тысячъ на инвалидный домъ или на какой-то инвалидный пріютъ. Оставленное наслѣдство, впрочемъ, превзошло эту сумму по крайней мѣрѣ втрое.

Это имѣніе попало въ крѣпкія руки. Хотя сами Юрьевы не жили въ немъ и не наѣзжали, но оно было въ полномъ порядкѣ, отлично управлялось и о продажѣ его не было и рѣчи.

О самихъ Юрьевыхъ я не имѣлъ почти никакихъ свѣдѣній. Зналъ только что онъ служитъ гдѣ-то, что у нихъ есть дѣти—и только.

Прошло много лѣтъ. Я давно уже жилъ въ Петербургѣ. Однажды по дѣлу мнѣ надо было быть въ одной министерской пріемной. Я записался у чиновника и сѣлъ дожидать своей очереди. Вдругъ къ намъ въ пріемную вошелъ высокій, видный господинъ, съ легкой просѣдью въ волосахъ, въ вицмундирѣ со звѣздой. Что-то знакомое было у него въ лицѣ, гдѣ-то я его видѣлъ... Я узналъ его, когда онъ подошелъ къ чиновнику, записывавшему фамиліи представляющихся, и сказалъ такъ, что я могъ слышать на порядочномъ разстояніи: „—ской губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Юрьевъ“. Потомъ онъ мелькомъ оглянулъ всѣхъ насъ, сидящихъ и ожидающихъ своей очереди, отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него.

Тутъ ужь я сталъ разглядывать его. Лицо его, все еще красивое, мнѣ показалось порядочно-таки пожилымъ и даже усталымъ. Слѣды обрюзглости много и хорошо пожившаго человѣка были ясны на немъ.

По порядку очередь дошла до меня. Я уже ждалъ что чиновникъ скажетъ, обращаясь ко мнѣ: „пожалуйте вы“ и укажетъ при этомъ рукой на завѣтную дверь, но онъ вдругъ обратился къ Юрьеву и сказалъ это самое ему.

Я невольно вспомнилъ при этомъ прошлое, улыбнулся и подумалъ: „и тутъ перебилъ меня“...

По странной случайности, что̀, впрочемъ, бываетъ очень часто, мы встрѣтились въ тотъ же день опять, въ театрѣ. Онъ ходилъ во время антракта въ коридорѣ, подъ руку съ красивой женщиной, въ которой я сейчасъ же узналъ его жену, бывшую княжну, и вмѣстѣ съ ними молодой мальчикъ, лицеистъ — можетъ-быть сынъ. Она была очень эффектна; но отъ тогдашняго ея образа ничего не осталось...

Они прошли раза три мимо меня и не узнали. Она однажды даже посмотрѣла на меня, но я по глазамъ видѣлъ, что она не узнаетъ...

Я тоже не счелъ нужнымъ узнавать ихъ...

Портретъ лорда Ловата.

(Разсказъ изъ жизни знаменитаго человѣка).

Феликса Лилла. (Портр. на стр. 491).

I.

Это случилось 29 января 1747 г. Въ Лондонѣ стояла суровая зима, крыши домовъ были покрыты снѣгомъ и обвѣшаны ледяными сосульками. Темзу сковало морозомъ. Но несмотря на холодную погоду, улицы были переполнены экипажами и пѣшеходами.

Въ одномъ изъ красивыхъ домиковъ работалъ въ своей мастерской маленькій, чрезвычайно веселый и подвижной человѣкъ, лѣтъ пятидесяти. Онъ гравировалъ на мѣдной доскѣ характерныя лица компаніи полуночниковъ за пуншемъ. Огромный бульдогъ развалился на коврѣ возлѣ своего хозяина. Въ комнатѣ весело трещалъ огонекъ камина.

Этотъ прилежно работавшій человѣкъ былъ знаменитый живописецъ и граверъ Вильямъ Гогартъ, достигшій въ то время высоты своей славы и полнаго художественнаго развитія.

Дверь въ сосѣднюю комнату была отворена, и въ мастерскую художника доносилась веселая пѣсня его горячолюбимой жены Джэнъ, дочери придворнаго живописца Джемса Торнгиля.

Вдругъ въ дверь сильно постучались. Джэнъ пошла отворить и чрезъ минуту возвратилась съ письмомъ въ рукахъ.

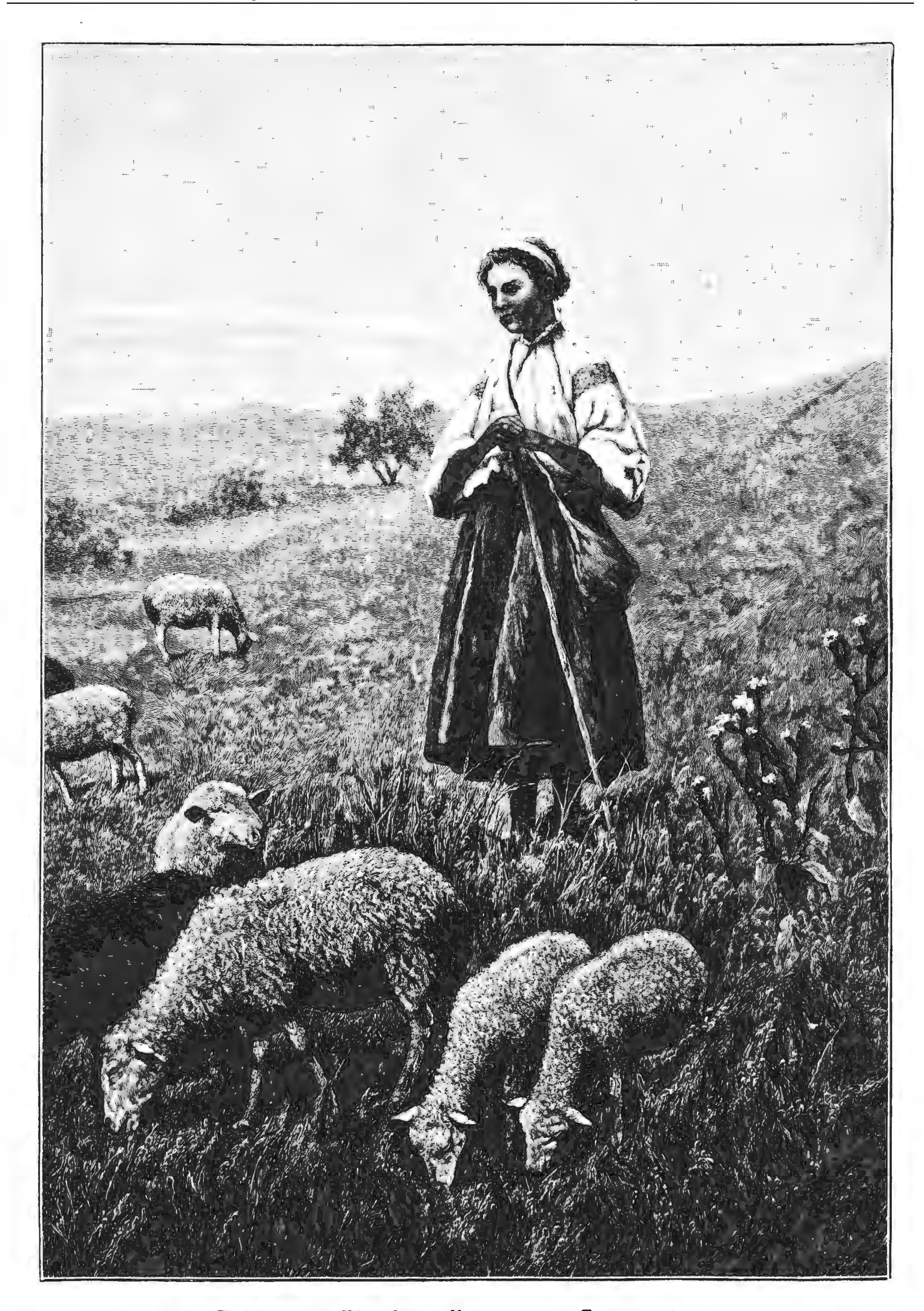
— Вильямъ, сказала она,—одѣтый въ форму драбантъ принесъ сейчасъ письмо тебѣ отъ коменданта Тауэра. Я боюсь, другъ мой, не посадили бы тебя туда. Его величество, король Георгъ разгнѣвался на тебя за твою картину „Отступленіе войскъ въ Финлей“.

— Успокойся, милая Джэнъ, воскликнулъ улыбаясь Гогартъ,—король не смѣетъ засадить меня въ Тауэръ, на это онъ не имѣетъ права!

Онъ отложилъ въ сторону работу, распечаталъ письмо и прочелъ:

„Сэръ-Августъ Винтвортъ, комендантъ Тауэра, проситъ мистера Гогарта исполнить послѣднюю просьбу осужденнаго на казнь за государственную измѣну лорда Симона Ловата, выразившаго желаніе, чтобы мистеръ Гогартъ снялъ съ него портретъ. Мистеръ Гогартъ, буде онъ согласенъ, соблаговолитъ явиться завтра въ 9 часовъ утра въ Тауэръ и подождетъ у Львиныхъ воротъ лейтенанта, который проведетъ его къ осужденному. Если мистеръ Гогартъ не согласенъ на это предложеніе, то пусть извѣститъ письменно о своемъ отказѣ“.

Художникъ перевелъ изумленный взоръ съ письма на жену и далъ ей прочесть письмо.

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ. „Пастушка“.

Карт. Н. К. **Пимоненка** (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**“), грав. М. Рашевскій.

— Ты согласишься, Вильямъ? спросила Джэнъ.

— Конечно, милая! воскликнулъ онъ.—Это весьма выгодное для меня дѣло. Написать портретъ стараго, отважнаго яковита Ловата, процессъ котораго такъ взволновалъ общество—да сама судьба посылаетъ мнѣ это! Если пустить въ продажу его портретъ, то мы получимъ столько денегъ, что можемъ купить имѣнье Чесвикъ, о чемъ мы всегда мечтали. Двадцать три года тому назадъ посѣщалъ же я Ньюгетскую тюрьму, чтобы написать портретъ съ приговореннаго къ смерти разбойника Джэка Чэппарда. И портретъ этотъ, послѣ того какъ разбойникъ былъ повѣшенъ, далъ мнѣ столько денегъ, что я осмѣлился поднять взоръ на дочь знаменитаго придворнаго художника. А теперь предложеніе лорда Ловата въ тысячу разъ выгоднѣе, такъ неужели же я не приму его?

И взволнованный, онъ зашагалъ по своей мастерской, не думая больше объ начатой „компаніи за пуншемъ".

Какъ теперь портреты лицъ, нашумѣвшихъ знаменитыми уголовными процессами, печатаются въ иллюстрированныхъ журналахъ, такъ въ то время любопытная публика расхватывала ихъ портреты гравированные на мѣди. Поэтому живописцамъ и граверамъ былъ очень прибыленъ этотъ родъ занятій.

Лордъ Симонъ Ловатъ, восьмидесятилѣтній старикъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ заключенъ въ такъ-называемой „кровавой башнѣ" Тауэра.

Принадлежа къ партіи яковитовъ, онъ игралъ главную роль въ послѣднемъ возстаніи въ пользу претендента на престолъ, Карла Эдварда Стюарта, внука изгнаннаго короля Іакова II. Сынъ лорда Ловата, Арчибальдъ, былъ убитъ въ сраженіи подъ Кюллоденомъ, а жена Арчибальда съ дочерью Эвелиной бѣжали во Францію. Первая вскорѣ умерла, тоскуя по мужѣ, а Эвелина вышла замужъ за французскаго дворянина, гарнизоннаго офицера въ Калэ. Несмотря на то, что Франція и Англія вели въ то время войну, а самъ онъ былъ заключенъ въ Тауэръ, лордъ Ловатъ получилъ извѣстіе о бракѣ своей внучки. Онъ отъ души порадовался за то, что судьба его любимой внучки была обезпечена. Всѣ имѣнія Ловата были конфискованы, но газеты, съ живымъ интересомъ слѣдившія за процессомъ стараго яковита, утверждали, что большая часть состоянія, назначенная имъ на дѣйствія въ пользу претендента, скрыта имъ въ Шотландіи.

На слѣдующее утро Гогартъ закутался въ свою теплую шубу, надѣлъ круглую мѣховую шапку, въ которой онъ изображенъ и на портретѣ, писанномъ имъ самимъ, взялъ палитру и краски, и зашагалъ по направленію къ Тауэру. Онъ жилъ недалеко отъ замка и черезъ десять минутъ скорой ходьбы уже стоялъ подлѣ Львиныхъ воротъ.

Часовой окликнулъ его. Вскорѣ вышелъ лейтенантъ, знавшій уже цѣль его посѣщенія, и повелъ художника къ коменданту. Сэръ-Августъ объяснилъ художнику, что съ заключеннаго взято слово ни о чемъ не говорить съ нимъ, кромѣ вещей относящихся къ дѣлу. На всякій случай при сеансѣ долженъ присутствовать офицеръ.

Гогартъ ничего не имѣлъ противъ этого, и откомандированный офицеръ отвелъ его въ „кровавую башню", гдѣ художникъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ знаменитаго заговорщика.

Мистеръ Вильямъ вѣжливо поклонился. Лордъ Ловатъ отвѣчалъ на его поклонъ легкимъ движеніемъ головы. Восьмидесятилѣтній старецъ былъ высокъ ростомъ, тученъ и дышалъ здоровьемъ. Его лицо обличало въ немъ большой умъ и хитрость. Бѣлый кудрявый парикъ обрамлялъ его величавое лицо. На немъ были надѣты шлафрокъ съ большими пуговицами, черные короткіе панталоны, сѣрые чулки и башмаки съ пряжками. Онъ сидѣлъ у стола на простомъ деревянномъ стулѣ и держалъ въ рукахъ перо. Подлѣ него на столѣ лежала книга, на бѣлой страницѣ которой большими буквами было написано только одно слово „Memoirs", прочіе листы всѣ были чисты.

Офицеръ сѣлъ на стулъ возлѣ дверей.

— Итакъ вы согласны, сэръ, написать мой портретъ и выгравировать его на мѣди? спросилъ заключенный.

— Да, милордъ, отвѣчалъ художникъ,—и благодарю васъ за честь, которую вы оказали мнѣ, избравъ для этого меня; я употреблю всѣ усилія, чтобы портретъ вышелъ удачно.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, сказалъ лордъ Ловатъ,—только скажите, сэръ, могу я вамъ дать нѣкоторыя указанія относительно исполненія портрета?

— Безъ сомнѣнія, милордъ,—я постараюсь ихъ выполнить въ точности.

— Кресло, на которомъ я сижу, совсѣмъ мнѣ не нравится. Въ моемъ замкѣ близъ Думбартона находится рѣзное кресло, которое я очень любилъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы изобразили меня сидящимъ на немъ. Вотъ посмотрите, я набросалъ точный рисунокъ его.

Онъ показалъ листокъ бумаги, на которомъ было нарисовано высокое деревянное кресло. Ободокъ его былъ украшенъ рѣзьбой, изображавшей двухъ ангеловъ, трубящихъ въ трубы и держащихъ въ рукахъ корону.

Офицеръ поднялся, подошелъ къ столу и тщательно осмотрѣлъ маленькій рисунокъ. Не найдя въ немъ ничего подозрительнаго, онъ не сказалъ ни слова и вновь сѣлъ у дверей.

— Прекрасно, милордъ, сказалъ Гогартъ, — я напишу на портретѣ точь-въ-точь такое же кресло.

— Затѣмъ, я хотѣлъ бы, чтобъ на столѣ лежала эта книга, съ единственнымъ словомъ „Memoirs" на развернутой страницѣ.

Художникъ кивнулъ головой.

Лордъ Ловатъ принялъ положеніе, въ какомъ онъ долженъ былъ быть нарисованнымъ, и сложилъ руки совсѣмъ особеннымъ образомъ.

— Вы желаете остаться такъ, милордъ? спросилъ художникъ.—Обратите вниманіе на то, что ваши большіе и указательные пальцы образуютъ букву Z.

— Я знаю, сэръ.

— Это означаетъ что-нибудь?

— Конечно! Вы сами такъ часто прибѣгаете къ аллегоріямъ въ вашихъ картинахъ, что безъ сомнѣнія отгадаете и эту.

— Къ сожалѣнію, не могу, милордъ.

— Z есть послѣдняя буква алфавита, не правда-ли?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, такъ Z долженъ означать, что я подошелъ къ концу моей долгой и бурной жизни.

— Ахъ, вотъ что! воскликнулъ довѣрчивый художникъ.—Теперь я понимаю ваше намѣреніе. Это поистинѣ остроумно.

Тонкая улыбка скользнула по губамъ лорда. Гогартъ не замѣтилъ ее. Онъ взялся за работу и черезъ три часа портретъ былъ готовъ.

Лордъ Ловатъ взглянулъ на удавшійся портретъ и сказалъ:

— Вы исполнили мое желаніе, сэръ. Я очень вамъ благодаренъ за это. Вы понимаете, что теперь я не могу предложить вамъ гонораръ, но продажа портрета вознаградитъ васъ. Я надѣюсь, что нѣкоторые экземпляры попадутъ и во Францію, гдѣ находятся мои друзья. Я можетъ-быть не доживу до окончанія гравировки портрета и потому я прошу васъ дать слово, что вы ничего не измѣните въ этомъ портретѣ.

— Я обѣщаю вамъ, милордъ! горячо сказалъ Гогартъ.

Онъ откланялся и въ сопровожденіи офицера вышелъ изъ тюрьмы.

Когда шаги ихъ замолкли въ коридорѣ, узникъ прошепталъ:

— Благодарю Тебя, Боже! Удалось!.. Тысячи будутъ смотрѣть на картину и не замѣтятъ ея тайны. Скорѣй бы она попала въ руки моей дорогой Эвелины, которая безъ сомнѣнія разгадаетъ загадку!..

Лордъ Симонъ Ловатъ былъ казненъ 2 апрѣля 1747 года. Всходя на эшафотъ, онъ сохранилъ полное спокойствіе духа и величавую гордость.

Какъ разъ въ это время Гогартъ пустилъ въ продажу гравюру его портрета. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Портретъ лорда Ловата далъ художнику столько, сколько не дала ни одна его работа. Экземпляры расходились тысячами. Онъ долженъ былъ подновлять поистершуюся доску гравюры. Первые выпуски дали ему 8,000 фунтовъ стерлинговъ, вторые—послѣ подновленія гравюры—принесли 18,000 фунтовъ стерлинговъ.

Гогартовскій портретъ лорда Ловата принадлежитъ къ шедёврамъ портретной живописи. Гогартъ мастерски изобразилъ лицо умнаго, рѣшительнаго, честолюбиваго, ловкаго, оригинальнаго, лукаваго, коварнаго и двоедушнаго старика. Этотъ портретъ можно назвать неподражаемымъ.

II.

Война, наконецъ, утомила враждующія націи. 30 апрѣля 1748 года было заключено перемиріе между Франціей и Англіей. Дипломатическія затрудненія не позволили сразу подписать миръ, замедливъ имъ до 18 октября. Несмотря на заключенное перемиріе, въ обоихъ государствахъ чувствовалась какая-то тревога. Недавняя вражда еще не унялась. Во Франціи появилась манія боязни англійскихъ шпіоновъ.

Вильямъ Гогартъ до сихъ поръ никуда не уѣзжалъ дальше Лондона и его окрестностей. Теперь у него вдругъ явилась страсть къ путешествіямъ.

Однажды въ теплый іюньскій день, гуляя съ женой по своему парку въ Чесвикѣ, онъ задумчиво обратился къ ней:

— Какъ странно, что я до сихъ поръ совсѣмъ не знаю міра! Въ юности я не могъ никуда поѣхать, потому что былъ бѣденъ, а потомъ я пересталъ думать объ этомъ. Недавно я встрѣтился со старыми товарищами и мы зашли въ турецкую кофейню распить бутылку вина. Здѣсь они много разсказывали о своихъ научныхъ путешествіяхъ по Италіи, Франціи, Нидерландамъ, Германіи. И мнѣ стало вдругъ такъ грустно тогда... Знаешь, Джэнъ, мнѣ просто необходимо проѣхаться недѣльки на три, хоть до Парижа.

— Конечно! воскликнула жена. — За послѣднее время ты совсѣмъ заработался, Вильямъ. Тебѣ надо отдохнуть.

На этомъ рѣшили. Но видно судьба предрѣшила раньше, что мистеръ Вильямъ не доѣдетъ дальше Калэ.

Онъ досталъ заграничный паспортъ, взялъ чемоданъ и свою эскизную книжку. Простившись съ женой, онъ поскакалъ въ Дувръ и оттуда отплылъ въ Калэ.

Этотъ ближайшій къ Англіи городъ былъ сильно укрѣпленъ и кишѣлъ солдатами. Въ гостинницѣ Гогартъ узналъ, что почтовая карета уже ушла въ Парижъ. Въ его распоряженіи былъ цѣлый день для осмотра Калэ.

Побродивъ по гавани, онъ пошелъ къ старымъ, украшеннымъ гербомъ городскимъ воротамъ, которыя такъ заинтересовали его своей архитектурой, что онъ сѣлъ на камень, вынулъ свою эскизную книжку и началъ набрасывать ворота. Не успѣлъ еще онъ докончить контура, какъ почувствовалъ, что на плечо его легла чья-то мощная рука и сержантъ караула завопилъ во все горло: „шпіонъ, шпіонъ!“

Къ несчастью, Гогартъ плохо говорилъ по-французски, и это обстоятельство усилило подозрѣнія сержанта.

Его эскизная книжка и паспортъ были у него отобраны. Два солдата взяли его подъ-руки, и сержантъ пошелъ впереди. Около дюжины уличныхъ мальчишекъ вертѣлось вокругъ этой процессіи, крича на разные голоса: „шпіонъ, шпіонъ, шпіонъ!“

Гогартъ привыкъ въ Англіи дѣлать все что угодно, и по разсѣянности и въ Калэ срисовалъ часть городскихъ укрѣпленій, за что во Франціи полагался большой штрафъ. Его положеніе ухудшалось тѣмъ, что еще не было заключено окончательнаго мира.

Офицеръ выслушалъ докладъ сержанта и не обратилъ никакого вниманія на оправдательную рѣчь Гогарта. Художникъ былъ запертъ на гауптвахтѣ въ обществѣ пьяныхъ солдатъ и негодяевъ.

Здѣсь въ волненіи онъ провелъ остатокъ дня и самую ужасную ночь своей жизни. Другіе арестанты разспрашивали его о причинѣ его заключенія и пророчили ему самыя невѣроятныя вещи, подсмѣиваясь надъ добродушнымъ англичаниномъ. Одинъ говорилъ, что его, какъ шпіона, разстрѣляютъ изъ пушекъ; другой—что его повѣсятъ на валу, чтобы другимъ англичанамъ не повадно было шпіонить; третій былъ милостивѣе и предсказывалъ Гогарту десять лѣтъ тюремнаго заключенія.

Какъ проклиналъ злополучный художникъ свою страсть къ путешествіямъ! Скорѣй бы домой, въ Англію, на просторъ полей его помѣстья...

На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, онъ былъ отведенъ унтеръ-офицеромъ къ коменданту Калэ, сѣдому генералу.

Этотъ очень вѣжливо разспросилъ его, дѣйствительно-ли онъ живописецъ и граверъ Вильямъ Гогартъ, какъ сказано въ паспортѣ. Мистеръ Вильямъ объяснилъ ему все случившееся. Генералъ извинился, возвратилъ ему паспортъ и книжку и объявилъ его свободнымъ.

— Вы, сударь, сказалъ онъ подъ конецъ,—оказали большую услугу моему семейству, за что до сихъ поръ я не имѣлъ чести васъ благодарить. Мой сынъ и невѣстка очень желаютъ познакомиться съ вами и лично поблагодарить васъ. Прошу васъ пожаловать къ намъ.

— Пусть меня не зовутъ Гогартомъ, если я понимаю хоть что-нибудь въ этой странѣ! пробурчалъ мистеръ Вильямъ.—Хорошо еще, что дѣло приняло благопріятный оборотъ.

Онъ поднялся вслѣдъ за генераломъ въ верхній этажъ, гдѣ увидѣлъ сына генерала, статнаго кавалера, который представился ему подъ именемъ графа де-Лямуаньона, артиллерійскаго полковника, и его супругу, молодую прекрасную даму въ траурномъ платьѣ, съ блѣднымъ, полнымъ ума лицомъ, высокимъ лбомъ и большими проницательными глазами.

Молодая дама указала ему рукой на висѣвшую на стѣнѣ въ драгоцѣнной рамѣ гравюру, которую обрамлялъ вѣнокъ изъ иммортелей. Гогартъ тотчасъ же узналъ мастерское произведеніе своего грабштихеля, портретъ лорда Симона Ловата.

Графиня сказала по-англійски:

— Я лэди Эвелина Ловатъ, внучка этого старца, павшаго жертвой политическихъ обстоятельствъ. Кромѣ меня нѣтъ никого изъ фамиліи Ловатовъ. Наши имѣнья конфискованы, но благодаря вамъ, сэръ, мнѣ удалось спасти нѣкоторую часть состоянія.

— Миледи, отвѣчалъ изумленный художникъ,—вы безъ сомнѣнія объясните ваши загадочныя слова...

— Съ большимъ удовольствіемъ, сэръ. Но сначала я попрошу васъ разсказать о вашемъ свиданіи въ Тауэрѣ съ моимъ дѣдомъ.

Мистеръ Вильямъ исполнилъ ея желаніе.

— О, какъ остроуменъ былъ старикъ! воскликнула графиня.—Съ необычайною ловкостью, которой даже не замѣтили вы, сэръ, онъ выполнилъ свой планъ. Эта картина, которую покупали тысячи людей, имѣетъ значеніе только для меня.

Она сняла портретъ со стѣны.

— Я вамъ все объясню, сэръ. Мой дѣдъ отложилъ часть денегъ для веденія дѣла претендента. Мѣшки съ деньгами были спрятаны въ одномъ мѣстѣ, которое знали только три лица: мой дѣдъ, отецъ и его вѣрный слуга. Я знала о существованіи денегъ, но не знала, гдѣ онѣ были спрятаны. Мой отецъ со слугою были убиты подъ Кюллоденомъ, а дѣда заключили въ Тауэръ, гдѣ онъ ни на кого не могъ положиться. Тогда онъ воспользовался вашимъ искусствомъ, чтобы открыть мнѣ тайну сокровища. Въ этомъ портретѣ три особенности: во-первыхъ, отчетливо написанное слово „Memoirs“, которое означаетъ, что я должна нѣчто вспомнить. Во-вторыхъ, рѣзьба на креслѣ есть не что иное, какъ копія украшенія надъ гробницей лорда Захаріи Ловата въ фамильномъ склепѣ Ловатовъ въ Лейтморѣ близъ Думбартона. Наконецъ буква Z (Захарія) окончательно утверждаетъ въ этомъ. Вотъ вамъ смыслъ этого портрета.

Лордъ Ловатъ въ Тауэрѣ. Съ современнаго портрета Гогарта.

Гогартъ былъ ошеломленъ разсказомъ графини.

— И что же, спросилъ онъ,—вы нашли сокровище?

— Да, сэръ, въ замурованной нишѣ за гробницею. Какъ только было заключено перемиріе, я послала свою вѣрную служанку, сестру слуги моего отца, въ Англію якобы для посѣщенія родныхъ. Комиссаръ, поставленный правительствомъ короля Георга, надъ нашими конфискованными имѣньями, былъ человѣкъ бдительный, но населеніе осталось вѣрно своимъ старымъ господамъ. Ночью золото было перенесено изъ склепа на корабль, который отплылъ въ Калэ, доставивъ мнѣ во владѣніе значительную сумму. Конечно я щедро наградила всѣхъ оказавшихъ мнѣ помощь. Только вамъ я остаюсь навѣки обязанной, сэръ. Какъ бы я могла отблагодарить васъ?

— О, миледи! воскликнулъ Гогартъ.—Я уже достаточно вознагражденъ. Гравюра дала мнѣ цѣлое состояніе.

— Это радуетъ меня, сэръ. Я прошу васъ еще объ одномъ: сохранить въ тайнѣ мой разсказъ, чтобы не пострадали добрые люди, помогавшіе мнѣ въ Шотландіи.

— Я сохраню эту тайну такъ же свято, миледи, какъ и слово данное въ Тауэрѣ вашему покойному дѣду.

— Благодарю васъ, сэръ! Мы очень сожалѣемъ о непріятности, причиненной вамъ усердіемъ солдатъ.

Мистеръ Вильямъ былъ приглашенъ на семейный обѣдъ и быстро подружился со всѣми членами гостепріимной семьи. Ему предлагали рекомендательныя письма въ Парижъ, но испытавшій прелести путешествія художникъ думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до родины. На слѣдующій день онъ уже былъ въ Англіи.

— Вильямъ, ты? изумленно встрѣтила его жена.

— Я, милая Джэнъ, и чортъ побери всѣхъ французовъ за ихъ шпіономанію!

И онъ разсказалъ ей все случившееся, умолчавъ о тайнѣ лэди Ловатъ.

Вскорѣ онъ отомстилъ французамъ, выпустивъ остроумную каррикатуру на свое приключеніе въ Калэ.

Среди многихъ гравюръ и картинъ, украшавшихъ его мастерскую, до самой его смерти можно было видѣть знаменитый портретъ стараго заговорщика, лорда Симона Ловата.

Б. Н.

Городъ Варшава.

(Рис. на стр. 492 и 493).

Тѣ нѣсколько видовъ города Варшавы, которые мы помѣщаемъ въ настоящемъ № *Нивы*, даютъ довольно опредѣленное представленіе о живописномъ положеніи этой бывшей столицы Царства Польскаго, раскинутой по лѣвому, нагорному берегу Вислы. Прежде чѣмъ обратимся къ описанію отдѣльныхъ рисунковъ, знакомящихъ читателя *Нивы* съ важнѣйшими кварталами Варшавы, скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи этого стараго и любопытнаго города.

Варшава была значительнымъ областнымъ городомъ Польскаго королевства уже и въ XIII вѣкѣ. До 1526 года городъ служилъ резиденціей князей Мазовецкихъ; а съ 1587 года получилъ значеніе столицы и служилъ до конца прошлаго вѣка постоянною резиденціею Польскихъ королей. Послѣ третьяго раздѣла Польши, Варшава, вмѣстѣ съ весьма значительною долею прежнихъ польскихъ владѣній, была присоединена къ Россіи, затѣмъ временно была столицею созданнаго Наполеономъ отдѣльнаго и нейтральнаго герцогства Варшавскаго, а впослѣдствіи, при Александрѣ Благословенномъ,—столицею самостоятельнаго, подъ покровительствомъ Россіи состоявшаго Царства Польскаго. Съ 8 сентября 1831 года Царство Польское перестало существовать, какъ особое политическое цѣлое, и въ 1863 году было окончательно слито съ остальною Россійскою Имперіею. Съ тѣхъ поръ городъ Варшава служитъ только важнымъ промышленнымъ и торговымъ центромъ Привислинскаго края или привислинскихъ губерній и узломъ соединенія четырехъ желѣзныхъ дорогъ: Варшавско-Петербургской, Варшавско-Вѣнской, Варшавско-Бромбергской и Варшавско-Тереспольской. Въ самомъ городѣ съ предмѣстьями насчитываютъ до 465,000 жителей. Населеніе Варшавы, главнымъ образомъ занятое фабричною промышленностью, все сплошь принадлежитъ къ польскому племени, съ значительною примѣсью еврейскаго элемента. Русская колонія сдѣлалась значительною и стала многочисленною только въ послѣднее тридцатилѣтіе, послѣ 1863 года, когда всѣ прежнія государственныя учрежденія Польши были упразднены и замѣнены государственными учрежденіями Россійской Имперіи, въ которыхъ дано полное преобладаніе русскому языку, какъ государственному. Кстати сказать, въ теченіе этого же тридцатилѣтія и самый городъ Варшава совершенно измѣнилъ свой прежній характеръ: узкія, грязныя улицы расширились и обстроились высокими, прекрасными домами, явились новые скверы и гульбища, городъ во всѣхъ направленіяхъ покрылся сѣтью конножелѣзныхъ дорогъ.

Рисунокъ № 1 представляетъ намъ предмѣстье Варшавы, такъ-называемую *Прагу*, расположенное на правомъ, низменномъ берегу Вислы. Въ исторіи нашихъ войнъ съ Польшею эта Прага памятна по кровопролитному Суворовскому штурму 5 ноября 1794 года, которымъ участь Варшавы была рѣшена. Въ настоящее время на Прагѣ построена прекрасная, замѣчательная по своей архитектурѣ, православная церковь и находится станція Петербургско-Варшавской желѣзной дороги.

1. Часть предмѣстья Праги и мостъ черезъ Вислу.

2. Замковая площадь и памятникъ Сигизмунду III.

3. Часть „Краковскаго предмѣстья."

Улица, ведущая отъ станціи этой дороги въ самый центръ города Варшавы, проходитъ черезъ тотъ громадный желѣзный мостъ, который изображенъ на нашемъ рисункѣ. Этотъ мостъ

4. Входная площадка Саксонскаго сада.

упирается на лѣвомъ берегу въ довольно крутой спускъ къ рѣкѣ, по которому приходится въѣзжать въ городъ мимо обширнаго замка (нѣкогда королевской резиденціи), занимаемаго въ настоящее время генералъ-губернаторомъ. Высокая башня этого замка видна за мостомъ, на возвышенномъ берегу.

Переѣхавъ черезъ Вислу по мосту и поднявшись на противуположный берегъ мимо бывшаго королевскаго замка, мы выѣзжаемъ на такъ-называемую *Здмковую* площадь (рис. 2), среди которой, на высокой монолитной колоннѣ, воздвигнута бронзовая статуя короля Сигизмунда III. Этотъ памятникъ сооруженъ въ 1643 году королемъ Владиславомъ IV, сыномъ Сигизмунда. Въ правомъ углу рисунка, господствуя надъ высокими крышами домовъ, возвышается красивая готическая башня древняго собора Св. Яна, построенная во второй половинѣ XVI в. Около этого собора сосредоточивается самый старый и доселѣ еще мало перестроенный кварталъ Варшавы; особенно характерны старыя постройки около такъ-называемой „Старой площади", застроенной шалашами и ларями мелочныхъ торговцевъ.

6. Лазенковскій дворецъ.

Рисунокъ 3 представляетъ намъ лучшую улицу г. Варшавы, такъ-называемое „Краковское предмѣстье". Это—Невскій проспектъ Варшавы, полный движенія и шума. Вдали виденъ замокъ, Замковая площадь, со статуею Сигизмунда, уже описанные нами. Отъ этой-то площади и начинается Краковское предмѣстье, обставленное лучшими зданіями города и лучшими домами, въ которыхъ всѣ нижніе этажи заняты магазинами и кондитерскими. На правой сторонѣ нашего рисунка (№ 3) на Краковскомъ предмѣстьѣ виденъ одинъ изъ старѣйшихъ костеловъ Варшавы (такъ-называемая *Фара*); по той же сторонѣ, ближе къ зрителю, красивое зданіе Варшавскаго городскаго клуба. На продолженіи этой улицы помѣщается Императорскій Варшавскій университетъ (съ одной стороны) и извѣстный по своему значенію во время послѣдняго повстанія костелъ Св. Креста (съ другой стороны). Краковское предмѣстье заканчивается небольшою площадью, среди которой поставленъ памятникъ знаменитому Копернику.

На самой срединѣ Краковскаго предмѣстья, около громадной Европейской гостиницы, широкій проѣздъ соединяетъ эту главную улицу города съ такъ-называемымъ Саксонскимъ плацомъ. Это названіе плацъ получилъ отъ того Саксон-

5. Александровскій костелъ и Уяздовская аллея.

скаго (Брюлевскаго) дворца, который былъ выстроенъ королемъ Августомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ, близъ этого плаца. Этотъ дворецъ, красивый и оригинальный по постройкѣ, въ настоящее время совершенно незамѣтенъ и, можно сказать, совершенно подавленъ громадными двумя зданіями (военнаго вѣдомства) [1]), соединенными величавою колоннадою, которыя отдѣляютъ Саксонскій плацъ отъ обширнаго и тѣнистаго Саксонскаго сада (см. рис. 4), представляющаго собою одинъ изъ лучшихъ садовъ въ Европейскихъ столицахъ. Главнымъ украшеніемъ сада служатъ громадныя каштановыя деревья, которымъ насчитываютъ болѣе двухсотъ лѣтъ. Нашъ рисунокъ представляетъ главную, входную площадку Саксонскаго сада, съ громаднымъ фонтаномъ посрединѣ. Если пройдемъ Саксонскій садъ по главной его аллеѣ до такъ-называемыхъ *Желѣзныхъ воротъ*, то очутимся среди шумной торговой площади, за которою простираются многолюдные, но не особенно чистые кварталы Варшавы, заселенные преимущественно евреями.

Продолженіемъ Краковскаго предмѣстья служитъ также весьма красивая улица, называемая *Новый Свѣтъ*. Эта улица примыкаетъ къ обширной Александровской площади, среди которой воздвигнутъ оригинальный по архитектурѣ Александровскій костелъ (см. рис. 5)—памятникъ признательности поляковъ императору Александру I, возстановившему самостоятельную Польшу въ ущербъ Россіи. Позади костела на нашемъ рисункѣ видна длинная *Уяздовская аллея*, которая ведетъ на окраину города, къ одному изъ любимыхъ лѣтнихъ варшавскихъ гульбищъ, къ такъ-называемымъ „Лазенкамъ".

Лазенки (см. рис. 6)—это очень красивый и оригинальный по архитектурѣ (въ италіанскомъ стилѣ) заго-

[1]) Зданія эти воздвигнуты инженеръ-генераломъ Девомъ въ царствованіе императора Николая I.

родный дворецъ, построенный послѣднимъ изъ польскихъ королей, Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ, въ концѣ прошлаго вѣка. Этотъ дворецъ окруженъ прудами и великолѣпнымъ, тѣнистымъ паркомъ. Около дворца раскинуты по парку красивые павильоны, гроты, искусственныя развалины, расставлены статуи. На одномъ изъ мостовъ около дворца возвышается конная статуя Яна Собѣсскаго, воздвигнутая Станиславомъ-Августомъ въ память столѣтней годовщины избавленія Вѣны Яномъ Собѣсскимъ отъ турецкой осады, въ 1683 г. Главная зала Лазенковскаго дворца украшена портретами знаменитыхъ польскихъ красавицъ, которыя, по мѣстному преданію, были „удостоены милостей" женолюбиваго короля Станислава.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора Варшавы и ея достопримѣчательностей, добавимъ, что въ настоящее время Варшава, благодаря своей цитадели, постоянно расширяемой и пополняемой новыми фортами и укрѣпленіями, принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ крѣпостей Европы и представляетъ собою обширный и сильно-укрѣпленный лагерь, которому предназначено служить важнымъ опорнымъ пунктомъ для передовой русской арміи, въ случаѣ войны съ однимъ изъ сосѣднихъ, западно-европейскихъ государствъ. **П. Полевой.**

Почвенныя работы въ Полтавской губерніи.

Изученіе природы обширной территоріи, занимаемой нашимъ отечествомъ, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Въ этомъ направленіи работаютъ уже давно: правительство, различныя ученыя общества (Географическое и др.) и частныя лица. Въ послѣднее время присоединились къ этой плодотворной работѣ также и земскія учрежденія. Нельзя, конечно, думать, что земство, по существу своему, учрежденіе „созданное для удовлетворенія практическихъ и хозяйственныхъ" потребностей данной мѣстности, принимается за разрѣшеніе такой дорого-стоющей научной задачи, какъ детальное естественно-историческое изслѣдованіе своей губерніи, безъ всякаго практическаго побужденія: смѣшно было бы и требовать этого. Такое побужденіе, дѣйствительно, имѣется: рѣчь о немъ будетъ впереди. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ научнаго значенія тѣхъ работъ, которыя предпринимаются земствами разныхъ губерній: собираемый при этомъ матеріалъ имѣетъ, все-таки, громадную научную цѣнность и можетъ послужить какъ для практическаго примѣненія, такъ и для чисто научныхъ выводовъ.

Починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ земствомъ Нижегородской губерніи. Въ 1881 г. нижегородское губернское земское собраніе рѣшило пригласить нѣсколькихъ ученыхъ спеціалистовъ для производства детальнаго изслѣдованія геологическаго строенія, почвенныхъ условій и растительности подвѣдомственной ему территоріи. Отчеты о работахъ этихъ спеціалистовъ, произведенныхъ подъ руководствомъ извѣстнаго нашего почвовѣда, профессора С.-Петербургскаго университета В. В. Докучаева, печатались съ 1884 по 1887 годъ отдѣльными выпусками подъ заглавіемъ: „Матеріалы для оцѣнки земель Нижегородской губерніи. Естественно-историческая часть." Къ этому капитальному труду приложена подробная геологическая и почвенная карта губерніи.

Примѣру Нижегородскаго земства не замедлило послѣдовать Полтавское, издавшее „Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи. Вып. I. Полтавскій уѣздъ. Вып. II. Лубенскій уѣздъ." Естественно-историческое изслѣдованіе Полтавской губерніи произведено было по тому же плану, какъ и предъидущее, подъ непосредственнымъ руководствомъ того же профессора Докучаева.

Выпуски эти посвящены подробному изслѣдованію природы мѣстностей, образующихъ Полтавскій и Лубенскій уѣзды: мы найдемъ здѣсь ихъ оро- и гидрографію, ихъ геологію и, наконецъ, детальное и тщательное описаніе различныхъ почвъ, встрѣчающихся въ разныхъ мѣстахъ уѣздовъ; текстъ снабженъ нѣсколькими чертежами и рисунками; приведены полные химическіе анализы отдѣльныхъ почвъ; указаны также свѣдѣнія о флорѣ уѣзда. Особеннаго вниманія заслуживаютъ данныя о новыхъ почвенныхъ типахъ: о такъ-называемыхъ лѣсныхъ земляхъ и о солонцахъ.

Каково же то практическое побужденіе, которое заставило Нижегородское и Полтавское земства затратить десятки тысячъ рублей для такого подробнаго изслѣдованія природы своихъ губерній? Цѣль этихъ изслѣдованій усматривается уже изъ заглавій отчетовъ: „Матеріалы къ *оцѣнкѣ почвъ*," ближе она указана въ предисловіи проф. Докучаева къ отчету: „и здѣсь, какъ и тамъ", читаемъ мы въ этомъ предисловіи, „имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, изученіе естественной правоспособности почвъ, иначе, ближайшее научное знакомство съ ихъ природными достоинствами и недостатками. И здѣсь, какъ и тамъ, желательно было воспользоваться таковыми изслѣдованіями, конечно, вмѣстѣ съ сельско-хозяйственными и экономическими данными для *равномѣрнаго обложенія земель* и установки главнѣйшихъ основъ къ *поднятію производительности мѣстныхъ почвъ*." Вотъ, гдѣ, слѣдовательно, вознагражденіе, которое ожидаетъ получить и, конечно, получитъ земство за свои затраты на совершеніе этой научной работы. Оцѣнка почвъ—это значитъ оцѣнка производительности отдѣльныхъ почвенныхъ участковъ губерніи; оцѣнка же производительности земли есть вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнка ея доходности,—а, слѣдовательно, и *налогоспособности*, знакомство съ которой такъ важно для земства и для правительства.

Дѣло въ томъ, что плательщики налоговъ склонны всегда показать меньшую противъ дѣйствительной цифру получаемаго дохода, такъ что полагаться на эти субъективныя показанія крайне рискованно: они получаютъ нѣкоторое значеніе лишь послѣ провѣрки, основанной на данныхъ объективныхъ. Что касается земельнаго дохода, то для провѣрки его производится *кадастръ*, т. е. оцѣнка средней доходности каждаго отдѣльнаго имѣнія. Существуютъ два способа оцѣнки: эмпирическій (статистическій) и естественно-историческій. До послѣдняго времени пользовались исключительно первымъ методомъ, который заключается въ опросѣ возможно большаго числа мѣстныхъ хозяевъ, помѣщиковъ, крестьянъ и др. о степени урожая разныхъ почвъ въ худые, средніе и хорошіе по урожайности годы, о степени урожая разныхъ хлѣбовъ въ прошедшіе годы и т. п. Свѣдѣнія эти сравниваются съ имѣющимися оффиціальными данными и такимъ образомъ опредѣляютъ среднюю доходность земли въ опредѣленной мѣстности, какъ среднюю величину изъ многочисленныхъ отвѣтовъ и наблюденій, другъ друга провѣряющихъ. Этотъ методъ не даетъ однако вѣрныхъ результатовъ, такъ какъ во всѣхъ показаніяхъ заинтересованныхъ лицъ сильно преобладаетъ элементъ субъективный; качество почвы, степень урожая опредѣляется такими неточными выраженіями, какъ: худой, средній, хорошій; въ концѣ концовъ, средняя производительность мѣстныхъ почвъ или, какъ говорятъ, *естественная правоспособность. естественное плодородіе* почвы, остается попрежнему неизвѣстной, также какъ и степень возможнаго ея улучшенія при данныхъ климатическихъ условіяхъ, потому что для этого необходимо изучить физико-химическій составъ почвы.

Всѣ эти неудобства устраняются при пользованіи естественно-историческимъ методомъ оцѣнки почвъ. Правда, онъ гораздо сложнѣе метода статистическаго, но за то даетъ въ высшей степени цѣнные результаты, именно, точное знаніе состава и строенія подпочвы, почвы, и растительнаго покрова. Эти строго объективныя данныя, научнымъ путемъ полученныя, кладутся затѣмъ въ основу какъ и при оцѣнкѣ относительной доходности однихъ земельныхъ участковъ предъ другими, такъ и при опредѣленіи естественной производительности извѣстнаго почвеннаго района.

И такъ одновременно достигаются три цѣли. Во-первыхъ, изучается природа мѣстности. Во-вторыхъ, земство пріобрѣтаетъ совершенно объективный критерій для провѣрки показаній мѣстныхъ хозяевъ о большей или меньшей доходности ихъ земельныхъ владѣній. Въ-третьихъ, является возможность *теоретическимъ путемъ* вычислить очень близкую къ истинной величину средняго урожая, получаемаго съ участка земли опредѣленнаго качества, находящагося при извѣстныхъ климатическихъ и, вообще, физико-географическихъ условіяхъ, потому что, имѣя въ рукахъ точно установленныя данныя о средней производительности такого *почвеннаго района*, не трудно уже отыскать, какой доходъ приноситъ всякое отдѣльное имѣніе, существующее при тождественныхъ или подобныхъ же природныхъ условіяхъ. Зная сколько пудовъ или четвериковъ пшеницы, ржи и т. д. можетъ уродить данная почва при среднемъ урожаѣ—намъ остается лишь узнать (уже путемъ статистико-экономическихъ изслѣдованій), изъ какихъ почвенныхъ типовъ состоитъ данное имѣніе, сколько въ немъ десятинъ того или другаго типа. Если мы располагаемъ данными того или другаго рода, то опредѣлить размѣръ валоваго дохода, дѣйствительно полученнаго въ искомомъ году, не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій: стоитъ только освѣдомиться о *качествѣ* урожая настоящаго года и существующихъ на рынкѣ цѣнахъ на хлѣбъ.

Само собою ясно, что главнѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшая часть задачи—выяснить *производительность* (естественное плодородіе) какого либо *почвеннаго района*. Надо помнить, что опредѣленная производительность почвы складывается изъ множества различныхъ условій: бо̀льшее или мѐньшее вліяніе на полученіе этого результата имѣютъ геологическое строеніе мѣстности, почвенное и атмосферное отношеніе ея, строеніе подпочвы и самой почвы, климатическія, вообще, физико-географическія условія, и наконецъ, характеръ растительнаго покрова мѣстности. Всѣ эти условія надо, непремѣнно, принимать въ расчетъ при оцѣнкѣ возможной производительности опредѣленнаго земельнаго участка, а, чтобы принимать въ расчетъ, надо точно ихъ знать и основательно изучить. Такимъ или почти такимъ же логическимъ путемъ пришли земскія собранія Нижегородской и Полтавской губерній къ сознанію необходимости детально изслѣдовать природу

своихъ территорій, разъ только они задались цѣлью получить строго-научнымъ путемъ провѣренный, объективный матеріалъ для сужденія о среднемъ доходѣ каждаго отдѣльнаго землевладѣльца, какъ плательщика государственныхъ, земскихъ и общинныхъ налоговъ. Лишь имѣя такой матеріалъ въ рукахъ, можно спокойно назначать извѣстную цифру поземельнаго налога, не боясь, что онъ вмѣстѣ съ другими прямыми и косвенными налогами, падающими на землевладѣльца, превыситъ чистый доходъ съ земли, какъ это нерѣдко случалось до сихъ поръ. Всѣмъ извѣстно, что наши крестьяне во многихъ мѣстахъ стараются какъ бы то ни было сбыть свои надѣлы и купить землю на сторонѣ, хотя бы для этого надо было оставить насиженныя дѣдовскія мѣста и шагать за тысячи верстъ въ далекую Сибирь; не прекращаются также и жалобы многихъ помѣщиковъ на убыточность веденія сельскаго хозяйства. Образцовыя, тщательно выполненныя статистическія изслѣдованія, которыя ведутся уже много лѣтъ почти всѣми нашими земствами, выяснили причину этихъ явленій. Оказалось, что надѣльная земля крестьянина въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи не можетъ выдержать тяжести падающихъ на нее разнообразныхъ налоговъ, въ видѣ ли выкупныхъ платежей, оброчной подати, государственнаго и земскаго сбора, къ которымъ надо присоединить также всѣ личные, прямые и косвенные, государственные, земскіе и мірскіе налоги, такъ какъ источникъ почти всѣхъ доходовъ крестьянина, а слѣдовательно и платежный источникъ—все та же кормилица—мать сыра земля. При такомъ положеніи дѣла естественно было бы ожидать, что земля эта подвергнута строгой оцѣнкѣ въ отношеніи ея доходности, опредѣленъ возможный минимальный и максимальный доходъ каждаго общинно- и частно-владѣльческаго хозяйства, т. е. произведенъ тщательный кадастръ ея. Въ дѣйствительности же оказывается у насъ почти полное отсутствіе правильныхъ кадастровыхъ работъ, если не считать нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, инвентарныхъ описей, произведенныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ въ царствованіе императора Николая, теперь, конечно, совершенно устарѣвшихъ.

Земство, которое должно не только собирать съ населенія свои, земскіе налоги, но также участвовать въ раскладкѣ обще-государственныхъ налоговъ по уѣздамъ и волостямъ, вынуждено было при такихъ условіяхъ дѣйствовать съ закрытыми глазами. Распредѣленіе общей суммы налога производилось, можно сказать, гадательнымъ способомъ, по какому-то наитію, потому что точныхъ данныхъ, способныхъ уяснить степень сравнительной доходности однихъ уѣздовъ или волостей передъ другими, подъ руками не оказывалось.*) Между тѣмъ, производительность почвы, не только въ одномъ уѣздѣ, но даже и въ предѣлахъ одной волости, очень колеблется, смотря по почвеннымъ и инымъ природнымъ условіямъ того или иного участка. Плодородный участокъ земли могъ случайно попасть въ одну административную единицу съ участкомъ, находящимся въ совершенно отличныхъ отъ него условіяхъ, и вслѣдствіе того неплодороднымъ, тѣмъ не менѣе, оба они облагаются совершенно одинаковымъ размѣромъ налога.

Какъ это ни странно, однако, надо сознаться, что единственный коррективъ противъ этого ненормальнаго порядка вещей существовалъ до сихъ поръ въ лицѣ мірской раскладки: здѣсь, и только здѣсь, общая сумма причитающихся на данную волость или сельское общество налоговъ распредѣляется между отдѣльными домохозяевами соотвѣтственно доходу, который они получаютъ со своихъ надѣловъ и прикупной земли. При такой раскладкѣ крестьяне руководятся, конечно, своимъ опытомъ и чисто фактическими свѣдѣніями о производительности отдѣльныхъ участковъ, входящихъ въ составъ общинной земли. Земству же надо опираться на научнымъ путемъ добытыя данныя кадастра, которыхъ, между тѣмъ, не имѣется. Нельзя также забывать, что земство наше осуществляетъ не однѣ только фискальныя задачи: на его обязанности лежитъ содѣйствіе преуспѣянію всѣхъ отраслей народнаго труда, въ особенности же главнаго промысла русскаго крестьянина —земледѣлія. Для поднятія производительности мѣстной почвы требуется часто цѣлый рядъ дорогихъ работъ, которыя подъ силу только губернскому земству: сюда относятся работы по облѣсенію, обводненію или, наоборотъ, осушенію мѣстности. Чтобы расходы эти оказались производительными, надо въ точности знать рельефъ мѣстности, строеніе ея подпочвы и, вообще, обладать множествомъ такихъ спеціальныхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть добыты лишь детальнымъ изслѣдованіемъ края въ естественно-научномъ отношеніи. Производить подобныя изслѣдованія ad hoc, каждый разъ, когда понадобится исполнить какую-нибудь изъ упомянутыхъ работъ, и неудобно, и нецѣлесообразно, и невыгодно, такъ какъ пропадаетъ обширный матеріалъ, непригодный для данной временной цѣли, но который можно было бы съ успѣхомъ утилизировать впослѣдствіи при другомъ дѣлѣ. Имѣя же точное и правильное знаніе природы своей губерніи на основаніи однажды навсегда произведеннаго подробнаго изслѣдованія ея, земству, а также и правительству пришлось бы только пополнять собранный матеріалъ въ подробностяхъ, смотря по той или иной спеціальной цѣли.

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятнымъ громадное обще-государственное значеніе изслѣдованій, предпринятыхъ нижегородскимъ и полтавскимъ земствами. Они заслужили глубочайшую благодарность всей Россіи тѣмъ, что первые взялись за трудное дѣло всесторонняго изслѣдованія земли—этого главнѣйшаго источника существованія 90% всего населенія Имперіи—съ помощью лучшихъ ученыхъ силъ и средствами—единственно способными дать достовѣрныя данныя, средствами научными. Надо надѣяться, что примѣру этихъ двухъ земствъ послѣдуютъ остальныя земскія губерніи, а затѣмъ и правительство, воспользовавшись пріобрѣтеннымъ опытомъ земскихъ изслѣдованій, распространитъ ихъ на всю площадь, занимаемую обширнымъ русскимъ государствомъ. Конечно, для осуществленія такого грандіознаго плана потребуется и много лѣтъ и не мало издержекъ, но результаты этой работы несомнѣнно окупятъ и положенный на нее трудъ и произведенныя затраты. Громадной важности научныя и практическія задачи будутъ разрѣшены одновременно подобнымъ изслѣдованіемъ: во-первыхъ, составлена будетъ подробная геологическая и почвенная карта громадной части земной поверхности; во-вторыхъ, будетъ собранъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для правильнаго кадастра этой земли и для „установки главнѣйшихъ основъ къ поднятію производительности мѣстныхъ почвъ“.

Съ Вѣнской выставки.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

I.

Вѣна, 15 мая 1892 г.

Мѣстная печать весьма охотно распространяется о такъ называемой международной музыкально-театральной исторической и художественной выставкѣ помѣщающейся въ Вѣнѣ, въ Пратерѣ; каждый день появляются фельетоны и цѣлые столбцы, посвященные то тому, то другому отдѣлу, и все это пишется въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, какъ бы желая этимъ кому-то угодить; мы мѣстныхъ условій конечно не знаемъ и не имѣемъ никакой надобности ни преувеличивать, ни умалять значеніе этой выставки. Для спеціалистовъ,—музыкантовъ или драматурговъ,— выставка конечно представляетъ большой историческій интересъ; автографы композиторовъ, вещи принадлежавшія извѣстнымъ художественнымъ дѣятелямъ и бывшія у нихъ въ употребленіи, инструменты, на которыхъ играли Моцартъ, Бетховенъ и другіе корифеи музыкальной литературы, портреты многихъ драматурговъ, поэтовъ, артистовъ и музыкантовъ,—все это несомнѣнно возбуждаетъ любопытство; но только спеціалистовъ; публика же проходитъ, почти не замѣчая всѣхъ этихъ рѣдкихъ и вслѣдствіе этого цѣнныхъ вещей. Она гораздо больше интересуется крупными картинами, группами манекеновъ, костюмами разныхъ эпохъ и національностей, японскими и китайскими инструментами, а все это не представляетъ уже рѣдкости, изъ-за которой стоило бы копья ломать.

И дѣйствительно, публики на выставкѣ собирается много къ вечеру, т. е. когда начинаются „историческіе концерты“ въ концертной залѣ, помѣщающейся около ротонды, гдѣ расположена выставка, и когда даются спектакли въ пратерскомъ театрѣ, спеціально устроенномъ для выставки противъ ротонды, въ которомъ чередуются и будутъ чередоваться въ теченіе всего лѣта представленія разныхъ національныхъ труппъ.

Ротонда—это круглое зданіе, подобнаго которому у насъ въ Петербургѣ нѣтъ. Внутренняя часть ея, т. е. самый циркъ, превращена въ садъ, съ маленькими аллейками, фонтанами, цвѣтниками, вазами и пр. Галлерея, возвышающаяся надъ центромъ и расположенная вокругъ него — собственно и служитъ мѣстомъ для выставки. Здѣсь размѣщены отдѣленія разныхъ національностей: нѣмецкой, французской, русской, итальянской, японской и др. Мы еще къ этимъ отдѣльнымъ группамъ вернемся въ слѣдующихъ бесѣдахъ. Изъ каждаго отдѣленія открытъ входъ въ сосѣднее и такимъ образомъ можно легко обойти всю ротонду, ограничиваясь или общимъ обзоромъ всего, или же останавливаясь на извѣстныхъ отдѣлахъ подолѣе. Въ ротонду можно войти или съ параднаго подъѣзда съ улицы, или же изъ сада Пратера, куда обыкновенно каждыя три-четыре минуты прибываютъ трамваи, омнибусы, фіакры и пр. Ротонда снаружи прекрасно декорирована и особенно эффектна вечеромъ при электрическомъ освѣщеніи. Плата за входъ собственно на выставку

*) Кстати, мы можемъ сообщить, что земскія собранія Саратовской губ., чуть ли не съ самаго введенія земскихъ учрежденій, озабочены были правильнымъ распредѣленіемъ поземельнаго налога между уѣздами. Избирались для этого особыя комиссіи, которыя однако не въ состояніи были справиться съ возложенною на нихъ задачей. представители каждаго уѣзда старались выставить свое землевладѣніе наименѣе доходнымъ, объективнаго же критерія для сужденія о правильности такихъ заявленій—не имѣлось.

взимается въ размѣрѣ 40 крейцеровъ (около 33 коп.); но на эти деньги даже нельзя присѣсть въ ротондѣ, если вы устали; за сидѣніе отдѣльная плата въ 2 крейцера. Также не имѣете вы права съ вашимъ входнымъ билетомъ въ садъ и въ ротонду попасть въ концертный залъ или въ театръ; тамъ тоже отдѣльная плата и довольно значительная.

Самое главное отдѣленіе, наиболѣе посѣщаемое публикой и наиболѣе привлекающее вниманіе зрителей — это русское. О немъ наиболѣе говорятъ всѣ вѣнскія газеты, и оно дѣйствительно наиболѣе приводитъ въ восхищеніе вѣнскую публику. Здѣсь поражаютъ богатые костюмы временъ Ивана Грознаго, вооруженіе, домашняя утварь и, главнымъ образомъ, сцены изъ оперъ, балета и даже драмы; говоримъ „даже", потому что картина съ манекенами при полной сценической обстановкѣ, присланная на выставку, поставлена изъ драмы, которая на петербургскихъ театрахъ никогда не дается, а именно выставлена сцена изъ драмы „Царь Борисъ" изъ трилогіи гр. Ал. Толстаго; почему выбрана именно эта пьеса, которая никогда, быть-можетъ, не видала свѣта на казенныхъ театрахъ — не знаемъ; лучше кажется было бы поставить какую-нибудь картину изъ „Смерти Іоанна Грознаго" того же автора, или же, пожалуй еще лучше, сцену изъ „Василисы Мелентьевой" нашего перваго драматурга, Островскаго, о которомъ, къ слову сказать, наши заправилы совершенно забыли, думая о русской драмѣ. Чѣмъ объяснить подобный промахъ—не знаемъ; правда, въ числѣ русскихъ экспонатовъ есть и портретъ Островскаго; но изъ выставки иностранная публика вынесетъ о немъ столько же свѣдѣній, сколько о какихъ-нибудь Маурерѣ, Кавосѣ и другихъ подобныхъ русскихъ (?) дѣятеляхъ.

Впрочемъ не одинъ Островскій въ загонѣ; Грибоѣдовъ и Гоголь также присутствуютъ на выставкѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и Мауреръ и Кавосъ. Не нашли нужнымъ почему-то, желая познакомить иностранную публику съ развитіемъ и историко-литературнымъ значеніемъ нашей отечественной драмы, показать ей ни „Горя отъ ума", ни „Ревизора", ни „Грозы"; съ этимъ приходится мириться, какъ съ печальнымъ фактомъ. Печальнымъ, главнымъ образомъ, потому, что прочія національности, — нѣмецкая, французская и др., — фигурируютъ здѣсь не только со своими манекенами: цѣлыя труппы артистовъ приглашены сюда, которыя играютъ лучшія пьесы своего классическаго репертуара, тогда какъ Россія въ этомъ смыслѣ совершенно отсутствуетъ и иностранцы составятъ себѣ понятіе о нашемъ драматическомъ искусствѣ лишь по сценѣ изъ „Царя Бориса", котораго даже не всякій русскій знаетъ, т. е. опять-таки понятіе лишь о костюмахъ той эпохи, которые въ такомъ громадномъ количествѣ висятъ въ стеклянныхъ шкафахъ для обозрѣнія. И такъ — въ итогѣ драматическая часть русскаго искусства отсутствуетъ въ полномъ составѣ: не только нѣтъ живыхъ толкователей, но даже и картинъ, которыя дали бы какое-нибудь понятіе о томъ, что дѣлается у насъ по этой части.

Обратимся теперь къ музыкальной части. Рубинштейна большой портретъ помѣщенъ не въ русскомъ отдѣленіи, а въ нѣмецкомъ. Не думаемъ, чтобы таково было желаніе нашего знаменитаго композитора и виртуоза; напротивъ, насколько намъ лично извѣстно, онъ всегда считалъ себя русскимъ дѣятелемъ. Тѣмъ болѣе это странно, что между сценами изъ оперъ, которыя фигурируютъ на выставкѣ, есть картина изъ „Демона" (это уже въ русскомъ отдѣленіи), а именно Демонъ у изголовья Тамары (2-е дѣйствіе). Кромѣ этой картины съ фигурами, есть еще двѣ группы фигуръ изъ „Князя Игоря" (у самаго входа въ павильонъ съ внутренней стороны) и изъ „Вражьей силы". Изъ „Игоря" взята картина, когда Кончаковна слушаетъ пѣсню половецкой дѣвушки, а другая группа изображаетъ мужичка, пляшущаго съ козой. Во всякомъ случаѣ двѣ картины восточнаго характера („Демонъ" и „Игорь") могутъ навести иностранную публику на мысль, что у насъ нѣтъ русской національной музыки, а что если и есть какая-нибудь музыка, то она заимствована гдѣ-нибудь на Кавказѣ. Все это говоритъ за то невнимательное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе, которое обнаружено распорядителями при составленіи каталога высылаемыхъ на выставку предметовъ для ознакомленія иностранцевъ съ нашимъ искусствомъ.

По всему видно, что главною цѣлью было не столько показать, что мы имѣемъ у себя по части сценическаго искусства въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ, сколько блеснуть богатствомъ и бутафорскимъ и декоративнымъ искусствами; блеска много и онъ-то поражаетъ иностранцевъ; wunderschön, prachtvoll, famos — сопровождаютъ каждый шкафъ, каждый отдѣльный уголокъ русскаго отдѣленія. И правда, ни одно отдѣленіе такъ не бросается въ глаза, какъ наше. Но—все это мишура, блескъ, а не дѣло. Власть имущимъ видимо хотѣлось показать себя на выставкѣ, а не исторію нашего искусства. Правда, есть старинныя афиши, картины изъ „Жизни за Царя" и „Горюшн" (на одной), манускрипты; но вниманіе привлекаютъ не эти вещи; за кричащимъ блескомъ бутафорскихъ вещей—самаго главнаго не видно. Кстати о манускриптахъ. Во всѣхъ отдѣленіяхъ вы находите имена авторовъ, композиторовъ и др., кому принадлежитъ данный манускриптъ; въ одномъ только нашемъ отдѣленіи нѣтъ надписей,—и публика уходитъ, такъ и не зная, видала-ли она рукопись Глинки, Бортнянскаго или какого-нибудь другаго дѣятеля. Мало того, въ русскомъ отдѣленіи до сихъ поръ (сегодня 15 мая по нашему стилю) нѣтъ каталога; послѣдній только на-дняхъ будетъ напечатанъ; такъ что посѣтители рѣшительно не знаютъ, что они смотрѣли, что означаетъ такая-то картина и для чего служитъ такая-то вещь. И въ этой, уже чисто внѣшней сторонѣ дѣла, та же беззаботность, то же легкое отношеніе, къ которому мы такъ привыкли.

Любопытно, что здѣсь находится масса вещей не имѣющихъ никакого соотношенія къ искусству вообще, а къ сценическому въ особенности. Напр., на стѣнѣ громадная голова слона; что сей предметъ означаетъ? Или, между разными предметами помѣщены дуга, лотокъ съ вареными грушами, продаваемыми на улицахъ, и пр. Куда это относится,—къ оперному или драматическому искусству? Право, затрудняемся дать какой-нибудь отвѣтъ на эти любопытные вопросы. Какъ курьезъ, отмѣтимъ выставленную здѣсь (должно быть на посмѣшище) модель нашей центральной кассы, на которую иностранцы смотрятъ, какъ на чудище. Признаться, мы искренно сожалѣемъ, что можемъ только это сообщить, говоря о томъ отдѣленіи на Вѣнской выставкѣ, которое намъ и ближе другихъ и дороже другихъ. О другихъ отдѣленіяхъ въ слѣдующихъ бесѣдахъ.

В. Баскинъ.

Къ рисункамъ.

Изъ античной жизни. (Рис. на стр. 481).

На выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ не часто можно найти произведенія заграничныхъ живописцевъ, и появленіе ихъ всегда обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, особливо, если экспонентъ пользуется заслуженной извѣстностію за-границей. Къ числу такихъ рѣдкихъ и пріятныхъ гостей на выставкахъ картинъ въ Россіи надо отнести и Фридриха Боденмюллера, выставившаго въ настоящемъ году въ Петербургѣ свою работу „Изъ античнаго міра".

Боденмюллеръ, уроженецъ Мюнхена, гдѣ онъ родился въ 1845 году и обучался въ академіи живописи, главнымъ образомъ рисуетъ сцены изъ военной жизни, которую ему пришлось наблюдать во время Франко-Прусской войны. Въ чинѣ офицера баварской арміи онъ участвовалъ въ ней и послѣ того посвятилъ себя батальной живописи. Въ числѣ такихъ работъ извѣстны „Бой на улицахъ Базейля у Седана", „Седанская битва", находящаяся въ новой Мюнхенской пинакотекѣ и др. Картина его съ нашей академической выставки переноситъ зрителя въ античный міръ, на террасу загородной виллы, гдѣ двѣ молодыя эллинки наслаждаются тихимъ вечеромъ. У ногъ одной изъ нихъ лежитъ лира, на которой она аккомпанировала своей подругѣ, продолжающей еще играть на флейтахъ. Игрою какъ на нихъ, такъ и на лирѣ занимались почти всѣ образованные эллины, и по разсказамъ современниковъ въ древности были виртуозы, объ искусствѣ которыхъ трудно теперь составить и понятіе. Особенно отличались въ игрѣ на флейтахъ (aulos), обыкновенно парныхъ, изъ тростника, дерева или кости, на которыхъ играли сразу, какъ это видно на гравюрѣ.

„Возвращеніе съ пикника", карт. И. С. Галкина.

(Рис. на стр. 484 и 485).

Илью Саввича Галкина можно считать однимъ изъ самыхъ молодыхъ экспонентовъ академическихъ выставокъ. Будучи еще вольнослушающимъ Академіи Художествъ, классы которой онъ началъ посѣщать съ 1883 г., онъ сталъ участвовать въ ея выставкахъ съ 1887 г., а въ 1889 г. былъ уже неклассныmъ художникомъ—званіе учителя рисованія онъ пріобрѣлъ за два года передъ тѣмъ.

Спеціальностью своею онъ избралъ небольшіе жанры—все больше изъ простонародной жизни, а также портреты, и лишь на нынѣшней выставкѣ онъ выступилъ съ произведеніемъ болѣе крупныхъ размѣровъ подъ названіемъ: „Возвращеніе съ пикника", которое и воспроизводится здѣсь въ снимкѣ. Большая компанія, воспользовавшись прекрасною погодою, отправилась за городъ, чтобъ провести весело денекъ на лонѣ природы, вдали отъ городской пыли и шума. Какъ на зло налетѣла туча, полилъ дождь и начавшаяся весело прогулка оканчивается очень печально. Промокшіе, сердитые, плетутся подъ дождемъ участники пикника во-свояси.

Несмотря на то, что Галкинъ сталъ очень недавно являться со своими картинами на судъ публики, онъ успѣлъ уже за эти 6 лѣтъ выставить въ Академіи до 30 №№, а въ текущемъ году принималъ участіе и въ 12-й акварельной выставкѣ, при-

славъ на нее двѣ своихъ акварели: „Возвращеніе съ охоты“ и „Нищій“.

Пастушка. (Рис. на стр. 489).

Въ № 21 читатели нашли гравюру съ картины Н. К. Пимоненка „Сваты“ и біографію его. Нынѣ мы воспроизводимъ вторую изъ его работъ, бывшихъ на выставкѣ въ Академіи Художествъ нынѣшнею весною, „Пастушку“. На зеленѣющемъ пригоркѣ стоитъ, опираясь на посошокъ, молодая дѣвушка и стережетъ бродящихъ у ногъ ея овецъ.

Капитанъ американскаго парохода „Конемо“, Спенсеръ. (Портр. на этой стр.).

Прибывшій 1-го мая въ Ригу третій американскій пароходъ „Конемо“ (капитанъ Спенсеръ) привезъ, какъ и два предъидущихъ, грузъ муки для губерній Россіи пострадавшихъ отъ неурожая.

Пароходомъ „Конемо“ доставлено 2,350 тоннъ въ 34.204 мѣшкахъ, изъ коихъ 33,163 мѣшка и 561 бочка муки, 400 мѣшковъ рису и 80 мѣстъ различной провизіи. Мука большею частью изъ паровыхъ мельницъ Вашбурна и Кº въ Миннесотѣ и отличается высокимъ качествомъ. Пароходъ „Конемо“ сидитъ въ водѣ съ грузомъ на 22 фута и потому не вошелъ въ рижскую гавань, а остановился на рейдѣ. Выстроенъ онъ въ 1882 году въ Нью-Іоркѣ на верфи извѣстныхъ судостроителей Гандерсъ и Робинсъ и вмѣщаетъ 2,328,35 регистр. тоннъ. Экипажъ состоитъ изъ капитана, офицеровъ и 50 матросовъ, а машина его въ 500 лош. силъ. На рейдѣ „Конемо“ встрѣтили представители администраціи, городскаго управленія и пр. вѣдомствъ, выѣхавшіе на рейдъ на казенномъ пароходѣ „Стражъ“, котораго сопровождала цѣлая флотилія другихъ пароходовъ. Капитанъ „Конемо“ Спенсеръ — истый типъ янки, то что называютъ „морской волкъ“. Онъ уроженецъ Южной Каролины и во время войны сѣверныхъ и южныхъ штатовъ изъ-за рабовладѣльчества, онъ, хотя и южанинъ, не пожелалъ идти вмѣстѣ съ южанами, бывшими сторонниками рабства, а перешелъ въ военную службу въ Мексику, гдѣ дослужился до чина полковника. По окончаніи войны, онъ возвратился на родину и вступилъ въ американскій военный флотъ, откуда перешелъ на частную службу и нынѣ командуетъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ „Конемо“. Ему за 50 лѣтъ. Другой представитель Филадельфійскаго комитета, г. Фрэнсисъ Ривсъ принадлежитъ къ числу выдающихся коммерсантовъ Филадельфіи и пріѣхалъ въ Россію съ цѣлью ознакомиться на мѣстѣ съ постигшимъ нѣкоторыя губерніи Россіи бѣдствіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привезъ съ собою болѣе 20,000 р., которые онъ намѣренъ распредѣлить между учрежденіями основанными съ исключительною цѣлью помощи голодающему населенію. Встрѣча „Конемо“, его капитана, экипажа и г. Ривса, пріѣхавшаго еще раньше желѣзной дорогой изъ Антверпена, была самая торжественная и сопровождалась многочисленными оваціями со стороны мѣстнаго населенія, продолжавшимися нѣсколько дней.

Капитанъ американскаго парохода „Конемо“, Джонъ Спенсеръ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Въ честь гостей были обѣды у лифляндскаго губернатора генерала Зиновьева и у американскаго консула въ Ригѣ г. Борнгольда, — послѣдній въ окрестностяхъ Риги, въ Дуббельнѣ, прелестномъ уголкѣ, служащемъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ рижанъ. Дуббельнъ несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ сдѣлается любимымъ бадеортомъ для всѣхъ, кто теперь стремится за-границу, не зная что у насъ дома подъ бокомъ имѣются уголки ни въ чемъ не уступающіе заграничнымъ и превосходящіе ихъ дешевизной жизни.

Въ мѣстныхъ театрѣ и циркѣ были даны торжественныя представленія, сборъ съ которыхъ предназначенъ былъ въ пользу голодающихъ, благодаря чему было собрано болѣе 1.500 рублей чистаго дохода, за покрытіемъ расходовъ.

Уполномоченный Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича передалъ капитану Спенсеру подарокъ отъ Государя Императора — роскошный чайный серебряный съ эмалью сервизъ въ русскомъ стилѣ, работы Овчинникова. Въ свою очередь г. Ривсъ и капитанъ Спенсеръ получили подарки также отъ русскихъ рижскихъ обществъ, поднесшихъ Спенсеру хлѣбъ-соль на серебряномъ съ такою же солонкой блюдѣ, а Ривсу — синяго бархата большой альбомъ, украшенный серебряными орнаментами съ 59 видами Риги. Кромѣ того во время обѣда въ Дуббельнѣ г-жа Максимовичъ поднесла Ривсу изящный альбомъ въ видѣ древка съ американскимъ знаменемъ и со стихами ея сочиненія внутри, посвященными данному случаю. Кромѣ торжествъ въ театрѣ и циркѣ, рижскія пѣвческія общества устроили гостямъ серенаду подъ окнами ихъ квартиры, произведшую самое лучшее впечатлѣніе. Энтузіазмъ положительно охватилъ весь городъ и американцы стали героями дня. Вообще всѣ чествованія рижанами американскихъ друзей носили самый задушевный характеръ и несомнѣнно, что всѣ американцы, съ генеральнымъ консуломъ г. Крауфордомъ во главѣ, вынесли самое лестное воспоминаніе. **Н. Л.**

Политическое обозрѣніе.

Газеты переполнены описаніями празднованія золотой свадьбы Датской королевской четы. Одно торжество смѣнялось другимъ, въ присутствіи Августѣйшихъ гостей и восторженнаго, преданнаго своему государю, народа. Въ день годовщины свадьбы, 14 мая, вечеромъ, происходилъ у наслѣднаго принца фамильный обѣдъ на сто кувертовъ. На обѣдѣ присутствовали: Королевская фамилія, Августѣйшіе гости, министры, президенты риксдага, дипломатическій корпусъ и, за недостаткомъ помѣщенія, только часть свиты. Наслѣдный принцъ провозгласилъ тостъ въ честь Королевской четы и благодарилъ ее за пережитое время. Король благодарилъ дѣтей и внуковъ тоже за пережитое время, равно и за доставленныя ему радости. Послѣ обѣда Королевская фамилія и Августѣйшіе гости присутствовали на парадномъ спектаклѣ въ королевскомъ театрѣ. При входѣ Королевской четы въ ложу исполнены были речитативъ и хоръ въ честь ихъ, заключившіеся исполненіемъ народнаго гимна, который пѣла стоя и публика. Въ это время весь городъ, даже въ предмѣстьяхъ, былъ великолѣпно иллюминованъ. Особенно выдѣлялись иллюминацією королевскій новый рынокъ, тріумфальная арка, ратуша, декорація, устроенная портовыми властями, дома англійской и русской миссій и нѣкоторые частные дома. Всѣ стоявшія на рейдѣ датскія и русскія военныя суда, особенно Императорская яхта, были тоже великолѣпно иллюминованы. Въ 10 часовъ вечера на судахъ зажжены были фейерверки. При разъѣздѣ изъ театра Королевская чета была восторженно привѣтствована публикою, собравшеюся на улицахъ въ количествѣ до 100,000 человѣкъ.

На другой день происходилъ у принца Вальдемара и его супруги обѣдъ на 50 кувертовъ.

16 мая состоялся университетскій праздникъ. На немъ присутствовала Королевская чета со всѣми Августѣйшими Особами, за исключеніемъ принца Вельскаго и его семейства, дипломатическій корпусъ, министры-президенты риксдага. Rector magnificus, профессоръ Томзенъ, произнесъ соотвѣтствующую торжеству рѣчь.

17 мая носило названіе „народнаго дня“. Онъ состоялъ изъ громаднаго шествія народа къ Амаліенборгу, резиденціи Датской Королевской четы. Шествіе, въ которомъ участвовало до 100,000 человѣкъ, члены 117 разныхъ корпорацій со знаменами и музыкой, длилось болѣе четырехъ часовъ. На убранныхъ по праздничному улицахъ, гдѣ слѣдовало шествіе, публика собралась массами. Изъ оконъ домовъ бросали цвѣты. Въ шествіи участвовали студенты—они несли въ рукахъ зеленыя буковыя вѣтви; студенческая группа была похожа на подвижной зеленый лѣсъ. Обращали на себя также вниманіе служащіе почтоваго вѣдомства и въ числѣ ихъ до 400 почтальоновъ въ красныхъ мундирахъ. Процессія прибыла къ Амаліенборгу около 5 часовъ. Королевская чета вышла со своими Августѣйшими родственниками и гостями на обитый краснымъ сукномъ балконъ замка, и шествіе, оглашая воздухъ восторженными кликами, проходило передъ Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами.

Въ тотъ же день, вечеромъ, высшее общество дало большое празднество въ честь Королевской четы и ея Царственныхъ Гостей. Высочайшія Особы, по прибытіи въ 11 часу на празд-

никъ, были привѣтствованы оберъ-президентомъ г. Клейномъ. Живыя картины поставлены были изъ временъ обрученія и свадьбы короля Христіана и королевы Луизы; факельный танецъ исполнили принадлежащіе къ аристократіи дамы и кавалеры. Представленія удостоились милостиваго одобренія со стороны Высочайшихъ лицъ. За ужиномъ г. Клейнъ провозгласилъ тостъ за здоровье короля и королевы Датскихъ. Праздникъ окончился танцами. Ихъ Величества отбыли въ замокъ въ первомъ часу ночи. Этимъ праздникомъ окончились торжества.

18 мая въ *Berlingske Tidende* напечатанъ благодарственный рескриптъ короля и королевы Датскихъ, въ которомъ сказано: „Безчисленныя доказательства участія исполнили наши сердца невыразимою радостью. Слова наши не могутъ дойти до всѣхъ, но все то, что преисполняетъ наши сердца искреннѣйшею и глубокою признательностью, мы вносимъ въ нашу ежедневную молитву о томъ, чтобы Господь ниспослалъ благословеніе на нашу возлюбленную страну и нашъ народъ.“

Въ *Nationaltidende*, по поводу завершившихся нынѣ празднествъ, пишутъ: „Участіе иностранныхъ государствъ въ нашихъ торжествахъ увеличило ихъ блескъ. Сочувствіе иностранныхъ Высокихъ Гостей имѣло характеръ гораздо болѣе широкій, чѣмъ простое офиціальное и формальное изъявленіе чувствъ“. Газета особенно указываетъ на крайнюю любезность Государя Императора, которая еще болѣе усилила сочувствіе датскаго народа Его Величеству.

Новое итальянское министерство начало свою дѣятельность довольно печально. Выступивъ съ программою, сходною съ программами министерствъ Криспи и Рудини, оно сразу встрѣтило нерасположеніе къ своимъ будущимъ дѣйствіямъ со стороны палаты, которая, можно быть увѣреннымъ, въ это время вполнѣ отражала настроеніе страны. Пренія, вызванныя сообщеніемъ министерства, длились 2 дня, и наконецъ вотирована большинствомъ 169 голосовъ противъ 160 (38 депутатовъ воздержались отъ голосованія) предложенная Бачелли и принятая правительствомъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, заявляющая, что палата отлагаетъ свое сужденіе о предложеніяхъ правительства до ихъ внесенія и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Вслѣдствіе такого голосованія состоялся совѣтъ министровъ для обсужденія положенія и было рѣшено выйти въ отставку или просить разрѣшенія распустить палату. Послѣ совѣта Джолитти поѣхалъ къ королю, затѣмъ министры опять собрались на совѣтъ и наконецъ Джолитти отправился въ палату и объявилъ, что кабинетъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, но что король отказался ее принять. Таково начало дѣятельности министерства Джолитти.

Kreuzzeitung въ передовой статьѣ, направленной противъ регулированія валюты въ Австро-Венгріи, говоритъ, что пріобрѣтеніе золота обрекаетъ бюджетъ на крупныя жертвы и отодвигаетъ на задній планъ самыя основательныя требованія военнаго вѣдомства. Тутъ систематически дѣйствуютъ международные финансовые тузы и французскіе акціонерные комитеты важнѣйшихъ въ стратегическомъ отношеніи австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Союзъ налагаетъ на Германію весьма тяжкія матеріальныя жертвы, а потому она имѣетъ право требовать, чтобы стратегическіе пути сообщенія Австріи не подпали вліянію Франціи.

Смѣсь.

Франко-русская выставка въ Булони (Boulogne-sur-mer). Извѣстный устроитель выставокъ всякаго рода, много жертвовавшій на ихъ осуществленіе, г. Эрве-дю-Лоренъ, намѣренъ, при содѣйствіи сенатора Гюге, уступающаго для этой цѣли помѣщеніе въ своемъ замкѣ Колиньи, открыть въ Булони *франко-московитскую* выставку съ девизомъ: L'union fait la paix (союзъ создаетъ миръ). Выставка эта будетъ обнимать отдѣлы: промышленности, торговли, земледѣлія, продовольствія и гигіены, откроется 13 (25) іюля текущаго года и продлится 2 мѣсяца. Въ устройствѣ ея принимаетъ участіе довольно многочисленная группа заводчиковъ, друзей Россіи. Русскіе экспонаты будутъ допущены на выставку безплатно и экспоненты не понесутъ никакихъ издержекъ по размѣщенію и т. п. выставленныхъ продуктовъ; точно также имъ будетъ разрѣшено продавать свои экспонаты не уплачивая никакихъ комиссіонныхъ денегъ управленію выставки.

Призрѣніе дѣтей — калѣкъ и паралитиковъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 года въ С.-Петербургѣ былъ открытъ первый пріютъ для дѣтей—калѣкъ и паралитиковъ въ возрастѣ отъ 3 до 12 лѣтъ (пріютъ помѣщается на Петербургской стор., по Лахтинской ул., № 12). Сущность программы этого почтеннаго учрежденія заключается въ слѣдующемъ: 1) хорошею гигіеническою обстановкою и питаніемъ укрѣпить силы болѣзненныхъ дѣтей, раціональнымъ же лѣченіемъ стараться исправить физическіе недуги еще юныхъ, поддающихся лѣченію калѣкъ и паралитиковъ и тѣмъ сдѣлать ихъ способными къ физическому труду; 2) воспитать характеръ ребенка-калѣки, устраняя въ немъ зависть и озлобленіе, которое непремѣнно является въ несчастномъ при видѣ своихъ здоровыхъ сверстниковъ, и 3) обучить дѣтей въ программѣ городскихъ училищъ, но непремѣнно съ ручными работами, при чемъ, подмѣтивъ выдающуюся способность, стараться развить ее, чтобы въ будущемъ она послужила питомцу для заработка насущнаго хлѣба. Несмотря на краткій періодъ своего существованія (1 г. и 5 мѣсяцевъ), пріютъ достигъ прекрасныхъ результатовъ. Изъ 18 бывшихъ въ немъ питомцевъ 7 получили настолько видныя исправленія физическихъ недуговъ, что смѣло можно надѣяться на полное ихъ исцѣленіе, а двое изъ нихъ, не владѣвшіе ногами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, свободно и правильно ходятъ безъ помощи костылей. Поступавшія въ пріютъ дѣти были сумрачными, забитыми, едва принимали пищу, теперь такъ же рѣзвы, веселы и привѣтливы, какъ и здоровыя.

Въ настоящее время уже образовалось особое Общество для призрѣнія калѣкъ несовершеннолѣтняго возраста. Общество владѣетъ капиталомъ въ 40,000 руб., пожертвованнымъ неизвѣстнымъ лицомъ, и большимъ домомъ, тоже пожертвованнымъ, на Удѣльной станціи Финляндской жел. дор., и имѣетъ цѣлью поставить дѣло помощи на болѣе широкую ногу. На первомъ общемъ собраніи членовъ новаго Общества, 19 февраля сего года, по предложенію г. М. М. Семенова, предположено соединить существующій пріютъ съ вновь открытыми на Удѣльной, при чемъ первый изъ нихъ будетъ служить убѣжищемъ для малолѣтнихъ, а въ новый будутъ переводиться изъ него дѣти, достигшія предѣльнаго возраста, физическіе недуги которыхъ не удается исправить до 18-лѣтняго возраста. Для дальнѣйшаго существованія и обученія различнымъ ремесламъ, предполагается устроить колонію, гдѣ бы они безъ лишеній могли оставаться до конца жизни. (г. в.)

Женщины — комми-вояжеры. Нѣкоторыя большія фирмы въ Нью-Іоркѣ и Чикаго, торгующія кофеемъ, обувью, мелочнымъ товаромъ, шелковыми матеріями и т. п., посылаютъ теперь въ качествѣ своихъ комми-вояжеровъ, то есть странствующихъ приказчиковъ, молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ. Появленіе этихъ послѣднихъ въ магазинахъ заказчиковъ, должно быть, производитъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ эти странствующія миссъ посылаютъ своимъ „домамъ“ вдвое болѣе заказовъ, чѣмъ ихъ товарищи — мужчины. (г. в.)

Цѣнные отбросы. Осадокъ, который образуется при очищеніи дегтя сѣрной кислотой, считался до сихъ поръ совершенно ничего не стоющимъ. Въ настоящее же время его перерабатываютъ въ черную, похожую на асфальтъ, массу, которая обнаруживаетъ значительную эластичность. Подъ вліяніемъ продолжительнаго сильнаго жара масса эта теряетъ половину своего объема и становится твердою, какъ эбонитъ, оставаясь однако упругою. Въ этомъ видѣ она подъ разными названіями получила большое распространеніе въ торговлѣ; въ болѣе же мягкой формѣ она образуетъ и „минеральный гумми-асфальтъ“, который даетъ хорошіе изоляторы для электричества, а нефтяной растворъ его представляетъ отличный непромокаемый лакъ. (г. в.)

Библіографія.

Ю. Блокъ. „Велосипедъ“. „Цѣль этой книги, какъ говоритъ ея составитель, указать пользу велосипедной ѣзды для здоровья и значеніе ея въ практической жизни, описать разные типы болѣе распространенныхъ велосипедовъ, объяснить пріемы для самообученія искусству ѣзды, дать практическія указанія относительно ухода за велосипедомъ и способа исправленія могущихъ въ немъ произойти поврежденій.“

Книга раздѣлена на 14 главъ и снабжена многими рисунка-

ми, преимущественно перепечатанными изъ заграничныхъ изданій. Наибольшее число страницъ посвящено „уходу за велосипедомъ“ и „разборкѣ и сборкѣ велосипеда Свифтъ № 1-й,“ который продается въ торговомъ домѣ „Ж. Блокъ“. Въ общемъ книга издана опрятно, стоитъ 2 рубля и, за отсутствіемъ подобныхъ сборниковъ на русскомъ языкѣ, прочтется не безъ интереса всѣми охотниками до велосипедной ѣзды.

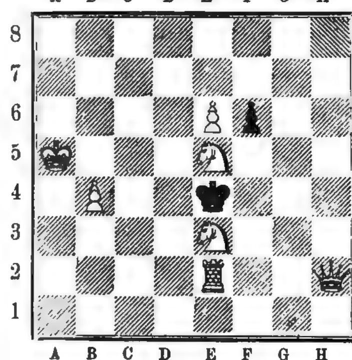
ШАХМАТЫ.

Задача № 27.

W. Mieses.

Изъ сборника задачъ Дюфреня.

Черные.

Бѣлые.

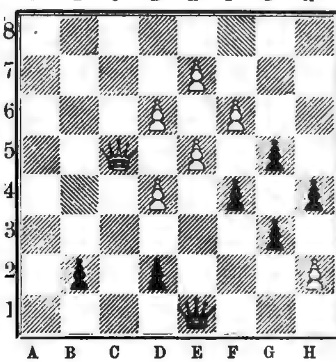
Матъ въ 3 хода.

Задача № 28.

(Шашечная).

Е. Ф. Андрезена.

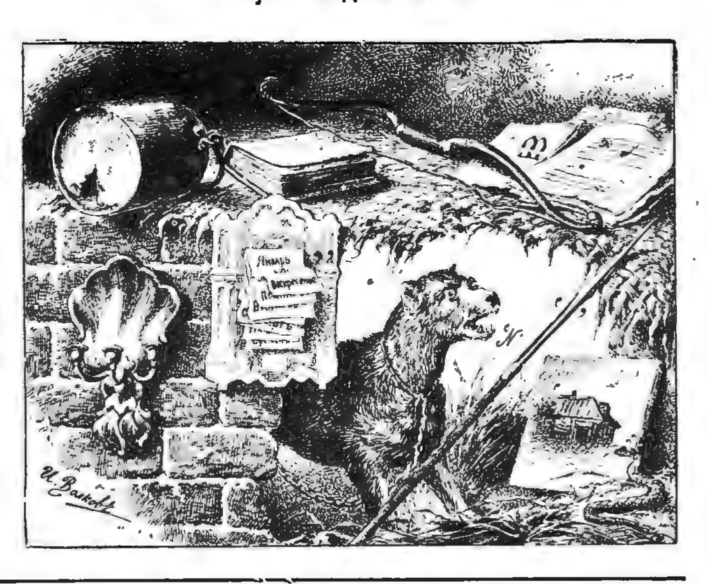
Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и 3 простыя.

Ребусъ. Задача № 29.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

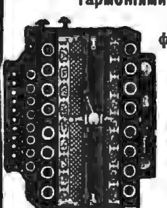
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ГАРМОНІИ

фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ

отличаются чистой, чрезвычайно прочной работой, изящной отдѣлкой и особенно полнымъ пріятнымъ тономъ, легко отвѣчающимъ при тихой и громкой игрѣ. Поэтому онѣ считаются **лучшими гармоніями въ мірѣ.**

Каждая гармонія фабрики І. Ф. Кальбе имѣетъ

такой фабричный знакъ.

Эти гармоніи продаются у меня по слѣдующимъ **дешевымъ цѣнамъ:**
Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 6, 6½, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 28 и 30 руб.
Трехрядныя: въ 60 руб.

Также у меня имѣются

ВѢНСКІЯ ГАРМОНІИ:

ДВУХРЯДНЫЯ: въ 22 руб.
ТРЕХРЯДНЫЯ: въ 30, 50 и 75 руб.
Самоучитель Соколова 1 руб.

Гармонія **„БАЯНЪ“**

имѣетъ 21 клавишъ, расположенныхъ въ два ряда. При сжиманіи и растягиваніи мѣха получаются одинаковые тоны. Тонъ звучный и пріятный. Цѣна 25 р. Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

главное дело музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Основной и запасные капиталы 16.500,000 рублей.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1892 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **24,795 лицъ на капиталъ въ 69.328,905 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1892 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. домъ, № 37)** и агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 5817 4—1

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (3)

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5808

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (7)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и антекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 мая 1892 г. **Руб. 2.456.539 66.**

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (11)

Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

РУКОВОДСТВО
къ изученію
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
дѣтскихъ, дамскихъ и верхнихъ платьевъ

А. А. БАЗАРОВОЙ.

Одобрено къ употребленію въ женск. учебн. заведеніяхъ Минист—ва Нар. Просвѣщенія и вѣдомствъ Императрицы Маріи и Духовнаго, а также рекомендуется СПБ. Ремесл. Управою лучшимъ учебникомъ для самост. изученія кройки и для преподаванія въ профессіон. женск. школахъ. Продается при школѣ кройки (Литейный пр., д. 45). Цѣна 3 р., а съ пересылкою 3 р. 50 к.

Занятія въ школѣ продолжаются цѣлый годъ. № 5823

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
ВЕЛОСИПЕДЫ
„ОРЕЛЪ“
Франкфуртъ-на-Майнѣ.
Ц. № 5728 СПЕЦІАЛЬНАЯ 12—9
ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—3

ПРИВИЛЕГІИ
ПОСТАВЩИКЪ ВЫС. ДВОРОВЪ
„ЕКСИККАТОРЪ“
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
АДР. РИТТЕРЪ ВАРШАВА
№ 5816 4—1

ЭФЕДРА

или № 5748

ТРАВА КУЗЬМИЧА.

СВѢЖАГО МАЙСКАГО СБОРА.

Единственный по своему достоинству отборный, ягодный хвойникъ Ephedra, сосновыхъ лѣсовъ, по 1 руб. за фунтъ безъ пересылки; высылаю и съ наложомъ платежа. Апт. и аптекар. магаз. скидка. Здѣсь же можно получать брошюры объ Эфедрѣ, ея свойствахъ и способѣ лѣченія (ревматизма и катарровъ пищеварительныхъ органовъ). Адр. Въ складъ хвойника Н. С. Шерстникова въ Бузулукѣ, Самарской губерніи.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО № 5800 (3)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами*. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

НЕ РЕКЛАМА,

а дѣйствительно оказавшіеся ничѣмъ не замѣнимые по прочности кальсоны изъ

ТВИСТЪ

1-й доброт. въ спеціал. маг. бѣлья

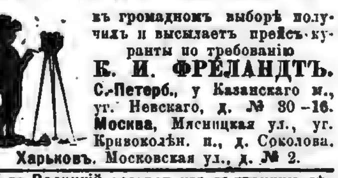
Ю. ГОТЛИБЪ,

С.-Петербургъ, по Владимірск., д. 2, уголъ Невск. пр. Цѣна 1 р. 75 к. за каждыя. Перес. за 3 штуки 1 р., по Азіатск. Россіи—1 р. 75 к. Менѣе 3-хъ не высыл. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. Предлагаемые кальсоны др. маг. дешевле, не есть Твистъ, а только желаніе поразить дешевизною, вводя покупателей въ заблужденіе. Р. № 5826

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!
КАУЧУКОВЫЙ
МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
А. БЕРГГОЛЬЦА.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и резиновыхъ магазинахъ.
Главное депо: **Невская аптека** магистра **А. Берггольца.** Невскій проспектъ 68, въ С.-Петербургѣ. № 5828
Цѣна коробки 40 коп.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

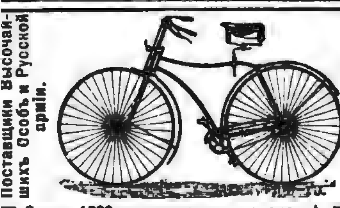
въ громадномъ выборѣ получилъ и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30—16.
Москва, Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова.
Харьковъ. Московская ул., д. № 2.

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, **грудныя** болѣзни и ракъ. Невск. 71 1, кв. 5 Отъ 1-3 и 6—7½ ч. в.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

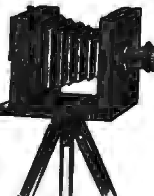
Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—6
Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ
для Г.г. любителей.

Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и дор.

Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ 15, 24 р. и дор.

Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К°

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, **Мойка № 42.**
Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно.
№ 5822 3—1

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 КОП
ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ И ПОДРАЖАНІЙ
ТРЕБУЙТЕ
НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО
ИМѢЮЩЕЕ НА ЯРЛЫКѢ КРАСНУЮ ПОДПИСЬ И УТВЕРЖДЕННУЮ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ МАРКУ ЗА №
3374.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ
П. № 5789 10—4

ВЫИГРЫШНЫЕ билеты и Дворянскіе листы (III выигрыши. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, 7—3 № 5806

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

59. Невскій, СПБ. и гг. агенты.

Дозвол. цензур., СПБ., 27 мая 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. № 23 — г. XXIII 1892

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 6–10 РИС. ВЪ КАЖД. и ЕЖЕМѢС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКР (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 80 к.

Выданъ 6 іюня 1892 г.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ІЮНЬ.** 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1892 г. съ 31 рис. и отд. лист. съ 27 черт. выкр. въ натур. велич. и 26 рис. выпильныхъ работъ.

Весенней порой. Съ карт. Добиньи въ Луврѣ, грав. Кортеръ.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

„L'absence est à l'amour—ce qu'est au feu le vent:
Il éteint le petit—et il allume le grand!" [1])

I.

„Въ зимній холодъ—всякій молодъ" гласитъ русская присказка. И точно, въ хорошій, ясный денекъ, при умѣренномъ морозцѣ, человѣку незанятому или же занятому лишь собственнымъ благополучіемъ, пріятно пройтись по Морской, гдѣ такъ и кипитъ, такъ и блещетъ веселая, красивая, молодая суета. Если гдѣ и промелькнетъ сѣдина, такъ и она красива на морозѣ, рядомъ съ заиндевѣлыми бобрами, съ соболемъ и чернобурой лисой, изъ-за которыхъ даже старческій румянецъ глядитъ бодро и колоритно. А ужъ на женскія молодыя лица любо-дорого смотрѣть въ такіе деньки, въ казовыхъ концахъ Петербурга, на янтарномъ-ли свѣтѣ солнца или при брильянтовомъ освѣщеніи электричества. Хорошенькія женщины, подрумяненныя морозцемъ—сто-на-сто выигрываютъ... И надо думать, что фактъ сей имъ искони извѣстенъ, потому что никогда здоровая молодость не бываетъ такъ весела и задорна, какъ въ морозные яркіе дни.

Лидія Львовна Завольская, двадцатилѣтняя брюнетка съ чуть замѣтнымъ пушкомъ на вздернутой губкѣ и съ черной мушкой-родинкой на румянцѣ лѣвой щеки, это прекрасно узнала въ первую же зиму своего пребыванія въ столицѣ. Ранѣе она не имѣла возможности въ томъ убѣдиться, потому что жила съ дѣтства въ теплыхъ краяхъ, зимуя постоянно въ Крыму, въ помѣстьи бабушки своей, Глафиры Юрьевны Осокиной. Бабушка умерла ровно годъ тому назадъ, немножко не дождавшись совершеннолѣтія единственной своей внучки и наслѣдницы... „Дилинька" ее горько оплакала,—бабушка была добрая, хотя немножко скучная, но не очень строгая. Къ тому же, Лидія Львовна больше въ Россіи и родства не имѣла, такъ что почувствовала себя, въ первые дни, страшно безпомощною и одинокою. Впрочемъ, долго горевать она не умѣла. Ее не даромъ съ малыхъ лѣтъ бабушка прозвала „безпечальною сорви-головой", а многіе даже считали безсердечною вѣтреницей и отчаянною эгоисткой.

Правда-ли то была—выяснитъ, быть-можетъ, будущее, но факты теперь въ ея пользу не говорили. Не успѣла Лидія Львовна доносить траура по нѣжно любившей ее престарѣлой бабушкѣ, какъ ужъ совсѣмъ повеселѣла, и мысли, уносившія ее въ будущее, все чаще и чаще досадливо заканчивались восклицаніемъ:

— Ахъ, какъ надоѣлъ трауръ! Хоть бы скорѣй годъ кончился!

Это было большимъ съ ея стороны беззаконіемъ и къ тому-жъ „крайне неприлично",—по мнѣнію дальнихъ родственниковъ, у которыхъ она въ Петербургѣ поселилась; но въ этомъ прегрѣшеніи ея больше всего были виноваты стоявшіе яркіе, морозные дни и — Морская.

Да! Ужъ эта Морская!.. Старая она, нераскаянная, подрумяненная грѣшница!.. Многихъ бѣдъ она арена! Какъ же тутъ не пожелать скорѣе позабыть покойную бабушку, когда кругомъ то и дѣло раздаются вопросы: „Были вы вчера на балѣ княгини Роксанской?.. Ѣдете на благотворительный маскарадъ?.. Отчего вы не бываете по вторникамъ у Ардолиныхъ?.. У нихъ превесело!.. О васъ спрашивали... Léon Ардолинъ, драгунъ, и баронъ Нордштетъ находятъ, что вы самая хорошенькая дѣвушка въ Петербургѣ... On vous trouve excéssivement piquante... "[2])

Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну и прекрасно! Хоть и не знала она, кто собственно такой баронъ Нордштетъ, но догадывалась, что множество незнакомыхъ людей, кромѣ его и хорошо ей знакомаго кавалериста Ардолина, находятъ ее красивою, и даже самой красивою дѣвушкой въ Петербургѣ. Она не бываетъ на балахъ, она не смѣетъ еще выѣзжать, но она прекрасно это знаетъ, потому что каждый день гуляетъ по Морской. А ей ужъ вѣдомо было, что Морская вѣрное зеркало общественнаго мнѣнія о хорошенькихъ женскихъ лицахъ. Тамъ и говорить ничего никому не надо: взгляды краснорѣчивѣй языковъ.

И такъ, Морская давно ужъ выболтала Лидіи Завольской мнѣніе о ней элегантныхъ петербуржцевъ, когда памяти доброй бабушки истекли наконецъ законные двѣнадцать мѣсяцевъ. По ней отслужили торжественную панихиду и вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ, многіе цѣнители красоты были пріятно поражены появленіемъ Лидіи Завольской на прогулкѣ въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ.

Почтенный сановникъ, старый знакомый ея семьи, генералъ Ардолинъ, встрѣтивъ ее на Морской, привѣтствовалъ ее веселымъ восклицаніемъ:

— А! наконецъ-то!.. Ну, теперь къ намъ милости просимъ во вторникъ! Мои будутъ рады!.. Левушка на радостяхъ такой задастъ monstre, что къ пяти часамъ утра васъ не выпуститъ.

— Merci!.. Только ужъ позвольте Льву Александровичу самому себѣ дамъ избирать! смѣясь отозвалась Лидія.

И продолжала свой путь, весело все и всѣхъ оглядывая.

— Рельзенъ! Замѣтили?.. Черненькая мушка-то наша ужъ въ сѣраго мотылька обратилась... Вскорѣ, значитъ, встрѣчаться будемъ ужъ не на улицахъ только... Можно будетъ и познакомиться! говорили на другой сторонѣ двое студентовъ, за однимъ изъ которыхъ ѣхала пролетка самаго послѣдняго фасона.

— А Богъ съ ней!.. Можетъ она издали лучше... Я иду устрицы ѣсть. Хотите со мной? съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ тотъ, котораго товарищъ называлъ Рельзеномъ, до лоска откормленный и до приторности элегантный юноша.

Въ то же время двое военныхъ, съ третьимъ высокимъ господиномъ въ цилиндрѣ и бобрахъ, ужъ совсѣмъ было переступившіе порогъ Кюба, увидавъ издали Завольскую, остановились.

— Pardieu! C'est elle!.. [1]) Вотъ та̀ хорошенькая смугляночка.

— Mais non! Mais non! протестовалъ другой, спѣшно вскидѣвая pince-nez.—Mais oui! [2]) заключилъ онъ другимъ тономъ и пріятно осклабился. — Не въ траурѣ?.. Тѣмъ лучше!

— Луневъ!.. Графъ!.. Петръ Владиміровичъ! позвалъ первый входившаго въ ресторанъ высокаго статскаго.

— Ну?.. Что такое? полуобернулся тотъ.

— Идите сюда!.. Вотъ та, о которой я говорилъ... Взгляните какая прелесть!

— Ну, Богъ съ вами, Лассунскій!.. стану я...

И высокій господинъ, снисходительно улыбаясь, вошелъ въ ресторанъ не оглядываясь.

Но военные друзья его дождались, что Лидія Львовна прошла мимо нихъ, провожая ее краснорѣчивыми взглядами. Она, разумѣется, на нихъ не глядѣла; но, безъ сомнѣнія, превосходно видѣла всѣ ихъ взгляды, улыбки и жесты. Она не отошла и сажени, какъ услышала выразительный шопотъ:

— Tout à fait charmante! [3])

---

[1]) Разлука для любви то же что вѣтеръ для огня: онъ гаситъ слабое пламя и раздуваетъ большое.

[2]) Васъ находятъ чрезвычайно пикантною.

[1]) Ба! Это она!

[2]) Да нѣтъ-же, нѣтъ! Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ!

[3]) Очаровательна!

— Ravissante!.. Une beauté orientale!.. Il n'y a que le soleil du midi... [1])

Далѣе, къ великой досадѣ своей, Лидія не слышала: офицеры исчезли за дверью, разговаривая о ней и споря.

— Laissez donc! Какая-жь она восточная красавица?.. Я терпѣть не могу этихъ одалисокъ съ затуманенными глазами!.. Эта—вся огонь! Вся—жизнь!.. Я увѣренъ, что каждое словцо ея—искра!..

— Да, да!.. Я вѣдь тоже хотѣлъ сказать!.. Ну, Луневъ, милый другъ, ты много потерялъ!.. Не понимаю тебя! Такой артистъ, такой поклонникъ всего прекраснаго..

— Исключая уличныхъ встрѣчъ и уличныхъ bonnes fortunes, улыбаясь перебилъ ихъ графъ Луневъ-Запястьевъ, давая имъ мѣсто у занятаго имъ стола.— Стыдно, господа!.. Я думалъ, не видавъ васъ три года, что дурныя привычки юности вами брошены, а вы, я вижу, по-старому?.. Нордштетъ, а?.. Сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребрѣ попрежнему?

Онъ добродушно смѣялся.

— Хуже прежняго, графъ! подстрекнулъ Лассунскій.—Нынче его нельзя оставлять безъ надзора: такъ и таетъ! Совсѣмъ бы разорился, если-бъ не спасительный дядюшкинъ майоратъ!

Небольшаго роста, плотный, сильно окрашеный и подъ-сорокъ лѣтъ, еще красивый, несмотря на серебро въ курчавыхъ черныхъ волосахъ, баронъ Нордштетъ хладнокровно просматривалъ карточку, улыбаясь и покручивая вьющіеся усы.

— On fait la sourde oreille? [2]) подмигнулъ на него Луневъ.

— Да развѣ-жь можно слушать то, что̀ разсказываетъ Лассунскій? отозвался Нордштетъ, передавая Луневу карточку. — Особенно передъ завтракомъ! On risquerait de gagner une indigestion... [3]) Его рѣчи переноситъ только полный желудокъ.

— Ну, я вижу, господа, что пока я весь свѣтъ объѣхалъ, у васъ тутъ все остановилось на точкѣ замерзанія! смѣялся Луневъ.—Бабушка моя, Елена Аркадьевна де-Прево попрежнему всѣхъ женитъ и замужъ выдаетъ; внучки ея — Шесневъ попрежнему въ цыганскихъ хорахъ преуспѣваетъ; Ардолинъ, какъ и прежде, скачетъ, да влюбляется—и то и дѣло, вмѣсто приза, себѣ спину ломаетъ; а вы, милѣйшіе друзья и товарищи моей юности, по старому ссоритесь и другъ безъ друга жить не можете!.. Да здравствуетъ старина!

— Но не старухи! замѣтилъ Лассунскій. — Представьте себѣ, голубчики, что приходится мнѣ опять разоряться: адмиральша покою не даетъ! Сватаетъ меня заглазно и никакъ отъ нея не отдѣлаться!..

— Бабушка?.. Ну, вотъ, я-жь говорю! хохоталъ Луневъ.

— Теперь выкопала какую-то сироту, пріѣзжую; недавно, говоритъ, познакомилась... Расписываетъ: красавица! Богата! Умна!

— Ну, послѣднее совершенство можно ей и подарить! перебилъ, разрѣзая котлетку, Нордштетъ.—Les femmes d'ésprit sont charmantes, quand elles ne sont pas nos femmes!.. [4])

— То-то ты и остался холостякомъ, что всегда предпочиталъ умныхъ дурамъ! вскользь замѣтилъ Луневъ.

— И одно средство откупиться отъ ея заботъ, продолжалъ Лассунскій,—преподнести кругленькую сумму за билетъ на благотворительный балъ ея дочери, княгини Роксанской. Я ужь знаю!

— А княгиня ужь продаетъ билеты? спросилъ баронъ.

— Продаетъ, продаетъ! смѣялся графъ Луневъ.— Вчера меня о васъ спрашивала!.. Нечего, нечего морщиться—не отдѣлаетесь!

— Да что! Вамъ легко отдѣлаться сотней-другой! Васъ ея maman женить не собралась! жаловался Лассунскій.—А мнѣ-то каково?..

— Такъ женись!.. Можетъ выгоднѣй будетъ, посовѣтовалъ Нордштетъ.

— Пойдемъ обѣдать къ grand'maman... Или вечеромъ завтра, Лассунскій!.. Право!.. У нея, кстати, завтра гости, — ея день, кажется... По крайней мѣрѣ мнѣ она приказала быть у нея безъ отговорокъ!.. Пожалуй и намѣченная ею для васъ невѣста будетъ. А?..

— Навѣрное! рѣшилъ Нордштетъ.—Если-бъ только не билеты твоей кузины, Петръ Владимірычъ, я-бы самъ къ ней Лассунскаго доставилъ. Рискнуть развѣ?.. Можетъ княгиня не будетъ у матери?.. Вотъ бы потѣха адмиральшѣ въ тенета Михаила Алексѣича предоставить!

— Нѣтъ, спасибо, голубчикъ! Ты ужь себя самого представь ей кандидатомъ въ жертвы Гименея, а меня уволь. Не всякій годится въ блаженной памяти M-r de Coquardo...

Едва это слово сорвалось съ языка Лассунскаго, онъ до того растерялся, что готовъ былъ проглотить этотъ нескромный языкъ... Со всѣми тремя пріятелями случилось нѣчто странное. Лассунскій словно подавился и сразу умолкъ, усиленно накинувшись на сыръ, точно это былъ кусокъ мрамора, на который надо было приложить геркулесовскую силу. Нордштетъ едва не поперхнулся глоткомъ вина, вскинувъ отчаянно взбудораженный взглядъ на своего болтливаго друга. Только графъ Луневъ-Запястьевъ не проявилъ особаго волненія. Онъ продолжалъ спокойно срѣзать сочно зажаренное мясо со своего entrecôte aux truffes sautées au madère, не подымая съ тарелки глазъ. Но каждому наблюдателю не трудно было бы замѣтить, какъ болѣзненно дрогнули его брови и какъ внезапная блѣдность разлилась по лицу его.

Секунду баронъ такъ свирѣпо смотрѣлъ на своего растерявшагося до жалости молодаго пріятеля, словно готовъ былъ проглотить его. Но тотчасъ же сообразивъ, что слова не вернешь, а можно засыпать его цѣлымъ ворохомъ другихъ словъ, заговорилъ съ необычайнымъ оживленіемъ, самъ не зная что̀ именно отъ полноты сердца глаголятъ уста его. Болтовню его никто не слушалъ, но она имѣла ожидаемые барономъ благіе результаты: оба его товарища успѣли оправиться и собраться съ мыслями.

Завтракъ повидимому прошелъ оживленно, хотя закончился нѣсколько ранѣе, чѣмъ вначалѣ было предположено.

Случай иногда любитъ подшучивать. Едва они втроемъ подошли къ выходнымъ дверямъ, по ту сторону Морской показалась снова Лидія Львовна со своей спутницей-компаньонкой, Антуанетой Карловной.

— Вотъ-вотъ она, опять! невольно, забывъ непріятный эпизодъ, подтолкнулъ Лассунскій графа.

Луневъ недоумѣло поднялъ глаза.

— Гдѣ?.. Кто?..

— А эта хорошенькая дѣвушка, въ траурѣ... То есть, теперь она уже въ свѣтломъ! объяснялъ Лассунскій, опомнившись, а потому снова чувствуя нѣкоторую неловкость.

— А-а! равнодушно посмотрѣлъ графъ.—Да, дѣйствительно, очень хорошенькая.

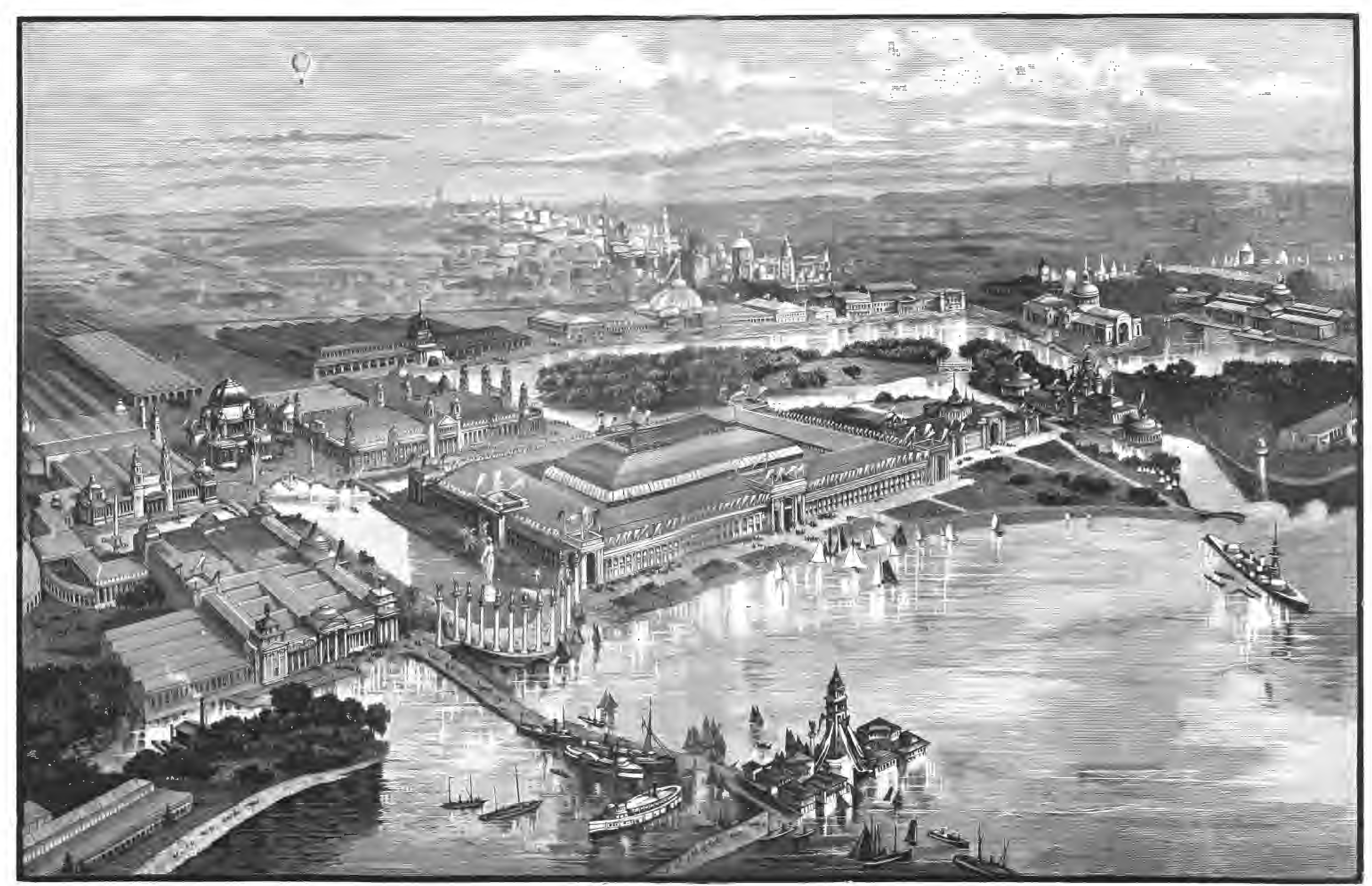
— Чрезвычайно! увѣренно подтвердилъ Нордштетъ, невольно расцвѣтая въ улыбку, пока глаза его слѣдили за исчезавшею въ толпѣ стройною таліей дѣвушки, съ туго-закрученымъ жгутомъ черныхъ волосъ на затылкѣ.

II.

У вдовы генерала де-Прево „собирались" по четвергамъ. Она любила говорить, что навѣщаютъ ее „только

---

[1]) Восхитительна! Восточный типъ красоты... Только солнце Юга...
[2]) Ты будто не слышишь?
[3]) Того и гляди схватишь разстройство пищеваренія.
[4]) Умныя женщины очаровательны, только въ жены не годятся. Ни за что бы не женился на умной женщинѣ!

Всемірная выставка въ честь Колумба въ Чикаго, въ 1893 г. Зданія съ высоты птичьяго полета. Грав. М. Рашевскій.

свои",—„кому дѣло до отжившей старухи, кромѣ близкихъ, добрыхъ родныхъ?" Но такъ какъ она имѣла шестерыхъ дѣтей, да столько же и болѣе воспитывала „сиротъ"; да кромѣ того отъ родныхъ братьевъ и сестеръ считала десятка три племянниковъ; да еще столько же къ нимъ присчитывала мужниной родни, то ужь внуковъ, понятно, считала чуть не сотнями,—горестно заявляя, что всѣ ее забыли, никого у нея нѣтъ,—когда въ ея парадныхъ покояхъ гости двигались нѣсколько свободнѣй, чѣмъ въ Казанскомъ соборѣ, подъ двунадесятый праздникъ.

Вслѣдствіе такого избытка родственныхъ чувствъ, на пріемахъ Елены Аркадьевны атмосфера была удручающая и кромѣ того „скука смертная. Ну просто одно Божеское наказаніе!" по заключенію не только молодыхъ, но и большинства пожилыхъ ея „родственниковъ".

Не игравшіе въ карты гости занимались чѣмъ приходилось. Танцевъ у адмиральши не бывало, у нея „отъ этой музыки, верченья, мельканья и шума" голова болѣла. А между тѣмъ она любила молодежь, требовала чтобы къ ней возили правнучекъ и чтобъ ее посещали правнуки, съ шестнадцати-лѣтняго возраста начиная... И они съѣзжались!.. Съѣзжались не столько по влеченью собственному, какъ по настоянію старшихъ которые предусмотрительно заботились о будущемъ „Будущностей" адмиральша де-Прево въ свою жизнь устроила несмѣтное множество и надо ей отдать справедливость не „кое-какъ и лишь бы", а умѣло и прочно, стоя за своихъ горой и каменною скалой ограждая ихъ въ бѣдахъ. Елена Аркадьевна—великая сила, гремѣвшая не одною красотой въ первой половинѣ нашего столѣтія, являла собой осколокъ добрыхъ, старыхъ временъ, когда еще женщины типа M-me de Maintenon не стали окончательнымъ анахронизмомъ, какъ нынѣ. Полувѣковое блистательное вращеніе въ высшихъ планетарныхъ сферахъ ставило ее въ исключительныя отношенія. На всѣхъ почти великихъ міра въ Россіи она имѣла право смотрѣть сверху внизъ. На однихъ—какъ на молокососовъ, которыхъ когда-то за уши драла; на другихъ—какъ „на своихъ", которымъ сама помогла въ люди выйти; на третьихъ и того хуже. Многія нынѣшнія власти и силы внушали Еленѣ Аркадьевнѣ иронически-презрительное чувство, которымъ она не затруднялась дѣлиться съ близкими. Три адмиральшины дочери сами по себѣ играли видныя роли въ свѣтѣ и много помогали матери своими связями; въ особенности одна, нѣсколько окольными дорогами, но очень высоко взлетѣвшая.

Четверговыя „собранія нечестивыхъ", какъ прозвали онѣ вечера своей матери, онѣ посѣщали рѣдко; въ особенности послѣдняя, утверждавшая, что двухдневная мигрень—ея постоянная расплата за такое посѣщеніе. Но въ тотъ именно вечеръ, о которомъ ея племянникъ, графъ Луневъ-Запястьевъ, говорилъ пріятелямъ, одна изъ дочерей адмиральши, княгиня Роксанская, была налицо.

Она стояла возлѣ матери, разсѣянно слушая „une boutade de maman" [1]) на новые порядки и новыхъ людей, а сама зорко высматривала, кому изъ гостей ея можно повыгоднѣй продать билеты ея благотворительнаго бала.

— Что-жь! Autres temps—autres moeurs! [2]) пожимая плечами говорила адмиральша.—Въ мое время его и на порогъ министерства бы не пустили, но если онъ такъ уменъ, что можетъ спасти отечество,—пусть правитъ! Пусть спасаетъ!.. Онъ можетъ-быть нынче Талейраномъ или Бисмаркомъ сталъ?.. Я не знаю!.. Съ тѣхъ поръ, что его, покойный отецъ твой, Софи, писаремъ опредѣлилъ къ братцу Владиміръ Петровичу, я его не видывала...

[1]) Мамино ворчанье.
[2]) Иныя времена - иные нравы.

— Къ Владиміру Петровичу?.. Къ графу Луневу? переспросила Софья Михайловна Роксанская. — Такъ можетъ-быть его Петръ Владиміровичъ, по воспоминаніямъ дѣтства, лучше знаетъ?.. Le voilà justement! [1])

Княгиня издали обратилась въ одинъ привѣтъ и улыбку по направленію къ подходившему поклониться хозяйкѣ Луневу-Запястьеву.

— Ça se trouve! [2]) протянула она ему руку, когда онъ разогнулся, почтительно приложившись къ рукѣ адмиральши.—Мы именно о васъ говорили...

— Quand on parle du loup... [3]) добродушно улыбаясь началъ былъ Луневъ.

Но Роксанская его перебила:

— Allons donc! Pourquoi pas du soleil?.. [4]) Серьезно, я нахожу, что экваторіальные климаты пошли вамъ въ пользу: вы удивительно похорошѣли!

— Vous me comblez! [5]) низко склонился передъ нею Луневъ.

— Не вѣрь, Петруша! Не вѣрь! смѣясь заявила Елена Аркадьевна.—Вѣдь у нея все ея балъ на умѣ!.. Это она тебя задабриваетъ, о своихъ билетахъ помышляя.

— Maman, это коварно!.. Quoique ça aille sans dire! [6]) тутъ же засмѣялась княгиня. — Сколько вы возьмете, cousin Pierre? Предупреждаю: цѣны сильно поднялись, car nous aurons des beautés de premier ordre. [7])

— Кромѣ васъ, княгиня?!

— Браво, Петруша!.. Ты я вижу съ австралійскими дикарями цивилизаціи не утратилъ! похвалила адмиральша...

— Что—я!.. У насъ будутъ первоклассныя красавицы! снисходительно улыбнулась Роксанская.—Въ самомъ дѣлѣ, maman, вы знаете, что сама герцогиня взяла у меня десять билетовъ!.. А Зина тоже обѣщала привезти свою гостью, la duchesse Irène... Испанская красота, mon cher comte! High attraction of the season! [8]) Прошу принять во вниманіе...

— Что твоя испанская красавица! Ничего она не стòитъ передъ моей Lidie Завольской! прервала адмиральша.

— Да-да! Эта новенькая звѣздочка тоже у насъ будетъ! Я было и забыла... Maman гдѣ-то выкопала дочь или внучку своей старой пріятельницы... Une jeune héritière... un peu sauvage, mais fort jolie! [9])

— Да-а! одобрительно протянула Елена Аркадьевна, обращаясь, къ сидѣвшей возлѣ, важной старушкѣ.—Вы не видали еще Лидіи Завольской? Внучки нашей милой Глаши Осокиной, помните?.. Умерла, милый другъ, царство ей небесное... Но я какъ увидала дочку ея покойной Eugénie, что за Léon Завольскаго вышла, помните,—сейчасъ ее признала!.. Помилуйте, вылитая моя Глашенька Осокина... Вся въ бабушку красотой: а вы вѣдь помните—какая звѣзда покойная Глафира Юрьевна была!..

Старушка согласилась, что помнитъ.

— Ну, слышите cousin, каковы фонды нашего благотворительнаго бала?.. Сколько билетовъ возьмете? подъ шумокъ спрашивала Роксанская.

— Сколько прикажете, княгиня.

— Десять—возьмете?.. Вѣдь вы раздадите.

— Не ручаюсь за раздачу, но взять готовъ!

— Bon enfant! [10]) похвалила княгиня и, глядя вдаль на двери, прибавила:—А я васъ за то сейчасъ съ M-elle Завольской познакомлю... Вотъ она идетъ съ M-me Бер-

[1]) Да вотъ и онъ!
[2]) Вотъ кстати.
[3]) Когда говорятъ о волкѣ...
[4]) Полно-те! Отчего же не о солнцѣ?
[5]) Вы слишкомъ милостивы!
[6]) Хотя это само собой разумѣется.
[7]) Вѣдь у насъ будутъ первостепенныя красавицы.
[8]) Главная приманка за весь сезонъ.
[9]) Юная наслѣдница, немножко дикарка, но прехорошенькая.
[10]) Славный малый!

гардтъ, въ бѣломъ... Она въ самомъ дѣлѣ замѣчательно мила!.. Maman, вотъ ваша красавица!

— А-а! Добро пожаловать!.. Вотъ умница, что пріѣхала, не побоялась поскучать со старухой! вся расцвѣла привѣтливостью адмиральша, взявъ подошедшую Лидію Львовну за обѣ руки, цѣлуя ее въ лобъ и здороваясь съ ея пожилою родственницей.—Здравствуй, здравствуй, моя красавица!.. Лидія Львовна Завольская! представила она важной старушкѣ.—А съ дочкой моей ты знакома... А это вотъ — племянникъ, графъ Луневъ-Запястьевъ...

— Мы знакомы, maman, какъ же! поспѣшила Роксанская на выручку Лидіи, которая кланялась, здоровалась, улыбалась и смотрѣла слегка озадаченною.

Ее очень удивило и немножко насмѣшило заявленіе адмиральши, что она похожа на свою бабушку. Она, разумѣется, сдерживала смѣхъ, невольно подымавшійся въ груди, но улыбки и веселаго блеска глазъ сдержать не могла.

„Гдѣ я ее видѣлъ?“ думалъ, кланяясь, графъ.

И вдругъ вспомнилъ Морскую и своихъ пріятелей—Лассунскаго и Нордштета.

„Ахъ, бѣдняги! Вотъ пожалѣютъ, что пренебрегли бабушкинымъ вечеромъ! подумалъ онъ, внутренно потѣшаясь.—Ну, посмѣюсь же я надъ ними... А дѣвочка эта чудо какъ хороша, безспорно!“

Въ эту минуту изъ смежной комнаты раздался голосъ. Баритонъ, не очень звучный и не свѣжій, но очень умѣлый, запѣлъ одну изъ самыхъ безсмысленныхъ, ходячихъ цыганскихъ пѣсенъ.

— Кто это?.. Митя? спросила Роксанская.

— Да! кисло поморщившись отвѣчала адмиральша.—Не люблю я нынѣшнихъ этихъ пѣсенъ цыганскихъ, обратилась она къ пожилымъ гостямъ своимъ. — Совсѣмъ цыгане нынче не поютъ, а какую-то чушь лаютъ.

Лидія звонко засмѣялась. Не могла она долѣе выдержать смѣшливаго настроенія, и хотя тутъ же вспомнила, что смѣхъ ея навѣрное кого-нибудь, а можетъ-быть и всѣхъ скандализируетъ, но это сознаніе ее не заставило сдержаться. Глаза ея встрѣтились съ взглядомъ графа Лунева, и она поняла, что онъ понимаетъ ея смѣхъ и какъ ей трудно съ нимъ справиться.

„Слава Богу, хоть одинъ человѣкъ живой!“, мелькнула ей мысль.

— Вы вѣрно еще незнакомы съ цыганскимъ пѣніемъ? спросилъ Луневъ, чтобы начать разговоръ.

— А я не знала, что у васъ Дмитрій, maman! говорила между тѣмъ Роксанская, соображая про себя, что хотя племянникъ ея, Дмитрій Андреевичъ Шесневъ, самъ ея благотворительнымъ операціямъ не поддержка, но все же можетъ раздать хоть нѣсколько билетовъ между своими товарищами-моряками.

Она обернулась къ Завольской все еще стоявшей возлѣ, въ бесѣдѣ съ Луневымъ, и сказала:

— Хотите пойдемъ послушать цыганское пѣніе моего племянника? Онъ поетъ недурно... Вы, вѣроятно, мало слышали настоящихъ цыганъ?

— Совсѣмъ не слыхала! отвѣтила Лидія, идя съ ней и съ Луневымъ-Запястьевымъ въ залу, откуда слышалось пѣніе.—Но, вотъ именно, я сейчасъ говорила графу, что оно вѣроятно бы мнѣ очень понравилось.

— Вы думаете?.. Мой племянникъ будетъ въ восторгѣ! Для него жизнь только и красна цыганскимъ пѣніемъ, засмѣялась Роксанская. — N'est-ce pas, cousin Pierre? [1])

— Да, безъ сомнѣнія... Онъ сейчасъ постарается залучить M-elle Завольскую въ свой хоръ.

— Въ свой хоръ? удивилась Лидія, вопросительно взглянувъ на Лунева.

„Какіе у нея глаза! Необыкновенные!“ подумалъ графъ ей отвѣчая:

— О, да! Въ свой любительскій хоръ, гдѣ онъ и главный пѣвецъ, и общій учитель, и чуть-ли не присяжный цыганскій поэтъ!

— Oh, faites lui grâce! [1]) засмѣялась княгиня.

Они подходили къ роялю, за которымъ морякъ, самъ себѣ аккомпанируя, ухарски упрашивалъ присутствовавшихъ дать ему „ножикъ или вилку“, чтобъ „зарѣзать свою милку...“

III.

Шесневъ издали увидѣлъ хорошенькую дѣвушку, входившую съ его теткой, въ которую, къ слову сказать, онъ, будучи отрокомъ, влюбленъ былъ по уши, „до луны и мадригаловъ включительно“, какъ самъ онъ заявлялъ всему міру впослѣдствіи. Увидавъ ихъ, онъ насторожился и понявъ, по улыбкѣ Роксанской, что онѣ подходятъ не даромъ, поспѣшилъ шумно закончить пѣніе и всталъ, раскланиваясь.

Его представили, и онъ тотчасъ овладѣлъ Лидіей Львовной, придя въ восторгъ, какъ и предсказывала княгиня, отъ того что ей нравились цыганскіе романсы вообще, и отъ ея признанія, что хотя сама училась пѣть въ Италіи, однако не особенно любитъ серьезное, классическое пѣніе.

— О! Если вы учились и хорошо поете, не п голоса цыганскимъ крикомъ, mon enfant! посовѣто Софья Михайловна.

Но тотчасъ же умолкла, испугавшись, что вс себѣ испортитъ въ морскомъ вѣдомствѣ касате о бала, если разсердитъ Дмитрія Андреевича. Тотъ дѣйствительно набросился на нее съ негодованіемъ; но въ лицѣ Лунева встрѣтилъ оппонента гораздо болѣе стойкаго, чѣмъ княгиня.

— О, право мое пѣніе не стоитъ, чтобъ изъ-за него ломать копья! смѣясь останавливала ихъ Лидія.—Услышавъ его, вы еще и сами не захотите меня въ свой хоръ...

— Ну, что до этого касается, позвольте не повѣрить! протестовалъ Шесневъ.

— Скажите наоборотъ, M-lle Zavolsky, и я вполнѣ одобрю ваше намѣреніе! замѣтилъ графъ.

— Какъ это — наоборотъ?

— Да такъ, что вы, услышавъ хоръ Дмитрія Андреевича, сами не захотите участвовать въ такомъ искаженіи лучшаго дара даннаго человѣчеству.

— О, полноте! разсмѣялась мягко Лидія, въ то время какъ морякъ горячо набросился на своего родственника, называя его и варваромъ, и разслабленнымъ идеалистомъ, и всякими болѣе или менѣе оскорбительными терминами.

Но Луневъ не оскорблялся, даже не слушалъ, подъ шумокъ его горячихъ нападокъ вслушиваясь въ слова и голосъ Лидіи и ей одной отвѣчая.

— Я съ вами, право, не могу согласиться, графъ, говорила она. — Я не такая глубокая музыкантша, какъ вы думаете, а жизнь и силу я люблю въ пѣніи!.. По моему все дѣло не въ словахъ, а въ выраженіи, въ увлеченіи!

— Вотъ! вотъ! вотъ! поддакивалъ радостно морякъ.— О! я вижу, вы будете у насъ первостатейная пѣвица.

— Какое же увлеченіе въ такихъ неувлекательныхъ мотивахъ и риѳмахъ?

И Луневъ залпомъ проговорилъ, выразительнымъ речитативомъ, нѣсколько самыхъ нелѣпыхъ куплетовъ цыганскихъ романсовъ, новѣйшаго изобрѣтенія.

Вокругъ всѣ смѣялись, кромѣ моряка.

— Да такимъ образомъ все можно исказить! Все осмѣять! горячился Шесневъ. — Мало ли найдется смѣшныхъ нелѣпостей въ либретто оперъ?

— Вы пристрастны, графъ: берете на выдержку худшее! къ величайшему удовольствію Шеснева поддержала его Лидія. — Вы только что сами сказали, что

[1]) Не правда-ли?

[1]) Пощадите его!

русское пѣніе любите, что оно лучше цыганскаго, а гдѣ же болѣе смѣшныхъ припѣвовъ, какъ не въ чисто-русскихъ пѣсняхъ?.. Я даже должна сознаться, что ужасно люблю такіе удалые припѣвы, какъ „Ой жги-жги! говори! Рукавички барановыя!"

— Вы любите удаль, отвагу, жизнь?.. Я былъ увѣренъ!.. восторгался морякъ. — Вы рождены для цыганскаго пѣнія. У васъ и типъ красоты цыганскій!.. У! какая бы вы были солистка, прима-донна!

— Не увлекайся, мой милый! шутливо замѣтила Роксанская, ударивъ его вѣеромъ по рукаву.

Но остановить увлеченіе Дмитрія Шеснева, когда онъ говорилъ о цыганскомъ пѣніи, было почти такъ же трудно, какъ остановить локомотивъ на полномъ ходу безъ тормаза.

Онъ окончательно овладѣлъ разговоромъ, пустившись сначала въ описаніе увлекательныхъ особенностей цыганскаго пѣнія вообще, потомъ въ похвалы своему, любительскому хору въ частности, жалуясь, что профаны не умѣютъ оцѣнить его красотъ; отсюда легко перешелъ на юмористическое описаніе общественной несостоятельности, на сатиру Петербурга и петербуржцевъ... Это была его излюбленная тема, конекъ, который онъ пускалъ въ ходъ на первыя знакомства, вполнѣ увѣренный, что произведетъ впечатлѣніе. У него была извѣстная доза острословія, которую многіе считали большимъ умомъ; но ея рѣдко хватало болѣе, чѣмъ на одинъ вечеръ. Затѣмъ Шесневъ начиналъ повторяться.

Злоязычные пріятели говорили, что онъ именно потому и любитъ цыганскія пѣсни, что въ нихъ ему всегда кричали „bis" — и повтореніе являлось заслугой.

Когда, среди его болтовни, Лидія Львовна оглянулась, ища глазами графа Лунева, его ужь не оказалось среди окружавшихъ ихъ, охотниковъ до „забавныхъ рѣчей этого милѣйшаго Шеснева"...

Позже онъ промелькнулъ ей издали, въ бесѣдѣ съ какимъ-то пожилымъ человѣкомъ. Она посмотрѣла на него, думая, что у него очень симпатичная наружность; славный взглядъ, глубокій и ласковый... Въ ту же минуту и Луневъ поглядѣлъ на нее и тотчасъ же отвелъ глаза. Ей даже показалось, что движеніе его было машинально, что онъ совсѣмъ и не замѣтилъ ея взгляда, но между тѣмъ у нея, безъ всякой видимой причины, екнуло сердце и румяныя щеки вспыхнули еще горячѣй... Она открыла вѣеръ.

— Вамъ жарко?.. спросилъ Шесневъ. — Да что и спрашивать! Температура бабушкинаго сердца и бабушкиныхъ печей состязаются въ излишнемъ жарѣ!

— Здѣсь жарко, согласилась Лидія.

Она оглянулась и засмѣялась, замѣтивъ его вопросительный взглядъ.

— По насчетъ сердечнаго жара вашей бабушки я вамъ не позволю смѣяться, быстро проговорила она, чтобъ скрыть смущеніе.

— Позвольте! Зачѣмъ же сами вы смѣетесь?

— О! Я насчетъ совсѣмъ другаго... Такъ, мысль вздорная промелькнула... Что же касается Елены Аркадьевны, она меня трогаетъ доброй памятью о моихъ родныхъ. А ко мнѣ она такъ ласкова, что ужь я не знаю, какъ и благодарить ее!

— Ну еще бы! Этому я не дивлюсь. Ужь съ вами-то никто конкурировать не посмѣетъ... Я, съ своей стороны, хоть ей наироднѣйшій внукъ, но и не подумаю жаловаться если она васъ помѣститъ въ графѣ перваго разряда, перваго отдѣленія своихъ интимныхъ привязанностей... Вы еще не знаете, куда причислены?

— Какъ — куда причислена?

— Да по отдѣламъ регистровыхъ списковъ бабушкинаго сердца.

— Полноте!.. Не стыдно ли вамъ смѣяться!

— Ахъ, Боже мой! Все вы меня корите за собственные проступки, Лидія Львовна!.. Вы — смѣетесь! а я и не думаю... Вѣдь вотъ, вы еще вѣрно не знаете, что у бабушки цѣлая сердечная канцелярія, гдѣ бухгалтерія очень правильно ведется?.. Серьозно!.. Старшій секретарь у нея бывшая ея крѣпостная горничная, нынѣ экономка, въ чинѣ барской барыни, Мавра Кузьминична... Человѣкъ замѣтный!.. Вы съ ней навѣрное познакомитесь. А бухгалтеръ Калерія Семеновна, — эту вы видѣли!.. Длинная-предлинная старая дѣвица, бабушкина тысячу первая воспитанница. Вонъ она, въ столовой чай наливаетъ. Если угодно, я васъ познакомлю, и она...

— О, нѣтъ! не безпокойтесь. Въ другой разъ!

— Нѣтъ, я только потому предлагаю, что вы мнѣ не вѣрите, а Калерія могла бы вамъ показать всѣ шнуровыя книги и списки... Вы бы сами могли узнать, по какому разряду симпатій бабушка приказала васъ зачислить... Вы, я вижу, кого-то ищете?

— Нѣтъ!.. Почему вы думаете?

— Такъ... Мнѣ показалось, что вы оглянулись, какъ будто кого-нибудь ждете!.. Разсѣянно!..

— Разсѣянно!.. Я?. Право нисколько. Я слушала васъ серьезно потому, что вы же упрекали меня за смѣхъ.

Она повернулась къ подошедшему Луневу-Запястьеву.

— Графъ, заступитесь за меня!.. Вашъ cousin...

— Мой племянникъ, хотите вы сказать, M-lle Zavolsky?.. Двоюродный племянникъ.

— Allons donc! Pourquoi mettre les points sur les i? вмѣшался Шесневъ. — Въ этомъ домѣ родство растяжимо! Я вамъ — двоюродный, но вы можете любить меня, какъ роднаго, Петръ Владиміровичъ... Я не разсержусь.

— Вотъ видите, графъ! Вашъ племянникъ все время смѣется надъ лучшими чувствами человѣческими и удивляется, что я не смѣюсь вмѣстѣ съ нимъ. Не правда ли это обидно?.. Я подозрѣваю, что онъ меня выпытываетъ, ради юмористическихъ цѣлей.

— Въ такіе молодые годы вы такъ подозрительно смотрите на людей? пошутилъ Луневъ.

— И такъ къ нимъ несправедливы! прибавилъ морякъ и вскочивъ съ обычными ему комическими движеніемъ и мимикой, вынулъ часы и ахнулъ.

— Что случилось?.. По обыкновенію ждутъ въ двадцати двухъ мѣстахъ? спросилъ улыбаясь графъ.

— „Иду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!" продекламировалъ Шесневъ. — Къ несчастію, въ самомъ дѣлѣ ждутъ и честное слово я далъ, что буду къ одиннадцати, а теперь ужь половина двѣнадцатаго. Пройду здѣсь, чтобъ бабушкѣ на глаза не попасться, а то разсердится.

Онъ откланялся, попросивъ позволенія Завольской доставить ей завтра же билеты на входъ въ собранія ихъ кружка любителей цыганскаго пѣнія, выразивъ надежду, что вскорѣ услышитъ ея голосъ между ними, пожалъ руку графа, и съ ужимками комическаго страха поглядывая на дверь, какъ онъ выражался, „тронной бабушкиной залы", — исчезъ.

(Продолженіе будетъ).

Марсъ возвращается!

Нашъ сосѣдъ въ міровомъ пространствѣ, описавъ часть обычнаго пути около Солнца, по ту сторону его, снова сближается съ нами. Съ начала іюня до конца сентября 1891 года онъ былъ невидимъ съ Земли, находясь за Солнцемъ на огромномъ разстояніи отъ насъ.

Теперь онъ совершенно выступилъ изъ-за Солнца и, отодвинувшись отъ него, сіяетъ своимъ особымъ красноватымъ свѣтомъ на освѣщаемомъ пробуждающеюся зарею востокѣ, какъ утренняя звѣзда.

Каждый день мы сближаемся съ нимъ, приблизительно, на 1.300,000 километровъ (1 кил. = 0,937 версты), каждый день видимая величина планеты растетъ, и 23 іюля 1892 года Марсъ

Изгнаніе Агари. Съ карт. А. ванъ-деръ-Верфа, грав. Кольбъ. Съ фот. Брауна и Kº въ Дорнахѣ и Парижѣ.

будетъ находиться отъ насъ всего на разстоянiи 65 миллiоновъ километровъ.

Марсъ—четвертая планета солнечной системы, считая отъ Солнца, и притомъ первая верхняя планета. Это требуетъ, впрочемъ, объясненiя. Дѣло въ томъ, что планеты солнечной системы принято раздѣлять по отношенiю къ Землѣ на нижнiя и верхнiя (правильнѣе было бы сказать — внутреннiя и внѣшнiя, но эти термины имѣютъ въ нынѣшней наукѣ другое значенiе). Группу нижнихъ планетъ составляютъ Меркурiй и Венера, пути которыхъ лежатъ *внутри земной орбиты*, а группу верхнихъ — Марсъ, астероиды, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ, бѣгущiе вокругъ Солнца *снаружи пути Земли*. Въ зависимости отъ своего положенiя, — внутри или внѣ земной орбиты, — обѣ группы рѣзко отличаются одна отъ другой: нижнiя планеты,—бѣгутъ ли онѣ за Солнцемъ или передъ нимъ,— всегда находятся для Земли въ сторонѣ центральнаго свѣтила, тогда какъ верхнiя могутъ быть и въ той сторонѣ, гдѣ Солнце, и въ сторонѣ противоположной ему, такъ что въ послѣднемъ случаѣ Земля занимаетъ положенiе между Солнцемъ и данною планетою.

Въ силу этого для нижнихъ планетъ существуютъ двѣ формы приближенiя къ Солнцу: онѣ проходятъ передъ нами ближе Солнца, или по за нимъ. Въ первомъ случаѣ наступаетъ такъ-называемое *прохожденiе передъ Солнцемъ*; въ послѣднемъ—*соединенiе*. У планетъ верхнихъ соединенiе происходитъ такъ же, какъ и у нижнихъ: планета исчезаетъ за Солнцемъ, но прохожденiя передъ нимъ быть не можетъ, ибо она бѣжитъ снаружи земной орбиты, а стало-быть, не можетъ стать между Солнцемъ и Землею. Верхнiя планеты проходятъ, напротивъ, на другой сторонѣ отъ Земли,—*противъ Солнца*, занимая положенiе, которое называется *противостоянiемъ*.

При противостоянiи, соединенiяхъ и прохожденiи передъ Солнцемъ какъ верхнiя, такъ и нижнiя планеты —находятся на одной линiи съ Землею и Солнцемъ.

Марсъ и Земля сближаются теперь именно передъ противостоянiемъ Марса, наступающимъ черезъ каждые 2 года 48 дней и 23 часа. При этомъ разстоянiе между планетами становится наименьшимъ, колеблясь въ различныя времена между 57 и 98 миллiонами километровъ, — почему не всѣ противостоянiя одинаково благопрiятны для наблюденiй: условiя тѣмъ лучше, чѣмъ ближе другъ къ другу проходятъ обѣ планеты.

Предстоящее противостоянiе относится къ благопрiятнымъ, также какъ и имѣющiя быть въ 1894 и 1896 годахъ; самымъ же благопрiятнымъ изъ нихъ должно быть противостоянiе 1894 года.

Въ виду того, что послѣ весьма важныхъ наблюденiй надъ поверхностью Марса, сдѣланныхъ въ 1877 и 1879 годахъ директоромъ Миланской обсерваторiи Скiапарелли, эта планета возбуждаетъ весьма живой интересъ въ средѣ образованныхъ людей, а также въ виду возможности серьезныхъ дополненiй прежнихъ данныхъ въ 1892, 94 и 96 годахъ,—полезно напомнить, въ главныхъ чертахъ, о томъ, что стало извѣстнымъ о Марсѣ изъ работъ послѣдняго времени.

Дѣло началось въ 1877 году тѣмъ, что получивъ и установивъ новый телескопъ отъ Мерца, Скiапарелли пожелалъ испытать его достоинства на какомъ-нибудь предметѣ въ небесномъ пространствѣ, на которомъ можно было бы надѣяться что-нибудь увидѣть. Въ это время Марсъ шелъ вблизи точки противостоянiя, и Скiапарелли направилъ трубу на него. То, что обнаружилось при разсматриванiи планеты, заинтриговало Скiапарелли, и онъ уже не упускалъ ее болѣе изъ виду до тѣхъ поръ, пока можно было отчетливо видѣть на ней какiя-нибудь частности.

Собранный матерiалъ оказался столь значителенъ, что явилась возможность положить основанiе географiи Марса (вѣрнѣе „Ареографiи", т. е., марсоописанiю, ибо греческое имя Марса есть Арей). При этомъ выяснились такiя подробности, которыя дали толчокъ къ возбужденiю вопроса и объ обитаемости планеты.

Въ общемъ, Марсъ представляетъ мiръ съ тѣми же, по всей видимости, основными чертами какъ и наша Земля. Оба полюса его кажутся блестящими, бѣлыми, рѣзко ограниченными пятнами (ихъ наблюдали еще задолго до Скiапарелли), которыя перiодически увеличиваются и уменьшаются. Такъ какъ ось Марса наклонна къ плоскости его орбиты, то на немъ существуетъ смѣна временъ года, какъ и на Землѣ. При этомъ, когда въ сѣверномъ полушарiи Марса настаетъ лѣто, уменьшается бѣлое пятно около сѣвернаго полюса, а пятно около южнаго увеличивается, и наоборотъ. Очевидно, что на Марсѣ, какъ и на Землѣ, полюсы покрыты льдами, тающими и снова намерзающими, сообразно временамъ года. А стало-быть, на немъ существуютъ воздухъ и вода, что подтверждается также рядомъ другихъ, замѣченныхъ Скiапарелли фактовъ, дающихъ возможность говорить объ облакахъ, тучахъ, дождѣ и снѣгѣ на планетѣ. Такъ иногда исчезали, при его наблюденiяхъ, части рисунка на ея поверхности, ясно видѣнные вчера и на завтра появлялись снова, выйдя, очевидно, изъ-подъ какого-то мимолетнаго, скользившаго надъ ними покрова; въ другихъ случаяхъ, образовались рѣзкiе ограниченные прямыми линiями столбы свѣта, скоро пропадавшiе и дававшiе впечатлѣнiе свѣтовыхъ пучковъ, отражавшихся отъ верхней поверхности облаковъ; наконецъ, кромѣ полярныхъ льдовъ, на планетѣ извѣстны отдѣльныя ярко-блестящiя пятна, которыя ближе всего можно счесть за снѣга на горныхъ вершинахъ.

При этомъ, поверхность Марса имѣетъ такiя очертанiя, что разъ возможна рѣчь о воздухѣ и водѣ на немъ, то съ такимъ же правомъ можно говорить о его моряхъ и материкахъ.

На этомъ пунктѣ дѣло становится, однако, въ нѣкоторой мѣрѣ острымъ. Ближе всего изученное въ физическомъ отношенiи и ближайшее къ намъ небесное тѣло, — Луна, на которой многiе изъ прежнихъ наблюдателей стремились видѣть также моря, оказавшiяся, въ концѣ концовъ, лишь сухими низменностями, ибо на нашемъ спутникѣ нѣтъ воды, а также, повидимому, и воздуха, — совершенно обезнадежило часть астрономовъ насчетъ правильности выводовъ подобнаго рода на столь далекихъ разстоянiяхъ, при простомъ наблюденiи въ телескопъ, и они даже неохотно касаются этихъ вопросовъ. Другiе, напротивъ, вынуждены говорить о нихъ ходомъ своихъ наблюденiй, — какъ крайне осторожный (и съ сильною эрудицiею также въ естественно-историческомъ направленiи) Скiапарелли, считающiй долгомъ вездѣ напомнить читателю, что его моря и материки, быть-можетъ, вовсе не моря и материки, а нѣчто такое, чему придется дать со временемъ другое толкованiе. Третьи не только считаютъ выводы въ указанномъ направленiи вѣрными, но даже предупреждаютъ факты, какъ, напр., горячiй энтузiастъ Фламмарiонъ, предпочитающiй во всякой формѣ — и популярнонаучной, и беллетристической — лучше населять мiровое пространство образами своей живой фантазiи, чѣмъ допустить, что въ немъ пусто и безжизненно. Наконецъ, для значительной группы ученыхъ, хотя и не астрономовъ, но близко соприкасающихся съ вопросами мiроустройства, именно для натуралистовъ и физико-географовъ, оказывается сочувственною точка зрѣнiя, близкая къ точкамъ зрѣнiя Скiапарелли и Фламмарiона, — разумѣется, безъ преувеличенiй послѣдняго, такъ какъ она вяжется съ основами мiровоззрѣнiя, слагающагося у тѣхъ и другихъ подъ влiянiемъ фактовъ, составляющихъ область ихъ наукъ. Геологъ Неймайръ въ своемъ превосходномъ трудѣ „Erdgeschichte", предназначенномъ для того, чтобы дать германской публикѣ сводъ современныхъ данныхъ и взглядовъ геологiи, счелъ уже необходимымъ принять въ расчетъ данныя, добытыя Скiапарелли.

Очевидно, такимъ образомъ, что между учеными, имѣющими дѣло съ вопросомъ о свойствахъ Марса, пока еще не можетъ быть установлено согласiя во взглядахъ.

Какъ бы то ни было, однако, но темныя пятна на Марсѣ, названныя Скiапарелли морями, дѣйствительно, имѣютъ, на глазъ наблюдателя, характеръ морей: въ однѣхъ частяхъ ихъ, сквозь общую матовую поверхность, видятся болѣе свѣтлыя мели, въ другихъ чернѣютъ глубины; контуры подводныхъ предметовъ легки и свободны, какъ и на Землѣ. Морямъ противополагаются своимъ гораздо болѣе яркимъ блескомъ и тяжелыми, какъ бы искусственными очертанiями, материки, перерѣзываемые и расчлененные массою темныхъ полосъ, такъ-называемыми каналами Скiапарелли.

Этимъ каналамъ суждено было произвести большую сенсацiю въ образованномъ мiрѣ и выдвинуть совершенно неожиданный вопросъ: объ обитаемости Марса разумными существами, какъ ни странно это можетъ звучать. Въ видѣ гипотезы подобный взглядъ высказывался и раньше, притомъ, напримѣръ, однимъ изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ—И. Кантомъ, но каналы явились какъ будто подтвержденiемъ его,—уже изъ наблюденiй. Дѣло въ томъ, что природа представляетъ намъ вообще кривыя линiи; прямыя производятся ею (не принимая въ расчетъ кажущихся прямыми линiй, какъ горизонтъ, и исключая линiи лучей свѣта, теплоты и пр.) лишь на крайне небольшихъ протяженiяхъ (грани минераловъ). Чуть же масштабъ предмета значителенъ, очертанiя его всегда даются кривыми линiями, съ разнообразнѣйшими изгибами, формою и пр. Прямую линiю на большомъ протяженiи мы можемъ вообразить лишь искусственною; на Землѣ это—или каналъ, или желѣзная дорога, или набережная, или улица, или проволока телеграфа и телефона, и т. п. Естественно, что это представленiе мы должны перенести и во всякiй другой мiръ, ибо только оно одно и мыслимо для насъ. А разъ прямая прямая линiя на большомъ протяженiи должна быть только искусственною, то конечно тамъ, гдѣ она есть, мы ищемъ и искусника, способнаго создать ее, т. е. разумное и дѣятельное существо.

Прямыя линiи на Марсѣ представляются именно упомянутыми каналами. Эти каналы тянутся на поверхности планеты на огромныхъ протяженiяхъ, то образуя сѣти и соединяясь другъ съ другомъ, то связывая отдѣльные бассейны. Границы ихъ, скажемъ—берега, весьма рѣзко опредѣлены, и каналы на большихъ разстоянiяхъ сохраняютъ одинаковую ширину, достигающую иногда совершенно необыкновенной цифры въ 70—100 верстъ. Очевидно, это стоитъ въ полномъ несогласiи съ тѣмъ, что представляется на Землѣ, гдѣ ни одна струя воды не течетъ безъ постоянныхъ излучинъ и поворотовъ. Любопытенъ фактъ, что они вообще сопровождаются другими па-

раллельными каналами, которые иногда видимы, а иногда нѣтъ.

Въ очертаніяхъ материковъ, какъ указано, линіи тяжелы и упрощены; свободныя очертанія даются, однако, Скіапарелли островамъ, лежащимъ недалеко отъ южнаго полюса планеты (Thyle I и Thyle II), а также въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напр., на Thaumasia felix, впечатлѣніе искусственности контуровъ поразительно: островъ Thaumasia почти эллиптической формы, и въ срединѣ его (но не въ самомъ центрѣ) находится обширное (до 300 верстъ въ діаметрѣ) озеро, такъ-называемое „Озеро Солнца", имѣющее форму весьма правильнаго круга и соединяющееся двумя каналами съ водами, омывающими берега острова.

Искусственность рисунка береговой линіи, прямолинейность каналовъ и свободныя очертанія подводныхъ частей планеты,—мелей и возвышеній на днѣ морей, производятъ рѣзкое впечатлѣніе при изученіи карты Марса. Такъ и напрашивается мысль, что гдѣ разумное существо (если бы они были на Марсѣ) могло опереться ногою на твердую почву, на сушу, тамъ и явились искусственныя линіи, а гдѣ вода ставила ему препятствіе глубины, тамъ линіи сохранили вольные изгибы, какъ на Землѣ, хотя, конечно, теперь эта мысль можетъ имѣть значеніе лишь фантазіи.

Каждый, кому не угодно допустить этой фантазіи, можетъ, повидимому, съ перваго же шагу разбить ее простымъ вопросомъ: „какими же, однако, силами, могли какія угодно разумныя существа понадѣлать на Марсѣ невозможные каналы въ десятки верстъ шириною и придать искусственныя формы цѣлымъ материкамъ?"

Конечно, этотъ вопросъ—вопросъ полновѣсный. Но именно поэтому и нужны нѣкоторыя разъясненія къ нему, чтобы показать, какъ осмотрительно нужно дѣлать заключенія о Марсѣ. Во-первыхъ, возможно, что ширина каналовъ—кажущаяся, причемъ явленіе обусловливается различіемъ преломленія лучей свѣта въ различныхъ слояхъ атмосферы Марса, ибо никогда не нужно забывать, что мы разсматриваемъ планету черезъ толщу ея газообразной оболочки. Можетъ-быть, полоска, имѣющая, въ дѣйствительности, сравнительно небольшую ширину на поверхности планеты, выразится на поверхности ея атмосферы, вслѣдствіе расхожденія лучей свѣта, опредѣляющихъ границы этой полоски, значительно болѣе широкою полосою. Вѣдь въ состояніи же въ жаркихъ странахъ рефракція вытягивать клубки мелкихъ кустовъ, напр. прибрежныхъ ивъ, если смотрѣть на нихъ съ большаго разстоянія, въ длинныя и тонкія фигуры ложныхъ деревъ, напоминающихъ видомъ пирамидальные тополи.

Съ атмосферою наблюдаемой планеты всегда необходимо считаться: волненія ея, теплыя и холодныя теченія, и т. д. могутъ, временами, измѣнять очертанія предметовъ, видимыхъ на поверхности, вытягивать одни изъ нихъ, сокращать и стушевывать другія. Не было бы страннымъ даже, если бы дальнѣйшія наблюденія уяснили, что упомянутые выше параллельные каналы суть оптическое явленіе, т. е. кажущіяся удвоенія дѣйствительно существующихъ каналовъ, и что это явленіе зависитъ отъ свойствъ атмосферы планеты. Во-вторыхъ, если желать допустить возможность *неизвѣстнаго* разумнаго существа *въ неизвѣстныхъ* намъ условіяхъ, то нѣтъ основаній ограничивать его способности къ произведенію и такихъ эффектовъ, которые немыслимы, недоступны и поразительны для насъ. Тѣмъ болѣе, что въ принципѣ пріемъ для измѣненія очертанія береговъ морей существуетъ и даже въ значительныхъ размѣрахъ практикуется на нашей Землѣ: Голландія шагъ за шагомъ отвоевываетъ у моря участки его дна, превращая ихъ въ сушу, а стало-быть, сама вдвигается въ море. Если бы при этомъ было также стремленіе придать форму контуру берега, то, конечно, и это не недоступно: пусть дѣло идетъ медленно, но задача можетъ быть рѣшена.

Во всякомъ случаѣ, однако, мы находимся здѣсь лишь въ области соображеній, и будетъ правильнѣе, оставляя въ сторонѣ разборъ возможностей, обратиться къ другимъ важнѣйшимъ особенностямъ Марса,—фактически извѣстнымъ.

Чтобы дополнить его характеристику, необходимо упомянуть объ отношеніи на немъ морей къ сушѣ. Пространство, занимаемое морями планеты, сравнительно не велико: суша составляетъ три-четверти ея поверхности,—какъ разъ наоборотъ тому, что мы видимъ на Землѣ. Главная масса материковъ и острововъ сгружена около экватора и въ сѣверномъ полушаріи. Южное полярное море обширно; отдѣльныхъ острововъ въ немъ немного. Въ связи съ небольшою площадью морей, атмосфера, какъ нужно думать, должна быть сухая, и орошеніе (дождемъ и снѣгомъ) значительно меньше, чѣмъ на Землѣ.

Марсъ не великъ сравнительно съ Землею: поперечникъ его равенъ всего 882 географическимъ милямъ (тогда какъ средній поперечникъ Земли равняется, приблизительно, 1716 географическимъ милямъ), поверхность составляетъ около 0,3 поверхностности Земли, объемъ—0,16, плотность—0,75 и сила притяженія—0,4.

Задачи, подлежащія выясненію дальнѣйшими наблюденіями Марса, очевидно, значительны, и поэтому понятно, что приближеніе къ намъ сосѣда должно вызывать возбужденіе, тѣмъ болѣе, что Земля готовится на этотъ разъ къ его пріему съ гораздо лучшими средствами, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ, а именно, съ 30-ю (даже болѣе) дюймовыми телескопами, и предстоящія наблюденія должны показать, насколько увеличились за это время ея силы въ отношеніи познанія свойствъ ближайшихъ къ намъ небесныхъ тѣлъ.

Въ виду громадности разстоянія, не слѣдуетъ, однако, относиться къ дѣлу съ преувеличенными ожиданіями: возможно, что новыя наблюденія не только не прибавятъ ничего къ разъясненію предмета, а, напротивъ, создадутъ еще новый рядъ проблемъ.

Русскимъ астрономамъ, по всей вѣроятности, едва-ли удастся пожать, при ближайшихъ противостояніяхъ Марса, какіе-либо важные лавры на поприщѣ „Ареографіи", хотя объ этомъ можно пожалѣть. Сплошь и рядомъ туманная атмосфера, частыя перемѣны погоды, подолгу закрытое тучами небо Сѣвера, несомнѣнно, должны помѣшать сдѣлать значительное число удовлетворительныхъ наблюденій съ 30-дюймовымъ рефракторомъ Пулковской обсерваторіи, поставленнымъ О. В. Струве. Обсерваторія, которая могла бы надежно и правильно работать въ этомъ направленіи, должна быть устроена въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ дожди и снѣга очень рѣдки, небо подолгу безоблачно, а воздухъ прозраченъ въ теченіе бо́льшей части года, при чемъ въ степныхъ мѣстахъ горизонтъ широко открытъ во всѣ стороны. Здѣсь, во многихъ пунктахъ, сильный телескопъ могъ бы находиться даже въ лучшихъ условіяхъ для работы, чѣмъ на Миланской обсерваторіи, и навѣрное, былъ бы въ состояніи досмотрѣть на Марсѣ, а также и на другихъ планетахъ,—не мало новаго.

А. В.

Варна.

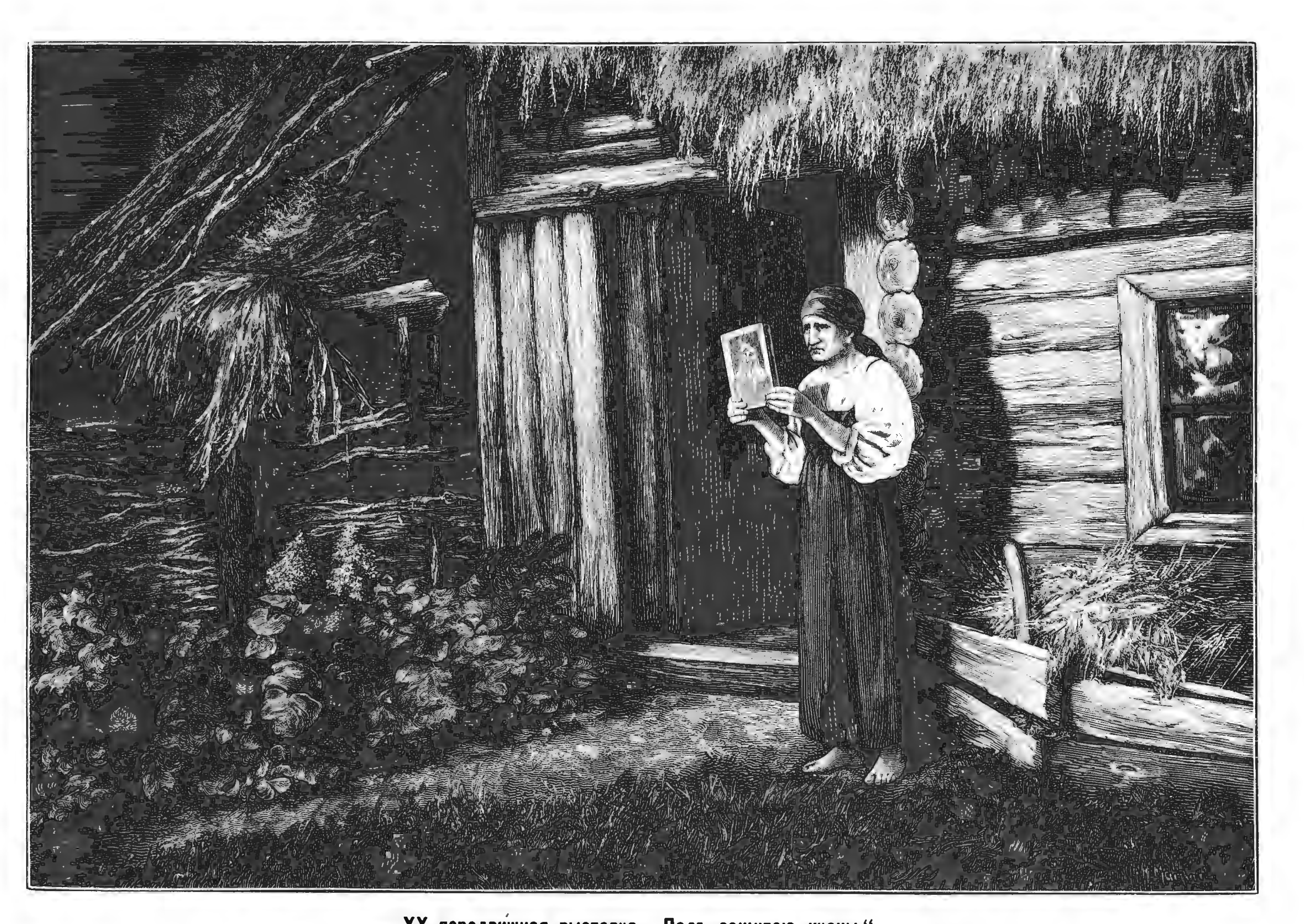
(Воспоминанія участника войны 1877—1878 гг.). (Рис. на стр. 513 и 514).

Ѳ. В. Игнатьева.

I.

Конецъ іюня мѣсяца 1878 года. Лѣто въ полномъ разгарѣ. Палящіе лучи южнаго солнца сильно нагрѣвали почву, выжигая заброшенные поля и луга и распространяя томительную полдневную жару всюду. Картина варварскаго турецкаго разгрома Болгаріи рельефнѣе рисовалась въ глазахъ путешественника при яркомъ лѣтнемъ солнечномъ освѣщеніи; вездѣ виднѣлось опустошеніе и разореніе: много селъ и деревень лежали въ развалинахъ и пеплѣ, оставленныя жителями, которые или бѣжали, или сдѣлались жертвою звѣрскаго фанатизма турокъ. Широкая шоссейная дорога изъ города Хаджи-Оглу-Базарджика въ крѣпость Варну пролегала среди этихъ разоренныхъ болгарскихъ владѣній, и проѣзжему по ней негдѣ было остановиться на отдыхъ или ночлегъ: все пусто, безлюдно, и лишь стаи голодныхъ собакъ бродили среди развалинъ, оглашая воздухъ своимъ жалобнымъ лаемъ и воемъ. Верстъ 35 по этому шоссе можно было ѣхать безпрепятственно, но у деревни Дервенкіой, стоявшей въ развалинахъ, приходилось сворачивать влѣво въ лѣсъ на обыкновенную проѣзжую дорогу, такъ какъ крѣпость Варна была еще въ то время занята турками.

Эта лѣсная дорога идетъ къ передовымъ сѣвернымъ укрѣпленіямъ, сданнымъ безъ боя турками русскимъ войскамъ, согласно условіямъ Санъ-Стефанскаго договора 19 февраля 1878 года. Лишь лѣсъ начинаетъ рѣдѣть, какъ уже издали чернѣютъ большія земляныя укрѣпленія, соединенныя траншеврвомъ для стрѣлковъ, образуя такимъ образомъ непрерывную цѣпь передовыхъ укрѣпленій, защищающихъ доступы къ крѣпости Варнѣ съ сѣвера. Всѣ укрѣпленія сомкнуты, сильной профили и отвѣчали всѣмъ требованіямъ новѣйшаго фортификаціоннаго искусства, отлично обстрѣливая впереди лежащую мѣстность, такъ что много было бы пролито русской крови если бы пришлось брать ихъ силою. Но теперь эти грозныя турецкія твердыни безмолвствовали, — они уже были въ рукахъ русскихъ войскъ, сданныя турками безъ боя. На главныхъ двухъ укрѣпленіяхъ уже развѣвался русскій флагъ и виднѣлись русскія орудія, направленныя жерлами на крѣпость. Отсюда открывается великолѣпный видъ на крѣпость Варну съ ея крѣпостными стѣнами, бастіонами, верками, въ амбразурахъ которыхъ виднѣлись орудія; а за ними далѣе и самый городъ со своими многочисленными разнообразной архитектуры зданіями, съ высокими стройными минаретами мечетей, съ едва замѣтными куполами христіанскихъ церквей, но среди нихъ всѣхъ величественно красовался пятиглавый греческій соборъ. Отсюда открывается прекрасный видъ и на всю широкую холмистую Дѣвнинскую долину, покрытую фруктовыми садами, виноградниками и обильною лѣсною растительностью. Тамъ вдали виднѣется Варненская бухта съ толпой кораблей и судовъ, а вправо отъ нея длинное большое озеро Дѣвно, по берегу котораго, какъ змѣя, черной лентой вьется Варно-Рущукская желѣзная дорога. Сѣверная береговая окраина

XX передвижная выставка. „Подъ защитою иконы.“

Карт. **Н. С. Матвѣева** (исключит. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**“), грав. Флюгель.

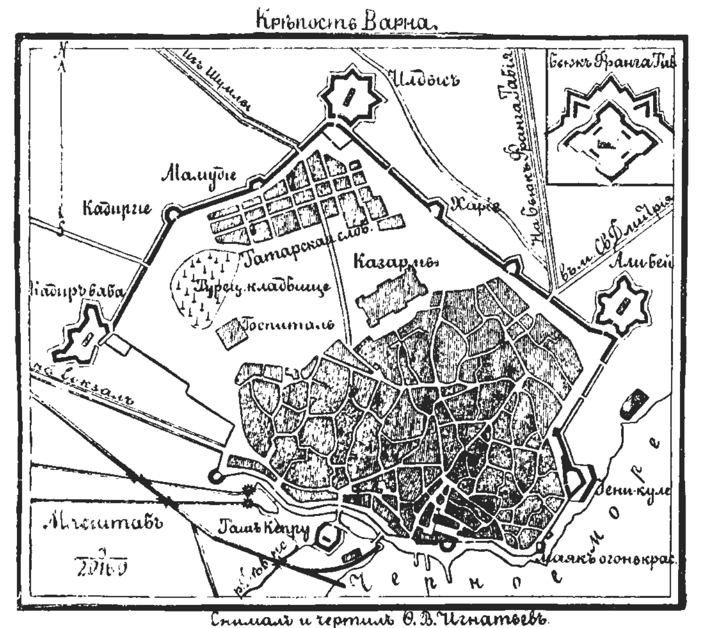

Видъ крѣпости Варна. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Дѣвнинской долины, возвышаясь болѣе 1000 футовъ надъ моремъ и схожая по характеру съ шумлинскими Балканами, представляетъ плоскую горную возвышенность, на которой и расположены сѣверныя передовыя укрѣпленія крѣпости Варны, оканчиваясь почти отвѣсными скалистыми обрывами къ равнинѣ.

Съ перевала у деревни Біюкъ-Франга круто по косогору проложена шоссированная дорога внизъ въ долину и прямо къ крѣпости въ „Ибрамъ-капу". Въ то время это были единственныя крѣпостныя ворота, сданныя на половину турками русскимъ: караулъ въ нихъ былъ смѣшанный: на одной сторонѣ воротъ — русскій, на другой — турецкій, а караульный домъ былъ одинъ.

Замѣчательна историческая судьба этихъ Ибрамскихъ воротъ. Въ 1444 году подъ стѣнами Варны было разбито послѣднее болгарское войско турецкими полчищами подъ личнымъ начальствомъ султана Баязета Громоноснаго, который вошелъ въ городъ черезъ эти именно ворота, предавая все огню и мечу, насилію и грабежу. Въ этомъ кровопролитномъ сраженіи погибъ и польскій король Владиславъ IV, пришедшій на помощь болгарамъ. Черезъ 384 года 1 октября черезъ Ибрамскія ворота совершилъ свой торжественный въѣздъ въ сопровожденіи блестящей свиты и иностранныхъ посланниковъ великодушный, грозный побѣдитель турокъ, вѣнценосный верховный защитникъ и покровитель всѣхъ славянъ, Русскій императоръ Николай Павловичъ, когда крѣпость Варна пала къ ногамъ его величества. Своимъ державнымъ словомъ онъ, великій государь, водворилъ миръ и порядокъ среди всѣхъ жителей города и оградилъ своимъ закономъ личность и собственность каждаго. Въѣзжая въ крѣпость, государь императоръ соизволилъ произнести во всеуслышаніе достопамятныя слова: „*Смерть Владислава отомщена!*" Черезъ 50 лѣтъ послѣ этого нынѣ волею неисповѣдимыхъ судебъ суждено было грозной турецкой твердыни—крѣпости Варнѣ—пасть безъ боя въ руки доблестныхъ русскихъ войскъ; черезъ 434 года послѣ турецкаго завоеванія суждено было Свыше возсіять Кресту Христову вновь надъ Луной и навсегда оставить неприступную первоклассную крѣпость за христіанами въ рукахъ болгаръ, бывшихъ порабощенныхъ подданныхъ Турціи. Первыя ворота, сданныя во власть русскимъ войскамъ турками, были опять „Ибрамъ-Капу", черезъ которыя въ концѣ августа мѣсяца 1878 г. съ распущенными знаменами и музыкою церемоніальнымъ маршемъ торжественно вошли полки войскъ 14-го армейскаго корпуса и заняли неожиданно всю крѣпость противъ желанія турокъ, понуждая ихъ къ скорѣйшей очисткѣ ея, согласно условій Санъ-Стефанскаго договора 19 февраля 1878 г. Хотя еще 12 августа прибылъ въ Варну изъ Константинополя дивизіонный генералъ Тагиръ-паша, чтобы ускорить очищеніе крѣпости, тѣмъ не менѣе турки со дня на день оттягивали исполненіе условій мирнаго договора, что и вынудило русское военное начальство прибѣгнуть къ энергичнымъ осторожнымъ репрессивнымъ мѣрамъ при полномъ миролюбіи и воздержаніи отъ какихъ-либо столкновеній.

Снималъ и чертилъ Ѳ. В. Игнатьевъ.

II.

На берегу Чернаго моря, у устья рѣки Дѣвно, ея лимана, расположена первоклассная крѣпость Варна, окруженная каменною стѣной съ земляными валами, образуя на линіяхъ крѣпостнаго фронта бастіоны, люнеты и капониры, а на углахъ выдающіяся впередъ звѣздообразныя или иной формы укрѣпленія. Стѣны глубокаго рва выложены камнемъ. Лишь съ юга, со стороны моря, наиболѣе слабое мѣсто крѣпости: здѣсь проходитъ одна каменная стѣна съ бойницами. Для защиты южнаго слабаго фронта возведено небольшое предмостное укрѣпленіе (Tête de pont) „Ташъ-Кепру". Самый городъ Варна — довольно большой и богатый приморскій торговый пунктъ на Черномъ морѣ, соединенный желѣзною дорогой съ городомъ Рущукомъ, на рѣкѣ Дунаѣ, что еще болѣе увеличиваетъ его торговое значеніе. Съ 1872 года въ городѣ поселились консулы всѣхъ государствъ. Съ годами населеніе города быстро возрастаетъ, такъ что въ настоящее время число жителей достигаетъ почти 20,000 человѣкъ. Несмотря на скученность населенія, жители пользуются здоровьемъ, благодаря хорошему климату и обилію превосходной воды, проведенной въ городъ съ сѣверовосточныхъ горъ посредствомъ подземныхъ трубъ. Этою водой снабжаются городскіе мраморные фонтаны и каменные колодцы для лошадей. Улицы города кривыя, тѣсныя и плохо вымощенныя, что при дождливой погодѣ осенью вызываетъ грязь по колѣна. Весь городъ раздѣленъ на кварталы по народностямъ: турецкій, болгарскій, греческій, еврейскій, армянскій, татарскій и даже цыганскій. Изъ достопримѣчательностей города обращаютъ на себя вниманіе: цитадель византійской архитектуры, обращенная въ пороховой складъ, арсеналъ, конакъ-дворецъ, огромные казармы и склады, госпиталь, греческій соборъ и церковь греческой митрополіи Св. Аѳанасія.

Въ этой послѣдней 50 лѣтъ тому назадъ, 1 октября 1828 г., греческій митрополитъ Ѳеофанъ, въ присутствіи государя императора Николая Павловича, совершилъ божественную литургію и благодарственный молебенъ по случаю взятія съ бою крѣпости Варны русскими войсками.

Окрестности Варны представляютъ какъ бы сплошной садъ: склоны горъ и долина покрыты въ изобиліи лѣсною растительностью, массой фруктовыхъ деревьевъ и виноградниковъ, а поля и луга усѣяны цвѣтами. Любимое мѣсто загородныхъ увеселеній жителей, это прогулка къ монастырскимъ развалинамъ Св. Дмитрія и Св. Константина, живописно расположеннымъ среди роскошной зелени на самомъ берегу Чернаго моря. Нѣкоторыя зданія въ настоящее время возстановлены и въ нихъ устроены рестораны съ танцовальными залами, такъ что ничего монастырскаго и помину нѣтъ. Первый Болгарскій князь, Александръ Батенбергскій, прельстился этою живописною, здоровою мѣстностью, въ миніатюрѣ Швейцаріею, и пріобрѣлъ въ свою собственность. До сихъ поръ недалеко отъ монастырскаго берега Св. Дмитрія въ морѣ виднѣется восъ затонувшаго въ 1828 году корабля, а у монастыря Св. Константина, въ заливѣ Саганликъ, замѣтны остатки разрушившейся пристани, съ которой его величество государь императоръ Николай Павловичъ въ 4 часа пополудни 24 іюля 1828 г. соизволилъ отправиться на фрегатъ „Флора" для слѣдованія въ городъ Одессу. Отъ монастырскихъ развалинъ, среди виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ, вьется дорога въ крѣпость. Вблизи этой дороги красуются два достопамятныхъ историческихъ кургана: „Сельви" и „Турна-тепе"; на первомъ заботливо охраняется жителями большой развѣсистый дубъ, а на второмъ—былъ раскинутъ царскій шатеръ. Съ этихъ двухъ кургановъ вѣнценосный верховный русскій вождь изволилъ лично слѣдить за осадными работами и за геройскими подвигами своихъ доблестныхъ чудо-богатырей по возвращеніи своемъ изъ Россіи подъ Варну 27 августа 1828 г. Несмотря на отчаянное сопротивленіе гарнизона крѣпости Варны, наши безсмертные храбрецы, поощряемые личнымъ присутствіемъ любимаго и обожаемаго своего монарха, энергично и неустрашимо двигались впередъ, оказывая чудеса безпримѣрной храбрости, и своими минами успѣли разрушить почти цѣлый фронтъ крѣпости, что и вынудило наконецъ 28 сентября Юсуфъ-пашу выйти съ частію гарнизона изъ крѣпости и отдаться на великодушіе Русскаго царя, а 29 сентября сдалась и вся Варна. Его величество, какъ говорятъ старожилы города, изволилъ принимать Юсуфъ-пашу въ своей царской палаткѣ на курганѣ Турнатепе *). Наши подземныя мины и осадная артиллерія громили и разрушали твердыни неприступной крѣпости; доставалось жутко и городу, — и до сихъ поръ мѣстные жители указываютъ слѣды давно минувшихъ дней.

III.

Для защиты крѣпости Варны съ юга, турки на горной возвышенности южной окраины Дѣвнинской долины, покрытой лѣсами и болѣе отлого спускающейся къ равнинѣ, возвели 9 отдѣльныхъ земляныхъ укрѣпленій, воспользовавшись таковыми русскими 1828 г., лишь усовершенствовавъ ихъ и добавивъ новые свои. Это были тѣ достопамятныя укрѣпленія, предъ фронтомъ коихъ было самое блестящее дѣло всей кампаніи 1828 г.,

*) Во время осады крѣпости Варны постояннымъ мѣстопребываніемъ его величества служилъ адмиральскій фрегатъ „Парижъ".

когда принцъ Виртембергскій Евгеній съ 6,000-мъ отрядомъ атаковалъ 30,000-й корпусъ турецкій, а храбрость русскихъ произвела на турокъ сильное впечатлѣніе, парализовавшее ихъ дальнѣйшія дѣйствія. И эти передовыя южныя турецкія укрѣпленія крѣпости Варны были тоже безъ боя сданы русскимъ войскамъ въ августѣ 1878 г., согласно условій Санъ-Стефанскаго договора. И такъ, турки владѣли крѣпостью Варной 434 года, и за послѣдніе десятки лѣтъ, особенно готовясь къ послѣдней минувшей войнѣ, возвели ее на степень первоклассной неприступной приморской твердыни, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ фортификаціонномъ отношеніи, обративъ свою крѣпость въ сильный, обширный укрѣпленный лагерь, выдвинувъ цѣлыя сѣти укрѣпленій почти на десятки верстъ впередъ. И вотъ эта грозная турецкая крѣпость, гордость и твердый оплотъ Турецкой имперіи, готовая послать тысячу смертей врагу, по единому царскому слову верховнаго защитника и покровителя славянъ, Русскаго императора, стала безсильна и обратилась въ прахъ, въ развалины, со всѣми своими смертоносными страшными пушками. По условіямъ Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго мирнаго договора 19 февраля 1878 г. крѣпость Варна, какъ и всѣ другія турецкія укрѣпленія въ Болгаріи, должна быть срыта, навсегда уничтожена.

Прилагаемый при семъ топографическій чертежъ (собственноручной работы автора) наглядно знакомитъ читателей съ крѣпостью и городомъ Варною, а фотографическій снимокъ, работа тоже автора, представляетъ видъ города Варны со стороны южнаго укрѣпленія Ташъ-Кеири (Tête de pont), отъ котораго идетъ мостъ черезъ рѣку къ Каменнымъ воротамъ „Ташъ-Капу“ крѣпости. Вдали за городомъ, на сѣверныхъ высотахъ виднѣются два укрѣпленія: правое — знаменитый неприступный Біюкъ-Франгскій бастіонъ, а лѣвѣе — Орманъ-Табля—земляной редутъ; отъ средины между ихъ тянется внизъ глубокій Біюкъ-Франгскій оврагъ, покрытый кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ.

Къ рисункамъ.

Весенней порой. (Рис. на стр. 501).

...Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ;
Воздухъ исполненъ сіянья;
Пестрыя мушки жужжатъ;
Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтовъ:
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ...

(Н. Ѳ. Щербина).

Выставка въ Чикаго. (Рис. на стр. 504 и 505).

Осталось менѣе года до открытія всемірной выставки въ Чикаго. Американскія газеты наполнены описаніями чудесъ, которыя будутъ на этой выставкѣ. Американцы намѣрены воздвигнуть башню подобную пресловутой башнѣ Эйфеля. Выставка помѣщается въ громадномъ Джексонъ-паркѣ въ 1000 десятинъ на берегу озера Мичигана, гдѣ теперь уже начаты работы.

Выставка откроется 1 марта 1893 года, а устройство ея окончится 30 октября нынѣшняго года. Вся выставка раздѣляется на 12 отдѣленій, 172 группы и 917 классовъ. Главные отдѣлы ея: изящныя искусства (живопись, скульптура и декораціи), свободныя искусства (инженерная часть, публичныя работы, архитектура и т. д.), работы и изобрѣтенія, машины, электричество, промышленность, земледѣліе и сельское хозяйство, рыболовство, винодѣліе и садоводство, горная промышленность и металлургія, народное продовольствіе.

Въ настоящее время еще невозможно дать полной картины выставки. Изъ зданій выставки, отъ 40 до 50 павильоновъ предназначены для однихъ Соединенныхъ Штатовъ; изъ нихъ выдѣляется гигантскій павильонъ штата Иллинойсъ, 122 метра длины и 46 метровъ ширины, съ куполообразною кровлей, построенный въ строго классическомъ стилѣ. Величайшимъ же зданіемъ выставки является величественный дворецъ промышленности и художествъ, имѣющій не менѣе 518 метровъ длины и 214 метровъ ширины, построенный въ стилѣ французскаго Возрожденія; по сторонамъ его находятся 86 галлерей. Онъ занимаетъ площадь въ 900.000 кв. футовъ. Противъ него находятся зданія горнозаводства и электричества, тоже въ стилѣ французскаго Возрожденія. Обращаетъ на себя вниманіе зданіе правленія выставки, построенное въ стилѣ итальянскаго Возрожденія и увѣнчанное позолоченнымъ куполомъ въ 76 метровъ вышины. Къ югу отъ него расположены машинныя галлереи, пять исполинскихъ зданій, образующихъ симметричную группу. Къ востоку отъ этой группы стоитъ зданіе путей сообщенія въ романскомъ стилѣ. Противъ дворца правленія устроено искусственное озеро въ 456 метровъ длины, посреди котораго возвышается статуя Христофора Колумба. Что касается архитектуры другихъ зданій выставки, то павильонъ рыболовства построенъ въ мавританскомъ стилѣ (въ немъ замѣчателенъ акваріумъ исполинскихъ размѣровъ), зданіе земледѣлія имѣетъ видъ куба, но богато художественными украшеніями. Кромѣ перечисленныхъ зданій на выставкѣ находится двухъэтажный павильонъ женскаго труда, построенный по плану женщины-архитектора. Среди достопримѣчательностей выставки можно упомянуть о подземномъ рудникѣ, въ точности копирующемъ настоящій. На выставку входятъ подъ 4 громадныхъ тріумфальныхъ арки. Издержки на устройство выставки достигаютъ громадной цифры отъ 20 до 25 милліоновъ долларовъ.

Въ числѣ курьёзовъ, которые будутъ выставлены въ Чикаго, будетъ пирамида изъ слитковъ серебра добытаго изъ рудниковъ въ Колорадо, стоимостью въ нѣсколько милліоновъ долларовъ; затѣмъ, викингъ, т. е. старинное судно похожее на то, на которомъ Норсмены около 1000 года послѣ Рожд. Христ. добились до береговъ Канады. Образецъ такого викинга былъ недавно найденъ во льдахъ сѣверной Норвегіи. Точно также будетъ выставлена модель въ натуральную величину корабля „Санта-Марія“, на которомъ Христофоръ Колумбъ отправился изъ Палоса въ Америку въ сопровожденіи двухъ кораблей „Пинта“ и „Нина“, которые всѣ три по заказу американскаго правительства строятся нынѣ въ Кадиксѣ. Эти корабли будутъ доставлены воднымъ путемъ, т. е. каналами и озерами отъ Атлантическаго океана до самаго Чикаго.

Постановлено образовать еще отдѣленіе при выставкѣ, именно для спорта и атлетическихъ упражненій. Построена будетъ громадная арена, гдѣ всякій родъ спорта будетъ допущенъ къ соперничеству и будутъ раздаваться награды. Обѣщали уже прибыть между прочимъ нѣмецкіе турнферейны, чешскіе соколы, оксфордскіе гребцы.

Однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ отдѣленій выставки будетъ женскій отдѣлъ. Дворецъ женщинъ, нарисованный г-жею Софіею Гайденъ, молоденькимъ архитекторомъ изъ Бостона, уже оконченъ и украшается теперь разными произведеніями женскаго труда. Во многихъ государствахъ образовались женскіе комитеты для содѣйствія Чикагскому, между прочимъ и въ Россіи. Первый разъ женщины войдутъ въ составъ присяжныхъ коммисіи (jury), которымъ будутъ присуждаться награды, по всѣмъ отдѣламъ промышленности, гдѣ женщины принимаютъ какое-либо участіе.

Самъ городъ Чикаго, столица Иллинойса, въ весьма короткое время достигъ своего промышленнаго развитія. Основанный въ 1804 году, и почти уничтоженный громаднымъ пожаромъ 1871 года, онъ теперь насчитываетъ 1.250,000 жителей и считается вторымъ по величинѣ городомъ Соединенныхъ Штатовъ и седьмымъ — міра. **(К.)**

Изгнаніе Агари. (Рис. на стр. 509).

Дрезденская галлерея, какъ извѣстно, богата замѣчательными произведеніями живописи. Къ числу ихъ должны быть отнесены также и произведенія „малыхъ фламандцевъ“, которыхъ въ Дрезденской галлереѣ не менѣе, чѣмъ въ Мюнхенской и Луврской. Среди нихъ, на ряду съ Жераръ Довомъ, Тербургомъ, Поленбургомъ, находятся до 12 образцовыхъ произведеній ванъ-деръ-Верфа.

Адріанъ ванъ-деръ-Верфъ былъ съ конца XVII столѣтія придворнымъ живописцемъ Пфальцскаго курфюрста и проживалъ то въ Дюссельдорфѣ, то въ Роттердамѣ. Произведенія его отличаются свойственною фламандской живописи тонкою выпискою, прекрасными красками и большою естественностью. Лучшія изъ нихъ, какъ мы замѣтили, находятся въ Дрезденѣ. Тамъ между прочимъ его „Святое Семейство“, „Благовѣщеніе“, „Судъ Париса“, „Діогенъ“, „Изгнаніе Агари и Измаила“, прекрасную гравюру съ которой можно найти на стр. 509. На картинѣ изображено трогательное событіе съ египетскою рабыней Авраама, Агарью. Печальная судьба Агари и ея сына разсказана въ 21 главѣ Книги Бытія.

„Подъ защитою иконы“, картина Н. С. Матвѣева.
(Рис. на стр. 512).

Николай Сергѣевичъ Матвѣевъ, ученикъ Московскаго училища живописи и ваянія, началъ появляться со своими произведеніями на мѣстныхъ художественныхъ выставкахъ восьмидесятыхъ годовъ, а затѣмъ сталъ присылать свои картины и на здѣшнія передвижныя выставки, то въ историческомъ родѣ, какова была его „Противъ воли постриженная“ (1887), то по бытовой живописи, съ сюжетами изъ современной жизни, какъ „Вѣнчаніе въ тюремной церкви“ (1890) или „Сумерки“ (1891), изображавшія мирную бесѣду старика со старухой около камина.

Иной же разъ Матвѣевъ добивался въ своихъ картинахъ особенныхъ свѣтовыхъ эффектовъ, напр. въ прошлогодней „Вспыхнуло“ и въ нынѣшней „Подъ защитою иконы“, снимокъ съ которой помѣщенъ въ настоящемъ № *Нивы*. На ней изображена старуха, вышедшая во время пожара изъ избы съ иконой, чтобы отвратить ею вѣтеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и

огонь въ другую сторону. Бывали у него попытки и въ иномъ родѣ, а именно по части изученія женскаго тѣла, въ родѣ его „Запарилась“ на 1-й выставкѣ „С.-Петербургскаго Собранія Художниковъ“ въ Москвѣ, въ 1891 г. **Н. С.**

Юбилей Казанской Духовной Академіи.

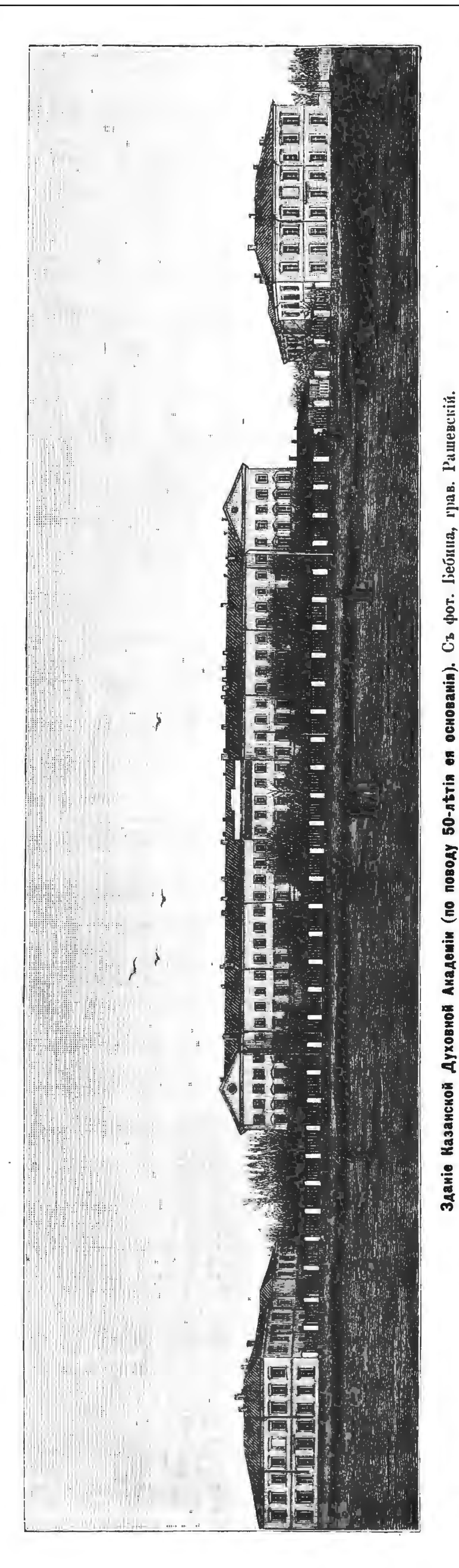
(Рис. на этой стр.).

Въ настоящемъ году, 6 іюня исполнится 50-лѣтіе со дня учрежденія Казанской Духовной Академіи.

Казанская Академія учреждена по Высочайшей волѣ императора Николая Павловича, выраженной въ утвержденіи 6 іюня 1842 года штата и положеній объ открытіи Казанской Духовной Академіи. Ближайшею цѣлью и задачей въ ея предстоявшей дѣятельности поставлено было, на ряду съ общимъ высшимъ богословскимъ образованіемъ духовнаго юношества, миссіонерски - просвѣтительное дѣйствіе ея въ восточной половинѣ Имперіи, населенной разными инородцами. Наша восточная внутренняя миссія церкви связана, можно сказать, органически съ миссіонерскою дѣятельностью Казанской Академіи, получая отсюда для себя и направленіе, и пособія, и многихъ дѣятелей миссіи. Въ виду этого, въ кругъ предметовъ преподаванія въ Казанской Академіи съ первыхъ же годовъ введены были миссіонерскія науки.

Открытіе Академіи состоялось 21 сентября того же 1842 г. На первыхъ порахъ ей пришлось пережить всѣ тяжести неустройства и неудобствъ, осложненныхъ разными внѣшними неблагопріятными обстоятельствами. Такъ, въ теченіе 6 лѣтъ Академія вынуждена была пользоваться временными частными квартирами, что было особенно тяжело въ Казани послѣ цѣлаго ряда пожаровъ, истреблявшихъ почти весь городъ. Въ собственное помѣщеніе Академія перешла въ 1848 г. На ряду съ тѣмъ и внутреннее ея устройство тоже встрѣчало разныя затрудненія.

Первоначальное ея „устроеніе“ совершено было руками и заботами казанскихъ владыкъ Владиміра и Григорія, и ректора Академіи, архимандрита Григорія (по фамиліи Митькевича, впослѣдствіи епископа Калужскаго). Академія съ благодарною памятью благоговѣйно чтитъ эти дорогія въ ея исторіи имена. Изъ другихъ лицъ, содѣйствовавшихъ ея развитію и укрѣпленію, Академія воспоминаетъ преосвящ. Антонія и ректоровъ Парѳенія и Никанора (впослѣдствіи архіепископа Херсонскаго). Всѣ эти начальники Академіи были въ полномъ смыслѣ „радѣтели“ ея, создавшие своими ходатайствами, личнымъ участіемъ, трудами, дарованіями, энергіей и любовью къ Академіи ея внутренніи устои и внѣшнее благоустройство. Были и другія лица (наставники, или хоть напр. первый экономъ о. Аркадій), оставившія по себѣ добрую память своимъ содѣйствіемъ ея внутреннему и внѣшнему устроенію, личными талантами, трудами, добросовѣстностью и преданностію ея интересамъ. Со своей стороны, Академія выпустила не менѣе достойныхъ представителей на разныя поприща церковнаго служенія. Съ гордостію она произноситъ имена своихъ питомцевъ: высокопреосвященнаго Палладія, экзарха Грузіи, почившаго архіепископа Иркутскаго Веніамина, преосвященныхъ—Антонія Выборгскаго, ректора С.-Петербургской Академіи, Варсонофія Симбирскаго, Авраамія Саратовскаго и другихъ. Сама для себя она приготовила и такихъ извѣстныхъ профессоровъ, какъ Н. И. Ильминскій (умершій 27 декабря 1891 г. директоромъ Инородческой семинаріи въ Казани), И. Я. Порфирьевъ, М. М. Зефировъ (умершій профессоромъ богословія Казан. Универ.), А. С. Павловъ (теперь проф. Московскаго Универс.), П. В. Знаменскій (теперь проф. Русск. церк. исторіи въ Каз. Академіи), Н. Я. Бѣляевъ (нынѣ инспекторъ и проф. Академіи), И. С. Бердниковъ (тоже профессоръ) и друг. Во главѣ у себя, ректоромъ Академія имѣетъ также своего питомца, перваго студента перваго курса, нынѣ протоіерея А. П. Владимірскаго.

Зданіе Казанской Духовной Академіи (по поводу 50-лѣтія ея основанія). Съ фот. Бебина, грав. Рашевскій.

Въ настоящее время Академія, какъ высшее учебное заведеніе, имѣетъ свой спеціальный органъ, ежемѣсячный журналъ *Православный Собесѣдникъ*, одинъ изъ старѣйшихъ духовныхъ журналовъ, существующій съ 1855 г. Программа этого изданія носитъ на себѣ слѣды его связи съ Академіей: и для него главною задачею поставлено миссіонерское служеніе церкви; существенная часть его содержанія посвящена статьямъ по исторіи и обличенію раскола, инославныхъ исповѣданій, магометанства, ламаизма, буддизма, язычества и т. п. При журналѣ существуетъ свой цензурный комитетъ изъ лицъ академической корпораціи. Важнымъ преимуществомъ Академіи является существованіе при ней духовно-цензурнаго комитета для Казанскаго духовно-учебнаго округа; комитетъ, существующій по уставу цензурному, изложенному въ XIV т. Св. Зак., дѣйствуетъ на ряду съ другими цензурными комитетами Имперіи; членами его состоятъ только профессора Академіи: П. В. Знаменскій, Н. Я. Бѣляевъ и А. К. Волковъ. Академія имѣетъ теперь обширную библіотеку. Изъ полнѣйшаго ничтожества библіотека теперь выросла до богатаго, содержательнаго книгохранилища, рѣдкостнаго для провинціальнаго города. По отчету за 1890—1891 акад. годъ, библіотека заключаетъ въ себѣ книгъ и рукописей до 23,218 названій въ 52,422 томахъ, и ежегодно продолжаютъ прибывать до 2000 томовъ новыхъ книгъ. Въ библіотекѣ, по тому же отчету, числится рукописей и старопечатныхъ книгъ 3074 названія въ 3293 томахъ. Особенную цѣнность здѣсь представляетъ цѣлый отдѣлъ рукописей Соловецкой библіотеки, поступившей въ собственность Академіи въ 1854 году. Настоящее состояніе Академіи во всѣхъ ея частяхъ можно наблюдать по ежегоднымъ отчетамъ, выходящимъ въ свѣтъ къ 8 ноября, — ко дню академическаго праздника.

На нашемъ рисункѣ представленъ видъ Академіи,—ея главнаго корпуса и двухъ флигелей. Академія стоитъ въ загородной части

Казани, на такъ-называемомъ Арскомъ полѣ, по линіи Сибирскаго тракта, и занимаетъ большую площадь въ 13,328 кв. саж., на которой расположены въ правильной симметріи самыя зданія Академіи и ея сады. Зданія, расширенныя, просторныя, удобныя по своему внутреннему устройству и расположенію, въ настоящемъ ихъ видѣ явились уже въ 1889 г., когда къ первоначальнымъ постройкамъ 40-хъ годовъ сдѣланы большія пристройки и все отдѣлано заново. Впереди главнаго корпуса, между флигелями, разбитъ садикъ, защищающій зеленью въ лѣтнее время Академію отъ пыли „Владимірки", а позади Академіи—огромный садъ, который заѣзжіе посѣтители безъ преувеличенія называютъ паркомъ.

Главные представители пожарнаго дѣла. (Портреты на этой стр.).

Въ слѣдующихъ нумерахъ нашего журнала мы дадимъ подробный иллюстрированный отчетъ о Первой всероссійской пожарной выставкѣ, торжественно открытой въ Петербургѣ 23 мая сего года. Нынѣ считаемъ своевременнымъ помѣстить портреты главныхъ представителей пожарнаго дѣла въ Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ съ изумительной энергіей, самоотверженіемъ и матеріальными затратами потрудившихся на поприщѣ спасенія имущества и людей отъ огня. Первое мѣсто въ средѣ ихъ по праву занимаетъ князь Александръ Дмитріевичъ Львовъ, главный иниціаторъ выставки, годъ тому назадъ отпраздновавшій десятилѣтіе существованія его пожарной команды, которая находится въ Стрѣльнѣ подъ Петербургомъ и содержится на собственныя средства князя. Жители Стрѣльны, этого городка-мызы, не одинъ разъ были обязаны пожарной дружинѣ князя, зачастую руководимой имъ самимъ, спасеніемъ своихъ имуществъ отъ огня. Неподдѣльная благодарность ихъ выразилась во время празднованія десятилѣтія команды. Въ этотъ день князю Львову поднесена масса адресовъ, сердечныхъ пожеланій и подарковъ, въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, модель пожарной бочки изъ серебра. Въ виду же того, что, какъ мы сказали выше, князь часто лично командуетъ своей дружиной и относится съ уваженіемъ къ своему скромному брантмейстерскому мундиру и мѣдной каскѣ, жители Стрѣльны поднесли князю Львову золотую, почетную каску.

Графъ Александръ Дмитріевичъ Шереметевъ. Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Брантъ-маіоръ полковникъ Анатолій Петровичъ Паскинъ. Съ фот. Ясвоина, грав. Шюблеръ.

Князь Александръ Дмитріевичъ Львовъ. Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

Князь А. Д. Львовъ родился 4 марта 1863 г. и воспринятъ отъ купели въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, онъ выдержалъ экзаменъ въ Орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ. Въ томъ же году князь Львовъ началъ свою службу обществу въ качествѣ почетнаго члена „Стрѣльнинскаго братства для ближняго", состоящаго подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны; дѣятельнымъ членомъ совѣта названнаго общества состоитъ и по настоящее время. Въ январѣ 1891 года Совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества избралъ князя А. Д. Львова, какъ иниціатора Пожарной выставки, знатока пожарнаго дѣла и автора книги „Городскія пожарныя команды", членомъ организаціоннаго комитета этой выставки.

Паскинъ, Анатолій Петровичъ, С.-Петербургскій брантъ-маіоръ, полковникъ, предсѣдатель механической секціи отдѣла выставки и членъ организаціоннаго комитета пожарной выставки. Столичная пожарная команда, коей главнымъ руководителемъ въ теченіе послѣднихъ *десяти лѣтъ* состоитъ полковникъ Паскинъ, по справедливости считается одною изъ первыхъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Спеціальные пожарные заграничные журналы, а ихъ на Западѣ очень много, посвящали не разъ большія хвалебныя статьи нашей Петербургской командѣ, въ которой за время управленія г. Паскинымъ сдѣлана масса улучшеній и новыхъ пріобрѣтеній; изъ нихъ главнѣйшія: сформированіе четырехъ самостоятельныхъ резервовъ; постройка зданія Васильевской части; приспособленія новаго помѣщенія для команды Охтенской части, при этой же части построены каменныя конюшни и трубная и возведена *желѣзная* каланча типа маяка, обшитая на случай бури и снѣга корабельными досками по войлоку и снабженная трубою для служебныхъ переговоровъ съ казарменнымъ помѣщеніемъ служителей; старый, тихоходный пароходъ „Таракановка", постоянно опаздывавшій на пожары, замѣненъ новымъ — „Полундрою"; заведено нѣсколько новыхъ паровыхъ машинъ, такъ что теперь имѣется въ Петербургѣ 8 большихъ паровыхъ машинъ, и проч.

А. П. Паскинъ родился въ 1842 г. Оставшись круглымъ сиротой, Паскинъ былъ, по волѣ императора Николая I, опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ до открытія вакансіи въ Пажескомъ корпусѣ, куда и былъ переведенъ въ 1855 г. Окончивъ курсъ, Паскинъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1860 г. въ л.-гв. Московскій полкъ, гдѣ и прослужилъ 21 годъ. 16 іюня 1881 года, въ чинѣ полковника, по распоряженію Главнокомандующаго войсками гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа, Великаго Князя Владиміра Александровича, былъ командированъ въ распоряженіе СПБ. градоначальника, а въ 1882 году назначенъ СПБ. брантъ-маіоромъ. А. П. Паскинъ извѣстенъ не только какъ брантъ-маіоръ, но и какъ лихой офицеръ, участвовавшій въ бояхъ, и какъ человѣкъ причастный къ литературѣ. Изъ его сочиненій можно отмѣтить: „Сводъ существующихъ постановленій и правилъ для обученія молодыхъ солдатъ въ пѣхотѣ", затѣмъ историческій очеркъ: „Объ основаніи и заслугахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ 1811 по 1875 годъ". Сочиненіе это было поднесено имъ Августѣйшему Шефу полка. Дневникъ Паскина, который онъ велъ во время кампаніи 1877—78 годовъ, частью напечатанъ въ 4 и 6 томахъ „Сборника военныхъ разсказовъ" кн. Мещерскаго, подъ названіемъ „Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера". Записки эти составляютъ пока единственный матеріалъ объ участіи полка въ послѣдней турецкой кампаніи. Полковникъ Паскинъ имѣетъ массу русскихъ и иностранныхъ орденовъ, многіе изъ нихъ съ мечами, кромѣ того Анненскую и золотую сабли съ надписью „за храбрость" и Высочайшіе подарки.

Графъ Александръ Дмитріевичъ Шереметевъ, одинъ изъ главныхъ экспонентовъ пожарной выставки, такъ же какъ и князь Львовъ, много положилъ труда, энергіи и средствъ на образцовое устройство собственныхъ пожарныхъ командъ— Ульяновской и Высоковской. Каталогъ экспонируемыхъ имъ предметовъ заключаетъ въ себѣ болѣе 40 нумеровъ, всѣ экспонаты помѣщены въ громадномъ павильонѣ выставки, поставленномъ вдоль Михайловскаго манежа; въ немъ имѣются отдѣльные кіоски для электрическаго сигнальнаго аппарата, телефона, а также кіоскъ журнала *Пожарный*, созданнаго впервые въ Россіи графомъ А. Д. Шереметевымъ, состоящимъ издателемъ онаго. Благодаря громаднымъ средствамъ

графа Шереметева, а также благодаря художественному вкусу архитектора выставки г. Григорьева, павильонъ графа Шереметева привлекаетъ особое вниманіе посѣтителей выставки. Нельзя пройти молчаніемъ серьезный, личный трудъ графа Шереметева — карта Азіатской и Европейской Россіи (громадныхъ размѣровъ) съ показаніемъ на ней особыми условленными знаками всѣхъ пожарныхъ депо въ Россіи, пожарныхъ обществъ,—дающая наглядное представленіе о количествѣ пожарной помощи въ извѣстной мѣстности.

А. Д. Шереметевъ родился 27 февраля 1859 года, получилъ домашнее образованіе, въ 1879 году поступилъ въ приготовительный пансіонъ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ (нынѣ Николаевскій кадетскій корпусъ). Весной 1880 года былъ переведенъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ въ младшій спеціальный классъ и 8 августа 1881 года выпущенъ въ офицеры въ Кавалергардскій Ея Императорскаго Величества полкъ; въ полку пробылъ до 1885 года, затѣмъ поступилъ адъютантомъ къ начальнику штаба генералъ-адъютанту Обручеву съ зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи. 10 января 1891 года былъ назначенъ адъютантомъ къ Главнокомандующему войсками гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа Его Имп. Выс. Вел. Кн. Владиміру Александровичу, при которомъ состоитъ и теперь. Имѣетъ двѣ пожарныя команды: Ульяновскую и Высоковскую; первая находится на Петергофскомъ шоссе и основана 15 мая 1884 года, а вторая— въ селѣ Высокомъ, Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, основана 10 іюля 1884 года. Состоитъ почетнымъ членомъ Вяземскаго вольнаго пожарнаго общества. **А. Хвостовъ.**

Политическое обозрѣніе.

26 мая въ Килѣ произошло знаменательное событіе встрѣчи Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго. Его Величество Государь Императоръ наканунѣ вечеромъ отбылъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ на яхту „Полярная Звѣзда", которая вслѣдъ затѣмъ отправилась въ Киль. Императоръ на яхтѣ „Hohenzollern" пошелъ на встрѣчу Русскаго Императора и Цесаревича до Фридрихсорта, мимо котораго „Полярная Звѣзда" прошла въ 9 ч. 50 м. утра. 26 мая, въ 10¹/₄ ч., при громѣ пушечныхъ салютовъ флота, вошли въ портъ „Hohenzollern", „Полярная Звѣзда", „Царевна", „Адмиралъ Корниловъ" и вахтенное судно при безоблачномъ небѣ. Портъ представлялъ чудесное зрѣлище. 25 германскихъ военныхъ судовъ, расцвѣченныя флагами, парадировали и на нихъ раздались громкіе „hoch", когда „Полярная Звѣзда" проходила мимо подъ германскимъ военнымъ флагомъ. На германскихъ судахъ хоры музыки исполняли русскій народный гимнъ, а съ „Полярной Звѣзды" раздавались звуки „Heil Dir in Siegeskranz". Затѣмъ „Полярная Звѣзда" стала на якорѣ рядомъ съ „Hohenzollern". Государь Императоръ въ 10³/₄ час. отправился на яхту „Hohenzollern", чтобы привѣтствовать императора Вильгельма, и пробылъ на яхтѣ 20 минутъ. Въ 11¹/₄ час. императоръ Вильгельмъ отдалъ визитъ Государю Императору на яхтѣ „Полярная Звѣзда". При посѣщеніи Государемъ Императоромъ яхты „Hohenzollern" императоръ Вильгельмъ встрѣтилъ Высокаго Гостя на лѣстницѣ. Оба императора, бывшіе въ мундирахъ прусскаго и русскаго полковъ, шефами которыхъ они состоятъ, нѣсколько разъ обнялись. И при посѣщеніи императоромъ Вильгельмомъ яхты „Полярная Звѣзда" встрѣча имѣла самый сердечный характеръ. Въ 11³/₄ ч. оба Государя отплыли на синемъ императорскомъ катерѣ къ мосту Барбаросса. Ихъ Величества, выйдя на берегъ, прослѣдовали черезъ мостъ Барбароссы въ замокъ, гдѣ состоялся большой пріемъ.

За завтракомъ во дворцѣ Государь Императоръ помѣщался справа отъ императора Вильгельма, а Наслѣдникъ Цесаревичъ — слѣва. Императоры обмѣнялись сердечными тостами. Бесѣда за столомъ отличалась чрезвычайнымъ оживленіемъ. Послѣ завтрака, посѣтивъ въ Гольтенау работы по устройству канала, которымъ соединяется Сѣверное съ Балтійскимъ моремъ, Государь Императоръ и императоръ Германскій осмотрѣли весь участокъ, на которомъ строятся шлюзы, при чемъ Государь Императоръ отозвался съ большою похвалою о колоссальности построекъ. Августѣйшіе Посѣтители неоднократно обращались съ разными вопросами къ состоящимъ при работахъ техникамъ.

Въ 7 часовъ на парадномъ обѣдѣ императоръ Вильгельмъ провозгласилъ тостъ за Государя Императора, сказавъ: „Пью за здоровье Его Величества Государя Императора. Да здравствуетъ Русскій Государь!" При этихъ словахъ флотскій оркестръ заигралъ русскій народный гимнъ. Государь Императоръ отвѣтилъ тостомъ за здоровье императора Вильгельма и выраженіемъ сердечной признательности за оказанный пріемъ.

Въ 9 час. 30 м. Его Величество отбылъ изъ Киля на яхту „Полярная Звѣзда". Германскій флотъ отдалъ салютъ, при чемъ съ германскихъ судовъ пущены были снопы электрическаго свѣта, римскія свѣчи и ракеты.

По случаю встрѣчи Государя Императора съ императоромъ Вильгельмомъ въ Килѣ, *Journal de St.-Pétersbourg* говоритъ: „Друзья мира въ Европѣ узрятъ въ нынѣшнемъ свиданіи двухъ могущественныхъ Государей новый залогъ сохраненія и упроченія общаго миролюбиваго порядка вещей, такъ наглядно отвѣчающаго интересамъ всѣхъ".

Fremdenblatt называетъ свиданіе въ Килѣ новымъ успокоеніемъ для Европы и говоритъ: „Въ числѣ Особъ, дѣйствующихъ въ интересахъ мира, Императоры Александръ и Вильгельмъ занимаютъ самое выдающееся мѣсто".

Почти одновременно мѣстомъ торжественныхъ встрѣчъ былъ Нанси, куда 24 мая прибылъ президентъ Карно. Всѣ улицы убраны французскими флагами; въ убранствѣ города частный починъ видимо соперничалъ съ усердіемъ войскъ, дѣятельно занимавшихся украшеніемъ зданій. Въ городѣ воздвигнуты 32 тріумфальныя арки, одна изъ которыхъ обошлась въ 5,000 франковъ. Несмотря на дождь, прохожденіе войскъ представляло очень красивую картину; движенія войскъ нансійскаго гарнизона отличались большою стройностью. Народъ привѣтствовалъ президента Карно горячими кликами. На другой день епископъ Тюриназъ представилъ президенту подвѣдомственное ему духовенство, при чемъ заявилъ, что и самъ онъ, епископъ, и духовенство раздѣляютъ патріотическія чувства населенія Лотарингіи и желаютъ единенія Франціи на почвѣ правосудія и свободы. Духовенство исполнитъ свой долгъ относительно подчиненія правительству, но хочетъ выполнить свою религіозную миссію во всемъ ея объемѣ. „Мы— сказалъ епископъ—останемся вѣрны этимъ принципамъ, чтобы тѣмъ самымъ исполнить долгъ совѣсти, повелѣвающей намъ служить отечеству".

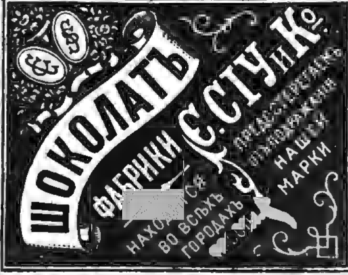
Число съѣхавшихся въ Нанси опредѣляется въ 150,000 чел., приходившіе изъ-за границы поѣзда были переполнены.

Великій Князь Константинъ Константиновичъ, пребывающій нынѣ въ Контрексвиллѣ, также прибылъ инкогнито въ Нанси и неожиданно. Полковникъ Шауманъ, извѣщенный въ послѣдній моментъ о пріѣздѣ Великаго Князя, ожидалъ Его Высочество въ вокзалѣ съ многочисленною группою студентовъ. Студенты привѣтствовали Великаго Князя кликами: „Да здравствуетъ Россія!" и пропѣли русскій народный гимнъ. Населеніе присоединилось къ студентамъ. Великій Князь прослѣдовалъ въ префектуру, куда затѣмъ прибылъ и президентъ Карно. Бесѣда продолжалась десять минутъ, послѣ чего Великій Князь, опять среди восторженныхъ кликовъ публики, тотчасъ уѣхалъ въ Контрексвилль.

На банкетѣ въ городской ратушѣ присутствовало 150 лицъ. Президентъ Карно, отвѣчая на тостъ мэра, благодарилъ за патріотическій пріемъ, оказанный ему древнимъ лотарингскимъ городомъ, и затѣмъ сказалъ: „Подъ щитомъ республики Франція идетъ твердымъ шагомъ по пути прогресса, преслѣдуя свои задачи согласія и объединенія всѣхъ живыхъ силъ націи. Оставаясь непоколебимою въ спокойной, миролюбивой и достойной ея политикѣ, пріобрѣтшей ей драгоцѣнныхъ друзей, республиканская Франція сохранитъ уваженіе всего міра".

По отзывамъ парижскихъ утреннихъ газетъ, свиданія въ Килѣ и Нанси доказываютъ, что въ положеніи дѣлъ перемѣнъ не произошло, и находятъ, что дружественныя отношенія между Франціею и Россіей какъ были, такъ и остаются залогомъ мира.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. ценз., СПБ., 3 іюня 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. — г. XXIII

№ 24 — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.). ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 іюня 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Турецкое кладбище въ Скутари, близъ Константинополя. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

— Комикъ и юмористъ! добродушно послалъ ему вслѣдъ Луневъ.

Лидія Львовна окинула незамѣтнымъ взглядомъ ближайшихъ сосѣдей. Всѣ разошлись или были заняты разговорами.

Она вполголоса сказала, чуть улыбнувшись:

— Комикъ, но не юмористъ!

— Почему такъ? спросилъ ея собесѣдникъ, немного удивленный.

— Я думаю, вы и сами думаете то же. Комики бываютъ очень занимательны подражая. Но юморъ долженъ быть самобытенъ... да и направленъ немного иначе... Даже совсѣмъ иначе!

— Чѣмъ у Шеснева?

— Да... чѣмъ у большинства такихъ, какъ онъ. Ихъ вѣдь много!

— Кого это? Дмитріевъ Андреевичей Шесневыхъ? переспросилъ графъ, заинтересованный ея замѣчаніями.

— О, Боже мой! Vous tenez au nom!.. [1]) Я говорю же вамъ, что имя имъ—легіонъ! засмѣялась Лидія.

— Pardon! Но вы выражаетесь очень неопредѣленно. Я бы очень хотѣлъ знать, кому — *имъ*?

— Добродушнымъ комикамъ, которые играютъ дешевымъ острословіемъ, не разбирая во что попадаютъ стрѣлы ихъ сатиръ... Впрочемъ, не очень злыхъ сатиръ!.. снова разсмѣялась Лидія.

— О, какъ вы тонко и строго судите! Бѣдный Шесневъ!

— Ахъ, Богъ съ вами! Чѣмъ бѣдный?.. вспыхнула она. — Я, право, не осуждаю... Я говорю вообще...

— За то въ частности вы его утѣшите, принявъ участіе въ хорѣ! Не правда ли?

— Не... не знаю... Я вѣдь страшно перемѣнчива!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Непостоянство — женскій порокъ.

— Oh! Comme c'est vieux!.. [2]) Охота вамъ повторять такія прописи!

— Ну, вотъ видите, какая вы безпощадная!.. Съ вами надо держать ухо востро. Вотъ и я попался въ повтореніи.

— Это бы ничего. Мы вѣдь всѣ, поневолѣ, немножко попугаи... Да и мудрено тысячи лѣтъ жить милліонамъ людей и не повторять чужихъ словъ. Но это не вѣрно...

— Такъ за что-жь вы обвиняете Дмитрія Андреевича въ подражаніи? прервалъ Луневъ, не дослушавъ.

— Въ преднамѣренномъ и завѣдомомъ — это другое дѣло!.. Они, — то есть такіе, какимъ онъ мнѣ показался, — не потому повторяютъ и копируютъ чужое, что les beaux или les mauvais ésprits se rencontrent, [3]) а потому что сами хотятъ снова сказать или сдѣлать то, что имъ кажется умнымъ, эффектнымъ, забавнымъ... А это ужь не хорошо! Это тотъ же плагіатъ.

„Преоригинальная дѣвица!“ думалъ глядя на нее и любуясь ею, самъ того не сознавая, Луневъ. „Вотъ она — самобытный и очень рѣдкій экземпляръ! Кажется... А впрочемъ, какъ ихъ узнать?.. У иной такъ все напускное, все лживое кажется своимъ, искреннимъ, что и не отличишь... А я, какъ всегда, неисправимъ: готовъ все что блеститъ принять за золото!“

Онъ усмѣхнулся своимъ мыслямъ и на минуту, развлеченный ими, не слушалъ ея живыхъ рѣчей.

— Я увѣрена, что вы преднамѣренно не будете безъ конца няньчиться съ одною фразой только потому, что разъ она понравилась. Но вообще человѣкъ склоненъ, мнѣ кажется, изображать сборники словъ — остроумныхъ или нравоучительныхъ... Какъ и вы сейчасъ несправедливо меня заподозрили въ непостоянствѣ...

Лидія остановилась, глядя, съ улыбкой на оживленномъ лицѣ, въ упоръ на Лунева-Запястьева, подъ вліяніемъ своихъ мыслей склонившаго слегка голову, и глаза опустившаго въ одну точку.

Онъ опомнился, когда умолкъ ея голосъ.

— Pardon, mademoiselle! Вы говорите?..

— Вздоръ, который повторять не стòитъ!.. Ваши мысли навѣрное были несравненно интереснѣе моихъ словъ... Потому-то я и замолчала.

— И совершенно напрасно!.. Мои мысли не стоили такой чести...

— Развѣ потому, что онѣ васъ самого огорчили. Невеселыя мысли, если онѣ безплодны, по-моему, лучше отгонять.

— Лидія Львовна! вскричалъ графъ, — вы совсѣмъ страшная собесѣдница... Отъ васъ не скрыты даже помыслы.

— О, какъ бы я этого хотѣла!.. Въ Лондонѣ есть такой человѣкъ, сестра мнѣ пишетъ. Ясновидящій... Онъ видитъ направленіе мысли по лучамъ, исходящимъ изъ головы человѣка. Это должно быть превесело... Но у меня, къ несчастію, нѣтъ такого дара...

— Вы однако узнали, что мои помыслы не розоваго цвѣта.

— Пеняйте на себя!.. Чѣмъ же я виновата, что вы исключеніе?

— То-есть?.. Исключеніе *изъ?* улыбнулся Луневъ, глядя вопросительно.

— Ахъ, да изъ огромнаго большинства!.. Вы не умѣете лицемѣрить... Всѣ мысли и чувства ваши отражаются на лицѣ... Вы не отъ міра сего... Pardon!

Лидія спохватилась, что по обыкновенію высказала больше чѣмъ хотѣла. Но Луневъ поймалъ ее на словѣ и не соглашался оставить его безъ опредѣленія. Оживленная бесѣда ихъ продолжалась слово за слово, разумѣется привлекая вниманіе и комментаріи многихъ.

Они и во время ужина—Елена Аркадьевна де-Прево жила по-старосвѣтски и не любила, когда ея гости уѣзжали голодными,—сидѣли рядомъ и очень казались довольны своимъ сосѣдствомъ. Завольская хоть и упрекала графа, что онъ не отъ міра сего, но въ сущности сама, не болѣе чѣмъ онъ, была способна сообразоваться съ требованіями свѣта или помнить его законы. Несмотря на молодость, она была очень самобытная и самостоятельная особа. Имѣла свои собственныя правила, и съ дѣтства балованная, съ двадцати же лѣтъ вполнѣ предоставленная собственной волѣ, не легко отступалась отъ убѣжденій.

IV.

Въ обществѣ скоро заговорили о красивой, богатой, эксцентричной молодой дѣвушкѣ. Завольская выѣзжала много, легко знакомясь съ людьми, даже охотно переступала общественныя грани. Она вообще держалась крайне самостоятельно, не затрудняясь не только высказывать личныя симпатіи или непріязни, но подъ-часъ прямо заявлять свои мнѣнія о людяхъ и вещахъ, въ противность всѣмъ авторитетамъ, искренно и безбоязненно.

Разъ или два родственница, съ которой она поселилась, жена одного изъ сонма департаментскихъ директоровъ, Марья Васильевна Бергардтъ, вздумала было сдѣлать ей замѣчаніе. Она заявила, что, какъ пожилая женщина, знающая свѣтъ и злобу людскую, она считаетъ своей обязанностью предупредить ее, остановить отъ увлеченій молодости, которыя могутъ ей по-

[1]) Вамъ непремѣнно нужно имя.

[2]) Какъ это старо!..

[3]) Блестящіе или не блестящіе умы сходятся въ воззрѣніяхъ.

вредить. Лидія поблагодарила за участіе, но прямо попросила родственницу или прощать ей ея прегрѣшенія, или же, если не станетъ у нея съ ней терпѣнія и найдетъ она для себя обременительнымъ сожительство такой безпокойной особы, — предупредить ее заранѣе... „по крайней мѣрѣ за недѣлю"...

— Какъ?.. Зачѣмъ же это? удивилась почтенная дама.

— Какъ же зачѣмъ, тетушка! Обременять васъ своею безпокойною особой, противъ желанія вашего, я, разумѣется, не захочу. Но вѣдь надо же мнѣ нѣсколько дней для пріисканія приличнаго помѣщенія...

— Помѣщенія! могла только повторить какъ эхо Марія Васильевна.

— Ну, да... Какъ я ни равнодушна къ общественнымъ толкамъ, однако все же не хотѣлось бы селиться наобумъ... Тѣмъ болѣе, что я и сама люблю удобства, да и нахожу, что всякій себя уважающій человѣкъ обязанъ заботиться о своей обстановкѣ.

— Такъ что-жъ! Неужели изъ-за того, что я по-матерински дала вамъ добрый совѣтъ, вы компрометируете и себя, и насъ, переѣхавъ на квартиру?.. Въ меблированныя комнаты можетъ-быть! вспылила госпожа Бергардтъ.

— О, нѣтъ! Богъ съ вами, совсѣмъ не потому... Я очень благодарна вамъ за участіе... Но боюсь своей неисправимостью васъ обезпокоить... И потомъ, зачѣмъ же переходить въ меблированныя комнаты?.. Хотя въ крайности я не видала бы въ томъ особаго неприличія, тѣмъ болѣе, что со мной Антуанета Карловна... Но мнѣ не придется искать меблированныхъ комнатъ: Ольга Марковна Петроковская такъ добра, что предлагаетъ мнѣ свое гостепріимство, въ случаѣ, если бы вы мною стѣснялись... Она готова даже перемѣнить ради меня квартиру...

— Ахъ, я не сомнѣваюсь! оскорбилась госпожа Бергардтъ. — Какъ вамъ угодно, Лидія Львовна!.. Я вамъ же добра желая... Извините!

И она вышла, сильно взволнованная, но скоро успокоилась и ужь болѣе не возобновляла своихъ нравоученій.

Дѣло въ томъ, что Марья Васильевна была и чванлива, и очень разсчетлива. Пребываніе въ домѣ ея молоденькой родственницы, которая и платила за свое содержаніе очень щедро, и кромѣ того открывала ей своимъ присутствіемъ двери въ такіе дома, гдѣ ее, госпожу Бергардтъ, предпочитали игнорировать, было ей очень пріятно.

„Пусть дурачится, самодурка чванливая! Какое мнѣ дѣло!.. Я и не заикнусь, если она такъ неблагодарно принимаетъ мое участіе!" рѣшила она, съ негодованіемъ помышляя объ „этой интриганкѣ" Ольгѣ Марковнѣ Петроковской, такой же очень, очень дальней родственницѣ Завольскихъ, какъ и сама она, весьма желавшей перетянуть ее къ себѣ.

Такимъ ловкимъ маневромъ Лидія Львовна обезпечила свою независимость. И посмѣялась же она надъ своей хитростью, описывая ее сестрѣ своей, жившей въ Англіи! Эта сестра, Павла Львовна Леннель, была болѣе чѣмъ на десять лѣтъ старше Лидіи и въ былые годы не разъ замѣняла ей материнскій призоръ, пока не покинула Россіи, выйдя замужъ за иностранца. Сэръ-Эдвинъ Леннель служилъ при британскомъ посольствѣ въ Вашингтонѣ, куда и увезъ молодую жену. Пять лѣтъ прожили они за океаномъ, пока баронету не удалось устроить, чтобъ его отозвали на службу въ отечество. Теперь они ужь третій годъ жили въ Лондонѣ, куда сестра усердно призывала Лидію, съ самаго дня смерти ея бабушки. Лидія собиралась, но просила сестру дать ей время познакомиться съ петербургской жизнью, съ петербургскими удовольствіями, до окончательнаго переселенія.

„Позволь чуточку перебѣситься, Павочка, писала она сестрѣ. — Я увѣрена, что выѣзды, танцы и всякія увеселенія не долго будутъ занимать меня. Ты помнишь, какъ въ дѣтствѣ мнѣ надоѣдали игрушки? Какъ я ломала ихъ, чтобъ убѣдиться, нѣтъ-ли внутри ихъ чего-нибудь поинтереснѣе?.. Ну, теперь точно такъ же скоро надоѣдаютъ мнѣ одни и тѣ же развлеченія, одни и тѣ же мѣста, а больше всего — одни и тѣ же люди!.. Ахъ, еслибъ ты знала, какъ почти всѣ они здѣсь одинаковы!.. Неужели и у васъ все такіе же шаблонные, common-place'ные люди?.. Когда мы съ papa жили въ Лондонѣ, я была такая маленькая, что не запомнила... Мнѣ очень жаль, что вы переѣхали изъ Америки: туда бы я съ бо́льшею готовностью переселилась, потому что въ Новомъ Свѣтѣ нашлись бы можетъ-быть новые люди... Старая Европа, кажется, еще хуже нашей полу-Азіи; хоть и наше общество изъ силъ выбивается, стараясь отполироваться до полнаго безличія. Есть конечно, иногда, рѣдкія исключенія... да и то!.. Богъ ихъ разберетъ, можетъ мнѣ такъ кажется? Вѣдь не разломишь ихъ пополамъ, какъ картоннаго полишинеля, и не заглянешь внутрь — патентованныя-ли тамъ пружины..."

Выѣзжала Лидія Львовна очень много, предпочитая являться въ общество съ М-me Бергардтъ, но ни мало не затрудняясь, въ случаѣ ея нежеланія ѣхать, довольствоваться сопровожденіемъ Антуанеты Карловны, старушки, жившей у бабушки ея въ качествѣ чтицы, а ей самой замѣнявшей при случаѣ гувернантокъ. Никто не былъ ей такъ близокъ теперь, какъ она, и никто не могъ охотнѣе помогать ей во многихъ ея затѣяхъ, которыхъ Лидія не желала бы довѣрять другимъ. У нея были своеобразныя понятія объ обязанностяхъ къ своимъ ближнимъ, о благотворительныхъ задачахъ и разрѣшеніи различныхъ вопросовъ жизни. Эти понятія задавали ей много хлопотъ и практической дѣятельности, о которой знала одна ея компаньонка.

Насмѣшница-судьба за все это время подшучивала надъ двумя поклонниками красоты Лидіи Львовны, которые замѣтили ее съ первыхъ дней ея появленія въ Петербургѣ: Нордштетъ и Лассунскій, давъ промахъ на семейномъ вечерѣ адмиральши де-Прево, потомъ долго, до самаго бала Роксанской, никакъ не могли наверстать потерянный случай — встрѣтиться съ нею въ обществѣ. Узнавъ нѣкоторыя подробности о замѣченной ими хорошенькой дѣвушкѣ, имѣя въ виду съ нею познакомиться, оба стали сдержаннѣй при встрѣчахъ съ ней на улицахъ, только почтительно-восторженными взглядами позволяя себѣ высказывать благоговѣніе предъ ея красотой; но какъ они, въ особенности Лассунскій, ни бились, никакъ не могли добиться чести быть ей представленными. Михаилъ Алексѣичъ даже къ адмиральшѣ ѣздилъ съ повинной, но и тутъ не вывезло. Въ слѣдующій пріемный день Елены Аркадьевны ни Завольская, ни графъ Луневъ-Запястьевъ у нея не были; оказалось, что они оба, будто сговорясь, слушали въ тотъ вечеръ оперу, а потомъ адмиральша заболѣла и пріемы ея на время прекратились.

Графъ Луневъ потѣшался надъ ними несказанно. Онъ и самъ старался устроить пріятелямъ встрѣчу, гдѣ возможно было бы ихъ представить Лидіи Львовнѣ, но все не приходилось. Въ ожиданіи представленія оба имѣли случай убѣдиться, что кругъ знакомства Завольской возросталъ быстро и не ограничивается встрѣчами на вечерахъ или въ чужихъ домахъ, а что она сама принимаетъ многихъ. Луневъ удостовѣрилъ ихъ въ этомъ.

— Погодите, вотъ будете представлены, я самъ васъ повезу къ почтенной дамѣ, у которой она живетъ, и вы ею будете милостиво приглашены бывать, утѣшалъ ихъ графъ.

Турецкое кладбище въ Эюбѣ (у Золотаго Рога) въ Константинополѣ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Ярмарка въ Галиційскомъ мѣстечкѣ. Съ карт. Страйта (исключ. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ"), грав. Пуцъ.

— Какою дамой? поморщился Лассунскій. — Этой старенькой дуэньей, что съ ней гуляетъ?

— О, нѣтъ!.. Это компаньонка. А то генеральша-родственница, у которой живетъ M-lle Завольская.

— Ага! Такъ мы еще подъ опекой? освѣдомился баронъ.

Но Луневъ разсмѣялся и успокоилъ его, отвѣтивъ, что опека весьма не стѣснительная, „toute fictive“... Что въ сущности „опекаемая“ царитъ полновластно, не только надъ тетушкой Бергардтъ, но и надъ самимъ директоромъ департамента.

Благотворительный балъ княгини Роксанской, первый балъ, на которомъ въ Петербургѣ появилась Завольская, былъ для нея великимъ успѣхомъ. Въ слѣдующіе за нимъ дни въ гостиной Марьи Васильевны Бергардтъ перебывало такое множество людей, не знавшихъ прежде ея адреса,—людей, которыхъ фамиліи, произносимыя ею въ качествѣ личныхъ знакомыхъ, переполняли ее самодовольствіемъ, что ея тщеславное сердце возрадовалось.

Тамъ же наступилъ долго жданный Нордштетомъ и Лассунскимъ моментъ: въ блестящей обстановкѣ бальной залы графъ Луневъ-Запястьевъ представилъ своихъ пріятелей Лидіи Львовнѣ. Они оба охотно танцовали и заполонили ее, въ числѣ другихъ танцоровъ, на весь вечеръ.

Луневъ не танцовалъ. Походивъ по заламъ, поговоривъ на лету съ нѣкоторыми, съ другими только раскланявшись, онъ расчелъ, что достаточно заявилъ о своемъ присутствіи и можетъ со спокойной совѣстью удалиться. Его отсутствіе, безъ сомнѣнія, никакого ущерба не нанесло бы оживленію бала; онъ ужь нѣсколько разъ повторялъ себѣ, что уйти можно, что его ухода никто не замѣтитъ, но почему-то не уходилъ. Въ послѣднее время Петръ Владиміровичъ часто ловилъ себя на несообразностяхъ дѣйствій своихъ съ убѣжденіями и самъ надъ собой хмурилъ брови, недовольный такой нравственной несостоятельностью.

Такъ и на балѣ княгини Роксанской. Онъ, все думая, что пора ѣхать домой, проходилъ и простоялъ, глядя на танцующихъ, до конца котильона, самъ не зная, чего ожидая... Ужь очень хороша была въ тотъ вечеръ Лидія Завольская!.. Онъ любовался ею какъ артистъ, какъ художникъ, какъ любитель во всемъ красоты формъ, гармоніи очертаній, а въ прелести женскихъ лицъ — осмысленной оригинальности выраженія — „Божіей искорки“, не всегда одухотворяющей красивыя лица... Такъ говорилъ онъ, самъ себѣ объясняя причину, почему не сводилъ съ нея глазъ.

Въ этомъ фактѣ графъ Луневъ-Запястьевъ долженъ былъ себя наконецъ уличить, какъ ни старался вначалѣ лицемѣрить, обходя его мысленно.

Котильонъ оконченъ. На минуту жаркая танцовальная зала, пресыщенная запахомъ духовъ и цвѣтовъ, во множествѣ разсыпанныхъ въ котильонѣ, огласилась говоромъ, словно громкимъ пчелинымъ жужжаніемъ, и вотъ оркестръ, притихнувшій на мгновеніе, грянулъ полонезъ, и пара за парой направились къ ужину.

Вмигъ одиноко стоявшій Луневъ былъ охваченъ пестрой волной, и не успѣлъ посторониться, какъ услыхалъ надъ самымъ ухомъ веселый голосъ Лассунскаго:

— А вы еще здѣсь, анахорѣтъ?.. Не исполнили своего намѣренія удалиться при первомъ звукѣ танцевъ?

— Вотъ не понимаю, какъ быть на балѣ и не танцовать!.. Пойдемте хоть ужинать, графъ!.. Или вы не только анахоретъ, но и постникъ?..

Луневъ взглянулъ на сіявшее беззаботнымъ веселіемъ красивое лицо говорившей и пошелъ вслѣдъ за ними, не къ особенному удовольствію своего пріятеля, но повидимому самъ оказался доволенъ, что остался ужинать. Вниманіе Лидіи Львовны, танцовавшей котильонъ съ Лассунскимъ, во время ужина не совсѣмъ было на немъ одномъ сосредоточено... Онъ даже нашелъ, что она мало на него обращаетъ вниманія, вся увлеченная бесѣдой со своимъ сосѣдомъ по правую руку, и втайнѣ не разъ командировалъ пріятеля въ преисподнюю за такое нарушеніе правъ собственности...

Луневъ однако и не замѣтилъ, что безправно отнялъ у Лассунскаго вниманіе его дамы, по законамъ котильона долженствовавшее на него распространяться и во время ужина. Какъ истый субъектъ „не отъ міра сего“, онъ въ невинности души пользовался выпавшими на его долю пріятными минутами бала; мало того, онъ ввелъ Лидію Львовну въ непростительное беззаконіе: послѣ ужина танцы возобновились вальсомъ и продолжались долго, а она отказалась вальсировать и охотно отказалась бы отъ мазурки, еслибъ она у нея не была отдана ранѣе. Подъ предлогомъ усталости, Лидія осталась на полпути къ залѣ танцевъ, въ маленькой гостиной, и тамъ, несмотря на настойчивые вызовы кавалеровъ, отказывала всѣмъ, отдыхая въ глубокомъ креслѣ, въ разговорѣ съ однимъ, беззаконно избраннымъ, не танцующимъ собесѣдникомъ, тогда какъ должна была, по всѣмъ правиламъ, кружиться со многими танцорами.

Такое неприличіе конечно было замѣчено и коментировано не въ пользу виновной, тѣмъ болѣе, что она нашла возможность его еще увеличить. Раздосадованная десятымъ перерывомъ разговора ея съ графомъ, она съ досадой попросила подошедшую къ ней даму,— „ласково“ замѣтившую, что „на балы молодежь пріѣзжаетъ веселиться, а не сидѣть по угламъ“,—не заботиться о ея веселіи...

— Мое милое дитя, на французскомъ языкѣ назидательно остановила ее дама, — вы молоды и сирота; васъ некому наставить и вы должны бы меня поблагодарить.

— О, да, съ удовольствіемъ, весело отвѣчала Лидія,— только позвольте мнѣ для этого пріѣхать къ вамъ завтра утромъ, а теперь, пожалуйста, дайте докончить разговоръ мой съ графомъ. Онъ очень важенъ и серьезенъ, увѣряю васъ!

Дама отошла оскорбленная и тутъ же отдала приказаніе своимъ дочерямъ не разговаривать и прекратить знакомство съ этой „petite insolente, mal élevée“... [1])

Нечего и говорить, что Луневъ неоднократно порывался стушеваться, уговаривалъ Лидію Львовну не скандализировать общественнаго мнѣнія и противъ себя его не возбуждать. Но она и слышать не хотѣла его просьбъ, пресердито увѣряя, что она сочтетъ себя лично оскорбленною, если онъ отойдетъ.

— Я завтра, если позволите, пріѣду къ вашей тетушкѣ, чтобъ окончательно переговорить о вашемъ проектѣ, приговаривался онъ къ ея возвращенію въ большую залу.

— Завтра вы разумѣется пріѣзжайте. Здѣсь не дадутъ условиться! согласилась она.—Но если вы оставите меня до мазурки, то я брошу своего кавалера и уѣду... Тѣмъ хуже для него!

— И для васъ, Лидія Львовна!.. Вы шутите съ огнемъ... Зачѣмъ возбуждать пересуды и сплетни?

— Вотъ къ чему я совершенно равнодушна!.. Да развѣ возможно ихъ избѣжать?.. Да, по-моему тотъ человѣкъ котораго всѣ оставляютъ въ покоѣ, никто ни въ чемъ не осуждаетъ, достоинъ сожалѣнія: это долженъ быть такой безличный идіотъ... Да и того въ покоѣ не оставятъ... Неужели вы боитесь „людской молвы, морской волны“?.. Гдѣ это сказано?.. Очень вѣрно и картинно... Такъ вотъ что, графъ, о моемъ проектѣ мы завтра переговоримъ, а теперь, скажите— вы беретесь мнѣ это узнать?.. Имя его и адресъ.

Она возвратилась къ главной темѣ ихъ разговора и

[1]) Дерзкой, дурно-воспитанной дѣвчонкой.

встала только, когда заиграли мазурку и кавалеръ ея, раскланявшись предъ нею, властно щелкнулъ каблуками съ серебрянымъ звономъ.

Это былъ призывъ, которому не могло послѣдовать отказа. Лидія встала, дружески простившись съ Луневымъ „до завтра", а онъ, не заходя болѣе въ танцовальную залу, уѣхалъ.

V.

„Странная дѣвушка! Очень странная!" думалъ онъ, по дорогѣ домой, закуривъ сигару и разсѣянно глядя въ окно на сѣтку частаго снѣга. „Зачѣмъ ей адресъ этого господина?.. Или хочетъ помочь? Но вѣдь три тысячи! Цѣлый капиталъ... Положимъ, говорятъ она очень богата... Пусть ужь лучше такъ тратится, чѣмъ на женскую безтолочь!.. И что̀ еще она выдумала: какой *проектъ*?.. Не могутъ онѣ жить безъ тайнъ, безъ замысловъ... И что за фантазія меня — именно меня избрать въ соучастники?.. Безъ году недѣлю знакомы... А впрочемъ она говоритъ, что въ Петербургѣ никого не знаетъ. Можетъ быть,—даже вѣроятно это правда!.. Очень лестно! Только бы не въ postillon d'amour попасть!"

Дойдя до такого напускнаго заключенія, насильственно выжатаго добросовѣстными усиліями графа настроить себя на досаду и раздраженіе, онъ самъ устыдился своего лицемѣрія. Но несмотря на это, не могъ никакъ отъ него отдѣлаться до самаго утра. Не спалось ему въ этотъ остатокъ ночи, и онъ, то и дѣло, ловилъ себя на выжиманіи ужасно фальшиво звучавшихъ возгласовъ: „да Богъ съ ней совсѣмъ!.. Ну, какое мнѣ до нея дѣло?.. Такая-жъ пустельга... и можетъ быть такая-жъ ходячая ложь, какъ большинство женщинъ... Ну ее!.. Заснуть бы скорѣй!.." Но сонъ не приходилъ. Какъ ни досадно, какъ ни горько было этому испытанному жизнью человѣку, „давно отжившему свою молодость" — такъ по крайней мѣрѣ самъ онъ былъ увѣренъ,—сознавать въ себѣ признаки, съ юности не испытаннаго, увлеченія, но приходилось считаться съ безпокойными признаками этого недуга... Темные, глубокіе, блестящіе глаза, осѣненные черной бахромой рѣсницъ; живой румянецъ и живая улыбка на яркихъ губахъ; а болѣе всего живыя, искреннія рѣчи Лидіи Завольской положительно не давали заснуть графу Луневу-Запястьеву въ ночь послѣ бала княгини Роксанской, какъ суждено имъ было впослѣдствіи много разъ не давать ему покоя и забвенія.

Тѣмъ не менѣе Лидія Львовна еще сладко почивала, когда графъ былъ ужь давно на ногахъ и рыскалъ по городу исполняя ея порученіе. Побывалъ онъ у Синяго моста въ отдѣленіи одного департамента, съ начальникомъ котораго имѣлъ разговоръ; затѣмъ, дождавшись прибытія директора, попросилъ и у того аудіенціи. Собравъ самыя подробныя свѣдѣнія касательно лица, о которомъ справки обѣщался ей доставить, отъ его прямаго начальства, онъ съѣздилъ еще и въ его мѣстожительство, на Васильевскій островъ, гдѣ, помощью нѣсколькихъ подачекъ „на чаекъ" дворникамъ, добылъ массу интимныхъ свѣдѣній и убѣдился окончательно, что газетная статья, прочитанная Завольскою, не вымыселъ и даже ничуть не преувеличена. Тогда онъ со спокойною совѣстью направился въ противоположную часть города, гдѣ проживалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Богданъ Ѳеодоровичъ Бергардтъ.

— Встала-ли барышня? Принимаютъ-ли? съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ голосѣ спросилъ онъ отворившаго ему двери человѣка.

Оказалось что графа ждутъ.

Его встрѣтили въ первой пріемной комнатѣ, но провели въ слѣдующую, маленькую, „собственную" гостиную, осторожно оглядѣлись, заперли двери съ обѣихъ сторонъ и съ нетерпѣніемъ, съ блескомъ любопытства въ глазахъ, вопросительно на него посмотрѣли.

— Говорите! Узнали хоть что-нибудь?

— Говорю: узналъ все! какъ эхо отвѣтилъ Луневъ, впадая въ ея тонъ.

— Да перестаньте-жь клоунствовать, ради Бога!.. Вотъ не подозрѣвала за вами такого таланта... Неужели и на васъ нельзя въ серьезномъ дѣлѣ понадѣяться?

На этотъ разъ голосъ ея прозвучалъ неподдѣльнымъ огорченіемъ, заставившимъ дрогнуть какую-то затаенную струнку въ глубинѣ сердца Лунева; струнку сочувственную, которую онъ усиленно заставлялъ молчать.

— Простите, простите! торопливо перемѣнилъ онъ манеру.—Я все узналъ, въ самомъ дѣлѣ. Я былъ и въ мѣстѣ служенія этого несчастнаго старика, и въ домѣ, гдѣ онъ живетъ. Я разспрашивалъ всѣхъ и всѣ показанія сходятся въ томъ, что это честнѣйшій труженикъ, добрый, прекрасный человѣкъ. Вся вина его была въ излишней добротѣ... Онъ пріютилъ этого негодяя, воспитывалъ его вмѣстѣ съ родными своими дѣтьми и не могъ рѣшиться прогнать его изъ семьи, несмотря на всѣ его безчестные поступки. Этотъ несчастный юноша кончилъ тѣмъ, что обезчестилъ и разорилъ семью дяди, которому всѣмъ обязанъ. Онъ погубилъ ихъ...

Лидія слушала внимательно, неподвижно, опустивъ глаза и высоко дыша отъ сдержаннаго волненія. Она волновалась бы еще сильнѣй если-бъ знала, какъ глубоко взволнованъ ея собесѣдникъ,—не разсказомъ своимъ о печальномъ положеніи бѣднаго чиновника, а красотой и близостью ея къ нему, все сильнѣе подпадавшему подъ иго чувства, котораго онъ боялся, не хотѣлъ, не смѣлъ испытывать болѣе.

При послѣднихъ словахъ его она вскинула на него глаза, вопросительно прошептавъ:

— Изъ-за *трехъ* тысячъ?!..

— Если негдѣ взять трехъ тысячъ—онѣ равняются тремъ милліонамъ, снисходительно возразилъ Луневъ-Запястьевъ, любуясь ею.—Племянникъ укралъ у него три тысячи казенныхъ денегъ: людей за растрату трехъ казенныхъ рублей, если они не могутъ ихъ пополнить, судятъ и караютъ!.. Доказательствъ на воровство племянника — у него нѣтъ, хотя оно ясно. Тотъ застрѣлился, да если бъ даже былъ онъ живъ и самъ сознался въ воровствѣ,—это не облегчило бы положеніе старика: законъ не принимаетъ такихъ оправданій... Онъ долженъ лишиться мѣста и если-бъ даже онъ не пошелъ въ Сибирь—семья его пойдетъ по міру!

— Нѣтъ, не пойдетъ! горячо вскричала Лидія.

И продолжала тише:

— Вѣдь онъ еще не подъ судомъ? Вѣдь есть еще время и если онъ внесетъ три тысячи, его не выгонятъ со службы?.. Что̀ вамъ говорили тамъ,—въ его департаментѣ?.. Вѣдь вы спрашивали?.. Ахъ, да что-жъ вы не говорите! нетерпѣливо топнула она ногой, какъ избалованный, несдержаный ребенокъ.—Это несносно!

Графъ Луневъ опомнился, отвелъ отъ нея глаза, сообразилъ вопросы.

— Да, да!.. Конечно, спрашивалъ. Срокъ ему данъ десяти-дневный... Еще три дня осталось...

— Ну, такъ онъ ихъ внесетъ! вскочила съ мѣста Лидія Львовна, ушла на минуту въ свою спальню и возвратилась оттуда съ пакетомъ.

Она держала его одной рукой, вся сіяя радостью, а другую протянула графу, глядя на него повиннымъ взглядомъ.

— Вы ужь простите меня, голубчикъ, Петръ Владиміръічъ... Я такъ противъ васъ виновата!.. Вы хлопотали, встали ни свѣтъ ни заря, ѣздили по моей просьбѣ, — а я, вмѣсто спасибо, еще кричу на васъ!.. Вы не сердитесь?..

— Я! На васъ?!..

(Продолженіе будетъ).

Миражи (очерки, легенды, впечатлѣнія).

Вас. И. Немировича-Данченко.

III. Закинѳскія ночи.

Мы подплывали къ Занте въ чудную, ярко-озаренную ночь. Всѣ, кто только былъ на пароходѣ—вышли на верхъ и замерли, не отрывая глазъ отъ этихъ воздушныхъ, теперь казавшихся совсѣмъ призрачными, береговъ... Іоническое море было тихо—оно и сіяло и синѣло, а по слѣду, бѣжавшему за нами, ярко сверкали милліоны звѣздъ... Я уже былъ на Корфу, но меня предупреждали, что его красота—ничто въ сравненіи съ нѣжною прелестью Закинѳа, какъ называютъ греки свой островъ. Венеціанцы, когда-то царствовавшіе въ Средиземномъ морѣ, окрестили Занте именемъ жемчужины; ихъ поэты говорили,—что если рай напоминаетъ Закинѳъ, то стоитъ быть праведнымъ. Ароматъ апельсинныхъ и лимонныхъ цвѣтовъ, лилій и розъ, жасминовъ и левкоя—переполняетъ его воздухъ такъ, что мы приближеніе волшебнаго острова угадали издали, когда еще и берега его не показывались. Вѣтерокъ вѣялъ оттуда легкій, чуть замѣтный, но на его крылахъ уже доносился къ намъ первый привѣтъ Занте: благоуханное дыханіе его долинъ... Съ нами былъ одинъ грекъ оттуда. Онъ оставилъ родину десять лѣтъ тому назадъ и вотъ уже цѣлый день не уходилъ съ палубы, ожидая—когда его влюбленному взгляду откроются волшебныя скалы Эліо. Вечеръ покрывалъ Іоническое море багрянцемъ и золотомъ, но онъ упорно смотрѣлъ все въ одну и ту же сторону. Когда, наконецъ, подъ трепетнымъ мерцаніемъ звѣздъ легко и смѣло выступили зубцы Закинѳскихъ горъ, на его лицѣ были слезы и едва-ли увлаженнымъ взоромъ онъ различалъ ихъ милыя очертанія...

Удивительная ночь!

Такой задумчивой, мечтательной—я не помню на своемъ вѣку. Все казалось притаилось чуть дыша... Какое-то таинство совершалось и въ безднѣ неба, и въ глубинѣ моря... Никуда не тянуло, ничего не хотѣлось—такъ хороша была эта дѣйствительность! Огонекъ мелькнулъ и скрылся. Другой проступилъ, помигалъ-помигалъ и остался, точно открылъ свое пламенное око... Пароходъ шелъ прямо къ маяку, за которымъ бѣлѣлъ,—именно бѣлѣлъ какъ бѣлѣетъ серебряная глыба,—городъ лѣниво и привольно раскидывавшійся надъ заливомъ. И городъ былъ легокъ и воздушенъ,—такъ воздушенъ, что казалось онъ на мгновеніе опустился къ этимъ синимъ скаламъ. Потянетъ вѣтерокъ—и онъ подымется и медленно и плавно утонетъ въ звѣздной дали.

Когда пароходъ уже подошелъ—тяжело было оставаться и ждать утра на палубѣ... Хотѣлось скорѣе убѣдиться: призракъ это или въ самомъ дѣлѣ бѣлыя венеціанскія палаццо выросли у этихъ тихихъ и ласковыхъ водъ. За то утромъ, когда первые лучи разсвѣта облили ихъ румянцемъ, позолотили ихъ стѣны, когда позади розовыя тучи потянулись изъ просыпавшихся долинъ къ утесамъ сіявшимъ пламенными отблесками ярко, пышно рождавшагося дня,—мы не пожалѣли, что остались на палубѣ. Такой панорамы не увидѣть нигдѣ; такихъ миражей, закрѣпощенныхъ землѣ, не встрѣтишь въ иномъ краю. Я понималъ, что люди плачутъ возвращаясь сюда... Я не могъ постичь только одного, какъ на десятки лѣтъ можно оставить этотъ край чудесъ.

Всѣ торопились на берегъ, я оставался и смотрѣлъ. Никогда еще природа не являлась мнѣ въ такомъ обаяніи. Не только небо было сине, не только море мерцало въ лазурномъ блескѣ,—самыя тѣни здѣсь ложились на все, прозрачнѣе и голубѣе. Въ бездонномъ зеркалѣ залива отражался весь въ этихъ голубыхъ тѣняхъ бѣлый городъ, стройныя лиственницы, пышные платаны, зигзаги старыхъ стѣнъ взбиравшихся къ башнямъ вѣнчающимъ утесы. А вдали за ними... цѣлая перспектива смутныхъ, но величавыхъ вершинъ. Воображеніе подсказывало между ними несравненную прелесть теплыхъ долинъ, гдѣ цѣпкая лоза вьется вокругъ вѣковыхъ буковъ и съ невиданною роскошью жизнерадостный, полный творческихъ силъ Югъ блещетъ такими сочетаніями формъ, цвѣтовъ, оттѣнковъ, что ни кисти художника, ни слову поэта—не передать ихъ живые образы... Наконецъ надо было съѣхать. Послѣдняя лодка чуть-чуть шевелилась на голубомъ зеркалѣ моря у нашего парохода... „Вы съ нами дальше?" спросилъ меня капитанъ. Я взялъ свои вещи, сбросилъ ихъ съ трапа прямо на руки черноглазому греку въ красной фескѣ и самъ послѣдовалъ за ними... Вода падала съ веселъ точно вся окрашенная въ кобальтъ сапфирами, брызги ея лучились въ теплолъ воздухѣ такой необыкновенной прозрачности, что деревья, вѣнцы алоэ и вѣеровидныя лataніи, зеленыя ладони кактусовъ — казались блѣдными тѣнями. Я уже вышелъ на этотъ волшебный островъ. И вся эта бездна внизу! Какъ она была чиста... Насквозь ее проникалъ удивленный взглядъ. Серебристые силуэты медлительныхъ большихъ рыбъ, золотистыя сѣти солнечнаго свѣта на песчаномъ днѣ, какіе-то камни, поросшіе водорослями, неподвижно вытянувшимися вверхъ. Берегъ точно шелъ на насъ, и когда я выскочилъ на каменную поверхность стараго венеціанскаго мола, мнѣ впервой пришло въ голову: куда же я? Отель съ обычными типами восторженныхъ нѣмокъ и куда-то торопящихся англичанъ, съ монотонною обстановкою, давно наскучившею, лакеями во фракахъ, „Times"омъ въ читальной и длинными столами табльдота—казался ужаснымъ. Я обратился къ лодочнику, нельзя-ли нанять комнаты гдѣ-нибудь въ городѣ.

— Тамъ старые дома... Путешественники не любятъ жить въ такихъ: мало удобствъ.

— Какіе старые дома? схватился я за эту вѣсть.

— Венеціанскіе еще.

— Вотъ такой-то именно и покажи мнѣ!.. Я заплачу тебѣ.

Онъ живо схватилъ мою сумку и двинулся въ городъ.

Тѣсныя улицы, голубая лента неба надъ головой, порою слѣпящій просвѣтъ солнечныхъ лучей играющихъ на фрескахъ или барельефахъ забытаго дворца, южно-пестрая живописная толпа—въ одно мгновеніе переживающая больше чѣмъ мы на Сѣверѣ въ цѣлый день. Площадки съ ладонь, на которыя выдвигаются царственные фасады храмовъ. Какія-то лѣстницы вверхъ, обставленныя домами, похожими на башни,—и вдругъ чудесный профиль палаццо, какихъ много въ закоулкахъ Венеціи, съ мраморнымъ кружевомъ оконъ, прорѣзанныхъ подковами, съ пестрыми облупившимися уже кое-гдѣ вставками мозаики, затѣйливыми и узорочными зубцами на кровляхъ, круглыми колоннами внизу, на капители которыхъ ваятель потратилъ все свое искусство, вырѣзавъ мраморъ какъ воскъ. Громада воротъ съ теменью и прохладою за ними, и въ этой темени едва-едва замѣтная широкая и монументальная мраморная лѣстница съ потемнѣвшими статуями, съ бюстами въ нишахъ и тонкими колоннами развѣтвляющимися въ высотѣ въ красивые и легкіе своды. Теперь, мнѣ кажется, я силой бы прорвался туда, если бы насъ не впустили. Лодочникъ увѣренно взбѣжалъ вверхъ по ступенямъ въ какую-то залу, карнизы которой являлись полосою гербовъ и коронъ, въ углахъ затканые паутиной; въ легкомъ матѣ пыли смутно обрисовывались изваянія сатировъ и нимфъ, а полъ весь былъ уложенъ шашками чернаго и розоваго мрамора. Онъ далъ тысячи трещинъ... Окна—хоть въ соборъ такія: громадныя, широкія, въ причудливомъ переплетѣ бѣломраморной рѣзьбы въ тонкихъ колоннахъ, съ вырѣзами трилистника вверху.

— Эге! заоралъ лодочникъ.

Гдѣ-то послышался отзвукъ. Откликнулся кто-то или эхо повторило.

Я имѣлъ неосторожность сунуть греку какую-то монету. Онъ радостно улыбнулся мнѣ и крикнувъ: „здѣсь—она сейчасъ придетъ!" весело кинулся назадъ на берегъ, гдѣ его ждала новая работа и новыя драхмы... Я остался одинъ. Глупѣе положеніе трудно себѣ представить... Какая-то ящерица пробѣжала по стѣнѣ,—зеленая съ рубиновыми глазками, съ гибкимъ хвостомъ. Въ высотѣ подъ потолкомъ всполохнулась и залетала птица... Я подошелъ къ окну,—цѣлое марево плоскихъ кровель внизу и воздушная лазурь моря. И направо и налѣво, словно нѣжно раскинувшіеся обнять его, пышно млѣющіе въ солнечномъ блескѣ берега... Однако, что же это?..

— Эге! крикнулъ я, подражая лодочнику.

Тотъ же откликъ или то же эхо...

— Эге, эге! повторялъ я. Гдѣ-то что-то звякнуло, послышался трескъ, точно отворяли крѣпостную дверь, звяканіе и скрипъ желѣзнаго засова... Не тюремщикъ-ли? Вдругъ направо взвизгнули ржавыя петли, и на черно-розовый мраморъ пола легла какая-то длинная тѣнь.

— Есть-ли кто-нибудь здѣсь? спросилъ я по-итальянски.

Весь Занте говоритъ на этомъ языкѣ.

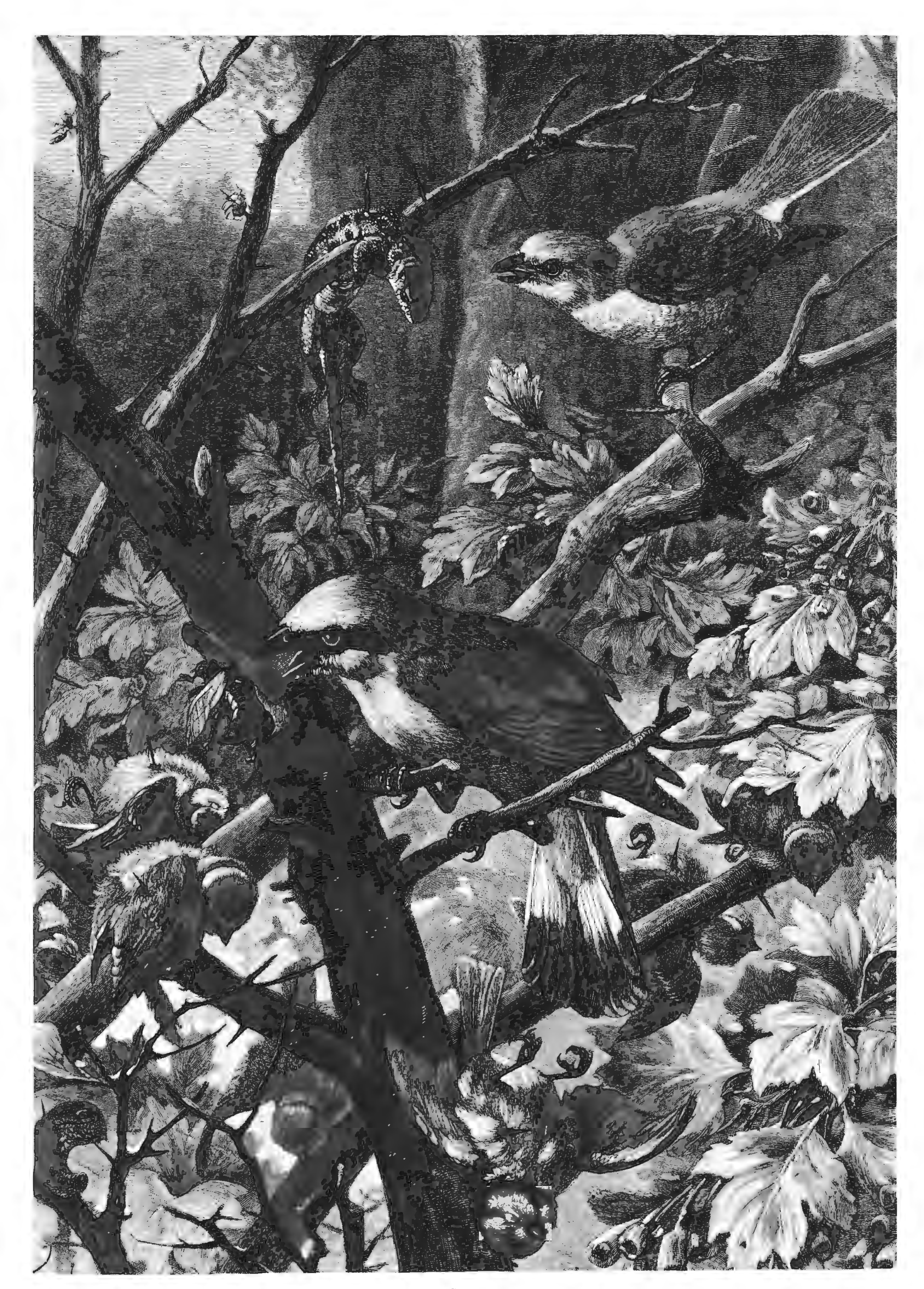
Тѣнь легла еще длиннѣе, и въ четвероугольникѣ дверей обрисовалась, точно въ рамѣ стариннаго портрета,—нѣсколько выцвѣтшая, высокая, стройная женщина вся въ черномъ; ни кровинки въ лицѣ—блѣдное-блѣдное, ни кровинки въ губахъ... только, словно чудомъ, живутъ и горятъ какимъ-то неутомимымъ блескомъ большіе, черные, печальные глаза.

— Что вамъ? спросила она меня.

— Простите... я не самъ,—лодочникъ привелъ меня и самъ ушелъ...

— Вамъ нужна комната?..

И уже не обращая вниманія на меня, она медленно, я бы даже сказалъ—царственно, прошла черезъ громадную залу къ стѣнѣ напротивъ, вставила большой ржавый ключъ въ замокъ незамѣченной мною двери, отворила ее и вошла туда. Я послѣдовалъ за нею... Вѣрно здѣсь когда-то была капелла какого-нибудь венеціанскаго патриція... Своды тонули въ высотѣ. Стѣны шли полукругомъ, и окна, съ характерною арабскою аркою, прорѣзывали ихъ чуть не у самаго карниза, такъ что широкіе лучи солнца скрещивались надъ нашими головами. Посреди, подъ балдахиномъ, который поддерживалъ бронзовыми когтями большой геральдическій орелъ,—стояла кровать, которую по размѣрамъ можно было принять за какой-нибудь

Кладовая сорокопутовъ. Рис. и грав. Р. Шпехтъ.

алтарь. Полъ былъ мраморный, стѣны также. Надъ дверями и окнами важно темнѣли, тоже окутанные паутиной, большіе щиты со львомъ, державшимъ въ одной изъ лапъ мечъ. На мраморныхъ стѣнахъ, въ почернѣвшихъ отъ времени рамахъ, портреты. Рыцари, патриціи, дожи, венеціанки,—двѣ даже въ коронахъ во весь ростъ,—смотрѣли оттуда на меня непривѣтливыми и холодными глазами.

— Я беру эту комнату.

Хозяйка поклонилась и исчезла. Казалось, ушла въ одну изъ этихъ рамъ—и на одно мгновеніе меня охватилъ соблазнъ узнать: въ которую. Оттуда она смотритъ на меня теперь, блѣдная, со своими пламенными и печальными глазами. Иллюзія была до такой степени полна, что я обошелъ всѣ портреты и только теперь понялъ въ чемъ дѣло: дверь, соединявшая эту quasi-капеллу съ большою залою палаццо, была закрыта тоже однимъ изъ портретовъ. Отворялась она—поворачивался съ нею онъ, затворялась—и онъ попадалъ на свое мѣсто въ рядъ другихъ. Я было отошелъ уже прочь, какъ вдругъ странное явленіе поразило меня: хозяйка оказалось не вышла—она смотрѣла на меня изъ глубины комнаты.

— Что за чортъ! уже вслухъ проговорилъ я и направился туда.

Дѣло объяснялось просто: въ одной изъ рамъ была изображена высокая, тонкая и стройная венеціанка, вся въ черномъ. Лицо ея поразительно напоминало хозяйку палаццо... Такое же блѣдное, тѣ же исполненные огня и печали глаза... Странно. Венеціанцы давно оставили свой Занте... Только полуразвалившіеся дворцы и напоминаютъ ихъ. Несомнѣнно, что нынѣшняя обладательница этого палаццо принадлежала знатному роду владѣвшему имъ нѣкогда... Почему же она здѣсь? Зачѣмъ ея дѣдъ что-ли не уѣхалъ отсюда? Что значитъ эта полустершаяся черная полоса шедшая черезъ весь портретъ справа налѣво? Какъ объяснить эти надписи въ углу: „позоръ и намѣна"?.. Случаенъ или нѣтъ—ударъ ножа въ лицо портрета? Несомнѣнно ударъ ножа. Какъ его ни задѣлывали потомъ, но со временемъ онъ опять выступилъ. Вотъ онъ,—вблизи его видишь ясно... Я еще пристальнѣе всмотрѣлся. Въ самомъ дѣлѣ столько тоски въ этихъ глазахъ. Что̀ значитъ этотъ черный цвѣтъ среди пышныхъ и яркихъ цвѣтовъ на другихъ портретахъ? Отчего на этой блѣдной женщинѣ—ни жемчуга, ни брильянтовъ, ни золота? Монахини тѣхъ временъ, если онѣ принадлежали знатнымъ родамъ, и тѣ носили украшенія. Тутъ же только черный бархатъ и блѣдное лицо. И ничего больше... Нѣтъ, вижу еще что-то есть... Какія-то слова; только ихъ не разобрать. Краска напухла или стерта... Я взялъ воды и брызнулъ туда. Чтобы заставить выступить полинявшіе контуры или детали древнихъ картинъ—это лучше всего. На нѣсколько мгновеній онѣ разомъ загорятся прежнею яркостью и жизнью—и теперь передо мной вдругъ, точно зловѣщая молнія, блеснула и опять потускнѣла надпись: „Sii maledetta!"

„Будь проклята!.."

Кѣмъ? За что?.. Кто эта несчастная, которой даже изображеніе не должно было знать покоя... Какая драма хранилась за этимъ старымъ кускомъ размалеваннаго холста?.. Что случилось здѣсь въ этой величавой капеллѣ?.. Всѣ эти вопросы быстро мѣшались въ моей головѣ, въ то время какъ я собираясь скорѣе познакомиться съ Занте—приводилъ себя въ порядокъ.

Теплая улица, шумная, поэтическая безпорядочность—не знающая нашихъ рамокъ жизнь, іоническое небо и іоническія волны—на цѣлый день изгнали изъ моей памяти эту блѣдную женщину съ печальными глазами.

Какъ поютъ на Занте!.. Греки вообще поютъ больше носомъ чѣмъ горломъ и грудью, а такъ какъ они похваляются большими голосами, то понятно, что и органы этихъ голосовъ—носы—должны быть грандіозны. Исключеніе—Занте. Венеціанцы оставили имъ въ наслѣдство свой вкусъ, свои мелодіи, свою манеру пѣть. По вечерамъ, казалось, волны моря и тѣ пѣли. Сотни огоньковъ на лодкахъ и въ каждой лодкѣ пѣвецъ. На улицахъ то же. Весь городъ дышитъ нѣгою и пѣсней. Днемъ—рабочіе на площадяхъ, у своихъ мастерскихъ, прохожіе, крестьяне на ослахъ,—точно пѣсня для нихъ такая же необходимость какъ дыханіе,—всѣ поютъ. Изъ каждаго открытаго окна несется пѣсня, вмѣстѣ съ нервною ритурнелью струнъ. Ходишь какъ очарованный, въ этомъ звучномъ царствѣ мелодіи. Голова кружится и сердце бьется и словно стремится къ чему-то. И восторгъ проникаетъ въ душу и невольно восклицаешь: какъ хороша, какъ хороша жизнь! Я уѣзжалъ изъ Закинѳа въ деревни, пріютившіяся на днѣ долинъ такъ, какъ будто кругомъ нѣтъ ничего—ни людей, ни свѣта. Такая тишина и такой покой... Когда я вернулся опять въ свою геральдическую капеллу стараго венеціанскаго палаццо, лунныя ночи уже кутали Занте серебряною вѣнчальною фатою своего блеска. Точно онѣ обручали этотъ городъ морю, въ каждой струйкѣ своей повторявшему свѣтлый кругъ мѣсяца. А когда просыпался вѣтерокъ и лѣниво бѣжалъ по морской поверхности, она казалась золотою кольчугою на медленно дышащей груди спящаго великана. Въ одну такую ночь я поздно вернулся домой, и первое что̀ мнѣ бросилось въ глаза, была загадочная венеціанка темнаго портрета. Луна била прямо въ нее. Рама и темный фонъ сливались съ сумракомъ капеллы. Выдѣлялось это блѣдное лицо... Какъ выходецъ изъ могилы—въ этотъ часъ оно жило,—жило, казалось, одною безконечною, неутолимою какъ страсть, больною, какъ открытая рана, печалью. Оно смотрѣло на меня такъ, что я поторопился завѣсить окно и успокоился только тогда, когда эти пламенныя очи утонули въ прозрачныхъ сумеркахъ моей комнаты.

За день я усталъ и заснулъ быстро, но сонъ у меня чуткій—и я вдругъ проснулся, или мнѣ показалось что я проснулся, часовъ около трехъ. Что̀ меня поразило—это то, что ложась въ постель я заслонилъ окно занавѣсками, а открывъ глаза—былъ весь ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ луны. Безумнымъ свѣтомъ,—свѣтомъ, въ которомъ было что-то до напряженія живое, что-то манившее, охватывавшее душу безпредметною тоскою. Кажется сорвался бы и понесся по этому лучу—куда? въ пространство, въ блескъ, въ этотъ холодный ужасъ бездны небесной, въ эту стихійную смерть... Когда я еще разъ взглянулъ пристальнѣе въ окно—невольно вздрогнулъ, хотѣлъ подняться и не могъ... Между мною и имъ стояло что-то... Тонкое, подвижное, черное... Этотъ мертвый абрисъ—мертвой и блѣдной головы... Эти широко открытые и видимо ничего не видѣвшіе глаза изъ-подъ чернаго, низко на блѣдный лобъ падавшаго покрывала... Венеціанка вышла изъ портрета? Или это ея двойникъ?.. Я осторожно повернулъ голову къ портрету—его не было... На его мѣстѣ подъ луннымъ свѣтомъ безобразное, пустое пятно... Въ воздухѣ что-то есть... Я бы сказалъ: рыданіе, если бы хоть малѣйшій звукъ поразилъ мое ухо... Нѣтъ, была тишина и въ то же время точно что-то наполняло эту тишину своимъ неслышнымъ рыданіемъ. Долго-ли я лежалъ такъ, не знаю... Но когда я очнулся, солнце свѣтило въ капеллу, портретъ былъ на своемъ мѣстѣ. Я вскочилъ, бросился къ нему. Онъ смотрѣлъ на меня живыми печальными глазами, и странно: на тонкомъ слоѣ пыли покрывавшемъ полъ были отпечатки слѣдовъ чьей-то узенькой и маленькой ноги... Они шли къ окну и возвращались оттуда къ портрету? Обманывалось-ли мое зрѣніе? Не знаю... Когда я минуту спустя опять сталъ ихъ разсматривать—ихъ уже не было. Они точно расплылись, какъ расплываются звуки въ тишинѣ... Дверь моей комнаты была полуотворена—тогда какъ я ее притворилъ наканунѣ. Сама она не могла отвориться... Ржавыя петли поддавались съ трудомъ и всякій разъ наполняли своимъ болѣзненнымъ скрипомъ тишину моей спальни...

Ото всего этого у меня на душѣ остался смутный слѣдокъ не страха—чего же бояться портрета!—а скорѣе смятенія, чувство какой-то неизвѣстности, чего-то загадочнаго, недоступнаго моему пониманію... Къ счастію или къ несчастію, въ тотъ же день мнѣ удалось познакомиться въ мѣстномъ кафе съ старожиломъ Занте, влюбленнымъ въ свой островъ и городъ. Мы разговорились о далекомъ прошломъ этого райскаго уголка. Онъ мнѣ передавалъ его легенды, хранившія еще отпечатокъ своего венеціанскаго происхожденія, когда вдругъ рѣчь зашла о дворцѣ Попадополи...

— Да я въ немъ живу... обрадовался я возможности собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о своей резиденціи.

— Не правда ли—это скорѣе музей, чѣмъ жилой домъ?.. Одинъ англійскій путешественникъ назвалъ его безобразною глыбою камня. Но въ этой глыбѣ больше красоты, чѣмъ во всѣхъ старыхъ аббатствахъ Англіи.

— Да... Особенно моя спальня. Она похожа на капеллу, знаете...

— И вся въ портретахъ и щитахъ со львами... А въ ключѣ сводовъ вверху изображена змѣя, свившаяся кольцомъ.

— Именно... именно...

— Такъ и есть,—комната черной женщины... Однако вы храбрый человѣкъ!

— Почему? Какая же особенная смѣлость нужна...

— Или вы особенно крѣпко спите по ночамъ?.. Вамъ еще, засмѣялся онъ,—не являлась „проклятая"?

— Сегодня ночью я ее видѣлъ во снѣ.

Во снѣ? обидѣлся онъ.—Нѣтъ, извините, это не во снѣ; во-первыхъ, ее видѣли многіе, а во-вторыхъ, появленіе черной женщины или такъ-называемой „проклятой" записано во всѣ наши хроники. Она знатнаго рода. Самаго знатнаго какіе только были у насъ. Попадополи происходятъ отъ византійскихъ императоровъ и въ Венеціи они были первыми вельможами. Они дожескіе колпаки носили и арміями командовали, и громадными провинціями управляли. Они гордились тѣмъ, что къ ихъ благородной крови никогда не примѣшивалась кровь рода не считавшаго въ своей средѣ императоровъ, королей и знаменитыхъ полководцевъ. За единственнымъ исключеніемъ... И это исключеніе именно и была „черная женщина". Это наша Закинѳская легенда, и здѣсь ее разскажетъ вамъ каждый школьникъ...

— Прежде чѣмъ вы ее передадите мнѣ, не объясните ли почему моя нынѣшняя хозяйка такъ похожа на черную женщину?

— Это все вы узнаете изъ легенды... Только пойдемъ къ морю. Здѣсь становится нѣсколько душно...

Попадополи отъ имени Венеціи правили Закинѳомъ. Не было рода горделивѣе: казалось, они были въ высотѣ, а цѣлый міръ, жалкій и презрѣнный, копошился у ихъ ногъ.

Умирая они приказывали хоронить себя въ сводахъ храмовъ, въ высотѣ, чтобы ничья нога не попирала мѣста гдѣ лежитъ ихъ прахъ. Они не говорили съ народомъ — ихъ волю объявляли глашатаи. До нихъ венеціанскіе правители показывались Закинѳцамъ — изъ того окна, которое освѣщаетъ вашу спальню... Попадополи не могли унизиться до этого — они бросали народу въ окно медали со своимъ изображеніемъ — и только. Они предсѣдали въ судахъ и совѣтахъ. Въ храмы они шли крытыми галлереями и молились за рѣшетками, сквозь которыя чернь не видѣла ихъ лицъ... Одинъ изъ нихъ, подражая греческимъ императорамъ, въѣхалъ разъ въ соборъ верхомъ и заставилъ священника подать ему просфору, которую и взялъ концомъ своего копья. Небо молчало; Византія, изнывавшая подъ владычествомъ турокъ, смотрѣла на Попадополи какъ на родъ, предназначенный впослѣдствіи носить корону Багрянороднаго. Венеція дорожила службою ихъ, потому что такимъ образомъ она держала въ рукахъ населеніе Іонійскихъ острововъ, Мореи и Кипра... Но своего апогея достигли высокомѣріе и гордость Попадополи при Іоаннѣ, правителѣ Занте и Корфу. Онъ заставилъ свою дочь носить всю жизнь покрывало, чтобы даже взглядъ равныхъ ей по происхожденію не смѣлъ подыматься на ея лицо. Оттого, лишенное солнца и воздуха, оно приняло мертвенную бѣлизну, какъ вы и видите на ея портретѣ. Іоаннъ предназначалъ ее замужъ за Германскаго императора. Дѣла священной Римской имперіи тогда поколебались, и несмѣтныя сокровища Попадополи могли бы ихъ поправить. Этотъ бракъ удовлетворялъ честолюбію ея отца, и онъ уже видѣлъ на челѣ своей дочери соединенные вѣнцы Запада и Востока. Ему казалось такъ легко, опираясь на могущество Европы, уничтожить Турцію и посадить на тронъ Византійскій свою дочь... Въ ней были всѣ его надежды, и она воспиталась въ преданіяхъ и предразсудкахъ своего рода. Казалось, гордость послѣдняго тускнѣла передъ ея гордостью!.. Шли уже переговоры съ Римскимъ императоромъ. Послы его собирались ѣхать съ согласіемъ отца и его подарками. Лѣто стояло жаркое, и во дворцахъ Занте люди задыхались отъ зноя... Семья правителя направилась въ горы, гдѣ у него были чудныя виллы, тонувшія въ пышной зелени, освѣжаемыя безчисленными ручьями; сѣмена дивныхъ цвѣтовъ присылались сюда со всѣхъ концовъ міра и благоуханія ихъ слышались днемъ и ночью; миріады птицъ слетались въ сады Попадополи... Только голосъ человѣка рѣдко раздавался въ нихъ. Правитель запретилъ своимъ рабамъ говорить громко, и когда семья его жила здѣсь—они переговаривались шепотомъ. Слуги какъ призраки скользили по мраморамъ и мозаикамъ — и дочь Іоанна не считала ихъ даже людьми одаренными словомъ. Она сама приказывала имъ знаками... Она равнодушно слушала только ихъ крики, когда за малѣйшую неосторожность или незначущую оплошность ихъ предавали мучительнымъ истязаніямъ. Жалость ни разу еще не проникала въ ея сердце, и она даже ничтожнымъ жестомъ своей прекрасной руки никогда не остановила еще лютыхъ казней, какимъ подвергали провинившихся рабовъ.

Была ясная ночь. Чистая, звѣздная, прозрачная, какія только и бываютъ надъ Іоническимъ моремъ, когда и безъ луны свѣтло, когда цвѣты дышатъ несравненными ароматами, ручей съ ручьемъ перешептываются влюбленными струйками и листъ къ листу нѣжно и страстно льнетъ на деревьяхъ. Дочери Іоанна Попадополи не спалось. Душно-ли ей было, или отъ запаха лилій кровь ей къ вискамъ прилила и сердце забилось съ непривычною истомою, только она встала съ постели и перебралась къ окну... Темный садъ за нимъ, казалось, весь жилъ въ эти часы кажущагося покоя... Въ верхушкахъ платановъ и магнолій громко звенѣли цикады, во мракѣ благоухающихъ кустовъ внизу вспыхивали, сверкали и гасли свѣтляки. Ночныя бабочки медленно проносились въ тепломъ воздухѣ, меланхолически жаловался на что-то фонтанъ... Издали чуть слышно доносился трепетъ моря подъ нагрѣтыми за день скалами... Порою ухо ловило едва замѣтный трескъ — это лопались почки, „ночной цвѣтокъ" разсыпалъ кругомъ свою животворящую пыль. Трава мягко шуршала... Змѣя ползла въ ней или ящерица быстро и юрко бѣжала куда-то... Странное дѣло — никогда еще сердце дѣвушки не болѣло такъ, не стремилось куда-то, не было полно неутолимыми желаніями какъ именно въ эту ночь. Неутолимыми, потому что она не знала имъ имени... Легкій шелкъ наброшеннаго ею на себя покрывала показался тяжелѣе. Она скинула его и высунувшись въ окно жадно задышала ночною прохладой. Какъ вдругъ... Голоса недоставало этой ночи, не было пѣсни, чтобы зачаровать все кругомъ, и эта пѣсня раздалась смѣло и звучно за тяжелою и непроницаемою стѣною кактусовъ... Дѣвушка не знала кто это поетъ, она не разбирала словъ, потому что они были на неизвѣстномъ ей языкѣ. Она чувствовала только такой приливъ несбыточнаго счастія, такое блаженство захватывавшее въ свой головокружащій вихрь, что казалось сердце тянулось за этою пѣсней, и порвись она — и оно бы оборвалось... Но пѣсня погасла, а сердце только заболѣло пока она снова не началась еще громче, еще счастливѣе, еще заманчивѣе. Никакое колдовство до сихъ поръ, ни порча, ни очарованіе не могли проникнуть за стѣны дворцовъ Попадополи — а эта пѣсня оказалась сильнѣе порчи, колдовства. Она еще не знала всей силы человѣческаго голоса. Пѣвцы Венеціи и Тосканы заѣзжавшіе сюда — никогда не производили на нее такого дѣйствія. Слушая ихъ въ залахъ полныхъ народа, въ яркомъ блескѣ тысячи восковыхъ свѣчей — она оставалась равнодушною и не замѣчала пульсовъ бившихся въ каждомъ словѣ ихъ пѣсенъ. Теперь дѣло другаго рода... Теперь она цѣлый день послѣ этой ночи ходила какъ потерянная, точно прислушиваясь къ отголоску этихъ пѣсенъ, еще звучавшему въ ея душѣ. Она даже низошла до того, что спросила свою дуэнью — кто это поетъ...

— Рядомъ съ виллою — бѣдный садъ одного Зантіота... Его все время не было. Говорятъ, онъ дрался съ турками и только теперь вернулся... Если пѣсни его мѣшаютъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! остановила дѣвушка усердную старуху. — Ни ему, ни кому другому не говорите ни слова... Пусть поетъ. Что мнѣ за дѣло!..

И она опять погрузилась въ величавое спокойствіе. Но оно продолжалось только до вечера... Когда стемнѣло, распустились повсюду благоуханныя чашечки каприфолій, она ужь сидѣла у окна тщетно сдерживая бьющееся сердце. Но въ эту ночь пѣсни почему-то не было. Сквозь переплетавшіеся кактусы она видѣла огонекъ въ скромной хижинѣ молодаго грека, но онъ молчалъ и скоро огонекъ его погасъ. Она чуть не плакала, прислушиваясь къ тяжелому безмолвію ночи... Да и самая ночь была не такова какъ прошлая. Ни одной звѣзды въ небесахъ покрытыхъ сѣрою марью, ни жизни въ саду. Молчали цикады, свѣтляки рѣдко-рѣдко вспыхивали и только филинъ плакалъ вдали, да змѣи шуршали въ травѣ. Самое море молчало и тяжело лежало у скалъ. Дулъ южный вѣтеръ изъ Африки, нанося на счастливые Іоническіе острова мертвящее дыханіе Самума... И еще ночь прошла безъ пѣсни. На четвертую дѣвушка уже засыпала въ постели, какъ вдругъ счастливая и восторженная опять раздалась за стѣною кактусовъ пѣсня вернувшагося героя. Гордая дочь Попадополи босикомъ вскочила, побѣжала къ окну и замерла тамъ, стараясь не проронить ни одного звука чаровавшаго ее и охватывавшего всю ея душу странною и непонятною властью... Теперь только къ звукамъ пѣсни присоединился трепетъ струнъ...

Прошла часть лѣта...

Дѣвушка видимо измѣнялась. Блѣдное, мертвенно блѣдное лицо, до сихъ поръ не оживлявшееся никогда, теперь то и дѣло вспыхивало румянцемъ. Ея движенія стали болѣе порывисты. Разъ она даже ушла одна въ садъ и тамъ у кактусовъ стояла долго и смотрѣла на сосѣднюю лачугу. Но тамъ было пусто на этотъ часъ. Чего съ ней не случалось никогда, безсмысленныя, безпредметныя слезы часто навертывались на ея глаза. И въ первый разъ какъ при ней рука управляющаго, вооруженная бичемъ, поднялась надъ помертвѣвшимъ отъ страха невольникомъ — она строго остановила перваго:

— Довольно... Я не хочу этого...

Она не докончила странной мысли пришедшей ей въ голову, иначе она бы сказала: пусть здѣсь всѣ будутъ счастливы. Разъ когда въ безсонную ночь молодой грекъ пѣлъ свои пѣсни, какой-то шорохъ поразилъ его около... Онъ оглянулся. Ограда кактусовъ тутъ раздалась и въ просвѣтѣ ему почудилось чье-то лицо, горѣвшее восторгомъ... Ночи уже были яркія, лунныя. Онъ замолкъ...

— Пой еще, пой! послышалось ему.—Странная сила въ твоей пѣснѣ. Она влечетъ къ себѣ и манитъ. Нѣтъ возможности противустоять ей. За ней идешь невольно... или безвольно...

— Ты вѣрно невольница жестокаго Попадополи?..

Дѣвушка промолчала.

— Я часто слышу отсюда стоны и вопли ихъ рабовъ... Да покараетъ Господь гордость и злобу проклятаго рода!

— Почему *ты* его такъ ненавидишь?

— О!.. Мы, простые греки, дрались за свободу нашей родины, хотя намъ эта свобода даетъ все ту же нищету... А Попадополи—кичливые потомки императоровъ Византіи—ни разу не стали во главѣ возставшихъ. Хоть побѣди мы сегодня—завтра они возсѣли бы на тронъ Багрянороднаго... Мы любимъ свободу какъ женщину, ни на что не надѣясь—для нея самой!.. Они любятъ ее только тогда, когда она имъ приноситъ выгоды... Подлый родъ тирановъ!.. Пройди здѣсь во всѣ лачуги Закинѳа, прислушайся къ голосу старцевъ, дѣтей, дѣвушекъ, зрѣлыхъ мужей, воиновъ, рабочихъ — нигдѣ ты не уловишь ни одного благословенія Попадополи. Ихъ клянутъ, какъ клянутъ палачей. Все это богатство выросло на слезахъ и крови грековъ. Сотни тысячъ людей кругомъ стали жалкими нищими, чтобы одинъ родъ Попадополи возвеличился и вознесся надо всѣми... Но Господь справедливъ. Онъ терпитъ до времени... Небесный огонь въ нежданную минуту упадетъ на высокомѣрныхъ...

И вдругъ, наклонясь, онъ схватилъ горсть песку и разбросалъ его во всѣ стороны.

— Такъ расточитъ Онъ враговъ Греціи — и когда она воспрянетъ—умрутъ и исчезнутъ гордые Попадополи!

Потомъ онъ опять запѣлъ свою пѣсню. Полная уже тоски и горя, прислушивалась къ ней дѣвушка.

— Отчего ты не выйдешь сюда? улыбнулся онъ ей.

И взявъ топоръ, сбилъ одинъ изъ толстыхъ кактусовъ.

Король пріѣхалъ! Съ карт. Монтегацца, грав. Геданъ.

Робко она проскользнула въ образовавшуюся щель, и когда пѣвецъ взялъ ее за руку—отъ одного прикосновенія жгучее чувство охватило ее... Ей закружило голову... Она ничего не видѣла, ничего не слышала... Она не замѣчала, какъ безумно восторженно сіяла луна надъ ними, какъ пѣло имъ внизу море, какъ при видѣ ихъ изнывали и умирали цвѣты, исходя самыми одуряющими ароматами, какъ пальма вздрагивала перистою вершиною, точно огонь пожиравшій ихъ пробѣгалъ и по ней до послѣдняго узорочнаго листа ея короны. Огонь разсвѣта, вспыхнувъ на горахъ Албаніи и Мореи, заставилъ очнуться дѣвушку. Она низко-низко накинула покрывало на горѣвшее отъ его поцѣлуевъ лицо и ускользнула въ виллу, кинувъ молодому пѣвцу: „до завтра!..“

А завтра была такая же ночь. Казалось, вся природа кругомъ горѣла и томилась, море молило о чемъ-то, никли розы охваченныя страстью...

— Скажи, кто ты? шептала дѣвушка, склонясь на могучее плечо молодаго грека.

— Я?.. усмѣхнулся онъ.—Ты невольница, раба, но ты царица въ сравненіи со мною... Никто не знаетъ здѣсь, что я сынъ казненнаго Костаки.

Дѣвушка вздрогнула. Костаки были республикою лишены всѣхъ правъ и прокляты церковью. Грекъ замѣтилъ это движеніе и оттолкнулъ ее.

— Иди прочь!.. Я признанъ Венеціей и Турціей ниже и хуже собаки,—да, но я ношу высоко голову, потому что нашъ родъ не опозорилъ себя ни одною измѣною Греціи! Мы всегда дрались за нее и умирали. Ни одинъ Костаки не кончилъ своей жизни въ постели... Мой отецъ задавленъ въ висѣличной петлѣ въ Адріанополѣ, дѣдъ — обезглавленъ Венеціей!.. Теперь мы хуже змѣи, которую спѣшитъ раздавить каждый прохожій; но день, когда Греція очнется и воскреснетъ, будетъ и для насъ днемъ величайшаго торжества. Память нашу оправдаютъ и возвеличатъ своихъ мучениковъ.

— Ты не такъ понялъ меня... Не отвращеніе, а страхъ за тебя заставили меня вздрогнуть.

— Страхъ?.. Костаки его не знаютъ. Я умру, какъ умеръ мой отецъ... Раньше или позже — не все-ли равно?.. Страхъ! Моя мать была зарѣзана арнаутами, сестра кинулась съ одной изъ Морейскихъ скалъ въ кипучую бездну Коринѳскаго залива, когда ее вели въ гаремъ къ пашѣ... Я объявленъ и султаномъ и дожемъ — презрѣннымъ, внѣ закона... Но я не знаю страха... Что такое страхъ? Онъ свободнаго дѣлаетъ рабомъ... Кто хочетъ служить свободѣ—тотъ навсегда разстается со страхомъ...

За лунными ночами настали темныя, звѣздныя... За звѣздными—опять лунныя...

И какъ только тьма окутывала землю, гордая дочь Попадополи, завернувшись въ черное покрывало, спѣшила въ лачугу Костаки. Тамъ весь міръ уходилъ изъ ея сознанія. Ей казалось, что кругомъ нѣтъ ничего—какая-то бездна.. И они одни только во всей вселенной плаваютъ въ свѣтломъ облакѣ такого счастья, какое лишь разъ въ жизни выпадаетъ на долю человѣку, чтобы потомъ до самой смерти онъ вспоминалъ его съ тоскою и блаженствомъ. Отцвѣли весеннія розы, и лѣтніе цвѣты стали осыпаться... Пожелтѣла сожженная солнцемъ трава, суше и желтѣе стала широкая листва на деревьяхъ, ласковое море становилось грознымъ и по ночамъ бѣшено вспѣненными волнами, разбрасывая по вѣтру бѣлыя гривы, неслось въ зловѣщіе гроты. Утесы вздрагивали отъ его ударовъ. Сѣверный вѣтеръ, оставивъ за собою Альпы, быстро пробѣгалъ черезъ Адріатику, срывалъ со скалъ Корциры чреватыя молніями тучи и какъ оскорбленіе бросалъ ихъ прямо въ лицо блѣднѣвшему Закинѳу...

Разъ дочь Попадополи сквозь дождь и бурю пробѣжала, въ черную злую ночь, къ хижинѣ своего избранника.

Она была пуста. Факелъ валялся въ углу. Она его зажгла... Осмотрѣла стѣны. На одной изъ нихъ было выцарапано ножемъ:

„Меня узнали... Я въ тюрьмѣ Закинѳа... Участь отца и дѣда ждетъ меня. Живи... будь счастлива...“

Факелъ упалъ. Смолистое дерево ярко пылало. Краснымъ языкомъ обвило оливковый пень, стоявшій въ углу. Затрещалъ и заискрился тотъ. Полымя рвалось, лизнуло низкую кровлю... И когда дочь Попадополи очнулась, лачуга Костаки уже пылала. Дѣвушка бросилась домой—и была пора. На огонь бѣжали люди.

— Гдѣ молодой пѣвецъ? спросила она на другой день у своей дуэньи.

— Грекъ?.. Это оказался великій злодѣй. Его открыли... Имя его Костаки. Отецъ, чтобы доказать Турціи дружбу Венеціи, приказалъ его выслать султану.

— Что съ нимъ сдѣлаетъ тотъ?

— Сожжетъ живымъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ тюрьмѣ Закинѳа. За нимъ пріѣдетъ турецкій корабль.

Дѣвушка смолкла. Цѣлый день она обдумывала что-то. Вечеромъ отецъ сказалъ ей:

— Завтра я жду пословъ императора за тобою... Будь готова. Я ужь вижу вѣнецъ сіяющій надъ твоей головой.

Она не отвѣтила ему ни слова.

Попадополи объяснилъ это гордостью, и ему еще болѣе дорога стала дочь за это. Цѣлый міръ, казалось ему, долженъ быть у ногъ той, которая даже передъ нимъ, передъ своимъ отцомъ, ни разу не склонилась съ покорностью и любовью дочери. Вечеромъ она проникла въ комнату, гдѣ спалъ отецъ, и взяла изъ-подъ его изголовья перстень—знакъ его власти. Потомъ сама прошла въ конюшню и выбрала себѣ лучшаго коня, осѣдлала его, сѣла и вихремъ понеслась къ Закинѳу. Ночь опять была черная. Сорванныя съ утесовъ Корциры, чреватыя грозою тучи надъ Занте разрѣшались молніями и громами. Дождь хлесталъ платаны, оливы; низконизко, къ самой землѣ, вѣтеръ гнулъ гибкія пальмы. Дорога шла карнизами скалъ,—но дѣвушка не боялась ничего. Она неслась впередъ, и когда вдали внизу показалось бѣшено кипѣвшее море, когда подъ ударомъ одной изъ молній на мгновеніе выступилъ изъ непроглядняго мрака весь бѣлый Закинѳъ, со своими дворцами, башнями и стѣнами, ступенями плоскихъ кровель, сползающихъ къ самому морю — дѣвушка пріостановила коня.

Въ воротахъ Маріи Пречистой ее остановила стража.

Она показала отцовскій перстень, и начальникъ караула съ почетомъ впустилъ ее.

— Проведи меня къ тюрьмѣ.

Улицы были черны. Молніи ужь блистали далеко. Въ Закинѳѣ тускло свѣтились только лампады передъ иконами вдѣланными въ стѣну. Эти лампады горятъ здѣсь и до сихъ поръ. Отъ непогоды онѣ защищались стеклами вдѣланными въ нищи. Подъ слабымъ сіяніемъ ихъ дѣвушка видѣла кое-гдѣ вывѣшенныя знамена со львомъ Св. Марка, высокія мачты посреди площади съ хоругвями Попадополи.

— Что это? спросила она у провожатаго.

— Завтра за дочерью правителя являются послы императора.

Дѣвушка усмѣхнулась. Вотъ и тюрьма. Глыба свалившагося камня... Точно змѣиный ходъ—нора, гдѣ сидятъ караульные. Она смѣло вошла туда. Сыро и душно... Вода каплетъ со сводовъ, черныя лужи на камняхъ пола. Вездѣ орудія пытокъ. Зловѣщій отсвѣтъ факеловъ дробится въ горбинахъ и изломахъ камня.

— Именемъ правителя... ты свободенъ!..

Костаки смотритъ на нее ничего не понимая. Но перстень открываетъ ему дорогу... Солдаты—преклоняютъ оружіе... Впереди тѣ же багровые факелы освѣщаютъ имъ дорогу...

Дѣвушка вышла съ нимъ на улицу. Узникъ съ жадностью втягивалъ холодный воздухъ свободы.

Она приказала солдатамъ вернуться...

— Кто ты? спросилъ ее съ изумленіемъ освобожденный.

— Погоди. Сначала надо выбраться изъ города...

Они долго плутали по его переулкамъ, теряя въ темнотѣ дорогу и снова попадая на нее.

— Кто ты? опять спрашивалъ ее Костаки.

— Зачѣмъ тебѣ. Я люблю тебя.

— Но какою силою—властью облечена ты? Какъ зовутъ тебя?

— Отнынѣ будутъ звать „проклятой“!..

До городскихъ воротъ выходившихъ на берегъ моря — они добрались тогда, когда изъ ночнаго мрака вдругъ выдѣлились и блѣдныя проступили вершины башенъ и зубцы стѣнъ...

— Разсвѣтъ! Скорѣе!.. Скорѣе!..

Но утро здѣсь смѣняетъ быстро ночную темень. Когда бѣглецы добрались до „marina“, былъ уже день. Тучи быстро бѣжали по просвѣтлѣвшимъ небесамъ. Изъ-за Мореи выходило солнце... Костаки кинулся въ первую попавшуюся ему лодку. Море ревѣло у береговъ, дальше его валы подымались какъ горы. Вѣтеръ рылъ бездны между ними, въ глубинѣ которыхъ вода шипѣла точно подстерегая жертву. Цѣлыя облака пѣны срывало ураганомъ и несло въ просыпавшійся городъ. Костаки работалъ веслами, но море опять выбрасывало его лодку назадъ къ берегу... Въ одну изъ такихъ минутъ—когда носъ ея врѣзался въ песокъ марины, передъ молодымъ грекомъ и дѣвушкой выросла стража.

— Сегодня у правителя похищенъ перстень... Эта дѣвушка показывала его намъ и именемъ Попадополи освободила Костаки... Взять ее!..

Тщетно Костаки боролся съ солдатами. Скоро онъ былъ въ ихъ рукахъ. Она и не пробовала сопротивляться. Она только низко опустила свое покрывало, и ихъ повезли черезъ Занте въ лѣтній дворецъ правителя. Попадополи самъ встрѣтилъ ихъ. Кругомъ стояла его свита. Смѣлое воровство перстня цѣлый домъ подняло на ноги. Стучались даже къ его дочери. Но двери ея были заперты, и отецъ не приказалъ ее тревожить.

— Пусть спитъ будущая императрица...

Костаки вошелъ съ гордо поднятой головою. Глаза его горѣли ненавистью. На оскорбленія стражи — онъ молчалъ. Но въ виду своего врага — онъ улыбнулся презрительно и выпрямился такъ, точно онъ былъ здѣсь Попадополи, а тотъ его узникомъ.

— Не далеко-же ты ушелъ отъ меня! встрѣтилъ его Попадополи.

— За то душа моя скоро далеко уйдетъ отъ этого подлаго міра... Мы встрѣтимся тамъ! указалъ онъ въ небеса.

— Ты проклятъ и туда тебя не пустятъ.

— Проклятіе земли слишкомъ тяжелы чтобы долетать до небесъ. Только стоны рабовъ и бѣдныхъ подымаются къ престолу Божьему... И тѣми ты давно осужденъ; твое счастіе — здѣсь, наше — за гробомъ. Не все-ли равно какъ переступить черезъ его порогъ? Лишній часъ или день страданія — не дѣлаютъ разницы. Умирать тяжело только тиранамъ и палачамъ... А ты всю свою жизнь былъ таковъ... Проклятіе твоему дому и роду!..

Но тутъ его сообщница схватила его за руку.

— Молчи!.. хоть ты-то не проклинай меня!

И она сбросила покрывало... Свита оцѣпенѣла... Попадополи зашатался и долженъ былъ прислониться къ коринеской колоннѣ чтобы не упасть...

— Дочь моя!.. вырвалось у него.

Костаки отшатнулся. Неужели онъ былъ орудіемъ небеснаго мщенія этому гордому роду притѣснителей?

— Да, твоя дочь... Обрученная невѣста Римскаго императора!..

Костаки замуровали живаго въ стѣны виллы.

Попадополи приказалъ молчать свитѣ. Когда послы императора явились—имъ было объявлено, что дочь правителя внезапно умерла... Она жила нѣсколько мѣсяцевъ въ комнатѣ которую вы называете капеллою и затѣмъ была заточена въ склепъ за своимъ портретомъ. Стѣна туда была задѣлана, память несчастной проклята.

Сынъ Костаки явился мстителемъ за свой народъ. Отъ руки его и его дѣтей гибли Попадополи. Костаки настигали ихъ всюду и сами въ свою очередь умирали подъ ударами мечей въ бою или подъ топорами на плахѣ. Послѣдній Костаки—былъ вождемъ возставшихъ Закинѳцевъ. Онъ долгіе годы держался въ горахъ и ущельяхъ, пока турки не были изгнаны оттуда. Этотъ родъ весь служилъ свободѣ. Въ тотъ день когда Закинѳъ освободился отъ турокъ—умеръ послѣдній Костаки въ семибашенномъ замкѣ Стамбула и въ тотъ-же часъ въ венеціанскихъ тюрьмахъ, обвиненный въ позорномъ преступленіи, задушенъ сынъ послѣдняго изъ Попадополи. Отъ гордаго рода, отъ его сокровищъ и богатствъ — не осталось ничего. Господь стеръ его съ лица земли, и только изрѣдка въ капеллѣ стараго дворца показывается призракъ гордой дочери Попадополи...

О Костаки остались легенды, внимая которымъ наши дѣти растутъ бойцами за независимость своей родины, остались пѣсни, которыя мы поемъ до сихъ поръ. Но тотъ въ комъ бьется сердце мужа не можетъ ихъ слышать равнодушно. Рука при ихъ звукахъ невольно ищетъ оружія... А дѣвушки— тѣ до сихъ поръ идутъ на эти пѣсни какъ бабочки на огонекъ, вспыхнувшій среди ночной темени.

— Но что значитъ, что хозяйка моего дворца, такъ напоминаетъ дочь Попадополи?

— Явленіе повторяющееся каждое поколѣніе. У хозяевъ, владѣющихъ дворцомъ, рождается всегда дочь похожая на этотъ портретъ... И странно—она кончаетъ жизнь одинокою, внушающею страхъ всѣмъ приближающимся къ ней. Говорятъ, что надъ родомъ тяготѣло проклятье до тѣхъ поръ пока существовалъ онъ; теперь оно лежитъ надъ дворцомъ этого рода...

Больше я не видѣлъ призрака несчастной дочери Попадополи.

Былъ-ли это онъ, или хозяйка въ лунатизмѣ входила въ мою комнату въ тотъ разъ—не знаю... Я скоро уѣхалъ изъ Занте. Мнѣ никогда не забыть послѣднюю ночь, когда стройный силуэтъ благоуханнаго острова уходилъ отъ меня въ свѣтлую даль іонической ночи среди синихъ водъ своего моря—задумчивый, поэтическій, весь кажущійся воплощенною легендою... Ярко горѣли звѣзды. Полярная была далеко на сѣверъ, и я долженъ былъ подвигаться къ ней все ближе и ближе. На палубѣ матросъ запѣлъ что-то. Слова его пѣсни были мнѣ не понятны, но звуки ея падали прямо въ душу... Пѣсня то мучилась и болѣла какъ сердце истекающее кровью, то взрывалась въ высоту и какъ орлица носилась тамъ, прекрасная, вольная, зовущая къ свободѣ и подвигу...

— Какая пѣсня это? спросилъ я у капитана.

— Въ Занте ихъ называютъ пѣснями рода Костаки...

Еще разъ мнѣ привелось услышать ее въ Патрасѣ.

Тамъ есть тюрьма — при мнѣ въ ней сидѣли послѣдніе клефты Пелопонеса. Они ее пѣли хоромъ, и мнѣ чудилось, что вотъ-вотъ рухнутъ разомъ каменныя стѣны этого замка, треснутъ и разсыплются его желѣзныя рѣшетки и какъ хрупкое стекло раздробятся тяжелые замки.

Но стѣны стояли все такъ-же... Рѣшетки чернѣли какъ и прежде.

Пѣснь—дѣлала свободною только душу человѣка...

Къ рисункамъ.

Мусульманское кладбище въ Скутари и Эюбѣ.

(Рис. на стр. 521 и 524).

Куллю нэфсинъ заикатуль маутъ — „всякая душа вкуситъ смерть.“ Арабская надпись на турецкихъ склепахъ и усыпальницахъ.

Кому изъ туристовъ, побывавшихъ на Востокѣ, не знакомы мусульманскія кладбища? Еще издалека обозначаются они цѣлымъ лѣсомъ темныхъ кипарисовъ, и всякій, кто увидитъ на Востокѣ стройное очертаніе кипариса, уже заранѣе знаетъ, что подъ тѣнью его мирно покоится прахъ правовѣрнаго. Неизвѣстно, что способствовало укорененію въ туркахъ этого обычая — древнее ли преданіе, унаслѣдованное отъ предшественниковъ византійцевъ, или же красота этого стройнаго и вѣчно зеленаго дерева и его душистый смолистый запахъ, поглощающій міазмы. Въ Константинополѣ, куда ни взглянешь, на окраинахъ Перы и Галаты и среди полупустынныхъ улицъ Стамбула, всюду виднѣются бѣлые мраморные столбы, украшенные чалмами и кое-гдѣ еще осѣненные кипарисами; то могилы правовѣрныхъ мусульманъ, нынѣ уступающія натиску чуждой европейской цивилизаціи, полуразбитыя и заброшенныя въ людныхъ мѣстахъ города, точно нѣмые памятники иныхъ вѣковъ и болѣе славныхъ, чѣмъ нынѣ, временъ мусульманскаго господства въ Европѣ. Но на окраинахъ „правовѣрнаго“ города Стамбула, на зеленыхъ высотахъ Эюба и вдоль древнихъ полуразрушенныхъ стѣнъ Византіи, а также за синимъ проливомъ Босфора, на священномъ берегу Азіи, за чисто турецкимъ городомъ Скутари, цѣлыя рощи кипарисовъ темнѣютъ еще не тронутыя, не оскверненныя рукою гяура,—то гигантскія кладбища мусульманъ, еще и понынѣ пріемлющія въ свою мирную сѣнь правовѣрныхъ сыновъ ислама.

Особенно славится своими вѣковыми и безчисленными кипарисами и могильными памятниками кладбище въ Скутари, нерѣдко посѣщаемое и европейскими туристами. Еще и теперь многіе правовѣрные завѣщаютъ хоронить свой прахъ на этомъ, а не на какомъ либо другомъ, кладбищѣ, какъ бы предчувствуя, что турки не останутся на европейскомъ берегу и вернутся въ Азію, свою и всего ислама родину. Кладбище это, такъ-называемое „Великое“, начинается сейчасъ-же за высотами, на которыхъ амфитеатромъ расположенъ городъ Скутари, тянется къ самому Мраморному морю до казармы Селиміе и уходитъ далеко внутрь въ долину около горы Чамлиджа, съ высоты которой туристы любуются волшебною панорамой Босфора. Занимаетъ оно площадь въ полъ-квадратной мили и содержитъ въ себѣ около 100,000 кипарисовъ и до мильона надгробныхъ памятниковъ. Нѣсколько дорогъ со старинною крупною мостовой пересѣкаютъ его въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь въ этомъ своеобразномъ некрополѣ вы не встрѣтите ни шума жизни, ни толпы, ни жилищъ; здѣсь нѣтъ ни присмотра сторожей, ни ухода за памятниками, какъ на нашихъ европейскихъ кладбищахъ. Подъ вашими ногами среди бурьяна и колючекъ лежатъ всюду могилы; камни и мраморные столбы, стоящіе и поваленные, испещренные кудреватыми надписями и поросшіе мхомъ, окружаютъ васъ отовсюду точно каменнымъ лѣсомъ.

Надгробные памятники мусульманъ почти всѣ одного типа. Въ лежащую горизонтально мраморную плиту водружены перпендикулярно одинъ за другимъ два мраморныхъ столба аршина въ два: на переднемъ, нерѣдко увѣнчанномъ чалмою или феской, встрѣтъ полуарабская-полутурецкая рельефно высѣченная надпись, идущая большей частью слѣва вверхъ направо, иногда позолоченная. Между столбами въ плитѣ находится круглое отверстіе, куда наливается вода и куда иногда бросаются зерна для прилетающихъ птицъ; вокругъ ни цвѣтовъ, ни посаженныхъ растеній. Памятники женщинъ отличаются отсутствіемъ фески или чалмы, имѣютъ верхнюю оконечность вѣеромъ и украшены рельефными цвѣтами и виноградными гроздьями, эмблемами плодородія. Отсутствіе статуй и другихъ изображеній, воспрещенныхъ Кораномъ, здѣсь восполнено красивыми и нерѣдко весьма поэтическими надписями—эпитафіями. Строго религіозныя для мужчинъ, въ смыслѣ испрашиванія прощенія грѣховъ у Бога и надежды на Его милосердіе („Онъ одинъ вѣченъ! одинъ вѣчно живый! да проститъ Онъ по Своему милосердію грѣхи“ такого-то, слѣдуютъ затѣмъ имя, титулъ и официальное званіе покойнаго), надписи эти принимаютъ поэтическій характеръ и писаны обыкновенно въ стихахъ на памятникахъ женщинъ и дѣтей; въ нихъ эти послѣднія сравниваются съ нѣжными цвѣтами или бутонами, погибшими отъ суроваго дуновенія судьбы, и слышатся тихія жалобы на слишкомъ раннюю кончину и смертную болѣзнь (начинаются онѣ не рѣдко словами: „ахъ минъ-аль-маутъ“, т. е. о, смерть!) Мы позволимъ себѣ привести двѣ такія эпитафіи въ русскомъ переводѣ.

I.

Мой вѣрный другъ сюда пришелъ,
Въ ногахъ моихъ поставилъ камень.
Одинъ лежу, а онъ ушелъ,
Въ ногахъ моихъ стоитъ лишь камень.
. . . . *)

*) Это четверостишіе стереотипно и попадается весьма часто на небогатыхъ памятникахъ; за нимъ слѣдуетъ имя и званіе покойнаго и годъ его смерти.

II.

Одинъ Онъ вѣченъ!
Нежданно вдругъ судьба меня сразила,
Не вѣдаетъ пощады рока сила!
О, смертный! міру не ввѣряй судьбы!
Подъ дуновеньемъ рока безъ борьбы
Исчезнетъ жизнь твоя, ковыль степной,
Изъ цвѣтника обители земной.
Ахъ, горько умирать женѣ младой,
Разстаться навсегда съ семьей родной!
О, милосердный Боже, въ кущахъ рая
Да отдохнетъ душа моя младая!
А ты, прохожій, здѣсь умѣрь шаги
Молитвою жену Дервишъ-аги
Шерифу Хабибе здѣсь вспомяни
И фатиху *) предъ камнемъ симъ прочти.

Какъ мы сказали выше, никакихъ украшеній на памятникахъ не допускается, и самые богатые изъ нихъ отличаются лишь позолотою и бѣлизною мрамора, причудливыми арабесками и красотою почерка надписи. Но и они вслѣдствіе отсутствія ухода быстро приходятъ въ разрушеніе. Мусульмане торопятся какъ можно скорѣе предать тѣло покойника землѣ, поскорѣе вернуть ей „прахъ подлежащій истлѣнію" (они хоронятъ въ самый день смерти безъ шума и безъ рыданій) и затѣмъ совсѣмъ забываютъ о могилѣ; у нихъ нѣтъ ни панихидъ, ни литій. Такъ по крайней мѣрѣ поступаютъ нынѣшніе турки. Въ болѣе древнее время къ могиламъ относились строже, съ бо̀льшимъ уваженіемъ, и потому встрѣчающіеся нынѣ памятники того времени отличаются и художественностью, и солидностью и стоятъ нетронутыми по сотнямъ лѣтъ.

Тишина царитъ на Скутарійскомъ кладбищѣ. Солнце золотитъ верхушки темныхъ вѣковыхъ кипарисовъ; въ безпорядкѣ бѣлѣютъ повсюду могильные камни; куда ни взглянете, всюду кипарисы да камни; лишь изрѣдка послышится гдѣ-то среди густыхъ вѣтвей кипарисовъ воркованіе горлинки (то—души покойниковъ, по повѣрію мусульманъ), да раздастся звукъ молотка: то готовятся новые памятники, новые безмолвно-краснорѣчивые жители въ обширный мусульманскій некрополь. И жутко станетъ вамъ на душѣ, и невольно оглядываетесь вы кругомъ, вспоминаете, что тутъ вы пришлецъ, чужой по національности, религіи и даже одеждѣ, и невольно охватываетъ васъ страхъ мести какого-нибудь изувѣра-турка за нарушеніе вашимъ дерзновеннымъ появленіемъ и любопытствомъ вѣчнаго покоя его предковъ. Но успокойтесь, времена миновали. Нынѣшніе турки, особенно жители Константинополя, потеряли самосознаніе какъ мусульманской общины, утратили вѣру въ себя какъ народъ ислама и растворились въ массѣ многовѣрнаго и разноплеменнаго населенія столицы, или же угрюмо и безнадежно махнули на все рукою и безмолвно вымираютъ. Европеецъ, гяуръ невѣрный, имѣетъ доступъ всюду, всюду, благодаря своимъ деньгамъ, онъ сдѣлался необходимъ и благодаря фабричному производству и изобрѣтательности своего ума наложилъ тяжелое и крѣпкое экономическое иго на весь мусульманскій Востокъ. И тѣснитъ онъ не только живыхъ правовѣрныхъ, но не оставляетъ въ покоѣ и мертвыхъ. Подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, во имя интересовъ общественнаго здравія, цѣлыя кладбища предковъ безслѣдно исчезли въ Константинополѣ въ самое короткое время, да и остающіяся большія загородныя кладбища съ каждымъ годомъ оскудѣваютъ кипарисами больше и больше, и вѣковыя деревья ихъ вырубаются и пилятся на доски для производства кипарисныхъ сундуковъ и аѳонскихъ иконъ, столь любимыхъ нашими русскими паломниками, а могильные камни разворовываются мѣстнымъ населеніемъ какъ матеріалъ для частныхъ построекъ. Не избѣжать этой роковой судьбы и Скутарійскому кладбищу; съ проведеніемъ нѣмцами желѣзной дороги въ Ангору и съ учрежденіемъ конки и фабрикъ въ Скутари, чрезъ какія-нибудь десять—двадцать лѣтъ отъ него останется лишь одно воспоминаніе.

Константинополь, 7 октября 1891 г.

С. Чахотинъ.

*) Фатиха „открывающая" есть первая глава Корана и весьма употребительная у мусульманъ молитва.

В. Д. Кудрявцевъ, проф. духовной академіи въ Троице-Сергіевой лаврѣ († 3 дек. 1891 г.). Съ фот. Гольдберга, грав. Шюблеръ.

Ярмарка въ Галиціи. (Рис. на стр. 525).

Страйтъ на своей картинѣ переноситъ зрителя въ живописное мѣстечко на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ, въ Галицію. Просто и жизненно передаетъ художникъ ярмарочный день съ его оживленіемъ и пестротою, хорошо знакомою тѣмъ, кому привелось побывать въ нашихъ губерніяхъ, сосѣднихъ съ этою мѣстностью.

Кладовыя сорокопутовъ. (Рис. на стр. 529).

Мѣсто дѣйствія—чаще всего отдѣльный клинокъ лѣса среди полей и луговъ, орошаемый вытекающимъ изъ него ручейкомъ, который вскорѣ переходитъ въ небольшую рѣчку, обросшую кустами ивняка и высокими травами. По опушкѣ лѣса также цвѣтущіе кустарники—и всюду въ нихъ, по землѣ, на деревьяхъ обиліе птичьихъ гнѣздъ, откуда несутся веселыя пѣсни. Здѣсь любитель птицъ надѣется найти полную идиллію, какая только возможна въ природѣ. Но едва вступаетъ онъ подъ сѣнь опушки, какая-то птица, сидящая на кустѣ терновника, встрѣчаетъ его тревожнымъ крикомъ: „такъ! такъ!" По мѣрѣ его приближенія, крикъ становится все безпокойнѣе и громче, и обѣ птицы, самецъ и самка, слѣдуютъ за путникомъ, куда бы онъ ни пошелъ, съ однообразнымъ и вовсе непріятнымъ: „такъ! такъ!—такъ! такъ!" Несмотря на это, онъ проникаетъ въ таинственную чащу и не даетъ себя сбить съ толку крикомъ птицъ. Онъ знаетъ, что у нихъ тутъ гнѣздо, отъ котораго онѣ хотятъ его увести. Вдругъ, на краю небольшой прогалинки передъ путникомъ открывается удивительное зрѣлище.

По вѣтвямъ терновника наколоты на иглахъ жуки, кузнечики, бабочки и другія крупныя насѣкомыя, лягушата, ящерицы, полевыя мыши, крошечныя пичуги и между ними даже совершенно взрослая голубая синичка съ ея пятью или шестью птенчиками. Это кладовая сорокопута, который имѣетъ обыкновеніе всякую добычу, не съѣдаемую тутъ же на мѣстѣ, накалывать про запасъ на иглы терновника.

А сорокопутъ ловитъ и хватаетъ все что подвернется ему въ теченіе дня, безъ устали, гораздо больше чѣмъ можетъ съѣсть, какъ истый разбойникъ, изъ одной кровожадности.

У насъ встрѣчается 4 вида сорокопутовъ, величиною отъ воробья до дрозда; но въ другихъ частяхъ свѣта виды ихъ гораздо многочисленнѣе. Наши виды: сорокопутъ большой, сорокопутъ сѣрый и жуланъ обыкновенный—настоящіе хищники; послѣдній, самый мелкій видъ, красноголовый жуланъ, питается одними насѣкомыми и совершенно безвреденъ для птицъ. Обыкновенный жуланъ, сверхъ того, цѣнится какъ превосходная пѣвчая птица.

Любитель нашъ, выбравшись изъ чащи лѣса, присѣлъ на пенекъ у опушки и вслушивается въ лѣсные голоса. Но солнце поднялось уже высоко къ полудню, и вмѣстѣ съ усиливающеюся жарой въ лѣсу всѣ пѣвцы пріумолкли одинъ за другимъ. Только стрекотъ и жужжаніе насѣкомыхъ нарушаетъ тишину. Однако вотъ внезапно раздается флейта пѣвчаго дрозда, потомъ отзывается полевой жаворонокъ, его перебиваетъ зябликъ, за нимъ коноплянка, и наконецъ какъ эхо звонкій голосъ иволги въ перемѣшку съ крикомъ перепела. Напрасно озирается любитель, отыскивая глазами всѣхъ этихъ птицъ; настоящій же знатокъ не дастся въ обманъ: ему извѣстно, что всѣ эти звуки производитъ одинъ жуланъ, который, подобно американскому пересмѣшнику, подражаетъ пѣнію большинства нашихъ птицъ. Поэтому его часто держатъ въ клѣткахъ и нерѣдко платятъ за него высокія цѣны.

Король пріѣхалъ! (Рис. на стр. 532 и 533).

Въ небольшомъ итальянскомъ мѣстечкѣ необычайное событіе. Государь, путешествуя по своей странѣ, остановится въ немъ на короткое время. Подобнаго счастія давно не выпадало на долю мѣстныхъ жителей, и они всѣ, отъ мала до велика, собрались на станцію встрѣтить своего повелителя. Кого тутъ только нѣтъ! Здѣсь и представитель общины, и священникъ, и школьный учитель, и богатая сосѣдняя помѣщица со всѣми своими чадами и домочадцами. Они всѣ выстроились, какъ на парадѣ, у самыхъ рельсъ. А тамъ подальше, за заборомъ, публика попроще. Но какая живописная и разнообраз-

ная публика, въ сопровожденіи доморощенныхъ музыкантовъ! Всѣ и все съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія желаннаго поѣзда. Наконецъ давно жданная минута настала. Громыхая и свистя подкатилъ поѣздъ, и у всѣхъ присутствующихъ, какъ у одного человѣка, но у каждаго по-своему, выразились и радость, и любовь, и безпредѣльная преданность своему государю, осчастливившему посѣщеніемъ мирный и счастливый уголокъ своего царства.

Фердинандъ, наслѣдный принцъ Румынскій.
Съ фотографіи грав. Флюгель.

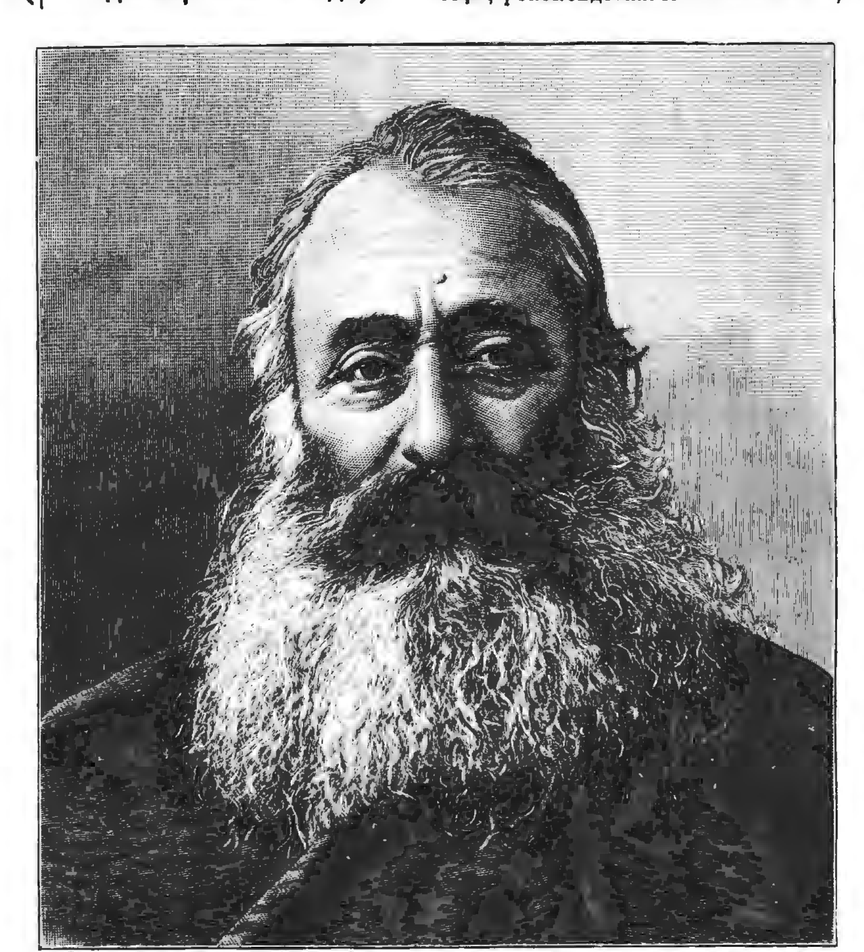

Принцесса Марія Эдинбургская.
Съ фот. грав. Флюгель.

В. Д. Кудрявцевъ († 3 декабря 1891 года).

(Портр. на стран. 536).

Еще не стало на Руси одного изъ сѣятелей „разумнаго, добраго, вѣчнаго“: 3 декабря прошлаго года скончался въ Сергіевомъ Посадѣ заслуженный ординарный профессоръ Московской духовной академіи по каѳедрѣ метафизики (философіи) и логики, докторъ богословія Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ. Только духовная среда, да пожалуй еще спеціалисты чувствуютъ и понимаютъ всю величину этой утраты. А между тѣмъ это былъ философъ довольно крупной величины, какихъ очень немного было и есть въ нашей странѣ—вообще-то небогатой философскими умами; это былъ главный представитель на Руси теистической философской школы, занимавшій у насъ приблизительно такое же мѣсто, какое занимаютъ на Западѣ Ульрици, Поль Жанэ, или Секретанъ (такъ выразился одинъ изъ профессоровъ М. Д. академіи). Можно съ увѣренностію сказать, что если-бы сочиненія В. Д Кудрявцева были переведены, напр., на нѣмецкій языкъ, Германія оцѣнила бы ихъ по достоинству, а тогда бы и у насъ имя покойнаго профессора стало пользоваться бо́льшею извѣстностію, чѣмъ какою оно пользуется въ настоящую минуту. Вѣдь существуетъ же разсказъ о томъ, какъ Шеллингъ, встрѣтивъ одного русскаго просвѣщеннаго человѣка, посовѣтовалъ этому послѣднему обратить свое вниманіе на знаменитаго отечественнаго философа, о существованіи котораго этотъ русскій образованный туристъ впервые узналъ только изъ устъ иноземнаго мыслителя: русскій философъ, рекомендованный Шеллингомъ, былъ не кто иной, какъ профессоръ М. Д. академіи Ѳ. А. Голубинскій († 1854 г.).

Архіепископъ Хриміанъ, 1-й кандидатъ въ патріархи всѣхъ армянъ.
Съ фот. братьевъ Абдуллахъ, грав. Шюблеръ.

Свое высшее образованіе В. Д. Кудрявцевъ (род. въ 1828 г.) получилъ въ Московской духовной академіи (1848—1852 гг.)—въ самую блестящую эпоху ея существованія. Это было то время, когда въ академіи подвизались лучшіе представители русской богословской науки и философской мысли—А. В. Горскій, Ѳ. А. Голубинскій и Е. В. Амфитеатровъ. Подъ вліяніемъ этихъ профессоровъ и вырабатывались у студентовъ безкорыстный интересъ къ наукѣ, любовь и почти мистическое уваженіе къ серьезному научному труду. Особенно сильно было въ академіи вѣяніе философскаго духа. Подъ вліяніемъ этой окружающей философской атмосферы и сложились первичныя основы міросозерцанія В. Д. Кудрявцева, уже на школьной скамьѣ отличавшагося выдающеюся талантливостію натуры и рѣшительною склонностію къ философской спекуляціи.

Въ 1854 году В. Д.

Кудрявцевъ занимаетъ каѳедру метафизики послѣ удаленія на покой своего знаменитаго предмѣстника Ѳ. А. Голубинскаго. Новый профессоръ своими первыми философскими трудами скоро пріобрѣлъ себѣ репутацію первокласснаго философа, такъ что уже въ 1860 году онъ получаетъ приглашеніе въ Московскій университетъ на вновь открывшуюся тогда философскую каѳедру, а въ 1861 году его зовутъ на ту же каѳедру въ Петербургскій университетъ (скоро эти каѳедры были заняты—въ Москвѣ Юркевичемъ, а въ Петербургѣ Владиславлевымъ). Но покойный профессоръ предпочелъ остаться въ любимой имъ академіи. Философская репутація Виктора Дмитріевича въ это время была уже настолько высока, что въ 1861 году онъ приглашается въ наставники къ Наслѣднику Цесаревичу, которому онъ и читалъ лекціи логики и метафизики въ теченіе года, а въ свободное время преподавалъ психологію Е. И. Высочеству Николаю Максимиліановичу Герцогу Лейхтенбергскому. Разставаніе наставника съ Августѣйшимъ ученикомъ было самое трогательное, какъ объ этомъ можно судить на основаніи собственноручнаго письма попечителя Цесаревича, графа С. Г. Строганова, къ митрополиту Филарету (это письмо въ подлинномъ видѣ хранится въ архивѣ академическаго правленія).

Во все время своего профессорства В. Д. напечаталъ болѣе 30 философскихъ работъ *). Большинство этихъ работъ есть не что иное, какъ курсы метафизики, читанные покойнымъ профессоромъ въ разное время студентамъ М. Д. академіи. Всѣ свои философскія чтенія В. Д. дѣлилъ на пять обширныхъ частей: 1) введеніе въ философію, 2) гносеологію и онтологію, 3) естественное богословіе, 4) космологію и 5) раціональную психологію, къ которой въ своемъ учебникѣ (изданномъ для семинарій и представляющемъ сокращеніе академическаго курса) присоединяетъ еще нравственную философію. Философія покойнаго профессора представляетъ цѣльное и стройное христіанско-идеалистическое міровоззрѣніе, — теистическую систему, согрѣтую теплымъ, искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Эту свою систему В. Д. строитъ на почвѣ философской критики. Чтобы утвердить теистическую точку зрѣнія, онъ предварительно съ замѣчательнымъ критическимъ талантомъ разбираетъ системы атеизма, пантеизма, деизма, матеріализма, скептицизма, позитивизма и дарвинизма. Особенно цѣнна для науки эта критика, отличающаяся полнымъ безпристрастіемъ, глубиною и остротою анализа, и обнаруживающая въ авторѣ хорошее знакомство съ данными естественныхъ наукъ. Здѣсь, въ его философіи многіе найдутъ ясный и полный отвѣтъ на всѣ запросы ума и сердца.

Обращаясь къ личности В. Д. Кудрявцева, мы видимъ, что она являлась лучшимъ комментаріемъ къ его свѣтлой, идеальной философіи. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ съ рѣдкою цѣльностію воплощался типъ истаго мудреца, философа и въ аудиторіи, и въ частной жизни. Чуждый всякаго ученаго превозношенія, скромный до послѣдней степени, дѣтски чистый и незлобивый, снисходительный, любвеобильный, почти аскетически умѣренный въ своей частной жизни, — онъ положительно былъ боготворимъ и профессорами, и студентами. Вотъ почему у тѣхъ и у другихъ его смерть вызвала такой единодушный и исключительный по своимъ размѣрамъ взрывъ неподдѣльной печали, непритворнаго сожалѣнія... (см. *Богословскій Вѣстникъ*, 1892 г., январь).

Ѳ. Делекторскій.

Помолвка наслѣднаго принца Румынскаго съ принцессой Маріей Эдинбургскою. (Портр. на стр. 537).

Высоконареченная невѣста, принцесса Марія, старшая дочь принца Альфреда, герцога Эдинбургскаго, герцога Саксонскаго, наслѣдника Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, и Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, племянница Его Величества Государя Императора и внука королевы Викторіи, родилась 17 (29) октября 1875 г. До сихъ поръ принцесса мало показывалась въ публикѣ, что̀ совершенно понятно въ ея юномъ возрастѣ. Тѣмъ не менѣе она отличается выдающимися дарованіями, кромѣ роднаго языка прекрасно говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а досуги посвящаетъ живописи, къ которой имѣетъ громадныя способности съ дѣтства. Многія картины ея были распроданы на благотворительныхъ базарахъ. Большая часть жизни ея прошла въ Кобургѣ, гдѣ она весьма популярна и любима населеніемъ за ея любезный и веселый нравъ. При воспитаніи ея обращалось особое вниманіе на ея физическое развитіе, и потому принцесса пользуется прекраснымъ здоровьемъ. Принцесса много путешествовала со своей Августѣйшею матерью, которая постоянно брала ее съ собою.

Принцъ Фердинандъ, второй сынъ князя Леопольда Гогенцоллернскаго и наслѣдникъ своего дяди, короля Карла Румынскаго, родился 12 (24) августа 1865 г.; кончивъ курсъ въ прусской гимназіи, слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ и служилъ въ прусскомъ 1 гвардейскомъ пѣхотномъ полку въ Потсдамѣ. Средняго роста, стройный, голубоглазый и бѣлокурый, принцъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своею внѣшностью. Вѣрный своимъ военнымъ вкусамъ, онъ каждое утро посвящаетъ военному ученью, а остальное время дня дѣламъ политическимъ, удѣляя досуги на изученіе литературы и исторіи Румыніи. Принцъ сумѣлъ пріобрѣсти любовь румынскаго войска и населенія. Онъ соединяетъ въ себѣ превосходный характеръ, основательныя познанія и сильную волю.

Архіепископъ Хриміанъ-Хайрикъ. (Портр. на стр. 537).

Избранный на-дняхъ первымъ кандидатомъ въ католикосы или патріархи всѣхъ армянъ, архіепископъ Хриміанъ, портретъ коего помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ (стр. 537), принадлежитъ къ числу виднѣйшихъ іерарховъ армяно-грегоріанской церкви въ Турціи. Хриміанъ пользуется обширною популярностью какъ среди простаго народа, который чтитъ его какъ святаго, такъ и среди образованныхъ классовъ, которые ставятъ его высоко какъ поэта, публициста и педагога и политико-общественнаго дѣятеля. Среди турецкихъ армянъ онъ болѣе извѣстенъ подъ прозвищемъ Хайрикъ, что означаетъ *батюшка*. Это симпатичное прозвище преосв. Хриміанъ стяжалъ благодаря своимъ неусыпнымъ и безкорыстнымъ трудамъ на пользу простаго народа.

Крайне гуманный, обходительный, щедрый, онъ всегда умѣетъ найти слово христіанскаго утѣшенія и участія для всякаго обращающагося къ нему, будь это даже простой чернорабочій или пахарь. Несмотря на свои скудныя средства, онъ всегда дѣлится съ ближнимъ послѣднимъ грошемъ. Высокія нравственныя качества сдѣлали его кумиромъ константинопольскаго армянскаго простонародья. И когда около константинопольскаго моста появляется симпатичная, величавая, почти библейская фигура Хриміана, напоминающая образы Микель-Анджело въ Сикстинской капеллѣ, то безчисленные хамалы (носильщики) наперерывъ другъ другу спѣшатъ поклониться или подойти къ рукѣ престарѣлаго, но еще прекрасно сохранившагося маститаго іерарха.

Слѣдующій достовѣрный фактъ изъ біографіи Хриміана можетъ дать понятіе о томъ, какое внушительное впечатлѣніе производитъ благообразная, величественная личность Хриміана. Въ 1857 году, враги его—мужественная прямота, безкорыстіе и идеальная честность его создали ему не мало враговъ,—подкупили курда-убійцу. Убійца въ засадѣ дожидался своей жертвы на дорогѣ близь Варачскаго монастыря. Какъ только онъ завидѣлъ статную фигуру беззаботно идущаго молодаго красавца,—великана съ добрымъ выраженіемъ лица, мужество покинуло, и когда молодой архимандритъ поровнялся съ нимъ, убійца бросился ему въ ноги и повинился въ своемъ зломъ умыслѣ.

Хриміанъ родился въ 1824 году, въ глуши турецкой Арменіи, близь Вана, въ простой крестьянской семьѣ. Получивъ первоначальное образованіе въ армянскомъ Лимскомъ монастырѣ, для дальнѣйшаго образованія онъ отправился въ Константинополь. Первоначально Хриміанъ посвятилъ себя педагогіи и преподавалъ въ армянскихъ школахъ провинціи и Константинополя.

Литературная карьера его началась въ 1850 году, и въ виду этого почитатели Хриміана праздновали въ прошломъ году 40-лѣтній литературный юбилей его. Первыя произведенія его, поэмы: „Привѣтъ Арарата“ и „Привѣтъ Обѣтованной земли“ навѣяны путевыми впечатлѣніями, вынесенными имъ во время посѣщенія Арменіи и Св. Земли. Послѣдующія сочиненія Хриміана носятъ правоучительный характеръ, частью бытовой, историческій и публицистическій. Хриміанъ не мало потрудился и въ области армянской журналистики, издавая сначала *Византійскаго Орла*, а потомъ *Васпуриканскаго Орла*.

Въ 1854 г. Хриміанъ принялъ монашество, а въ 1868 г. былъ рукоположенъ въ епископы. Въ 1869 г. Хриміанъ былъ избранъ армянскимъ Константинопольскимъ патріархомъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ стоялъ во главѣ армянской общины, въ самую трудную эпоху зарожденія ея самоуправленія. Впослѣдствіи онъ управлялъ нѣсколькими важнѣйшими епархіями. Въ 1878 г., въ качествѣ делегата турецкихъ армянъ, Хриміанъ объѣзжалъ европейскіе дворы, дабы обратить ихъ вниманіе на безотрадную долю своихъ единовѣрцевъ въ Турціи.

Послѣдніе года Хриміанъ дѣлилъ между церковною каѳедрою и общественно-политическою дѣятельностью. Одаренный поэтическою натурою и первокласснымъ ораторскимъ талантомъ, онъ своимъ живымъ и образнымъ словомъ, идущимъ отъ сердца, умѣлъ преподать слово христіанскаго утѣшенія, въ годины общественныхъ бѣдствій, своимъ многострадальнымъ землякамъ. Во время тяжкаго голода, постигшаго нѣсколько лѣтъ тому родину Хриміана, Ванскую область, онъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, не переставалъ утѣшать и поддерживать бодрость въ страждущемъ христіанскомъ населеніи, и сумѣлъ своими горячими проповѣдями развязать самыя туго набитыя и крѣпко завязанныя мошны.

Будучи до настоящаго времени депутатомъ армянскаго депутатскаго собранія въ Константинополѣ, онъ смѣло отстаивалъ права своихъ угнетенныхъ соотечественниковъ, муже-

*) Перечень сочиненій В. Д. Кудрявцева съ краткими указаніями содержанія мы находимъ въ „Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи“ Я. Н. Колубовскаго (приложеніе къ журналу „Вопросы философіи и психологіи“ годъ I, кн. 4, стр. 20—32).

ственно предстательствуя за ихъ права. Ни угрозы, ни обольщенія турокъ не могли сломить неуклонной энергіи этого безтрепетнаго поборника правды и справедливости. Считая неудобнымъ пребываніе въ Константинополѣ этого неподкупнаго служителя алтаря, не устававшаго предстательствовать за гонимую его паству, турки предложили архіепископу Хриміану поселиться въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и находился до выборовъ въ Ечміадзинѣ. **Г. Д.**

Всероссійская пожарная выставка.

(Рис. на стр. 540 и 541).

23 мая, въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ манежѣ, открылась первая Всероссійская пожарная выставка, въ присутствіи временно предсѣдательствующаго въ Императорскомъ Техническомъ Обществѣ тайнаго совѣтника Герсеванова, предсѣдателя 4-го отдѣла этого Общества и комитета пожарной выставки: генералъ-лейтенанта Н. Ф. Эгерштрома, представителей министерства Финансовъ, городскаго управленія, градоначальства, членовъ Техническаго Общества и лицъ, близко стоящихъ къ пожарному дѣлу: петербургскаго брандъ-маіора А. П. Паскина съ графомъ А. Д. Шереметевымъ и княземъ А. Д. Львовымъ.

Весь манежъ, гдѣ помѣстилась выставка, богато убранъ гербами, щитами, флагами, среди которыхъ живописно разставлены всевозможные пожарные инструменты, вещи и разныя принадлежности пожарнаго дѣла. При входѣ, чрезъ окна манежа, обращенныя въ двери, ведутъ лѣсенки наружу главнаго зданія, гдѣ возведены несгораемыя строенія и витрины съ экспонатами. Главный входъ на самую выставку устроенъ въ видѣ арки, какъ это видно на нашей гравюрѣ, красиво задрапированной матеріей, съ пожарными касками по бордюру и государственнымъ гербомъ посрединѣ. На входной аркѣ высятся двѣ башенки, увѣнчанныя флагами, обрамляющими спиральныя груды пожарныхъ рукавовъ, уходящія подъ самый потолокъ. Входъ обставленъ группами живой зелени и тропическихъ растеній. Прямо сквозь арку видна каланча с.-петербургскаго пожарнаго депо, съ выкинутыми на шпилѣ ея пожарными сигналами: шарами, крестами и фонарями. Каланча эта напоминаетъ натуральную, снабжена внутри винтовой лѣстницей, украшена касками, топорами, баграми и амуниціей пожарныхъ командъ, и окружена инструментами, изготовляемыми въ пожарномъ депо. Установленныя по угламъ накрестъ пожарныя лѣстницы служатъ барьерами павильона. Далѣе слѣдуетъ прудъ-фонтанъ, за нимъ грандіозная по величинѣ витрина—палаты гр. Шереметева и въ глубинѣ манежа общимъ фономъ и декораціей красиво довершаетъ картину каланча князя Львова съ выкинутымъ на ней краснымъ флагомъ—эмблемой выставки — сигналомъ сбора всѣмъ частямъ. Видъ послѣдней представляетъ вторая гравюра. Изображая въ уменьшеніи пожарную станцію въ Стрѣльнѣ, она содержитъ въ себѣ не мало интереснаго для обозрѣвателя. Въ срединѣ помѣщается карта района дѣйствій команды князя Львова, статистическія и графическія таблицы убытковъ отъ пожаровъ за время съ 1881 по 1892 годъ, фотографіи инструментовъ, служащихъ и т. п., пожарный поѣздъ по системѣ князя Львова и много другаго.

Политическое обозрѣніе.

Киль и Нанси продолжаютъ заслонять собою все пережитое за послѣдніе дни. Газеты переполнены не только подробностями встрѣчи двухъ Императоровъ въ Килѣ и празднествъ въ Нанси, но и стараются всячески истолковать эти два событія. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія предположенія, что первое изъ нихъ является новымъ залогомъ мира. „Кильскій визитъ, пишетъ *Politische Correspondenz*, состоялся при обстановкѣ, указывающей, что Россія желаетъ жить въ мирѣ со всѣми желающими мира государствами, но при этомъ не расположена вступать въ какую бы то ни было сдѣлку, отъ которой могъ бы пострадать малѣйшій изъ ея интересовъ или ея національное достоинство или ея полная свобода дѣйствія въ области политики.“ Послѣдствіемъ Кильскаго свиданія, какъ полагаетъ *Post*, должно быть прекращеніе, хотя бы временно, опасныхъ для мира инсинуацій, направленныхъ къ усиленію недовѣрія между Россіей и Германіей. Несмотря на подобныя строки, газеты, указывая на посѣщеніе въ то же время въ Нанси президента Карно Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ, стараются унизить даже самую встрѣчу въ Килѣ. *Vossische Zeitung*, видя въ Нансійскомъ визитѣ чуть ли не провокацію, говоритъ, что онъ лишаетъ де всякаго значенія кильскую встрѣчу. Другіе листки идутъ еще дальше, и *Düsseldorfer Zeitung*, по этому поводу, разражается поистинѣ дикими и совсѣмъ неприличными выходками противъ Россіи. Названный листокъ видитъ въ фактѣ совпаденія кильской встрѣчи съ нансійскимъ визитомъ двойственную игру, оскорбленіе, нанесенное Германіи, поощреніе стремленіямъ непримиримѣйшихъ французскихъ шовинистовъ и т. д.

Лучшимъ отвѣтомъ на всѣ эти инсинуаціи могутъ служить слѣдующія строки *National Zeitung*. „Кильской встрѣчѣ придали особое освѣщеніе происходившія одновременно съ нею событія на французской границѣ, въ Нанси. Нельзя, понятно, даже возбуждать вопроса о правѣ французскаго правительства и Французскаго народа устраивать смотры войскамъ и праздники гимнастовъ по сосѣдству съ германской границей, и если нансійскія празднества еще a priori подали поводъ къ нѣсколькимъ безполезнымъ личнымъ статьямъ по сю и по ту сторону Вогезовъ, то, съ одной стороны, это объяснялось опасеніями характера возбужденныхъ праздничныхъ ораторовъ и массъ, а съ другой — крайнею щепетильностью относительно этихъ опасеній. Но такъ какъ кильская встрѣча совпадала какъ разъ съ нансійскими празднествами, то русское правительство почло себя, повидимому, обязаннымъ дать легко воспламеняющемуся французскому народу, съ которымъ Россія находится въ особо дружескихъ отношеніяхъ, доброжелательное указаніе, что день, избранный для упомянутой встрѣчи, никоимъ образомъ не долженъ быть толкуемъ въ неблагопріятномъ для Франціи смыслѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и день свиданія въ Килѣ былъ окончательно установленъ лишь въ послѣднюю минуту, такъ что если Россія дѣйствительно хотѣла выразить Франціи свои чувства, то врядъ ли оставалось много времени для того, чтобы заранѣе извѣстить г. Карно о пріѣздѣ Великаго Князя въ Нанси. Быть-можетъ, что такимъ образомъ съ русской стороны желали также избѣгнуть несвоевременныхъ руссофильскихъ демонстрацій, направленныхъ противъ Германіи. Вполнѣ это не удалось, но все-таки попытки въ этомъ направленіи были парализованы довольно скоро. Вообще нансійскія празднества, по крайней мѣрѣ съ наружной стороны, прошли спокойно и безъ шовинистскихъ выходокъ... Тосты, коими обмѣнялись оба Государя въ Килѣ, не выходятъ изъ рамокъ проявленія личной дружбы, но должно замѣтить, что каковъ бы ни былъ результатъ встрѣчи, не было повода къ иному образу дѣйствій. Слѣдуетъ-ли приписывать особое значеніе назначенію Русскаго Императора адмираломъ à la suite Германскаго флота — вопросъ, котораго мы касаться не намѣрены. Для насъ довольно и убѣжденія, что Русскій Императоръ имѣлъ случай узнать, что единственное желаніе Германскаго народа — это отстоять по возможности въ мирѣ Германскую имперію, созданную потоками благороднѣйшей крови“.

Событія въ Килѣ и Нанси отвлекли вниманіе отъ празднествъ, имѣвшихъ мѣсто въ Буда-Пештѣ, по случаю двадцать-пятой годовщины коронованія въ этомъ городѣ Франца-Іосифа, императора Австрійскаго. Въ память этого юбилея, онъ рескриптомъ приказалъ именовать отнынѣ Буда-Пештъ резиденціею.

Англія, не желая отстать отъ Германіи, Франціи и Венгріи, но не имѣя ничего лучшаго, устроила пріемъ принцу Фердинанду Кобургскому. 29 мая, принцъ Вельскій и герцогъ Эдинбургскій посѣтили принца Фердинанда Кобургскаго, вернувшагося изъ Бальмораля, куда онъ ѣздилъ по приглашенію королевы. Послѣ того принцъ завтракалъ у лорда-мэра, обѣдалъ у принца Вельскаго. Въ числѣ приглашенныхъ на завтракъ находились герцогъ Кэмбриджскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и секретарь австрійскаго посольства. Принцъ Фердинандъ благодарилъ за оказанный ему пріемъ.

Во всей Бельгіи начались выборы въ учредительное собраніе. Стеченіе выборщиковъ громадное, много рабочихъ освободили отъ всякихъ занятій и въ Брюсселѣ группы рабочихъ ходятъ по улицамъ со знаменами. Въ сенатъ и палату депутатовъ выбраны преимущественно католики. Возбужденіе очень велико; было нѣсколько уличныхъ схватокъ. Нѣсколько группъ соціалистовъ произвели манифестаціи противъ католиковъ въ Брюсселѣ, Лютихѣ и въ Гентѣ, гдѣ помѣщеніе католическаго клуба подверглось разгрому и въ принадлежащихъ духовенству домахъ перебиты были окна. Въ дѣло вмѣшались конные жандармы, и нѣсколько человѣкъ ранено.

Смѣсь.

Двадцатипятилѣтіе взятія Самарканда. 2 мая 1893 истечетъ четверть вѣка съ тѣхъ поръ какъ главный городъ Ферганской области, Самаркандъ, присоединенъ къ Россіи. Къ этому дню Самаркандскій статистическій комитетъ издаетъ описаніе города, и предсѣдатель комитета, графъ Ростопчинъ, въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* обращается ко всѣмъ участникамъ въ завоеваніи города и ко всѣмъ чиновникамъ живущимъ тамъ двадцать пять лѣтъ съ просьбою о высылкѣ до 1 марта 1893 въ комитетъ своихъ воспоминаній, дневниковъ и т. п.

Памятникъ Берингу. 4 декабря 1741 г. скончался капитанъ русской службы Витъ Берингъ, по имени котораго названы Беринговъ проливъ и одинъ изъ Алеутскихъ острововъ, куда онъ спасся

съ частью экипажа, послѣ кораблекрушенія, и гдѣ умеръ отъ цынги. Болѣе полутораста лѣтъ спустя, шкуна Сибирской флотиліи *Алеутъ* въ прошломъ году посѣтила островъ Беринга. Офицеры высадились на берегъ и отыскали могилу погибшаго изслѣдователя. На ней была нагромождена куча простыхъ камней, подъ которою покоились останки Беринга и его спутниковъ. Офицеры рѣшили воздвигнуть здѣсь достойный его памятникъ. Они собрали по подпискѣ между собою потребную сумму и по возвращеніи во Владивостокъ заказали памятникъ и желѣзный крестъ. То и другое уже готово и будетъ перевезено въ іюнѣ мѣсяцѣ на кораблѣ къ острову Беринга. На памятникѣ надпись: Командору Берингу и его спутникамъ. С L. Отъ шкуны Алеутъ. 1891."

Франко-русская выставка въ Булони, о коей мы уже сообщили читателямъ, проситъ обращаться за всѣми свѣдѣніями по слѣдующему адресу: Commissariat général de l'Exposition, à Boulogne-s/Mer, 41, rue Louis Duflos.

Sell's World's press (Всемірная печать, Селла)—подъ этимъ заглавіемъ и въ нынѣшнемъ году появилась извѣстная энциклопедія печати, содержащая въ себѣ полнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ журналахъ, иллюстраціяхъ и газетахъ міра, съ факсимиле цѣлыхъ газетныхъ страницъ, съ портретами писателей и издателей, видами редакцій и т. п. Это настольная справочная книга для всякаго причастнаго къ литературѣ.

Экономію во время путешествія, и даже значительную, позволяетъ дѣлать „Провожатый по гостиницамъ", книжка Карла Ризеля, послѣднее изданіе которой лежитъ предъ нами. Въ этомъ путеводителѣ находимъ точное описаніе около 400 гостиницъ россійскихъ и заграничныхъ, которыя по контракту съ издателемъ (Karl Riesels Reise Kontor, Berlin Königgrätzer Str. 114) обязаны дѣлать уступки со счетныхъ суммъ. Уступки отъ 5—10% составляютъ значительную экономію въ особенности при поѣздкахъ съ значительнымъ семействомъ. Къ каждому экземпляру изданія прилагается карточка, которая показывается лишь при уплачиваніи счета. Изданіе можно выписывать чрезъ названную контору.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ. Въ виду всеобщаго интереса, возбуждаемаго нынѣ этою, мало изслѣдованною, частью свѣта и того значенія, какое пріобрѣтаетъ развивающаяся въ этой странѣ торговля, заимствуемъ изъ журнала „Vom Fels zum Meer" № 11—1891 г. свѣдѣнія о строящихся и проектированныхъ въ Африкѣ желѣзныхъ дорогахъ. Первое мѣсто по грандіозности предпріятія, проектированнаго гражданскимъ инженеромъ Роланомъ, принадлежитъ французамъ. Отъ города Бискры, соединеннаго уже рельсовымъ путемъ съ г. Константиною, проводится желѣзная дорога на югъ, чрезъ городъ Варглу въ Тугуртѣ и плоскогорье Вади-Игаргаръ до Ангвида, съ вѣтвью къ озеру Чадъ. Длина всей дороги простирается до 2300 кил. Во многихъ частяхъ Африки, группы людей занимаются нынѣ топографическими съёмками и распланировками участковъ для желѣзныхъ дорогъ, представляя зрѣлище, въ этихъ краяхъ, до того невиданное. На южномъ берегу Конго, нѣсколько тысячъ чернокожихъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ сотъ европейцевъ, занято нынѣ сооруженіемъ полотна, взрывая скалистые утесы вдоль этой рѣки. Наибольшія затрудненія представляетъ узкая полоса гористой мѣстности Мпозо; далѣе же, до Станлей-Пуля, работы идутъ несравненно легче. Отъ алмазныхъ розсыпей Кимберлея къ сѣверу до рѣки Замбезе проводятся линіи: рельсовая и телеграфная. Въ этой мѣстности, въ которую изрѣдка только проникали отважные охотники и миссіонеры, теперь застучали заступъ и кирка, въ рукахъ 3000 рабочихъ, сопровождаемыхъ сотнями подводъ, нагруженныхъ строительными матеріалами, взрывными веществами и прочими принадлежностями желѣзно-дорожнаго строительства. Въ настоящемъ году еще разсчитываютъ провести дорогу до Мадекинга, небольшаго мѣстечка, служившаго мѣстопребываніемъ бѣднаго главы туземцевъ, теперь превратившагося уже въ оживленный торговый городъ съ банкомъ, газетою и пр. Телеграфную линію предположено провести до этого новаго, главнаго города короля Камаса, въ прямомъ направленіи отъ Капштадта на сѣверо-востокъ, протяженіемъ до 2,600 кил.—260 воловьихъ 5—6 парныхъ подводъ перевозятъ проволоку отъ станціи до станціи, подъ защитою отряда, состоящаго изъ 700 вооруженныхъ людей. Угловымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ долженъ служить Кимберлей; кромѣ помянутой, отсюда проводятся еще двѣ дороги: въ южномъ направленіи до Капштадта и въ восточномъ—чрезъ Оранскіе свободные штаты до Преторіи — главнаго города Трансвааля, бывшей республики буровъ. Съ однимъ голландскимъ синдикатомъ заключены контракты на сооруженіе желѣзной дороги, имѣющей соединить Преторію съ португальскою линіею, проложенною отъ бухты Делагоа вдоль восточнаго берега, и тогда чрезъ посредство Кимберлея будутъ соединены непрерывнымъ путемъ оба берега Африки: южный и восточный. Въ Преторію же проводится дорога отъ Наталя, которая въ скорости должна быть окончена. Такимъ образомъ, въ продолженіе весьма немногихъ лѣтъ, рельсовыми путями прорѣзана будетъ громаднѣйшая площадь, пространствомъ въ семь разъ больше Франціи. Далѣе къ сѣверу португальцы строятъ небольшую линію отъ судоходныхъ истоковъ Бузи до золотыхъ пріисковъ Маниуры.—Берега Занзибара предполагаютъ связать желѣзными дорогами; нѣмцы въ Килиманджаро, а немного далѣе на

Всероссійская пожарная выставка. Главный входъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

сѣверъ англичане съ озеромъ Укереве (Викторія-Ніанца). Къ этому нужно еще прибавить, что въ этой области великихъ озеръ появятся еще и пароходы нѣмецкіе и англійскіе, по крайней мѣрѣ въ судоходной ея части, безъ сомнѣнія, еще въ настоящемъ году. (Δ).

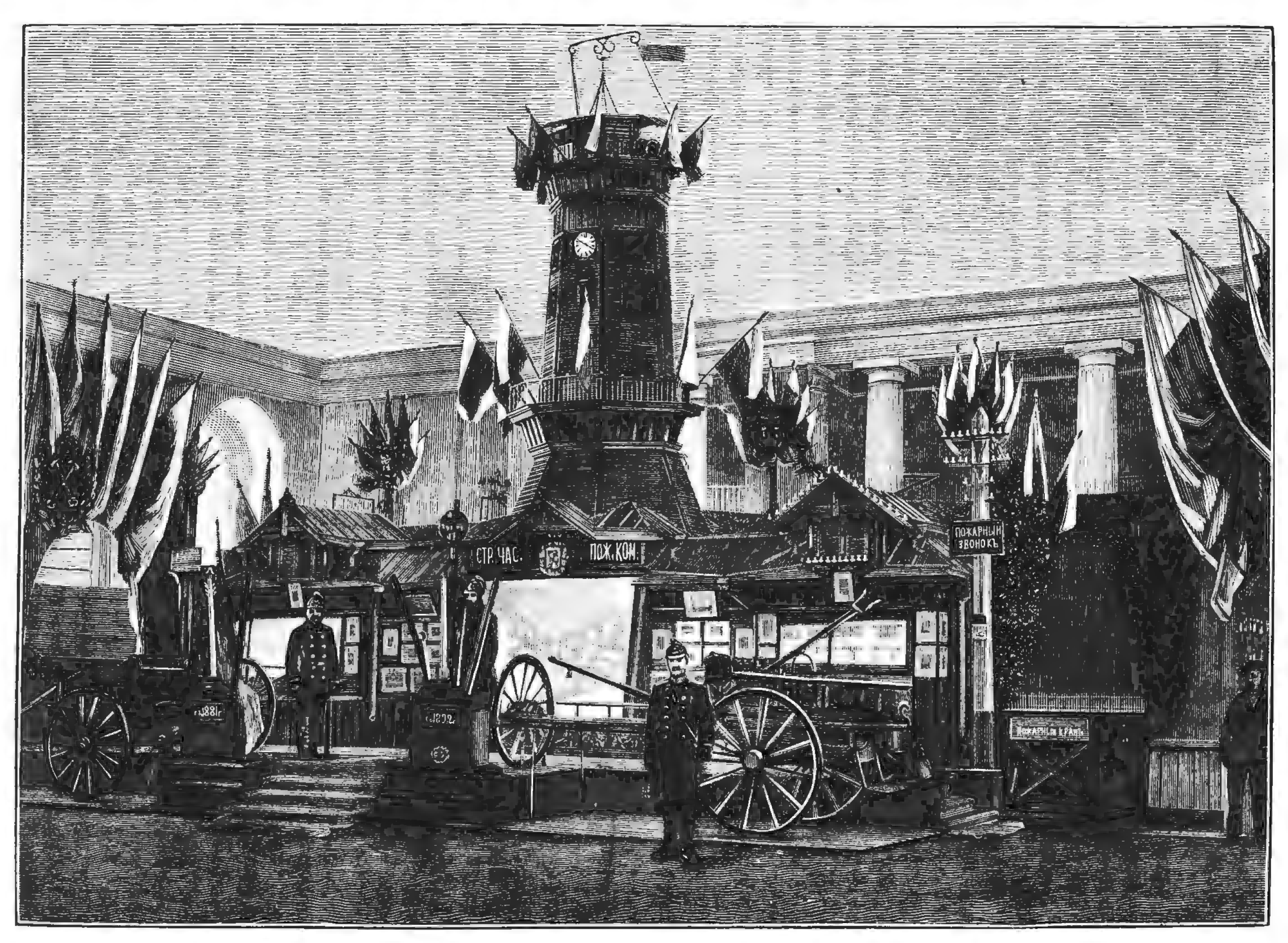
Жестокій законъ. Въ Англіи, даже въ прославленныя времена великой королевы Елисаветы, существовали еще вполнѣ варварскіе законы. Такъ несчастный странникъ, не имѣвшій возможности, по какимъ либо причинамъ, доказать своихъ правъ на занятіе ремеслами, признавался бродягою, клеймился раскаленнымъ желѣзомъ на груди буквою V—что означало Vagabond—бродяга—и отдавался на два года въ рабство тому, кто сдѣлалъ на него доносъ, съ правомъ подвергать его самымъ тяжкимъ наказаніямъ и работамъ. (Δ).

Профессоръ Лёффлеръ сообщаетъ въ „Centralblatt für Bacteriologie und Parasitenkunde" объ эпидеміи, истребляющей бѣлыхъ мышей гигіеническаго института въ Грейфсвальдѣ. Главною причиной эпидеміи является открытый проф. Лёффлеромъ микроорганизмъ, который онъ назвалъ „мышиный тифозный бациллъ." Въ виду того, что полевыя мыши крайне чувствительны къ названной болѣзни, пр. Лёффлеръ питаетъ надежды истребить съ помощью тифознаго бацилла всѣхъ полевыхъ мышей. Для этого необходимо, лучше всего весною, отравить на посѣщаемыхъ мышами поляхъ хлѣбъ и сѣмена этимъ бацилломъ. Пр. Лёффлеръ убѣдился уже на основаніи многихъ опытовъ, что введеніе тифознаго мышинаго бацилла въ желудокъ другихъ животныхъ не причиняетъ послѣднимъ никакого вреда. Такъ что случайнаго отравленія нечего бояться. (к.)

Изъ міра звѣздъ. Камиль Фламмаріонъ недавно сдѣлалъ въ Парижѣ крайне интересное сообщеніе о звѣздахъ. Темою его является взаимное разстояніе и число неподвижныхъ звѣздъ. Ближайшая изъ нихъ къ землѣ Центавръ отстоитъ отъ насъ на 10 трилліоновъ миль. Если бы на Центаврѣ произошелъ страшный взрывъ, то звукъ его дошелъ бы до земли черезъ 3 милліона лѣтъ. Ядро пущенное изъ пушки съ Сиріуса долетѣло бы до земли черезъ 15 милліоновъ лѣтъ. По силѣ свѣта звѣзды дѣлятся на классы. Въ первомъ 19 звѣздъ, во второмъ 59, въ третьемъ 182, въ четвертомъ 580, въ пятомъ 1600 и въ шестомъ 4800. Звѣзды седьмой величины уже не видимы простымъ глазомъ. На каждую звѣзду, видимую простымъ глазомъ, приходится 17000 видимыхъ только въ оптическіе инструменты. Какъ велико поэтому должно быть пространство наполненное такимъ безчисленнымъ количествомъ небесныхъ тѣлъ, нѣкоторыя изъ которыхъ въ милліоны разъ превосходятъ величиною нашу пылинку—землю! И съ каждымъ днемъ фотографія неба открываетъ еще новыя тѣла.... Центавръ отстоитъ отъ земли въ 275,000 разъ дальше солнца. Вторая по близости къ намъ неподвижная звѣзда Лебедя отстоитъ отъ Центавра на 15 милліоновъ миль. Если бы съ Центавра провести желѣзную дорогу на землю, то билетъ 1 класса, по нашему земному тарифу, стоилъ-бы 44 милліарда и экстренный поѣздъ, идущій по 100 километровъ въ часъ, дошелъ бы до земли въ 48 милліоновъ лѣтъ. (к.)

Наука поставила на очередь вопросъ о пользованіи силою прилива и отлива для приведенія въ движеніе моторовъ. Декёръ внесъ во Французскую академію наукъ проектъ могучаго водяного двигателя. Онъ предложилъ устроить въ Гаврѣ на морскомъ берегу два водоема, въ которые вода будетъ падать при приливѣ и уходить изъ нихъ при отливѣ. У отверстій для входа и выхода воды поставить турбины. Силу паденія воды Декёръ вычисляетъ въ 6000 лошадиныхъ силъ, которыя посредствомъ электричества можно провести въ какое угодно мѣсто. Подобный же планъ вырабатывается въ Мельбурнѣ инженеромъ Діамантомъ. (к.)

Съѣздъ русскихъ птицеводовъ. Между 21 и 29 марта со-

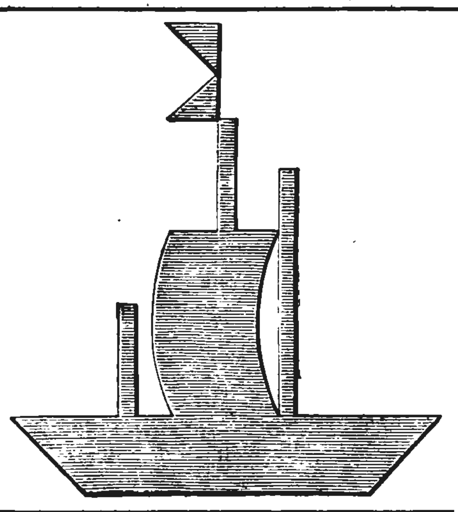
Всероссійская пожарная выставка. Стрѣльненская частная пожарная команда кн. Львова. Съ фот. грав. Рашевскій.

стоялся въ Петербургѣ первый съѣздъ русскихъ птицеводовъ въ Россіи. На обсужденіе его предложены были слѣдующіе вопросы: 1) Современное состояніе русскаго птицеводства и экономическое значеніе этой отрасли хозяйства. 2) Условія улучшенія простой домашней птицы. 3) Выборъ породъ для скрещиванія въ различныхъ мѣстностяхъ. Устойчивость и плодовитость ублюдковъ. 4) Уходъ за домашнею птицею: время кормленія и наиболѣе пригодные и дешевые кормы, наиболѣе цѣлесообразное устройство кормушекъ и водопоекъ, употребленіе подстилки и проч. 5) Болѣзни птицъ и ихъ лѣченіе. 6) Условія транспортировки птицъ всякаго рода, въ томъ числѣ племенныхъ и пѣвчихъ. 7) Способы укупорки племенныхъ яицъ при ихъ пересылкѣ. 8) Способы пользованія другими, кромѣ яицъ, продуктами птицеводства, какъ-то: пухомъ, гуано и т. п. 9) Мѣры для развитія и болѣе правильной постановки торговли всѣми, вообще, продуктами птицеводства. 10) Акклиматизація и прирученіе птицъ. 11) Способы ловли пѣвчихъ птицъ и комнатнаго ихъ содержанія. 12) Содержаніе декоративныхъ птицъ: павлиновъ, фазановъ, лебедей и т. п. 13) Голубиная почта. Любительское охотничье голубеводство. 14) Выясненіе степени пользы и вреда, приносимыхъ разнаго рода птицами нашему сельскому хозяйству, и выработка мѣръ для охраны полезныхъ и для уничтоженія вредныхъ и 15) Научныя сообщенія изъ области птицеводства. Съѣздъ обсуждалъ, между прочимъ, разработанный кіевскимъ обществомъ голубинаго спорта проектъ правилъ для совмѣстнаго состязанія почтовыхъ голубей, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и обществамъ, и постановилъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дѣло почтово-голубинаго спорта подвинулось у насъ впередъ и достигло бы такихъ же результатовъ, какъ въ Германіи, гдѣ существуетъ цѣлая армія почтовыхъ голубей, управляемая множествомъ кружковъ и обществъ любителей голубинаго спорта. Всѣ эти общества обязаны, въ случаѣ надобности, предоставить въ распоряженіе военнаго вѣдомства Пруссіи до 50 тысячъ отлично дрессированныхъ почтовыхъ голубей. Наши-же охотники до почтовыхъ голубей не въ состояніи представить даже маленькаго отряда этихъ крылатыхъ почтарей.

Одновременно со съѣздомъ открыта была обычная ежегодная выставка птицеводства. (г. в.)

Геометрическая задача № 30.

Предлагаемую фигуру разрѣзать на 15 частей, изъ которыхъ составить правильный восьмиугольникъ.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 21

(помѣщ. въ № 14 „Нивы").

Т а и
А г а ч
Т у р к и
Е р а л а ш
Л а г у н а
И с п а г а н
Х о р у т а н е
Р о д ж е р с
И р а д е
С а х а р
Т о л к
О п и с
С т о
В

Слова: 1) Описъ, 2) Хорутане, 3) Испаганъ, 4) Роджерсъ, 5) Сто, 6) Ералашъ, 7) Таи, 8) Турки, 9) Ираде, 10) Въ, 11) Агачъ, 12) Сахаръ, 13) Лагуна, 14) Толкъ.

„Христосъ воскресе, наши читатели!"

Рѣшенія задачъ въ № 4 „Нивы" 1892 г.

№ 4. W. Mieses. Матъ въ 3 хода.

1. К. d1 : e3, угрожая 2. К. e3—d5╪, 1. ... Ф. e1 : a1 или c3 (если 1. ... Кр. : e3, или 1. ... Ф. : e3, то 2. Ф. e5╪ или 2. Л. h4╪); 2. К. g5—e6+ и 3. Л. h5—h3╪.

a) 1. ... Ф. e1—d1; 2. Ф. a1 : d1 и 3. Ф. d1—d2 или d6╪.

b) 1. ... Ф. e1—e2; 2. Л. h5—h4+ и 3. Ф. a1—e5╪.

c) 1. ... Ф. e1—g3; 2. Л. h5—h3! и если 2. ... Кр. f4 : e3 или g5+, то 3. Ф. a1—5e!╪, если же 2. ... Ф. g3 : g2 или h3, то 3. К. g5—e6╪ или 3. К. e3—d5╪.

№ 5. L. Cimburek. Матъ въ 4 хода.

1. Ф. g2 — h3, Кр. f4 — e4; 2. Ф. h3 : e3+, Кр. e4 — d5; 3. С. g4 — e6+ и 4. С. d4—c5╪.

a) 1. ... Кр. f4—g5; 2. Ф. h3—h5+, Кр. g5—f4; 3. С. d4—e5+ и 4. С. g4—f3╪.

b) 1. ... d3—d2, h7—h6 или К. a2∞; 2. С. g4—e6, угрожая 3. Ф. h3—g4 или e3╪, 2. ... Кр. f4—g5; 3. Ф. h3—g4+ и 4. С. d4—g7╪.

c) 1. ... e3 — e2; 2. Ф. h3 — f3+, Кр. f4 — g5; 3. Ф. f3 — f5+ и 4. С. d4—f2╪ или 4. Ф. f5—h5╪.

d) 1. ... h7—h5; 2. С. g4—e6, Кр. f4—g5; 3. Ф. h3—g3+ и 4. Ф. g3—g7╪.

e) 1. ... К. g8—h6; 2. Ф. h3—f3+, Кр. f4—g5; 3. С. d4—f6+ и 4. С. g4—h5╪.

Если 1. ... К. g8∞, то 2. С. d4—f6 и 6. Ф. h3—f3╪.

Эта задача, получившая на конкурсѣ первый призъ, имѣетъ однако второе рѣшеніе, очевидно, просмотрѣнное судьями конкурса:

1. Ф. g2 — f3+, Кр. f4 — g5; 2. С. d4 — e5, угрожая 3. Ф. f3 — f5+ и 4. Ф. f5—h5╪, и если 2. ... Кр. g5—h4, то 3. Ф. f3—h3+ и 4. Ф. h3—h5╪; если же 2. ... К. g8∞. то 3. Ф. f3—f4+ и 4. С. или Ф. f6╪.

Правильныя рѣшенія прислали:

Обѣихъ задачъ—**Л. Н. Истоминъ** (Харьковъ).

№ 4—**I. Н. Волковскій и Б. И. Тольинскій** (м. Межибожъ, Под. губ.); **З. И. Рехнеръ** (Одесса).

№ 5—**Г. Гудинецкій** (Тирасполь).

Второе рѣшеніе задачи № 5: **Л. Н. Истоминъ, I. Н. Волковскій и З. И. Рехнеръ.**

Въ задачѣ № 23 М. Окунькова (№ 16 *Нивы*) черный конь долженъ стоять на e2, а не на d2.

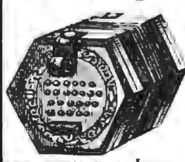
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

АНГЛІЙСКОЕ

КОНЦЕРТИНО

Инструментъ очень пріятнаго тона, съ полной хроматической гаммою, на которомъ можно играть послѣ короткаго упражненія всевозможныя пьесы со всѣми нюансами.

СОПРАНО 48-тонныя въ 24, 30, 40, 50, 65, 85, 110, 125, 140 и 160 р., 56-тонныя въ 160 и 200 р.
Баритоны 48-тонные въ 85, 140 и 200 р.
Самоучитель Ротштейна 2 руб.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.
Большой выборъ нотъ для англійскаго концертино.

По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ФОТОГРАФІИ

для моделей, женскія и мужскія, жанръ, ландшафты, 100 миніатюрн. фотографій и 4 образца за 3 р. Самая большая и лучшая коллекція всего міра. Каталоги на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ язык. по 20 к. Louis Ramlo Kunstverlag München II, Postfach 16.

ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦАМЪ

высылаю пріобрѣтенное за границею, ПРЕВОСХОДНОЕ РУКОВОДСТВО, указывающее какъ извлечь солидную пользу изъ земли, хотя бы самой неплодородной и песчаной почвы, черезъ разведеніе общеполезныхъ растеній и пр., не требующихъ большаго ухода и приносящихъ владѣльцу, во всякомъ періодѣ своего роста, постоянную хорошую пользу. № 5833 5—2

Также сельскимъ и городскимъ жителямъ оно указываетъ множество источниковъ доходности.

Болѣе подробныя свѣдѣнія высылаетъ безплатно А. Граге, Москва, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова, кв. 3.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

№ 580[illegible] (5)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 5—3

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе листы (III выигрышн. заемъ) продаетъ съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р., каждому вполнѣ доступно, № 5806
7—5

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

ВЕЛОСИПЕДЫ

„ОРЕЛЪ"

Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Ц. № 5728 СПЕЦІАЛЬНАЯ 12—11

ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Илл. пр.-куранты за 10 к. почт. марку.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ"

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Основной и запасные капиталы 16.500,000 рублей.

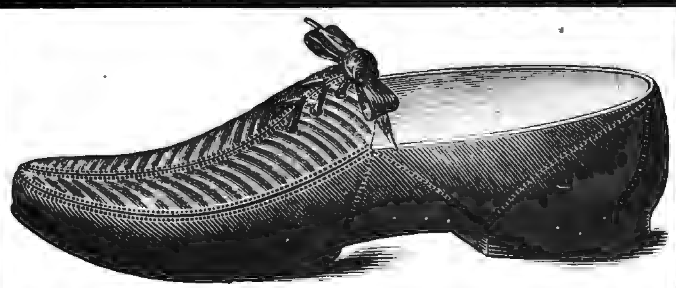
Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1892 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **24,795 лицъ на капиталъ въ 69.328,905 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1892 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. домъ, № 37) и агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 5817 4—2

Прекрасныя качества и красота фасона нашихъ „Легкихъ скороходовъ" для лѣта, какъ мы и ожидали, были достойно оцѣнены публикою. **Только въ этомъ году** этой легкой обуви нами выпущено уже около **30 тыс. паръ.**

Благодаря какъ особому устройству нашихъ колодокъ, на которыхъ выдѣлывается эта лѣтняя обувь, такъ и особо хорошему качеству кожи, мягкость и прочность которой отлично извѣстны каждому нашему покупателю, — при носкѣ нашихъ „Легкихъ скороходовъ" никто никогда не можетъ имѣть мозолей; потому что обувь эта по своему особому удобству не только не жметъ ноги, но даже не допускаетъ потѣнія ихъ, что, какъ всякому извѣстно, способствуетъ образованію мозолей. Въ этой обуви ноги не чувствуютъ усталости. Обувь эта не теряетъ своего фасона до окончательнаго ея изнашиванія; незамѣнима въ жаркое время лѣта; и вообще наши „Легкіе скороходы" уже сами заслужили особое вниманіе публики вслѣдствіе особенности постройки вполнѣ согласной съ гигіеной ногъ. И такъ какъ поэтому спросъ на нихъ все болѣе и болѣе увеличивается, то уже появились и подражатели, изготовляющіе полуботинки, къ сожалѣнію, похожіе на наши „Легкіе скороходы". Вслѣдствіе этого мы вынуждены обратиться къ уважаемой публикѣ съ настоящимъ предостереженіемъ и просимъ желающихъ пріобрѣсти „дѣйствительно Легкіе скороходы" при покупкѣ обращать вниманіе на оттиснутое на подошвѣ наше фабричное клеймо.

ФАБРИЧНОЕ КЛЕЙМО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„ЛЕГКІЕ СКОРОХОДЫ"

ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ № 5837

черные и коричневые

для мужчинъ, дамъ и дѣтей.

Т-во СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

Б. Морская, № 17, бель-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ

въ Ригѣ

Сигары, сигареты, папиросы, табакъ, турецкій и [а]мериканскій.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ
СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин[ахъ] или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—1

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (8)

Спеціалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5808

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5721 (9)

„НЬЮ-ІОРКЪ"

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 мая 1892 г. Руб. 2.456.539 66.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (13)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

для Г.г. любителей.

Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и дор.

Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ 15, 24 р. и дор.

Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К°

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.

Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно.
№ 5822 3—3

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.

Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ,**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—8

Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

XXIII г. | № 25 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXIII | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) 4 ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 20 іюня 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Безтрепетные. Съ карт. Леблинга

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

Слова эти съ трудомъ вырвались изъ стѣсненной груди графа Лунева. Онъ вскинулъ на нее глаза, хотѣлъ, какъ подобало джентльмену, встать предъ стоявшею передъ нимъ женщиной, но не всталъ, а только голову склонилъ къ протянутой ему рукѣ и замеръ... Что произошло съ ними въ эту секунду? Никто изъ нихъ не могъ опредѣлить, не могъ ни понять никогда, ни даже отчетливо вспомнить. Только оба были блѣдны, когда, опомнившись первая, она тихо высвободила руку свою и не глядя ему въ лицо, смущенная, но улыбающаяся, сказала:

— Большое вамъ спасибо!.. За этого бѣднаго человѣка и за меня... Теперь я увѣрена, что точно сдѣлаю доброе дѣло, помогу достойнымъ людямъ... Ахъ, если-бъ вы знали, заговорила она быстрѣй, одушевляясь и вся сіяя сознательною, теперь ужь личною радостью чувства, впервые пробужденнаго къ счастію любви,—если бъ вы знали, какъ я ненавижу, какъ презираю всѣ эти благотворенія по заказу!.. Всѣ эти добродѣтельные поборы! Всѣ эти выставки людскаго тщеславія, чванства, пустоты,—эти балы и всякія увеселенія съ благотворительными цѣлями!.. Право!.. Не думайте, что это фразы... *Вы* не подумаете, я знаю! Вы вѣдь и сами были вчера, потому что... зачѣмъ же обижать княгиню?..

— Я былъ, чтобъ видѣть васъ! сорвалось съ языка графа.

Лидія вспыхнула, вся волнуясь новымъ, невѣдомымъ счастіемъ.

— Да?.. Ну, спасибо вамъ!.. А я поѣхала, скажу по правдѣ,—мнѣ хотѣлось танцовать. Я люблю танцы и такъ давно не видала бала!.. Думаю: все равно, билеты взяты,—отчего-жъ не повеселиться?.. Но тамъ меня часто смущала мысль: Господи, ужь если благотворить, такъ неужели всѣ мы такъ черствы, что только и можемъ давать въ пользу бѣдныхъ, выгадывая себѣ потѣху?.. А утромъ я прочла вотъ объ этомъ ужасномъ случаѣ,—она толкнула рукой, на которой еще горѣли его поцѣлуи, вчерашній нумеръ газеты.—Я говорила Богдану Ѳедоровичу, что хорошо бы помочь... Но онъ отвѣчалъ, что это сказки; что навѣрное старикъ этотъ казнокрадъ и мошенникъ, котораго давно слѣдовало выгнать,—я и усумнилась... Усумнилась, потому что какъ же мнѣ было узнать самой... А тутъ, за ужиномъ, увидала васъ и сразу рѣшила, что вы мнѣ поможете... И теперь такъ рада! Такъ благодарна вамъ!.. Только вы не все еще сдѣлали. Вамъ еще надо свезти и отдать, или устроить такъ, чтобъ этотъ чиновникъ получилъ эти деньги,—но не зналъ, понимаете? и никогда не могъ бы узнать откуда онѣ. Вотъ тутъ три тысячи,—указала она на пакетъ.—Я нѣсколько разъ перечла—ровно тридцать сто-рублевыхъ. Сосчитайте вы!

Графъ Луневъ пробудился отъ тяжкаго оцѣпенѣнія, послѣдовавшаго за его неожиданнымъ увлеченіемъ, видя, что она кладетъ ему въ руки увѣсистый конвертъ.

Онъ всталъ, чувствуя себя какъ человѣкъ проснувшійся послѣ сильнаго угара.

— Пожалуйста сочтите, и напишемъ его адресъ, снова попросила Лидія.

— Позвольте, вы хотите дать Иванову три тысячи рублей? переспросилъ онъ.

— Ну да, разумѣется. Для чего же я бы имъ интересовалась?

— Но... вѣдь это очень большая сумма?

Лидія посмотрѣла на него съ непріятнымъ недоумѣніемъ, но тутъ же разсмѣялась:

— Вамъ жаль, что я себя обижаю?.. Не безпокойтесь: къ стыду своему, навѣрное ни одной тряпочкой себѣ меньше не сдѣлаю!

— Нѣтъ, Боже мой, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... простите пожалуйста!.. Я хотѣлъ только предложить, попросить вашего позволенія, поправился Луневъ,—придержать вамъ въ добромъ дѣлѣ...

— О, нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ! Пожалуйста... Ни въ какомъ случаѣ! Ищите сами для себя!.. О Господи! мало-ли несчастныхъ?.. Въ любой газетѣ найдете указанія на сотни бѣдняковъ, нуждающихся въ помощи... Нѣтъ, ужь пожалуйста, графъ, не отнимайте у меня моего старичка-чиновника... Онъ надолго утѣшитъ меня въ сознаніи моей суетности.

Въ тотъ же вечеръ графъ Луневъ-Запястьевъ еще разъ заѣхалъ къ директору департамента, Бергардту; жена его окончательно начинала чваниться въ обществѣ сослуживцевъ своего супруга. На этотъ разъ у ихъ превосходительствъ были гости: нѣсколько молодыхъ людей и двѣ дамы, изъ которыхъ одна, молодая и хорошенькая, немилосердно выкрикивала и безъ того крикливые цыганскіе романсы, подъ аккомпаниментъ и подъ руководствомъ Дмитрія Андреевича Шеснева.

Ужь болѣе шести недѣль морякъ добросовѣстно старался прельстить ими и втянуть въ свое любительское общество Лидію Львовну, но вотъ ужь и сезонъ ихъ собраній кончался, а ему еще не удалось завербовать ее въ цыганки. Завольской не хотѣлось огорчать его прямымъ отказомъ, но она давно рѣшила, что должна его разочаровать въ расчетахъ на ея содѣйствіе.

Шесневъ не зналъ, что даромъ тратитъ время. Онъ все еще надѣялся. Въ ту минуту, когда вошелъ Луневъ, онъ, подъ шумокъ, передавъ свое мѣсто у рояля другому охотнику, убѣждалъ Завольскую „хоть шутя попробовать.“ Она, между тѣмъ, улыбаясь ему и отнѣкиваясь, безпрестанно поглядывала на часы надъ каминомъ, вздрагивая при каждомъ звонкѣ въ передней.

Послѣдній звонокъ оказался не фальшивою тревогой. Вошелъ тотъ, кого она ждала. Увидавъ ея улыбку и нескрываемое удовольствіе, морякъ весь нервно передергиваясь высказалъ предположеніе, что „это все вліяніе Петра Владиміровича!“ Что онъ, Шесневъ, никогда не проститъ ему, что „онъ вооружилъ противъ цыганскаго пѣнія Лидію Львовну“ и все дѣло ему испортилъ.

Луневъ протестовалъ и оправдывался; но слабо, не энергично и, почему-то, крайне смущенно. Онъ смотрѣлъ такимъ вялымъ, что Лидія въ первую минуту подумала, что ему не удалось исполнить ея желанія; а потомъ она испугалась, что онъ нездоровъ, и еще болѣе его смутила, не сочтя нужнымъ скрывать своего испуга.

Она во всеуслышаніе тревожно спросила:

— Что съ вами, Петръ Владиміровичъ?.. Вы нездоровы?.. Или случилось что-нибудь непріятное?

— О, нѣтъ... Да, впрочемъ... да! Со мною была маленькая непріятность... Но это пустяки. Лично меня касающееся дѣло... Совершенный вздоръ!

Онъ путался въ рѣчахъ и смущался все тяжелѣй для себя и другихъ. И это было такъ явно, что она поспѣшила перемѣнить разговоръ, отвлечь отъ него вниманіе, недоумѣвая, что съ нимъ такое.

„Я съ ума сошелъ! со злобой, въ то же время, укорялъ себя графъ.—Веду себя какъ мальчишка... какъ влюбленный школьникъ... Это навожденіе!.. Безуміе!“

И чѣмъ болѣе онъ кипятился, тѣмъ хуже терялся и не могъ совладать съ собой.

Къ счастію, дама, любительница цыганскаго пѣнія, отозвала Шеснева и привлекла на себя, новымъ романсомъ, вниманіе общества. Лидія воспользовалась этой минутой чтобъ ускользнуть.

Луневъ не успѣлъ оглянуться, какъ возлѣ него очу-

тилась добродѣтельная Антуанета Карловна и незамѣтно, разговаривая, влекла его въ столовую, гдѣ разливали чай; а оттуда онъ самъ не зная какъ попалъ въ собственную гостиную Лидіи Львовны и тотчасъ самымъ дѣловымъ тономъ принялся ей сообщать, что все исполнено согласно ея желанію и обошлось благополучно.

— Я уложилъ деньги ровно въ десять конвертовъ пакетъ въ пакетъ и каждый запечаталъ пятью печатями, нарочно, чтобъ Ивановъ не успѣлъ до нихъ добраться раньше, чѣмъ Филиппъ, мой довѣренный слуга, успѣетъ сойти и уѣхать, разсказывалъ онъ, постепенно переходя изъ офиціальнаго тона въ болѣе непринужденный.—Мой человѣкъ и самъ не зналъ, какую благостыню везетъ... Однако, строго исполнилъ мое наставленіе: передалъ пакетъ Иванову въ руки и потребовалъ отъ него форменную расписку съ обозначеніемъ нумера, на немъ поставленнаго... Вотъ она!..

Графъ передалъ расписку Иванова въ полученіи пакета за пятью печатями и за такимъ-то нумеромъ, и продолжалъ свой разсказъ:

— Тогда мой умнѣйшій Филиппъ, не слушая никакихъ зововъ и разспросовъ, откланялся и быстро исчезъ... Я думаю ужь онъ до другаго квартала отъѣхалъ прежде, чѣмъ старикъ добрался до сюрприза, ожидавшаго его внутри послѣдняго конверта! улыбаясь закончилъ Луневъ-Запястьевъ.—Завтра, я думаю, рублевую свѣчку поставитъ Казанской за ваше здравіе.

— Ну и слава Богу! Ужасно, ужасно я вамъ благодарна! просіяла на него улыбкой и взглядомъ Лидія и приложила палецъ къ губамъ. — Смотрите же,— молчаніе! Да что̀ вы какъ въ воду опущенный?.. Ужь не больны-ли?

— Я?.. О, нѣтъ! Здоровъ всесовершенно. Только вы ужь меня простите: я немножко побесѣдую съ вашими почтенными родственниками и стушуюсь... У меня сегодня еще есть дѣло... занятіе одно.

Онъ не смотрѣлъ на нее, нерѣшительно выговаривая эту ложь; а Лидія, напротивъ, смотрѣла ему прямо въ глаза и сама про себя соображала что-то, что̀ на ея цвѣтущемъ лицѣ отражалось, какъ отражается на цвѣткѣ недостатокъ воды.

— Какъ знаете, промолвила она очень тихо.

И отошла къ другимъ своимъ гостямъ, стараясь быть веселою.

Могла-ли думать она, что не было того унизительнаго эпитета, которымъ графъ Луневъ-Запястьевъ, съ желчью и болью на сердцѣ, не аттестовалъ самого себя съ самаго утра этого памятнаго ему дня? Съ самой минуты своего „преступнаго увлеченія", которое открыло ему, что онъ не только любитъ Лидію Завольскую, но и любимъ ею.

VI.

Подходилъ Великій постъ. На Масляницѣ увеселенія какъ всегда удвоились, и жизнь избранныхъ, имѣющихъ много времени и много денегъ, шла съ лихорадочной поспѣшностью. Дни и ночи Лидіи Львовны мелькали какъ мгновенья, пестрые, шумные, суетливые; какъ казалось со стороны и какъ сама она утверждала— безконечно веселые. Она смотрѣла усталою и чуть-ли не больною; яркій ея румянецъ значительно спалъ, и похудѣла она замѣтно, и глаза будто ушли глубже, но горѣли и сіяли такъ же ярко, пожалуй ярче. Все это, понятно, отъ ненормальной жизни, безсонныхъ ночей преимущественно.

— Уѣду въ Лондонъ весной, тамъ отдохну! весело отвѣчала она всѣмъ, кто замѣчалъ ей ея перемѣну.— Дома перебѣшусь, а тамъ буду чопорною дѣвицей, сестрой представительной супруги баронета... Тамъ меня никто и не узнаетъ, такъ я буду благоразумна и неподвижна.

— Не разсказывайте такихъ чудесъ! отвѣчали ей, всегда окружавшіе ее, молодые люди.— Не то нынѣшнимъ лѣтомъ произойдетъ капитальное переселеніе петербуржцевъ за Ла-Маншъ, съ цѣлью увидѣть такое дивное превращеніе!

Между Крещеніемъ и Масляницей Лидія Львовна выслушала несмѣтное количество намековъ на пылкую любовь, съ готовностью посвятить ей всю жизнь, и три формальныхъ предложенія. Первые она обратила въ шутку или представилась непонимающею; вторыя выслушала смущенно, съ глубокой досадой на самоё-себя, но твердо ихъ отклонила. Въ числѣ трехъ претендентовъ былъ Лассунскій, за котораго хлопотала адмиральша, и былъ одинъ прокутившійся, очень и очень высоко поставленный вельможа, за котораго свахой соблаговолила явиться та самая вліятельнѣйшая изъ трехъ блестящихъ дочерей адмиральши, предъ величіемъ которой всѣ онѣ склонялись. И обѣ—мать и дочь, потерпѣли фіаско.

Послѣдняя въ особенности разсердилась и въ интимномъ разговорѣ съ матерью выразилась о Завольской, что она или глупа или влюблена въ кого-нибудь, а не то и помолвлена втайнѣ... Иначе, какъ объяснить отказъ такому лицу, какъ ея титулованный женихъ?

— Положимъ, твой князь наружностью дѣвушку увлечь не можетъ: il est bien passé, le cher homme! *) Но если ей милѣй титула красота, такъ ужь на что представительнѣй и лучше Мишель Лассунскаго? Кажется всѣмъ взялъ! А она мнѣ и договорить не дала! жаловалась адмиральша.

И обѣ рѣшили, что Лидія Львовна взбалмошная и глупая дѣвчонка.

Насчетъ ея взбалмошности съ княгиней и матерью ея сошлись бы очень многіе во мнѣніяхъ. Странные поступки Лидіи оправдывали такое мнѣніе. Тетушка Марья Васильевна безпрестанно ахала втайнѣ и руками разводила надъ ея несообразностями, но терпѣла молча, не смѣя болѣе подавать материнскихъ совѣтовъ.

— И чего она мечется, какъ угорѣлая, прости Господи? жаловалась она часто по секрету супругу. — Чего ей надо?.. Пользовалась бы пока въ ея волѣ выбрать любаго жениха, сдѣлать свое счастіе на всю жизнь, а она гримасничаетъ! Носъ воротитъ отъ первыхъ вельможъ въ столицѣ!.. Что воображаетъ? Коронованнаго принца поджидаетъ что-ли?

— А ты почемъ знаешь, что первые вельможи за нее сватались? хладнокровно спрашивалъ директоръ департамента.

— Ну вотъ, какъ же мнѣ это не знать? Вѣдь у насъ она въ домѣ живетъ-то... Прошлый разъ свѣтлѣйшая наша, адмиральшина дочка, зачѣмъ къ ней пріѣзжала? Я сейчасъ подумала, что не даромъ она себя побезпокоила нашъ подъѣздъ искать. Ты только представь себѣ, кого она сватать нашей принцессѣ пріѣзжала? Самого...

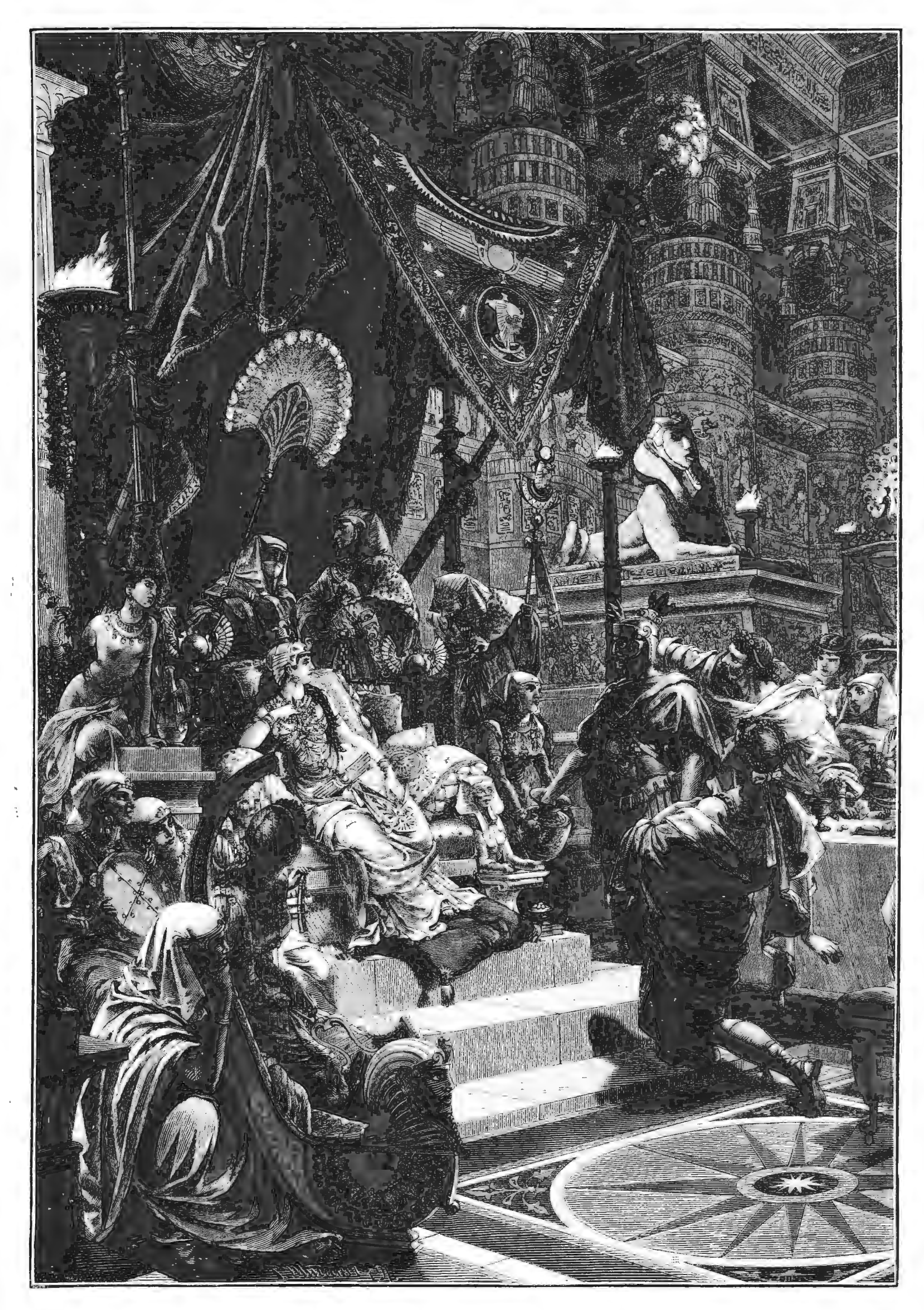
И генеральша благоговѣйно произнесла „всему міру" извѣстное имя. Но къ величайшему ея удивленію супругъ не поразился, а пустивъ колечками дымъ сигары изо рта, хладнокровно произнесъ:

— И нисколько я не дивлюсь, что она этой истрепаной швабрѣ отказала. Хорошая она, честная дѣвушка! Достойна уваженія, что за побрякушки герба да титула себя не продаетъ!

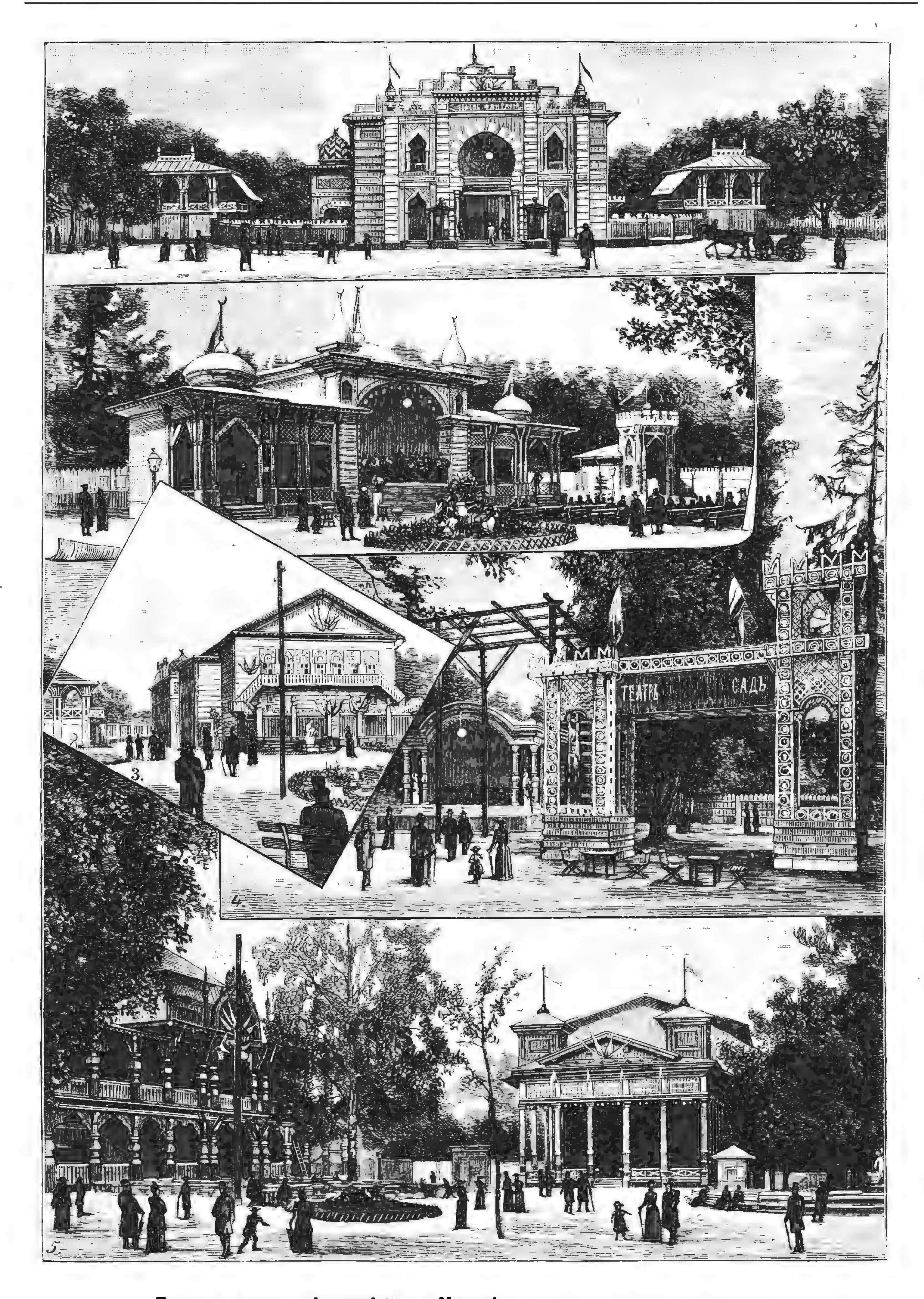
— Ахъ!.. Ужь пожалуйста! Всѣ вы на одинъ ладъ! попрекнула его жена.—Передъ хорошенькой мордочкой всѣ таете до ослѣпленія. А теперь эти ея благотворенія... Хочешь благотворить, — такъ мало-ли разумно устроенныхъ обществъ?.. Съ программами одобренными и утвержденными... Никто ей не мѣшаетъ записаться, вносить... А у нея все по-своему, шиворотъ-навыворотъ!

— Самостоятельна!.. Самостоятельность, когда она хорошо направлена—дѣло хорошее!.. А ты, Машенька,

*) Его пѣсенка спѣта, милѣйшаго.

Литературный альбомъ. „Египетскія ночи", Пушкина. Пиръ Клеопатры.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Р. Штейна, грав Флюгель.

Театръ и садъ „Фантазія“ въ Москвѣ. Съ фот. Митрейтера, грав. Рашевскій.

1) Фасадъ театра. 2) Эстрада для музыки. 3) Видъ театра со стороны сада. 4) Иллюминаціонная декорація. 5) Ресторанъ и открытая сцена.

вотъ что: не пускала бы въ ходъ щелей да замочныхъ скважинъ!.. Замѣтить можетъ,—не хорошо! посовѣтовалъ Бергардтъ и тѣмъ окончательно разозлилъ свою жену.

Вообще мужчины были снисходительнѣй въ своихъ сужденіяхъ; женщины же, въ особенности молодыя, нещадно осуждали всѣ поступки и рѣчи Завольской. Не зная и половину ея „беззаконій“, онѣ успѣли даже ей составить репутацію какой-то шалой, на все готовой сорви-головы, которая ни передъ рѣзкимъ словомъ, ни передъ сумасшедшимъ поступкомъ не остановится.

По правдѣ говоря, въ самое послѣднее время, Лидія часто неосмотрительно поступала. Стараясь веселиться во всю, такъ чтобъ заставить себя развлечься, заглушить непрошеное, презираемое ею самою чувство, съ которымъ справиться не умѣла, которое среди самаго вихря шумныхъ удовольствій не покидало ее, денно и нощно грызло ея сердце сомнѣніемъ, она не обращала вниманія ни на что внѣшнее. Разсѣянность ея и равнодушіе ко всѣмъ и ко всему были причиной многихъ прегрѣшеній, которыя свѣтъ относитъ къ кокетству, къ тщеславію, къ злымъ умысламъ противъ отдѣльныхъ личностей или вообще противъ общественнаго мнѣнія. А вѣдь ничто не возмущаетъ такъ сильно свѣта, какъ равнодушіе къ его авторитету. Положимъ, она и этимъ грѣшила достаточно, но бо́льшая часть „бравадъ и вызововъ“, въ которыхъ ее упрекали, не только не были преднамѣренны, но въ большинствѣ не были даже сознаны ею. Она первая бы удивилась, если-бъ вниманіе ея обратили на то, что три раза къ ряду, катаясь на тройкахъ въ большомъ и очень избранномъ обществѣ, она каждый разъ принимала услуги однихъ и тѣхъ же молодыхъ людей и ѣздила съ ними одна, безъ спасительнаго присутствія какой-нибудь дамы. Она смутилась бы еще сильнѣй, если-бъ вспомнила, что предъ тѣмъ, какъ отказать Лассунскому, она почти ни съ кѣмъ кромѣ него не танцовала своихъ котильоновъ и мазурокъ,—чѣмъ явно подавала ему поводъ надѣяться, что предложеніе его „пройти всю жизнь съ нимъ въ парѣ“ не будетъ отвергнуто.

— Она очевидно смотритъ на матримоніальное шествіе нѣсколько иначе, чѣмъ на прогулку въ полонезѣ! своеобразно утѣшалъ пріятеля Нордштетъ, отъ котораго Михаилъ Алексѣевичъ не съумѣлъ скрыть своего пораженія.

Лассунскій былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не считалъ нужнымъ скрывать своихъ намѣреній даже отъ менѣе близкихъ людей. Въ обществѣ громко осуждали беззастѣнчивое кокетство Завольской; она сама только ни его, ни многаго другаго въ своихъ поступкахъ и во всемъ, что вкругъ нея творилось, не сознавала и не замѣчала, вся поглощенная однимъ недоумѣніемъ: что́ сталось съ графомъ Луневымъ? Куда онъ пропалъ?.. Эта смѣлая, рѣшительная до дерзости дѣвушка въ теченіе долгихъ дней не могла рѣшиться никого спросить о немъ. Едва-ли-бъ кто-либо повѣрилъ, что есть такое имя, которое Лидія Львовна боялась произнесть, не увѣренная въ себѣ, — но это было такъ. Наконецъ, разъ, разговаривая въ сторонѣ съ Нордштетомъ, въ едва освѣщенномъ и безлюдномъ кабинетѣ княгини Роксанской, она спросила:

— Что́ сталось съ графомъ Луневымъ-Запястьевымъ? Вотъ недѣли три, какъ онъ исчезъ совершенно... Онъ боленъ? Уѣхалъ? Или умеръ?..

Тонъ ея былъ до того равнодушно-высокомѣренъ, что именно эта излишняя, ничѣмъ не мотивированная торжественная холодность его и заставила, опытнаго въ сердечныхъ дѣлахъ, барона насторожиться.

„Est-ce là le mot de l'énigme?“ *) тотчасъ же подумалъ онъ, непринужденно ей отвѣчая:

— Я самъ не видалъ его давно. Вѣрно сплинъ на него нашелъ... Вы знаете, онъ подверженъ припадкамъ ипохондріи. Тогда онъ запирается со своими книгами и картинами и пропадаетъ по мѣсяцамъ... Онъ вообще оригиналъ. На-дняхъ навѣщу его и доложу вамъ.

— О, пожалуйста не безпокойтесь!.. Я вѣдь спросила такъ... вспомнивъ, что его давно нигдѣ не встрѣчала.

„Ta-ta-ta! La poverina! *) немедленно рѣшилъ мысленно Нордштетъ, никогда не думавшій по-русски.— Connait elle les antécédents?.. Знаетъ она или не знаетъ?.. Не предупредить-ли?.. Что-жь ей даромъ тратить свой священный огонь?“

Но предупредить онъ ни о чемъ не успѣлъ, потому что въ ту же минуту вошло нѣсколько дамъ и мужчинъ отдохнуть въ прохладѣ и полумракѣ, и разговоръ сталъ общій.

„Да неужели же она ничего не слыхала о прошлой жизни Лунева, о его несчастномъ выборѣ?.. Можетъ-ли статься, чтобъ кумушки не подслужились, не разсказали всей подноготной? про себя размышлялъ баронъ, стоя одинъ въ амбразурѣ глубокаго окна, гдѣ оставила его Лидія Львовна, и въ недоумѣніи потягивая себя за усы. — Положимъ *она* такъ давно стушевалась, а онъ самъ такъ усердно старается быть незамѣтенъ и толковъ о себѣ не возбуждать, что обо всей этой исторіи „свѣтъ“ успѣлъ забыть... Но все же, догадайся кто-либо о ихъ любви,—сейчасъ нашлись бы докладчики... О *ихъ* любви?.. Я очень рѣшителенъ! самъ надъ собой улыбнулся Нордштетъ.—Онъ можетъ-быть и не повиненъ... Надо будетъ побывать!“

Нѣтъ сомнѣнія, что баронъ былъ вполнѣ правъ: Завольская давно узнала бы все прошлое Петра Владиміровича, если бы они, попрежнему, встрѣчались въ свѣтѣ. Но онъ такъ быстро исчезъ съ ея дороги, что Лидія не успѣла изобличить истины, и о ней, до сихъ поръ, почти никто не догадывался. Исчезновеніе графа изъ общества подѣйствовало на нее, какъ дѣйствуетъ прикосновеніе на цвѣтокъ мимозы-сенситивы: оно заставило ее мгновенно сосредоточиться и крѣпче сложить лепестки, чтобъ не обнаружить тайны, залегшей ей на сердце. Она не только никогда никого не спрашивала о графѣ Луневѣ, она не произносила никогда его имени, ничѣмъ никому не выдала ни думы, ни воспоминанія о существованіи его.

Всѣ беззаконія бѣдняжки происходили именно вслѣдствіе того, что помышленія ея и заботы были всецѣло сосредоточены на одной исключительной мысли, на одномъ чувствѣ и на стараніи скрыть отъ всего міра этотъ фактъ. Она рада была бы самоё-себя обмануть въ его существованіи, до того онъ ее возмущалъ съ той поры, какъ необъяснимое поведеніе графа заставило ее подумать, что онъ надъ нею смѣется!

VII.

На другой день сани Нордштета остановились у подъѣзда стараго, барскаго дома, въ сторонѣ отъ шумныхъ улицъ столицы. Толстый, отяжелѣвшій отъ долгаго бездѣйствія, швейцаръ, узнавъ однако гостя, почтительно вышелъ на подъѣздъ доложить, что „баринъ нездоровы“ и что „никого не приказано принимать...“

— Ну, любезный, это ты другихъ выпроваживай, а я и безъ тебя дорогу знаю! заявилъ ему баронъ, выходя изъ саней несмотря на предупрежденіе.

Онъ быстро взбѣжалъ на пологую, широкую лѣстницу, прошелъ рядъ большихъ, со старою барскою роскошью меблированныхъ комнатъ и очутился у запертой двери. Не долго думая, онъ постучался и громко, веселымъ голосомъ окликнулъ:

— Петръ Владиміровичъ! Тутъ-ли ты скрываешься?.. Можно войти?

Секунды три отвѣта не было, но въ комнатѣ за тя-

*) Ужель разгадка найдена?

*) Бѣдняжка.

желою дверью слышалось торопливое движеніе. Наконецъ, шаги раздались у самой двери, и она отворилась.

Передъ Нордштетомъ стоялъ Луневъ съ нѣсколько осунувшимся, проблематически улыбавшимся лицомъ, съ палитрой и кистями въ рукахъ.

— Вспомнилъ обо мнѣ многогрѣшномъ?

— Что, братъ, живописный стихъ нашелъ? въ одинъ голосъ спросили другъ друга пріятели.

Одного взгляда юркихъ глазъ проницательнаго Нордштета на студію живописца и его самого было достаточно, чтобы распознать фальшь.

Довольно большая картина, передъ которой онъ будто-бы стоялъ, былъ этюдъ лѣса, а на палитрѣ его были бѣлыя, розовыя, свѣтлыя краски, совсѣмъ не годившіяся для изображенія темной лѣсной чащи. Но въ амбразурѣ широкаго окна, лицомъ къ стѣнѣ, стоялъ другой мольбертъ, очевидно временно отодвинутый на второй планъ и наскоро прикрытый сукномъ.

Нордштетъ не былъ бы Нордштетомъ, если-бъ воображеніе мигомъ не представило ему сюжета той, скрытой картины. Весь вопросъ для него былъ только— „она или другая?..“

Но, разумѣется, онъ не подалъ и виду о своихъ догадкахъ; растянувшись въ креслѣ, онъ оживленно повелъ рѣчь о несвоевременности артистическаго уединенія графа, въ самый разгаръ сезона. Онъ пріѣхалъ потому, что далъ слово княгинѣ Зинаидѣ Михайловнѣ: она требуетъ его присутствія... Онъ вѣрно забылъ, что вельможная родственница просила его присмотрѣть за декоративной обстановкой готовящагося у нея спектакля?.. Она ждетъ его артистическаго взгляда, его dernier coup de main *) всему ensemble'ю. Завтра, въ двѣнадцать, онъ долженъ быть у нея.

Бѣдный графъ, услыша эти вѣсти, чуть за волосы не схватился въ порывѣ отчаянія. Это была правда: онъ самъ обѣщалъ, самъ вызвался—и обязанъ былъ къ ней ѣхать. Объ этомъ рѣчь была съ мѣсяцъ тому назадъ, когда спектакль у старшей дочери адмиральши только что проектировался; когда онъ самъ охотно бывалъ въ свѣтѣ, когда онъ не боялся встрѣчъ... когда, однимъ словомъ, онъ еще не сознавалъ ничего, не предвидѣлъ случившагося. И нѣтъ возможности избѣжать!.. Заболѣть развѣ?.. Но... притворяться... Глупѣйшее положеніе! Нѣтъ — это вздоръ!.. Надо себя принудить, подтянуть... Да!.. Если-бъ вычеркнуть изъ близкаго прошлаго ту, *одну* минуту... Движеніе, взглядъ, которыми все было сказано ей и... и на все отвѣчено ею!..

„Что думаетъ она обо мнѣ?.. Какъ объясняетъ то, что было?.. Какъ примиряется?.. Оправдываетъ или нещадно осудила?..“

Эти вопросы вотъ три недѣли задавались графомъ самому себѣ по двадцать разъ на день и, не разрѣшаемые, тяжело падали ему обратно на́-сердце.

Въ отвѣтъ на нихъ онъ могъ предположить одно:

„Она теперь, навѣрное, узнала все и отвернется отъ меня, какъ отъ безчестнаго человѣка!“

Такое заключеніе не могло облегчить тяжести его самобичеванія, и въ данную минуту эти мысли не облегчали ему возможности слушать болтовню пріятеля.

Луневъ опомнился и прислушался только тогда, когда услышалъ одно имя. Нордштетъ разсказывалъ, переходя отъ одного эпизода къ другому, о разныхъ происшествіяхъ послѣднихъ дней въ обществѣ,—въ ихъ обществѣ,—помянулъ вскользь, что на костюмированномъ вечерѣ у графини Свѣтомірской, въ кадрили цвѣтовъ, чудо какъ хороша была Завольская въ костюмѣ краснаго мака.

— При ея окраскѣ, эта шапочка—макъ, перевернутый вверхъ стебелькомъ на ея черные волосы, придавалъ ей удивительно задорный видъ... Жаль, что ты не видѣлъ! Ты вѣдь пишешь портреты?.. Вотъ бы сюжетъ прелестный!

Луневъ стоялъ почти спиной къ нему, дѣлая видъ, что пристально занятъ какой-то погрѣшностью въ стволѣ изображенной имъ сосны; но Нордштету положительно почудилось, что онъ нервно передернулся, искоса глянувъ на закрытый мольбертъ...

— Ты вѣдь, помнится, отлично схватываешь сходства по памяти? безжалостно продолжалъ баронъ.

— Ну, вотъ! Какой я портретистъ!.. Въ особенности барышень въ фантастическихъ костюмахъ! буркнулъ графъ не оборачиваясь.

— Отчего-жъ?.. Смотря по сюжету... Лидія Львовна стоила бы!.. Прелестная дѣвушка! И чудная женщина изъ нея будетъ!.. Только какого счастливца она изберетъ себѣ въ супруги? Невѣдомо!.. Ужь очень разборчива... Слышалъ ты, что Зинаида Михайловна на нее до чортиковъ?..

— А что?.. Супругъ неравнодушенъ? спросилъ Луневъ.

— О, наивность! И видно, братъ, что ты съ первобытными народами провелъ долгое время... Во-первыхъ, она сама, какъ всѣмъ извѣстно, не стѣсняется, и его не стѣсняетъ; а во-вторыхъ, супругъ плохо сталъ этимъ глазомъ видѣть: отяжелѣлъ! Нѣтъ, она за стараго друга обидѣлась.

И онъ разсказалъ, въ комическомъ тонѣ, о неудачномъ сватовствѣ княгини.

Графъ вознегодовалъ горячо,—не на отказъ Завольской, а на „постыдную затѣю“ своей кузины. Онъ отозвался о титулованномъ претендентѣ ничуть не лучше, чѣмъ атестовалъ его Богданъ Ѳедоровичъ Бергардтъ, и даже нѣсколько суровѣй, потому что ближе зналъ субъекта.

— Да, да!.. Разборчивая невѣста Лидія Львовна, продолжалъ Нордштетъ, прохаживаясь по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ Луневымъ, глядя на него въ упоръ.—Она вѣдь и нашего Мишеньку забраковала.

— Какого Мишеньку? встрепенулся графъ.

— Михаила Алексѣевича... Лассунскаго! А ужь, казалось, такъ она его отличала!.. Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ.

— Ты вѣрно знаешь, что Лассунскій сватался?.. Что она отказала? переспросилъ Луневъ, достаточно глухо, чтобъ дать поводъ барону предположить, что ему трудно справиться съ голосомъ.

Нордштету показалось даже что онъ поблѣднѣлъ.

— Навѣрное знаю, отвѣчалъ онъ. — Развѣ Лассунскій что-нибудь скроетъ?.. Да онъ такъ былъ пораженъ, что мнѣ съ нимъ няньчиться приходилось. По правдѣ, былъ удивленъ и я: вѣдь она съ нимъ чертовски кокетничала!.. Въ послѣдніе дни она, можно сказать, его отъ себя не отпускала,—въ катаньяхъ, на вечерахъ, почти съ нимъ однимъ и танцовала. Богъ ее знаетъ, зачѣмъ она его, бѣднягу, одурачила! Развѣ изъ тщеславія, чтобъ лишняго жениха къ своему кортежу пристегнуть.

— Она не такая! воскликнулъ Луневъ и, самъ испугавшись, смолкъ, отчаянно выскабливая ни въ чемъ неповинную сосну.

— Ты думаешь? сомнительно переспросилъ Нордштетъ.—Да впрочемъ, правда: что́ ей одинъ лишній женихъ!.. У кого имъ и быть, какъ не у Завольскихъ! Ей ихъ даютъ десятками... Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, у нея, что ни день, то новый претендентъ!.. Нашъ бѣдный Ардолинъ по ней пропадаетъ; а Рельзенъ,— знаешь, этотъ мальчишка,—сдобная булка начиненная акціями,—онъ и курса кончать не хочетъ... Все, говоритъ, брошу, если она за меня выйдетъ!.. Да, да! Бѣдовая барышня Лиденька наша! Чуть было и мнѣ, на старости, головы не свернула.

(Продолженіе будетъ).

*) Окончательную отдѣлку.

Внучка.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.
(Для домашняго театра).
Виктора Крылова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Байдарскій, Борисъ Өедоровичъ—помѣщикъ, служебное лицо въ губернскомъ городѣ. Говоритъ почти сплошь резонерски и словно поученіе читаетъ.

Надя—его дочь, четырнадцати лѣтъ. Плутоватая дѣвочка.

Пичугина, Татьяна Савишна — сестра покойной жены Байдарскаго, старая дѣва, нервно экзальтированная.

Власьевна--старуха-крестьянка.

Петръ—слуга.

Агашка—судомойка, крестьянская дѣвчонка.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Байдарскаго.

Красивая комната въ деревенскомъ домѣ, вся убранная цвѣтами.

По поднятіи занавѣса звонокъ неумолкающій. Въ одну дверь влетаетъ Петръ, въ другую Агашка и такъ стремительно, что сталкиваются.

Явленіе I.

Петръ и Агашка.

Петръ. Тьфу ты!.. бѣсъ этакій!.. Ты чего суешься?!

Агашка Меня горничная, Палагея, послала; слышишь звонятъ... говоритъ: бѣги, Агашка!

Петръ (*передразнивая ее*). Бѣги, Агашка! А сама не двинется, барыня какая!.. Нѣшто ты для барскихъ комнатъ взята? Ты взята посуду мыть, повару прислуживать! Куда ты лѣзешь?

Агашка. А что?

Петръ. А что?.. Нѣшто деревенщину пускаютъ въ барскія комнаты, въ сарафанѣ вотъ въ эвтакомъ?.. Пошла вонъ! (*Звонокъ сильнѣй*). Фу ты, раззвонился!.. Пошла вонъ!

Агашка (*уходя*). Васъ не поймешь! Одинъ говоритъ—иди, другой—вонъ гонитъ. (*Уходитъ*).

Петръ (*ей вслѣдъ*). Ты бы еще босоногая въ гостиную забралась, али бы въ лаптяхъ... вотъ бы картина!.. (*Звонокъ снова сильнѣй*). Да иду! Чтобъ васъ...

(*Входитъ Байдарскій съ газетой*).

Явленіе II.

Байдарскій и Петръ.

Байдарскій. Петръ, гдѣ мои очки?.. Вѣчно я очки потеряю. Господи, этакая досада, право!

Петръ. Что это за напасть съ вами: утрось подавалъ вамъ!

Байдарскій. Ну что-жъ!—опять поищи... я искать самъ не буду, я безъ очковъ ничего не вижу; а ты считай за счастье, что судьба тебѣ даетъ случай помочь ближнему; это добродѣтель, тебѣ зачтется.

Петръ. Да вы гдѣ ихъ сняли?

Байдарскій. Вопросъ не разумный: еслибъ я зналъ, гдѣ снялъ, я бы самъ нашелъ, ощупью.

Петръ. Опять, значитъ, весь домъ обшаривать!

Байдарскій. Нѣтъ, не весь: у барышни не можетъ быть, я тамъ не былъ; у Татьяны Савишны тоже; въ кухнѣ тоже... Ахъ, я знаю гдѣ! (*Подумавъ*). Нѣтъ, я тамъ не былъ; это вчера я тамъ былъ, а не сегодня.

Петръ. Гдѣ-съ?

Байдарскій. На бельведерѣ, въ фонарѣ, наверху я тамъ въ такую пылищу попалъ, что очки совсѣмъ засорились и я ихъ снялъ, чтобъ протереть... Но это было вчера, при первомъ осмотрѣ стараго дома. Куда я могъ теперь ихъ дѣвать? Непостижимо!

Петръ. Да вы въ карманѣ смотрѣли?

Байдарскій. Разумѣется, смотрѣлъ.

Петръ. Вы поглубже посмотрите. Я сегодня сюртукъ чистилъ, такъ тамъ у васъ большая дыра въ карманѣ; не завалились-ли очки въ подкладку.

Байдарскій (*шаря въ карманѣ*). Постой, постой, постой... и то вѣдь! (*Вынимаетъ очки*). Такъ и есть, вотъ они! Благодарю васъ!

Петръ. Ищете, сами не знаете чего. Очки не живыя, не откликнутся.

Байдарскій. Я имѣлъ полное основаніе искать, потому что хорошій слуга, когда замѣчаетъ, что барское платье разорвано, отдаетъ его починить горничной или портному. Я считалъ тебя хорошимъ слугой и не думалъ, чтобъ у меня могла быть дыра въ карманѣ. Извини пожалуйста, что я въ тебѣ ошибался.

Петръ. Виноватъ-съ.

(*Входитъ Пичугина съ корзиной въ рукахъ*).

Явленіе III.

Тѣ же и Пичугина.

Пичугина (*очень взволнована*). Борисъ Өедоровичъ, вы мнѣ двоюродный братъ, я изъ родственнаго участья прошу васъ наконецъ обратить на это вниманіе!.. (*Петру*). Петръ, уйди отсюда.

Байдарскій. Что это вы такая?

Пичугина. Удалите Петра, онъ меня не слушаетъ.

Байдарскій (*Петру*). Ступай.

(*Петръ уходитъ*).

Пичугина. Откройте корзину и посмотрите что тамъ.

(*Байдарскій открываетъ корзину и вынимаетъ оттуда живую собачку. У собачки надѣтъ на головѣ чепчикъ, совершенно въ родѣ того, какъ и на Пичугиной, съ лентами того же цвѣта. На хвостѣ ленты, какъ на капотѣ Пичугиной*).

Байдарскій. Что это вамъ вздумалось такъ нарядить вашу собачонку?

Пичугина. Мнѣ вздумалось? Такъ вы полагаете, что я совсѣмъ ополоумѣла? Или вы не вглядѣлись, не хотите понять, что это означаетъ? (*Беретъ у него собачку*). Поглядите, сравните: какой чепчикъ на Боби и какой чепчикъ на мнѣ,—совершенно одинаковые! Какія у меня ленты и какія у него на хвостѣ: подобраны цвѣтъ въ цвѣтъ!

Байдарскій. Похоже... Зачѣмъ же вы это?

Пичугина. Опять я? Опомнитесь! Развѣ я могу такъ зло насмѣхаться сама надъ собой и надъ своей собачкой! Вѣдь это каррикатура на насъ обѣихъ: хотѣли оскорбить и меня, и моего Боби... Бѣдное, невинное созданье! Сними этотъ позорный чепчикъ, эти обидныя ленты... сними. (*Срываетъ съ собачки ленты и чепчикъ*).

Байдарскій. Кто же это надъ вами такъ подшутилъ?

Пичугина. Кто?.. Вы не желаете догадаться! Ваша дочь, конечно; ваша несравненная Надежда Борисовна. Борисъ Өедоровичъ, когда вы просили меня пріѣхать съ вами погостить въ деревню...

Байдарскій. Позвольте, это не совсѣмъ такъ. Я не выношу несправедливости и неправды. Не я васъ просилъ, а вы меня просили, чтобъ я васъ взялъ; я только сказалъ. очень радъ.

Пичугина. Если рады, такъ значитъ желали сами моего пріѣзда

Байдарскій. Ничего это не значитъ. Это только вѣжливая форма выраженія. Иногда „очень радъ“—значитъ „провались ты пожалуйста...“

Пичугина (*торопливо. Стараясь замять его слова*). Ну да это все равно. Борисъ Өедоровичъ, вы говорите, что не выносите несправедливости.... (*съ чувствомъ горькаго упрека*) а это развѣ справедливо, что четырнадцатилѣтняя дѣвочка издѣвается надъ почтенной тетушкой вдвое старше себя?

Байдарскій. Позвольте, я не терплю неправды: не вдвое, а втрое.

Пичугина. Ну втрое, коли это вамъ нужно; тѣмъ хуже! Издѣвается надо мной и жестоко задѣваетъ самолюбіе этой беззащитной твари. (*Цѣлуетъ собачку*). За что? За то только, что она мнѣ мила. Это справедливо?

Байдарскій. Собственно говоря, сестрица, но мнѣ—это вздорная шалость; но Надя должна была знать, что эта шалость васъ обидитъ. Когда знаешь, что у человѣка есть такія глупыя причуды и обидчивость за собачье самолюбіе--не тронь его. Мало-ли у кого какія слабости: одинъ кичится знатнымъ родомъ, другой въ облака заносится, у третьяго носъ длинный... ну, ваша слабость — эта дрянная собачонка! Я согласенъ съ Надей, что это въ васъ и смѣшно, и нелѣпо, да вамъ-то въ глаза этого показывать не слѣдъ.

Пичугина (*печально*). Вотъ какъ вы за меня вступаетесь!

Байдарскій. Я ей сдѣлаю выговоръ.

Пичугина. Если такой же, какъ...

(*Вбѣгаетъ Надя*).

Явленіе IV.

Байдарскій, Пичугина и Надя.

Надя. Папа, папа! кого я привела-то!

Байдарскій. Погоди, я долженъ тебѣ сдѣлать выговоръ: какъ же это ты позволяешь себѣ насмѣхаться надъ твоей старухой-теткой?

Пичугина. Старухой!

Байдарскій. Еще дѣвочка, не выросла, еще и курса не кончила, а ужъ насмѣхается!

Надя. А когда я курсъ кончу, тогда можно, папа?

Байдарскій. Не придирайся къ словамъ. Тогда еще меньше! Благовоспитанное дитя должно прощать старшимъ ихъ маленькія слабости и не дѣлать имъ никакихъ непріятностей.

Надя. Да что же я...

Пичугина (*беретъ въ руки собачій чепчикъ*). Пожалуйста, пожалуйста отъ этого чепчика не отрекайся. Мнѣ Палагея сказала, что это ты сдѣлала.

Надя. Я и не отрекаюсь. Зачѣмъ отрекаться, коли я хотѣла вамъ сдѣлать удовольствіе.

Пичугина. Еще лучше! Ну, Борисъ Өедоровичъ, вы не любите неправды, какъ вы думаете, это правда? Вы ей вѣрите?

Байдарскій. Надежда, я не выношу лжи! Ложь—это мать всѣхъ пороковъ. Лучше скажи: виновата, и кончено. Сознаніе есть половина исправленія.

Надя. Но, папочка...

Байдарскій. Не перебивай меня... Ты знаешь, что Петръ и грубый слуга, и неряшливый, но я его терплю единственно за то, что онъ всегда сознается въ своихъ ошибкахъ; скажетъ: виноватъ!—ну и опускаются руки. И ты лучше сознайся, попроси прощенья и будешь милочка.

Надя. Ты, папа, сперва меня послушай и рѣши — тогда я и буду просить прощенья. Какъ вѣдь это случилось? Вчера, когда мы сюда пріѣхали, ты пошелъ на скотный дворъ, а я обѣгала садъ и возвращаюсь къ дому... вдругъ слышу реветъ кто-то во все горло. Я тихонько подкралась, притаилась къ окошку и вижу— стонетъ Агашка, кричитъ на-крикъ, а те-

Не пропущу! Ориг. рис. (собств. „Нивы") Б. Томашевича, грав. Шюблеръ.

тенька вцѣпилась ей въ волоса и дергаетъ, и дергаетъ, и дергаетъ... и все при этомъ добродѣтельныя наставленія читаетъ.

Пичугина. Не твое дѣло меня судить.

Надя. Я, тетенька, не сужу, я только излагаю событіе. Оказывается, Агашка забыла собачку Бобочку покормить, за то ея вихрамъ и достается. Агашка кричитъ: „барыня, простите! Что ему псу отъ того сдѣлалось?..“ а тетенька пуще: „Какъ ты смѣешь мою милую собачку псомъ бранить? я для такого пса можетъ быть послѣдней рубашки не пожалѣю...“ Тутъ видно Агашка не выдержала, взвизгнула, вырвалась и бѣгомъ... Боби залаялъ, тетенька заохала, схватила его на руки, цѣлуетъ, плачетъ...

Пичугина. Ты моихъ слезъ не вытирала.

Надя. Иду я по саду и думаю: чѣмъ бы мнѣ тетеньку въ ея великомъ горѣ утѣшить, что не удалось ей Агашкѣ вихры додрать. Ну, думаю, коли она послѣднюю рубашку своей собачонкѣ отдать хвалилась, такъ ченчикъ то и подавно. Пожалѣла я тетеньку: зачѣмъ ей для Боби себя ченчикомъ обездоливать?.. давай, сдѣлаю тетенькѣ удовольствіе, сошью ея собачонкѣ новый ченчикъ, разодѣну ее подъ цвѣтъ самой тетеньки. Утромъ встала пораньше, сидѣла, шила, наряжала, думала меня за это расцѣлуютъ, а меня винятъ!.. Хороша справедливость!

Пичугина (*съ сдержаннымъ раздраженіемъ*). Ну ядъ!.. Ахъ, какой ядъ!.. Съ дѣтскихъ лѣтъ, мой ангелъ, въ тебѣ такая злоба!..

Надя. Тетенька, если я ангелъ, такъ во мнѣ злобы не можетъ быть,— ангелы существа небесныя, безгрѣшныя.

Пичугина. Борисъ Ѳедоровичъ, уймите ее!

Байдарскій (*Надѣ, которая хотѣла говорить*). Довольно! пожалуйста безъ спора. Я васъ все-таки, сестрица, попрошу: вы Агашку за волосы не дерите.

Пичугина. Ну да, я же виновата. Надежда Борисовна все можетъ: оскорблять меня, мою собачку, все, все... и я же виновата, что обижаюсь. Для Надежды Борисовны закона нѣтъ, она вольница, она госпожа республика!..

Байдарскій. Довольно-съ, прошу васъ. Вопросъ этотъ исчерпанъ и сдайте его въ архивъ.

Пичугина (*лаская Боби*). О! mon petit chéri! mon amour... Я тебя теперь ни на шагъ отъ себя не отпущу.

Байдарскій (*Надѣ*). Про кого ты говорила? кого съ собой привела?

Надя. Старуху Власьевну. Знаешь, которая къ намъ въ городъ каждый годъ приходитъ... еще ты ей за что-то пенсію платишь.

Байдарскій. А! какъ же, какъ-же... Развѣ она здѣсь?

Надя. Да, она здѣшней деревни. Пришла поклониться тебѣ. Позвать?

Байдарскій. Ну что-жъ, пускай идетъ.

Надя (*въ дверь*). Войди, Власьевна.

(*Власьевна входитъ*).

Явленіе V.

Тѣ же и Власьевна.

Власьевна Благодѣтели наши... (*Хочетъ поклониться въ ноги*).

Байдарскій. Ну, ну, не вались... Знаешь, не люблю.

Надя (*удерживая ее*). Не вались... папаша этого терпѣть не можетъ, прогонитъ.

Байдарскій. Здравствуй, старуха. Да что-жъ ты одна? Здѣсь вѣдь не городъ, сюда не за триста верстъ идти,—что-жъ ты внучку съ собой не привела?

Надя. Какую внучку?

Власьевна (*тихо Надѣ*). Матушка, помалкивай, не спрашивай.

Байдарскій. Вотъ, сестрица, рекомендую вамъ. Эта старуха Власьевна романическое лицо. Я ее какъ-то встрѣтилъ близь города, на большой дорогѣ, нищенкой и съ дѣвочкой восьми лѣтъ... мерзлыя такія были... помнишь, старуха?

Власьевна. Какъ не помнить, благодѣтель. живьемъ бы замерзли безъ тебя.

Байдарскій. Взяли мы ихъ, отогрѣли... да растрогала она меня: и землячка-то моя, и мужъ у нея пьяница-разбойникъ, и сынъ-вдовецъ такой же. За внучку взмолилась, вотъ чѣмъ тронула. Съ тѣхъ поръ и даю ей по полутораста рублей въ годъ, чтобъ не нищенствовала и внучку къ этому не пріучала. Что-жь вы думаете? Вывернулась старуха... Мужа прогнала, сына куда-то на желѣзную дорогу устроила, внучку вырастила, въ школу опредѣлила... даже избу новую соорудила.

Пичугина. Вы откуда же это знаете? У нея въ деревнѣ были?

Байдарскій. Нѣтъ, она сама разсказывала.

Пичугина. Сама? Ха, ха, ха... Какъ она васъ поняла! сразу догадалась, какъ и что вамъ надо разсказывать, чтобъ вы продолжали ей деньги давать.

Байдарскій. Значитъ, вы этому не вѣрите? А коли я вамъ скажу, что она мнѣ масла приносила отъ своей коровы и яицъ отъ своихъ куръ.

Пичугина. На ваши полтораста рублей мало ли что можно купить.

Байдарскій. Власьевна, да какъ же такъ? Слышишь, что про тебя говорятъ? Будто ты меня всѣ шесть лѣтъ обманываешь.

Власьевна (*вздыхая*). Охъ, кормилецъ, про насъ что хочешь скажи.

Байдарскій. Не вздыхай, не охай... Я-то тебѣ вѣрю, потому, еслибъ ты солгала, ты бы не рѣшилась и на глаза мнѣ показываться. Лжи я никогда не прощу... Но погоди... я еще... Что, твоя внучка дома?

Власьевна. Дома, кормилецъ.

Байдарскій. Мы сестрицу-то уличимъ. Приведи-ка внучку сюда сейчасъ же, мы ее разспросимъ и читать заставимъ.

Власьевна (*растерявшись*). На что же это?.. Сейчасъ ужь и привести... А коли ея нѣтъ?

Байдарскій. Да ты же говоришь: она дома?

Пичугина. Видно была, да вся вышла.

Надя. Внучка могла уйти, пока старуха сюда приходила.

Байдарскій. Ну, поди, поищи ее, а вечеромъ приведи... Но непремѣнно... Безъ внучки и на порогъ не пущу... и никогда больше денегъ не получишь.

Пичугина. Да зачѣмъ же сюда?.. Пойдемте лучше сами къ ней въ деревню. Вы же хотѣли, братецъ, прогуляться... Чай, не далеко, посмотримъ, какъ она живетъ.

Байдарскій. Хорошо, вотъ это вы правильно выдумали. Погоди здѣсь, старуха, я полегче платье надѣну, что-то жарко становится.

Пичугина. А я пойду Боби запру въ мою комнату.

Байдарскій. Вы его съ собой возьмите.

Пичугина. Какъ можно! Тамъ въ деревнѣ, можетъ быть, собаки большія, кинутся на него... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что... Пойдемъ, mon chéri. (*Цѣлуетъ собачку и уходитъ*).

Байдарскій. Я сейчасъ... А! какова сестрица!.. Какое коварство въ тебѣ подозрѣваетъ, старуха! Мы ее пристыдимъ, пристыдимъ. (*Уходитъ*).

Явленіе VI.

Власьевна и Надя.

Надя. Какая же это у тебя внучка? Я у тебя въ избѣ не видала.

Власьевна. Матушка ты моя родимая... пропала я совсѣмъ... пропадомъ.

Надя. Говори толкомъ, что заныла?

Власьевна. Никакой у меня внучки нѣтъ. Была у меня внучка Грунюшка, да четыре года какъ померла. Я вѣдь и то тятеньку твоего обманула.

Надя. Ахъ ты, бабушка, бабушка, что же это ты?

Власьевна. Какъ же быть-то, милая, какъ быть? Ты мою хатку видѣла... бѣднота... сынъ безъ рукъ, безъ ногъ, лежитъ... я старуха,—что я работать смогу?.. Ничего... Кабы не тятеньки твоего деньги, опять по-міру иди; а онъ мнѣ на внучку давалъ, пожалуй, такъ-то и не далъ бы... вотъ и врала ему.

Надя. Какъ же теперь быть?

Власьевна. Заступись ты за меня, милушка ты моя, милушка... кудрюшка ты моя, кудрюшка.

Надя. Нѣтъ, теперь папаша коли сразу узнаетъ—бѣда. Надо время выждать. И пускать ихъ къ тебѣ теперь нельзя. Они думаютъ, что твой сынъ на желѣзной дорогѣ, а онъ дома... Нѣтъ, надо ихъ здѣсь задержать... надо имъ внучку показать.

Власьевна. Да гдѣ же я ее возьму? Я-жъ те говорю, что нѣтъ у меня внучки.

Надя. Ну достань какую-нибудь, возьми на деревнѣ любую дѣвчонку: подучи, подговори, пряникъ дай.

Власьевна. Какая любая... Нѣтъ у меня любой, всѣ постылыя.

Надя. Тамъ какая-то на улицѣ пѣтуха ловила.

Власьевна. Матрешка?.. Христосъ съ тобой, да нѣшто моя внучка Грунюшка такая была... Матрешка рябая, да подслѣпая... а я ее буду за внучку ставить... экого грѣха и не замолишь.

Надя. Ну, другую возьми.

Власьевна. Какую ни бери—всѣ дрянь... вонъ Аксютка старостина хромоногая; такъ хромушкой по всей деревнѣ и зовутъ... Анютка—у той скула кривая. Эта-кую-то внучкой назвать!—нѣтъ, ужь видно конецъ мой пришелъ, дѣлать нечего.

Надя. Фу! Упрямая какая старуха! вѣдь это не навсегда... Только бы теперь-то кого-нибудь показать, а ужь тамъ я найду минутку, все это папашѣ замну.

Власьевна. И не говори, и не говори. Грунюшка-то моя была—такой и нѣтъ!.. Чистенька, да гладенька, да ровненька... Вотъ какъ ты же, такая... и годики-то твои же были бы. Нѣтъ, ужь пропала моя головушка.

Надя (*почти вскрикивая*). Ахъ, что я выдумала! вотъ какъ мы сдѣлаемъ... Я за твою внучку скажусь.

Власьевна. Ты?

Надя. Пойду сейчасъ у Агашки сарафанъ возьму, одѣнусь,—и приведи меня за внучку.

Власьевна. Да тебя признаютъ.

Надя. Ну, ужь это оставь... меня не поймаешь... И то—твои деревенскія-то пожалуй проврутся, да еще не всякая и читать-то умѣетъ.

Власьевна. Признаютъ тебя, что ты, еще хуже надѣлаешь.

Надя. Коли у папаши на это время очки спрятать, онъ ни за что не признаетъ, а тетю надо куда-нибудь увести. Ужь я сдѣлаю, не безпокойся. (*Въ дверь*). Петръ... гдѣ ты тамъ?.. Петръ! Иди сюда скорѣй... (*Власьевнѣ*). Увидишь.

(*Входитъ Петръ*).

Явленіе VII.

Тѣ же и Петръ.

Петръ. Что прикажете?

Надя. Петръ, преданный ты мнѣ человѣкъ?

Петръ. Вотъ какой преданный... ухъ!..

Надя. Будешь дѣлать, что я прикажу?

Петръ. То-есть вотъ какъ буду.

Надя. Ну!.. Слушай! Ничего не пророни. Первое, какъ придетъ папаша и тетенька, станутъ про насъ спрашивать, скажи имъ, что я въ садъ убѣжала, а къ старухѣ, молъ, внучка пришла, старуха сейчасъ съ внучкой вернется.

Петръ. Первое-съ.

Надя. Второе: теперь тетя собачонку въ свою комнату запираетъ, а окно у нея всегда отворено... Какъ только она комнату запретъ, ты туда влѣзь черезъ окно изъ сада и унеси собачонку, спрячь куда-

нибудь... и сейчасъ бѣги тетѣ сказать, что собачонка сама въ окно выпрыгнула... Тетя кинется искать и гулять съ папашей не пойдетъ.

Петръ. Съ превеликимъ удовольствіемъ. Мнѣ, Надежда Борисовна, бóльшаго удовольствія нѣтъ, какъ вашу тетеньку злить.

Надя. Ну, смотри, ты еще, пожалуй, свои какія выдумки прибавишь... лишняго не говорить.

Петръ. Да ужь приказывайте, приказывайте.

Надя. А третье, унеси у папаши очки.

Петръ. Какъ же это сдѣлать?

Надя. Какъ хочешь, только мнѣ надо, чтобъ на полчаса у него очковъ не было.

Петръ. Это трудно.

Надя. Ну, какъ хочешь, а сдѣлай. Пойдемъ, бабушка, пойдемъ, чтобъ они не успѣли выйти.

Власьевна. Начудишь ты, послѣ и не расхлебаешь твою кашу.

Надя. Ты ее заварила—кашу-то, а не я... Все равно теперь попалась. Отступись я отъ тебя, такъ папаша сейчасъ тебя выгонитъ, а, можетъ, мнѣ и удастся что... Иди ужь знай...

(*Обѣ уходятъ*).

Явленіе VIII.

Петръ одинъ, потомъ **Пичугина** и **Байдарскій.**

Петръ. Лишняго не говори. Ну ужь это какъ угодно, я теперь злющую-то разожгу, вотъ какъ разожгу!.. Краснѣй желѣза въ кузнѣ.

(*Входитъ Пичугина*).

Пичугина. А гдѣ же эта старуха и Надя?

Петръ. Ушли-съ... Вы не безпокойте себя спрашивать, не торопитесь... присядьте, обождите, все узнаете, когда время будетъ... Вамъ однѣмъ-то не стоитъ докладывать, а вотъ баринъ придетъ.

Пичугина. Невѣжа!

(*Входитъ Байдарскій*).

Байдарскій. Ну, идемте... да гдѣ же онѣ?

Петръ (*Пичугиной*). Вотъ теперь и вы узнаете — извольте слушать. (*Байдарскому*). Барышня, Надежда Борисовна, изволили въ садъ убѣжать... Онѣ говорятъ, что имъ съ тетенькой гулять, это ровно что въ наказанье... Тетенька, молъ, меня въ конецъ заѣла.

Пичугина. Она этого говорить не могла.

Петръ. Говорили-съ... Эта, молъ, тетенька у меня вотъ гдѣ сидитъ.

Байдарскій. Перестань... А старуха гдѣ?

Петръ. Старуха здѣсь... къ ней внучка изъ деревни прибѣжала; онѣ на кухнѣ...

Байдарскій. Такъ позови ихъ обѣихъ.

Петръ. Слушаю-съ.

(*Уходитъ*).

Байдарскій. Кстати внучка пришла, мы ее сейчасъ и проэкзаменуемъ, и ходить въ деревню не надо.

Пичугина. Вамъ какъ угодно, а я все-таки пойду. Мнѣ эта старуха очень подозрительна. Она такъ лукаво переглядывалась съ Наденькой.

Байдарскій. Сдѣлайте одолженіе... я отъ всей души буду радоваться, если вы срѣжетесь и все окажется справедливымъ.

Пичугина. А я отъ всего сердца буду радоваться, если все окажется обманъ.

Байдарскій. Удивляюсь... какъ можно радоваться обману?

Пичугина. Это васъ отучитъ отъ вашего довѣрія къ людямъ.

Байдарскій. Еще больше удивляюсь. Неужели ужь вамъ такая сладость думать, что всѣ на свѣтѣ мошенники и негодяи? что это у васъ за страсть все видѣть въ черномъ свѣтѣ?—вѣдь передъ вами, сестрица, голубокъ порхнетъ, такъ и то вы скажете, что онъ полетѣлъ кому-нибудь глаза выклевать.

Пичугина. Что тамъ ни говорите, братецъ, во всякомъ случаѣ, лишняя осторожность съ людьми гораздо почтеннѣе, чѣмъ чтобы насъ считали дураками. И лучше мнѣ про голубя сказать неправду, чѣмъ какъ если когда змѣя меня кусать поползетъ, а я буду говорить, что она ко мнѣ ластится, да цѣловать меня хочетъ.

Байдарскій. За то у васъ всюду змѣи.

Пичугина. Да и не мало ихъ, надо правду говорить.

Байдарскій. Вы и въ Наденькѣ жало видите.

Пичугина. Еще пока маленькое, а есть... отрицать нельзя. Что-жь, по вашему это не жало, что она лакею сейчасъ говорила? Ну, про собачку ужь я молчу, вы этой привязанности къ благородному животному не понимаете и такъ за свою Агашку стоите, что все Наденькѣ простили,—но вотъ теперь: это не зло сказано, что я будто ее заѣла?

Байдарскій. Я ее спрошу. Если она это сказала, я ее извиниться заставлю.

Пичугина. Не заставите; Наденькѣ вы во всемъ будете потакать.

Байдарскій. Стало-быть вы меня считаете несправедливымъ?

Пичугина. Для нея закона нѣтъ. Госпожа республика — извѣстно... она вывернется передъ вами... О! вы передъ ней дитя.

Байдарскій. Однако...

Пичугина. И не замѣтите.

(*Вбѣгаетъ Петръ, у него въ рукахъ лейка*).

Явленіе IX.

Тѣ же и **Петръ,** позже **Надя.**

Петръ. Татьяна Савишна, пожалуйте...

Пичугина. Что?

Петръ. Пожалуйте, несчастье случилось!

Пичугина. Ахъ, Боже мой! Что такое?

Петръ. Собачка ваша въ окно выпрыгнула.

Пичугина. Бобп?!.. Расшиблась?

Петръ. Никакъ нѣтъ, въ крапиву попала.

Пичугина (*съ ужасомъ*). Обожглась!..

Байдарскій. Полноте, вѣдь она мохнатая.

Петръ. Въ садъ убѣжала... мальчишки кричатъ: лови! лови!

(*Машетъ рукой съ лейкой*).

Байдарскій. Да ты осторожнѣй махай руками, ты меня всего забрызгалъ.

Петръ. Виноватъ-съ!.. Я цвѣты поливалъ.

Пичугина. Какіе мальчишки?.. Еще украдутъ пожалуй. Гдѣ?.. куда убѣжала?

Петръ. Къ лѣсу.

Пичугина. Къ лѣсу!.. Скорѣй, скорѣй кто-нибудь! Кучеръ! Дворникъ!.. Полтора рубля вознагражденія дамъ! Скорѣй! Скорѣй!

(*Убѣгаетъ*).

Петръ (*махая лейкой*). Вотъ въ ту сторону побѣжала.

Байдарскій. Да что ты все брызжешь!

Петръ. Виноватъ-съ!

(*Надя подглядываетъ въ дверь*).

Байдарскій. Всего окатилъ!.. Поливаетъ, точно я душистый горошекъ!.. И очки совсѣмъ забрызгалъ.

(*Снимаетъ очки*).

Петръ. Пожалуйте, я вытру.

(*Вырываетъ изъ рукъ его очки*).

Байдарскій. Оставь!.. я самъ...

Петръ. Ничего-съ! Ничего-съ! Не безпокойтесь.

(*Роняетъ очки*).

Байдарскій. Вотъ уронилъ!.. Ахъ, какой неловкій! Да что ты?! Ты наступилъ на нихъ... раздавилъ мнѣ очки! Фу, ты Господи, что за человѣкъ!

Петръ (*подымаетъ очки*). Виноватъ-съ!

Байдарскій. Скажите пожалуйста! Оба стекла вдребезги и оправа смята... Ну, кто тебя просилъ соваться?

Петръ. Услужить хотѣлъ.

Байдарскій. Услужить! Что я теперь буду дѣлать безъ очковъ?.. И что такое сегодня съ тобой сдѣлалось?.. Ну, что я буду дѣлать безъ очковъ?..

Петръ. Борисъ Ѳедоровичъ, у васъ еще три пары взяты, въ сундукѣ лежатъ...

Байдарскій. Гдѣ они тамъ заложены? Я не знаю.

Петръ. Я сыщу-съ... Я вѣдь самъ укладывалъ, я сію секунду...

Байдарскій. Пожалуйста поскорѣй, я не могу безъ очковъ, я плохо вижу... Это Богъ знаетъ что за человѣкъ... Теперь сиди полчаса какъ сова въ полдень.

(*Надя растворяетъ дверь и входитъ съ Власьевной. Надя одѣта крестьянской дѣвушкой съ платкомъ на головѣ*).

Явленіе X.

Байдарскій, Петръ, Надя и **Власьевна.**

Надя (*тихо Власьевнѣ*). Теперь можно... иди, да тащи меня за руку, я буду упираться.

Власьевна (*ей тихо*). Ладно, ладно. (*Громко*). Иди, Грунюшка, иди, не бойся... Они баринъ добрый, благодѣтель нашъ...

Байдарскій. Кто тамъ?

Петръ. Старуха съ внучкой вернулась.

Байдарскій. А, хорошо! Ну, ступай же за очками.

Петръ. Слушаю-съ!

(*Уходитъ*).

Байдарскій. Ишь она у тебя какая выросла... Да что она лицо въ платокъ прячетъ? Скажи ей, чтобъ не стыдилась, я все равно безъ очковъ ее хорошенько не разгляжу.

Власьевна. Извѣстно, глупенькая еще, нельзя безъ эстаго.

Байдарскій. Какъ же тебя, милая, зовутъ?

Надя (*акцентомъ крестьянской дѣвушки*). Меня-то?

Байдарскій. Тебя.

Надя. Да Груней.

Байдарскій. Прежде-то она у тебя смѣлѣй была... Ну, Грунюшка, скажи ты мнѣ, помнишь-ли ты меня?

Надя. Помню.

Байдарскій. Кто-жь я такой?

Надя. Баринъ.

Власьевна. А ты, Грунюшка, скажи: вы, молъ, благодѣтель нашъ, на морозѣ насъ подняли.

Байдарскій. Ну, ну, не надо, не надо... Лучше разскажи мнѣ, какъ ты теперь поживаешь?

Надя. Я-то?

Власьевна. Полно те платокъ-отъ теребить... Баринъ спрашиваютъ, ты ихъ не бойся.

Надя. Я съ баушкой.

Байдарскій. Я знаю, что съ бабушкой. Да хорошо-ли?

Власьевна. Разскажи барину... Что ты мнешься?

Надя. У насъ странникъ былъ...

Байдарскій. Какой странникъ?

Надя. Прохожій какой-то... я не знаю... онъ въ Іерусалимъ ходилъ... косматый такой... носъ красный... Постучался... Мы съ баушкой сперва-то перепужались... Только онъ добрый... Все молоко у насъ расхлебалъ... Про чудеса говорилъ про всякія... гдѣ какія чудеса въ другихъ странахъ бываютъ.

Власьевна. Что ты про странника! Какой барину антиресъ?

Надя. Онъ намъ тьму египетскую показывалъ, монахъ-отъ...

Байдарскій. Какую тьму египетскую?

Надя. А которая была напущена на неправедныхъ.. Такъ въ баночкѣ собрана... черная... чисто какъ сажа въ трубѣ... Я было тронула — палецъ обмарала... Онъ говоритъ: блаадать.

Байдарскій. Ну, это все пустяки, а ты вотъ что лучше скажи: какъ ты учишься?

Надя. Какъ учусь-та?

Байдарскій. Ну, да.

Надя. У Абрамъ Потапыча.

Байдарскій. Это твой учитель?

Надя. Учитель.

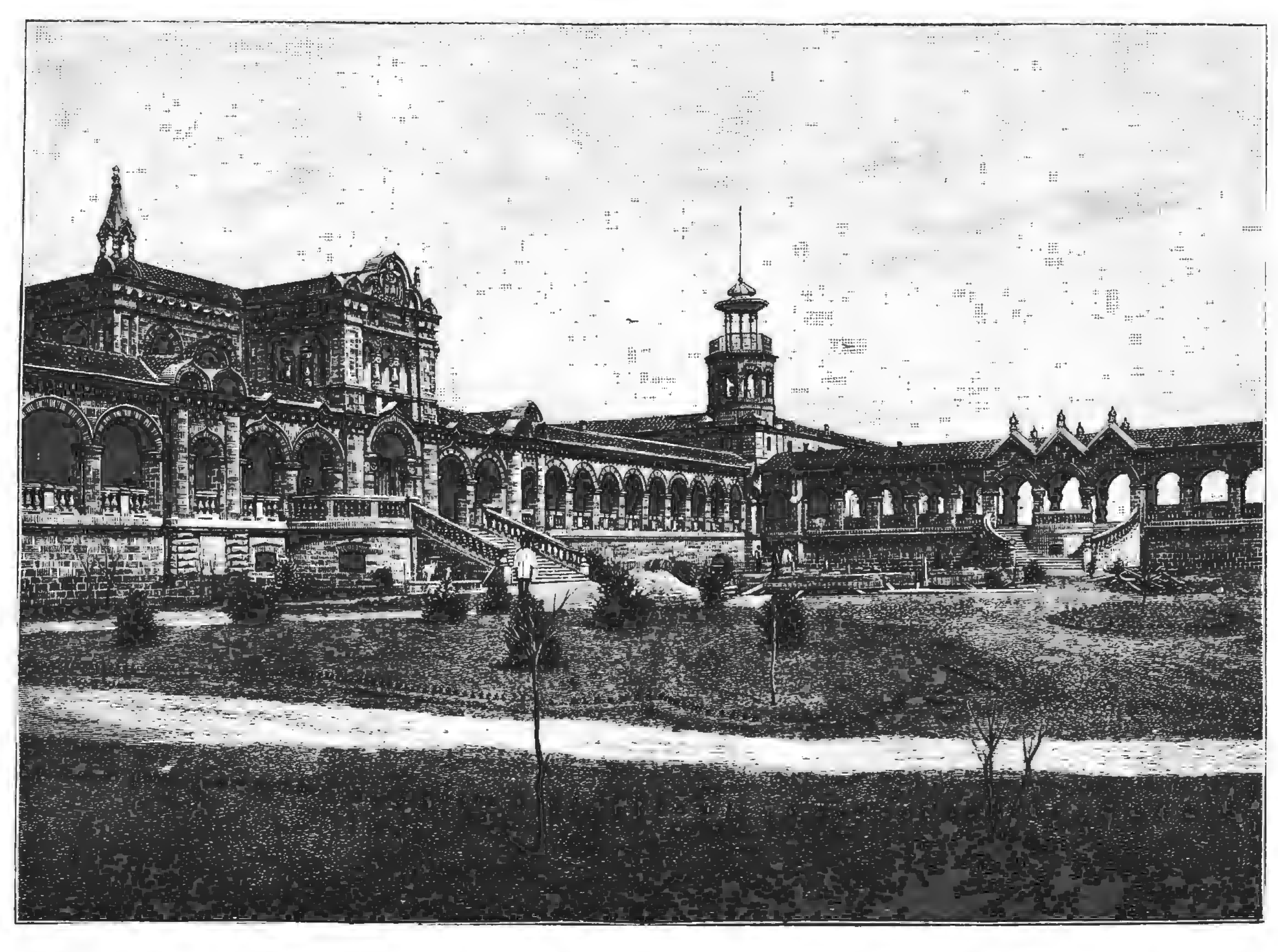
Байдарскій. Ну-ка, почитай что-нибудь.

Надя. Гдѣ?

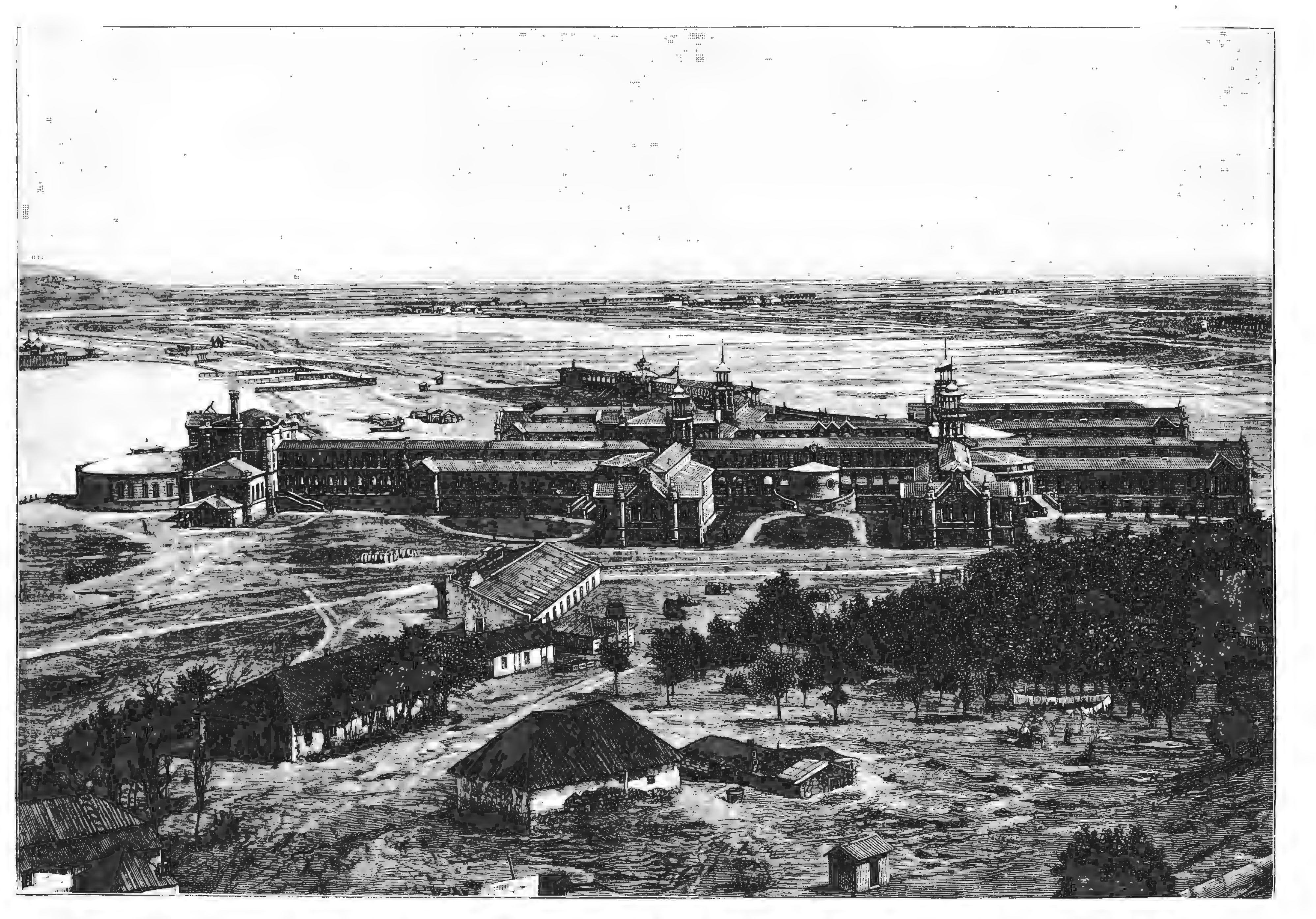
Байдарскій. Да вотъ хоть въ газетѣ... Ну, вотъ отсюда.

Надя (*читаетъ быстро, отчетливо, но*

Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ въ Одессѣ. Новое городское лѣчебное заведеніе. Фасадъ со стороны станціи желѣзной дороги. Съ фот. Антонопуло, грав. М. Рашевскій.

Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ въ Одессѣ. Новое городское лѣчебное заведеніе. Видъ зданія администраціи и галлереи со стороны внутренняго сада. Съ фот. Антонопуло, грав. М. Рашевскій.

Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ въ Одессѣ. Новое городское лѣчебное заведеніе. Перспективный видъ лѣчебнаго заведенія (со стороны стараго лѣчебнаго заведенія). Съ фот. Антонопуло, грав. М. Рашевскій.

какъ бы рубитъ по складамъ, безъ толка). За послѣднее время на политическомъ горизонтѣ Балканскаго полуострова многократно собирались такія грозныя и мрачныя тучи, что смѣлыя надежды на полное проясненіе политическаго неба должны были разсѣяться. Серьезныя и опасныя...

Байдарскій. Довольно, довольно.

Власьевна. Ишь ты, батюшка, какъ она читаетъ, словно бѣгомъ бѣжитъ!

Байдарскій. Что же ты тутъ прочитала? Разскажи.

Надя. Про тучи... что тучи набрались— дождикъ будетъ...

Байдарскій. Ну, это ты не поняла. Впрочемъ, политику тебѣ не зачѣмъ и понимать. А читаешь ты бойко. Чему же еще васъ тамъ въ школѣ учатъ?

Надя. Еще-то чему?

Байдарскій. Да что ты все переспрашиваешь! Ты прямо говори.

Надя. Разному... ариѳметикѣ.

Байдарскій. Что-жь ты считать-то умѣешь?

Власьевна. Она очень умѣетъ... Дай ей три рубли, благодѣтель, она и на мелочь размѣняетъ, и всѣ истратитъ, ничего не останется.

Байдарскій. Ты мнѣ не указывай, что ей давать; я коли захочу, можетъ-быть и двадцать пять рублей ей дамъ, а не захочу, такъ и гривенника не получите.

Власьевна. Какъ вамъ будетъ угодно... хоть двадцать пять... всѣмъ будемъ благодарны вашей милости.

Байдарскій. Ну ариѳметикѣ; а еще чему учатъ?

Надя. Еще-то?.. Законъ Божій... русскій языкъ... французскій языкъ...

Байдарскій. Французскій!? Въ деревенской школѣ?!

Надя (*про себя*). Ай, завралась! (*Громко*). Это не въ школѣ, это насъ кузнецъ учитъ.

Байдарскій. Кузнецъ учитъ французскому языку?!

Надя. Слова такія французскія... Онъ у француза перенялъ на фабрикѣ.

Байдарскій. Ахъ, вотъ что... Какія же ты слова знаешь по-французски?

Надя. Хорошія.

Байдарскій. Ну, скажи какія-нибудь.

Надя. *Банжуръ*... а то еще есть слово *мусью*...

Байдарскій. Ну, это еще немного.

Надя. Я и еще знаю, только забыла. Какъ бишь его!.. Постой, постой, не забыла... какъ оно... Да, вотъ какъ: нардонъ. Это слово и въ пѣснѣ поется:

Я въ лѣсочкѣ разгулялся,
На медвѣдя наскочилъ,
Онъ ужасно испужался
И пардону запросилъ.

Власьевна. Чего распѣлась! Цѣлуй ручку у барина и пойдемъ домой.

Байдарскій. Нѣтъ, обожди... Я хочу ее сестрицѣ показать. Куда она тамъ запропала со своей собачонкой?

Надя (*тихо Власьевнѣ*). Говори, что мы другой разъ придемъ.

Власьевна. Мы другой разъ лучше.

Надя (*ей тихо*). А теперь, скажи, къ старостѣ звали.

Власьевна. А теперь къ старостѣ надо.

Байдарскій. Ну, Богъ съ вами, ступайте, въ воскресенье приходите послѣ обѣдни. (*Онѣ кланяются и стремительно хотятъ уйти*). Стойте!.. На вотъ тебѣ, дѣвочка, красненькую, купи себѣ новый сарафанъ.

Власьевна. Благодари, Грунюшка, цѣлуй ручку.

Надя. Благодарю покор... (*Входитъ Пичугина. Надя на полусловѣ останавливается и быстро говоритъ Власьевнѣ*). Батюшки! попались!.. Тетка вернулась.

Явленіе XI.

Тѣ же и Пичугина съ собачкой на рукахъ.

Байдарскій. Чего ты испугалась?.. а!!. сестрица...

Пичугина. Нѣтъ, вообразите, до чего ужь это доходитъ, словъ нѣтъ. Я бѣгаю по саду, кричу, зову: „Боби, Боби!“ Не бѣжитъ онъ ко мнѣ, да и все тутъ... Тогда въ отчаяніи я возвращаюсь въ домъ—и что же? у самаго чулана слышу лай и визгъ... Я такъ и остолбенѣла. Сейчасъ велѣла отпереть чуланъ, и Боби выскочилъ мнѣ навстрѣчу. Я васъ покорно прошу, братецъ, разслѣдовать это дѣло... Кто покушался на мою собачку?

Байдарскій. Хорошо, это мы все увидимъ, а пока я очень радъ, что вы пришли. У меня здѣсь тоже сюрпризъ для васъ... (*Надѣ, которая украдкой хотѣла уйти*). Куда? куда?.. (*Выводитъ ее за руку.*) Вотъ вамъ эта внучка; извольте сами съ ней поговорить.

Пичугина. Что ты, милая, головку-то отворачиваешь?.. И какія туфельки на ней!.. Да что это?.. Вотъ это чудесно!.. Нѣтъ, лучше этого надъ вами подсмѣяться не могли!

Байдарскій. Что?

Пичугина. Какая тамъ внучка! Вѣдь это Надя переодѣлась.

Байдарскій. Не можетъ быть!

Пичугина. Надѣньте ваши очки, посмотрите хорошенько.

Надя (*срывая платокъ съ головы*). Ну, Надя, такъ Надя! Что дѣлать: не удалось.

Власьевна. Попадетъ мнѣ теперь по загривку.

Байдарскій. Какъ?! Все это былъ обманъ?.. Моя родная дочь — и такая ложь, такой обманъ?!

Надя. Папочка! хотѣлось бы мнѣ просить прощенья, да, я знаю, такую вину ты скоро не простишь. Такъ я лучше оправдываться буду. Слушай, слушай и разсуди. Сегодня утромъ, гуляя по деревнѣ, я встрѣтила Власьевну и зашла къ ней въ избу. Такая тамъ бѣдность... такое горе... такъ мнѣ жалко стало!..

Власьевна. Царица Небесная!

Надя. Вдругъ слышу сейчасъ, что ты ей помогалъ только для внучки; внучка умерла, старуха боялась потерять помощь—и обманула тебя... Знаю я, что для тебя обманъ—самое главное преступленіе; испугалась я за нее, думаю: пойдешь ты къ ней, все узнаешь, тетя станетъ язвить...

Пичугина. Каково выражается!

Надя. Ты былъ увѣренъ, что сынъ старухи на желѣзной дорогѣ работаетъ, а онъ въ избѣ лежитъ больной, параличемъ разбитъ... и ты объ этомъ ничего не знаешь, и за обманъ ты сейчасъ вспыхнешь, вонъ прогонишь. Какъ быть? Какъ быть? Что тутъ дѣлать? Думаю: вѣдь добрый мой папа; исподволь все ему сказать—онъ все-таки проститъ... только бы не сразу... теперь бы глаза отвести... а какъ это сдѣлать?.. Ну, ну... ну... ну, вотъ и пришлось въ сарафанъ наряжаться...

Пичугина. Какъ наивно! Ты воображала, что тебя не узнаютъ?

Надя. Да вѣдь собачку-то спрятали по моему распоряженію и очки разбили тоже...

Пичугина. Такъ это ты?! (*Съ паѳосомъ*). Въ четырнадцать лѣтъ и такая интриганка, что же будетъ въ шестнадцать?

Надя (*вспыхнувъ и передразнивая ее*). Въ четырнадцать лѣтъ вы мнѣ говорите такія глупости, что же будетъ когда мнѣ минетъ шестнадцать?

Байдарскій. Надежда!

Надя. Какъ, папа? Меня называть интриганкой за то, что я хотѣла помочь бѣдной старухѣ?

Пичугина. Вотъ ты помогла. Теперь она можетъ убираться и просить милостыню гдѣ угодно.

Надя. Я ей буду платить—коли папа ей не проститъ... именинныя деньги, праздничныя деньги; все ей отдамъ.

Пичугина. А папа тебѣ перестанетъ дарить.

Надя. Я въ гувернантки пойду.

Пичугина. Въ четырнадцать лѣтъ?

Надя (*все больше раздражаясь*). Я въ телеграфистки пойду.

Пичугина. И туда не возьмутъ.

Надя (*чуть не плача*). Ну, я не знаю, куда я пойду, но...

Байдарскій. Остановись! Не выходи изъ себя... Сестрица, знаете, какое я изо всего этого вывелъ заключеніе?.. Величайшій порокъ человѣка есть—ложь.

Пичугина. По крайней мѣрѣ новость сказали.

Байдарскій. Но величайшая добродѣтель есть снисхожденіе.

Пичугина. Особенно когда Наденька провинится.

Байдарскій. Я самъ былъ не правъ: я былъ безпощаденъ въ моихъ приговорахъ и напугалъ. Старуха лгала, оттого, что боялась сказать правду, Надя — тоже. Стало-быть, виноватыхъ трое: старуха, Надя и я. Стало-быть, я не смѣю взыскивать.

Надя (*радостно*). Папа!

Байдарскій. Вы обѣ поступили очень дурно и малодушно. Лжи никогда не скроешь, лучше смѣло говори все прямо, откровенно, честно... Ну, довольно наставленій, я васъ прощаю: старуха будетъ получать попрежнему.

Власьевна. Благодѣтель! (*Хочетъ упасть въ ноги*).

Надя (*останавливаетъ ее*). Не вались!

Байдарскій. А если тамъ еще какія нужды есть—я посмотрю самъ... я помогу.

Надя. Папа! золотой, прелестный... справедливый... справедливѣе тебя никого на свѣтѣ нѣтъ! (*Цѣлуетъ его руку*).

Пичугина. Ты объ этомъ еще судить не можешь.

Явленіе XII.

Тѣ же и Петръ.

Петръ (*подавая очки*). Вотъ-съ очки.

Байдарскій. Ты что же это, въ заговорѣ противъ меня? Нарочно мнѣ очки разбилъ?

Петръ. Виноватъ-съ.

Байдарскій. Вотъ и обезоружилъ—самъ сознается! Что съ него взыщешь?.. Тѣмъ больше, что вина мнѣ на пользу пошла: безъ очковъ-то я мою Надю лучше разглядѣлъ... душу ея разглядѣлъ. Ну, старуха, счастлива ты: этакую внучку себѣ нажила!

Власьевна. Батюшка!.. по самую могилу буду за нее земные поклоны класть.

Надя (*тономъ крестьянки*). На тебѣ, бабушка, десять рублевъ, баринъ сверхъ всего подарилъ тебѣ на новую крышу, твоя-то ужь вся разлѣзлась. Только ты меня, бабушка, у этого барина оставь—больно ужь онъ мнѣ понравился.

(*Всѣ смѣются, кромѣ Пичугиной*).

Байдарскій. Ишь, плутовка, гдѣ ты этому научилась?

Пичугина (*съ паѳосомъ*). Что ужь это будетъ въ шестнадцать лѣтъ—я и понять не могу.

Къ рисункамъ.

Безтрепетные. (Рис. на стр. 545).

Послѣобѣденный сонъ двороваго пса Барбоса внезапно былъ прерванъ, онъ открылъ свои кроткіе желтые глаза и его удивленному взору представились два маленькіе щенка, безъ страха и упрека подобравшіеся къ остаткамъ его обѣда.

Спокойно и не безъ гордости глядитъ онъ на непрошеныхъ гостей, за безопасностью которыхъ, въ свою очередь, заботливо слѣдитъ и ихъ любящая родительница.

Литературный альбомъ. „Египетскія ночи" Пушкина. „Пиръ Клеопатры". (Рис. на стр. 548).

Извѣстенъ вызовъ, который кинула властительница Египта толпѣ своихъ поклонниковъ, собравшихся къ ней на пиръ —купить цѣною жизни ея благосклонность.

Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца—
Она смущенной ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица
И взоръ презрительный обводитъ
Вокругъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Во слѣдъ за нимъ и два другихъ...
Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый—Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый...
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

Новый увеселительный уголокъ Москвы — театръ и садъ „Фантазія". (Рис. на стр. 549).

Петровскій паркъ въ Москвѣ — излюбленное мѣсто загородныхъ прогулокъ москвичей. При самомъ въѣздѣ въ паркъ, на его главной и наиболѣе оживленной аллеѣ, расположенъ театръ и садъ „Фантазія", составляющій собственность антрепренера В. А. Николаева-Соколовскаго. Много трудовъ и энергіи необходимо было потратить, чтобы превратить бывшій ранѣе на этомъ мѣстѣ полуразвалившійся старый, мрачный театръ въ эффектное зданіе новаго театра въ мавританскомъ стилѣ, а прилегающій къ нему пустырь — въ красивый садъ; эта метаморфоза очень удачно произведена новымъ владѣльцемъ. Среди цвѣточныхъ клумбъ живописно разбросаны разнообразные затѣйливые кіоски и павильоны; эстрады для оркестровъ музыки, красивое зданіе буфета въ русскомъ стилѣ и открытая сцена, на которой идутъ легкія комедіи и водевили, — довершаютъ постройки театра. Посреди центральной клумбы устроенъ свѣтящійся фонтанъ. Въ большомъ театрѣ ставятся феерiи и балетъ при участіи извѣстныхъ звѣздъ: Карлотты Бріанца, Черри и др. Новый увеселительный уголокъ Москвы, „Фантазія", носитъ вполнѣ приличный, семейный характеръ; онъ обѣщаетъ завоевать большія и прочныя симпатіи московской публики. За невысокую входную плату посѣтители пользуются здѣсь очень разнообразною и интересною программой увеселеній и проводятъ съ удовольствіемъ вечеръ внѣ душныхъ и раскаленныхъ лѣтнимъ зноемъ городскихъ стѣнъ, на чистомъ дачномъ воздухѣ, подъ зеленымъ шатромъ деревьевъ.

Не пропущу! (Рис. на стр. 553).

„Не пропущу", такъ называется рисунокъ молодаго художника Томашевича, но и безъ этой подписи можно догадаться, что молодая крестьянка, съ коромысломъ на плечахъ, кому-то заграждаетъ дорогу черезъ рѣчку и этотъ-кто-то, судя по ея привѣтливой улыбкѣ, ей дорогъ и милъ.

Одесса. Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ.

(Рис. на стр. 556 и 557).

Одесса основана повелѣніемъ императрицы Екатерины II въ 1794 г. на возвышенномъ берегу Хаджибейскаго залива, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась бѣдная татарская деревушка, окруженная голою степью. Молодой городъ, который собирается черезъ 2 года праздновать первое свое столѣтіе, достигъ такого развитія и совершенства, что онъ, по устройству своему, по счастливому мѣстоположенію и по благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, смѣло можетъ соперничать съ лучшими городами западной Европы.

Городъ расположенъ подъ 46 и 55° с. ш. и 48 и 49° в. д. (отъ 1 меридіана), на возвышенности отъ 106 до 186 ф. надъ уров. моря. Собственно городъ въ настоящее время занимаетъ площадь въ 10 верстъ; если-же прибавить принадлежащія городу 7 обширныхъ предмѣстій и болѣе 500 дачъ, расположенныхъ большею частью вдоль морскаго берега, то площадь его занимаетъ 32 версты. Принадлежащіе собственно городу болѣе 12,000 домовъ расположены въ правильныхъ широкихъ улицахъ, всюду прекрасно вымощенныхъ гранитомъ. По обѣимъ сторонамъ мостовой остаются широкія обочины, замощенныя отчасти плитами, а на главныхъ улицахъ — асфальтомъ. По всему городу обочины окаймлены деревьями и газовыми фонарями, такъ что лѣтомъ одесскія улицы представляютъ собою прекрасные бульвары. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1875 г. въ городъ и его окрестности проведена днѣстровская вода, на всѣхъ площадяхъ явились красивыя плантаціи съ изящными большими фонтанами.

Лѣтомъ городъ представляетъ замѣчательно красивый видъ: широкіе проспекты съ густыми аллеями деревьевъ, дающихъ густую тѣнь, довольно опрятно содержимыя улицы, которыя ежедневно поливаются изъ водопроводныхъ крановъ; площади съ густыми растеніями и постоянно бьющими фонтанами; правильныя, красивыя зданія, вмѣщающія въ себѣ, кромѣ жилищъ и общественныхъ учрежденій, около 2,000 магазиновъ и лавокъ съ заманчивыми выставками въ окнахъ; роскошныя дворцовыя зданія и наконецъ — видъ моря; все это придаетъ городу прекрасный видъ, которымъ восхищаются не только русскіе путешественники, но и иностранцы, пріѣзжающіе въ Одессу въ большомъ количествѣ изъ самыхъ различныхъ странъ.

Обладая природными сокровищами, какъ море и лиманы, съ которыми въ врачебномъ отношеніи врядъ-ли можетъ сравниться что-либо подобное въ Европѣ, Одесса въ то же время заключаетъ въ себѣ большое количество другихъ врачебныхъ пособій, какъ-то: превосходно устроенное заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, заведенія для теплыхъ морскихъ ваннъ, гидропатическія заведенія, кумысъ, изобиліе винограда разныхъ сортовъ для пользующихся виноградымъ лѣченіемъ, отлично устроенныя аптеки и большой кругъ врачей-спеціалистовъ.

Но изъ всѣхъ сокровищъ, которыми природа щедро одарила Одессу, наибольшаго вниманія заслуживаютъ Одесскіе лиманы, съ которыми, по цѣлебнымъ ихъ свойствамъ, врядъ-ли можетъ соперничать какой-либо изъ европейскихъ курортовъ.

Лиманное лѣченіе примѣняется въ слѣдующихъ болѣзняхъ съ большимъ успѣхомъ: 1) во всѣхъ видахъ золотухи; 2) во всѣхъ случаяхъ ревматизма, не осложненнаго пороками сердца; 3) при уплотненіяхъ и ломотѣ послѣ различныхъ поврежденій туловища, головы и оконечностей (ушибовъ, ранъ, переломовъ); 4) въ нѣкоторыхъ нервныхъ и накожныхъ болѣзняхъ и мн. др.

Изъ 3-хъ лимановъ, имѣющихся въ Одессѣ, самымъ благотворнымъ признанъ „*Куяльницкій*" (Андреевскій). За этимъ лиманомъ признаны такія цѣлебныя качества, какими врядъ-ли обладаетъ какой-либо изъ европейско-западныхъ источниковъ этой категоріи.

Куяльницкій лиманъ заключается въ ложбинѣ длиною въ 28 верстъ, шириною до 2-хъ верстъ, глубиною въ серединѣ отъ 1½ до 2 саженъ. Озеро это отдѣлено отъ моря небольшимъ перешейкомъ, имѣетъ низменное положеніе, такъ что вода въ немъ стоитъ ниже уровня морской поверхности на 2½ сажени. Берегъ лимана довольно крутой, частью покрытъ иломъ, смѣшаннымъ съ пескомъ и раковинами. По своему насыщенію солями, Куяльницкій лиманъ самый богатый изъ всѣхъ одесскихъ лимановъ, такъ что устроенный на юговосточномъ берегу его соляной промыселъ ежегодно извлекаетъ изъ лимана нѣсколько милліоновъ пудовъ соли. Несмотря однако на такую энергическую выволочку соли, концентрація лиманской воды незначительно уменьшается, благодаря вѣроятно тому, что, какъ это доказано въ послѣднее время, въ это озеро происходитъ постоянное просачиваніе воды изъ моря, хотя степень насыщенія вообще уменьшается съ каждымъ годомъ. Концентрація воды въ лиманѣ, впрочемъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ мѣняется въ различные годы, смотря по количеству атмосферныхъ водъ и проч. Вообще же плотность воды здѣсь постоянно достигаетъ такой степени, что нырять въ ней весьма трудно, даже окунуться сразу не легко, за то плавать можетъ и неумѣющій. При спокойной, безвѣтренной погодѣ волненіе на озерѣ бываетъ въ видѣ слабой зыби; въ бурное же время волненіе довольно сильное.

Анализъ воды Куяльницкаго лимана, произведенный въ Новороссійскомъ университетѣ г. *Петріевымъ*, далъ слѣдующіе результаты:

Удѣльный вѣсъ при 18.5° - 1,17782
Концентрація по Боме . . - 22°

Въ 100 частяхъ воды плотныхъ частей найдено 22,057, а именно:

Хлористаго натрія	13,795
„ калія.	0,304
„ магнія	7,286
„ кальція.	0,058
Бромистаго магнія	0,087
Сѣрнокислой извести	0,527

Кромѣ того, въ лиманской водѣ содержится большое количество органическихъ веществъ, преимущественно отъ рако-

образныхъ животныхъ. Средняя температура воды въ лиманѣ равна отъ 18 до 22° R. въ теченіе лѣчебнаго сезона; въ жаркіе дни вода въ Куяльницкомъ лиманѣ нагрѣвается нерѣдко до 25° R.

Илъ въ Куяльницкомъ лиманѣ образуетъ огромныя залежи на днѣ его, такъ что буренія въ 1862 г. показали въ руслѣ лимана толщину ила болѣе 8 саженъ, а на берегу—отъ 2 вершковъ до 1½ аршина.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Одесское городское управленіе было озабочено мыслью объ устройствѣ на Куяльницкомъ лиманѣ новаго лѣчебнаго заведенія (взамѣнъ стараго), которое своей грандіозностью соотвѣтствовало бы выдающимся свойствамъ Куяльницкаго лимана. Наконецъ, по рѣшенію Одесской городской думы, въ прошломъ году приступлено было къ постройкѣ обширнаго заведенія, на которое городомъ уже истрачено болѣе 500,000 руб. И дѣйствительно, заведеніе это поражаетъ своей грандіозностью, роскошью и удобствами, и можно смѣло сказать, что такого заведенія нѣтъ не только въ Россіи, но и за-границей. Кругомъ заведенія устроены паркъ, бульваръ; при заведеніи имѣются отличный ресторанъ, читальня, зала для танцевъ и т. д., и т. д.

Помѣщаемые нами въ нынѣшнемъ № рисунки лѣчебнаго заведенія, торжественное и офиціальное открытіе котораго состоялось 31 мая, даютъ болѣе или менѣе достаточное представленіе объ этомъ роскошномъ лѣчебномъ заведеніи, которымъ можетъ гордиться не только Одесса, но и вся Россія. Въ заведеніи имѣются 80 №№ для грязевыхъ и рапныхъ ваннъ, такъ что въ теченіе дня, начиная съ 6 час. утра до 8 час. вечера, заведеніе можетъ удовлетворить 1,200 больныхъ безъ задержки. При заведеніи нѣтъ квартиръ для больныхъ, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заведенія расположены дачи, гдѣ имѣются весьма удобныя и недорогія меблированныя комнаты, отдающіяся помѣсячно и посезонно. Такихъ дачъ, окружающихъ заведеніе, имѣется 20, и на каждой изъ нихъ отъ 50 до 120 №№. Изъ этихъ дачъ особеннаго вниманія заслуживаютъ, по своимъ удобствамъ, дачи: д-ра Бертенсона, д-ра Болухера, Тульчинскаго и Серебреникова. Сообщеніе съ городомъ весьма удобное: внизу бульвара помѣщается вокзалъ, откуда поѣзда каждыя 40 минутъ отправляются на Куяльницкій лиманъ. Поѣздъ обыкновенно состоитъ изъ 20—30 вагоновъ всѣхъ 3-хъ классовъ; цѣна за проѣздъ въ одинъ конецъ 20 коп., а по абонементу на 60 поѣздокъ—12 коп.

Къ празднованію 250-ой годовщины старѣйшаго полка русской арміи. (Рис. на стр. 561).

Доблестнѣйшій и старѣйшій полкъ нашей славной арміи, бывшій Бутырскій, нынѣ 13-ый лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества празднуетъ 29 сего іюня *250-ю годовщину своего существованія*. Событіе знаменательное, о которомъ должна знать не только вся русская армія, но и вся Россія, ибо славный полкъ Эриванскій въ теченіе четверти тысячелѣтія въ первыхъ рядахъ нашихъ доблестныхъ войскъ сражался противъ враговъ отечества почти во всѣхъ войнахъ, которыя велись нами за этотъ періодъ времени.

Исторіи славнаго Эриванскаго полка посвящены цѣлые томы спеціальными военными писателями; особенно же обстоятельное и полное жизнеописаніе полка составляется нашимъ военнымъ писателемъ и изслѣдователемъ, генералъ-лейтенантомъ П. О. Бобровскимъ, роскошно издаваемое обществомъ офицеровъ полка и представляющее громадный трудъ, единственный въ своемъ родѣ, не имѣющій себѣ соперниковъ какъ у насъ, такъ и за границей. Первая изъ пяти частей исторіи уже появилась въ свѣтъ, обстоятельный отзывъ о ней нами своевременно будетъ данъ въ отдѣлѣ библіографіи; въ настоящее же время отмѣтимъ, что исторія старѣйшаго полка нашей арміи издана роскошно, что вполнѣ соотвѣтствуетъ блистательному прошлому его. Къ первой части приложена карта походовъ Бутырскаго полка въ Россіи, Польшѣ, Пруссіи, Даніи и Австріи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (1642—1786), восемь портретовъ и рисунковъ, а также карта Азова и его окрестностей, въ концѣ XVII вѣка. Картины и портреты исполнены фотогіалотипіей въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ художникомъ Экспедиціи Г. Н. Скамони, по рисункамъ извѣстнаго профессора батальной живописи А. І. Шарлеманя, отнесшагося къ дѣлу съ особой любовью и исполнившаго всѣ работы со свойственнымъ ему талантомъ. Акварельные рисунки и карты исполнялись въ картографическомъ заведеніи Ильина.

Мы заимствуемъ три рисунка изъ этого рѣдкаго изданія, выходящаго въ свѣтъ въ количествѣ всего 300 экземпляровъ, и даемъ краткую къ нимъ замѣтку.

Два съ половиною вѣка тому назадъ, въ 1642 г., при первомъ государѣ изъ Царствующаго Дома Романовыхъ,—царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—было положено начало преобразованію военнаго устройства, когда, вслѣдствіе тяжелыхъ опытовъ, ясно была сознана несостоятельность русскаго строя. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ начато было обученіе *русскихъ ратныхъ людей* иноземному строю и начали появляться полки съ иностранными названіями: солдатскіе, рейтарскіе, драгунскіе. Полки этого рода и были переходной ступенью къ постоянному, регулярному національному войску въ Россіи. Соборъ 1642 г. собственно и вызвалъ сформированіе въ томъ же году (вѣроятно лѣтомъ) двухъ *московскихъ выборныхъ полковъ солдатскаго стр я* подъ названіями 1-го и 2-го выборныхъ, впослѣдствіи 1-го Московскаго, иначе Лефортовскаго, и Бутырскаго. Оба названы отъ *слободъ*, въ которыхъ квартировали—Лефортовской и Бутырской. Нѣкій иноземецъ *Альциль* былъ шефомъ (нынѣ командиръ) Бутырскаго полка; полкъ состоялъ изъ 52 ротъ, въ каждой ротѣ было по сто человѣкъ. 1-й Московскій выборный полкъ исчезъ въ концѣ второй половины прошлаго столѣтія, и исторія до сихъ поръ не находитъ слѣдовъ его. Послѣ Альциля, командовали полкомъ ген.-маіоръ Кровковъ, полковникъ Ждановъ, иноземецъ Алексѣй Бюстъ, при чемъ съ названіемъ именъ Жданова или Бюста, полкъ назывался въ офиціальныхъ актахъ также и *Бутырскимъ*. Въ началѣ крымскаго похода, въ 1687 году, командиромъ Бутырскаго полка былъ назначенъ знаменитый потомокъ Карла II, шотландецъ Патрикъ Гордонъ (порт. на стр. 561), служившій прежде въ шведскихъ войскахъ, затѣмъ въ польскихъ, при чемъ сражался противъ татаръ и русскихъ, а впослѣдствіи поступилъ на русскую службу маіоромъ. На нашемъ рисункѣ, воспроизведенномъ со старинной гравюры, изображенъ П. И. Гордонъ, генералъ-лейтенантъ и командиръ 2-го выборнаго солдатскаго или Бутырскаго полка 1687—1699 гг. При предмѣстникѣ Гордона, въ слободѣ Бутыркахъ, усердіемъ Бутырскаго полка построена церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, которая въ 1682 году была освящена патріархомъ Іоакимомъ. Церковь эта сохранилась въ томъ видѣ, какъ представлена на нашемъ рисункѣ (на стр. 561), и до нашихъ дней, какъ памятникъ благочестиваго усердія начальныхъ людей, урядниковъ и солдатъ Бутырскаго полка, воздвигнувшихъ сей храмъ Божій въ память прекращенія тяжкой семилѣтней войны съ турками и Крымскимъ ханомъ, окончившейся миромъ, заключеннымъ къ общему удовольствію правительства и народа. Третій рисунокъ (на стр. 561) представляетъ солдата выборнаго солдатскаго полка Гордона или Бутырскаго полка въ полномъ вооруженіи. Костюмъ: красный суконный кафтанъ, зеленая шапка, отдѣланная мѣхомъ, высокіе сапоги, кушакъ; сукно на платье отпускалось отъ казны, а шить его солдаты должны были на свой счетъ; по солдаты получали отъ казны опредѣленное жалованье, соль и подъемныя; отъ казны также полагалось оружіе и снаряженіе (мушкеты, копья и проч.).

Бутырскій полкъ былъ преобразованъ на новыхъ началахъ основателемъ регулярнаго войска Петромъ Первымъ и получилъ новое имя — Бутырскаго мушкатерскаго полка, которое и носилъ почти безпрерывно до 1786 года, неоднократно мѣняя свои квартиры и переходя изъ Москвы въ Смоленскъ, затѣмъ стоялъ въ Симбирскѣ, Воронежѣ, въ Цимлянской станицѣ на Дону. При Екатеринѣ Великой Бутырскій полкъ преобразованъ и вошелъ въ составъ Кубанскаго егерскаго корпуса; мѣстомъ квартированія и военныхъ дѣйствій Кубанскаго егерскаго корпуса былъ исключительно Сѣверный Кавказъ, но еще до преобразованія въ егерей, Бутырскій полкъ въ 1783 году принималъ участіе въ бояхъ на Кавказѣ, подъ командою великаго Суворова.

При императорѣ Павлѣ I Бутырскій полкъ носитъ названіе 18-го егерскаго полка генерала-маіора Лазарева; подъ этимъ названіемъ вступилъ въ Тифлисъ, при окончательномъ признаніи въ 1799 г. покровительства Россіи надъ Грузіей.

Въ 1801 году Высочайше повелѣно именоваться полку 17-мъ егерскимъ. Почти ровно черезъ 15 лѣтъ, т. е. 12 февраля 1816 г., за отличія въ бояхъ полкъ наименованъ 7-мъ карабинернымъ, а въ 1827 г., за взятіе Эривани,—Эриванскимъ карабинернымъ. Около этого времени, штабъ-квартирою полка стало урочище Манглисъ, Тифлисской губерніи, гдѣ онъ расположенъ и понынѣ.

Около 23 лѣтъ просуществовалъ полкъ подъ именемъ Эриванскаго карабинернаго и въ 1850 г. 14 ноября Высочайше повелѣно именоваться: Эриванскимъ карабинернымъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ. Черезъ четыре года полкъ получилъ имя лейбъ-карабинернаго Эриванскаго Его Величества. Наконецъ, настоящее свое имя, 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества—полкъ имѣетъ съ 17 апрѣля 1856 года.

Во время празднованія 250-й годовщины, 29 сего іюня, въ урочищѣ Манглисѣ будетъ заложенъ памятникъ герою-рядовому Гаврилѣ Сидорову, всѣмъ же солдатамъ будетъ роздана изданная по случаю праздника брошюра поручика Эриванскаго полка А. П. Андреева, подъ заглавіемъ: *„Подарокъ солдату“, по случаю праздника старѣйшаго полка русской арміи*, популярно написанная и изящно изданная, въ коей кромѣ краткаго историческаго очерка о полкѣ, описаны два геройскихъ подвига: полковника П. М. Корягина и рядоваго Гаврилы Сидорова. Книжка эта не только можетъ служить полезной книгой для солдатскихъ библіотекъ, но пригодна вполнѣ и для народнаго чтенія.

А. Хвостовъ.

Патрикъ Гордонъ, командиръ 2-го выборнаго солдатскаго или Бутырскаго полка 1687—99 гг. По рис. Шарлеманя, грав. Шюблеръ.

Солдатъ выборнаго солдатскаго полка Гордона, или Бутырскаго полка. По рис. Шарлеманя, грав. Шюблеръ.

Церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы въ слободѣ Бутыркахъ, построенная усердіемъ Бутырскаго полка и освященная патріархомъ Іоакимомъ въ 1682 г. По рис. Шарлеманя, грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Вслѣдъ за кильскимъ свиданіемъ, императоръ Германскій привѣтствуетъ въ Потсдамѣ и Берлинѣ Итальянскую королевскую чету. Ихъ величества прибыли въ 6 час. 20 мин. утра 8 іюня на станцію Вильдпаркъ, гдѣ были встрѣчены императоромъ Вильгельмомъ, императрицею и принцами Прусскаго королевскаго дома. Императоръ нѣсколько разъ обнялся и поцѣловался съ королемъ, а королеву поцѣловалъ въ щеку; король поцѣловалъ въ щеку императрицу. Пріемъ былъ торжественный. Ихъ величества отправились со станціи въ Новый дворецъ. На другой день утромъ состоялся въ Лустгартенѣ въ присутствіи императора и Итальянскаго короля смотръ войскамъ потсдамскаго гарнизона. Императрица и королева смотрѣли на парадъ изъ оконъ городскаго замка. Многочисленная толпа народа привѣтствовала ихъ величества восторженными кликами. 10 іюня, король и королева Итальянскіе и императоръ Вильгельмъ съ супругою прибыли въ Берлинъ около 3-хъ час. пополудни и, при проѣздѣ изъ вокзала во дворецъ, были привѣтствованы многолюдною толпой. Бургомистръ обратился къ королю Гумберту съ привѣтственною рѣчью, на которую король отвѣтилъ выраженіемъ сердечной благодарности. Въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатаны тосты, произнесенные на парадномъ обѣдѣ, происходившемъ 9 іюня. Императоръ Вильгельмъ напомнилъ въ своей застольной рѣчи о томъ, что король и королева Итальянскіе впервые присутствовали въ Новомъ дворцѣ при крещеніи принцессы Маргариты. „Въ то время — сказалъ императоръ — ихъ величества находились въ присутствіи императора Фридриха, бывшаго въ полномъ расцвѣтѣ красоты и силы; личность его и донынѣ окружена легендою“. Далѣе императоръ упомянулъ о тѣсныхъ отношеніяхъ, существующихъ между обоими царственными домами, при чемъ сказалъ: „Моими устами бѣлокудрая сестра Германія привѣтствуетъ свою красавицу-сестру Италію“. Изъ свѣдущаго источника сообщаютъ, что на совѣщаніи въ тотъ же день итальянскаго министра Брина съ Каприви и Маршалемъ обсужены были всѣ важные европейскіе вопросы, при чемъ выяснилось, что во взглядахъ на политическія условія существуетъ полное единогласіе. Берлинскія газеты привѣтствуютъ короля и королеву Итальянскихъ и видятъ въ этомъ событіи выраженіе и упроченіе какъ германско-итальянскаго союза, такъ и вѣрности Италіи этому союзу.

Манифестаціи въ Нанси, въ день посѣщенія этого города Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ, не мало испортившія крови сосѣдямъ французовъ, повторились вновь при возвращеніи Его Высочества изъ Контрексевиля въ Петербургъ. Великій Князь выѣхалъ на родину 9 іюня. Контрексевиль на всемъ пути слѣдованія былъ убранъ флагами и многочисленныя толпы почтительно и сочувственно привѣтствовали Великаго Князя. На желѣзнодорожной станціи Его Высочеству поднесена была великолѣпная корзина цвѣтовъ. Поѣздъ тронулся при кликахъ: „Да здравствуетъ Россія!“ Въ Нанси студенты и многочисленная толпа народа ожидали на станціи пріѣзда Великаго Князя Константина Константиновича, но Его Высочество оставилъ поѣздъ на предшествующей станціи и пріѣхалъ въ экипажѣ, а въ 1 часъ пополудни отбылъ въ Германію. Громадная толпа народа привѣтствовала Великаго Князя кликами: „да здравствуетъ Россія!“ Префектъ и мэръ бесѣдовали съ Его Высочествомъ; студенты поднесли Великому Князю букетъ. Великій Князь горячо благодарилъ. На всѣхъ станціяхъ отъ Нанси до границы толпившееся на платформахъ населеніе привѣтствовало Великаго Князя Константина Константиновича восторженными кликами. Въ Діелуарѣ муниципальный оркестръ исполнилъ народный гимнъ. Въ Паньи Его Высочеству былъ поднесенъ букетъ. Вездѣ раздавались клики: „да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Великій Князь!“

Не менѣе знаменательны тѣ встрѣчи, предметомъ которыхъ былъ князь Бисмаркъ, на пути изъ Фридрихсруэ въ Вѣну, гдѣ состоялось бракосочетаніе его сына Герберта. По словамъ *Новаго Времени*, весь путь бывшаго канцлера походилъ на тріумфальное шествіе. Хотя на Берлинъ бывшій канцлеръ взглянулъ собственно лишь изъ окна вагона, слѣдуя съ Лертскаго вокзала на Ангальтскій, но все-таки и въ столицѣ Германіи не было недостатка въ восторженныхъ шумныхъ оваціяхъ. Съ Дрездена начался настоящій тріумфъ. Въ столицѣ Саксоніи приготовленія къ встрѣчѣ шли уже нѣсколько дней и она украсилась такъ, какъ въ самые высокоторжественные дни новѣйшей исторіи Германіи. Король Альбертъ, горячій поклонникъ Бисмарка, вполнѣ одобрительно отнесся къ энтузіазму. Въ витринахъ магазиновъ красовались бюсты князя Бисмарка и портреты графа Герберта и его невѣсты, а отчеканенныя въ память „незабвеннаго дня“ медали—раскупались нарасхватъ. Вслѣдствіе овацій на промежуточныхъ станціяхъ поѣздъ опоздалъ на цѣлые полчаса и былъ встрѣченъ публикою восторженно. На Театральной площади, на которую выходитъ главнымъ фасадомъ „Hôtel Belle-vue“, гдѣ долженъ былъ остановиться князь Бисмаркъ, собралась громадная толпа народа. Когда экипажъ Бисмарка показался на площади, жандармы уже не въ силахъ были сдержать натискъ народа, цѣпь была порвана на всѣхъ пунктахъ; студенты, дамы, простолюдины окружали со всѣхъ сторонъ открытое ландо, хватали руки Бисмарка и горячо ихъ цѣловали. Съ трудомъ экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу отеля, и князь съ княгинею едва протискались сквозь сплошную стѣну въ сѣни. Четверть часа спустя, Бисмаркъ съ супругою спустился внизъ и вошелъ въ дамскій салонъ, гдѣ отъ имени дрезденскихъ гражданъ привѣтствовалъ князя гофратъ Остерло. Факельное шествіе, въ которомъ участвовало до 13,500 факелоносцевъ и 1,350 пѣвцовъ, представляло великолѣпное зрѣлище. Прохожденіе факельцуга передъ „Hôtel Belle-vue“ продолжалось около часа и явилось рядомъ новыхъ овацій въ честь Бисмарка.

На слѣдующій день, въ воскресенье, князь Бисмаркъ, рано по-утру, выѣхалъ изъ Дрездена къ Вѣнѣ. Проводы были сердечные; на улицахъ и на вокзалѣ оваціямъ не было конца и когда поѣздъ тронулся и хоровыя общества опять грянули „Wie könnt ich dein vergessen“, бывшій желѣзный канцлеръ не выдержалъ и заплакалъ.

Путешествіе по Австріи сопровождалось также оваціями. На пограничной станціи Тешенъ собрались встрѣтить Бисмарка до 2,000 человѣкъ. Встрѣча была восторженная. Князь сказалъ небольшую рѣчь, въ которой, какъ извѣстилъ телеграфъ, выразилъ желаніе, чтобы союзъ Австріи съ Германіей былъ вѣчнымъ. Приходомъ въ Вѣну поѣздъ нѣсколько опоздалъ. Уже съ 9 часовъ вечера массы народа запрудили окрестности вокзала сѣверо-западной желѣзной дороги, доступы къ которому были заграждены многочисленною полицейскою стражею. Какъ только князь Бисмаркъ вышелъ изъ поѣзда, толпа хлынула со всѣхъ сторонъ, полиція была смята и о соблюденіи какого бы то ни было порядка не могло быть и рѣчи. Сыновья и друзья Бисмарка съ трудомъ расталкивали толпу, чтобы добраться до экипажа. Давка была ужасная. Буквально дрались, давили другъ друга, чтобы подойти къ Бисмарку, пожать ему руку, добиться отъ него ласковаго слова. Наконецъ, съ большимъ трудомъ Бисмарка усадили въ экипажъ, но какъ только экипажъ тронулся, толпа побѣжала за нимъ. Тѣмъ временемъ въ Taborstrasse собралась многочисленная группа студентовъ. Студенты двинулись ко дворцу графа Пальфи, гдѣ остановился князь Бисмаркъ, но многочисленный отрядъ полицейскихъ заградилъ имъ дорогу. Въ „Wallnerstrasse“ произошло первое столкновеніе съ полиціей. Столкновенія эти затѣмъ повторялись и въ различныхъ мѣстахъ города, особенно въ Graben. Полицейскіе, какъ кажется, дѣйствовали очень усердно, такъ что на другой день въ засѣданіи рейхстага антисемитъ Люгеръ сдѣлалъ запросъ о вчерашнихъ уличныхъ безпорядкахъ, утверждая, что полиція при этомъ поступила чисто по-звѣрски, пустила въ ходъ сабли, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, такъ что улицы походили на поле сраженія.

9 іюня состоялось бракосочетаніе графа Герберта Бисмарка съ графиней Маргаритою Гойошъ. По окончаніи обряда вѣнчанія поздравилъ князя также и графъ Шуваловъ, русскій посолъ въ Берлинѣ.

Смѣсь.

Кавказскія минеральныя воды. Какъ сообщаетъ журналъ Р. Общ. Охр. Нар. Здравія, къ началу сезона Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Пятигорскѣ будетъ устроена барачная больница для бѣдныхъ и остро-заразныхъ больныхъ на средства Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ генералъ-адъютанта С. А. Шереметева, съ служебнымъ персоналомъ сестеръ милосердія „Краснаго Креста.“

На остальныхъ группахъ во время лѣчебнаго сезона будутъ открываемы пріемные покои, какъ отдѣленія Пятигорской больницы. (г. в.)

Золотой фондъ Франціи. Послѣднее предпринятое во Франціи исчисленіе всѣхъ находящихся въ обращеніи золотыхъ монетъ обнаружило, что республика обладаетъ запасомъ въ четыре милліарда золотомъ въ монетахъ различнаго достоинства. 10-ти-франковыхъ монетъ оказалось 150 милліоновъ штукъ, 5-ти-франковиковъ — 42,200,000, 50-ти-франковыхъ — 5,100,000 и, наконецъ, 600,000 монетъ въ 100 франковъ каждая. (г. в.)

ШАХМАТЫ.

Рѣшенія задачъ, помѣщенн. въ №№ 9 и 14 „Нивы".

№ 11. Pilnacek. Матъ въ 3 хода (на d5 слѣдуетъ черный слонъ вмѣсто пѣшки). 1. Кр. h2—h1, К. c6 : e7; 2. К. f2—g4 † ∾; 3. Ф. c8—c2 ‡ или 3. e4—e5 ‡ a) . . . ., К ∾; 2. Ф. d7, ∾; 3. Ф. К. ‡ b) 1 . . . . С. d5 : e4; 2. К. f2—g4 †, Кр. e5—d5; 3. Ф. c8—g8 ‡.

№ 12. E. Dvorzak. Матъ въ 2 хода. 1. Л. e6—e5, ∾; 2. Матъ различными способами.

№ 19. А. В. Галицкій. Матъ въ 2 хода. 1. Ф. a5—a2, ∾; 2. Матъ различными способами. (На g2 должна быть бѣлая пѣшка).

№ 20. Carreras. Матъ въ 3 хода. 1. Ф. c2—c7, Кр. d5—e6; 2. Ф. c7 : e5 †; Л. e4 : e5; 3. К. f3—d4 ‡.

a) 1 . . . К. f6—d7; 2. Кр. d8 : d7, ∾; 3. Ф. ‡.

b) 1 . . . Л : b4; 2. Ф : e5 †; ∾ 3. С. f1 ‡ или К. d4 ‡.

c) 1 . . . Л ∾ (кромѣ c4); 2. Ф. c6 †; Кр : c6; 3. К. d4 ‡.

ПОПРАВКА. Въ задачѣ № 23 (№ 16 „Нивы") чернаго коня слѣдуетъ перестави. съ d2 на e2, а бѣлую пѣшку h4—замѣнить черной.

Правильныя рѣшенія прислали: всѣхъ задачъ: **Н. С. Даржанъ** (Кронштадтъ), **А. И. Мыслинъ** (Сарапуль), **И. Ф. Вельцъ** (Кіевъ), **Л. Е. Гаринъ** (Красноярскъ). №№ 19 и 20. **М. Абросимовъ** (г. Опатовъ). № 12. **З. И. Рехнеръ** (Одесса), **С. Кузинъ** (Москва), **Гудинецкій** (Тирасполь). № 19. **Ф. Г. Ходуновъ.** № 20. **И. А. Рудинъ** (Бугульма).

Извѣстія изъ шахматнаго міра.

Матчъ Э. Ласкера съ Блэкберномъ въ Лондонѣ окончился блистательной побѣдой перваго, молодаго Берлинскаго игрока, а именно: Э. Л. выигралъ 6 партій при 4-хъ ничьихъ, не проигравъ ни одной своему знаменитому противнику.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТЪ СОВѢТА МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА.

Съ Высочайшаго соизволенія 30-е декабря 1893-го года назначено днемъ празднованія полувѣковаго существованія Московскаго Художественнаго Общества и состоящаго при немъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Къ этому времени предполагается: 1) составить историческій очеркъ Общества и Училища съ приложеніемъ біографическихъ свѣдѣній о лицахъ, имѣвшихъ къ этимъ учрежденіямъ отношеніе, и 2) устроить выставку художественныхъ произведеній (живописныхъ, скульптурныхъ и архитектурныхъ) лицъ, учившихся въ Училищѣ или принимавшихъ участіе въ художественной его дѣятельности. № 5847

Въ виду этого Совѣтъ Московскаго Художественнаго Общества покорнѣйше проситъ: 1) всѣхъ, имѣющихъ какія либо свѣдѣнія, могущія послужить матеріаломъ для вышеуказаннаго очерка, не отказать доставить ихъ въ Контору Совѣта по слѣдующему адресу: Москва, Мясницкая, д. Художественнаго Общества*). 2) Г.г. владѣльцевъ вышеуказанныхъ художественныхъ произведеній не отказать Обществу воспользоваться этими произведеніями на время предстоящей выставки **).

Примѣчаніе. Желательно, чтобы при поступающихъ на выставку художественныхъ произведеніяхъ были указанія о времени ихъ исполненія.

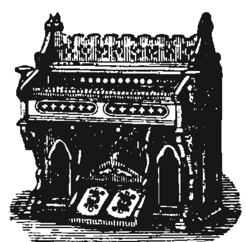
Доставку произведеній на выставку и возвращеніе ихъ по принадлежности Общество принимаетъ на свой счетъ. Общество надѣется, что и прочіе газеты и журналы не откажутся помѣстить на своихъ страницахъ это объявленіе.

*) Бланки съ вопросными пунктами Контора вышлетъ желающимъ по требованію.

**) Всѣ произведенія, удостоенныя наградъ, будутъ приняты безъ жюри.

Громадный выборъ

ФИСГАРМОНІЙ

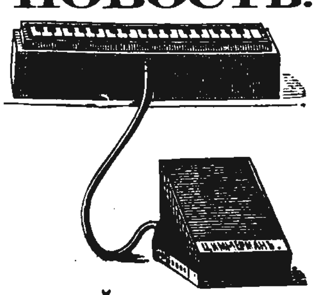

только лучшихъ американскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ отъ 85 р. до 1200 р.
Самоучитель 2 р. и 3 руб.

ГАРМОНИФЛЮТЫ

въ 3 октавы съ регистромъ . . . 45 р.
„ 3½ „ „ „ 60 р.
„ 3½ окт. съ регистромъ, трелью и сурдинкой. . . . . 75 р.
„ 4 октавы съ регистромъ, трелью и сурдинкой . . . . 90 р.
Педаль для гармонифлюта 10 руб.

НОВОСТЬ!

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключаетъ въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе вдуваніемъ воздуха на № 2 ртомъ, на № 6 и 8 ножною педалью.

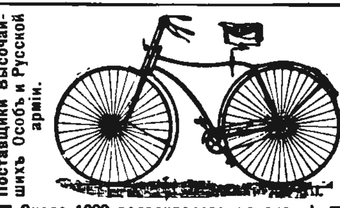
№ 2. 2 октавы. . . . . 5 р.
№ 6. 3 октавы, съ ножною педалью. 17 р.
№ 8. 4 „ „ „ „ 23 р.

Самоучитель Маковскаго 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 р. Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

По полученіи задатка приблизительно ⅓ стоимости, требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—9
Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

1892. МЮНХЕНЪ Стеклянный Дворецъ.

Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Корол. Высочества Принца-регента Луитпольда Баварскаго и почетнаго предсѣдателя Его Корол. Высочества Принца Людвига Баварскаго

VI БОЛЬШАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

отъ 1-го іюня до конца октября. R. № 5759

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНІЙ

издателемъ журнала „Нива“ напечатано **въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ** (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

подъ редакціей **А. И. Введенскаго,** печатанное
на лучшей голландской слоновой бумагѣ.

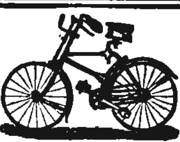
Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія **перенумерованы** отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низкая, а именно **5 руб.** Въ четырехъ коленкоровыхъ переплетахъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку **по 1 р.** за каждый экз.

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.**

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (9)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

Большой выборъ вновь полученныхъ велосипедовъ завода Зингера и К° въ Ковентри.
Представитель **Генрихъ Георгіевичъ ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ.
Высылается прейсъ-курантъ.
Ищу представителей. № 5844

R. № 5768 6—5

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ЭЛЕОПАТЪ
пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. (4) № 5796

ЗА 5 РУБ. **КРАСИВО ПИСАТЬ** выучиваю всякаго **ЗАОЧНО** (посредствомъ лекцій корреспонденцій) въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 2 семикопѣечныя марки.

ЗА 10 РУБ. **ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ** обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. По окончаніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, д. Бутиковой. Учит. каллигр. и бухгал. **А. С. Шиманскому.**

БЕЗПЛАТНОЕ обученіе красив. письму и бухгалтер. для народныхъ учителей и учительницъ, на расходъ прилаг. 3 марки по 7 коп.

Іодисто-соляное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.

Лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Весьма благопріятныя климатическія условія. Желѣзнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ. **СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября.**
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ безплатно
R. № 5666 4—4 Лѣчебное управленіе купанья **ГАЛЛЬ.**

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

№ 5800 (6)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.
ДЛЯ КРАСОТЫ КОЖИ

ВОДА де ЛИСЪ де НИНОНЪ

Глицериновое молоко — Ирисовое молоко
Весеннее молоко — Огуречное молоко
Черемуховое молоко — Розовое молоко.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ

средство для предохраненія отъ загара, веснушекъ и красноты лица.

БОЛЬШОЙ И РАЗНООБРАЗНЫЙ ВЫБОРЪ

косметическихъ и парфюмерныхъ предметовъ, также для купанья, и дорожныхъ принадлежностей, какъ-то: Англійскія **перчатки, полотенца, чепчики, губки; дорожные мѣшки и флаконы, изящные несесеры** и проч. и проч.

С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ЕДИНСТВЕНН. МАГАЗ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви. Pt. № 5828 3—2
2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкова моста.
3) Вознесенскій пр., уг. Казанской ул., д. Шредера, № 24 — 52. (Оптовая и розничная продажа).
Магазинъ въ Москвѣ: На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашенія, покорнѣйше **просятъ предъявить неотлагательно** (хота разсчетъ по обмѣну производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмѣна на другіе, невышедшіе въ тиражъ. Ш. № 5814 3 3

Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою.
Всякія справки о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣты будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: **Генрихъ Блокнъ,** С.-Петербургъ, Невскій, 59. 7—5

Дозвол. цензур., СПБ., 17 іюня 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — г. XXIII

№ 26 — 1892

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 27 іюня 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Я-бы людямъ не могъ разсказать, почему
Вы для сердца, о волны—родныя.
Только знаю, что чѣмъ непонятнѣй уму,
Тѣмъ я глубже душою пойму
Ваши рѣчи живыя.

* * *

Я люблю васъ, не знаю, зачѣмъ и за что,
Только знаю, что здѣсь, передъ вами
Наши пѣсни—ничтожны: вы скажете то,
Что во вѣки не можетъ никто
Разсказать никакими словами.

Неаполитанскій заливъ.

Д. Мережковскій.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

Нордштетъ уѣхалъ, сильно заинтересованный своимъ открытіемъ, отчасти соболѣзнуя о пріятелѣ, но болѣе склонный и имъ тѣшится, какъ тѣшился всѣмъ на свѣтѣ. Такой ужь нравъ былъ у барона, что онъ легко смотрѣлъ на вещи, самъ за себя былъ философъ глубокій и участіемъ всѣхъ окружавшихъ его въ жизненной комедіи болѣе интересовался ради собственной, интимной потѣхи, съ юмористической точки зрѣнія.

Едва онъ вышелъ, Луневъ отбросилъ палитру и кисти, бросился въ кресло и крѣпко задумался.

Почему Завольская отказала его пріятелю?.. Неужели изъ-за него? Изъ-за него—нѣтъ! изъ-за своей любви къ нему?.. Но вѣдь она же знаетъ, Боже! Она должна по сю пору знать его прошлую жизнь, иначе... Иначе какъ объяснить ей его поступки? Его постыдное бѣгство, послѣ того минутнаго увлеченія, за которое онъ не находилъ себѣ достаточнаго осужденія!..

Она знаетъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. А если, зная, отказываетъ женихамъ,—что это можетъ значить? „Неужели, что она любитъ меня, несмотря ни на что?“ шевельнулась въ немъ догадка, чувство скорѣй, чѣмъ сознанная мысль. Но онъ устыдился даже этого безсознательнаго движенія сердца; устыдился той мимолетной радости, которую оно пробудило въ глубинѣ его души и, даже себѣ самому въ ней не признаваясь, поспѣшилъ заглушить ее.

Онъ всталъ, толкнулъ ногой дверь въ смежную комнату и какъ раненый звѣрь, который мечется, чтобъ заглушить страданіе,—сталъ быстро ходить вдоль прадѣдовскихъ своихъ покоевъ, куда ужь спускались раннія зимнія сумерки. Разнорѣчивыя мысли кипѣли въ его головѣ, не снимая тяжести съ сердца. То онъ рѣшалъ, что необходимо продолжать прятаться, избѣгать съ нею встрѣчъ; то укорялъ себя въ малодушіи, повторяя себѣ, что онъ совсѣмъ не знаетъ Лидіи; что по обыкновенью увлекается собственнымъ воображеніемъ, преувеличивая свою вину и ихъ обоюдное чувство.

„Да съ чего я взялъ, что съ ея стороны есть какое бы то ни было чувство? вдругъ сообразилъ онъ.—Вонъ Нордштетъ, да и всѣ говорятъ, что она отчаянная кокетка!.. Если она, сознавая, что не любитъ Лассунскаго, что не приметъ его предложенія, все же кокетничала съ нимъ,—развѣ не могла она, давно все зная, такъ же хладнокровно кокетничать и со мною?.. Дуракъ! еще черезъ минуту аттестовалъ онъ себя, въ порывѣ негодованія даже хлопнувъ себя по лбу и остановившись среди комнаты. — Размечтался надъ ней, разняньчился съ самимъ собою!.. Какое ей дѣло до меня?.. А самъ-то я неужели ужь такая баба, что боюсь растаять отъ свѣта ея глазъ?.. Мальчишескія недостойныя бредни!“

Луневъ подошелъ къ мольберту съ перевернутою картиной, открылъ ее и при свѣтѣ потухавшей зари всматривался въ хорошенькое, одушевленное лицо Лидіи Львовны. Онъ пытался на полотнѣ изобразить ее въ ту минуту и съ тѣмъ выраженіемъ лица, какъ явилась она ему на порогѣ своей комнаты, одной рукой приподнявъ портьеру, а въ другой держа пакетъ, въ которомъ заключалось спасеніе нѣсколькихъ человѣкъ отъ позора и гибели. Портретъ былъ очень удаченъ: оригиналъ его хорошо запечатлѣлся въ его памяти, хотя самъ онъ былъ недоволенъ изображеніемъ—прежде... Теперь, чѣмъ болѣе онъ всматривался въ изображенное имъ лицо, повернувъ его къ послѣднимъ алымъ лучамъ заката, тѣмъ оно казалось ему сходнѣй. Словно оживая и рдѣя въ румяномъ лучѣ, среди общаго сумрака, оно выступало блестящее, оживленное счастіемъ, лаская его улыбкой и взглядомъ большихъ, выразительныхъ глазъ.

Уничтожить?! Зачѣмъ это?

Одну секунду прелестное изображеніе дѣвушки, лучше котораго Луневу врядъ-ли, когда-либо, что удавалось написать, было въ великой опасности. Но порывъ прошелъ быстро.

„Нѣтъ, подумалъ онъ,—зачѣмъ же? Лучше докончу и поднесу ей въ память ея добраго дѣла... Вотъ кстати и объясненіе моего временнаго исчезновенія: работалъ для доставленія ей удовольствія.“

Онъ отстранилъ мольбертъ и рѣшилъ бросить свое затворничество, завтра же ѣхать къ княгинѣ Зинаидѣ Михайловнѣ.

VIII.

Былъ и еще одинъ человѣкъ, кромѣ Нордштета, безъ особаго труда напавшій на тайну Лунева-Запястьева и Лидіи Завольской. Истина давно осѣнила наитіемъ Шеснева, только онъ ни съ кѣмъ не дѣлился, до поры, своей догадкой. И дѣлалъ онъ это не по добротѣ, хотя былъ не золъ, не по особому благоволенію, а просто потому, что къ слову не приходилось. Дмитрій Андреевичъ былъ типъ того, что зовется у насъ „добрый малый“: всегда готовый на веселую суету, даже на дешевую услугу, но на сознательную, на стойкую дружбу, такъ же, какъ и на терпѣливую работу,—совершенно неспособный.

Знатныя родственницы не очень его любили, какъ человѣка, по ихъ сужденіямъ, весьма дурно воспитаннаго, какъ enfant terrible, за благонадежность поступковъ, а въ особенности языка котораго ни секунды нельзя было ручаться; однако имъ не брезгали, когда надъ было имѣть работника на всѣ руки: и музыканта, и живописца, и плотника, и обойщика, и актера, и суфлера. О! тогда сіятельныя тетушки всегда вспоминали своего „Стёпку-растрепку“, какъ онѣ прозвали Шеснева, и прибѣгали къ его помощи и содѣйствію. Племянникъ на зовъ всегда добродушно являлся, въ предвидѣніи любимой суеты съ кутежомъ, хотя и самъ тетушекъ, въ особенности старшей, не долюбливалъ. Къ Роксанской у него еще оставалось доброе расположеніе по инерціи, вслѣдствіе его къ ней юношеской страсти; но съ Зинаидой Михайловной онъ дружилъ исключительно въ то время, когда она устраивала въ своихъ палатахъ увеселенія, требовавшія дѣятельныхъ декоративныхъ и сценическихъ приготовленій.

Тогда Дмитрію Андреевичу была лафа... Всесильная тетушка даже въ немъ заискивала, и весь домъ ея былъ къ услугамъ „Стёпки-растрепки“.

Вотъ именно среди такихъ артистическихъ хлопотъ и проболтался Шесневъ о своей догадкѣ.

Сидѣлъ онъ у рояля и подбиралъ аккомпаниментъ къ какому-то мотиву, нужному для будущаго спектакля, а возлѣ, его тетка перебирала игру и голоса отсутствовавшихъ актрисъ, которыя принимали участіе въ немъ.

Роксанская замѣтила что-то критически объ игрѣ одной изъ нихъ и заявила, что напрасно сестра ее не послушалась, не дала этой роли Лидіи Завольской: она бы ее лучше сыграла и была бы несравненно милѣй. Старшая сестра поморщилась. Она хоть и скрывала свое непріязненное чувство къ Лидіи Львовнѣ, но со времени неудачнаго сватовства, а еще болѣе, вслѣдствіе явнаго ухаживанія за ней одного изъ свѣтилъ большаго свѣта, въ послѣднее время измѣнившаго ей,

Зинаидѣ Михайловнѣ, чтобъ перенесть свое благосклонное вниманіе на „новенькую“, ее крѣпко не взлюбила.

— Чего ты требуешь отъ меня, Софи? рѣзко возразила она.—Упрашивать мнѣ эту дѣвчонку развѣ?.. Я сказала же, что она отказалась играть!

— Она отказалась отъ той роли, которую ей давали, а эту взяла бы охотно.

— Ну, да не всегда же ей первенствовать!

— Кому это?.. M-elle Завольской? полуобернулся Шесневъ.—Да ей теперь не до игры! Она-жъ несчастно влюблена...

Обѣ княгини повернулись къ моряку какъ на пружинахъ и впились въ него глазами.

— Что такое?.. Влюблена?.. Въ кого это?

— Влюблена?.. Почемъ ты знаешь?.. Въ кого?

— Мало-ль что я знаю! увѣренно отвѣтилъ онъ не глядя на тетокъ, а продолжая подбирать, напѣвая вполголоса.

— Такъ скажи же, въ кого? Несносный мальчишка! вскричала Роксанская.

— Да въ нашего великодушнаго Альманзора—Georges Dandin тожь!

— Что такое? протянула Зинаида Михайловна.—Говори толкомъ, mauvais garnement que tu es! [1])

— Я и то говорю толкомъ: je donne tous les noms et prénoms!.. [2]) Я не виноватъ, что вы не понимаете, хладнокровно отозвался Шесневъ и съ большимъ чувствомъ запѣлъ романсъ, къ которому подбиралъ музыку.

Роксанская изъ себя вышла. Она отдергивала руки племянника отъ клавишей, требовала объясненій, но ничто не помогало. Онъ руки вырывалъ обратно и продолжалъ играть и пѣть, смѣясь и подзадоривая красивыхъ тетушекъ своимъ невниманіемъ къ ихъ просьбамъ.

— Оставь его! наконецъ улыбнулась Зинаида Михайловна.—Я знаю, въ кого онъ мѣтитъ... L'artiste? Le poète? L'explorateur, n'est ce pas? [3]) съ тонкой усмѣшкой обратилась она къ моряку.

Тотъ, вмѣсто прямаго отвѣта, забросилъ голову назадъ и многозначительно смѣющимися глазами глядя на величавую свою родственницу, утвердительно пропѣлъ ей припѣвъ комическаго куплета:

„Tu l'as dit, tu l'as dit,
Tu l'as très bien, très bien dit!“ [4])

— А!.. Понимаю! наконецъ догадалась Софья Михайловна. — Неужели, Митя... она влюблена въ графа Петра Владиміровича?!

— Въ графа Петра Владиміровича Лунева-Запястьева?! въ комическомъ ужасѣ вскочилъ Шесневъ, всплеснулъ руками и замеръ передъ ней вопросительнымъ знакомъ.—Что вы говорите, ma tante?.. Что вы намъ разсказали?!.. Тетушка, Зинаида Михайловна, беру васъ въ свидѣтельницы того, что разсказала намъ княгиня Роксанская!

Сестры хохотали надъ комизмомъ неисправимаго, но за то часто и незамѣнимаго enfant terrible; но двойной звонокъ прервалъ ихъ семейное веселье.

— Chut! приложила палецъ къ губамъ хозяйка дома.—Дамы!.. Вѣроятно наши актрисы!.. Дмитрій Андреичъ, займись съ ними вокальными упражненіями, голубчикъ, но собственный голосъ сдержи... Не надо компрометировать дѣвушку! поучительно заключила княгиня.

И пошла навстрѣчу къ собиравшимся на репетицію гостямъ.

[1]) Негодный мальчишка!
[2]) Называю по имени и отчеству.
[3]) Художникъ? Поэтъ? Путешественникъ, не правда-ли?
[4]) Такъ, такъ, точно такъ, совершенно такъ.

Въ этотъ день совершенно неожиданно появился между ними давно исчезавшій графъ Луневъ и былъ радостно встрѣченъ всѣми, особенно Зинаидой Михайловной. Она дѣйствительно обрадовалась искренно. На все былъ тароватъ Митя Шесневъ, но не было у него того артистическаго чутья, того тонко-развитаго, самобытнаго вкуса, которыми славился Луневъ. Съ ними двумя княгиня могла быть спокойна за обстановку и полный успѣхъ своихъ затѣй.

Нѣсколько дней къ ряду онъ пріѣзжалъ, усердно занявшись интересами своей кузины. Дома, одному, ему стало жутко невмоготу; необходимо было развлеченіе, или правильнѣе, отвлеченіе отъ его мыслей, не дававшихъ покоя. Онъ нашелъ его въ артистическихъ хлопотахъ по поводу спектакля любителей, готовившагося съ такимъ богатствомъ обстановки, что фантазіи его было гдѣ разгуляться. Графъ тѣмъ охотнѣе бывалъ у Зинаиды Михайловны, что здѣсь ему встрѣчъ и нечаянностей не предстояло,—Завольская въ спектаклѣ не участвовала.

Впрочемъ, онъ теперь измѣнилъ первому намѣренію избѣгать ее. Со всѣхъ сторонъ доходили до него такого рода о ней разсказы, что онъ назвалъ себя самонадѣяннымъ мечтателемъ и, заглушивъ невольно пробудившееся въ глубинѣ сердца чувство горечи, рѣшилъ, что „разъ надѣлавъ глупостей — незачѣмъ ихъ подчеркивать“, обращая на себя вниманіе, прячась отъ людей.

Графъ надѣялся, что съ собою съумѣетъ справиться, только бы „за нее“ не бояться... Тѣмъ не менѣе ему пришлось съ досадой, съ негодованіемъ на свое малодушіе, при первой встрѣчѣ съ Лидіей Львовной почувствовать, что онъ поблѣднѣлъ.

А она — ничего... Немножко вспыхнула, но тотчасъ улыбнулась и подала ему руку. У нея былъ такой подвижной цвѣтъ лица, румянецъ ея такъ легко появлялся, что никто, казалось бы, и замѣтить не могъ ея мимолетнаго волненія... Никто, кромѣ проницательныхъ глазъ женщины, настроенной на зло.

Случилось это такъ.

Заботы о близкомъ празднествѣ въ домѣ княгини Зины были почти приведены къ концу. Былъ праздничный день, сыновья ея, двое пажей, были дома; они собирались послѣ завтрака всѣ вмѣстѣ ѣхать въ Таврическій садъ. Княгиня еще не отказалась отъ одного изъ своихъ любимыхъ удовольствій, — отъ катанья наонькахъ, которому она была обязана полономъ многихъ изъ своихъ поклонниковъ. На второй половинѣ четвертаго десятка, она еще была такъ хороша и стройна, что ей нельзя было, на глазъ, дать болѣе двадцати семи лѣтъ, а потому ея эволюціи на зеркальной поверхности льда никого не поражали ничѣмъ, кромѣ развѣ ловкости ея и граціи. За завтракомъ княгиня предложила графу Луневу съ ними ѣхать. У нея было мѣсто въ экипажѣ, а кавалера не было, говорила она. И прибавила, указывая на сыновей:

— Ces gamins-là ne comptent pas!.. [1]) Поѣдемте, cousin! Вспомнимъ старину!.. Помните, какъ мы, когда-то, въ юности, съ вами отличались?.. Вы были не болѣе вотъ этого шалуна, указала она на меньшаго сына, — а я, увы! Я была уже замужемъ, когда, помните, на ледяномъ балу у дяди Константина, мы произвели фуроръ?

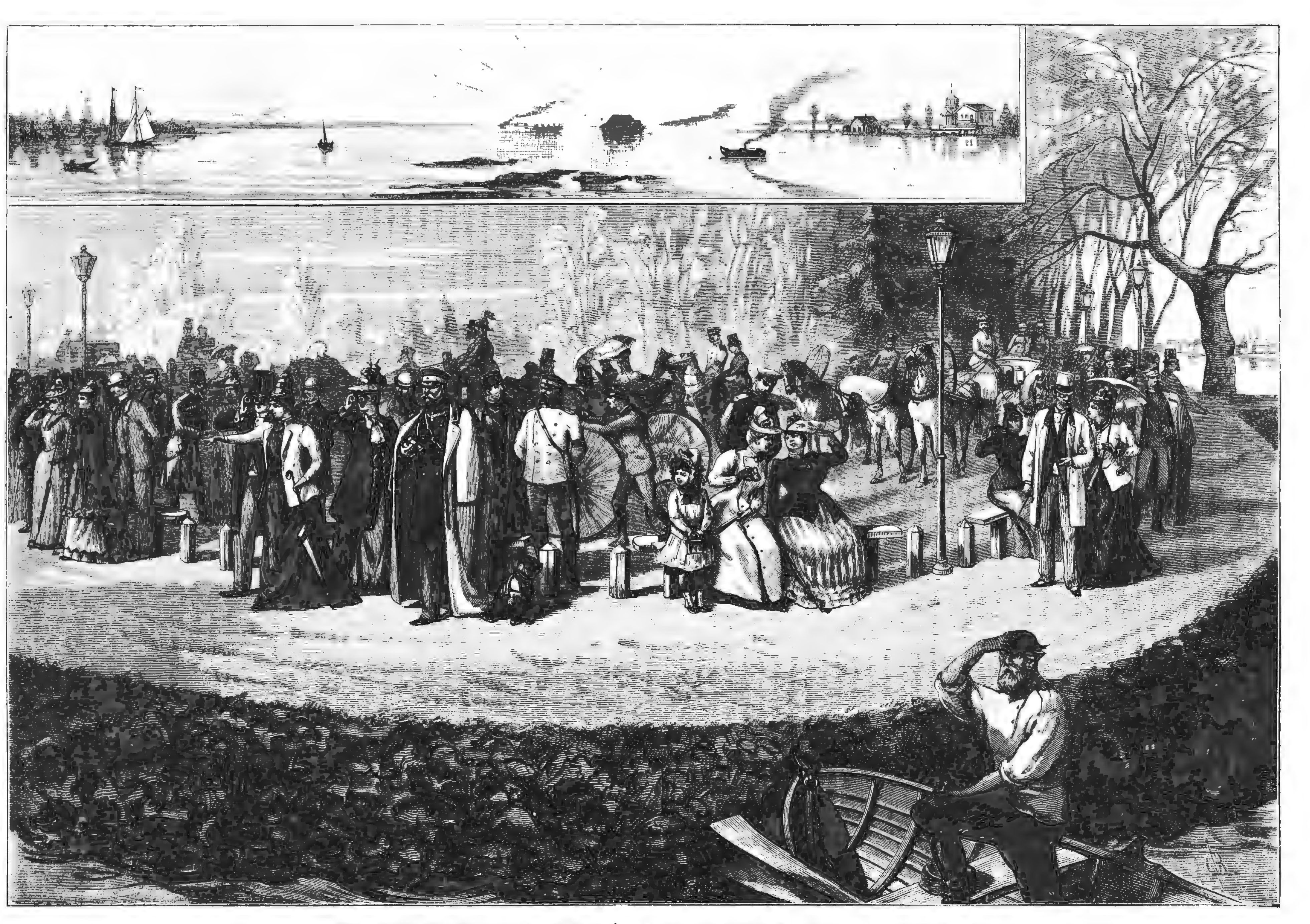
— Какъ не помнить!.. Это одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей ранней юности, княгиня... Но теперь такое возвращеніе къ счастливому прошлому было бы для меня немыслимо... Ужь я лѣтъ пятнадцать не надѣвалъ коньковъ и не стоялъ на льду.

— У меня двѣ пары—я могу вамъ дать, предложилъ старшій пажъ.

[1]) Эти ребятишки не считаются.

Катанье на Каменноостровскомъ проспектѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) г. Броллинга, грав. Хелмицкій.

На стрѣлкѣ (Елагинъ островъ) въ С.-Петербургѣ. Заходъ солнца.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") г. Броллинга, грав. Хелмицкій.

— Merci, mon cher! улыбнулся Луневъ. — Не подвергайте вашихъ коньковъ посрамленію: я бы навѣрное съ ними свалился и постыдно разбилъ себѣ носъ... Но я съ удовольствіемъ поѣду посмотрѣть на васъ и полюбоваться на вашу maman.

Они поѣхали — и тамъ, въ проходной залѣ заброшеннаго дворца, встрѣтили Лидію Завольскую, шедшую къ выходу въ сопровожденіи своей компаньонки и двухъ молодыхъ людей, умолявшихъ ее еще остаться, возвратиться на прудъ.

— Куда это? Куда вы, mon enfant? любезно обратилась къ ней княгиня, замѣтивъ и сообразивъ все, что ей было нужно. — Уѣзжать! такъ рано?.. Нѣтъ! Нѣтъ, пойдемте назадъ! Покажитесь намъ на конькахъ, я еще васъ не видывала на льду.

— И видѣть нечего, княгиня! улыбаясь и стараясь справиться со своимъ забившимъ тревогу сердцемъ, возразила Лидія. — Я только ученица, и очень неловкая!

Оба молодыхъ человѣка, военный и студентъ, наперерывъ стали противорѣчить, тоже убѣждая ее возвратиться.

— Я возвратилась бы охотно, чтобъ посмотрѣть на княгиню, — я знаю, что нѣтъ другой такой patineuse, какъ она! отвѣчала Лидія Львовна, — но не могу, къ несчастію, задерживать долѣе Антуанету Карловну. Сегодня холодно, а ей не совсѣмъ здоровится...

Компаньонка стала было протестовать, но княгиня ее прервала и все устроила мигомъ.

— О, что до этого, то вы можете со мною остаться, mon enfant! Я сама завезу васъ домой. Вотъ графъ уступитъ вамъ свое мѣсто или мои мальчики возьмутъ сани, — вотъ и все... Пойдемте! Пойдемте скользить!

И дѣло было улажено. Антуанета Карловна была отправлена домой одна; Лидія не устояла противъ соблазна: ей надо было видѣть Лунева, надо было поговорить съ нимъ, узнать... что именно—она не опредѣляла; но то что узнала она въ это блестящее утро, на снѣжномъ берегу пруда, подъ сѣнью старыхъ Потемкинскихъ деревьевъ блиставшихъ инеемъ, какъ бѣлыми уборами изъ жемчуга и алмазовъ,—въ ея расчеты не входило.

Сама она не хотѣла скользить болѣе. Она любовалась, стоя на берегу, дѣйствительно замѣчательною ловкостью и граціей княгини Зины; а княгиня Зина, между тѣмъ, скользя и очаровывая зрителей, измышляла: какъ бы вѣрнѣе и ловче удостовѣриться... Бросить вызовъ, подставить ловушку любовавшейся ею незлобиво дѣвушкѣ; да такъ, чтобы не только самой убѣдиться, но и другимъ, если возможно, изобличить ея „беззаконную“ любовь...

И вотъ измыслила.

Стройная, величавая, разгорѣвшаяся на морозѣ, она была чудо какъ красива, то и дѣло пролетая со своимъ кавалеромъ кавалергардомъ, тоже извѣстнымъ своею ловкостью конькобѣжцемъ, мимо стоявшихъ у павильона Лунева и Лидіи. Несмотря на все свое желаніе стушеваться, графъ не могъ оставить ее одну. Онъ было думалъ, что Лидія будетъ кататься по льду; но она положительно отказалась. Волей-неволей ему приходилось стоять рядомъ, говорить, ждать вопросовъ, которыхъ онъ и желалъ, и боялся...

„Вотъ сейчасъ“, думалось ему подъ ихъ притворно-равнодушный говоръ: „сейчасъ она спроситъ меня, куда я дѣвался все это время, зачѣмъ не бывалъ... Что-жь! Я такъ и скажу: рисовалъ, *для васъ же*, воспоминаніе о нашемъ заговорѣ... о вашемъ хорошемъ дѣлѣ... Привезу, если позволите, на-дняхъ.“

„Спросить его?.. Да разумѣется надо! Съ какой стати позволять ему смѣяться надъ собой?.. Сейчасъ спрошу зачѣмъ и куда онъ исчезъ,“ въ то же время, громко восторгаясь княгиней Зиной, думала Лидія Львовна.

И въ ту же минуту, граціозно пролетая мимо нихъ, княгиня Зинаида Михайловна, не замѣчая близости своего родственника, а потому не соразмѣривъ голоса, громко отвѣтила на комплиментъ кавалера своего ея удивительной ловкости:

— О, нѣтъ! Вы ошибаетесь... Вы не захотѣли бы и смотрѣть на меня, если-бъ видѣли, когда-нибудь, на льду графиню Луневу-Запястьеву, жену Петра Владиміровича... C'est une beauté enchanteresse, cette femme! [1])

— Я не зналъ, что графъ Луневъ женатъ! изумился кавалергардъ, дѣйствительно не замѣчая близости графа.

Изумилась ли Лидія Львовна этому замѣчанію княгини, явственно до нея долетѣвшему?.. Вопросъ этотъ первый возникъ въ сознаніи графа Лунева, какъ только кровь, ударившая ему въ голову при звукѣ голоса кузины, отхлынула и смогъ онъ что-нибудь сообразить...

Со страхомъ, украдкой покосился онъ на нее... Лидія Львовна стояла неподвижно, только въ лицѣ ея не было ни кровинки; даже губы, на которыхъ застыла улыбка, были мертвенно-блѣдны.

Онъ страшно испугался, чтобъ ей не сдѣлалось дурно; но силы воли у Лидіи Львовны былъ большой запасъ. Не успѣлъ онъ рѣшить, какъ быть, что дѣлать... предложить ей руку, поддержать или сдѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ, какъ услыхалъ ея голосъ тихій, насмѣшливый, безпощадно рѣзнувшій не слухъ его, а сердце:

— Такъ вотъ какъ?.. Не знала этого и я... Поздравляю васъ, графъ!

— Съ чѣмъ? не подымая на нее взгляда вымолвилъ Луневъ.

— Какъ же — съ чѣмъ! Развѣ вы не слышите, какъ прославляютъ „чарующую красоту“ вашей супруги?.. Ужь если такъ отзываются женщины, — княгиня Зинаида Михайловна, — безъ сомнѣнія жена ваша должна быть изъ ряда вонъ красавица.

— Изъ ряда вонъ...

Онъ не докончилъ горячо начатой фразы и тотчасъ же раскаялся въ томъ, что вмѣсто нея выговорилъ другую:

— Я не знаю! Я очень давно ее не видѣлъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Мнѣ очень жаль васъ! насмѣшливо прозвучалъ тихій голосъ.

Княгиня, спѣша увидѣть результаты своего маневра, повернула съ полъ-круга, вдругъ издали узнавъ Завольскую и своего кузена. Но ей пришлось разочароваться: Лидія Львовна не только не скомпрометировала себя обморокомъ, какой-нибудь рѣзкою выходкой или сценой, на потѣху довольно многочисленнаго, избраннаго общества, — Лидія Львовна ужь успѣла оправиться. Даже краска быстро возвращалась на ея щеки и во весь обратный путь, до своего дома, куда ее любезно довезли, была очень мила съ ней и ея сыновьями.

Графа Лунева съ ними не было, онъ распрощался у дворцоваго крыльца, и больше, въ Петербургѣ Лидія съ нимъ не встрѣчалась. Въ самый разгаръ масляничныхъ удовольствій ей пришлось неожиданно оставить Россію, получивъ телеграмму отъ сестры:

„Пріѣзжай скорѣй. Я больна и жду тебя нетерпѣливо...“

Завольская всѣмъ показывала эту телеграмму, умалчивая лишь о томъ, что она была результатомъ собственнаго письма ея, которымъ она умоляла Павлу

[1]) Вотъ чарующая красота.

Львовну, чтобъ та ее вызвала къ себѣ скорѣе, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ сцены въ Таврическомъ саду, сестры свидѣлись въ Берлинѣ, куда Леннели выѣхали ей навстрѣчу.

IX.

Павла Львовна была замѣчательно красивая, статная молодая женщина, — не такая темная брюнетка какъ Лидія и совсѣмъ на нее не похожая чертами лица, но у сестеръ все же было фамильное сходство, въ манерахъ, въ выраженіи, перешедшее къ обѣимъ отъ отца. Старшая была головой выше и конечно гораздо полнѣе меньшой сестры; какъ разъ подъстать своему сановитому, величавому супругу. Въ сущности леди Леннель смолоду не уступала Лидіи въ живости характера, но годы, привычка къ свѣту, а главное постоянная жизнь среди англичанокъ—наложили на нее печать спокойной сдержанности, которую легко было принять за холодность.

Лидія Львовна холодною сестру не считала. Она вѣрила искренней любви ея къ себѣ, знала цѣну ей и сама ее горячо любила; но не видавъ ее много лѣтъ, а мужа ея зная мало, слегка побаивалась стѣсненій совмѣстнаго жительства. Однако ея опасенія не оправдались. Къ особому ея удивленію, она необыкновенно сошлась съ сэръ-Эдвиномъ, подъ серьезною наружностью скрывавшимъ, какъ оказалось, добродушный, общительный, даже веселый нравъ. Благодаря своей женѣ онъ все понималъ, могъ объясняться по-русски и зналъ порядочно нашу литературу. Это было пріятнымъ сюрпризомъ для патріотическихъ чувствъ Лидіи. Хоть она хорошо знала англійскій языкъ, но заявила желаніе въ семьѣ говорить по-русски; въ особенности съ дѣтьми своей сестры, „чтобъ они вышли не совсѣмъ коварными альбіонцами, по своему папашѣ“... Это она заявила еще до прибытія въ Англію и запылала еще сильнѣйшимъ расположеніемъ къ своему зятю, за то, что вмѣсто протеста, онъ добродушно объявилъ, что его жена давно его познакомила со своеволіемъ Завольскихъ и тотчасъ прозвалъ свояченицу „miss Svoévolsky“.

Наружно всѣ трое были очень веселы и все шло прекрасно; но втайнѣ Павла Львовна была встревожена за сестру, зная ихъ семейное упорство и скрытность, въ серьезныхъ вещахъ, по себѣ самой...

Въ первый же день свиданія сэръ-Эдвинъ Леннель съ намѣреніемъ деликатно стушевался, чтобъ дать сестрамъ возможность поговорить по душѣ, объясниться откровенно; но объясненія были не долги. Лидія прямо сказала сестрѣ, что она уѣхала изъ Петербурга, чтобъ не встрѣчаться съ человѣкомъ котораго видѣть ей было бы тяжело и опасно для душевнаго ея спокойствія. Она не скрыла, что, не зная ничего, готова была полюбить человѣка который оказался женатымъ,—но надѣется, впрочемъ, справиться съ этимъ нежелательнымъ чувствомъ тѣмъ скорѣе, что сразу порвала всѣ сношенія и съ нимъ, и съ окружавшей ихъ средой.

Сестра попыталась было узнать, что̀ и какъ произошло... Кто онъ? Какъ могло статься, что она не знала о женитьбѣ его?.. Неужели онъ съ намѣреніемъ скрывалъ?

На послѣдній вопросъ Лидія отвѣчала отрицательно, но отказалась отъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ, какъ отъ излишнихъ непріятныхъ для нея подробностей, не имѣвшихъ значенія для ея сестры. Сказала она это спокойно, но такъ рѣшительно, что леди Леннель поняла, что самое лучшее дѣйствительно оставить всякія рѣчи и напоминанія о прошломъ, ради скорѣйшаго забвенія его самою Лидіей. Она надѣялась, что новая жизнь, другіе люди и мѣста, развлеченія новаго рода, разсѣятъ ея едва зарождавшееся чувство, неудачно направленное, но вѣроятно не серьезное.

Такъ утѣшала себя леди Леннель и такъ она передала и мужу, которому прямодушіе Лидіи Львовны оказалось очень по душѣ.

— Такая умная и честная дѣвушка, какъ ваша сестра, dear Polly, никогда не останется долго на ложномъ пути, сказалъ онъ.—Если, по несчастнымъ обстоятельствамъ, она вступила на непрямую дорожку, она сама ее поспѣшитъ оставить... Вы видите, съ первыхъже шаговъ она вамъ это доказала — уѣхавъ и теперь такъ искренно сознавшись вамъ въ своей ошибкѣ. Dont bother her about it! [1]) покончилъ баронетъ благоразумнымъ совѣтомъ не надоѣдать Лидіи излишними разспросами.

Жена его имѣла большое довѣріе къ опыту и благоразумію мужа и тѣмъ охотнѣй сложила оружіе и успокоилась.

Незнакомая Лидіи Львовнѣ, кипучая, во многомъ оригинальная жизнь, сразу охватила ее своими разносторонними волнами, отвлекая ее отъ самой себя, разрывая по мелочамъ ея вниманіе. Внѣшняя жизнь для нея всегда имѣла большое значеніе. Слишкомъ была она жива и впечатлительна, чтобъ окружавшіе ее предметы и люди могли проходить ею незамѣченными, тѣмъ болѣе тѣ, которые поражали ее новизной, неожиданною оригинальностью.

На оригиналовъ ей повезло сразу, вѣроятно въ силу замѣчанія, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Будучи ребенкомъ, Лидія жила въ Лондонѣ съ отцомъ, служившимъ въ русскомъ посольствѣ; но съ тѣхъ поръ не бывавъ на Сѣверѣ Европы, перезабыла англійскіе типы и нравы. Теперь многое сразу напомнило ей, что они приближаются къ странѣ оригиналовъ Диккенса и Гогарта.

Онѣ заѣзжали на нѣсколько дней въ Брюссель; леди Леннель обѣщала привезти оттуда одну молоденькую дѣвушку, дочь русскаго старожила въ Лондонѣ, служившаго тамъ еще при отцѣ ея. Катя Морина окончила курсъ въ московскомъ институтѣ, проживъ шесть лѣтъ въ России, но почти ежегодно возвращаясь на вакаціи въ семью. Теперь она цѣлый годъ пропутешествовала съ богатой теткой по Европѣ; но тетка боялась моря и терпѣть не могла Англіи, а потому и выжидала въ Парижѣ возможности отправить Катю домой. Она привезла ее въ Брюссель, но дальше не поѣхала, сдавъ съ рукъ на руки Павлѣ Львовнѣ эту задорную, веселую дѣвушку, которую Лидія немедленно полюбила всей душой. Это была подруга ей подъ-стать, на три года моложе и несравненно пустѣй ея, но въ настоящее время нельзя было для нея подыскать общества цѣлесообразнѣе. Катерина Ильинишна Морина была вездѣ какъ дома и могла разсмѣшить самаго отчаяннаго ипохондрика.

Былъ сѣренькій мартовскій, слегка туманный, но теплый день, когда пароходъ изъ Кале благополучно достигъ средины Ла-Манша. На палубѣ разнообразная публика, осоловѣвшая было отъ легкой качки, оживилась при видѣ очерковъ мѣловыхъ, обрывистыхъ береговъ и мола, пьявкой врѣзавшагося въ море.

Еще нѣсколько секундъ—и давно не виданное солнце прорвало туманные покровы, и вся въ серебристыхъ лучахъ и въ радугахъ, предстала имъ Англія, блистая словно самоцвѣтный опалъ въ прозрачной бѣлизнѣ горизонта.

— Ишь, старая кокетка! Заманиваетъ красой, а навѣрное завтра-же до костей промочитъ! слышалось въ группѣ пассажировъ.

— Votre patrie vous salue, milord! [2]) раздался

[1]) Не докучайте же ей этимъ!

[2]) Ваше отечество привѣтствуетъ васъ, милордъ.

веселый возгласъ за спинами нашихъ путешественницъ.

Онѣ обернулись.

Нарядная парижанка, окруженная большимъ обществомъ, подымалась снизу изъ буфета, гдѣ только что позавтракала и перечокалась со всѣми, въ особенности съ юношей, котораго называла милордомъ.

Папà и маммà пухлаго милорда, котораго щеки положительно были подбиты кровавымъ бифстекомъ, чинно возсѣдали на палубѣ, въ собственныхъ складныхъ креслахъ, храня глубокомысленное молчаніе. При звукѣ веселыхъ голосовъ, увидавъ нѣсколько двусмысленное общество, среди котораго былъ ея сынокъ, маммà не шевелясь и не поворачивая головы, процѣдила супругу:

— Do look about the boy! [1])

А папà хлопнулъ тяжелыми, вѣчно смыкавшимися вѣками и апатично пробурчалъ:

— I'm sure all's right!.. [2])

Катя Морина, сидѣвшая къ нимъ въ полъоборота, подтолкнула Лидію Львовну, улыбаясь.

— Насилу-то словцо проронили, мандарины британскіе! замѣтила она. — Я увѣрена, что они молча полсвѣта объѣхали!.. Такіе всегда молчатъ. Они вѣдь ни одного языка кромѣ своего не знають, мѣшки съ золотомъ!

Къ нимъ подошелъ Леннель съ двумя молодыми людьми, съ которыми тоже завтракалъ въ нѣдрахъ парохода, куда дамы боялись и заглянуть. Одинъ изъ нихъ, давно знакомый имъ литераторъ, мистеръ Уардлокъ, раскланялся съ дамами; другаго, очень юнаго, симпатичнаго господина, Леннель представилъ имъ:

— Докторъ Стивенсъ! сказалъ онъ.—Сейчасъ будутъ осматривать ручной багажъ, ladies. Приготовьтесь! прибавилъ баронетъ.

Черная пьявка, протянувшаяся съ берега въ море, выступала все яснѣе. На ея хребтѣ уже замѣтны были дымившіяся трубы паровозовъ, ожидавшихъ ихъ поѣздовъ.

Вправо, на горѣ виднѣлась крѣпость Дувра; у ногъ ея, въ лощинѣ, пестрѣлъ городокъ, а въ обѣ стороны отъ него тянулись довольно пустынные берега. Вправо холмы повышались и разнообразились мѣловыми обрывами; на нихъ кое-гдѣ высились зданія береговой таможенной стражи, да какія-то вышки, — не то маяки, не то трубы, не то колокольни.

Указывая на нихъ, Лидія Львовна спросила молодыхъ людей, вступившихъ съ ними въ бесѣду, чтò это за высокія крыши.

— Это маяки, отвѣчали ей и принялись объяснять ихъ практическое значеніе, вѣроятно боясь, что она его не понимаетъ.

Дѣвушки переглянулись, и Катя тотчасъ подхватила случай посмѣяться, начавъ пресерьозно разспрашивать и морочить юнаго доктора своимъ невѣжествомъ.

— Ну зачѣмъ вы дурачите этого юношу! замѣтила ей Лидія.—Только даете поводъ еще больше имъ возгордиться своимъ превосходствомъ надъ русскими.

— И на здоровье! Пускай голубчики тѣшатся! отвѣчала Катя.

И продолжала школьничать, пока передъ ними не очутилась стѣна высокаго мола, съ копошившейся на ней толпой, поджидавшей парохода. По верхней стѣнѣ толкались зѣваки; уличные мальчишки сидѣли на ней свѣсивъ ноги въ бездну. Пересмѣиваясь, они безстрашно перевѣшивались, заглядывая внизъ на валявшагося на нижнемъ, узенькомъ, ничѣмъ не огороженномъ парапетѣ, пьянаго матроса, бросая въ него пескомъ. Внизу, подъ тяжелыми арками мола, стояли полицейскіе, служащіе, таможенные, моряки, готовившіеся принимать канатъ, класть сходни.

На пароходѣ все волновалось. Спѣшившіе пассажиры протискивались ближе къ выходу, открывали заранѣе чемоданы, саки, свертки, держась наготовѣ для осмотра. Сидѣли попрежнему не шевелясь только „британскіе мандарины“. Маммà искоса слѣдила за сыномъ, который не отходилъ отъ парижанки, взметнувшей себѣ шлейфъ платья и вышитыхъ юбокъ на руку и покрывавшей „милорда“ тѣнью своего краснаго зонтика; папа обмѣнялся нѣсколькими словами съ почтительно подошедшимъ курьеромъ,—и оба, до предстоявшаго перехода въ вагонъ, застыли... Пароходъ причаливалъ.

Пассажиры, не исключительно занятые собою, обратили вниманіе на опасное положеніе пьянаго. Онъ, проснувшись, приподнялся, поправился, сидя на самомъ краю; перевѣсился всѣмъ тѣломъ въ пространство, перекинувъ голову и руки за проволоку, опоясывавшую узкій выступъ стѣны, нисколько его не ограждая, и глупо улыбался, глядя на пароходъ. Сверху на него продолжали сыпаться мелкіе камешки и мусоръ, и одинъ, ловко пущенный булыжникъ сбилъ съ головы его шапку въ море. Толпа радостно зареготала, глядя на пьянаго, отчаянно взмахнувшаго руками.

Всякой христіанской душѣ хотѣлось крикнуть безучастнымъ полицейскимъ:

„Прогоните мальчишекъ! Уберите этого несчастнаго!“

Блюстители порядка взирали на эту сцену съ Юпитеровскимъ равнодушіемъ.

— En voilà un, qui n'appartient pas à la société de tempérance! [1]) ломанымъ выговоромъ пошутилъ откормленный сынъ мандариновъ, обращаясь къ плѣнившей его парижанкѣ.

— En êtes vous, milord? [2]) осадила она его, громко разсмѣявшись.

Мандаринша свела брови, поежилась, глянувъ въ сторону на сынка, но не сказала ни слова.

Причалили. По сходнямъ медленно шелъ таможенный чиновникъ, со своей свитой.

— Боже мой! Сэръ-Эдвинъ, хоть-бы вы приказали убрать этого несчастнаго!.. Онъ соскользнетъ въ воду! Утонетъ! Это безчеловѣчно! не выдержала Лидія, не замѣчая, что мѣшаетъ русскія рѣчи съ англійскими и что наконецъ поднявшіеся мандаринъ съ мандариншей медленно оглянулись и окинули ее изумленно-вопросительнымъ взглядомъ.

— Бѣдный! Посмотрите! Онъ плачетъ! вскричала Катя.

— Не безпокойтесь, будетъ цѣлъ! Такихъ и море не принимаетъ! успокоивалъ ихъ Леннель.

Однако, сойдя съ парохода, обратилъ вниманіе сторожей безопасности на опасное положеніе пьяницы, ронявшаго слезы на свою, колыхавшуюся на волнахъ шапку.

— No harm, sir! [3]) равнодушно возразилъ полицейскій.—Онъ здѣсь постоянно валяется, а въ море ему давно дорòга.

Однако направился къ пьяному.

— Пожалуйста! Возьмите, дайте ему это. Пусть купить себѣ шапку! заспѣшила Лидія, подавая полицейскому крону, чѣмъ возбудила общее удивленіе.

— Make haste, please!.. Скорѣе, господа! торопили ихъ кондуктора, направлявшіе пассажировъ на разные поѣзда.—Какая станція?

— Викторія! отозвался баронетъ.

(Продолженіе будетъ).

[1]) Присмотрѣли-бы вы за сыномъ.
[2]) Навѣрно все обстоитъ благополучно.

[1]) Ну, этотъ кажется принадлежитъ къ обществу трезвости.
[2]) А вы, милордъ?
[3]) Не бѣда, сэръ!

Ласки. Карт. Бугро, грав. Тиріа.

Святая гора Аѳонская.

Ея мѣстность и обитатели.

Проф. **А. Ѳ. Брандта.** (Съ рисунками).

Ночь, темная, непроницаемая ночь... Пароходъ содрогается всѣмъ корпусомъ подъ взмахами винта и мѣрно покачивается на волнахъ Мраморнаго моря. Только передъ вечеромъ я простился съ живописной панорамой Цареграда, простился безъ сожалѣнія, въ сильной лихорадкѣ, схваченной въ этой, хотя и красивѣйшей, но и грязнѣйшей изъ столицъ Европы... Далеко за нами остались прославляемые Принцовы острова, историческое Санъ-Стефано. Уже завтра къ вечеру мы вступимъ на землю освященную многовѣковыми подвигами благочестивыхъ мужей, на землю, при имени которой приходятъ въ благоговѣйный трепетъ милліоны православныхъ христіанъ, для которыхъ послѣ Палестины Аѳонъ занимаетъ первое мѣсто.

Разсвѣло. Плывемъ какъ бы по широкой рѣкѣ съ мало привлекательными, оголенными, сѣро-холмистыми берегами. Это Дарданельскій проливъ. Миновавъ нѣсколько земляныхъ батарей, съ виду очень неказистыхъ, но увѣнчанныхъ пушечными жерлами очень внушительнаго калибра; простоявъ, неизвѣстно для чего, безконечно долго противъ мѣстечка Дарданеллы, расположеннаго на азіатскомъ берегу, пароходъ выплылъ, наконецъ, въ Эгейское море. Въ него, какъ показываетъ взглядъ на карту, южный берегъ Македоніи выдвинулся полуостровомъ, имѣющимъ видъ ладони о трехъ пальцахъ. Это Халкидика, а восточный изъ пальцевъ или вторичныхъ полуострововъ уже съ XI вѣка, по повелѣнію одного изъ византійскихъ императоровъ, носитъ офиціальное названіе ἅγιον ὄρος — Святая гора.

Почти съ математическою точностію мы держимъ курсъ на западъ. Свѣжій борей завладѣлъ пароходомъ, принося съ собою первые симптомы морской болѣзни; но не на долго: вѣтеръ и волны стихаютъ всякій разъ, какъ только вступаемъ подъ защиту острововъ Имбро и Самотраки. Горы ихъ красивы по своимъ формамъ, но безотрадны по отсутствію лѣсной растительности. Прекрасный, задернутый сизою мглою горный ландшафтъ малоазіатскаго берега, открывшійся-было слѣва, по вступленіи въ Эгейское море, давно поблекъ и погрузился за горизонтъ. Въ теченіе цѣлыхъ часовъ мы тянемся въ виду береговъ Лемноса, издали кажущагося столь же безотрадно-пустыннымъ, какъ и его сосѣди съ сѣвера.

Около полудня, вдали на сѣверо-западѣ, всплываетъ округленною гористою шапкой о. Тазо, а прямо противъ пароходнаго носа, едва-едва видимо во мглѣ горизонта, обрисовывается точно облачко. „Аѳонъ, Аѳонъ показался!“ встрепенулись люди бывалые. Проходитъ часъ, другой, пока неопредѣленное облачко не сформовалось въ несомнѣнную гору; но и тутъ еще простодушный мужичокъ-паломникъ остается, быть-можетъ, въ нѣкоторомъ недоумѣніи, ибо гдѣ же образокъ съ Богоматерью, изображаемый надъ горою на всѣхъ лубочныхъ картинахъ? Совсѣмъ въ серьезъ меня увѣрялъ монахъ, что справки насчетъ „образка“ слышатся нерѣдко.

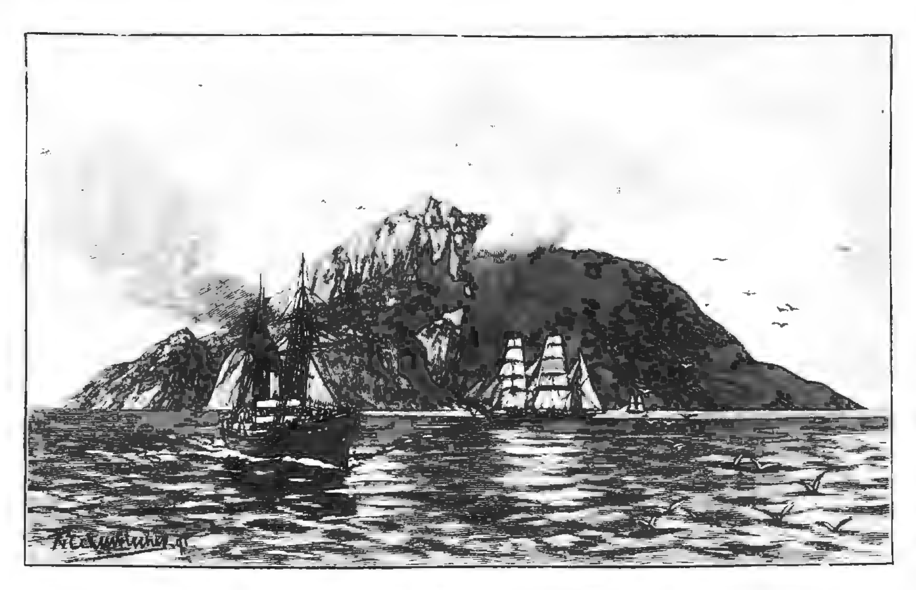

Рис. 1. Святая Гора (Агіонъ Оросъ).

Еще на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды и нѣсколькихъ десятковъ верстъ Святая гора представилась намъ подъ видомъ величаваго конуса съ мягкими контурами, задернутаго нѣжною мглою и увѣнчаннаго облаками. Съ условнымъ изображеніемъ Аѳона въ видѣ остроконечной сахарной головы дѣйствительность не имѣетъ никакого сходства, а представляетъ нѣчто грандіозное, производящее глубокое впечатлѣніе. Главная масса горы первоначально одна только и выплываетъ изъ моря, возвышаясь надъ горизонтомъ точно изолированный островъ (рис. 1).

Пассажиры, все черный и „полу-черный“ народъ, столпились на носовой возвышенной палубѣ парохода и разбились тамъ по національностямъ на двѣ группы. На свернутой якорной цѣпи усѣлся *нашъ* послушникъ, уже раньше дважды ѣздившій на Аѳонъ. По измятому печатному листку онъ уже въ третій разъ вытягиваетъ разбитымъ голосомъ славословіе: „Гора Аѳонъ, гора святая“. Наши мужички въ отечественныхъ зипунахъ внимательно ему внемлютъ, кто стоя, кто скорчившись на полу. Въ *этой* группѣ все вниманіе, все благоговѣніе. Не то мы видимъ въ сосѣдней, менѣе многочисленной группѣ болгаръ. Въ богато обшитыхъ снурками курткахъ они представляютъ живописную картину, достойную кисти или фотографическаго аппарата. Одни стоятъ въ разнообразныхъ позахъ, прислоняясь къ снастямъ, другіе сидятъ по-турецки, подобравъ ноги калачикомъ. Центръ ихъ составляетъ музыкантъ, наигрывающій на гармоніи плясовой мотивъ, странно смѣши-

Рис. 2. Часть строеній Лавры.

Рис. 3. Древневизантійская сторожевая башня въ Лаврѣ, XI вѣка.

вающійся на тѣсной палубѣ и контрастирующійся съ духовною пѣснію русскаго монаха. Болгаръ Аѳонъ, очевидно, мало интересуетъ: между ними и нѣтъ богомольцевъ, а все это рабочіе и мелкіе торгаши, держащіе путь дальше на Солунь. Третій національный элементъ на нашемъ пароходѣ составляютъ правовѣрные послѣдователи Пророка. На ихъ физіономіяхъ попрежнему рисуется полнѣйшій индифферентизмъ ко всему окружающему. „Прелестная маска"— единственная на пароходѣ турчанка не составляетъ исключенія. Вчера ея густая черная вуаль, сквозь которую сверкала пара черныхъ глазъ, казалось, скрывала неземную красоту. Должно-быть, творецъ Корана не предусмотрѣлъ морскихъ путешествій, ибо сегодня восточная Дульцинея вышла ужъ безъ вуали; но зачѣмъ она это сдѣлала? Какъ правы путешественники, увѣряющіе, что чѣмъ гуще вуаль, тѣмъ непригоже физіономія турчанки.

Томительное ожиданіе аѳонскихъ странниковъ перешло мало-по-малу въ восторгъ, когда пароходъ приблизился къ горѣ на разстояніе, примѣрно, съ версту или того менѣе. Передъ нами горная гряда, оканчивающаяся къ югу колоссальнымъ пикомъ, собственно Аѳономъ. Его полого-коническая вершина исподволь спускается зубчатыми скалами и обрывами на предгорье, покрытое лѣсомъ. Еще рано въ году—самое начало апрѣля. На высотѣ въ ложбинахъ виднѣются еще снѣговыя залежи, кое-гдѣ чернѣютъ хвойныя деревья, сосны и ели, лиственные же лѣса еще не одѣлись зеленымъ покровомъ; въ поясѣ же низменномъ все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Какая рѣзкая противоположность съ оголенными берегами Дарданельскаго пролива и ближнихъ острововъ! Кому приходилось огибать на пароходѣ южный берегъ Крыма, тотъ можетъ составить себѣ приблизительное представленіе характера Аѳонскаго полуострова: только аѳонская панорама значительно грандіознѣе. Причина понятна. Главная гора гряды возвышается надъ уровнемъ моря на цѣлыхъ 6,000 футовъ, а потому значительно превосходитъ нашъ Чатырдагъ, да къ тому же гораздо ближе придвинута къ берегу и не замаскирована предгорьемъ. Усиленію испытаннаго мною впечатлѣнія содѣйствовали: гладь моря, глубокая южная лазурь неба и чудное солнечное освѣщеніе прелестнаго, чисто лѣтняго дня. Напрасно иные думаютъ, будто нашъ темный мужичокъ не воспріимчивъ къ красотамъ природы: и у себя дома онъ благоговѣйно и умиленно преклоняется передъ святыней; здѣсь же къ умиленію, очевидно, присоединялась и чарующая красота природы, приводя его въ восторженное настроеніе. За каждымъ мыскомъ открываются новые, неожиданные виды. Высокія скалистые обрывы, спускающіеся прямо въ море и испещренные по трещинамъ зеленѣющими и цвѣтущими деревьями и кустами, лѣса и поляны: все тутъ красиво и гармонично. То и дѣло изъ-за каменныхъ кулисъ выступаютъ монастыри, своими зубчатыми, крѣпостными стѣнами точно повисшіе надъ моремъ. Неподдѣльное изумленіе вызываетъ множество келій, отчасти сгруппированныхъ, отчасти уединенныхъ. Однѣ изъ нихъ представляются какъ бы уютными дачами, другія бѣдными лачугами или пещерами. Иныя прилѣплены, такъ по крайней мѣрѣ кажется, къ такимъ крутизнамъ, что рѣшительно недоумѣваешь, какъ только туда попадаютъ люди.

Въ теченіе болѣе часа пароходъ огибаетъ полуостровъ. Когда онъ, наконецъ, остановился на западной его сторонѣ противъ пристани, въ виду русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, солнце уже успѣло опуститься за полуостровомъ Лонгосомъ, а пока пассажиры и ихъ пожитки переправлялись на берегъ, сумерки съ быстротою, свойственною Югу, смѣнились тихою, звѣздною ночью. Описывать-ли самую процедуру высадки, таможенную ревизію вещей и паспортовъ? Описать-ли картинно, какъ я наткнулся на берегу на нѣчто, даже впотьмахъ похожее на телеграфный столбъ, и какъ этотъ столбъ дѣйствительно привелъ меня въ телеграфную контору, убѣдившую краснорѣчивѣе всего, что и этотъ уединенный уголокъ земли не совсѣмъ отрѣзанъ отъ суеты мірской. Рамка настоящей статьи не позволяетъ останавливаться на этихъ впечатлѣніяхъ. Она не позволяетъ расписывать и переѣздъ на монашескомъ баркасѣ при свѣченіи моря въ отстоящій верстъ на пять монастырь, казалось, спящій угрюмо, но на дѣлѣ преданный въ полномъ составѣ иноковъ всенощному бдѣнію въ ночь на Страстную пятницу.

Съ лишнимъ двѣ недѣли я и мои два спутника пользова-

Рис. 4. Монастырь Каракаллъ.

лись гостепріимствомъ Пантелеймоновскаго монастыря и совершали научныя экскурсіи водою вплоть до глубины Святогорскаго залива, а сухимъ путемъ для ознакомленія съ мѣстностью и главными святынями Аѳона. Было бы слишкомъ долго описывать эти экскурсіи въ частности; а потому замѣняю это описаніе общею характеристикою мѣстности и природы.

Полуостровъ или, точнѣе, коса тянется всего верстъ на пятьдесятъ, при ширинѣ, считая напрямикъ, круглымъ счетомъ верстъ въ семь. Почти все это пространство занято горами. Лишь основная, сѣверная часть полуострова низменная, съ небольшими холмами. Тутъ въ одномъ мѣстѣ полуостровъ съуживается перешейкомъ шириною всего немногимъ болѣе версты. На немъ мы осматривали явные слѣды канала, прорытаго въ V вѣкѣ до Р. Х. персидскимъ царемъ Ксерксомъ для скорѣйшаго и безопаснѣйшаго проведенія флота, передъ тѣмъ потерпѣвшаго крушеніе у бурнаго Аѳонскаго мыса.

Для умѣющаго читать въ широко раскрытой книгѣ природы не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Аѳонскій хребетъ происхожденія вулканическаго, а главная его вершина — угасшая огнедышащая гора. Расплавленныя массы лавы и трахита, вырываясь нѣкогда изъ нѣдръ земли, высоко приподняли мѣловые пласты, разстилавшіеся на днѣ моря. При этомъ мѣлъ переплавился въ мраморъ. Изъ него и состоитъ наружная оболочка Аѳонскихъ горъ, поскольку она тутъ и тамъ не прорвана вытекшими лавами и трахитами. Мраморъ пестрый, вполнѣ годный на постройки и всякія подѣлки. Конечно, не слѣдуетъ думать, чтобы горы, скалы и камни и снаружи имѣли видъ мрамора: отъ вывѣтриванія поверхность ихъ представляется сѣрою, шероховатою, непрозрачною. Сбоку главной вершины помѣщается весьма трудно доступный кратеръ, подъ видомъ бездонной трещины, изъ которой по временамъ, говорятъ, выдѣляются сѣрнистые пары. Сѣрнистый запахъ распространяется порою иногда и до подножія горы, а именно во время землетрясеній. Слабыя землетрясенія тутъ явленіе заурядное. Съ полнымъ равнодушіемъ монахи передавали о землетрясеніи, бывшемъ за два дня до моего пріѣзда, и о другомъ, бывшемъ уже при мнѣ на Святой. Монахи во время всенощнаго бдѣнія не могли его не замѣтить, въ то время какъ грѣшные ихъ гости, утомленные трудами дневнаго путешествія, поклонялись Морфею. Послѣднее сильное землетрясеніе постигло Аѳонъ въ августѣ 1859 г. Приключилось оно тоже ночью: внезапно стали содрогаться своды и стѣны храма, а паникадила заходили, какъ нарочно раскачиваемыя по случаю торжества. Страхъ обуялъ молящуюся братію; но, ободряемые примѣромъ священнодѣйствующихъ, всѣ смиренно поручили себя волѣ Божіей, никто не сталъ спасаться бѣгствомъ, а служба и не прерывалась.

Рис. 5. Фіалы въ Лаврѣ съ двухтысячелѣтними кипарисами Св. Аѳанасія.

Рис. 6. Скитъ пророка Иліи.

Климатъ Аѳона южный, умѣряемый моремъ. Снѣгъ выпадаетъ только на высотахъ и лежитъ тутъ въ ложбинахъ и трещинахъ по нѣсколько мѣсяцевъ; въ нижней полосѣ полуострова онъ составляетъ почти небывалое исключеніе, такъ же какъ и зимой морозы. По указанію монаховъ, западный и восточный склоны полуострова значительно различаются климатически, при чемъ на восточномъ климатъ болѣе умѣренный и влажный, дожди перепадаютъ тутъ чаще, тогда какъ на западномъ лѣтнія удушье и засухи достигаютъ нестерпимыхъ размѣровъ. Нельзя не повѣрить этому указанію. На западномъ склонѣ только изрѣдка ничтожный ручеекъ веселитъ глазъ путника, тогда какъ на восточномъ ручьи попадаются на каждой верстѣ. Они мчатся каскадами со скалы на скалу, въ тѣнистыхъ, живописныхъ ущельяхъ, подъ нависшими деревьями и опутывающими

ихъ гирляндами ліанъ. Одинъ изъ этихъ источниковъ именуется живоноснымъ источникомъ Божіей Матери, но болѣе извѣстенъ подъ названіемъ источника Св. Аѳанасія. Легенда гласитъ, что на этомъ мѣстѣ въ минуту глубокаго унынія Св. Аѳанасію явилась Царица Небесная, утѣшила и обнадежила его и, въ доказательство Своей Божественности, приказала старцу ударить жезломъ о камень: камень разразился

Рис. 7. Монастырь Ставро-Никита.

какъ молніею, и изъ его трещины заструился шумный ключъ.

При неодинаковомъ распредѣленіи влаги и сила растительности на обоихъ склонахъ полуострова неодинаковая. Никогда въ жизни я не видалъ такой чащи кустовъ и ползучихъ растеній, какъ мѣстами на восточномъ склонѣ. Знаменитыя индѣйскія джунгли не могутъ быть непроницаемѣе этого сплетенія вѣтвей, листвы и колючихъ прутьевъ, чрезъ которое и кошкѣ мудрено пробраться. Странствуя въ низменной полосѣ Аѳона, житель Сѣвера порою воображаетъ себя въ роскошной оранжереѣ или, вѣрнѣе, въ волшебномъ саду. Лавровый кустъ, съ трудомъ выращиваемый нами въ горшечкахъ, встрѣчается тутъ цѣлыми рощицами, достигая высоты въ двѣ, три сажени, а иногда принимая видъ еще болѣе высокаго, довольно толстоствольнаго дерева. Настоящая маслина съ ея серебристо-сѣроватою листвою тоже растетъ тутъ дикою, отличаясь отъ культивированной лишь болѣе мелкими плодами. Не стану перечислять другихъ вѣчно-зеленыхъ растеній съ менѣе извѣстными названіями; упомяну лишь о курьезномъ деревѣ arbutus andrachne, обращающемъ на себя вниманіе и крымскихъ туристовъ. Это дерево имѣетъ свойство ежегодно сбрасывать наружный слой коры, послѣ чего стволъ его становится ярко-краснымъ и точно полированнымъ, какъ кораллъ. Оно попадается тутъ во множествѣ. Преобладающимъ же деревомъ Святой горы является вѣчно-зеленый колючелистый дубъ; пока онъ молодъ, еще кустомъ онъ отличается зеленовато-желтою, а когда становится деревомъ—черно-зеленою листвой. На западномъ склонѣ, нѣсколько повыше у колючелистнаго дуба оспариваетъ господство настоящій, благородный или съѣдобный каштанъ. Цѣликомъ изъ него состоитъ лѣсъ, тянущійся тутъ на многія версты. И жалко, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно смотрѣть на этотъ лѣсъ: жалко потому, что толстѣйшіе пни въ нѣсколько обхватовъ свидѣтельствуютъ о недавнемъ еще величіи этого лѣса; отрадно же потому, что сильные побѣги молодыхъ стволовъ указываютъ на необыкновенную энергію природы въ дѣлѣ исправленія людскаго насилія въ этомъ благодатномъ уголкѣ земнаго шара. Вообще лѣсная растительность Аѳона сильно опустошена человѣкомъ и, хотя и контрастируетъ съ совершенно обезлѣсенными сосѣдними мѣстностями, тѣмъ не менѣе могла бы быть еще несравненно роскошнѣе. Тутъ и тамъ попадаются единичные лѣсные гиганты, многовѣковые, существовавшіе, навѣрное, еще въ тѣ времена, когда по преданію Богоматерь была заброшена бурею на берега Аѳона. Это отчасти каштаны, отчасти волошскіе орѣхи, иные толщиною въ десять обхватовъ, съ совершенно дуплистымъ ажурнымъ стволомъ. Въ ихъ дупло можно въѣзжать на мулѣ или вдесятеромъ укрываться отъ непогоды.

Среди этой растительности вы ѣдете на своемъ мулѣ цѣлыми верстами по точно укатанной дорожкѣ, любуясь и на роскошную зелень, и на открывающіеся виды въ прелестныя ущелья и долины, на грозно нависшія скалы и обрывы, на заливы и морскую даль, лишь бы не зазѣваться и не удариться головой о сучья и вѣтви, то и дѣло преграждающія путь, и не разодрать лица колючими прутьями и не помять ноги о скалистый выступъ. Неровная дорожка сразу можетъ перейти въ крутой подъемъ или спускъ, усыпанный мраморными осколками, сползывающими и подъ вѣрною, осторожною поступью привычнаго „мулашки“. Безконечными змѣиными извилинами и зигзагами, то внизъ, то вверхъ, употребляя по нѣсколько часовъ на достиженіе пункта, отстоящаго по прямой линіи минутъ на десять и того меньше, вы попадаете мало-помалу въ другой міръ растительности и въ другое время года, отъ молодаго лѣта переходите къ веснѣ съ только что распускающимися кустами и деревьями, обыкновенныхъ дубовыхъ и другихъ, уже нашихъ лѣсныхъ породъ. Еще выше деревья эти стоятъ еще совершенно голыми и лишь тамъ и сямъ покрыты париками плюща, стволы котораго могутъ превосходить толщиною человѣческую руку. Подъ ними ютятся цвѣтущія фіалки; а тамъ, у подножія коническої вершины горы—гдѣ вы дѣлаете привалъ у церквицы сложенной незатѣйливо изъ дикаго камня и скорѣе похожей на сарай или сторожку,—вы находитесь въ области елей, сосенъ и можжевельника и можете собрать прелестныхъ первенцовъ луковичной флоры, едва освободившейся изъ-подъ снѣжнаго покрова.

Аѳонъ лежитъ нѣсколько южнѣе Неаполя; правда, положеніе его болѣе восточное, но тѣмъ не менѣе климатъ его настолько теплый, что на дворѣ Пантелеймоновскаго монастыря растетъ на вольномъ воздухѣ небольшая финиковая пальма. Если мы не находимъ на Аѳонѣ ни апельсиновыхъ, ни лимонныхъ насажденій, то это я приписываю тому обстоятельству, что

Рис. 8. Монастырь Ватопедъ.

тамошнее плодоводство и садоводство, за исключеніемъ лишь немногихъ монастырей, находится на низкой ступени. Единственное, что разводится, это виноградъ и маслина. Лимоны и апельсины, навѣрное бы, тутъ также пошли, благо идутъ даже у насъ въ Сухумѣ, т. е. сѣвернѣе и куда восточнѣе Аѳона.

При роскошномъ и разнообразномъ растительномъ мірѣ мы всегда ожидаемъ встрѣтить и богатство животнаго міра. Аѳонъ

въ этомъ отношеніи составляетъ странное исключеніе. Такъ на своихъ экскурсіяхъ я могъ вполнѣ убѣдиться въ поразительно ничтожномъ количествѣ насѣкомыхъ. Небольшимъ количествомъ насѣкомыхъ въ свою очередь объясняется, почему тутъ такъ мало насѣкомоядныхъ птицъ. Изъ поющихъ я слышалъ только соловьевъ (и притомъ очень незавидныхъ). Ласточекъ—и тѣхъ немного. Но чѣмъ объяснить малочисленность

Рис. 9. Монастырь Хиландарь.

птицъ всеядныхъ и зерноядныхъ? Я видѣлъ только нѣсколько штукъ пѣвчихъ дроздовъ, за все время только одного, единственнаго грача; воробьи—и тѣ составляютъ рѣдкость, и притомъ, какъ утверждаютъ, лишь недавно появились на Аѳонѣ. Говорятъ, что иногда попадаются орлы, совы и филины. Плавающихъ птицъ я только однажды встрѣтилъ. Большія ихъ стаи, очевидно, были на перелетѣ. Лягушки давали свои весенніе концерты въ лужахъ и бассейнахъ; болотистый ручей Ксерксова канала кишѣлъ черепахами. Дикія козы и свиньи, а изъ хищниковъ, одни лишь трусливые шакалы обитаютъ въ аѳонскихъ лѣсахъ. Интересовавшая меня болѣе всего морская фауна оказалась поразительно бѣдною.

По отношенію населенія Святогорскій полуостровъ подраздѣляется на двѣ, строго разграниченныя части. Только южныя, нагорныя двѣ трети его составляютъ исключительное достояніе монаховъ. Міряне не имѣютъ и права тутъ селиться; а допускаются лишь въ качествѣ паломниковъ, наемныхъ рабочихъ, немногихъ турецкихъ чиновниковъ, а также пріуроченныхъ исключительно къ монашескому городу Карея торговцевъ и ремесленниковъ. Общее число аѳонскихъ иноковъ опредѣляется почтенною цифрой 10,000 человѣкъ. Нигдѣ на земномъ шарѣ, на небольшомъ пространствѣ нѣтъ такого числа, нигдѣ, далѣе, нѣтъ второй такой области, которая составляла бы исключительно монашеское селеніе. Поэтому, конечно, крайне интересно освѣдомиться относительно того, когда и какимъ образомъ полуостровъ заселился одними монахами. Нашъ ученый знатокъ эллинскаго міра епископъ Чигиринскій *Порфирій Успенскій* сообщаетъ объ этомъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія.

Во времена языческія полуостровъ былъ, очевидно, хорошо заселенъ. Было тутъ съ десятокъ и болѣе городовъ. На самой вершинѣ горы, гдѣ нынѣ стоитъ миніатюрная церковь, длиною, вмѣстѣ съ притворомъ, всего въ три сажени, высился извѣстный храмъ Аполлона съ прорицалищемъ. Указанные города завѣдомо существовали еще въ VI вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ; но тогда, совмѣстно съ язычниками, тамъ обитали также и христіане, имѣвшіе и свои церкви. Частыя вторженія въ VII вѣкѣ сѣверныхъ народовъ въ предѣлы Византійской имперіи и завоеваніе Палестины, Сиріи и Египта магометанами были причиною того, что клирики и монахи, даже пустынники бѣжали въ большіе укрѣпленные города, каковы: Константинополь, Солунь, и тутъ, какъ бездомники, какъ нищіе были въ тягость епископамъ, обществу и правительству. И вотъ, при царѣ *Константинѣ Погонатѣ*, когда наступилъ миръ во всемъ греческомъ царствѣ, монаховъ водворили на Аѳонскомъ полуостровѣ, благо полуостровъ опустѣлъ, былъ покинутъ его жителями, вслѣдствіе арабскихъ набѣговъ, а потому поступилъ въ собственность государства. Этимъ самымъ Аѳонъ однако еще не сдѣлался достояніемъ монаховъ исключительно: вмѣстѣ съ ними сюда возвратилось и бѣлое духовенство, поселились также и міряне. Тѣ изъ монаховъ, которые любили общежитіе, помѣщались подлѣ церквей запустѣвшихъ городовъ и строили себѣ обители изъ матеріаловъ послѣднихъ. *Порфирій* видѣлъ развалины первоначальныхъ аѳонскихъ монастырей. Монастыри эти были болѣе чѣмъ скромныхъ размѣровъ и состояли изъ одноэтажнаго домика о трехъ-четырехъ комнаткахъ, съ келейкою церквицею человѣкъ на шесть и съ кладовою въ башенкѣ; не было ни колокольни, ни ограды, ни двора. Въ VII и VIII вѣкѣ появились въ уединенныхъ мѣстахъ горы также отшельники, прославившіеся своими благочестивыми подвигами. Спокойная жизнь аѳонскихъ монаховъ продолжалась не слишкомъ долго: наступилъ новый періодъ повторныхъ вражескихъ набѣговъ, въ особенности мореходцевъ-арабовъ. Аѳонъ трижды пустѣлъ и трижды вновь заселялся. Третье, уже несмѣнное, продолжающееся до нашихъ дней заселеніе его, и притомъ уже исключительно одними монахами, начато въ IX вѣкѣ, при царѣ *Василіи Македонскомъ*. Сильный въ политическомъ мірѣ, покровитель наукъ и искусствъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи церкви. Такъ всѣмъ извѣстно его участіе въ крещеніи Руси; далѣе, онъ оправославилъ далматинскихъ хорватовъ и сербовъ, обратилъ въ христіанство много іудеевъ, искоренилъ ереси въ своемъ царствѣ и умиротворилъ вселенскую церковь. *Василій* очень любилъ бесѣдовать съ монахами, принимать ихъ благословеніе. Расположеніе его къ монашеству отразилось и на его дѣтяхъ: одинъ изъ сыновей принялъ монашескую схиму; а четыре дочери спасались въ монастырѣ. При немъ пустилъ прочные корни тотъ строй внутренняго самоуправленія, который сохранился на Аѳонѣ въ сущности и до сего времени. Рѣшающее значеніе при этомъ имѣли въ особенности царская грамота, коею всѣмъ мірянамъ воспрещалось даже

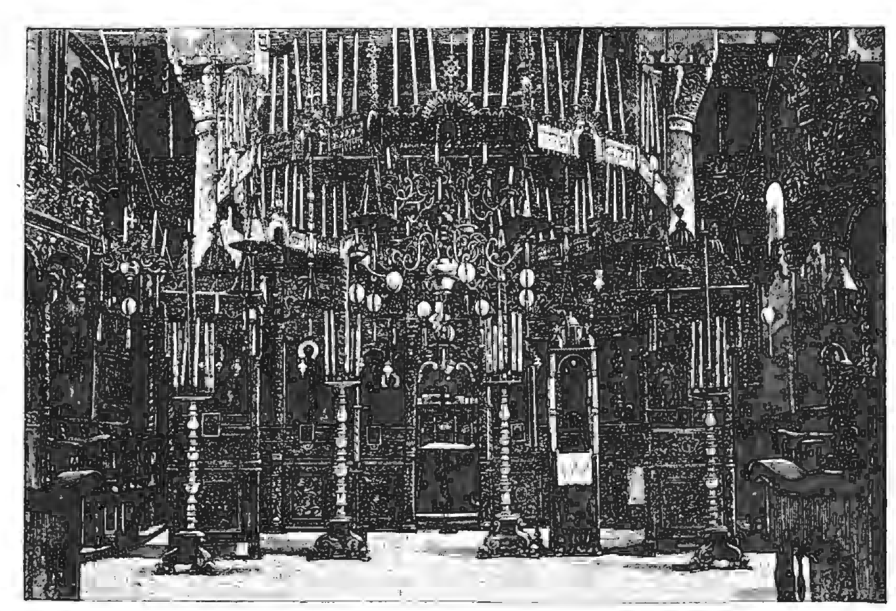

Рис. 10. Свѣщный вѣнецъ въ Дохіарѣ или Келарѣ.

сходить во внутреннія мѣстности горы, дабы не нарушать безмолвіе и спокойствіе отшельниковъ.

Изъ безчисленныхъ подвижниковъ разновременно просіявшихъ на Аѳонѣ, никто не имѣлъ такого существеннаго значенія на его устройство и судьбу, какъ *Св. Аѳанасій*, жившій въ X вѣкѣ. Другъ знаменитаго византійскаго полководца *Никифора* Фоки, избраннаго впослѣдствіи въ императоры, пре-

подобный *Аѳанасій* построилъ по его настоянію знаменитую Аѳонскую лавру, въ которой самъ императоръ намѣревался спасаться (рис. 2, 3 и 5). Лавра сдѣлалась главенствующимъ изъ монастырей полуострова и осталась имъ и по сію пору. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ данъ прочный перевѣсъ монастырникамъ надъ безмолвными отшельниками.

Лавра была первымъ обширнымъ монастыремъ на Аѳонѣ. Остальные девятнадцать, имѣющіеся тамъ нынѣ, возникли разновременно въ позднѣйшіе вѣка. Изъ числа аѳонскихъ монастырей двѣнадцать общежительныхъ и восемь штатныхъ. Къ этимъ 20 монастырямъ слѣдуетъ присовокупить еще 12 скитовъ и, круглымъ счетомъ, 800 отшельническихъ келій. Русскихъ обителей на Аѳонѣ три, а именно: монастырь Св. Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона и два скита, Андреевскій и малорусскій Ильинскій (рис. 6). Изъ числа монастырей другихъ національностей, кромѣ греческой Лавры, особенною извѣстностью въ Россіи пользуется грузинскій Иверъ, уже по чудотворной иконѣ Божьей матери, чудотворная же копія которой имѣется въ Москвѣ.

Почти всѣ монастыри расположены въ береговой полосѣ полуострова.

На сѣверъ отъ Лавры, въ четырехъ часахъ пути по восточному берегу расположенъ общежительный монастырь Каракаллъ, основанный, какъ полагаютъ, въ концѣ X вѣка. Онъ лежитъ на восточной части горы Аѳона и тонетъ въ садахъ (рис. 4).

Еще далѣе на сѣверъ по тому же берегу расположенъ на высокомъ крутомъ берегу моря греческій монастырь Ставро-Никита (крестъ Никиты), наименьшій изъ обителей аѳонскихъ съ немногочисленною братіей (рис. 7).

За нимъ слѣдуетъ въ томъ же направленіи одинъ изъ древнѣйшихъ, богатѣйшихъ и обширнѣйшихъ монастырей Св. Горы—Ватопедъ, первоначальное основаніе коего относятъ еще ко временамъ Константина Великаго. Онъ имѣетъ форму треугольника и обнесенъ стѣною, увѣнчанною бойницами и келліями (рис. 8).

Послѣднимъ къ сѣверу, близь границы Аѳонскихъ владѣній, стоитъ монастырь Хиландарь, подробное описаніе котораго было помѣщено въ *Нивѣ* за 1889 годъ въ № 34 (рис. 9).

По западному берегу, на югъ отъ русскаго монастыря Св. Пантелеймона, тянутся одинъ за другимъ: основанный въ X вѣкѣ монастырь Дохіаръ (по-русски: *келарь*), на низменной прибрежной скалѣ, среди садовъ и рощъ (рис. 10).

(Оконч. въ слѣд. №).

Изъ кошачьихъ нравовъ.

Жизнь людей идетъ своимъ чередомъ, а жизнь окружающихъ ихъ животныхъ—своимъ. Повидимому, та и другая соприкасаются лишь рѣдко, лишь въ извѣстныхъ пунктахъ, а въ остальномъ каждая управляется своими началами. Но иногда, впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ обнаруживаются такія сочетанія условій, что сопоставленіе напрашивается само собою.

Автору этой замѣтки разъ пришлось наблюдать любопытный случай въ жизни кошекъ, гдѣ отношенія сложились въ такой формѣ, которая привычна для насъ только въ людской средѣ.

Однажды осенью (1883 г.) въ моей квартирѣ появился котенокъ,—сѣрый съ тигровымъ расписаніемъ, крайне ласковый и готовый мурлыкать при каждомъ прикосновеніи. Взяли его, кажется, съ лѣстницы, — стало-быть изъ непомнящихъ родства. Онъ очень скоро, благодаря милому характеру, завоевалъ мое расположеніе и прочно водворился въ моей комнатѣ, гдѣ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ повсюду: и на мебели, и на постели, и на окнахъ.

Но пока онъ пользовался благополучіями удачно сложившейся для него жизни, т. е., правомъ, исправно покушавъ, спать часами, свернувшись въ клубокъ, потягиваться, жмуриться, и продѣлывать, во время бодрствованія, всякія неожиданныя штуки, которыя могутъ прійти въ праздную голову молодой кошки, — время шло. А вмѣстѣ съ временемъ подвигался и ростъ Машки; къ веснѣ она была кошечкой уже весьма приличныхъ размѣровъ. Но въ Великомъ посту она, однако, вдругъ куда-то исчезла. Поискали день-два, пождали недѣлю, полторы и порѣшили, что—пропала. Вѣроятно, кому-нибудь понравилась, и ее прибрали. Но около Пасхи Машка неожиданно объявилась,—только пришла чрезмѣрно пополнѣвшею, съ несомнѣнными признаками готовности увеличить число нашихъ домашнихъ звѣрей.

Между тѣмъ приближалось время ѣхать на дачу. Возникъ вопросъ, что дѣлать съ кошкою и ея грядущимъ потомствомъ. Я выразилъ рѣшительное намѣреніе забрать съ собою всѣхъ. Сказано—сдѣлано.

Дней за пять до отъѣзда Машка осчастливила міръ увеличеніемъ его населенія нѣсколькими кошачьими головами,—слабенькими, слѣпыми, жалобно пищавшими и безпомощно и безсмысленно раскрывавшими розовые ротики.

Въ день отъѣзда уложили и мать, и котятъ въ корзинку, благополучно перевезли и водворили въ маленькой свѣтлой передней, раздѣлявшей двѣ мои комнаты, изъ которыхъ состоялъ верхній этажъ дачи. Здѣсь семью помѣстили въ открытый ящикъ, откуда мать могла свободно выходить, когда ей вздумается, тогда какъ котятамъ предоставлялось неограниченное право барахтаться на подстилкѣ на днѣ, не будучи въ состояніи вылѣзти изъ него.

Машка, осмотрѣвшись, скоро почувствовала себя, какъ дома: вела разговоры со своими пока еще глуповатыми чадами, оглашая мои комнаты разными „мрнъ! мурмъ! кмырмъ!“ и т. п. иностранными словами, являлась неподѣть около меня за обѣдомъ и чаемъ, уходила, приходила и пр. Словомъ, жизнь вошла въ колею. Потомство ея день за днемъ увеличивалось въ объемѣ,—стало прозрѣвать, ползать, а затѣмъ поднимать стрѣлкою кверху хвостики. Очевидно было, что пройдетъ нѣсколько дней, и ящикъ не будетъ въ состояніи удерживать на мѣстѣ молодежи, которая навѣрное будетъ стремиться къ расширенію своихъ познаній, а поэтому—перелѣзать черезъ стѣнку.

Въ это время на дачу пришла откуда-то молодая кошка, мѣсяцевъ пяти-шести, пестрая, съ замѣчательно красивою мордою и открытымъ веселымъ выраженіемъ большихъ голубовато-сѣрыхъ глазъ. Машка ли привела ее, или она сама нашла дорогу, — не знаю. Думаю, впрочемъ, что Машка была тутъ кое-при чемъ. А именно она кормила, и молодая гостья, вѣроятно, зачуяла запахъ молока, который и заставилъ ее пойти за Машкою. Какъ бы то ни было, но кошка-мать приняла ее вполнѣ радушно и привела къ котятамъ. Сначала я не обратилъ на это вниманія.

Но легко себѣ представить мое удивленіе, когда, около недѣли спустя, я, взглянувши въ открытыя двери передней, увидѣлъ слѣдующую сцену: въ ящикѣ, залитомъ лучами солнца, падавшими изъ окна, возились подросшіе уже котята, играя другъ съ другомъ. Иногда то одинъ, то другой пытался, ставши на заднія лапки и уцѣпившись когтями за край ящика, вылѣзти изъ него. Однако, каждый разъ эти попытки кончались неудачею,—вовсе не по слабости силъ котенка, а потому что пришлая кошка, сидѣвшая снаружи ящика и пристально, хотя холодно слѣдившая за вознею котятъ, всякій разъ однообразнымъ рѣзкимъ ударомъ лапы опрокидывала обратно въ ящикъ смѣльчака, взбиравшагося на край стѣнки ящика и уже готовившагося вывалиться на полъ, въ переднюю. Она продѣлывала эту процедуру очень спокойно, сосредоточенно и аккуратно: ея цѣль несомнѣнно заключалась въ томъ, чтобы удержать котятъ въ предѣлахъ ящика, куда она сама, однако, не обнаруживала никакого желанія влѣзть. Ея безстрастность, какой-то дѣловой рабочій видъ, даже нѣкоторая враждебность отношенія къ котятамъ совершенно исключали мысль, что ее интересуетъ ихъ игра, и что она сама принимаетъ участіе въ ней.

Напротивъ, вся картина имѣла необычный характеръ: Машка, очевидно, нашла своимъ дѣтямъ бонну, и вотъ она, за отсутствіемъ барыни, блюдетъ за порядкомъ въ дѣтской. Такъ какъ она довольно взросла, то, разумѣется, ее не можетъ занимать безтолковое кувырканье еще синеглазыхъ молокососовъ и, ввязавшись въ ихъ игру, она, пожалуй, можетъ даже и повредить имъ. Далѣе, котята ей чужіе, она не чувствуетъ никакой особой связи съ ними, а поэтому у ней нѣтъ для нихъ тѣхъ теплыхъ словъ, въ потокѣ которыхъ всегда разливается Машка, влѣзая къ своимъ ненаглядныгъ и согрѣвая ихъ всякими ласками, подсказываемыми материнскимъ сердцемъ. Она чужая—и для чужихъ котятъ у ней есть только одна справедливая строгость, поддерживающая затрещинами порядокъ, какъ она его разумѣетъ. „Ne faites pas de bêtises!“ да и все тутъ.

Это было забавно, и я былъ очень доволенъ, что судьба послала моей кошкѣ такую ретивую помощницу въ воспитаніи потомства: иначе котята вываливались бы изъ ящика, ползали по полу и кувыркались съ лѣстницы книзу, что было бы непорядкомъ уже и на мой взглядъ.

Но вѣдь бонна должна же получать за свой трудъ вознагражденіе? Фактъ общепонятный.

Оказалось, что это правило соблюдалось и Машкою. Когда она, немного погодя, привѣтствуемая дружнымъ пискомъ семейства, вскочила въ ящикъ, облизывая дѣтей направо и налѣво, и когда, успокоенная ласками, голодная орава расположилась вдоль брюха растянувшейся на боку матери, впуская съ громкимъ мурлыканьемъ въ ея шерсть коготки своихъ сжимающихся и разжимающихся лапокъ, — тогда шмыгнула въ ящикъ и бонна. Потоптавшись и высмотрѣвши подходящее мѣсто, она прилегла вмѣстѣ съ котятами и принялась, заурядъ съ ними, сосать Машку. Бѣдная кошка, никогда не имѣвшая не только кредитки, но даже и мѣдной копѣйки, была въ состояніи вознаграждать свою бонну, очевидно, лишь тѣмъ, что у ней было, именно пищею въ натурѣ. Такъ какъ этою пищею было молоко, притомъ настоящее живое кошачье молоко, то, очевидно, для бонны-кошки это должно было быть весьма недурнымъ гонораромъ.

Такимъ образомъ, между кошкою-матерью и бонною установились извѣстныя отношенія, которыя и продолжались далѣе, въ той же формѣ.

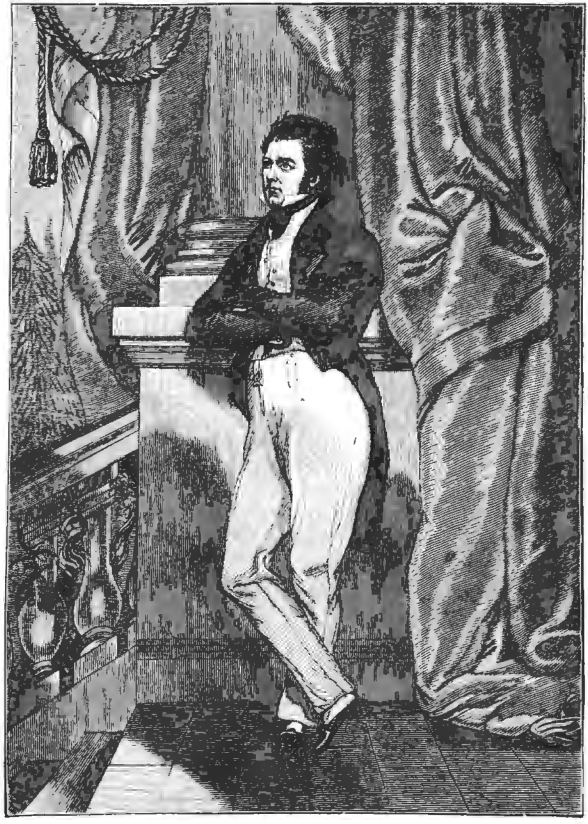
Имѣть бонну Машкѣ было къ лицу. Воспитаніе она полу-

чила недурное: была прилично кормлена, пользовалась вниманіемъ и лаской, и я не разъ удѣлялъ время на бесѣды съ нею во время ея дѣтства и молодости, по разнымъ вопросамъ,— напр., насчетъ правилъ поведенія, обязанностей, чистоплотности и пр., хотя не знаю много ли и что именно она извлекла изъ этихъ бесѣдъ.

Повидимому, однако, ею было усвоено достаточно, такъ какъ, достигши зрѣлаго возраста и сдѣлавшись матерью, она сохранила всѣ лучшія привычки: имѣла мягкія манеры, не спѣшила, была вѣжлива и брала, не торопясь, даже самые лакомые куски. Вообще она была кошкою хорошаго тона и порядочнаго круга въ средѣ кошачьяго общества.

Бонна же, напротивъ, очень скоро обнаружила такія особенности, которыя отлично вязались съ ея служебнымъ положеніемъ. Вообще нуженъ сильный и рѣдкій характеръ, чтобы роль слуги не стерла съ человѣка тѣхъ или другихъ чертъ человѣческаго образа и не привила бы чертъ непріятныхъ,— тѣхъ, которыя свойственны такъ-называемому „хаму“.

Бонна оказалась энергическою кошкою, съ опредѣленными, быстрыми движеніями, прямолинейно ведшими къ цѣли, а поэтому и съ угловатыми манерами. Какъ уже сказано, котятамъ она отвѣшивала, сидя при нихъ на караулѣ, съ видимою жестокостію такія полновѣсныя затрещины, что они кубаремъ скатывались обратно въ ящикъ, — притомъ съ такою привычною точностью, отчетливостью и методичностью, — не дѣлая ни одного лишняго движенія,—съ какою бильярдный артистъ спускаетъ намѣченный шаръ въ лузу. Машкино молоко шло ей какъ будто прямо не въ прокъ, и съ каждою полученною порціею она пріобрѣтала бо́льшую и бо́льшую наглость, утрачивая прирожденную вообще кошкамъ выдержку и терпѣливость. Сперва, сидя у моихъ ногъ, за обѣдомъ, она брала подачки осторожно, но затѣмъ стала хватать ихъ съ поспѣшностью неблаговоспитанной собаки, и съ рѣзкостью вовсе не свойственною кошкамъ. Однпъ разъ дѣло дошло до того, что едва я успѣлъ опустить руку ниже стола, чтобы дать ей кусокъ рыбы, моя кошка молніей ринулась на подачку и схватила ее всею пастью, — прихвативъ попутно и мой палецъ. Я даже вскочилъ на ноги отъ неожиданной сильной боли: изъ двухъ глубокихъ ранокъ на пальцѣ, въ который она впилась клыками, шла кровь.

Капитанъ Маріеттъ (по поводу сотой годовщины рожденія).
Грав. Майеръ.

При этомъ она была здорова, беззаботна, полна; гладкая шерсть лоснилась, вся фигура обличала прекрасно развитую и крѣпкую мускулатуру...

Предоставляю, впрочемъ, читателю самому рѣшить, портилось-ли нравственное ея обличье отъ занятаго ею невысокаго положенія въ семьѣ Машки, или же просто она была изъ простонародья...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но вспоминая объ этихъ двухъ кошкахъ, я до сихъ поръ склоненъ понимать дѣло попрежнему.

Правда, фактъ можетъ быть объясненъ проще: молодая голодная кошка увязалась за Машкою, чуя, что у ней есть молоко, которымъ при удобномъ случаѣ можно поживиться, и отсиживалась у ящика съ котятами, зная, что мать вернется къ нему какъ разъ тогда, когда у ней молока много. Кошка же мать позволяла ей сосать себя потому, что кормящія дѣтей кошки вообще отличаются добродушіемъ и готовы выкормить не только всякаго чужаго котенка, но даже крысенка. Что же касается наблюденія надъ котятами, то взрослая молодежь, повидимому, охотно берется за это, по какимъ-то неизвѣстнымъ побужденіямъ, у разныхъ животныхъ; напр., — иногда у медвѣдей взрослый медвѣженокъ долго держится при матери, ходя съ нею, когда подрастаетъ уже слѣдующее поколѣніе, и принимая участіе въ заботахъ о немъ; это — такъ-называемый въ народѣ *пѣстунъ*. (Значитъ, признанный педагогъ!). Относительно развитія неблагородныхъ инстинктовъ я остаюсь при своемъ взглядѣ: попытка пристроиться къ чужой кошкѣ и высасывать ея молоко есть выраженіе уже сложившейся рѣшимости прокормиться во что бы то ни стало,—хотя бы и не нормальнымъ путемъ. А если это удалось, то остальное—только дальнѣйшее развитіе того же пріема, разъ онъ не встрѣчаетъ помѣхи.

Такое толкованіе, конечно, естественнѣе, хотя сущности дѣла оно не измѣняетъ.

Вѣдь и ваша собственная бонна, читатель, пришла къ вамъ, нуждаясь въ средствахъ для существованія, а вовсе не въ силу жажды педагогической дѣятельности. **А.**

Къ рисункамъ.

На островахъ. (Рис. на стр. 568 и 569).

Нева, развѣтвляясь при впаденіи въ Финскій заливъ, образуетъ нѣсколько острововъ, изъ которыхъ ближайшіе къ „материковой части“ Невской столицы, какъ Васильевскій, ничѣмъ отъ нея не отличаются, но по мѣрѣ удаленія отъ города прямыя улицы съ высокими каменными домами уступаютъ понемногу мѣсто извилистымъ переулкамъ съ невысокими деревянными постройками или громадными зданіями фабрикъ, въ перемежку съ огородами, пустырями и садами. Дальніе острова застроены исключительно дачами. Лѣтомъ сады придаютъ особенную картинность мѣстности, и понемногу сливаются въ одно общее зеленое царство, среди котораго живописно пестрѣютъ дачныя постройки. Безлюдные и пустынные зимою, острова особенно оживлены лѣтомъ. На нихъ переселяется лѣтомъ городской житель, чтобы хоть немного подышать свѣжимъ воздухомъ и отдохнуть отъ „груды дѣлъ обычныхъ“, вдали отъ городскаго шума и пыли, раскаленныхъ плитъ и толстыхъ стѣнъ кирпичныхъ. Но и тѣ кому судьба помѣшаетъ покинуть городъ, нерѣдко вечеркомъ отправляются на острова-же. Если погода хороша, можно наблюдать пеструю и занятую картину подобнаго переселенія, главнымъ путемъ котораго является Каменноостровскій проспектъ. Какихъ-какихъ затѣйливыхъ экипажей не встрѣтишь тутъ—отъ догъ-карта до американской почты! Прямой, какъ стрѣла, тянется онъ отъ Александровскаго парка до Каменнаго острова. Тамъ дороги разбѣгаются и гуляющій людъ расходится въ разныя стороны, чтобы опять собраться на западной оконечности Елагина острова, на Стрѣлкѣ, сборномъ пунктѣ представителей большаго свѣта, полюбоваться на заходъ солнца въ синія воды залива..

Недвижно безмолвное море,
По берегу чинно идутъ
Знакомыя лица, и въ сборѣ
Весь праздный гуляющій людъ.
Проходитъ банкиръ бородатый,
Гремитъ офицеръ палашомъ,
Попарно снуютъ дипломаты
Съ серьезнымъ и кислымъ лицомъ.
Какъ муміи, важны и прямы,
Въ колясках своихъ дорогихъ
Болтаютъ нарядныя дамы,
По рѣчи не клеются ихъ.
Не слышно веселаго звука,
И гордо на всемъ берегу
Царитъ величавая скука
Столь чтимая въ свѣтскомъ кругу...

(Л. Апухтинъ).

Ласки. (Рис. на стр. 573).

Маститый французскій живописецъ Адольфъ Бугро извѣстенъ не только на своей родинѣ, но и повсюду, гдѣ слѣдятъ за искусствомъ. Несмотря на 66 лѣтъ, онъ работаетъ неутомимо и талантъ его въ полной силѣ и прелести. Изящныя и нѣж-

Международная выставка театра и музыки въ Вѣнѣ. Центральная аллея. Автотипія Кройса.

ныя фигуры его работъ попрежнему привлекаютъ къ себѣ свѣжестью и миловидностью, и ни у кого не найдется такъ красиво написанныхъ дѣтей, какъ у этого мастера. Посмотрите, какъ граціозно ластится милый ребенокъ, на нашей гравюрѣ, къ своей хорошенькой сестрѣ, любовно встрѣчающей его ласки!

Капитанъ Марріетъ. (Портр. на стр. 580).

Одинъ изъ выдающихся послѣдователей Вальтеръ-Скотта, современникъ Купера и вмѣстѣ съ нимъ творецъ такъ-называемаго *морскаго романа*, англійскій писатель Фредерикъ Марріетъ родился въ Лондонѣ 10 іюля (28 іюня) 1792 г., въ 1806 г. вступилъ въ морскую службу, участвовалъ съ отличіемъ въ сраженіяхъ подъ начальствомъ лорда Кокрена, принималъ участіе въ Американской войнѣ (1812—14), въ 1815 былъ командоромъ на островѣ Св. Елены, въ 1823 г. командовалъ корветомъ Ларнъ, на которомъ отправился въ Остъ-Индію, получивъ начальство надо всей флотиліей противъ бирманцевъ, и во время экспедиціи противъ Рангуна былъ произведенъ въ чинъ флотскаго капитана съ награжденіемъ орденомъ *Бани* (1825). Съ тѣхъ поръ онъ жилъ большею частію въ Англіи, посвятивъ себя литературной дѣятельности, и умеръ 2 августа 1848 года въ Лангамѣ (графство Норфолькъ). Весьма популярные у насъ въ Россіи, морскіе и др. романы его отличаются вѣрнымъ изображеніемъ жизни и непринужденностью изложенія; юмористическій элементъ ихъ слегка отзывается Смоллетомъ. Марріетъ дебютировалъ въ 1829 г. романомъ „Морской офицеръ", за которымъ слѣдовали въ 1830 году „Ньютонъ Форстеръ", „Питеръ Симпль" и цѣлый рядъ новыхъ произведеній. Описаніе его путешествія по Америкѣ „Американскій дневникъ, съ замѣтками объ учрежденіяхъ страны" подверглось жестокимъ нападкамъ, какъ со стороны англичанъ, такъ и со стороны американцевъ. Болѣе замѣчательны подобныя произведенія его юношескихъ лѣтъ: „Сетлеры въ Канадѣ" и „Миссія, или сцены въ Африкѣ". Дочь его, Флоренсъ Марріетъ, въ замужествѣ Росчёръ, унаслѣдовала литературный талантъ отца и также извѣстная романистка. Она дебютировала въ 1865 году романомъ „Love's conflict" и написала съ тѣхъ поръ цѣлую серію романовъ, а также и біографію своего отца: „Жизнь и переписка капитана Марріета."

Вѣнская выставка. (Рис. на стр. 581 и 584).

Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ расположена въ отношеніи къ главной avenue крестообразно; сѣверный конецъ занимаетъ ротонда, южный — интернаціональный театръ; съ восточной стороны, не доходя до ротонды, если направляться къ ней съ главнаго входа въ паркъ, помѣщенъ китайскій павильонъ, а какъ разъ противъ него устроенъ концертный залъ; если къ этому прибавимъ такъ-называемую „Старую Вѣну", находящуюся на правой сторонѣ отъ китайскаго павильона, то мы ужь будемъ имѣть все, что привлекаетъ вниманіе посѣтителей собственно выставки. Изъ названныхъ пяти пунктовъ не станемъ говорить о ротондѣ, такъ какъ ниже ей посвящена отдѣльная статья.

Наименьшій интересъ возбуждаетъ китайскій павильонъ, въ которомъ дважды на дню даются представленія (китайскія тѣни) для дѣтей; но павильонъ красиво отдѣланъ и декорированъ снаружи и невольно привлекаетъ вниманіе гуляющихъ по саду. Собственно говоря, такому павильону и не мѣсто на исторической художественной выставкѣ; но вѣроятно у распорядителей ея (а ихъ довольно много, даже слишкомъ много, можно сказать) была какая-нибудь причина помѣстить его на такомъ видномъ мѣстѣ и такъ близко отъ ротонды. Бо́льшій интересъ представляетъ концертный залъ, привлекающій многочисленную публику, въ особенности въ тѣ вечера, когда въ немъ происходятъ симфоническіе вечера или концерты заѣзжихъ знаменитостей (Барби и др.).

На открытіи выставки въ концертномъ залѣ исполнялась девятая симфонія Бетховена при участіи хора, оркестра и солистовъ Opernhaus, подъ управленіемъ знаменитаго Рихтера. Дважды объявлялся концертъ изъ произведеній Сенъ-Санса, подъ управленіемъ автора; но оба раза былъ отмѣненъ за болѣзнью композитора. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, здѣсь должны появиться Чайковскій и Рубинштейнъ; первый въ качествѣ дирижера своихъ произведеній, а второй сверхъ того въ качествѣ исполнителя. Очень было бы желательно, чтобы эти слухи оправдались; тогда по крайней мѣрѣ иностранцы возымѣютъ какое-нибудь понятіе о русской симфонической музыкѣ, если ужь имъ не суждено познакомиться съ нашей драмой и оперой, благодаря распорядительности имѣющихъ власть при театрахъ.

Но главнымъ центромъ, куда стекается вѣнская публика, является интернаціональный театръ, представляющій собою выставку живаго искусства въ противоположность ротондѣ, хранящей въ себѣ историческіе памятники искусства. Въ интернаціональномъ театрѣ даются ежедневныя представленія, при чемъ время выставки (четыре первыхъ мѣсяца) распредѣлено слѣдующимъ образомъ между различными труппами: отъ 8 мая (по новому стилю, разумѣется) до 23 играла берлинская драматическая труппа; ее замѣнила отъ 24 по 31 число — Comédie française съ лучшими силами труппы (Го, Февръ, Рейшамберъ и др.). Отъ 1 іюня по 8 гастролировала чешская національная опера (исключительно произведенія Сметаны и Дворжека).

Время между 9 и 17 іюня заняла труппа г-жи Режанъ (легкая французская комедія, въ жанрѣ Жюдикъ); до 1 іюля должны были играть артисты Гамбургскаго королевскаго театра; отъ 2 до 14 назначенъ балетъ; послѣ него, между 15 и 24 — гастроли берлинскихъ артистовъ подъ управленіемъ Рейхера, на смѣну которому явится (25—29) Юнкерманъ. Слѣдующія затѣмъ двѣ недѣли предоставлены любителямъ—„дилетантамъ"; отъ 15 до 24 августа будетъ здѣсь подвизаться парижская оперетка съ г-жей Гранье во главѣ, а до конца августа—венгерская національная труппа. Сентябрь предоставленъ: полякамъ (отъ 1 до 4), нѣмецкому народному театру (5—15) и итальянской оперѣ Сондзоньо (16—30). Послѣднее выставочное время, т. е. отъ 1 октября по 9 — будетъ играть труппа театра „An der Wien" (комическая опера въ ея историческомъ развитіи).

Какъ не трудно убѣдиться, программа довольно разнообразная; недостаетъ только участія испанской, англійской и русской труппъ; что касается послѣдней, то это непростительный промахъ, не только въ художественномъ отношеніи (показать иностранцамъ, какіе громадные успѣхи мы сдѣлали на оперномъ поприщѣ въ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ), но и въ матеріальномъ: сборы были бы громадные и всѣ расходы окупились бы съ лихвой, а теперь затраченъ только капиталъ на выставку костюмовъ и бутафорскихъ вещей и цѣль нисколько не достигнута, ибо собственно о русскомъ *искусствѣ* никто по выставленнымъ предметамъ понятія себѣ составить не можетъ. Не знаемъ, почему англійская и испанская труппы отсутствуютъ; но если по такимъ же резоннымъ причинамъ, какъ русская, то ихъ поздравить не съ чѣмъ.

Интернаціональный театръ имѣетъ внутри лишь два яруса; тѣмъ не менѣе онъ вмѣщаетъ въ себѣ до 2,000 зрителей: партеръ очень высокъ. Театръ носитъ лѣтній характеръ и великолѣпно освѣщается. Онъ очень великъ. Внутреннія боковыя стѣны, идущія отъ ложъ до потолка, разрисованы портретами великихъ дѣятелей въ области драмы и оперы. Съ правой стороны помѣщены въ медальонахъ Шекспиръ, Мольеръ и Гете,—съ лѣвой: Моцартъ, Россини и Вагнеръ. Каждый портретъ сопровожденъ съ обѣихъ сторонъ рисунками, изображающими сцены изъ извѣстнѣйшихъ ихъ пьесъ. Шекспира сопровождаютъ *Лиръ* и *Отелло*, Мольера—*Тартюфъ* и *Мнимый больной*, Гете—*Фаустъ* и *Гецъ фонъ-Берлихингенъ*; Моцарта—картины изъ *Волшебной флейты* и *Донъ-Жуана*, Россини—изъ *Вильгельма Телля* и *Севильскаго Цырюльника*, а Вагнера—изъ *Тангейзера* и *Лоэнгрина*.

Большое любопытство посѣтителей выставки возбуждаетъ также „Старая Вѣна" съ „Верхнимъ рынкомъ", исполненная художниками по рисункамъ Вѣны конца XVII столѣтія; зритель сразу переносится за 200 лѣтъ; постройка зданій, краска домовъ, отдѣлка фронтоновъ, планировка лавокъ и магазиновъ, расположеніе старинныхъ правительственныхъ учрежденій (судебный домъ и пр.), древнія вывѣски гостиницъ и ресторановъ,—все говоритъ здѣсь о старой Вѣнѣ; посреди площади помѣщается такъ-называемая „Гансвурстіада" во всей ея неприкосновенности. Въ нижнихъ этажахъ разрисованныхъ зданій расположены магазины, числомъ около 60, въ которыхъ торгуютъ разными предметами; продавщицы, въ большинствѣ случаевъ, въ костюмахъ того времени, различными способами зазываютъ покупателей на манеръ старины; здѣсь же, между разными булочниками и пивными, находится и старинный винный погребъ съ какой-нибудь комической надписью. Зрѣлище это дѣйствительно интересно. Говорятъ, что Австрійскій императоръ воскликнулъ при осмотрѣ „Старой Вѣны": „Это прелесть что такое!"

Православная церковь въ Біаррицѣ.

(Рис. на стр. 585).

На югѣ Франціи, куда стекается ежегодно болѣе тысячи русскихъ, для пользованія минеральными водами и морскими купаньями, до послѣдняго времени существовала всего одна православная церковь въ г. По. Это обстоятельство послужило поводомъ для русскихъ, посѣщающихъ г. Біаррицъ, возбудить въ 1886 г. ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи устроить на добровольныя пожертвованія домовую церковь въ этомъ городѣ. Для сбора пожертвованій образованъ былъ комитетъ, во главѣ котораго, въ качествѣ перваго его предсѣдателя, находился до конца жизни Его Высочество принцъ Николай Петровичъ Ольденбургскій, а нынѣ состоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ. Заступаетъ мѣсто предсѣдателя членъ комитета оберъ-гофмейстеръ князь М. С. Волконскій.

По настоящее время собрано доброхотныхъ пожертвованій свыше 154,000 фр., включая въ эту сумму 10,000 фр., пожертвованные муниципалитетомъ г. Біаррица.

Означенныя средства дали возможность въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, съ 1889 г., когда Святѣйшій Синодъ прекратилъ отпускъ денегъ на содержаніе причта православ-

ной церкви въ г. По, содержать церковный причтъ для обѣихъ церквей, пріобрѣсти, съ Высочайшаго соизволенія, на имя русскаго правительства участокъ земли въ 1,000 квадратныхъ метровъ, стоимостью около 28,000 фр. и приступить къ постройкѣ самой церкви.

Нынѣ церковь вчернѣ отстроена, при чемъ стоимость ея, безъ вчутренней отдѣлки, исчисляется до 90,000 фр.

Въ виду того, что всѣ главныя работы по постройкѣ церкви уже окончены и остаются невыполненными лишь незначительныя детали, не препятствующія совершенію богослуженія, предполагается въ наступающемъ сезонѣ 1892 г. освященіе церкви; тѣмъ болѣе что, благодаря особой заботливости нѣкоторыхъ членовъ комитета и участію стороннихъ лицъ, внутреннее устройство церкви (какъ-то постановка иконостаса, образа и церковныя одежды) уже обезпечено.

Въ настоящее время г-жа Рукавишникова пожертвовала въ Біаррицкую церковь дорогое полное облаченіе для священника и діакона. Вновь выстроенная церковь будетъ *тридцать третья* по счету православная русская церковь за границей. Наши церкви за границей находятся въ слѣдующихъ городахъ: *Посольскія:* въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Римѣ, Флоренціи, Аѳинахъ, Женевѣ, Дрезденѣ, Копенгагенѣ, Брюсселѣ, Стокгольмѣ, Тегеранѣ, Буэносъ-Айресѣ, Токіо (Японія), Пекинѣ; *придворныя:* въ Лондонѣ, Штутгартѣ, Шверинѣ, Карлсруэ. Церкви, состоящія въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго епархіальнаго начальства: въ Веймарнѣ, Висбаденѣ, Гаагѣ, Иромѣ, Ниццѣ, Прагѣ, По (южная Франція). Въ имѣніи наслѣдниковъ фонъ-Дервиза въ г. Ниццѣ. При духовныхъ миссіяхъ: въ Іерусалимѣ, Пекинѣ и Японіи.

А. Хвостовъ.

Съ вѣнской выставки.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

II.

Самое большое и самое богатое отдѣленіе — это германское, занимающее большую половину всей ротонды; руководившіе устройствомъ этого отдѣленія, видимо не только знакомы съ исторіей и литературой развитія драматическаго и музыкальнаго искусствъ въ Германіи, но еще отнеслись къ дѣлу съ большой любовью. Достаточно нѣсколько разъ обойти галлерею, посвященную германскому отдѣленію, чтобы составить себѣ довольно ясное понятіе о постепенномъ ростѣ театра и музыки въ Германіи, включая сюда даже и маленькія государства. Въ похвалу устроителей этого отдѣленія говоритъ еще и то, что несмотря на массу выставленныхъ здѣсь историческихъ памятниковъ и предметовъ, относящихся къ сценическому искусству, тутъ очень легко оріентироваться; все классифицировано съ большимъ знаніемъ дѣла и расположено въ хронологическомъ порядкѣ. Перечислить все содержимое въ этомъ обширномъ отдѣленіи нѣтъ возможности, да пожалуй и надобности; ограничимся поэтому главнѣйшимъ, отдѣливъ драму отъ музыки.

Впрочемъ, и по плану ротонды легко убѣдиться, что устроители выставки рѣзко разграничили эти два отдѣла; по правой сторонѣ отъ входа на выставку расположено все, имѣющее дѣло съ театральнымъ искусствомъ, — по лѣвой — съ музыкальнымъ. Въ театральномъ отдѣленіи можно различить пять группъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о пяти ступеняхъ развитія драматическаго искусства: духовная драма въ средніе вѣка, свѣтская драма въ XV и XVI столѣтіяхъ, драма гуманистовъ, англійская комедія и странствующіе актеры и національная драма, отъ Готшеда до нашихъ дней. Каждая изъ этихъ группъ содержитъ въ себѣ сохранившіяся рукописи, печатные экземпляры игранныхъ пьесъ, портреты главнѣйшихъ дѣятелей, бюсты королей, покровительствовавшихъ искусству, маски актеровъ, рисунки различныхъ сценъ изъ пьесъ и пр. Особенно любопытны эскизы, имѣющіе дѣло съ такъ-называемыми „Passionsspiel“ и „Bauernspiel“. Многіе изъ манускриптовъ представляютъ большую рѣдкость, и ихъ опубликованіе было бы весьма желательно, но это строго преслѣдуется.

Съ особеннымъ почетомъ обставлены, какъ они того заслуживаютъ, Гете и Шиллеръ, въ отдѣльныхъ павильонахъ, при чемъ павильонъ Гете названъ „Веймаръ“, какъ бы въ память о той роли, какую суждено было играть этому городку въ исторіи нѣмецкаго искусства, сначала на поприщѣ драматической литературы, а впослѣдствіи—музыкальной. Между разными предметами, привлекающими вниманіе посѣтителей веймарскаго отдѣленія, невольно бросаются въ глаза выставленныя вещи, принадлежавшія творцу „Фауста“: перо, которымъ онъ писалъ, его визитная карточка, кольцо, которое онъ носилъ; бронзовая маска, отлитая еще при его жизни. Затѣмъ любопытны здѣсь портреты Гете въ разныя времена его жизни и автографы; ихъ цѣлая масса; назовемъ еще на свѣжую память автографы Шиллера, Байрона, Бетховена, Шуберта, Мендельсона, Ифланда и др. Назовемъ также между разными реликвіями костюмъ Мефистофеля и шпагу его, сдѣланную по рисункамъ великаго автора; рукоятка шпаги составлена изъ человѣческихъ костей; головка шпаги—черепъ; костюмъ же—красный съ черными полосками.

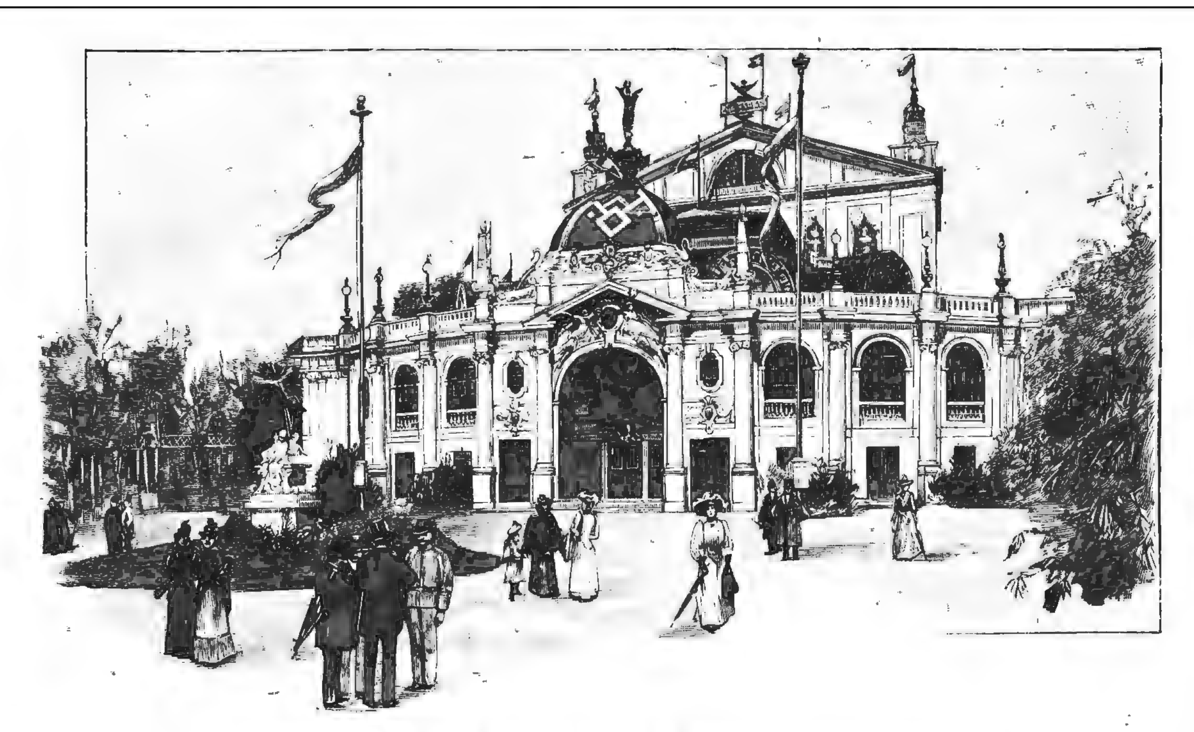
Интересна также комната Шиллера въ Марбахѣ. Здѣсь показываютъ любопытнымъ студенческую шляпу великаго германскаго поэта и его дѣтскій костюмъ. Въ этой комнатѣ нѣтъ никакихъ писемъ и манускриптовъ (ихъ очень много въ другихъ отдѣленіяхъ; особенно интересенъ календарь Шиллера, помѣщенный въ Гетевской комнатѣ); тутъ находятся письменный столикъ, книжный шкафъ, нѣсколько вѣнковъ, зеркальце, кажется, и еще нѣсколько предметовъ обыкновенной жизненной обстановки. Съ большимъ блескомъ обставленъ Грильпарцеръ, хотя трудно сказать, чтобы онъ этого заслуживалъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ; здѣсь поставлена колоссальная фигура поэта; затѣмъ, все его помѣщеніе наполнено барельефами изъ его главнѣйшихъ драмъ: „Сафо“, „Медея“, „Король Оттокаръ“, „Волны любви и моря“, „Вѣрный слуга“ и пр. Ни произведенія Шиллера, ни даже Гете — не удостоились такого художественнаго воспроизведенія; правда, есть рисунки къ драмамъ Шиллера („Разбойники“, „Коварство и любовь“, „Вильгельмъ Телль“ и др.), но это совсѣмъ не то.

Нѣтъ надобности останавливаться на такихъ маленькихъ отдѣленіяхъ, какъ Мангеймъ, Прага, Лейбахъ, Мюнцъ, Гота, Грацъ, Инспрукъ и др., хотя занимающійся исторіей искусства и здѣсь, быть-можетъ, найдетъ очень много любопытныхъ данныхъ по своей спеціальности; и здѣсь есть портреты извѣстныхъ театральныхъ дѣятелей, и здѣсь найдутся какіе-нибудь интересующіе его манускрипты; но мы имѣемъ въ виду общую картину и потому выбираемъ наиболѣе крупныя вещи. Такъ, не можемъ мы пройти молчаніемъ отдѣленіе мейнингенцовъ и въ особенности Вѣну. Мейнингенцы выставили нѣсколько вѣнковъ и нѣсколько альбомовъ, содержащихъ портреты дѣятелей этой превосходной труппы; но эти альбомы говорятъ достаточно краснорѣчиво о той роли въ нѣмецкомъ сценическомъ искусствѣ, которую сыграли мейнингенцы, и напоминаютъ о томъ вліяніи, которое они имѣли на другія націи. Прекрасные образцы сценическаго искусства далъ Берлинъ, присутствующій здѣсь въ особомъ помѣщеніи; но мы ограничимся одной Вѣной, такъ какъ мы еще ничего не сказали о музыкальной части въ германскомъ отдѣленіи.

Собственно Вѣна занимаетъ обширную залу, прекрасно убранную и декорированную фигурами и сценами изъ драмъ и оперъ; здѣсь мы имѣемъ образцы сценической постановки оперы и драмы; правая половина изображаетъ намъ знаменитый Opernhaus, а лѣвая—не менѣе славящійся Burgtheater, посрединѣ залы помѣщены модели этихъ двухъ зданій съ ихъ внутреннимъ устройствомъ. Сцены съ манекенами изъ Burgtheater'а взяты изъ наиболѣе трудныхъ для обстановки пьесъ; тутъ мы находимъ залу сенатора изъ „Юлія Цезаря“ Шекспира, соборъ въ Реймсѣ изъ „Орлеанской Дѣвы“ Шиллера, сцену маркиза Позы изъ „Донъ-Карлоса“ его же, сцену изъ комедіи „Жизнь—сонъ“ и др. По оперной части, кромѣ прекрасныхъ образцовъ вооруженія, костюмовъ, домашней утвари, декорацій и пр., здѣсь помѣщены: сцена командора изъ „Донъ-Жуана“ Моцарта, сцена смерти Офеліи изъ „Гамлета“, нѣсколько фигуръ изъ балетовъ и феерій, и пр. Мы имѣли возможность довольно близко познакомиться съ дѣятельностью Opernhaus'а и къ этому предмету, быть-можетъ, возвратимся въ отдѣльной бесѣдѣ, а теперь перейдемъ къ музыкальной половинѣ германскаго отдѣленія, чтобы на этотъ разъ съ нимъ покончить.

И въ этой области передъ глазами у насъ полное развитіе музыкальнаго искусства чуть не со дня его зачатковъ на германской почвѣ до послѣднихъ временъ, и расположено оно также въ историко-хронологическомъ порядкѣ. На первомъ планѣ помѣщены памятники древнихъ, искусство которыхъ имѣло вліяніе на развитіе германской музыки (римляне, греки, египтяне, персы, ассиріяне и др.). Этотъ отдѣлъ не великъ, но интересенъ. Затѣмъ слѣдуютъ памятники первыхъ зачатковъ христіанскаго искусства, собственно византійскаго и григоріанскаго пѣнія; тутъ же приложены первые образцы нотописанія. Здѣсь же помѣщены старинныя теоретическія сочиненія. Отъ одноголоснаго пѣнія переходимъ къ развитію полифонической музыки, занимающей слѣдующій отдѣлъ и обхватывающей періодъ времени отъ XII до XVI вѣка. Здѣсь уже попадаются образцы свѣтской музыки, произведенія миннезенгеровъ и мейстерзенгеровъ, произведенія народнаго творчества, собственно экземпляры народныхъ пѣсенъ и пр. Затѣмъ идетъ отдѣленіе католической и протестантской церковной музыки и рядомъ съ ней хоралы богемско-моравскаго братства.

Въ седьмомъ отдѣлѣ встрѣчаемся съ первыми образцами нотопечатанія. Противъ этого отдѣла расположенъ отдѣлъ свѣтской музыки въ видѣ мадригаловъ, послужившихъ ступенью къ переходу къ оперной музыкѣ. Особенно любопытенъ слѣдующій отдѣлъ—XVI столѣтіе,—въ которомъ находятся

Международная выставка театра и музыки въ Вѣнѣ. Международный театръ

образцы многоголоснаго пѣнія и манускрипты Орландо Лассо. Рядомъ съ этимъ отдѣломъ расположены въ витринахъ инструменты того времени. Въ этомъ отношеніи особенно богаты коллекціи инструментовъ, выставленныя королевскимъ инструментальнымъ музеемъ въ Берлинѣ, а также принадлежащія барону Ротшильду. Затѣмъ помѣщены инструменты XVII и XVIII вѣковъ въ ихъ постепенномъ развитіи (органы, спинеты, клавикорды, клавичембалы, піано) и рядомъ съ ними литература современныхъ этимъ инструментамъ народныхъ пѣсенъ и произведеній композиторовъ, находившихъ пріюты при дворахъ и богатыхъ домахъ. Сюда же примыкаютъ памятники первыхъ временъ оперы въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и Гамбургѣ въ XVII вѣкѣ.

Семнадцатый отдѣлъ отведенъ композиторамъ XVIII вѣка съ ихъ портретами, автографами, печатными произведеніями и пр. Самое интересное представляютъ собою слѣдующіе отдѣлы, въ которыхъ классикамъ противопоставлены романтики въ музыкѣ. Съ одной стороны идутъ Бахъ, Гендель, Глукъ, Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ, Шубертъ, а съ другой — Веберъ, Мендельсонъ, Шуманъ, Шпоръ, Маршнеръ, Листъ и Шопенъ; послѣдній впрочемъ открываетъ, или вѣрнѣе занимаетъ, такъ-называемое „Польское отдѣленіе“, въ которомъ кромѣ него находятся бюсты Мицкевича и фотографическіе снимки съ современныхъ и умершихъ польскихъ артистовъ. Каталоги еще до сихъ поръ не напечатаны и потому многіе дѣятели еще не извѣстны публикѣ; можетъ-быть между портретами есть таковой и Монюшко, но бюста его нѣтъ; это нельзя не признать пробѣломъ между польскими композиторами, которыхъ такъ мало. Къ слову прибавимъ, что въ польскомъ отдѣленіи очень мало также и манускриптовъ, равно какъ и снимковъ и образцовъ театральныхъ представленій при дворахъ разныхъ магнатовъ и королей. Но возвратимся къ германской музыкѣ.

Сейчасъ названные корифеи классической и романтической музыкальныхъ школъ служатъ центромъ вниманія посѣтителей выставки. И дѣйствительно, тутъ помѣщено самое интересное для всякаго, хотя бы не музыканта. Напримѣръ, въ помѣщеніи Гайдна каждый видитъ, кромѣ множества его портретовъ и автографовъ, дипломъ, который городъ Вѣна поднесъ ему 1 апрѣля 1804 г., его табакерку, содержащую оставшійся на днѣ ея нюхательный табакъ, и другіе предметы, бывшіе въ употребленіи у Гайдна. Еще богаче комната Моцарта. Между разными рисунками, относящимися къ жизни творца „Донъ-Жуана“, самый интересный — больной Моцартъ, слушающій исполненіе своего „Requiem'а“; здѣсь же помѣщенъ его дорожный спинетъ. Между манускриптами особенно выдѣляются его симфонія G-moll, соната F-dur и др. Рядомъ съ Моцартомъ находится комната Бетховена. И тутъ разумѣется масса портретовъ, автографовъ, рукописей, писемъ къ нему и отъ него и проч.

Международная выставка театра и музыки въ Вѣнѣ. Позорный столбъ на старой рыночной площади.

Но всего болѣе бросается въ глаза слуховая трубка, при помощи которой бесѣдовали съ глухимъ Бетховеномъ. Изъ другихъ предметовъ назовемъ его духовное завѣщаніе, помѣченное 6 октября 1802 г., и тетрадки, въ которыхъ помѣщены вопросы, предложенные Бетховену бесѣдовавшими съ нимъ.

Веберъ находится въ одномъ отдѣленіи съ Маршнеромъ и Шпоромъ; изъ манускриптовъ Вебера мы здѣсь находимъ увертюры къ „Преціозѣ“ и „Эвріантѣ“; любопытна еще маска, снятая съ него тотчасъ послѣ смерти. Очень богата автографами коллекція, принадлежащая Мейерберу; интересны его письма къ критикамъ по поводу статей объ его произведеніяхъ. И здѣсь находимъ мы прекрасные бюсты автора „Гугенотовъ“, его перо и чернильницу, а также его деревянный дирижерскій жезлъ. Но въ отношеніи „реликвій“ самый обильный отдѣлъ составляетъ помѣщеніе, отведенное Францу Листу; чего-чего тутъ только нѣтъ: и руки Листа, и подарки, поднесенные ему разными обществами и городами, и масса вѣнковъ съ самыми разнообразными надписями, и серебряный колоколъ, и серебряная чернильница, и кубокъ, и два дирижерскихъ жезла, и маска послѣ смерти, и громадные портреты его въ разныхъ возрастахъ, и манускрипты („Гамлетъ“, „Мазепа“ и др.), и письма къ нему отъ Берліоза, Гуно, Гуцкова, Каульбаха, Бюлова и многихъ другихъ. Любопытна въ историческомъ смыслѣ сохранившаяся первая афиша перваго концерта 11-тилѣтняго Франца. Глукъ, Шубертъ и Шопенъ замыкаютъ это собраніе великихъ музыкантовъ.

Противъ всей этой плеяды музыкантовъ, отошедшихъ уже въ вѣчность, расположена галлерея дѣятелей музыки живущихъ; сюда включены композиторы, артисты, пѣвцы, пѣвицы — и все это говоритъ о томъ, что искусство еще не вымерло. Между Бюловымъ и Брамсомъ помѣщенъ Антонъ Рубинштейнъ; затѣмъ идетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ дѣятелей: Дворжакъ, Гольдмаркъ, Зуппе, Лукка, Матерна, Грюнфельдъ, Лешетицкій, Есипова, Попперъ, Іоахимъ, Масканьи и многіе другіе. Странно, что чудный портретъ Рубинштейна помѣщенъ въ германской галлереѣ, а не въ русскомъ отдѣленіи; впрочемъ, мы уже достаточно познакомились съ устройствомъ этого отдѣленія, чтобы ничему болѣе не удивляться. Pour la bonne bouche остается еще комната Вагнера. Нужно-ли описывать все, что находится въ помѣщеніи этого полубога новой нѣмецкой музыки? Говорить-ли о манускриптахъ его, которые пока еще цѣнятся чуть не на вѣсъ золота нѣмцами? Само собой разумѣется, что здѣсь находятся партитуры „Валькиріи“, „Мейстерзингеровъ“, „Ріенци“ и др. его оперъ, да и кромѣ этого тутъ масса интересныхъ вещей. Вагнеръ находится собственно въ комнатѣ Баварскаго короля Лудвига, съ которымъ онъ такъ тѣсно связанъ. Однако любопытны слова знаменитаго Лешетицкаго; на нашъ вопросъ: „чѣмъ объяснить успѣхъ Масканьи въ Германіи послѣ оперъ Вагнера“, онъ сказалъ: „тѣмъ, что Вагнеръ у насъ вотъ гдѣ сидитъ“, и указалъ на горло; ça donne à réfléchir...

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о различныхъ музыкальныхъ Verrein'ахъ, но о нихъ въ слѣдующій разъ; нѣмецкое отдѣленіе и безъ того заняло слишкомъ много мѣста, а мы еще далеко не обо всемъ говорили, о чемъ можно было бы говорить.

В. Баскинъ.

Православная церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы въ Біаррицѣ, только что отстроенная на средства собранныя кн. Волконскимъ.

Политическое обозрѣніе.

Вслѣдъ за кильскимъ свиданіемъ въ Германіи появляются одно за другимъ событія, свидѣтельствующія о миролюбіи Германскаго императора. Такъ, на парадномъ спектаклѣ по случаю посѣщенія Итальянскою королевскою четой Берлина были поставлены сцены изъ оперы „Аида“ и изъ балета „Прометей“. Императоръ вошелъ въ ложу подъ руку съ Итальянскою королевою, король Гумбертъ подъ руку съ супругою принца Леопольда. Спектакль окончился апоѳеозомъ, изображавшимъ Германію и Италію, которыя протягиваютъ другъ другу руку, съ парящимъ надъ ними геніемъ мира и окружающими ихъ римскими и тевтонскими воинами.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Августѣйшихъ гостей въ Италію, императоръ Вильгельмъ отправился въ Киль, а оттуда къ Штетину, гдѣ присутствовалъ на спускѣ вѣстового судна. При крещеніи его императоръ сказалъ: „Легкая постройка этого судна свидѣтельствуетъ, что оно посвящается дѣлу мирному. Ему присвоивается имя города Швабской земли — Гоэнцоллерна, который далъ имя королевскому роду и съ которымъ связана его совокупная съ народомъ работа“.

Императорская яхта „Hohenzollern“ переименована въ „Kaiseradler“.

Князь Бисмаркъ, при возвращеніи своемъ на Сѣверъ, продолжалъ быть предметомъ горячихъ встрѣчъ и овацій, свидѣтельствующихъ о горячей привязанности къ нему народа. Въ Мюнхенъ князь Бисмаркъ съ супругою прибыли ночью 12 іюня и остановились на виллѣ Лейбахъ. Отъ вокзала до виллы выстроены были съ факелами въ рукахъ студенты, гимнастическіе ферейны и пожарныя общества. Артистическій ферейнъ „Allotria“ привѣтствовалъ княжескую чету трубными звуками.

На другой день князь Бисмаркъ, принимая депутацію отъ города, сказалъ, что сдѣланная ему встрѣча представляется безкорыстнѣйшимъ проявленіемъ дружбы, такъ какъ никакихъ властолюбивыхъ стремленій онъ удовлетворять не можетъ. Князь присовокупилъ, что германское единство онъ считаетъ обезпеченнымъ противъ превратностей во времени и обстоятельствахъ, при чемъ выразилъ мнѣніе, что если бы объединеніе послѣдовало тотчасъ послѣ 1866 г., оно, быть-можетъ, имѣло бы менѣе шансовъ на долговѣчность.

Вечеромъ студенты устроили факельцугъ, въ которомъ участвовало до 1,600 факелоносцевъ.

13-го іюня, князь и княгиня Бисмаркъ посѣтили послѣ полудня ратушу и расписались въ золотой книгѣ. Князь Бисмаркъ, отвѣчая на тостъ бургомистра, сказалъ: „Первымъ

условіемъ является миръ внутренній и внѣшній. Германія обезпечена противъ произвольныхъ нападеній до тѣхъ поръ, пока ея южная и юговосточная границы будутъ охраняемы, въ чемъ заинтересована и Баварія. Всѣ имперскія правительства обязаны поддерживать соотвѣтствующую національнымъ традиціямъ имперскую политику“. Свою рѣчь князь закончилъ провозглашеніемъ „hoch“ въ честь принца-регента.

Въ *Neue Freie Presse* напечатанъ разговоръ съ княземъ Бисмаркомъ, во время котораго онъ заявилъ: „Нить, связывавшая насъ съ Россіей, теперь порвана. Главною цѣлью политики я считаю сохраненіе мира. И до чего дойдетъ дѣло, если послѣ побѣдоносной войны противъ Россіи у насъ окажутся два сосѣда, которые постоянно будутъ грозить намъ своими мечтами о реваншѣ! Война съ Франціей, пожалуй, неизбѣжна, тутъ весь вопросъ сводится лишь къ тому, найдется ли тамъ человѣкъ, который всыплетъ порошокъ въ воду (*тутъ князь осушилъ свой бокалъ*), чтобы она пѣнилась; это такой вопросъ, отъ котораго рано или поздно намъ нельзя будетъ уклониться. Съ Россіей — дѣло другое. Германія не имѣетъ ни малѣйшаго интереса воевать съ Россіей, и наоборотъ. Между нашими интересами никакого антагонизма не существуетъ. Ничего одинъ отъ другаго желать не можетъ и ничего не выиграетъ. И Австрія тоже миролюбивое государство, а именно Австріи мы могли сослужить службу, если бы нить, связывавшая насъ съ Россіей, не порвалась.“

Чествованія бывшаго канцлера комментируются на всѣ лады въ Германіи. *National Zeitung* помѣстила статью подъ заглавіемъ: „Bismarckwoche“ („Недѣля Бисмарка“); *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, возражая на нее, замѣчаетъ: „Если въ Германіи и за-границею обвиняютъ наше правительство въ неспособности и забвеніи долга, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, привести факты въ подтвержденіе этого обвиненія. Опубликованіе документовъ министерства иностранныхъ дѣлъ является невозможнымъ, въ виду того, что въ нихъ затрогиваются отдѣльныя личности и иностранныя правительства. Имперское правительство спокойно ожидаетъ приговора исторіи и не имѣетъ причинъ бояться критики. Быть-можетъ, впослѣдствіи оно встрѣтитъ признательность за то, что не обращало вниманія на нѣкоторыя нападки“.

Французская палата вотировала проектъ объ увеличеніи на три года срока службы въ запасѣ дѣйствующей арміи въ видахъ усиленія однородности состава смѣшанныхъ полковъ. Фрейсинэ заявилъ, что проектъ никакихъ измѣненій ни въ численномъ, ни въ качественномъ отношеніи личнаго состава не вызоветъ, проектъ стремится только къ болѣе удобному управленію элементами мобилизаціи. Министръ выразилъ удовольствіе по поводу выносливости и стойкости, обнаруженныхъ смѣшанными полками на послѣднихъ большихъ маневрахъ, и въ заключеніе сказалъ, что проектъ, котораго требовали командиры армейскихъ корпусовъ и который имѣетъ преимущественно административный характеръ, не увеличитъ тягостей страны.

Въ тотъ же день судъ присяжныхъ въ Монбризонѣ приговорилъ Равашоля къ смертной казни, а прочихъ подсудимыхъ—Беала и дѣвицу Субэръ—призналъ невиновными.

Смѣсь.

Длиннѣйшій мостъ въ мірѣ — это Львиный мостъ при Зангангѣ въ Китаѣ, перекинутый надъ одной изъ бухтъ Желтаго моря. Онъ тянется на восемь километровъ (нѣсколько больше одной нѣмецкой мили), поддерживаемый 300-ми каменными арками. Настилка этого моста лежитъ на 24 метра выше поверхности воды. По обѣимъ сторонамъ его, вдоль желѣзныхъ перилъ, разставлены на равныхъ промежуткахъ мраморные львы въ семь метровъ длины. Мостъ построенъ въ царствованіе императора Кингъ-Лонга, который въ 1796 г. отказался отъ престола по причинѣ глубокой старости. (г. в.)

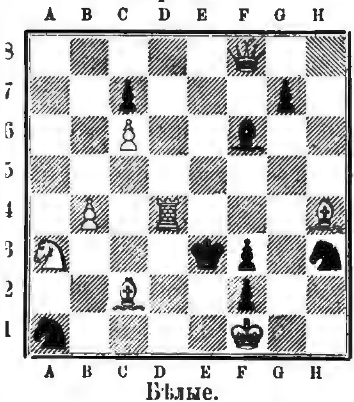
Американскій подарокъ. Университетъ въ Пенсильваніи (въ Соединенныхъ Штатахъ) получилъ недавно отъ одного американскаго милліонера, г. Вистара (Wistar), подарокъ въ видѣ кругленькой суммы въ $3^1/_2$ милліона на постройку и устройство біологическаго и анатомическаго музея съ тѣмъ, чтобы онъ носилъ имя этого щедраго жертвователя. (г. в.)

ШАХМАТЫ
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 31.

М. К. Гоняева *).
Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“.

Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Задача № 32.

Э. С. Моствидъ (Москва).
Посвящается судьямъ 1-го конкурса шахм. зад. журнала „Шашечница“.

Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

ПАРТІЯ № 5.
Играна въ Гаваннѣ 14 января 1892 г.
Двѣнадцатая партія матча.
Дебютъ двухъ коней.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5	10.	0—0 ¹)	0—0	19.	К. b1—d2	Л. f8—f6
2.	К. g1—f3	К. b8—c6	11.	c2—c3²)	К. a5—b7	20.	Кр. g1—f1⁷)	e5—e4
3.	С. f1—c4	К. g8—f6	12.	Ф. d1—a4³)	С. c8 : h3	21.	d3—d4⁸)	Л. f6—g6!
4.	К. f3—g5	d7—d5	13.	g2 : h3	Ф. d8—d6⁴)	22.	Ф. h4—h5	Л. g6—g5⁹)
5.	e4 : d5	К. c6—a5	14.	d2—d3	К. f6—d5	23.	Ф. h5—h4¹⁰)	Ф. d6—a6+
6.	С. c4—b5+	c7—c6	15.	С. e2—f3⁵)	С. c5—b6!	24.	c3—c4	d5 : c4
7.	d5 : c6	b7 : c6	16.	Ф. a4—h4	С. b6—c7	25.	f2—f4	c4—c3+
8.	С. b5—e2	h7—h6	17.	Л. f1—d1⁶)	f7—f5!	26.	Кр. f1—f2	e4—e3+
9.	К. g5—h3	С. f8—c5	18.	С. b3 : d5+	c6 : d5		Бѣлые сдались.	

Примѣчанія къ партіи.

¹) Здѣсь въ партіи по телеграфу (см. сборникъ *Нивы* декабрь 1891 г.) Стейницъ игралъ 10. d2—d3!

²) Лучше 11. d2—d3, какъ игралъ Стейницъ въ 6-й партіи матча.

³) Преждевременная контръ-атака, лучше 12. d2—d3.

⁴) Смотри 15-й и 16-й ходы черныхъ.

⁵) Лучше было 15. Л. d1 и затѣмъ К. d2.

⁶) Мэзенъ говоритъ въ *British Chess Magazine:* Опасаясь потери фигуры при 17. ... e4. Но 17. С: d5, при всѣхъ недостаткахъ этого хода, было бы здѣсь лучше; если теперь 17. ... e4, то 18. Ф. g3 или С. f4; если же 17. ... cd, то 18. f4; или 17. ... Ф: d5; 18. Ф. e4 и затѣмъ 19. f4, если бы черные не захотѣли помѣниться ферзями.

⁷) 21. К. d2—f1 также не спасало партіи.

⁸) Немного лучше было 21. К. b3.

⁹) Если теперь 22. ... Ф. a6+, то 23. c4 и затѣмъ Ф. e2.

¹⁰) Если Ф. e2, то матъ въ 3 хода.

*) Михаилъ Константиновичъ Гоняевъ, извѣстный русскій шахматистъ, скончался въ Херсонѣ 17 іюля 1891 г.

Ребусъ. Задача № 33.

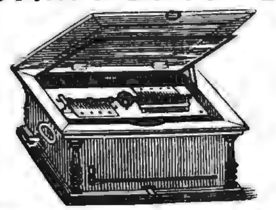

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

СИМФОНІОНЫ

(Усовершенствованныя музыкальныя шкатулки съ чрезвычайно пріятнымъ тономъ и перемѣнными пьесами).

№ 3, съ ручкой, безъ пьесъ 6 руб. Пьесы по 35 коп.

№ 5, заводные, безъ пьесъ 16 руб. Пьесы по 35 коп.

№ 7, заводные, 60 тонн., безъ пьесъ 30 руб. Пьесы по 60 коп.

№ 9, заводные, 84 тонн., безъ пьесъ 45 руб. Пьесы по 75 коп.

№ 12, заводные 84 тонн. „Sublime harmonie“, безъ пьесъ 80 р. Пьесы по 1 руб.

№ 15, заводные 100 тонн., безъ пьесъ 125 руб. Пьесы по 1 р. 50 коп.

Часы съ музыкой съ механизмомъ 100 тоннаго симфоніона безъ пьесъ 250 руб. Пьесы по 1 р. 50 коп.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ДО 150 ШАГОВЪ бьетъ отлично дробью всякое ружье новыми металл. снарядами, выдѣлывающимися всѣхъ калибровъ. Сотня снарядовъ 3 р., полсотни 2 р. Машинка къ нимъ 75 к. Пересылка почтою, по желанію наложен. платеж Адресъ: Магазинъ оружія **А. В. Тарнопольскаго**, Ростовъ на Дону.

№ 5851

АУКЦІОННЫЙ ЗАЛЪ и КОМИССІОННАЯ КОНТОРА.

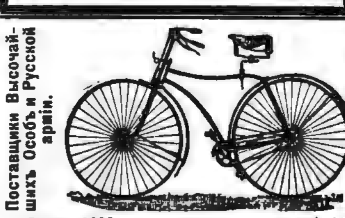
А. И. СИЛИНА

Москва, Пассажъ Солодовникова входъ съ Неглиннаго.

Постоянная продажа новыхъ, роскошныхъ и **дешевыхъ** кустарныхъ произведеній, а также **всевозможныхъ случайныхъ вещей:** драгоцѣнностей, товаровъ, **мебели,** бронзы, золота, старинныхъ рѣдкостей, минераловъ, картинъ, бюстовъ, музыкальныхъ инструментовъ, экипажей и проч.

Безпрерывный пріемъ на продажу Ц. № 5856 **случайныхъ вещей.** 2—1

Всѣ операціи конторы обезпечены залогомъ въ Государственномъ Банкѣ.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—10

Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6) **поступили въ продажу:**

КРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЙ СОЧИНЕНІЙ

КОЗЛОВА, ГРИБОѢДОВА и ПОЛЕЖАЕВА.

Крышки изготовлены изъ **лучшаго англійскаго коленкора,** съ **изящными тисненіями золотомъ и краскою.** Цѣна каждой крышки 25 коп., а съ пересылкою иногороднымъ—60 коп.

Въ виду того, что пересылка **всѣхъ трехъ крышекъ** обойдется дешевле чѣмъ каждой отдѣльно, Контора предлагаетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ **выписывать ихъ разомъ,** и въ этомъ случаѣ, она будетъ высылать ихъ **за 1 р. 40 к. съ пересылкою.**

ОТЪ СОВѢТА МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА.

Съ Высочайшаго соизволенія 30-е декабря 1893-го года назначено днемъ празднованія полувѣковаго существованія Московскаго Художественнаго Общества и состоящаго при немъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Къ этому времени предполагается: 1) составить историческій очеркъ Общества и Училища съ приложеніемъ біографическихъ свѣдѣній о лицахъ, имѣвшихъ къ этимъ учрежденіямъ отношеніе, и 2) устроить выставку художественныхъ произведеній (живописныхъ, скульптурныхъ и архитектурныхъ) лицъ, учившихся въ Училищѣ или принимавшихъ участіе въ художественной его дѣятельности. № 5847

Въ виду этого Совѣтъ Московскаго Художественнаго Общества покорнѣйше проситъ: 1) всѣхъ, имѣющихъ какія либо свѣдѣнія, могущія послужить матеріаломъ для вышеуказаннаго очерка, не отказать доставить ихъ въ Контору Совѣта по слѣдующему адресу: Москва, Мясницкая, д. Художественнаго Общества*). 2) Г.г. владѣльцевъ вышеуказанныхъ художественныхъ произведеній не отказать Обществу воспользоваться этими произведеніями на время предстоящей выставки **).

Примѣчаніе. Желательно, чтобы при поступающихъ на выставку художественныхъ произведеніяхъ были указанія о времени ихъ исполненія.

Доставку произведеній на выставку и возвращеніе ихъ по принадлежности Общество принимаетъ на свой счетъ. Общество надѣется, что и прочіе газеты и журналы не откажутся помѣстить на своихъ страницахъ это объявленіе.

*) Бланки съ вопросными пунктами Контора вышлетъ желающимъ по требованію.
**) Всѣ произведенія, удостоенныя наградъ, будутъ приняты безъ жюри.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (13)

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

въ громадномъ выборѣ получилъ и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30—16. **Москва,** Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова. Харьковъ, Московская ул., д. № 2.

Американскую пишущую машину

„КАЛИГРАФЪ“

рекомендуетъ **Генрихъ Георгіевичъ ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уг. Тверской и Стараго Газетнаго переулка, д. Фальцъ-Фейнъ. **Высылается** прейсъ-курантъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (4)

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счётъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5808

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (10)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. **Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.**

ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦАМЪ

предлагаю пріобрѣтенное за-границею богатое по содержанію, общедоступно изложенное и основанное на долголѣт. практикѣ **руководство, которое учитъ какъ раціонально пользоваться землею и превращать даже самыя неплодородныя и песчаныя земли въ дающія солидный доходъ.**

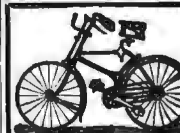
Слѣдуя совѣтамъ излож. въ этомъ руководствѣ, земля сторицею вознаградитъ своего владѣльца. № 5833 5—4

Также сельскимъ и городскимъ жителямъ оно указываетъ много **источниковъ дохода.**

Требов. бол. подробн. объясненія.— А. Граге, Москва, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова, кв. 3.

В. № 5768 6—4

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

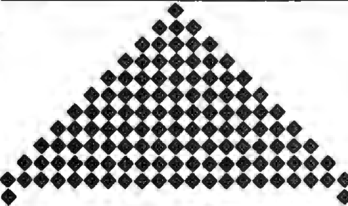
Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19.

Можно получить во всѣхъ большихъ магази... или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатн... № 5785 26—1

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одно 7 к. марк. выс. услов. Одесса. Дериб., проф. кал. **Конидарисъ.**

ЧТО МОЖЕТЪ БЫТЬ ДЕШЕВЛЕ??

За два только рубля

высылаю во всѣ мѣста Россійской Имперіи всѣ нижепоименованныя **необходимыя** для каждаго вещи.

1) 1 механическій никеллированный **штемпель** (изъ настоящаго каучука) съ именемъ, отчествомъ и фамиліей заказчика (по желанію и съ короною). 2) **Механическій карандашъ.** 3) **Механическое перо.** 4) **Флаконъ** штемпельной **краски.** 5) 100 листовъ почтовой **бумаги.** 6) 100 штукъ **конвертовъ** для писемъ 7) 25 штукъ **перьевъ** стальныхъ. 8) 25 листовъ **почтовой бумаги съ пословицами.** 9) **3 ручки для перьевъ.** 10) **3 карандаша.** 11) **3 поздравительныхъ карточки.** 12) **2** интересныхъ **фокуса;** всѣ вышеупомянутыя вещи

ЗА ДВА ТОЛЬКО РУБЛЯ

(за пересылку уплачивается по полученіи посылки).

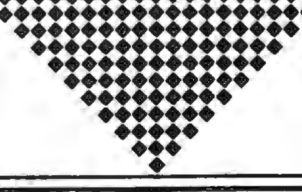
При требованіяхъ прошу выслать деньги и обозначать имя, отчество и фамилію, которыя желаютъ помѣстить въ штемпелѣ, и указать точный адресъ для высылки вещей почтою.

Требованія и деньги прошу высылать по слѣдующему адресу:

Въ гор. **НАРВУ,** С.-Петерб. губ., купцу **Веніамину Давидовичу МИХАЙЛОВСКОМУ.**

Примѣчаніе. При заказѣ вышеозначенныхъ вещей тремя лицами сразу, онымъ прилагается еще каждому по одному **портсигару съ интереснымъ** секретомъ № 5860

БЕЗПЛАТНО.

Большой выборъ вновь полученныхъ велосипедовъ завода Зингера и К° въ Ковентри.

Представитель **Генрихъ Георгіевичъ ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ. Высылается прейсъ-курантъ. Ищу представителей. № 5834

При этомъ № прилагается для г.г. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго дома Г. Блокъ въ СПБ.

Дозвол. ценвур., СПБ., 24 іюня 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса Ср. Подьяч., № 1.